79.3
C23

2

16 5/9

16 5/9

4086.
4087.
4088.
4089.
4091.

4086.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

4086.

ВЫПУСКЪ 1-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

Цѣна 75 коп.

МОСКВА.
Типографія Общества распростр. полезныхъ книгъ. Моховая, д. Торлецкой.
1880.

2.5

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

79.3 я 54
С23

СБОРНИКЪ

902.5
С23.

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Библиотека Тобольскаго Гос. Музея инв. № 215
02
08

ВЫПУСКЪ 1-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

МОСКВА.
Типографія Общества распростр. полезныхъ книгъ. Моховая, д. Торлецкой.
1880.

902.5
С23.

Гос. Музей имени Н. Е. Бронштейна Тобольского

ТМ-24106/340

Цѣль настоящаго Сборника распространеніе и обобщеніе свѣдѣній о внутреннемъ содержаніи Московскаго Главнаго Архива,—что̀ можетъ, между прочимъ, послужить къ облегченію ученыхъ изслѣдованій въ этомъ богатомъ хранилищѣ.

Посему, въ 1-й выпускъ вошли отвѣты, недавно сообщенные Правительствамъ Итальянскому, Баварскому и Французскому, вслѣдствіе ихъ запросовъ объ устройствѣ Архивной части въ Россіи, и общій каталогъ-указатель Московскаго Главнаго Архива, составленный до 1819 года съ описаніемъ важнѣйшихъ документовъ и съ обозначеніемъ прежняго порядка распредѣленіе дѣлъ.

Въ планъ изданія входитъ также перепечатанія статей, которыя, за послѣднее время, были написаны по Архивскимъ матеріаламъ и, бывъ напечатаны въ журналахъ, сохранились теперь въ немногихъ отдѣльныхъ оттискахъ. Къ этой именно категоріи принадлежитъ рядъ извѣстій о началѣ дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей.

Въ послѣдующіе выпуски войдутъ такого рода Архивскіе документы, которые почему либо не могутъ быть включены въ V томъ „Собранія Грамотъ и Договоровъ,“ равно какъ матеріалы, собираемые уже нѣсколько лѣтъ для Исторіи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Ноябрь 1880 г.

RENSEIGNEMENTS

SUR

LES ARCHIVES DE RUSSIE.

ОДИНЪ ИЗЪ КАТАЛОГОВЪ

ВРЕМЕНЪ

А. Ѳ. МАЛИНОВСКАГО.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣется 370 каталоговъ, алфавитовъ и реэстровъ (не считая Библіотечныхъ); но, въ числѣ ихъ недостаетъ №№ 318—321.

Помѣщаемый вслѣдъ за симъ Архивскій подробный каталогъ (catalogue raisonné) сообщенъ намъ Иваномъ Петровичемъ Хрущовымъ, который нашелъ его въ бумагахъ покойнаго своего тестя, Дмитрія Васильевича Полѣнова, всѣмъ извѣстнаго своею полезною ученою дѣятельностью и *Очеркъ Жизни* котораго недавно изданъ Г. Хрущовымъ. Этотъ каталогъ, на которомъ значится два раза Архивскій № 318-й (на оберткѣ и на заглавномъ листѣ), писанъ, какъ объ немъ отозвались Архивскіе старожилы, почеркомъ одного изъ Столоначальниковъ, служившихъ подъ начальствомъ Сенатора А. Ѳ. Малиновскаго, управлявшаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ съ 1814 по 1840 г., и несомнѣнно подъ его руководствомъ. А такъ какъ А. Ѳ. Малиновскій былъ въ постоянной перепискѣ съ Василіемъ Алексѣевичемъ Полѣновымъ (отцемъ Дмитрія Васильевича), тогдашнимъ Директоромъ Департамента Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, то весьма вѣроятно, что этотъ каталогъ служилъ приложеніемъ къ одному изъ писемъ А. Ѳ. Малиновскаго. Письма эти, а равно

и непосредственнаго предмѣстника моего по Архиву, Гофмейстера Князя М. А. Оболенскаго къ В. А. Полѣнову, находятся также въ числѣ семейныхъ бумагъ у И. П. Хрущова; но, пока не сообщены намъ,—такъ что мы, въ настоящемъ случаѣ, принуждены ограничиться догадкою.

При Императорѣ Николаѣ Павловичѣ было въ Россіи два Министра, которые, по происхожденію своему, были иностранцы: Графъ Е. Ф. Канкринъ и Графъ К. В. Нессельроде. Оба тѣмъ тщательнѣе розыскивали себѣ сотрудниковъ, настоящихъ знатоковъ Русскаго языка и чрезвычайно дорожили ими. Къ В. А. Полѣнову, Члену Россійской Академіи и отличавшемуся между современниками своими, обширнымъ умомъ и многосторонним образованіемъ, покойный Государственный Канцлеръ Иностранныхъ Дѣлъ всегда относился съ особеннымъ уваженіемъ, чему служатъ доказательствомъ письма и записочки, которыя Г. Хрущовъ обѣщалъ сообщить намъ.

Объ самомъ каталогѣ долгомъ считаемъ замѣтить, что признаемъ полезнымъ его напечатать, такъ какъ онъ заключаетъ довольно подробное опредѣленіе важнѣйшихъ актовъ, хранящихся въ Архивѣ и даже не смотря на то, что въ немъ встрѣчается описаніе такихъ документовъ, которые, послѣ кончины А. Ѳ. Малиновскаго, были изданы въ свѣтъ или поступили въ иныя учрежденія, какъ напр. значущееся подъ № III, въ каталогѣ, дѣло объ убіеніи Царевича Димитрія, взятое В. А. Полѣновымъ, въ бытность его въ Москвѣ, въ С.-Петербургскій Государственный Архивъ; а также предметы, записанные, подъ №№ X и XXI: Орденъ Подвязки и знамена, которые переданы въ Оружейную Палату.

Встрѣчающееся въ этомъ каталогѣ, который мы печатаемъ съ сохраненіемъ его ореографіи, упоминовеніе о томъ, что II-я часть *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ* тогда еще не была издана (пунктъ XXII), прямо указываетъ эпоху составленія сего каталога,—именно до 1819 года.

Директоръ Московскаго Главнаго Архива
Министерства Иностранныхъ Дѣлъ **Баронъ Ѳ. Бюлеръ.**

Москва,
Октябрь, 1880 г.

ВЗГЛЯДЪ

НА МОСКОВСКІЙ ИНОСТРАННОЙ КОЛЛЕГІИ АРХИВЪ

или

ЗАПИСКА

НѢСКОЛЬКИМЪ ИЗЪ МНОЖЕСТВА ВЫБРАННЫМЪ БУМАГАМЪ.

I. **Подлинныя договорныя Великаго Новагорода Грамоты** съ Великими Князьями Тверскими: Ярославомъ Ярославичемъ (братомъ Александра Невскаго), съ Михаиломъ Ярославичемъ, съ Александромъ Михаиловичемъ, съ Михаиломъ Александровичемъ, съ Борисомъ Александровичемъ и съ Единовластителемъ Россіи Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильевичемъ. Главное содержаніе сихъ договоровъ состоитъ въ томъ, на какихъ условіяхъ Граждане Новгородскіе допускали Тверскихъ Князей владѣть сею свободною областію, и какія преимущества себѣ предоставляли. При взаимныхъ неудовольствіяхъ и войнахъ между ими сіи условія часто возобновлялись и перемѣнялись. Первая Грамота Ярославова писана 1265 года и есть древнѣйшая изъ всѣхъ подлинныхъ актовъ, до нынѣ въ Архивѣ хранящихся. Приложенныя къ симъ договорамъ печати также заслуживаютъ вниманіе любителей древности простотою изоб-

раженныхъ словъ и фигуръ и служатъ основаніемъ Россійской сфрагистикѣ или науки печатей. Новгородъ издревле включенъ былъ въ союзъ Анзеатическихъ городовъ и назывался *Господиномъ Новгородомъ;* а Псковъ при письменныхъ сношеніяхъ именовалъ себя *молодшимъ братомъ его.*

II. **Духовныя Грамоты или Завѣщанія Великихъ Князей Московскихъ,** начиная съ Іоанна Даниловича Калиты, т. е. съ 1328 года до Единовластителя въ Россіи Іоанна Васильевича включительно. Сіи завѣщанія содержатъ въ себѣ много любопытнаго для Исторіи Россійской, потому что объясняютъ пространство Удѣльныхъ Княжествъ, припоминаютъ о городахъ и селеніяхъ, которые теперь уже не существуютъ, и пріурочиваютъ ихъ; означаютъ нѣкоторыя старинныя узаконенія и обычаи; доказываютъ древность Царскихъ украшеній, въ Оружейной Палатѣ до нынѣ сохранившихся, тѣмъ, что они отъ отца къ дѣтямъ изъ рода въ родъ переходили; описываютъ, въ чемъ состояли тогдашнія въ Россіи богатства, какія употреблялись одежды и украшенія для женщинъ и мущинъ и проч. Сверхъ сихъ завѣщаній, есть въ Архивѣ до двухъ сотъ Грамотъ и Записей, заключенныхъ съ Удѣльными Князьями различнаго содержанія подъ наименованіями: *договорныхъ, межевыхъ, жалованныхъ, приговорныхъ, мыновныхъ, поручныхъ, подручныхъ, клятвенныхъ* и *проклятыхъ.* Многія изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе любителей древности; для объясненія сихъ актовъ потребно много времени.

III. **Подлинное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича,** слѣдованное на мѣстѣ злодѣянія Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ, Окольничимъ Клеп-

нинымъ и Дьякомъ Вылузгинымъ. Нѣкоторые, по недостатку въ историческихъ доказательствахъ, гадательно полагаютъ, будтобъ подъ именемъ Отрепьева царствовалъ настоящій Царевичъ Димитрій; но сей подлинный актъ опровергаетъ сію неосновательную догадку. Изъ онаго явствуетъ, что Царевичъ убитъ былъ въ Угличѣ 15 Маія 1591 г.; а Шуйскій и Клешнинъ пріѣхали туда 19-го числа тогда, какъ тѣло Царевича не было еще предано землѣ. Естьлибъ онъ подмѣненъ былъ другимъ, то неужели бы Царица мать, не утѣшно плачущая надъ убитымъ своимъ сыномъ, отъ котораго не могли ея во все время отлучить, не узнала подлога! Оба родные братья Царицыны, прибѣжавъ на тревогу во Дворецъ, застали еще Царевича въ живыхъ, и онъ при нихъ уже испустилъ духъ. Какъ можно было ошибиться и не распознать его жителямъ Углицкимъ, которые такъ часто видали его на дворѣ, играющаго съ дѣтьми ихъ! Неужели Клешнинъ и Вылузгинъ, ближайшіе наперстники Бориса Годунова, по повелѣнію котораго Царевичъ умерщвленъ, не осмотрѣли трупа его! Отъ нанесенной ему раны, лице его не обезобразилось и черты не могли измѣниться. Постыдно для памяти Князя Шуйскаго, что онъ попустилъ при семъ слѣдствію основаться на показаніяхъ застращенныхъ и закупленныхъ служителей придворныхъ, увѣривъ Царя Ѳеодора Іоанновича, будто бы братъ его Царевичъ, при эпилепсическомъ припадкѣ, самъ наткнулся на ножъ. Укорительно сему вельможѣ, бывшему послѣ того Царемъ, что къ обману онъ присовокупилъ и несправедливость, обвинивъ обоихъ братьевъ Царицыныхъ за убіеніе ими Царевичевыхъ убійцъ.

IV. **Подлинныя письма и акты Самозванца Гришки Отрепьева,** за подписаніемъ его и съ приложеніемъ пе-

чатей. Изъ сихъ документовъ ясно видѣть можно, сколь чуждо было благоденствіе Россіи для сего похитителя Престола. Это былъ разоритель, а не блюститель отечества. Онъ обязался отдать невѣстѣ своей въ вѣчное владѣніе Новгородское и Псковское Государства; тестя своего Сендомирскаго Воеводу Мнишка подарилъ Черниговымъ, Смоленскомъ, Курскомъ и множествомъ другихъ городовъ; а Королю Польскому Сигизмунду III предоставилъ въ наслѣдственное владѣніе другую половину Смоленска и Сѣверскихъ земель, съ дозволеніемъ повсюду католикамъ свободнаго вѣроисповѣданія. Изъ сихъ бумагъ открываются всѣ способы, которые облегчили Самозванцу путь къ Престолу. По убіеніи его явился другой самозванецъ, Польскимъ Королемъ покровительствуемый, котораго называютъ *Тушинскимъ воромъ*. Грамоты его и жены сихъ Лжедимитріевъ Марины, также сохранены.

V. **Грамота утвержденная о избраніи на Всероссійскій Престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева** 1613 года, за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всѣхъ Чиновъ и за печатьми трехъ Митрополитовъ. Сей Государственный актъ, какъ залогъ двувѣковаго благоденствія и приращающагося величія Россіи, возбуждаетъ сыновъ Отечества возсылать ко Всевышнему, судьбою Царствъ управляющему, мольбы, да продлитъ благостыню, милующую насъ!

VI. **Книга въ лицахъ, изображающая избраніе на Царство Царя Михаила Ѳеодоровича**, коронованіе его и свиданіе съ отцомъ своимъ Митрополитомъ Филаретомъ, когда онъ изъ плѣна Польскаго въ Россію возвратился. Въ сей книгѣ многое замѣтить можно относящееся къ

прежде бывшимъ строеніямъ въ Кремлѣ, къ этикетамъ, къ костюмамъ того времени и проч.

VII. **Бракосочетаніе въ лицахъ, Государя Царя Михаила Ѳеодоровича съ Царицею Евдокіею Лукьяновною.** Оно заключаетъ въ себѣ подробное описаніе Царскихъ обрядовъ свадебныхъ.

VIII. **Три книги** съ портретами Царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича, Іоанна и Петра Алексѣевича, въ тогдашнее время писанными.

IX. **Царскія письма.** Отъ Великаго Князя Василья Іоанновича къ супругѣ своей Еленѣ Васильевнѣ занимательны по простотѣ слога и по безпокойству, которое наводила тогда болѣзнь во младенчествѣ сына ихъ (Царя) Ивана Васильевича. Прочія жь, для показанія токмо рукописаній предложатся. Но любопытнѣйшую часть сего отдѣленія составляютъ собственноручныя письма Императора Петра Великаго, числомъ до 700, изъ двѣнадцати томовъ состоящія.

X. **Печати Государственныя.** Орденъ Англійскій, предъявленный Графомъ Андреемъ Артемоновичемъ Матвѣевымъ, будтобъ отцу его Боярину Артемону Сергѣевичу Королемъ Карломъ II, присланный въ то время, какъ былъ онъ Государственной печати и великихъ Посольскихъ дѣлъ Оберегателемъ; но на сіе нѣтъ достойныхъ вѣроятія доказательствъ. — Вырѣзанное на серебряной доскѣ имя Короля Польскаго Станислава Лещинскаго, для приложенія вмѣсто подписи къ актамъ, захваченное Фельдмаршаломъ Графомъ Минихомъ при взятіи Данцига. — Медали на взятіе Азова и Шлюссельбурга.

XI. **Англійскія Грамоты** къ Самодержавцамъ Всероссійскимъ. Постоянныя сношенія Великобританскаго Ко-

ролевства съ Россіею начались при Королѣ Эдуардѣ VI. Мореходецъ Капитанъ Ченцлеръ, приставъ на кораблѣ своемъ къ Холмогорскимъ берегамъ, отправился оттуда въ Москву и въ 1556 году испросилъ у Царя Іоанна Васильевича за открытіе мореходнаго пути исключительную привиллегію безпошлинно торговать Англичанамъ въ Россіи. Въ перепискѣ съ Англіею замѣчательна Грамота, писанная въ 1570 году отъ Королевы Елисаветы. Царь Іоаннъ Васильевичъ на случай могущаго послѣдовать съ нимъ несчастія, испрашивалъ себѣ въ Англіи убѣжища; сіе дало поводъ Королевѣ прислать къ нему письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ со всею Царскою фамиліею принятъ и угощенъ будетъ по достоинству и можетъ отъѣхать оттуда куда пожелаетъ. Сватовство сего Государя за родственницу Королевину, Марію Гастингсъ, такъ же открываетъ характеристическую черту его. Переписка съ Королями Іаковомъ I, Карломъ I и Карломъ II равномѣрно заключаетъ въ себѣ много интереса историческаго, и особенно объясняетъ состояніе тогдашней торговли Англичанъ въ Россіи. Есть одна Грамота и отъ Кромвеля; но Царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о умерщвленіи Короля Карла I и вознегодовавъ за сіе на всю націю, издалъ указъ о высылкѣ всѣхъ торгующихъ Англичанъ изъ Россіи и всѣ прежде данныя имъ привиллегіи уничтожилъ, а дозволилъ пріѣзжать съ товарами только къ городу Архангельску. Послѣ сего формальный трактатъ съ Англіею не прежде состоялся, какъ 1734 года.—Разрѣшеніемъ строго запрещеннаго употребленія въ Россіи табаку мы обязаны договору, который заключенъ былъ въ 1698 году, Генералъ-Адмираломъ Лефортомъ съ Англійскимъ Адмираломъ Лордомъ Кармартенемъ.

XII. **Грамоты Французскихъ Королей.** Россія въ XI столѣтіи была уже въ ближайшемъ сношеніи съ Франціею. Дочь Великаго Князя Ярослава Владиміровича въ 1051 году была супругою Французскаго Короля Генриха I; но чрезъ какія обстоятельства столько отдаленные Государи могли тогда сблизиться между собою, не дошло до насъ историческихъ подробностей. Великій Князь Василій Іоанновичъ, ходатайствуя за Маркграфа Бранденбургскаго Альберта, въ 1518 и 1519 годахъ, писалъ къ Французскому Королю, чтобъ онъ убѣдилъ Сигизмунда Короля Польскаго возвратить отнятые имъ у Маркграфа Прусскіе города. Царь Іоаннъ Васильевичъ такъ же пересылался съ Генрихомъ III, какъ съ прежнимъ своимъ, по Королевству Польскому, сосѣдомъ. Но сія переписка въ большой Московскій 1626 года Маія 3-го пожаръ сгорѣла: а начинается оная съ симъ дворомъ подлинною Грамотою Генриха IV къ Царю Ѳедору Ивановичу. Въ сношеніяхъ съ Франціею замѣтить должно слѣдующее: издавна восписуемый Царямъ нашимъ *Императорской* титулъ, всегда противоположную пользамъ Россіи политику Французскую въ дѣлахъ Оттоманской Порты, Швеціи и Польши, постепенно возраставшую горделивость Лудовика XIV и твердость бывшаго у него Посломъ знаменитаго Россіянина, Князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго *).

---

*) Все сіе подробно объяснено въ сочиненной отъ Управляющаго Архивомъ книгѣ подъ названіемъ: *Повѣствованіе о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ Франціею.*

Эта переплетенная рукопись А. Ѳ. Малиновскаго хранится въ Архивской Библіотекѣ подъ № 1037-мъ.

Б. Ѳ. Б.

XIII. **Союзный договоръ**, въ подтвержденіе прежнихъ постановленій, Великаго Князя Василія Іоанновича съ Цесаремъ Максиміліаномъ 1514 года Августа 4-го за собственноручнымъ подписаніемъ Цесаря и за золотою печатью съ титуломъ Государю *Императорскимъ*. Союзъ между Россіею и Австрійско-Цесарскимъ Домомъ издавна почитался за дѣло обѣимъ сторонамъ весьма благопріятствующее; ибо выгоды отъ сего и той и другой Державѣ были равномѣрны, не только по отношеніямъ каждой изъ нихъ къ Портѣ Оттоманской, но также по обстоятельствамъ до Польши и Швеціи касающимся. Самая неприкосновенность границъ между обѣими Имперіями отдаляла тогда поводъ къ распрямъ и мѣстнымъ притязаніямъ. Обезсиленіе Цесаря какою-либо Державою и умаленіе наслѣдныхъ земель его не могли бы доставить Россіи никакого приращенія; напротивъ же того, доброе согласіе съ нимъ въ состояніи было принесть ощутительныя пользы. При Императорѣ Петрѣ Великомъ произошла-было между обоими Дворами примѣтная холодность отъ разныхъ причинъ, какъ то 1-е, отъ введенія въ Мекленбургію Россійскихъ войскъ; 2-е, отъ укрывательства въ Германіи Царевича Алексѣя Петровича; 3-е, отъ неудовлетворенія Цесаремъ Карломъ VI жалобъ на Резидента его Плеера, вмѣшавшагося въ семейныя дѣла Царскаго Дома; но всѣ сіи неудовольствія, при заключеніи 1726 года Августа въ 6 день въ Вѣнѣ трактата чрезъ уполномоченныхъ къ тому Принца Евгенія Савойскаго и Камергера Ланчинскаго, надолго исчезли.

XIV. **Наступательный и оборонительный договоръ** Великаго Князя Василія Іоанновича съ великимъ Магистромъ Прусскимъ и Маркграфомъ Бранденбургскимъ

Албертомъ, 1517 года Марта 10-го заключенный, противъ Польскаго Короля Сигизмунда. Главная цѣль сего договора съ стороны великаго Магистра состояла въ томъ, чтобъ освободиться отъ подданническихъ обязанностей Польшѣ и не получать отъ нее инвеституры на Прусскія свои владѣнія. Сіе дружественное постановленіе во всей силѣ возобновлено и подтверждено было въ 1656 году Сентября 22-го въ лагерѣ подъ Ригою, гдѣ самъ Царь Алексѣй Михайловичъ находился. Въ слѣдствіе того Курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ вскорѣ примирился съ Польскимъ Королевствомъ и сдѣлался отъ онаго совершенно независимымъ. Возвѣщая о семъ Россійскому Государю, онъ вмѣнялъ сей миръ за многоцѣнный даръ, отъ руки его полученный. Многія благопріятныя произшествія, которыя возвеличили Домъ Бранденбургскій въ новѣйшія времена, одолжены своими успѣхами такъ же Россіи. При свиданіи Петра I съ Курфирстомъ Фридрихомъ въ Пилау, оба Государя, избѣгая огласки отъ заключенія формальныхъ трактатовъ, поклялись другъ другу по совѣсти предъ лицемъ неба, быть противъ всѣхъ непріятелей во всякомъ случаѣ за одно, и до окончанія своей жизни сей союзъ и дружбу взаимно сохранять.

XV. **Перемирная Грамота Великаго Князя Василія Іоанновича** съ Шведскимъ Королемъ Густавомъ 1524 и 1634, договоры: Столбовскій съ Королевою Христиною Нейштатскій 1721 и Абовскій 1743 годовъ. Древность сношеній между Россіею и Швеціею теряется въ отдаленности вѣковъ. По сосѣдственному положенію обоихъ Государствъ, взаимныя ихъ политическія отношенія подвержены были безпрерывнымъ перемѣнамъ.

Послѣ оконченной войны возстановлялось иногда спокойствіе; но соперничество сихъ двухъ народовъ, равномѣрно храбрыхъ и неуступчивыхъ, вскорѣ вызывало ихъ опять на ратное поле — и кратковременный миръ, послѣ нанесенныхъ другъ другу бѣдствій, можно было считать только временемъ отдыха. Подлинные акты, въ Архивѣ сохранившіеся, начинаются перемирною на 60 лѣтъ Грамотою 1513 года Шведскаго Администратора Стено Стуре. Договоры съ Швеціею возобновлялись и постановляемы были въ Новѣгородѣ чрезъ тамошнихъ Намѣстниковъ и Воеводъ съ Послами; а сами Россійскіе Государи долго не соглашались заключать мирныхъ постановленій въ Москвѣ. Частые раздоры у Царя Іоанна Васильевича за Лифляндію, кровопролитныя битвы, настоятельное желаніе его жениться на женѣ Герцога Финляндскаго Іоанна (бывшаго потомъ Королемъ) Екатеринѣ, урожденной Принцессѣ Польской, и избраніе Новгородцами во время междоцарствія на упразднившійся Россійскій Престолъ Королевича Филиппа, суть такія произшествія, которыя составляютъ для исторіи Россійской значительныя статьи. Когда жъ два возмужалые исполина Петръ I и Карлъ XII начали измѣрять свои силы, то отъ одного маху зависѣла участь Государствъ ихъ. Сраженный подъ Полтавою Король, лишась тѣхъ успѣховъ, которые прежде сопровождали всѣ воинскіе подвиги его, лишился потомъ и жизни отъ пули роковой. Онъ оставилъ и щастіе свое и славу въ наслѣдіе своему побѣдителю. Заключенный послѣ двадцатилѣтней войны съ Швеціею въ Нейштатѣ миръ служитъ эпохою обновленія въ Россіи. Съ сего времени, политическія отношенія между возвеличенною Петромъ I Имперіею и между обезсиленною Швеціею

получили совсѣмъ иное направленіе. Предпринятая въ 1742 году война противъ Россіи не долго длилась, по причинѣ неожиданнаго Швеціею возшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны и отъ необходимости избрать Великаго Князя Петра Ѳеодоровича Наслѣдникомъ Шведской короны; война сія кончилась Абовскимъ мирнымъ трактатомъ.

XVI. **Два мирныхъ Договора Китайскихъ.** Первый заключенъ въ Нерчинскѣ 29 Августа 1689 г. Окольничимъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ съ двумя первостепенными Мандаринами Китайскаго Богдыхана. По силѣ сего трактата, постановлена границею рѣка Горбица и начинающійся отъ вершины ея хребетъ горъ до рѣки Уди; рѣкѣ Аргунѣ, впадающей въ Амуръ, до вершины ея, такъ же раздѣлять владѣнія обоихъ Государствъ и правой сторонѣ быть въ Россійскомъ, а полуденной—въ Китайскомъ управленіи; построенный Россіянами городъ Албазинъ уничтожить; возстановить взаимную торговлю; бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ выдавать; а перебѣгшихъ до состоянія сего договора оставить на своихъ мѣстахъ; разбойниковъ же и убійцъ предавать смертной казни. Китайскіе полномочные, съ поднятіемъ къ небу рукъ своихъ, поклялись въ точномъ на всегда храненіи сего договора, утвердили оный своимъ рукописаніемъ и печатьми; а на рубежѣ воздвигли каменный столпъ и изобразили на немъ всѣ статьи на Манжурскомъ, Китайскомъ, Россійскомъ, Латинскомъ и Мунгальскомъ языкахъ.—Другой договоръ съ Китайцами заключенъ былъ 1727 Августа 20 на рѣчкѣ Бурѣ Россійскимъ чрезвычайнымъ Посланникомъ Графомъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ съ присланными

туда отъ Богдыхана Послами его: о постановленіи вновь границъ между обѣими Имперіями, начавъ оную отъ Кяхты.

XVII. **Трактаты Персидскіе.** Сношенія между Россіею и Персіею издавна начались. Подданные съ обѣихъ сторонъ спокойно производили торговлю между собою, а Государи повременно посылали другъ къ другуОсловъ своихъ, и тѣмъ подновляли взаимное согласіе. Болѣе двухъ сотъ лѣтъ продолжалась пріязнь двухъ сильныхъ Монархій, ни письменными постановленіями, ни клятвами никогда не утверждаемая. Первый договоръ съ Персіею заключенъ былъ 1723 Сентября 12 между Императоромъ Петромъ I и Шахомъ Тахмасибомъ о уступкѣ въ вѣчное Россійской Имперіи владѣніе лежащихъ по Каспійскому морю провинцій: Гиляни, Мизандрона, Астрабата и городовъ Дербента и Баки, съ принадлежащими къ нимъ землями, за сдѣланное отъ Россіи Шаху противъ бунтовщиковъ вспоможеніе. Чрезъ десять лѣтъ, когда усилился Тахмасъ Кулыханъ, то въ Царствованіе Императрицы Анны Іоанновны заблагоразсуждено было всѣ тѣ уступленныя Россіи провинціи возвратить Персіянамъ.

XVIII. **Мирные Договоры съ Портою Оттоманскою.** Пересылка съ овладѣвшими Константинополемъ Турками началась у Великаго Князя Іоанна Васильевича. Султанъ Баязетъ отправилъ 1495 года къ Государю Посла своего; но Великій Князь Литовскій Александръ отъ зависти не пропустилъ его въ Россію. Государь, узнавъ о семъ препроводилъ въ Константинополь Михаила Плещеева для установленія взаимныхъ сношеній и для обезпеченія торговли подданныхъ своихъ. Какъ

только Россійскій Посолъ прибылъ къ Турецкому Двору, то Визирь и Паши приняли его съ большою почестію и прославъ къ нему денежный подарокъ на содержаніе, шубу и кафтанъ, приглашали на пиръ для него приготовленный, послѣ чего на другой же день обѣщали представить его Султану; но Плещеевъ, не вѣдавшій обычаевъ Турецкихъ, отвергъ присланные дары, на пиръ не поѣхалъ и присланному отъ Визиря отвѣтствовалъ: «Мнѣ съ Пашами рѣчи нѣтъ, я Пашино платье не вздѣваю и денегъ ихъ не хочу. мнѣ съ Султаномъ говорить.» Отвѣтъ сей донесенъ былъ Баязету, который вознегодовалъ за то на Плещеева и велѣлъ отпустить его, не входя съ нимъ ни въ какіе переговоры. При Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ сношенія съ Портою Оттоманскою возобновились, и съ тѣхъ поръ до новѣйшихъ временъ безпрерывно продолжались, не смотря на то, что Россійскіе Государи никогда не скрывали предъ Султанами намѣренія своего изгнать ихъ изъ Константинополя и гласно приглашали всѣхъ христіанскихъ Государей вступить въ союзъ противъ сихъ Магометанъ. Отъ разнообразности интересовъ Европы сдѣланные опыты для сего предпріятія оставались не удачны. Принужденный Петра I при рѣкѣ Прутѣ договоръ, 1711 года Іюля 12, служитъ піедесталомъ для трактатовъ Кучукъ-Кайнарджинскаго въ 1774, Константинопольскаго въ 1783 и Бухарестскаго въ 1812 годахъ.

XIX. **Индѣйская Грамота**, данная, по приказанію Шаха отъ приближеннаго его Хана, бывшему 1696 года въ Индіи Россійскому купчинѣ Семену Маленькому объ увольненіи его отъ платежа пошлинъ съ привозимыхъ имъ изъ Россіи и съ купленныхъ въ Индіи товаровъ

и о безпрепятственномъ пропускѣ его по всѣмъ Индѣйскимъ городамъ. Первое извѣстное по Лѣтописямъ путешествіе изъ Россіи въ Индію совершилъ нѣкто Аѳанасій Никитинъ, отправясь туда изъ Твери въ 1469 году; а первое появленіе въ Москвѣ Индѣйцовъ было въ 1533 году. Гость Тоусеинъ Хозя привезъ тогда разные товары и подалъ отъ Индѣйскаго Владѣтеля Бабуръ-Падши Грамоту къ Великому Князю Василію Іоанновичу. Въ отвѣтѣ своемъ Государь изъявилъ только согласіе на торговлю въ Россіи Индѣйцовъ, а о братствѣ и взаимномъ дружествѣ умолчалъ; ибо не зналъ, кто былъ сей Бабуръ, владѣтельной ли Государь или *Государству тому урядникъ*.—Царь Борисъ Ѳеодоровичъ оказывалъ особенное покровительство пріѣзжавшимъ съ товарами въ Астрахань и Москву Индѣйцамъ; а Царь Алексѣй Михайловичъ неоднократно отправлялъ въ Индію купчинъ своихъ подъ названіемъ гонцовъ, снабжая ихъ для опыта Россійскими произведеніями на обмѣнъ тамошнихъ товаровъ: Императоръ же Петръ Великій въ томъ намѣреніи и пріобрѣлъ себѣ во владѣніе Персидскія провинціи на Каспійскомъ морѣ, чтобъ производить непосредственную торговлю съ Индіею.

XX. **Собственноручныя письма и проэкты знаменитаго Лейбница** о заведеніи въ Россіи для народнаго просвѣщенія публичныхъ училищъ и Университетовъ; о проповѣданіи населяющимъ оную язычникамъ Христіанской вѣры; о исправленіи законовъ; объ открытіи неизвѣстныхъ земель; объ умноженіи доходовъ подушною переписью; о поощреніи земледѣлія и художествъ и о другихъ полезныхъ для Государства учрежденіяхъ. Когда Петръ I находился въ Карлсбадѣ у цѣлительныхъ

водъ, то присланъ былъ къ нему Лейбницъ отъ Вольфенбительскаго Герцога въ характерѣ Посланника, съ предложеніемъ о возстановленіи пресѣкшагося съ Цесаремъ согласія. Россійскій Царь, сдѣлавъ на порученную Лейбницу негоціацію благосклонный отзывъ, обратилъ все свое вниманіе на сего, по учености своей, первостепеннаго тогда въ Европѣ мужа: ежедневно бесѣдовалъ съ нимъ дружески о важнѣйшихъ предметахъ Государственныхъ и убѣдилъ его слышанное имъ на словахъ представить письменно; а въ изъявленіе признательности своей и уваженія къ обширнымъ знаніямъ его, пожаловалъ Лейбница чиномъ Россійскаго Тайнаго Совѣтника, съ ежегоднымъ пенсіономъ по 1000 ефимковъ. За сто лѣтъ предъ симъ предложенные имъ Преобразителю Россіи мнѣнія имѣютъ на себѣ печать нестарѣющейся никогда истины.

XXI. **Три знамя:**

1) Трехъугольное изъ тафты разныхъ цвѣтовъ, сдѣланное въ 1675 году, повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича *во имя Софіи премудрости Божіей*, то есть *неизглаголаннаго дѣвства чистоты* съ текстами изъ Апокалипсиса.

2) Четвероугольное на красной камкѣ, повелѣніемъ того же Государя, написанное въ 1673 году, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Ангела, а на другой большаго креста съ осьмью около онаго звѣздами.

3) Изображаетъ на бѣлой камкѣ съ обѣихъ сторонъ Россійскаго орла съ крестами изъ звѣздъ и Спасителевъ образъ. Писано 1688 въ правленіе Царевны Софіи Алексѣевны и дано было Гетману Мазепѣ.

XXII. **Второй томъ** не допечатанный издаваемаго Канцлеромъ Графомъ Румянцевымъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Въ семъ томѣ помѣщены любопытнѣйшія, мало извѣстныя бумаги, до смутныхъ въ Россіи временъ касающіяся и отысканныя покойнымъ Исторіографомъ Миллеромъ, въ Сибирскихъ Архивахъ, Государственныя Грамоты.

XXIII. **Архивская Библіотека**, по рѣдкимъ въ оной печатнымъ и рукописнымъ книгамъ достойна воззрѣнія; ибо, по истребленіи въ 1812 года пожаромъ Университетской и частныхъ библіотекъ, можетъ почесться теперь первою въ Москвѣ и служитъ единственнымъ вспомоществованіемъ для ученыхъ сословій и присудственныхъ мѣстъ. Для любопытства изъ числа рукописей могутъ представлены быть слѣдующія:

1) Артиллерійская книга, посвященная Царю Алексѣю Михайловичу Россійскимъ Генералъ-Лейтенантомъ Бауманомъ 1666 года.

2) Чертежи баталій и расположенія лагерей у разныхъ Европейскихъ Державъ съ 1620 по 1713 годъ.

3) Евангеліе на Греческомъ языкѣ, въ десятомъ вѣкѣ писанное.

4) Рукопись Шведская Готическими буквами.

5) Алкоранъ, писанный на Арабскомъ языкѣ.

6) Журналъ Князя Меншикова.

7) Журналъ Генерала Гóрдона на Англійскомъ языкѣ.

8) Планы рукописные разныхъ военныхъ дѣйствій.

9) Планъ Санктпетербурга 1725 года, съ стариннымъ названіемъ всѣхъ острововъ.

10) Планъ 1714 года мѣстамъ по Малой Невѣ и рѣчкѣ Черной, розданнымъ подъ загородные дворы.

11) Россійская Азбука Царевича Алексѣя Петровича.
и 12) Древности Азіятскія, собранныя восточныхъ языковъ Профессоромъ Кееромъ.

XXIV. **Лифляндскіе Историческіе акты,** въ спискахъ, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, въ Архивъ для храненія препровожденные 1814 года.

Важнѣйшія дѣла Архива хранятся въ *Трактатной Палатѣ*, а Министерская переписка старыхъ и новыхъ лѣтъ расположена въ осьми нижнихъ палатахъ. Для каждаго Двора сдѣланы особые шкафы съ надписями на верху, какія бумаги тутъ помѣщены, и все такъ приспособлено, что съ помощью реэстровъ человѣкъ, даже не бывавшій тамъ никогда, самъ безъ затрудненія надобное найти можетъ. Посѣщающіе Архивъ могутъ сдѣлать тому опытъ: когда угодно будетъ выбрать изъ реэстровъ Европейскихъ или Азіятскихъ какую либо бумагу, и потребовать ея, то чрезъ нѣсколько минутъ будетъ она представлена.

Прилагаемая таблица, хотя краткое, но явственное дать можетъ понятіе о систематическомъ расположеніи всѣхъ дѣлъ въ Архивѣ.

Примѣчанія.

Документы, упомянутые въ сей запискѣ подъ №№ IV, VII, IX, XX находятся въ Трактатной Палатѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Большая часть писемъ Лейбница къ Петру Великому (№ XX) изданы въ 1873 г. Профессоромъ Герье **подъ заглавіемъ: Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница**; а акты № I, II, V, VI и VIII, равно какъ собраніе Царскихъ писемъ и Государственныя печати поступили

въ 1853 г. въ **Государственное Древлехранилище хартій, рукописей и печатей**, находящееся въ комнатахъ Теремнаго Дворца, по ввѣренное непосредственному завѣдыванію Директора Московскаго Главнаго Архива.

Изъ числа 3-хъ знаменъ (№ XXI), о пожалованномъ Мазепѣ извѣстно, что оно, „за ветхостью“, прислано было въ 1730 году Гетманомъ Даніиломъ Апостоломъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, откуда въ 1731 г. отправлено въ Архивъ на сохраненіе.

Относительно сокровищъ Архивской библіотеки (№ XXIII), о коей идетъ рѣчь и въ прилагаемой таблицѣ, но которая съ 1820-хъ годовъ, обогатилась до слишкомъ 1000 рукописей и 28000 томовъ, слѣдуетъ замѣтить, что **Артиллерійскую книгу Баумана** Императоръ Николай Павловичъ изволилъ въ 1826 году оставить у себя; что **Азбука Царевича Алексѣя Петровича** находится нынѣ въ Палатахъ Бояръ Романовыхъ, **Журналъ Гордона** въ библіотекѣ Генеральнаго Штаба и что **Журналъ Князя Меншикова** отправленъ былъ въ 1841 году В. А. Полѣнову. Журналъ Гордона изданъ въ 1849—1852 гг. въ Нѣмецкомъ переводѣ Княземъ М. А. Оболенскимъ. Изъ находящихся по сіе время въ Архивской библіотекѣ, рукописей Кеера, его **Алфабета** издана Архивомъ въ 1876 году. Упоминаемая А. Ѳ. Малиновскимъ, шведская рукопись, пергаментная, готическими буквами, значится подъ № 2-мъ, въ напечатанномъ въ 1879 г. **Каталогѣ рукописей по Юриспруденціи**, принадлежащимъ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива; это кодексъ короля Магнуса 1347 года; имъ пользовался въ 1859—1862 г. Профессоръ Шлитеръ, въ Стокгольмѣ; а чертежъ баталій и старинные планы С.-Петербурга значатся на стр. 45, 72—83 изданнаго въ 1877 году **реэстра** принадлежащихъ Архивской Библіотекѣ **атласовъ, плановъ, картъ и театровъ войны**.

Б. О. Б.

ТАБЛИЦА,

сокращенно означающая старыхъ и новыхъ лѣтъ дѣла въ Московскомъ Государственной Иностранной Коллегіи Архивѣ хранящіяся.

Дѣла Московскаго Иностранной Коллегіи Архива.

- Секретныя двоякаго рода.
  - I. Внутреннія.
    1. Россійскія Государственныя книги .... ..съ 1120 по 1802 г.
    2. Договорныя Грамоты
       - a. Новгородскія ..... 1263—1474
       - b. Великихъ Князей ..... 1328—1585
       - c. Малороссійск. Гетмановъ 1654—1688
    3. Секретныя ..... 1697—1764
    4. Секретнѣйшія ..... 1718—1751
    5. Подлинныя бумаги Самозванца Отрепьева ..... 1604—1610
    6. Царскія подлинныя письма, Манифесты и Указы 1619—1748
    7. Историческія и Церемоніальныя дѣла ..... 1120—1783
    8. Подлинныя письма Императора Петра Великаго въ XII портф... ..... 1695—1725
    9. Присяги Царевичу Петру Петровичу ..... 1718— »
    10. Дѣла и письма Князя Меншикова ..... 1700—1738
    11. Верховнаго Тайнаго Совѣта дѣла .... 1726—1731
    12. Кабинетскія дѣла ..... 1731—1743
    13. Переписка между Министрами Россійскими ..... 1744—1763
    14. Цифирныя Азбуки по алфавиту расположенныя.
    15. Вещи, состоящія въ печатяхъ Государственныхъ, медаляхъ, знаменахъ, и проч.
  - II. Внѣшнія.
    1. Трактаты съ Европейск. и Азіятск. Дворами ..... 1474—1800
    2. Грамоты Европейск. и Азіятск. Государей ..... 1474—1763
    3. Документы Нѣмецкаго Ордена ..... 1191—1514
    4. Министерскія разнаго рода бумаги Европ. и Азіят.. 1474—1800
    5. Прошенія и письма частныхъ людей къ Россійскимъ Государямъ и Министрамъ по алфавиту.. 1690—1742
    6. Дѣла бывшей съ Пруссіею войны ..... 1756—1762
- Публичныя, къ которымъ принадлежатъ:
  - I. Дѣла, собственно до Посольскаго Приказа и до Иностранной Коллегіи касающіяся.
    1. Приказныя или Канцелярскія
       - a. Старыхъ лѣтъ . 1505—1700
       - b. Новыхъ лѣтъ.. 1700—1763
    2. Переписныя книги дѣламъ Посольскаго Приказа. 1614—1716
    3. Книги входящихъ и исходящихъ дѣлъ .... 1636—1763
    4. Приходныя и расходныя книги и документы ..... 1720—1763
    5. Боярскія окладныя книги ..... 1556—1675
    6. Выѣзды въ Россію иностранцевъ. ..... 1600—1764
    7. Жалованныя Грамоты, дипломы и патенты ..... 1577—1726
    8. Дѣла Донскихъ казаковъ ..... 1623—1803
    9. Духовныя Россійскихъ Церквей дѣла ..... 1581—1762
    10. Духовныя иностранныхъ въ Россіи Церквей ..... 1629—1763
    11. Малороссійскія .... 1522—1775
    12. Письма къ Россійскимъ Министрамъ отъ разныхъ особъ ..... 1620—1742
    13. Почтовыя дѣла ..... 1665—1764
    14. Титулярники ..... 1700—1746
    15. Сибирскія и Камчатскія .... 1618—1769
    16. Татаръ Россіи подданныхъ дѣла ..... 1595—1720
    17. Россійскихъ Орденовъ дѣла и списки Кавалеровъ.. 1699—1777
    18. Монастырскія ..... 1673—1696
  - II. Дѣла подсудимыхъ Посольскому Приказу мѣстъ и лицъ, вѣдомыхъ въ оном судомъ и расправою.
    - a) Разныхъ Приказовъ съ 1565 года.
      1. Великороссійскаго.
      2. Малороссійскаго.
      3. Литовскаго.
      4. Смоленскаго.
      5. Монастырскаго.
      6. Новогородской Четверти.
      7. Устюжской Четверти.
      8. Владимірской Четверти.
      9. Галицкой Четверти.
      10. Области Великопермской.
    - b) Мѣстъ и частныхъ людей вѣдомыхъ.
      1. Посольскаго Приказа Переводчики, Толмачи, Подъячіе.
      2. Именитые люди Строгоновы.
      3. Торговые иноземцы.
      4. Нѣмецкая въ Москвѣ Слобода.
      5. Мѣщанская Слобода.
      6. Желѣзный заводчикъ въ Тулѣ Марселисъ.
      7. Гранатный дворъ въ Москвѣ.
      8. Бархатнаго дѣла мастеръ Паулесъ.
      9. Аптеки и доктора.
      10. Комедіанты.
      11. Царица Грузинская.
      12. Молдавскій Господарь Кантемиръ.
  - III. Библіотека.
    1. Рукописи и печатныя на разныхъ языкахъ книги, состоящія:
       Печатныхъ книгъ по числу оглавленій болѣе 4000; а рукописей до 700.
       - a. Изъ книгъ Коллежск. Архива, старыхъ.
       - b. изъ купленныхъ у Исторіогр. Миллера.
       - c. изъ присовокупляемыхъ ежегодно покупкою на 250 руб.
       - d. изъ подаренныхъ отъ разныхъ лицъ.
    2. Ландкарты, планы и чертежи письменные и печатные внутреннихъ и пограничныхъ мѣстъ съ 1694 года, числомъ до 400.
    3. Старинныя письменныя газеты, курантами называемыя и публичныя вѣдомости новѣйшихъ временъ, на Россійскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, Итальянскомъ, Голландскомъ, и Англійскомъ языкахъ съ 1631 по 1817 годъ.

НАЧАЛО

ДРУЖЕСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІЙ

РОССІИ СЪ ПРУССІЕЙ.

Помѣщенныя здѣсь три статьи были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ,» — именно: **Вопросъ о Прусскомъ союзѣ въ первую половину великой сѣверной войны**—А. Д. Путяты — въ февральской книжкѣ 1877 г., **Янтарная комната Царскосельскаго Дворца**—К. А. Щученко—въ ноябрской книжкѣ того же года и **Русскіе великаны въ Прусской службѣ** — М. П. Пуцилло — въ мартовской книжкѣ 1878 г.

Онѣ представляютъ, въ послѣдовательномъ, почти хронологическомъ порядкѣ, цѣлый рядъ Архивскихъ изслѣдованій касательно сношеній Россіи съ Пруссіею въ прошломъ столѣтіи.

Эти изслѣдованія предприняты были по мысли и по желанію покойнаго Секретаря Германскаго Императора, Тайнаго Совѣтника Людвига Шнейдера, основателя и Предсѣдателя Берлинскаго Историческаго Общества.

Указанія, заключающіяся въ предшествующей статьѣ А. Ѳ. Малиновскаго (п. XIV) на содѣйствіе, оказанное въ весьма важномъ обстоятельствѣ, еще Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Маркграфу Бранденбургскому, очень кстати дополняютъ очерки, относящіеся къ слѣдующему, XVIII вѣку.

ВОПРОСЪ О ПРУССКОМЪ СОЮЗѢ

ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ

ВЕЛИКОЙ СѢВЕРНОЙ ВОЙНЫ *).

18-го мая 1697 года прибыло въ Кёнигсбергъ торжественное русское посольство, состоявшее изъ Лефорта, Головина и Возницына, посольство, объѣзжавшее Германію, Голландію, Англію и Австрію въ ту достопамятную для Россіи эпоху, когда въ умѣ ея безсмертнаго Преобразователя, подъ впечатлѣніемъ культуры западныхъ народовъ, созрѣвалъ уже великій планъ. Посольство, въ которомъ инкогнито участвовалъ самъ царь, подъ именемъ дворянина Петра Михайлова, встрѣчено было въ Пруссіи, какъ и вездѣ, съ небывалою пышностью и торжественностью. Прочитаемъ современный документъ относящійся до этой встрѣчи.

„Давно ожидаемое и отъ предвѣстника майора Вейра уже въ мартѣ мѣсяцѣ объявленное великое посольство пришло наконецъ въ сію курфирстскую резиденцію Кёнигсбергъ въ 18-й день мая, послѣ полудня, въ пятомъ часу.

„И такъ какъ это есть первое посольство, которое Московскій

---

*) Статья эта составлена *исключительно* на основаніи документовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Прим. авт.

дворъ къ курфирстскому двору Бранденбургскому чиномъ великихъ пословъ послалъ, то оно, отчасти ради сего чина пословъ, отчасти же ради весьма необыкновенныхъ при томъ обстоятельствъ, съ такимъ нарядомъ принято, что ежели бы высокій ихъ государь, особу котораго они представляютъ, его царское величество, самъ настояще при томъ былъ или бы то самъ смотрѣлъ, то невозможно было бы ихъ славнѣе и нарядн҃ѣе встрѣчать и принимать.

„Великое посольство состояло изъ трехъ зѣло благочинныхъ и въ государствѣ своемъ зѣло высоко знатныхъ мужей.

„Былъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, царскаго величества генералъ и адмиралъ и намѣстникъ Новгородскій, который, правда, не изъ той земли, но изъ Геневы родомъ, однакоже чрезъ свои знатно показанныя службы къ тому привелъ, что не токмо тѣхъ всѣхъ чиновъ высокихъ доступилъ, но и совершенно его царскаго величества самую крайнѣйшую пріязнь получилъ, и что наивяще еще при томъ въ любовь всего народа себя привелъ.

„Былъ бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, царскаго величества генералъ и воинскій комиссаріусъ и намѣстникъ Сибирскій, также бывшій прежде посломъ въ Хинѣ, мужъ высокаго дому и великаго разума.

„Былъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ, тайный канцлеръ и намѣстникъ Болховской, въ обыкновеніяхъ и правахъ чужихъ народовъ, а особо въ церемоніяхъ того ради, наипаче искусенъ, попеже еще прежде въ Персиду, въ Царь-градъ, въ Польшу и въ Венецію въ различныя времена посыланъ бывалъ“ *).

Какія же дѣла, какіе вопросы привели въ Пруссію это торжественн҃ѣйшее изъ когда-либо отправленныхъ Россіей посольствъ? Государь Русскій хотѣлъ заключить съ курфирстомъ Бранденбургскимъ вѣчный союзъ и вступить въ прочныя дружественныя отношенія.

Послы объявили, что они прибыли за тѣмъ:

„1) Дабы между его царскимъ величествомъ и его курфирстскою пресвѣтлостью Бранденбургскимъ, такожде и между ихъ со обоихъ сторонъ наслѣдниковъ и послѣдователей, на вѣчныя вре-

*) *Прусскія Дѣла*, 1697 года, св. 8, прусскій журналъ пріема посланниковъ.

мена, прежде сего между ихъ блаженныя памяти предками уже учиненные дружба и союзъ обновленъ, и паки вѣчный союзъ и справедливая постоянная дружба симъ постановлена и подкрѣплена была, такимъ обычаемъ, чтобъ единъ другаго прибыли и блага безъ опасенія и содержанія искати и вспомогати, убытокъ и уронъ по возможности остерегати и отвращати долженъ былъ и хотѣлъ.

„2) Аще впредь на единаго изъ обоихъ сихъ кто-нибудь войною нападеніе чинити будетъ, тогда другой долженъ да будетъ тому, на котораго нападеніе чинится, вспомогати и на помощь присылати людьми или деньгами, воинскими припасами, пушечнымъ снарядомъ, бомбардирами и кормовыми запасами, и тогда бы, аще такой случай приключится и требованіе о томъ будетъ, со обѣихъ сторонъ при особой отсылкѣ договариватися какимъ образомъ сіе вспомогательство чинить подобаетъ и т. д.“ *)

Однако не всѣмъ статьямъ этого торжественнаго договора суждено было быть изображенными на письмѣ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ современный памятникъ: Когда 5-го числа іюня великіе послы прибыли въ королевскій замокъ Фридрихсгофъ, они остановились тамъ, и были курфирстомъ приглашены къ ужину. А когда пили за столомъ про здоровье великаго государя его царскаго величества, то раздалась въ это время стрѣльба изъ пушекъ, и на другой день былъ на яхтѣ ближній курфирстовъ человѣкъ и президентъ Данкельманъ, а потомъ пріѣзжалъ и былъ на яхтѣ самъ курфирстъ съ братомъ своимъ маркграфомъ Альбрехтомъ, съ герцогомъ Голштинскимъ и иными ближними людьми. Они говорили о настоящихъ дѣлахъ, и рѣшили „статью о союзѣ отложить и постановленіе не писать, а укрѣпились словами, что во время наступленія, какъ на государство его царскаго величества, такъ и на его, курфирста, одному другаго не покинуть, и другъ другу вспоможеніе чинить всякими мѣрами какими возможно“. Союзъ этотъ имѣлъ въ глазахъ курфирста практическое значеніе, ради котораго Фридрихъ и старался заручиться дружбой Русскаго монарха. Фридрихъ предвидѣлъ столкновеніе со Швеціей, и потому готовился заранѣе усилить себя союзомъ могучаго сосѣда. Приво-

*) Ibid.

димъ цѣликомъ слѣдующій въ высшей степени важный документъ, на который мы будемъ имѣть случай въ послѣдствіи сослаться:

„Списокъ съ *тайнаго словеснаго договора* между государемъ Петромъ I и Бранденбургскимъ курфирстомъ Фридрихомъ о взаимной другъ другу помощи противъ всѣхъ непріятелей общихъ, *и паче прочихъ Шведовъ* *).

„Въ бытность въ Королевцѣ **), при дворѣ тогда курфирста Бранденбургскаго, нынѣшняго короля Прусскаго, при великомъ государѣ, великихъ и полномощныхъ послахъ, предлагали курфирстскіе министры великимъ посламъ на разговорахъ, а именно бывшій верховный президентъ фонъ-Данкельманъ и тайный совѣтникъ фонъ-Фуксъ, чтобъ учинить между царскимъ величествомъ и курфирстомъ оборонительный и наступательный союзъ противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ короля Свейскаго, яко общаго обоихъ государствъ непріятеля и обидника, *и послы по многимъ разговорамъ отрицались такой явной договоръ учинить, потому, что то Шведъ иногда возмогъ бы увѣдать и причесть къ разрыву мира*, еже бы тогда было его царскому величеству опасно во время Турской войны, и потомъ тѣ министры предлагали, чтобы положить, не именуя никого, но обще быть въ союзѣ и во всякихъ случаяхъ другъ другу помогать противъ всѣхъ непріятелей, и подали то предложеніе и на письмѣ. И по многихъ разговорѣхъ, согласились на томъ, чтобы того въ договоръ не писать, но чинить токмо *для лица* союзъ о дружбѣ и о торговлѣ, *а о сей статьи чтобы другъ другу противъ всѣхъ непріятелей вспомогать, а особливо противъ Шведа, обѣщать самимъ государямъ другъ другу изустно*, и какъ великій государь съ послами изволилъ пойти изъ Королева водою въ Пилаву на курфирстской яхтѣ, и отшедъ до курфирстова двора, именуемаго Фридерихъ Гофа, остановился, и тогда приходилъ самъ курфирстъ къ великому государю на яхту съ братомъ своимъ маргрофомъ Альбрехтомъ и съ нимъ же верховный президентъ фонъ-Данкельманъ; а при великомъ государѣ были тогда только великіе послы, да переводчикъ, и по разговорѣхъ межъ собою изволили учинить другъ другу обѣ-

*) *Прусскія Дѣла*, св. 8 (1697), № 5.

**) Славянское названіе Кенигсберга.

щанія, говоря что хотя и писанный бы имъ договоръ межъ собою постановить, то однако-жь тотъ договоръ совѣстьми жь ихъ государскими имѣетъ быть крѣпокъ, понеже де на свѣтѣ нѣсть судіи, который бы въ несодержаніи обѣщанія того хотя и письменнаго ихъ судити могъ, кромѣ Бога. *И того ради обьщаютъ они, великій государь его царское величество и курфирстская пресвѣтлость другъ другу, предъ лицемъ Божіемъ, что ту статью, о которой министры ихъ на письмѣ въ договоръ не положили дабы не сочинить онымъ подозрѣнія; а именно: чтобы въ удобный и потребный случай другъ другу противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ Шведа, вспомогать всѣми своими силами по всякой возможности, содержать истинно и пребывать до скончанія въ непремѣнной при томъ союзѣ дружбѣ, и давъ на томъ другъ другу руки, цѣловались и клятвами утвердили.*“

Такъ заключена была эта „великая и тайная персональная“ дружба. Петръ, молодой, горячій, самъ всегда вѣрный своему слову, искренно вѣрилъ въ прочность только-что установленной торжественной дружбы, и уѣхалъ изъ Пруссіи, думая, при случаѣ воспользоваться обѣщаніемъ ея монарха. Случай не замедлилъ представиться, но Петръ ошибся въ своемъ ожиданіи. Вспыхнула Великая Сѣверная война; Русскій монархъ долженъ былъ напрягать всѣ силы своего генія, чтобы не дать погибнуть своему государству подъ стремительнымъ натискомъ „послѣдняго Викинга.“ Въ эти трудные годы онъ много и много разъ напоминалъ о кёнигсбергскихъ обѣщаніяхъ, и напоминалъ тщетно... Вся первая половина Великой Сѣверной войны протекла въ этихъ безплодныхъ, хотя энергическихъ, напоминаніяхъ; много лѣтъ силился Петръ показать Пруссіи, что онъ имѣетъ въ рукахъ ею самою предложенный союзъ, даже съ поименованіемъ, хотя и словеснымъ, того врага, противъ котораго преимущественно онъ заключался и который теперь нападалъ на его области, и никакія напоминанія, ни даже другія, какъ мы увидимъ, тайныя средства не помогли дѣлу. Прусскій союзъ за все это время оставался пустою формой. Мы прослѣдимъ исторію этихъ сношеній, увидимъ какія средства употреблялъ Петръ на то, чтобъ осуществить желанную мечту Прусскаго союза, и какіе доводы приводила Пруссія, чтобъ отклонить отъ себя исполненіе тѣхъ статей, которыми она сама себя

обязала. Начнемъ съ пріѣзда въ Москву прусскаго чрезвычайнаго посланника фонъ-Принцена въ 1698 году.

16-го октября 1698 псковскій воевода Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ отправилъ въ Москву письмо къ государю, отъ котораго мы приводимъ здѣсь только начало:

„Октября 9 писалъ ко мнѣ холопу твоему во Псковѣ изъ Литавы (Митава) Яковъ Цей въ письмѣ своемъ, что, будучи въ Литавѣ, брандебурскій посланникъ каммергеръ Фонпринцъ (фонъ-Принценъ) говорилъ ему, Якову, что онъ отъ курфистра Брандебургскаго ожидаетъ къ себѣ указа о поѣздѣ своемъ съ дары къ тебѣ великому Государю къ Москвѣ“....

Въ отвѣтъ на это донесеніе Петръ писалъ Нарышкину приказъ о пріемѣ посланника и объ отправленіи его дальше по пути къ Москвѣ.

„Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца въ нашу отчину во Псковъ ближнему нашему кравчему и воеводѣ Кириллу Алексѣевичу Нарышкину съ товарыщи. Въ нынѣшнемъ 98 году октября въ 16 день писали вы къ намъ великому государю, что по вѣдомостямъ вамъ изъ Литавы Якова Цея присланъ будетъ къ намъ великому государю курѳистра Браденбурскаго посланникъ камергеръ Фонпрынцъ, котораго ожидаете вы во Псковъ вскорѣ по пріемѣ его. И о дачѣ ему нашего великаго государя жалованья и корму и объ отпускѣ изо Пскова къ Москвѣ, учинити тебѣ нашъ великаго государя указъ: и какъ къ тебѣ сія наша великаго государя грамота придетъ, и ты, ближній нашъ кравчій и воевода Кирилла Алексѣевичъ съ товарыщи, буде тотъ посланной ко Пскову пріѣдетъ, велѣлъ бы у него досмотрѣть проѣзжаго курѳистрова листа. И списать съ того листа списокъ, какимъ чиномъ тотъ посланной въ проѣзжемъ листу написанъ, посланнымъ или посланникомъ. И потому того посланнаго велѣлъ принять. И давъ ему со всѣми при немъ будущими людьми наше великаго государя жалованье, кормъ и подводы, и пристава и провожатыхъ противъ прежнихъ такихъ же отпусковъ, изо Пскова отпустили бы къ намъ великому государю къ Москвѣ. А какимъ онъ чиномъ въ той проѣзжей грамотѣ написанъ, и сколько съ нимъ дворянъ, и чиновныхъ, и его людей, и что̀ ему нашего вели-

каго государя жалованья дадите, и кого съ нимъ въ приставѣхъ пошлете, и сколько ему и подъ посылку подводъ дадите, и все сіе отпишите... *).

Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ исполнилъ въ точности всѣ приказанія государя: сдѣлалъ переводъ съ проѣзжаго листа, роспись слугъ и спутниковъ посланника и реестръ всѣхъ припасовъ и суммъ, которые выданы были посольству, при его проѣздѣ чрезъ Псковъ. Не лишена интереса эта роспись слугъ: въ ней наглядно рисуется характеръ пышныхъ дипломатическихъ посольствъ, которыми такъ любили блистать въ прошедшее время.

Вотъ она:

Его куроистрской свѣтлости чрезвычайный посланникъ. Куроистрскіе комнатные услужники и музыки.

Конюшенный и столовой нарядчикъ.

Кавалеръ конной.

Кавалеръ конной (и т. д. всѣхъ пять кавалеровъ).

Посольства секретарь съ однимъ человѣкомъ.

Комнатный секретарь.

Кавалеръ.

Поваренный и погребной надзорщикъ.

Переводчикъ, телѣжный мастеръ.

Вольный принятый у поставца.

Устный поваръ здвумя человѣки приспѣшники и съ толмачомъ.

Комнатный услужникъ и тѣлесный лѣкарь.

Аптекарь, чиновникъ комнатный, пажа верховой.

Пажа конной.

Лакай, именуемый скороходецъ.

Устный питья подпощикъ.

Лакай и скатертный покрывщикъ.

Объѣзжій коновалъ.

Портомоя съ дѣвкою, возница.

Передовой рейтаръ.

Десять человѣкъ услужниковъ кавалерскихъ.

Музыканты, трубачи.

*) *Прусскія Дѣла* 1698 года, журналъ пріема посланника.

Седмь губончиковъ, доѣздный слуга.

Подъ всю эту ватагу посольской челяди отпущено было огромное число подводъ, а на содержаніе этой массы людей ежедневно отпускались припасы изъ дворца. И припасамъ велась точная перепись, которая тоже не лишена занимательныхъ и характеристичныхъ подробностей. Посланнику отпускались:

Калачъ крупичатъ.
Кружка вина боярскаго.
Четверть ведра меду варенаго.
Ведро меду паточнаго.
Ведро меду цѣженаго.
2 ведра пива добраго.
10 хлѣбовъ.
10 калачей двуденежныхъ.
5 куровъ, гусь, утя, тетеревъ.
Баранъ съ шерстью.
8 яицъ.
2 гривенки масла коровья.

Но, повидимому, этотъ старорусскій обычай давать всякое содержаніе натурой не пришелся по праву цивилизованному иностранцу, и онъ просилъ выдавать ему взамѣнъ припасовъ деньги. Вотъ, что̀ читаемъ мы въ донесеніи псковскаго воеводы:

„И тотъ посланникъ вышеописаннаго корму и питья себѣ и чиновнымъ и своимъ людемъ во Псковѣ и въ дорогу до великаго Нова-Города не принялъ, а говорилъ, хотя ему и прибавка въ томъ корму будетъ, но онъ того принять не желаетъ, а чтобъ ему дать ото Искова деньгами 90 рублевъ, потому что онъ будетъ посломъ, а не посланникомъ, а если ему того числа не дано будетъ, и онъ поѣдетъ на своихъ кормахъ. И онъ, кравчій и воевода, сверхъ прежняго вмѣсто корму и питья большаго числа денегъ дать не смѣлъ, потому что въ куроистровѣ листу написанъ онъ чрезвычайнымъ посланникомъ, а не посломъ, только на кормъ его посланниковымъ лошадямъ да на покупку сѣна и овса ото Искова до великаго Нова-Города послали со псковскимъ цѣловальникомъ 5 рублевъ 25 алтынъ“ *).

*) Отчетъ Нарышкина, ibid.

Въ Москвѣ фонъ-Принценъ былъ принятъ съ обычнымъ торжественнымъ церемоніаломъ; на встрѣчу ему послана была рота „драгунъ конныхъ съ начальнымъ человѣкомъ да съ ѣздоками“, 20 чел. конюховъ, и великолѣпныя сани изъ государевой конюшни въ 9 лошадей „съ сѣдлы въ добромъ нарядѣ“. Но не будемъ останавливаться на подробностяхъ, а перейдемъ къ самой миссіи посланника, къ тѣмъ статьямъ международныхъ договоровъ, которыя ему поручено было регулировать. Вотъ эти статьи, какъ то явствуетъ изъ протокола аудіенціи посланника:

„98 года января въ 28 день куроистра Брандебурскаго посланникъ Ледвикъ фонъ-Принценъ будучи на разговорѣ объявилъ:

1.

„Прислалъ его куроистръ благодарить царскому величеству за явную показанную милость къ нему и къ дому его и поздравить его величество, что изъ такихъ далекихъ странъ возвратился въ государство свое въ добромъ здравіи.

2.

„Чтобъ его царское величество и впредь такую жь свою государскую милость къ нему, куроистру, и къ дому его имѣлъ неотмѣнно.

3.

„Чтобъ указалъ въ чинѣхъ посольскихъ и посланническихъ, которые бываютъ въ обоихъ странахъ, дополнить тѣ статьи, которыя не довершилъ на предь сего Василій Посниковъ.

4.

„Чтобъ изволилъ додерживать и исполнять по своему государскому обѣщанію куроистромъ учиненное братство.

5.

„Чтобъ указалъ въ грамотахъ своихъ писать куроистрову честь такъ, какъ къ нему пишутъ короли: Гишпанскій, Французскій, Аглинскій, Португальскій, Голландскіе Статы, Датскій и Свѣйскій.

6.

„О заѣздѣ или взятіи въ нынѣшнее время отъ королевства Польскаго города Элбленга (Эльбинга), что заѣхалъ тотъ городъ

онъ, куроистръ, по правдѣ за долговые свои за 400.000 ефимковъ и чтобъ царское величество по милости своей государской къ нему куроистру свою дружбу предложилъ ему .... *) королю свое государское заступленіе, чтобъ онъ за тотъ городъ съ нимъ куроистромъ ссоры и войны не всчиналъ, а отецъ его куроистровъ и онъ куроистръ терпѣли въ томъ долгу отъ короля Польскаго и Рѣчи Посполитой сорокъ лѣтъ слишкомъ. А платежу въ томъ отъ нихъ не одержали: просили того долгу у королей, и короли отказывали, что воля въ томъ Рѣчи Посполитой, а у Рѣчи Посполитой просили и они отказывали, что воля въ томъ королевская, и куроистръ, видя ихъ такое непостоянство и неправду, взялъ у нихъ за то нынѣ тотъ городъ Эльбенгъ.

7.

„Чтобъ царское величество указалъ ему, посланнику, на сіе его предложеніе учинить свое государское милостивое рѣшеніе и отпустить его къ куроистру безъ задержанія.

„А болше сего выше описаннаго иныхъ у него дѣлъ нѣтъ.

„И о чемъ онъ словесно нынѣ объявилъ, то написавъ статьями неподлиннѣе, пришлетъ въ посольскій приказъ утрѣ.“

Итакъ, посольство Лудвига фонъ-Принцена имѣло двоякій характеръ: вопервыхъ, курфирстъ Бранденбургскій, предвидя, что не замедлятъ возникнуть частыя и важныя сношенія съ могущественнымъ сосѣдомъ, спѣшилъ регулировать тѣ статьи международныхъ сношеній, которыя не были еще опредѣлены; вовторыхъ, цѣль посольства этого была политическая. Фридрихъ III, сдѣлавъ рѣшительный шагъ захватомъ города Эльбинга, и не надѣясь, вѣроятно, на свои силы, стремился осоюзиться съ монархомъ, взглядъ котораго на дѣла былъ такъ важенъ для Польской державы, и могъ при случаѣ сдѣлаться рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ. Посмотримъ же, какъ взглянулъ на это Петръ, и съ какими отвѣтами онъ отпустилъ посланника.

Что касается до посольскихъ чиновъ и титуловъ и до установленія церемоній, то въ этомъ отношеніи правила постановлены

*) Здѣсь въ документѣ пропускъ.

были преимущественно на основаніи прецедентовъ, то-есть утверждено было то, что̀ дѣлалось и до сихъ поръ при пріемѣ пословъ и посланниковъ и при выдачѣ имъ путеваго содержанія и подводъ. Нововведеніе состояло лишь въ томъ что отнынѣ: „отъ его куроистровскаго пресвѣтлѣйшества присланнымъ посланникамъ, какъ въ дорогѣ отъ рубежа до Москвы, такъ и на Москвѣ по отпускъ, за всякіе съѣстные припасы и питье и за конскій кормъ давано будетъ деньгами по пятидесяти рублевъ на недѣлю, да сверхъ того даваны будутъ дрова и пр.“ Это нововведеніе уже было значительнымъ прогрессомъ и конечно было пріятно посланникамъ, которыхъ доселѣ волей-неволей осаждали всякими калачами, пивомъ, брагой и т. п. произведеніями нашей національной кухни.

Что касается до дружбы обоихъ монарховъ, то она должна была послѣ этого посольства установиться на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Починъ этой дружбы сдѣлалъ Фридрихъ; ему нужно было добиться расположенія Русскаго монарха и онъ не щадилъ самыхъ льстивыхъ и вкрадчивыхъ выраженій, чтобъ убѣдить его въ своей любви и преданности. Фонъ-Принценъ представилъ въ Посольскій Приказъ письменный документъ, послѣдовательно изложивъ въ немъ всѣ пункты своего посольства, и въ первомъ изъ нихъ выразилъ личныя чувства своего государя, въ которыхъ невольно проглядываетъ нѣчто большее, чѣмъ простая дипломатическая вѣжливость. Приводимъ это интересное мѣсто.

„Повторяетъ чрезвычайный посланникъ то, что̀ онъ на данной ему его царскимъ величествомъ аудіенціи кратко всеподданнѣйше изложилъ; именно: что онъ посланъ его курфирстскою свѣтлостью, своимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, преимущественно затѣмъ, чтобы выразить его царскому величеству отъ имени своего свѣтлѣйшаго курфирста поздравленіе со столь счастливо оконченнымъ и съ удовольствіемъ совершеннымъ дальнимъ и труднымъ путешествіемъ. Его курфирстская свѣтлость испытываетъ вслѣдствіе того настолько бо́льшую и истинно необычайную радость, что онъ не только пребывалъ въ великой и искренно сердечной заботѣ, какъ бы въ столь долгомъ и трудномъ путешествіи не встрѣтилось высокой и священной особѣ его царскаго величества чего-либо непріятнаго, но еще и величайшую честь свою и пріятнѣй-

шій долгъ свой въ томъ полагаетъ, чтобы быть *вѣрнымъ другомъ и преданнымъ союзникомъ* его царскаго величества и потому де его курфирстская свѣтлость во всемъ, что̀ бываетъ съ его царскимъ величествомъ счастливаго и пріятнаго, принимаетъ *такое же или даже большее участіе*, чѣмъ еслибъ это все случилось съ нимъ самимъ. При этомъ онъ отъ всего сердца желаетъ его царскому величеству всякаго себѣ самому желаемаго счастія, благополучія и благословенія, чтобы всѣ великія царскія земли, подъ его драгоцѣннымъ управленіемъ пребывающія, испытали всевозможное счастіе и чтобъ его побѣдоносное оружіе вѣчно причиняло врагамъ христіанства страхъ и вредъ. Его курфирстская свѣтлость увѣряетъ при этомъ и то, что такъ какъ онъ проникнутъ необыкновеннымъ личнымъ уваженіемъ и почтеніемъ (ungemeine personaelle estime und consideration) послѣ неоцѣненнаго знакомства въ Кенигсбергѣ, то онъ будетъ всѣми мѣрами и всѣми мыслимыми способами стараться поддерживать (cultiviren) уже съ незапамятныхъ временъ заключенныя, никогда не нарушенныя и недавно подтвержденныя довѣріе, дружбу и доброе сосѣдство между свѣтлѣйшими предками его царскаго величества и свѣтлѣйшимъ курфирстскимъ домомъ Бранденбургскимъ. Но притомъ онъ надѣется де и старательнѣйше домогается, чтобъ и его царское величество оставался при своемъ расположеніи и драгоцѣнной склонности и далъ бы ему возможность при открывающихся случаяхъ извѣдать радостное слѣдствіе своей дружбы.“

Отвѣтъ Петра выражаетъ благодарность за теплыя чувства курфирста и обѣщанія вѣчно и нерушимо сохранять взаимную дружбу, но онъ болѣе кратокъ и не столь изобилуетъ вкрадчиво-льстивыми оборотами, какіе мы видѣли въ докладѣ посланника. Тѣмъ не менѣе Петръ охотно согласился на просьбу курфирста объ Эльбингѣ и тотчасъ же отправилъ грамоту къ своему резиденту при Польскомъ дворѣ съ приказаніемъ сдѣлать Польской коронѣ представленіе о томъ, чтобы дано было Фридриху III должное ему денежное удовлетвореніе и чтобы Польскій король никакой ссоры или войны не заводилъ по этому вопросу. Такимъ образомъ посольство фонъ-Принцена имѣло полный успѣхъ и дружба обоихъ государей получила теперь новое, очевидное подкрѣпленіе. Исполнивъ возложенное на него порученіе, фонъ-Принценъ просилъ у го-

сударя прощальной аудіенціи и немедленно тронулся въ путь, говоря, что другія, еще болѣе важныя дѣла, отзываютъ его въ Пруссію.

Петръ отпустилъ посланника, одаривъ его и его свиту дорогими соболями; но крестьяне тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя долженъ былъ проѣзжать фонъ-Принценъ, повидимому, не раздѣляли симпатій Петра, и въ селеніи Завидовѣ (въ 60 верстахъ отъ Твери) учинили на него открытое нападеніе. Бранденбургскій резидентъ въ Москвѣ, Тимоѳей фонъ-Задора Цезильскій, подалъ въ Посольскій Приказъ слѣдующее заявленіе объ этомъ горестномъ для посланника происшествіи:

„Меморіалъ въ его царскаго величества уважаемую Посольскую Канцелярію противъ жителей Завидова, съ жалобой на предательское нападеніе, которое они сдѣлали на курфирстское Бранденбургское посольство. Поданъ его курфирстской свѣтлости Бранденбургской въ Москвѣ пребывающимъ резидентомъ 4 (14) апрѣля 1699 года.*)

„Да соизволитъ уважаемая Посольская Канцелярія изъ приложеннаго усмотрѣть, какъ жители Завидова, подъ предводительствомъ своего старосты, безо всякаго даннаго имъ повода напали на отъѣзжающее курфирстское Бранденбургское посольство и предательски оскорбили во всемъ свѣтѣ привилегированную особу посланника. Они не только нарушили общую безопасность этихъ путешественниковъ, но и самовольно преступили особенное, всеобщее право народовъ, а главнымъ образомъ грубо оскорбили высокое уваженіе его курфирстской пресвѣтлости въ лицѣ его чрезвычайнаго посланника. Я не буду пространно излагать, какъ того требуетъ еще и то обстоятельство, что они оскорбили и высокое почтеніе его царскаго величества, наложивъ безо всякаго разсужденія о своемъ подданничествѣ свои дерзновенныя руки и на спеціально прикомандированнаго къ посольству пристава и на его солдатъ; но кратко, дабы не утруждать высокоуважаемыхъ его царскаго величества министеріаловъ въ эту святую недѣлю, представлю, что оскорбленный посланникъ прибѣгаетъ къ высокочтимому его царскаго величества Приказу съ твердой увѣренностью,

*) *Прусскія Дѣла* 1699 года. Меморіалы Задоры Цезильскаго.

что онъ это дерзкое самоуправство покараетъ тяжкимъ, примѣрнымъ наказаніемъ и дастъ ему должное удовлетвореніе“ и пр.

Къ этому заявленію приложено было обстоятельное изложеніе всего приключившагося, почерпнутое изъ письма, присланнаго къ Задорѣ фонъ-Принценомъ. Приводимъ его въ переводѣ этого времени, сдѣланнымъ въ Посольскомъ Приказѣ и хранящемся при подлинникѣ.

Краткая вѣдомость о томъ, что курфирстра Бранденбургскаго посольству въ Завидовѣ марта въ 17 д. 1699 года учинено.

„Какъ посольство въ вечеру въ село Завидово 120 верстъ отъ Москвы да отъ Твери 60 верстъ пріѣхало, то тѣ поводчики, которые даны были посольству изъ столицы (говорили), что ихъ лошади пристали, и мужиковъ того села на деньги вмѣсто своихъ лошадей, чтобы повесть во Тверь, паняли.

„Но одинъ изъ тѣхъ, который съ симъ подводчикомъ такъ уговорился и деньги напередъ взялъ, ушелъ межь симъ временемъ и не хотѣлъ деньги взятыя назадъ отдать, ни лошадь обѣщанную нанятую поставить.

„И того ради посланникъ приданнаго съ нимъ пристава Ивана Аѳанасьевича Кокошкина съ двумя при себѣ имѣющимися солдаты во дворъ того мужика послалъ и обѣщанную нанятую лошадь силою взять велѣлъ. И бабы на томъ дворѣ о семъ великой шумъ и вопъ учинили. И въ то время того села подъячій, или какъ иные называютъ, старюста, собрался. И взялъ 12 человѣкъ иныхъ мужиковъ. И ждали на концу села; и на пристава, который проводилъ посольство и напереди ѣхалъ, напали съ великими дубинами и лошади силою отнять хотѣли. А какъ тотъ съ подъячимъ при себѣ имѣющимся и солдатами противился, то они великими дубинами въ рукахъ имѣющимися ихъ били, и именованный подъячій или староста села того дубиною въ рукахъ имѣющеюся къ санямъ посланника пошелъ близко, но посланникъ пистолетъ ему показалъ, и грозилъ ему буде не отойдетъ; въ то же время въ томъ шуму достальные посланническіе люди доѣхали. Но покамѣстъ изъ саней выбирались, мужики тѣ на нихъ напали, а когда бъ одинъ лакай не ускочилъ, то бы дубиною до смерти убитъ былъ. А толмача съ подъячимъ, какъ мужиковъ отъ посланника отогнать хотѣли, такъ чрезъ руки били, что всѣ персты въ крови

были и по се время зѣло больно ранены лежатъ. Итакъ принуждены были посольства люди шпаги и сабли воспринять, и не безъ того, что инымъ досталось такожде на противомъ бою. Послѣ того посланникъ хотѣлъ оттолѣ ѣхать, но иные отъ сихъ злобныхъ людей сказали, что въ селѣ на осталыхъ двухъ саняхъ и людяхъ отомстятся и вовсе ихъ изведутъ. И трижды въ колоколъ вполохъ били, того ради посланникъ принужденъ пристава своего и съ солдатами взять, и людей своихъ всѣхъ отъ тѣхъ злобныхъ людей безопасно вывесть, и то счастливо совершилось, хотя на дорогѣ въ различныхъ мѣстѣхъ собранныхъ мужиковъ сыскали, но людемъ отъ посольства, у которыхъ оузіи и иное оружіе было, ничего учинить и на нихъ напасть не дерзали“ *).

Бранденбургскій посланникъ, равно какъ и московскіе дипломаты, возлагали на только-что заключенный съ Петромъ союзъ большія надежды. Возвратившись въ отечество, фонъ-Принценъ написалъ нѣсколько писемъ къ боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину съ выраженіемъ самой твердой увѣренности, что союзъ государей будетъ проченъ.

„Я не преминулъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ, его курфирстской свѣтлости, моему всемилостивѣйшему государю всеподданнѣйше передать дорогія увѣренія, которыя ваше превосходительство даете о прочности и искренности заключеннаго союза и въ особенности ваше обѣщаніе поддерживать доброе расположеніе, которое его царское величество всегда и неизмѣнно питаетъ къ его курфирстской свѣтлости“ **).

Установленіе этихъ добрыхъ отношеній имѣло не просто значеніе личной дружбы, но и серіозный политическій смыслъ. Вскорѣ Петру понадобились опытные офицеры, которые могли бы обучать русское войско принятымъ въ Европѣ фронтовымъ и боевымъ пріемамъ, и вотъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1770 года, онъ отправляетъ въ Бранденбургъ капитана Преображенскаго полка, иноземца Конрада Меера, для призыва въ русскую службу нѣмецкихъ *начальныхъ людей, которые благо служить и достойны суть и по-*

---

*) Ibid.

**) *Прусскія Дѣла* 1699 года. Письма фонъ-Принцена къ боярину Головину.

польски знаютъ, въ слѣдующемъ количествѣ: 3 человѣка въ капитаны, 2 въ поручики и одного въ хорунжіе. Мееръ напялъ этихъ 6 человѣкъ и привезъ ихъ въ Москву.

Вскорѣ Прусскій союзъ понадобился для другой, несравненно болѣе важной цѣли. Настала трудная эпоха достопамятной двадцатилѣтней борьбы со Швеціей. И вотъ, Петръ, встрѣтившій въ началѣ борьбы такъ много неожиданныхъ неудачъ и препятствій, думалъ вызвать своего союзника къ дѣятельному участію и помощи въ которыхъ онъ такъ сильно нуждался, и на которыя, въ особенности послѣ пріѣзда въ Москву фонъ-Принцена, имѣлъ такое основаніе разсчитывать.

Въ іюнѣ 1770 года отправленъ былъ въ Берлинъ стольникъ и гвардіи капитанъ князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой съ тайными порученіями къ курфирсту Бранденбургскому. Ему наказано было добиться секретной аудіенціи у курфирста, разказать объ обидахъ нанесенныхъ царю Шведскою короной, въ особенности объ оскорбленіи въ Ригѣ, за которыя царь намѣренъ де отмстить тотчасъ по заключеніи мира съ Оттоманскою Портой, и сообщить, что короли Датскій и Польскій вступили уже съ Россіей въ наступательный союзъ противъ Швеціи, къ которому приглашается нынѣ и курфирстъ Бранденбургскій, *по обязанію, какъ сами между собою съ царскимъ величествомъ его курфирсткая пресвѣтлость персонально обязались душами будучи въ Прусѣхъ, и ради приращенія впредь всякія между собою дружбы и прибыточнаго у пограничныхъ обоимъ отысканія.*“

При этомъ врученъ былъ князю Трубецкому проектъ договорнаго трактата, подписанный Петромъ, заключавшій въ себѣ изложеніе тѣхъ пунктовъ, которые должны были лечь въ основаніе наступательнаго союза. Изъ него видно, что союзъ этотъ долженъ быть *равенственный*, подобный тѣмъ, которые заключены уже были съ королями Датскимъ и Польскимъ, чтобы та сторона, которая помогала другой, за понесенный убытокъ ничего себѣ не требовала, чтобъ оба договаривающіеся государя сообщали другъ другу о выгодахъ, которыя каждый изъ нихъ получитъ отъ непріятеля, чтобы ни одинъ изъ нихъ не вступалъ въ какой-либо иной союзъ, вредный для заключаемаго; наконецъ, чтобы въ случаѣ благополучнаго окончанія войны со Шведами, между Россіей и Бранденбур-

гомъ продолжался *оборонительный* союзъ, не только между Петромъ и Фридрихомъ, но и между ихъ наслѣдниками, имѣющій цѣлью воспрепятствовать Шведской коронѣ возвращеніе отнятыхъ земель и правъ.

Но Трубецкаго въ Берлинѣ встрѣтили холодно, и оставаясь на почвѣ самыхъ вѣжливыхъ и тонкихъ отношеній къ личности Русскаго государя, медлили однако показать на дѣлѣ это расположеніе. Трубецкой въ своихъ письмахъ къ боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину подробно разказалъ всю исторію своего пребыванія при Прусскомъ дворѣ. Въ одномъ изъ нихъ (отъ 26-го іюля 1700 года) онъ открыто говоритъ, что посольство его потерпѣло полную неудачу, и что онъ хотѣлъ бы возвратиться въ Москву, но не смѣетъ уѣхать изъ Берлина безъ указа государя, „*а жить мнѣ здѣсь не для чего, того ради что отказали мнѣ вовсе въ моемъ дѣлѣ.*“ Къ письму этому приложена весьма важная выписка изъ отвѣта, даннаго ему отъ имени курфирста, которую мы считаемъ нужнымъ привести цѣликомъ:

„Сіе великое и тайное объясненіе курфирстская пресвѣтлость принимаетъ за великое пріятство, яко же и пребываетъ *зѣло склоненъ* къ тому, чтобы сверхъ того уже настоящаго союзу, для общей пользы обоимъ государствамъ обязатися впредь какъ наилучше, а о наступительномъ союзѣ противъ Шведовъ курфирстская пресвѣтлость разсуждаетъ, что его царское величество нынѣ надеженъ есть свободнѣе Шведамъ учинити, для того, понеже Шведы нынѣ съ королемъ Датскимъ и Польскимъ въ войнѣ пребываютъ; но чаетъ курфирстская пресвѣтлость, что тогда его царскому величеству неизвѣстно было, въ какомъ состояніи нынѣ сія война пребываетъ, сирѣчь, что столько сильнѣйшихъ потентатовъ, яко Агличане, Голландцы, курфирстъ и князь Брашвайскій и Линебургскій за Свѣйскую корону стоятъ, и войска ихъ уже въ серединѣ Датскаго королевства обрѣтаются и караванъ англійскій и голландскій уже въ Зундѣ, и датскій караванъ принудили къ отступленію, и сверхъ того уже Копенгагенъ бомбардируютъ и Датскому королю такъ досаждаютъ, что вкратцѣ принужденъ будетъ помириться; еще сверхъ того король Французскій для наслѣдства Гишпанскаго обязался накрѣпко со Агличаны и съ Голландцы и Шведу подлинно помогати будетъ, о чемъ не трудно возможно разсудити, что тогда,

егда курфирстская пресвѣтлость при настоящемъ состояніи зачалъ бы войну, тогда бъ всѣ тѣ союзные вскорости его утѣснили, и что отъ такого отъ союзу его царскому величеству никакой пользы не было бъ, и было бъ токмо разореніе его курфирсткимъ землямъ; а для великаго отдаленія его царскаго величества земель, въ нуждѣ никакія помощи надѣяться не можетъ, а изъ Вѣны и изъ иныхъ мѣстъ его курфирстской пресвѣтлости вѣдомость получена, что нѣтъ надежды дабы миръ съ Турки состоялся, чего ради его царскому величеству помогати союзникамъ будетъ невозможно, и сіе все высокому разуму его царскаго величества въ разсужденіе предаетъ, а однакоже хощетъ курфирстская пресвѣтлость для того и впредь соглашатися, и настоящему союзу вѣрно и не нарушенно впредь удовольствовать и объявить, яко онъ царскаго величества славы и пользы такъ какъ своей искати будетъ."

Такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ заключенію наступательнаго союза противъ Швеціи ставили плохую надежду на миръ съ Портой, то бояринъ Головинъ спѣшилъ разсѣять эти сомнѣнія фактами и извѣстить Трубецкаго о томъ, что миръ этотъ уже заключенъ. Это извѣстіе застало посланника въ Гамбургѣ, куда онъ ѣздилъ по совѣту уже знакомаго намъ фонъ-Принцена, чтобы не дать польскому резиденту въ Берлинѣ возможность подозрѣвать о тайныхъ порученіяхъ Трубецкаго и оставить его въ убѣжденіи, что князь Трубецкой пріѣхалъ въ Берлинъ просто, „чтобы гулять, а ежели бы за дѣломъ былъ присланъ, и ему бы де отъѣхать было невозможно."

Прочтя извѣстіе о заключеніи мира съ Портой, Трубецкой хотѣлъ тотчасъ же отправиться въ Берлинъ, но „не нашелъ на чемъ ѣхать", и потому могъ выѣхать только на другой день, 11-го сентября, и прибылъ въ столицу Пруссіи къ 15-му числу того же мѣсяца. Здѣсь онъ не засталъ курфирста, ибо тотъ былъ въ Гольцѣ (въ 9 миляхъ отъ Берлина), куда нашъ неутомимый посолъ „нанявъ фурмана" немедленно поѣхалъ. Въ Гольцѣ онъ имѣлъ аудіенцію у курфирста, сообщилъ ему о послѣдовавшемъ мирномъ соглашеніи между Россіей и Портой, что̀ послѣдній выслушалъ „съ нарочитымъ удовольствіемъ", донесъ, что Русскій царь началъ уже войну противъ Шведовъ, и просилъ курфирста „съ великимъ прилежаніемъ о томъ, чтобъ онъ показалъ дружбу

на дѣлѣ, чтобъ изволилъ начать войну, такожде противъ короны Свейской, немедленно, по обязанію своему, какъ сами между собою съ царскимъ величествомъ его курфирстская пресвѣтлость персональнѣ обязались душами будучи въ Прусѣхъ и ради приращенія впредь всякія между собою дружбы.“ Отвѣтъ Фридриха на эту просьбу очень ярко очерчиваетъ характеръ этого государя, болѣе добродушнаго, чѣмъ дѣятельнаго и склоннаго отдѣлываться пышными фразами тамъ, гдѣ требовали у него фактическихъ доказательствъ его расположенія. Фридрихъ сказалъ Трубецкому, что желаетъ онъ его царскому величеству въ томъ зачатомъ дѣлѣ счастливаго и побѣдительнаго на Шведы окончанія, что, по его царскаго величества желанію, всегда радъ его волю учинить и всемѣрно трудитися хощетъ, дабы могъ свою дружбу и на дѣлѣ показать, только же нынѣ невозможно, „а для чего невозможно, и о томъ тебѣ (Трубецкому) отъ меня дано вѣдать на письмѣ, за моею печатью...“

Послѣ этой неудачной аудіенціи у курфирста, князь Трубецкой имѣлъ интересный разговоръ со знакомымъ уже намъ фонъ-Принценомъ,

„И я тогожъ числа (пишетъ онъ въ письмѣ своемъ къ боярину Головину отъ 29-го сентября 1700) видѣлся съ Принценомъ и говорилъ ему о томъ же довольно; и между многими словами говорилъ я ему отъ себя, что ежели курфирстъ при нынѣшнемъ случаѣ не покажетъ на дѣлѣ дружбы къ государю моему, что вскорѣ не зачнетъ войны противъ короны Свейской, то и опасаюсь, чтобы вмѣсто дружбы не выросла отъ государя моего недружба, того ради что всегда другъ у друга смотритъ не на словахъ токмо, но на дѣлѣ.“

На другой день фонъ-Принценъ принесъ нашему посланнику объясненіе курфирста, почему Пруссія не имѣетъ возможности немедленно начать наступательныя дѣйствія противъ Швеціи. Смыслъ этого объясненія уже знакомъ намъ въ главныхъ чертахъ: курфирстъ опасается той же участи которая постигла Датскаго короля, и потому предпочитаетъ дѣйствовать осторожно въ виду могущественныхъ союзниковъ Шведской короны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщаетъ однако тайно приготовлять свое войско къ походу, и даже выступить въ этотъ походъ, если только царь успѣетъ

убѣдить Англичанъ и Голландцевъ отстать отъ Шведскаго союза. „И надежду имѣетъ въ томъ курфирстъ, что не станетъ желати того великій государь, ему курфирсту, чтобы самъ себѣ курфирстъ сдѣлалъ стыдъ и разореніе и убытковъ, такъ какъ король Датскій, а тайно курфирстъ его царскому величеству помогать чѣмъ возможно вседушно радъ, то-есть воинскими припасы и начальными людьми и протчая.

Вскорѣ фонъ-Принценъ препроводилъ полученное имъ отъ боярина Головина и писанное тайною грамотой письмо на имя князя Трубецкаго, въ которомъ ему предначертывался подробный планъ дѣйствій. Въ Москвѣ поняли, что обстоятельства слишкомъ натянуты для того, чтобъ умѣстно было обижаться отказомъ курфирста Фридриха немедленно оказать фактическую помощь въ войнѣ противъ Швеціи, а съ другой стороны видѣли, что союзъ съ Пруссіей крайне нуженъ былъ при тогдашнемъ критическомъ положеніи Россіи. И вотъ боярин Головинъ предписываетъ нашему посланнику исчерпать всѣ способы, испробовать всѣ мѣры, чтобы добиться Прусскаго союза. Повидимому считали нелишнимъ пустить въ дѣло и интригу. По крайней мѣрѣ князь Юрій Трубецкой упоминаетъ въ своихъ письмахъ о *какой-то высокой и почтенной особѣ*, съ которой онъ видѣлся по предписанію, можетъ-быть даже словесному, данному ему отъ Головина, старательно умалчивая объ имени этой особы *).

Въ грамотѣ Головина предписывается Трубецкому указать прусскимъ государственнымъ людямъ на необходимость заключенія союза, вызываемую дружбой обоихъ государей, которую они *закрѣпили персонально душами и руками своими будучи на яхть, что не безпамятно и курфирстскому пресвѣтлѣйшеству*. Въ одномъ мѣстѣ звучитъ даже какъ бы довольно энергичный укоръ: „*Если его курфирстская пресвѣтлость спомоществовать и къ сему дѣйство свое показати не изволитъ, то уже преявное*

*) Хотя князь Трубецкой не именуетъ этой личности, называя ее просто камергеромъ, есть возможность однако предположить, что о томъ же самомъ лицѣ говоритъ Андрей Измайловъ, нашъ посолъ въ Берлинѣ въ 1701 году, т.-е. *о Графѣ Виртекбергѣ*, самомъ довѣренномъ человѣкѣ Фридриха.

отступленіе, не то что того поставленнаю тайнаго персональнаго между обоими высокими персонами союза учиненнаго, но и явнаго, который по обычаю всего свѣта поставленъ есть, и никогда не нарушимая дружба еще между прежними обоихъ государствъ (sic) *предками нарушима и презрѣнна будетъ.*"

„Всякими мѣрами домогаться, чтобы по первой статьѣ наступательный союзъ учинить курфирстская пресвѣтлость изволилъ, а если сего учинить неможно, тобъ по послѣднимъ статьямъ учинити, чтобы Датскія короны, какъ въ статьяхъ написано, курфирстская пресвѣтлость не оставилъ, и, учиня сіе, писать на почтѣ немедленно, а самому ожидать указу."

Получивъ этотъ наказъ, Трубецкой не могъ тотчасъ же видѣть курфирста, такъ какъ онъ былъ въ это время въ Потсдамѣ, а фонъ-Принценъ сказалъ ему, что ему не удастся добиться аудіенціи у курфирста раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. „А какъ я Принцу говорилъ о томъ, чтобы мнѣ видѣти курфирста, и онъ меня спросилъ, о чемъ де тебѣ доносить курфирсту, и я ему сказалъ наперечень, а силу сказалъ ту, что ежели курфирстъ при нынѣшнемъ случаѣ наступательнаго союза и нападенія не учинитъ на Шведы, то никогда не нарушимая дружба между прежними обоихъ государствъ предками нарушима и презрѣнна будетъ. И онъ зѣло удивился, и говорилъ, какая жъ де то дружба, что всѣмъ то видимо, что ежели при нынѣшнемъ случаѣ курфирстъ зачнетъ войну противъ Шведы, и тогда тотчасъ союзники шведскіе разорятъ курфирста, такъ что никому помочь будетъ невозможно; да и курфирстъ тебѣ прежде сего сказывалъ, и нынѣ то же скажетъ, что развѣ де пропасть ему ежели нынѣ зачать войну противъ Шведовъ. И что жъ де то за дружба, что желаетъ великій государь курфирсту великаго разоренія и пропасти. И ежели бы де не союзники шведскіе, тобъ де курфирстъ радостною душою по волѣ великаго государя учинилъ, а то же курфирсту безмѣрно печально, что не допустятъ союзники короля Свейскаго воли великаго государя учинить..." *).

Несмотря на эти разсужденія фонъ-Принцена, князь Трубецкой все-таки достигъ аудіенціи у курфирста въ Розенталѣ, какъ онъ

*) *Прусскія Дѣла*, см. переписку Трубецкаго съ Головинымъ.

пишетъ о томъ въ письмѣ своемъ къ боярину Головину отъ 8-го октября 1700 года. Но предсказанія государственнаго человѣка сбылись. И этотъ разъ, также какъ и прежде, Фридрихъ III не соглашался пойти на предложенія Россіи, а упорно настаивалъ на невозможности начать войну противъ Швеціи. Не довольствуясь, для убѣжденія посланника, прежними своими аргументами, Фридрихъ привелъ и новый, лично касающійся Петра. „Мочно разсудить", сказалъ онъ посланнику, „что когда было мнѣ возможно, тогда я и самъ желалъ, но когда было невозможно его царскому величеству, и я въ то время сумнѣнія на его царское величество не имѣлъ, но и королю Польскому его царское величество не помогъ въ то время, когда король Польскій въ то вступилъ, того же ради что было его царскому величеству невозможно, а нынѣ приспѣло и самому мнѣ такое время, что мнѣ нынѣ вскорѣ невозможно ни по которому образу того учинить, а что его царское величество сумнѣніе полагаетъ на меня въ томъ, и чаетъ что будто мнѣ нынѣ вскорѣ возможно зачать войну, и о томъ (де) его царскому величеству такъ не извѣстно что мнѣ."

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для выясненія обоюднаго положенія обоихъ государствъ, Фридрихъ снова отправилъ въ Москву уже бывшаго тамъ фонъ-Принцена, снабдивъ его наказомъ и собственноручными письмами къ царю. Посланникъ выѣхалъ изъ Берлина 12-го октября 1700 года.

Но событія шли быстро. Едва успѣлъ князь Трубецкой отправить письмо съ отвѣтомъ курфирста, какъ образъ мыслей Фридриха существенно перемѣнился. Оказалось, что не помощь союзнику отъ него требовалась, а немедленная защита своихъ собственныхъ земель. Карлъ XII угрожалъ уже нападеніемъ на Саксонію и на Бранденбургскія провинціи. Курфирстъ отряжалъ уже 11.500 человѣкъ своего войска и посылалъ ихъ къ Саксонской границѣ, а самъ готовился вступить въ Померанію, лишь только Шведы войдутъ въ Саксонію. Теперь самому Фридриху важно было заручиться Русскимъ союзомъ. Въ іюнѣ 1701 года фонъ-Принценъ, прибывъ въ Москву, сдѣлалъ докладъ боярину Головину, въ которомъ, съ одной стороны, извѣщалъ о томъ что Поляки, подстрекаемые то Франціей, то Швеціей, готовы ежеминутно стать во враждебное отношеніе къ Пруссіи, и что Карлъ XII памѣренъ

занять Саксонію, въ предупрежденіе чего курфирстъ отрядилъ къ границѣ четыре конные полка, подъ начальствомъ генерала графа фонъ-Дона, съ другой—упросилъ Русскаго царя не оставить своего союзника въ опасности, основываясь на томъ что Фридрихъ не могъ выставить ему вспомогательнаго войска противъ Шведовъ. Вотъ какъ выражался посланникъ въ своемъ докладѣ: ...„и для того уповаетъ что его царское величество за то отмѣны въ дружбѣ своей къ нему показать не изволитъ, что онъ за такими многими причинами его царскому величеству нынѣшняго году вспоможенія присылкою войскъ учинить не возмогъ, и о томъ истинную дружбу изъявить не можетъ и проситъ въ томъ времени, ибо онъ свидѣтельствуетъ Богомъ *что никакого случая не оставитъ, не токмо такимъ малымъ, но и знатнымъ числомъ войскъ вспомогать.*“

Но войны противъ Шведовъ тогда не пришлось еще начать Пруссіи, и потому не пришлось ей вступить въ тотъ союзъ, котораго такъ желали московскіе дипломаты. Всѣ послѣдующія письма князя Трубецкаго выражаютъ полное отсутствіе всякой надежды на этотъ союзъ.

Въ концѣ 1700 года курфирстъ Фридрихъ короновался королемъ Пруссіи, и для того отправился въ Кенигсбергъ. Князь Трубецкой послѣдовалъ за Фридрихомъ. Отсюда онъ написалъ нѣсколько писемъ Головину, въ которыхъ мало заключалось интереснаго въ политическомъ отношеніи. Но въ письмѣ отъ 1-го февраля 1701 года онъ сообщаетъ что прусскіе государственные люди, и въ частности этотъ вліятельный *камереръ*, сказали ему что теперь война противъ Швеціи становится рѣшительно невозможною, такъ какъ Пруссія вступила уже въ союзъ съ Цезаремъ противъ Французовъ, а участвуя въ этомъ союзѣ, она не можетъ показывать непріязнь Шведской коронѣ, такъ какъ опасается „Цезаря и всего Римскаго государства.“

Когда такимъ образомъ не удались попытки Русскаго правительства вовлечь Пруссію въ наступательный союзъ противъ Швеціи, когда рушились всѣ надежды на этотъ союзъ, князь Трубецкой получилъ изъ Москвы приказъ возвратиться въ отечество, но притомъ уѣхать столь же тайно какъ и пріѣхалъ. Князь Юрій Трубецкой сохранялъ инкогнито во все пребываніе свое при Прус-

скомъ дворѣ, и при прощаніи его съ королемъ присутствовалъ одинъ лишь „камергеръ“, да переводчикъ *).

Съ другой стороны, посольство Принцена въ Москву снова увѣнчалось успѣхомъ. Дружелюбныя отношенія между обоими государями не только не прервались, чего Фридрихъ могъ опасаться послѣ энергическихъ заявленій князя Трубецкаго, внушенныхъ ему наказомъ боярина Головина, но напротивъ, еще болѣе утвердились, что̀ выразилось въ „любительныхъ грамотахъ“ Петра къ королю Пруссіи. Фонъ-Принценъ ловко выяснилъ московскимъ дипломатамъ и самому царю какъ мало имѣетъ Пруссія возможности вступить въ борьбу со Швеціей, подкрѣпляемой союзниками и предводимой лучшимъ генераломъ своего времени, и какъ мало выгоды было бы для Россіи отъ этого вмѣшательства Фридриха. Извѣщенный о короноваціи Фридриха на королевство Прусское, Петръ писалъ къ нему слѣдующее письмо, свидѣтельствующее о добромъ расположеніи царя къ новокоронованному государю Пруссіи:

„Пресвѣтлѣйшій и вельможнѣйшій князь, друже и брате вселюбезнѣйшій! Зѣло мы радостно слышали когда вашего величествія посланникъ о вашемъ возвышеніи короны намъ любительно отъ васъ возвѣстилъ, такожъ обнадежилъ и подтвердилъ прежнюю нашу любовь и союзъ; въ семъ не сумнѣваемся; о протчихъ же настоящихъ дѣлѣхъ донесетъ вамъ пространнѣйше вашъ посланникъ вамъ наше памѣреніе.

„Вашего величествія и любви
„склонный братъ
„*Петръ*.“

Изъ Москвы Іюля дня 7-го
1701 года.

Въ другой грамотѣ (отъ 18-го августа того же года), носящей менѣе официальный характеръ, говорится, между прочимъ: „....И о воспріятіи вашемъ того королевскаго достоинства непомалу радовались, въ которомъ желаемъ, дабы Всемогущій Богъ ваше королевское величество благословилъ государство ваше управляти въ благополучномъ счастіи глубочайшія лѣта, и съ вашимъ величе-

*) Письмо отъ 8-го апрѣля 1701 года.

ствіемъ въ братской дружбѣ и въ любительныхъ пересылкахъ быти изволяемъ, непремѣнно, въ такомъ надѣяніи что междо нами и нашими обоими государствы оная братская дружба и любовь имѣетъ быть непоколебимо. О чемъ пространнѣе тому вашему чрезвычайному посланнику на донесеніе его чрезъ нашихъ царскаго величества ближнихъ людей отвѣтъ учиненъ," и пр.

Но если эти выраженія дружбы и любви могутъ показаться простою дипломатическою вѣжливостью, вызванною коронованіемъ Фридриха, то слѣдующій эпизодъ изъ сношеній Россіи съ Пруссіей ясно доказываетъ, какъ сильно стремился Петръ къ прочному союзу съ королемъ Прусскимъ, и какъ союзъ этотъ былъ необходимъ ему въ виду тѣхъ серіозныхъ, можно-сказать, критическихъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ при началѣ Великой Сѣверной войны. Извѣстны неудачи, постигшія царя при первомъ столкновеніи его съ Карломъ XII; кромѣ того, союзная ему дотолѣ Польша начала обнаруживать признаки тайныхъ сношеній со Швеціей и выражать настроеніе, враждебное Россіи. Такъ, изъ письма фонъ-Принцена къ королю Прусскому отъ 2-го августа 1701 года, которое онъ писалъ по просьбѣ боярина Головина, мы узнаемъ, что давно уже доходили до Петра слухи о тайныхъ сношеніяхъ Польскаго короля со шведскими дипломатическими агентами, но что Петръ не вѣрилъ имъ, „ради того драгаго еще недавно въ Биржахъ утвержденнаго союзу". Тѣмъ не менѣе, слухи эти подтверждались и тѣмъ, что русскіе министры при Польскомъ дворѣ „сами изъ королевскаго обхожденія нѣкоторую студеность и отмѣну признали". Многое давало думать, что Польша намѣрена въ отдѣльности отъ Россіи заключить миръ со Швеціей, такъ какъ Польскій король, не только пренебрегалъ исполненіемъ сообща съ Петромъ предначертанныхъ военныхъ плановъ, но даже отводилъ войско свое, заставляя его дѣлать притворное отступленіе отъ шведской арміи. Кромѣ того, онъ не воспрепятствовалъ Шведамъ перейти Двину, что̀ могъ бы легко сдѣлать, и провелъ въ Польшу 8.000 Татаръ, не давъ о томъ знать Русскому царю. Наконецъ, посланный въ помощь польскому войску, генералъ Репнинъ доносилъ въ Москву, что не только польское, но и саксонское войско вездѣ отступаетъ предъ Шведами, и оставивъ Кокенгаузенъ, отошло до Биржъ, и наконецъ вернулось обратно въ Псковъ

не давъ генералу никакого уважительнаго объясненія въ этомъ столь невыгодномъ для русскихъ позицій отступленіи. Всѣ эти дѣйствія Польскаго правительства заставляли Петра не разъ призадуматься. И вотъ, опасаясь сдѣлаться жертвой соединенныхъ силъ Швеціи и Польши, Петръ спѣшилъ завести переговоры о мирѣ, причёмъ посредникомъ избралъ короля Прусскаго Фридриха. Приводимъ то мѣсто письма фонъ-Принцена, въ которомъ русская дипломатія устами посланника высказываетъ мотивы этого выбора. Къ сожалѣнію въ черновомъ экземплярѣ этого письма есть важный и повидимому довольно длинный пропускъ:

„Но якожде онъ (Петръ) истинно усердное надѣяніе всегда на его королевскаго величества истинную дружбу имѣлъ, такожде полагается онъ паипяще нынѣ на васъ и уповаетъ, о чемъ ваше королевское величество прилежно просить, дабы вы ему въ томъ не токмо едино добрымъ совѣтомъ вспомогать изволили, но егда то или иное что̀ еже вашему царскому (королевскому?) величеству вредительно быть можетъ ковано будетъ.... (пропускъ въ документѣ). Его царское величество не имѣетъ де никого, на котораго бъ онъ такое усердное надѣяніе положити могъ, кромѣ вашего королевскаго величества, какъ для того понеже онъ себѣ наивящаго и лучшаго отъ вашей истинной дружбы себѣ чаетъ, такъ и того ради, понеже вашего королевскаго величества великая польза (въ семъ дѣлѣ есть).

.... „Въ семъ во всемъ его царское величество весьма, частію на высокую и славную вашего королевскаго величества въ свѣтѣ премудрость, частію на истинную, вѣрную и совершенно надежную, братскую дружбу вашу полагается.“

Письмо фонъ-Принцена было отправлено къ королю съ нарочнымъ гонцомъ; Фридрихъ отвѣчалъ порученіемъ вести все дѣло о мирныхъ переговорахъ, снабдивъ притомъ фонъ-Принцена надлежащими инструкціями, какъ то явствуетъ изъ нѣкоторыхъ послѣдующимъ писемъ посланника.

Фонъ-Принценъ ревностно принялся за дѣло. Такъ какъ прусскій посланникъ при Шведскомъ дворѣ былъ въ то время въ Стокгольмѣ и не слѣдовалъ за королемъ въ его безпрерывныхъ походахъ, то онъ обратился къ цесаркому послу, графу фонъ-Вельсу, съ просьбой разспросить у короля объ условіяхъ мира и о томъ,

согласенъ ли онъ, вообще, чтобы таковой заключенъ былъ между Швеціей и Россіей. Кромѣ того, на своемъ возвратномъ пути изъ Москвы въ Пруссію онъ самъ поѣхалъ чрезъ Курляндію, спеціально чтобы повидаться съ министрами Шведскаго короля и переговорить съ ними о заключеніи мира. Результаты этого свиданія и мнѣнія Шведовъ о боевыхъ силахъ Россіи онъ изложилъ въ длинной на половину шифрованной депешѣ къ боярину Головину, которую мы приводимъ цѣликомъ, такъ какъ почти каждая фраза въ ней знаменательна:

„Высокоблагородный господинъ бояринъ, высокочтимый господинъ оберъ-президентъ, драгоцѣнный благодѣтель!

„Уже давно я, по данному мнѣ всемилостивѣйшему его царскаго величества приказу, сообщилъ бы какое-либо извѣстіе, но отчасти невозможность отправить нѣкоторыя письма, вслѣдствіе недостатка въ почтахъ и надежности курьеровъ, отчасти же неизвѣстность истиннаго положенія дѣлъ при столь разнообразныхъ перемѣнахъ, препятствовали мнѣ, такъ что я не только не могъ, но и не желалъ отослать вамъ отчетъ о моихъ дѣйствіяхъ, пока не былъ въ состояніи сообщить вашему превосходительству, а чрезъ васъ его царскому величеству, что-либо положительное о томъ или другомъ предметѣ. Прибывъ къ Друйену (Druien), я возвѣстилъ чрезъ нарочнаго, впередъ отправленнаго секретаря, шведскому генералитету и министрамъ о своемъ прибытіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ имъ, что я намѣренъ направить путь свой чрезъ Курляндію и исполнить предъ лицомъ его королевскаго величества Шведскаго нѣкоторыя важныя и безотлагательныя порученія. Я получилъ вслѣдъ затѣмъ право свободнаго проѣзда чрезъ Курляндію, право, котораго не дали Шведы назначенному въ резиденты къ его царскому величеству г. фонъ-Кейзерлингу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣлали мнѣ всевозможныя затрудненія, чтобы не допустить меня до аудіенціи у короля и воспрепятствовать предложить условія мира, отчасти основываясь на томъ, что церемоніалъ признанія его королевскаго величества Прусскаго еще не регулированъ, отчасти на томъ, что подобныя предложенія чужеземныхъ министровъ Шведскій король всегда отсылаетъ въ Стокгольмъ, въ тамошнее министерство и не желаетъ чтобы здѣсь задерживали его подобнаго рода дѣлами.

„Тѣмъ не менѣе, я направилъ путь свой къ главной квартирѣ Шведскаго короля, лишь бы найти случай переговорить съ нѣкоторыми изъ шведскихъ министровъ и генераловъ, и чтобы открыть нѣкоторые изъ ихъ тайныхъ плановъ. Я замѣтилъ, что счастіе, которое имъ до сихъ поръ такъ сильно покровительствовало, сдѣлало ихъ изрядно гордыми и неразумными, и что король, будучи молодымъ человѣкомъ, пришелъ вслѣдствіе этого къ тому убѣжденію, что ни что́ въ мірѣ не можетъ ему противиться. Что касается до заключенія мирнаго договора съ королемъ Польскимъ, то къ этому Шведы довольно склонны, но не иначе впрочемъ, какъ чтобы имъ дано было полное удовлетвореніе, на что республика должна еще выразить свое согласіе. Напротивъ того, они почти совершенно не желаютъ войти въ благоразумныя мирныя соглашенія съ его царскимъ величествомъ, и объясняютъ это тѣмъ, что король потому де питаетъ отвращеніе къ этому мирному соглашенію, что министры его царскаго величества распространили де слухъ въ Гаагѣ и въ другихъ мѣстахъ, будто король Шведскій настоятельно домогается у царскаго величества мира, что́ де чрезвычайно оскорбило ихъ короля. Главная же причина состоитъ въ томъ, что Шведы, возгордившись доселѣ бывшимъ успѣхомъ, надѣются въ будущемъ году одержать большія побѣды надъ его царскимъ величествомъ, такъ что, не только считаютъ своими Псковъ и Новгородъ, какъ еслибы уже имѣли ихъ въ рукахъ, но даже открыто и безстыдно утверждаютъ, чѣмъ бы имъ ни возражали, что на будущій годъ Шведы отнимутъ у его царскаго величества болѣе двухсотъ миль земли и съ арміей въ 24,000 человѣкъ перейдутъ противъ него въ наступательное дѣйствіе. Всѣ эти замыслы я настолько развѣдалъ, что открылъ намѣреніе Шведовъ перевесть сюда всѣхъ матросовъ съ ихъ военныхъ кораблей, которыхъ они насчитываютъ до 18,000 и вооружить ихъ противъ его царскаго величества, и если я разсуждаю не безъ нѣкотораго основанія, то они намѣрены, въ случаѣ сильнаго сопротивленія со стороны Новгорода и Пскова, обратиться къ Архангельску и сдѣлать на него нападеніе, или же даже попытаться совершенно его отрѣзать. Поэтому мой искренній, и изъ чистой, откровенной и всеподданнѣйшей вѣрности исходящій совѣтъ направленъ къ тому что самымъ лучшимъ средствомъ для обузданія этого почти невыно-

симаго высокомѣрія и разрушенія ихъ широкихъ химерическихъ плановъ состояло бы въ томъ, чтобы его царское величество во всѣхъ этихъ пунктахъ, вплоть до Архангельска, выставилъ достаточную военную силу, дабы они не могли сдѣлать тамъ нападенія ни съ суши ни съ моря, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю зиму безпрестанно тревожилъ бы и утомлялъ ихъ казаками и Татарами и опустошилъ страну, и при всемъ томъ, въ наступающую кампанію, какъ только это будетъ возможно, со всею силою напалъ бы на нихъ и постарался бы причинить имъ вредъ, чѣмъ можно было бы ихъ высокомѣріе кое въ чемъ обуздать, и самихъ привесть къ болѣе благоразумнымъ мыслямъ. Я не замедлю сообщить вашему превосходительству, въ какомъ настроеніи я найду его королевское величество при своемъ прибытіи въ Берлинъ, хотя полагаю, что вашъ посланникъ при Берлинскомъ дворѣ вамъ уже далъ о томъ извѣстіе. Курляндію Шведы совсѣмъ съѣли, и у дворянъ не осталось ничего кромѣ жизни. Ихъ армія, которая стоитъ тамъ, вмѣстѣ съ новоприбывшимъ транспортомъ, не превосходитъ 18.000 человѣкъ. Съ Литовцами партіи Огинскаго Шведы имѣли уже разныя стычки, и объясняютъ что они перешли изъ Курляндіи въ Литву, дабы захватить Огинскаго. Какія мѣры приметъ республика, это покажетъ ближайшій сеймъ, хотя разрозненность мнѣній и сильная партія, которую Шведы имѣютъ въ Польшѣ, обѣщаютъ мало хорошаго.

„Господинъ камеръ-юнкеръ фонъ-Кейзерлингъ, который, какъ ваше превосходительство уже знаете, отправляется въ Москву въ качествѣ резидента моего всемилостивѣйшаго короля, выѣдетъ отсюда чрезъ нѣсколько дней, и затѣмъ будетъ по возможности спѣшить, вслѣдствіе чего, да соблаговолитъ ваше превосходительство повторить вашъ приказъ воеводѣ въ Смоленскѣ, чрезъ который онъ намѣренъ ѣхать, дабы быть въ состояніи какъ можно скорѣе продолжать путь свой и прибыть въ Москву, такъ какъ ему поручено сообщить вамъ о весьма многихъ важныхъ обстоятельствахъ. Его я прилежнѣйше и почтительнѣйше рекомендую высокому покровительству вашего превосходительства, и его королевское величество Прусское не преминетъ признать оное со всѣми выраженіями своей милости. Въ остальномъ поручаю себя особливому доброжелательству и высокому расположенію вашего

превосходительства, каковое душевно желаю сохранить до конца моей жизни.

„Вашего превосходительства всепокорный и всепреданный слуга
„М. Л. фонъ-Принценъ."

Кенигсбергъ.
23 Декабря 1701 года.

Итакъ, фонъ-Принценъ дѣятельно взялся за вопросъ о медіаціи. Но онъ не достигъ своихъ цѣлей. Миръ не заключался вслѣдствіе высокомѣрныхъ требованій Карла XII, на которыя Петръ, разумѣется, не соглашался. Вопросъ о посредничествѣ короля Прусскаго, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, нѣсколько разъ возобновлялся по иниціативѣ Русскаго правительства, которому, чѣмъ дальше тѣмъ больше, вплоть до самаго 1708 года, насущною потребностью являлся миръ со Швеціей. Но всѣ старанія русскихъ дипломатовъ на этомъ поприщѣ не только оказались тщетными, но даже (какъ мы увидимъ ниже) вовлекли ихъ въ довольно серіозныя подозрѣнія относительно чистосердечія прусскаго образа дѣйствій.

Въ то время, какъ при Московскомъ дворѣ резидировалъ фонъ-Принценъ, въ Берлинѣ лицо Русскаго царя представлялъ Андрей Измайловъ, бывшій прежде посломъ въ Даніи, но затѣмъ отправленный ко двору новокоронованнаго Прусскаго короля для поднесенія ему царскаго поздравленія. Посольство Измайлова не имѣло сначала политическаго характера, притомъ оно должно было быть временнымъ. Но серіозныя обстоятельства, въ которыхъ находилась въ то время Россія, и необходимость привлечь возможно большее число дѣятельныхъ союзниковъ для самозащиты отъ стремительнаго Шведскаго короля, подобно птицѣ летавшаго изъ одной области въ другую, заставили Московскій кабинетъ возложить и на Измайлова нѣкоторыя важныя дипломатическія порученія. Дѣла эти, впрочемъ, мало разнились отъ дѣлъ Трубецкаго: тѣ же напоминанія Россіи о ея вѣчной, нерушимой, братской дружбѣ, тѣ же укоры въ бездѣйствіи, тѣ же просьбы въ возможно скоромъ времени послать помощь Русскому царю. Андрей Измайловъ, по окончаніи своего посольства въ Берлинѣ, представилъ въ Посольскій Приказъ длинный, обстоятельный „статейный

списокъ", въ которомъ съ величайшею тщательностью описалъ все, что самъ дѣлалъ и говорилъ, и что̀ ему говорили въ столицѣ Прусской монархіи.

Этотъ списокъ переполненъ совершенно неинтересныхъ подробностей, и изо всей толстой тетради, представленной Измайловымъ, мы извлечемъ одинъ лишь меморіалъ его отъ 30-го іюля, не заключающій въ себѣ, правда, много новаго сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли въ донесеніяхъ Трубецкаго, но все-таки довольно интересный какъ новое свидѣтельство тому, сколь неотступно домогалось Московское правительство дѣятельной помощи Пруссіи *).

„Великаго государя его царскаго высокодержавнаго освященаго величества пребывающій посолъ при дворѣ вашего королевскаго величества Прусскаго въ Берлинѣ чрезъ сей меморіалъ допошу:

„Понеже по указу всемилостивѣйшаго моего великаго царя и государя въ пребываніи моемъ при дворѣ вашего королевскаго величества уже многократно меморіалами своими до вашего королевскаго величества доносилъ, и многія конференціи и тайные разговоры съ вашими королевскаго величества ближними людьми въ требованіи о начинаніи войны или вспоможеніи и перепущеніи нѣкоторыхъ войскъ противъ общаго непріятеля, Шведской короны, имѣлъ, однако, на сіе отъ стороны вашего королевскаго величества никакого удовольствованія по нынѣшнее время не получилъ, притомъ же и самые указы всемилостивѣйшаго моего великаго царя и государя воспріялъ, при которыхъ вашему королевскому величеству собственно доносити подлежитъ, яко отъ многихъ лѣтъ между вами великими государями неноколебимая братская дружба и любовь устроися. Паче же и самымъ персональнымъ соединеніемъ чрезъ благоволеніе Божіе утвердили, которое обязаніе союза и братскую любовь всемилостивѣйшій мой государь всегда неподвижно въ крѣпости своей содержати соизволяетъ, понеже и многимъ образомъ свою вѣрность къ вашему королевскому величеству во всѣхъ случаяхъ преименито объявлялъ, также и впредь во образъ всякаго доброхотѣнія въ добромъ намѣреніи показати со-

*) Ст. Списокъ, стр. 78.

изволяетъ; что же при семъ настоящемъ времени при такомъ употребительномъ случаѣ требованіе его царскаго величества надлежитъ, и прошеніемъ до вашего королевскаго величества простираюся, *аще и непачинаніемъ войны противъ сего общаго непріятеля Шведской короны, не хотя бъ малымъ нькоторымъ вспоможеніемъ, перепущеніемъ войскъ трехъ полковъ* во знакъ всякаго своего благодѣянія показати изволили; сего ради ваше королевское величество вину сего настоящаго дѣла милостиво и благоразумно разсудити изволите: неточію непріятель вашему королевскому величеству, но и всѣмъ европейскимъ потентатамъ противенъ учинися; не союзъ разрывать и ниже трактаты нарушать, ни симъ вспоможеніемъ войска свои обезсилить, ни другимъ потентатамъ досажденія нанести; вся сія во пользу и во благое преуспѣяніе да будетъ, при такомъ благополучномъ времени можетъ его непріятельская гордость въ познаніе скоро пріити, попеже вашему королевскому величеству есть собственно непріятель, неточію бо (не?) желаетъ въ любви пребывати, но всегда всякаго непріятства умножаетъ и многимъ образомъ сурова себя показуетъ, и по нынѣ за носящаго діадиму признати не хощетъ, и самую вашего королевскаго величества протекцію, Курляндію также и Польское государство немилостиво разоряетъ, и многія несносныя обиды чинитъ, и самое главное дѣло противу всѣхъ европейскихъ потентатовъ неточію тайно, но и явнымъ союзомъ съ Французскимъ королемъ обязался; уже и цесарское величество Римскій за такое его обязаніе и за многія неправды всякое свое склоненіе къ сторонѣ великаго государя его царскаго величества и къ королевскому величеству Польскому являетъ; такъ же и Рѣчь Посполитая Польская неточію какимъ притворомъ или презрѣніемъ воли королевскаго величества Польскаго, но радостно и единомысленно по своему обѣщанію во всѣхъ силахъ показати себя хотятъ въ маломъ времени, многое уже посполитое рушеніе во всякомъ есть приуготовленіи; что же ваше королевское величество при такомъ всенужнѣйшемъ и употребительномъ случаѣ отъ стороны своей ни въ маломъ прошеніи любительнаго своего склоненія къ великому государю къ его царскому величеству показати не изволите? Въ чемъ безъ недоумѣванія можетъ всегда ваша братская дружба и любовь междо его царскимъ величествомъ и вашимъ королевскимъ

величествомъ паче иныхъ образовъ крѣпость принять; впредь каковымъ образомъ можетъ между вами великими государи та *крѣпкая братская дружба и любовь* безъ сомнѣнія содержатися? понеже на сіе показуютъ многія обстоятельства и приводятъ до самаго смущенія къ познанію всякаго непріятства, ибо и непріятельскіе полки изъ Помераніи чрезъ ваши королевскаго величества земли свободно перепущены, о чемъ многократно въ будущихъ (бывшихъ) конференціяхъ предлагалъ. И противъ моего предложенія вашимъ королевскаго величества указомъ ближніе люди съ подтвержденіемъ обнадеживали, что было (повелѣно) тѣхъ непріятельскихъ войскъ чрезъ границы ваши королевскаго величества не пропускать. Что же безъ вашего королевскаго величества позволенія и безъ паспорту шведскіе генералы такое насильствованіе и безчестіе учинили, то наипаче тѣмъ себя показуетъ онъ непріятель горда и безстрашна, за что довлѣетъ вашему королевскому величеству сугубое отмщеніе воздать, монаршескую свою славу и честь въ истинной крѣпости показать."

Такимъ образомъ, въ меморіалѣ этомъ мы видимъ повтореніе почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ всего того, что не разъ уже докладывалъ королю князь Трубецкой. Разница только та, что Измайловъ особенно старается показать королю, какъ для него самого нужна была бы война со Швеціей.

Замѣчательно, что и отвѣтъ Фридриха на меморіалъ Андрея Измайлова заключаетъ въ себѣ тѣ же самые доводы, тѣ же самыя объясненія, которыя давались и предшествовавшему посланнику. Для параллели приведемъ этотъ отвѣтъ короля Прусскаго въ томъ переводѣ его, который мы находимъ въ „статейномъ спискѣ" посла Измайлова.

„Его королевскому величеству Прусскому пространно донесено, и какъ скоро по пріѣздѣ его королевскаго величества изъ походу пребывающій въ Берлинѣ его царскаго величества посолъ меморіаломъ своимъ его королевскаго величества доложить и просить изволилъ, и его королевское величество тако вѣрную и особную охоту имѣетъ съ его царскимъ величествомъ и основанную усердную и братскую дружбу непоколебимо содержати и во всемъ что царское величество отъ его королевскаго величества просить и желаетъ, сколько возможно по изволенію своему чинить будетъ;

что же тѣхъ труповъ (войскъ) надлежитъ, которыхъ его царское величество отъ его королевскаго величества желаетъ, о томъ уже часто и пространно ему, царскаго величества послу, объявлено что его королевскому величеству совершенно тѣмъ царскому величеству вспомогательство учинить невозможно. Понеже его королевское величество тѣхъ силъ, которыхъ онъ въ готовности имѣетъ па власное (собственное) свое обороненіе и продолженіе тяжелой войны, въ которой его королевское величество нынѣ съ тѣми обѣими пресильными коронами, съ Французской и съ Гишпанской, прицѣпленъ обрѣтается, самонужно употребляетъ, и еще его королевское величество тѣмъ своимъ войскомъ недостаточенъ. Но къ тому жъ еще его королевское величество принужденъ отъ иныхъ околичныхъ нѣмецкихъ князей иныхъ труповъ паняти. Притомъ его царское величество пріятельство свое до его королевскаго величества обильно ознаймилъ, что желаетъ тѣхъ труповъ, которые его королевскому величеству на власное обороненіе свое потребны, вовсе лишати; потому, что его королевскаго величества непріятелемъ тѣмъ большая удобность будетъ на него приходити и державу его вредити; послѣди же его королевское величество въ томъ пунктѣ о перепущеніи труповъ по воли его царскаго величества учинитъ, тѣмъ паче въ иныхъ случаяхъ впредь его царскому величеству свое братское пріятство и всегдашнее стараніе на пользу его царскому величеству доказати прилежитъ; и особно на всякую вымысленную способу воспомогательство свое давати будетъ, чтобы примиреніе съ короною Шведскою вскорѣ какимъ-нибудь правдивымъ способомъ ко удовольствованію его царскаго величества совершенно было; а что о проходѣ иныхъ шведскихъ труповъ чрезъ земли его королевскаго величества, которымъ въ томъ времени никакого премѣшанія не было, чтобъ ихъ не пропустить, о томъ его царское величество чаемъ, что никакого сомнѣнія имѣти не будетъ, когда по высокой своей премудрости и размышленію разсудити изволитъ: что его королевское величество въ тѣхъ мѣстахъ чрезъ которыя тѣ шведскіе трупы переходъ свой взяли, никоторыхъ труповъ чтобы къ противленію тѣмъ шведскимъ трупамъ не имѣлъ, и проходъ ихъ такъ скоро и внезапу учинился, что невозможно было къ непропущенію ихъ потребную силу привлещи, наипаче же что его королевское величество въ самомъ въ

томъ времени былъ въ Голандской землѣ и отъ тѣхъ мѣстъ вельми въ дальнемъ разстоянiи. И шведскiе трупы его королевскаго величества землю уже совершенно перешли, прежде того какъ его королевскому величеству вѣдомость изъ Берлина отъ ближнихъ его королевскаго величества людей была учинена о приближенiи ихъ, потому уже и невозможно было къ сопротивленiю противъ ихъ никакого указу учинить. И его королевское величество никотораго недоумѣванiя имѣти не будетъ, что его царскаго величества посолъ, который къ доброму окончанiю междо обѣихъ потентатовъ столь славное усердiе показывалъ, о сихъ дѣлѣхъ пространно, и такимъ способомъ его царскому величеству объявляти будетъ, дабы его царскому величеству подлинно о томъ доразумѣти было что его королевское величество въ обоихъ тѣхъ пунктахъ, иного чинити не возмогъ. Во остальныхъ же его королевское величество па свидѣтельствованiе къ его царскому величеству всѣхъ тѣхъ дѣлъ которыя вѣрный пріятель и братъ другъ къ другу къ любви чинити возможетъ, во всегдашней готовности и въ прилѣжности усердно пребываетъ“ *).

Кромѣ поданнаго Андреемъ Петровичемъ Измайловымъ статейнаго списка, мы имѣемъ отъ него около полусотни официальныхъ и полуофициальныхъ шифрованныхъ писемъ къ боярину Ѳеодору Алексѣевичу Головину, писанныхъ изъ Берлина за все пребываніе его при Прусскомъ дворѣ. Въ письмахъ этихъ мы находимъ мало новаго сравнительно съ тѣми реляцiями, которыя изложены въ статейномъ спискѣ. Кромѣ двухъ-трехъ неважныхъ и по большей части не относящихся къ дипломатическимъ дѣламъ сообщенiй, въ нихъ выражаются приблизительно все тѣ же извиненiя королевскаго двора въ невозможности подать помощь вслѣдствiе войны съ Францiей и тѣ же увѣренiя въ искренности и прочности Фридриховой дружбы. Въ маѣ 1702 года, стольникъ Андрей Измайловъ получилъ приказъ отправиться снова къ Датскому двору въ Копенгагенъ, гдѣ онъ резидировалъ до своей поѣздки въ Берлинъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда фонъ-Принцена изъ Москвы, въ февралѣ 1702 года, туда присланъ былъ Фридрихомъ новый чрезвычайный

*) Статейный Списокъ посла Измайлова, стр. 82 на оборотѣ (Дѣла Прусскiя 1701 года).

посланникъ и резидентъ, камергеръ Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ *). Кромѣ продолженія тѣхъ дѣлъ, которыя началъ уже фонъ-Принценъ, именно дѣла о посредничествѣ для достиженія мира между Россіей и Швеціей, миссія Кейзерлинга имѣла еще и другое, болѣе важное значеніе: пригласить Петра къ участію въ союзѣ противъ возрастающей силы Франціи. О первомъ изъ этихъ двухъ порученій фонъ-Кейзерлингъ выражается такъ въ своемъ меморіалѣ, поданномъ въ Посольскую Канцелярію вскорѣ по прибытіи его въ Москву: „Понеже его царское величество тогда его королевскаго величества Прусскаго здѣсь бывшему чрезвычайному посланнику господину фонъ-Принцу твердо объявилъ, миръ съ королемъ Свѣйскимъ инако кромѣ посредства его королевскаго величества Прусскаго не принимать и не заключать, и то воспріемлется также отъ его королевскаго величества Прусскаго съ прилежнѣйшимъ благодареніемъ, и можетъ его царское величество благо и безопасно на то полагатися, что то посредство, если токмо до того дойдетъ, отъ его королевскаго величества Прусскаго съ такимъ прилежнымъ попеченіемъ управляемо будетъ, что не токмо едино его царское величество тѣмъ весьма довольно быть причину имѣть будетъ, но и правое намѣреніе и вѣрную ревность, юже его королевское величество Прусскій ко вспоможенію его царскаго величества высокой пользы охотнѣйше полагаетъ, довольно познаетъ, и како его царское величество о той статьѣ его королевскому величеству Прусскому чрезъ бывшаго здѣсь его чрезвычайнаго посланника объявити повелѣлъ, тако будетъ его королевское величество оныя наиприлежнѣйше исполняти и его царскому величеству въ томъ всякое возможное удовольство получить трудитися“ **).

О второмъ порученіи своемъ фонъ-Кейзерлингъ говоритъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „И яко его королевское величество Прусскій сіе за свои пріятнѣйшіе труды почитаетъ, которые онъ на то полагаетъ, дабы его царскому величеству совершенные опыты своей

*) Въ русскихъ бумагахъ фонъ-Кейзерлингъ величается камергеромъ, а въ письмѣ фонъ-Принцена—камеръ-юнкеромъ. Имя это не легко давалось нашимъ неученымъ московскимъ дипломатамъ. Долго писали его такъ: *Ѳонкій Зерлингъ*, и не разъ попадаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: *и сказано ему, Ѳонкью; и на сіе отвѣчалъ Ѳонкій* и т. п.

**) Пунктъ 3 меморіала.

вѣрной дружбы объявити, тако побужденъ онъ подвигомъ истинныя преданности его царскому величеству предложеніе учинити, не изволитъ ли онъ по образу короля Польскаго купно въ великій союзъ, который межь его цесарскимъ величествомъ и столь многими иными высокими областьми ко удержанію расширяющейся силы короля Французскаго и отъ него весьма недостойнымъ образомъ принужденной войны заключенъ есть, вступити, изъ чего (якоже королевской прусской резидентъ его превосходительству господину первому министру Головину изустно довольно доказалъ) самого его царскаго величества принадлежностямъ великій прибытокъ прирастетъ. И егда его царское величество на сіе благонамѣренное предложеніе соизволити благоволитъ, то его царское величество изволилъ бы къ своему въ Гагѣ резидующему министру о томъ указъ послать, о томъ договариватися. И купно бъ онъ статьи могъ объявить, какое вспоможеніе и въ войскахъ ли, въ корабляхъ или деньгахъ оное состояти будетъ, его царское величество объявить изволитъ, и его королевское величество Прусскій тогда по особливой любви и склонности, которою онъ къ его царскому величеству объемлемъ, не оставитъ такіе дружескіе труды у всѣхъ высокихъ союзниковъ паикрѣпчайше важны сочиняти.“

Въ отвѣтахъ своихъ на этотъ меморіалъ прусскаго резидента бояринъ Головинъ, касательно посредства, объявляетъ, какъ и слѣдовало ожидать, что Русскій царь надѣется на доброжелательство союзника своего Прусскаго короля, и на то, что онъ всѣми зависящими отъ него мѣрами постарается добыть ему прочный и почетный миръ со Шведскою короной. Что же касается до союза противъ Франціи, то въ этомъ пунктѣ хотя слышенъ тотъ же дружественный, предупредительно-любезный тонъ, которымъ звучатъ всѣ дипломатическія сношенія Московскаго двора съ Берлинскимъ, однако выставляются на видъ и нѣкоторыя условія, при которыхъ только Россія можетъ вступить въ этотъ союзъ, какъ-то: достовѣрность выгодъ, обѣщаемыхъ королемъ Прусскимъ, и миръ со Швеціей, который въ то время стоялъ первымъ на очереди. Петръ не хотѣлъ сдѣлать отважнаго шага, не испробовавъ сначала той почвы, на которую онъ вступалъ. Къ сожалѣнію, по этому дѣлу не сохранилось почти совершенно никакихъ документовъ, и мы не можемъ прослѣдить подробностей этого предполагавшагося союза.

Фонъ-Кейзерлингу, однако, не пришлось вступить въ дѣятельныя сношенія съ державами по поводу посредничества Прусскаго короля для заключенія мира, какъ то дѣлалъ фонъ-Принценъ. Событія перемѣнились: русское оружіе отъ неудачъ перешло къ удачамъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ боярину Головину (находившемуся въ то время въ походѣ при царѣ), прусскій посланникъ выразилъ уже надежду, что скоро Шведы должны будутъ не *принимать* миръ, а сами *просить* его. До какой степени фонъ-Кейзерлингъ, въ качествѣ представителя короля Фридриха, радовался всякому успѣху Русскаго царя, примѣромъ служитъ поздравленіе со взятіемъ крѣпости Ноттебурга, отправленное имъ изъ Москвы 23-го октября стараго стиля, текстъ котораго мы дословно приводимъ какъ образецъ дипломатическаго тона, не безъ оттѣнка тонкой придворной лести. Вотъ, что писалъ царю прусскій чрезвычайный посланникъ:

„Свѣтлѣйшій, могущественнѣйшій царь, всемилостивѣйшій государь!

„Да позволитъ мнѣ всемилостивѣйше ваше царское величество, поелику я узнаю, какъ по голосу всеобщаго ликованія, такъ и изъ сообщенія голландскаго резидента, который былъ почтенъ собственноручнымъ письмомъ вашего царскаго величества, о счастливомъ взятіи значительной крѣпости Ноттебурга, и самъ не въ силахъ воздержаться отъ безмѣрной радости, чрезъ эти всепокорнѣйшія строки припасть къ стопамъ вашимъ и съ сердцемъ, преисполненнымъ удовольствія всеподданнѣйше поздравить. Этотъ успѣхъ, достигнутый славнымъ оружіемъ вашего царскаго величества, и то обстоятельство, что *завоеваніемъ этой крѣпости вы пріобрѣтете гавань на Балтійскомъ морѣ, причинятъ безъ сомнѣнія моему всемилостивѣйшему королю и государю необычайную радость*, которая будетъ тѣмъ сильнѣе, что ее не отравитъ ни зависть, ни зложелательство, такъ какъ мой всемилостивѣйшій король и государь ничего на свѣтѣ столько не желаетъ, какъ съ вашимъ царскимъ величествомъ свято хранимую дружбу и братскую любовь укрѣпить еще болѣе тѣснымъ общеніемъ, и частыми сношеніями вашихъ подданныхъ взаимно поставить благосостояніе вашихъ земель на точку еще бо́льшаго процвѣтанія, которое ничѣмъ такъ легко не можетъ быть достигнуто, а желаніе моего короля и го-

сударя исполнено, какъ если ваше царское величество съ Божьимъ благословеньемъ *сдѣлаетесь господиномъ на Балтійскомъ морѣ*. Безъ сомнѣнія весь свѣтъ долженъ удивляться необычайной храбрости и высокому геройскому духу вашего царскаго величества, поелику вы прилагаете къ своей высокой и священной особѣ истинное veni, vidi, vici, такъ какъ ваше царское величество въ столь короткое время, что едва слышно было даже объ осадѣ, взяли такую значительную крѣпость, которая предъ тѣмъ цѣлый годъ защищалась отъ осаждавшихъ ее войскъ, положивъ подъ стѣнами своими не менѣе 30.000 убитыхъ, и сдалась не прежде, чѣмъ въ ней находился хоть одинъ человѣкъ здоровый.

„Это радостное извѣстіе я со слѣдующею почтой сообщу моему всемилостивѣйшему королю и государю, и я охотно отправилъ бы къ нему своего собственнаго курьера, еслибы меня не задерживало опасеніе, что и онъ будетъ, пожалуй, столь же несчастливъ, какъ и два курьера, отправленные сюда моимъ всемилостивѣйшимъ королемъ, изъ которыхъ первый былъ ограбленъ въ Польшѣ и едва спасъ свою жизнь, а другой, вѣроятно, убитъ, такъ какъ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго извѣстія. И такъ какъ уже иностранная почта вотъ уже восемь недѣль не приходила, а я вслѣдствіе того не имѣю никакихъ вѣстей отъ моего всемилостивѣйшаго короля и государя, то это обстоятельство причиняетъ мнѣ величайшую печаль, которая однако значительно ослаблена радостнымъ извѣстіемъ о счастливомъ успѣхѣ вашего царскаго величества, такъ какъ я ликую по этому поводу столь сильно, сколь можетъ ликовать человѣкъ на землѣ, и отъ глубины души желаю, чтобы Всевышній и на послѣдующее время такимъ же великимъ счастіемъ и такими же побѣдами благословилъ славное оружіе вашего царскаго величества, съ какимъ великимъ и безконечнымъ почтеніемъ и глубочайшей преданностью я пребываю и умру.

„Свѣтлѣйшій, могущественнѣйшій царь, вашего царскаго величества

„Всепокорнѣйшій, всепослушнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга
Георгъ Іоганнъ фонъ-Кейзерлингъ *).

*) *Прусскія Дѣла* 1703 года. См. письмо боярина Головина.

Трудно было бы выражаться болѣе доброжелательными, болѣе изысканно-привѣтливыми словами. Нѣтъ повода думать, чтобъ это расположеніе прусскаго резидента было не искренно. Напротивъ, невозможно не видѣть въ только-что приведенномъ письмѣ фонъ-Кейзерлинга выраженіе той теплой, преданной дружбы, съ примѣсью, конечно, нѣкотораго невольнаго удивленія генію Петра Великаго, которую монархъ Пруссіи лично питалъ къ своему столь быстро усилившемуся сосѣду. Итакъ, дѣлу о заключеніи дѣятельнаго союза между Россіей и Пруссіей мѣшалъ не недостатокъ искреннихъ чувствъ обоихъ монарховъ; напротивъ, Фридрихъ лично былъ искреннимъ другомъ Петра, насколько можетъ быть искреннимъ другомъ человѣкъ, лишь мелькомъ видѣвшій его во время путешествія, и затѣмъ сообщавшійся только чрезъ грамоты и донесенія своихъ посланниковъ. Мѣшали политическія обстоятельства и сцѣпленія, которыхъ не ожидалъ король Пруссіи и которыхъ онъ не могъ предвидѣть.

Что касается того обстоятельства, что прусскій посланникъ семь недѣль не имѣлъ извѣстія отъ своего государя, то, при тогдашнихъ средствахъо собщенія, подобныя явленія не были рѣдкимъ исключеніемъ. Въ бытность князя Трубецкаго въ Берлинѣ отправлены были въ столицу Пруссіи два курьера, иноземецъ Петръ Вейде и сержантъ Преображенскаго полка Аоанасій Тимиревъ, которые на рубежѣ нашей земли были въ лѣсу ограблены разбойниками и едва не убиты. Въ числѣ документовъ по этому дѣлу сохранился длинный списокъ вещей похищенныхъ у двухъ вышеупомянутыхъ курьеровъ, изъ котораго видно, что они потерпѣли убытокъ на очень значительную въ то время сумму. Они должны были благодарить Бога, что остались въ живыхъ, не такъ какъ несчастный посланецъ короля Прусскаго, о которомъ упоминаетъ фонъ-Кейзерлингъ въ своемъ поздравленіи. Въ письмахъ посланника Андрея Измайлова къ боярину Головину (датированныхъ, приблизительно, за тотъ же періодъ времени, о которомъ говоритъ и фонъ-Кейзерлингъ въ своемъ поздравленіи), мы находимъ безпрерывныя жалобы на неполученіе писемъ изъ Москвы, что ставило посланника въ крайне затруднительное положеніе относительно его способа дѣйствій, который ежеминутно могъ подлежать измѣненіямъ вслѣдствіе быстро шедшихъ въ то время политическихъ событій.

Но, медля оказывать помощь Россіи въ ея войнѣ со Швеціей, Прусская держава отнюдь не забывала о дружественномъ расположеніи къ себѣ Московскаго монарха и обращалась къ нему за помощью каждый разъ, какъ надѣялась получить отъ него поддержку. Такъ, въ числѣ меморіаловъ фонъ-Кейзерлинга за 1703 годъ, мы находимъ одинъ, отъ 21-го (10) сентября, въ которомъ прусскій посланникъ проситъ царя сдѣлать энергическій выговоръ Рѣчи Посполитой за ея холодное отношеніе къ королю Прусскому: ...„чтобъ его царское величество строго выговорилъ объ этомъ республикѣ и расположилъ бы ее, въ интересѣ общаго дѣла, къ лучшему обращенію съ его королевскимъ величествомъ...“

Слѣдующія слова относятся къ тѣмъ недовѣрчивымъ толкамъ, которые ходили по Европѣ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Польшѣ:

„Отсюда видно, какъ безразсудно было бы вмѣнять моему всемилостивѣйшему королю и государю плохой успѣхъ польскихъ дѣлъ въ то время, какъ республика не только не питаетъ дружбы къ его королевскому величеству Прусскому, но даже замѣтно оскорбляетъ (merklich choquirt) дерзкими рѣчами и совершенно враждебнымъ обращеніемъ. Вслѣдствіе чего, его королевское величество весьма въ правѣ принять другія мѣры, которыя, однако, никогда не будутъ предосудительны для отношеній его царскаго величества къ его королевскому величеству Польскому, при той надеждѣ, что вышеупомянутая республика можетъ еще быть подвинута къ болѣе здравымъ намѣреніямъ (ad sâniora consilia zu bewegen seyn).“

Равнымъ образомъ, когда Фридрихъ улучивъ удобную минуту для возвращенія себѣ давно желаннаго Эльбинга, нуждался въ этомъ дѣлѣ въ помощи нашего государя, онъ лично обратился къ Петру съ напоминаніемъ объ обѣщаніяхъ послѣдняго, данныхъ еще въ первый пріѣздъ въ Москву фонъ-Принцена, и выразилъ надежду, что Петръ не забудетъ о словахъ своихъ, торжественно сказанныхъ посланнику.

Несмотря, однако, на этотъ обмѣнъ дружественныхъ пересылокъ и взаимныхъ увѣреній обоихъ монарховъ въ любви и преданности, при Московскомъ дворѣ возникали иногда и подозрѣнія въ искренности Пруссіи.

Читатель замѣтилъ уже выше, что пропускъ шведскихъ войскъ чрезъ прусскую территорію, пропускъ, совершившійся, по увѣреніямъ прусскихъ дипломатовъ, противъ воли короля и не воспрещенный лишь по той простой причинѣ, что въ то время всѣ военныя силы были стянуты на западъ для ожидаемой войны съ Франціей, возбудилъ въ Москвѣ неблагопріятные толки, которые прусскіе дипломатическіе агенты, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Берлинѣ предъ нашимъ посланникомъ дѣятельно старались разсѣять. Между меморіалами фонъ-Кейзерлинга находимъ одинъ (отъ 23-го декабря 1703 года), который посвященъ новому торжественному заявленію совершенной ложности всякихъ слуховъ о тайныхъ соглашеніяхъ Пруссіи со Швеціей противъ Россіи *). Онъ писанъ былъ вскорѣ послѣ заключенія *союза между Пруссіей и Швеціей*, который будучи, правда, безвреднымъ для нашего отечества, дѣлалъ, однако, совершенно невозможнымъ всякія притязанія Россіи на помощь Фридриха противъ Карла XII. Вотъ этотъ меморіалъ фонъ-Кейзерлинга:

Нижеподписавшійся чрезвычайный посланникъ его королевскаго величества Прусскаго и его курфирстской свѣтлости Бранденбургской при дворѣ его царскаго величества, дѣлалъ уже, по повелѣнію своего всемилостивѣйшаго короля и государя, частыя всепокорнѣйшія заявленія, чтобы царское величество былъ совершенно увѣренъ и оставался бы при королевскихъ словахъ и завѣреніяхъ его высокаго принципала, что при заключеніи союза (Alliance) съ короной Шведской не произошло ничего, и что его королевскимъ величествомъ Прусскимъ не было обѣщано королю Шведскому ничего такого, что могло бы быть вредно и противно утвержденной между его королевскимъ и его царскимъ величе-

*) Не можемъ воздержаться, чтобы не привесть слѣдующаго мѣста изъ сочиненія Дройзена (Geschichte der Preussischen Politik von I. G. Droysen. IV Theil. Leipzig 1876)): «къ призраку шведской дружбы такъ долго и такъ ревностно стремились, что друзья Саксоніи были убѣждены въ тайныхъ соглашеніяхъ Пруссіи со Швеціей» (стр. 310). Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія Дройзенъ приводитъ слова лорда Степнея, сказанныя имъ въ Вѣнѣ прусскому посланнику Бартольди: «agissez envers nous comme amis ou comme ennemis et faites tout ce que vous voulez, mais vous ne me persuaderez pas bue vous ne soyez informés de tout» (ibid).

ствомъ вѣрной дружбѣ *), которую его королевское величество Прусское, пока жить будетъ, намѣренъ неотмѣнно сохранять. Гораздо скорѣе того возстановленіе сношеній между его королевскимъ величествомъ Прусскимъ и короной Шведской доставитъ многіе случаи высокоупомянутому величеству потребовать мира на разумныхъ основаніяхъ между его царскимъ величествомъ и королемъ Шведскимъ, и, конечно, его королевское величество Прусское будетъ содѣйствовать достиженію этой доброй и спасительной цѣли всѣмъ, что только находится въ его средствахъ и силахъ. И теперь, такъ какъ его царское величество потребовалъ, чтобы вышеупомянутый прусскій королевскій чрезвычайный посланникъ это объявленіе своего высокаго принципала, по здѣшнему обычаю, передалъ чрезъ письменный меморіалъ, на который и его царское величество обѣщалъ дать отвѣтъ свой тоже письменною резолюціей, то упомянутый чрезвычайный посланникъ хотѣлъ съ тѣмъ большею готовностью исполнить высокій приказъ, что ему извѣстно желаніе его всемилостивѣйшаго короля и государя неотмѣнно пребывать въ вѣрной дружбѣ и искреннемъ довѣріи къ его царскому величеству, не сомнѣваясь, что и его царское величество съ своей стороны питаетъ подобное же расположеніе *и не внимаетъ ложнымъ доносамъ злонамѣренныхъ людей, которые употребляютъ всѣ возможныя хитрости* (artificia), *чтобы смутить и охладить доброе отношеніе его королевскаго величества Прусскаю къ его царскому величеству*, тѣмъ болѣе, что уже неоднократно обнаруживалось, что во всѣхъ извѣстіяхъ, распространенныхъ про его королевское величество Прусское, больше заключается зложелательства, чѣмъ истины **). Въ остальномъ, вышеупомянутый чрезвычайный посланникъ въ смиреннѣйшемъ почтеніи вручаетъ себя высокому покровительству и милости его царскаго

---

*) Замѣтимъ, что посланникъ искусно называетъ соглашеніе Россіи съ Пруссіей не союзомъ, какъ слѣдовало бы назвать его по существу дѣла, а просто „вѣрною дружбой“ (treue Freundschaft); интересно было бы знать, въ чемъ, по мнѣнію фонъ-Кейзерлинга, должна была выражаться эта вѣрная дружба Фридриха, когда ей не препятствовало заключеніе союза (Alliance) съ жесточайшимъ врагомъ Петра.

**) Параллельно этому заявленію, вотъ что читаемъ мы у Дройзена о вышеупомянутомъ союзѣ Фридриха съ Карломъ: „Наконецъ и съ Пруссіей дѣла при-

величества и остается въ послушнѣйшемъ ожиданіи справедливой резолюціи. Поданъ въ Москвѣ 23-го декабря стараго стиля 1703 года.

„Георгъ Іоганъ фонъ-Кейзерлингъ, королевскій прусскій чрезвычайный посланникъ.“

Дружба обоихъ государей не потерпѣла однако ущерба. Заявленіе посланника и прибывшее вскорѣ изъ Берлина письмо короля Прусскаго успѣли разсѣять подозрѣнія, и мы находимъ уже черновой набросокъ отвѣта фонъ-Кейзерлингу, въ которомъ высказываются самыя дружелюбныя чувства къ Прусскому государству и самыя твердыя надежды на то, что и Фридрихъ съ своей стороны не оставитъ торжественно заключеннаго союза. Но былъ еще одинъ пунктъ, возбуждавшій уже въ то время, въ первоначальную эпоху Петровой славы, смутное опасеніе со стороны сосѣднихъ государствъ и между прочимъ Пруссіи. До сихъ поръ Прусская держава устами посланника своего фонъ-Кейзерлинга искренно поздравляла Русскаго монарха съ его успѣхами на сѣверѣ. Въ одномъ изъ такихъ поздравительныхъ писемъ фонъ-Кейзерлинга, вѣроятно, даже съ тонкимъ разсчетомъ сдѣлать пріятное царю-корабельщику, съ особенною витіеватостью останавливался на мореходномъ значеніи отнятой у Шведовъ полосы Финскаго залива. Но вскорѣ успѣхи эти заставили призадуматься Европу, и вотъ, что находимъ мы въ письмѣ того же фонъ-Кейзерлинга, писанномъ, вѣроятно, въ началѣ 1704 года. Это мѣсто мы приводимъ въ его современномъ русскомъ переводѣ:

„Его королевское величество охотно отъ посланника своего учиненное предложеніе уразумѣлъ, что понеже онъ чаетъ, что его царское величество полученнымъ на Балтійскомъ морѣ и укрѣпленнымъ пристанищемъ *иного намѣренія не имѣетъ кромѣ еди-*

шли къ концу. Въ силу *вѣчнаго союза*, какъ названо было это соглашеніе, оба короля обязались наблюдать *взаимную гарантію, оказывать взаимную помощь въ размѣрѣ 6.000 людей въ случаѣ непріятельскаго нападенія*, охранять интересы евангелическихъ протестантовъ и пр.“ (стр. 313). Такое двуличіе Пруссіи показалось бы просто невѣроятнымъ, еслибы за него не говорила подлинность свидѣтельствъ приводимыхъ такимъ авторитетомъ, какъ Дройзенъ.

ной славы, и потомъ оное на установленіе торговли управляетъ, а не такое предложеніе (памѣреніе) имѣетъ, дабы чрезъ свою морскую силу инымъ областямъ какую опасность приключати, и онъ посланникъ тако намѣренъ отъ его царскаго величества освѣдомиться, изволитъ ли онъ егда ему при будущемъ миру на Балтійскомъ морѣ завоеванное оставлено будетъ, къ тому склонитися, свою морскую силу такимъ образомъ письменно окрестить (sic), чтобъ сосѣдственные того ради въ безопасномъ успокоеніи могли приведены быть и пр.“

Но, если по отношенію къ морскому могуществу подвиги Петра на сѣверѣ могли уже заставить слегка призадуматься сосѣднія державы, то дѣла на континентѣ далеко не были еще въ хорошемъ состояніи. Къ этому именно времени относятся затрудненія русскаго войска въ Саксоніи, а затѣмъ подъ стѣнами Гродно, Вильны и Смоленска. Нужно было всѣми мѣрами стараться не порвать добрыхъ отношеній съ союзниками, и между прочимъ съ Пруссіей, которой, какъ мы видѣли выше, еще въ бытность въ Москвѣ посла фонъ-Принцена, предложена была роль посредницы для заключенія „почетнаго“ мира со Швеціей. Отчаявшись добиться отъ Пруссіи какого-нибудь военнаго вспомогательства, Русское правительство продолжало настаивать на „медіаторствѣ“ и не пренебрегало для этого ни прямыми, ни, какъ увидимъ, косвенными средствами. Но и Пруссія, впрочемъ, далека была въ то время отъ намѣренія идти въ разрѣзъ съ интересами Россіи. Послѣднее вѣрно и относительно взглядовъ Берлинскаго кабинета на дѣла Польскія. Когда, подъ вліяніемъ шведскаго давленія, начала усиливаться партія Станислава Лещинскаго и намѣревалась возвести Познанскаго воеводу на польскій престолъ, смѣнивъ Саксонца Августа, примасъ Польши, кардиналъ Радіевскій поспѣшилъ разослать по Европѣ универсалъ, въ которомъ объявлялъ, что Прусскій король Фридрихъ поздравилъ уже Познанскаго воеводу королемъ Польскимъ. Фридрихъ, зная какъ подобное извѣстіе могло бы быть непріятно Русскому царю, отвѣчалъ кардиналу письмомъ (въ послѣдствіи имъ обнародованнымъ), въ которомъ самымъ положительнымъ образомъ опровергъ это ложное извѣстіе. Копію съ письма Фридриха поспѣшили отправить Петру, а посланнику Кейзерлингу поручили заявить царю, что *главнымъ мотивомъ Фридриха было желаніе*

остаться въ солидарныхъ отношеніяхъ съ интересами русской политики. Съ другой стороны, Фридрихъ высказывалъ себя въ пользу русскаго дѣла и тѣмъ, что строго преслѣдовалъ въ своихъ земляхъ распространившіеся по Европѣ пасквили на Петра Великаго, имѣвшіе цѣлью очернить и унизить въ глазахъ Европы образъ Русскаго монарха. Нѣсколько писемъ Кейзерлинга изъ Кенигсберга (посланникъ отъѣзжалъ на время въ Берлинъ) и другихъ мѣстъ, на обратномъ пути его въ Россію, къ боярину Головину наполнены возгласами негодованія противъ этихъ злонамѣренныхъ сплетень, и въ одномъ изъ нихъ онъ высказываетъ даже обѣщаніе употребить всѣ усилія свои на поимку распространителей этихъ пасквилей, даже еслибы потребовалось истратить на то 1.000 дукатовъ. Особенно преслѣдовало Прусское правительство брошюру подъ заглавіемъ: Schreiben eines vornehmen Deutschen Officieres an einen geheimen Rath (письмо одного знатнаго нѣмецкаго офицера къ одному тайному совѣтнику), авторомъ которой былъ нѣкто Корнбергъ, человѣкъ благороднаго происхожденія, которому фонъ-Кейзерлингъ пророчилъ за то вѣчное тюремное заключеніе.

Чтобъ успѣшнѣе подвинуть дѣло о заключеніи мирнаго трактата съ Швеціей и о медіаторствѣ Пруссіи, Петръ въ декабрѣ 1705 года предписалъ знаменитому фонъ-Паткулю, который жилъ тогда резидентомъ въ Саксоніи, поѣхать въ Берлинъ какъ для личныхъ переговоровъ съ Фридрихомъ, такъ и для дѣйствія на умы его министровъ. Паткуль снабженъ былъ инструкціей, которую мы здѣсь и приводимъ.

„Инструкція господину фонъ-Паткулю, по которой ему при Прусскомъ дворѣ дѣла свои отправлять.

1.

„Объявить, что имѣетъ онъ отъ его царскаго величества полную мочь съ королевскимъ величествомъ Прусскимъ договоръ постановить, ежели соизволитъ, на таковомъ основаніи, чтобъ его королевское величество Прусскій изволилъ воспріять страну царскаго величества и короля Польскаго Августа и имъ, чрезъ сильное посредство, благополучный и честный генеральный миръ исходатайствовалъ, или ежели Шведъ въ томъ упорство явитъ, тобъ его силою и угроженьемъ воинскимъ къ тому привелъ, и также тогда явно противъ Шведа явился,

2.

„Противъ того *обѣщаетъ его царское величество королю Прусскому Польскіе Пруссы*, елико оныхъ ему потребно будетъ, доставить, и короля Польскаго ко уступленію оныхъ склонить.

3.

„Царское величество обѣщаетъ такоже съ королемъ Прусскимъ взаимный гарантійный трактатъ, съ своей стороны о Ингріи и Эстляндіи, а съ прусской страны о помянутыхъ Польскихъ Пруссахъ противъ всѣхъ наступателей и непріятелей учинить, ежели король Прусскій того пожелаетъ.

4.

„И буде король Прусскій на сіе соизволитъ, изволь, ваше превосходительство, сей договоръ въ Божіе имя учреждать, и, опредѣля всѣ статьи и учиня со общаго согласія проектъ, прислать немедленно чрезъ ихъ прусскую почту, для безопаства, къ царскому величеству какъ наискорѣе, на что́ тотъ часъ соизволеніе или и утвержденіе, ежели ни въ чемъ сумнѣнія не будетъ, за подписью царскаго величества къ вамъ пришлется.

„Буде же Прусскій король станетъ объявлять, какъ къ намъ и Кейзерлингъ писалъ, *что ему отъ Шведовъ больше прибытковъ обѣщается* и тебѣ, взявъ его желаніе, на доношеніе прислать къ царскому величеству, со обнадеживаніемъ, что царское величество по всякой возможности его пользы искать будетъ, а вовсе ему о томъ не отказывать.

5.

„Буде же, какъ въ вашихъ письмахъ помянуто, король Прусскій не можетъ, или не похощетъ въ такой договоръ вступить, то уже по нуждѣ изволь домогаться, *дабы хотя токмо и нейтральный трактатъ* по присланнымъ отъ тебя пунктамъ постановить; и что за то оный себѣ въ пользу требовать будетъ, о томъ обнадеживать и по вышеписанному жь писать, и проектъ прислать. И для сихъ договоровъ посылается къ вамъ вѣрующая и полная мочь.“

Исполняя предписаніе царя, Паткуль составилъ и прислалъ въ Москву проектъ трактата съ Пруссіей, который мы встрѣчаемъ въ документахъ въ двухъ самостоятельныхъ редакціяхъ. Обратимся къ разбору болѣе пространной изъ нихъ.

Оставивъ пунктъ о вознагражденіи короля Фридриха Польскими Пруссами въ томъ же видѣ, какъ писалъ къ нему бояринъ Головинъ, Паткуль прибавилъ однако, вѣроятно, подъ вліяніемъ конференцій своихъ съ берлинскими министрами, нѣсколько пунктовъ, регулирующихъ отношенія обѣихъ союзныхъ державъ. Главное мѣсто принадлежитъ вопросу о войнѣ. „Если невозможно будетъ, говорится въ третьемъ пунктѣ трактата, привесть Шведскаго короля къ заключенію мира инымъ способомъ, кромѣ принужденія къ тому силою, то Прусскій король долженъ будетъ выставить царю пятнадцатитысячный корпусъ, изъ 10.000 пѣхоты и 5.000 кавалеріи; который можетъ быть или присоединенъ къ дѣйствующей арміи царя, или же вмѣстѣ съ его резервными войсками составитъ самостоятельную армію. Съ своей стороны, Русскій царь будетъ посылать къ королю уплату военныхъ издержекъ ежегодно 200.000 рублей и дастъ ему право навербовать въ своихъ земляхъ 10.000 пѣхотинцевъ, которые и поступятъ въ распоряженіе Прусскаго короля до окончанія войны. Кромѣ того, ему предоставлялся корпусъ русскихъ солдатъ въ 6.000 человѣкъ пѣхоты, которыми онъ могъ распоряжаться по своему безотвѣтному произволу.“ Но пылкіе и быстрые планы Паткуля шли еще дальше предѣловъ непосредственной необходимости. Онъ надѣялся трактатомъ этимъ заключить вѣчный союзъ даже и противъ другихъ непріятелей. Приводимъ выраженную имъ латинскую формулу этого союза: Perpetuum foedus defensivum contra quoscunque (Turcis, Tartaris, et plagis orientalibus exceptis). Наконецъ цѣль трактата, по мнѣнію самонадѣяннаго дипломата, заключалась и въ упроченіи торговыхъ сношеній обоихъ договаривающихся государствъ. Кенигсбергъ долженъ былъ сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ товаровъ идущихъ изъ Гамбурга въ Московію и обратно.

Этимъ широкимъ планамъ нашего уполномоченнаго не суждено было, однако, осуществиться. Повторяемъ, время для прочнаго союза между Россіей и Пруссіей тогда еще не пришло. Петръ, окруженный тысячью опасностей со стороны короля Шведскаго, считался союзникомъ не довольно сильнымъ, чтобы на него опереться. Онъ не смылъ еще пятна Нарвскаго пораженія. Тѣмъ не менѣе Паткуль твердо вѣрилъ въ возможность прочнаго оборонительнаго союза Россіи съ Пруссіей. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзывается ано-

нимный авторъ „поты“, или объяснительной замѣтки, помѣщенной непосредственно послѣ первой редакціи проекта и авторъ которой, можно сказать почти съ достовѣрностью, былъ не кто другой, какъ тотъ же Паткуль. „Я утверждаю, сказано въ этой замѣткѣ, что такъ какъ отнята уже почва подъ ногами Прусскаго короля, то тотъ, кто воспользуется этимъ, можетъ похвастаться мастерски исполненнымъ дѣломъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ проекта хорошо сознавалъ, что дѣйствовать нужно крайне осторожно и разсчетливо, а главное—тайно. Онъ говоритъ далѣе въ своей запискѣ: „Притомъ я напоминаю, что дѣло это требуетъ деликатнаго образа дѣйствій (eine delicate Negotiative), и не слѣдуетъ мѣшкать, если не хотятъ его испортить. Тайна должна быть его душою (Das Secret muss die Seele davon sein).

Но и Паткуль имѣлъ успѣха не болѣе, чѣмъ князь Трубецкой или Измайловъ. Но онъ не сумѣлъ напасть на слѣдъ истинной причины колебанія Берлинскаго двора. Онъ объяснялъ себѣ свой неуспѣхъ личнымъ нерасположеніемъ короля Прусскаго къ Польскому. Въ ноябрѣ 1705 года, по возвращеніи своемъ изъ Берлина, Паткуль писалъ письмо боярину Головину, въ которомъ говорилъ о страшной ненависти, питаемой всѣми европейскими потентатами къ фальшивости Августа. Пруссія готова была, по его мнѣнію, вступить въ прочное соглашеніе съ Россіей, но всему помѣхой былъ, по его мнѣнію, Августъ. Паткуль ошибался, приписывая медленный образъ дѣйствія Прусскаго правительства ненависти къ характеру Польскаго короля. Тайна неудачъ заключалась впрочемъ въ томъ, что Россія немогла еще считаться достаточно сильною союзницей, особенно во время самаго ожесточенія Шведской войны.

Если вопросъ о заступничествѣ Пруссіи въ войнѣ Россіи со Швеціей имѣлъ такъ мало успѣха даже въ рукахъ Паткуля, отличавшагося большимъ запасомъ ловкости и умѣньемъ проводить самыя смѣлыя политическія идеи, то въ рукахъ фонъ-Кейзерлинга вопросъ этотъ, конечно, долженъ былъ двигаться еще медленнѣе. Нѣсколько меморіаловъ послѣдняго за 1707 годъ наполнены пространными и, подъ часъ, витіеватыми дипломатическими этюдами, общій смыслъ которыхъ таковъ: король польскій Августъ стѣсненъ. Польша не только не доставляетъ ему выгодъ, но, напротивъ, разоряетъ его родную Саксонію. Поэтому было бы выгодно ему усту-

пить престолъ Польскій принцу Александру (про Лещинскаго старательно умалчиваетъ Кейзерлингъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что партія Станислава имѣла уже въ это время значительную силу въ Берлинѣ), самому же Августу удалиться въ Саксонію, и не принимать уже столь дѣятельнаго участія въ политическихъ событіяхъ, тѣмъ болѣе, что войско Августа было уже наголову разбито Шведскимъ королемъ. Это удаленіе Августа, по мнѣнію Кейзерлинга, дастъ возможность Польшѣ заключить съ Швеціей миръ, если не почетный, то все же миръ, а русскому царю развяжетъ руки, и онъ будетъ въ состояніи, чрезъ посредство дружественнаго Прусскаго короля, заняться мирными переговорами съ Карломъ, въ виду которыхъ посланникъ неоднократно просилъ Петра сообщить ему свои условія для передачи ихъ королю Фридриху. Наконецъ, фонъ-Кейзерлингъ съ особенною силой повторяетъ, что миръ на тѣхъ или другихъ условіяхъ есть насущная необходимость для Русскаго монарха, если онъ не хочетъ подвергнуть себя самымъ несчастнымъ случайностямъ въ неравной борьбѣ съ непобѣдимымъ Карломъ. Конечно, трудно было тогда предвидѣть достопамятные дни Лѣсной и Полтавы, и прусскій посланникъ имѣлъ свои основанія совѣтовать царю возможно скорое прекращеніе войны. Онъ не сознавалъ еще, что въ Великую Сѣверную войну военному генію Карла XII суждено было сокрушиться о желѣзную стойкость Петра Великаго.

Но событія не ждали, нужно было выяснить отношенія Пруссіи къ Россіи. И вотъ, въ августѣ 1706 года, Петръ отправляетъ изъ Кіева (гдѣ онъ пребывалъ въ то время въ походѣ) къ Берлинскому двору посломъ инкогнито гвардіи капитана Ивана Измайлова. Цѣль и этого посольства въ главныхъ чертахъ не разнилась отъ предыдущихъ. Лишь нѣсколько пунктовъ инструкціи даютъ поводъ полагать, что Петръ началъ заподозривать чистосердечіе Прусскаго короля и предписывалъ своему посланнику во что бы то ни стало выслѣдить хитраго монарха и вывести на чистую воду его тайныя продѣлки, буде таковыя окажутся. Первыя статьи инструкціи, какъ и слѣдовало ожидать, состоятъ въ томъ, что Измайловъ долженъ возобновить старинный союзъ и дружбу, и просить короля о медіаторствѣ, если же онъ и на медіаторство не согласится, то, по крайней мѣрѣ, о соблюденіи нейтралитета,

что необходимо, „дабы его царское величество въ томъ весьма благонадеженъ быть могъ; а безъ того обнадеживанія, слыша о частыхъ пересылкахъ его королевскаго величества съ королемъ Шведскимъ, его царское величество не малое имѣетъ сумнѣніе, которымъ бы подтвержденіемъ все то сумнѣніе уничтожено было“ (пунктъ 5-й инструкціи).

Нельзя не замѣтить, какъ постепенно все съуживалась программа русскихъ требованій, и какъ, съ другой стороны, все болѣе и болѣе охладѣвало желаніе Пруссіи служить русскимъ интересамъ. Первоначально обѣщана была военная помощь при наступательномъ и оборонительномъ союзѣ. Затѣмъ, отчаявшись получить эту помощь, Россія настаивала лишь на одной медіаціи короля Прусскаго. Теперь же мы видимъ, что и медіаторство, въ глазахъ русскихъ дипломатовъ, едва ли было достижимо, и русскія желанія стали сосредоточиваться уже лишь на просьбѣ не признавать Станислава Лещинскаго. Объ этихъ польскихъ дѣлахъ говоритъ 8-й пунктъ инструкціи посла Измайлова.

„И того надлежитъ ему (Измайлову) смотрѣть накрѣпко, дабы его королевское величество, по домогательству короля Шведскаго, не признавалъ за короля Польскаго Лещинскаго, представляя ему о томъ, что *его царскаго величества пользъ весьма то будетъ вредительно, и въ томъ самая недружба и несодержаніе союза объявится со стороны его королевскаго величества.*“

Наконецъ, въ 9-мъ пунктѣ излагается тотъ образъ дѣйствія, котораго долженъ будетъ держаться посланникъ во все время пребыванія своего въ Берлинѣ: „Будучи ему, Ивану, при дворѣ его королевскаго величества Прусскаго, развѣдывать накрѣпко о непріятельскихъ замыслахъ... а особливо (какъ слышится) о тройномъ союзѣ Прусскаго, Гановерскаго и Шведа. *И нѣтъ ли у короля Шведскаго войскъ прусскихъ*, и о томъ о всемъ и о всякихъ вѣдомостяхъ, развѣдывая, писать по данной ему азбукѣ чрезъ почту, а будетъ нужное, и чрезъ нарочнаго курьера, а договоры, съ которыхъ данъ ему списокъ, держать у себя секретно.“

Очевидно, что въ Россіи перестали наивно вѣрить въ искренность прусскихъ фразъ и хотѣли уже на фактахъ убѣдиться въ состоятельности Фридриховой дружбы. Что касается проекта Кейзерлинга о замѣщеніи Августа принцемъ Александромъ, то Петръ

строго запретилъ Измайлову что-либо говорить объ этомъ дѣлѣ съ прусскими министрами, сохраняя, вѣроятно, этотъ проектъ про запасъ, и имѣя, можетъ-быть, въ виду воспользоваться имъ при удобномъ случаѣ. Наконецъ, въ послѣдней статьѣ инструкціи говорится, что если рѣчь зайдетъ о заключеніи партикулярнаго (то-есть отдѣльнаго отъ Польши) мира со Швеціей, то узнать объ условіяхъ Карла, но желаніе мира со стороны Русскаго царя сохранять пока въ тайнѣ.

Посольство Ивана Петровича Измайлова къ Берлинскому двору было однимъ изъ самыхъ неудачныхъ. Долгое время оставался онъ безъ всякихъ извѣстій и указовъ изъ Москвы и, не рѣшаясь поступать по собственной иниціативѣ, терялся въ догадкахъ, колебаніяхъ и сомнѣніяхъ. Сохранилось около двухъ десятковъ его писемъ, изъ коихъ почти каждое непремѣнно начинается неизбѣжною фразой: „Смилосердуйтесь, государи мои, прикажите отписать ко мнѣ, доходятъ ли до васъ мои письма?“ Или: „Изволишь ли писать ко мнѣ... истинно не пропускалъ ни единой почты, чтобы не писать до васъ, токмо за свое безсчастіе по се время не имѣлъ ни единаго письма ни откуда.“ Далѣе слѣдуютъ обыкновенно упреки, что господинъ фонъ-деръ-Литъ (русскій коммиссаръ и корреспондентъ въ Берлинѣ) получаетъ исправно письма отъ Шафирова, а посланникъ не имѣетъ извѣстій и пр. Во многихъ письмахъ Измайловъ проситъ прислать ему переводчика, такъ какъ до сихъ поръ ему приходилось пользоваться исключительно услугами королевскаго переводчика Бауера (русскій переводчикъ незадолго предъ тѣмъ утонулъ). Къ довершенію горя, въ одномъ изъ писемъ мы читаемъ извѣстіе, что и этотъ послѣдній переводчикъ лежитъ при смерти, да и человѣкъ-то онъ старый. Дѣло о медіаторствѣ подвигалось туго. Королевскіе министры попрежнему расточали отъ имени короля всевозможныя любезности, но до дѣла собственно не касались. Однако одно сообщеніе въ письмахъ Измайлова носитъ на себѣ характеръ значительной важности. Русское правительство, отчаявшись достигнуть чего-либо серіознаго прямымъ путемъ, рѣшило избрать наконецъ путь косвенный. Оно предписало *подкупать дипломатію деньгами.* Странно только, что этотъ приказъ былъ сообщенъ не прямо посланнику, а сначала корреспонденту фонъ-деръ-Литу. Вотъ что читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Измайлова:

„Онъ же (фонъ-деръ-Литъ) сказалъ, будто есть ему указъ, чтобы здѣшній дворъ скупить деньгами и сулить многимъ. Я безъ указу того дѣлать не смѣю. Зѣло бы надобно графа Вартенберга чѣмъ уласкать, а другіе министры зѣло отягчены шведскими дукатами.“ *).

Послѣдняя фраза объясняетъ многое въ прусской политикѣ. Далѣе въ этихъ же письмахъ Измайловъ сообщаетъ, что „короли Польскій и Шведскій въ Лейпцигѣ *пли за однимъ столомъ, и послѣ обѣда были токмо двое много времени*“. Результатомъ этой бесѣды наединѣ двухъ королей былъ, какъ извѣстно, постыдный для Польши миръ въ Альтранштедтѣ (24-го сентября 1706 года), заключенный Польшей отдѣльно отъ Россіи, чему, какъ пишетъ въ другомъ письмѣ посланникъ, король Прусскій былъ зѣло удивленъ. Но что значитъ это удивленіе Фридриха въ сравненіи съ удивленіемъ Петра, когда онъ въ январѣ 1707 года получилъ вѣдомость изъ Берлина, что Станиславъ Лещинскій признанъ уже Прусскимъ дворомъ за короля Польскаго! Итакъ, обѣщаніе, многократно повторенное Фридрихомъ, это пышное обѣщаніе не расходиться съ интересами Русскаго монарха, вопреки даже строгому письму къ примасу, дерзнувшему нѣкогда разгласить о такомъ признаніи, обѣщаніе это теперь было торжественно нарушено. Въ Берлинѣ хорошо видѣли, что признаніе Станислава Лещинскаго повлечетъ серіезное неудовольствіе Русскаго царя, и вотъ начали изобрѣтать способы, какъ объяснить его, или, по крайней мѣрѣ, смягчить произведенное имъ впечатлѣніе. Петръ нѣсколько разъ просилъ Фридриха воздержаться отъ этого признанія, по крайней мѣрѣ, до цесаря. Теперь же, когда въ Вѣнѣ Станиславъ еще не былъ признанъ, въ Берлинѣ шведскіе агенты уже получили подпись короля. И вотъ объявляютъ русскимъ посланникамъ (корреспондентъ фонъ-деръ-Литъ былъ не задолго предъ тѣмъ объявленъ вторымъ чрезвычайнымъ посланникомъ), что цесарь лишь потому не признавалъ Станислава, что царь стоялъ со своими войсками у самой австрійской границы, *и непремѣнно призналъ бы*,

*) Объ этой чертѣ Берлинскаго кабинета Дройзенъ замѣчаетъ иронически: „.что за добрыя услуги Шведы даютъ добрую плату, испыталъ въ то время не одинъ графъ Вартенбергъ“ (стр. 294).

еслибы царь стоялъ дальше. Далѣе ссылались на то, что король Шведскій лишь подъ тѣмъ предлогомъ соглашался принять медіацію короля Прусскаго, когда послѣдній признаетъ его кандидата на Польскій престолъ. Можетъ-быть сильно дѣйствовали и вышеупомянутые шведскіе дукаты. Не даромъ фонъ-деръ-Литъ нѣсколько разъ писалъ въ Москву о присылкѣ ему „подарковъ“, которыми онъ могъ бы подмазывать скрипучую телѣгу дипломатіи.

Только вскорѣ по полученіи извѣстія о блестящей побѣдѣ надъ Шведами, одержанной княземъ Меншиковымъ при Калишѣ, Прусскій дворъ показалъ нѣкоторую склонность къ заключенію трактата съ Россіей, но и то только о соблюденіи нейтралитета, что же касается до оборонительнаго и наступательнаго союза, то о немъ нельзя было и мечтать. Характеристичнѣе всего слѣдующее мѣсто изъ письма фонъ-деръ-Лита, отъ 28-го февраля 1707 года: „А чтобъ здѣшній дворъ склоненъ былъ вступить въ наступательный и оборонительный союзъ, то я о томъ и думать никогда не хотѣлъ, ибо мнѣ извѣстно, сколь трудно дворъ Прусскій привесть и къ нейтральству...“

Измайловъ долѣе сохранялъ надежду на плодотворность переговоровъ, и все умолялъ „усладить“ и „уласкать“ чѣмъ-нибудь Вартенберга, на что Русское правительство и дало ему разрѣшеніе, предоставивъ carte blanche суммою до 100.000 ефимковъ. Въ одномъ изъ писемъ Измайлова мы находимъ однако указаніе на готовность Шведскаго короля заключить миръ съ Россіей. Посланникъ сообщаетъ, что въ Шведскую главную квартиру ѣздилъ фонъ-Принценъ съ нѣкоторыми порученіями своего короля. О цѣли поѣздки фонъ-Принцена Дройзенъ говоритъ слѣдующее: „Карлу XII грозила такая великая и неминуемая опасность (отъ соединенія польско-саксонскихъ войскъ съ русскими), что не будь онъ окончательно ослѣпленъ, онъ долженъ былъ бы *новое дружественное предложеніе Пруссіи* принять съ живѣйшею благодарностью... Шлосгауптманъ фонъ-Принценъ былъ посланъ въ Варшаву, чтобы *въ этомъ смыслѣ* говорить съ Карломъ“ (стр. 291). Русскіе министры просили его переговорить съ королемъ и о русскомъ дѣлѣ. И вотъ возвратился фонъ-Принценъ съ такимъ отвѣтомъ: король Карлъ согласенъ на миръ, *но не иначе, какъ чтобы ему возвра-*

щена была вся завоеванная земля, не исключая и Петербурга. Измайловъ отписалъ къ государю объ этихъ условіяхъ, но получилъ изъ Россіи отвѣтъ, что великій государь на нихъ не соглашается, и кромѣ того канцлеръ Головкинъ далъ ему благоразумный совѣтъ попрималчивать о подобныхъ предложеніяхъ „дабы не понести ему, Измайлову, великаго государя гнѣва“. Наконецъ и Измайловъ потерялъ всякую надежду добиться чего-либо отъ Прусскаго двора, и сталъ самъ проситься назадъ. Оригинальный способъ изобрѣлъ онъ, чтобы мотивировать свою просьбу. Онъ писалъ, что прусскіе министры многократно спрашивали у него и удивлялись почему это въ Берлинѣ резидируютъ два царскіе посланника, на каковые ихъ вопросы онъ могъ отвѣчать только, что „такова воля великаго государя“. И вотъ, пишетъ онъ, чтобъ уничтожить это странное положеніе представителей Русскаго правительства, не худо бы было оставить въ Берлинѣ одного только фонъ-деръ-Лита, а самому ему дать отпускъ на возвращеніе въ отчизну. Желаніе Измайлова было исполнено: онъ получилъ этотъ отпускъ, но несчастія не покинули его даже по оставленіи дипломатическаго поста. Проѣзжая черезъ Силезію, онъ былъ предательски захваченъ войсками Карла и заключенъ подъ арестъ, изъ котораго ему едва удалось освободиться, и то благодаря энергическому заступничеству нѣсколькихъ державъ.

Но этотъ переходъ прусскихъ симпатій на сторону Шведскаго короля былъ тоже непродолжителенъ. Прогремѣла надъ Европой Полтавская битва,—и флюгеръ Берлинскаго кабинета повернулся къ Россіи. Въ умѣ нѣкоторыхъ отважныхъ прусскихъ дипломатовъ внезапно созрѣлъ планъ, одинаково несбыточный и по своей обширности (Дройзенъ именуетъ его „великимъ проектомъ“), и по своей несвоевременности. Мы говоримъ о проектѣ раздѣла Польши между королями Прусскимъ, Датскимъ и Августомъ II. Самымъ ярымъ защитникомъ этого плана явился самъ Фридрихъ, который надѣялся привлечь къ участію въ немъ и Русскаго царя, обѣщая ему скорый миръ со Швеціей и удержаніе Балтійскаго побережья. Важнымъ средствомъ для этого считали личное свиданіе Фридриха съ Петромъ, которое и произошло въ Маріенвердерѣ 26-го октября 1709 года. Но на это свиданіе Петръ явился совсѣмъ инымъ человѣкомъ: онъ прошелъ школу несчастія, онъ извѣдалъ уже что

значатъ прусскія фразы и пышныя обѣщанія. По внѣшности свиданіе было самое дружественное и искреннее: „не произносили десяти словъ безъ поцѣлуевъ и объятій“ *; Петръ даже подарилъ Фридриху шпагу, бывшую на немъ въ Полтавской битвѣ. Но относительно своей политической цѣли свиданіе это не привело ни къ какимъ результатамъ. Петръ, очевидно сознавая химеричность „великаго проекта“, рѣшительно отклонилъ отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ, и отказъ его дипломаты объяснили гордостью и надменностью побѣдителя, который ясно видѣлъ, что онъ теперь истинный распорядитель минуты **).

Мы приблизились къ концу нашего повѣствованія. Не имѣя намѣренія утомлять читателя такимъ же подробнымъ изложеніемъ дипломатической переписки Россіи съ Пруссіей и нѣсколькихъ новыхъ попытокъ, сдѣланныхъ Петромъ чтобы привлечь короля къ дѣятельному участію въ его борьбѣ со Швеціей, мы разскажемъ вкратцѣ событія, происшедшія до смерти Фридриха. Послѣ 1710 г. война сосредоточилась на время въ Сѣверной Германіи, гдѣ русскія войска въ союзѣ съ Даніей и Августомъ поперемѣнно осаждали разные города и крѣпости (Штральзундъ, Штетинъ, Тенингенъ и др.) Нашимъ представителемъ при Берлинскомъ дворѣ былъ за это время графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ канцлера (съ февраля 1711 года), смѣнившій фонъ-деръ-Лита, который былъ отправленъ посланникомъ въ Лондонъ. Головкинъ дѣятельно и смѣтливо слѣдилъ за политикой, но всѣ старанія его достигнуть „дѣйства“ тоже оказались тщетными. Такъ, ему предписано было соблазнять Прусское правительство отдачей Эльбинга (Петръ незадолго предъ тѣмъ занялъ этотъ городъ своими войсками). Взамѣнъ просили вспомогательнаго войска, особенно артиллеріи. Переговоры

---

*) Дройзенъ стр. 340.

**) Къ этому же высокомѣрію Русскаго правительства западные писатели относятъ и поведеніе князя Меншикова въ Берлинѣ. Пріѣхавъ въ столицу Пруссіи и не снимая дорожнаго платья, князь Меншиковъ требовалъ свиданія съ королемъ. Ему отвѣчали что король въ церкви. Достигнувъ аудіенціи, онъ говорилъ коротко и отрывисто, а когда его пригласили отъ имени короля къ обѣденному столу, онъ сухо отвѣчалъ, что «самъ имѣетъ довольно что ѣсть» и въ тотъ же день отправился изъ Берлина къ арміи (Дройзенъ, стр. 421).

тянулись, но въ результатѣ не пришли ни къ чему, и Головкинъ писалъ уже въ одной изъ своихъ реляцій: „у здѣшнихъ господъ министровъ на одномъ часу разныя слова и отмѣнныя и часто только политичныя.“ Нѣкоторую надежду впрочемъ подало слѣдующее обстоятельство. Голштинскій министръ Гёрцъ предложилъ планъ: отдать шведскіе города въ Помераніи въ секвестръ Прусскому королю и Голштинскому администратору, такъ чтобы половина гарнизона въ нихъ была прусская, а другая половина голштинская. Планъ этотъ былъ принятъ Меншиковымъ, такъ какъ онъ согласовался съ русскими интересами: принимая въ секвестръ шведскіе города, Прусскій король невольно затягивался во враждебныя отношенія къ Швеціи. И это намѣреніе потерпѣло неудачу.

Но Пруссія все-таки не миновала войны со Швеціей. Фридрихъ I скончался 14-го февраля 1713 года, и на престолъ вступилъ мужественный, суровый Фридрихъ Вильгельмъ. Вмѣстѣ съ новымъ королемъ, на поприще дипломатической дѣятельности выступили и новыя, свѣжія лица, и перемѣна эта не замедлила выразиться и въ поворотѣ въ дѣлахъ.

И такъ, цѣлые пятнадцать лѣтъ стремился Петръ къ желанной цѣли Прусскаго союза. Онъ употреблялъ для этого, какъ мы видѣли, всѣ способы, начиная съ напоминанія о „персональномъ“ соглашеніи въ Кёнигсбергѣ и кончая интригами и подкупами министровъ, онъ испробовалъ все, что было въ его силахъ, дабы привлечь Фридриха къ исполненію своего обѣщанія. А вмѣстѣ съ тѣмъ не ясно ли говорилъ Фридрихъ на Яхтѣ въ Кёнигсбергѣ, что этотъ „великій и тайный“ союзъ заключается преимущественно противъ *общаго врага,* Швеціи, и не предлагали ли его министры написать эту статью на бумагѣ, хотя прямодушный, чистосердечный Петръ и отклонилъ это предложеніе какъ безполезное (въ виду словеснаго обѣщанія монарха) и даже опасное для дипломатической тайны заключеннаго союза? Разгадка этого неопредѣленнаго положенія вещей, этого пятнадцатилѣтняго колебанія Пруссіи пристать къ Сѣвернымъ державамъ, очень проста: Фридрихъ и его дипломаты ожидали, что Карлъ прежде всего нападетъ на Пруссію; вотъ почему такъ торопились они осоюзиться съ сильнымъ сосѣдомъ. На дѣлѣ же вышло иначе: Карлъ напалъ на Петра, и вотъ почему отступились они отъ этого опаснаго, рискованнаго союза, оставивъ

въ утѣшеніе негодующей Россіи сладкія фразы и пустыя увѣренія въ „вѣчной и братской дружбѣ.“

Какое же сужденіе въ правѣ мы высказать о прусской политикѣ того царствованія, которымъ мы преимущественно занимались? И держалась ли Пруссія въ разсмотрѣнный нами періодъ какой-нибудь послѣдовательной, строго обдуманной политической системы? Дройзенъ, на сочиненіе котораго мы не разъ имѣли случай ссылаться, говоритъ, что несмотря на чрезвычайную запутанность политическихъ интересовъ и отношеній, Пруссія все-таки старалась плесть „дипломатическую нить Аріадны“ *). Мы этой нити не видимъ: напротивъ, мы склонны полагать, что Пруссія, руководимая скорѣе придворными, чѣмъ дипломатами, *просто потерялась* среди невообразимаго лабиринта тогдашней политики.

Пруссія потерялась. Таковъ приговоръ безпристрастнаго историческаго взгляда, и въ этомъ смыслѣ политика ея не подлежитъ осужденію: кто не терялся среди такихъ громоносныхъ, критическихъ обстоятельствъ какимъ былъ набѣгъ на восточную Европу безумнаго и безстрашнаго Карла? Но свободна ли прусская политика того времени отъ упрека въ двуличіи и въ легкомысленной игрѣ великимъ и священнымъ словомъ *дружба*, объ этомъ пусть посудитъ читатель.

А. Шутята.

---

*) Стр. 278.

ЯНТАРНАЯ КОМНАТА

ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ДВОРЦА.

Съ нѣкотораго времени разныя должностныя лица Министерства Императорскаго Двора стали обращаться къ директору Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ вопросомъ: не найдется ли возможность отыскать во ввѣренномъ ему учрежденіи документовъ о присылкѣ въ подарокъ Прусскимъ дворомъ Россійскому Янтарной комнаты, устроенной, какъ извѣстно, въ большомъ *) Царскосельскомъ дворцѣ?

Иныя изъ нихъ ссылались при семъ случаѣ на преданіе о томъ, что эта комната первоначально устроена была въ С.-Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, и лишь въ послѣдствіи времени перевезена была въ Царскосельскій, и что о ней упоминается въ нѣсколькихъ старинныхъ сочиненіяхъ.

Вслѣдствіе сего, по распоряженію барона Ѳ. А. Бюлера, первые розыски произведены были въ богатой архивской библіотекѣ и въ принадлежащихъ ей книгахъ найдено: 1) въ *Описаніи С.-Петербурга* 1703—1751 Богданова, дополненномъ Рубаномъ, Спб. 1779, стр. 65, что постройка Царскосельскаго дворца начата въ 1744 году и еще продолжалась въ 1779; а 2) въ *Описаніи С.-Петербурга*

---

*) Таково офиціальное названіе, собственно говоря, *стараго* дворца, въ отличіе отъ выстроеннаго при Императорѣ Александрѣ I и потому называемаго Александровскимъ.

и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго, соч. І. Г. Георги, Спб. 1794, на стр. 689, § 1.071, слѣдующее извѣстіе о Янтарной комнатѣ: „Знатная комната обита, вмѣсто обоевъ, янтарными дощечками и украшена четырмя досками, на которыхъ пять чувствъ изображены мозаическою работой. Король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ Первый подарилъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ сіи янтарныя дощечки, а императрица ему обратно 80 большихъ рекрутъ.“

Если вышеупомянутое *преданіе* ограничивало начало розысковъ 1762 годомъ (когда Зимній Дворецъ, еще не вполнѣ достроенный графомъ Растрелли, освященъ былъ въ празднованіе Св. Пасхи, при императорѣ Петрѣ III), то указаніе Георги позволяло восходить до 1730 года, т.-е. ко времени воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

Это обстоятельство побудило г. директора поручить чрезъ мое посредство, какъ старшаго архиваріуса, разнымъ лицамъ пересмотрѣть подъ моимъ наблюденіемъ съ 1730 по 1740 годъ, т.-е. за все время царствованія императрицы Анны Іоанновны, всѣ принадлежащіе ко внутреннему составу Архива 26 картоновъ „Спошеній съ Пруссіей;“ но эти труды оказались напрасными.

Наконецъ, перелистывая недавно одинъ изъ находящихся въ Архивѣ двѣнадцати томовъ *Писемъ Императора Петра I*, мнѣ посчастливилось найти тамъ копію съ его письма къ П. М. Бестужеву-Рюмину слѣдующаго содержанія:

„Monsieur, — Когда присланъ будетъ въ Мемель изъ Берлина отъ графа Александра Головкина кабинетъ янтарной (который подарилъ намъ королевское величество Прусской) и оный въ Мемелѣ прійми и отправь немедленно чрезъ Курляндію на курляндскихъ подводахъ до Риги съ береженіемъ съ тѣмъ же посланнымъ, который вамъ сей нашъ указъ объявитъ, и придайте ему до Риги въ камвой одного ундеръ-офицера съ нѣсколькими драгунами; такожъ дайте тому посланному въ дорогу до Риги на пищу денегъ, дабы онъ былъ доволенъ и ежели будетъ требовать подъ тотъ кабинетъ саней, и оныя ему дайте.

„*Петръ.*“

Изъ Амстердама, генваря
въ 7 день 1717 года.
Господину Бестужеву въ Курляндіи

Изъ надписи сдѣланной на той копіи видно, что она списана съ оригинала принадлежавшаго статскому совѣтнику А. П. Курбатову; причемъ вѣрность ея съ подлинникомъ засвидѣтельствована секретаремъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Ждановскимъ.

А такъ какъ это письмо писано въ январѣ мѣсяцѣ 1717 года, то оставалось обратиться снова къ „Сношеніямъ съ Пруссіей“ за послѣдніе мѣсяцы 1716 и за весь 1717 годъ.

Въ картонахъ перваго изъ сихъ годовъ ничего относящагося до Янтарной комнаты не оказалось; а въ картонахъ 1717 года найдено *Дѣло о присылкѣ отъ Прусскаго короля въ даръ къ государю Петру I янтарнаго кабинета, 1717 года, января 15*, которое состоитъ: 1) изъ описи на нѣмецкомъ языкѣ янтарныхъ досокъ, за подписью какихъ-то должностныхъ лицъ, по фамиліи Меерманъ и Шванъ, 2) переводовъ съ оной на русскій языкъ и 3) наставленія какимъ образомъ слѣдовало распаковывать янтарныя украшенія, съ фамиліей Француза мастера дѣлавшаго ихъ въ Данцигѣ.

Помѣщаемъ здѣсь подлинникъ описи, переводъ ея на русскій языкъ и наставленіе о распаковкѣ.

I. Specification.

Des Bernstein Gemaches, so Sr Königl: Mayst: in Preussen, Unser Allergdst: Herr, Se Czarishe Mayst: praesentirt, so bestehet in nachfolgenden Stücken.

Alsz:

1. Zwey Grosse Wandstücken, worinnen zwey Spiegelrahme mit Spiegeln.
2. Zwey dergleichen Stücke, bey welchen nur ein lediger Spiegel Rahm.
3. Vier dergleichen Wandstücken, ein wenig schmäler, ein jedes mit einem ausgeschweifften Spiegel zum Blaker *).

Zwey Flügel etwas breit, und noch zwey, so etwas schmaeler. Diese 12 Stücke sind alle einer Höhe.

5. Zehen aparte Pancel-Stücken, von egaler Höhe, aber differenter breite, alle complet besetzt.
6. Noch sind dabey gegeben, folgende Stücke, so da können

*) Стѣнной подсвѣчникъ соединенный съ зеркаломъ (gespiegelter Wandleuchter).

mit gebraucht werden, alsz: ein viereckt Brett gantz belegt, ein fertig Schildt mit einem palmiten Kopff, drey fertige palmiten Köpffe aus Holtz. Sieben kleine Köpffe. Vierzehen fertige Tulipanen, zwölff fertige Rosen. Drey Stücken mit Muscheln und Schnecken ausgemacht. Zmey fertige Gesimmse. Zwey klein Eckstücken. Ein klein länglicht Brett, mit zwey Schrauben. Vier kleine aussgeschweiffte gantz belegte Bretter. Drey und zwantzig kleine aussgeschweiffte Bretter, so nur hin und wieder belegt. Noch zu einem Flügel ausgeschweiffter klarer Bernstein so in hundert únd sieben kleine Stücken bestehet.

Obige Specificirte Bernstein Sachen, seynd in diesen achzehen grossen, und kleinen Packen befindlich, Berlin d. 13 ten Januarij 1717.

Iohann Wilhelm Meermann.

M. Schwaan.

II. Роспись.

Янтарной каморы, которую его королевское величество Прусское его царскому величеству презентовать изволилъ и которая состоитъ въ слѣдующихъ штукахъ:

1) Двѣ большія стѣнныя штуки, въ которыхъ двои рамы съ зеркалами.

2) Двѣ таковыя же штуки, при которыхъ токмо одни поуже рамы.

3) Четыре таковые же стѣнные штуки, немного поуже и каждая съ отдѣльными зеркалами.

4) Два крыла пошире и еще два немного поуже. Сіи 12 штукъ все равной вышины.

5) Десять особливыхъ панельныхъ штукъ равной вышины, но разной ширины. Всѣ сполна.

6. Еще къ тому приданы слѣдующія штуки, которыя такожъ употреблены быть могутъ; четырехугольная доска, обложенная янтаремъ, изготовленный щитъ съ большою главой, три изготовленныя большія головы на деревѣ, седмь малыхъ головъ, четырнадцать изготовленныхъ тулипановъ, двѣнадцать изготовленныхъ розъ, три штуки съ раковинами, двои изготовленные зимцы (?), двѣ малыя наугольныя штуки, маленькая долговатая доска съ двумя шурупами, четыре маленькія янтаремъ обложенныя доски, двадцать три маленькія доски, которыя еще къ одному крылу чистаго янтаря, которыя въ ста семи малыхъ штукахъ состоитъ.

Вышеописанныя янтарныя вещи въ 18-ти большихъ и малыхъ связкахъ находятся. Берлинъ, 13-го Генваря 1717 году.

Іоганъ-Вилгелмъ Меерманъ.

М. Шваанъ.

III. Наставленіе о распаковкѣ.

Не въ примѣръ *) данное обученіе какимъ образомъ потребно янтарной кабинетъ вынимать и что при томъ смотрѣть.

1. Все тюки подписанныхъ Oben или вверху, когда все ящики изъ соломы и укладки вынутся, то надлежитъ смотрѣть, чтобъ верхнюю сторону всегда поднимать.

2. Все ящики крѣпкими шрубами назади крѣпко укрѣпить, оные напередъ расшрубовать и ящикъ положить на сторону гдѣ были шрубы, ибо сіе есть нужнѣе дна.

3. Другая сторона, яко верхняя часть ящика, отопрется и тогда найдешь подъ олонелемъ крѣпко придѣланной янтарь и напередъ малые штамклоцы и поперечные полочки, которые между олонелевою крышкою и янтаремъ крѣпко сидятъ вскорѣ извнутри выпять и олонель снять, чтобъ зеркалы, которые въ стѣнѣ вскорѣ мочно было увидѣть и не разломать.

4. Съ великимъ прилежаніемъ все гвозди, которые въ четырехъ стѣнахъ или побочныхъ доскахъ къ серединѣ имѣютъ быть выняты и тогда мочно верхнюю или нижнюю побочную доску выломать, чтобъ рукамъ мѣсто было и тогда янтарную стѣну мочно вынять.

5. Малые ящики, которые снаружи никакихъ шрубовъ не имѣютъ внутри зашрубованы и надлежитъ сего смотрѣть, чтобъ верхнюю сторону по внутренному знаку (Oben) сперва отворить, ибо въ иныхъ двухъ, а въ иныхъ четырехъ, разные штуки находятся.

6. Въ самомъ большомъ ящикѣ, гдѣ зеркало, малой ящичекъ придѣланъ, въ которомъ всякія мелкія штучки, которые по приложенной росписи разобрать мочно, такожъ переломанные штуки, которыя еще мочно употреблять, оныя надлежитъ выбрать изъ большаго ящика, понеже онѣ крѣпко въ комнату уложены.

7. А въ трехъ малыхъ четвероугольныхъ тюкахъ двойные ящики, въ которыхъ зеркальные рамы, а въ четвертомъ зеркало само, которое круглымъ нумеромъ особливо назначено и съ которымъ особливо скоро надлежитъ поступать вынимаіемъ и тако мы, по указу всемилостивѣйшему королевскому, положили съ прилежаніемъ и для сего сіе за руками нашими подали. Въ Берлинѣ, дня 13 генваря 1717 году.

Юганъ Вильгельмъ Меерманъ. М. Шванъ. Мастеръ который сей янтарный кабинетъ изготовилъ называется Гофринъ Тусо; а живетъ во Гданскѣ.

---

*) То-есть экстренное.

Кромѣ вышепоказанныхъ трехъ документовъ мнѣ удалось найти въ картонахъ съ принадлежащими Архиву „Письмами разныхъ лицъ на русскомъ языкѣ“ и четвертый, приложенный къ письму адресованному графомъ Головинымъ, изъ Амстердама, въ маѣ мѣсяцѣ (безъ обозначенія числа) 1717 года, къ секретарямъ Посольскаго Приказа Шафирову и Ларіонову; а именно: счетъ разныхъ издержекъ сына его, графа Александра Головкина, по которому деньги слѣдовало отправить къ нему въ Берлинъ.

Въ этомъ счетѣ, выписка изъ коего помѣщается ниже, кромѣ издержекъ на платья, экипажи, книги и проч. исчислены также и издержки на провозъ Янтарнаго кабинета.

„Вѣдѣніе деньгамъ издержаннымъ на государевы чрезвычайные расходы.

	Курантъ талеры.
Посланнымъ съ энтарнымъ кабинетомъ одному надзирателю, а другому королевскаго величества Прусскаго шпрмейстеру дано на подъемъ.....	30
Да кормовыхъ имъ же до Мемля на шесть недѣль по четыре талера человѣку на недѣлю, итого.....	24
Онымъ же на заплату трехъ лошадей до Мемля.....	37
Имъ же на починку восьми телѣгъ въ дорогу.....	20
Олонеля для перекладыванія помянутаго кабинета и вощанки для покрытія отъ дождя ящиковъ, въ которыхъ оный укладенъ.....	52
Плотникамъ которые работали при убираніи энтарнаго кабинета.....	10
Вышепомянутому надзирателю послано въ Королевецъ что онъ на починку телѣгъ сверхъ даннаго числа издержать принужденъ былъ, такожде и ящики вновь покрывалъ кожею, понеже вощанка изодралась“.....	42

Мая 22-го дня 1717.

Но насъ спросятъ: почему же не отыскивается извѣщеніе короля прусскаго Фридриха Вильгельма I Петру Великому о принесеніи ему въ даръ Янтарной камеры? Извѣщеніе это быть-можетъ находится въ иномъ архивѣ, напримѣръ въ С.-Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Однакожь объ этомъ подаркѣ могло и не быть никакого письменнаго увѣдомленія; ибо онъ по всей вѣроятности былъ лично предло-

женъ и согласіе на принятіе его изъявлено самимъ Россійскимъ монархомъ, *въ проѣздъ его чрезъ Берлинъ*, гдѣ тогда возобновленъ былъ прежде заключенный между Россіей и Пруссіей союзъ противъ Швеціи *), такъ какъ письмо къ Бестужеву Петръ I написалъ по прибытіи въ Амстердамъ.

Такимъ образомъ оказывается, что преданіе относительно Янтарной комнаты гораздо вѣрнѣе чѣмъ указаніе Георги. Янтарная комната могла дѣйствительно быть первоначально устроена въ маломъ Зимнемъ Дворцѣ, въ которомъ жилъ и скончался Петръ Великій, гдѣ нынѣ Эрмитажный театръ, (у Зимней канавки); а перенесена она въ Царское Село когда графъ Растрелли строилъ тамъ каменный дворецъ, т.-е. съ 1744 приблизительно по 1780 годъ (см. выше свидѣтельство Рубана).

Что же касается до увѣренія Георги относительно того будто король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ поручилъ (но, во всякомъ случаѣ не отъ императрицы Анны Іоанновны) въ подарокъ, въ обмѣнъ за янтарныя дощечки, 80 большихъ рекрутъ, то хотя въ Московскомъ Главномъ Архивѣ и находится дѣло объ отправленіи Петромъ Великимъ къ сему королю съ камеръ-юнкеромъ Толстымъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 года, не 80-ти, а *55*-ти *самыхъ великорослыхъ солдатъ*; однакожь, за отсутсвіемъ въ семъ дѣлѣ какихъ-либо опредѣлительныхъ указаній, остается *догадываться*, что эта посылка великановъ служила выраженіемъ признательности Россійскаго монарха его союзнику за присылку Янтарной комнаты.

Теперь, при *положительномъ* опредѣленіи *года* полученія въ даръ этой комнаты и даже *имени* дѣлавшаго ее мастера, легко будетъ найти въ дѣлахъ гофъ-интендантской конторы и въ архивѣ Царскосельскаго дворцоваго управленія слѣды всѣхъ распоряженій относительно перенесенія Янтарной комнаты въ Царскосельскій Дворецъ.

Цѣль настоящаго сообщенія заключается отчасти въ томъ, чтобы вызвать и облегчить по этому предмету дальнѣйшія справки. Печатая нашу замѣтку руководствуемся тою мыслью, что все касающееся Петра Великаго не можетъ не интересовать русскаго читателя.

Ноябрь 1877 года.

К. Щученко.

---

*) *Исторія Россіи* С. М. Соловьева, т. XVII, стр. 92.

РУССКІЕ ВЕЛИКАНЫ ВЪ ПРУССКОЙ СЛУЖБѢ.

(1711—1746).

Въ виду нынѣшней близости Россіи съ Пруссіей, не лишено интереса прослѣдить обстоятельства подъ вліяніемъ которыхъ возникли дружескія отношенія этихъ странъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ изобилуетъ матеріалами по сему предмету, отчасти разработанными въ статьяхъ А. Д. Путяты: *Вопросъ о прусскомъ союзѣ въ первую половину великой Сѣверной войны*, и К. А. Щученко: *Янтарная комната Царскосельскаго Дворца* *). Въ послѣдней

---

*) Разыскивая матеріалы относящіеся до посылки великановъ Прусскому королю, мы неожиданно напали на нѣкоторыя свѣдѣнія относящіяся до Янтарной комнаты, подаренной Фридрихомъ-Вильгельмомъ I Петру Великому и дополняющія сообщенія г. Щученко; считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь. Въ своей Histoire de la vie privée, politique et militaire de Frédéric II (т. I, page 29 et 30) лордъ Доверъ (Dover), ссылаясь на разсказъ изъ Mémoires de la Margrave de Bareith о посѣщеніи Петромъ I и Екатериной разныхъ достопримѣчательностей Берлина, между прочимъ говоритъ, что Петру понравились нѣсколько статуй, и что... „Il demanda sans façon cette statue et plusieurs autres au roi, qui ne pût les lui refuser. Il en fit de même d'un cabinet dont toute la

статьѣ г. Щученко упоминаетъ о посылкѣ Петромъ I „великоросслыхъ солдатъ“. Это подало намъ мысль сообщить читающей публикѣ замѣчательные объ этомъ документы, найденные въ различныхъ рѣдкихъ сочиненіяхъ библіотеки и въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива и переданные намъ для обработки директоромъ Архива, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ.

Со вступленіемъ на престолъ въ 1713 году Фридриха Вильгельма I, Петръ Великій снова направилъ всѣ усилія чтобы привлечь Пруссію къ союзу противъ Швеціи, и успѣлъ въ этомъ, благодаря обстоятельствамъ вынудившимъ Прусскаго короля рѣшительно выступить противъ Швеціи, и личнымъ дружескимъ отношеніямъ между Петромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Петръ дорожилъ этими отношеніями и не упускалъ случая сдѣлать что-нибудь пріятное королю, въ видѣ ли подарка или исполненія его

---

boiserie était d'ambre. Ce cabinet était u n i q u e dans son espèce et avait coûté des sommes immenses au roi Frédéric I; il eût le triste sort d'être envoyé á St.-Pétersbourg, au grand regret de tout le monde.“ Относительно прекрасной статуи въ запискахъ маркграфини, родной сестры Фридриха Великаго, есть куріозный анекдотъ, будто этою статуей Петръ I до того плѣнился, что приказалъ своей супругѣ ее поцѣловать, и видя что Екатерина замялась крикнулъ: *кебабъ!*—что́ и заставило ее мгновенно исполнить его волю. Въ запискахъ маркграфини за словомъ *кебабъ* слѣдуетъ въ скобкахъ: *убью!* изъ чего можно заключить, что присутствовавшіе поняли будто Петръ грозилъ Екатеринѣ убить ее, тогда какъ вѣроятно было сказано: экая баба!

Что же касается упоминанія будто выпрошенная Петромъ Великимъ Янтарная комната есть *уникатъ* въ своемъ родѣ, то противъ этого, директору Архива барону Ѳ. А. Бюлеру недавно сообщилъ весьма интересное возраженіе нашъ почтенный академикъ А. Ѳ. Бычковъ. Служа подъ начальствомъ бывшаго директора Императорской Публичной Библіотеки, военнаго писателя, члена Государ. Совѣта, Д. П. Бутурлина, онъ, въ разговорѣ съ нимъ, выразилъ однажды вышесказанную мысль, на что́ Д. П. Бутурлинъ замѣтилъ, что въ имѣніи которымъ владѣла въ Крыму его супруга, рожденная Комбурлей, находится янтарная комната такой же величины и по достоинству не хуже такой же комнаты Царскосельскаго Дворца. За недавнею кончиной единственнаго сына Д. П. Бутурлина, имѣніе это должно принадлежать теперь его сестрѣ, состоящей въ замужествѣ за графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Строгановымъ.

желаній. Даже когда вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ король Польскій Августъ II *заложилъ* Фридриху-Вильгельму *городъ* Эльбингъ *съ его 14,000 жителей* (фактъ, которому теперь едва вѣрится) и король Прусскій отказался возвратить его, посредничество Петра имѣло послѣдствіемъ присоединеніе Эльбинга къ Пруссіи.

Изо всѣхъ слабостей Фридриха-Вильгельма самою сильною была его любовь къ великанамъ.

Чрезвычайно скупой во всемъ, онъ ничего не жалѣлъ на пріобрѣтеніе солдатъ большаго роста для своей Потсдамской гвардіи. Онъ платилъ 700 ефимковъ за человѣка въ 5 футовъ 10 дюймовъ, 1.000 ефимковъ за 6-ти футоваго, и передалъ такимъ образомъ чужестранцамъ болѣе 12,000,000 *); но этого мало: когда нельзя было достать покупкой рослаго человѣка, то прибѣгали къ насилію, заманивали обѣщаніями, спаивали; такія насилія вербовщиковъ происходили не въ одной Пруссіи, но и во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, черезъ что возбуждались ссоры и мщеніе **).

---

*) Histoire de Prusse par Camille Paganel.—Histoire de la vie privée, politique et militaire de Frédéric II, par lord Dover, т. I.

**) Въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива есть много указаній на эту страсть Прусскаго короля къ великанамъ. Между прочимъ приведемъ здѣсь выписку изъ реляціи посланника А. Головкина Петру I. (*Архивъ Берлинской Миссіи* 1723—1727). „.... По отъѣздѣ короля Польскаго въ Польшу, министръ саксонскій, здѣсь пребывающій, Сумъ, предъ нѣсколькими днями сюда пріѣхалъ. Я здѣшнихъ министровъ спрашивалъ, нѣтъ ли отъ него, Сума, какихъ новыхъ предложеній, на что́ они, министры, отвѣтствовали, что по сіе время у него, Сума, никакихъ предложеній еще не было; а въ сихъ дняхъ съ нимъ, Сумомъ, я видѣлся и самаго его о томъ сондировалъ, но онъ ни о чемъ не отзывался. Но только мнѣ сказывалъ, что дворъ его гораздо недоволенъ, что здѣшній дворъ учиненнаго между ими картеля не содержитъ, которому съ своей стороны во всемъ послѣдуютъ и прусскихъ бѣглыхъ солдатъ выдаютъ. Прусскій же дворъ ни мало сего картеля не обсервуетъ, какъ и недавно нѣсколько прусскихъ, собрався, въ Саксоніи впаденіе учинили и насильно большихъ людей брать хотѣли. Но Саксонцы, увидя то, собрався, оныхъ заарестовали и отдали суду, и сказывалъ онъ, Сумъ, что имѣетъ коммиссію при прусскомъ о сатисфакціи домогаться по 42 пунктамъ, которые противъ картеля съ прусской стороны учинены. И ежели Прусскій дворъ удовольства по тѣмъ 42 пунктамъ не учинитъ и прусскіе впаденія въ Саксонію чинить не переста-

Понятно что лица желавшія пріобрѣсти дружбу Прусскаго короля старались дарить ему великановъ; такъ напримѣръ Датскій король прислалъ ему нѣсколько человѣкъ.

Когда Фридрихъ-Вильгельмъ былъ еще кронъ-принцемъ, то нашъ посланникъ при Прусскомъ дворѣ Александръ Головкинъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Одинъ русскій солдатъ, вѣроятно высокаго роста, бѣжалъ изъ плѣна отъ Шведовъ въ Пруссію, гдѣ былъ насильно взятъ въ гренадеры кронъ-принца. „Я о томъ солдатѣ, пишетъ А. Головкинъ *) къ своему отцу, канцлеру, кронъ-принцу самому и тѣмъ господамъ которые у него въ милости, говорилъ чтобъ его свободили, понеже я безъ воли государя моего его царскаго величества русскихъ солдатъ въ чужую службу отпускать не смѣю и хотя кронцъ-принцъ и обѣщалъ его освободить, однако же вижу я, что то мое прошеніе кронъ-принцу го-

---

нутъ, то тѣхъ арестантовъ повѣсятъ или по послѣдней мѣрѣ Саксонскій дворъ картель кассируетъ.

„Тако жь между Ганноверцами и здѣшними такіе жь ранконтры происходятъ что здѣшніе въ ихъ земляхъ насильно людей берутъ: а насупротивъ того, Ганноверцы прусскихъ насильственно берутъ чтобы чрезъ то прусскихъ принудить къ отдачѣ ихъ людей.

„Ежели другіе дворы картель здѣшній кассируютъ, то многіе солдаты изъ прусскаго войска побѣгутъ."

Въ прусскихъ дѣлахъ Архива находятся три дѣла прямо указывающихъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ имѣлъ въ Россіи вербовщиковъ прибѣгавшихъ даже къ насиліямъ:

1) 1734 года, іюня 6-го. Дѣло по доношенію города Ревеля о насильственномъ Прусаками въ военную службу взятіи ученика Давида Баге.

2) Выписка объ освобожденіи взятыхъ въ прусскую службу Лифляндцевъ Багга и Зеланда.

3) Дѣло объ увезенномъ изъ Петербурга прусскимъ поручикомъ Сигелемъ камергера графа Салтыкова великорослымъ служителѣ Иванѣ Кремницынѣ.

Напомнимъ наконецъ извѣстный эпизодъ изъ жизни М. В. Ломоносова.

Дройзенъ въ своемъ сочиненіи Friedrich Wilhelm I старается какъ-то умалить эту, всѣмъ извѣстную, слабость Фридриха-Вильгельма къ великанамъ и говоритъ что насилія, которыя производились вербовщиками Прусскаго короля, сомнительны и едва ли справедливы. Странно что Дройзену ничего объ этомъ неизвѣстно.

*) Письмо вмѣсто реляціи чрезвычайнаго россійскаго посланника въ Берлинѣ графа А. Головкина къ канцлеру графу Головкину. 1711 *(Прусскія дѣла.*

раздо непріятно есть, для того я о томъ умолчу, кронъ-принцу не досадить, понеже указано мнѣ всемѣрно искать его дружбы къ царскому величеству. И вы, государь, о томъ солдате какъ повелите, ежели мнѣ о немъ говорить самому королю или чрезъ Илгена *), то я надѣюсь, что король того солдата прикажетъ свободить; только то зѣло будетъ досадно кронъ-принцу, который ежели за то будетъ сердитовать и въ томъ бы моей вины не было.

„Говорилъ мнѣ тайный совѣтникъ господинъ Крейцъ, который у кронъ-принца въ милости, что онъ желаетъ чтобъ я царскому величеству отписалъ, чтобъ онъ изволилъ къ нему приказать прислать нѣсколько русскихъ солдатъ росту большаго и я о томъ писать обѣщалъ, что теперь и справляю.“

Изъ возникшей по этому дѣлу переписки видно, что желаніе кронъ-принца ограничивалось высылкой десяти человѣкъ. Петръ же не только оставилъ этого солдата, взятаго насильно, по приказалъ, въ 1712 году **), „господину Өелтъ-Маршалу князю Меншикову, когда онъ прибудетъ въ Померанію, для команды нашее аукцилярныхъ войскъ, выбрать изъ тѣхъ полковъ десять человѣкъ солдатъ большаго возрасту и отослать къ нему кронъ-принцу“. Были ли посланы эти десять человѣкъ и прибыли ли они въ Пруссію, объ этотъ ничего не видно по документамъ. Такимъ образомъ, Петръ уже зналъ склонность Прусскаго короля къ людямъ высокаго роста; поэтому въ 1713 году, уже вступившему на престолъ Фридриху-Вильгельму, онъ шлетъ въ подарокъ 80 человѣкъ съ ружьями и сверхъ того „ружья русского жь дѣла“ на 2.000 человѣкъ съ полнымъ приборомъ. Самая отсылка замедлилась до 1714 года, вслѣдствіе того что „өузеи долго были съ Тульскихъ заводовъ не присланы,“ частію же потому что „токмо не исправились совсѣмъ въ портупеяхъ, перевязяхъ и лядункахъ, ибо оныхъ

*) Первый министръ.

**) Письмо канцлера графа Головкина къ россійскому посланнику А. Головкину 15-го января 1712 года.

Письмо вмѣсто реляціи посланника Головкина къ канцлеру Головкину 2-го (13) февраля 1712 года.

Тоже отъ 26-го февраля 1712 года.

за отпускомъ въ нынѣшній походъ на море мало осталось и для того вновь то дѣлаютъ".

Наконецъ, въ январѣ 1714 года, 80 человѣкъ, при цѣломъ транспортѣ ружей и аммуниціи, были отправлены изъ Петербурга съ капитаномъ де-Заюкъ сперва въ Ригу, а потомъ въ Мемель, куда уже отданы были различныя приказанія Прусскаго короля для оказанія содѣйствія къ благополучному прослѣдованію царскаго подарка *).

Капитанъ Заукенъ съ 80 солдатами былъ представленъ Фридриху-Вильгельму въ Шпандау, гдѣ король имъ сдѣлалъ смотръ, выбравъ при этомъ въ свои большіе гренадеры только 12 человѣкъ, а остальныхъ разослалъ по другимъ полкамъ. Затѣмъ онъ просилъ Головкина передать свою искреннюю благодарность царю. Александръ Головкинъ, увѣдомляя объ этомъ смотрѣ канцлера, пишетъ въ одномъ письмѣ, что „кажется не худо бъ было, чтобы человѣкъ съ 10 еще къ нему прислать изъ самыхъ большихъ, что

---

*) Канцлеръ пишетъ посланнику А. Головкину (въ письмѣ отправленномъ съ капитаномъ де-Заюкъ):

„Обѣщанные отъ его царскаго величества королевскому величеству Прускому 80 человѣкъ салдатъ да на цѣлой региментъ ружья и протчего по приложенной при семъ росписи отправлены отсюды Гренадерскому полку съ капитаномъ де-Заюкомъ, и когда онъ капитанъ съ тѣми солдаты въ Берлинѣ прибудетъ и вы объявите тѣхъ салдатъ и ружье королю пристойномъ образомъ, и какъ онъ то приметъ пишите и офицера отпустите сюды."

Въ описяхъ значится:

1713 года декабря 30-го дня, вѣдѣніе, что принято отъ капитана Перепелкина, а что́ чего принято и то значитъ ниже сего.

Салдатъ 80, въ томъ числѣ 4 человѣка за карауломъ.

При нихъ оузеи съ штыками	80
Шпагъ	80
Партупей	80
Перевязей	80
Каетановъ	80
Еще принято оузей	1.200
Штыковъ	1.200
Шпагъ	1.200
Партупей	1.200
Перевязей	1.200

Вилеръ де-Заюкъ капитанъ.

ему зѣло пріятно будетъ"; а въ другомъ письмѣ: „человѣка съ три, ибо тѣмъ короля къ пріятству можно болѣе привести нежели другимъ чѣмъ".

Помимо благодарности царю за подарокъ чрезъ нашего посланника, Фридрихъ-Вильгельмъ самъ пишетъ благодарственную грамоту Петру, которая такъ замѣчательна, что мы не можемъ не привести ее здѣсь, тѣмъ болѣе что въ ней Фридрихъ-Вильгельмъ самъ выражаетъ желаніе тѣснѣе сблизиться съ Петромъ. Видно, подарокъ уже очень пришелся по сердцу королю.

Durchlauchtigster Grossmächtigster Grosser Herr Czaar und Gross Fürst, Vielgeliebter Bruder und Freund.

Eur. Czaarischen Mayst. bin Ich sehr obligirt vür das angenehme präsent so Sie mir durch die mir Zugeshickte schöne und ansehn-

---

1714 года января 6-го дня, вѣдѣніе которые выбраны салдаты изъ полевыхъ полковъ къ Прусскому королю и онымъ надобно; имъ мундиръ и подъ ружье подводъ и что сколько и то значитъ ниже сего:

Шапокъ	80
Шубъ	80
Рубахъ и портокъ	80
(?) Курпъ паръ	80
Чулокъ паръ	80
Рукавицъ паръ	80
Сумъ патронныхъ	80

Надобно подводъ подъ 40 ящиковъ которые съ ружьемъ, а каждой вѣсомъ ящикъ по 17 пудъ; итого, надобно 40 лошадей съ санми, подъ провіантъ и подъ буторъ солдацкихъ и ежели прибудетъ больныхъ надобно 10 подводъ.

Вилеръ де-Заюкъ капитанъ.

Вѣдѣніе что принялъ капитанъ Саюкенъ на 80 человѣкъ солдатъ.

Оузей съ багинетами	80
Шпагъ съ партупеями	80
Перевязей	80

И целой мундиръ.

На 1.200 человѣкъ Оузей съ багинетами.

Шпагъ	1.200
Партупей	1.200
Перевязей	1.200

Въ Петербурге 19 дня января 1714 года, капитанъ Саутенъ.

liche Mannschaft thun wollen, und nehme Ich solches vor eine abermahlige Probe von der intention die Eur. Czaarl. Mayst. haben mir plaisir und Vergnügen zu machen; Eur. Czaarl. Mayst. können auch festiglich persuadirt seyn, das Ich an Meiner Seite eben dergleichen Sentimente und Begierde gegen Sie führe, und das Mir nichts glücklicheres wiederfahren kan, als wann Ich gelegenheit finde, zu Eur. Czaarl. Mayst. Satisfaction ebenfals etwas beytragen zu können.

Ich hoffe, dass die Ouverture, die Eur. Czaarl. Mayst. gegen Meinen bei derselben anwesenden Ministrum den von Schlippenbach wegen des Stettinischen und Nordischen wesens ohnlängst gethan, hierzu eine gute occasion geben werde, und gleich wie Ich ermelten den von Schlippenbach dieser wegen mit nöhtiger Instruction versehen lassen, so werde Ich auch darüber Eur. Czaarl. Mayst. weitere Resolution mit Verlangen erwarten, und herüber mit Derselben je eher je lieber zu einem gewissen Schluss zu kommen.

Eur. Czaarl. Mayst. werden sich erinnern dass als Ich das Glück gehabt, Dieselbe das letzte mal allhier bei mir zu Schönhausen zu sehen, Ich Ihro temoigniret, dass Ich ein Iahrzeit haben müsste meine Armee und Financen in volligen Standt zu bringen, und dass Ich ehe solches geschehen Mich nicht wohl in etwas engagiren könte.

Diese Zeit ist nun verflossen, und hat Mir Gott die Gnade gegeben, dass Ich nun mehr meine Sachen in Ziemliche Ordnung gebracht, dann ehero Ich auch itzst und so viel eher mit Eur. Czaarl. Mayst. mich näher setzen kan, wann nur auch sonst wir Eur. Czaarl. Mayst. von selbst hoffentlich geneigt sein werden meines Hauses interesse und Sicherheit gebührendt derbei menagiret wird.

Ich beziehe Mich auch die jenige, so der von Schlippenbach Eur. Czaarl. Mayst. dieser wegen noch weiter vorzustellen befehliget ist, und verbleibe mit aller ersinnlichen Sincerität *).

Eur. Czaarl. Mayst.
Freundwilliger Bruder und Freund
(подп.) Wilhelm.
(скрѣпилъ) Ilgen.

Berlin, den 5 Mai 1714.
An Ihro Czaarl. Mayst. wegen der S. Königl. Mayst. Zugeschickten Leüte und wegen eines näheren engagements mit Deroselben.

*) Прусскія грамоты 1714 года.

Пресвѣтлѣшій, державнѣйшій, великій государь, царь и великій князь много-любимый братъ и другъ.

Вашему царскому величеству я премного обязанъ за пріятный презентъ, который вы мнѣ собираетесь сдѣлать, посылая красивый и видный отрядъ; и принимаю за новое доказательство намѣренія которое имѣетъ ваше царское величество сдѣлать мнѣ пріятное.

Ваше царское величество можете быть крѣпко убѣждены что я, со своей стороны, испытываю тѣ же чувства и желанія по отношенію къ вамъ; и что́ меня можетъ больше всего осчастливить, это, если я найду возможность сдѣлать что-нибудь для удовольствія вашего царскаго величества.

Я надѣюсь что сообщенія, сдѣланныя недавно вашимъ царскимъ величествомъ моему министру фонъ-Шлиппенбаху, находящемуся при васъ, о Штеттинскомъ и Сѣверномъ дѣлѣ были бы удобнымъ случаемъ для того; и хотя я снабдилъ названнаго фонъ-Шлиппенбаха нужными инструкціями объ этомъ дѣлѣ, я все-таки буду съ петерпѣніемъ ждать дальнѣйшей резолюціи вашего царскаго величества, чтобы объ этомъ съ вами, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, придти къ какому-нибудь вѣрному заключенію.

Ваше царское величество навѣрно помните, что когда я имѣлъ счастіе видѣть васъ въ послѣдній разъ у себя въ Шёнхаузенѣ, я сообщилъ что мнѣ нуженъ цѣлый годъ, чтобы привести свою армію и финансы въ надлежащее состояніе, и что я прежде того какъ это исполнится, не могу входить ни въ какія обязательства.

Это время теперь прошло, и съ Божіею милостію, я привелъ дѣла свои въ надлежащій порядокъ; потому я теперь гораздо ближе могу стать къ вашему царскому величеству; такъ какъ мы и такъ вѣроятно были бы расположены другъ къ другу, если настоящіе интересы и безопасность моего дома притомъ будутъ охранены. Я ссылаюсь на то, что приказано фонъ-Шлиппенбаху сообщить еще объ этомъ вашему царскому величеству и остаюсь со всевозможною искренностью

Вашего царскаго величества
благорасположенный братъ и
другъ (подп.) Вильгельмъ.

Берлинъ 15 мая 1714 года.

Его царскому величеству
о присланныхъ его царскимъ величествомъ людяхъ и о ближайшемъ союзѣ съ нимъ.

Чрезъ годъ послѣ этой высылки солдатъ мы видимъ, что Головкинъ, которому въ то время нужно было поднять свой кредитъ при Прусскомъ дворѣ, опять обращается къ отцу своему канцлеру по поводу присылки великановъ и опять замѣчаемъ полную готовность Петра удовлетворить желаніе Фридриха-Вильгельма.

„Писалъ ты ко мнѣ," пишетъ канцлеръ, „что нѣкоторые изъ твоихъ пріятелей говорили тебѣ, чтобы царское величество для укрѣпленія дружбы съ королемъ Прусскимъ подарилъ ему, королю, *нѣсколько сотъ россійскихъ салдатъ*. И я доносилъ о семъ его царскому величеству, на что его величество соизволяетъ въ томъ такимъ образомъ: когда войска россійскія будутъ въ Помераніи и по окончаніи тамошнихъ дѣйствъ изволитъ его царское величество подарить ему, Прусскому королю, не только нѣсколько сотъ, но *цѣлой баталіонъ* или *цѣлой полкъ* и позволилъ для любви его королевскаго величества взять и *на выборъ* солдатъ изо всего корпусу, только желаетъ притомъ, чтобы тотъ россійскихъ солдатъ баталіонъ или полкъ не былъ *никогда раздѣленъ по другимъ прусскимъ баталіонамъ и полкамъ*, но всегда *особымъ* баталіономъ или полкомъ былъ содержанъ съ *россійскими и офицеры*, и ты при случаѣ, когда запотребно быть разсудишь, донеси о семъ его королевскому величеству, и какъ онъ сіе приметъ, о томъ ко мнѣ пиши *)...."

Изъ С.-Петербурга.
Ноября въ 1 день 1715.

Въ отвѣтѣ своемъ Александръ Головкинъ увѣдомляетъ сперва о поднесеніи королю „курпечатыхъ мѣховъ", а затѣмъ пишетъ: „Впрочемъ прошу о присылкѣ лошадей **) и также исходатайствовать указъ къ господину Фелтъ-маршалу графу Шереметеву о тѣхъ ста человѣкъ солдатъ, дабы короля Прусскаго въ добромъ намѣреніи къ интересамъ государевымъ, меня же въ кредитѣ для его жь царскаго величества интересу содержать. Уповая что его царское обѣщаніе 100 человѣкъ салдатъ не изволитъ принять немилостиво, ибо учинилъ я оное по послѣднему указу сего жь мѣсяца

*) Прусскія дѣла.

**) Фридрихъ-Вильгельмъ, составляя свою пѣхотную гвардію изъ великановъ, заботился тоже о кавалерійскомъ отрядѣ на высокихъ лошадяхъ.

1-го числа. Баталіона же или цѣлаго полку отъ войскъ царскаго величества я королю Прусскому не смѣлъ обѣщать, вѣдая, что онъ не похотѣлъ бы оной баталіонъ или полкъ въ непремѣнномъ состояніи съ офицерами россійскими и безъ раздѣленія оставить, что было бы не сходно съ волею царскаго величества, въ вышеупомянутомъ же указѣ изъявленною..."

Вѣроятно, Александръ Головкинъ, не упоминая ничего о сохраненіи въ томъ же составѣ солдатъ, въ какомъ они будутъ присланы, обѣщалъ Прусскому королю отъ имени Петра отъ 60—70 человѣкъ высокихъ солдатъ, потому что въ томъ же году (1715) въ декабрѣ мѣсяцѣ Фридрихъ-Вильгельмъ въ письмѣ своемъ къ Петру о взятіи Стральзунда, самъ напоминаетъ объ обѣщанныхъ 60—70 солдатахъ; но всего важнѣе то, что этимъ же письмомъ Прусскій король какъ бы обязуется продолжать союзъ съ Петромъ противъ Швеціи, что для Петра было крайне необходимо.

Вотъ это письмо, писанное изъ лагеря подъ Стральзундомъ.

Durchlauchtigster, Grossmächtigster, Grosser Herr Tzaar und Gross Fürst! Vielgeliebter Bruder, Gevätter und Freund! Da Eürer Tzaarischen Mayst. bisher alhier gewesener Obrister General Adjutant und Kämmerer Herr von Iagosinsky in Begriff stehet, von hier wieder zurück zu gehen, so ist Mir absonderlich lieb, dass Er. Czaarl. Mayst. dabey zugleich die angenehme Botschaft überbringen kann, welcher Gestalt die Campagne alhier nunmehr glücklich geendiget, Stralsund erobert, auch der König in Schweden selbst vor seine Persohn davon gegangen ist.

Eür. Tzaarl. Mayst. werden ohne Zweiffel mit Mir darin einig seyn, dass hin durch den Gesambten wieder Schweden Allijrten Puissancen kein geringes Avantage zuwachst, und dannenher habe Ich auch Ursach, Eure Tzaarische Mayst. wegen des besondere Theils welches Sie daran haben, hindurch aufs beste zu gratuliren, auch Sie zu versichern, dass Ich in denen mit Eürer Tzaarischen Mayst. wieder Schweden zu unserer gemeinsahmen Sicherheit genommene mesuren auch weiter getraulich continuiren werde, allermassen Ich Mir solches von Eürer Tzaarischen Mayst. auch ebenfals hinwieder festiglich promettire.

Eurer Tzaarischen Mayst. alhier substistirender Minister der Graff

von Goloffkin hat nebst obgedachten Obristen von Iagosinsky Mir Hoffnung gegeben, dass Eüre Tzaarische Mayst. Mir s e c h t z i g bis siebentzig grosse Grenadier schicken würden; Gleichwie Eur. Tzaarl. Mayst. Mir nun dadurch ein gar angenehmes present thun, also werde Ich Mir auch hingegen ein sonderbahres plaisir daraus machen, wann Ich Gelegenheit finde Eür. Tzaarl. Mayst. hin wieder Angenehme Gefalligkeit womit zu erweisen, wie Ich Mich dann auf die Versicherungen von Meiner zu Eür. Tzaairschen Mayst. in tragenden Aufrichtigen unveränderlichen Freundschafft, die Ich dem Obristen von Iagosinsky weiter mündlich gethan, beziehe und stats verharre *).

„Eur. Tzaarl. Mayst.
„Freundwilliger Bruder Gevatter und Freund.
„W i l h e l m."

Im Lager vor Stralsund
den 24 Dec. 1715.

(Скрѣпилъ) Ilgen.

An Ihro Tzaarl. Mayst.

„Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь
„царь и великій князь!
„любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

„Такъ какъ вашего царскаго величества до сихъ поръ здѣсь пребывавшій полковникъ генералъ-адъютантъ и камергеръ Ягозинскій (Ягужинскій) намѣревается вернуться назадъ, то мнѣ особенно пріятно, что онъ можетъ притомъ сообщить вашему царскому величеству пріятное извѣстіе о томъ, какимъ образомъ здѣсь счастливо окончилась кампанія, Стральзундъ завоеванъ, и король Шведскій собственною особой удалился.

„Ваше царское величество безъ сомнѣнія со мною въ томъ согласитесь, что тѣмъ достается всѣмъ противъ Швеціи союзнымъ державамъ немалая выгода; поэтому я также имѣю причину поздравить ваше царское величество какъ имѣющаго долю въ этомъ, а также и увѣрить васъ, что предпринятыя противъ Швеціи вмѣстѣ съ вашимъ царскимъ величествомъ, для нашей общей безопасности, мѣры, я буду и впредь продолжать и отъ вашего царскаго величества на подобное также сильно надѣюсь.

*) Прусскія Грамоты 1715.

„Вашего царскаго величества здѣсь пребывающій министръ графъ Головкинъ, также какъ и упомянутый полковникъ Ягозинскій, подали мнѣ надежду что ваше царское величество пришлете мнѣ отъ 60 до 70 большихъ гренадеровъ. Какъ ваше царское величество мнѣ тѣмъ сдѣлаете весьма пріятный подарокъ, такъ и я почту особымъ удовольствіемъ когда найду вашему царскому величеству чѣмъ-нибудь пріятнымъ услужить. Причемъ я ссылаюсь на увѣренія въ моей къ вашему царскому величеству искренней и неизмѣнной дружбы, которыя я полковнику Ягозинскому изустно передалъ и всегда поступаю какъ

„Вашего царскаго величества
„дружески расположенный
„братъ, кумъ и другъ *Вилыельмъ*.“

Въ лагерѣ предъ Стральзундомъ.

24 декабря 1715.

Его царскому величеству.

Понятно, что на такое любезное письмо Петръ не замедлилъ отвѣтить грамотой отъ 24-го января 1716 года *).

„Вашего королевскаго величества ко мнѣ отправленное пріятное писаніе отъ 24-го декабря, пишетъ Петръ, получилъ я исправно чрезъ возвратившагося предъ нѣсколькими днями моего камергера и генералъ-адъютанта Ягушинскаго и поздравляю ваше королевское величество дружебно братски *взятьемъ города Стралзунта* и симъ счастливо оконченною Померанскою кампаніею; оная вашему королевскому величеству толь славнѣе есть, понеже вы съ королемъ Швецкимъ самимъ дѣло имѣли и притомъ онаго при всѣхъ случаяхъ и толь тяжкихъ предпріятіяхъ *всегда поле одерживали*. Я радуюсь о томъ съ вашимъ королевскимъ величествомъ отъ всего сердца и благодарствую въ протчемъ дружебно братски за учиненное черезъ упомянутаго моего камергера Ягушинскаго вновь обнадеживаніе о постоянной истинной дружбѣ и что вы впредь воспринятыхъ со мною обязательствахъ противъ Швеціи вѣрно продолжать изволите. Ваше королевское величество можете объ оной и отъ меня обнадежены быть и сие крѣпко обязательство и сильное продолженіе войны толь потребнѣе, понеже сіи единые способы суть, чрезъ которое мы съ честью отъ сей войны освободимся и желаемое намѣреніе, а именно безопасный

*) Прусскія дѣла.

и славный миръ получить можемъ: объ обѣщанныхъ вашему королевскому величеству *большихъ гранадирахъ* послалъ я указъ къ моему генералъ оелдъ-маршалу графу Шереметеву, дабы оныхъ изъ корпуса обретающагося подъ его командою выбрать и къ вашему королевскому величеству послать, и имѣли мы отъ него вѣдомость, что ужь имъ нашему указу дѣйствительно довольство учинилъ, междо тѣмъ мнѣ зѣло пріятно есть, что я вашему королевскому величеству чрезъ то угодность показать могу и чемъ и впредь во всякихъ случаяхъ готова себя представляю, якоже мнѣ ничего пріятнѣе есть, когда я случай имѣю въ дѣлѣ самомъ быть, что я непрестанно есмь

Вашего величества
вѣрный братъ и другъ
Петръ.

Изъ Санктпитербурха,
24-го генваря 1716.

Затѣмъ изъ реляціи Головкина государю 24-го января 1716 года *) видно, что въ Устергаузенъ прибыло 80 человѣкъ, изъ которыхъ 14 были взяты въ большіе гренадеры, а другіе отосланы въ пѣхотные полки. Съ кѣмъ эти люди прибыли, объ этомъ ничего не упоминается, равнымъ образомъ нѣтъ свѣдѣній какъ благодарилъ Фридрихъ-Вильгельмъ Петра за такой цѣнный подарокъ. За то дальнѣйшія письма Александра Головкина указываютъ, что при дворѣ не давали ему покоя съ большими солдатами. При пріемѣ и осмотрѣ послѣднихъ 80 человѣкъ „нѣкоторыя королевскія фавориты ему заговоривали, чтобъ додать небольшое число къ тому, дабы цѣлая сотница была“.

Но прибавки не было никакой; по крайней мѣрѣ изъ документовъ не видно, чтобы были присланы еще 20 человѣкъ.

Въ 1717 году Петръ Великій былъ за-границей и, возвращаясь изъ Амстердама въ Петербургъ, посѣтилъ Фридриха-Вильгельма въ Берлинѣ, гдѣ былъ тогда возобновленъ прежде заключенный между Россіей и Пруссіей союзъ противъ Швеціи **). Очень можетъ быть, что въ благодарность за возобновленіе союза, а также за гостепріимство оказанное Фридрихомъ-Вильгельмомъ Петру Великому и императрицѣ Екатеринѣ въ загородномъ дворцѣ коро-

*) Прусскія дѣла.

**) *Исторія Россіи* С. М. Соловьева. Т. XVII, стр. 92.

левы „Mon bijou“ *), подарокъ Янтарной комнаты и статуй **), Петръ при грамотѣ отъ 30-го іюля 1718 года, послалъ съ камеръ-юнкеромъ Толстымъ 55 великановъ, токарный станокъ, баржу и кубокъ собственноручной работы. Ни въ грамотѣ, ни въ другихъ бумагахъ нѣтъ намека за что̀ собственно посылаются эти подарки и упоминается только о желаніи сдѣлать „особливое удовольство“ ***).

Вотъ какъ описываетъ графъ Головкинъ въ своей реляціи Петру Великому поднесеніе подарковъ и пріемъ ихъ королемъ.

„Всемилостивѣйшій царь государь.

„На завтрѣе по отпускѣ моей всеподданѣйшей послѣдней реляціи по указу королевскому ѣздилъ я купно съ вашего царскаго величества камеръ-юнкеромъ господиномъ Толстымъ въ Огоролъ (?), гдѣ его королевское величество присланныхъ большихъ гренадировъ назначилъ смотрѣть, и когда его величество туда прибылъ,

---

*) Mémoires de Frédérique-Sophie Wilhelmine, margrave de Bareith soeur de Frédéric le Grand T. I. 1810, page 45.

**) Объ этой статуѣ сестра Фридриха Великаго, Вильгельмина, говоритъ въ своихъ мемуарахъ, стр. 44, 45, слѣдующее:

„..... Il y en avoit une (statue antique) parmi ces derniéres, à ce qu'on m'a dit, qui représentoit une divinité paienne dans une posture fort indécente; on se servoit du temps des anciens Romains de ce simulacre pour parer les chambres nuptiales. On regardoit cette pièce comme très-rare; elle passoit pour être une des plus belles qu'il y ait. Le zaar l'admira beaucoup.... il demanda sans façon cette statue et plusieurs autres au roi qui ne pût les lui refuser.“

***) Вотъ подлинная грамота Петра великаго изъ Ревеля съ препровожденіемъ гренадеровъ. (Прусскія дѣла).

„Грамота къ королю Прусскому.

„Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій король и курепстъ, любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

„Приноситель сего камеръ-юнкеръ мой Толстой будетъ честь имѣть вашему королевскому величеству пятьдесятъ пять человѣкъ большихъ гренадеровъ толикое число и такъ большихъ колико я въ земляхъ моихъ до сего времени могъ найти, презентовать, якоже я особливое удовольствіе имѣю во всѣмъ вспоспѣшествовать еже ваше королевское величество довольствовать можетъ. Того ради я не могъ оставить при семъ случаѣ къ вашему королевскому ве-

помянутый камеръ-юнкеръ ему вашего царскаго величества грамоту подалъ и притомъ о присылке какъ людей, такъ и иныхъ презентовъ объявилъ,—что́ все его величество изволилъ принять съ великою благодарностію и радостію и съ любопытствомъ. Тульское ружье, такожде мундиръ и взрачность людей хвалить изволилъ и притомъ засвидѣтельствовалъ что зѣло чувствуетъ вашего царскаго величества склонности къ себѣ и искренней дружбы толикіе опыты, которые заслужить всячески стараться будетъ. Прочіе же презенты велѣлъ его величество на завтре къ себѣ принесть, а помянутыхъ гренадировъ изволилъ тотъ же часъ по величинѣ разобрать и все опредѣля изволилъ ихъ отправить въ Потсдамъ съ маеромъ отъ болшаго баталиона.

„....Третьяго жь дня, по указу королевскому, былъ я при дворѣ, купно съ вашего царскаго величества камеръ-юнкеромъ господиномъ Толстымъ, который отъ вашего царскаго величества презенты королевскому величеству поднесъ и его величество зѣло оными веселился, наипаче же веселился и удивлялся деликатному мастерству присланнаго покала и чистотѣ токарнаго станка, который близь своей спальни поставить велѣлъ, притомъ же изволилъ кушать изъ помянутаго покала за здоровье вашего царскаго величества, такожде за *девизу* или надпись, которая на оном покалѣ вырѣзана.“

Изъ Берлина.
11-го октября 1818 года.

личеству въ Санктъ-Петербурхе построенную баржу и при томъ токарной станокъ послать не сумнѣваясь, что ваше королевское величество соизволитъ сей малой презентъ дружебно братски принять, я же впротчемъ ваше королевское величество наикрѣпчайшимъ образомъ обнадѣживаю, что со всею истинностію есть и во время жизни моей пребуду

„Вашего величества вѣрный братъ
кумъ и другъ *Петръ*“.

въ Ревеле, іюля въ 30
день 1718.

„P. S. При семъ же посылаемъ къ вашему величеству кубокъ *нашей собственноручной работы.*“

Изъ Ревеля, іюля въ 30-й
день 1718.

(скрѣпилъ) графъ Головкинъ.

Всѣми этими подарками Петръ такъ угодилъ Фридриху-Вильгельму, что король поспѣшилъ послать ему слѣдующую грамоту:

Durchlauchtigster Grossmächtigster Grosser Herr Tzaar und Gross Fürst. Vielgeliebter Bruder Gevätter und Freund!

Eurer Tzaarischen Mäyst. Kammer-Junker Herr von Tolstoy, hat mir die fünfundfünfzig Mann grosse Grenadirer, und daneben einen Pocal von Eurer Tzaarischen Mäyst. Eigenhändigen und dannenher unschätzbahren Arbeit, wie auch die zu Petersburg erbauete Barge und Drechselbank, womit Euere Zaarische Mäyst. Mich zu beschenken geruhen wollen, zu reiht überliefert.

Alles dieses ist Mir ein hochst angenehmes Präsent, und bin Ich Eurer Tzaarischen Mäyst. mehr davor verbunden, als Ich es exprimiren kann.

Ich wünsche auch nichts mehr, als eine baldige Gelegenheit zu finden, und dagegen Eurer Tzaarischen Mäyst. Meine hertzliche Erkändtlichkeit in der That erweisen zu können. In dessen sollen obgedachte Grenadirer nebst Meiner ganzen arme und was Ich sonst noch weiter zu Eurer Tzaarischen Mäyst. Dienst und Beforderung Dero Interesse anzuwenden vermögend bin, jeder Zeit zu Eurer Tzaarischen Mäyst. Disposition stehen und werde Ich auch vor meinen Persohn so lange Ich lebe, ohnaussetzlich beharren.

Eur. Tzaarischen Mäyst.
Freündwilliger Bruder
Gevatter und Freund
Wilhelm.

Berlin den 22-te Octobr.
1718.

(скрѣп.) Ilgen.

An Seine Tzaar. Mäyst.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій
царь и великій князь,
любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

Вашего царскаго величества камеръ-юнкеръ Толстой доставилъ Мнѣ 55 человѣкъ большихъ гренадеръ, и съ тѣмъ вмѣстѣ вручилъ *бокалъ* отъ вашего царскаго величества безцѣнной работы,

также какъ и построенную въ Петербургѣ *баржу и токарной станокъ*, которые ваше царское величество соблаговолили подарить мнѣ.

Все это для меня весьма пріятный презентъ и я вашему царскому величеству обязанъ болѣе чѣмъ могу выразить вамъ.

И ничего я такъ не желаю, какъ скорѣе найти случай, чтобы и дѣлѣ имѣть возможность доказать вашему царскому величеству мою сердечную признательность. А между тѣмъ, вышеупомянутые гренадеры, вся моя армія и все то, чѣмъ я имѣю возможность угодить и услужить вашему царскому величеству, во всякое время находятся въ распоряженіи вашего царскаго величества; что же касается моей особы, то, пока я живъ, буду всегда пребывать вашего царскаго величества

благорасположенный братъ, кумъ и другъ
Вильгельмъ.

Берлинъ, 22-го октября.
1718 года.

(скрѣпилъ) Ильгенъ.

Его царскому величеству.

Такимъ образомъ съ 1714 по 1718 годъ къ Прусскому королю было отправлено всего 215 человѣкъ „великаго возраста“, по этимъ не прекращается высылка людей, и переписка объ нихъ снова появляется въ 1720 году. Въ реляціи отъ 16-го іюля къ государю все тотъ же россійскій посланникъ при Прусскомъ дворѣ, Александръ Головкинъ пишетъ что „предъ тремя днями капитанъ „Чернышевъ съ десятью большими гренадерами сюды пріѣхалъ и „высокій указъ вашего царскаго величества исправно мнѣ отдалъ. „По которому третьяго дня оныхъ гренадировъ его королевскому „величеству Прусскому королю при отправленіи надлежащаго ком„плекта я презентовалъ и его величество изволилъ съ великимъ „удовольствіемъ оныхъ принять и въ напобязательнѣйшихъ терми„нахъ вашему царскому величеству за тотъ ему пріятнѣйшій пре„зентъ благодарить“.

Наконецъ, послѣдняя присылка солдатъ-великановъ была въ 1724 году, съ адъютантомъ капитаномъ Бандемиромъ, и именно 23 человѣка *); слѣдовательно, всего отправлено Петромъ 248

*) Изъ всѣхъ подаренныхъ людей, намъ извѣстны только имена этихъ 25 человѣкъ.

человѣкъ. По поводу послѣдней присылки мы нашли въ прусскихъ грамотахъ 1724 года благодарственное письмо Фридриха-Вильгельма слѣдующаго содержанія:

Durchlauchtigster, Grossmächtigster und Unüberwindlichster Kaiser! Freundlich vielgeliebter Herr Bruder, Gevatter und Freund!

Die von Er. Kaiserl. Mayst. Mir unter Meinen leib Battaillon Grenadier übersante sehr schöne und recht ausersehene Maunshafft seynd wohl angelanget und Mir durch den Capitaine von Bandemer zu recht überliefert worden, vor welches so angenehme present Ich Er. Kayserl. Mayst. um so viel mehr verbunden bin, alss Ich solches, wie ein neues Kenzeigen von dero Mir zutragenden höchst schatzbahren Freundschafft und Affection aufnehme und erkenne, welche Ich Mir gewiss auf alle Mir ersinliche weise zu conserviren suchen werde, und von allen Gelegenheiten profitiren, Er. Kays. Mayst. Meiner vor Dieselbe habende besondere Hochachtung und Ergebenheit in der That zu zeigen, und an den Tag zu legen; solte Ich so glücklich seyn etwas in Meinem Lande ausfündig zu machen welches Er. Kaiserl. Mayst. einiges plaisir erwecken könte, werde Ich es gewiss eines Meiner grossten Sorgen seyn lassen Er. Kaiserl. Mayst. damit aufzuwarten um Ihro gäntzl. zu überzeigen, dass keiner mit mehrer aufrichtigkeit seyn kan alss *).

Eur Kayserl. Mayst. Freundwilliger Bruder
Gevatter und Freund Wilhelm.

Berlin den 12 April 1724.

An des Russische Kayserl. Mayst.

„Реестръ великанамъ, которые посланы съ флигель-адъютантомъ Бандеимеромъ къ королевскому величеству Прусскому:

Василій Мардвиновъ
Семенъ Кулюбакинъ
Егоръ Волковъ
Герасимъ Бабарыкинъ
Ѳедоръ Мосячинъ
Михайло Седенкинъ
Ѳедоръ Малаховъ
Василій Сырейшиковъ
Корней Потаповъ
Иванъ Ченской
Никита Простинцовъ
Василій Балахонцевъ
Савастьянъ Богомоловъ
Никита Даниловъ
Кирила Мазневъ
Тимофѣй Пестовъ
Максимъ Ѳокушъ
Андрѣй Константиновъ
Свиридъ Родионовъ
Алексѣй Коноваловъ
Тимофѣй Бородулинъ
Семенъ Сопуновъ
Иванъ Ѳиногеновъ

„Декабря въ 31 день 1723 года."

„Секретарь *Семенъ Поповъ*.
„Канцелярист *Алексѣй Жобрышинъ*."

*) Прусскія грамоты 1724.

Всепресвѣтлѣшій, державнѣйшій и непобѣдимѣйшій государь!

Дружественно-любезнѣйшій братъ, кумъ и другъ!

Посланный мнѣ вашимъ императорскимъ величествомъ въ мой лейбъ-баталіонъ гренадеровъ прекрасный и весьма видный отрядъ благополучно прибылъ и былъ въ надлежащемъ порядкѣ мнѣ капитаномъ Бандемеромъ переданъ; за каковой мнѣ столь пріятный подарокъ я вашему императорскому величеству тѣмъ болѣе признателенъ, что вижу въ немъ и принимаю его какъ новый знакъ вашей ко мнѣ высокоцѣнимой дружбы и любви, которую я всѣми мнѣ возможными средствами буду стараться сохранить и буду пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы вашему императорскому величеству на дѣлѣ доказать и выразить мое особое уваженіе и преданность. Еслибъ я былъ такъ счастливъ и нашелъ бы въ моей странѣ что-нибудь что бы вашему императорскому величеству могло доставить какое-либо удовольствіе, то первою моею заботою было бы тѣмъ вашему императорскому величеству послужить, дабы вполнѣ доказать, что никто не можетъ быть съ большею искренностью чѣмъ вашего императорскаго величества дружественно расположенный братъ, кумъ и другъ *Вильгельмъ*.

Берлинъ, 12 апр. 1724.

Часть этихъ великановъ набиралась изъ полковъ, другіе же изъ крестьянъ различныхъ губерній. Объ участи и положеніи этихъ людей въ Пруссіи мы не имѣемъ свѣдѣній, и всѣ розыски о нихъ въ дѣлахъ Архива дали очень скудный матеріалъ для какого-либо заключенія. По имѣющимся даннымъ можно только утвердительно сказать что, несмотря на относительно можетъ-быть хорошую ихъ жизнь въ Пруссіи, благодаря заботамъ о нихъ короля, русскіе великаны стремились вернуться обратно въ Россію; причинъ на то было не мало и главная та, что у многихъ остались на родинѣ жены и дѣти; другіе же были очень стары и дряхлы, такъ какъ повидимому при выборѣ людей для отправки въ подарокъ къ Прусскому королю принимался въ разчетъ только ихъ ростъ, а не лѣта, чрезъ что нѣкоторые попали въ Пруссію уже весьма пожилыми.

Вслѣдствіе ихъ просьбъ, о которыхъ Петръ Великій самъ упоминаетъ въ своемъ указѣ „о перемѣнѣ ихъ“, Петръ вошелъ въ положеніе этихъ людей, обязанныхъ своимъ несчастіемъ большому росту и указомъ отъ 2-го декабря 1723 года, даннымъ послан-

нику Головкину, повелѣлъ доставить „извѣстіе“ о количествѣ находящихся на прусской службѣ русскихъ солдатъ, для возвращенія ихъ всѣхъ въ Россію и перемѣны на другихъ. Но этотъ указъ по какой-то причинѣ былъ чрезъ мѣсяцъ отмѣненъ и вмѣсто него Петръ другимъ указомъ приказалъ не перемѣнять всѣхъ великановъ, отданныхъ на службу Прусскому королю, а только возвратить для перемѣны тѣхъ солдатъ которые были высланы изъ полковъ. По доставленнымъ свѣдѣніямъ оказалось 95 человѣкъ подлежащихъ къ возвращенію въ Россію для перемѣны. Этотъ обмѣнъ Фридрихъ-Вильгельмъ находилъ совершенно справедливымъ и необходимымъ, хотя и боялся, что ему не возвратятъ такихъ же рослыхъ людей; поэтому онъ назначилъ особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ своего генералъ-адъютанта Крехерта, для пріема солдатъ присланныхъ въ обмѣнъ. Какъ видно, королю было жаль разставаться съ русскими солдатами, службой которыхъ онъ былъ очень доволенъ и въ благодарность за которую онъ велѣлъ имъ сшить по новому зеленому мундиру. При этомъ онъ просилъ графа Головкина передать его просьбу государю чтобъ эти возвращаемые солдаты были произведены въ унтеръ-офицеры.

На смотру отправляемыхъ 95 человѣкъ королю понравился одинъ и онъ оставилъ его у себя, а вмѣсто него велѣлъ дать другаго. 14-го октября 1724 года эти 95 человѣкъ были отправлены въ Мемель, куда должны были придти на перемѣну другіе 95 человѣкъ, выбранные изъ полковъ стоявшихъ въ Ригѣ, Перновѣ и Ревельской губерніи. При обмѣнѣ не обошлось безъ явной придирчивости со стороны короля и его генералъ-адъютанта Крехерта. Король уже изъ Риги получилъ размѣръ присланныхъ для обмѣна солдатъ и былъ недоволенъ, такъ какъ находилъ, что присланные солдаты менѣе ростомъ чѣмъ тѣ которыхъ онъ отослалъ.

Головкинъ въ реляціи къ государю пишетъ:

„Вашему императорскому величеству имѣю всеподданнѣйше донести, что его королевское величество Прусское изволилъ ко мнѣ прислать тайнаго кабинетнаго своего секретаря маршала съ тѣмъ, что его величество получилъ изъ Мемеля извѣстіе, что изъ присланныхъ изъ Риги на перемѣну солдатъ только тридцать человѣкъ въ обыкновенную мѣру здѣшнихъ полевыхъ полковъ пришли,

а прочіе гораздо малорослы, чего ради его величество повелѣлъ указъ свой къ барону Мардефельду *) отправить, чтобъ онъ пристойнымъ образомъ при дворѣ вашего императорскаго величества о присылкѣ другихъ домогался и что его величество надѣется, что ваше императорское величество ему тѣмъ новой опытъ своей непремѣнно продолжаемой дружбы показать изволите. А притомъ онъ, маршалъ, именемъ королевскимъ требовалъ и отъ меня, что бы вашему императорскому величеству о томъ его величества желанія такожде всеподданнѣйше я донесъ.“

Изъ Берлина 14 ноября,
1724 года.

Изъ дальнѣйшихъ справокъ по документамъ Архива видно, что изъ присланныхъ 96 солдатъ было взято только 30 человѣкъ; остальные же 65 забракованы прусскими военными властями, такъ какъ они были малорослы. Объ нихъ говорится въ рескриптѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, данномъ графу Головкину, что „о солдатахъ малорослыхъ указъ нашъ данъ, чтобы оные перемѣнить, въ чемъ и военная наша коллегія дѣйствительное стараніе имѣетъ“.

Но подыскать людей такихъ размѣровъ, какіе были даны прусскими военными властями, было очень трудно.

Въ 1725 году, въ апрѣлѣ, военная коллегія, вслѣдствіе настояній А. Головкина, выслала еще 10 человѣкъ въ счетъ 65 обмѣненныхъ въ 1724 году, а объ остальныхъ коллегія иностранныхъ дѣлъ сообщила Головкину, что „велѣно выбрать изъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ гварнизонныхъ нашихъ полковъ изъ урядниковъ и рядовыхъ, и отправить изъ Риги для размѣна въ Мемель.“

Въ томъ же году умеръ Петръ Великій, но Прусскій король, чрезъ нашего посланника при Прусскомъ дворѣ, продолжалъ хлопотать о высылкѣ ему нашихъ солдатъ высокаго роста.

Нѣкоторые документы указываютъ, что хотя и были приготовлены въ Ригѣ 34 человѣка для отправки Прусскому королю, но ихъ не послали, такъ какъ они „почитай едва не всѣ возрастомъ противъ сообщенной съ прусской стороны мѣры не придутъ. И мы

*) Прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

для ублагожденія его королевскому величеству повелѣли, вмѣсто помянутыхъ возвращенныхъ отъ него изъ Мемеля нашихъ россійскихъ за малымъ возрастомъ солдатъ, искать во всѣхъ провинціяхъ нашей Имперіи большаго возрасту людей, и когда оные найдутся, то его высокопомянутому королевскому величеству прислать."

Дѣйствительно, по указу Екатерины I, которая также нашла за нужное „ублагождать" Фридриха-Вильгельма, было сдѣлано распоряженіе о розыскѣ людей большаго возраста. Были ли таковые разысканы и посланы, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Въ документахъ позднѣйшаго времени (по вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны) мы нашли подлинное письмо Прусскаго короля, писанное въ мартѣ 1731 года, къ вице-канцлеру Остерману о подаренныхъ государыней рекрутахъ *).

---

*) Прусскія дѣла 1731 года.

Письмо Фридриха-Вильгельма I къ вице-канцлеру графу Остерману:

Hochwolgebohrner besonders lieber Herr Vice-Kantzler Graf v. Osterman. Ich habe mit so viel grösseren plaisir dasselben Schreiben vom 15 Dec. erhalten, da ich durch die Überkunst der schönen von Ihre Kayserlichen Mayestät mir geschenkten, ungleichen durch die mündlicher Relation meines Capitaine v. Kalsow ersehen, wie der Herr Graf so viel affection für mich beständig haget und die zwischen Ihre Kayserlichen Mayestät und Mir obwaltende ausrichtige Freundschaft aus alle Art zu cultiviren gefliessen ist. Ich erkenne Mich dafür sehr obligiret, und Mir nichts so angenehm in der Welt ist, alss dieses Brüderschafts nützliche Band der Vertraulichkeit und amtié mehr verknüpft, und Ihre Kayserliche Mayestat von Meiner Dankbahrkeit überzeugenden Proben zu geben: also werde Ich auch niemahls Mir Gelegenheit passiren lassen dem Herr Grafen Meiner gnädige Erkentlichkeit zu erweissen, der Ich mit besonderer Consideration bin

dessen sehr affectionirter
Freundt Wilhelm.

Potsdam,
Mart 1731.
An den Vice-Kantzler Graf v. Ostermann.

Высокорожденный, любезнѣйшій господинъ вице-канцлеръ, графъ фонъ-Остерманъ,—Я съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо, отъ 15-го декабря, что изъ прибытія прекрасныхъ ея императорскимъ величествомъ подаренныхъ мнѣ рекрутовъ, а также и изъ изустнаго доклада моего капитана фонъ-Кальсова (Кольцовъ,) вижу насколько графъ имѣетъ постоянно ко мнѣ любви и насколько онъ заботится поддержать всѣми средствами

Изъ сего письма не видно, однакоже, чтобы эти люди были посланы взамѣнъ тѣхъ шестидесяти пяти человѣкъ, которые не были приняты при перемѣнѣ девяносто пяти солдатъ. Напротивъ все доказываетъ, что это былъ самостоятельный подарокъ Анны Іоанновны.

Въ описи высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ за XVIII вѣкъ, томъ II, составленной Платономъ Ивановичемъ Барановымъ, подъ № 3,966, отъ 8-го марта 1731 года, находится именной указъ Анны Іоанновны генералъ-фельдцейхмейстеру графу Миниху, о выпискѣ для русскихъ оружейныхъ заводовъ искусныхъ мастеровъ изъ Пруссіи, и о высылкѣ Прусскому королю четырехъ великановъ для услуженія при дворѣ. Вѣроятно за высылку этихъ четырехъ человѣкъ и благодаритъ Фридрихъ-Вильгельмъ Остермана.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи о русскихъ великанахъ на прусской службѣ, мы напали на извѣстіе о нихъ въ интересномъ дѣлѣ „о церкви въ Пруссіи для солдатъ находящейся“ *). По показаніямъ возвратившихся причетниковъ Потсдамской церкви, при жизни Фридриха-Вильгельма, въ 1740 году, въ Потсдамѣ находилось россійскихъ солдатъ съ женами и дѣтьми двѣсти сорокъ

искреннюю дружбу, состоящую между мною и ея императорскимъ величествомъ. Я за то считаю себя весьма обязаннымъ; и ничто на свѣтѣ не можетъ мнѣ быть пріятнѣе какъ чтобы полезный этотъ союзъ братства, довѣрія и дружбы становился тѣснѣе, и чтобы дать ея императорскому величеству убѣдительныя доказательства моей благодарности. Никогда не пропущу также случая оказать и вамъ, графъ, мою милостивую признательность, и съ особымъ почтеніемъ остаюсь,

расположенный къ вамъ другъ *Вильгельмъ*.

Потсдамъ,
мартъ 1731.
Вице-канцлеру графу Остерману.

*) Въ этомъ дѣлѣ мы находимъ интересную переписку, указывающую на то, что по ходатайству посланника князя Голицына, вслѣдствіе желанія Фридриха-Вильгельма, Анна Іоанновна повелѣла послать въ 1733 году въ Потсдамъ для русскихъ солдатъ, находящихся на прусской службѣ, священника Щербатскаго съ четырьмя причетниками. Этотъ священникъ и четыре причетника получали содержаніе и жалованье отъ Прусскаго короля и жили въ Потсдамѣ при церкви.

душъ; но послѣ его кончины эти солдаты были раскомандированы по разнымъ полкамъ, такъ что въ Потсдамѣ осталось Русскихъ тридцать или сорокъ человѣкъ.

Въ 1734 году, въ іюнѣ, въ Петербургъ явилась жена русскаго солдата-великана, и отъ имени всѣхъ находящихся на прусской службѣ русскихъ солдатъ подала государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ прошеніе о возвращеніи ихъ всѣхъ въ Россію, такъ какъ они уже стали стары и изнурены долговременною службой и наконецъ лишены были священника для исполненія ихъ духовныхъ требъ. Елисавета Петровна, по отличавшей ее набожности, приняла горячо ходатайство этой бѣдной женщины.

Сперва осторожно и ласково, чрезъ посредство бывшаго посланника при Прусскомъ дворѣ графа Чернышева, а затѣмъ настойчиво, императрица стала домогаться о возвращеніи всѣхъ русскихъ солдатъ въ Россію. Однако же Прусскій дворъ явно уклонялся не только отъ возвращенія солдатъ въ Россію, но даже отъ доставки свѣдѣній о количествѣ ихъ по полкамъ и въ Потсдамѣ. Словесныя обѣщанія, дававшіяся министрами Подевильсомъ и Боркомъ, не исполнялись, и дѣло такимъ образомъ затянулось до 1745 года, когда на требованія Чернышева Прусскій дворъ поставилъ условіемъ увольненіе изъ русской службы извѣстнаго полковника Манштейна, какъ прусскаго подданнаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ и вся его родня были русскими подданными. На это Елисаветы Петровна соглашалась, но съ условіемъ чтобы Манштейнъ прибылъ въ Россію для сдачи командуемаго имъ полка и полковыхъ денегъ. Фридрихъ-Великій, черезъ министра Борка, заявилъ Чернышеву, что дать приказъ по полкамъ о доставленіи свѣдѣній о количествѣ русскихъ солдатъ онъ не желаетъ, а что если угодно Чернышеву самому узнать гдѣ они и сколько ихъ на службѣ находится, то онъ этихъ людей возвратитъ. Тогда Чернышевъ че-

---

Съ кончиной Фридриха Вильгельма, вся церковная утварь была сдана въ посольство и богослуженіе въ ней прекратилось.

Въ царствованіе императора Александра I церковь была вновь отстроена; имъ же была прислана въ подарокъ Прусскому королю рота солдатъ, потомство которыхъ и донынѣ тамъ живетъ.

Въ Берлинѣ же церковь при миссіи была основана въ 1712 году (Прусскія дѣла 1740 годъ).

резъ своихъ агентовъ въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ нашелъ 90 человѣкъ и, составивъ имъ списокъ, требовалъ возвращенія ихъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу: отговоркамъ не было конца.

Елисавета Петровна не желая оставить этого дѣла не достигнувъ цѣли, рескриптомъ своимъ на имя Чернышева повелѣла „тамошнему министерству, не обинуясь сказать, что мы отъ дружбы его величества короля никако чаять не могли дабы онъ удержаніемъ тѣхъ нашихъ подданныхъ, отлагая наше объ нихъ требованіе на сторону, досаду намъ показать похотѣлъ и что мы изъ такого поступка ничего инаго не предвидимъ, какъ токмо развѣ стараніе чрезъ то прилагается между обоими дворами напрасныя холодности, а можетъ-быть и прямую ссору завести, яко и самъ его величество король довольно знаетъ, что нигдѣ въ свѣтѣ не обыкновенно чужихъ людей насильно удерживать, а напротивъ того и армѣя королевская сими нашими подданными, хотя бы они были или не были, нимножена, ниже опустошена быть не можетъ, и тако весьма бы не для чего за ними толь крѣпко держаться и увольненія имъ не дать.“

На такія энергическія настоянія со стороны Русскаго двора Боркъ наконецъ заявилъ отъ имени короля, что русскіе солдаты были присланы покойнымъ государемъ Петромъ I съ тѣмъ, чтобъ они „вѣкъ свой здѣсь на службѣ окончили“, а не на время, такъ какъ никакихъ контрактовъ о срокѣ служенія этихъ солдатъ съ тѣми кто ихъ приводилъ не было заключаемо. Къ этому Боркъ прибавилъ, что король самъ жалуется на холодность оказанную ему государыней „въ одномъ дѣлѣ“ *) и что поэтому онъ самъ будетъ писать ей. Наконецъ, Фридрихъ Великій черезъ Борка и прусскаго посланника Мардефельда въ Петербургѣ заявилъ что онъ, желая имѣть доказательство дружбы государыни, проситъ у нея русскихъ солдатъ, подаренныхъ его покойному отцу, оставить у него навсегда. Но и на это Елисавета Петровна не согласилась.

---

*) Нужно полагать, въ отказѣ помощи противъ Австріи и Саксоніи. Письма эти вѣроятно находятся въ С.-Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ числѣ бумагъ кабинета императрицы Елисаветы Петровны.

Между тѣмъ событія того времени указываютъ, что отношенія нашего двора къ Прусскому были крайне натянуты и даже враждебны.

Фридрихъ великій напалъ на Саксонію, и Россія, дѣлавшая всѣ усилія чтобы примирить обѣихъ союзницъ, должна была наконецъ помочь Саксоніи по смыслу союзнаго договора *). Русскій посланникъ въ Берлинѣ графъ Чернышевъ былъ отозванъ вслѣдствіе настоянія Прусскаго правительства за свои непріятныя объясненія съ первымъ министромъ Подевильсомъ по поводу вмѣшательства Россіи. На его мѣсто былъ назначенъ Кейзерлингъ; одновременно съ этимъ, прусскій посланникъ къ Петербургѣ Мардефельдъ былъ замѣненъ Финкенштейномъ. Поэтому не мудрено что Фридрихъ Великій хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за неудовольствіе причиненное ему вмѣшательствомъ Елисаветы Петровны въ его завоевательные планы, и не возвратилъ русскихъ великановъ, въ которыхъ онъ совсѣмъ не нуждался, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ были такъ дряхлы что содержались въ госпиталяхъ.

Были ли наконецъ возвращены на родину наши соотечественники—дальнѣйшіе розыски въ дѣлахъ Архива и другихъ источникахъ не могли намъ выяснить.

М. Щуцилло.

*) *Исторія Россіи* Соловьева. Т. 22.

Переводъ съ приложенія къ реляціи графа Чернышева, № 11.

Роспись Россійскимъ солдатамъ, которые нынѣ въ службѣ Его Прусскаго Величества находятся.

№№	ИМЕНА ИХЪ.	Въ которомъ полку или баталіонѣ.	Р о т ѣ.	Сколько лѣтъ на службѣ.	Въ которомъ мѣстѣ они находятся.
1.	Сержантъ Андрей Глатко	Принца Генриха.	Капитана Нитча	21	ОНЫЕ ВСѢ ВЪ ПОТСДАМѢ.
2.	Ѳедоръ Войташенко		» Сейлеръ	10	
3.	Василій Иліяшенко		» Веделя	17	
4.	Иванъ Косенко	Во 2-мъ баталіонѣ гвардіи.	» »	17	
5.	Леонтій Іакимовъ		» »	17	
6.	Мартынъ Бабкинъ		Подполковника Бризевича	17	
7.	Герасимъ Погаченко	Въ 3-мъ баталіонѣ гвардіи.	Маера Месберга	17	
8.	Конрадъ Колосовъ		Полковника Рецаца	25	
9.	Ларіонъ Русановъ		» »	17	
10.	Елисей Ершовъ		» »	15	
11.	Герасимъ Глаткой		» »	17	
12.	Иванъ Матвѣевъ		» »	14	
13.	Назаръ Лихаревъ		Подполковника Бризевича	25	
14.	Леонтій Мазуренко		» »	14	
15.	Ѳедотъ Мачулевскій		Капитана Шенникаца	25	
16.	Ѳедоръ Маскаленко		» »	17	
17.	Тимоѳей Бруяченко		» »	17	
18.	Иванъ Рудаковъ	Въ старомъ Королевскомъ	» »	25	
19.	Дмитрій Ананіевъ		» »	25	
20.	Никита Дирваченко		» »	17	
21.	Іаковъ Самохваленко	баталіонѣ.	» »	17	
22.	Иванъ Балагинской		» »	20	
23.	Алексѣй Тупинъ		» »	15	
24.	Дмитрій Волкодавенко		» Боза	17	
25.	Анисимъ Паргаменко		» »	17	
26.	Максимъ Соболевъ		» »	21	
27.	Иванъ Долговъ		» »	21	
28.	Иванъ Четчера		» »	14	
29.	Иванъ Литвиновъ		» Шмелянга	17	
30.	Кирилло Михайловъ		Подполковника Бризевича	14	
31.	Кононъ Коваленко		Капитана Шенникаца	14	
32.	Евсей Сальниковъ		» »	17	

Роспись Россійскимъ солдатамъ, которые нынѣ въ службѣ Его Прусскаго Величества находятся.

№№	ИМЕНА ИХЪ.	Сколько лѣтъ въ службѣ.	
1.	Ѳедоръ Вагановъ	30	Сіи суть отставные и престарѣлые, кои въ Вердерѣ находятся.
2.	Никита Даниловъ	27	
3.	Михайло Сединкинъ	27	
4.	Ѳадей Петровъ	34	
5.	Спиридонъ Родіоновъ	27	
6.	Максимъ Леонтьевъ	25	
7.	Иванъ Леонтьевъ	21	
1.	Игнатій Чуровъ	35	Отставные, кои находятся въ Венгерскомъ баталіонѣ при Магдебурскомъ гарнизонѣ.
2.	Іаковъ Мясниковъ	27	
3.	Егоръ Волковъ	27	
4.	Никита Простинцовъ	27	
5.	Евсей Малуковъ	30	
6.	Герасимъ Бабарыкинъ	27	
7.	Герасимъ Малухинъ	24	
8.	Ѳедоръ Шайдаровъ	21	
9.	Гаврило Дмитріевъ	30	
10.	Иванъ Лапинъ	25	
11.	Иванъ Ануровъ	30	

№№	ИМЕНА.	Сколько лѣтъ въ службѣ.	Въ которомъ полку	и ротѣ.	Въ которомъ мѣстѣ находятся.
1.	Терентій Козловъ	22	Генерала Шверина	Маэра Финка	Всѣ въ Берлинѣ находятся.
2.	Иванъ Григоріевъ	4	» »	Капитана Ластраца	
3.	Иванъ Усовъ	13	» Калкстейна	Маэра Экарда	
4.	Корнило Утманъ	20	Принца Карла	» »	
5.	Ѳома Ивановъ	7 мѣс.	Генерала Клейста	Капитана Лемана	
6.	Ѳедоръ Водониковъ	18	Генералъ-майора Мулина	Капитана Ратнаца	
7.	Дмитрій Семеновъ	25	Принца Виртемберга	Принца Гольштейна	
8.	Петръ Высотскій	8	Принца Карла	» »	

РОСПИСЬ

россійскимъ солдатамъ кои нынѣ въ службѣ его величества Прусскаго находятся.

№№	ИМЕНА ИХЪ.	Сколько лѣтъ въ службѣ.	
1.	Степанъ Андреевъ.	25	
2.	Данило Далматовъ	23	
3.	Григорій Панфиловъ	31	
4.	Яковъ Славоченко	15	
5.	Григорій Палашеренко.	15	
6.	Михайло Морозовъ.	22	
7.	Елисей Сальниковъ.	28	
8.	Семенъ Петровъ	32	Сіи 26 человѣкъ въ 1743
9.	Ѳедоръ Вакуловъ.	27	году въ Потсдамѣ находи-
10.	Емельянъ Алексѣевъ.	13	лись, но понеже они по-
11.	Петръ Костенко.	15	слѣ того въ другіе кор-
12.	Данило Гарапенко	15	пусы опредѣлены, то не
13.	Иванъ Финоеповъ.	25	можно было прямо знать
14.	Василій Грутченко	13	гдѣ они нынѣ обрѣтаются.
15.	Семенъ Бутенко.	15	
16.	Ѳедоръ Анитченко	15	
17.	Стефанъ Дитовъ	33	
18.	Петръ Евдокимовъ	2	
19.	Кирилло Писаренко.	15	
20.	Василій Мусенко	13	
21.	Мартинъ Шкуренко.	13	
22.	Петръ Сущининъ	13	
23.	Конрадъ Сисаренко.	8	
24.	Алексѣй Тупинъ	32	
25.	Иванъ Ягодниковъ	20	
26.	Никита Утинъ.	—	

По сей росписи число подданныхъ ея императорскаго величества Всероссійской кои дѣйствительно въ службѣ его величества Прусскаго находятся, въ восмидесятъ четырехъ человѣкахъ состоитъ: окромѣ тѣхъ о которыхъ извѣстія достать было неможно. Въ Берлинѣ 25 февраля 1746 года.

РОСПИСЬ

солдатамъ россійскимъ кои дѣйствительно въ Спандау находятся.

1. Степанъ Воробьевъ, въ службѣ 20 лѣтъ, въ полку и ротѣ Прусскаго принца (престарѣлый).
2. Иванъ Закревскій, въ службѣ 33 года, въ Енгельбрехтовой ротѣ, (престарѣлый).
3. Иванъ Михайловъ, въ службѣ 33 года, въ Енгельбрехтовой ротѣ, (престарѣлый).
4. Степанъ Гусинъ, въ службѣ 23 года, въ Левальдовой ротѣ
5. Петръ Дружининъ, въ службѣ 23 года, въ Левальдовой ротѣ.
6. Алексѣй Панирсетовъ, въ службѣ 23 года. въ полку принца Прусскаго.

Прусскія дѣла, 1743 г. Св. 87. № 9.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ ГАРДЕМАРИНЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Въ 1774 году, современникомъ императрицы Екатерины II на испанскомъ престолѣ былъ король Карлъ III, изъ дома Бурбоновъ. Россійскимъ полномочнымъ министромъ при его дворѣ находился дѣйствительный камергеръ Степанъ Степановичъ Зиновьевъ. Къ нему, по повелѣнію своего короля, обратился правитель испанскаго Морскаго Корпуса въ Кадиксѣ, Франциск, кавалеръ де-Винтузенъ, 11-го января 1774 года, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Государь мой,—Мнѣ, яко правителю здѣшняго Морскаго Корпуса, поручено собрать портреты всѣхъ штабъ-офицеровъ, вышедшихъ изъ сего Корпуса, съ самаго начала учрежденія его по сіе время, дабы тѣмъ находящихся нынѣ въ оном молодыхъ людей побудить къ благородному соусердію, склонности и прилежанію, толь нужнымъ чтобъ изъ нихъ учинить полезныхъ подданныхъ. А какъ славный нашъ государь Филиппъ Пятый, при учрежденіи онаго Корпуса, по прошенію предостойнаго императора царя Московскаго Петра Перваго, указалъ означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ двадцати двухъ кадетовъ во оной Корпусъ принять, которые, со общаго обоихъ государей согласія, потомъ и выпущены. Видя, что сей Корпусъ желаетъ толь достойныхъ сотоварищей предать памяти способомъ портретовъ: тѣхъ, которые произошли въ сухопутные и морскіе сего государства штабъ-офицерскіе чи-

пы; я же, по дальности мѣста, не могши такого свѣдѣнія достать, осмѣлился представить вашему превосходительству, что полученіе онаго было бы намъ весьма пріятно; того ради прошу васъ, какъ отъ себя, такъ и именемъ всего того Корпуса, о вспоможеніи намъ въ семъ особливомъ желаемомъ пріобрѣтеніи. Къ тому извольте увѣрить тѣхъ господъ офицеровъ, или сродниковъ ихъ, о нашемъ искреннемъ воспоминаніи, и сколь мы желаемъ быть имъ полезными. Желаніе сіе простирается также и до вашего превосходительства. Благоволите простить меня въ томъ, что я васъ такъ утрудилъ.

„Изъ королевскаго острова де-Леонъ, января 11-го дня 1774.“

Въ приложенный списокъ вошли двадцать два человѣка, по именамъ и прозваніямъ ихъ, съ именами ихъ отцовъ и матерей, съ обозначеніемъ возраста каждаго и отмѣткою времени прибытія ихъ въ Корпусъ и выѣзда въ Россію. Въ написаніи фамилій по-испански нашлись ошибки, которыя были въ Россіи исправлены. Въ такомъ исправленномъ видѣ сообщаемъ приложенный къ письму де-Винтузена списокъ, измѣнивъ также и порядокъ въ коемъ фамиліи были написаны, чтобы показать гардемариновъ въ порядкѣ ихъ возраста.

1. Иванъ Чириковъ, сынъ Ивана и матери Анны, 17 лѣтъ.
2. Артемій Толбугинъ, сынъ Ильи и матери Ирины, 20 лѣтъ.
3. Князь Тимоѳей Щербатовъ, сынъ Ивана и матери Агаѳьи, 20 лѣтъ.
4. Иванъ Обрютинъ, сынъ Ивана, 20 лѣтъ.
5. Степанъ Шишиловъ, сынъ Трофима и матери Анны, 20 лѣтъ.
6. Иванъ Аничковъ, сынъ Ивана и матери Анны, 20 лѣтъ.
7. Василій Татищевъ, сынъ Ивана и матери Ѳедосіи, 21 года.
8. Алексѣй Бѣлосельской, сынъ Андрея и матери Авдотьи, 21 года.
9. Иванъ Зиновьевъ, сынъ Павла и матери Ѳедоры, 21 года.
10. Иванъ Алексѣевъ, сынъ Антона и матери Авдотьи, 22 лѣтъ.
11. Андрей Сухотинъ, сынъ Филата и матери Анны. 22 лѣтъ.
12. Иванъ Кукаринъ, сынъ Максима и матери Маріы, 22 лѣтъ.
13. Петръ Кашкинъ, сынъ Гаврилы и матери Маріи, 23 лѣтъ.
14. Петръ Пороховъ, сынъ Евстафія и матери Анисьи, 23 лѣтъ.
15. Петръ Зиновьевъ, сынъ Павла и матери Ѳедоры, 23 лѣтъ.
16. Василій Филисовъ, сынъ Якима и матери Аилины, 23 лѣтъ.

17. Яковъ Рославлевъ, сынъ Ѳомы и матери Авдотьи, 25 лѣтъ.
18. Ефимъ Цимермановъ, сынъ Ивана и матери Анны, 25 лѣтъ.
19. Иванъ Кайсаровъ, сынъ Ивана и матери Зиновіи, 25 лѣтъ.
20. Иванъ Неплюевъ, сынъ Ивана и матери Маѳы, 26 лѣтъ.
21. Степанъ Коновницынъ, сынъ Богдана и матери Февроніи.
22. Семенъ Дубровскій, сынъ Моисея и матери Мавры.

Послѣднихъ двухъ возрастъ не былъ означенъ. Противъ Бѣлосельскаго отмѣтка: умеръ въ Кадиксѣ 24-го августа 1719 года. Противъ остальныхъ въ спискѣ однообразно отмѣчено: „пріемъ его въ Корпусъ 15-го августа 1719; отъѣхалъ въ Голландію, по приказу своего государя, 28-го февраля 1720.“

Желаніе Испанскаго короля увѣковѣчить имена тѣхъ изъ воспитанниковъ Кадикскаго Морскаго Корпуса, которые въ послѣдствіи дослужились до штабъ-офицерскихъ чиновъ, послужило къ собранію у насъ справокъ о всѣхъ гардемаринахъ, отправленныхъ императоромъ Петромъ Первымъ за границу, не только въ Испанію, но также въ Англію, Францію и даже въ Венецію, для изученія морской *военной* службы. Подчеркиваемъ „военной“, потому что ниже во всѣхъ распоряженіяхъ Петра выражается лишь эта нужда: она была современна, и ее спѣшилъ удовлетворить Преобразователь, которому тѣсно было на нашихъ многоводныхъ рѣкахъ, которому мало было Бѣлаго Моря и Каспія, и который простиралъ руки къ Балтикѣ и къ Черному Морю.

Петра напрасно упрекаютъ въ пристрастіи къ иностранцамъ. Ему нужны были для любимой имъ Россіи люди дѣла, и онъ, въ нетерпѣливомъ желаніи пожать плоды своего посѣва, бралъ и образовывалъ дѣятелей, гдѣ и какъ могъ. Гораздо прежде его, Іоаннъ III, Василій Іоанновичъ, Іоаннъ Грозный звали къ своему двору иностранцевъ, по разнымъ отраслямъ искусствъ и художествъ. Имѣемъ свидѣтельство исторіи, какъ Грозный, чрезъ Шлитта, приглашалъ изъ-за границы разомъ 123 человѣка: плавильщиковъ, колодезниковъ, мельниковъ, плотниковъ, каменьщиковъ, столяровъ, литейщиковъ, стекольщиковъ, рудокоповъ, водоводовъ, слесарей, часовщиковъ, виноградарей, хмелеводовъ, пивовара, денежника, пробирщика, поваровъ, пирожника, солевара, карточника, ткача, каретниковъ, скорняка, маслобоя, горшечника, типографщика, кузнецовъ, мѣдника, коренщика, шерстобоя, сокольника, штукатура,

квасцевара, сѣровара, золотарей, площильщика, переплетчика, портнаго.... Мало того: онъ приглашалъ четырехъ медиковъ, четырехъ аптекарей, двухъ операторовъ, восемь подлѣкарей, восемь цирюльниковъ. Еще мало: ему нужны были два архитектора, одинъ пѣвецъ, одинъ органистъ, наконецъ, чрезъ Шлитта же выписывались *четыре геолога* *).

При дѣдѣ Грознаго, великомъ князѣ Іоаннѣ III, когда сношенія съ Европою производились чрезъ Литву и Польшу, къ Москвѣ, отъ Варшавы и Вильны, чрезъ Смоленскъ и Вязьму, двигалась уже язва, нынѣ пріобрѣтшая у насъ въ городахъ и даже деревняхъ право гражданства. Великій князь „давалъ память Ивану Мамо„нову: пытати ему въ Вязьмѣ князя Бориса, въ Вязьму кто не „пріѣзживалъ ли боленъ изъ Смоленска тою болѣстью что болячки „мечутся, а словетъ францозска; а будто въ винѣ ее привезли; да „и къ Смоленску о томъ опытати, ещели та болѣсть есть или „нѣтъ: да о томъ къ великому князю отписати; да и въ Вильнѣ „о томъ пытати; есть ли ещо та болѣсть или нѣтъ?“ **) Иностранцы, доставшіеся царю Алексѣю Михайловичу отъ нашествія Поляковъ 1612 года, и другіе, жившіе въ Москвѣ, и при самомъ дворѣ, извѣстны по именамъ. Сдѣдовательно, ошибочно приписывать исключительно вліянію Петра I наплывъ къ намъ иностранцевъ и вліяніе ихъ на преобразованіе Россіи. Напротивъ, ему и его ближайшимъ преемникамъ, убѣдившимся что цивилизація вторгается въ Россію опаснымъ путемъ, что на пути этомъ она встрѣчаетъ недружелюбныя задержки, а проходя чрезъ посредство польскаго общества, недоброжелательнаго Россіи, она теряетъ свой первообразъ; наконецъ, что съ малыми долями добра стремились въ Россію и многія дурныя начала. Петру гораздо ранѣе, чѣмъ изобрѣтено было оспопрививаніе, принадлежитъ слава изобрѣтенія непосредственной прививки этой цивилизаціи посредствомъ русскихъ людей, которыхъ Петръ, а за нимъ преемники его сотнями отправляли во всѣ концы Европы: въ Англію, Францію, Испанію и Ве-

---

*) Карамзинъ. *Ист. Гос. Росс.* Т. VIII, примѣч. 206. Тамъ же объяснены и причины неудачи посольства Шлитта: главнѣйшая изъ нихъ—зависть къ успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи и желаніе вліять на цивилизацію въ ней.

**) Карамзинъ. *Ист. Гос. Росс.* Т. VI. Примѣчаніе 617-е.

нецію изучать морскую науку и архитектуру (Петръ I); въ Токай—изучать винодѣліе (Петръ и Елисавета); въ Римъ и Флоренцію—учиться живописи (Петръ I и Екатерина II); въ Ливорно—изучать инструментальную музыку (Елисавета и Екатерина); въ Лейпцигъ—изучать право; въ Оксфордъ, Лейденъ и Геттингенъ—„изучать оріентальные языки и другія къ богословію принадлежащія науки“ (Екатерина II). Въ Россію приглашать иностранцевъ стали уже въ случаяхъ исключительныхъ. *Фальконета*, чтобъ отлить памятникъ Петру I-му (1766) *); *Гюльельми*, чтобъ увѣковѣчить подвиги графа Алексѣя Орлова и его сподвижниковъ въ Архипелагѣ (1771) **) *Бёмера*—для преподаванія въ кадетскомъ корпусѣ морскаго права (1771) ***); лѣкаря гвардіи его прусскаго величества *Костъ*—съ цѣлію учрежденія въ Россіи школъ для докторовъ и лѣкарей на подобіе таковой школы во Франціи (1771) ****); *дѣвицъ изъ Женевы*, чрезъ графа Бюлова, для преподаванія французскаго языка въ знатныхъ семействахъ Петербурга и Москвы (1765) *****);

---

*) *Фальконетъ*, французскій ваятель, по рекомендаціи Дидро, былъ императрицею Екатериною II приглашенъ въ Петербургъ, чрезъ посредство русскаго посланника въ Парижѣ, князя Дмитрія Александровича Голицына, который и договорился съ художникомъ въ производствѣ этого труда за 200.000 ливровъ (см. *Сборн. Истор. Общества* Т. I стр. 209 и письма къ вице канцлеру изъ Парижа князя Д. А. Голицына въ 1766 году).

**) Собственноручная записка императрицы вице-канцлеру, князю А. М. Голицыну, извлеченіе письма по этому предмету художника Гюльельми къ г. Симолину, 10-го окт. 1771; и проектъ письма вице-канцлера къ Гюльельми, одобренный императрицею собственноручною отмѣткой «хорошо», 29-го февраля 1772 (см. въ Голицынскихъ бумагахъ въ Москов. Главн. Архивѣ Министер. Иностран. Дѣлъ).

***) 19-го декабря 1771 года собственноручное повелѣніе императрицы Екатерины II вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, и 25-го января 1772 изъ Берлина письмо о семъ къ нему же, князю Голицыну, доктора правъ Бёмера (тамъ же).

****) См. тамъ же, письмо о немъ къ вице-канцлеру изъ Берлина, отъ нашего посланника князя Долгорукова, 24-го декабря 1771 (4-го января 1772).

*****) Объ этомъ обстоятельствѣ говоритъ Вольтеръ въ письмѣ къ князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну 12-го окт. 1765. Письмо это вошло въ составъ Oeuvres complètes de Voltaire и начинается такъ: „J'ai trop d'obligations à Sa Majesté Impériale.“

Лагарпа—для воспитанія наслѣдника престола (1782) *); *іезуитовъ*—для переселявшихся въ Россію иновѣрныхъ земледѣльцевъ (1767) **), а позже, для образовательныхъ цѣлей въ возсоединенныхъ съ Россіею западныхъ областяхъ ея ***); *Дела Ривьера*—для уясненія и соглашенія мнѣній объ улучшеніи быта нашихъ крестьянъ (1767). † Иностранныхъ поселенцевъ для заведенія образцоваго землевоздѣланія (1767). †*

Возвращаемся къ нашимъ гардемаринамъ.

С. С. Зиновьевъ, получивъ лестное вообще для русскихъ моряковъ и въ частности для него, какъ соименника одного изъ кадикскихъ воспитанниковъ, письмо де-Винтузена, препроводилъ копію съ него къ вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну. Въ письмѣ по сему предмету, отъ 20-го (31-го) января

---

*) Лагарпъ. Съ нимъ сношенія императрицы начались еще съ 12-го ноября 1775 года, по поводу требованной отъ него перемѣны въ его *Исторіи Меньшикова*, котораго онъ, въ семъ сочиненіи, заставляетъ разводиться съ своей женой, чтобы вступить въ бракъ со вдовствующею императрицей Екатериною I-й: „разводъ де нашимъ закономъ не допускается“ (см. переписку 1775 года графа Н. И. Панина съ княземъ Барятинскимъ, посланникомъ въ Парижѣ).

**) Князь Д. А. Голицынъ, въ письмѣ изъ Парижа къ вице-канцлеру отъ 5-го августа 1767, давалъ свѣдѣніе о появившемся въ то время въ Гамбургской газетѣ извѣстіи о вызовѣ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Россію для провинціи Астраханской и Кіевскаго палатината. Объявленіе гласило, что Е. И. В. принимаетъ на себя путевыя издержки и содержаніе миссіонеровъ въ Россіи. Князь Д. А. Голицынъ проситъ объяснить сіе извѣстіе, ибо многіе миссіонеры являлись къ нему за полученіемъ подробныхъ о семъ свѣдѣній. Императрица своеручно отмѣтила на письмѣ князя Голицына: „C'est un mensonge de gazetier.“ Тѣмъ не менѣе, какъ знаемъ, миссіонеры вошли въ Россію. Есть позднѣйшее, 10-го декабря 1767, замѣчательное о іезуитахъ въ Западной Россіи письмо князя Голицына.

***) Переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата. (*Сборникъ Истор. Общ.* т. I, 1867, стр. 478–479.

† Для совѣтовъ по устройству быта крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, князь Д. А. Голицынъ отправилъ въ Петербургъ Дела-Ривьера въ 1767 году. Въ письмѣ о немъ къ вице-канцлеру 10-го декабря сего года, онъ превозноситъ его надъ Монтескье, какъ практика и основательнаго писателя о собственности, торговлѣ, правленіи и какъ автора книги L'Ordre essentiel des societés.

†* Въ описи Голицынскихъ бумагъ Моск. Главн. Арх. М. И. Д. подъ буквою Л донесеніе агента Ликъ о переселеніи въ Россію чрезъ Франкфуртъ приглашенныхъ 2.870 семей, въ числѣ 10.148 душъ.

1774 года, онъ говорилъ, что обѣщалъ правителю Морскаго Корпуса доставить вѣдомость, до какихъ чиновъ оные офицеры въ россійской службѣ дослужились; и ежелибъ его сіятельство приказалъ о томъ справиться въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, то онъ могъ нѣкоторымъ образомъ удовольствовать его въ томъ прошеніи и тѣмъ его одолжить.

Въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, по приказанію вице-канцлера, были наведены надлежащія справки. Но онѣ обрывались на тѣхъ служебныхъ распоряженіяхъ, которыя, по повелѣнію царя, были съ 1716 по 1720 годъ дѣлаемы относительно посылки за границу учениковъ, и на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя о нихъ получались отъ нашихъ резидентовъ. Дальнѣйшая ихъ служба происходила подъ вѣдѣніемъ государственной Адмиралтействъ-Коллегіи. И потому къ члену ея, адмиралу и кавалеру Алексѣю Ивановичу Нагаеву переслалъ вице-канцлеръ, 28-го марта 1774 года, письмо Зиновьева, копію съ письма Винтузена и списокъ кадетъ Кадикскаго Морскаго Корпуса, и просилъ: „надлежащее употребленіе по вашему мѣсту учинить, и меня, въ свое время, о томъ увѣдомить“.

26-го слѣдующаго апрѣля вице-канцлеръ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь мой, князь Александръ Михаиловичъ.— На полученныя отъ вашего сіятельства 18-го минувшаго марта и 11-го числъ сего апрѣля письма, касающіяся до бывшихъ въ Гишпаніи россійскихъ гардемариновъ: до какихъ чиновъ оные въ россійской службѣ дослужились; учиненную изъ дѣлъ, отысканныхъ по Адмиралтейской Коллегіи, со включеніемъ принадлежащихъ къ тому своихъ примѣчаній, дошедшихъ къ моему увѣдомленію отъ тѣхъ самыхъ гардемариновъ, которые, по именнымъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго (указамъ), съ 1716 по 1720 годъ странствуя по разнымъ иностраннымъ государствамъ, обучались тамъ навигацкой наукѣ; о ихъ и о прочихъ касающихся обстоятельствахъ выписку при семъ вашему сіятельству присылаю.

„Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга Алексѣй Нагаевъ.“

I.

Совокупность, добытыхъ въ коллегіяхъ Адмиралтействъ и Иностранныхъ Дѣлъ, свѣдѣній, однѣ другія пополняющихъ, даетъ возможность прослѣдить правительственныя распоряженія о посылкѣ гардемариновъ за границу; но подробнѣйшія свѣдѣнія о ихъ пребываніи тамъ и занятіяхъ представляетъ дневникъ Ив. Ив. Неплюева, веденный имъ со дня выѣзда изъ Россіи, въ послѣдній разъ напечатанный въ *Русскомъ Архивѣ* 1871 года.

Составляя очеркъ посылки русскихъ гардемариновъ за границу по свѣдѣніямъ служебнымъ, къ этому дневнику будемъ мы обращаться всякій разъ, какъ встрѣтимъ въ служебныхъ свѣдѣніяхъ пробѣлы. Но еще прежде, должны мы вспомнить, что посылкѣ гардемариновъ въ 1718 году предшествовало отправленіе за границу съ такими же цѣлями царедворцевъ въ 1697 году. Объ этой посылкѣ даетъ извѣстіе, въ своей исторіи царствованія Петра Великаго, Устряловъ (т. II, гл. XII, стр. 315).

„Тако началось новое въ Россіи дѣло: строеніе земскимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради, многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго.“ (Такъ говорится въ предисловіи къ Уставу Морскому.)

Съ этою цѣлію, *на первый разъ*, царь назначилъ отправить за границу пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ, изъ нихъ 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, служившую въ то время передовымъ отрядомъ Европы на морѣ противу Турокъ, а 22 въ Англію и Голландію.

„Всѣ они—говоритъ Устряловъ—принадлежали къ значительнѣйшимъ въ то время родамъ, и многіе въ послѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ (*хоть ни одинъ не отличился на морѣ.*)“ Въ приложеніи XVIII, историкъ даетъ списокъ всѣхъ посланныхъ въ 1697 году.

„При каждомъ стольникѣ велѣно быть по одному солдату, какъ

для изученія морскаго дѣла, такъ, вѣроятно, и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено, чтобъ они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ объ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущества."

Послѣднее условіе, очевидно, имѣло силу и при отправленіи втораго отряда учениковъ, въ 1716 году; ибо въ дневникѣ И. И. Неплюева видимъ, полученныя имъ въ Корфу и Венеціи, одобрительныя свидѣтельства отъ морскихъ начальниковъ, въ вѣдѣніи которыхъ онъ и товарищи его состояли.

Устряловъ догадывается о горѣ и слезахъ тѣхъ семействъ, изъ которыхъ набраны были ученики *для навигацкой науки*. Стольники большею частію были люди женатые, и имѣвшіе дѣтей. Дѣло представлялось всѣмъ тягостнымъ и несообразнымъ ни со званіемъ, ни съ наклонностями посылаемыхъ, которые кромѣ того что о морѣ не имѣли понятія, но и съ иностранными языками были вовсе не знакомы: въ особенности, слышался „ропотъ на посылку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли", о которыхъ русскіе люди могли только судить по высылаемымъ оттуда къ намъ въ разное время лицамъ, смущавшимъ миръ въ нашей церкви, и вызывавшимъ, въ защиту ея правилъ, опроверженія новшествъ и иновѣрческихъ ученій.

Но замѣчательно: во всемъ дневникѣ Ив. Ив. Неплюева не встрѣчаемъ ни одного свѣдѣнія о тугѣ и сѣтованіяхъ его домашнихъ и родныхъ товарищей его. Трудно предположить, чтобы русскія семьи къ 1717—1720 годамъ успѣли свыкнуться съ мыслію о необходимости разлуки для цѣлей государственныхъ. Вѣрнѣе думать, что вліяніе фискаловъ и инквизиторовъ (приставляемыхъ тогда даже къ монашествующей братіи) умѣряло выраженіе сѣтованій въ письмахъ, на рѣдкость полученія конхъ товарищи Неплюева, какъ увидимъ ниже, горько жаловались. А еслибы такія сѣтованія и доходили до молодыхъ странниковъ, то жизнь ихъ подъ новыми кругозорами, при опредѣленныхъ занятіяхъ, въ совершенно различныхъ условіяхъ, конечно, должна была всемѣрно ослаблять впечатлѣніе жалкихъ выраженій деревенскаго горя.

Изъ выписокъ о посылкѣ кадетъ въ Испанію оказывается, что въ Кадиксъ они попали не прямо, а что до того перебывали въ

Даніи, Голландіи, Франціи и Венеціи. Справки, сдѣланныя въ коллегіяхъ Иностранныхъ Дѣлъ и Адмиралтействъ, указываютъ на перемѣщеніе ихъ, отчасти подлинными словами указовъ и рескриптовъ Петра, а частію удостовѣренными морскимъ начальствомъ донесеніями и разказами дѣятелей и очевидцевъ о странствіяхъ по Европѣ русской молодежи.

27-го января 1716 года, государь Петръ Алексѣевичъ изъ С.-Петербурга выступилъ въ походъ въ Мекленбургію, Данію и Голландію. Путь его лежалъ чрезъ города Нарву, Ригу, Либаву, Данцигъ, Шверинъ и Ростокъ, до Копенгагена. Изъ путевыхъ писемъ его величества къ командовавшему тогда надъ Россійскимъ флотомъ и портами генералъ-адмиралу и кавалеру графу-Ѳедору Матвѣевичу Апракcину, видѣть можно:

Изъ Данцига, подъ числомъ 2-мъ марта 1716 года:

„Понеже получили мы вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи - въ морскую службу принять хотятъ; также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ ихъ примутъ же. Того для велите какъ наискорѣе въ Питербурхѣ отобрать еще изъ школьниковъ лучшихъ дворянскихъ дѣтей и привезть въ Ревель, и посадить на корабли съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60 человѣкъ, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, во Францію и въ Англію, по двадцати человѣкъ. (Ежели же оные изъ Питербурха въ Ревель скоро поспѣть не могутъ, и корабли прежде ихъ уйдутъ, то отправь ихъ отъ Ревеля до Риги моремъ, на шнявахъ *Діанѣ* и *Натальѣ*), и оттоль на курляндскихъ подводахъ до Мемля, а отъ Мемля на наемныхъ фурманахъ до Мекленбургской земли, гдѣ мы обрѣтаться будемъ.“

Во исполненіе этого указа генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ изъ Ревеля, отъ 15-го марта, писалъ въ Санктъ-Питербурхъ къ стольнику и Морской Академіи директору графу Матвѣеву, чтобъ онъ тѣхъ „школьниковъ“ немедленно выбралъ изъ Академіи и отправилъ въ Ревель. Графомъ Матвѣевымъ, 21-го того же марта, при именномъ спискѣ, отправлены изъ Санктъ-Петербургской Академіи въ Ревель слѣдующіе двадцать человѣкъ:

1) Князь Василій Хованской, 2) Ѳедоръ Головинъ, 3) Князь Никита Волконской, 4) Василій Самаринъ, 5) Князь Иванъ Несвицкой, 6) Иванъ Алексѣевъ, 7) Алексѣй Кологривовъ, 8) Иванъ Чириковъ, 9) Александръ Жеребцовъ, 10) Авраамъ Мещериновъ,

11) Василій Волынской, 12) Василій Измайловъ, 13) Иванъ Ржевской, 14) Петръ Еропкинъ, 15) Князь Алексѣй Бѣлосельской, 16) Иванъ Неплюевъ, 17) Андрей Полянской, 18) Алексѣй Пушкинъ, 19) Петръ Кашкинъ, 20) Никифоръ Еремѣевъ.

По прибытіи гардемариновъ, 31-го марта въ Ревель, имъ выдано парусинное платье и назначено на человѣка слѣдующее мѣсячное довольствіе:

Денегъ по	2 р. 40 к.
Сухарей по	2 п. 10 ф.
Гороху	15 ф.
Крупъ	15 ф.
Соли	$2^1/_2$ ф.
Муки ржаной на квасъ по	1 четв.
Вина по	25 чарокъ.
Уксусу по	$1^1/_2$ кружки.
Рыбы вялой по	5 ф.
Ветчины по	19 ф.

Изъ Шверина, въ Мекленбургіи, его величество послалъ въ Ревель къ капитанъ-командору Сиверсу указъ, чтобы съ опредѣленною въ его начальство эскадрой шелъ въ Копенгагенъ. И 17-го іюля, въ бытность государя въ Копенгагенѣ, пришла туда означенная эскадра, въ числѣ тринадцати кораблей, и легла на якорь.

„На той-то эскадрѣ вышеозначенные кадеты, *двадцать* человѣкъ, съ прежде прибывшими *сорока* человѣками, *яко первые въ Россійскомъ флоть съ 716 года учрежденные гардемарины*, довезены къ его величеству въ Копенгагенъ, изъ которыхъ въ Венецію, во Францію и въ Англію послѣдовали назначенія, какъ ниже явствуетъ.“

7-го октября того же 1716 года, въ письмѣ, писанномъ о военныхъ операціяхъ со Шведомъ, изъ Копенгагена, къ генералъ-адмиралу и кавалеру графу Апраксину, его величество, распредѣляя гардемариновъ по мѣстамъ назначенной имъ службы, между прочимъ, писалъ такъ:

P. S. Изъ гардемариновъ, которые были въ нашемъ флотѣ, кто куда опредѣленъ, и то прилагается при семъ роспись:

„*Въ Венецію:* Алексѣй Пушкинъ, Алексѣй Вишняковъ, Іванъ Воробьевъ, Іванъ Талызинъ, Іванъ Зиновьевъ, Василій Татищевъ, Іванъ Неплюевъ, Степанъ Коновницынъ, Іванъ Алексѣевъ, Петръ Кашкинъ, Артемій Толбугинъ, князь Тимоѳей Щербатой, Іванъ

Кайсаровъ, Иванъ Безобразовъ, Иванъ Кукаринъ, Петръ Зиновьевъ, Василій Квашнинъ-Самаринъ, Ефимъ Цымермановъ, Семенъ Дубровской, Алексѣй Арбузовъ, Петръ Прохоровъ, Андрей Сухотинъ, князь Михаилъ Прозоровской, Василій Самаринъ, Василій Филесовъ. *Изъ опредѣленныхъ къ архитектурѣ:* Яковъ Рославлевъ, Иванъ Марковъ, Алексѣй Костюринъ, Степанъ Шишиловъ и Иванъ Обрютинъ, всего 31 человѣкъ.

„*Во Францію:* Александръ Жеребцовъ, Левъ Милославской, Михайло Римской-Корсаковъ, Андрей Полянской, князь Борисъ Юсуповъ-Княжій, Иванъ Аничковъ, князь Алексѣй Бѣлосельской, Данило Путиловъ, Алексѣй Глѣбовъ, Аврамъ Мещериновъ, Григорій Санбуловъ, князь Александръ Волконской, Воинъ Римской-Карсаковъ, Семенъ Мордвиновъ, Петръ Салтыковъ, князь Иванъ Несвицкой, Иванъ Дубровскій, князь Борисъ Борятинской, Алексѣй Кологривой, Иванъ Чириковъ. Итого 20 *).

„*Въ Англію:* Князь Василій Хованской, князь Николай Великогагинъ, Сергѣй Татищевъ-Меньшой, Петръ Ржевской, Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ, князь Иванъ Одоевской, Сергѣй Татищевъ Большой, Ѳедоръ Головинъ, Петръ Мусинъ-Пушкинъ, князь Василій Урусовъ. Итого 10.“

Того же октября 15-го дня 1716 года, капитанъ-командоръ Сиверсъ, съ корабля *Екатерина* отъ Мены (островъ Меунъ недалеко отъ Копенгагена въ Балтійскомъ морѣ лежащій) при письмѣ своемъ сообщилъ помянутому генералъ-адмиралу графу Апраксину реестръ сходственный съ вышеписаннымъ о томъ, кто куда его царскимъ величествомъ назначенъ.

---

*) Въ 3-й части *Матеріаловъ для исторіи русскаго флота* (см. *Морск. Сборн.* 1868, кн. 2-я, критика и библіографія, на стр. 31) въ отдѣлѣ личнаго состава любопытны документы о *навигаторахъ* или молодыхъ людяхъ, посланныхъ учиться *морскому дѣлу* въ Англію и Голландію, а *галерному*—въ Венецію. Посылки эти начались съ 1706, *изъ простыхъ породъ*, а съ 1708—изъ дворянъ и даже знатныхъ; но какъ между послѣдними были нежелающіе, то ихъ, за отказъ, обложили большимъ денежнымъ штрафомъ. Молодежь наша получала тамъ бѣдное содержаніе. Надзиравшій за дворянскими дѣтьми, князь Иванъ Борисовичъ Львовъ жилъ въ Амстердамѣ и получалъ 1.000 ефимковъ, а священникъ при немъ получалъ 120 ефимковъ, и столько же положено было на переводчика. Но въ 1711 году князь Львовъ писалъ адмиралтейскому комиссару Бѣляеву, что за эту сумму не только переводчика, но и лакея продержать тамъ трудно. А въ слѣдующемъ году посланникъ нашъ писалъ изъ Лондона князю Львову: „Тщился я ублажить Англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 ф. стерл. запрашиваетъ.“

„А его царское величество, достойныя памяти государь Петръ Великій такой далъ указъ бывшему въ Даніи россійскому полномочному послу князю Василію Лукичу Долгорукову:

„Указъ господину послу князю Долгорукову:

„Принять вамъ гардемариновъ (которые посылаются для науки навигаціи во Францію и въ Венецію) по росписямъ, и отправлять ихъ на торговыхъ *или лучше на военныхъ* корабляхъ въ Голландію, къ послу князю Куракину.

„Въ Копенгагенѣ, въ 12-е октября 1716 года. *Петръ.*“

„*Подчерченное* написано собственною государевою рукою.“

При всѣхъ сихъ распоряженіяхъ случилось обстоятельство разстроившее одну часть распоряженій царя: англійскій адмиралъ, безъ указа своего короля, назначеннымъ учиться мореплаванію въ Англіи гардемариновъ не принялъ, и потому они оставлены въ нашемъ флотѣ, какъ ниже значится изъ свѣдѣнія Адмиралтействъ-Коллегіи:

Василій Щепотьевъ и Никифоръ Еремѣевъ уже за моремъ бывали: Щепотьевъ въ Англіи 5 мѣсяцевъ, Еремѣевъ въ Голландіи 4 мѣсяца; и потому они оставлены въ Русскомъ флотѣ, чтобъ имѣть морскую практику или когда откроется возможность опять отправить ихъ въ Англію. Иванъ Ржевской оставленъ на кораблѣ *Пигермаландъ*, по прошенію капитана Гослера. Князь Ѳедоръ Волконской, за болѣзнію на смотрѣ не былъ. Василій Измайловъ отданъ на корабль капитану Ивану Синявину; Василья Волынскаго его царское величество указалъ положить на деньги (откупился?). Тимоѳей Усовъ, Петръ Еропкинъ и Петръ Колычевъ отданы Юрьѣ Кологривому для архитектурной науки.

Кромѣ сихъ отвлеченныхъ отъ посылки за границу, еще двое, по письму царя изъ Амстердама къ генералъ-адмиралу графу Ѳ. М. Апраксину, 30-го марта 1717 года, были опредѣлены на другое дѣло. Петръ писалъ: „опредѣлили мы здѣсь, въ помощь съ Хрушевымъ, науки экипажному дѣлу, изъ навигаторовъ двухъ молодыхъ робятъ: Вишнякова да Талызина, о которыхъ извольте опредѣлить, чѣмъ имъ здѣсь питаться и за ученіе мастерамъ платить, і о протчемъ.“

Относительно назначенныхъ государемъ по именной росписи 31 молодыхъ людей къ поѣздкѣ въ Венецію, Адмиралтействъ-Коллегія

разъясняетъ, что изъ нихъ Алексѣй Костюринъ возвращенъ въ Россію; Алексѣй Пушкинъ и Иванъ Безобразовъ переведены во французскій отрядъ, а изъ онаго на ихъ мѣсто назначены князь Алексѣй Бѣлосельской и Иванъ Чириковъ; Вишняковъ и Талызинъ, какъ выше видѣли, отданы въ ученье архитектурѣ. Затѣмъ Неплюевъ свидѣтельствуетъ что Воробьевъ умеръ въ Амстердамѣ; а относительно Алексѣя Костюрина, что онъ по свѣдѣніямъ Коллегіи, *за болѣзнію* возвращенъ изъ Копенгагена въ Россію на эскадрѣ Сиверса, и въ 1719, „бывъ на баталіи въ Балтійскомъ морѣ, при взятіи трехъ шведскихъ кораблей, гардемариномъ, отличился и произведенъ въ мичманы въ корабельный флотъ.“ Мы подчеркнули слово *за болѣзнію*, ибо И. П. Неплюевъ въ своемъ дневникѣ намъ разъясняетъ свойство этой болѣзни. Онъ говоритъ что Костюринъ *бѣжалъ въ датскую службу въ солдаты*. Царь Петръ досталъ его изъ датской службы, далъ ему еще возможность отличиться и сдѣлаться полезнымъ членомъ своего отряда. Ниже увидимъ, что, даже убійство, совершенное однимъ изъ гардемариновъ въ Корфу не помѣшало виновному достигнуть чрезъ экзаменъ вступленія въ службу на родинѣ и также отличиться. Къ преступленіямъ противъ лица главы государства Петръ былъ неумолимъ, но нравственный кодексъ онъ всецѣло подчинялъ потребностямъ государственной службы.

„Прочіе же, говоритъ членъ Адмиралтействъ-Коллегіи, какъ въ Венецію, такъ и во Францію назначенные гардемарины отвезены изъ Копенгагена въ Голландію, на эскадру военныхъ голландскихъ кораблей.“ Неплюевъ говоритъ, что при отправленіи ихъ изъ Копенгагена въ Амстердамъ царь повелѣлъ послу своему, князю Василію Лукичу Долгорукову, выдать гардемаринамъ на дорогу, сверхъ прежняго жалованья, по шести ефимковъ, и это дало имъ средства, будучи на голландскихъ корабляхъ, платить за свою пищу, въ недѣлю по $1^1/_2$ ефимка съ человѣка.

Но не всѣ гардемарины изъ Копенгагена отправились въ Амстердамъ моремъ. Часть отряда, и именно заболѣвшіе при переѣздѣ изъ Россіи въ Данію, получили позволеніе ѣхать въ Голландію сухимъ путемъ. Изъ Копенгагена до Гамбурга ѣхали они такимъ образомъ *на свой коштъ*, въ повозкахъ, за цѣну по 15 рейхсталеровъ съ человѣка, съ условіемъ чтобы за эти деньги и кормить

ихъ *одинъ разъ въ день*. Въ Гамбургѣ за квартиру платили по двѣ гривны на сутки съ человѣка. Отъ Гамбурга до Амстердама ѣхали гардемарины также на подводахъ, заплативъ, кромѣ пищи, по двѣнадцати ефимковъ съ человѣка. Въ Амстердамѣ, куда царское величество прибылъ прежде ихъ, государь опредѣлилъ на каждаго человѣка кормовыхъ денегъ по червонному на недѣлю; а за квартиру платили каждый въ недѣлю по 20 алтынъ. Здѣсь, въ Амстердамѣ, одинъ изъ ихъ товарищей Воробьевъ Иванъ умеръ.

Мы встрѣтимся въ этомъ очеркѣ съ горькою жалобой гардемариновъ на безпомощность и крайнюю нужду, которыя они испытали въ бытность свою за границей. Не къ этимъ ли жалобамъ отнести нужно подметное письмо одного Русскаго изъ Голландіи, въ коемъ скрывшій свое имя, сверхъ сѣтованій на грабительства кіевскаго губернатора, на притѣсненія русскому купечеству отъ князя Гагарина и князя Меншикова, на корысть сенаторовъ Петровыхъ и на поощряемый вывозъ изъ Россіи иностранными купцами серебра и золота, жалобщикъ разсказываетъ, какъ коммиссаръ въ Голландіи Львовъ, кромѣ 1.000 ефимковъ жалованья, получая еще 400 рублей на содержаніе священника и секретаря, „сихъ персонъ никогда не имѣлъ и бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ и матросамъ; какъ онъ своею лукавою потачкой избаловалъ многихъ русскихъ господчиковъ присланныхъ сюда за навигацкою наукой; нѣкоторые изъ нихъ уже позакладывали и попродали вещи и деревни, и деньги иждиваютъ въ безчиніи...“ (См. С. М. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 16-й, М. 1866 стр. 405.)

Въ рескриптѣ Петра, отправленномъ изъ Амстердама 7-го февраля 1717 года въ Венецію, къ бывшему тамъ россійскому агенту Петру Беклемишеву, написано слѣдующее:

„Въ прошломъ 1715 году, по указу нашему, велѣно чрезвычайному послу нашему, пребывающему при польскомъ дворѣ, князю Григорью Ѳедоровичу Долгорукому, объявить венеціанскому тамъ же обрѣтающемуся послу, г. Дельфину, что изъ нашего россійскаго шляхетства нѣкоторые молодые люди желаютъ въ венеціанскомъ флотѣ служить; и могутъ ли оные въ ихъ службу приняты и употреблены быть въ морскомъ флотѣ на галерахъ, въ чемъ показано будетъ отъ оной Рѣчи Посполитой (республики Венеціанской) пріятство? И помянутой венеціанской посолъ писалъ о томъ къ своей республикѣ, и получа на то указъ, не токмо словесно,

по и письменно, именемъ республики своей, обнадежилъ, что тѣ россійскіе шляхтичи въ службу ихъ охотно и съ надлежащимъ трактаментомъ (содержаніемъ) приняты будутъ. Того ради нынѣ отсюда изъ россійской молодой шляхты, которые учреждены у насъ въ гардемаринѣхъ, отправлено въ Венецію двадцать семь человѣкъ, и повелѣли мы онымъ быть въ службѣ венеціанской въ морскомъ флотѣ *на галерахъ военныхъ, а не на корабляхъ.* И тебѣ надлежитъ объ оныхъ князю Венеціанскому (дожу) и Сенату объявить, и домогаться, чтобъ оные въ ихъ морскую службу приняты и на ихъ *военныя галеры* употреблены были, безъ потерянія времени.“

8-го февраля 1717 года, окончательно отобранные, изъ тридцати одного, двадцать семь гардемариновъ пустились въ путь изъ Амстердама въ Венецію. На дорогу имъ было выдано по двадцати пяти червонцевъ на человѣка; изъ этихъ денегъ, по пріѣздѣ въ Венецію, осталось у нихъ на каждаго по одному червонному. Нѣсколько прежде, „генваря въ 1-е число“, царское величество указалъ выдать гардемаринамъ, тремъ человѣкамъ, а именно: князю Тимоѳею Щербатову, Алексѣю Пушкину и Ивану Безобразову, на проѣздъ и на пищу до французскагопорта Сенъ-Мало, по 50 гульденовъ каждому человѣку, противъ ихъ братьи; да имъ же на подъемъ и на квартиры для тамошняго ихъ житья, доколѣ примутся они во французскую службу, по 20 ефимковъ альбертусовыхъ *).

Въ реляціяхъ бывшаго въ Венеціи россійскаго резидента Петра Беклемишева, отъ 15-го и 20-го марта, написано, что тѣ 27 человѣкъ россійскіе шляхтичи въ Венецію пріѣхали, и отъ него агента свѣтлѣйшему князю (дожу) и Сенату представлено о пріѣздѣ оныхъ и о скорѣйшемъ опредѣленіи ихъ въ службу, на что было отвѣтствовано, что они оныхъ гардемариновъ пріемлютъ пріятно, и обѣщали ихъ опредѣлить, и отправить во флотъ, на военныя галеры, не упуская времени.

Онъ же, отъ 10-го мая, пишетъ, что тѣ 27 человѣкъ россійскіе

*) Расходъ кабинетныхъ денегъ, Юрія Кологривова тетрадь. См. въ *Сборникѣ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ*, изданіе братьевъ Востряковыхъ, Москва. 1872, т. II, стр. 78.

шляхтичи въ венеціанскую службу опредѣлены, и на другой день отправятся на кораблѣ въ Корфу; и что онъ, агентъ, получилъ отъ республики о тѣхъ гардемаринахъ указъ, который и отданъ имъ для врученія генералъ-капитану: въ указѣ этомъ именно означено, чтобъ онъ принялъ ихъ какъ скоро они туда прибудутъ, и распорядилъ бы всѣхъ ихъ по галерамъ.

Отъ 9-го іюня увѣдомляетъ, что оные 27 гардемариновъ прибыли благополучно въ Корфу, отъ генералъ-капитана приняты, и опредѣлены на всякую галеру по два человѣка, который, галерный флотъ, вскорѣ пойдетъ изъ Корфу къ островамъ Занту и Цефаліи.

И Неплюевъ, въ своемъ дневникѣ, говоритъ, что на флотъ въ Корфу онъ и товарищи его отправлены были 10-го мая, и что на пищу въ пути всѣмъ имъ дано 20 цехиновъ. Съ 1-го марта слѣдующаго 1718 года цехину присвоена была цѣнность 31 фунта; и жалованья съ того числа имъ стали давать по 2 цехина безъ фунта, то-есть 61 фунтъ.

Намѣреніе царя дать молодымъ дворянамъ сразу военную практику на морѣ осуществилось. Венеціанская республика съ іюня 1717 по декабрь 1718 года была въ войнѣ съ Турціей; и нашимъ морякамъ, какъ свидѣтельствуетъ аттестатъ, выданный при отпускѣ русскихъ гардемариновъ съ венеціанской службы, удалось оказать „существенный куражъ въ случаѣ корабельной баталіи венеціанскаго флота съ флотомъ турецкимъ, бывшей 19-го іюля 1717 года въ портѣ *Наганія*, въ заливѣ *Елеусъ*, а также при взятіи двухъ фортецъ: Превезы и Воницы; и еще при осадѣ Венеціанами крѣпости *Дульцинъо*.“

Въ 1718 году, въ нашемъ венеціанскомъ отрядѣ гардемариновъ случились два событія, о которыхъ Адмиралтейская Коллегія, въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ вице-канцлеру по поводу испанскаго запроса 1774 года, упоминала кратко:

Противъ имени Василій Квашнинъ-Самаринъ отмѣчено; „товарищемъ своимъ, гардемариномъ Арбузовымъ, въ Корфу убитъ.“

Противъ имени Алексѣя Арбузова: „оный, какъ отъ товарищей его слышно было, гардемарина Квашнина-Самарина, въ Корфу, убилъ. За что въ Венеціи содержанъ былъ подъ карауломъ, изъ коего бѣжалъ, выѣхалъ въ Россію, и 1722 года, 8-го августа, по

экзаменаціи Адмиралтейсъ-Коллегіи, произведенъ въ ундеръ-лейтенанты.“

Противъ имени князь Михаилъ Прозоровской: „въ венеціанскомъ флотѣ съ прочими служилъ; но въ Аѳонской Горѣ, постригшись въ монахи, выѣхалъ въ Россію послѣ ихъ, и служилъ, изъ Невскаго монастыря, во флотѣ іеромонахомъ. О чемъ подлинную можно получить справку въ Синодѣ или въ томъ монастырѣ.“

По свѣдѣніямъ Неплюева, 1718 года марта 4-го, въ первомъ часу дня (то-есть по восхожденіи солнца), россійскій гардемаринъ Василій Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ найденъ на улицѣ заколотый шпагою. Снято у него только *парукъ, шпага, шляпа, запонки и пряжки* отъ башмаковъ. Изъ произведеннаго мѣстными властями слѣдствія выяснилось, что въ ночь, когда совершилось убійство, Самаринъ въ зеленомъ, а Арбузовъ въ сѣромъ кафтанахъ, при шпагахъ, сидѣли въ игорномъ домѣ за особымъ столомъ и вдвоемъ играли въ карты; а какъ пробило два часа (по захожденіи солнца), то одинъ другому махнувъ рукою, вмѣстѣ вышли.

Въ Венеціи нашелся въ то время „одинъ *русскій человѣкъ Дмитрій Ѳедоровъ*, находившійся въ венеціанской службѣ въ *папежскомъ полку солдатомъ*“, который показалъ, что, будучи вмѣстѣ съ Арбузовымъ въ числѣ экипажа на галерѣ *Баттарда*, онъ, Димитрій, отъ самого Алексѣя Арбузова узналъ, что закололъ Самарина онъ. Впрочемъ изъ слѣдствія, произведеннаго самими товарищами, этотъ поступокъ Арбузова выяснился осмотромъ его шпаги, сломанный конецъ которой найденъ въ боку Самарина, и окровавленнаго платья, которое онъ замывалъ.

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ писалъ изъ Венеціи къ матери убитаго объ обстоятельствахъ, при коихъ совершилось убійство, и утѣшалъ Наталью Алексѣевну, что тѣло ея сына погребено у греческой церкви, въ коей лежатъ мощи святаго Спиридона Тримифунскаго. Увѣдомлялъ, что наличныхъ денегъ послѣ покойнаго не осталось; а что было его скарбу, также кафтанъ и рубашки, то все продано за десять червонныхъ, которые онъ роздалъ на поминовеніе души его, по *греческимъ церквамъ*.

Въ томъ же году января 10-го, ушелъ въ Аѳонскую Гору, отъ товарищей со случившимся въ Корфу для собиранія милостыни іеромонахомъ Филиппомъ, изъ монастыря Св. Павла, князь Михайло

княжъ Андреевъ Прозоровскій. Изъ гардемариновъ особенно друженъ былъ Прозоровскій съ Семеномъ Леонтьевичемъ Мордвиновымъ *). Къ сему послѣднему явился чрезъ нѣсколько времени вышедшій изъ турецкаго плѣна и побывавшій въ той же Аѳонской Горѣ *Россіянинъ Яковъ Ивановъ*, который принесъ ему письмо Прозоровскаго, извѣщавшаго друга, что онъ постригся въ монастырѣ Св. Павла и въ инокахъ называется *Серій*. Въ письмѣ онъ просилъ Мордвинова переслать ему, съ указываемымъ вѣрнымъ человѣкомъ, на Аѳонскую Гору деньги, которыя онъ ожидалъ, что вышлетъ ему отецъ его.

II.

Отъ 2-го декабря 1718 года, резидентъ Беклемишевъ изъ Венеціи писалъ вице-канцлеру что понеже Венеціанская республика съ Турками заключила миръ, а такъ, которые россійскіе гардемарины въ службѣ находились нынѣ пребываютъ въ Корфу праздно, чего ради послала республика капитанъ-генералу указъ, чтобъ оныхъ гардемариновъ оттуда отправилъ въ Венецію. А отъ 10-го февраля 1719 года, Беклемишевъ доносилъ царю: „Гардемарины, которые были по указу вашего царскаго величества въ здѣшней службѣ, изъ Корфу, сюда прибыли; отъ двадцати семи человѣкъ, которые сюда сперва пріѣхали, *нынѣ всего двадцать три человѣка*, изъ которыхъ еще одинъ въ желѣзахъ и за карауломъ сидитъ, а именно Алексѣй Арбузовъ; сей приличился въ убивствѣ и привезенъ подъ арестомъ: и что да повелитъ ваше царское величество?“

Что собственно на сей разъ повелѣлъ царское величество объ Арбузовѣ, изъ справокъ доставленныхъ вице-канцлеру не видно; но адмиралъ Нагаевъ въ особомъ *примѣчаніи* разъясняетъ: „....Освободясь оттуда бѣгствомъ, странствовалъ за ними въ Испанію; въ Россію съ ними вмѣстѣ возвратиться онъ не осмѣлился, а прибылъ въ С.-Петербургъ послѣ; и по экзаменаціи вицъ-адмирала *Змаевича*, опредѣленіемъ Адмиралтействъ-Коллегіи, 8-го августа 1722

*) Его въ нашихъ спискахъ невидно.

года произведенъ въ галерной флотъ, въ ундеръ-лейтенанты, а въ 1763 году, іюля 5-го, въ лейтенанты майорскаго чина.

Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ дальнѣйшихъ изысканіяхъ о судьбахъ нашихъ гардемариновъ послѣ замиренія Венеціанской республики съ Турціею доставилъ слѣдующее свѣдѣніе, почерпнутое изъ статейнаго списка бывшаго въ Гаагѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, князя Бориса Ивановича Куракина.

„1718 года, 12-го (23-го) сентября, по указу царскаго величества, князь Куракинъ, бывъ въ дому гишпанскаго посла *Марка Беретти Лаиди*, подалъ промеморію о тѣхъ гардемаринахъ въ такой силѣ, что его царское величество указалъ ему его, посла, просить, чтобъ онъ далъ знать своему королю о находящихся въ венеціанскомъ флотѣ россійскихъ гардемаринахъ. Что понеже Венеціанская республика войны больше не имѣетъ, то его царскому величеству пріятно будетъ, когда его католическое величество тѣхъ гардемариновъ пріиметъ въ свою службу во флотѣ, и опредѣлитъ на свои галеры. На что того года, 27-го октября (7-го ноября), въ Гаагѣ посолъ гишпанской Беретти Лаиди, бывъ въ домѣ россійскаго министра князя Бориса Ивановича Куракина, сообщилъ экстрактъ изъ письма кардинала Альберони, который объявляетъ именемъ своего короля, что онъ охотно тѣхъ гардемариновъ въ свою службу пріемлетъ, имѣя желаніе продолжать всегда съ его царскимъ величествомъ добрую дружбу и корреспонденцію; а въ заключеніе, изъясняется такъ: „надлежитъ тѣмъ гардемаринамъ дать знать, чтобъ ѣхали они прямо въ Кадиксъ, гдѣ находится главный корпусъ сего почтеннаго и отличнаго войска. И какъ они туда пріѣдутъ, то будутъ тамъ пользоваться отмѣнною королевскою милостію.“

Вслѣдствіе сего изъ Гааги, 29-го октября (9-го ноября) 1718 года, писано рекомендательное письмо отъ князя Куракина къ губернатору города Кадикса.

Въ другомъ статейномъ спискѣ 1719 года (мѣсяцъ и число не означены) найдена объ оныхъ гардемаринахъ слѣдующая запись:

„Таковая роспись прислана отъ агента Беклемишева гардемаринамъ, которые, по указу его царскаго величества, отправлены изъ Венеціи въ Гишпанію, и адресованы къ губернатору въ Кадиксѣ, Si Chiama Don Tomazo i Diaguez, которая при семъ спи-

сана: 1) Иванъ Кукаринъ, 2) Василій Татищевъ, 3) Семенъ Дубровской, 4) Петръ Пороховъ, 5) Артемій Толбугинъ, 6) Василій Филисовъ, 7) Иванъ Аничковъ, 8) Алексѣй Бѣлосельской, 9) Петръ Зиновьевъ, 10) Ефимъ Цымермановъ, 11) Степанъ Коновницынъ, 12) Петръ Кашкинъ, 13) Тимоѳей Щербатой, 14) Иванъ Обрютинъ, 15) Степанъ Шиниловъ, 16) Иванъ Зиновьевъ, 17) Иванъ Неплюевъ, 18) Иванъ Алексѣевъ, 19) Андрей Сухотинъ; 20) Иванъ Кайсаровъ, 21) Яковъ Рославлевъ, 22) Иванъ Чирковъ, (23 Алексѣй Арбузовъ въ этомъ спискѣ уже не показанъ). А какъ означенные гардемарины пріѣхали въ Гишпанію и которое время выѣхали оттуда обратно въ Россію, о томъ извѣстія никакого нѣтъ."

Противъ этого свѣдѣнія, адмиралъ Нагаевъ даетъ примѣчаніе о прочихъ, назначавшихся въ венеціанскій отрядъ: Алексѣй Пушкинъ и Иванъ Безобразовъ посланы во Францію; Воробьевъ—по дѣламъ не отысканъ: мы знаемъ отъ Неплюева, что онъ умеръ въ Амстердамѣ; Василій Квашнинъ-Самаринъ—убитъ въ Корфу; Алексѣй Арбузовъ—убійца; князь Михаилъ Прозоровскій—ушелъ на Ѳоосъ; Василій Самаринъ—на галерахъ въ Корфу умеръ *); Иванъ Марковъ—что съ нимъ сталось, неизвѣстно; Вишняковъ и Талызинъ—въ Амстердамѣ остались изучать экипажное дѣло.

1719 года, февраля 21-го, двинулись наши моряки изъ Корфу, чтобы чрезъ Венецію, изъ службы республикѣ, перекочевать въ службу испанскому королю Филиппу V, начинавшему въ то время изъ-за кардинала Альберони войну противу соединенныхъ флотовъ Франціи и Англіи.

Въ Венеціи гардемарины должны были выдержать карантинъ, при чемъ Беклемишевъ переслалъ имъ на самонужнѣйшіе расходы денегъ всего 59 цехиновъ, что по русскому счету составляло по двѣ гривны на человѣка. За пищу ихъ въ локандѣ dei Re Corona заплатилъ агентъ Левъ Сѣменниковъ, за все время пребыванія ихъ въ карантинѣ, русскимъ счетомъ по 10 алтынъ и 10 денегъ за человѣка. Тутъ же, предъ отправленіемъ въ Испанію, агентъ нашъ строилъ имъ мундирную одежду: кафтаны темносѣрые, обшлага и отвороты красные; камзолы красные; штаны и шляпы сѣрые. На одежду вышло для каждаго денегъ по 21 ефимку за человѣка. Въ

*) Самаринъ былъ *одинъ*; помѣщеніе его въ *примѣчаніи* вторично, есть очевидно, ошибка.

деньгахъ этихъ отъ гардемариновъ отбирались росписки съ обязательствомъ уплатить по нимъ изъ домовъ своихъ. Для считавшихся богатѣйшими противу товарищей, Татищева, Коновницына, Дубровскаго и Щербатова, агентъ мундирнаго платья не заказывалъ. На проѣздъ отъ Венеціи до Кадикса агентъ выдалъ по 30 ефимковъ каждому *). Подробности переѣзда отъ Венеціи до Кадикса, большею частью сухимъ путемъ, желающіе могутъ прочесть въ дневникѣ И. И. Неплюева. Мы прослѣдимъ только за ними по пути ихъ слѣдованія, чтобы видѣть, когда и гдѣ они были, и съ кѣмъ изъ русскихъ людей они на этомъ пути встрѣтились. Чрезъ Ферарру, Болонью, Флоренцію, Ливорно, Геную, Монакко, Виллафранку и Ниццу, прибыли они 12-го мая въ Тулонъ. Осматривая всюду и записывая встрѣченныя достопримѣчательности, И. И. Неплюевъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ встрѣчу во Флоренціи съ Россіянами „Иваномъ да Романомъ Никитиными съ товарищи", которые проживали тамъ, „обучаясь живописному искусству".

13-го мая, въ Тулонѣ, явились они къ губернатору и тамъ нашли земляковъ, семь русскихъ гардемариновъ, изъ тѣхъ, которые посланы были въ одно время съ ними во Францію изучать навигаторскую науку. То были Андрей Ивановичъ Полянскій, Михаилъ Андреевичъ и Воинъ Яковлевичъ Римскіе-Корсаковы, Александръ Гавриловичъ Жеребцовъ и князья: Александръ Дмитріевичъ Волконской, Борисъ Семеновичъ Борятинскій и Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ. Ни Алексѣя Пушкина, ни Ивана Безобразова между ними уже не видимъ. Не находились ли они въ третьемъ отрядѣ

---

*) О цѣнѣ ефимка имѣемъ свѣдѣнія изъ позднѣйшихъ отчетовъ Иностранной Коллегіи императрицѣ Екатеринѣ II, 1772 года.

Въ 1721 году ефимокъ стоилъ нашихъ 80 копѣекъ; послѣ 1725 и до 1733 года цѣнность его считалась не меньше здѣшняго (русскаго) рубля, а иногда и больше. Въ 1733 году иностранные министры жаловались вице-канцлеру на потерю, которую они имѣютъ отъ разницы въ курсѣ ефимка, и тогда именнымъ указомъ было повелѣно ,,недостающій противъ ефимка вексельный курсъ доплачивать изъ казны, съ тѣмъ что ежели бы когда оный случился выше 50 штиверовъ за рубль, тогда излишекъ противу 50 штиверовъ оставлять въ казнѣ". Но приходилось не оставлять, а добавлять: и оная по вексельнымъ курсамъ добавка, въ содержаніи министровъ при чужестранныхъ дворахъ, съ канцелярскими принадлежностями, простиралась отъ 20-ти до 30-ти тысячъ рублей въ годъ.

въ Брестѣ? Служебныя свѣдѣнія касаются лишь гардемариновъ въ Венеціи и Кадиксѣ; а Неплюевъ говоритъ лишь о видѣнныхъ имъ въ Тулонѣ.

„Учатся они въ академіяхъ съ французскими гардемаринами, которыхъ въ той академіи 120 человѣкъ: навигаціи, инженерству олтилеріи; рисовать, мачтаповъ, какъ корабли строятся; боцманству, то-есть оснащивать корабли; артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить. Въ школу ходятъ дважды въ день, и учатъ ихъ всему безденежно королевскіе мастера; а жалованья отъ королевскаго величества дается имъ на мѣсяцъ по 3 ефимка. А ежели кто согрѣшитъ (то-есть провинится), въ штрафъ сажаютъ въ тюрьму, по разсмотрѣнію вины: за большую вину на полгода на одинъ хлѣбъ и воду, и никого въ тюрьму не пущаютъ....“ *).

Выѣхавъ изъ Тулона 14-го мая, въ Марселѣ были они 15-го. Въ Аликанту пришли 1-го іюня, проѣхали въ виду замка Ракето 24-го, Малаги 28-го, Рондо 2-го іюля, Борно 3-го, Хересъ-дела-Фронтера 4-го и въ Кадиксъ прибыли они 5-го іюля.

Слишкомъ мѣсяцъ пробыли наши гардемарины въ Кадиксѣ безъ дѣла, напрасно ходатайствуя, чтобъ ихъ послали на военныя галеры, въ чемъ и состояла опредѣленная цѣль ихъ посылки въ Испанію. Но это имъ не удалось. 15-го августа они были помѣ-

---

*) Видно что и во Франціи русскимъ гардемаринамъ отпускаемаго на нихъ содержанія не доставало. Въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ есть два дѣла: 1) 1723 іюня 11-го, о заплатѣ долговъ нажитыхъ посланными во Францію для науки гардемаринами: княземъ Борятинскимъ, Дубровскимъ, Жеребцовымъ и Полянскимъ. 2) 1725 года мая 6-го, по письму французскаго министра Морепа къ французскому въ Россіи послу Кампредону о заплатѣ долговъ умершихъ въ Тулонѣ и Брестѣ россійскихъ гардемариновъ: князя Борятинскаго и Ивана Дубровскаго.

Находившійся во Франціи при гардемаринахъ капитанъ Капонъ Никитинъ Зотовъ писалъ въ 1717 году къ кабинетсъ-секретарю Адмиралтействъ-Коллегіи Макарову о безпорядкахъ и буйствахъ, которые дѣлаетъ тамъ наша молодежь, и заключалъ тѣмъ, что „надобны къ нимъ конечно русскіе дядьки, и чтобы сродники къ нимъ присылали денегъ: ради дядька будутъ смирно жить, а ради денегъ *по міру не будутъ* ходить....“ (*Морск. Сборн.* 1868, отдѣлъ критики и біографіи, ст. 31).

щены въ Морской Корпусъ, незадолго предъ тѣмъ основанный королемъ Филиппомъ V, по плану кардинала Альберони.

Вотъ какъ Неплюевъ описываетъ свое и товарищей житье-бытье въ Кадиксѣ:

„Съ пріѣздомъ Русскихъ, въ ротѣ было гардемариновъ 240 человѣкъ, изъ коихъ находилось въ посылкѣ: въ Сициліи на кораблях 69, и на корабляхъ въ Америкѣ 18 человѣкъ. Мундиры на испанскихъ гардемаринахъ были королевскіе: кафтаны васильковые, обшлага красные, пуговицы и петли золотомъ обшиты, камзолы и чулки красные, штаны васильковые; и тѣмъ, которые на корабляхъ служатъ, даются еще суртуки васильковые простые."

Какъ видимъ, живописная одежда испанскихъ гардемариновъ далеко оставляла за собою сѣренькую нашихъ моряковъ, которые еще и верхней одежды, для защиты отъ непогоды, никакой не имѣли.

„Ежели гардемаринъ занеможетъ, то содержимъ бываетъ въ госпиталѣ какъ лѣкарствомъ, такъ и пищею, и прочимъ всѣмъ: изъ жалованья его вычитаютъ по пяти пецъ, а прочіе отдаются ему. А ежели котораго отпустятъ на время домой, то жалованья, за время отпуска, не вычитаютъ. Гардемаринамъ жениться отнюдь не дозволялось, пока не выйдутъ въ офицеры. Квартиры, ни гардемаринамъ, ни офицерамъ не давалось: всякой нанималъ за свои деньги изъ жалованья. А жалованья на мѣсяцъ было назначено: по 2 добли, 2 пеца, 5 реалей де плата и 5 картъ, что по-русски составляло 10 ефимковъ; и мундиръ имъ не опредѣленъ.

„По ордеру королевскому, всякой гардемаринъ долженъ быть во второмъ часу ночи (то-есть по захожденіи солнца) на своей квартирѣ, и никуда не отлучаться, за чѣмъ досматриваютъ бригадиры, обходя квартиры. Ежели который гардемаринъ провинится, то наказываютъ: первый разъ — арестъ на квартирѣ; второй — сажаютъ въ камору и замыкаютъ; третій — по великой винѣ, сажаютъ въ тюрьму, и ѣсть, кромѣ хлѣба и воды, не даютъ.

„Ученіе производилось такъ: поутру соберутся всѣ въ церковь въ указный часъ, и съ ними очередный бригадиръ — къ обѣднѣ; потомъ въ академіи учатся математикѣ, всѣ, два часа. Послѣ обѣда, сходятся во второй разъ въ 3 часа пополудни, и три кварты учатся артиллерійскому искусству, двѣ кварты солдатскому артикулу, одна—на шпагахъ биться и одна жъ учатся танцовать.

„6-го августа (стараго стиля) расписали насъ на кварты; и какъ гишпанскіе, такъ и наши гардемарины ходили въ академію всегда, кромѣ того что мы къ обѣднѣ не ходили. Съ ними вмѣстѣ

учились солдатскому артикулу, танцовать, и на шпагахъ биться; *а къ математикѣ хотя и приходили, но сидѣли безъ дѣла, ибо не знали языка.*

„Сколько ни просились на дѣйствительную службу, на галеры, но имъ отвѣчали, что его королевское величество содержитъ только шесть галеръ, да и тѣ въ Сициліи. Жалованья королевскаго имъ на руки не давали, а платили за нихъ:

„За пищу и за квартиру въ мѣсяцъ, отъ чего они имѣли необходимую пищу, а пили только воду..... 2 добли.

„За мытье рубашекъ и прочаго, перемѣняя по три рубашки въ недѣлю..... ½ пецы.

„По парѣ башмаковъ..... 9 реаловъ дѣ плата.

„Балбиру, который брилъ имъ бороду два раза въ недѣлю, а паруки намъ пудрилъ три раза въ недѣлю..... 4 реала.

„Оставалось отъ мѣсяца по 4 реала и 5 квартъ; и тѣ платили, за гардемариновъ, портному за починку верхняго платья, или кто что возьметъ новое въ счетъ жалованья.“

Обходились наши гардемарины и въ венеціанской службѣ безъ теоріи наукъ: но тамъ они были заняты дѣйствительною службою, и, какъ мы видѣли, боевою жизнію; да, кромѣ того, окружены и въ службѣ и въ жизни людьми говорящими славянскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь же, безъ средствъ къ развлеченію, безъ знанія языка, вынужденные высиживать классы математики, не понимая ничего изъ преподаваемаго, раскиданные по квартирамъ, безъ права сходиться между собою иначе, какъ въ академіи; люди боеваго дѣла, они должны были тратить тѣлесныя силы на фехтованье и на смѣшные для степенныхъ русскихъ военныхъ людей прыжки въ урокахъ танцевъ. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ: „Иванъ Аничковъ сошелъ съума, и содержался въ крѣпости, пбо дѣлалъ всякіе непорядки, и говорилъ вздоръ.“ Пріѣздъ ихъ въ Кадиксъ ознаменовался печальнымъ событіемъ. Заболѣлъ князь Алексѣй Бѣлосельскій, и 24-го (13-го) августа, на чужбинѣ отдалъ Богу душу. У его кровати писали наши горемыки горькую, слезную просьбу.

По справкѣ съ дѣлами Адмиралтейской Коллегіи, оказалось, прислано изъ Кадикса отъ 10-го августа 1719 года генералъ-адмиралу и кавалеру графу Апраксину письмо отъ нижеписанныхъ гардемариновъ: Толбугина, Алексѣева, Абрютина, Сухотина, Коновницы-

на, Неплюева, Зиновьева Петра, Щербатова, Аничкова, Филисова, Дубровскаго, Цимерманова, Татищева, Чирикова, Кашкина, Кайсарова, Зиновьева Ивана, Кукарина, Шипилова и Алексѣя Бѣлосельскаго. Вотъ содержаніе его:

„По именному его царскаго величества указу, служили мы одну компанію въ 1716 году во флотѣ его величества на корабляхъ гардемаринами, и того же 1716 года, по окончаніи кампаніи, на смотру его величества, изъ Копегангена посланы мы въ службу Венеціанской республики на галеры, и возслѣдуя его величества указу, служили мы въ венеціанскомъ флотѣ на галерахъ двѣ кампаніи, а *его царскаго величества денежнаго жалованья намъ не было*; а отъ Вениціанской республики давались намъ жалованья во время кампаніи по одному червонному на мѣсяцъ, а во время зимовыхъ квартиръ по два червонныхъ, чего намъ и на пищу не доставало, и были въ великой скудости. А во время оныхъ кампаній были мы на баталіи случившейся съ турецкимъ флотомъ; также и при взятіи и нѣкоторыхъ городовъ, и въ наукѣ, практикѣ галерной: о чемъ имѣемъ отъ ихъ адмирала аттестаты. А нынѣшняго 1719 года, по именному жъ его царскаго величества указу, господинъ агентъ Петръ Ивановичъ Беклемишевъ взялъ насъ изъ Венеціанской службы, и отправилъ насъ въ Гишпанію, въ службу на галеры, въ городъ Кадиксъ, при письмѣ *его высочества*, князя Бориса Ивановича Куракина, къ губернатору донъ-Томазо и Діакезъ. И прошедшаго іюля 5-го числа прибыли мы въ городъ Кадиксъ 22 человѣка, а письмо его высочества оному губернатору вручили; и онъ писалъ объ насъ до королевскаго величества, и его королевское величество повелѣлъ насъ опредѣлить въ академію, и содержать тамъ какъ своихъ гардемариновъ, и жалованье намъ противъ оныхъ, по двѣ добли съ половиною на мѣсяцъ, а мундиру намъ не опредѣлено. И нынѣ мы подрядили себѣ квартиры, и содержимся однимъ хлѣбомъ и водою, и за тѣмъ не остается ничего чѣмъ бы содержать рубашки, башмаки и прочія нужды. И во академіи мы учимся солдацкому артикулу, и танцовать, и на шпагахъ биться, а математики намъ учиться не возможно, для того что мы языку ихъ не знаемъ. Мы же всѣ во взрослыхъ лѣтѣхъ, о чемъ и его царское величество извѣстенъ. И желаемъ быть въ службѣ. А здѣсь мы у командора своего просили многажды чтобы насъ послать на галеры и оной нашъ командоръ сказалъ что „его королевское величество содержитъ только шесть галлеръ и тѣ въ Сициліи и опредѣлить де васъ кромѣ академіи некуды, понеже тѣ галеры стоятъ заперты въ портѣ отъ непріятеля, и не токмо де галеры, но и корабли мало ходятъ, и на галерахъ ихъ гардемариновъ нѣтъ.“ Мы жъ многократно просили, чтобы намъ

прибавили жалованья. И оный командоръ намъ сказалъ, что больше того намъ жалованья не прибавятъ, и ко двору королевскаго величества писать позволенія намъ не далъ, а сказалъ намъ, чтобы мы о всѣхъ своихъ нуждахъ просили у царскаго величества. И онымъ жалованьемъ намъ содержаться невозможно, потому что мы другова мѣста на все такой дороговизны не видали: о чемъ ваше сіятельство извольте освѣдомиться помимо насъ. А гишпанскіе гардемарины содержатся не жалованьемъ, но больше прилагаютъ отъ домовъ своихъ. А мы дворяне не богатые, отъ домовъ своихъ не только векселей, но и писемъ не получаемъ. И въ венеціанской службѣ были мы въ крайнемъ убожествѣ, ежели бы житья тамъ нашего продолжилось, могли бы отъ скудости пропасть; а нынѣ приключилась и здѣсь великая нужда, ничѣмъ не меньше прежней: первое, что голодны, второе, что имѣемъ по одному кафтану, а рубашекъ и протчаго нѣтъ.

„Всепокорно и слезно молимъ вашего сіятельства, умилосердись, государь, надъ нами, чтобы намъ не пропасть безвременно. Соизволь доложить его царскому величеству, чтобы намъ быть въ службѣ, а не въ академіи, и опредѣлилъ бы его царское величество жалованьемъ чѣмъ бы можно намъ содержаться. Ежели мы будемъ многое число (время?) въ академіи, то практику морскую, которую мы приняли, можемъ забыть (а вновь ничего не присовокупимъ: *понеже танцованіе и шпажное ученіе ко интересу его царскаго величества намъ не въ пользу*). Ежели къ намъ вашего сіятельства милосердія не явится, истинно, государь, можемъ отъ скудости пропасть. Умилостивись государь, надъ нами, понеже кромѣ вашего сіятельства помощи себѣ получить не можемъ.“

Не скоро, по тогдашнимъ путямъ и способамъ сообщеній, достигло своего назначенія это слезное моленіе бѣдныхъ русскихъ „робятъ“. Лишь въ ноябрѣ 17-го числа, генералъ-адмиралъ и кавалеръ, и Адмиралтействъ-Коллегіи президентъ, графъ Апраксинъ, заслушивалъ въ собраніи прочихъ членовъ настоящее письмо. И Коллегіею опредѣлено:

„По именному его царскаго величества указу, гардемаринамъ (слѣдуютъ имена) итого двадцати челобитчикамъ, которые были посланы въ Венецію и во Францію, а нынѣ оные обрѣтаются въ Гишпаніи, выдать его, велпкаго государя, жалованье на пропитаніе ихъ и на выѣздъ въ Голландію по 50 ефимковъ на каждаго человѣка. И оныя деньги перевесть на вексель чрезъ резидента Христофора Бранта, съ такимъ *контрактомъ* чтобы онъ оныхъ

гардемариновъ, какъ возможность допуститъ, вывезъ въ Голландію и отправилъ въ Россію. И о томъ, по оному резиденту Бранту писать (и того жь ноября 19-го дня, съ пріобщеніемъ тѣмъ гардемаринамъ реестра, написано).“

Только 28-го февраля 1720 года, послѣ четырехлѣтняго странствія по чужимъ морямъ и въ службѣ чужимъ государствамъ, „допущена возможность“ русскимъ дворянамъ-морякамъ выѣхать изъ Кадикса, чтобы слѣдовать на родину чрезъ Голландію.

„Когда же они изъ Голландіи въ Россію отправились, такъ заканчивается сообщеніе адмирала Ногаева вице-канцлеру: того хотя по дѣламъ Адмиралтейской Коллегіи не отыскано, но подлинно извѣстно, что въ С.-Петербургъ прибыли въ томъ же 1720 году, потому что въ томъ же году іюля 1-го числа пожалованы они въ галерной флотъ въ морскіе офицеры: Какуринъ, Неплюевъ и Алексѣевъ въ лейтенанты; Циммермановъ и Аничковъ остались тѣми же гардемаринами въ галерномъ флотѣ, остальные пожалованы въ томъ же галерной флотъ ундеръ-лейтенантами.

„А по какихъ чиновъ кто, когда, изъ нихъ, служа потомъ въ россійскомъ галерномъ флотѣ и въ другихъ должностяхъ, дослужились, тому при семъ, по справкамъ изъ дѣлъ Адмиралтейсъ-Коллегіи, сообщается вѣдомость.

„1) *Иванъ Ивановъ Неплюевъ*. Въ 721 году морскимъ лейтенантомъ посланъ былъ ко двору султана Турскаго, въ характерѣ резидента. Въ 730, декабря 2-го, пожалованъ въ контръ-адмиралы, въ 739 генваря 28-го, въ штатскую службу тайнымъ совѣтникомъ, въ 741, въ Малороссію главнымъ командиромъ. Въ 744, въ Оренбургъ въ губернаторы. Въ 752, ноября 25-го, въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 760, въ сенаторы. Въ 763, отъ службы отставленъ и имѣлъ ордены Св. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго.

„2) *Иванъ Павловъ Зиновьевъ*, 768, декабря 19-го отъ службы отставленъ вице-адмираломъ. 773 апрѣля 1-го умре.

„3) *Артемій Ильинъ Толбугинъ*, 750, апрѣля 17-го, пожалованъ въ контръ-адмиралы. Въ томъ же году ноября 8-го умре.

„4) *Иванъ Ивановъ Кайсаровъ*, 753, отосланъ къ отставкѣ въ Сенатъ.

„5) *Иванъ Ивановъ Сбрютинъ*, 757 мая 5-го, въ капитанъ-командоры бригадирскаго ранга, 763 августа 18-го умре.

„6) *Семенъ Леонтьевъ Дубровской*, 746, лейтенантомъ (по штату 1733 года въ рангѣ маэорскомъ), апрѣля 16-го умре.

„7) *Петръ Павловъ Зиновьевъ*, 740, въ томъ же рангѣ, въ Днѣпрской экспедиціи умре.

„8) *Иванъ Антоновъ Алексѣевъ*, 723 посланъ во Францію въ городъ Бурдо консулемъ, гдѣ былъ по 727 годъ, а въ 737 марта 29-го, опредѣленъ въ Коммерцъ-Коллегію ассессоромъ.

„9) *Петръ Астаѳьевъ Пороховъ*, 739 апрѣля 24-го, въ Днѣпрской экспедиціи умре.

„10) *Иванъ Ивановъ Чириковъ*, 739 февраля 20-го, въ бригадирскомъ -рангѣ, за вины, лишенъ всѣхъ чиновъ и посланъ въ Оренбуръ.

„Изъ остальныхъ: 11) Иванъ Максимовъ *Кукаревъ*, 12) князь Тимофей *Щербатовъ*, 13) Василій Ивановъ *Татищевъ*, 14) Степанъ Петровъ *Шипиловъ*, 15) Василій Якимовъ *Филисовъ*. 16) Андрей Филатьевъ *Сухотинъ*, 17) Степанъ Богдановъ *Коновницынъ*, 18) Яковъ Ѳоминъ *Рославлевъ*, 19) Иванъ Ивановъ *Аничковъ*, отставлены (то-есть уволены) отъ службы, или умерли въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. 20) Ефимъ Ивановъ *Циммермановъ*, въ поручичьемъ чинѣ, въ Днѣпрской экспедиціи, умре.“

Остается отъ современныхъ путешественниковъ по Европѣ услышать: имѣются ли въ испанскомъ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ Кадиксѣ (если онъ еще существуетъ) портреты нашихъ русскихъ тамъ воспитанниковъ прошедшаго столѣтія, дослужившихся на отечественной службѣ до штабъ-офицерскихъ чиновъ?

А. Рачинскій.

УЧАСТІЕ

Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1876 году.

Съ Высочайшаго соизволенія, отъ 20 по 31 августа 1876 года происходилъ въ С-Петербургѣ 3-ій международный Съѣздъ Оріенталистовъ. Первый собрался въ Парижѣ въ 1873 году, а второй въ Лондонѣ въ 1874 году.

Въ числѣ членовъ С.-Петербурскаго Съѣзда были делегаты отъ нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ обществъ; но, къ сожалѣнію, сколько-нибудь полный перечень этихъ обществъ и списокъ ихъ представителей на Съѣздѣ нигдѣ не были напечатаны.

Еще въ февралѣ мѣсяцѣ того же года, Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ получилъ циркулярное приглашеніе организаціоннаго комитета Съѣзда принять участіе въ трудахъ предстоявшаго Съѣзда присылкой делегатовъ и письменныхъ сообщеній, а для выставки Съѣзда относящихся до Востока печатныхъ изданій какъ самого Архива, такъ и лицъ служившихъ и служащихъ въ оном.

Слѣдующія обстоятельства могли побудить Съѣздъ Оріенталистовъ поставить Московскій Главный Архивъ своимъ приглашеніемъ на ряду съ учеными учрежденіями.

Архивъ этотъ состоитъ:

1) Изъ *оставшихся* въ Москвѣ дѣлъ Посольскаго и иныхъ Приказовъ упраздненныхъ въ 1820 г., которыя обнимаютъ, кромѣ дипломатическихъ сношеній, разныя части *внутренняго* управленія.

2) Изъ *присланной* въ Москву *политической* переписки коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ по 1801 годъ.

Такимъ образомъ, самое то обстоятельство, что въ семъ Архивѣ хранятся дѣла временъ преимущественно отдаленныхъ, всегда содѣйствовало облегченію доступа туда ученымъ изслѣдователямъ, между которыми Архивъ съ гордостью считаетъ: Татищева, кн. Хилкова, кн. Щербатова, Н. М. Карамзина П. М. Строева, М. П. Погодина и С. М. Соловьева.

Притомъ ученому міру памятна заслуга, оказанная академикомъ и исторіографомъ Миллеромъ приведеніемъ этого Архива въ порядокъ въ 1770 годахъ.

Къ тому же Петръ Великій учредилъ еще при Посольскомъ Приказѣ библіотеку. Она обогатилась пріобрѣтенными Екатериною II у Миллера рукописями и книгами, и пополнилась библіотеками Бантышъ-Каменскаго, А. Ѳ. Малиновскаго, въ такое время когда въ Москвѣ не было никакого публичнаго книгохранилища. Съ завѣщаннымъ ей собраніемъ покойнаго директора Архива князя М. А. Оболенскаго, эта библіотека заключаетъ теперь 25.000 томовъ. Она служитъ весьма важнымъ пособіемъ при занятіяхъ ученыхъ изслѣдователей и самихъ служащихъ въ Архивѣ.

Наконецъ, съ 1811 года при немъ состоитъ Коммиссія печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и даже существовала одно время типографія, которою завѣдывалъ К. Ѳ. Калайдовичъ. Этой коммиссіи принадлежитъ значительное число изданій, продажа коихъ, по Высочайшей волѣ, открыта при Архивѣ.

Совокупность сихъ обстоятельствъ поставила Московскій Главный Архивъ въ постоянныя сношенія съ русскими учеными обществами и издавна присвоила ему нѣкоторымъ образомъ характеръ ученаго учрежденія.

Но такъ какъ этотъ разъ получено было приглашеніе отъ собранія *международнаго*, то директоръ Архива счелъ своею обязанностью представить въ подробности свои предположенія относительно участія въ немъ ввѣреннаго ему учрежденія на разсмот-

рѣніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, присовокупивъ, что жаль было бы упустить этотъ случай обслѣдовать богатый архивскій матеріалъ и извлечь изъ него научную пользу.

Государственный канцлеръ отнесся къ этому представленію, какъ нельзя болѣе, сочувственно и отозвался, что вслѣдствіе прежнихъ трудовъ своихъ и теперешняго просвѣщеннаго содѣйствія историческимъ изслѣдованіемъ Московскій Главный Архивъ вполнѣ усвоилъ себѣ значеніе ученаго учрежденія, а потому князь А. М. Горчаковъ призналъ участіе Московскаго Архива въ трудахъ Съѣзда не только умѣстнымъ, но и полезнымъ; причемъ разрѣшилъ отправленіе туда двухъ делегатовъ съ письменными сообщеніями относительно состава Архива и его библіотеки; а вслѣдъ затѣмъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на высылку для выставки Съѣзда нѣкоторыхъ архивскихъ рукописей и картъ и на допущеніе гг. членовъ Съѣзда къ обозрѣнію Архива и къ занятіямъ въ ономъ.

Согласно вышесказанному участіе сего учрежденія въ дѣятельности Съѣзда началось увѣдомленіемъ организаціоннаго комитета Съѣзда о назначеніи делегатами Архива гг. Рачинскаго и Чарыкова и высылкой по экземпляру имѣющихъ отношеніе къ Востоку пяти изданій Коммиссіи Печатанія Грамотъ и Договоровъ; такихъ же двухъ изданій кн. М. А. Оболенскаго и изслѣдованій теперешняго директора Архива, Барона Ѳ. А. Бюлера, относительно Калмыковъ, ламаизма и шаманства.

Въ отвѣтъ на это получено было извѣщеніе отъ предсѣдателя организаціоннаго комитета, что „въ виду горячаго участія, принятаго директоромъ Архива въ обезпеченіи Съѣзду возможнаго успѣха содѣйствіемъ со стороны Главнаго Архива Россіи, комитетъ единогласно постановилъ выразить барону Бюлеру живѣйшую благодарность за такое рѣдкое дѣятельное сочувствіе къ общественному дѣлу.“ При этомъ ординарный профессоръ В. В. Григорьевъ благодарилъ и за предупредительность относительно имѣвшагося тогда въ виду открытія доступа къ сокровищамъ Архива гг. членамъ Съѣзда, долженствовавшимъ прибыть въ Москву, и обѣщалъ удѣлить въ пользу архивской библіотеки нѣкоторыя припошенія Съѣзду, такъ какъ ихъ принято распредѣлять между учрежденіями страны, гдѣ происходилъ Съѣздъ.

Ко времени собранія Съѣзда делегаты Архива, снабженные инструкціями директора, отправились въ С.-Петербургъ. Они представили Съѣзду составленные ими указатели къ хранящимся въ Архивѣ дѣламъ по сношеніямъ Россіи съ Азіей, и при этомъ г. Рачинскій прочелъ на Съѣздѣ сообщеніе о значеніи документовъ Архива для изученія Востока, а г. Чарыковъ—о путешествіи въ 1671 году въ Хиву, Бухару и Балхъ русскаго посланника Бориса Алексѣевича Пазухина. При самомъ началѣ Съѣзда, г. Чарыковъ былъ избранъ въ секретари одного изъ отдѣленій Съѣзда.

Кромѣ того, при Съѣздѣ было организована, по мысли члена онаго, директора Департамента Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, весьма любопытная выставка слишкомъ 80 принадлежащихъ архивской библіотекѣ географическихъ картъ, преимущественно рукописныхъ и изображающихъ различныя части Азіи. Всѣ онѣ отправлены были на Съѣздъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, согласно испрошенному на то **Высочайшему** разрѣшенію. Многія изъ нихъ, особенно относящіяся до Сибири и Средней Азіи, взяты были изъ портфелей исторіографа Миллера. Планъ г. Хивы и пять такихъ картъ вовсе неизвѣстны были Военному Министерству, и оно просило позволенія фотографировать эти карты. Вообще эта картографическая выставка возбудила такой интересъ, что могла бы быть предметомъ особой журнальной статьи. Выставку устроилъ на мѣстѣ г. Рачинскій, и онъ же объяснялъ ее гг. членамъ Съѣзда, равно какъ и гг. министру государственныхъ имуществъ, товарищамъ министровъ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Вышесказанныя сообщенія делегатовъ, равно какъ и указатели дѣлъ Архива были признаны Съѣздомъ достойными напечатанія *) и обратили на себя вниманіе иностранныхъ его членовъ, какъ это, между прочимъ, видно изъ корреспонденцій газетъ Times 9 и 14 и Standard 12 сентября, отозвавшихся весьма сочувственно по поводу такого участія Архива въ трудахъ Съѣзда. Указатель картографической выставки, устроенной въ С.-Петербургѣ, составленный на французкомъ языкѣ г. Рачинскимъ, подъ заглавіемъ: Indi-

*) Но, къ сожалѣнію, они до сихъ поръ не изданы.

Б. Ѳ. Б.

cateur des cartes géographiques et des plans de différentes parties de l'Asie, appartenant à la collection cartographique de la Bibliothèque des Archives principales de Moscou du Ministère des Affaires Etrangères, поступилъ въ продажу въ самомъ Архивѣ и у его московскаго комиссіонера, книгопродавца А. Л. Васильева *).

По закрытіи Съѣзда нѣкоторые его члены прибыли въ Москву, 2, 3 и 6 сентября отдѣльными группами посѣтили Архивъ, гдѣ для нихъ, по иниціативѣ директора, устроена была гг. Чарыковымъ и Токмаковымъ другая выставка изъ числа не посланныхъ въ С.-Петербургъ восточныхъ рукописей и картъ архивской библіотеки, заключавшая также болѣе 80 предметовъ. Между этими посѣтителями были: извѣстный французскій ассиріологъ Юлій Оппертъ, членъ Королевскаго Азіятскаго Общества въ Лондонѣ Роб. Кюстъ и О. А. Федченко, вдова и бывшая спутница нашего, столь рано погибшаго, изслѣдователя Средней Азіи.

К. Щученко.

---

*) Съ тѣхъ поръ, всѣ эти карты и планы вошли въ составленный М. П. Пуцилло и изданный Архивомъ въ 1879 году *Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главн. Архиву М. И. Д.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Свѣдѣнія объ устройствѣ Архивной части въ Россіи (Отвѣты на запросы по сему предмету иностранныхъ Правительствъ). 1

Одинъ изъ каталоговъ временъ А. Ѳ. Малиновскаго..... 51

Приложеніе. Таблица распредѣленія дѣлъ въ 1818 г. въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ..... 75

Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей:

Статья 1-ая,—Вопросъ о Прусскомъ союзѣ въ первую половину великой Сѣверной войны..... 81

Статья 2-ая,—Янтарная комната Царскосельскаго Дворца.. 139

Статья 3-ья,—Русскіе великаны въ Прусской службѣ..... 147

Первые Русскіе гардемарины за границей въ XVIII столѣтіи. 177

Участіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1876 году.. 207

ОПЕЧАТКИ:

	напечатано:	*читай:*
Стр. 4	строка 11 св. succursales.	succursales:
— 7	— 16 св. formés	formées
— —	**Примѣч.**— p. 22-e	p. 25-e
— 8	— 2-e p.	4-e p.
— 15	строка 8 сн. Boyard	Boyar
— 23	— 8 св. ntime	intime
— 25	— 14 сн. ètre	être
— 26	— 9 св. Au	Au
— 27	— 7 сн. oi	où
— —	— 4 сн. rez-de chaussée	rez-de-chaussée
— 28	— 2 св. та же ошибка.	
— —	— 3 св. correspodance	correspondance.
— 30	— 4 сн. d'ejà	déjà
— 36	— 17 и 18 св. Jamais	jamais

Въ другихъ выпускахъ Сборника будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

I. Не изданныя до нынѣ:

1. **Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в.** Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса, Магистранта В. А. Уляницкаго.

2. Прежніе посѣтители Моск. Гл. Архива (съ 1780 по 1859 г.).

II. Перепечатанныя:

1. Не изданныя письма Вольтера (*Сборникъ Русск. Историч. Общества*, т. XV, 1875 г.).

2. Пять писемъ Князя Д. А. Голицына Вице-Канцлеру Князю А. М. Голицыну. (Тамъ же).

3. Мысль объ освобожденіи русскихъ крестьянъ въ XVII и XVIII ст. (*Русск. Вѣстникъ* 1876 г., Февраль).

4. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1812 году; тогдашняя судьба его документовъ и личнаго состава (*Русскій Архивъ* 1875 г. № 11-й).

Слѣдующія **новыя** изданія, принадлежащія Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, продаются въ **Москвѣ**,—въ зданіи сего Архива, на углу Воздвиженки и Моховой, и у его коммиссіонера, книгопродавца А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. Гр. Мусина-Пушкина; а **въ С.-Петербургѣ**,—въ Придворномъ книжномъ магазинѣ Ретгера (Шмицдорфъ), Невскій пр. № 5-й:

1. Очеркъ Дѣятельности Коммиссіи, Москва, 1877 г. Ц. 1 р.

2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 40 к.

3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы, Москва, 1879 г. Ц. 50 к.

4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева, Москва, 1878 г. Ц. 1 р.

5. Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами, изд. 3-ье, Москва, 1878 г. Ц. 2 р.

6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сост. М. Пуцилло, Москва, 1879 г. Ц. 75 к.

7. Обозрѣніе Библіотеки того же Архива, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ. Ц. 30 к.

Его же **Каталоги** слѣдующихъ ея отдѣловъ:

8. Славяно-Русскихъ книгъ Церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.

9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ Церквей и Монастырей. Ц. 40 к.

10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.

11. Рукописей по Юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.

12. Книгъ того же Отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.

13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго Приказа и рукописей по Медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.

14. Книгъ по Медицинѣ. Ц. 40 к.

15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.

и 16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы, составл. И. Ѳ. Токмаковымъ, 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III по 75 к.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ 2-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

Цѣна 75 коп.

МОСКВА.
Типографія Общества распростр. полезныхъ книгъ, Моховая, д. Торлецкой.
1881.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ 2-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

МОСКВА.
Типографія Общества распростр. полезныхъ книгъ, Моховая, д. Торлецкой.
1881.

1-й выпускъ настоящаго Сборника вышелъ въ свѣтъ въ концѣ прошлаго года и въ Предисловіи къ нему объяснена была цѣль сего изданія, — обобщеніе свѣдѣній о Московскомъ Главномъ Архивѣ.

Многіе журналы благопріятно привѣтствовали появленіе Сборника и нѣкоторые изъ нихъ совершенно справедливо замѣтили, что онъ есть продолженіе тѣхъ брошюръ, которыя съ 1838 по 1859 г. включительно издалъ бывшій Директоръ этого Архива, подъ названіемъ «Сборника Кн. М. А. Оболенскаго».

Теперь, изъ сообщенныхъ намъ писемъ Князя къ В. А. Полѣнову (ср. стр. 53 и 54 1-го вып. нашего Сборника) оказывается, что онъ въ 1843 г. собирался издавать «Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній,» для котораго была имъ составлена обстоятельная программа; но, послѣ этого, онъ издалъ только послѣдній XII-й выпускъ своего Сборника.

Изъ принадлежащихъ нынѣ Московскому Гл. Архиву, бумагъ покойнаго Князя видно, что въ 1852 г. онъ обращался къ Управлявшему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Л. Г. Сенявину, вызываясь, за оскудѣніемъ въ то время доходовъ Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ, не только издавать архивскіе документы *на свой счетъ*, но и обратить такія изданія *въ собственность* Коммиссіи, лишь бы ему дозволено было, подобно Гр. Румянцову, помѣщать на заглавныхъ листахъ

свой гербъ. На это представленіе однакожъ не послѣдовало никакого отвѣта.

Печатаніе настоящаго выпуска нѣсколько замедлилось вслѣдствіе тѣхъ разысканій, которыя потребовались при составленіи В. А. Уляницкимъ его Магистерской диссертаціи *Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в.*

Изъ числа остальныхъ статей, помѣщенныхъ въ семъ выпускѣ, «Письма Вольтера» и «Пять писемъ Кн. Голицына» были напечатаны въ XV т. *Сборника Историческаго Общества* 1875 г., «Мысль объ освобожденіи русскихъ крестьянъ» въ Февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1876 г. «Некрологъ И. Ѳ. Аммона» въ № 61-мъ *Моск. Вѣдом.* 1874 г., а его статья о Московск. Главн. Архивѣ въ V-мъ т. Энцикл. Словаря Спб. 1862 года. Такъ какъ всѣ эти статьи были составлены гг. служащими или служившими въ Архивѣ, то казалось желательнымъ, чтобы, вмѣсто разбросанности по разнымъ изданіямъ, онѣ были соединены въ собственномъ Сборникѣ Архива, гдѣ предполагается на будущее время помѣщать, кромѣ историческихъ документовъ, труды лицъ, посвятившихъ свою дѣятельность этому учрежденію.

Москва,
Ноябрь 1881 г.

ДАРДАНЕЛЛЫ,

БОСФОРЪ И ЧЕРНОЕ МОРЕ

въ XVIII вѣкѣ.

Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса.

ВВЕДЕНІЕ.

ДРЕВНѢЙШІЯ ВРЕМЕНА, — ДО ЗАВОЕВАНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ (1453).

Вопросъ о судоходствѣ въ Черномъ морѣ и соединяющихъ его съ другими морями проливахъ, имѣетъ свою исторію, начинающуюся уже въ древнѣйшія времена классическаго міра. Черное море было однимъ изъ центральныхъ пунктовъ торговли древняго міра. На его побережьи сходились торговые пути изъ Средней Азіи и Индіи; чрезъ Донъ и Днѣпръ пролегалъ великій торговый путь къ сѣверной Европѣ; Дарданеллы и Босфоръ связывали Черное море съ цивилизованными народами античнаго міра, населявшими берега Средиземнаго моря. Не говоря уже о миѳическомъ золотомъ рунѣ и богатствахъ древней Колхиды, понтійскіе строевые и корабельные лѣса пользовались всемірною славою. Херсонесъ Таврическій былъ житницею городовъ Геллеспонта и Архипелага *). Понятно поэтому, что обладаніе входомъ въ Черное море, обладаніе проливами, связующими его съ морями, омывавшими берега культурныхъ государствъ Европы, представляло въ то время значительныя выгоды, а эти выгоды объясняютъ тѣ стѣсненія права судоходства чрезъ Проливы и въ Черномъ морѣ для

*) О значеніи черноморской торговли въ древніе и средніе вѣка см. Scherer, Gesch. d. Welthandels, Leipz. 1852, I, 52, 88, 95 сл., 119, 165 сл., 173 сл. 187 сл.; Daru, Hist. de Venise, III, 14 сл.; Depping, Hist. du commerce entre le Levant et l'Europe, Par. 1830, I, 179 сл., 193, 197; Lindsay, History of merchant Shipping and Commerce, Lond. 1874, I, ch. VII, VIII и XV.

иноземцевъ, которыя мы встрѣчаемъ уже въ классическомъ мірѣ. Такъ, Аѳиняне взимали пошлину съ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ изъ Чернаго моря [1]),—по совѣту Алкивіада въ Хрисополисѣ близъ Халкедона (Скутари) устроена была таможня.

Примѣру Аѳинянъ послѣдовала затѣмъ Византія, и это послужило поводомъ къ продолжительной войнѣ съ Родосомъ, окончившейся лишь съ отмѣною платежа пошлинъ для родосскихъ купцовъ. Юстиніанъ установилъ высокія пошлины на всѣ корабли и товары, проходящіе чрезъ Босфоръ и Геллеспонтъ за исключеніемъ кораблей, доставлявшихъ зерновой хлѣбъ въ Константинополь и для войска [2]). Съ завоеваніемъ Константинополя крестоносцами въ 1204 году черноморская торговля перешла въ руки венеціанцевъ [3]); венеціанская колонія Тана, при устьѣ Дона, одна изъ древнѣйшихъ, и самая сѣверная, прежняя греческая колонія, достигла значительной степени богатства [4]). Извѣстно непримиримое торговое соперничество Генуи и Венеціи въ средніе вѣка. Понятно, что захватъ венеціанцами въ свои руки богатой черноморской торговли не могъ не возбудить зависти въ генуэзцахъ. Тѣ немногія уступки относительно этой торговли, которыя сдѣланы были имъ со стороны Венеціи не могли ихъ удовлетворить,—совмѣстное пользованіе общимъ источникомъ выгодъ уменьшало эти выгоды, стѣсняло,—отсюда двухъ-вѣковая борьба двухъ республикъ за исключительное обладаніе правомъ черноморскаго судоходства и выгодами черноморской торговли. Чтобъ вытѣснить Венецію отсюда необходимо было захватить въ свои руки Константинополь, и вотъ, ради торговыхъ выгодъ, начинается борьба Генуи противъ венеціанскаго владычества въ Константинополѣ и за возстановленіе старой династіи византійскихъ императоровъ. Для достиженія вліянія въ Константинополѣ и съ цѣлью завладѣть черноморскою торговлею генуэзцы помогли въ 1261 г. византійской династіи возстановить свою власть въ Константинополѣ, и въ

---

[1]) Бёкъ (Böckh) называетъ ее древнею зундскою пошлиною; она равнялась ок. 10% съ цѣны товаровъ. Ср. Polyb. IV, с. 44.

[2]) Lindsay, I, 215; Scherer, I, 173; Polyb. IV, с. 44 и 52; Grotius, De jure belli ac pacis, II, с. 3, § 14.

[3]) Scherer, I, 175, 178 сл., 295 сл.

[4]) Мурзакевичъ, 2 сл

вознагражденіе за это вытребовали у Михаила Палеолога (еще до возстановленія его на престолѣ) договоръ „вѣчнаго союза," по которому торговля генуэзцевъ въ византійскихъ владѣніяхъ была освобождена отъ всякихъ пошлинъ, и императоръ обязался не разрѣшать доступа въ Черное море для торговли никому исключая купцовъ Генуи и Пизы [1]); кромѣ различныхъ торговыхъ привиллегій Генуэзцы получили еще отъ императора право завести у самой столицы поселенія Перу и Галату. Потомъ, вслѣдствіе новаго договора 1275 года, Генуэзская республика получила право назначить правителей и консуловъ во всѣ порты и торжища Византійской имперіи [2]). Благодаря этому вся черноморская торговля сосредоточилась въ рукахъ Генуэзцевъ. Въ Крыму и на азіатскомъ берегу Чернаго моря были устроены генуэзскія колоніи, изъ которыхъ Каффа въ Крыму достигла большаго политическаго значенія [3]). Генуэзцы захватили въ свои руки даже таможенные сборы и пошлины, взимавшіеся въ Босфорѣ, что доставляло имъ ежегоднаго дохода 200,000 червонцевъ, изъ которыхъ 30,000 они уплачивали императору [4]). Но Венеціи въ свою очередь не легко было отказаться отъ столь же выгодной, сколько и необходимой для нея черноморской торговли [5]). Къ тому же генуэзцы постоянно нападали на венеціанскіе магазины, грабили венеціанскіе корабли. Отсюда война, между этими двумя республиками, и опустошеніе венеціанцами Каффы, Перы и Галаты. Но въ результатѣ война эта оканчивается неблагопріятно для Венеціи,—въ силу мирнаго договора 1299 года она обязуется вознаградить убытки, нанесенные генуэзскимъ колоніямъ, а вооруженнымъ

---

[1]) Depping, II, 63 сл.; I, 205 сл., 225. Girolamo Serra, Storia della antica Liguria e di Genova (цит. у Мурзакевича, стр. 4, прим): „La navigatione nei mare Nero sara sempre aperta a'Genovesi, sempre interdetta agli altri popoll salvo a'Pisani, perche son fideli all' imperio". (Договоръ 10 Іюля 1260 г.)

[2]) Мурзакевичъ, стр. 11 прим.

[3]) Исторію возникновенія генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ см. у Мурзакевича, стр. 4 сл. Каффа уже съ перваго времени своего существованія завела торговыя сношенія съ прикаспійскимъ краемъ и Египтомъ. Тамъ же, стр. 18 сл.

[4]) Lindsay, I, 247 сл.

[5]) Венеціанцы вывозили изъ Крыма зерновой хлѣбъ. Вывозъ его именно упоминается въ договорахъ Венеціи съ Византіей. Въ правленіе дожа Тіеполо, когда генуэзцы, возстановивъ византійскую династію въ Константинополѣ, закрыли во-

судамъ ея на 30 лѣтъ запрещается доступъ въ Черное море [1]). У венеціанцевъ, правда, оставалась еще Тана, но генуэзцамъ вскорѣ удалось оттянуть отъ нея почти всю торговлю къ Каффѣ. Съ этою цѣлью они заключили съ императоромъ договоръ (1352 г.), въ силу котораго греческимъ кораблямъ запрещенъ былъ входъ въ Азовское море и въ портъ Таны безъ сопровожденія генуэзскихъ судовъ или безъ разрѣшенія генуэзцевъ, послѣ чего они заперли Азовское море и вмѣсто Таны объявили вольнымъ портомъ Каффу. Наконецъ въ силу новаго мирнаго договора (1355 г.) съ Генуею, Венеція совершенно отказалась отъ плаванія въ Тану и согласилась, чтобы корабли ея приставали къ Каффѣ [2]). Все это повело къ окончательному паденію венеціанской торговли въ Черномъ морѣ, завершившемуся въ 1395 году разореніемъ татарами Таны, этого единственнаго и послѣдняго убѣжища венеціанской торговли,—Тана впослѣдствіи перешла въ руки генуэзцевъ [3]).

Что касается генуэзской торговли въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, то несмотря на непрерывныя войны съ Венеціею и постоянныя нападенія татаръ, главная колонія ихъ—Каффа процвѣтала [4]). „Подвѣдомственныя Каффѣ поселенія, окруженныя кочевыми и земледѣльческими народами, доставляли хлѣбъ, кожи и др. предметы сельской промышленности. Окрестности Каффы и прочія мѣста Крыма въ изобиліи доставляли соль, за которою пріѣзжали русскіе и польскіе купцы. Къ Каффѣ приставали корабли изъ Перы и Константинополя съ мануфактурными произведеніями Запада, а суда Таны—съ соленою рыбою, драгоцѣнными каменьями, шелкомъ и благовоніями Леванта и Индіи. Изъ Польши и Россіи по Днѣпру и Днѣстру привозилась пшеница, желѣзо, пенька, ленъ; русскіе купцы караванами черезъ Кіевъ, Тавань и Перекопъ привозили мѣха. Кавказъ и Татары доставляли невольниковъ и невольницъ, за которыми, съ дозволенія императора Михаила Палеолога, разъ въ годъ приходили корабли египетскаго султана. Ираклія,

---

неціанцамъ доступъ въ Черное море, произошелъ вслѣдствіе этого даже голодъ въ Венеціи. Depping, I, 180 сл.

[1]) Мурзакевичъ, стр. 20 сл.

[2]) Мурзакевичъ, стр. 29—33; Lindsay I, 508 сл.; Depping, II, 384.

[3]) Мурзакевичъ, 56 сл.

[4]) Мурзакевичъ, стр. 24 сл.

Амастра, Синопъ, Трапезунтъ, Кутаисъ въ Мингреліи, Тифлисъ и Кубетша въ Дагестанѣ, Константинополь были въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ и производили дѣятельный обмѣнъ товаровъ съ Каффою. Обмѣнъ европейскихъ товаровъ на русскіе и азіатскіе производился главнымъ образомъ въ Танѣ, куда приходили караваны съ товарами чрезъ Астрахань даже изъ центральной Азіи, Китая и Индіи. Сукна разнаго рода, въ особенности пурпуроваго и краснаго цвѣта, поясы, ожерелья, кольцы и другія женскія украшенія, леопардовыя кожи, мѣха, шелковыя и шерстяныя матеріи, разныя издѣлья изъ желѣза и мѣди, предметы роскоши шли въ Азію въ замѣнъ жемчуга, алмазовъ, пряностей, фарфора, опіума, шафрана, сандальнаго дерева, корицы, мирры, ладона и слоповой кости. Считавшаяся въ то время лучшею по качеству пшеница, шерсть, мѣха, воскъ, серебро и золото отправлялись на Константинополь; соль и вино въ Польшу, Россію и на Кавказъ. Въ Трапезунтѣ, Искуріи, Таврисѣ, Персіи были генуэзскія консульства стоявшія въ зависимости отъ Каффы, и она же завѣдывала Крымскими колоніями, Таманью, Копою (на р. Кубани), Кутаисомъ, Кубетшею, Таною и др. поселеніями“ [1]).

По мѣрѣ развитія торговли, богатства и могущества Генуэзцы стали распространять и владенія свои на счетъ своихъ сосѣдей грековъ. Въ 1365 г. они завладѣваютъ Сугдаіею (Судакъ), соперничавшею съ Каффою по торговлѣ мѣхами, тканями и пряностями; вслѣдъ за тѣмъ они распространяютъ свою власть на Черко, (древн. Пантикапея) важный по своему господствующему надъ Керченскимъ проливомъ положенію, Таманью, Копою, большею частью южнаго берега Крымскаго полуострова, Таною и наконецъ въ 1434 г.—Ямболи (уже въ 1365 г. бывшимъ разъ во власти Генуэзцевъ, но потомъ опять перешедшимъ въ руки грековъ) [2]).

Вообще XIV в. представляетъ собою эпоху наибольшаго процвѣтанія черноморской торговли. Хозяевами ея были генуэзцы, тѣмъ болѣе, что венеціанская торговля въ особенности послѣ паденія Таны, уже не достигала здѣсь прежнихъ размѣровъ и обратилась главнымъ образомъ на Малую Азію, Персію и Египетъ [3]).

---

[1]) Мурзакевичъ, 30, 34—38, 40 сл. Соловьевъ, V, гл. 3 и 5.

[2]) Мурзакевичъ, 42 сл., 44, 46, 47, 60 сл.

[3]) Scherer, I, 179 сл., 186, 297 сл., 302, 337. Depping, I, 153, 157 сл.

Въ началѣ XV вѣка, съ появленіемъ Турокъ на азіатскомъ берегу Чернаго моря, въ послѣднемъ являются мусульманскіе пираты; въ 1357 году Турки захватываютъ важный для чёрноморской торговли портъ Галлиполи, который они тотчасъ же обращаютъ въ морской арсеналъ; въ 1387 году Генуя уже заключаетъ съ султаномъ Амуратомъ торговый договоръ, по которому выговариваетъ для своихъ купцовъ право свободной торговли и вывоза зернового хлѣба изъ Чернаго моря на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ онъ вывозился Венеціанцами и Греками [1]); Венеція въ 1413 г. заключаетъ договоръ съ Магометомъ о покровительствѣ ея колоніямъ [2]), но уже въ 1416 году, вслѣдствіе нападеній турецкихъ пиратовъ на венеціанскія суда, шедшія изъ Трапезунта, Венеція объявляетъ войну Магомету I, окончившуюся благодаря побѣдѣ, одержанной адмираломъ Лоредано у Галлиполи, мирнымъ договоромъ, въ силу котораго между прочимъ султанъ разрѣшилъ Венеціанцамъ обращаться со всякимъ турецкимъ корсаромъ, нарушающимъ свободу судоходства въ Архипелагѣ или Дарданеллахъ [3]) какъ съ непріятелемъ. Наконецъ въ 1416 году Іоаннъ Адорно, подеста генуэзскихъ владѣній на Востокѣ, заключилъ съ Магометомъ I и потомъ съ Мурадомъ II, договоръ, по которому обязался уплачивать туркамъ дань за безопасность генуэзской торговли въ водахъ Леванта.

Такимъ образомъ торговля съ Черноморскими странами стала въ полную зависимость отъ турокъ съ половины XV вѣка, когда послѣ завоеванія ими Константинополя и сдачи Галаты въ 1453 г., они укрѣпили оба берега Босфора и Дарданеллъ.

Черноморская торговля, особенно съ Каффой и Трапезундомъ была открыта и для Флоренціи, Depping, I, 231. См. также у Depping, I гл. III и IV о торговлѣ итальянскихъ республикъ въ Черномъ морѣ; краткія указанія на договоры, касающіеся торговли у него же, II, гл. VIII; ср. также Мурзакевича, Исторія генуэзскихъ поселеній въ Крыму.

[1]) Depping, II, 206 сл.

[2]) Laugier, Hist. de Venise, V, 425.

[3]) Hammer, Hist. de l'empire Ottoman, кн. 9; Laugier, V, 438; Depping, II, 212.

I.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ — ОТЪ ЗАВОЕВАНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО ТУРЕЦКИХЪ ВОЙНЪ ПЕТРА I.

Завоеваніе Константинополя и Черноморскаго побережья турками; постепенное стѣсненіе права судоходства въ Черномъ морѣ.

Завоеваніе Константинополя турками не могло не оказать сильнаго вліянія на черноморскую торговлю. Уже на первыхъ порахъ нужно было регулировать отношенія Порты къ Генуѣ и Венеціи, особенно къ первой, такъ какъ въ рукахъ генуэзцевъ сосредоточивалась главнымъ образомъ черноморская и константинопольская торговля [1]).

Это торговое главенство генуэзской республики особенно поддерживалось тѣми преимуществами, которыми пользовалась республика вслѣдствіе дружественныхъ отношеній съ турками, которыя она поддерживала съ перваго же появленія ихъ на Черномъ морѣ. Уже въ 1387 году галатяне получили отъ Мурада I капитуляцію, въ силу которой имъ предоставлялась полная свобода торговли съ турецкими владѣніями на началѣ „наиболѣе благопріятствуемой націи“. При взятіи Константинополя турками галатяне поднесли Магомету II ключи своего города и въ замѣнъ покорности получили отъ него капитуляцію, которою имъ, подъ условіемъ дани, разрѣшалась сухопутная и морская

[1]) Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reichs, II, кн. 2, гл. 1. Венеція, какъ мы уже замѣтили выше, занималась лишь отчасти торговлей съ Константинополемъ и Таною, а главнымъ образомъ торговала съ Левантомъ.

торговля съ турецкими владѣніями [1]). Но, несмотря на все это, вслѣдствіе страха, внушеннаго Генуѣ завоеваніемъ Константинополя, вслѣдствіе затрудненій, возникшихъ отсюда для торговаго судоходства чрезъ Проливы, она отказалась отъ своихъ черноморскихъ колоній, уступивши ихъ со всѣми своими верховными правами банку Санъ-Джорджіо, по договору отъ 25 ноября 1453 года и даже не попытавшись регулировать какимъ-либо образомъ ихъ отношенія къ Портѣ [2]).

Между тѣмъ сношенія съ колоніею становились все затруднительнѣе. Была сдѣлана попытка проложенія сухопутной дороги; но эта попытка имѣла результатомъ лишь основаніе нѣсколькихъ новыхъ генуэзскихъ колоній при устьѣ Дуная и на Днѣстрѣ (напр. Монкастро-Анкерманъ). [3]) Раздоры съ татарами и помощь, оказанная имъ Магометомъ II, повели къ завоеванію Каффы турками въ 1475 году, и распространенію власти ихъ и на весь Крымскій полуостровъ. [4]) Генуэзцы окончательно утратили черноморскую торговлю и право судоходства чрезъ Проливы подъ своимъ флагомъ.

Ревниво слѣдя за положеніемъ генуэзской торговли, Венеція не преминула воспользоваться паденіемъ ея въ Черномъ морѣ и заключила въ началѣ 1454 года мирный договоръ съ Портой, въ силу котораго условлена полная свобода морской и сухопутной торговли между договаривающимися государствами и обѣщано взаимное покровительство ихъ купеческимъ судамъ. Въ томъ же году договоръ былъ дополненъ нѣсколькими статьями въ силу которыхъ: 1) венеціанскіе товары, не проданные въ Константинополѣ, могли быть вывезены безпошлинно куда угодно; 2) корабли, проходящіе мимо Константинополя, обязаны заходить въ его портъ и, въ случаѣ нужды въ провіантѣ, обязуются запасаться имъ только въ Константинополѣ; 3) дозволяется вывозить изъ Чернаго моря невольниковъ христіанъ и христіанскую собственность и, въ случаѣ продажи, съ цѣны ихъ платится пошлина въ 2%; вывозъ изъ Чернаго моря

---

[1]) Hammer, Geschichte des Osmanischen Reichs, въ прилож. къ 12 кн.; Depping, II, 212 сл.

[2]) Zinkeisen, II, кн. 2, гл. I; Depping II, 220 сл.; Мурзакевичъ, 65 сл.

[3]) Мурзакевичъ, 70.

[4]) Мурзакевичъ, 75 слѣд.

невольниковъ магометанъ и магометанской собственности запрещается [1]).

Такимъ образомъ въ это время Порта еще разрѣшала свободу торговаго судоходства чрезъ Проливы. Правда, она укрѣпила берега Босфора, а въ 1463 году укрѣплены были и берега Дарданеллъ,—близъ древнихъ городовъ Сеста и Абидоса возведены были береговые форты—Седдулъ-Баръ (Seddul-Bahr) на европейской, и Чанакъ-Каласси (Tchanak-Kalaassi) на азіатской сторонѣ, и съ этого времени проходъ иностранныхъ кораблей чрезъ Геллеспонтъ былъ запрещенъ безъ особаго на то разрѣшенія начальника этихъ фортовъ. Съ этою цѣлью тамъ, подъ защитою орудій, была устроена даже особая корабельная станція [2]). Кромѣ того въ это время случились событія, неблагопріятно отразившіяся на черноморской торговлѣ и судоходствѣ чрезъ Проливы,—именно завоеваніе турками побережій Чернаго моря. Въ 1461—62 году пали послѣдовательно Синопъ, Амастрисъ, Трапезундская имперія, а въ 1475 г. и богатыя, прежде могущественныя, но съ утвержденіемъ Турокъ на Проливахъ безсильныя Каффа и Тана [3]).

Впрочемъ, несмотря на все это торговое судоходство чрезъ Проливы не было повидимому абсолютно запрещено. По крайней мѣрѣ изъ договоровъ съ Венеціей конца XV и начала XVI вѣка мы можемъ вывести предположеніе, что ей оно было дозволено. Такъ, мирный договоръ 1479 года постановлялъ, что синьорія обязуется уплачивать Портѣ ежегодно 10000 дукатовъ за

---

[1]) Послѣдняя статья разнорѣчиво приводится писателями; впрочемъ надо замѣтить, что Константинополь во всѣ времена былъ средоточіемъ обширной торговли невольниками. См. Wurm, Gesch. der oriental. Frage, 9. Договоръ см. у Zinkeisen, II, 33—37; Hammer, кн. 13; Daru, Hist. da la républ. de Venise, Paris. 1819, II, кн. XVI, § 15; Laugier, Hist. de Venise, VII; Romanin, Storia documentata di Venezia, IV, p. 528; Depping II, 217 сл.; Marin, Storia de commercio de'Venezіani, Ven. 1800. VII, 283; Sabellico, decad. 3, l. VII.

[2]) Zinkeisen, II, кн. 2, гл. 3, p. 245; тамъ-же ссылка на Chalkondilas (Atheniensis historiarum libri X) L. X, p. 282, какъ на древнѣйшее свидѣтельство о запрещеніи судоходства чрезъ Дарданеллы: „Ναύσταθμον δὲ τὸν ταύτῃ αὐτοῦ χῶρον ποιησάμενοι, οὐδενὶ ἐπιτρέπουσι παριέναι ἔσω ἐς τὸν Ἑλλήσποντον, ἂν μὴ τῷ ταῦτῃ ὑπάρχῳ ἀποβαίνοντες ἐπιφαίνωνται οἱ πλέοντες ἔσω.“

[3]) Scherer, I, 184, 302 сл. Depping, II, 225 сл.

право безпошлиннаго ввоза и вывоза венеціанскихъ товаровъ во всѣ мѣста и гавани Оттоманской имперіи. Этотъ договоръ не помѣщенъ вполнѣ и сходно ни у одного изъ венеціанскихъ историковъ. Различныя его редакціи взаимно дополняютъ другъ друга. Приведу здѣсь нѣсколько версій въ виду ихъ интереса для занимающаго насъ вопроса. Сабеллико напр. понижаетъ венеціанскую дачу до 8000 дукатовъ и мотивируетъ ее слѣдующимъ образомъ: „eo nomine, ut Pontica navigatio Venetis negociatoribus tuto pateret.“ Такъ что эта сумма является какъ бы откупомъ за черноморскую торговлю. Въ томъ же смыслѣ смотритъ на дѣло Маринъ, который при этомъ придаетъ особенную важность тому соображенію, что, слѣдовательно, въ силу этого договора черноморская торговля, принадлежавшая до паденія Каффы главнымъ образомъ Генуэзцамъ, перешла теперь въ руки Венеціанцевъ. Такое толкованіе не противорѣчитъ съ текстомъ договора у Наваджіеро (по мнѣнію Цинкейзена въ наиболѣе достовѣрной редакціи), гдѣ говорится: „Che tutte le mercatanzie, che i Veneziani trarranno o porranno in tutti i luoghi d'esso Signore, debbono essere esenti: Per la quale franchigia la Signoria pagar debba ogni anno al detto Signore ducati 10000“ [1]). Въ 1482 г. при Баязетѣ II этотъ договоръ былъ подтвержденъ, но съ отмѣною ежегоднаго платежа Венеціею 10000 дукатовъ, и съ убавкою *прежней* 5% ввозной пошлины на венеціанскіе товары до 4% [2]). Это постановленіе о *прежней* пошлинѣ не совсѣмъ ясно въ виду смысла, который итальянскіе историки и Цинкейзенъ придаютъ платежу 10000 дукатовъ, но во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что торговое судоходство чрезъ проливы въ Черное море было дозволено Венеціи въ это время. Договоры, возобновленные Венеціею въ 1513 г. съ султаномъ Селимомъ были подтверждены въ 1521 году, въ договорѣ съ Сулейманомъ I, именно, подтверждены взаимная свобода торговли,

---

[1]) См. цитаты у Zinkeisen, II, кн. 2, гл. 6, p. 438; Hammer, III, кн. 16 и 20, упоминаетъ кромѣ того о торговомъ договорѣ 1480 года; Langier, Hist. de Venise, VII, Marin, Storia del commercio de'Veneziani, VII, p. 193 сл.; Depping, II, 227; Sabellico, Historiae rerum Venetiarum по изданію 1670 года, decadis 3, lib. X, p. 603.

[2]) Zinkeisen, II, кн. 2, гл. 8. разд. 2 initio; слѣдующее подтвержденіе въ мирномъ договорѣ 1502—3 г. Zinkeisen, ibid. in fine.

право венеціанцевъ торговать съ Константинополемъ, Перою, Трапезунтомъ, Каффою, причемъ оно распространено на Египетъ и Сирію, и кромѣ того постановлено, что венеціанскіе корабли будутъ впредь подвергаться осмотру только при входѣ въ Дарданеллы и Константинополь, но не въ Галлиполи [1]).

Свобода торговли была условлена и въ договорахъ Порты съ нѣкоторыми другими державами, напр. въ договорѣ Баязида II съ Фридрихомъ Аррагонскимъ, королемъ неаполитанскимъ отъ 1498 г., и въ договорѣ 1482 г. съ великимъ магистромъ родосскихъ іоаннитовъ [2]). Однако сомнительно, чтобы эта свобода распространялась и на судоходство въ Черномъ морѣ, такъ какъ о послѣднемъ въ этихъ договорахъ не упоминается, а изъ знакомства съ капитуляціями Порты о торговлѣ и судоходствѣ мы можемъ вывести заключеніе, что доступъ въ Черное море открывался иностраннымъ судамъ лишь въ силу особаго разрѣшенія или особаго условія, какъ это мы видимъ напр. въ приведенныхъ выше договорахъ Порты съ Венеціею, гдѣ на ряду съ этимъ общимъ разрѣшеніемъ торговли имѣются спеціальныя условія касательно черноморской торговли.

Наконецъ, при Іоаннѣ III начались сношенія Россіи съ Портой, сношенія, касавшіяся между прочимъ безопасности русской торговли въ турецкихъ владѣніяхъ, но наши купцы торговали лишь съ Азовомъ и Каффой, и поэтому только сухопутной торговли касались переговоры и дарованная Портою русскимъ купцамъ свобода торговли. (См. Соловьева, Ист. Рос. V, гл. 3 и 5).

Вообще слѣдуетъ полагать, что въ XVI в. едва-ли какое-либо государство, кромѣ Венеціи, пользовалось правомъ судоходства въ Черномъ морѣ, такъ какъ Венеція, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ Востокомъ [3]) и своему могуществу, которое она съумѣла проявить въ войнахъ съ Турціею,

---

[1]) Relazioni dei ambasciatori Veneti al Senato, raccolt. da E. Alberi, ser. 3, III, 87—88; Hammer, кн. 25, Zinkeisen, II, кн. 3, гл. 2, разд. 3.

[2]) Hammer, прил. къ 20 кн.; Zinkeisen, II, кн. 2, гл. 7.

[3]) Венеціанскіе послы при Портѣ въ своихъ донесеніяхъ свидѣтельствуютъ, что торговля Венеціи съ турецкими владѣніями значительнѣе торговли другихъ государствъ; Навaджеро еще въ 1553 г. доносилъ сенату, что Франкская торговля въ Турціи не развита, см. Relazioni, ser. 3. passim.

пользовалась тамъ наибольшими привиллегіями [1]). Этому не мало способствовало и то обстоятельство, что, какъ видно изъ донесеній венеціанскихъ байло въ Константинополѣ, турки, не будучи торговымъ народомъ (i turchi non sono mercatanti, говоритъ Dan. de Ludovisi въ 1534 г.), не имѣли торговаго флота. Съ другой стороны, въ виду своихъ торговыхъ интересовъ, Венеція всегда старалась сохранять дружественныя отношенія къ Портѣ [2]) и, если даже вела войны съ Турціей, то въ виду опять-таки укрѣпленія своей торговли. Вообще значеніе торговыхъ интересовъ въ политикѣ очень рельефно обрисовывается въ тогдашнихъ миролюбивыхъ отношеніяхъ итальянскихъ республикъ къ Портѣ [3]).

---

[1]) Zinkeisen, II, кн. 3, гл. 2, разд. 3; Relazione di Antonio Erizzo, 1556 въ Relazioni dei ambasciatori Veneti ser. 3, v. III.

[2]) См. Relazioni, ser. 3, passim и Zinkeisen, II.

[3]) Характеристична въ этомъ отношеніи исторія Мантуанскаго собора 1459 - 1460 г., у Zinkeisen, II, кн. 2, гл. 4, на которомъ Венеція хотя приняла участіе чрезъ уполномоченныхъ, но неоффиціально, а Генуя и Флоренція имѣли лишь тайныя сношенія съ нимъ. Правомъ торговли съ Константинополемъ пользовалась въ это время и Флоренція, какъ это видно изъ того, что въ 1459 г. на соборѣ, созванномъ Піемъ II въ Мантуѣ для возбужденія крестоваго похода противъ Турокъ, флорентійскіе уполномоченные согласились дать свою подпись на соборномъ актѣ лишь подъ условіемъ, что это будетъ храниться въ тайнѣ, и мотивировали это тѣмъ, что изъ Константинополя ожидаютъ ихъ кораблей съ богатымъ грузомъ. Два года спустя они уклонились отъ участія въ предполагавшейся войнѣ, ссылаясь на то, что у нихъ значительнѣйшихъ торговыхъ домовъ есть въ Константинополѣ склады, которые, въ случаѣ войны, подверглись бы опасности. Zinkeisen, II, кн. 2, гл. 4, разд. I. Вообще Флоренція сильно соперничала въ это время съ Венеціей относительно торговли съ Турціей, и хотя въ 1460 г. договоръ съ Венеціей отъ 1454 г. былъ возобновленъ, но уже въ 1461 г. Флоренція происками и интригами выхлопотала у Порты въ ущербъ Венеціи различныя льготы и привиллегіи для своей торговли. Zinkeisen, тамъ-же; Hammer, цитата изъ Croniche di Firenze del Dei, въ прим. къ книг. 14: «Le galeazze fiorentine giunsevo a Constantinopoli, ove furono cortesamente ricevute dal Gran Signore ed ottennero da esso molte grazie e privilegi... l'odio che portavano (i Fiorentini) ai Veneziani e la speranza di poter essi soli esser padroni del commercio nei paesi che il Turco conquistava... Il Gran signore nel 1461 fece grazie e privilegi ai Fiorentini in pregiudizio de' Veneziani...» Scherer, I, 306.

Во время возникшей затѣмъ между Венеціею и Турціею войны къ флорентинцамъ присоединились въ интригахъ, направленныхъ къ подорванію ве-

Однако съ половины XVI вѣка венеціанская торговля на Востокѣ и вліяніе Венеціи у Порты начинаютъ клониться къ упадку. Причинами этого упадка были съ одной стороны открытіе Америки и пути въ Индію, съ другой конкуренція двухъ новыхъ державъ — Франціи и Англіи, а затѣмъ и Голландіи, и ослабленіе вслѣдствіе этого богатства и могущества Венеціи. Именно съ 1526 года, со времени плѣненія Франциска I Карломъ V, возникли дружественныя (политическія) отношенія между Портою и Франціею, настолько дружественныя, что Сулейманъ не только подтвердилъ дарованныя Баязетомъ II и Селимомъ I каталонскимъ и французскимъ купцамъ права свободной торговли съ Египтомъ, но и обѣщалъ Франциску покровительство христіанамъ въ своихъ владѣніяхъ. Французскій посланникъ Лафоре (Laforet) на первыхъ же порахъ воспользовался своимъ вліяніемъ при Портѣ для того, чтобъ (изъ опасенія союза Венеціи съ Карломъ V), возбудить натянутыя отношенія и наконецъ войну Турціи съ Венеціею, которая, хотя и окончилась въ 1540 году миромъ, по коему за исключеніемъ территоріальныхъ отношеній, подтверждались прежніе договоры Порты съ Венеціею, но именнаго подтвержденія въ немъ права венеціанцевъ на свободу судоходства въ Черномъ морѣ мы въ немъ уже не находимъ [1]). Во всякомъ случаѣ со времени заключенія при посредничествѣ французскаго посла этого договора, преобладающее вліяніе въ Константинополѣ переходитъ отъ Венеціи къ Франціи [2]).

Впрочемъ, несмотря на эти дружественныя отношенія къ Фран-

неціанской торговли на Востокѣ, и генуэзцы. О торговлѣ Венеціи съ Востокомъ см. Daru, Hist de Venise, III; Marin, Storia civ. e pol. del comm de'Veneziani; Pardessus, введеніе къ его Collection de lois maritimes, Par. 1834, III; Zinkeisen, IV. кн. 5, гл. 2; Sabellico, изд. 1670, dec. 4. l. III, 654 говоритъ, что въ Меотійское озеро и къ Танаису ходили четыре longae naves и вывозили оттуда salsamenta, tapetas et smaragdos; вывозъ зернового хлѣба игралъ важную роль. Zinkeisen, III, 453 сл.

[1]) Dumont, Corps diplomatique de traités, IV, part. 2, 197; въ договорѣ говорится лишь о торговлѣ съ Константинополемъ, Галатою и др. городами, причемъ доступъ въ нихъ разрѣшается лишь въ случаѣ, если капитанъ корабля предуиредитъ турецкое портовое начальство о своемъ желаніи войти въ портъ. Договоръ возобновленъ въ 1573 и 1575 году, Dumont, V, I, 218, и V, I, 244.

[2]) Zinkeisen, II, кн. 3, гл. 3; Hammer, кн. 29; Daru, IV, 55.

ціи, хотя и возникшія первоначально вслѣдствіе общности политическихъ интересовъ между Франціею и Портою [1]), но вскорѣ послужившія къ установленію между ними экономическихъ и торговыхъ связей [2]), несмотря на то, что Франція была первою изъ европейскихъ державъ, заключившею въ 1535 году *дружественный* и торговый договоръ съ Портою (съ Сулейманомъ I), но въ силу этой капитуляціи, неоднократно впослѣдствіи возобновлявшейся, Порта разрѣшала французскимъ купцамъ торговлю въ турецкихъ владѣніяхъ вообще, т. е. договоръ касался лишь Константинопольской и такъ называемый Левантійской и египетской торговли [3]).

Итакъ въ концѣ XVI вѣка если черноморская торговля и была разрѣшена Портою какому-либо изъ европейскихъ государствъ, то только Венеціи. Генуэзская торговля еще съ паденія Каффы обратилась главнымъ образомъ на о. Хіосъ и малоазіатское побережье. Другія итальянскія республики также, какъ и Франція вели торговлю преимущественно въ Левантѣ. Наконецъ черноморская торговля представлялась настолько опасною, что, по свидѣтельству венеціанскаго байло Лоренцо (1592 г.), кипрскіе купцы обратились къ нему съ просьбою ходатайствовать передъ сенатомъ о разрѣшеніи имъ пути чрезъ Фріуль для торговли винами съ Польшею, мотивируя свою просьбу опасностью черноморскаго пути [4]). Договоры Россіи съ Портою касались лишь сухопутной торговли.

Въ XVII вѣкѣ мы находимъ три капитуляціи Порты—одну съ Англіею и двѣ съ Соед. Шт. Нидерландъ, открывающія доступъ въ Черное море для торговли этихъ государствъ.

Первыя сношенія Англіи съ Турціею относятся къ концу XVI в., къ царствованію королевы Елизаветы и были вызваны отчасти политическими, а главнымъ образомъ торговыми интересами [5]).

---

[1]) Zinkeisen III, 636.

[2]) Борьба противъ Австріи, Испаніи и отчасти противъ Венеціи. Тотъ-же мотивъ союза Франциска I съ протестантскими князьями Германіи. Flassan, Hist. de la diplomatie française I, 366 сл., II, 10 сл. Zinkeisen, III, 629 сл., 650.

[3]) См. Testa, Recueil des traités de la Porte Ottomane, I, p. 15, 29, 43, 91. Ср. также Zinkeisen, II, кн. 3, гл. 3 и гл. 6; Hammer, кн. 28. Какъ видно изъ договора, Франція имѣла въ то время консула только въ Александріи.

[4]) Relazioni, ser. 3, II, 412

[5]) Zinkeisen, III, 418 сл. 425 сл. 641 сл.

До 1579 года англійская торговля на Востокѣ производилась подобно португальской, каталонской, рагузинской, анконской—подъ французскимъ флагомъ и англійскіе купцы подчинены были французскимъ консуламъ [1]) Въ 1578 году, къ Портѣ отправляется англійскій посланникъ Гарборнъ съ письмомъ отъ королевы Елисаветы, въ которомъ она предлагала султану Мураду III дружбу Англіи „pour avoir le privilège du traficq pour touz ses subjects en ceste Porte, qui néanmoings estoient accoustumez cydevant y venans de traficquer avec toute seureté soubs vostre pavillon," добавляетъ французскій посланникъ Жерминьи, сообщая объ этомъ королю. Послѣ долгихъ усилій Гарборну въ 1579 г. удалось, несмотря на интриги Венеціи и Франціи [2]), выхлопотать для англичанъ право свободнаго торговаго судоходства подъ своимъ собственнымъ флагомъ въ моряхъ состоящихъ подъ властью Турціи, и свободнаго доступа сухимъ путемъ и моремъ во всѣ мѣста и порты въ предѣлахъ Оттоманской имперіи; англійскіе подданные получили вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ привиллегіи, дарованныя до того времени французамъ, венеціанцамъ и другимъ дружественнымъ Портѣ націямъ. [3]) Но о. Черномъ морѣ пока никакого со-

---

[1]) Charrière, Négociations de la France dans le Levant, III, 884, 913, 925; Testa, Recueil, I, 22, 137; Hammer, кн. 37; Flassan, II, 97.

[2]) Оффиціальную переписку, характеризующую отношенія Франціи и Венеціи къ Англіи по Левантійской торговлѣ въ XVI в. см. въ Relazioni dei amb. Veneti, ser. 3, II, 207, и III, 309; Daru, Hist. de Venise, III, 53 note; Testa, Recueil, I, 118, 125, 134, 138, 171; Charrière, Négociations, IV, 55, 193, 204, 223 сл., 256 сл., 487 сл., 525 сл. Zinkeisen, III, 418 сл.

[3]) Hammer, кн. 39 и 40, въ прилож. къ 39 кн. переписка Елизаветы съ велик. визиремъ и Мурадомъ III, въ 1582 и 1587 г.; Charrière, III, 924.IV, 524 Ср. также у Dumont, VII, 1, 298 и Chalmers, Collect. of treaties, II, 431 капитуляцію 1675 г. компилирующую въ хронологическомъ порядкѣ всѣ прежнія,— ст. I—XX представляютъ содержаніе капитуляціи съ Елизаветой. Обязательство англичанъ подчиняться французскимъ консуламъ и вести морскую торговлю съ турецкими владѣніями не иначе, какъ подъ французскимъ флагомъ было подтверждено Портою впрочемъ и въ 4 ст. капитуляціи съ Франціею 1604 г., даже съ оговоркою, что „англійскіе и другіе посланники не имѣютъ права воспрепятствовать этому." Быть можетъ показаніе Жерминьи о послѣдовавшей потомъ отмѣнѣ Портою капитуляціи съ Англіею справедливо. Въ мемуарѣ отъ іюля 1580 г. онъ говоритъ: «S. H. à l'instance dudit ambassadeur (Germigny) et pour de tant plus gratifier S. M., auroit commandé icelles (capitulations) estre revocquées et en leur lieu seulement la lettre ci-dessus escrite à ladite reyne». Zinkeisen III, 423—427 сл., 641 сл. 648 сл.

глашенія заключено не было. Сильное вліяніе, какимъ пользовалась у Порты Франція и ревность ея [1]) не дозволяли еще Англіи добиться отъ Порты для своей торговли всѣхъ желаемыхъ ею привилегій. Но очевидно Англія, уже завязавшая весьма выгодныя для нея торговыя сношенія съ Россіею чрезъ Бѣлое море, не могла оставить безъ вниманія другаго, южнаго, черноморскаго пути къ намъ. Поэтому, какъ скоро, отчасти благодаря ловкости англійскаго посланника сэра Томаса Рой (Roe), отчасти общности нѣкоторыхъ политическихъ интересовъ (вражда съ Испаніею) у Порты съ Англіею [2]), между ними установились болѣе прочныя дружественныя отношенія, то Рой не замедлилъ воспользоваться этимъ выхлопоталъ у Порты (въ 1607 или 1604 году) капитуляцію, расширявшую дарованныя уже прежде англійскимъ купцамъ права и разрѣшавшую имъ доступъ въ Черное море [3]).

Именно, кромѣ распространенія на англичанъ привилегій, дарованныхъ другимъ дружественнымъ народамъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ привилегій, кромѣ общаго разрѣшенія свободы торговли англійскимъ судамъ и „всѣмъ тѣмъ, которыя придутъ подъ флагомъ Англіи“ (ст. 22), въ ст. 36 прямо сказано, что „дозволяется какъ англійскимъ купцамъ, такъ и тѣмъ, которые пользуются англійскимъ флагомъ, вести сухопутную и морскую торговлю въ Московіи чрезъ рѣку Танаисъ или чрезъ Руссію и вывозить оттуда товары въ оттоманскую имперію.“ [4]) И далѣе въ ст. 38:

и IV, 308. Charrière, IV, 761. Впрочемъ въ числѣ народовъ, пользующихся французскимъ флагомъ, упомянуты здѣсь и венеціанцы, между тѣмъ какъ они всегда пользовались самостоятельнымъ правомъ судоходства.

[1]) Борьба Франціи и Англіи у Порты за первенство у Zinkeisen III, кн. 4, 418 сл. и IV, кн. 5 гл. 2. Любопытно также сравнить постановленія капитуляцій съ Елизаветою и Іаковомъ у Dumont, VII, 1, 299—301, съ постановленіями одновременныхъ капитуляцій съ Франціею 1604 г. у Testa, I, 143 и 153, прямо противорѣчащія другъ другу, притомъ съ оговоркою въ каждомъ изъ этихъ трактатовъ, что всякія противныя ихъ условіямъ постановленія имѣютъ считаться недѣйствительными. Ср. также Testa, I, 151, 152 сл; Flassan, II, 97 сл. 225 сл.

[2]) См. интересныя подробности у Zinkeisen, IV, кн. 5, гл. 2, раз. 1.

[3]) Dumont, VII, 1, p. 299 сл., ст. 21 слѣд. капитуляціи 1675 года.

[4]) Les marchands Anglois et tous autres qui seront sous la banière d'Angleterre pourront en toute sureté... aller et trafiquer en Moscovie, par Mer ou par

„Буде англійскія суда идущія въ Константинополь вынуждены будутъ бурею войти въ Каффу или другой портъ, то они пользуются тамъ покровительствомъ правительства“ и „никто не можетъ принудить ихъ продавать тамъ ихъ товары.“ [1]) Наконецъ въ ст. 31, 37, 39 и 40 постановлено, что пошлина съ товаровъ не должна превышать 3%, что она уплачивается только съ продаваемыхъ товаровъ, а не съ остающихся на кораблѣ и вывозимыхъ далѣе, и что таможенная пошлина уплачивается единожды въ Константинопольскихъ фортахъ [2]). Мы уже замѣтили выше, что въ капитуляцію 1675 г. данную Магометомъ IV англичанамъ при Карлѣ II въ цѣломъ составѣ внесены всѣ прежнія капитуляціи дарованныя имъ Портою; такимъ образомъ что всѣ указанныя статьи были возобновлены и имѣли силу и въ концѣ XVI вѣка. Сама капитуляція 1675 г. осталась въ силѣ до конца XVIII вѣка.

Около того-же времени доступъ въ Черное море открытъ былъ и Голландцамъ. Благодаря происками Англіи и Франціи торговля съ Турецкими владѣніями до XVII в. была открыта имъ только подъ чужимъ флагомъ—французскимъ и потомъ англійскимъ [3]). Поэтому очевидно Нидерланды не могли посылать своихъ кораблей

Terre, ou par la voie de la rivière Tanais, ou par la Russie, et de là ils pourront apporter leurs marchandises dans nostre empire.

[1]) Arrivant que les navires Anglois, qui viendront en nostre ville de Constantinople, soient contraints par les périls de la Mer... de relâcher à Caffa, ou en quelqu 'autre Port semblable; tant que les Anglois n'y voudront point débarquer, ni vendre leurs Denrees et Marchandises, personne ne leur y fera aucune violence... ni empêchement, mais dans toutes les places, où il y aura du danger... nos Ministres deffendront et protegeront toujours les dits Navires Anglois, leurs Hommes et leurs Marchandises... et au cas qu'ils veuillent louer des Vaisseaux... pour transporter leurs Marchandises de lieu en lieu, personne ne leur donnera aucun trouble ni empêchement quelconque.

[2]) Такая-же сбавка таможенныхъ пошлинъ до 3% вмѣсто 5% была дарована и Франціи. Hammer, кн. 55 и 56; Zinkeisen, V, стр. 10, 19, 23.

[3]) См. фирманъ 1598 г. Соед. Штатамъ Нидерландъ у Dumont, V, I. 558, у Kluit, Hist foed. Belgü foed., p. I, p. 332, въ Richesse de la Hollande, Lond 1778, I, p. 159 сл.; Ср. также у Flassan, Hist. de la diplomatie française, II, 85, 97; Zinkeisen, III, 654; Testa, I, p. 143 и 152 капитуляціи 1604 и 1607 г., ст. 6; Dumont VII, 1, p. 299 — 302 капитуляціи съ Елизаветой и Іаковомъ. Статья 33 капитуляціи 1675 г. съ Карломъ II содержитъ любопытный разсказъ о спорѣ Франціи и Англіи изъ-за покровительства голландцамъ.

въ Черное море, доступъ въ которое былъ закрытъ для нихъ патроновъ. Съ развитіемъ голландской торговли и государственной жизни Нидерландъ послѣднія рѣшились освободиться отъ тягостнаго, своекорыстнаго надъ ними патроната Франціи и Англіи въ Турецкихъ владѣніяхъ и, наконецъ, въ 1612 г. при султанѣ Ахметѣ имъ удалось несмотря на интриги Англіи и Франціи, [1]) получить отъ Порты чрезъ своего посланника Корнелія Гаага, самостоятельную торговую капитуляцію, въ силу которой на голландцевъ распространены всѣ привиллегіи, дарованныя ранѣе того французамъ и англичанамъ относительно торговли въ турецкихъ владѣніяхъ,— именно право національнаго флага и имѣть въ Турціи посланника и консуловъ. Кромѣ того эта капитуляція содержитъ двѣ статьи совершенно сходныя съ 36 ст. англійской капитуляціи 1607 года. Статья 60-я постановляетъ, что купцамъ и всѣмъ гражданамъ „подданнымъ Нидерландъ дозволяется покупать товары въ Требизондѣ и Каффѣ и во всѣхъ мѣстахъ и гаваняхъ турецкой имперіи, расположенныхъ при Черномъ морѣ, а равно и въ странахъ, лежащихъ на Дунаѣ, въ городѣ Озагѣ въ Московіи и во всѣхъ городахъ Руссіи, а равно имъ дозволяется подвозить оттуда товары во всѣ мѣста Турецкой имперіи для веденія торговли," и съ тѣхъ товаровъ имѣетъ быть взимаема пошлина не свыше обыкновенной въ 3% и то только съ проданныхъ товаровъ, а не со всего груза. Кромѣ того ихъ нельзя принуждать къ выгрузкѣ товаровъ ни въ Константинополѣ, ни въ другихъ турецкихъ гаваняхъ, и salameilich они платятъ только единожды при выходѣ судна и не болѣе 300 аспровъ; уходя изъ Константинополя суда подвергаются осмотру въ самомъ Константинополѣ и фортахъ, но не въ Галлиполи; въ другихъ мѣстахъ они вовсе не подвергаются осмотру. Другая статья, 61-я, постановляетъ: „Если-же ихъ корабли, вслѣдствіе бури или по собственной волѣ, войдутъ въ Каффу, то никто да не имѣетъ права принудить ихъ силою къ продажѣ тамъ ихъ товаровъ и никто да не причиняетъ никакого затрудненія кораблямъ, же-

[1]) Несмотря на то, что въ 1609 г. секретною статьею къ Анверской конвенціи о перемиріи между Нидерландами и Испаніею, заключенной при посредничествѣ Франціи и Англіи, Франція обѣщала Нидерландамъ не ставить никакихъ препятствій развитію ихъ торговыхъ сношеній съ другими государствами. Flassan, II, 262; ср. тоже II. 397.

лающимъ идти къ тѣмъ берегамъ и да не запрещаетъ имъ тамъ судоходства“ [1]).

Подобно тому, какъ англійскія капитуляціи были возобновлены въ полномъ ихъ объемѣ въ 1675 году, и эта голландская

---

[1]) Hammer, VIII, кн. 43; van Hoorn, De navigatione et mercatura in mari Nigro, Amst. 1834, p. 40 и 44; Zinkeisen, IV, ibid; Dumont, V, 2,205; Richesse de la Hollande, I, 161 сл; Groot, Placaet Boek, D. III, bl. 389 „De onderdanen van de hoog gedachte Herren Staten-General van de Nederlanden, zullen mogen koopen waren en Koopmanschappen en dezelve brengen tot Trebisonda en Caffa, en aan al de plaatsen en schalen (Echelles) van myn Ryk, gelegen aan de Zwarte Zee, desgelijks ook te Lande aan Danubium, Azag, Moscovien, ende alle de steden van Russia, desgelijks zullen zy van daaz ook waren mogen brengen in alle de steden van myn Ryk en haer koophandel doen.“ „Ende zoo zulcks hare schepen komende van Constantinopolen, 't zy door contrarie wind vervielen in Caffa, ...'t zy ook dat zy met haren vryen wil naar de voorz. plactse reysden, zoo zal niemand haar met geweld mogen dwingen, haer koopmanschappen en waren doar to entladen, ...en niemand zal zoowel aan Galjoenen als de schepen die aan dezelve Kusten zullen willen zeylen, eenige verhinderinge mogen doen, noch haer 't zelve verbieden.“

Галландскіе Статы ссылались на эту капитуляцію въ грамотѣ отъ 27 Марта 1614 г., присланной въ Москву съ посланникомъ Исаакомъ Маассомъ. Въ этой грамотѣ они поздравляютъ царя Михаила Ѳедоровича со вступленіемъ на престолъ, описываютъ состояніе Голландіи, государственное устройство и распространеніе торговли ея, благодарятъ его за оказанную къ торгующимъ въ Россіи голландскимъ купцамъ милость, объясняютъ, что вслѣдствіе этого они посылаютъ въ Архангельскъ кораблей своихъ числомъ больше, нѣжели всѣ другіе народы, торгующіе съ этимъ городомъ, упоминаютъ, что и турецкій султанъ въ прошедшемъ 1613 (?) году снабдилъ ихъ привилегіею свободной торговли во всѣхъ его владѣніяхъ, обѣщаютъ дать всякую вольность въ торгу въ своихъ земляхъ русскимъ подданнымъ, и просятъ, чтобъ и имъ то-же во всѣхъ русскихъ областяхъ позволено было. Въ М. Гл. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, Голландск. грамоты, 1614, № 1-в. Въ приложенномъ къ этой грамотѣ переводѣ капитуляціи приведенное мѣсто переведено такъ: «А прежъ именованыхъ владѣтелей Галанской земли подданнымъ вольно купити всякіе товары и повести тѣ товары въ Драбизонъ или о Кафу на Черное море і во все мое государство такожъ и выные земли черезъ мое государство на Донъ в Азовъ і к Москве і выные в Московские городы а купя товары въ Московскомъ Государстве и тѣ товары повести во все мое государство и продавать поволно а пошлины имать с тѣхъ товаровъ со ста по 3 рубли.» Осмотръ Голландскихъ кораблей, идущихъ изъ Константинополя, установленъ въ Константинополѣ и у двухъ «городковъ на заставѣ,» а отъ осмотра въ иныхъ городахъ и въ Галлиполи они освобождены, а также и отъ всякой тамги, кромѣ прямыхъ пошлинъ.

капитуляція была возобновлена въ 1677 году султаномъ Магометомъ IV по ходатайству голландскаго посланника Юстина Кольера, купившаго это подтвержденіе у Порты за 30.000 червонцевъ [1]). Въ эту новую капитуляцію внесены были привиллегіи, признанныя капитуляціею 1612 года, а ст. 55 и 56 ея почти дословно повторяютъ приведенныя нами ст. 60 и 61 [2]).

Такимъ образомъ въ концѣ XVII в. доступъ въ Черное море открытъ былъ лишь Англичанамъ и Голландцамъ, пользовавшимся не только въ это время, но и вообще съ перваго-же времени ихъ сношеній съ Портою, особеннымъ благорасположеніемъ послѣдней. Что касается другихъ державъ, то Франція главнымъ образомъ заботилась лишь о левантійской и египетской торговлѣ, а итальянскія республики утратили свое прежнее значеніе, [3]) не только политическое, но и торговое, и должны были уступить первенство Англіи, Нидерландамъ и Франціи. Венеція по крайней мѣрѣ сохраняла еще самостоятельность въ своихъ политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ къ Портѣ, [4]) несмотря даже на 25-лѣтнюю несчастную войну (1645—1669) съ Турціею, окончившуюся завоеваніемъ Турками Кандіи [5]). Но въ договорахъ и капитуляціяхъ, заключенныхъ ею съ Портою въ XVII в. не упоминается о Черномъ морѣ, и значеніе ея настолько уже пало въ глазахъ Порты, что въ 1615 году ей не удалось даже достигнуть распространенія на ея подданныхъ привиллегій, дарованныхъ передъ тѣмъ Французамъ, Англичанамъ и Голландцамъ (между прочимъ, слѣдовательно, и привиллегіи судоходства въ Черномъ морѣ) [6]).

Другія итальянскія республики даже не всегда самостоятельно сносились съ Портою въ половинѣ XVII вѣка. Уже въ началѣ его Анкона, Флоренція, Рагуза, Генуя стояли въ силу капитуляцій

---

[1]) Hammer, кн. 57; Zinkeisen, V, кн. 5, гл. 5, 24.

[2]) Dumont, VII, 2, p. 4; Groot, Placaet Boek, D. V, bl. 388; Wagenaar, Vad. Hist., D. XI, bl. 54.

[3]) Zinkeisen, IV, кн. 5, гл. 2.

[4]) См. Testa, I, 141, капитуляція 1604 г. art. 4 и 6; тамъ-же p. 152, капитуляція 1607; Dumont, VII, I, 300 капитуляція 1607, art. 33.

[5]) Договоръ 1669 г. у Dumont, VII, I, 119

[6]) Hammer, кн. 43 и прилож. къ ней.

Порты съ Франціею и Англіею подъ „покровительствомъ“ французскихъ и англійскихъ консуловъ и флага [1]).

Наконецъ надо еще замѣтить, что и первый торговый договоръ Австріи съ Портою, относящійся къ началу XVII в., не касался Чернаго моря.

Но замѣчательно, что Порта закрывала лишь доступъ иностраннымъ кораблямъ въ Черное море, [2]) и не ставила рѣшительно никакихъ препятствій торговлѣ съ Константинополемъ [3]). Предполагалось даже въ половинѣ XVII вѣка сдѣлать Константинополь единственнымъ центромъ иностранной торговли съ Турціею съ тою цѣлью, чтобъ постоянно имѣть полную власть надъ иностранными купеческими кораблями, приходящими въ турецкіе воды [4]). Чѣмъ же мотивированъ былъ такой взглядъ Порты? Разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ донесеніяхъ нашихъ посланниковъ въ Константинополѣ 1700—1701 года.

---

[1]) Testa, I, 141, art. 4, 6, 7 капитуляціи 1604 г., p. 152 капитуляція 1607 г., и Dumont, VII, 1, 300, art. 33 и 34 капитуляціи 1607 г.

[2]) Вышеприведенныя капитуляціи съ Англіею и Голландіею тоже разрѣшали доступъ туда лишь купцамъ, а не кораблямъ, какъ это мы увидимъ ниже.

[3]) Я разумѣю здѣсь препятствія политико-юридическія, трактатныя, а не случайныя притѣсненія купцовъ, которыя были далеко не рѣдки.

[4]) Hammer, кн. 50; Zinkeisen, IV, кн. 5, гл. 4.

II.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ, ОТЪ КОНЦА XVII ВѢКА ДО КУЧУКЪ-КАЙНАРДЖІЙСКАГО МИРА 1774 ГОДА.

Безусловное закрытіе Чернаго моря для иностраннаго судоходства

1. КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ ДОГОВОРЪ 1700 ГОДА ПОРТЫ СЪ РОССІЕЮ.

Война „Священнаго Союза“ съ Турціею окончилась въ 1699 году заключеніемъ Австріею, Венеціею и Польшею, при посредничествѣ Англіи и Голландіи, на Карловицкомъ конгрессѣ мирныхъ договоровъ съ Портою. Не смотря на протесты нашего уполномоченнаго Возницына, требовавшаго, чтобы союзники предварительно условились относительно тѣхъ условій, которыя каждый изъ нихъ поставитъ Портѣ, Австрійскій дворъ рѣшилъ заключить миръ на основаніи принципа—„кто кѣмъ владѣетъ, да владѣетъ“, и заявилъ, что на конгрессѣ каждый будетъ наблюдать свои выгоды и станетъ требовать по своему желанію, цесарю-же и знать неугодно, кто чего себѣ желаетъ. На Карловицкомъ конгрессѣ, Австрія дѣйствительно поспѣшила заключить отдѣльный миръ съ Турціею, не заботясь о союзникахъ,—всѣ старанія Возницына не могли помѣшать этому. Пользуясь заключеніемъ мира съ Австрію, турки относительно Польши, Венеціи и Россіи получили возможность торговаться, и потому Россія заключила съ Портою лишь перемиріе на 2 года, съ условіемъ что въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ заключенъ будетъ миръ или продолжительное перемиріе черезъ особаго

посланника, который будетъ присланъ въ Царьградъ [1]). По совѣту Возницына, Петръ назначилъ въ Константинополь, для окончательныхъ переговоровъ, чрезвычайнымъ посланникомъ думнаго дьяка Емельяна Украинцева. Условія, на которыхъ онъ долженъ былъ договариваться съ Портою были тѣ-же, которыя были поставлены и Возницынымъ въ Карловицѣ, [2]) но, въ дополненіи къ наказу, Украинцеву велѣно домогаться учрежденія торговли между Россіею и Турціею посредствомъ Чернаго моря. Для подкрѣпленія своихъ требованій Петръ отправилъ Украинцева не сухимъ путемъ, а на военномъ 46-пушечномъ кораблѣ „Крѣпость," приказавъ ему по прибытіи въ Константинополь бросить якорь противъ сераля съ пушечною пальбою, а для удостовѣренія Турокъ, что въ Россіи есть не одинъ корабль, самъ Государь рѣшилъ проводить его съ сильною военною эскадрою („морскимъ караваномъ") до Керчи. Долго здѣсь „споровались" русскіе уполномоченные съ Турками о томъ, чтобъ имъ идти моремъ, а не сухимъ путемъ. Наконецъ Украинцевъ настоялъ на своемъ требованіи, и въ первыхъ числахъ сентября 1699 года первый русскій военный корабль явился передъ Константинополемъ [3]).

Послѣ аудіенціи у султана вскорѣ начались „разговоры" (конференціи) уполномоченныхъ съ рейсъ-эфендіемъ Рами и „Салтанова величества тайныхъ дѣлъ секретаремъ" Александромъ Маврокордато. На 3-мъ разговорѣ посланники сообщили условія Пет-

---

[1]) Текстъ у Dumont, VII, 2, 446 и 447, и въ М. Гл. Арх. М. И. Д., дѣла Турецкаго Двора 1698 декабря 25, св. 24, № 2 а, копія съ договорн. письма о перемиріи на 2 года Россіи съ Турціею въ Карловицѣ при посредничествѣ лорда Пэджета и Якова Коліера заключенномъ. Карловицкіе переговоры у Устрялова, Ист. Петра В., III. гл. IX; Соловьева, Ист. Рос., XIV, 328 сл.; Hammer, кн. 60; Zinkeisen, V, кн. 5 гл. 5.

[2]) Дѣла Турецк. двора въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. 1698 окт.—дек., св. 24 № 1, дѣла П. Возницына; тамъ-же 1699 (7207) г. Тайный наказъ Е. Украинцову, св. 24-в, № 4—7. Условія эти были: Россія удерживаетъ за собою всѣ свои завоеванія, слѣд. и Азовъ, и кромѣ того въ вознагражденіе за убытки отъ набѣговъ турокъ получаетъ Керчь.

[3]) Описаніе путешествія Украинцева см. у Устрялова, III, гл. X; Соловьева, XIV; и Статейный списокъ бытности въ Царѣградѣ пословъ думнаго дьяка Емельяна Украинцова и дьяка Ивана Чередѣева, въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д., дѣла Турецкаго двора 1699—1700 г. № 27, листъ ρ҃нѳ҃

ра; изъ нихъ 8-е гласило: „на обѣ страны купцамъ со всякими товары... моремъ (Чернымъ) на коробляхъ и иныхъ (морскихъ) судѣхъ до государствъ обоихъ великихъ государей до порубежныхъ и до царствующихъ градовъ и до Крыму вольно и безопасно ѣздить и ходить и торговать и въ пристанища для воды и хлѣба и иныхъ живностей приставать безъ осматриванія товаровъ ихъ и безовсякаго убытку и отягченія и доброю вѣрою мирную и непрепинательную торговлю имѣть, а пошлина обоихъ государствъ торговымъ людемъ платить по древнему извычаю обоихъ государствъ тамъ, гдѣ они товары свои продавать будутъ“ [1]). По рѣшеніи нѣкоторыхъ другихъ условій о разграниченіи, на 21-мъ разговорѣ посланники возбудили вопросъ о торговлѣ [2]). „И думные люди (турецкіе уполномоченные) услышавъ такое ихъ посланничье предложеніе говорили сердитуя: торговли де между государствъ быть мочно, а быть бы ей сухимъ путемъ, а чтобъ на Черное море ходить Царскаго Величества торговымъ кораблямъ и инымъ морскимъ судамъ, и того съ ихъ стороны поволено отнюдь не будетъ, и вчинаютъ они посланники то напрасно, знатно своимъ вымысломъ безъ указу, не желая между государствъ мира и покоя, и развѣ хотятъ тѣмъ нововымышленнымъ дѣломъ учинить прислугу свою къ Царскому Величеству, и такое ихъ намѣреніе не сдѣлается для того что противно всякой правдѣ, да и потому статься то невозможно, что московскіе корабли и иные суды по Черному морю и напередъ сего никогда не хаживали и нынѣ того не будетъ. И посланники говорили, что они между государствъ мира и покоя желаютъ, а о плаваніи или хожденіи по Черному морю Царскаго Величества морскаго каравана говорятъ по пристойности дѣла, потому что у Царскаго Величества изготовленъ морской караванъ немалой и кромѣ морскаго плаванія дѣватца ему негдѣ и естьли по Черному морю Царскаго Величества кораблямъ и инымъ судамъ не ходить, то и миру между государствъ статься невозможно. И думные люди сердитуя сказали: великъ ли де или малъ у Царскаго Величества караванъ морской и для чего здѣланъ, они того не вѣдаютъ, и больши о томъ ничего не

---

[1]) Статейн. списокъ Украинцова, листъ с҃оз҃ и листъ ѱ҃ѯ҃ѳ҃.

[2]) Тамъ-же, листъ ѱ҃ѯ҃ѳ҃ слѣд.

говоря и не простясь съ посланники поили вонъ изъ отвѣтной палаты".

Слѣдующій, 22-й разговоръ (29 апрѣля) посланники имѣли съ однимъ Мавроκордато [1]). Онъ говорилъ „что вольной торговлѣ дабы она на обѣ стороны процвѣтала и обоимъ государствамъ прибылью была Его Салтаново Величество желаетъ и по сухому пути и по Бѣлому (Средиземному) морю въ которыхъ городѣхъ и мѣстѣхъ гдѣ ни прилучится быть онъ Салтанъ не запрещаетъ и на то море отъ Архангельскаго города на корабляхъ Царскаго Величества торговымъ людемъ съ товарами своими пріѣзжать поволиваетъ и пріѣздъ и отъѣздъ станетъ чинитца имъ свободной безъ обиды, и въ пошлинахъ никакого утѣсненія, какъ и въ иныхъ творитца, имъ въ государствахъ его Салт. Величества нигдѣ не будетъ, а по Черному де морю отъ Азова и отъ Таганрога на его-же Царскаго Величества корабляхъ всякимъ торговымъ людемъ непозволяетъ, развѣ позволитъ только ходить до порубежной Керчи, потому что по Черному морю никоторыхъ государствъ торговые люди на корабляхъ своихъ не ходятъ и торговыхъ промысловъ въ тамошнихъ мѣстѣхъ не имѣютъ, и для того пріѣзду Царскаго Величества кораблей сдѣлается у Керчи нарочная московская корабельная пристань.... и построятся кладовые амбары и гостинные дворы, купцы будутъ жить безобидно; позволено будетъ и церковь построить." Посланники возражали что Керчъ малый, не торговый и потому для торговли неудобный городъ, и настаивали на взаимной свободѣ судоходства по Черному морю и въ Смирну и Египетъ. Мавроκордато отвѣчалъ, „что де о той торговлѣ у Салт. Величества была недавно дума въ диванѣ съ великимъ визиремъ и съ муфтіемъ.... и съ иными ближними людьми и было де о томъ разсужденіе многое, на которой думѣ подлинно постановили и утвердили такъ: что когда де у его Салт. Величества никоторыхъ окрестныхъ государствъ, т. е. французамъ, англичанамъ, галландцамъ и венетамъ торговымъ людемъ по Черному морю на корабляхъ своихъ ходить непозволено, то де и Царскаго Величества торговымъ людемъ на корабляхъ своихъ хожденія имѣть по тому Черному морю немочножъ," а можно дозволить русскимъ купцамъ торговлю

[1]) Статейн. списокъ. Украинцова, листъ ѱ пг.

изъ Керчи съ Трапезундомъ, Синопомъ и др. на турецкихъ судахъ, „а Царскаго Величества корабли на которыхъ тѣ торговые люди привезутъ свои товары стоялибъ подъ Керчью, чтобъ тѣмъ не учинить образца иныхъ окрестныхъ государствъ подданнымъ торговымъ людемъ.“ И посланники говорили что у Царскаго Величества состроенъ морской великой караванъ (болѣе 120 судовъ) не для того чтобъ ему въ одномъ мѣстѣ стоять, а по морю хожденіе имѣть и никогда де такіе морскіе суды на одномъ мѣстѣ стоять безъ прибыли не обыкли и не ведетца; а хотя де у его Салт. Величества иныхъ окрестныхъ государей торговымъ людемъ французамъ, англичанамъ, галланцамъ и венетамъ на корабляхъ своихъ по тому Черному морю ходить заказано, и тѣ государства его Царскаго Величества подданнымъ торговымъ людемъ не примѣръ, для того что изъ тѣхъ государствъ торговымъ людемъ на корабляхъ своихъ на то Черное море приходить далеко и неспособно, и для того они вмѣсто того Чернаго моря торги свои и всякіе промыслы имѣютъ и отправляютъ больши на Бѣломъ морѣ и въ Царѣградѣ, а Царскаго Величества торговымъ людемъ по тому Черному морю отъ Азова въ Трапезонтъ и въ Синопъ, и въ Царьградъ ходить способно и сручно. Маврокордато говорилъ: что тѣмъ Чернымъ моремъ и кругомъ его всѣми берегами владѣетъ одинъ салтанъ, а иного государя къ тому морю никакого владѣнія ни мѣста нигдѣ не бывало и нынѣ нѣту, и того ради и нынѣ и никогда плаванія по Черному морю московскимъ кораблямъ и никакимъ судамъ для торговли оттоманскаго государства поволено не будетъ, понеже отъ вѣковъ никто изъ иныхъ народовъ при владѣніи Турскомъ не имѣлъ на томъ морѣ плаванія. Просили того у нихъ съ великимъ прилежаніемъ изстари многажды и нынѣ еще просятъ французы, англичаня, галладцы и венеты дабы поволено было имѣть плаваніе кораблямъ ихъ во Европѣ на Черномъ, а во Аравіи на Чермномъ моряхъ, купечества ради [1]), и въ томъ имъ Порта издревле отказывала и нынѣ отказываетъ

---

[1]) Объ открытіи французскимъ судамъ доступа въ Красное море хлопоталъ между прочимъ тщетно посолъ La Haye Vantelet въ 1666 году (Zinkeisen, V, стр. 9) и Nointel въ 70-хъ годахъ (ibid. 19, 23; Chardin, Voyages en Perse, Amst. 1735, I, p. 26—31).

же, говоря: чтобъ они никакой въ томъ надежды не имѣли и впредь того не просили, понеже позволено имъ то никогда не будетъ,—тѣмъ морямъ владѣтель одинъ салтанъ, а иной при немъ владѣтель никогда быть не можетъ, и имѣетъ государство оттоманское тѣ моря яко чистую и непорочную дѣвицу, и нетокмо имѣть на нихъ кому плаваніе, но и прикоснутися никого никогда не допуститъ, и такое у Порты крѣпкое намѣреніе никогда и ни для чего не отмѣнится и лучше пустить салтану кого во внутреняя своя нежели поволить иныхъ народовъ плаваніе кораблямъ по тѣмъ морямъ; и нынѣ за посредничество Карловицкое миротворное крѣпко у Порты домогались англичаня, а наипаче галанцы чтобъ поволено кораблямъ ихъ имѣть купечества ради плаваніе по Черному морю, и въ томъ имъ Порта отказала и то прошеніе ихъ отставила.“ Наконецъ посланники просили, чтобъ дозволено было плаваніе отъ Керчи въ Царьградъ хотя извѣстному числу кораблей, но и въ этомъ встрѣтили отказъ. Замѣчательны заключительныя слова Маврокордато: „и развѣ по Черному морю иныхъ государствъ кораблямъ ходить будетъ свободно тогда, когда Турское государство падетъ и вверхъ ногами обратится.“

Въ заключеніе конференціи посланники еще разъ просили Маврокордато снестись съ Портою по вопросу о торговомъ судоходствѣ изъ Азова въ Константинополь, и Маврокордато обѣщалъ но замѣтилъ что рѣшеніе Порты неизмѣнно, „что никогда никому ни для чего иныхъ государствъ кораблямъ по Черному морю плаваніе поволено не будетъ, и то де у Салтанова Величества и у всей Порты постановлено съ великимъ подкрѣпленіемъ, а то де Черное море называетца у нихъ чистая, непорочная дѣвица, потому что никому не откровенно и плаваніе кораблямъ не поволено, а послѣ де Карловицкаго мирнаго постановленія писали къ Салтанову Величеству Галланскія Статы со многимъ прошеніемъ, чтобъ имъ на томъ Черномъ и во Аравіи на другомъ Чермномъ моряхъ поволено было къ пристанищамъ для торговаго промыслу ѣздить на своихъ корабляхъ, и съ тѣмъ ихъ листомъ посолъ ихъ Галланской, которой здѣсь въ Царѣградѣ живетъ былъ у везиря и тому де послу и противъ листа статцкаго великій везирь въ томъ отказалъ-же.

Наконецъ на 23-й конференціи (2 мая) съ Маврокордато снова

былъ возбужденъ вопросъ о судоходствѣ въ Черномъ морѣ. [1]) Мавpокордато по прежнему ссылался на то, что торговое судоходство не разрѣшено ни англичанамъ, ни галланцамъ, ни венеціанцамъ, не смотря на ихъ неоднократныя просьбы объ этомъ. Посланники возражали, что отъ торговли съ тѣми народами прибыли никакой нѣтъ, что „на Черномъ морѣ тѣхъ государствъ торговымъ людямъ и плавать зѣло неспособно и далеко; а Царскаго Величества подданнымъ торговымъ людемъ ѣздить по тому морю отъ Азова способно и близко,“ и что такая торговля была бы очень выгодна для обоихъ государствъ. На это Мавpокордато возражалъ „что всякой великій государь въ своемъ государствѣ воленъ и моченъ, такъ и Салтанову величеству въ государствѣ его указывать иному нѣкому, и кого въ которыя вороты изволитъ пустить въ тѣ и пускаетъ по своей волѣ и много де имъ посланникомъ о томъ трудитца не для чего, потому что позволенія его салтанскаго о корабляхъ царскаго величества, чтобъ имъ ходить по Черному морю никогда не будетъ, и въ диванѣ у него Салтана, и у великаго везиря, и у всего оттоманскаго государства постановлено и утверждено накрѣпко что на томъ Черномъ морѣ и на другомъ на Чермномъ морѣ, что въ Палестинѣ, никотораго государства кораблямъ ходить никогда со стороны салтанской неповолитца, и никому тѣ моря не окажутца, развѣ де оттоманское царство перемѣнитца, и тогда христіанскихъ государей кораблямъ плаваніе на тѣхъ двухъ моряхъ отворитца. И посланники говорили: что того Чернаго моря великій государь Его Царское величество у Салтанова Величества проситъ не во все во владѣніе себѣ и того моря онъ великій государь у него у Салтана не отнимаетъ и въ титлахъ своихъ государскихъ тѣмъ моремъ описывать себя не будетъ, а изволяетъ его Царскаго Величества о томъ морѣ упоминатца только для вольнаго проѣзду своимъ Царскаго Величества кораблямъ... и если де Салтаново Величество такой повольности Царскаго Величества кораблямъ что имъ по Черному морю ходить не учинитъ, и то стало быть не учиненіе покоя или мира, но самая неволя.“ Мавpокордато возражалъ что Султанъ не запрещаетъ судоходства изъ Архангельска въ Бѣлое (Средиземное) море „а что

[1]) Статейн. списокъ Украинцева, листъ ѿкѣ

онъ салтанъ по Черному морю его Царскаго Величества кораблямъ ходить неповоливаетъ, и то у него учинено не вновь и не для однихъ кораблей Царскаго Величества, еще де когда въ московскомъ государствѣ тѣхъ кораблей и въ зачинѣ не бывало и Азовъ городъ былъ во владѣніи Его Салтанова Величества и тогда домогались у него салтана не по одиножды англичане, и галланцы, дабы имъ потому Черному морю и по другому Чермному кораблями своими ходить было поволено, однакожъ и имъ въ томъ тогдажъ отказано, и съ того де времени постановлено у Салт. Величества и утверждено диваномъ, что тому дѣлу быть непремѣнно, и никого на тѣ моря кораблями своими ходить не допускать, и того де постановленнаго и диваномъ утвержденнаго государственнаго приговора никогда онъ салтанъ не премѣнитъ и оставить не можетъ." Такъ какъ соглашенія достигнуто не было (Маврокордато предлагалъ постановить статью о свободѣ торговли въ Черномъ морѣ русскимъ купцамъ на наемныхъ турецкихъ судахъ) то и рѣшено было наконецъ отложить соглашеніе о торговлѣ до торжественнаго посольства, которое придетъ въ Константинополь съ ратификаціею мирнаго договора [1]).

Такимъ образомъ Порта опиралась въ своемъ отказѣ открыть Черное море и проливы для русскихъ купеческихъ судовъ: 1) на принадлежности ей береговъ его, и 2) на стародавнемъ обычаѣ. Къ этому надо прибавить еще двѣ косвенныя причины отказа. Прежде всего—страхъ. Изъ донесеній Украинцова и другихъ свидѣтельствъ извѣстно [2]), что прибытіе русскаго военнаго корабля въ Константинополь произвело тамъ чрезвычайный переполохъ; Турки увѣрены были, что большія суда не могутъ выйти изъ Дона въ море. Порта, отказывая русскимъ торговымъ судамъ въ разрѣшеніи доступа въ Черное море, руководствовалась отчасти и чувствомъ самосохраненія, тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ въ началѣ XVII в. казаки дважды побывали въ Босфорѣ, сожгли Буюкдере, Еникей и др. [3]). Изъ опасенія открыть Русскимъ входъ въ Черное море

[1]) Ст. 10 мирнаго договора 1700 года; подробности переговоровъ у Устрялова III, гл. XIII и Соловьева, XIV.

[2]) См. Устряловъ, III, гл. X; Соловьевъ, XIV.

[3]) Hammer, кн. 46; Zinkeisen, V, кн. 5, гл. 2. Послѣ этого, въ 1624 г. Буюкдере былъ укрѣпленъ. Соловьевъ, IX, 274 сл., X, 131 сл.

Турецкіе уполномоченные отчаянно противились уступкѣ Азова и приднѣпровскихъ крѣпостей „построенныхъ отцомъ Салт. Величества для удержанія своевольныхъ Запорожцевъ отъ походовъ на Черное море“ (на 12-мъ разговорѣ), поэтому-же они отказались именовать „приморскіе“ городки, уступаемые Россіи (21 конференція). Съ другой стороны нельзя упускать изъ виду интригъ, которыми „Карловицкіе медіаторы“ старались подорвать заключеніе мира Порты съ Россіею. Петръ вообще неохотно сталъ мириться съ Портою въ 1698 году. Ему очень неправилось то, что Австрія отъ имени „Священнаго союза“ не только вступила въ переговоры съ Портою на основаніи принципа „uti possidetis“, далеко не соотвѣтствовавшаго его видамъ, но и приняла посредничество Англіи и Голландіи. Онъ прямо сказалъ австрійскому министру гр. Кинскому: „берегитесь довѣрять словамъ англичанъ и голландцевъ, они имѣютъ всегда въ виду лишь интересы своей торговли, а вовсе не заботятся о своихъ союзникахъ“ [1]). Поэтому на извѣщеніе имперскимъ уполномоченнымъ Эттингеномъ Возницына о посредникахъ, послѣдній отвѣчалъ что „Его Царское Величество о сихъ никако извѣстенъ, и какимъ они желаніемъ или хотѣніемъ на сей (Карловицкій) съѣздъ прибыли, того не знаетъ.“ [2]) Но посредники понимали, что дѣло идетъ о вопросѣ, весьма для нихъ важномъ. И вотъ, англійскій посолъ, проживавшій послѣ Карловича въ Адріанополѣ, въ день пріема русскихъ посланниковъ султаномъ пріѣзжаетъ въ Константинополь, присылаетъ къ нимъ съ предложеніемъ своихъ услугъ „для вспоможенія во врученныхъ имъ дѣлахъ,“ другой разъ присылаютъ объ этомъ заявленіе уже оба медіатора—и Пэджетъ, и Коліеръ, наконецъ „во время прогулки“ по городу секретарю англійскаго посольства приходитъ счастливая мысль зайти въ русское посольство и развѣдать о ходѣ переговоровъ. Какъ бы то ни было однако, въ результатѣ Украинцевъ даетъ такой отзывъ: „Съ послами цесарскимъ, польскимъ, англійскимъ, голландскимъ и веницейскимъ по се время (іюль 1700 года) мы не видались (вслѣдствіе пре-

---

[1]) Hammer, кн. LX.

[2]) Дѣла Возницына, въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д., дѣла Турецк. 1698, св. 24 № 1.

пятствій со стороны Порты) и въ нашемъ дѣлѣ никакой помочи отъ нихъ не было: и не токмо помочи, никакой вѣдомости и осторожности намъ не чинили; хотя на Галатѣ имѣютъ часто конверсаціи съ Турками, но къ намъ ни съ чѣмъ не отзывались; да и видѣться съ нами у Порты не домогались, подъ предлогомъ отказа къ своему безчестью. Послы-же аглинской и голланской, какъ мы слышали отъ вѣрныхъ и знатныхъ людей, во всемъ держатъ Турскую сторону, и больше имъ хотятъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому Государю; живутъ здѣсь давно въ чести и богатствѣ, и торговля англинская и голланская корабельная въ Турскомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовомъ... и тому они завидуютъ и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣшки“ [1]).

Итакъ переговоры о торговомъ судоходствѣ по Черному морю и Проливамъ закончились внесеніемъ въ 10 ст. Константинопольскаго договора отъ 3 іюля 1700 года [2]) постановленія, что: „Торговли дѣла отъ плодовъ мира суть и плодоносіе и обиліе царствъ раждаютъ: однако понеже мы, Его Царскаго Величества посланники чрезвычайные, на то дѣло не имѣемъ полной мочи: и по вольности дѣлъ торговыхъ уговоръ и постановленіе да оставится торжественному послу, которой обыкновеннымъ правомъ для утвержденія и укрѣпленія мира отъ Его Величества къ блистательной Портѣ назначенъ и отпущенъ будетъ.“

Такимъ торжественнымъ посломъ назначенъ былъ ближній стольникъ князь Дм. М. Голицынъ. Кромѣ инструкціи ему выданы были „статьи по которымъ сверхъ даннаго ему наказу будучи въ Константинополѣ по совершеніи подтвержденія мира (по данному ему наказу) чинить тако: [3]) „Постараться получить по утвержденіи мира конференцію у великаго везиря для достиженія свободнаго судоходства изъ Азова въ Черномъ морѣ и съ Константинополемъ торговымъ людемъ“, такъ какъ это было бы прибыльно для

---

[1]) Донесенія и статейн. списокъ Украинцева въ Моск. Гл. Арх. М. И Д. 1700 г. дѣла Турецк. двора.

[2]) Юзефовичъ, Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 9.

[3]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Турецк. двора 1700 окт.—1702 мартъ, св. 1 № 5, дѣла кн. Д. М. Голицына.

обоихъ государствъ, и въ случаѣ согласія Порты „постановить статьи“ о торговлѣ. Въ этихъ статьяхъ слѣдовало обозначить число служилыхъ людей и пушекъ, могущихъ быть на корабляхъ для защиты отъ нападенія разбойниковъ. Голицыну дозволялось даже согласиться на то, чтобъ купеческія суда ходили безъ пушекъ и служилыхъ людей (для удостовѣренія въ чемъ согласиться даже на осмотръ ихъ турецкими властями въ Керчи или другомъ мѣстѣ), но подъ условіемъ что Порта приметъ на себя отвѣственность за всякое нападеніе на нихъ и обяжется вознаграждать купцовъ за понесенные ими отъ нападенія убытки. Мало того, ему дозволено было согласиться и на то, чтобъ въ Керчи на русскія торговыя суда сажать служилыхъ турецкихъ людей или брать провожатыхъ для надзора. Далѣе предписывается Голицыну „говорить салтановымъ ближнимъ людемъ, чтобъ и пословъ великаго государя, которые впредь для ихъ обоихъ великихъ государей нужныхъ дѣлъ будутъ посылапы, принимать и проводить къ Царюграду водянымъ путемъ на воинскомъ кораблѣ, а о многихъ ли пушкахъ и служилыхъ людяхъ, и то положить на ихъ волю, чтобъ то учинено было для чести великаго государя какъ и прочихъ великихъ государей приходятъ въ Царьградъ, потому что тотъ путь Чернымъ моремъ какъ въ торговлѣ, а паче въ такихъ государственныхъ обсылкахъ на обѣ стороны способенъ и прибыленъ, а сухимъ путемъ труденъ и дологъ“ [1]).

Относительно этого требованія слѣдуетъ полагать, что оно было вызвано донесеніемъ Украинцева о его разговорѣ съ дворяниномъ, присланнымъ къ нему отъ французскаго посла Шатонефъ съ объявленіемъ о прибытіи послѣдняго въ Константинополь. Этотъ дворянинъ разсказывалъ, что „къ Царюграду ни изъ которыхъ государствъ нѣмецкихъ посломъ и посланникомъ приходить на своихъ воинскихъ корабляхъ опричь государя ихъ французскаго короля пословъ непозволено, а на передъ де сего изо всѣхъ государствъ на своихъ корабляхъ посломъ и посланникомъ пріѣзжать было сво-

[1]) Кромѣ того онъ долженъ былъ требовать свободнаго доступа въ Азовъ для торговыхъ грековъ, и въ пристойное время при иныхъ дѣлахъ говорить, чтобы вселенскимъ патріархамъ и всѣмъ благочестивымъ христіанамъ греческаго закона была въ вѣрѣ свобода.

бодно подъ самой Царь-Градъ, и такая де неповольность имянно учинилась отъ венетовъ, потому что ихъ венецыйскіе послы будучи въ прошлыхъ годахъ въ Царѣ-Градѣ на своихъ воинскихъ корабляхъ починили многія туркамъ досадительства тѣмъ, что безъ ихъ вѣдома на тѣ свои корабли набрали было многихъ своихъ полоняниковъ и бѣглецовъ, и хотѣли провести къ себѣ тайно, которыхъ у нихъ турки тогда выгнали съ великимъ безчестіемъ, и съ того времени и донынѣ тѣхъ венецыйскихъ пословъ на корабляхъ своихъ только допускаютъ до Дарданелей, а оттолѣ привозятъ ихъ турки къ Царю-Граду на своихъ корабляхъ или на каторгахъ. Да и аглинскимъ-же и голанскимъ посломъ примѣръ они тотъ времянемъ чинятъ же и кораблей ихъ воинскихъ съ послами въ Царь-Градъ не пропускаютъ-же, развѣ торговые когда корабли ихъ придутъ и имъ чинится свободной путь, а французскимъ посломъ запрещенія въ томъ и до нынѣ нѣтъ, и тотъ французской посолъ къ Царю-Граду и нынѣ пришелъ на своихъ воинскихъ на двухъ корабляхъ, а не на турецкихъ“ [1]).

Однако и на этотъ разъ переговоры не увѣнчались успѣхомъ, несмотря на то что о судоходствѣ въ Сирію и Египетъ не было уже рѣчи, а дѣло шло лишь о торговомъ судоходствѣ по Черному морю „до Царяграда и до иныхъ черноморскихъ пристаней.“ Великій визирь объявилъ Голицыну чрезъ Маврокордато [2]), что на свободную сухопутную торговлю между обоими государствами диванъ съ радостью согласится, а „чтобъ въ торговомъ мромыслу корабельному по Черному морю ходу въ московскихъ корабляхъ быть, того никогда съ стороны турской неволено не будетъ, и ходъ Черноморской до Царягорода и въ иные городы никакими мѣры

---

[1]) Стат. сп. Украинцева, л. С҃З҃Д҃. Дѣйствительно, въ 1665 г. посолъ de La Haye Vantelet прибылъ на военномъ кораблѣ, а въ 1670 г. посолъ de Nointel прибылъ даже съ цѣлою военною эскадрою изъ 3 кораблей и одного брандера. См. Hammer, кн. 55 и 56. О пріѣздѣ-же венеціанскаго посланника Соранцо самъ Украинцевъ разсказываетъ (л. С҃S҃I) что до Дарданеллъ онъ ѣхалъ на двухъ венеціанскихъ корабляхъ, а въ Дарданеллахъ они были задержаны и къ Царю-Граду не пропущены, а принятъ посланникъ съ тѣхъ венецыйскихъ кораблей и къ Царю-Граду пріѣхалъ на двухъ турскихъ каторгахъ.

[2]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Дѣла Турецкаго Двора, 1701 генв. 10, св. 2, № 1; Статейный списокъ кн. Дм. Голицына, листъ ϘII и слѣд.

не отворитца, о чемъ довольно объявлено къ чрезвычайнымъ посланникомъ прошлаго году, какъ ужъ и поставлено не быть на обѣ стороны корабельному пути на Черномъ морѣ. И лучшебъ салтану видѣти отворить путь въ домъ свой салтанской, нежели оказать путь и ходъ московскимъ кораблямъ на Черномъ морѣ, развѣ сіе мочно торговлѣ московскимъ товаромъ на корабляхъ турскихъ, и тогда могутъ идти Чернымъ моремъ ко всемъ городамъ турскимъ, гдѣ московскіе торговые люди похотятъ. А чтобъ великого государя посламъ и посланникамъ ходить кораблями въ Царьградъ, и тому быть никоими мѣры невозможно, а и постановлено въ договорѣхъ Царскаго Величества торжественному послу быть съ подтверждающимъ посольствомъ къ салтану землею, а не моремъ, [1]) потомужъ и инымъ посламъ. У Турковъ два моря Черное и Чермное для иныхъ народовъ закрыты.“ Послѣ визиря Голицынъ обратился къ рейсъ-эфенди, но и тутъ бузуспѣшно. Послѣдній выразилъ въ главныхъ чертахъ слѣдующее: что объ этомъ вопросѣ много было уже говорено, и рѣшено быть торговлѣ окружной, а не по Черному морю, что объ этой окружной торговлѣ и слѣдуетъ договориться; что-же касается Чернаго моря, то султанъ „имѣетъ его яко домъ свой внутренній и никого въ нутренній домъ свой не можетъ пустить чюжеземца, а если то будетъ надобно Царскому Величеству, салтаново величество позволитъ ѣздить Чернымъ моремъ на турскихъ корабляхъ гдѣ кому надобно, и лутче салтанову величеству имѣть войну нежели допустить ходить кораблямъ по Черному морю; салтаново величество и великій везирь и весь диванъ мыслили и мысль съединили съ дѣломъ, и указомъ салтанова величества весь диванъ закрѣпилъ, что нетокмо говорить о томъ, и слышать не соизволяютъ. Также и посламъ ѣздить землею, а не моремъ, какъ положено о томъ въ статьяхъ“. На возраженіе Голицына, что въ договорныхъ статьяхъ того не упомянулось что пословъ принимать сухимъ путемъ или моремъ, а написано въ 11 статьѣ про посольство великаго посла, которой придетъ отъ великаго государя съ подтверждающею грамотою принять землею, и то написано не на общемъ лицѣ что впредь ходить посломъ сухимъ путемъ, а не моремъ, а

[1]) Ст. 14 договора 1700 года, касалась только присылки и пріема Голицына.

написано по случаю для времени зимняго и скорости," на это возраженіе рейсъ-эфенди замѣтилъ: „когда чрезъ тебя посла между государи обновилась дружба и принятъ ты сухимъ-же путемъ, и впредь послы приняты будутъ сухимъ-же путемъ, и въ томъ положена договорная статья, да и говорить о томъ не для чего."

Такимъ образомъ посольство Голицына не повело къ открытію Чернаго моря и Проливовъ для русскаго торговаго судоходства. Послѣ несчастнаго Прутскаго похода и возвращенія Туркамъ Азова нечего было и надѣяться достигнуть признанія Портою свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ,—хотя въ Прутскомъ договорѣ и признана обоюдная свобода торговли, но только сухопутной [1]).

Изъ приведенныхъ переговоровъ по вопросу о черноморской торговлѣ мы видимъ, что главное основаніе, на которое Порта опиралась въ своемъ отказѣ допустить иностранное судоходство въ Черномъ морѣ было то, что она смотрѣла на него какъ на свое *внутреннее* море, какъ на домъ свой внутренній, такъ какъ всѣ берега его находятся въ ея власти. Въ этомъ отношеніи она даже не разъ во время переговоровъ приравниваетъ Черное море къ Красному. Эти притязанія Порты на исключительный суверенитетъ ея надъ этими морями были выражены даже въ султанскомъ титулѣ, гдѣ султанъ между прочимъ именуетъ себя обладателемъ моря Чернаго и моря Бѣлаго [2]). Утвержденіе Порты, что она никогда никому не разрѣшала судоходства въ Черномъ морѣ объясняется тѣмъ, что капитуляціи съ Англіею и Голландіею дозволяли имъ торговлю въ Черномъ морѣ лишь на турецкихъ судахъ,—въ это время торговое судоходство здѣсь было повидимому въ рукахъ турокъ, татаръ, грековъ, евреевъ и армянъ [3]).

---

[1]) Договоръ въ русской и турецкой редакціи у Юзефовича, стр. 11—13.

[2]) Полнѣе выражено это въ титулѣ, какъ онъ написанъ въ введеніи къ капитуляціи 1604 года съ Франціею: „Seigneur des mers Rouge, Blanche et Noire et de tant d'autres divers pays, îles, détroits, passages etc." Testa I, 142, и къ капитуляціи 1740 года: "Souverain des îles et des côtes de la mer Blanche et de la mer Noire," Testa, I, 186.

[3]) Изъ дѣлъ Голицына въ М. Гл. Арх. М. И. Д. видно, что венеціанинъ Савва Рагузинскій пріѣхалъ въ Азовъ съ товарами на турецкомъ суднѣ съ экипажемъ изъ грековъ. Тамъ-же указъ Петра о разрѣшеніи торговли съ Азовомъ

Впрочемъ хотя и нельзя оставить безъ вниманія заявленіе Порты объ отказѣ ею въ разрѣшеніи свободы торговли въ Черномъ морѣ англичанамъ и голландцамъ послѣ Карловицкаго мира, хотя въ то время притязанія на господство надъ прилежащими морями было еще въ полномъ ходу даже въ западной Европѣ, но все-таки, едва ли не главною причиною упорства Порты въ неразрѣшеніи Россіи этой торговли былъ страхъ, внушенный ей нашимъ юнымъ флотомъ. Іерусалимскій патріархъ, прямо совѣтовалъ Голицыну не говорить болѣе о Черноморской торговлѣ, „а станешь говорить, то миръ испортишь, Турокъ приведешь въ сумнѣніе. Турки хотятъ засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное [1]), и на томъ мѣстѣ построить крѣпости многія, чтобъ судовъ Московскихъ не пропустить въ Черное море... Турки сильно того флота опасаются... Турки знаютъ что тотъ флотъ строится на нихъ и ты хоть тысячу разъ говори, добровольно не отворятъ ходъ по Черному морю“ [2]). Мало того, въ 1703 году Порта даже стала было требовать, чтобъ въ Азовѣ и Таганрогѣ не было русскихъ кораблей [3]). Другое подтвержденіе этого факта мы увидимъ далѣе, когда будемъ разсматривать переговоры, предшествовавшіе заключенію Бѣлградскаго мира 1739 года.

Итакъ, въ это время дѣйствительною причиною отказа Порты въ разрѣшеніи иностраннаго судоходства въ Черномъ морѣ и чрезъ Проливы были политическія соображенія, хотя она и прикрывала ихъ юридическими доводами, тѣмъ болѣе, что какъ мы видѣли, она готова была разрѣшить иностранную торговлю въ Черномъ морѣ на турецкихъ судахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить различія въ мотивахъ, служившихъ поводомъ къ закрытію доступа въ Черное море иностраннымъ судамъ въ древній, византійскій и новый, турецкій періодъ,—тамъ такимъ мотивомъ было коммер-

---

туркамъ, татарамъ, грекамъ, жидамъ и армянамъ подъ условіемъ уплаты установленныхъ таможенныхъ пошлинъ. О торговлѣ армянъ между Россіею, Турціею, Персіею, Италіею и Голландіею съ конца XVII в. см. Scherer, Gesch. d. Welthandels, II, 691.

[1]) Государю патріархъ писалъ, что турки хотятъ погрузить корабли съ камнями въ Керченскомъ проливѣ.

[2]) Статейн. списокъ Голицына. Ср. также Соловьева, XV, 76, 78, 79, 356.

[3]) Соловьевъ, XV, 81.

ческое соревнованіе временныхъ обладателей Черпаго моря, прельщавшія ихъ богатство и выгодность торговли съ его побережьями и чрезъ него съ отдаленными странами Индіи, вопросъ объ судоходствѣ въ этомъ морѣ былъ вопросомъ прежде всего экономическимъ, тутъ, напротивъ, онъ сохраняетъ отчасти этотъ экономическій характеръ лишъ со стороны притязаній Россіи на свободу плаваніл въ этомъ морѣ, со стороны-же Порты мотивомъ является политическая исключительность; вслѣдствіе этого вопросъ лишается своего экономическаго значенія, (да и самое Черное море утрачиваетъ на время это свое значеніе) и получаетъ характеръ чисто-политическій [1]).

Упомянемъ еще о Пассаровицкомъ торговомъ договорѣ Австріи съ Портою 1718 года, заключенномъ при посредничествѣ морскихъ державъ, такъ какъ онъ имѣетъ косвенное отношеніе къ вопросу о правѣ судоходства въ Черномъ морѣ. Этотъ договоръ въ ст. I постановляетъ [2]) свободу торговли между Австріей и Турціею какъ рѣчнымъ путемъ, такъ и сухопутной и морской подъ австрійскимъ флагомъ; въ ст. 2 онъ касается черноморской торговли, и въ этомъ направленіи ограничиваетъ право австрійскаго судоходства Дунаемъ, для провоза-же товаровъ Чернымъ моремъ предписывается перегружать ихъ на турецкія суда [3]).

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ оговорить, что употребляя терминъ «экономическій», я не отрицаю политическаго значенія экономическихъ вопросовъ,—итальянскія республики конечно заботились о торговлѣ и вслѣдствіе политическихъ соображеній; я настаиваю лишь на томъ, что для Порты экономическій, торговый вопросъ не имѣлъ этого политическаго значенія, что она не признавала важности торговли для государства.

[2]) Dumont, VIII, 1, 520 и 528; Zinkeisen, V, кн. 6, гл. 3, 571 сл.

[3]) Utriusque Imperii subditi et mercatores libere in Danubio mercaturam exerceant; mercatores autem S. S. Romano-Caesareae Regiaeque Maj-tis merces, quas per Danubium in Imperium Turcicum invehunt Vidinii, Rudschick, aliisque in locis e navibus extrahere, curribus pretio consueto conductis imponere, et terra in quemcunque locum secure transportare, mercaturamque exercere possint; etiam mercatoribus Rom.-Caes.-Regiis (prout conventum est, ne naves Danubianae in Pontum Euxinum intrent) Ibrailae, Issakciae, Kiliae aliisque in emporiis, ubi tsaikae aliaeque in Pontum Euxinum commeantes naves reperiuntur, naulo consueto conducere, merces suas iis imponere easque Constantinopolim, in Crimeam et Trapesuntem, Synopolim aliaque in emporia maris Euxini (ubi merces distrahuntur) transportare sine impedimento ultro citroque commeare, mercaturamque exercere liberum esto.“

2. БѢЛГРАДСКІЙ ДОГОВОРЪ 1739 ГОДА ПОРТЫ СЪ РОССІЕЙ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію результатовъ войны Россіи и Австріи съ Турціею въ 1736—1739 году, въ виду важности, которую играли относительно этихъ результатовъ дипломатическія интриги, намъ необходимо остановиться сначала на разсмотрѣніи взаимнаго положенія державъ и тѣхъ вліяній, подъ которыми находилась въ это время Порта.

Одинъ изъ современниковъ,—редакторъ журнала „Mercure historique et politique,"—Руссе (Rousset), прекрасно характеризовалъ положеніе Восточнаго вопроса въ это время въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Очевидно, говоритъ онъ, Оттоманская имперія обязана своимъ существованіемъ взаимной зависти и интересамъ нѣкоторыхъ христіанскихъ государствъ, которыя въ сущности опасаются не столько паденія этой имперіи, сколько усиленія тѣхъ, кто подѣлитъ ея обломки. Интересы мореходства и торговли въ Левантѣ играютъ въ этомъ отношеніи рѣшительную роль" [1]). Послѣднее замѣчаніе имѣетъ особенное значеніе и примѣненіе къ подлежащимъ нашему разсмотрѣнію мирнымъ переговорамъ 1736—1739 года, такъ какъ цѣлью Россіи въ этой войнѣ считалось на Западѣ пріобрѣтеніе Азова и права судоходства чрезъ Черное море; отсюда на Западѣ выводили логическое заключеніе, что слѣдовательно Россія стремится вступить въ конкуренцію съ другими державами, ведущими торговлю съ Левантомъ [2]).

Итакъ, слѣдовательно, въ настоящей войнѣ мы видимъ коллизію (хотя едва-ли дѣйствительную) русскихъ торговыхъ интересовъ и торговыхъ интересовъ западныхъ державъ на Востокѣ. Это столкновеніе интересовъ отразилось и на политическихъ отношеніяхъ.

---

[1]) Rousset, Mercure historique, v. CIII, p. 427.

[2]) Laugier, Hist. des négociations de la paix de Belgrade, Paris, 1768 I, p. III: „Le projet des Russes d'acquérir Asoph sur la mer Noire, de partager le commerce des Turcs exclusif sur cette dernière mer, et d'entrer en concurrence avec les autres nations commerçantes dans toutes les échelles du Levant." Замѣтимъ, что сочиненіе Лоріе, на которое мы будемъ имѣть случай неоднократно ссылаться, написано на основаніи бумагъ тогдашняго французскаго посла въ Константинополѣ Вильнева (Villeneufve).

Хотя нельзя не признать, что торговые, экономическіе интересы всегда оказывали значительное вліяніе на политическія отношенія державъ, но относительно Порты это общее правило слѣдуетъ измѣнить въ томъ смыслѣ, что эти торговые интересы оказывали сильное вліяніе на отношенія европейскихъ державъ къ Портѣ, и не оказывали почти никакого вліянія на отношенія самой Порты къ той или другой европейской державѣ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что сами турки по своему характеру не имѣли склонности къ торговлѣ, съ другой стороны тѣмъ, что по счастливому географическому положенію ихъ владѣній они и не нуждались особенно въ торговомъ обмѣнѣ, имѣя подъ рукою все необходимое. Наконецъ, Порта видѣла постоянно лишь ухаживанія за собою западныхъ державъ ради полученія отъ нея какихъ-либо выгодъ для ихъ торговли и постоянную ожесточенную борьбу, не гнушавшуюся ни подкупами, ни низкими интригами другъ противъ друга этихъ державъ для достиженія какой нибудь ничтожной сбавки пошлинъ или какой-либо другой льготы въ ущербъ другъ другу. Въ этомъ отношеніи характеристиченъ отвѣтъ данный въ 1714 году великимъ визиремъ на замѣчаніе англійскаго посла, что насилія совершаемыя безнаказанно турками надъ иностранцами могутъ повредить турецкой торговлѣ,—великій визирь отвѣчалъ, что Порта не нуждается въ европейской торговлѣ, что если одни купцы уѣдутъ, то вмѣсто нихъ пріѣдутъ другіе, и присовокупилъ, что англичане ни въ какомъ случаѣ не уѣдутъ.

Не то мы видимъ въ отношеніяхъ европейскихъ державъ къ Портѣ. Хотя политическія соображенія имѣли свою долю вліянія на эти отношенія, хотя державы эти пользовались при случаѣ Портою для своихъ политическихъ цѣлей, но торговые интересы играли огромную роль въ этихъ отношеніяхъ и между прочимъ оказывали значительное вліяніе въ вопросахъ о коалиціяхъ за и противъ Порты. Поэтому, не входя въ подробности, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать краткій очеркъ торговыхъ интересовъ западныхъ державъ на Востокѣ, и указать въ главныхъ чертахъ на проявлявшееся въ разное время вліяніе этихъ интересовъ на политику.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія уже на тотъ фактъ, что пока западныя державы не имѣли торговыхъ сношеній съ Турціею, мы видимъ постоянные проекты походовъ противъ Турціи

и разоренія этого врага христіанства. Исключеніе представляли итальянскія республики, имѣвшія торговые интересы на Востокѣ и туго поддававшіяся воинственнымъ замысламъ папъ in majorem Dei gloriam. Если обыкновенно проекты разгрома турецкой имперіи оставались безъ особенныхъ послѣдствій, то лишь вслѣдствіе постороннихъ причинъ,—охлажденія религіозно-воинственнаго рвенія, безденежья, взаимнаго соперничества и т. п. Но какъ норму для отношеній Европы къ Турціи до половины XVI вѣка слѣдуетъ принять взаимную вражду. Въ половинѣ XVI вѣка завязываетъ дружественныя отношенія къ Портѣ Франція, а въ концѣ того же вѣка — Англія, первая — въ видахъ чисто-политическихъ (общей вражды съ Германскою имперіею), вторая—въ видахъ частью политическихъ (противъ католическихъ державъ), частью коммерческихъ (извѣстно, что уже въ первые годы сношеній Англіи съ Турціей, именно въ 1581 г., была основана англійская Левантійская или Турецкая кампанія). Эти дружественныя отношенія не замедлили укрѣпиться благодаря завязавшимся на первыхъ же порахъ торговымъ сношеніямъ. Для развитія и укрѣпленія этихъ сношеній Франція и Англія не пренебрегали никакими средствами, а главнымъ образомъ старались дѣйствовать на Порту путемъ посредничествъ въ войнахъ ея съ другими государствами. Дѣйствуя при этомъ въ смыслѣ благопріятномъ Портѣ, и воздерживаясь съ другой стороны отъ участія въ предпріятіяхъ враждебныхъ ей [1]), онѣ тѣмъ самымъ усиливали свое вліяніе у нея, и въ награду за дружбу получали различныя льготы для своей торговли съ нею. Таковы были между прочимъ послѣдствія Карловицкаго и Пассаровицкаго посредничества Англіи, и Бѣлградскаго—Франціи. Вообще заботы англійскихъ и французскихъ пословъ при Портѣ были главнымъ образомъ направлены къ развитію и пріобрѣтенію льготъ для торговли своихъ соотечественниковъ, а для этого необходимо

---

[1]) Любопытенъ мемуаръ Французскаго посла въ Константинополѣ de Breves, поданный имъ Людовику XIII: Discours sur l'alliance que a le Roy avec le Grand-Seigneur et de l'utilité qu'elle apporte à la Chrestienté, гдѣ онъ доказываетъ, что слѣдуетъ поддерживать дружественныя отношенія къ Портѣ ради торговыхъ интересовъ (въ случаѣ войны Англія постарается захватить французскую левантійскую торговлю въ свои руки), ради защиты католиковъ на Востокѣ, и въ видахъ политики — противъ Австріи.

было ухаживать за Портою. Въ этомъ отношеніи особенно ловко дѣйствовали англійскіе послы, почему Порта всегда была въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ съ Англіею. Что касается французскихъ пословъ, то съ одной стороны они часто оказывали строптивость въ перенесеніи различныхъ унизительныхъ для ихъ званія церемоній на аудіенціяхъ, а съ другой и выборъ ихъ былъ не всегда удаченъ, что конечно вредно отзывалось и на торговыхъ интересахъ и вліяніи Франціи на Востокѣ.

Что касается собственно торговли этихъ державъ съ Турціею, то слѣдуетъ замѣтить, что на развитіе французской торговли съ Левантомъ обратилъ особенное вниманіе сначала Ришелье, а затѣмъ Кольберъ. Но при Ришелье она не была организована и была небезопасна вслѣдствіе разбойничествъ Варварійцевъ. Кольберъ посвятилъ ей много заботъ. Въ видахъ ея обезопашенія была предпринята въ 1682 г. экспедиція противъ Варварійскихъ корсаровъ. Въ видахъ ея развитія онъ далъ Марсели, пользовавшейся по своему положенію значительнымъ преимуществомъ передъ Лондономъ, привиллегію на исключительную торговлю съ Востокомъ, заботился о развитіи французскаго флота; не довольствуясь выгодами трактата 1673 г. съ Портою, для поднятія упавшей французской торговли на Востокѣ Кольберъ совершилъ полную реформу консульствъ въ Турціи, такъ какъ прежняя организація ихъ довала консуламъ возможность злоупотребленій, служившихъ лишь къ подрыву ихъ кредита и французской торговли къ выгодѣ англичанъ и голландцевъ. Наконецъ, такъ какъ главнымъ предметомъ ввоза изъ Англіи въ Турцію были сукна, то Кольберъ особенное вниманіе обратилъ на развитіе и улучшеніе производства суконъ въ Лангедокѣ, и въ XVIII в. французскія дешевыя сукна, т. наз. londrins, совершенно вытѣснили съ турецкихъ рынковъ сукна англійскія [1]). Но несмотря на все это, отчасти вообще французская политика (участіе въ защитѣ Кандіи, въ войнахъ Венгріи съ Турціею), отчасти неискусство французскихъ пословъ [2]), отчасти недобросовѣстность французскихъ купцовъ, наводнившихъ восточные рынки низко-

[1]) Суконныя фабрики въ Лангедокѣ получали поощренія отъ правительства въ видѣ субсидій и премій, освобожденія отъ податей и т. п. Zinkeisen, V, 873 сл. и цит. тамъ-же Hanway, и Eton, II, 230.

[2]) Въ родѣ De La Haye, Nointel, Guilleragues, Chateauneuf, Fériol и др.

пробною билонною монетою (timins), препятствовали успѣшному развитію французской торговли въ XVII в., несмотря даже на выговоренныя въ ея пользу въ XVI в. значительныя выгоды, и хотя она имѣла единственную соперницу въ англійской, но все-таки полнаго своего развитія достигла лишь въ XVIII вѣкѣ [1]).

Торговля Англіи съ Турціею, благодаря отчасти прочной, несмотря на всѣ ея недостатки, организаціи Левантійской компаніи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находилась торговля французская, получила сильное развитіе въ XVII в., особенно къ концу его (капитуляція 1675 г.). Вліяніе Англіи у Порты было преобладающее. Но въ XVIII вѣкѣ, благодаря энергической конкуренціи Франціи и ловкости ея пословъ, а съ другой стороны вслѣдствіе отчасти конкуренціи съ Левантійскою компаніею компаніи Остъ-Индской, а отчасти и другихъ причинъ, англійская торговля съ Турціей начинаетъ падать [2]), а французская торговля и вліяніе Франціи, напротивъ,—возрастать. Такому усиленію французской торговли въ Левантѣ способствовало съ одной стороны развитіе суконныхъ мануфактуръ во Франціи, а съ другой тутъ сказались послѣдствія дѣятельности Кольбера.

Такимъ образомъ уже торговые интересы должны были содѣйствовать укрѣпленію дружественныхъ отношеній Франціи къ Турціи. Но кромѣ торговли Франція имѣла тутъ и политическій интересъ,—давнюю, общую у нея съ Портою вражду противъ Австріи.

---

[1]) Основанная въ 1671 г. въ Марсели Compagnie du Levant просуществовала всего нѣсколько лѣтъ. О дѣятельности Кольбера: Joubleau, Etudes sur Colbert; Zinkeisen, IV, 961, V 29, 31 сл.; Scherer II, 433, 516, 527, 578. О французской торговлѣ также Zinkeisen V, гл. 5, 7, 10, 15, 28 сл., 338 сл. 873 и др.

[2]) Уже съ 1718 г., а въ 30-хъ годахъ убытокъ Левантійской компаніи достигалъ уже 4-хъ % оборотнаго капитала ея. См. Hanway, A historical account on the brit. trade over the Caspian Sea, Lond. 1762, p. 34 сл. 312 сл. Въ 1718 г. въ парламентѣ поднятъ вопросъ—не слѣдуетъ ли закрыть Левантійскую привилегированную компанію и сдѣлать торговлю съ Левантомъ свободною. Въ 1739 и 1740 г. компанія ходатайствовала, чтобы на подобіе Франціи установлены были преміи за вывозъ суконъ на Востокъ, чтобы были сбавлены ввозныя пошлины на привозимое съ Востока сырье и значительные расходы, которые компанія обязана была дѣлать на содержаніе англійскаго посольства и консульствъ въ Турціи. См. также Eton, Tableau historique etc. de l'empire Ottoman, trad. p. Lefebvre, Par., an VII, vol. II ch. XI; Zinkeisen, IV, кн. 5, гл. 2 и гл. 4; V, кн. 5, гл. 5 и кн. 6, гл. 2, кн. 7, гл. 2, 871 сл; Hanway; Scherer, II, 431 сл.

Понятно, что когда въ 30-хъ годахъ явились осложненія между Портою и Россіею, то политика Франціи должна была оказаться враждебною Россіи: съ одной стороны Россія была союзницею наслѣдственнаго врага Франціи — Австріи, а съ другой слѣдовало ожидать, что въ случаѣ войны Россія будетъ преслѣдовать программу Петра Великаго и направитъ свои усилія къ пріобрѣтенію Азова и береговъ Чернаго моря и, какъ къ естественному послѣдствію этого,—къ достиженію свободы активной торговли чрезъ Черное море и Проливы съ Средиземнымъ моремъ. Такимъ образомъ являлась опасность для левантійской торговли Франціи.

То-же слѣдуетъ сказать и о морскихъ державахъ, такъ какъ и онѣ были заинтересованы въ левантійской торговлѣ [1]).

Таковы были отношенія Франціи и морскихъ державъ къ Портѣ и Россіи при началѣ войны. Понятно, что онѣ не могли и не хотѣли остаться безучастными зрителями ея. Но съ другой стороны вмѣшаться активно въ войну было неудобно, гораздо удобнѣе было слѣдовать указанному уже ранѣе Англіею пути участія мирнаго и въ то-же время весьма выгоднаго,—участія посредническаго. Дѣйствительно, при первыхъ-же признакахъ приближающагося разрыва, посланники Франціи, Англіи, Голландіи и Австріи при Портѣ стали хлопотать о порученіи имъ посредничества для примиренія сторонъ. Цѣль, которую эти державы имѣли при этомъ, очевидна,—въ качествѣ посредницъ, онѣ получили бы непосредственное участіе въ мирныхъ переговорахъ, онѣ получили бы такимъ образомъ возможность вліянія не только на ходъ переговоровъ, но и на самую постановку мирныхъ условій сторонами. Всѣ онѣ были въ той или другой степени заинтерисованы въ результатахъ войны. Такъ, мы уже замѣтили выше, что Франція и морскія державы

---

[1]) Herrmann въ своихъ Beiträge zur Geschichte d. russ. Reichs (Leipz. 1843, p. 158) приводитъ отрывокъ изъ журнала Миниха (Tagebuch des russ. Kais. Gen-Feldm. Gr. v. Münnich): „Besonders aber möchten sie sich vor einem russischen Commercio auf dem Schwarzen Meere nach dem Mittelländischen, als wohin die russischen Waaren grösztentheils durch ihre Hände gingen, fürchten.“ Впрочемъ голландскій посолъ въ Константинополѣ Калькунъ (Calcoen) предлагалъ въ февралѣ 1737 года служить Россіи агентомъ, если императрица „соизволитъ почтить его знаками своего благодѣянія.“ Дѣла Турецк. двора 1737 г. св. 38/а, № 2, въ Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д.

опасались нарушенія своихъ торговыхъ интересовъ на Востокѣ, а Франція заинтересована была въ результатахъ войны еще и потому, что въ дѣлѣ замѣшана была, вслѣдствіе своихъ отношеній къ Россіи, стародавняя соперница Франціи—Австрія, и что она могла извлечь изъ войны политическія выгоды вслѣдствіе союза съ Россіею. Что-же касается Австріи, то ей искренно хотѣлось отвратить войну, такъ какъ финансы ея были крайне разстроены, но будучи связана съ Россіею союзнымъ договоромъ (1726 года), и при необезпечности отношеній къ Портѣ (срокъ Пассаровицкаго договора былъ на исходѣ), она могла надѣяться посредничествомъ достигнуть нѣкоторыхъ выгодъ для себя.

Русское правительство, поставившее одною изъ задачъ войны возвращеніе Азова, но съ другой стороны предвидѣвшее, что Франція и морскія державы будутъ противъ присоединенія этого города къ Россіи, такъ какъ онѣ заинтересованы въ недопущеніи свободной морской торговли Россіи съ Турціею, не желало посредничества ни Франціи, ни морскихъ державъ, а согласилось лишь на предложеніе Австріею, какъ союзницею Россіи, добрыхъ услугъ (bons offices) Портѣ къ примиренію [1]).

Старанія нейтральныхъ остались безуспѣшны, и война возгорѣлась. Цесарь, устраняя по требованію Россіи посредничество Франціи, Англіи и Голландіи [2]), тщетно хлопоталъ у Порты о примиреніи,—даже угроза объявленія имъ войны Турціи согласно условіямъ союзнаго договора его съ Россіею не помогла,—Порта настаивала на возвращеніи Россіею Азова, не соглашаясь на уступку его даже подъ условіемъ срытія его укрѣпленій.

Весной 1737 года рѣшено было однако въ диванѣ вступить въ мирные переговоры съ Россіею, и именно собраться въ конгрессъ при участіи Австріи и посредничествѣ (хотя Россія и не давала

---

[1]) Laugier, I, 35 сл. Дѣла Турецк. двора 1737 св. 38/в., № 9, — документы разъясняющіе отношенія Россіи къ Австріи, Англіи и Голландіи до Нѣмировскаго конгресса.

[2]) Рескриптъ императора послу въ Парижѣ Шмерлингу отъ 30 нояб. 1736, въ дѣлахъ турецкихъ 1737, св. 38/в, № 9. Въ этомъ-же, рескриптѣ императоръ предписываетъ Шмерлингу дать Франціи успокоительныя завѣренія относительно условій Россіи.

согласія на него) посланниковъ морскихъ державъ—Фаукнера и Калькуна (Fawkner, Calcoen). Такъ какъ въ диванѣ ничего не было говорено объ Азовѣ, то это поставило французскаго посла въ Константинополѣ, Вильнева, въ чрезвычайное затрудненіе. Ему было предписано его правительствомъ стараться о возстановленіи мира, но въ то-же время употребить всевозможныя усилія съ цѣлью, чтобы если Азовъ останется за Россіею, она не получила въ Черномъ морѣ свободы торговли, которая затѣмъ могла бы распространиться и на Средиземное море [1]). Ему предписывалось также тщательно скрывать этотъ планъ отъ вѣнскаго двора, который французское правительство подозрѣвало въ желаніи воспользоваться выгодами этой торговли. Такимъ образомъ приходилось дѣйствовать въ направленіи прямо противоположномъ тому, котораго держались до войны: вмѣсто прежнихъ подстрекательствъ къ ней [2]) приходилось убѣждать Порту, въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ, заключить миръ съ Россіею [3]). Понятно, что съ одной стороны невозможно было надѣяться на исполненіе возложеннаго на него порученія (о черноморской торговлѣ Россіи) не получивши прямого участія въ мирныхъ переговорахъ въ качествѣ посредника, а съ другой стороны Порта подозрительно относилась къ такому колебанію въ совѣтахъ Вильнева. Поэтому, для исполненія возложеннаго на него его правительствомъ порученія и въ виду слуховъ о томъ, что великій визирь повидимому склоненъ разрѣшить Россіи свободу судоходства въ Черномъ морѣ, ограничивши лишь количество русскихъ кораблей, Вильневъ отправилъ къ визирю въ лагерь своего драгомана Ларіа, который обратился къ Кіаѣ съ запросомъ по этому поводу. Кіая далъ самый успокоительный отвѣтъ и увѣренія, что Азовъ уступленъ не будетъ. Заявивши такимъ образомъ благорасположеніе Франціи къ Портѣ, Ларіа постарался вслѣдъ за тѣмъ уяснить всю выгоду для послѣдней воспользоваться посредничествомъ Франціи, для доказательства-же добрыхъ намѣреній французскаго правительства Ларіа остался при визирѣ въ качествѣ совѣтника.

---

[1]) Laugier, I, 56.

[2]) До войны Вильневъ увѣрялъ Порту, что Россія не рѣшится объявить ее, что этому воспротивятся Англія, Голландія, Данія, Швеція, Польша, потому что ихъ интересъ—не допускать Турцію до разрушенія, а Россію до великихъ завоеваній.

[3]) Декабрь 1736—январь 1737 года.

Въ январѣ 1737 года Австрія возобновила союзъ 1726 года съ Россіею [1]) и манифестомъ отъ 6 іюня объявила войну Портѣ.

Наконецъ рѣшено собраніе конгресса въ польскомъ мѣстечкѣ Нѣмировѣ.

Уполномоченными на конгресъ назначены были отъ Россіи баронъ Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ (бывшій резидентомъ въ Константинополѣ); съ цесарской стороны уполномоченными были посланникъ въ Петербургѣ гр. Остейнъ и посланникъ въ Константинополѣ, баронъ Тальманъ. Что касается условій Россіи, то сначала, какъ видно изъ письма Анны Іоанновны къ гр. Остерману (въ началѣ войны) [2]), императрица полагала, что „такъ какъ намъ однимъ турское государство вовсе разорить или сгубить невозможно будетъ,“ то въ виду несогласій и неустройства въ арміи и слабой помощи Австріи и Персіи, слѣдуетъ хотя уничтожить территоріальныя уступки Прутскаго договора и возстановить старыя границы. Потомъ, 10 іюня 1737 года, слѣдовательно по возобновленіи союза съ Австріею, на совѣтѣ состоявшемъ изъ гр. Головкина, кн. Куракина, Головина, Ушакова и кн. Трубецкаго о кондиціяхъ которыя съ стороны Ея Имп. В-ва при трактованіи съ Турками на назначенномъ конгрессѣ предложены быть имѣютъ, рѣшено взять за основаніе договоръ заключенный Украинцевымъ въ 1700 году, и предложено на высочайшее усмотрѣніе мнѣніе, что 1) городу Азову всемѣрно потребно остаться за Россіей; 2) Очаковъ и Кинбурнъ должны быть разорены до основанія, и Турки не должны тамъ строить новыхъ городовъ, ни заселять эти мѣста, но 3) можно отказаться отъ этого условія если дозволено будетъ построить крѣпость противъ Кинбурна; 10) потребно въ тотъ-же трактатъ внесть и о комерціи, чтобъ оная съ обоихъ странъ съ надлежащею способностью отправляться могла [3]). Затѣмъ изъ протокола (14 іюня) инструкцій посламъ въ Нѣмировѣ мы видимъ, что рус-

---

[1]) Вслѣдствіе заявленія Россіи (8 августа 1736 г. Остейну) что отъ дальнѣйшаго приложенія добрыхъ офицій никакой пользы больше ожидать нельзя и нужно далѣе цесарю какъ союзнику дѣйствовать. Австрія отвѣчала согласіемъ (нота Остейна 24 сентября (5 октября). Дѣла Турецкія 1737 г. св. 38/b, № 9.

[2]) Соловьевъ, XX, 104.

[3]) Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/c. Въ этомъ смыслѣ составлены и дополнительныя инструкціи уполномоченнымъ, отъ 14 іюня и 3 августа.

ское правительство не считало нужнымъ особенно заботиться о достиженіи свободнаго судоходства въ Черномъ морѣ. Именно тамъ, въ дополнительной 6-й ст., при перечисленіи условій „второстепенной важности“ сказано, что „о свободной торговлѣ и коммерціяхъ во всемъ турецкомъ государствѣ во всемъ на такомъ основаніи, какъ другихъ коронованныхъ главъ подданнымъ позволены и съ платежемъ такихъ-же пошлинъ, какъ оные платятъ, что взаимно турецкимъ подданнымъ въ Всероссійскомъ государствѣ обѣщать мочно“ [1]). Но въ силу такой редакціи статья о торговлѣ могла быть составлена лишь по шаблону Пассаровицкаго торговаго договора Порты съ Австріею и другихъ капитуляцій не разрѣшавшихъ судоходства по Черному морю иностраннымъ судамъ.

Наконецъ, въ ультиматумѣ, предъявленномъ Австріею Портѣ на срокъ 1 мая 1737 года и содержащемъ русскія и австрійскія условія, вовсе не упоминается о судоходствѣ, а лишь о возстановленіи договора 1700 года и объ уступкѣ Азова, [2]) а въ сообщеніи Остейна отъ 29 іюля 1736 года, которымъ онъ предлагалъ заключить секретную конвенцію для возобновленія союза 1726 года противъ Турокъ въ случаѣ неудачи мирныхъ переговоровъ, въ п. 5 говорится, что русское правительство заявило, что объявляя войну оно намѣрено лишь отмѣнить Прутскій договоръ и вернуться къ договору 1700 года, „насупротивъ чего съ россійской стороны готовы въ свободѣ комерціи на Черномъ морѣ какъ Порту, такъ и другихъ державъ совершенно успокоить“ [3]).

Однако русское правительство знало, что несмотря на дѣйствительную умѣренность его условій, не только морскія державы и Франція, но и сама Австрія далеко не находятъ ихъ согласными со своими интересами на Востокѣ (послѣдняя главнымъ образомъ потому, что ей хотѣлось избѣгнуть войны съ Турціей). Поэтому уже 9 марта 1737 года гр. Остейну заявлено гр. Остерманомъ, что Россія будетъ вести на конгрессѣ переговоры съ Портою о своихъ кондиціяхъ безпосредственно. Такое рѣшеніе было обусловлено положеніемъ, принятымъ державами относительно Россіи.

---

[1]) Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/b, № 9 и 38/c, № 10.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/c. Предложеніе Остейна не было принято.

Такъ, о голландскомъ резидентѣ въ Константинополѣ Калькупѣ, Остерманъ писалъ нашимъ уполномоченнымъ въ Нѣмировъ [1]), что „изъ писемъ Калкупа немалая внутренняя злоба и парціальство къ Туркамъ присматривается," съ другой стороны въ рескриптѣ резиденту Гохгольцеру изъ Вѣны отъ 11 іюля 1737 г., сообщенномъ русскому правительству, Цесарь указывалъ на интриги Англіи и Голландіи противъ союзниковъ, и что Франція не допуститъ, „чтобъ Оттоманское государство вовсе опровергнуто было или съ стороны обоихъ союзныхъ дворовъ весьма чрезмѣрныя требованія производить похотѣли." Но мало этого, сама Австрія, для избѣжанія войны, далеко не выказала надлежащей твердости въ своемъ посредничествѣ. Именно 9 марта 1737 г. русское правительство заявило гр. Остейну, что оно извѣстилось, что бар. Тальманъ сообщилъ неоффиціально Портѣ условія Россіи, при этомъ спрашивалъ ея мнѣніе объ нихъ и даже намекнулъ ей на возможность ихъ смягченія. Поэтому выражено удивленіе, что другія державы гораздо выгоднѣе отозвались о русскихъ кондиціяхъ, чѣмъ цесарское правительство, и притомъ несмотря на заявленную Россіею великодушную и безкорыстную умѣренность. Русское де правительство не думаетъ, чтобъ имѣлось намѣреніе русскія кондиціи и интересы безъ соглашенія и соизволенія здѣшняго располагать, такъ какъ никто съ вящимъ правомъ и основаніемъ, какъ Ея В-во сама о собственныхъ своихъ интересахъ и въ чемъ безопасность имперіи ея состоять имѣетъ разсуждать не можетъ, почему по справедливости слѣдуетъ предоставить это разсужденіе ей самой, тѣмъ болѣе что о умѣренныхъ и великодушныхъ ея сентиментахъ всѣмъ извѣстно; наконецъ найдружественнѣйше и наиприлежнѣйше обращена просьба къ цесарю дабы на дѣла, которыя до интересовъ и безопасности Ея И. В—ва Всерос. толикимъ существеннымъ образомъ касаются, далѣе односторонно не поступать, и дать въ этомъ смыслѣ инструкцію и бар. Тальману.

Въ виду такого положенія дѣлъ, рескриптомъ отъ 3 августа 1737 императрица предписала русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ, внушить турецкимъ посламъ, въ полномочіяхъ которымъ сказано было, что они имѣютъ заключить миръ при посредниче-

---

[1]) Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/с, № 11,—письма отъ 6 и 27 іюля.

ствѣ Австріи, Англіи и Голландіи, что Австрія есть содоговаривающаяся сторона, а не медіаторъ, что и въ началѣ войны она была уполномочена лишь на добрыя офиціи, а не на медіацію, что-же касается медіаціи Англіи и Голландіи, то она весьма излишня, такъ какъ повела бы къ проволочкамъ, между тѣмъ какъ стороны и сами желаютъ мира [1]). Также и въ данныхъ русскимъ уполномоченнымъ инструкціяхъ [2]) имъ предписано было смотрѣть на цесаря не какъ на посредника, но какъ на дѣйствительнаго союзника Россіи (вслѣдствіе договора 1726 г. и другихъ соглашеній съ Австріею) и содоговаривающуюся сторону, и потому не дозволять австрійскимъ уполномоченнымъ такихъ поступковъ, которые бы давали имъ видъ посредниковъ.

Любопытны доводы, которыми императрица мотивировала предписаніе посламъ не принимать посредничества морскихъ державъ. Надо замѣтить, что въ 1736 году, тотчасъ послѣ начатія войны съ Россіею, Порта обратилась къ Англіи и Голландіи съ просьбою о посредничествѣ. Предложеніе это было ими принято, хотя и съ оговоркою,—если Россія согласится,—и въ іюнѣ англійскій и голландскій послы въ Константинополѣ (Фаукнеръ и Калькунъ) извѣстили объ этомъ Остермана. Русское правительство рѣшительно отклонило (въ августѣ) медіацію, на томъ основаніи, что Порта не выказываетъ никакой склонности къ миру, и при этомъ объявило, что добрыя офиціи прежде того приложенныя послами для пресѣченія неудовольствій, только утвердили Порту въ ея гордости и насильствахъ [3]). Но несмотря на это, великій визирь пригласилъ Фаукнера и Калькуна на конгрессъ. И вотъ, въ инструкціяхъ русскимъ посламъ говорится, что «такъ какъ министры морскихъ державъ состоящіе при Портѣ, съ самаго начала войны какъ при Портѣ, такъ и тутъ о посредствѣ и медіаціи своей всякіе поступки и прямыя представленія учиняли, а нашимъ интересамъ оную медіацію такъ просто принять толь паипаче сумнительно, понеже морскія державы въ разсужденіи своей коммерціи и про-

[1]) Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/с.

[2]) Дѣла Турецкія 1737, св. 38/b, № 9 и 38/с № 10. Инструкціи (съ приложеніями) полномочнымъ министрамъ т. с. бар. Шафирову, оберъ-егермейстру А. Волынскому и т. с. И. Неплюеву, 15 апр. 1737 г.

[3]) Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/b, № 9.

чихъ съ Турками имѣющихся коннекцій Порту Оттоманскую всегда нѣкоторымъ образомъ менижировать причину имѣютъ, и для того съ здѣшней стороны отъ принятія оной медіаціи и отъ вступленія о томъ въ дальнія экспликаціи убѣгали и насупротивъ того всегда искали прямую и безпрепятственную къ корреспонденціи съ Турками дорогу и негоціацію отворенную себѣ оставлять, якоже то натуральнымъ образомъ интересамъ нашимъ всегда наиполезнѣйше быть имѣетъ». Въ виду всего этого посламъ предписано,—если англійскій и голландскій послы по призыву визиря явятся на конгрессъ, то обходиться съ ними дружески, но отъ принятія ихъ медіаціи весьма учтивымъ и неозлобительнымъ образомъ отходить, отговариваясь неимѣніемъ указа [1]).

Итакъ, постороннее посредничество было устранено, но тѣмъ не менѣе есть основаніе полагать, что неофиціальные представители Франціи и морскихъ державъ—Тоттъ, Ларіа, Фаукнеръ и Калькунъ, не оставались бездѣятельными въ Нѣмировѣ [2]), и едва-ли ихъ интриги не оказали вліянія на результаты конгресса.

Хотя уполномоченные сторонъ съѣхались въ Нѣмировъ уже въ іюнѣ, но первое время прошло въ спорахъ объ этикетѣ, затѣмъ оказались затрудненія въ томъ, что въ полномочіяхъ турецкимъ посламъ было упомянуто о посредничествѣ морскихъ державъ, въ лицѣ Фаукнера и Калькуна, и кромѣ того турецкіе уполномоченные отказывались признать Австрію содоговаривающеюся стороною; все это повело къ пререканіямъ, благодаря чему первое дѣловое собраніе конгресса состоялось лишь 5 августа [3]).

Для насъ наиболѣе интересно 3-е засѣданіе конгресса, 8/19 августа. Тутъ русскіе уполномоченные предъявили свои требованія. Они заявили, что «такъ какъ всѣмъ прежде бывшимъ ссорамъ и

---

[1]) См. приложеніе 1-е.

[2]) Дѣла Турецк. 1737, св. 38/p., 38/e и 38/f. Изъ приложеннаго къ реляціи № 1 письма «одного пріятеля» изъ лагеря визирскаго отъ 28 іюня видно, что Фаукнеръ очень интересовался будущимъ конгрессомъ; онъ и голландскій переводчикъ Риго, и особливо французскій—Ларіа съ немалымъ недовольствомъ усмотряютъ несостояніе и слабость турецкую и желаютъ разорванія союза Россіи съ Австріею. Ср. также реляціи № 7 и № 18.

[3]) Дѣла Турецкія 1737, св. 38/p, 38/e и 38/f: дѣла Нѣмировскаго конгресса. Реляція № 17.

настоящей войнѣ причиною татарскіе народы, ибо пока оные татарскіе народы между обоихъ имперій такъ, какъ до сего времени были пребывать будутъ, то желаемому покою быть невозможно, то дабы на предбудущія времена Имперію и вѣрнымъ подданнымъ своимъ совершенный, безопасный и постоянный покой получить и за всѣ понесенные разоренія и убытки требуется: 1) Всѣ прошедшіе трактаты съ Портою до сей войны бывшіе дабы во всемъ уничтожены были; 2) Земли татарскія Кубань и Крымъ и прочія до рѣки Дуная лежащія да останутся со всѣми жителями и крѣпостями во владѣніи Россійскаго Имперія; понеже Ея И. В-во не для какой прибыли того желаетъ, но токмо единаго ради вѣчнаго безопаснаго покоя, якоже и Порта отъ такихъ дикихъ народовъ никакого прибытка не имѣла, въ показаніе чего Ея И. В-во соизволяетъ, чтобъ Волоское и Молдавское княженія были за барьеру между сосѣдственными государствами, подъ особливыми своими князьями ни отъ кого не депендующими, токмо по единовѣрію да пользуются протекціею Ея И. В-ва; 3) Требуется чтобъ Порта титулировала Ея И. В-во и Ея потомковъ всероссійскимъ императорскимъ титуломъ; 4) Плѣнные да будутъ обоюдно возвращены, такожде и купечество сухимъ путемъ и моремъ да будетъ между обоими имперіями свободно» [1]) [2]).

Обсужденіе этихъ условій отложено было до слѣдующей, четвертой конференціи. Тутъ (11/22 августа) русскіе уполномоченные отступились отъ требованія Крыма, оставивши въ силѣ всѣ другія требованія,—именно требовали независимости Молдавіи и Валахіи, границею предлагалась рѣка Днѣстръ, далѣе русскіе требовали Очакова, Кубани, Азова, Перекопскую линію, Кинбурнъ, островъ Тамань и другіе на Азовскомъ морѣ лежащіе, дабы можно имѣть и водою прикрытіе. На это турецкіе уполномоченные возразили, что такъ какъ Россія требуетъ Тамани, Темрюка и другихъ мѣстъ, гдѣ и россійская нога не бывала, то изъ этого видно, что Россія ищетъ лишь свободнаго

[1]) Отчетъ о первыхъ трехъ конференціяхъ и протоколы ихъ въ реляціи № 17 отъ 10 августа и въ приложеніяхъ къ ней. Иностранные историки говорятъ, что Россія требовала свободнаго судоходства въ Черномъ морѣ и чрезъ Проливы съ платежемъ султану пошлинъ наравнѣ съ другими народами. Hammer, кн. LXVII; Zinkeisen, V.

[2]) См. приложеніе 2-е.

прохода въ Черное море. Но русскіе послы отвѣчали, что Тамань они требуютъ для того, чтобъ сей ходъ изъ Азовскаго въ Черное море равномѣрно въ прикрытіи былъ, всякъ имѣя защиту съ своей стороны, такъ, чтобъ никакимъ россійскимъ военнымъ судамъ въ Черное, а турецкимъ въ Азовское море не входить, и что все это требуется для ненарушимости будущаго мира. Въ концѣ концовъ русскія условія были приняты ad referendum, причемъ однако относительно 3 и 4 пунктовъ отвѣтствовано отъ турецкихъ пословъ, что они и сами отъ того недалеки, толькобъ о прочемъ главномъ можно было согласиться. Въ этомъ-же засѣданіи и австрійцы предложили свои условія [1]).

Таковы были условія Россіи. Повидимому въ это время Порта въ сущности ничего не имѣла противъ разрѣшенія русскимъ купцамъ судоходства въ Черномъ морѣ, но разрѣшеніе Россіи свободнаго судоходства не согласовалось съ интересами другихъ державъ. Надо замѣтить, что на первыхъ-же засѣданіяхъ конгресса обнаружилась рознь между союзниками. Первымъ яблокомъ раздора явился вопросъ о Молдавіи и Валахіи, которыя Австрія требовала себѣ. Кромѣ того цесарцы, тяготившіеся войною съ Турціею, желали мира, а между тѣмъ требованіе Россіею Крыма, какъ можно было предвидѣть, должно было встрѣтить сильныя затрудненія со стороны Порты. Гр. Остейнъ заявилъ русскимъ посламъ, что еще передъ войною вѣнскій дворъ извѣстился, что Турки скорѣе Царьградъ ризиковать (рисковать) будутъ, нежели Крымъ уступятъ, поэтому онъ совѣтовалъ отказаться отъ этого требованія, такъ какъ иначе негоціація будетъ разорвана, а между тѣмъ война небезтягостна обоимъ союзникамъ, да къ тому-же и другіе государи до завладѣнія Крыма не допустятъ, какъ о томъ послы ихъ въ Константинополѣ явно говорили, въ чемъ ссылался на свидѣтельство Тальмана [2]). Кромѣ того всѣ первыя реляціи русскихъ уполномоченныхъ съ конгресса переполнены жалобами на то, что цесарскіе министры съ турецкими „партикулярную практику“ имѣютъ помимо русскихъ и неизвѣстно объ чемъ [3]). Такое поведеніе австрійцевъ и извѣстія

[1]) 4 п: il punto del commercio vi (въ трактатѣ) sara compreso. Протоколъ 4-й конференціи въ прилож. къ реляціи № 18 отъ 14 августа.

[2]) Реляція № 17, 10 августа.

[3]) Реляціи №№ 6, 8 и др.

полученныя отъ „пріятелей“ о подозрительномъ для интересовъ Россіи поведеніи бар. Тальмана до войны, должны были возбудить въ русскихъ уполномоченныхъ и правительствѣ подозрѣніе, относительно искренности Австрійскаго двора, и что можетъ быть австрійскіе уполномоченные „и о нашихъ кондиціяхъ какія партикулярныя изъясненія и сношенія съ турками имѣютъ“, и поэтому нашимъ посламъ 3 августа отправленъ высочайшій рескриптъ [1]), въ которомъ имъ разрѣшается сдѣлать уступки относительно территоріальныхъ требованій и даже заключить сепаратный миръ съ Турціею.

Результатомъ всего этого была уступка русскихъ уполномоченныхъ въ вопросѣ о Крымѣ и вступленіе ихъ въ сепаратные переговоры съ турками. Этотъ шагъ русскихъ уполномоченныхъ пришелся очень по душѣ турецкимъ посламъ, хотя изъ переговоровъ съ ними наши послы вывели лишь заключеніе, что они имѣютъ въ виду одно—поссорить и разъединить союзниковъ [2]), что же касается переговоровъ, то хотя они и объявили, что ни относительно титула, ни о купечествѣ затрудненія не будетъ, но относительно другихъ пунктовъ говорятъ лишь, что можно найти справедливыя средства къ соглашенію съ Россіею, а въ чемъ эти справедливыя средства состоятъ имѣютъ, о томъ умалчиваютъ. Русскіе послы съ своей стороны, согласно полученнымъ ими инструкціямъ увѣряли турокъ въ томъ, что они могутъ обѣщать Портѣ „всякую резонабельную безопасность и изобрѣтеніе пристойныхъ къ тому средствъ“ и „что весь безпристрастный свѣтъ предложенныя отъ насъ кондиціи не токмо за резонабельныя, но и нашу въ томъ показуемую великодушную умѣренность признаваетъ“ [3]). Однако несмотря на эти увѣренія расточаемыя русскими послами и русскимъ правительствомъ, дѣло примиренія не шло на ладъ. Турки повидимому согласились бы на условіе о торговлѣ, но рѣшительно сопро-

---

[1]) Подтвержденъ рескриптами отъ 8 и 23 августа и 12 сентября.

[2]) Справедливость этого мнѣнія подтверждается при разсмотрѣніи реляцій о ходѣ переговоровъ.

[3]) Рескриптъ полномочнымъ отъ 31 авг. 1737. Нѣтъ почти ни одного рескрипта уполномоченнымъ и ни одного заявленія или акта, исходящаго отъ русскаго правительства за это время, гдѣ бы не было пространныхъ разглагольствованій объ этой умѣренности, великодушіи и резонабельности условій Россіи.

тивлялись въ вопросахъ о территоріальныхъ уступкахъ. И едва-ли на это упорство не имѣли вліянія западныя державы.

Австріи русскія условія были непріятны главнымъ образомъ потому, что они затрудняли столь желаемое ею заключеніе мира [1]), и поэтому ея возраженія не имѣютъ для насъ особеннаго значенія. Гораздо важнѣе и характернѣе положеніе принятое относительно Россіи въ этой войнѣ западными державами—Франціею, Англіею и Голландіею. Увѣренія русскаго правительства, будто другія державы признаютъ умѣренность поставленныхъ имъ Портѣ условій были далеко не справедливы,—онѣ крайне подозрительно и недоброжелательно относились къ нимъ, и именно въ виду торговыхъ интересовъ своихъ въ Турціи. Онѣ никакъ не хотѣли допустить, чтобъ Россія пріобрѣла право свободнаго судоходства въ Черномъ морѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, (что подтверждаетъ впрочемъ и Ложіе относительно Франціи), что онѣ въ этомъ смыслѣ интриговали и въ лагерѣ великаго везиря, такъ, что наконецъ турецкіе уполномоченные, ссылавшіеся до того времени въ своемъ отказѣ въ территоріальныхъ уступкахъ лишь на чрезмѣрность ихъ, въ сентябрѣ, передъ разрывомъ конгресса, уже мотивировали свой отказъ тѣмъ, что де Россія „ищетъ всѣми вратами ихъ провинцій овладѣть“ и открыть послѣднія казацкимъ набѣгамъ.

Какъ бы то ни было, въ началѣ октября турецкіе уполномоченные объявили о полученномъ ими отъ Порты приказѣ выѣхать изъ Нѣмирова, и конгрессъ былъ закрытъ [2]). Начатая-было затѣмъ молдавскимъ господаремъ Григоріемъ Гикою по уполномочію отъ Порты корреспонденція съ русскими уполномоченными о заключеніи мира при его посредствѣ, а также и попытка продолжать переговоры чрезъ плѣннаго очаковскаго сераскера Ягью-пашу остались также безъ результатовъ [3]).

---

[1]) Есть основаніе предполагать, что еслибъ не тяжелыя условія Порты, требовавшей, чтобъ все осталось по старому, и еслибъ въ концѣ концовъ турки не прервали конгресса, то Австрія заключила бы сепаратный миръ съ Турціею. См. реляціи русскихъ уполномоченныхъ, особенно №№ 31 и 33 въ дѣлахъ Турецк. Двора, 1737, св. 38/р и 38/f, въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д.

[2]) См. Приложеніе 3-е.

[3]) Переписка кн. Гики съ Вешняковымъ и Минихомъ 1736—1737 г. въ Турецк. дѣлахъ 1737, св. 38/а № 2 и 38/b № 9; см. приложеніе 4-е. Св. 38/к, № 35: въ декабрѣ 1737 г. Остерманъ по указу Императрицы велъ чрезъ Миниха

Между тѣмъ великій везирь вслѣдъ за объявленіемъ Австріею войны Турціи обратился по наущеніямъ Вильнева къ кардиналу Флери съ просьбою о посредничествѣ. Кардиналъ-министръ конечно поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для захвата дѣла примиренія въ свои руки, такъ какъ это служило лучшимъ средствомъ дать переговорамъ и ихъ результатамъ то направленіе, которое наиболѣе согласовалось бы съ интересами Франціи. Еще во время Нѣмировскаго конгресса Вильневъ получилъ отъ своего двора новыя инструкціи, которыми ему предписывалось употребить всевозможныя усилія, съ цѣлью убѣдить турокъ не заключать мира, потому де, что если они заключатъ его при настоящихъ обстоятельствахъ, то придется сдѣлать это на условіяхъ столь-же тяжкихъ для нихъ, сколько невыгодныхъ для торговли французскаго народа. Ему предписывалось далѣе убѣдить ихъ воспользоваться зимнимъ временемъ для серьезнаго приготовленія къ войнѣ, чтобъ достигнуть на слѣдующій годъ почетнаго мира при посредничествѣ Франціи. Вильневъ немедленно далъ инструкціи въ этомъ смыслѣ своему агенту при великомъ визирѣ Ларіа. Онъ предписывалъ ему сказать визирю, что если французское правительство совѣтовало передъ тѣмъ Портѣ склониться на мирныя предложенія, то лишь въ предположеніи, что Россія ограничится требованіемъ Азова, но что такъ какъ честолюбивые замыслы ея открыты, и такъ какъ она очевидно имѣетъ намѣреніе завладѣть судоходствомъ въ Черномъ морѣ и открыть себѣ такимъ образомъ путь къ завоеванію Константинополя, то французское правительство полагаетъ, что Портѣ слѣдуетъ попытать счастіе оружія лучше чѣмъ подчиняться предлагаемымъ ей тяжкимъ условіямъ; наиболѣе было бы согласно съ положеніемъ дѣлъ Оттоманской имперіи,—оставить уполномоченныхъ его величества султана въ Нѣмировѣ до тѣхъ поръ, пока Австріи и Россіи придется

и плѣннаго сераскера очаковскаго Ягъю-пашу переговоры съ визиремъ о заключеніи сепаратнаго мира; на веденіе переговоровъ черезъ Ягъю-пашу былъ уполномоченъ и Минихъ; визирю чрезъ него доставлены и русскія условія, но въ апрѣлѣ 1738 везирь объявилъ, что непристойно давать полномочіе Ягьѣ, такъ какъ его голосъ не вольный и въ качествѣ плѣнника онъ не можетъ проявить надлежащей смѣлости, что поэтому, если Россія желаетъ мира, то пусть непосредственно объявитъ свои условія и пришлетъ полномочнаго на заключеніе его посла.

послать войска на зимнія квартиры, потомъ отозвать пословъ подъ предлогомъ необходимости дать имъ новыя инструкціи, съ обѣщаніемъ прислать ихъ весной, употребить зиму на военныя приготовленія, а затѣмъ предложить продолженіе переговоровъ при посредничествѣ Франціи [1]).

Старанія Вильнева увѣнчались успѣхомъ. Въ октябрѣ турецкіе уполномоченные были отозваны, и отъ французскаго правительства получено, въ отвѣтъ на просьбу объ этомъ Порты, согласіе принять на себя посредничество въ лицѣ французскаго посла въ Константинополѣ,—маркиза Вильнева [2]).

Такимъ образомъ послѣ Нѣмировскаго конгресса въ переговорахъ опять главную роль стали играть посредники,—именно Франція: передъ своимъ отъѣздомъ изъ Нѣмирова турецкіе уполномоченные объявили, что Порта не приметъ болѣе никакихъ мирныхъ предложеній, какъ только сдѣланныя при посредничествѣ Франціи или другой безпристрастной державы [3]), и отказались отъ дальнѣйшихъ переговоровъ.

Въ декабрѣ Вильневъ получилъ новыя полномочія отъ своего двора, но съ предписаніемъ ожидать принятія его посредничества союз-

---

[1]) Laugier, I, 81 сл.

[2]) Переписка у Hammer, въ прилож. къ 67 кн., и Laugier, II, 265—275. Дѣла Турецкія, 1738, св. 39/a, № 3: Въ отвѣтѣ кардинала Флери великому визирю отъ 17 октября на письмо послѣдняго отъ 17 іюля, въ которомъ онъ просилъ его о посредничествѣ, Флери даетъ свое согласіе на это, если посредничество будетъ принято Цесаремъ и Императрицею, и далѣе говоритъ: „quand nous ne serions pas liés d'une si étroite amitié avec la Subl. Porte, nous nous intéresserions par bien des motifs à sa seureté et à son repos". Въ письмѣ Вильневу отъ 17 октября (тамъ-же) Флери сообщаетъ ему свои сомнѣнія, чтобъ Царица приняла посредничество Франціи, но надѣется на дружбу ея съ Цесаремъ и приказываетъ ему во всемъ поступать согласно инструкціямъ, которыя онъ будетъ получать изъ Вѣны. Amelot писалъ Вильневу 18 октября: „le Roy n'épargnera aucun soin pour les (союзниковъ) porter à la modération, et il croit déja pouvoir se le promettre de la part de l'empereur"; рекомендуя ему далѣе хлопотать о принятіи посредничества обоими союзниками, онъ говоритъ: „ce que Vous pouvez faire de plus agréable à S. M. est de trouver des moyens de conciliation qui puissent terminer une guerre, dont les suites peuvent être si funestes à l'empire ottoman".

[3]) Въ это время вліятельный при Портѣ ренегатъ Бонневаль хлопоталъ о посредничествѣ враждебной Россіи Швеціи.

никами. Австрія не только не замедлила дать свое согласіе на него, но стала чинить пристойныя инстанціи, чтобъ и Россія приняла его. Русское правительство „для показанія своихъ миролюбительныхъ сентиментовъ“ не отказалось отъ допущенія французскихъ добрыхъ оффицій и медіаціи, но въ то-же время потребовало, чтобы къ посредничеству допущены были и морскія державы, давно уже искавшія его. Объ этомъ было заявлено ихъ резидентамъ въ Петербургѣ 29 ноября [1]).

Надо замѣтить, что вообще Петербургскій кабинетъ очень хорошо понималъ невыгоду для Россіи какого бы то ни было посредничества, и посредничество Франціи было принято единственно по настояніямъ Цесаря; но за то принявши послѣднее Императрица, не желая оскорблять морскихъ державъ, рѣшила пригласить къ участію и ихъ, хотя особенно и не настаивала на этомъ, предоставивши рѣшеніе вопроса объ ихъ соучастіи на усмотрѣніе самой Порты. Цесарю-же медіація Франціи была желательна потому, что Порта вообще въ этой войнѣ относилась къ нему гораздо враждебнѣе, чѣмъ къ Россіи (она говорила, что Цесарь присталъ къ войнѣ со стороны, ради своей корысти), выказывала крайнюю неуступчивость въ отношеніи его, а между тѣмъ онъ хотѣлъ мира во что бы то ни стало, и вліяніе, которымъ пользовалась Франція у Порты, казалось ему весьма удобнымъ для полученія мира при ея посредствѣ. Что касается самой Франціи, то она имѣла въ виду только одну цѣль: относительно Австріи — не допускать ее до выгоднаго мира съ Портой, относительно Россіи — не допустить, чтобъ она получила доступъ къ Черному морю. Но для этого ей необходимо было имѣть все дѣло примиренія въ своихъ исключительно рукахъ, и этимъ объясняется требованіе ея объ устраненіи всякой посторонней семедіаціи и старанія о томъ, чтобъ миръ былъ заключенъ безъ конгресса. Въ этомъ смыслѣ она и производила давленіе на наше правительство чрезъ посредство вполнѣ предавшагося въ ея руки Вѣнскаго двора. Жалостныя настоянія послѣдняго дѣйствительно не остались безъ послѣдствій,— сначала для показанія нашихъ миролюбительныхъ и умѣренныхъ

[1]) Тур. дѣла, 1737, св. 38/b, № 9 и 38/k, № 31; рескриптъ Неплюеву въ Кіевъ отъ 5 декаб. 1737.

сентиментовъ мы согласились на французскую медіацію, но лишь для установленія прелиминарныхъ пунктовъ, причемъ на заключеніе окончательнаго мирнаго договора уполномоченъ былъ Минихъ, затѣмъ мы уступили въ вопросѣ объ Очаковѣ и Кинбурнѣ, а наконецъ и вполнѣ предоставили Вильневу веденіе переговоровъ, лишь ограничивши его полномочія проектомъ окончательнаго договора, составленнымъ впрочемъ вполнѣ согласно съ желаніями французскаго правительства. Что касается морскихъ державъ, то благодаря стараніямъ Вильнева, онѣ были вполнѣ устранены отъ участія въ переговорахъ [1]).

Итакъ, разсмотримъ теперь каковы были мотивы приводимые Россіею въ пользу ея требованія Очакова, Кинбурна и Азова и каковы были франко-турецкія возраженія на нихъ. Предварительно мы должны замѣтить, что Цинкейзенъ и Ложіе, отчасти и Гаммеръ, обвиняютъ русское правительство въ непослѣдовательности, русскую политику того времени въ путаницѣ направленій, увѣряютъ, будто императрица сносилась съ императоромъ помимо Остермана, стояла подъ вліяніемъ Бирона за посредничество Франціи и ставила условія, противорѣчившія условіямъ Остермана, наконецъ, держалась крѣпко союза съ Австріею, между тѣмъ какъ Остерманъ стоялъ за посредничество морскихъ державъ, не прочь былъ заключить сепаратный миръ съ Портою и возбуждалъ недовѣріе Царицы къ Цесарю и къ Франціи. Отсюда происходила-де путаница, вредно отражавшаяся на ходѣ переговоровъ. Всѣ эти обвиненія не подтверждаются при разсмотрѣніи дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Прежде всего надо замѣтить, что Порта постоянно старалась разъединить союзниковъ, но это ей не удалось, несмотря на часто происходившія между послѣдними несогласія. Насколько Франція въ качествѣ посредницы между Портой и Россіей заслуживала довѣрія, мы уже видѣли. Но если, быть можетъ, императрица и выказывала болѣе великодушія и умѣренныхъ сентиментовъ, нежели ея совѣтники, то всетаки разнорѣчія въ русскихъ условіяхъ не было, отъ кого они ни исходили; хотя въ концѣ 1738 года Вильневъ и жаловался на такое разнорѣчіе, но оно произошло оттого, что пер-

[1]) См. приложенія 5-е и 6-е.

вые русскіе прелиминаріи были ему сообщены Вѣнскимъ дворомъ [1]), который передалъ ихъ невѣрно, что случалось съ нимъ не одинъ разъ [2]).

Какъ бы то ни было, но въ началѣ 1738 года Вильневъ былъ уполномоченъ петербургскимъ кабинетомъ требовать для Россіи въ видѣ прелиминарныхъ пунктовъ Очакова, Кинбурна и Крыма. Но уже въ это время петербургскій кабинетъ „по усильному цесарскаго двора объ уступленіи Очакова учиненному требованію“ готовъ былъ „для показанія нашихъ миролюбительныхъ и умѣренныхъ сентиментовъ, за однимъ Очаковымъ мира не останавливать,“ но подъ условіемъ разоренія его и „если мы во всѣхъ нашихъ прочихъ кондиціяхъ совершенно удовольствованы будемъ“ [3]). Русскій дворъ „въ крайней самой конфиденціи“ сообщилъ объ этомъ Вѣнскому двору, а этотъ послѣдній поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Вильнева, но безъ той оговорки, которою Россія обусловливала возвращеніе Очакова и Кинбурна, вслѣдствіе чего инструкціи (отъ 21 мая) присланныя Вильневу отъ Остермана, и гдѣ оно было формулировано въ видѣ уступки Россіи на случай взаимной уступки Порты въ остальныхъ пунктахъ, могли бы вызвать затрудненія, еслибъ Порта не отвергла русскихъ условій и въ вѣнской редакціи ихъ [4]). Порта отвергла ихъ, опасаясь допустить Россію до Чернаго моря, гдѣ она могла бы завести арсеналъ и флотъ, господствовать на Черномъ морѣ и угрожать не только турецкой торговлѣ (!), но и Константинополю [5]). Она потребовала срытія азовскихъ укрѣпленій, оставленія окрестностей Азова не заселенными, и установленія остальныхъ пунктовъ по образцу Прутскаго договора. Предложенной Вильневомъ гарантіи договора Франціею Порта придавала очень мало цѣны, особенно относительно Россіи [6]), настаивая впрочемъ по прежнему на посредничествѣ одного Вильнева.

---

[1]) Laugier, I, 124 и 236.

[2]) Мы указали выше на одинъ такой примѣръ вмѣшательства Австріи въ постановку русскихъ условій во время Нѣмировскаго конгресса.

[3]) Дѣла Турецкія, 1738, св. 39/а, № 6, протоколы рескриптовъ и указовъ Неплюеву въ Кіевъ, 5 марта.

[4]) Дѣла Турецкія, Св. 39/а, № 4 и 39/о № 25.

[5]) Laugier, I, 132 сл., 209, 221—228 и др.

[6]) Laugier, I, 221—228.

Такимъ образомъ цѣль Вильнева была отчасти достигнута, — Россія отказывалась отъ двухъ важнѣйшихъ пунктовъ, Очакова и Кинбурна, о неуступкѣ которыхъ Портою онъ главнымъ образомъ хлопоталъ, такъ какъ очевидно еслибъ они остались за Россіею, то невозможно бы было закрыть ей доступъ въ Черное море. Объ Азовѣ же онъ не особенно заботился, такъ какъ Россію, по его мнѣнію можно было бы запереть въ Азовскомъ морѣ построивши укрѣпленія въ Керченскомъ проливѣ [1]), въ Тамани и Еникале. Повидимому онъ напомнилъ теперь Портѣ этотъ разъ уже предложенный ей проектъ, такъ какъ въ письмѣ Миниху отъ 28 сентября онъ говоритъ, что турки требуютъ срытія укрѣпленій Азова и оставленія окрестностей его незаселенными, что министры Порты говорятъ, что Азовъ всегда будетъ яблокомъ раздора и предметомъ опасеній Порты, если останется во владѣніи Россіи, что Порта еще не забыла того военнаго корабля, который послѣ Карловицкаго мира пришелъ изъ Азова въ Константинополь, что султанъ Ахметъ думалъ заглушить свои опасенія постройкою крѣпости въ Еникале, но что эта крѣпость слишкомъ недостаточно защищаетъ Керченскій проливъ, и расходы, которые потребовались бы для укрѣпленія и закрытія этого пролива гораздо производительнѣе могутъ быть употреблены на славное окончаніе настоящей войны [2]).

Для полнаго удовлетворенія Франціи оставалось успокоить ее относительно флота, и петербургскій кабинетъ не замедлилъ удовлетворить ее и въ этомъ отношеніи. Уже 15 сентября Остерманъ писалъ Вильневу, что хотя въ Азовѣ невозможно устроить военный портъ, но для успокоенія Порты Россія согласна на то, чтобъ Франція гарантировала будущій мирный договоръ и если нужно, то обяжется не возобновлять и не пользоваться Таганрогомъ и никогда никакого флота тамъ не имѣть [3]).

Такимъ образомъ „критическимъ пунктомъ мира“ съ Россіею, по выраженію Вильнева, остался вопросъ объ Азовѣ. Хотя Вѣнскій кабинетъ уполномочилъ Вильнева на заключеніе съ Портою

---

[1]) Laugier, I, 35 сл., 190; ср. также письмо Вильнева къ Amelot отъ 24 окт. 1738. въ дѣлахъ Турецк., 1838, св. 39/о, № 25.

[2]) Дѣла Турецкія, 1738, св. 39/а, № 4, переписка Вильнева; ср. тамъ же, 1738, св. 39/о, № 25, октяб. 24-го.

[3]) См. приложеніе 7 и 8.

окончательнаго мира, однако Вильневу не удалось привести Порту къ соглашенію и съ Австріею, несмотря даже на неудовольствія, возникшія между союзниками по поводу кампаніи 1738 года. Годъ окончился безъ результатовъ для примиренія.

Въ заключеніе обзора переговоровъ 1738 года приведемъ условія Россіи, какъ они были въ концѣ года. Эти смягченныя различными иностранными вліяніями условія Россіи, формулированы въ подписанномъ 8 іюня императрицею и приложенномъ къ полномочіямъ, даннымъ гр. Миниху на заключеніе окончательнаго мирнаго договора съ Портою, проектѣ съ ремарками, которыя должны были служить Миниху вмѣсто инструкціи [1]). Въ ст. 2 Россія требуетъ возстановленія границъ 1700 года; въ ст. 3 обязуется возвратить Турціи Очаковъ и Кинбурнъ, и устья рѣкъ Днѣпра и Буга оставляются въ ея владѣніи; мотивируется это тѣмъ, что „Туркамъ извѣстнымъ образомъ въ томъ наивящая нужда состоитъ, чтобъ съ здѣшней стороны свободный проходъ въ Черное море не остался.“ По ст. 5 Азовъ оставляется въ вѣчное владѣніе Россійской имперіи, какъ издревле было. Статья 14: „Понеже комерція отъ плодовъ мира суть, и отъ оной плодоносіе и изобиліе государствъ и подданныхъ происходитъ, того ради позволяется Блист. Порты подданнымъ купцамъ въ государствѣ всероссійскомъ купечество свое со всякою свободностью отправлять на такомъ основаніи, какъ другихъ державъ подданнымъ позволена, и съ платежемъ такихъ пошлинъ, какъ оные платятъ; напротивъ чего взаимно всероссійской имперіи подданнымъ купцамъ въ имперіи Оттоманской такая жъ свобода купечества дана быть имѣетъ.“ Въ ремаркѣ: „Сей пунктъ о комерціи во всѣхъ трактатахъ обыкновенный, и въ томъ со стороны турецкой затрудненія не чается, развѣ отъ тѣхъ державъ, которыя въ турецкомъ комерціи интересованы, яко то есть Франціи, Англіи и Голландіи въ томъ какое препятствіе учинится, однакоже потребно въ ономъ стоять; а ежелибъ съ турецкой стороны иногда востребовано было, чтобъ на своихъ собственныхъ какихъ вооруженныхъ судахъ и корабляхъ оную комерцію не отправлять, то мочно и на то позволить; а ежели паче чаянія никакихъ судовъ для отправленія оной комерціи отъ

[1]) Дѣла Турецкія, 1738, связ. 39/о, № 26 и 26а.

здѣшней стороны допустить не похотятъ, то въ такомъ случаѣ мочно и на то позволить и написать, что чрезъ Черное море комерціи на турецкихъ и турецкимъ подданнымъ принадлежащихъ судахъ отправлена быть имѣетъ“ [1]).

Начался 1739 годъ. Положеніе переговоровъ не оставляло Франціи желать ничего лучшаго. Русское правительство убѣждено было въ готовности Порты заключить сепаратный миръ съ Россіею, и что „затрудненіе нынѣ болѣе въ цесарскомъ мирѣ, нежели въ нашемъ состоитъ.“ Дѣйствительно, русскія условія были сведены до minimum'a; Россія согласилась на гарантію Франціею мирнаго договора [2]); Посредничество Англіи и Голландіи не только было отклонено Портою, но по настояніямъ Вильнева Фаукнеръ и Калькунъ высланы были даже изъ лагеря великаго визиря въ Константинополь, и 15 сентября Остерманъ писалъ Вильневу, что Петербургскій кабинетъ готовъ уполномочить его на заключеніе окончательнаго мира съ Портою отъ имени Россіи, и вышлетъ ему полномочія на это по первому его требованію. Вильневъ ничего лучшаго и желать не могъ, и 9 апрѣля къ нему отправленъ флорентинецъ русской службы (коммерціи совѣтникъ) Карло Каніони (Cagnoni), съ порученіемъ разъяснить Вильневу истинные взгляды Петербургскаго двора [3]). Съ нимъ-же отправлены Вильневу: полномочіе на заключеніе окончательнаго мирнаго договора, проектъ договора съ ремарками вмѣсто инструкціи [4]) и письмо отъ Остермана съ приложеніемъ.

[1]) Кромѣ того постановлено заключить миръ одновременно съ Цесаремъ. Къ проекту приложена еще «декларація союза между свящ. цесар. в-вомъ и свящ. всея Россіи в-вомъ отъ обоихъ величествъ пословъ особо при самомъ подписаніи мира актѣ посламъ Бл. Порты подаваемая»,—въ силу декларации союзъ въ случаѣ нападенія съ турецкой стороны остается въ силѣ несмотря на заключеніе мирнаго договорнаго.

[2]) Laugier, I, 280, II, 278 сл. и 287 сл. Въ только что упомянутомъ проектѣ договора, данномъ Миниху, въ ремаркѣ къ введенію предусмотрѣна уже возможность, что главный трактатъ будетъ заключенъ подъ медіаціей и гарантіей.

[3]) Ему было сказано, что русскія условія измѣнены не будутъ. Впрочемъ онъ былъ подчиненъ Вильневу. Тамъ-же, св. 40/a, № 1. Насколько было дано самостоятельности Каньони, видно изъ того, что въ письмѣ къ нему Остермана отъ 26 іюля 1739 г. говорится между прочимъ, что условія Россіи онъ усмотритъ изъ переписки Остермана съ Вильневомъ. Тамъ-же, св. 40/R, № 37.

[4]) Тождественный съ приведеннымъ выше проектомъ посланнымъ Миниху въ 1738 году.

Въ этомъ письмѣ [1]) Остерманъ говоритъ, что великій визирь вовсе не торопится заключеніемъ мира и, какъ видно изъ его поступковъ, не желаетъ его, поэтому большихъ уступокъ дѣлать Портѣ не слѣдуетъ. „Но тѣмъ не менѣе императрица довольствуется однимъ Азовомъ, городомъ, который издревле принадлежалъ Россіи, причемъ надо замѣтить, что когда Азовъ былъ во власти Россіи, то Портѣ не приходилось ни разу жаловаться на это, и всѣ войны между нею и Россіею происходили не изъ-за Азова, а вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій Порты. Турки не хотятъ уступить Азовъ Россіи; всѣ доводы, которыми великій визирь и турецкіе министры хотятъ подкрѣпить свои притязанія сводятся къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ: 1) что Россія можетъ построить въ Азовѣ флотъ, и 2) съ помощью его произвести внезапное нападеніе на Турцію. Учрежденіе флота въ Азовѣ было бы предпріятіемъ химерическимъ, и подобный опытъ сдѣланный въ прежнія времена слишкомъ дорого обошолся Россіи, чтобъ повторять его. Но какъ бы то ни было, химера это или нѣтъ, Императрица для оказанія истинности и безкорыстія своихъ намѣреній готова формально отказаться отъ устройства и содержанія тамъ флота. Съ другой стороны гарантія Франціи совершенно достаточна для того, чтобъ дать Портѣ всю требуемую безопасность въ этомъ отношеніи, и несмотря на всѣ инсинуаціи Порты по поводу этой гарантіи, я полагаю, что ей слишкомъ хорошо извѣстны силы Франціи, чтобъ не быть внутренне убѣжденною въ томъ, что коль скоро явился бы случай къ исполненію такой гарантіи, Франція легко найдетъ способъ къ этому и не захочетъ уклоняться отъ такого исполненія въ пользу Россіи и въ ущербъ своей собственной торговлѣ. Слѣдовательно причина упорства турокъ по вопросу объ Азовѣ лежитъ вовсе не въ опасеніяхъ ихъ уступки его Россіи, а во всегдашнемъ желаніи ихъ распространить свои границы завоеваніями на счетъ Россіи. Для Россіи Азовъ необходимъ, чтобъ обезопасить себя отъ татарскихъ набѣговъ, и отъ этого требованія Императрица не откажется ни въ какомъ случаѣ; она уже сдѣлала важную уступку, согласившись возвратить Турціи Очаковъ и Кин-

[1]) Дѣла Турецкія, 1739, св. 40/a, № 1, переписка гр. Остермана съ Вилленевомъ; тоже св. 40/R, № 37; письмо помѣчено 9 апрѣля. См. приложеніе 9-е.

бурнъ, мѣста весьма важныя для турокъ, такъ какъ они опасаются будущаго могущества Россіи, потому что оттуда именно можно пройти въ Черное море, а не со стороны Азова,—изъ Азова даже самыя малыя суда съ превеликою трудностью проходятъ въ море. Но для совершеннаго успокоенія Порты въ разсужденіи Азова Ея Величество соизволяетъ обязаться въ постановляемомъ нынѣ трактатѣ къ невозстановленію прежняго Таганрога и къ несодержанію тамъ военнаго флота. Если Порта думаетъ, какъ о томъ великій визирь въ письмѣ своемъ къ Вашему Превосходительству отъ 26 іюня 1738 года пространно объявляетъ, что Россія можетъ устроить флотъ въ Азовскомъ морѣ и совершить внезапное нападеніе на турецкія владѣнія, то во 1-хъ всякому извѣстно, что невозможно построить флотъ въ секретѣ, такъ, чтобъ Порта объ этомъ не узнала, а во вторыхъ, тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ Россія имѣетъ причину опасаться турокъ, которые, если устья Дона не будутъ въ ея власти, могутъ во всякое время напасть чрезъ Черное и Азовское море на Россію и вторгнуться въ ея предѣлы прежде, чѣмъ объ такомъ ихъ предпріятіи будетъ получено малѣйшее извѣстіе. Ваше Пр—ство согласитесь съ тѣмъ, что Порта къ такого рода предпріятіямъ имѣетъ въ рукахъ всѣ средства, и что ей для этого нѣтъ надобности строить новый флотъ. Ея Величество обязуется флота при Азовѣ не имѣть,—этимъ уничтожаются всѣ опасенія турокъ, а съ другой стороны обладаніе Азовомъ можетъ если не вполнѣ, то отчасти служить защитой для границъ имперіи отъ неожиданнаго нападенія. На срытіе укрѣпленій азовскихъ Россія согласиться не можетъ, равно какъ и на предложеніе, чтобъ вмѣсто этого построить крѣпость выше на Дону съ правомъ для Турціи построить таковую же на Кубани, хотя противъ постройки Портою крѣпости на Кубани Россія ничего не имѣетъ. Наконецъ, что касается опасеній Порты, то надо признаться, что 1) намъ хорошо извѣстны силы Франціи и что она можетъ сдѣлать противъ Россіи, еслибъ послѣдняя захотѣла нарушить гарантированный ею договоръ, и 2) намъ настолько хорошо извѣстны интересы другихъ державъ относительно Порты, что мы понимаемъ, что Россіи невозможно распространить свои границы на счетъ Турціи не возбуждая опасеній и подозрѣній этихъ державъ и не навлекая на себя ихъ зависть со всѣми ея послѣдствіями. Турки сами знаютъ

интересы другихъ державъ настолько, чтобъ признать всю силу этихъ соображеній, и потому невозможно допустить, чтобъ пунктъ объ Азовѣ представлялъ то затрудненіе, которое мѣшаетъ заключенію мира, если только они желаютъ его.“ Послѣднія условія Россіи: возстановленіе границъ 1700 года; присоединеніе Азова къ Россіи; не возстановленіе Таганрога и не содержаніе тамъ флота; согласіе на постройку турками крѣпости на Кубанѣ; наконецъ миръ имѣетъ быть заключенъ непремѣнно совмѣстно съ Австріею. Въ прибавленіи къ письму Остерманъ пошелъ еще далѣе и на случай, если Порта согласится на послѣднія условія цесаря и заключитъ съ нимъ миръ, а относительно Россіи согласится на всѣ ея условія и будетъ лишь настаивать на разоренія Азова, соглашался 1) разорить укрѣпленія Азова, съ тѣмъ чтобъ Россіи предоставлено было право выстроить новую крѣпость выше на Дону, въ замѣнъ чего Портѣ предоставляется выстроить крѣпость на Кубани, и 2) соглашался даже на совершенное разореніе Азова, но подъ условіемъ предоставленія Россіи права построить батарею или шанцы при устьѣ Дона [1]).

Таковы были послѣднія условія Россіи. Остерманъ имѣлъ полное право писать Вильневу (отъ 10 іюня), что весь безпристрастный свѣтъ и кардиналъ Флери не могутъ не admirer la candeur de l'Impératrice [2]).

Между тѣмъ 19 августа, послѣ побѣды при Ставучанахъ сдался Хотинъ; 28 и 29 русская армія перешла Прутъ; 1 сентября русскій авангардъ вступилъ въ Яссы и молдавская депутація, явившись въ лагерь къ Миниху, признала русскую императрицу государыней Молдавіи, причемъ молдаване обязывались взять на счетъ страны содержаніе 20000 русскаго войска; Минихъ писалъ императрицѣ объ успѣхахъ кампаніи, выражая надежду что „скоро авантажный и славный миръ воспослѣдуетъ. Понеже здѣшняя молдавская земля весьма преизрядная и не хуже Лифляндіи, и люди сей земли, видя свое освобожденіе отъ варварскихъ рукъ, приняли высочайшую протекцію съ слезною радостью: поэтому весьма потребно эту землю удержать въ рукахъ Вашего Величества; я ее со

---

[1]) См. приложеніе 10.

[2]) Тамъ-же, 1739, св. 40/а, № 1.

всѣхъ сторонъ такъ укрѣплю, что непріятель никакъ насъ изъ нея выжить не будетъ въ состояніи.“ Но въ тотъ самый день, когда Минихъ торжествовалъ покореніе Молдавіи, онъ получилъ „нечаянное и печальное извѣстіе“ о заключеніи австрійцами мира съ Турками, „мира стыднаго и весьма предосудительнаго,“ по выраженію Миниха. „Богъ судья римско-цесарскому двору за таковой учиненный къ сторонѣ Вашего Величества нечаянный злой поступокъ и за стыдъ, который изъ того всему христіанскому оружію послѣдуетъ, и я о томъ понынѣ въ такой печали нахожусь, что не могу понять, какъ тѣсный союзникъ таковымъ образомъ поступить могъ“ [1]). Несмотря на то Минихъ думалъ о продолженіи войны, о новыхъ завоеваніяхъ, такъ какъ „здѣшніе народы съ неизреченною радостью желаютъ покоренія подъ нашу державу, и сербскій патріархъ Арсеній слезно проситъ покровительства Вашего Величества.“

Но не таково было мнѣніе петербургскаго кабинета. Немедленно по полученіи извѣстія о взятіи Хотина, въ письмахъ Вильневу и Каніони (11 и 17 сентября) Остерманъ поспѣшилъ подтвердить прежнее свое извѣщеніе, что мирныя условія Россіи не будутъ измѣнены, что Петербургскій кабинетъ по прежнему согласенъ на разореніе Азова и обязуется возвратить туркамъ Хотинъ [2]). Вскорѣ потомъ получено извѣстіе о заключеніи 1 сентября прелиминарнаго мира Австріею съ Портою, мира крайне невыгоднаго и „срамнаго“ для Цесаря [3]). Замѣчательно, что прелиминаріи были подписаны и гарантированы Вильневымъ тотчасъ-же, — о ратификаціи императора какъ будто забыли. 4 сентября уже приступлено было къ исполненію договора, — главныя ворота Бѣлграда сданы туркамъ, и начато срытіе укрѣпленій. Въ Петербургѣ всѣ эти извѣстія возбудили крайнее недоумѣніе тѣмъ болѣе, что «по справедливости надѣяться можно было, что счастливые успѣхи здѣшняго оружія турковъ гораздо склоннѣе къ миру и притомъ кондиціи Цесаря пріятнѣе учинить моглибъ.“ Не мало удивило и то, что Цесарь заключилъ миръ отдѣльно отъ Россіи, даже не упомянувши о ней при заключеніи его [4]). Но несмотря на все

[1]) Кабинетн. дѣла 1739 г. въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д.

[2]) Дѣла Турецкія, 1739, св. 40/а, № 1.

[3]) См. у Langier, II, 18, 33, 57 сл., 70, 80 сл.

[4]) Каніони писалъ, что цесарцы заключили сепаратный миръ, когда-же уже

это, быть можетъ чтобъ не навлечь на себя нареканій Цесаря въ заключеніи сепаратнаго мира, рѣшено было утвердить все, что бы ни было заключено отъ имени Россіи Вильневомъ и несмотря на то, что отъ него не получалось никакихъ свѣдѣній о ходѣ переговоровъ и извѣстіе о заключеніи мира Россіею получено изъ Вѣны (безъ содержанія трактата), Вильневу были отправлены съ Вешняковымъ для подарка ему и его канцеляріи 20000 ефимковъ (червонцевъ) и грамота о ратификаціи заключаемаго имъ договора [1]). Далѣе, тотчасъ по полученіи отъ Миниха копіи съ конвенціи о границахъ, отправлена ратификація и на эту конвенцію, „хотя оная съ желаніемъ Ея И. Величества и съ тѣмъ, чего по справедливости надѣяться могли, не весьма сходна“ оказалась [2]). Когда наконецъ полученъ былъ отъ Вильнева мирный договоръ, то выразили удивленіе, что пунктъ объ Азовѣ и границахъ несогласны съ требованіями Россіи, но оставили этотъ пунктъ безъ послѣдствій, хотя Вильневъ имѣлъ осторожность оговориться о ратификаціи Петербургскаго двора, обусловливая ею гарантію договора. Замѣчанія Остермана относительно нѣсколькихъ пунктовъ договора были оставлены Вильневомъ и Портою безъ вниманія, [3]), ратификаціи размѣнены и договоръ гарантированъ Франціею, а представители Австріи и Россіи сдѣлали заявленіе о томъ, что союзъ между обѣими имперіями остается ferme et durable [4]).

Въ награду за дѣятельное въ видахъ русскихъ интересовъ посредничество Вильневу былъ присланъ, непринятый имъ впрочемъ

видно было, что миръ близокъ и съ Россіею, то стали увѣрять, что если миръ не будетъ заключенъ съ нею, то и они откажутся отъ него, а между тѣмъ уже сдали часть города (Бѣлграда) и начали срывать укрѣпленія его въ первые дни по заключеніи мира. Дѣла Турецкія, 1739, св. 40/R, № 38.

[1]) См. приложеніе 11-е.

[2]) Она была заключена по договору 1720, а не 1700 и 1705 годовъ, впрочемъ съ оговоркой о подтвержденіи договора ратификаціею Россіи, такъ какъ въ него внесено несогласно съ желаніями Россіи о пустынности окрестностей Азова (1739, 40/a, № 2); Вешнякову удалось заключить новую конвенцію. (Дѣла Турецкія, 1739, 40/S, № 42).

[3]) Laugier, II, гл. 9, и 73 сл., 80 сл., 92.

[4]) Турецкія дѣла 1739, 40/R, № 40 и 41; тамъ-же, № 38 письма Каніони, здѣсь между прочимъ «изъясненіе причинъ, почему въ мирномъ трактатѣ и въ конвенціи о границахъ нѣкоторые пункты несогласны съ намѣреніями императорскаго россійскаго двора».

орденъ Андрея Первозваннаго и 25000 р., „сожительницѣ его посольшѣ“ брилліантовый перстень, а Хотинъ не только возвращенъ Портѣ, но въ немъ оставлено еще 30 орудій въ подарокъ Туркамъ.

Послѣдующіе затѣмъ переговоры между Россіею и Портою по исполненію Бѣлградскаго договора касались разграниченія, обмѣна плѣнныхъ, церемоніала для размѣна посольствъ и обѣщаннаго въ договорѣ признанія Портою императорскаго титула.

Такимъ образомъ по Бѣлградскому договору отъ 18 сент. 1739 г. вопросъ о русскомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ остался въ прежнемъ полеженіи. Именно [1]) въ арт. 3 постановлено „чтобъ Россійская Держава, ни на Азовскомъ морѣ, ни на Черномъ морѣ, никакой корабельный флотъ ниже иныхъ кораблей имѣть и построить не могла“, а въ 9, что „понеже коммерція отъ плодовъ мира суть, и отъ оной плодоносіе и изобиліе Государствъ и подданныхъ происходитъ,“ того ради оба государства признаютъ свободу торговли для своихъ подданныхъ въ своихъ предѣлахъ, „что-же касается до Россійской коммерціи по Черному морю, и сія отправлена быть имѣетъ на судахъ турецкимъ подданнымъ надлежащихъ.“

Таковы были результаты миролюбительныхъ сентиментовъ и союза съ Австріей. Однако въ Петербургѣ воспользовались заключеніемъ мира для отправленія всякихъ празднествъ и баловъ. Въ Вѣнѣ опасались мятежа; императоръ дѣлалъ „зѣло прискорбную мину“ по поводу „срамныхъ прелиминаріевъ“ и свалилъ всю вину ихъ на уполномоченныхъ, Валлиса и Нейперга. Минихъ былъ внѣ себя. Наконецъ послѣ аудіенціи у императора французскаго посла мирепоа (Mirepoix), въ которой онъ старался оправдать Вильнева, папскій нунцій осыпалъ его упреками, и прямо сказалъ, что Вильневъ при заключеніи мира принесъ въ жертву султану и своему королю интересы всего христіанства [2]).

Султанъ не оставилъ Францію безъ награды за оказанную ею дружбу къ Портѣ. Въ 1740 году „во вниманіе къ старинной дружбѣ“ Франціи къ Портѣ и къ „недавно еще даннымъ доказательствамъ особенной искренности“ въ этомъ отношеніи французскаго

---

[1]) Юзефовичъ, Договоры съ Востокомъ. стр. 15 сл.

[2]) См. приложеніе 12-е.

двора, ему дарована султаномъ новая капитуляція, чрезвычайно выгодная для французской торговли. Но Вильневъ тщетно хлопоталъ о разрѣшеніи французскимъ судамъ доступа въ Черное море и ст. 59 капитуляціи формулирована такъ: „Si les marchands français veulent porter, en temps de paix, des marchandises non-prohibées des états de mon empire, par terre ou par mer, de même que par les rivières du Danube, et du Tanaïs, dans les états de Moscovie, Russie et autres pays, et en apporter dans mes états; dès qu' ils auront payé la douane et les autres droits, quels qu'ils soient, comme le payent les autres nations franques, lorsqu'ils feront ce commerce, il ne leur sera fait sans raison aucune opposition“ [1]).

Наконецъ замѣтимъ, что Кюсси ошибочно ставитъ договоръ Турціи съ Швеціею отъ 1739 года въ число договоровъ разрѣшающихъ иностранное судоходство въ Черномъ морѣ [2]).

Итакъ, въ разсмотрѣнный нами періодъ — первой половины XVIII вѣка—русская дипломатія не съумѣла достигнуть свободы даже торговаго судоходства въ Черномъ морѣ. Главныя усилія русской политики относительно Турціи въ это время были направлены еще къ обезпеченію нашихъ южныхъ окраинъ отъ татарскихъ набѣговъ. Не имѣя непосредственнаго доступа къ Черному морю, торговля и промышленность нашего юга стояла въ прямой зависимости отъ отношеній Россіи къ Крыму. Понятно, поэтому, что пока не была обезпечена полная безопасность русскихъ границъ и русской торговли отъ татаръ, торговля и промышленность нашихъ южныхъ окраинъ не могли получить правильнаго развитія. Дѣйствительно, въ это время они находились еще въ зародышномъ состояніи, и лишь геніальный умъ Петра Великаго могъ вѣрно оцѣнить государственное значеніе ихъ развитія и намѣтилъ одно изъ средствъ къ этому, — необходимость полученія доступа къ Черному морю для русскаго торговаго судоходства. Кромѣ того, русское правительство ясно видѣло недоброжелательство, зависть и опасенія западныхъ державъ въ вопросѣ о расширеніи русской торговли путемъ свободы русскаго судоход-

---

[1]) Testa, Traités I, 202; Scherer, Gesch. d. Welthandels, II; Flassan, Hist. de la dipl. française, V, 116 сл.

[2]) Cussy, Causes célèbres, I, liv. 1, tit. 2, § 56.

ства въ Черномъ морѣ, вопросѣ столь тѣсно связанномъ съ политическимъ вопросомъ объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, о безопасности Константинополя и о выгодахъ иностранной торговли въ Левантѣ, такъ какъ разрѣшеніе Россіи этого судоходства необходимо должно было повести къ нѣкоторой конкуренціи русской торговли торговлѣ другихъ народовъ. Вслѣдствіе всего этого вопросъ, имѣвшій для Россіи значеніе прежде всего экономическое, неизбѣжно ставился на политическую почву и потому представлялся трудно разрѣшимымъ.

В. Уляницкій.

(Приложенія см. въ концѣ книги).

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА.

Въ 1842 году, съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, сопровождавшагося изъявленіемъ особеннаго МОНАРШАГО благоволенія и признательности, покойный дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса *князь Сергій Михайловичъ Голицынъ* принесъ въ даръ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ бумаги, о которыхъ онъ, еще 31 декабря 1841 г., писалъ бывшему директору сего Архива, гофмейстеру князю Оболенскому, что они достались ему по наслѣдству, послѣ дядей его, *князей Александра и Дмитрія Михайловичей Голицыныхъ*.

Они не были родными братьями, а приводились князю Сергію Михайловичу первый роднымъ, а второй двоюроднымъ дядями; одинъ никогда женатъ не былъ, а другой не имѣлъ дѣтей.

Послѣдній умеръ еще въ 1793 г., когда князю Сергію Михайловичу (род. 1774 г.) было только 19 лѣтъ; а родной дядя его, князь Александръ Михайловичъ, умеръ въ 1807 г., уже послѣ брата своего, князя Михаила Михайловича (умеръ въ XVIII столѣтіи, отецъ кн. С. М. Голицына), когда сему послѣднему было 33 года отъ роду.

О важности содержанія этихъ бумагъ даетъ понятіе то обстоятельство, что кн. А. М. Голицынъ былъ вице-канцлеромъ съ 1762 по 1775 г., а кн. Д. М. Голицынъ въ продолженіе 30 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ *).

*) Онъ же учредилъ въ Москвѣ Голицынскую больницу. По ст. 8-й Высочайше утвержденнаго 6-го марта 1794 г. Устава Московской Голицынской больницы, она должна состоять подъ начальствомъ и управленіемъ Главнаго

Бумаги эти заключались въ 13 запечатанныхъ сундукахъ, и хотя въ письмѣ своемъ къ моему предмѣстнику, кн. С. М. Голицыну просилъ его сдѣлать распоряженіе объ разборѣ ихъ и приведеніи въ порядокъ, но въ этомъ отношеніи сдѣлана была въ томъ же 1842 году только попытка, именно—разобранъ одинъ сундукъ служившимъ въ Архивѣ, титулярнымъ совѣтникомъ Дм. Александр. Чертковымъ, который и составилъ алфавитный указатель находившимся въ этомъ сундукѣ бумагамъ съ 1745 по 1774 г.

Послѣ того прочіе сундуки оставались неразобранными и, за недостаткомъ помѣщенія въ верхнемъ этажѣ Архива, находились въ темныхъ, тѣсныхъ и неотапливаемыхъ его подвалахъ.

Лишь съ прошлаго 1874 года, по перевозкѣ Архива въ свѣтлое, теплое и просторное его зданіе на Воздвиженкѣ, представилась возможность не только перемѣстить Голицынскія бумаги изъ сундуковъ въ новые шкафы, но и приступить къ основательному разбору и къ составленію имъ подробнаго каталога.

Тогда въ бумагахъ бывшаго вице-канцлера кн. А. М. Голицына оказались письма, на французскомъ языкѣ, которыя присылалъ ему изъ Парижа другой Голицынъ, находившійся тамъ съ 1762 по 1768 г. россійскимъ посланникомъ, *князь Дмитрій Алексѣевичъ* пробывшій послѣ сего 30 лѣтъ въ томъ же званіи въ Гагѣ и вышедшій въ отставку въ 1782 г., по случаю назначенія его оттуда посланникомъ же въ Туринъ.

Къ полуофиціальнымъ письмамъ кн. Д. А. Голицына приложено 3 *подлинныхъ* письма и четвертое *въ копіи*. Первыя два подписаны Вольтеромъ; а подъ третьимъ своеобразная подпись „ladmirateur de Catherine 2“ и за нею собственноручная приписка.

Между тѣмъ, до сихъ поръ, извѣстно было всего 5 писемъ Вольтера къ кн. Д. А. Голицыну. При тщательной же провѣркѣ оказалось, что изъ числа этихъ изданныхъ писемъ, трехъ вовсе не имѣется въ Архивѣ ни въ подлинникахъ, ни въ копіяхъ, съ 4-го только копія, что подлинникъ 5-го принадлежитъ Архиву, и что

Директора, изъ числа родственниковъ и однофамильцевъ ея основателя. Первымъ Директоромъ и былъ его двоюродный братъ и душеприкащикъ, оберъ-каммергеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ; послѣ него дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса князь Сергій Михайловичъ; потомъ, за

ему же принадлежатъ еще *два подлинныхъ* письма Вольтера,— такъ что писемъ его къ кн. Д. А. Голицыну всего 7, а не 5.

Во всѣхъ изданіяхъ полнаго собранія сочиненій Вольтера, начиная съ изданнаго при его жизни, въ Парижѣ, Дюшеномъ, въ 1775 г. и послѣ смерти его, въ 1778 г., 1784 г. въ Готѣ, 1789 г. въ Базелѣ, 1820—22 г. Тослиномъ въ Парижѣ и, наконецъ, въ послѣднемъ, Парижскомъ же, 1874 г. Жоржа Авенеля, исполненномъ по порученію редакціи газеты Siècle, повторялись до сихъ поръ все тѣже 5 писемъ къ Голицыну.

Для полной ясности, соединяемъ ихъ заголовки въ одинъ общій, хронологическій списокъ, *съ двумя до сихъ поръ неизданными.*

1) Octobre 1765.	издано	въ Московскомъ Главномъ Архивѣ не имѣется ни въ подлинникѣ, ни въ копіи.
2) 31 X-e 1766, à Ferney, par Genève.	*неиздано*	въ Архивѣ *подлинникъ* (Прилож. *А*).
3) A Ferney, 11 d' Avril 1767.	издано	въ Архивѣ *нѣтъ*.
4) A Ferney, du 14 d'Auguste 1767.	издано	въ Архивѣ *копія*.
5) 7 Octobre 1767 à Ferney.	*неиздано*	въ Архивѣ *подлинникъ* (Прилож. *Б*).
6) 25 deJanvier1769.	издано.	въ Архивѣ *подлинникъ, который нѣсколькими верхними строками* полнѣе изданнаго письма (Прилож. *В*).
и 7) Ferney, le 19 de Juin 1773.	издано.	Въ Архивѣ нѣтъ ни въ подлинникѣ, ни въ копіи.

бытностью его племянника и наслѣдника князя Михаила Александровича посланникомъ въ Мадритѣ, поочередно завѣдывали больницею: оберъ-гофмейстеръ князь Николай Ивановичъ Трубецкой и шталмейстеръ князь Михаилъ

И такъ, всего изданныхъ писемъ 5 и изъ ихъ числа въ Архивѣ только одно въ болѣе полномъ подлинникѣ, а другое въ копіи; подлинныхъ же, не изданныхъ, въ Архивѣ два.

При сравненіи напечатаннаго письма 11 Августа 1767 г. съ находящеюся въ Архивѣ *копіей*, оказались слѣдующіе варіанты. Въ копіи, въ началѣ письма вмѣсто quelques hommes,—„des hommes"; далѣе, пропущено, послѣ слова ignorance,—„sottise".

Кромѣ вышесказанныхъ *2-хъ подлинныхъ* писемъ Вольтера къ Голицыну, къ числу Голицынскихъ бумагъ принадлежатъ въ Архивѣ еще *2 подлинныхъ же письма Вольтера*; оба 1767 года. Они озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

1) au château de Ferney, par Genève, 28 Avril,

и 2) à Ferney, 28 Avril.

Содержаніе ихъ побуждало догадываться, что они адресованы были въ Гагу,—нашему посланнику Гр. А. Р. Воронцову, находившемуся тамъ съ 1764 по 1768 г.

Дѣйствительно, не бывъ напечатаны въ сочиненіяхъ Вольтера, гдѣ помѣщено одно только письмо его къ Воронцову, озаглавленное: A Ferney, 26 de Février 1769—т. е. адресованное уже не въ Гагу, откуда Воронцовъ выѣхалъ въ 1768 г.,—оба эти письма появились въ первый разъ на стр. 451—452 V-го тома *Архива Князя Воронцова* (Москва, 1872 г.) подъ №№ 7 и 8.

Напечатаны они тамъ *съ копій*; а такъ какъ на оборотѣ каждаго этихъ двухъ находящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ подлинныхъ писемъ, на 4-ой бѣлой страницѣ, сдѣлана помѣта: къ письму Кн. Голицына изъ Гаги.... 1767,—то это обстоятельство:

1) объясняетъ принадлежность этихъ двухъ подлинныхъ писемъ Вольтера къ числу бумагъ сего Вице-Канцлера, сдѣлавшихся въ 1842 г. собственностью Архива,

---

Ѳеодоровичъ Голицынъ; со времени же кончины князя Михаила Александровича (1860 г.), Главнымъ Директоромъ больницы состоитъ единственный сынъ его, Л.-Гв. Гусарскаго полка Ротмистръ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ (Ср. Д-ра Сейдлера, *Московская Голицынская больница въ ряду Европейскихъ больницъ*, Москва 1865 г.). Все вышесказанное основано на свѣдѣніяхъ, заключающихся въ I томѣ Росс. Родосл. книги (Спб. 1854 г.) стр. 285—290, 293 и 312, №№ 16, 29, 31, 49, 53, 55 и 98; отчасти же провѣрено по дѣламъ Моск. Гл. Архива.

и 2) заставляетъ предполагать, что эти письма были отправлены Гр. Воронцовымъ въ С.-Петербургъ черезъ посредство Кн. Д. А. Голицына, находившагося въ постоянной, полуофиціальной, даже дружеской перепискѣ съ своимъ троюроднымъ братомъ, Кн. А. М. Голицынымъ.

Обо всѣхъ этихъ письмахъ Вольтера, какъ адресованныхъ Кн. Д. А. Голицыну, такъ и Гр. Воронцову, къ общему числу которыхъ принадлежатъ 3 изданныхъ и *2 неизданныхъ*, надо полагать, что, по увольненіи Кн. А. М. Голицына отъ должности Вице-Канцлера въ 1775 г., они свалены были въ тѣ сундуки, въ которыхъ доставлены въ 1842 г. Архиву. Такимъ образомъ, эти письма могли оставаться забытыми Княземъ, вѣроятно и недогадавшимся, что въ числѣ ихъ есть такія (тогда 4, а теперь только 2, т. е. со времени изданія V тома *Воронцовскаго Архива*), которыя не вошли въ полное собраніе сочиненій величайшаго мыслителя XVIII столѣтія.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

Приложеніе А.

Письмо Вольтера князю Д. А. Голицыну.

31 décembre 1766 [1]), à Ferney par Genève.

Monsieur,

Je n'ai reçu aucune lettre de Votre Excellence depuis plus de six mois. La dernière lettre dont S. M. I. m'a honoré est du 9 juillet 1766. J'ai répondu exactement à m-r. le général de Betzky. J'ai remercié Sa M. I. de toutes ses bontés pour les Sirven. J'ai admiré, j'ai béni sa générosité envers m-r. Diderot, et tous les grands exemples qu'elle donne à l'Europe. On dit que les ambassadeurs sont des espions honorables. Je sais, monsieur, que vous êtes l'espion du mérite et de l'infortune. Vous les cherchez pour leur procurer des bienfaits. C'est là votre principal ministère. C'est vous, monsieur, qui fournissez à votre auguste Impératrice les occasions de signaler sa grandeur d'âme. Louis 14, en répandant des bienfaits sur les gens de lettres de l'Europe, fit beaucoup moins que votre Souveraine. Il se fit indiquer le mérite, mais l'Impératrice l'a connu elle-même; elle n'a écouté son grand coeur qu'après avoir consulté son esprit.

Je lui souhaite un règne aussi long qu'elle le rend glorieux. Où est le temps que je n'avais que soixante et dix ans? J'aurais couru l'admirer. Où est le temps que j'avais encore de la voix! Je l'aurais chantée sur tout le chemin du pied des Alpes à la mer d'Archangel.

M-r Thomas [1]), vous qui êtes jeune, et qui avez meilleure voix que moi, vous avez déjà célébré Pierre I en trois chants, je vous en demande un quatrième pour Catherine Seconde.

Jouissez longtemps, monsieur le Prince, de l'honneur que vous avez de la représenter; vous faites plus, vous lui ressemblez: le meilleur ministre est toujours celui qui fait aimer son maître.

Daignez me mettre aux pieds de cette héroïne, et agréez le profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être, etc.

Voltaire [2]).

31 декабря, 1766 г. Ферней чрезъ Женеву.

Милостивый Государь!

Болѣе шести мѣсяцевъ не получалъ я отъ васъ писемъ. Послѣднее, которымъ почтила меня Ея И. В., было отъ 9 іюля 1766 г. и на него я исправно отвѣтилъ генералу Бецкому, съ выраженіемъ признательности Ея В-ву за ея милости къ Сирвенъ. Я благословлялъ ея щедроты къ г. Дидро, и восхищался Ею какъ образцемъ для подражанія всей Европы. Посланниковъ называютъ почетными соглядатаями: васъ, князь, я знаю за соглядатая достоинствъ и несчастія; вы ихъ отыскиваете, чтобы излить на нихъ благодѣянія: въ этомъ главная задача вашего служенія. Вѣдь вы, князь, доставляете вашей Августѣйшей Государынѣ случаи оказывать величіе Ея души. Людовикъ 14-й, расточавшій свои щедроты писателямъ въ Европѣ, стоитъ много ниже вашей Государыни: онъ требовалъ указанія ему повсюду достоинства, а Императрица сама съ нимъ ознакомилась. Велѣнія своего сердца она

---

[1]) Тома, поэтъ, воспѣвшій Петра Великаго въ трехъ похвальныхъ одахъ, заслужившихъ ему академическое кресло.

[2]) Все письмо писано рукою писаря; внизу собственноручно одна подпись 82-хъ лѣтняго Вольтера. Его письмо отъ 25 января 1769 года князю Д. А. Голицыну напечатано въ 66 т. собранія его сочиненій, изд. въ 1789 г. въ Базелѣ.

подчиняетъ совѣтамъ разума. Желаю, чтобы царствованіе ея было столь же продолжительно, какъ оно дѣлаетъ его достославнымъ. Гдѣ та пора, когда мнѣ было лишь семьдесятъ лѣтъ?—Я устремился бы на поклоненіе Ей. Гдѣ то время, когда я еще владѣлъ голосомъ? Я воспѣлъ бы Её по всему пути отъ подошвы Альпъ до моря подъ Архангельскомъ.

Тома! ты молодъ, твой голосъ звучнѣе моего; ты ужъ славилъ Петра Перваго въ трехъ пѣсняхъ: спой четвертую, во славу Екатерины Второй!

Пользуйтесь долго—долго, князь, честію быть Ея представителемъ; но вы дѣлаете болѣе, вы Ей уподобляетесь. Лучшій слуга своему государю тотъ, кто привлекаетъ къ нему любовь.

Благоволите повергнуть меня къ стопамъ сей Героини, и примите (выраженіе) глубокаго почтенія, съ коимъ честь имѣю пребыть, и проч.

Вольтеръ.

Приложеніе Б.

Письмо Вольтера князю Д. А. Голицыну.

7e octobre 1767, à Ferney.

Monsieur le Prince,

Il y a quelques semaines que m-r. le comte de Voronzoff, ambassadeur à la Haye, me fit l'honneur de m'envoyer les lettres de m-r. le prince de Repnin. Je reçus l'ordinaire suivant par la poste de France un gros paquet contresigné Choiseul, contenant plusieurs mémoires imprimés et manuscrits concernant toutes les grandes choses que fait l'Impératrice pour la gloire de la Russie et pour le bonheur de la Pologne *). Je crois que ce paquet venait de la part de Votre Excellence, et j'eus l'honneur de vous en donner avis.

---

*) «Великими дѣяніями Императрицы» Вольтеръ называетъ предпринятые Ея Величествомъ: *созывъ* выборныхъ (депутатовъ) отъ сословій въ коммиссію для составленія Уложенія и составленный ею *Наказъ*, потерпѣвшій въ Парижѣ, (см. ниже, письмо Кн. Голицына изъ Берлина, отъ 25 Ноября 1769 г.), *запрещеніе* отъ министра Людовика XV Шуазеля; а благомъ для поляковъ—*покровительство* оказанное Государынею православнымъ и уніатамъ въ нашемъ сѣверозападномъ краѣ, бывшемъ тогда еще подъ гнетомъ Польши и іезуитовъ, столь ненавистныхъ «Фернейскому Патріарху».

Le titre de Mère de la Patrie restera à l' Jmpératrice malgré elle. Pour moi, si elle vient à bout d'inspirer la tolérance aux autres princes, je l'appellerai la bienfaitrice du genre humain. Le mérite des français est qu'on célèbre ses louanges dans leur langue qui est devenue, j e n e s a i s c o m m e n t, celle de l'Europe. Puissions nous l'imiter comme nous la célébrons.

J'ai l'honneur d'être avec bien du respect, Monsieur le Prince, de Votre Excellence, Le très humble et très obéissant serviteur (Signé) ladmirateur de Catherine II. *)

P. S. (autographe) Une assez longue maladie ne m'a pas permis encor de lire le nouveau livre dont vous me faites l'honneur de me parler, mais j'en ai grande opinion puisque vous l'approuvez.

7 октября 1767 г., въ Фернеѣ.

Князь!

Нѣсколько недѣль назадъ графъ Воронцовъ, посланникъ въ Гагѣ почтилъ меня передачею писемъ отъ князя Репнина. Слѣдующая почта изъ Франціи привезла мнѣ толстый пакетъ отъ Шуазеля съ нѣсколькими записками, печатными и рукописными, о великихъ дѣяніяхъ, совершаемыхъ Императрицею для славы Россіи и на благо Польши. Полагаю, что этотъ пакетъ шелъ отъ Васъ, и я имѣлъ честь о полученіи его Васъ увѣдомить.

Званіе Матери Отечества останется за Государынею вопреки Ея отказа принять оное. Что до меня, то, если Ей посчастливится вдохнуть и въ другихъ государей терпимость, я назову Ее Благодѣтельницею рода человѣческаго. Заслуга Французовъ ограничивается тѣмъ, что похвалы Ей воспѣваются на ихъ языкѣ, ставшемъ, незнаю почему, языкомъ Европы. О, еслибы мы съумѣли ей также подражать, какъ мы Ее восхваляемъ!

Имѣю честь быть и проч.

Поклонникъ Екатерины 2-й.

---

*) Въ этомъ письмѣ замѣчательна собственноручная подпись Вольтера—не фамиліею его, а выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя Екатерина II внушала Французскимъ мыслителямъ своими великими дѣяніями.

Собственноручная приписка. Болѣзнь, довольно продолжительная, мѣшала мнѣ до сихъ поръ прочесть новую книгу, о которой имѣю честь слышать отъ васъ; но, такъ какъ вы ее одобряете, то имѣю объ ней высокое мнѣніе.

Приложеніе В.

Письмо Вольтера князю Д. А. Голицыну.

Au château de Ferney, par Geneve, 25 janvier 1769.

Monsieur Le Prince,

Je suis pénétré du souvenir de Votre Excellence. Vous avez bien raison si Vous me comptez dans le nombre des français qui vous sont véritablement attachés....

25 января 1769 г. Фернейскій замокъ, чрезъ Женеву.

Князь,

Я весь поглощенъ воспоминаніемъ о вашемъ превосходительствѣ. Вы вполнѣ правы, если считаете меня въ числѣ французовъ, истинно преданныхъ вамъ....

Пять писемъ князя Д. А. Голицына вице-канцлеру князю А. М. Голицыну.

Помѣщаемъ пять писемъ къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну отъ его родственника князя Дмитрія Алексѣевича Голицына, бывшаго Россійскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ до конца 1767 года, а съ сего времени въ томъ же званіи въ Гагѣ при Нидерландскихъ Штатахъ.

Два письма Вольтера къ князю Д. А. Голицыну являются также впервые *): онѣ не вошли ни въ полное собраніе сочиненій фернейскаго мыслителя (изд. Базельское, 1789 года), ни въ его Correspondance Inédite (Парижъ, 1836, 410 стр.), хотя въ полномъ собраніи помѣщены слѣдующія его письма къ князю: а) отъ октября 1765, въ которомъ Вольтеръ старается извинить грубость Женевскаго магистрата, сторонника Фридриха Великаго, враждебнаго Франціи и Россіи, когда члены его не допустили посла Императрицы, Бюлова, набрать въ Женевѣ и въ Водскомъ кантонѣ образованныхъ женщинъ для преподаванія французскаго языка знатнымъ барышнямъ Москвы и Петербурга; б) отъ 14 августа 1767 года, въ которомъ Вольтеръ радуется за Деларивьера, философа-практика, отправленнаго кн. Голицынымъ къ Императрицѣ, для сопоставленія отвлеченному мыслителю Монтескье; в) отъ 11-го апрѣля того же 1767 года, въ которомъ Вольтеръ говоритъ, что Петръ вылѣпилъ (forma)русскаго, а Екатерина вдохнула въ него небесный огонь; г) отъ 25 января 1769 года, гдѣ въ Государынѣ восхваляется ея храбрость привить себѣ оспу; гдѣ Вольтеръ называетъ ее „Tomyris“, побѣдительни-

*) См. выше, статью: *Не изданныя письма Вольтера.*

цей Кировыхъ потомковъ, и объясняетъ свой возрастъ—75 лѣтъ, и наконецъ д) отъ 19 іюня 1773 года, въ коемъ Фридриха Великаго онъ величаетъ „barbare énergumène.“

Для объясненія мѣста кн. Дмитрія Алексѣевича въ родѣ Голицыныхъ, мы обращаемъ читателей къ родословной книгѣ кн. Долгорукова. Изъ нея, на стр. 292, извлекаемъ годы: рожденія его—15 мая 1734 и кончины—1799 годъ. Въ Нидерландахъ, посланникомъ съ 1768 года, пробылъ онъ тридцать лѣтъ. Въ Гагѣ женился въ 1773 на дочери прусскаго генерала, графинѣ Адел. Амаліи Шметтау, весьма извѣстной въ свое время умомъ, ученостію и тѣсною дружбою со многими изъ знаменитыхъ современниковъ.

Для насъ, по содержанію печатаемыхъ писемъ Князя, гораздо важнѣе вспомнить, что предокъ его, при Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, князь Василій Васильевичъ, какъ свидѣтельствуетъ De la Neuville, въ своей „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie“ (Парижъ, M. D. CXVIII), „хотѣлъ начать освобожденіемъ крестьянъ, съ уступкою имъ обработываемыхъ ими земель...“ Исчисляя богатства князя, онъ, между прочимъ, говоритъ: „...что до „denrées,“ составляющихъ меньшую часть доходовъ, „то трудно и опредѣлить съ достовѣрностію настоящую ихъ цѣнность“ (стр. 215).

Письмо князя Д. А. Голицына князю Александру Михайловичу Голицыну.

Paris, ce 8 janvier 1767.

. . . .

P. S. J'ai vu dans une gazette de France que la Société Economique de Petersbourg avait proposé un prix pour un ouvrage sur la question suivante:

Парижъ, 8 января 1767 г.

. . . .

P. S. Я увидѣлъ въ одной французской газетѣ извѣстіе, что Экономическое Общество въ Петербургѣ назначило соисканіе награды

Est-il plus avantageux et plus utile au bien public que le paysan possède des terres en propre, ou seulement des biens mobiliers etc?

Je vous supplie en grâce, mon Prince, de me mander quel est le tems fixé pour l'envoi de ces mémoires, et en quelle langue ils doivent être écrits, et si les étrangers seront admis au concours.

по слѣдующему вопросу: *что выгоднѣе и полезнѣе для общественнаго блага: предоставить ли крестьянамъ въ собственность земельный надѣлъ или одну движимость?* *).

---

*) Въ исторіи Императорскаго вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 до 1865 года, составленной по порученію общества секретаремъ его А. П. Ходневымъ (Спб. 1865), на страницахъ 19—34 обстоятельно изложены подробности извѣстія, дошедшія до князя Голицына путемъ иностранной печати.

Починъ вопроса принадлежалъ Государынѣ и былъ ею предложенъ въ началѣ дѣйствій Общества, Ею же устроеннаго. Она прямо указала, что прежде чѣмъ предлагать разные улучшенные пріемы и орудія для русскаго земледѣлія, слѣдуетъ обсудить существующее государственное устройство русскихъ земледѣльцевъ, въ какой мѣрѣ оно способствуетъ или останавливаетъ русскій земледѣльческій трудъ.

Въ концѣ 1765 года неизвѣстная особа обратилась къ Обществу съ вопросомъ о значеніи поземельной собственности въ успѣхахъ земледѣлія и о владѣніи землей: общинномъ, мірскомъ и, въ противоположность сему, о владѣніи участковомъ, на правахъ полной личной собственности. Посланіе свое неизвѣстная особа подписала И. Е. То была сама Императрица Екатерина. Но посланіе это не было не только разрѣшаемо въ Обществѣ, о немъ даже не было заявлено, и оно только случайно пришито въ концѣ журналовъ 1766 г., вслѣдствіе поступленія чрезъ годъ новаго посланія, подписаннаго тѣми же буквами И. Е. Во второмъ посланіи вопросъ поставленъ иначе: «въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца: въ землѣ ли его, которую онъ обработываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ?»

Въ послѣднемъ-то видѣ и дошелъ вопросъ до свѣдѣнія князя Голицына въ Парижъ. Въ этомъ же видѣ онъ и обсуждался въ Обществѣ, поднявъ между его членами ту бурю, о которой повѣствуетъ исторія, и тѣ разнообразнѣйшія опасенія въ средѣ помѣщиковъ, которыя ясно отражаются въ печатаемыхъ письмахъ изъ Парижа кн. Голицына и въ отмѣткахъ на нихъ то вице-канцлера, то самой Государыни.

Какъ болѣе наглядное изъ противныхъ мнѣній того времени, приведемъ мнѣніе поэта Сумарокова. Онъ писалъ:

La gazette marque la façon dont la Société avait reçue une cassette, accompagnée d'une lettre anonyme, et qui renfermait 1.000 ducats pour en disposer à son gré et pour un objet utile au bien public. Et que l'Impératrice, ayant été informée de cette action généreuse, a déclaré qu'elle ferait remettre 2.000 ducats en présent à l'anonyme, s'il jugeait à propos de se faire connaître...

J'ai l'honneur d'être etc. Dimitri P. de Galitzine.

Умоляю васъ, князь, извѣстить меня, какой назначенъ срокъ для присылки записокъ, на какомъ языкѣ онѣ должны быть поданы, и будутъ ли допущены къ соисканію иностранцы? *).

Газетное извѣстіе передаетъ способъ, которымъ доставлена была Обществу шкатулка съ тысячью червонцевъ, при письмѣ отъ неизвѣстнаго, коимъ предоставлялось Обществу распорядиться деньгами по своему усмотрѣнію на предметъ общеполезный, и что Государыня, узнавъ о такой щедрости неизвѣстнаго, объявила, что пожалуетъ ему 2000 червонныхъ, если онъ заблагоразсудитъ открыть свое имя **).

....Имѣю честь быть и проч., Димитрій Князь Голицынъ.

«Задача для рѣшенія: что полезнѣе Обществу, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственнымъ имѣніемъ пожитки ли одни, или и земли—до изъясненія рѣшена быть не можетъ... о крестьянахъ: свободному ли крестьянину или крѣпостному; а прежде надобно спросить: потребна ли, ради общаго благоденствія, крѣпостнымъ людямъ свобода? На это я спрошу: потребно ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность, или потребна клѣтка,— и потребна-ли, стерегущей мой домъ собакѣ цѣпь?... Канарейка, выпущенная на волю, погибнетъ; собака, спущенная съ цѣпи, станетъ грызть людей.... и проч. «поэтъ, очевидно, спутался въ области сравненій,» и «*ради общаго блаженства*» рѣшалъ задаваемые имъ на вопросы вопросы утвердительно, а самый вопросъ Императрицы — отрицательно. *А. Р.*

*) На соисканіе иностранцы были допущены; лучшіе изъ экономистовъ того времени прислали свои записки; только отъ иностранцевъ и поступили сочиненія; для оцѣнки ихъ члены Общества раздѣлили ихъ между собою по языкамъ, на которыхъ онѣ писаны. За лучшее признано сочиненіе Беарде де л'Абея (Béardé de l'Abbaye), которое, послѣ многихъ любопытныхъ пререканій, рѣшено было перевести и напечатать. *А. Р.*

**) Теперь уже извѣстно, что тысяча червонныхъ были присланы при вто-

Письмо князя Д. А. Голицына князю А. М. Голицыну.

Fontainebleau, le 12 octobre 1767.

Je joins ici la lettre originale du Patriarche de Ferney, que je viens de recevoir dans l'instant même. Je vous prie en grâce de remarquer la signature. Il n'y a pas de quoi s'en étonner; cependant il n'est pas le seul, c'est la voix générale. Rien au monde n'est plus sage et mieux vu que l'Instruction donnée aux députés. Quel dommage qu'elle ne soit pas traduite dans toutes les langues imaginables. Le Patriarche a bien raison; le titre de Mère de la Patrie lui restera malgré elle; et puisque c'est l'affaire de la postérité selon elle, quand aux autres elle peut le regarder comme indubitablement acquis. Le grand appréciateur du mérite est sans doute la postérité, et je parie qu'elle n'aura jamais de démêlé avec notre Impératrice: l'une sera toujours impartiale, l'autre toujours

---

Фонтенебло, 12 октября 1767.

Прилагаю у сего подлинное письмо Фернейскаго патріарха, которое только что получилъ. Особенно прошу замѣтить въ немъ подпись. Удивляться не чему, онъ не одинъ, это голосъ общій. Нѣтъ въ мірѣ ничего разумнѣе и предусмотрительнѣе наказа, даннаго выборнымъ. Какъ жаль, что онъ не переведенъ на всевозможные языки. Патріархъ совершенно правъ: званіе Матери отечества останется за нею вопреки Ея нежеланію; и какъ, по мнѣнію Ея, это дѣло суда потомства, то, по отношенію къ сему послѣднему, званіе это можно несомнѣнно считать пріобрѣтеннымъ. Великой цѣнитель заслугъ есть, конечно, потомство, и можно ручаться, что оно никогда не поспоритъ съ Императрицею: оно будетъ всегда безпристрастно, Она навсегда останется Великою,—что жъ кромѣ

рой запискѣ самою Государынею; а обѣщаніе отъ Ея Имени выдать двѣ тысячи открывшему себя неизвѣстному было задумано для лучшаго сокрытія истиннаго жертвователя (23—24 стр. той же исторіи).

А. Р.

Grande,—comment voulez-vous qu'il n'en résulte une gloire immortelle. Le beau moment que celui de la Russie! Il est d'autant plus agréable, que toutes ses vues ne tendent qu'à en assurer la durée, et à perpétuer son bonheur. Quelqu'un écrivait ces jours passés de Petersbourg à un de ses amis à Paris: „voulez-vous savoir à quoi Catherine II passait le tems de ses récréations sur l'eau dans son grand voyage? à faire des noeuds? — Non. A broder?—Non. A lire?—Beaucoup, mais ce n'est pas tout: Elle traduisait Bélisaire en russe, afin que tous ceux qui savent lire dans son empire connaissent bien les devoirs de leur Souveraine. Quelle maîtresse d'école"!...

Письмо князя Д. А. Голицына князю А. М. Голицыну.

Paris, ce 10 décembre 1767.

Quoiqu'on en dise, la propriété des biens accordée aux paysans et l'abolition de leur servitude ne peuvent produire que des avantages essentiels dans un état. Pour soutenir ce système (cette thèse?) je ne vous répéterai pas ici tant de raisons que j'ai déjà eu

---

безсмертной славы можетъ отсюда произойти! Чудное время переживаетъ Россія; и то утѣшительно, что всѣ виды Государыни направлены къ упроченію этой славы и къ продолженію счастія Россіи. Нѣкто на дняхъ писалъ изъ Петербурга къ пріятелю въ Парижъ: „хотите ли знать, чѣмъ Екатерина 2-я занимала свои досуги во время своего долгаго плаванія? Вязаньемъ?—Нѣтъ; вышиваніемъ?—Нѣтъ. Чтеніемъ?—да, и очень много, но это еще не все: она переводила на русскій языкъ Велисарія для того, чтобы всѣ грамотные люди въ Ея государствѣ вполнѣ узнали обязанности своей государыни: какова народная наставница!..."

Парижъ, 10 декабря 1767 г.

Чтобы ни говорили, собственность на имущества, дарованная крестьянамъ, можетъ только принести пользу и существенныя выгоды государству. Чтобы подтвердить эту мысль, я не стану повторять доводы, представленные уже мною прежде. Привожу ее

l'honneur de vous donner précédemment, je ne vous en parle cette fois-ci, que pour vous faire part des progrès que cette maxime commence à faire même dans le Nord. L'extrait d'une lettre de Copenhague, en date du 24 novembre passé, imprimée dans plusieurs papiers publics m'en fournit l'occasion. La voici:

«La commission qui a été nouvellement établie par le roi de Danemark a principalement pour objet d'abolir la servitude à laquelle les paysans sont encore assujetis dans la plupart des provinces de ce royaume, et de leur donner l'entière propriété de leurs personnes et de leurs terres. Depuis plusieurs siècles, ils sont privés de ces deux biens, et leur servitude, quoique beaucoup plus légère que celle du paysan polonais, n'a pas laissé de produire son effet inévitable; c'est à dire la dégradation de cette classe intéressante et nombreuse de la nation, le découragement, la perte de l'industrie, la paresse et enfin une dépopulation sensible. L'affranchissement des paysans de ce royaume, qui a été quelquefois

---

на этотъ разъ, чтобы поговорить съ вами объ успѣхахъ ея на Сѣверѣ: за поводъ къ бесѣдѣ моей принимаю свѣжее извѣстіе изъ Копенгагена отъ 24 ноября, помѣщенное во многихъ газетахъ. Вотъ оно:

Коммисіи, недавно назначенной Датскимъ королемъ, поставлено главною задачею: упразднить рабство, въ которомъ еще состоятъ крестьяне въ большей части областей сего королевства, и дать крестьянамъ въ собственность ихъ личный трудъ и ихъ земли. Отъ нѣсколькихъ вѣковъ они лишены этихъ двухъ благъ; и рабство ихъ, хотя гораздо болѣе легкое, чѣмъ у крестьянъ польскихъ, не осталось безъ присущихъ ему послѣдствій; при униженіи этого полезнаго сословія, представляющаго большую часть народа, упадка его бодрости, истощенія промышленности, облѣненія, и, наконецъ, чувствительнаго уменьшенія его въ численности. Освобожденіе крестьянъ въ Даніи, къ которому уже неоднократно подходили, и котораго искренно желали друзья отечества и человѣчества, равно какъ и просвѣщенные государственные люди, встрѣчало доселѣ препятствія, казавшіяся неодолимыми. Казалось, было суждено нынѣшнему Государю, въ которомъ соединяются всѣ эти благородныя черты,

tenté, et toujours désiré par les vrais patriotes, les politiques éclairés et les amis de l'humanité, avait rencontré jusqu'ici des obstacles qu'on avait crus insurmontables; il était réservé à un monarque qui réunit en lui tous ces caractères, de reprendre ce projet salutaire et de le conduire à sa perfection».

Il est certain qu'un projet do cette nature peut rencontrer des difficultés. Je me garderai bien de les regarder comme insurmontables, et le Danemark m'en fournit l'exemple; mais je désirerais de tout mon coeur que S. M. I. se fit faire un rapport exact de l'état du paysan Danois avant la réforme, de la façon dont on y a préparé ce changement, les obstacles qu'on y a rencontrés, la manière dont on les a vaincus, et l'effet qu'on en attend, etc.

Il se peut que la situation actuelle de la Russie ne soit pas encore susceptible d'une pareille innovation; je sais qu'un législateur

---

взяться за сіе спасительное предпріятіе и довести его до осуществленія *).

Конечно подобное предпріятіе должно встрѣчать затрудненія; но я далеко считаю ихъ не неодолимыми, и Данія даетъ намъ въ томъ доказательство. Но я горячо желалъ бы, чтобъ Ея И. В. повелѣла представить ей точное изслѣдованіе о положеніи датскихъ земледѣльцевъ до ихъ освобожденія; о способахъ пріуготовитель-

---

*) У директора Московскаго Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ., Гофмейстера Барона Ѳ. А. Бюлера, въ его дорожномъ альбомѣ заграничнаго путешествія 1838 г., видѣли мы изображеніе обелиска, воздвигнутаго близъ Копенгагена, въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ ознаменованіе великаго событія освобожденія отъ крѣпостной зависимости датскихъ земледѣльцевъ. По выѣздѣ изъ города чрезъ западныя ворота (Vesterport), по дорогѣ во Фредериксбергъ, въ виду историческаго Розенбурга, загороднаго королевскаго замка, полнаго памятниками датской старины, съ первокласснымъ нумизматическимъ собраніемъ среди парка, служащаго для общественнаго гулянья, на широкой полянѣ, обрамленной тѣнистыми деревами, стоитъ этотъ памятникъ, именуемый Freiheitstotten. Рѣшетка окружаетъ восьмистороннее высокое подножіе, украшенное по сторонамъ изящными барельефами; на подножіи утвержденъ обелискъ, и около него поставлены четыре статуи, напоминающія датчанамъ, что ихъ родина подала первый примѣръ дѣятельнаго примѣненія тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыя одновременно на всемъ западѣ Европы возникли скоро по окончаніи семилѣтней войны.

sage et éclairé doit voir et attendre: le tems, les circonstances etc., qui peuvent rendre ses projets stables et infaillibles; je sais que la parfaite habileté n'est pas à imaginer mais à connaître les risques de la trop grande précipitation et de la trop grande lenteur, à sentir l'occasion, à savoir conduire et préparer. Mais n'y ferait-elle pas déjà un grand pas, si dès ce moment elle concluait et adoptait pour principe qu'un pareil changement est indispensable au bien être de l'Etat, et qu'elle prit des mesures pour y pouvoir parvenir un jour. Je n'ai d'entêtement sur rien, mon Prince, et encore moins sur une matière où je reconnais toute mon insufisance: si mes objections sont faibles, mes raisonnements peu solides, je me rendrai aux vôtres avec autant plus de plaisir, que rien au monde ne saurait égaler le dévouement sincère et l'attachement respectueux avec lesquels... etc.

ныхъ къ осуществленію его; о встрѣченныхъ при томъ препятствіяхъ; о томъ, какъ таковыя были устранены; объ ожидаемыхъ послѣдствіяхъ, и проч.

Можетъ быть, современное положеніе Россіи еще неблагопріятно такому нововведенію. Знаю, что разумный и просвѣщенный законодатель долженъ наблюдать и выжидать время и обстоятельства, чтобы дать своему предпріятію почву твердую и наименѣе сомнительную. Знаю, что истинная мудрость состоитъ не въ изобрѣтеніи, а въ предвидѣніи опасностей, какъ отъ неумѣренной поспѣшности, такъ и отъ излишней медлительности: однимъ словомъ, въ предчувствіи своевременности, въ умѣніи подготовить и вести дѣло. Но уже великій шагъ сдѣлаетъ Государыня и тѣмъ, если рѣшитъ невозвратно о необходимости такой перемѣны для блага государства, и установитъ рядъ мѣръ для осуществленія оной въ будущемъ. Я ни въ чемъ, князь, не упорствую, и тѣмъ менѣе въ предметѣ, по которому чувствую себя неопытнымъ. Если мои возраженія слабы, мои доводы не довольно сильны, я послушаюсь васъ тѣмъ охотнѣе, что ничто сравниться не можетъ съ искреннею преданностію и почтительною привязанностью, съ которыми... и проч.

Письмо князя Д. А. Голицына князю А. М. Голицыну.

Berlin, ce 2 novembre 1769.

Ce n'est qu'ici que j'ai appris que l'Instruction de l'Impératrice pour la formation d'un code de lois a été défendue à Paris. Les gazettes le disent, et pour le vérifier, j'en ai écrit à mes amis dans ce pays-là. Quelqu'indigné que j'en sois, je n'en suis pas cependant étonné. Il manquerait quelque chose à cet ouvrage, s'il avait l'approbation du ministre français [1]), en position depuis longtemps de désapprouver, de condamner et de défendre l'entrée de la France à tout ce qui est bon, honnête et avantageux à l'humanité. Il y aurait de quoi faire un in-folio de tous les bons livres qu'il a défendus; et puisque celui-ci est sans comparaison au-dessus de tous, par rapport à son utilité au genre humain, il ne pouvait lui

---

Берлинъ, 2 ноября 1769.

Только здѣсь узналъ я, что Императрицы наказъ коммисіи для составленія Уложенія подвергся въ Парижѣ запрещенію. Газеты объ этомъ проговорили, и, чтобы провѣрить справедливость разнесшагося слуха, я обратился къ тамошнимъ друзьямъ моимъ. Какъ ни полонъ я негодованія, но извѣстіе меня не удивляетъ. Напротивъ, одобреніе наказу отъ французскаго министра *), давно привыкшаго гнать изъ Франціи все доброе, честное и полезное для человѣчества, придало бы наказу видъ недостатка. Можно фоліантъ наполнить заглавіями хорошихъ сочиненій, запрещенныхъ Шуазелемъ; и какъ наказъ нашъ стоитъ неизмѣримо выше ихъ всѣхъ, то онъ тѣмъ менѣе могъ ускользнуть отъ его преслѣдованія. Пред-

---

*) Шуазель, который недоброжелательствовалъ Императрицѣ и Ея посланнику до того что, въ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ, отказывалъ въ прибавкѣ къ титулу Государыни «Votre Majesté» прилагательнаго «Impériale», и, въ пререканіяхъ о семъ съ нашимъ полномочнымъ министромъ, основывалъ свой отказъ на «духѣ и правилахъ французскаго языка,» не терпящаго такой прибавки къ титулу Величества во второмъ лицѣ.

échapper; il n'entend pas raillerie sur cet objet, sa vigilance est telle qu'il se croirait compromis, déshonoré etc., s'il y montrait le moindre égard; aussi regarde-je cette défense comme le sceau de la supériorité de l'ouvrage en question. Je parie que c'est le Duc [2]) qui en a donné la première idée (à ce trait, à ce noble courroux, je reconnais mon sang). Tant de petitesses entrent-elles dans l'âme d'un ministre sage? Il ne peut donc se faire une raison et se dire que tout ce qui nous vient de sa part ne nous touche guère. Rien cependant n'est plus clair, et l'Impératrice l'a démontré bien de fois.

метъ сочиненія такъ важенъ, а Шуазель къ нему такъ бдителенъ, что онъ счелъ бы себя обезчещеннымъ, еслибъ оказалъ ему малѣйшее вниманіе: потому то и считаю я его запрещеніе наказа за лучшее признаніе его превосходства. Ручаюсь, что мысль о запрещеніи подалъ Герцогъ *) (самый поступокъ и благородное негодованіе обличаютъ автора). Простительна ли такая мелочность въ душѣ разумнаго министра? Этимъ онъ лишаетъ себя права доказывать, что все, идущее отъ него, до насъ не касается: между тѣмъ дѣло ясно, и Императрица не разъ это доказывала **).

---

*) d'Aiguillon, другой непріятель Россіи, другъ поляковъ, творецъ, вмѣстѣ съ аббатомъ Мабли, какъ доносилъ князь Д. А. Голицынъ, акта Барской конфедераціи, и мысли: сдѣлать изъ территоріальнаго раздѣла Польши источникъ постоянной вражды между Россіею, Пруссіею и Австріею (переписка кн. Д. Голицына съ вице-канцлеромъ 1767—1774), въ чемъ, какъ историческій ходъ событій насъ убѣждалъ, недальновидный герцогъ съ своими protégés совершенно ошибался.

**) Чрезъ нѣсколько лѣтъ, по воцареніи Людовика XVI, о Франціи, которую такъ ревниво охраняли Шуазель и герцогъ Эгильонскій отъ вѣянья на нее духа наказа Екатерины, князь Д. А. Голицынъ, изъ Гаги, гдѣ онъ тогда проживалъ въ качествѣ посланника при Нидерландскихъ штатахъ, сообщилъ вице-канцлеру въ Петербургъ слѣдующее четверостишіе, появившееся въ Парижѣ по поводу воспоминаній о Генрихѣ IV:

La poule au pot sera donc bientôt mise,
Du moins il faut le présumer,
Car depuis deux cents ans qu'elle nous est promise
On ne fait que la plumer. *A. P.*

Письмо князя Д. А. Голицына князю А. М. Голицыну.

La Haye, ce 30 septembre 1770.

J'ai reçu la lettre du premier de ce mois que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire. Vous m'y témoignez des doutes sur l'impossibilité, dont je suis convaincu, d'avoir en Russie un commerce fiorissant sans abolir la servitude des paysans. De plus, vous m'y proposez d'en faire l'essai avec les miens propres, comme c'est, dites-vous, permis á tout gentilhomme Russe; ce que cependant personne jusqu'ici n'a encore voulu faire.

Je vous proteste, mon Prince, que j'en cherche l'occasion avec tout l'empressement imaginable, et vous en aurez des obligations inexprimables si vous vouliez avoir la bonté de m'en obtenir la permission de Sa Majesté Impériale.

Je vous prierais cependant de considérer, que ce n'est point du tout une opération d'un particulier, à moins que l'Impératrice n'ait la bonté de m'accorder troits points essentiels, et sans lesquels, au lieu de former le bienêtre de tout gentilhomme qui voudrait

---

Гага, 30 сентября 1770 г.

Въ письмѣ, отъ 1 марта, вы выражаете сомнѣніе (а я такъ совершенно убѣжденъ) въ невозможности завести въ Россіи цвѣтущую торговлю безъ упраздненія крѣпостнаго состоянія крестьянъ. Къ тому же вы предлагаете мнѣ освободить моихъ собственныхъ; ибо, говорите вы, это разрѣшено всѣмъ русскимъ дворянамъ: однако, досюда, никто еще къ тому приступить не пожелалъ.

Увѣряю, васъ, князь, что со всевозможнымъ усердіемъ ищу благопріятнаго случая, и невыразимо буду вамъ обязанъ, если вы благоволите исходатайствовать мнѣ на то соизволеніе Ея Императорскаго Величества.

Примите, впрочемъ, во вниманіе, что освобожденіе крестьянъ не должно быть единичнымъ дѣйствіемъ частнаго человѣка; развѣ бы Государыня соизволила для меня на три статьи, столь существенныя, что безъ нихъ, вмѣсто устройства благосостоянія того

accorder la liberté á ses paysans, il n' en résulterait que sa ruine. Vous allez en sentir vous-même la conséquence en examinant les trois conditions que je demande:

1) l'exemption de payer les бѣглые,

2) celle de donner les recrues,

3) une permission illimitée pour le commerce du produit de mes terres.

Du premier coup d'œil vous devez voir, mon Prince, que la première condition est indispensable. En donnant la liberté á mes paysans, tout d'un coup je rends leur sort beaucoup meilleur que celui des autres; par conséquent il en affluera chez moi; par conséquent les autres seigneurs me feront des procès, et par conséquent j'en serai ruiné. Ces seigneurs cependant auraient tort de croire que je veuille attirer chez moi leurs serfs. Je n'en ai que faire. Je transporte toutes mes richesses sur le produit de mes terres: par conséquent, pourvu que mes terres soient toutes affermées,

---

помѣщика, который даруетъ свободу своимъ крестьянамъ, послѣдуетъ для него совершенное разореніе. Вамъ это станетъ ясно изъ разсмотрѣнія требуемыхъ мною трехъ условій:

1) изъять меня отъ взысканія *за бывлыхъ*,

2) изъять меня отъ поставки рекрутъ,

3) разрѣшить мнѣ свободу торговли произведеніями моей земли.

Вы, князь, замѣтите съ перваго взгляда, что первое условіе совершенно необходимо. Даруя свободу моимъ крестьянамъ, я сразу улучшаю ихъ положеніе и привлекаю тѣмъ къ себѣ крестьянъ изъ другихъ имѣній. Очевидно владѣльцы этихъ крестьянъ начнутъ противъ меня иски и тѣмъ разорятъ меня. Но напрасно эти господа будутъ подозрѣвать меня въ желаніи переманивать ихъ подданныхъ. Мнѣ они не нужны. Я переношу всю цѣнность моего состоянія на земли. Значитъ все стараніе, всѣ заботы мои будутъ устремлены на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята: все прочее до меня не касается; излишекъ крестьянскаго населенія меня не обогатитъ; существеннымъ въ моемъ хозяйствѣ будетъ то, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ участокъ земли достаточный *не только для его пропитанія, но и*

toutes labourées, le reste ne m'est rien, et la quantité de paysans ne me rendrait pas plus riche, car l'essentiel dans mon économie est que chaque paysan eût une portion de terre suffisante non seulement pour s'entretenir, mais aussi pour s'en enrichir; car plus il sera riche, et plus cher il m'affermera mes terres. Il en résulte donc que la quantité de paysans qui peupleront mes villages sera justement proportionnée à la quantité de terres que je possède, et cette proportion une fois remplie, je ne pourrai plus en recevoir de surplus car je n'aurai plus de terres à leur donner etc..

La seconde condition vous paraîtra plus difficile à obtenir; mais vous conviendrez qu'elle est une conséquence naturelle de l'administration que j'introduis dans mes terres, et un résultat indispensable du pas que je fais. En donnant la liberté à mes paysans, je ne suis plus maître d'en donner un tel ou un tel pour recrue, sans quoi cette prétendue liberté ne serait qu'un prestige. Mais voici le moyen de concilier tout. Vous savez, mon Prince, la façon dont on lève chez nous les recrues. C'est toujours un homme sur tant de paysans. Au lieu de recrues, que l'Impératrice ait la bonté

для обогащенія его; ибо, чѣмъ состоятельнѣе онъ будетъ, тѣмъ за высшую цѣну онъ станетъ снимать мою землю. Значитъ населеніе въ моихъ деревняхъ должно точно относиться къ пространству владѣемой мною земли; и, заселивъ въ такомъ отношеніи, всю мою землю, въ большемъ числѣ крестьянъ я нуждаться не буду, ибо мнѣ не останется, чѣмъ ихъ надѣлять.

Можетъ быть, на второе изъ моихъ условій вамъ будетъ труднѣе испросить согласіе; но вы понимаете, что это условіе представляетъ естественное и необходимое послѣдствіе вводимаго мною порядка. Освобождая крестьянъ, я уже не въ правѣ назначать такого-то или другаго въ военную службу, при чемъ дарованная имъ свобода обратилась бы въ призракъ. Но вотъ средство, чтобы согласить непримиримое. Вамъ, князь, извѣстенъ способъ нашихъ наборовъ. Всегда берется человѣкъ со столькихъ-то душъ. Еслибы такую *личную повинность* Государыня милостиво разрѣшить мнѣ изволила *обратить въ денежную,* по цѣнамъ, справочнымъ ко времени набора,—еще встрѣтилось бы нѣкоторое затрудненіе: именно,

de me permettre de les payer en argent selon le prix du tems où on en aura besoin. Il en résulterait encore une petite difficulté: ce serait celle de savoir combien alors j'aurai des paysans pour pouvoir en proportionner cette levée de récrues. Pour y obvier je ne vois pas d'autre moyen que de stipuler dès ce moment la quantité que j'en ai déjà, et de les faire prélever toujours sur ce pied-là; car encore une fois il ne m'est pas du tout nécessaire d'avoir beaucoup de paysans, pourvu que mes terres soient toutes et bien cultivées, c'est tout ce que je demande. Par conséquent le nombre de mes paysans ne saura jamais beaucoup augmenter.

La troisième et dernière condition n'a pas besoin de commentaires. Dès que je transporte mes richesses à la terre un commerce illimité du produit de cette terre doit en être indispensablement la base; et c'est ce que les gentilshommes de Russie n'ont point. Le défaut de communications entre les provinces de l'intérieur de la Russie, par conséquent l'impossibilité d'exporter nos grains chez l'étranger, devraient nous porter naturellement vers la distillation des eaux de vie, de la bierre etc., mais vous savez, mon Prince, que cette branche de commerce nous est non seule-

---

въ разновременномъ исчисленіи крестьянъ, подлежащихъ набору. Чтобы устранить затрудненіе, я не нахожу инаго средства, какъ съ сего же времени принять наличный въ моемъ имѣніи составъ крестьянъ за постоянную единицу, подлежащую обложенію. При чемъ повторяю, мнѣ нѣтъ никакой необходимости во множествѣ крестьянъ; мнѣ одно необходимо—это, чтобы моя земля вся и хорошо была обработана; значитъ населеніе много увеличиться никогда не можетъ.

Третье условіе врядъ ли даже нуждается въ поясненіи. Съ той поры, какъ я принимаю исключительно землю за источникъ дохода, свободная торговля произведеніями этой земли должна стать основою ея доходности: а этою-то свободою русскіе дворяне и не обладаютъ. Трудность сообщенія между внутренними областями Россіи и вытекающее затрудненіе вывозить за границу хлѣбъ должны бы естественно направить насъ къ куренію вина, варенію пива, и проч. Но вамъ извѣстно, князь, что эта отрасль производства только

ment quasi-ôtée, mais qu'elle tourne aussi pour la pluspart au préjudice de ceux qui l'entreprennent. Pour en pouvoir fabriquer, il faut conclure un contrat avec la couronne, qui ne nous paye que 60 sols par scau et le vend deux roubles. Ce contrat est fait pour trois ans, à tant de sceaux par an. Mais dans l'intervalle il survient une mauvaise récolte; le blé devient cher; on ne peut même s'en pourvoir que de fort loin. De manière que le calcul de l'entrepreneur fondé sur l'espérance de bonnes récoltes tourne entièrement à son désavantage, et lui cause des pertes irréparables. Ce que j'ai l'honneur de vous annoncer ici sont des faits. J'ai eu le tems de m'en instruire dans mon dernier séjour à Pétersbourg, et tout ceci est arrivé à la lettre à un de mes oncles, ce dont vous pourrez vous en informer quand vous voudrez. Il m'est donc indispensable de pouvoir faire du produit de mes terres tout ce que je jugerai à propos, et je vous supplie instamment de m'obtenir cette permission.

намъ почти запрещена, но что тѣмъ, которые къ ней обращаются, она служитъ въ явный ущербъ. Чтобы имѣть право курить и варить, мы должны заключать договоръ съ казною, которая платитъ намъ по 60 коп. за ведро, а сама его продаетъ за два рубля. Договоръ на поставку заключается не менѣе какъ на три года, съ опредѣленіемъ ежегоднаго количества ведеръ. Но въ это время, положимъ, случится неурожай; хлѣбъ вздорожаетъ, не достанешь его даже издалека. И вотъ разсчетъ, основанный на одномъ урожаѣ, обращается къ невыгодѣ предпринимателя, въ потерю для него невознаградимую.—Я сообщаю вамъ одну истину, въ которой могъ самъ убѣдиться въ недавнее пребываніе мое въ Петербургѣ, и такой примѣръ совершился надъ однимъ изъ моихъ дядей, о чемъ всегда можете освѣдомиться. — Слѣдовательно, мнѣ необходима полная свобода въ распоряженіи произведеніями моей земли, и я убѣдительно васъ прошу мнѣ таковую исходатайствовать.

Увѣряю васъ, князь, что никогда не писалъ я письма съ большею радостью и удовольствіемъ, и что я почту себя счастливѣйшимъ изъ людей, если получу возможность подать первый примѣръ къ освобожденію крестьянъ.

Je puis vous assurer, mon Prince, que je n'ai jamais écrit une lettre avec plus de joye et de plaisir que celle-ci et vous pouvez compter que je me croirais le plus heureux des hommes, si je me vois à même de donner le premier exemple d'affranchissement des paysans.

Je dois entrer ici dans une petite explication. Il se peut qu'on m'ait mal compris, quand on m'a vu insister tant sur la propriété des biens à accorder aux paysans. On aura conclu peût-être que je voulais dire par là qu'il fallait leur céder les terres qu'ils labourent à présent. Une pareille extravagance ne m'est jamais entré dans la tête. Les terres sont à nous; ce serait une injustice criante des nous les ôter. Par propriété à accorder aux paysans, j'entends:

1) leur affranchissement, c'est à dire, leur propriété personelle, sans laquelle les autres propriétés ne sauraient avoir lieu.

2) La propriété mobiliaire, c'est à dire, tout leur bien meuble, etc., etc...

3) La permission à ceux qui en ont la faculté de s'acheter des terres en leur propre et privé nom, et qu'ils puissent les pos-

---

Я долженъ войти въ небольшое объясненіе. Кажется меня невѣрно поняли, осудивъ за настоятельное требованіе дарованія собственности крестьянамъ. Изъ моихъ словъ, должно быть, поняли, что я желалъ уступки имъ тѣхъ земель, которыя они нынѣ обработываютъ: подобная нелѣпость никогда не приходила мнѣ въ голову. Земли принадлежатъ намъ. Было бы вопіющею несправедливостію ихъ у насъ отнять. Подъ дарованіемъ крестьянамъ собственности я разумѣлъ:

1) ихъ освобожденіе, т. е. собственность ихъ на свою личность, безъ каковой не мыслимы всѣ другіе виды собственности.

2) собственность движимую, т. е. ихъ пожитки, и проч.; наконецъ

3) позволеніе тѣмъ, кто въ силахъ покупать землю на свое собственное имя и владѣть ими, подобно намъ, господамъ: что, со временемъ и образовало бы ихъ поземельную собственность.

séder comme nous autres seigneurs, ce qui avec le tems, fera leur propriété foncière.

Au reste pour vous prouver, mon Prince, combien je suis de bonne fois dans tout ceci, mon frère pourra vous attester que nous allons vendre une petite terre á 7 verstes de Moscou, et que par cet ordinaire-ci, je devais envoyer à mon beau frère M. de Golovine un acte d'autorisation pour signer de ma part. Je suspends cet envoi dans l'espérance que sa Majesté notre auguste Impératrice voudra bien m'accorder ce que j'ai l'honneur de lui demander par la présente; au quel cas une terre située si proche d'une grande ville me devient un bien trop précieux, et bien loin de la vendre, je tâcherai d'acheter pour moi toute la portion de mes frères, à moins qu'ils ne consentent à faire comme moi et de donner la liberté à leurs paysans. C'est à quoi je voudrais les décider par tout ce qui dépendra de moi.

J'ai l'honneur d'être...

Вообще, чтобы доказать вамъ, князь, на сколько я въ предложеніи моемъ искренъ, скажу, что мы съ братомъ собирались продать небольшое имѣніе, въ 7 верстахъ отъ Москвы, и я долженъ былъ съ настоящею почтою выслать зятю Головину на этотъ предметъ съ моей стороны довѣренность. Пріостанавливаюсь въ надеждѣ, что Ея Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, благоволитъ разрѣшить мнѣ то, о чемъ нынѣ имѣю честь просить; и если это послѣдуетъ, то земля, въ такомъ близкомъ разстояніи отъ большаго города, дѣлается для меня дорогимъ достояніемъ. Вмѣсто того, чтобы ее продать, я, напротивъ, скуплю всѣ части моихъ братьевъ, развѣ они пожелали бы вмѣстѣ со мною освободить крестьянъ, къ чему склонить ихъ я приму всѣ зависящія отъ меня мѣры.

Имѣю честь быть и проч. Дмитрій Князь Голицынъ.

МЫСЛЬ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

Князь Димитрій Алексѣевичъ Голицынъ, россійскій посланникъ при Версальскомъ дворѣ въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XV и первые Лудовика XVI, въ перепискѣ своей съ вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, высказывалъ между прочимъ предположенія свои о возможности освобожденія крестьянъ въ Россіи съ дарованіемъ имъ надѣла.

Прежде чѣмъ передавать два его по сему предмету письма, отъ 30-го октября 1765 и 11-го мая 1766 года (сохранившіяся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) замѣтимъ, что предокъ князя Д. А. Голицына, князь Василій Васильевичъ Голицынъ положилъ въ роду своемъ основаніе такихъ благожелательныхъ отношеній русскаго князя къ русскому крестьянину.

У покойнаго Михаила Петровича Погодина удалось мнѣ видѣть книгу, принадлежащую Александру Ивановичу Кошелеву, изъ которой онъ извлекъ любопытныя свѣдѣнія для своей монографіи о „Стрѣлецкихъ бунтахъ“ *). Это Relation curieuse et nouvelle de Moscovie contenant l'état présent de cet Empire; des expéditions des Moscovites en Crimée en 1689; les causes des dernières révolutions и пр., à

*) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1874 года, часть CLXVI, отд. 2, стр. 194—270 и 1875, январь, 182—210.

Paris, MDCXCVIII *), Въ книжкѣ этой, на страницѣ 215, говорится: Galischine.... il voulait commencer par affranchir les païsans, et leur abandonner les terres qu'ils cultivaient".... Затѣмъ исчисляются богатства князя В. В. Голицына: „Quand aux denrées qui en font le reste du revenu, il est difficile d'en savoir bien au juste la valeur **).

Переписка съ россійскимъ вице-канцлеромъ княземъ А. М. Голицынымъ посланника при Французскомъ дворѣ князя Д. А. Голицына ***).

I.

Fontenebleau, le 30 8-bre 1765.

Mon Prince,

....

....

Je suis comblé, mon Prince, que mes reflexions sur la propriété des biens ayent été goutées de Vous. Elle ne doivent cependant être regardées qu'une ébauche; mais Vous y avez mis la dernière main par l'observation juste que Vous en faites, en regardant cette propriété de biens comme un moyen d'inspirer l'amour de la Patrie; et que le soldat combattant alors pour lui-même, redoublerait d'ardeur de défendre les frontières de l'Etat auquel il tient par plus d'un lien, etc.... Je suis de Votre avis, mon Prince,

---

*) Любопытное и новое повѣствованіе о Россіи содержащее въ себѣ: настоящее положеніе этого государства, Крымскій походъ 1689: причины послѣднихъ переворотовъ и пр. въ Парижѣ, 1698.

**) «Голицынъ.... онъ хотѣлъ начать съ освобожденія крестьянъ и подарить имъ обрабатываемыя ими земли»... «Что же до естественныхъ произведеній, составляющихъ остальную часть его доходовъ, то весьма затруднительно опредѣлить въ точности ихъ стоимость»...

***) Замѣтки на поляхъ писемъ сдѣланныя, судя по почеркамъ, принадлежатъ: государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II, графу Н. И. Панину и князю А. М. Голицыну. Замѣтки эти приводятся въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Фращузскій текстъ писемъ напечатанъ съ сохраненіемъ своеобразности и нѣкоторыхъ ошибокъ подлинника.

qu'une introduction générale et subite, pour ainsi dire, d'un pareil réglement dans un Etat aussi vaste que l'Empire de Russie, pourra rencontrer des inconvéniens, et qu'un changement successif serait pêut-etre plus convenable; mais voiçi les reflexions que j'ai fait là-dessus.

Il est incontestable qu'une chose réellement avantageuse s'établit bien plus solidement lorsqu'elle est adoptée par une nation que lorsqu'elle est ordonnée; et plus cette adoption est volontaire, plus on peut compter sur la stabilité d'un usage reçu.

L'adoption volontaire ne peut être que successive, et pour l'occasionner il faut l'exemple *). Qui peut mieux le donner que Sa Majesté l'Impératrice Elle-même. Ses terres sont à sa disposition de même que tout le reste de l'Empire. Si Elle y accorde la propriété de biens à Ses païsans, sans faire mention seulement de ceux qui appartiennent à nous autres seigneurs, cet effet de Ses bontés ne peut en produire, selon moi, qu'un merveilleux, sur eux, et j'en vois déjà de trois espèces qni ne manqueront pas de suivre Son exemple dans l'instant même.

1. Ceux qui entendent bien leurs intérêts, et ont le coeur patriotique **).

2. Ceux qui n'entendent rien aux affaires, mais qui voudront faire leur cour à Sa Majesté.

Et,—comme immanquablement une pareille innovation sera le sujet des conversations des sociétés, les gens qui suivent aveuglement les modes feront la 3-me espèce.

Sans Vous citer, mon Prince, les païs étrangers que Vous connaissez mieux que moi, la Russie même nous fournit une foule d'exemples, où l'apparence seule de cette propriété de biens fait toujours prospérer le païsan.

Nos *оброшные деревни* ne sont-ils pas toujours plus riches que les *хльбные?* Et ceux qui ne sont pas régis par des *прикащики*

*) Il est encore douteux si un exemple édifierait nos compatriotes et les encouragerait à le suivre; cela est assez problématique. Au surplus un tel arrangement pourroit peut etre compromettre la sûreté des possesseurs etc.

**) Peu de personnes voudroient sacrifier de grands intérêts aux beaux sentimens d'un coeur patriotique.

ne sont-ils pas encore cent fois plus heureux que ceux où il y en a? Le plus essentiel, selon moi est d'abolir l'usage de recevoir nos revenus en denrées et principalement les *оброки*. Tout le mal que ces maudits *оброки* font au pauvre païsan est incroyable. Perte de tems, de leurs chevaux etc., et tout ce qui leur en revient. C'est une oeconomie bien mal entendue de nos seigneurs Russes de croire que ces provisions ménagent leur bourse. L'experience démontre tous les jours le contraire. Là ou se font les provisions, la consomation est toujours du double plus forte. Ne vaudrait-il beaucoup mieux recevoir tout en argent? Il en resulterait certainement des biens infinis pour le seigneur même, ne fut-ce que la diminution de cette quantité prodigieuse de domestiques dont nos maisons sont remplies, *) et qu'on ne doit regarder qu'autant de bras arrachés à l'agriculture—source et la veritable base de la prospérité et de la suffisance d'un Etat.

Pour assurer cette propriété de biens il serait indispensable, je crois, d'envoyer tous les ans deux j u g e s a m b u l a n t s **) dans chaque Province, à l'imitation de Guillaume le Conquérant, et qu'on pourrait choisir parmi les officiers des Gardes ou les seigneurs de la Cour même; qui decideraient & jugeraient toutes les disputes et procès entre les paysans et ceux qu'ils pourraient avoir contre les seigneurs, les acorder etc. Ils prendraient en même tems une exacte connaissance de l'état de la province où ils auraient été envoyés, et en feraient leur rapport par écrit au Senat, rapport sur lequel on se réglerait dans la suite touchant tout ce qui pourrait améliorer et produire de l'avantage à cette Province.

Il est certain que n'ayant pas de puissance qui défende et protège le païsan contre la tiranníe du seigneur Russe, la propriété de biens ne peut y être qu'imaginaire, ***) et on n'y pourra jamais mettre en execution le moindre réglement touchant l'agriculture, les arts et métiers et la circulation d'argent ou le commerce intérieur. Pour y suppléer, je crois qu'il serait excellent de former dans toutes

---

*) C'est une trés grande vérité.

**) Ces juges ambulans sont encore en usage en Angleterre et qu'on nomme des assises.

***) Cela est incontestable.

les villes capitales des Provinces un Tribunal à l'instar de celui que les Romains nommaient Quindecim Viri. Le devoir de ces 15 était d'assigner les terres aux vétérans, de les limiter, de régler la taxe que chaque terre doit payer, de juger et appaiser toutes les disputes relatives à l'agriculture, aux contrats, aux confiscations; d'assurer à chacun la propriété de ses terres. Ils avaient le méme pouvoir en un mot sur tout ce qui s'appelle agriculture.

Les avantages qui proviendront de la propriété de biens ne peuvent être qu'essentiels selon moi. Indépendament de l'amour de la Patrie qu'elle inspire, je crois qu'il n'y a que ce seul moyen de peupler la Russie et d'y faire fleurir les arts et les sciences, car je reviens toujours à l'idée de M. Hume qui dit dans son essai sur l'origine des arts et des sciences: De la loi des états bien gouvernés provient la propriété des biens des particuliers; De la propriété provient l'assurance et la tranquilité de l'esprit; De cette tranquilité provient la curiosité; De la curiosité provient toute sorte de savoir dans les arts, le commerce et la science. Mais le plus essentiel c'est l'attachement du peuple pour le souverain qui aurait établi un pareil Réglement; attachement fondé sur la reconnaissance d'avoir formé son bien-être. Qui mieux le mérite, mon Prince, que Sa Majesté notre très auguste souveraine? Elle doit déjà s'être attachée tous nos coeurs. Elle ne fera donc par là que mettre la dernière main à l'ouvrage. Telles sont mes idées, mon Prince, sur la propriété des biens. Je dois vous avouer qu'elles sont le fruit de mes fréquentes conversations sur ce sujet avec M. Sanchès. Ce respectable vieillard a des notions si justes sur ces sortes de choses qu'on est tout surpris de les rencontrer dans un homme aussi éloigné du maniement des affaires qu'il l'a été toute sa vie. *) On

*) Beaucoup d'humanité, de zèle & de bonne volonté ne suffisent pas seules pour mettre en pratique de grands projets. Ils pourroient faire aisément les genereux lui, Pr. Galitzin & ses semblables & à peu de frais; & il ne leur couterait rien d'accorder la propriété des biens à leurs païsans, mais ceux qui en ont plusieurs milliers & sont des riches terriens penseroient & parleroient autrement.

ne peut avoir débattu cette matière plus à fond que je l'ai fait avec lui. Il en a composé un mémoire, où toutes ces idées sont inserées, qui me parait excellent et n'a d'autre défaut que l'obscurité du stile, qui effectivement est inintelligible, surtout pour ceux qui ne sont pas accoutumés à son langage.

....

Mon Prince,
Votre très-humble et très-obéissant
serviteur Dimitri Prince de Galitzine.

Приводимъ переводъ этого письма:

Фонтенебло, 30-го октября 1765.

....

Я счастливъ, князь, что мои мысли „о собственности" встрѣчаютъ ваше одобреніе. Ихъ слѣдуетъ считать лишь наброскомъ, но вы придали ему окончательную отдѣлку справедливымъ замѣчаніемъ, что „собственность должна считаться средствомъ для вдохновленія любви къ отечеству, и что воинъ, сражающійся и за самого себя, съ удвоенною ревностью станетъ защищать границы государства, съ которымъ онъ получитъ органическую связь" и пр. Я совершенно раздѣляю мнѣніе ваше, что „общее и повсемѣстное введеніе подобнаго устройства въ государствѣ столь обширномъ, какъ Россія, могло бы встрѣтить неудобства, и что постепенная перемѣна была бы можетъ-быть приличнѣе".

Однакоже полагаю слѣдующее: несомнѣнно, что все истинно полезное укореняется прочнѣе, когда его принимаетъ самъ народъ, а не тогда, когда его вводятъ путемъ приказанія. И чѣмъ это принятіе добровольнѣе, тѣмъ болѣе можно разчитывать на прочность установившагося обычая.

Добровольное принятіе совершается лишь исподоволь, но чтобы вызвать его нуженъ примѣръ *). Кто же можетъ подать лучшій, какъ не сама ея величество государыня? Земли ея находятся

*) Еще сомнительно чтобы примѣръ вразумилъ нашихъ соотечественниковъ и увлекъ ихъ за собою; это даже мало вѣроятно. Къ тому же подобное распоряженіе можетъ нарушить безопасность помѣщиковъ и пр.

въ ея распоряженіи наравнѣ со всѣмъ остальнымъ государствомъ. Если въ нихъ она даруетъ своимъ крестьянамъ собственность, не упоминая даже о земляхъ намъ, господамъ, принадлежащихъ, то таковой опытъ ея милосердія не можетъ не произвести, по моему мнѣнію, чудеснаго дѣйствія, и мнѣ уже заранѣе видятся три разряда подражателей ея величеству:

1) Люди, хорошо понимающіе свои выгоды и обладающіе патріотическимъ сердцемъ *).

2) Тѣ, которые въ дѣлахъ ничего не смыслятъ, но пожелаютъ угодить ея величеству;

А какъ подобное нововведеніе не замедлитъ сдѣлаться предметомъ общихъ толковъ, то люди слѣпо подражающіе модамъ составятъ послѣдній 3-й разрядъ.

Не говоря о чужихъ земляхъ, которыя вамъ, князь, извѣстны лучше, чѣмъ мнѣ, сама Россія даетъ намъ множество примѣровъ тому, что одного призрака этой собственности достаточно для благосостоянія крестьянина.

Развѣ наши оброчныя деревни не богаче барщинныхъ? И развѣ имѣнія, гдѣ нѣтъ прикащиковъ, не во сто разъ счастливѣе тѣхъ, которыя управляются ими? Самое существенное, по моему, это отмѣнить *сборы припасами и, главное, обозы.* Посторонній не повѣритъ всей безднѣ зла причиняемаго обозами бѣднымъ крестьянамъ. Потеря времени, гибель лошадей—и все что̀ изъ того происстекаетъ. Ошибаются наши русскіе бары въ своихъ понятіяхъ объ экономіи, полагая, что привозные припасы сберегаютъ ихъ средства. Ежедневный опытъ указываетъ противное. Тамъ, куда привозятся запасы, ихъ всегда расходуется вдвое. Не гораздо ли лучше все получать деньгами? Безконечная польза вытекла бы отсюда и для самого помѣщика, хотя бы ужь уменьшеніе громаднаго числа дворовыхъ переполняющихъ наши дома, **) и которые вѣдь всѣ оторваны отъ земледѣлія, источника и основы довольства и процвѣтанія государства.

Чтобъ обезпечить пользованіе этою собственностію, кажется, было бы необходимо ежегодно посылать въ каждую область двухъ или

*) Мало найдется охотниковъ большими выгодами жертвовать прекраснымъ чувствованіямъ патріотическаго сердца.

**) Великая истина.

трехъ объѣздныхъ судей, *) на подобіе учрежденія Вильгельма-Завоевателя выбирая ихъ изъ офицеровъ гвардіи и даже изъ придворныхъ. Они разбирали бы и рѣшали споры и тяжбы между крестьянами, между ними и помѣщиками, примиряли бы ихъ и пр. Въ то же время они собирали бы точныя свѣдѣнія о состояніи области, куда посланы и представляли бы о ней письменный докладъ сенату,—докладъ, который послужилъ бы основаніемъ для всяческихъ улучшеній, признанныхъ въ послѣдствіи необходимыми.

Конечно, при отсутствіи власти, которая защищала бы крестьянина отъ тиранiи русскаго помѣщика, собственность перваго оставалась бы призрачною, **) и невозможно было бы осуществленіе малѣйшей мѣры относительно земледѣлія, искусствъ, ремеслъ и денежнаго обращенія или внутренней торговли. Съ этою цѣлію, думаю хорошо было бы учредить въ каждомъ изъ областныхъ городовъ присутствіе, подобное существовавшему въ Римѣ подъ именемъ quindecim viri. Обязанности этихъ пятнадцати было: отводить земли ветеранамъ; размежевывать и облагать участки; судить и миротворить во всѣхъ пререканіяхъ, возникающихъ изъ землевладѣнія и земледѣлія, изъ договоровъ и запрещеній; обезпечивать каждому свободное пользованіе поземельною собственностью. Словомъ, власть ихъ простиралась на все, что̀ называется сельскимъ хозяйствомъ.

Выгоды, которыхъ можно ожидать отъ собственности, существенны. Независимо отъ любви къ отечеству, которую она внушаетъ, я полагаю, что въ ней заключается единственное средство заселить Россію и насадить въ ней науки и искусства. Всегда при этомъ обращаюсь къ выводу Юма, въ его *Опытъ о происхожденіи искусствъ и науки*: „Изъ законовъ государствъ, хорошо управляемыхъ, происходитъ обезпеченіе частной собственности; собственность рождаетъ увѣренность и спокойствіе духа; изъ этого спокойствія развивается любопытство, любопытствомъ а порождается всякаго рода знаніе въ искусствахъ, торговлѣ и наукахъ.“ Но самое существенное—это привязанность народа къ государю,

---

*) Такіе объѣздные суды доселѣ въ обычаѣ у Англичанъ; ихъ называютъ ассизами.

**) Это несомнѣнно.

который ввелъ бы подобный уставъ: любовь основанная на признательности къ виновнику благосостоянія. Кто, князь, болѣе нашей августѣйшей государыни уже заслужилъ эту привязанность? Она уже привязала къ себѣ наши сердца, а этимъ она довершила бы свое дѣло.

Таковы, князь, мои мысли *о поземельной собственности*. Я долженъ вамъ признаться, что онѣ явились во мнѣ плодомъ частыхъ бесѣдъ по сему предмету съ г. *Сапше*. Почтенный старецъ обладаетъ по этому предмету такими вѣрными свѣдѣніями, что удивляешься встрѣтивъ ихъ въ человѣкѣ, столь удаленномъ въ теченіе всей жизни отъ управленія дѣлами *). Въ разговорахъ съ нимъ мы исчерпали этотъ предметъ до дна. О немъ онъ составилъ подробную записку, единственный недостатокъ которой темнота слога, почти недоступнаго въ особенности для людей непривычныхъ къ способу его выраженій.

. . . . . .

. . . . . .

Князь,
Вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга
Димитрій, князь Голицынъ.

II.

Paris, ce 26 Mai 1766 **).

Mon Prince,

Vos lettres sont de vrais aiguillons pour moi et vos objections m'encouragent au travail et me fournissent toujours de nouvelles idées. Permettez donc que j'aie l'honneur de répondre à celles du 4 et 7 avril.

L'agriculture en Russie, il est vrai, n'est pas dans un état aussi peu florissant qu'on se l'imagine peut-être chez l'ètranger; cepen-

*) Искренней любви къ человѣчеству, усердія и благой воли недостаточно для осуществленія великихъ предположеній. Голицыну и ему подобнымъ легко и дешево стоитъ великодушничать. Имъ ничего не стоитъ даровать своимъ крестьянамъ право собственности на земли; но богатые землесобственники, у которыхъ крестьянъ многія тысячи, будутъ мыслить и заговорятъ иное.

**) Рукою вице-канцлера: Получено 11-го іюля.

dant, vu cette immensité de terrain qu'elle possède et la fertilité de son sol, on devrait s'y attendre à des récoltes bien plus considérables, et la pousser au point d'être regardée en quelque façon comme le grenier de l'Europe. La Sicile l'était autrefois de l'Empire Romain. Qu'est ce qu'une petite isle en comparaison d'un vaste Empire comme la Russie? Voilà cependant les modèles que nous devons imiter.

A l'égard des artistes et des savans rien ne me parait plus sage que les arrangemens que prend Sa Majesté en conséquence. Certes, si quelque chose peut contribuer à leur avancement, leur progrès &c, la fondation des académies, les réglemens de ces académies en sont d'excellens moyens. Mais je craigne toujours, confirmé par les exemples que l'histoire nous fournit, que tant que le commerce intérieur ne sera pas au point où il doit être, ces moyens ne soient trop peu suffisans. Et le commerce intérieur ne sera jamais dans le vrai état de prosperité, sans qu'on y introduise peu à peu la propriété du mobilier des païsans. Le tiers-état est une chose indispensable encore pour faire fleurir les arts et les sciences.

La formation de ce tiers-état n'est pas ce qui me présente des difficultés, Sa Majesté Impériale n'a qu'a le vouloir. Mais le rendre riche, à son aise, le mettre à même de jouir, de profiter des fruits de son travail, c'est là peut être l'impossible chez nous *). Croyez-vous, mon Prince, que la quantité d'ouvriers

---

*) Князь Голицынъ, хорошо знакомый съ г-жею Жофренъ и бывшій посредникомъ въ перепискѣ съ нею государыни, очевидно намекаетъ на слѣдующее обстоятельство. Г-жа Жофренъ неоднократно, въ письмахъ своихъ, умоляла государыню учредить въ Россіи «среднее сословіе.» Изъ отвѣтовъ государыни на эти представленія видно, что ея величество сознавала трудность создать то, что не выросло на исторической почвѣ. Тѣмъ не менѣе въ заботѣ о семъ учрежденіи среди трудовъ по составленію проэкта уложенія, государыня писала къ г-жѣ Жофренъ слѣдующее:

15-го января 1766: «....Madame, encore une fois je vous promets un état mitoyen, mais aussi sera t-il le plus difficile à établir. (Еще разъ я обѣщаю вамъ *среднее сословіе*, не за то же и трудно будетъ устроить его).

6-го апрѣля 1766: «.... L'état mitoyen existera, devrait-il porter votre nom, puisque par expérience vous trouvez cet état si heureux, il faudra bien l'établir, ce motif me ferait aisement resoudre et agir, car je le compte pour

dont chaque maison de seigneur russe est remplie, n'en soient des objets insurmontables? Soustrayez toutes ces maisons de grands seigneurs du total des habitans de Pétersbourg et de Moscou, et voyez ensuite le peu de monde qui reste pour qui les ouvriers libres puissent travailler.

Quelle est l'intention de ces seigneurs quand ils font élever un jeune homme dans un métier quelconque? Vous le savez, mon Prince, et chacun d'eux Vous le dira: c'est pour n'avoir pas besoin de l'ouvrier d'un autre, d'un étranger, et pour s'épargner quelque chose sur les differens ouvrages, dont ils ont besoin. Ceci-même sert de règle, de base à notre économie. Qu'est-ce qu'un économe, qu'est-ce qu'une maison bien montée en Russie? C'est celui ou celle qui contient quantité de gens dont la plupart sont des ouvriers. Dans tous les païs étrangers les ouvriers domestiques sont défendus; on y a des maitrises, et les arts mécaniques y prospèrent et fait prospérer les arts libéraux et les sciences. Hume me confirme dans cette opinion lorsqu'il dit: Que chez le Potentat où il n'y aura pas un fabricant qui sache faire une aulne de drap si fin, que sa valeur arrive au prix d'une guinée, il est impossible qu'il se puisse former un astronome. Cette idée sans être prise dans le sens littéral, en offre cependant une qui me parait d'autant plus juste, que l'histoire de tous les tems n'a jamaîs manqué de le confirmer; c'est que toutes ces choses ont un enchaînement entre elles, des analogies les unes aux autres, et il est à craindre qu'en voulant établir les sciences et les arts, sans leur faire servir le commerce intérieur et les arts mechaniques de base, on ne manque le but qu'on se propose ou qu'on n'y parvienne que difficilement.

Pour ce qui regarde les Juges Ambulans, je dois vous observer, mon Prince, que c'est exactement pour la plus prompte administra-

---

un devoir essentiel de ma place.» *(Среднее сословіе* будетъ существовать, если-бы даже пришлось ему носить ваше имя, такъ какъ вы убѣждены по опыту, что это сословіе самое счастливое. Нужно будетъ создать его: это соображеніе меня скоро побудитъ дѣйствовать, такъ какъ я считаю осуществленіе его долгомъ моего сана). Изъ *Сборника Историческаго Общества*, т. I, 1867, стран. 286.84—2 *Авт.*

tion de la justice et non pour la faire languir qu'ils sont déstinés. Il faut que je me sois mal expliqué puisque Vous l'avez pris dans le sens contraire; permettez donc que je vous rappelle les exemples qui m'en ont donne l'idée.

En France, „l'iniquité des comtes, des seigneurs et des autres magistrats subalternes dans l'administration de la justice était devenue un fléau d'autant plus redoutable pour le peuple, que leur tirannie s'exercait à l'ombre et par le secours des lois. Soit qu'ils refusassent de juger ou jugeassent mal, les opprimés étaient obligés de souffrir ces injustices; il était trop difficile et trop dispendieux de se pourvoir en déni de justice ou en cassation par devant le tribinal du Prince. Si on y portoit enfin ses plaintes, on n'y trouvait pour juges que des courtisans corrompus, prêts également à refuser ou à vendre la justice, et toujours disposés par leur propre intérêt à condamner les plus faibles. Les Envoyès Royaux (ou Juges Ambulants) remedièrent à la plupart de ces abus par les Assises qu'ils tennoient dans leurs légations. La conduite des juges fut éclairée, ils furent obligés d'obéir aux lois. Cette cour supréme du Roi, où il était presque impossible de parvenir, fut à la fois présente dans chaque province, et la faiblesse du peuple y trouva un azile toujours ouvert contre la puissance des grands". (Observations sur l'histoire de France, par l'abbé Mably.)

En Angleterre: Dans le temps des Saxons aucun appel n'était reçu à la cour du Roi excepté dans le cas de déni, ou de délai de justice de ia part des cours inférieures, et le même usage était suivi dans la plus grande partie des royaumes féodaux. Guillaume le Conquérant autorisa sa cour à recevoir les appels des cours des baronies et des Conti-Cours.... Mais, pour que la dépense et la fatigue des voyages ne dégoutassent pas les plaideurs d'appeller à ce tribunal suprême, et ne les fissent pas acquiescer plus volontiers aux jugemens des Cours inférieures, il établit des juges ambulants, qui faisaient leur tournée par tout le Royaume et jugeaient tous les procès portés devant eux. (Hume, l'Histoire d'Angleterre de la maison de Plantagenet).

Maxime constante en fait de gouvernement: le mal est toujours à coté du bien, comme le bien est toujours à coté du mal. Les

plus grands biens ont suivi les plus grands maux. Les croisades (ce fléau imaginé par l'ambition et la politique et soutenu par le fanatisme et la superstition) sont les premières causes de l'excellent gouvernement qui existe actuellement ici.... L'intolérance y soutient et fait fleurir le commerce.

Quelque sage que paraisse être un établissement, les abus, pour peu qu'on se relâche, ne manquent pas de s'y introduire, et votre réflexion est très judicieuse, mon Prince, lorsque vous objectez que ce serait en quelque façon soumettre le peuple à une nouvelle espèce de vexation que d'envoyer des juges ambulans et retarder l'administration de la justice en les rendant controleurs des actions de leurs prédécesseurs.

C'est à l'égard du premier cas que le gouvernement doit s'intéresser d'avantage, et y procéder avec le plus de sévérité, seul moyen, selon moi, d'empêcher les abus, et si la peine ou la récompense deviennent le fruit de la malversation ou de l'integrité de ces juges ambulants, on les préviendra facilement.

Le second point ne souffre aucune difficulté. Controler les actions de leurs prédécesseurs ne doit jamais être l'objet de leur mission, ce n'est qu'en passant, pour ainsi dire, qu'ils s'en informeront. Leur p r e m i e r devoir sera de prendre connoissance des procès, disputes, etc, et de les terminer. Le s e c o n d de s'informer de la situation de la Province, de son commerce, des richesses, et de l'industrie des habitants, etc. Ce n'est qu'aprés avoir rempli ces deux objets qu'ils peuvent se faire instruire de la conduite qu'ont tenue leurs prédécesseurs et en faire leur rapport à l'Impératrice ou au Sénat.

Au reste, pour peu qu'on croye qu'il y a de l'inconvénient à les charger de la censure reciproque les uns des autres, on n'a qu'a les en dispenser, car c'est le point le moins important de leur légation.

Le nombre de 16 juges serait effectivement trop petit, si on l'établissait pour toute la Russie en general, mais comme je n'en avois proposé que pour les domaines de l'Impératrice, je compte qu'il serait satisfaisant. Leurs courses même ne doivent pas être fort à charge aux païsans, il n'est question que d'aller et venir, ce qui

en fait deux dans l'année; et elle le deviendraient encore moins par la suite des tems, car à mesure que l'agriculture, le commerce intérieur et la population augmenteront, les grands chemins se formeront aussi, et les postes ne manqueront pas de s'établir de même partout en Russie, ainsi q'uelles sont en France, *) étant aussi une branche d'industrie et de gain pour les habitans.

Il ne me reste plus qu'un mot à ajouter pour répondre à la remarque que Vous me faites l'honneur de me faire au sujet des artistes français. Vous croyez, mon Prince, que les meilleurs son étrangers ici. En fait de peinture, sculpture, gravure & architecture, je puis Vous garantir que les plus habiles sont les nationaux; Il y en a d'étrangers, mais de très médiocres. Peut-être se trouve-t-il dans les arts mécaniques quelques étrangers de premier ordre; le reste est tout français.

J'ai l'honneur etc.

Dimitri, Prince de Galitzin.

Въ переводѣ:

Парижъ, 26-го мая 1766.

Князь,—Письма ваши возбуждаютъ меня къ труду, и возраженія въ нихъ плодятъ новыя мысли. Принимаюсь отвѣчать на ваши отъ 4-го и 7-го апрѣля.

Правда, что земледѣліе идетъ въ Россіи лучше, чѣмъ о немъ думаютъ иностранцы; однакоже, если нѣкогда маленькая Сицилія служила житницей для Римской Имперіи, то отъ нашего отечества, съ его безмѣрными пространствами и плодородіемъ его почвы, можно было бы ожидать подобной услуги для всей Европы.

Мнѣ кажется, что ея величество избрала наилучшія мѣры относительно развитія у насъ наукъ и художествъ: ничто, конечно, не представляетъ лучшихъ залоговъ для ихъ преуспѣянія, какъ основаніе академій и правильное устройство сихъ учрежденій. Но, опираясь на примѣръ исторіи, боюсь, что средства эти окажутся слабы, если одновременно не будетъ у насъ поднята внутренняя торговля. А она, въ свою очередь, не можетъ процвѣсти, если не

---

*) Рукою императрицы: Toutte (sic) la France ne fait pas la moitié du gouvernement de Novogrod.

будетъ *мало-по-малу введено у насъ право собственности крестьянъ на ихъ движимое имущество. Среднее сословіе* также необходимо для процвѣтанія наукъ и художествъ.

Образованіе средняго сословія не встрѣтитъ, по моему, затрудненій: ея императорскому величеству стóитъ только пожелать онаго. Но устроить его богатство, довольство, поставить его въ возможность пользоваться плодами своего труда, вотъ что можетъ быть у насъ невозможно. Не кажется ли и вамъ, князь, какъ мнѣ, что препятствіемъ въ этомъ случаѣ непреодолимымъ послужитъ множество ремесленниковъ наполняющихъ дома русскихъ бояръ? Исключивъ изъ общаго числа жителей Москвы, и даже Петербурга, бояръ нашихъ, скажите, велико ли останется населеніе, на которое придется работать свободнымъ ремесленникамъ?

Какова цѣль бояръ, когда они отдаютъ крѣпостныхъ юношей въ ученіе любому ремеслу? Каждый вамъ отвѣтитъ: та, чтобы не нуждаться въ чужомъ ремесленникѣ, и чтобы дѣлать сбереженія на различныхъ подѣлкахъ, въ коихъ мы нуждаемся. Такой обычай служитъ правиломъ и основой нашему хозяйству. Чтó такое хозяинъ, чтó такое благоустроенное господское хозяйство въ Россіи? Это тотъ или то, которые содержатъ наибольшее число людей (дворовыхъ) изъ коихъ большинство—ремесленники. Вездѣ въ чужихъ земляхъ дворовые ремесленники запрещены; тамъ существуютъ цехи, и потому цвѣтутъ ремесла и искусства, помогая процвѣтанію наукъ и свободныхъ художествъ. *Юмъ* подтверждаетъ мое мнѣніе: „Если государь,“ говоритъ онъ, „не воспитаетъ у „себя фабриканта способнаго выткать сукно столь тонкое, чтобъ „оно достигло цѣны двѣ гинеи за аршинъ, то тѣмъ менѣе воспи„тается въ его государствѣ астрономъ.“ Не принимая этихъ выраженій въ буквальномъ смыслѣ, должно однакоже согласиться, что всѣ предметы производства имѣютъ между собою до того тѣсную связь и зависимость, что, желая утвердить въ странѣ науки и искусства, не на основаніи предварительно созданныхъ внутренней торговли и ремеслъ, непремѣнно встрѣтишься на пути къ этой цѣли съ величайшими препятствіями.

Относительно „Объѣздныхъ Судей“ я долженъ замѣтить, князь, что ихъ учрежденіе должно служить къ ускоренію правосудія суда, а отнюдь не къ замедленію. Вѣроятно, я невѣрно выразился, если

дѣло представляется вамъ въ обратномъ смыслѣ. Позвольте мнѣ напомнить вамъ образцы, которые родили во мнѣ мысль о нихъ.

Во Франціи, „несправедливость графовъ, господъ и другихъ низшихъ отправителей правосудія была тѣмъ болѣе страшнымъ бичомъ для народа, что тиранія ихъ дѣйствовала въ тѣни при помощи законовъ. Отказъ въ правосудіи или неправосудіе были одинаково тяжелы для судящихся: добиться отмѣны рѣшенія или права отзыва предъ королевскимъ судомъ представляло затрудненія непреодолимыя. Въ случаѣ обжалованія и на высшей степени суда обиженный встрѣчалъ царедворцевъ подкупныхъ, равно готовыхъ продать свою помощь или отказать въ оной, но во всякомъ случаѣ расположенныхъ, для собственный выгоды, обвинить слабѣйшаго. Учрежденіе королевскихъ пословъ (или Объѣздныхъ Судей) облегчило большую часть этихъ золъ повременными объѣздами ввѣряемой имъ области. *Въ темноту закрытаго суда внесенъ былъ свѣтъ*, и судьи увидѣли необходимость слѣдовать законамъ. Этотъ высшій королевскій судъ, дотолѣ недоступный, явился одновременно во всѣхъ областяхъ; и безпомощный народъ немедленно обрѣлъ защиту отъ притѣсненій сильныхъ". (Observation sur l'histoire de France, par l'abbé Mably.)

Въ Англіи, въ періодъ Саксонскій, кромѣ случаевъ отказа или отсрочки правосудія въ нижнихъ судахъ, никакой отзывъ не принимался на королевскомъ судѣ. И такой обычай былъ общимъ для большинства феодальныхъ государствъ. Вильгельмъ Завоеватель разрѣшилъ своей палатѣ принимать отзывы на рѣшенія баронскихъ и графскихъ судовъ... Но чтобъ отъ обращеній къ высшему суду не отвратили тяжущихся издержки и затрудненія путевыя, при которыхъ они невольно должны были бы соглашаться на рѣшенія низшихъ судовъ, онъ учредилъ *объѣздныхъ судей*, обязанныхъ объѣзжать все королевство и лично, на мѣстахъ, разбирать всѣ тяжбы. (Юмъ, *Исторія Англіи и Плантагенетовъ*.)

Правило общее при правленіи: зло всегда стоитъ рядомъ съ добромъ, и добро идетъ бокъ-о-бокъ со зломъ. За величайшими бѣдствіями слѣдуетъ полное благосостояніе. Крестовые походы,—бичъ изобрѣтенный честолюбіемъ и видами политическими, поддержанный изувѣрствомъ и суевѣріями, — послужили основаніемъ къ учрежденію здѣсь превосходнаго управленія, нынѣ существующа-

го. Нетерпимость поддерживаетъ и заставляетъ процвѣтать торговлю.

Какъ бы ни были мудры учрежденія, распущенность въ ихъ дѣйствіяхъ не преминетъ породить злоупотребленія; и ваше замѣчаніе, князь, совершенно вѣрно, что посольство объѣздныхъ судей обременитъ народъ новыми повинностями, а отправленіе ими суда затормозитъ вообще судъ, если имъ вмѣнится въ обязанность повѣрять дѣйствія ихъ предшественниковъ.

Въ настоящемъ случаѣ особую важность имѣетъ первое замѣчаніе. Здѣсь требуется дѣйствовать съ особою строгостію; и строгость—единственное, по моему, средство, чтобъ отвратить злоупотребленія. Для предупрежденія ихъ необходимо установить награду за дѣйствія безпристрастныя и кару за неправосудіе.

Вторая часть вашего замѣчанія легко удовлетворяется. Повѣрка дѣйствій предшественниковъ никогда не должна быть поставлена въ обязанность новымъ судьямъ; пусть они будто стороной, о нихъ навѣдываются. Ихъ *первою* обязанностію должно быть освѣдомиться о тяжбахъ, ссорахъ и т. п., и ихъ покончить. *Второю* ознакомиться съ состояніемъ области, съ ея торговлей, со средствами и промыслами жителей и пр. *Только* исполнивъ эти двѣ обязанности, они могутъ обратить вниманіе на образъ дѣйствій своихъ предшественниковъ и донести о нихъ императрицѣ или Сенату.

Наконецъ, стоитъ найти неудобнымъ порученіе имъ взаимнаго соглядатайства, чтобъ ихъ отъ него освободить, ибо оно есть далеко не важнѣйшая цѣль ихъ порученія.

Шестнадцати судей, конечно, недостаточно для всей Россіи; но я имѣлъ въ виду лишь удѣльныя имѣнія государыни, и потому полагалъ такое число судей удовлетворительнымъ. Самыя поѣздки ихъ не могутъ значительно обременить крестьянъ, ибо имъ придется въ годъ проѣхать только два раза, на мѣсто и обратно. А съ теченіемъ времени, поѣздки судей еще болѣе для нихъ облегчатся, ибо, съ развитіемъ земледѣлія, внутренней торговли и умноженіемъ населенія устроятся большія дороги и по всей Россіи установятся почты, подобно какъ во Франціи, *) такъ какъ онѣ

*) Противъ этого мѣста въ письмѣ, очевидно доложенномъ государынѣ, есть собственноручная отмѣтка ея величества:

„Вся Франція представляетъ едва половину Новогородской губерніи".

сами по себѣ составляютъ важную отрасль промышленности и наживы для мѣстныхъ жителей.

Окончу отвѣтомъ на замѣтку вашу которая касается искусства у Французовъ. Вы полагаете, князь, что лучшіе изъ художниковъ у нихъ—иностранцы. Въ дѣлѣ живописи, валянія, рѣзьбы и зодчества, увѣряю васъ, самые искусные—изъ Французовъ. Есть и иноземцы, но они представляютъ посредственность. Быть-можетъ, изъ иностранцевъ есть первостепенные ремесленники; остальные всѣ—Французы.

Имѣю честь быть и проч.

Димитрій, князь Голицынъ.

Въ печати сдѣлались извѣстны нѣсколько предположеній объ улучшеніи крестьянскаго быта въ Россіи, одновременныхъ или близкихъ ко времени учрежденія императрицею Екатериной II Вольнаго Экономическаго Общества. Юбилейное изданіе Общества заключаетъ въ себѣ полную исторію сего вопроса. „Изслѣдованіе о крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи“, сдѣланное въ 1767 году А. Я. Полѣновымъ, было напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* г. Бартенева. Но князь Д. А. Голицынъ предупредилъ всѣхъ отечественныхъ писателей. Мысли высказываемыя имъ въ печатаемыхъ нынѣ письмахъ представляютъ не отвлеченный трудъ ученаго, а дѣловое изложеніе тѣхъ дѣйствительныхъ волъ, которыя были такъ тяжелы крестьянамъ.

Многое въ предположеніяхъ князя Голицына могло казаться несбыточнымъ. Такъ, напримѣръ, устройство повсюду „большихъ“ дорогъ, и Россія покрытая сѣтью почтовыхъ сообщеній казалась до того немыслима, что даже со стороны императрицы явилось замѣчаніе: Toute la France ne fait pas la moitié du gouvernement de Novgorod. И тѣмъ не менѣе, по мановенію мудрой государыни, быстро осуществилось и то, что ей самой казалось неосуществимымъ. Не далѣе, какъ чрезъ шесть лѣтъ послѣ втораго изъ пи-

семъ князя Голицына, государыня, по возвращеніи изъ своего путешествія на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ до Могилева и обратно въ Петербургъ, изъявляла монаршее благоволеніе Смоленскому дворянству, и ставила его въ образецъ другимъ областямъ Имперіи, по отлично устроенной имъ грунтовой дорогѣ, вездѣ обсаженной деревьями.

А. Рачинскій.

Приложеніе I.

Письмо Князя М. А. Оболенскаго къ В. А. Полѣнову, изъ Москвы, отъ 17 января 1842 г.

На ловца бѣжитъ звѣрь, какъ говоритъ русская пословица; такъ случилось и съ нами. Начавъ разбирать бумаги Государыни Императрицы Екатерины II, мы невольно пристрастились къ знаменитому ея Царствованію: каждая бумага обозначаетъ или счастливую, современную мысль или мудрое распоряженіе, такъ, что мы жалѣли и жалѣемъ о всякой недостающей бумагѣ; признаюсь, грустно подумать, что она затеряна; въ это время нашего раздумья, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ доставилъ въ Московскій Архивъ 13-ть сундуковъ съ бумагами, доставшимися ему послѣ дядей его Вице-Канцлера князя А. М. и бывшаго въ Вѣнѣ Посломъ князя Д. М. Голицыныхъ. При поверхностномъ обзорѣ одного изъ сихъ сундуковъ, къ великой нашей радости оказалось множество любопытныхъ бумагъ, относящихся къ дипломатическимъ дѣламъ Царствованія Императрицы Екатерины, множество шифрованныхъ депешей и донесеній, въ особенности относящихся къ первымъ годамъ Ея Царствованія.

Приложеніе II.

Выписки изъ всеподданнѣйшихъ Отчетовъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

1875 года. Въ 1875 году составленіе нѣсколькихъ, недостающихъ въ Архивѣ, каталоговъ, было предметомъ особенной заботливости Директора. Описана большая часть такъ называемыхъ *Голицынскихъ бумагъ*, принятыхъ въ 1842 году, по Высочайшему повелѣнію, отъ Дѣйств. Тайн. Сов. 1-го класса Князя Сергія Михайловича Голицына, хранившихся съ тѣхъ поръ въ 13-ти запечатанныхъ сундукахъ въ подвальномъ этажѣ стараго Архивскаго зданія, и перемѣщенныхъ при перевозкѣ въ новое, въ 11 шкафиковъ IV Отдѣленія. Въ этихъ бумагахъ, принадлежавшихъ Князю А. М. Голицыну, бывшему Вице-Канцлеромъ съ 1762 — 1775 г., Князю Д. М. Голицыну, состоявшему въ продолженіе 30-ти лѣтъ Посломъ въ Вѣнѣ, и Князю Д. А. Голицыну, находившемуся Посланникомъ въ Парижѣ и въ Гаагѣ, отысканы: первыя въ хронологическомъ порядкѣ, предположенія объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ, 3 подлинныхъ письма Вольтера (въ числѣ ихъ 2 никогда неизданныхъ), такія же 2 письма Дидро, переписка съ собственноручными замѣтками Императрицы Екатерины II, относящаяся до изданія сочиненій Гельвеція и пр.

Того же года. Съ разрѣшенія Директора Архива, Дѣлопроизводитель онаго *Рачинскій* помѣстилъ въ Февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1876 г. «Мысль объ освобожденіи русскихъ крестьянъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ», — и въ Февральской же книжкѣ *Русской Старины* 1875 г. 4 письма (въ числѣ ихъ два Генералиссимуса Князя Суворова) къ Вице-Канцлеру Князю А. М. Голицыну.

1876 года. Директоръ Архива сообщилъ состоящему подъ Почетнымъ Предсѣдательствомъ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, ИМПЕРАТОРСКОМУ Русскому Историческому Обществу, 2 принадлежащихъ Архиву, неизданныхъ письма Вольтера съ предисловіемъ, написаннымъ имъ, Барономъ Бюлеромъ; копіи съ 11-ти донесеній Посланника Кн. Голицына, относящихся до пріѣзда въ Россію зодчаго Фалькопета и съ его проэкта памятника Петру Великому. Письма Вольтера, напечатаны въ XV-мъ, а донесенія въ XVII-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества.

Кромѣ того, съ разрѣшенія Директора, Дѣлопроизводитель Архива *Рачинскій* помѣстилъ, въ XV томѣ того же Сборника, 5 писемъ бывшаго при Французскомъ Дворѣ Россійскимъ Посланникомъ, Князя Д. А. Голицына къ Вице-Канцлеру Князю А. М. Голицыну, заключающія, между прочимъ, первыя, въ хронологическомъ порядкѣ (1767—1770 г.), предположенія объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (ср. Отчетъ Архива за 1875 г.). Онъ же напечаталъ въ Майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, статью «Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣкѣ».

Того же года. Профессоръ Альфредъ Рамбо, въ статьѣ своей «Catherine II et ses correspondants Français», помѣщенной въ Revue des Deux Mondes 1-го Февраля 1876 года, заявляетъ, что въ Московскомъ Архивѣ оказались черновыя письма Екатерины II къ Вольтеру и, въ числѣ ихъ, 5 вовсе неизданныхъ. Рамбо анализируетъ содержаніе оныхъ и приводитъ изъ нихъ выдержки. Далѣе, онъ говоритъ, что непосредственную переписку Вольтера съ Императрицею дополняютъ тѣ письма, которыя онъ писалъ напр. къ ея Посланнику въ Парижѣ, Кн. Д. А. Голицыну и которыя послѣдній пересылалъ въ Петербургъ, своему двоюродному брату, Вице-Канцлеру Кн. А. М. Голицыну, и что такъ какъ всѣ его бумаги принадлежатъ теперь Московскому Главному Архиву, то при разборѣ этихъ драгоцѣнныхъ документовъ, сдѣланномъ въ 1875 году, по приказанію Директора Барона Бюлера, отыскалось, въ числѣ ихъ, 2 совершенно неизданныхъ письма Вольтера. Приведя отрывокъ изъ перваго, Рамбо посвящаетъ особое примѣчаніе сообщенной изъ того же Архива *Сборнику*, перепискѣ обоихъ Голицыныхъ и проэкту одного изъ нихъ освободить своихъ крест-

нъ, оставивъ за собою землю. По этому поводу, Рамбо выражается слѣдующимъ образомъ: «Il y a loin de là à l'acte émancipateur de 1861! C'est pourtant dans ces conditions si défavorables pour le paysan, que fut accomplie, au commencement de ce siècle, l'émancipation des serfs par la noblesse Allemande des provinces Baltiques de la Russie. Le paysan de la Russie proprement dite a gagné à attendre».

Приложеніе III.

Русская Мысль, Февраль 1881 г., статья В. И. Семевскаго: «Не пора-ли написать исторію крестьянъ въ Россіи».

Стр. 243 — 245. Народная жизнь имѣетъ очень ограниченный кругъ интересовъ; количество земли, размѣры податей, распредѣленіе того и другаго — все это вопросы, которые нельзя изучать съ высоты птичьяго полета. Если основательную картину экономическаго положенія одной губерніи, мы можемъ получить только при помощи такого многолѣтняго, громаднаго труда, какой былъ предпринятъ, напримѣръ, Московскимъ земствомъ, то нѣтъ основанія думать, что можно было бы достигнуть вполнѣ правильныхъ результатовъ безъ такого-же внимательнаго труда и надъ данными прошлой жизни народа. Только эти детальныя, мѣстныя изслѣдованія и дали Мауреру возможность прослѣдить судьбу той или другой общины, нарисовать картину постепеннаго разложенія марки на деревенскія общины и т. п. Правда, и для мѣстныхъ изслѣдователей есть не мало затрудненій, прежде всего въ томъ, что указанные нами матеріалы хранятся въ центральныхъ (преимущественно Московскихъ) Архивахъ, но во-первыхъ, дубликаты писцовыхъ книгъ, «экономическихъ примѣчаній», неизданныхъ описаній губерній—сплошь и рядомъ оказываются и въ какомъ либо провинціальномъ древлехранилищѣ, а во-вторыхъ, все-таки главная масса матеріала (разныхъ актовъ, документовъ о крестьянскомъ самоуправленіи и т. п.), должна несомнѣнно оказаться на мѣстѣ, насколько они уцѣлѣли отъ губительнаго вліянія времени и невѣжественнаго равнодушія нашего общества къ своему прошлому. Вотъ прекрасная

задача для молодыхъ историковъ! Если бы каждый изъ оканчивающихъ Университетскій курсъ спеціалистовъ по Исторіи составилъ на основаніи указанныхъ матеріаловъ, историческій очеркъ какого-нибудь клочка той мѣстности откуда онъ родомъ,—какъ скоро наша наука обогатилась бы цѣлымъ рядомъ, совершенно новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ! Обязанность начать такіе труды лежитъ особенно на молодыхъ историкахъ — Москвичахъ. До сихъ поръ они слишкомъ мало пользуются тѣми богатствами, какія заключаютъ въ себѣ Архивъ Министерства Юстиціи и отчасти Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а важности для науки результатовъ генеральнаго межеванія въ Архивѣ Межевомъ еще и не подозрѣваютъ. Пусть не подумаютъ нѣкоторые радѣтели народа, слишкомъ узко понимающіе его интересы, что приглашать молодыя силы къ подобнымъ трудамъ, значитъ отвлекать ихъ отъ насущной необходимости изученія современнаго положенія народа. Уже не говоря о томъ, что мы обращаемся только къ спеціалистамъ по Русской Исторіи, которые составляютъ лишь небольшую часть молодыхъ научныхъ силъ, посвящающихъ себя всѣмъ областямъ знанія, мы должны сказать, что изслѣдованіе прошлаго, какое мы рекомендуемъ, не менѣе важно, чѣмъ изученіе современнаго быта. Только при такомъ внимательномъ изслѣдованіи прошлой экономической жизни народа можно рѣшить, дѣйствительно ли мы двигаемся впередъ, или, напротивъ, несмотря на нѣкоторыя измѣненія къ лучшему, не происходитъ ли серьезнаго ухудшенія въ экономическомъ положеніи народа. Многимъ самый вопросъ этотъ можетъ показаться дикимъ и парадоксальнымъ: можетъ ли быть сравненіе между временами свободной жизни народа, избавленнаго отъ ферулы помѣщика, и какимъ нибудь XVII или XVIII вѣкомъ. Но исторія произноситъ иногда совершенно неожиданные приговоры: напомнимъ для примѣра хотя то, что Англійскій профессоръ Роджерсъ, послѣ многолѣтняго, кропотливаго труда надъ Исторіею земледѣлія и цѣнъ въ Англіи въ XIII и XIV столѣтіи, пришелъ къ выводу, что нынѣшній Англійскій рабочій находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ его собратъ за четыреста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Настоящее только тогда можетъ быть освѣщено правильнымъ свѣтомъ, когда оно изучается на историческомъ основаніи.

Стр. 259—260. Самымъ важнымъ Архивомъ, для Исторіи внутренняго быта, не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ предшествовавшія эпохи, особенно въ XVI — XVII столѣтіяхъ, несомнѣнно нужно считать Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ, находящійся подъ управленіемъ нашего извѣстнаго ученаго изслѣдователя и редактора изданій многихъ матеріаловъ Н. В. Калачева. Здѣсь хранятся боярскія книги и списки, десятни, жилецкіе списки, дѣла конторъ Герольдмейстерской, Печатной и др., Приказовъ Малороссійскаго, Разряднаго, Сибирскаго и многихъ другихъ, родословныя, разряды, множество жалованныхъ грамотъ Монастырямъ и Церквамъ, дѣла Канцелярій Конфискаціи, Тайной и другихъ, Камеръ, Ревизіонъ и Юстицъ-Коллегій, Коллегіи Экономіи и нѣкоторыхъ Конторъ, Коммиссіи о моровой язвѣ 1771 года, нѣкоторыхъ Магистратовъ, разныхъ судовъ, Розыскной Экспедиціи, книги записныя, отказныя, писцовыя, наконецъ, обширное производство разныхъ учрежденій (съ начала XVII столѣтія по 1867 годъ), расположенное по мѣстностямъ. Для исторіи крестьянъ въ XVIII в., матеріала слѣдуетъ преимущественно искать въ огромной коллекціи дѣлъ Сената (какая масса документовъ хранится въ этомъ Архивѣ, видно уже изъ того, что однихъ Сенатскихъ дѣлъ, съ 1711 по 1797 г., здѣсь находится 7,428 книгъ и 1,186 связокъ). Для исторіи Великороссійскихъ крестьянъ при Екатеринѣ всего обильнѣе матеріалами дѣла 1-го Департамента, а относительно крестьянъ Духовныхъ вотчинъ, слѣдуетъ преимущественно искать свѣдѣній въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи....

Стр. 261—262. Другое громадное Московское древлехранилище— Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ — какъ показываетъ и самое его названіе, имѣетъ преимущественно значеніе для Исторіи дипломатическихъ сношеній; тутъ хранятся трактаты съ Европейскими державами, договоры съ Азіатскими владѣтелями, дѣла Министерской корреспонденціи по Европейской и Азіатской экспедиціямъ; но здѣсь же есть очень много источниковъ и для Исторіи внутренняго быта: разныя Государственныя книги, грамоты и договоры съ древнѣйшихъ временъ, жалованныя грамоты, письма Государей, секретныя дѣла, не мало документовъ Елисаветинскаго Царствованія, дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, дѣла о выѣздѣ въ Россію иностранцевъ, о Донскихъ казакахъ, Духов-

ныя дѣла (о поставленіи патріарховъ и пр.), матеріалы о Духовенствѣ иностранныхъ исповѣданій, кабинетныя дѣла Анны Іоанновны, Малороссійскія дѣла (1522—1775 г.), дѣла Кн. Меншикова, почтовыя, Смоленскаго Приказа, Монастырскія конца XVII ст., и пр. Здѣсь есть также нѣкоторые документы, касающіеся Екатерининской Коммиссіи для составленія новаго Уложенія и сношенія Государей съ разными Правительственными мѣстами и должностными лицами по дѣламъ внутреннимъ, доклады по дѣламъ финансовымъ второй половины XVIII в., дѣла о раскольникахъ, самозванцахъ и пр. Намъ удалось еще познакомиться, благодаря любезному разрѣшенію Г. Директора Архива, Барона Ѳ. А. Бюлера, съ хранящимся тамъ же семейнымъ архивомъ Вице-Канцлера Императрицы Екатерины Кн. А. М. Голицына, занимающимъ 10 шкафовъ, описаніе которыхъ уже начато, но еще не скоро можетъ быть приведено къ концу. Въ этомъ драгоцѣнномъ собраніи есть интересная переписка съ Вице-Канцлеромъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, а также и разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, служившихъ въ Россіи, письма самой Императрицы Екатерины, переписка семейная, заключающая массу самыхъ любопытныхъ данныхъ о бытѣ дворянства того времени, донесенія изъ вотчинъ, какъ принадлежавшихъ самому Кн. Голицыну, такъ и находившихся подъ его опекою или наблюденіемъ; наконецъ, цѣлая масса приходо-расходныхъ книгъ, веденныхъ въ домѣ господина, а также и въ различныхъ вотчинахъ. Все это документы первостепенной важности для исторіи дворянскаго быта, крѣпостнаго права; наконецъ, исторіи цѣнъ; между тѣмъ, этими дѣлами до сихъ поръ еще никто не пользовался. Кромѣ документовъ самого Архива, не мало любопытныхъ рукописей хранится и въ обширной его библіотекѣ (между прочимъ коллекція портфелей Академика Г. Ф. Миллера).

Приложеніе IV.

M. N. Bouillet. Dictionnaire d'Histoire et de Géographie, Paris, 1851.

p. 675. Galitzin (maison de), illustre maison russe, issue à la fin du XV siècle de Michel Ivanovitch Boulgakof, qui descendait lui-même des grands Princes de Lithuanie. Boulgakof avait reçu le surnom de Galitza (c.—á—d. gantelet) d'un gant de cuir qu'il avait coutume de porter à la main droite, suivant d'autres, ses descendants prirent leur nom de la ville de Galitz. Le membre le plus célèbre de cette famille est:

Galitzin (Wasili ou Basile), dit le Grand, seigneur russe, né en 1633. Il devint en 1680 Ministre du Czar Fédor Alexiovitz, et lui persuada d'abolir les titres de noblesse afin de n'avancer que le mérite. Tout puissant sous la rég. Sophie, dont il était l'amant il comprima une révolte des Strélitz (1682), conclut en 1686 un traité de paix avec la Pologne, envoya une Ambassade en France, mit un terme aux incursions des Tartares de la Crimée (1688), et prépara la civilisation de son peuple. Accusé en 1689 d'avoir conspiré avec la Régente contre la vie du jeune Prince Pierre (Pierre I), il fut envoyé en exil. Il mourut en 1713. — La famille Galitzin a fourni sous les règnes suivants des généraux et des administrateurs distingués, entre autres le Prince Dimitri Galitzin, Ambassadeué en France en 1765, qui fut lié avec les hommes les plus illustres de l'époque; il publia plusieurs ouvrages scientifiques et donna en Hollande une édition complète d'Helvétius. — La famille Kourakin est issue du frère de Michel Ivanovitch, tige de la famille Galitzin.

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1862 году.

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ составляетъ, какъ и архивы Государственный и С.-Петербургскій Главный, отдѣльную часть этого министерства, замѣнившаго коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая, въ свою очередь, при Петрѣ Великомъ (съ 1720 г.) заступила мѣсто древняго посольскаго приказа. Когда учрежденъ былъ послѣдній — съ достовѣрностью неизвѣстно. Изъ сохранившихся указаній видно только, что онъ упоминается уже подъ этимъ именемъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ и что, потомъ, по важности своего назначенія, постоянно пользуется какъ-бы преимуществомъ предъ прочими приказами, преимуществомъ, которое объясняется какъ обширностью его вѣдомства, такъ и тѣмъ, что на его обязанности было храненіе государственной печати и всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ безъ различія ихъ содержанія. Но со второй половины XVII в. значеніе посольскаго приказа особенно увеличилось, потому что, кромѣ посольскихъ дѣлъ, онъ началъ завѣдывать не только еще многими отдѣльными предметами и лицами, но и цѣлыми приказами; такъ въ разное время ему подчинены были: приказы Великороссійскій, Малороссійскій, Литовскій, Смоленскій, Новгородскій, Полоняничный; четверти: Устюжская, Владимірская, Галицкая; область Великопермская, нѣкоторые монастыри, иновѣрческія въ Россіи церкви, Татарскіе цари, имѣвшіе своимъ удѣломъ городъ Касимовъ, именитые люди Строгановы со всѣми ихъ вотчинами и соляными варницами, торговые всѣхъ земель ино-

земцы, Нѣмецкая слобода въ Москвѣ, смотритель желѣзнаго завода Петръ Марселисъ съ дѣтьми, мѣщанская, за Земляным городомъ (въ Москвѣ), Троицкая слобода со всѣми мѣщанами, гранитный дворъ, гдѣ останавливались пріѣзжіе купцы персидскіе, армянскіе, индійскіе и бухарскіе; бархатнаго дѣла мастеръ Захарій Паульсъ со всѣмъ его заводомъ; аптеки съ докторами, лекарями, аптекарями и другими лицами; иностранные комедіанты, вызванные въ Москву въ 1702 году; имеретинская царица Екатерина Давыдовна и молдавскій господарь князь Кантемиръ. Съ учрежденіемъ коллегій большая часть этихъ мѣстъ и лицъ, конечно, отошла въ другія соотствѣтственныя вѣдомства, но относившіяся до нихъ дѣла, за весьма немногими исключеніями, всѣ остались въ вѣдѣніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ посольскомъ Приказѣ и потомъ въ коллегіи и министерствѣ иностранныхъ дѣлъ сосредоточиваются не только всѣ документы по части сношеній Россіи съ иностранными державами и важнѣйшіе государственные акты, начиная съ древнѣйшаго времени, но и множество разнообразныхъ дѣлъ, относящихся къ внутренней жизни нашего отечества въ XVI, XVII и отчасти XVIII столѣтіяхъ. Изъ этой-то массы постепенно накоплявшихся драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ образовалось одно изъ богатѣйшихъ и самыхъ важныхъ въ Россіи хранилищъ, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*. Объ устройствѣ его до учрежденія коллегій нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Изъ уцѣлѣвшихъ донынѣ т. п. *переписныхъ книгъ* можно видѣть только, что оно вѣдалось посольскими дьяками, что съ половины XVI столѣтія всѣмъ находившимся въ приказѣ дѣламъ составлялись болѣе или менѣе подробныя и тщательныя описи *) и что важнѣй-

*) Древнѣйшая изъ уцѣлѣвшихъ въ архивѣ описей дѣлъ пос. приказа относится къ 1614 г.; но есть указанія, что были еще и другія, предшествовавшія ей. Изъ нихъ одна сдѣлана была при дьякѣ Иванѣ Михайловичѣ Висковатомъ, управлявшемъ пос. приказомъ съ 1556 по 1571 г. Другая, относящаяся къ 1563 г., приписывается дьяку Андрею Васильеву. Она, вмѣстѣ со многими актами приказа, увезена была изъ Москвы поляками, переплетена вмѣстѣ съ литовскою метрикою, потомъ, по возвращеніи изъ Польши, поступила въ императорскую публичную библіотеку и напечатана въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“ (т. 1. № 289).

шіе акты отдѣлялись въ особые сундуки и отдавались, за государевою печатью, на сбереженіе (преимущественно отъ пожаровъ) на *Казенный дворъ* (гдѣ хранились всякія драгоцѣнности царской казны), откуда ихъ приносили только или для свидѣтельствованія, или для необходимыхъ справокъ. Относительно помѣщеній посольскаго приказа извѣстно, что при царѣ Иванѣ IV Васильевичѣ для него отведены были во дворцѣ особыя *посольскія палаты*, а при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ приказъ имѣлъ уже для себя отдѣльный домъ. Въ послѣдствіи, въ 1667 г., для *государственнаго приказа посольскія палаты* царь Алексѣй Михайловичъ соорудилъ новое зданіе въ Кремлѣ (недалеко отъ Архангельскаго собора), служившее посольскому вѣдомству въ Москвѣ до 1762 г. При учрежденіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ первый разъ упоминается отдѣльно о ея *архивѣ*, для разбора котораго, по указу Петра Великаго, опредѣленъ былъ въ 1720 г. особый архиваріусъ (Алексѣй Почайновъ) и составлена, въ руководство послѣднему, подробная инструкція; завѣдываніе же имъ вообще съ этого времени поручается одному изъ членовъ (ассессору) учрежденной въ Москвѣ конторы коллегіи, главную обязанность котораго составляло попеченіе о сохранности и приведеніи въ должный порядокъ всего, что находилось въ архивѣ и продолжало поступать туда вновь. Но тогдашнія средства нисколько не соотвѣтствовали такимъ благимъ намѣреніямъ. Лица, которымъ поручалось это важное дѣло, требующее большаго трудолюбія и особенныхъ познаній, были большею частью или мало приготовлены къ подобнымъ занятіямъ, или вовсе къ нимъ неспособны *). Хранившіяся въ архивѣ дѣла не только

При Щелкаловыхъ (1575—1600) составлена была также перепись дѣлъ пос. приказа, о которой сохранилось только извѣстіе въ описи 1626 г., сдѣланной послѣ большаго въ Москвѣ пожара окольничимъ Бутурлинымъ и дьяками Болотниковымъ и Нечаевымъ. Въ 1632 г. къ послѣдней описи была составлена дополнительная окольничимъ Далматовымъ-Карповымъ и дьякомъ Перепосевымъ, съ показаніемъ, чего именно не нашлось послѣ пожара и что поступило вновь въ посольскій приказъ съ 1626 г. Наконецъ въ 1673 г. упоминается о новой переписи, сдѣланной при боярынѣ Матвѣевѣ, завѣдовавшемъ пос. приказомъ послѣ знаменитаго Ордина-Нащокина.

*) Вотъ имена лицъ, управлявшихъ архивомъ до начала царствованія императрицы Екатерины II, или до времени опредѣленія туда исторіографа Миллера:

плохо разбирались, но и страдали еще отъ небрежнаго съ ними обращенія. (Для примѣра достаточно привести то, что иногда—при перестройкахъ и другихъ случаяхъ—ихъ переносили съ мѣста на мѣсто въ *кулькахъ*); кромѣ того, надлежащей сохранности ихъ и хотя по-крайней-мѣрѣ удобному размѣщенію много препятствовали сырыя и тѣсныя комнаты въ нижнемъ этажѣ кремлевскаго дома, пришедшаго въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ совершенную ветхость; между тѣмъ архивъ постоянно продолжалъ наполняться новыми присылками дѣлъ, число которыхъ съ Петра Великаго увеличивалось все болѣе и болѣе. Частныя и настойчивыя требованія коллегіи о приведеніи ихъ въ порядокъ не могли имѣть успѣха, потому что главныя причины, мѣшавшія надлежащему устройству архива, всетаки нисколько не устранялись. Наконецъ въ 1759 г. (указомъ 29 ноября), для скорѣйшаго достиженія предположенной цѣли, архивъ со всѣми составлявшими его штатъ чиновниками и служителями подчиненъ былъ вѣдѣнію и „надзиранію“ конторы; но и это не принесло никакой пользы, напротивъ, положеніе архива подъ управленіемъ главныхъ начальниковъ конторы (Топильскаго и Собакина), по-крайней-мѣрѣ въ первое время (1759—1766) было едва-ли не хуже прежняго. Въ этотъ періодъ его существованія, именно въ 1762 г., онъ былъ переведенъ изъ ветхихъ кремлевскихъ палатъ въ нанятый для него и для конторы домъ Ростовскаго подворья (на Варваркѣ), гдѣ собственно архиву достались въ удѣлъ самыя плохія комнаты и подвалы, въ которыхъ дѣла впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оставались большею частью даже невынутыми изъ сундуковъ. Вообще можно сказать, что дурныя помѣщенія вредили архиву болѣе, чѣмъ самые пожары *), въ прежнія времена такъ часто опусто-

---

ассессоръ Петръ Курбатовъ (1724), ассессоръ Михаилъ Ларіоновъ (1725—1732), ассессоръ Семенъ Ивановъ (1732—1741), статскій совѣтникъ Иванъ Топильскій (онъ управлялъ архивомъ три раза: въ 1743, съ 1747—1757 и съ 1758—1760), ассессоръ Михаилъ Собакинъ (1744—1747); онъ же впослѣдствіи, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ главнымъ въ конторѣ и архивѣ съ (1760—1772 г., ассессоръ Урилъ Ивановъ (1759) и колл. сов. Семенъ Мальцовъ (1760—1769).

*) По уцѣлѣвшимъ свѣдѣніямъ, большіе пожары 1626 и 1737 годовъ и пожаръ 1747 г., бывшій внутри самаго зданія, гдѣ помѣщались контора и архивъ, далеко не имѣли тѣхъ послѣдствій, какихъ можно было бы ожидать. Въ достопамятный

шавшіе Москву. Сколько погибло историческихъ документовъ, можетъ-быть, весьма важныхъ, только отъ того, что ихъ держали въ тѣснотѣ и сырости, теперь нѣтъ возможности опредѣлить. Но вотъ фактъ, изъ котораго можно заключить, что гибло ихъ немало: въ 1766 г. на Ростовскомъ подворьѣ, вслѣдствіе представленія конторы, коллегія иностранныхъ дѣлъ указомъ предписала сжечь собранные въ *девяти* сундукахъ остатки, изъ которыхъ (какъ сказано въ этомъ указѣ) „четыре сундука были съ листочками и отрывками отъ разныхъ столбцовъ, гнилыми и грязью слѣпленными“, а все остальное состояло „изъ одной гнили, которая при покойномъ статскомъ совѣтникѣ Топильскомъ лопатами сгребена и въ тѣ сундуки складена.“ Настоящее, правильное устройство московскаго архива начинается только съ назначенія туда членомъ исторіографа Миллера (1766). Первымъ дѣломъ его было озаботиться пріисканіемъ для ввѣреннаго ему драгоцѣннаго хранилища хорошаго и удобнаго помѣщенія, и вслѣдствіе его ходатайства и неусыпнаго старанія былъ наконецъ купленъ домъ князя Голицына *), куда перемѣстили архивъ вмѣстѣ съ конторою въ 1770 г. Затѣмъ трудолюбивый исторіографъ приступилъ къ систематическому разбору дѣлъ и составленію къ нимъ реестровъ и указателей. Сначала, по его словамъ, ему много мѣшала въ этомъ дѣлѣ зависимость отъ конторы и ея главнаго начальника Собакина; но съ 1772 г., когда послѣдній былъ уволенъ отъ службы, онъ могъ дѣйствовать уже вполнѣ самостоятельно, хотя московская контора коллегіи иностранныхъ дѣлъ уничтожена была только въ 1781 г. Управленіе его архивомъ продолжалось 17 лѣтъ, и въ теченіе этого времени ему, при усердномъ содѣйствіи помощниковъ его, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, Соколовскаго и Стриттера, удалось положить прочное основаніе всему, что необходимо для подобнаго учрежде-

---

1812 г. архивъ, почти въ полномъ его составѣ (за исключеніемъ лишь библіотеки и нѣкоторыхъ наименѣе важныхъ дѣлъ), по распоряженію тогдашняго московскаго главнокомандующаго графа Растопчина, былъ вывезенъ, наканунѣ занятія Москвы французами, во Владиміръ и Нижній-Новгородъ.

*) Домъ этотъ, принадлежавшій архиву, находится недалеко отъ Покровки, у Ивановскаго монастыря. Прежде Голицынхъ онъ принадлежалъ извѣстному думному дьяку Украинцеву.

нія какъ относительно внѣшняго устройства, такъ и относительно ученаго разбора памятниковъ. По смерти его (1783) завѣдованіе архивомъ поручено было названнымъ тремъ лицамъ, которыя неутомимо продолжали начатое ихъ предмѣстникомъ. Но болѣе всѣхъ изъ нихъ оказалъ ему услугъ Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій. Окончательное приведеніе въ порядокъ древнихъ и старыхъ дѣлъ и большая часть составленныхъ къ нимъ реестровъ относятся преимущественно ко времени его управленія архивомъ, которому онъ съ необыкновенною любовью и усердіемъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ посвящалъ всѣ свои труды сначала подъ руководствомъ Миллера, потомъ какъ самостоятельный дѣятель (1783—1814). Послѣ него мѣсто его, съ 1814—1840 г. занималъ сенаторъ А. Ѳ. Малиновскій, а теперь, съ 1841 г., управляетъ архивомъ гофмейстеръ князь М. А. Оболенскій *). Въ настоящее время въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранятся всѣ дѣла посольскаго приказа и коллегіи до 1801 г. Они, по роду ихъ раздѣлены на два большіе отдѣла: *недипломатическій* и *дипломатическій*, а по времени: на *древнія* (до 1700 г.), *старыя* (1700—1762) и *новыя* (1762—1801). Къ первому отдѣлу относятся такъ-называемыя *государственныя* внутреннія дѣла и всѣ дѣла посольскаго приказа и коллегіи иностранныхъ дѣлъ недипломатическаго содержанія; ко второму принадлежитъ все, касающееся сношеній Россіи съ европейскими и азіятскими государствами, т.-е. *статейные списки*, *грамматы* (кредитивныя, поздравительныя и пр.), *трактаты*, *договоры*, *ратификаціи*, вся *дипломатическая переписка* (рескрипты, указы, реляціи и депеши пословъ, посланниковъ и другихъ агентовъ русскихъ при иностранныхъ дворахъ,

*) Послѣ уничтоженія конторы коллегіи И. Д. и смерти исторіографа Миллера, форма управленія московскимъ архивомъ измѣнялась три раза; сначала (1783—1800) имъ управляли, какъ сказано выше, три члена, изъ которыхъ старшимъ былъ Соколовскій, потомъ, по новому штату 1800 г., опредѣлено было находится ему подъ вѣдѣніемъ *статскаго совѣтника* (съ званіемъ управляющаго) и *канцеляріи совѣтника*. Съ 1800 по 1814 должности эти занимали Н. Н. Бантышъ-Каменскій и А. Ѳ. Малиновскій. Въ управленіе послѣдняго (1814—1840) канцеляріи-совѣтниками въ разное время были: И. А. Ждановскій, М. И. Шульцъ и А. Я. Булгаковъ. Наконецъ, въ 1833 г. архивъ получилъ устройство по образцу департаментовъ министерства.

бумаги, относящіяся до аудіенцій, конференцій, сношенія съ иностранными министрами при росс. дворѣ, и т. д.); *консульскія дѣла; особыя* дѣла, возникшія по какимъ-нибудь отдѣльнымъ вопросамъ, неимѣвшимъ прямаго отношенія къ одному какому-либо государству, напр. дѣла по конгресамъ, международнымъ коммиссіямъ, объ эмигрантахъ, и т. п.; бумаги, касающіяся *войнъ* Россіи съ другими государствами; записки, промеморіи, проекты по части дипломатической и политической, поданные разными лицами; дѣла по *разграниченіямъ; архивы миссій*. Къ обоимъ имѣется болѣе 300 реестровъ, алфавитовъ и указателей. Вотъ по возможности краткое исчисленіе всего, что заключаетъ въ себѣ архивъ какъ по тому, такъ и по другому отдѣлу.

I. Отдѣлъ недипломатическій.

1) *Государственныя* внутреннія дѣла, къ которымъ отнесены: а) государственныя россійскія родословныя и историческія книги, содержащія въ себѣ свѣдѣнія объ избраніяхъ, коронованіяхъ, бракахъ, погребеніяхъ русскихъ государей, о титулахъ и пр., съ древнѣйшаго времени до начала XIX столѣтія; б) древнія новгородскія грамматы или договоры между росс. великими князьями и Новгородомъ, съ 1263 по 1472 г.; в) старинныя разнаго содержанія договорныя грамматы, крѣпости, записи и духовныя великихъ князей московскихъ, тверскихъ, рязанскихъ, суздальскихъ и другихъ удѣльныхъ князей, съ 1256 по 1585; г) малороссійскія дѣла, содержащія въ себѣ акты избранія гетмановъ, договоры съ ними и жалованныя имъ грамматы, съ 1654 по 1688; д) подлинныя жалованныя грамматы, дипломы и патенты разнымъ лицамъ на дворянство, чины и вотчины, съ 1577 по 1726; е) царскія подлинныя письма, т.-е. переписка государей съ ихъ семействами и письма государей и другихъ членовъ царскаго дома къ разнымъ особамъ; тутъ же манифесты, указы и доклады за собственноручными под-

писями государей, съ 1619 по 1748; ж) собственноручныя письма Петра I и бумаги, подписанныя или переправленныя его рукою, съ 1695 по 1725 г.; з) присяги въ вѣрности царевичу Петру Петровичу, 1718 г.; и) секретныя дѣла, съ 1697 по 1764; і) секретнѣйшія дѣла, съ 1718 по 1751; к) переписка канцлера гр. Воронцова съ разными лицами, съ 1745 по 1763 г.; л) голштинскія дѣла, присланныя изъ сената въ 1768 г., съ 1697 по 1762; м) подлинныя письма самозванца Отрепьева и жены его Марины Мнишекъ, съ 1604—1610; н) дѣла о россійскихъ кавалерскихъ орденахъ, съ 1699—1777; о) описаніе гербовъ россійскихъ намѣстничествъ. При этихъ же дѣлахъ п) хранятся государственныя печати, серебряныя и стальныя, съ 1600 г.—2) *Внутреннія дѣла* посольскаго приказа и коллегіи иностранныхъ дѣлъ, также дѣла, поступившія въ нихъ изъ другихъ мѣстъ: а) *приказныя*, т.-е. дѣла посольскаго и другихъ бывшихъ въ его вѣдомствѣ приказовъ, съ 1505 по 1750; б) *боярскія книги* (разныхъ городовъ окладному жалованью всякихъ чиновъ людямъ, сборныя на выкупъ плѣнныхъ и за непоставку въ службу даточныхъ людей, старинныя межевыя, переписныя о помѣстьяхъ и вотчинахъ, и пр.), съ 1500 г.; в) историческія и церемоніальныя дѣла (извѣстія о коронованіи государей, о разныхъ церемоніяхъ при дворѣ, о древнихъ русскихъ чинахъ и другихъ учрежденіяхъ); г) выѣзды въ Россію разнаго званія иностранцевъ, съ 1600 года; дѣла донскихъ казаковъ съ 1623 года; е) дѣла россійскихъ духовныхъ (о поставленіи патріарховъ, о жалованныхъ имъ граммотахъ, о сочиненіяхъ, касающихся до вѣры и до церковной исторіи, и пр.), съ 1581 года; ж) дѣла иностранныхъ духовныхъ, касающіяся до римско-католическихъ, лютеранскихъ и реформатскихъ въ Россіи церквей, съ 1629 г.; з) малороссійскія дѣла, съ 1522 г.; и строгановскія дѣла, съ 1575 г.; і) дѣла смоленскаго приказа, съ 1650 г.; к) почтовыя дѣла, съ 1665 г.; л) монастырскія дѣла, съ 1676 г.; м) дѣла верховнаго тайнаго совѣта, съ 1726—1731; н) дѣла бывшаго при императрицѣ Аннѣ кабинета, съ 1731 по 1742; о) дѣла князя Меншикова, съ 1700 по 1738 г.; п) письма канцлера графа Бестужева-Рюмина къ вице-канцлеру графу Воронцову въ бытность двора въ Кіевѣ, 1744 г.; р) письма къ русскимъ министрамъ отъ разныхъ лицъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, съ 1613 г.;

с) отпуски жалованныхъ грамматъ, патентовъ, дипломовъ и указовъ о пожалованіи въ чины, разныя достоинства и пр., 1619 г.; т) вѣдомости печатныя и старинные письменные куранты на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, голландскомъ и англійскомъ языкахъ, съ 1631 г.; у) титулярники, или дѣла о титулахъ, употреблявшихся государями русскими при перепискѣ съ иностранными дворами; ф) цифирныя азбуки для секретной переписки; х) коллежскій архивъ, или бумаги по внутреннему дѣлопроизводству коллегіи иностранныхъ дѣлъ, до 1801 г.; ц) дѣла бывшей въ Москвѣ конторы коллегіи, до 1782 г.; ч) записныя книги, содержащія свѣдѣнія о входящихъ и исходящихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ по иностранной коллегіи, съ 1718 г.; ш) архивскія переписныя книги и входящія и исходящія дѣла, съ 1614 г.; щ) приходо-расходныя книги, документы и счетныя выписки, съ 1635 года.

II. Отдѣлъ дипломатическій.

Дѣла, составляющія этотъ отдѣлъ, расположены по государствамъ (которыя раздѣлены на *европейскія* и *азіятскія*) и суть слѣдующія: 1) австрійскія, съ 1488 г.; англійскія, съ 1557; баварскія, 1710; баденскія, съ 1746 г.; венгерскія и семиградскія съ 1630; венеціянскія, съ 1655; виртембергскія, съ 1716; гамбургскія, съ 1614; генуэзскія, съ 1712; голландскія, съ 1614; голстинскія, съ 1634; датскія, съ 1516; данцигскія, съ 1651; женевскія, съ 1681; испанскія, съ 1667 г.; *имперскихъ городовъ*: Аугсбурга, Антверпена, Бремена, Геминда, Эльбинга, Лейпцига, Любека, Маріенбурга, Нюрнберга, Торна, Франкфурта на Майнѣ и на Одерѣ, древнѣйшія съ 1584 г.; *имперскихъ чиновъ*, или разныхъ германскихъ владѣтелей—древнѣйшія съ 1634 г.; курляндскія, съ 1562; лифляндскія, эстляндскія и финлядскія, съ 1215; мальтійскія съ 1697 г.; мекленбургскія, съ 1716 г.; неаполитанскія, съ 1698; ольденбург-

скія, съ 1774 г.; папскія, съ 1576 г.; польскія *), съ 1431 г.; португальскія, съ 1724 г.; прусскія, съ 1516 г.; пармскія съ 1723 г.; рагузской республики, съ 1702 г.; регенсбургскія, съ 1718 г.; саксонскія, съ 1633 г.; сардинскія, съ 1735 г.; тосканскія, съ 1659 г.; сербскія, болгарскія, албанскія, боснійскія, далматскія, кроатскія, черногорскія и другихъ славянскихъ народовъ, съ 1699 г.; франкфуртскія, съ 1756 г. французскія, съ 1595 г.; шведскія, съ 1513 г.; швейцарскія, съ 1755 г.—2) Аксайскія, съ 1722 г.; Андинской деревни, съ 1756; Андреевской деревни, съ 1637; арабскія съ 1734; армянскія, съ 1626; балхинскія, съ 1640; башкирскія, съ 1683; бухарскія, съ 1669; греческія, съ 1509; греческихъ вселенскихъ патріарховъ, греческихъ и сербскихъ монастырей настоятелей и разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ грековъ, съ 1557; грузинскія и имеретинскія, съ 1586; едисанскихъ, ембулуцкихъ, едичкульскихъ и буджацкихъ татаръ, съ 1640; зюнгорскія или контайшинскія, съ 1595; индійскія, съ 1646; Іоническихъ острововъ, съ 1777; кабардинскія (горскихъ и черкасскихъ владѣльцевъ), съ 1558; кайтацкія, съ 1635; калмыцкія съ 1616; каракалпацкія, съ 1721; киргиз-кайсацкія, съ 1594; китайскія, съ 1654; крымскія, съ 1474; кубанскихъ и тимутскихъ татаръ, съ 1704 кумыцкія или тарковскія, съ 1614; мадагаскарскія 1723 г.; молдавскія и валахскія, съ 1628 г. муганской и прочихъ степей, съ 1729; мунгальскихъ калмыковъ, съ 1600; нагайскихъ татаръ, съ 1489; осетинскія, съ 1752; персидскія, съ 1588; салтанаульскія (малаго Ногая), съ 1738; сибирскія и камчатскія, съ 1570; татарскія, т.-е. касающіяся всѣхъ поселенныхъ въ Россіи татаръ разныхъ наименованій, съ 1595; трухменскія, съ 1745; турецкія, съ 1512; хивинскія или юргенскія, съ 1590; японскія, 1742 г.—Для изданія въ свѣтъ наиболѣе важныхъ и любопытныхъ историческихъ документовъ, заключающихся въ обоихъ названныхъ отдѣлахъ, при архивѣ состоитъ особая коммиссія, подъ названіемъ *коммиссіи печатанія государственныхъ грамматъ и договоровъ*, учрежденная въ 1811 г. по представленію покойнаго канцлера графа Н. П.

*) Въ архивѣ хранится еще особо часть *архива царства Польскаго*, т.-е. бумагъ, относящихся къ дипломатическимъ сношеніямъ бывшаго корол. Польскаго съ XIII стол.

Румянцова. Еще въ 1779 г., по желанію императрицы Екатерины II, коллегія иностранныхъ дѣлъ поручала исторіографу Миллеру, завѣдывавшему тогда московскимъ архивомъ, «чтобы онъ для россійской исторіи старался учинить собраніе всѣхъ россійскихъ древнихъ и новыхъ публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ подобныхъ тому актовъ, по примѣру дюмонова дипломатическаго корпуса», а въ 1783 послѣдовалъ даже и указъ объ учрежденіи при архивѣ особой типографіи, которая бы могла немедленно приступить къ печатанію приготовленныхъ уже отчасти матеріаловъ; но Миллеръ вскорѣ послѣ того умеръ, и указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. О предположенномъ изданіи также затѣмъ уже не упоминалось болѣе, хотя и есть свѣдѣнія, что Стриттеръ продолжалъ трудиться для него и по кончинѣ Миллера. Только двадцать-восемь лѣтъ спустя, графъ Румянцовъ снова обратился къ мысли императрицы и исходатайствовалъ высочайшее согласіе на обнародованіе важнѣйшихъ историческихъ актовъ, относящихся до Россіи, и на учрежденіе для этой цѣли при московскомъ архивѣ коллегіи и. д. отдѣльной коммиссіи. На напечатаніе первой части извѣстнаго „Собранія государственныхъ грамматъ и договоровъ“, изданнаго коммиссіею, онъ пожертвовалъ 25000 руб. асс. съ тѣмъ, чтобы деньги, вырученныя отъ продажи ея, употреблены были на издержки по печатанію второй, и т. д., а затѣмъ поступили въ распоряженіе коммиссіи для будущихъ ея изданій, которыя всѣ принимались и доселѣ предпринимаются на обороты этого основнаго капитала.—Принадлежащая архиву библіотека образовалась изъ бывшихъ еще въ посольскомъ приказѣ книгъ и рукописей, изъ книгъ, отобранныхъ у разныхъ вельможъ, впадавшихъ въ немилость, и, главнымъ образомъ, изъ библіотеки, по высочайшему повелѣнію купленной въ 1782 г. у исторіографа Миллера за 20000 рублей. Въ настоящее время она заключаетъ въ себѣ болѣе 6000 названій разныхъ большею частью историческихъ книгъ и слишкомъ 1200 различныхъ рукописей русскихъ и иноязычныхъ. Кромѣ того, въ составъ ея входятъ: значительное собраніе печатныхъ и письменныхъ ландкартъ, плановъ и чертежей внутреннихъ и пограничныхъ съ Россіею земель и мѣстъ, и болѣе 700 портфелей, собранныхъ лицами, управлявшими архивомъ (преимущественно неутомимымъ Миллеромъ), съ самыми разнообразными матеріалами

для исторіи, статистики и географіи Россіи. Наконецъ, нельзя не упомянуть также о размѣщенномъ большею частью въ библіотекѣ любопытномъ архивскомъ собраніи портретовъ царствовавшихъ въ Россіи особъ, начиная съ царя Ивана Васильевича Грознаго, и почти всѣхъ лицъ, управлявшихъ въ ней дипломатическою частью, съ Ордина-Нащокина до нынѣшняго времени.

И. Ѳ. Аммонъ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ АММОНЪ.

(Некрологъ.)

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ понесъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1874 года, весьма чувствительную потерю, въ лицѣ своего дѣлопроизводителя VII класса, коллежскаго совѣтника Ивана Ѳедоровича Аммона. Со времени окончанія курса наукъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, онъ 29 лѣтъ состоялъ на службѣ въ Архивѣ и былъ тамъ особенно полезенъ основательнымъ знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ. Съ 1859 г., имя Аммона сдѣлалось извѣстнымъ въ нашей исторической литературѣ. Онъ тогда издалъ въ Москвѣ 1-ю часть переведеннаго имъ на русскій языкъ *Дневника Берхгольца*. Трудъ этотъ оконченъ былъ въ 1863 году изданіемъ 4-й части; а въ 1866 году Аммонъ напечаталъ въ *Русскомъ Архивѣ* свой переводъ *Записокъ Бассевича*. Въ промежутокъ этого времени, написана была имъ же и помѣщена въ V томѣ *Энциклопедическаго Словаря*, (Петербургъ 1862 г.), на стр. 541—546, весьма замѣчательная статья о Московскомъ Главномъ Архивѣ. Это-то и подало мысль поручить Аммону, въ виду предстоявшаго тогда перемѣщенія Архива изъ того дома, близъ Ивановскаго монастыря, гдѣ онъ находился уже слишкомъ 100 лѣтъ, въ новое обширное зданіе (бывшее Горное Правленіе, на углу Моховой и Воздвиженки), составить, по образцу юбилейныхъ изданій разныхъ ученыхъ обществъ, *Историческій Очеркъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*, начало котораго восходитъ ко времени существованія Посольской Избы и Приказовъ. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ остался не оконченнымъ.

УЧАСТІЕ

Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Казанскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1877 году.

Высочайше разрѣшенный IV Археологическій Съѣздъ происходилъ въ Казани, съ 31-го Іюля по 17 Августа.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1876 г., Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ получилъ отъ Предварительнаго Комитета IV Археологическаго Съѣзда циркулярное приглашеніе принять участіе въ этомъ Съѣздѣ.

Основываясь на томъ поощреніи, которое Г. Государственный Канцлеръ оказалъ Архиву, въ началѣ того же года, относительно принятія подобнаго приглашенія со стороны Съѣзда Оріенталистовъ [1]), отозвавшись, что желаетъ, чтобы Московскій Главный Архивъ сохранялъ за собою давно пріобрѣтенное значеніе ученаго общества, я просилъ разрѣшенія Его Свѣтлости отправиться въ Казань съ однимъ изъ чиновниковъ Архива и принять участіе въ трудахъ Казанскаго Съѣзда въ такой же мѣрѣ, въ какой онъ принялъ въ Съѣздѣ Оріенталистовъ.

По полученіи на это разрѣшенія, Архивъ выслалъ въ Казань, на выставку, полный комплектъ изданій, принадлежащихъ учрежденной при немъ Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ, — вслѣдствіе чего получилъ отъ Предварительнаго Комитета выраженіе: „искренней благодарности и глубокой признательности за

---

[1]) См. „Сборникъ М. Г. Архива М. И. Д.“, выпускъ I-й, стр. 207.

столь значительное и въ высшей степени интересное пожертвованіе".

Реэстръ этихъ изданій напечатанъ на страницахъ 63 и 64 *Извѣстій о Казанскомъ Съѣздѣ*.

Послѣ того, именно въ концѣ Мая мѣсяца, въ виду вопроса 18-го включеннаго въ печатную Программу Съѣзда, о томъ: *какія дѣла Приказа Казанскаго Дворца уцѣлѣли до нашего времени?*— Предварительному Комитету былъ доставленъ *Списокъ 129-ти столбцевъ и дѣлъ бывшаго Приказа Казанскаго Дворца и иныхъ, относящихся до Казанскаго Царства и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ*. Но, несмотря на увѣдомленіе, полученное Архивомъ 29 Іюня, что этотъ списокъ уже печатается въ Казани, ко времени открытія Съѣзда, — изъ полученныхъ потомъ *Извѣстій Съѣзда* не видно, чтобы этотъ списокъ, отвѣчавшій столь категорически на одинъ изъ вопросовъ программы Съѣзда, былъ ему представленъ, хотя бы въ рукописи.

Вмѣстѣ съ нимъ, были отправлены Предварительному Комитету *выписки изъ Каталоговъ Архивской Библіотеки*, составленныя по совѣщанію съ извѣстнымъ этнографомъ и авторомъ сочиненія о Казанской Губерніи, (Казань, 1870 г., 2 части), Генеральнаго Штаба Полковникомъ Риттихомъ, (нынѣ Генералъ-Маіоромъ) и въ которыя включено описаніе 56-ти рукописей, нѣсколькихъ книгъ, плановъ и картъ, имѣющихъ отношеніе къ покоренію Казани, исторіи Царства, Губернскаго города и учрежденію Казанской Епархіи, равно какъ *копіи* съ принадлежащихъ той-же Библіотекѣ, *старинныхъ рукописей, касающихся Болгарскаго городища*. Выписки изъ Библіотечныхъ Каталоговъ Совѣтъ Археологическаго Съѣзда опредѣлилъ напечатать; но, и объ этихъ выпискахъ въ *Извѣстіяхъ* не упомянуто; а описаніями, въ приложеніи къ *Трудамъ Съѣзда*, Болгарскихъ развалинъ, немедленно воспользовался Членъ Съѣзда, Профессоръ Казанскаго Университета Шпилевскій. При изданіи своего о семъ предметѣ сочиненія подъ заглавіемъ: „Древніе города и другіе Булгаро-Татарскіе памятники", онъ объяснилъ въ своемъ Предисловіи, что высланные Архивомъ документы составляютъ „капитальное украшеніе" его изслѣдованія.

Въ интересѣ науки остается желать, чтобы *Труды IV Археологическаго Съѣзда* не замедлили выходомъ въ свѣтъ. Участіе

Московскаго Главнаго Архива въ III-мъ Съѣздѣ Оріенталистовъ заключалось также, между прочимъ, въ доставленіи весьма обильныхъ *указаній на имѣющія отношенія къ Востоку, дѣла Архива и рукописи его Библіотеки*; но, хотя Съѣздъ и постановилъ напечатать ихъ, однако это до сихъ поръ не сдѣлано. Указатели же эти, точно также, какъ и выписки, высланныя на Казанскій Съѣздъ, составлялись именно съ цѣлію обобщенія между учеными спеціальныхъ каталоговъ, предназначенныхъ для облегченія ихъ изысканій, и потому несомнѣнно драгоцѣнныхъ въ ихъ глазахъ. Ученому, занимающемуся, напр. въ Одессѣ или Иркутскѣ, весьма важно знать, въ какой Архивъ ему слѣдуетъ обратиться для полученія тѣхъ или другихъ документовъ. Несмотря на то, что я собирался ѣхать въ Казань, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, мнѣ пришлось отказаться отъ этой поѣздки, и командировать туда единственнымъ депутатомъ отъ Архива, А. С. Нормана, какъ принимавшаго участіе во всѣхъ предварительныхъ работахъ для Съѣзда.

Здѣсь опять нельзя не выразить сожалѣнія о неточности и неполнотѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя были помѣщены въ *Извѣстіяхъ Съѣзда*. Такъ напр., я совершенно ошибочно поименованъ въ спискѣ Гг. Депутатовъ на Съѣздѣ, между тѣмъ какъ о Г. Норманѣ ни въ спискѣ Членовъ Съѣзда, ни далѣе, въ его *Извѣстіяхъ*, даже въ отчетѣ о тѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ онъ принималъ участіе,—вовсе не упомянуто. Такимъ же образомъ, читающей публикѣ осталось неизвѣстнымъ многое изъ трудовъ, предпринятыхъ Архивомъ для Съѣзда, гораздо ранѣе его открытія. Это сожалѣніе тѣмъ болѣе основательно, что по отношенію къ развитію и преуспѣянію сочувствія наукѣ въ нашемъ отечествѣ весьма любопытно знать и въ настоящемъ, и для будущихъ выводовъ, сколько и какія именно учрежденія отозвались на приглашеніе того или другаго Съѣзда?

Дополнить всѣ эти пробѣлы и опредѣлить мѣру участія Московскаго Главнаго Архива въ Казанскомъ Съѣздѣ мы имѣли въ виду, при составленіи этого краткаго очерка.

По случаю командировки Г. Нормана, я снабдилъ его Инструкціею и довѣрилъ ему, съ разрѣшенія Министерства, принадлежащія Архивской Библіотекѣ, старинныя карты, рисунки и руко-

писи, относящіяся до Казанскаго края, и по которымъ ему поручено было доставить Съѣзду словесныя объясненія.

Объ участіи своемъ въ ономъ Г. Норманъ представилъ обстоятельное донесеніе, удостовѣряющее, что къ числу результатовъ его поѣздки въ Казань слѣдуетъ отнести выраженное нѣкоторыми Членами и Секретаремъ Съѣзда, Профессоромъ Корсаковымъ желаніе заняться въ Архивѣ документами, существованіе коихъ обнаружили сообщенныя Съѣзду выписки. Съ нѣсколькихъ изъ довѣренныхъ ему предметовъ сняты были въ Казани кальки и фотографіи.

Въ корреспонденціи, адресованной изъ Казани отъ 31 Іюля 1877 г., *Русской Газеты* № 28, было сказано, что именно 31 Іюля вечеромъ, делегатъ Архива Г. Норманъ объяснялъ привезенныя имъ на Съѣздъ подлинные Архивскіе документы, касающіеся Болгарскаго городища и Казанской губерніи.

Если журнальный корреспондентъ на столько слѣдилъ за засѣданіями Съѣзда, чтобы передать вышеприведенное обстоятельство, то какъ же оно не попало въ *Извѣстія Казанскаго Съѣзда?* Архивы, въ которыхъ хранятся дѣла прошлыхъ вѣковъ, давно уже не подлежащія тайнѣ, могутъ оказать много услугъ наукѣ. Не даромъ же такіе даровитые историки, какъ напр. С. М. Соловьевъ, Н. И. Костомаровъ, А. С. Трачевскій и мн. др. обращаются въ Московскій Главный Архивъ М. И. Д. Но участіе для Архивовъ въ ученыхъ Съѣздахъ тѣмъ менѣе обязательно, что командируемые, подобно Г. Норману, депутаты совершаютъ поѣздки туда и обратно въ Москву *на свой счетъ*. Нельзя не отдать III-му Съѣзду Оріенталистовъ полной справедливости въ томъ отношеніи, что онъ принялъ во вниманіе и оцѣнилъ все это, и потому, вотировалъ Московскому Главному Архиву М. И. Д., живѣйшую благодарность за содѣйствіе этимъ учрежденіемъ обезпеченію Съѣзду возможнаго успѣха и за рѣдкое, дѣятельное, съ его стороны сочувствіе къ общественному дѣлу.

Что же впрочемъ касается газетъ, то въ общихъ чертахъ, какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, 1877 г., такъ и въ *Русской Газетѣ* и въ № 66 *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* 24 Августа того же года, упомянуто было съ похвалою и признательностью о томъ сочувствіи, которое Московскій Главный Архивъ

доказалъ IV-му Археологическому Съѣзду, сообщеніемъ неизвѣстныхъ и рѣдкихъ документальныхъ свѣдѣній, „обогатившихъ науку новыми выводами“.

О всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по поводу Съѣзда и объ успѣшно выполненномъ Г. Норманомъ порученіи, Директоръ Архива въ свое время довелъ до свѣдѣнія Г. Управляющаго Министерствомъ, который почтилъ его слѣдующимъ отвѣтомъ: „Многостороннее участіе, принятое нашимъ Московскимъ Архивомъ въ трудахъ Археологическаго Съѣзда въ г. Казани, вполнѣ соотвѣтствуетъ, по моему глубокому убѣжденію, истинному назначенію подобныхъ учрежденій, и мнѣ пріятно заявить при этомъ, что, благодаря стараніямъ В—го Пр—ва, дѣятельность Московскаго Главнаго Архива получила, въ послѣдніе годы, совершенно новое, плодотворное направленіе. Прошу выразить мою искреннюю признательность Колл. Рег. Норману за труды, понесенные имъ на Съѣздѣ. Добросовѣстнымъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, онъ заслужилъ право на вниманіе со стороны Министерства“...

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

Москва,
1878 г.

УЧАСТІЕ

Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Съѣздахъ V-мъ Археологическомъ и III-мъ Географическомъ.

I.

Въ V-мъ Археологическомъ Съѣздѣ, засѣдавшемъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ Тифлисѣ съ 8 по 21 Сентября сего года, Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ принималъ участіе въ лицѣ своего Директора, Гофмейстера Барона Ѳ. А. Бюлера.

Не въ первый уже разъ Архивъ имѣетъ своихъ представителей на ученыхъ Съѣздахъ: значеніе и репутацію ученаго учрежденія онъ пріобрѣлъ еще ранѣе, благодаря плодотворному участію своему въ предыдущихъ Съѣздахъ Оріенталистовъ въ 1876 году, и Казанскомъ Археологическомъ въ 1877 году.

Какъ на одномъ, такъ и на другомъ, привезенный делегатами Архивный матеріалъ, возбудилъ живѣйшій интересъ ученыхъ, и репутація Архива, какъ хранилища драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіографіи Россіи, стала съ тѣхъ поръ распространяться и возрастать.

Поэтому, когда въ 1879 году было Высочайше разрѣшено составленіе подготовительнаго Комитета въ Москвѣ, для выработки программы занятій будущаго Съѣзда, то Московское Археологическое Общество, приглашавшее ученыхъ къ участію въ предварительныхъ засѣданіяхъ, не замедлило обратиться и въ Московскій Главный Архивъ съ просьбою оказать свое содѣйствіе Комитету присылкою своихъ депутатовъ.

Директоръ Архива Баронъ Бюлеръ, никогда не упускающій случая, гдѣ участіе Архива можетъ приносить пользу наукѣ и самому учрежденію, проявилъ готовность участвовать лично въ засѣданіяхъ предварительнаго Комитета, на что̀ получилъ разрѣшеніе Г. Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, всегда сочувственно относящагося къ пропагандѣ Архива въ ряду ученыхъ учрежденій.

Подготовительныя работы не замедлили привести къ выработкѣ программы будущихъ занятій Съѣзда, при которомъ предположено устроить археологическую выставку. Между прочими отдѣленіями этой программы, два, а именно: 1) *отдѣлъ исторической Географіи и Этнографіи* и 2) *памятники письма и языка*, можно сказать, вызывали Архивъ къ непосредственному участію въ Съѣздѣ: обладая важными матеріалами для исторіографіи и древневѣдѣнія Кавказскаго края, бывшихъ грузинскихъ царствъ, княжествъ и мусульманскихъ областей Закавказья, а также интересными въ палеографическомъ отношеніи древними актами и рукописями, — Архивъ могъ вполнѣ разсчитывать, что его участіе принесетъ пользу археологіи и отечествовѣдѣнію вообще.

Вслѣдствіе этого, Директоръ Архива, занявшись тщательнымъ изученіемъ того матеріала, какъ въ самомъ Архивѣ, такъ и въ Библіотекѣ онаго, который могъ бы быть особенно интересенъ предстоящему Съѣзду, остановилъ свой выборъ на значительномъ количествѣ грамотъ Архива, а также картъ и плановъ изъ Библіотеки онаго, которые могли бы возбудить интересъ на Съѣздѣ и на предполагавшейся при немъ археологической выставкѣ.

Рѣшившись лично везти съ собою весь отобранный матеріалъ, Баронъ Бюлеръ обратился къ Статсъ-Секретарю Гирсу, прося исходатайствовать ему Высочайшее соизволеніе какъ на поѣздку делегатомъ Архива въ Тифлисъ, такъ и на взятіе съ собою документовъ, которые не вывозятся изъ Архива безъ Именнаго на то повелѣнія. Въ Августѣ сего года Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомилъ Барона Бюлера, что ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было Всемилостивѣйше разрѣшить ему принять участіе въ V-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Тифлисѣ съ представленіемъ на выставку тѣхъ документовъ,

которые, по своему отношенію къ Исторіи и Географіи Кавказа могутъ имѣть научное значеніе.

О семъ Высочайшемъ соизволеніи Баронъ Бюлеръ сообщилъ Предсѣдателю предварительнаго Комитета Съѣзда.

Отобранный для Съѣзда матеріалъ состоялъ изъ 24 грамотъ и 14 картъ и плановъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ мѣстной исторіографіи. (См. подробный списокъ въ Приложеніи I-мъ).

Для лучшаго охраненія этихъ сокровищъ, какъ въ пути, такъ и въ Тифлисѣ, равно для облегченія ихъ разсмотрѣнія на Съѣздѣ, Баронъ Бюлеръ пригласилъ съ собою служащаго въ Архивѣ молодаго Оріенталиста, чиновника сверхъ штата Милова, въ сопровожденіи котораго и отправился 2-го Сентября сего года въ Тифлисъ, куда и прибылъ 7-го и остановился въ отведенномъ для делегатовъ помѣщеніи, въ одномъ изъ флигелей Дворца Намѣстника. Привезенные документы были выставлены въ комнатѣ, смежной съ большою залою, отведенной для засѣданій и вызвали живой интересъ ученыхъ, причемъ объясненію картъ и плановъ содѣйствовалъ г. Миловъ, при участіи коего и, съ согласія Барона Бюлера, были съ любопытнѣйшихъ изъ нихъ сняты копіи. Директоръ Архива сдѣлалъ также Съѣзду сообщенія: 1) о Статейномъ Спискѣ Посольства Никифора Михайловича Толчанова, въ Грузію 1650 года, который былъ напечатанъ въ *Древней Россійской Библіотекѣ* въ 1783 году, ч. V, стр. 135—251 и 2) о хранящихся въ Архивѣ, дѣлахъ по сношеніямъ Россіи съ Грузіей съ конца XVI по XVIII-е столѣтіе. (Приложеніе II-е). Дѣла эти служатъ предметомъ занятій съ 1866 года, Генералъ-Маіора *Дубровина*, которому, для составленія исторіи покоренія Кавказа, по Высочайшему повелѣнію выдано изъ Архива 400 копій съ документовъ касающихся дѣлъ Грузіи съ 1768 по 1776 годъ.

Цѣль и задачу своего посѣщенія Съѣзда изложилъ Баронъ Бюлеръ во французской рѣчи, произнесенной имъ въ утреннемъ засѣданіи 12 Сентября. (Приложеніе III-е).

Это засѣданіе было назначено преимущественно для Гг. Членовъ, прибывшихъ изъ-за границы (Обстъ, Вирховъ и др.), и въ немъ было допущено употребленіе иностранныхъ языковъ. Барону Бюлеру было предоставлено почетное предсѣдательство въ вечернемъ

засѣданіи того же дня, и когда, предъ закрытіемъ засѣданія, онъ заявилъ, что призываемый другими обязанностями въ Москву онъ, къ сожалѣнію, принужденъ уѣхать изъ Тифлиса, почему считаетъ безотложнымъ долгомъ выразить какъ самому Съѣзду, такъ и Гг. Предсѣдателямъ предварительныхъ Комитетовъ, глубокую благодарность за вниманіе, оказанное, въ лицѣ его, Московскому Главному Архиву, то Предсѣдатель Съѣзда, Генералъ-Лейтенантъ Комаровъ въ свою очередь, высказалъ ему, отъ имени Съѣзда, благодарность за участіе, принятое въ немъ Архивомъ.

Съ 13 Сентября были предположены экскурсіи Членовъ для раскопокъ, а потому Баронъ Бюлеръ, считая ихъ выходящими изъ предѣловъ Архивской спеціальности, поспѣшилъ доставить обратно въ Москву привезенные имъ документы и при закрытіи Съѣзда уже не присутствовалъ.

О результатахъ участія Архива въ Съѣздѣ не было возможности судить опредѣлительно. До сихъ поръ вообще, не смотря на то, что всѣ предыдущіе Съѣзды обѣщали издавать свои труды, въ которые бы входила и оцѣнка участія, принятаго въ нихъ Архивомъ,—къ сожалѣнію, таковые кромѣ труда профессора Шпилевскаго *) о Казанскомъ Съѣздѣ и извѣстій о занятіи этого Съѣзда,—еще не появлялись въ печати. Остается лишь пожелать, чтобъ Московское Археологическое Общество поспѣшило предать гласности результаты общихъ трудовъ предъидущихъ Съѣздовъ и настоящаго, и нужно надѣяться, что обязательности Архива будетъ отведено должное мѣсто. Мѣстная газета „Кавказъ“ въ № 202 отъ 13 Сентября помѣстила особую статью о выставкѣ Архива, отзываясь особенно лестно о доставленныхъ на Съѣздъ драгоцѣнностяхъ.

Въ № 266 „Journal de S.-Petersbourg“ 4 Октября тоже помѣщена подробная статья объ участіи Московскаго Главнаго Архива на этомъ Съѣздѣ.—А въ № 267 газеты „Порядокъ“ (28 Сентября 1881 г.), въ статьѣ о Тифлисскомъ Съѣздѣ упомянуто о засѣданіи 12 Сентября, въ которомъ Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ объяснялъ привезенныя имъ грамоты, карты и планы.

---

*) «Древніе города и другіе Бухарско-Татарскіе памятники въ Казанской губерніи».

Эта дѣятельность оцѣнена по заслугамъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и Статсъ-Секретарь Гирсъ въ отношеніи отъ 2 Октября, за № 8880, объявилъ Барону Ѳ. А. Бюлеру признательность Министерства за старанія, благодаря которымъ Московскій Главный Архивъ успѣлъ занять выдающееся мѣсто на Тифлисскомъ Съѣздѣ и содѣйствовать осуществленію его цѣлей. Благодарность Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ была выражена и Колл. Секр. Милову, за содѣйствіе его Директору Архива.

II.

Почти одновременно съ V-мъ Археологическимъ Съѣздомъ происходилъ въ Венеціи III Международный Географическій конгрессъ съ $^{3}/_{15}$ по $^{10}/_{22}$ Сентября 1881 года.

При немъ, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, предполагалось устроить Выставку книгъ, картъ, картограммъ и рукописныхъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ наукѣ землевѣдѣнія. Конгрессъ и Выставка состояли подъ покровительствомъ короля Гумберта I и лучшимъ изъ экспонентовъ предполагалось присуждать медали и дипломы по назначенію Международнаго Жюри.

Офиціальное приглашеніе принять участіе на этомъ Конгрессѣ и Выставкѣ получило и ИМПЕРАТОРСКОЕ Географическое Общество. Оно составило особую Коммиссію спеціалистовъ для обсужденія подробностей вопроса объ участіи Общества на Венеціанскомъ Конгрессѣ и Выставкѣ.

Вслѣдствіе сего, Вице-Президентъ Общества, Тайн. Сов. Семеновъ въ Декабрѣ 1880 года, обратился къ Директору Московскаго Главнаго Архива, съ просьбою указать на находящіяся въ ономъ наиболѣе важныя старинныя карты, которыя могли бы быть предъявлены Венеціанскому Конгрессу въ подлинникахъ или копіяхъ. При этомъ Географическое Общество выразило готовность принять на себя трудъ по доставленію коллекцій Архива въ Венецію и обратно.

Предполагая лично участвовать на V Археологическомъ Съѣздѣ въ Тифлисѣ, Баронъ Бюлеръ, не желалъ, однако, упустить случая

познакомить Международный Географическій Съѣздъ съ тѣми матеріалами, которые могли бы возбудить интересъ и послужить къ прославленію Архива за-границей. Поэтому, отобравъ довольно значительную коллекцію картъ, между которыми самая интересная была несомнѣнно рукописная историко-этнографическая карта Славянскихъ поселеній въ Германіи, въ эпоху Карла Великаго и также фотографированныя карты, преимущественно Сибири, Баронъ Бюлеръ обратился къ Статсъ-Секретарю Гирсу съ просьбою исходатайствовать Высочайшее соизволеніе на передачу ихъ Географическому Обществу, поручивъ надзоръ за ними въ Венеціи нашему Генеральному Консулу.

По воспослѣдовавшему на сіе 10 Февраля сего года Высочайшему соизволенію, Баронъ Бюлеръ увѣдомилъ о томъ Тайн. Сов. Семенова и, вслѣдъ за симъ, препроводилъ къ нему отобранную Архивомъ коллекцію, и изданіе Архива: 1) Indicateur des Cartes Géographiques et des plans de différentes parties de l'Asie, 1876 г. 2) *Реэстръ Географическимъ* атласамъ, картамъ, планамъ и театрамъ войны, 1877 г. и 3) Renseignements sur les Archives de Russie—1880 г.

Въ трудахъ по Венеціанскому Съѣзду, которые уже начали печататься *), вѣроятно будетъ особо упомянуто о томъ значеніи, которое имѣло участіе въ немъ Архива. Но уже теперь, отношеніемъ отъ 20 Сентября № 1209, Географическое Общество увѣдомило Барона Бюлера, что Международное Жюри присудило Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ почетную грамоту (lettre de distinction) за изданія и представленныя работы.

А. Выводцевъ.

Москва,
Ноябрь 1881 г.

---

*) Вышелъ I томъ, Catalogue Général des objets exposés, compilé par les soins du comité éxécutif. — Vénise 1881.

Приложеніе I.

Перечень предметовъ, доставленныхъ Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на Выставку V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1881 года.

1.

Изъ внутренняго состава Архива.

№ 1. 1389—1405 г. Грамота Султана Баязета I къ Молдавскому Господарю Петру, на Сербскомъ языкѣ, съ фатмою. При ней копія и переводъ на Польскій языкъ. (Le Sultan Bajazet I au Prince Pierre de Moldavie).

№ 2. 1464 г. Грамота Султана Магомета II къ Королю Польскому Казиміру IV, охранная для Пословъ, на Турецкомъ языкѣ. При ней переводъ на Польскій языкъ. (Mahomet II à Cazimir IV).

№ 3. 1489 г. Грамота Султана Баязета II къ Королю Польскому Казиміру IV о подтвержденіи мира, на Латинскомъ языкѣ. При ней копія. (Bajazet II à Cazimir IV).

№ 4. 1502 г. Грамота договорная Султана Баязета II съ Королемъ Польскимъ Александромъ, на Итальянскомъ языкѣ. При ней копія. (Capitulation de Bajazet II avec Alexandre, Roi de Pologne).

№ 5. 1514 г. Договоръ Крымскаго Хана Менгли-Гирея съ Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ I о платежѣ дани, на Итальянскомъ языкѣ съ 3-мя тамгами киноварью, на пергаментѣ. При немъ описаніе, копія 2 Русскихъ и одинъ Польскій переводы. (Traité du Khan de Crimée Mengli-Hirée avec Sigismond I).

№ 6. 1515 г. Договоръ Крымскаго Хана Мехметъ-Гирея съ Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ I о платежѣ дани, на Татарскомъ языкѣ съ тамгою, отпечатанною золотомъ. При немъ переводъ на Польскій языкъ. (Traité du Khan de Crimée Mehemet-Hirée avec Sigismond I).

№ 7. 1728 г. Грамота Персидскаго Шаха Михаилу Ѳедоровичу объ отпускѣ Россійскихъ Пословъ и отправленіи своихъ Пословъ для утвержденія дружбы. Въ деревянномъ ящичкѣ, разрисован-

номъ снаружи и внутри изображеніями Шаха съ его дворомъ и сценами изъ жизни Персіянъ. (Le Shah de Perse au Tsar Michel Fédorowitch).

№№ 8 и 9. 1664. г. Открытый листъ о льготахъ Русскимъ купцамъ въ Персіи. Два подлинника на Перисдскомъ и Русскомъ языкахъ. При нихъ одна копія и переводъ. (Lettre-patente pour les marchands Russes en Perse.)

№ 10. 1696 г. Отвѣтъ Шаха Гусейна Петру I о бытности у него купчины Семена Маленькаго и объ отъѣздѣ его въ Индію. При немъ мѣшокъ изъ парчи, современный переводъ и копія. (Le Schah Houssein à Pierre le Grand).

№ 11. 1723 г. Грамота Шаха Тахмасиба къ Петру I, вѣрющая послу его Измаилъ-Беку обновить дружбу съ Россіею. При ней парчевой мѣшокъ и современный переводъ. (Lettre de créance du Shah Takhmassib).

№ 12. 1724 г. Грамота, извѣщающая Цесарскій Дворъ о восшествіи на престолъ Шаха Тахмасиба II и о побѣдѣ его надъ Махмудомъ Афганскимъ. При ней парчевой мѣшокъ и переводъ на Русскій и Французскій языки. (Le Shah Takhmassib II notifie son avènement à l'Empereur d'Allemagne).

№ 13. 1724 г. Грамота, извѣщающая Французскій дворъ о восшествіи на престолъ Шаха Тахмасиба II и о побѣдѣ его надъ Махмудомъ Афганскимъ. При ней парчевой мѣшокъ и переводы на Русскій и Французскій языки. (Le Shah Takhmassib II notifie son avènement au Roi de France).

№ 14. 1724 г. Грамота, извѣщающая Римскаго Папу о восшествіи на престолъ Шаха Тахмасиба II и о побѣдѣ его надъ Махмудомъ Афганскимъ. При ней парчевой мѣшокъ и переводы на Русскій и Французскій языки. (Le Shah Takhmassib II notifie son avènement au Pape).

№ 15. 1728 г. Грамота Шаха Тахмасиба къ Петру II съ жалобою на Турокъ, помогающимъ бунтующимъ Афганцамъ. При ней 3 перевода. (Le Shah Takmassib à Pierre II).

№ 16. 1632 г. Грамота Армянскаго Патріарха Моисея къ Владиславу IV, Королю Польскому, о покровительствѣ Армянамъ. При ней 2 описанія на Русскомъ и Польскомъ языкахъ, копія и 2 перевода.— Русскій и Польскій. (Le Patriarche d'Arménie Moïse à Ladislas IV).

№ 17. 1638 г. Исповѣданіе Армянской Церкви. При немъ копія и Русскій переводъ. (Confession de foi de l'Eglise Arménienne).

№ 18. 1644 г. Грамота Армянскаго патріарха Филиппа къ Королю Польскому Владиславу IV съ препровожденіемъ мощей и съ просьбою о покровительствѣ Армянамъ. На грамотѣ изображенія Іисуса Христа и символовъ Евангелистовъ. При ней копія, 2 Русскихъ перевода и описаніе печати. (Le Patriarche d'Arménie Philippe à Ladislas IV).

№ 19. 1767 г. Грамота Армянскаго Католикоса Симеона къ Екатеринѣ II о признаніи ею подчиненія ему въ Россіи всего Армянскаго Духовенства. Съ изображеніями Св. Троицы, Св. Григорія и главныхъ церквей въ Эчміадзинѣ. При ней описаніе и переводъ. (Le Patriarche d'Arménie Siméon à Catherine II).

№ 20. 1669 г. Грамота къ Алексѣю Михайловичу отъ Имеретинскаго Царя Баграта I о убійствѣ боярами его непріятельствовавшей ему мачихи его и о пожалованіи ему Его Царскаго Величества печати. (Le Roi d'Imérétie Bagrat I au Tsar Alexis Mikhaïlowitch).

№ 21. 1669 г. Грамота къ Царю Алексѣю Михайловичу отъ Боярина Имеретинскаго Царя Баграта-Дмитрія о взятіи въ Россію срачицы Божіи Матери. При ней выписка изъ Грузинскихъ дѣлъ. (Le bojar du Roi d'Imérétie—Démétrius au Tsar Alexis Mikhaïlowitch).

№ 22. 1651 г. Запись Крестоцѣловальная Имеретинскаго Царя Александра о бытіи ему въ подданствѣ Царя Алексѣя Михайловича съ сыномъ, братомъ и духовными чинами, на Русскомъ языкѣ. При ней современный переводъ печати и 2 копіи. (Acte de sujétion du Roi d'Imérétie Alexandre au Tsar Alexis Mikhaïlowitch).

№ 23. 1676 г. Грамота къ Царю Ѳедору Алексѣевичу отъ Иверскаго Католикоса Николая и отъ Грузинскихъ вельможъ, просительная о заступленіи у Шаха, дабы запретилъ онъ разорять ихъ земли и обращать народъ въ Магометанство, на Греческомъ языкѣ. При ней современный переводъ. (Le Catholicos et les grands de Géorgie au Tsar Fédor Alexiewitch).

№ 24. 1681 г. Грамота къ Царю Ѳедору Алексѣевичу отъ Грузинской Царицы Елены Леонтьевны изъ Испагани о заступленіи у Шаха за нее и за сына ея, на Греческомъ языкѣ. При ней современный переводъ. (La Reine de Géorgie Hélène au Tsar Fédor Alexiewitch).

2.

Изъ Архивской Библіотеки.

№ 1. Карта южной части Россіи, около Чернаго и Азовскаго морей, на Латинскомъ языкѣ. (Carte de la partie méridionale de la Russie située près des mers Noire et d'Azoff).

№ 2. 1736 г. Чертежъ береговъ Чернаго моря на Итальянскомъ языкѣ. (Carte des côtes de la mer Noire).

№ 3. 1736 г. Чертежъ мѣстъ между Днѣстромъ и Бугомъ лежащихъ. (Pays situés entre le Dnièpre et le Boug).

№ 4. Малая Кабарда, Дугорія и Осетіа. (Mappa sistens Kabardam Minorem cum Dugoria et Ossetia).

№ 5. Карта части Кавказа, лежащей между Каспійскимъ и Чернымъ морями. (Mappa fundamentalis partem Causasi inter mare Caspium et Nigrum mediam cum promontoriis et septentrionali et australi, atque cum facie septentrionali promontorii septentrionalis Araratici sistens, súb fiucissimis Augustissimae Russorum Catharinae Secundae auspiciis in peregrinatione physica concinnata per Doctorem Antonium Johannem Gueldenstaedt).

№ 6. Карта положенія развалинъ города Модсхара. (Mappa situm ruderum urbis Modschar sistens, auct. D. Gueldenstaedt).

№ 7. 1733 г. Карта рѣки Терека и части Малой Кабарды и Грузіи. Прислана генераломъ Левашевымъ изъ крѣпости Св. Креста. (Carte du fl. Térek et d'une partie de la Petite Cabarda et de la Géorgie).

№ 8. Планъ Малой Кабарды, съ особливымъ описаніемъ. (Carte de la Petite Cabarda).

№ 9. 1723 г. Карта мѣстоположенія города Дербента. (Plan de Derbent).

№ 10. 1723 г. Копія съ оригинальнаго чертежа города Дербента, который взятъ изъ Кабинета Е. И. В. и посланъ во Францію къ Князю Куракину, при письмѣ Графа Г. И. Головкина. (Plan de Derbent).

№ 11. 1726 г. Чертежъ, какимъ трактомъ Генералъ-Маіоръ Кропотовъ съ командою маршировалъ для раззоренія горскихъ владѣльцевъ, присланный Генералъ-Лейтенантомъ Матюшкинымъ. (Tra-

cé de la route de l'expédition du Général Kropotow contre les montagnards).

№ 12. 1729 г. Карта Дагестана и части Грузіи. Копія Италіанская съ чертежа присланнаго Генералъ-Лейтенантомъ Румянцевымъ, при реляціи изъ Дербента 1726 г., списанная для отдачи Турецкому Муралану Магометъ-Агѣ, но не отдана, а только въ домѣ Вице-Канцлера показана ему, 1729 г. (Le Daghestan et une partie de la Géorgie).

№ 13. 1724 г. Западный берегъ Каспійскаго моря съ прилежащими странами, какъ-то: Большая и Малая Кабарда, Кахетія, Грузія, Арменія и часть Персіи. Снятъ съ Персидскаго чертежа, сообщеннаго въ Москву Губернаторомъ Волынскимъ. (Côte occidentale de la mer Caspienne avec les pays adjacents, tels que la Grande et la Petite Cabarda, la Cakhétie, la Géorgie, l'Arménie et et une partie de la Perse. (Copie d'un original persan).

№ 14. 1701 г. Царство Армянское и Грузинское, съ подраздѣленіями ихъ на провинціи и области, и съ обозначеніемъ границъ Персіи, Аравіи, Анатоліи, Московскаго царства, Великой Татаріи и др. (Etats du Royaume d'Arménie et de Géorgie, divisés en toutes leurs Provinces, gouvernements, avec les frontières de Perse, d'Arabie, d'Anatolie, des États du Grand Tsar de Moscovie, de la Grande Tartarie etc., dressés sur les plus nouveaux et justes mémoires, qui ont été faits en France. Faits à Moscovie par P. Simonnaire). Наклеена на холстѣ.

15. ***Барсова Кожа***, поэма на Грузинскомъ языкѣ (XII в.), списокъ XV — XVIII столѣтій; in f°, на 259 листахъ тонкой бумаги съ приклеенными къ нимъ со всѣхъ сторонъ бумажными раскрашенными полями на подобіе бордюровъ, которыя украшены изображеніями людей, животныхъ, птицъ, цвѣтовъ и пр. Переплетъ басменный съ вытиснутыми на немъ золотыми орнаментами. Въ текстѣ рукописи также находятся 3 картины во всю величину ея формата. № 1259, (La Peau de Bars, — poème Géorgien du XII-e siècle, manuscrit du XVII—XVIII siècle).

3.

Изданіе Архива.

Алфабета 137-ми парѣчій, составлен. Профессоромъ **Кееромъ** въ 1730-хъ годахъ. (Alphabet du Profess. Keer).

Приложеніе II.

Дѣла по сношеніямъ Россіи съ Грузіею, находящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ:

16 статейныхъ списковъ ..... 1586—1700 г.)
122 связки дѣлъ..... 1586—1799 г.)
1 связка грамотъ..... 1587—1783 г.)

Приложеніе III.

Discours prononcé par le Baron de Bühler á la séance du 12 Septembre 1881, au Congrès Archéologique de Tiflis.

„Mesdames, Messieurs.

„J'ai pris la liberté de demander la parole pour fournir des renseignements sur la mission que je remplis au congrès, dont j'ai l'honneur de faire partie. Je demande pardon d'empiéter ainsi pour quelques minutes sur l'ordre du jour. La séance d'aujourd'hui ayant un caractère international, je m'exprime en français, afin d'être compris à la fois par mes chers compatriotes et par mes respectables collègues arrivés de l'étranger.

„Depuis l'ouverture du congrès, il a été plus d'une fois question à cette tribune des monuments d'écriture et d'imprimerie en langues géorgienne, arménienne, etc. C'est à cette catégorie de monuments que ma mission a trait.

„S. M. l'Empereur, dans sa sollicitude pour les intérêts et les progrès de la science, a daigné m'autoriser, sur la présentatiou de M. le secrétaire d'Etat de Giers, gérant du ministère des affaires étrangères, à emporter à Tiflis et à produire devant le 5-e congrès d'archéologie quelques matériaux du nombre de ceux que possèdent les Archives Principales de Moscou pour l'histoire et la géographie du Caucase.

„Cette dérogation au principe d'après lequel aucun document ne sort de l'enceinte des archives, est une nouvelle faveur Souveraine pour le congrès.

„D'une masse de documents, — car les archives de Moscou en possèdent pour six siècles,—je n'ai pu apporter avec moi que 24 lettres patentes et 14 cartes et plans qui, dès l'ouverture du congrès, ont été exposés dans la pièce contigue à la salle des séances. Quelques-unes des lettres patentes, émanées jadis de la Géorgie, de l'Arménie et de la Perse, ont retraversé, de cette manière, au bout d'environ deux siècles, la chaîne imposante des montagnes du Caucase.

„D'autres lettres patentes, et nommément les plus anciennes, appartiennent aux „Métriki“ (archives) de l'ancienne Pologne, qui font actuellement partie des archives de Moscou, mais qui avaient été apportées en Russie, comme autant de trophées, par le généralissime Souvorow, avec la célèbre bibliothèque Zalousski.

„Le plus ancien de ces documents est une lettre adressée au XIV-e siècle par le sultan Bajazet I-er au prince Pierre de Moldavie. Ce qui est particulièrement curieux,—c'est qu'elle est rédigés en langue serbe et qu'il n'y a de turc que la f a t m a (monogramme) du padischah. Avec mon autorisation, M. Franziz, délégué de la Société d'archéologie chorvate, a copié ce document. Il lui servira à prouver l'authenticité des copies, conservées à Zagréb des lettres adressées par les sultan en langue slave aux différents chefs de cette nationalité.

„Les lettres patentes ou de cabinet, adressées aux rois de Pologne, sont, par contre, en turc, en latin ou en italien.

„Un traité passé en 1514 par le khan de Crimée Mengli-Hirey avec Sigismond I-er est également en italien.

„Les lettres patentes des shahs de Perse sont des XVII-e et XVIII-e siècles. Elles sont très remarquables par leur ornementation artistique. Six d'entre elles ont été jugées dignes d'être copiées.

„Les documents signés par les partiarches d'Arménie sont aussi très beaux. Parmi eux figure la „Confession de foi de l'Eglise arménienne" de 1638.

„Enfin, les documents qui se rapportent à l'Imérétie et à la Géorgie ont une grande valeur biographique en ce qui concerne les anciens rois de ces pays.

„Quant aux cartes et plans appartenant à la bibliothèque des archives de Moscou et que j'ai apportés avec moi, datant tous du commencement du XVIII-e siècle, c'est-à-dire de la campagne de Pierre le Grand contre la Perse, ils comblent très heureusement une lacune dans les archives de l'administration établie ic au commencement de ce siècle. De ce nombre, le général Kamarow a tiré copie d'un plan de Derbent de 1723, pour en faire l'objet d'un rapport au congrès. J'ai promis de faire photographier à Moscou d'autres plans et cartes.

„Sur les trois exemplaires, exposés au congrès, du poème géorgien L a p e a u d e B a r s, dont le texte remonte au XII-e siècle, le manuscrit illustré de la bibliothèque des archives a été admiré par les spécialistes, comme étant le mieux conservé.

„Pour ce qui est de la publication des archives l'A l p h a b e t d e 137 i d i o m e s o r i e n t a u x, œuvre du professeur Keer, je me suis empressé de l'offrir à l'administration des montagnards (Народное управление горцевъ). à laquelle, m'a-t-on dit, elle pourra être fort utile.

„Pour conclure, permettez-moi de rappeler qu'à cette tribune, mon très estimé confrère, le professeur Ilovaïski, s'est félicité de ce que les travaux de la paix, les investigations de la science aient succédé au Caucase à la guerre. Je me permettrai de constater pourtant que les tendances c o n q u é r a n t e s persistent ici, mais qu'elles sont dirigées vers un but plus élevé et plus humanitaire. Le prince Vorontsow, le prince Bariatinsky, S. A. I. le grand-duc Michel Nicolaïévitch ont successivement été les habiles interpètes d'une pensée auguste, et les indigènes, de même que les nouveaux venus, comme nous, éprouvent sur eux-mèmes que l'administration réussit complètement ici à c o n q u é r i r l'affection sincère et la profonde estime de ses administrés- Elle rappelle ainsi le mot de Voltaire, d'après lequel „les meilleurs ministres sont ceux qui font aimer leur maître!"

Приложеніе IV.

Рѣчь, произнесенная барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ въ засѣданіи 12 сентября 1881 года Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ.

Милостивыя Государыни,
Милостивые Государи,

Я позволилъ себѣ просить слова, чтобы доставить объясненія относительно порученія, которое я выполняю на Съѣздѣ, Членомъ котораго имѣю честь состоять. Прошу извинить меня въ томъ, что я, такимъ образомъ, отвлеку васъ, на нѣсколько минутъ, отъ очередныхъ занятій. Такъ какъ сегодняшнее засѣданіе имѣетъ характеръ международный, то выражаюсь на французскомъ языкѣ, дабы меня одновременно поняли мои дорогіе соотечественники и мои почтенные сочлены, прибывшіе изъ за границы.

Со времени открытія Съѣзда, неоднократно упоминалось съ этой каѳедры о писанныхъ и печатанныхъ памятникахъ на Грузинскомъ, Армянскомъ языкахъ и пр. Къ этой именно категоріи памятниковъ и относится мое порученіе.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, благопріятствуя интересамъ и успѣхамъ науки, соизволилъ разрѣшить мнѣ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретаря Гирса, привезти въ Тифлисъ и предъявить V-му Археологическому съѣзду, нѣсколько изъ числа находящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ, матеріаловъ для Исторіи и Географіи Кавказа.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соизволилъ вновь доказать свое ВЫСОЧАЙШЕЕ вниманіе Съѣзду, Всемилостивѣйше дозволивъ на этотъ

разъ отступить отъ кореннаго правила, по которому никакой документъ никогда не вывозится изъ Архива.

Изъ огромнаго количества документовъ—(въ Московскомъ Главномъ Архивѣ хранятся они за цѣлыхъ 6 вѣковъ), я счелъ возможнымъ привезти сюда только 24 рукописи и 14 ландкартъ и плановъ, которые выставлены, съ самаго начала Съѣзда, въ комнатѣ смежной съ залой засѣданій. Нѣкорыя изъ этихъ рукописей, Грузинскаго, Армянскаго и Персидскаго происхожденія, вторично переступили такимъ образомъ, по истеченіи двухъ столѣтій, величественный хребетъ Кавказскихъ горъ.

Иныя Грамоты, и именно самыя древнія, взяты изъ Метрикъ бывшаго Королевства Польскаго, которыя теперь принадлежатъ къ составу Московскаго Главнаго Архива, какъ привезенныя въ Россію, въ видѣ трофеевъ, Генералиссимусомъ Суворовымъ, вмѣстѣ съ извѣстной библіотекой Залусскихъ.

Древнѣйшій изъ этихъ документовъ,—грамота XIV-го вѣка отъ Султана Баязета къ Молдавскому Господарю Петру. Въ ней всего замѣчательнѣе то, что она вся написана на Сербскомъ языкѣ и что единственное Турецкое слово въ ней есть „фатма“ (монограмма) Падишаха. Съ моего на то согласія, Г. Франчичъ, делегатъ Хорватскаго Археологическаго Общества, списалъ эту грамоту. Она ему послужитъ къ подтвержденію подлинности сохранившихся въ Загребѣ копій съ грамотъ, писанныхъ Турецкими Султанами на Славянскомъ языкѣ къ разнымъ главарямъ этой народности.

Договорныя же Грамоты съ Польскими Королями написаны на Турецкомъ, Латинскомъ и Итальянскомъ языкахъ.

На этомъ же послѣднемъ языкѣ написанъ договоръ Крымскаго Хана Менгли-Гирея съ Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ I.

Грамоты Персидскихъ Шаховъ XVII-го и XVIII-го вѣковъ замѣчательны своею художественною отдѣлкою. Шесть изъ нихъ сочтены были достаточно интересными, для списанія съ нихъ копій.

Грамоты Армянскихъ Патріарховъ также очень красивы. Между ними находится: „Исповѣданіе Армянской церкви 1638 г.“.

Наконецъ, весьма важны Имеретинскія и Грузинскія грамоты, относительно жизнеописаній прежнихъ Царей этихъ странъ.

Что же касается ландкартъ и плановъ, принадлежащихъ Библіотекѣ Московскаго Архива и которые я взялъ съ собою, то, от-

носясь всѣ къ XVIII-му вѣку, т. е. къ эпохѣ похода Петра Великаго противъ Персіи, они весьма счастливо восполняютъ пробѣлъ въ Архивахъ администраціи, введенной здѣсь, въ началѣ текущаго столѣтія. Съ плана г. Дербента 1723 г. Генералъ Комаровъ снялъ копію для того, чтобы сдѣлать этотъ планъ предметомъ сообщенія Съѣзду. Я обѣщалъ заказать въ Москвѣ фотографическіе снимки другихъ плановъ и картъ.

Изъ числа 3-хъ, выставленныхъ на Съѣздѣ экземпляровъ Грузинской поэмы *Барсова Кожа* (La Peau de Panthère) текстъ которой восходитъ къ XII-му вѣку, спеціалисты наиболѣе любовались, какъ всѣхъ лучше сохранившеюся, рукописью Библіотеки Московскаго Архива.

Изданіе же Архива *Алфавета 157-ми Восточныхъ нарѣчій*, составленная Профессоромъ Кееромъ, я принесъ въ даръ народному управленію Горцевъ, вслѣдствіе завѣренія, что оно можетъ быть весьма полезно сему управленію.

Въ заключеніе напомню, что съ этой же каѳедры, мой многоуважаемый сочленъ, Профессоръ Иловайскій выражалъ радость по поводу того, что теперь на Кавказѣ мирныя и научныя изслѣдованія замѣнили войну. Я же позволю себѣ заявить, что *завоевательныя* стремленія продолжаютъ существовать здѣсь, но что они направлены къ болѣе возвышенной и гуманной цѣли.

Князь Воронцовъ, князь Барятинскій и Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ были, одинъ за другимъ, искусными истолкователями Монаршей мысли, и туземцы, равно какъ пришельцы, подобные намъ, испытываютъ на себѣ, что здѣшнимъ властямъ вполнѣ удалось *завоевать* искреннюю любовь и глубокое уваженіе управляемыхъ. Это напоминаетъ мнѣ слова Вольтера: „Лучшіе Министры суть тѣ, которые умѣютъ вселять любовь къ своему Государю!“

Примѣчаніе. Французскій текстъ этой рѣчи былъ напечатанъ въ № 266 Journal de S-t Pétersbourg 4 октября и въ № 297-мъ Брюссельской газеты Le Nord 24 октября нов. ст. 1881 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-е.

Инструкціи (съ приложеніями) полномочнымъ министрамъ тайн. сов. бар. П. Шафирову, оберегермейстеру А. Волынскому и тайн. сов. И. Неплюеву. Дѣла Тур. П. 1737 св. 38/в № 9 и св. 38/с № 10 (сент. 15-го 1737). Пунктъ. 14.... «Ежелибъ помянутые Аглинской и Галанской послы какъ то по учиненному имъ отъ турецкаго везиря призыванію случится моглобъ на конгрессѣ присудствовали, то онымъ полномочнымъ министрамъ сними всякое дружеское обхожденіе имѣть, и засвидѣтельствованнымъ всегда от нихъ к інтересамъ нашимъ доброжелательнымъ намѣреніемъ и доброю ревностію всякимъ пристойнымъ и наилучшимъ образомъ ползоваться надлежитъ, а отъ принятія ихъ медіаціи весма утивымъ и неозлобительнымъ образомъ отходить, всамомъ потребномъ случае отговариваясь неімѣніемъ на то указу сприбавленіемъ бутто собственного ихъ (пословъ) партикулярного разсужденія, что ежели турки прямое истинное намѣреніе къ заключенію на справедливыхъ и безопасность россійской имперіи довольно утверждающихъ кондиціяхъ імѣютъ, то они полномочныи министры къ тому готовы и безъ всякихъ пространностей оной миръ къ скорѣйшему заключенію приведенъ быть можетъ, а ежели такое намѣреніе не імѣютъ, то и іхъ пословъ высокихъ принципаловъ о медиаціи трудить видится непристойно, понеже съ одной стороны на ихъ высокихъ принципаловъ праволюбіе, твердая и неотмѣнная надежда імѣется, что они непожелаютъ, чтобъ мы на такой міръ поступили, которой бы снашими интересами, счестію и желаемою імперіи россійской достаточною безопасностію не сходенъ былъ, а сдругой стороны такожде нечаятельно чтобъ они сей спортою заключимой миръ гварантировать похотѣли, а ежелибъ пачечаяніе Турки втомъ весма упрямились и безъ морскихъ державъ медиаціи внегоціацію вступить не похотѣли, то втакомъ случае взять оное на доношеніе и ожидать нашего указу.» Тутъ-же въ числѣ приложеній, подъ лит. А до Q документы касающіеся переговоровъ съ Англіею и Голландіею о посредничествѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-е.

Первое и второе засѣданія конгресса прошли въ пререканіяхъ относительно ущербовъ причиняемыхъ татарскими и казацкими набѣгами обоюднымъ подданнымъ и въ спорѣ по поводу требованія турецкихъ уполномоченныхъ, чтобы русскіе объявили прелиминарныя мирныя условія. По послѣднему вопросу «о

прелиминарныхъ пунктахъ какъ россійскіе, такъ и римско-цесарскіе послы единогласно сказали, что на конгрессахъ нѣтъ мѣста прелиминарамъ, слѣдственно и характерамъ полномочныхъ пословъ оные неприличны, но будучи купно для установленія общаго покоя, объ ономъ одномъ говорить надобно, и осамомъ дѣлѣ трактовать надлежитъ, а не о предвареніяхъ, о которыхъ только въ отсутствіи, а не въ самомъ мѣстѣ конгресса установляется».

Турки мотивировали свое требованіе неопредѣленностію редакціи русскаго условія о необходимости принять достаточныя мѣры для огражденія Россіи отъ татарскихъ набѣговъ и необходимостію избѣжать конфузіи. Но эти доводы не были уважены, тѣмъ болѣе, что турецкіе уполномоченные предлагали, какъ совершенно достаточную и цѣлесообразную въ этомъ отношеніи мѣру—«чтобы равномѣрными обнадеживаніями съ обѣихъ сторонъ укрѣпиться, чтобъ никакихъ набѣговъ впредь чинено не было, а они, турецкіе уполномоченные, съ своей стороны обѣщаютъ и увѣряютъ, что такое учрежденіе установятъ, чтобъ впредь татары никакого нарушенія мира причиною быть не моглибъ, но и тѣхъ, которые тому причиной, наказать обѣщаютъ». На это Неплюевъ возражалъ безплодностію неоднократныхъ, въ теченіе 14 лѣтъ пребыванія его при Портѣ представленій, жалобъ и предложеній по этому предмету, а также обѣщаній и указовъ Порты, и на безсиліе Порты къ унятію татаръ.

«Что выслушавъ турецкіе послы весьма домогались, чтобъ что нибудь точное отъ россійскихъ пословъ изъяснено было, но оные того разными многоплодными разговорами убѣгали, пребывая на основаніи первой ихъ пропозиціи, которую тѣми-же доводы доказывали.

«Турецкіе послы всѣ доказательства россійскихъ пословъ выслуша римско-цесарскимъ представили, что они слышали что говорено было съ обоихъ сторонъ, и что наконецъ ни о чемъ соглашенось быть не могло, и потому ежели впредь такъ сообоихъ сторонъ упорно стоять будутъ, то николи до конца дѣламъ притти не возможно будетъ, въ такомъ случаѣ весьма бъ потребенъ былъ какой медіаторъ, которой бы могъ споръ соглашать, и одного обвинить, а другаго оправить, представляя чтобъ они римско-цесарскіе въ томъ посредствовали.

«На что римско-цесарскіе отвѣтствовали, что медіаціи тутъ никакой мѣста нѣтъ, и что они съ своей стороны тутъ присутствуютъ не яко медіаторы, но яко тутъ же содоговаривающаяся сторона, какъ о томъ имъ письменнымъ и словеснымъ представленіемъ довольно извѣстно, а особливо чрезъ печатные всѣ вмѣстѣ собранные резоны, которые они прежде вступленія въ конференцію имъ турецкимъ посламъ сообщили и въ сей конференціи объявили, что всякъ съ своей стороны резонами правду свою доказывать будетъ.

«На что паки турецкіе послы имъ во отвѣтъ сказали, что они слышали, какъ россійскіе о разореніяхъ приключившихся имъ отъ татаръ предлагали, и что они съ своей стороны представляли всѣ произшедшія отъ казаковъ и отъ калмыкъ, о которыхъ, какъ имъ, такъ и всему свѣту чрезъ газеты довольно вѣдомо, какіе неизчисленные убытки отоманскому имперію отъ оныхъ приключены были, и потому надобна какая бы медіація, которая бы могла все сіе прекратить.

«На что россійскіе и римско-цесарскіе послы единогласно отвѣтствовали, что медіаціи никакой ненадобно, показывая примѣръ послѣдняго установленія мира между цесаремъ римскимъ и Франціею: безъ всякаго посредства оной такъ заключенъ, что желательно, чтобъ Богъ даровалъ такое въ семъ дѣлѣ окончаніе, показывая неудобность оной медіаціи и сказавъ, что одна правда и искреннее намѣреніе къ прекращенію замѣшательствъ довольнымъ медіаторомъ быть можетъ, ежели то съ такимъ намѣреніемъ произведено будетъ.» (Изъ протокола 2-й конференціи, 7 августа).

Изъ протокола 3-й конференціи 8 августа (1737, св. 38/р, 38/е): Сначала турецкіе послы сдѣлали нѣсколько предложеній о средствахъ къ обузданію татаръ; они были отвергнуты.

«Потомъ россійскіе послы объявя напередъ что все сіе, что турецкіе послы услышатъ не инако какъ съ одной правдой и истиной сходно будетъ представлено, на которомъ основаніи твердой и постоянной и безопасной покой быть можетъ возстановленъ, Баронъ Шафировъ читалъ на россійскомъ языкѣ пункт по пункту, а Ассессоръ Тевкелевъ такожде переводилъ по турецки слѣдующее. *Понеже во вчерашней конференціи довольно доказано было турецкимъ посламъ, что всьмъ прежде бывшимъ ссорамъ и настоящей войнѣ причиною татарскіе народы, отъ которыхъ ссоръ и нападеній приключены подданнымъ Ея Имп. в-ва убытковъ и разореній на многіе милліоны, и многіе тысячи людей въ плѣнъ оными татарами похищено*, какъ о томъ въ письмѣ г. вице-канцлера гр. Остермана къ верх. везирю отъ 12-го Апрѣля прошлаго 1736 года изображено, *такожде и сія принужденная оборонительная война приключила великіе всероссійскому имперію ижденіи со излитіемъ не малыя крови вѣрныхъ подданныхъ Ея И. В-ва*, которыя слѣдства войны суть обыкновенныя, но все то Ея И. В-во наша всемилостивѣйшая государыня изволитъ полагать съ единымъ тѣмъ намѣреніемъ, *дабы на предбудущіе времена Имперію и вѣрнымъ подданнымъ своимъ совершенной и безопасной покой получить*; въ семъ признавъ Ея И. В-ва въ томъ справедливость, вѣрной Ея И. В-ва союзникъ, Его Римско-цесарское величество въ настоящей войнѣ участіе принялъ, что бъ Ея В-во до толь справедливаго своего намѣренія достигла равномѣрножъ и своему имперію безопасной и постоянной покой одержать могъ, о чемъ отъ страны его римско-императорскаго величества послы во свое время сами предлагать будутъ; а елико касается отъ страны Ея И. В-ва нашей всемилостивѣйшей государыни, къ полученію часто упоминаемаго безопаснаго и *постояннаго покоя*, о чемъ во вчерашней конференціи изъяснено, что *дондеже оные татарскіе народы между обоихъ имперій такъ, какъ до сего времени были, пребывать будутъ, то желаемому реченному покою быть не возможно*. И тако ради оного покоя и за всѣ вышеозначенные понесенные разоренія и убытки требуется:

1. Всѣ прошедшіе трактаты съ Портою до сей войны бывшіе дабы во всемъ уничтожены были.

2. Земли татарскіе Кубань и Крымъ, и прочія до рѣки Дуная лежащіе да останутца со всѣми жителями и крѣпости во владѣніи россійскаго Имперія; понеже Ея Имп. В-во не для какой прибыли того, но токмо единого ради вѣчнаго безо-

паснаго покоя, яко же и Порта отъ такихъ дикихъ народовъ никакова прибытка не имѣли, въ показаніе чего Ея Имп. В-во соизволяетъ, чтобъ волоское и молдавское княженія были за баріеру между сосѣдственными государствами, подъ особливыми своими князьями ни отъ кого не депендующими, токмо по единовѣрію да пользуютца протекціею Ея И. В-ва; изъ того явно есть, что Ея И. В-во не для другаго чего, токмо для единаго убѣжанія ссоръ, и полученія безопаснаго покоя то желать изволитъ, и ежелибъ возможно такой способъ наитить, чтобъ между россійскими и турецкими будущими впредь владѣніями и въ другихъ земляхъ къ рѣкѣ Дунаю баріеружъ постановить, которою бъ всегда могъ совершенно и безопасной покой обоимъ имперіямъ впредъ не нарушимъ быть, и отъ того бъ Ея Имп. В-во отдалиться не изволили.

3. Во утвержденіе того жъ постояннаго мира и добраго согласія дружески требуется, чтобъ его Салтаново величество, и его потомки титуляровали Ея императорское величество, и Ея величествъ высочайшихъ потомковъ всероссійскимъ Императорскимъ титуломъ.

4. Плѣнные сообоихъ сторонъ да будутъ возвращены каждой сторонѣ въ свое отечество въ какое бы время оные взяты ни были, такожде и купечество сухимъ путемъ и моремъ дабудетъ между обоими имперіями свободное.

5. Понеже Ея Имп. В-во съ сосѣдственнымъ Польскимъ государствомъ изволитъ пребывать въ вѣчномъ мирѣ и союзѣ, тако и его Салтаново величество изволитъ въ постоянной дружбѣ пребыть съ тѣмъ Польскимъ государствомъ по содержанію Карловицкаго трактата.

Прочіе жъ малѣйшіе окрестности потребные со обоихъ сторонъ вслѣдствіе вышеозначеннаго и въ подкрѣпленіе той вѣчной ненарушимой дружбы обоихъ имперій въ предъ представлены быть могутъ.

Однакожъ сіе все съ стороны нашей представлено подъ такой кондиціею дабы и союзникъ Ея И. В-ва Его Римско-цесарское величество въ требованіяхъ своихъ удовольствованъ былъ, ибо единая сторона безъ другой къ заключенію мира не подступитъ».

Послѣ нѣкоторыхъ прекаканій турки объявили, что они обсудятъ русскія предложенія, и просили, чтобъ цесарцы заявили свои условія, но послѣдніе откловили подъ предлогомъ, что пока они ни усмотрятъ изъ отвѣта на русскія условія дѣйствительной склонности турокъ въ миру, до тѣхъ поръ не объявятъ ихъ. Этимъ конференція кончилась.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3-е.

Дѣла Турецкія, 1737, св. 38/b, № 9.

Въ январѣ 1737 г. цесарскій дворъ требуетъ сообщенія ему русскихъ кондицій, но ему отказано въ этомъ на томъ основаніи, что Порта никакой склонности къ миру не показываетъ.

Въ концѣ января Цесарь приказалъ Тальману просить французскаго посла въ К-полѣ о добрыхъ услугахъ къ примиренію, но убѣгать французской медіаціи (не показывая однако съ своей стороны нималѣйшаго отъ того удаленія, а ссылаясь

на Русскій дворъ, какъ на главную воюющую сторону), чтобы не возбудить жалозіи у Фаукнера и Калькуна.

1737, св. 38/р. (38/е и 38/f—копіи).

Реляція пословъ № 3: посредничество Голландіи отклонено Цесаремъ; цесарскіе уполномоченные вмѣшиваются въ русскія кондиціи, требуютъ, чтобы онѣ были сообщены имъ.

№ 6 и 8: жалобы на Остейна; онъ постоянно сносится съ турками, которые выѣдываютъ русскія кондиціи и требуютъ предварительнаго установленія преліминарій; медіація обоюдно отклонена.

№ 6 и 8: въ турецкихъ полномочіяхъ посредники: Цесарь, Англія и Голландія; турецкіе послы уполномочены только на продолженіе Пассаровицкаго договора; впрочемъ въ письмахъ президента надворнаго военнаго совѣта, гр. Кенигсега къ визирю отъ декабря 1736 и 28 февраля 1737 г. заявлено было, что впредь Австрія должна считаться не примирителемъ сторонъ, а союзникомъ Россіи и сопримиряющимся.

№ 10, отъ 27 іюля и № 15 отъ 2 августа: просятъ инструкцій, ибо Очаковское дѣло усилило неподатливость турокъ; также требуютъ занятія хотя части Крыма для облегченія переговоровъ.

№ 18 реляц. 14 авг. 1737 о четвертой конференціи (11 авг.): Пріѣзжалъ переводчикъ Порты и спрашивалъ какой отвѣтъ дать Фаукнеру и Калькуну о медіаціи? Отвѣчали: отвѣтъ этотъ въ волѣ пословъ, только сами видятъ они что мы съѣхались безъ медіаціи и изъяснились о послѣдней В-го И. В-ва волѣ; что ежели Порта склонна принять наши предложенія, то никакого посредства не потребно, а ежели она несклонна, также излишнебъ было, понеже, объявя послѣднюю справедливую мѣру, торговаться не о чемъ, противъ чего они и сами не прекословили, говоря что въ медіаціи рѣдко польза бываетъ, а болѣе вреда.

№ 20—Волынскій 16 августа на контрвизитѣ у турецкихъ уполномоченныхъ довольно успѣшно началъ переговоры о сепаратномъ мирѣ; обѣщано обоюдно продолжать ихъ приватнымъ образомъ, но встрѣтилось затрудненіе въ вопросѣ о томъ, какъ удовольствовать потомъ Императора, и обязуется ли Россія отказаться потомъ отъ союза съ Австріею. Турки требуютъ отвѣта на это прежде продолженія переговоровъ. Русскіе сообщили о своемъ свиданіи цесарцамъ (подсмотрѣли изъ-за пруда, Соловьевъ), которые сообщаютъ, что другія державы не допустятъ конкетовъ за Дунаемъ и что необходимо въ нынѣшнемъ-же году заключить миръ. 18-го новая обсылка съ турками, русскіе уклоняются отъ отвѣта на вопросъ не получивъ изъясненія о удовлетвореніи Портою требованій Россіи, на что турки отвѣчаютъ, что они имѣютъ нужныя уполномочія для заключенія съ Россіею мира безъ всякихъ обсылокъ съ Портою, и что можно найти справедливыя средства къ соглашенію съ Россіей, но цесарцамъ они ни $^1/_4$ аршина земли не уступятъ, ибо уполномочены лишь на продолженіе съ ними Пассаровицкаго мира, и цесарь со стороны присталъ къ войнѣ ради корысти; но турки требовали чтобъ имъ указано было какимъ способомъ Россія откажется отъ союза. Отсюда русскіе послы усмотрѣли, что турки желаютъ только чтобъ русскіе проговорились, и потомъ поссорить союзниковъ, ибо и цесарцамъ они чрезъ молдав-

ского господаря дѣлали такія-же преложенія. Во всякомъ случаѣ подозрѣніе у цесарцевъ уже было возбуждено; турки стараются между союзниками холодность поселить. Между тѣмъ Ланчинскій пишетъ изъ Вѣны, что цесарь желаетъ мира ибо лутчіе ихъ (Австріи) доходы въ закладѣ. Тоже въ инструкціяхъ Остейну. Боснію австрійцы оставили и хотятъ всѣ силы стянуть къ Виддину, чтобъ Валахіею и Молдавіею завладѣть.

№ 21—25 авг.: 21 августа турки при обсылкѣ объявили на запросъ русскихъ уполномоченныхъ, что ни относительно титула, ни о купечествѣ затрудненія не будетъ, цесарцамъ-же никакой уступки не сдѣлаютъ, о чемъ де они имъ и заявили. Новыя инструкціи Остейну:—uti possidetis и миръ не сепаратно (эту инструкцію показывали нашимъ). Отсюда сильныя затрудненія. Накопецъ намъ сообщено Тальманомъ, что 24-го имъ получены еще новыя инструкціи съ значительными уступками, но въ чемъ эта умѣренность цесаря состоитъ — не объяснилъ. Тревога у насъ, чтобъ это обстоятельство не усилило упорство Турокъ относительно насъ, и чтобъ не заключили сепаратный миръ (Тальманъ говоритъ, что едвали есть препятствія къ немедленному заключенію мира).

№ 24—31 авг.—Австрійцы подали 29 авг. ультиматумъ на срокъ до 15 (н. с.) октяб.; пререканія изъ-за австрійскихъ условій; русскіе требуютъ, чтобъ до полученія инструкцій объявили эти условія въ генеральныхъ терминахъ, какъ это сдѣлали русскіе. Турки говорятъ, что съ Россіей легче согласиться, ибо все разногласіе изъ за татаръ и Турція не соприкасается съ нею границами какъ съ Австріей, между которою и Турціею нѣтъ посредствующихъ земель.

Турки узнали о разногласіи; австрійцы неудачно ведутъ войну; Минихъ не оказываетъ надлежащей энергіи послѣ первыхъ успѣховъ.

№ 26—9 сент.: цесарцы сообщили, что турки склоняютъ ихъ къ сепаратному миру; взаимно увѣрялись о прочности союза; русскіе уполномоченные доносятъ, что не прекратятъ приватныхъ сношеній съ турками и будутъ согласоваться съ поступками австрійцевъ.

4 сент. 1737: свиданіе съ цесарцами, которые объявляютъ, что турки стараются у нихъ о сепаратномъ мирѣ.

№ 27—11 сент.: Ланчинскій сообщаетъ, что Флери старается примирить цезаря и увѣщеваетъ его прогрессы свои не далѣе того распространять, какъ прежде вступленія въ войну ему сообщалъ, и онѣ-же кард. де Флерій въ томъ-же письмѣ сообщаетъ, якобы министры другихъ державъ при французскомъ дворѣ резидующіе являются весьма безпокойны отъ прогрессовъ россійскихъ противу Порты. На это цезарь отвѣчалъ, что онъ старался объ улаженіи распри, но потомъ обязанъ былъ поступать по союзному договору; союзники де не ищутъ ничего кромѣ безопасности границъ; вмѣстѣ съ тѣмъ цесарь сообщилъ Флери свои условія и русскія какъ они сообщены туркамъ на 4 конференціи 11 августа; и наконецъ доказывалъ, что какъ онъ, Римско-цесарское величество, такожъ и Ваше И. В-во не изволите раззоренія или умаленія знатнаго турецкаго государства искать, но токмо для своей безопастности резонабельнаго миру, отъ котораго никакой никако державѣ нималѣйшаго подозрѣнія быть не можетъ.

№ 28—18 сент.: переводчикъ Порты сообщилъ мнѣніе визиря, что условія тяжки

ибо Россія ищетъ «всѣми вратами ихъ провинцій овладѣть» и открыть послѣдніе казацкимъ набѣгамъ. Возраженіе: еслибъ Порта удовольствовала Россію какъ главную сторону, то можно бы убѣдить цесаря быть резонабельнымъ въ условіяхъ (постоянная фраза).

№ 31, отъ 25 сентября: цесарцы получили указъ отъ своего двора о незамедленіи мира; Флери, въ отвѣтъ на письмо къ нему цесаря, сообщилъ ему, что дастъ приказъ Вильневу склонять Порту къ миру.

№ 32: наши уполномоченные готовы заключить сепаратный миръ въ случаѣ нужды.

№ 33, отъ 3 октября: Такъ какъ срокъ перваго австрійскаго ультиматума (до 15 октяб. н. ст.) прошелъ, то цесарь далъ своимъ посламъ новый указъ съ новыми уступками на срокъ 31 октября; объ этихъ уступкахъ Вѣнскій дворъ сообщилъ и Франціи; русскіе и цесарцы сообщили взаимно свои крайнія кондиціи,—цесарцы отказываются отъ Молдавіи и Валахіи, русскіе требуютъ Азова, Кинбурна и Очакова; турки сообщили присланный имъ приказъ (2 октября) выѣхать изъ Нѣмирова.

ПРИЛОЖЕНІЕ 4-е.

Изъ той-же связки Турецкихъ дѣлъ 1737 г.

№ 44, отъ 27 ноября изъ Кіева: Извѣстный пріятель Петръ Дука пріѣхалъ въ Кіевъ къ посламъ, бывшимъ на конгрессѣ, съ письмомъ отъ господаря молдавскаго Григорія Гики (отъ 10 ноября) и съ инструкціею. Въ письмѣ господаря видимымъ мотивомъ присылки Дуки выставленъ размѣнъ плѣнныхъ, но въ концѣ письма господарь предлагаетъ служить посредникомъ для заключенія мира, а изъ инструкцій Дуки видно, что онъ уполномоченъ на это Портою. Послы дали согласіе на корреспонденцію съ Гикою и сообщили ему условія свидѣтельствующія всему свѣту о великодушныхъ и умѣренныхъ намѣреніяхъ императрицы. Словесно и конфидентно Дука сообщилъ, что Порта надѣется, что Швеція объявитъ Россіи войну; Австріи она не боится; французскій посолъ обнадеживаетъ Порту, что на слѣдующій годъ Франція объявитъ войну Австріи.

1 декабря присланъ указъ Неплюеву продолжать корреспонденцію съ Гикою.

№ 49, отъ 20 декабря, Неплюевъ изъ Кіева: старается о непосредственныхъ сношеніяхъ съ Портою безъ медіаціи.

ПРИЛОЖЕНІЕ 5-е.

Въ резолюціи послу Шмерлингу въ Парижѣ отъ 26 октября 1737 года, цесарь говоритъ, что ему пріятно, что Порта обратилась за добрыми оффиціями къ Франціи, что онъ не желаетъ посредничества морскихъ державъ, и что прилагаетъ великіе труды дабы Россійскій дворъ склонить къ такимъ мирнымъ кондиціямъ, которыя Порта легко принять могла бы. См. дѣла Турецкія, 1738 г., связ. 39/а, № 3, откуда сдѣланы и слѣдующія выписки. Дѣйствительно, 15 ноября Цесарь

предлагалъ намъ принять добрыя оффиціи Франціи, высказывая мнѣніе, что миръ тягостный всегда войнѣ предпочтенъ быть имѣетъ; притомъ убѣждалъ Россію отказаться отъ Очакова. Въ декабрѣ австрійскій резидентъ при Петербургскомъ дворѣ Гохгольцеръ продолжалъ настаивать отъ имени Цесаря на необходимости принять медіацію Франціи и отказаться отъ требованія Очакова и Кинбурна, а Синцендорфъ сообщалъ Вильневу, что Цесарь согласенъ заключить миръ съ Портою, но Россія не уступитъ въ вопросѣ объ Азовѣ.

27 декабря 1737 г. Гохгольцеръ сообщилъ русскому правительству, что Синцендорфомъ получено сообщеніе Петербургскаго кабинета объ условіяхъ Россіи для сообщенія ихъ французскому правительству; по поводу условій Россіи онъ заявляетъ, что вѣнскій дворъ совершенно согласенъ съ ихъ справедливостью, что даже собственный интересъ Австріи требовалъ бы уступки Очакова Россіи, такъ какъ это послужило бы и ей оградою противъ Татаръ, но хотя цесарь сочувствуетъ Россіи и старается по возможности содѣйствовать ей при другихъ кабинетахъ и поддерживать ея условія „однакоже къ намъ изъ всѣхъ мѣстъ извѣстіе прислано, что за невозможно признано, чтобъ Очаковъ отъ Порты оставленъ былъ.... и отъ россійскаго двора никако скрыто быть не можетъ, что̀ его министрамъ въ Англіи и Голландіи тотъ часъ отвѣтствовано, како они о удержаніи Очакова и Кинбурна, по силѣ отправленнаго къ гр. Головкину и кн. Кантемиру рескрипта, только малѣйшее изъясненіе учинили. Въ той-же точно силѣ Шмерлингу говорено; и единымъ словомъ всемѣрно никакой надежды не имѣется другихъ европейскихъ державъ уговорить, что для упрежденія татарскихъ набѣговъ Очаковъ россійскому государству нуженъ и потребенъ; и такъ-же мало чаять можно, чтобъ Порта согласилась уступить его», тѣмъ болѣе, что Турки осаждаютъ его, слѣдовательно принципъ uti possidetis къ нему непримѣнимъ. Настаиваетъ на уступкѣ въ пунктѣ объ Очаковѣ. Сообщаетъ, что Флери требуетъ принятія формальной медіаціи, а не добрыхъ оффицій.

Даже успѣхами русскаго оружія Австрія пользовалась для склоненія насъ къ уступкамъ. 3 января 1738 г. Гохгольцеръ передалъ русскому правительству поздравленія Цесаря съ успѣшной защитой Очакова, присовокупивъ, что «поэтому если этотъ городъ назадъ отдастся, то это всегда къ особливой славѣ Царицы касаться будетъ», и что именно теперь удобное время къ заключенію мира, такъ какъ дѣла идутъ успѣшно; Франція требуетъ медіаціи исключительно себѣ, и австрійскій дворъ совѣтуетъ принять ее.

Сообщеніе Гохгольцера отъ 10 января—вел. визирь письмомъ къ кард. Флери извѣстилъ (въ октябрѣ) о принятіи Портою посредничества Франціи; Флери не желаетъ конгресса (ради будто бы сокращенія времени переговоровъ).

Въ сообщеніяхъ Синцендорфа Вильневу говорится, что „on a été presque alarmé à Petersbourg“ узнавши о принятіи Австріею французскаго посредничества, однако онъ увѣренъ, что и Россія приметъ его. Въ концѣ декабря онъ сообщаетъ Вильневу радостное извѣстіе, что Россія приняла не только bons offices, но и médiation Франціи, но настаиваетъ на условіяхъ сообщенныхъ чрезъ резидента въ Вѣнѣ Ланчинскаго и желаетъ возобновленія конгресса.

Россію Австрія уговаривала принять посредничество одной Франціи въ видахъ

избѣжанія проволочекъ времени, которыя потребовались бы для формальностей принятія посредничества другихъ державъ и для соглашенія между комедіаторами.

10 января Гохгольцеръ сообщилъ, что Англія и Голландія не очень стараются о медіаціи, Франція-же поставила условіе, чтобъ медіація была предоставлена ей одной, въ противномъ случаѣ она отъ нея отказывается. Австрія желаетъ де французской медіаціи потому, что Франція пользуется вліяніемъ у Порты. Хотя де Австрія сильно хлопочетъ по вопросу объ Очаковѣ, но нельзя ожидать уступки со стороны Франціи и Порты; поэтому лучше бы сыскать другой способъ къ примиренію. Флери хочетъ все дѣло устроить въ Константинополѣ, а потомъ конгрессъ только для формальности учредить можно. Миръ зависитъ отъ Россіи; Австрія потратила милліоны и остается ни съ чѣмъ, а Россія требуетъ все, чего желала при началѣ войны, поэтому скорѣе Австріи, чѣмъ Россіи слѣдуетъ считать миръ непристойнымъ, и т. д.

ПРИЛОЖЕНІЕ 6-е.

Рескриптъ Неплюеву въ Кіевъ отъ 5 декабря 1737 г. въ дѣлахъ Турецкихъ, 1737, связ. 38/с.

27 ноября 1737 года Анна Іоанновна писала Цесарю, что нужно заключить надежный и пристойный миръ, что уступки и предупредительность вредно дѣйствуютъ на Турокъ; она де не отвергаетъ добрыхъ оффицій Франціи, даже готова принять медіацію ея, если отсюда получится миръ на пристойныхъ и твердыхъ основаніяхъ, и если это необходимо, но не слѣдуетъ въ такомъ случаѣ огорчать и морскихъ державъ, нужно принять и ихъ посредничество, о которомъ онѣ давно ищутъ. Наконецъ, такъ какъ Россія главная сторона, то мирныя негоціаціи должны производиться не безъ ея согласія и участія. См. Дѣла Турецкія 1738 г., связ. 39/а, № 3; оттуда-же и слѣд. выписки. Подобное же заявленіе сдѣлано Гохгольцеру 28 ноября.

11 января Гохгольцеру объявлено, что корреспонденція съ Портой неудобна по ея продолжительности, что поэтому желательно было бы, чтобъ переговоры велись непосредственно Портою съ Неплюевымъ въ Кіевѣ, или чрезъ Вильнева съ нимъ-же письменно или чрезъ конфидентную персону; отъ своихъ условій Россія никогда не отступится, такъ какъ они поставлены въ виду будущей безопасности границъ; желательна комедіація морскихъ державъ. (Изъ рескрипта Неплюеву отъ 5 марта 1738 г. видно, что ему дѣйствительно даны такія полномочія, а конфидентною персоною былъ Валашскій господарь. 1738, св. 39/а, № 6).

14 января 1738 года министръ Amelot сообщаетъ Вильневу, что Россія приняла посредничество Франціи, но совмѣстно съ Англіей и Голландіей, поэтому Вильневу разрѣшается принять ихъ содѣйствіе, но такъ какъ Франція взяла на себя посредничество по просьбѣ Порты, то Вильневъ имѣетъ согласиться на ихъ содѣйствіе только въ случаѣ требованія объ этомъ Порты.

Французское посредничество, но совмѣстно съ Англіею и Голландіею принято 21 мая. Прелиминарныя условія: уступка Портою Азова и возвращеніе ей Очакова и Кинбурна безъ укрѣпленій. Дѣла Тур., 1738, св. 39/а № 1 переписка Остермана; св. 39/а, № 4, переписка Вильнева.

Изъ дѣлъ 1738 года, связ. 39/а № 4 видно, что Вильневъ уполномоченъ (въ маѣ) заключить съ Портой прелиминарныя мирныя условія, съ участіемъ или безъ участія морскихъ державъ, по усмотрѣнію Порты.

Отношенія Вильнева и Порты къ Англійскому и Голландскому посламъ въ Константинополѣ,—дѣла Турецкія, 1738, связ. 39/а № 3. Кантемиръ сообщилъ англійскому правительству, что хотя по настояніямъ Австріи Россія и приняла посредство Франціи, но совмѣстно съ Англіею и Голландіею. Поэтому 1/12 февр. 1738 представители этихъ двухъ державъ объявили объ этомъ Портѣ; но она отвергла ихъ предложеніе 20 февраля/6 марта.

Полномочія Вильневу(отъ 20 мая)на заключеніе прелиминарнаго договора въ дѣлахъ Турецк., 1738 г. связ. 39/о № 25. Здѣсь нота Остермана Вильневу отъ 21 мая, уполномочивающая его на заключеніе прелиминарныхъ пунктовъ, причемъ онъ извѣщается о томъ, что такъ какъ на заключеніе окончательнаго мирнаго договора цесаремъ уполномоченъ герцогъ Лотарингскій и Тосканскій, то и императрица дала такое-же полномочіе фельдмаршалу гр. Миниху; къ нотѣ приложенъ и самый проектъ окончательнаго мирнаго договора.

Миниху были отправлены проектъ договора и двѣ полномочныя грамоты. Обѣ отъ 8 іюня. Въ одной о Франціи и морскихъ державахъ вовсе не упоминается; въ другой-же прибавлена оговорка, что такъ какъ султанъ просилъ, а Людовикъ XV согласился медіаторскую должность на себя принять, такъ какъ союзные дворы также согласились на эту медіацію, и если притомъ султанъ потребуетъ и желаетъ медіаціи морскихъ державъ, то и она союзникамъ пріятна, то Вильневъ уполномоченъ заключить и подписать одинъ, или обще съ послами морскихъ державъ прелиминарные артикулы съ Портою, окончательный-же мирный договоръ уполномоченъ заключить гр. Минихъ. Дѣла Турецк. 1738, связ. 39/о, № 26 и 26-а.

20 августа Вильневъ сообщаетъ Амелоту, что Минихъ въ письмѣ къ вел. везирю извѣщающемъ послѣдняго о полученныхъ имъ полномочіяхъ на заключеніе мира не упоминаетъ о Франціи, но Ларія настоялъ на томъ, чтобъ въ отвѣтѣ визиря о посредничествѣ Франціи было именно упомянуто. Визирь охотно заключилъ бы сепаратный миръ съ Россіею, но требуетъ предварительнаго установленія прелиминаріевъ. Тамъ-же, связ. 39/а, № 6 и 39/о № 25.

30 августа Вильневъ Амелоту—l'empereur de France, le seul à qui la Porte avait confience. 18 сентября: не мало служитъ въ пользу Франціи предложеніе ея отъ 10 апрѣля гарантировать будущій мирный договоръ. 29 сентября: морскія державы очень недовольны тѣмъ, что ихъ устраняютъ отъ посредничества и очень стараются о немъ, но вел. визирь клятвенно обѣщалъ Ларіѣ, что кромѣ Франціи никто не будетъ допущенъ къ посредничеству. Тамъ-же.

Изъ ремарокъ къ проекту окончательнаго мирнаго договора видно, что русское правительство готово было допустить гарантію Франціею мирнаго договора.

Уполномочивши Миниха на заключеніе договора, Остерманъ предложилъ Вильневу, для сокращенія времени, сноситься съ нимъ непосредственно.

ПРИЛОЖЕНІЕ 7-е.

Уже въ протоколахъ инструкцій посламъ въ Нѣмировѣ (Дѣла Турецкаго Двора въ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., 1737, связ. 38/в, № 9 и связ. 38/с, № 10) отъ 14 іюня говорится въ ст. I, въ которой имъ предписывается требовать у турокъ уступки Крыма Россіи, въ п. 3: «и дабы Туркамъ такожде всякую опасность отнять, которую-бъ они по причинѣ всероссійскаго утвержденія въ Крыму возымѣть могли, то мочно постановить, что въ Крымѣ корабельнаго военнаго флота съ стороны всероссійскаго имперія содержано не будетъ.» Въ ст. II сказано, что настаивать на уступкѣ Крыма не слѣдуетъ между прочимъ потому, что «многимъ державамъ такое завоеваніе инымъ для своей комерціи, а инымъ, особливо Франціи, чтобъ турковъ не вовсе въ безсиліе привесть, весьма противно.» Далѣе въ ст. III опредѣляются дальнѣйшія возможныя территоріальныя уступки. Наконецъ тамъ-же въ п. 5 общее предписаніе: «и дабы туркамъ такожде и прочимъ ненавидующимъ державамъ всякое опасеніе о какихъ иногда намъ приписуемыхъ дальновидныхъ намѣреніяхъ отнять, то когда сіе необходимо за потребно разсудится, мочно постановить, какъ выше сего о Крымѣ упомянуто, а именно, что морскихъ военныхъ кораблей тамо содержано не будетъ.» Далѣе подъ особой нумераціей слѣдуютъ второстепенныя условія; изъ нихъ ст. 6 приведена въ текстѣ.

Опасенія русскаго правительства оправдались. 19 августа 1737 года кардиналъ Флёри написалъ Цесарю письмо, гдѣ говоритъ, что блестящіе и быстрые успѣхи союзниковъ встревожили всѣхъ иностранныхъ министровъ при Версальскомъ дворѣ, что онъ старался успокоить ихъ, увѣряя ихъ въ умѣренности Цесаря и полагаясь на обѣщаніе его ограничиться завоеваніемъ Босніи. „Mais je lui avouerai, продолжаетъ Флёри, qu'il n'en est de même sur les conquêtes de la Russie, si elle les pousse aussi loin que la foiblesse des Turcs leur inspirera. Elle s'emparera de la Crimée et de tous les bords de la mer Noire. Les russes bloqueront Constantinople et se rendront maîtres de tout le commerce du Levant au préjudice de toutes les puissances de l'Europe. Le Roi m'ordonne expressement de prier V. M. d'y réfléchir sérieusement, puisqu'Elle n'y est pas moins intéressée que les autres Princes de l'Europe.“ (Тамъ-же, связ. 38 с. № 11).

Императоръ, сильно желавшій мира, поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ предлогомъ настаивать на убавкѣ русскихъ условій. Онъ, правда, въ качествѣ вѣрнаго союзника поспѣшилъ успокоить французское и другія правительства, увѣрить ихъ въ великодушной умѣренности Царицы, въ справедливости ея требованій, и что какъ онъ, такъ и его союзница не ищутъ «разоренія или умаленія знатнаго турецкаго государства, но токмо резонабельнаго миру, отъ котораго никакой державѣ ни малѣйшаго подозрѣнія быть не можетъ.» (Реляція пословъ, № 27, отъ 11 сентяб. о сообщеніи нашего резидента въ Вѣнѣ Ланчинскаго, тамъ-же, связ.

38/p, 38/e и 38/f — дѣла Нѣмировскаго конгресса). Но въ то-же время Вѣнскій дворъ не ограничился однимъ сообщеніемъ Петербургскому кабинету письма Флери (на это сообщеніе цесарскому резиденту отвѣчено, что русское правительство не можетъ отступиться отъ своихъ кондицій), изъ этого письма гр. Остейнъ прочелъ экстрактъ и русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ. Въ дополненіе къ извѣстному уже намъ изъ реляціи № 27 о содержаніи письма, тамъ говорилось еще, по свидѣтельству уполномоченныхъ (реляція № 28 отъ 18 сентября) „будто морскихъ державъ министры во Франціи резидующіе разсуждаютъ, что взятіемъ Очакова Ваше Им. Величество свободной ходъ по всему Черному морю получили, и тако можете нетокмо внизъ по берегамъ къ Дунаю раззореніе Порты учинить, но съ довольнымъ флотомъ и Царьградъ блоковать, и что войско В. И. Величества почти уже всѣмъ Крымомъ завладѣло, и искать изволите раззоренія турскаго имперія, и потому всю Леванскую комерцію имѣть одни можете, и такими-де вымыслами ищутъ Францію къ жалузіи подвигнуть.“ (Въ отвѣтѣ цесаря на письмо Флери, о русскихъ условіяхъ сказано было между прочимъ: „Asovia et Cubanensis Tartaria ab antiquo Russiæ suberant, unàque cum vicina insula Taman nuncupata in eorundem ditione vel ideo manere debebunt, ne Turcis integrum sit in Assoviense mare naves mittere, vicissim Russi usum quarumcunque armatarum navium in mari Nigro sibimet ipsis interdicere parati sunt, hac ratione non minus plenæ commercii libertati ac securitati quam Turcarum de adjacentibus huic mari oris sollicitorum formidini plus quam abunde prospecturi.... Facile hinc Rev-ma Pat-tas V-ra colliget fundamento carere, quæ ipsi de periculo, quod cæterarum nationum commercio imminet, de vastis Russicæ Aulæ consiliis et finibus de expugnanda denique Constantinopoli fuêre suggesta, diverso, nisi me omnia fallunt, ab eo quod praese ferebatur scopô“).

Въ отвѣтъ на приведенную реляцію (№ 28 отъ 18 сентября) уполномоченные получили рескриптъ отъ 3 октября, въ которомъ говорится: „ежелибъ у насъ такія дальновидныя намѣренія были, каковыя гр. Остейнъ по причинѣ требуемаго отъ насъ удержанія Очакова представилъ, тобъ мы весьма всякому резону противно поступали, что мы Крымъ въ турецкихъ рукахъ оставляемъ; всякій легко разсудитъ, что на Черное море и къ самому Царю Граду ходить и Крымъ въ непріятельскихъ рукахъ оставить былобъ дѣло просто сказать безумное, умалчивая что къ тому потребенъ флотъ, а именно такой, которой бы не токмо противъ турецкаго флота стоять, но и верхъ надъ онымъ имѣть могъ. Такой флотъ не вдругъ построится, да и постройка его была бы крайне затруднительна, какъ по недостатку матеріала, такъ и по мелководію тамошнихъ рѣкъ. Однимъ словомъ сказать оныя его гр. Остейна толкованія такъ мало основательны, какъ мало мы такихъ дальновидныхъ намѣреній имѣемъ, и какъ мало оные хотя съ наименьшею апаренціею правды намъ приписаны быть могутъ, и чаятельно, что оные отъ гр. Остейна не въ какой иной видъ съ такимъ пространствомъ толкованы, какъ чтобъ къ уступленію онаго города показаніемъ такихъ дальнихъ страховъ и опасностей отъ другихъ государей насъ привесть. Въ самомъ дѣлѣ претендуемая отъ цесарскихъ министровъ граница между Софіею и Ниссою едва ли не скорѣе нежели удержаніе Очакова другимъ державамъ омбражъ подать можетъ.“ (Тамъ-же).

Кромѣ того Петербургскій кабинетъ счелъ необходимымъ разъяснить циркулярнымъ рескриптомъ къ нашему послу въ Гагѣ гр. Головкину и къ полномочному министру въ Лондонѣ кн. Каптемиру отъ 4 октября 1737 года, что такъ какъ по сообщенію кардинала Флери, несмотря на заявленія русскаго правительства, что мирныя условія поставленныя Турціи необходимы для безопасности Россіи, возникло безпокойство въ Европѣ, и такъ какъ „эти омбражи приходить моглибы не отъ кого больше, какъ отъ морскихъ державъ, которыя въ Левантской комерціи наивящее участіе имѣютъ, того ради мы для вящаго и явнаго засвидѣтельствованія великодушной умѣренности нашихъ намѣреній, и для основательнаго опроверженія недоброжелательныхъ внушеній за потребно разсудили васъ о нашихъ турецкому двору на Нѣмировскомъ конгрессѣ объявленныхъ ультиматныхъ мирныхъ кондиціяхъ обстоятельно наставить и слѣдующее объявленіе дать:

„Условія поставлены единственно для безопасности отъ татаръ, притомъ Азовъ уже въ прежнія времена принадлежалъ Россіи. Прибыли отъ присоединенія Азова и Очакова не будетъ Россіи ни на копейку, а скорѣе убытокъ. Затѣмъ что касается Чернаго моря и Константинополя,—дѣло само собою явно, и никакихъ пространныхъ изъясненій не требуетъ: турки по прежнему овладѣтелями Чернаго моря останутся и въ началѣ сего рескрипта упомянутые, намъ недоброжелательно приписанныя дальновидныя намѣренія собою опровергаются. Ко овладѣнію Чернаго моря Крымъ потребенъ, безъ котораго о томъ и мыслить безразсудительно былобъ. Къ блокованію Царя Града флотъ потребенъ, и еще такой флотъ, который бы надъ турецкимъ верхъ взять могъ, а оной у насъ не имѣется, и въ тѣхъ мѣстахъ никогда заведенъ быть не можетъ за неспособностью оныхъ и обоихъ рѣкъ, какъ Дона, такъ и Днѣпра, по которымъ съ великою нуждою самыя малыя суда ходить могутъ, не токмо чтобъ какія корабли и большія суда. Однимъ словомъ, какъ тѣ намѣренія въ самомъ дѣлѣ нынѣ и впредь невозможныя и шимерическія, такъ мало оныя у насъ имѣются и впредь взяты быть могутъ. И ежелибъ паче чаянія сверхъ всего того и показаннаго такихъ дальныхъ намѣреній несостоятельства еще о томъ какое хотя неосновательное подозрѣніе и опасеніе осталось, то мы при заключеніи мира и въ томъ всякую возможную и резонабельную безопасность для совершеннаго въ томъ интересующихся державъ успокоенія туркамъ дать склонны и готовы.“ (Тамъ-же.)

То-же было повторено въ циркулярѣ, извѣщавшемъ иностранныя правительства о разорваніи конгресса турками.

Въ реляціи № 49 отъ 29 декабря Неплюевъ доноситъ изъ Кіева, что присланному отъ молдавскаго господаря Петру Дукѣ „довольно толковано, чтобъ онъ князю донесъ также и о томъ, что Порта Очаковымъ ничего не потеряетъ и никакой опасности ей отъ него нѣтъ, понеже въ полномъ владѣніи Чернаго моря останется и В. И. В-во военныхъ судовъ въ Черное море посылать не соизволите и незачѣмъ, также и имѣть флота В. И. В-ву негдѣ, толкуя о неудобности Днѣпра къ проходу не только военныхъ, но и провіантскихъ судовъ.“

ПРИЛОЖЕНІЕ 8-е.

21 мая и 15 сентября 1738 года Остерманъ сообщилъ Вильневу прелиминарные пункты, на которые послѣднему разрѣшается дать согласіе отъ имени союзниковъ и подписать. Цесарь требуетъ возобновленія Пассаровицкаго договора, а Россія—Азова съ укрѣпленіями и съ округомъ для безопасности границъ; отъ Очакова и Кинбурна Россія отказывается подъ условіемъ, если во всѣхъ остальныхъ кондиціяхъ совершенно удовольствована будетъ. Требованіе Азова мотивировано слѣдующимъ образомъ: „Азовъ всегда Россіи принадлежалъ и Портѣ никакого нималѣйшаго основательнаго подозрѣнія причинить не можетъ; тамъ военныхъ кораблей содержать (и военной гавани построить) никакъ невозможно, и никто о истинѣ того болѣе и совершеннѣе удостовѣренъ быть не можетъ, какъ сама Порта; учиненный въ прежніе времена опытъ слишкомъ дорого обошелся, чтобъ во второй разъ взяться за такое совершенно химерическое и невозможное предпріятіе. Словомъ, Азовъ не такое мѣсто, которое могло бы причинить Портѣ опасенія, ежелижъ паче чаянія всего вышесказаннаго недостаточно, чтобъ отнять у Порты такое неосновательное опасеніе, то гарантія Франціи, которую императрица съ великою охотою принимаетъ, и которая одинаково распространяется на обѣ стороны, ей окончательно всякую безопасность подаетъ. Во всякомъ случаѣ, сели нужно, то Россія обяжется, чтобъ Таганрога, которое мѣсто въ прежнія времена Портѣ можетъ быть нѣкоторое подозрѣніе подавало и по силѣ Прутскаго трактата разорено, никогда не возобновлять и тамъ никакого военнаго флота не имѣть.“ Вообще Россія согласна обязаться, чтобы ни на Азовскомъ, ни на Черномъ морѣ «никакой корабельный флотъ ниже иныхъ кораблей имѣть и построить не могла.» Коммерція русская на судахъ турецкихъ отправляема быть имѣетъ. Дѣла Турецкаго двора, 1738, св. 39/р, № 30; тоже въ св. 39/а, № 1 39/о № 25.

Эти-же увѣренія о неудобствахъ Азова для военнаго флота мы находимъ въ письмѣ Миниха Вильневу; на извѣщеніе его послѣднимъ (28 сентября) о томъ, что Порта опасается, чтобъ Россія не завела въ Азовѣ военнаго флота, онъ пишетъ, что Азовскій портъ для военныхъ кораблей неудобенъ, что Петру приходилось вслѣдствіе песчаныхъ отмелей при устьѣ Дона доставлять корабли въ Таганрогъ волокомъ на верблюдахъ и тамъ уже снаряжать, но Таганрогъ срытъ, а Россія обязуется (письмомъ гр. Остермана отъ 15 октября) не пользоваться этимъ портомъ, притомъ договоръ будетъ заключенъ подъ гарантіею Франціи. Дѣла Турецкія, 1738, св. 39/а, № 4.

Въ секретнѣйшемъ именномъ указѣ Миниху отъ 9 нояб. 1738 года по тому-же поводу говорится: «Натура сама въ тѣхъ мѣстахъ флотъ содержать не допустила, и когда мы сверхъ того еще въ нестроеніи тамо флота и въ невозобновленіи Таганрога формально обязуемся и сей миръ подъ гварантіею французскою заключится, то представленная съ турецкой стороны опасность болѣе мѣста не имѣетъ и ежелибъ турки по симъ изъясненіямъ еще въ томъ стоять похотѣли, то явно, что ихъ намѣреніе такое есть, каковое въ отправленномъ къ француз-

скому послу отвѣтѣ изображено; но... затрудненіе нынѣ болѣе въ цесарскомъ мирѣ нежели въ нашемъ состоитъ» и т. д. Дѣла Турецкія, 1738, св. 39/о, № 26 и 26/а.

ПРИЛОЖЕНІЕ 9-е.

Вильневу даны были гр. Остерманомъ весьма точныя инструкціи относительно территоріальныхъ условій Россіи, но Россія уполномочивала его на заключеніе лишь прелиминаріевъ, и потому подробности русскихъ условій оставались ему неизвѣстны. Поэтому ему нужно было стараться получить въ свое вѣдѣніе всѣ мирные переговоры. И вотъ, письмомъ отъ 20 іюня, онъ извѣщаетъ гр. Остермана, что визирь, письмомъ отъ 17 іюня, сообщилъ ему мнѣніе Порты, что противно интересамъ Оттоманской имперіи обязываться прелиминаріями, и что онъ, визирь, можетъ заключить миръ не иначе, какъ если ему дадутъ возможность заключить его «секретно и радикально, такъ, чтобы ничто не оставалось неразъясненнымъ. Условія Порты съ Австріею: uti possidetis и гарантія Франціи, а съ Россіею: уступка Очакова и Кинбурна, срытіе укрѣпленій Азова и оставленіе его окрестностей незаселенными, а остальныя условія согласно Прутскому трактату. Между тѣмъ 18 августа Минихъ извѣщалъ Вильнева, что визирь прислалъ письмо, въ которомъ не отказывается отъ заключенія прелиминарій, но съ нимъ, Минихомъ, отъ чего онъ однако отказался. Турецкія дѣла, 1738 св. 39/а, № 4.

14 декабря 1738 г. Вильневъ писалъ Остерману, что Вѣнскій дворъ уполномочилъ его на заключеніе окончательнаго мирнаго договора, что въ тоже время онъ слышалъ, что и Россія имѣетъ то-же намѣреніе, и потому онъ проситъ прислать кого-нибудь, кто бы могъ содѣйствовать ему при переговорахъ. (Тамъ-же).

9 апрѣля 1739 г. Остерманъ отвѣчалъ согласіемъ дать Вильневу полномочія на заключеніе окончательнаго мира съ Портою согласно обѣщанію данному въ письмѣ отъ 15 сентября 1738 года, тѣмъ болѣе, что цесарь далъ уже ему такія полномочія для заключенія своего мира. Русское правительство желало вступить въ предварительное соглашеніе съ Вѣнскимъ кабинетомъ по этому вопросу и относительно обоюдныхъ мирныхъ условій, но такъ какъ Цесарь сообщилъ свои условія непосредственно Вильневу, то и Остерманъ сообщаетъ ему условія Россіи (слѣдуютъ условія). Дѣла 1739 г., св. 40/а, № 1 и 40 R, № 37,—переписка гр. Остермана съ Вильневымъ.

Дѣла 1739, св. 40/R, № 37—отправленіе въ Константинополь коммерціи совѣтника Каніони. Здѣсь между прочимъ полномочіе Вильневу отъ 9 апрѣля на заключеніе мира; мотивы: такъ какъ конгрессы обыкновенно очень замедляютъ успѣшный ходъ переговоровъ, то по примѣру Цесаря Вильневъ уполномоченъ на заключеченіе совмѣстно или безъ представителей морскихъ державъ прелиминарныхъ артикуловъ, а также и окончательнаго мирнаго трактата. (Приложенъ проектъ трактата, согласный съ проектомъ посланнымъ Вильневу 21 мая 1738 года; уступка Азова безусловная).

Секретнѣйшій именной указъ Миниху 9 нояб. 1738: Порта очевидно желаетъ разссорить насъ съ Цесаремъ, но не прочь заключить миръ съ нами; главное затрудненіе къ примиренію представятъ условія Цесаря, а не наши.... «затрудненіе нынѣ болѣе въ цесарскомъ мирѣ нежели въ нашемъ состоитъ, впрочемъ чрезмѣрно горячее до сего времени съ цесарской стороны исканіе мира больше отдалило мирное дѣло и непріятельскую гордость и упрямство умножило, при вовсе неблагополучномъ успѣхѣ цесарскаго оружія гораздо выгоднѣе было бы для него еслибъ мирная негоціація чрезъ насъ однихъ происходила, какъ бы то вправѣ яко мы главнѣйшая воюющая сторона и надлежало, и мы бы о цесарскихъ интересахъ не менѣе какъ о своихъ собственныхъ заботились. Такъ какъ всѣ представленія объ этомъ цесарю остались безъ результата, то надо постараться чтобъ Порта о кондиціяхъ, до цесарскаго мира касающихся съ нами изъяснилась. Дѣла 1738 г., св. 39/о, № 26 и 26-а.

ПРИЛОЖЕНІЕ 10-е.

Послѣднее условіе, конечно, менѣе всего могло нравиться Вильневу, поэтому по полученіи 22 іюня депеши Остермана, онъ сообщилъ русскія условія великому визирю въ мемуарѣ отъ 24 іюня 1739 г. въ слѣд. видѣ:

Mémoire adressé au Grand Vezir, contenant le précis de l'expédition reçue le 22 juin 1739 par le courrier expédié de Petersbourg le 9 avril dernier: 1) Sa M-té de toutes les Russies m'envoye des pleins pouvoirs pour un traité définitif;... 3) malgré toutes les raisons contenues dans le résultat des conférences tenues auparavant, la Cour de Petersbourg persiste à vouloir conserver la place d'Azoff; les raisons que S. Ex. M. le comte d'Osterman allègue sont: Premièrement, que cette place est nécessaire à la Moscovie comme une sureté contre les incursions des tartares, pour leur fermer l'entrée du fleuve Tanaïs et éviter qu'en le remontant ils ne fissent des descentes dans les états de S. M-té de toutes les Russies. Secondement, que la cession de cette place ne fait aucun préjudice à la Porte, ce que S. Ex. M. le comte d'Osterman entreprend de prouver par les raisons suivantes: Les raisons sont ou générales ou particulières: Les générales sont: 1) que si la Moscovie par la pessession d'Azoff voulait faire des entreprises sur les états du Gr. Seign., la plus part des puissances de l'Europe interessées à le conservation de cet empire par rapport à leur commerce, s'y opposeraient; 2) qu'en toute manière la garantie de la France serait seule capable de tranquiliser toutes les craintes de la Porte, cette puissance médiatrice n'étant pas hors d'état d'obliger la Moscovie à l'observation du traité qui sera conclu, et ayant interest par rapport à son commerce d'empêcher que la Moscovie n'y porte atteinte. Les raisons particulières sont que si la Porte craint que les Moscovites ne s'étendent du côté du Couban, et si elle veut être à portée de contenir les cosaques, on consentira que les Turcs bâtissent une forteresse du côté du Couban sur les confins qui leur seront assignés, et que si la Porte appréhende ou les forces maritimes de la Russie sur la mer d'Azoff, ou la trop grande étendue de son commerce, on peut prévenir ces deux inconvenients: 1) en stipulant par le futur traité que la Moscovie ne pourra entre-

tenir aucune flotte sur la mer d'Azoff; 2) que si les Moscovites veulent faire quelque commerce sur cette mer et la mer Noire, ils ne pourront le faire que sur des bâtiments turcs." Дѣла Турецкія, 1739, св. 40/а, № 2 при письмѣ Вильнева Остерману отъ 7 іюня.

ПРИЛОЖЕНІЕ 11-е.

Письмомъ отъ 17 сент. Вильневъ извѣщаетъ Остермана, что завтра, 18 сент. онъ подпишетъ мирный договоръ (проектъ его приложенъ) съ оговоркою о послѣдующей ратификаціи Россіею, такъ какъ въ него внесено въ противность желаніямъ Россіи о пустынности окрестностей Азова. (1739, св. 40/а, № 2).

Дѣла Турецкія, 1739 св. 40/а № 1:

Письмо Остермана Вильневу 25 сент. (5 октяб.) — выражаетъ недоумѣніе русскаго правительства, что съ 7/18 сентября не имѣетъ никакихъ извѣстій о положеніи мирнаго дѣла.

31 октября тоже; копія съ конвенціи 1/12 октября о границахъ получена чрезъ Миниха, но ратификація на главный мирный трактатъ отправлена уже ранѣе 16-го октября съ Вишняковымъ, теперь посылается ратификація конвенціи, хотя оная съ желаніемъ Ея И. В-ва и съ тѣмъ чего по справедливости надѣяться могли, не весьма сходна и требуются изъясненія по нѣкоторымъ пунктамъ.

28 сент. получено извѣстіе изъ Вѣны о заключеніи русскаго мира 18-го сентября н. ст., наконецъ и отъ Вильнева полученъ трактатъ; удивлены что пунктъ объ Азовѣ и границахъ несогласенъ съ требованіями Россіи и съ тѣмъ, на что уже турки согласились; полагаются на обѣщаніе, что при регулированіи границъ можно будетъ внести нѣкоторыя поправки; ратификація отправлена не ожидая возвращенія Каньони; желательныя поправки изложены въ memoire instructif; то и другое отправлено съ Вишняковымъ, который разъяснитъ все.

ПРИЛОЖЕНІЕ 12-е.

Для исторіи Нѣмировскихъ переговоровъ см. Hammer кн. 67 и 68; Zinkeisen, V, кн. 6, гл. 4, стр. 669 — 820; цитованныя сочиненія Laugier и Moserà; Umständliche auf Originaldocumente gegründete Geschichte der Vorgänge bei der Unterhandlung des zu Belgrad am 18 sept. 1739 geschlossenen Friedens, Frkf. u. Leipz, 1790 (Нейперга); Rousset, Mercure historique et politique, 1736—1739 года; Соловьева, Истор. Россіи, XX, гл. 2; Дѣла Турецкія 1736—1739 г. въ Моск. Гл. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Къ сожалѣнію политика Англіи относительно Россіи въ эту войну не достаточно выяснена. Кромѣ приведенныхъ косвенныхъ указаній изъ донесеній кн. Кантемира, нашего посланника въ Лондонѣ, новаго мы не узнаемъ ничего; притомъ съ половины 1738 года онъ былъ переведенъ въ Парижъ. Впрочемъ о дипломатическихъ его способностяхъ можно судить уже потому, что послѣ почти полугоднваго пребыванія въ Парижѣ онъ доносилъ въ Петербургъ: «я и

цесарскіе министры прилагаемъ всевозможное стараніе проникнуть въ виды кардинала, но до сихъ поръ въ этомъ удачи имѣть не можемъ. Въ такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, я по крайней возможности умѣряю свои слова, чтобъ не подать никакого повода къ неудовольствіямъ». Удачнѣе всего у него выходили любезности, которыми онъ весьма усердно обмѣнивался съ кардиналомъ Флери. Тотъ увѣрялъ его въ истинной королевской склонности къ возобновленію добраго согласія съ ея величествомъ и въ усердіи, съ какимъ онъ намѣренъ, по возможности своей, содѣйствовать этому полезному дѣлу, а Кантемиръ съ своей стороны обнадеживалъ его въ сильнѣйшихъ терминахъ о подобной со стороны императрицы диспозиціи, равно какъ объ особенныхъ ея къ нему, кардиналу, эстимѣ и конфиденціи. Впрочемъ и Вильнева постоянно восхваляли за его ревность и необыкновенное благоразуміе.

Заключеніе Австріею столь невыгоднаго для нея мира слѣдуетъ приписать конечно безурядицѣ въ управленіи, бездарнымъ генераламъ, бездарнымъ дипломатамъ, которые тогда владычествовали въ Вѣнѣ, да еще придворнымъ интригамъ, которыя шли между старымъ дворомъ Карла VI и молодымъ дворомъ наслѣдницы престола—Маріи Терезіи, интригамъ, которымъ Шлоссеръ справедливо придаетъ весьма важное значеніе. Нейпергъ сдалъ туркамъ Бѣлградъ и заключилъ миръ несмотря на то, что городъ былъ далеко не въ отчаянномъ положеніи (См. у Hammer, Zinkeisen, статью Tupetz, Der Türkenfeldzug von 1739 u. d. Friede zu Belgrad въ Historische Zeitschrift, herausgegeben v. H. v. Sybel, 1878, 1 Heft. Статья хотя написана по документамъ, но пристрастна). Но есть основаніе предполагать, что онъ дѣйствовалъ согласно секретнымъ инструкціямъ Маріи Терезіи и ея супруга. По крайней мѣрѣ Шлоссеръ, на добросовѣстность котораго можно вполнѣ положиться, говоритъ: „Нейпергъ имѣлъ порученія отъ Маріи Терезіи, и ему, по всей вѣроятности, было приказано искать мира на какихъ угодно условіяхъ, чтобы въ случаѣ смерти отца не привелось ей имѣть противъ себя Турцію въ то-же время, какъ ей придется вести борьбу съ державами, оспоривавшими у нея право наслѣдовать Австрійскую монархію.“ Итакъ, предчувствіе близкой кончины Карла VI и опасеніе борьбы за прагматическую санкцію, — причины поспѣшнаго заключенія Бѣлградскаго мира. Поспѣшность была такъ велика, что гр. Нейпергъ подписалъ тексты трактата на разныхъ языкахъ, даже не провѣривъ и не сличивъ ихъ между собою. Оказалось потомъ, что редакція текста на турецкомъ, латинскомъ и италіанскомъ языкахъ была различна, и различіе было не къ выгодѣ императора. Карлъ VI горько жаловался на своихъ генераловъ и дипломатовъ; тѣ и другіе были отданы подъ судъ, и прежде всѣхъ Нейпергъ; но вскорѣ вступила на престолъ Марія-Терезія и Нейпергъ былъ щедро вознагражденъ за кратковременное заключеніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической Исторіи Восточнаго вопроса..... 1

Неизданныя письма Вольтера..... 71

Пять писемъ Князя Д. А. Голицына Вице-Канцлеру Князю А. М. Голицыну..... 81

Мысль объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ..... 99

Четыре приложенія..... 119

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1862 году..... 131

Иванъ Ѳедоровичъ Аммонъ. (Некрологъ)..... 143

Участіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Казанскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1877 году..... 145

Участіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Съѣздахъ V-мъ Археологическомъ и III-мъ Географическомъ..... 151

Три приложенія..... 157

Приложенія къ статьѣ: „Дарданеллы, Босфоръ и Черное море.“

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Читай:*
Стр. 82	Подпись: А. Рачинскій
— 111 Controler	Contrôler
— 141 поручала	поручила
— 152 проявилъ	изъявилъ
— 154 извѣстій	Извѣстій
— 156 изданіе	изданія
— 161 Bars	Panthère.

Помѣщенныя въ 1-мъ выпускѣ Сборника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ статьи: **Первые Русскіе гардемарины за границей въ XVIII столѣтіи** и **Участіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1876 г.** были напечатаны: первая въ Ноябрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1875 г.; а вторая въ № 237 «Московскихъ Вѣдомостей» (18 Сентября) 1876 г.

Въ слѣдующихъ выпускахъ Сборника будутъ помѣщены не изданныя до нынѣ:

1) **Извѣстія о Посольскомъ Приказѣ**, сост. въ 1802 г. А. Ѳ. Малиновскимъ и въ 1850 г. С. С. Ивановымъ.

2) **Посольство Стольника Потемкина** во Францію въ 1681 году.

3) Письма **Исторіографа Миллера** къ Вице-Канцлеру Князю А. М. Голицыну 1768—1773 г.

4) Изслѣдованіе объ **иностранныхъ Государственныхъ печатяхъ**, А. М. Выводцева.

и 5) **Русскій Консулъ въ Бордо**, въ 1789 — 1793 г., Графа А. Н. Соллогуба.

Слѣдующія **новыя** изданія, принадлежащія Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, продаются въ **Москвѣ**, — въ зданіи сего Архива, на углу Воздвиженки и Моховой, и у его коммиссіонера, книгопродавца А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. Гр. Мусина-Пушкина; а въ **С.-Петербургѣ**, — въ Придворномъ книжномъ магазинѣ Ретгера (Шмицдорфъ), Невскій просп. № 5-й:

1. Очеркъ Дѣятельности Коммиссіи, Москва, 1877 г. Ц. 1 р.
2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 40 к.
3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы, Москва, 1879 г. Ц. 50 к.
4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева, Москва, 1878 г. Ц. 1 р.
5. Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами, изд. 3-е, Москва, 1878 г. Ц. 2 р.
6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащихъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сост. М. П. Пуцилло, Москва, 1879 г. Ц. 75 к.
7. Обозрѣніе Библіотеки того же Архива, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ, Москва, 1879 г. Ц. 30 к.

Его же, **Каталоги** слѣдующихъ ея отдѣловъ:

8. Славяно-Русскихъ книгъ Церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.
9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ Церквей и Монастырей. Ц. 40 к.
10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.
11. Рукописей по Юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.
12. Книгъ того же Отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.
13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго Приказа и рукописей по Медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.
14. Указатель матеріаловъ по Исторіи Почтъ въ Россіи, сост. В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. Ц. 75 к.
15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.
16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы, составл. И. Ѳ. Токмаковымъ, 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III по 75 к.
17. Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д. Вып. 1-й, Москва, 1880 г. Ц. 75 к.

и 18. Снимки древнихъ Русскихъ печатей: Государственныхъ, Царскихъ, Патріаршихъ, Областныхъ, Городскихъ и личныхъ, съ 126 гравюрами и объяснительнымъ текстомъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, выпускъ 1-й, Москва, 1880 г. Ц. 3 р.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЫПУСКИ 3 и 4-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

Цѣна 2 р.

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., соб. домъ.
1883.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЫПУСКИ 3 и 4-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., соб. домъ.
1883.

Размѣры, которые пріобрѣла диссертація В. А. Уляницкаго, за защиту коей онъ удостоенъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года Императорскимъ С. Петербургскимъ Университетомъ званія Магистра Международнаго права и чрезвычайное накопленіе матеріаловъ для Сборника Московскаго Главнаго Архива, замедлили печатаніе 3-го выпуска и побудили издать его одновременно съ 4-мъ.

Изъ числа помѣщенныхъ въ этихъ выпускахъ статей, *Обозрѣніе Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*, было напечатано въ 1879 году, въ XVII-мъ выпускѣ „Извѣстій Московской Городской Думы“; но теперь оно появляется значительно дополненнымъ указаніями на всѣ новыя пріобрѣтенія богатой Архивской Библіотеки.

Москва,
Іюль 1883 г.

НАЧАЛО СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

ПОСОЛЪ ІОАННА III-го — ПЛЕЩЕЕВЪ.

НАЧАЛО СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

Посолъ Іоанна III—Плещеевъ.

Начало сношеній Россіи съ Оттоманскою Портою, обнимающихъ столь исключительно видную область въ исторіи международнаго права, относится къ концу XV-го столѣтія, т. е. ко времени возникновенія какъ Оттоманской Имперіи на почвѣ Европы, такъ и Русскаго автократическаго государства въ лицѣ перваго Царя „всея Руссіи“ Іоанна III-го. Съ этого времени, вплоть до нашихъ дней, отношенія этихъ двухъ Государствъ осложнились и развились въ понятіе цѣлой политической системы, носящей названіе Восточнаго вопроса; но развитіе и осложненіе это шло постепенно, путемъ строго-логической и исторической необходимости, начиная съ самыхъ простыхъ формъ международныхъ сношеній.

Задача наша отмѣтить единичный, первый моментъ этого развитія, разобравъ его съ точки зрѣнія исторіи международнаго права, причемъ интересъ разбора этого первичнаго фазиса зависитъ въ немалой степени отъ сравненія его съ аналогичными моментами возникновенія сношеній Порты съ Западной Европой.

Исторія сношеній Россіи съ Турціей можетъ быть раздѣлена на два періода; первый періодъ мирныхъ и дружественныхъ сношеній начинается посольствомъ Михаила Плещеева и кончается Прутскимъ походомъ Петра Великаго.

Москва сносится съ Стамбуломъ главнымъ образомъ на почвѣ мирныхъ торговыхъ сношеній. Завязываются сношенія эти запросами султана Баязита, почему не посѣщаютъ болѣе русскіе купцы турецкихъ земель; поддерживаются они

частыми посылками Пословъ (посылками обоюдными, хотя несравненно болѣе частыми со стороны Москвы), „здоровья видѣти“, т. е. справляться о здоровьѣ Султана.

Политическіе вопросы привходили нерѣдко, но тщательно избѣгались и устранялись (особенно Туркамп). Со стороны Москвы политической подкладкой посольствъ служило стремленіе склонить Султана къ союзу противъ исконныхъ и постоянныхъ враговъ: Литвы, а затѣмъ Польши.—Со стороны Порты слышались изрѣдка вѣжливые запросы и увѣщанія относительно Казанскихъ и иныхъ дѣлъ. Султаны выставляли себя покровителями Татарскихъ Хановъ, ихъ государствъ и вѣры, но не настаивали въ своихъ сочувствіяхъ и стремленіяхъ [1]), равно какъ не настаивали и Цари Московскіе на улучшеніи быта Церкви и христіанъ Востока, коихъ они тѣмъ не менѣе были всегда щедрыми милостивцами и заступниками.

Правда, проглядывала подчасъ и вражда въ этихъ мирныхъ отношеніяхъ. — Первое проявленіе ея видимъ мы въ 1569 году, когда Селимъ II-й послалъ войско на помощь Астраханцамъ, возмутившимся и тщетно осаждавшимъ Царскаго воеводу, (Кн. Серебряннаго).

До враждебныхъ дѣйствій впрочемъ, какъ извѣстно, не дошло. Турки начали копать каналъ между Дономъ и Волгой, дабы подвести суда къ Астрахани, но, не сдѣлавъ и малой части гигантскаго труда, отступили, уничтоженные болѣзнями, холодомъ, снѣжными бурями и нападеніями казацкой вольницы.

Извѣстны также препирательства Турокъ съ Москвой, въ началѣ XVII вѣка, вслѣдствіе постоянныхъ и смѣлыхъ враждебныхъ дѣйствій Донскаго Казачества, увѣнчавшихся подъ конецъ взятіемъ Азова.—Но и тутъ дѣло до войны не дошло.

На великой земской думѣ 1642 года Русская земля заявила о своемъ истощеніи и неготовности къ борьбѣ и Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отказалъ въ помощи казакамъ

---

[1]) Такъ посольство Стольника Адашева, присланнаго покорителемъ Казани, было принято въ Стамбулѣ особенно почетно и дружелюбно.

и не принялъ Азова.—Съ этого же времени съ большимъ и большимъ вниманіемъ выслушиваютъ Цари Русскіе предложенія Папы, Императора и Рѣчи Посполитой касательно общихъ дѣйствій противъ невѣрныхъ.

Тѣмъ не менѣе объ открыто-непріязненныхъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ не было и рѣчи, и мы видимъ, что въ самомъ концѣ XVII вѣка Русскіе Послы ѣздили неоднократно въ Стамбулъ и встрѣчались тамъ съ величайшимъ почетомъ и дружелюбіемъ [1]).

Петръ Великій первый явно ступилъ на тотъ путь, коему слѣдовала съ незначительными колебаніями русская политика вплоть до нашего времени. Онъ объявилъ себя уполномоченнымъ законами своей вѣры и народности вмѣшиваться въ дѣла Порты, выступилъ покровителемъ угнетенной райи [2]) и въ то-же время носителемъ той непреложной экономической и политической идеи, въ силу которой доступъ Россіи къ южнымъ морямъ долженъ быть безъуслов-

---

[1]) Смотри Русское Посольство въ Турцію въ XVII ст. Забѣлина Русск. Старина сент. 1877. (Посольство Милославскаго 7150 г. Нестерова 7175 и Возницына 7189 г.)

[2]) См. Соловьева Исторія Россіи, т. XVI, гл. II, стр. 75 и прилож. стр. 371. Вотъ что между прочимъ читаемъ мы въ грамотѣ Петра Черногорцамъ... „того ради мы видя ихъ (турокъ) такія не правды и призирая на гоненія христіанъ, призвавъ Бога на помощь,... имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, дабы не токмо противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ отъ поганскаго ига освободить“ и далѣе... „если кто изъ Васъ въ сей праведной войнѣ потрудиться, то отъ Бога получитъ благовоздаяніе, а отъ насъ милость и награжденіе, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ токмо давозможемъ тамошнія христіанскія народы отъ тиранства поганства освободить, православныя Церкви тамо украсить и животворящій крестъ возвысить.“ Въ другой же грамотѣ (1715 г.) „Вамъ въ животѣ оставшимся ратоборцамъ мы великій Государь, Наше Царское Величество, восхотѣли чрезъ сію нашу грамоту вамъ тотъ сначала оной войны рѣвностной по христіанству и единовѣрію съ нами подвигъ и оказанныя воинскія дѣйствія всемплостивѣйше похвалить,... Посылаемъ нынѣ съ Преосвященнымъ Даніиломъ 160 золотыхъ персонъ нашихъ, да денегъ 5000 рублевъ на вспоможеніе разореннымъ людямъ и большей въ тотъ случай трудъ понесшимъ.“

но и постоянно свободенъ. Со временъ Петра политика Россіи неразрывно связана съ судьбою Порты.

Доступъ къ прибрежью Чернаго моря представляется насущною для Россіи потребностью; она отдѣлена отъ него полосою пустынныхъ степей, населенныхъ хищною ордою; четыре раза въ теченіи 18-го столѣтія вела Россія войны съ Турціей, пока не увѣнчались успѣхомъ ея кровавые успѣхи. — Къ концу царствованія Екатерины, русскій флагъ развѣвается на Черномъ морѣ. Города выростаютъ въ пустыняхъ Новороссіи.

Но русская жизнь развивается, бьетъ болѣе и болѣе сильнымъ ключемъ, нужны ей новые выходы, дальше просторъ, нуженъ свободный доступъ въ Средиземное море; съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ новый фазисъ въ сношеніяхъ съ Портой; мы видимъ постоянныя попытки сближенія, союза, установленія тихаго modus vivendi, который дозволилъ бы Россіи съ меньшимъ недовѣріемъ смотрѣть на жерла орудій, окаймляющихъ Босфоръ и Дарданеллы, съ большею увѣренностью развивать свою морскую торговлю на берегахъ Чернаго моря.—Ункіаръ-Скелесскій договоръ, Лондонская конференція 1876 года [1]), представляются высшими точками подобныхъ коловращеній восточнаго вопроса.

Такова одна изъ сторонъ Восточной политики Россіи въ послѣднемъ періодѣ; но тогда же, т. е. со временъ Прутскаго похода, въ яркомъ свѣтѣ выступаетъ и другая его сторона.

На ряду съ экономическими вопросами торговли и мореплаванія, съ вопросомъ о внѣшней силѣ и средствахъ государства, сталъ вопросъ нравственный, — вопросъ о судьбѣ милліоновъ Турецкой райи, большею частью одноплеменной, въ цѣломъ же, связанной съ Русью одной изъ высшихъ связей, однимъ изъ корней русской жизни—вѣрою.

Для Россіи поддержка этихъ племенъ, спасеніе ихъ въ острые кризисы ихъ многомятежной жизни, стало тѣмъ нравственнымъ, съ самоотверженіемъ связаннымъ долгомъ, ко-

---

[1]) *Annuaire Diplomatique 1871.* Protocoles de la Conférence de Londres. Traité et Convention, ratifiés le 1/13 Mars 1871).

торый въ жизни народа также необходимъ, какъ въ жизни человѣка, который какъ соль въ морѣ не даетъ заплесневѣть и гнить ни одной капли, ни всему пространству водъ океана.

Бывали минуты, когда требованія этого нравственнаго долга, шли въ разрѣзъ съ матеріальными интересами государственной жизни, медленно, какъ-бы нехотя, покидала тогда Русь свое косное положеніе, пока наконецъ не охватывало ее всю сознаніе жгучей, непреложной нравственной необходимости и не дѣлалось ею вновь кроваваго усилія.— Но увѣнчалось это усиліе успѣхомъ—и самъ собою возникалъ новый вопросъ о вознагражденіи Россіи за потраченныя силы, за пролитую кровь, объ обезпеченіи на будущее время результатовъ побѣды. Это поступательное движеніе Россіи на Востокѣ, представляющее собою ничто иное, какъ выраженіе исторической жизни Русской земли, какъ осуществленіе необходимыхъ задачъ и условій ея бытія, оцѣнялось Западными народами лишь съ внѣшней, видимой стороны. Не понималъ Западъ, и врядъ ли пойметъ когда, что внѣшняя политика Россіи руководствуется не стремленіями механическаго роста, захвата и давленія, а тѣми непреложными законами бытія, завѣтами прошедшаго, требованіями настоящаго и будущаго, отказаться отъ которыхъ не можетъ ни одинъ народъ, ни одно государство, не обрекая себя на преждевременный застой и разложеніе.

Западныя государства, повторяемъ мы, видѣли и видятъ въ поступательномъ движеніи Россіи на Востокѣ опасность для свободы и благосостоянія Европы, исполненія мнѣическаго „завѣщанія Петра Великаго“.—По этому одновременно съ развитіемъ политическаго процесса вышеописаннаго втораго періода сношеній Россіи съ Турціей, происходитъ совершенно противуположный процессъ въ отношеніяхъ Порты съ Западными державами.

Тамъ гдѣ султаны 15, 16 и 17 столѣтій видѣли естественныхъ, и часто презрѣнныхъ враговъ, съ которыми немыслимъ былъ иной modus vivendi кромѣ вражды, или унизительнаго покровительства, тамъ, т. е. на западѣ Европы,

ищетъ нынѣ Оттоманская Имперія поддержку своему расшатанному строю, тамъ въ ревнителяхъ давней рутины, такъ называемаго Восточнаго вопроса, находитъ она постоянно готовыхъ союзниковъ противъ нѣкогда столь дружественной Россіи.

Первый періодъ сношеній Россіи съ Портой представляетъ, въ виду совершенной противуположности второму, своеобразную картину упустить изъ виду которую нельзя безъ ущерба вѣрному пониманію дальнѣйшихъ сношеній обоихъ Государствъ. Изученіе этого періода не менѣе поучительно въ виду того-сужденія, которое высказывается нѣкоторыми писателями, относительно международнаго положенія какъ Турціи такъ и Россіи.

Ограниченный размѣръ нашего изслѣдованія, не позволяетъ намъ обнять весь этотъ періодъ; но уже одинъ первый моментъ его, нами избранный, бросаетъ вполнѣ ясный свѣтъ на послѣдующія событія.

Посольство Михаила Плещеева освѣщаетъ стороны политической жизни Турціи и Россіи, часто упускаемыя изъ виду, или извращаемыя, а именно указываетъ на присутствіе твердо установленныхъ международныхъ правилъ въ средѣ того самаго Государства, которое вполнѣ отрицало ихъ, относительно большинства современныхъ народовъ; оно подтверждаетъ далѣе, что отношенія Россіи къ Портѣ были дружественными до тѣхъ поръ, пока неоспоримые интересы матеріальные и моральные не поставили Россію въ вполнѣ исключительное положеніе относительно ея южной сосѣдки.

Главнымъ источникомъ служили намъ историческіе документы, заключающіеся въ посольскихъ дѣлахъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, (*Крымскія дѣла* № 1-й и 2-й passim, *Польскія дѣла* № 1-й и др.), а также *Исторія Государства Россійскаго Карамзина*, *Исторія Россіи Соловьева*. Пособіями же: русскимъ — историческій очеркъ *Забѣлина*, *Русскія посольства въ Турціи въ XVII-мъ столѣтіи* (Русская Старина, сентябрь 1877); иностранными: *Histoire de l'humanité* Лорана Т. 9, 10, 11, отчасти

Wheaton-Histoire des progrés du droit des gens и статья *Юліана Клачко Les évolutions du problème oriental* появившаяся въ *Revue des Deux Mondes* въ октябрѣ и ноябрѣ 1878 года. — Послѣдняя заключаетъ въ себѣ большое число интересныхъ ссылокъ на источники, пользоваться которыми мы къ сожалѣнію были не въ состояніи. — Впрочемъ, такъ какъ большинство этихъ цитатъ касается сношеній Порты съ Западной Европой, т. е. той части труда г. Клачко, которая свободна отъ всякаго тенденціоннаго искаженія, то мы и позволяемъ себѣ приводить ихъ in extenso.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Опроверженіе общераспространеннаго мнѣнія объ исконной враждѣ Руси и Турціи.— Христіане на Востокѣ.—Титулъ.—Торговые интересы какъ побудительная причина мирныхъ сношеній.—Обоюдные политическіе интересы Россіи и Порты.—Литовскій инцидентъ.

Одно изъ наиболѣе общепринятыхъ историческихъ заблужденій—считать началомъ враждебныхъ отношеній Россіи и Турціи завоеваніе османами Цареграда и принятіе Іоанномъ герба Византійской Имперіи.

Разбирая факты эти съ теоретической точки зрѣнія, мы уже можемъ замѣтить неосновательность подобнаго воззрѣнія. Сношенія Руси съ Византіей со времени перенесенія княжескаго стола на сѣверъ, а въ особенности со временъ Татарскаго нашествія, носили чисто моральный, религіозный характеръ; сношенія эти поддерживались чуть ли не исключительно съ патріархомъ и церковью Византійской; что же касается торговыхъ сношеній съ Цареградомъ, то они едва успѣли возобновиться ко времени завоеванія его Магометомъ.—Какъ извѣстно Магометъ II-й, по завоеваніи Константинополя, далъ самыя обширныя полномочія Патріарху Игнатію Схоластику, поставивъ его главой всего хри-

стіанскаго населенія, находившагося подъ властію Падишаха.—Дарованіе подобной автономіи и расширеніе власти Патріархіи, строго подчиненной, установило правильныя отношенія послѣдней къ Портѣ. Подчиненность Патріархіи и самые ея интересы не дозволяли ей протестовать противъ ига невѣрныхъ, и такимъ образомъ участь Греческой церкви находившая всегда отголосокъ въ Московскомъ княжествѣ, не могла еще въ тѣ отдаленныя времена вызвать вражды между Султаномъ и Великимъ Княземъ [1]).

Съ другой стороны, положеніе, принятое Іоанномъ III-мъ относительно Запада, желаніе его во что бы то ни стало возвыситься въ глазахъ иностранцевъ и возвыситься именно во вредъ своего всегдашняго соперника и врага Александра Литовскаго, достаточно мотивируетъ бракъ Іоанна съ Софіей Палеологъ, чтобы не нужно было искать ему объясненій въ стремленіи Московскаго Князя къ наслѣдію Византійскихъ Императоровъ.

Факты подтверждаютъ вполнѣ подобное апріорное заключеніе.—Разбирая грамоты Іоанна къ Баязету, мы не находимъ малѣйшаго намека на претензіи относительно Византійскихъ земель или титуловъ.

Титулъ, какъ извѣстно, имѣлъ громадное значеніе въ дипломатическихъ сношеніяхъ средневѣковыхъ Государствъ. Великіе Князья и Цари Русскіе отличались особеннымъ упорствомъ и рвеніемъ къ охраненію своего титула, какъ знака господства надъ оспариваемыми землями и извѣстнаго положенія въ средѣ Европейскихъ Властителей [2]). Прекаліе

---

[1]) Участь Православной церкви на Востокѣ и въ послѣдствіи послужила причиною вражды между Портою и Россіей. Благовѣрные цари дарили Восточную церковь, одѣляли милостынею Патріарха, митрополитовъ и до старцевъ монастырскихъ Аѳонской горы (см. Забѣлина Русскія Посольства въ Турцію въ XVII вѣкѣ, Русская Старина, Сентябрь 1877 года). Съ своей стороны Патріархъ и всѣ христіане Востока съ надеждою взирали къ единовѣрной Москвѣ, сносились съ ней явно и тайно, лично и письменно, но ни разу вопросъ религіозный не вселялъ вражды между обоими Государствами.

[2]) „Требуя соблюденія своего титула, Московскій Государь всегда старался не умалить и титула Государей, съ которыми находился въ сноше-

о титулѣ было обыденнѣйшимъ, но въ тоже время важнымъ явленіемъ въ сферѣ дипломатическихъ сношеній. И что же,— въ сношеніяхъ Іоанна съ Баязетомъ мы не видимъ ни разу пререканій относительно того или другаго титула.

Первою нотой обмѣненной между Іоанномъ и Баязетомъ, была грамота Іоанна отъ 1492 года, въ отвѣтъ на дружественный запросъ Султана, переданный Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ.—Въ грамотѣ этой титулъ Султана, очевидно еще не извѣстный въ Москвѣ, значится такъ: „Салтану Великому Царю, межи Бесерменскихъ Государей Великой еси Государь, надъ Турскими и надъ Азямскими Государи воленъ еси, польской (т. е. сухопутный) и морской Государь еси, Салтанъ Баязитъ Величеству Твоему“ [1]).

Въ отвѣтныхъ грамотахъ, привезенныхъ Посломъ Михаиломъ Плещеевомъ, Баязитъ выставилъ свой титулъ слѣдующимъ образомъ; [2]) „Великоименитый Хумаюнъ, Боязитъ Султанъ Мухамедевичь нынѣ въ своей земли Божію милостью, Анатолійскій и Румской земли, Бѣлаго моря и Чернаго моря и Караменской [3]) *и меншаго Рима* (т. е. Цареграда) и иныхъ многихъ земель Государь, Салтана Магаммеда Царя сынъ, султанъ Баязидъ“.

Въ слѣдующей же грамотѣ, посланной Іоанномъ Баязету съ посломъ Александромъ Голохвостовымъ, титулъ этотъ, признанный въ главнѣйшихъ чертахъ, выставленъ слѣдующимъ образомъ [4]):

„Іоаннъ Божію милостью и т. д. Боязиту Солтану Махаметъ Салтанову сыну, Анатолійскому и Румской земли и Карамонскому и *меншаго Рима* и иныхъ земель Салтанъ Баязидъ“.

ніяхъ. Съ этою цѣлью велись особыя книги *Титулярники*, въ которыхъ записаны были титулы владѣтельныхъ особъ въ той самой формѣ „какъ они сами себя описуютъ“. Въ Московскомъ Главн. Архивѣ М. И. Д. сохранилось нѣсколько такихъ Титулярниковъ“ (см. статью: Посольство въ Англію кн. Прозоровскаго.—А. Лодыженскаго).

[1]) Собр. Госуд. Гр. и Дог. V. 23.

[2]) С. Г. Г. и Д. V. 33 и 34.

[3]) Крым. Дѣла № 2 стр. 615 и слѣд.

[4]) Румъ, Караманія—Провинціи Малой Азіи.

И такъ мы видимъ, что Іоаннъ III-й въ грамотахъ своихъ признаетъ Султана правомѣрнымъ властителемъ „Румской земли *и меншаго Рима*“.

Съ другой стороны Іоаннъ, выставлявшій полный титулъ [1]) въ сношеніяхъ съ Императоромъ, Королями Польскимъ, Венгерскимъ и другими и Великимъ Княземъ Литовскимъ, въ грамотахъ къ Султану зовется короче: „Іоаннъ Божіею милостью единъ правой Осподарь всей Руссіи, вотчичъ и дѣдичъ и инымъ *многимъ землямъ отъ Сѣвера до Востока* Государь [2])“.

Султанъ же въ отвѣтныхъ грамотахъ скорѣе дополняетъ этотъ титулъ, измѣняя его такимъ образомъ: „а ты всеа Руссіи Восточной и польской и иныхъ многихъ земель Князь Иванъ“.

Единственнымъ прекаліемъ о титулѣ является „память“ Послу Александру Голохвастову, въ случаѣ если паши „вспросятъ“, отчего Іоаннъ ставитъ свой титулъ раньше титула Султана, отвѣчать: что въ первой грамотѣ (т. е. 1492 года) Іоаннъ поставилъ имя Султана впереди своего, но что Султанъ не отвѣчалъ взаимностью и въ отвѣтныхъ грамотахъ, присланныхъ съ посломъ Михаиломъ Плещеевымъ, поставилъ имя Великаго Князя позади своего [3]).

Это уваженіе къ обоюднымъ титуламъ, а также дружескій тонъ, которымъ написаны всѣ грамоты Іоанна къ Боязиту и обратно, доказываютъ, что преднамѣренной враждебности, даже какого либо соперничества между Россіей и Портой совсѣмъ не существовало, или же чувства эти хра-

---

[1]) Іоаннъ Б. М. Государь всея Руссіи и Великій князь Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Пъсковскій и Тферьскій и Югорьскій и Вятцкій и Перьмьскій и *Болгарскій* и иныхъ.

С. Г. Г. и Д. V. 40. Грамота къ Императору Максимиліану 1504 года.

[2]) Юліанъ Клачко въ своей статьѣ увѣряетъ, что подъ словами „многимъ землямъ до востока“, скрывается титулъ *кн. Болгарскаго*. Г. Клачко забываетъ, что, въ вышеприведенномъ полномъ титулѣ Іоанна, упоминается *Болгарія Камская*, и что русскіе того времени не называли еще *юго-запада—востокомъ*.

[3]) Кр. Д. № 2 Пос. Голохвастова.

нились въ глубочайшемъ тайникѣ помысловъ и желаній изъ котораго имъ не суждено было выйдти въ теченіи столѣтій.

Начало сношеній съ Портою носило, повторяемъ, самый мирный характеръ и возникло на почвѣ мирныхъ торговыхъ вопросовъ.

Сосѣдство владѣній Султана чувствовалось независимо отъ завоеванія Турками Цареграда. Въ половинѣ 15-го вѣка Турки утвердились въ Крыму, на развалинахъ Генуезскихъ колоній, заняли Кафу и Азовъ и сдѣлали Крымскаго Хана данникомъ Султана. Постоянныя сношенія съ Менгли-Гиреемъ Крымскимъ, вѣрнымъ союзникомъ Іоанна, не могли не поставить Великаго Князя въ столкновеніе съ Султаномъ; къ тому же самому должна была привести и торговля, производимая Русскими купцами въ Кафѣ, Азовѣ и даже въ Бруссѣ и Царьградѣ, съ тѣхъ поръ какъ водный путь Дономъ сталъ болѣе безопаснымъ отъ кочевниковъ Золотой и Нагайской орды. Въ 1445 году знаменитый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ на обратномъ пути изъ Волошской земли, куда посланъ былъ съ посольствомъ къ Воеводѣ Стефану, задержанъ былъ Турками въ Бѣлгородѣ [1]), „И ко тому человѣку Федору, пишетъ Іоаннъ къ Менгли-Гирею [2]), говорили Паши большіе, со словъ Турецкаго Султана, что Султанъ хочетъ со мною дружбы, узнай же для меня, какой дружбы со мною хочетъ Турецкій Султанъ и дай знать мнѣ о томъ съ моимъ Бояриномъ Семеономъ".

На этотъ запросъ Іоанна послѣдовалъ отвѣтъ, привезенный гонцомъ отъ Князя Димитрія Шеина, посланнаго въ Крымъ въ 1488 году.—Менгли-Гирей отвѣчалъ: „Турецкаго Султана слово таково: „если Великій Князь тебѣ, Менгли-Гирею, другъ да братъ, то и я также хочу быть съ нимъ въ дружбѣ и братствѣ". Я же совѣтую брату моему, Великому Князю, чтобы онъ послалъ своихъ пословъ къ Турецкому Султану". [3]).

---

[1]) Бѣлградъ Бессарабскій—нынѣшней Аккерманъ.

[2]) Посольство Семена Борисова въ 1486 г. (Кр. Дѣла № 1-й стр. 111).

[3]) Кр. Д. № 1. стр. 176 и слѣд.

Далѣе Менгли-Гирей передаетъ Іоанну, что Султанъ поручилъ ему узнать, по какому случаю Русскіе купцы не ѣздятъ больше въ Кафу и Азовъ?

Въ отвѣтъ на эти сообщенія Іоаннъ въ 1492 году послалъ въ Крымъ съ посломъ Константиномъ Заболоцкимъ, двѣ грамоты, одну Менгли-Гирею, другую Султану Баязету [1]). Въ первой Іоаннъ, жалуясь на притѣсненія, чинимыя русскимъ купцамъ въ Кафѣ, добавляетъ: „и мы по-этому этою весной купцовъ нашихъ въ Кафу и Азовъ не отпустили. Гдѣ нашимъ купцамъ чинятся обиды и притѣсненія, туда мы ихъ не отпускаемъ. До сихъ поръ между нами и Турецкимъ Султаномъ послы не ѣздили; нынѣ-же мы писали о торговыхъ дѣлахъ Баязиту; спрашивая вѣдомы ли ему помянутыя притѣсненія или нѣтъ, мы просили Султана чтобъ отвѣчалъ намъ. Грамоту свою посылаемъ Твоему Величеству, Брату нашему, прося отослать ее къ Султану Баязиту съ своимъ человѣкомъ или съ кѣмъ подобаетъ. Если-же Султанъ пошлетъ ко мнѣ свою грамоту, то перешли ее мнѣ; если-же съ грамотой Султанъ пошлетъ своего человѣка, то ты и его съ своими людьми до насъ допроводи".

Въ грамотѣ къ Баязету Іоаннъ дословно повторяетъ жалобы на притѣсненія, чинимыя русскимъ купцамъ и далѣе пишетъ: „Прежде, сказываютъ, наши купцы въ ваши земли ѣздили и платили одну „тамгу" (таможенную пошлину), притѣсненій же имъ не чинилось; теперь-же, при тебѣ, новые порядки... „Еще одно слово": отецъ твой (Магометъ II), славный и великій государь, хотѣлъ, чтобъ между нами ходили послы „здоровья нашего видѣть". Видно нынѣ Божья воля сталася тебѣ помянуть своего отца и желаніе его, чтобы между нами ходили послы. Обо всемъ этомъ отвѣчай намъ, приславъ свою грамоту".

Въ отвѣтъ на дружественныя заявленія Іоанна, Султанъ Баязетъ II-й рѣшился послать посольство къ Великому Князю Московскому. — Въ 1493 году Турецкій посолъ выѣхалъ

---

[1]) Кр. Д. № 1. Стр. 336 и слѣд. Грамоты помѣщены въ Собраніи Госуд. Грам. и Договоровъ. V. 22 и 23.

изъ Крыма, въ сопровожденіи посла Менгли-Гирея и возвращавшагося обратно въ Москву посла Іоаннова Константина Малечкина.—Но посольству этому не суждено было увидѣть Москвы. Въ Кіевѣ оно было остановлено по распоряженію Великаго Князя Александра Литовскаго, и посолъ Турецкій принужденъ былъ вернуться назадъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ, при отправкѣ изъ Новгорода въ Литву посла своего Третьяка Губина повелѣлъ ему: сообщить Александру просьбу, пропустить въ Москву Турецкаго посла, а если онъ уже выѣхалъ обратно изъ Кіева, то воротить его назадъ. Въ Вильнѣ Третьяку Губину отвѣчали: „Государь нашъ приказалъ передать „Его Милости“ (т. е. Іоанну): для того тотъ посолъ не пропущенъ, что въ тотъ часъ до твоего Государя дороги были замкнуты, ни кого до Его Милости земель не пропущено; а передъ тѣмъ никогда такіе послы изъ Турціи черезъ землю Государя нашего не хаживали; поэтому Государь нашъ того посла велѣлъ вернуть до его Государя, отколѣ пріѣхалъ, „*абы таки послы нашихъ земель Государскихъ не пересматривали*“. „И уже тотъ посолъ съ нашего Государства съ Кіева давно за ся (т. е. домой) доѣхалъ“. Очевидно, опасеніе соглядатайства со стороны Турецкаго посла, составляло лишь предлогъ. Александръ, находившійся въ постоянной враждѣ съ Іоанномъ, не пожелалъ пропустить въ Москву дружественное посольство столь могущественнаго Султана.

Мы видимъ, что начало сношеній съ Портой, еще до перваго Русскаго Посольства въ Константинополь, носятъ самый мирный, дружественный характеръ.—Если притѣсненія, чинимыя Русскимъ купцамъ въ Кафѣ и Азовѣ и послужили предметомъ первыхъ переговоровъ и грамотъ, то и эти притѣсненія носили случайный, временный характеръ.—Іоаннъ самъ говоритъ, что... „напередъ того сказываютъ наши гости въ ваши земли ѣзжали, ни которыя силы надъ ними не бывало“ (см. выше).

Далѣе въ той же грамотѣ говорится о намѣреніи Магомета II-го завести сношенія съ Москвой.

Но кромѣ коммерческихъ интересовъ, исходною точкой

дружественныхъ отношеній между Россіей и Портой служили и иныя обстоятельства.—Со стороны Россіи посредствующимъ звеномъ къ сношенію съ Портою служилъ Менгли-Гирей Крымскій, союзникъ и другъ Іоанна.

Внѣшняя политика Іоаннова княженія имѣла, какъ извѣстно, важнѣйшимъ и ближайшимъ предметомъ борьбу съ Литвой. — Борьба эта требовала постояннаго напряженія силъ, постояннаго и послѣдовательнаго образа дѣйствія.— Со стороны Іоанна это напряженіе и постоянство чувствуется отъ начала до конца.—Великій Князь ищетъ всѣми путями древняго послѣдства, древнихъ границъ Русской земли и не отвлекается никакими иными замыслами отъ этой главной политической задачи. — Менгли-Гирей былъ вѣрнымъ и постояннымъ союзникомъ Іоанна въ его борьбѣ противъ Александра Литовскаго. Союзъ съ Гиреемъ былъ крайне важенъ и полезенъ для Московскаго Княжества, и Іоаннъ дорожилъ своимъ союзникомъ. — По этому однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ возникновенію и поддержанію дружественныхъ сношеній Іоанна съ Портой, было желаніе угодить просьбѣ Менгли-Гирея.

Что касается Крымскаго хана, то послѣдній дѣйствовалъ въ угоду Султану, движимый чувствомъ самоохраненія. Ханъ поставленъ былъ въ зависимость отъ Турокъ.

Въ Кафѣ и Азовѣ, вмѣсто неопасныхъ Татарамъ Генуэзцевъ, утвердились въ концѣ XIV столѣтія Турки.—Менгли-Гирей принужденъ былъ признать себя данникомъ Султана и находился въ видимой зависимости отъ Кофинскаго Султана намѣстника сына Баязета Шахзады. Менгли-Гирей опасался возраставшаго могущества Султана, въ особенности же власти Кофинскаго намѣстника и не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы отстаивать свою независимость.—Вотъ что писалъ Крымскій Ханъ Іоанну въ 1500 г., чрезъ посредство посла своего Азихолея, сопровождавшаго въ Москву пословъ Кофинскаго Султана, Салыя и Алакоза: „А турскій государь и его сынъ ...къ ротѣ и клятвѣ не прямые люди.—Прежде въ Кофу посылали намѣстника; если онъ былъ съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ, то мы давали

о томъ знать Султану грамотой, и сколько мы того хотѣли столько и жилъ онъ у насъ; въ случаѣ же розни съ нами намѣстника, мы жаловались Султану и онъ отзывалъ его. Нынѣ же Султанъ послалъ своего сына;—пока онъ молодъ и слушаетъ нашихъ совѣтовъ, когда же возмужаетъ, то Богъ вѣдаетъ каковъ съ нами будетъ. „У насъ въ старыхъ людяхъ притча есть: „двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ“.—Не послушаетъ онъ насъ, или мы его не послушаемъ,—и между нами „лихо“ будетъ, а гдѣ лихо живетъ,—изъ той земли люди выходятъ“.

Менгли-Гирей предвидитъ возможность быть изгнаннымъ изъ Крыма и внушаетъ Іоанну мысль, завладѣть сообща Черкасами, Коневомъ, т. е. всей Южно-Русской Украйной, дабы поселитьтя тамъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Московскимъ Княжествомъ и съ цѣлью дальнѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Литвы.

Надобно замѣтить, что въ это время Іоаннъ (съ 1494 г.) и Менгли-Гирей находились въ миру съ Александромъ Литовскимъ и Ханъ даетъ въ тоже время понять Іоанну, чрезъ того же посла (Азихолея), что такъ какъ время дѣйствовать еще не пришло, то нужно поддерживать замиреніе между Литовскимъ Княземъ и Султаномъ, дабы не быть преждевременно вовлеченными въ войну [1]). „Да еще вотъ что у меня въ мысляхъ: чтобы посолъ Шахзады вступилъ въ мирныя сношенія съ зятемъ твоимъ Александромъ Литовскимъ; такова моя мысль: „корень же этой мысли и думы повѣдалъ я слугѣ моему Азихалею, и князю Семену (Ромодановскому); хорошенько выслушавъ и обдумавъ, сообщи мнѣ отвѣтъ твой“.

Іоаннъ очевидно понималъ положеніе своего союзника и, не намѣреваясь жертвовать дружбой съ Менгли-Гиреемъ, дорожилъ хорошими отношеніями съ Портой. Кажущееся противорѣчіе этому видимъ мы въ обѣщаніи Іоанна Александру Литовскому содѣйствовать ему въ войнѣ противъ Турокъ, начавшейся въ 1496 году. За два года передъ

[1]) Крымск. Дѣла № 2 стр. 628 и слѣд. Карамзинъ, Т. VI, гл. VI.

тѣмъ Александръ и Іоаннъ заключили мирный договоръ и даже союзъ, закрѣпленный бракомъ Александра съ дочерью Іоанна Еленой.—На основаніи этого договора въ 1496 году, Великій Князь Литовскій отправилъ въ Москву посла Ивану Сапѣгу, съ просьбой о помощи противъ турокъ.—Тѣмъ временемъ дошли до насъ слухи, говоритъ Александръ устами своего посла, что „поганство“ мощно вооружается и хочетъ землямъ нашимъ „шкоды“ чинить. Тебѣ вѣдомо, что межъ нами условлено въ договорѣ быть за одно противъ всякаго врага и противъ „поганства“; поэтому нынѣ просимъ у тебя помощи противъ непріятеля“. „Государь нашъ получилъ достовѣрныя свѣденія, продолжалъ Сапѣга, что Турки идутъ на его землю; говорятъ, черезъ Дунай переправились 60 тысячъ конницы, и въ Бѣлгородъ (Аккерманъ) прибыло много войска на корабляхъ и каторгахъ (галерахъ): на помощь же имъ двинулись и Перекопскіе или „Запольскіе» Татары. Государь нашъ намѣренъ выступить противъ нихъ посполь съ братомъ своимъ Польскимъ Королемъ Альбрехтомъ. Венгерскому же королю, брату ихъ, нельзя присоединиться къ нимъ, потому что у него перемирье съ Султаномъ на 6 лѣтъ; но и онъ прислалъ на помощь Польскому Королю 11 тысячъ войска 7 т. венгровъ и 4 т. чеховъ.

Іоаннъ отвѣчалъ черезъ посредство дьяковъ Ѳедора Курицына и Андрея Майка: „Мы какъ на чемъ молвили брату своему, В. Кн. Александру, и какъ межъ нами въ договорѣ записано, по тому хотимъ и править; а шлемъ ему о томъ дѣлѣ своего посла“.

Но Карамзинъ (т. VI. гл. VI) говоритъ, что обѣщаніе Іоанна было не искренно, и что Турки успѣли бы завоевать всю Литву, прежде нежели Іоаннъ послалъ бы помощь

Съ этимъ воззрѣніемъ нельзя не согласиться.

Въ то время какъ Венгерскій Король уже послалъ вспомогательную рать Альбрехту и Турки переправлялись черезъ Дунай, Іоаннъ только собирался послать посольство, но и то не съ тѣмъ, чтобы окончательно договориться о совокупныхъ дѣйствіяхъ. Московскій посолъ Дмитрій Загряжскій, отправленный къ Великому Князю Александру, долженъ былъ

подтвердить слова Іоанна, «что на томъ и стоимъ и помочь тебѣ противу поганства дастъ Богъ хотимъ учинити» [1]). Но въ тоже время все полномочіе Загряжскаго ограничивалось тѣмъ, чтобъ спросить „какъ противу поганства помочь учинити“, и такъ какъ «еще не вѣдомо куды идутъ, на твою землю, или на Польскаго Короля землю, то просить Александра, чтобъ онъ про то полно отказалъ, куда пойдетъ тое поганство, на которую землю и какъ намъ тебѣ помочь своя учинити».

Очевидно Іоаннъ только оттягивалъ время и не хотѣлъ примкнуть къ союзу Польскаго Короля и Литовскаго Князя, исконныхъ враговъ или недоброжателей Руси.

Политическая медлительность Іоанна увѣнчалась въ данномъ случаѣ полнымъ успѣхомъ. Какъ извѣстно экспедиція Турокъ за Дунай 1496 года окончилась полнымъ неуспѣхомъ [2]) и Іоанну не пришлось ни измѣнять договору, заключенному съ зятемъ, ни разорвать дружественныхъ связей съ Султаномъ.

Эпизодъ этотъ слѣдуетъ по этому считать скорѣе доказательствомъ, нежели опроверженіемъ искренности мирныхъ и дружественныхъ расположеній Іоанна къ Портѣ.

Если съ одной стороны коммерческія и политическія выгоды заставляли Іоанна дорожить въ извѣстной мѣрѣ согласіемъ съ Портой, то съ другой стороны и Султанъ въ той же, если не въ большей мѣрѣ чувствовалъ потребность дружественныхъ отношеній къ Великому Княжеству Московскому. По всей вѣроятности прекращеніе пріѣзда Русскихъ купцовъ въ Кафу и Азовъ болѣе затрогивало торговые интересы Турокъ нежели Русскихъ; ибо Іоаннъ ограничился недопущеніемъ своихъ подданныхъ ѣздить съ товарами въ Крымъ, между тѣмъ какъ Султанъ поспѣшилъ сдѣлать запросъ объ этомъ предметѣ Великому Князю.

Что касается политическихъ интересовъ Оттоманской Имперіи, то они не были прямо затронуты въ сношеніяхъ съ Москвою.

[1]) Польск. Д. № 1 стр. 575 и слѣд.
[2]) Карамзинъ Т. VI. гл. V.

Во-первыхъ Порта должна была уважать въ Іоаннѣ союзника, почти покровителя Менгли-Гирея Крымскаго. Во-вторыхъ вражда Московскаго Великаго Князя съ Властителями Литвы и Польши, объявившихъ себя на первыхъ же порахъ врагами невѣрныхъ; дружба и родство его съ Воеводой Стефаномъ, этимъ знаменитымъ воиномъ, умѣвшимъ снискать себѣ сначала уваженіе, а потомъ и благорасположеніе своего номинальнаго сюзерена Султана, —всѣ эти обстоятельства указывали Турецкой политикѣ на Москву, какъ на естественную союзницу Порты.

Въ 1576 году Венеціанскій *баилъ* (*bailo* — посланникъ въ Константинополѣ) Соранцо писалъ въ своей *relazione*: „Москвитяне внушаютъ опасенія Султану, по той причинѣ, что Великій Князь Московскій принадлежитъ къ тому же Греческому исповѣданію, что и народы Болгаріи, Сербіи, Босніи, Мореи и Греціи.—Народы эти по этой причинѣ весьма уважаютъ (devotissimi) его имя, и будутъ всегда расположены (sempre prontissimi), взяться за оружіе, чтобы сбросить иго Султана и передаться во власть Московскаго князя.“ [1]) Тоже повторяетъ въ письмѣ своемъ къ Папѣ Клименту VIII Пьетро Чедолини Епископъ Лезины: „Вслѣдствіе сходства языковъ Иллирійскаго и Славянскаго, а также общности вѣроисповѣданія, Москвитяне пользуются преданностью (la devozione) большей части Европейскихъ и нѣкоторыхъ Азіатскихъ народовъ, подчиненныхъ Султану“.

Весьма вѣроятно, что и въ концѣ 15 столѣтія, Турецкіе властелины сознавали, хотя бы и болѣе смутно, эти политическія истины.

---

1) Evolutions du Problème Oriental R. D. D. M 15 Oct. 1878) Юліанъ Клачко ссылается на Relazioni degli ambasciatori veneti al senato (Firenze 1839).

ГЛАВА II.

Посольство Плещеева.—Наставленія Послу —Грамоты Іоанна Султану. — Плещеевъ въ Константинополѣ.—Смѣлое его поведеніе—Грамоты Султана, привезенныя Плещеевымъ.—Неудовольство Менгли-Гирея на посла.

Усвоивъ себѣ правильный взглядъ на истинный характеръ сношеній предшествовавшихъ первому русскому посольству въ Константинополь, мы въ исторіи этого посольства найдемъ полное подтвержденіе высказанныхъ нами взглядовъ и въ тоже время матеріалъ для изслѣдованія правоваго международнаго характера сношеній Россіи съ Турціей въ концѣ 15-го и началѣ 16-го вѣковъ.

Изслѣдованіе это должно обнимать вторую часть нашего труда; первую же мы закончимъ историческимъ обзоромъ Посольства стольника Михаила Андреевича Плещеева, [1])

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ припомнить нѣкоторыя біографическія данныя, относительно личности М. А. Плещеева. Плещеевы древній боярскій родъ. Родоначальникъ Плещеевыхъ бояринъ Ѳедоръ Бяконтъ прибылъ въ Москву изъ Чернигова къ Великому князю Іоанну Іоанновичу (II), сыну Калиты. Бяконтъ имѣлъ 5 сыновей. Изъ нихъ старшій Елевѳерій (Алферій) въ монашествѣ Алексѣй — св. Алексій Митрополитъ Московскій, воспитатель Дмитрія Донскаго—былъ какъ извѣстно видным дѣятелемъ не только церковной, но и политической исторіи Россіи. Младшій сынъ Бяконта Александръ получилъ прозваніе *Плещея* (бархатная книга изд. 1787 г. ч. I. Стр. 276).

Въ 1375 году Воевода *Плещей* начальствовалъ въ Костромѣ отъ имени Великаго князя Дмитрія Іоанновича (Донскаго), при взятіи этого города Новгородскими ушкуйниками.

Отецъ Михаила, Андрей Михайловичъ, былъ именитымъ бояриномъ, пользовавшимся полнымъ довѣріемъ Іоанна III-го; ему поручались не разъ семейныя дѣла, и интересы Великаго князя, т. е., по понятіямъ эпохи, самыя важныя государственныя дѣла. Такъ въ 1479 году А. М. Плещеевъ посланъ былъ въ Ржевъ, чтобы склонить къ примиренію съ Іоанномъ братьевъ его, Андрея Суздальскаго и Бориса Волоколамскаго, уходившихъ въ Литву (Карамзинъ Т. VI. Пр. 213). Въ 1480 г., онъ сопровождалъ изъ Москвы въ Бѣлозерскъ супругу и казну Государеву, удалявшихся въ виду нашествія Ахмата и золотой орды (Кар. Т. VI. Гл. III. Пр. 220). Въ 1482 году ѣздилъ въ Молдавію за Еленой, дочерью

посланнаго въ Царьградъ Іоанномъ III-мъ. Султанъ и Великій князь Московскій въ первыхъ своихъ грамотахъ изъявляли (какъ мы видѣли выше) желаніе отпускать пословъ другъ къ другу, „чтобы здоровья видѣти“. — Починъ принадлежалъ Султану, неудачное посольство коего нами уже упомянуто.—Посольство Михаила Плещеева было такимъ образомъ отвѣтнымъ. Плещеевъ посланный къ Баязету II и сыну его Кафинскому Султану Шихзадѣ, выѣхалъ изъ Москвы весною 1497 года въ сопровожденіи князя Ивана Звенца, ѣхавшаго посломъ къ Менгли-Гирею.—Кромѣ Плещеева въ составъ посольства входили: „Посолъ же“ Константинъ Авксентьевъ, подъячій Радюка Должиковъ, Сокольникъ Лука и толмачъ Кудашъ [1]). Поѣхали всѣ на Перекопъ, т. е. степью [2])

Стефана Волошскаго, невѣстою Іоанна молодаго и представлялъ тамъ князя при обрядѣ обрученія (Кар. Т. VI. Гл. IV).

Посольства въ тѣ времена поручались обыкновенно лицамъ менѣе значительнымъ, стольникамъ, окольничьимъ, дьякамъ. Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ въ качествѣ посла въ Константинополь (1497 г.), откуда вернулся 27 февраля 1498 г.— въ 1500 году Михаилъ Плещеевъ прискакалъ въ Москву гонцомъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Ведрошѣ, одержанной Воеводами Даніиломъ Щеней и Юріемъ надъ княземъ Острожскимъ. — Въ 1513 и 1522 году въ походахъ Василія Іоанновича противъ Сигизмунда и Магметъ Гирея, Плещеевъ упоминается въ числѣ воеводъ.—Впослѣдствіи Михаилъ Плещеевъ подвергся опалѣ по поводу противодѣйствія, оказаннаго имъ при разводѣ Василія съ Соломонидой Сабуровой и браку съ Еленой Глинской.—Въ 1532 году, по случаю рожденія отъ Елены сына, Іоаннъ Великій князь снялъ опалу съ Плещеева, причемъ съ него взята было запись не приставать впредь къ лиходѣямъ Великаго князя и Елены (К. Т. VII. Гл. III. Пр. 310).

[1]) См. Кр. Дѣла № 1-й Стр. 496 и слѣд.

[2]) Другой способъ путешествія описанъ въ посольствѣ Голохвостова (1499 г.), котораго Великій князь „отпустилъ Дономъ на низъ, на судахъ... а клался въ судна по мелѣ у Каменнаго Коня: (близъ Ефремова Тул. губ.) Голохвастовъ ѣхалъ вмѣстѣ съ гостьми, т. е. купцами, (Кр. Дѣла № 2 стр. 615).

Вообще же путь въ Крымъ былъ весьма часто не свободенъ, такъ въ инструкціи Плещееву говорится: „А какъ дастъ Богъ Михайло придетъ отъ Турьской въ Перекопъ, и Цари Ахматовы дѣти учнутъ кочевати межъ Дону и Днѣпра и Михаилу и князю Звенцу оттоль тогды не ѣхати“.

Оттуда Плещеевъ долженъ быть ѣхать въ Кафу и исполнивъ свое порученіе при дворѣ Шихзады Кафинскаго, проситься у этого послѣдняго въ Константинополь, къ отцу его Баязету.

Въ наказѣ, данномъ Плещееву при выѣздѣ изъ Москвы, мы читаемъ: „Первое: пришедши поклонъ править стоя, а на колѣни не садиться: Іоаннъ Божіею милостью Царь всея Руссіи и Великій Князь велѣлъ тебѣ поклониться.

„А послѣ поклона поминки явить, (т. е. подарки). А послѣ поминковъ если велитъ сѣсти, то посидѣвъ немного и потомъ вставъ рѣчи говорить; а велитъ сидя рѣчи говорить, то говорить сидя".

„Рѣчи" должны были имѣть предметомъ объясненіе цѣли посольства, т. е. желаніе „видѣти здоровья" Султана Шихзады и его отца Баязета и возобновить прерванныя торговыя сношенія. Рѣчи эти составляютъ почти дословное повтореніе писаннаго въ вышеприведенныхъ нами грамотахъ.

„А договоривъ рѣчи, дать списокъ притѣсненіямъ, чинимымъ гостямъ нашимъ въ Турецкихъ земляхъ".

„Память Михаилу": „Когда же, дастъ Богъ, придутъ къ Менгли Гирею, и Менгли Гирей пошлетъ съ ними, для сопровожденія въ Кафу къ Солтану своего человѣка, то Михаилъ долженъ остерегаться, вмѣстѣ съ нимъ къ Султану не идти и „подъ нимъ" не садиться. — Далѣе слѣдуетъ предписаніе отписать къ Великому Князю грамотой „какова ему отъ Султана тутъ въ Кафѣ честь была". У Кафинскаго Султана Плещеевъ долженъ былъ накрѣпко отпрашиваться, чтобъ отпустилъ его къ отцу своему. (Султану Баязету).

Относительно пріема у Султана Баязета Московскій посолъ получилъ дословно тѣже предписанія, съ слѣдующимъ варіантомъ:

„А память Михаилу: будутъ у Турецкаго Султана отъ иныхъ Государей Послы и Михаилу ни подъ которымъ Посломъ не садиться".—Къ этому прибавлялось, что если Султанъ не захочетъ самъ выслушать Посла, а велитъ передать полномочія своимъ пашамъ, то Плещееву отнюдь этого не дѣлать, и въ случаѣ крайности передать посламъ

списокъ рѣчей, самихъ же рѣчей имъ не говорить.—Далѣе Плещеевъ долженъ былъ въ случаѣ посылки вмѣстѣ съ нимъ посла къ Великому Князю, отговаривать Султана отъ отправленія этихъ пословъ черезъ Волошское Княжество и Вильну, въ случаѣ же неуспѣха сложить съ себя отвѣтственность за новый непропускъ пословъ черезъ Литву.—При этомъ Плещеевъ уполномоченъ былъ объяснить Султану тщетность мѣръ, предпринятыхъ Іоанномъ для возвращенія Турецкаго посольства въ Кіевъ и оттуда въ Москву.

Въ ноябрѣ 1497 года, не получая извѣстій отъ Князя Ивана Звенца, ни отъ Михаила Плещеева, Іоаннъ послалъ къ нимъ грамоты, вмѣстѣ съ посольствомъ къ Менгли-Гирею [1]). Іоаннъ спрашивалъ у Плещеева, отчета о его посольствѣ „какъ еси былъ въ Кафѣ у Турскаго сына, и какъ у самаго Турьскаго былъ еси, что дѣло дѣлалолися, или не дѣлало..... Какова отъ нихъ тебѣ честь была ли, или не была“.—Но послы Іоанновы „съ поля (т. е. степи) воротилися. Нельзя было имъ ѣхать: за снѣгомъ полило траву ледомъ; и грамоты привезли назадъ“.

Наконецъ въ февралѣ 7006 (т. е. 1498) года пріѣхалъ съ Перекопа, отъ Турецкаго Султана Михаило Плещеевъ, а съ нимъ отъ Менгли-Гирея Царя съ грамотами „Поробокъ“ его Махметъ [2]).

Грамоты (содержаніе ихъ сообщено было Плещееву) касаются Литовскихъ, Волошскихъ и Ордынскихъ дѣлъ.

Въ концѣ же стоитъ, „что Михаила Посла приказавъ прислалъ еси, и мы по твоему послали вмѣстѣ съ нимъ къ Турецкому Султану добраго своего „бакшея Муртозу“.

„Султанъ, продолжалъ Менгли-Гирей, принялъ посольство за великую себѣ честь и писалъ въ грамотѣ: „отъ Великаго Князя Іоанна пришелъ къ намъ почетный посолъ съ просьбой, чтобъ отъ насъ пріѣзжимъ гостямъ не было насилій и обиды, которые же гости умерли, то съ имуще-

---

[1]) Посольство составляли служилые Татары Коричура Булатовъ и Тюкевилъ съ товарищами.

[2]) Тамъ же Кр. Д. № 1-й.

ства ихъ не брать зауморщины. И мы такъ и сдѣлали, какъ онъ у насъ просилъ. Каковы же въ нынѣшнемъ году вѣсти со стороны Польскаго Короля мы еще не знаемъ, и потому съ посломъ Великаго Князя Ивана своего посла не успѣли послать. Если же Богъ дастъ, то знай, что съ добрыми поминками добрые наши послы станутъ ходити въ Москву. Нынѣ же Великаго Князя Ивана Посла, Михаила, посылаю къ тебѣ и ты бы посла съ добрыми проводами отпустилъ бы".

Изъ грамоты этой мы уже усматриваемъ какъ благосклонно и дружелюбно было принято Московское Посольство; но еще болѣе убѣждаемся мы въ этомъ, читая двѣ отвѣтныя грамоты Султана, привезенныя Михаиломъ Плещеевымъ [1]).

Первая грамота содержитъ въ себѣ увѣренія въ дружбѣ и привѣтствія, вторая касается торговыхъ дѣлъ, служившихъ предметомъ посольства Плещеева.

Въ первой мы читаемъ [2]): „Къ моему порогу послалъ ты въ частіе доброе своего посла, отъ своего праваго сердца, чистаго, добраго человѣка Михаила; посольства его путь до меня дошелъ, мене какъ видѣлъ и твою грамоту полную мнѣ далъ, и язъ ее взявъ приложилъ къ своему сердцу, и что въ той грамотѣ написано было, и что твой посолъ своимъ языкомъ говорилъ отъ тебя, то до меня дошло отъ твоего праваго сердца.

„И разумѣлъ есми, единочество со мною хочешь, каковъ бы ты ко мнѣ, таковъ бы язъ къ тебѣ, и по семъ межи бы насъ послы наши ходили часто, и гости свои въ мои земли отпущай и пришедъ увидятъ нашу правду къ себѣ..... А твой посолъ мнѣ по пошлинѣ, (т. е. по посольству) службу полну учинилъ, а нынѣ у меня посолъ твой отпросился назадъ и язъ его отпустилъ въ свою сторону и онъ отъ меня и пошелъ.

„Дай Богъ, твой посолъ по здорову дошелъ до тебя!

---

[1]) Грамоты эти помѣщены въ Собр. Г. Г. и Д. V. 33 и 34.

[2]) Относительно титула см. выше.

Мое здоровье и дружбу и любовь тобѣ скажетъ; отъ менѣ тебѣ великій поклонъ, и кто мнѣ другъ и тобѣ другъ и тому великій поклонъ".

Во второй грамотѣ Султанъ оправдывается въ обвиненіяхъ возводимыхъ на Турецкіе порядки Русскими гостями (купцами) и говоритъ, что приняты мѣры противъ какихъ либо посольственныхъ дѣйствій и несправедливостей, относительно гостей Московскаго Князя.

Баязетъ повторяетъ далѣе просьбу, отпускать по прежнету купцовъ въ Кафу, и далѣе, и кончаетъ такъ:—„А будешь здоровъ и ты и прямъ буди, (т. е. искренень); послѣ сего уже нынѣ надобе, чтобы была въ сердцѣ правда всегда. А какъ свои двери просты, (т. е. откровенны), видишь передъ собою, такъ и мои двери передъ собою таковы же просты.—О чемъ каково дѣло будетъ, съ любовью, что ти на мысль придетъ, безъ зазрѣнія ко мнѣ написавъ, пришли, то передъ тобою готово. Тобѣ великій поклонъ и кто тебя любитъ и меня любитъ и тому великій поклонъ".

Эти искреннія, хотя и офиціальныя увѣренія въ дружбѣ и отзывы о посольствѣ Плещеева тѣмъ болѣе замѣчательны, что посолъ этотъ на самомъ дѣлѣ вызвалъ своимъ смѣлымъ поведеніемъ сильнѣйшее неудовольствіе въ Константинополѣ, о чемъ сообщалоеь конфиденціально черезъ посредство Менгли-Герея. Жалобы на поведеніе Михаила Плещеева сообщены были впрочемъ не одновременно съ его пріѣздомъ, а нѣсколько времени спустя, въ іюлѣ того же года, въ грамотѣ Хана, присланной съ послами Казиміромъ и Хозяшемъ [1]). Вотъ любопытныя подробности, которыя даетъ Менгли-Гирей о пребываніи Михаила Плещеева въ Константинополѣ [2]). „Я бакшея своего Муртозу къ твоему послу Михаилу прикошивавъ къ Султану послалъ есми и въ добромъ здоровьи, посолъ твой Михайло и бакшей мой Муртоза до салтановой двери дошли". Послѣ того Паши призвавъ бакшея моего Муртозу молвили: къ Салтану безпре-

---

[1]) Кр. Д. № 1 стр. 571.

[2]) См. Карамзина, Соловьева и статью Ю. Клачко.

станно приходятъ великіе послы отъ Мозярскаго (Венгерскаго) Короля, и отъ Ляцкаго (польскаго) Короля, и отъ Фрязскихъ (Итальянскихъ) Князей, а отъ великаго князя не прихаживали и Великій Князь Иванъ съ Царемъ въ доброй дружбѣ и въ братствѣ стоитъ; и какъ нынѣ послы его пришли, то мы хотимъ воздать имъ особенныя почести ибо сердце Царя радостно....

И мой человѣкъ Муртоза сказалъ имъ въ отвѣтъ...." нынѣ отъ брата и добраго друга Вашего Царя пришелъ добрый Посолъ и чествовать надо его выше пословъ Венгерскаго и Польскаго Королей.—И паши молвили: „для пришедшаго нынѣ посла мы устроимъ пиръ, одаримъ его платьемъ, дадимъ ему 10.000 денегъ (червонцевъ) „корму" (т. е. содержанія) и окажемъ ему особенныя почести. На другой же день представимъ его Султану, послѣ чего Султанъ пожалуетъ его платьемъ и подарками и ты увидишь какъ высоко его будутъ чествовать. Послѣ чего Паши послали людей своихъ, чтобы звать на пиръ твоего посла Михаила Андреева. Но посолъ твой Михайло не поѣхалъ. Тогда паши послали къ нему моего бакшея Муртозу, сказавъ: „поѣзжай ты, онъ твоему слову противиться не будетъ". И бакшей мой Муртоза, поѣхавъ, передалъ Михаилу приглашеніе пашей, но Михайло отвѣчалъ: „Мнѣ съ пашами рѣчи нѣтъ, я пашино платье не надѣну и денегъ ихъ не хочу, съ Султаномъ мнѣ подобаетъ говорить и между нами Царевъ человѣкъ не надобенъ".

Послѣ того Муртоза пріѣхавъ къ пашамъ „засоромяся" стоялъ, не зная что имъ говорить; паши же замѣтили: пошлины (т. е. посольскаго обычая) и вѣжества онъ не видалъ и не вѣдаетъ, что же это за посолъ?

И на другой день они представили его Султану и дали ему отпускной отвѣтъ [1]). Послѣ этого Султанъ прислалъ

[1]) Что Плещеевъ дѣйствительно былъ на аудіенціи у Султана доказываютъ слова вышеприведенной грамоты Баязета: „Мене какъ видѣлъ и твою грамоту полную мнѣ далъ, и язъ приложилъ ее къ сердцу" и далѣе: „и познавъ язъ то, нынѣ *своимъ языкомъ* твоему послу говорилъ". (тамъ же).

намъ съ людьми своими, провожавшими до насъ посла твоего Михаила, слѣдующую грамоту: „Если бы Великій Князь Иванъ хотѣлъ съ нами быть въ любви, дружбѣ и братствѣ, то послалъ ли бы ко мнѣ посломъ *молодое дитя* [1]). Добрую честь и подчиваніе хотѣли мы ему оказать, но посолъ самъ не захотѣлъ. Мы рады были бы оказать почести Послу Великаго Князя, такъ какъ и нашимъ посламъ оказали бы тоже въ Москвѣ.

„Ты слышалъ и видѣлъ, что отъ востока и до запада ѣздятъ послы наши; если же гдѣ не окажутъ имъ чести и подчиванія, то намъ отъ этого стыдъ будетъ; по этому то нельзя мнѣ было этотъ разъ послать моего посла вмѣстѣ съ Великокняжескимъ“ [2]). Менгли Гирей еще разъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ въ грамотѣ, посланной съ Азихалеемъ, сопровождавшимъ въ Москву Салыя и Алакоза, посланниковъ Кафинскаго Султана Махмеди Шихзады (1500 г.) „Твой слуга Михаилъ, писалъ Гирей, невѣжество и непригожее дѣло учинилъ, того ради Султанъ Баязедъ и Шихзада не прислали къ тебѣ пословъ своихъ, и я о томъ дѣлѣ много соромился“. Дѣйствительно Турки обвиняли Плещеева не только въ невѣжествѣ, но и въ „непрегожемъ дѣлѣ“, сущность котораго мы видимъ изъ списковъ втораго Русскаго Посольства въ Константинополь [3]).

Вотъ что мы читаемъ въ этомъ спискѣ: „Память Алешѣ Голохвастову: если скажетъ ему кто въ Кафѣ или въ Царѣ-Городѣ: Государь нашъ къ Вашему Государю хотѣлъ послать своего посла, да не послалъ по той причинѣ, что былъ отъ вашего Государя у нашего Государя посолъ его Михаилъ и онъ здѣсь „чинилъ не гораздо“: бралъ товаръ сопровождавшихъ его купцовъ выдавая за свой товаръ и провозилъ его безъ уплаты мыта и тамги (т. е. таможен-

---

[1]) Плещееву было лѣтъ 30—35. (См. выше).

[2]) А въ грамотахъ своихъ Султанъ объявляетъ Іоанну, что не посылаетъ посла, не вѣдая пропустятъ ли его черезъ Польшу или нѣтъ.— (см. выше).

[3]) Кр. Д. № 2 стр. 615 и слѣд. Посольство Александра (а не Алексѣя какъ стоитъ у Карамзина и Соловьева) Голохвастова.

ныхъ пошлинъ) государя нашего; и таможенники Государя нашего свѣдавъ про то взяли и на немъ мытъ и тамгу и иныя пошлины.

„То Олешѣ молвить: Государь нашъ не велѣлъ своему послу никотораго лиха дѣлать; а того Государь нашъ не можетъ знать, какое не пригожество посолъ его учинитъ".

Въ отвѣтѣ же посламъ Шихзады, Сальвю и Алакозю, обвиненіе противъ Плещеева опровергается по существу, при чемъ дьяки Великаго Князя жалуются на неправильныя дѣйствія Константинопольскихъ и Кафинскихъ таможенниковъ, учинившихъ Плещееву „нечесть", т. е. взявшихъ съ посольства „тамгу" да „пасебѣ" (т. е. плату за пасьбу и кормъ) съ коней посольской свиты.—„А изъ Кафы до Царя Города далъ имъ Салтанъ карабль, и карабельники взяли на нихъ плату за перевозъ. А изъ Царя-Города до Кафы взяли на нихъ перевозъ же."

Сопоставляя эти данныя съ разсказами и отчетами пословъ западныхъ державъ въ Стамбулѣ, мы охотнѣе вѣримъ жалобѣ Плещеева, нежели варіаціи Менгли-Гирея.—Эпизодъ этотъ тѣмъ не менѣе ни сколько не повліялъ на дружественныя отношенія Султана и Великаго Князя.—Мы видѣли уже какимъ образомъ отзывался Баязетъ о посольствѣ Плещеева въ оффиціальныхъ грамотахъ; и въ послѣдствіи, не смотря на то, что посламъ нашимъ даваемы были тѣже инструкціи: „Поклонъ править стоя, на колѣни не садиться, самому Султану рѣчи говорить, а пашамъ отнюдь рѣчей не говорить" и. т. д., Султаны все также благосклонно принимали Московскія посольства [1]), и въ слѣдъ за посольствомъ Салыя и Алакоза отъ Шихзады мы видимъ въ 1514 году отвѣтное Турецкое посольство Ѳеодорита Комама, затѣмъ неоднократныя посольства Скиндера Князя Мангупскаго и т. д. вплоть до перваго разрыва съ Портой.

Изъ сдѣланнаго нами очерка первыхъ сношеній Россіи

---

[1]) См. Кр. № 2 посольство Голохвастова (1499 г.). Тур. Д. № 1 и дальше, посольство Алексѣева (1514 г.), Коробова (1515 г.), Голохвастова (1519 г.), Губина (1521 г.) и. т. д.

съ Портою и перваго посольства въ Стамбулъ можно вывести слѣдующія положенія:

1) Начало сношеній Россіи съ Портою отличалось мирнымъ и дружескимъ характеромъ.

2) Обоимъ Государствамъ чужды были апріорно враждебные замыслы (какова была бы напримѣръ мысль объ овладѣніи Константинополемъ со стороны Царей Московскихъ).

3) Причину этому дружественному расположенію слѣдуетъ видѣть въ политическихъ и торговыхъ разсчетахъ Россіи и Порты.

4) Послѣдствіемъ подобныхъ отношеній было установленіе правильныхъ обоюдныхъ сношеній, при чемъ Порта признавала за Московскими Царями полную по отношенію къ себѣ равноправность и особенно дорожила дипломатическими съ ними сношеніями.

ЧАСТЬ II.

Документы, относящіеся къ началу сношеній Россіи съ Портой и къ посольству Михаила Плещеева, даютъ намъ любопытный матеріалъ для изслѣдованія тѣхъ принциповъ международнаго права, которыми руководились оба Государства въ своихъ сношеніяхъ. Данныя, получаемыя при такомъ изслѣдованіи пріобрѣтаютъ еще болѣе интереса, если мы сравнимъ взаимныя отношенія Россіи и Порты съ отношеніями послѣдней къ остальнымъ Государствамъ Европы, отношеніями, имѣющими діаметрально противуположный характеръ.

Такъ какъ эпоха, разбираемая нами, есть эпоха мирныхъ сношеній, то разборъ нашъ не можетъ касаться всей полноты международнаго права и будетъ обнимать лишь три главные отдѣла: 1-е. Общіе принципы международныхъ сношеній, 2-е. Посольское право и 3-е. Международное торговое право, насколько эти права затрогиваются въ раз-

бираемыхъ нами сношеніяхъ. Изслѣдованіе каждаго отдѣла будетъ сопровождаться сравненіемъ отношеній Порты къ Россіи съ одновременными отношеніями ея къ другимъ Государствамъ Европы.

ГЛАВА I.

Отношенія Порты къ Императору, Королю Французскому и Англіи. — Враждебность и презрѣніе Османлисовъ по отношенію къ Западу. — Причины. — Уваженіе Порты къ Москвѣ. — Причины.

Главнѣйшія, абсолютныя политическія права, право каждаго Государства на независимость и самоохраненіе (droit de conservation et d'indépendance) и на равноправность въ сношеніяхъ съ другими Государствами—(droit d'égalité), эти главныя права, на которыхъ зиждется существованіе международнаго права, казалось совсѣмъ не признавались Оттоманской Портой въ первые вѣка ея существованія. Съ самаго появленія своего въ Европѣ Турки не перестаютъ слѣдовать политикѣ завоеваній, стремясь согласно ученію Корана подчинить весь міръ закону Магомета.

Въ 1453 году завоеваніе Константинополя довершаетъ укрѣпленіе ихъ на Балканскомъ полуостровѣ; тотчасъ же затѣмъ Магометъ II нападаетъ на владѣнія Венеціанской Республики, не смотря на прибытіе въ Стамбулъ посла Бартоломео Марчелло, посланнаго Сенатомъ склонить къ миру Султана.

Не менѣе лишены всякаго правоваго характера войны Султана съ Волошскимъ Воеводою, Венгерскимъ Королемъ и Императоромъ.—Образецъ подобному безправному нападенію видимъ мы въ вышеписанномъ предпріятіи Турокъ противъ Польши и Литвы въ 1496 году. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи борьба Султана съ Императоромъ въ началѣ 16-го вѣка. Фердинандъ Австрійскій, замѣщавшій своего брата, Карла V-го въ наслѣдственныхъ Австрійскихъ владѣніяхъ трижды долженъ былъ униженно просить мира у султана Сулеймана и добивался лишь времен-

ныхъ перемирій [1]), при чемъ долженъ былъ обязаться платить Портѣ 30.000 дукатовъ ежегодной дани.

Таковы были отношенія Порты къ Государствамъ сосѣднимъ и часто враждебнымъ, но не менѣе презрительно относились въ Стамбулѣ и къ остальнымъ европейскимъ державамъ, даже къ тѣмъ, которыя, какъ Англія и Франція, почти съ самаго возникновенія Оттоманской имперіи старались заслужить благорасположеніе Порты. Мы увидимъ, ниже, какъ обращались въ Турціи съ послами короля Французскаго.—Они подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ, заключенію, подчасъ даже самымъ возмутительнымъ „заушеніямъ“, а между тѣмъ всехристіаннѣйшіе короли съ 1533 года стали въ открытый и постоянный союзъ съ Портой, или вѣрнѣе усиленно добивались этого союза, расточая лесть и деньги при дворѣ султана.

Въ самый день битвы при Павіи, плѣнный Францискъ вручилъ кольцо съ драгоцѣннымъ рубиномъ одному изъ дворянъ своей свиты, поручая ему отнести эту драгоцѣнность Султану и молить его о помощи и союзѣ противъ общаго врага Императора Карла V.

Первый посланный не добрался до Константинополя, (онъ былъ убитъ и ограбленъ въ Босніи).—но вслѣдъ за нимъ отправляемы были въ Стамбулъ другіе послы: Польскій эмигрантъ Лясскій, венгерецъ Франджипани, Испанскій авантюристъ Ринкопъ.

Въ 1536 году былъ дѣйствительно заключенъ формальный договоръ между Французскимъ королемъ и Портой, къ великому соблазну всего тогдашняго христіанскаго міра. Впрочемъ договоръ этотъ немногимъ принесъ пользу политикѣ Франціи; союзъ съ султаномъ естественно вытекалъ изъ общей вражды къ императору и прекратился лишь только послѣдній удовлетворилъ требованіямъ Сулеймана. Дружественныя отношенія Франціи къ Портѣ продолжались съ тѣхъ поръ непрерывно, чуть ли не по наше время, но ни Валуа, ни Бурбоны не извлекли изъ нихъ той пользы на ка-

---

[1]) Лоранъ Т. X.

кую разсчитывали. Надо замѣтить, что долгое время при французскомъ дворѣ возлагались большія надежды на субсидіи изъ несмѣтныхъ сокровищъ султана; но турецкіе сановники вовсе не поддавались подобнаго рода инсинуаціямъ выставляя впередъ категорическое запрещеніе корана „давать въ займы невѣрнымъ“.

Турки настолько дорожили дружбой и успѣхами Франціи, что когда французскій посолъ возвѣщалъ великому визирю о побѣдахъ надъ Австрійцами, тотъ вполнѣ чистосердечно отвѣчалъ: „что собственно для правовѣрнаго все равно, свинья-ли ѣстъ собаку, или собака свинью“!

Англія вплоть до 1583 года не имѣла даже представителей въ Константинополѣ. Англійскіе купцы должны были торговать подъ французскимъ флагомъ, признавать юрисдикцію французскихъ агентовъ и жить по свидѣтельствамъ, выдаваемымъ во Франціи.—Наконецъ одинъ изъ этихъ торговцевъ Harebone (Гэрбонъ) долгое время жившій въ Стамбулѣ, завелъ тайныя сношенія съ Диваномъ и успѣлъ выхлопотать для Англіи право представительства при дворѣ Порты. Съ этого времени Турки соглашаются имѣть дѣло съ Англіей, какъ самостоятельнымъ государствомъ. Первый же шагъ Англійскаго посла того же Harebone'а былъ предложить Султану союзъ отъ имени Королевы, именовавшей себя въ угоду главы Исламизма „*verae fidei contra idolatros Propagnatrix*“. „Если ты не замедлишь объявить войну (Испаніи), говорилъ Harebone, въ союзѣ съ моею государыней, то ни Испанія, ни обманщикъ Папа не избѣгнутъ наказанія заслуженнаго ихъ дерзостью, ибо Богъ, покровительствующій только своимъ, не упуститъ случая наказать язычниковъ настолько строго, чтобы оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ преклонились вмѣстѣ съ нами передъ истиннымъ Богомъ [1]). Великій Визирь, выслушавъ это, не могъ не сознаться, что Англичанамъ остается только поднять руку и произнести „Этедъ“ (клятву по корану), чтобы сдѣлаться

[1]) Все вышеприведенное почерпнуто изъ статьи Ю. Клачко, цитирующаго: „*Relazioni*“, *Négociations dans le Levant T. III*, и Гаммера Пургсталя *Geschichte der Osmanen T. IV.*

истинными Мослемпнами. Тѣмъ не менѣе, тотъ же Визирь при удобномъ случаѣ, угрожалъ „полу-мосленину“ Hareboy'y отмѣрить ему 1000 палокъ (mille bastonate).

Мы уже видѣли каковы были отношенія Порты къ Россіи; отношенія эти являются почти невѣроятными при сравненіи съ вышеприведенными фактами. Порта признаетъ Россію за независимое и равноправное Государство; далѣе она сама ищетъ дружбы съ этимъ государствомъ и первая начинаетъ съ нимъ переговоры, наконецъ въ сношеніяхъ съ нимъ она примѣняетъ принципы международнаго права, повидимому совершенно не примѣняемыя по отношеніи къ Западной Европѣ.

Султанъ спѣшитъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ Великаго Князя, ищетъ съ нимъ союза и дружбы и не рѣшается даже прямо заявить свое неудовольствіе, по поводу непривычнаго въ Стамбулѣ поведенія Русскаго посла.

Въ первой части нашего изслѣдованія мы привели въ главныхъ чертахъ причины подобнаго дружественнаго отношенія Султана къ Московскому Царству; но эти же причины, какъ-то общность интересовъ, политическихъ и торговыхъ, существовавшая и съ нѣкоторымп западными Государствами, напримѣръ Франціей и Англіей, не воздѣйствовали въ той же мѣрѣ на сношенія этихъ государствъ съ Портою, слѣдовательно нужно искать иныхъ причинъ, объясняющихъ явленіе.

Мы уже коснулись одной изъ нихъ,—сравнительнаго могущества Москвы по отношенію къ Портѣ; какъ видно уже въ тѣ времена христіане востока съ надеждою взирали на Россію, какъ на покровительницу и чаемую избавительницу отъ ига османовъ.

Совершенно иначе относились эти народности къ западнымъ державамъ; иновѣрный и иноплеменный западъ представлялся имъ едва ли не враждебнѣе и нестерпимѣе Магометанскаго владычества—они уже испробовали и порядковъ Латинской Имперіи и владычества Венеціанской республики. La Motraye, посѣтившій Пелопоннезъ, во время занятія его Венеціанцами (1710) слышалъ изъ устъ жителей Мореи слѣ-

дующіе отзывы [1]): Венеціанцы живутъ даромъ въ нашихъ домахъ, садахъ, берутъ что имъ нравится, неплатятъ ничего и осыпаютъ насъ побоями, если мы вздумаемъ на это жаловаться.

Солдаты стоятъ у насъ постоемъ, офицеры соблазняютъ или увозятъ нашихъ женъ и дочерей; католическіе священники проповѣдуютъ противъ нашей вѣры и убѣждаютъ насъ отъ нея отречься, чего никогда не позволяли себѣ Турки; напротивъ того они давали намъ ту свободу, которую мы нынѣ оплакиваемъ".

Но кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ причинъ, были и другія обстоятельства, дѣйствовавшія на умы османлисовъ и ихъ повелителей. Русь съ перваго же шага стала съ Турками на дружескую ногу, внушила къ себѣ уваженіе своимъ полуазіатскимъ политическимъ тактомъ.

Напротивъ того, западные народы, какъ и слѣдовало ожидать, тотчасъ послѣ покоренія Византіи объявили себя врагами Турокъ; Папа проповѣдывалъ крестовый походъ, Венеціанскіе pregadi собирались для рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли тотчасъ объявить войну Султану или нѣтъ. Французскій Король, еще въ 1517 году, заключилъ договоръ съ Императоромъ Максиміліаномъ и съ Фердинандомъ Католикомъ, съ цѣлью завоеванія Византійской Имперіи и изгнанія Турокъ изъ Европы.—Но какъ жалки и лишены достоинства должны были казаться въ глазахъ Турокъ всѣ эти властители, когда Папа Пій II уже въ 1463 году убѣждалъ Султана въ письмѣ къ нему, креститься въ христіанскую вѣру, увѣряя его, что „немножечко воды" (aquae pauxillum) сдѣлаетъ изъ него могущественнѣйшаго владыку и Императора Востока; когда Франциск I посылалъ умолять о помощи противъ единовѣрнаго монарха; когда, позднѣе, посланникъ Карла IX писалъ своему Королю, что отложилъ ходатайство о займѣ въ 3 милліона, „не потому чтобы боялся краснѣть отъ стыда," а вслѣдствіе увѣренности въ неуспѣхѣ; когда даже Король Генрихъ IV замышлялъ выгодно продать султану драгоцѣнные алмазы изъ Французской короны!

[1]) Ю. Клачко Evolutions du Pr. orient.

Дѣло въ томъ, что въ то время западъ не понималъ востока вовсе. Короли и Министры, ученые и художники считали страну и дворъ Падишаха какою-то невѣдомою, сказочною областью, полною могущества и несмѣтнаго богатства, да сверхъ того и тою доблестью, какую рыцарскіе романы приписывали Саладину и Сарацинамъ временъ Крестоносцевъ.

Въ этой области предполагались возможными всякіе эксперименты: займы и подарки, вовлеченіе въ войну присылкою перстня и т. п. Въ этой же странѣ чудесъ, гдѣ все было такъ отлично и чудно, можно было и вести себя иначе, и подвергаться униженіямъ, какихъ въ другомъ мѣстѣ ни за что бы не стерпѣла рыцарская честь. Знали Востокъ лишь тѣ многочисленные уже въ то время пройдохи и искатели приключеній, евреи, греки, армяне, левантинцы, которые подъ предлогомъ торговли проникали въ Стамбулъ и которыхъ вмѣстѣ съ настоящими торговцами такъ часто и безъ всякаго разбора употребляли западныя державы для сношеній и переговоровъ съ Портой. Знали его тоже Венеціанцы, за то и пользовались они у Турокъ уваженіемъ гораздо большимъ, особенно принимая во вниманіе относительную слабость республики; и венеціанскій посолъ при высокой Портѣ (Bailo), избиравшійся изъ числа высшей знати Венеціи, пользовался наибольшимъ авторитетомъ и уваженіемъ, сравнительно съ своими коллегами [1]):

Совершенно инымъ долженъ былъ представиться въ глазахъ Турокъ Великій Князь Московскій, неограниченный Монархъ своихъ подданныхъ, другъ и покровитель единовѣрцевъ, побѣдитель или союзникъ магометанъ Золотой и Крымской Орды. Турки незнали Москвы наравнѣ съ западными народами, они только преувеличивали себѣ ея могущество, вмѣсто того чтобъ уменьшать его, но все что было имъ доподлинно извѣстно, все что они видѣли и слышали, отзывалось чѣмъ то знакомымъ, роднымъ, естественнымъ. Эта восточная гордость, неподвижность, важность „исто-

[1]) Для всего вышеизлож. см. статью Ю. Клачко и Лорана T. V.

вость", любовь къ пышности и внѣшнему почету, богатые поминки, привозимые послами, вмѣсто унизительныхъ просьбъ о субсидіяхъ (вплоть до самыхъ одеждъ и длинныхъ бородъ Москвитянъ),—все это дѣлало ихъ въ глазахъ османлисовъ народомъ полноправнымъ, хорошими отношеніями съ которымъ можно и полезно было дорожить.

Эти то обстоятельства чисто моральнаго свойства имѣли, полагаемъ мы, весьма значительное вліяніе на общій характеръ сношеній Россіи съ оттоманской имперіей.

ГЛАВА II.

Посольское Право въ Стамбулѣ XVI вѣка и позже.—Пріемъ у Султана.—Отношенія Пословъ къ Великому Визирю.—Примѣры.—Русскіе послы и ихъ исключительное положеніе.—Графъ А. Ѳ. Орловъ въ Константинополѣ.

Наилучшимъ доказательствомъ высказанныхъ нами взглядовъ на сравнительное отношеніе Россіи и западныхъ государствъ къ Портѣ служитъ положеніе пословъ Русскихъ и Европейскихъ при дворѣ Падишаха.

Мы коснулись выше этого вопроса въ самыхъ общихъ чертахъ; постараемся теперь сопоставить положеніе Европейскихъ пословъ въ Стамбулѣ съ тѣми данными, которыя даетъ намъ относительно того же предмета, повѣствованіе посольства Михаила Плещеева и другіе, уже приведенные нами, источники.

Когда посолъ западной державы высаживался на берегъ Босфора, къ нему сначала относились со всѣмъ восточнымъ гостепріимствомъ; Паши угощали его пиршествомъ, давали подарки, одежды и 10000 аспровъ „per la buona entrata." Кромѣ того, достоинство Порты не дозволяло посламъ тратить что либо на себя за все время ихъ пребыванія при дворѣ Падишаха.

Испытанія начинались при первой торжественной аудіенціи; прежде всего посла обыскивали съ ногъ до головы, чтобы удостовѣриться, что на немъ не спрятано никакого оружія; затѣмъ его вели, или вѣрнѣе тащили, подъ руки

передъ тронъ Султана и заставляли становиться на колѣни, и даже въ иныхъ случаяхъ падать ницъ и цѣловать полъ. При выходѣ изъ Дворца посла нерѣдко встрѣчали оскорбленія собравшейся толпы. „При выходѣ изъ Порты, пишетъ въ 1534 году посолъ Императора Дуплицій Шепперъ, мы были стиснуты толпой янычаръ и встрѣчены дикими возгласами и угрозами, криками „спанья“, „спанья“, подражаніемъ собачьему лаю; и чауши, насъ сопровождавшіе, ничего не предпринимали, чтобы прекратить эти дерзости; оставалось молчать и терпѣливо это сносить“.

Не менѣе оскорбительны были переговоры съ Велпкимъ Визпремъ. Послѣдній никогда не вставалъ при входѣ пословъ и часто заставлялъ ихъ ждать по цѣлымъ часамъ аудіенціи. Далѣе посламъ Европейскимъ не позволяли сноситься между собою, писать шифромъ, возить по улицамъ своихъ женъ, разъ даже хотѣли запретить имъ пить вино на подобіе правовѣрныхъ [1]).

Мы уже привели угрозу Визиря Hagebone'у. Другой Визирь грозился повѣсить или выдрать плетьми Австрійскаго интернунція Старцера. Но замѣчательнѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ судьба Французскихъ посланниковъ отца и сына La Haye. Великій Визирь Кюпризли (въ концѣ 17 столѣтія), перехвативъ депеши посла La Haye къ своему двору, вздумалъ заставить молодаго La Haye и перваго Секретаря посольства выдать ему шифръ. Когда

---

[1]) Всѣ эти подробности почерпнуты изъ статьи Ю. Клачко.

Впослѣдствіе и московскіе послы должны были подчиниться нѣкоторымъ подробностямъ стамбульскаго этикета, которымъ не подчинился Плещеевъ, т. е. обѣду у Визиря передъ аудіенціей, облаченію въ парчевый халатъ, веденью подъ руки, хотя постоянно заявляли противъ обычаевъ этихъ упорный протестъ (См. Забѣлина, Русск. Посольства въ Турцію въ XVII вѣкѣ). Но объ остальныхъ унизительныхъ сценахъ не было и рѣчи. Съ московскими послами Турки лишь для себя однихъ уловимымъ образомъ обходились какъ съ гяурами, (собаками), которыхъ нужно было прикрыть парчевымъ халатомъ и шапкой, покормить, прежде чѣмъ представить султану.

Въ исторической галлереѣ Московскаго Главн. Архива Иностр. дѣлъ есть двѣ картины, изъ коихъ одна представляетъ аудіенцію въ 18 сто-

они отказали исполнить требуемое—ихъ заключили въ тюрьму, при чемъ слуги Великаго Визиря избили сына Французскаго Посла и выбили ему нѣсколько зубовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Людовикъ XIV испросилъ позволеніе прислать въ Константинополь того же молодаго La Haye, на мѣсто умершаго отца его, прося, чтобы съ посломъ его обошлись сообразно съ обычаемъ (qu'il soit traité suivant la coutume); и дѣйствительно, съ новымъ посланникомъ поступили согласно съ испробованнымъ уже имъ „обычаемъ“: на первой же аудіенціи у Великаго Визиря La Haye былъ битъ по лицу чаушемъ и затѣмъ, по требованію Кюпрюзли, отозванъ.

Наконецъ замѣчательную черту посольскаго права или вѣрнѣе безправія, которымъ руководилась Порта въ своихъ сношеніяхъ съ Государствами западной Европы, представляетъ полное отсутствіе взаимности въ посылкѣ пословъ.

Въ первое столѣтіе существованія Оттоманской Имперіи мы видимъ всего одного Турецкаго посла, ѣдущаго въ столицу иностраннаго государства, именно въ 1479 году „Санджакъ“ Султана прибылъ въ Венецію. Но и то миссія его имѣла характеръ совершенно особенный; посланный Султана долженъ былъ принять клятвенное обѣщаніе Венеціанскаго Дожа въ соблюденіи мира, и передать этому Князю символическій подарокъ Падишаха, золотой поясъ, который тотъ могъ отнять у Дожа при первомъ поводѣ къ неудовольствію.

лѣтія иностраннаго посланника у Визиря, который сидитъ поджавши ноги а посланникъ передъ нимъ на табуретѣ. Другая, той же эпохи, изображаетъ пріемъ посланника султаномъ. Посланникъ, равно какъ и члены его свиты, одѣтъ въ шубу, на головѣ треуголка, онъ стоитъ передъ султаномъ, драгоманъ переводитъ привѣтственную рѣчь; Султанъ на возвышенномъ тронѣ, обнесенномъ рѣшеткой, окруженной толпой царедворцевъ; возлѣ султана помѣщаются два карлика (и по сію пору участвующіе въ церемоніяхъ султанскихъ аудіенцій).

Въ библіотекѣ Архива есть описаніе „*Россійскаго посольства въ Константинополь (Кн. Репнина) въ 1776 г. съ двумя гравюрами*“ изъ коихъ одна представляетъ пріемъ Князя у Визиря, другая у Султана, въ такихъ же условіяхъ, какъ и на вышеупомянутыхъ картинахъ.

Совершенно противуположную картину представляютъ намъ сношенія Порты съ Великимъ Княземъ Московскимъ.

Вопервыхъ, самъ Падишахъ принимаетъ инициативу правильныхъ сношеній, посылая въ Москву посольство, (не доѣхавшее по не зависящимъ отъ Порты причинамъ); затѣмъ въ 1514 году пріѣзжаетъ въ Москву посольство Ѳеодорита Камала, въ 1522 году посольства Скиндера, Князя Монгутскаго, въ 1530 „Турки“ Ахмата и т. д.

Далѣе Московскимъ посламъ неотъемлемо присвоена была личная неприкосновенность и тотъ почетъ, который считается принадлежностью посланниковъ по ученію Международнаго права. Читая отчетъ посольства Михаила Плещеева, мы убѣждаемся, что Русскимъ посламъ не приходилось претерпѣвать ничего подобнаго тому, что приведено нами выше, относительно пословъ Европейскихъ.

Имъ предоставляется право самимъ вручить свои полномочія и говорить „рѣчи“ Султану, а не Великому Визирю или другимъ пашамъ. Далѣе, они заручились правомъ не становиться на колѣни передъ Султаномъ и не цѣловать пола. Наконецъ Султанъ по отношенію къ посланнику Московскаго Царя выказываетъ осторожность и дипломатическій тактъ, рѣдкій даже въ новѣйшее время. Именно, будучи недоволенъ молодостью и поведеніемъ Михаила Плещеева, онъ не только не жалуется на него, но напротивъ того въ своихъ грамотахъ называетъ Московскаго посла „чистымъ, добрымъ человѣкомъ“, заявляетъ о немъ какъ о „persona grata“, и лишь косвеннымъ путемъ, въ письмахъ Менгли-Гирею изливаетъ свое неудовольствіе.

Замѣчательно далѣе, что Іоаннъ добивался и добился, чтобы за посломъ его были признаваемы права второстепенныя, выработанныя въ систему позднѣйшею практикой международныхъ сношеній.

Мы говорили о правѣ изъятія отъ таможенныхъ и иныхъ пошлинъ. Вотъ какъ жаловались голова Дмитрій Ховринъ и Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ на отступленіе отъ этаго правила послу Шихзады Салыю: „Когда Султанъ отпустилъ Михаила Плещеева изъ Царя-Города, то ему въ Царѣ-Горо-

дѣ таможники *не честь учинили*; взяли съ него и съ людей нашихъ, которые съ нимъ посланы, тамгу, какъ съ торговыхъ людей. Михаилъ Плещеевъ сказывалъ; что онъ далъ знать объ этомъ Пашамъ, но Паши ему „*правды не учинили*“. А въ Кафѣ съ нихъ таможники Государя вашего тоже взяли тамгу, да въ Кафѣ съ Михайловыхъ коней посьбы не взяли, а которые наши люди съ Михаиломъ были, съ нихъ посебъ взяли. Пригоже ли, со стороны таможниковъ и пошлинниковъ Шахзады и Баязета такія дѣла чинить надъ нашими послами? Вездѣ межъ Государей послы ходятъ, *въ ихъ жалованьи и чести*, а тамги и пошлинъ съ нихъ никакихъ не берется. А что въ Кафѣ Государя Вашего таможники взяли на нашихъ послахъ, то Государь бы вашъ велѣлъ отдать“. Тоже по словамъ Дьяковъ повторилось и съ Галохвастовымъ; но мы видѣли уже что въ Константинополѣ взвалили вину на Плещеева, провозившаго будто бы товары, подъ видомъ посольскихъ вещей, т. е. признавали въ принципѣ вышеозначенное правило изъятія. По всему вѣроятію недоразумѣніе существовало съ обѣихъ сторонъ, главною же причиною его была недобросовѣстность и злоупотребленія Турецкой администраціи, уже въ то время проявлявшейся всюду, куда не могъ проникнуть строгій взоръ деспота Падишаха или его Визиря. Впослѣдствіи мы уже не встрѣчаемъ подобныхъ жалобъ и вообще положеніе Русскихъ Пословъ въ Константинополѣ не только не ухудшилось со временъ Іоанна III-го, но можно сказать, что послѣднее дружественное Московское посольство Іоанна IV-го, прислащаго въ Стамбулъ стольника Адашева (въ 1539 года), было принято Султаномъ съ еще большимъ почетомъ и радушіемъ, нежели первое разбираемое нами [1]).

Причины подобнаго отношенія Порты къ посламъ Великаго Князя Московскаго слѣдуетъ искать во первыхъ въ вышеизложенной общности политическихъ интересовъ и нравственномъ сродствѣ обоихъ народовъ (см. выше). Султанъ дорожилъ дружескими отношеніями съ Москвой и сами

[1]) Турецк. Дѣла № 2, посольство Адашева.

Московскія Посольства болѣе соотвѣтствовали понятіямъ восточнаго народа, нежели посольства западныхъ Государствъ.

Во первыхъ, самый выборъ пословъ въ началѣ особенно рѣзко отличался отъ выбора агентовъ Европейскими Государями. Мы видѣли уже, кто были первыми посланцами Франциска I-го, знаемъ также, что первымъ посланникомъ королевы Елизаветы при Султанѣ былъ купецъ *Harebone*.— Очевидно въ Стамбулѣ не могли питать уваженія къ лицамъ, которыя не были облечены ни формальными уполномочіями, ни пышностью и высокимъ саномъ, которыхъ часто помнили еще униженно ищущими покровительства Дивана.

Подобное воззрѣніе отражалось за тѣмъ долгое время и на слѣдующихъ представителяхъ, даже когда они были епископами, рыцарями и лордами. — Единственное имъ исключеніе составляютъ въ этомъ отношеніи Венеціанскіе баилы, въѣзжавшіе съ пышностью каждые три года въ Стамбулъ и избиравшіеся изъ числа именитѣйшихъ Патриціевъ республики. Баилы, какъ мы уже сказали, пользовались въ Портѣ авторитетомъ и довольно большимъ уваженіемъ.

Но далѣе, самый обычай постоянныхъ посольствъ былъ настолько чуждъ понятіямъ Турокъ, что въ *резидентѣ* иностранной державы, они всегда скорѣе склонны были видѣть второстепеннаго агента, нѣчто вродѣ соглядатая [1]), чѣмъ истинно священную особу чрезвычайнаго посла, каковыми понимали и знали пословъ на Западѣ.

Совершенно другимъ представился глазамъ османлисовъ первый Русскій посланникъ и его пріемники, пріѣзжавшіе на короткое время, изъ далекой страны, сопровождаемые свитой и спутниками-посланцами Крымскаго хана, везшіе по восточному обычаю богатые дары (поминки) Султану и

---

[1]) Обычай постоянныхъ миссій, какъ извѣстно, началъ укореняться въ Европѣ лишь въ 16-мъ столѣтіи. Первые постоянные резиденты посылались сначала Италіанскими республиками и потентатами.—Въ 16-мъ и въ особенности въ 17-мъ столѣтіи, подъ вліяніемъ Маккіавеллизма и меркантильной системы, на пословъ смотрѣли дѣйствительно какъ на соглядатаевъ, обязанности которыхъ не были чужды ни интрига, ни подкупъ.

сановникамъ Порты [1]). Самыя инструкція этихъ пословъ и настойчивыя требованія Московскихъ Князей, чтобы при пріемѣ посольства руководились не Турецкими, а Русскими обычаями, могли только усиливать первое впечатлѣніе.

Наконецъ, если Великіе Князья ревниво оберегали достоинство своихъ посланцевъ и обращались съ запросами по поводу малѣйшаго нарушенія ихъ правъ, то и сами послы восточной гордости противуполагали восточное же достоинство, простиравшееся на мелочи, которыя на востокѣ имѣютъ до сихъ поръ столь большое значеніе.

Въ этомъ отношеніи всѣ послѣдующіе послы и вся политика Россіи на Востокѣ должны остаться благодарными первому Московскому послу Михаилу Андреевичу Плещееву, съумѣвшему не принять унизительной программы Султанскихъ аудіенцій, начиная съ принятія чужаго платья и 10 тысячъ аспровъ, и кончая земными поклонами и цѣлованіемъ пола [2]).

---

[1]) Поминки состояли главнымъ образомъ изъ высоко-цѣнимыхъ соболей, а также изъ соколовъ и кречетовъ (для Султана) и щедро раздавались приближеннымъ Султана.—Такъ Илья Милославскій (1642 г.) подпесъ Визирю соболей на 2345 руб., „Визиреву другу“ на 215 руб.

(Забѣлинъ: Посольства въ Турцію въ XVII вѣкѣ).

[2]) Европейская дипломатія вообще не достаточно благодарна русской за услуги, оказанныя посольскому праву на Востокѣ представителями Россіи. Говоря о Плещеевѣ, не согласившемся на унизительныя церемоніи Султанской аудіенціи, мы не можемъ не вспомнить случай, гдѣ Русскій посолъ съ еще большимъ успѣхомъ пошелъ на перекоръ одному изъ унизительныхъ для посольской чести обычаевъ. Когда Графъ (впослѣдствіи Князь) Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ былъ въ первый разъ въ Константинополѣ (въ эпоху заключенія Адріанопольскаго мира), заблаговременно до аудіенціи у Великаго Визиря, драгоманы посольства сочли нужнымъ предупредить Графа, что по принятому этикету, Великій Визирь не встаетъ ни передъ посланниками, ни даже передъ послами,—Графъ, шутя отвѣчалъ, что для него Визирь встанетъ, драгоманы спорили, насколько дозволяло почтительное отношеніе къ послу, и дѣло чуть не доходило до пари.—Дѣйствительно, въ день аудіенціи, Графъ вошелъ къ Визирю съ отличавшею его вельможественною осанкой (Графъ былъ гигантскаго роста, плечистъ, всегда веселъ), прямо подошелъ къ дряхлому старику Визирю, сидѣвшему поджавши ноги на подушкахъ; дружелюбно протянувъ ему руку и привѣтствуя его на Турецкомъ языкѣ, онъ такъ крѣпко сжалъ

ГЛАВА III.

Торговыя сношенія.—*Заморщина.*—Примѣры.—Соблюденіе принципа взаимности.—Примѣры.

Торговые вопросы составляютъ какъ мы уже сказали, главный предметъ первыхъ сношеній Москвы съ Портою и перваго посольства въ Константинополь.

Вопросы эти, разрѣшенные полнымъ соглашеніемъ сторонъ, обрисовываютъ въ любопытныхъ чертахъ нѣкоторыя стороны международнаго торговаго права и опредѣляютъ тѣ правовые принципы, которые признавались по этому предмету Портой и Московскимъ Государствомъ той эпохи.

Размѣры нашего труда не позволяютъ намъ къ сожалѣнію сдѣлать очеркъ международныхъ торговыхъ отношеній Порты къ Западно-Европейской торговлѣ; мы должны удовольствоваться тѣмъ, что находимъ въ указанныхъ нами источникахъ, т. е. матеріалами по торговымъ сношеніямъ Россіи и Турціи въ концѣ XV вѣка [1]).

Жалобы, выражаемыя Великимъ Княземъ относительно обидъ, чинимыхъ русскимъ *гостямъ* (купцамъ), касаются

его руку въ своей, что старикъ вскочилъ какъ ужаленный, а затѣмъ Графъ сталъ водить его, все держа за руку, по комнатѣ, и въ этой прогулкѣ прошла вся аудіенція.

Съ тѣхъ поръ этикетъ былъ измѣненъ. Великій Визирь встаетъ не только для пословъ, но и для посланниковъ.

Анекдотъ этотъ, знакомый намъ по семейнымъ преданіямъ (Г. А. Катакази, секретаря Миссіи въ Константинополѣ въ 20 годахъ, впослѣдствіи русскаго посланника въ Аѳинахъ), былъ потвержденъ намъ Бар. Ѳ. А. Бюлеромъ (Директоромъ Моск. Глав. Архива М. И. Д.), записавшимъ его со словъ покойнаго А. П. Бутенева, дважды бывшаго посланникомъ въ Константинополѣ, а въ молодости своей секретаремъ Россійской Миссіи временъ Бар. Строгонова и Гр. Орлова.

[1]) Впрочемъ и въ этомъ объемѣ изслѣдованія мы находимъ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ обще-торговому праву тогдашней Турціи, а именно, помѣщенная ниже замѣчательная грамота самого Султана, перечисляющая правила, соблюдавшіяся (въ принципѣ) относительно иностранныхъ торговцевъ.

двухъ предметовъ: 1) личныхъ обидъ и притѣсненій, 2.) Зауморщины.

1) На сколько личность купцовъ мало была ограждена въ Турецкихъ городахъ,—видно изъ „*списка которая сила чинится надъ Государя гостьми въ Турецкаю земляхъ*“. Списокъ этотъ, представленный Султану Михаиломъ Плещеевымъ, гласитъ такъ: „Въ Азовѣ велятъ имъ (гостямъ) рвы копать, и камень на городъ носить, и всякія иныя дѣла дѣлать; также въ Кафѣ, и въ Азовѣ, и въ другихъ городахъ товаръ, оцѣнивъ, берутъ, и половину цѣны дадутъ, а другой не дадутъ.... Да въ Кафѣ схватилъ въ холопы (рабы) Усейнъ, Исаковъ сынъ, гостя Великаго Князя Гришу Иванова, сына Алексѣева и сказываетъ, что тотъ ему достался съ Бѣлгородскаго полону, а Гриша и въ Бѣлгородѣ не бывалъ; судились они передъ Месидъ-Пашей и передъ Казыемъ (Кади), но на Гришиныхъ послуховъ (свидѣтелей) не положились; [1]) а Усейнъ сослался на послуховъ, изъ коихъ одинъ въ Карамінской землѣ, а другой въ Синопѣ; и Гришу до ихъ прибытія велѣли кинуть въ тюрьму; и Гриша отъ неволи откупался, и всего Усейнъ взялъ съ него тридцать рублевъ, а Казый взялъ десять золотыхъ, а пристава взяли четыре золотыхъ а всего взяли на шестьдесять рублевъ на Кофинскую, и занималъ Гриша „деньгу въ полторы деньги“ (т. е. по 50%).

„Да Великаго Князя людямъ Никитѣ Айдарову, Куземкѣ Басенкову, Тишѣ Иванову, сыну Боровитинову, да Ивану Иванову сыну, Ружанинова прикащикомъ, приходилось взять по духовной грамотѣ Ружанинова въ Кофѣ съ Данила-селянина (долгу) сто рублевъ, да тридцать рублевъ (вѣроятно процентовъ), и селянинъ тѣхъ денегъ не платилъ“.

Мы видимъ, что такимъ образомъ ни личность, ни имущество русскихъ купцовъ не были обезпечены отъ злоупотребленія властей и частныхъ лицъ.

2) *Зауморщина*, (jus albinagii, droit d'aubaine),—право государя на имущество всякаго умершаго въ его владѣніяхъ

[1]) Судили очевидно по *шеріату* не принимая свидѣтельства христіанъ.

иностранца—примѣнялось повсемѣстно въ тогдашней Европѣ.—Отмѣнялась зауморщина лишь спеціальными договорами между отдѣльными Государствами. — Окончательное уничтоженіе принципа зауморщины слѣдуетъ отнести къ новѣйшему времени [1]).

Въ Турціи зауморщина служила источникомъ всевозможныхъ злоупотребленій, какъ мы это видимъ изъ того же *списка*: ...„Если гость умираетъ, то зауморщики берутъ его товаръ. А будетъ человѣкъ пять или шесть *въ одномъ котлѣ*, (артели), и одинъ изъ нихъ заболѣетъ какою болезнью, да еще живъ, то зауморщики всѣхъ его товарищей отсылаютъ и у всѣхъ тѣхъ товарищей товаръ запечатываютъ; и какъ только больной умретъ, они всѣхъ ихъ товаръ забираютъ, называя товаромъ покойника; если же не умретъ, то половину товара отдаютъ, а другой половины не отдаютъ.

А если больной захочетъ товаръ отдать брату своему, или племяннику, или пошлетъ съ товарищемъ своимъ къ женѣ, дѣтямъ или родственникамъ, то зауморщики еще у живаго отнимаютъ товаръ; а товарищей къ нему не пускаютъ". [2]) Далѣе слѣдуютъ примѣры: „Гостя Великаго Князя Ивана Страха не стало въ живыхъ въ Кафѣ, и зауморщики Ивановъ „животъ" (т. е. имущество) взяли, а сыну его, ни брату, того живота не отдали, всего же взяли по 500 рублевъ.

„Да гость В. К. Степанъ Васильевъ сынъ Дмитріевъ, далъ въ долгъ свою рухлядь Ортему Вяшитинову, ѣхавшему въ Царьградъ, и Ортема въ Царѣгородѣ не стало, и зауморщики переписавъ „животъ" положили въ сараѣ, запечатавъ, а Степану Васильеву той рухляди не отдали".

---

[1]) Въ 1791 г. во Франціи учредительное собраніе постановило уничтожить *droit d'aubaine* по отношенію ко всѣмъ націямъ безъ требованія взаимности.—Законъ этотъ, отмѣненный Кодексомъ Наполеона, (требовавшимъ взаимности) возстановленъ Ordonnance'омъ 14 іюля 1819 г.

[2]) Всѣ эти жалобы, кромѣ примѣровъ, условно помѣщены въ грамотахъ Іоанна къ Гирею и Баязету отъ 1492 г. (см. выше); тамъ же говорится, что „напередъ того, сказываютъ, наши гости въ ваши земли ѣзживали, одну тамгу платили, а сила надъ ними ни которая не бывала".

„Да Тиши Каврижкина племянникъ (родственникъ) Самойло Ярцовъ шелъ съ товаромъ Тишинымъ за море, и въ Бурсѣ (Бруссѣ) его не стало, а товару за нимъ было на полтретьятцать (15) тысячь денегъ, а тотъ *товаръ весь* зауморщики *поимали на Царя*, а Тишѣ Коврижкину тотъ товаръ не отдали.“

Впрочемъ зауморщина была какъ видно отмѣнена (не совсѣмъ, см. ниже) въ Турціи къ тому времени, когда писался этотъ списокъ, что можно заключить изъ слѣдующаго послѣдняго примѣра: „Да гость Великаго Князя Иванъ Весяковъ дорогой въ Кафѣ стоялъ на подворьѣ у селянина и разболѣлся; селянинъ выслалъ его въ Крымъ, а товаръ его остался у селянина на четыреста рублевъ, да на тридцать рублевъ на Московскую; и Иванъ дорогой въ Крымъ умеръ, и тотъ товаръ зауморщики у селянина взяли, *когда же Султанъ Баязетъ зауморщину отмѣнилъ*,— селянинъ билъ челомъ на зауморщиковъ Султану и Султанъ велѣлъ селянину тотъ товаръ отъ зауморщиковъ взять и нынѣ этотъ товаръ весь у селянина, а племянникомъ Ивановымъ и матери онъ его не отдаетъ“.

Въ отвѣтной грамотѣ отъ 1497 года, посланной съ Михаиломъ Плещеевымъ [1]), Султанъ оправдывается въ взводимыхъ на Турецкіе порядки обвиненіяхъ; приведши въ кратцѣ эти обвиненія, Султанская грамота такимъ образомъ провозглашаетъ правовыя нормы относительно зауморщины и права и порядка завѣщанія иностранныхъ купцовъ. — „*А здѣсь у насъ обычай таковъ:* Если какой Московскій гость заболѣетъ, то зауморщики, пришедши съ добрыми людьми, (понятыми) имущество его описавъ, запечатаютъ пока не выздровѣетъ; когда же выздровѣетъ, то они ему товаръ его отдаютъ; если-же умретъ, то зауморщики положатъ имущество его у добраго человѣка и хранятъ пока кто за тѣмъ товаромъ не пріѣдетъ.—А если кто заболѣетъ и у него не будетъ никого изъ своихъ и онъ захочетъ писать духовную заочно на чье либо имя, то Казый (Кади Судья) ему духов-

[1]) Собр. Госуд. Гр. и Дог. V. 34. (см. выше).

ную напишетъ; и если онъ умретъ, то его похоронятъ и изъ имущества его дадутъ на похороны, остатокъ же „живота" взявъ сохраняютъ пока не пріѣдетъ его приказчикъ (леготарій), и тогда даютъ наслѣднику половину имущества, а другую половину даютъ зауморщикамъ, *здѣсь у насъ пошлина* такова [1]), а выздровѣетъ больной, то самъ свое имущество возьметъ... А если твоего человѣка не станетъ въ живыхъ въ нашей землѣ гдѣ бы то ни было, а при немъ находится братъ его или племянникъ, то этотъ долженъ придти къ Казыю и объявить ему о родствѣ съ умершимъ, представивъ тому свидѣтелей и они „правду Божію дадутъ", чтобы онъ могъ взять имущество. А если кто долго болѣетъ, не выздаравливая и не умирая, то зауморщики приходятъ и, описавъ все его имущество, для того чтобы не потерялось, опечатываютъ его съ Казыемъ. А что сказываютъ тебѣ, будто если кто заболѣетъ въ нашей землѣ, то его изъ коморы выкинутъ вонъ, а умретъ берутъ—имущество въ мою пользу, *то это тебѣ лгутъ*. А если тотъ человѣкъ будетъ кому долженъ и тотъ заимодавецъ придетъ съ доказательствами, то Казый, по обыску его, отдастъ ему изъ имущества должника".

На сколько практика согласовалась съ этими справедливыми правилами, приближающимися вполнѣ къ современнымъ правовымъ нормамъ,—это мы видимъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ.

По всему вѣроятію, уже въ то время существовала рѣзкая противуположность между законами и намѣреніями Падишаха, и приведеніемъ этихъ законовъ въ дѣйствіе; въ 15-мъ столѣтіи Имперія Османовъ управлялась деспотами суровыми, дѣятельными, справедливыми, но, какъ во всякой Деспотіи, законъ и правда соблюдались лишь тамъ, гдѣ чувствовались око и рука Султана и попирались въ тѣхъ областяхъ Государственнаго управленія, куда не проникалъ взоръ Властелина или его Визиря.

Грамота Баязета опровергаетъ далѣе въ частности обви-

---

1) Значитъ зауморщина не была отмѣнена вполнѣ, а осталась въ видѣ особой пошлины (т. е. не отрицалось правонаслѣдіе).

ненія Русскихъ купцовъ: „Три человѣка ваши, говорится далѣе, Страхъ, Офанасъ и Ортемъ, (см. выше) гости умерли, имущества ихъ осталося много и имущество это зауморщики мои взяли; я же отнявъ его у нихъ, послалъ съ своимъ холопомъ Усейномъ Исаковымъ сыномъ дѣтямъ умершихъ и родственникамъ. А одного гостя Хурше (Гришу?) въ Кафѣ схватилъ кто-то и назвалъ его отца своимъ холопомъ; съ жалобами на этотъ поступокъ приходили ко мнѣ многіе торговцы и сказывали мы, что онъ не холопъ, и я „обысковъ гораздо“ сыну моему (Махметъ Шихзадѣ) приказалъ его отпустить и онъ его отпустилъ“. Наконецъ Баязетъ увѣдомляетъ о принятіи имъ мѣръ, чтобы не повторялись притѣсненія и обиды, чинимыя русскимъ купцамъ въ Азовѣ и Кафѣ: „А нынѣ коли твои люди придутъ къ нашему порогу съ правымъ сердцемъ въ Кафу и иныя земли, то у меня тамъ сынъ мой Мохаммедъ-Султанъ (Шихзада), и съ нимъ дядька его и я имъ приказалъ на крѣпко, чтобы если кто изъ твоихъ земель къ нимъ придетъ, если хотятъ купить товаръ, то давать цѣну правую безъ обиды, а за собой не оставлять ни чего; и ни на какое дѣло твоихъ людей не брать, ни камень носить, ни землю копать“.

Обѣщанія эти были приведены въ исполненія, судя по слѣдующей грамотѣ Менгли Гирея, пришедшей съ Крымскимъ посломъ Азикамеемъ и Кафинскими Салыемъ и Алакоземъ [1]): „нынѣ намъ Шихзада говорилъ, сообщалъ посолъ Гирея; между Султаномъ отцомъ моимъ и Великимъ княземъ условлено, что если въ ихъ землѣ умретъ чужой гость, то зауморщины не было-бы.

Въ Кафѣ умерли гости его: и мы, не учиня зауморщины имуществу ихъ, отослали все къ Великому Князю брату твоему, по приказу и повелѣнію моего отца. „Да еще слово наше то стоитъ“, прибавляетъ отъ себя Менгли-Гирей, шлю къ тебѣ нѣкоего Тереха, караваннаго проводника; съ нимъ пріѣхали въ мой городъ, который на Днѣпрѣ, гости и заболѣвъ нѣкоторые изъ нихъ умерли, и сколько у нихъ кунъ

[1]) Кр. Д. № 2 (см. выше).

было, я описавъ передалъ тому Тереху; послѣ того слышалъ я, что Терехъ тѣхъ кунъ наслѣдникамъ не отдаетъ и призвавъ его велѣлъ ему возвратить куны.—Нынѣ сего Тереха я посылаю съ Азихолеемъ. „Сему Тереху *бьдному*, силы бы не было (т. е. не показывай его)“. Мы видимъ, что въ глазахъ Крымскаго хана, зауморщина, даже въ пользу «primi occupantis», была дѣломъ обыденнымъ, и отступленіе отъ этого правила, признакомъ особенно-дружескаго, вѣжливаго отношенія между Государями.

Мы еще болѣе убѣждаемся въ этомъ, читая, въ какихъ выраженіяхъ ходатайствуетъ Гирей въ той же грамотѣ о взаимности со стороны Великаго Князя: „Кофинецъ, именемъ Богосъ, гость умеръ въ Москвѣ; нынѣ намъ Шохзада говорилъ: ...на бумагѣ написавъ, пошли сказать Великому Князю, брату своему: нашего человѣка Богоса куны чтобы отдали Богосовой матери и женѣ и двумъ дочерямъ (Въ ихъ мѣсто отпущенъ съ моимъ человѣкомъ съ Алокоземъ Армянинъ Бабекъ). „Великій Князь братъ твой свои рѣчи и свои слова инаковы бы не были“.—„И нынѣча меня, брата своего, въ соромотѣ не учинишь, того Богоса куны безъ убытка передъ моимъ человѣкомъ Азихолеемъ, да передъ Шихзадинымъ посломъ очима запечатавъ... велишь отдати. — На своемъ словѣ прямъ будешь ты: на семъ свѣтѣ доброе имя тебѣ будетъ“.

Между тѣмъ Іоаннъ уже раньше распорядился возвращеніемъ имущества Богоса: въ спискахъ посольства Александра Голохвастова (уѣхавшему за 6 мѣсяцевъ до прибытія Салыя съ Алокозеемъ) мы читаемъ: „А такова грамота послана за Олешей Голохвастовымъ на Мечу съ Козариномъ Голохвастовымъ:

„Отъ Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руси Олешѣ Голохвастову: былъ здѣсь Кафинецъ, именемъ Богосъ и умеръ въ Москвѣ. Я велѣлъ рухлядь его запечатавъ положить на храненіе. И если въ Кафѣ, и въ Царѣградѣ тебя спросятъ о Богасовой рухляди, то отвѣчай, что тотъ человѣкъ былъ въ Государя нашего землѣ и его не стало... и если у того человѣка найдутся въ Кафѣ дѣти, или род-

ственники, то Государь Вашъ разузнавъ по правдѣ пусть пришлетъ къ нашему Государю кого за той рухлядью, и Государь нашъ ту рухлядь велитъ ему отдать".

Подводя итоги этимъ устнымъ и письменнымъ переговорамъ относительно торговли и торговыхъ людей, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что въ первое же 10-лѣтіе сношеній Россіи съ Турціей выработалось между этими Государствами нѣчто въ родѣ торговаго трактата, основаннаго на одинаково понимаемыхъ принципахъ Международнаго права.

Торговля Русскихъ купцовъ на Востокѣ и Турецкихъ въ Москвѣ отличалась, вслѣдствіе естественныхъ и политическихъ причинъ времени признаками *караванной торговли*. Русскіе купцы пріѣзжали группами, селились отдѣльно и составляли нѣчто въ родѣ корпораціи среди чужеземнаго населенія.—Султанская грамота, приведенная выше, утверждаетъ за Русскими купцами права ограждающія ихъ имущества и личность, свободу отъ натуральныхъ повинностей и уничтоженіе зауморщины. Что касается послѣдней, то здѣсь излагаются правила весьма подробныя и обстоятельныя относительно порядка завѣщанія, храненія и выдачи оставшагося по смерти Русскихъ купцовъ имущества.

Одной лишь области не касается Султанская грамота,—порядка судопроизводства между Магометанскими и Русскими подданными; судъ этотъ по прежнему остается въ вѣденіи Кади и производится по шэріату, т. е. примѣняется нынѣ общепринятое правило, по которому иностранцы судятся по мѣстнымъ законамъ.

Тѣмъ не менѣе примѣненіе подобнаго правила въ Турціи не могло удовлетворять чувству справедливости. Примѣненіе Шэріата къ христіанамъ было обставлено такими условіями, которыя лишали судъ его главныхъ свойствъ и назначенія.—Мы знаемъ, что обстоятельство это повело въ послѣдствіи къ совершенно особымъ юридическимъ и торговымъ отношеніямъ Европейскихъ Государствъ къ Портѣ, отношеніямъ, нашедшимъ выраженіе въ Консульской юрисдикціи *).

*) Любопытно въ связи съ вышесказаннымъ припомнить самый тер-

Но въ концѣ 15 столѣтія и по отношенію къ торговлѣ караванной, правовыя обезпеченія, обѣщанныя Султаномъ должны были казаться достаточными.—Въ нихъ выражались во первыхъ не обычные въ то время на Востокѣ правовые принципы; во вторыхъ они потверждали дружественныя отношенія Порты къ Московскому княжеству, и дѣлали возможными и впредь дружелюбныя и правильныя сношенія между обоими Государствами.

Разборъ посольства Михаила Плещеева (и вообще первыхъ сношеній Москвы съ Портою) съ точки зрѣнія Международнаго правоваго содержанія ихъ, привелъ насъ къ тому же результату, что и историческое изслѣдованіе.

Сношенія Россіи съ Оттоманской Имперіей начались на почвѣ мирнаго и дружественнаго соглашенія относительно вопросовъ внутренней и внѣшней политики и долгое время сохраняли этотъ первоначальный характеръ.

Сравненіе этихъ сношеній съ одновременною политикой Порты, относительно западной Европы придаетъ еще болѣе рельефа начерченной въ разобранныхъ нами источникахъ картины; но въ тоже время сравненіе это наводитъ насъ и на другую мысль, затронутую уже нами и касающуюся теоріи Международнаго права вообще. Отношенія Порты къ западной Европѣ показываютъ, до какой степени незнаніе мѣстныхъ условій быта и правовыхъ возрѣній народа затрудняетъ всякое съ нимъ общеніе.

Турки внесли съ собою въ Европу элементы вполнѣ чуждой правовой, государственной и религіозной культуры; они очутились лицомъ къ лицу съ совершенно сложившимся, хотя и не развитымъ еще строемъ международнаго союза, встрѣтившаго ихъ рѣзкой и преднамѣренной враждой. И Османы должны были вступить въ борьбу съ этимъ чуждымъ имъ строемъ, борьбу долгую и губительно отозвавшуюся на всемъ Юго-востокѣ Европы.—Напротивъ того, однородныя воззрѣ-

---

минъ договоровъ узаконившихъ консульскую юрисдикцію. Договоры эти зовутся „Капитуляціями“, т. е. Европейскія Государства якобы *капитулировали* передъ Портой.

нія касательно многихъ сторонъ Государственной и общественной жизни сдѣлали возможнымъ сближеніе Порты и Московскаго Царства, между которыми уже одна религія должна была, казалось, воздвигнуть непреодолимую преграду.— Дѣло въ томъ, что Русскіе и Турки 15-го столѣтія относились другъ къ другу безъ предвзятыхъ мыслей и преднамѣренной вражды, стараясь сойдтись на почвѣ однородныхъ воззрѣній и стремленій.

Новѣйшее время, путемъ знанія внесшее столько усовершенствованій въ область внутренней и внѣшней политики, внесло въ нее и то убѣжденіе, что знаніе условій жизни народовъ и отреченіе отъ всякой предвзятой непріязни можетъ и должно исправить политическія системы, основанныя на ложныхъ или устарѣлыхъ понятіяхъ и создать новыя нормы мышленія и дѣйствія на мѣсто непригодныхъ и обветшалыхъ.—Надо надѣяться, что это убѣжденіе проникнетъ и въ область Восточной политики, гдѣ отсутствіе его порождало и порождаетъ еще столько зла, вражды и новыхъ заблужденій.

А. Неклюдовъ.

1880 г.

МОСКОВСКІЙ

ГЛАВНЫЙ АРХИВЪ

И ЕГО ПРЕЖНІЕ ПОСѢТИТЕЛИ.

Извѣстно, что до Петра Великаго, центральное управленіе Россійскимъ Государствомъ сосредоточено было въ Московскихъ Приказахъ, между которыми дѣла были распредѣлены далеко не такъ систематически, какъ впослѣдствіи между Коллегіями, а гораздо позже между Министерствами.

Приказы даже не были равноправны и первенство между ними принадлежало *Государственному* Посольскому Приказу, по важности и разнообразію дѣлъ, которыя ему поручено было *вѣдать* [1]).

---

[1]) Вотъ полный перечень Царскихъ Приказовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ: 1) Посольскій, 2) Приказъ Тайныхъ дѣлъ, 3) Разрядный, 4) Приказъ Большаго Дворца, 5) Стрѣлецкій, 6) Приказъ Казанскаго Дворца, 7) Сибирской, 8) Помѣстный, 9) Приказъ Большой Казны, 10) Пушкарской, 11) Приказъ Большой Приходъ, 12) Приказъ Царская Мастерская Палата, 13) Приказъ Царицына Мастерская Палата, 14) Рейтарской, 15) Иноземской, 16) Приказъ Новгородская Четверть, 17) Приказъ Устюжская Четверть, 18) Приказъ Костромская Четверть, 19) Приказъ Галичская Четверть, 20) Приказъ Новая Четверть, 21) Оружейной Приказъ, 22) Приказъ Золотаго и Серебрянаго Дѣла, 23) Аптекарской, 24) Монастырской, 25) Хлѣбной, 26) Ямской, 27) Каменнаго Дѣла Приказъ, 28) Челобитенной, 29) Приказъ Малые Россіи, 30) Приказъ Володимирской Судный, 31) Приказъ Московской Судный, 32) Печатный, 33) Приказъ Разбойныхъ Дѣлъ, 34) Панафидной, 35) Счетной, 36) Холопій, 37) Таможенной, 38) Приказъ сбора десятой деньги и 39) Сыскной Приказъ. Кромѣ этихъ, Патріархъ имѣлъ свои особые три Приказа, именно: 1) Разрядъ, 2) Судный, и 3) Казенный. Вообще, о Приказахъ см. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, соч. Григорія Котошихина“, СПБ. 1840 г. изд. Археогр. Коммиссіи (гл. VII, стр. 66 и слѣдующія) и «Описаніе Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636, 1639 г., составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ,—изд. въ русскомъ переводѣ П. Барсова, Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (гл. XIX стр. 288—290) въ 1870 г.. Въ статьяхъ А. Панова „о Московскихъ Приказахъ“ (см. *Моск. Вѣдом.* 1855 г. №№ 36, 79, 80, 81, 82) поименованы

Посольскій Приказъ былъ чѣмъ-то въ родѣ Вѣнской Staats und Hof-Kanzelei. Онъ не только велъ всѣ международныя сношенія, но распоряжался *обрядною частью* Царскаго Двора.

Это объясняется тѣмъ, что на Руси понятіе о Государѣ всегда нераздѣльно связано съ понятіемъ о Государствѣ. Такимъ образомъ, документы, относящіеся до священнаго Коронованія, до брачныхъ союзовъ Царской Фамиліи и до ея семейнаго быта, представляютъ интересъ *Государственный*.

Кромѣ того, многіе изъ этихъ актовъ, столь же знаменательныхъ *внутри*, какъ и *внѣ* Россіи, закрѣпляются *Государственною* печатью, хранителями которой всегда были оберегатели посольскихъ дѣлъ (въ XVII столѣтіи она называлась *воротною* потому, что носилась по вороту, на цѣпи —и *орловскою* отъ изображеннаго на ней орла) и которая перешла отъ нихъ къ Канцлерамъ, Вице-Канцлерамъ и Министрамъ Иностранныхъ Дѣлъ. И обязанности сановника, стоящаго во главѣ сего вѣдомства, не ограничиваются охраной международныхъ отношеній; онъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Комитетѣ и Совѣтѣ Министровъ, принимаетъ участіе въ дѣлахъ высшаго внутренняго управленія Имперіи и прикладываетъ Государственную печать не къ однимъ трактатамъ и брачнымъ договорамъ, но и къ Манифестамъ, къ грамотамъ, дипломамъ, патентамъ,—словомъ, ко всѣмъ актамъ исходящимъ отъ Верховной власти и потому имѣющимъ характеръ *Государственный*.

Въ доказательство неравноправности Приказовъ остается привести, что Посольскому Приказу въ разное время подчинено было нѣсколько другихъ Приказовъ, напр. *Малороссійскій*, когда съ Малороссіей только-что прекратились отношенія международныя, вслѣдствіе принятія ею подданства Россіи, *Аптекарскій* и иные. Врачи и аптекаря были иностранцы и сноситься имъ съ Правительствомъ возможно было

еще слѣдующіе Царскіе Приказы: Ловчій, Конюшенный, Сокольничій, Литовскій, Полоняничный, Смоленскій, Рязанскій Судный, Дмитровскій Судный, Великороссійскій, Лифляндскій, Казачій, Нѣмецкихъ кормовъ, Ствольный, Бронный, Казенный и Постельный, такъ что съ вышеномянутыми, число Московскихъ Приказовъ доходило до 55-ти.

только чрезъ Посольскій Приказъ, который одинъ имѣлъ толмачей. Пасторы и ксендзы были въ такомъ же положеніи и вотъ почему Посольскій Приказъ вѣдалъ всѣ дѣла иновѣрцевъ. Калмыки же и прочіе инородцы, подписывавшіе шертныя записи [2]), очевидно становились на одну степень съ Малороссіянами и поступали въ завѣдываніе Посольскаго Приказа

Всѣ Царскіе Приказы помѣщались въ Кремлѣ, въ двухъэтажныхъ каменныхъ зданіяхъ, которыя занимали мѣсто теперешняго плацъ-парада и всѣ вмѣстѣ назывались *казеннымъ дворомъ* [3]).

Когда резиденція перенесена была въ Петербургъ, то изъ оставшихся въ Москвѣ свитковъ, столбцевъ и дѣлъ Посольскаго и иныхъ Приказовъ образовался *первый въ Россіи Архивъ*, который, по справедливости, можно назвать *дѣдушкой* всѣхъ Русскихъ Архивовъ.

Тогда была мода на слово Контора и почти одновременно съ Сѵнодальною Конторою учреждены въ Москвѣ *Контора* и *Архивъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ*. Контора и Архивъ помѣщены были на Варваркѣ, на углу Рыбнаго переулка, насупротивъ Церкви Св. Максима Блаженнаго Исповѣдника, въ нанятомъ тогда домѣ упраздненнаго Ростовскаго подворья (впослѣдствіи замѣненнаго городскими рядами), на низменномъ мѣстѣ, не далеко отъ Москвы-рѣки; а привезенныя изъ Посольскаго Приказа дѣла, завернутыя въ рогожи, сваленныя въ баулы и сундуки, сложены были въ амбары и подвалы. Объ мостовой и нивеллировкѣ улицъ еще и помину не было. При такихъ условіяхъ, подвалы посѣщалъ весенній разливъ въ половодіе, а съ водою наплывали мыши и крысы. Это продолжалось цѣлое полстолѣтіе.

[2]) Знамена, подъ которыми инородцы приносили присягу подданства, долгое время хранились въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и были памятниками завершенія международныхъ отношеній къ симъ племенамъ. Эти знамена видѣлъ тамъ еще въ 1818 г. Императоръ Александръ I, (см. далѣе, *Посѣтительская книга*); но впослѣдствіи они были переданы въ Арсеналъ.

[3]) Почти тоже до сихъ поръ въ Константинополѣ. Тамъ, въ зданіи Высокой Порты, помѣщаются всѣ Министерства, кромѣ Военнаго (Сераскиріата).

Тамъ-же кое-какъ помѣщалась библіотека, которую Петръ Великій основалъ при Посольскомъ Приказѣ, предписавъ доставлять туда по одному экземпляру каждаго печатаемаго въ Россіи изданія,—и которая продолжала обогащаться книгами, конфискованными у опальныхъ и ссылаемыхъ въ Сибирь вельможъ.[4])

Императрица Екатерина II, ознакомившись по наслышкѣ съ сокровищами сего Архива, которымъ въ началѣ ея Царствованія завѣдывалъ Сенаторъ и Членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Сабакинъ, потребовала къ себѣ на прочтеніе нѣкоторые документы и, желая имѣть Исторію Россіи, признала этотъ Архивъ за настоящую руду драгоцѣннѣйшихъ въ семъ отношеніи матеріаловъ.

Поручивъ Академику-Исторіографу Миллеру управленіе этимъ хранилищемъ, переименованнымъ тогда въ *Московскій Государственной Коллегіи Архивъ*, мудрая Монархиня приказала ему пріискать приличное для этого учрежденія помѣщеніе.

Въ 1770 году Архивъ перевезенъ былъ въ купленный за изумительно (теперь) дешевую цѣну 11.000 рублей, у Князя Голицына домъ, на Солянкѣ, возлѣ Ивановскаго Монастыря, гдѣ и находился до 1874 года, т. е. слишкомъ столѣтіе.[5])

Улучшенія, совершившіяся при Миллерѣ, были для того времени, чрезвычайно значительны: на возвышенномъ мѣстѣ

---

[4]) Послѣ смерти Исторіографа Г. Ф. Миллера, Екатерина II купила всю его библіотеку и подарила ее Архиву. Въ его же пользу завѣщали свои библіотеки управлявшіе Архивомъ Бантышъ-Каменскій, Малиновскій и Кн. М. А. Оболенскій. См. Обозрѣніе *Библіотеки Моск. Гл. Архива М. И. Д.*, составл. И. Ѳ. Токмаковымъ, Москва, 1879.

[5]) На Голицынскомъ дворѣ было 4 каменныхъ двухъэтажныхъ дома,—2 большихъ и 2 малыхъ. Мѣстность эта, принадлежавшая нѣкогда Дьяку и Посланнику Петра Великаго въ Константинополѣ Украинцеву, пожалована была Петромъ II Фельдмаршалу Князю М. М. Голицыну и продана его сыномъ, Генералъ-Аншефомъ Кн. Александромъ Михайловичемъ, впослѣдствіи также бывшимъ Фельдмаршаломъ. (Дѣло № 76 о покупкѣ сего дома по Именному Указу 17 Ноябр. 1768 г., и ч. I-я Рос. Родосл. книги, Спб., 1855, стр. 286—289).

и въ комнатахъ со сводами, съ чугунными и каменными полами, съ оконными рѣшетками и желѣзными ставнями, Государственные акты, грамоты, свитки и хартіи *размѣщены были въ шкафахъ* и поставлены въ совершенную безопасность отъ воды, отъ огня, отъ крысъ и мышей [6]).

Правильное и наглядное размѣщеніе позволило приступить къ составленію систематическихъ каталоговъ на основаніи сохранившихся съ 1614 года, *переписныхъ книгъ* (описей) Посольскаго Приказа. Это существенно важное дѣло, послѣ Миллера, продолжали преемники его: Бантышъ-Каменскій и Малиновскій.

Но, нижній этажъ Архивскаго зданія, не имѣвшій печей и который еще въ 1818 году посѣщали не только въ Іюнѣ, но даже въ Апрѣлѣ и Мартѣ мѣсяцахъ, Высочайшія особы, до того отсырѣлъ отъ проникавшей въ него въ продолженіи слишкомъ ста лѣтъ стужи, ушелъ въ землю и сдѣлался теменъ, отъ рѣшетокъ, которыми заграждены были небольшія окна, что розысканіе въ немъ запыленыхъ дѣлъ, сопряженное съ большою потерею времени, далеко не было безопасно для здоровья Архивскихъ тружениковъ. Вообще, все зданіе пришло въ крайнюю ветхость.

Вотъ почему для этого драгоцѣннаго Архива, переименованнаго со времени образованія Министерствъ изъ прежнихъ Коллегій, въ *Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (другой Главный Архивъ находится въ С.-Петербургѣ, подъ начальствомъ одного Директора съ Государственнымъ Архивомъ), пожаловано было отъ щедротъ Монаршихъ новое помѣщеніе, въ самомъ центрѣ Москвы, на углу Моховой и Воздвиженки, въ обширномъ зданіи бывшаго Горнаго Правленія.

Здѣсь оба этажа Архива отапливаются; здѣсь просторно, свѣтло и тепло; тутъ наконецъ устроены особыя читальни для ученыхъ, занимающихся историческими изслѣдованіями. Эти улучшенія достойнымъ образомъ довершаютъ тѣ, которыя начаты были при Екатеринѣ II.

---

[6]) Такъ, здѣсь уже не нужны были кошки, которыя въ XVIII столѣтіи положены были *по штату* во Французскомъ Королевскомъ Архивѣ.

Между тѣмъ, при собираніи свѣдѣній о прежнихъ судьбахъ Архива, въ старомъ его помѣщеніи, весьма любопытный матеріалъ представляетъ заведенная тамъ съ 1780 года *Посѣтительская Книга*.

Въ нее вписаны драгоцѣнныя для Россіи имена Императоровъ Александра и Николая Павловичей, и Александра Николаевича, Императрицъ Маріи Ѳедоровны и Елисаветы Алексѣевны, Великихъ Княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны и Принца Петра Георгіевича Ольденбурскаго.

Посѣщенія ихъ описаны болѣе или менѣе подробно, отчетливо, интересно, точно также, какъ посѣщенія Императора Іосифа II, (о которомъ даже немногіе знаютъ, что онъ въ 1780 году былъ въ Москвѣ), Короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III и разныхъ иностранныхъ Принцевъ, въ томъ числѣ и несчастнаго Хозеревъ-Мирзы, который, послѣ этого, долго еще жилъ съ выколотыми глазами.

Тамъ же вписано, что съ 1803 по 1805 г. постоянно занимался въ Архивѣ Н. М. Карамзинъ, что изъ Архивныхъ дѣлъ составляли выписки: Графъ С. П. Румянцевъ, по случаю назначенія его Посланникомъ въ Берлинъ, и В. М. Рихтеръ, при составленіи своей *Исторіи Медицины въ Россіи*; тамъ же находимъ незабвенныя имена Канцлеровъ, Полководцевъ, Митрополитовъ: Евгенія и Филарета, Графовъ Каподистрія, Киселева и Уварова, Московскихъ Главнокомандовавшихъ: Графа З. Г. Чернышева, Графа Тормасова и Князя Д. В. Голицына; Д. П. Бутурлина, В. А. Жуковскаго, извѣстнаго ксилолога Барона Шиллинга фонъ-Канштадтъ, Бестужева, Александра Гумбольта и Князя Бисмарка.

Послѣ его посѣщенія, ничье имя не было вписано, такъ какъ въ томъ же 1859 году, 31 Августа, въ отсутствіи Директора Архива, Гофмейстера Князя М. А. Оболенскаго, Архивъ удостоился посѣщенія покойнаго Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича, въ сопровожденіи Генералъ-Адъютанта Графа С. Г. Строганова и объ этомъ не было состав-

лено протокола [7]). Но и прежде этого прискорбнаго упущенія, *Посѣтительская Книга* до того была забыта въ Архивѣ, что въ нее даже не было вписано посѣщеніе, которымъ его почтилъ въ 1856 г. (во время Коронаціи Императора Александра II) Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Князь А. М. Горчаковъ [8]).

Замѣтимъ еще, что одна изъ Фрейлинъ, вписавшихъ свое имя въ Посѣтительскую Книгу Архива, при посѣщеніи онаго въ 1818 г. Императрицею Маріею Ѳедоровной, именно: Софья Юрьевна Нелединская-Мелецкая, дочь замѣчательнаго Государственнаго дѣятеля и редактора нѣсколькихъ Манифестовъ, впослѣдствіи вышедшая за Шталмейстера Самарина, еще недавно принадлежала къ числу Московскихъ старожилъ.

Между другими дамскими именами, заслуживаетъ вниманія Княгиня Зинаида Александровна Волконская, рожденная Княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская, извѣстная своимъ поэтическимъ талантомъ и познаніями въ отечественной Исторіи.

Это Предисловіе къ печатаемымъ вслѣдъ за симъ выдержкамъ изъ *Посѣтительской Книги Архива* было бы не полно, если пройти молчаніемъ, что Императоръ Николай Павловичъ, интересовавшійся сбереженіемъ Государственныхъ актовъ и преобразовавшій въ 1834 году *второй* Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ *Государственный* (оставшійся въ зданіи сего Министерства съ спеціальною цѣлію храненія въ немъ актовъ Правительственныхъ и имѣющихъ отношеніе къ Царской Фамиліи), учредилъ въ 1853 году въ Москвѣ, такой же Архивъ, подъ именемъ *Государственнаго* же „Древлехранилища“, куда выдѣлены были изъ Московскаго Главнаго Архива акты *Государственные* и органическіе и также дѣла, касающіяся быта семействъ Царскихъ и Велико-Княжескихъ. Но, вслѣдствіе ветхости, сырости, тѣсноты и отдаленности Архивскаго зданія отъ центра города, всѣ эти письменные памятники помѣщены были въ Кремлѣ.

[7]) Ср. во 2-й ч. *Русск. Архива* 1882 г. въ Примѣчаніи 67-мъ къ письмамъ Кн. Оболенскаго В. А. Полѣнову.

[8]) См. Примѣчаніе 9-ое къ тѣмъ-же письмамъ.

Тамъ 30 лѣтъ находились старѣйшія Россійскія грамоты 1265 года, которыми Императоръ Іосифъ II любовался въ Архивѣ, равно какъ трактаты съ Великимъ Новгородомъ, Царскія письма и весьма важный органическій актъ: Соборная Грамота объ избраніи на Царство главы Царствующей въ Имперіи Династіи, Михаила Ѳедоровича Романова-Юрьева, которые показываемы были въ Архивѣ Императору Александру Павловичу, его Августѣйшимъ Супругѣ и Матери. Въ Древлехранильнищѣ помѣщены были упоминаемыя въ томъ же протоколѣ *Государственныя* книги въ лицахъ (съ миніатюрными изображеніями) вѣнчанія на Царство нѣсколькихъ Государей и, наконецъ, такой законодательный актъ, половина котораго перешла въ Сводъ Законовъ и потому до сихъ поръ состоитъ въ дѣйствіи, именно подлинное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича.

Въ совокупности, эти акты, вмѣстѣ съ самымъ старинымъ спискомъ *Русской Правды* и съ обоими *Судебниками*, составляютъ *Государственный* Архивъ *Царства* Московскаго или до-Петровской Россіи, и потому *Государственное* Древлехранилище, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержденному 5 Апрѣля 1853 года Положенію его (соотвѣтственному программѣ Государственнаго Архива), ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію 22 Сент. 1856 г. и Высочайше утвержденному 22 Мая 1868 г. Уставу Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, находится въ непосредственномъ завѣдываніи Директора Московскаго Главнаго Архива сего Министерства съ правомъ распредѣлять занятія въ Древлехранилищѣ между его подчиненными по Архиву, подобно тому, какъ и въ С.-Петербургѣ, одинъ Директоръ управляетъ *Государственнымъ* и мѣстнымъ Главнымъ Архивомъ.

22-го Октября прошлаго 1882 г., по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретаря Николая Карловича Гирса, состоялось ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе перенести Государственное Древлехранилище изъ комнатъ Теремнаго Дворца въ Архивъ, — что и приведено въ исполненіе 6-го Ноября того же года.

Январь, 1883 г. **Баронъ Ѳ. Бюлеръ.**

ПАМЯТНАЯ КНИГА

о

ПОСѢЩАВШИХЪ

МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

АРХИВЪ

знаменитыхъ особахъ и иностранныхъ путешественникахъ.

1780 года.

РИМСКІЙ ИМПЕРАТОРЪ И КОРОЛЬ ГЕРМАНСКІЙ [9]) ІОСИФЪ II ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ГРАФА ФАЛКЕНШТЕЙНА ПУТЕШЕСТВОВАВШІЙ.

1780-го іюня 9-го, по утру въ началѣ одинадцатаго часа, графъ Фалкенштейнъ съ пятью персонами, въ числѣ которыхъ находился и Цесарскій при Россійскомъ Дворѣ Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Графъ Кобенцель, прибылъ въ Архивскій домъ и принятъ въ Трактатной палатѣ. Предварительно представленъ былъ Ему на разсмотрѣніе подлинный 1514 года договоръ Цесаря Максиміліана съ Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ; также подлинныя отъ Французскихъ Королей и другихъ державъ грамоты съ императорскимъ титуломъ, который издавна восписуемъ былъ Самодержцамъ Всероссійскимъ. Снабженъ будучи отъ Самой Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны разными о хранившихся въ Архивѣ дѣлахъ свѣдѣніями, Онъ потребовалъ, чтобъ прежде всего показаны были Ему старѣйшія Россійскія грамоты для разсмотрѣнія почерка.—Особенное вниманіе Его обращено было на Новгородскія и Великихъ Князей грамоты и на приложенныя къ онымъ печати.—Потомъ изъявилъ Онъ желаніе видѣть Индѣйскую грамоту и договоры, съ Китайскою имперіею заключенные. Пришедъ въ нижнія палаты, гдѣ хранится министерская корреспонденція, Онъ Самъ прочитывалъ на каждомъ шкафѣ россійскія надписи.—Остановясь у Цесарскихъ дѣлъ, осмотрѣлъ количество оныхъ и навѣдался, съ котораго времени началась постоянная переписка съ Главою Имперіи.—У шкафа съ Калмыцкими дѣлами полюбопыт-

[9]) Это, очевидно, ошибка. Слѣдовало написать: *Германо*-Римскій Императоръ и Король *Богемскій*.

ствовалъ видѣть, какое у Калмыковъ письмо, на Турецкое, или на Китайское болѣе походитъ? Въ продолженіе всего времени Графъ Фалкенштейнъ вопрошалъ управляющаго Архивомъ г. Миллера о разныхъ предметахъ, касающихся до Россійской Исторіи и о расположеніи Архивскихъ дѣлъ. Послѣ чего, поблагодаря за удовольствованіе любопытства Его, Онъ поспѣшилъ, около 12 часовъ, отправиться изъ Архива въ Московскій Университетъ, гдѣ Его ожидали. [10])

1783.

Іюня 6-го посѣтилъ Архивъ Главнокомандующій надъ Московскою Губерніею Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ.

Іюля 28-го былъ Португальскій Полномочный Министръ Горта Машадо.

Октября 6-го путешественникъ, Австрійскій Каммергеръ Маркизъ Висконти Арценати.

1784.

Августа 9-го пріѣзжалъ въ Архивъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Графъ Ѳедоръ Андреевичъ Остерманъ.

1785.

Октября 23-го. По случаю отправленія въ Берлинъ Дѣйствительнаго Каммергера Графа Сергѣя Петровича Румянцова Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ, Высочайше повелѣно было снабдить его достаточными свѣдѣніями о прежней Министерской корреспонденціи Бранденбургскаго Двора; вслѣдствіе чего Графъ Румянцовъ, обозрѣвъ Архивъ, занимался въ ономъ нѣсколько дней потребными для него выписками.

Ноября 11-го посѣтилъ Архивъ Графъ Ангальтъ, Генералъ-Поручикъ, Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса Главный Директоръ [11]).

---

[10]) Въ 1789 году, Іосифъ II снова былъ въ Россіи и опять подъ именемъ Графа Фалькенштейна. Онъ, между прочимъ, ѣздилъ 20 августа изъ С.-Петербурга въ Павловское, гдѣ былъ принятъ Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и Великою Княгинею Маріею Ѳедоровною. (Ср. „Павловскъ, очеркъ исторіи и описаніе“. СПб. 1877 г. стр. 70 и 71).

[11]) Памятный своими отеческими попеченіями о кадетахъ, которыхъ называлъ *будущими Фельдмаршалами*.

1786.

Іюля 11-го былъ въ Архивѣ путешественникъ Англичанинъ Волсеръ.

Сентября 1-го пріѣзжали для смотрѣнія древнихъ Актовъ путешественники Англичане: Кавалеръ Синклеръ и Полковникъ Ворстлей.

1787.

Мая 22-го былъ въ Архивѣ путешественникъ, Гишпанскій Полковникъ графъ Миранда.

Августа 9-го посѣтилъ Архивъ Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

1789.

Февраля 5-го были въ Архивѣ путешественники Гишпанцы: Кавалеръ Парада и инженерный Капитанъ Пуле.

1797.

Апрѣля 13-го обозрѣвалъ Архивъ Вице-Канцлеръ Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

1802.

Сентября 27-го посѣтилъ Архивъ Принцъ Вильгельмъ Генрихъ, Герцогъ Глочестерскій, подъ именемъ Графа Конаутъ путешествовавшій.

1803.

Марта 13-го были въ Архивѣ путешественники: американецъ Шмитъ и Графъ Минстеръ. [12])

1804.

Марта 1-го Канцлеръ Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, обозрѣвъ Архивъ, исходатайствовалъ начальникамъ онаго Высочайшее благоволеніе отъ Государя Императора за найденное имъ благоустройство и за усердіе ихъ къ службѣ. Тогдажъ подарилъ онъ и свой портретъ для помѣщенія съ прочими Канцлерскими въ Архивѣ портретами.

---

[12]) Впослѣдствіи Ганноверскій Посланникъ въ С.-Петербургѣ и на Вѣнскомъ Конгрессѣ; сынъ его нынѣ Германскій Посолъ въ Лондонѣ.

1805.

Іюня 14-го былъ въ Архивѣ отправленный въ Китай полномочнымъ посломъ, Графъ Юрій Александровичъ Головкинъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, въ званіи Россійскаго Исторіографа, пользуясь съ 1803 года правомъ заимствовать матеріалы для Исторіи Государства Россійскаго изъ Архива, многократно посѣщалъ оный.

1806.

Января 19-го посѣтили Архивъ англійскіе путешественники Лорды Торнтонъ и Геберъ.

1811.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Вильгельмъ Михаиловичъ Рихтеръ, получивъ дозволеніе для сочиняемой имъ Исторіи Медицыны въ Россіи пользоваться архивскими документами, многократно занимался тѣмъ въ Архивѣ.

1813.

Сентября 23-го осматривалъ Архивъ Калужскій Епископъ Евгеній. [13])

1816.

Августа 21-го обозрѣвалъ Архивъ Тайный Совѣтникъ Графъ Иванъ Антоновичъ Капо д'Истріа.

1817.

Мая 16-го посѣтилъ Архивъ Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ.

Сентября 29-го обозрѣвалъ Архивъ Управляющій Государственною Коллегіею Иностранныхъ дѣлъ, Тайный Совѣтникъ Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде. [14])

1818.

Января 16-го пріѣзжалъ въ Архивъ для обозрѣнія древнихъ

---

[13]) По фамиліи Болховитиновъ; назначенъ былъ въ Калугу въ Іюлѣ 1813 года со Старо-Руской каѳедры, а съ 1822 г. былъ Митрополитомъ Кіевскимъ. (См. Словарь достопам. людей, ч. II, Спб. 1847 г., стр. 35).

[14]) По свидѣтельству А. П. Бутенева, (см. его *воспоминанія*, въ „Русск. Архивѣ 1883 г. т. I, стр. 11-я, Гр. Нессельродъ еще въ 1812 году былъ пожалованъ въ Статсъ-Секретари. Впослѣдствіи, онъ носилъ званія,—сперва Вице-Канцлера, потомъ (съ начала 1840-хъ годовъ), Государственнаго Канцлера Иностранныхъ Дѣлъ.

дипломатическихъ актовъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ.

Февраля 6-го былъ въ Архивѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Шторхъ.

Февраля 14-го былъ въ Архивѣ Гофмаршалъ Кирило Александровичъ Нарышкинъ и извѣстный Россійскій стихотворецъ Василій Андреевичъ Жуковскій.

Февраля 25-го посѣтилъ Архивъ Французскій Посолъ Графъ де Ноаль.

Марта 1-го пріѣзжалъ въ Архивъ бывшій въ Россійской службѣ Голландецъ Полковникъ Баронъ Діестъ.

Марта 4-го приглашенъ былъ въ Архивъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Негри и, по знанію восточныхъ языковъ, занимался болѣе разсматриваніемъ Азіятскихъ трактатовъ.

1818.

Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивъ 1818 года, Марта въ 6-й день, удостоенъ Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Марта 22 1818 г.

Ея Императорское Величество на память вторичнаго присутствія Своего въ Архивѣ удостоили собственноручно начертать здѣсь сіи слова: Марта 22-го 1818.

При первомъ посѣщеніи, Марта въ 6-й день, угодно было Государынѣ Императрицѣ заняться древними отечественными хартіями, которыя обозрѣваемы были въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-е, прежде всего представлены были договоры Новгорода съ Удѣльными Князьями Тверскими. 2-е, За симъ предложены Духовныя грамоты Великихъ Князей Московскихъ. 3-е Подлинное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія.[13]) 4-е Оригинальные Акты двухъ Лжедимитріевъ и жены ихъ обоихъ Марины Сендомирской. 5-е Утвержденная Грамота о избраніи на Всероссійскій Престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоро-

[13]) Дѣло это впослѣдствіи взято В. А. Полѣновымъ въ Государственный Архивъ. (Ср. *Сборникъ Моск. Гл. Архива М. И. Д.*, вып. 1-й, М. 1880 г. стр. 54).

вича Романова—Юрьева. 6-е, Книга въ лицахъ, тоже самое избраніе Царское изобразующая, съ другими Государственными книгами, въ которыхъ находятся портреты Царей и прежній свадебный обрядъ ихъ, и 7-е, Царскія письма. При чтеніи всѣхъ сихъ актовъ свѣдѣнія Императрицы въ Россійской Исторіи и проницательность Ея неоднократно поясняли темноту старинныхъ выраженій. Ея Императорское Величество, пріѣхавъ въ двѣнадцатомъ часу утра, изволила° заниматься Архивскими хартіями до исходу втораго по полудни.

Прибывъ 22 марта, въ половинѣ двѣнадцатаго часа, Ея Императорское Величество, при семъ вторичномъ посѣщеніи Архива, обратила вниманіе на внѣшнія сношенія Государей Царей съ Европейскими и Азіятскими Державами; а именно: на Англійскія и Французскія грамоты; на союзные и мирные договоры съ Цесаремъ и съ Королями Прусскимъ и Шведскимъ; съ Китайскимъ Богдыханомъ, Персидскимъ Шахомъ и Султаномъ Турецкимъ. Между прочимъ перепискою Англійской Королевы Елисаветы съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, а Французскаго Короля Лудовика XIII съ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и собственноручными проэктами знаменитаго Лейбница, представленными Императору Петру Великому, особенно заняться изволила.—Также любопытно было для Государыни Императрицы видѣть планъ Санктпетербурга, снятый въ 1725 году. [16]) Послѣ сего, осмотрѣла Библіотеку и нѣкоторыя любопытнѣйшія въ оной рукописи, равномѣрно и обширное хранилище въ нижнемъ этажѣ Министерскихъ бумагъ удостоено было Высочайшаго обозрѣнія и подробнѣйшихъ вопрошеній о храненіи и расположеніи оныхъ.—Осчастлививъ чиновниковъ Архива Всемилостивѣйшими отзывами, Ея Императорское Величество изволила отбыть въ половинѣ третьяго часа.

При Государынѣ Императрицѣ находились двѣ Фрейлины: Екатерина Петровна Валуева и княжна Варвара Михаиловна Волконская; Гофмаршалъ Кирилъ Александровичь Нарышкинъ, Секретарь Николай Михайловичь Лонгиновъ и Гвардіи Порутчица Елизавета Максимовна Раславлева, бывшая Ея Величества Фрейлина.

---

[16]) Подлинникъ поднесенъ Графомъ Нессельроде Императору Николаю Павловичу въ 1826 г. Въ Архивѣ остались двѣ копіи. (Ср. *Реестръ геогр. атл. Библіотеки М. Гл. Архива*, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ, Спб. 1877, стр. 45, № 33).

1818.

Апрѣль.

Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Архивъ 1818 года Апрѣля въ 1 й день удостоенъ Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Прибытіе Ея Императорскаго Величества воспослѣдовало въ три четверти одинадцатаго часа прямо въ нижнія комнаты, гдѣ хранятся Министерскія дѣла. При взглядѣ на внутренній распорядокъ оныхъ Государыня Императрица изволила любопытствовать о почеркѣ стариннаго письма и о употребленіи при прежнемъ письмоводствѣ столпцевъ, или бумажныхъ свертковъ, чему тутъ же представлены были образцы.—Въ присутственной камерѣ, гдѣ приготовлены были памятники Россійской древности, Государыня Императрица начала обозрѣніе съ Новгородскихъ хартій и весь первый договоръ Великаго Князя Ярослава съ Великимъ Новгородомъ, въ 1265 году писанный, Сама изволила прочесть по оригиналу.

Нравственность, отличающая Духовныя Великихъ Князей Московскихъ Грамоты, въ которыхъ завѣщали они повиновеніе отъ младшихъ къ старшему, уваженіе къ матерямъ, родственную любовь и семейственное согласіе, обратила особенное вниманіе счастливѣйшей Царицы—Матери; любовалась и чадолюбивымъ попеченіемъ Государей Царей о дѣтяхъ своихъ, въ письмахъ къ Царицамъ изъявленнымъ.—Въ самой простотѣ ихъ выраженій находила Она достоинство.—Послѣ сего изволила разсматривать слѣдственное дѣло о убіеніи въ Угличѣ Царевича Димитрія, [17]) подлинныя письма двухъ Лжедимитріевъ, Грамоту о избраніи Царемъ всей Россіи Михаила Ѳеодоровича и всѣ Государственныя книги въ лицахъ. Каждый изъ сихъ разнообразныхъ предметовъ подавалъ Ей поводъ къ проницательнымъ заключеніямъ.—Въ третьемъ уже часу Ея Императорское Величество изволила выѣхать изъ Архива, удостоивъ чиновниковъ онаго Всемилостивѣйшаго ободренія и подавъ надежду осчастливить сіе хранилище историческихъ актовъ вторично Высочайшимъ Своимъ посѣщеніемъ. [18])

[17]) См. примѣчаніе 15-е.

[18]) Для Императрицы Александры Ѳедоровны, посѣтившей въ первый разъ Москву въ 1818 году, была составлена М. Н. Карамзинымъ *записка*

При Государынѣ Императрицѣ находились: Камерфрейлина Екатерина Ивановна Нелидова и Фрейлины: Александра Гавриловна Дивова и Софья Юрьевна Нелединская.

1818.

Маія 6 пріѣзжалъ въ Архивъ Оберъ-Церемоніймейстеръ Тайный Совѣтникъ Иванъ Александровичь Нарышкинъ.

Маія 11-го былъ въ Архивѣ Генералъ Лейтенантъ Баронъ Григорій Владиміровичь Розенъ 1.

Маія 21-го посѣтилъ Архивъ Его Сіятельство Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Александръ Петровичь Тормасовъ. (собственноручно) былъ 21 Апрѣля 1818 года Графъ Тормасовъ. [19])

Маія 27-го пріѣзжали въ Архивъ и занимались разсматриваніемъ древнихъ актовъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Фроловъ-Багреевъ, Его Императорскаго Величества Флигель-Адъютантъ Князь Александръ Яковлевичь Лобановъ-Ростовскій и Графъ Потемкинъ.

Іюня въ 8-й день Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивъ удостоенъ былъ незабвеннаго счастія: Государь Императоръ Александръ Павловичь съ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, съ Наслѣднымъ Принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, съ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ и съ Мекленбургъ-Стрелицкимъ Принцемъ Карломъ

Въ сопровожденіи многочисленной свиты Императорской и Королевской, въ 9 часовъ утра прибыли въ Архивъ и болѣе часу изволили заняться разсматриваніемъ любопытнѣйшихъ актовъ, сперва Россійскаго Государства, а потомъ и внѣшними сношеніями онаго съ нѣкоторыми Европейскими и Азіятскими Дворами. Все сіе представляемо было

о Московскихъ достопамятностяхъ, гдѣ упоминалось и объ Архивѣ Коллегіи Иностр. Дѣлъ (См. собраніе его сочиненій, изд. Смирдина, Спб. 1848 г). Въ 1867 году, по случаю первой поѣздки Цесаревны (нынѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны въ Москву, Баронъ А. Г. Жомини перевелъ эту записку на Французскій языкъ.

19) Графъ Тормасовъ былъ Ген.-Губернаторомъ послѣ Гр. Ростопчина и до Кн. Д. В. Голицына; скончался въ 1818 г. отъ послѣдствій операцій; женатъ былъ на Баронессѣ Гейкингъ и имѣлъ сына, который умеръ холостымъ въ С.-Петербургѣ.

отъ Управляющаго Архивомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Договоры Великаго Новгорода съ Удѣльными Князьями Тверскими; 2. Духовныя грамоты Великихъ Князей Московскихъ; 3. Слѣдственное дѣло о убіеніи Царевича Димитрія Іоанновича; 4. Подлинные акты обоихъ Лжедимитріевъ; 5. Утвержденная Грамота о избраніи на Всероссійскій Престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича; 6. Книга въ лицахъ, тоже избраніе Царское изображающая; 7. Подлинныя письма Императора Петра Великаго; 8. Оригинальный договоръ Великаго Князя Василія Іоанновича съ Цесаремъ Максимиліаномъ 1514 года; 9. Древніе договоры Россійскихъ Государей съ Курфирстами Бранденбургскими, и 10. Договоръ съ Китайскимъ Богдыханомъ, 1689 года въ Нерчинскѣ заключенный. [20]) Послѣ сего Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ Графъ Нессельроде, указавъ Государю Императору на разложенные особо 79 реэстровъ Архивскимъ дѣламъ Европейской и Азіятской Экспедицій, доложилъ, что въ доказательство порядка, въ какомъ содержатся всѣ бумаги въ Архивѣ, можно по взятому которому либо изъ сихъ реэстру и на удачу развернутому, потребовать дѣло, и прежде пяти минутъ получить оное.—Тогда Его Императорское Величество изволилъ спросить Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Малиновскаго: *Etes-vous sûr*? По донесеніи утвердительномъ, Императоръ предложилъ Королю взять одинъ изъ сихъ реэстровъ по произволенію.—Его Королевское Величество случайно вынулъ реэстръ подъ № 11, Дѣламъ Италіанскихъ Владѣтелей; а Его Императорское Величество раскрывъ оный, изволилъ приказать, чтобы поданъ былъ отпускъ *Грамоты 1741 года Ноября 28 отъ Императрицы Елисаветы Петровны къ Республикѣ Венеціянской, увѣдомительной о возшествіи своемъ на Престолъ*, которая чрезъ пять минутъ и поднесена была.... Государь Императоръ изволилъ сказать Королю: *C'est cela*, и прочелъ оную съ начала до конца.—Изъ присутственной камеры Высочайшіе посѣтители изволили перейти въ другую комнату, Коммисіею печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ называемую.—Тамъ поднесено было Ихъ Величествамъ отъ имени Государственнаго Канцлера Графа Румянцова по экземпляру отпечатан-

[20]) Договоры, заключенные съ Китаемъ въ Нерчинскѣ, а также въ Буринскѣ въ 1727 и въ 1792 г., по требованію Гр. Нессельрода отправлены въ 1849 г. въ Азіятскій Департаментъ.

ной первой части Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Государь Императоръ повелѣлъ принять оные г-ну Тайному Совѣтнику Графу Нессельроде, и сверхъ того отправить въ Берлинъ еще пять экземпляровъ для Королевской Дипломатической Канцеляріи.— Изъ верхнихъ комнатъ слѣдовали Ихъ Величества въ Трактатную Палату, гдѣ Королю представлена была на Латинскомъ языкѣ рукописная книга о родословіи Россійскихъ Великихъ Князей и Царей и родствѣ ихъ по брачнымъ союзамъ съ осмью Европейскими Державами, сочиненная въ 1673 году Цесарскимъ Герольдмейстеромъ Курелачемъ, и другія Государственныя книги; а Его Императорское Величество между тѣмъ изволилъ заниматься разсматриваніемъ представленныхъ тутъ трехъ старинныхъ знаменъ.—Оттуда Государь Императоръ и Король пошли въ нижнія палаты, гдѣ хранятся всѣ давнія Посольскаго Приказа и Министерскія минувшаго столѣтія дѣла.—Ихъ Величества изволили тамъ удостоить вниманія порядокъ, въ какомъ расположены сіи бумаги и любопытствовать о употребленіи при прежнемъ письмоводствѣ столпцевъ.

Въ заключеніе сего, показана была Его Королевскому Величеству первая книга Прусскихъ Посольствъ, съ 1516 по 1520 годъ, заключающая въ себѣ взаимныя Посольства Великаго Князя Василія Іоанновича съ Прусскимъ Великимъ Магистромъ Албрехтомъ. Порфироносные посѣтители изволили отправиться изъ Архива въ десять часовъ съ четвертью, для осмотра Коммисаріатскаго Депо, удостоивъ изъявить Управляющему Архивомъ и Чиновникамъ онаго Высочайшее благоволеніе. [21])

Въ свитѣ Его Императорскаго Величества находились Генералъ Адъютанты: Князь Волконскій, Князь Меншиковъ, Графъ Комаровскій, Графъ Потоцкій, Графъ Орловъ-Денисовъ и Киселевъ; Полковникъ Шепингъ, Флигель-Адъютанты Лобановъ, Бутурлинъ 1-й, Бутурлинъ 2-й.

При Его Королевскомъ Величествѣ были: Генералъ-Полковникъ

---

[21]) См. также объ этомъ Высочайшемъ посѣщеніи въ письмахъ служившаго въ то время въ Архивѣ, Камергера А. Я. Булгакова (впослѣдствіи Московскаго Почтдиректора) къ Кн. П. А. Вяземскому, изд. подъ именемъ *Калейдоскопа Московской жизни* въ Майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“, 1881 г., стр. 14 и 15, письма отъ 8 и 27 Іюня. Тамъ сказано, что Императоръ Александръ I изъ Архива поѣхалъ въ Покровскія казармы. Не помѣщалось ли тамъ въ 1818 году Коммиссаріатское Депо?

Фицлебенъ, Флигель-Адъютанты: Браушицъ, Малаховскій, Графъ Каницъ и Бояновскій; Оберъ-Офицеры: Блюхеръ, Шеллеръ.

1818.

Іюня 9-го были въ Архивѣ Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, Австрійской службы Маіоръ Графъ Кламбергъ и Гановерскій Посланникъ Баронъ Доренбергъ.

Іюня 10-го посѣтилъ Архивъ Лордъ Графъ Гюйльфортъ.

Іюня 14-го Разсматривали Древніе Россійскіе акты: Прусскаго Короля Тайный Кабинета Совѣтникъ Албрехтъ, Статсъ-Секретарь Ломбардъ и Лейбъ Медикъ Россійско-Императорскаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Лодеръ.

1819.

посѣщали Архивъ:

Апрѣля 22-го Два Италіянскіе путешественника Графъ Видуа и Маркизъ Дорія.

Мая 23-го Докторъ Англичанинъ Р. Лайалъ.

Іюня 6 и 7. Ученый Сербъ Вукъ Стефановичъ Караджичь.

Іюня 23-го Англичанинъ Таскеръ.

Ноября 10-го Князь Андрей Кирилловичь Разумовскій.

1820.

были въ Архивѣ:

Сентября 2-го Кавалеръ Емпль де Шолтенъ, Каммеръ-Юнкеръ и Флигель-Адъютантъ Короля Датскаго.

Сентября 11-го Его Королевское Высочество Принцъ Прусской Фридрихъ—Карлъ—Александръ.

1821.

Апрѣля 27-го Посѣтилъ Архивъ сынъ Его Королевскаго Высочества Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, и отецъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны Принцъ Павелъ-Фридрихъ Виттемберскій.

При немъ находился Тайный Совѣтникъ Баронъ Шмитъ.

1823.

посѣтили Архивъ:

Марта 7-го Двое путешественниковъ Англичане Г. Іонесъ Инже-

нерный Капитанъ и М. Іонесъ, Капитанъ корабля; Профессоръ Василевскій и Адъютантъ Бестужевъ.

Марта 28-го Англійской Капитанъ морской службы Джамесъ Гельманъ, слѣпой, и Капитанъ морской же службы Ѳома Ридъ.

Мая 13-го посѣтилъ Архивъ Его Сіятельство Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

Мая 30-го посѣтилъ Архивъ Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ и Кавалеръ Павелъ Гавриловичь Дивовъ.

Управляющій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Графъ Карлъ Васильевичь Нессельроде обозрѣвалъ Архивъ 29 октября, и сдѣланною въ ономъ перестройкою остался весьма доволенъ.

Ноября 13-го посѣтили Архивъ и разсматривали хранящіяся въ ономъ древности: — Генералъ отъ Артиллеріи Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, Сенаторъ Тайный Совѣтникъ Егоръ Александровичъ Дурасовъ, Московскій Комендантъ Генералъ-Маіоръ Николай Никитичь Веревкинъ, Генералъ-Маіоръ Начальникъ Штаба военныхъ поселеній Клейнмихель и Генералъ-Маіоръ Сергѣй Александровичъ Дурасовъ.

1824.

Января 21 былъ въ Архивѣ Московскій и Коломенскій Архіепископъ Филаретъ съ Викаріемъ, Епископомъ Дмитровскимъ Аѳанасіемъ и Сенаторомъ Дмитріемъ Борисовичемъ Мертваго.

Января 28. Путешественники, Англійскіе Дворяне Уальбренъ, Гланъ и Бекенъ.

1825.

Его Королевское Высочество Кронъ-Принцъ Нидерландскій Вильгельмъ удостоилъ Архивъ своимъ посѣщеніемъ 27 апрѣля.

«Guillaume P-ce d'Orange»

«Генералъ Адъютантъ Чернышовъ»

Сопровождавшіе Его Королевское Высочество:

Le Colonel. Wauthier, 1-e Aide-de-camp de S. A. R. Monseigneur le Prince d'Orange.

Le Capitaine attaché à S. A. R. le Prince d'Orange A. Gobbi.

Мая 2-го посѣтили Архивъ:

De Juigné C-tesse de Quinsonoi.

Comte de S-t Priest, Pair de France.

Cesar Alfieri.
F. Schwarzenberg.
Графъ Кенсонъ.
Левъ Яковлевъ.

1825.

Мая 22-го были въ Архивѣ:

Тайный Совѣтникъ и Сенаторъ Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ.

Графъ де Пальмъ, путешествовавшій по Россіи.

Супруга Генералъ-Маіора Княгиня Зенеида Александровна Волконская съ сестрою своею Марьею Александровною Власовою.

1826.

Московскій Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивъ удостоенъ присутствіемъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны.

Августа 7 1826.

Годъ, мѣсяцъ и *число* подписаны собственноручно Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Великою Княгинею Еленою Павловною.

Въ свитѣ Ея Высочества находились:

Гофмейстерина Графиня Анна Ивановна Эльмптъ.

Правящій должность Гофмейстера Генералъ-Маіоръ Александръ Павловичъ Алединскій и Секретарь Лобштейнъ.

1829.

Октября 28 дня.

«Alexandre Humboldt» [22]).

«Paul de Rennenkampf» [23]).

---

[22]) Изъ послѣдовавшей за симъ переписки Архива видно, что Гумбольдта сопровождалъ при этомъ посѣщеніи Ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ Гамель.

[23]) Будучи Начальникомъ Штаба на Кавказѣ, былъ разжалованъ изъ Генералъ-Лейтенантовъ въ солдаты; во время Дунайской компаніи дослужился снова до чина Полковника, а подъ Севастополемъ—до Генеральскихъ эполетъ.

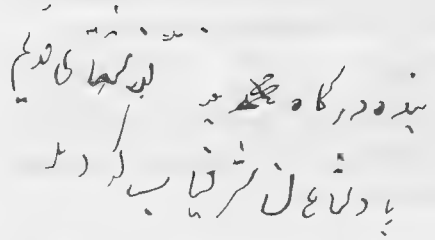
1829.

Ноября 3-го.

Его Высочество Персидскій Принцъ Хозревъ Мирза удостоилъ Архивъ своимъ посѣщеніемъ.

Khosrov Mirza

خسرو میرزا



Князь Дмитрій Голицынъ.
Дмитрій Шульгинъ 2.
John Bornuch.
Barthelemy Semin.
Mirza Baba.

1830.

Марта 13-го.

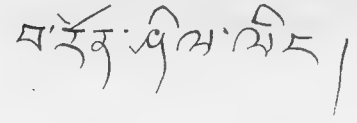
Его Королевское Высочество Прусскій Принцъ Альбертъ изволилъ удостоить Архивъ своимъ посѣщеніемъ.

«Albert le 13—25 Mars 1830».

1830.

Маія 16-го.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Баронъ Шиллингъ фонъ-Канштатъ.



1831.

Ноября 9-го.

Его Свѣтлость Принцъ Гольстейнъ-Ольденбургскій Петръ посѣтилъ Архивъ.

1832.

Іюля 9-го.

Его Сіятельство Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Викторъ Павловичъ Кочубей.

1834.

Его Королевское Высочество Принцъ Прусскій Адальбертъ удостоилъ Архивъ своимъ посѣщеніемъ 14-го Августа.

1836.

были въ Архивѣ

23 Сент. 1836-го Vane Londondery
Frances Anne Vane Londondery.

1837.

Февраля 21-го былъ въ Архивѣ Англичанинъ Саквиль Казементъ.

Ноября 19-го былъ въ Архивѣ Прусскаго Короля Посланникъ Г. фонъ-Либерманъ. «Liebermann»

1837.

Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ удостоилъ Архивъ своимъ посѣщеніемъ 4-го Декабря.

Въ свитѣ Его Высочества находились:

Генералъ-Адъютантъ Кавелинъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Полковникъ Юрьевичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Жуковской и Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку Полковникъ Назимовъ.

1838.

Августа 8-го.

Кепперъ и Фибигеръ, Датской службы Артиллеріи Маіоры.

1839.

Февраль.

Американецъ Георгъ Сумнеръ.

30 Іюля 1341 года.—«Министръ Народнаго Просвѣщенія Сергій Уваровъ».

«7 Августа 1841 года. — Архіепископъ Полоцкій и Витебскій Василій».

7 Августа 1841 года.—«Виталій, Епископъ Дмитровскій, Викарій Московскій».

Того жъ числа Полоцкой Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Филаретъ.

Того же числа Дѣйствит. Статскій Совѣтникъ Сербиновичъ [24]).

21 Ноября 1841. Генералъ-Адъютантъ Нейдгартъ [25]).

21 Декабря 1841. Александра Сенявина [26]).

1842.

Le Lieut. Général B.n de Both, Meklenbourg Schwérin.

Le Capitaine Baron de Vietinghoff.

1845.

Іюля 6 дня.

Frédéric Pr. des Pays-Bas.

Le C.te de Hoym, Colonel, 1.r Aide-de camp de S. A. R. Msgr le Prince Charles de Prusse.

1845.

Іюля 6 дня.

Le Colonel J. De Barre, Aide-de-camp de S. A. R. Monsgr le Prince Frédéric des Pays Bas.

Генералъ-Адъютантъ Баронъ Мейендорфъ.

Borel, Chambellan de S. A. Msgr. le Prince Frédéric des Pays-Bas.

Casper, Dr., Conseiller intime de S. M. Prussienne.

Otterlan, Conseiller de Cour et Secrétaire de S. A. R. Monsgr le Prince Frédéric des Pays Bas.

Гофмаршалъ Баронъ Боде.

---

[24]) Былъ, въ молодости своей, секретаремъ Карамзина.

[25]) Корпусный Командиръ, впослѣдствіи начальствовавшій на Кавказѣ; отецъ Почетнаго Опекуна, Гофмейстера Б. А. Нейдгарта.

[26]) Супруга бывш. Моск. Гражд. Губернатора, впослѣдствіи Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ. См. 15-е Примѣчаніе къ перепискѣ Кн.-Оболенскаго съ Полѣновымъ.

1846.

Іюля 12 дня.

Софья Волхонская.
Le Chevalier William Reece.

1846.

Октября 24 дня.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Липранди, октября 24. 1846.

1847.

Мая 6 дня.

Alexandre Stog-Bey-oglou, Exarque de Bulgarie.
Отъ флота Капитанъ Лейтенантъ Леонидъ Пантелѣевичъ Адамоновъ.

Августа 11 дня.

Болгаръ Захаръ Княжескій.
Генералъ-Маіоръ Сергѣй Бутурлинъ.

1850.

Генералъ-Адъютантъ Сергѣй Шиповъ.
Сенаторъ А. Семеновъ.
Профессоръ С. Соловьевъ.

1851.

29 января.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Гильфердингъ.
«Екатерина» 6-го Сентября 1851 года [27].

1851.

Georg, Herzog von Meklenburg-Strelitz.

7 Сентября.

Sophie, Grande Duchesse Héréditaire de Saxe, Princesse des Pays-Bas.
Charles Alexandre, Grand Duc Héréditaire de Saxe.
S. Lomonosoff, Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire près S. M. T. F. (très-fidèle).
L. Gorsthin.

---

[27]) Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михаловна.

1853.

Актуаріусъ въ Архивѣ 1809 года, Россійскій Посланникъ при Баварскомъ Дворѣ, Тайный Совѣтникъ Дмитрій Сѣверинъ. 19 января 1853.

Тайный Совѣтникъ, Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Австрійскомъ Дворѣ Баронъ Петръ Мейендорфъ.

Москва, 23-го марта 1853 года.

Камеръ-Юнкеръ П. Убри.[28])

Гр. Федоръ Карловичъ Нессельроде, Генералъ-Лейтенантъ.

Іюня 19-го 1853.

1858.

Сентября 5-го.

Duc de Montebello.

v. Bismarck-Schönhausen Kön. Preuss. Gesandter.

Мая 27. 1859 г.

---

[28]) Впослѣдствіи бывшій Посломъ сперва въ Вѣнѣ, потомъ въ Берлинѣ, нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта.

Приложеніе.

Вѣстникъ Европы, 1818 г. Май, № 9, стр. 147—149.

Московскія Записки *). При обозрѣніи ГОСУДАРЫНЕЮ ИМПЕРАТРИЦЕЮ МАРІЕЮ ѲЕОДОРОВНОЮ всѣхъ достопамятностей въ Москвѣ, удостоенъ былъ вниманія и Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.—ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО осчастливила сіе хранилище Государственныхъ хартій ВЫСОЧАЙШИМЪ присутствіемъ СВОИМЪ Апрѣля въ первый день, около одинадцати часовъ утра, и изволила пройти прямо въ нижнія комнаты, въ которыхъ помѣщены давнія Посольскаго Приказа и минувшаго столѣтія Министерскія дѣла. При взглядѣ на внутренній распорядокъ оныхъ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА изволила любопытствовать о почеркѣ стариннаго письма и употребленіи при прежнемъ письмоводствѣ столпцевъ или бумажныхъ свитковъ,—чему тутъ же поднесены были образцы. Въ присутственной камерѣ, гдѣ приготовлены были древнѣйшіе Историческіе памятники, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было начать обозрѣніе съ Новгородскихъ хартій. Весь первый договоръ В. К. Ярослава съ Новгородомъ, 1265 года САМА изволила прочесть по оригиналу. Нравственность, отличающая Духовныя Великихъ Князей Московскихъ Грамоты, въ которыхъ заповѣдывали они повиновеніе отъ младшихъ къ старшему, уваженіе къ матерямъ, родственную любовь и семейственное согласіе, обратила особенное вниманіе счастливѣйшей ЦАРИЦЫ-МАТЕРИ. Столь же пріятно было ЕЙ и чтеніе приватныхъ писемъ отъ Государей Царей къ Царицамъ своимъ о дѣтяхъ ихъ. Она любовалась чадолюбивою ихъ заботливостію, изъясненною въ сей перепискѣ со всею

*) Сія статья, сообщенная Его Превосходительствомъ А. Ѳ. Малиновскимъ, служитъ любопытнымъ дополненіемъ къ извѣстію, напечатанному въ свое время въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. *Ред.*

простотою тогдашнихъ временъ. Послѣ сего ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА съ особеннымъ любопытствомъ разсматривала: подлинное слѣдственное дѣло о убіеніи въ Угличѣ Царевича Димитрія съ оригинальными актами двухъ лже-Димитріевъ, грамоту о избраніи Царемъ всея Россіи Михаила Ѳеодоровича Романова, Государственныя книги въ лицахъ и подлинныя рукописи Императора Петра Великаго. Каждый изъ сихъ разнообразныхъ предметовъ подавалъ Ей поводъ къ проницательнымъ заключеніямъ. Въ исходѣ уже 2-го часа по полудни ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволила отбыть изъ Архива, удостоивъ изъявить Чиновникамъ онаго ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЕ благоволеніе“.

ДАРДАНЕЛЛЫ,

БОСФОРЪ И ЧЕРНОЕ МОРЕ

въ XVIII вѣкѣ.

Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса.

(Окончаніе.)

3. Вопросъ о судоходствѣ въ періодъ 1739—1768 г.

Какъ и слѣдовало ожидать, неудача 1736—1739 года не могла остановить Россію въ ея стремленіи къ Черному морю. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны (въ 1745 г.) вопросъ о торговомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ и объ открытіи торговыхъ сношеній чрезъ Черное море съ Турціею и странами, лежащими у Средиземнаго моря снова является на сцену. Именно, по почину президента коммерцъ-коллегіи, князя Б. Г. Юсупова. Для разъясненія встрѣтившихся при этомъ вопросовъ, коммерцъ-коллегія рѣшила обратиться чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ къ нашему резиденту въ Константинополѣ—Вешнякову. Промеморія ея по этому вопросу, отъ 30 марта 1745 г. [1]), и приложенная копія съ предложенія, поданнаго Юсуповымъ въ коммерцъ-коллегію весьма обстоятельно знакомятъ насъ съ тѣми задачами, которыя ставило себѣ въ этомъ случаѣ русское правительство и съ тѣми средствами, съ какими оно приступило къ этому дѣлу.

Въ своемъ предложеніи кн. Юсуповъ за исходную точку своихъ мнѣній беретъ природное географическое положеніе Россіи, омываемой 6-ю морями, между прочимъ и Чернымъ, „на которыхъ корабельный ходъ происходитъ“, расположеніе ея рѣчныхъ системъ, весьма удобныхъ для коммуникаціи къ морскимъ портамъ, и естественныя богатства ея. Благодаря всему этому „нѣсколько тысячъ обывателей противъ другихъ націй съ большею прибылью уже дѣйствительно чрезъ Балтійское, Сѣверное и Каспійское моря коммерцію производятъ и оною пользуются“; безъ эксплуатаціи остается лишь Черное море, но въ виду постановленій трактата 1739 года, для открытія торговли и на этомъ морѣ не представится препятствій, тѣмъ болѣе, что она будетъ одинаково полезна для Россіи и Турціи. Но предварительно нужно чрезъ нашего резидента въ Константинополѣ получить не-

[1]) Архивъ Константинопольской миссіи, связ. 42 въ М. Гл. Арх. М. И. Д.

обходимыя свѣдѣнія о промышленномъ и торговомъ положеніи острововъ и провинцій лежащихъ при Средиземномъ морѣ, объ ихъ естественныхъ богатствахъ, о товарахъ отправляемыхъ и получаемыхъ Турціею изъ Персіи, Индіи, Африки, и путяхъ, которыми ходятъ караваны; о томъ, какіе товары получаются изъ европейскихъ государствъ и въ томъ числѣ какіе русскіе товары привозятся иностранными купцами, по какой цѣнѣ эти русскіе товары продаются; какіе товары вывозятся изъ Турціи; какіе у Турціи торговые трактаты съ другими государствами; какія взымаются пошлины съ привозныхъ товаровъ и по какимъ тарифамъ и т. д. Кромѣ того кн. Юсуповъ рекомендовалъ предписать Вешнякову, чтобы онъ вступилъ въ переговоры съ представителями итальянскихъ государствъ при Портѣ, а также съ обывателями—греками, армянами и турками, относительно установленія коммерціи чрезъ Черное море и узналъ ихъ мнѣнія по этому вопросу; при этомъ Вешнякову рекомендовалось указать итальянцамъ главнымъ образомъ на выгоду для нихъ полученія русскихъ товаровъ изъ первыхъ рукъ, а также и отпуска итальянскихъ товаровъ русскимъ купцамъ помимо посредничества англичанъ и голландцевъ. Наконецъ нужно узнать, разрѣшитъ ли Порта прямое торговое судоходство чрезъ Босфоръ; если же Порта не разрѣшитъ его иностраннымъ судамъ, то можно будетъ приходящіе товары въ Константинополѣ перегружать на турецкія суда и на турецкихъ-же судахъ отправлять наши товары, отъ чего, по мнѣнію Ю., въ „коммерціи никакого препятствія не воспослѣдуетъ“. Нужно также узнать, не пожелаетъ ли кто изъ итальянцевъ, турокъ, грековъ или армянъ учредить коммиссіонерскія конторы для такой торговли по близости къ Черному морю въ портахъ, которые *будутъ* назначены особымъ указомъ?

Торговля чрезъ Черное море, по мнѣнію кн. Юсупова, не только послужитъ къ выгодѣ русскихъ купцовъ, но и къ особой славѣ государыни, такъ какъ произведеніемъ торговли чрезъ Черное море англійско-турецкая компанія будетъ отвлечена отъ хожденія въ Средиземное море и привлечена

въ Балтійское море, и Россія можетъ получить прибыль отъ установленія болѣе дѣятельной транзитной торговли англичанъ и голландцевъ чрезъ Россію съ Персіею, быть можетъ даже съ Турціею, такъ какъ для англичанъ и голландцевъ путь кругомъ Европы дальше и притомъ они терпятъ значительные убытки въ Средиземномъ морѣ отъ нападеній варварійскихъ каперовъ. Мало того, по мнѣнію Юсупова, и для Персіи выгоднѣе будетъ отправлять и получать товары чрезъ Россію, хотя бы чрезъ посредство россійско-англійской компаніи, чѣмъ черезъ турецкія области, гдѣ караваны подвергаются нападеніямъ и грабежамъ, и при всякой войнѣ съ Турціею торговля персидская должна прекращаться [1]).

Несмотря на нѣкоторый оптимизмъ мнѣній кн. Юсупова, нельзя конечно отрицать, что въ главныхъ чертахъ они были построены вѣрно, несмотря даже на то, что президентъ комерцъ-коллегіи не принялъ во вниманіе всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшной торговли. Указать одинъ-два порта на Черномъ морѣ для этого было недостаточно, да и указать было ихъ негдѣ. Впрочемъ нужно признать, что дѣло было настолько ново, и притомъ настолько повидимому выгодно, что нѣкоторое увлеченіе въ этомъ случаѣ является во всякомъ случаѣ весьма понятнымъ, и хотя пришлось нѣсколько разочароваться въ ожиданіяхъ, но во всякомъ случаѣ кн. Юсупову принадлежитъ по праву первый починъ въ дѣлѣ осуществленія пріобрѣтеннаго Россіею въ 1739 году права торговаго судоходства въ Черномъ морѣ.

Къ сожалѣнію, попытка оказалась неосуществимою. Правда, преемникъ Вешнякова, Неплюевъ несмотря на всѣ затрудненія въ этомъ дѣлѣ, прислалъ весьма обстоятельный и любопытный отчетъ о торгово-промышленномъ положеніи турецкой имперіи [2]), въ видѣ отвѣтовъ на поставленные кн. Юсуповымъ вопросы, но отчетъ этотъ не могъ имѣть практической пользы,—для развитія торговли чрезъ Черное море, какъ мы увидимъ, необходимо было слишкомъ много условій.

[1]) См. приложеніе 13-е.
[2]) См. приложеніе 15-е.

Наши резиденты въ Константинополѣ, — Вешняковъ и преемникъ его Неплюевъ, признавали справедливость мнѣнія, что „положеніе Россійской имперіи наиполезнѣйшее для произведенія со всѣмъ свѣтомъ комерція, и что отъ распространенія онаго на Черномъ морѣ не малая бъ польза высочайшимъ Ея И. В—ва интересамъ воспослѣдовала къ великой прибыли толь пространныхъ южныхъ провинцій и въ оныхъ живущихъ обывателей», но по ихъ мнѣнію, произведеніе купечества чрезъ Черное море съ турецкими владѣніями и съ областями Мединеранскаго моря, встрѣтить премножественныя и непреодолимыя затрудненія, если принять во вниманіе политическія максимы турецкаго двора, и „коль высоко-завистнымъ и важнымъ“ оно считаетъ купечество въ Черномъ морѣ, а особенно страхъ, внушаемый турецкому правительству возможностію открытія навигаціи до русскихъ береговъ, хотя бы на турецкихъ судахъ. Франція, при всемъ своемъ фаворѣ у Порты и несмотря на предложеніе милліоновъ, не могла добиться разрѣшенія хотя бы малому числу судовъ прохода чрезъ Босфоръ; даже при такой „нуждѣ, какова имъ была во время войны 1738 года, Порта не подалась на предложенія Вильнева употреблять для транспорта турецкихъ войскъ въ Крымъ французскія суда“ [1]). Недозволяется это судоходство Портою главнымъ образомъ изъ страха передъ Россіею, и между прочимъ потому, что въ

[1]) На этотъ же примѣръ ссылался преемникъ Неплюева Обрѣсковъ; онъ говоритъ, что во время войны въ 1738 г. „недоставало Портѣ своихъ судовъ для перевозки артилеріи и воинскихъ припасовъ, еже французскій посолъ маркизъ де-*Вилнсовъ* примѣтя представилъ къ услугамъ Порты нашедшихся подъ то время въ здѣшнемъ портѣ *пятнадцать купеческихъ сея націи кораблей*, да и за весьма дешевльшую цѣну, нежели собственныя Порты мореплавныя суда стоить могли, единственно токмо въ томъ видѣ, чтобъ симъ способомъ достигнуть впередъ свободное кораблеплаваніе на Черномъ морѣ“, но Порта отказала. Она отказала Франціи и въ 1740 г., когда французское вліяніе въ Константинополѣ было въ полной силѣ, и не смотря на то, что французскія военныя суда пользуются правомъ ходить до Константинополя, въ разрѣшеніи хотя бы шести французскимъ судамъ доступа въ Черное море; Французское правительство предлагало милліонъ за разрѣшеніе. См. приложеніе 16-е, № 2.

случаѣ разрѣшенія намъ судоходства, нужно будетъ всѣ вольности акордовать, т. е. церковь, установленіе купеческихъ домовъ, ходы карауановъ, право нанимать суда на цѣлые грузы, участіе въ судоходствѣ примутъ и греки, которыхъ почитаютъ все за едино какъ русскихъ, и т. п.

Кромѣ соображеній политическаго свойства, Неплюевъ указываетъ еще и на многія условія, неблагопріятныя для заведенія правильныхъ торговыхъ сношеній между Россіею и Турціею. Такъ, согласно трактату 1739 года, торговля Россіи съ Турціею и другими странами чрезъ Черное море могла бы быть производима только на турецкихъ судахъ, а это представляло значительныя неудобства, вслѣдствіе крайне плохаго строенія турецкихъ судовъ и происходящей отсюда опасности судоходства по Черному морю, и наконецъ—вслѣдствіе необходимости перегрузки товаровъ. Въ описываемое время торговыя сношенія между Россіею и Турціею существовали, но они производились главнымъ образомъ на Украинѣ, [1]) пріѣзжими греками, армянами и т. п. Европейскіе купцы жившіе въ Константинополѣ русскихъ купцовъ не видали и не знали, какъ не знали они и южной Россіи, и въ этой новизнѣ дѣла заключалось одно изъ главныхъ затрудненій. Выгоды торговли съ Россіею Черными моремъ признавались, правда, и иностранными правительствами, напр. венеціанскимъ, но „невидно, — говоритъ Неплюевъ,—дабы венеціане что либо предпріяли по незнаемости ни Россіи, ни мѣстъ и способовъ, каковыми бы товары у насъ продаваемы и для отпуску сюда закупаемы быть могли, и хотя здѣсь надлежащее стараніе и прилагаемо было къ секретному пріисканію такихъ купцовъ, кои бы россійскими товарами въ Италіи торговать похотѣли, но никто по незнанію не склоняется. Турецкіе подданные къ торгу чрезъ Черное море всячески приохочиваются, говоритъ онъ, а болѣе здѣсь дѣлать нечего, токмо у насъ надобно такое

[1]) Украина представляла многія выгоды для торговли: тамъ бывали ярмарки (главная въ Нѣжинѣ), платилась очень низкая пошлина и т. п.

купечество, какъ еще покойный ст. сов. Вишняковъ доносилъ, пріохочивать и неотгонять и для поощренія добрый порядокъ установить: устроить въ Таганрогѣ лучшій портъ; построить магазейны для провѣтриванія товаровъ; покои, гдѣ бы сами купцы во время карантины жить могли порознь; въ выстаиваніи помянутой карантины чтобъ особливо порядочно поступлено было, не заставляя никого двойной держать, а еще меньше чтобъ вовсе отгонять; ѣздящіе отсюда въ Таганрогъ много и о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ жалуются, не говоря уже о томъ, что и въ Крыму купцы никакой защиты не имѣютъ, но подвержены всякимъ налогамъ отъ командующихъ въ портахъ. И слѣдовательно для заведенія сего торга все то исправить и въ порядокъ привесть надлежитъ. Новыхъ же у Порты домогательствъ объ иностранномъ купечествѣ чинить весьма рановременно; понеже хотя бы оное точно позволено, яко нельзя же сказать, чтобъ и запрещено было, но нечаятельно дабы (иностранцы) что предпріяли, для того 1) что суда, кои на Черномъ морѣ ходятъ, весьма не надежны и много изъ оныхъ пропадаетъ; 2) въ Таганрогѣ, ни въ Черкасскѣ корреспондентовъ никакихъ не имѣютъ, кои бы какъ присылаемые товары сымать, такъ обратные къ нимъ отправлять могли; и слѣдовательно 3) должно каждому на суднѣ съ своимъ товаромъ посылать нарочнаго прикащика, который бы умѣлъ по русски, но таковыхъ и знающихъ поведенія въ Россіи не точію не много, но и всякому повѣрить нельзя; наконецъ здѣсь кромѣ одного аглинскаго дому, прочіе всѣ факторы или коммиссіонеры, и потому не производя своимъ капиталомъ купечества, на что либо поступить не въ состояніи, живучи единственно отъ коммиссій съ товаровъ, присылаемыхъ къ нимъ для продажи отъ купцовъ изъ другихъ государствъ.

„Необходимо указать также надежнаго въ Воронежѣ или Черкасскѣ купца, который бы въ заграничный торгъ вступить намѣренъ былъ. Понеже само собою предъявляется, что недовольно дабы здѣсь охотники выпскались, но надобно, чтобъ и у насъ равномѣрные были, кои бы тѣ

товары закупали и присылаемые отсюда сымали; инако же рѣдкій, да и почти никто изъ иностранныхъ съ своимъ товаромъ на суднѣ не поѣдетъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ вовсе новъ и о поведеніи котораго свѣдѣнія не имѣетъ. Итакъ пріохочиваніе толь нужнаго коль прибыточнаго прямаго съ Италіею торгу не отсюда, но отъ пріемлемыхъ отъ коммерцъ-коллегіи учрежденій, а особливо отъ произведенія того торгу россійскимъ купечествомъ зависитъ.

„Для пріисканія охотниковъ къ установленію у насъ конторъ потребно бы прежде знать въ какихъ мѣстахъ тѣ конторы быть имѣли, а поднесь одинъ Таганрогъ, куда здѣшніе купцы товары посылаютъ,- но по тому состоянію, въ каковомъ нынѣ оное мѣсто, нечаятельно, чтобъ тамъ кто изъ иностранныхъ контору и ниже въ Черкасскѣ установить похотѣлъ; но когда въ новой ниже Черкасска строимой крѣпости нарочитое поселеніе заведется, тогда можетъ быть, какъ въ Нѣжинѣ изъ грековъ и другихъ домы свои тамо построятъ или купятъ, а наипаче буде какія льготы или другія малыя привиллегіи сперва имъ аккордуются; а прочнѣе ежели бы россійскіе подданные за сей торгъ принялись и побывавъ здѣсь порядочныя конторы учредили по лучшему знанію о способахъ закупать въ ближнихъ россійскихъ провинціяхъ въ отпускъ сюда или въ Италію потребные товары. Сверхъ Таганрога турецкія суда ходятъ и въ Черкасскъ, но нерѣдко принуждены бываютъ возвращаться безъ грузу для того, что посланные прикащики товаровъ своихъ въ Черкасскѣ сбыть не могучи, принуждены ѣхать въ Нѣжинъ и другіе украинскіе города. Почему понятно, коль долго отсюда привозимымъ товарамъ другаго расходу кромѣ Малороссіи и Дону не будетъ, то сіе купечество не распространится; яко же и въ отпускъ сюда для того же резону надобно, чтобъ великороссійскіе купцы интересовались и отпуски противу привозу отсюда россійскими товарами умножили, иначе если-бы отсюда болѣе привозилося, то бы лучше оный торгъ запереть, потому что казенная и государственная прибыль натурально въ выпускѣ у себя рождаемыхъ, а не въ привозѣ чужихъ товаровъ состоитъ“.

Въ заключеніе Неплюевъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „что установленіе и распространеніе коммерціи чрезъ Черное море главнѣйше отъ пріемлемыхъ у насъ мѣръ зависитъ, и что вмѣсто того чтобы сперва искать заводить иностранныя конторы въ Таганрогѣ, Черкасскѣ или въ томъ мѣстѣ, которое высочайшимъ указомъ для торгу съ Туркіею опредѣлено будетъ, полезнѣе было бы въ Константинополѣ хотя два россійскіе дома сперва учредить, къ чему весьма великаго капитала не надобно, ибо такіе домы, имѣя въ Россіи принципаловъ хотя мало пожиточныхъ и такихъ, кои бы за левантскій торгъ нарочито принялись, одними коммиссіонными деньгами себя содержать могутъ. Да и само собою осязательно, что произведеніе купечества чрезъ своихъ подданныхъ всегда имперіи прибыльнѣе, нежели отъ иностранныхъ. Такіе учреждаемые домы могли бы въ удобныя времена здѣсь закупать потребныя въ отпускъ къ намъ товары, кои бы сверхъ фруктовъ сухихъ, ладану, кумачей вина и. т. п. могли состоять особенне въ шерсти и гарусѣ козлиномъ для россійскихъ фабрикъ, толь наипаче, что голландцы большую часть своихъ суконъ изъ здѣшней шерсти, а камелоты изъ здѣшняго жъ гарусу дѣлаютъ, кои бы россійскіе купцы также дешево отсюда имѣть и съ малымъ стараніемъ свои фабрики распространить и доброту суконъ гораздо улучшить могли, къ немалой государственной пользѣ и собственной ихъ прибыли; а сверхъ того и россійскую шерсть здѣсь продавать нельзя на матрацы и софы, на что худой шерсти несказанное множество исходитъ. По урожанію въ южныхъ всероссійскихъ провинціяхъ хлѣба ежели бы выпускъ сюда изъ Таганрога пшеничной муки и ячменю позволенъ былъ, то не малую на оныхъ прибыль получить льзя.

„Притомъ учреждаемые здѣсь россійскіе домы вскорѣ и лучше нежели чрезъ какія показанія о здѣшней коммерціи совершенное свѣдѣніе пріобрѣли бы и къ своей прибыли надлежащіе способы безъ употребленія въ дѣйство не оставили, а по нѣкоторой бытности и установленіи кредиту и за торгъ въ Италію приняться могли бы буде не сами, то чрезъ живущихъ здѣсь иностранныхъ купцовъ, кои бы потребное

въ Италіи чрезъ оныхъ россійскихъ домовъ безъ труда получать въ состояніи нашлись, такъ что при помощи Божіей учрежденіе или содержаніе здѣсь отъ какихъ знатныхъ россійскихъ купцовъ факторовъ, коп бы себя непостыдно вели, не инако, но къ немалой бы пользѣ было; и тогда бы объ установленіи особливаго россійскимъ товарамъ тарифа, труды и иждивеніе употребить льзя, инако же за то приниматься и въ расходъ вступить, который не малъ быть имѣетъ, излишно.“ [1]).

Незнаемъ какіе результаты имѣло представленіе Неплюева о необходимости большаго порядка въ нашихъ портахъ для облегченія правильной торговли въ Турціи, но высказанное имъ мнѣніе, что лучше всего было бы, еслибъ русскіе купцы сами сдѣлали попытку завести торговлю чрезъ Черное море послужило, кажется, основаніемъ къ тому, что въ 1757 году учреждена была русская купеческая компанія для торгу отъ Темерниковскаго порта на Дону съ Константинополемъ. [2]) Преемнику Неплюева, Обрѣскову, предписано было, чтобъ онъ старался подъ видомъ возстановленія и приведенія въ лучшій порядокъ взаимной комерціи склонить Порту къ заключенію трактата и ко внесенію въ оной трактатъ такой статьи, которою бы позволено было русскимъ подданнымъ производить торговлю Чернымъ моремъ въ турецкія владѣнія на своихъ собственныхъ коммерческихъ, а не на турецкихъ судахъ, и чтобъ онъ „употребилъ при турецкомъ дворѣ необходимыя иждивенія и подкупъ одного изъ фаворитовъ султанскихъ учинилъ къ постановленію такого коммерціи трактата и статьи, обѣщая оному фавориту денежную дачу и внушая ему многія происходимыя отъ такого позволенія для самихъ турокъ полезныя слѣдствія. [3]) Цѣль петербургскаго кабинета состояла въ томъ, чтобъ не только доставить русскимъ подданнымъ свободное кораблеплаваніе на Черномъ морѣ и на своихъ су-

[1]) См. документы въ приложеніи 14 и 15-мъ.
[2]) Приложеніе 16-е.
[3]) См. приложеніе 16-е, № 1.

дахъ, но и „очистить слѣдъ“ на будущее время, а особенно на нужный случай къ заготовленію на Азовскомъ морѣ русскихъ вооруженныхъ судовъ [1]). Это дѣло было прилежно рекомендовано Обрѣскову. Но на первое время ему предписано потребовать отъ Порты, чтобъ турецкія суда содержаны были въ лучшемъ порядкѣ [2]).

Мотивы, которыми предписывалось Обрѣскову подкрѣплять это требованіе состояли въ томъ, что другіе народы, даже самыя отдаленнѣйшія отъ Турціи сѣверныя державы (Данія, Швеція) пользуются полною свободою судоходства въ Левантъ чрезъ Средиземное и Бѣлое море и этимъ ихъ подданные получаютъ значительныя выгоды, между тѣмъ какъ „россійская въ турецкихъ областяхъ коммерція, о которой бы не токмо по ближнему сосѣдству и для весьма знатной отъ того пользы самой Портѣ, но и по многимъ другимъ уваженіямъ, наибольшее попеченіе имѣть надлежало, основана на толь вредительныхъ учрежденіяхъ, что оная въ таможнихъ краяхъ безъ явнаго убытка подданнымъ обѣихъ сторонъ производима быть не можетъ, что она подвержена многимъ неудобствамъ, между которыми наивреднѣйшее есть сіе, что подданные наши принуждены нагружать товары свои на турецкія суда за весьма неумѣренную цѣну, и оные отправлять въ турецкія области подъ смотрѣніемъ неискусныхъ мореходцовъ грековъ, кои болѣе на удачу и отвагу нежели по знанію путь свой по морю учреждая, губятъ ежегодно нѣсколько судовъ и товаровъ, отъ чего не токмо цѣна приходящихъ въ Константинополь россійскихъ товаровъ возрастаетъ, но и вообще россійская коммерція несказанно претерпѣвая приходитъ въ очевидный упадокъ, и со временемъ дойти можетъ до конечнаго разрушенія ко вреду подданныхъ самой оттоманской Порты, имѣющихъ въ томъ равное-жъ участіе“. Что-же касается опасности, которую предъявляютъ турки противъ свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ, то вооруженныя купеческія суда другихъ, даже могу-

[1]) Ремарка Н. И. Панина на реляцію № 6 Обрѣскова 1763 года, въ М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., сношенія съ Турціею, 1763, II. Ministère.

[2]) См. приложеніе 16-е, № 3.

щественныхъ морскихъ державъ имѣютъ свободный доступъ въ мирное время во всѣ турецкіе порты, не исключая Константинополь, военныя даже суда ихъ доходятъ до Дарданеллъ, и однако Порта не видитъ въ этомъ никакого себѣ вреда и опасности, „тѣмъ меньше ей опасаться должно съ нашей стороны, ибо торговыя суда наши долженствуя проходить чрезъ узкой проливъ Азовскаго моря при Керче и подъ пушками построенныхъ на крымской сторонѣ турецкихъ замковъ, а къ тому жъ не имѣя никакого пристанища на Черномъ морѣ, всегда подъ ихъ же призрѣніемъ находиться будутъ, слѣдовательно сіе никакого предосужденія Портѣ нанести не имѣетъ; напротивъ, разрѣшеніе судоходства и расширеніе взаимной коммерціи натурально имѣло бъ произвесть на нынѣшнее и будущее время весьма полезныя и важныя для обѣихъ сторонъ слѣдствія, утвердило-бъ наипаче дружбу между обоими государствами пребывающую“ [1]).

На это Обрѣсковъ подобно своимъ предшественникамъ отвѣчалъ, что добиться отъ Порты признанія свободы судоходства въ Черномъ морѣ — дѣло чрезвычайно трудное и „самокрайной нѣжности“, требующее особенной осторожности, чтобъ не возбудить подозрѣній Порты, такъ какъ она особенно „предупреждена“ противъ иностраннаго судоходства въ Черномъ морѣ, хотя дѣйствительно недостатки въ турец-

[1]) Тамъ-же, № 1. Въ рескриптѣ 1761 года ему-же, № 31, (М. Гл. Арх. М. И. Д., Дѣла турецк. двора 1761, св. 13/а № 1) по поводу постройки крѣпости св. Анны близъ Черкасска для защиты торговцамъ, по поводу того, что Порта „ненавистными глазами смотритъ на единое распространеніе тамъ купечества и крѣпостное строеніе“ говорится: „относительно примѣчанія, что Порта съ неменьшею ненависть взираетъ и на учрежденіе въ Темерникѣ купеческой торговли и опасается, чтобъ многочисленнымъ населеніемъ обывателей сей край не пришелъ де особливаго о немъ отъ стороны здѣшней попеченія и со временемъ не обратился къ ея тягости, предписываемъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ стараться уничтожить всякія ея о томъ предубѣжденія и жалузіи, доказывая сверхъ того поскольку и отъ самой ея прозорливости не скроется, что сія торговля между подданными обоихъ имперій чѣмъ далѣе будетъ распространяема, тѣмъ болѣе произростаемая изъ того польза явно клонится къ несравненнымъ авантажамъ на турецкую сторону, ибо ей не безъизвѣстно, что

комъ судостроеніи и неумѣлость греческихъ шкиперовъ очень велики и служатъ къ ущербу русской торговли съ Константинополемъ. Насколько сильно предубѣжденіе Порты противъ допущенія иностраннаго судоходства въ Черномъ морѣ, доказывается тѣмъ, что она даже не дозволяетъ, чтобъ иностранцы были шкиперами на турецкихъ судахъ, согласно ея „максимѣ, кораблеплаваніе на Черномъ морѣ отъ всѣхъ иностранныхъ націй въ невѣдѣніи держать“ [1]). Судоходства этого добивается не одна Россія, но и Англія, Голландія и Франція „по причинѣ персидской торговли, которая теперь производится сухимъ путемъ, караванами чрезъ Алеппо“, между тѣмъ какъ морскимъ путемъ уменьшились бы издержки ея. Но Порта отказываетъ въ этомъ, и отказала даже Франціи въ 1740 году, несмотря на то, что она пользовалась въ то время сильнымъ вліяніемъ у Порты. Тѣмъ труднѣе ожидать, чтобъ Порта разрѣшила это судоходство Россіи, которая служитъ ей всегдашнимъ „страшилищемъ“ [2]). Вообще, по мнѣнію Обрѣскова, слѣдуетъ выжидать и постараться дѣйствовать подкупомъ. Ему дѣйствительно удалось наконецъ подговорить одного султанскаго фаворита—Языджи-эфендія, который обѣщался исходатайствовать у султана разрѣшеніе на свободу судоходства, но потребовалъ за труды 30.000 рублей, да кромѣ того, по мнѣнію Обрѣскова, нужно было еще столько-же на подарки министрамъ Порты. Поэтому онъ по-

и при первомъ оной началѣ турецкіе подданные гораздо превосходнымъ числомъ вывозятъ въ здѣшнюю имперію товаровъ нежели отъ сюда здѣшними купцами, по неимѣнію въ тамошней, какъ отдаленной и пустой странѣ главнѣйшихъ россійскихъ продуктовъ, въ Туркію отпускается»; что такъ какъ мореходныя торговыя сношенія между Россіею и Турціею производятся на турецкихъ судахъ, то отсюда значительныя выгоды выпадаютъ на долю турецкихъ подданныхъ, и что „главнѣйше отъ размноженія въ той странѣ коммерціи и соединенія взаимныхъ интересовъ между подданными обоихъ имперій по натуральному объ нихъ попеченія, дружба обоихъ имперій тѣмъ сопряжена, свято и ненарушимо содержана и долгайшей въ томъ краѣ покой возстановленъ имѣетъ быть.“

[1]) См. приложеніе 16-е, № 4.

[2]) См. приложеніе 16-е, № 2

требовалъ у правительства инструкцій [1]). Коллегія иностранныхъ дѣлъ „по важности такого дѣла неоднократно представляла подлинныя реляціи Обрѣскова въ учрежденную тогда конференцію и требовала резолюціи объ опредѣленіи требуемой Обрѣсковымъ суммы, но тѣ реляціи возвращены были изъ конференціи безъ отвѣта и уваженія, а о суммѣ сказано было, что яко чрезвычайно знатная можетъ употреблена быть на военные расходы противъ Пруссіи, почему коллегіи невозможно было собою ни денегъ опредѣлить, ни дальнѣйшаго дать наставленія Обрѣскову, а нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того послѣдовала кончина султана Османа и паденіе означеннаго фаворита его, и такимъ образомъ весь планъ этого предпріятія разрушился“ [2]).

Впрочемъ, помимо указанныхъ препятствій къ разрѣшенію Портою русскимъ торговымъ судамъ свободы судоходства въ Черномъ морѣ, любопытны мнѣнія Обрѣскова относительно необходимыхъ условій для развитія русской черноморской торговли вообще, хотя бы при перевозѣ товаровъ на турецкихъ судахъ [3]).

Такъ, прежде всего онъ указываетъ на невѣжество грековъ-шкиперовъ. Столь часто случавшіяся въ Черномъ морѣ несчастія съ кораблями онъ приписываетъ отчасти крайне плохой конструкціи турецкихъ и греческихъ судовъ, а главнымъ образомъ невѣжеству кормщиковъ, которые „навигаціи въ теоріи не обучены, а ѣздятъ и управляютъ чрезъ экспеpіенцію и перенимая отъ другихъ.“ Далѣе, подобно своимъ предмѣстникамъ, онъ указываетъ на необходимость устройства амбаровъ и карантиновъ въ Таганрогѣ, и правильнаго, опредѣленнаго порядка въ обмѣнѣ привозимыхъ и отвозимыхъ товаровъ. Между тѣмъ русское правительство хлопотало о разрѣшеніи Портою торговли на русскихъ и иностранныхъ судахъ, а само въ теченіи десятковъ лѣтъ оставляло безъ всякаго вниманія условія необходимыя для правиль-

[1]) См. приложеніе 17-е.

[2]) Ремарка Н. И. Панина на реляцію № 6, Обрѣскова 1763 года. Ср. приложеніе 19 № 5.

[3]) См. приложеніе 16-е, № 4 и 20, № 4

наго хода торговли. Не говоря уже объ отсутствіи амбаровъ для склада товаровъ, карантинъ былъ устроенъ такъ неудобно, что купцы должны были терять по мѣсяцу и болѣе прежде, чѣмъ имъ разрѣшалось произвести выгрузку привезенныхъ товаровъ. Затѣмъ слѣдовала трата времени на ожиданіе подвоза товаровъ идущихъ въ обмѣнъ за привезенные и т. д., и въ результатѣ товары, которые слѣдовало бы получить въ началѣ лѣта, получались глубокой осенью и продавались, понятно, въ убытокъ; сообразно тратѣ времени конечно и фрахтовыя деньги брались лишнія. Далѣе Обрѣсковъ указываетъ на отсутствіе „разумѣющихъ“ людей среди русскихъ купцовъ,—за все время съ 1739 г. и по 1760-е годы ни одинъ не нашелся въ состояніи учредить порядочную контору въ Константинополѣ „хотя имѣютъ въ томъ цѣлую свободность,“ и торгуютъ они въ большинствѣ случаевъ „съ такимъ непорядкомъ, что смотрѣть жалко, а къ тому-же и ведутъ себя странно, что я бы желалъ — прибавляетъ Обрѣсковъ—дабы ихъ здѣсь никогда не бывало“ [1]).

Все это не смущало однако русское правительство, и оно продолжало искать даже на западѣ охотниковъ къ заведенію торговыхъ сношеній съ нашимъ югомъ, представлявшимъ для иностранцевъ въ полномъ смыслѣ слова невѣдомую страну.

По свидѣтельству Фавіе, императрица Елизавета, пользуясь дружественными отношеніями, установившимися между Россіею и Франціею, возбудила въ 1760—61 году вопросъ объ открытіи выхода для русской торговли чрезъ Черное море, хотя, зная опасенія Франціи за ея левантійскую торговлю, вопросъ былъ поставленъ очень осторожно, въ видѣ пассивной торговли Россіи съ Франціей. Именно во время переговоровъ о заключеніи торговаго договора съ Франціею, французскому правительству указано на то, что для Франціи было бы очень выгодно установить торговыя сношенія чрезъ Константинополь и Черное море съ южною Россіею. Но

[1]) Вешняковъ тоже указывалъ въ 1745 г. на отсутствіе купцовъ «искусныхъ» для вступленія въ торги съ иностранными. См. приложеніе 14-е.

для этого необходимо было согласіе Порты, о которомъ должна де была озаботиться Франція. Французское правительство не согласилось ходатайствовать объ этомъ у Порты. Оно опасалось, что со стороны Россіи это не болѣе, какъ западня, что еслибъ сверхъ ожиданія ему и удалось получить такое разрѣшеніе отъ Порты, то имъ прежде всего воспользовалась бы Россія [1]).

Впрочемъ было одно государство, съ которымъ торговыя сношенія чрезъ Черное море при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы установиться,—именно Венеція. Уже въ царствованіе Елизаветы Петровны венеціанская республика заявляла о своемъ желаніи вступить въ болѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Россіею. Дѣло это тогда почему-то не устроилось. Потомъ, при Петрѣ III, республика вторично выразила чрезъ своего посланника въ Лондонѣ желаніе заклю-

[1]) Фавіе, бывшій въ 1761 году секретаремъ французскаго посольства въ Петербургѣ, въ мемуарѣ, поданномъ Людовику XV въ 1773 г. (см. ниже) говоритъ: „Россія искала лишь средства, чтобъ Турки привыкли къ тому, что суда подъ иностраннымъ флагомъ проходятъ чрезъ Босфоръ, и подъ предлогомъ торговли съ Франціею она установила бы свое собственное судоходство въ этомъ морѣ. Еслибъ напротивъ намъ отказали, какъ и слѣдуетъ полагать, то мы бы въ свой собственный ущербъ сдѣлали бы при Портѣ попытку, въ которой она усмотрѣла бы доказательство покровительства съ нашей стороны замысламъ Россіи на Черное море, къ которымъ турки относятся такъ подозрительно. Отъ этого опять-таки выиграла бы Россія, такъ какъ въ ея выгодахъ по возможности подрывать нашъ кредитъ у Порты". Politique de tous les Cabinets, I, 332 слѣд. Насколько вѣрно это свидѣтельство, опредѣлить трудно. Впрочемъ въ хранящемся въ Архивѣ IX. France 1761, octob. Mém. (Des avantages du commerce de la Fr. av. la Russ.) читаемъ: Ce sont les turcs qui font exclusivement ce commerce (avec la Russie par la mer Noire), la navigation de la mer Noire étant interdite sous pavillon Russe. La Cour de Petersbourg a toujors tenté sans succès de faire abroger cette clause prohibitive. En dernier lieu même elle avoit saisi l'occasion de notre négociation ébauchée du traité de commerce, pour nous insinuer que nous pourrions en établir une branche par Const et la mer Noire avec les provinces méridionales de la Russie; il fallait pour cela leconsentiment de la Porte, et c'étoit à nous à le demander. Des gens ardent et peu instruits avoient gobé cette idée chimérique, le ministre n'y donna pas, il sentit bien que la chose étoit impratiquable et que la proposition n'étoit qu'un artifice de la Russie.

чить съ Россіею торговый договоръ для коммерціи чрезъ Черное море и Проливы, хотя бы даже на турецкихъ судахъ [1]). Предложеніе венеціанской республики было встрѣчено очень сочувственно въ Петербургѣ. Немедленно отправленъ резиденту нашему въ Константинополѣ А. М. Обрѣскову рескриптъ, въ которомъ выражено неудовольствіе за то, что послѣ смерти султана Османа и понынѣ въ силу прежнихъ предписаній (1757 года, см. выше) онъ не приложилъ надлежащаго старанія въ пріисканіи другой особы кредитъ и силу надъ султаномъ имѣющей, и оставался совсѣмъ въ молчаніи о такомъ дѣлѣ, которое ему столь прилежно было препоручено и которое по самому существу и важности его никогда изъ виду упускать и въ забвеніи оставлять не надлежало. При этомъ предписывалось ему, въ виду выгодности заключенія торговаго договора съ Венеціею, сондировать Порту относительно вопроса о томъ, какъ она къ этому отнесется, и не щадя ни трудовъ, ни иждивеній стараться о дозволеніи Портою русскаго судоходства въ Черномъ морѣ „по примѣру прочихъ сосѣднихъ Портѣ и удаленныхъ европейскихъ державъ, имѣющихъ свободное мореплаваніе въ Средиземномъ и Бѣломъ моряхъ“, а если бы она на это не согласилась, то желательно, чтобъ она разрѣшила венеціанцамъ хотя плаваніе на турецкихъ судахъ, въ чемъ она вѣроятно не откажетъ, такъ какъ это разрѣшено англичанамъ и французамъ; впрочемъ желательнѣе было бы разрѣшеніе судоходства на венеціанскихъ судахъ въ виду плохаго устройства турецкихъсудовъ и неискусства турецкихъ шкиперовъ, вслѣдствіе чего судоходство на турецкихъ судахъ не представляетъ

[1]) Реляціею отъ 25—14 декаб. 1762 г. нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Голицынъ, доносилъ, что венеціанская республика изъявила чрезъ посла своего въ Вѣнѣ, Эрицо, желаніе заключить съ Россіею торговый трактатъ; кн. Голицынъ посовѣтовалъ послу, чтобъ республика для лучшаго въ семъ дѣлѣ успѣха отправила министра къ нашему двору, но Эрицо представилъ, что сего при теперешнемъ вооруженіи Порты учинить они опасаются. (Сношъ. съ Австріею, III. Vienne 1762; ср. тамъ-же письмо Голицыну отъ 30 іюня 1763 и реляцію его № 25 отъ 15—26 февр. 1763) Впрочемъ предложеніе Венеціи было принято сочувственно русскимъ правительствомъ. Приложеніе 19 № 1.

желаемой безопасности, а это служитъ ко вреду коммерціи [1]). Но Обрѣсковъ находилъ время неудобнымъ даже для сондированія Порты по этому вопросу, и въ виду увѣренности своей въ томъ, что нечего и надѣяться на разрѣшеніе Портою судоходства въ Черномъ морѣ венеціанскимъ судамъ, совѣтовалъ отложить поднятый вопросъ и заключеніе трактата съ Венеціею до болѣе удобнаго времени, когда можно будетъ получить болѣе выгодныя условія для плаванія по Черному морю [2]). Кромѣ ссылокъ на прежніе аргументы,—закоренѣлое предубѣжденіе Порты вообще противъ разрѣшенія этого судоходства какой бы то ни было иностранной націи, сознаніе враждебныхъ отношеній къ ней Россіи и Венеціи, бывшихъ союзницъ противъ Турціи (въ концѣ XVII в.), онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ еще, что достигнуть желаемаго тѣмъ труднѣе, что Порта не видитъ для себя никакой выгоды отъ развитія черноморской торговли, такъ какъ она не нуждается въ продуктахъ, которые могутъ вывозиться въ Турцію изъ Россіи, имѣя ихъ у себя; о благосостояніи своихъ подданныхъ турецкое правительство не заботится, а что торговля эта послужитъ къ выгодѣ Россіи, къ поднятію благосостоянія и заселенію русскихъ областей при Черномъ и Азовскомъ моряхъ — скорѣе можетъ возбудить опасенія у Порты и послужить не только къ отказу въ домогательствѣ Россіи о торговлѣ, но и къ затрудненіямъ въ переговорахъ о крѣпости св. Димитрія [3]). Кромѣ того Обрѣсковъ находилъ, что при отличающемъ пріѣзжихъ въ Константинополь русскихъ купцовъ невѣжествѣ, неразумѣніи и нераспорядительности, трудно даже ожидать особенныхъ выгодъ отъ свободы торговаго мореплаванія въ Черномъ морѣ [4]).

Вслѣдствіе донесеній Обрѣскова и его предмѣстниковъ относительно торговли въ Турцію и Италію, „новоучрежден-

[1]) Приложеніе 19 № 2 и 4.
[2]) Приложеніе 19 № 3.
[3]) Тамъ-же и прилож. 20-е, прилож. 19-е № 3, № 5.
[4]) Приложеніе 23-е.

ная при Прав. Сенатѣ коммиссія о коммерціи“ (главный директоръ—гр. И. Г. Чернышевъ) рѣшила наконецъ въ 1761 г. отправить одного изъ своихъ членовъ, Лодыгина, къ Сѣчи Запорожской съ цѣлью изученія на мѣстѣ тамошней торговли съ Турціею. Лодыгину удалось не только „пристойно уговорить“ нѣкоторыхъ московскихъ первостатейныхъ купцовъ [1]) приступить къ торговому дѣлу въ Туречину и Италію, но даже отправить отъ нихъ „антріпренера“ въ Царьградъ для разузнанія на мѣстѣ условій торговли и вступленія въ переговоры по этому предмету съ тамошними иностранными торговыми конторами и купцами; но и это не оказало повидимому никакого вліянія на усиленіе нашей торговли съ Турціею. Намъ неизвѣстно, каковы были результаты поѣздки антріпренера въ Константинополь. Но весьма характерны вопросы предложенные Лодыгинымъ Обрѣскову и его предположенія касательно устройства торговыхъ сношеній между Россіею и Турціею.

Лодыгинъ полагалъ предложить турецкимъ купцамъ новый, болѣе удобный и безопасный торговый путь изъ Турціи мимо Польши и Бендеръ чрезъ Очаковъ и р. Бугъ [2]) до слободы Орелъ на устьѣ р. Синюхи, или-же чрезъ Запорожскую Сѣчь въ Новую Сербію, и въ этомъ отношеніи надѣялся на „поспѣшествованіе“ Обрѣскова „чрезъ приласканіе купечества и обнадѣженіе вѣрной безопасности отъ самой границы россійской и безпошлиннаго торга въ крѣпости св. Елисаветы и новосербскомъ Новомиргородскомъ фельдъ-шанцѣ, гдѣ уже довольное россійское купечество обращается и нарочитый торгъ въ Польшу производится“. Но отъ Очакова до Орла приходилось идти чрезъ земли Буджацкихъ татаръ гдѣ конечно трудно было обѣщать безопасность купцамъ. А съ другой стороны для грековъ сухопутная дорога чрезъ

[1]) Любопытно показаніе его, что „старые въ Царь-градъ торговцы наши Журавлевы и др.“ не желаютъ вести торговли съ Турціею „будто за потерпѣнными убытками, а прямо для того, что они уже довольно разбогатѣли и *трудно стало провозить безъ пошлинъ товары*“. Прил. 16, № 4.

[2]) Этимъ путемъ пользовались нѣкоторые польскіе купцы для торговли съ Турціею.

Польшу, несмотря на нѣкоторыя неудобства, была все таки менѣе убыточна и болѣе безопасна, чѣмъ морской путь чрезъ Черное море на Очаковъ, особенно при извѣстныхъ недостаткахъ турецкаго судостроенія и мореходства, и „гдѣ притомъ нѣтъ ни единаго надежнаго порта, ни укрытія.“ Понятно что при такихъ условіяхъ Обрѣсковъ отклонилъ отъ себя рекомендацію купцамъ новоизобрѣтеннаго пути.

Далѣе, Лодыгинъ перечисляетъ турецкіе товары, на которые есть спросъ въ Россіи и которые могутъ быть продаваемы въ Россіи, и русскіе, отъ продажи которыхъ турецкимъ купцамъ можно ожидать выгоды. Съ своей стороны и Обрѣсковъ далъ ему нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія относительно русскихъ товаровъ, на которые есть спросъ въ Турціи. Сверхъ того Лодыгинъ надѣялся въ Днѣпровской пристани завести торговлю польскими товарами съ турками и турецкими съ поляками. Но помимо полученныхъ уже ранѣе отъ Обрѣскова и Неплюева свѣдѣній, онъ требовалъ по этому предмету еще новыхъ, болѣе подробныхъ, напр. о цѣнахъ, какія существуютъ на русскіе товары не только въ Турціи, но и въ Тріестѣ, въ Италіи и въ прочихъ Средиземнаго моря портахъ. Вотъ его подлинныя слова: „таковажъ увѣдомленія всепокорнѣйше ожидаю и объ россійскихъ предписанныхъ и протчихъ товарахъ, которые бы по признанію свѣдущихъ купцовъ походны быть могли и по какимъ цѣнамъ обтовою продажею въ Туречинѣ, въ Тріестѣ, въ Италіи и въ прочихъ Средиземнаго моря портахъ. Какъ равнымъ образомъ всенужно знать примѣрно воловую цѣну всякихъ турецкихъ и эвропейскихъ съ той стороны товаровъ, дабы потому могли торговыя дѣла предпринимать россійское купечество, которые тѣмъ одолжены будутъ вашему высокородію толь наипаче, ежели снабдить насъ изволите въ наставленіе и потребными комерческими примѣчаніями съ примѣрною калкулаціею, сколко бы товаровъ нашихъ, какихъ и какова качества надобно, а чему можно на казенный щетъ и пробы пожаловать сообщить, а инному пропорціональное описаніе; чего россійское купечество всеусердно ожидаетъ отъ вашего высокородія, а изъ краткаго плана

господъ Магринія, Бартоломея и Бормана общаго и нуждного понятія безъ експеріенціи возыметь не могутъ, и доколѣ прямо не будутъ увѣрены россійскіе знатные купцы, что охотники съ турецкой стороны, товары наши главные у Днѣпра или близъ Очакова въ показанныхъ мѣстахъ, купить либо на хорошіе оттуда товары, мѣнять сыщутся, дотолѣ собою оные товары на случай привозить трудно отважатся, донынѣ же изъ Туречины по Днѣпру при Запорожской Сечѣ и на 50000 рублевъ торгу не бывало. Но впредь всемѣрно ожидаютъ чрезъ много успѣвающее стараніе вашего высокородія время отъ время знатнѣйшаго купечества для толь отмѣнной способности въ примѣчаніи прочихъ мѣстъ. И при семъ я осмѣливаюсь увѣрить васъ за все сущую истинну, что вы стараніемъ вашимъ о возстановленіи настоящей комерціи чрезъ Очаковъ по малой мѣрѣ учините сатисфакцію знатнѣйшимъ нашимъ патріотамъ и особо въ томъ искренно усердствующему графу И. Г. Чернышеву.“

Положимъ, что Россія не имѣла еще въ то время консуловъ въ турецкихъ владѣніяхъ и въ Средиземномъ морѣ, но нельзя-же было требовать всего этого отъ одного нашего посланника въ Константинополѣ. Правда что русское купечество, какъ по всему видно, относилось пассивно къ стараніямъ правительства въ пользу расширенія русской торговли чрезъ Черное море, и этимъ объясняется то обстоятельство, что главная забота объ немъ возложена была на правительственныхъ агентовъ,—Лодыгина, Обрѣскова и т. п., но съ другой стороны нельзя было и ожидать успѣха отъ такого порядка.

Тѣмъ же характеромъ отличаются и другія требованія Лодыгина. Онъ пишетъ напр:

Въ прочемъ при Сечѣ Запорожской самовидецъ я нѣкоторыхъ притѣсненій купечеству, и едва меньше ли пяти процентовъ съ гречанъ и великороссійскихъ на гостинцы старшинамъ сходятъ; а такіе непорядки купно съ другими обстоятельствами, можетъ быть скорѣе воспричинствуютъ по намѣренію учредить волную пристань и селеніе выше на Днѣпрѣ въ Никитинѣ, которое мѣсто указывалъ за способ-

ное и покойный Неплюевъ. Но сіе потому жъ требуетъ подтвержденія отъ вашего высокородія. А между тѣмъ *хотя бы еще не состоялось учрежденіе* тамъ пристани, однако можно на будущую весну при даваніи отъ васъ паспортовъ реізамъ и купцамъ объявлять, чтобъ они прямо шли до Никитина въ каменный затонъ, гдѣ всемѣрно съ россійской стороны купечество будетъ. О чемъ всѣ въ Сечѣ случившіяся увѣрили.

„Еще же греки здѣсь жалуются, что въ Очаковѣ съ нихъ весьма много на презентъ сходитъ, а сверхъ того принуждаютъ де ихъ съ большихъ судовъ выгружаться для перевозки до Сечи на тамошніе домбасы ради прибыли оныхъ содержателямъ, и такихъ трудностей возможное отвращеніе зависитъ такожъ отъ вашего высокородія.

„Являются охотники, и уже были пробы, привозить по Дунаю изъ нѣмечины потребные намъ товары до Сечи, въ томъ числѣ косы сѣнокосныя изъ Штіеръ-Маркта, но въ турецкой области по Дунаю бываетъ излишнее взятье пошлинъ противу константинопольскаго; а не можно ли въ томъ учинить вашему высокородію поможенія, нижайше прошу удостоить извѣстіемъ.

„Весьма же нужно вѣдать коммиссіи о комерціи чрезъ меня: 1-е о фрактахъ или наймѣ турецкихъ судовъ до разныхъ мѣстъ по Бѣломорью, Средиземному и Черному морямъ; 2-е о пошлинахъ со всѣми таможенными харчами въ Константинополѣ и во всѣхъ знатныхъ пристаняхъ по онымъ морямъ, гдѣ на турецкихъ, а инде на европейскихъ судахъ; 3-е о другихъ случайныхъ и чрезвычайныхъ харчахъ и о приключающихся опасностяхъ съ возможными посредствами какъ бы тѣхъ опасностей миновать льзя было. И всепокорнѣйше прошу вашего высокородія благоволительнаго увѣдомленія же. Ибо на тѣхъ извѣстіяхъ, которые здѣсь Греки сказываютъ со всѣмъ увѣриться сомнительно“.

Обрѣсковъ отвѣчалъ, что въ Константинополѣ знатныхъ иностранныхъ конторъ способныхъ вступить въ артельный торгъ съ Россіею въ настоящее время нѣтъ, а живущіе тамъ иностранные купцы маломочны и содержатся испра-

вленіемъ коммиссій. Турки, греки и жиды „къ торгу непорядошны и весьма криводушливы“, армяне занимаются торговлей съ Персіею или банкиры, да и начальство турецкое чинитъ купцамъ сильныя притѣсненія, прицѣпки и изнуренія. Относительно-же требуемыхъ отъ него свѣдѣній о торговлѣ съ Турціею, Обрѣсковъ могъ лишъ сослаться на прежнія свои и Неплюевскія донесенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и высказать совершенно справедливое мнѣніе, что подробности „купцы лучше чрезъ искуство испытаютъ, нежели я чрезъ навѣдываніе оныя опредѣлить могу“. Что же касается торговли съ Италіею, то объ ней нечего было конечно и распространяться прежде чѣмъ не установилась еще и торговля съ Константинополемъ, а для этого нужно было по мнѣнію Обрѣскова прежде всего сдѣлать опытъ отправкою въ Константинополь нѣсколькихъ судовъ съ русскими товарами и учрежденіемъ коммиссіонеровъ въ Очаковѣ и Константинополѣ (гдѣ въ это время жили два русскихъ купца). Наконецъ, для привлеченія купечества „въ новонаселяемыя заднѣпрскія и понынѣ никому незнаемыя мѣста“, Обрѣсковъ находилъ наилучшимъ «учрежденіе въ пристойное годовое время ежегодной ярмарки, основавъ оную на добрыхъ и въ другихъ государствахъ, а наипаче въ Лепсихѣ (Лейпцигѣ) наблюдаемыхъ обрядахъ, оставляя съѣзжающимся въ избраніи пути полную свободу, которые сами наиудобнѣйшими и менѣе убыточными пользоваться не оставятъ».

Намъ неизвѣстно, какіе результаты имѣла дѣятельность Лодыгина. Вѣроятно никакой, потому что путь чрезъ Очаковъ и Днѣпръ не представлялъ никакихъ удобствъ. Мысль о заведеніи торговли черезъ Днѣпръ могла возникнуть лишъ благодаря случайному временному усиленію привоза туда турецкихъ товаровъ, обусловленному тѣмъ обстоятельствомъ, что „управители Темерниковской компаніи неистовымъ своимъ поведеніемъ турецкое купечество принудили таганрогскій портъ оставить, а изготовленный ими товаръ искать случай въ Запорожской Сѣчи сбыть“. И дѣйствительно, даже при Екатеринѣ II, порта на Днѣпрѣ еще не существовало.

Итакъ, до вступленія на престолъ Екатерины II вопросъ о торговомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ не подвинулся впередъ ни на шагъ. Впрочемъ иностранная морская торговля Россіи въ то время вообще не процвѣтала. Такъ, несмотря на то, что уже въ 1727 г. оборотъ внѣшней торговли Россіи простирался до четырехъ милліоновъ р., изъ которыхъ 2.400000 приходилось на вывозъ, и 1.600000 на ввозъ (балансъ въ пользу Россіи—800000 р.), несмотря на то, что число кораблей, вошедшихъ въ 1763 году въ наши остзейскіе порты достигало 1833-хъ [1]), однако русскіе купцы довольствовались пассивною морскою торговлею. Наконецъ флотъ нашъ былъ въ самомъ грустномъ положеніи. Екатерина обратила на это вниманіе [2]). Однимъ изъ первыхъ актовъ ея правленія было, — выписать изъ за границы моряковъ и мастеровъ для постройки кораблей и обученія русскихъ мореходному дѣлу [3]). Въ томъ-же 1763 г., съ помощью правительственной субсидіи, составилась компанія тульскихъ купцовъ (Владимірова и К°) для отправки корабля въ Средиземное море, въ Гишпа-

[1]) Scherer, Gesch. d. Welthandels, II, 674—675.

[2]) Въ іюнѣ 1765 г. Екатерина писала Панину—nous avons des vaisseaux et du monde dessus à foison, mais nous n'avons ni flotte, ni mariniers. Это о воен. флотѣ въ Кронштатѣ, послѣ смотра, гдѣ оказалась вопіющая неумѣлость въ управленіи кораблями. Сб. Р. И. Общ. X, 23. Ср. тамъ-же, 381 записку Екатерины о первыхъ годахъ ея царствованія. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, рѣшено было отправить нѣсколько офицеровъ въ Мальту для пріобрѣтенія практики въ тамошней морской службѣ; они были приняты на флотъ ордена. См. въ М. Гл. Арх. М. И. Д., Сношен. съ Австріею, III. Vienne, 1765 рескрипты Голицыну и реляцію его отъ 14—25 Сент., № 98. Тамъ-же 1766, рескр. отъ 28 янв. № 2 и реляц. № 4 отъ 11(22)янв., № 63 отъ 20—31 мая, цидулы Голицына за окт. и нолбрь Тамъ-же 1768 г. рескр. 15 авг. и письмо Голицына 8—19 окт. и реляц. № 64 отъ 9—20 іюля. Объ отправкѣ русскихъ моряковъ въ Англію см. Сб. Р. И. Об. VII, 277.

[3]) См. Сборн. Р. Ист. Общ., VII, стр. 274, 309: Рескрипты и указы Екатерины къ приглашенію въ русскій флотъ англ. офицеровъ 1763 года; При этомъ предписано посланнику гр. Воронцову помогать отправленному съ этою цѣлью ген.-поручику Фуллертону и при принятіи на службу офицеровъ и флагмановъ паче всего сохранять политическое правило, чтобъ желающіе вступить въ нашу службу сами прежде у своего двора просили отпуска, а въ случаѣ затрудненія въ этомъ пристойнымъ образомъ

нію, Францію и Италію [1]) и въ слѣд. году компанейскій корабль прибылъ съ товарами въ Ливорно. Въ то-же время (1763—65) приняты мѣры для поднятія русской заграничной торговли [2]). Въ 1765 г. „для лучшаго основанія и утвержденія заведенной отсюда торговли въ порты Средиземнаго моря“ учреждено было русское консульство въ Кадиксѣ. Въ то-же время возобновлены были дифференціальныя пошлины въ пользу русскихъ кораблей, обращено вниманіе на развитіе и устройство путей сообщенія и портовъ, организацію таможенъ, выработаны новые покровительственные тарифы и т. д. и т. д.

Но понятно, что обративши вниманіе на развитіе морской торговли Россіи, Екатерина не могла оставить въ сторонѣ вопросъ о русскомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ. Петру не удалось, несмотря на его старанія, открыть эту вторую отдушину для русской торговли. Екатерина явилась продолжательницею его начинаній [3]).

Уже въ самомъ началѣ ея царствованія, вопросъ о достиженіи свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ составлялъ одну изъ главныхъ заботъ ея [4]). Въ это время

домогаться объ этомъ у тамошняго двора. Въ Венеціи наборъ производился чрезъ посланника нашего въ Вѣнѣ, кн. Голицына. Ему же поручено было пріискать достойныхъ мальтійскихъ офицеровъ въ службу въ русскій гребной флотъ. Рескриптъ 1764 г. № 2 отъ 16 янв. и реляція № 27 отъ 18—29 февр.

[1]) Соловьевъ, XXVI, 27—28; Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Снош. съ Турціею, Constantinople 1763, св. 3, рескр. Обрѣскову № 42 отъ 12 ноября.

[2]) См. Сб. Р. И. Об. VII, 322 и 403, и П. С. Зак. XVIII, № 12.518 о рижской торговлѣ, и Сб. Р. И. Об. VII, 327 и 350 (П. С. Зак. XVI, № 11.985 и 12.122) о коммиссіи о коммерціи россійскаго государства. См. также П. С. З. XVI, №№ 11680, 11761, 11777, 11835, 11837, 11856, 11857 и др. Соловьевъ, XXVI, 28, 128 сл.

[3]) Scherer, II, 692; приложеніе 16, № 3. Въ цитированномъ нами французскомъ мемуарѣ 1761 года сказано между прочимъ о торговлѣ Россіи съ Турціею: „L'industrie des Turcs est si limitée que dans ce commerce avec la Russie par la mer Noire, ils ne gagnent presque rien que le fret; les petits et fresles batiments employés à cette navigation appartiennent presque tous à des janissaires; à l'égard de la marchandise elle est pour le compte des grecs, juifs, arméniens etc. qui font la balance en espèces.“

[4]) См. приложеніе 19, и прилож. 20, № 2.

уже существовала русская компанія Цареградской коммерціи, имѣвшая въ Москвѣ оберъ-директора, а въ Константинополѣ главную контору, и производившая торговлю между прочимъ шерстью, шелкомъ, хлопчатою бумагой, (мѣхами торговала даже казна) [1]); находились еще новые охотники попытать счастья въ учрежденіи торговыхъ сношеній съ Турціею [2]). Кромѣ того были еще и другіе мотивы.

Мы уже говорили выше о неоднократно повторявшихся со стороны венеціанской республики предложеніяхъ заключить торговый трактатъ съ Россіею. Мы говорили и о томъ, что послѣднее предложеніе сдѣлано было Венеціею передъ самымъ вступленіемъ на престолъ Екатерины II, и отъ ея правительства исходило приведенное выше подтвержденіе Обрѣскову стараться о склоненіи Порты къ согласію на торговое судоходство чрезъ Проливы. Независимо отъ этого нашъ посолъ въ Вѣнѣ, кн. Голицынъ, былъ уполномоченъ вступить въ переговоры по вопросу о заключеніи торговаго трактата съ венеціанскимъ министромъ при вѣнскомъ дворѣ [3]). Но русское правительство требовало присылки въ Петербургъ посланника, республика-же отказывала въ этомъ изъ опасенія передъ Турціею [4]). Наконецъ, въ 1766 году рѣшено предложить Венеціи прелиминарные пункты для трактата, но все-таки подъ условіемъ присылки въ Петербургъ посланника отъ республики [5]). Прелиминарные пункты состояли въ слѣдующихъ трехъ условіяхъ: 1) чтобы трактатъ былъ исключительно коммерческій, 2)

[1]) Въ документахъ М. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Сношенія съ Турціею, Constantinople, 1763, связ. 3, реляціи № 8 и № 18; связ. 2,1762 въ канцелярскихъ цидулахъ.

[2]) Учрежденная въ 1763 г. компанія братьевъ Твердышевыхъ и Мясникова для торговли изъ Темерниковскаго порта на Дону чрезъ Константинополь съ Средиземнымъ моремъ; см. приложеніе 18-е.

[3]) Рескриптъ къ нему № 41 отъ 22 нояб. 1762.

[4]) Реляціи Голицына № 87 и 89 дек. 1762; рескриптъ № 9 отъ 21 янв. и письмо къ нему вице-канцлера отъ 30 іюня, реляція его № 25 отъ 15—26 февр. и № 54 отъ 29—9 мар. и письмо отъ 26—6 іюля 1763; рескр. № 12 отъ 28 апр. 1764.

[5]) Рескриптъ Голицыну 1766 г. № 4, отъ 30 іюня.

чтобы Россія доставила венеціанцамъ свободу судоходства въ Черномъ морѣ, и 3) что русскіе товары будутъ покупаемы на мѣстѣ, а венеціанскіе,—привозиться въ Россію Черными и Балтійскимъ моремъ [1]). Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ [2]), наконецъ, въ 1768 г. русское правительство уступило, и въ Венецію отправленъ съ полномочіемъ заключить трактатъ, маркизъ Маруцци [3]). Въ концѣ концовъ трактатъ заключенъ не былъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе страха Венеціи передъ Турціею. Впрочемъ миссія маркиза Маруцци представляетъ много интереснаго. Чтобы не возбудить неудовольствія Порты противъ Венеціи, онъ былъ аккредитованъ не къ одной Венеціи, а къ нѣсколькимъ итальянскимъ республикамъ, и хотя оффиціально ему были поручены заботы о русской торговлѣ съ Италіею, но онъ исправлялъ и политическія порученія, напр. относительно содѣйствія русской экспедиціи въ Архипелагѣ, далѣе, чрезъ него шли сношенія съ знаменитымъ корсиканскимъ вождемъ Паоли [4]), и съ черногорцами, съ египетскимъ пашою Али-Беемъ, возставшимъ противъ Порты. Успѣху его порученій не мало вредило между прочимъ давленіе на Венецію Австріи. Въ результатѣ, договора между Россіею и Венеціею заключено не было. Но попытка венеціанской республики была одною изъ побудительныхъ причинъ для русскаго правительства добиваться отъ Порты разрѣшенія свободы судоходства въ Черномъ морѣ.

Нужно вообще замѣтить, что кромѣ тѣхъ данныхъ, которыя русское правительство добыло путемъ такъ сказать, теоретическимъ и путемъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ своихъ посланниковъ въ Константинополѣ, о возможной пользѣ и выгодѣ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ

---

[1]) Реляція Голицына 1766 г. № 122 отъ 18 (29) октября.

[2]) Реляція Голицына 1768 г. № 48, отъ 21 мая (1 іюня).

[3]) Рескриптъ Голицыну отъ 10 марта 1768 г.; ср. реляцію Голицына № 35 отъ 12—23 апрѣля.

[4]) Поддержкою, оказанною ему Россіею имѣлось въ виду не только увеличить затрудненія Франціи, но и заручиться морскою станціею для русскихъ кораблей.

государствами, прилегающими къ Средиземному морю, правительство Екатерины II могло вывести это заключеніе и изъ успѣха, которымъ увѣнчалась отправка русскаго купеческаго корабля въ Италію. Въ отвѣтъ на полученное имъ въ ноябрѣ 1763 года предписаніе домогаться у вѣнскаго двора, у тосканскаго правительства и у министровъ итальянскихъ республикъ, чтобы отправляющемуся въ Средиземное море, между прочимъ въ городъ Ливорну, россійскаго купца Володимерова фрегату оказываемо было нужное пособіе [1]), кн. Голицынъ сообщилъ о сдѣланномъ ему венеціанскимъ и неаполитанскимъ министрами при вѣнскомъ дворѣ заявленіи, что русскіе подданные могутъ наравнѣ съ подданными другихъ дружественныхъ державъ пользоваться свободнымъ доступомъ и торговлею въ ихъ порты, а неаполитанскій посланникъ присовокупилъ, что король его не отрекся бы заключить и трактатъ коммерціи съ Россіею [2]); вслѣдъ за тѣмъ, въ январѣ слѣдующаго года онъ сообщаетъ [3]) о полученномъ имъ обѣщаніи тосканскимъ и папскимъправительствомъ снисхожденія русскому фрегату, въ случаѣ прибытія его въ ихъ порты, а въ январѣ 1765 г., [4]) о хорошемъ пріемѣ, оказанномъ тосканскимъ правительствомъ русскому въ Ливорнѣ фактору и командующему компанейскимъ фрегатомъ капитану, и о намѣреніи туринскаго купечества вступить „въ нѣкоторый договоръ“ съ русскимъ; въ іюлѣ тосканское правительство представляетъ ему уже о желаніи имѣть русскаго консула въ Ливорно. [5]).

Развитія русской черноморской торговли требовало наконецъ и развитіе культуры на нашихъ южныхъ окраинахъ. Какъ извѣстно, къ половинѣ XVIII вѣка относятся первыя массовыя

---

[1]) Сношн. съ Австріею III. Vienne, 1763: рескриптъ Голицыну № 37 отъ 30 сент. и реляціи Голицына № 175 отъ 19—30 нояб. и № 192 отъ 20—31 декабря; ср. также рескриптъ ему-же № 19 отъ 17 авг. 1764 г.

[2]) Реляція № 192 отъ 20—31 дек. 1763 г.

[3]) Реляціи № 3 отъ 10—21 янв., №№ 127, 136, 143, 153, 176 и рескриптъ № 5 отъ 2 марта.

[4]) Сношн. съ Австріею, III, Vienne, 1765, депеша отъ 29 янв. (9 февр.)

[5]) Реляц. 1765 № 77 отъ 9 (20) іюля.

поселенія славянскихъ выходцевъ на нашихъ юго-западныхъ окраинахъ. Борьба Маріи Терезіи съ Фридрихомъ II подняла мадъярское вліяніе при Вѣнскомъ дворѣ. Мадъяры поставили ей условіемъ своей помощи подчиненіе имъ заселенныхъ сербами земель по р. Тисѣ, Дунаю, Марошу и Савѣ, входившихъ до турецкихъ нашествій въ составъ венгерскаго королевства. Результатомъ этого было рѣшеніе въ 1747 г. благопріятное требованіямъ мадъяръ, вопреки привиллегіямъ, дарованнымъ славянамъ въ концѣ XVII вѣка имп. Леопольдомъ [1]). Это возбудило неудовольствіе сербовъ, — часть ихъ переселилась на югъ, другая незначительная осталась на мѣстѣ, наконецъ третьи потребовали паспортовъ для переселенія въ Россію. Вождями послѣдней группы были полковникъ Хорватъ, подполковникъ Шевичъ, маіоръ Зоричъ, семейство Вуичей, Депрерадовичъ и др. [2]) Этимъ то переселенцамъ въ 1750-хъ годахъ выданы были привиллегіи отъ императрицы Елизаветы Петровны на земли „плодоносныя, обширныя и для житья человѣческаго выгодныя“ на Украинѣ въ степи между р. Синюхою, впадающею въ Бугъ и Днѣпромъ, названныя Новою Сербіею, и на пустыя земли между Донцомъ и Луганью, названныя Славено-Сербіею [3]). Поселенія эти, какъ и въ Австріи были военныя. Но значеніе ихъ было не только военное. Уже въ 50-хъ годахъ современникъ, Пишчевичъ, писалъ: „Наши генералы, Хорватъ въ Новой, Шевичъ и Депрерадовичъ въ Славено-Сербіи, учинили своимъ выходомъ и своими поселеніями такой къ пользѣ примѣръ, что изъ древней пустыни сдѣлалась, вотъ уже нынѣ, земля обѣтованная, населенная, разработанная, удобренная, и плоды земные стала давать обильные, и какъ бы не они тогда ее заселять зачали, то бы можетъ и навсегда осталась подъ прежнимъ своимъ именемъ пустыни, понеже не находился никто предъ тѣмъ, чтобы тѣ земли иностраннымъ народомъ наполнить и заселить, доколѣ сіи наши выходцы туда не пришли и

[1]) Н. Поповъ, Военн. поселенія Сербовъ въ Австр. и Россіи, Вѣстн. Евр. 1870 Іюнь, стр. 588—597.

[2]) Поповъ, 598 сл.

[3]) Поповъ, 605 сл.; Скальковскій, 21.

учинили тому зачало и фундаментъ, не устрашась такого близкаго и злаго сосѣдства, каковы тогда страшны были турки и татары, что́ и надлежитъ дѣломъ великимъ сочтено быть.“ [1]) Поставленная на р. Ингулѣ Хорватомъ крѣпость св. Елисаветы вскорѣ превратилась въ немалый торговый городъ, впослѣдствіи Елисаветградъ. Развитію благосостоянія провинцій между прочимъ способствовало подтвержденіе въ 1760 году данной имъ ранѣе привиллегіи на счетъ свободной внутренней торговли и продажи вина, и дозволеніе безпошлинно покупать лошадей и выпускать хлѣбъ за границу. Учрежденнымъ въ 1755 г. пограничнымъ таможнямъ въ Орликѣ (на Днѣпрѣ), Царичанкѣ, Бахмутѣ, Изюмѣ и въ Луганской станицѣ, строго запрещено дѣлать новымъ поселенцамъ какія либо препятствія для улучшенія домашняго ихъ быта, привозомъ изъ Польши и Турціи разныхъ необходимыхъ для жизни и домоводства предметовъ (1762). Полякамъ, являющимся для торговли, или для службы въ Гусарскихъ селеніяхъ, позволено даже, не поселяясь, имѣть временное пребываніе въ Ново-Сербіи. Богатыя воеводства Русскія, сопредѣльныя съ оною, надѣляли новую область лѣсомъ, домашнею утварью и съѣстными припасами, лучшими, нежели могли истрѣчаться въ степномъ хозяйствѣ, и которые были необходимы для людей, переселившихся съ запада. Поселенія вели довольно значительную торговлю съ Турціею и Крымомъ [2]). Торговля производилась не деньгами, а мѣною. Торговля съ Польшею была преимущественно транзитная, но изъ Подоліи и Покуця доставлялись лѣсъ и хорошей породы скотъ. На ярмарки (бывшую въ первый разъ

[1]) Поповъ, 608 сл.

[2]) Отпускъ состоялъ изъ чугунной и желѣзной посуды, гвоздей, холста, канатовъ и веревокъ, масла коровьяго и овечьяго, считавшагося самымъ важнымъ предметомъ отпуска и покупаемаго высокою цѣною, парусины, пеньки, паюсной икры, китайки, рогатаго скота, однимъ словомъ: изъ произведеній степи и малой части мануфактурныхъ товаровъ, привозимыхъ изъ великой Россіи; привозились изъ-за границы: шерсть овечья въ большомъ количествѣ, хлопчатая бумага, ладонъ, нашатырь, бакалія (т. е. сухіе фрукты), волосскія, греческія и крымскія вина, оружіе и т. п.

въ крѣпости Св. Елисаветы 29 Іюня 1754 года) дозволено впредъ допускать даже турецкихъ подданныхъ и татаръ съ наблюденіемъ только, чтобы они таможень не миновали, и съ принятіемъ предосторожностей противъ внесенія чумы. Турецкіе подданные пріѣзжали въ Новосербію чрезъ Новый Орликъ на устьѣ Синюхи, пограничный городокъ съ Польшею и Турціею, гдѣ было турецкое торговое селеніе *Голта*, а равно изъ Балты. Въ 1756 году, по ходатайству Обрѣскова, отправлены въ крѣпость св. Анны, Кизляръ и Кіевъ деньги для пособія выходящимъ изъ турецкаго, или татарскаго плѣна единовѣрнымъ людямъ, не имѣвшимъ пріюта или собственности въ ихъ отечествѣ, грекамъ, волохамъ, сербамъ и др. заявлявшимъ о своемъ желаніи поступать на службу въ Новосербскіе или Славеносербскіе полки, или поселиться на ихъ земляхъ и слободахъ [1]).

Таковы были между прочимъ обстоятельства, побуждавшія русское правительство добиваться разрѣшенія русскаго торговаго судоходства въ Черномъ морѣ.

А между тѣмъ приходилось отказаться отъ этого „существеннаго для интересовъ отечества и подданныхъ“ средства: даже довольствуясь для торговли плохими турецкими судами и неискусными шкиперами, что одно уже представляло значительное предосужденіе коммерціи, приходилось однако на каждомъ шагу сондировать Порту, брать всевозможныя предосторожности, чтобъ не возбудить въ ней какихъ-либо подозрѣній, и къ тому-же терпѣть отъ произвола турецкаго и татарскаго начальства.

Правда, мѣры проектировавшіяся русскимъ правительствомъ съ этою цѣлью далеко не всегда отличались надлежащею разумностію, даже при Екатеринѣ. Такъ, она подобно своимъ предмѣстникамъ обратила вниманіе и на положеніе Новой Сербіи. Въ 1764 г. туда отправленъ въ качествѣ главнаго командира генералъ А. П. Мельгуновъ [2]) съ порученіемъ „для поправленія новороссійской губерніи до той степе-

---

[1]) Скальковскій, Хронол. обозр. исторіи Новоросс. края, I, стр. 36 сл.
[2]) Біографію его см. въ Рус. Архивѣ 1865 г.

ни, въ которую она по натуральному своему положенію легко приведена быть можетъ, прилежно стараться о распространеніи тамъ коммерціи и приведеніи ея въ цвѣтущее состояніе къ пользѣ русскихъ подданныхъ"; а такъ какъ эта коммерція необходимо должна была быть „по большей части сопряжена съ областями Порты", то для свѣдѣнія о всѣхъ нужныхъ къ ея распространенію обстоятельствахъ и для изысканія удобныхъ къ произведенію ея способовъ, рѣшено было отправить въ Турцію знающихъ людей изъ купцовъ, которымъ и предписано Обрѣскову оказывать помощь совѣтами и покровительствомъ при Портѣ [1]).

Такимъ образомъ, казалось бы, дѣло открытія торговыхъ сношеній чрезъ Константинополь получало наконецъ правильную постановку. Но потомъ оказалось, что правительство поручило этимъ „купецкимъ людямъ" учредить въ Константинополѣ и еще пяти другихъ турецкихъ городахъ (Киліи, Бѣлгородѣ, Очаковѣ, Бендерахъ и Яссахъ) купеческія конторы, а Обрѣскову предписывалось исходатайствовать на это у Порты разрѣшеніе и покровительство согласно постановленіямъ 9 ст. трактата 1739 года и о свободѣ взаимной торговли. Ему-же поручено пріохочивать знатныхъ и капитальныхъ турецкихъ купцовъ къ привозу товаровъ въ Килію и Очаковъ на ихъ собственныхъ судахъ для обмѣна ихъ на русскіе товары, которые будутъ привозиться туда русскими купцами [2]).

Такое предположеніе, конечно, не могло имѣть успѣха, тѣмъ болѣе, что по договору 1739 г. условлена была лишь взаимная свобода торговли „на такомъ основаніи, какъ другихъ державъ подданнымъ позволено", а въ намѣченныхъ русскимъ правительствомъ городахъ (кромѣ Константинополя) иностранцы конторъ не имѣли. Обрѣсковъ на это и обратилъ вниманіе русскаго правительства. Кромѣ того онъ весьма основательно возражалъ, что конторы могутъ быть полезны лишь „къ утвержденію основаннаго и распространившагося

[1]) См. приложеніе 20, № 1.
[2]) См. приложеніе 20, № 2.

купечества, а не при первыхъ его началахъ“ и къ управленію ими нужны люди разумѣющіе, которыхъ между нашими купцами весьма мало. Въ заключеніе Обрѣсковъ опять настаивалъ на необходимости предварительно отправить въ Турцію знающихъ людей для развѣдокъ о тамошней торговлѣ и на мнѣніи, высказанномъ уже ранѣе его предмѣстниками въ пользу учрежденія порядочной ярмарки, „на которую конечно съѣзжаться болѣе охотниковъ будетъ, нежели просто торговать“ [1]).

Мнѣнія Обрѣскова получили апробацію императрицы [2]).

Съ другой стороны, заботы русскаго правительства о развитіи торговли нашихъ южныхъ окраинъ имѣли иногда даже обратное дѣйствіе. Именно оправдались сообщенія Обрѣскова и его предмѣстниковъ о томъ, что съ одной стороны, Порта нисколько не печется о благосостояніи своихъ подданныхъ и о распространеніи своей коммерціи [3]), а съ другой—что она съ предубѣжденіемъ и опасеніемъ смотритъ на всѣ распоряженія, дѣлаемыя въ русскихъ провинціяхъ, лежащихъ близъ Азовскаго и Чернаго морей и клонящіяся къ ихъ заселенію и благосостоянію, между прочимъ слѣдовательно на распоряженія имѣющія въ виду распространеніе торговли. Фактическимъ подтвержденіемъ этихъ сообщеній русскихъ посланниковъ въ Константинополѣ послужило поведеніе Порты относительно торговаго судоходства по Днѣпру. До 1762 года, русскіе и турецкіе купцы безвозбранно ѣздили на турецкихъ судахъ съ своими товарами между Дономъ (Таганрогомъ), Очаковымъ и по Днѣпру до Сѣчи. Но какъ только распространился слухъ о прибытіи въ 1761 г. коммиссіи Лодыгина для изысканія на Днѣпрѣ удобнаго мѣста для производства торговли, то тотчасъ-же ханъ крымскій сталъ дѣлать затрудненія судоходству по Днѣпру и принуждать купцовъ нашихъ съ товарами объѣзжать черезъ Крымъ, „дѣлая имъ чрезъ то надмѣрныя излишнія издержки, приводя въ резонъ, что сей есть

---

1) Приложеніе 20, № 4.

2) Тамъ-же, № 5.

3) Это подтверждается и исторіею сношеній Порты съ другими христіанскими державами. Примѣры у Hammer, Zinkeisen.

искони обыкновенный путь». Такъ, въ 1764 г. онъ задержалъ въ Очаковѣ три судна, нагруженныхъ товарами русскихъ купцовъ и шедшихъ въ Запорожье [1]). Обрѣсковъ подалъ на основаніи трактата 1739 г. протестъ Портѣ, но онъ былъ оставленъ ею безъ послѣдствій [2]).

Нужно впрочемъ замѣтить, что на опасность для Турціи русскихъ поселеній въ Новой Сербіи обращала вниманіе Порты и Франція, которая съ своей стороны опасалась, что этими поселеніями Россія откроетъ себѣ путь къ Черному морю [3]).

Очевидно было, что посредствомъ переговоровъ основанныхъ на доводахъ международнаго мирнаго общенія нечего было и надѣяться достигнуть чего либо въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ отъ этого страдали интересы Россіи, нашъ югъ былъ обреченъ экономическому застою, приходилось напр. отказаться отъ новороссійской коммерціи и отъ „поправленія новороссійской губерніи до той степени, въ которую она по натуральному своему положенію легко приведена быть могла бы“ [4]). Екатерина рѣшилась прибѣгнуть къ политическимъ средствамъ. Думали сначала достигнуть желаемаго путемъ взаимныхъ уступокъ, именно дозволенія туркамъ

[1]) См. приложеніе 20, № 3 и 4.

[2]) См. приложеніе 21 и 20 № 3.

[3]) См. мемуаръ гр. Верженна Людовику XV (1769 года) у Testa, Rec. des traités de la Porte Ottomane, t. II, France II, p. 183. Ср. также реляцію Обрѣскова 1754 г. по дѣлу о постройкѣ крѣпости св. Елисаветы въ Архивѣ кн. Воронцова, кн. XXV, стр. 183 сл. и IV, 64 сл. и записку гр. М. Воронцова, 1762 года, тамъ же XXV, стр. 303 сл.

[4]) Въ данной въ 1764 г., при учрежденіи малороссійской коллегіи, президенту ея и главному малороссійскому командиру гр. П. А. Румянцеву инструкціи, императрица говоритъ между прочимъ: „Извѣстны каждому пространной Малороссіи обширность, многолюдство живущаго въ ней народа, великое ея плодородіе и по добротѣ климата различныя предъ многими имперіи нашей преимущества; но напротивъ того не меньше извѣстно всѣмъ и то, что Россія при всемъ томъ весьма малую, а... почти и никакой отъ того народа пользы и доходовъ донынѣ не имѣла“. Тутъ конечно не малую роль играли и непорядки: въ управленіи краемъ, но для усиленія его благосостоянія полезнымъ признавалось и развитіе тамъ промышленности и торговли. Соловьевъ, XXVI, 45 сл.

провоза христіанъ-невольниковъ чрезъ русскія владѣнія [1]), потомъ старались достигнуть того-же какъ эквивалента за отдѣленіе Россіи отъ союза съ Австріею, чуть ли даже (относящіеся сюда мѣста документовъ не достаточно ясно выражаютъ мысль русскаго правительства) дозволеніе свободнаго судоходства въ Черномъ морѣ не ставилось цѣною нейтралитета Россіи въ случаѣ войны Турціи противъ Австріи [2]). Всѣ эти старанія остались безплодны [3]). Объявленіе Турціею Россіи войны въ 1768 году дало наконецъ возможность русскому правительству добиться давно желанной цѣли силою оружія.

Вообще изъ донесеній нашихъ посланниковъ въ Константинополѣ и другихъ документовъ, относящихся къ половинѣ XVIII вѣка, мы можемъ заключить:

1) Что русскіе купцы возили свои товары на турецкихъ греческихъ) судахъ и въ Константинополь, и даже въ Смирну и Архипелагъ, и продавали ихъ тамъ оптомъ и въ розницу „безпрепятственно и самопроизвольно“ [4]).

2) Что торговля и взаимный обмѣнъ товаровъ между турецкими и русскими купцами въ Россіи производились на Дону, у Темерниковскаго порта, въ Таганрогѣ, въ Черкасскѣ, на Днѣпрѣ, у запорожской Сѣчи, въ Нѣжинѣ и на другихъ Украинскихъ ярмаркахъ [5]).

3) Что торговля на Украинѣ была болѣе развита, чѣмъ на Дону, вслѣдствіе отчасти незначительности тамошней пошлины, отчасти существованія ярмарокъ [6]).

---

[1]) Приложеніе 24-е.

[2]) См. приложеніе 22-е. Соловьевъ XXVI, 183.

[3]) См. денешу Обрѣскова Панину отъ 9 окт. 1765, въ М. Гл. Арх. М. Ин. Д., Сношн. съ Турціею, Constantinople, 1765, связ. 12; несмотря на дружественныя въ это время отношенія Порты къ Россіи: см. реляц. Обрѣскова № 46, отъ 19 нояб. 1764, тамъ-же, 1764, связ. 9: „Что касается до сентиментовъ Порты къ высочайшей В. Ва персонѣ, со всею подлинностью В. И. Вво удостовѣрить смѣлость пріемлю, не могутъ никогда быть ни болѣе дружескіе, ни чистосердечнѣе нынѣшнихъ“.

[4]) См. прилож. 15 и 16, № 4.

[5]) См. приложенія 15 и др

[6]) Приложеніе 15.

Препятствія къ развитію торговли были слѣдующія:

1) Плохое судостроеніе и оснастка турецкихъ и греческихъ торговыхъ кораблей и невѣжество кормщиковъ въ навигаціи [1]), а отсюда и опасность морскаго торговаго судоходства,

2) Отсутствіе необходимыхъ приспособленій въ Таганрогѣ, Черкасскѣ и на Дону для быстраго и правильнаго торга и обмѣна товаровъ; отсутствіе конторъ и амбаровъ, затрудненія въ выстаиваніи карантиновъ и т. п. [2])

3) Быть можетъ, этимъ обусловливавшаяся неаккуратность русскихъ купцовъ въ заблаговременной доставкѣ на размѣнные пункты товаровъ, предназначаемыхъ къ отпуску [3]), а отсюда конечно:

4) Дороговизна фрахтовъ и уменьшеніе прибыльности торговли; къ числу обусловливавшихъ ихъ причинъ слѣдуетъ отнести и погоню купцовъ за быстрой наживой путемъ произвольнаго возвышенія цѣнъ на товары въ надеждѣ, что товары эти помимо ихъ ни отъ кого другаго получить нельзя, [4])

5) Отсутствіе предпріимчивости и частной иниціативы со стороны русскаго купечества, главнымъ образомъ расчитывавшаго на помощь и опеку правительства, [5])

6) Непорядочность русскихъ купцовъ, [6])

7) Незнакомство иностранныхъ купцовъ съ условіями южно-русской торговли и отсутствіе всякихъ приспособленій для нея,

и 8) Опасность торговыхъ путей, какъ морскаго, такъ и кратчайшаго сухопутнаго чрезъ территоріи татаръ.

Такъ, еще въ 1743 году указомъ отъ 7 декабря повелѣно было великому гетману малороссійскому строго смотрѣть за запорожцами, шатающимися въ степи, прекратить

---

[1]) Прилож. 15 и 16, № 4.
[2]) Прилож. 15 (италіанская записка), 16, № 4.
[3]) Прилож. 16, № 4.
[4]) Прилож. 16, № 4.
[5]) Прилож. 15 и 16, № 4.
[6]) Прилож. 14.

ихъ грабительства и обиды, чинимыя купцамъ, не дозволять имъ брать безъ указа крымскую соль и т. п. [1]) Далѣе, мы находимъ указъ Сената отъ 1 мая 1764 года, которымъ сообщалось Обрѣскову о принятомъ правительствомъ намѣреніи распространить торгъ въ Турціи и о постройкѣ крѣпости св. Елисаветы для пользы и выгоды подданныхъ русскихъ, торги въ турецкой и польской областяхъ имѣющихъ, для воздержанія отъ обидъ и наглостей сосѣдственныхъ народовъ и для защищенія ихъ отъ всякихъ противныхъ приключеній отъ хана крымскаго [2]).

Итакъ, рѣшеніе вопроса о свободѣ торговыхъ сношеній Россіи съ другими народами черезъ Черное море пришлось предоставить оружію.

4. Задачи Россіи въ войнѣ съ Турціею 1768—1774 года.

Мы видѣли какимъ образомъ, начиная со временъ Петра I, зародился и постепенно пріобрѣталъ все большее значеніе для Россіи въ ея отношеніяхъ къ Турціи чисто экономическій вопросъ о свободѣ русскаго торговаго судоходства черезъ Черное море и Проливы. Отсюда само собою, естественно возникаетъ предположеніе, что русское правительство должно было воспользоваться объявленною ему Портою въ 1768 г. войною для осуществленія этого интереса Россіи. Между тѣмъ на основаніи пресловутаго греческаго проекта и новѣйшей исторіи восточнаго вопроса, не только въ иностранной исторической литературѣ, но и у насъ привыкли обращать вниманіе преимущественно на политическую сторону отношеній Россіи къ Турціи, и именно на связь, замѣчаемую, правда со временъ Петра I, между чисто національными задачими преслѣдовавшимися русскимъ правительствомъ въ войнахъ съ Турціею и задачами т. сказ. общехристіанскими. Такъ, въ вышедшемъ недавно (въ 1878 г.) сочиненіи Сореля,—La question d'Orient au XVIII siècle, — сочи-

[1]) Соловьевъ.

[2]) М. Гл. Арх. М. И. Д., Снош. съ Турц., III. Constantinople, 1764, св. 8.

ніи вполнѣ серіозномъ и научномъ, написанномъ на основаніи большею частью не подлежащихъ сомнѣнію источниковъ, мы находимъ совершенно превратный взглядъ на русскую политику въ турецкую войну 1768—1774 года.

Сорель, именно, ссылаясь на старинныя связи Россіи съ единоплеменными ей народами, входившими и входящими въ составъ турецкой имперіи, ставитъ на одну доску политику Екатерины въ диссидентскомъ дѣлѣ, и въ отношеніи Порты. Правда, русское правительство всегда поддерживало добрыя отношенія къ грекамъ и православнымъ славянамъ на востокѣ, тѣмъ болѣе, что цѣною сравнительно незначительныхъ расходовъ на „милостыни“ разнымъ пріѣзжимъ монахамъ съ Аѳона и др. мѣстъ, оно пріобрѣтало въ Турціи дѣятельныхъ пропагандистовъ въ пользу своего вліянія на тамошнихъ христіанъ, получало отъ этихъ пришельцевъ массу нужныхъ ему свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Турціи и т. д. Нельзя отрицать и того, что по мѣрѣ возможности русское правительство оказывало даже защиту христіанамъ въ Турціи, но на первомъ планѣ въ отношеніи Турціи у него все-таки всегда стояли ближайшіе интересы Россіи, сосредоточивавшіеся въ то время на вопросахъ о Крымѣ и Черномъ морѣ.

Остановимся нѣсколько на значеніи религіи, православія въ политикѣ Екатерины.

Извѣстно, что условія, при которыхъ Екатерина вступила на престолъ, обязывали ее заявить себя въ качествѣ ревнительницы православія [1]). Въ противоположность Петру III она строго соблюдала церковные обряды православной церкви [2]). Въ составленной ею запискѣ о первыхъ годахъ ея царствованія [3]), она говоритъ о себѣ, что она „возведена была на престолъ для обороны православнаго закона“. Какъ

[1]) См. манифесты о вступленіи ея на престолъ въ П. С. З. XVI, № 11582 и въ „XVIII Вѣкѣ“ Бартенева 1869, IV, 216—224.

[2]) См. донесенія Мерси д'Аржанто въ Сб. Р. Ист. Об. XVIII; Raumer, Europa, I, гл. 6.

[3]) Въ Сбор. Р. Ист. Об. XXVII, и въ Рус. Архивѣ, 1865; ср. также грамоту на графское достоинство Орловымъ, въ Рус. Арх. 1873, 32.

на „защитницу благочестія“ смотрѣло на нее и провозглашало ее таковою и духовенство [1]). Этимъ объясняется между прочимъ поведеніе Екатерины при обсужденіи въ сенатѣ, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, вопроса о допущеніи евреевъ въ Россію [2]), или записка ея Елагину о недозволеніи на придворной сценѣ представленій языческаго характера, какъ противныхъ христіанской нравственности [3]). Странно звучитъ отъ поклонницы Вольтера такой отзывъ: „я, когда сюжеты вообще суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, *страдаю всегда*, видя то на театрѣ, хотя иногда для костюма того избѣгнуть не можно“. Можно бы привести еще цѣлый рядъ распоряженій, носившихъ такой-же характеръ [4]). Но всѣ они имѣютъ значеніе внутреннегосударственное. Что-же касается вліянія вѣры на политику, то въ одной запискѣ, писанной ею до вступленія на престолъ, Екатерина выражалась такъ: слѣдуетъ „уважать вѣру, но никакъ не давать ей вліянія на государственныя дѣла“. Дѣйствительно, въ дѣлѣ напр. о церковныхъ имуществахъ, она съумѣла устоять на почвѣ государственнаго права и не подчиниться своекорыстнымъ требованіямъ духовенства [5]).

---

[1]) См. проповѣди Дм. Сѣченова и Геор. Конисскаго при коронаціи Екатерины; послѣдній прямо взывалъ къ ней о защитѣ своей паствы отъ гнета католицизма. Ср. также доношеніе въ Синодъ Арсенія Мацѣевича отъ 6 марта 1763 г.

[2]) См. указанную записку Екатерины.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. VII, 156; рѣчь идетъ о „Непостижимость судьбы“.

[4]) Напр. 1763 г. о наказаніяхъ для тѣхъ, кто будетъ разговаривать въ придворной церкви во время службы (Др. и Н. Россія 1879, № 11, стр. 416); о запрещеніи продажи книгъ направленныхъ противъ закона (церкви), добраго нрава и т. д. Ср. также у Соловьева XXV, 172.

[5]) Облегченія магометанамъ—русскимъ подданнымъ въ отношеніи обращенія ихъ въ православіе и строенія мечетей также вызваны были политическими соображеніями. Соловьевъ XXVIII, 30 сл. Впрочемъ въ запискѣ, писанной въ концѣ царствованія Елисаветы (Сб. Р. И. Об. VII) она говоритъ: „не признаю полезнымъ принуждать нехристіанъ-инородцевъ принимать нашу вѣру: многоженство болѣе полезно для умноженія населенія“. О взглядѣ Екатерины на религію и церковь, см. В. Иконникова, Время Екатерины II, лекціи, Кіевъ, 1881, вып. I, 213, 143 сл., 255 сл., вып. II,

Также и въ польской и турецкой политикѣ Екатерины слѣдуетъ остерегаться приписывать слишкомъ значительную роль желанію ея пріобрѣсти популярность въ народѣ путемъ поддержки и распространенія православія [1]). Такъ, диссидентскій вопросъ въ Польшѣ носилъ чисто-политическій характеръ. Правда, правительство Екатерины выставляло православіе и защиту христіанства въ Турціи въ качествѣ политическихъ мотивовъ, но нельзя относиться къ подобнымъ заявленіямъ слишкомъ серіозно, — это было не болѣе, какъ удобные и общепонятные лозунги: для народа патріотизмъ сливался съ защитою православія, распространеніе его съ распространеніемъ вліянія Россіи, для Вольтера вмѣшательство Россіи за диссидентовъ въ Польшѣ равнялось повидимому торжеству духа вѣротерпимости, а для Россіи это вмѣшательство было политическимъ средствомъ къ постоянному вліянію въ Польшѣ. На значеніи русской политики въ отношеніи къ диссидентамъ мы будемъ имѣть случай остановиться далѣе, а теперь вернемся къ занимающему насъ вопросу о русской политикѣ относительно Турціи. Въ этомъ отношеніи мы рѣшаемся утверждать, что въ первую половину царствованія Екатерины единовѣріе грековъ, румынъ и черногорцевъ съ русскими служило лишь для политическихъ цѣлей Россіи, — они были для нея удобными союзниками, впрочемъ менѣе полезными чѣмъ того иногда ожидали [2]). Если Вольтеръ, въ перепискѣ съ Екате-

---

327 сл. Соображеніями политики объясняются и такія противорѣчія между словомъ и дѣломъ у Екатерины, какъ напр. то, что съ одной стороны она хлопочетъ о томъ, чтобъ присутствовать лично при окрытіи мощей Димитрія Ростовскаго, извѣщаетъ Панина о исцѣленіяхъ поклоненіемъ мощамъ (Сб. Р. Ист. Об. VII, 288), съ другой — скептически относится къ чудесамъ въ письмахъ къ Вольтеру (Сборн. X, 175), или что въ письмахъ къ нему она увѣряетъ, что въ ея царствованіе православный, католикъ и магометанинъ уживутся мирно вмѣстѣ (X, 35), а между тѣмъ ради финансовыхъ цѣлей и, потакая предразсудкамъ, облагаетъ раскольниковъ двойнымъ окладомъ. (Иконниковъ, вып. II, 343 сл.).

[1]) Sorel, La question d'Orient au XVIII siècle. 1878, p. 9 сл.

[2]) Ср. записку М. Л. Воронцова о Портѣ Оттоманской въ Арх. кн. Воронцова XXV, 301. Въ 1745 г. нашъ резидентъ въ Константинополѣ Вешн-

риною, предсказывалъ изгнаніе турокъ изъ Европы, раздѣлъ Турціи между Россіею, Австріею и Венеціею, и возстановленіе Византійской имперіи [1]), то это были не болѣе какъ химеры философа-поэта, которыя далеко не раздѣлялись серіозно Екатериною. Румыны, болгаре, черногорцы его не интересовали,—это были варвары въ его глазахъ; но онъ зналъ греческихъ классиковъ, и въ интересахъ возрожденія т. сказ. классическаго народа, мечталъ объ основаніи Екатериною греческой академіи, о возведеніи Аѳинъ на степень европейскаго города; Вольтеръ увлекался мыслію объ изгнаніи турокъ изъ классической Греціи, изъ родины Ксенофонта, Сократа, Платона, Софокла и Еврипида, [2]) онъ желалъ изгнанія изъ Европы этихъ варваровъ, „которые не любятъ стиховъ, никогда не бывали въ театрѣ“, этихъ „негодныхъ людей, которые держатъ женщинъ въ заперти“ [3]). Екатерина быть можетъ тоже мечтала объ изгнаніи турокъ, о возстановленіи независимости грековъ и славянъ подвластныхъ Портѣ, особенно если принять во вниманіе, что не только освобожденіе ихъ, но даже облегченіе ихъ бытія должно было содѣйствовать ея славѣ и вліянію Россіи въ Турціи, но во всякомъ случаѣ войны ея съ Портою, и въ частности первая война, далеко не носила отвлеченнаго характера крестоваго похода, и если у Екатерины были мечты обѣ изгнаніи турокъ и т. п., то она под-

---

няковъ совѣтовалъ войну и завоеваніе Турціи съ помощью подвластныхъ ей христіанъ: Соловьевъ XXII, 89—93. При Аннѣ Іоанновнѣ изъ Германіи выписанъ былъ въ Россію оріенталистъ, профессоръ Кееръ. Въ бумагахъ его, хранящихся въ М. Гл. Арх. М. И. Д. мы нашли между прочимъ (портф. 16, № 3) любопытную рукопись 1732 года,—проектъ завоеванія Турціи посредствомъ союза съ Абиссиніею и съ греческимъ народомъ; проектъ этотъ, какъ видно изъ словъ Кеера (портф. 21, № 2, л. 15) написанъ былъ по порученію Анны Іоанновны и Миниха.

[1]) Напр. письма его Екатеринѣ отъ 27 мая и 30 окт. 1769, Фридриху 4 мая 1770.

[2]) Письма его Фридриху 1 марта 1771, Екатеринѣ 20 іюня, 28 авг. и 21 сент. 1770 и 13 февр. 1773.

[3]) Это онъ писалъ женщинѣ—Екатеринѣ. О перепискѣ Екатерины съ Вольтеромъ см. Вѣст. Евр. 1880, № 10—12 статью г. Корша; въ Revue des deux Mondes. 1874 и 1877 статьи Rambaud (извлечен. въ Рус. Арх. 1877 г.)

чиняла ихъ ближайшимъ и непосредственнымъ реальнымъ интересамъ Россіи,—а эти интересы по прежнему сосредоточивались на отношеніяхъ къ татарамъ и вопросѣ о русскомъ судоходствѣ въ Черномъ морѣ. Что-же касается экспедиціи въ Морею, то она имѣла прежде всего значеніе военной диверсіи,—въ 1765 году Екатерина помышляла возбудить православное и славянское населеніе Австріи противъ австрійцевъ, въ 1769 году такимъ-же орудіемъ должны были служить для Россіи греки. Вольтеръ ставилъ экспедицію въ Архипелагъ выше *военныхъ* комбинацій Ганнибала [1]), и это было пожалуй вѣрно.

Наконецъ, въ манифестѣ объ объявленіи Россіи войны Турціею, ни слова не говорится о религіи. Объясненіе причины объявленія войны религіозною враждою мы находимъ лишь въ одномъ рескриптѣ гр. А. Г. Орлову, въ прокламаціи къ грекамъ и славянамъ и т. п.

Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи рескриптъ къ Орлову, извѣщающій его объ объявленіи намъ турками войны и о причинахъ этого [2]), съ рескриптами того же содержанія, сообщенными другимъ нашимъ посланникамъ, генераламъ и пр. Съ перваго-же взгляда нельзя не замѣтить въ немъ много общаго съ отправленнымъ впослѣдствіи къ турецкимъ христіанамъ манифестомъ [3]). Здѣсь мы находимъ сильно оттѣненнымъ несовсѣмъ вѣрное объясненіе, что „Порта *по обыкновенной ея злобѣ* къ православной церкви нашей, *видя старанія* употребляемыя *за вѣру и законъ* нашъ, который мы тщились въ Польшѣ привести въ утвержденныя трактатами древнія его преимущества, кои у него насильно похищены были, дыша мщеніемъ, презрѣвъ всѣ права народныя и самую истину, *за то только одно*“ нарушила

[1]) Письмо Екатеринѣ 2 янв. 1770.

[2]) Спош. съ Турц. X. Campagnes Turquie, св. 1. Рескриптъ отъ 29 янв. 1769 г. вмѣсто полной мочи для переговоровъ съ греками и славянами. См. приложеніе 25. Ср. А. Петрова, I, 118.

[3]) Петрова, Исторія турецкой войны, I, 103 сл. Объясняется тѣмъ, что этотъ рескриптъ долженъ былъ служить Орлову и полномочіемъ для переговоровъ съ турецкими христіанами.

миръ и объявила намъ войну. Далѣе указывается на „свойственную туркамъ лютость и ненависть ихъ къ христіанству“, выражается „крайнее сожалѣніе“ объ угнетеніи турками „древностію и благочестіемъ знаменитыхъ сихъ народовъ“ подъ игомъ ихъ стенящихъ, и въ заключеніе заявляется, что „соображая горестное благочестивыхъ сихъ сыновъ церкви Божія состояніе, пріемлемъ мы нынѣ во всемилостивѣйшее разсужденіе и желаемъ *сколько возможно* избавленію ихъ и отрадѣ споспѣшествовать“. Они увѣщеваются воспользоваться случаемъ къ сверженію ига и приведенію себя въ независимость, ополчаясь гдѣ и когда будетъ удобно противъ общаго всего христіанства врага, стараясь ему причинять возможный вредъ и чрезъ то способствовать общему благому дѣлу и собственному своему жребію, *которая прочность* и на будущія времена *свято и ненарушимо утвердится* при заключеніи съ Портою мира, когда она принуждена будетъ искать его отъ насъ. Выражается наконецъ желаніе видѣть освобожденіе христіанъ отъ ига и обѣщается покровительство и милость для *сохраненія* всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя *они своимъ храбрымъ подвигомъ* въ этой войнѣ *одержатъ* [1]).

Въ этихъ актахъ съ достаточною уже ясностію обрисовывается значеніе, какое игралъ въ экспедиціи вопросъ религіозный,—и въ другихъ рескриптахъ Орлову, Екатерина совѣтуетъ ему дѣйствовать на грековъ надеждою на ихъ освобожденіе, и *особливо* путемъ возбужденія въ нихъ религіознаго рвенія къ защитѣ св. церкви и благочестія,—выборъ средства совершенно понятный. Но въ этихъ-же актахъ мы можемъ замѣтить и осторожность, съ какою Екатерина открываетъ грекамъ надежду на измѣненіе ихъ положенія,—она въ сущности обѣщаетъ лишь утвердить въ мирномъ трактатѣ тѣ выгоды, которыя они сами пріобрѣтутъ. Любопытно и то обстоятельство, что и эти скромныя обѣщанія внесены были въ прокламацію къ грекамъ и славянамъ по настоянію гр. Орлова [2]).

---

[1]) Извлеченіе у Соловьева XXVIII, 41 сл.

[2]) „Въ нихъ (грамотахъ къ грекамъ и славянамъ) прибавлено по при-

Вообще, подстрекая славянъ и грековъ къ отложенію отъ Порты, Екатерина соблюла всю возможную осторожность въ отношеніи обѣщаній за ихъ помощь. И не безъ причины,— мы считаемъ возможнымъ утверждать, что способствовать при замиреніи съ Портою ихъ полному освобожденію она не имѣла намѣренія. Такъ, мы имѣемъ собственноручную записку Екатерины „о христіанахъ подчиненныхъ турецкому владычеству“ 1770 года [1]), въ которой она говоритъ: „Что принадлежитъ до острововъ и выгодъ христіанскимъ жителямъ подъ властію турецкою находящимся, поручить гр. Орлову; ибо какъ онъ, будучи тамъ на мѣстѣ, въ состояніи найдется лучше для нихъ выговорить, зная ихъ нужды, дабы они и *нѣкоторыми* для себя преимуществами пользоваться могли, какъ напр., чтобъ не имѣть турецкаго начальства, чтобъ самимъ собирать подати и тому подобныя. Есть острова, кои дѣйствительно имѣютъ сіи выгоды и право имѣютъ убить кадія, естьли онъ къ нимъ пріѣдетъ послѣ заплаты въ султанскую казну на нихъ положенной платы; внутренняя вся юрисдикція имъ самимъ надлежитъ, и сіе состояніе почитается наплучшее турецкихъ подвластныхъ народовъ“. Затѣмъ мы имѣемъ еще косвенныя свидѣтельства [2]).

Въ 1770 году, какъ извѣстно, для грековъ и вообще всѣхъ тѣхъ, „кои для своего защищенія (?) приняли оружіе противъ Порты“ рѣшено было выговорить лишь генеральную амнистію [3]).

мѣчанію вашему, такое увѣреніе, что при будущемъ нашемъ замиреніи съ Портою, не упустимъ мы включить въ оное и друзей имперіи нашей, каковыми отнынѣ уже признаваемъ мы всѣ тѣ народы, кои въ войнѣ составять общее съ нами дѣло“,—слова рескрипта гр. А. Г. Орлову отъ 29 янв. 1769 г. въ Сб. Р. Ист. Об. I, 10.

[1]) Въ Сбор. Р. Ист. Об. X, бумаги Екатерины II, стр. 442.

[2]) Такъ въ черновомъ рескриптѣ Спиридову 1769 года, хранящемся въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., въ дѣлахъ по сношеніямъ съ Турціею подъ рубрикою X. Campagnes, св. 1, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Спиридову предписывается войти въ переговоры съ мальтійскимъ орденомъ относительно союза противъ Турціи, между прочимъ въ выраженіи: „разсудили воспользоваться случаемъ къ *освобожденію* грековъ“, слово „освобожденію“ зачеркнуто, и рукою Панина написано: „облегченію жребія“. См. приложеніе 27.

[3]) Арх. Г. Сов. I, 60, зас. 16 сент. 1770; ст. 371 сл., зас. 14 и 17 мар.

Несомнѣнно, кажется, что сами Орловы имѣли дѣйствительно въ виду освобожденіе грековъ и славянъ. При этомъ гр. А. Г. Орловъ руководствовался полученными имъ чрезъ агентовъ и непосредственно отъ грековъ и славянъ за границею сообщеніями о готовности ихъ соотечественниковъ свергнуть турецкое иго [1]). Но и онъ наряду съ распространеніемъ благочестія, имѣлъ въ виду и практическія цѣли: препятствованіе подвозу провіанта въ Константинополь и раздѣленіе турецкой арміи, слѣд. диверсію [2]).

Та-же двойственность проявляется и во взглядѣ гр. Г. Г. Орлова на цѣль морской экспедиціи въ Архипелагъ, хотя проектъ ея принадлежалъ ему [3]). При первоначальномъ внесеніи его въ Совѣтъ, онъ формулировалъ свое предложеніе такъ: „послать, въ видѣ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ и оттуда *сдѣлать диверсію* непріятелю.“ [4]) Въ

1771; рескр. гр. А. Г. Орлову 22 мар. 1771 въ Сб. Р. Ист. Об. I, 71 и инструкція ему, (см. ниже).

[1]) Въ письмѣ брату Григорію, онъ писалъ въ 1768 г. „Если ѣхать, такъ ужъ ѣхать до Константинополя, и освободить всѣхъ православныхъ и благочестивыхъ изъ подъ ига тяжкаго. И скажу такъ, какъ въ грамотѣ государь Петръ I сказалъ: а ихъ невѣрныхъ магометанъ согнать въ степи песчаныя на прежнія ихъ жилища. А тутъ опять заведется благочестіе, и скажемъ слава Богу нашему... Вы ступайте съ одного конца, а я бы съ другаго зачалъ“. Рус. Архивъ 1873, № 2, стр. 61 сл. (цит. Памятники новой рус. исторіи, I, 142).

[2]) Тамъ-же, и Соловьевъ XXVIII, 38 сл.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 69 стр. 168, № 83 стр. 199, № 148 стр. 315, Соловьевъ XXVIII, 38; Сб. Р. И. Об. X, 401 письмо Екатерины Вольтеру. Графу А. Г. Орлову поручено было возбуждать христіанъ въ Турціи, когда морская экспедиція была рѣшена лишь въ принципѣ „если возможность къ тому представится“: Сб. Р. И. Об. I, 11 рескр. отъ 29 янв. 1769; тамъ же стр. 16. Саксонскій посланникъ Сакенъ писалъ, что мысль объ экспедиціи дана была гр. Алексѣю какимъ-то nobile di Venezia; см. у Herrmann, Gesch. d. Russ. Staats, 1853, V, 616, 701. Но есть болѣе основаній приписать ее гр. Григорію,—онъ имѣлъ сношенія съ христіанами-выходцами изъ Турціи, такъ какъ подъ его управленіемъ находилась такъ наз. „*контора опекунства иностранныхъ*. Первые эмиссары отправлены были въ Турцію гр. Г. Г. Орловымъ; см. Соловьевъ XXVIII, 15 сл. и А. П. Барсукова, біографію гр. Г. Г. Орлова въ Рус. Арх. 1873 № 2, стр. 59—66.

[4]) Арх. Гос. Сов. I, проток. засѣданія 4 ноября 1769.

засѣданіи 12 ноября, Орловъ уже изложилъ обстоятельно свое мнѣніе объ экспедиціи въ Средиземное море, причемъ вѣроятно, представилъ и свои соображенія по вопросу объ освобожденіи турецкихъ христіанъ, потому что вслѣдъ за нимъ вице-канцлеръ А. М. Голицынъ сдѣлалъ сообщеніе „о различныхъ народахъ, желающихъ по единовѣрію подъ россійскій скипетръ". Наконецъ, въ засѣданіи 27 ноября Орловъ заявилъ, что „имѣетъ нѣкоторую идею о нѣкоторомъ учрежденіи освобожденія греческаго закона народовъ чрезъ посредство людей пользующихся довѣріемъ этихъ народовъ, и ежели сіе желаемый успѣхъ получить можетъ, то въ то время взявъ сіи народы подъ протекцію Россіи, сдѣлать разныхъ владѣльцевъ, оставя имъ въ выборѣ на волю", [1]) а гр. З. Чернышевъ подалъ мнѣніе объ учрежденіи греческаго легіона.

Что-же касается самой императрицы, то на предложеніе А. Г. Орловымъ своихъ услугъ къ службѣ отечеству вмѣстѣ съ православными греческими и славянскими народами, она отвѣчала: „Мы сами уже, по предложенію брата вашего, помышляли объ учиненіи непріятелю *чувствительной диверсіи* со стороны Греціи, *а теперь, получа отъ васъ ближайшія извѣстія* о дѣйствительной тамошнихъ народовъ склонности къ возстанію противъ Порты, и паче еще утверждаемся въ семъ мнѣніи". [2]) И тутъ-же она даетъ ему наставленіе, какъ дѣйствовать въ отношеніи къ славянамъ и грекамъ. Такъ какъ главная цѣль состояла въ диверсіи непріятелю, то „прежде всего надобно принять за неоспоримую истину и за непремѣнное начало всего дѣла, что возстаніе каждаго народа порознь, *не можетъ для насъ быть полезно*," ибо отдѣльно взятые они слабы и не въ состояніи произвести ничего „кромѣ одного набѣга и такъ сказать мимоходнаго опустошенія частицы ближней земли; слѣд. всякій такой набѣгъ, не нанося

[1]) Арх. Гос. Совѣта, I, стр. 10, 13, 357, проток. 12 и 27 нояб. 1768.

[2]) Румянцеву Екатерина писала 20 окт. 1769: „въ Левантѣ все въ огнѣ и только что флотъ ждутъ"; 21 янв. 1770: „въ Левантѣ, сказываютъ, все готово къ сверженію ига нечестиваго." (М. Гл. Арх. М. И. Д., собственноручныя письма Екатерины, св. 3).

непріятелю *чувствительнаго ущерба*, а еще менѣе причиняя ему какую либо *для насъ полезную диверсію, въ чемъ одномъ прямая наша цѣль быть долженствуетъ*", послужилъ бы только къ принятію предосторожностей турками противъ дальнѣйшихъ покушеній. „*На семъ основаніи* да будетъ первымъ и верховнымъ вашимъ попеченіемъ приводить тамошніе народы къ единомыслію", а этого можно достигнуть „приведя ихъ къ яснымъ убѣжденіямъ собственно ихъ взаимной пользы и надеждою общаго всѣхъ освобожденія отъ несноснаго ига невѣрныхъ, *особливо-же* равною всѣхъ православныхъ христіанъ защищать св. церковь и самое благочестіе" [1].

Очевидно вопросъ объ освобожденіи славянъ и грековъ явился на сцену если и не случайно, то какъ бы кстати. Выдвигая его на сцену, архипелагская экспедиція получала значительную поддержку себѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственно-политическомъ отношеніи. Таково-же было значеніе и вопроса о защитѣ благочестія.

Предложеніе Орлова было принято, [2]) тѣмъ болѣе, что ви-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. I, 2 сл. Въ рескриптѣ гр. А. Г. Орлову отъ 13 января 1770 года: „Пускай вѣками порабощенія и коварства развращенные греки измѣнили своему собственному благополучію: одна наша морская диверсія съ подкрѣпленіемъ ея маинскими портами, или занятіемъ другаго какого надежнаго мѣста для морскаго прибѣжища, уже довольны привести Турцію въ потрясеніе и ужасъ". Сб. Р. И. Об. I, 35. Въ рескриптѣ 20 іюля того-же года: „только поднятіемъ противъ непріятеля собственныхъ его греческихъ провинцій, онъ со стороны столь отъ насъ отдаленной можетъ получить чувствительное пораженіе, и всѣ военные надъ нимъ поиски должны уступать сему *главному и единому* намѣренію, для котораго и всѣ наши эскадры отправлены въ тамошнія воды". Сб. Р. Ист. Об. I, 44. Ср. также рескриптъ 29 янв. 1769 г. (приложеніе 25-е)

[2]) Посланникъ Сакенъ увѣрялъ, что большинство Совѣта относилось несочувственно къ экспедиціи, но императрица настояла на ней. См. у Hermann, Gesch. d. Russ. Staates, V, 702 (изд. 1853 г.) Ср. также мнѣніе Панина въ письмѣ гр. А. Г. Орлову (Рус. Архивъ, 1878, № 12, стр. 433); между прочимъ онъ говоритъ: „греки, по своему состоянію, требуютъ только добраго устройства и разумнаго предводительства, но мы можемъ спокойны оставаться, что тотъ, кто умѣлъ возбудить въ нихъ желаніе и предпріятіе къ свержению ига, будетъ умѣть ихъ поставить и вести въ порядкѣ духи въ раболѣпствѣ рожденные, а неограниченною надеждою

цеканцлеръ представилъ записку, въ которой означены были разные народы, желающіе по единовѣрію подъ россійскій скипетръ; рѣшено было отправить въ Морею, къ далматамъ, въ Грузію и ко всѣмъ греческимъ и славянскимъ народамъ въ турецкой области живущимъ нашего закона, для разглашенія, что Россія принуждена вести съ Турками войну за законъ, „а къ черногорцамъ *для того* послать, что ежели экспедиція въ дѣйство произведена будетъ, то *въ разсужденіи положенія земли имѣть въ оной безопасное пристанище* [1]). Положено было также отправить съ экспедиціею кадры на 10 ротъ по 25 человѣкъ на каждую (а достальныхъ Орлову набрать на мѣстѣ), до 5000 ружей и карабиновъ и до 30 пушекъ, а исполненіе экспедиціи возложено на гр. А. Г. Орлова [2]). Благодаря энергіи, съ которою императрица взялась за это дѣло, эскадра Спиридова лѣтомъ 1769 года вышла изъ Кронштадта, вслѣдъ за нею отправлена была эскадра Эльфинстона, а лѣтомъ 1770 года—эскадра Арфа,—притомъ эскадра Эльфинстона имѣла особое отъ другихъ назначеніе, блокировать Дарданеллы и препятствовать морскимъ сношеніямъ

и убѣжденіями вѣры своей въ волненіе приведенные". Панинъ называлъ проекты Гр. Орлова „сумазбродными мыслями. (Сочиненія Фонъ-Визина, изъ Ефремова, Спб. 1866—переписка съ гр. П. И. Панинымъ; цит. въ статьѣ г. Барсукова, стр. 69.) Впрочемъ относительно морейской экспедиціи онъ писалъ Румянцеву 20 окт. 1769 г. что „вся Европа едва ли еще образумилась отъ такого нашего ей представляющагося великаго и смѣлаго предпріятія, хотя... мы относительно къ себѣ самимъ его ни тѣмъ ни другимъ поставлять еще не должны: ибо оно *однимъ только* успѣхомъ своимъ несказанно возвысить можетъ россійскую славу; неудача-же другаго намъ принести не можетъ, какъ единый убытокъ, ибо и всего отправленнаго потеряніе отнюдь не можетъ потрясти цѣлости Россіи, ниже сдѣлать ее безъ обороны съ которой ни есть стороны." (См. Рус. Арх. 1882, I, 87.)

[1]) Арх. Гос. Сов. I, 355—357 проток. 12 нояб. 1768; Рус. Архивъ 1876 № 7, стр. 282 сл. донесеніе Тамары кн. А. М. Голицыну; объ отношеніяхъ къ черногорцамъ у Соловьева XXVIII, стр. 42 сл.; манифестъ къ греческимъ и славянскимъ народамъ читанъ и утвержденъ въ засѣданіяхъ 22 и 26 янв. 1769. Эмиссары: Сборн. Р. Ист. Об. I, 3 сл. 15 сл. Ср. также у Herrmann, V, 618 сл.

[2]) Потомъ отправлены были добавочные отряды и оружіе: Арх. Г. Сов. I, стр. 358—360, 363, 365 и др. Ср. также записку въ приложеніи 26-мъ.

между Турціею и Египтомъ [1]). Но въ августѣ получены были письма отъ Орлова „коими описываетъ онъ состояніе дѣлъ тамошнаго края, нравы и обхожденія обитающихъ тамъ народовъ, сколько они легкомысленны и корыстолюбивы и сколь мало на нихъ полагаться можно, и что сіе было причиною, что наши войска принуждены были оставить Морею“ [2]). Эти сообщенія Орлова окончательно очистили задачи морейской экспидиціи отъ соображеній національно-религіозныхъ.

Послѣ прекраснаго отзыва Соловьева о причинахъ неудачи нашей морейской экспедиціи [3]) было бы праздным занятіемъ разбирать еще разъ вопросъ о мнимой виновности грековъ въ неудачѣ ея, [4]) во всякомъ случаѣ разсказы Орлова повидимому окончательно устранили вопросъ о христіанахъ. „Пускай вѣками порабощенія и коварства развращенные греки измѣнили своему собственному благополучію, писала Екатерина Орлову, 13 янв. 1770 г. [5]) одна наша морская диверсія съ подкрѣпленіемъ оной майнскими портами или занятіемъ другого какого надежнаго мѣста для морскаго прибѣжища, уже довольны привести въ потрясеніе и ужасъ всѣ турецкія въ Европѣ области“. Правда, вслѣдъ за тѣмъ, рескриптомъ отъ 19 іюля, императрица предписывала Орлову [6]) употребить всѣ силы и способы къ тому, чтобы „соединя въ свое предводительство разные греческіе

[1]) См. въ М. Гл. Арх. М. И. Д. Снош. съ Турціею, X. Campagnes, св. 1. Египетъ житница Турціи и тамъ было въ это время возстаніе. Ср. также Сб. Р. Ист. Об. I, 26, 28; Соловьевъ XXVIII.

[2]) Арх. Гос. С., I, 366; то-же онъ подтвердилъ въ устномъ докладѣ императрицѣ и совѣту,—см. тамъ-же 368 сл., засѣданіе 8 марта 1771. Отзывы Орлова о грекахъ: Сбор. Р. Ист. Об. XIX, 83; Соловьевъ XXVIII, 129.

[3]) Исторія Россіи XXVIII, 129 сл.

[4]) Въ дополненіе къ его мнѣнію замѣтимъ, что Венеція, встревоженная движеніемъ грековъ, распростанившимся и на ея владѣнія, приняла военныя мѣры для подавленія его. См. приложеніе 28. Отмѣтимъ также любопытный и аналогичный фактъ, что кн. Долгорукій, отправленный для возбужденія противъ Турціи черногорцевъ, въ результатѣ своей миссіи выражалъ недовольство ихъ „непостоянствомъ и варварскими нравами“. Соловьевъ, XXVIII, 51, 53, 127; Рус. Арх. 1876, № 7.

[5]) Сб. Р. Ист. Об. I, 35.

[6]) Сб. Р. Ист. Об. I, 40 сл.; Арх. Гос. Сов, I, 365.

народы, и какъ можно скорѣе составя изъ нихъ нѣчто видимое и между собою къ общему подвигу соединенное, которое бы свѣту представилось новымъ и цѣлымъ корпусомъ", одержалъ отъ имени и общества греческихъ народовъ, чтобъ „сей новый корпусъ, составясь публичнымъ актомъ (который *какъ можно больше* во всѣ стороны *разпънъ* быть имѣетъ) и объявя въ ономъ публичное свое бытіе, отозвался ко всей христіанской республикѣ съ воззваніемъ". Въ немъ греки должны изложить претерпѣнныя ими угнетенія, вынудившія ихъ воспользоваться войною Турціи съ Россіею, когда положеніе ихъ, по неистовой ненависти сихъ варваровъ къ единозаконію ихъ съ русскими, становилось еще бѣдственнѣе, свергнуть оковы порабощенія и до послѣдней капли крови стоять за вѣру и вольность. Далѣе они должны объявить, что „совокупясь во едино и составя новый членъ въ республикѣ христіанской, они всѣхъ государей молятъ и просятъ, заклиная ихъ ранами и кровью общаго всѣмъ Спасителя, дабы они ихъ въ семъ качествѣ признали и снабдили помощью и покровительствомъ; что они съ своей стороны всегда будутъ стараться заслуживать такое благодѣяніе, которое впрочемъ всему христіанству равную пользу принесть можетъ, дѣлая изъ нихъ новую преграду туркамъ; и что, они, вкушая теперь плоды драгоцѣнной вольности и возвращая себѣ свободу христіанскаго исповѣданія, лучше хотятъ всѣ съ оружіемъ въ рукахъ пасть, нежели опять подпасть рабству, оставляя тутъ страшному суду Божію мстить тѣмъ, кои забывъ христіанство, стали бы по какимъ либо неожиданнымъ видамъ собственнаго тщеславія или корысти, способствовать противъ нихъ непримиримому врагу имени христіанскаго". Но подбивая грековъ къ этому, Екатерина имѣла особые виды. „Польза такого формальнаго поступка сама собою чувствительна, говоритъ она, ибо такимъ образомъ и собственное ваше дѣло получитъ новый и гораздо выгоднѣйшій видъ, и мы изъ него не безъ основанія можемъ себѣ ожидать большихъ способностей къ скорѣйшему вынужденію отъ Порты прочнаго и славнаго мира". Наконецъ это послужитъ „для

огражденія нашего дѣла противъ враждебныхъ козней“ завиствующихъ намъ державъ. Именно, „государи и государства должны полагать взаимное свое поведеніе другъ къ другу на общепринятыхъ правилахъ естественной справедливости. Свѣтъ разсматриваетъ и судитъ по нимъ всѣ поступки дворовъ, и тотъ, который на своей сторонѣ имѣетъ признаніе публики, можетъ твердо полагаться, что противная ему сторона не дерзнетъ, по меньшей мѣрѣ открыто дѣйствовать противъ него, изъ опасенія чтобы инако не поднять на себя негодованія и недовѣрки всей христіанской республики, и тѣмъ самымъ не доставить сопернику большей выгоды и способности къ совершенію его дѣлъ. Всѣ безпристрастныя державы полагаютъ нынѣ справедливость на нашей сторонѣ и это общее удостовѣреніе невольно обуздываетъ ненавистниковъ нашихъ къ маскированію истинныхъ ихъ мнѣній. Польза и слава отечества нашего требуютъ теперь неотмѣнно сохранять и утверждать въ публикѣ это столь выгодное для насъ мнѣніе, а для того и надобно, чтобы всѣ наши мѣры и предпріятія дѣйствительно ограничивались въ предѣлахъ видимаго правосудія и собственной безкорыстности, а особливо тѣ, кои нынѣ подъ вашимъ руководствомъ производятся въ Греціи, и чтобъ они, какъ таковыя, чѣмъ ни есть публичнымъ свѣту не собственно отъ насъ однихъ предъявлены и въ общемъ онаго признаніи установлены были“. [1])

Это было послѣднее распоряженіе въ пользу грековъ.

---

[1]) Ср. по этому-же предмету письмо Панина гр. А. Г. Орлову отъ 21 іюля 1770 г. (въ Рус. Архивѣ 1880, ч. III, стр. 229 сл.),—„этимъ дѣла императрицы получатъ новый образъ ея правосудія, умѣренности и безкорыстія, а каждая христіанская держава будетъ невольно связана своимъ внѣшнимъ почтеніемъ къ христіанству, чтобъ не оказаться передъ другими презрителемъ онаго, еслибъ которая изъ нихъ по своей особенной политикѣ склонялась явнымъ образомъ воспричинствовать помѣшательства и затрудненія въ дѣлахъ несчастныхъ христіанъ, возставшихъ противъ своего злоключенія.“ Въ этомъ письмѣ обращается вниманіе не на одну личную славу Екатерины. Въ это время повидимому Панинъ уже сталъ увлекаться мыслью объ освобожденіи грековъ,—въ томъ-же письмѣ онъ совѣтуетъ Орлову дѣйствовать на грековъ ссылкою на примѣръ, что

Вслѣдствіе неудачи военныхъ операцій въ Мореѣ въ 1770 г., Орловъ въ концѣ своей реляціи о Чесменской побѣдѣ, доносилъ императрицѣ, что „нынѣ не остается мнѣ другого, кромѣ какъ стараться запереть подвозъ провіанта въ Царьградъ, и стараться еще, если можно, возвратить государству издержки, употребленныя на сію экспедицію [1])“. Потомъ, въ январѣ 1771 г., по принятіи въ русское подданство 18 архипелажскихъ острововъ, отложившихся отъ Турціи, Спиридовъ выражаетъ ту-же мысль: „отъ нынѣшняго подданства оныхъ грековъ кажется намъ пользы никакой нѣтъ, а состоятъ еще и убытки въ прокормленіи бѣдныхъ, но польза выйдетъ сія, ежели мы острова за собою до мира удержимъ: за нынѣшній годъ мы получимъ отъ нихъ добровольно десятую часть всѣхъ ихъ продуктовъ, въ натурѣ или за оные деньгами, также исподоволь и за прошедшій годъ, чего они туркамъ не заплатили [2])“.

Мнѣнія своихъ генераловъ раздѣляла и Екатерина. Еще въ сентябрѣ 1770 года, по полученіи извѣстія о неудачѣ подъ Модономъ, убѣжденіе ея въ трусливости, развращенности и неспособности грековъ къ свободѣ уже вполнѣ установилось [3]),

---

дѣйствуетъ лучше, чѣмъ „убѣдительныя разсужденія“,—именно указать грекамъ „на отложеніе соед. нидерландскихъ провинцій отъ тиранской власти гишпанскаго дома; да и форма ихъ правленія подъ именемъ голл. генер. статовъ соед. Нидерландовъ весьма, по его мнѣнію, свойственна по настоящему положенію Греціи;—они, отложась тогда отъ Гишпаніи, сдѣлали конфедерацію между 7 своихъ провинцій и, поднявъ оружіе противъ своего тирана, достигли до признанія себя независимою областью отъ всѣхъ державъ, а притомъ учредили себѣ правительство въ одномъ корпусѣ, составленномъ изъ выбранныхъ депутатовъ отъ каждой провинціи.“ Впрочемъ Панинъ сомнѣвается чтобъ нашлись изъ грековъ люди съ такимъ просвѣщеніемъ, твердостію и проворствомъ, которые оказали бы необходимое для этого вліяніе на своихъ соотечественниковъ.

[1]) Сб. Р. И. Об. I, 56 примѣчаніе; Соловьевъ, XXVIII, 129.

[2]) Письмо Орлову въ Сб. Р. Ист. Об. I, 69 примѣчаніе.

[3]) Рескр. Орлову отъ 3 сент. 1770: Хотя мы и видимъ нынѣ, что морейская экспедиція не соотвѣтствовала своими слѣдствіями мужественному отъ васъ предпріятому ея отверстію, по причинѣ сродной грекамъ трусости, легкомыслія и предательства, кои особливо подъ Модономъ толико пакости причинили... Сб. Р. И. Об. I, 50. А особенно послѣ лич-

„когда морейскіе греки, писала она Орлову, столь худо подражали примѣру храбрости, мужества и твердости, коими вы обще руководствовались, и не хотѣли извлечь себя ихъ подъ ига порабощенія, ихъ собственнымъ духомъ робости, невѣрности и обмана надъ ними сохраняемаго, то вы весьма благоразумно и прозорливо сдѣлали, что оставя ихъ собственному жребію, обратили наши морскія силы на преслѣдованіе непріятеля. [1])“

Вся экспедиція была въ сущности результатомъ увлеченія. На основаніи донесеній своихъ агентовъ, Саро и Папазули, что спартанскій народъ христіанскаго закона греческаго исповѣданія, что есть въ Турціи и еще нѣсколько народовъ православнаго исповѣданія, что всѣ они ненавидятъ турокъ, желаютъ свергнуть ихъ иго и готовы стать подъ покровительство русской императрицы [2]), увлекся мыслію объ экспедиціи въ Архипелагъ Гр. Г. Г. Орловъ; за нимъ, на основаніи донесеній А. Г. Орлова [3]), увлеклась этою мыслію Екатерина. [4]) Первому приписывали при этомъ разные честолюбивые замыслы. [5]) Второй смотрѣлъ на дѣло довольно легко: „трудъ для меня повидимому, какъ мнѣ кажется, очень мало стоитъ будетъ привести этотъ народъ противъ турчанъ и чтобъ они у меня въ послушаніи были“, писалъ онъ брату въ началѣ войны. [6])

наго доклада Орлова Екатеринѣ въ его пріѣздъ зимою 1770—71 г. Сб. Р. Ист. Об. I, 65.

[1]) Соловьевъ XXVIII, 129: Орловъ доносилъ, что „лучшее изъ всего что мнѣ можно будетъ сдѣлать: пресѣчь подвозъ провіанта въ Царьградъ и дѣлать нападенія морскою силою“.

[2]) См. Соловьева XXVIII, стр. 14 сл., 38 сл.

[3]) Соловьевъ XXVIII, стр. 15, 24, 39, Рус. Арх. 1873, № 2, стр. 61 сл.

[4]) Письма ея И. Г. Чернышеву отъ 17 нояб. и 14 дек. 1768 въ Рус. Арх. 1871, № 9.

[5]) См. указаніе у г. Барсукова въ Рус. Арх. 1873, № 2, стр. 64.

[6]) Памятники новой рус. исторіи, изд. Кашпиревымъ, Спб. 1871, I, 142 сл. (цит. въ статьѣ г. Барсукова, стр. 62). Екатерина писала Румянцеву 24 сент. 1769, что гр. А. Г. Орловъ увѣряетъ, что надѣется поставить на ноги до 40000 человѣкъ, и что пишетъ нарочно меньше, нежели имѣть можетъ. (Соловьевъ XXVIII, стр. 24 сл. и въ М. Гл. Арх. М. И. Д. въ письмахъ Екатерины)

Екатерина предвидѣла уже какъ „Турецкая громада подвержена будетъ нѣкоторому потрясенію“ [1]), но увлечься грандіознымъ планомъ войны съ Турціею при помощи возстанія грузинцевъ, грековъ, славянъ, Египта и т. д. было очень естественно. Къ сожалѣнію, какъ быстро было увлеченіе, такъ же быстро было и разочарованіе. Размѣры русской помощи разочаровали грековъ[2]), размѣры греческой помощи разочаровали русскихъ, нестройныя толпы греческихъ повстанцевъ подкрѣпленныя сотнями русскихъ солдатъ разсѣялись передъ турецкими войсками, а Екатерина философически вывела отсюда заключеніе, что „греки, бывшіе спартанцы, выродились, что они предпочитаютъ грабежи свободѣ, и что они навѣки погибнутъ, если не воспользуются расположеніемъ и совѣтами героя, котораго она имъ послала [3])“.

А. П. Барсуковъ въ своей біографіи Григорія Орлова [4]) говоритъ, что греческій проектъ Орловыхъ, „который многіе называютъ химерою, безъ сомнѣнія имѣлъ существенное значеніе и не былъ измышленіемъ кабинетнымъ или дворцовымъ; онъ коренился, по мнѣнію автора, во всей прежней русской исторіи и былъ не чуждъ даже простымъ русскимъ

---

[1]) Письмо ея Румянцеву 24 сент. 1769 г. у Соловьева, XXVIII, 24 сл. и въ М. Гл. Арх. М. И. Д. въ собственноручныхъ письмахъ Екатерины св. 3: ср. также письмо Панина Румянцеву 20 окт. 1769 въ Рус. Арх. 1882, ч. I, 86 сл.

[2]) Сама Екатерина писала Орлову 8 янв. 1770: „знаю я, что въ разсужденіи вашего предпріятія сухопутнаго у васъ войска не великое число, но какъ бы оно мало ни было, оно служить будетъ всегда подпорою тѣмъ народамъ, кои желаютъ себя освободить отъ ига нечестиваго; да не токмо подпорою, но еще образцомъ регулярства и послушанія въ нашей арміи въ прошлую кампанію, гдѣ 1000 турокъ была, считалось достаточно 100 нашихъ солдатъ“. Сб. Р. И. Об. I, 31 сл. Ср. донесеніе гр. Ѳ. Орлова изъ подъ Корона отъ 29 мар. 1770; Campagnes Turquie, св. 2.

[3]) Письмо Екатерины Вольтеру. О морейской экспедиціи въ Запискахъ Гидрографическаго Департамента, VII статья г. Соколова и въ Памятникахъ новой русской исторіи, I. статья г. Майкова. Мы ими не пользовались. Объ организаціи греческаго возстанія см. приложеніе 30.

[4]) Рус. Архивъ, 1873, № 2, стр. 66 30.

людямъ, чему доказательствомъ можетъ служить извѣстное прошеніе тульскихъ купцовъ (1763 г.) о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ". Мы видѣли исторію возникновенія такъ называемаго г. Барсуковымъ „греческаго проекта", и кажется имѣемъ нѣкоторое основаніе не согласиться съ его мнѣніемъ. Особенно-же примѣръ, приводимый имъ въ подкрѣпленіе мнѣнія, будто греческій проектъ былъ „не чуждъ даже простымъ русскимъ людямъ", совершенно неудаченъ. Торговое предпріятіе купцовъ, обставленное притомъ такими условіями, при которыхъ барышъ былъ обезпеченъ, не имѣло ровно ничего общаго съ какими-либо политическими вопросами. Самое возникновеніе и затѣмъ результатъ экспедиціи,—внезапное рѣзкое измѣненіе мнѣній Орлова и Екатерины о грекахъ, напротивъ, ясно указываютъ на кабинетное происхожденіе ея. Незнакомство съ греками было полное, какъ это видно изъ разъясненій данныхъ Совѣту вице-канцлеромъ, кн. Голицынымъ, который счелъ даже нужнымъ заявить что они православные христіане. Въ сущности объ нихъ знали только, что они—потомки древнихъ спартанцевъ, и этого было достаточно, чтобы вывести заключеніе, что они должны отличаться „спартанскою доблестью". [1]) Поучительно также сравненіе отношенія рускаго правительства къ грекамъ съ отношеніемъ его къ молдо-валахамъ и татарамъ. Отъ освобожденія грековъ Екатерина отступилась сама, не побуждаемая къ этому никакимъ постороннимъ давленіемъ; отъ освобожденія княжествъ она отступилась уже съ трудомъ, вслѣдствіе настояній Фридриха II, Австріи и Панина; наконецъ, на признаніи независимости татаръ она настояла и принудила ихъ къ принятію независимости, вопреки даже ихъ рѣшительному нежеланію отдѣляться отъ Порты.

Несмотря на минутное увлеченіе, и притомъ, замѣтимъ, нестолько мыслью объ освобожденіи грековъ, сколько о томъ впечатлѣніи, какое произведетъ на Европу далекая морская экспедиція [2]), Екатерина смотрѣла на нее прежде всего съ

---

[1]) Срав. прекрасный отзывъ Соловьева, XXVIII, 129—132.

[2]) См. рескрипты и письма Орлову, Румянцову, Чернышеву и др.

практической точки зрѣнія,—какъ на военную диверсію. Она главнымъ образомъ *воспользовалась* возможностью нанести ударъ Турціи посредствомъ ея собственныхъ подданныхъ. Съ этою-же цѣлью она подобно грекамъ предполагала возбудить къ отложенію отъ Порты варварійскія владѣнія [1]) послѣдней, поддерживала и ободряла, правда лишь нравственно, возмутившагося противъ Порты Али-бея египетскаго [2]), и т. п. И послѣ того, какъ всякая надежда на существенное содѣйствіе намъ греческихъ народовъ рушилась, „по причинѣ свойственной имъ, или лучше сказать врожденной уже склонности къ рабству и совершеннаго въ характерѣ ихъ легкомыслія [3])“, а между тѣмъ операціи наши въ Архипелагѣ были весьма полезны для раздѣленія аттенціи и силъ Порты, Орлову предписано продолжать военныя дѣйствія „твердо надѣясь, что они существительнѣйшимъ образомъ воспособствуютъ скорѣйшему возстановленію честнаго и прочнаго мира“.

Такова была теперь задача экспедиціи. Что касается способовъ достиженія ея, то въ силу того-же рескрипта отъ 22 марта 1771 г. они выражены были слѣдующимъ образомъ [4]): первымъ предметомъ стражи и бдѣнія должно быть, держаться сколь возможно передъ Дарданеллами и содержать тамошній каналъ въ заперти, дабы 1) такою морскою блокадою Константинополя пресѣкать ему подвозъ пропитанія, и тѣмъ самымъ умножать въ тамошнемъ народѣ развратъ, волненіе и огорченіе противъ правительства за продолженіе ненавистной ему войны; 2) дабы, держа такимъ образомъ всѣ острова Архипелага позади себя, столица оттоманская могла считать ихъ для себя потерянными, по послѣдней мѣрѣ на все время войны и лишалась между тѣмъ обыкновенныхъ съ нихъ податей и другихъ рессурсовъ“.

[1]) См. рескриптъ Спиридову, приложеніе 27.

[2]) См. письмо Румянцову 24 сент. 1769 г. у Соловьева XXVIII, стр. 24 сл; Арх. Гос. Сов. I, 64,378, 381, 384; письмо А. Г. Орлова Али-бею въ Рус. Арх. 1880, III, 245.

[3]) Сб. Р. И. Об. I, 65 сл. рескриптъ 22 марта 1771.

[4]) Сб. Р. Ист. Об. I, 67 сл.

Такимъ образомъ препятствованіе сношеніямъ Турціи съ Архипелагомъ чрезъ Дарданеллы и сбору турками обыкновенной дани съ острововъ, и наконецъ военныя операціи въ Архипелагѣ,—таковы были въ это время задачи русской морской экспедиціи въ Архипелагѣ.

Но Орловъ взглянулъ на дѣло иначе,—по возвращеніи во флотъ, онъ созвалъ военный совѣтъ, которому предложилъ: для отвлеченія турецкихъ силъ отъ Дуная и облегченія положенія Румянцева, пройти со всѣмъ флотомъ вдоль морскихъ береговъ Архипелага, потревожить и разорить жителей. Военный совѣтъ опредѣлилъ: начать военныя дѣйствія отъ о. Негропонта вдоль всего румелійскаго берега до Дарданеллъ, а потомъ вдоль азіатскаго берега; а чтобъ не оставить непріятеля безопаснымъ и въ южной части, то отправить особую эскадру подъ начальствомъ гр. Ѳ. Г. Орлова къ о. Родосу и вдоль кароманскаго берега. Экспедиція была блистательно приведена въ исполненіе: русскіе высаживались на берега, овладѣвали хлѣбными и лѣсными магазинами, жгли деревни, брали маленькія крѣпости, бросали бомбы въ большія, составляли карты и планы мѣстностей, на о. Митиленѣ сожгли адмиралтейство съ строившимися тамъ кораблями [1]).

Послѣ того оффиціально „существительною“ задачею военныхъ операцій нашего флота въ Архипелагѣ признавалось: отвлеченіе части турецкихъ силъ отъ Дуная, препятствованіе подвозу хлѣба въ Константинополь чрезъ Дарданеллы, и вообще недопущеніе никакого сообщенія между Константинополемъ и архипелагскими островами, содержаніе въ замѣшательствѣ и въ бездѣйствіи собственной и безпосредственной торговли и мореплаванія непріятеля, лишеніе его всего того, чѣмъ онъ въ качествѣ обладателя пользовался отъ острововъ архипелажскихъ, т. е. недопущеніе его къ собиранію съ нихъ податей, и наоборотъ, взыманіе ихъ русскимъ флотскимъ начальствомъ въ пользу русскаго флота [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 238. Ср. приложеніе 31.

[2]) Рескр. А. Орлову отъ 28 іюня 1772 и 6 мая 1774 г. въ Сб. Р. И. Об. I, 84 и 97 и Арх. Гос. Сов. I, 383—387, 389 сл. (1773 годъ).

Все это были задачи, носившія болѣе или менѣе стратегическій характеръ, и исполненіе ихъ приносило даже нѣкоторую, хотя и не очень зачительную пользу. Такъ, по извѣстіямъ полученнымъ въ Петербургѣ изъ Константинополя въ 1770 году, блокада русскими Дарданеллъ и запрещеніе подвоза въ Константинополь изъ Архипелага съѣстныхъ припасовъ произвели въ турецкой столицѣ столь ощутительный недостатокъ и столь сильную дороговизну этихъ припасовъ, что тамъ опасались народнаго бунта противъ правительства, а когда блокада въ ноябрѣ была снята и возобновился подвозъ припасовъ изъ Архипелага, то проявившаяся было предъ тѣмъ склонность султана къ миру уменьшилась. [1]) Впрочемъ къ концу войны, въ виду постоянныхъ пререканій съ нейтральными державами и значительнаго числа жалобъ на дѣйствія русскаго флотскаго начальства, въ этомъ отношеніи пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки [2]).

Но архипелагская экспедиція представляла Россіи возможность къ пріобрѣтенію, и притомъ весьма намаловажному въ случаѣ, еслибъ при заключеніи мира она достигла свободы торговаго судоходства чрезъ Проливы, — а достиженіе этой свободы стояло на первомъ планѣ у русскаго правительства [3]), — именно къ пріобрѣтенію морской станціи въ Средиземномъ морѣ. [4]) И дѣйствительно, въ числѣ другихъ рескриптовъ Екатерины гр. А. Г. Орлову, мы находимъ одинъ (1770 г.), въ которомъ она говоритъ [5]): „Моя мысль есть, чтобъ вы старались получить портъ

[1]) См. въ М. Гл. Арх. М. И. Д., X Campagnes Turquie, св. 2,—письма изъ Константинополя (большая часть изъ приложеній къ реляціямъ кн. Голицына изъ Вѣны); особенно: 17 авг., 3 и 17 сент., 3 окт., 3 и 17 ноября и др. Въ это время пшеница подвозилась въ Константинополь изъ Азіи на 3000 верблюдахъ, но не въ достаточномъ количествѣ.

[2]) Объ этомъ см. ниже.

[3]) Кажется, оказывая помощь Грузіи, Екатерина имѣла въ виду между прочимъ воспользоваться грузинскими портами на Черномъ морѣ. См. у Соловьева, XXVIII, 28, вопросы Екатерины о портахъ на Кавказѣ. Ср. также стр. 24 и 27.

[4]) См. ниже.

[5]) 8 янв. 1770. Сб. Р. И. Об. I, 32.

на островѣ или на твердой землѣ, и по колику возможно, удержать оный", между прочимъ въ виду того, что „хотябъ и ничего иного не сдѣлали, то бы тѣмъ самымъ мы много для переду предуспѣли, еслибъ доставили Россіи въ руки портъ въ тамошнемъ морѣ, который стараться будемъ при мирѣ удержать. Подъ видомъ же коммерціи онъ всегда будетъ имѣть сообщеніе съ нужными народами во время мира, и тѣмъ конечно сила наша не умалится въ тамошнемъ краю", и т. д. Въ послѣдствіи вопросъ этотъ подвергнутъ былъ на обсужденіе Совѣта.

Нужно замѣтить, что гр. А. Г. Орлову даны были полномочія заключить миръ съ Портою [1]). По этому поводу онъ потребовалъ вполнѣ точныхъ инструкцій „безъ чего именно мира заключить нельзя", и при этомъ „изъяснился [2]), что пріобрѣтеніе въ Архипелагѣ острова находитъ онъ несходственнымъ съ пользою и весьма разорительнымъ: несходственнымъ потому, что оно лишь затянуло бы войну съ турками и притомъ вовлекло бы насъ въ распри и съ христіанскими государствами; разорительнымъ-же потому, что нѣтъ острова въ Архипелагѣ, гдѣ есть портъ, чтобъ не требовалъ многихъ укрѣпленій и силъ для его удержанія, что сіи укрѣпленія будутъ стоить великихъ денегъ и обратятся наконецъ въ пользу турковъ; что и самый лучшій къ сему по малости своей и выгодѣ порта о. Мило признаетъ онъ неспособнымъ же вслѣдствіе вреднаго климата, и что необходимо было бы укрѣпить его, а всякое его укрѣпленіе весьма дорого станетъ; наконецъ, что потребныя на содержаніе острова издержки не могутъ награждены быть установляемою нами въ тѣхъ мѣстахъ торговлею, ибо она столь-же выгодна, если будемъ мы производить ее и черезъ Черное море въ Константинополь". По многимъ о семъ разсужденіямъ, говорится далѣе въ протоколѣ, Панинъ „написалъ согласно съ оными послѣднія кондиціи мира, съ исключені-

---

[1]) Арх. Гос. Сов. I, 370 сл. засѣд. 10, 14, 17 и 21 мар. 1771; рескр. Орлову 22 марта въ Сб. Р. И. Об. I, 72 сл.

[2]) Тамъ-же, зас. 14 и 17 марта.

емъ требованія острова въ Архипелагѣ“ [1]). Но въ слѣдующемъ засѣданіи, 17 марта императрица заявила, что „пріобрѣтеніе тамъ острова желаетъ она болѣе для того, чтобъ турки имѣли всегда въ глазахъ знакъ полученныхъ нами въ эту войну надъ ними преимуществъ и были бъ умѣреннѣе въ своемъ съ нами поведеніи, а притомъ и для установленія нашей тамъ торговли и доставленія также пользы нашимъ мореплавателямъ“. Впрочемъ, въ заключеніе императрица оговорилась, что не хочетъ она, чтобъ это желаніе ея было препоною въ возстановленіи мира, и поэтому рѣшено требовать при замиреніи острова въ Архипелагѣ „ежели не встрѣтитъ оно большихъ препятствій [2])“.

Въ такомъ видѣ апробована была 21 марта инструкція Орлову; въ это время получено было извѣстіе, что до 20 острововъ въ Архипелагѣ отложились отъ подданства Портѣ, и что Спиридовъ принялъ ихъ въ русское подданство; но увлеченіе идеею освобожденія грековъ прошло, и ихъ подданствомъ воспользовались лишь для сбора съ нихъ контрибуцій [3]). Острова-же предоставлены были на волю судьбы, а греки, вслѣдствіе подстрекательствъ Россіи возставшіе противъ турокъ, частью были усмирены турецкими войсками [4]).

[1]) Спиридовъ напротивъ совѣтовалъ при заключеніи мира выговорить уступку о. Пароса... съ тѣмъ, чтобъ продать его потомъ англичанамъ или французамъ. Письмо Орлову у Соловьева, XXVIII, 237. въ Сб. Р. Ист. Об., I, 69 примѣчаніе.

[2]) Ср. Рескр. Орлову 24 дек. 1770 въ Сб. Р. Ист. Об. I. 64, и депешу Панина къ немуже, 25 дек. 1770 въ Рус Архивѣ, 1878, № 12, стр 436 сл.

[3]) Письмо Спиридова Орлову у Соловьева XXVIII, 237; Ср. Рус. Арх. 1873, № 5, 114 сл.

[4]) Въ Морее по удаленіи русскихъ избито было турками до 30000 грековъ. Сб. Р. И. Об. XIX, № 35, стр. 89. Письмо изъ Константинополя 17 ноября 1770 г: „Росс. флоту не удалось овладѣть о. Лемносомъ и онъ наконецъ отступилъ отъ предѣловъ сихъ, оставя грековъ, майнотовъ и прочихъ морейцевъ, коихъ россіяне съ собою привезли для осады замка, и оные всѣ въ куски изрублены, такъ какъ и большая часть жителей острова сего“. Русскіе оставили 18 пушекъ и сожгли 28 своихъ трансп. судовъ. Они нагрузили 15 нанятыхъ кораблей товарами взятыми у турокъ и отправили ихъ на продажу въ Ливорно (Campagnes Turquie, св. 2).

частью облагодѣтельствованы амнистіею и разрѣшеніемъ покинуть свое отечество и переселиться въ Россію [1]).

Тѣмъ не менѣе по заключеніи мира Екатерина не преминула предписать гр. А. Г. Орлову [2]), прежде ухода нашего флота изъ Архипелага, „разгласить пристойнымъ образомъ, но безъ всякаго, однакожъ, публичнаго обнародованія, между тамошними жителями, что мы, возвращая ихъ Портѣ, не упустили обезпечить для переду состояніе ихъ и доставить имъ весьма важныя выгоды, кои они въ самомъ трактатѣ видѣть могутъ, къ точному и совершенному ихъ навсегда удостовѣренію, что покровительство Россіи было имъ въ самомъ существѣ нужно и полезно".

Острова въ Архипелагѣ при заключеніи мира мы не получили, и впослѣдствіи, передъ присоединеніемъ Крыма, Безбородко въ запискѣ, поданной императрицѣ опять доказывалъ, что „Россія не имѣетъ нужды желать другихъ пріобрѣтеній, какъ 1) Очакова, 2) Крымскаго полуострова, и 3) одного, двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ для пользъ и нуждъ по торговлѣ". [3])

Такимъ образомъ вопросъ объ освобожденіи Греціи хронологически долженъ быть отнесенъ ко времени второй турецкой войны, въ разсматриваемое-же время онъ явился на сцену болѣе вслѣдствіе случая, точно такъ-же, какъ и вопросъ о независимости Молдавіи и Валахіи вызванъ былъ здѣсь, какъ и во времена Анны Іоанновны, случайно—вслѣдствіе географическаго положенія княжествъ и успѣховъ русскаго оружія въ связи съ ихъ единовѣріемъ съ Россіею. Такъ, Сербы тоже „призывали въ покровительство себѣ „русское оружіе, но „по отдаленію ихъ области" Румянцевъ ограничилась въ отношеніи къ нимъ „одобрѣніемъ въ ихъ усердіи" и обнадеживаніемъ, что власть русскаго оружія достигнетъ вскорѣ къ обновленію и ихъ отечества отъ ига

[1]) См. между прочимъ Арх. Г. Сов. I, 375 и ст. 17 Кайнарджійскаго трактата. Herrmann (Gesch. d. russ. Staats, V, 621) на основаніи современнаго источника говоритъ, что до 20000 грековъ бѣжали изъ отечества.

[2]) Рескр. отъ 11 авг. 1774 г. въ Сб. Р. И. Об. I, 103.

[3]) Соловьевъ, Ист. паденія Польши, стр. 163.

магометанскаго; а они бы вѣру къ тому имѣя, приспособлялись и сами ополченіемъ къ сверженію съ себя державы турокъ и промышляли каковымъ образомъ удобнѣе предпріять имъ въ союзѣ съ нами споспѣшествующія тому дѣйствіи". Наконецъ, къ нимъ препровождено нѣсколько экземпляровъ прокламаціи къ славянскимъ народомъ [1]). Что же касается Екатерины, то она оставила просьбу сербовъ безъ послѣдствій

Впрочемъ относительно Молдавіи и Валахіи можно сказать съ увѣренностію, что освобожденіе ихъ было поставлено Екатериною, какъ одна изъ задачъ войны [2]). Правда, въ 1769 году императрица соглашалась на уступку Молдавіи Польшѣ подъ условіемъ союза противъ Турціи и отдачи въ распоряженіе Россіи Каменца на время войны; при этомъ Екатерина руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что присоединеніе Молдавіи къ Россіи не будетъ полезно, такъ какъ страна эта не въ состояніи защищаться, а отдаленность ея отъ Россіи затруднитъ собственно нашу оборону, между тѣмъ какъ присоединеніе княжества къ Польшѣ упрочитъ вліяніе Россіи въ послѣдней: молдаване православнаго исповѣданія, дворянство ихъ, при соединеніи съ Польшею, выговоритъ себѣ подъ русскимъ покровительствомъ равныя права съ польскимъ. Но по завоеваніи Молдавіи русскими силами, вопросъ объ уступкѣ ея Польшѣ былъ устраненъ Екатериною [3]).

Въ рескриптѣ ген. кн. Голицыну отъ 23 янв. 1769 года Екатерина такъ излагаетъ возникновеніе вопроса объ освобожденіи княжествъ:

«Находящіеся подъ игомъ турецкимъ христіанскіе православнаго исповѣданія народы славенскихъ поколеній сносятъ варварское и

[1]) Реляція Румянцева отъ 25 мар. 1770 г. въ Чтен. моск. общ. ист. и древн., 1865, II, 36.

[2]) Хотя молдаванъ и валаховъ подобно грекамъ возбуждали къ отложенію отъ Порты, обнадеживая ихъ сильною помощію русскаго оружія (миссія Каразина). Сбор. Р. И. Об. I, 5, 17.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 71, 73, 80; Вѣстн. Европы 1868, № 12: кн. М. Н. Волконскій въ Польшѣ.

съ древнею ихъ славою несовмѣстное порабощеніе, по большой части для того только, что по тѣснымъ обстоятельствамъ, въ какія они время отъ времени приведены, не достаетъ имъ ни способовъ, ни предводительства къ поправленію несчастнаго своего жребія.

«При возгоравшейся въ 1712 г. между Всероссійскою имперіею и Портою Оттоманскою, но вскорѣ и прекращенной войнѣ, дѣдъ Нашъ Государь Императоръ Петръ I, по свойственной ему прозорливости видѣлъ, сколь полезны быть могли бъ оные народы при тогдашнихъ его предпріятіяхъ, а потому не оставилъ и дѣйствительно призывать ихъ къ общему содѣйствованію. Короткое время, какое прошло между объявленія войны и заключенія мира, необходимымъ учинившагося по случившейся тогда неблагоуспѣшности, а притомъ и достаточныя мѣры съ стороны Порты, предупредительно употребленныя, удержали однакожъ Славянъ отъ всякихъ покушеній,— одинъ только тогдашній Волоской Господарь Князь Кантеміръ воспользовался, какъ извѣстно, дозволеннымъ ему здѣсь убѣжищемъ.

«Но при послѣдней съ Портою войнѣ и со всѣмъ уже въ помышленіи не было о Славянскихъ народахъ, а когда по достиженіи здѣшней арміи до главнаго молдавскаго города Яссъ наступало такое время, въ которое можетъ быть они и безъ посторонняго побужденія пришли бъ въ движеніе, заключенной между тѣмъ миръ вторично положилъ предѣлъ всѣмъ ихъ дальновидностямъ.

«Согласное съ нами сихъ народовъ исповѣданіе вѣры содержитъ ихъ всегда въ доброжелательствѣ къ нашей имперіи и не смотря на всѣ прошедшіе случаи питаетъ и нынѣ надѣяніемъ, что если когда либо можетъ настоящее ихъ утѣсненное состояніе премѣниться на лучшее, то не инако какъ нашимъ пособствованіемъ.

«Служитъ сему въ доказательство весьма убѣдительное учиненное Намъ, коль скоро рѣшилась война, предложеніе отъ Мунтянскаго Бана Первула Кантакузина, въ городѣ Букорестѣ живущаго, о произведеніи противъ турокъ возмущенія по первой побѣдѣ нашимъ оружіемъ надъ ихъ силами одерживаемой, причемъ онъ стараться будетъ овладѣть городомъ Букорестомъ, захватить находящійся близъ онаго на Дунаѣ при мѣстечкѣ Ясачкѣ *) магазинъ и пресѣчь провозъ съѣстнымъ припасамъ въ Константинополь и во всѣ внизъ по Дунаю мѣста; требованіе его притомъ такое, чтобъ

*) Кр. Исакча, на Дунаѣ, при устьи.

немедленно по исполненіи имъ всего того присланъ былъ къ нему на подкрѣпленіе корпусъ нашихъ войскъ, которымъ бы оныя мѣста удержать было можно.

«При первомъ случаѣ намѣренъ онъ употребить къ своему предпріятію изъ Трансильванцовъ Римской императрицы подданныхъ, а въ Мунтянію по причинѣ дѣланнаго имъ принужденія, чтобъ соединились съ Римскою церковью, вышедшихъ, тѣхъ, которые дѣйствительно въ регулярномъ войскѣ служили.

«По предъявленію бывшаго въ нашей службѣ и отставнаго изъ оной маіора Назара Каразина, чрезъ котораго Банъ сіе предложеніе учинилъ, имѣетъ быть всѣхъ ихъ до 15.000 человѣкъ, а послѣднихъ до 1000, но Банъ уповаетъ, что потомъ съ нимъ и самые Мунтянскіе жители, будучи отъ природы къ войнѣ склонны, соединятся во избавленіе отъ турецкаго порабощенія, и такъ въ короткое время можно будетъ собрать войска до 20.000 человѣкъ.

«Но чтобъ и всѣ Славянскіе народы, въ турецкомъ подданствѣ находящіеся лучше ему вѣру подавать и въ соглашеніе съ нимъ вступать могли, для того просилъ онъ о присылкѣ къ нему печатныхъ манифестовъ, возбуждающихъ оные воспользоваться настоящей войны обстоятельствами къ сверженію съ себя ига, которые онъ по разнымъ мѣстамъ разошлетъ, въ томъ числѣ и въ самый Константинополь, а для себя просилъ же и письма за собственноручнымъ Нашимъ подписаніемъ, съ такимъ обнадеживаніемъ, что если дѣла не по желанію обратятся, то бъ ему дозволено было съ родомъ его въ нашей имперіи и убѣжище.

«Мы, простирая попеченіе наше на все то, что успѣху войны съ вѣроломнымъ непріятелемъ пособствовать можетъ, а по случаю оной желая въ самомъ дѣлѣ и тягость жребія единовѣрныхъ намъ народовъ въ турецкомъ подданствѣ бѣдственно дни свои провождающихъ, сколько возможно облегчить, принимали уже намѣреніе, когда еще и ни какого съ стороны ихъ отзыва не имѣли, стараніе употребить ко внушенію имъ такихъ мыслей; потому учиненное нынѣ отъ Бана Мунтянскаго предложеніе, какъ сходное съ нашими видами и съ собственною тамошнихъ христіанъ пользою, къ особливой нашей благоугодности касалось, и мы тѣмъ наипаче на его желанія снизойти восхотѣли, что оныя конечно нужны для предначинаемаго имъ важнаго дѣла и его ободренія.

«Здѣсь слѣдуетъ копія съ нашего манифеста, распоряженнаго для всѣхъ вообще славенскихъ турецкаго подданства народовъ и съ письма Нашего къ Бану.

«Мы повелѣли съ симъ письмомъ и съ печатными манифестами на россійскомъ, греческомъ, славеносербскомъ и волоскомъ языкахъ отправить къ нему того жъ маіора Каразина, принявъ его по прежнему въ нашу службу и всемилостивѣйше пожаловавъ подполковникомъ въ разсужденіи порученнаго ему важнаго дѣла и соединенныхъ съ тѣмъ опасностей.

«Онъ пробудетъ въ Кіевѣ, пока тамъ манифестъ на славеносербскій и волоскій языки будетъ переведенъ и на оныхъ и на россійскомъ языкѣ напечатанъ литерами въ духовныхъ книгахъ употребляемыми, которыя славянамъ извѣстнѣе, нежели употребляемыя въ гражданской печати, но на греческомъ языкѣ будетъ здѣсь напечатанъ и въ Кіевъ присланъ, а потомъ въ монашеской одеждѣ и подъ образомъ монаха болгарской націи, въ Печерской Лаврѣ постригшагося и подъ именемъ Симеона Путнина, какъ онъ самъ назваться пожелалъ и въ чемъ и письменьое свидѣтельство дастъ ему Печерской Лавры Архимандритъ, пробираться станетъ чрезъ Польшу въ Мунтянію, а буде встрѣтятся ему препятствія, то подъ именемъ купца прежде поѣдетъ изъ Польши въ Трансильванію, чтобъ оттуда въ Мунтянію попасть, наконецъ возвратится онъ къ вамъ и увѣдомитъ о успѣхѣ порученной ему коммиссіи, котораго по такомъ возвращеніи и имѣете вы содержать при вашемъ статѣ для подобныхъ и впредь посылокъ и употребленій.

«Вы будете сноситься съ Баномъ Мунтянскимъ и подкрѣплять его въ предпріятіяхъ поколику главнѣйшіе ваши виды дозволятъ, стараясь сперва возбудить его и къ дѣйствительному обѣщанія исполненію.

«Нужда при первомъ случаѣ больше въ томъ состоитъ, чтобъ брошенными кстати и ко времени искрами начать пожаръ, а потомъ оный уже и по всѣмъ мѣстамъ возгорѣться можетъ, ненависть Славенскихъ народовъ къ туркамъ, ихъ многочисленность и преданность по единовѣрію къ нашей сторонѣ, сдѣлаютъ на все отважными, когда отъ нѣкоторыхъ своихъ начальниковъ, въ томъ будутъ предводительствуемы, а производимыми отъ васъ операціями ободряемы, къ чему такожде много воспособствовать можетъ и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ манифестовъ, которые къ вамъ на

всѣхъ вышеозначенныхъ языкахъ отъ нашего Кіевскаго генерала-губернатора доставлены быть имѣютъ.

О семъ равнымъ образомъ нынѣ же дано знать командующему и другою нашею арміею генералъ-аншефу гр. Румянцову, дабы и онъ съ своей стороны при подающихся удобныхъ случаяхъ по тому поступать могъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 23 января 1769 г. [1]).

Къ рескрипту приложено было письмо Екатерины къ бану мунтянскому (валашскому) Перпулу Кантакузину [2]).

Письмо это носитъ такой-же характеръ, какъ и воззваніе къ славянамъ и грекамъ. Въ немъ императрица выражаетъ свое благоволеніе къ бану, свое сочувствіе къ православнымъ подданымъ Порты, но и здѣсь мы не находимъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній, кромѣ лишь одного разрѣшенія бану въ случаѣ неудачи его предпріятія переселиться въ Россію. Очевидно никакого твердаго рѣшенія относительно дальнѣйшей участи княжествъ у русскаго правительства въ это время и не было,—вопросъ о возмущеніи ихъ противъ Порты возникъ вслѣдствіе „попеченія на все то, что успѣху войны съ вѣроломнымъ непріятелемъ способствовать могло“, а то или другое рѣшеніе этого вопроса вполнѣ ставилось въ зависимость отъ успѣховъ войны. Случилось такъ, что военное счастье было намъ настолько благопріятно, что осенью 1769 г. русскія войска заняли Яссы, а начальствующій ими генералъ, быть можетъ даже по собственному побужденію населенія, принялъ (въ сентябрѣ) Молдавію въ русское подданство. Жители принесли присягу въ вѣрности Россіи, а митрополитъ и духовенство отправили къ императрицѣ грамоту съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ населенія [3]), на которую она съ своей стороны отвѣчала слѣдующимъ рескриптомъ:

---

[1]) Собственноручныя письма и записки Екатерины II, св. 3. Тамъ-же рескриптъ Румянцеву отъ 23 янв. 1769. См. приложеніе 29.

[2]) О Пурвулѣ Кантакузенъ см. Herrmann, Gesch. d. Russ. Staats, V, 614 сл. въ Gesch. d. europ. Staaten Геерена-Укерта, изд. 1853 г. См. приложеніе 32.

[3]) Соловьевъ XXVIII, 24 сл. Рус. Архивъ 1882, I, 113.

„Б. М. Мы Екатерина II и т. д. Преосвященнымъ митрополиту и епископамъ Нашего молдавскаго княжества.

„Сколько вамъ радостно видѣть нынѣ себя и все благочестивое княжество молдавское освобожденныхъ отъ ига невосили и порабощенія непримиримыхъ враговъ креста Спасителя нашего, столько Намъ самимъ пріятно, что всемогущему Его промыслу угодно было употребить оружіе наше инструментомъ къ содѣянію сего всему христіанству столь полезнаго дѣла. Свѣтъ знаетъ довольно и предовольно, что настоящая бѣдственная война не отъ насъ происходитъ, но единственно отъ вѣроломства Порты Оттоманской и изъ ненависти ея къ покровительству, которое даровали Мы въ Польшѣ невинно и насильственно угнетаемому православію восточныя нашея церкви. Мы несумнѣнно надѣемся потому, что Господь силъ благословивый по сю пору толь великими и знаменитыми успѣхами праведное Наше и единственно въ собственную защиту святаго имени Его воспріятое оружіе, не перестанетъ и далѣе увѣнчевать оное благодатію Своею свыше какъ на укрощеніе лютости злочестія агарянскаго, такъ наипаче на возстановленіе упадшей въ востокѣ славы христіанства.—Вы, преосвященные митрополиты и епископы, яко посредственники народа вашего у престола Божія, возсылайте о томъ едиными устами и едиными сердцами предъ безкровными жертвенниками теплыя молитвы, и просите съ умиленіемъ, вѣрою и надеждою, дабы десница Всесильнаго была всегда съ оружіемъ Нашимъ въ огражденіе васъ самыхъ отъ нашествія невѣрныхъ; а притомъ еще и яко пастыри душъ ввѣреннаго вамъ благочестиваго стада, употребляйте вездѣ и всегда усердное увѣщеваніе ваше, дабы весь молдавскій народъ отъ мала до велика и какъ всѣ вообще, такъ и каждой особливо ревностно старались чинить себя того достойными строгимъ и добровольнымъ въ полной мѣрѣ исполненіемъ того долга вѣрности и христіанской присяги, которою они намъ словомъ спасителевымъ и страшнымъ его судомъ толь свято и торжественно обязались, отнюдь не допуская уловлять себя какими либо лестными обѣтами или же сребролюбіемъ Іуды предателя въ пользу врага всего христіан-

ства: напротивъ чего Мы васъ, а чрезъ васъ и весь благочестивый народъ молдавскій увѣряемъ чрезъ сіе имянно, что по мѣрѣ вѣрности и усердія вашего къ службѣ Нашей, которая толь тѣсно соединена съ службою церкви христовой, будемъ размѣрять Нашу къ вамъ милость, благоволеніе, защиту и покровительство, съ коими и теперь уже почитая васъ съ одной стороны истинными ея сынами, а съ другой Нашими вѣрными и любезными подданными, яко мать чадолюбивая благосклонны вамъ пребываемъ. Дано въ С.-Петербургѣ отъ Р. Х. С. въ 1769 году декабря 16 дня., а государствованія Нашего въ 8-е лѣто". [1])

Очевидно Екатерина не вполнѣ еще довѣряла твердой рѣшимости молдаванъ принять русское подданство. Но съ одной стороны это подданство льстило самолюбію Екатерины, а съ другой оно было чрезвычайно важно для продовольствованія русской арміи; отвергать подданство сочувствующаго намъ и искавшаго нашего покровительства княжества было неудобно, и въ концѣ года Екатерина писала Бибикову: „новая молдаванская княжна вамъ кланяется. Вся Молдавія учинила намъ присягу, и скота всѣмъ досыта" [2]).

Вслѣдъ за Молдавіею русскими войсками занятъ былъ въ февралѣ 1770 года Бухарестъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принята въ русское подданство и принесла присягу въ вѣрности Валахія [3]). Вслѣдъ за молдавскими депутатами и плѣннымъ молдавскимъ господаремъ въ Петербургъ отправлены были валашская депутація и плѣнный валашскій господарь Григорій Гика [4]). Наконецъ, въ мартѣ 1770 года сдѣлано было

[1]) Въ дѣлахъ Молдавскихъ М. Гл. Архива М. И. Д.

[2]) Сбор. Рус. Ист. Об. X, 389.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 25.

[4]) Рус. Архивъ 1882, I, 113—116 сл.; III, 7; 1878, № 12, 442 сл.; Арх. Гос. Сов., I, 41; Чтенія м. общ. ист. 1865, II, Архивъ Румянцева, 18 сл. 28 нояб. 1769 г. П. Кантакузинъ извѣщалъ Панина изъ Бухареста о назначеніи депутатами отъ Валахіи митрополита Угровалахскаго Григорія, Мих. Кантакузина и Ник. Бранкована, а 5 дек. 1769 г. митрополитъ молдавскій Гавріилъ изъ Яссъ,—о назначеніи депутатами отъ Молдавіи „по всеподданѣйшей нашей должности для отданія ея имп. вву всемил. нашей Государынѣ всеподданнѣйшаго нашего поклона и рабскаго благо-

уже распоряженіе оказывать жителямъ княжествъ, какъ подданнымъ нашимъ, правосудіе и вспоможеніе и ввести въ краѣ правильное русское управленіе [1]).

Императрица обратилась къ княжествамъ съ слѣдующимъ манифестомъ:

«Всѣмъ Нашего молдавскаго (валахскаго) княжества духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ Наша Монаршая милость и благоволеніе.

«Присланная отъ васъ къ престолу Нашему депутація съ изъявленіемъ вѣрности и благоговенія всего княжества молдавскаго служила къ особливому нашему удовольствію, ибо Мы признаваемъ ее дѣйствіемъ и плодомъ того оживотворенія, которое Всевышняя десница даруетъ чрезъ оружіе наше всѣмъ вообще православнымъ народамъ изъ подъ ига злочестія агарянскаго. Молдавія бывъ первою изъ тѣхъ христіанскихъ областей, кои благостію царя царей сподобились сего счастія, долженствуетъ взаимно служить и примѣромъ имъ горячей своей за оную благодарности, купно же и истиннаго усердія къ Намъ и имперіи Нашей какъ спасительнымъ для нихъ орудіямъ промысла Божія. Мы напротивъ обыкнувъ относить всѣ наши намѣренія и дѣла къ вящей пользѣ и благоденствію христіанства [2]) качество, въ которомъ утвердилъ теперь себя весь благочестивый молдавскій народъ торжественною присягою Намъ и оружію нашему, охотно обнадеживаемъ оный черезъ сіе, что не токмо обывателей всѣхъ и каждаго изъ нихъ, яко единовѣрныхъ съ нами при всѣхъ ихъ христіанскихъ правахъ и преимуществахъ цѣло и невредно сохранять намѣрены: но и хотимъ еще всѣми намъ отъ Бога дарованными силами стараться о защищеніи ихъ отъ лютости и челюстей непримиримаго врага имени христіанскаго, также и о всевозможномъ умноженіи ихъ выгодъ и благоденствія,

---

даренія",—изъ духовнаго чина одного епископа, одного архимандрита и одного игумена, а изъ бояръ: Лупула Больша и Іоанна Паладія бывшихъ великихъ логоѳетовъ, Ан. Мило великаго спатара. Оба письма были написаны съ цѣлью поручить депутатовъ покровительству Н. И. Панина. Хранятся въ М. Гл. Арх. М. И. Д. въ дѣлахъ по сношеніямъ съ Молдавіею.

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 42, засѣданіе 11 мар. 1770; Чтенія, Архивъ Румянцева, 127.

[2]) Вписано вмѣсто: „нашихъ вѣрныхъ подданныхъ".

поколику они всѣ и каждой особливо будутъ себя оказывать достойными такого Нашего попеченія, покровительства и охраненія должнымъ вѣрнымъ и усерднымъ исполненіемъ своей присяги, поспѣшествуя всѣми своими силами нашему праведному оружію противу вѣроломныхъ оттомановъ. Теперь настоитъ время къ тому самое удобное и такое, которое единожды на всегда благополучіе отечества вашего рѣшительно установить долженствуетъ. Мы не сумнѣваемся, что вы тутъ отъ мала до велика не будете изъ памяти вашей выпускать того, чѣмъ обязаны Богу, намъ, себѣ самимъ и потомству вашему, а потому въ сей надеждѣ и пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны» [1]).

Была ли въ это время у русскаго правительства рѣшимость оставить княжества за собою, сказать трудно. Русскіе пользовались услугами арнаутовъ, молдаванъ и валаховъ для своихъ военныхъ операцій, хотя Румянцевъ, не разсчитывая подобно Орлову на особенное геройство и военную выдержку ихъ „къ ободренію ихъ въ томъ“ благоразумно далъ приказъ употреблять ихъ „въ такіядѣйствія, гдѣ бы они, меньше себя подвергая опасности, могли достать корысть и заохотиться тѣмъ къ подвигамъ военнымъ“ [2]). Съ другой стороны, Екатерина весьма неодобрительно отнеслась къ извѣстіямъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ ген. Штоффельномъ при занятіи Молдавіи и о пожиганіи имъ деревень и селеній [3]). Но несомнѣнно и то, что заботясь о введеніи въ княжествахъ порядочнаго управленія, Екатерина главнымъ образомъ имѣла въ виду приведеніе въ порядокъ тамошняго финансоваго управленія въ видахъ обращенія доходовъ съ княжествъ на нужды русской арміи, получавшей съ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значительную часть своего продовольствія [4]).

[1]) Въ М. Гл. Архивъ М. И. Д. въ дѣлахъ Молдавскихъ и въ сношеніяхъ съ Турціею Affaires séparées,—разныя бумаги принадлежащія къ дѣламъ Фокшанскаго конгресса. Такая же грамота отправлена была и въ Валахію.

[2]) Чтенія, Архивъ Румянцева, стр. 7, 53 (Тоже въ М. Гл. Арх. М. И. Д., Campagnes Turquie, реляц. Румянцева отъ 3 февр. 1770).

[3]) Чтенія, Архивъ Румянцева, отр. 5, 22, 33 сл. 82; Соловьевъ XXVIII, 107.

[4]) Письмо Екатерины Румянцеву у Соловьева XXVIII, 110; тоже въ соб-

Какъ бы то ни было, но при первомъ обсужденіи русскихъ мирныхъ условій въ засѣданіи Совѣта 16 сент. 1770 г., Панинъ заявилъ, что „княжества молдавское и волошское удержать справедливость требовала бы, чтобъ тѣмъ наградить наши убытки, которые почитать надобно до 25 мил. руб.; но понеже ея имп. в-во съ самаго своего восшествія на престолъ доказать изволила своею политическою системою всѣмъ чужестраннымъ дворамъ, что она не ищетъ распространенія своей имперіи пріобрѣтеніемъ себѣ земель, то требовать, чтобъ для удовлетворенія понесенныхъ нами убытковъ оставлены были намъ сіи два княжества на столько лѣтъ, во сколько объявленная нами сумма изъ годовыхъ ихъ доходовъ выбрана быть можетъ, а для вѣрности сдѣлать сіе подъ гарантіею интересованныхъ дворовъ; заключительно же можно о сихъ княжествахъ сказать, что ея имп. в-во жертвуетъ и сими убытками, если Молдавія и Валахія оставлены будутъ въ независимости, и Дунай будетъ поставленъ турецкою границею“ [1]). Ту-же альтернативу признанія независимости княжествъ или возвращеніи ихъ Портѣ подъ условіемъ вознагражденія ею убытковъ ставилъ Панинъ и при вторичномъ обсужденіи мирныхъ условій въ засѣданіи 14 марта 1771 г., [2]) но въ слѣдующемъ засѣданіи, 17 марта императрица настояла, чтобы „непремѣнно стараться одержать при мирѣ признаніе независимости Молдавіи и Валахіи, такъ какъ лучше желаетъ она избавить христіанскія княжества отъ ига, нежели отдавъ ихъ, получить отъ турковъ удовлетвореніе за понесенные ею въ войнѣ убытки деньгами“ [3]).

ственноручныхъ письмахъ Екатерины, св. 3, въ М. Гл. Арх. М. И. Д.— Румянцевъ даже самовольно освободилъ княжества отъ платежа подушной подати. О положеніи и управленіи княжествъ см. реляцію Румянцева отъ 25 мар. 1770 въ Чтеніяхъ м. общ. ист. 1865, II, Архивъ Румянцева 37 сл. (Тоже въ М. Гл. Архивѣ, Campagnes Turquie). Ср. тамъ-же стр. 93 сл. 111 сл.; Соловьевъ, XXVIII, 107. 109 сл. См. приложеніе 33.

[1]) Архивъ Гос. Сов. I, 60 сл.

[2]) Арх. Гос. Сов. I, 371 сл.

[3]) Арх. Гос. Сов. I, 372. Въ письмѣ Панину отъ 30 апр. 1771 г. Румянцевъ писалъ: „Удержаніе доброй къ намъ надежды народовъ съ нами

Обстоятельства сложились иначе. Въ октябрѣ Панинъ сообщалъ Орлову, что онъ считаетъ необходимымъ исходайствовать у императрицы позволеніе ея оставить требованіе наше о Молдавіи и Валахіи, а въ ноябрѣ, что императрица соизволяетъ отступить отъ требованія своего объ отторженіи княжествъ отъ Турціи, „съ тѣмъ однако, чтобъ они остались на всегда съ тѣми правами и привиллегіями, съ которыми они вошли въ турецкое подданство“ [1]). Обстоятельства столь сильно повліявшія на рѣшенія императрицы мы разсмотримъ далѣе.

Мы уже замѣтили выше, что Екатерина поддерживала и поощряла возмутившагося противъ Порты Али-бея египетскаго и предполагала возбудить къ отложенію отъ Турціи варварійскія владѣнія послѣдней. Мы указали также на чисто-стратегическое значеніе этихъ замысловъ Екатерины. Но насколько мысль объ о т т о р ж е н і и отъ Порты варварійскихъ владѣній, Египта, Морея и т. д. можетъ быть отнесена къ числу тѣхъ „испанскихъ замковъ“, которые „иногда строила Екатерина II“,[2]) настолько политика ея относительно татаръ имѣла дѣйствительно глубокое государственное и экономическое основаніе.

При вступленіи на престолъ Екатерины, канцлеръ, гр. М. Л. Воронцовъ подалъ ей нѣсколько записокъ о политическихъ дѣлахъ [3]). Въ одной изъ этихъ записокъ, озаглавленной: „о

единовѣрныхъ и избавленіе ихъ, похристіански разумѣя, должны насъ имѣти больше, нежели всѣ другія, съ симъ несвойственныя пользы“. Сб. Р. Ист. Об. IX, 421.

[1]) Рус. Архивъ 1880, III, 238, 240.

[2]) „Теперь я развязана, могу дѣлать все, что мнѣ позволяютъ средства, а у Россіи средства не маленькія, и Екатерина II иногда строитъ всякаго рода испанскіе замки, и вотъ ничто ее не стѣсняетъ, и вотъ мы зададимъ звонъ“ и т. д. Письма Чернышеву 14 и 20 дек. 1768 въ Русск. Архивѣ 1879 г. № 9.

[3]) „Описаніе состоянія дѣлъ во время имп. Елисаветы Петровны“,—записка, составленная имъ для поднесенія Петру III въ янв. 1762 года (подъ названіемъ „Меморіала“, см. Архивъ гр. Воронцова, изд. Бартенева, кн. VII, стр. 533 сл.) и поданная имъ впослѣдствіи Екатеринѣ (Архивъ кн. Воронцова, кн. XXV, стр.272 сл. и др.).

Портѣ Оттоманской“ онъ доказываетъ [1]), что Турція можетъ вредить Россіи по польскимъ и персидскимъ дѣламъ и черезъ хановъ крымскихъ; съ другой стороны, Россіи была страшна для Турціи, когда имѣла въ своемъ владѣніи Азовъ и устье Дона, и тамъ содержала морскія силы, а нынѣ (1762 г.) туркамъ вредить не можетъ, кромѣ того, что можетъ лишь безпокоить ее и приводить въ заботу въ случаѣ нужды тайною или явною помощью единовѣрнымъ народамъ, находящимся въ ея подданствѣ. Вообще, пока азовская земля, согласно трактату 1739 г. останется въ качествѣ баріерной, то „обѣ имперіи между собою безпосредственно ничего дѣлить и опасаться не имѣютъ... А на будущее время для Россіи желать надобно, чтобы пріобрѣтеніемъ полуострова Крыма или Донскаго устья, или какого нибудь мѣста удобнаго къ содержанію флота на Черномъ морѣ доставить себѣ на ономъ твердое основаніе, и тѣмъ азіятскія и другія ближнія къ тому морю европейскія области Порты Оттоманской, такожъ г. Константинополь, и вообще турокъ и татаръ, содержать въ страхѣ и подъ законами, а тамошнюю коммерцію обратить въ свою пользу, и оную распространить съ полуденной стороны Европы“. Въ другой запискѣ: „о Малой Татаріи“ [2]), гр. Воронцовъ разсматриваетъ хищническій характеръ татаръ, ихъ частые набѣги въ предѣлы Россіи, вынуждающіе ее для своей обороны и безопасности содержать противъ нихъ „линіи съ знатнымъ числомъ войска и пребывать и посреди мира, равно какъ бы во время войны, во всякой осторожности“, и доводящіе Россію иногда „до многихъ непріятныхъ дѣлъ и хлопотъ, а иногда и до крайности съ Портою“, и дѣлаетъ отсюда такой выводъ, что Россія для своей безопасности и господства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, должна присоединить Крымъ [3]).

---

1) Архивъ кн. Воронцова XXV, стр. 300 сл.

2) Тамъ же, XXV, стр. 308 сл.; ср. также VII, стр. 533 сл. Въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д. Дѣла Крымскія, связ. 3, № 4, 1762 Іюль: *Докладъ Императрицѣ* Екатеринѣ II по вступленіи ея на престолъ, изображающій систему Крымскихъ Татаръ, ихъ опасность для Россіи и претензіи на нихъ.

3) „Россія потому главнѣйше стараться должна, чтобъ отъ всѣхъ выше-

Таковы были политическія задачи, которыя ставилъ Россіи по отношенію къ Турціи русскій канцлеръ. Посмотримъ теперь, какъ взглянула на дѣло по объявленіи Россіи войны Портою императрица и возстановленный ею Совѣтъ.

Императрица, какъ извѣстно, сначала чрезъ посредство гр. Гр. Гр. Орлова, а затѣмъ лично настаивала на требованіи, что-бы Совѣтъ опредѣлилъ цѣль войны, и „въ случаѣ на шихъ авантажей, какія выгоды за полезнѣе положить?“ И Совѣтъ отвѣчаетъ: „удержать свободное мореплаваніе на Черномъ морѣ и для того еще во время войны стараться объ учрежденіи порта и крѣпости, а со стороны Польши утвердить такія границы, которыя бы навсегда спокойствіе не нарушали“ [1]).

Такимъ образомъ Екатеринѣ предстояло въ отношеніи татаръ принять такое рѣшеніе, которое съ одной стороны обезпечивало бы Россію отъ тѣхъ безпокойствъ, которыя они ей причиняли въ политическомъ и военномъ отношеніи, а съ другой—устраняло бы неудобства, которымъ благодаря имъ подвергалась южнорусская торговля. Для достиженія свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ прежде всего необходимо было, конечно, имѣть тамъ портъ. Въ этомъ отношеніи занятые въ началѣ войны русскими войсками Азовъ и Таганрогъ были конечно драгоцѣнны для Россіи, [2]) но

помянутыхъ неудобствъ избавиться, и привесть себя въ томъ краю въ совершенную безопасность. Полуостровъ Крымъ мѣстоположеніемъ своимъ столько важенъ, что дѣйствительно можетъ почитаться ключемъ россійскихъ и турецкихъ владѣній: доколѣ онъ останется въ турецкомъ подданствѣ, то всегда страшенъ будетъ для Россіи, а напротиву того, когда бы находился подъ россійскою державою, или бы ни отъ кого зависимъ не былъ, то нетокмо безопасность Россіи надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море подъ ея властію, а подъ страхомъ ближнія восточныя и южныя страны, изъ которыхъ неминуемо имѣла бы она между прочимъ привлечь къ себѣ всю коммерцію“.

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, стр. 5, 7; проток. засѣд. 6 нояб, 1768; Сб. Р. Ист. Об. X, стр. 304.

[2]) Письмо Екатерины Вольтеру 3 (14) іюля 1769 въ Сборн. Р. Ист. Об. X 346: „Depuis la guerre j'ai fait deux nouvelles entreprises: je bâtis Azow et Taganrog ... Voilà deux bijoux que je fais enchâsser“.

они были въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ татарами. Да и по достиженіи свободы судоходства въ Черномъ морѣ намъ все-таки предстояло во всякомъ случаѣ стать въ извѣстныя отношенія къ крымскимъ и другимъ татарскимъ ордамъ. Посмотримъ-же, какую постановку русское правительство дало татарскому вопросу.

Уже въ началѣ войны рѣшено было возбудить татаръ противъ Порты. Сначала предполагали отправить въ Крымъ съ этою цѣлью нѣсколько человѣкъ самыхъ надежныхъ и зажиточныхъ казанскихъ татаръ. [1]) Но затѣмъ этотъ способъ найденъ былъ неудобнымъ, и рѣшено было отправить къ татарамъ въ качествѣ эмиссара нѣкоего Крутту, [2]) а всю негоціацію съ ними поручить главнокомандующему гр. П. И. Панину. Круттѣ и Панину предписано было поколебать татаръ въ вѣрности ихъ Портѣ внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя независимаго правительства. Въ частности гр. П. И. Панину приказано было рескриптомъ отъ 16 окт. 1769 г. попытаться отвлечь Крымъ и всѣ татарскіе народы отъ Порты внушеніемъ имъ мыслей къ составленію у себя независимаго правительства, обѣщая имъ съ своей стороны подавать дѣйствительныя къ тому вспоможенія. Къ рескрипту приложены были двѣ формы письма отъ имени Панина къ хану и ко всѣмъ крымскимъ и ногайскимъ татарамъ. Въ этихъ письмахъ доказывалось вѣроломство и несправедливость объявленія Портою войны, вынудившаго Россію къ оборонѣ и отмщенію, причемъ въ особенности заявлялось, что императрица не желаетъ распространенія своихъ границъ; далѣе выражается соболѣзнованіе о тягости и унизительности турецкаго ига надъ татарами; наконецъ дается совѣтъ воспользоваться случаемъ для освобожденія себя изъ поноснаго ига рабства и пріобрѣтенія независимости, и дается торжественное отъ имени императрицы обѣ-

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 7, проток. 6 нояб. 1768 и сл.

[2]) О его первыхъ похожденіяхъ подъ именемъ Ламеха см. Рус. Архивъ 1882, I, переписку Н. И. Панина съ Румянцевымъ 1769 года, стр. 47, 55, 66, 77, 80, 104. Ср. также приложеніе 34.

щаніе, что она не намѣрена употреблять крымцевъ противъ Порты, но по врожденному ея человѣколюбію желаетъ утѣсненнымъ дать свободу. [1])

Въ началѣ марта 1770 года Панинъ увѣдомилъ императрицу, на основаніи донесенія Бастевика, употребленнаго для первыхъ сношеній, что дѣло обѣщаетъ успѣхъ. Тогда вопросъ поступилъ на обсужденіе Совѣта. Нужно было рѣшить, въ чемъ состоятъ истинные интересы Россіи по отношенію къ Крыму, и Совѣтъ пришелъ къ заключенію, [2]) что крымскіе и др. татары по ихъ свойству и положенію никогда не будутъ полезными подданными Россіи, никакія съ нихъ порядочныя подати собираемы быть не могуть, и для защиты русскихъ границъ они служить не будутъ, ибо безъ нихъ никто не нападетъ на эти границы; наконецъ, что принятіемъ ихъ въ свое подданство Россія возбудитъ противъ себя общую зависть и подозрѣніе въ стремленіи безконечно увеличивать свои владѣнія, а этого слѣдуетъ остерегаться, особенно когда нельзя себѣ обѣщать никакой знатной и существенной пользы. Но если для Россіи мало пользы отъ подданства Крыма и татаръ, то наоборотъ, велико можетъ быть приращеніе ея силъ, если татары отторгнутся отъ Турціи и составятъ независимое владѣніе, ибо однимъ этимъ Порта относительно Россіи и ея сосѣдства такъ сказать въ небытіе моральное претворится, потому что ей некѣмъ и ни съ которой стороны невозможно будетъ безпокоить русскія границы. Чтобы можно было получить эту пользу при настоящей войнѣ, надобно обратить нашъ постоянный предметъ,—свободное мореплаваніе на Черномъ морѣ, къ ободренію и вспомоществованію татарамъ, поэтому прежде всего нужно принять непремѣнное рѣшеніе не полагать оружія, хотя бы это стоило лишней кампаніи, пока Порта ни признаетъ торжественно въ мирномъ трактатѣ независимость Крыма и татаръ, а переговоры съ послѣдними вести такимъ образомъ, чтобъ Панинъ склонялъ ихъ не къ нашему поддан-

[1]) Turquie Campagnes, св. I; выдержка у Соловьева XXVIII, 33. Ср. приложеніе 34.

[2]) Арх. Госуд. Сов. I, 43 сл. проток. засѣд. 15 мар.

ству, но къ независимости отъ Турціи, обѣщая имъ наше ручательство, покровительство и оборону, и что если они теперь подпишутъ съ нами договоръ о своемъ отложеніи отъ Турціи, то мы не заключимъ съ нею мира, не утвердивъ договоромъ независимости крымской области. Наконецъ, чтобъ гр. Панинъ взаимно потребовалъ отъ татаръ, чтобъ они, ради своей собственной безопасности, для доставленія намъ возможности защищать ихъ отъ турокъ въ силу постановляемыхъ съ ними обязательствъ, приняли наши гарнизоны въ нѣкоторыя свои крѣпости, и отдали бы намъ одну морскую гавань на крымскомъ берегу, гдѣ бы наша флотилія могла всегда защищать ихъ отъ турецкой высадки. (Противъ этихъ словъ въ протоколѣ Екатерина написала: „Не менѣе намъ необходимо нужно имѣть въ своихъ рукахъ проходъ изъ Азовскаго въ Черное море; и для того объ немъ домогаться надлежитъ“). При такомъ соглашеніи натурально должно быть условіе и о свободной и безпрепятственной навсегда между обѣими имперіями коммерціи водяной и сухопутной. Если эта важная негоціація въ настоящую еще кампанію съ пользою совершится, то не теряя ни малѣйшаго времени, надобно будетъ занять нашею азовскою флотиліею тотъ портъ, который на крымскомъ берегу нами выговоренъ будетъ, дабы при начатіи съ турками мирныхъ переговоровъ можно уже было прелиминарными пунктами выговорить и одержать проходъ нѣсколькимъ нашимъ кораблямъ изъ Средиземнаго моря въ Черное, какъ въ такой портъ, который въ нашей собственности уже утвержденъ, чѣмъ и одержано быть можетъ дѣйствительное основаніе нашего флота, слѣд. и всего мореплаванія на Черномъ морѣ.

Императрица согласилась съ этимъ мнѣніемъ Совѣта, и въ отправленномъ Панину соотвѣтственномъ рескриптѣ, вслѣдствіе дополненія сдѣланнаго Екатериною, прямо опредѣлено, какія мѣста требовать у крымцевъ для обезпеченія прохода изъ Азовскаго моря въ Черное: на крымскомъ берегу Еникале и на курбанскомъ—Тамань [1]).

[1]) См. приложеніе (Крута). Потомъ присоединена была еще Керчь. См. Архивъ Гос. Сов. I, 57 сл. засѣд. 9 сент. 1770.

Въ это время татары дѣлились на крымскихъ и ногайскихъ (4 орды—эдиссанская, эдичкульская, джембулуцкая и буджацкая). Въ концѣ 1769 и началѣ 1770 г. отправлены были ген. Панинымъ эмиссары съ письмами къ хану и знатнѣйшимъ лицамъ всѣхъ татарскихъ ордъ. Отъ крымскаго хана Каплань Гирея отвѣтъ полученъ былъ въ апрѣлѣ 1770 г.,—отвѣтъ былъ составленъ въ самомъ туркофильскомъ смыслѣ; ханъ превозносилъ могущество Порты, изъявлялъ вѣрность свою султану, называлъ тѣ времена, когда Крымъ не подлежалъ Портѣ бѣдственнымп для татаръ, и почиталъ за счастье быть подъ властью султана [1]).

Но такъ какъ приверженность крымскихъ хановъ Портѣ приписывалась ихъ личнымъ видамъ и интересамъ, вслѣдствіе которыхъ они „ни въ какіе не входятъ резоны, благоденствіе татарскаго общества поспѣшествовать могущіе“, [2]) то дѣла не оставили, а отправили новыхъ эмиссаровъ въ Крымъ и къ ногайцамъ (въ самыя вліятельныя эдиссанскую и буджацкую орды) съ внушеніемъ, подкрѣпленнымъ обѣщаніемъ „нѣкоторой суммы денегъ и знатнаго награжденія“ къ избранію себѣ новаго хана по примѣру Керимъ-Гирея, [3])

---

[1]) Рус. Арх., 1878, № 12, 458: Записка П. И. Панина о переговорахъ его съ татарами.

[2]) Тамъ же 459; Соловьевъ XXVIII, 121.

[3]) Тамъ-же, 459, 465 сл., 469 сл. Керимъ-Гирей, пользовавшійся популярностію и любовью едисанскихъ татаръ, былъ непріятенъ Портѣ; притомъ едисанскіе татары прежде нежели удалось имъ возвести его на ханство присылали съ просьбою о принятіи ихъ въ русское подданство, въ чемъ имъ однако тогда, по причинѣ прусской войны было отказано. Въ виду этого можно было ожидать, что Керимъ-Гирей „несовсѣмъ удаленъ будетъ войти съ нами въ негоціацію, а по мѣрѣ усмотрѣнія въ ней для себя партикулярной пользы, и пристать совершенно къ нашей сторонѣ“. Поэтому къ нему въ концѣ 1769 г. отправленъ былъ надежный человѣкъ (опять подъ именемъ Ламеха) со „внушеніями, чтобъ онъ воспользовался настоящимъ удобнымъ случаемъ къ освобожденію себя и всего Крыма изъ подъ турецкаго ига, съ точнымъ обѣщаніемъ доставить Крыму при заключеніи мира совершенную независимость, а ему хану и роду его наслѣдственное въ ономъ владѣніе, если онъ взаимно согласится пристать къ намъ, соединить свои войска съ русскою арміею и дѣйствовать съ нами обще“. Въ случаѣ успѣха или нужды Ламеху прика-

къ отложенію и къ составленію, подъ протекціею россійской императрицы особливой татарской ни отъ кого независимой державы, на древнихъ татарскихъ правахъ, узаконеніяхъ, преимуществахъ и вольности основанной. Наконецъ, въ исходѣ іюня, къ Панину явился ага, посланный отъ мурзъ едисанской и буджацкой орды съ изъявленіемъ согласія на его предложенія; вслѣдъ за нимъ явились уполномоченные отъ обѣихъ ордъ, а 6 іюля былъ уже заключенъ и размѣненъ съ ними прелиминарный актъ „вѣчной дружбы и союза подъ протекціею и ручательствомъ Россіи, съ отторженіемъ ихъ на вѣчныя времена отъ подданства Порты; для большей вѣрности взяты у нихъ амапаты (заложники) [1]. Послѣ чего въ сентябрѣ, отъ нихъ отправлены были въ Петербургъ депутаты съ присяжнымъ письмомъ отъ татарскихъ мурзъ. Примѣру этихъ двухъ ордъ послѣдовали въ концѣ года и остальные нагайскіе татары.

Не такъ удачны были переговоры съ крымскимъ ханомъ [2]. Такъ какъ они оказались безплодны, то въ 1771 г. рѣшено было двинуть войско на Крымъ. Экспедиція эта поручена была кн. Долгорукову [3]. При вступленіи на полуостровъ ему предписано было разослать крымцамъ прокламацію слѣдующаго содержанія:

Русскія войска вступаютъ въ Крымъ съ тѣмъ, чтобы „и сей полуостровъ, силою и коварствомъ Порты порабощенный избавить отъ несвойственнаго ига, и для того истор-

---

зано адресоваться къ Румянцеву, а послѣднему разрѣшено было подтвердить всѣ обѣщанія нашего эмиссара, и даже заключить, сколько до главныхъ пунктовъ касается, формальный договоръ съ татарами. См. секретнѣйшее письмо Панина Румянцеву въ Рус. Арх. 1882, 1, 103 сл. и реляцію Румянцева 4 ноября; ср. записку П. Панина въ Рус. Арх. 1878, № 12, стр. 453 сл.

[1]) Тамъ-же, 472 сл., 476 сл., 480 сл. Этому успѣху не мало содѣйствовало разбитіе татаръ русскими войсками и необходимость для эдиссанцевъ перейти на лѣвую сторону Днѣстра вслѣдствіе недостатка у нихъ въ кормѣ. Тамъ-же, 481. (Ср. Арх. Гос. Сов. I, 56, засѣд. 23 авг. 1770).

[2]) Тамъ-же 474 сл., 480 сл.

[3]) Рескриптъ 7 мар. 1771 о совокупныхъ съ Сенявинымъ дѣйствіяхъ на Арабатъ, Керчь и Еникале въ Сб. Р. Ист. Об. I.

гнуть изъ рукъ турецкихъ находящіяся тамъ крѣпости". Природные крымскіе обитатели если будутъ помогать туркамъ или будутъ единомысленны съ ними подвергнутся праву войну съ употребленіемъ и противъ нихъ, ихъ жилищъ и имущества огня и меча. Четыре отложившіяся отъ Порты и вступившія въ вѣчный союзъ съ Россіею орды пріобрѣли этимъ покровительство послѣдней. Если ихъ примѣру послѣдуютъ крымцы, то и имъ всякое къ тому пособіе окажется. Поэтому они приглашаются не помогать туркамъ и присоединиться къ русской арміи, дѣйствующей въ ихъ пользу и для ихъ избавленія, и вступить въ ближайшія изъясненія съ Долгоруковымъ о ихъ свободѣ и независимости, подобно какъ и четырьмя ордами съ ген. Панинымъ соглашенось. [1]).

Но лишь въ концѣ 1771 г., послѣ бѣгства хана Селимъ-Гирея и избранія Сагибъ-Гирея, крымцы приняли предложенныя имъ Долгоруковымъ условія, а окончательный трактатъ съ ними заключенъ уже въ 1772 году.

Мы далѣе возвратимся еще къ вопросу о независимости татаръ, и потому въ настоящее время ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Именно, замѣтимъ, что и въ этомъ вопросѣ торговый интересъ, забота объ утвержденіи русскаго флага на Черномъ морѣ игралъ весьма важную, если не первенствующую роль. Мы видѣли мотивы, которыми руководствовался Совѣтъ, предпочитая независимость татаръ подчиненію ихъ Россіи. Соловьевъ справедливо упрекаетъ Совѣтъ въ одностороннемъ взглядѣ на дѣло,—Совѣтъ указывалъ на выгоды для Россіи отъ признанія татаръ независимыми, и оставилъ безъ вниманія невыгоды его, если понимать независимость въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ права свободнаго опредѣленія своихъ отношеній къ другимъ державамъ, а слѣд. и свободнаго выбора между союзомъ съ Россіею или съ Портою, при-

---

[1]) Форма манифеста къ татарамъ, при рескриптѣ кн. Долгорукову отъ 21 марта 1771 (Campagnes Turquie, св. 2). Приложенъ рескриптъ Щербинину отъ того же числа съ препровожденіемъ разныхъ „галантерейныхъ вещей" для раздачи татарамъ.

чемъ возможность союза татаръ съ Портою представлялась тѣмъ вѣроятнѣе, что подчиненіе ихъ ей было самое не обременительное для нихъ и притомъ имѣло крѣпкое основаніе въ единовѣріи. Эта невыгода имѣла послѣдствіемъ тѣ ограниченія, которыя налагались русскимъ правительствомъ на условіе независимости татаръ: обязательное на вѣки отторженіе ихъ отъ Порты и вступленіе въ союзъ и подъ „покровительство“ Россіи. „На договоръ о такомъ союзѣ, разумѣется, положиться было нельзя: надобно было обезпечить союзъ гарнизонами въ крѣпостяхъ, гаванью на Черномъ морѣ, пріобрѣтеніемъ мѣстъ, защищавшихъ входъ въ проливъ между Азовскимъ и Чернымъ морями“. [1]) Все это вѣрно, но уважаемый историкъ сводитъ вопросъ о требованіи русскими портовъ въ Черномъ морѣ на однѣ политическія соображенія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности тутъ существенную роль играли также и интересы экономическіе, торговые. Мы уже видѣли, что Совѣтъ указывалъ между прочимъ на необходимость заключенія съ татарами условія о взаимной сухопутной и морской торговлѣ. [2]) Мы видѣли ранѣе жалобы на притѣсненія русской торговли ханами, на ущербы купцовъ вслѣдствіе опасности путей чрезъ татарскія владѣнія благодаря грабежамъ татаръ. Но разъ послѣдніе обязались бы обоюдною свободою торговли, являлась возможность устранить это неудобство. Жалобы на татаръ,

---

[1]) Исторія Россіи, XXVIII, 120 сл.

[2]) Весьма характернымъ представляется въ этомъ отношеніи и рескриптъ Долгорукову отъ 14 дек. 1771 (Campagnes, Turquie, св. 2): Отпустить сдавшихся при Перекопѣ турокъ, „но какъ пользуясь случаемъ ихъ отправленія, желается узнать и морской путь поперегъ моря“, то снестись съ Синявинымъ, не могутъ ли они отправлены быть прямо въ Варну на судахъ его флотиліи. Апробуется, что согласился продать крымцамъ по домогательству хана до 500 четвертей пшеницы (по 5 р.), а „чтобъ наши росс. купцы начали съ симъ полуостровомъ и порядочную торговлю, о томъ отъ сената нынѣже въ надлежащихъ мѣстахъ будетъ обнародовано... а чтобъ со всѣмъ тѣмъ Крымъ могъ быть довольствованъ хлѣбомъ съ нашей стороны дано повелѣніе воронежскому губернатору о учрежденіи для того въ его мѣстѣ компаніи ихъ купцовъ для продажи и доставки туда хлѣба“.

предъявлявшіяся прежде Портѣ и обыкновенно оставлявшія-ся ею безъ послѣдствій, могли скорѣе возымѣть дѣйствіе при непосредственномъ разбирательствѣ ихъ между татарскимъ и русскимъ правительствами. Далѣе, разрѣшая Россіи свободу морскихъ торговыхъ сношеній съ Крымомъ и подвластными ему ордами, крымское независимое правительство открывало русскому флагу доступъ въ Черное море, котораго Россія тщетно добивалась отъ его сюзерена—Порты. Наконецъ, относительно портовъ, которые требовала себѣ Россія, любопытно, что въ это время русское правительство указываетъ лишь два порта—Еникале и Тамань, охраняющіе входъ въ Азовское море и приступъ къ будущей русской азовской флотиліи. Еще любопытнѣе то, что остальныя мѣста, которыя стала впослѣдствіи требовать Россія у крымцевъ, всѣ лежатъ при морѣ и указаны были опытомъ, (на сколько это было возможно), какъ мѣста удобныя для стоянки русскихъ кораблей. Объясняется это тѣмъ, что требуя ихъ, русское правительство имѣло въ виду не только соображенія стратегическія, но и экономическія [1]).

Таковы были задачи, намѣченныя русскимъ правительствомъ въ началѣ войны съ Турціею и болѣе или менѣе успѣшно разрѣшенныя въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ 1774 года.

Въ заключеніе разсмотримъ ихъ въ ихъ оффиціальной, такъ сказать, редакціи,—какъ онѣ были формулированы въ видѣ условій Россіи для заключенія мира съ Турціею. При этомъ намъ придется конечно ограничиться лишь первымъ періодомъ войны, когда эти условія являются въ болѣе непосредственномъ видѣ, не измѣненными въ силу постороннихъ политическихъ соображеній, именно — временемъ отъ начала войны до іюня 1771 года. Въ нашемъ предположеніи, что въ этотъ періодъ войны, мы найдемъ русскія мирныя

[1]) Всѣмъ этимъ мы конечно не имѣемъ въ виду возражать противъ совершенно вѣрнаго мнѣнія Соловьева, что требованіе независимости Крыма было политическою ошибкою, если только оно было вполнѣ сознательно откровенно, добавимъ мы.

условія въ первоначальномъ видѣ, мы опираемся на слѣдующія данныя. 20 октября 1769 года, Панинъ писалъ Румянцеву: [1]) „Противное прошлыхъ временъ нашей политической системы расположеніе производило намъ теорическое заключеніе, что знатной и собственный коренной вѣсъ имѣющей державѣ удобнѣе составить свои собственныя конъюнктуры и по нимъ дѣйствовать, нежели всѣ свои интересы и дѣла оставить въ зависимости отъ конъюнктуръ и удобности времени другихъ державъ, съ уступленіемъ имъ правленія генеральною всей Европы системою. Ея имп. в-во сама прежде всѣхъ сію здравую политику признать и себѣ присвоить изволила. Слѣдствія дѣлъ ея самою практикою теперь подтверждаютъ ея истинность, и можно сказать, что конечно видимымъ образомъ полагается основаніе къ истребленію того мечтательнаго пугалища, которое чрезъ столь многія лѣта и при столь многихъ случаяхъ употребляемо было адскою политикою ненавистниковъ общей христіанской тишины и спокойствія въ Европѣ.» Такимъ образомъ въ это время русское правительство надѣялось на вполнѣ самостоятельное сведеніе своихъ счетовъ съ Турціею. Успѣхи русскаго оружія, кажущіяся благопріятныя отношенія Россіи къ другимъ державамъ относительно восточнаго вопроса, индифферентизмъ къ Портѣ Пруссіи, заискиванія въ дружбѣ Россіи со стороны Англіи, тождество интересовъ съ Австріею,— все это казалось обезпечивало намъ свободу дѣйствій. Даже лѣтомъ 1771 года Екатерина выражала еще свое глубокое убѣжденіе въ полномъ согласіи русскихъ и австрійскихъ интересовъ относительно Турціи. Въ это время она не допускала еще возможности, чтобы Турція имѣла въ глазахъ какого либо европейскаго государства одинаковое съ другими значеніе для равновѣсія между христіанскими державами: „принципы чести и достоинства, писала она,[2]) —не позволятъ никогда христіанскимъ державамъ допустить Порту въ систему союзовъ. Неужели хотятъ сдѣлать положеніе Порты неслыхан-

---

[1]) См. Рус. Архивъ 1882, I, 86.
[2]) Соловьевъ, XXVIII, 258 сл.

новыгоднымъ? Въ то время какъ ея собственная система, несоединимая ни съ какою другою системою, стремится только къ истребленію христіанскихъ государей по мѣрѣ возможности, со стороны послѣднихъ будетъ принята твердая система, въ которой сохраненіе Порты будетъ служить основаніемъ, связаннымъ съ ихъ собственнымъ сохраненіемъ! Каково-же будетъ положеніе государства, которое, какъ моя имперія, будетъ вести съ нею войну побѣдоносную и справедливую? Довольное пустымъ блескомъ тріумфовъ, оно возвратитъ свои войска, ограничиваясь честью, что низложило врага, не смѣя дотронуться до его владѣній, потому что этотъ врагъ есть Турція!» Екатерина писала это подъ впечатлѣніемъ возраженій представленныхъ Австріею противъ мирныхъ условій Россіи. И лишь въ концѣ года послѣдовало разочарованіе въ первоначальныхъ надеждахъ и разсчетахъ: «пресѣченіе съ турками войны намъ время отъ времени нужнѣе становится,» писалъ 12 окт. 1771 г. Панинъ Григорію Орлову, между тѣмъ «мы теперь самымъ дѣломъ испытываемъ, что турецкая монархія есть дѣйствительнымъ членомъ политической связи всей Европы, и съ нею съ одною, какъ прежде, такъ и нынѣ нельзя имѣть дѣло безъ того, чтобы другіе по своимъ интересамъ не участвовали». [1]) Это горькое убѣжденіе повело къ различнымъ политическимъ комбинаціямъ, къ раздѣлу Польши и къ нѣкоторымъ уступкамъ въ нашихъ мирныхъ условіяхъ.

Первое обсужденіе вопроса о русскихъ условіяхъ мира происходило въ засѣданіи Совѣта 16 сентября 1770 г. Здѣсь Панинъ предложилъ свое мнѣніе, на какихъ кондиціяхъ заключить миръ съ турками. [2]) Именно: 1) удержать за собою Азовъ и Таганрогъ, кои по трактату вѣчнаго мира съ турками нами разорены и оставлены баріерою; но какъ вѣчный миръ не устоялъ и турки оный нарушили, то для увѣренія его впредь требовать, чтобъ съ обѣихъ сторонъ

[1]) Рус. Арх. 1880, III, стр. 235, 236.
[2]) Арх. Гос. Совѣта, I, 69 сл; они были сообщены Фридриху II, см. въ приложеніяхъ.

дана была свободность комерціи проѣздомъ *изъ Азовскаго въ Черное* море нашимъ купеческимъ судамъ; 2) истребовать генеральную амнистію тѣмъ, кои для своего защищенія приняли оружіе противъ Порты; ежелижъ между тѣмъ нашъ флотъ завладѣетъ какимъ-нибудь островомъ въ Архипелагѣ, то и оный выговаривать надлежитъ; 3) татарамъ, если они отторгнутся отъ Турціи, оставаться въ независимости; 4) княжества молдавское и волошское удержать справедливость требовала бы, чтобъ тѣмъ наградить наши убытки»; но въ доказательство безкорыстія императрицы лучше ограничиться требованіемъ, чтобъ «для удовлетворенія понесенныхъ нами убытковъ оставлены были намъ сіи княжества на столько лѣтъ, во сколько объявленная нами сумма изъ годовыхъ ихъ доходовъ выбрана быть можетъ, и сдѣлать сіе подъ гарантіею интересованныхъ дворовъ; наконецъ императрица согласится пожертвовать и убытками если Молдавія и Валахія оставлены будутъ въ независимости и Дунай будетъ поставленъ турецкою границею». Въ этой программѣ первыя три условія прямо имѣли въ виду обезпеченіе свободы русскаго судоходства и безопасность нашего юга отъ татаръ, и лишь послѣднее условіе выходило изъ предѣловъ этой программы, но оно обусловлено было успѣхами нашего оружія.

Потомъ мирныя условія обсуждались въ засѣданіяхъ совѣта 14 и 17 марта 1771 года, притомъ весьма обстоятельно, такъ какъ въ этихъ засѣданіяхъ установлена инструкція гр. А. Г. Орлову на случай заключенія имъ мира съ Портою; [1])

---

[1]) Замѣтимъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ въ концѣ декабря 1770 года, и именно ок. 24 числа, гр. Орлову отправленъ былъ рескриптъ съ означеніемъ нашихъ мирныхъ условій (см: Сб. Р. Ист. Об. I, 64 письмо императрицы Орлову отъ 24 декабря и Рус. Арх. 1878, № 12, стр. 436 сл. письмо Панина ему же отъ 25 декабря 1770; тоже въ М. Гл. Арх. М. И. Д. Campagnes Turquie). Въ числѣ ихъ были: уступка Россіи острова въ Архипелагѣ, и „трѣбованіе для коммерціи и навигаціи нашей *въ Средиземномъ морѣ* свободы и этаблисемента“. Относительно послѣдняго пункта любопытно „изъясненіе“ данное объ немъ Панинымъ Орлову, что это требованіе „чаятельно народу турецкому тѣмъ менѣе противны будутъ, чѣмъ болѣе онъ нынѣ раздраженъ скоропостижнымъ

во второмъ засѣданіи въ преніяхъ участвовала сама императрица; и здѣсь мы находимъ тѣ же условія. [1]) Правда, въ первомъ засѣданіи Панинъ предлагалъ еще альтернативу между независимостію Молдавіи и Валахіи и возвращеніемъ ихъ Портѣ подъ условіемъ денежнаго вознагражденія ею убытковъ и, въ виду доводовъ представленныхъ гр. Орловымъ, склонился въ пользу отказа отъ требованія острова въ Архипелагѣ, но въ засѣданіи 17 марта императрица настояла, чтобы „непремѣнно стараться одержать при мирѣ признаніе независимости отложившихся отъ Порты татаръ, и равномѣрно-жъ Молдавіи и Валахіи, свободное плаваніе по Черному морю, островъ въ Архипелагѣ, если возможно, и оставленіе Кабарды по прежнему независимою, если въ замѣнъ этого турки признаютъ Очаковъ вольнымъ городомъ“. Въ этомъ смыслѣ составлена и апробована въ засѣданіи 21 марта инструкція Орлову. [2])

Наконецъ самую полную формулировку первоначальныхъ русскихъ мирныхъ условій мы находимъ въ рескриптѣ—инструкціи гр. А. Г. Орлову отъ 22 марта 1771 года. Поэтому, такъ какъ онъ, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не былъ еще напечатанъ, приводимъ его въ подлинникѣ in extenso: [3])

«Двумя, сему предшествующими рескриптами нашими [4]) довольно уже открыли мы вамъ мнѣнія и желанія наши, какъ по будущимъ вашимъ въ непріятельскихъ водахъ военнымъ дѣйствіямъ, такъ и по ввѣряемой вамъ нынѣ негоціяціи мира, если вы предуспѣете изыскать случай и моментъ къ безпосредственному ея тамъ на мѣ-

---

и безразсуднымъ нарушеніемъ мира, *) ибо сія новая между обѣими имперіями связь можетъ для переду цѣну сохраненія его на обѣ стороны гораздо увеличить и важнѣе сдѣлать“. Эту мысль о закрѣпленіи взаимной дружбы путемъ торговыхъ сношеній мы встрѣтимъ и позднѣе.

[1]) Объ этомъ раздраженіи доносили русскіе агенты въ Константинополѣ.

[2]) Архивъ Госуд. Сов., I, 371 сл.

[3]) Рескриптъ отъ 22 марта 1771 въ Сб. Р. Ист. Об. I, 72 сл.; инструкцію см. ниже.

[4]) М. Гл. Архивъ М. И. Д., Сношенія съ Турціею, X Campagnes св. 2 и Affaires séparées св. 4, № 15.

[5]) Отъ того-же числа. См. въ Сб. Р. Ист. Об. I.

стѣ начатію и совершенію; а теперь хотимъ еще, оставаясь однакожъ непремѣнно при тѣхъ политическихъ правилахъ и началахъ, кои отъ насъ за основаніе всего дѣла въ примирительномъ нашемъ планѣ благоразсудительно положены, начертать вамъ здѣсь ближайшую стезю и точныя степени самаго во свое время съ непріятелемъ трактованія.

„Вы конечно сами чувствуете, что учиненныя нами въ примирительномъ планѣ спеціальныя требованія, на основаніи изъясненныхъ въ немъ статскихъ резоновъ и заключеній такого существа, какого они быть долженствовали для откровеннаго сообщенія союзнику нашему королю прусскому, по соображенію съ интересами его собственными, австрійскаго дома и другихъ христіанскихъ державъ, и что потому въ семъ качествѣ, когда дѣло къ зрѣлости приспѣвать будетъ, могутъ они еще снести нѣкоторыя частныя ограниченія и предложенія въ другія для насъ не меньше почти выгодныя, а отъ турковъ повидимому легче и скорѣе одерживаемыя удобности, по колику тутъ обыкновенные предразсудки Порты Оттоманской въ сохраненіи или по крайней мѣрѣ маскированіи наружности предъ своимъ народомъ больше или меньше значить будутъ.

„Войдя со всею нужною осмотрительностію въ размѣръ сего уваженія, размѣрили мы по оному и дѣйствительный ультимать требованій нашихъ, который въ слѣдующихъ здѣсь точныхъ своихъ предѣлахъ и положеніяхъ имѣетъ служить самою тою чертою, за которую негоціація переступать не должна.

„Въ примирительномъ планѣ приняли мы за основаніе кондицій будущаго мира:

1-ое, уменьшеніе Портѣ способностей къ аттакованію Россіи;

2-ое, доставленіе намъ справедливаго удовлетворенія за убытки войны;

3-е, освобожденіе отъ порабощенія торговли и безпосредственной связи между подданными обѣихъ имперій.

„Когда вы въ дѣйствительной съ турецкими полномочными негоціаціи отступите уже отъ перваго имъ по всегдашнему обычаю учиненнаго запроса *uti possidetis* и въ замѣну онаго представите имъ означенныя генеральныя основанія мирнымъ кондиціямъ, то прежде всего, и не открываясь еще въ подробныхъ по онымъ требованіяхъ, постарайтесь убѣдить ихъ и привесть въ явное приз-

наніе справедливости и надобности сихъ основаній, дабы послѣ отъ сего пункта слѣдственными заключеніями далѣе впередъ съ большею свободою подвигаться.

„Нельзя повидимому сомнѣваться, чтобъ турки, при всемъ ихъ невѣжествѣ, не признались въ сей общественной истинѣ; но вмѣсто того не оставятъ они конечно оспоривать при каждомъ особенномъ требованіи, частное ея апликованіе, а тутъ уже и будетъ дѣло искуства и патріотическаго усердія вашего превозмогать надъ затрудненіями, опровергать неосновательность ихъ, упорство противорѣчія ясными изъ самой натуры вещей доводами и выигрывать мало по малу поверхность, снисходя съ своей стороны въ дозволенныхъ противу примирительнаго плана уступкахъ тамъ, гдѣ того прямая нужда и польза требовать будутъ, дабы однимъ замѣнить и обращать на свою сторону другое больше для Россіи важное и выгодное.

„По одержаніи отъ турецкихъ полномочныхъ яснаго признанія о справедливости и нуждѣ полагаемыхъ отъ насъ мирнымъ кондиціямъ основаній, можно и надобно вамъ будетъ объявить имъ и спеціальныя наши требованія по каждой статьѣ оныхъ; но не все однакожъ въ другъ, а одно за другимъ, очищая такимъ образомъ, если только можно будетъ, каждую особливо.

„По первой статьѣ требованія наши состоятъ: 1-е, въ точномъ и совершенномъ присвоеніи Россіи обѣихъ Кабардъ большой и малой; 2-е, въ оставленіи границъ отъ Кабарды чрезъ кубанскія степи до азовскаго уѣзда въ томъ состояніи, какъ они до войны были; 3-е, въ полномъ и свободномъ владѣніи городомъ Азовомъ и уѣздомъ его по силѣ и словамъ трактата 1700 года; 4-е, въ независимости татарскаго народа отъ Порты съ сохраненіемъ въ пользу его всѣхъ имъ обитаемыхъ земель; 5-е, въ оставленіи грузинскимъ владѣтелямъ собственныхъ ихъ земель и городовъ, кои нынѣ оружіемъ нашимъ отъ несправедливаго похищенія возвращены; 6-е, въ генеральной амнистіи на обѣ стороны всѣмъ въ войнѣ участіе принявшимъ христіанскимъ и магометанскимъ народамъ, также и въ большей надежности и свободѣ обѣихъ религій въ земляхъ той и другой имперіи.

„Если другія больше значущія требованія, а особливо касательно вольности и независимости татарскаго народа могутъ какою ли-

бо уступкою въ разсужденіи Кабарды замѣнены и удовлетворены быть, то въ семъ случаѣ позволяемъ мы вамъ оставить ихъ по трактату 1739 года за барiеру между обѣими имперіями со всѣми о нихъ того времени постановленіями, прибавляя только, чтобъ Россіи формально утверждено было неоспоримое ея право заводить въ сосѣдствѣ кабардинцовъ на собственныхъ своихъ земляхъ такія селенія и города, какіе она по обстоятельствамъ и для выгоды своей за полезно признаетъ.

„Оставленіе границъ отъ Кабарды чрезъ кубанскія степи до азовскаго уѣзда на прежнемъ ихъ основаніи не можетъ встрѣтить никакого затрудненія, какой ни послѣдуетъ оборотъ относительно къ татарамъ вообще, то есть всѣ ли они отъ турецкой власти освобождены будутъ, или же нѣкоторая часть останется еще подъ оною.

„Въ разсужденіи города Азова и уѣзда его не ожидаемъ мы также большого сопротивленія съ стороны турковъ, но каково бы оно впрочемъ ни было, ежели сверхъ чаянія случится, нѣтъ нужды на то смотрѣть, но паче неотмѣнно настоять на торжественномъ признаніи и утвержденіи нашего туркамъ никогда безпосредственно не уступленнаго права въ полномъ и свободномъ владѣніи симъ городомъ, уѣздомъ его, а затѣмъ еще и всѣмъ отъ онаго правымъ берегомъ Азовскаго моря до старой татарской границы, то есть до рѣки Большой Берды, ибо чрезъ сей способъ Таганрокъ и другія въ сей сторонѣ нынѣ же или впредь заводимыя крѣпости и селенія поставлены будутъ внѣ всякаго вопроса, что мы бдѣтельному вашему престереженію симъ именно и точно препоручаемъ.

„Всемѣрно гораздо и несравненно большія трудности будутъ являться въ доставленіи татарскому народу полной и совершенной свободы и независимости отъ Порты. Турки чувствуютъ конечно всю свою пользу отъ сохраненія его въ своихъ рукахъ, и для того тутъ, по всей вѣроятности, надобно будетъ употреблять къ преклоненію ихъ сильнѣйшія побужденія, какъ напримѣръ важность настоящаго для нихъ предъ самымъ Константинополемъ кризиса, который легко султану престола, а всѣмъ въ правительствѣ участвующимъ персонамъ, головъ ихъ стоить можетъ. Другихъ доказательствъ и резоновъ къ убѣжденію Порты довольно собраны въ самомъ примирительномъ планѣ и въ примѣчаніи къ оному о татарскомъ народѣ. Долгъ уже собственной вашей прозорливости будетъ

поставить ихъ у непріятеля въ самую большую цѣну и тѣмъ добиться согласія его на сію кондицію, которую мы съ своей стороны толь больше непремѣнною *sine qua non* кладемъ, что въ одержаніи ея интересованы въ высшемъ градусѣ первенствующій имперіи интересъ, собственная наша слава, да и святость даннаго уже слова дѣйствительно по сю пору отложившимся четыремъ ордамъ, за коими чаятельно въ продолженіе нынѣшней кампаніи и весь крымскій полуостровъ послѣдуетъ, какъ то изъ довольно вѣрныхъ признаковъ не безъ основанія судить можно.

„При другихъ турецкимъ полномочнымъ въ пользу сей кондиціи представленіяхъ, можете вы и слѣдующія уваженія не безъ пользы употребить: 1-е, что Порта отъ татаръ никакихъ доходовъ не получаетъ; 2-е, что она свойственною имъ хищностію, которая до сихъ поръ властію ея укрощаема быть не могла, ниже впредь по опыту укрощаема быть можетъ, неоднократно уже вовлекаема была въ разныя тщетныя и кровопролитныя войны съ нами и республикою польскою; 3-е, что она, соглашаясь нынѣ на независимость ихъ и на составленіе чрезъ то посредственной между обѣими имперіями вольной области освободитъ и себя, и Россію отъ всякой впредь къ раздору и несогласію причины, и что на послѣдокъ 4-е, когда уже татара войною и оружіемъ стали нынѣ намъ подвластны, и мы довольно способовъ и силъ имѣемъ къ удержанію ихъ за собою, гораздо лучше и вѣрнѣе для нея вывесть ихъ изъ сего положенія мирною негоціаціею и какъ бы добровольнымъ своимъ соизволеніемъ, нежели чрезъ продолжительное пролитіе невинной крови подвергать себя сушей опасности, навсегда оставить ихъ въ нашихъ рукахъ; ибо мы, если не согласится Порта на безкорыстное и обѣимъ сторонамъ равно полезное желаніе наше, не можемъ съ своей согласиться на возвращеніе ихъ подъ власть ея, по той причинѣ, что инако долженствовали бы, научась вреднымъ искуствомъ, оставаться вопреки склонности и политики нашей во всегдашнемъ вооруженіи къ охраненію собственныхъ нашихъ границъ, слѣдовательно же и во всегдашней недовѣркѣ къ самой Портѣ; каковое положеніе едва ли чѣмъ лучше явной войны.

„Не безъизвѣстно Портѣ, что въ первую зиму послѣ объявленія войны, учиненный умершимъ ханомъ Крымъ-Гиреемъ набѣгъ въ границы наши причинилъ въ оныхъ много опустошеній и вреда, а

особливо уведеніемъ въ плѣнъ и неволю по ихъ собственному объявленію [1]) до шестнадцати тысячь человѣкъ жителей обоего пола и всякаго возраста, которые теперь разсыпаны по всѣмъ концамъ имперіи турецкой и едва ли когда къ освобожденію своему собраны быть могутъ, а по сему когда татара оружіемъ нашимъ совершенно побѣждены и Порта Оттоманская не въ состояніи болѣе ихъ оборонять и защищать, и не имѣемъ ли мы уже по самой строгой справедливости неоспоримаго права не только ихъ, какъ оружіемъ завоеванныхъ, оставить въ подданствѣ нашей имперіи, но для огражденія себя отовсѣхъ впредь могущихъ быть непріятныхъ происшествій, нынѣ же безъ всякаго отлагательства и въ самое теченіе войны тѣмъ же нашимъ побѣдоноснымъ оружіемъ ихъ со всѣмъ въ самомъ бытіи истребить и земли ихъ въ конецъ опустошить, какъ такой народъ, отъ котораго никакой пользы ни выгоды никому другому быть не можетъ.

„Мы хотимъ однакожъ право и притязаніе наше въ томъ жертвовать Портѣ, человѣчеству и взаимному для переду доброму согласію, если только согласится она изъять изъ среды самой камень претыканія, признаніемъ разныхъ татарскихъ народовъ въ корпусѣ вольной и независимой и собою управляющейся націи, которая-бъ собственнымъ уже бытіемъ и цѣлостію сохраненія своего обязана была пещись равно о снисканіи себѣ протекціи обѣихъ имперій и о упрежденіи между ими всякихъ распрей и несогласій.

„По сю пору слово было о всѣхъ вообще татарскихъ народахъ и о выговореніи имъ общественной независимости; но здѣсь въ объясненіе и въ положеніе для васъ при негоціаціи точнаго предѣла, надобно сказать, что не всѣ они въ равномъ состояніи, и что понынѣ дѣйствительно отложились отъ власти турецкой однѣ внѣ Крыма обитающія орды, а именно: Едисанская, Буджацкая, Джамбулуцкая и Едичкульская. Слѣдствія кампаніи сего года долженствуютъ рѣшить жребій крымскаго полуострова и жителей его. Мы имѣемъ причину надѣяться, что если не всѣ оныхъ роды, по крайней мѣрѣ знатная часть изъ нихъ пристанетъ къ общему дѣлу и что тѣмъ или другимъ образомъ, по возможно однакожъ будетъ составить не беззнатный корпусъ, который подъ покровительствомъ

---

[1]) Приписано рукою Панина.

нашимъ имѣетъ составить новую, вольную и ни отъ кого независимую націю съ свойственнымъ ей правительствомъ.

„Знаменитую услугу оказали-бъ вы отечеству одержаніемъ въ мирномъ трактатѣ полнаго и неограниченнаго съ турецкой стороны признанія въ пользу цѣлаго крымскаго полуострова и всѣхъ вообще татарскихъ ордъ, безъ различія дѣйствительно уже отложившихся еще; но если въ семъ случаѣ повстрѣчаются непреодолимыя препоны, позволяемъ мы для положенія начала въ существѣ дѣла, поступить на ограниченіе вольности и свободы на тѣ только орды, кои донынѣ отреклись уже подданства Порты и кои со всею крымскою областію во время настоящей кампаніи отложиться еще могутъ до заключенія мирнаго трактата или же прелиминарныхъ для него артикуловъ, выговаривая однакожь ясно и формально, чтобъ они съ стороны Порты, какъ въ примирительномъ планѣ означено, независимою областію торжественно признаны были, съ оставленіемъ и присвоеніемъ ей въ полное и безспорное владѣніе всѣхъ татарскихъ земель, въ числѣ коихъ натурально и земли, вокругъ Очакова лежащія разумѣться долженствуютъ, хотя вамъ при трактованіи и не будетъ нужды именно объ нихъ упоминать, дабы инако не умножить турецкой претительности, которая и безъ того всемѣрно очень велика будетъ.

„Что касается до Грузіи, взаимной амнистіи христіанскимъ и магометанскимъ народамъ, также большей надежности и свободы обѣимъ религіямъ во взаимныхъ земляхъ, о томъ не находимъ мы ничего здѣсь прибавить къ сказанному въ примирительномъ планѣ, но довольствуемся только рекомендовать, чтобъ вы къ постановленію ихъ по нашимъ желаніямъ неотмѣнно всевозможное стараніе употребили, въ чемъ кажется и съ стороны турецкой затрудненія быть не можетъ, пбо требуемые для грузинцовъ войсками нашими отобранные города съ уѣздами ихъ сами по себѣ весьма маловажны и дѣйствительно въ недавномъ только времени пограничными турецкими пашами захвачены были, чаятельно и безъ указу Порты.

„Вторая статья положенныхъ въ планѣ мирнымъ кондиціямъ основаній, то есть доставленіе намъ справедливаго удовлетворенія за убытки войны сколь сама по себѣ ни законна, но по видимому будетъ подлежать вящимъ затрудненіямъ и прекословію. Вы не оставите пользоваться всѣми въ планѣ примиренія изображенными резона-

ми и доводами, коихъ истина и важность разсудительнымъ образомъ оспорена быть не можетъ къ оправданію требованія нашего, оставляя впрочемъ Портѣ выбирать изъ алтернатива нашего въ разсужденіи княжествъ волошскаго и молдавскаго ту часть, которую она сама предпочесть разсудитъ. Къ симъ резонамъ и доводамъ можно вамъ будетъ къ стати и ко времени слѣдующіе еще употребить въ большее убѣжденіе турецкихъ полномочныхъ, а чрезъ нихъ и самаго дивана.

„Сама Порта не можетъ не признать, что война ея противу Россіи не правильно и безъ причины начата. Когда сіе неоспоримымъ образомъ такъ и благословеніе всемогущей десницы, вездѣ оружію нашему толь видимымъ образомъ поспѣшествующее даровали намъ верхъ и на морѣ и на землѣ, то и не имѣемъ ли мы права требовать полнаго удовлетворенія всѣхъ нами по нынѣ понесенныхъ убытковъ, равно какъ Порта обязана принять на себя сію тягость. Сіи убытки простираются, кромѣ потери людей, по самому вѣрному исчисленію до двадцати пяти милліоновъ рублей и мы не можемъ обойтиться требовать ихъ въ облегченіе и удовольствованіе нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, яко они для войны излишнія тягости нести принуждены были. Великость должной намъ въ удовлетвореніе суммы заставила насъ мыслить о способахъ замѣнить оную чѣмъ либо другимъ. Натуральнѣе всего представляется, чтобъ завоеванныя оружіемъ нашимъ княженія употреблены были на нѣкоторое опредѣленное время, по мѣрѣ доходовъ ихъ, къ возвращенію убытковъ нашихъ съ обязательствомъ съ нашей стороны подъ гарантіею дружественныхъ державъ, возвратить ихъ потомъ во владѣніи Порты на уреченный срокъ, на самыхъ тѣхъ кондиціяхъ ихъ собственныхъ правъ и обычаевъ, съ которыми они прежде поддались подъ турецкую державу, [1]) а между тѣмъ и во время секвестра нашего не перемѣнять ничего въ настоящемъ образѣ правленія ихъ. Симъ простымъ средствомъ Россія получила бы свое, а Порта тѣмъ не меньше сохранила цѣлость

[1]) Приписано рукою Панина. Въ Idées sur la pacification, сообщенныхъ Фридриху это мѣсто выражено такъ: s'engageant à l'expiration de se terme à les remettre sans aucune prétention ultérieure quelconque à la Porte pour lui appartenir au même titre et de la même façon qu'elles lui ont appartenu avant la guerre.

собственности и владѣнія своего. Сколько мы здѣсь о положеніи Порты, интересахъ и самыхъ предразсудкахъ ея судить можемъ, не видно, чтобъ принятіе представляемаго нами средства могло ей быть во вредъ предъ свѣтомъ и предъ собственнымъ ея народомъ, ибо сія истина кажется для всѣхъ одинакова и осязательна, что лучше части на время себя лишить, нежели все тщетно отваживать. Со всѣмъ тѣмъ, ежела министерство турецкое не возможетъ или не похочетъ согласиться на временный секвестръ, пускай въ такомъ случаѣ Порта предызбираетъ признать и объявить княженія волошское и молдавское во всей обширности ихъ земель, вольною, независимою и отъ власти ея навсегда и совершенно уволенною областію подъ ручательствомъ намъ обще дружественныхъ дворовъ. Правда, мы будемъ тутъ принуждены жертвовать нашими толь знаменитыми убытками къ чувствительному оскорбленію матерней нашей къ вѣрнымъ подданнымъ любви, которая бы тягость ими чрезвычайно понесенную безпосредственно и въ полной мѣрѣ наградить желала, но во взаимство и въ равновѣсіе сей жертвѣ получитъ по меньшей мѣрѣ Россія, а съ нею вкупѣ сама Порта, да и всѣ другія сосѣдственныя державы на будущія времена тотъ важный и надежный авантажъ, что они всѣ будучи между собою размежеваны и раздѣлены Волохіею и Молдавіею, какъ княжествами, ни отъ кого независимыми, а всѣмъ однакожъ въ цѣлости и сохраненіи своемъ для взаимной преграды равно нужными, не будутъ имѣть одна съ другою безпосреднаго сосѣдства, слѣдовательно же взаимныхъ къ воеванію способностей, а напротивъ того многія и естественныя удобности быть себѣ взаимно полезными, и тѣмъ сохранять ничѣмъ и никогда не повреждаемую дружбу.

„Сей альтернативъ предложеній нашихъ касательно княжествъ воложскаго и молдавскаго не терпитъ никакого изъятія, и потому имѣетъ оный, какъ и все о другихъ кондиціяхъ выше сего сказанное оставаться ультиматомъ нашимъ. Развѣ Порта, хотя то и весьма неимовѣрно, согласится по точной силѣ первыхъ отзывовъ и изъясненій вашихъ страха ли ради султанскаго противу турецкой черни, или же для избѣжанія всякихъ трудностей, вдругъ или въ одинъ годъ на три срока заплатить намъ деньгами до двадцати пяти милліоновъ рублей, ибо въ семъ не физически, но морально развѣ возможномъ случаѣ надобно намъ будетъ вслѣдствіе собственныхъ

нашихъ словъ, немедленно принять такое ея соглашеніе, дабы инако съ собою не найтиться въ прекословіи. И такъ если сверхъ всякаго разсудительнаго ожиданія Порта возьметъ на себя выплачиваніе намъ такой знатной суммы и въ толь короткое время, надѣемся мы, что вы тутъ не пренебрежете согласить и постановить такой залогъ и надежности, которыя бы достаточны были обезпечить вѣрность такого исполненія, яко то остановленія нашихъ войскъ въ тѣхъ княжествахъ до выплаченія всего капитала, или хотя до двухъ третей онаго, съ тѣмъ, чтобы остальная уже треть осталась подъ ручательствомъ какихъ либо европейскихъ знатныхъ банковъ. [1])

„Въ точную резолюцію по третьей статьѣ положенныхъ въ планѣ основаній, по которымъ опредѣлили мы сначала требовать отъ Турковъ уступки одного въ Архипелагѣ острова купно съ свободою кораблеплаванія и торговли по Черному морю, объявляемъ вамъ чрезъ сіе, что какъ по локальному вашему ближайшему свѣдѣнію могутъ настоять крайнія неудобства въ покойномъ сохраненіи такого острова, а при томъ и самое торга нашего существо таково, что оной чрезъ Черное море несравненно съ большими удобностями и выгодами производиться можетъ, нежели чрезъ Средиземное, слѣдовательно же и размѣнъ товаровъ долженствуетъ главнѣйше быть въ Константинопольскомъ каналѣ, а не въ Архипелагѣ, то и можно по симъ истиннымъ резонамъ отступить отъ перваго объ островѣ требованія, стараясь искусно обратить сію уступку въ кондиціяхъ нашихъ въ важнѣйшій знакъ желанія нашего о скорѣйшемъ пресѣченіи пролитія крови человѣческой, а напротивъ того надобно будетъ требовать и неотмѣнно выторговать, какъ полную свободу собственнаго нашего кораблеплаванія по Черному морю, такъ и совершенное въ торговыхъ правахъ и привелигіяхъ равенство для коммерціи россійской съ другими дружественными и наилучше фаворизованными державами, разумѣя въ числѣ оныхъ и пріемъ и содержаніе россійскихъ кораблей наравнѣ съ другими.

„Ежели турки при трактованіи о свободѣ кораблеплаванія нашено по Черному морю будутъ дѣлать различіе между военнымъ и купечественнымъ, а по сему различію и позволять одно послѣднее, въ

[1]) Приписано рукою Панина.

такомъ случаѣ не оставите вы употребить всевозможныя средства къ отвращенію ихъ отъ сего требованія, дабы на оное не прежде согласиться, какъ въ случаѣ уже крайней необходимости, да и тогда по крайней мѣрѣ надобно будетъ остеречься, чтобъ Порта не вздумала назначить мѣры и количества торговыхъ у насъ судовъ, ибо такое назначеніе съ одной стороны разрушало бы всю со временемъ изъ купечественной навигаціи послѣдовать могущую важнѣйшую пользу, а съ другой и для самаго достоинства нашего претительно было бы.

„По сихъ вамъ наставленіяхъ относительно къ содержанію и частямъ примирительнаго плана, остается еще рекомендовать здѣсь, чтобъ вы при совершеніи мирной негоціаціи, если тутъ благость Всевышняго благословитъ труды и усердіе ваше вожделѣнными успѣхами, не оставили договориться и о прочихъ къ формальному трактату принадлежащихъ артикулахъ, кои изъ стараго мирнаго трактата взаимствованы быть могутъ, какъ напримѣръ: о вѣчности мира, о дружбѣ и добромъ согласіи, о полюбовномъ разборѣ взаимныхъ жалобъ, о безвыкупномъ освобожденіи и отпускѣ въ отечество всякаго рода плѣнниковъ, о свободѣ посѣщать святыя мѣста, о срокахъ къ отправленію и размѣнѣ на границѣ взаимно на обѣ стороны назначиваемыхъ торжественныхъ посольствъ съ государскими грамотами и ратификаціями, а наипаче о сохраненіи права и свободы двору нашему содержать при Портѣ акредитованнаго министра не въ характерѣ уже резидента, но въ посланническомъ или другомъ какомъ втораго ранга, съ опредѣленіемъ ему почтительнаго мѣста по достоинству и знатности имперіи нашей.

„Сія послѣдняя, вновь прибавляемая клаусула есть довольной нѣжности. Порта имѣетъ свой обычай опредѣлять порядокъ въ предсѣданіи резидующимъ при ней министрамъ европейскихъ державъ одинакаго между собою характера по порядку и степенямъ времени, въ которое она прежде или послѣ съ тою или другою державою начала имѣть безпосредственную корреспонденцію. По сему правилу, которое отъ всѣхъ уже европейскихъ дворовъ принято и безспорно въ Константинополѣ наблюдается, имѣетъ французскій посолъ всегда первое мѣсто предъ всѣми другими послами, потому что Франція прежде всѣхъ вступила не только въ сношеніе, но и въ союзъ съ Портою весьма скоро по истребленіи Махо-

метомъ II восточной имперіи, и когда еще званіе Турка во всемъ христіанствѣ ненавистно было; сей ради причины римскій императорскій дворъ, коего министры вездѣ надъ другими, въ томъ числѣ и надъ французскими, безъ всякаго отъ сихъ прекословія берутъ первенство, не содержитъ въ Царѣградѣ посла, а министра втораго ранга, который съ своей стороны пользуется въ разсужденіи сверстниковъ предсѣданіемъ, но не по преимуществу двора его, ибо турки онаго не разбираютъ, но слѣдствіемъ особеннаго ихъ церемоніала. Россія въ избѣжаніе равнаго неудобства и именно въ разсужденіи шведскихъ посланниковъ довольствовалась донынѣ содержать при Портѣ министра третьяго ранга, но какъ сіе средство иногда препятствовало нужной ея репрезантаціи, то и было уже издавна помышляемо о изъятіи изъ среды означеннаго неудобства, къ чему при будущей мирной негоціаціи можетъ настоять весьма хорошій случай. Надобно только имъ воспользоваться и выговорить, чтобъ впредь россійскій министръ имѣлъ опредѣленное свое мѣсто за римскимъ императорскимъ интернунціемъ, потому что дворъ его прежде возымѣлъ съ Портою дружеское безпосредственное сношеніе.

„Въ прочемъ желая и моля Всевышняго, да ниспошлетъ онъ благодать свою на ввѣряемое вамъ важное и великое дѣло, пребываемъ мы вамъ императорскаго нашего милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ 22 марта 1771 года".

Къ подлиннику приложена слѣдующая собственноручная записка Екатерины:

„Хорошо бы было если бъ вамъ удалось выговорить проходъ нашей въ Средиземномъ морѣ экскадрѣ мимо Царя-града въ Черное море для украшенія ей возвратнаго пути, или по крайней мѣрѣ, если-бъ тѣмъ путемъ возвратить могли нѣсколько судовъ. Сіе вамъ сказано единственно только какъ идея, коя желательно было, чтобъ вы возможности нашли самымъ дѣломъ довести до дѣйствія".

Изъ всего предъидущаго мы выводимъ заключеніе, что въ турецкую войну 1768—1774 г. торговый интересъ игралъ наряду съ татарскимъ вопросомъ первенствующее значеніе; это значеніе торговаго интереса признавалось и иностранными правительствами. Для примѣра приведамъ отзывъ современника,—Фавіе.

Въ мемуарѣ, представленномъ имъ Людовику XV въ

1773 году, [1]) о политическомъ положеніи Франціи, онъ говоритъ: „Война противъ Турокъ не есть война возникшая вслѣдствіе интриги, война личная, возбужденная какимъ либо министромъ, какъ это слишкомъ часто встрѣчается въ политикѣ другихъ европейскихъ кабинетовъ,—это война національная, возникшая столько же вслѣдствіе реальныхъ интересовъ, сколько и ради славы и отмщенія. Мало того, это война коммерческая, а извѣстно, что эти войны въ настоящее время самыя упорныя. Духъ наживы смѣнилъ собою духъ завоеваній, послѣдовавшій за духомъ рыцарства. Черноморская торговля столь же дорога Россіи, какъ американская Франціи, Испаніи и Англіи, съ тою разницею, что для Россіи эта торговля есть торговля естественная, лежащая такъ сказать у порога ея. Со временъ Петра I, который положилъ починъ взятіемъ Азова, ни онъ, ни его преемники никогда не упускали изъ виду этого важнаго предмета, и еслибъ вѣнскій дворъ поддержалъ Россію въ войнѣ, окончившейся Бѣлградскимъ миромъ въ 1739 году, еслибъ Франція не воспользовалась ловко минутой отчаянія и униженія для того, чтобъ отдѣлить Австрію отъ Россіи, то послѣдняя никогда не сложила бы оружія не получивши выхода для своей торговли въ Азовское море“.

5. Отношенія Россіи къ Франціи.

Разсмотримъ теперь положеніе, принятое державами относительно Россіи въ войнѣ ея съ Турціею. Отношенія эти обусловливались съ одной стороны общими политическими соображеніями и основаніями, съ другой—экономическими интересами.

Начнемъ съ Франціи. Отношенія ея къ Россіи въ поло-

[6]) Conjectures raisonnées sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe, ouvrage exécuté par M. Favier sous la direction du C-te de Broglie, въ cor: „Politique de tous les cabinets de l'Europe“ Par. 1793, I, 289 сл. (Hamb. 1794, I, 290 сл.) ch. V: de la Russie. Объ Фавіе свѣдѣнія въ сочиненіи Broglie, Le secret du roi.

винѣ XVIII в. далеко не отличались ни дружелюбіемъ, ни откровенностію. Симпатіи императрицы Елизаветы къ Франціи носили чисто личный характеръ [1]), а французское правительство относилось къ Россіи съ полнѣйшимъ недовѣріемъ, несмотря на союзъ во время семилѣтней войны [2]). Оно недовѣряло русской политикѣ въ Турціи, Швеціи и Польшѣ, съ тревогой видѣло постепенное усиленіе Россіи, и если искало сближенія съ нею, то только изъ политическихъ соображеній—въ видахъ ослабить сильное въ то время политическое и коммерческое вліяніе въ Россіи соперницы своей—Англіи [3]). Французское правительство не признавало никакихъ прямыхъ связей между Франціею и Россіею, никакой общности интересовъ; оно постоянно видѣло въ Россіи опаснаго соперника своему вліянію въ Европѣ, друга своихъ недруговъ и врага своихъ друзей. Въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны французское правительство выказывало склонность къ сближенію съ Россіею,—начались переговоры о заключеніи торговаго договора, но сближеніе это вызвано было политическою необходимостію, и при этомъ Людовикъ находилъ для себя единственную выгоду въ томъ, чтобы препятствовать тому вреду, который Россія могла бы причинить Франціи вслѣдствіе связей своихъ съ ея врагами, [4]) а Шуазель предвидѣлъ затрудненія въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ къ Турціи,—пожертвовать дружбой Порты ради союза съ Россіею онъ считалъ невозможнымъ [5]), тѣмъ болѣе, что и выгоды этого союза онъ считалъ довольно сомнительными. Вступленіе на престолъ

---

1) См. весьма интересное изслѣдованіе A. Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, Par. 1882.

2) См. у Vandal 223, 243, 394, 399; Flassan, Hist. de la dipl. française, VI, 193 сл. инструкціи бар. Бретейлю 1760 года, и стр. 219 сл. записку Шуазеля 1759 года. Vandal, 114, 180 и др.

3) Flassan, VI, 201, 211. Объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи см. ниже.

4) Le plus grand avantage que je puisse tirer d'une alliance avec les russes, c'est d'empêcher le mal qu'ils pourraient nous faire par des liaisons avec mes ennemis. Король Бретейлю 8 іюня 1761, Vandal, 399.

5) Flassan VI, 222. Vandal, 348 сл.

Петра III, новое направленіе въ русской политикѣ, полное сближеніе Россіи съ Пруссіею и Англіею, а наряду съ этимъ и вопросы придворнаго и дипломатическаго этикета произвели полное охлажденіе въ отношеніяхъ Франціи къ Россіи [1]). Вступленіе за тѣмъ на престолъ Екатерины II не поправило дѣла, несмотря на то, что версальскій дворъ былъ не прочь отъ наружнаго сближенія (liaisons de bienséance) съ петербургскимъ [2]). Изъ инструкціи Людовика XV бар. Бретейлю, возвращенному въ Петербургъ по воцареніи Екатерины II видно [3]), что король опасался сближенія Россіи съ Австріею и недовѣрялъ послѣдней, что онъ опасался также укрѣпленія связей ея съ Англіею, что главною задачею Бретейлю ставили поддержку внутреннихъ несогласій придворныхъ партій въ Россіи и по возможности устраненіе Россіи отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла и отъ политики противной видамъ версальскаго двора въ Польшѣ.

Помимо этихъ пунктовъ версальскій дворъ не признавалъ существованія какихъ либо непосредственныхъ интересовъ у Франціи съ Россіею [4]). Начавшіеся-было переговоры о торговомъ трактатѣ были прерваны вслѣдствіе возникшихъ пререканій объ императорскомъ титулѣ, окончательно охладившихъ отношенія русскаго двора къ Франціи, и начавшихся переговоровъ Россіи съ Пруссіею и Англіею [5]).

Ту-же холодность мы видимъ и въ отношеніяхъ Россіи къ Франціи. Въ „меморіалѣ, содержащемъ описаніе системы

---

[1]) Flassan VI, 231 сл.

[2]) См. о секретной перепискѣ Людовика XV съ Елизаветой Петровной и вопросъ о продолженіи ея съ Екатериною при вступленіи ея на престолъ, между проч. въ Арх. кн. Воронцова, VI, 420 сл. VII, 508 сл. 610, 647; Vandal, 326 сл. и др.

[3]) Flassan VI, 340 сл. Vandal, 423 сл.

[4]) Flassan VI, 357 Шуазель—Praslin Бретейлю 1762: Russie, à laquelle nous ne tenons que par des intérêts indirects ou par des spéculations très éloignées. Онъ же Кауницу 18 іюля 1766 (Arneth, Gesch. Maria Theresias, VIII, 539): Cette princesse est notre ennemie jurée. L'éloignement des états est le seul motif qui empêche que l'inimitié reciproque ne fasse une sensation éclatante.

[5]) Flassan VI, 352 сл. 365, 530 сл. Vandal, 427 сл.

европейской“ и составленномъ въ январѣ 1762 года [1]) М. Л. Воронцовъ описываетъ эти отношенія за время семилѣтней войны, и въ заключеніе говоритъ: „По всему вышеписанному явствуетъ, что обязательства Россіи съ Франціею произведены только случаемъ соединенія королей аглинскаго и прускаго, и что не имѣютъ они другаго предмета кромѣ взаимной обороны и дружбы“. Впрочемъ въ виду оказанной версальскимъ дворомъ склонности къ заключенію торговаго двора, „оставляя всѣ политическія разсужденія, но уважая одну пользу комерціи, которую отъ оныхъ легко отдѣлить можно, видится, что возстановленіе съ Франціею безпосредственной торговли для Россіи выгодно быть можетъ [2]). Извѣстное дѣло, что Франціи надобны россійскія произращенія для адмиралтействъ ея, а Россіи французскія для жизни. Сіи привозятся теперь въ обѣ стороны, но чрезъ третьи руки, которыя, получая отъ того немалую прибыль, лишаютъ оной оба народа. Продажа табаку, который въ Малороссіи развесть и умножить нетрудно, можетъ со временемъ сдѣлаться источникомъ богатства. Франція, не имѣя своего табаку, принуждена оный и въ самое военное время покупать у англичанъ, коп, зная всю сего торга важность, заключили съ французами договоръ, по которому табачнымъ кораблямъ вольно и въ военное время приходить въ Французскія гавани и возвращаться безъ грузовъ“.

Даже оффиціальныя отношенія между Россіею и Франціею въ теченіе всего царствованія Екатерины до конца первой турецкой войны постоянно оставались натянутыми, а со стороны самой императрицы прямо враждебными [3]).

---

1) Архивъ кн. Воронцова VII, 533 сл. (XXV, 272 сл. тоже).

2) Почти тѣже выраженія мы находимъ въ депешѣ Министра Amelot 1742 года. См. Vandal, 180 сл.

3) Соловьевъ XXVIII, 90 сл. Vandal, 427 сл. Отзывъ Екатерины въ письмѣ гр. Чернышеву (Рус. Арх. 1871, № 9) 7 іюля 1769: „проклятые наши злодѣи мерзкіе Французы“. Ср. рескр. Спиридову, прилож. 27; рескрипты въ Сб. Русск. Ист. Об. I.; письма Бѣльке и Вольтеру, въ Сб. Русск. Ист. Об. XIII, 36, 161,308 и мн. др. „Мы вѣрно знаемъ писалъ Панинъ Румянцову 9 апр. 1770 года, что версальскій дворъ, или лучше сказать, его

При томъ положеніи отношеній между Франціею и Россіею какъ они сложились къ началу царствованія Екатерины, мнѣніе объ нихъ Бестужева можно признать вполнѣ безпристрастнымъ, — разобщенность ихъ интересовъ была полною.

Совершенно противное мы видимъ въ отношеніяхъ Франціи къ Турціи, съ которою ее связывали и торговые, и даже политическіе интересы. Мы уже замѣтили выше что благодаря отчасти стараніямъ Кольбера, французская торговля въ Левантѣ достигла въ XVIII вѣкѣ высшей степени своего развитія и процвѣтанія и значительно подорвала тамъ (уже съ двадцатыхъ годовъ) торговлю англійскую, такъ что на 10 французскихъ приходилось едва одно англійское судно [1]). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что торговые интересы Франціи на Востокѣ были очень значительны. Напротивъ, въ Россіи они были очень незначительны [2]).

Кромѣ торговыхъ интересовъ Францію связывали съ Портою конечно и политическія соображенія. Пруссія, Австрія, Франція, [3]) даже Россія [4]) одинаково видѣли въ

остервенившійся министръ, дюкъ Шуазель не ставитъ мѣры никакимъ противъ насъ распаленіямъ. Онъ конечно бы не сберегъ, я чаю, ни неба, ни земли, если бы только то было въ его возможности", (см. Рус. Архивъ 1878, № 12, стр. 444).

[1]) Франціи удалось удачно конкурировать съ Англіей въ главной статьѣ сбыта послѣдней на Востокѣ,—въ сукнахъ,—вслѣдствіе покровительства французскимъ правительствомъ суконнымъ фабрикамъ въ Лангедокѣ, и достигнутой Вильневомъ въ капитуляціи 1740 года сбавки пошлины на французскія сукна. Zinkeisen, V, кн. VII, гл. 2; Eton, Tableau hist. polit, et moderne de l'empire Ottoman, trad. p. Lefebvre, Par., an VII, II, 219. 230; Ср. приложеніе 15-е,

[2]) Scherer, II, 576 сл.

[3]) См. примѣръ у Testa, II, 171: Франція въ 1746 г. возбуждаетъ Порту къ диверсіи въ Венгрію; ср. Брольи, Le secret du roi, II, 77; Vandal, 170 сл., 206 сл., 236, 245. Polit. de tous les Cab. изд. 1794, I, 365.

[4]) Пруссія при Елисаветѣ и отчасти Петрѣ III и Екатеринѣ; Австрія во время первой турецкой войны; Россія—въ 1765 году. См. приложеніе 22. Фридрихъ II находилъ Турцію необходимою для политическаго равновѣсія Европы, хотя и полагалъ, что она держится на волоскѣ и при новой войнѣ распадется: Il n'étoit pas de l'intérêt de la Prusse, говоритъ

лицѣ Турціи удобное орудіе на случай надобности въ военной диверсіи противъ того или другаго своего непріятеля. Франція въ это время была подъ постояннымъ страхомъ возобновленія войны съ Англіею, поэтому ей необходимъ былъ нейтралитетъ Пруссіи и Россіи. Для нейтрализаціи Пруссіи она разсчитывала на Австрію, для нейтрализаціи Россіи—интриговала противъ нея въ Швеціи, Польшѣ, Турціи. Что касается собственно Турціи, то Шуазель предвидѣлъ даже возможность, что война ея съ Россіею окажется для нея пагубною [1]), но это не помѣшало ему возбудить войну между ними.

Связи Франціи съ Турціею уже сами по себѣ, помимо постороннихъ политическихъ соображеній должны были оказывать вліяніе и на отношенія Франціи къ Россіи, для которой Турція, (положимъ, благодаря главнымъ образомъ покровительствуемымъ послѣднею татарамъ), была всегдашнимъ врагомъ.

Мы уже отмѣтили выше тѣ опасенія за левантійскую торговлю, которыя побудили французское правительство хлопотать о посредничествѣ во время войны Россіи съ Турціею 1736—39 года, видѣли, въ какомъ враждебномъ Россіи и благопріятномъ Турціи духѣ Вильневъ исполнялъ обязанности посредника. Эта враждебность къ Россіи и постоянное ухаживаніе за Портою въ виду торговыхъ и политическихъ интересовъ Франціи (Flassan, напр. VI, 240 сл.), проявляются во всей восточной политикѣ Франціи въ XVIII

онъ въ своихъ мемуарахъ, de voir la puissance ottomane entièrement écrasée, parcequ'en cas de besoin elle pourroit être utilement employée à faire des diversions, soit dans la Hongrie soit en Russie, selon les puissances avec lesquelles on serait en guerre. (Mémoires въ Oeuvres изд. 1853 г. VI, 27, 29 сл.; Correspondance Oeuvres XXIII, 227 Вольтеру декаб. 1772). Въ 1762 г. Фридрихъ хлопоталъ о сближеніи Порты съ Россіею противъ Австріи (Oeuvres XIX, 312, 323), противъ Австріи были направлены и его переговоры съ Портою въ 1761—1762 г.

[1]) Шуазель Верженну: нужно возбудить Порту противъ Россіи: A la vérité, la dégénération des Turcs en tous genres peut leur rendre funeste cet essai de leurs forces; peu nous importeroit, pourvu que l'objet d'une explosion immédiate fût rempli. Sorel, 26.

вѣкѣ: всѣ усилія французскихъ посланниковъ въ Константинополѣ,—Вильнева, преемниковъ его Кастелляна, Дезаллера, Верженна, были направлены противъ Россіи. Имъ принадлежатъ всевозможные проэкты союзовъ Порты съ Швеціею, Пруссіею, Польшею противъ Россіи [1]).

Сближеніе между Пруссіею и Англіею (16 янв. 1756) вызвало [2]) сближеніе съ 1756 г. и оборонительный союзъ (1 мая) враждебныхъ до этого времени Франціи и Австріи. Но этотъ союзъ Франціи съ наслѣдственнымъ (до этого времени) врагомъ Турціи хотя и имѣлъ сначала дурныя послѣдствія для вліянія французскаго посла у Порты, но въ дѣйствительности имѣлъ въ виду помощь для всякой войны, кромѣ войны съ Портою [3]). Въ этомъ отношеніи сближеніе Франціи съ Россіею въ концѣ царствованія Елизаветы нисколько не измѣнило обычной дружбы Франціи къ Турціи.

Мы имѣемъ весьма характеристическій отчетъ о французской политикѣ въ Константинополѣ за это время, французскаго посла Верженна [4]). Прежде всего изъ него видно,

[1]) Hammer, кн. 68 и слѣд. passim; Zinkeisen, V, кн. 6 и 7; Flassan, VI, 365 сл.; Vandal 170 сл. 245, 236, 238 сл.; нѣсколько документовъ въ цит. соч. Politique de tous les cabinets, напр. Mémoire sur la Porte Ottomane, composé au retour de son ambassade à Constantinople (1768) par le C-te de Vergennes. Екатерина, конечно, знала это,—въ письмѣ къ гр. И. Гр. Чернышеву, она говоритъ: „Туркамъ съ Французами заблагоразсудилось разбудить кота, который спалъ (Россію)“, и т. д. Рус. Арх. 1871, № 9.

[2]) Турецкія дѣла 1757 г., связка 6/a, рескриптъ циркулярный Обрѣзкову за № 9, въ М. Гл. Арх. М. И. Д. Vandal, 252 сл.

[3]) Вспомнимъ конвенцію 1757 г. о приступленіи Россіи къ союзному трактату Франціи съ Австріею 1756 года. Boutaric I, 217 сл. Vandal, 275 сл.; ср. Favier, Conjectures raisonnées sur la situation actuelle de la France, art. VI, de la Porte,—мемуаръ, поданный Людовику XV, составленный подъ руководствомъ гр. Брольи, въ Politique de tous les cabinets I, 367 сл. Boutaric, Corresp. secrète inédite de Louis XV sur la polit. étrangère, 1866, II, 183). Россія старалась при посредствѣ Австріи склонить Францію къ такъ наз. convention secretissime, которая подтверждала бы casus foederis на случай войны Австріи съ Турціей, но Франція отказала въ своемъ согласіи. Ср. Мартенсъ, трактаты Россіи, I, № 20; Flassan VI 200; Zinkeisen V, кн. 7.

[4]) Politique de tous les cabinets, II, 330 сл.—Mémoire de M. Vergennes sur la Porte Ottomane, composé en 1769; тоже у Testa, Traités, II, 181.

что для Франціи поддержаніе Турціи было важно въ двухъ отношеніяхъ: политическомъ—противъ Австріи и Россіи, и торговомъ — вслѣдствіе левантійской торговли Франціи. И вотъ, оказывается, что еще въ 1754 году Порта дѣлала запросъ Россіи по поводу Новой Сербіи благодаря внушеніямъ Франціи, опасавшейся, что цѣль Россіи—чрезъ Новую Сербію открыть себѣ доступъ въ Черное море. Верженнъ говоритъ, что нужно было много усилій, чтобъ убѣдить Порту, что она заинтересована въ томъ, чтобы помѣшать Россіи въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ пограничныхъ отношеній между Турціею и Россіею, у Франціи было еще другое орудіе для возбужденія несогласій между ними—Польша. У Верженна мы находимъ любопытный разсказъ о долговременныхъ усиліяхъ французскихъ пословъ—Дезаллера и его самого вывести Порту изъ ея „безпечности“ и миролюбія и вызвать разрывъ между Турціею и Россіею за Польшу [1]). Увѣщанія, интриги, подкупъ, все было пущено въ ходъ для достиженія этой цѣли, и наконецъ Верженну въ 1768 году удалось вызвать этотъ „счастливый переворотъ“ (heureuse révolution) [2]). Верженнъ убѣжденъ былъ въ могуществѣ Турціи относительно Россіи, полагаясь особенно на истощеніе послѣдней послѣ долгихъ войнъ въ Пруссіи, Силезіи и Польшѣ. Вообще восточная политика Франціи за это время носитъ характеръ выгребанія жара чужими руками. Верженнъ возмущается кровопролитіемъ въ Польшѣ, не находитъ словъ для осужденія министровъ Порты, хладнокровно взирающихъ на положеніе дѣлъ въ Польшѣ, наконецъ вталкиваетъ ее въ войну, послѣ чего остается, по его словамъ, обезпечить вліяніе Франціи; его без-

---

[1]) Мотивомъ служило яко бы желаніе оградить Европу отъ опаснаго честолюбія (ambition) Россіи. Наиболѣе заинтересованною въ этомъ по мнѣнію французскаго правительства, и наиболѣе способною къ составленію оплота противъ Россіи была Турція.

[2]) Онъ впрочемъ скромно отклоняетъ отъ себя эту заслугу, приписывая „счастливую революцію“ провидѣнію (la gloire en est due à la divine Providence) хотя „и онъ съ своей стороны приложилъ всѣ старанія и труды pour faire germer, éclore et fortifier les dispositions qui ont enfin éclaté“.

покоитъ лишь опасеніе, чтобъ турки „начавши войну противъ воли, въ случаѣ военной неудачи не заключили миръ несогласный съ видами короля, чтобъ Англія своимъ посредствомъ не повредила дѣлу и чтобы миръ не состоялся на счетъ Польши".

Таковы были отношенія Франціи къ Россіи до начала турецкой войны. Объявленіе намъ войны Портою могло лишь еще болѣе усилить вражду Екатерины къ Франціи. Въ одномъ отношеніи цѣль французскаго правительства была, правда, достигнута, — вниманіе Россіи было частью отвлечено отъ европейскихъ дѣлъ, отъ Польши и Швеціи, на востокъ; но если въ политическомъ отношеніи русско-турецкая война и была частью выгодна для Франціи, то въ торговомъ отношеніи она нанесла ей значительный и неожиданный для нея ущербъ. Отсюда новый поводъ къ новымъ неудовольствіямъ, единственно благодаря Англіи и упадку вліянія Франціи въ Европѣ не послужившимъ поводомъ къ вооруженному вмѣшательству ея.

Нужно замѣтить, что русское правительство предвидѣло предстоявшія ему вслѣдствіе неизбѣжныхъ столкновеній правъ воюющей и нейтральныхъ державъ непріятности съ Франціею, какъ главнымъ торгующимъ въ Левантѣ государствомъ, и именно преимущественно въ видахъ удержанія ея отъ открытаго противодѣйствія русскимъ военнымъ операціямъ въ Архипелагѣ, Орлову и Спиридову даны были [1]) повелѣнія поступать относительно нейтральной, особенно французской торговли съ крайнею осмотрительностію; и однако дѣло не обошлось безъ неудовольствій, жалобъ и даже оффиціальныхъ представленій со стороны французскаго правительства по поводу притѣсненій нейтральной торговлѣ [2]). Главными предметами пререканій и жалобъ служили: вопросъ о военной контрабандѣ, о блокадѣ и о каперахъ, причемъ первые два вопроса по самому существу своему тѣсно связаны между собою. Для лучшаго разъясненія ихъ, мы считаемъ

---

[1]) См. приложенія 27 и 35.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, 1, 370, 374, 184, 185; Рус. Арх. 1880, III, 232.

не безполезнымъ предварительно указать на цѣли русской архипелагской экспедиціи въ военномъ отношеніи (какъ военной диверсіи) и на способъ рѣшенія указанныхъ вопросовъ международною практикою того времени.

Цѣли архипелагской экспедиціи весьма ясно обрисовываются въ инструкціяхъ, данныхъ Орлову, Спиридову и др. Изъ нихъ мы видимъ, что русское правительство имѣло главныхъ образомъ въ виду: 1) отвлеченіе части турецкихъ военныхъ силъ отъ Дуная, 2) прекращеніе сообщеній между Турціею и Архипелагомъ какъ источникомъ доходовъ (подати) для Порты, и 3) прекращеніе сообщеній между европейскою Турціею, или вѣрнѣе—Константинополемъ, Архипелагомъ и Египтомъ, откуда турецкая столица получала главную массу своего продовольствія. Эта послѣдняя цѣль поставлена была, какъ мы уже видѣли, задачею экспедиціи Эльфинстона [1]). Понятно, что при этомъ являлась необходимость: 1) блокировать Константинополь, и 2) воспретить провозъ въ Константинополь съѣстныхъ припасовъ на нейтральныхъ судахъ. Но блокировать Константинополь русскій флотъ могъ лишь замкнувъ входъ въ Дарданелльскій проливъ, такъ какъ благодаря укрѣпленіямъ возведеннымъ французскими инженерами [2]), проходъ чрезъ Дарданеллы былъ бы слишкомъ рискованнымъ. Съ другой стороны, запретить нейтральнымъ провозъ съѣстныхъ припасовъ можно было лишь однимъ изъ двухъ способовъ: или подъ предлогомъ блокады Дарданеллъ и Константинополя, или-же объявивши ихъ военною контрабандою. Послѣднее средство было не совсѣмъ удобно, такъ какъ международною практикою въ XVIII вѣкѣ установилось общее правило, что въ составъ военной контрабанды входитъ лишь оружіе и военные снаряды [3]). И дѣйствительно, въ рескриптахъ Спиридову и др.

[1]) См. прилож. 27; Архивъ Госуд. Сов. I, 184; Сб. Р. Ист. Об. I, 26, 28.

[2]) Tott, Pontcoulant и др. См. Campagnes Turquie, св. 2 (archives) письмо изъ Константинополя отъ 17 авг. 1770.

[3]) Таковы постановленія Утрехтскихъ трактатовъ Англіи, Франціи, Голландіи и Испаніи, — въ нихъ сдѣлана даже оговорка, что деньги и съѣстные припасы (res ancipiti usus) не суть контрабанда. Эти постановле-

предписывалось въ [1]) разсужденіи контрабанды поступать „по точной силѣ нашего съ Англіею коммерческаго трактата, конфискуя все то, что въ оном оружіемъ и военными снарядами оглавлено и везется прямо къ непріятелю, также и все ему собственно принадлежащее“, но не забирая самихъ судовъ. Въ дополненіе-же къ этому приказано занять у Дарданеллъ выгодную позицію „для пресѣченія всего водянаго въ Царьградъ изъ Египта и другихъ мѣстъ подвоза“. Наконецъ, относительно осмотра плавающихъ въ непріятельскихъ водахъ нейтральныхъ судовъ предписано поступать „по общенароднымъ правамъ и обыкновеніямъ“. Такимъ образомъ русское правительство думало воспользоваться правомъ блокады для запрещенія подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Константинополь. Но Орловъ вслѣдствіе недоразумѣнія въ толкованіи данныхъ ему повелѣній, которыя онъ понялъ въ буквальномъ ихъ смыслѣ, распространилъ это запрещеніе на всѣ вообще турецкія побережья, чѣмъ, понятно, возбудилъ жалобы французскихъ купцовъ, для которыхъ торговля хлѣбными припасами во время войны была весьма выгодна. Такъ, предметомъ первой уже жалобы французскаго правительства, былъ захватъ на суднѣ Heureux (кап. Журданъ) шедшемъ подъ французскимъ флагомъ въ Смирну, 39 турокъ и груза, состоявшаго въ зерновомъ хлѣбѣ. Французское правительство протестовало, и на основаніи „созданнаго обычаемъ и договорами международнаго права цивилизованныхъ государствъ“ потребовало возвращенія груза

нія вошли въ составъ почти всѣхъ международныхъ договоровъ XVIII вѣка, и между прочимъ трактатовъ Англіи съ Россіею 1734 и 1766 г., Ахенскаго 1748 г. (Англіи, Франціи, Голландіи и Испаніи), Парижскаго 1763 г. Англіи съ Франціею. Въ томъ-же видѣ они были приняты впослѣдствіи въ акты о вооруженомъ морск. нейтралитетѣ 1780 г. Въ XVII в. съѣстные припасы иногда значатся въ трактатахъ въ качествѣ контрабанды, но Вестминстерскій трактатъ Англіи съ Франціею и Пиренейскій—Франціи съ Испаніею исключаютъ ихъ. Перевозъ хлѣба запрещенъ нейтральнымъ въ англо-голландской конвенціи 1689 г., въ голландскихъ эдиктахъ XVII в. и во франнузскомъ ордоннансѣ 1704 г. (правда, въ видѣ репрессаліи,—ордоннансъ 1681 г., разрѣшалъ его).

[6]) Приложеніе 27, стр. LXLV.

и вознагражденія хозяина. На эту жалобу русское правительство отвѣчало подтвержденіемъ своей твердой рѣшимости въ точности соблюдать международное право согласно обычаямъ, общимъ договорамъ и коммерческимъ трактатамъ между европейскими государствами, но съ своей стороны потребовало, чтобы французскимъ купеческимъ судамъ подтверждено было запрещеніе перевозить къ непріятелю оружіе и вооруженныхъ людей и везти съѣстные припасы въ мѣста блокируемыя или осаждаемыя, такъ какъ подобныя суда будутъ отсылаемы обратно, а перевозимый ими за счетъ непріятеля грузъ конфискуемъ [1]).

Въ своемъ отвѣтѣ Сабатіе де Кабру русское правительство заявляло между прочимъ, что приказанія данныя начальникамъ русскаго флота въ Архипелагѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ международной практикѣ. И дѣйствительно, въ рескриптѣ Орлову отъ 11 авг. 1769 г., въ которомъ послѣднему указаны общія руководящія начала относительно обращенія съ нейтральными [2]), говорится: „Новость и важность предпріятія нашего противъ непріятеля обратятъ конечно на себя особливое вниманіе всей Европы, тѣмъ болѣе, что тутъ общая всѣхъ полуденныхъ державъ коммерція много интересована будетъ. Поэтому, а также дабы не разрушать еще собственнаго дѣла, кажется необходимо чтобъ дѣйствительное отъ насъ употребленіе вольныхъ арматоровъ сопряжено было съ крайнею осторожностію, именно, чтобъ даваемая арматорамъ свобода сокращена была на однихъ магометанъ, а отнюдь не распространялась на кораблеплаваніе подданныхъ христіанскаго исповѣданія, а еще менѣе европейскихъ торгующихъ націй.

„Хотя въ случаѣ войны есть общепринятое обыкновеніе осматривать нейтральныя суда и конфисковать ихъ, если они подвозятъ непріятелю войско и все то, что *по общему*

---

[1]) Мемуаръ Сабатіе де Кабра и отвѣтъ русскаго правительства въ приложеніи 39. Ср. постановленіе Совѣта въ засѣданіи 23 марта 1771 въ Арх. Гос. Сов. I, 373.

[2]) Рескриптъ Орлову 11 авг. 1769 (Campagnes Turquie) св. I; отпечатанъ въ Сб. Р. Ист. Об. I, 22 сл.

признанію считается въ военное время контрабандою и *безпосредственно* можетъ служить ему *къ продолженію войны*, но состояніе ихъ въ этомъ случаѣ совершенно иное, чѣмъ наше. Цѣль ихъ, не ограничиваемая никакими случайными уваженіями, состоитъ лишь въ томъ, чтобъ въ полной мѣрѣ пользоваться всѣми правами войны и разорять непріятельскую коммерцію; мы-же напротивъ, имѣя главнымъ предметомъ поднятіе и ополченіе противъ нашего непріятеля его христіанскихъ подданныхъ, должны ради нашей собственной пользы дѣлать различіе между турками и подвластными имъ народами, чтобы послѣдніе нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ отъ насъ озлобляемы не были.—Въ разсужденіи-же европейскихъ націй настоятъ не меньшія уваженія. Эскадры наши будутъ въ такихъ моряхъ, гдѣ прежде флагъ русскій виданъ еще не былъ, да и не въ такой силѣ, чтобъ мы въ постороннихъ водахъ законы предписывать могли, тѣмъ болѣе, что онѣ главнымъ образомъ предназначаются къ подкрѣпленію нашихъ сухопутныхъ операцій. Поэтому слѣдуетъ благоразумно избѣгать всего, что могло бы послужить помѣхою этому. Нечего скрывать, что мы въ лицѣ большинства Средиземнаго моря державъ имѣемъ скрытыхъ непріятелей, да и кромѣ ихъ не мало изъ прочихъ относительно свободнаго въ немъ плаванія намъ завистны, и что изъ первыхъ иныя и рады будутъ имѣть съ нашей стороны какой-либо поводъ къ явному обнаженію недоброжелательства своего противъ насъ чрезъ посылку знатной своей эскадры въ непріятельскія воды подъ предлогомъ защиты своей коммерціи, а въ дѣйствительности для препятствія успѣхамъ нашего оружія. Правда, подвозъ непріятелю военной аммуниціи и другихъ снарядовъ можетъ имѣть свои неудобства, но изъ двухъ золъ надобно предпочитать меньшее, а потому и должно свободу каперовъ на однихъ магометанъ ограничить, развѣ которая изъ подвластныхъ Портѣ христіанскихъ націй сама сдѣлается поведеніемъ своимъ недостойна общаго всѣмъ исключенія [1]). „Но чтобы однакожъ привести подъ общія

[1]) Такою націею оказалась впослѣдствіи Рагуза.

правила вышеписанное наше разсужденіе и пользу, представляющуюся отъ арматоровъ, мы за нужное находимъ слѣдующее вамъ предписать. Военные наши корабли, такъ какъ и арматоры, когда уже находиться будуть въ водахъ точно турецкихъ областей, должны уже будутъ тогда осматривать, но однакожъ съ крайнею осторожностію и уваженіемъ, нейтральныя купеческія суда, и что на нихъ найдено будетъ везомой военной аммуниціи и другой контрабанды, въ томъ надобно сдѣлать такое снисхожденіе, чтобъ шкиперамъ приказываемо было, дабы они вмѣсто продолженія пути къ непріятелю, шли въ какое-либо нейтральное мѣсто, или же покупать отъ нихъ за настоящую цѣну тѣ вещи, въ которыхъ вы иногда сами для дѣлъ вашихъ нужду имѣть будете, объявляя онымъ шкиперамъ, что будучи россійской имперіи непріятель во всѣхъ своихъ водахъ нашимъ флагомъ блокированъ, они, какъ нейтральные, не могутъ и не должны ввозить къ нему тѣ вещи, кои безпосредственно ему служить могутъ къ усиленію и распространенію беззаконной его войны“.

Такія-же предписанія даны были и Спиридову, Арфу и др. [1]). Въ отправленномъ Орлову по поводу жалобы Сабатіе де Кабра рескриптѣ [2]), мы находимъ лишь подтвержденіе выраженныхъ уже ранѣе русскимъ правительствомъ общихъ правилъ. Въ немъ императрица указываетъ на то, что благодаря нашей умѣренности во всѣхъ общихъ дѣлахъ Франція держится въ предѣлахъ внѣшняго нейтралитета, и что такое положеніе для насъ выгоднѣе, чѣмъ незначительная сравнительно прибыль, которую мы получили бы притѣсненіемъ повсюдной коммерціи и мореплаванія съ нашимъ непріятелемъ другихъ державъ, а особенно Франціи, такъ какъ этимъ мы, по положенію нашихъ земель, не могли бы все-таки поразить его чувствительнымъ ударомъ и тѣмъ привести его въ желаемое нами состояніе къ лучшему за-

---

[1]) См. приложеніе 27 и 35.

[2]) 20 іюня 1770 г. въ Сб. Р.Ист. Об. I, 43 сл.; ср. Архивъ Госуд. Сов. I, ст. 51, засѣд. 15 іюля 1770.

ключенію мира, а такое пораженіе его возможно лишь поднявъ противъ него его греческія провинціи, что и составляетъ главную цѣль нашей экспедиціи; въ виду всего этого, и что въ случаѣ притѣсненій французской торговлѣ, французское правительство имѣло бы предлогъ обратить въ прямое дѣйствіе свою злость противъ насъ и употребить тѣ способы и средства, отъ которыхъ оно пока воздерживалось и которыми оно могло бы причинять и умножать Орлову трудности въ его сухопутныхъ операціяхъ, обоимъ командирамъ эскадръ и Орлову подтверждено о строжайшемъ ограниченіи всѣхъ морскихъ поисковъ одними турецкими и ихъ явно недоброжелательствующими намъ подданными. Относительно-же даннаго случая предписано Орлову удовлетворить требованія французскаго двора, именно,—освободить захваченныхъ турокъ, а за взятый съ корабля хлѣбъ, если на лицо не находится, заплатить по настоящей цѣнѣ ближайшему французскому консулу. Если же захваченные турки были военные и вооружены и были на томъ французскомъ кораблѣ съ хлѣбомъ подлинно отправлены въ осажденный и блокируемый нами городъ, чему надобно имѣть достаточное доказательство, въ такомъ случаѣ ни того, ни другаго возвращать не надлежитъ, а нужно чтобъ адмиралъ заявилъ ближайшему французскому консулу, что обжалованное происшествіе съ кораблемъ „Heureux“ было „не въ открытомъ морѣ и не на пути того корабля въ другое какое свободное мѣсто, но когда онъ обратилъ свое плаваніе къ мѣсту имъ, адмираломъ, блокированному, для подвоза въ него хлѣба и вооруженныхъ людей, а посему онъ, адмиралъ, и призналъ весь грузъ и съ людьми добрымъ призомъ, сходственно со всенародными правами, корабль-же, яко дружескій и нейтральный, отпустилъ безъ задержанія, съ заплатою еще сверхъ того и фрактовыхъ денегъ [1])“.

---

[1]) Ср. рескриптъ Орлову 12 авг. 1770 въ Сб. Р. Ист. Об. I, 46, и рескриптъ Спиридову отъ 12 авг. 1770, тамъ-же 137. Въ письмѣ отъ 21 іюля 1770 г. Панинъ совѣтуетъ Орлову, что „по уважаемой надобности удовольствовать французскаго двора жалобу лучше сдѣлать нѣчто излишнее,

Вообще, изъ заявленій русскаго правительства французскому и изъ рескриптовъ Орлову и др. видно, что хотя оно дѣйствовало подъ давленіемъ опасенія серіозныхъ непріятностей съ Франціею, но имѣло намѣреніе запрещать подвозъ съѣстныхъ припасовъ только въ блокируемыя мѣста, а Орловъ распространилъ это запрещеніе на всѣ вообще турецкія владѣнія. Положимъ, подводя съѣстные припасы подъ военную контрабанду, онъ могъ сослаться на случаи въ международной практикѣ, напр. на договоръ 21 окт. 1661 г. Англіи съ Швеціею, въ которомъ наряду съ абсолютною контрабандою (оружіе и военные снаряды) безусловно подлежащею конфискаціи, признана была еще контрабанда относительная, случайная, возникающая изъ простаго заявленія воюющимъ, и которую послѣднему представлено право присвоить, уплативши нейтральному ея стоимость [1]). Но Орловъ руководствовался кажется не столько международнымъ обычаемъ, сколько практическими соображеніями [2]). Именно, происшедшій вслѣдствіе этого недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ вызвалъ сильное броженіе въ средѣ константинопольской черни, требовавшей заключенія мира. Съ другой стороны, Орловъ приводилъ въ пользу запрещенія хлѣбнаго подвоза и теоретическія соображенія. Мы имѣемъ текстъ одной жалобы французскихъ купцовъ съ объясненіями Ор-

---

нежели оставить хотя какой случай, къ которому бы ненавистующее намъ тамошнее министерство могло прицѣпиться"; поэтому можно заплатить за захваченный хлѣбъ, если корабль, хотя бы и шелъ въ блокированное нами мѣсто, но нѣтъ явнаго доказательства, что онъ, зная о блокадѣ, хотѣлъ насильно или скрытно его провезти (См. Рус. Архивъ, 1880, III, 231).

1) Подобные примѣры встрѣчаются и позднѣе, напр. въ конвенціи Англіи съ Швеціею 25 іюля 1803 г., отмѣненной Швеціею въ 1804 г.; въ трактатѣ Англіи съ С. Штатами 1794, гдѣ въ случайную контрабанду включены съѣстные припасы. Въ 1793 и слѣд. годахъ Англія и Франція объявляли хлѣбъ военною контрабандою.

2) Орловъ между прочимъ предполагалъ разорить Салоники и Смирну „дабы пресѣчь тѣмъ привозъ къ непріятелю чрезъ сіи мѣста припасовъ", но этому помѣшала отчасти болѣзнь Орлова, отчасти интересы нейтральныхъ. Арх. Госуд. Сов. I, 384; Соловьевъ, XXVIII, 137 сл.

лова [1]). Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ августѣ 1771 г. марсельскіе купцы Боссіеры отправили въ Константинополь на имя французскихъ купцовъ Грелинъ и К° судно (Св. І. Креститель, кап. Жюльенъ), нагруженное товарами и пшеномъ (ris du Levant) для продажи. Корабль былъ задержанъ русскимъ крейсеромъ, и такъ какъ изъ бумагъ и коносаментовъ, а также по показанію капитана оказалось, что пшено отправлялось въ Константинополь, то несмотря на доказанную бумагами принадлежность его французамъ, оно было конфисковано, а судно съ остальными товарами отпущено съ вознагражденіемъ (300 піастровъ) шкипера за остановку.—По жалобѣ купцовъ французскій повѣренный Сабатіе де Кабръ предъявилъ 20 февр. 1772 г. нашему министерству требованіе [2]) „о возвращеніи и награжденіи убытковъ и интересовъ (demande en restitution et en dommages et intérêts) происшедшихъ отъ незаконной конфискаціи". Требованіе это онъ основывалъ на декларации сдѣланной въ августѣ 1770 года отъ императрицы и „на обыкновенныхъ принципіяхъ народнаго права (principes ordinaires du droit des gens), такъ какъ 1) грузъ былъ на французскомъ суднѣ и на счетъ французскихъ купцовъ, 2) нѣтъ ни одного обстоятельства, могущаго оный вмѣстить въ классъ изъятій опредѣленныхъ, ни вобще по морскимъ обычаямъ, ни особенно по декларации русскаго двора [3]).—На это гр. А. Орловъ возражалъ, что всѣ военныя права запрещаютъ допускать къ непріятелямъ своимъ какъ съѣстные припасы, такъ и военные всякаго рода снаряды и припасы или такъ называемую амуницію, „да и самое естественное право запрещаетъ подать непріятелю на себя ножикъ, а лучше самому имъ-же его зарѣзать". Все оное къ продолженію впредь войны служитъ. Пшено везли на продажу нашимъ непріятелямъ. Шкиперъ имѣлъ двойные ко-

[1]) Въ Рус. Арх. 1880, III, 249 сл., 20 февр. 1772; см. тамъ-же стр. 245 и 247.

[2]) Въ М. Гл. Арх. М. И. Д. IV, France, 1772 Notes.

[3]) Aucune circonstance ne peut autoriser à ranger ce cas dans la classe des exceptions déterminées soit en général par les usages de la mer, soit en particulier par la déclaration de la Cour de Russie.

носаменты или накладныя росписи, что все показываетъ ихъ плутовство и пристрастіе къ туркамъ. Пшено конфисковано единственно для того, что съѣстныя есть вещи, не товары, а подкрѣпленіе непріятелямъ, и всѣми правами въ свѣтѣ запрещается нейтральнымъ державамъ подавать руку помощи воюющимъ, той или другой сторонѣ. Что-же касается ссылки на декларацію 1770 года, то оная къ дѣлу не привязана, а сказано тамъ, что не будетъ нарушена коммерція, однакожъ и не дозволяется торговля какъ военною амуниціею, такожъ и съѣстными припасами или провіантомъ, а пшено сорочинское есть провіантъ, которымъ турки по большей части питаются".

Эти доводы Орлова, хотя и не вполнѣ согласные съ международнымъ правомъ XVIII вѣка, имѣли однако практическое значеніе, такъ какъ въ 1771 году весь югъ Европы страдалъ отъ неурожая [1]). Поэтому вопреки присылаемымъ ему предписаніямъ, онъ издалъ 1 мая 1772 г. манифестъ, въ которомъ, упомянувъ объ оказываемой имъ постоянно защитѣ нейтральному купеческому судоходству и между прочимъ о содѣйствіи его къ очищенію Архипелага отъ морскихъ разбойниковъ, самовольно пользовавшихся русскимъ флагомъ для того, чтобы безопаснѣе совершать грабежи, и о добровольномъ отказѣ отъ пользованія частными арматорами, Орловъ указываетъ далѣе на злоупотребленія иныхъ нейтральныхъ, у которыхъ жажда наживы превозмогла надъ признательностію къ нашему образу дѣйствій и уваженіемъ международнаго права. „Многіе изъ нихъ, злоупотребляя привиллегіями нейтральнаго флага, пытались провозить въ блокируемыя нами мѣста военные снаряды и съѣстные припасы. Такъ какъ настоятельная нужда непріятеля въ этихъ предметахъ подняла ихъ цѣну и такимъ образомъ обострила ихъ жадность, а съ другой стороны деликатность нашего образа дѣйствій усиливала ихъ дерзость, то эта торговля, запрещаемая всѣми законами, съ каждымъ днемъ возрастала и дошло до того, что значительнѣйшая часть торговли

[1]) Архивъ Госуд. Сов. I, 377 и др.

въ Левантѣ состояла въ однихъ военныхъ снарядахъ и съѣстныхъ припасахъ, привозимыхъ къ непріятелю съ употребленіемъ всякаго рода обмановъ". Въ виду этого Орловъ объявляетъ, что впредь „всѣ суда направляющіяся въ непріятельскіе порты съ военными снарядами или съѣстными припасами (provisions de guerre ou de bouche), и вообще съ предметами, доставляющими непріятелю существенныя средства для продолженія войны (choses qui procurent... des moyens essentiels de pousser la guerre) будутъ не только задерживаемы но и конфискуемы безъ малѣйшаго вознагражденія". Впрочемъ подтверждается свобода и безопасность провоза всякихъ другихъ товаровъ [1]).

---

[1]) Martens, Recueil, 2 édit. II, 33 сл. Въ письмѣ Панину отъ 24 мая 1772 г. (см. Рус. Архивъ 1880, III, 247 сл.) Орловъ писалъ: „Приношу и я съ своей стороны жалобу на французовъ, коихъ подлоги и обманы столь мнѣ были несносны, что наконецъ принужденъ я былъ жаловаться цѣлой Европѣ и употребить законы народовъ (т. е. международное право) въ оправданіе мое обнародованнымъ отъ меня манифестомъ, ибо не оставалось мнѣ болѣе никакого другаго средства къ пресѣченію наглостей, чинимыхъ намъ отъ нашихъ завистливыхъ недоброхотовъ... Я писалъ къ адмиралу, чтобъ онъ въ силу манифеста всѣ суда задерживалъ, какой бы то націи ни были, со всѣми запрещенными товарами и бралъ бы оные товары въ призъ, а во время перемирія также не пропускалъ бы ни одного судна съ хлѣбомъ и съ военной амуниціей, только бы съ судовъ не стружалъ, а держалъ бы при себѣ; буде устоитъ миръ, тогда все отпустить, а буде не устоитъ миръ, тогда все взять въ призъ... Французы въ Архипелагѣ имѣютъ нѣсколько военныхъ фрегатовъ,—писалъ онъ къ Панину,—подъ именемъ для защищенія своей торговли, а въ Константинополѣ съ турками купцы дѣлаютъ договоры о провозѣ ихъ-же турецкаго хлѣба подъ подложными накладными на имя свое и на имя другихъ купцовъ, бравъ все оное на страхъ свой и часто имѣютъ двойныя накладныя. Что въ ономъ случаѣ дѣлать, когда-бъ они подъ конвоемъ своихъ фрегатовъ хотѣли провести суда купецкія и станутъ защищать и не давать осматривать? Тогда только остается мнѣ поступать силою противъ силы, и я боюсь, чтобъ не подраться намъ". Орловъ былъ впрочемъ не прочь подраться. „Они сами все плутуютъ, а насъ хотятъ сдѣлать виноватыми. Они въ Марсели и въ другихъ мѣстахъ заготовляютъ печатныя накладныя росписи за скрѣпою тамошнихъ судей, а послѣ съ онными ѣдутъ и нагружаютъ въ Александріи турецкіе товары и пшено и впишутъ оные товары, показывая, что они изъ Марсели, и всякими такими образами плутуютъ". То-же представлялъ Орловъ императрицѣ реляціею отъ 25-го

Однако ни Екатерина, ни Панинъ, ни Совѣтъ не согласились съ доводами Орлова. Именно, 25 іюня 1772 г. въ Совѣтѣ читана депеша графа „о воспрещеніи имъ декларациею входа нейтральныхъ судовъ въ Дарданеллы и о повелѣніи Спиридову, чтобъ и онъ при постановленіи съ турками перемирія истребовалъ отъ нихъ продолженіе сего воспрещенія“; но Совѣтъ „разсудилъ поспѣшить изъяснить рескриптомъ генералу, что сіе можетъ не токмо удержать соглашеніе въ томъ краю о перемиріи, столь нужномъ намъ для окончанія политическихъ дѣлъ, но и ввесть насъ въ новую войну съ ненавидствующими намъ французами“ [1]).

Результатомъ этого постановленія Совѣта былъ именной рескриптъ Орлову отъ 28 іюня 1772 г. Въ немъ императрица пишетъ [2]) что при заключеніи перемирія, конечно было-бъ полезнѣе, когда-бъ и безъ военныхъ дѣйствій могъ быть пресѣченъ хлѣбный подвозъ чрезъ Дарданелльскій проходъ въ оттоманскую столицу; но это невозможно, ибо турки конечно не отступятся добровольно отъ нужнаго имъ пропитанія въ такомъ мѣстѣ, откуда они и безъ особенной своей собственной силы оружія, получать его могутъ; а всякое между воюющими перемиріе на тѣхъ только взаимныхъ выгодахъ основывается, которыя каждая сторона дѣйстви-

---

мая.—Къ сожалѣнію намъ не извѣстно, продолжалась ли блокада Дарданеллъ въ 1772 г. О блокадѣ ихъ въ 1770 г. есть свѣдѣнія въ „Константинопольскихъ извѣстіяхъ“ въ Campagnes, связ. 2, а въ 1771 г.—въ Арх. Госуд. Сов. I, 376, 378 сл. и въ снош. съ Турціею, Constantinople 1771—1774, связ. 19—Константинопольскія письма: напр. въ августѣ—4 русскіе фрегата крейсеруютъ передъ Дарданеллами и захватываютъ всѣ суда идущія въ Константинополь съ съѣстными припасами; въ октябрѣ—нѣкоторыя французскія суда съ пшеномъ шедшія изъ Марсели въ Константинополь встрѣтившись съ русскимъ флотомъ, были недопущены къ продолженію плаванія и посланы въ Кандію для продажи того пшена.

[1]) Арх. Гос. Сов. I, 182, 380 сл. Замѣтимъ, что манифестъ Орлова подалъ поводъ къ новымъ жалобамъ французскаго правительства, но эти жалобы получены были въ Петербургѣ лишь въ іюлѣ (см. Архивъ Госуд. Сов. I, 185, засѣд. 9 іюля) такъ что рѣшеніе русскаго правительства относительно нейтральнаго судоходства было принято независимо отъ нихъ.

[2]) Сб. Рус. Ист. Об. I, 84 сл.

тельно подъ своимъ оружіемъ и въ своей власти имѣетъ... Хотя турки симъ свободнымъ временемъ свою столицу и снабдятъ болѣе настоящаго пропитаніемъ, но время и опытъ доказали, что ихъ столицу со стороны однихъ архипелагскихъ острововъ, слѣдовательно со стороны Дарданелльскаго пролива прямо оголодить весьма трудно, если и совсѣмъ невозможно, потому что къ доставленію туда пропитанія оставалась имъ всегда вся сторона Азіи, откуда они его и доставали; а самое строгое взысканіе и пресѣченіе хлѣбнаго провоза на нейтральныхъ корабляхъ можетъ насъ завести въ новыя и весьма для настоящихъ обстоятельствъ непріятныя хлопоты, именно вовлечь насъ въ новую войну съ ненавидящими намъ французами въ то самое время, когда мы настоящую къ окончанію приводимъ"[1]).

Къ этому рескрипту Панинъ, въ письмѣ Орлову отъ того-же числа, приложилъ „особенное свое разсужденіе о части народныхъ правъ относительно его заботы". „Увѣрьтесь,—пишетъ онъ [2]),—что тутъ никакое робкое уваженіе мною не руководствовало, а мысли мои и познаніе съ достаточнымъ свѣдѣніемъ основаны на опытахъ разныхъ многихъ происшествій въ войнахъ между державами, морскія силы имѣющими и отправляющими внѣшнюю торговлю и мореплаваніе. Несогласіе въ правилахъ опредѣляющихъ военную контрабанду столь велико и столь разнымъ по обстоятельствамъ перемѣнамъ подвержено, что и тѣ державы, кои твердыя владѣнія на тѣхъ моряхъ имѣютъ, на которыхъ такія военныя дѣйствія между ими производятся, никогда единою справедливостію между собою не руководились, а всегда наконецъ одна другой уступала или снисходила по уваженію большей или меньшей поверхности силы и дѣйствъ дѣлъ своихъ". Указывая далѣе на „деликатность" положе-

[1]) Въ силу условій перемирія турецкимъ судамъ запрещенъ былъ проходъ чрезъ Дарданеллы; запрещенъ провозъ черезъ нихъ войскъ, оружія, аммуниціи, снарядовъ и корабельныхъ лѣсовъ; коммерческимъ судамъ и курьерамъ открытъ свободный путь. Зап. Гидрогр. Деп. VII,352 сл.

[2]) М. Гл. Архивъ М. И. Д., Campagnes Turquie, св. 3 (тоже въ Рус. Арх. 1880, II, 251 сл. хотя не совсѣмъ вѣрно).

нія нашего въ Средиземномъ морѣ и на то, что въ нашей декларації, „при обнадеживаніи свободной и безпрепятственной коммерціи, подвозъ хлѣба на нейтральныхъ купеческихъ корабляхъ исключенъ въ одномъ только казусѣ дѣйствительной блокады какого-либо непріятельскаго мѣста", и ссылаясь на рѣшительныя резолюціи императрицы, Панинъ совѣтуетъ Орлову поспѣшить заключеніемъ перемирія и „чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше выдти изъ критическаго положенія въ остановкѣ по его манифесту всякаго хлѣбнаго промысла нейтральныхъ державъ съ нашимъ непріятелемъ".

Орловъ исполнилъ данныя ему повелѣнія,—„подъ видомъ заключеннаго перемирія" онъ отпустилъ всѣ задержанныя нейтральныя суда, „во всемъ ихъ прежде удовольствовавъ, но не вселяя однако въ нихъ надежды пользоваться невозбраннымъ во всякое время провозомъ къ непріятелю съѣстныхъ припасовъ, хотя крейсерамъ подъ рукою и приказано за тѣмъ не примѣчать" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попытался еще разъ убѣдить правительство въ необходимости и цѣлесообразности своихъ прежнихъ распоряженій. Не останавливаясь на томъ, что право не пропускать и право провозить въ непріятельскія мѣста съѣстные припасы основаны на „правѣ пересилія", и уступая обстоятельствамъ, на которыя указывалъ ему Панинъ, Орловъ объясняетъ, что предписанныя ему правила должны совершенно измѣнить „видъ всѣхъ здѣшнихъ нашихъ морскихъ дѣйствій въ случаѣ, если перемиріе въ совершенный миръ не превратится". „Робость и невѣрность грековъ заградили намъ всѣ пути къ сухопутнымъ предпріятіямъ и заставили устремить всѣ силы наши на морскія дѣйствія. Богъ благословилъ наши усплія, и мы вскорѣ увидѣли себя безспорными владѣтелями всѣхъ водъ Средиземнаго моря, гдѣ только прилегали турецкія поселенія. Но и при такомъ выгодномъ положеніи нашемъ мы инаго предпріять не могли, какъ пресѣкать подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ наинаселеннѣйшія непріятельскія мѣста, не помышляя болѣе о покушеніяхъ на сухомъ

[1]) Письмо Панину 24 авг. 1772. въ Рус. Арх. 1880, III, 253 сл.

пути, ибо съ нашей стороны десантъ не прибавлялся, а между тѣмъ непріятель обратилъ все свое вниманіе на укрѣпленіе своихъ побережій. Правда, хотя нашею морскою блокадою мы его совершенно оголодить и не могли, однако, считая не столько взятыя, сколько повороченныя назадъ нейтральныя суда, нельзя сказать, чтобъ много припасовъ и недопущено не было; а между тѣмъ это была одна изъ причинъ, отъ коихъ волненіе и безпокойство въ Константинополѣ всегда тлѣли и тѣмъ правленіе довольно озабочивали. Сіе уже довольно за содержаніе здѣсь флота удовлетворяло. Нынѣ-же, когда плаваніе въ сихъ водахъ всѣмъ разрѣшилось, да и турки, пользуясь перемиріемъ, надолго запасти себя всѣмъ не упустятъ, то этимъ самымъ показанныя причины, для коихъ флотъ здѣсь находится, исчезаютъ, и я вдругъ вижу себя какъ будто на мели, не зная, куда и зачѣмъ съ корабля выду. Съ другой стороны, истощеніе здѣсь силъ нашихъ равно продолжается, ибо казна въ сихъ мѣстахъ какъ и прежде излишній расходъ терпѣть, корабли ветшать и люди естественными случаями убавляться будутъ, и такъ мы ущербъ во всемъ безо всякаго возмездія претерпѣвать должны найдемся". Изъ всего этого Орловъ выводитъ заключеніе, что „вслѣдствіе системы о свободномъ нейтральныхъ судовъ пропускѣ, онъ не предвидитъ въ пребываніи тамъ флота дальней надобности, развѣ разсуждено будетъ, что тамошнія мѣста содержать въ тревогѣ необходимо нужно. Но этой выгодѣ (если только она по малолюдству нашему и по укрѣпленію непріятеля таковою почесться можетъ) онъ противополагаетъ другую, несравненно по его мнѣнію полезнѣйшую,—обратить употребленныя въ Архипелагѣ силы на Черное море, ибо „тамъ бы ни снисхожденіе по единовѣрству, которое намъ здѣсь часто руки связываетъ, ни никакія завязки съ нейтральными, кои тамъ не купечествуютъ, дѣйствій нашихъ не запинали, а непріятеля болѣе утѣснить могли".

Всѣ доводы Орлова остались безсильны противъ требованій политики. Въ это время случилось съ одной стороны, „шведское происшествіе, опровергнувшее прежнюю форму

правленія и фундаментальные законы, слѣдственно и обратившее на себя все наше вниманіе", съ другой — „фатальный разрывъ" фокшанскаго конгресса, — два событія „несказанно увеличивавшія нашу заботу". „Въ такомъ критическомъ положеніи,—писалъ Панинъ Орлову, — въ какомъ мы теперь находимся", необходимо приложить все возможное попеченіе къ исполненію предписаній, данныхъ въ рескриптѣ отъ 28 іюня въ разсужденіи нейтральной навигаціи, „дабы чрезъ сіе могли мы избавиться отъ новыхъ и непредвидѣнныхъ хлопотъ" [1]).

Дѣло о вознагражденіи французскихъ подданныхъ, потерпѣвшихъ отъ русскаго флота въ Архипелагѣ тянулось однако до 1785 года. Въ Ливорно учреждена была русская коммиссія для разбора французскихъ претензій совмѣстно съ тамошнимъ французскимъ консуломъ. Но вслѣдствіе отказа послѣдняго вступить въ разсмотрѣніе ихъ и предъ-

---

[1]) Панинъ Орлову 17 сент. 1772 въ Рус. Арх. 1880, III, 256. То-же подтвердила императрица Орлову рескриптомъ отъ 18 дек. 1772 года. (Сб. Р. Ист. Об. I, 88 сл.). На запросъ Орлова, въ реляціи 20 авг. 1772 года она отвѣчаетъ: „Какъ тѣ политическія уваженія, кои единожды побудили насъ на отмѣну сего манифеста (отъ 1 мая), и нынѣ настоятъ, то натурально вамъ и въ случаѣ вторичнаго разрыва мирныхъ переговоровъ и возобновленія войны, надобно будетъ держаться точной силы рескрипта отъ 28 іюня. Мы чувствуемъ правда, что свобода нейтральнымъ судамъ въ подвозѣ въ непріятельскую столицу съѣстныхъ припасовъ будетъ лишать васъ способности причинять непріятелю, въ случаѣ продолженія войны, утѣсненіе въ пропитаніи его. Предметъ сей важенъ, но есть многіе другіе, для которыхъ пребываніе нашего флота въ Архипелагѣ еще очень нужнымъ почитать можно, хотя бы онъ и ничего казистаго не предпринималъ. (Въ смыслѣ военной диверсіи: отвлеченія части турецкихъ силъ и флота отъ Дуная и Крыма и утраты выгодъ отъ Архипелага и торговли). Впрочемъ въ препровождавшемъ рескриптъ письмѣ Панинъ разъяснилъ, что „все сіе истолкованіе простирается единственно до судовъ, встрѣчаемыхъ въ морѣ, для мѣстъ же, дѣйствительно блокированныхъ и осажденныхъ нашими кораблями, тѣмъ не меньше всякое сообщеніе и снабдѣніе можетъ быть совершенно пресѣкаемо, и всякіе нейтральные корабли со всѣмъ ихъ грузомъ оттуда назадъ отсылаемы, съ объявленіемъ имъ, что они туда пропущены быть не могутъ и чтобъ возвращались куда хотятъ". Панинъ Орлову 19 дек. 1772 (Campagnes, св. 3; Рус. Арх. 1880, III, 258).

явить доказательства, подтверждающія эти претензіи, коммиссія была отозвана и учреждена новая коммиссія въ Петербургѣ, которая и привела дѣло къ концу. Послѣ неоднократныхъ напоминаній со стороны французскаго правительства, французскому посланнику гр. Сегюру врученъ былъ 21 сент. 1785 г. отвѣтъ съ рѣшеніемъ по всѣмъ дѣламъ этого рода. При этомъ послѣднія были раздѣлены на три категоріи: 1) дѣла рѣшенныя уже ранѣе, 2) дѣла, по которымъ виновными оказались не русскіе военные корабли, а пираты (des pirates qui ont abusé du pavillon de Russie), и 3) дѣла, подлежащія разсмотрѣнію и рѣшенію въ болѣе или менѣе благопріятномъ для французовъ смыслѣ. Къ первой категоріи отнесены 3 дѣла, между прочимъ претензія по дѣлу о рисѣ взятомъ на суднѣ St. Jean-Baptiste кап. Жульена де Фрежюсъ (1771 г.), у котораго, несмотря ва сдѣланное послѣднимъ ложное показаніе, взята лишь та часть груза, которую онъ хотѣлъ скрыть, но и за нее заплачено вознагражденіе, и претензія по дѣлу о суднѣ St. Pierre, нагруженномъ рисомъ и не пропущенномъ въ Константинополь блокирующими (la flotte russe tenant tous les environs bloqués) русскими военными судами [1]). Ко второй категоріи отнесено 6 случаевъ грабежей, совершенныхъ греческими корсарами по заключеніи мира. Наконецъ, къ третьей отнесены остальные 6 случаевъ [2]).

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что по вопросу о съѣстныхъ припасахъ русское правительство держалось обычая, установленнаго трактатами—не признавать съѣстные припасы военною контрабандою. И нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ оно руководствовалось не только политическими соображеніями, но и теоретическими, если можно такъ выразиться [3]). Мы не будемъ отрицать конечно

---

[1]) „Comme c'est en conformité des loix de la guerre généralement adoptées, que celle-ci (la flotte russe) a empêché le libre passage d'une denrée qui sert de pain et de nourriture ordinaire aux turcs, le peu de solidité de cette prétension devient palpable". Русская нота 21 сент. 1785.

[2]) Въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., Сношенія съ Франціею, IV France.

[3]) Доказательство того, что русское правительство было вообще про-

того вліянія, какое имѣло въ данномъ случаѣ на рѣшенія русскаго правительства опасеніе чрезмѣрнаго раздраженія Франціи. Но съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду другихъ мотивовъ приводимыхъ въ пользу свободы съѣстныхъ припасовъ, какъ предмета нейтральной торговли. Орловъ, какъ мы видѣли, ссылался на тѣ-же распоряженія русскаго правительства, на которыхъ послѣднее основывало свои оправданія передъ Сабатіе де Кабромъ. Но тутъ было не болѣе, какъ недоразумѣніе. Орловъ запрещалъ своею прокламаціею „все то, что можетъ служить существеннымъ средствомъ непріятелю къ продолженію войны; почти тѣ-же выраженія мы находимъ въ рескриптѣ къ нему 11 авг. 1769 года (см. стр. 179 сл.); но Орловъ давалъ свое толкованіе этому выраженію, толкованіе несогласное съ тѣми разъясненіями, которыя даны были ему впослѣдствіи, и которыя согласовались съ всегдашними взглядами на этотъ вопросъ русскаго правительства. Далѣе, Орловъ считалъ блокированными всѣ турецкія побережья въ Архипелагѣ; такой-же взглядъ на блокаду мы находимъ и въ томъ-же рескриптѣ, и лишь въ послѣдствіи (рескриптомъ 12 авг. 1770 г., см. выше) ему разъяснено было, что блокированными слѣдуетъ считать лишь мѣста дѣйствительно осаждаемыя русскими морскими силами. Замѣтимъ кстати, что относительно блокады труднѣе опредѣлить дѣйствительный взглядъ русскаго правительства. Какъ извѣстно, вопросъ о значеніи ея разработанъ былъ лишь въ концѣ XVIII вѣка и правильную постановку онъ получилъ въ актахъ вооруженнаго морскаго нейтралитета. До этого-же времени злоупотребленія правомъ блокады встрѣчаются на каждомъ шагу [1]), фиктивныя блокады цѣлыхъ непріятельскихъ побережій практиковались напр. Голландіею и Англіею даже въ 1744 и 1756 годахъ. Поэтому насъ нисколько бы не удивила по-

---

тивъ признанія съѣстныхъ припасовъ военною контрабандою мы находимъ въ переговорахъ съ Англіею относительно торговаго трактата 1766 года. См. приложеніе 40.

[1]) Попытки регулированія права блокады см. у Hautefeuille, Hist. du droit maritime, 1858, 211 сл. 363.

добная-же практика со стороны русскаго правительства. Но къ такому предположенію могутъ подать поводъ лишь указанный выше рескриптъ и дѣйствія Орлова; въ позднѣйшихъ разъясненіяхъ вездѣ говорится о дѣйствительной и притомъ доказанной блокадѣ [1]). Самая практика относительно нейтральныхъ судовъ идущихъ даже въ блокируемыя мѣста чрезвычайно выгодно въ юридическомъ отношеніи отличается отъ правилъ, которыхъ держалось и въ болѣе позднее время напр. англійское правительство. Подобно тому, какъ относительно нейтральныхъ судовъ перевозившихъ военную контрабанду предписывалась лишь конфискація послѣдней, такъ и направленіе нейтральнаго судна въ блокированный портъ не считается преступленіемъ, и относительно такихъ судовъ предписывается оповѣщеніе ихъ русскими крейсерами о блокадѣ мѣста ихъ назначенія.

Вообще по всѣмъ указаннымъ вопросамъ французское правительство не имѣло бы въ сущности достаточнаго повода къ жалобамъ, еслибъ не чрезмѣрная, хотя и объяснимая указанными выше доводами Орлова, строгость его относительно нейтральной торговли. Также нельзя не признать одною изъ причинъ несогласій то обстоятельство, что уже къ концу XVII в. принципъ неприкосновенности груза на нейтральномъ кораблѣ былъ признанъ всѣми государствами [2]). Между тѣмъ русское правительство запретило провозъ на нейтральныхъ судахъ непріятельской собственности, [3]) и это послужило

[1]) Впрочемъ нужно сознаться, что въ этомъ случаѣ на русское правительство могъ оказать вліяніе и заявленный Франціею протестъ противъ объявленія о блокадѣ русскимъ флотомъ всего турецкаго побережья.

[2]) Принципъ этотъ былъ подтвержденъ въ Утрехтскихъ трактатахъ 1713 г., въ Парижскомъ 1748 г. и 1763 г. и въ актахъ 1780 г. и др. Впрочемъ въ 1716 и 1769 г. Франція въ договорахъ съ Ганзейскими городами признала непріятельскую собственность подлежащею захвату на нейтральномъ суднѣ (хотя въ видѣ репрессаліи, см. Hautefeuille, Histoire, 347 сл.), а также мы находимъ подобное-же постановленіе и въ французскихъ ордоннансахъ 1704 и 1744 года. Оно было отмѣнено лишь въ 1778 году. (Тамъ же 352 сл.). То-же практиковала и Англія въ войнахъ 1744, 1755 и 1778 годовъ (Тамъ-же 356 сл. и приложеніе).

[3]) Любопытна мотивировка этого рѣшенія, принятаго въ видѣ репрессаліи за нарушенія международнаго права Портою. См. приложеніе 39.

поводомъ и прямымъ, и косвеннымъ къ неудовольствіямъ: съ одной стороны французское правительство жаловалось на нарушеніе правъ нейтральнаго флага, съ другой—французскіе купцы стали прибѣгать къ употребленію ложныхъ грузовыхъ свидѣтельствъ.

Обращаемся къ другому предмету жалобъ французскихъ купцовъ и правительства, — къ вопросу о безчинствѣ состоявшихъ по ихъ увѣреніямъ на русской службѣ арматоровъ. Въ литературѣ международнаго права устанавливается мнѣніе, что русское правительство не выдавало каперскихъ патентовъ въ первую турецкую войну. Такое мнѣніе мы находимъ у Hautefeuille, Ф. Ф. Мартенса, В. П. Даневскаго [1]),—послѣдніе признаютъ впрочемъ, что Екатерина руководствовалась при этомъ побужденіями политическаго свойства. Мы съ своей стороны не рѣшаемся давать такого рѣшительнаго заключенія по этому вопросу. Прежде всего нужно замѣтить, что сама Екатерина предвидѣла возможность и признавала пользу отъ употребленія частныхъ арматоровъ, но рѣшеніе этого вопроса она и Совѣтъ предоставили Орлову, поставивши ему лишь на видъ возможныя невыгодныя послѣдствія употребленія арматоровъ [2]). Орлову отправлены были даже форма „патента для арматоровъ, съ образца, въ Англіи употребляемыхъ“ и сообщены „обряды, какіе въ прошедшую войну Англіею были соблюдаемы въ употребленіи своихъ и чужестранныхъ каперовъ“, а инструкцію „по новости дѣла и по несвѣдѣнію всѣхъ того края обстоятельствъ“ предоставлено было сочинить Орлову на основаніи предписанныхъ ему правилъ и сообщенныхъ ему „выписанныхъ нарочно изъ Лондона англійскихъ и французскихъ каперскихъ регламентовъ“. Ему же предоставлено учрежденіе адмиралтейскаго суда, съ тѣмъ, „чтобы въ разборѣ и присужденіи призъ нѣкоторый порядокъ заведенъ былъ“,—лучше всего, если „военный совѣтъ каждой эскад-

[1]) Hautefeuille, Hist. du droit marit. 1858, p. 339; Ф. Мартенсъ, О правѣ частн. собственности, стр. 297 примѣч.; В. Даневскій, Историч. очеркъ нейтралитета, стр. 407 (ссылка на г. Мартенса).

[2]) См. приложеніе 27 и 39.

ры по точной силѣ арматорской инструкціи судить будетъ". Наконецъ выдача патентовъ арматорамъ также предоставлена Орлову и Спиридову по ихъ общему соглашенію и „по усмотрѣнію на мѣстѣ въ томъ нужды и пользы" [1]).

На основаніи увѣреній гр. Орлова [2]), Ф. Ф. Мартенсъ выражаетъ увѣренность, что „корсаровъ, съ русскими патентами, въ Архипелагѣ дѣйствительно не было въ теченіи войны". Быть можетъ патентованныхъ, снабженныхъ формальными патентами дѣйствительно не было, но сомнительно чтобы не было корсаровъ безпатентныхъ. Орловъ относилъ всѣ безчинства, совершавшіяся въ Архипелагѣ на счетъ морскихъ разбойниковъ, ложно приписывавшихъ себѣ званіе русскихъ арматоровъ. Хотя, помимо свидѣтельства Орлова [3]), мы имѣемъ и постороннія свѣдѣнія о томъ, что въ это время въ Архипелагѣ дѣйствительно размножились морскіе разбойники [4]) и что Орловъ преслѣдовалъ и наказывалъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ извѣстія, что при русскомъ флотѣ и въ русской службѣ были греческія суда [5]) и хотя они иногда ставились подъ команду лицъ, состоявшихъ на русской службѣ (напр. Войновичъ), но въ сущности это но измѣняло ихъ частнаго характера. Впрочемъ изъ данной Орлову формы патента на каперство видно, что принимаемымъ въ русскую службу частнымъ арматорамъ предполагалось разрѣшить захватъ единственно лишь непріятельскихъ (притомъ принадлежащихъ магометанамъ) судовъ и груза, что сверхъ того предполагалось требовать отъ нихъ залоговъ и представленія призовъ въ призовой судъ для окончательнаго присужденія ихъ, и что относи-

[1]) Рескр. Орлову 11 авг. 1769; ср. рескр. Спиридову приложен. 27.
[2]) Сборн. Рус. Ист. Об. I, 47 сл.
[3]) Декларація его у Martens, Recueil, 2 édit., II, 32 сл.; письмо Хотинскому въ Парижъ, декаб. 1770 въ Сб. Рус. Ист. Об. I, 47.
[4]) Campagnes, Turquie, письма изъ Константинополя 1770, 17 сент., 3 окт., 3 дек., между прочимъ: „Архипелагъ усѣянъ морскими разбойниками; русскіе наказали разныхъ плутовъ, которые безъ паспортовъ суда въ добычу брали у турокъ и другихъ націй".
[5]) Напр. тамъ-же письмо 17 нояб. и (подвиги Орлова); ср. также приложеніе 39; Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 35, стр. 89.

тельно прочихъ кораблей и людей дружественныхъ намъ державъ предписано было всевозможнымъ образомъ избѣгать причиненія имъ малѣйшихъ обидъ и даже съ захваченными на нихъ турками „поступать чѣмъ умѣреннѣе, тѣмъ похвальнѣе“. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, частные арматоры были въ то время во всеобщемъ употребленіи [1]).

Мы разсмотрѣли отношенія, установившіяся между Франціею и Россіею передъ турецкою войною; мы видѣли и тѣ пререканія между ними, которыя были вызваны этою войною. Хотя, за исключеніемъ вопроса о непріятельскомъ грузѣ на нейтральныхъ судахъ, принципы, принятые русскимъ правительствомъ въ отношеніи нейтральной торговли не могли дать ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ со стороны нейтральныхъ, но несомнѣнно, что поведеніе русскаго морскаго начальства въ Архипелагѣ, и въ особенности запрещеніе Орловымъ провоза съѣстныхъ припасовъ, возбудило неудовольствіе не только Франціи, но и другихъ торгующихъ въ Левантѣ государствъ, даже Венеціи [2]). Несомнѣнно также, что особенно въ началѣ войны французская торговля съ Константинополемъ почти прекратилась [3]). Прусскій посланникъ при Портѣ свидѣтельствовалъ, правда, что въ результатѣ французы все-таки извлекли выгоду изъ войны для своей торговли [4]), но это свидѣтельство относится

---

[1]) Форма патента въ турецкихъ дѣлахъ, Campagnes, связ. 1; ср. также выше рескриптъ 1769 года. Любопытно также сравнить призовой регламентъ 1787 года у G. F. Martens, Recueil, 2 éd. IV, 336 сл.

[2]) Арх. Гос. Сов. I, 257 сл., 268, 275, 278.

[3]) Campagnes, Turquie, связ. 2, письма изъ Константинополя 17 авг., 3 и 17 сент. 1770: „французскихъ судовъ давно не было въ Константинополѣ“ По свидѣтельству англичанъ, бывшихъ въ русскомъ флотѣ, несмотря на то что Орловъ оказывалъ полное уваженіе къ торговлѣ христіанскихъ державъ и былъ весьма остороженъ въ выборѣ тѣхъ лицъ, кому давалъ каперскіе патенты, торговля въ Левантѣ находилась въ совершенномъ застоѣ, и много пострадали французы; въ Мистрѣ, въ Мореѣ они имѣли весьма выгодную торговлю, которая разорена, и на востокѣ не видно ни одного французскаго корабля. Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 35 стр. 88 сл. „Summary account of the transactions of the R. fleet in March—July 1770“; ср. также № 191, стр. 384 сл. депешу Гуннинга отъ $^{12}/_{23}$ нояб. 1773.

[4]) Послѣ разрыва Фокшанскаго конгресса Цегелинъ писалъ Обрѣско-

къ такому періоду войны, когда французской торговлѣ предоставлена уже была значительная свобода. [1])

Итакъ, стѣсненія французской торговли, пререканія о правахъ нейтральнаго флага, опасенія за будущность левантійской торговли и политическія соображенія, все это вело къ одному результату, къ усиленію враждебныхъ отношеній между Франціею и Россіею. Дѣйствительно, эта враждебность проявляется въ теченіи всей первой половины турецкой войны, до 1773 года, когда начинаютъ уже быть замѣтны нѣкоторые признаки предстоявшаго сближенія. Въ другомъ мѣстѣ мы разсмотримъ обстоятельства, послужившія къ измѣненію взаимныхъ отношеній Франціи и Россіи; въ заключеніе же настоящаго очерка намъ остается еще разсмотрѣть обстоятельства, помѣшавшія Франціи принять дѣятельное участіе въ русско-турецкой войнѣ.

Франція втолкнула Турцію въ войну съ Россіею, но этимъ и ограничилась ея активная роль въ событіяхъ 1768 и слѣдующихъ годовъ. У Шуазеля не хватало ни энергіи, ни средствъ для исполненія его замысловъ [2]). Франція была изолированна: „Nous avons dégouté tout le monde de notre alliance“, какъ справедливо выразился въ минуту откровенности гр. Брольи [3]). Попыткѣ дѣятельнаго вмѣшательства въ войну путемъ вооруженнаго противодѣйствія проходу русскаго

ву: „Les français sont au comble de leur joye de ce que la paix n'est pas faite, s'ils osoient, ils feroient des rejouissances publiques, et la raison en est fort simple, — plus que la guerre dûre et plus ces messieurs gagnent par leur commerce, outre les motifs politiques de leur Cour.“ (P. S. къ письму отъ 14 окт. 1772, прилож. при письмѣ Обрѣскова Панину № 1 отъ 30 окт. 1772; affaires séparées, Turquie, связ. 2).

[1]) Ср. письмо Орлова Панину отъ 7 марта 1772 г. (ошибка, слѣдуетъ: 1773 г.) въ Campagnes, Turquie, связ. 3: „Исполняя данныя мнѣ повелѣнія, пропускаю я въ непріятельскія мѣста невозбранно всѣ груженыя съѣстными припасами нейтральныя суда, которыя идутъ, а особливо въ Константинополь, тучами, ибо присутствіе нашего флота, очистя сіи воды отъ пиратовъ, дѣлаетъ въ оныхъ плаваніе безопаснѣе и въ разсужденіи ассикураціи выгоднѣе, нежели когда нибудь было“.

[2]) Sorel, 25 сл. 39 сл. 49 сл. 60 сл. Saint-Priest, Le partage de la Pologne passim; Raumer, II, 108, 132, 152.

[3]) Broglie à Tercier 9 fevr. 1763, въ Secret du roi II, 46.

флота въ Средиземное море воспротивилась Англія; наконецъ Людовикъ XV рѣшительно не желалъ войны [1]).

Впрочемъ для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ значеніе Франціи въ разсматриваемый періодъ, необходимо имѣть въ виду: 1) крайнее разстройство ея финансовъ послѣ семилѣтней войны [2]), 2) то обстоятельство, что послѣ Парижскаго мира кредитъ ея въ Европѣ сильно упалъ [3]), и 3) путаницу въ направленіи ея политики благодаря отчасти извѣстной секретной политикѣ Людовика XV на ряду съ политикою министерскою, отчасти же неспособности французскихъ государственныхъ людей того времени.

Бывало напр. такъ, что въ Петербургѣ, Берлинѣ и Варшавѣ Франція совсѣмъ не имѣла представителей [4]), или что эти представители оставались безъ всякихъ инструкцій, какъ напр., въ горячее время съ 24 дек. 1770 по 2 іюня 1772 г., когда послѣ отставки Шуазеля постъ министра иностранныхъ дѣлъ оставался вакантнымъ; или наконецъ въ одно и то-же время къ одному двору являлось нѣсколько представителей Франціи съ различными, иногда прямо противоположными инструкціями, какъ напр. въ Варшаву во время выборовъ короля послѣ смерти Августа III. Во время этихъ выборовъ Франція то отказывалась отъ всякаго участія въ нихъ, то агитировала въ пользу саксонскаго принца, то любезничала съ партіею Станислава [5]), а въ результатѣ получалась нерѣшительность и противорѣчія раздражавшія враговъ Франціи и дискредитировавшія ее въ глазахъ ея дру-

---

1) Sorel, 101, 143 сл. и др. Raumer, Europa, 409, 452, 474 сл.

2) Duc de Broglie, Le secret du roi, Correspondance secrète de Louis XV avec ses agens diplomatiques, 2 édit. 1879, II, 245; Raumer, II, 108. 132, 152

3) Указанія на упадокъ вліянія Франціи въ Европѣ см. въ Mémoire du Cte-Broglie aux Ctes Muy et Vergennes, 1775 въ Politique de tous les cabinets, изд. 1794 г., I, 110, 141, 145, 184; Boutaric, I, 160, 425, 430, 436.

4) Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Петербургѣ представителемъ Франціи былъ le sieur Rossignol chargé d'affaires.

5) См. мемуаръ Шуазеля 1763 года; Le secret du roi 72—86, 222—259; Boutaric, Corr. secrète de Louis XV, I, 301 сл. Vandal, 241, 299 сл. 315 сл.; Flassan VII, 85 сл.

зей. Шуазелю не по плечу была борьба съ такими правителями, какъ Фридрихъ II и Екатерина II, или съ такимъ дипломатомъ, какъ Кауницъ,—это былъ человѣкъ, по складу ума болѣе способный на дипломатическія интриги. Вернувшись въ 1766 году къ управленію иностранными дѣлами Франціи съ цѣлью возстановить вліяніе послѣдней въ Швеціи и Турціи [1]), онъ вызвалъ русско-турецкую войну, до такой степени осложнившую положеніе дѣлъ въ Европѣ, что Шуазель совсѣмъ потерялъ голову [2]). Въ отношеніи Польши онъ возбуждалъ поляковъ „но ограничиваясь общими фразами, которыя не обязывали Францію ни къ чему", и отправилъ въ помощь Барской конфедераціи съумасброда Дюмурье съ нѣсколькими десятками авантюристовъ [3]); Австрію, или вѣрнѣе Марію-Терезію, для удержанія въ союзѣ съ Франціею соблазнялъ предложеніемъ замѣны Станислава Августа герцогомъ Тешенскимъ, женатымъ на эрцгерцогинѣ Христинѣ и надеждой на женитьбу Людовика XV на эрцгерцогинѣ Елизаветѣ [4]), а въ концѣ концовъ положеніе французской политики оказалось въ такой степени запутаннымъ, что у него возникла мысль смѣшать всѣ карты и въ общей суматохѣ искать исхода [5]). Съ этою цѣлью онъ вопреки желаніямъ короля сталъ агитировать въ пользу войны Испаніи съ Англіею за Фалкландскіе острова [6]), и этотъ послѣдній актъ его политики, въ связи съ неудовольствіемъ противъ него королевской фаворитки Дю-Барри, послужилъ поводомъ къ его отставкѣ (24 декабря 1770 г.). Неудовольствіе имъ Дю-Барри играло при этомъ, конечно, не послѣд-

[1]) Le secret du roi, II, 279 сл. 283 сл.

[2]) Le secret du roi, 305 сл.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 90; Raumer II, 575. Объ этой любопытной экспедиціи см. мемуары Дюмуріе и Secret du roi, II, 309 сл.; въ томъ же родѣ была экспедиція маркиза Viomesnil снаряженная преемникомъ Шуазеля, герц. Эгильономъ.

[4]) Secr. du roi, 306 Polit. de tous les cabinets, изд. 1794, I, 119 сл.

[5]) Dumouriez. Mémoires, liv. 1.

[6]) Broglie, Secret du roi, II, 306, 334 сл. Flassan VII, 45; Raumer II, 356. сл.

нюю роль [1]), но по свидѣтельству герцога Брольи, въ значительнѣйшей степени Шуазель обязанъ былъ своею отставкою своему управленію, и вызванной имъ путаницѣ во внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ Франціи. Грозившая ей въ концѣ концовъ опасность новой войны съ Англіею окончательно дискредитировала его политику въ глазахъ короля, прежде всего желавшаго мира.

Что касается преемника Шуазеля, — герцога Эгильона [3]), — это былъ человѣкъ прямо неспособный, а особенно при томъ положеніи французской политики, въ какомъ оставилъ ее Шуазель. Въ концѣ 1772 года англійскій посланникъ въ Парижѣ писалъ: „Главная цѣль герцога Эгильона — сохранить свое мѣсто и по всему видно, что онъ не составилъ себѣ никакого общаго плана для своей политики. Постоянныя интриги французовъ при всѣхъ дворахъ и употребляемый ими мелочной, грязный способъ дѣйствій, состоящій по старому въ томъ, чтобы стараться вездѣ вызывать смуты, болѣе основывается на смутной надѣждѣ на какую-либо выгодную для нихъ случайность, чѣмъ на послѣдовательномъ и хорошо обдуманномъ планѣ.“ [3]) Таково было мнѣніе представителя непріязненной Франціи державы. Но и посолъ „дружественной“ ей Австріи, гр. Мерси даетъ не болѣе лестный отзывъ: средства которыми пользуется д-Эгильонъ мелочны, лживость отличаетъ его характеръ; эта метода, притомъ при отсутствіи энергіи и системы, не опасна и побуждаетъ лишь къ нѣкоторой бдительности. [4])

Такимъ мелочнымъ, интригантскимъ направленіемъ характеризуется дѣйствительно тогдашняя политика Франціи въ польскомъ и турецкомъ вопросахъ.

Франція конечно заинтересована была въ судьбахъ Польши, не только политически, но и экономически. Графъ Брольи

---

[1]) Broglie, Secret, стр. 319 сл.

[2]) Broglie 338 сл. 375 сл. Raumer, Europa, II, 349 сл.; о положеніи Франціи тамъ-же, гл. XX.

[3]) Raumer, Europa III, 67.

[4]) Arneth et Geoffroy—Marie Antoniette (цит. у Соловьева XXVIII, 387 сл. Подтвержденіе въ сообщеніи посла de Rohan въ Polit. de tous les Cab.

одинъ изъ главныхъ дѣятелей по секретной перепискѣ Людовика XV, въ мемуарѣ, поданномъ Людовику XVI [1]) совершенно справедливо говоритъ, что раздѣлъ Польши, который всѣ предвидѣли, долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе со стороны Турціи и Австріи при поддержкѣ Франціи и морскихъ державъ „которыя не могли не тревожиться утвержденіемъ Россіи и Пруссіи на Балтійскомъ побережьи, причемъ Пруссія должна была захватить въ свои руки всю польскую торговлю. Очевидно, что ни одна держава не могла бы имѣть участія въ этой торговлѣ иначе, какъ съ дозволенія его прусскаго в-ва, потому что послѣ раздѣла всѣ рѣки, служащія для транспорта и вывоза польскихъ продуктовъ, протекали бы чрезъ прусскую территорію".

А между тѣмъ какія мѣры приняла Франція противъ раздѣла Польши? Кромѣ интригъ,—никакихъ. Людовикъ XV, въ самое горячее время польскаго вопроса занятый сканда-лами кавалера д'Эона, [2]) находилъ помощь Польшѣ людьми невозможною, деньгами—очень трудною, [3]) и потому французская политика въ Польшѣ ограничивалась одними интригами: мутили конфедератовъ, давали имъ обѣщанія, посылали имъ волонтеровъ, но безъ всякаго разсчета на какія либо серіозныя послѣдствія, такъ какъ на основаніи донесеній Дюмуріе можно было составить себѣ довольно ясное понятіе о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. [4]) Словомъ, политика Шуазеля направлена была лишь къ тому, чтобы вредить Россіи, а не помогать Польшѣ. [5]) Правда, французское правительство агитировало въ Англіи и Швеціи противъ раздѣла Польши, [6]) но неудачно.

Тоже самое мы видимъ во французской политикѣ по ту-

[1]) Polit. de tous les cabinets, изд. 1794, I, 157 (1775 г.): Mém. sur la paix du Nord, le démembrement de la Pologne etc.

[2]) Broglie, Le Secret du Roi, p. 243.

[3]) Boutarie, Corr. secr. I, 154; Соловьевъ XXVIII, 388.

[4]) Соловьевъ XXVIII, 178 сл.

[5]) Соловьевъ, 180, 184, 380 сл. Вспомнимъ предложенія Пруссіи и Австріи согласиться на уступку имъ части Польши. Raumer II, 408 сл.; Соловьевъ XXVIII, 153; Sorel, 61 сл.

[6]) Лѣтомъ 1772 г. Арх. Гос. Сов. I, 181, 182.

рецкому вопросу. И здѣсь французское правительство разсчитывало главнымъ образомъ интригами и подстрекательствами добиться дѣятельнаго вмѣшательства противъ Россіи какой-либо посторонней державы, напр. Швеціи. [1])

Вообще интриги и стремленіе выгребать жаръ чужими руками характеризуютъ главнымъ образомъ французскую политику разсматриваемаго нами времени, [2]) и эти причины, въ связи конечно съ указанными выше, обусловливали неблагопріятныя для дѣятельнаго участія ея въ европейскихъ дѣлахъ отношенія къ Франціи другихъ державъ. Мы не будемъ говорить объ отношеніяхъ къ ней Англіи, они были прямо враждебны; но возьмемъ хотя бы отношенія къ ней ея союзницы Австріи. Если судить объ нихъ по отзывамъ Фридриха II и его посланниковъ въ Константинополѣ, то конечно можно заключить о полной солидарности ихъ тамъ [3]). Но преувеличеніе ихъ дружбы и союза было, какъ мы увидимъ далѣе, въ интересахъ Фридриха, въ дѣйствительности-же ихъ отношенія представляются въ совершенно иномъ видѣ.

Начать съ того, что Франція не пользовалась никакимъ кредитомъ у австрійскаго правительства. Она имѣла, правда, неизмѣннаго союзника въ лицѣ Маріи-Терезіи [4]), но честолюбиваго Іосифа не могъ привлекать союзъ съ ослабленнымъ государствомъ, управляемымъ безличнымъ королемъ, его напротивъ привлекала личность Фридриха II [5]). Къ этому нужно присоединить еще и то обстоятельство, что въ теченіи всего 1771 года Франція не имѣла представителя въ Вѣнѣ, а назначенному потомъ на этотъ постъ кардиналу

---

[1]) Англію оно надѣялось нейтрализовать внушеніемъ ей опасеній за ея торговые интересы. Объ этомъ см. ниже.

[2]) Sorel, 40.

[3]) О ихъ полномъ единодушіи распространялъ увѣренія Фридрихъ, въ своихъ интересахъ преувеличивая ихъ. Raumer, II, 208, 206. Впрочемъ Франція подстрекала Австрію къ согласнымъ дѣйствіямъ при Портѣ и къ вмѣшательству за Польшу. Ibid. 108.

[4]) См. напр. Sorel 121.

[5]) Вспомнимъ отзывъ его о Фридрихѣ послѣ свиданія въ Нейссе у Beer, Zusammenkünfte.

де Рогань, помимо того, что онъ былъ лично непріятенъ Маріи-Терезіи, дана была инструкція держаться пассивно. и не вмѣшиваться ни въ турецкія, ни въ польскія дѣла, — все это должно было неблагопріятно отзываться [1]) на отношеніяхъ между Франціею и Австріею. То-же слѣдуетъ сказать и относительно того, быть можетъ необходимаго по обстоятельствамъ положенія Франціи въ то время, направленія политики, какое усвоено былъ французскимъ правительствомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Румянцеву Панинъ совершенно вѣрно изображаетъ отношенія между Австріею и Франціею. „Вѣнскій дворъ, говоритъ онъ [2]), а особливо кн. Кауницъ, яко зиждитель политической системы, на однихъ нѣжныхъ интересахъ своей государыни и ея собственной фамиліи устроенной, тѣсно сопряженъ съ версальскимъ, но онъ конечно не можетъ предъ собою скрывать, сколь коварно дюкъ Шуазель возбуждаетъ другихъ противъ насъ, самъ же сберегаетъ свои силы и главные ресурсы для безпосредственныхъ дѣлъ и собственныхъ политическихъ видовъ своего двора. Онъ намъ злобствуетъ и злобствуетъ до отчаянія, но съ употребленіемъ только другихъ и посторонніхъ; свой-же дворъ на то безпосредственно не отваживаетъ, но паче сберегаетъ для всякаго случая позадь себя путь вмѣститься къ намъ въ медіацію: ибо инако могъ бы онъ конечно самъ своимъ однимъ дворомъ намъ поставить превеликія препятствія въ Средиземномъ морѣ.“

Дѣйствительно, въ относящемся къ тому-же времени (конецъ 1769 г.). отчетѣ о разговорѣ своемъ съ Кауницемъ, англійскій посланникъ въ Вѣнѣ писалъ: „кн. Кауницъ сильно осуждалъ интриги французовъ и говорилъ о безсмысленности ихъ мнимой утонченной политики. Ничто такъ не ложно, говорилъ онъ, какъ принципъ, что поощреніе смутъ и войнъ въ отдаленныхъ странахъ не опасно,—рано или поздно Франція сама пострадаетъ отъ такой политики, она подвергаетъ

---

[1]) Le secret du roi II, 363 сл. 381 сл. 384 сл. Arneth, переписка Маріи-Терезіи съ Мерси д'Аржанто. Raumer II, 451 сл. 454; Flassan VII, 118 сл.
[2]) Письмо 9 апр. 1770 г. въ Рус. Арх. 1878 № 12 стр. 444 сл.

себя большимъ опасностямъ, а какую извлекаетъ изъ всего этого выгоду—я не вижу“ [1]).

Наконецъ, помимо всего этого, помимо того, что само политическое положеніе французскаго правительства не внушало къ себѣ довѣрія, искренности отношеній между Франціею и Австріею мѣшало конечно и различіе интересовъ ихъ правительствъ какъ въ польскомъ, такъ и въ турецкомъ вопросахъ.

Различіе ихъ интересовъ выразилось уже въ самомъ началѣ войны Россіи съ Турціею. Вызвавши эту войну, французское правительство имѣло въ виду создать Россіи затрудненія; поэтому оно, понятно, находило выгоднымъ для себя продленіе этой войны, ослаблявшей Россію и, главное, связывавшей руки Екатеринѣ въ ея „честолюбивыхъ и опасныхъ“ замыслахъ вооружить сѣверъ противъ юга; австрійское правительство напротивъ предвидѣло въ результатѣ продленія войны лишь ослабленіе Турціи и значительное, опасное для всей Европы усиленіе Россіи [2]). То-же мы видимъ и впослѣдствіи. Не только пресловутый трактатъ 1771 года Австріи съ Портою былъ заключенъ въ тайнѣ отъ Франціи, но Австрія даже противодѣйствовала французскому вліянію въ Константинополѣ [3]). Также и въ отношеніи Польши, и именно по вопросу о раздѣлѣ, Австрія дѣйствовала вполнѣ самостоятельно, скрытно отъ Франціи, [4]) а когда раздѣлъ былъ уже рѣшенъ, то австрійское правительство оправдалось передъ Франціею двусмысленностію и нерѣшительностію французской политики въ этомъ вопросѣ [5]).

[1]) Raumer, Europa II, 251.

[2]) См. мемуаръ Шуазеля графу Мерси 1769 и отвѣтъ Кауница у Beer, Theilung Polens, Documente № II и III, стр. 5 сл. (у Соловьева XXVIII, 91 сл.) ср. также заявленіе Іосифа Фридриху при свиданіи въ Нейсе объ отсутствіи общности интересовъ у Австріи съ Франціею въ Турціи и Польшѣ, у Beer, Zusammenkünfte.

[3]) Франція предлагала Портѣ въ 1770 г. помощь флотомъ за извѣстную субсидію; стараніями Цегелина и Тугута предложеніе это было отклонено.

[4]) Кауницъ къ Мерси 13 авг. 1769 у Sorel 62.

[5]) Соловьевъ XXVIII, 387; мемуаръ гр. Брольи и изъ мемуара Фавіе, art. VII de la Cour de Vienne, въ Polit. de tous les cab. 1794, I, 159 сл., 236, 399 сл. Boutaric, Corr. secr. I, 160, 425, 430, 436.

Объясняется это конечно тѣмъ, что для Австріи и ея плановъ относительно Польши и Турціи, вмѣшательство Франціи было невыгодно, оно было невыгодно между прочимъ въ отношеніи турецкихъ дѣлъ, такъ какъ оно умалило бы значеніе Австріи и вліяніе ея на устроеніе отношеній Россіи къ Турціи согласно своимъ интересамъ, и затруднило бы ея посредничество, которое именно этою цѣлью и обусловливалось. Помимо того, что вмѣшательство Франціи неизбѣжно повело бы къ нежелательному для Австріи разрыву съ Россіею, оно стѣснило бы и ея свободу опредѣлить свои отношенія къ Портѣ [1]). Въ сущности союзъ съ Франціею могъ быть выгоденъ для Австріи только какъ средство прикрыть свой тылъ въ случаѣ войны съ Пруссіею, а разъ въ Нейссе и Нейштадтѣ австрійское правительство убѣдилось въ возможности ладить съ Пруссіею, это средство становилось излишнимъ, [2]) и достаточно было Кауницу успокоивать версальскій дворъ завѣреніями въ чистотѣ своихъ намѣреній по отношенію къ Польшѣ и Турціи, что онъ и дѣлалъ. Правда, австрійское правительство иногда любезничало съ Франціею, но развѣ для того только, чтобы въ Берлинѣ и Петербургѣ обратили на это вниманіе и при политическихъ комбинаціяхъ имѣли въ виду „союзъ“ Австріи съ Франціею.

Если Франція не могла полагаться на дружбу Австріи, то тѣмъ менѣе она могла разсчитывать конечно на опасавшуюся союза ея съ Австріею Пруссію или на прямо враждебную ей Англію. Въ видахъ отвлеченія Пруссіи отъ Россіи, французское правительство пыталось правда (въ 1768 — 1769 г.) сблизиться съ Фридрихомъ, и даже инсинуировало ему мысль о пріобрѣтеніи Пруссіею части Польши въ видѣ цѣны за отступленіе ея отъ союза съ Россіею, но Фридриху не было надобности въ союзникахъ,—онъ велъ съ Франціею des n gociations dilatoires, которыя были ему выгодны, но быть

---

[1]) Raumer, II, 450.

[2]) Вспомнимъ способъ сообщенія Кауницемъ французскому правительству о результатахъ свиданія въ Нейштадтѣ. Beer; Sorel, 118.

орудіемъ въ рукахъ Франціи не согласился [1]). Притомъ онъ былъ слишкомъ невысокаго мнѣнія о политическихъ средствахъ Франціи и о политикѣ (tripotage) ея правительства [2].)

Таковы причины, почему Франція, несмотря на опасеніе невыгоднаго для нея рѣшенія вопроса о судоходствѣ Чернаго моря и допущенія къ этому судоходству англичанъ [3]), не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ. Но несомнѣнно ея интригамъ въ Константинополѣ слѣдуетъ приписать долговременную неподатливость Порты на русскія мирныя условія [4]).

Отношенія между Франціею и Россіею оставались враждебными до конца турецкой войны. Правда, со времени вступленія въ управленіе иностранными дѣлами герцога Эгильона, или вѣрнѣе сказать со времени раздѣла Польши, когда обнаружилось изолированное положеніе Франціи, мы замѣчаемъ нѣкоторыя попытки со стороны Франціи по крайней мѣрѣ къ наружному сближенію съ Россіею, [5]) но вызванный Франціею переворотъ въ Швеціи подлилъ новаго масла

---

[1]) Duncker Aus d. Zeit Fr. d. Gr. 167 сл.; Raumer, Europa II, 408 сл.; Sorel, 40 сл., 49.

[2]) Duncker, ibid.; Raumer II, 251 сл. 410 (цит. Frédéric II, Oeuvres posthumes V, 35).

[3]) Письмо Шуазеля къ Мерси 12 ноября 1770: французскій дворъ желаетъ участвовать въ посредничествѣ вмѣстѣ съ Австріею, если къ посредничеству будетъ приглашена Англія; желаетъ чтобы Австрія въ случаѣ принятія посредничества, дала Франціи „l'assurance formelle et positive qu'il ne seroit rien stipulé, qui pût préjudicier à la France relativement aux deux points essentiels du commerce de la mer Noire et de l'établisement des anglois dans ces parages", см. Arneth, Gesch. Maria Theresias, 1877, VIII, 238 сл. Ср. также Соловьева, XXVIII, 384 сл.

[4]) Соловьевъ, XXVIII 89 сл. 92; Raumer II, 570. Турецкія дѣла, Constantinople, св. 19: письма изъ Константинополя, — 17 янв. 1771: Турки приняли бы русскія предложенія о мирѣ, еслибъ французы не отвращали ихъ отъ этого, улещая ихъ тѣмъ, что чѣмъ болѣе они будутъ поражаемы отъ непріятеля, тѣмъ лучше научатся сами поражать его, и увѣряя, что Россія не можетъ безъ тягости продолжать войну, имѣя недостатокъ въ деньгахъ. Ср. также въ Polit. de tous les cab., изд. 1793, — Mémoire du C-te Broglie aux C-te Muy et de Vergennes, отдѣлъ: Constantinople, I. 114 сл.

[5]) Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Петербургъ Durant. См. Соловьевъ XXVIII, 388 сл., XXIX, 64, 76; Арх. Госуд. Сов. I, 191, 209 сл., 264.

въ огонь,—Екатерина не безъ основанія усматривала „въ господинѣ Эгильонѣ интригантскій духъ и желаніе замутить“ [1]). Между прочимъ оригинальная попытка къ сближенію сдѣлана была въ 1773 году. Орудіемъ сближенія долженъ былъ послужить Дидро, благодаря своей лести и значенію, пользовавшійся расположеніемъ Екатерины (Иконниковъ). Французскій посланникъ Дюранъ поручилъ ему передать Екатеринѣ проектъ условій (довольно выгодныхъ) мира съ турками, которыя французское правительство бралось доставить Россіи въ случаѣ принятія ею посредничества Франціи. Но, какъ и можно было ожидать, попытка эта не имѣла ни малѣйшаго успѣха, точно также, какъ и непосредственныя предложенія французскаго посредничества, сдѣланныя Дюраномъ Панину, [2])—русское правительство вполнѣ раздѣляло мнѣніе, высказанное Обрѣсковымъ по поводу освобожденія изъ турецкаго плѣна П. В. Репнина стараніями французскаго посольства въ Константинополѣ: „поступокъ Франціи въ семъ дѣлѣ,—писалъ онъ Румянцеву,—соотвѣтствуетъ точно наблюдаемой ею политикѣ,—она всегда ищетъ способовъ вмѣшаться и въ худо, и въ добро. Безсумнѣнно она алчно желаетъ быть какимъ-нибудь образомъ посредницею нашего примиренія, въ чемъ она конечно и не потеряла бы, но мы найдемъ ли въ томъ нашъ счетъ, то оставляю судить болѣе свѣдующимъ“ [3]). „Болѣе свѣдующіе“ были одного мнѣнія съ Обрѣсковымъ.

6. Отношенія Россіи къ Англіи.

Въ началѣ царствованія Екатерины II Англія заинтересована была относительно Россіи въ двоякомъ отно-

[1]) Соловьевъ XXVIII, 390.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 191, стр. 383 сл. депеша Гуннинга отъ $^{12}/_{23}$ нояб. 1773; также № 192, стр. 386. Ср. Соловьевъ XXIX, 68 сл.; Архивъ Госуд. Совѣта. Франція бралась склонить Порту къ уступкѣ Россіи двухъ крымскихъ гаваней на Черномъ морѣ.

[3]) Письмо отъ 25 нояб. 1773; Турція, Affaires séparées, связ. 11.

шеніи [1]). Съ одной стороны, она желала возобновить союзный трактатъ 1742 года, срокъ которому истекъ, съ другой — въ интересахъ англійской торговли нужно было возобновить и истекшій торговый договоръ 1734 года. Депеши англійскаго правительства въ это время къ посланнику при нашемъ дворѣ—лорду Букингэму по своему содержанію представляютъ [2]) постоянныя „настоятельныя" предписанія «не теряя ни минуты» употребить всѣ старанія для возобновленія оборонительнаго союза съ Россіею, необходимаго «какъ для сохраненія мира въ Европѣ, такъ и въ виду естественно общихъ (naturally united) интересовъ» обѣихъ націй. Англійское правительство въ это время «никакого союза не желало такъ сильно, какъ союза съ Россіею;» не менѣе самой Англіи въ возобновленіи союза и торговаго договора, по мнѣнію англійскаго правительства, была заинтересована Россія. Въ дѣйствительности, конечно, дѣло было не совсѣмъ такъ. Англія, только что окончивъ войну съ Франціею, продолжая быть во враждебныхъ отношеніяхъ къ ней, не будучи въ состояніи разсчитывать на Пруссію, Испанію, Швецію и Данію, находилась въ изолированномъ положеніи. Съ другой стороны, и союзный договоръ 1742 года при наступившихъ новыхъ обстоятельствахъ, и торговый договоръ 1734 года были выгоднѣе по своимъ условіямъ для Англіи, чѣмъ для Россіи. Англійскій Торговый Совѣтъ находилъ выгоднымъ для Англіи даже простое возобновленіе послѣдняго [3]).

---

[1]) Объ отношеніяхъ къ Англіи Воронцовъ въ поданномъ имъ Екатеринѣ „меморіалѣ" говоритъ, что несмотря на временую остуду во время 7-лѣтней войны, „по состоянію генеральныхъ дѣлъ оказывано другъ къ другу больше или меньше довѣренности"; что хотя срокъ торговому трактату истекъ, но „въ разсужденіи происходящей отъ торговли пользы, предѣлено исполнять оный до заключенія новаго", переговоры о которомъ уже начаты. „Прибыль отъ аглинскаго въ Россіи купечества сама собою очевидна, но не меньше полезно оное и Англіи, почему въ семъ случаѣ интересъ обоихъ народовъ былъ всегда ровенъ". Меморіалъ Воронцова, 23 янв. 1762, въ Арх. кн. Воронцова VII, 544 (XXV, 272

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 5 стр. 16 инструкціи; № 30 стр. 59; № 61 тр. 101 и др.

[3]) Тамъ же, p. 71, Halifax to Buckingham, 25 Febr. 1763.

Панинъ, сознававшій изолированное положеніе Англіи, [1]) и желая, чтобъ новый союзный договоръ былъ основанъ на обоюдной выгодѣ, принимая притомъ во вниманіе что Англія во всякомъ случаѣ должна опасаться всякаго усиленія вліянія Франціи у сѣверныхъ дворовъ и находить необходимымъ противодѣйствіе этому вліянію, имѣя все это въ виду, Панинъ поставилъ Англіи условіемъ возобновленія союза помощь на случай войны противъ Турціи, [2]) общность дѣйствій въ Польшѣ, именно—уплату Англіею субсидіи Россіи при избраніи новаго короля въ Польшѣ для противодѣйствія избирательнымъ интригамъ Франціи, дополнительную субсидію въ случаѣ необходимости ввести русскія войска въ Польшу и даже общія военныя дѣйствія въ случаѣ враждебнаго вмѣшательства постороннейдержавы,—наконецъ общія дѣйствія въ Швеціи «противъ иностранныхъ вліяній, стремящихся нарушить спокойствіе на Сѣверѣ.» [3]) Что-же касается торговаго договора, то онъ потребовалъ отмѣны нѣкоторыхъ условій прежняго трактата, которыя могли затормозить развитіе русской иностранной торговли, поднятіе которой было одною изъ главныхъ задачъ Екатерины [4]).

Но Англія и безъ того тратила деньги въ Швеціи, [5]) а усиленіе вліянія Франціи въ Польшѣ не могло ее особенно

---

[1]) Въ депешѣ къ графу Сандвичъ, отъ 9 дек. 1763, гр. Букингэмъ прямо говоритъ: „Не подлежитъ сомнѣнію что Императрица считаетъ себя единственной союзницей, на которую Англія можетъ надѣяться, и на этомъ основаніи полагаетъ, что отъ нея зависитъ предписывать намъ какія угодно условія". Тамъ же стр. 154. Ср. также Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 133, р. 246 и № 153, р. 271 депеши гр. Сольмса Фридриху II.

[2]) Въ договорѣ 1742 г. casus foederis не распространялся на случай войны Россіи съ Турціею. Также и въ 1750 году Англія приступила лишь къ трактату оборонительнаго союза 1746 Австріи съ Россіею, но не къ сепаратнымъ и секретнымъ постановленіямъ его, въ одномъ изъ которыхъ условленъ былъ casus foederis противъ Турціи. См. Ф. Мартенса, Трактаты Россіи съ Австріею, I № 18.

[3]) Тамъ же, стр. 118 сл. №№ 71 — 73 деп. Букингэма и XXII № 133 и 153, стр. 246 и 271 деп. Сольмса; руск. проектъ союзн. трактата 11 авг. 1763 въ англ. дѣлахъ Gr. Bretagne, Notes, expéd.

[4]) Тамъ же стр. 111, 118, 119, 132 и др. См. приложеніе 40.

[5]) Соловьевъ XXVI, 103, 107, 113. Raumer, I.

безпокоить, — Польша не имѣла флота, который могъ бы быть поставленъ въ распоряженіе Франціи въ случаѣ войны, [1])—наконецъ, распространеніе casus foederis на случай войны съ Турціею было бы «гибельно» для торговыхъ интересовъ Англіи, потому что «коммерческіе интересы англійскихъ подданныхъ слишкомъ тѣсно связаны съ этой державой» [2]) и въ случаѣ согласія на турецкій casus foederis англійская коммерція въ Левантѣ подвергнута была бы конечной гибели. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, англійское правительство отказалось принять русскія условія.

Не подѣйствовало на Англію даже сближеніе Австріи, Франціи и Испаніи, на которое Панинъ возлагалъ сильныя надежды,—англійское правительство не желало принимать на себя обязательствъ, которыя нельзя бы было оправдать передъ народомъ какъ взаимно полезныя, [3]) а трату денегъ (500000 руб.) на польскія дѣла было бы конечно трудно оправдать. Переговоры о союзѣ затянулись, и прибывшему въ началѣ 1765 года въ Петербургъ новому посланнику сэру Дж. Макартнэю предписано обратить все свое вниманіе и всѣ усилія на возобновленіе торговаго договора [4]).

Макартнэй немедленно-же занялся этимъ дѣломъ и $^{8}/_{19}$ августа 1765 г. извѣстилъ свое правительство о подписаніи имъ 4 августа торговаго договора. Онъ писалъ, что хотя предложенныя ему условія и не буквально отвѣчали полученнымъ имъ на этотъ предметъ инструкціямъ, но что принимая въ соображеніе, что условія трактата гораздо лучше чѣмъ того ожидали англійскіе купцы, что купцы эти чрезвычайно довольны договоромъ въ настоящемъ его видѣ, что

---

[1]) Соловьевъ, XXVI, 114, 116 сл.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XII № 76, стр. 129 сл. Halifax to Buckingham 22 Sept. № 81, стр. 140, № 82 стр. 141, Buckingham to Sandwich 28 oct. и Nov. 1763, № 69 стр. 114, № 79 стр. 130, № 101 стр. 168; Соловьевъ, XXVI, 110 сл. 114, 201; переписка Букингэма съ министрами. Ср. въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д. доклады 1763, Англія.

[3]) Соловьевъ XXVI, 115 сл. 120. Ср. переписку Панина съ Букингэмомъ IV Gr. Bretagne 1764.

[4]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 113 стр. 184 сл. инструкція Макартнэю.

условія, на которыхъ возобновленъ трактатъ составляютъ крайній предѣлъ уступокъ русскаго правительства и были представлены имъ какъ ультиматумъ, и наконецъ что онъ считалъ необходимымъ воспользоваться обстоятельствами, которыя легко могутъ измѣниться, такъ какъ Фридрихъ II всячески противодѣйствуетъ сближенію Россіи съ Англіею, онъ рѣшился подписать предложенныя ему условія торговаго трактата, не теряя времени на предварительную отсылку его въ Лондонъ [1]). Но такая рѣшимость не удостоилась одобренія. Макартнэю не только выражено было неудовольствіе короля и кабинета за самовольное подписаніе договора безъ предварительнаго представленія его на разсмотрѣніе правительства, но отказано въ ратификаціи, если русскими уполномоченными не будетъ подписана особая декларація, разъясняющая нѣкоторыя выраженія трактата [2]). Переговоры тянулись цѣлый годъ, и „сколько ни старался кавалеръ Макартнэй пространными и жалостными своими представленіями убѣдить министерство, но не получилъ въ томъ успѣха“. Русское правительство отказалось удовлетворить требованію англійскаго въ той формѣ, какъ оно того желало, и Панинъ объявилъ, что въ случаѣ несогласія послѣдняго принять трактатъ въ его настоящемъ видѣ, онъ будетъ уничтоженъ и англійскіе купцы лишены привиллегій; [3]) испуганный этимъ объявленіемъ, Макартнэй всячески старался склонить свое правительство на податливость, тѣмъ болѣе, что требуемыя имъ измѣненія не содержали ничего существеннаго, а были мотивированы лишь опасеніемъ, что въ Россіи замышляется нѣчто вредное противъ англійской торговли и мореплаванія [4]). Раздосадованный этими препятствіями, Ма-

[1]) Тамъ-же, № 134, стр. 209 сл. Macartney to Grafton 8—19 Aug. 1765, и его же донесенія за №№ 134, 148, 154 въ 1765—1766 г.; ср. также № 135, нота Панина Макартнэю отъ 25 іюля.

[2]) Тамъ же № 138, стр. 221 сл. Grafton to Macartney, 29 Sept.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 147 и 148, стр. 242 сл. Macartney to Grafton 10—21 Jan. и 11—22 Febr. 1766.

[4]) См. тамъ же № 149 и 151, стр. 250 сл., Grafton to Macartney, 25 March и 18 Apr. 1766. О переговорахъ русскаго правительства съ Ма-

картнэй, въ донесеніяхъ своему правительству не знаетъ, на кого свалить вину. „Все это, пишетъ онъ, происходитъ отъ недостаточнаго знакомства двухъ націй; въ Петербургѣ думаютъ, что англійскому королю достаточно издать указъ для исполненія своихъ желаній, а въ Лондонѣ полагаютъ, что Россія просвѣщенная страна“. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ жалобъ на невѣжество въ международномъ правѣ и дерзкое высокомѣріе русскихъ государственныхъ людей, на ихъ упорство въ переговорахъ, обусловленное преувеличеннымъ мнѣніемъ о могуществѣ Россіи, внушеннымъ имъ ухаживаніями за Россіею могущественнѣйшихъ европейскихъ державъ, блестящими успѣхами русскаго оружія и политики. Далѣе Макартнэй высказываетъ увѣренность въ томъ, что Англіи нечего опасаться успѣховъ Россіи въ торговлѣ и попытокъ въ мореплаваніи, какъ вслѣдствіе недостатка образованія, такъ и потому что русскихъ какъ дѣтей привлекаетъ всякая новая мысль, которую они преслѣдуютъ на минуту, а затѣмъ оставляютъ ее какъ только въ воображеніи ихъ возникаетъ что нибудь новое. Въ результатѣ впрочемъ Макартнэй находитъ выгоднымъ принять трактатъ въ настоящемъ его видѣ [1]).

Также и Панинъ настаивалъ на своемъ; онъ говорилъ, что Россія не видитъ никакой причины связать себѣ руки на всякое улучшеніе своей торговли и мореплаванія, и хотя быть можетъ всѣ попытки ея въ этомъ направленіи окажутся безплодными, тѣмъ не менѣе она не можетъ на столько отступить отъ своего государственнаго достоинства, чести и осторожности, чтобы подчиниться зависимости отъ иностранной державы безъ всякой къ тому необходимости; что подобной необходимости она не усматриваетъ, будучи убѣждена, что Великобританія принуждена будетъ вести съ нею торговлю на прежнихъ основаніяхъ съ трактатомъ или безъ онаго; что хотя англійская торговля съ Россіей обширна,

---

картнэемъ относительно 4 ст. трактата см. Докладъ Императрицѣ отъ 1, 12 іюня 1766 г. въ М. Гл. Арх. М. И. Д. и приложеніе 38.

[1]) Тамъ же, № 148 и 150, стр. 248 сл. Macartney to Grafton 11 (22) febr 14 (25) March. Соловьевъ XXVII, 225.

не подлежитъ однако сомнѣнію, что англичане ведутъ ее не для ея прекрасныхъ глазъ (pour ses beaux yeux), но для собственной выгоды и потребности; что наконецъ единственная причина побуждающая русское правительство къ торговому договору состоитъ въ томъ, что оно надѣется этимъ доказательствомъ дружбы и предпочтенія привлечь Англію къ участію въ сѣверной системѣ посредствомъ союзнаго договора съ Россіею на условіяхъ выраженныхъ въ проектѣ посланномъ лордомъ Букингэмомъ въ Англію въ 1763 г. [1]).

Послѣ долгихъ переговоровъ, 20 іюня (1 іюля) договоръ былъ подписанъ лишь съ незначительнымъ измѣненіемъ 4-й статьи его [2]).

Практическое значеніе оговорки, сдѣланной въ 4 ст. трактата обнаружилось въ самый годъ его ратификаціи. Именно, 21 окт. 1766 г. Макартнэй подалъ записку, въ которой по поводу новаго русскаго таможеннаго тарифа протестовалъ между прочимъ противъ значительной сбавки пошлины съ испанскихъ, португальскихъ и итальянскихъ винъ привозимыхъ на туземныхъ судахъ, ссылаясь на 24 ст. трактата, по которой относительно платежа пошлинъ англійскіе купцы должны пользоваться правами наиболѣе благопріятствуемой націи [3]). Отвѣта русскаго правительства на эту жалобу мы не нашли. Но мы имѣемъ документъ озаглавленный: „Отвѣтъ на требованіе аглицкаго купечества,“ относящійся правда къ болѣе позднему времени (70-хъ годовъ), но подходящій къ данному случаю. Въ немъ говорится, что „ея и. в-во желая установить безпосредственный торгъ съ Гишпаніею и Португаліею и поощрить подданныхъ своихъ ко взаимной съ ними торговлѣ чрезъ собственное ихъ мореплаваніе“, за благоразсудила уменьшить пошлину въ Россіи на всѣ вина родящіяся въ Испаніи и Португаліи, съ такимъ однакожъ предостереженіемъ: когда они привозимы будутъ на туземныхъ корабляхъ и на счетъ тамошнихъ под-

[1]) Тамъ же, № 153 и 154, стр. 258 сл. Macartney to Grafton april.
[2]) Тамъ же см. № 155 и 156, стр. 263 сл. Macartney to Grafton 2—13 May и 23 June (4 July) 1766.
[3]) Снош. съ Англіею, Gr. Bretagne, связ. 2.

данныхъ. Съ того времени помянутый торгъ основался и возрастать началъ; въ Россію приходятъ уже нѣкоторое число кораблей отъ обѣихъ націй для нагруженія русскими товарами, и число ихъ годъ отъ году умножается. Англійское купечество встревожилось возвышеніемъ этой коммерціи, которая начинаетъ лишать ихъ нѣкоторой части вывоза русскихъ товаровъ, каковые до сего англичане одни привозили изъ Россіи въ Испанію и Португалію. „Но дабы сему безпосредственному торгу между Россіею, Испаніею и Португаліею воспрепятствовать, или и вовсе, ежели можно, оный уничтожить, то ссылаяся на трактатъ, требуютъ, чтобъ и они въ разсужденіи привоза въ Россію испанскихъ и португальскихъ винъ тою же привиллегіею пользовались". Въ доказательство они приводятъ 9 ст. трактата объ уравненіи пошлинъ платимыхъ подданными обѣихъ сторонъ съ ихъ товаровъ съ пошлинами платимыми подданными другихъ народовъ. Но согласно этому артикулу русская портовая таможня и не требуетъ съ англичанъ за испанскія и португальскія вина больше пошлины, какъ съ привозящихъ эти вина купцовъ другихъ націй; но тѣмъ-же артикуломъ доказывается ясно, что гг. англичане несправедливо требуютъ уменьшенія пошлины, дозволеннаго единственно испанцамъ и португальцамъ съ привозныхъ въ Россію произрастающихъ въ ихъ землѣ винъ, потому что англичане не могутъ назвать ихъ своими товарами, какъ такимъ произращеніемъ, котораго Вбританія не производитъ, и которое они сами покупаютъ.—Не противно также и 4 статьѣ, что ея и в-во, имѣя всегда попеченіе завести непосредственную коммерцію между своими подданными и Испаніею и Португаліею, въ необходимости нашлась изыскивать способы къ притязанію самихъ испанцевъ и португальцевъ для того непосреднаго торга въ Россію, и потому на товары собственнаго ихъ произращенія сдѣлать въ пошлинахъ снисхожденіе, дабы тѣмъ сдѣлать кораблямъ испанскимъ и португальскимъ нагруженнымъ собственными продуктами ихъ странъ притязаніе непосредственное къ россійкимъ портамъ, а съ другой стороны возбудить въ своихъ подданныхъ непосредственное въ Испанію и Португалію мо-

реплаваніе, чѣмъ самымъ сила заключеннаго между Россіею и Англіею трактата нимало не ослабѣваетъ, ибо какъ въ Россіи для сего предмета съ испанскаго и португальскаго вина пошлина сбавлена по собственному соизволенію ея имп. в-ва, такъ и В-британія, дѣлая внутри собственные свои распорядки для ободренія полотняныхъ фабрикъ, возвысила пошлину на привозимыя изъ Россіи русскія полотна, въ чемъ ей отъ нашей стороны и прекословія никакого не дѣлается, потому что таковыя учрежденія дѣлаются свободно и въ силѣ заключеннаго между обѣими державами трактата, по внутренности каждаго государства для ободренія коммерціи своихъ подданныхъ, съ которымъ столь тѣсно сопрягается и собственное мореплаваніе.—Итакъ, несходственно будетъ съ достоинствомъ ея имп. в-ва дозволить Англіи, чтобъ она предписывала законы внутри ея государства по своему изобрѣтенію въ разсужденіи такихъ коммерческихъ учрежденій, которыми отнюдь и ни въ чемъ заключенный съ Вбританіею трактатъ не нарушается, а склоняются только они къ притязанію непосредственнаго торга съ Россіею испанцевъ и португальцевъ и къ ободренію въ тѣ-же государства россійскаго мореплаванія. Сверхъ же того, ежели бы соглашенось было на требованіе англичанъ, то они помянутыя испанскія и португальскія вина ввозить станутъ великимъ множествомъ на своихъ корабляхъ въ Россію и продавать по той-же цѣнѣ, какъ испанцы и португальцы. Изъ чего и послѣдуетъ, что сіи послѣдніе, не имѣя никакого авантажа сбывать съ рукъ свой собственный продуктъ, чрезъ то самое отвращеніе получатъ впредь вино свое привозить въ Россію, почему и коммерція ихъ съ Россіею, которая уже знатное начало воспріяла и годъ отъ году умножается, вовсе пресѣчется, ибо оная не отъ иного источника дѣйствіе свое возъимѣла, какъ единственно отъ сего ободренія, которое ея имп. в-во испанцамъ и португальцамъ въ уменьшеніи пошлины на ихъ собственные продукты пожаловать соизволила".

Но несмотря на это, нельзя все-таки не признать, что остальныя условія торговаго трактата 1766 года были весьма выгодны для Англіи, и что ей сдѣланы были въ этомъ от-

ношеніи всѣ возможныя снисхожденія. Укажемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ поданномъ императрицѣ 14 іюля 1765 г. и утвержденномъ ею 18 іюля докладѣ [1]) коллегія иностранныхъ дѣлъ по поводу контръ-проекта торговаго договора, сообщеннаго Макартнэемъ, высказывается между прочимъ относительно требованія англійскаго правительства, чтобы по примѣру стараго трактата 1734 года, въ 4 ст. новаго постановлено было брать съ русскихъ купцовъ за вывозимые ими товары такую-же пошлину, какъ и съ англійскихъ. Коллегія признаетъ, что каждая держава имѣетъ полное право облегчать торговлю своихъ подданныхъ; но разсматривая по этому поводу „самое существо и истинность“ торговли производимой россійскимъ купечествомъ, она сознается, что эта торговля весьма незначительна „противъ вывозимыхъ россійскихъ продуктовъ и ежегодно почти въ количествѣ своемъ умножающихся чрезъ торговлю живущихъ сдѣсь иностранныхъ купцовъ.“ „Правда,—говорится далѣе въ докладѣ,— россійскіе купцы въ закрытіе своего невѣжества и незнанія сказываютъ, что будучи они подвержены ровной таможнѣ съ англ. конторами, сіи послѣднія перебиваютъ и утѣсняютъ ихъ торгъ закупкою и выпускомъ на свой счетъ не только для одной англійской консумпціи, но и для перепродажи тамошними купцами въ другія чужестранныя земли всѣхъ россійскихъ продуктовъ; однакожъ сіе нареканіе столь ихъ партикулярному корыстолюбію свойственно, сколь оно само по себѣ слабо, и у знающихъ людей нимало не въ состояніи закрыть существительные недостатки и безпечность россійскихъ купцовъ о распространеніи государственной коммерціи, которой они существо и предѣлъ въ томъ одномъ полагаютъ, чтобъ только своими наличными, весьма однакожъ недостаточными по величеству нашихъ произращеній, капиталами могли пріобрѣтать себѣ большіе барыши съ легчайшимъ трудомъ и съ меньшимъ прилежаніемъ о познаніи прямаго производства

---

1) Въ М. Гл. Арх. М. И. Д., въ Высоч. утвержденныхъ докладахъ; подписанъ Панинымъ, Мининомъ, А. Голицынымъ и Тепловымъ

комерціи, стремясь исключить всѣхъ другихъ изъ конкурса съ собою, слѣдовательно содержать всю государственную комерцію съ чужестранными землями въ своемъ монополѣ. Они сами сказываютъ, что и англичане часть нашихъ товаровъ отвозятъ и перепродаютъ въ другія чужестранныя мѣста, да и сверхъ того есть здѣсь другихъ земель конторы, которыя нашихъ продуктовъ не беззнатное число отпускаютъ въ другія совсѣмъ мѣста и кромѣ Англіи; а коммерческія наши узаконенія для поощренія и размноженія нашего купечества такія, что оставляя только равенство англійскимъ конторамъ въ платежѣ пошлинъ, даютъ русскимъ купцамъ столько какъ въ томъ облегченія, такъ и другихъ выгодъ въ разсужденіи прочаго здѣсь чужестраннаго купечества торгъ производимаго, да и сіе уже въ теченіи столь многихъ лѣтъ, что неоспоримо удостовѣриться должно, что когдабъ хотя малая способность въ нашемъ купечествѣ находилась, тобъ необходимо была уже давно въ ихъ рукахъ внѣшняя коммерція, по крайней мѣрѣ со всѣми другими чужестранными землями и городами кромѣ Англіи [1]). Польза и приращеніе государственные не могутъ стѣсняемы быть для выгодъ какой-либо одной части государства; а когда часть имперіи в. имп. в-ва, состоящая изъ природныхъ россійскихъ купцовъ столь слаба и недостаточна, что не токмо на настоящее время, да и на будущее конечно мало обѣщаетъ лучшаго отъ своего поколѣнія, почему при всѣхъ государственныхъ положеніяхъ, касающихся до комерціи, подлинно нельзя найти разумнѣйшаго и надежнѣйшаго правила, какъ только—чтобъ стараться претворять находящихся здѣсь чужестранныхъ купцовъ въ купцы россійскіе, такъ, какъ съ успѣхомъ и пользою чинили всѣ другія націи, которыя въ послѣднія времена о установленіи своей комерціи попеченіе принимали.

„Нижеподписавшіеся, поставя сіе государственнымъ принципіемъ въ своихъ разсужденіяхъ, согласились по 4 арт.

[1]) Такъ какъ за вывозимые въ чужіе края, кромѣ Англіи товары, русскіе купцы платили меньшую пошлину, чѣмъ иностранные, исключая англичанъ. Образецъ жалобы (1760 г.) русскихъ купцовъ у Чулкова, Истор. описан. Росс. коммерціи IV, кн. 4, стр. 525 сл. (см. прилож. 41).

предпочтительнѣе удовольствовать англійскій дворъ въ предполагаемомъ имъ первомъ альтернативѣ,—оставить равенство пошлинъ англійскимъ съ россійскими купцами, предоставя себѣ свободность въ предучрежденіи къ распространенію не россійскихъ купцовъ, но росс. мореплаванія, какъ предметъ гораздо важнѣйшій обще для Россіи, потому что могутъ всегда найтись возможныя средства претворять чужестраннаго купца въ россійскаго, когда онъ въ Россіи пріобрѣтенные свои капиталы обращать будетъ, присылаемые-же изъ чужихъ земель корабли и матросы для вывоза нашихъ продуктовъ никогда россійскими не сдѣлаются, слѣд. и выигрышъ ихъ отъ того дѣйствительно и безповоротно выходитъ изъ россрукъ.—Второй же представляемый отъ англійскаго двора альтернативъ, чтобъ опредѣлить трактатомъ точную цѣну умаленія пошлины въ пользу россійскихъ купцовъ, разсуждается быть меньше удобнымъ свободному впредь распоряженію мѣръ и учрежденію по временамъ тарифа для распространенія государственной коммерціи".

Далѣе, измѣнивши 14-й арт. о домахъ англійскихъ купцовъ, „съ наблюденіемъ городскихъ привиллегій", подписавшіеся подъ докладомъ коллегіи говорятъ: „соображаясь съ премудрыми и къ истинной пользѣ и распространенію имперій служащими новыми учрежденіями в. имп. в-ва о приумноженіи повсюду въ ней жителей, не могли они не дозволить и требуемой въ томъ-же артикулѣ по силѣ стараго трактата англійскимъ дворомъ кондиціи о поселеніи и покупкѣ домовъ англійскимъ купцамъ во всѣхъ мѣстахъ росс. имперіи, ибо когда единожды такое установленіе признано полезнымъ и въ разсужденіи самыхъ подлыхъ иностранцевъ, то уже оная польза конечно несравнительно болѣе быть должна отъ гражданъ благовоспитанныхъ, съ особливымъ смысломъ и промысломъ". Между прочимъ за англійскими купцами поселившимися въ Нарвѣ и Ригѣ, оставлены были старыя привиллегіи „кои не противны привиллегіямъ сихъ городовъ".

Изъ этихъ комментаріевъ къ трактату 1766 года мы видимъ, что хотя русское правительство оградило въ немъ какъ могло, интересы Россіи, но все-таки трактатъ этотъ

въ совершенно достаточной степени ограждалъ и интересы Англіи, которые были весьма значительны въ Россіи. Въ XVII и началѣ XVIII в. у насъ господствовала англійская, и особенно голландская торговля. Хотя предпочтеніе Петра В. къ голландцамъ унаслѣдовано было отчасти и его преемниками, но въ XVIII в. значеніе Голландіи какъ великой морской и торговой державы падаетъ, она постепенно утрачиваетъ свою фрахтовую торговлю, и ей остается лишь удовлетворять своимъ собственнымъ потребностямъ, которыя далеко не такъ значительны, какъ требованіе на русскіе продукты въ Англіи, гдѣ со времени изданія Навигаціоннаго акта и великихъ морскихъ войнъ, кораблестроеніе приняло огромныя размѣры. Потребность въ матеріалахъ для постройки и оснастки кораблей и покровительство, которое оказывало русское правительство иностранной торговлѣ и промышленности въ Россіи, создали то огромное развитіе англійской фабричной и торговой дѣятельности въ Россіи, которое мы видимъ во времена Екатерины. Современникъ, котораго мы уже неоднократно цитировали, Фавіе говоритъ объ этомъ слѣдующее: [1]) „Сначала торговля Англіи съ Россіей производилась въ Архангельскѣ, но съ Петра I, Петербургъ, Рига, Ревель, Нарва стали важными пунктами англійской торговли, болѣе важными даже, по своей выгодности, чѣмъ Востокъ (Левантъ). Кромѣ значительнаго ввоза англійскихъ, колоніальныхъ, остиндскихъ, французскихъ и др. продуктовъ, Англія производитъ огромный вывозъ изъ Россіи предметовъ важныхъ для мореходства—строеваго лѣса, мачтъ, желѣза, смолы, пеньки и т. д. Англичане въ самой Россіи завели фабрики, обрабатывающія сырые продукты на $^2/_3$ дешевле, чѣмъ это возможно было бы въ Англіи; они имѣютъ торговые дома въ Москвѣ, Вологдѣ, Тулѣ, Ярославлѣ, Казани, даже въ Астрахани, откуда завели торговыя сношенія съ Каспійскимъ моремъ; они имѣютъ въ этихъ городахъ фабрики для про-

[1]) Polit. de tous les Cab. 1793, I, 333 сл. (изд. 1794, I, 335 сл.); тоже у Boutaric II, art. V: De la Russie; mémoire séparé pour servir de supplément à l'article *Russie*.

изводства парусовъ, канатовъ, якорей, желѣзнолитейные заводы, желѣзноплавильные, мѣдяные для своихъ арсеналовъ, верфей и собственныхъ мануфактуръ. Выгоды Англіи отъ всѣхъ этихъ предметовъ огромны; но что всего важнѣе,—въ Россіи Англія имѣетъ неисчерпаемый источникъ всего необходимаго для поддержанія и увеличенія ея флота, какъ военнаго, такъ и торговаго. Такимъ образомъ торговля съ Россіею доставляетъ Англіи пищу для всякой другой торговли, поддерживая ея значительнѣйшія въ мірѣ морскія средства".

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого свидѣтельства Фавіе можетъ служить инструкція данная Петромъ III нашему послу въ Лондонѣ, гр. Воронцову: „особливо примѣтить имъ надлежитъ,—сказано въ ней,—что если Россія слѣдующіе товары отниметъ у Англіи, а именно: пеньку, мачтовыя деревья, мѣдь, желѣзо и конопляное масло, то будутъ они приведены въ конечное разореніе." [1])

Помимо этого объ размѣрахъ торговли Англіи съ Россіею во времена Екатерины II можно судить еще по слѣдующимъ даннымъ.

Мы уже сказали выше, что въ 1763 году общее число судовъ, вошедшихъ въ наши балтійскіе порты простиралось до 1833, а между тѣмъ даже позднѣе, въ 1773—1777 г., уже послѣ того какъ приняты были правительствомъ нѣкоторыя мѣры къ развитію русскаго судоходства, число русскихъ судовъ, входившихъ въ русскія гавани простиралось ежегодно не болѣе какъ до 227, да и изъ нихъ было не болѣе пятнадцати такихъ, которыя превышая объемомъ 200 тоннъ, ходили до Амстердама и Бордо; остальныя были мелкія береговыя суда, и даже частью иностранныя, пріобрѣтшія, по числу находящихся на нихъ русскихъ матросовъ, право плаванія подъ русскимъ флагомъ. [2])

---

[1]) Соловьевъ XXV, 60.

[2]) Изъ числа 2.210 судовъ вошедшихъ въ русскіе порты въ 1773 году было: голландскихъ 695, англійскихъ 598, нѣмецкихъ 252, датскихъ 203, шведскихъ 206, русскихъ 200, французскихъ 20 и т. д. Изъ числа двухсотъ русскихъ—175 пришли изъ русскихъ-же портовъ и 8 изъ шведскихъ;

Такимъ образомъ вся почти русская внѣшняя торговля была въ рукахъ иностранцевъ, въ очень незначительной части французовъ, отчасти голландцевъ, и особенно англичанъ [1]). Англія имѣла въ своихъ рукахъ значительную часть русской торговли. Ввозъ изъ Англіи въ Россію простирался въ 1702 г. 2 до 77.000 ф. ст., въ 1752 до 116.500, въ 1780 до 162.000 ф. ст. Вывозъ изъ Россіи въ Англію въ тѣ-же года равняется 124,220, 460,000 и 1.150,000 ф. ст. [2]). По свидѣтельству Букингама, изъ отчета о Петербургской торговлѣ съ Англіею за 1763 г. оказалось, что тамошній вывозъ въ Англію равнялся около $3^1/_2$ милліон. руб. (съ таможенн. и др. расходами) ввозъ—ок. 910 т. р., слѣд. балансъ по Петербургской торговлѣ съ Англіею=болѣе $2^1/_2$ мил. р. въ пользу Россіи, балансъ же всей торговли Россіи съ Англіею равнялся въ 1765 г. 600.000 ф. ст. въ пользу Россіи [3]).

см. Чулкова, Историч. опис. Росс. коммерціи т. VII, кн. I табл. № 11. Scherer, II, 674 сл., 680. Изъ 385 кораблей приходившихъ въ Петербургъ въ началѣ 60 годовъ, 157 было англійскихъ, нѣмецкихъ 87, голландскихъ 58, датскихъ 38, шведскихъ 30, русскихъ 12, испанскихъ 3. Storch, Gemälde V, 441.

[1]) См. у Чулкова, IV, кн. 3, стр. 377 сл.: проектъ о поправленіи росс. торговли; ср. тамъ-же стр. 472 сл., 191 сл., 634 сл., 643; VI кн. 4, стр. 591 сл.

[2]) Scherer, II, 681 сл.

[3]) Сб. Р. И. Об. XII, № 99, стр. 165 Buckingham to Sandvich 20 Apr. 1764, и № 125, Macartney to Sandvich $^1/_{12}$ March 1765. Для сравненія приводимъ цифры общаго ввоза и отпуска по заграничной торговлѣ. Чулковъ, Ист. описан. Росс. коммерціи, VII, кн. 1, табл. № 1: *Ввозъ* товаровъ въ Россію въ 1758 г.=8.320,707 р. (въ томъ числѣ почти на 2 м. золота и серебра); въ 1763 г.=12.266,728 р. ($2'/_2$ мил. золота и серебра); въ 1768 г.=12.330,114 р. ($1^1/_2$ м. зол. и сер.). *Отпускъ* изъ Россіи въ тѣ-же года=8.662,596 р., 11.602,188 р. и 12.963,150 р. Если выключить изъ привозной суммы золото и серебро, то отпускъ превышалъ ввозъ на 2 съ лишнимъ милл. рублей. —Табл. № 9, 10, 12, 13 и 14: *Ввозъ* товаровъ въ Россію по всѣмъ портов. и пограничн. таможнямъ въ 1773 г.=$13^1/_2$ м. (сверхъ того $1^1/_4$ м. р. золота и серебра); въ 1774 г.=$13^1/_2$ м. р.; (и свыше 1 м. р. зол. и сер.); въ 1775 г.=$12'/_2$ м. р. (и до 2 м. р. зол. и сер.); въ 1777 г.=$14^1/_2$ м. р. (до 2 м. р. зол. и сер.). *Вывозъ* за тѣ-же года=18 м. р., $17^1/_2$ м. р., $18^1/_2$ м. р. и $20^1/_2$ м. р.—Въ табл. № 10 показано за 1773 г. товаровъ за счетъ русскихъ купцовъ въ привозѣ на

Англійскій посолъ выводилъ балансъ изъ англо-русской торговли въ пользу Россіи, и самъ по себѣ этотъ фактъ былъ совершенно вѣренъ, но онъ ничуть не доказывалъ, чтобы торговля эта была выгоднѣе для Россіи, чѣмъ для Англіи. При оцѣнкѣ относительной выгодности этой торговли для того и другаго государства нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что торговля Англіи имѣла и коммиссіонный характеръ,—Англія вывозила значительное количество русскихъ продуктовъ для перепродажи ихъ другимъ народамъ. „Эта торговля,—говоритъ Фавіе,—чисто активная для Англіи и пассивная для Россіи; такимъ образомъ Англія остается въ прибыли всего чистаго дохода отъ коммиссіи, фрахта, денежнаго курса и отчасти даже производства. Хотя Россія несмотря на пассивность своей торговли получаетъ ежегодно отъ Англіи балансъ золотомъ или серебромъ до милліона рублей въ мирное и до $1^1/_2$ милліоновъ въ военное время, хотя въ виду такой выгоды повидимому и Россія съ своей стороны имѣетъ причины щадить Англію, но несмотря на то что теперь балансъ въ пользу Россіи, Англія выигрываетъ вывозимыми ею изъ Россіи продуктами и товарами необходимыми для ея мореходства фрахтовый доходъ вдвое большій этого баланса, причемъ этотъ доходъ на фрахтѣ она получаетъ отъ другихъ государствъ, между прочимъ даже отъ Россіи, съ которою она ведетъ и активную, и экономическую торговлю [1]). Слѣдовательно поддержка и укрѣпленіе этой торговли болѣе важны для Англіи, чѣмъ для Россіи, которая будучи пассивною стороною повидимому выигрываетъ, но въ дѣйствительности теряетъ (сравнительно

---

6 мил. р., въ отпуску на 4 м. р.—У Шторха нѣкоторая разница въ цифрахъ, см. Storch, Gemälde des Russ. Reichs am Ende des XVIII Jhdts V, 401, сл. Suppl. I.—Чулковъ, IV. кн. 3, стр. 393 сл. въ 1750 г. оборотъ иностранной торговли=болѣе 6 мил. р.; тамъ же, кн. 4. стр 528 сл. въ 1760 г. отпускъ по петербургскому порту=$6^1/_2$ мил. р., привозъ=до $3^1/_2$ милл. руб.

[1]) Экономическая торговля—когда государство на своихъ судахъ доставляетъ чужіе товары отъ одного народа другому и обратно.

и относительно того, что она могла-бы выиграть, еслибъ ея торговля была активная, или по крайней мѣрѣ взаимная) [1].

Таковы были торговые интересы Англіи въ Россіи, въ значительной степени охранявшіеся трактатомъ 1766 года, ставившимъ ее въ положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи. Вдавшись въ нѣкоторыя подробности при изображеніи этихъ интересовъ, мы имѣли въ виду указать вліяніе ихъ на политику Англіи во время войны 1768—1774 года. Именно, въ то время во Франціи существовало мнѣніе (выразителемъ его является между прочимъ неоднократно цитированный нами Фавіе), что въ виду значительности этихъ интересовъ Англіи въ Россіи, и незначительности ихъ въ Левантѣ,— гдѣ какъ мы уже указали выше англійская торговля была значительно подорвана конкуренціею французовъ [2]),—Англія была болѣе заинтересована въ дружбѣ съ Россіею, чѣмъ въ противодѣйствіи ей на Востокѣ, и что даже въ отношеніи замысловъ Россіи на Черное море и свободу торговли въ Левантѣ она имѣла основанія содѣйствовать ей подъ рукою, такъ какъ отсюда для Англіи не возникло бы никакого ущерба, а весь ущербъ отъ этого палъ бы на французскую левантійскую торговлю [3]).

Несомнѣнно, что такое мнѣніе имѣло въ свою пользу весьма вѣскія соображенія. Дѣйствительно, Англія во время войны выказала явное сочувствіе Россіи, и торговые интересы Англіи играли при этомъ, конечно не послѣднюю роль. Въ самомъ дѣлѣ, эти интересы всегда имѣли значительное вліяніе на политику Англіи. Когда посолъ королевы Елизаветы Флетчеръ при Ѳедорѣ Іоанновичѣ объявилъ русскому правительству отъ имени своей государыни, что дружба ея къ царю, хотя и безкорыстная, питается частыми сношеніями о дѣлахъ купеческихъ, и что если гостей англійскихъ не будетъ въ Россіи, то королева не будетъ получать извѣстій о царѣ, а долговременная

---

[1]) О торговыхъ интересахъ Англіи въ Россіи ср. также приложеніе 37.
[2]) См. приложенія 15 и 36.
[3]) Pol. de tous les cab., I, 326 сл. 333 сл. (изд. 1794—328 сл., 335 сл.).

безвѣстность можетъ охладить ихъ взаимное дружество, то русскіе бояре отвѣчали, что государь желаетъ дружбы королевиной, но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы взаимная любовь государей питалась дѣлами купечества и чтобы безъ торговли они не имѣли средствъ сноситься другъ съ другомъ, что такія выраженія, будто стоитъ только купцамъ не торговать и братская любовь царя къ Елизаветъ-королевнѣ уменьшится, непристойны; царь хочетъ жить въ братствѣ съ знаменитыми государями, съ султаномъ, съ императоромъ, съ королями французскимъ и испанскимъ, съ Елизаветою и со всѣми другими не для выгоды купцовъ, а для любви и своего обычая государственнаго [1]). Бояре не могли понять, чтобы отношенія между великими государями ставились въ такую зависимость отъ реальныхъ интересовъ ихъ народовъ, и такое-же непониманіе мы встрѣчаемъ отчасти у русскаго правительства и во время переговоровъ съ Англіею при Екатеринѣ II. Между тѣмъ взглядъ на значеніе торговыхъ интересовъ въ политикѣ остался у англійскаго правительства прежній. Въ 1766 г., во время этихъ переговоровъ, англійскій министръ въ Петербургѣ Макартнэй, въ запискѣ поданной Панину прямо говоритъ:„ Въ нашей странѣ интересы политическіе и торговые не могутъ быть раздѣлены,—на торговлѣ основано могущество Англіи", и добавляетъ: „постоянная цѣль англійской политики состоитъ въ томъ, чтобы угождать императрицѣ".

Въ такомъ взглядѣ на политику мы находимъ одно изъ объясненій поведенія англійскаго правительства относительно Россіи во время войны ея съ Турціею; будучи въ значительной степени матеріально заинтересована въ дружбѣ Россіи, Англія, конечно должна была щадить ее, и притомъ преимущественно передъ Турціею. Но и въ вопросѣ о распространеніи casus foederis на случай войны съ Турціею, Макартнэй и другіе англійскіе посланники совершенно справедливо указывали на то, что въ Англіи интересы политическіе и торговые не могутъ быть раздѣлены, такъ какъ на торговлѣ основы-

[1]) Карамзинъ X, гл. 3 и прим. 336.

вается могущество Англіи [1]). И неуспѣхъ переговоровъ о союзѣ съ Англіею въ значительной степени объясняется именно тѣмъ, что Англія главное вниманіе свое обратила на заключеніе торговаго трактата, какъ наиболѣе для нея важнаго. Несмотря на сравнительную незначительность англійскихъ торговыхъ интересовъ въ Турціи, они все-таки были достаточно значительны для того, чтобы не пренебрегать ими,—все-таки послѣ Франціи Англія занимала первое мѣсто въ торговлѣ Леванта. Съ другой стороны однако соперничество Англіи и Франціи въ левантійской торговлѣ служило непосредственнымъ побужденіемъ для Англіи въ войнѣ Россіи съ Турціею поддерживать Россію въ такихъ ея операціяхъ, которыя могли нанести подрывъ французской торговлѣ на востокѣ. Такимъ образомъ, къ чисто коммерческой связи съ Россіею присоединялось коммерческое соперничество съ Франціею, какъ второй факторъ вліявшій на политику англійскаго правительства во время турецкой войны 1768 1774 года.—Наконецъ третьимъ факторомъ являются политическіе интересы Англіи.

Пока шли переговоры о торговомъ договорѣ, Макартнэй по предписанію своего правительства, постоянно увѣрялъ Панина „самымъ откровеннымъ образомъ, что Его В-во по убѣжденію желаетъ скрѣпить тѣснѣйшій союзъ съ Императрицею, что Его В-во расположенъ существенно доказать готовность условиться въ выборѣ наилучшихъ основаній для составленія твердой и прочной системы сѣвернаго союза“. Макартнэю предписывалось убѣдить Панина въ отсутствіи со стороны англійскаго правительства всякаго недовѣренія, „льстить его тщеславію“ „доказавъ ему расположеніе короля преслѣдовать за одно съ Россіею планъ клонящійся ко благу Европы“, но относительно подробностей ограничиваться самыми лестными общими выраженіями, въ тоже время оставаясь весьма осторожнымъ и не заходя слишкомъ далеко, чтобы ничѣмъ не связывать Его В-во въ этомъ отношеніи“ [2]).

[1]) См. напр. Соловьевъ, XXVII, 222.

[2]) Сборн. Р. Ист. Об., XII, p. 239, № 145, Grafton to Macartney 24 Dec.

Панинъ желалъ союза съ Англіею ради своего плана сѣверной системы [1]), но Россія въ это время успѣла уже обезпечить себя союзниками на сѣверѣ: съ Пруссіею заключенъ былъ союзъ на весьма выгодныхъ для Россіи условіяхъ, въ Швеціи русская партія взяла верхъ надъ французскою, Польша была подчинена всецѣло, Данія повиновалась видамъ Россіи въ надеждѣ на содѣйствіе ея къ обмѣну герцогства Гольштинскаго на Ольденбургъ и Дельменгорстъ [2]). Эти успѣхи русской политики необходимо должны были усилить требовательность и несговорчивость Русскаго двора [3]). Съ другой стороны и Англія тоже была заинтересована въ союзѣ съ Россіею, и по принципу равномѣрности и справедливости должна была принять на себя часть его тягостей. Панинъ хорошо понималъ положеніе Англіи, [4]) онъ видѣлъ ея изолированное положеніе и понималъ, что союзъ Россіи для Англіи необходимъ, и не ошибался [5]). Онъ былъ увѣренъ, что Англія не станетъ искать возобновленія прежнихъ свя-

---

1765. Макартнэй самъ признается, что въ переговорахъ онъ прибѣгалъ къ „увертками“ (I have extricated myself with dexterity); см. тамъ-же № 146.

1) Тамъ-же № 157, стр. 267 Macartney to Conway 23 Iune (4 Iuly) 1766; Соловьевъ XXVI.

2) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 232, p. 428, Solms au Roi, 26 Janv (6 Fevr.) 1766 г.

3) Тамъ-же XII, № 141 стр. 232, № 159 и 160 стр. 269 сл. депеши Макартнэя 1765—1766 года.

4) Макартнэй постоянно жалуется, что „его (Панина) понятія о нашей власти и политикѣ весьма различны отъ тѣхъ, которыя я (Макартнэй) старался внушить ему“, и что „Петербургскій дворъ далеко не раздѣлаетъ тѣхъ понятій о нашемъ могуществѣ, которыя мнѣ бы хотѣлось имъ внушить“. Тамъ-же XII, № 164, Macartney to Conway 12 (23) octob. 1766; ср. также №№ 141, 159 160, и № 165 его же депеша 20 (31) Oct. ср. Raumer II, 97.

5) См. тамъ-же XII № 168, стр. 285 секретную депешу ст.-секр. Конуэ къ Макартнэю отъ 19 Дек. 1766. „Его В-во давно уже желалъ составить на сѣверѣ союзъ, достаточно сильный для того, чтобъ имѣть перевѣсъ надъ опасными замыслами южныхъ державъ. Главное препятствіе къ выполненію этого плана возникло... вслѣдствіе затрудненій поднятыхъ при дворѣ, гдѣ Вы находитесь, ибо Его В-во постоянно считалъ свои переговоры съ этимъ дворомъ за основаніе упомянутаго дѣла“. Ср. также № 146 и 147, 167 и 171 (конецъ).

зей своихъ съ Австріею въ виду союза послѣдней съ Франціею. Трудно было также допустить возможность, чтобы Австрія предпочла союзъ съ Англіею выгоднѣйшему для нея союзу съ Франціею [1]). Поэтому онъ требовалъ отъ Англіи въ видѣ цѣны за союзъ содѣйствія дипломатическаго и денежнаго (субсидіи) Россіи въ Швеціи, Даніи и Польшѣ, и распространенія силы союза на случай войны Россіи съ Турціею [2]). Настаивать на послѣднемъ условіи, помимо его выгоды для Россіи, онъ долженъ былъ уже потому, что Россія связана была передъ Пруссіей и Даніей положительнымъ обязательствомъ, не заключать союзнаго договора ни съ Англіею, ни съ какою либо другою державою иначе, какъ подчинивъ ихъ, относительно Турціи, тѣмъ-же самымъ условіямъ, на которыя согласились эти государства [3]). Наконецъ, союзомъ съ Англіею Екатерина думала замѣнить свой прежній союзъ съ Австріею, въ случаѣ же, еслибы онъ состоялся безъ включенія турецкаго casus foederis то Россія этимъ не была бы избавлена отъ необходимости искать новыхъ союзниковъ [4]).

Несмотря на все это, англійское правительство упорно отвергало требованія Россіи,—Макартнэй и преемникъ его, повѣренный въ дѣлахъ Ширлей, согласно инструкціямъ своего правительства, старались убѣдить Панина въ томъ, что

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 232, стр. 428, Solms au Roi, 26 janv. 1766.

[2]) Тамъ-же XII № 137, 159, 160, 165, 172, 179. Raumer II, 62 сл. 67 сл. 96.

[3]) Соловьевъ, XXVI, 202 Гр. Сольмсъ передавалъ Макартнэю, что если бы Россія имѣла намѣреніе вступить въ союзъ съ Англіею, допустивъ исключеніе для Турціи, то ему было предписано его государемъ протестовать противъ этого самымъ энергическимъ образомъ. Сб Р. Ист. Об. XII, № 137, p. 219, Macartney to Grafton, 23 aug (3 sept) 1765; № 157, Macartney to Conway 23 June (4 July) 1766; № 168, Conway to Macartney 19 Dec 1766, и № 181 и 182, Shirley to Conway 4 (15) и 15 (26) Nov. 1767. Кстати замѣтимъ что Фридрихъ II относился несочувственно къ заключенію Россіею союза съ Англіею. Тамъ-же № 136, 137, 175, 181, 182 и т. XXII № 97, 101, 110, 153, 225; ср. письмо М. Воронцова изъ Берлина 6 окт. 1763 въ Арх. кн. Воронцова VII стр. 629

[4]) Тамъ-же № 181, стр. 317. Срав. Соловьевъ XXVI, 121; Raumer II, 133, 140, 198.

союзъ выгоднѣе и важнѣе для Россіи, чѣмъ для Англіи, что Англія по могуществу можетъ быть поставлена лишь наряду съ Россіей, старались изобразить ему „неизмѣнно великодушный образъ дѣйствій короля вездѣ, гдѣ только была заинтересована Россія“ [1]). И надо замѣтить, что таково было искренное убѣжденіе англійскаго правительства; оно было убѣждено, что союзъ Англіи необходимъ для Россіи и Пруссіи для ихъ ближайшей безопасности, что южный союзъ можетъ поколебать всю континентальную систему, прежде чѣмъ причинить существенный вредъ британскимъ владѣніямъ, и удивлялось, почему оба эти двора „до того заблуждаются на счетъ собственныхъ интересовъ, чтобъ не воспользоваться съ радостію предложеніемъ такого почтеннаго союза, столь соотвѣтствующаго поддержанію ихъ существеннѣйшихъ интересовъ въ такую критическую для нихъ (?)минуту“ [2]).

Панинъ на всѣ подобныя увѣщанія англичанъ отвѣчалъ настойчивостью на прежнихъ своихъ условіяхъ [3]).

При такомъ-то настроеніи обѣихъ сторонъ, лѣтомъ 1768 г. въ Петербургъ прибылъ новый англійскій посолъ, лордъ Каткартъ. Въ инструкціи ему предписано было лишь освѣдомиться о мнѣніи русскаго правительства относительно возобновленія союзнаго договора 1742 г. и сообщить его для дальнѣйшихъ ему на этотъ предметъ инструкцій [4]). Такая сравнительная холодность на первый взглядъ можетъ показаться непонятною. Но ее не слѣдуетъ приписывать измѣненію взглядовъ Англіи на взаимные интересы обѣихъ державъ,—англійское правительство по прежнему было убѣждено въ близости политическихъ и торговыхъ интересовъ ихъ, но оно опасалось осложненій во внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи, опасалось затрудненій въ Польшѣ, успѣха французскихъ интригъ въ Турціи и Швеціи, въ какомъ случаѣ „цѣна того

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 172, 180 и 181.
[2]) Тамъ-же № 168, стр. 286, Conway to Macartney.
[3]) Тамъ-же № 172, стр. 296 Macartney to Conway 2 (13) febr 1767.
[4]) Тамъ-же № 188, стр. 333.

союза, который при другихъ обстоятельствахъ весьма желателенъ, значительно бы убавилась“ [1]).

Какъ бы то ни было, съ прибытіемъ Каткарта переговоры возобновились. Въ концѣ сентября Панинъ предложилъ ему мемуаръ, излагавшій „мнѣнія Русскаго двора относительно союза съ Великобританіею“. Изъ этого мемуара и изъ депеши Панина къ нашему послу въ Лондонъ, графу И. Г. Чернышеву (2 января 1769 года), видно, что цѣлью союза своего съ Англіею Екатерина ставила противодѣйствіе опаснымъ для европейскаго мира и равновѣсія иностраннымъ интригамъ у сѣверныхъ дворовъ и союзу бурбонскихъ домовъ, особенно опасному вслѣдствіе сближенія Франціи съ давнишнею и главною ея соперницею—Австріею; основаніемъ союза служила общность интересовъ, „взаимная непоколебимая польза и персональная склонность“ императрицы; Россія, по мнѣнію Екатерины, была „достаточно ограждена отъ всѣхъ христіанскихъ ея сосѣдей, которые другъ противъ друга съ нею въ тѣснѣйшихъ обязательствахъ находятся“, Россія успѣла уже склонить на свою сторону Пруссію, Польшу, Данію и Швецію; для полноты ея системы, направленной къ утвержденію равновѣсія въ Европѣ нужна еще Англія. Въ силу союзнаго договора съ Англіею Россія обязана была бы содержать во всегдашней готовности опредѣленную трактатомъ помощную силу, и потому ставила Англіи „въ равновѣсное взаимство обязательствъ условіе о включеніи въ союзъ войны Россіи съ Турціею; но въ виду предъявленныхъ Англіею непреодолимыхъ претыканій къ принятію этого условія вслѣдствіе ея національной левантской торговли, и такъ какъ теперь, когда Россія уже дѣйствительно въ сей войнѣ находится, ей трудно требовать какое либо явное *дѣйствительное* себѣ вспоможеніе въ замѣну ея *будущихъ* союзныхъ обязательствъ, тѣмъ болѣе, что всѣ между государствами договоры установляются на отвращеніе и вспоможеніе быть могущаго, а не на настоящіе уже съ одной стороны случившагося, ибо тутъ ника-

[1]) Тамъ-же, № 198, стр. 365, Weymouth to Cathcart, 30 sept. 1768.

кого взаимнаго равенства болѣе сыскать невозможно; поэтому теперь остается одинъ только предметъ шведскихъ дѣлъ, который можетъ соединить оба государства въ ихъ столь натуральныхъ и единогласныхъ интересахъ, происходящихъ изъ существа и положенія ихъ земель". Главныя усилія Франціи къ возстановленію своего вліянія на сѣверѣ направлены на Швецію; Россія не жалѣла ни трудовъ, ни издивеній къ устраненію его, и успѣла въ этомъ; теперь ей остается одно попеченіе, чтобы упрочить ея дѣло, обезпечить эту часть Европы и впредь отъ зависимости Франціи, устранивъ необходимость для Швеціи обращаться за субсидіями къ Франціи. Эти субсидіи должна была принять на себя Англія какъ цѣну союза съ Россіею и вступленія въ сѣверную систему [1]).

Итакъ, „въ виду заботливыхъ обстоятельствъ", Россія отказывалась отъ распространенія casus foederis на войну съ Турціею и сохраняла лишь требованіе субсидій Швеціи. Въ случаѣ-же несогласія на это условіе, императрица заявляла, что будетъ вынуждена оставить свои дѣла съ Англіею на однихъ взаимныхъ искреннихъ и дружескихъ „обращеніяхъ", такъ какъ по сіе время оныя продолжаются.

Повидимому съ устраненіемъ турецкаго casus foederis не должно было уже представляться серьезныхъ предпятствій къ заключенію союза. Самъ Каткартъ находилъ единственное спорное условіе о субсидіяхъ удобопріемлемымъ для Англіи [2]).

---

[1]) Gr. Bretagne, 1769; Сб. Р. Ист. Об. XIX стр. 1; XII, № 200 стр. 371 сл., № 201 стр. 380, № 212 стр. 404 (1768 годъ); ср. также XXII № 154, 232, 235, стр. 277, 426, 442; Raumer, II, 200; Р. Арх. 1871, № 9.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 201, № 218 стр. 415, № 226 стр. 436, № 226 стр. 442. Въ своихъ депешахъ статсъ-секретарю Рочфорду (начало 1769 года) онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ склонить свое правительство къ уступкамъ. Онъ говорилъ: „Причины, почему Англія отказалась отъ первоначальнаго русскаго проэкта, суть слѣдующія: 1) Несовмѣстимость съ достоинствомъ короля допустить новое условіе въ пользу Россіи, между тѣмъ какъ онъ не требовалъ ничего новаго для Британіи; 2) неудовольствіе Порты, умаленіе тамъ вліянія Англіи и несогласіе съ коммерческимъ интересомъ королевства. Второе возраженіе, какъ доказано опы-

По мнѣнію Каткарта Англія должна поспѣшить заключеніемъ договора, такъ такъ „ если наша система такова, что мы не сочтемъ удобнымъ ее объяснить и опредѣлить, или союзъ не состоится вслѣдствіе какихъ бы то ни было постороннихъ причинъ, то Англія будетъ предоставлена самой себѣ“, союзныя державы перестанутъ разсчитывать на нее, и возможно даже сближеніе ихъ съ Франціею, отъ которой онѣ могутъ выговорить себѣ какія угодно условія.

Дѣйствительно, въ Петербургѣ стали сомнѣваться въ искренности англійскаго правительства; Императрица выходила изъ терпѣнія [1]); нашъ посолъ въ Англіи—гр. И. Чернышевъ далъ понять англійскому правительству, что въ Петербургѣ начинаютъ думать, что Англія намѣрена только потѣшить русскій дворъ. Каткартъ съ своей стороны писалъ, что уклончивость англійскаго правительства заставляетъ думать, что Англія, полагаясь на свои морскія силы для обезпеченія своей безопасности, не хочетъ вмѣшиваться въ дѣ-

томъ, не основано на фактахъ, ибо, допустивъ даже что торговля съ Востокомъ, которая, конечно, одна только могла бы подвергнуться опасности, составляетъ единственный коммерческій интересъ Великобританіи, во всякомъ случаѣ интересъ этотъ нимало не пострадалъ бы, такъ какъ турки по поводу такого-же соглашенія никогда не выказывали ни малѣйшаго неудовольствія относительно Франціи, Пруссіи и Даніи... Между тѣмъ какъ интересы восточной торговли не пострадаютъ, всѣ прочіе политическіе и коммерческіе интересы Англіи выиграютъ при этомъ союзѣ. Что касается до перваго возраженія, то достоинство короля не позволяло бы допустить новое ничѣмъ не вознаграждаемое условіе въ томъ случаѣ, еслибы прежній трактатъ былъ равноправенъ, и включеніемъ этого условія равновѣсіе трактата нарушалось въ ущербъ Англіи. Но есть полное основаніе утверждать, что прежній трактатъ былъ не справедливъ, имѣя въ виду исключительно выгоды Англіи; русскій проэктъ только стремится поставить касательно этого вопроса обѣ имперіи въ одинаковое положеніе“.

[1]) См. въ Рус. Архивѣ 1871, № 9, переписку Екатерины съ посломъ П. Чернышевымъ. Въ письмѣ отъ 16 Марта 1769 г. она пишетъ: „Твои Англичане ужъ ужесть радость какъ не важны, и я чаю таковы будутъ до тѣхъ поръ, пока французы съ гишпанцами на нихъ нападутъ, чего дай Боже хотя на завтра полученія сего письма“. Ср. также Сб. Р. И. Об. XII, 453, № 232, Cathcart to Rochford 29 May (9 Iune) 1769; № 219 тоже 31 Jan. 1769 № 238, p. 463.

ла континента, и что это уменьшаетъ значеніе англійской политики. Въ виду всего этого, англійское правительство вручило въ половинѣ февраля 1769 года Чернышеву новый проектъ трактата [1]), а Каткарту было предписано всячески стараться внушить Панину увѣреніе въ твердомъ и искреннемъ расположеніи короля вступить съ императрицей въ самую тѣсную дружбу, основанную на взаимныхъ интересахъ, относительно поддержанія общаго мира въ Европѣ, а въ особенности на Сѣверѣ. Съ этою цѣлью англійскому министру въ Стокгольмѣ предписано поступать во всемъ по соглашенію съ гр Остерманомъ, и выдаются даже съ этою цѣлью деньги, хотя въ этомъ дѣлѣ Англія не заинтересована столь непосредственно, чтобы участвовать въ расходахъ въ такихъ же размѣрахъ, какіе окажутся потребными со стороны Россіи [2]). Понятно, проектъ не былъ принятъ,— Панинъ объявилъ Каткарту, что Россіею уже приняты мѣры, совмѣстно съ Пруссіею и Даніею для обезпеченія себя со стороны Швеціи, и что онъ находитъ несогласнымъ съ достоинствомъ двухъ государей и ихъ представителей, проводить время въ пустыхъ предложеніяхъ, лишенныхъ примѣнимости.

Въ такомъ положеніи находились дѣла съ Англіею въ началѣ 1769 года. Лѣто прошло, по выраженію Панина, въ „многихъ и разнообразныхъ съ англійскимъ посломъ разговорахъ, кои не иное что были, какъ одни только подробныя разсматриванія трудностей, безъ точнаго съ обѣихъ сторонъ соглашенія въ способахъ, коими бы оныя трудности прекращены быть могли“, и переговоры возобновились лишь въ концѣ 1770 года.

---

[1]) Война съ Турціею была исключена; Англіи предоставлялось уплачивать деньги вмѣсто посылки флота въ случаѣ необходимости держать его въ своихъ владѣніяхъ для собственной безопасности; относительно Швеціи не принималось никакихъ обязательствъ.

[2]) Сбор. Р. Ист. Об. XII, 422, № 222: Rochford to Cathcart, 17 and 24 Febr. 1769. Дѣйствительно, Остерманъ доносилъ изъ Швеціи, что англійскій и датскій посланники содѣйствуютъ ему во всемъ, только англійскій не тратитъ денегъ сколько нужно. Соловьевъ XXVIII, 97 сл. 101.

Чтобы уничтожить дурное впечатлѣніе произведенное въ Петербургѣ упорствомъ Англіи, и такъ какъ услуги, оказанныя ею Россіи въ ея морской экспедиціи, давали надежду на благодарность, то англійское правительство рѣшилось сдѣлать еще шагъ къ сближенію съ Россіею; въ концѣ августа 1770 г. лордъ Рочфордъ посылаетъ Каткарту предписаніе возобновить переговоры. „Хотя со времени перерыва нашихъ переговоровъ,—говоритъ онъ [1]),—я постоянно обдумывалъ средства къ возобновленію съ надеждою на успѣхъ великаго дѣла о союзѣ взаимно желаемомъ обоими дворами, тѣмъ не менѣе я вынужденъ былъ хранить молчаніе по этому предмету, такъ какъ, судя по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ вами, время не являлось благопріятнымъ для этого. Настоящее критическое положеніе дѣлъ повидимому подаетъ поводъ къ преодолѣнію прежнихъ затрудненій Подозрительное поведеніе версальскаго двора, выславшаго на востокъ четыре фрегата, усилія употребленныя имъ при Портѣ для продленія войны, поощреніе оказанное имъ польскимъ конфедератамъ, вмѣстѣ съ попытками его привлечь къ этому дѣлу вѣнскій дворъ, и достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что они имѣли виды повсемѣстно возбудить противъ Россіи враговъ, а въ особенности склонить венеціанскую республику къ дѣйствіямъ на Средиземномъ морѣ, а болѣе всего недавно открытое важное обстоятельство, что герц. Шуазель составилъ проектъ наступательнаго и оборонительнаго союза между Франціей и Портой со включеніемъ Швеціи, всѣ эти обстоятельства, а также зависть, которая вѣроятно будетъ возбуждена въ Вѣнѣ значительнымъ перевѣсомъ Россіи, должны послужить для Императрицы сильнымъ побужденіемъ къ заключенію союза, который бы далъ возможность съ успѣхомъ и честью окончить настоящую войну, составивъ при этомъ на будущее время перевѣсъ (balance) противъ державы, показавшей, что благоденствіе Россіи служитъ предметомъ ея если не явныхъ, то тайныхъ нападокъ, так-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 22 стр. 55 сл. Rochford to Cathcart 25 Aug. 1770; ср. тамъ-же № 59, p. 141; подтвержденіе отъ гр. Галифаксъ 22 февр. 1771, № 71, стр. 172 сл.

же какъ и благоденствіе Англіи. Съ другой стороны объясненіе ваше касательно мнѣнія петербургскаго кабинета о пріобрѣтеніяхъ наиболѣе желательныхъ для Россіи, какъ въ виду собственнаго ея усиленія и выгодъ, такъ и въ видахъ устраненія опасности отъ дальнѣйшаго нарушенія спокойствія Европы, мнѣнія вполнѣ совпадающаго съ первоначально принятымъ здѣсь мнѣніемъ, представляетъ Его В-ву возможность осуществить желанія русской императрицы не отступая въ то-же время отъ всегдашняго его образа дѣйствій относительно Оттоманской Порты... Вамъ извѣстно, что когда, по заключеніи мира, были начаты переговоры о возобновленіи союза съ Россіею, главное возраженіе высказанное съ нашей стороны состояло въ недостаткѣ взаимности, ибо петербургскій дворъ настаивалъ на томъ, чтобы война съ Турціею была принята за casus foederis, не предлагая при томъ никакого условія съ цѣлью уравновѣсить вопросъ въ нашу пользу. Наше желаніе не оскорблять Порту, какъ древнюю нашу союзницу, связанную съ нами въ торговыхъ отношеніяхъ, составило дальнѣйшее соображеніе, и Россія предложила ослабить силу этого возраженія, измѣнивъ условіе въ смыслѣ уплаты въ такомъ случаѣ денежной суммы. Когда это не удалось, Россія предложила принять отъ Англіи въ видѣ вознагражденія субсидію Швеціи, но такъ какъ объ этомъ не могло быть рѣчи, и вопросъ этотъ теперь не подлежитъ разсмотренію, то Императрица снова обратилась къ турецкому casus foederis, или какой-либо иной равносильной тому мѣрѣ, ибо, какъ она объясняетъ, она связана честью по отношенію къ своимъ союзникамъ, согласившимся на то, не заключать никакого трактата безъ этого условія, или безъ чего либо иного, восполняющаго недостатокъ этого условія. Посему я нынѣ имѣю повелѣніе короля предписать вамъ сообщить при первомъ удобномъ случаѣ гр. Панину, что король въ видахъ пользы Россіи согласенъ распространить условіе о военныхъ корабляхъ, которые онъ обяжется выставить, въ такомъ смыслѣ, чтобъ доставлять ихъ на всякомъ европейскомъ морѣ, а не ограничиваться однимъ Балтійскимъ, а также

при заключеніи между Императрицей и Портой трактата *при его посредничествѣ*, король согласенъ горантировать таковой трактатъ, при чемъ предпишетъ своему послу настаивать на уступкѣ Россіи Азова, области кубанскихъ татаръ и всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ею на этомъ берегу, а равно и мореплаванія по Черному морю. Вы убѣдите русскихъ министровъ въ томъ, что король въ сущности сдѣлалъ большую уступку Россіи согласіемъ своимъ на гарантію, чѣмъ одною лишь уплатою условленной суммы денегъ въ случаѣ будущей войны ея съ Турціею (единственный пунктъ, препятствовавшій союзу), что это условіе оказалось бы для безопасности Россіи существеннѣе денежнаго пособія, такъ какъ король съ помощью своей морской силы всегда будетъ имѣть возможность придать этой гарантіи характеръ внушительный. Это предложеніе гарантіи не можетъ однако быть внесено въ настоящій трактатъ, ибо всякое подозрѣніе относительно благопріятныхъ для Россіи видовъ короля по поводу Азова и Чернаго моря въ настоящую минуту можетъ ослабить ту пользу, которую его в-во окажетъ Россіи, ведя переговоры съ Портою; поэтому до удобнаго къ тому времени въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ положиться на честь его в-ва. Съ своей стороны король разсчитываетъ на замѣнъ Россіею сухопутныхъ силъ въ случаѣ требованія Англіи двѣнадцатью или четырнадцатью линейными кораблями и признаніе нападенія какой бы то ни было европейской державы на англійскія владѣнія какъ въ Европѣ, такъ и внѣ ея (въ Америкѣ или Остъ-Индіи) за casus foederis—ибо въ противномъ случаѣ король могъ бы подвергнутся нападеніямъ этихъ державъ на колоніи и, желая отомстить имъ въ Европѣ, могъ бы навлечь на себя обвиненіе въ наступательныхъ дѣйствіяхъ, чрезъ что утратилъ бы право на пособіе условленное трактатомъ. Имѣя въ виду не терять ни минуты при заключеніи столь важнаго дѣла, вамъ посылается уполномочіе для подписанія трактата согласно съ этими измѣненіями".

Такимъ образомъ, соглашаясь на совокупность военныхъ дѣйствій на морѣ въ случаѣ вовлеченія одного ихъ союзни-

ковъ въ войну, обязываясь выставить извѣстное число военныхъ кораблей на всѣхъ европейскихъ моряхъ, а не на одномъ Балтійскомъ, и вообще „помогать русскому флоту при всякомъ случаѣ, насколько то позволяетъ собственная безопасность Англіи“, Англія какъ бы согласилась на включеніе войны съ Турціею въ casus foederis; но съ другой стороны, предлагая свое посредничество для заключенія мира между Россіею и Турціею, она отстраняла возможность столкновенія своего съ Портою.

Какъ бы то ни было, 8 сентября лордъ Каткартъ согласно данному ему предписанію сообщилъ гр. Панину мемуаръ [1]), въ которомъ, указавши на враждебныя Россіи интриги Франціи, на попытку ея заключить союзъ съ Портою и Швеціею, на отправку ею на востокъ четырехъ военныхъ кораблей и на сближеніе ея съ Австріею, говоритъ, что это обстоятельство побудило короля, неизмѣнно преданнаго Императрицѣ какъ по личной дружбѣ, такъ и вслѣдствіе естественныхъ и нераздѣльныхъ интересовъ ихъ Имперій, принять нѣкоторыя мѣры, именно—увеличить свой флотъ въ Средиземномъ морѣ, выславъ туда эскадру, превосходящую силою эскадру французскую, предложить Портѣ свою гарантію для мирнаго трактата между нею и Россіею, если онъ будетъ заключенъ при его посредничествѣ [2]). Указавши далѣе на дружественныя дѣйствія короля относительно Россіи во всѣхъ случаяхъ, представлявшихся во время войны, доказавшія, что онъ разсматриваетъ честь и интересы Императрицы нераздѣльно связанными со своими собственными, онъ говоритъ, что настало время, когда необходимо на дѣлѣ рѣшить вопросъ о рѣшимости обоихъ государей къ единодушнымъ дѣйствіямъ и на будущее время, и что ему повелѣно возобновить предложеніе,—довершить естественный

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 59, р. 141, мемуаръ отъ $^{8}/_{19}$ сент. 1770. тоже въ М. Гл. Арх. М. И. Д., Gr. Bretagne, но безъ подписи и даты.

[2]) Или еслибъ онъ былъ заключенъ *безъ всякаго* посторонняго посредничества, но тогда гарантія ставилась въ зависимость отъ *единомыслія короля и императрицы относительно мирныхъ условій*. См. № 54, окт. 1770.

союзъ, уже существующій между обѣими странами, посредствомъ трактата", (слѣдуютъ указанныя выше условія).

По свидѣтельству Каткарта предложенія были приняты благопріятно русскимъ правительствомъ [1]), хотя въ дѣйствительности Екатерина нашла и это предложеніе невыгоднымъ для Россіи [2]). Съ одной стороны русское правительство боялось вступленіемъ въ союзъ съ Англіею впутаться въ новую, чужую войну, не касающуюся непосредственно интересовъ Россіи [3]); съ другой—постоянная борьба партій и частыя смѣны статсъ-секретарей въ Англіи, въ которыхъ усматривали доказательство недостатка правильнаго и твердаго плана [4]) въ ея иностранной политикѣ.

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 42 и 49; ср. впрочемъ № 54. Соловьевъ, XXVIII, 202 сл.

[2]) Вотъ собственноручная замѣтка ея по этому вопросу: „Qu'est ce qu'ils entendent par mer d'Europe? d'abord ils ne veulent point donner de secours contre les Turks et les Tartares, quoiqu'ils garantissent la paix que nous ferons. C'est une contradiction. Ils veulent que nous envoyons nos troupes et vaisseaux quoiqu'ils ne l'articule(nt) pas, en Amerique, mais ils nous dispense(nt) du Portugal et de l'Espagne. La Mediterrannée est-elle mer d'Europe ou non, l'Archipel de même? la premiere est entre l'Afrique et l'Europe, l'autre entre l'Asie et l'Europe. Ils gardent l'Espagne et le Portugal pour eux, cela est commode et plus proche, mais leurs Colonies c'est à nous à les deffendres. Outre cela avec quelquonque qu'ils auront la guerre ils veulent de nous un demi million, mais quand nous l'auront avec la seule puissance qui peut nous être formidable, les Turks, ils ne nous donneront rien. Puis c'est à moi à donner 14 vaisseaux, mais eux n'en donneront que 12. Je crois que nous devons éviter d'être entrainés dans guerres quelquonques qui ne nous regarde (nt) pas malgré nous, parcequ'ils nuest pas agréable d'etre à la queues de personne comme nous en avons fait la triste épreuves si-devant eu egard à la Cour de Vienne. (M. Гл. Арх. IV Gr Bretagne).

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XIX № 66, сл. стр. 157 сл. Cathcart to Rochford Dec. 1770; № 54, p. 132, idem. 29 Octob (9 Novemb.) 1770. Въ это время у Англіи произошелъ разладъ съ Испаніею изъ за Фалкландскихъ острововъ; впрочемъ улаженіе этого вопроса (въ началѣ 1771 г.) не оказало никакого вліянія на ходъ переговоровъ. См. тамъ-же № 28, p. 70 и № 71 p. 172, № 88 p. 206, № 97; Raumer II, 355 сл.

[4]) Тамъ-же № 92, 97 сл. стр. 211, 227 сл. Cathcart to Suffolk 31 May (11 June), 12 (23) и 30 Aug 1771. На это обстоятельство указывалъ и Фридрихъ, отговаривая Россію отъ союза съ Англіею. См. № 56. Raumer II, 327 сл.

Наконецъ Каткартъ указываетъ еще нѣкоторыя другія причины,—напр. на вліяніе Пруссіи и др. [1]).

Но самымъ важнымъ препятствіемъ къ принятію предложенія было несоотвѣтствіе его интересамъ Россіи. Въ своемъ отвѣтѣ на сообщенія Каткарта [2]), Панинъ благодаритъ отъ имени императрицы за услугу, оказываемую ей отправкою англійскихъ военныхъ кораблей въ Левантъ, но относительно предлагаемыхъ новыхъ условій для заключенія союза настаиваетъ на томъ, что главная задача русской политики (le point capital de la politique de la R.) состоитъ въ томъ, чтобы въ заключаемыхъ ею союзахъ оградить себя противъ Турціи (de comprendre la Turquie dans ses alliances) и потому случай войны съ послѣднею составляетъ casus foederis всѣхъ заключенныхъ ею понынѣ союзныхъ трактатовъ. Въ этомъ состояло затрудненіе въ переговорахъ съ Англіею, и оно будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока ни явится настолько важный интересъ, который будетъ могъ уравновѣсить это важное условіе, или пока ни явится возможность, равносильнымъ эквивалентомъ усилить ограду противъ ея естественнаго и главнаго врага (sa barière contre son ennemi naturel et capital). Между тѣмъ предложенное Англіею распространеніе помощи ея флотомъ на всѣ европейскіе моря не достигаетъ этой цѣли, такъ какъ сокращеніе или распространеніе этой помощи совершенно безразлично по отношенію къ Турціи, коль скоро послѣдняя исключается изъ casus foederis; въ другихъ-же отношеніяхъ помощь флотомъ для Россіи не представляется существенною, да и самое обозначеніе понятія объ европейскихъ моряхъ потребовало бы географическихъ разъясненій, непригодныхъ для трактата. Что касается предлагаемой гарантіи, то императрица вполнѣ оцѣниваетъ это предложеніе и готова была бы положиться на одно словесное обѣщаніе короля, но она не можетъ замѣнить союзнаго обязательства на случай войны противъ Порты, ибо 1) столь маловажное для Россіи пріобрѣтеніе, какъ Кубань, не стóитъ

---

[1]) Сб. Р. И. Об. XIX, № 54—57, и др.

[2]) Отвѣтъ отъ 26 окт. 1770 въ М. Гл. Архивѣ, Gr. Bretagne.

того, чтобы изъ-за него обременять союзника гарантіею, въ данномъ случаѣ притомъ трудно выполнимою, такъ какъ Кубань лежитъ въ гористой мѣстности среди непріятельскихъ владѣній; 2) Англія предлагаетъ гарантію условно, въ связи съ принятіемъ ея посредничества; и 3) выгоды гарантіи выпадутъ въ одинаковой степени на долю и Россіи и Турціи (la R. partageroit avec la P. l'avantage de la garantie), а въ иныхъ случаяхъ гарантія можетъ быть даже невыгодна (примѣръ: Souvent le cas de l'agression est difficile à discuter, mais toute fois si la R. en cas d'attaque reconnue de la part de la T. trouve une défense, elle trouve aussi le garant en son chemin dans le cas, ou supposition faite, elle sauroit que la P. fait des préparatifs immenses dont elle est decidement l'objet, et qu'elle jugeroit de la prudence de la prévenir et de porter la guerre dans ses provinces, plutôt que de l'attendre et de s'exposer à des dommages avec un tel ennemi, qu'une flotte peut venger avec éclat, mais qu'elle ne reparera jamais). Далѣе Панинъ указываетъ на неравенство условія, налагаемаго на одну Россію, о замѣнѣ сухопутной помощи 14-ю кораблями, между тѣмъ какъ Англія обязывается лишь морскою помощію и только 12 кораблями. Слишкомъ тягостно было бы также распространеніе casus foederis на всякое нападеніе европейской державы внѣ Европы на англійскія владѣнія, корабли или подданныхъ. Это условіе такъ широко и отяготительно, что его невозможно уравновѣсить никакимъ условіемъ въ пользу Россіи. Коммерческое соперничество въ вестъ- и остъ-Индіи есть неизсякаемый источникъ распрей и войнъ между европейскими державами; но для нихъ эти бѣдствія могутъ быть уравновѣшиваемы огромными выгодами отъ ихъ колоній, для державы-же, не пользующейся этими выгодами невозможно дѣлать казусомъ союза столь чуждыя ей распри, а для Россіи это значило бы лишь умножить число ея обязательствъ и случаевъ къ войнѣ въ то время, какъ ей необходимъ миръ, особенно если принять во вниманіе всѣ вѣроятности неминуемой новой войны Англіи съ ея сосѣдями. Наконецъ, не получая сама никакой помощи противъ своего главнаго непріятеля, Россія должна бы быть постоянно готова къ оказанію помощи Англіи, и даже во время еще

войны съ Турціею могла бы быть вынуждена къ уплатѣ субсидіи въ полъ-милліона.

Поэтому русское правительство, осыпая Каткарта постоянно любезностями, причемъ Екатерина при всякомъ удобномъ случаѣ высказывала свои симпатіи къ Англіи, прекратило дальнѣйшіе переговоры. Каткартъ выбивался изъ силъ, чтобъ ускорить ходъ дѣла,—отвѣты были утонченно любезны, но дѣло не подвигалось [1]). Подобно своимъ предшественникамъ, которые при неудачахъ утѣшали свое правительство изображеніемъ положенія Россіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, Каткартъ посылаетъ въ концѣ 1770 года въ Лондонъ депешу, въ которой рисуетъ „яркую, подробную, но въ то-же время унылую картину (me ancho y a picture) положенія русскаго двора и имперіи“ [2]), которую заключаетъ словами, что „одно только Провидѣніе можетъ спасти Россію“.

Наконецъ пришла очередь англійскому правительству выходить изъ терпѣнія; полагая, что его „тѣшатъ обѣщаніями, исполненіе которыхъ не имѣлось въ виду“, оно рѣшилось сократить расходы, на которые оно передъ тѣмъ согласилось для подкуповъ въ Швеціи. Этою мѣрою англійское правительство думало принудить Россію къ заключенію союза. Между тѣмъ она произвела лишь непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Панинъ объявилъ Каткарту, что Англія властна въ собственныхъ своихъ поступкахъ и на основаніи своей системы должна сама разсудить, можно ли допускать усиленіе французскаго вліянія въ Швеціи, или слѣдуетъ ему противодѣйствовать; если она найдетъ, что его можно допустить, то значитъ мнѣнія его были ошибочны и объ этомъ нечего болѣе говорить; если же слѣдуетъ противодѣйствовать, то Англія должна быть счастлива встрѣтить въ другихъ державахъ одинаковый образъ мыслей и готовность принять на себя столь существенное участіе въ расходахъ; что Императрица не мо-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX passim напр. № 66—68, 73.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 69, p. 163 Cathcart to Rochford 31 Dec. (11 Jan.) 1770; Соловьевъ, XXVIII, гл. 2, стр. 206 сл.

гла питать особой признательности за то, что король издерживаетъ деньги въ Швеціи вслѣдствіе своей собственной системы, хотя это доказало бы, что ихъ системы тождественны, между тѣмъ какъ внезапная перемѣна въ дѣйствіяхъ короля доказываетъ недостатокъ убѣжденія Англіи относительно однаго изъ главныхъ принциповъ, служащихъ основаніемъ ихъ политической дружбы; намѣреніе короля ограничить издержки свои въ Стокгольмѣ принуждаетъ императрицу ограничить свои собственныя издержки, что повлечетъ за собой перемѣну во всемъ планѣ ея дѣйствій въ этомъ государствѣ;—въ случаѣ, еслибы оба двора дѣйствовали по плану, предложенному имъ ихъ министрами, Швеція была бы на ихъ сторонѣ, цѣль ихъ была бы достигнута, а средства упрочить это положеніе дѣлъ послужили бы основаніемъ трактата; но такъ какъ дѣла приняли другой оборотъ, а императрица можетъ лишь тормозить успѣхъ французскаго вліянія, то слѣдуетъ выжидать результата сейма, и ея в-во, видя предъ собой кризисъ какъ относительно сѣвера, такъ и по вопросу о переговорахъ съ турками, не можетъ, по недостатку опредѣленныхъ принциповъ, оцѣнить условій, имѣвшихъ цѣлью упрочить безопасность ея имперіи посредствомъ заключенія союза, и потому сказала ему (Панину), что пока не перейдетъ этотъ призисъ, до тѣхъ поръ она не имѣетъ возможности заняться вопросомъ о союзѣ.

Таковъ былъ результатъ англійской политики. На настоянія Каткарта о заключеніи союза, на убѣжденія его, что король сознаетъ общность интересовъ Россіи и Англіи, что онъ доказалъ это своимъ поведеніемъ, что союзъ одинаково полезенъ для обоихъ государствъ, и что поэтому его слѣдуетъ закрѣпить трактатомъ, Панинъ по прежнему сталъ отговариваться тѣмъ, что не обязательства, а общіе интересы служатъ основаніемъ союзовъ, что императрица, признавъ сильныя доказательства дружбы, заявленной королемъ относительно Россіи, намѣрена при случаѣ изъявить ему доказательства таковыхъ же чувствъ безъ всякаго трактата. Впрочемъ на категорическій вопросъ о томъ Каткарта, Панинъ далъ столь-же категорическій отвѣтъ, что русское пра-

вительство продолжаетъ разсматривать союзъ необходимымъ для обоихъ государствъ и имѣетъ твердое намѣреніе вернуться къ переговорамъ о трактатѣ, какъ только обстоятельства, по всей вѣроятности близкія, представятъ къ тому удобныя основанія [1]).

Наконецъ Каткарту стало ясно, что вопросъ о союзѣ отставленъ въ Петербургѣ на задній планъ; дѣйствительно, переговоры по послѣднему предложенному Англіею проекту тянулись съ сентября 1770 года, а съ іюня 1771 года положительно прекратились. Въ виду всего этого Каткартъ рѣшился просить объ отозваніи его [2]). Соображенія, представленныя имъ были настолько справедливы, что англійское правительство согласилось на его просьбу; притомъ желаніе Каткарта отвѣчало и въ другомъ отношеніи видамъ англійскаго правительства, недовольнаго тѣмъ, что русскій дворъ съ отъѣзда гр. И. Чернышева держалъ въ Лондонѣ посланника, а не посла, и въ ноябрѣ гр. Суффолькъ увѣдомилъ Каткарта, что преемникомъ ему назначается лицо равнаго съ Мусинымъ-Пушкинымъ характера, т. е. посланникъ, а не посолъ. Этимъ преемникомъ былъ сэръ Роб. Гуннингъ, прибывшій въ Петербургъ лишь въ іюнѣ 1772 г.

Мы видѣли, что Англія ставила себѣ въ особенную заслугу передъ Россіею поведеніе свое въ 1770 году, по случаю нашей морской экспедиціи въ Архипелагъ. Такъ ли это? Надо замѣтить, что съ перваго раза англійское правительство отнеслось не совсѣмъ благопріятно къ этой экспедиціи. 24 ноября 1769 года Рочфордъ писалъ Каткарту: „Великобританія, естественно связанная (naturally connected) съ Россіею торговлей, равно выгодною для обѣихъ націй, разсматривая Россію какъ державу, имѣющую наиболѣе средствъ и желанія составить противовѣсъ значительной лигѣ бурбонскаго дома, будучи по положенію своему удалена отъ всякаго повода къ соперничеству, никоимъ обра-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 92 сл. р. 209 сл. Cathcart to Halifax 31 May (11 June) и 17 (28) June 1771.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 93, р. 218 сл. депеша и № 94, р. 223, confidential memorial отъ 17 (28) Іюня 1771.

зомъ не можетъ быть встревожена успѣхомъ оружія Императрицы иначе, какъ если этотъ успѣхъ окажется вреднымъ для самой Россіи или для общаго спокойствія Европы, внушая опасенія или возбуждая честолюбіе и злонамѣренность враждебныхъ ей державъ. Въ виду этихъ соображеній, несмотря на то, что король заявилъ полнѣйшую и искреннюю готовность оказать всю желаемую Императрицею помощь морской экспедиціи, которою она такъ интересуется, тѣмъ не менѣе его в-во желалъ бы чтобы было обращено большее вниманіе на препятствія, могущія встрѣтиться при исполненіи этой мысли". Далѣе Дочфордъ указываетъ на возможность открытаго выступленія противъ Россіи бурбонскихъ домовъ—Франціи и Испаніи [1]).

Именно, осенью 1769 года, испанскій посолъ, по повелѣнію своего двора представлялъ герцогу Шуазелю опасность появленія русскаго флота на Средиземномъ морѣ и на послѣдствія, которыя могли бы отъ этого возникнуть для торговли Франціи и Испаніи съ Востокомъ, а также на неудобства допустить Россію до пріобрѣтенія тамъ вліянія, причемъ предлагалъ, чтобы ихъ соединенные флоты приготовились воспротивиться этому, между тѣмъ какъ дворы ихъ сдѣлали бы Россіи соотвѣтственную декларацію, такъ какъ интересы ихъ торговли не позволяютъ имъ относиться равнодушно къ подобному событію [2]). Шуазель сочувственно отнесся къ этому предложенію, не потому, впрочемъ, чтобы онъ придавалъ особенное политическое значеніе нашей морской экспедиціи,—ему конечно хорошо было извѣстно положеніе нашего флота. Есть полное основаніе предполагать, что онъ искренно насмѣхался надъ „новымъ феноменомъ"—русскимъ флотомъ, надъ появленіемъ Россіи на сцену Европы въ качествѣ новой морской державы, и надъ самою экспедиціею, какъ предпріятіемъ романическимъ, дорогимъ и не обѣщавшимъ особенной пользы [3]). Но предпріятіе это гро-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 250, стр. 482.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 248, p. 480 Rochford to Cathcart, 24 Octob. 1769.

[3]) См. Соловьева XXVIII, стр. 93 сл.

зило опасностью для французской торговли въ Левантѣ и служило болѣе или менѣе удачною диверсіею противъ Турціи; поэтому онъ представилъ Людовику XV мемуаръ, въ которомъ доказывалъ, что слѣдуетъ уничтожить русскій флотъ прежде чѣмъ онъ вступитъ въ Гибралтаръ, мотивируя это тѣмъ, что это былъ бы вѣрнѣйшій способъ для возстановленія вліянія Франціи при Портѣ и въ Европѣ. Былъ даже отданъ приказъ о снаряженіи эскадры въ Тулонѣ, но съ одной стороны мнѣніе Шуазеля не встрѣтило сочувствія со стороны короля и другихъ министровъ [1]), а съ другой, Англія объявила Франціи и Испаніи, что если онѣ воспрепятствуютъ вступленію русскаго флота въ Средиземное море, то это будетъ сочтено ею, какъ дѣйствіе враждебное Англіи [2]). Такимъ образомъ благодаря Англіи проектъ нейтрализаціи Средиземнаго моря не состоялся. Мало того, Англія допустила проходившія чрезъ Ламаншъ русскія военныя эскадры въ свои порты, и даже разрѣшила наемъ русскимъ правительствомъ 12 англійскихъ судовъ для перевозки отправляемыхъ въ Средиземное море русскихъ войскъ [1]). Чѣмъ объяснить такое поведеніе Англіи въ предпріятіи, повидимому опасномъ для интересовъ Англіи? Тутъ возможны нѣсколько объясненій. Прежде всего Англія не боялась усиленія Россіи на морѣ. Въ своихъ депешахъ Рочфорду Каткартъ говоритъ: „Честолюбіе Императрицы (ambition) сдѣлать Россію морской державой весьма сильно; въ настоящую минуту ничто не занимаетъ до такой степени ея мысли, служа въ тоже время выраженіемъ желаній народа, какъ стремленіе довести до значительныхъ размѣровъ морскія силы Россіи, о чемъ я вовсе не сожалѣю, потому что это можетъ быть выполнено лишь съ помощью и содѣйствіемъ Англіи, а никакъ не

---

[1]) Politique de tous les Cabinets, мемуаръ Фавіе: Conj. raisonnées, art. X de l'Angleterre. II, p. 43, 46 (173); тоже Boutaric II, 176; Zinkeisen V, кн. VI, гл. 3; Peyssonnel, Examen du livre etc., p. 10.

[2]) Eton, Tableau historique de l'empire Ottoman, II, p. 166; Vassif-éfendi, Précis historique de la guerre de 1769—1774, p. 86 сл.; Politique de tous les Cabinets, I, 323, II, 44.

[3]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, ч. 2, стр. 160—161, 1770—1771 г.

иначе; невозможно, чтобы Россія сдѣлалась соперницею, способною внушить намъ зависть ни какъ торговая, ни какъ военная морская держава, и я всегда разсматривалъ подобные виды Россіи весьма для насъ счастливыми, ибо до тѣхъ поръ пока это будетъ выполнено, она должна зависѣть отъ насъ и держаться за насъ, и чѣмъ дальше она подвигается на этомъ пути, тѣмъ болѣе эта зависимость отъ Англіи должна увеличиваться для успѣха какого бы то ни было плана, имѣющагося у нея въ виду. Въ случаѣ ея успѣха, успѣхъ этотъ лишь увеличитъ нашу силу, а въ случаѣ неуспѣха—мы утратимъ лишь то, чего не могли имѣть“ [1]).

Съ другой стороны такое поведеніе Англіи имѣло цѣлью расположить Россію къ заключенію союза съ нею [2]).

Въ письмѣ гр. А. Г. Орлову гр. Н. И. Панинъ объяснялъ отношенія Англіи къ нашей архипелагской экспедиціи слѣ-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 241, p. 468 и XIX, № 12, p. 42 Cathcart to Rochford 12 (23) Sept. 1769 и 5 (16) March 1770.

[2]) Сб. Р, Ист. Об, XII, № 236, стр. 459 Rochford to Cathcart 30 june 1769. По вопросу о значеніи англійской помощи нашей морейской экспедиціи любопытно еще слѣдующее мѣсто изъ депеши Каткарта Рочфорду отъ 8 (19) окт. 1770, (см. Сб. Р. И. Об. XIX, № 49, p. 121): „Я сказалъ ему (Панину) съ той откровенностью, на которую меня вызвали его выраженія, что ея в-во имѣетъ болѣе основаній считать себя обязанной относительно Англіи, чѣмъ ей самой о томъ извѣстно; затѣмъ я пояснилъ причину побудившую къ высылкѣ эскадры въ Архипелагъ, опасенія возникшія въ Англіи касательно возможнаго оборота тамошнихъ дѣлъ и намѣреніе ея, вслѣдствіе котораго, въ случаѣ еслибы одинъ изъ флотовъ встрѣтилъ непріятеля въ лицѣ нейтральной державы и былъ дѣйствительно аттакованъ въ присутствіи нашей эскадры, то послѣдняя не осталась бы праздной зрительницей подобнаго нарушенія нейтралитета (the intention that if either fleet found an enemy in a neutral power, and were actually attacked... our squadron should not remain inactive spectators o that breach of neutrality). Было нетрудно доказать возможность нападенія французской эскадры на русскую при обстоятельствахъ не невѣроятныхъ въ то время, а также доброту и важное значеніе намѣреній короля, еслибы опасенія эти оправдались... Рѣчь эта достигла желаемаго дѣйствія. Онъ (Панинъ) сказалъ, что передастъ мои слова императрицѣ и убѣжденъ, что это если возможно, еще болѣе усилитъ чувства, уже утвердившіяся въ ней“. Ср. тамъ-же № 22 p. 61 Rochford to Cathcart 25 Aug. 1770; № 52, стр. 127 и № 43 стр. 107 сл.

дующимъ образомъ [1]): „По деликатности нашего положенія въ Средиземномъ морѣ, долженствуетъ у насъ быть въ уваженіи: всѣ тѣ державы кои могли, а не препятствовали нашему входу и пребыванію въ Средиземномъ морѣ воображали себѣ сначала другія тамъ съ нашей стороны дѣйствія. Онѣ считали, что (по) средствомъ вооруженій на тамошнихъ берегахъ война наша пойдетъ и съ той стороны болѣе сухопутною, нежели морскою, эскадры же наши останутся для снабдѣнія и подкрѣпленія оной; на семъ основаніи Англія, искавъ насъ своими услугами обязать, а туркамъ дать восчувствовать малое къ ней уваженіе, чтобъ и тѣмъ и другимъ сдѣлаться единою посредницею возстановленія мира и тишины, отворила намъ всѣ свои порты и дозволила всякое вспоможеніе.“

Наконецъ отъ перенесенія войны въ Средиземное море должна была сильно пострадать французская торговля, что было на руку Англіи [2]).

Вообще англійское правительство постоянно ссылалось на общность интересовъ Англіи и Россіи для убѣжденія русскаго правительства въ пользѣ и даже необходимости заключенія формальнаго союза. Но именно эта „общность“ интереса служила препятствіемъ послѣднему. Объяснимъ нашу мысль. Англійское правительство ставило себѣ напр. въ заслугу свое поведеніе относительно русской экспедиціи въ Архипелагѣ. Дѣйствительно, Англія въ этомъ случаѣ оказала Россіи болѣе значительныя услуги, чѣмъ какихъ можно бы было ожидать отъ державы, не состоящей въ формальномъ съ нами союзѣ,—допущеніе русскихъ военныхъ кораблей въ англійскіе порты для починокъ, а частью даже для снаряженія ихъ заново, предоставленіе Россіи 12 англійскихъ кораблей на усиленіе русскаго флота, отпускъ въ русскую военную службу адмираловъ и офицеровъ, находившихся въ тоже время на англійской службѣ [3]),—все

[1]) Письмо 28 іюня 1772 въ М. Гл. Арх, М. И. Д. Campagnes Turquie св. 3.

[2]) Русское правительство отлично понимало это. См. у Соловьева, XXVIII, 103.

[3]) См. напр. переписку Ноульса съ англ. министерствомъ, Gr. Bretagne, 1770—1771; тамъ-же и др. документы.

это были такія дѣйствія, которыя разсчитаны были прямо и единственно на благодарность Россіи. Но англійское правительство ставило себѣ въ заслугу и отправку напр. военныхъ кораблей въ Архипелагъ для уравновѣшенія отправленныхъ туда-же французскихъ морскихъ силъ. Въ этомъ случаѣ русское правительство съ „полною откровенностію“ замѣтило ему, что нѣтъ такого событія въ Европѣ, которое не указывало-бы обѣимъ державамъ самымъ осязательнымъ образомъ (par des traits frappans) въ какой степени ихъ интересы общи и неразрывно связаны, потому что съ намѣреніемъ услужить Россіи нераздѣльно связана и собственная забота Англіи объ охраненіи своего достоинства (avec l'intention de servir la R. se trouvent... liés et le soin de la propre dignité de la Gr. Br., et sette obligation d'interêt où la met sa position dans les affaires générales de l'Europe, d'empêcher...) и интересъ ея о недопущеніи торжества въ Европѣ системы, способной нарушить равновѣсіе и возбудить всеобщую войну [1]).

Изъ разсмотрѣнія переписки англійскихъ посланниковъ съ ихъ правительствомъ за все это время нельзя не вынести убѣжденія въ совершенной искренности ихъ заявленій о желаніи Англіи вступить въ союзъ съ Россіею, и неуспѣхъ переговоровъ, по выраженію Макартнэя объясняется взаимнымъ непониманіемъ. Въ теченіи всѣхъ переговоровъ съ Англіею за это время мы постоянно встрѣчаемъ выраженія досады Панина на стойкость англичанъ въ предъявляемыхъ ими требованіяхъ. „Торгуются какъ лавочники“, „торгаши“ „ведутъ дѣло по-торгашески“ [2])—таковы отзывы его о способѣ переговоровъ Англіи. Дѣйствительно, Англія торговалась, но помимо того, что ее вынуждало къ этому плохое состояніе ея финансовъ, разстроенныхъ войною, англійское правительство понятно не могло дѣйствовать въ отношеніи внѣшней своей политики и принимаемыхъ имъ на себя обяза-

[1]) См п. 3 отвѣта Панина отъ 26 окт. 1770 на ноту Каркарта отъ 8 сентября; М. Гл. Арх. Gr. Bretagne о причинахъ неудачи переговоровъ съ Англіею по объясненію Панина см. приложеніе 43.

[2]) Соловьевъ XXVI, 117, 120.

тельствъ такъ безконтрольно, какъ то желательно было Россіи. Во время переговоровъ оно постоянно справедливо указывало на существующій въ Англіи народный контроль надъ дѣйствіями правительства, на необходимость для него возможности оправдать передъ націею принимаемыя имъ на себя обязательства, какъ взаимно-полезныя [1]). А понятно, ему не легко было бы при дурномъ положеніи англійскихъ финансовъ послѣ войны, оправдать передъ парламентомъ уплату огромныхъ субсидій (500.000 р.) Россіи на возмѣщеніе издержекъ и „убытковъ“ послѣдней по избранію Станислава [2]) такъ какъ „убытки“ эти были вызваны политикою Россіи болѣе или менѣе выгодною для нея одной,—вліяніе Франціи въ Польшѣ во всякомъ случаѣ не представляло особенной опасности для Англіи. Притомъ для Англіи не могла быть симпатична политика и поведеніе Россіи и Пруссіи относительно Польши, и поэтому она соглашалась лишь „до нѣкоторой степени“ поступать согласно съ Россіею, и то подъ условіемъ сохраненія вольности Республики, а при такомъ условій нашъ посланникъ въ Лондонѣ Гроссъ могъ сдѣлать лишь одинъ вполнѣ справедливый выводъ, что „никакого существительнаго вспоможенія въ польскихъ дѣлахъ“ отъ Англіи ожидать нельзя [3]). Иное дѣло Швеція. Отъ Швеціи Франція старалась получить помощь военными кораблями, и тутъ понятно англійскій народъ находилъ свой непосредственный интересъ въ противодѣйствіи подобнымъ французскимъ видамъ и не пожалѣлъ бы денегъ. Но съ одной стороны Англія и дѣйствительно тратила тамъ деньги; съ другой, она тратила сколько находила нужнымъ, а не сколько *обязана* была бы тратить въ случаѣ заключенія трактата, и наконецъ, Россія была не менѣе Англіи заинтересована въ шведскихъ дѣлахъ [4]). Въ сущности переговоры Россіи съ Англіею имѣютъ много общаго съ переговорами ея съ Пруссіею. И ан-

[1]) Соловьевъ, XXVI, 115 сл. 120, XXVII, 223, 225.
[2]) Соловьевъ, XXVI, 116, 120.
[3]) Тамъ-же, 114 сл.
[4]) Соловьевъ XXVI, 116 сл., 189; Raumer I, 206 сл., 222, 391, 393; Сб. Р. И. Об. XIX № 175, стр. 360 сл.

глійское правительство, и Фридрихъ II отлично видѣли, что Екатерина, хотя бы у нея и не было союзниковъ, все-таки будетъ энергично проводить свои желанія и виды всюду, гдѣ это понадобится. Поэтому, имѣя даже общіе съ Россіею интересы, напр. Фридрихъ II относительно Польши, Англія— относительно Швеціи, они умѣли ограничить свое участіе въ тягостяхъ, съ которыми связано было преслѣдованіе этихъ интересовъ, не принося особенныхъ жертвъ въ отношеніи выгодъ, которыя имъ обѣщалъ союзъ съ Россіею. Такъ, англійское правительство признавало „общій интересъ“ въ отношеніяхъ къ Швеціи, но въ то-же время видѣло, что „Швеція главнѣйшимъ образомъ составляетъ поприще честолюбія Россіи“ и отсюда дѣлало заключеніе, что „Россія должна занимать первое мѣсто въ этомъ дѣлѣ“, а себѣ приписывало „второстепенный интересъ“ въ этомъ вопросѣ и всякое сближеніе свое съ Швеціею выставляло „единственно какъ звѣно въ той великой цѣпи, которая будучи составлена, неизбѣжно должна остаться въ рукахъ Россіи, служа главнымъ образомъ ея цѣлямъ“. Во всякомъ случаѣ англійское правительство справедливо указывало на то, что противодѣйствуя французскому вліянію въ Даніи и Швеціи, оно преслѣдовало выгоду общую Англіи и Россіи, а не частную [1]).

Избавившись благодаря начавшейся войнѣ Россіи отъ субсидій на военныя дѣйствія противъ Порты, обезпечивъ свои торговые интересы въ Россіи, не предвидя войны съ Франціею, быть можетъ находя вслѣдствіе осложненій въ политикѣ Россіи союзъ съ нею не достаточно выгоднымъ, будучи наконецъ увѣрена въ томъ, что при нѣкоторыхъ уступкахъ союзъ будетъ съ радостію принятъ Екатериною, англійское правительство рѣшилось выжидать болѣе благопріятнаго времени. Съ своей стороны Екатерина также не считала выгоднымъ становиться относительно Англіи въ обязательства не уравниваемыя выгодами.

Съ другой стороны нужно имѣть въ виду и внутреннее

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 167, стр. 284 Conway to Macartney 19 dec 1766.

положеніе Англіи въ это время, когда внутреннія дѣла поглощали все вниманіе ея правительства.

По справедливому выраженію Сореля, Англія переживала героическій вѣкъ парламентскаго режима. Мы видимъ здѣсь непрерывный рядъ конфликтовъ короны съ парламентомъ, палаты лордовъ съ палатою общинъ, постоянную борьбу партій, постоянную смѣну министерствъ [1]). Въ то-же время начинались волненія въ Америкѣ, голодъ свирѣпствовалъ въ Индіи. „Народъ раздираемый партіями; тронъ осаждаемый сильнѣйшими нападками и нареканіями; палата общинъ, ненавидимая и презираемая народомъ; Великобританія борющаяся съ Америкою“,—таково по изображенію Маколея было положеніе Англіи въ то время, какъ все вниманіе континента обращено было на востокъ [2])

Такое положеніе Англіи препятствовало дѣятельному участію ея въ дѣлахъ континента. Этимъ объясняется то недовѣріе къ могуществу и значенію Англіи, которое мы замѣчаемъ въ это время въ континентальныхъ правительствахъ.

Шуазель, забывъ повидимому ту роль, которую играли при версальскомъ дворѣ куртизанки въ родѣ Помпадуръ и дю-Барри и во внутреннемъ управленіи, и во внѣшней политикѣ, съ боязнью и недовѣріемъ смотрѣлъ на волненія въ Англіи; онъ усматривалъ тамъ измѣнчивость политики подъ вліяніемъ минутнаго господства и частныхъ интересовъ партій и всегдашнюю возможность войны съ ея стороны. Съ такимъ-же недовѣріемъ относился къ ней вслѣдствіе ея „страннаго правленія“ (singulier gouvernement) и Кауницъ,—и онъ также полагалъ, что при постоянной смѣнѣ министерствъ и господствующихъ партій невозможны никакіе твердые разсчеты на Англію, хотя и надѣялся на сохраненіе ею мира въ виду внутреннихъ волненій ея [3]). Старая Европа не понимала значенія кризиса переживаемаго Англіею:

---

[1]) Въ теченіе 10 лѣтъ до 1771 г. смѣнилось семь министерствъ.

[2]) Sorel, 91.

[3]) Переписка Шуазеля съ Кауницемъ декабрь 1769 г. у Beer, Documents № II p. 6, № III p. 11.

версальскіе „министры петиметры“ [1]), вѣнскіе „педагоги“ и петербургскіе „фавориты“ недоумѣвали и усматривали въ волненіяхъ обуревавшихъ Англію признаки дряхлости и упадка государства. Въ Нейссе Іосифъ и Фридрихъ бесѣдовали объ Англіи Іосифъ находилъ, что она находится въ періодѣ упадка; Фридрихъ соглашался съ этимъ и „ворчалъ на парламентъ“,—онъ „отзывался объ Англіи съ величайшимъ презрѣніемъ вслѣдствіе настоящихъ волненій и продерзостей оппозиціи къ двору и увѣрялъ, что будучи лишь маленькимъ нѣмецкимъ княземъ, онъ всетаки не пожелалъ бы troquer avec e roi d'Angleterre“ [2]).

Что касается собственно Россіи, то для русскаго правительства мнѣніе австрійцевъ, французовъ объ Англіи было конечно безразлично. Но на его взгляды, особенно при неудовольствіи вызванномъ въ немъ упорствомъ Англіи въ переговорахъ о союзѣ, не могло не оказывать вліянія мнѣніе добраго союзника—Фридриха. Нелюбовь прусскаго короля къ Англіи объясняется прежде всего поведеніемъ Англіи относительно Пруссіи въ 7-лѣтнюю войну [3]), но въ своихъ возраженіяхъ противъ включенія Англіи въ „сѣверную систему“, Фридрихъ ссылался главнымъ образомъ на опасность впутаться изъ-за нея въ войну за французскія или испанскія колоніи, на неустойчивость ея политики вслѣдствіи внутреннихъ несогласій и постоянныхъ измѣненій въ составѣ ея правительства [4]), и наконецъ на ея индифферентизмъ къ континентальнымъ дѣламъ. Дѣйствительно, послѣ 7-лѣтней войны Англія не оказывала никакого существеннаго вліянія на дѣла Европы. Оставаясь во враждебныхъ отношеніяхъ къ Франціи, въ болѣе чѣмъ холодныхъ къ Пруссіи и Австріи, не имѣя въ сущности никакого вліянія въ Даніи и Швеціи, она не смотря на всѣ старанія, оставалась въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ

[1]) „Ministre petit-maître“—Шуазель. См. Choiseullade Фридриха II.
[2]) Замѣтки Іосифа на 3 п. инструкціи Кауница у Beer, Zusammenkünfte стр. 71 и журналъ Іосифа у Arneth, Jos II u. M. Theresia.
[3]) Сб. Р. Ист. Об. XX, № 6 стр. 156; Raumer I, 43; II, 89 сл.
[4]) Raumer, Europa II, 134, 200.

Россіи, оставалась въ сторонѣ въ Польшѣ и ничего не сдѣлала въ Константинополѣ; она не могла даже воспрепятствовать захвату Корсики французами. Эти факты служили достаточнымъ основаніемъ для Фридриха, чтобы увѣрять русское правительство, что Англія держится своей островной и колоніальной политики и относится индифферентно къ дѣламъ континентальнымъ [1]), а постоянныя смѣны министерствъ—для того, чтобы увѣрять Панина въ шаткости ея политической системы. И его внушенія дѣйствительно не остались безплодны. Несмотря па благоволеніе, въ виду государственныхъ интересовъ Россіи, Екатерины къ Англіи, несмотря на довѣріе къ ея могуществу [2]), въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ объ Англіи Панинымъ мы находимъ. точное воспроизведеніе мнѣній Фридриха: она де индифферентно относится къ континентальнымъ дѣламъ, у нея непрочное правительство, внутренія и колоніальныя смуты мѣшаютъ дѣятельному участію ея въ европейской политикѣ и т. п. [3]).

Нота отъ 8 сентября 1770 года была послѣднимъ проектомъ предложеннымъ англійскимъ правительствомъ для союза съ Россіею. Хотя въ инструкціяхъ, данныхъ Гуннингу и выражается по прежнему неизмѣнное и искреннее желаніе короля скрѣпить доброе согласіе между Россіею и Англіею, и съ этою цѣлью возобновить союзъ [4]), но ему поручается лишь постараться узнать мысли русскаго правительства по этому вопросу, „не дѣлая никакихъ шаговъ къ окончанію дѣла“, а узнавъ ихъ, сообщить въ Лондонъ и ожидать дальнѣйшихъ инструкцій. Во всякомъ случаѣ, исключеніе условія о субсидіяхъ Швеціи и о союзѣ противъ Турціи остается

[1]) Raumer II, 200, 231.

[2]) Письма къ Бьельке 4 янв. 1772 и др. и Вольтеру 13 дек. 1770 г. др. Ср. также въ Сб. Р. Ист. Об. XIX № 98, стр. 229 депешу Каткарта графу Суффолькъ отъ 30 авг. (10 сент.) 1771. Екатерина впрочемъ презрительно относилась къ парламентскому режиму.

[3]) Raumer II, 200, 232, 236; Сб. Р. Ист. Об. XIX,, № 82.

[4]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 120, стр. 265 сл. инструкціи отъ 27 мая 1772 года.

основаніемъ для переговоровъ. Такъ какъ Екатерина рѣшительно не желала допустить такія условія, то дѣла съ Англіею оставались на однихъ взаимныхъ „дружескихъ обращеніяхъ". Притомъ тотъ путь, на который открыто стала въ это время русская политика, конечно не былъ удобенъ для закрѣпленія дружбы между обоими государствами. Польскій раздѣлъ, закрѣпленіе дружбы и союза Россіи съ Пруссіею и Австріею, участіе ихъ въ замиреніи, все это были такія обстоятельства, которыя могли лишь охлаждать отношенія Англіи къ Россіи.

Въ іюлѣ 1771 г. Каткартъ извѣщалъ уже свое правительство о слухахъ касательно намѣреваемаго Россіею, Австріею и Пруссіею раздѣла Польши, вслѣдствіе чего обѣ послѣднія державы будутъ расположены помочь Россіи при назначеніи мирныхъ условій Портѣ [1]).

По мнѣнію Каткарта, планъ раздѣла принадлежалъ Фридриху, имѣвшему въ виду захватить польскую Пруссію, и задуманъ имъ сообща съ Австріею, помимо Россіи, которая хотя и несочувствовала ему, но вынуждена была приступить къ нему для избѣжанія общей войны [2]). По свидѣтельству Каткарта и Гуннинга, положеніе Россіи было затруднительное,—турецкая война сильно истощила ее [3]); „отчетъ, данный мнѣ сэромъ Ч. Ноульсомъ, говоритъ Гуннингъ, о состояніи ихъ флота былъ бы невѣроятенъ, если бы сообщало его другое лице" и т. д. Между тѣмъ Австрія заняла явно враждебное положеніе относительно Россіи. Согласіе Россіи на раздѣлъ Польши устраняло эту опасность и отдаляло Австрію отъ Франціи, хотя нужно замѣтить, не особенно сближало ее съ Россіею относительно Турціи. Въ отношеніи къ Пруссіи, Суффолькъ совершенно вѣрно предсказывалъ, что вслѣдствіе заключенія этого дѣла (о раздѣлѣ) привязан-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 95, p. 224, 12 (23) July 1771.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 108 и 115 стр. 249 и 261, № 119 и 124 сл., стр. 265 и 272 сл. Kathcart 1772; № 136 и 159, стр. 290 и 337 Gunning. Впрочемъ о раздѣлѣ см также № 123 стр. 270, № 126 стр. 277, № 129 стр. 280 и др.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 69, p. 163, № 147, p. 312.

ность Фридриха къ петербургскому двору вѣроятно утратитъ краеугольный камень, служившій ему основаніемъ; что при помощи этой связи онъ пріобрѣлъ новыя владѣнія, а теперь станетъ отыскивать наилучшія средства для сохраненія ихъ [1]). Правда, Фридрихъ и послѣ того, по поводу шведскихъ дѣлъ, далъ петербургскому кабинету сильнѣйшія увѣренія въ его неодобреніи шведской революціи и дѣйствій его племянника, и въ готовности его содѣйствовать Императрицѣ во всякой мѣрѣ, признанной полезною по этому поводу, и въ этомъ духѣ написалъ даже письмо Густаву, но тутъ дѣйствія его имѣли такой-же разсчетъ, какъ и его общая съ Россіею политика относительно Польши,—въ виду шведскаго переворота и съ цѣлью возстановленія конституціи 1720 года имѣлось въ виду употребить противъ Швеціи военныя демонстраціи сообща Россіею, Даніею и Пруссіею, причемъ въ случаѣ надобности Фридриху предоставлялось завладѣть шведскою Померaніею [2]).

Такимъ образомъ англійское правительство сознавало вынужденность русской политики въ отношеніи раздѣла Польши. Но какъ мы видѣли, съ одной стороны оно предвидѣло послѣдствіемъ раздѣла неблагопріятное для Англіи измѣненіе политики Пруссіи, а во вторыхъ самый фактъ раздѣла былъ непріятенъ Англіи, такъ какъ онъ затрогивалъ ея интересы, а между тѣмъ русское правительство поступало въ этомъ случаѣ совершенно скрытно отъ Англіи.

---

[1]) Сб Р. Ист. Об. XIX, № 145, p. 310, Suffolk to Gunning 2 Octob. 1772. Почти тоже самое говоритъ Каткартъ въ запискѣ Гуннингу, въ іюлѣ 1772 года тамъ-же № 135, p. 289): „Интересы короля прусскаго, какъ только онъ покончитъ дѣла съ Императрицею, конечно побудятъ его вступить въ союзъ съ Францію, чтобы обезпечивъ себя противъ Австріи, и со Швеціей для внушенія большаго уваженія Россіи. При такихъ обстоятельствахъ, если мы вступимъ въ союзъ съ Россіею, является гораздо болѣе вѣроятности, что помощь наша потребуется а едва только мы двинемся, король прусскій не преминетъ немедленно овладѣть германскими владѣніями Англіи". Здѣсь высказались всѣ причины недовѣрія Англіи къ Пруссіи. Кромѣ того — Данцигскій вопросъ.

[2]) Сб. Р. И. Об. XIX, № 152, p. 320, деп. Гуннинга 14 (25) сент. 1772; № 156, стр 331.

Договоръ о раздѣлѣ Польши былъ подписанъ 14 (25) іюня, но это событіе было тщательно скрыто отъ Гуннинга [1]), и лишь въ концѣ сентября Панинъ сообщилъ ему о ходѣ и результатѣ переговоровъ по этому предмету съ Австріею и Пруссіею, а англійскому правительству сообщена коллективная декларація союзниковъ Польшѣ [2]). Извиняясь въ томъ, что переговоры эти были ведены въ тайнѣ отъ представителя Англіи, Панинъ объяснилъ ему, что причиною этой тайны, условленной тремя договаривавшимися державами, было желаніе устранить отъ вмѣшательства Францію, и что охлажденіе между нею и Австріею, долженствовавшее быть послѣдствіемъ раздѣла Польши, составляетъ выгодное и для Россіи, и для Англіи обстоятельство. Не таковъ былъ однако взглядъ Англіи. По полученіи этого сообщенія, въ декабрѣ 1772 г., Гуннингъ по приказанію своего правительства, въ разговорѣ объявилъ, что польскій раздѣлъ причинилъ Англіи значительный вредъ, такъ какъ онъ подрываетъ одну изъ главныхъ и выгоднѣйшихъ отраслей англійской торговли [3]), что это обстоятельство не можетъ не вызвать ропота въ Англіи, и хотя изъ деликатности и дружбы къ Императрицѣ король рѣшился хранить молчаніе по этому вопросу, но онъ надѣется, что русскій дворъ, безъ содѣйствія котораго не могли бы имѣть мѣста столь несправедливыя дѣйствія прусскаго короля, своимъ посредничествомъ предупредитъ ихъ вредныя послѣдствія. Панинъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ основанія полагать, что Фридрихъ готовъ рѣшить данцигскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ для Англіи, что для Россіи необходимо было поступить относительно польскаго раздѣла именно такъ, какъ она поступила, чтобы не повергнуть Европу въ общую войну, что одинъ только польскій раздѣлъ помѣшалъ

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 130 сл. стр. 282 сл., № 137 стр. 291 и др. Лѣтомъ 1772 г. въ Англіи ничего достовѣрнаго о раздѣлѣ не было еще извѣстно, и даже для Каткарта и Гуннинга это былъ a mysterious subject; тамъ-же № 113 стр. 259, № 121 сл. стр. 268 сл.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 144, p. 305 текстъ декларацiи; № 150, p. 316, депеша Гуннинга отъ 7 (18) сент. 1772.

[3]) Торговлю съ Данцигомъ.

Австріи обнажить мечъ и охладилъ отношенія, существовавшія между нею и версальскимъ дворомъ, и наконецъ увѣрилъ Гуннинга, что англійскіе интересы въ этомъ дѣлѣ будутъ ограждены, и Англія ни въ какомъ случаѣ не пострадаетъ отъ него [1]).

Очевидно, раздѣлъ Польши не могъ не подѣйствовать неблагопріятно на отношенія Англіи къ Россіи; но несмотря на это англійское правительство не поддалось внушеніямъ Франціи къ противодѣйствію раздѣлу, — оно не допускало общности интересовъ съ Франціею, а быть можетъ полагалось на обѣщанія Россіи относительно рѣшенія данцигскаго вопроса въ смыслѣ желаемомъ Англіею [2]).

Еще непріятнѣе подѣйствовало на Англію сближеніе Россіи съ Пруссіею и Австріею въ связи съ вопросомъ о посредничествѣ въ примиреніи Россіи съ Портою.

Съ объявленіемъ войны Англія осталась вѣрна своей традиціонной политикѣ на Востокѣ,—она немедленно-же предложила въ Константинополѣ свои добрыя услуги и посредничество для примиренія Порты съ Россіею [3]). Но въ Лондонѣ „съ удивленіемъ“ узнали, что Императрица недовольна тѣмъ, что король предложилъ свое посредничество Портѣ, не снесшись предварительно объ этомъ съ Петербургскимъ дворомъ. „Въ этомъ случаѣ король желалъ какъ можно скорѣе воспользоваться готовностью Порты принять вмѣшательство дружественной державы прежде чѣмъ война стала неизбѣжной. Надо было воспользоваться этой минутой, причемъ естественно, нельзя было допустить отсрочки писать въ Петербургъ и ждать оттуда отвѣта. Король не отказывается отъ соединеннаго посредничества короля прусскаго въ случаѣ, еслибъ Россія того пожелала,

[1]) Сб. Р Ист. Об. XIX, № 157 стр. 334, Suffolk 10 Nov., № 159 стр. 336, Gunning 3 (14) Dec. 1772; № 178 стр. 366 Суффолькъ Гуннингу 36 іюля 1773 года. Raumer, II, 569. Самъ Фридрихъ сознавался, что съ раздѣломъ вся польская иностранная торговля переходила въ его руки; Соловьевъ XXVIII, 364.

[2]) Raumer II, 397, 471 сл., 473 сл. 480 547 сл.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XII № 212, 215 и 219.

но въ то-же время онъ желалъ бы, чтобъ его особенныя ото всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ отношенія къ туркамъ, а также и то, что онъ съ самого начала добровольно предложилъ свои услуги, побудили бы императрицу разсматривать его посредничество достаточнымъ само по себѣ, безъ присоединенія къ нему государя, который хотя и другъ Россіи, но по отношенію къ Великобританіи въ послѣднее время заявилъ себя совсѣмъ съ другой стороны; „впрочемъ король ни въ какомъ случаѣ не откажетъ императрицѣ въ своемъ посредничествѣ“ [1]), писалъ статсъ-секретарь Рочфордъ Каткарту. Король не отказывался, но отказалась Екатерина, — Панинъ объявилъ Каткарту, что по его мнѣнію настоящая минута неудобна для переговоровъ и что условія будутъ зависѣть отъ успѣховъ оружія[2]). Такъ какъ и Порта на предложенія англійскаго посла Муррэя тоже отвѣтила, что считаетъ время неблагопріятнымъ для мирныхъ переговоровъ [3]), то попытка Англіи осталась пока безъ всякихъ послѣдствій. Но англійское правительство не теряло надежды, и въ декабрѣ 1769 г. Каткартъ писалъ Муррэю въ Константинополь, чтобы онъ дѣйствовалъ въ духѣ миролюбивомъ, такъ какъ положеніе Турціи опасно, и чѣмъ скорѣе будетъ заключенъ миръ, тѣмъ для нея лучше [4]).

Въ послѣдствіи, англійское правительство не переставало хлопотать о порученіи ему посредничества, и въ случаѣ согласія на него Россіи предлагало даже гарантировать будущій трактатъ ея съ Портою [5]).

Между тѣмъ Румянцеву предписано было написать великому визирю письмо съ предложеніемъ вступить въ мирные переговоры[6]), и объ этомъ сообщено Каткарту. Послѣдній

[1]) Тамъ-же, № 225, стр. 433, Rochford to Cathcart, 5 May 1769.
[2]) Сб. Р. И. Об. № 231, p. 453, Cathcart to Rochford, 22 May (2 June) 1769.
[3]) Gr Bretagne, Communications донесенія Муррэя 4 сент. 1769,—Порта отклонила посредничество à un tems convenable; ср. Сборн. Р Ист. Общества XIX № 10, стр. 39, № 34 сл. стр. 81 сл , № 93.
[4]) Тамъ же № 253, стр. 486. Арх. Гос. Сов. I, 39, 40.
[5]) См. выше стр. 235 и Raumer, II, 283; Арх. Гос. Сов., I, 58.
[6]) См. приложеніе 42.

вывелъ отсюда совершенно вѣрное заключеніе, что повидимому русское правительство намѣрено не прибѣгать къ содѣйствію посредниковъ, хотя, когда наступитъ удобная къ тому минута, Великобританіи будетъ оказано должное вниманіе [1]). Но удобная минута еще ни настала. Панинъ на запросъ Каткарта объяснилъ, что Порта въ послѣднемъ письмѣ каймакама къ министрамъ прусскому и австрійскому не упоминаетъ о королѣ великобританскомъ, сообщилъ ему содержаніе отвѣта, который будетъ посланъ императрицей на письмо Фридриха, въ которомъ будетъ сказано, что когда она обратится къ посредникамъ, то ея расположеніе и обязательства побудятъ ее пригласить англійскаго короля, который съ самаго начала предложилъ свои добрыя услуги и посредничество какъ Россіи, такъ и Портѣ; что въ случаѣ, еслибы она пригласила короля великобританскаго, Порта пригласила бы Францію, что остановило бы ходъ дѣла, такъ какъ она не можетъ допустить посредничества послѣдней; что она проситъ сообщить обо всемъ этомъ вѣнскому двору и т. д. Все это сообщено было Каткарту конфиденціально, прежде, чѣмъ кому либо другому, даже совѣту и гр. Сольмсу „въ доказательство безграничнаго довѣрія и внимательности императрицы“. Каткартъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе изъ этого: „По моему мнѣнію почти невозможно, чтобы миръ былъ заключенъ безъ участія посредниковъ, а послѣ этого объясненія пригласить Францію невозможно, Австрія откажется, и такимъ образомъ предложенія короля и его прусскаго в-ва, принятыя первоначально, сохранятъ прежнюю силу“ [2]). Между тѣмъ англійское правительство предпочло отказаться отъ посредничества при тогдашнихъ условіяхъ его. Въ октябрѣ 1770г. Рочфордъ сообщилъ Каткарту, что если трактатъ съ Англіею будетъ подписанъ и Россія поставитъ посредничество Великобританіи условіемъ sine qua non, то это обстоятельство можетъ побудить короля не отказывать въ своемъ содѣйствіи; но если союзъ будетъ по прежъ-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 45 сл., стр. 109 сл. Cathcart to Rochford Sept. (Octob.) 1770.

[2]) Тамъ-же XIX, № 47, p. 113 Cathcart to Rochford 28 Sept (9) Octob. 1770.

нему отклоненъ, посредничество Австріи принято, а приглашеніе императрицы будетъ такого свойства, что его можно будетъ счесть за пустой комплиментъ королю, то Каткартъ долженъ выразить русскому правительству опасенія на счетъ того, что при настоящихъ обстоятельствахъ согласіе его в-ва на подобное вмѣшательство можетъ быть признано несовмѣстнымъ съ его достоинствомъ, но во всякомъ случаѣ предложеніе дозволяется принять лишь ad referendum [1]). Каткартъ, видѣвшій нежеланіе императрицы допускать посредничество [2]), не рѣшился настаивать, и заявилъ Панину что гарантія русско-турецкаго трактата не обусловливается необходимо принятіемъ посредничества Англіи, а лишь тѣмъ, чтобъ трактатъ былъ заключенъ безъ всякаго посредничества, и чтобы императрица сообщила королю свои мирныя условія и по этому вопросу установилось единомысліе обоихъ монарховъ. [3])

Вопросъ о посредничествѣ и отношеніе къ нему русскаго правительства были непріятны Англіи не только потому, что она была устранена, но и вслѣдствіе принятія Россіею добрыхъ оффицій Пруссіи и Австріи. Англійскому правительству извѣстно было, что эти „добрыя оффиціи“ куплены были Россіею цѣною согласія ея на раздѣлъ Польши, что Фридрихъ далеко не сочувствуетъ интересамъ Россіи, что онъ напротивъ ведетъ всю свою политику къ одной цѣли—обогатиться на счетъ Польши и за мнимыя услуги Россіи выторговать у нея согласіе на присоединеніи Данцига [4]). Съ другой стороны, сближеніе съ Пруссіею неблагопріятно отражалось на отношеніяхъ Россіи къ Англіи. Уже Каркартъ объяснялъ неудачу проекта 8 сентября вліяніемъ на русское правительство внушеній Пруссіи [5]), а Гуннингъ высказывалъ совершенно справедливое мнѣніе, что „планы пріобрѣтеній его

[1]) Сб. Р. Ист, Об. XIX, № 41, p. 102, Rochford to Cathcart 19 Octob 1770. Соловьевъ XXVIII, 204 сл.
[2]) Сборн. XIX, № 74, стр. 186.
[3]) Тамъ-же, № 54, p. 132 Cathcart to Rochford 29 Octob (9 Nov.) 1770.
[4]) См. документы въ Gr. Bretagne 1769—1771.
[5]) СбИ ст. Об. XIX, № 54—57 и др. Соловьевъ XXVIII, 204 сл. Р

прусскаго в-ва были до того несовмѣстны съ интересами Англіи, что ему прежде всего слѣдовало помѣшать слишкомъ тѣсному союзу Англіи съ Россіею". [1])

Наконецъ, сближеніе Россіи съ Австріею также было непріятно Англіи, по старой памяти считавшей Австрію вѣрною союзницею Франціи [2]).

Мы разсмотримъ ниже обстоятельства, которыя привели русское правительство къ принятію „добрыхъ услугъ" Австріи и Пруссіи въ примиреніи ея съ Турціею. Что касается отказа, даннаго Екатериною предложеніямъ своихъ услугъ Англіею, то съ одной стороны онъ объясняется вообще нежеланіемъ императрицы допустить чье-бы то ни было вмѣшательство въ переговоры, а съ другой—недовѣріемъ ея къ посредничеству Англіи. [3]) Екатерина опасалась, что англійское правительство, въ виду торговыхъ интересовъ Англіи на Востокѣ, неблагопріятно относится къ одному изъ глав-

---

[1]) Сб. Р. Ист. XIX, стр. 282, депеша Гуннинга отъ $^3/_{14}$ іюля 1772; намеки на Данцигъ и Померанію.

[2]) „Принимая въ соображеніе связь Австріи съ Франціею и связь Пруссіи съ Австріею, а также дѣйствія двухъ послѣднихъ относительно Англіи въ Константинополѣ,—говорилъ Каткартъ Панину,—я не могъ видѣть безъ зависти признаки переговоровъ съ Пруссіею особенно въ пребываніе здѣсь пр. Генриха". Каткартъ заявилъ Панину, что всякая попытка сблизить Россію съ Австріею равносильна союзу съ Франціею и перемѣнѣ русской системы, немыслимой безъ нарушенія общихъ интересовъ Англіи и Россіи. На это заявленіе Панинъ отвѣчалъ, что Австрія принимала свои мѣры относительно Порты независимо отъ Франціи, что Австрія и Пруссія согласны между собою относительно двухъ вопросовъ: 1) необходимости окончить войну во избѣжаніе дальнѣйшаго ея распространенія, желаемаго Франціею, и 2) исключенія Франціи отъ всякаго участія въ посредничествѣ; что и то, и другое соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи, тѣмъ болѣе, что настоящее поведеніе Австріи, хотя и не обусловленное основаніями, пріятными для Россіи, должно посѣять сѣмена раздора съ Франціею ко благу всѣхъ державъ, любящихъ миръ. Сб. Р. И. Об. XIX, № 57 стр. 138, Каткартъ 9 (20) нояб. 1770.

[3]) Впрочемъ Каткартъ не скрылъ отъ русскаго правительства, что на сдѣланныя англ. посломъ въ Константинополѣ Муррэемъ Портѣ предложенія, Порта отвѣчала, что она рѣшилась предварительно испытать военное счастіе. См. Communications Каткарта въ М. Гл. Архивѣ, Gr. Bretagne.

ныхъ условій, поставленныхъ ею для примиренія съ Турціею,—къ условію о признаніи свободы русской торговли и судоходства въ Черномъ морѣ [1]).

Надо замѣтить, что въ теоріи англійское правительство совершенно правильно опредѣляло роль посредника: „Король и его министры, говоритъ Рочфордъ [2]) нимало не считаютъ посредника лицомъ, могущимъ предписывать законы договаривающимся сторонамъ, но въ то же время и не пассивнымъ орудіемъ сношеній, а лицомъ имѣющимъ право употреблять дружескія увѣщанія для того, чтобы склонить обѣ договаривающіяся стороны взаимно удовлетвориться умѣренными и приличными условіями. И съ этой точки зрѣнія, прибавляетъ онъ, „его в.-во не могъ не разсматривать себя ближайшимъ посредникомъ между двумя державами, съ которыми онъ всегда былъ связанъ интересами и дружбой".

Что-же англійское правительство признавало „умѣренными условіями? По его мнѣнію, мысль образовать ихъ Малой Татаріи, Валахіи и Молдавіи независимыя государства „не вполнѣ соотвѣтствуетъ предположеннымъ въ петербургскомъ дворѣ умѣреннымъ началамъ не расширять своихъ владѣній, и отчасти идетъ въ разрѣзъ съ нѣкоторыми другими мыслями объ упроченіи мира, такъ какъ независимыя государства такого рода въ сущности немыслимы иначе, какъ при полной зависимости отъ Россіи". [3]) О тре-

---

[1]) По поводу реляціи гр. Чернышева отъ 3 марта 1769 г., въ которой онъ сообщалъ, что англійскому послу въ Константинополѣ приказано слѣдовать за визиремъ въ походъ, дабы при ожидаемомъ случаѣ разбитія турокъ онъ могъ преклонить ихъ къ миролюбивымъ мыслямъ, императрица писала Панину: „Prenez garde que ces étourdis d'anglois n'aillent vous croquer une prétendue paix à la première occasion, que vous serez obligé de désavouer; le mieux seroit de les prier de ne pas s'en mêler si chaudement, amis et ennemis nous envient déja les avantages qu'ils craignent que nous ayons, et l'acquisition seule d'un pied sur la mer Noire est très capable d'exciter la jalousie des anglois, qui pensent dans ce moment petitement et qui toujours sont marchands. Сб. Р. Ист. Об., XIX, p. IV.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 225, Rochford to Cathcart, 5 May 1769.

[3]) Сб. Р. И. Об. XII, № 236, p. 459 Rochford. to Cathcart 30 June 1769; Соловьевъ, XXVIII, p. 100—103; ср. № 250, p. 483 Rochford 24 Nov. 1769.

бованіи Россіею судоходства въ Черномъ морѣ умалчивается въ депешѣ, потому что русскія условія были еще неизвѣстны англійскому правительству. [1])

Потомъ, осенью 1770 г., когда англійское правительство задумало замѣнить casus foederis противъ Турціи предложеніемъ Россіи гарантіи мирнаго трактата, оно обусловило гарантію принятіемъ Россіею посредничества Англіи, и подъ этимъ условіемъ обѣщало старанія при Портѣ въ пользу уступки ею Азова, Кубани, Кабарды и свободы судоходства въ Черномъ морѣ. [2])

О мнѣніи англійскаго правительства по этому вопросу за это время мы можемъ судить по слѣдующему отзыву министерства: „Не могу не высказать вамъ, писалъ Рочфордъ Каткарту,—что мысль, которой держатся въ С.-Петербургѣ относительно открытія торговли на Черномъ морѣ для всѣхъ народовъ, можетъ вызвать сильныя возраженія. Какъ вамъ хорошо извѣстно, турки съ давняго времени не допускали ни одного изъ европейскихъ народовъ къ участію въ этой торговлѣ и всѣ торговыя государства постоянно соглашались на это исключеніе. Завоеванія Россіи конечно, не подаютъ имъ повода ожидать подобной выгоды и они не разсчитываютъ на это и въ будущемъ. Ближайшіе виды Россіи при этомъ проектѣ очевидно состоятъ въ томъ, чтобы проложить себѣ кратчайшій путь въ Средиземное море, (the obvious view of R.. is to get a short passage into the M.) что въ случаѣ согласія Порты, являющагося впрочемъ весьма сомнительнымъ, неизбѣжно возбудило бы зависть (jealousy) тѣхъ народовъ, въ чьихъ рукахъ до тѣхъ поръ находилась торговля въ этомъ морѣ, и по всей вѣроятности могло бы внушить опасенія за ихъ владѣнія, расположенныя въ тѣхъ краяхъ, на будущее время. Съ другой стороны, и безъ этого столь важнаго измѣненія во всей европейской торговлѣ, уже плаваніе по (самому) Черному морю вмѣстѣ съ турками и

---

[1]) Лѣтомъ 1769 г. Каткартъ сообщаетъ Рочфорду свою догадку о русскихъ условіяхъ: независимость Молдавіи и Валахіи и доступъ къ Черному морю *черезъ Донъ*; депеша отъ 24 Іюля—4 Августа, № 237, p. 463.

[2]) Raumer II, стр. 283; Арх. Г. Сов. I, 58 зас. 9 сент. 1770.

при исключеніи всѣхъ прочихъ народовъ, должно послужить для Россіи значительнымъ и прочнымъ увеличеніемъ ея силы и богатства, (without making so great an innovation in the face of commerce in Europe, the navigation of the B. S. in common with the T. to the exclusion of all other nations, must be a great and solid accession...) Улучшеніе ея владѣній лежащихъ въ сосѣдствѣ Чернаго моря относительно населенности и культуры (особенно же при дѣйствительной безопасности отъ татаръ) должно естественно составить для нея вторую весьма важную цѣль. Словомъ, здѣсь открывается широкое поле для усиленія славы и могущества Россіи, безъ непосредственнаго посягательства на права (the walk) другихъ державъ, которое возбудило бы ихъ безпокойство, чтобъ не сказать болѣе“ Относительно владѣнія Очаковымъ и независимости татаръ Рочфордъ опасается возраженій Австріи, которая въ такомъ случаѣ постарается помѣшать заключенію мира и даже можетъ прямо вмѣшаться съ цѣлью воспротивиться этому, „при чемъ была бы устранена возможность гарантіи его в-ва“. Эти соображенія сообщены Каткарту, чтобы при случаѣ воспользоваться ими въ разговорѣ съ Панинымъ, и приготовить его къ тѣмъ возраженіямъ „которыя, я надѣюсь, будутъ имѣть вліяніе на него и на императрицу въ случаѣ еслибъ со временемъ Его В-во былъ бы вынужденъ принять рѣшеніе по этимъ вопросамъ“. [1])

Лишь 18 февраля (1 марта) 1771 года Каткартъ „подъ величайшимъ секретомъ“ сообщилъ своему правительству неоффиціально полученныя имъ свѣдѣнія объ условіяхъ, которыя императрица намѣрена требовать для заключенія мира. [2]) Въ общемъ условія указаны вѣрно: уступка Азова,

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 53, стр. 128 сл., 30 нояб. 1770. Надо замѣтить, что въ началѣ 1771 г. русскія условія не были еще оффиціально сообщены Англіи, а она узнала объ нихъ чрезъ Муррэя; вообще Англія не возражала противъ нихъ. Тамъ-же № 70 и 73. Англія ожидала требованія Россіею независимости татаръ, гавани въ Черномъ морѣ и свободы торговаго судоходства *до Константинополя*.

[2]) По словамъ Каткарта, онъ ихъ видѣлъ въ черновикѣ, они не были пока „изложены на бумагѣ и еще недостаточно выработаны для того, чтобы быть предложенными Совѣту“.

независимость татаръ и княжествъ, двадцатилѣтній доходъ съ княжествъ, свобода торговли въ Черномъ морѣ и островъ въ Архипелагѣ. Но, по мнѣнію Каткарта, „высокій умъ императрицы и полезные совѣты подаваемые ей“ даютъ надежду, что „общество никогда не услышитъ о независимости княжествъ, о секвестрѣ доходовъ, объ островѣ и о плаваніи въ Архипелагѣ, *въ случаѣ чего*, я увѣренъ, Его В-во найдетъ ея требованія умѣренными.“ [1]) Съ оговоркою, что при незаконченной редакціи этихъ условій, обсужденіе ихъ является преждевременнымъ, герц. Галифаксъ однако выразилъ свое полное согласіе съ мнѣніемъ объ нихъ Каткарта, и въ депешѣ къ нему отъ 5 апр. 1771 г. [2]) высказывается противъ тѣхъ „трехъ вопросовъ, противъ коихъ онъ такъ справедливо возражалъ, *особенно*-же противъ послѣдняго изъ нихъ; ибо,—говоритъ онъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что даже наиболѣе дружественныя къ Россіи европейскія державы необходимо должны отнестись крайне несочувственно (must be utterly averse) къ мысли ея о владѣніи островомъ въ Архипелагѣ.“ Въ заключеніе Галифаксъ предлагаетъ Каткарту сообщить это Панину „подъ видомъ своего собственнаго мнѣнія“.

Наконецъ, въ данныхъ Гуннингу инструкціяхъ, ему разрѣшается, въ случаѣ желанія императрицы, выразить согласіе Англіи на употребленіе добрыхъ оффицій для примиренія Россіи съ Турціею, но подъ условіемъ, чтобы Англія была главною стороною въ посредничествѣ. Но„ каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ переговоровъ, вы не преминете изгладить въ умѣ императрицы и ея министровъ всякое подозрѣніе относительно того, будто Англія питаетъ зависть къ расширенію русской власти на берегахъ, или

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX стр. 190 сл., № 77, Каткартъ 18 февраля—1 марта 1771. Кстати Каткартъ выражаетъ мнѣніе, что Австрія едва-ли будетъ возражать противъ независимости татаръ, такъ какъ ей выгодно всякое усиленіе торговли на Черномъ морѣ, турки будутъ лишены опаснаго орудія, а бендерскій гарнизонъ всегда послужитъ достаточнымъ оплотомъ противъ замысловъ Россіи.

[2]) Ibid. № 80, стр. 195 сл.

водахъ Чернаго моря, оставляя притомъ Дарданеллы закрытыми для прохода русскихъ кораблей“ (with respect to jealusies entertained by us of any territorial or maritime acquisitions she may make on the Black sea exclusive of a passage for Russian ships from that sea to the Mediterranean. [1]).

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ заявленій англійскаго правительства мы видимъ, что недовѣріе русскаго правительства къ Англіи въ отношеніи содѣйствія ея достиженію Россіею одного изъ главныхъ условій замиренія ея съ Турціею, по меньшей мѣрѣ имѣло нѣкоторое основаніе, и что во всякомъ случаѣ посредничество Англіи не представило бы никакихъ особенныхъ выгодъ сравнительно съ посредничествомъ Пруссіи и Австріи [2]). Замѣтимъ впрочемъ, что гр. А.

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 120, стр. 265 сл. (27 Мая 1772.) Замѣтимъ что герцогъ д 'Эгильонъ въ разговорахъ съ англійскимъ посланникомъ (1771-1772) неоднократно обращалъ вниманіе послѣдняго на требованіе Россіею отъ Порты уступки Крыма съ цѣлью полученія свободнаго доступа въ Черное море, стараясь убѣдить его, что достиженіе ею этого условія было бы одинаково вредно, какъ для Франціи, такъ и для Англіи, пот. что въ этомъ случаѣ Россія завладѣетъ всею черноморскою торговлею и будетъ доставлять Турціи много такихъ товаровъ, какіе до этого времени доставлялись послѣдней французами и англичанами, мало того— Россія будетъ тогда угрожать самому Константинополю; герцогъ „удивлялся“, что Англія такъ равнодушно относится къ этой опасности. (Raumer, Europa II, 395 сл. 471 сл.) 479 сл. Но ничто не помогало. Англійскій посланникъ выражалъ полнѣйшее равнодушіе, а англійское правительство вполнѣ одобрило его поведеніе,—признавая вредъ для англійскихъ интересовъ отъ завладѣнія Крымомъ и свободы русскаго судоходства въ Черномъ морѣ, оно находило, что все таки можно полагать, что они значительно повредятъ французской торговлѣ въ Левантѣ. Raumer ibid 473 сл.

[2]) 17 Декабря 1773 года гр. Суффолькъ сообщилъ Гуннингу (Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 192, стр. 386 сл). что нашъ посланникъ въ Лондонѣ, А. С. Мусинъ Пушкинъ высказалъ ему сильное желаніе, чтобы король употребилъ свои добрыя оффиціи для умиротворенія, завѣряя, что убѣжденъ въ согласіи на это своего двора. *) Англійскому правительству такое внезапное предложеніе показалось подозрительнымъ; и дѣйствительно, оказалось, что Пушкинъ поступилъ самовольно. Но любопытенъ не столько этотъ фактъ, сколько отвѣтъ Панина на сообщеніе Пушкина. Онъ писалъ: „Вы сами, государь мой, можете конечно припамятовать, что отъ самаго

*) Въ депешѣ Панину Пушкинъ сообщалъ, что выразилъ желаніе, чтобъ „заключеніе мира было совершено англійскими руками безъ всякой формальной медіаціи“.

Г. Орлову разрѣшено было вступить въ переговоры съ Портою чрезъ посредство котораго либо ихъ министровъ дружественныхъ дворовъ, какъ-то: берлинскаго, лондонскаго и вѣнскаго. [1])

Поведеніе Англіи послѣ шведскаго переворота соотвѣтствовало отношеніямъ, установившимся между ею и Россіею, и нисколько ихъ не измѣнило. 1 сентября 1772 года, гр.

почти начатія войны нашей съ Портою, лондонскій дворъ, какъ здѣсь, такъ и при оной въ разныхъ попыткахъ оказывалъ желаніе свое къ принятію на себя формальнаго или просто дружественнаго посредства, и что мы оное съ пристойными привѣтствіями всякій разъ отклоняли по той причинѣ, дабы чрезъ принятіе или допущеніе съ нашей стороны англійскаго посредства не подать взаимно туркамъ случая и предлога требовать равномѣрнаго допущенія для Франціи, ибо оное ни съ достоинствамъ, ни съ интересами ея имп. вел. отнюдь согласоваться уже не можетъ. Варность сего возраженія столь очевидна, что давно и пересталъ англ. дворъ самъ собою представлять свое посредство, которое впрочемъ, скажу я здѣсь въ откровенности, по торговымъ его съ землями Порты сопряженіямъ. могло быть сколько ни есть рѣшительнымъ въ нашу пользу. —А съ того времени, когда и мы, и Порта взаимно согласились употреблять добрыя старанія дворовъ вѣнскаго и берлинскаго, кои чрезъ быть ность министровъ ихъ на фокшанскомъ конгрессѣ сдѣлались уже свѣту извѣстными, настоитъ тѣмъ меньше нужды, да и самой возможности требовать новаго содѣйствія со стороны англійскаго двора.—Умноженіе посредственниковъ не воспоспѣшествовало бы по всей вѣроятности успѣху такого дѣла, которое еще само въ себѣ не созрѣло, а напротивъ того могло бы насъ безъ всякой пользы привесть *въ остуду съ обоими* дворами, принявшими на себя добрыя оффиціи по собственному нашему приглашенію.—Въ заключеніе хочу я еще изъ благонамѣренности моей къ вамъ примѣтить, что и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и случаяхъ вообще не должно осторожному министру поступать *собою* на многозначащіе отзывы или внушенія; ибо сколько бы онъ самъ по себѣ ни имѣлъ природной остроты, однакожъ ею одною не можетъ въ отсутствіи проникать совершенно всей связи и прямыхъ намѣреній двора своего. Сверхъ же того и самое политическихъ дѣлъ свойство не таково, чтобъ требовало скоропостижности, недозволяющей испросить себѣ точныхъ повелѣній отъ тѣхъ, кои цѣлымъ кругомъ дѣлъ управляютъ; въ нихъ бываютъ сверхъ того нерѣдко и такія перемѣны, кои въ наружности своей и на всегда сокровенными остаются для всѣхъ тѣхъ, кои въ нихъ безпосредственнаго участія не имѣютъ. Сб. Р. И Об. XIX стр. XIV сл.; ср. № 199, стр. 395.

1) Рескриптъ 22 мар. 1771, въ Сб. Р. Ист. Об. I, 73.

Суффолькъ, сообщая Гуннингу свои соображенія о значеніи переворота, приказываетъ ему между прочимъ [1]), сообщить Панину, что „король чувствуетъ себя заинтересованнымъ въ этомъ событіи и готовъ дѣйствовать за одно съ императрицей во всѣхъ мѣрахъ, клонящихся къ сохраненію шведской конституціи, даже уклониться отъ своего плана и согласиться на денежныя субсидіи". Поэтому слѣдуетъ разузнать намѣренія русскаго правительства, и какой суммы оно потребуетъ. Впрочемъ относительно этого пункта слѣдуетъ „ограничиться общими выраженіями, не обязываясь принять расходы pari passu и вообще не принимая отъ имени короля никакихъ обязательствъ". Въ слѣдующей депешѣ Гуннингу, отъ 8 сентября [2]), гр. Суффолькъ еще болѣе ограничиваетъ предложенія Англіи. Онъ говоритъ, что король интересовался шведскими дѣлами лишь въ виду облегченія союза съ Россіею, и „конечно не станетъ дѣйствовать, ни хлопотать по этому дѣлу ни въ какомъ отношеніи до тѣхъ поръ, пока оно не вполнѣ выяснится. Еслибъ императрица объяснилась откровенно и удовлетворительно, настоящее дѣло получило бы другой оборотъ и дано было бы приказаніе къ немедленному и подробному разсмотрѣнію этого вопроса. Еслибъ Англія встрѣтила въ Россіи тотъ отвѣтъ, на который давало ей право неизмѣнное поведеніе короля относительно императрицы, еслибъ его посредничество не было отвергнуто, а союзъ съ нимъ пренебреженъ, я бы могъ высказаться яснѣе и снабдить васъ болѣе подробными инструкціями. Но заявленное въ послѣднее время невниманіе Россіи къ Англіи начинаетъ внушать намъ недовѣріе къ ея настоящимъ чувствамъ, а потому до тѣхъ поръ пока мы не получимъ какихъ-либо фактическихъ доказательствъ того, что они дѣйствительно таковы, какими ихъ намъ такъ часто и неправильно изображали, вы слишкомъ разсудительны, сэръ, для того чтобы ожидать болѣе положительныхъ инструкцій".

На основаніи такого отзыва англійскаго правительства

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 138, стр. 293.
[2]) Тамъ-же, № 139, стр. 295.

можно было бы предположить, что Англія оставалась безучастною зрительницею происходившихъ въ Швеціи событій. Между тѣмъ отношенія ея къ Франціи побудили ее принять въ нихъ хотя косвенное, но тѣмъ не менѣе весьма существенное участіе. Именно, отношенія къ Англіи не дозволяли русскому двору разсчитывать на дѣятельную помощь съ ея стороны, и хотя ожидали нѣкоторой поддержки со стороны Пруссіи и Даніи, пожалуй даже Англіи, но Екатерина выразила въ совѣтѣ совершенно основательное мнѣніе, что: „Держась всегда правила, что соединенныя силы болѣе вредны, нежели полезны, не должно намъ на другихъ полагаться, а надлежитъ, оставляя ихъ помогать намъ порознь, привести самимъ себя въ такое состояніе, какъ бы мы одни принуждены были вести войну“ [1]). По правдѣ сказать, на Пруссію надежды были довольно шатки, —Фридрихъ вовсе не былъ противъ переворота въ Швеціи, ибо не считалъ для себя выгоднымъ утвержденіе здѣсь русскаго вліянія, но онъ не желалъ впутываться въ войну, которую по обязательствамъ съ Россіею долженъ былъ поддерживать, [2]) эта поддержка не окупалась цѣною пріобрѣтенія Помераніи. Что касается Даніи, то она безъ помощи Англіи не могла двинуться [3]). Съ другой стороны, шведскій переворотъ совпалъ съ разрывомъ Фокшанскаго конгресса, Финляндія была слабо защищена, флотъ былъ въ Архипелагѣ и въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, сухопутныя силы нужны были въ Польшѣ и Турціи, наконецъ и финансовое положеніе Россіи было не таково, чтобы можно было безъ опасеній рѣшиться на новую войну. Поэтому рѣшено было, по крайней мѣрѣ на первое время, ограничиться одними оказательствами. [4]) Собственно

[1]) Засѣд. Совѣта 16 авг. 1772 см. Арх. Гос. Сов. I, 192; ср. Соловьевъ, XXVIII, 397 сл и депеши Гуннинга отъ 21 авг. (1 сент.) и 14 (25) сент. 1772 въ Сб. Р. Ист. Об. № 143 и 152. Панинъ писалъ Румянцеву: Швеція пошевелиться не можетъ не повлекши на себя войны съ датской стороны и диверсіи въ ея Померанію войсками короля прусскаго (Рус. Арх. 1882, I, 88.)

[2]) Соловьевъ, XXVIII, 399 сл; Raumer II, 566 сл.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 143; Raumer II, 567.

[4]) Соловьевъ, XXVIII, 307 сл., 402. Въ письмѣ Обрѣскову отъ 24 авг. 1772

переворотъ, произведенный Густавомъ не представлялъ такой непосредственной опасности для Россіи, чтобы онъ требовалъ немедленнаго принятія военныхъ мѣръ и вооруженнаго вмѣшательства Россіи, но онъ встревожилъ русское правительство главнымъ образомъ потому, что онъ произведенъ былъ подъ вліяніемъ внушеній Франціи. [1]) Въ сущности опасеніе это имѣло вполнѣ достаточныя основанія,—шведскій переворотъ, задуманный еще Шуазелемъ, разчитанъ былъ на то, чтобы создать Россіи новыя затрудненія, если возможно, то даже вовлечь ее въ новую войну; и если въ данномъ случаѣ онъ не имѣлъ такихъ послѣдствій, то съ одной стороны потому, что во Франціи иностранной политикою управлялъ Эгильонъ, а съ другой стороны – благодаря участію, которое приняла въ разрѣшеніи этого дѣла Англія. Здѣсь мы опять видимъ повтореніе того-же, что было въ 1770 году относительно нашей архипелагской экспедиціи.

Несмотря на то, что съ Англіею Франція въ разсматриваемое время была постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ, —враждебность эта поддерживалась то вопросомъ о Корсикѣ (1768), то вопросомъ о Фалкландскихъ островахъ (1770-1771), то недоразумѣніями въ Индіи (1772), [2])—французское правительство разсчитывало склонить ее если не къ открытому противодѣйствію Россіи, то по крайней мѣрѣ къ нейтралитету въ случаѣ войны Швеціи съ Россіею.

На Швецію главнымъ образомъ направлена была агитаторская противъ Россіи дѣятельность французскаго правительства. Французское посольство въ Стокгольмѣ употребляло всѣ усилія, чтобы склонить Швецію къ платежу субси-

года Панинъ извѣщалъ его о шведскомъ переворотѣ и сообщалъ, что „рѣшено, смолчавъ передъ шведскимъ королемъ свои сентименты о новомъ происшествіи, не показывать казистыхъ мѣръ и распоряженій къ наступательнымъ дѣйствіямъ, но учинить однако всѣ оборонительныя приготовленія въ виду подозрительности для насъ инфлюенціи у шведскаго двора державъ, принявшихъ участіе въ перемѣнѣ правленія.“ (Снош. съ Турціею, affaires séparées, связ. 5.)

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 396 сл., 398, 401.

[2]) Raumer II, гл. 14, 356 сл; III, 63 сл; Flassan, VII, 45.

дій Портѣ и къ заключенію съ нею союза противъ Россіи [1]). И здѣсь опять-таки имѣлось въ виду отвлечь часть русскихъ силъ отъ Турціи и затянуть войну [2]); съ цѣлью отвлечь хотя часть русскихъ морскихъ силъ отъ Средиземнаго моря, французское правительство предлагало даже Швеціи выслать эскадру въ Балтійское море, отдавъ ее въ распоряженіе короля„ на случай какого-либо замысла противъ Швеціи.“ [3]) Цѣли поставленныя себѣ французскимъ правительствомъ въ его шведской политикѣ едва не были достигнуты,—ему удалось вызвать переворотъ 1771-1772 года, [4]) но ей помѣшала Англія.

Англія опасаясь осложненій въ европейскихъ дѣлахъ, не желала войны Россіи съ Швеціею, она не желала принимать участія въ ней [5]) и вообще не сочувствовала вооруженному вмѣшательству въ шведскія дѣла потому уже, что въ случаѣ войны Россіи съ Швеціею, въ ней приняла бы участіе Пруссія и получила бы въ такомъ случаѣ вознагражденіе въ видѣ пріобрѣтенія Помераніи. .,Хотя,– говоритъ гр. Суффолькъ въ одной изъ своихъ депешъ Гуннингу, [6])—,,среди новыхъ идей касательно раздѣловъ государствъ это представляется бездѣлицей (in the modern ideas which prevail of dismembring countries is ooked upon as a trifle), но король, понимая подобные вопросы совсѣмъ не такъ, какъ ихъ объясняютъ въ другихъ странахъ, къ желанію своему сохранить свободную конституцію Швеціи никогда не примѣшивалъ мысли объ уменьшеніи ея территоріи и законныхъ владѣній“. Съ другой стороны, въ виду равнодушія, постоянной сдержанности и невниманія русскаго правительства къ Англіи, англійское правительство рѣшилось занять совершенно пас-

---

[1]) Raumer; Соловьевъ XXVIII, 97 сл; Flassan VII, 56 сл.

[2]) Соловьевъ, XXVIII, 192. Впрочемъ дружба Швеціи нужна была Франціи и ради доступа ей въ Балтійское море.

[3]) Депеша Рочфорда 29 мар. 1771 въ Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 78 стр. 193.

[4]) Flassan, VII, 55 сл; Raumer, II, гл. 26.

[5]) Raumer, II, 566 сл. 568 сл. 571.

[6]) Тамъ-же, XIX № 156 стр. 331, депеша отъ 30 окт. 1772; ср. № 157. и Соловьева XXVIII, 415.

сивное положеніе [1]) и даже отказать Россіи въ участіи Англіи въ проектируемой Россіею декларации шведскому правительству.

Поведеніе Россіи и Франціи послѣ переворота вынудило однако Англію къ участію въ дѣлѣ. Нужно замѣтить, что русское правительство, зная подкладку шведскаго переворота, главнымъ образомъ тревожилась опасеніемъ, что Франція побудитъ Густава къ объявленію войны Россіи; съ другой стороны французское правительство, вызвавши переворотъ, испугалось его послѣдствій, опасаясь, что Россія нападетъ на Швецію, и тогда Франціи поневолѣ придется поддержать послѣднюю. И вотъ, она начинаетъ хлопотать, чтобы какъ-нибудь оградить Швецію отъ такой опасности. Съ этою цѣлью французское правительство старалось не допустить примиренія Россіи съ Турціею, чтобы доставить Швеціи возможность привести между тѣмъ въ порядокъ свои военныя силы, [2]) а герц. Эгильонъ старался убѣдить англійское правительство, будто Россія хочетъ войны съ Швеціею и что поэтому Франція необхмдимо должна оказать послѣдней помощь флотомъ [3]) причемъ, возбуждая Англію противъ Россіи и честолюбивыхъ замысловъ Екатерины, внушалъ ей мысль о сближеніи съ Франціею [4]); наконецъ Франція дѣлала даже воинственныя «оказательства», въ видѣ вооруженія флота въ Тулонѣ [5]). Трудно сказать, насколько французское правительство серіозно помышляло о войнѣ, тѣмъ болѣе, что какъ мы уже замѣтили, оно несомнѣнно дѣйствовало подъ вліяніемъ опасенія, что въ случаѣ примиренія Турціи съ Россіею послѣдняя объявитъ Швеціи войну [6]) къ которой Швеція не готова, и ей придется платить субсидіи. Во всякомъ случаѣ Англія дѣйствовала одинаково

---

[1]) Тамъ-же XIX, № 156 сл. стр. 332 ген. гр Суффолька 10 нояб 1772.
[2]) Raumer, II, 570.
[3]) Ibid. II, 571 сл. 577 сл.
[4]) Ibid. II, 572 сл. 580, 585.
[5]) Ibid. II, 583 сл.; Сборн. Р. И. Об. XIX, № 166 сл. стр. 346 сл., № 170. стр. 354.
[6]) Raumer. II, 570 сл.; Соловьевъ XXVIII, 404 сл. XXIX, 73.

умиротворяющимъ образомъ и на Россію, и на Францію,— Россіи англійское правительство прямо отказало во вмѣшательствѣ въ шведскія дѣла, [4]) а Франціи объявило, что въ случаѣ отправки французскаго флота въ Балтійское море на поддержку Швеціи, оно найдется вынужденнымъ снарядить свой флотъ на помощь Россіи; [5]) въ этомъ заинтересовано-де достоинство Англіи, такъ какъ она не можетъ оставаться равнодушною зрительницею вступленія французскаго флота въ Балтійское море, это было бы противно принципамъ національной и общей политики. Положимъ, при этомъ Англія руководствовалась не столько дружбою къ Россіи, сколько своими политическими интересами и опасеніемъ, чтобы Франціи не досталось господство въ Швеціи и на Балтійскомъ морѣ, поэтому она возражала лишь противъ поддержки Франціею Швеціи флотомъ и ничего не имѣла напр. противъ поддержки послѣдней французскими субсидіями [6]), но во всякомъ случаѣ данное въ Англіи распоряженіе къ изготовленію военнаго флота повело къ отмѣнѣ французскихъ вооруженій въ Тулонѣ, [7]) а энергія англійскаго правительства, въ связи конечно съ спокойнымъ поведеніемъ Густава, отвратили возможную войну Россіи съ Швеціею.

Между тѣмъ переговоры о союзѣ не подвигались. Явное несочувствіе Англіи вооруженному вмѣшательству въ Швеціи не могло быть пріятно русскому правительству. Съ другой стороны, изъ объясненій Панина съ Гуннингомъ можно вывести предположеніе, что русское правительство по прежнему недовѣряло Англіи вслѣдствіе постоянныхъ смѣнъ ея министерства, усматривая колебанія, нерѣшительность и непо-

---

[4]) Raumer II, 566 сл. 569.

[5]) Raumer II, 570, 575 сл.

[6]) Raumer II, 576, 582 сл.

[7]) Raumer II, 583 сл. Въ отвѣтъ на извѣстіе, что французское правительство намѣрено вооружить въ Туловѣ эскадру въ 18 кораблей подъ предлогомъ составить une flotte d'évolution, немедленно рѣшено было что „достоинство и безопасность короля не позволяютъ ему оставаться невооруженнымъ среди столь критическихъ обстоятельствъ“, и отданъ былъ приказъ изготовить соотвѣтственную англійскую эскадру. Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 166 сл. стр. 346 сл., № 170 стр. 354.

слѣдовательность въ ея политикѣ, [1]) что Панинъ выжидалъ заключенія мира, чтобы «составить такой проектъ союза, который соединилъ бы въ себѣ всѣ дѣйствительно взаимные интересы обоихъ дворовъ, независимо отъ интересовъ другихъ державъ“ [2]). Гуннингъ изъ этихъ разговоровъ вывелъ лишь заключеніе о полной почти безнадежности переговоровъ о союзѣ. [3])

Впрочемъ въ 1773 г. положеніе Россіи стало настолько критическимъ, что русское правительство уже само отъ себя рѣшило вновь поднять вопросъ о союзѣ. Именно, въ концѣ марта Панинъ заявилъ Гуннингу [4]), что независимо отъ окончанія войны, было бы своевременно и необходимо для обоихъ дворовъ принять какую-либо сторону, и вступить въ союзъ. Но условіемъ союза ставилось обязательство Англіи ограждать Данію отъ опаснаго для Россіи и усиливавшагося тамъ вліянія Франціи. [5]) Вслѣдъ за Панинымъ вопросъ о союзѣ поднятъ былъ самою императрицею въ разговорѣ съ Гуннингомъ. [6]) Повидимому она весьма интересовалась этимъ вопросомъ, такъ какъ неоднократно возвращалась къ нему. [7]) Но англійское правительство оказалось непреклоннымъ. Сомнительно, чтобы оно опасалось впутаться этимъ въ войну, такъ какъ Панинъ далъ Гуннингу самыя положительныя увѣренія въ томъ, что хотя Россія на всякій слу-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, №№ 92, 97, 98, 142, 154; Raumer II, 327 сл.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 154, стр. 323 сл. депеша Гуннинга отъ 26 сент. (7 окт.) 1772.

[3]) Тамъ-же, XIX, № 154 сл. стр. 323 сл., № 160 сл. стр. 338 сл.

[4]) Сборн. Р. И. Об. XIX, № 168, стр. 348 сл. деп. Гуннинга отъ 29 мар. (9 апр).

[5]) Сб. XIX, № 168 стр. 348 сл. депеша Гуннинга 29 мар. (9 апр.) 1773.

[6]) Тамъ-же № 175 стр. 359 сл., Гуннингъ 24 мая (4 іюня); № 182, стр. 372 сл. тоже 16 (27) іюля; № 186, стр. 378 тоже 24 сент. (5 окт.) 1773 г.; ср. также № 177 стр. 365.

[7]) Это объясняется кажется отчасти неудачею компаніи 1773 года, а отчасти тѣмъ, что Екатерина разсчитывала получить отъ Англіи помощь войскамъ для подкрѣпленія русской экспедиціи въ Архипелагѣ. Объ этомъ см. Архивъ Госуд. Совѣта, I, ст. 386 протоколъ засѣданія 7 окт. 1773 г.

чай и вооружается, но она не намѣрена объявлять войну Швеціи. [1]) Дѣло объясняется просто тѣмъ, что англійское правительство, совершенно впрочемъ справедливо, усматривало единственную разницу между прежними и новыми предложеніями императрицы въ замѣнѣ Швеціи Даніею, [2]) и отвергало эти новыя предложенія вслѣдствіе тѣхъ-же соображеній, оно не хотѣло соглашаться на *обязательство* въ пользу Даніи *въ видѣ условія* союзнаго трактата съ Россіею. [3]).

Положеніе вслѣдствіе этого представлялось въ такомъ видѣ: Англія дорожила дружбою съ Россіею, [4]) избѣгала всего, что могло бы быть ей непріятно, она даже желала союза съ нею, но на условіяхъ возможно льготныхъ для Англіи, съ возможнымъ устраненіемъ всякихъ обязательствъ относительно третьихъ державъ. [5]) Съ другой стороны русское правительство также находило союзъ и дружбу Англіи выгодными, но намъ кажется не лишеннымъ вѣроятія мнѣніе Гуннинга, что Панинъ увѣрилъ Екатерину въ томъ, что если Англія не согласится на русскія условія, то для Россіи лучше не вступать ни въ какія обязательства съ нею, такъ какъ она вслѣдствіе расположенія короля и англійскаго народа пользуется всѣми выгодами, которыя бы возникли для нея при обыкновенномъ оборонительномъ союзѣ, и что такъ какъ Англія всегда будетъ имѣть достаточно побужденій для того, чтобы помѣшать Франціи вступить въ Балтійское море, то по окончаніи турецкой войны, Россіи въ соединеніи съ Даніею, представится возможность предпи-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 168, стр. 348 сл.; это завѣреніе было совершенно искренно. Ср. Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, стр. 243 протоколъ засѣданія 29 апр. 1773.

[2]) Сб. Р. И. Об. XIX, № 168; № 171, стр. 354 деп. Суффолька 7 мая

[3]) „These would not admit of any stipulations in favour of Denmark, as a condition, in a treaty of alliance with H. J. M." Сб. Р. И. Об. XIX, № 175, стр. 360 сл.

[4]) Между прочимъ въ надеждѣ на посредничество Россіи для огражденія англ. торговыхъ интересовъ въ Данцигѣ. Сб. Р. И. Об. XIX № 178 стр. 366, № 183 стр. 374.

[5]) Сб. Р. И. Об. XIX, № 175.

сывать законы Швеціи и составить сѣверную систему независимо отъ Англіи. [1])

Подводя итоги разсмотрѣннымъ нами отношеніямъ между Англіею и Россіею, мы повторимъ выраженіе Гуннинга въ одной изъ его депешъ, что отношенія Англіи къ Россіи складывались иногда совершенно такъ, какъ бы между ними существовалъ оборонительный союзъ. Гуннингъ объясняетъ это обстоятельство силою общности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ политическихъ интересовъ обѣихъ державъ. Но это мнѣніе вѣрно лишь отчасти. Реальнымъ общимъ интересомъ у Англіи и Россіи были только торговыя отношенія. Но своихъ торговыхъ интересовъ въ Россіи, англійское правительство не смѣшивало съ торговыми интересами Англіи въ Турціи, поэтому первые не оказали никакого вліянія на поведеніе Англіи относительно войны Россіи съ этою державою, — поддержка оказанная Англіею русской экспедиціи въ Архипелагъ обусловлена была отношеніями Англіи къ Франціи и ихъ торговымъ соперничествомъ. Точно такъ-же и въ шведскомъ вопросѣ англійское правительство оказало существенную услугу Россіи отвѣтивъ распоряженіемъ объ изготовленіи англійской эскадры на распоряженіе французскаго о вооруженіи въ Тулонѣ эволюціонной эскадры предназначавшейся въ Балтійское море. Но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ мы видимъ главнымъ образомъ результатъ непріязненныхъ отношеній Англіи къ Франціи. Англія не признавала конечно никакой общности интересовъ съ Россіею по отношенію къ Турціи, но такъ какъ въ этомъ вопросѣ Франція дѣйствовала противъ Россіи, то своимъ противодѣйствіемъ Франціи, ради своихъ собственныхъ интересовъ, Англія невольно становилась какъ бы союзницею Россіи. Мнимое содѣйствіе ея Россіи въ сущности было лишь противодѣйствіемъ Франціи.

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 177, стр. 365; № 184 стр. 375 деп. Гуннинга 30 іюля (10 авг.) 1773. Что же касается увѣреній Гуннинга, будто заключенію союза мѣшала преданность русскаго двора и въ особенности Панина Фридриху, то основательность ихъ весьма сомнительна. Впрочемъ ср. тамъ-же №№ 160, 177, 179, 184, 192.

Значеніе торговыхъ интересовъ въ политикѣ Англіи относительно Россіи обнаруживается не столько въ мнимомъ активномъ содѣйствіи ея Россіи, сколько въ пассивномъ отношеніи ея къ такимъ дѣйствіямъ послѣдней, которыя были ей прямо непріятны. Въ этомъ случаѣ можно признать вполнѣ справедливымъ мнѣніе Фавіе [1]), что торговыми интересами Англіи въ Россіи объясняется расположеніе къ послѣдней англійскаго народа, въ виду симпатій и требованій котораго невозможно было, чтобы англійское министерство приняло участіе въ какомъ либо предпріятіи, несогласномъ съ видами Россіи, а тѣмъ менѣе—чтобы оно вошло въ обязательства, которыя были бы прямо противны имъ [2]).

7. Отношенія Россіи къ Пруссіи и Австріи.

При вступленіи на престолъ Екатерины II положеніе дѣлъ въ Европѣ было крайне запутанное. „Теперь въ Европѣ нѣтъ настоящей системы, говорилъ Панинъ прусскому министру гр. Сольмсу,—потому что тѣ, которыя образовала война, не могутъ считаться прочными, будучи или вынуждены, или созданы придворными интригами“ [3]). Австрія, Англія, Франція, Пруссія искали дружбы Россіи [4]).

---

1) Polit de tous les Cab. изд. 1793 г. I, 310 сл. 326 сл. (изд. 1794 г. I, 312 сл. 328 сл.)

2) Здѣсь Фавіе приводитъ примѣръ, который мы скорѣе объяснили бы приведеннымъ нами выше соображеніемъ о вліяніи на поведеніе Англіи ея соперничества съ Франціею,—что когда лордъ Муррэй въ 1772 г. послѣ заключенія союза между Пруссіею, Австріею и Россіею хотѣлъ измѣнить направленіе своей дѣятельности въ Константинополѣ, то лордъ Рочфордъ далъ ему предписаніе дѣйствовать по прежнему,—въ духѣ враждебномъ Франціи и ея интересамъ. Вспомнимъ, что одинъ изъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ людей въ Англіи—лордъ Чатамъ—былъ явнымъ противникомъ Франціи и сторонникамъ Россіи. „Ваше вельможество (Your lordship) знаете, что я совсѣмъ русскій,“—писалъ онъ въ 1773 г. лорду Шельборну. См. Stanhope, Will. Pitt et son temps, trad Guizot, II, ch. XIV.

3) Сб. Р. Ист. Об., XXII, № 4, le C-te de Solms au Roi, 29 Déc 1762 (9 Janv.) 1763. стр. 15; Häusser, Forschungen, IX, p. 68

4) Häuessr, IX, 73.

Но Императрица, примиривъ Пруссію съ Австріею рѣшилась выждать, выяснить себѣ положеніе европейскихъ державъ и потомъ уже избрать систему, „которая наиболѣе бы способствовала поддержанію въ Европѣ прочнаго мира, и соотвѣтствовала истиннымъ интересамъ Россіи [1]).

Въ чемъ-же состояли эти интересы Россіи, какъ ихъ понимали государственные люди того времени? Екатерина вступила на престолъ въ эпоху полнаго господства политики династической [2]), она была свидѣтельницей вѣроломства, несправедливостей, измѣнчивости политики и политическихъ комбинацій державъ вслѣдствіе одной лишь перемѣны ихъ государей или министерствъ, причемъ верховнымъ принципомъ политики едва-ли не всѣхъ державъ было: пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для присвоенія себѣ клочка чужой территоріи. Поэтому главною цѣлью Екатерины, какъ и всякаго правительства въ ту эпоху должно было быть — огражденіе себя отъ возможнаго нападенія извнѣ. Такого нападенія быть можетъ Россіи и не было основаній опасаться, но у Россіи были весьма ненадежные сосѣди: Швеція, Польша и Турція. Всѣ эти державы были слабы, всѣ онѣ подчинялись постоянно иностраннымъ вліяніямъ и враждебныя Россіи державы могли всегда воспользоваться ими для противодѣйствія интересамъ Россіи. Поэтому, если съ одной стороны система политики оборонительной всегда должна была быть поддерживаема въ полной силѣ для огражденія себя отъ всякихъ случайностей, то съ другой стороны представлялось необходимымъ имѣть активныхъ союзниковъ для активнаго противодѣйствія непріязненнымъ воздѣйствіямъ на слабыхъ сосѣдей Россіи.

Такими активными союзниками Россіи могли быть: Англія, отчасти Данія, и наконецъ Пруссія и Австрія. Мы видѣли отношенія Россіи къ Англіи; отношенія къ Даніи для насъ не представляютъ важности; остаются Пруссія и Австрія.

Когда, вскорѣ, по вступленіи на престолъ Екатерины,

---

[1]) Häusser. IX, 69; Соловьевъ XXV, 361.

[2]) Politique royale Лорана.

она предложила своимъ министрамъ извѣстные вопросные пункты относительно замиренія Европы при посредничествѣ Россіи, то Бестужевъ высказался за удовлетвореніе Австріи и Саксоніи на счетъ Пруссіи, опасной для Россіи, и за союзъ съ Австріею, могущею быть намъ полезной противъ Турціи. Въ томъ-же смыслѣ высказались Воронцовъ, вице-канцлеръ Голицынъ, Волконскій. Другіе, между прочимъ гр. Кайзерлингъ, высказались за сближеніе съ Пруссіею. Мы не станемъ разбирать мотивовъ, которыми обосновывали свое мнѣніе обѣ стороны,—вопросъ необходимо долженъ былъ получить рѣшеніе на практикѣ, въ силу политическихъ обстоятельствъ. Нужно замѣтить, что русская политика при вступленіи на престолъ Екатерины II имѣла три ближайшихъ объекта – Польшу, Швецію и Турцію, причемъ Польша вслѣдствіе ожидавшейся смерти Августа III, а Турція вслѣдствіе вопросовъ о татарахъ и о Черномъ морѣ обращали на себя особенное вниманіе русскаго правительства. Относительно Турціи Австрія по преданію считалась нашимъ союзникомъ, но интересы Россіи и Австріи не сходились въ отношеніи Польши; здѣсь напротивъ у Россіи оказались общіе интересы съ Пруссіею; наконецъ Пруссія и Австрія продолжали быть въ явно враждебныхъ отношеніяхъ. Всѣмъ этимъ объясняется рѣшеніе принятое Екатериною, отдѣлить польскій вопросъ отъ турецкаго, и держаться относительно польскихъ дѣлъ союза съ Пруссіею, а относительно турецкихъ – союза съ Австріею. Не касаясь вопроса о томъ, насколько представлялось возможнымъ сочетаніе такихъ противорѣчивыхъ задачъ и положеній, какъ дружба съ двумя врагами и общая политика съ ними для достиженія цѣлей взаимно имъ непріятныхъ, нельзя не замѣтить и случайность, непрочность интересовъ, на которыхъ предположено было основать эти союзы. Положимъ, и Австрія, и Пруссія одинаково искали сближенія съ Россіею, но такъ какъ причиною этого искательства была ихъ взаимная вражда и недовѣріе, то понятно, разъ Россія избирала дружбу одной, то отношенія къ ней другой невольно должны были попортиться. Съ другой стороны общность интересовъ Россіи и Австріи

основывалась единственно на старыхъ преданіяхъ, помнили примѣры союзовъ ихъ противъ Турціи, но забыли практическое примѣненіе и послѣдствія ихъ. Также и мнимая общность интересовъ Россіи и Пруссіи относительно Польши въ дѣйствительности не имѣла серіозныхъ основаній—она создана была обстоятельствами. Именно, мы видимъ два фактора создавшихъ союзъ Пруссіи съ Россіею. Во первыхъ,—крайне плачевное положеніе Пруссіи послѣ семилѣтней войны. Хотя благодаря успѣхамъ своего оружія и политики, она стала замѣтнымъ членомъ среди европейскихъ государствъ, но по собственному отзыву Фридриха II, ее можно было представить себѣ лишь „въ образѣ человѣка, покрытаго ранами, ослабленнаго потерею крови и близкаго къ смерти подъ гнетомъ своихъ страданій; ему необходимъ правильный режимъ для поправленія, возбуждающія средства для возвращенія ему энергіи и силъ, и бальзамы для окончательнаго уврачеванія его ранъ". И вотъ, онъ обратилъ все свое вниманіе на внутреннія реформы и твердо рѣшилъ не вмѣшиваться болѣе въ постороннія колоніальныя распри Франціи и Англіи [1]). Но Пруссія была изолирована, а въ XVIII вѣкѣ такое положеніе было слишкомъ рискованно. Чтобъ имѣть возможность мирнаго внутренняго развитія, необходимо было имѣть сильнаго союзника. Въ своихъ мемуарахъ Фридрихъ сознается, что одиночество, въ какое была поставлена Пруссія послѣ Губертсбургскаго мира и враждебность къ ней Австріи и Англіи побудили его искать новаго союзника, а такимъ союзникомъ могла быть только Россія. Другимъ факторомъ были враждебныя отношенія Пруссіи къ Австріи, и то обстоятельство, что и въ Польшѣ при предстоявшемъ избраніи новаго короля, и въ Курляндіи замѣшаны были интересы враждебнаго Пруссіи и поддерживаемаго Австріею саксонскаго дома, что избраніе на польскій престолъ лица, преданнаго Австріи, увеличило бы число непріязненныхъ Пруссіи державъ. Но въ дѣйствительности „общность интересовъ" Пруссіи и Россіи

[1]) Письмо принцу Генриху 24 февр. 1763. Oeuvres, XXVI.

въ вопросѣ объ избраніи польскаго короля сводилась къ тому, что обѣ державы одинаково нежелали избранія кандидата, хотя сколько-нибудь зависимаго отъ Австріи. У Екатерины при этомъ была опредѣленная цѣль—поставить на польскій престолъ с в о е г о кандидата, который въ благодарность за это былъ бы всегда ея послушнымъ подручникомъ. Фридрихъ-же готовъ былъ признать кого угодно, лишь бы угодить на первыхъ порахъ Екатеринѣ и не имѣть лишняго недруга. Поэтому [1]), хотя при вѣсти о смерти Августа III Екатерина вскочила со стула, а Фридрихъ—изъ-за стола [2]), но это не значило еще, чтобы интересы ихъ были въ этомъ случаѣ одинаковы.

Но несмотря на все это, и какъ ни была осторожна Екатерина въ составленіи своей политической системы, съ Пруссіею, по ея мнѣнію, интересы Россіи представлялись настолько тождественными, что она уже въ концѣ 1762 г. выразила надежду войти съ Фридрихомъ въ соглашеніе и условиться относительно союза, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ сравнительно съ условіями установленными Фридрихомъ съ Петромъ III. Эту общность интересовъ обѣ стороны усматривали прежде всего въ отношеніи къ Польшѣ [3]). Почва для сближенія дѣйствительно оказывалась удобною,—въ февралѣ 1763 г. распространились слухи о болѣзни Августа III и о предстоящей вакансіи польскаго престола. Немедленно-же прусскій посланникъ гр. Сольмсъ объяснился по этому поводу съ Панинымъ и оказалось полное тождество мнѣній,—и прусское и русское правительсство одинаково желали устраненія кандидатовъ поддерживаемыхъ Франціею и Австріею, одинаково желали поставить своего кандадата, который бы былъ за это на всегда *признателенъ* Россіи и

---

[1]) Письмо гр. М. Л. Воронцова Екатеринѣ изъ Берлина 6 окт. 1763, въ Арх. кн. Воронцова, VII стр. 629.

[2]) Записка Екатерины Панину.

[3]) Häusser Forschungen, IX, 61, 68 сл., 72 сл.; Сб. Р. Ист. Об. XXII, документы 1762—1763 г. особенно №№ 9, 14, 42, 97, 98 депеши Сольмса Фридриху II, №№ 48, 65 Finkenstein et Hertzberg à Solms, № 89 Roi à Solms-тамъ же XX, письма Фридриха Екатеринѣ №№ 10, 11, 13, 15.

Пруссіи [1]). Но и помимо общаго интереса относительно избранія польскаго короля русское и прусское правительства держались вполнѣ тождественныхъ общихъ взглядовъ въ своей политикѣ относительно Польши: то и другое одинаково находили неудобнымъ для себя утвержденіе тамъ прочнаго правительства и полезнымъ „qu'il y regne toujours une certaine confusion", [2]) то и другое были заинтересованы не допускать тамъ вліянія Франціи и Австріи.

Но это тождество далеко не распространялось на подробности и всѣ послѣдствія разъ установленнаго между Россіею и Пруссіею политическаго плана. Заявленное Фридрихомъ полное согласіе съ Екатериною во взглядахъ на польскій вопросъ вызвано было необходимостію. На первомъ планѣ у него всегда стояли его ближайшіе интересы, а эти интересы состояли въ томъ, чтобы обезпечить себя со стороны Австріи и Франціи. Поэтому, ища союза съ Россіею, онъ не прочь былъ дать всевозможныя обѣщанія относительно своего содѣйствія Россіи въ Польшѣ, лишь бы не допустить сближенія на почвѣ тѣхъ-же польскихъ дѣлъ Россіи съ другими, также заинтересованными здѣсь и враждебными ему державами—Франціею и Австріею [3]), сближенія, которое какъ ему было извѣстно, имѣло не мало сторонниковъ при русскомъ

---

[1]) См. письмо Фридриха Екатеринѣ въ Сб. Р. Ист. Об. XX, № 7 отъ 15 февр. 1763; ср. также №№ 9 и 10; Häusser, 72 сл., 76, 89 сл. По словамъ Екатерины, Станиславъ „изъ всѣхъ искателей имѣлъ наименѣе правъ и слѣд. наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи". Рус. Арх. 1878, № 2, стр. 290.

[2]) Сб. Р. Ист. Обр. XXII, №№ 53, 59, 63, 67, 84 депеши Сольмса Фридриху 1763 года, №№ 91 и 144 депеши Сольмсу 28 нояб. 1763 и 25 іюня 1764 г.; Häusser, Forschungen IX, 11, 30 сл. 82, 93, 83, 94. Эта цѣль выражена и во введеніи къ секретной конвенціи 31 марта 1764 года. Любопытно, съ другой стороны, что въ декларація 1772 г. Россіи Польшѣ относительно раздѣла, анархія въ Польшѣ была выставлена однимъ изъ мотивовъ раздѣла, См. Сб. Р. Ист. Об. XIX, № 144, стр. 307.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 98 Solms au Roi, 9 Dec. 1763; Далѣе мы увидимъ возраженія Фридриха противъ включенія въ „сѣверную систему" Саксоніи,—онъ опасался, чтобъ чрезъ посредство ея Россія не сблизилась съ Австріею. (Депеши Сольмсу 13 іюня и 17 іюля 1766 въ Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 238 и 244).

дворѣ. Болѣе всего онъ опасался Франціи и Австріи, а отъ нихъ онъ находилъ наилучшую защиту въ союзѣ съ Россіею,—въ этомъ союзѣ онъ находилъ обезпеченіе спокойствія Европы [1]).

Вообще Фридрихъ прежде всего думалъ о себѣ. „Я ищу оборонительнаго союза съ Россіей для безопасности моихъ владѣній", говоритъ онъ въ конфиденціальной депешѣ Сольмсу, „но я буду отвѣчать передъ своимъ государствомъ и потомствомъ если, изъ расположенія къ ней и совершенно безвозмездно, легкомысленно начну войну, которая будетъ мнѣ стоить тысячей людей, громадныхъ издержекъ, и разоритъ въ конецъ мою страну, еще не оправившуюся отъ бѣдствій войны, которую ей пришлось испытать... Главнѣйшая моя забота относительно Польши должна состоять въ томъ, чтобы охранять настоящую свободу и конституцію республики, и не допускать, чтобы король ея управлялъ деспотически, но затѣмъ, мнѣ совершенно безразлично, кого изъ поляковъ изберутъ въ короли,—и мнѣ не приходится вмѣшиваться изъ за этого въ войну, бремя которой падетъ главнымъ образомъ на меня... Вмѣсто того, чтобъ вступать на такой опасный путь, я предпочелъ бы скорѣе видѣть на престолѣ курфирста саксонскаго [2])..."

Начавшіеся въ концѣ 1763 года переговоры о союзѣ съ Россіею основаны были на слѣдующихъ базисахъ: общность политики относительно Швеціи и Польши, поддержка притязаній польскихъ диссидентовъ, и взаимная помощь въ случаѣ войны [3]), и тутъ уже довольно прозрачно обрисовались цѣли Фридриха и его отношенія къ Россіи. У Häusser'а въ

---

1) Сб. Р. Ист. Об. XX, №№ 10 и 14; XXII № 60, 67, 90, 96 — 98, 86, 116, 119, 121, 127, 128, 130, 132, 136, 139, 203 и др.

2) Поэтому и обѣщеніе Панина, что въ случаѣ заключенія союза и если дѣла дойдутъ до послѣдней крайности, то Россія не воспротивится тому, чтобы Пруссія взяла себѣ приличное вознагражденіе, лишь встревожила Фридриха перепективою возможности столкновенія съ другими державами. См. Сб. Р. Ист. Об. XXII,№ № 105, 110, 115; Häusser, 99, 105.

3) См. Сб. Р. Ист. Об. XX, №№ 10, 11, 14; XXII, №№ 52 - 54; XXII №№ 69, 96, 98, 102, 114, 129 и др.; Häusser Forschungen IX, 29 сл., 89, 43, 48, 56 и др.

извлеченныхъ имъ изъ берлинскаго архива документахъ, мы находимъ весьма обстоятельное изложеніе этихъ переговоровъ [1]). Союзный трактатъ и секретная конвенція подписаны были 31 марта 1764 года [2]). Общіе интересы получили себѣ мѣсто въ секретныхъ и сепаратныхъ артикулахъ къ нимъ. Здѣсь мы находимъ постановленія о сохраненіи существующей конституціи въ Швеціи и Польшѣ, о заступничествѣ за диссидентовъ и т. д. Но переговоры объ этихъ общихъ интересахъ обнаружили довольно значительное различіе мнѣній союзниковъ. Между тѣмъ какъ Россія смотрѣла на Пруссію въ отношеніи Польши не какъ на partie auxiliaire, а какъ на partie principale et intéressée [3]), Фридрихъ старался увѣрить русское правительство, что соглашается на нѣкоторыя уступки русскимъ требованіямъ единственно par motif de complaisance pour l'Impératrice, ибо ces affaires ne me regardent pas proprement [4]) и принимаетъ всѣ возможныя предосторожности, чтобы не впутаться какъ-нибудь въ войну [5]). Онъ старается устранить всякое неосторожное рѣзкое выраженіе, все сколько нибудь похожее на открытую угрозу относительно Польши, особенно на письмѣ, чтобы не дать другимъ державамъ повода de se formaliser [6]). Далѣе, самъ же Фридрихъ толковалъ всегда о необходимости поддерживать диссидентовъ [7]), но и здѣсь онъ обѣщалъ не болѣе, какъ représentations fortes et amiables и insinuations verbales въ пользу возстановленія ихъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ, а въ случаѣ невозможности достигнуть этого теперь-же—предложилъ ожидать болѣе благопріятнаго времени, ограничившись пока огражденіемъ ихъ отъ несправедливыхъ

---

[1]) Häusser, Friedrich d. Grosse u. Polen 1762—1766, въ IX т. Forschungen zur deutschen Geschichte (1869), издаваемыхъ мюнхенскою Академію Наукъ, стр. 128—151.

[2]) Соловьевъ, XXVI, 78; Мартенсъ, собраніе трактатовъ Россіи.

[3]) Häusser, стр. 143 сл

[4]) Ibid 138, 142 и др.

[5]) Ibid 138 сл.

[6]) Ibid 137 сл. 139 сл.

[7]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 69, 102, 114, 129 и др.; Häusser, IX, 29 сл. 43, 48, 56, 89 и др.

притѣсненій. Наконецъ онъ рѣшительно отказывался отъ всякой assistance réelle и отъ всякихъ военныхъ демонстрацій на польскихъ границахъ въ случаѣ образованія федераціи противъ новаго короля [1]). Вслѣдствіе все тѣхъ же опасеній, чтобы слишкомъ энергичная политика въ Польшѣ не вызвала иностраннаго вмѣшательства, онъ даже отговаривалъ русское правительство отъ введенія въ Польшу русскихъ войскъ и совѣтовалъ ограничиться военными демонстраціями на границахъ. Совѣтуя русскому правительству возможную осторожность и умѣренность относительно его дѣйствій въ Польшѣ ради избѣжанія тамъ смутъ и безпокойствъ и вмѣшательства другихъ державъ [2]), Фридрихъ постоянно напоминалъ и своему посланнику въ Варшавѣ, чтобы онъ соблюдалъ крайнюю осторожность, и своими поступками не навлекъ на него укора во вмѣшательствѣ въ свободу избранія короля, потому что Австрія не вмѣшается въ дѣло, разъ соблюдены будутъ всѣ формальности [3]); а когда диссиденты обратились къ нему прося заступничества,—писалъ Сольмсу что „конечно они достойны состраданія“ (sont à plaindre) и вслѣдствіе договорныхъ обязательствъ онъ не можетъ относиться къ нимъ „съ полнымъ равнодушіемъ“ (avec une parfaite indifférence), — желательно по меньшей мѣрѣ сохранить имъ ихъ настоящія права, — поэтому онъ доволенъ, что Россія хочетъ серіозно заступиться за нихъ и не зная впрочемъ какъ намѣрена дѣйствовать Россія, далъ приказъ въ Варшаву Бенуа дѣйствовать согласно съ Репнинымъ, но желательно ограничиться одними дипломатическими представленіями [4]); вообще относительно диссидентовъ онъ приказывалъ Бенуа „дѣлать лишь возможное при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, car il ne faut pas risquer de brouiller les choses pour

---

[1]) Häusser, 131, 136 сл. 139, 142. Россія требовала quelques mouvements sur les frontières de la Pologne и именно approcher un corps de trouppes; Фридрихъ согласился лишь на quelques mouvements, *dans ses* provinces limitrophes du susdit Royaume.

[2]) Häusser, 30, 91, 105 сл., 107, 110.

[3]) Häusser, 29, 31, 91; Соловьевъ, XXVI. 78.

[4]) Häusser, 113 сл

l'amour d'eux [1]). Фридрихъ раздѣлялъ взгляды русской политики на польскія дѣла, но не въ такой степени, чтобы рисковать войною или серіозными замѣшательствами съ другими державами [2]). Поэтому, когда Панинъ поставилъ Сольмсу на видъ возможность настоянія надобности поддержать новоизбраннаго короля русскими войсками, и выразилъ при этомъ надежду, что въ такомъ случаѣ и Фридрихъ введетъ въ Польшу свои войска, такъ какъ де одного непрепятствованія намѣреніямъ императрицы недостаточно, а въ видахъ общихъ интересовъ обоихъ дворовъ и укрѣпленія прусской системы при петербургскомъ дворѣ, необходимо, чтобы Пруссія оказала всевозможную поддержку Россіи, то Фридрихъ немедленно отвѣчалъ Сольмсу, чтобъ во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и неумѣстной поспѣшности въ столь важномъ дѣлѣ, онъ объявилъ Панину, что Фридрихъ готовъ заключить оборонительный союзъ съ Россіею, но что касается поддержки оружіемъ избраннаго подъ покровительствомъ Россіи короля, то онъ не понимаетъ необходимости своего участія въ этомъ, тѣмъ болѣе, что для этого достаточно какихъ-нибудь 35—45 тысячъ войска [3]), и лишь въ томъ случаѣ, еслибы послѣ этого противъ Россіи тронулась Австрія, то тогда (и то подъ условіемъ состоявшагося заключенія союза) Россія будетъ имѣть право требовать его помощи. Впрочемъ въ случаѣ заключенія союза Фридрихъ не думалъ, чтобы Австрія захотѣла вмѣшаться въ польскія дѣла, хотя, еслибы онъ согласился на планъ Панина, то это повело бы къ вмѣшательству Австріи и Франціи и къ всеобщей войнѣ. Поэтому совершенно достаточно по его мнѣнію употребить относительно Польши подкупъ и угрозы.

Относительно-же условія о наступленіи casus foederis только въ случаѣ вмѣшательства Австріи, Панинъ согласился на него, потребовавъ только, чтобъ случай оказанія Пруссіею помощи былъ отнесенъ ко всѣмъ вообще державамъ, которыя

---

[1]) Häusser, 29 сл.; Соловьевъ XXVI, 78.
[2]) Ibid., 107, 111, 112 и др.
[3]) Ibid., 97 сл. (дек. 1763), 105 сл.

стали бы помогать конфедератамъ, и въ особенности къ саксонцамъ и туркамъ [1]).

Въ результатѣ, въ силу секретной конвенціи о Польшѣ дѣятельная роль въ польскихъ дѣлахъ осталась за Россіею [2]), а на долю Пруссіи приходилась лишь дипломатическая поддержка да военная помощь въ случаѣ активнаго вмѣшательства посторонней державы.

И дѣйствительно впослѣдствіи, въ 1765 и 1766 годахъ, мы видимъ въ качествѣ главнаго дѣятеля, главнаго защитника притязаній диссидентовъ въ Польшѣ—Екатерину, ей принадлежитъ иниціатива во всѣхъ дѣйствіяхъ союзниковъ въ Польшѣ [3]). Фридрихъ-же при всякой неудачѣ по этому вопросу готовъ признать его покоченнымъ [4]).

Та-же боязливость и опасенія быть вовлеченнымъ въ невыгодныя или опасныя связи съ другими державами проглядываютъ и въ отношеніяхъ Фридриха къ излюбленной Панинымъ Сѣверной системѣ. Первая мысль о союзѣ сѣверныхъ державъ выражена была нашимъ резидентомъ въ Копенгагенѣ—бар. Корфомъ [5]) и была затѣмъ усвоена Панинымъ съ особеннымъ увлеченіемъ подъ вліяніемъ состоявшагося въ концѣ 1763 года сближенія между тремя бурбонскими домами вслѣдствіе приступленія Австріи къ такъ называемому pacte de famille Франціи и Испаніи, а Испаніи—къ Версальскому трактату 1756 года. Вотъ этому-то союзу южныхъ державъ Панинъ рѣшилъ „для сохраненія мира и спокойствія на сѣверѣ и установленія и охраненія равновѣсія между европейскими державами противопоставить союзъ державъ сѣверныхъ, и при первыхъ извѣстіяхъ объ немъ

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 98, p. 171, Solms au Roi, 28 Nov. (9 Déc), №№ 101, 102 и 110 p. 173 сл. 194 le Roi à Solms, 23 et 27 Déc. 1763 и 20 Janv. 1764, № 103—Finkenstein et Hertzberg à Solms, 31 Déc., № 105, p. 188, Solms au Roi, 19 (30) Déc. 1763. Häusser, 97 сл. и др.

[2]) См. текстъ конвенціи у Häusser, 140, 149 сл. Впрочемъ Екатерина не отказывалась отъ такой роли; см. тамъ-же 142, 144.

[3]) Häusser, 153, 158, 172 сл. 183.

[4]) Ibid., 152.

[5]) Соловьевъ, XXVI, 109 сл.

предложилъ Сольмсу условиться относительно общаго противодѣйствія южному союзу. Основаніемъ этого зданія долженъ былъ служить союзъ Россіи съ Пруссіею; затѣмъ въ сѣверную систему должны были войти Саксонія, Англія, Голландія, Данія, Швеція, Польша [1]), и вообще всѣ государства, которыя пожелали-бы присоединиться къ мѣрамъ, направленнымъ къ противодѣйствію планамъ бурбонскаго и австрійскаго домовъ. Но Фридрихъ не одобрилъ этого плана,—союзъ съ Англіею, Саксоніею, Баваріею конечно не могъ ему нравиться [2]). Притомъ, главную цѣль и выгоду своего союза съ Россіею Фридрихъ видѣлъ въ томъ, чтобы оградить себя отъ Франціи и Австріи; онъ соглашался и на общую политику въ Польшѣ [3]). Ради этой цѣли онъ готовъ былъ на полное и безусловное содѣйствіе всѣмъ планамъ Россіи, по скольку эти планы не были опасны для сохраненія мира съ Австріею и Франціею [4]). Но, съ другой стороны, считая союзъ съ Россіею достаточнымъ для своихъ цѣлей, онъ находилъ неудобнымъ связывать себя *обязательствами* относительно другихъ державъ [5]), которыя Россія желала включить въ Сѣверную систему отчасти ради пріобрѣтенія дѣятельныхъ союзниковъ въ ея политикѣ относительно Швеціи, отчасти ради пріобрѣтенія пассивныхъ союзниковъ и такихъ, которые могли-бы послужить къ удержанію ея противниковъ отъ противодѣйствія политикѣ ея относительно Турціи.

Въ виду своихъ интересовъ,—обезпеченія себѣ если не помощи, то нейтралитета Россіи на случай войны, Фридрихъ

[1]) Сб. Рус. Ист. Об. XXII, депеши Сольмса королю, № 59 стр. 115, № 123, стр. 220, № 133, стр. 241 сл., № 211 стр. 386, № 153 сл. стр. 274 сл. № 232 стр. 429, № 235 стр. 440 сл ; тамъ-же XX переписка Фридриха съ Екатериною № 35 стр. 214, № 38 сл. стр. 227 сл.; Häusser, 169 сл.; М. Гл Архивъ М. И. Д. снош съ Пруссіею, IV Prusse, Notes.

[2]) Сб. Рус. Ист. Об. XXII, стр. 440 сл., 451, 459 сл.; Häusser, 169 сл.; Соловьевъ XXVII, 197 сл.

[3]) Сб. Р. Ист. Об. XXII № 168, p. 310, le roi à Solms, 9 Sept. 1764; ср. № 217, idem 10 Août 1765.

[4]) Тамъ-же, № 210, p. 385, le roi à Solms, 19 Iuin 1765.

[5]) Соловьевъ, XXVII, 197 сл., 202.

дорожилъ союзомъ съ Россіею [1]). Одинъ уже фактъ союза между ними служилъ для него нѣкоторою гарантіею противъ легкомысленнаго нападенія на него посторонней державы. Для Россіи Пруссія была лишь главнымъ звѣномъ въ системѣ сѣвернаго аккорта; для Пруссіи, напротивъ, въ ея тогдашнемъ положеніи, Россія была все, и ужъ менѣе всего можно было конечно ожидать отъ него сочувствія болѣе или менѣе „идиллическому“ плану [2]) сѣверной системы, при которой ему вмѣстѣ съ Россіею пришлось бы соблюдать интересы Саксоніи, Англіи, Даніи, Польши и др. государствъ, которыя скорѣе способны были возбуждать его политическое любостяжаніе, и при союзѣ которыхъ съ Россіею, королю пришлось бы дѣлиться съ ними вліяніемъ, какое онъ надѣялся пріобрѣсти въ этой странѣ“ [3]).

Такъ, Фридрихъ былъ „въ восторгѣ“ отъ взгляда Панина на дѣла Швеціи [4]); но министры его въ Швеціи далеко не всегда и не во всемъ поступали въ Швеціи согласно съ русскими министрами [5]). Относительно союза Россіи съ Даніею онъ полагалъ что этотъ союзъ не принесетъ вреда, но и не обѣщаетъ большой пользы, и потому совѣтовалъ отложить переговоры съ Даніею и обмѣнъ Голштиніи до совершеннолѣтія Павла Петровича, такъ какъ въ противномъ случаѣ, обезпечивъ себъ Голштинію, Данія будетъ по прежнему дѣйствовать относительно Швеціи согласно интересамъ Франціи. Есть даже свѣдѣнія, что Фридрихъ не только противодѣйствовалъ заключенію союза Россіи съ Даніею, но даже дѣйствовалъ въ Даніи прямо противно русскимъ интересамъ и русской политикѣ [6]).

---

[1]) Соловьевъ, XXVII, 197 сл.

[2]) Соловьевъ, XXVI, 162.

[3]) Mémoires de Frédéric II, II, 321 цит. у Соловьева, XXVII, 207.

[4]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 168, p. 311, le roi à Solms, 9 Sept. 1764. № 196, p. 357 Solms au roi 15 (26) Tant. 1765; № 243, p. 455 idem 27 Iuin 8 Iuil). 1766.

[5]) Соловьевъ XXVII, 213.

[6]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 126 стр. 224, № 153 сл. стр. 271 сл. и др. 1764 г.; тамъ-же XII, № 136 сл. стр. 215 сл. 1765 г.; Соловьевъ XXVII, 273.

Также несочувственно отнесся Фридрихъ и къ включенію Англіи въ Сѣверную систему. Когда въ концѣ 1763 г. Панинъ предложилъ включить Англію въ союзъ Пруссіи съ Россіею [1]), то Фридрихъ отвѣчалъ, что самъ онъ желаетъ заключить союзъ только съ Россіею; что онъ не имѣетъ ничего противъ вступленія Россіи въ союзъ съ Англіею, но самъ не думаетъ присоединиться къ нему прежде, чѣмъ измѣнится настоящій составъ министерства въ Англіи, которому онъ имѣетъ основаніе не довѣрять [2]), и пока не выяснится положеніе дѣлъ въ Европѣ, такъ какъ образовавшаяся лига бурбонскихъ домовъ съ Австріею можетъ втянуть Англію въ войну. Эту послѣднюю причину и нежеланіе впутываться въ возможную войну Англіи съ Франціею и Испаніею и дружественною ей Австріею изъ-за совершенно безразличныхъ, постороннихъ для Пруссіи интересовъ, Фридрихъ выставлялъ и впослѣдствіи, въ 1765 и 1766 г.. какъ основаніе нежеланія своего вступать съ Англіею въ союзныя обязательства [3]).

Словомъ, не мѣшая прямо сближенію Россіи съ Англіею, находя даже выгоднымъ пользоваться Англіею для русско-прусскихъ цѣлей въ Швеціи [4]), но не видя прямой выгоды для себя [5]) и усматривая даже опасность въ союзѣ съ нею, Фридрихъпредпочиталъ держаться въ сторонѣ отъ такого опаснаго союзника. Одного только добился Панинъ,—въ концѣ 1765 г. произошло наружное, этикетное т. сказать сближеніе Пруссіи съ Англіею взаимнымъ назначеніемъ резидентовъ [6]).

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 97 стр. 168.

[2]) Письмо Екатеринѣ отъ 22 декаб. 1762, Сб. Р. Ист. Об, XX, № 6, стр. 156. Häusser, IX, 61. Ср. письмо гр. М. Л. Воронцова Екатеринѣ изъ Берлина 6 окт. 1763 въ Арх. кн. Воронцова VII. 629.

[3]) Сб. Р Ист. Об. XXII, № 101 р. 174, № 153 р. 272, № 215 р. 393, № 225 р. 408; XX № 40 р. 232; Häusser, IX, 113, 119, 155, 161, 175, 185; Соловьевъ XXVII, 197 сл. 200.

[4]) Сб . Р. Ист. Об. XXII. № 196 и 243.

[5]) Англійское правительство относилось явно-недовѣрчиво къ русско-прусской политикѣ въ Польшѣ. Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 110 р. 196. Оно вяло поддерживало диссидентскій вопросъ. Сб. Р. Ист. Об. XII № 225 р. 435; ср. впрочемъ № 121, 161, 164, 169 и др.

[6]) Сб. Р. Ист. Об. XXII № 227 р. 411, № 229 р. 413.

Туже осторожную боязливость мы видимъ въ поддержкѣ, которую Фридрихъ оказывалъ Россіи въ Польшѣ даже послѣ заключенія договоровъ 1764 года. Тутъ главнымъ противникомъ Россіи и Пруссіи являлась Австрія, отчасти Франція, а благодаря имъ и Турція. Мы уже замѣтили выше, что Австрія и Франція сильно агитировали противъ избранія Понятовскаго. Тѣмъ не менѣе осенью 1764 г. Понятовскій былъ избранъ. Тогда обѣ державы рѣшили не давать этому избранію своего признанія. Въ виду этого Панинъ предложилъ Фридриху сдѣлать вѣнскому двору совмѣстную декларацію, такого содержанія, что до свѣдѣнія союзныхъ дворовъ дошло, что австрійскій дворъ находитъ неудобнымъ дать свое признаніе новоизбранному королю польскому, и потому оба союзные двора рѣшились употребить сообща свои добрыя старанія съ цѣлью убѣдить австрійское правительство не отказывать долѣе въ этомъ признаніи, и освѣдомиться о причинахъ, побуждающихъ его медлить этимъ. Этою декларацією Панинъ думалъ вызвать объясненіе Австріи, а главнымъ образомъ указать прочимъ державамъ полнѣйшее согласіе и общность интересовъ, существующія между Пруссіею и Россіею, чтобъ заставить ихъ уважать и опасаться ихъ союза, а въ особенности показать, что Россія составила себѣ систему отдѣльную, которой она и разсчитываетъ держаться. Въ принципѣ Фридрихъ согласился на это требованіе Россіи „изъ угожденія (par complaisance) къ Императрицѣ, если она находитъ нужнымъ примѣшать его къ этой деклараціи (trouve à propos de me mêler de cette déclaration)“. Но опасаясь уклончиваго, а быть можетъ даже непріятнаго отвѣта со стороны вѣнскаго двора и выражая увѣренность въ томъ, что въ концѣ концовъ Австріи придется признать Понятовскаго, онъ находилъ такой шагъ неудобнымъ и опаснымъ [1]).

Еще рѣшительнѣе выразилась осторожность Фридриха въ дѣлахъ польскихъ. Такъ какъ общность цѣлей и интересовъ

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 187—190 переписка Сольмса съ Фридрихомъ за декабрь 1764 г.

Фридриха и Екатерины служила главнымъ основаніемъ русско-прусскаго союза, то Панинъ всегда требовалъ дѣятельнаго содѣйствія и поддержки Пруссіи въ польской политикѣ Россіи. Но и тутъ, даже по вопросамъ о диссидентахъ и о замѣнѣ единогласія въ рѣшеніи дѣлъ на сеймахъ большинствомъ, вопросамъ, относительно которыхъ казалось, Фридрихъ вполнѣ раздѣлялъ взгляды русскаго правительства, онъ считалъ болѣе осторожнымъ не выказывать слишкомъ большой энергіи, избѣгать военныхъ демонстрацій, ограничиваться одними дипломатическими средствами (représentations amicales), чтобъ только не раздражать Австріи, не вызвать ея вмѣшательства, [1]) если не въ настоящее время (1766), такъ какъ по убѣжденію самого Фридриха Австрія вслѣдствіе плохого положенія своихъ финансовъ, а также и опасенія русско-прусской коалиціи не могла рѣшиться на войну, [2]) то въ будущемъ. „Я обязался относительно Россіи поддерживать ее въ диссидентскомъ вопросѣ, писалъ онъ къ Бенуа, но отсюда еще не слѣдуетъ, что я непремѣнно долженъ подобно ей употреблять угрозы“. (Häusser, 43). Опасенія вмѣшательства Австріи, а быть можетъ и увѣренность, что русское правительство и само, безъ сопряженной съ расходами помощи Пруссіи, устроитъ дѣла въ Польшѣ въ томъ направленія, въ которомъ это было желательно обоимъ союзнымъ дворамъ, были настолько сильны въ Фридрихѣ, [3]) что ни намеки Панина на „выгоды (avantage), кото-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 230; p. 419; № 264, p. 495; № 266, p. 500; № 288—290 p. 561 сл., № 292 сл. стр. 574 сл. Häusser, 45 сл., 48 сл. 52; Ср. также XX, переписку Екатерины съ Фридрихомъ № 23, стр 185; № 28, p. 201. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Екатеринѣ въ 1764 г. Фридрихъ совѣтуетъ ей «de déguiser un peu davantage Vos vues par des prétextes plausibles» прикрывать свои намѣренія благовидными предлогами № 15, p. 170; Hausser 102.

[2]) Соловьевъ, XXVII, 201 сл. Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 210, стр. 385, № 256, p. 480, № 266, p. 499, № 284, p. 455; № 288 сл. стр. 563 сл.; № 293 сл. стр. 576 сл.; ср. XX № 15, p. 170.

[3]) Эта увѣренность не была лишена основанія,—Фридриху постоянно приходилось сдерживать русское правительство. (Ср. слова Фридриха въ депешѣ его гр. Сольмсу 4 нояб. 1766, Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 276, p.

рыя Фридрихъ могъ бы доставить себѣ, вознаградивъ себя въ самой странѣ за незначительныя издержки, сопряженныя съ передвиженіемъ войска, и кромѣ того, пріучивъ поляковъ исполнять на будущее время съ большею готовностью то, чего отъ нихъ требуютъ, ни положительныя обѣщанія, что Фридриха не покинутъ, къ какимъ бы послѣдствіямъ польскія дѣла ни привели, а въ случаѣ, еслибъ вѣнскій дворъ нашелъ здѣсь предлогъ для объявленія ему войны, то обѣщали не ограничиваться помощью, условленною по союзному трактату, а послать въ его распоряженіе 30-тысячный корпусъ, [1]) ничто не могло склонить Фридриха дать согласіе на требуемую русскимъ правительствомъ военную демонстрацію. Онъ «не скрывалъ своего крайняго удивленія, что русскій дворъ, получивъ отъ него въ дѣлахъ Польши все, чего только могла требовать отъ его любености самая тѣсная дружба, заходитъ въ своихъ претензіяхъ въ этомъ отношеніи все далѣе, и теперь желаетъ даже, чтобы въ случаѣ образованія диссидентской конфедераціи введены были въ Польшу прусскія войска, между тѣмъ какъ прежде Императрица требовала отъ него только декларацій, чтобъ убѣдить поляковъ въ тождествѣ взглядовъ обоихъ союзниковъ на возстановленіе правъ диссидентовъ, а въ случаѣ необходимости подкрѣпить эти декларацій дѣйствіями болѣе серьезными, она брала ихъ на себя и обѣщала не требовать соучастія Фридриха. По мнѣнію Фридриха Панинъ ошибался разсчитывая на равнодушіе Австріи и Порты. Въ виду всего этого Фридрихъ приказалъ Сольмсу въ случаѣ новыхъ требованій Панина, заявить ему, что онъ увѣренъ въ безполезности обращаться съ ними къ королю, и что Фридрихъ надѣется, что Императрица должна быть уже болѣе чѣмъ до-

---

501, также Häusser, 56 и др.) То-же самое было въ сущности и въ Швеціи, гдѣ главная активная роль также принадлежала русскому правительству. Союзники были полезны для Россіи болѣе отрицательно, тѣмъ что они намъ не настолько мѣшали, насколько могли бы... еслибъ это было въ ихъ интересахъ. Raumer II, 187.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 264 и 266, p. 500, № 268, p. 505; № 270, p. 515, Solms au roi, Octob. 1766.

вольна содѣйствіемъ, оказаннымъ ей въ дѣлахъ Польши съ единственною цѣлью сдѣлать ей угодное и представить ей доказательства его преданности [1] [2]). Ничего удивительнаго, что такое поведеніе Фридриха вызвало въ Польшѣ слухи, поддержанные, конечно, противниками Россіи, о томъ, что Фридрихъ расходился въ мнѣніяхъ о польскихъ дѣлахъ съ Екатериною, что союзъ между обоими дворами не прочень и т. п. [3]). Въ концѣ концовъ Панину пришлось отказаться отъ желанія опровергнуть фактами это мнѣніе, и въ концѣ 1766 г. онъ опять ограничивается просьбою лишь о дипломатической поддержкѣ Фридриха; [4]); а въ апрѣлѣ 1767 г. Россія заключаетъ съ Пруссіею договоръ, въ силу котораго беретъ защиту диссидентскихъ правъ вооруженною рукою на себя, а прусскій король обязывается поддерживать эти права только сильными и дружескими внушеніями. Правда, въ случаѣ вмѣшательства Австріи король обязывался сдѣлать диверсію нападеніемъ на встрійскія владѣнія (за вознагражденіе Россіею убытковъ), но извѣстіе о заключеніи такого договора не могло не удержать Австрію отъ вмѣшательства, притомъ Фридрихъ не вѣрилъ въ возможность вмѣшательства Австріи. [5]).

Вообще, несмотря на бывшее тогда недружелюбіе между Пруссіею и Англіею, мы полагаемъ, что мнѣніе, высказанное англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Ширлеемъ о политикѣ Фридриха (въ депешѣ отъ 15 (26) ноября 1767 года [6]) было по крайней мѣрѣ въ это время, очень близко къ истинѣ: „По моему убѣжденію, говоритъ онъ, король не входитъ искренно въ виды русскаго двора и далеко не сторонникъ

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 267, p. 501, Finckenstein et Hertzberg à Solms, 4 Nov. 1766. Häusser, 178.

[2]) Замѣтимъ, что по вопросу о диссидентахъ Панинъ требовалъ содѣйствія Фридриха основываясь на условіяхъ союзнаго трактата: Сб. Р. Ист. Об. XXII № 278, p. 543; Häusser, 46.

[1]) Тамъ же, № 269, p. 512, Solms au roi, 14 (25) Octob. 1766 и др.

[2]) Сб. Р. Ист. Общ. XXII, № 266, p. 500 и др.; № 288, p. 565, № 294, p. 578, Solms au roi, Déc. 1766; Häusser, 46, 183.

[3]) Соловьевъ, XXVII, 201 сл. Сб. Р. И. Об. XXII. № 210 стр. 385.

[4]) Сб. Р. Ист. Об. XII, № 182, p. 323; Raumer II, 135.

сѣверной системы; ничто кромѣ необходимости (происходящей отъ союза естественно враждебнаго ему австрійскаго дома съ домомъ бурбонскимъ), не могло вынудить его обратиться къ покровительству Россіи; если бы онъ только могъ безопаснымъ для себя образомъ дѣйствовать открыто, я полагаю, что онъ нимало не усумнился бы составить сильную оппозицію противъ намѣреній Императрицы, онъ съ величайшимъ безпокойствомъ слѣдитъ за быстротой, съ которою ежедневно усиливаются ея могущество и значеніе. Стоитъ внимательно прослѣдить за его дѣйствіями въ Константинополѣ, въ Польшѣ, въ Даніи, чтобы убѣдиться, что онъ болѣе опасается Россіи, чѣмъ питаетъ преданности къ ея интересамъ, и что хотя онъ не смѣетъ открыто заявить свои намѣренія и дѣйствуетъ только подъ рукой, тѣмъ не менѣе онъ принимаетъ всѣ зависящія мѣры съ цѣлью не допустить до выполненія системы Панина. А дѣйствія „подъ рукой“ были дѣйствительно въ полномъ ходу, и главнымъ образомъ по вопросу о диссидентахъ. У Häusser'а мы находимъ нѣсколько весьма любопытныхъ въ этомъ отношеніи документовъ. Такъ, 11 сент. 1766 г., въ самый горячій періодъ диссидентскаго вопроса, передъ сеймомъ, когда для Россіи поддержка Фридриха была всего нужнѣе, [1]) Фридрихъ пишетъ къ Бенуа „для его единственно свѣдѣнія и въ крайней конфиденціи съ сохраненіемъ строжайшаго секрета“, что въ сущности его не озаботила бы нисколько неудача Россіи въ диссидентскомъ вопросѣ. Но, говоритъ онъ «не показывайте и вида русскимъ, что это такъ, напротивъ, показывайте имъ видъ, будто мнѣ очень досадно, что всѣ старанія пропали даромъ. Въ сущности было бы очень хорошо и желательно, еслибъ вы склонили другихъ работать противъ удачи диссидентскаго дѣла, если это возможно при посредствѣ третьихъ и четвертыхъ рукъ, и притомъ чтобы это дѣлалось съ надежнымъ секретомъ, такъ, чтобы васъ при этомъ нисколько не было замѣтно и чтобы даже никто не могъ замѣтить—откуда это идетъ. Согласуйтесь съ вы-

[1]) Häusser, 180, 183 сл.

шесказаннымъ, но со всевозможною осторожностью и искусствомъ". Бенуа такъ и поступалъ. [1]) Правда, это было послѣ поѣздки Сальдерна въ Берлинъ... Впрочемъ по вопросу о liberum veto Бенуа энергично поддерживалъ Репнина, и потому вопросъ объ отмѣнѣ его очень быстро сошелъ со сцены. [2]) Но всетаки, по свидѣтельству англійскихъ посланниковъ, въ общемъ, въ 1767 году, прусскій посланникъ въ Польшѣ держался не только пассивно, но даже противодѣйствовалъ тамъ, хотя и скрытно, русской политикѣ. [3]) А это конечно должно было вредно отзываться на успѣшности русскаго воздѣйствія въ Польшѣ, такъ какъ подрывало увѣренность въ искренности союза Россіи съ Пруссіею [4]).

Впрочемъ, если Фридрихъ несочувствовалъ русской политикѣ въ Польшѣ относительно диссидентскаго вопроса, то въ этомъ случаѣ онъ выказалъ себя тонкимъ, дальновиднымъ и проницательнымъ политикомъ. Трудно сказать, насколько сильно было на него въ этомъ случаѣ вліяніе опасенія вмѣшательства Австріи и Франціи. Несомнѣнно, что диссидентскій вопросъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ, какіе ставила Екатерина своей политикѣ и дипломатіи въ Польшѣ, несомнѣнно что онъ касался самыхъ чувствительныхъ сторонъ польскаго народа, что онъ поднималъ вопросъ религіозный, и что при большей энергіи со стороны польскаго правительства, могъ вызвать открытый разрывъ между Польшею и Россіею. Также вѣрно и то, что вопросъ религіозный въ связи съ политическими интересами, могъ вызвать въ послѣднемъ случаѣ вмѣшательство католической Австріи и Франціи [5]). Но съ другой стороны, искренность опасеній Фридрихомъ такого вмѣшательства становится нѣсколько сомнительною въ виду неоднократно выражаемаго

---

[1]) Häusser, 45, 47 сл. Соловьевъ XXVII, 196, 248, 258.
[2]) Häusser, 49 сл.
[3]) Raumer II, 107.
[4]) Raumer II, 135.
[5]) Папскій нунцій въ Вѣнѣ хлопоталъ о заступничествѣ за привилегіи католиковъ въ Польшѣ, какъ о томъ доносилъ кн. Голицынъ въ реляціяхъ 1767 г. (авг., окт., декаб.) № 106 и 113.

имъ презрѣнія къ Австріи и Франціи именно въ это время, въ 1766 году, въ самую горячую пору диссидентскаго вопроса, когда Россія готова была употребить даже силу [1]) для его разрѣшенія въ желаемомъ Екатериною направленіи, Фридрихъ увѣрялъ русскаго посланника Сальдерна и своего посланника въ Петербургѣ, гр. Сольмса въ безсиліи и неопасности Австріи и Франціи [2]). Правда, эти увѣренія онъ сточалъ съ цѣлью доказать, что включеніе въ сѣверную систему другихъ державъ излишно, и что для интересовъ Пруссіи и Россіи достаточно ихъ союза.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Фридрихъ совершенно вѣрно смотрѣлъ на русскую политику въ отношеніи диссидентовъ. Мотивами противъ употребленія Россіею силы въ пользу диссидентовъ и отказа своего въ требуемыхъ отъ него военныхъ демонстраціяхъ онъ выставлялъ, кромѣ опасности вмѣшательства Австріи, чрезмѣрность русскихъ требованій, находя совершенно достаточнымъ добиться въ пользу диссидентовъ признанія ихъ религіозныхъ правъ, и усматривая въ требованіи политическихъ „сущую

---

[1]) Häusser, 167, 172 сл., 175, 179 сл., 183.

[2]) Характерный фактъ мы наблюдаемъ въ этомъ отношеніи въ поведеніи Фридриха въ началѣ 1767 года. Фридрихъ увѣряетъ русское правительство въ рѣшимости Австріи вмѣшаться по поводу диссидентскаго дѣла, и выражаетъ поэтому надежду, что Россія позаботится о вознагражденіи ему ущербовъ, въ случаѣ если онъ ихъ потерпитъ вслѣдствіе этого дѣла; и какъ только русское правительство изъявило согласіе на это, тотчасъ же получаемыя имъ извѣстія изъ Вѣны стали оказываться болѣе успокоительными и онъ выражаетъ уже увѣренность, что Австрія не вмѣшается. Häusser, 189 сл.

М. Гл. Арх. М. И. Д. II. Ministère Prusse, 1766, депеша Сальдерна (9) 20 мая 1766 г. отчетъ о разговорѣ его съ Фридрихомъ: король доказывалъ, что Россія и Пруссія не нуждаются ни въ какъ союзѣ, кромѣ ихъ собственнаго. Сальдернъ возражаетъ, что необходимо присоединеніе другихъ державъ для упроченія сѣверной системы противъ союза Бурбонскаго и Австрійскаго домовъ, но король отвѣтилъ: „Je vous ai dit, m-r, nous avons rien à craindre de cette réunion qui vous parait si formidable, puisque ce sont des gueux, qui n'ont point d'argent".

Ср. Соловьева XXVII, 199 сл. и 209 и въ Сб. Р. И. Об. XXII, № 210, стр. 385, № 238, стр. 448, le roi à Solms 13 іюня 1766. „Quelque

бездѣлицу“ (une vraye bagatelle); [1]) не находя ничего предосудительнаго въ поддержаніи анархіи въ Польшѣ, въ противодѣйствіи отмѣнѣ liberum veto [2]) и т. п., въ вопросѣ о диссидентахъ онъ глубоко возмущался несправедливостію и безправіемъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. [3]) Объясненіе такого непонятнаго на первый взглядъ противорѣчія мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ депеши его къ Сольмсу: „наибольшую любезность Россіи я оказалъ въ дѣлѣ о диссидентахъ, потому что никто конечно не смотритъ на него какъ на дѣло религіозное, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ польскихъ епископовъ», дѣйствительная же цѣль Россіи,— порабощеніе Польши. [4]) Русское правительство не скрывало впрочемъ отъ Фридриха, что въ вопросѣ о диссидентахъ замѣшаны слава и истинные интересы императрицы; къ этимъ аргументамъ сводились въ сущности всѣ доводы его въ пользу вмѣшательства за ихъ права; [5]) а что Фридрихъ понялъ въ настоящемъ смыслѣ значеніе этихъ аргументовъ, доказывается содержаніемъ тѣхъ документовъ, въ которыхъ русское правительство откровенно высказывало свои намѣренія.

Трудность возстановленія диссидентовъ во всѣхъ ихъ старыхъ привиллегіяхъ, не прибѣгая къ насиліямъ, признавалась и петербургскимъ дворомъ и нашими посланниками въ

envie que la Cr de Vienne puisse sentir à se remettre dans ce lustre de l'ancienne maison d'Autriche et se procurer la supériorité sur les autres états d'Allemagne par quelque nouvelle guerre, elle s'y voit cependant arrêtée, manque d'argent, et il est avéré que se finances ses trouvent actuellement encore aussi dèrangées qu'elle n'est pas en état de fournir à quelque guerre qui fût à recommencer... De plus la France ne se trouve guère dans une meilleure situation par rapport à ses finances brouillées au possible, et il faut absolument qu'elle les remette avant que d'oser songer à de nouvelles entreprises. Миръ обезпеченъ на 7—10 лѣтъ. Сб. Р. И. Об. XXII, № 256 Сольмсу 29 сент. 1766. Тоже русскій дворъ № 288.

[1]) Сб. Рус. Ист. Об. XXII №№ 246—248, 252, 254, 287, 292; Häusser 173—178, 182 сл. 184

[2]) Häusser, 177, 180 сл., Raumer, Europa, II, 63 сл., 77.

[3]) Ibid. 190.

[4]) Häusser, 191.

[5]) Häusser, 183 Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 288.

Польшѣ, [1]) нѣкоторые, какъ Репнинъ, въ такомъ возстановленіи видѣли даже лишь средство усилить вліяніе Пруссіи въ Польшѣ, такъ какъ православныхъ знатныхъ фамилій въ Польшѣ уже не было въ это время. Но Панинъ и Екатерина признавали въ этомъ дѣлѣ государственный интересъ Россіи, ея пользу и честь, а сама Екатерина—свою персональную славу. [2]) Точно также и защита вольности и законовъ польскихъ, о которой такъ краснорѣчиво толковало русское правительство [3]) были только маскою, предлогомъ для удержанія Польши въ болѣе или менѣе выгодномъ для ея сосѣдей состояніи анархіи и неустройства. Правда, русское правительство, или собственно Екатерина, покровительствуя диссидентамъ имѣла въ виду и другое соображеніе. Извѣстно, какъ добросовѣстно и старательно Екатерина соблюдала всѣ религіозные обряды русской церкви въ видахъ склоненія на свою сторону расположенія духовенства и народа. [4]) Точно также впечатлѣніе, которое должно было произвести на народъ и духовенство покровительство православнымъ, особенно успѣшное, должно было тоже играть нѣкоторую роль въ этомъ дѣлѣ. Соловьевъ справедливо говоритъ, что „выигрывая необыкновенно въ расположеніи соб-

[1]) Соловьевъ XXVI, 61, 69, XXVII, 182.

[2]) Екатерина Репнину, 17 окт. 1764: „Мнѣ остается рекомендовать вамъ всего болѣе два дѣла: дѣло о диссидентахъ и о границахъ; *моя слава* заинтересована въ обоихъ, *помните это*.“ Панинъ Репнину: искорененіе диссидентовъ въ Польшѣ послужило бы къ„ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ *интересовъ*“...„ Польза и честь отечества нашего, а *особливо* персональная Ея И. В-ва *слава* интересованы“... Соловьевъ XXVI, 69. (Его-же, Ист. наден. Польши. стр. 28.) Впрочемъ тутъ-же примѣшивался и вопросъ о защитѣ „благочестія“ и о покровительствѣ притѣсняемымъ. Тамъ-же 67 сл. Ср. также XXVI, 195 XXVII, 245 сл.. Въ письмѣ къ гр. Кайзерлингу,—Екатерина пишетъ ему о прошеніи поданномъ ей Георгіемъ бѣлорусскимъ, и говоритъ: „Je vous recommande fortement de les proteger et mandé moi tout ce que vous croyés qui peut augmeuter ma cousiperation et mon parti la bas, je ne veut riën negliger à cet effet.“ (Собственноручное; въ М. Гл. Арх. М. И. Д. въ сношен. съ Польшею.)

[3]) Соловьевъ XXVI, 82, 84 сл. и мн. др

[4]) Raumer, Europa, I, 302. На коронаціонной медали Екатерины II. мы видимъ надпись: „За спасеніе вѣры и отечества.“

ственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая чрезъ него такъ сказать вторичное закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма.“ [1]) Нетрудно было убѣдить Вольтера въ томъ, что въ Польшѣ Екатерина дѣйствовала въ интересахъ религіозной терпимости, [2]) но не такъ то легко - Фридриха.

Заступаясь за диссидентовъ, и именно за ихъ политическія права, Екатерина имѣла конечно въ виду и государственный интересъ. Мы видѣли, что Фридрихъ считалъ совершенно излишнимъ заступничество за ихъ политическія права. Оно и понятно. Даже еслибы эта цѣль и была достигнута, то диссиденты - протестанты по своей малочисленности въ Польшѣ, не могли оказать никакой существенной услуги прусскимъ интересамъ, между тѣмъ какъ возвращеніемъ правъ диссидентамъ-православнымъ вводился въ польскія правительственныя сферы элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подъ русскимъ вліяніемъ, всегда искалъ бы русскаго покровительства и этимъ подавалъ Екатеринѣ поводы къ постояннымъ вмѣшательствамъ въ польскія дѣла [3]). При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйти изъ страшнаго безнарядья и чрезъ это пріобрѣсти нѣкоторую силу. Но только при существованіи его. Поэтому, пока была надежда на достиженіе этой цѣли, въ Петербургѣ, особенно Панинъ, не вполнѣ сочувствовали внушеніямъ и настаиваніямъ, приходившимъ

---

[1]) Соловьевъ, XXVI, 160 сл.

[2]) Отношенія Екатерины къ Вольтеру у Иконникова, Время Екат. Второй, Лекціи, Кіевъ, I, 225 сл.

[3]) Соловьевъ, XXVI, 195, 228, 245 сл.

изъ Берлина, чтобы ни подъ какимъ видомъ не позволить Польшѣ измѣнить свою конституцію. При указанномъ условіи Польша была бы не безполезнымъ членомъ моднаго въ то время при русскомъ дворѣ сѣвернаго аккорта, или вѣрнѣе сказать, была бы полезнымъ подручникомъ Россіи.

Это политическое значеніе для Россіи возстановленія политическихъ правъ диссиденнтовъ ради пріобрѣтенія большей инфлюенціи и права вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши прекрасно сознавалось и поляками, [1]) и Фридрихомъ конечно, [2]) который поэтому и принялъ зависящія мѣры для своевременнаго противодѣйствія успѣху этого дѣла, [3]) не говоря уже о его опасеніяхъ, чтобы слишкомъ энергичнымъ заступничествомъ за диссидентовъ не вызвать чужеземнаго вмѣшательства, и не воспламенить новой войны по такому ничтожному поводу.“ [4]) Этимъ-же объясняется и заносчивость (впрочемъ въ письмахъ къ Сольмсу) съ какою онъ отзывается о требованіи Россіею его помощи въ этомъ дѣлѣ, [5]) и почему онъ лишь послѣ долгихъ настояній согласился изъ любезности сдѣлать скромное заявленіе въ пользу диссидентовъ [6]).

Таковы были при началѣ турецкой войны отношенія между Россіею и Пруссіею.

Гораздо яснѣе и откровеннѣе сложились отношеніе между Россіею и Австріею. Мы видѣли, что при вступленіи на престолъ Екатерины, при русскомъ дворѣ существовала весьма значительная партія, стоявшая за союзъ съ Австріею; убѣжденіе въ „естественной коннекціи“ и „тѣсномъ сопряженіи“ нашихъ интересовъ съ интересами Австріи въ Турціи, установившееся при Петрѣ, продолжало существовать

---

1) Соловьевъ, XXVII, 189 сл. 188

2) Тамъ-же, 196

3) См. выше инструкцію Бенуа.

4) Соловьевъ XXVII, 196, 209.

5) Россія доходитъ въ своихъ требованіяхъ до insolence и до impertinentes prétentions. Сольмсу 25 сент. 1766, у Häusser, 187

6) Avoir la complaisance pour la Cour de Russie de faire encore... une déclaration quoique modeste en faveur des dissidents; Häusser 184, Сб Рус. Ист. Об. XXII, № 292.

въ нашей политикѣ и при Екатеринѣ и позднѣе, несмотря на то, что уже событія Нѣмировскаго конгреса должны бы были открыть глаза нашимъ дипломатамъ въ томъ отношеніи, что въ пунктахъ, касающихся дунайскихъ княжествъ у насъ съ Австріею немыслима нималѣйшая коннекція. Этотъ союзъ имѣлъ за себя преданія старыхъ временъ, постоянную общую борьбу обѣихъ державъ противъ Турціи [1]): „тѣсное обоихъ императорскихъ дворовъ соединеніе,—писалъ гр. М. Л. Воронцовъ [2])—почиталось всегда для того наипаче нужнымъ и натуральнымъ, что какъ по сосѣдству равно подвержены оные опасности турецкаго нападенія, такъ взаимнымъ соединеніемъ силъ своихъ, весьма въ состояніи не только противиться всѣмъ покушеніямъ Порты, но самой ей, по первыхъ въ полѣ успѣхахъ, дать восчувствовать бремя войны въ собственныхъ ея земляхъ". Такой взглядъ на наши отношенія къ Австріи раздѣляла первое время по вступленіи своемъ на престолъ и сама Екатерина,—посланнику нашему въ Константинополѣ предписывалось отвращать всякія опасности отъ Австріи и не допускать заключенія направленнаго противъ нея союза Порты съ Пруссіею [3]). Разсчитывая на союзъ съ Австріею для общей политики на Востокѣ, Екатерина желала поддержанія добрыхъ отношеній

[1]) Война 1737—39 г., сепаратный секретный артикулъ трактата 1746 года формулированный въ видѣ особаго акта въ 1753 г. и подтвержденный въ союзномъ трактатѣ 1760. См Мартенсъ, собр. тракт. и конвенцій №№ 14, 17., 19, и 26.

[2]) См. Меморіалъ М. Л. Воронцова 1762 года въ Архивѣ кн. Воронцова, изд. Бартеневымъ VII, 533 сл., XXV, 272 сл. и отвѣты Воронцова на вопросы Екатерины 1762 г., тамъ-же 338. Ср. отвѣты гр. А. П. Бестужева-Рюмина тамъ-же 397 сл.

[3]) Рескрипты Обрѣскову 1762 года въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., сношъ съ Турціею III Constantinople, связ. 1. Между прочимъ въ рескриптѣ отъ 26 іюля 1762 г. говорится: „Интересы наши съ интересами Вѣнскаго двора въ разсужденіи турковъ по самому существу своему имѣютъ между собою толь тѣсное сопряженіе, что впаденіе турокъ на Венгрію и всякое распространеніе силъ ея (ихъ) и владѣній въ Европѣ почитать мы должны за утѣсненіе и опасность всему христіанству и намъ собственно. Ср. рескрипты Голицыну въ Вѣну 1762 г. № 11 отъ 21 іюля (съ приложеніемъ копіи рескрипта Обрѣскову) и № 26 отъ 2 сентября.

ній къ ней и по польскимъ дѣламъ. Рескриптомъ послу нашему въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицыну отъ 8 февраля 1763 года, [1]) ему приказано было представить вѣнскому министерству что императрица уже начинаетъ помышлять о назначеніи преемника королю польскому и желаетъ получить откровенное сообщеніе отъ Маріи-Терезіи о тѣхъ персонахъ, кои бы по ея мнѣнію могли быть способнѣе для сего избранія, а также просить, чтобы австрійскій министръ въ Варшавѣ при избраніи новаго кандидата поступалъ согласно съ нашимъ министромъ, гр. Кайзерлингомъ. Такимъ образомъ австрійскому правительству сдѣлано было точно такое-же сообщеніе, какъ и прусскому. Замѣтимъ притомъ, что зная о подозрѣніяхъ и опасеніяхъ, возникшихъ въ Вѣнѣ вслѣдствіе предполагавшагося при Петрѣ III союза Россіи съ Пруссіею противъ Австріи, и что тамъ распространился слухъ, будто союзъ этотъ заключенъ, императрица, рескриптомъ Голицыну отъ 17 февраля 1763 года приказала обнадежить кн. Кауница о несправедливости извѣстія о заключеніи между нею и Фридрихомъ союзнаго и наступательнаго трактата [2]). Голицынъ исполнилъ возложенное на него порученіе [3]). Отвѣтъ австрійскаго правительства былъ неблагопріятенъ видамъ Екатерины. Между тѣмъ какъ Фридрихъ на подобное-же „откровеніе“ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на всѣ желанія Екатерины. австрійское правительство, несмотря на сдѣланное ему внушеніе, что императрица охотно приметъ всякое предложеніе, направленное къ закрѣпленію взаимной дружбы обѣихъ имперій [4]), настаивало на томъ, что оно желаетъ лишь свободнаго избранія новаго короля на основаніи польской вольности и законовъ, и сохраненія

---

[1]) Рескриптъ № 11, сношн. съ Австріею, III Vienne.

[2]) Рескриптъ № 14, III Vienne; ср. тамъ-же реляціи № 46 и 47 мартъ 1763 г. Ср. также конференціальныя записки съ гр. Мерси, 15 февраля 1763: о полученномъ въ Вѣнѣ извѣстіи о состоявшемся заключеніи союзнаго и наступательнаго трактата между Россіею и Пруссіею.

[3]) Реляція № 43 отъ $^{15}/_{26}$ марта 1763, III Vienne.

[4]) Конференціальн. записки съ гр. Мерси, 11 авг. 1763; тоже канцелярск. цидула къ кн. Голицыну отъ 15 авг. 1763 г.

спокойствія въ Польшѣ, но что по принятымъ Австріею съ Россіею обязательствамъ соглашенось стараться общими силами доставить польскую корону саксонскому курфирсту, насколько это можетъ быть достигнуто съ соблюденіемъ законовъ республики, и что императрица и нынѣ остается при этомъ желаніи [1]). То-же оно повторило, когда въ концѣ года русское правительство сообщило ему о намѣреніи императрицы дѣйствовать въ пользу избранія Піаста [2]). Мотивомъ этого служили съ одной стороны политическія соображенія австрійскаго правительства, а съ другой подозрѣніе его о намѣреніи Екатерины вступить въ союзъ съ Пруссіею, между прочимъ для совмѣстнаго раздѣла Польши [3]); но несомнѣнно, что и самые уже оффиціальные переговоры поселили холодность между правительствами обѣихъ имперій, а послѣдующія событія: возобновленіе союза Австріи съ Франціею, заключеніе союза Россіи съ Пруссіею и событія избранія Станислава Понятовскаго, могли [4]) лишь усилить натянутость ихъ отношеній. Поэтому, хотя первоначальнымъ планомъ политики Екатерины было—держаться относительно дѣлъ польскихъ союза съ Пруссіей, а относительно турецкихъ—союза съ Австріей, но уже въ 1764 г., въ виду постоянной вражды, проявляемой Австріею въ Константинополѣ противъ Россіи, Панинъ выразилъ мнѣніе: „Мнѣ видится и намъ уже пора о семъ дѣлѣ (объ общихъ съ Австріею стараніяхъ отклонить союзъ Турціи съ Пруссіею) замолчать, оставя вѣнскій дворъ его жребію; да и въ существѣ Россія не потрясется отъ той аліанціи, а вѣнской дворъ далеко уже отшелъ отъ натуральной съ нами конек-

[1]) Конфер. записки съ гр. Мерси, апрѣль и 20 окт. 1763, послѣдняя въ Négociat. pour d. traités (Доклады, Англія (sic) 1763).

[2]) Реляція Голицына № 185 отъ 3 (14) дек. 1763; ср. реляцію № 154 и слѣд. Въ крайнемъ случаѣ австрійское правительство соглашалось и на избраніе поляка, и даже увѣряло въ единствѣ интересовъ Австріи и Россіи, но Панинъ полагалъ, что „г. Кауницъ суетно поставляетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіи Польши“.

[3]) Реляціи Голицына № 160 отъ 30 (10) октяб. и № 183 отъ 29 (10) нояб. 1763.

[4]) См. реляціи Голицына 1764 года, напр. № 76 и 88. Соловьевъ XXVI, 58, 77, 80, 81 сл., 87 сл.

ціи, чтобъ намъ стряпать за его собственные интересы съ обращеніемъ къ себѣ отъ другихъ за то зависти“ [1]), а въ 1765 году дѣло было даже не далеко отъ союза Россіи съ Турціею противъ Австріи [2]). Надо замѣтить, что сближеніе Австріи съ Франціею и неудовольствіе ея русскою политикою въ Польшѣ повело къ сближенію ея съ Портою. Къ тому-же Австрія хлопотала въ это время о переименованіи своего послѣдняго срочнаго мирнаго трактата съ Портою въ безсрочный, причемъ обѣщала ей свой нейтралитетъ въ случаѣ войны ея съ Россіею. Это обстоятельство, въ связи съ донесеніями Обрѣскова о подстрекательствахъ Порты австрійскимъ интернунціемъ (Пенклеръ) противъ Россіи, вызвали русское правительство на попытку возбудить въ свою очередь Порту противъ Австріи. Но любопытно, что не смотря на непріязненныя отношенія къ вѣнскому двору, не смотря на желаніе возбудить войну Турціи противъ него, русское правительство имѣло въ виду лишь „посломать рогъ его гордости“, и въ то-же время не желало допускать до причиненія ему серьезнаго вреда. Въ рескриптѣ Обрѣскову отъ 2 іюля 1764 г. [3]) сказано: „изъ послѣдней вашей реляціи отъ 16 апрѣля мы усматриваемъ, сколько вѣнскій дворъ, жертвуя болѣе и болѣе своими непоколебимыми интересами интересу настоящаго своего ослѣпленнаго соединенія съ Франціею и ничѣмъ необузданному своему желанію возвращенія потерянной Шлезіи съ распространеніемъ своего владычества между германскими штатами, наконецъ въ вашемъ мѣстѣ снимаетъ маску и не употребляетъ уже болѣе никакого уваженія въ приведеніи Порты къ разрыву съ нами,—ибо невозможно основательно приписать тамошнему двору никакого другого вида или намѣренія въ учиненномъ

---

1) Ремарка Панина на реляцію Обрѣскова № 11, 1764 года (Const., 1764, связ. 7).

2) См. приложен. 22 и ср. реляцію Голицына № 178 отъ 22/3 нояб. 1763 (съ приложеніемъ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Портѣ). Ср. также переписку Сольмса съ Фридрихомъ 1764 и 1765 въ Сб. Рус. Ист. Об. XXII, № 187 стр. 343, № 207 стр. 375 сл., № 210 и др.

3) Рескр. № 11 въ сношен. съ Турціею, Constantinople, 1765 связ. 10.

нмъ предложеніи султану... И потому имѣете вы употребить всевозможные способы и всѣ ваши силы, чтобъ натягаемую австрійскимъ домомъ тучу обратить на него самого. [1]) По настоящему между нами и его прусск-в-вомъ союзу мы будемъ всегда имѣть способы сего государя удержать отъ чрезмѣрнаго уже тогда обремененія войною съ его стороны вѣнскаго двора, турки-же одни конечно немного оному принесутъ существительнаго ущерба, но рогъ его гордости и высокомѣрія чаятельно довольно поломаютъ и могутъ заставить тѣмъ впредь разумно наклонять свою политику предпочтительнѣе къ сохраненію въ безопасности дѣйствительно имѣющаго предъ тѣмъ, что еще достигнуть желаемо“ [2]). Затѣмъ слѣдуетъ еще другое

[1]) Будучи увѣренъ въ добромъ расположеніи главныхъ министровъ Порты,—говоритъ Сольмсъ въ донесеніи Фридриху,—Панинъ думалъ внушить имъ, что если султанъ намѣревается ознаменовать свое царствованіе войной, то они должны бы уговорить его обратить свое оружіе скорѣе противъ опаснаго сосѣда, какимъ представляется Австрія, отъ которой есть чѣмъ поживиться и съ которою, за истеченіемъ срока перемирія, онъ не связанъ никакимъ обязательствомъ сохранять миръ, вмѣсто того, чтобъ допускать къ войнѣ съ Россіей, гдѣ ему нѣтъ никакихъ выгодъ и придется нарушить существующій миръ безъ всякаго справедливаго къ тому повода; вмѣстѣ съ тѣмъ Обрѣскову приказано было стараться не допускать возобновленія перемирія съ Австріею и инсинуировать Портѣ, что если она имѣетъ поводы къ неудовольствіямъ противъ нея, за которыя она находитъ нужнымъ сама доставить себѣ удовлетвореніе, то можетъ разсчитывать, что въ подобномъ случаѣ Россія не вмѣшается, и что поэтому обѣ имперіи могли бы покончить миролюбиво нѣкоторыя существующія между ними недоразумѣнія по отношенію къ границамъ. Для подкрѣпленія этихъ доводовъ въ Константинополь посланы были деньги и мѣха. Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 187, p. 343, Solms au roi, 23 Nov. (4 Déc). 1764; № 207, p. 375, idem 27 Mai (7 Iuin) 1765. Ср. также Häusser, Forschungen, IX, 159.

[2]) Это мѣсто рескрипта почти буквально заимствовано изъ ремарки Панина на реляцію Обрѣскова № 17 отъ 21 мая 1765 г., въ которой Панинъ говоритъ: „Обрѣсковъ довольно уже наставленъ, а послѣ такого уже поведенія (Австрія открыла Портѣ „каналы“, которыми пользовался русскій посланникъ для секретныхъ дѣйствій въ Константинополѣ) ему не остается нужды ни въ какомъ уваженіи, слѣд. можно думать, что онъ употребитъ все возможное къ обращенію тучи на австрійскій домъ съ позволеніемъ для насъ навигаціи на Черномъ морѣ; в-во всегда бу-

любопытное мѣсто: „вы сами судить можете, сколь много благоразуміе требуетъ, чтобъ всѣ ваши по тому подвиги не только до времени скрыты были противной сторонѣ, но и чтобъ оная и никогда точно узнать не могла, до которой степени Порта нами была подвигнута, дабы вѣнскому двору всегда могло остаться чувство, что его собственное неумѣренное пристрастіе и потому подвиги противу насъ до того довели турокъ".

Итакъ, русское правительство желало добиться лишь принужденія Австріи къ сближенію съ Россіею. Екатерина далека была отъ мысли отдать ее на растерзаніе Турціи и Пруссіи. Но содѣйствіе послѣдней въ исполненіи этого плана представлялось все-таки выгоднымъ; притомъ поддержанію непріязненныхъ отношеній между Австріею и Россіею не мало содѣйствовалъ конечно и Фридрихъ, какъ вслѣдствіе своихъ личныхъ отношеній къ Австріи, такъ и вслѣдствіе той выгоды, которую онъ долженъ былъ находить въ этомъ для большаго привлеченія Россіи къ Пруссіи [1]). Поэтому Панинъ сообщилъ свой проектъ Сольмсу, причемъ выразилъ увѣренность, что Фридриху конечно извѣстны замыслы вѣнскаго двора противъ Пруссіи, и что Фридрихъ не можетъ не желать возможно большаго ослабленія этой монархіи; онъ поэтому увѣренъ, что король нетолько одобритъ планъ, столь отвѣчающій его безопасности, но не откажется помочь своими совѣтами и содѣйствіемъ приведенію его въ исполненіе

дете въ состояніи удержать отъ той игры короля прусскаго, турки-жъ одни не сдѣлаютъ вреда австрійцамъ, какъ только нѣсколько поломаютъ ихъ гордость, и сдѣлаютъ имъ впредь нашу дружбу драгоцѣннѣе французской и всякой другой. Contantinople 1765 св. 11.

[1]) Онъ увѣрялъ русское правительство, что со стороны Турціи для Россіи нѣтъ опасности (1765 г. Сб. Р. Ист. Об. XXII № 204)—это ему нужно было для того, чтобы разубѣдить Панина въ пользѣ усиленія королевской власти въ Польшѣ и союза Россіи съ Польшею противъ Турціи (Тамъ же №№ 199, 201 стр. 363 слѣд.), такъ какъ Панинъ разсчитывалъ между прочимъ замѣнить союзомъ съ Польшею прежній союзъ Россіи съ Австріею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старательно поддерживалъ въ русскомъ правительствѣ убѣжденіе, что австрійская политика въ Константинополѣ ничѣмъ не разнится отъ политики французской. (Тамъ-же № 206 и мн. др.)

въ возможно-скорѣйшее время. Поэтому, посылая Обрѣскову приказанія безотлагательно начать дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, онъ проситъ, чтобъ король послалъ такія-же приказанія своему посланнику при Портѣ, Рексину и поручилъ ему въ особенности стараться не допускать желаемаго вѣнскимъ дворомъ возобновленія трактата. „Единственное средство,—говорилъ Панинъ,—дать понять вѣнскому двору, что нисколько не боятся союза его съ Франціею и что Пруссія и Россія умѣютъ помнить интриги и ябеды, къ которымъ онъ прибѣгаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ для противодѣйствія ихъ планамъ, это—держать его постоянно въ повиновеніи у турокъ и въ концѣ концевъ заставить его чистосердечно отказаться отъ мысли возвратить разъ утраченную провинцію, (Силезію), чтобы, гоняясь за этимъ призракомъ, не подвергнуть себя опасности потерять въ Венгріи то, чѣмъ онъ еще въ дѣйствительности владѣетъ тамъ. Онъ-де считаетъ эту мысль о возвращеніи Силезіи за основной принципъ политики австрійскаго двора, будучи увѣренъ, что этотъ дворъ уже полагаетъ возможнымъ осуществить ее теперь, когда турки ставятъ въ затруднительное положеніе Россію, въ надеждѣ что разъ послѣдняя начнетъ войну, она будетъ лишена возможности помочь Пруссіи всѣми силами, какими она въ состояніи располагать". Въ заключеніе Панинъ выразилъ увѣренность, что король не откажетъ въ своемъ содѣйствіи, уже въ видахъ самосохраненія и критическаго положенія сѣверной системы по отношенію къ южной [1]). Что касается содержанія этого содѣйствія, то достаточно будетъ приказанія, чтобы прусскій министръ при Портѣ дѣйствовалъ въ указанномъ направленіи, а еслибы Пруссія этимъ навлекла на себя гнѣвъ вѣнскаго двора, то Россія не оставить ее безъ поддержки.

Сольмсъ отнесся весьма сечувственно къ предложенію Панина. По его мнѣнію, согласіемъ на него Пруссіи представляется самый удобный случай доказать искреннее же-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 207, стр. 376, Solms au Roi 27 Mai (7 Juin) 1765; ср. также № 211 сл. стр. 386 сл.

ланіе ея вступить въ тѣсный союзъ съ Россіею, тѣмъ болѣе, что императрица и Панинъ искренне расположены къ Пруссіи и въ пользу интересовъ Фридриха. „Съ другой стороны“, продолжаетъ онъ, „раздраженіе и негодованіе противъ вѣнскаго двора достигли здѣсь такой степени, что даже на утрату имъ цѣлыхъ провинцій посмотрѣли бы совершенно спокойно, и были бы довольны унизить этимъ его гордость и ослабить могущество“ [1]).

Двѣ недѣли спустя по отправленіи этого донесенія гр. Сольмсъ получимъ депешу отъ короля. Въ ней Фридрихъ давалъ полное свое одобреніе плану Панина, соглашался сдѣлать Портѣ желаемыя внушенія, обѣщалъ послать Рексину приказаніе дѣйствовать во всемъ согласно съ Обрѣсковымъ и даже разрѣшить ему необходимые расходы на подкупъ турецкихъ министровъ, и вообще приложить всевозможныя старанія къ осуществленію этого плана. Каковы были инструкціи Рексину—мы не знаемъ; въ своей депешѣ король писалъ, что онъ „ранѣе послалъ ему приказанія изобличить передъ Портою всѣ ложные и злонамѣренные слухи и инсинуаціи французовъ и австрійцевъ и убѣдить Порту, что она можетъ разсчитывать на полнѣйшую дружбу со стороны Россіи. Но въ заключеніе, и конфиденціально, онъ выражаетъ сомнѣніе въ удачѣ задуманнаго Панинымъ плана возбудить Порту къ войнѣ противъ Австріи. Впрочемъ король приказываетъ Сольмсу „польстить“ Панину, сказавъ, въ какомъ онъ, король восторгѣ, что ему пришелъ въ голову такой разумный планъ, который, если даже не удастся вполнѣ, то вѣроятно по меньшей мѣрѣ помѣшаетъ возобновленію трактата между Турціею и Австріею, что причинитъ послѣдней большое затрудненіе, и принудитъ Австрію быть сговорчивѣе по польскимъ дѣламъ. Но любопитнѣе всего конецъ депеши (конфиденціальный) заключающій нѣсколько „мелкихъ замѣчаній“, на которыя онъ обращаетъ вниманіе Сольмса, какъ на предметъ для его „размышленій“. Эти замѣчанія сводятся къ тому, что Фридрихъ угождалъ русскому

---

1) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 207, p. 379.

двору во всѣхъ его желаніяхъ, хотя и не видѣлъ взаимности со стороны его въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ лично заинтересованъ. „И вмѣстѣ съ тѣмъ я вполнѣ сознаю, что для меня никакая система не можетъ быть такъ выгодна, какъ союзъ съ Россіею, потому что никто не осмѣлится тогда затронуть меня“ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ возникло дѣло о поведеніи Рексина въ Константинополѣ...

Осложенія въ польскихъ дѣлахъ, осторожность прусскаго посланника въ Константинополѣ—Рексина, повидимому не оказывавшаго Обрѣскову никакой поддержки, наконецъ удачныя подстрекательства Порты противъ Россіи Франціею, —все это были причиною, что задуманный русскимъ правительствомъ планъ возбужденія Порты противъ Австріи не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Съ другой стороны и Австрія, несмотря на свое явно враждебное отношеніе къ русской политикѣ въ Польшѣ съ самаго момента избранія Станислава, держалась вообще пассивно, какъ въ Турціи, такъ и въ Польшѣ [2]).

Таковы были отношенія Пруссіи и Австріи къ Россіи передъ войной.

Объявленіе Портою войны Россіи застало въ сущности въ расплохъ всю Европу. Но едва-ли для кого оно было такъ непріятно, такъ для Фридриха, [3])—тотчасъ по объявленіи войны, онъ получилъ отъ Екатерины письмо (отъ 14 ноября), въ которомъ она извѣщала его объ этомъ и выражала увѣренность, что король останется вѣренъ своему союзу съ Россіею. Фридриху было неудобно отказываться отъ своихъ обязательствъ, — онъ конечно долженъ былъ ожидать, что съ объявленіемъ намъ войны Турціею, въ Петербургѣ необходимо съ новою силою возродится теченіе въ пользу старой системы союза съ Австріею; [4]) такъ оно и было,—есте-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 210, p. 382, le roi à Solms, 19 Iuin 1765; № 213, p. 389 idem 19 Iuillet 1765.

[2]) Beer, Erste Theilung Polens I, 278 сл. 286; Соловьевъ XXVI, 81 сл. Причины: миролюбіе Маріи-Терезіи, финансовое разстройство, опасеніе возникновенія диссидентскаго вопроса у себя, и др.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 83.

[4]) Противники Панина: Орловъ, Чернышевъ, Разумовскій, оба Голи-

ственно являлось мнѣніе, что при этомъ союзѣ турецкая война была бы или немыслима, или Австрія отвлекла бы турецкія силы отъ русскихъ границъ, вполнѣ открытыхъ теперь для нападенія. Поэтому Фридрихъ рѣшился воспользоваться оговоркою въ трактатѣ 1764 г. допускавшею возобновленіе его до истеченія 8-лѣтняго срока, и въ декабрѣ 1768 г. поспѣшилъ предложить русскому правительству возобновленіе союза, „приспособивъ его къ новымъ обстоятельствамъ“. [1]) Вмѣстѣ съ проектомъ новаго договора въ Петербургъ отправлена была составленная по приказанію Фридриха записка въ защиту преимуществъ для Россіи прусскаго союза передъ австрійскимъ. [2])

Но помимо этого Фридрихъ рѣшился объясниться непосредственно съ вѣнскимъ дворомъ. Намѣреніе это было у него уже ранѣе, [3]) а теперь къ нему стали доходить слухи о какихъ-то переговорахъ Австріи съ Франціею, притомъ „война Россіи съ Турціею измѣнила всю политическую систему Европы,—открывалось новое поприще для дѣятельности и нужно было не имѣть никакой ловкости или быть погруженнымъ въ безсмысленное оцѣпененіе, чтобы не воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ.“ [4]) Удобнымъ же случаемъ можно было воспользоваться лишь уяснивши отношенія къ Австріи. Наконецъ, даже наружное сближеніе съ Австріею должно было благопріятно подѣйствовать на отношенія Пруссіи къ Россіи,—сдѣлать послѣднюю податливѣе на прусскія требованія. [5]) Съ другой стороны, и австрій-

---

цына. См. Соловьевъ XXVIII, 58 сл. 83; Сб. Р. Ист. Об. XII, 411 сл. Арх. Гос. Сов. I, 11, засѣд. 14 нояб. 1768, ст. 20, засѣд. 14 февр. 1769. ст. 23, зас. 30 апр. 1769.

[1]) Beer Theilung, I, 268; Сб. Р. Ист. Об. XX, № 51, стр. 253.

[2]) Объяснялось, что союзъ Россіи съ Австріею привелъ бы Пруссію къ союзу съ Франціею, причемъ Австрія, опасаясь нападенія Франціи въ Италіи и Нидерландахъ, не могла бы оказать дѣятельной помощи Россіи. Beer Theilung, I, 269; ср. объ отношеніяхъ Фридриха къ Франціи, Соловьева, XXVIII, 85; Raumer, II, 230; Sorel, 40 сл. 49 сл.

[3]) Въ 1766 году. Beer, Zusammenkünfte 10 сл. (392 сл.); Raumer II, 40

[4]) Mémoires; Beer, Theilung, 290

[5]) Beer, Theilung, 292; Duncker, Aus d. Zeit Friedrichs d. Gr., 175.

ское правительство, особенно Кауницъ, опасаясь между прочимъ, чтобы въ случаѣ войны Франціи съ Англіею, Австріи не пришлось сдерживать Пруссію, желало уяснить отношенія къ Пруссіи. [1]) Наконецъ обѣ державы одинаково опасались быть вовлеченными въ войну другъ съ другомъ изъ-за своихъ союзниковъ.

Въ августѣ 1769 года свиданіе состоялось въ Силезіи, въ Нейссе. [2]) Оба монарха по условію должны были явиться безъ министровъ, поэтому Іосифъ пріѣхалъ снабженный составленною кн. Кауницемъ подробною инструкціею относительно: Matières que vraisemblablement le roi de Prusse pourra mettre sur le tapis à l'occasion du prochain séjour de l'empereur à Neisse. [3]) Такъ какъ при первомъ-же свиданіи Іосифъ выразилъ полное отреченіе Австріи отъ Силезіи, то понятно, это одно уже облегчило всѣ дальнѣйшіе переговоры и взаимное сближеніе. Положимъ, Іосифъ видѣлъ все-таки въ лицѣ Фридриха плута, [4]) а Фридрихъ въ Іосифѣ—человѣка поверхностнаго и пожираемаго честолюбіемъ (d'ambition démesurée), но несомнѣнно, что Фридрихъ съумѣлъ вполнѣ очаровать молодаго императора. Повидимому всѣ усилія съ обѣихъ сторонъ были употреблены на то, чтобы внушить другъ другу взаимное довѣріе и преимущества доброй дружбы на почвѣ изобрѣтеннаго Фридрихомъ для этого случая „нѣмецкаго патріотизма“. Съ точки зрѣнія этого патріотизма отношенія Пруссіи и Австріи къ ихъ союзникамъ—Россіи и Франціи, а также и Австріи къ Англіи представляли конечно много неудобствъ. Война между Франціею и Англіею могла возгорѣться каждую минуту, но въ силу новоизобрѣтенной „си-

[1]) Beer, Theilung, 283 сл., 285, 289, 291; Sorel, 33 сл.

[2]) Объ немъ см. Beer, Zusammenkünfte Josephs II u. Friedrichs II, стр. 25 сл. (407 сл.) и прил. VII, VIII, XI и его же Gesch. d. ersten Theilung Polens, I, 299 сл.; Mémoires, Oeuvr. de Fred. II VI, 25; также у Arneth, Mar.-Ther. u. Joseph II, T. I, 300 сл.; Gesch. Mar.-Theresias VIII; Sorel, 63 сл. (гл. IV); Duncker, 175 сл. 181 сл. Raumer, II, 245 сл.

[3]) См. у Beer, Zusammenkünfte, 64 сл.

[4]) „C'est un genie et un homme qui parle à merveille, mais il n'y a pas un propos qui ne sente le fourbe“. Arneth M.-Ther. u. Jos. II, T. I, 300; Beer, Zusammenk. 36.

стемы нѣмецкаго патріотизма“ Пруссія и Австрія гарантировали свой взаимный нейтралитетъ въ случаѣ франко-англійской войны. Такое же свободное толкованіе давалъ съ своей стороны и Фридрихъ своему союзу съ Россіею. „Въ своихъ бесѣдахъ, говоритъ онъ,—Іосифъ аффектировалъ такое довѣріе къ Россіи, какого у него навѣрное не было“,—ему нужно было, чтобы Фридрихъ высказался противъ Россіи, а съ другой стороны не подавать вида, выраженіемъ излишнихъ опасеній, будто онъ придаетъ большую цѣну сближенію Пруссіи съ Австріею. Напротивъ, въ интересахъ Фридриха было—преувеличивать опасность честолюбія Россіи для Германіи и доказать, что по отношенію къ Россіи „патріотическая система“ имѣла такое-же значеніе и силу, какъ и по отношенію къ Франціи.“ И дѣйствительно, мы видимъ съ одной стороны Іосифа, завѣряющаго Фридриха, что у Екатерины un cervello di regina, что Австрія желаетъ лишь одного—жить въ мирѣ со всѣми, и что союзъ съ Россіею необходимъ для Фридриха за неимѣніемъ союза Австріи, хотя этотъ союзъ ему дорого обходится, а нерѣдко бываетъ и весьма неудобенъ для него. Съ другой стороны Фридрихъ соглашается съ этимъ и съ прочитаннымъ ему Іосифомъ пунктомъ инструкціи Кауница, въ которомъ указывается на опасности для Пруссіи отъ роста Россіи, и старается увѣрить Іосифа, что турки ничто въ сравненіи съ Россіею, что для обузданія ея со временемъ нужно будетъ соединиться всей Европѣ и во всякомъ случаѣ союзъ Австріи и Пруссіи противъ русскаго деспотизма будетъ совершенно необходимъ, хотя собственно для Пруссіи она и не представляетъ настоятельной опасности, [1]) а Австріи не мѣшаетъ изъ предо-

[1]) Фридрихъ объяснялъ свиданіе свое съ Іосифомъ тѣмъ, что „Пруссія должна была опасаться, чтобъ ея союзница Россія, ставши слишкомъ могущественною, не вздумала со временемъ предписывать ей законы, какъ Польшѣ; вѣнскій дворъ долженъ былъ опасаться того-же самаго, и эта *общая опасность* заставила на время забыть прежнюю вражду“. Іосифъ говоритъ, что „въ разговорахъ Фридриха высказывался страхъ передъ русскимъ могуществомъ, страхъ, который *ему хотѣлось внушить* и намъ“. (Совѣтъ относительно хорошаго обращенія съ славянами и дарованія имъ

сторожности держаться вѣротерпимости въ отношеніи ея православныхъ подданныхъ, чтобы они не причинили ей безпокойствъ. Чѣмъ болѣе Фридрихъ выражалъ безпокойства, тѣмъ болѣе самоувѣренности приходилось выказывать Іосифу. „Государь! Въ случаѣ общей войны, вы стоите въ авангардѣ, поэтому мы можемъ спать спокойно", говорилъ Іосифъ. Но Фридрихъ отрицалъ это, хотя признавался, что онъ боится Россіи, что ему необходимъ союзъ съ нею, но этотъ союзъ ему крайне неудобенъ.

Таковы были взаимные интересы, обсуждавшіеся на свиданіи въ Нейссе. Турецкій и польскій вопросы были пока недостаточно зрѣлы для обсужденія. Хотя ихъ и касались, но очень поверхностно. Императоръ выразилъ лишь рѣшимость не вмѣшиваться въ турецкія дѣла, особенно противъ Порты, но что онъ желаетъ скорѣйшаго окончанія войны, сохраненія европейскаго status quo и ни въ какомъ случаѣ не допуститъ, чтобы русскіе остались въ Молдавіи и Валахіи. Въ виду всего этого единственнымъ пока результатомъ свиданія могло быть лишь закрѣпленіе «патріотической системы» посредствомъ придуманнаго Кауницемъ взаимнаго тайнаго обмѣна писемъ между монархами. [1]) Послѣ взаимныхъ комплиментовъ они обязывались другъ другу въ этихъ письмахъ, «въ случаѣ войны между Англіею и бурбонскимъ домомъ, сохранять благополучно возстановленный между ними миръ и даже въ случаѣ возникновенія другой какой-либо войны, причины которой теперь невозможно предвидѣть, хранить самый строгій нейтралитетъ въ предѣлахъ ихъ настоящихъ владѣній».

Таковы были результаты свиданія. Фридрихъ и Іосифъ разстались правда не вполнѣ увѣренные въ искренности и прочности своего сближенія, но все-таки ихъ свиданіе и обмѣнъ взглядовъ открывали возможность болѣе тѣснаго сбли-

---

вѣротерпимости, чтобы не дать имъ привязаться къ Россіи). „Во всѣхъ рѣчахъ его проглядывали опасенія и подозрѣнія на счетъ Россіи." (Arneth, M.-Th. u. Jos. II, т. I, 300). Raumer II, 245.

[1]) См. у Sorel, стр. 73 сл.; Ranke, Die deutschen Mächte u. d. Fürstenbund, II, 327; Arneth, Joseph II u. Maria-Theresia I, 306, 313.

женія, устранивъ нѣсколько поводы къ взаимнымъ опасеніямъ. [1])

Въ отношеніи Россіи и ея турецкой войны свиданіе имѣло еще менѣе значенія,—въ дѣйствительности, конечно, потому что результаты его были неизвѣстны русскому правительству. Но оно именно поэтому возбудило подозрѣнія и опасенія въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ которыхъ осенью 1769 года возобновленъ былъ и продолженъ до 1780 года союзный трактатъ съ Пруссіею съ тѣми измѣненіями, «примѣнительно къ обстоятельствамъ», какія желательны были Фридриху. Если союзъ его съ Россіею былъ причиною того, что Австрія оказалась такою податливою къ сближенію съ нимъ, [2]) то сближеніе его съ Австріею должно было произвести такое-же дѣйствіе на Россію. Фридрихъ убѣдился, что Іосифъ питаетъ великіе замыслы и лишь временно сдерживается матерью, [3])—это было ему на руку. Поэтому, немедленно по возвращеніи изъ Нейссе, онъ сталъ готовиться къ новому свиданію съ Іосифомъ „чтобы подготовить искреннее и болѣе тѣсное сближеніе между обѣими державами, которое можетъ понадобиться со временемъ вслѣдствіе честолюбивыхъ замысловъ Россіи.“ [4])

На свиданіи въ Нейссе Іосифъ, согласно даннымъ ему Кауницемъ инструкціямъ, далъ совершенно ясно понять Фридриху, что Австрія не намѣрена принимать активное участіе въ войнѣ. [5]) Это заявленіе вполнѣ согласовалось съ заявленіе-

---

[1]) Raumer, II, 247 сл.; Sorel, 76 сл. 81 сл.

[2]) „Для Австріи къ сближенію съ нами не служитъ ли единственнымъ побужденіемъ союзъ нашъ съ Россіею?—писалъ онъ 26 ноября брату Генриху, стороннику этого сближенія. „Пока союзъ этотъ существуетъ, она не можетъ ничего предпринять“. Duncker, 189 сл.

[3]) Письмо Сольмсу у Соловьева XXVIII, 88.

[4]) Ср. отчетъ австрійскаго посланника въ Берлинѣ, Нугента о его разговорѣ съ Фридрихомъ: „Le dernier entretien avec le roy, à son audience de congé à Potsdam, le 10 mai 1770“ у Arneth VIII, 573 сл. (Фридрихъ за посредство Австріи) Sorel, 106.

[5]) Beer Zusammenkünfte, 72 сл. Онъ выражалъ увѣренность, что пройдетъ еще года два прежде чѣмъ стороны вслѣдствіе истощенія пожелаютъ мира, и что единственное желаніе Австріи,—чтобы она не очень за-

емъ, которое сдѣлалъ передъ тѣмъ Кауницъ Голицыну. Именно, на запросъ Голицына (11 мая 1769 г.) признаетъ ли Австрія обязательнымъ для себя союзный договоръ съ Россіею 1753 года, и какое положеніе она намѣрена принять относительно Пруссіи и Польши, Кауницъ отвѣчалъ (14 мая) что такъ какъ Россія, вступленіемъ въ союзъ съ Пруссіею отказалась отъ союза съ Австріею, то послѣдняя считаетъ договоры 1746 и 1753 г. нарушенными и необязательными для себя; что съ Портою она заключила вѣчный миръ [1]), который она будетъ соблюдать, доколѣ турки останутся вѣрны ему, и что не имѣя намѣренія вмѣшиваться въ польскія дѣла, Австрія будетъ соразмѣрять свои дѣйствія въ этомъ отношеніи съ дѣйствіями Пруссіи. [2])

Но несмотря на все это, Фридрихъ рѣшился настоять на томъ, чтобы миръ Россіи съ Турціею заключенъ былъ не иначе, какъ при посредничествѣ Австріи и Пруссіи. Мы указали выше съ какимъ жаромъ Фридрихъ доказывалъ Іосифу опасность усиленія Россіи. Помимо того, что при этомъ

тягивалась и закончилась безъ нарушенія европейскаго status quo. Іосифъ завѣрялъ Фридриха, что турки пока не думаютъ о мирѣ, но Фридрихъ настаивалъ, что непремѣнно слѣдуетъ Пруссіи и Австріи взять на себя посредничество, иначе турки заключатъ миръ сами и уступятъ Россіи Очаковъ; притомъ единственное средство для замиренія Польши и прекращенія войны, это—предложить и заставить турокъ просить ихъ посредничества; на возраженіе Іосифа, что нужно, чтобы обѣ стороны просили его, Фр. отвѣчалъ, что отъ Россіи нечего ждать этого, такъ какъ у нея достаточно средствъ для продолженія войны; наконецъ, хотя Іосифъ прямо выразилъ даже нежеланіе вмѣшиваться въ примиреніе Порты съ Россіею, однако Фр. просилъ разрѣшенія написать въ Петербургъ, что Іосифъ выразилъ ему желаніе Австріи о замиреніи Польши и Турціи; Іосифъ предоставилъ ему писать все, что ему угодно, и что онъ считаетъ полезнымъ для себя.

[1]) Порта согласилась на переименованіе срочнаго Бѣлградскаго договора съ Австріею въ трактатъ „вѣчнаго мира“ въ вознагражденіе за оскорбленія и побои нанесенные австрійскому посланнику турецкою чернью 27 марта 1769 г. при выступленіи турецкихъ войскъ изъ Константинополя съ знаменемъ пророка. Sorel, 56.

[2]) Письмо Голицына Вице-Канцлеру 6 (17) мая; ср. также его реляцію № 12 отъ 2 (13) февр. 1769.

у него былъ разсчетъ возбуждая опасенія въ Іосифѣ, противодѣйствовать возможному сближенію Австріи съ Россіею, Фридрихъ и дѣйствительно искренно опасался, чтобы война съ Турціею не повела къ усиленію могущества Россіи: „ Это ужасная держава (terrible puissance), которая чрезъ полъ-вѣка заставитъ трепетать всю Европу,—писалъ онъ своему брату Генриху 8 марта 1769 года. Происходя отъ тѣхъ Гунновъ и Гепидовъ, которые сокрушили Восточную имперію, они могутъ вскорѣ почать (entamer) и Западную имперію и заставить австрійцевъ раскаяватся въ томъ, что своею ошибочною политикою они вызвали этотъ варварскій народъ въ Германію и научили его военному искусству.—Слѣпая ненависть ихъ къ намъ отуманила имъ глаза. Я не вижу иного средства противъ этого опаснаго потока, какъ составленіе со временемъ лиги могущественныхъ государей для задержанія его.“ Время для составленія такой лиги пока еще не настало, поэтому„ оставалось избрать одинъ ихъ двухъ путей: либо остановить Россію на пути ея чрезмѣрныхъ (immenses) завоеваній, либо—и это было всего разумнѣе (ce qui étoit e plus sage)—попытаться посредствомъ ловкости воспользоваться ими къ своей выгодѣ.“ А такъ какъ задержать Россію на пути завоеваній было трудно, то и оставалось избрать болѣе безопасный и удобный второй путь.

Но въ чемъ-же могли быть достигнуты выгоды Пруссіи? Извѣстно, что одною ихъ завѣтныхъ мыслей Фридриха было присоединеніе къ своему государству польской Пруссіи. Мысль эту онъ выражалъ еще будучи лишь наслѣднымъ принцемъ; [1]) ей онъ оставался вѣренъ и впослѣдствіи, [2]) и наканунѣ войны, 7 ноября 1768 г. въ своемъ Testament politique ставилъ одною ихъ главныхъ задачъ для своего преемника„ занятіе нѣсколькихъ пунктовъ (places) на Вислѣ для

---

[1]) Въ мемуарѣ 1731 г., составленномъ въ формѣ письма къ г. Natzmer —De la politique actuelle de la Prusse. Oeuvres XVI.

[2]) Изъ донесеній Мерси д,Аржанто узнаемъ, что еще во время переговоровъ Фридриха съ Петромъ III былъ поднятъ вопросъ о предоставленіи Пруссіи польской Пруссіи, а Россіи—польской Украины; Сб. Р. И. Об. XVIII, № 57 стр. 280

защиты восточной Пруссіи со стороны Россіи.“ Такими пунктами были: Данцигъ, Торнъ, Эльбингъ. Что касается средствъ исполненія этой мысли, то и на этотъ счетъ у него былъ вполнѣ опредѣленный планъ. Онъ усматривалъ затрудненія со стороны Россіи, и поэтому предполагалъ достигнуть присоединенія польской Пруссіи путемъ дипломатическимъ, при случаѣ еслибъ Россіи настоятельно потребовалась помощь Пруссіи. [1])

Первая попытка сдѣланная въ этомъ направленіи въ началѣ 1769 года была неудачна,—мы говоримъ о пресловутомъ проектѣ гр. Линара. [2]) Панинъ, которому этотъ проектъ былъ представленъ Сольмсомъ какъ обращикъ „отвлеченныхъ политическихъ идей,“ выразилъ мнѣніе, что если ужъ составится тройственный союзъ, который былъ бы впрочемъ весьма желателенъ, но которому препятствуетъ пока зависть Австріи къ Пруссіи, то цѣлью его должно бы было быть изгнаніе турокъ изъ Европы; при этомъ Пруссія получила бы польскую Пруссію и Вармію, а Австрія получила бы вознагражденіе за Силезію изъ турецкихъ владѣній; Константинополъ съ окружными областями могъ бы образовать республику, а Россія, не нуждаясь въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, могла бы удовольствоваться нѣсколькими пограничными крѣпостями. [3]) Такой отвѣтъ могъ быть лишь крайне непріятенъ Фридриху. Во первыхъ онъ указывалъ на возможность сближенія Россіи съ Австріею на почвѣ восточнаго вопроса, а во вторыхъ, не въ интересахъ Пруссіи было совершенное подавленіе оттоманской имперіи, потому что въ случаѣ надобности ею можно было удобно пользоваться для диверсій и противъ Венгріи, и противъ Россіи, смотря по тому, съ какою державою Пруссія находилась бы въ войнѣ

[1]) Duncker Aus d. Zeit Fr. 176 сл.; болѣе ранніе планы раздѣла Польши: Соловьевъ XVII 378, XVIII 109, XX 32, XXV 314, 334, XXVIII 148 сл. 153; Beer, Theilung I, 311; Droysen I, 287 сл.

[2]) Это былъ въ главныхъ чертахъ планъ состоявшагося три года спустя перваго раздѣла Польши. Онъ изложенъ въ депешѣ 3 февр. 1769 короля Сольмсу (см. у Duncker, 177 сл., Beer, Theilung II 39 сл. ср. Соловьевъ XXVIII, 146.)

[3]) Депеша Сольмса отъ 3 марта 1769 у Duncker, 179.

(см. мемуары Фридриха въ Oeuvres VI, 25). Наконецъ успѣхи русскаго оружія въ Турціи заставляли опасаться „чрезмѣрной“ требовательности Россіи въ ея мирныхъ условіяхъ. Между тѣмъ самому противодѣйствовать Россіи Фридриху было неудобно. И вотъ основаніе комбинаціи, въ силу которой являлось необходимымъ ввести въ дѣло Австрію; она несомнѣнно заинтересована въ томъ, чтобы не допустить Россію до значительнаго усиленія, и потому конечно не откажется принять угрожающее положеніе относительно Россіи; до войны не трудно не допустить ее, да она войны и не желаетъ, а между тѣмъ поощривъ ее къ угрозамъ Россіи, можно усилить свое вліяніе въ Петербургѣ и т. д. [1]).

Нужно замѣтить, что и настроеніе австрійскаго правительства было удобно для осуществленія этихъ разсчетовъ. Разсчетъ его на равные успѣхи русскаго и турецкаго оружія,—условіе, при которомъ можно было сохранять пассивное положеніе, такъ какъ взаимное ослабленіе двухъ непріятныхъ сосѣдей, Россіи и Турціи, было бы даже выгодно Австріи,—разсчетъ этотъ, говоримъ мы, оказался невѣренъ,—Россія получила значительный перевѣсъ въ войнѣ, русскія войска заняли Молдавію и Валахію, турецкій флотъ сожженъ, армія разбита. Все это возбудило опасенія вѣнскаго двора

---

[1]) Описавши свиданіе свое съ Іосифомъ въ Нейссе, Фридрихъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: „ Въ политикѣ было бы непростительною ошибкою слѣпо положиться на добросовѣстность австрійцевъ; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда перевѣсъ Россіи становился слишкомъ значителенъ, и когда нельзя было предвидѣть, какія границы она положитъ своимъ завоеваніямъ, было очень кстати сблизиться съ вѣнскимъ дворомъ. Пруссія не забыла еще ударовъ, которые Россія нанесла ей въ послѣднюю войну; вовсе не было въ интересахъ короля самому содѣйствовать усиленію государства столь страшнаго и опаснаго. Предстояло на выборъ —или остановить Россію на пути ея громадныхъ завоеваній или, что было всего благоразумнѣе, попробовать ловкостью извлечь изъ ея успѣховъ пользу для себя. Король ни чѣмъ не пренебрегъ въ этомъ отношеніи: онъ послалъ въ Петербургъ политическій проектъ, приписанный имъ гр. Линару. Но великіе успѣхи русскихъ въ Молдавіи и Валахіи и побѣды въ Архипелагѣ такъ отуманили петербургскій дворъ, что онъ не обратилъ никакого вниманія на самозванный мемуаръ гр. Линара. Послѣ этой неудачи король счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ.

за исходъ войны,—успѣхи русскаго оружія грозили опаснымъ усиленіемъ Россіи, если не вмѣшаться въ мирные переговоры. Поэтому для Австріи нужно было: 1) добиться заключенія мира между Россіею и Турціею, а 2) добиться, чтобы замиреніе произошло при ея участіи и посредничествѣ. Поэтому уже въ началѣ 1770 г. Тугуту дано было предписаніе предложить Портѣ посредничество Австріи для замиренія ея съ Россіею [1]). На пути въ Нейштадтъ Кауницъ писалъ, что„ турки наконецъ захотѣли мира и нашего посредничества; [2]) теперь надобно заставить Россію захотѣть того и другого: въ этомъ все дѣло и вся забота (hoc opus, hic labor), —это не легко въ настоящую минуту энтузіазма, но я думаю, что это не невозможно, если король прусскій этого искренне захочетъ, а желать этого требуетъ его интересъ.“ [3])

Такимъ образомъ заботы австрійскаго канцлера совпали съ желаніями прусскаго короля. Поэтому, когда на второмъ свиданіи съ Іосифомъ въ сентябрѣ 1770 г. въ Нейштадтѣ, [4]) Фридрихъ, какъ и въ Нейссе съ перваго-же дня завелъ рѣчь о небходимости, чтобы Австрія приняла на себя посредничество въ примиреніи Россіи съ Турціею, то это предложеніе не было уже принято Кауницемъ съ тою холодностію, какъ въ 1769 году. [5]) Не останавливаясь подробно на самомъ свиданіи,—на немъ главная роль въ политическихъ переговорахъ съ Фридрихомъ принадлежала Кауницу,—укажемъ лишь два факта. Фридрихъ выражалъ предположеніе, что Россія поставитъ условіями для замиренія уступку Портою Азова и Крыма и независимость княжествъ, хотя „на-

---

[1]) Депеша Кауница отъ 20 февр, и 21 апр. Arneth, VIII, 189 сл.; Raumer II, 256; Sorel, 84 сл.

[2]) Цегелинъ доносилъ, что à force de réitérer les mêmes représentations, emy удалось à convaincre les turcs du poids décisif qu'une aussi grande puissance que celle de la maison d'Autriche pouvoit donner à la négociation.

[3]) Beer, Zusammenkünfte, 115; Theilung 306 сл.

[4]) Объ немъ см. Beer, Zusammenkünfte 41 сл. 113 сл. (прилож. XIV сл.); его-же Theilung 320 сл; также Duncker 198 сл.; Sorel гл. 8; Arneth VIII, 210 сл.; Соловьевъ XXVIII, 157 сл.

[5]) Кстати въ это самое время получены были письма каймакама къ Финкенштейну и Кауницу съ просьбою о посредничествѣ Пруссіи и Австріи.

дѣялся," что отъ послѣдняго требованія она откажется. Наконецъ онъ выражалъ увѣренность, что Австрія не можетъ допустить, чтобы русскіе перешли черезъ Дунай. Съ другой стороны Кауницъ стращалъ Фридриха неизбѣжностію войны Австріи противъ Россіи, если послѣдняя будетъ настаивать на неумѣренныхъ условіяхъ. Но любопытно, что Фридрихъ увѣрялъ Кауница, что если въ этомъ случаѣ театръ войны распространится на Польшу, то онъ въ силу обязательствъ своихъ съ Россіею, вынужденъ будетъ принять въ ней участіе противъ Австріи; если же въ сторону Молдавіи и Валахіи, то возможно безучастіе Пруссіи. Между тѣмъ Кауницъ заявлялъ, что переходъ русскихъ черезъ Дунай не будетъ сочтенъ Австріею за поводъ къ объявленію Россіи войны, а что въ случаѣ войны придется вести ее именно въ направленіи Польши. Такимъ образомъ Фридрихъ поощрялъ австрійское правительство къ угрозамъ Россіи на Дунаѣ, а Кауницъ стращалъ Фридриха перспективою войны, въ которой послѣднему придется принять активное участіе. [1]) Разсчетъ того и другого вполнѣ понятный. Такъ какъ Фридрихъ взялся сообщить въ Петербургъ о результатахъ свиданія и о необходимости для Россіи принять посредничество Пруссіи и Австріи, и вообще принялъ на себя посредничество между Австріею и Россіею, то конечно для Австріи было выгодно, чтобы онъ изъ опасенія войны склонялъ Екатерину къ уступкамъ въ ея требованіяхъ. Съ другой стороны и Фридриху для его цѣлей, чтобы пріобрѣсти болѣе вѣса въ Петербургѣ, выгодно было, чтобы Австрія употребляла угрозы относительно Россіи; [2]) такъ какъ война между ними была ему нежелательна, то поощряя Австрію

---

[1]) Впрочемъ онъ проговорился Фридриху, что считаетъ прямыя угрозы Россіи неудобными, такъ какъ „угрозы умѣстны лишь въ томъ случаѣ, когда угрожающій рѣшился привести ихъ въ исполненіе."

[2]) Въ депешѣ къ своему посланнику въ Вѣнѣ Rhode, Фр пишетъ 30 мая 1770: „Les demonstrations que la Cour ou vous etes continue à faire sur les frontières d'Hongrie et de Transylvanie... viennent fort à propos. J'en devine le but, et je ne manquerai pas de le faire servir à pénétrer les dispositions de la R. pour le retablissement de la paix. Beer, Theilung, II, 42.

къ угрозамъ, онъ ей самой высказывался неопредѣленно относительно своего поведенія въ этомъ случаѣ.

Свиданіе въ Нейштатѣ имѣло весьма важныя политическія послѣдствія. Оно разомъ выдвинуло Фридриха на первый планъ, и главнымъ образомъ черезъ посредство вопроса о посредничествѣ.

Предвидя затрудненія въ этомъ вопросѣ со стороны Екатерины, и въ виду необходимости для него узнать русскія мирныя условія, Фридрихъ еще до свиданія въ Нейштатѣ началъ пытать русскій дворъ относительно мирныхъ условій и подготовлять его къ принятію посредничества Австріи. [1]) На первый запросъ его (въ маѣ 1770), отвѣтъ былъ уклончивый,— Екатерина выжидала, чтобъ высказаться относительно своихъ условій, результатовъ кампаніи. Результаты эти были самые блестящіе. Чесменскій бой, Кагульская побѣда и занятіе княжествъ давали право на почетный миръ, и даже безъ посредниковъ. Памятуя услуги, оказанныя Россіи посредничествомъ Франціи относительно Бѣлградскаго мира, и сознавая, что посредничество посторонніхъ державъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принести никакой выгоды Россіи, Екатерина не могла желать допущенія его. [2]) На основаніи министерскихъ сообщеній и удачи кампаніи 1770 года можно было надѣяться на склонность Порты къ миру и на податливость ея русскимъ требованіямъ. [3]) И вотъ, въ засѣданіи Совѣта 12 августа, гр. Г. Орловъ, по приказа-

---

[1]) Уже въ письмахъ Екатеринѣ отъ 6 янв. и 14 февр. 1769 Фридрихъ сообщалъ о склонности Порты къ миру, предлагалъ свое содѣйствіе и доказывалъ необходимость замиренія въ интересахъ самой Россіи, вслѣдствіе предстоящей трудности продовольствованія русской арміи въ разоренныхъ турецкихъ областяхъ и еще потому, что при первой неудачѣ русскаго оружія Австрія вмѣшается въ польскія дѣла. Сб. Р. Ист. Об. XX, № 50 и 52, р. 251 и 257, ср. № 54, р. 264.

[2]) Въ письмѣ г-жѣ Бьельке (май 1769 г. Сб. Р. И. Об. X, 339) Екатерина писала о занятіи русскими Азова и Таганрога: „l'un et l'autre avoient été rasé par la médiation de la France l'année 1739, et je les fais retablir sans médiation„. О дѣятельности медіатора гр. Кастеллянъ въ дѣлѣ о сдачѣ Азова въ 1741 г. см. Соловьева, XXI, 99 сл. и 102.

[3]) Арх. Гос. Сов. I, зас. 10 мая 1770, 7 дек. 1769.

нію императрицы предлагаетъ мнѣніе ея, что слѣдуетъ отправить въ армію уполномоченнаго, который при первомъ удобномъ случаѣ предложилъ бы туркамъ вступить въ мирные переговоры; война страшно отягощаетъ государство, по этому слѣдуетъ желать мира, а для достиженія его предложенный способъ самый кратчайшій; при томъ, если онъ удастся, то мы избѣгнемъ препятствій, бывающихъ при мирныхъ договорахъ, которые производятся посредствомъ посторонніхъ державъ, и Порта впередъ будетъ увѣрена, что Россія не происками какими нибудь приведена къ желанію мира, но „истиннымъ подвигомъ любомирныхъ качествъ, и тѣмъ болѣе докажется наше безпристрастное миролюбіе, если мы теперь въ нашемъ счастливомъ положеніи будемъ наблюдать умѣренность". Совѣтъ согласился на отправку уполномоченнаго, но полагалъ, что надобно дать гр. Румянцеву повелѣніе, чтобъ онъ по взятіи Бендеръ отъ себя отозвался къ побѣжденному визирю письмомъ, что если Порта желаетъ мира, то освободя предварительно Обрѣскова, [1]) прислала бы въ назначенное мѣсто своихъ уполномоченныхъ, а его великая самодержица, при всѣхъ Богомъ дарованныхъ ей побѣдахъ милосердуя о крови человѣческой, охотно тогда вступить изволитъ въ мирные договоры и отправитъ туда своихъ полномочныхъ [2]).

Императрица особенно торопила Совѣтъ согласіемъ на отправку гр. Румянцеву заготовленнаго ему въ указаннымъ Совѣтомъ смыслѣ рескрипта съ проектомъ письма, которое онъ долженъ былъ послать визирю, [3]) потому что въ это время уже Англія и Пруссія хлопотали о посредничествѣ, и

---

[1]) Арестованнаго при объявленіи войны; это условіе было поставлено Совѣтомъ уже въ засѣданіи 10 мая 1770.

[2]) Арх. Гос. Сов. I, 52 сл. засѣд. 12 авг. 1770. Кажется императрица уже тогда имѣла въ виду отправить въ армію гр. Г. Орлова, такъ какъ лицо, предполагавшееся къ этому имѣло получить полномочія на веденіе мирныхъ переговоровъ. Впрочемъ уже въ маѣ къ арміи отправленъ валашскій господарь Гика для употребленія его Румянцевымъ въ случаѣ негоціаціи о мирѣ. Ар. Г. С. I, 48, зас. 10 мая 1770.

[3]) Арх. Гос. Сов. I 57, зас. 9 сент. 1770.

только что получено было сообщеніе прусскаго посланника „о бывшемъ у Цегелина съ рейсъ-эфендіемъ разговорѣ относительно доставленія Портѣ мира и какимъ образомъ хочетъ она отпустить резидента Обрѣскова“, [1]) а англійскаго посла, что англійскій дворъ, предлагаетъ медіацію въ примиреніи Россіи съ Портою и гарантію мирнаго трактата, и что онъ велѣлъ предложить ихъ также въ Константинополѣ [2]).

Совѣтъ утвердилъ проекты рескрипта и письма отъ Румянцева къ визирю [3]).

Любопытно предписаніе, данное гр. А. Г. Орлову въ рескриптѣ отъ 22 марта 1771 г. относительно возможнаго вмѣшательства въ переговоры постороннихъ державъ. Въ немъ говорится, [4]) „турки имѣютъ тотъ обычай, чтобъ въ мирныхъ своихъ негоціаціяхъ съ христіанскими державами сколько можно избѣгать безпосредственнаго съ самимъ непріятелемъ сношенія, а употреблять къ тому посредство и добрыя офиціи другихъ христіанскихъ державъ. Политика ихъ въ семъ случаѣ имѣетъ благоразумное основаніе и утверждается для нихъ полезностію многихъ опытовъ. Съ одной стороны, министры Порты пріобрѣтаютъ чрезъ употребленіе постороняго посредства большее свѣдѣніе и прямой свѣтъ въ истинномъ положеніи дѣлъ, а съ другой не нечувствуютъ они и того, что иногда нѣкоторые изъ христіянскихъ дворовъ сами, собственною свою политикою, въ ихъ пользу интересованы бываютъ, съ того времени, какъ Европа стала полагать Порту не меньше другихъ нужною частью въ общемъ европейскомъ равновѣсіи“. Поэтому легко станется, что Порта, по полученіи мирныхъ внушеній Орлова, «по обычаю своему употребитъ къ изъявленію вамъ взаимныхъ своихъ склонностей, посредство и добрыя офиціи котораго или которыхъ либо изъ чужестранныхъ при ней находящихся ми-

[1]) Читано въ Совѣтѣ 6 сент. 1770 г. (Арх. Г. С. I, 56).
[2]) Читано въ Совѣтѣ 9 сент. 1770 г. (Арх. Г. С. I, 58).
[3]) Засѣд. 26 авг. и 9 сент. 1770 (Арх. Г. Сов. I, 56, 58).
[4]) Сб. Р. И. Об. I, 72 сл. Онъ былъ уполномоченъ вступить въ мирные переговоры.

нистровъ. Если будетъ присланъ французскій посолъ или кто изъ его секретарей или переводчиковъ, то въ такомъ случаѣ по точной силѣ рескрипта отъ 24 декабря 1770 года [1]) имѣете вы коротко, но ясно отозваться, что по неимѣнію указа, не можете вы чрезъ нихъ вступить въ дѣло, дабы изъ того и турки, и сами французы понять могли, что посредство ихъ никогда и ни для чего не будетъ нами принято. Совсѣмъ другое, напротивъ, дѣло, ежели къ вамъ отъ стороны Порты самъ ли кто изъ дружественныхъ на обѣ стороны министровъ, или подчиненныхъ ихъ присланъ будетъ, какъ-то дворовъ: берлинскаго, лондонскаго и вѣнскаго, ибо тутъ, сколько мы впрочемъ ни желали имѣть дѣло и совершать оное безпосредственно съ самими турками, не будетъ настоять тѣхъ важныхъ и непремѣнныхъ неудобствъ, кои въ разсужденіи версальскаго двора настоятъ по извѣстному его къ намъ недоброжелательству".

Таковы были взгляды русскаго правительства на посредничество постороннихъ державъ. [2]) Между тѣмъ Фридрихъ исполнилъ данное имъ Кауницу обѣщаніе. 14 сентября (н. ст.) онъ написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ сообщалъ о предложеніи Портою Австріи и Пруссіи посредничества и предложеніе это принято ими, что по этому поводу онъ спросилъ (въ Нейштатѣ) Кауница о мнѣніи вѣнскаго двора относительно событій на Востокѣ, и онъ «хотя часто настаивалъ на необходимости сохранить равновѣсіе Востока, но въ общемъ онъ (Фридрихъ) нашелъ его болѣе умѣреннымъ, чѣмъ ожидалъ». Но такъ какъ Франція старается воспламенить всеобщую войну и интригуетъ въ Вѣнѣ противъ Россіи, то Фридрихъ совѣтуетъ императрицѣ заключить миръ, выказать при этомъ умѣренность и милосердіе, свойственные великимъ государямъ, и давши Европѣ доказательства этихъ великихъ качествъ, послѣ ряда побѣдъ ея войскъ на сушѣ и на морѣ, довершить свою славу и стяжать себѣ всеобщее одобреніе

---

[1]) Въ I т. Сборника не помѣщенъ.

[2]) Ср. также замѣтку Екатерины по поводу декларации Порты у Соловьева XXVIII, 212.

и довѣріе къ своему безкорыстію и справедливости; предлагалось и содѣйствіе вѣнскаго двора [1]).

Въ засѣданіи 16 сентября 1770 г. [2]) Совѣту сообщены были Панинымъ: 1) письмо Фридриха, 2) депеша Цегелина королю и Сольмсу о склонности Порты къ миру и приложенное къ ней письмо отъ каймакама къ министру гр. Финкенштейну съ просьбою о посредничествѣ Пруссіи къ примиренію, и 3) письмо короля къ гр. Сольмсу, въ которомъ первый объявляетъ свои мнѣнія о медіаторствѣ какъ съ его стороны, такъ и отъ вѣнскаго двора. По прочтеніи этихъ документовъ, Панинъ представилъ свое мнѣніе, чтобы отвѣтствовать королю прусскому: 1) что надлежитъ всячески стараться, чтобы Обрѣсковъ былъ прежде освобожденъ, нежели начата будетъ какая нибудь негоціація съ турками, и 2) о медіаціи, что персона его в-ва, яко искренняго нашего союзника, намъ весьма пріятна, когда турки сами его посредственникомъ выбрали, но что надобно признаться, что насъ приводитъ въ безпокойство относительная къ англійскому двору деликатность, ибо онъ съ начала еще нынѣшней войны употребилъ съ своей стороны всѣ свои силы къ возстановленію спокойства и оказывалъ намъ всѣ услуги при проходѣ нашихъ эскадръ, а потому мы и обѣщали уже призвать его медіаторомъ, въ случаѣ надобности, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ; что медіація вѣнскаго двора приводитъ насъ еще въ большее безпокойство потому, чтобъ Франція, какъ посторонняя держава, также по примѣру англичанъ въ медіацію не вмѣшалась, чего мы отнюдь допустить не намѣрены; и притомъ просимъ его в-во уклониться самому и приложить стараніе чтобъ уклонился также и вѣнскій дворъ отъ имени медіатора, а что мы съ нашей стороны не оставимъ производить со всякою откровенностію начатую нашу негоціацію и принимать всякія ихъ представленія; въ заключеніе-жъ сообщить въ откровенности объ отправленномъ Румянцову

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XX № 63 стр. 275; ср. письмо 28 октября, тамъ же № 65 стр. 282; тоже въ извлеченіи у Соловьева XXVIII, 161.
[2]) Арх. Гос. Сов. I, 59—61.

предписаніи касательно мирныхъ переговоровъ. Панинъ разсуждалъ въ заключеніе, что если необходимо надобно будетъ принять медіацію, то всячески стараться надлежитъ, чтобъ Францію не допустить, а англичанъ призвать къ ней.

Мнѣніе это было принято Совѣтомъ, и въ этомъ смыслѣ составленъ отвѣтъ Фридриху [1]).

Итакъ, русское правительство сдѣлало первую уступку Фридриху,—добрыя офиціи абюзивеманъ именуемыя медіаціею были приняты; Екатерина сдѣлала однако еще одну попытку достигнуть непосредственныхъ переговоровъ съ Портою,—17 сентября она пишетъ новое письмо къ Румянцеву: „Извѣстно намъ здѣлалось послѣ подписанье послѣдняго рескрипта чрезъ короля прусскаго, что турки весьма зачели суетится о мирѣ, но они тутъ желаютъ впутать медіяція того-же короля и вѣнскаго двора, что Каимаканъ въ разсужденіи вышеписаннаго короля самымъ дѣломъ письменно уже о томъ отозвался и графу Финкенштейна; но какъ послѣ послѣдной весьма имянитой морской баталье и

---

[1]) Въ Сб. Р. И. Об. XX № 64 стр. 278 (28 сент.); въ извлеченіи у Соловьева; допустивши Англію, трудно будетъ устранить Францію, а между тѣмъ Шуазель заклятый врагъ Россіи; нежелательно также посредничество Австріи, хотя она не можетъ быть особенно расположена къ Турціи, несмотря на свои связи съ Франціею. Екатерина считаетъ нужнымъ устранить формальное посредничество и допускаетъ лишь добрыя услуги, которыхъ проситъ у Фридриха и которыя готова принять отъ Австріи.

Въ засѣданіи Совѣта 9 сент., Панинъ объяснялъ терминъ „медіація", —что „прямою называется та, когда два двора избираютъ третій для соглашенія и примиренія ихъ и даютъ ему полную власть въ распоряженіи по тому ихъ интересовъ и взаимныхъ притязаній, по которымъ война производится; но что подъ именемъ медіаціи-жъ абюзивеманъ (злоупотребляя названіемъ) разумѣются иногда и представляемыя воюющимъ державамъ отъ другихъ добрыя офиціи къ ихъ содруженію, кои по обстоятельствамъ приняты и отвержены быть могутъ и что надобно намъ теперь сколько можно избѣгать только первой, другія же напротивъ того никогда неизбѣжны, да и избѣгнуты быть не могутъ, потому что никакой дворъ своему пріятелю или союзнику отказать не можетъ, чтобъ онъ своихъ стараній представленіями и совѣтами въ его пользу не употреблялъ для пресѣченія военныхъ дѣйствій". (Арх. Г. Сов. I, 58).

истребленіе гр. Орловымъ весь турецкой флотъ вероятіе подтверждаетъ публичныя извѣстія что провозъ съѣстныхъ припасовъ въ Стамбулъ становится труденъ и они желаютъ поспешнаго мира, того для естьли вы послѣ предписанныхъ вамъ въ моемъ рескриптѣ внушеній усмотрите, что желаніе о мирѣ такова сильна, то внушитѣ имъ отъ себя, что чрезъ другихъ околичныхъ дорогъ имъ Петербурхскаго отвѣта ждать будетъ три месяца, тогда когда онѣ чрезъ васъ прямымъ трактомъ онаго получить могутъ въ одинъ месяцъ и менѣе. [1]).

Отвѣтъ Порты не оправдалъ надеждъ Екатерины,—визирь писалъ, что Порта просила уже о посредничествѣ Австріи и Пруссіи, и что безъ этого посредничества вступать въ переговоры несогласна [2]). Скрывать долѣе русскія мирныя условія отъ Фридриха не было основаній. Одного онъ уже добился. Практикъ во всемъ, Фридрихъ конечно не смущался тонкими юридическими различіями между посредничествомъ и добрыми оффиціями [3]),—всегда найдется возможность хотя бы абюзиваманъ превратить добрыя оффиціи въ фактическое посредничество. Но оставалось точно узнать [4]) мирныя условія,—тогда опредѣлятся намѣренія Австріи и откроется возможность рѣшительнѣе дѣйствовать въ томъ или другомъ направленіи. Наконецъ, и условія пришли.

Въ письмѣ отъ 9 (20) декабря, [5]) императрица говоритъ, что она не оскорбляетъ (choque) ни чьихъ политическихъ видовъ, что очевидно даже нѣтъ безпристрастной христіанской

---

[1]) Собственноручное письмо въ М. Арх. М. И. Д.

[2]) См. приложеніе 42. Ср. также тождественное заявленіе рейсъ-эфендія Цегелину и Тугуту (прусскому и австрійскому посланникамъ въ Константинополѣ) въ ночь съ 3 на 4 декабря; имъ былъ сообщенъ и отвѣтъ Порты Румянцеву. Hammer, XVI, 477 приложенія; тоже въ Сб. Р. Ист. Об. I, 141.

[3]) Beer, Thilung. II, 26, 43.

[4]) Въ общихъ чертахъ они ему были извѣстны и ранѣе; см. Beer, Theilung, II, 42 и объясненіе его съ Кауницемъ въ Нейштатѣ по этому вопросу у Beer, Zusammenkünfte.

[5]) Сб. Р. Ист. Об. XX, р, 284, № 66; извлеченіе у Соловьева XXVIII, 170 сл. Мартенсъ II, стр. 10.

державы, интересъ которой не согласовался бы вполнѣ съ ея интересомъ, который состоитъ въ томъ, чтобъ отвратить всякій новый случай къ войнѣ. Она соглашается на конгресъ съ турецкими уполномоченными, подъ условіемъ предварительнаго освобожденія Обрѣскова, согласна, чтобы Фридрихъ чрезъ своего министра въ Константинополѣ склонялъ Порту къ миру, сообщаетъ даже ему конфиденціально „по дружбѣ и довѣрію", „для его только свѣдѣнія" и „въ величайшемъ секретѣ свой планъ и свои самыя тайныя мысли относительно мира" съ Портою, [1]) не для сообщенія ихъ непріятелю, а для дружественнаго употребленія при удобномъ случаѣ для ускоренія мира. Но высказывается противъ участія Австріи [2]): она де желаетъ имѣть дѣло съ однимъ Фридрихомъ, но при этомъ оговаривается, что слишкомъ большою сдержанностью и холодностію относительно вѣнскаго двора она не желаетъ противодѣйствовать той пользѣ, которая можетъ произойти отъ сближенія съ нимъ для русско-прусскаго союза, такъ какъ сближеніемъ съ Австріею можно было бы отвлечь ее отъ настоящей нелѣпой ея системы, заставить войти въ наши виды, и посредствомъ другой перспективы отвлечь ее отъ видовъ ея на Силезію, поддерживаемыхъ ея настоящими связями". Приложенныя къ письму условія были извѣстныя условія предложенныя Панинымъ Совѣту въ засѣданіи 16 сентября съ прибавкою присоединенія обѣихъ Кабардъ къ Россіи.

Въ сущности отвѣтъ Екатерины не представлялъ ничего новаго для Фридриха,—въ главныхъ чертахъ сообщенныя ему

---

[1]) Предупреждая однако, что успѣхи оружія могутъ оказать вліяніе на измѣненіе сообщаемыхъ мирныхъ условій.

[2]) Теперь я буду говорить объ осторожности и поведеніи, какихъ я должна держаться относительно вѣнскаго двора. Между мною и имъ нѣтъ прямого сообщенія (ouverture directe) относительно мира, и такъ какъ этотъ дворъ находится относительно меня и в. в—ва въ политической системѣ всегда сомнительной по своимъ связямъ съ Франціею, то я не полагала бы благоразумнымъ открываться ему болѣе, чѣмъ я сдѣлала нотою отъ 29 сентября *) въ отвѣтъ на предложенія в. в—ва касательно требованія Портою вашего общаго посредничества.

*) См. у Beer, Documente 104.

условія были ему извѣстны и ранѣе. [1]) И однако по полученіи этого письма Екатерины, Фридрихъ разразился цѣлымъ потокомъ нареканій на крайнюю неумѣренность русскаго правительства. Свое негодованіе по поводу русскихъ условій онъ изливаетъ въ письмѣ брату, принцу Генриху, отъ 3 января 1771 года: [2]) у него отъ нихъ волосы стали дыбомъ (les cornes me sont venues à la tête), онъ никогда не возметъ на себя предложить ихъ ни туркамъ, ни австрійцамъ, ибо ихъ принять по истинѣ невозможно (en vérité elles ne sont pas acceptables); условіе о Валахіи никакимъ образомъ не можетъ быть прилажено къ австрійской системѣ,—Австрія не потерпитъ сосѣдства съ русскими въ Валахіи; письмо это есть прямое объявленіе войны, и австрійцы навѣрно объявятъ ее Россіи; надъ Пруссіею и Австріею насмѣхаются, а онъ, Фридрихъ, не можетъ компрометтировать себя въ угоду Россіи, и если условія не будутъ умѣрены, то онъ откажется отъ всякаго посредничества и предоставитъ „этихъ господъ“ собственной судьбѣ; это ужъ слишкомъ и невыносимо для всѣхъ европейскихъ державъ; всему есть предѣлы (cela est trop fort et insoutenable pour toutes les puissances de l'Europe. [3]) Les etats se dirigent par leurs propres intérets, on peut avoir de la complaisance pour son allié, mais il y a des bornes à tout; ainsi quoi qu'il en puisse résulter, il m'est impossible de dissimuler en ce moment et il faut parler net).

Соловьевъ справедливо замѣчаетъ по поводу этого письма, что хотя условія Россіи и могли показаться Фридриху тяжелыми, но приходить отъ этого одного въ такое раздраженіе и становиться волосамъ дыбомъ не было основанія. Не говоря уже о томъ, что сама Екатерина сообщила ихъ лишь для его свѣдѣнія, а не для сообщенія Портѣ и Австріи,

[1]) Въ Нейштадтѣ онъ говорилъ Кауницу, что по всѣмъ вѣроятіямъ Екатерина будетъ настаивать на удержаніи Азова и *присоединеніи* Крыма, но онъ надѣется, что она откажется отъ притязаній на Молдавію и Валахію, *быть можетъ даже* отъ требованія независимости ихъ отъ Порты. Beer, Zusammenkünfte 129; его же Theilung II, 42; Duncker, 211.

[2]) Oeuvres XXVI, 344; Duncker, 221; Переводъ у Соловьева 172.

[3]) Ср. также письмо ему же 11 янв. 1771.

Фридрихъ уже ранѣе зналъ ихъ и не только у него волосы не становились дыбомъ, но онъ находилъ ихъ даже весьма умѣренными, [1]) несмотря даже на то, что въ Нейштадтѣ онъ полагалъ, что Россія потребуетъ не независимости таторъ, а присоединенія Крыма. Къ тому-же заключенію приводятъ Соловьева и отчеты о разговорахъ Фридриха съ австрійскимъ посланникомъ ф.-Свитеномъ въ концѣ 1770 года. Здѣсь Фридрихъ настаивалъ на необходимости замиренія и пренебрежительно отзывался о требуемой Россіею независимости Крыма; на замѣчаніе ф.-Свитена, что эта независимость пустое слово, что рано или поздно страна эта, насе ленная народомъ воинственнымъ и обладающая гаванями на Черномъ морѣ сдѣлается русскою провинціею и усилитъ могущество Россіи въ очень значительной степени, Фридрихъ возражалъ тогда, что во всякомъ случаѣ можно сдѣлать такъ, какъ ему говорилъ Кауницъ въ Нейштадтѣ: позволить установить независимость татаръ, а потомъ интригами побудить ихъ снова подчиниться Портѣ; а на отвѣтъ ф.-Свитена, что это средство не вѣрно и не соотвѣтствуетъ явной опасности, если русскимъ будетъ позволено утвердиться въ Крыму, и на Черномъ морѣ, такъ какъ благодаря средствамъ, которыя доставитъ имъ это положеніе для распространенія торговли и построенія флота, они будутъ имѣть возможность дѣлать самыя смѣлыя предпріятія, Фридрихъ возражалъ, что торговля—средство медленное, что у Россіи есть лучшія, - улучшенія вводимыя Екатериною въ Россіи по планамъ Петра I. Этотъ разговоръ происходилъ до полученія письма Екатерины отъ 9 дек., а послѣ полученія его Фридрихъ уже отозвался ф.-Свитену объ условіяхъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ писалъ Генриху,—называлъ ихъ чрезмѣрными, невыносимыми, на которыя Австрія можетъ отвѣчать только объявленіемъ войны, но... не открылъ этихъ страшныхъ условій, и ф.-Свитенъ никакъ не могъ догадаться, что въ

[1]) Письмо его Генриху 1 и 8 окт.: „императрица сообщила мнѣ условія, на которыхъ она разсчитываетъ заключить миръ; я нахожу ихъ столь умѣренными, что не сомнѣваюсь въ ихъ принятіи". Тоже отъ 12 ноября. У Соловьева, 173 прт. Oeuvres XXVI, 326 сл. 335.

этихъ условіяхъ не было ничего новаго для его двора, кромѣ развѣ архипелажскаго острова [1]).

Изъ всего этого Соловьевъ дѣлаетъ совершенно справедливые выводы,—своимъ притворнымъ раздраженіемъ Фридрихъ имѣлъ въ виду напугать русскій дворъ и заставить его искать способовъ для улаженія дѣла согласно съ интересами короля, и напугать точно такъ-же австрійцевъ могуществомъ Россіи, ея непомѣрными требованіями, но не говоря ни слова, согласна ли Пруссія дѣйствовать за одно съ Австріею для сокращенія этихъ условій.

Впрочемъ Фридриха дѣйствительно могло раздражить письмо Екатерины, но не въ отношеніи мирныхъ условій, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ Екатерина говорила объ открытіи для Австріи другихъ видовъ, которые бы заставили ее забыть о Силезіи,—опять это невыносимое для Фридриха стремленія Россіи сблизиться съ Австріею, открывши ей виды на турецкія владѣнія, а Пруссія выиграетъ отъ этого только то, что Австрія позабудетъ о Силезіи, даже о вознагражденіи Пруссіи на счетъ Польши ни слова [2].)

Къ тому-же и сообщенія брата, принца Генриха, отправленнаго Фридрихомъ въ Петербургъ хотя и по просьбѣ Екатерины, но въ видахъ воздѣйствія на императрицу чтобы склонить ее между прочимъ къ „благоразумному“ миру при посредничествѣ Пруссіи и Австріи, далеко не соотвѣтствовали интересамъ и желаніямъ Фридриха. Въ письмахъ Генриху онъ сознавался, что умышленно преувеличиваетъ до послѣдней крайности приготовленія Австріи и надѣется, что „маленькое путешествіе его въ Моравію расположитъ русскую императрицу къ миру болѣе, чѣмъ всѣ арміи и смотры въ мірѣ.“ [3]). Разсчитывая поддерживать въ Россіи недовѣ-

---

[1]) Arneth M. T. u. Jos. I 323, Beer Theilung II, 12, 15; Соловьевъ, XXVIII, 173 сл. цит. Beer, Friedrich II u. v. Swieten.

[2]) Соловьевъ, XXVIII, 175.

[3]) Уже 17 іюня 1770 г. Фридрихъ писалъ брату, принцу Генриху: „Австрійцы готовятъ магазины на своихъ венгерскихъ границахъ; правду сказать, я не думаю, чтобы они были значительны, но я стараюсь въ Петербургѣ придать имъ возможно большее значеніе.“

ріе къ Австріи, онъ радовался министерскому перевороту въ Даніи: „французы изловчились къ Даніи, писалъ онъ Генриху, свергнуть Бернсторфа; это событіе навѣрно отторгнетъ Данію отъ русскаго союза, что можетъ быть лишь выгодно для насъ, ибо мы останемся единственными союзниками Россіи и датскія перемѣны должны принудить императрицу желать мира.“ А между тѣмъ несмотря на расточаемыя въ Петербургѣ черезъ посредство Генриха увѣренія о непріязненныхъ Россіи замыслахъ Австріи и Франціи, объ опасности всеобщей войны, Генрихъ только и пишетъ изъ Петербурга, что о господствующемъ тамъ желаніи сблизиться съ Австріею для общихъ дѣйствій противъ Турціи. Въ то время какъ Фридрихъ надѣялся ободиночить Россію, являлась возможность самому оказаться въ изолированномъ положеніи.

По пріѣздѣ принца Генриха въ Петербургъ императрица заявила ему готовность принять посредничество Пруссіи, но лишь послѣ полученія отвѣта визиря на письмо Румянцева и освобожденія Обрѣскова. Между тѣмъ какъ Генрихъ, согласно желанію Фридриха овладѣть мирными переговорами и привести къ миру сообразно съ своими интересами, настаивалъ на принятіи Россіею посредничества Пруссіи, императрица интересовалась вопросомъ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Австріи, и о томъ, слѣдуетъ ли переходить Рубиконъ (Дунай). Генрихъ, понятно отвѣчалъ указаніемъ на опасность войны съ Австріею. Съ своей стороны принцъ настаивалъ главнымъ образомъ на необходимости составить умиротворительный планъ для Польши и привлечь Австрію къ этому дѣлу. Панинъ дѣйствительно желалъ вести дѣло сообща съ Пруссіей и Австріей, но въ смыслѣ тройственнаго союза противъ Турціи, за что Австрія получитъ вознагражденіе въ Турціи, а Пруссія—въ Германіи или Польшѣ. Вообще въ разговорахъ съ Генрихомъ Панинъ распространялся о выгодахъ тройственнаго союза и въ частности о тѣхъ, которыя вѣнскій дворъ могъ бы извлечь вступленіемъ въ союзъ съ Россіею противъ Порты; Фридриху-же это было вовсе не желательно, и птомоу Генрихъ отвѣчалъ на подобныя предложенія лаконически; а Фридрихъ писалъ ему, (конечно съ тѣмъ,

чтобы онъ внушилъ это кому слѣдуетъ) что подобныя внушенія о союзѣ противъ Турціи не имѣютъ смысла, потому что турки требуютъ мира; если русскіе воспротивятся миру, то добровольно устремятся въ новую войну, и въ такомъ случаѣ Пруссія будетъ имѣть право отказаться отъ платежа субсидій; впутываться въ новую войну съ Франціею ради предлагаемыхъ Пруссіи пріобрѣтеній ей не по силамъ; вѣнскій дворъ никогда не отдѣлится отъ Франціи; Кауницъ сказалъ достаточно ясно, что его дворъ будетъ поддерживать равновѣсіе на Востокѣ и не допуститъ, чтобъ Россія перешла Дунай и утвердилась въ сосѣдствѣ Австріи, поэтому въ Петербургѣ должны покинуть всякую надежду привлечь Австрію раздѣломъ пирога (турецкихъ владѣній). [1]) Но сообщенія Генриха продолжались все въ томъ-же неневистномъ для Фридриха смыслѣ. Фридрихъ думалъ воспользоваться условіемъ о Молдавіи и Валахіи, чтобы запугать Россію Австріею, а Генрихъ пишетъ, что по словамъ Панина Россія не настаиваетъ на присоединеніи дунайскихъ княжествъ, что она готова признать ихъ независимыми и даже согласится уступить ихъ Австріи, если послѣдняя „будетъ поступать прямо и захочетъ быть другомъ съ Россіею и Пруссіею;“ что„ еслибъ вѣнскій дворъ не такъ крѣпко держался Франціи [2]) то могъ бы выгодно обдѣлать свои дѣла,“—Генриху постоянно повторяли о выгодахъ, какія вѣнскій кабинетъ можетъ получить при заключеніи мира, причемъ по справедливости и Пруссія тоже получитъ выгоду.„ Въ Вѣнѣ имѣютъ неправильное понятіе о здѣшнемъ образѣ мыслей,—здѣсь согласились бы на все, лишь бы только вознагражде-

[1]) Duncker 211 сл. 213 сл. 218; Beer II, 44 сл. Соловьевъ справедливо уличаетъ ложность увѣреній Фридриха, будто Кауницъ сказалъ ему, что Австрія не допуститъ перехода русскихъ чрезъ Дунай,—онъ напротивъ говорилъ, что переходъ черезъ Дунай не можетъ служить достаточною причиною для явнаго разрыва Австріи съ Россіею. Но переходъ черезъ Дунай могъ несвоевременно ускорить миръ, и притомъ Фридриху нужно было поддерживать мнѣніе о крайней враждебности Австріи къ Россіи.

[2]) А Фридрихъ зналъ отлично, что Австрія вовсе не крѣпко держится Франціи. См. разговоры его съ Іосифомъ и съ Кауницемъ о Франціи въ Нейссе и Нейштатѣ у Beer, Zusammenkünfte.

нія были на счетъ Турціи, здѣсь были бы довольны меньшею частью добычи“ [1]).

Все это конечно нисколько не соотвѣствовало видамъ и цѣлямъ Фридриха, и этимъ объясняется его раздраженіе.

Въ своемъ отвѣтѣ Екатеринѣ отъ 4 янв. 1771 г. [2]) онъ, хотя и говоритъ, что еслибы дѣло зависѣло только отъ него, то онъ безъ труда согласился бы (souscrirait) на основанія мира, которыхъ императрица требуетъ отъ Порты, но вслѣдъ затѣмъ, замѣтивши, что нужно привести въ согласіе слишкомъ много различныхъ интересовъ въ такомъ многосложномъ дѣлѣ, каково дѣло переговоровъ о мирѣ, чтобъ быть въ состояніи дѣлать всегда то, чего желали бы, говоритъ: „если вы заблагоразсудите умѣрить свои требованія, то докажете высшую степень своего безкорыстія, составившаго славу вашего царствованія, и *чрезъ то* (par là) я увижу себя въ состояніи съ успѣхомъ трудиться надъ возстановленіемъ мира и отвратить всѣ несчастія, могущія произойти изъ продолженія войны“. Мотивы, приводимые королемъ при этомъ—расположеніе Порты къ миру, несмотря на дѣлаемыя ей внушенія [3]), и трудность склонить къ согласію на русскія условія Австрію, даже опасность ея вмѣшательства [4]).

---

[1]) Duncker, 220-224, 229, 232.

[2]) Сб. Р. И. Об. XX, № 67, р. 288 и I, 75 сл. (въ переводѣ). Соловьевъ, XXVIII, 210.

[3]) Въ доказательство онъ ссылается на новую декларацію Порты берлинскому и вѣнскому дворамъ. На основаніи этой-же деклараціи онъ выражаетъ увѣренность, что освобожденіе Обрѣскова не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія какъ только будутъ согласны на статью о посредничествѣ.

[4]) „Я имѣю причину думать, говоритъ онъ, что онъ (вѣнскій дворъ) искренно желаетъ возстановленія мира въ своемъ сосѣдствѣ и, въ случаѣ еслибъ его посредничество было допущено, онъ дѣйствовалъ бы безпристрастно, на столько однакожъ, что не согласился бы на условія мира, которыя почиталъ бы непосредственно противными своимъ интересамъ. Внушенія Франціи не поколебали пока его систему нейтралитета; я не поручусь однако за то, что случилось бы, если война затянется. Это послѣднее соображеніе въ особенности побудило меня не дѣлать этому двору никакого сообщенія объ условіяхъ мира, довѣренныхъ мнѣ В. Имп. В-вомъ“.

Въ приложенномъ къ письму мемуарѣ [1]) Фридрихъ заявляетъ что по зрѣломъ разсмотрѣніи русскихъ условій, онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что они содержатъ въ себѣ пункты, изъ которыхъ онъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія ни въ Константинополѣ, ни въ Вѣнѣ, изъ боязни повредить русскимъ интересамъ. Съ одной стороны новая декларація Порты врученная прусскому министру и сообщенная королемъ русскому двору доказываетъ неизмѣнное рѣшеніе вести переговоры только путемъ посредничества, до котораго допускается только Пруссія и Австрія. Съ другой—король видитъ невозможность заставить вѣнскій дворъ принять всѣ русскія мирныя условія и, несмотря на все расположеніе выказанное этимъ дворомъ трудиться согласно съ королемъ о возстановленіи мира, король опасается, что сообщеніе условій побудитъ Австрію вооружиться противъ Россіи. Далѣе, согласившись съ справедливостью требованія Россіею вознагражденія за издержки войны, которая была ей навязана, и завѣривши императрицу въ своемъ безпристрастіи, такъ какъ Крымъ, Молдавія и Валахія слишкомъ отдаленны, чтобы какія-нибудь корыстныя цѣли могли заставить его опасаться видѣть ихъ перешедшими въ другія руки, и для него безразлично, если Порта лишиться одного изъ своихъ острововъ въ Архипелагѣ, но, говоритъ онъ, не то будетъ съ державами, заинтересованными сами по себѣ и вслѣдствіе своего сосѣдства въ томъ, чтобы поддержать эти провинціи въ настоящемъ ихъ состояніи,—эти предложенія несомнѣнно встрѣтятъ непреодолимыя затрудненія со стороны турокъ и австрійцевъ. Турки ни за что не согласятся уступить Валахію и Молдавію, не согласятся также, чтобъ чужая держава утвердилась въ Архипелагѣ; независимость крымскихъ татаръ встрѣтитъ величайшее затрудненіе съ турецкой стороны, и надобно опасаться, чтобы Порта, доведенная до крайности, не бросилась въ объятія вѣнскаго двора и не предложила ему уступку Бѣлграда и всѣхъ своихъ завоеваній въ послѣднюю войну для пріо-

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XX, № 68, стр. 290.

брѣтенія его покровительства и помощи противъ Россіи. Тоже и относительно Австріи. Хотя король убѣжденъ въ искреннемъ желаніи вѣнскаго двора имѣть возможность содѣйствовать возстановленію мира, однако вовсе не на условіяхъ, могущихъ повредить его собственнымъ интересамъ или причинить ему безпокойство за будущее. Этотъ дворъ формально заявилъ необходимость поддержать равновѣсіе на Востокѣ; министръ его, недавно прибывшій ко двору короля, и котораго послѣдній вывѣдывалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ относительно этого предмета, сказалъ королю, что въ Венгріи почитаютъ себя весьма счастливыми, имѣя такого слабаго сосѣда, каковы Турки, и что его дворъ не желалъ бы измѣненій въ этомъ. Можно ли было послѣ этого предложить имъ статьи относящіяся до Молдавіи и Валахіи? Даже независимость этихъ провинцій, сосѣднихъ съ австрійскими владѣніями была бы несогласна съ намѣреніями этого двора, и король полагаетъ, что достаточно знаетъ его мысли объ этомъ предмѣтѣ, чтобъ быть убѣжденнымъ, что онъ скорѣе объявитъ войну, чѣмъ позволитъ этимъ княжествамъ подвергнуться измѣненію въ подвластности. Наконецъ, пріобрѣтеніе одного изъ острововъ въ Архипелагѣ вызвало бы равнымъ образомъ подозрѣніе какъ Австріи, такъ и другихъ державъ Италіи, и одна эта причина была бы достаточна, чтобъ она стала изъ всѣхъ силъ сопротивляться этому. Напрасно было бы надѣяться посредствомъ самыхъ обольстительныхъ предложеній заставить Австрію перемѣнить свои взгляды на этотъ предметъ. Все, что императрица можетъ надѣяться получить при настоящемъ положеніи дѣлъ—это обѣ Кабарды, Азовъ съ округомъ и свободное плаваніе въ Черномъ морѣ. Если русскій дворъ захочетъ удовольствоваться этими выгодами, король сочтетъ за удовольствіе сдѣлать первыя предложенія къ мирнымъ переговорамъ, если-же заблагоразсудятъ настаивать на всѣхъ статьяхъ, безъ всякаго измѣненія, то онъ предпочитаетъ лучше отказаться отъ посредничества, чѣмъ вмѣшаться въ дѣло, которому онъ не видитъ исхода, и которое, несмотря на всѣ его старанія, служило бы только къ продленію на-

стоящей войны и породило бы новую, послѣдствія которой были бы еще тревожнѣе для Европы.

Въ разговорахъ съ австрійскимъ посланникомъ ф. Свитеномъ Фридрихъ слѣд. образомъ распорядилъ русскія мирныя условія съ Турціею. Имъ нужно, по его мнѣнію дать «сносныя условія». «Я велѣлъ, говоритъ онъ, попытать турокъ на счетъ мирныхъ условій вообще: кажется они могутъ согласиться на уступку Азова и плаванія по Черному морю, но они и слышать не хотятъ о независимости татаръ. Это тяжелое условіе, на которомъ русскіе настаиваютъ; они ссылаются на то, что татары требуютъ освобожденія изъ подъ турецкаго ига, но я съ трудомъ этому вѣрю и братъ мой также,—онъ думаетъ, что только 2—3 орды заявили подобное требованіе. Я хорошо понимаю, что на это условіе трудно согласиться, но надобно его смягчить, равно какъ и другія, посредствомъ переговоровъ». [1]) Вообще, уступка Россіи Азова, „мѣста не важнаго,—плохой гавани, изъ которой никогда не можетъ выйти флотъ", и независимость двухъ-трехъ татарскихъ ордъ,—таковы условія, на которыя по его мнѣнію, можно бы было согласиться. Быть можетъ и на эти условія онъ соглашался лишь потому, что смотрѣлъ на независимость Крыма, какъ на „совершенно химерическій планъ, и предвидѣлъ, что она поведетъ лишь къ новымъ хлопотамъ Россіи, такъ какъ татары привержены къ Портѣ и русскіе только палочными ударами заставили ихъ принять дорогу въ Петербургъ". Также и крымскія гавани онъ считалъ неудобными для военнаго флота, и на возраженіе ф. Свитена, что онѣ послужатъ къ развитію русской торговли черезъ Черное море, успокоивалъ его, что „этимъ распорядятся англичане и французы, которые далеко не равнодушно смотрятъ на успѣхи русскихъ". [2]) Но на условіе о Молдавіи и Валахіи онъ не могъ согласиться, такъ какъ оно служило къ усиленію Россіи и по его плану отказъ Россіи отъ княжествъ велъ прямо къ участію ея въ раздѣлѣ Польши.

---

[1]) Соловьевъ XXVIII, 250, 264; ср. 269, 270.
[2]) Тамъ же, 272 сл. цит. Friedrich II u. v. Swieten, 9 сл. 25 сл., 30 сл.

По поводу письма и мемуара Екатерина писала Панину: „я не думала найти въ прусскомъ королѣ адвоката турокъ. Я не говорю о Вѣнскомъ дворѣ; я не могу думать, чтобъ ему пріятнѣе было имѣть сосѣдями турокъ въ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ видѣть эти области въ рукахъ государя независимаго отъ трехъ имперій. Было бы желательно, чтобъ *перестали намъ постоянно показывать* вооруженную или поднятую руку Австріи, ибо Россія, подвергшись нападенію, съумѣетъ защититься. Съ другой стороны, мы ведемъ мирные переговоры съ турками, а не съ вѣнскимъ дворомъ, съ которымъ у насъ нѣтъ войны. Крымъ дальше отъ Вѣны, чѣмъ Молдавія и Валахія, а потому о немъ не можетъ быть и рѣчи въ переговорахъ съ Австріею, для которой можетъ быть выгоднѣе его независимость отъ Турціи. Въ этихъ бумагахъ (письмо и мемуаръ Фридриха) видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него, *а все положено на счетъ* вѣнскаго двора; но когда увидятъ, что угрозами ничего не выиграютъ, то остальное найдется само собою. Держитесь крѣпко и ни шага назадъ: все обдѣлается какъ нельзя лучше, а если увидятъ, что мы гонимся за миромъ, получимъ миръ дурной.“ [1])

„Все положено на счетъ вѣнскаго двора“ вслѣдствіе нежеланія или боязни дѣлать угрозы отъ себя,—таково было мнѣніе Екатерины. Она справедливо усматривала мелкую зависть въ Фридрихѣ къ успѣхамъ Россіи, она сознавала и необходимость вознаградить Пруссію за ея расходы на субсидіи Россіи, наконецъ, ей не трудно было и догадаться куда мѣтитъ Фридрихъ,—поэтому она такъ легко согласилась на удѣленіе ему этого вознагражденія въ Польшѣ. Но уступать въ своихъ мирныхъ условіяхъ съ Турціею ради того, чтобы осуществить проектъ гр. Линара должно было казаться по меньшей мѣрѣ страннымъ, и во всякомъ случаѣ невыгоднымъ.

Совершенно откровенное, кажется, мнѣніе объ отношеніяхъ къ намъ Австріи мы находимъ въ отвѣтѣ Панина на реляцію Румянцева отъ 18 марта 1770 года.

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 211.

Румянцевъ доносилъ о стягиваніи австрійскихъ войскъ въ Трансильванію, и просилъ объяснить ому отношенія наши къ Австріи [1]). Въ отвѣтъ на это [2]). Панинъ сообщилъ ему министеріальное свое письмо къ кн. Голицыну и при этомъ объяснилъ свое мнѣніе, что хотя французское правительство относится крайне враждебно къ намъ, и хотя„ и вѣнскій дворъ, а особливо кн. Кауницъ, яко зиждитель политической системы, на однихъ нѣжныхъ интересахъ своей государыни и ея собственной фамиліи устроенной, тѣсно сопряженъ съ версальскимъ, да и такъ, что можетъ быть больше нежели въ одномъ мѣстѣ стѣсняются до самаго уничиженія непремѣнные статскіе интересы австрійскаго дома,“ но онъ конечно не можетъ скрывать предъ собою, сколь коварно Шуазель возбуждаетъ другихъ противъ насъ, самъ-же сберегаетъ свои силы и ресурсы для безпосредственныхъ и собственныхъ политическихъ видовъ своего двора. Поэтому нельзя предполагать, чтобъ тутъ, гдѣ Франція сберегаетъ еще такъ очевидно свое собственное политическое положеніе и интересъ, вѣнскій бы дворъ жертвовалъ всѣмъ своимъ въ угодность одного своего настоящаго политическаго соединенія съ нею и, забывъ непремѣнный интересъ цѣлости и безопасности своихъ областей, захотѣлъ вмѣшаться въ дѣло, поспѣшствующее дерзости и вѣроломству такого *сосѣда, который обладаетъ* ко всегдашнему его уничиженію провинціями и *землями по всѣмъ качествамъ свойственнѣйшими его владѣнію*. Въ заключеніе Панинъ на основаніи донесеній Голицына высказываетъ предположеніе, что въ Трансильваніи и Венгріи усиленъ кордонъ„ для большаго обузданія и воспрепятствованія тамошнихъ подданныхъ нашего и протестанскаго законовъ выходить изъ ихъ жилищъ, или-же что кн. Кауницъ въ нѣкоторую угодность версальскому двору, а потому и для политическаго мерита себѣ у турокъ, пропустилъ тотъ увеличивающій слухъ на границу.“ Поэтому можно быть покойнымъ и уважать лишь право неутральства и

---

[1]) Чт. въ моск. об. ист. и древ. 1865, II, 32, (Архивъ Румянцева).
[2]) Письмо 9 апр. 1770 въ Рус. Арх. 1878, № 12, стр. 444 сл.

добраго согласія, которыя изъ естественнаго положенія земель происходятъ и сохраняться должны между Россіею и Австріею, независимо отъ всѣхъ временныхъ конъюнктуръ и сопряженій."

Это письмо лишь подтверждаетъ искренность желанія русскаго правительства оставаться въ доброй дружбѣ съ Австріею и даже надежду сближенія съ нею на счетъ сосѣда, который обладалъ землями, по всѣмъ качествамъ свойственнѣйшими ея владенію. Поэтому, хотя навѣты Фридриха и вопросъ о посредничествѣ не могли конечно не произвести нѣкотораго дѣйствія въ Петербургѣ, но разъ Порта отказалась отъ мирныхъ переговоровъ непосредственно съ Россіею, нужно было объясниться съ Австріею.

Екатерина въ виду такихъ соображеній, въ своемъ отвѣтѣ Фридриху (отъ 19 янв. 1771 г.) хотя и доказываетъ умѣренность своихъ условій и свое безкорыстіе, [1]) доказываетъ ихъ безвредность для Австріи, но заканчиваетъ съ одной стороны скрытою угрозой, что она входитъ въ непосредственныя объясненія съ вѣнскимъ дворомъ изъ опасенія, чтобы молчаніе Россіи не усилило еще болѣе его предубѣжденія противъ нея, а съ другой—намекомъ, что за содѣйствіе Фридриха она „по требованію обстоятельствъ", не откажетъ и ему ни въ чемъ для успѣха его интересовъ. [2])

Фридрихъ дѣйствительно хотѣлъ вознагражденія, и при-

---

[1]) Между прочимъ она пишетъ, что обѣ Кабарды и Азовъ важны для Россіи лишь въ видахъ огражденія ея подданныхъ отъ набѣговъ; свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами; Россія согласилась на ограниченіе этой свободы, уступая изъ любви къ миру варварскимъ предразсудкамъ Порты, но миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Она согласна отказаться отъ присоединенія княжествъ, если они будутъ признаны независимыми, и эта независимость, равно какъ требуемая ею въ интересахъ человѣчества независимость татаръ нисколько не нарушаютъ равновѣсія на Востокѣ, и не представляютъ никакой опасности для Австріи, тѣмъ болѣе, что съ татарами напр. Австрія даже и не граничитъ.

[2]) Сб. Р. Ист. Об. XX, 297; тоже у Соловьева XXVIII, 239 сл.; Duncker, 224 сл.

томъ такого, чтобы „игра стоила свѣчъ“. Съ другой стороны, чтобы достигнуть этого, ему необходимо было не допускать сближенія между Россіею и Австріею. Наконецъ, „было бы непростительною ошибкой содѣйствовать усиленію опаснаго сосѣда“ черезъ посредство княжествъ. При такомъ положеніи, оставалось дѣйствовать на Россію лишь запугиваніемъ ея Австріею и ея вооруженіями, что онъ и дѣлалъ. [1]) Русское правительство соглашалось на вознагражденіе Пруссіи за ея субсидіи и союзъ противъ Австріи, но настаивало на пріобщеніи къ дѣлу Австріи, такъ какъ этимъ путемъ являлась возможность соединить польское дѣло съ турецкимъ, столковаться съ Австріею на счетъ Турціи [2]) и за помощь ея заплатить ей частью турецкихъ владѣній. Но это не соотвѣтствовало видамъ Фридриха, и онъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, что австрійцы никогда не согласятся на отторженіе княжествъ отъ Порты, что пріобрѣтеніе Азова и торговыя выгоды, выговоренныя Россіею для себя не встрѣтятъ вѣроятно никакого затрудненія, что и татарское дѣло можетъ еще уладиться согласно желанію Россіи и что поэтому онъ предлагаетъ въ вознагражденіе Россіи за военныя издержки взять кусокъ Польши по своему выбору; быть можетъ удастся заставить турокъ прибавить еще нѣкоторую сумму денегъ. [3]) Поэтому, лишь по полученіи извѣстія (лѣтомъ 1771 года) о согласіи петербургскаго двора войти съ нимъ въ соглашеніе относительно раздѣла Польши, Фридрихъ, подъ впечатлѣніемъ его и выразился вполнѣ искренно, что теперь нечего болѣе опасаться Австріи, такъ какъ она не рѣшится безъ союзниковъ объявить войну Россіи и Пруссіи вмѣстѣ, что послѣ одержанныхъ Россіею успѣховъ въ войнѣ съ турками, русскія условія умѣренны и, поступая съ твердостію, можно выйти съ успѣхомъ ихъ дѣла. [4])

Такое убѣжденіе было вѣроятно у Фридриха и ранѣе, такъ

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. XX, 307; Соловьевъ XXVIII, 241 сл. сл.; Duncker 230 сл. (24 янв. Генриху).

[2]) Соловьевъ XXVIII, 245 сл.

[3]) Соловьевъ XXVIII, 246.

[4]) Сольмсу 14 іюня 1771, IV. Prusse; Соловьевъ, XXVIII, 247.

какъ новый австрійскій посланникъ въ Берлинѣ (съ конца декабря 1770 г.). фанъ-Свитенъ довольно ясно далъ ему понять, что война Австріи противъ Россіи возможна лишь въ случаѣ союза Австріи съ Пруссіею или, по меньшей мѣрѣ—нейтралитета послѣдней. [1]).

Таково дѣйствительно было мнѣніе австрійскаго двора въ это время. При всемъ разногласіи, впрочемъ не особенно существенномъ, во взлядахъ на направленіе, которое слѣдуетъ дать австрійской политикѣ по отношенію къ войнѣ Россіи съ Турціею, все-таки господствующее мнѣніе при вѣнскомъ дворѣ было,—что оно необходимо должно зависѣть отъ поведенія Пруссіи. [2]). Между тѣмъ Фридрихъ пугаетъ „невыносимыми“ мирными условіями Россіи, увѣряетъ что они необходимо вызвали бы объявленіе Австріею войны Россіи, но не соглашается на общія дѣйствія противъ русскихъ; по его словамъ, положеніе Австріи и Пруссія различное,—

---

[1]) Beer Theilung II, 10 сл., 12; ср. 354 (приложенія). Duncker, 228, 232. Самъ Фридрихъ сказалъ Свитену по поводу вооруженій Австріи, что „вѣдь это въ сущности не болѣе, какъ демонстраціи; Beer, 25 (февр. 1771).

[2]) Beer, Theilung II, 16, 19, 22; Arneth, M. Ther. и Jos., I, 316, 321. у Соловьева (XXVIII, 153 сл.) мы находимъ прекрасную характеристику вѣнскаго двора въ это время. Честолюбивый Іосифъ, распаляемый примѣромъ Фридриха и наущеніями Кауница, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго благопріятныхъ обстоятельствъ для возстановленіи прежняго значенія Австріи и вознагражденія ея за утрату Силезіи возвращеніемъ ли ея или другими равносильными пріобрѣтеніями, для которыхъ и Польша и Турція представлялись одинаково удобными.„ А тутъ прусскій король нарочно раздражаетъ эту страсть къ чужому добру, выставляя со всѣхъ сторонъ приманки съ цѣлью увидать, за что Австрія охотнѣе всего схватится.“ (См. „Le dernier entretien avec le Roy le 10 mai 1770,“ донесеніе Нугента у Arneth, Gesch. Mar. Theresias, VIII, 573 сл; тоже у Sorel, 102 сл.) И рядомъ съ ними престарѣлая, совѣстливая и религіозная Марія Терезія, приходящая въ ужасъ отъ мысли, сколько пролито крови въ ея царствованіе, не желающая войны ни за турокъ противъ христіанъ, тѣмъ болѣе, это зачинщикомъ была Порта, ни съ Россіею противъ Турціи, хранившей договоры съ Австріею во время тяжелой борьбы ея съ врагами, ни наконецъ дѣлить дружественную, католическую Польшу, но по слабости характера и политической сообразительности вполнѣ подчиняющаяся навѣтамъ и совѣтамъ сына своего и канцлера. Arneth, Mar. Ther. u. Jos. II, т. I, 325.)

Австрія можетъ употреблять грозный тонъ противъ Россіи, а ему это невозможно, потому что онъ союзникъ ея, онъ обязанъ Россіи, и въ сущности ему безразличны ея завоеванія въ сосѣдствѣ Австріи, [1]) впрочемъ взгляды Австріи и Фридриха на „сносныя“ мирныя условія сходятся,—онъ тоже говоритъ, что можно согласиться на уступку Россіи Азова и свободу мореплаванія и торговли въ Черномъ морѣ, [2]) а относительно другихъ требованій ея обѣщаетъ, что „они подольютъ воды въ свое вино и что онъ доставитъ имъ для этого воды въ изобиліи.“

Отчасти благодаря этому, политика Австріи соотвѣтствовала прусской: Фридрихъ союзомъ съ Россіею изолировалъ Австрію въ видахъ заставить ее согласиться на рѣшенія Пруссіи и Россіи, Австрія путемъ соглашенія съ Пруссіею хотѣла ободиночить Россію, а свои интересы на Востокѣ и пріобрѣтенія въ этомъ направленіи предполагала обезпечить путемъ соглашенія съ Портою, предложивъ ей доставленіе выгоднаго мира,—при этомъ на содѣйствіе Пруссіи можно было смѣло разсчитывать, такъ какъ она не можетъ сочувствовать усиленію Россіи [3]). Но интересы Австріи и Пруссіи расходились въ томъ отношеніи, что для Австріи на первомъ планѣ были русско-турецкія отношенія, недопущеніе заключенія Россіею выгоднаго мира съ Турціею, а для Фридриха на первомъ планѣ былъ раздѣлъ Польши. Австрія и пыталась склонить Пруссію къ совмѣстному съ нею противодѣйствію Россіи въ отношеніи Турціи [4]), но Фридрихъ, хотя и сочувственно отнесся къ военнымъ демонстраціямъ Австріи, однако довольно ясно далъ понять ей о своемъ несогласіи поддерживать всѣ требованія Австріи, и ограничивался лишь возраженіями противъ вознагражденія Россіи на Дунаѣ, находя гораздо болѣе удобнымъ дать ей это вознагражденіе въ Польшѣ [5]).

[1]) Донесенія ф. Свитена у Beer, Theilung II, 13, 24; Arneth, I, 323.
[2]) Соловьевъ, XXVIII, 249 сл; Beer Theilung II, 8.
[3]) Соловьевъ, XXVIII, 248 сл. 262.
[4]) Соловьевъ, XXVIII, 249 сл.
[5]) Соловьевъ, XXVIII, 251.

„Австріи представлялся случай столковаться съ Россіею,—говоритъ Соловьевъ,—русскій дворъ, подобно Пруссіи и Австріи, имѣлъ для своей политики два пути—или тѣснымъ союзомъ съ Пруссіею, удовлетворяя ея требованіямъ, ободиночить Австрію и заставить ее согласиться на русскія условія относительно Турціи, или войти въ тѣсный союзъ съ Австріею, ободиночить этимъ Пруссію и заставить ее согласиться на всѣ распоряженія императорскихъ дворовъ относительно Турціи“ [1]).

Намъ кажется, что это мнѣніе не совсѣмъ точно. Соловьевъ говоритъ: Австріи представлялся случай столковаться съ Россіею. Но точно также и Россіи представлялся случай столковаться съ Австріею. Съ другой стороны, въ это время не замѣтно еще, чтобы русскій дворъ задавался цѣлью ободиночить Австрію или Пруссію тѣснымъ сближеніемъ съ тою или другою, принудить ту или другую къ слѣпому согласію на всѣ распоряженія союзниковъ,—такая цѣль поставлена была русскимъ правительствомъ своей политикѣ лишь впослѣдствіи, и притомъ только относительно раздѣла Польши. Но и тогда русскій дворъ былъ не прочь отъ сближенія съ Австріею по дѣламъ турецкимъ. Русское правительство все время держалось вполнѣ послѣдовательно своего первоначальнаго плана,—дѣйствовать согласно съ Пруссіею по дѣламъ польскимъ, и согласно съ Австріею—по дѣламъ турецкимъ [2]); вся ошибка, и притомъ существенная, состояла въ томъ, что хотя „желали сближенія съ Австріею, но ради сохраненія тѣснаго союза съ Пруссіею желали этого сближенія при посредничествѣ Фридриха“ [3]),—выборъ посредника совсѣмъ неудачный. Мы впрочемъ не будемъ утверждать, что попытка столковаться съ Австріею относительно восточнаго вопроса непремѣнно привела бы къ успѣшнымъ результатамъ,—усиленіе Россіи, притомъ по сосѣдству съ владѣніями Австріи, населенными православнымъ

[1]) Соловьевъ, XXVIII 252.

[2]) Запросъ Голицына о союзныхъ обязательствахъ 1753 года у Beer, Documente, 101 сл.

[3]) Duncker 230 (письмо Генриха, январь 1771).

народомъ, конечно не могло соотвѣтствовать австрійскимъ интересамъ безъ соотвѣтственнаго усиленія Австріи. Взглядъ русскаго правительства на отношенія Австріи къ Турціи былъ въ сущности совершенно правильный (см. выше, стр. 369). Но нечего было конечно разсчитывать на безвозмездное содѣйствіе Австріи усиленію Россіи, а такъ какъ Фридрихъ постарался представить вѣнскому двору русскую политику въ желательномъ для себя свѣтѣ, и такъ какъ само русское правительство своимъ будированіемъ въ отношеніи Австріи, настойчивымъ молчаніемъ въ отношеніи къ ней и косвенными переговорами съ нею не иначе какъ чрезъ посредство Пруссіи выражало какъ бы твердую рѣшимость дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и держаться одного лишь союза съ Пруссіею [1]), такъ какъ съ другой стороны Фридрихъ увѣрялъ австрійское правительство, что вслѣдствіе своей неумѣренности русскія условія вынудятъ Австрію къ войнѣ то понятно это могло служить лишь въ пользу принятаго Австріею, притомъ болѣе согласнаго съ ея интересами рѣшенія, воспользоваться войною къ своей выгодѣ, и въ то-же время не допустить особеннаго усиленія Россіи, тѣмъ болѣе, что поведеніе Пруссіи вполнѣ благопріятствовало этому. Въ самомъ дѣлѣ, мнимое заступничество Австріи за Турцію было конечно не безкорыстно. Ни Іосифъ, ни Марія Терезія не желали войны съ Россіею, а особенно безъ помощи Пруссіи; [2]) поэтому оставался одинъ исходъ— заключить союзъ съ Портою (все-таки при условіи нейтралитета Пруссіи), или въ крайнемъ случаѣ, если Россія будетъ имѣть рѣшительные успѣхи въ войнѣ и самое существованіе оттоманской имперіи будетъ въ опасности, поспѣшить участіемъ въ раздѣлѣ, но во всякомъ случаѣ для сох-

---

[1]) Австріи не могло не быть непріятно между прочимъ и то, что относительно ея русское правительство хранило молчаніе, а между тѣмъ дѣлало всякаго рода сообщенія (напр. относительно мирныхъ условій) Фридриху. Въ Вѣнѣ могли и не знать, что сообщенія эти вызваны были назойливостью Фридриха.

[2]) Beer Theilung II, 20, Arneth M-Ther. u. Jos., I, 325, 329.

раненія равновѣсія нужно поживиться на счетъ Турціи. [1]) Таковъ былъ смыслъ возникшаго уже въ концѣ 1770 года, при вѣнскомъ дворѣ проекта вступить въ союзъ съ Турціею, [2]) этимъ-же объясняется и то странное на первый взлядъ явленіе, что Австрія противодѣйствовала заключенію союза Турціи съ Франціею. [3]) При такихъ условіяхъ сближеніе съ Турціею, понятно, являлось болѣе выгоднымъ, чѣмъ сближеніе съ Россіею, потому что можно было обезпечить свои интересы въ двоякомъ отношеніи: 1) непосредственно—уступками Порты въ видѣ цѣны за помощь, и 2) посредственно—принуждая Россію совмѣстно съ Пруссіею къ уступкамъ въ ея требованіяхъ. Въ февралѣ 1771 года австрійскій посланникъ въ Константинополѣ Тугутъ открылъ уже переговоры съ Портою. [4]). Фридрихъ поздно догадался, къ чему привела его политика,—когда союзъ съ Портою былъ уже заключенъ и ему оставалось лишь изливать свое негодованіе на Австрію.

Союзный трактатъ Австріи съ Портою былъ подписанъ въ ночь съ 6 на 7 іюля 1771. Австрія обязывалась вступить въ союзъ съ Портою „чтобы освободить изъ рукъ Россіи путемъ переговоровъ или-же силою оружія и принудить ее къ возвращенію Портѣ крѣпости, провинціи и территоріи, принадлежащія Выс. Портѣ и захваченныя русскими;“ она обѣщала ускорить заключеніе мира „безъ малѣйшаго нарушенія независимости и правъ польской республики“ и съ соблюде-

[1]) Beer ibid 21; Arneth ibid 316 сл. 325. La ferme résolution d'agir et de prendre au cas d'une destruction totale un bon morceau doit être résolue de même que de secourir la Porte (письмо Іосифа 19 янв. 1771, Arneth, M-Th. и Jos., I, 327). Кауницъ хочетъ заявить Фридриху, что если онъ обѣщаетъ нейтралитетъ, то Австрія будетъ воевать одна въ сторону Молдавіи (ср. выше стр. 350), но Іосифъ настаиваетъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ воевать однимъ, но нужно nous mettre en état de profiter promptement et sans risque des moments de faiblesse des Russes, s'il s'en présente ou au moins de tirer notre quote-part, et si nous ne pouvons bonnement empêcher leur agrandissement, au moins de nous y équilibrer, en acquérant des avantages (Тоже 24 янв., ibid. I, 328 сл.)

[2]) При условіи нейтралитета Пруссіи; Beer 16, 30 сл.

[3]) Beer ibid. 28 сл.

[4]) Beer Theilung 30 сл.

ніемъ достоинства и интересовъ Турціи. Съ своей стороны Порта обѣщала Австріи субсидію въ 11 $^1/_4$ мил. флориновъ (20000 кошельковъ по 500 піастровъ); 4000 кошельковъ немедленно, а остальные съ разсрочкою; наконецъ секретный фондъ въ 2-3000 кошельковъ отдается въ случаѣ надобности въ распоряженіе Австріи. Далѣе, Порта предоставляетъ австрійскимъ подданнымъ коммерческія права наиболѣе благопріятствуемой націи и соглашается регулировать спорный вопросъ о трансильванской границѣ въ направленіи желаемомъ Австріею. Наконецъ, самое важное, она соглашалась уступить Австріи часть Валахіи между Трансильваніею, Банатомъ, Дунаемъ и Алутою. Стороны обязывались хранить договоръ въ глубокой тайнѣ, особенно относительно Франціи. [1]).

Согласившись въ принципѣ на удовлетвореніе Пруссіи въ Польшѣ (по общему плану дѣйствовать съ нею согласно по польскимъ дѣламъ) Россія рѣшила попытаться сблизиться съ Австріею по дѣламъ турецкимъ.

Все-таки не сообщая мирныхъ условій Россіи, русское правительство двумя сообщеніями Кауницу черезъ Голицына (янв. и февр. 1771) заявило вѣнскому кабинету просьбу содѣйствовать освобожденію Обрѣскова и согласіе на принятіе добрыхъ оффицій Австріи въ замиреніи, при чемъ обѣщало, что мирныя условія Россіи будутъ умѣренныя и не

---

[1]) Договоръ у Hammer, кн. 73; Martens, 2 éd. II, 19; Arneth, M.-Theresias letzte Regszeit II, гл. 10. Намъ неизвѣстно откуда русское правительство получило первыя свѣдѣнія о договорѣ заключенномъ Австріею съ Портою. Слухъ объ немъ сообщенъ былъ Панину Каткартомъ въ январѣ 1772 года, а 5 (16) марта Каткартъ сообщилъ даже копію съ этого договора. Сб. Р. Ист. Об. XIX, депеши Каткарта № 106 и 114, стр. 259. Какъ бы то ни было, но отзывъ объ немъ Панина (повидимому довольно откровенный,) былъ—что „чѣмъ болѣе онъ обсуждаетъ эту конвенцію, сдѣлавшую на него первоначально глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе онъ убѣждается въ томъ, что вѣнскій дворъ оставилъ за собой право сдѣлать для Порты лишь то немногое, которое окажется для него удобнымъ, и что возможно, что онъ воспользуется подобнымъ правомъ, но онъ (Панинъ) надѣется, что Россія выйдетъ изъ войны съ честью. Тамъ-же депеша Каткарта 20 (31) мар. 1772. № 116, стр. 261. Ср. Beer, II, 34 сл. Duncker, 252

будутъ противны австрійскимъ интересамъ. Заявленія эти вызвали повидимому недоумѣніе въ Вѣнѣ. Іосифъ полагалъ, что имп русскій дворъ имѣлъ въ виду „усыпить“ австрійское правительство, такъ какъ они не соотвѣтствовали увѣреніямъ Фридриха, что Россія ставитъ des conditions exorbi tantes. [1]) Кауницъ отвѣчалъ, что Порта согласна отпустить Обрѣскова и вступить въ мирные переговоры съ добрыми услугами Австріи и Пруссіи, что Австрія согласна принять на себя добрыя оффиціи для примиренія Россіи съ Турціею, но подъ условіемъ, чтобы ей предварительно сообщены были требованія Россіи, и чтобы требованія эти были умѣренны и удобопріемлемы для Порты и не нарушали интересовъ Австріи.

Русское правительство медлило сообщеніемъ своихъ условій,—оно еще не теряло надежды вступить въ непосредственные мирные переговоры съ турками. [2]) Между тѣмъ они были сообщены въ апрѣлѣ Кауницу гр. А. Г. Орловымъ въ бытность его въ Вѣнѣ, [3]) и немедленно-же Кауницъ сообщилъ чрезъ Лобковича въ Петербургъ, что условія о независимости Молдавіи, Валахіи и татаръ онъ, Кауницъ, находитъ невозможными: не только султанъ на нихъ не согласится, но сосѣдство съ независимыми татарами можетъ быть опасно

---

[1]) Письмо Леопольду 21 февр. 1771 у Arneth, I, 331 сл. Впрочемъ о письмѣ Панина Голицыну (отъ 21 янв.) онъ отзывается какъ о длинномъ пустословіи (long verbiage). Ср. Соловьева, XXVIII, 253; Beer, II, 62 сл. и 69 сл. 71 сл.

[2]) Рескриптомъ 22 мар. 1771 г. гр. А. Орлову предписано было при удобномъ случаѣ учинить Портѣ отъ себѣ нѣкоторыя о мирѣ внушенія „безъ компрометированія чрезъ то чести и достоинства двора нашего“, посредствомъ надежнаго канала, „путемъ партикулярнаго сообщенія съ нѣкоторыми изъ турокъ“, что зная миролюбіе императрицы, онъ взялся бы сдѣлать дѣйствительное начало мирному дѣлу и вступить въ порядочное трактованіе съ уполномоченнымъ къ тому отъ Порты лицомъ. „Удобнѣйшій къ тому моментъ тогда настоять будетъ,—писала императрица,—когда вы, прибытіемъ вашимъ со флотомъ передъ Дарданеллы, стѣсните и отрѣжете отъ всякой коммуникаціи Константинополь, а тѣмъ самымъ опять приведете сей городъ въ самую большую заботу и смущенія“. (Сб. Р. Ист. Об. I, 69 сл. 72).

[3]) Вознагражденіе за военные расходы, независимость татаръ и Княжествъ. Arneth, I, 338 сл. (Іосифъ Леопольду 2 мая 1771).

Австріи. [1]) Такой же отвѣтъ сообщенъ былъ въ іюнѣ Голицынымъ, но въ разговорѣ съ нимъ Кауницъ главнымъ образомъ возражалъ противъ условія о княжествахъ, невыгоднаго и опаснаго для Австріи и равновѣсія европейской политической системы. Онъ заявилъ также, что Австрія не желаетъ и не намѣрена что-либо пріобрѣсти для себя при этомъ случаѣ; [2]) возраженія Кауница были подробно развиты въ запискѣ подъ заглавіемъ: „Словесный отвѣтъ на конфиденціальное сообщеніе намѣреній русской императрицы о мирѣ съ турками [3]) и на дальнѣйшія сообщенія сдѣланныя кн. Лобковичу". [4]) Сама Порта не могла бы составить лучшаго отвѣта. Здѣсь доказывалась совершенная невозможность для Порты согласиться на безусловно гибельныя для нея условія. „Развѣ Порта можетъ не чувствовать, говорилось въ немъ, что независимость татаръ необходимо поведетъ къ ихъ зависимости отъ Россіи? Что съ потерею береговъ Чернаго моря въ Европѣ, она потеряетъ и отдастъ Россіи выгоду драгоцѣнную,—обладаніе устьями значительныхъ рѣкъ по которымъ приходятъ изъ отдаленныхъ странъ всѣ матеріалы, необходимые для постройки страшнаго флота и снабженія армій; что Константинополь чрезъ это будетъ постоянно подвергаться опасности голода и истребленія; что миръ на основаніи принципа uti possidetis дастъ русской имперіи громадное могущество, а имперіи оттоманской хотя болѣе или менѣе отдаленное, но неизбѣжное паденіе. Что-же касается Австріи, то независимость татаръ совершенно несовмѣстима съ безопасностію и спокойствіемъ ея владѣній; также и переходъ Молдавіи и Валахіи подъ другое владычество.

Отвѣтъ этотъ полученъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ іюля. На возраженіе Екатерины [5]) Кауницъ отвѣчалъ по

---

[1]) Депеша 2 мая н. ст. Арх. Гос. Сов. I, 80 сл. засѣд. 9 мая; тамъ-же отвѣтъ Панина Лобковичу. Ср. Соловьева XXVIII, 253 сл; Beer, II, 75.

[2]) Соловьевъ 256. Выгоднѣе пріобрѣсти непосредственно отъ Турціи, потому что тогда и Россію можно сократить, слѣд. двойная выгода.

[3]) Ср. Арх. Гос. Сов. I, 82 сл. засѣд. 16 мая.

[4]) Отпечатанъ въ Сб. Р. Ист. Об. I, 155 сл. Ср. Соловьева 256.

[5]) У Соловьева, 257 сл.

прежнему доказательствами чрезмѣрной тягости условій для Порты и опасности ихъ для Австріи, между прочимъ потому, что требуемая съ русской стороны независимость татаръ легко можетъ со временемъ обратиться въ совершенное подданство и сдѣлаться весьма предосудительною не только интересамъ Австріи, но и вообще равновѣсію Европы; императрица не можетъ ручаться за своихъ преемниковъ, а исторія представляетъ не одинъ примѣръ, какъ народы изъ покровительства были приведены въ подданство. [1])

Итакъ, интересы Австріи въ вопросѣ о княжествахъ и интересы равновѣсія между Россіею и Турціею, и даже равновѣсія Европы въ вопросѣ о независимости татаръ,—таковы были основанія, приводимыя австрійскимъ правительствомъ противъ условій Россіи. Для Екатерины и для русскаго правительства вообще такой отвѣтъ былъ неожиданностію, Россія не привыкла еще видѣть въ лицѣ Турціи привиллегированную въ отношеніи значенія ея для равновѣсія Европы державу. [2]) Въ сущности, конечно, равновѣсіе Европы было здѣсь ни при чемъ, и Панинъ вывелъ совершенно вѣрное заключеніе изъ отвѣтовъ Австріи, что „хотя австрійскій домъ всѣ наши требованія безъ исключенія отмещетъ, но нельзя думать, чтобъ для него въ существѣ равно важны были независимость татарская и отторженіе княжествъ". По его мнѣнію „въ первомъ пунктѣ зависть противъ славы имперіи нашей остается ему однимъ истиннымъ побужденіемъ, второй же конечно можетъ имѣть и самый его интересъ". Панинъ не подозрѣвалъ еще повидимому истиннаго смысла возраженій Кауница противъ условія о Крымѣ. Во всякомъ случаѣ рѣзкій и рѣшительный тонъ возраженій Кауница имѣлъ слѣдствіемъ то, что Панинъ предложилъ Екатеринѣ ради благоразумія „уступить нѣсколько обстоятельствамъ и удовольствоваться тѣмъ, что способнѣе одержать можно, дабы инако, гоняясь за всѣмъ, всего же и не упустить" и „для этого прежде всего покончить съ независимостію Крыма, постановить и подписать публичный актъ меж-

[1]) Соловьевъ 259.

[2]) См. отвѣтъ Екатерины у Соловьева, 258 сл.; ср. также стр. 264.

ду Россіею и ханомъ, который татары должны утвердить присягою", и отступиться отъ требованія княжествъ [1]).

Австрія отвергла союзъ съ Россіею, Марія Терезія согласилась на приготовленіе корпуса войскъ въ Венгріи, а Тугутъ покончилъ переговоры съ Портою на счетъ союза и вознагражденія за него. Наконецъ, въ виду убѣжденія въ рѣшимости Фридриха „ловить рыбу въ мутной водѣ", въ его недовѣріи къ Австріи и въ невозможности побудить его къ поступкамъ, которые поссорили бы его съ Россіею, рѣшено вступить въ соглашеніе съ Пруссіею относительно раздѣла Польши, о которомъ онъ такъ старался. [2]) Но цѣною согласія своего на участіе въ раздѣлѣ Польши Австрія ставила обѣщаніе Фридриха совмѣстно съ нею принудить Россію къ заключенію съ Портою выгоднаго для послѣдней мира. Такой планъ, конечно, соотвѣтствовалъ общему плану австрійской политики, но онъ не соотвѣтствовалъ видамъ Фридриха, которому, разъ Австрія оттолкнула Россію, представлялось болѣе выгоды въ союзѣ съ Росіею, отъ которой онъ могъ добиться теперь полнаго согласія на его планы и на смягченіе ея мирныхъ условій.

Положеніе Фридриха было чрезвычайно выгодно. Австрія отвергла русскія условія, говоритъ оскорбительнымъ для Россіи „диктаторскимъ" тономъ, продолжаетъ враждебныя Россіи оказательства – вооружаетъ и стягиваетъ войска, дѣлаетъ займы, [3]) она отвергла предложенія Россіи вступить въ соглашеніе относительно пріобрѣтеній на счетъ Турціи [4]) и отзывается несочувственно о раздѣлѣ Польши, такимъ образомъ она не только отнимаетъ всякую надежду у Россіи на возможность соглашенія съ нею, но заставляетъ смотрѣть на такое сближеніе, какъ на дѣло совершенно безполезное

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 260. см. ниже.

[2]) Соловьевъ, 261 сл

[3]) Реляціи Голицына 1771 г. № 17 отъ 26 (9) февр. и № 20 отъ 9 (20) марта: обсерваціонный корпусъ въ Венгріи и заемъ въ 5 мил. гульд. въ Голландіи.

[4]) У Beer Theilung II, 130 Arneth, VIII, 339 сл. мы находимъ перечисленіе сдѣланныхъ будтобы Россіею Австріи предложеній раздѣла Турціи; въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д. мы не нашли ничего подтверждающаго.

для Россіи. Съ другой стороны Фридрихъ настаиваетъ на необходимости раздѣла Польши,—согласившись на нескрываемое имъ пламенное желаніе этого раздѣла, можно выговорить себѣ его поддержку противъ Австріи. [1]) Уже въ маѣ, по полученіи первыхъ „диктаторскихъ“ отвѣтовъ Кауница на русскія сообщенія рѣшено было согласиться на раздѣлъ съ Пруссіею части польскихъ владѣній, но пригласить къ участію и Австрію,—быть можетъ это облегчитъ замиреніе съ Турціею,—вѣдь Фридрихъ увѣряетъ, что Австрія желаетъ присвоить себѣ часть Польши, что Россія и Пруссія лишь послѣдуютъ ея примѣру, присвоивши себѣ „подходящія“ польскія территоріи. [2]) Разсчетъ Кауница,—упорствомъ и угрозами изолировать Россію, военными оказательствами и опасеніемъ войны отдѣлить Пруссію отъ Россіи, [3]) не удался.

Не удался и другой планъ, – союзомъ съ Турціею принудить Россію къ уступкамъ въ своихъ мирныхъ условіяхъ, сдѣлать подходящія пріобрѣтенія для Австріи, [4]) ограничиться относительно Польши клочкомъ земли, уступку котораго можно было выговорить у Польши дипломатическимъ путемъ, а Пруссію оставить въ ея прежнемъ положеніи. [5]) Съ этою цѣлью предложено было Россіи удовлетвориться „среднимъ терминомъ“, именно: 1) уступкою Азова, 2) обѣихъ Кабардъ, 3) свободы плаванія въ Черномъ морѣ для торговыхъ судовъ опредѣленной величины, и 4) денежнымъ вознагражденіемъ; но и на эти условія Ав-

---

[1]) Собственноручная записка Екатерины Румянцеву отъ *24 іюля* 1771: „Вѣнской дворъ недоволенъ нашими мирными пропозиціями, но чаю, забавитъ спѣса, ибо пруской король пишетъ, что дравъ крѣпко Кауницу за уши все будетъ по нашему, къ чему чаю и онъ будетъ искренно вспомоществовать, и вѣроятно, что турки однѣ будутъ въ дезавантажи, что миръ столь не спешно идетъ, но онѣ пенай самы на себя».

[2]) Арх. Гос. Сов. I, засѣд. 16 мая; ср. Duncker, 238; Соловьевъ 299 сл. 303.

[3]) Beer, Theilung II, 87 сл.; Arneth, I, 326. Duncker, 251 (цит. Beer, Friedr. u. v. Swieten).

[4]) Въ видѣ вознагражденія отъ Порты согласно конвенціи 6 іюля за уступки Россіи.

[5]) Соловьевъ, XXVIII, 275 сл.; Beer, II, 117 сл.

стрія соглашалась лишь въ случаѣ обязательства Россіи не искать раздробленія Польши ни для себя, ни для кого бы то ни было, причемъ однако Австрія удержитъ за собою 13 городовъ комитата Ципсъ. [1]) Такія условія могли лишь еще болѣе отклонить Россію въ сторону Пруссіи, которая если и настаивала на отказѣ Россіи отъ княжествъ, то по крайней мѣрѣ предлагала вознаградить себя за нихъ въ Польшѣ.

Вѣроятно по полученіи этого отвѣта Панинъ подалъ императрицѣ записку слѣдующаго содержанія. [2])

„Каково есть настоящее положеніе дѣлъ нашихъ, оное не требуетъ никакого изъясненія, будучи само по себѣ довольно извѣстно. Война съ Портою Оттоманскою свирѣпствуетъ еще въ полномъ огнѣ, Польша утопаетъ въ бѣдственнѣйшемъ междоусобіи, дѣло независимости Крыма и прочихъ татарскихъ ордъ не достигло по сю пору совершенства своего, а напротивъ того Вѣнскій дворъ, или лучше сказать первенствующій онаго министръ кн. Кауницъ питаетъ въ сердцѣ своемъ величайшую ненависть и явное недоброжелательство къ успѣхамъ оружія нашего. Искры одной, такъ сказать, недостаетъ къ превращенію оныхъ изъ пассивнаго умозрѣнія въ сущій активитетъ. Всѣ сіи аспекты, сколь они въ существѣ своемъ ни важны, не могли-бъ однакожъ ни частно одинъ безъ другаго, ни всѣ между собою совокупно, столько значить, сколько они нынѣ начинаютъ значить по причинѣ внутренняго нашего злоключенія, которое распространеніемъ своимъ отъ Москвы въ ближніе уѣзды, а оттуда и въ самые отдаленные, можетъ произвесть совершенную или по крайней мѣрѣ весьма чувствительную остановку въ разныхъ государственныхъ оборотахъ, нуждахъ и способахъ. Опасеніе сіе не можетъ быть почтено безвременнымъ, когда уже и теперь многія неудобства ощутительны становятся въ самомъ почти началѣ зла.

„Обращаяся къ сей неложной картинѣ, нахожу я, что новыя въ ней открывшіяся тѣни требуютъ и новыхъ времени и обстоятель-

---

[1]) Письмо Голицына Панину 14 (25) окт. 1771; Соловьевъ 276 сл.; ср. также „мнѣніе ихъ Имп. В-въ“, Соловьевъ 280; Beer Theilung II, 123 сл.

[2]) «Мнѣніе гр. Панина о настоящемъ положеніи политическихъ и военныхъ дѣлъ Имперіи»,—сношѳ. съ Турціею, affaires séparées; ср. Арх Гос. Сов. I, 115, засѣд. 24 окт. 1771.

ствамъ свойственнѣйшихъ средствъ, а особливо подчиненія ихъ всѣхъ точнымъ и исправно размѣреннымъ правиламъ какъ по состоянію силъ и рессурсовъ нашихъ, такъ равнымъ образомъ по количеству и важности опорствующихъ намъ пружинъ...

„Еслибъ Вѣнскій дворъ оставался покойнымъ зрителемъ войны нашей, то и можно бы намъ было, продолжая обуздывать Польшу и всѣхъ ея мятежниковъ посредственнымъ корпусомъ войскъ, безъ всякой уже заботы главными нашими силами ополчаться противу турковъ и дѣйствовать наступательнымъ образомъ до того времени, чтобъ они наконецъ принуждены были принять безмолвно предписываемый отъ Россіи миръ и согласиться по оному какъ на признаніе татарскихъ народовъ вольною и независимою областію, такъ и на освобожденіе отъ власти своей провинцій, нынѣ подъ оружіемъ нашимъ состоящихъ; но теперь, когда кн. Кауницъ, предубѣдя себя и дворъ свой нуждою равновѣсія между Россіею и Портою Оттоманскою доводитъ дѣла до крайности и до явнаго почти разрыва съ нами, благоразуміе требуетъ уступить нѣсколько обстоятельствамъ и удовольствоваться тѣмъ, что способнѣе одержать можно, дабы инако гоняясь за всѣмъ, всего же и не упустить.

«На семъ основаніи не представляется ли всего нужнѣе, чтобъ пунктъ вольности и независимости крымскихъ и прочихъ татарскихъ народовъ, какъ наивящше насъ интересующій, прежде всего и немедленно опредѣленъ и утвержденъ былъ. Хотя поверхность оружія нашего и самое обложеніе гарнизонами нашими нужнѣйшихъ въ Крыму мѣстъ, а особливо избраніе новаго хана подъ протекціею Ея Имп. Вел—ва и показываетъ уже видъ отлученія татаръ отъ подданства Порты, но въ существѣ все сіе не даетъ еще оному ни достаточной формы предъ публикою, ни прямой прочности; а надобно, чтобъ оное отлученіе и съ нимъ вмѣстѣ добровольное намъ поступленіе отъ татаръ, какъ самовластнаго уже народа, нѣкоторыхъ портовъ для собственной его на всегдашнее время ограды и обезпеченія отъ покушеній и нападеній утѣснителей его турковъ, торжественнымъ и такимъ образомъ опредѣлены и утверждены были, дабы затѣмъ не могло больше оставаться непріятелямъ нашимъ никакого предлога, при начатіи мирной съ турками негоціаціи, предлагать и дѣлать притязанія о внутреннемъ учрежденіи самовластія татарскихъ народовъ тогда, когда намъ надобно будетъ требовать

единаго только отъ нихъ признанія независимости сихъ народовъ. Все сіе не можетъ удобнѣе и вѣрнѣе исполнено и достигнуто быть, какъ постановленіемъ и подписаніемъ публичнаго акта между Россіею и настоящимъ татарскимъ ханомъ, который долженствуетъ для приданія оному вящшей торжественности и святости отъ всѣхъ татаръ за непремѣнный и фундаментальный законъ политической ихъ конституціи, присягою утвержденъ быть; а потомъ отъ хана такъ какъ ни отъ кого не зависящаго владѣтеля долженствуетъ быть во всѣхъ краяхъ обнародовано объявленіе о таковомъ возобновленіи и утвержденіи татарской области съ тѣмъ прибавленіемъ, что по торжественномъ, при заключеніи мира, признаніи отъ Порты татаръ въ качествѣ вольной и независимой области, они съ своей стороны обязуются и обѣщаютъ состоять и пребывать съ нею въ твердомъ и ненарушимомъ добромъ согласіи, такъ какъ и со всѣми другими окрестными областьми и народами.

«Въ разсужденіи таковыхъ нужныхъ обрядовъ нѣтъ возможности совершить здѣсь желаемый актъ, ибо оный не могъ бы свѣту представленъ быть результатомъ общаго и единомысленнаго всѣхъ татаръ желанія; чего ради и надобно будетъ по моему мнѣнію отправить конечно безъ упущенія времени въ самый Крымъ отъ двора Ея Имп. Вел-ва знатнаго чина человѣка съ публичною полною мочью для заключенія его тамъ на мѣстѣ, въ чемъ ему локальное познаніе людей, свойственныя корыстолюбію татаръ средства и страхъ присутственнаго оружія весьма много способствовать могутъ.

„Скорое въ полной мѣрѣ исполненіе сего пункта необходимо нужно потому, что инако, если татаръ оставить въ настоящемъ ихъ нерѣшенномъ положеніи, послѣ для точнаго опредѣленія вольности ихъ надлежало бы трактовать объ ономъ съ Портою, которая тогда съ своей стороны стала бы несомнѣнно требовать себѣ безпосреднаго съ ними сношенія и пользоваться онымъ къ возбужденію въ нихъ разномыслія и разврата. Старыя сопряженія, единовѣріе и привязанность къ прежнему хану доставили бы ей къ тому множество средствъ, кои бы взаимно всѣ наши машины ослабляли, а можетъ быть и все, по сію пору учиненное по легкомыслію татаръ превратили ни во что; на противъ чего, когда нынѣ дѣло къ совершенству приведено будетъ, нельзя думать, чтобъ Порта стала неотмѣнно требовать разрушенія онаго, тѣмъ паче, что ей предъ чер-

нію своею можно будетъ оправдаться добровольною дезерціею татаръ, которая однакожъ не подчиняетъ ихъ Россіи.

«Какъ я посему полагаю, что отдѣленіе татарскаго дѣла въ особливую на мѣстѣ производимую негоціяцію есть кратчайшій путь къ скорому окончанію онаго и что опять далѣе дѣйствительное его окончаніе можетъ во свое время способствовать облегченію мира нашего съ Портою; то хочу теперь въ натуральное изъ того слѣдствіе сказать, что уже довольно, по внутреннему нашему злоключенію, здравая политика и истинные отечества интересы требуютъ отъ насъ употребленія всевозможныхъ средствъ къ скорѣйшему окончанію войны нашей съ Портою на резонабельныхъ и честныхъ кондиціяхъ, дабы при дѣйствительномъ ополченіи противу насъ австрійскаго дома, не быть намъ принужденнымъ на сопротивленіе новому, свѣжему и сильному непріятелю доходить до самыхъ крайнихъ и послѣднихъ государственныхъ ресурсовъ, когда обыкновенные всѣ въ другую сторону обращены и оттуда ни какимъ образомъ удѣляемы быть не могутъ безъ причиненія чувствительной разстройки въ одержанныхъ по сію пору великихъ и знаменитыхъ авантажахъ на морѣ и на сухомъ пути.

„Правда, можемъ мы надѣяться, что въ войнѣ противу австрійскаго дома будетъ намъ сильно помогать король Прусскій, какъ по собственнымъ своимъ интересамъ, такъ и по тѣмъ обязательствамъ, которыя нынѣ по соизволенію Ея Имп-го Вел-ва здѣсь трактуются и чаятельно скоро къ окончанію приведены будутъ; но сіе не уменьшитъ однакожъ съ нашей стороны нужды въ продолженіе турецкой войны изыскивать новые ресурсы и составлять вновь многочисленную армію, ибо натурально Его Прусское Вел—во будетъ дѣйствовать не главною воюющею державою, но въ качествѣ помощника, который не объявитъ себя прежде, доколѣ насъ самихъ въ хорошемъ состояніи не увидитъ и который сверхъ того еще по мѣрѣ надобности нашей цѣну на соучастіе свое возвышать не оставитъ.

«Обоихъ сихъ неудобствъ избавимся мы весьма, если миръ съ Портою доставитъ намъ свободныя руки. Можетъ быть, тогда и вѣнскій дворъ совсѣмъ раздумаетъ отважить себя на неизвѣстную войну изъ зависти къ тому, что мы и король прусскій намѣрены взять себѣ отъ Польши, а скорѣе согласится самъ слѣдовать при-

мѣру нашему, дабы инако ему одному ни съ чѣмъ не остаться. [1]) Я въ гаданіи моемъ иду еще и далѣе, а именно, что и тогда уже императрица-королева усумнится поступить на разрывъ съ нами, когда только мирная негоціяція у насъ съ Портою въ прямое теченіе приведена будетъ, ибо она легко возмнить можетъ, что турки не захотятъ для Польши продолжать столь несчастивой для нихъ войны, но что паче они для облегченія въ должномъ намъ отъ Порты удовлетвореніи и рады будутъ поступаться изъ оной, а особливо въ такой дальности отъ ихъ границъ.

«Роптаніе и жалобы поляковъ будутъ въ первомъ случаѣ весьма не дѣйствительны, во второмъ не столь важны, а въ такомъ напротивъ, когда бы вѣнскій дворъ возсталъ на Россію въ продолженіе еще турецкой войны, могутъ оныя гораздо вредны быть и превратиться въ генеральную и весьма уже многочисленную конфедерацію, которая затрудняя и пресѣкая снабденіе армій нашихъ могла бы еще угрожать нападеніемъ и опустошеніемъ во внутрь собственныхъ границъ Имперіи.

«По всѣмъ симъ сколько важнымъ, столько же и ощутительнымъ резонамъ, видится мнѣ необходимо нужнымъ испытать нынѣ до возобновленія будущей кампаніи, а съ оной и воспламененія по видимому новой неизвѣстной и крайне уже тягостной войны, всѣ удобь возможные способы къ примиренію нашему съ Портою, остерегаясь однакожъ достаточно, чтобъ сей гордый и въ невѣжествѣ погруженный непріятель не возмнилъ отъ изысканія нашего, что мы не въ состояніи болѣе воевать, или же что мы устрашились вооруженія австрійскаго дома. Такое нескладное мнѣніе можетъ въ немъ легко родиться и вселить упорство противу всякаго справедливаго удовлетворенія.

«До сихъ поръ видѣли мы, что хотя австрійскій домъ всѣ наши требованія безъ исключенія отмещетъ, но не можно однакожъ думать, чтобъ для него въ существѣ равно важнымъ были, независимость татарская и отторженіе Молдавіи и Валахіи. Въ первомъ пунктѣ зависть противу славы Имперіи нашей остается ему одна истиннымъ побужденіемъ, второй же конечно можетъ имѣть и самый его интересъ, когда взять въ уваженіе многое число земель съ

[1]) Какъ извѣстно, разсчетъ оказался вѣрнымъ.

нами такъ, какъ молдавцы и волохи единовѣрныхъ, состоящихъ подъ владѣніемъ его, а изъ сего и можетъ сей высокомѣрный домъ поставить себѣ и прямымъ политическимъ правиломъ, чтобы не попускать Россію освобождать своихъ единовѣрныхъ отъ власти надъ ними подобной турецкому насилію, ибо въ самомъ дѣлѣ и католики не лучше турковъ надъ ними владычествуютъ, да и поставляютъ сіе равно съ тѣми правиломъ своего закона.

«По сему можно кажется полагать, что отступленіе наше отъ требованія завоеванныхъ княжествъ послужитъ взаимно къ облегченію другихъ нашихъ видовъ, и особливо татарскаго дѣла, ибо тутъ чаятельно австрійцы меньше пріобрѣтенію нашему завидовать и съ меньшимъ жаромъ за оное вязаться будутъ, да и Порта сама съ большею податливостію на негоціацію соглашаться будетъ по причинѣ большей нашей умѣренности. Я считаю потому за нужно испросить у Ея Импер. В-ва высочайшаго въ семъ пунктѣ снисхожденія, а когда оное такимъ образомъ получитъ здѣсь свое опредѣленіе, то тогда съ большею твердостію возможно будетъ принять такія мѣры, чтобъ безъ малѣйшаго компрометированія достоинства Ея Имп. Вел-ва довести до свѣдѣнія Порты, что завоеванныя оружіемъ нашимъ провинціи могутъ подойти подъ негоціацію возстановляемаго мира, если Порта къ начатію оной свою готовность покажетъ, и что для твердѣйшаго себя въ томъ обнадеживанія воюющія державы могутъ снестись между собою черезъ простыхъ эмисаровъ въ третьемъ мѣстѣ, которые безъ формы и характеровъ скорѣе и свободнѣе учредятъ пунктъ конгресса или съѣзда полномочныхъ комисаровъ для формальныхъ мирныхъ постановленій. Отвѣтъ Порты на такое внушеніе откроетъ намъ прямыя склонности ея, къ познанію которыхъ можно будетъ пользоваться и всѣми въ первой арміи представляющимися случаями отъ ген.-фельдм. гр. Румянцева и чрезъ короля прусскаго нашего союзника.

«Если турки изберутъ способъ конгресса, тогда дѣло пойдетъ обыкновеннымъ порядкомъ. Хотя оный и медлителенъ будетъ, но можетъ однакожъ имѣть пользу свою къ воздержанію австрійцевъ, а ежели они согласятся на съѣздъ эмисаровъ для соглашенія прелиминарій, въ такомъ случаѣ подается удобность дѣло скорѣе къ концу привести предварительнымъ безъ всякихъ формалитетовъ рѣшеніемъ главныхъ положеній.

«Дѣлая съ нашей стороны первое предложеніе на *uti possidetis* можно будетъ въ то же время дать примѣтить, что сіе чинится только по общему обыкновенію между примиряющимися державами, обнадеживая въ прочемъ, что на всякіе резонабельные договоры тѣмъ не меньше въ теченіе негоціаціи снисхожденіе показано будетъ, если только на такое откровенное съ нашей стороны предъявленіе, турки съ своей также искренне объявятъ въ чемъ состоитъ ихъ первое желаніе, удовлетворить одержанные нашимъ оружіемъ авантажи для пресѣченія пролитія невинной крови. По семъ татарская независимость долженствуетъ отъ насъ представлена быть, какъ предложеніе sine qua non и когда всѣми удобь возможными средствами оное одержано будетъ, то тогда дѣлать уступку Молдавіи и Валахіи и за оную себѣ выговаривать другіе эквиваленты, какъ то особливо на обмѣнъ за городъ Бендеръ шпагою въ рукахъ и многою кровію взятый городъ Очаковъ, а въ случаѣ крайняго въ томъ упорства, городъ Кинбурнъ, представляя къ убѣжденію турковъ, въ разсужденіи перваго, что имъ Очаковъ, по перемѣнившемуся состоянію татаръ болѣе совсѣмъ не нуженъ, какъ то прежде было, и они на Немировскомъ конгрессѣ возвращенія его отъ насъ для того только и требовали, чтобъ имъ обуздывать своевольство сего народа, да сверхъ того свободное еще по Черному морю кораблеплаваніе и торговлю въ залогъ утвержденія впредь собственнымъ на обѣ стороны интересомъ взаимныхъ подданныхъ добраго согласія, тишины и постояннаго мира между обѣими имперіями.

«Для одержанія сихъ кондицій можно будетъ употребить и средство подкупленія кого либо изъ турецкихъ министровъ, силу и кредитъ къ тому довольно имѣющаго, обѣщая ему еще и всѣ тѣ деньги, которыя отъ Порты при негоціаціи выговорены будутъ между другими Россіи удовлетвореніями, особенно за уступку Молдавіи и Валахіи.

«Здѣсь представляется, по лучшему разумѣнію моему, образъ дѣйствій при рѣшительной высочайшей резолюціи на отступленіе отъ Молдавіи и Валахіи относительно скорѣйшей мирной негоціаціи съ турками, а можетъ быть не безъ вѣроятности, что то же самое приведетъ и вѣнскій дворъ къ смягченію надутой его осанки, когда по обстоятельствамъ и до его свѣдѣнія дойдетъ такое съ нашей стороны поступленіе, ибо тогда князю Кауницу конечно не оста-

нется больше какъ единая персональная его ненависть и зависть къ дѣламъ нашимъ, чѣмъ бы ему ополчать противу насъ свой дворъ».

Императрица согласилась на отказъ отъ требованія независимости Молдавіи и Валахіи, [1]) рѣшено было отправить въ Крымъ для окончательнаго рѣшенія татарскаго дѣла генерала Щербинина и сдѣлать еще одну попытку къ заключенію мира непосредственно съ Портою; [2]) наконецъ, по полученіи из-

[1]) Соловьевъ, 279 сл.; Арх. Гос. Сов. I, 120, 126.

[2]) Собственноручное письмо Екатерины Румянцеву (Гл. Арх. М. И. Д). 17 окт. 1771: „Гр П. А.! рескриптъ сегодня къ вамъ отправленной составленъ по приложенной моей запискѣ врученной мною гр. Панину. Я ее для того здѣсь включаю, что мнѣ кажится изъ нее виднѣе къ чему она составлена, нежели изъ самаго рескрипта; но какъ я не упряма въ своихъ сочиненіе, того для и рескриптъ подписала. Но притомъ вамъ скажю, чтобъ вы - всевозможныя интриги и самую денежную корупцію употребили у нашего непріятеля, не компрометируя однако себя, чтобъ его какъ нибудь склонить и довести до того, чтобъ съ вами вступили въ переговоры о мирѣ; къ сему споспѣшествовать можетъ и то я чаю, естли вы прикажите тому котораго изберете послать къ визирю съ вашимъ письмомъ, словесно отозваться къ кіагѣ или къ кому удобно будетъ, будто самъ собою, что намъ извѣстно колико онѣ желаютъ мира и мы онаго равно желаемъ, и въ томъ положеніе естлибъ онѣ вступили съ вами въ переговоры, тобъ нашли у васъ статься можетъ такія легкости, кои самы онѣ не ожидаютъ, лишь бы переговоры открыты были, къ чему конечно естли у нихъ прямое желанье есть, онѣбъ не ожидали отъ насъ отдаленности...

Приложеніе къ письму: „Примѣрно отвѣтъ гр. Румянцева къ визирю: Какъ визиръ проситъ чтобъ гр. Рю. прилежно старался о всемъ томъ, что до дружеской уваженіи обоихъ имперій касается, онъ гр. Ру. съ своей стороны увѣряетъ, что онъ ничего того изъ вида не выпускаетъ и не выпускалъ, чему служатъ примѣромъ тѣ предложеніи, кои онъ гр. Рю. здѣлалъ прошлаго году послѣ Кагулской баталіи и коихъ онъ съповъ готовъ дѣлать, естлибъ онъ зналъ готовость Порты къ скорѣйшему прекращенію пролитію крови рода человѣческаго, которое благо для обѣихъ имперій т. е. миръ давно бы состоялся уже къ посрамленію общихъ ненавистниковъ, естлибъ о семъ трактовано было съ обѣихъ сторонъ министрами съ того времяни, какъ онъ, гр. Ру. о семъ здѣлалъ предложеніи. Ибо когда два самодержавныя государи изъ любви къ своимъ подданнымъ мира равно желаютъ, тогда долго ли его заключить къ общему удовольствію и со всѣми уваженіями надлежащимъ интересамъ ихъ державъ? Даруй Боже чтобъ вы не избрали дальнѣйшаго пути отъ вашего премета, когда ближно предстоитъ“.

вѣстія о секретномъ трактатѣ Австріи съ Портою, рѣшено увеличить русскій корпусъ въ Польшѣ, „распространить“ союзъ съ Пруссіею и ,,отмѣнивъ прежнія намѣренія Ея Имп. В-ва въ разсужденіи Польши и усмиренія ея“, согласно съ Фридрихомъ ,,обратить на поляковъ собственную ихъ неблагодарность и сдѣлать на счетъ ихъ пристойныя пріобрѣтенія, слѣдуя въ томъ примѣру вѣнскаго двора.“ Но такъ какъ Кауницъ конфиденціально далъ понять Голицыну, что Австрія въ случаѣ раздѣла польскихъ владѣній между Пруссіею и Россіею потребуетъ участія и для себя, то австрійскому правительству отправлено конфиденціальное приглашеніе присоединиться къ раздѣлу, [1]) а въ оффиціальномъ отвѣтѣ на послѣднее заявленіе Кауница сообщено согласіе Россіи отказаться отъ княжествъ за денежное вознагражденіе, согласіе на заключеніе перемирія съ Портою и просьба содѣйствія къ этому Австріи [2]).

Въ сущности австрійское правительство (Іосифъ и Кауницъ) уже ранѣе рѣшило, что главною цѣлью австрійской политики должно быть сохраненіе равновѣсія, т. е. участіе во всякихъ возможныхъ раздѣлахъ, будь это Турціи или Польши. [3]) Приглашеніе Россіи и внушенія Іосифа и Кауница разсѣяли сомнѣнія Маріи Терезіи, —Австрія согласилась на участіе въ раздѣлѣ; [4]) подобно тому, какъ ранѣе Фридрихъ, такъ теперь и Кауницъ ,,получивъ необходимыя объясненія о подробностяхъ и обстоятельствахъ, которыхъ у него до сихъ поръ не было,“ нашелъ русскія мирныя условія (при исключеніи независимости Молдавіи и Валахіи) умѣренными, [5]) и Тугуту предписано было уговорить Порту къ заключенію перемирія и вступленію въ мирные переговоры съ Россіею.

---

[1]) Панинъ Голицыну 5 дек. 1771; Соловьевъ XXVIII, 280 сл ; Мартенсъ, Собраніе трактатовъ Россіи, II, 16 сл.; Beer, Theilung, II, 127 сл.

[2]) Beer. II, 128.

[3]) Ср. Arneth, I, 341 сл. (письмо Іосифа, май 1771); 362 (письмо М. Терезіи); Beer II, и Documente, 178; Соловьевъ; 261 сл.

[4]) Проекты раздѣла (австрійскіе) см. у Beer II, 129 сл.

[5]) Мартенсъ, Собр. трактатовъ II, стр. 18 сл. и № 31.

Задача была не легкая. Въ теченіи всего 1771 года Австрія употребляла всѣ усилія, чтобы поддержать въ Портѣ воинственное настроеніе,—ей указывали на вооруженія Австріи какъ на доказательство ея искренняго намѣренія оказать поддержку Турціи, [1]) и турки возлагали на нее всю надежду. Но Тугутъ очень ловко вышелъ изъ затруднительнаго положенія, а Порта, лишенная поддержки, понятно вынуждена была согласиться. [2]) Перемиріе заключено было въ Журжевѣ; мѣстомъ конгресса назначено мѣстечко Фокшаны.

8. Фокшанскій конгрессъ.

Въ концѣ мая назначенные на конгрессъ русскіе уполномоченные, гр. Г. Г. Орловъ и освобожденный изъ плѣна Обрѣсковъ прибыли въ Фокшаны. Условія, на которыхъ имъ предписано было заключить миръ были, за исключеніемъ отказа отъ Молдавіи и Валахіи, тѣ-же, какія были поставлены въ рескриптѣ гр. А. Г. Орлову, [3]) — имъ предписано настаивать главнымъ образомъ на двухъусловіяхъ: — 1) о признаніи независимости всѣхъ татарскихъ ордъ, обитающихъ на крымскомъ полуостровѣ и внѣ его, и 2) о свободѣ торговли и плаванія по Черному морю. Турецкими уполномоченными назначены были Османъ-Эфенди и Яссини-Заде-Эфенди, проповѣдникъ мечети св. Софіи; они прибыли въ Фокшаны 20 іюня; ихъ сопровождали посланники при Портѣ: австрійскій — Тугутъ, и прусскій — Цегелинъ, разсчитывавшіе принять участіе въ переговорахъ въ качествѣ посредниковъ, но устраненные по требованію русскихъ уполномоченныхъ.

Изъ инструкціи данной Орлову и Обрѣскову видно, что русское правительство надѣялось на поддержку своихъ требованій Австріею и Пруссіею: „объявленіе наше,—говори-

---

[1]) Arneth, I, 329 сл.; Beer II, 245 сл.; Arneth, Gesch. M.-Theresias.

[2]) Beer II, 250 сл.; Соловьевъ, 336; Arneth, Geschichte M.-Theresias VIII, 444 сл. „Ces gens ont agi très sensément, très amicalement, très convenablement“, писалъ Кауницъ 7 іюля.

[3]) См. выше, стр. 155; Соловьевъ, XXVIII, 338 сл. инструкція 21 апр. 1772.

лось въ ней, — оставить всякія требованія на княжество молдавское и волошское, разрѣша скоро сумнѣніе и колебаніе вѣнскаго двора, доставило намъ полное и охотное съ его стороны согласіе на положенныя отъ насъ мирной негоціаціи непремѣнныя основанія и на всѣ другія части требованій нашихъ по онымъ, а въ то-же время и дѣйствительное съ его стороны употребленіе добрыхъ при Портѣ офицій вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ къ склоненію ея на конгрессъ, которыя въ семъ пунктѣ и возымѣли уже желаемое дѣйствіе, да и въ будущемъ трактованіи чаятельно для насъ гораздо полезны будутъ устрашеніемъ турковъ, когда они увидятъ, что австрійцы между тѣмъ въ разсужденіи Польши и раздѣла нѣкоторыхъ ея провинцій составили общее дѣло съ нами и союзникомъ нашимъ, и что изъ онаго родилось весьма тѣсное соединеніе между тремя нашими дворами.“ [1]) Но въ дѣйствительности соединеніе было далеко не такъ тѣсно, какъ это казалось русскому правительству. Уже 6 августа Обрѣсковъ сообщилъ Панину [2]) „примѣчанія на поведеніе министровъ дружескихъ дворовъ.“ Онъ говоритъ: „Берлинскаго поступаетъ во всемъ сколько кажется съ чистосердечіемъ и споспѣшествуетъ, поколику состояніе его дозволяетъ, нашимъ домогательствамъ или лучше сказать нашему твердому настоянію о начальномъ пунктѣ, т. е. о независимости татарской. Вѣнскаго же напротивъ того, оказывается въ семъ пунктѣ не токмо холоднымъ, подъ претекстомъ исключенія его отъ присутствія при публичныхъ конференціяхъ, но чтобъ только безъ погрѣшенія сказать, едвали по сіе время и не поощряетъ турокъ въ неподатности настоять. Можетъ быть сіе дѣлаетъ онъ во ожиданіи разрѣшенія польскихъ дѣлъ, [3]) а турковъ проводитъ какими другими подлогами. И понынѣ сколько примѣчено, что переводчикъ его ежедневно, а иногда и самъ онъ у турецкихъ министровъ бываетъ и чрезъ долгое вре-

[1]) Снош. съ Турціею, Affaires séparées.

[2]) Тамъ-же; при реляціи № 8, тоже въ письмахъ Панину 28 и 31 авг. связ. 6 и 7.

[3]) Тугутъ руководствовался инструкціями отъ 8 (19) іюля.

мя съ ними продерживаются, но онъ намъ ничего не сообщаетъ, а коли что и говоритъ, то болѣе въ подкрѣпленіе турецкаго упрямства въ помянутомъ дѣлѣ о татарахъ. Можетъ быть по полученіи новыхъ повелѣній отъ двора своего, онъ отмѣнитъ свое поведеніе."

Очевидно на дружественныхъ министровъ де бонсъ офисъ особенно полагаться было невозможно; все зависѣло отъ непосредственныхъ переговоровъ. Въ первой конференціи (27 іюля) къ дѣлу не приступали. Началась она обмѣномъ привѣтствій и полномочій; потомъ перешли къ вопросу о посредничествѣ Тугута и Цегелина, [1]) и закончилась конференція чтеніемъ заключеннаго между уполномоченными акта объ отложеніи церемоній и соглашеніемъ о продолженіи перемирія до 10 сентября. [2])—Во 2-й конференціи (30 іюля)

---

[1]) Они требовали участія въ конференціяхъ; требованіе это поддерживали турецкіе уполномоченные, но русскіе отказали. Реляціи русскихъ уполномоченныхъ въ Фокшанахъ, 1772, affaires séparées, связ. 7 и 8,—№ 2, Іюня 5: Прилож. письмо Цегелина 28 Мая: получилъ приказъ короля d'accompagner les ministres ottomans au congrès; № 4 іюля 1: Прилож. письмо Тугута 6 іюля: LL. MM. JJ. et RR. ему поручили de me rendre au congrès, afin d'y remplir l'interposition de Leurs bons offices, tendans à faciliter l'ouvrage salutaire de la reconciliation; № 8 отъ 6 авг. полномочіе туркъ, гдѣ упоминается лишь о примиреніи mediante i buoni uficij delle loro M-ta Jmp-li e del Re di Prussia, facendosi la sessione con i Plenipotenziarij destinati al congresso dalla sopradetta Jmp-l Maj-ta di Russia, e per mezzo dei Ministri Plenipotenziarij destinati dalla parte delle loro prefate Jmp-le M-ta e del Re di Prussia conferendo secondo il costume usato tra le Potenze... Объясняется все это тѣмъ, что когда Австрія сообщила Портѣ о требованіи Россіи, чтобы мирные переговоры велись при добрыхъ услугахъ, а не посредничествѣ Австріи и Пруссіи, то Порта выразила согласіе, чтобы участіе этихъ державъ называлось добрыми услугами, а de facto онѣ играли бы роль посредниковъ (Arneth, I, 338 сл.). Въ ночной конференціи съ 8 на 9 апр. министры Порты объявили Цегелину и Тугуту, что Обрѣсковъ будетъ немедленно освобожденъ, что Порта принимаетъ посредничество подъ названіемъ bons offices и согласна на конгрессъ съ тѣмъ, что министры Австріи и Пруссіи будутъ на мѣстѣ для отправленія добрыхъ услугъ. (Донесеніе Rhodt'a изъ Вѣны отъ 10 апр. IV Prusse, Communications 1771). Ср. Beer, Theilung II, 253.

[2]) Повидимому пышность штата окружавшаго Орлова, привела въ смущеніе Османа-Эфенди, и потому онъ предложилъ отмѣну церемоній.

Орловъ сообщилъ „основанія“ предлагаемыя Россіею для негоціаціи: 1) отнять всѣ способы, раздоръ и неудовольствіе производящіе между обѣими имперіями и установить прочный миръ; 2) получить удовлетвореніе за военные убытки, и 3) „связать узломъ взаимныхъ интересовъ подданныхъ, дабы тѣмъ болѣе каждый собственнымъ своимъ интересомъ побужденъ былъ стараться о сохраненіи тишины и благоденствія обѣихъ имперій“.

Таково было начало негоціаціи. Пока отношенія къ турецкимъ уполномоченнымъ были „наидружественнѣйшія“, [1]) и въ рескриптѣ Орлову и Обрѣскову (отъ 16 авг., въ отвѣтъ на реляцію ихъ отъ 29 іюля) императрица давала полную свою аппробацію производству порученнаго имъ дѣла. Но собственно переговоры еще не начинались,—они открыты были въ 3-й конференціи (1 августа). Здѣсь, на вопросъ,

---

Сама Екатерина признавалась, что у Орлова „свита блестящая и отборная, и мой посолъ не презираетъ великолѣпія и блеска“ (Соловьевъ, XXVIII, 339). Его сборы къ отъѣзду изумили всѣхъ своею пышностью: ему было пожаловано множество драгоцѣнныхъ платьевъ, изъ которыхъ одно, осыпанное брилліантами, стоило милліонъ рублей. Назначенная къ нему свита составляла цѣлый дворъ: тутъ были и маршалы, и камергеры, и пажи. Обозъ посла состоялъ изъ роскошной кухни, великолѣпныхъ придворныхъ экипажей Словомъ, сборы къ путешествію могущественнѣйшаго государя не могли бы обойтись дороже этой командировки временщика. (Словарь Бант.-Каменскаго, IV, 51; Helbig, Russ. Günstlinge, 271).

Реляціи уполномоченныхъ изъ Фокшанъ 1772. Aff. sép. св. 7 и 8, № 6 іюля 24: Прилож. записки турецк. и русск. уполноможенныхъ 22 іюля 1772 объ отставленіи обычнаго излишняго церемоніала какъ при взаимныхъ посѣщеніяхъ, такъ и съѣздахъ въ виду ихъ вредительности для переговоровъ. Приложеніе: записка предложенная Османомъ: 1) продолжить перемиріе „ибо во время путешествія отъ Константинополя до Фокшанъ, принявъ такой трудъ въ самые жаркіе дни при старости лѣтъ нашихъ, чувствуемъ слабость въ тѣлѣ и утомленіе въ разсужденіяхъ нашихъ, приличествовало бы по пріѣздѣ нашемъ и безпосредственномъ отправленіи первыхъ визитъ и обмѣна полномочій наружно нѣсколько покой взять.“ 2) Отказаться отъ всякихъ требованій этикета и церемоніала, дѣлать взаимныя посѣщенія не возбуждая никакого сомнѣнія и не примѣчая, будетъ ли кто въ каретѣ или верхомъ или пѣшкомъ, съ малою или большою свитою и т. п.

[1]) Письмо Обрѣскова къ Румянцеву 29 іюля; тамъ-же, связ. 6.

предложенный русскими турецкимъ уполномоченнымъ, поняли ли они и принимаютъ ли предложенные имъ пункты, они отвѣчали уклончиво „поминутно перемѣняли мысли и изъясненія свои по сему вопросу, то соглашаясь на предложенные пункты, то требуя дальнѣйшихъ по онымъ объясненій... дѣлали нерѣшительныя и отъ существа дѣла отвлекающія возраженія", но въ концѣ концовъ согласились на нихъ и просили приступить къ дальнѣйшему по онымъ разсмотрѣнію дѣлъ. Тогда гр. Орловъ повторя точное содержаніе перваго пункта, сказалъ что на основаніи его предлагаетъ „первую кондицію: понеже исторія и испытанія всѣхъ временъ доказываютъ ясно, что главнѣйшею причиною раздоровъ и кровопролитія между обѣими имперіями были татары, то для истребленія той причины для переду, надлежитъ признать сіи народы независимыми." Турецкіе уполномоченные оспаривали фактъ, будто татары вызывали всѣ столкновенія Турціи съ Россіею. Притомъ Османъ-эф. заявилъ, что это условіе оскорбляетъ честь и законъ магометанскій. Орловъ возражалъ, что Россія по праву завоеванія могла бы присвоить ихъ себѣ или искоренить, но по просьбѣ ихъ даровала имъ вольность и независимость. Послѣ взаимнаго обмѣна мыслей по этому вопросу, при чемъ Османъ выразилъ надежду что «Ея Имп. В-во, сравнивая татарина съ султаномъ не предпочтетъ благополучіе одного правамъ другаго», конференція окончилась ничѣмъ [1]).

Такимъ образомъ, вопреки данной имъ инструкціи, русскіе уполномоченные начали негоціацію прямо съ условія о независимости Крыма и татаръ, т. е. съ самаго труднаго. Обрѣсковъ объясняетъ [2]) причину такого отступленія тѣмъ, что: „мы нашу мирную негоціацію начали симъ, яко самымъ колкимъ дѣломъ въ разсужденіи, что будучи на оное дружескіе и взявшіе на себя бони офиціи дворы согласны, то ежели бы паче чаянія и къ крайнему нашему прискор-

---

[1]) Протоколы 1-й конференціи при реляціи № 7, 2-й и 3-й—при реляціи № 8, въ снош. съ Турціею, affaires séparées, связ. 7 и 8.

[2]) Въ томъ же письмѣ Панину отъ 6 августа.

бію, мирная негоціація успѣха своего не возъимѣла, не могли бы они причитать затрудненіемъ отъ насъ сдѣланнымъ, но ставить тому единою причиною непріятеля нашего, которой имѣлъ уже отъ прусскаго министра подтвердительныя увѣренія, что сія кондиція sine qua non, на конгрессъ пріѣхалъ, а потомъ дѣлаетъ въ соглашеніи затрудненія. Между тѣмъ сіе дѣло стоитъ въ непоколебимомъ состояніи, и невозможно ниже умягчить его,—турецкіе министры связываютъ его по обыкновенію съ закономъ, а посему и невозможно отмѣнену быть самимъ султаномъ.“ Османъ-эффенди пытался уже, оставя этотъ пунктъ въ нерѣшимости, говорить о другихъ, но русскіе послы настаиваютъ на предварительномъ рѣшеніи его, дабы онъ могущій быть разрывъ конгресса не причелъ какой другой причинѣ, и этимъ не подалъ посредникамъ повода обвинять насъ неумѣренными запросами и излишними затрудненіями и изъ того болѣе за Порту интересоваться.

Разъ вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, трудно было ожидать благополучнаго исхода. Дѣйствительно турецкіе уполномоченные стали прибѣгать сначала ко всевозможнымъ „тонкостямъ по ихъ мнѣнію, а по нашему подлостямъ и гнусностямъ“, чтобы признавъ татаръ независимыми, парализовать эту независимость, настаивая напр. на требованіи, чтобы султану представлялось формальное подтвержденіе, конфирмація или апробація этого избранія, другими словами,—чтобы за султаномъ оставлено было право инвеституры избираемыхъ татарами хановъ, [1]) такъ какъ полная независимость ихъ противна мусульманской религіи, и отсту-

[1]) При письмѣ Обрѣскова Панину отъ 10 авг. приложенъ *протоколъ приватной конференціи* пословъ съ Османомъ 8 августа: Османъ предлагалъ *отъ себя* чтобы татары признаны были независимыми, но чтобы за султаномъ оставлено было droit d'approuver ou plustôt de consentir à l'élection de chaque nouveau chan sans pouvoir ni empecher son élection ni de le déposer une fois il seroit élu. Онъ же будетъ посылать новонзбранному регаліи. Обр. допускаетъ лишь нотификацію султану наравнѣ съ другими державами о выборѣ того или другаго хана, такъ какъ императрица обѣщала имъ полную независимость. Конференція кончилась ничѣмъ. См. письмо Румянцеву 10 августа.

пленіе отъ требованій Порты было бы закону ихъ совсѣмъ противно, и будто потому не только для нихъ, но и самого султана невозможное. Но, по мнѣнію Обрѣскова, это было ничто иное, какъ одно ухищреніе и подлогъ съ цѣлью „истребить все то, что бы о вольности и независимости татаръ ни постановилось, предоставленіемъ султану власти вольное избраніе хановъ конфирмовать, что (по его мнѣнію) то же самое, что давать инвеституру. Согласиться на такое требованіе конфирмаціи главы татарской націи другимъ государемъ было бы равнозначительно оставленію татаръ въ прежней турецкой зависимости и противно требуемой императрицею совершенной вольности ихъ.“ [1]) Уже письмами отъ 10 августа Обрѣсковъ сообщалъ, что отсюда легко можетъ случиться разрывъ конгресса, и что турки дѣлаютъ даже нѣкоторыя оказательства къ этому. Такъ какъ на всѣ „увертки и гнусности“ турецкихъ уполномоченныхъ русскіе «смотрѣли съ презрѣніемъ и держались имъ предписаннаго», то 17 августа, всего послѣ четырехъ конференцій, турки объявили конгрессъ разорваннымъ и потребовали отпуска, [2]) а 28 августа и дѣйствительно выѣхали изъ Фокшанъ [3]).

Обрѣсковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ письмахъ Румянцеву [4]) послѣдніе переговоры съ турками: Въ конференціяхъ съ турками много рѣчей, или лучше сказать пустословія, а существительнаго ничего; турки настаиваютъ на своемъ требованіи (confirmation или aprobation или consentement или acquiescement или agrement) нераздѣльно связанномъ съ вѣрою ихъ. Имъ было отказано: тогда они заявили, что бывшее въ ихъ мѣшкѣ все уже вытрясено и они ничего къ тому прибавить не могутъ, а какъ и мы также отъ нашего требованія отступить не можемъ, то и быть имъ болѣе здѣсь не для чего и просятъ о скорѣйшемъ ихъ возвратномъ отправ-

[1]) Письма Панину и Румянцеву отъ 10 августа тамъ же связ. 6 и 7.

[2]) Письма Обрѣскова Панину 18 и 19 августа тамъ же.

[3]) См. въ приложеніи 45 извлеченія изъ письма Обрѣскова 19 августа, изъ протокола 4 конференціи и русскіе ультиматумъ и примѣрный артикулъ.

[4]) 12, 15, 19 и 23 авг.; тамъ-же связ. 6.

леніи. Но потомъ стали снова изъ пустаго въ порожнее переливать. Наконецъ гр. Орловъ сказалъ, что въ рѣчахъ могутъ быть недоразумѣнія, и предложилъ лучше положить примѣромъ на бумагѣ обвѣщеніе ханское о избраніи своемъ султану, и на оное послѣдняго къ первому отвѣтъ, что и мы съ своей стороны сдѣлаемъ, и слича ихъ вмѣстѣ, увидимъ толь наилучше, въ чемъ разнствуемъ, и что можно будетъ поправить, то взаимно поправимъ, не доводя дѣла до крайности. Сперва Османъ сквозь зубы сказалъ было свою податливость, но затѣмъ подъ весьма пустымъ подлогомъ извинился, а потомъ говоря, что требованіе вновь избраннымъ ханомъ апробаціи султанской касается только до пункта вѣры, а не до политическаго состоянія, а на убѣдительные наши доводы, что та апробація и до всего распространиться можетъ, сказалъ онъ: когда трактатомъ предѣлы ея точно положатся, то оная и никакихъ опасныхъ слѣдствій имѣть уже не возможетъ. Отсюда Обрѣсковъ взялъ случай потребовать у него письменнаго проекта на артикулъ, касающійся до независимости татарской, обѣщая съ своей стороны взаимствовать и оныя сличать и поколику возможности дозволятъ, въ согласіе приводить; на что онъ отвѣчалъ, что подумавши оной мнѣ пришлетъ, а между тѣмъ прислалъ реэстръ потребнымъ для него лошадямъ, телѣгамъ и провизіи. Впрочемъ потомъ, (13 августа) Османъ прислалъ проэктъ артикула, но такой перепутанный и разными недоразумѣніями и противорѣчіями наполненный, что изъ него ничего основательнаго вывести не можно, кромѣ одного того, что на такомъ основаніи татары остались бы точно въ томъже состояніи и въ той-же отъ Порты зависимости, въ какой были до начала войны. „Артикулъ этотъ, составляющій турецкій ультиматъ изъ ультиматовъ какъ бы на смѣхъ составленъ прямо противно всему, что о семъ дѣлѣ говорено было“. Русскіе отвѣтили контръ-проэктомъ, и запискою министрамъ дружественныхъ дворовъ (17 августа), но турки продолжали требовать отпуска. Обрѣсковъ употребилъ всѣ старанія удержать ихъ хотя до окончанія перемирія, но 22

августа Османъ получилъ отъ визиря формальный отзывъ и приказъ ѣхать въ Рущукъ.

Разрывъ конгресса долженъ былъ конечно произвести крайне непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Въ отвѣтъ на письмо Обрѣскова отъ 6 августа, Панинъ письмомъ отъ 24 августа извѣщалъ о шведскомъ переворотѣ, а такъ какъ это событіе могло увеличить трудности въ мирныхъ переговорахъ, то онъ конфиденціально сообщаетъ свое мнѣніе по вопросу о независимости татаръ. „Теперь настоитъ,—говоритъ онъ, та критическая и деликатнѣйшая средина времени, въ которую менѣе всего удобно преклонить турокъ на согласіе въ семъ важнѣйшемъ для насъ пунктѣ, такъ какъ ихъ упорство увеличится вслѣдствіе шведскаго переворота. Поэтому лучше отложить этотъ пунктъ къ концу негоціаціи, тѣмъ болѣе, что къ тому времени и Тугутъ получитъ повелѣніе подкрѣпить наше требованіе". [1]) Но было уже поздно. Въ самый день написанія этого письма Орловъ уже выѣхалъ въ Яссы, и оттуда въ Петербургъ, а 28 выѣхали изъ Фокшанъ и турецкіе уполномоченные. Разрывъ конгресса пришелся въ самое тяжелое для Россіи время. Румянцевъ жаловался на недостатки въ организаціи арміи, на болѣзни, финансовое положеніе Россіи было самое плачевное [2]). Панинъ конечно сознавалъ необходимость для Россіи мира, и этимъ, въ связи конечно съ его личною враждою къ Орлову, [3]) объясняется то обстоятельство, что всю вину онъ свалилъ на „бѣшенство и колобродство" Орлова [4]). Мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія объ Орловѣ Екатерины. [5]). Мы полагаемъ даже, что назначеніе его уполномоченнымъ на конгрессъ было ошибкою со стороны Екатерины,—даже если раздѣлять ея мнѣніе объ Орловѣ, то онъ уже по характеру своему,

---

[1]) Депеша къ гр. Орлову и Обрѣскову 1772 г., affaires séparées, связ. 5; читана въ засѣданіи Совѣта 27 августа

[2]) Соловьевъ XXVIII, 307 сл., 316, 337, 343 сл.

[3]) Рус. Арх. 1873, № 2, стр. 86, 90.

[4]) См. письмо его Обрескову отъ 4 сент. 1772 Приложеніе 45-е. Съ пропусками у Соловьева XXVIII, 341 сл.

[5]) Соловьевъ XXVIII, 339.

какъ его описываетъ императрица, никакъ не былъ пригоденъ для роли негоціатора на конгрессѣ; [1]) притомъ онъ былъ непригоденъ для этого и потому, что мирные переговоры съ турками слишкомъ рѣзко противорѣчили его воинственнымъ порывамъ къ Константинополю. [2]) На Орлова конечно падаетъ значительная доля [3]) отвѣтственности за разрывъ конгресса,—есть данныя утверждать, что ему сообщено было о томъ, что Екатерина приблизила къ себѣ Васильчикова, и что опасаясь утратить свое вліяніе, особенно при завѣдомомъ нерасположеніи къ нему Панина и Павла Петровича, онъ не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній уѣхалъ въ Петербургъ. [4]).

Но не слѣдуетъ все-таки всю вину возлагать на Орлова,—можно было, конечно, избѣжать преждевременнаго разрыва конгресса, но не достигнуть благополучнаго исхода его, — помимо собственнаго нежеланія Порты согласиться на признаніе независимости татаръ, на ея упорство имѣли вліяніе конечно и постороннія внушенія и событія. Сюда относятся подстрекательства Франціи и надежда на объявленіе Россіи войны Швеціею, и наконецъ даже поведеніе Австріи и ея

---

[1]) Къ тому-же и Османъ отличался высокомѣріемъ и запосчивостію (см. письма Обрѣскова Панину и Румянцеву).

[2]) Онъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ пользу похода на Константинополь.

[3]) А. П. Барсуковъ въ своей біографіи Орлова (Рус. Арх. 1873, № 2, стр. 83, 90 сл.) старается оправдать его и доказать, что не онъ былъ причиною разрыва конгресса пот. что онъ уѣхалъ изъ Фокшанъ 18 августа, а изъ Яссъ послѣ 21-го, слѣд. онъ не спѣшилъ въ Петербургъ. Но Орловъ выѣхалъ изъ Фокшанъ не 18-го, а 24 го августа, а въ началѣ сентября онъ былъ уже въ Гатчинѣ; см. Сб. Р. Ист. Об. XIX депеши Гуннинга за сентябрь 1772 г. №№ 148—151 и 155, стр. 314 сл. и 327 сл.; La Cour de Russie il y a cent ans, Extraits de dépêches, 3 éd., p. 267 274.

[4]) Рус. Арх. 1873, № 2, стр. 84 сл. (депеша Сольмса); А. П. Барсуковъ на основаніи свидѣтельства Сольмса говоритъ, что Екатерина *одобрила* отъѣздъ Орлова съ конгресса (тамъ-же, стр. 83 и 90) но изъ документовъ М. Гл. Архива этого не видно (см ниже). Правда, что въ запискѣ, писанной вѣроятно *одному изъ Орловыхъ*, Екатерина въ числѣ *пунктовъ примиренія* съ гр. Гр. Гр-чемъ соглашается: 1) все прошедшее предать забвенію; 2) неуспѣхъ конгресса не приписывать Орлову и т. д. (Тамъ-же, 97).

представителя—Тугута. По свидѣтельству Обрѣскова, онъ до конца поступалъ очень холодно в своихъ добрыхъ оффиціяхъ и совершенно индифферентно относился къ негоціаціи [1]).

Такое поведеніе Тугута объясняется политикою Австріи. Склоняя Порту къ открытію мирныхъ переговоровъ съ Россіею, австрійское правительство объяснило ей, что оно исполнило принятое имъ на себя въ силу конвенціи 6 іюля обязательство стараться доставить султану приличный миръ, —оно поставило значительными издержками свои войска на военное положеніе, говорило грознымъ тономъ съ Россіею и Пруссіею и добилось отказа Россіи отъ Княжествъ; но объявить войну Россіи ему невозможно, такъ какъ этимъ Австрія навлекла бы на себя еще войну съ Пруссіею. На это заявленіе Порта отвѣчала, что султанъ услыхалъ объ немъ съ тяжкою грустью, ибо до сихъ поръ помощь Австріи была основаніемъ всѣхъ его надеждъ; но онъ не желаетъ требовать невозможнаго отъ вѣнскаго двора, и потому добровольно отказывается отъ всѣхъ выгодъ, обѣщанныхъ ему конвенціею. Если благодаря содѣйствію Австріи на конгрессѣ, получится миръ, по которому княжества и татары возвратятся подъ власть султана и Порта получитъ выговоренное въ 5-й статьѣ конвенціи, то султанъ будетъ считать себя обязаннымъ выполнить всѣ ея условія; если же Россія не склонится къ такому миру, то конвенція рушится сама собою, только султанъ не будетъ требовать возвращенія заплаченныхъ уже Австріи 3 милл. піастровъ [2]). – Такимъ образомъ не въ интересахъ Австріи было хлопотать за уступку Порты въ вопросѣ о татарахъ. Притомъ въ то время не было еще закончено соглашеніе о польскомъ раздѣлѣ. Обрѣсковъ и Панинъ возлагали надежды на новыя инструкціи Тугуту; но и эти надежды не вполнѣ оправдались.

Въ самый день подписанія конвенціи объ участіи Австріи въ раздѣлѣ Польши (25 іюля 1772 г.), въ силу которой Австрія обязывалась между прочимъ (ст. 4) „искренно содѣй-

[1]) Обрѣсковъ Панину, Орлову и Румянцеву 28 и 31 авг. 1772, affaires séparees связ. 5, 6 и 7.

[2]) Соловьевъ, XXVIII, 335 сл. (Mar. Theresias letzte Reg.-Zeit, II,

ствовать достиженію желаемаго успѣха въ переговорахъ на конгрессѣ, согласно (consequemment) дружескимъ услугамъ, къ которымъ она обязалась въ отношеніи обѣихъ воюющихъ сторонъ,"—[1]) кн. Лобковичу вручена была „конфиденціальная декларація," въ которой императрица требовала „формальнаго и удовлетворительного отвѣта" на вопросъ: будетъ ли австрійскій уполномоченный на мирномъ конгрессѣ поддерживать условія мира, предложенныя Россіею, и въ случаѣ непринятія Портою русскаго ультиматума, пригрозить ей отказомъ отъ всякаго посредничества, предоставляя туркъ ихъ собственной судьбѣ? На этотъ вопросъ послѣдовалъ 31 августа отвѣтъ, въ которомъ обѣщано было снабдить Тугута декларацiею для Порты, согласною съ желаніями Россіи. [2]) Австрійское правительство дѣйствительно исполнило свое обѣщаніе: Обрѣсковъ сообщалъ, что уже по разрывѣ конгресса и при самомъ отъѣздѣ турецкихъ уполномоченныхъ изъ Фокшанъ, Тугутъ получилъ „копію съ декларацiи его двора сообщенной нашему относительно добрыхъ его офицій въ нашей негоціаціи, и повелѣніе въ случаѣ на ультиматъ нашъ непреодолимой Порты упорности, угрожающей разорвать мирный конгрессъ, объявить, что дворъ его совсѣмъ отречется отъ добрыхъ офицій, не приметъ никакого участія и оставитъ рѣшеніе дѣла жребію оружія. Сначала Тугутъ полагалъ излишнимъ дѣлать туркамъ это заявленіе, такъ какъ конгресъ уже разорванъ и оное сдѣлать предписано только въ случаѣ ультимата всѣхъ трактата артикуловъ, а понынѣ только за однимъ дѣло стало, но Обрѣскову съ Цегелиномъ удалось склонить Тугута на оный поступокъ, который онъ сдѣлать и обѣщался, отобравъ у Обрѣскова записку послѣдняго его мнѣнія, состоящую въ томъ, что если Османъ приметъ и подпишетъ артикулъ о вольности и совершенной татарской независимости, сообщенный ему чрезъ посредниковъ, то конгрессъ можетъ возобновиться. Обрѣсковъ настаивалъ на этомъ не столько въ надеждѣ на успѣ-

[1]) Мартенсъ, Собр. трактатовъ II, № 31 стр. 23 сл. 28.
[2]) Тамъ-же, стр. 33 сл.

хъ (для Порты независимость татаръ дѣло нетерпимое), сколько для отнятія у Порты надежды на Австрію.

Съ разрывомъ конгресса, въ Совѣтѣ, по предложенію Панина, рѣшено было [1]) отправить Румянцеву приказаніе, чтобы онъ написалъ великому визирю, изъявляя сожалѣніе о разрывѣ турецкими уполномоченными конгресса и предложилъ возобновленіе переговоровъ, но чтобы въ то-же время постарался нанести туркамъ новый ударъ утвержденіемъ хотя небольшаго корпуса войскъ на правомъ берегу Дуная. „Еслибы,—предлагалъ Панинъ,—все это не повело къ миру, а началась еще шведская война, то надобно прибѣгнуть къ предложенной уже прежде мною крайней мѣрѣ, т. е. опустошивъ Молдавію и Валахію, забрать оттуда всѣхъ жителей въ русскія границы.“ Совѣтъ согласился. Орлову отправленъ былъ рескриптъ, въ которомъ оставлялось ему на волю, если онъ находится еще въ Яссахъ, при фельдмаршалѣ, продолжать порученные ему переговоры по ихъ возобновленіи, а между тѣмъ употребить себя въ арміи подъ предводительствомъ гр. Румянцева. „Здѣсь конечно разумѣлся новый ударъ туркамъ переходомъ черезъ Дунай,“—замѣчаетъ Соловьевъ,—но Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Новаго удара не пришлось наносить. Великій визирь измѣнилъ свои намѣренія. 7 сентября Румянцевъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ визирь „между разными нескладными затѣями и напраслинами (напр. будто причиною разрыва конгресса отъѣздъ гр. Гр. Гр. Орлова) оказываетъ нѣкоторый жаръ мирную негосіацію видѣть восчатою, представляя къ сему спасительному дѣлу свое персональное содѣйствованіе съ Румянцовымъ, или-же вновь избраніемъ полномочныхъ, и чтобъ конгрессъ былъ въ Бухарестѣ, требуя притомъ продолженія перемирія на 6 мѣсяцевъ; но за всѣмъ симъ, елико касается до независимости татарской, то неотмѣнно и непоколебимо стоитъ при прежнихъ объявленіяхъ и протестаціяхъ, что сіе Портою, яко закону противное принято никогда быть не можетъ.“ Румянцевъ воспользовался

---

1) Засѣданіе 1 сент. 1772 Арх. Г. Сов. I, 197

этимъ случаемъ и началъ переговорами о перемиріи, на первый разъ до 20 октября, чтобы тѣмъ временемъ успѣть снестись съ Петербургомъ. [1]).

Въ Петербургѣ, конечно съ радостію приняли извѣстіе о склонности турокъ къ миру. Уже рескриптомъ отъ 4 Сентября, Обрѣскову приказано было остаться при Румянцевѣ и на случай возобновленія переговоровъ съ турками вступить въ негоціацію въ качествѣ уполномоченнаго отъ Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ новый рескриптъ ему отъ 21 сентября [2]), съ приказомъ на обратномъ отъ конгресса пути ,,немедленно и прямо отправляться вспять къ главный квартирѣ гр. Румянцева и оставаться тамъ безотлучно для неукоснительнаго на мѣстѣ возобновленія мирной негоціаціи, если турки на то согласятся по поводу чинимаго о томъ къ верх. везирю отзыва"; на это можно надѣяться потому, что судя по донесеніямъ самого Обрѣскова и Орлова ,,турецкіе уполномоченные дѣйствительно уступали въ существѣ татарскаго дѣла, упорствуя только въ одержаніи нѣкоего рода инвеституры отъ султана повонзбираемымъ ханамъ; ибо они въ прочемъ предъявляли всякую готовость постановить и опредѣлить ей въ трактатѣ точные, ясные и неотмѣнные предѣлы для обезпеченія самой вольности и независимости. Правда, послѣ того, и предъ самымъ уже разрывомъ конгресса, напуталъ Османъ-Эфендій въ проектованномъ своемъ о татарахъ артикулѣ много разныхъ и весьма уже прихотливыхъ положеній: но думать надобно, чтобъ онъ отъ оныхъ въ продолженіе негоціаціи безъ затрудненія отсталъ, удовольствовавшись только употребить ихъ степенями и цѣною послѣдняго своего снисхожденія, по общему въ таковыхъ случаяхъ обычаю и примѣру всѣхъ негоціаторовъ. По крайней мѣрѣ можно полагать, что еслибъ съ нашей стороны и другія требованія всѣ предписаннымъ порядкомъ и образомъ предъявлены, очищены и позволенными въ нихъ многими и важными уступками въ замѣну и равновѣсіе главному предмету пос-

[1]) Обресковъ Панину 8 сент. 1772 (связ. 7.)
[2]) Affaires séparées, связ. 1 и 8.

тавлены были, то и не осмѣлился бы Османъ-эф. разорвать конгресса отъѣздомъ своимъ, а сталъ бы развѣ требовать только времени на полученіе отъ Порты ближайшихъ и рѣшительнѣйшихъ повелѣній. Дозволеніе такой отсрочки не было бы и для нашихъ дѣлъ вредно: ибо тѣмъ выгралось бы время сообразить положеніе оныхъ на конгресъ съ положеніемъ всѣхъ другихъ и на общемъ результатѣ политическаго опредѣленія каждой части въ согласной и твердой связи разныхъ государственныхъ нуждъ, расположить послѣднія наши мѣры и границы въ мирныхъ договорахъ.

„Но теперь, когда уже дѣло сдѣлано, остается только помышлять о скорѣйшемъ и лучшемъ поправленіи упущеннаго, тѣмъ болѣе что инако дѣла имперіи будутъ находиться въ самомъ важномъ и нѣжномъ кризисѣ, какого со временъ императора Петра I для Россіи не настояло. Съ одной стороны, если не ускорить миръ, война съ Портою вновь загорится вопреки истиннымъ склонностями обѣихъ державъ можетъ быть съ большимъ жаромъ и усиліемъ нежели до сего было, по причинѣ удаленной къ миру надежды и умноженія нашихъ заботъ отъ Швеціи; съ другой стороны и безъ того уже весьма сумнительные и опасные аспекты отъ сего сосѣда, обуздываемые по сю пору вѣроятностью скораго у насъ мира съ Портою, получатъ вящее себѣ приращеніе, а можетъ быть возмогутъ уже подвигнуть молодаго короля и на дѣйствительныя непріятельства, когда онъ узнаетъ, что съ разрывомъ конгресса кончилась безповоротно мирная негоціація и всякая къ миру надежда по крайней мѣрѣ на будущій годъ; съ третьей стороны, испорченное дѣло съ Крымскими татарами затрудняетъ теперь производимую въ крыму негоціацію и содержитъ еще духи татарскіе въ нерѣшимости и волненіи, открывая сверхъ того осязательнымъ образомъ, что татара не познаютъ и не чувствуютъ ни нашего имъ благодѣянія, ни цѣны даруемой имъ вольности и независимости, но паче привыкнувъ къ власти и игу Порты Отоманской, желаютъ внутренно подъ оные возвратиться буди не всѣ вообще, то по послѣдней мѣрѣ и лучшіе изъ нихъ съ однимъ только равнодушіемъ на то взираютъ. Страхъ

одинъ нашего присутственнаго оружія удерживаетъ первыхъ отъ явнаго и дѣйствительнаго въ томъ поползновенія.

„При сихъ трехъ толикія важности предметахъ политику и интересы наши озабочивающихъ, не можемъ мы равномѣрно выпускать еще изъ виду и бдѣнія нашего Польши и развращенныхъ ея дѣлъ. Хотя соглашеніе наше съ вѣнскимъ и берлинскимъ дворами о раздѣлѣ нѣкоторыхъ польскихъ земель вслѣдствіе конвенціи на сихъ дняхъ и исполнилось, слѣдовательно же симъ способомъ возмутительскія толпы всѣ въ конецъ разсыпаны и истреблены будутъ... однакоже доколѣ война наша съ Портою продолжится, а въ ней натурально настоять будетъ корень къ новымъ непредвидимымъ случаямъ и къ повсемѣстной по тому заботѣ другихъ дворовъ, по разнымъ каждаго сопряженіямъ и интересамъ, особливоже вѣнскаго въ разсужденіи его по толь ближнему сосѣдству съ воюющими державами существительной политики, до тѣхъ поръ нельзя навѣрное полагать, чтобъ раздѣлъ Польши, а наипаче внутреннія ея безпокойства не могли еще опять сдѣлаться виною новыхъ недоразумѣній, новыхъ заботъ и новыхъ хлопотъ.—Не трудно вамъ будетъ сдѣлать по всему вышеписанному точное заключеніе, колико для Россіи миръ нуженъ и коль велику услугу можете вы оказать намъ и отечеству чрезъ дѣйствительное онаго одержаніе при возобновляемой мирной негоціаціи“.... Предписывается осторожность и не доводить негоціаціи до новаго разрыва, но не показывая излишнее исканіе, чтобы не вызвать упорства турокъ. Инструкція, данная для фокшанскаго конгресса остается въ силѣ. Она „изображаетъ весьма подробно какъ порядокъ, коимъ мы по довольномъ размышленіи желали, чтобы негоціація открыта и ведена была, такъ и степени уступокъ нашихъ по разнымъ артикуламъ, которыми предоставляли мы искусству и прозорливости пользоваться къ сближенію встрѣчающихся прекословій и къ замѣнѣ одной уступки другою, дабы тѣмъ способомъ облегчить къ концу по возможности главный предметъ желаній нашихъ. Мы увѣряемъ себя теперь и болѣе еще, что сей родъ негоцированія приличествуетъ настоящему случаю, а

потому и желаемъ, чтобъ вы оный при новомъ съѣздѣ дѣйствительно употребили, стараясь прежде всего убѣдить турковъ въ истинѣ и справедливости положенныхъ отъ насъ основаній, а затѣмъ уже проходить порознь одно по другомъ производимыя отъ сихъ основаній частныя требованія, чтобъ уступкою въ одномъ облегчать одержаніе желаемаго въ другомъ. Еслибъ однакожъ турки захотѣли непремѣнно начать переговоры съ того мѣста, гдѣ оныя на Фокшанскомъ конгрессѣ прервались, т. е. артикуломъ о татарахъ, не возбраняемъ мы вамъ по необходимости уже поступить и на сіе ихъ желаніе, тѣмъ болѣе, что не отъ нихъ, а съ нашей стороны предписанный въ инструкціи порядокъ отмѣненъ былъ. Повидимому „султанъ въ самомъ дѣлѣ лучше хочетъ подвергнуться неудобствамъ и опасностямъ новой войны, чѣмъ при объявленіи татаръ вольнымъ и независимымъ народомъ пресѣчь всякое съ ними и наружное сопряженіе вопреки правиламъ магометанскаго закона, и тѣмъ поднять на себя гидру народнаго суевѣрія. Уважая потому съ одной стороны крайнюю претительность султана, а съ другой настоящій кризисъ дѣлъ, а также и самую двоякость, непостоянство и ненадежность татаръ, съ коими начатая въ Крыму негоціація встрѣчаетъ теперь безконечныя трудности и препоны, лучше и выгоднѣе рѣшительное о татарахъ положеніе сообразить ближе съ вышеозначенными уваженіями и впользу оныхъ обратить толь сильное Порты домогательство о сохраненіи ей нѣкотораго рода инвеституры надъ новыми крымскими ханами“. Поэтому если турки согласятся на всѣ другія наши требованія, то „можно согласиться напослѣдокъ на требуемое отъ Порты испрашиваніе каждымъ новымъ крымскимъ ханомъ соизволенія султанскаго на выборъ его по правиламъ магометанскаго закона, слѣдовательно-же и нѣкотораго ему отъ Порты въ семъ достоинствѣ признанія и дозволенія по тѣмъ-же самымъ правиламъ.“ Во избѣжаніе недоразумѣнія и двоякости „повторимъ здѣсь въ протоколѣ послѣдней вашей конференціи записанныя слова Османа ефендія: «les tartares seront entièrement libres, toutes les fois que l'élection des chans, l'administration de la justice et des

affaires politiques tant au dedans qu'au dehors, en un mot tout l'employ et toute la disposition non seulement du Corps et du Bien de chaque particulier, mais de l'Etat ne dépendra absolument que d'eux et de celui qu'eux mêmes éliront pour leur Chan, lequel chan dès le moment de son élection devient leur Souverain et ne peut être deposé par personne; tout ceci nous l'accordons, le Gr. S-gnr ne pourra desapprouver l'election d'un Chan» etc. Нѣжность и важность дѣла требуютъ, чтобъ всѣ сіи подробности ясно, точно и именно оглавлены и означены были въ соглашенномъ о татарахъ артикулѣ мирнаго трактата, дабы послѣ къ изъятіямъ и превратнымъ толкованіямъ нималѣйшаго повода настоять не могло... Но не инако однакожъ хотѣли мы согласиться на требованіе турковъ въ разсужденіи *наружнаго* татарскимъ ханамъ подтвержденія, какъ съ выговореніемъ и полученіемъ для себя отъ нихъ въ справедливую замѣну другихъ для насъ нужныхъ и существительныхъ выгодъ.

„Пускай въ мирномъ трактатѣ постановлена и утверждена будетъ на вѣчныя времена уступка Имперіи нашей требуемыхъ нами въ крымскомъ полуостровѣ мѣстъ — Керчи и Еникале... купно съ ауторизаціею ручательства нашего вольности и независимости татарскаго народа, (причемъ можно присоединить обоюдное обязательство не держать въ крымскихъ городахъ гарнизоновъ и войскъ). Предоставляя туркамъ въ равновѣсную оному цѣну важную нашу уступку въ пунктѣ инвеституры, слѣдуетъ убѣдить ихъ въ крайней для насъ необходимости имѣть въ нашихъ рукахъ достаточные способы къ надежному обузданію татаръ, подобно какъ Порта въ уздѣ на нихъ имѣетъ крѣпости Очаковскою и Кинбурнскую.

„Вы найдете сами въ себѣ и въ инструкціи нашей много другихъ побужденій и доводовъ въ пользу сего нашего требованія, а особливо отъ пункта взаимной между обѣими имперіями торговли, которая донынѣ завистію другихъ дворовъ и исключительною ихъ комерціею въ конецъ угнетаема была, вмѣсто того, что оная будучи въ свободу поставлена, можетъ послужить не только къ обогащенію взаимныхъ подданныхъ, но и къ вкорененію между обѣими имперіями такихъ

равной пользы политическихъ узловъ, кои для нихъ впредъ сохраненіе мира драгоцѣннѣе дѣлать будутъ, нежели какъ оно по сю пору бывало, по недостатку всякой связи во взаимныхъ интересахъ ихъ подданныхъ. "(Для достиженія главнаго пункта разрѣшаются уступки по другимъ.)

Въ черновомъ отпускѣ рескрипта зачеркнуто слѣдующее: „Въ отличную услугу вмѣнимъ мы вамъ, естьли предуспѣете вы съ одержаніемъ для насъ Керчи и Еникаля выговорить еще и то, чтобъ турецкія военныя суда по здѣшнему берегу Чернаго моря не могли плавать далѣе Очакова, а по крайней мѣрѣ не ходили въ крымскія воды, ни въ Азовское море, развѣ Турки съ своей стороны позволятъ нашимъ не только торговымъ, но и военнымъ судамъ свободной проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое и Средиземное."

Итакъ на будущемъ конгрессѣ Обрѣскову предстояло три главныхъ задачи: о признаніи Портою независимости татаръ, объ оступкѣ Керчи и Еникале и о свободѣ русскаго судоходства и торговли; но по этимъ же вопросамъ въ это время шли уже переговоры помимо Порты между русскимъ правительствомъ и татарами.

9. Переговоры съ татарами о независимости ихъ и объ уступкѣ Россіи крѣпостей.

Требованіе русскаго правительства объ уступкѣ Портою Россіи крымскихъ крѣпостей—Еникале и Керчи, помимо связи своей съ требованіемъ признанія независимости татаръ подъ протекціею Россіи, тѣсно связано по своему происхожденію съ условіемъ о свободѣ русскаго судоходства и торговли въ Черномъ морѣ.

Во время войны окончившейся миромъ 1739 г. у насъ была флотилія въ Азовскомъ морѣ. Имѣнно въ Воронежѣ, на верфяхъ (въ Павловѣ, Тавровѣ и на Икорцѣ) устроенныхъ еще при Петрѣ В. съ 1723, и потомъ, особенно съ 1731 года, постоянно содержались на готовѣ и строились вновь гале-

ры и другія, болѣе мелкія суда; [1]) во время войны эти мелкія суда имѣли нѣсколько незначительныхъ стычекъ съ турецкимъ флотомъ въ Азовскомъ морѣ, а галеры главнымъ образомъ служили для подвоза провіанта нашимъ войскамъ, и подъ Азовомъ [2]). Дѣло въ томъ, что галеры не могли выходить въ море по мелководію устьевъ Дона. [3]). Поэтому, въ 1738 г. осмотрѣнъ Таганрогъ, въ видахъ возобновленія тамъ порта для укрытія военныхъ судовъ и для коммерціи, но портъ этотъ въ его тогдашнемъ видѣ оказался и мелководнымъ и неудобнымъ, и такъ какъ не предвидѣлось возможности установить коммерцію съ Константинополемъ, то нашли, что дѣлать расходы на расчистку его не стоитъ. [4]). Послѣ войны, съ 1741 г. наши верфи на Дону были заброшены. [5]). Съ возобновленіемъ при Екатеринѣ II вопроса о судоходствѣ въ Черномъ морѣ, по случаю войны съ Турціею, понятно, пришлось озаботиться пріисканіемъ удобной верфи для постройки не только мелкихъ судовъ и галеръ, но и большихъ морскихъ судовъ кораблей и фрегатовъ. Изъ документовъ, собранныхъ въ капитальномъ изданіи нашего Морского Министерства, именно въ VI т. Матеріаловъ для исторіи русскаго флота, собранныхъ г. Ѳ. Веселаго, мы видимъ съ какимъ горячимъ интересомъ отнеслась къ вопросу объ устройствѣ морской азовской флотиліи императрица Екатерина II и какого энергичнаго и преданнаго этой идеѣ исполнителя она нашла въ лицѣ вице-адмирала А. Н. Сенявина. [6]). Нужно отдать справедливость его энергіи. Когда въ концѣ 1768 г. „вслѣдствіе соизволенія императрицы имѣть на Азовскомъ морѣ суда, каковыя бы во всякое время могли быть годными въ военныя дѣйствія противъ тамошнихъ флотовъ“ [7]), рѣшено было возобновить азовскую флотилію, то Сенявинъ

---

[1]) Матеріалы для ист. рус. флота, VI, № № 36, 39 сл; 66, 256 и др.
[2]) Тамъ-же, VI, № № 94, 177 и др.
[3]) Тамъ-же, VI, № № 177, 179, и др.
[4]) Тамъ-же, VI, № 219 сл.
[5]) Тамъ-же, № № 275 и др.
[6]) Ср. также Арх. Г. Сов. I, 333—356.
[7]) Мат. для ист. рус. флота, VI, стр. 258 прим. къ № 259.

не могъ указать иныхъ мѣстъ для постройки ея, какъ заброшенныя, полуразрушившіяся старыя верфи въ Тавровѣ, Павловскѣ и на Инорцѣ. [1]). Но строить здѣсь суда годныя для плаванія въ морѣ было невозможно, вслѣдствіе мелководья устьевъ Дона, препятствовавшаго сплавленію судовъ въ море. Тогда (въ ноябрѣ 1769 г.) рѣшено было отдать Таганрогскую гавань въ вѣдомство Сенявина „съ тѣмъ, чтобъ онъ ее поставилъ въ такое состояніе, дабы она могла служить какъ убѣжищемъсудамъ,такъ и для построенія оныхъ.“ [2]). Это было необходимо потому, что, какъ заявила императрица Совѣту [3])—„главный предметъ будущаго (1770) года, на Азовскомъ морѣ, кажется быть долженъ для закрытія новозаведенныхъ крѣпостей (Азова и Таганрога), и чтобъ сдѣлать нападеніе на Керчь и Таманъ, и завладѣть сими крѣпостцами, дабы зундъ Чернаго моря чрезъ то получить въ свои руки, и тогда нашимъ судамъ способно будетъ крейсировать до самаго царя-градскаго канала и до устья Дуная.“ Какъ близко къ сердцу принимала императрица вопросъ о заведеніи русской флотиліи въ Азовскомъ морѣ, видно изъ заключительныхъ словъ ея: „Итакъ прошу, если Совѣтъ съ вышеписаннымъ согласенъ, прилежно входить въ представленіе в.-адм. Сенявина, и сего ревностнаго начальника снабдѣвать всѣмъ, въ чемъ только онъ можетъ имѣть нужду и надобность, ибо донская экспедиція есть дитя, кое у матери своей крѣпко на сердцѣ лежитъ.“ [4]) Но и Таганрогскій портъ тоже оказался мелководнымъ для кораблей. Поэтому рѣшено было ограничиться пока постройкою десяти 24-хъ до 30-и пушечныхъ фрегатовъ и двухъ бомбардирскихъ кораблей да двадцати галеръ, и прежде всего приступить къ постройкѣ первыхъ. Что-же касается доставки ихъ съ Дона въ море, то предположено доставить ихъ въ разобранномъ

---

[1]) Тамъ-же, № № 260, 275 и др.

[2]) Арх. Гос. Сов. I, 338 сл.; указъ Сенявину отъ 10 нояб. 1769 въ Сб. Р. Ист. Об. X, 396

[3]) Арх. Госуд. Сов. I, 339 проток. засѣданія 5 нояб. 1769.

[4]) Тамъ-же. Тоже у Соловьева XXVIII, 26 сл.

видѣ въ Таганрогъ и тамъ вновь собрать. [1]). Но таганрогская гавань оказалась слишкомъ мелководною и для такихъ кораблей, и потому, въ виду трудности доставки ихъ къ морю и въ виду неимѣнія въ азовскомъ морѣ безопаснаго и удобнаго мѣста для ихъ зимовки, починокъ и укрытія отъ непріятелей, рѣшено было уменьшить размѣры фрегатовъ, вооружить ихъ 16-ю и менѣе пушекъ и приспособить ихъ къ спуску по рѣкѣ, а между тѣмъ углубить таганрогскій портъ. [2]). Но и при всемъ томъ приходилось бы ихъ выгружать близъ Азова для переправы черезъ отмели. Въ виду всего этого, Сенявинъ не видѣлъ иного способа къ осуществленію рѣшимости императрицы непремѣнно утвердить русскій флагъ на Черномъ морѣ, [3]) какъ „повелѣть подвергнуть подъ свое Монаршее покровительство хотя восточную часть Крыма,“ гдѣ „извѣстныя 3 мѣста: Еникаль, Керчь и Кефа будутъ служить къ строенію большихъ кораблей“ [4]). Между тѣмъ пока приходилось ограничиться лишь возможнымъ, и Сенявинъ энергично приступилъ къ постройкѣ упомянутыхъ двѣнадцати судовъ „новоизобрѣтеннаго рода.“ [5]) Много ему пришлось преодолѣть трудностей,—недостатокъ въ лѣсѣ и рабочихъ, неисправности въ доставкѣ отъ коллегіи и мѣстной администраціи нужныхъ людей и матеріаловъ, [6]) и кончилось тѣмъ, что суда къ половодью, единственно удобному времени для сплава ихъ въ море, все таки не были готовы и пришлось (весной 1770 года) отправить въ Таганрогъ одни лишь корпуса ихъ, и въ дорогѣ достраивать ихъ. [7]). Но и при всемъ томъ, благодаря мелководію, суда были приведены въ Таганрогъ лишь осенью 1770 года, и то безъ осна-

---

[1]) Матеріалы, № 268

[2]) Матеріалы № 271, 278, 280, 294, 298, 303 и др.

[3]) Указъ Сенявину отъ 15 дек. 1769 г. начинается словами: Вамъ извѣстна цѣль намѣреній Нашихъ къ утвержденію россійскаго флага на Черномъ морѣ.“ См. Рус. Архивъ 1871, № 9.

[4]) Матеріалы, № 278 (донесеніе Сенявина отъ 11 іюня 1769 г.)

[5]) На нихъ должно было быть 154 пушки.

[6]) Матеріалы № 293 сл. 298, 310; Арх. Гос. Сов I, 338.

[7]) Матеріалы, № 298, 306, 309 сл.

стки, доставка которой опять-таки по мелководію такъ запоздала, что предположенную несмотря на неудобство судовъ для дѣйствій въ открытомъ морѣ экспедицію въ Черное море пришлось отложить до слѣдующаго года. [1]). Но и этимъ еще затрудненія, преслѣдовавшія нашу флотилію не кончились. Суда (10) прибыли правда въ концѣ 1770 года въ Таганрогъ и „стояли въ гавани или, лучше сказать, лежали какъ караси въ грязи, по мелководію оной," по выраженію Сенявина, [2]) но выйти изъ нея въ полномъ грузѣ было невозможно, „да и за гавань въ море болѣе полуторы версты проходъ по мелководію былъ не безопасный," и потому верхній грузъ и вооруженіе ихъ сдѣланы были весною 1771 года за гаванью, съ помощью военныхъ лодокъ. [3])

Между тѣмъ, согласно желанію Екатерины, Сенявинъ все-таки рѣшилъ выйти въ Черное море; но для этого необходимо было прежде всего занять Енакале, такъ какъ эта крѣпость господствовала надъ проходомъ изъ Азовскаго въ Черное море; а вслѣдъ за тѣмъ, по мнѣнію Сенявина, необходимо было занять и укрѣпить Керчь, гдѣ можно было бы устроить удобный портъ для зимовки кораблей. Мысль эта принята была чрезвычайно сочуственно и императрицею, и Совѣтомъ, но въ 1770 году совершить все это было невозможно, такъ какъ эскадра Сенявина все еще не была вполнѣ снаряжена, и потому рѣшено отложить экспедицію до весны 1771 г., причемъ совершить одновременно движеніе на Еникале сухимъ путемъ, отъ Перекопа, и моремъ [4]). Занятіе этого пункта Сенявинъ ставилъ выше всего, потому что безъ него „хотя бы гдѣ на Черномъ морѣ портъ и отведенъ былъ, то за узкостью въ проливѣ и по близости отъ крѣпости хода безъ успливанія пробиться не можно. [5]). Итакъ предписано было двигаться одновременно кн. Долгорукову отъ Перекопа, а Сенявину изъ Таганрога, оказывая другъ дру-

---

1) Матеріалы № 329, 332 сл. 342, 330; Арх. Гос. Сов. I, 341 сл.
2) Матеріалы, № 348.
3) Матеріалы № 353, 357.
4) Матеріалы № № 321, 328, 335; Арх. Гос. Сов. I, 342 сл.
5) Матеріалы, № № 329, 330. 335

гу постоянное вспоможеніе (на флотѣ долженъ былъ между прочимъ доставляться провіантъ войску), и концентрировать свои силы на взятіе Еникале, Керчи и Кафы, [1]) послѣ чего укрѣпить ихъ, особенно Еникале, какъ ключъ къ Черному морю и приспособить здѣсь гавань къ зимовкѣ флотиліи, а Керчъ или Кафу предположено сдѣлать на будущее время стапелемъ для морскихъ нашихъ силъ въ Черномъ морѣ. Впрочемъ окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, гдѣ устроить стапелъ, отложено было до обозрѣнія локальныхъ выгодъ и неудобствъ,—„на первый-же случай, по выраженію рескрипта императрицы Сенявину отъ 7 марта 1771 г., въ томъ только и нужда, чтобъ ближайшее скорѣе получить въ свои руки и поставить въ немъ для переду твердую и непоколебимую ногу права собственности и соучаствованія нашего въ тамошнихъ водахъ, коими Россія столь долгое время другимъ уваженіямъ жертвовать принуждена была.“ [2]). Экспедиція удалась какъ нельзя лучше. 17 мая 1771 г. Сенявинъ вышелъ съ 10 судами въ Азовское море, 11 іюня эскадра была уже у Еникале, а въ началѣ іюля Керчъ, Кафа и Еникале были уже заняты нами и приступлено къ укрѣпленію Еникале и къ приспособленію его гавани для зимовки эскадры; сюда-же отправлены изъ Таганрога и два послѣдніе недостроенные фрегата для вооруженія и окончательной отдѣлки ихъ; наконецъ предписано тамъ же начать постройку одного или двухъ линейныхъ 66-пушечныхъ кораблей „для утвержденія нашей на Черномъ морѣ власти“, что было тѣмъ болѣе необходимо, что имѣвшіеся на лицо корабли „новои-

---

[1]) Рескр. Долгорукову 7 мар. 1771 въ Сб. Р. Ист. Об. I, 143 сл; Арх. Г. Сов. I, 69.

[2]) Матеріалы № 356; тоже Сб. Р Ист. Об. I, 149. По полученіи извѣстія о взятіи Кафы, Керчи и Еникале, Екатерина писала ген. кн. Долгорукому: „Признаюсь, что хотя Кафа и великъ городъ и путь морской, но Еникале и Керчь открываютъ входъ г. Сенявину водой въ тотъ портъ, и для того они много меня обрадовали. Благодарствую и за то, что уже подняли русскій флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не казался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои противу насъ непріятель употребить хотѣлъ.“ Сб. Р. И. Об. XIII, 128.

зобрѣтеннаго рода“ оказались совершенно неудобными къ плаванію въ Черномъ морѣ,—они были плоскодонныя, примѣнительно къ мелководію Азовскаго моря, и потому въ Черномъ морѣ въ случаѣ сильнаго вѣтра подвергались сильной пачкѣ и были совершенно безпомощны, и уже конечно не годились для военныхъ дѣйствій, [1]) развѣ для обороны и транспортной службы; притомъ они оказались къ концу 1771 г. сильно поврежденными. Но и тутъ опять встрѣтились новыя затрудненія, особенно въ доставкѣ строеваго корабельнаго лѣса, [2]) въ недостаткѣ рабочихъ [3]) и т. п. Положеніе Сенявина было крайне трудное и онъ справедливо могъ сказать, что „три года на пустыхъ мѣстахъ трудился.“ [4]) Въ виду всего этого, а также и того обстоятельства, что для гавани единственно удобнымъ оказывался Керченскій заливъ, [5]), пришлось въ концѣ концовъ распоряженіе о постройкѣ линейныхъ кораблей отмѣнить и опять прибѣгнуть къ постройкѣ двухъ 50-пушечныхъ фрегатовъ на Дону по новому чертежу, предложенному адм. Ноульсомъ, а относительно сенявинской флотиліи, или какъ называлъ ее Сенявинъ—„недоносковъ“ его, ограничиться починкою ея и назначеніемъ ея на оборону и военные транспорты. [6]).

Къ этому времени (начало 1772 г.) относится проектъ морской экспедиціи на Константинополь и Варну. [7]). Для подготовки ея на Дунай отправленъ былъ адм. Ноульсъ, и Сенявину данъ приказъ отправить половину командуемой имъ эскадры къ устьямъ Дуная. Экспедиція однако не сос-

---

[1]) Матеріалы, № № 373 сл, 382; 376, 378; 330, 377, 383, 385, 390, 394, 397.

[2]) Для линейныхъ кораблей предполагалось доставить лѣсъ изъ Казани, такъ какъ въ Крыму его не было, а на Дону по нерачительности адмиралтейской конторы его не заготовили. Матеріалы № № 376, 378, 388, 382, 391, 394, 398; Арх. Гос. Сов, I, 344 сл.

[3]) Матеріалы № 392, 394, 400, 429.

[4]) Матеріалы № 389.

[5]) Матеріалы, № 389.

[6]) Тамъ-же № № 396, 397-402 сл., 408, 430; Арх, Г. Сов. I, 198 сл. и 345 сл. проток. засѣданій 8 и 17 дек. 1771 г.

[7]) Объ немъ см. Арх. Г. Сов. I, 142 сл.

тоялась, и потому флотиліи Сенявина поручено ограничиться крейсерствомъ у крымскихъ береговъ для охраны Керченскаго пролива и береговъ Крыма. [1]). Впрочемъ ей удалось выдержать нѣсколько счастливыхъ стычекъ съ непріятелемъ въ 1773 году.

Такимъ образомъ требованіе Россіею Керчи и Еникале возникло изъ необходимости имѣть удобные для постройки и стоянки кораблей порты въ Черномъ морѣ и для того, чтобы поставить „твердою ногу права собственности и соучаствованія нашего въ тамошнихъ водахъ," а такъ какъ эти крѣпости лежали въ татарскихъ владѣніяхъ, то рѣшено было предварительно требованія уступки ихъ отъ Порты, попытаться выговорить уступку ихъ Россіи отъ татаръ при случаѣ переговоровъ съ ними о признаніи ихъ независимости.

Трудно было ожидать согласія Порты на признаніе независимости татаръ, разъ этой независимости требовала одна Россія, а не непосредственно заинтересованная въ дѣлѣ сторона—сами татары. Съ другой стороны мы видѣли, что для убѣжденія Австріи въ справедливости русскихъ мирныхъ условій, и между прочимъ условія о независимости татаръ, русское правительство рѣшило воздѣйствовать на самихъ татаръ и добиться отъ нихъ публичнаго заявленія о желаніи имп. независимости. „Важное неустройство" въ Крыму вслѣдствіе „безразсуднаго и не въ свое время учиненнаго требованія уступки намъ крѣпостей" и вслѣдствіе турецкихъ прописковъ, побудило русское правительство [2]) для окончательнаго уложенія съ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ отправить въ Бахчисарай ген. Щербинина. Дѣло было нелегкое. „Духи въ Крыму почти всѣ объяты страхомъ и недовѣріемъ къ намъ въ разсужденіи занятія крѣпостей", писалъ Панинъ Обрѣскову 24 іюня [3]). Еще въ маѣ въ Петербургѣ получены были донесенія изъ Крыма, что повсюду татары вооружаются и изъ побережныхъ мѣстъ уходятъ со всѣмъ имѣніемъ въ горы,

---

[1]) Арх. Гос. Сов. I, 348, 349.
[2]) Письмо Панина Г. Г. Орлову отъ 8 іюня 1772 въ affaires séparées связ. 8.
[3]) См. депеши Панина Обрѣскову 1772 г. тамъ-же.

ни за какую цѣну не продаютъ русскимъ лошадей. Въ перехваченныхъ Щербининымъ при самомъ отъѣздѣ его въ Бахчисарай письмахъ, татары просили Порту, чтобъ она прислала къ нимъ на помощь турецкій флотъ, писали: „Мы денно и нощно проливаемъ слезы, ожидая того вождѣленнаго времени, когда придетъ помощь. Хотя простой народъ нашъ собранъ и вооруженъ, но онъ ни къ чему не способенъ; простой народъ, еслибъ не боялся насъ, то уже принялъ бы подданство". Русскому повѣренному въ дѣлахъ, Веселицкому одинъ пріятель говоритъ: „Здѣсь всѣ разсуждаютъ, что какъ скоро генералъ Щербининъ пріѣдетъ и его домогательствамъ воспротивимся, то вдругъ нашей страны разорить онъ не можетъ, потому что при немъ мало войска, а пока большое войско придетъ, пройдетъ не мало времени, а между тѣмъ заключенъ будетъ съ Портою миръ; раскаиваются и въ прежнемъ, что не вступя въ сраженіе, дошли до такого состоянія" [1]). Получивъ еще новыя извѣстія о злыхъ умыслахъ татаръ, Щербининъ счелъ необходимымъ отправиться въ Крымъ не иначе, какъ въ сопровожденіи 1500 человѣкъ. По прибытіи его къ Бахчисараю пріѣхали къ нему ханскіе чиновники, которымъ онъ сталъ объяснять намѣренія императрицы,—утвердить на вѣки ихъ вольность и благоденствіе подъ покровительствомъ ея в-ва. Тогда крымцы спросили: „Когда заключено съ турками перемиріе и мы стали уже вашими союзниками, то для чего вступилъ въ Крымъ съ войскомъ ген. кн. Прозоровскій?" Щербининъ отвѣчалъ, что онъ вступилъ до перемирія, что нужно было умножить русское войско для ихъ собственной безопасности, да и потому, что какъ ему извѣстно, правительство ихъ дало приказъ мурзамъ о сборѣ войска и расположеніи его въ тайныхъ мѣстахъ съ дурнымъ умысломъ. Потомъ татары спрашивали, зачѣмъ кн. Прозоровскій придвигается къ Бахчисараю и просили остановить его; Щербининъ объяснялъ это оскудѣніемъ провіанта и подножнаго корма, но что ему приказано уже остановиться и не при-

---

[1]) См. приложеніе 46; тоже Соловьева XXVIII, 346 сл.

тѣснять жителей. Спросили, зачѣмъ при самомъ Щербининѣ такая большая свита.—Для достоинства торжественнаго посольства,—былъ отвѣтъ. Новый вопросъ: выведены ли будутъ изъ Крыма русскія войска? Отвѣтъ: объяснится послѣ [1]).

Особенно сильныя затрудненія встрѣтились въ опредѣленіи церемоніала пріемной аудіенціи Щербинина у хана и въ переговорахъ объ уступкѣ крѣпостей. Щербинину предписано было потребовать, чтобы ханъ принялъ грамоту императрицы къ нему изъ рукъ Щербинина, стоя, въ 9 шагахъ отъ своего мѣста, и чтобъ онъ поцѣловалъ грамоту. Щербининъ долженъ былъ также вручить хану подарки императрицы,—перо и саблю. Въ этомъ церемоніалѣ и подаркахъ татары усмотрѣли требованіе изъявленія ими подданства Россіи, потому что именно такимъ-же церемоніаломъ и подарками выражалось до этого времени подданство ихъ Портѣ. Щербининъ счелъ за лучшее уступить и согласился, чтобы подарки переданы были хану не на пріемной аудіенціи. [2]). Затѣмъ въ іюлѣ, начались переговоры о союзномъ трактатѣ съ Россіею, одною изъ самыхъ важныхъ для Россіи статей котораго должна была быть статья объ уступкѣ татарами крѣпостей. Такъ какъ для насъ самое важное былъ фактъ уступки, то относительно формы выраженія ея Щербинину позволено было не стѣсняться. „Если татары не согласятся на изъявленіе въ заключаемомъ трактатѣ собственнаго о томъ прошенія, писала Екатерина въ рескриптѣ Щербинину отъ 13 іюня, [3]) то въ сей крайности нѣкоторымъ образомъ сообразуясь уже ихъ суевѣрству, разрѣшается смягчить этотъ пунктъ въ такой формѣ: „Какъ натуральное положеніе Крыма подвержено и всегда незапнымъ нападеніямъ, а росс. силы по заключеніи съ Портою мира, возвратясь въ свои границы, великимъ разстояніемъ отдѣлены бу-

[1]) Соловьевъ, 345.

[2]) Письмо Орлову 4 іюля 1772; письмо хана Щербинину 1 іюля; описаніе аудіенціи у хана 4 іюля: ханъ вышелъ на середину залы и слушалъ рѣчь стоя, но грамоту не цѣловалъ. aff. séparées, связ. 9; ср. приложеніе; 46.

[3]) Affaires séparées 9; дѣла крымскія.

дутъ отъ сего полуострова, то дабы Россія во всякое время имѣла возможность охранять независимость Крыма оказаніемъ немедленной помощи, въ семъ уваженіи уступаются во всегдашнее россійское содержаніе крѣпости Яникаль и Керчь, на берегу пролива изъ Азовскаго въ Черное море лежащія, и съ околичною землею, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ запасное войско и суда находиться могли для стражи и отвращенія всякихъ противныхъ на крымскій полуостровъ покушеній.“ Но затѣмъ разрѣшаются даже дальнѣйшія перемѣны въ редакціи, чтобы „ускорить совершеніе желаемаго формалитета, поступая на умягченіе и помѣщеніе одного слова вмѣсто другаго, но ровномѣрнаго и то-же понятіе подающаго, а грубому и варварскому ихъ воображенію ласкающаго или по крайней-мѣрѣ ими недоумѣваемаго во всемъ содержаніи и пространствѣ: [1]) нужда и дѣло единственно въ томъ состоитъ, чтобъ помянутыя крѣпости, которыя составляютъ всю дальновидность нашей о татарахъ системы, остались въ нашихъ рукахъ, къ чему главнѣйшій пунктъ вашей негоціаціи и заключаемаго съ татарами трактата и относится, чтобъ и свѣтъ удостовѣренъ былъ о собственномъ татаръ нашимъ видамъ соображеніи.“ Еще разъ подтверждается Щербинину во что бы то ни дало добиться благопріятнаго результата, такъ какъ это „насъ предъ Портою, а паче предъ свѣтомъ въ семъ случаѣ оправдаетъ: ибо мы, нехотя въ нашей мирной съ Портою негоціаціи трактовать съ нею о такомъ въ Крымѣ этаблисментѣ, желаемъ напротивъ того быть въ состояніи свѣту показать, что татарская вольная и ни отъ кого не зависимая область по собственному праву власть имѣла къ огражденію своему отъ всякой могущей быть впредь опасности принять мѣры и войти съ Нами въ обязательства, какія она сама за надежнѣйшія себѣ изобрѣсть могла.“

---

[1]) Въ письмѣ Щербинину отъ того-же 13 іюня (тамъ-же) Панинъ поясняетъ: „Я разсуждаю, что ежелибъ татара затрудненіе сдѣлали и въ томъ, что въ ономъ пунктѣ не прошеніе, а уступка предъявляется, и еще можно будетъ для нихъ снизойти написавъ вмѣсто того, что въ рескриптѣ сказано оныя крѣпости уступаются, оныя крѣпости пріемлются въ здѣшнее содержаніе, или содержаны будутъ съ россійской стороны.“

Но доказать это свѣту было довольно трудно. Татары ко-вечно затруднялись понять, что они могутъ быть вольными лишь въ союзѣ съ Россіею, подъ ея наблюденіемъ и съ рус-скими гарнизонами въ своихъ крѣпостяхъ. Любопытны между прочимъ возраженія хана и татаръ противъ уступки крѣпостей. „На что вольнагочеловѣкаохранять?“—спрашивалънапримѣръ ханъ .На это Щербининъ возражалъ, что „вольность безъ охра-ненія не есть вольность, потому что она всегда подвержена по-хищенію“. Щербининъ приводитъ всевозможные доводы въ пользу необходимости оставленія русскихъ гарнизоновъ въ крымскихъ крѣпостяхъ, онъ внушалъ между прочимъ хану, что они необходимы самому хану для его защиты, но ханъ не убѣждался, выражалъ опасеніе, что въ случаѣ несогла-сій между гарнизонами и населеніемъ, вина будетъ припи-сываться татарамъ, и это будетъ служить поводомъ къ пос-тояннымъ ссорамъ. „Видно по всему, писалъ Щербининъ,— что татары отнюдь не хотятъ имѣть въ Крыму русскихъ гарнизоновъ и не желаютъ быть подъ покровительствомъ ея в-ва, ибо когда я между разговорами внушалъ имъ объ опасностяхъ для нихъ съ турецкой стороны и по заключе-ніи мира, то они отвѣчали, что ничего отъ турокъ не опа-саются, почему и кажется, что когда заключенъ будетъ миръ и русское войско отъ нихъ уйдетъ, то опять впустятъ въ Крымъ турокъ, къ которымъ по закону, нравомъ и обы-чаямъ имѣютъ полную привязанность и преданность, въ чемъ не только здѣшніе всѣ стоятъ упорно, но и бывшіе въ Петербургѣ посланцы, пріемомъ, содержаніемъ и награж-деніемъ столь щедро облагодѣтельствованные, теперь обра-тились къ противной сторонѣ“ [1]).

Въ надеждѣ, что уступки въ условіяхъ, которыми обусло-влено было требованіе о независимости татаръ облегчатъ уступку Порты въ вопросѣ о крѣпостяхъ, русское правитель-ство готово уже было уступить въ переговорахъ съ татара-ми,—въ сентябрѣ Панинъ писалъ Щербинину [2]), что въ виду

[1]) Соловьевъ, 346 сл.;—ср. приложеніе. 46

[2]) Письма № 1 и 2 отъ 18 и 28 сент. 1772 (affaires séparées связ. 7).

непреодолимыхъ препятствій въ негоціаціи объ этомъ съ татарами, происходящихъ отъ разныхъ причинъ, а особливо по привычкѣ татаръ къ игу и порабощенію турецкому и излишней къ здѣшней сторонѣ недовѣркѣ, и такъ какъ теперь, по разорваніи Фокшанскаго конгресса упорство ихъ быть можетъ еще болѣе усилится, то не настаивая на этомъ пунктѣ, потому что мы можемъ достигнуть этой уступки отъ самой Порты, слѣдуетъ обратить всѣ старанія на то, чтобы хотябы подкупомъ добиться согласія ихъ на декларацію о желаніи ихъ быть независимыми. Эта декларація необходимо нужна какъ для будущихъ переговоровъ съ турками, такъ и для иностранныхъ державъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій и лишь послѣ того, какъ ногайскіе депутаты согласились на всѣ русскія требованія, согласились подать императрицѣ прошеніе, чтобъ Россія взяла крѣпости Керчь и Еникале для охраненія татарской вольности, Сагибъ-Гирей согласился подписать присяжный актъ объ отторженіи со всѣмъ крымскимъ народомъ на вѣчныя времена отъ Порты и о принятіи покровительства императрицы Екатерины и ея наслѣдниковъ [1]).

Въ ноябрѣ заключенъ и подписанъ трактатъ съ крымскими татарами: Керчь и Еникале одержаны будутъ навсегда съ россійской стороны; татары соглашаются на взаимную свободу торговли съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ, наконецъ соглашаются на пребываніе въ Крыму русскаго резидента подъ условіемъ, чтобъ ему было накрѣпко подтверждено, чтобы ни онъ, ни его люди крымскимъ людямъ и татарскимъ ордамъ, какъ языкомъ, такъ и рукою озлобленія не дѣлали. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сагибъ-Гирей и депутаты отъ четырехъ ордъ подписали и декларацію о желаніи ихъ быть независимымъ народомъ подъ покровительствомъ Россіи.

Затѣмъ оставалось санкціонировать эти акты въ переговорахъ съ Портою.

---

1) Соловьевъ, 347 сл.

10. Бухарестскій конгрессъ.

Мы привели выше содержаніе рескрипта Екатерины долженствовавшаго служить Обрѣскову инструкціею относительно матеріальной стороны переговоровъ. Съ своей стороны Панинъ, письмомъ отъ 24 сентября, даетъ Обрѣскову дополнительныя наставленія, касающіяся также и формальной ихъ стороны. Онъ говоритъ:

„Когда включенный сдѣсь именной рескриптъ къ вашему прев-ву уже подписанъ былъ, тогда получены здѣсь депеши ко двору гр. Петра Александровича и ваше ко мнѣ дружеское письмо отъ 9 сентября объ учиненномъ поступкѣ отъ верховнаго визиря къ возобновленію мирной негоціаціи. Вы, м. г. мой, получа предыдуще отправленной къ вамъ рескриптъ, конечно сами предчувствовать могли, съ какимъ удовольствіемъ принято здѣсь сіе послѣднее извѣстіе, а потому и спѣшу я отправить къ вашему пр—ву включенный здѣсь рескриптъ, которой васъ разрѣшитъ и вновь наставитъ какимъ образомъ вести вамъ сію негоціацію...

„Здѣсь войду я, м. г мой, со всею моею вамъ извѣстною искренностію въ изтолкновеніе и соображеніе здѣшнаго образа мыслей, съ объясненіемъ вашимъ на начатіе на бывшемъ конгрессѣ вами негоціаціи съ самаго важнѣйшаго пункта, по мнѣнію вашему, яко неменуемымъ слѣдствіемъ первой статьи изъ трехъ фундаментальныхъ кондиціи. Правда, что сей пунктъ присвоенъ натурально къ первому базису мирныхъ договоровъ по содержанію данной вамъ инструкціи; но въ самой тойже инструкціи не точно-ли изображено, что въ пользу сего нашего главнаго предмета предписывается вамъ облегчать оной другими уступками предположенныхъ артикуловъ во всѣхъ трехъ фундаментальныхъ кондиціяхъ? А сіе самое предписаніе и предполагаетъ уже ясно, что разумъ инструкціи не былъ тотъ, чтобъ главный нашъ предметъ предшествовалъ всему другому и предложенъ былъ турецкимъ посламъ совсѣмъ отдѣленнымъ образомъ; истинная же выгода негоціаціи въ томъ предполагалась, чтобъ легчайшіе артикулы всѣхъ трехъ базисовъ приносимы были на жертву одержанію важнѣйшаго артикула. Но пусть онъ яко принадлежащій къ первой базиса кондиціи разсужденъ вами предло-

женъ быть прежде артикуловъ другихъ двухъ фундаментальныхъ статей, то и тутъ онъ не первый, но послѣдній, яко важнѣйшій, изображенъ въ инструкціи. В. пр-ву извѣстно, что во первыхъ предписанъ пунктъ объ уступкѣ въ нашу сторону обѣихъ Кабардъ; потомъ объ оставленіи границъ отъ Кабарды чрезъ Кубанскія степи на прежнемъ ихъ основаніи; за онымъ о признаніи Азова нашимъ древнимъ владѣніемъ, равно какъ о цѣлости и о сохраненіи Таганрога, и наконецъ уже о Татарской несависимости. Тутъ точно предписано въ пользу сего послѣдняго отступить по нуждѣ отъ требованія и на обѣ Кабарды, слѣдственно и въ семъ случаѣ никакъ полагать нельзя, чтобъ разумъ инструкціи повелѣвалъ о независимости татарской предложить еще прежде и помянутыхъ двухъ артикуловъ первой статьи базиса.

„ По таковомъ объясненіи, пребываю я въ твердомъ удостовѣреніи, что мы теперь другъ друга совершенно разумѣемъ. Стараніе главнѣйшее в. пр-ва должно конечно устремлено быть къ тому, чтобъ по возобновленіи негоціаціи пройти порознь, одно по другомъ, всѣ частныя требованія наши, дабы уступкою въ одномъ облегчить одержаніе другаго; но при всемъ томъ, еслибъ турки упорно захотѣли начать возобновленіе трактованія съ того мѣста, гдѣ на Фокшанскомъ конгрессѣ остановились, т. е. на татарской независимости, то и тутъ я надѣюсь, что в. пр-во удобно можете въ самое тоже время предложить имъ и всѣ прочіе наши артикулы для толь нужнаго облегченія негоціаціи. Паче всего, м. г. мой, надобно намъ въ замѣну нашего согласія на требованіе турковъ въ разсужденіи инвеституры новоизбираемому хану, удержать навсегда за нами Керчу и Еникуль, дабы симъ самымъ единожды рѣшить всѣ трудности въ полученіи намъ этаблисемента на Черномъ морѣ. Двѣ причины привлекаютъ меня думать, что турки много въ ономъ упорствовать не станутъ: первая та, что они сами знаютъ всю безполезность сихъ городовъ для татаръ, ибо и уголъ, принадлежащій къ нимъ есть пустой и необитаемый; вторая та, что для одержанія сего позволяемое вамъ отступленіе отъ промѣна города Бендеръ, есть также пунктъ для нихъ тѣмъ выгоднѣйшій, что оный признанъ за резопабельный и апробованъ отъ двухъ добрыя офиціи употребляющихъ дворовъ. При ономъ надлежитъ в. пр-ву остерегаться, чтобъ Бендеры не называть иначе, какъ принадлежащимъ къ Бессарабіи,

дабы бессарабскія земли, оставаясь подъ недоумѣніемъ, не подали впредь туркамъ повода вовлечь къ себѣ на оныя прежнихъ татаръ, но навседа-бъ остался Дрѣстръ у нихъ съ турками границею. Не менѣе сего нужно ясно постановить, чтобъ турецкихъ гарнизоновъ не было въ Крыму, о чемъ въ включенномъ здѣсь рескриптѣ точно в. пр-ву предписано...

„ P. S. Вотъ. милостивый другъ, полное вамъ разрѣшеніе къ окончанію столь нужнаго и столь важнаго дѣла. Я увѣренъ, что вы, знавъ мою къ вамъ сердечную дружбу и преданность и почтеніе, не примете на свою собственно персону и въ противномъ разумѣ объясненіе мое на общую вашу инструкцію по татарской независимости. Намѣреніе мое тутъ только въ томъ въ одномъ, что бы вамъ какъ въ отдаленіи находящемуся то открыть, что можетъ еще нѣсколько затмѣвать ваше собственное разсужденіе и содержать васъ въ невмѣстномъ уже совсѣмъ респектѣ къ опредѣленнымъ предположеніямъ старшаго вашего бывшаго таварища. Пожалуй, мой истинный другъ, вѣрь въ томъ моему слову и поди съ Богомъ путемъ собственнымъ вашимъ разсудкомъ и проницаніемъ представляемымъ, равно и не останавливайтесь на формѣ и обрядахъ, онѣ для насъ и для дѣлъ нашихъ всѣ равны, какъ только Фельдмаршалъ учредитъ и согласится о томъ съ визиремъ, лишь бы только вы опять не нашлись въ турецкихъ рукахъ, въ чемъ я симъ варварамъ никогда повѣрить не могу.“ [1]).

Екатерина надѣялась, что сдѣланная ею уступка въ татарскомъ вопросѣ облегчитъ переговоры съ турками,—„Видя съ одной стороны крайнюю упорность турокъ въ разсужденіи татарскаго дѣла,—говоритъ она въ рескриптѣ Румянцеву, [2])—а съ другой—настоящую, по новымъ обстоятельствамъ въ Швеціи, нужду скорѣйшаго прекращенія войны съ Портою, рѣшились мы дозволить въ ономъ нѣкоторыя наружныя уступки, съ предписаніемъ, однакожъ, обратить ихъ вопреки въ подкрѣпленіе и одержаніе собственнаго нашего требованія о Керчѣ и Еникалѣ Думать... надобно, что снисхожденіе наше въ нѣжнѣйшемъ и важнѣйшемъ для ту-

[1]) Affaires séparées, связ. 8.

[2]) Рескриптъ отъ 28 сент. 1772; affaires séparées, связ. 8; тоже въ собственноручныхъ письмахъ.

рокъ пунктѣ, т. е. въ предохраненіи султаномъ нѣкотораго рода инвеституры будущимъ крымскимъ ханамъ послужитъ къ успѣху негоціаціи.

Но не таково было мнѣніе Обрѣскова. Въ отвѣтъ на рескриптъ 21 сентября и письмо Панина 24 сентября, онъ писалъ [1]), что будетъ стараться исполнить волю императрицы. Но по его мнѣнію и извѣстному турецкому неограниченному отвращенію видѣть какія-нибудь крѣпости на Черномъ морѣ лежащія въ рукахъ высочайшаго нашего двора, то удержаніе Еникаля и Керчи кажется встрѣтитъ непреодолимое затрудненіе, особенно, если Портѣ не дозволится держать гарнизоны въ прочихъ крымскихъ крѣпостяхъ; да и кораблеплаваніе на Черномъ морѣ по тому-жъ турецкому предубѣжденію къ желаемому концу привести не такъ-то легко, какъ иногда заочно полагается; я сіе различными опытами знаю, да и многіе, коли только не всѣ интересованы сему препятствовать“... По этому поводу императрица написала:

„Если при мирномъ договорѣ не будетъ одержана независимость татаръ,

„Не кораблеплаваніе на Черномъ морѣ,

„Не крѣпости въ заливѣ изъ Азовской въ Черное море,

„То за вѣрно сказать можно, что со всѣми побѣдами мы надъ турками не выграли не гроша, и я первая скажу, что таковой миръ будетъ столь-же стыдной, какъ Прутской и Бѣлградской въ разсужденіи обстоятельства“ [2]).

Таково было послѣднее слово Екатерины въ руководство Обрѣскову на предстоявшемъ въ Бухарестѣ конгрессѣ.

Конференціи начались въ концѣ октября [3]). Основанія предложенныя Обрѣсковымъ для примиренія были тѣ-же, что и предложенныя на Фокшанскомъ конгрессѣ, причемъ условіе о „свободѣ коммерціи и кораблеплаванія на моряхъ“ было мотивировано пользою ея для сближенія и взаимнаго благоденствія обоюдныхъ подданныхъ, „чрезъ что сохраненіе мира

---

[1]) Письмо 9 окт. 1772, affaires séparées, связ. 7.

[2]) Собственноручная записка Екатерины.

[3]) По понедѣльникамъ и четвергамъ.

явится тѣмъ болѣе важнымъ и необходимымъ для обоихъ народовъ, а слѣд. и еще болѣе драгоцѣннымъ для ихъ правительствъ". Но турецкій уполномоченный замѣтилъ на это, что это требованіе Россіи „резонабельно, но для Порты совсѣмъ индифферентно, а сколько видно для Россіи очень нужно и поэтому надобно, чтобы во взаимство сдѣлано было ею достойное удовлетвореніе"; а на возраженіе Обрѣскова, что коммерція обоюднымъ подданнымъ равную пользу приносить имѣетъ, что обѣ имперіи, каждая у себя имѣетъ произращенія другой надобныя, а потому ихъ подданные торговлею и себя обогощать, и государствамъ изрядные доходы доставлять могутъ; что по сіе время всѣ европейскія націи, кромѣ Россіи, имѣли торговлю въ турецкихъ владѣніяхъ, но эта торговля приносила авантажъ имъ однимъ, а подданные Порты никакой прибыли отъ нея не получаютъ, между тѣмъ какъ при безпосредственной торговлѣ между Турціею и Россіею каждый можетъ по своей способности пользоваться; что, наконецъ, его крайне удивляетъ заявленіе посла, что для Порты это дѣло индифферентное, потому что извѣстно, — когда подданные прибыльные промыслы имѣютъ, то и государства оными много пользуются; — на всѣ эти возраженія Рейсъ-эфенди по прежнему отвѣчалъ, что хотя въ существѣ это и правда, но Порта о семъ мало помышляетъ, а сколько видно Россіи очень надобно и она считаетъ свободу торговли выгодною для себя, поэтому нужно уравнить эту выгоду для Порты, дабы ни одна сторона не осталась обиженною [1]).

Впрочемъ послѣ предварительнаго обмѣна мыслей, Обрѣсковъ объявилъ въ 4-й конференціи, что онъ находитъ предложенные Рейсъ-эфендіемъ пункты такими, на которыхъ совокупно съ предложенными отъ него, Обрѣскова, можно строить желаемое зданіе мира, и что теперь уже время приступить къ выбору матеріаловъ, коими то зданіе созидаемо быть должно, а красота его будетъ уже зависѣть отъ искусства строителей.

Относительно порядка переговоровъ Обрѣсковъ писалъ

[1]) См. приложеніе 47, протоколы 2 и 3 конференцій и пункты предложенные турецкимъ посломъ въ замѣнъ предложенныхъ Обрѣсковымъ.

Панину [1]): „Порядокъ негоціаціи нашей мы согласились имѣть слѣдующій: чтобъ всѣ артикулы мирнаго трактата, какъ то мнѣ предписано, пройти подавая ихъ частно на одной конференціи, и предоставляя время на разсужденіе и отвѣты до послѣдующей. Въ которыхъ согласимся—тѣ записывать, а въ коихъ не согласимся оставлять въ нерѣшимости, пока всѣ протрактованы будутъ, а тогда уже по повелѣніямъ и смотря по обстоятельствамъ рѣшены быть имѣютъ". Въ другомъ письмѣ [2]) Обрѣсковъ пишетъ: „Рейсъ-эф. весьма осторожно поступаетъ; послѣ каждой конференціи отправляетъ къ визирю нарочныхъ, и обыкновенно чрезъ трои сутки отвѣты получаетъ, да и при себѣ имѣетъ двухъ совѣтниковъ приданныхъ ему отъ Порты, безъ сношенія съ которыми ни на что не рѣшится. Мое съ нимъ согласіе изрядное, а когда въ конференціяхъ и поразогрѣемся, то однакожъ разстаемся дружескимъ образомъ".

Однако, несмотря на это, 1 декабря, послѣ 10 конференцій Обрѣсковъ могъ сообщить лишь, что несмотря на все плодорѣчіе конференцій, отъ турецкаго посла „иного еще не вытянуто, какъ уступка Азова съ его уѣздомъ, Таганрога и уголка негодной земли между Бугомъ и Днѣпромъ, мореплаваніе на Черномъ морѣ весьма ограниченное, да глухое и ничего не значущее удовлетвореніе во взаимство возвращенія всѣхъ сдѣланныхъ надъ ними завоеваній". Сверхъ того Обрѣсковъ соглашался, чтобы Очаковъ былъ раззоренъ, а земля его и все пространство между Бугомъ и Днѣстромъ, до польскихъ границъ остались незаселенными и баріерою, а чтобы границами обѣихъ имперій были, Россіи—Бугъ, а Турціи—Днѣстръ. Затѣмъ, 8 декабря Обрѣсковъ писалъ, что ихъ протокола 12 конференціи усмотрятъ „почти нѣкоторое уже наше соглашеніе въ пунктѣ духовнаго султановъ надъ татарами начальства, [3]) и притомъ передъ прежнимъ по-

[1]) Письмо № 2 отъ 10 ноября.

[2]) № 4 отъ 17 ноября.

[3]) Опъ согласился на чтеніе молитвъ за султана и на снабженіе выборныхъ татарскихъ судій письменными разрѣшеніями Порты на принятіе этой должности, на благословеніе султаномъ новоизбираемыхъ хановъ и на посылку имъ подарковъ.

сближеніе наше къ окончанію порученнаго намъ спасительнаго мирнаго дѣла". „Не отдалитъ ли только дѣло Еникале и Керчи", —присовокупляетъ онъ.

Главными вопросами, на которыхъ сосредоточились пренія сторонъ были: вопросъ о признаніи независимости татаръ, объ уступкѣ Россіи Керчи и Еникале, и о свободѣ русской торговли и судоходства въ Черномъ и другихъ моряхъ, омывающихъ турецкія побережья.

Въ сущности всѣ эти 3 вопроса были тѣсно связаны между собою. Эту связь мы замѣчаемъ уже въ преніяхъ Обрѣскова съ турецкимъ посломъ. Изъ нихъ видно, что даже свобода русскаго мореплаванія представляла для Порты предметъ опасеній. Когда Обрѣсковъ сталъ доказывать рейсъ-эфендію, что отъ свободнаго мореплаванія произойти имѣетъ коммерція, которая свяжетъ наитвердѣйшій узелъ дружбы между подданными и правительствами обѣихъ имперій, и что тогда уже заподлинно не должно никогда разрыва опасаться, ибо „взаимнымъ интересомъ вящше и вящше всегда утверждаться будетъ доброе согласіе и союзъ, укротятся языки злобствующихъ и война отдалена будетъ навсегда",—то рейсъ-эф. отвѣчалъ, что такой узелъ лишь по прошествіи довольнаго времени чувствовать можно.—Этимъ опасеніемъ объясняются тѣ ограниченія, которыя Порта хотѣла поставить русскому мореплаванію.

Уже въ 6-й конференціи, на заявленное Обрѣсковымъ требованіе о признаніи свободы торговли „какъ въ Черномъ, такъ и въ другихъ моряхъ, въ коихъ другимъ націямъ оная дозволена" и о распространеніи на русскихъ купцовъ всѣхъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, коими въ Турціи пользуются наидружественнѣйшія націи, Рейсъ-эфенди отвѣчалъ заявленнымъ имъ уже ранѣе требованіемъ, чтобы за разрѣшеніе Портою свободы торговли, Россія вознаградила Порту возвращеніемъ ей крѣпостей въ окружности Крыма и Кубани, но и при этомъ условіи ставила ей слѣдующія ограниченія: „Купеческимъ судамъ съ товарами вольно разъѣзжать на Черномъ морѣ, но предписать должно число и форму тѣхъ судовъ, и яко купеческіе недолжны сіи

суда имѣть пушекъ и военныхъ снарядовъ, и не имѣютъ выходить въ Средиземное море, ни отъ туда приходить; такожде плаваніе ихъ въ Черномъ морѣ должно быть ограничено и единственно состоять близь береговъ европейскихъ турецкихъ областей: сверхъ сего имѣютъ быть означены и предписаны пристани, въ коихъ имъ отстой имѣть дозволено будетъ, и не имѣютъ, если не бурями занесутся, переплывать къ берегамъ Анатоліи или Азіи“ [1]).

Въ 11-й конференціи вопросъ о свободѣ русскаго судоходства и торговли подвергнутъ былъ подробному обсужденію, вслѣдствіе замѣчанія Обрѣскова, что безъ уступки Еникале они никакого уваженія не стоютъ за неимѣніемъ у Россіи гаваней въ Черномъ морѣ. На это Р.-эфенди отвѣчалъ: „Для коммерціи можно сыскать и другія равно способныя мѣста. Сколь многія державы производятъ коммерцію во владѣніяхъ Оттоманскихъ! Славныя въ Средиземномъ морѣ пристани можно почти сказать, что принадлежатъ всѣмъ тѣмъ, которые туда приплываютъ. Равнымъ образомъ опредѣлены будутъ въ Черномъ морѣ города съ пристаньми, въ которыя суда россійскія свободно приходить могутъ. — Обр. Я спрашиваю, гдѣ россійскія суда будутъ оставаться?—Хоть и въ Константинополѣ, отвѣчалъ Р.-Эф.— Обр.: Всѣ чужестранные корабли, которые плаваютъ по морямъ и входятъ въ пристани Бл. Порты, имѣютъ свое отечество или мѣста ихъ пребыванія, гдѣ ихъ строятъ, откудова они отъѣзжаютъ; гдѣ быть таковому мѣсту для Россіи?—Р.-Эф.: И мѣсто сіе сыщемъ, напримѣръ то, которое я вамъ показывалъ на ландкартѣ выше Очаковскаго устья.— Росс. Посолъ отвѣчая, что здѣсь нагруженнымъ судамъ проходить невозможно, Р.-Эф. сказывалъ, что можно перевозить товары сухимъ путемъ или въ лодкахъ до того мѣста, гдѣ нагружать большія суда можно будетъ.—Обр.: Повидимому в. пр-ву не извѣстны тѣ мѣста; каковожь то мореплаваніе, когда Россія не будетъ имѣть ниже одной гавани, въ которой бы суда ея безопасно приставать могли?—Р.-Эф.:

[1]) См. приложеніе 47-е стр. CLV сл.

Такъ, когда у Россіи нѣтъ такого мѣста, то слѣдуетъ ли отнимать чужое?—Обр: Войною, тѣмъ больше справедливою, что предпринята оная была ради собственной своей обороны, Россія уже тѣми мѣстами завладѣла, гдѣ не только суда ея приставать могутъ, но еще и утверждается ея безопасность.

Въ другой конференціи рейсъ-эфенди старается доказать Обрѣскову безполезность для Россіи свободы прохода русскихъ судовъ изъ Чернаго моря въ Архипелагъ: „Я не понимаю, для чего Россія требуетъ свободнаго изъ Чернаго въ Бѣлое море проходу,—говоритъ онъ,—еслибы Порта уступила ей какой либо островъ въ Архипелагѣ, тобъ можно сказать, что проходъ сей нуженъ для коммуникаціи съ онымъ, но я уже объявлялъ, что Порта на то не согласится, къ чему жъ можетъ служить Россіи свободный въ Бѣлое море проходъ, когда она не имѣетъ, да и имѣть тамъ въ разсужденіи прочихъ державъ не можетъ никакого себѣ основанія?—Обр: Сіе требуется въ разсужденіи комерціи; чтожъ къ прочему рѣчей вашихъ содержанію касается, то я увѣряю в. пр-во, что Россія отъ пріобрѣтеннаго въ тѣхъ странахъ совершенно отказывается изъ одной только умѣренности и искренняго желанія мира, ибо ни которая держава не воспрепятствовала бы ей имѣть тамъ владѣнія.“

Наконецъ въ 13-й конференціи (10 декабря) рейсъ-эфенди объявилъ, что сначала Бл. Порта неохотно взирала на требованіе росс. дворомъ свободнаго кораблеплаванія и съ трудомъ рѣшилась дозволить его единственно въ Черномъ морѣ для нѣкотораго только числа купеческихъ безъ всякаго оружія и военнаго снаряда судовъ, опредѣля для пристанища ихъ въ постановляемомъ мирномъ трактатѣ нѣкоторыя только пристани. Согласно съ этимъ были составлены и первыя инструкціи ему. Но потомъ, представивъ ко двору доводы, которыми Обрѣсковъ подкрѣплялъ свое требованіе, получилъ нынѣ отъ султана резолюцію дозволить свободное кораблеплаваніе въ Бѣломъ морѣ но, однимъ только купеческимъ судамъ съ потребными пушками и военными снарядами къ защищенію себя отъ случающихся въ тѣхъ мо-

ряхъ разбойниковъ, такъ какъ поступаютъ и всѣ прочія націи.—Обр: Всѣ прочія націи имѣютъ свободу посылать въ тѣ моря и военные корабли.—Р.-Эф: Военные корабли съ товарами не приходятъ.—Обр: Обыкновенно посылаются военные корабли для безопасности и препровожденія купеческихъ судовъ, которыя желая сохранить хозяйскіе интересы, никакъ не могутъ имѣть довольнаго числа людей и военныхъ снарядовъ къ собственной своей оборонѣ отъ нечаянныхъ разбойническихъ нападеній; также и во время посторонней войны между морскими европейскими державами купеческимъ судамъ нужны военные корабли для ихъ предохраненія.—Р.-Эф: Я и о семъ не премину представить, и думаю, что когда нужда того потребуетъ, можно будетъ и военные корабли посылать.—Обр: Безъ надобности никто военныхъ кораблей въ море не посылаетъ, но таковыя выраженія въ мирномъ трактатѣ, гдѣ болѣе всего должно сохранять благопристойность контрактующихъ державъ предосуждаютъ честь; лучше совсѣмъ отъ мореплаванія и коммерціи отказаться, нежели имѣть оныя на подобныхъ кондиціяхъ. Какая другая держава, считая великія и самыя меньшія, подвергается у Порты таковымъ сжиманіямъ? ничего исключительнаго въ мореплаваніи Россія не требуетъ; для чего-же налагать на нее тѣ тягости, отъ которыхъ увольняются самыя меньшія въ Европѣ націи?—Р. Эф: Многія вещи дозволяются малымъ, которыя не можно дозволить большимъ.—Обр: Всѣмъ генерально державамъ дозволяется сіе отъ Порты; Датское королевство напр. не имѣетъ коммерціи въ Средиземномъ морѣ на 6000 рублевъ, однакожъ военные датскіе корабли приходятъ даже въ самой Константинополь; желая утвердить дружбу мирнымъ трактатомъ, не должно преисполнять оной исключеніями и сжиманіями, которыя служатъ только ко умноженію сомнѣній и споровъ и къ продолженію вѣчной между кабинетами войны.—Р.-Эф: Однакожъ всякое дѣло требуетъ нѣкотораго распоряженія; положимъ, что Россія имѣвъ кораблеплаваніе совершенно свободное для всякаго рода судовъ въ мирное время, 300 россійскихъ военныхъ кораблей войдутъ въ Константино-

польской каналъ, безъ сумнѣнія никакого Портѣ отъ того не можетъ быть предосужденія, однакожъ причинитъ безпокойствіе, когда впредь наступитъ военное время. Въ Черномъ морѣ какъ разбойниковъ, такъ и посторонней войны нѣтъ мѣста опасаться, для того въ семъ морѣ могутъ плавать, не имѣя пушекъ и военныхъ снарядовъ всякой величины суда, и постановленіе сіе ни въ чемъ не противится свободному мореплаванію.—Обр: Правда что хотя въ Черномъ морѣ разбойниковъ и посторонней войны несовмѣстно опасаться, но каждый корабль, который слѣдуетъ въ Бѣлое море долженъ быть вооруженъ, да и для ради одной салютаціи надобны необходимо пушки.—Р.-Эф: Не можно ли постановить сіе такимъ образомъ, чтобы одни корабли плавали въ Бѣломъ морѣ, а другіе въ Черномъ, и приходя въ Константинополь, тамъ перегружали бы товары?—Обр: Таковымъ постановленіемъ открыли бы путь всякаго рода затрудненіямъ и помѣшательствамъ; разсудите, в. пр-во, какіе убытки причиняетъ партикулярнымъ людямъ та перегрузка товаровъ, и коликимъ привязкамъ подвергаются купцы; слѣд. сколько жалобъ и неудовольствій съ одной и другой стороны. Подобная товаровъ перегрузка никоимъ образомъ не совмѣстна съ коммерціею, ибо раззоряетъ основаніе оной, которое не что иное есть, какъ польза партикулярныхъ людей. Обыкновенно каждый корабль нагружается товарами къ разнымъ пристанямъ, и во всякомъ оставляетъ принадлежащіе къ оному мѣсту товары, а по развозѣ оныхъ паки таковымъ-же порядкомъ при обратномъ своемъ пути нагружается.—Р.-Эф: Сколько понынѣ я могъ, старался споспѣшествовать постановленію мира, но такъ совершенно свободное мореплаваніе, какъ в. пр. онаго требуете съ уступкою Еникале совсѣмъ противно интересамъ Бл. Порты и разрушаетъ мира основаніе.—Съ своей стороны Обрѣсковъ доказывалъ, что безъ Еникале мореплаваніе и коммерція мѣста имѣть не могутъ, ибо Азовъ и Таганрогъ столько-же способны для строенія кораблей, сколько для доставленія безопасности Россіи. Рейсъ-эфенди опять предложилъ, что можно перевозить товары въ лодкахъ въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ на боль-

шія суда нагружать можно, а на вопросъ Обрѣскова: гдѣ содержать большія суда?—отвѣчалъ: въ Керчи. Но Обрѣсковъ возразилъ, что невозможно содержать флотъ свой въ чужой землѣ; точно такъ-же неудобна и предлагаемая турецкимъ посломъ отправка Россіею своихъ кораблей чрезъ Средиземное въ Черное море.

Въ заключеніе Р.-эфенди предложилъ, чтобы за разрѣшеніе мореплаванія и коммерціи Россія отказалась отъ Еникале; такимъ образомъ вопросъ о русскомъ судоходствѣ ставился въ тѣсную связь съ вопросомъ объ уступкѣ Россіи этой крѣпости.

Мы видѣли выше, что ставя Портѣ требованіе объ уступкѣ Россіи Еникале и Керчи, Екатерина имѣла двоякую цѣль: съ одной стороны—пріобрѣтеніе удобныхъ для стоянки кораблей портовъ въ Черномъ морѣ, а съ другой - пріобрѣтеніе такихъ пунктовъ, которые охраняли бы входъ въ Азовское море, а вмѣстѣ съ тѣмъ служили бы къ обузданію татаръ и къ огражденію Крыма отъ покушеній Порты возвратить татаръ подъ свою власть.

Въ 11-й и другихъ конференціяхъ, по поводу настояній Рейсъ-эфенди, что для сдерживанія татаръ Россіи достаточно Азова и Таганрога, что она можетъ положиться на обѣщаніе Порты не вмѣшиваться въ татарскія дѣла и что сохраненіе крымскихъ крѣпостей за Россіею опасно для Порты какъ потому, что тогда татары будутъ въ полномъ подчиненіи у Россіи, такъ и потому, что Порта утратитъ тогда возможность надзора за русскимъ флотомъ, Обрѣсковъ совершенно справедливо возражалъ, что: „Невѣроятно, чтобъ та самая держава, которая единственно ради собственной своей безопасности даетъ татарамъ вольность, помышлялабъ отнять оную; подобныя сумнѣнія неосновательны. Напротивъ того, очень вѣроятно, что та держава, которая толь неохотно соглашается на сію вольность, что не престаетъ прицѣпливаться къ оной и имѣетъ съ татарами многія корреспонденціи, сохраняетъ себѣ въ Крыму партизановъ и предоставляетъ себѣ духовное господство надъ ханомъ и судьями крымскими, помышляетъ при первой оказіи или когда Россія

занята будетъ постороннею какою войною, или же въ другомъ какомъ либо способномъ для себя обстоятельствѣ вновь приобрѣсть права столь великимъ трудомъ нынѣ уступляемыя. Порта, имѣя въ Крыму духовную власть, оставляетъ для себя съ татарами крѣпчайшій узелъ дружбы. По справедливости должно и Россіи равно твердое дружбы своей съ татарами имѣть основаніе, духовнымъ образомъ привязать ихъ къ себѣ, какъ Порта она не можетъ, то привязываетъ политическимъ, т. е. ручательствомъ ихъ независимости и удержаніемъ крѣпостей.“

Доводы эти были совершенно справедливы, но именно потому они и вызвали сильное сопротивленіе со стороны турецкаго посла.

Порта и сама понимала стратегическое значеніе этихъ крѣпостей, а такъ какъ у нея кромѣ того были доброжелатели, разъяснявшіе ей значеніе этого требованія Россіи, то понятны будутъ возраженія Рейсъ-эфенди противъ него. Онъ доказывалъ, именно, что для безопасности Россіи отъ татарскихъ набѣговъ ей достаточно имѣть въ своемъ владѣніи Азовъ и Таганрогъ, что если Еникале и Керчь останутся въ рукахъ Россіи, то въ случаѣ войны черезъ 3 или 4 года, она будетъ имѣть возможность послать 300 кораблей прямо въ Константинополь, что требуемые Россіею города: Керчь, Еникале, Очаковъ и Кинбурнъ всегда считались ключемъ къ татарскимъ землямъ. По словамъ Рейсъ-эфенди, Еникале и Керчь служатъ не только ключемъ къ крымскому полуострову, къ безопасности татаръ отъ замысловъ Россіи и къ безопасности Порты со стороны татаръ, но послѣ уступки Россіи, при свободномъ мореплаваніи, Еникале и Керчи, самъ „Константинополь не тою славною вѣчно пребывающею имперіи столицею именоваться уже можетъ, но градомъ смущенія и смятенія“ [8]). Всякая держава, говоритъ онъ, наиболѣе старается о безопасности столицы своей, а „изъ Еникале въ Константинополь съ однимъ парусомъ пріѣхать можно“, и такимъ образомъ столица имперіи становится

[8]) См. протоколъ 9 конференціи.

какъ бы пограничнымъ съ Россіею городомъ. Порта не можетъ уступить такое мѣсто, въ которомъ русскій флотъ изъ Константинополя въ подзорную трубку видѣть можно.

На возраженія турецкаго посла Обрѣсковъ отвѣчалъ, что въ предложеніяхъ Порты нѣтъ безопасности для Россіи, нѣтъ вольности для татаръ и нѣтъ мореплаванія и коммерціи, хотя эти послѣднія требованія „суть совсѣмъ другаго рода и не должны быть утверждаемы ни на какомъ воздаяніи". Этотъ принципъ онъ подкрѣпляетъ теоретическими соображеніями о свободѣ моря и о значеніи торговли въ международныхъ сношеніяхъ. „Море, говоритъ онъ, всѣмъ должно быть свободное, коммерція полезная; бѣлградскій-же трактатъ, лишившій противъ всякаго права Россію мореплаванія, настоящею войною былъ уничтоженъ". „Надобно быть въ великой крайности той державѣ, которая согласится принять отъ другой такіе законы какіе ставитъ Порта. По всякому праву на однихъ только рѣкахъ можно дѣлать такія запрещенія, а море по естеству есть всѣмъ свободное, и самый константинопольскій каналъ, не будучи дѣломъ рукъ человѣческихъ равно должно быть свободенъ и служить, къ чему натура его произвела, т. е. для сообщенія изъ Бѣлаго моря въ Черное". Это теоретическое соображеніе Обрѣсковъ подкрѣпляетъ и примѣромъ изъ международной практики: „Проходъ изъ Балтійскаго моря въ Сѣверный океанъ, говоритъ онъ, принадлежащій королю датскому, хотя труднѣе еще константинопольскаго канала, однакожъ всякаго рода и каждой націи суда свободнымъ пользуются чрезъ него сообщеніемъ изъ одного моря въ другое". Но Рейсъ-эфенди держался практической почвы. „Черное море намъ принадлежитъ", — возражаетъ онъ. — Обрѣсковъ: „т. е. одни только онаго берега". — Р.-эфенди: „Очень изрядно, мы не препятствуемъ плавать по морю, но запретимъ входить русскимъ судамъ въ наши гавани, и тогда мореплаваніе упадетъ само собою". Противъ такого довода возраженій, конечно не было. Также и на возраженіе, основанное на соображеніи объ опасности, представляющейся для Константинополя при разрѣшеніи Россіи неограниченнаго мореплаванія,

необходимо приходилось становиться на практическую почву. Поэтому Обрѣсковъ возражалъ, что хотя Константинополь лежитъ между двумя морями, но проходы къ нему отъ Чернаго и Средиземнаго моря хорошо защищены, поэтому и въ прежде бывшихъ многихъ войнахъ между Портою и разными европейскими державами имѣющими морскія силы, Константинополь никогда не подвергался нападенію непріятельскихъ флотовъ; нѣтъ возможности противъ воли Порты пройти въ константинопольскій каналъ,—двѣ баттареи у Маромола и Кавака могутъ привести въ опастность наиспльнѣйшій флотъ. Наконецъ въ настоящую войну уже два года Константинополь окруженъ русскими флотами,—въ Архипелагѣ нашъ флотъ господствуетъ, въ Черномъ морѣ мы владѣемъ дунайскимъ устьемъ, и еслибъ было возможно дѣлать какое-либо предпріятіе противъ Константинополя, то бы давно оно было произведено въ дѣйство. Но даже если допустить, что Россія заблагоразсудила бы послать въ Константинополь флотъ, то равно безъ Еникале и Керчи можетъ она это сдѣлать,—оба эти мѣста не возбраняютъ прохода кораблямъ, которые выше и тогда можно строить, какъ по нынѣ строились. Если Порта называетъ Очаковъ и Кинбурнъ ключами тѣхъ странъ, а Еникале и Керчь ключами къ проходу ихъ Азовскаго моря въ Черное, то ключи эти очень худые, когда не могли они даже сухимъ путемъ воспрепятствовать русскимъ завоеваніямъ, а не дозволеніе намъ Портою мореплаванія не воспрепятствовало Россіи аттаковать Порту и въ Черномъ морѣ, и въ Архипелагѣ. Наконецъ, что касается безпокойства, которое произведетъ въ турецкомъ народѣ уступка Россіи крѣпостей, то для сохраненія тишины въ подданномъ Портѣ народѣ, Россія ничѣмъ не обязана жертвовать.

На все это Рейсъ-эфенди возражалъ, что нападенія на Константинополь Россія не сдѣлала вѣроятно потому, что еще нынѣ къ тому ничего не пріуготовлено, но чрезъ 20 лѣтъ можно пріуготовиться; сверхъ того каждая держава натурально болѣе силы и охоты имѣетъ въ началѣ войны, нежели послѣ трехъ или четырехъ выдержанныхъ кампаній.

Въ такомъ положеніи были мирные переговоры послѣ 13 конференцій,—главное затрудненіе заключалось въ вопросахъ объ уступкѣ Россіи Еникале и признаніи неограниченной свободы русскаго мореплаванія. Порта соглашалась на свободу торговаго судоходства; также по заявленію Рейсъ-эфенди можно было надѣяться на уступку Россіи Еникале, если-бы Портѣ предоставлена была напротивъ Еникале какая либо другая крѣпость или мѣсто къ построенію новой Обѣ стороны настаивали впрочемъ на необходимости имѣть Еникале въ своей власти, Обрѣсковъ—для безопасности Россіи и независимости татаръ,Рейсъ-эфенди—для безопасности Порты и Константинополя. Рейсъ-эфенди въ успокоеніе Обрѣскова представлялъ, что Порта обязуется не предпринимать ничего противъ татаръ. Но Обрѣсковъ вполнѣ основательно возражалъ, что „хотя обѣщанія суть изъ большихъ между державами достовѣрностей, однакоже непристойно на нихъ однихъ полагаться; каждая война значитъ нарушеніе какого-либо трактата; всякая держава обѣщаетъ, обязуется, и въ то-же время не оставляетъ принимать благопристойныя мѣры; къ сохраненію долговременной дружбы надобно въ дружбѣ поступать такъ, чтобы въ случаѣ недружества не оказаться въ накладѣ. Если Порта почитаетъ Еникале ключемъ Константинополя, то Россія почитаетъ оную равномѣрно ключемъ собственной безопасности, ключемъ вольности татаръ и ключемъ мореплаванія. Послѣ заключенія мира Порта можетъ удостовѣрена быть наискреннѣйшею дружбою отъ стороны императрицы, но никакіе посторонніе виды не могутъ принудить монарховъ отказаться отъ интересовъ ихъ государствъ; соблюденіе сего интереса будучи первоначальный долгъ возложенный на нихъ отъ Всевышняго, императрица не можетъ подарить того, отъ чего непремѣнно зависитъ безопасность ея имперіи, сохраненіе даннаго ею татарамъ слова (гарантія ихъ вольности), мореплаваніе и коммерція... Безъ Еникале вся польза со стороны Россіи состояла-бы въ однихъ только рѣчахъ, и вся ея безопасность въ однихъ только обѣщаніяхъ.

Какъ-бы то ни было, видя склонность Порты къ нѣко-

торымъ уступкамъ, Обрѣсковъ обратился въ Петербургъ, (15 декабря) съ просьбою рѣшительныхъ наставленій. Между тѣмъ настроеніе Порты измѣнилось. Въ письмѣ Панину отъ 22 декабря Обрѣсковъ пишетъ, что „15-я и 16-я конференціи совсѣмъ уже на прежнія не походятъ, такъ какъ теперь рейсъ-эфенди уже требуетъ возвращенія туркамъ всѣхъ крѣпостей какъ крымскихъ, такъ и кубанскихъ, завоеванныхъ русскими, а „коли оныя крѣпости и города остаются татарамъ, (не говоря однакоже ни слова о Еникале, имѣющей оставленною быть Россіи), то бы всякое кораблеплаваніе по Черному морю и коммерція мѣста своего отнюдь не имѣли, да и упорство въ уступкѣ пустого Азовскаго уѣзда съ требованіемъ во удовлетвореніе всѣхъ въ Архипелагѣ въ нашей власти находящихся острововъ, нимало не сходствуетъ съ тѣмъ желаніемъ „которое казалося быть въ Портѣ—достигнуть какъ наискорѣе окончанія сей войны". Такая перемѣна крайне удивила Обрѣскова, ибо Р.-Эф. „понынѣ поступалъ такъ сказать кротко, теперь-же вдругъ зачалъ дѣлать затрудненіе въ дѣлахъ онаго недостойныхъ; къ иному сію странную отмѣну приписать не могу, какъ къ полученнымъ имъ отъ султана новымъ повелѣніямъ... полагаясь можетъ быть на чаемую имъ сильную диверсію шведской короны, которую находящійся тамъ министръ онаго двора съ помощниками другихъ дворовъ представляетъ скорою и сильною, а притомъ станется, что сему споспѣшествовало и еще дошедшее до знанія Порты случившееся на Дону, или же спознаніе турецкимъ посломъ о выводѣ изъ здѣшняго края многихъ полковъ, изъ чего онъ можетъ быть заключаетъ быть большой нуждѣ въ другихъ мѣстахъ. Что бы то ни было, однакожъ я вижу нѣкоторую въ желаніи Порты видѣть мирное дѣло оконченнымъ великую отмѣну, такъ что тотъ-же Р.-Эф. въ дѣлахъ, въ которыхъ мы согласились и въ 15-й конференціи точно условились какимъ образомъ отъ насъ мирные артикулы составлены быть имѣютъ во взаимныхъ сообщеніяхъ плановъ оныхъ артикуловъ, онъ сталъ путать все противное собственнымъ прежнимъ своимъ рѣчамъ... Но отмѣнность турецкаго посла въ его отзывахъ,

въ моихъ не дѣлаетъ никакой перемѣны: при справедливой твердости сохраняю умѣренность, дабы не быть порицаему излишнею горячностію и быть причиною безплодности и сего нашего съѣзда“...

Дальнѣйшія конференціи представляютъ уже въ главныхъ чертахъ повтореніе доводовъ за и противъ уступки Еникале, предъявленныхъ сторонами ранѣе. Въ ожиданіи рѣшительнаго отвѣта изъ Петербурга уполномоченные занялись второстепенными статьями трактата. Довольно трудно было добиться уступки Портою Азова безъ замѣны ея взаимною уступкою со стороны Россіи. Наконецъ и это было достигнуто. Но тутъ опять возникли затрудненія по вопросу о признаніи независимости татаръ. 12 января Обрѣсковъ писалъ, что съ 19 декабря, по полученіи турецкимъ посломъ куріера изъ Константинополя, послѣдній сильно измѣнился въ своемъ поведеніи. Цегелинъ, въ письмахъ къ Обрѣскову подтверждалъ измѣненіе въ намѣреніяхъ Порты, сообщалъ о подозрительномъ поведеніи Тугута, Порта жаловалась на А. Орлова, а морскія державы агитировали противъ разрѣшенія Россіи даже торговаго судоходства. Все это, въ связи съ шведскимъ переворотомъ усиливало упорство Порты. Въ 22 конференціи предмѣтомъ преній опять былъ вопросъ о независимости татаръ.

Требованіе Обрѣскова, чтобы Порта признала Россію ручательницею независимости татаръ возбуждало сильныя подозрѣнія, что подъ этимъ требованіемъ скрываются скрытые замыслы противъ татаръ. Р.-эфенди прямо высказалъ это, ссылаясь въ подтвержденіе своихъ опасеній на примѣръ Польши, которая тоже состояла подъ гарантіею. Обрѣсковъ употребилъ всѣ старанія, чтобы разубѣдить турецкаго посла и увѣрить его въ недостаточности для Россіи обѣщаній Порты, что она не предприметъ ничего противъ независимости татаръ. „Добрую вѣру и взаимную довѣренность, - говорилъ онъ,— которыя при постановленіи трактатовъ должны имѣть обѣ контрактующія стороны, не только не должны препятствовать въ принятіи предосторожностей, но напротиву того должны заставлять каждую сторону ко усугубленію оныхъ,

иначе къ чему служила бы предписанная форма трактатовъ и артикуловъ и то торжественное пріуготовленіе, съ которымъ все въ негоціаціяхъ постановляется; одно простое письмо или данное и записанное слово, ко всему довольно бы было; но предположенными отъ прошедшихъ вѣковъ обрядами, сопряжена въ негоціаціяхъ предосторожность съ благочиніемъ и благоразумно уничтожена въ оныхъ *малость пункта честности*, ибо мирные договоры долженствуютъ связывать не только произволенія постановляющихъ оныя, но и тѣ произволенія, коихъ еще въ существѣ нѣтъ, т. е. предбудущихъ родовъ, и должны служить основаніемъ и правиломъ поведенія ихъ. Всеконечно дворъ мой вѣритъ и наипростѣйшимъ обѣщаніямъ настоящаго Порты правленія. но къ продолженію сей взаимной довѣренности и на предбудущія времена, нужно въ настоящемъ дѣлѣ подтвердить обѣщанія Бл. Порты о вольности татаръ, росс. двора ручательствомъ нужно уравновѣсить духовную ея Бл. Порты надъ татарами власть и обязать на всегда въ предбудущія времена преемниковъ своихъ должностію воспринятаго ручательства къ соблюденію той вольности.... Если Порта не взирая на предоставленную себѣ надъ татарами духовную власть утверждаетъ, что одними обѣщаніями довольно удостовѣрена со стороны ея татарамъ вольность, то и перенятая дворомъ моимъ гарантія никакого со стороны Россіи не приноситъ той вольности предосужденія, ибо она равно торжественными двора моего обѣщаніями удостовѣрена, а сверхъ сего и самопроизвольнымъ его въ томъ поступкомъ. То неправда, чтобъ быть ручателемъ какой либо націи, значило быть надзирателемъ оной или чтобъ титулъ гаранта заключалъ въ себѣ права противныя и предосудительныя вольности, самовластію или преимуществамъ націи, подъ гарантіею состоящей; точно гарантія называется та порука, которая употребляется отъ сильныхъ государствъ для предохраненія и удостовѣренія другъ противъ друга находящихся между ими малыхъ областей. Имперіи россійской, Портѣ оттоманской и другимъ подобнымъ имъ великимъ государствамъ нѣтъ нужды въ ручателяхъ; напротиву того тата-

рамъ яко малосильной націи, мѣстоположеніе свое имѣющей между двумя столь сильными державами, для утвержденія новой ихъ вольности, какъ противу постороннихъ покушеній, такъ и противу внутреннихъ злоумышленниковъ и дабы подать всѣмъ составляющимъ оную членамъ болѣе довѣренности и доброй надежды въ настоящемъ ихъ состояніи нужно ручательство, т. е. торжественное обязательство сильной имперіи предохранять и защищать вольность ихъ противу каждаго и всѣхъ. Польскія дѣла словесно и письменно в. пр-ву отъ меня объяснены были и я не понимаю, какъ можетъ ставить въ примѣръ дѣла, съ настоящими столь различествующія министерство Бл. Порты; ежели къ направленію поведеній его необходимо надобны примѣры, то для чего не взирать на цвѣтущее состояніе нѣмецкой земли, послѣ вестфальскаго трактата состоящей подъ ручательствомъ постороннихъ державъ, безъ котораго уже бы давно приведена была въ состояніе, мало отъ неволи разнствующее. Обѣщанія Бл. Порты прямо сказать до тѣхъ поръ достаточны, пока тѣ живутъ, которые ихъ дѣлаютъ, а вамъ самимъ извѣстно, что трактаты по большой части относятся для потомственныхъ правленій“...

Чтобы отнять у Порты предлогъ утверждать, что подъ русскимъ требованіемъ гарантіи въ независимости татаръ Россія скрываетъ какіе-либо скрытые замыслы, Обрѣсковъ предложилъ, чтобы и Порта приняла на себя такое-же ручательство. Въ дѣйствительности и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ поступилъ самовольно, но онъ справедливо признавалъ въ этомъ единственное средство къ дѣйствительному огражденію и упроченію татарской независимости и къ отвращенію упорства Порты, „а въ противномъ случаѣ заставить обнаружиться передъ цѣлымъ свѣтомъ, что она татаръ вольными признаетъ не существительно, а только на словахъ.“ [1]) Рейсъ-эфенди обѣщалъ сообщить объ этомъ предложеніи Портѣ.

Цегелинъ по прежнему сообщалъ что „гордость вѣролом-

---

1) Ср. письмо Панину № 14 отъ 19 янв. 1773 въ приложеніи 47

наго непріятеля съ каждымъ днемъ возрастаетъ, а между тѣмъ полученный въ это время Обрѣсковымъ изъ Петербурга отвѣтъ въ формѣ рескрипта императрицы отъ 10 января 1773 г. относительно Еникале и мореплаванія былъ далеко не таковъ, чтобы можно было надѣяться на благополучный исходъ конгресса.

Въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., въ дѣлахъ по сношеніямъ въ Турціею [1]) хранится рескриптъ Обрѣскову отъ 10 янв. 1773 г., содержащій ультиматумъ русскихъ условій. Но любопытно сравнить его окончательную редакцію съ первоначальнымъ проектомъ, составленнымъ вѣроятно Панинымъ. Этотъ послѣдній мы имѣемъ (тамъ-же) въ двухъ экземплярахъ,—1) въ черновомъ первоначальномъ видѣ съ измѣненіями, сдѣланными вѣроятно по приказанію императрицы еще въ декабрѣ 1772 г., и 2) въ видѣ исправленнаго и перебѣленнаго экземпляра, предназначавшагося вѣроятно къ поднесенію къ подписи государыни, и на которомъ Екатерина сдѣлала собственноручную приписку. Въ виду интереса сличенія мнѣній Панина и Екатерины объ условіяхъ для примиренія нашего съ Турціею, мы приведемъ въ текстѣ рескриптъ въ его окончательной редакціи, а въ примѣчаніяхъ отмѣтимъ варіанты изъ первыхъ двухъ редакцій.

„Б. М. мы Екатерина вторая и т. д. Нашему т. с. Обрѣскову.

„Разсматривая всегда съ особливымъ вниманіемъ получаемыя отъ васъ депеши и протоколы конференцій вашихъ съ турецкимъ полномочнымъ посломъ, имѣемъ мы причину быть совершенно довольными тщаніемъ и искусствомъ съ которыми предуспѣли уже вы привесть разныя статьи будущаго мирнаго постановленія въ рѣрательное соглашеніе и опредѣленіе. Весьма желательно и полезно было бъ, чтобъ и остальныя въ затрудненіи и прекословіи остановившіеся договоры о нашей навигаціи и объ уступкѣ намъ крымскихъ мѣстъ Керчи и Еникаля съ ихъ окружностію таково-же легко могли изъ среды изъяты быть. Но къ сожалѣнію нашему принуждены мы видѣть, что всѣ ваши усильнѣйшія убѣжденія не могли въ семъ случаѣ преодолѣть турецкой претительности и что вы

[1]) Affaires séparées, связ. 10.

обще съ рейсъ-ефендіемъ нашлись въ нуждѣ и необходимости требовать отъ дворовъ новыхъ и точнѣйшихъ предписаній. Сіе обстоятельство будучи теперь по всей вѣроятности единственною причиною непріятной остановки въ дѣйствительномъ и конечномъ совершеніи блаженнаго мира, долженствуетъ тѣмъ паче обращать на себя всю нашу атенцію. Мы хотимъ теперь для сего самаго войти съ вами въ ближайшія разсужденія о существѣ обоихъ сихъ пунктовъ и объявить вамъ чрезъ сіе послѣднія и крайнія наши по онымъ желанія и намѣренія, дабы вы съ своей стороны въ состояніи быть могли по полученіи рейсъ-ефендіемъ новыхъ имъ отъ Порты требованныхъ наставленій, безпечно приступить къ положенію послѣдней руки на мирное дѣло по сю пору обоими вами толь далеко уже доведенное.

„Признаніе и сохраненіе татаръ въ качествѣ совершенно вольной и независимой области есть пунктъ интересующій въ высшемъ степенѣ честь и безопасность имперіи нашей. Для одержанія на то турецкаго согласія, дозволивъ уже Портѣ духовное султаномъ благословеніе всѣхъ будущихъ крымскихъ хановъ купно съ другими выгодами по магометанскому закону, не можемъ мы въ равновѣсіе симъ важнымъ уступкамъ имѣть другаго залога въ собственную нашу надежность, кромѣ твердой ноги въ самомъ крымскомъ полуостровѣ. Для сего самаго требуемъ мы во владѣніе наше Керчи и Еникаля, ибо безъ того ручательство наше татарамъ толь свято и торжественно формальнымъ трактатомъ обѣщанное не могло бы имѣть мѣста. По такому изъятія и отмѣны нетерпящему уваженію нельзя намъ никоимъ образомъ отступить отъ своего въ разсужденіи сихъ двухъ мѣстъ единожды учиненнаго требованія, которое вы потому и имѣете почитать ультиматомъ изъ ультимата.

„Но чтобъ однакожъ сухимъ на отрѣзъ отказомъ по сему пункту не разорвать вновь мирной негоціаціи и тѣмъ самымъ не возжечь такъ сказать совсѣмъ новой войны, надобно здѣсь подробно разсмотрѣть полагаемые съ турецкой стороны вопреки требованію нашему резоны и преподать вамъ тѣ способы, кои по мнѣнію нашему къ преломленію ихъ упорства другими поманками служить могутъ.

„Въ данной вамъ отъ насъ на конгрессъ инструкціи и послѣдовавшихъ за оною повелѣніяхъ, говоря о дѣлѣ вольности и независи-

мости татарскаго народа, полагали мы вездѣ непремѣнною кондиціею, чтобъ всѣ крымскіе города и крѣпости оному въ полное и совершенное владѣніе отъ Порты уступлены были безъ равнаго требованія о находящихся на Кубанѣ турецкихъ городахъ и крѣпостяхъ, какъ въ такой сторонѣ, которая отъ границъ нашихъ весьма удалена и находится безъ всякаго обитанія, кромѣ временнаго туда выхода изъ горъ тамошнихъ дикихъ народовъ. Вы напротивъ того не сдѣлали въ предложеніяхъ своихъ никакого различія между крымскими и кубанскими городами и крѣпостями, чѣмъ самымъ и предоставили себѣ, къ особливой нашей благоугодности, дверь къ новому сношенію.

„Когда сей рескриптъ до рукъ вашихъ дойдетъ, до того времени конечно уже будетъ имѣть рейсъ-ефендій отъ Порты рѣшительныя свои наставленія. Если они будутъ снисходительны до такого градуса, что вы съ своей стороны возможете удовлетворить имъ дозволенными вамъ въ инструкціи и въ прежнихъ нашихъ повелѣніяхъ снисхожденіями, которыя яко послѣднія средства по сю пору удержались вы еще предлагать, въ такомъ случаѣ ничто уже не воспрепятствуетъ вамъ искусно обращая ихъ въ свою пользу, достигнуть безъ дальнихъ хлопотъ заключенія желаемаго мира; но если иногда Порта настоявшія по нынѣ затрудненія указомъ своимъ подтвердитъ или же по крайней мѣрѣ затѣетъ вмѣсто сныхъ другія, не меньше прихотливыя требованія, тогда надобно вамъ будетъ стараться оныя отвращать, уменьшать и замѣнить другими податливостями на основаніи ниже сего дозволяемыхъ послѣднихъ предѣловъ нашей умѣренности и истиннаго нашего желанія видѣть какъ можно скорѣе счастливый конецъ военныхъ безпокойствъ.

„Въ оспариваніяхъ своихъ противу уступки намъ крѣпости Еникаля говорилъ между прочимъ рейсъ-ефендій по протоколу 13-й съ нимъ конференціи: «1) что такъ совершенно свободное мореплаваніе, какъ вы требовали съ уступкою Еникале совсѣмъ противно интересамъ Порты и разрушаетъ мира основаніе; 2) что каждая держава ищетъ во-первыхъ безопасности собственной ея столицы, которой Константинополь безъ всякаго сумнѣнія лишается, ежели Россіи при такъ вольномъ мореплаваніи достанется крѣпость Еникале, и что когда бы Порта имѣла другую какую-либо крѣпость въ тѣхъ странахъ, тобъ онъ рейсъ-ефендій никакого не учинилъ затруд-

ненія уступить Россіи Еникале; 3) что онъ кленется вамъ, что еслибъ Порта имѣла одну только въ тѣхъ мѣстахъ крѣпость или мѣсто къ построенію новой, то бы онъ безъ всякаго затрудненія согласился уступить Россіи Еникале и Керчу; 4) что съ крѣпостей турецкихъ на берегахъ европейскихъ и азіятскихъ Чернаго моря, ниже прохода изъ Еникале въ море россійскаго флота видѣть нельзя; 5) чтобъ вы сыскали другое какое мѣсто для безопасности Порты, и что онъ тогда Еникале тотчасъ уступитъ; 6) что онъ уже получилъ въ отвѣтъ повелѣніе стараться, дабы за мореплаваніе и комерцію осталась Портѣ крѣпость Еникале. А на послѣдокъ по протоколу 14-й конференціи,—что Еникале есть единственный ключъ безопасности турецкой столицы отъ Чернаго моря, и слѣдовательно не сыскавъ другаго для безопасности Константинополя мѣста, сего уступить не можно».

„Отъ искусства и остроумія вашихъ несумнѣнно ожидаемъ мы, что до полученія сего рескрипта предуспѣли уже вы на держанныхъ между тѣмъ конференціяхъ познать рѣшительныя резолюціи Порты и поколику они тѣмъ или другимъ образомъ въ пользу требованія нашего о Керчѣ и Еникалѣ обращены быть могутъ. Изъ упомянутыхъ выше рѣчей рейсъ-ефендія видно, что Порта съ своей стороны непремѣнно желаетъ имѣть для себя въ Крыму крѣпость: но мы на сіе отнюдь согласиться не можемъ, и развѣ удовольствуется она тѣмъ, чтобъ ей уступить и оставить во владѣніе всѣ города и крѣпости на Кубанѣ, которыя вы по сю пору толь благоразумно смѣшивали вмѣстѣ съ крымскими, исключая изъ того одинъ островъ Тамань, которой нуженъ къ безпосредственному сообщенію крымскихъ татаръ съ нагайскими ордами.

„Ежели однакожъ рейсъ-ефендій таковою въ разсужденіи Кубани уступкою не захочетъ еще удовольствоваться, въ такомъ случаѣ, и слѣдовательно въ самой уже крайности, не возбраняемъ мы вамъ еще и на самомъ таманскомъ островѣ отдать въ диспозицію и владѣніе Порты въ углу онаго къ Черному морю достаточное мѣсто къ построенію крѣпости и къ снабженію ея нужными угодьями. Такимъ образомъ будетъ имѣть и Порта равной Еникальскому ключъ въ Черномъ морѣ, закроетъ съ стороны онаго не только столицу свою, но и всѣ уже приморскіе свои города и селенія, а сверхъ того и будетъ еще въ состояніи видѣть всегда суда наши при Ени-

кале и ниже сего мѣста, о которомъ неудобствѣ именно вызывался рейсъ-ефендій на 13-й конференціи.

„Вы не оставите конечно, предъявляя съ своей стороны къ статѣ и ко времени сіи облегчительные способы, употребить напередъ всевозможное стараніе, чтобъ Порту если только можно будетъ, отпотчивать одними кубанскими крѣпостями, и не инако уже снизойтить въ разсужденіи таманскаго угла, какъ по усмотрѣніи сущей невозможности инако ее удовольствовать, ставя ей въ семъ послѣднемъ случаѣ уступку онаго какъ можно въ выгодную и Еникальской крѣпости въ совершенно равновѣсную цѣну, какъ и въ самое доказательство истиннаго нашего желанія оставаться на всегда съ нею въ мирѣ и добромъ согласіи [1]).

„Что напротивъ того касается до пункта торговли и мореплаванія, въ ономъ неотмѣнно надобна намъ совершенная свобода на такомъ основаніи, какъ вами понынѣ требовано, безъ всякихъ съ турецкой стороны въ той и другомъ стѣсненій и ограниченій. Самъ рейсъ-эфендій отзывался сверхъ всего выше о Еникалѣ приведеннаго и не меньше до сей щекотливой матеріи относительнаго, что

---

[1]) Зачеркнуто въ первоначальной редакціи: Но если Порта ни тѣмъ, ни другимъ довольна не будетъ и неотмѣнно въ упорствѣ своемъ о Еникале настоять станетъ, вы же совершенно удостовѣритесь, что всѣ ваши вопреки резоны и снисхожденія тщетны были и тщетными остаются, въ сей крайности позволяемъ мы вамъ далѣе благоразумно предохраненное вами донынѣ домогательство о разореніи Очакова и объ уступкѣ намъ Кинбурна въ промѣнъ за Бендеры употребить послѣднею батареею и по необходимости уже принесть оное въ жертву дѣйствительному миромъ окончанію вашей негоціаціи. Равнымъ образомъ соизволяемъ мы въ другое съ нашей стороны не меньше важное облехченіе сему блаженному дѣлу удовольствоваться свободнымъ мореплаваніемъ по Черному морю до Константинополя, гдѣ уже будетъ стапель нашей торговли, безъ всякаго притомъ ограниченія на европейскихъ и азіятскихъ берегахъ сего моря, гдѣ только торговля производима быть можетъ и съ выговореніемъ для купеческихъ судовъ потребнаго числа пушекъ для внутренней на оныхъ службы и для обыкновенныхъ салютацій. О военныхъ корабляхъ можно прибавить, что они въ мирное время далѣе своихъ владѣній въ море выводимы быть не имѣютъ, чѣмъ наружно совершенное взаимство соблюдено будетъ; но въ существѣ нашъ военный флотъ долженъ будетъ безвыходно оставаться въ своихъ пристаняхъ, ибо нѣтъ способности ходить ему по Азовскому заливу.

«Порта позволяетъ уже свободное кораблеплаваніе и въ Бѣломъ морѣ однимъ купеческимъ судамъ съ потребными пушками и военн. снарядами къ защищенію себя отъ случающихся въ тѣхъ моряхъ разбойниковъ, и что онъ еще и о военныхъ корабляхъ Портѣ представитъ и думаетъ, что когда нужда того потребуетъ, можно будетъ и военные корабли посылать". Изъ сего можно заключать, что Порта полную свободу морской торговли и кораблеплаванія поставляетъ невозможною съ своей стороны кондиціею въ зависимости только требуемой нами уступки Еникаля безъ дозволенія ей другаго и подобнаго сему ключа въ Черномъ морѣ; почему когда теперь сіе неудобство въ пользу ея изъ среды изнимается, можно вамъ съ тѣмъ большимъ основаніемъ требовать оной свободы, что нынѣ прежніе ея вопреки резоны мѣста уже имѣть не могутъ. Предъявляя сіе уваженіе въ свойственнѣйшемъ и убѣдительнѣйшемъ образѣ, можете примѣтить рейсъ-ефендію, что хотя онъ и одержитъ по желанію нашему нестѣсненное кораблеплаваніе, однакожъ оное въ самомъ существѣ будетъ по самой физической необходимости сокращаться въ одномъ торговомъ плаваніи, ибо мы особливымъ искуствомъ довольно и предовольно испытали, что воды въ Черномъ морѣ къ нашей сторонѣ не могутъ поднимать и носить большихъ кораблей, и что для оныхъ нѣтъ на нашихъ онаго берегахъ и ни одной удобной пристани, слѣд. же все упорствованіе Порты устремляется противу одной мечты: но мы въ томъ ей снизойти не можемъ для наружнаго предъ свѣтомъ лица и для чести имперіи нашей, дабы не показать публикѣ, что мы и въ самую счастливую для насъ войну принуждены были принять отъ непріятеля законы,[1]) да и еще для того, что всѣ дружественныя съ Портою державы никакого трактатами ограниченія не имѣютъ, и всѣ ихъ корабли купеческіе и военные приходятъ къ самому Царюграду. Вперяя сколько можно вразумительнѣе всѣ сіи явныя и неоспоримыя истины турецкому послу, можете вы далѣе присовокупить, что хотя намъ Порта и обѣщаетъ трактатомъ свободное кораблеплаваніе, сіе однакожъ, когда бы мы и предуспѣли напослѣдокъ такъ сказать вопреки самаго естества

[1]) Далѣе слѣдуетъ редактированная Панинымъ собственноручная приписка Екатерины: «и для того еще, что сіи Порты ограниченіи места не имеютъ со всеми другими державами, кораблемъ конхъ безъ различія военныхъ ли или купеческихъ приходить къ самому Царяграду».

завести у себя нѣсколько военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, не будетъ ее нимало обязывать и безъ всякаго о томъ точнаго выговорения къ допущенію въ свои порты цѣлыхъ эскадръ, какъ то и всѣ европейскія державы обыкновенно между собою чинятъ, дѣлая у себя въ землѣ внутреннее распоряженіе, въ какомъ числѣ принимать и допускать въ свои гавани военныя суда другихъ государей. Извѣстное дѣло, что Порта, какъ выше сказано, не возбраняетъ входа и въ самый Константинопольскій каналъ всѣхъ другихъ съ нею въ дружбѣ находящихся дворовъ, по какому же резону хочетъ она исключить, и исключить трактатомъ, изъ сего генеральнаго положенія одну Россію, которая съ своей стороны всѣ способности преподаетъ къ основанію и утвержденію впредь мира и истинной дружбы на такихъ началахъ, кои бъ существомъ своимъ сколько въ человѣчествѣ возможно непоколебимы были? Время и искуство прежнихъ трактатовъ доказали, что полагаемыя въ оныхъ невмѣстныя исключенія составляютъ всегда корень взаимной недовѣрки, многихъ напрасныхъ хлопотъ, да и дѣйствительной остуды. Для чего-же намъ теперь изъ доброй воли подвергаться толь важному неудобству и для чего особливо упорствовать далѣе Портѣ противу нашего желанія, когда мы съ своей стороны снисходимъ на ея требованіе и вручаемъ ей на таманскомъ острову подобной еникальскому ключъ для Чернаго моря? Изъ всего вышеписаннаго слѣдуетъ, что мы въ свободѣ торговли и мореплаванія, какъ уже и сказано, никакого исключенія дозволить не можемъ, что вы рейсъ-ефендію необинуясь сказать имѣете, толкуя ему однако въ то-же время, что Портѣ отъ уступки въ семъ случаѣ совсѣмъ нечего опасаться и обѣщая притомъ сильнѣйшимъ образомъ, но словесно, что мы никогда и ни для чего не подадимъ ей повода къ сумнѣніямъ и недовѣркѣ нашими военными судами на Черномъ морѣ, тѣмъ паче, что большіе военные корабли по мелководію на Черномъ морѣ ходить не могутъ и росс. военныя суда, кои строятся на Дону, по мелководію-же, менѣе всякаго по сю пору на томъ морѣ видимаго турецкаго купеческаго корабля. Между тѣмъ, для показанія туркамъ, что мы теперь послѣднія истощаемъ удобности, можете вы внушить рейсъ-ефендію, прежде вступленія еще въ трактованіе несоглашенныхъ артикуловъ, или-же въ самое оныхъ трактованіе, по лучшему вашему усмотрѣнію пристойнѣйшаго къ тому времени, что послѣ

сихъ ультиматовъ вновь вамъ дозволяемыхъ, ежели и оные отъ Порты отвергнуты будутъ, не можетъ она ожидать и надѣяться продолженія перемирія далѣе 9 марта, и что по истеченіи сего срока долженствуютъ уже возобновиться военныя дѣйствія по напрасномъ жертвованіи отъ насъ для мира всѣхъ безъ изъятія успѣховъ оружія нашего на морѣ и на сухомъ пути, и по потерянiи напрасно толь долгаго времени для цѣлой кампаніи по единому токмо истинному желанію съ нашей стороны поспѣшествовать всѣми удобь возможными способами прекращенію военнаго бѣдствія

„Да отвратитъ однакожъ десница Всевышняго благостію своею сію человѣколюбивому и матернему нашему сердцу толь прикрую и оскорбительную крайность: но да увѣнчаетъ паче скорымъ и блаженнымъ миромъ труды и подвиги ваши [1]).

„Впрочемъ всемилостивѣйше апробуя придуманныя вами самими и рейсъ-ефендію предложенные уже артикулы сверхъ инструкціи нашей, охотно признаемъ мы въ оныхъ плодъ персональнаго вашего усердія и локальнаго знанія дѣлъ нашихъ съ Портою, довольствуясь только примѣтить, что 5-ю статью изъ проектованнаго вами 16-го артикула, гдѣ говорится: «равнымъ образомъ Росс. дворъ счелъ бы себѣ за одолженіе, еслибъ Бл. Порта дала обѣщаніе употребить кредитъ и власть свою къ приведенію Трипольскаго, Тунисскаго и Алжирскаго кантоновъ сдѣлать съ Россіею трактатъ дружбы и коммерціи, и въ оныхъ была бы за нихъ ручательницею», совсѣмъ исключить должно, и вмѣсто того выговорить акордованное Портою въ разсужденіи нѣмецкихъ кораблей, т. е. чтобы при взаимной дружбѣ обѣихъ имперій, а притомъ и подъ покровительствомъ Бл. Порты, Росс. купеч. суда могли безопасно плавать. Сіи суть точно собственныя ваши къ рейсъ эф. въ 13-й конференціи записанныя слова. Въ заключеніе пребываемъ... Данъ въ Сп.бургѣ 10 генв. 1773 г.»

По поводу этого рескрипта нужно замѣтить, что въ своемъ мнѣніи Екатерина шла и противъ Панина, и противъ Совѣта. Именно, въ засѣданіи Совѣта 31 декабря 1772 г. читаны были депеши Обрѣскова отъ 15 декабря съ запросомъ его по поводу крѣпостей въ Крыму и неограниченнаго ко-

[1]) Этимъ предполагалось (Панинымъ?) закончить рескриптъ, такъ какъ въ черновомъ послѣ этихъ словъ зачеркнуто: „данъ въ Спбгѣ декабря 1773.“ Слѣдующее приписано позднѣе.

раблеплаванія, и заготовленныя вслѣдствіе этого Панинымъ сообщенія берлинскому и вѣнскому дворомъ, которыми предполагалось извѣстить ихъ, что для споспѣшествованія въ возстановленіи мира Россія соглашается оставить туркамъ находящіеся на Кубанѣ города, исключая Тамань, отступаетъ отъ требованія Кинбурна и разоренія Очакова, и удовольствуется однимъ торговымъ на Черномъ морѣ кораблеплаваніемъ. Въ протоколѣ засѣданія говорится, что „Совѣтъ нашелъ сіи сообщенія согласными съ прежними положеніями и могущими объяснить мирную негоціацію, а тѣмъ и обезпечить заключеніе столь желаемаго мира.“ [1]) Затѣмъ, 2 января, Совѣтъ собрался для соглашенія, въ присутствіи императрицы, новыхъ наставленій Обрѣскову по донесеніямъ его отъ 15 декабря; но императрица въ засѣданіе не явилась, и потому оно отложено до 3 января. Здѣсь Екатерина, по выслушаніи этихъ донесеній и данныхъ ему инструкцій и повелѣній относительно кораблеплаванія и крѣпостей, написала резолюцію: „Кораблеплаваніе на Черномъ морѣ Россія требуетъ свободное. Всѣ прочія турецкія раздробленія излишни: ибо по мелководію большіе военные корабли по Черному морю ходить не могутъ, и россійскія военныя суда, кои строятся на Дону, по мелководію меньше всякаго по сю пору на Черномъ морѣ видимаго турецкаго купеческаго корабля.“ Къ этому императрица прибавила устно, что для успокоенія турокъ въ мнимой ихъ опастности достаточно этого изъясненія, и что послѣ столь славной войны было бы предосудительно для имперіи и для собственной ея славы сносить предписанія турокъ. На это Совѣтъ представлялъ, что хотя Обрѣсковъ и не оставитъ по даннымъ ему наставленіямъ стараться о постановленіи мира безъ этого ограниченія; но что „потребно однакожъ снабдить его новыми наставленіями на случай, еслибъ турки заупрямились и не стали заключать его безъ того (ограниченія), или же безъ полученія ими мѣста въ Крыму; что въ семъ обстоятельствѣ лучше согласиться на ограниченное кораблеплаваніе, нежели допустить ту-

[1]) Арх. Госуд. Сов. I, 223

рокъ опять въ Крыму окорениться; что имѣя торговыя суда, можемъ ихъ всегда въ случаѣ надобности обращать въ военные; что и съ сими предѣлами нашъ миръ славенъ и полезенъ будетъ, и что весьма прискорбно было бы, еслибъ сіе только могло еще разорвать негоціацію и возобновить войну, а особливо въ такое время, когда мы находимся въ критическомъ съ Швеціею состояніи.“ Но на все это императрица отвѣчала „что опасаясь шведовъ, сумнѣваемся мы о собственныхъ своихъ силахъ; что въ цѣну Еникале можно поставить оставленіе туркамъ городовъ на Кубани (кромѣ Тамана), или Очакова съ Кинбурномъ, или уступку на таманскомъ островѣ угла для построенія крѣпости, или-же и самое возвращеніе молдавскаго и волошскаго княжествъ, и что она не согласится на перемѣну своего о кораблеплаваніи соизволенія, пока Совѣтъ ни представитъ иныхъ причинъ, болѣе къ тому побуждающихъ.“ [1]) Наконецъ, въ засѣданіе 5 января „Совѣтъ собрался для выслушанія заготовленнаго къ Обрѣскову рескрипта и нашелъ оный во всемъ согласнымъ съ высочайшимъ ея имп. в-ва соизволеніемъ, въ послѣднее засѣданіе воспослѣдовавшимъ.“ [2])

Мы уже замѣтили выше, что Панинъ расходился въ мнѣніяхъ съ Екатериною относительно поставленнаго ею ультиматума. Онъ препроводилъ рескриптъ при письмѣ отъ себя къ Обрѣскову отъ того же 10 января. Въ оффиціальной, писанной рукою переписчика части письма Панинъ сообщаетъ объ удовольствіи императрицы всѣми поступками Обрѣскова въ мирной негоціаціи, ссылается относительно „завязавшагося“ пункта о Еникале, Керчи и кораблеплаваніи на препровождаемый къ нему рескриптъ, одобряетъ кондиціи предложенныя имъ сверхъ инструкціи, и дѣлаетъ одно только замѣчаніе, именно:

«Довольно здѣсь для меня прибавить только по собственному вашему представленію въ письмѣ отъ 8 декабря, что весьма нехудо будетъ, если вы можете предуспѣть въ томъ, чтобъ въ постановляе-

[1]) Арх. Гос. Сов. I, 224 сл.

[2]) Тамъ-же, 225; любопытна форма, въ которой Совѣтъ высказался, не давая своего мнѣнія.

момъ мирномъ трактатѣ именно присовокупить и означить въ большемъ ея и. ва титулѣ слова: „ручательница въ вольности и независимости крымскихъ и всѣхъ татарскихъ ордъ,“ ибо такое съ стороны Порты допущеніе служило бы къ вящей предъ свѣтомъ и предъ самыми татарами ауторизаціи нашей гарантіи» [1]).

Но значительный интересъ представляетъ собственноручная приписка Панина къ этому письму, въ которой онъ высказываетъ свое мнѣніе о поставленномъ Екатериною ультиматумѣ:

«Рескриптомъ и моимъ здѣсь предслѣдующимъ письмомъ я все истощилъ, что по публишному моему званію мнѣ должно было описать. Теперь буду я съ вами, мой любезный другъ, говорить о дѣлахъ отечества такъ, какъ съ моимъ съотчичемъ и вѣрнѣйшимъ другомъ. Вы увидите изъ рескрипта, до какого я привелъ снисхожденія къ удержанію Еникуля и Керчи для скорѣйшаго заключенія мира, о которомъ отечество вопіетъ, умалчивая и другой стороны надобность онаго по новымъ политическимъ обстоятельствамъ. Но какъ здѣсь не всѣ такъ живо и чувствительно какъ мы и то и другое себѣ воображаютъ, то ничѣмъ преодолѣть по сю пору мнѣ было невозможно надменныхъ воображеній о устроеніи впередъ великихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, а посему и всякое слово ограниченія кораблеплаванія дѣлаетъ непреоборимое претыканіе всякой точной резолюціи на смяхченіе онаго. Итакъ, любезный мой другъ, естли тѣ уступки, къ которымъ вы уже оторизированы, купно и съ тѣми, о которыхъ въ сегоднишномъ рескриптѣ къ вамъ писано, не найдутся довольными турецкаго посла удовлетворить за неограниченную навигацію, то все долженствуетъ уже зависѣть отъ единаго вашего остроумія и патріотическаго цѣломудрія, въ какихъ выраженіяхъ и словахъ составить статью трактата о коммерціи и мореплаваніи, дабы товарищъ вашъ не помѣщалъ въ свою мысль, чтобъ мы могли и похотѣли среди мира и тишины инсюмтировать [2]) турецкое спокойство и заимную пользу народовъ нашихъ безразсуднымъ воруженіемъ и оказательствами военныхъ флотилій, а съ другой стороны мы [3]) бы здѣсь также не приняли, что намъ связали руки замышлять, въ дѣйствѣ незбытошныя, а въ теоріи ласкательныя предпріятія впередъ

[1]) Affaires séparées, связ. 10.
[2]) Insumo, ere: употреблять, пользоваться (in quid)?
[3]) Намекъ на Екатерину.

на случай, хотя и неудобь настояемые. Вотъ мой искреннѣйшей другъ, какъ стѣсняема быть можетъ истинная и нелицемѣрная вѣрность и любовь къ своему государю и отечеству! Да что дѣлать, надобно и того и другаго искупать по самой крайней возможности, да и при успѣхѣ онаго несумнѣнно надо ожидать благоволенія и апробаціи. Мнѣ мнится не безъ основанія, что Порта сама по себѣ утвердительную (та)тарскую независимость гораздо для себя важнѣйшимъ дѣломъ поставляетъ нежели свободное наше по всѣмъ морямъ кораблехожденіе, напротиву же того посторонніи державы больше находятъ завести противу насъ въ послѣднемъ, а посему безпосредственное и безучаствующее отъ другихъ ваше съ турецкимъ посломъ соглашеніе о кораблеплаваніи чаятельно лутчей успѣхъ возниметъ: чего ради въ приложенныхъ здѣсь двухъ письмахъ отъ нашихъ союзныхъ министровъ къ ихъ товарищамъ въ Царѣградѣ онѣ имъ рекомендуютъ, чтобы послѣдніе свои дальнѣйшіе у Порты поступки, представленіи и домогательства распоряжали и чинили по вашимъ къ нимъ увѣдомленіямъ, а до того бы обращалися по генеральнымъ имъ отъ ихъ дворовъ предписаніямъ. Чего ради и прошу васъ, моего друга, употреблять ихъ офиціи по собственному вашему проницанію и благоизобрѣтенію. (Впрочемъ молчаніе мое по сіе время на откровенное ваше ко мнѣ письмо касательно намѣренія вашего о молодомъ гр. Румянцовѣ, пожалуй мой любезный другъ не сочти моимъ о томъ къ вамъ неудовольствіемъ, и будьте увѣрены, что совсѣмъ вопреки тому, я въ ономъ чувствую совершенно и полную откровенность дружбы и довѣренности вашей ко мнѣ и почтеннѣйшіе ваши сентименты добродѣтельной души, такъ что бы я чувствительно оскорбился еслибы невиннымъ образомъ сдѣлалось претыканіе для васъ въ исполненіи столь достойнаго почтенія намѣренія вашего. Сердечно желаю, мой любезной другъ, дабы десница вышнея, какъ наискорѣй воспомоществовала вамъ имѣть то удовольствіе воздать во внукѣ дѣдова вамъ благодѣяніе, а мнѣ васъ какъ моего искренняго друга обнять и съ тѣмъ поздравить).»

Такое-же непріятное впечатлѣніе произвелъ рескриптъ отъ 10 января и на Дунаѣ Румянцевъ нѣсколько ранѣе Обрѣскова узналъ о рѣшительной волѣ Екатерины, и въ письмѣ къ нему выражаетъ по этому поводу свое мнѣніе [1]):

[1]) Письмо Обрѣскову № 16 отъ 21 янв. 1773; сношенія съ Турціею affaires séparées, связ. 11.

«Доставляя при семъ полученныя депеши и знавъ по сообщенію мнѣ отъ гр. Н. И. содержаніе рѣшительнаго на ваши представленія рескрипта, который тутъ слѣдуетъ, предвижу я, сколь нелегко вамъ будетъ преобороть претительность прежнюю своего товарища, которую однакожъ называютъ только упорнымъ стремленіемъ противъ одной мечты. Я не знаю, какіе неизвѣстные намъ виды удостовѣряютъ нашъ дворъ о всемъ противномъ, нежели что я знаю изъ вашихъ сообщеній въ разсужденіи податливости и склонности Порты по рѣчамъ посла съ вами трактующаго на заключеніе мира. Тамъ разумѣютъ искреннюю склонность турковъ къ нашимъ мирнымъ предложеніямъ и уже льстятся увидѣть вскорѣ моментъ счастливаго оныхъ утвержденія. Судите по сему, сколько вдали вещи въ другомъ образѣ могутъ представляться, нежели какъ мы ихъ ощущаемъ подъ глазами. Излишно бы всякое было отъ меня разсужденіе о сихъ дѣлахъ предъ в. пр-ствомъ, яко человѣкомъ ознаменяющемъ въ каждомъ пунктѣ его званія, высоту своего благоразумія и проницательности. Не скрою однакожъ моей мысли, что обнаженіе нашихъ силъ морскихъ съ стороны азовской, признаніе какого существа наша тутъ флотилія и сколько неудобствъ мы находимъ къ судоплаванію по мелководію въ Черномъ морѣ, коль сими предложеніями велятъ прямо вамъ убѣждать рейсъ-эфендія къ соглашенію на артикулы объ уступкѣ Яникуля и Керчи и свободнаго намъ мореплаванія, можетъ иногда открыть глаза туркамъ, что они ощутятъ сіи обстоятельства къ той мѣрѣ, что не познавая страха по предразсужденіямъ политическимъ на предбудущее время отложатъ и ту боязнь, которую они въ настоящее военное имѣютъ противъ нашего морскаго съ той стороны вооруженія. Слѣдственно деликатность и осмотрительство въ такомъ пунктѣ простираются до такой степени, что только очистка сей матеріи обнадеживается однимъ просвѣщеніемъ и изворотомъ в. пр-ства». [1])

Обрѣсковъ отвѣчалъ 26 января. Онъ пишетъ: [2])

„Примѣчанія и разсужденія в. с-ва относительно полученныхъ мною высоч. повелѣній, столь проницательны и основательны, что

[1]) Румянцевъ былъ впрочемъ недоволенъ и военными распоряженіями, исходившими изъ Петербурга; см. Соловьева XXIX, 8 сл.

[2]) Письмо Румянцеву 26 янв. 1773, affaires séparées.

по мнѣнію моему разсудительнѣе быть не могутъ. Тамошнее полаганіе о миролюбныхъ Порты склонностяхъ и крайнемъ ея желаніи видѣть миръ заключеннымъ, а по сему самому и имѣющаяся великая надежда видѣть сіе великое дѣло вскорѣ совершившимся, я совсѣмъ не знаю, и не понимаю, на чемъ все то основывается. Въ депешахъ къ высоч. двору съ отворенія сего конгресса я ниже въ одной къ такому полаганію не подалъ ни малѣйшаго повода, а съ 16 й конф. (22 декабря) продолжительно при всякихъ случаяхъ примѣчаю, что успѣхъ конгресса болѣе сумнителенъ, нежели надѣженъ, но чтожъ дѣлать, когда тамо все инаково рассуждаютъ, и все инаго ожидаютъ, нежели того, чего по разнымъ обстоятельствамъ судя ожидать бы должно.“ Высочайшій рескриптъ предписываетъ ультиматъ изъ ультиматовъ и „болѣе не помышлять о возобновленіи перемирія, о чемъ, кажется, коль скоро турецкому послу будетъ объявлено, то конгрессъ нашъ протянется развѣ до полученія отвѣта отъ султана, а можетъ быть только и отъ верховнаго визиря; почему и не уповательно, чтобъ я имѣлъ случай или время изъяснять ему состояніе нашихъ въ томъ краю морскихъ силъ, неспособностей къ кораблеплаванію и прочаго, а когда усмотрится нужда, то буду изворачиваться сколько моего смысла достанетъ, дабы и волки были сыты, и стадо было цѣло.— Въ замѣну Еникале и Керчи и неограниченнаго кораблеплаванія по Черному и другимъ морямъ повелѣно мнѣ въ самонужномъ случаѣ представить Портѣ всѣ на Кубанѣ лежащія крѣпости, кромѣ Тамана; какія-же крѣпости? В.с-ву не безъизвѣстно, что на берегу кубанской стороны Азовскаго моря лежитъ не крѣпость, но городишка Ачу, потомъ есть Темрюкъ, да за р. Кубанью старой и новой Капылы, которые должно назвать болѣе селами, нежели городами, а того менѣе крѣпостьми, выключая Темрюка, сей черты мнѣ преступить отнюдь не дозволяется, а предъ симъ прусскій посланникъ Портѣ представилъ уже во взаимство помянутыхъ Яникале и Керчи удержаніе за нею Очакова съ Кильбуруномъ, которые требовались въ замѣну Бендеръ.—В с-во съ 16-й конференціи видѣть уже изволили изо всего вамъ мною сообщаемаго и доносимаго отмѣнныя предъ прежнимъ турцкаго посла отзывы: къ сему конечно Порта имѣетъ какіе-нибудь свои резоны, которые высоч. нашему двору еще закрыты и не свѣдомы, и онъ полагается на обнадеживаніе или разсказы друзей и союзниковъ,

а дѣло здѣсь идетъ теперь о рѣшимости продолженія войны или заключенія мира. Въ подобныхъ взаимныхъ о состояніи обѣихъ державъ неправильныхъ положеніяхъ, т. е. что по мнѣнію Порты высоч. нашъ дворъ по угрожаемому скорому его упражненію въ другой сторонѣ въ прекращеніи войны крайнюю нужду имѣетъ, а высоч. нашъ дворъ въ раьномъ казусѣ и Порту быть полагаетъ, легко случится, что нитка связывающая негоціацію разорваться можетъ, и которую связать столько-же, а можетъ быть еще и болѣе нежели прежде трудно будетъ. Я не говорю, чтобъ надобно было во взаимство Яникале и Керчи Портѣ оставить въ Крыму такожъ какую крѣпость или ограничить кораблеплаваніе, — одного совершенно не дозволяетъ прочность татарской вольности и независимости, о которой мы столько печемся, а другаго—достоинство высоч. двора; почему средства тутъ найтить весьма трудно, и для того-то не надлежало бы уже предводительствуемую в. с-вомъ армію уменьшать, дабы вы возмогли непріятеля по прежнему на миролюбивыя мысли возвратить и склонить на уступку того, на что теперь съ толикою претительностію взираетъ».

Въ другомъ письмѣ, отъ 26 янв., онъ говоритъ: Разсужденія в.с-ва о слѣдствіяхъ могущихъ быть изъ сообщенія моего турецкому послу въ силу содержанія высочайшаго рескрипта столь справедливы и убѣдительны, что я во всемъ онымъ соображаясь промѣшкаю сколько пристойность дозволитъ сдѣлать употребленіе насланнымъ повелѣніямъ [1]).

Уже слѣдующая по полученіи Обрѣсковымъ рескрипта отъ 10 января, конференція (26-я, 31 янв.) обнаружила довольно ясно степень „претительности“ турокъ въ уступкѣ Еникале и Керчи,—въ ней чуть было не послѣдовалъ разрывъ конгресса. Обрѣскову удалось, правда, очень искусно поправить „это непріятное приключеніе“, но на основаніи сообщеній, полученныхъ изъ Константинополя отъ Цегелина и Тугута, Обрѣсковъ оставался въ грустной увѣренности, что конгрессъ наканунѣ своего разрыва и едва-ли продолжится далѣе полученія отвѣта изъ Константинополя. [2]) Дѣй-

[1]) № 12 отъ 26 янв. 1773: въ отвѣтъ на № 23 отъ 23 янв: Ср. также письма Обрѣскова Панину отъ 26 янв. и 2 февр. въ прилож. 47.

[2]) См. Письмо Панину отъ 2 февр. и протоколъ 26 конференціи тамъ-же.

ствительно, на предложеніе Обрѣскова избрать на кубанскомъ берегу (исключая о. Тамань) мѣсто для постройки крѣпости, Р.-эфенди возражалъ, что свободный проходъ судовъ чрезъ Еникальскій проливъ возможенъ лишь со стороны крымскаго полуострова, и поэтому Порта настаиваетъ на оставленіи за нею Еникале, господствующаго надъ этимъ проливомъ и въ этомъ отношеніи незамѣнимаго. [1])

На принятіе крѣпости или мѣста подъ нее на кубанскомъ берегу не соглашался турецкій посолъ; на уступку такого мѣста на Таманѣ не соглашался Обрѣсковъ. Послѣдній придумалъ предложить Портѣ островокъ близъ мыса Акбуруна и противъ Тамана; но и на это послѣдовалъ отказъ. Рейсъ-эфенди въ этомъ случаѣ поступалъ прямо вопреки своимъ заявленіямъ въ 13-й конференціи, „но, — говоритъ Обрѣсковъ,—удивляться этому нечего, ибо животъ свой всякому дорогъ, а турецкій посолъ опасается наказанія отъ Порты за свою уступчивость“. [2]) Наконецъ, Обрѣсковъ объявилъ согласіе Россіи на отказъ отъ вознагражденія за военные убытки,... Р.-эфенди отвѣчалъ лишь согласіемъ принять предложенія его на донесеніе Портѣ. [3])

Главное затрудненіе состояло такимъ образомъ въ вопросѣ о крѣпостяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ подвергнуть былъ обсужденію вопросъ о свободѣ русской торговли и неограниченнаго судоходства во всѣхъ моряхъ омывающихъ Турцію. Турецкій посолъ никакъ не допускалъ необходимо-

---

[1]) «Порта считаетъ крѣпости Еникале и Таманъ яко глаза безопасности своей,»—говорилъ Р.-эфенди. Обрѣсковъ отвѣчалъ: „в пр-во глазами Бл. Порты называете Еникале и Таманъ и съ оныхъ Россія беретъ одинъ для себя, другой отдаетъ татарамъ, а Бл. Портѣ дозволяетъ построить для себя третій глазъ, посредствомъ котораго могла бы она видѣть проходъ въ Черное море Россійскихъ судовъ“. Но турецкій посолъ настаивалъ, что нѣтъ въ тѣхъ странахъ къ построенію таковой крѣпости способнаго мѣста.

[2]) См. письмо Панину 9 февр. и Цегелина Обрѣскову 2 февр.

[3]) Такимъ образомъ объ уступкахъ въ условіи объ Очаковѣ и Кинбурнѣ и объ уступкѣ угла о. Тамана онъ не упоминалъ. Ультиматумъ Обрѣскова см. въ протоколѣ 27 конференціи, и въ нотѣ 4 февр.; см. приложеніе 47.

сти „производить коммерцію военными кораблями", ссылаясь на то, что Франція напримѣръ никогда не просила Порту о такомъ разрѣшеніи. Обрѣсковъ настаивалъ на томъ, что „въ семъ пунктѣ естественное право и отъ котораго никакая держава съ честію отступиться не можетъ, есть слѣдующее: моря суть всѣмъ вольныя и каждая держава властна пользоваться всѣмъ тѣмъ, что области ея производятъ и дѣлать у себя все по произволенію своему".

Въ теченіи февраля уполномоченные держали конференціи „для одного только лица и къ отвращенію всякаго пустословія и нескладныхъ разсужденій".

Наконецъ, въ мартѣ полученъ былъ отвѣтъ Порты,— за возвращеніе завоеванныхъ Россіею земель, Еникале и Керчи, и за ограниченное мореплаваніе на Черномъ морѣ, турки предлагали денежное вознагражденіе въ 21 мил. рублей. Обрѣсковъ, понятно, отказалъ, а турецкій посолъ объявилъ, что переговаривать болѣе уже не о чемъ, и онъ уѣзжаетъ [1]). По предложенію Рейсъ-эфенди уполномоченные заключили конвенцію (10 марта 1773 г.), въ силу которой [2]) согласились продолжать мирную негоціацію изъ тѣхъ мѣсть, какія каждый изберетъ для своего дальнѣйшаго пребыванія, хотя-бы даже который-либо изъ нихъ былъ отозванъ къ своему двору; а въ случаѣ благополучнаго исхода этихъ переговоровъ рѣшено съѣхаться для размѣна трактатовъ.

11-го марта Рейсъ-эфенди выѣхалъ изъ Бухареста. Уполномочные разстались самымъ дружескимъ образомъ и обнялись „почти со слезами". „Могу поистинѣ сказать, — писалъ Обрѣсковъ, — что я почти весь вѣкъ свой съ

[1]) Ультиматумъ Порты см. въ письмѣ Цегелина отъ 5 марта и въ протоколѣ послѣдней (34-й) конференціи; отчетъ о слѣдовавшихъ затѣмъ двухъ приватныхъ конференціяхъ см. въ письмѣ Обрѣскова Панину отъ 13 марта 1773 г. (приложеніе 47). Относительно судоходства, Порта разрѣшала его въ Черномъ морѣ только для купеческихъ кораблей, притомъ безъ права проходить чрезъ Дарданеллы. Основаніемъ служило то, что „Черное море, прямо сказать, есть такъ какъ озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ владѣніями Бл. Порты." Обрѣсковъ возражалъ ссылаясь на естественное право и суверенететъ государствъ.

[2]) Текстъ ея въ Сб. Р. И. Об. I, 93.

этой націею изжилъ, но такого добропорядочнаго и добродѣтельнаго человѣка не нашелъ.“ Но относительно поведенія Порты полагалъ, что „военныя операціи скорѣе приведутъ Порту къ миру, нежели самодолговременнѣйшія перемирія.“ [1])

II. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

По свидѣтельству Гаммера и участника въ этихъ событіяхъ Вассифъ-Ресми-эфенди, совѣтъ великаго визиря высказался въ пользу принятія русскаго ультиматума, но въ Константинополѣ диванъ рѣшилъ большинствомъ отвергнуть его.

Нѣкоторое поясненіе причинъ этого мы находимъ въ запискѣ, составленной современникомъ, графомъ Брольи, который увѣряетъ, что французскому посланнику въ Константинополѣ St.-Priest удалось уговорить Порту продолжать войну въ моментъ, когда она уже готова была заключить миръ постыдный и вредный какъ для своихъ, такъ и для европейскихъ интересовъ. [2]) Съ другой стороны Обрѣсковъ и Цегелинъ совершенно справедливо указывали, какъ на причину этого, на шведскія дѣла и на двусмысленное поведеніе Тугута. Уже во время переговоровъ о приступленіи Австріи къ раздѣлу Польши, Іосифъ выражалъ надежду, что быть можетъ русско-турецкая война дастъ случай Австріи поживиться на счетъ Турціи [3]). Того-же мнѣнія онъ дер-

---

[1]) Документы относящіеся къ Бухарестскому конгрессу въ приложеніи 47-мъ; ср. Zinkeisen V, 955 сл. и VI, 76; Hammer, кн. 73.

[2]) Mémoire du C-te Broglie, въ Polit. de tous les Cabinets, I, 114 сл

[3]) Elle (Россія) est tranquillisée de notre coté et arrangée à cette heure en Pologne, elle ne se souciera plus guère de faire la paix avec la Porte, et qui sait si cette dernière ne nous fournit point encore par ses faux procédés une juste cause de nous en méler, et que l'année qui vient, nous ne mettions en poche Belgrade et une partie de la Bosnie, tout comme nous ferons cette année des palatinats de Pologne. Іосифъ Леопольду Тосканскому, апр. 1772 у Arneth, M.-Th. u. Jos. II, т. I, 367). Ср. Duncker, 249 сл.; Мартенсъ, Собр. трактатовъ, II, 18 сл.

жался и въ началѣ 1773 года,—онъ находилъ выгоднымъ въ дополненіе къ польскимъ пріобрѣтеніямъ попользоваться отъ Турціи, въ случаѣ продленія войны; кстати этимъ ослабляются Пруссія и Россія. Кауницъ согласился съ мнѣніемъ Іосифа и хотя, вслѣдствіе просьбъ Россіи, въ явныхъ, сообщенныхъ Голицыну предписаніяхъ Тугуту, приказано было ему понуждать Порту къ уступкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ секретно сообщено, не настаивать [1]).

Между тѣмъ еще до разрыва конгресса Румянцевъ получилъ предписаніе „вынудить у непріятеля силою оружія то, чего доселѣ не могли переговорами достигнуть,“ и съ этою цѣлью переправиться черезъ Дунай и атаковать главную турецкую армію. Возродился такимъ образомъ излюбленный проектъ Орлова и Екатерины. Какъ ни трудно и какъ ни безнадежно было съ изнуренною долгой войною и сравнительно слабою арміей при неблагопріятныхъ условіяхъ такое предпріятіе,—Румянцевъ исполнилъ данное ему приказаніе; но удержаться на той сторонѣ рѣки было невозможно; пришлось возвратиться на лѣвый берегъ. [2])

Неудача кампаніи, кажется, не оказала бы вліянія на рѣшенія Екатерины, [3]) но даже явные шовинисты того времени,—З. Чернышевъ и др.—стали поговаривать объ уступкахъ, объ отказѣ отъ Еникале и Керчи, о согласіи [4]) на ограниченіе плаванія въ Черномъ морѣ. Наконецъ и императрица склонилась къ уступкамъ: изъ трехъ, предложенныхъ Фридрихомъ средствъ къ замиренію, она нашла 1) самымъ блестящимъ, но самымъ опаснымъ [5]) принудить къ этому Порту силою оружія; 2) самымъ слабымъ и наименѣе политичнымъ,—пригласить къ содѣйствію Австрію, [6]) и наконецъ

---

[1]) Мнѣніе Іосифа отъ 21 февр. и секретн. предписаніе Тугуту отъ 20 февр. 1773 г. у Beer, II, 255; ср. тамъ-же 260 сл., 262 сл.

[2]) Соловьевъ, XXIX, 10—21.

[3]) Засѣд. Совѣта 19 авг. 1773; у Соловьева, 20 сл.

[4]) Арх. Гос. Сов. I, 256 сл. засѣд. 27 авг., 2 сент. и сл. 1773; у Соловьева, 21 сл.

[5]) И самымъ труднымъ, скажемъ мы.

[6]) Вѣроятно убѣдившись на опытѣ съ Польшею, Екатерина опасалась,

3) самымъ вѣрнымъ и наиболѣе благоразумнымъ,—уступить въ нѣкоторыхъ условіяхъ, особенно тяжелыхъ для Порты, пожертвовать нѣкоторыми выгодами въ пользу мира, вознаградить себя Очаковымъ или Бендерами за уступки. [1])

Выраженіе мнѣній Совѣта мы находимъ въ поданной Панинымъ въ концѣ ноября императрицѣ запискѣ слѣдующаго содержанія [2]).

«Когда съ одной стороны упорство Порты Оттоманской въ дѣлѣ татарскомъ, а особливо въ уступкѣ намъ на крымскомъ полуостровѣ Керчи и Еникаля съ ихъ принадлежностями встрѣтило донынѣ трудности непреоборимыя; когда оныя повидимому вмѣсто всякаго ослабленія отъ времени и продолжительныхъ ей военныхъ злоключеній, такъ сказать изъ дня въ день вновь умножаются; и когда далѣе намѣреніе не одного уже правительства, но и всей націи турецкой по вкорененному ея безчеловѣчію и звѣрству кажется быть рѣшительно установленнымъ, лучше въ конецъ подвергнуть себя всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ и опасностямъ отъ продолженія войны, яко въ удаленной еще перспективѣ являющимся, нежели купить за сію цѣну миръ, впрочемъ по собственному ея признанію ей необходимо нужный и во всѣхъ другихъ частяхъ довольно выгодный, главнѣйше въ таковомъ предположеніи, что единымъ попущеніемъ Россіи утвердить себя въ Керчѣ и Еникалѣ, лишится навсегда Константинополь внѣшней своей безопасности, слѣд.-же и самая имперія Оттоманская всей своей знати и твердости; а съ другой стороны, когда практическое испытаніе могло насъ удостовѣрить: 1) что содержаніе, оборона и снабдѣніе Керчи и Еникаля, еслибъ они остались въ нашихъ рукахъ, не только стали бы повсягодно требовать весьма великихъ расходовъ, но и былибъ еще неминуемо подвержены крайнимъ неудобствамъ и затрудненіямъ по той причинѣ, что вся коммуникація долженствовала бы сокращаться въ одной навигаціи по Азовскому морю, которая въ каждую зиму нѣ-

---

что Австрія потребуетъ за это несоразмѣрныхъ выгодъ; ср. Арх. Г. Сов. I, 260, засѣд. 3 окт.

[1]) Соловьевъ XXIX, 22; Арх. Гос. Сов. I, 259 засѣд. 12 сент.

[2]) Записка Панина императрицѣ; съ помѣтою: апробованъ ея имп. ввомъ 23 ноября 1773 (въ письмахъ къ Обрѣскову отъ Панина 1773 г., Affaires séparées, связ. 10): Помѣты не вѣрны? см. ниже.

сколько мѣсяцевъ совсѣмъ невозможною бываетъ; 2) что вопреки сему естественное положеніе Керчи и Еникаля не представляетъ въ замѣну никакихъ важныхъ выгодъ, ни для охраненія татаръ, ни для основанія на Черномъ морѣ собственнаго нашего кораблеплаванія, которое при опредѣленіи мирныхъ нашихъ кондицій предполагалось тутъ возможнымъ и удобнымъ по однимъ теоретическимъ свѣдѣніямъ; ибо теперь напротивъ извѣстно уже, что ни одно изъ сихъ мѣстъ не имѣетъ ни гавани къ помѣщенію судовъ нѣкоторой величины, ниже какихъ-либо преимуществъ предъ нынѣшними нашими для Чернаго моря въ верху рѣки Дона заведенными верфями по совершенному въ окружности ихъ недостатку всякихъ матеріаловъ къ судовому строенію, почему оныя, равно какъ нынѣ чинится то съ готовыми уже судами, надлежало бы всѣ безъ остатку сплавливать рѣкою Дономъ изъ верховыхъ городовъ, и для того самаго продолжать и въ оныхъ строеніе годныхъ и надежныхъ къ перевозу морскихъ судовъ. Но еслибъ и сего неудобства не было, какъ оно напротивъ того въ существѣ неоспоримымъ образомъ настоитъ, и строеніе судовъ въ Керчѣ или Еникалѣ мѣсто имѣть могло, то представилась бы опять невозможность содержать ихъ въ зимнее время при оныхъ по примѣру тому, какъ въ прошлую зиму первой изъ новопостроенныхъ фрегатовъ принужденъ былъ носиться между льда по чистому морю.

«И когда наконецъ при сихъ въ разсужденіи Керчи и Еникаля критическихъ обстоятельствахъ, познается нынѣ далѣе практикою-же, что лежащій при самомъ устьѣ р. Днѣпра городъ Кинбурнъ соединяетъ въ себѣ несравненно большія удобности для желаемыхъ нами выгодъ: 1) въ обузданіи татаръ; 2) въ надѣжномъ противувѣсіи г. Очакову, которой для сего самаго предмета въ первомъ своемъ бытіи отъ турковъ заведенъ и до сего времени почитается отъ нихъ ключемъ Крыма; 3) въ заведеніи на Черномъ морѣ собственнаго своего кораблеплаванія и безпосредственной торговли, пот. что у сего города есть мѣсто для пристанища судамъ нарочитой величины, и что еще самая государственная экономія требуетъ открыть рѣкою Днѣпромъ изъ прилегшихъ къ ней провинцій какъ удаленныхъ отъ всякаго другаго источника коммерціи, новой путь и совсѣмъ почти новое обращеніе по естественнымъ того края способностямъ, каковыхъ р. Донъ и протекаемыя ею земли на равнѣ имѣть не могутъ.

«Какъ теперь пруской въ Царѣградѣ министръ Зегелинъ описывая гр. Сольмсу депешею своею отъ 11 октября тогдашнее расположеніе въ министерствѣ Порты и учиненной ему отъ Рейсъ-эфендія отзывъ о истребованіи имъ Зегелинымъ себѣ отъ здѣшняго двора власти ко втупленію съ нимъ въ предварительные переговоры, тутъ-же хотя и собственнымъ своимъ гаданіемъ и заключеніемъ, но именно однакожъ примѣчаетъ, что уступка намъ Кинбурна въ замѣну возвращенія крѣпости Бендерской и другихъ нашихъ завоеваній, не встрѣтитъ повидимому таковыхъ затрудненій, каковыя настояли въ разсужденіи Керчи и Еникаля.

«То и остается разсмотрѣть подробно и опредѣлить съ точностію, которой изъ обѣихъ алтернативныхъ пособій къ достиженію высоч. ея имп. в-ва намѣреній можетъ съ исполненіемъ оныхъ въ полной мѣрѣ скорѣе и надежнѣе доставить намъ толь нужной миръ.

«Наступившее зимнее время удобно къ негоціаціи и можетъ съ пользою употреблено быть къ учиненію безъ всякаго съ нашей стороны компромитированія, первой попытки чрезъ г. Зегелина, естли только ея имп. в-во изъ человѣколюбія своего и матерней къ вѣрнымъ подданнымъ любви соизволитъ для скорѣйшаго доставленія имъ возжделѣннаго мира удостоить высоч. своей апробаціи сіе разсужденіе и новое алтернативное въ существѣ прежняго повидимому полезнѣйшее, а для турокъ меньше прикрое (т. е. непріятное) средство.

«Въ семъ послѣднемъ случаѣ довольно будетъ отозваться къ г. Зегелину чрезъ гр. Сольмса, чтобъ онъ въ качествѣ министра державы дружественной обѣихъ воюющихъ сторонъ внушилъ Рейсъ-эфендію самъ собою и собственною своею идеею, чтобъ Порта Оттоманская, отвергнувъ послѣднія наши мирныя кондиціи, учинила теперь съ своей стороны для возобновленія безплодно по сю пору идущей негоціаціи, какія-либо новыя предложенія, а особливо представила Россіи въ замѣну Керчи и Еникаля почитаемыхъ ею ключемъ константинопольской безопасности уступку города Кинбурна, съ предоставленіемъ себѣ въ цѣлости г. Очакова; что такимъ образомъ обѣ имперіи имѣли бы равныя удобности для наблюденія татаръ въ новомъ ихъ политическомъ бытіи, которое впредь тѣмъ меньше доброму ихъ согласію вредить моглобъ, что татара получая въ свои руки и въ свою власть всѣ нынѣшнія крѣпости на

крымскомъ полуостровѣ и на таманскомъ острову, сдѣлались бы чрезъ то самое совсѣмъ особливымъ и отдѣленнымъ народомъ, безъ чего конечно никогда не согласится Россія на миръ; что для приведенія г. Кинбурна въ такое состояніе, дабы оной собственною своею окружностію содержаться могъ, надобно уступить вмѣстѣ съ онымъ Россіи тотъ уголъ земли по здѣшнюю сторону р. Днѣпра, на которомъ оной лежитъ, и что на послѣдокъ уступка намъ всей пустой земли по ту сторону р. Днѣпра до р. Буга можетъ также способствовать къ склоненію двора нашего на принятіе Кинбурна въ замѣну Керчи и Еникаля, также и возвращенія Портѣ Бендеръ и другихъ отнятыхъ отъ нея городовъ во всей Бессарабіи.

«Таковое, господиномъ Зегелинымъ собственнымъ его именемъ чинимое внушеніе, возобновляя въ турецкомъ министерствѣ надежду мира, поставитъ оное въ необходимость открыть ближае истинныя свои мысли, а чрезъ то и подастся сему прусскому министру поводъ склонить еще оное либо на учиненіе ему формальнымъ образомъ желаемаго предложенія на вышеизображенныхъ основаніяхъ, или-же по отобраніи въ партикулярныхъ сношеніяхъ султанскаго соглашенія заставить себя просить, чтобъ онъ сдѣлалъ оное двору нашему собственною своею мыслію и такою, которая по усмотрѣнію его отъ стороны Порты дезавуирована не будетъ».

Такимъ образомъ русское правительство цѣлало значительную уступку Портѣ. Но несмотря на это, попытка эта не имѣла успѣха.

Поводомъ къ этому предложенію Панина послужило сообщеніе Цегелина, [1]) что изъ разговоровъ съ Рейсъ-эфенди онъ усматриваетъ возможность уступки намъ Портою Кинбурна въ замѣнъ отступленія Россіи отъ Еникале и Керчи. Панинъ на этомъ основаніи лишь формулировалъ въ своей запискѣ мнѣніе Совѣта, что пріобрѣтеніе Кинбурна можетъ быть намъ полезно, какъ для содержанія на Черномъ морѣ флотиліи, такъ и для заведенія въ той сторонѣ торговли не только съ Турціею, но и съ Польшей по удобности водянаго съ нею сообщенія; что для этого надобно намъ будетъ основать на Днѣпрѣ ниже пороговъ торговый городъ, а Кинбурнъ, отрѣ-

[1]) Читано въ Совѣтѣ 11 ноября 1773.

завъ его каналомъ отъ твердой земли, служилъ бы ему какъ Кронштатъ Петербургу; для сообщенія съ Кинбурномъ сухимъ путемъ Совѣтъ предполагалъ получить отъ татаръ полосу земли вдоль всего лѣваго берега Днѣпра. [1]) Противъ мнѣнія Панина и Совѣта возражалъ одинъ только Г. Г. Орловъ. Онъ находилъ, что Кинбурнъ, крѣпость небольшая, не имѣющая гавани, не можетъ вознаградить за уступку Керчи и Еникале; что торговля тамъ хотя и выгоднѣе быть можетъ донской, но тоже подвержена будетъ затрудненіямъ по причинѣ пороговъ и мелей, и если ужъ непременно нужно будетъ отдать Керчь и Еникале, то должно стараться получить вмѣстѣ съ Кинбурномъ Очаковъ и всю землю, лежащую между Днѣпромъ и Днѣстромъ, а въ крайнемъ случаѣ можно согласиться на разореніе Очакова, съ тѣмъ чтобы потомъ построить еще лучшую крѣпость; земля-же между Днѣпромъ и Днѣстромъ, по мнѣнію Орлова, быстро заселится выходцами изъ Молдавіи и Валахіи, станетъ тогда преградою между турками и татарами и пресечетъ между ними всякое сообщеніе сухимъ путемъ. Совѣтъ не согласился съ мнѣніемъ Орлова, такъ какъ нельзя было ожидать согласія турокъ на уступку Очакова. Сначала и Екатерина была одного мнѣнія съ Совѣтомъ, но затѣмъ рѣшила требовать отъ Порты чрезъ Цегелина въ замѣнъ уступки татарамъ Керчи и Еникале, уступки Россіи Очакова и Кинбурна. [2])

Обращались съ просьбою о содѣйствіи примиренію Россіи съ Турціею къ прусскому посланнику въ Константинополѣ. Въ то-же время обратились еще разъ къ Австріи съ просьбою оказать свое содѣйствіе принятію Портою русскихъ условій. Кауницъ выразилъ согласіе сообщить Портѣ совѣтъ въ пользу заключенія мира, но подъ условіемъ, чтобы подобное-же объявленіе сдѣлано было ей и Пруссіею, причемъ выразилъ желаніе, чтобы Россія отказалась отъ Керчи и Еникале и

---

[1]) Арх. Гос. Сов. I, 264, засѣд. 11 ноября.

[2]) Арх. Гос. Сов. I, 265 сл. засѣд. 14 и 18 нояб. 1773; Соловьевъ XXIX, 22 сл.

отъ военнаго судоходства въ Черномъ морѣ. Понятно, онъ руководствовался при этомъ желаніемъ не выставлять Австрію передъ Портою въ качествѣ сторонника русскихъ требованій. Мало того, онъ предупредилъ Порту о предстоящемъ ей заявленіи со стороны Австріи и Пруссіи, извиняясь, что Австрія вынуждена къ этому настояніями Россіи, что это можетъ быть даже полезно Портѣ, такъ какъ Россія увидитъ, что она не уступаетъ, несмотря на энергичныя требованія Австріи и Пруссіи, и наконецъ даже подсказалъ отвѣтъ, какой слѣдуетъ дать по этому поводу представителямъ Австріи и Пруссіи. [1])

Въ январѣ 1774 г. Румянцеву снова предписано было приготовиться къ переходу черезъ Дунай и при первой рѣшительной побѣдѣ предложить вел. визирю заключить миръ, но съ тѣмъ, чтобы мирную негоціацію для выиграніе времени и сокращенія всякихъ затрудненій, производить съ нимъ самимъ. „Что-же касается до существа мира, — писала императрица, — въ томъ достаточное преподадутъ вамъ руководство какъ послѣднія наши т. с. Обрѣскову во время бухарестскаго конгресса данныя повелѣнія, такъ и персональныя его вамъ изъясненія,“ — т. е. разрѣшались: признаніе духовнаго верховенства султана надъ татарами, ограниченіе мореплаванія въ Черномъ морѣ и уступка Портѣ Еникале и Керчи въ случаѣ уступки ею Очакова или Кинбурна. [2])

Въ это-же время и вел. визирь сообщилъ Румянцеву о желаніи вступить въ мирные переговоры. Румянцевъ сообщилъ ему русскія условія, но турки настаивали на возвра-

[1]) Каунидъ Тугуту 7 дек. 1773 у Beer. Theilung II, 264 сл; ср. приложеніе 47 письмо Цегелина отъ 2 февр. 1773. Также см. Соловьева XXIX, 71 сл. 89 сл. Голицынъ заводилъ въ Вѣнѣ рѣчь даже о союзѣ (Соловьевъ 73) противъ Турціи. Фридрихъ желалъ повидимому этого союза (тамъ-же, 80 сл.) ему это было бы выгодно, такъ какъ тогда Австрія вынуждена была бы ради пріобрѣтеній, къ военнымъ расходамъ, если не къ войнѣ, между тѣмъ какъ онъ сдѣлалъ бы ихъ даромъ (насчетъ Польши); но Австрія находила болѣе удобнымъ и выгоднымъ сдѣлать пріобрѣтенія тоже даромъ отъ Порты за содѣйствіе ей къ сокращенію требованій Россіи. Объ этомъ подробности въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Рескр. отъ 17 янв., 14 февр. и 10 апр. 1774 въ Рус. Арх. 1879 № 10, 139 сл.

щеніи Россіею всѣхъ татарскихъ крѣпостей. [1]) Визирь явно велъ дѣло къ проволочкамъ. Наконецъ рѣшительныя пораженія, нанесенныя ему Румянцевымъ привели въ 5 дней къ заключенію мира на условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, чѣмъ на какія соглашалась Россія въ 1773 и началѣ 1774 года. [2]) 10 (21) іюля, въ день заключенія Прутскаго договора подписанъ былъ Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ. „Что касается до обряда, коимъ было трактовано сіе дѣло,—писалъ Румянцевъ, [3])—безъ всякихъ обрядовъ министеріальныхъ, а единственно скорою ухваткою военною, соотвѣтствуя положенію оружія съ одной стороны превозмогающаго, а съ другой—до крайности утѣсненнаго, я не имѣлъ другихъ свѣдующихъ, кромѣ кн. Репнина. Пунктъ мореплаванія и при нынѣшнемъ трактованіи весьма безпокоилъ полномочныхъ турецкихъ. Я, примѣтя ихъ подозрѣніе и недовѣрство, въ образѣ страха и предосужденія для существенной безопасности ихъ имперіи, о чемъ они наибольше говорили и на прежнихъ конгрессахъ, обратился къ руководству инструкціи, данной посламъ на конгрессѣ фокшанскомъ. Въ артикулѣ о томъ не именовано ни число пушекъ, ни ограничено вооруженіе купеческихъ кораблей, но присвоивъ капитуляцію комерціи англичанъ и французовъ, доставлена тѣмъ намъ свобода въ сооруженіи кораблей, каковы тѣ націи употребляютъ въ бѣломъ и другихъ моряхъ, что самое служитъ нашему кораблеплаванію и на Черномъ морѣ, какъ равно и умолчаніе въ трактатѣ о сооруженіи флота на семъ морѣ даетъ право неограниченное къ построенію намъ онаго.“

---

[1]) Тамъ-же, 147 сл. Соловьевъ 91 сл.

[2]) Тамъ-же 152 сл. Въ мартѣ, по представленію Панина о необходимости замѣны Керчи и Еникале однимъ Кинбурномъ и согласія на свободное плаваніе однихъ торговыхъ судовъ, которыя въ случаѣ нужды могутъ быть превращены въ военныя, Екатерина согласно мнѣнію Совѣта и вопреки Г. Г. Орлову соглашалась „въ случаѣ нужды“ на разореніе Очакова, „а въ случаѣ крайней необходимости—оставить туркамъ Очаковъ, а себѣ взять одинъ Кинбурнъ съ округомъ по Бугъ рѣку; плаваніе по Черному морю выговорить одно торговое;“ см. Арх. Гос. Сов. I, 273 сл. засѣд. 10, 13 и 31 марта и 3 апрѣля; Соловьевъ 90 сл.

[3]) Реляція отъ 17 іюля; тамъ-же, 154.

Такъ заключенъ былъ миръ ,,каковаго никто не ожидалъ, да и ожидать не могъ.“ [1]).

XI-я статья Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата гласитъ: ,,Для выгодностей и пользы обѣихъ Имперій, имѣетъ быть вольное и безпрепятственное плаваніе купеческимъ кораблямъ, принадлежащимъ двумъ контрактующимъ державамъ во всѣхъ моряхъ, ихъ земли омывающихъ; и блистательная Порта позволяетъ таковымъ точно купеческимъ Россійскимъ кораблямъ, каковы другія Государства въ торгахъ въ ея гаваняхъ и вездѣ употребляютъ, свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое, а изъ Бѣлаго въ Черное; такъ какъ и приставать ко всѣмъ гаванямъ и пристанямъ на берегахъ морей и въ проѣздахъ, или каналахъ оныя моря соединяющихъ, находящимся. Позволяетъ также блистательная Порта въ областяхъ своихъ подданнымъ Россійской имперіи имѣть коммерцію какъ на сухомъ пути, такъ и на водахъ кораблеплаваніемъ и въ рѣкѣ Дунаѣ, сходственно вышеизображенному въ семъ артикулѣ съ такими-жъ преимуществами и выгодами, каковыми во владѣніяхъ ея пользуются прочіе народы, въ наибольшей дружбѣ съ нею пребывающіе, и коимъ преимущественно въ коммерціи блистательная Порта благопріятствуетъ, какъ-то французы и англичане; и капитуляціи сихъ двухъ націй и прочихъ, яко-бы слово до слова здѣсь внесены были, должны служить во всемъ и для всего правиломъ, равно какъ для коммерціи, такъ и для купцовъ Россійскихъ, кои, платя съ ними равныя пошлины, могутъ привозить и отвозить всякіе товары, и приставать ко всѣмъ пристанямъ и гаванямъ какъ на Черномъ, такъ и на другихъ моряхъ лежащимъ, включительно и Костантинопольскія... Россійская имперія (съ своей стороны) дозволяетъ также подданнымъ блистательной Порты въ областяхъ своихъ коммерцію какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, съ тѣми-же преимуществами и выгодами, каковыми пользуются народы, въ наибольшей дружбѣ съ нею находящіеся, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ.“

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ прочія выгоды Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, Россія добилась въ немъ

---

[1]) Слова Екатерины въ рескриптѣ Румянцову отъ 1 авг. 1774; Рус. Архивъ 1879, № 10, стр. 154.

лишь признанія Портою ограниченнаго, торговаго судоходства въ Черномъ морѣ и изъ Чернаго въ Средиземное и обратно; военное судоходство хотя и не было прямо запрещено, но по аналогіи съ англійскимъ и французскимъ подразумѣвалось, что военныя русскія суда могли изъ Средиземнаго моря доходить лишь до Константинополя и лишены были права проходить Босфоръ. [1])

Изъяснительная конвенція 10 марта 1779 года (въ VI арт.) и торговый трактатъ Россіи съ Портою 10 іюня 1783 года (въ XXX и сл. арт.) распространили дарованное русскимъ судамъ право на „всѣ купеческіе подъ россійскимъ флагомъ корабли".

Въ заключеніе приведемъ составленное въ 1775 году

Мнѣніе

Тайнаго Совѣтника Обрѣскова о распоряженіяхъ могущихъ послужить къ порядочному и полезному производству коммерціи съ турецкою имперіею и другими областями въ Архипелагѣ и по берегамъ Адріатическаго и Средиземнаго морей лежащихъ чрезъ посредство Чернаго моря.

Бывшія не преодолимыя препятствія торговлѣ чрезъ Черное море въ разныхъ странахъ нынѣ помощію всевышняго счастіемъ Ея Имп. В-ва и наимудрѣйшими Ея распоряженіями изъ средины изъяты, и доставлена вѣрноподданнымъ Ея полная свобода симъ препохвальнымъ промысломъ пользоваться, колико собственнаго знанія, искуства и способности ихъ станетъ.

Любезное наше отечество и турецкая имперія по локальному положенію, по пространству областей и по разности климатъ ихъ имѣя разного рода и въ наивеличайшемъ числѣ произращеніи взаимно излишніе и взаимно потребные, то безпосредственная мѣна ихъ, и когда торговля производится будетъ порядочно, безсомнѣнно для взаимныхъ подданныхъ будетъ много полезною и прибыточною.

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ мы разсмотримъ дѣло по требованію Россіею въ 1776 г. пропуска четырехъ фрегатовъ нагруженныхъ товарами (пушки были спрятаны въ трюмъ, а пушечные люки заколочены) изъ Средиземнаго моря въ Черное; Порта отказала, и они дойдя до Константинополя принуждены были вернуться обратно.

Почти всѣ писатели о сей матеріи суть единаго мнѣнія, что коммерція не терпитъ никакого сжанія, или притѣсненія; а требуетъ полной воли въ томъ разсужденіи, что происходящая отъ оной прибыль сама собою каждаго довольно просвѣщаетъ о способахъ наи въ большей мѣрѣ ея получить. Сіе есть и самая истинная во всѣхъ тѣхъ областяхъ, въ коихъ исправляющіе коммерцію чрезъ ученіе, или долгую практику довольно искустны: но въ странахъ, въ коихъ исправляющіе оную по какимъ нибудъ обстоятельствамъ чужды такого знанія: то сіе генеральное правило можетъ терпѣть нѣкоторое ограниченіе, какъ напримѣръ въ Россійской имперіи, ежели оставить каждому торговцу на волю производить помянутую коммерцію по его благоизобрѣтенію, то по малому ихъ искуству и вкоренившимся въ большой части изъ нихъ нѣкоторымъ порокамъ, не прибыли, но цѣлаго разстройства и разныхъ разорѣнія ожидать должно будетъ; какъ то уже случилось съ наибольшею частію тѣхъ, кои съ бѣлградскаго миру до послѣдней прекращенной войны въ Турціи торговали.

Въ предупрежденіе такого великаго неудобства, по моему мнѣнію кажется, неминуемо нужно сію коммерцію производить чрезъ нѣсколько лѣтъ компаніею учрежденною на пристойныхъ обрядахъ, и въ коей бы наибольшее число торговцевъ участіе и прибыль имѣть могло. Напримѣръ:

Назнача капиталъ на первый случай отъ двухъ до трехъ сотъ тысячь рублей, раздѣля оной на столько акцій, сколько заблагопризнается, но по мнѣнію моему, чѣмъ они менѣе будутъ, тѣмъ станутъ удобнѣе для каждаго во оной торговлѣ интересоваться желающаго; однакоже мнѣ кажется при самомъ началѣ не непужно будетъ, чтобъ высочайшій дворъ помогъ нѣкоторою суммою за указные проценты, дабы та компанія безъ потерянія времени первыя распоряженія служащія къ оной коммерціи и споспѣшествующія ей сдѣлать возмогла.

Такая компанія должна имѣть добропорядочнаго и смыслющаго изъ купцовъ директора, съ нѣсколькими ассесорами и другими служителями въ числѣ необходимо потребномъ: а ежели бы паче чаянія изъ природно-подданныхъ къ порядочному ея правленію способныхъ не нашлося, то можно-бы пригласить и изъ иностранныхъ натурализовавшихся и другихъ купцовъ торги порядочно отправляю-

щихъ въ Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ городахъ находящихся.

Станъ такой компаніи можно учредить гдѣ заблагопризнается; а хотя бы и въ Москвѣ, то никакого предосужденія не воспослѣдуетъ: оная только должна будетъ учредить главные закупающіе и заготовляющіе конторы своего торгу на Дону и на Днѣпрѣ, напримѣръ: первая въ близости Воронежа, а вторая въ Переволочной или въ Кременчугѣ; вторые споспѣшествующіе къ дальному товаровъ препровожденію въ Таганрогъ и при Никитинской переправѣ, третьи отправляющіе въ Керче, и при Кильбурнѣ: или же (въ разсужденіи, что при Кильбурнѣ нѣтъ не токмо пристани, но ниже остоя по причинѣ великихъ мелей далеко въ морѣ и въ заливъ распространившихся) сію послѣднюю при устье рѣки Буга: а коли положенія мѣсто не способное ни для постройки амбаровъ, ни для крѣпостцы, которая неминуемо нужна, не токмо для разныхъ статскихъ резоновъ, но и для безопаспости самой конторы, товаровъ и пребывающихъ въ Карантинѣ; гдѣ повыше на Днѣпрѣ, то первыя конторы закупая всякіе товары къ отпуску служащіе отправляютъ ко вторымъ, какъ которой удобнѣе водою, или сухимъ путемъ, вторыя къ третьимъ на судахъ способныхъ, а послѣднія на морскіе суда нагружаютъ. Тоже имѣетъ дѣлано быть и съ привозимыми, начиная съ третьихъ, и слѣдуя къ первымъ: а дабы сіи первыя конторы тѣмъ удобнѣе могли заблаговременно приготовлять товары къ отпуску принадлежащіе, а привозимые безъ медлительности продавать, мнѣ кажется можно бы учредить въ пристойные годовые времена ярмонки по одиножды, или по дважды въ годъ въ мѣстахъ къ отправленію и къ полученію удобнѣйшихъ, напримѣръ: въ помянутыхъ городахъ Воронежѣ, или гдѣ на Дону, Преволочнѣ, Кременчугѣ, или же у Никитинскаго перевозу.

Но какъ при всякомъ наилучшемъ распоряженіи не изрѣдка дѣлаются злоупотребленія, какъ то предъ нѣкоторыми годами случилось съ нѣкоимъ Шемякинымъ, который нашелъ способъ обдержать привилегію исключительно одному въ турецкую землю отпускать бѣлку, которая такъ необходимо нужна тамъ, что ежегодно болѣе миліону въ расходъ употребляется, съ обязательствомъ доставлять на наши фабрики столько шелку, сколько будетъ потребно, да и за дешевшую цѣну нежели фабриканты отъ другихъ покупаютъ. Мнѣ не-

извѣстно сколько онъ шелку доставилъ; а съ подлинностію знаю, что онъ ни единой бѣлки не отпустилъ, а только положилъ подать на Греческихъ купцовъ оную вывозимыхъ съ каждой тысячи по два рубля, сверхъ того продавая имъ за такую цѣну, какъ хотѣлъ; а отъ россійскихъ мелочныхъ купцовъ привозящихъ оную бѣлку на ярманку въ Нѣжинъ, прикащики его покупали за такую же цѣну, какъ похотѣли; ибо пріѣхавшій купецъ, понеся дорожныя издержки и немогши никому другому продать, видѣли себя принужденными имъ отдавать за цѣну представляемую: чрезъ что многіе разорилися и оставили сей промыселъ, чему подобное и при настоящей компаніи легко случиться можетъ; ибо пріѣзжающіе изъ разныхъ провинцій купцы на ярманки, не имѣя другихъ покупщиковъ кромѣ компанѣйскихъ, въ случаѣ какого либо неистовства чтобъ не подвергнуться издержкамъ въ обратномъ товаровъ отвозѣ, принуждены будутъ въ цѣнѣ отъ нихъ законы получать: то въ отвращеніе такого неудобства, мнѣ кажется нижеслѣдующее средство нѣсколько послужить бы могло. Помянутая компанія заблаговременно въ пристойное годовое время имѣя чрезъ печатныя вѣдомости обнародовать, что на такую то ярманку потребно для отпуску столько, и столько такого то и такого товару, такой и такой каждаго доброты не свыше такой цѣны: 1-й, 2-й и 3 доброты; а чтобъ и въ семъ случаѣ съ обоихъ сторонъ съ доброю вѣрою исправлялось, надобно быть надзирателю, или судьѣ постороннему, правдивому и безкорысливому, который бы могущіе произойти споры по сущему правосудію разводить могъ; или же оная компанія можетъ себя снабдѣвать всѣми потребными товарами къ отпуску чрезъ даваніе коммисей разнымъ купцамъ, по разнымъ провинціямъ и городамъ живущимъ, желаемые ей товары покупать, означивая каждому количество и качество, такоже и время къ ней отправленія; плата тѣмъ коммисіонерамъ, какъ то вездѣ водится за коммисіи и провизіи по столько то на сто. Сей способъ для снабдѣнія компаніи потребными товарами по мнѣнію моему былъ бы не въ примѣръ выгоднѣе для всѣхъ, нежели ярманки потому, что 1) компанія можетъ заказать въ разныхъ мѣстахъ закупить столько всякаго товару, сколько по изчисленію ея къ отпуску потребно, вмѣсто того, что на ярманки привезти могутъ иногда болѣе, а иногда недостаточно. 2) Такая по разнымъ провинціямъ и разными людьми товаровъ скупка, не въ примѣръ

скорѣе распускала бы деньги по рукамъ самомелочныхъ торговцевъ, на и самыхъ сельскихъ жителей, вмѣсто того, что купцы ѣздятъ да ярманки по большей части съ товарами въ долгъ братыми, которые поздно оплачиваютъ, а иные проторговавшись и никогда; чрезъ что мало имущные тѣмъ бѣднѣе становятся, а иные совсѣмъ разоряются; и 3) Компанія всякой товаръ симъ способомъ можетъ имѣть дешевшею цѣною и лутшей доброты; потому что каждый коммисіонеръ получая чрезъ коммисіи и провизіи прибыль, рачительнѣе одни предъ другимъ стараться будутъ, какъ бы наилутчше ей услужить и чрезъ то притянуть къ себѣ большее число коммисій; а криводушной и нерачительной скоро воспокаяться причину возымѣетъ: ибо компанія имѣя въ одномъ городѣ двухъ, или трехъ коммисіонеровъ для каждаго товару, скоро увидитъ изъ предъявленныхъ ей фактуръ и доброты товаровъ, кто правдивъ и рачителѣнъ, и кто неистовъ, нерачителенъ или не разумѣющъ. Первымъ усугубитъ коммисіи, а другимъ совсѣмъ оставитъ: такихъ нѣсколько примѣровъ всѣхъ поправятъ и сами спознаютъ, что не криводушіемъ и не корыстолюбіемъ состояніе наше поправляется, но честностію и правдивостію: но при семъ учрежденіи необходимо надобно, чтобъ вексельные правы и законы со всею строгостію и неукоснительностію наблюдаемы были, потому что такая скупка товаровъ наличными деньгами для коммисіи не въ примѣръ будетъ выгоднѣе на кредитъ братыхъ.

Первыя компаніи конторы тѣмъ или другимъ образомъ запасясь всякими товарами къ отпуску принадлежащими отправляютъ къ среднимъ, а отъ сихъ къ третьимъ въ годовое время дозволяющее водяной ходъ на судахъ водами допускаемыхъ. До Керчи же и Кильбурна на морскіе суда могутъ ходить почти чрезъ весь годъ, развѣ выключить Ноябрь, Декабрь, Январь и Февраль мѣсяцы; но какъ купцы морскихъ судовъ не имѣютъ, а того менѣе людей знающихъ искуство мореплаванія, то необходимо надобно, чтобы Адмиралтейская коллегія, или контора ея, которая безсомнѣнно учредиться имѣетъ въ Еникалѣ, или Керче, снабдѣвала компанію толикимъ числомъ суденъ со всѣмъ пристойнымъ экипажемъ, сколько для производства коммерціи ея потребно быть можетъ, за плату, оплачивающую строеніе, оснастку, снаряженіе и починку судна; такожъ и содержаніе всего экипажа жалованьемъ, пищею и одеждою; но сіе

уплаченіе не должно считаться въ одну поѣздку, а въ размѣръ по справедливому исчисленію коль-кратно въ годъ такое судно въ Константинополь и обратно съѣздить можетъ; а мнѣ кажется, что ежели въ Керче и въ Кильбурнѣ, или вмѣсто сего послѣдняго, какъ выше сказано, при устьѣ рѣки Бугѣ, построяться сугубые амбары, одинѣ для сохраненія товаровъ привозимыхъ изъ Россіи къ отправленію, а другія для принятія, сохраненія и выдержанія карантина товаровъ привозимыхъ изъ турецкихъ и другихъ областей; такъ что бы суда привезшіе оные, и згрузя въ амбары карантинные къ отпуску заготвленные товары безъ потерянія времени въ держаніи карантина своими людями на пришедшее судно нагрузить могли: то всякое судно въ годъ въ Константинополь и обратно до шести и болѣе раза съѣздить успѣетъ; сіе толь легче сдѣлаться можетъ, когда правителю судна, (которыхъ всѣ иностранныя націи капитанами называютъ, а которые и въ самомъ дѣлѣ для разныхъ резоновъ оберъ офицерскаго чину быть должны) и всему экипажу сверхъ жалованья за всякую поѣздку каждому по припорціи званія и чину будетъ опредѣлено нѣкоторое награжденіе, чѣмъ каждый будетъ побужденъ къ скорѣйшей ѣздѣ и безъзаконной причины въ гаваняхъ и отстояхъ одерживаться не станетъ, а чрезъ сіе самое и судовъ не многое число будетъ потребно, а упражняющійся безпрестанно и за малую плату съ грузу могутъ, сами со всѣмъ экипажемъ въ короткое время оплатиться. На первый же случай могутъ служить бывшіе разные суда въ Дунаѣ и при Керче употребляемые въ продолженіе войны.

А какъ во всякомъ отдаленномъ, а того болѣе морскомъ торгѣ есть свой страхъ, который во всѣхъ другихъ государствахъ перенимаютъ на себя въ размѣрѣ опасности за нѣкоторую плату, въ однихъ партикулярные каждые особенно, а въ другихъ соединившіеся въ компанію: но у насъ, сколько мнѣ кажется, ни однихъ, ни другихъ къ сему способныхъ, или надежныхъ едва ли сыскать возможно: развѣ Адмиралтейская коллегія сей страхъ на себя перейметъ, опредѣля на то нѣкоторую сумму. Сіе было бы толь пристойнѣе, что мореплавающія суда съ экипажами ихъ отъ нее коллегіи зависимы, слѣдственно начальники яко подъ отвѣтомъ состоящіе о безопасности судна и грузу его будутъ рачительнѣе, нежели бы такой страхъ какими нибудь партикулярными на себя перенять

былъ. Такой страхъ, или ассикурація отъ Керчи и Кильбурна до Константинополя и до всѣхъ пристаней на Азіятскомъ и Европейскомъ берегахъ Чернаго моря лежащихъ съ половины Апрѣля до половины Октября мѣсяцевъ не долженъ быть болѣе одного со ста, а протчія мѣсяцы по одному съ половиною, а много что по два, и столько же обратно, потому что нѣтъ въ ономъ морѣ иныхъ опасностей, кромѣ волненія морскаго и бурь.

Каждый капитанъ, или правитель судна при всякомъ своемъ отправленіи долженъ снабдѣнъ быть на всякіе могущіе въ поѣздкѣ быть издержки нѣкоторою денежною суммою, дабы онъ по часто случающимся морскимъ приключеніямъ безъ потерянія времени поврежденное судно, снасти, или что другое поправить и путь свой продолжать могъ. Въ другихъ земляхъ, на всѣ подобные приключенія опредѣляются издержки подъ наименованіемъ *Авари*; онѣ суть троякіе, изъ коихъ одни оплачиваютъ нагруженные товары, другіе—хозяева судна или корабля, а третьи—капитаны или правители судна.

Учредя компанію, и все то что къ запасенію ею товаровъ къ отпуску принадлежащихъ, такожъ суда, такъ по рѣкамъ и заливамъ, какъ и по морю оной служащія, остается рѣшить, кому оную коммерцію исправлять въ турецкой землѣ, то есть: кому продавать отправленные товары и кому скупать, приготовлять и привозить потребные въ замѣну? Ежели сіе предоставится нашимъ купцамъ, то конечно тоже выдетъ самое, что и прежде было: то есть разстройство торгу съ разорѣніемъ многихъ: ибо знатные купцы, или дѣти ихъ по мнимой ими въ турецкой землѣ опасности подвергнуться не похотятъ, а посылать будутъ, какъ то прежде было, работниковъ по шести или по двадцати рублевъ нанимаемыхъ, которые имѣя воспитаніе сродное съ ихъ состояніемъ, валяяся по кабакамъ и по шинкамъ продаетъ, или мѣняетъ товары безъ всякаго разсчета да и никто такому не вѣритъ; чему я самъ свидѣтель, что они по восемнадцати и двадцати по четыре со ста въ годъ процента плачивали, да и нынѣ то безсомнѣно быть можетъ; чего ради мое мнѣніе есть то, чтобъ такихъ работниковъ, или какъ ихъ величаютъ прикащиковъ отнюдь ни на одномъ суднѣ съ товарами не посылать, а нагрузя товары на судно и по заплатѣ должнаго таможнѣ, какъ то вездѣ водится вручить капитану печатной билетъ, или

видъ грузу, объясня въ ономъ по нумерамъ и по знакамъ сколько кипъ, ящиковъ, бочекъ и прочего нагружено, адресовать въ комми-сію иностраннымъ купцамъ, сообща имъ фактуру или счетъ каждой вещи, чего она стоитъ и ниже какой цѣнш онъ ее продать не можетъ; къ исполненію сихъ комисій я признаю наидостойнѣйшими по порядочному ихъ житію и коммерціи веденію, такожъ и по знатности имуществъ ихъ извѣстные мнѣ въ Константинополѣ три дома, одинъ Англичанинъ Георгій Абботъ, другой Саксонецъ Гипшъ, а третій Голанецъ Борманъ; за которые съ надѣжностію отвѣтствовать могу, что онѣ получая обыкновенные коммисіи и провизіи со всею исправностію и съ крайнимъ раченіемъ отправлять будутъ, такъ продажу присланныхъ къ нимъ товару, какъ приготовленіе, закупку и присылку всѣхъ товаровъ приказанныхъ во оборотъ, не токмо въ Константинополѣ съ его околичностьми, Архипелагахъ островахъ, приморскихъ турецкихъ городахъ, но и во всей Италіи и другихъ областяхъ; ибо имѣя они повсюду корреспондентовъ, людей на мѣстахъ живущихъ и въ купечествѣ обращающихся, болѣе свѣдующіи о настоящей цѣнѣ и добротѣ каждаго товару, имѣя легчайшій способъ компаніи лутче услужить, нежели вновь пріѣзжающіе и не свѣдущіе ни о обыкновеніяхъ каждаго мѣста, ни о случающихся по часту въ цѣнахъ разныхъ товаровъ перемѣнахъ. Но дабы же не всегда постороннихъ употреблять, а завести своихъ людей порядочный торгъ производить могущихъ: я бы желалъ чтобъ выбрано было шесть человѣкъ изъ молодыхъ купеческихъ, или мѣщанскихъ дѣтей, робятъ лѣтъ отъ пятнадцати до восемнадцати, по лѣтамъ ихъ умненькихъ, остренькихъ, видомъ показывающихъ добронравіе и не весьма гнусное воспитаніе имѣющихъ и послать ихъ къ помянутымъ тремъ коммисіонерамъ каждому по два человѣка съ платою за нихъ, какъ то всѣ иностранные платятъ за содержаніе пристойнаго пенсіону, у которыхъ они живучи, чрезъ вседневные примѣры научатся добропорядочнаго поведѣнія, иностраннымъ языкамъ, а въ конторахъ ихъ исправленіе коммерціи по всѣмъ правиламъ наблюдаемымъ между всѣми Европейскими купцами; на что имъ времени довольно будетъ шести лѣтъ: по истеченіи которыхъ, сами домами и конторами управлять возмогутъ и къ нимъ уже компанія все отправлять будетъ, какъ и ожидать отъ нихъ всего надобнаго въ оборотъ: однимъ словомъ, они заступятъ мѣсто ино-

странныхъ коммисіонеровъ, тогда и къ нимъ для обученія такъ же посылать человѣка по два изъ молодыхъ людей, которые научась заступятъ мѣста ихъ, а они возвратясь могутъ въ отечествѣ исправлять торгъ порядочно къ ихъ собственной и общей пользѣ. Я понимаю, что сіе нѣсколько медлительно, но помню италіанскую пословицу: *лучше поздно, нежели никогда.* Французская нація, какъ всѣ знаютъ очень жива и нетерпѣлива, однако всѣ Марсельскіе купцы съ молодыми людьми поступаютъ по вышепредъявленному, присылаютъ ихъ въ купеческіе дома, у коихъ живутъ пять лѣтъ сперва простыми копистами, потомъ держателями всѣхъ по купеческому обряду книгъ, напослѣдокъ домами и торгомъ правя десять лѣтъ возвращаются въ отечество, и яко уже люди искустные отправляютъ всякой торгъ тамо съ основательнымъ знаніемъ.

Какими произращеніями турецкая область изобильствуетъ, и какіе Европейскіе націи обыкновенно вывозятъ, о томъ здѣсь не упоминаю, потому, что бывшей въ Константинополѣ предмѣстникъ мой резидентъ покойный Статскій Совѣтникъ Неплюевъ въ началѣ «1747» году доставилъ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ подробное и обстоятельное описаніе, а послѣдовательно, когда графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ опредѣленъ былъ президентомъ коммерческой коммисіи, и я самое тоже сдѣлалъ; [1]) а тому только прибавить имѣю Ангорскую овечью шерсть, весьма годную на суконные фабрики, которой пудъ, какъ то я примѣнялся чистой и вымытой со всѣми издержками въ Синопской портъ не будетъ стоить болѣе полутора рубли, добротою же ровняется къ Константинопольской, которая во всей турецкой области почитается наилучшею.

А изъ имперіи Россійской отпускаемо быть можетъ съ явною прибылью слѣдующее:

Пушной товаръ всякаго рода, знанія и доброть. Холстъ тонкой, толстой и хрящъ. Холстъ же тонкой и толстой крашеной синею и лазоревою красками. Икра паюсная и свежепросольная весьма въ знатномъ количествѣ. Рыба вялая и соленая. Масло коровье.

Сало такъ же весьма было прибыльно, но продажа подвержена нѣкоторымъ затруднѣніямъ; что однако съ авантажемъ замѣнить можно

---

[1]) См. приложеніе 13.

свѣчами маканными и литыми, а особливо естьли станутъ дѣлать свѣтильни изъ пряжи бумажной, а не пеньковой.

Масло льняное;воскъ; медъ; рыбья кость; щетина; грива; канаты; веревки; юфть и сырые кожи.

Желѣзо въ шинахъ, а не въ примѣръ ещебъ прибыльнее было, когда бы дѣлали прутья разной долготы и толстоты и разныхъ величинъ и толстотъ плостины: потому что въ Константинополѣ и работники и уголья весьма дороги; то такіе малые части скорѣе и съ меньшими издержками въ дѣло употреблены быть могутъ; а наши подданные за труды ихъ получаютъ хорошую мзду.

А когдабъ у насъ ковали гвозди употребляемые въ строеніи домовъ въ турецкой области, коихъ ежегодно, такъ сказатъ неисчетное число исходитъ, то и сей артикулъ весьма бы прибыточенъ былъ, наипаче же въ началѣ, по причинѣ раззорѣнія по случаю войны толикихъ городовъ, слободъ и другихъ селѣній которые безсомнѣнно выстраиваться начнутъ.

Хлѣбъ, какъ то пшеница, ячмень, горохъ и просо съ знатною прибылью продаваемо быть можетъ въ городахъ и пристаняхъ на Азіятскихъ берегахъ Чернаго моря лежащихъ.

Пшеница, или же мука ея равномѣрно съ знатною прибылью продаваема быть можетъ въ наибольшей части Архипелагскихъ острововъ; а оборотъ въ замѣну еще болѣе прибыточенъ будетъ тамошними произращеніями.

Когда сія предполагаемая коммерція отъ стороны нашей порядочно учредится, и Министръ Ея Импер. Величества въ Константинополѣ съ такимъ же раченіемъ дополнитъ все то, что тамо въ лучшую ея пользу быть можетъ и отдалитъ могущіе иногда быть притѣсненіи, кои наипаче опасны при самомъ началѣ производства ея, то безсомнѣнно знатная прибыль будетъ для всѣхъ подданныхъ Ея Имп. Величества: ибо основавъ ее единожды въ турецкой области, весьма уже способно будетъ распространить и по всѣмъ городамъ и пристанямъ по берегамъ Адріятическаго и Средиземнаго морей лежащимъ.

А въ Константинополѣ престерегать должно слѣдущее:

1) Въ турецкой области пошлина со всѣхъ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ по три со ста; да прибавочная называемая *местерія*, по полтора со ста, отъ которой однако французская нація

освобождена за оказанныя услуги Посломъ Марки Вильневомъ при Бѣлградскомъ трактатѣ. Я нарочно въ трактатъ внесъ, что Французской коммерческой съ Портою трактатъ, якобы слово отъ слова внесенъ былъ; то есть полное право и нашу коммерцію отъ сей прибавленной полуторной пошлины на всегда освободить.

2) Одна французская нація имѣла исключительную привилегію въ Константинополѣ и его околичностяхъ шерсть покупать и вывозить, которую привилегію въ силу того же артикула и для нашихъ купцовъ обдержать можно.

3) Есть въ Константинополѣ запрещеніе провозить мимо его въ Черное море сорочинское пщено; а часто бываетъ и сухихъ овощей, которыя запрещенія въ разсужденіи нашихъ судовъ должно стараться на всегда уничтожить.

4) Легко статься можетъ, что сдѣлается покушеніе подъ какими нибудь подлогами требовать платы съ судовъ нашихъ такъ пріѣзжающихъ, какъ и возвращающихся при крепостцахъ на каналахъ Чернаго моря лежащихъ, верхніе *каваки*, а нижніе *исары* называемые, но сего отнюдь не терпѣть, а согласиться только па то, сколько всѣ Европейскіе суда платятъ при внѣшнихъ Дарданѣлахъ, а именно по сту по пятидесяти копѣекъ съ каждаго судна подъ наименованіемъ благополучнаго пріѣзда.

5) По старому примѣру иногда будетъ прицѣпка осматривать весь грузъ, и нѣтъ ли въ провозѣ заповѣдныхъ товаровъ при крѣпостцахъ и *сарахъ*, которой претекстъ для купцовъ былъ весьма убыточенъ, но пособить тому было не чѣмъ, ибо турецкіе начальники отговариваясь, что судно принадлежитъ со всѣмъ экипажемъ имъ, то они и поступаютъ по ихъ узаконеніямъ, но какъ всѣхъ Европейскихъ судовъ въ Дарданелахъ грузы не осматриваются, а однѣ только пропускные отъ Порты указы; то стараться должно, чтобъ и съ нашими судами такъ же поступаемо было.

6) Условиться одиножды на всегда въ Константинополѣ о пристани, къ коей бы суда наши приставать могли; такожъ должны одиножды на всегда объ отстояхъ или рейдахъ на каналѣ Чернаго моря находящихся; по мнѣнію моему наипристойнѣйшими быть могутъ *заливъ Тарапинскій* и отстой *Енимахале* называемые.

7) На пространствѣ Чернаго каналу есть двѣ сильные быстрины одна называемая *Арнаутская Долгая*, другая *Шайтань Буреку*,

или дьявольской носъ, противъ которыхъ суда инаково взобраться не могутъ, какъ съ величайшимъ вѣтромъ, а то обыкновенно втягиваются бечевою; причемъ бываютъ весьма часто драки и ножевщины; то должно будетъ принять всѣ мѣры къ предупрежденію отъ такихъ дракъ и къ защищенію нашихъ мореплавателей, безъ чего онѣ по малолюдству ихъ всегда обиженными оставаться могутъ.

Всѣ иностранные націи въ турецкой землѣ торги производящіе платятъ съ привозимыхъ товаровъ подъ наименованіемъ Консульства по пяти процентовъ со ста, и собираемая сумма употребляется на разные издержки къ коммерціи относящіеся: какъ то содержаніе консулей, переводчиковъ, канцелярскихъ министерскихъ служителей, а у нѣкорыхъ и самихъ министровъ. Всѣ же націи въ мѣстахъ, гдѣ торги наиболѣе производятся, имѣютъ въ однихъ консулей, а въ другихъ вицъ консулей, чему и у насъ быть должно по Черному морю, на Азіятскомъ берегу, напримѣръ въ Трапизондѣ консулю, въ Бату, Синапѣ и Ракми вицъ-консулямъ: на Дунаѣ, напримѣръ: въ Измаилѣ консулю, а въ другихъ городахъ въ верхъ по берегамъ оной рѣки лежащимъ вицъ-консулямъ, ежели не опробуется отправленіе товаровъ въ коммисію къ иностраннымъ купцамъ, а предпочтется сей торгъ своими національными производить, тогда неминуемо потребны будутъ консули въ Смирнѣ, Салоникѣ и въ островѣ Шіо, а по другимъ мѣстамъ вицъ-консулямъ съ порядочнымъ ихъ содержаніемъ.

Здѣсь примѣтить хочу, что въ турецкой имперіи подданный ея консулемъ быть не можетъ, но токмо иностранные.

ДОПОЛНЕНІЯ.

къ стр. 20:

Въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д, въ дѣлахъ малороссійскихъ, хранится весьма любопытный документъ, начинающійся словами: «Договоры съ султаномъ Турецкимъ, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Русскимъ относительно торговли на Черномъ морѣ, таковы *быть имѣютъ:...*» Документъ названъ почему-то *копіею* съ договора *заключеннаго* Запорожцами съ Султаномъ около 1649 года [1]). Для насъ вопросъ остается нерѣшеннымъ, былъ заключенъ подобный договоръ или нѣтъ [2]), но въ немъ Султанъ разрѣшаетъ казакамъ свободное плаваніе на Черномъ морѣ ко всѣмъ своимъ портамъ, городамъ и островамъ, также на Бѣломъ морѣ ко всѣмъ своимъ владѣніямъ и островамъ съ ихъ портами и къ портамъ другихъ государей и владѣніямъ христіанскимъ, также по всѣмъ рѣкамъ и ко всѣмъ городамъ, съ коими по желанію своему, въ торги и купеческія дѣла входить имѣютъ...». «Для споспѣшествованія этой *новой* торговли войска запорожскаго», султанъ освобождаетъ его купцовъ и товары отъ всякихъ пошлинъ на 30—100 лѣтъ и разрѣшаетъ купцамъ жить и заводить магазины и склады въ турецкихъ городахъ. Далѣе предполагалось учредить запорожскаго рези-

---

[1]) Онъ отпечатанъ въ Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 134, стр. 444 сл. и объ немъ-же упоминаетъ Н. И. Костомаровъ въ статьѣ: «Богданъ-Хмельницкій данникъ Порты», помѣщенной въ Вѣстн. Евр. 1878 г., но по ошибкѣ называетъ его договоромъ 1619 года.

[2]) Во всякомъ случаѣ разсматриваемый документъ есть лишь *проектъ* договора, какъ это видно изъ вступительныхъ словъ, а также изъ ст. II, гдѣ льготный срокъ для торговли запорожцевъ опредѣленъ «на 100 лѣтъ (а если не на 100лѣтъ, то хотя на 50, или по крайней мѣрѣ на 30)».

дента въ Стамбулѣ для охраненія правъ казацкихъ купцовъ и турецкаго въ Запорожьѣ, который долженъ выдавать паспорты казакамъ для свободнаго проѣзда съ тѣмъ, чтобы начальникъ галеры или корабля съ своей стороны учинялъ передъ нимъ присягу, что онъ никакой измѣны противъ государства султанова не сдѣлаетъ. Наконецъ предусмотрѣнъ случай, если кто изъ запорожцевъ своевольно нападетъ на морѣ на турокъ,—такія лица предаются войсковому суду въ присутствіи турецкаго резидента и изъ за нихъ торговля страдать не должна, а если какое своевольство возникнетъ съ Дона, то оказывать взаимное вспомоществованіе въ наказаніи виновныхъ и охранѣ свободы моря и т. п.

къ стр. 124:

Прошеніе тульскихъ купцовъ (23 сент. 1763) о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ съ отмѣтками Екатерины II см. въ Русск. Архивѣ 1870, стр. 541 сл.

ПРИЛОЖЕНІЕ 13-е

Копія съ предложенія, поданнаго въ Комерцъ-Коллегію отъ Д. Т. С. и Кавалера Кн. Юсупова. (Архивъ Константинопол. миссіи, св. 42: дѣла до коммерціи касающіяся).

Для скорѣйшаго произведенія коммерціи чрезъ Черное море какъ съ Портою Оттоманскою, такъ и съ областьми Медитеранскаго моря къ пополненію прежняго надлежитъ подлинное обстоятельство той коммерціи слѣдующими пунктами иностранной коллегіи сообщить, изъ чего надежно, что по разсмотрѣнію оныхъ оная государственная иностранная коллегія старанія приложить не преминетъ дабы столь полезное предпріятіе и приращеніе интересовъ всероссійской имперіи въ дѣйство не произвесть.

Понеже природное положеніе преславной всероссійской имперіи всѣмъ извѣстно, что съ четырехъ странъ великія моря имѣются, яко восточное и Японское, Сѣверное, Балтійское, Каспійское и Черное, на которыхъ корабельный ходъ происходитъ, то въ разсужденіи находится, что съ оною имперіею ни единаго европейскаго государства сравнить невозможно; къ тому же благословеніемъ Божіимъ и сама натура внутри сей имперіи предъ всѣми другими наивящшею способностью каналомъ и рѣчными коммуникаціями къ портамъ, безпорно одарила и земля всѣмъ такъ изобильно снабдена, что по обстоятельству нѣсколько тысячъ обывателей противъ другихъ націй съ большою прибылью уже дѣйствительно чрезъ Балтійское, Сѣверное и Каспійское моря коммерцію производятъ и оною пользуются; а ежели къ сему съ высоко-начальственною помощію Божіею надлежащее стараніе о такомъ благополучіи для вѣрныхъ подданныхъ еще приложится и къ предпріятію довольный способъ подастся, то надежно, что и чрезъ Черное море, а особливо нынѣ, по имѣющемуся съ Портою Оттоманскою преславному миру, препятствія къ произвожденію желаемой коммерціи не произойдетъ и къ поспѣшествованію Ея Имп. В-ва высочайшаго интереса и къ великой пользѣ подданныхъ въ самое совершенство привесть возможно будетъ, понеже изъ того не токмо всероссійской имперіи, яко самая важность въ расширеніи коммерціи состоитъ, но и Турецкой области не меньше прибыли отъ того ожидать можно, чего ради для лучшаго извѣстія къ произвожденію такой коммерціи чрезъ то Черное море благоволила бъ государственная иностранная коллегія къ резидующему отъ нашего двора министру Ст. Совѣтнику и Резиденту Вешнякову сообщить и притомъ рекомендовать, дабы свое стараніе елико возможно приложилъ и о слѣдующемъ развѣдавъ въ коммерцъ-коллегію сообщилъ:

1) Въ которыхъ провинціяхъ и островахъ Средиземнаго моря, что родится показать именно и что изъ онаго на внутреннія фабрики употребляется.

2) Въ которыхъ провинціяхъ и городахъ фабрики имѣются и какія вещи на оныхъ дѣлаются.

3) Въ которыхъ же провинціяхъ рудокопные заводы имѣются и какіе именно и безъ привоза изъ другихъ государствъ яко мѣдью, сталью, желѣзомъ, оловомъ, свинцомъ своимъ пробавиться могутъ-ли.

4) Какіе товары изъ внутри родившихся турецкая область повсягодно караванами въ Азіатскія мѣста яко въ Персію и чрезъ Персію въ Индію, также и въ Африкѣ въ пограничныя области отпущаетъ и какія обратно изъ тѣхъ мѣстъ получаетъ.

5) Изъ которыхъ городовъ и чрезъ которыя мѣста оные караваны путь свой имѣютъ и въ которые города другихъ областей приходятъ.

6) Съ Азіатскими государствами яко съ Персіею прежде нынѣшней войны какіе о коммерціи трактаты имѣлись, также и съ другими пограничными государствами, какъ въ Азіи, такъ и въ Африкѣ о коммерціи трактаты имѣются ль: о чемъ всевозможное стараніе приложить и подлинное обстоятельство Азіатской и Африканской коммерціи сообщить.

7) Какіе товары изъ европейскихъ государствъ, яко изъ Франціи, Англіи, Голландіи, Италіи и изъ другихъ областей повсягодно привозятся и между привозными отъ иностранныхъ купцовъ какіе россійскіе товары въ ту турецкую область привозятся, а буде возможно, то и по какой цѣнѣ что изъ россійскихъ товаровъ продается и въ которые порты показать точно, и обратно какіе товары изъ природныхъ ли однихъ турецкихъ или и изъ Персіи и изъ другихъ государствъ чрезъ Персію получаемыхъ, что разумѣется и объ Африканскихъ портахъ; что сверхъ родившихся въ Африканскихъ провинціяхъ турецкой области получаемые изъ пограничныхъ областей отпускаютъ, о семъ показать точно, что изъ природныхъ и что изъ заграничныхъ мѣстъ привозимыхъ отпускается.

8) Съ европейскими государствами какіе трактаты о коммерціи имѣются съ оныхъ прислать копіи.

9) Съ привозныхъ изъ европейскихъ государствъ товаровъ противъ того ли какъ исъ прочихъ привозимыхъ портовъ турецкой области съ ихъ подданныхъ пошлина берется или по особливому учиненному со всякимъ государствомъ порознь тарифу (или о пошлинахъ установленію) пошлина платится, и во всѣхъ ли портахъ единакая или разная, и куда больше европейскіе корабли приходятъ; то какъ о турецкой, такъ и о особливо учрежденныхъ тарифахъ прислать обстоятельное извѣстіе, дабы изъ того можно было знать: не находится ль въ пошлинахъ какой разницы?

10) Оные европейскіе товары всѣ ли въ турецкой области исходятъ или изъ оныхъ и въ Персію караванами отпускаютъ, то освѣдомиться, какіе точно товары и изъ которыхъ мѣстъ караванами отпускаютъ и кѣмъ тѣ товары европейскими ль купцами или турецкими обывателями,

яко Греками, Армянами отпускаются, или жъ изъ Персіи для закупки товаровъ и отправленія тѣхъ карабановъ парочно Персіяне, Армяне и Индійцы пріѣзжаютъ.

11) При выпускѣ (вывозѣ) изъ заграницъ въ Азіатскія и Африканскія государства, съ привозимыхъ европейскихъ товаровъ, ежели отпустится (ввозится) иностранными купцами какая пошлина берется, то не находится ль противъ того ежели подданными отпустится какого излишества.

12) Въ хожденіи карабановъ чрезъ Арабію не берется ль отъ владѣющихъ разныхъ владѣльцевъ особливыхъ пошлинъ, и какая именно и не чинятъ ли для полученія корысти какихъ приметокъ и препятствія, и ежели возможно то и о фрактахъ во что хожденіе тѣхъ карабановъ становится изъяснить.

13) Причемъ и то рекомендовать надлежитъ, дабы съ иностранными министрами пристойнымъ образомъ и со всякою въ томъ предосторожностью какъ съ Неаполитанскимъ, Венецкимъ, Женческимъ, съ республикою Рагузою, такъ и съ находящимися обывателми Греками, Армянами и Турками надлежаще опыты къ установленію и къ произвожденію чрезъ Черное море коммерціи конференціи возымѣлъ какія къ тому склонности ихъ окажутся, (ибо всѣмъ извѣстно, что многіе россійскіе товары въ штаты Италіанскіе Англичанами и Голландцами, безъ которыхъ въ Италіи обойтиться невозможно, приваживались) уже не чрезъ Англичанъ и Голландцевъ покупать, но яко изъ первыхъ рукъ оные предъ прежнимъ съ великимъ уменьшеніемъ въ цѣнахъ получать и тѣ товары, которые до сего Англичанами и Голландцами изъ Италіи въ Россію къ Санктъ-Петербурскому порту приваживались всероссійское купечество изъ первыхъ же рукъ покупать, съ такимъ же авантажемъ пользоваться можетъ и какіе способы и какими товарами съ нами торговать могутъ и обратно какихъ товаровъ требовать будутъ, и по такому изъясненію потомъ и у Порты Оттоманской для произвожденія той коммерціи представить и домогаться о свободной иностраннымъ коммерціи уже возможно будетъ.

14) А хотя по близости къ Черному морю точно порта и не означено, однакожъ оный при учрежденной коммерціи Ея Имп. В-ва всемилостивѣйшимъ указомъ не инако какъ паиспособнѣйше къ тому изобрѣтенъ будетъ. Итако, ежели министры италіанскихъ областей, какъ Неаполитанскій, Веницейской, такъ и прочихъ республикъ до Италіи къ возымѣнію той коммерціи чаятельно склонятся, ибо ближе чрезъ Мединтеранское и Черное море къ вышеозначенному порту придтить, нежели напередъ Англичанамъ и Голландцамъ къ Россійскимъ портамъ приходить и потомъ кругъ всей Европы въ Итальянскія области россійскіе товары привозить; къ тому жъ и то за само важное почесть можно, что въ такомъ случаѣ изъ первыхъ рукъ, какъ уже о томъ предъ симъ пунктомъ довольно изображено всѣ россійскіе товары которые они прежде чрезъ Голландцевъ и Англичанъ получали, получить могутъ,—

15) Знать потребно, что Порта Оттоманская, ежели прямо чрезъ каналъ Константинопольскій иностранные товары провозить къ россійскому порту и обратно изъ россійскихъ портовъ въ Италію, какія пошлины потребуетъ и до той коммерціи не воспретитъ ли.

16) Хотя извѣстно, что Порта Оттоманская другихъ націй кораблей дале Константинополя въ каналъ не пропущаетъ, то по тому и непадежно чтобъ своими кораблями изъ Италіи и чрезъ Черное море къ россійскому порту ходить могли, но въ такомъ случаѣ приходящіе европейскіе товары въ Константинополѣ могутъ перегружены быть на турецкія суда, которые какъ къ нашимъ Портамъ товары приводить и отъ насъ бравши, отвозить, отчего въ такой коммерціи никакого препятствія не воспослѣдуетъ.

17) Не пожелаютъ ли какъ изъ тѣхъ Итальянскихъ областей такъ изъ Грековъ, Армяновъ и Турокъ для установленія къ той коммерціи надлежащихъ конторъ по близости къ Черному морю, гдѣ Ея Имп. В-ва всемилостивѣйшимъ указомъ наилучше изобрѣтено быть можетъ, которыя бъ по даннымъ коммиссіямъ изъ Италіанскихъ областей и изъ другихъ мѣстъ, какъ въ Россіи товары приготовлять, и въ тѣ мѣста отправлять, такъ и привозные отправлять могли.

Итако, не токмо чрезъ такое учрежденіе коммерціи желаемаго благополучія всероссійской имперіи вѣрнымъ подданнымъ ожидать, но и особливо Ея Имп. В-ву къ высочайшей славѣ и къ наивящшему интереса пріумноженію зависитъ, дабы произведеніемъ чрезъ Черное море коммерціи называемую турецкую-англинскую компанію отъ хожденія въ Медитеранскомъ морѣ отвратить и привлечь чрезъ Балтійское море и Россію, какъ чрезъ Черное море въ Турецкую область такъ и чрезъ Каспійское море въ Персіи обыкновенные свои товары производить на такихъ же кондиціяхъ, какъ о провозѣ Аглинскихъ товаровъ чрезъ Россію и Каспійское море въ Персію, такъ и обратно и съ получаемыхъ Персидскихъ товаровъ чрезъ Россію въ Англію за извѣстные 3 процента по вышеозначенному трактату дозволено; къ тому жъ и то разсудить надлежитъ, что въ коммерціи чрезъ Средиземное море Англійская и Голландская компанія съ понесеніемъ великихъ фрактовъ притомъ нужды и опасности претерпѣваютъ:

1) что оные корабли дальнѣе путь имѣютъ и кругъ всей Европы ходятъ,

2) отъ нападенія капаровъ африканскихъ яко Салитинскихъ, Фескихъ, Марокинскихъ, такъ и отъ Барбарскихъ республикъ Алжерской, Тунисской, Трипольской всегдашнее опасеніе имѣютъ и всѣмъ извѣстно, что особливо Алжерцы не инако какъ на завоеванныхъ отъ Голландской націи корабляхъ всѣ свои непріятельскіе поиски производятъ и ежели оныя націи обратятся свои торги чрезъ Балтійское море и Россію, а изъ Россіи чрезъ Черное море въ турецкія области производить, то такихъ напрасныхъ убытковъ и излишнихъ фрактовъ и опаспостей миновать могутъ.

Коли же то въ разсужденіе придетъ, что въ Медитеранскомъ морѣ нѣко-

торые восточные порты, яко Смирна, Алепъ, такъ и южные, находящіеся въ Африкѣ Александретъ, Триполи, Сирская и прочіе порты отъ Константинополя далеко отстоятъ, но и то къ препятствію служить не можетъ, ибо легче на Турецкихъ національныхъ корабляхъ всякіе товары изъ вышепоказанныхъ мѣстъ въ Константинополь привозить и потомъ чрезъ Черное море въ Россію и изъ Россіи чрезъ Балтійское море получать, отчего видится, что предъ тѣмъ какъ нынѣ производится совершено во фрактахъ и страховыхъ деньгахъ будетъ уменьшеніе, къ тому жъ и всесовершенная безопасность.

Ежели жъ въ разсужденіе придетъ, что оные Аглинской и Голландской націи корабли въ Смирну, Алепъ, Александретъ и Сирскую Триполи не для однихъ въ Турецкой области рождаемыхъ товаровъ пріѣзжаютъ, но и для полученія персидскихъ привозимыхъ караванами товаровъ, то въ такомъ случаѣ разсуждается, что по имѣющемуся съ Англіею трактату Аглинская-Россійская компанія уже дѣйствительно торги свои съ немалою предъ Турецко-Аглинскою компаніею прибылью производитъ и годъ отъ году чрезъ поспѣшествованіе Всевышняго Бога расширяться и умножаться будетъ и чаятельно, что не токмо за имѣющеюся между Турецкимъ и Персидскимъ государствомъ войною нынѣ коммерція пресѣклась, но и безъ войны чрезъ производимую Аглинскую-Россійскую компанію торговъ сама собою прѣсѣчется, ибо какъ онымъ Персіянамъ способнѣе и дешевле, яко изъ первыхъ рукъ на готовые товары свои рождаемые на мѣстѣ товары мѣнять и продавать и изъ того прибыль получать, также и изъ другихъ персидскихъ провинцій къ тѣмъ портамъ внутри своего государства безо всякой опасности привозить и обратно товары получать, нежели караванами чрезъ Арабію свои товары отпущать и чрезъ Грековъ и Армянъ обратно получать, къ тому жъ и въ провозѣ оныхъ за дальностію пути не токмо великое время происходитъ, но и фракты не малые производятъ да и въ пути какъ въ Персію, такъ и обратно отъ Арабскихъ многочисленныхъ владѣльцевъ грекамъ и армянамъ несносные нападки и грабежи подъ видомъ проѣзжихъ пошлинъ приключаются;

И поелику всякою націею усмотрѣно быть имѣетъ, что производимый чрезъ Медитеранское море торгъ съ великимъ дезавантажемъ противъ хожденія чрезъ Балтійское море и транспортомъ чрезъ Россію и чрезъ Черное море товаровъ находится;

Къ тому жъ какъ въ Турецкой области обыватели, такъ и въ Медитеранскомъ морѣ Италіанскія области, яко Неполитанское и Сицылское государствы, республики Венеціанская, Рагузская, Эпуэская и Флорентинскаго княжества городъ Ливорно до сего россійскіе товары чрезъ Англичанъ и Голландцевъ получали, а учрежденіемъ чрезъ Черное море коммерціи оныя области съ немалымъ уменьшеніемъ цѣнъ противъ прежняго изъ первыхъ рукъ товары Россійскіе получать будутъ и обратно прежде привозимые изъ показанныхъ областей Англичанами и Голландцами уже

россійскіе купцы изъ первыхъ же рукъ получать могутъ, отчего Англичанамъ и Голландцамъ въ произведеніи коммерціи на Медитеранскомъ морѣ великій ущербъ приключиться можетъ, ибо какъ для взятья товаровъ въ Россійской имперіи и отвозу въ Италіанскія области, такъ и обратно изъ Италіи привозовъ товарамъ уже лишены будутъ;

И посему принуждены будутъ трактъ чрезъ Россію и Черное море производить и свою пользу искать чрезъ то до сего имъ прибыльной коммерціи себя не лишить;

И чаятельно, что не токмо въ Средиземномъ морѣ, турецкихъ областяхъ за неполученіемъ изъ Персіи товаровъ, но и за пресѣченіемъ въ Италіанскія области хожденіемъ Аглинская и Голландская компаніи упадутъ и чрезъ Россію и Черное море торговать принуждены будутъ, къ тому-жъ и Персидской южной чрезъ Ормусъ коммерціи современемъ торгующія націи для показанныхъ резоновъ лишены быть могутъ, ежели къ тому предпріятіе успѣхъ свой и силу возьметъ и когда желаемые караваны, яко внутри Персидскаго государства отъ южныхъ къ сѣвернымъ портамъ, такъ и изъ Персіи въ Моголъ и далѣе въ Индію чрезъ подвигъ желающихъ благополучія учредятся, то не токмо вышепомянутаго Персидскаго государства торгъ, но и большую часть изъ Остъ-Индіи сухимъ путемъ чрезъ Персію, а можетъ изъ дальнѣйшихъ Остъ-Индскихъ мѣстъ привозомъ въ Ормусъ и потомъ Персіею къ Каспійскому морю обратить не безнадежно.

У подлиннаго подписано тако: Князь Б. Юсуповъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 14-е

Арх. Конст. миссіи, связ. 42: Дѣла до коммерціи касающіяся.

Экстрактъ изъ реляціи секретной № $^{21}/_{161}$ отъ 31 Мая 1745 посланника Вешнякова:

Присланное изъ Государственной Коммерцъ-Коллегіи при ея промеморіи предложеніе о произведеніи купечества чрезъ Черное море какъ съ Оттоманскою Имперіею, такъ и со областьми Медитеранскаго моря, есть коль славнѣйшее и полезнѣйшее предпріятіе толь достойное ревности и мудрой прозорливости творителя онаго, яко-бъ тѣмъ всеконечно всѣ тѣ благія и слѣдствія и пользы государственныя сами собою послѣдовали, ежели бы не было посреди трудностей къ произведенію въ дѣйство, а именно невѣжества и варварства турецкихъ, которыхъ никакъ знать нельзя, развѣ очевидно, инако же всякое описаніе того здравому благоразсудству невнятно; кажется какъ бы могло быть какое государство, когда видя осязательно толь легкую прибыль и богатство имѣть, особливо Турки, толь любящіе богатство, за то не взялося. Но истинно то въ самомъ дѣлѣ есть, что не возьмутся. Того ради пріиму дерзновеніе о семъ вкратцѣ слабѣйшее мое мнѣніе всеподданѣйше предложить, яко имѣющій нѣкоторое зна-

ніе въ сихъ матеріяхъ торга, а долгая експеріенція въ дѣлахъ сея Имперіи являетъ мнѣ всѣ тѣ премножественныя неодолѣваемыя къ тому затрудненія и совершенныя препятствія. Я признаю сіе предпріятіе хотя не вовсе невозможнымъ къ произведенію въ дѣйство, но по малой мѣрѣ толь трудное, что хотя бъ оное въ какое мало порядочное и безопасное теченіе привести, то требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ и многихъ предыдущихъ установленій, безъ чего оное купечество зачаться не можетъ, а ежели принять въ разсужденіе максимы политическія сего двора, особливо при настоящемъ правленіи, и принять въ разсужденіе коль высоко зависнымъ и важнымъ сіе купечество въ Черное море, а особливо коль страшною до нашихъ береговъ навигацію хотя здѣшними судами Оттоманское правленіе быть разсуждаетъ, то могу дерзновенно В. Имп. Величество обнадежить, что такое установленіе есть совершенно невозможное дѣло. Разумѣю (установленіе) толь обширнаго пространства какъ въ семъ проектѣ мудро и благоразсудно изображено, колико всѣ имѣющіе морями торги державы, особливо Франція со всѣмъ здѣсь отмѣннымъ фаворомъ во все лучшія времена ни домогалася, нѣсколько милліоновъ давали позволить малому числу кораблей, но ни единаго до первыхъ крѣпостей по каналу къ Черному морю разстояніемъ седьми верстъ отъ Сераля не одержали, ниже на здѣшнихъ судахъ иностраннымъ своимъ именно грузить генерально не позволяется; кольми же паче отъ нашей стороны туркамъ комаръ слономъ покажется, хотя-бъ только предложить сію навигацію и коммерцію въ нѣкоторомъ пространствѣ чрезъ Черное море токмо до Константинополя, не толико далѣе; въ какомъ бѣдствѣ и страхѣ ни были въ послѣднюю войну, хотя-бъ и крайнее попеченіе было, не толико толь слабое (только для виду губами однова сказано, а подъ рукою препятствовано было) посломъ французскимъ туркамъ предложеніе о полной намъ навигаціи своими кораблями никогда-бъ не одержали, а съ трудомъ едва получили позволеніе нашимъ купцамъ полный торгъ въ Крымъ и сюда на турецкихъ судахъ, и то вѣдали, что малѣйшее самое число быть можетъ. А когда-бъ то сильно зачалось, то-бъ и препятствовать претекстъ нашли. Чрезъ искусство видимъ что не могу одержать установленіе консульства въ Крыму со всѣмъ тѣмъ гибельнымъ состояніемъ, въ которомъ находятся и коль пресильно мнѣйшаго Вашего Императорскаго Величества мановенія ужасаются, безсумнительно то только въ разсужденіи крайняго отъ того страха, что такое установленіе за собою многое повлечетъ слѣдствіе: нужно всѣ вольности акордовать, слѣдственно, церковь, установленіе домовъ купеческихъ, ходы каравановъ, свободу суда ихъ панимать на цѣлые грузы, каковыхъ сумнѣваются, заведется много и Грековъ; то все за едино какъ русскихъ почитаютъ, фамиліарита или пріобыкность татарамъ русскихъ пріятно принимать, когда-бъ купечество развелось и всего у нихъ изобиліе стало съ прибылью ихъ, и тѣмъ познали—что есть порядокъ; единъ есть токмо случай купечество и навигація Чернаго моря къ намъ, въ которомъ сіе правленіе

будущее предусмотряетъ, яко мнитъ ближайшей отъ того быть опасности; въ прочемъ же ни въ чемъ, только какъ бы себя и свое богатство день отъ дне сохранить. Сіи и другія множественныя консидераціи ихъ стращатъ; того ради нонче такъ тянутъ, ни дѣлаютъ, ни отказываютъ. У насъ же ни трактата Коммерціи съ нимъ нѣтъ и одержать сходнаго нѣтъ надежды безъ наступленія на горло, а хоть-бъ такимъ образомъ и одержали, то по отдаленіи войска и трактатъ ничто будетъ, какъ нынѣ въ дѣлѣ плѣнныхъ, ни у насъ купцовъ искусныхъ вступить въ торги со иностранными; съ Турками безпрестанныя будутъ бѣдствія здѣсь, а того наипаче въ отдаленіи. Однимъ словомъ — несказанныя трудности и самыя невозможности къ пространному разведенію сего торгу слабѣйше признаю, понеже какъ выше невѣжество и варварство ихъ причинствуетъ, что о постоянной пользѣ государственной здѣсь совершенно нѣтъ мнѣйшаго попеченія. Такими и подобными увѣщеваніи здѣсь ничего не успѣвается, едино токмо, ежель гдѣ могутъ содрать, нынѣ то учинятъ, а до другаго времени не пождутъ, хотя-бъ все пропало, яко не вѣдаютъ о себѣ: проживутъ-ли. А хотя что и дѣлаютъ подобное государственному благу, то для того, что подъ руками и сдѣлать нужно; однакожъ и то все съ партикулярною настоящею прибылью, свое ли собственное или другихъ смотрящее.

Однакожъ елико слабѣйше уразумѣю, не премину сочинить по сему предложенію вѣдѣніе такое, дабы по настоящему состоянію дѣлъ и со всѣми вышеозначенными затрудненіи возможно было намъ учинить начало какого либо купечества сюда со всѣми нужными къ тому примѣчаніями. Такожде о здѣшнемъ съ другими націями...

ПРИЛОЖЕНІЕ 15-е

Изъясненіе о коммерціи турецкой имперіи въ отвѣтъ на предложеніе Дѣйств. Тайн. Сов. и Кавалера Кн. Б. Г. Юсупова, сообщеннаго государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ при промеморіи Коммерцъ-Коллегіи отъ 30 марта 1745 года. (Составлено въ 1746 году).

Какъ неоспоримо, что положеніе Всероссійской Имперіи напользнѣйшее для произведенія со всѣмъ свѣтомъ коммерція, такъ подлинно, что отъ распространенія онаго на Черномъ морѣ, не малая-бъ польза Высочайшимъ Ея Имп. В-ва интересамъ воспослѣдовала, къ великой прибыли толь пространныхъ южныхъ всероссійской имперіи провинцій и въ оныхъ живущихъ обывателей. Вслѣдствіе чего въ отвѣтъ на предложеніе г. коммерцъ-коллегіи президента, здѣсь ниже хотя вкратцѣ, находятся и требуемыя для установленія такого торга предварительныя извѣстія и генеральное вѣдѣніе о коммерціи въ Туркіи другихъ европейскихъ державъ. А невозможность точное и о всемъ подробное описаніе, каково по тому предложенію требовано учинить, сама собою предъяв-

ляется, ибо отъ турковъ оныхъ извѣстій достать вовсе нельзя, да и между ими нѣтъ такихъ о коммерціи установленій и порядковъ, каковы въ европскихъ государствахъ для всенароднаго извѣстія въ печать изданы. Отъ иностранныхъ здѣсь въ Константинополѣ резидующихъ министровъ еще меньше, каждый авантажъ и пользу своего государя наблюдая, якоже довольно вѣдомо, какая о здѣшней Леванской коммерціи между Франціею, Англіею и Голландіею зависть и крайное отъ каждой стороны старательство торгъ другой уменьшить и въ свое государство обратить, какъ тому явнымъ примѣромъ Франція, которая почти одна онымъ овладѣла. И наконецъ отъ Англійскихъ и Голландскихъ купцовъ также подобныя извѣстія съ трудностью получить льзя, понеже равномѣрно вѣдомо, что Англинская чрезъ Россію въ Персію торгующая компанія не меньше, по здѣшній въ ту сторону производимый торгъ почти въ ничто обращаетъ, понеже по объявленію знающихъ людей увѣряютъ, что прежде минувшей у турокъ съ персіанами войны по 1735 годъ ежегодно восточные караваны привозили Ордаскаго и Гилянскаго шелку отъ 550 до 600 верблюжихъ клажъ, кои составляютъ 1200 кипъ каждая по 110 окъ, а око по 3 фунта. Въ минувшія же 10 лѣтъ, а именно съ 1736 года оные восточные караваны едва по 80 и 90 кипъ шелку въ годъ привозили.

на 1.

Въ островахъ Средиземнаго моря родится шелкъ, хлопчатая бумага, множество вина, масла деревяннаго, фруктовъ, какъ то подробно въ слѣдующемъ извѣстіи о каждой провинціи значитъ (лит. А).

на 2.

Фабрики шелковыя имѣются въ Константинополѣ, въ островахъ Сіо и Кипрѣ, гдѣ наибольше шелковыхъ на здѣшнюю руку матерій дѣлается, но оныхъ на весь расходъ не достаетъ и гораздо больше изъ христіанскихъ областей привозится. Въ Салоникѣ дѣлаются половинчатые ковры и бѣлыя епанешныя для простаго народа и на платье полости сукна, а въ Смирнѣ цѣнные изъ сученаго гаруса ковры дѣлаютъ.

на 3.

Желѣза въ Турціи довольно въ Македонской и Боснійской провинціяхъ и оное весьма мягко, но битое желѣзо въ доскахъ для замковъ и прочихъ подобныхъ работъ привозится изъ Германіи и Венеціи. Мѣдные заводы также имѣются довольные около Эрзерума и мѣдь привозится изъ Трапезонда въ Константинополь Чернымъ моремъ, а хотя въ той же сторонѣ сказываютъ есть и серебряная и свинцовая руды, но въ маломъ числѣ, яко свинецъ, олово и сталь привозятся наибольше въ Турцію голландцами, которые оный монополь имѣютъ и для содержанія онаго, когда съ 1739 года въ Левантѣ шведскій торгъ зачался и отъ нихъ стали быть привозимы желѣзо въ дѣлѣ и сталь, то Голландцы для

пресѣченія того имъ предосудительнаго торга, гораздо свой ниже цѣною пустили, такъ что отъ нѣсколькихъ лѣтъ болѣе изъ Швеціи по безприбыли оныхъ сюда отпускаемо не было.

на 4.

Какіе изъ товаровъ во внутри турецкой имперіи родившіеся въ Персію и чрезъ оную въ Индію караванами отпускаются, о томъ извѣстія достать было иного не можно, кромѣ что въ ту сторону изъ Туркіи не много идетъ кофія, балсаму, иностранныхъ суконъ и галантерей, а изъ Персіи и Индіи получаются кисеа, которой расходъ весьма великъ по генеральному всего турецкаго народа на чалмахъ употребленію, шелкъ, всякія парчи, ситцы, выбойки, духи, драгоцѣнные и невыдѣланные каменья, коралъ; а съ смежными около Бассоры провинціями не малой верблюжій торгъ производится.

на 5.

Караваны въ Персію ходятъ отсюда чрезъ Эрзерумъ и Ангору изъ Смирны въ Алепъ, а оттуда далѣе, изъ Александреты, также въ Алепъ, Вавилонъ и Бассору на Синюсѣ персидскомъ; а иностранные купцы товары свои въ Персію отпускаютъ изъ Смирны и Александреты Сирійской, откуда сухимъ путемъ довозятся до Алепа и далѣе.

на 6.

Чтобъ у Порты какіе о коммерціи трактаты имѣлись съ Персіею, то печаятельно и сколько вѣдомо и прежде сего не бывало. Съ Барбарескими же онымъ и быть нельзя, яко съ ея подданными или лучше назвать вассалами. Иностранныя же державы съ сими послѣдними особливые имѣютъ. Французы же торгомъ въ Африканскіе, Барбарейскіе порты на Средиземномъ морѣ наибольше другихъ пользуются, имѣя на границахъ Алжерскихъ и Туниссихъ поселеніе, называемое Бастіонъ де Францъ; а какіе товары Барбарескамъ изъ Европы болѣе привозятся и отъ нихъ берутся, то значитъ въ приложенномъ при семъ описаніи съ показаніемъ главныхъ въ Туркіи портовъ и въ оныхъ иностранныхъ поселеній (лит. В).

на 7.

Вышеупомянутое описаніе елико возможно было развѣдать подробнѣе покажетъ объ иностранномъ въ Туркіи и обратномъ торгѣ. А что жъ касается до отпускаемаго отсюда и привозимаго сюда изъ всероссійской имперіи, то также ниже особливо описано, только здѣсь одно къ примѣчанію находится, что Франція одна болѣе торгу въ Туркіи имѣетъ, нежели всѣ прочія державы, превозмогши своими сукнами Англичанъ и Голландцевъ, кои ни такъ красить, ни дешево оныхъ давать не могутъ и слѣдовательно французы, учредя нарочныя на здѣшнюю руку въ Лангедокѣ, Дофинатѣ и Прованцѣ фабрики однѣ тѣмъ главнымъ торгомъ овладѣли, толь паипаче, что здѣшній народъ генерально не столько на

доброту какъ на цвѣтъ и дешевизнь сукна смотритъ. Однимъ словомъ морскихъ державъ, особливо Англійской въ Левантѣ торгъ почти совсѣмъ упалъ и еще находящіеся въ Туркіи купцы болѣе галантереями, оловомъ, свинцомъ и другими товарами, нежели сукнами торгуютъ; да и въ нынѣшнее военное время, что надлежало было Французскому торгу вовсе быть пресѣчену, оный, правда, съ большими фрактами, но также продолжался, потому что шведскіе, неаполитанскіе и рагузскіе корабли непрестанно каравапировали или товары французскіе перевозили; въ чемъ и Голландцы вспомоществовали. Послѣ французовъ Венеціане здѣсь главный торгъ имѣютъ, ибо шелковыя и золотыя парчи наибольше ихъ исходятъ, а сверхъ того стеклы для окошекъ все ихъ дѣла, да и бумаги турки кромѣ Венеціанской же не употребляютъ. Нынѣ начали они Венеціане и сукно на французскую руку дѣлать показаніемъ одного бывшаго здѣсь знатнаго французскаго купца, именемъ Леруа, который въ 1740 году банкрутомъ сдѣлался; въ чемъ преуспѣютъ-ли невѣдомо. Говорятъ, что пряжа ихъ суконъ такая жъ, какъ французская и въ дѣлѣ не плотнѣе, но красить еще такъ не умѣютъ. Послѣ Венеціанъ приходятъ Голландцы, коихъ торгъ въ Смирнѣ не малъ, ибо считаютъ, что въ нынѣшнее военное время отъ 20 до 24 кораблей въ годъ приходило.

на 8.

Порта Оттоманская имѣетъ трактаты о коммерціи, кои при томъ и дружбы названы быть могутъ съ Франціею, возобновленной къ немалому авантажу французскому въ 1739 году чрезъ Марки Вилленева, ибо мастерейныхъ денегъ съ суконъ и другихъ многихъ товаровъ вовсе не платятъ; съ Англіею, Голландіею, Венеціею, а напослѣдокъ и съ Неапольскимъ дворомъ заключенный трактатъ въ 1740 году, съ коихъ копіи достать еще не преуспѣто.

на 9.

Каждая нація имѣетъ здѣсь особливо установленную тарифу, по которой какъ съ привозимыхъ такъ съ отпускаемыхъ товаровъ пошлину платитъ, разность въ оныхъ тарифахъ не велика. И при семъ Французская и Голландская слѣдуютъ (лит. С). Тотъ же тарифъ служитъ равномѣрно такъ здѣсь въ Константинополѣ, какъ во Средиземныхъ портахъ кромѣ Египта, гдѣ, по малому послушанію тамошнихъ беевъ, оные не всегда тому согласуются и иностранное купечество отъ большей части договариваться принуждено. Ея же Имп. Вел-ва подданные здѣсь въ Константинополѣ по 9-му артикулу вѣчнаго мира платятъ противу другихъ державъ по три на сто съ оцѣнки товаровъ, въ чемъ не точію спору не бываетъ, но еще нынѣшній таможенный откупщикъ Исакъ Ага ихъ фаворизуетъ, пошлинныя деньги не при взятіи изъ таможни товаровъ, но по времени и исправленіи купцовъ взыскивая, а сверхъ того съ жидомъ таможеннымъ сговаривается, который потому постановленную отъ купцовъ цѣну принимаетъ. Греки же, армяне и жиды имѣли бы платить по десяти на сто, но

также отъ большей части сговариваются. Еже имъ толь способнѣе, что здѣшняя и Смирнская таможни всегда на откупу обѣ, нынѣ у реченнаго Исакъ Аги. И потому сіе краткое извѣстіе, видится, довольно показываетъ, что подданные турецкіе почти втрое противу иностранныхъ платятъ.

на 10.

Сколько иностранныхъ товаровъ въ турецкой области исходитъ, того показать отнюдь не можно, только генерально считается, что французы болѣе пяти тысячъ кипъ сукна въ Левантѣ продадутъ, изъ коихъ здѣсь въ Константинополѣ до двухъ тысячъ кипъ исходитъ. Англичане, Голландцы и Венеціане всѣ вмѣстѣ до того не дойдутъ. Изъ оныхъ же суконъ знатное число привозится въ Смирну и Александрету или Скандарону, откуда караванами въ Вавилонъ и другіе города отпускаются армянами и турками, ибо грековъ въ той сторонѣ мало, а французы консула и поселеніе имѣютъ даже въ Бассорѣ на Синюсѣ Персидскомъ.

на 11.

Иностранныя въ Турціи націи съ привозимыхъ въ Порты товаровъ токмо одинакую пошлину платятъ, т. е. одну за привозъ, а другую за отпускъ въ христіанскія области; съ посылаемыхъ же товаровъ караванами во внутрь области турецкой никакой не даютъ, а берутъ только изъ таможенъ до того мѣста, куда оные отправляютъ, выписи, по здѣшнему тескерѣ. О подданныхъ турецкихъ тоже въ пошлинахъ разумѣть надлежитъ, кромѣ что по пути градоначальствующіе частые имъ налоги причиняютъ.

на 12.

Выше хотя кратко, но ужъ показано, что иностранные товары моремъ привозятся отъ большей части въ Смирну и Александрету и слѣдовательно когда изъ оныхъ мѣстъ въ Алепъ и далѣе до Вавилона отпускаются, то тѣ караваны Арабіи не захватываютъ и отъ Арабовъ обезпокоиваны быть не могутъ, развѣ отъ Куртовъ, между Евфратомъ и Тигромъ кочующихъ. По отпускѣ же оныхъ товаровъ далѣе Алепа тамо командующіе паши по отдаленію отъ столицы, самовластвуя, не малые подарки вымогаютъ; но и тѣ, сколько развѣдано быть могло, болѣе съ турецкихъ подданныхъ, потому что оные у иностранныхъ купцовъ товары съимаютъ. О коштѣ же тѣхъ караванъ только генерально развѣдано, что съ поклажи одной лошади или мулы отсюда до Ангоры платится до 10 левковъ въ зимнее, а въ лѣтнее время меньше; въ дорогѣ караванъ бываетъ зимою до 17 дней; за поклажу верблюжую до Алепа на 40 дней и меньше, что караваны отсюда ходятъ, отъ 25 до 30 левковъ. Отъ Александреты до Алепа караваны ходятъ въ пятый и шестой день, дается съ поклажи верблюжей отъ 4 до 5 левковъ.

на 13.

Что же касается до сношенія съ иностранными здѣсь находящимися министрами о коммерціи чрезъ Черное море, то съ однимъ Венеціанскимъ посломъ о томъ говорено, который хотя такой директной или изъ первой

руки Россійскихъ товаровъ торгъ прибыльнымъ признаваетъ, но не видно дабы Венеціане что либо предпріяли по незнаемости ни Россіи, ни мѣстъ и способовъ, каковыми бы товары у насъ продаваемы и для отпуску сюда закупаемы быть могли. Неаполитанскому же министру о томъ и упоминать не для чего, ибо по днесь изъ Неаполитанцевъ ни одинъ домъ здѣсь не укоренился и мало производимый изъ Неаполя и Сициліи торгъ чрезъ иностранныхъ коммиссіонеровъ дѣлается. Отъ Генуэзской республики отъ давняго времени при Портѣ никого нѣтъ, а рагузейцы токмо по вся три года для заплаты султану дани пословъ присылаютъ и къ какому либо постановленію по скудости своей неспособны. Турецкіе же подданные къ торгу чрезъ Черное море всячески пріохочиваются. Паспорты имъ даются безъ имянія никакого консулата по обычаю всѣхъ прочихъ націй, а болѣе здѣсь дѣлать нечего, токмо у насъ надобно такое купечество, какъ еще покойный ст. сов. Вешняковъ доносилъ, пріохочивать и не отгонять и для поощренія добрый порядокъ установить въ Таганрогѣ лучшій портъ, куда здѣшніе суда ходить могутъ; построить магазейны для провѣтриванія товаровъ; покои, гдѣ бы сами купцы во время карантины жить могли порознь безъ сообщенія другъ съ другомъ, потому что одинъ послѣ другаго пріѣзжаетъ; въ выстанваніи помянутой карантины, чтобъ особливо порядочно поступлено было, не заставливая никого двойной держать, кромѣ тѣхъ судовъ, на коихъ кто несчастіемъ умретъ, а еще меньше чтобъ вовсе отгонять, яко ходъ на Черномъ морѣ только во время повѣтрія бываетъ и во все чистаго паспорта ни которому судну дать нельзя; къ чему еще и сіе не забыто быть имѣетъ, что такіе ѣздящіе отсюда въ Таганрогъ не точію о чемъ другомъ, но много и о недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ жалуются. И слѣдовательно для заведенія сего торга все то поправлено и какъ выше упомянуто въ порядокъ привесть надлежитъ. Новыхъ же у Порты домогательствъ объ иностранномъ купечествѣ чинить по здѣшнему мнѣнію весьма рановременно; понеже хотя бы оное точно позволено, яко нельзя же сказать, чтобъ и запрещено было, но нечаятельно дабы что предпріяли, для того 1) что суда, кои на Черномъ морѣ ходятъ, весьма не надежны и много изъ оныхъ пропадаетъ. 2) въ Таганрогѣ, ни въ Черкасскѣ корреспондентовъ никакихъ не имѣютъ, кои бы какъ присылаемые товары сымать, такъ обратные къ нимъ отправлять могли. И слѣдовательно 3) должно каждому на суднѣ съ своимъ товаромъ посылать нарочнаго прикащика, который бы умѣлъ по Русски, но таковыхъ и знающихъ поведеній въ Россіи не точію не много, но и всякому повѣрить нельзя; въ Крыму никакой защиты не имѣютъ, но подвержены всякимъ налогамъ отъ командующихъ въ портахъ; а сверхъ того здѣсь кромѣ одного Аглинскаго дому, прочіе всѣ факторы или коммиссіонеры, и потому не производя своимъ капиталомъ купечества, на что либо поступить не въ состояніи, живучи единственно отъ коммиссій съ товаровъ, присылаемыхъ къ нимъ для продажи отъ купцовъ изъ другихъ государствъ.

на 14.

Въ предыдущемъ пунктѣ уже изображены тѣ трудности, каковы настоятъ въ произведеніи отсюда во всероссійской имперіи иностраннаго купечества чрезъ Черное море, къ чему присовокупляется, что хотя здѣсь надлежащее стараніе по силѣ высочайшаго Ея Имп. В-ва отъ 3 іюля рескрипта и прилагаемо было къ секретному пріисканію такихъ купцовъ, кои бы хотя нарочитымъ капиталомъ россійскими товарами въ Италіи торговать похотѣли, но никто по незнанію не склоняется, кромѣ одного подъ протекціею Голландскою находящагося дома Андрея Магриній и компаніи, но и тѣ предварительно по приложенной при семъ запискѣ желаютъ имѣть извѣстіе и въ Италію къ корреспондентамъ своимъ писали, похотятъ ли оные въ такой торгъ вступить. Чего ради, ежели сіе апробуется, то по сей вѣдомости исправную справку прислать съ показаніемъ надежнаго въ Воронежѣ или Черкасскѣ купца, который бы въ такой торгъ вступить намѣренъ былъ. Понеже безъ дальняго изъясненія само собою предъявляется, что недовольно дабы здѣсь охотники выискались, но надобно, чтобъ и у насъ равномѣрные были, кои бы тѣ товары закупали и присылаемые отсюда сымали, инако же рѣдкій, да и почти никто изъ иностранныхъ съ своимъ товаромъ на суднѣ не поѣдетъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ вовсе новъ и о поведеніи котораго свѣдѣнія не имѣетъ, яко безъ такого страху здѣсь на мѣстѣ отдавая свои деньги взаймы по десяти, а съ закладомъ и въ наинадежнѣйшихъ домахъ по осми на сто получать можетъ. Итакъ пріохочиваніе толь нужнаго коль прибыточнаго прямаго съ Италіею торгу не отсюда, но отъ пріемлемыхъ отъ Коммерцъ-Коллегіи учрежденій, а особливо отъ произведенія того торгу россійскимъ купечествомъ зависитъ. А здѣсь резидующіе Ее Имп. В-ва министры иного, какъ уже то выше упомянуто, дѣлать не могутъ, но давать безволокитно пашпорты и просимые иногда въ какихъ обидахъ или претензіяхъ къ командующимъ на границахъ рекомендаціи.

на 15.

Въ 11-мъ пунктѣ уже показано какія здѣсь пошлины берутся и потому съ отпускаемыхъ во всероссійскую имперію отсюда товаровъ вывозная одна заплатится; еже равномѣрно и о россійскихъ въ Италію отправляемыхъ разумѣется, а впрочемъ не уповательно, чтобъ Порта такой къ турецкой же прибыли торгъ воспретила развѣ по наученіямъ другихъ націй сей монополіумъ имѣющихъ; чего ради видится никакихъ поступковъ прежде времени при Портѣ дѣлать весьма не надлежитъ; яко же когда бы оный торгъ установился, того наблюдать, чтобъ отсюда пшена, а здѣсь въ Константинополѣ всякаго хлѣба, съ Чернаго моря привозимаго гружено не было, ибо пшена сорочинскаго ниже цѣлаго четверика безъ указа на Черное море вывезть нельзя, а такъ одно какъ другое въ разсужденіи довольства сей столицы заказано. Еще жъ изъ Константинополя въ Черномъ морѣ заказано посылать всякое ружье, порохъ олово, свинецъ и всякіе военные спаряды.

на 16.

Извѣстно, что не точію всероссійскіе, но и никакіе иностранные корабли на Черномъ морѣ, кромѣ турецкихъ не ходятъ, въ чемъ турки толь осторожны, что и въ нуждѣ, какова имъ была во время минувшей войны со всероссійскою имперіею никогда не подались на предложенія Марки Вилленева ихъ французскіе суда для транспорта войскъ въ Крымъ употреблять. Почему оный торгъ не инако, но на турецкихъ бы сайкахъ, тартанахъ, саколевахъ и другихъ судахъ производимъ быть могъ; перегрузкою судовъ здѣсь или въ Смирнѣ или же въ другихъ знатныхъ портахъ, со страхомъ по здѣшнему худому мореплаванію иногда грузъ потерять, ибо асспкуратовъ на Черное море вовсе нѣтъ.

на 17.

Для пріисканія охотниковъ къ установленію у насъ конторъ потребно бы прежде знать въ какихъ мѣстахъ тѣ конторы быть имѣли, а поднесь одинъ Таганрогъ, куда здѣшніе купцы товары посылаютъ, но тамо по тому состоянію, въ каковомъ нынѣ оное мѣсто, печаятельно, чтобъ кто изъ иностранныхъ контору и ниже въ Черкасскѣ установить похотѣлъ, но когда въ новой ниже Черкасска строимой крѣпости нарочитое поселеніе заведется, тогда можетъ быть, какъ въ Нѣжинѣ изъ грековъ и другихъ домы свои тамо построятъ или купятъ; а напаче буде какія льготы или другія малыя привиллегіи сперва имъ аккордуются; а прочіе ежели бы россійскіе подданные за сей торгъ принялись и побывавъ здѣсь порядочныя конторы учредили по лучшему знанію о способахъ закупать въ Воронежѣ и выше по Дону и ближнихъ россійскихъ провинціяхъ въ отпускъ сюда или въ Италію потребные товары, ибо въ одномъ Черкасскѣ и другихъ Донскихъ станицахъ раждаемое для знатнаго торга видится недостаточно. Сверхъ Таганрога турецкіе суда съ виномъ и бакалеею или фруктами ходятъ и въ Сѣчь Запорожскую и въ нынѣшнемъ 1746 году тамо по 9-е іюля было восемь судовъ, изъ которыхъ ни одинъ въ Резидентской канцеляріи пашпорту не требовалъ и объ оныхъ бы ниже вѣдомо было, когда бы отсюда нарочнаго о томъ извѣстія въ Кіевѣ требовано не было. Но яко въ Сѣчи въ разсужденіи Запорожскихъ казаковъ какой о коммерціи порядокъ установить трудно, тако видится нужно въ той сторонѣ портъ учредить въ какомъ островѣ Днѣпра противу каменнаго затону или казачьяго на Крымскую степь перевозу дабы здѣшніе суда оной проходить не могли безъ равномѣрной пошлины съ товаровъ какъ въ Таганрогѣ, инако же никто къ Дону не пойдетъ, но всѣ къ Сѣчи для незаплаты пошлинъ пробираться станутъ.

Изъ приложенной при семъ вѣдомости тѣмъ судамъ, коимъ отъ ст. сов. Неплюева пашпорты даны, явствуетъ, что всѣхъ только двѣнадцать, а по сказкамъ оныхъ въ Черкасскѣ было до осьмнадцати; достальные шесть не явясь и не потребовавъ пашпорту и знатно объявя, что изъ другихъ портовъ Чернаго моря, но ложно, ибо кромѣ Константинополя изъ другихъ мѣстъ

въ Таганрогъ посылать не съ чѣмъ, будучи на Дону въ съѣстныхъ припасѣхъ изобильнѣе, нежели около Чернаго моря, почему впредь нужно наикрѣпчайше запретить, чтобъ никакое судно ни на Дону, ни на Днѣпрѣ безъ паспорта пріемлемо не было, инако же никогда порядку не установится и приходящіе на судахъ для убавленія карантены не оставятъ ложное о повѣтренной болѣзни объявленіе дѣлать, толь наипаче, что здѣсь простой народъ вовсе не бережется и въ томъ по примѣру подлости же турецкой року повинуется. Въ другихъ же государствахъ хотя съ товаровъ консулаты здѣсь берутся, никакое судно безъ министерскаго или консульскаго паспорта не точію въ порты не впускается, но капитанъ или командующій оным смертной бы казни былъ въ такомъ случаѣ подверженъ ибо злое искусство въ Марселье и Мессинѣ показало, съ коликою осторожностію отъ опасной прилипчивой болѣзни поступать надлежитъ.

Изъ вышеозначенныхъ двѣнадцати судовъ наибольшая часть сюда возвратились многіе безъ грузу для того, что посланные прикащики товаровъ своихъ въ Черкасскѣ сбыть не могучи, принуждены ѣхать въ Нѣжинъ и другіе украинскіе города. Почему само собою заключается, что коль долго отсюда привозимымъ товарамъ другаго расходу кромѣ Малороссіи и Дону не будетъ, то сіе купечество не распространится, яко же и въ отпускъ сюда для того жъ резону надобно, чтобъ великороссійскіе купцы интересовались и отпуски противу привозу отсюда россійскими товары хотя третью умножили, инакоже когда бы отсюда болѣе привозилося, то бы лучше оный торгъ запереть, потому что казенная и государственная прибыль натурально въ выпускѣ у себя рождаемыхъ, а не въ привозѣ чужихъ товаровъ состоитъ.

Сверхъ часторѣченныхъ двухъ портовъ Таганрога и Днѣпра купечество производится изъ Всероссійской Имперіи въ Турцію одно изъ Крыму прямо степью до Переволочны, но оное не велико, а другое чрезъ Польшу въ Украйну, которымъ путемъ всѣ скорняки донынѣ ѣздятъ, не употребляя для перевоза рухляди судовъ, такъ по опасности мореплаванія, какъ болѣе по отдаленію и неспособности портовъ и застарѣлому въ томъ обыкновенія.

Мягкой рухляди въ Туркіи торгъ безспорнмо одинъ изъ наизнатнѣйшихъ, понеже ни одинъ турокъ и другихъ подданныхъ безъ шубы зимою и лѣтомъ не ходитъ, да и здѣсь въ Константинополѣ цехъ шубниковъ первой и почестный, раздѣляяся на двое: одни, кои мѣхами торгуя за онымі ѣздятъ или прикащиковъ посылаютъ; а другіе, кои въ лавкахъ сидятъ, въ мелочь рухлядь продаютъ и передѣлываютъ; но и сей толь прибыльный для всероссійской имперіи торгъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ умаляться началъ, во-первыхъ—по дороговизнѣ въ Россіи рухляди, а во-вторыхъ по великому оной привозу изъ Америки, а особливо изъ Канады, скорняки ту американскую рухлядь со всероссійскою мѣшая, въ томъ числѣ и соболи, изъ конхъ нынѣ на одномъ голландскомъ кораблѣ двѣ тысячи паръ ожидается. Въ доказательство дороговизны у насъ рух-

ляди, служитъ примѣръ прошлаго года, что купцы едва свои деньги здѣсь за соболи получить могли, такъ что нынѣшняго года почти оныхъ въ привозѣ нѣтъ, и въ одномъ знатномъ въ концѣ сего года прибывшемъ изъ Нѣжина караванѣ только четырнадцать паръ соболей получено, такъ что для сералья будучи оные, по лучшей руки потребны, прибывшимъ купцамъ не повѣрили, но всѣ кипы съ рухлядью привезены въ Серальи и тамо въ присутствіи хазнадаря салтанскаго и Исаакъ-Аги разбиваны.

Греки, ѣздящіе отсюда на Украйну для закупки рухляди, товаровъ мало отсюда возятъ, но закупаютъ на Дунаѣ бакалею, кумачи и въ Молдавіи шерсть, съ чѣмъ въ Россію пріѣзжаютъ и на рухлядь въ Нѣжинѣ и на другихъ Украинскихъ ярмонкахъ промѣниваютъ. А большая часть ѣздятъ съ иностранными червонными, то есть со всякими кромѣ венеціанскихъ, коимъ здѣсь цѣна осмью парами или двѣнадцатью копѣйками больше другихъ. На оныхъ червонныхъ здѣшніе купцы по тому курсу каковъ въ Россіи прибыли имѣютъ по крайней мѣрѣ по шести на сто, а иногда и болѣе. А какой курсъ тѣмъ червоннымъ на Дону, то хотя здѣсь и невѣдомо, но въ разсужденіи отдаленія портовъ, а болѣе что ярмонки и большой торгъ рухляди на Украйнѣ, не уповательно, дабы оный туда обращенъ быть могъ. Къ чему примѣчается пошлина, которая какъ высока еще на Дону, также неизвѣстно, а украинская будучи весьма мала, каждый тамо лучше закупать станетъ. Еще равномѣрно и о привозимыхъ отсюда товарахъ разумѣть надлежитъ, ибо ежели купцу платить и по Украинскому и великороссійскому тарифу въ случаѣ, чтобъ внутрь всероссійской имперіи товары свои пустить хотѣлъ, то такая двойная пошлина сію чрезъ Черное море коммерцію распространиться не допуститъ, и слѣдовательно, по здѣшнему скудоумію объ оной пошлинѣ пропорціональный регламентъ учинить бы потребно, на такомъ основаніи, чтобъ товары великороссійскіе, въ Италію или сюда отпускаемые не болѣе портовой Остзейской платили, а отсюда привозимые равномѣрно, почему уповать можно, что оная коммерція не токмо доброе начало возымѣетъ, но со временемъ и распространиться можетъ далѣе Малороссіи со всѣми южными всероссійской имперіи провинціями, кои по отдаленію Остзейскихъ портовъ все то, еже изъ Средиземнаго моря чрезъ голландцевъ привозится прямо и дешевле чрезъ Черное море имѣть бы могли. Но сходно ли умаленіе коммерціи въ Остъзеѣ и какія бы потому учрежденія учинены быть имѣли, то предается высшему разсмотрѣнію, а отсюда о томъ ничего представить не можно, такъ по причинѣ пошлины ефимошной, коихъ отсюда вовсе ожидать не надлежитъ, какъ по малому въ такихъ государственныхъ дѣлахъ знанію и недовольному о коммерціи свѣдѣнію.

Изъ вышеозначенной же вѣдомости *) объ отправившихся отсюда въ

*) Приложена вѣдомость на Италіанскомъ языкѣ: Nota de'capi di Mercanzie ed altre robbe commestibili che per uso del commerzio vanno da qui per Mar Nero in Cercaschi, fatta li 3 Nov. 1746; e da Cercaschi vengono qui in Constantinopoli per esito del Commerzio.

Черкасскъ судахъ также усмотрѣно быть можетъ, какими товарами нагружены были и что большая клажа состояла въ винѣ, маслѣ деревянномъ, уксусѣ, Корфіоцкихъ водкахъ, всякихъ сухихъ фруктахъ, табакѣ, лимонномъ сокѣ, купоросѣ, мылѣ, ладонѣ, оливкахъ, лимонной коркѣ, трубкахъ глиняныхъ, сафьянахъ, синемъ камнѣ, квасцахъ и кушакахъ. Къ чему еще объ отпускаемыхъ отсюда въ Россію товарахъ присовокупить должно, что здѣшніе купцы посылаютъ малое дѣло шелковыхъ венеціанскихъ фабрикъ парчицъ, яко бѣлокосы; атласы тамошніе же тонкіе, объярь Месинскія, гродетуры, тафту турецкихъ фабрикъ рѣдкую и дѣлаютъ всякіе снурки шелковые на платье малороссійское и казачье, хлопчатую бумагу, выбойки здѣсь въ Туркіи печатываемыя, одѣялы выбойчатыя, самое малое дѣло досокъ кипарисныхъ, мраморъ на могилы, немного кофе, сахаръ кассонадъ, привозимый изъ Голландіи и Франціи или ихъ въ Америкѣ поселеній, папучи и шерсть, но сей послѣдней моремъ мало.

О винѣ и водкахъ здѣсь примѣтить должно, что съ оныхъ установленной пошлины по тарифамъ пѣтъ, яко питьѣ, противномъ турецкому закону, но Бостанжи-Баша беретъ сговорную за пропускъ каналомъ Чернаго моря дачу, въ которой бываетъ не безъ трудности, яко то минувшаго лѣта Воронежскому купцу Клочкову случилось, ибо Бостанжи-Баша вмѣсто обыкновенно даваемыхъ съ бочки по два левка запросилъ по десяти: итого съ осьмидесять, имѣло быть осмьсотъ левковъ, такъ что принуждены нашлись жалобу о томъ произнесть и дачею ста пятидесять при Портѣ указъ къ нему Бостанжи-Башію исходатайствованъ съ того вина вовсе ничего не брать, о чемъ онъ хотя весьма и досадывалъ, но по низверженію своему изъ чина какого либо отмщенія, какъ грозился россійскому купечеству сдѣлать, не преуспѣлъ.

Изъ всероссійской имперіи кромѣ мягкой рухляди и овчинокъ черныхъ витыхъ, коимъ расходъ здѣсь весьма великъ, потому что всѣ Греки и Армяне оные на шапкахъ носятъ и безъ того никто изъ здѣшнихъ христіанскихъ подданныхъ не ходитъ, сюда въ Константинополь привозится всякое полотно и хрящъ, воскъ, масло коровье, сало, икра паюсная, щетина и гривы лошадиныя, изрѣдка шелкъ гилянской, атласы китайскіе и немного жъ чаю, кожи юфтеныя черныя и красныя; моремъ же когда изъ Черкасска или Днѣпра рухлядь присылается, то бываетъ само послѣдняя, а напольшій отъ Дону грузъ обыковенно состоитъ въ маслѣ коровьемъ, салѣ, икрѣ и немного провѣсной и другой соленой рыбѣ, да въ воскѣ.

По вышеписанному хотя краткому и недостаточному о турецкой коммерціи изъясненію явствуетъ, что установленіе и распространеніе онаго чрезъ Черное море главнѣйше отъ пріемлемыхъ у насъ мѣръ зависитъ, къ чему присовокупляется, что вмѣсто того дабы сперва искать заводить иностранныя конторы въ Таганрогѣ или Черкасскѣ или въ томъ мѣстѣ, которое высочайшимъ Ея Имп. В-ва указомъ для торгу съ Туркіею опредѣлено будетъ, по здѣшнему скудоумію сходнѣе и полезнѣе признается, чтобъ въ Констан-

тинополѣ хотя два россійскіе дома сперва учредить, къ чему весьма велікаго капитала не надобно, ибо такіе домы, имѣя въ Россіи принципаловъ хотя мало пожиточныхъ и такихъ, кои бы за Левантскій торгъ нарочито принялись, однимъ коммиссіонными деньгами себя содержать могутъ. И на томъ основаніи тѣмъ россійскимъ купцамъ не точію надлежало бы сюда торговать всѣми тѣми товарами, кои обыкновенно изъ Таганрога привозятся, но и мягкою рухлядію, которую малымъ дешевле греческихъ купцовъ отдавая и выдѣлывая на здѣшнюю руку, вскорѣ главную бы часть сей коммерціи пріобрѣли. А Греки такъ россійскихъ подданныхъ рухлядію здѣсь торгу опасаются, что когда въ минувшіе годы фабриканы Журавлевы прикащиковъ своихъ сюда присылали, то удобовозможное воспрепятствовать продажѣ ихъ товаровъ употребили, но оные, отдавая свѣжую рухлядь и цѣною ихъ ниже, не въ продолжительномъ времени всю сбыли; да и безъ дальняго распространенія само собою осязательно, что произведеніе купечества чрезъ своихъ подданныхъ всегда имперіи прибыльнѣе, нежели отъ иностранныхъ.

Такіе учреждаемые домы могли бы въ удобныя времена здѣсь закупать потребные въ отпускъ къ намъ товары, кои бы сверхъ фруктовъ сухихъ, ладану, кумачей и вина могли состоять въ шерсти и гарусѣ козлиномъ для россійскихъ фабрикъ, толь наипаче, что голландцы большую часть своихъ суконъ изъ здѣшней шерсти, а камелоты изъ здѣшняго жъ гарусу дѣлаютъ, кои бы россійскіе купцы также дешево отсюда имѣть и слѣдовательно съ малымъ стараніемъ свои фабрики распространить и доброту суконъ гораздо улучшить могли, къ немалой государственной пользѣ и собственной ихъ прибыли, яко отсюда такого качества шерсть имѣть можно какая на всякую руку потребна: изъ Ангоры и Архипелагскихъ острововъ хорошую, отъ Дуная и Крыму среднюю, а сверхъ того и россійскую здѣсь продавать льзя на матрацы и софы, на что худой шерсти несказанное множество исходитъ.

По урожанію въ южныхъ всероссійскихъ провинціяхъ хлѣба ежели бы выпускъ сюда изъ Таганрога пшеничной муки и ячменю позволенъ былъ, то бы не малую на оныхъ прибыль получить льзя.

Еще жъ оные учреждаемые здѣсь россійскіе домы вскорѣ и лучше нежели чрезъ какія показанія о здѣшней коммерціи совершенное свѣдѣніе пріобрѣли бы и къ своей прибыли надлежащіе способы безъ употребленія въ дѣйство не оставили, а по нѣкоторой бытности и установленіи кредиту и за торгъ въ Италію приняться могли бы буде не сами, то чрезъ живущихъ здѣсь иностранныхъ купцовъ, кои бы потребное въ Италію чрезъ оныхъ россійскихъ домовъ безъ труда получать въ состояніи нашлись, такъ что при помощи Божіей учрежденіе или содержаніе здѣсь отъ какихъ знатныхъ россійскихъ купцовъ факторовъ, кои бы себя непостыдно вели, не инако, но къ немалой бы пользѣ было, и тогда бы объ установленіи особливаго россійскимъ товаромъ тарифа, труды и нжданіе употребить льзя, инако же за то приниматься и въ расходъ вступ-

нить, который не малъ быть имѣетъ, излишно. Но все то предается высшему разсмотрѣнію.

B. Описаніе главнымъ въ Турецкой имперіи и Барбаріи портамъ и въ оныхъ иностранной *коммерціи* (составл. въ 1744 г.)

Порты въ Турецкой имперіи могутъ раздѣлены быть на два класса. Перваго суть Смирна, Константинополь, Салоника, Алепъ (который хотя и не портъ, но для знатнаго въ ономъ иностраннаго поселенія между оными считается) и Каиръ. Втораго класса Ангора, Сайда, Триполи Сирійская, Акръ, Мореа, острова Киперъ, Кандія и весь Архипелагъ.

Смирна можетъ справедливо названа быть Азіатскимъ магазейномъ въ разсужденіи не точію того, что многія Оттоманскія и Персидскія провинціи европейскими товары отъ оной довольствуются, но что изъ оныхъ знатные караваны туда приходятъ. Въ Смирнѣ имѣются поселенія Французское, Аглинское, Венеціанское и вновь заведшееся Неаполитанское. Французскій въ Смирнѣ торгъ, а особливо въ мирное время, весьма великъ и оные изъ Франціи привозятъ множество своихъ суконъ перпетуелевъ и сержей или дрогетовъ полусуконныхъ, всякаго сорту шелковыя матеріи съ золотомъ и серебромъ парчи, бархатъ, сахаръ въ головахъ и кассонаду, индиго, кофе Американскій, кошенилью, скуфейки красные фескіе, бумагу, тартръ и малое дѣло олова, красокъ и дрогерей или лекарствъ. Обратно въ Марселью изъ Смирны отпускаютъ шелкъ, шерсть козлиную и верблюжью сученую и несученую, бумагу хлопчатую простую и въ ниткахъ, кожи буфаловыя и воловьи соленыя и сухія, сафьяны, всякую шерсть чищенную и простую, воскъ желтый, alun de roche, *noix de galle*, дерево *Buis*, изюмъ, фиги и коринку, многія лекарственныя вещи, яко то: ревень, *Galbanum*, мускусъ, камень *Cyaneus, Agaricum, mastic, Sal Armoniacum, scammonia, opium, storax* и шафранъ; еще жъ отпускаются разнаго сорта ковры. Изъ всѣхъ вышеписанныхъ лекарственныхъ вещей около Смирны только находятся *noix de galle, opium* и *scammonia*, а прочіе всѣ привозятся изъ другихъ турецкихъ Азіатскихъ провинцій и Персіи.

Въ прошедшія времена Аглинскій въ Смирнѣ торгъ былъ весьма не малъ, но нынѣ не столь великъ. И яко въ Лондонѣ имѣется особливая Леванская кампанія, кромѣ которой никто въ Турціи торговать не можетъ, тако всѣ находящіеся въ Левантѣ Англійскіе домы суть только факторы оной компаніи, которая въ Смирну присылаетъ сукна кои генеральпо трехъ рукъ: олово въ прутахъ, свинецъ, перецъ и всякія галантерейныя вещи. Обратно изъ Смирны почти тожъ, что Французы берутъ, а наибольше шелкъ, гарусъ козлиный Ангорскій, хлопчатую бумагу, а мало въ ниткахъ и лекарствъ весьма немного.

Голландская въ Смирнѣ не меньше когда не больше другихъ націй коммерція, только насупротивъ другихъ уже Левантскихъ портахъ почти ничего не дѣлаютъ и привозятъ разныхъ цѣнъ сукна, бархатъ, объяри

съ золотыми и серебряными цвѣтами, перецъ, олово, свинецъ, гвоздику, орѣхи мускатные, цвѣтъ мускатный, корицу, кардамонъ, *cerussa, Laserpitium*, кофе и сахаръ Американскій, индиго, коленилья, ситцы, выбойки тонкія, нако нарываемыя полуситцы, всякое ружье, порохъ пушечный, разныя краски, арсеникъ бѣлый и желтый, *cinnabaris, caruleus* разный, листы мѣдные, проволоку мѣдную и желѣзную, жесть, сталь и другія разныя мелости. Оные Голландскіе товары перевозятся изъ Смирны какъ въ Азію, такъ въ Константинополь, а наипаче дрогеріи. Обратно изъ Смирны Голландцы грузятъ тожъ, что и другіе, только наибольше гарусу Ангорскаго, шерсти, бумагу хлопчатую и въ ниткахъ, кои уже во всей Европѣ продаютъ, и фрукты сухіе.

Венеціанскій торгъ въ Смирнѣ также не малъ, привозятъ всякія сукна и дрогеты, дамаски съ золотомъ и серебромъ, ластри или штофы особливо въ Венеціи на Турецкую руку дѣлываемые, объяри, моры и всякія шелковыя матеріи, зеркала, стекла для окошекъ и другое употребленіе, манну, мѣдные листы и проволоку мѣдную, листовое желѣзо, жесть, сталь, бумагу, кружева всякія, нитки и Нюренбергскіе товары или *clincallerie* (sic). Обратно берутъ бумагу хлопчатую простую и въ ниткахъ, шерсть, воскъ, сафьяны, кожи соленыя и сухія, малое дѣло шелку и гарусу Ангорскаго.

Прежде послѣдняго Месинѣ приключившагося отъ повѣтрія несчастія Неаполитанцы нѣкоторую коммерцію шелковыхъ Сициліанскихъ матерій производили, а нынѣ оный торгъ почти упалъ и наибольшее стараніе Неаполитанцевъ, присылая въ Левантъ всякія столовыя провизіи, яко то: вино, сыръ, макероны, окорока, шпикованное сало, колбасы, восковыя бѣлыя свѣчи, шоколадъ и другія малости, суда свои въ карованированіе или перевозъ товаровъ другихъ націй употребить, чѣмъ по нынѣшней войнѣ не мало денегъ выиграли; когда же заказа не бываетъ, то грузятъ въ Левантѣ хлѣбъ; а обыкновенно обратно въ Неаполь возятъ бумагу хлопчатую и немного шерсти, воскъ и кожи.

Шведы такъ въ Смирнѣ, какъ въ другихъ Левантскихъ портахъ ни собственныхъ поселеній, ни національныхъ консуловъ не имѣютъ, но употребляютъ Французовъ. Шведскій въ Левантѣ торгъ хотя и не знатный по недостатку у нихъ потребнаго сюда въ отпускъ, однако въ минувшіе годы видимы были въ Левантѣ Шведскіе карабли, пришедшіе прямо изъ Стокгольма съ грузомъ, состоящимъ въ желѣзѣ прутовомъ и въ дѣлѣ на разныя употребленія, стали, мѣди листовой и въ проволокѣ, ружьѣ и въ рухляди, а именно: лисицы, рыси, кошки, норки, куницы, заичьихъ и бѣлыхъ мѣхахъ; а обратно грузятъ хлопчатую бумагу и въ ниткахъ, всякіе сухіе фрукы, *alun de roche, vitriol* Киперскій, мастикъ; но по видимому, сія коммерція, не принося довольной прибыли запускается и они Шведы, будучи въ дружбѣ со всѣми тремя Барбаресками, болѣе пользуются перевозомъ товаровъ другихъ націи, къ чему нынѣшнее военное время не мало способствуетъ.

Еще жъ въ Смирну производятъ торгъ Ливорна и Генуя, и Голландскіе и Англійскіе купцы, имѣя тамо для своего Итальянскаго торгу кореспондентовъ, оный не мало умножаютъ, а изъ оныхъ мѣстъ привозится бархатъ, шелковыя флорентинскія матеріи и объяри, кои изъ наилучшихъ; обратно грузятъ тѣжъ товары, какъ и другія націи.

Константинополь. Въ оной столицѣ равномѣрный торгъ производится, какъ и въ Смирнѣ, съ тою разностью, что въ сей послѣдній портъ гораздо болѣ иностранныхъ кораблей приходитъ; а Англійскихъ въ Константинополѣ и вовсе не бываетъ, изъ Голландскихъ развѣ одинъ или два въ годъ придутъ, обыкновенно товары свои сгруживая въ Смирнѣ, откуда *волыками*, (фелюками?) сортъ здѣшнихъ судовъ, сюда перевозятся. Токмо въ Константинополѣ французскій торгъ другихъ весьма превосходитъ. А привозятся тѣжъ товары, кои выше показаны; но обратно иностранные корабли обыкновенно въ Смирну заходятъ для достальной своей нагрузки, или же въ Архипелагѣ и Морѣ хлѣбомъ дополниваютъ, ибо отсюда посылается токмо малое дѣло шерсти, гаруса верблюжьяго и козлинаго, alun de roche, сафьяновъ и кожъ. Сверхъ помянутыхъ товаровъ въ сей столицѣ имѣется знатный торгъ въ алмазахъ, коихъ немного присылается изъ Венеціи, а больше изъ Голландіи въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ, но оные алмазы моремъ изъ Голландіи не возятся и всѣ идутъ чрезъ Вѣну съ курьерами или штафетами, оттуда сюда ежемѣсячно отправляемыми съ заплатою порту не точію съ вѣса пакетнаго, но и по одному на сто консулата Вѣнскаго Двора при Портѣ резидующему министру, еже въ годъ учиняетъ сумму нарочитую.

Алепъ хотя и не на морѣ лежитъ, но знатный торгъ имѣетъ, способностію Александреты Сирійской, или же инако называемой Скандароны. Въ ономъ городѣ иностранныя націи имѣютъ консуловъ и поселенія, посылая почти тѣжъ товары какъ въ Смирну и Константинополь, а оные изъ Алепа расходятъ не точію въ Туркоманскія провинціи даже до Синюса Персидскаго, но и въ Персію. Обратно же оттуда получается шелкъ персидскій и Туркоманскій, бумажныя полотна, хлопчатая бумага и нитки, ситцевыя одѣяла, сафьяны, мыло, *noix de galle* и большая часть въ артикулѣ Смирны показанныхъ дрогерей.

Каиръ. Въ оной Египетской столицѣ знатный торгъ Французы и Венеціане имѣютъ съ немалыми поселеніи и недавно и Англичане тамо учредили, а Голландцы въ Египтѣ почти ничего не дѣлаютъ. Главные товары въ Каиръ, Розетту и Александрію суть слѣдующіе: сукна всякія, также шелковыя матеріи и парчи съ золотомъ и серебромъ, скуфейки фескія, кошенилья, Тартръ красный, кораллы въ дѣлѣ, мягкая рухлядь, арсеникъ бѣлый и желтый, *Auripigmentum, Agaricum, Antimonium*, ртуть, *Chalcanthuna Cinnabaris*, проволока мѣдная и желѣзная, желѣзо листовое, бумага, свинецъ, олово, сталь и нѣкоторыя краски. Обратно изъ Египта берется кофе Мокскій, пшено сорочинское, ленъ, полотна, *Gomma Arabica, myrrha, aloe Lectissima, Laserpitium, storax, opium,*

indigo serquis, коко Леванское, *coriandrum*, шафранъ, *sasparillia*, *sal armoniacum*, *nitrum*, шерсть, воскъ, кожи, сафьянъ, и кисеа.

Ангора городъ славный козлинымъ гарусомъ, для котораго тамо имѣются французскіе, англійскіе и голландскіе домы, кои оный закупаютъ отъ большей части готовыми деньгами, потому что иностранныхъ товаровъ не болѣе туда посылается, какъ на расходъ онаго города съ провинціею. Во время настоящей войны даже до тысячи пяти сотъ кипъ онаго гарусу въ одну Голландію посылано, въ Англію и Францію по пяти сотъ; каждая кипа по меньшей мѣрѣ по осмидесятъ окъ, а око того гарусу тамо на мѣстѣ покупается отъ двухъ съ половиною даже до пяти левковъ, есть такой тонины, что за око платится до двадцати левковъ. Въ ономъ городѣ не точію на всю Туркію дѣлаются камелоты и софы, но изъ оныхъ посылается и въ другія государства.

Салоника, Саида или Сидонъ, Триполи Сирійская, Акръ, Морея, острова Киперъ, Кандія и Архипелагъ, объ оныхъ излишно не распространяется, ибо привозимые туда изъ христіанскихъ областей товары суть тѣжъ, какъ выше показано; равномѣрно и обратно отпускаемые; токмо вкратцѣ упоминается, что въ Салоникѣ есть почти всѣхъ націй домы. Въ Саидѣ, Триполи Сирійской и Акрѣ главный торгъ имѣютъ французы и чрезъ оные получаютъ шелкъ, въ Палестинѣ рождающій и мыло, а въ прочихъ мѣстахъ большая часть товаровъ готовыми деньгами покупается, ибо расходъ христіанскихъ въ оныхъ не болѣе, какъ то, что въ каждомъ потребно и слѣдовательно не столько привозятъ, какъ вывозятъ, а наипаче масла деревяннаго и всякихъ сухихъ фруктовъ.

Алжеръ, Тунисъ и Триполи: въ сихъ Барбарескихъ трехъ городахъ тѣ державы, кои въ Левантѣ коммерсуютъ, содержутъ консуловъ и съ оными имѣютъ особливые договоры, потому что хотя оные вассалами турецкими почитаются, но по отдаленію мало послушны. Иностранныя націи въ помянутые три города тѣжъ товары привозятъ, какъ въ другіе Леванскіе порты, а изъ суконъ наибольше красныхъ, также всякія шелковыя матеріи, парчи и бархаты, скуфейки, кисею, всякіе дрогеріи, сахаръ, табакъ, кошенилью, стекла, бумагу, олово, свинецъ, сталь и Нюрембергскіе товары, коимъ расходъ весьма не малъ, ибо чрезъ реченные три города вся сѣверная часть Африки оными и другими европейскими наполняется. Обратно отъ Барбаресковъ берется золото въ порохѣ, множество кожъ, сафьяновъ, воскъ, и соль. Французы же по способности своего на Алжерскихъ и Тюнисскихъ границахъ поселенія, называемаго Бастіонъ де-Франсъ, наибольше Барбаресскимъ торгомъ пользуются. Яко о довольно извѣстномъ дѣлѣ не упоминается, что иностранныя державы во всѣхъ главныхъ Леванскихъ портахъ содержутъ консуловъ, изъ коихъ находящіеся въ Смирнѣ и Египтѣ и Барбаріи не зависятъ отъ здѣсь резидующихъ министровъ, а въ прочихъ мѣстахъ отъ оныхъ поставляются.

Еще жъ здѣсь примѣчается о пошлинныхъ тарифахъ, что оные будучи сдѣланы отъ давняго времени, и когда иностранные товары были въ Ле-

вантѣ дешевле, то нынѣ со многихъ вмѣсто трехъ только по два и по полутора на сто приходитъ. Въ прошломъ 1745 году былъ въ Смирнѣ одинъ Гамбургскій корабль, съ товаровъ котораго пошлина заплачена по Нѣмецкому тарифу, ибо былъ адресованъ къ резиденту Пенклеру, съ дачею оному обыкновеннаго со всего груза консулата.

Въ турецкой области ходятъ всякія иностранныя деньги. Венеціанскіе червонные съ прибылью двѣнадцати копѣекъ противу другихъ; Аустрійской гульденъ, который не болѣе россійской полтины за левокъ берется, Маклерами, такъ здѣсь, какъ въ другихъ турецкихъ мѣстахъ служатъ жиды и каждый иностранный домъ своего особливаго, а знатные и до трехъ имѣютъ, оные же жиды обыкновенно купеческія кассы держутъ по знанію доброты разныхъ монетъ. Платится же имъ по четыре на сто: два отъ продавца, а два отъ покупщика.

Записка о торговлѣ европейскихъ народовъ съ Левантомъ, на французскомъ языкѣ:

Французская торговля со временъ Кольбера сильно расширилась, особенно торговля дешевыми сукнами. Она производится на свыше 800 судахъ и на сумму 13—14 мил. ливровъ (ок. $4^1/_2$ мил. піастровъ); изъ Франціи привозится за 6300—6600 ballots суконъ по 10 кусковъ въ каждомъ, цѣною ок. 500 піастровъ за тюкъ, всего на сумму до 10 мил. ливровъ, кромѣ того много колоніальныхъ и другихъ товаровъ. Англійская торговля съ Левантомъ уменьшилась за послѣднія 30 лѣтъ почти на $^2/_3$ вслѣдствіе конкурренціи Франціи, ухудшенія производства суконъ въ Англіи, и того что торговля съ Индіею отвлекла общественное вниманіе отъ торговли съ Левантомъ. Ввозъ англійскихъ суконъ не свыше 1.100 тюковъ (по 20 кусковъ въ тюкѣ) въ Константинополь и Смирну, и столько-же въ Алеппо и Каиръ. Ввозятся впрочемъ и другіе товары колоніальные и мануфактурные. Голландская торговля также упала. О русской торговлѣ съ Левантомъ слѣдуетъ предполагать, что она можетъ быть сильно развита, такъ какъ торговля мѣхами съ Константинополемъ достигаетъ милліона піастровъ и эта торговля русскими мѣхами весьма сильно распространена между греками;—несмотря на массу затрудненій, встрѣчаемыхъ ими въ притѣсненіяхъ на таможняхъ польскихъ и турецкихъ, гдѣ они кромѣ мезетеріи платятъ до 6% пошлины, и со стороны турецкой администраціи, они имѣютъ до 14000 прикащиковъ, ихъ торговля въ Константинополѣ самая прочная и всѣ они разбогатѣли отъ нея. Россія, въ случаѣ заведенія торговли платила бы вдвое низшую пошлину, учрежденныя ею компаніи пользовались бы охраною, и потому она могла бы поставлять мѣха на 10—15% дешевле грековъ; что торговля русскими мѣхами имѣетъ будущность, доказывается тѣмъ, что попытки съ мѣхами изъ Канады и Швеціи не имѣли успѣха; русскіе могли бы вести торговлю даже моремъ, чрезъ Испанію и Италію, что способствовало бы

развитію не только торговли, но и мореходства русскаго, причемъ Россія могла бы доставлять даже Пруссіи, Даніи, Польшѣ левантійскіе товары, доставляемые имъ въ настоящее время голландцами и англичанами. Если Россія учредитъ компанію для торговли съ Левантомъ, то эта компанія должна состоять изъ русскихъ подданныхъ. Можно отправлять Чернымъ моремъ изъ Азова рожъ, кожи, воскъ, икру и т. п. въ Константинополь, и всѣ эти товары за исключеніемъ ржи могутъ быть затѣмъ отправляемы далѣе въ Венецію, Геную, Ливорно и т. д. Что касается спеціально зерноваго хлѣба, то въ настоящее время цѣна на него въ Константинополѣ 40—45 паръ (paras) за quillot (кило) вѣсомъ въ 22—23 окп, смотря по качеству зерна.

Четыре записки на итальянскомъ языкѣ. Между прочимъ въ одной говорится: „Per il traffico del mar nero, quantunque sia ben considerabile in generale, pure non ha alcun lustro ne stile commerciale usitate nell'esercizio mercantile. La politica ottomana avendo trovato a proposito di troncare a tutte le nazioni Europee il passagio colli Bastimenti franchi alle coste e porti del mar nero, per conseguenza il negozio non e stabilito in alcuna parte e mancandovi consoli e agenti nelle scale ove converebbe negoziare ogni uno si ritira dal'intraprendere cosa alcuna per non sottoporsi ad infinità d'avanie pur troppo solite in luoghi ove non s'ha riparo alcuno dal bastone turco. V'è ancara la riflessione che il mar nero essendo navigato da una nazione ignorantissima della nautica, con molto ribrezzo s'imbarcarebbero mercanti Europei sur le saike Turche in rischio di perdersi, osservando pure che per gl'effetti che vi si caricano non é possibile di trovare assicuratari, ma il tutto si rimette alla Providenza.—Per altro sulle coste di d⁰ mare e sulli Lidi di Crimea vi sono luoghi capaci di smaltire diversi effetti christiani e di rimandare buoni ritorni per via di C-poli. Lungo la costiera d'Asia si trova Sinope, Trabisonda, Tripoli e altri luoghi di minor fama oltre li porti dell'Abassi e della Mingrelia. Poco producono oggi Sinope e Trabisonda tanto per entrata che per sortita salvo li materiali per costruire e formar l'altrezzi d'ogni sorte di gran navi o di bastimenti minori ed é corto che quasi tutte le saike che caminano per il mar nero sono fabricate in quelli cantieri. In Trabisonda ancora si carica per C-poli il rame, che si cava numeroso dalle mine d'Erserum e vi passano pure li mercanti armeni colle mercanzie di Persia che vanno in Moldavia e Polonia tanto nell'andare che nel regresso al laro Paese. Dall'Abasse e Mingrelia tirano li mercanti turchi quantita di schiavi che sono tramandati a C-poli, come altresi legno di busso in quantita, cera, seme di lino, lino filato, tela di lino, castore, mieli etc. Il comprare delli giovini figlie non e permesso che al solo musulmanismo, perche con queste si recluțano li serragli delli signori grandi in Turchia, e quelche più importa pochissimo denaro s'impiega in questo negozio, facendosi tutto col baratto di sale, spade, armi, piombo abiti nuovi e vecchi, stivali mer-

cerie e cose simili.—In Caffa citta mercantile di Crimea v'è piú genio e più materia per il negozio. Annualmente si vendono qualche balle di Pannine francesi, Lastre e Damaschetti di Venezia, Damaschetti, Iastetà e Dimitti di Scio, Bogasini di tela bianchi e tinti d'ogni sorte, bottane di cottone, caffe, qualche Droghierie e Zuccaro. Per questi effetti Caffa serve di Magazeno et in seguito sono inviati a Bakce Serai, Baluklava, Ghiosleve et altre citta interiori della Crimea, come altresi verso li luoghi, che riguardano la palude Meotide. Li ritorni di Caffa e generalmente dalla Crimea consistano in cera, cuoja, Formanto, orzo, butiro, miele e camale che li Tartari ricevono dalli Kosaki abitatori del Tanaj.—Sulle coste dell'Europa poche sono le scale che formino alcun negozio sufficiènte. Sulle sponde del Danubio vi è Ismail, Gallatz, Provat, Silistria, Varna e altre minori borgate. In tutte dette scale si carica molto butiro, grasso, orso, miele, luoja buffali e Iori, formaggio, sevo, carne sécca la maggior parte per Constantinopoli e qualche quantita per l'Asia. Le mentovate provisioni si comprano per contante et in luoghi di quella natura poco o nulla si vende di mercanzie di Christianità.—Resta la citta d'Assoff demolita nell'ultima Pace del 1740, al negozio della quale potrebbe sottentrare Circaskoi sul Tanai, quando si prendessero misure convenevoli per il commodo delli negozianti e mercanzie estere coll' esencioni nel principio adaltate per introdure anche da questa parte un ramo di commercio nelli Paesi di Russia: Basta d'aver acennato tanto alla penetrazione di chi intende meglio di noi questa matteria e puo digerirla con felice successo. Presentamente poco negozio si fa in quella scala: si porta pure dall'Arcipelago e Constantinopoli vino e frutti secchi di diverse sorti, oglio, sapone, incenso, vitriolo di Cipro, dattoli, stoffe di seta leggiere di Scio e di Messina, quache poco di cottone in lane, cordovani rossi e gialli qualche arnesi di cavalli alla turca e simili. Li ritorni sono butiro, sevo, cera, caviale vachette di Russia, tele bianche, setole di Porco, pelleterie di diverse sorti; e qualche laudani della China di sorte che pare intrapreso, ma non gia incoraggito quel negozio... Dalla Gran Russia vengono poi annualmente nell'Europa Turca e massime in Constantinopoli copiose caravane di negozianti Greci con partite di pelleterie, le migliori che si vedano nell'Imperie Ottomano. Dette pelleterie sono comprate nell'Ukraina Russa quasi sempre per contante, e fuori d'alcuni filati rossi, drappi di seta leggieri di Napoli e Sicilia, e partite di coralli lavorati pochi altri effetti di christianita passano nell'Ukraina. - Il commercio nuovamente introdotto della Suezia in Levante veramente non merita gran considerazione...

Записка на италіанскомъ языкѣ объ иностранной торговлѣ въ Турціи: въ Смирнѣ преобладаютъ французы и голландцы, англійская торговля тамъ упала; въ Константинополѣ тоже преобладаніе принадлежитъ французамъ, особенно въ торговлѣ сукнами (именно ежегодно на 1000 тюковъ (balle) французскихъ суконъ приходится 300—400 англійскихъ, и по 80—100 голландскихъ и венеціанскихъ); въ обширной Каирской торговлѣ опять-

таки главную роль играютъ французы и венеціанцы, что-же касается англичанъ, то „dopro qualche tempo non fanno gran cose“ равно какъ и голландцы. Въ Канрѣ, Кандіи и др. мѣстахъ французы производятъ значительную торговлю ввозомъ суконъ; въ Ангору европейскіе товары не ввозятся, французы, англичане и голландцы вывозятъ значительное количество шерсти (по 500 и болѣе тюковъ вѣсомъ въ 80 окъ каждый); чрезъ Алеппо ведется значительная торговля съ Персіею.

(Извл. изъ Дѣлъ до торговли касающихся, Архива Константинопол. Миссіи, карт. 42).

ПРИЛОЖЕНІЕ 16-е.

№ 1. Секретный рескриптъ № 6 въ Константинополь къ резиденту Обрѣскову отъ 28 января 1757 года (Въ М. Гл. Арх. М. Ин. Д. Дѣла Турецкаго Двора, 1757, связ. $^{6}/_{a}$).

Изъ реляціи вашей подъ № 32 усмотрѣли мы между протчимъ, что извѣстной Датчанинъ Геллеръ по многимъ докукамъ и стараніямъ, наконецъ предуспѣлъ помощію Султанскаго *Капеллана* заключить трактатъ дружбы и коммерціи между Даніею и Оттоманскою Портою.

Разсуждая о всемъ происхожденіи дѣла сего и о разныхъ онаго обращеніяхъ съ самаго начатія его, не безъ основанія можно заключить, что при настоящей системѣ въ правленіи турецкаго двора и при случающихся часто въ тамошнемъ министерствѣ перемѣнахъ не сыщется такой трудности, которую бы нельзя было преодолѣть прилежнымъ стараніемъ и руководствомъ искуснаго министра при оказывающихся полезныхъ обстоятельствахъ.

Доказательствомъ тому служитъ заключенной съ Шведами союзъ, трактатъ коммерціи съ Неапольскимъ государствомъ, и многія сему подобныя примѣры, кои показываютъ намъ, что часто повторяемыми просьбами и домогательствами при удобныхъ временахъ можно и самые сумнительнѣйшія негоціаціи приводить къ желаемому окончанію, и съ Портою доходить до полезныхъ и важнѣйшихъ заключеній. Въ такомъ чаяніи, и признавая нынѣшнее Порты миролюбіе и добрую къ намъ склонность ея изрядным къ тому случаемъ запотребно разсудили мы покуситься къ преклоненію оныя подъ образомъ возстановленія и приведенія въ лучшій порядокъ взаимной между обоими государствами коммерціи на позволеніе мореплаванія нашимъ подданнымъ торговыми судами въ Черномъ морѣ по примѣру прочихъ сосѣднихъ ея, и отдаленныхъ Европейскихъ державъ, имѣющихъ въ Средиземномъ и Бѣломъ морѣ безпрепятственное мореплаваніе; а дабы съ столь лучшимъ успѣхомъ достигнуть до сего намѣренія нашего, то прежде всего надлежитъ вамъ пріискать довѣренную при Султанѣ, или въ министерствѣ знатную особу, а буде возможно въ виды

наши преклонить Кесседаря, или ренъз-Эфендія, и помощью онаго при дворѣ и при Портѣ стороною, или инако по лучшему знанію вашему до вѣдѣнія салтанскаго и министровъ его доводить, а по усмотрѣнію успѣха и склонности ихъ, и прямо тамошнему министерству отозваться, что о заключенномъ нынѣ между Портою и Даніею трактатѣ намъ уже извѣстно; и что хотя мы на обстоятельство сіе и спокойно взираемъ, ибо не имѣя при Портѣ съ Датскимъ дворомъ никакого, или весьма малое въ интересахъ сообщество, не предвидимъ отъ того дальнаго себѣ предосужденія, однакожъ и не можемъ притомъ скрыть сего сожалѣнія, что не токмо всѣ сосѣднія, но и самыя отдаленнѣйшія отъ турецкихъ областей сѣверныя державы пользуясь дружбою блистательной Порты имѣютъ на всемъ Левантѣ свободное мореплаваніе, и выгодною торговлею доставляютъ подданнымъ своимъ знатныя прибытки въ то время, когда Россійская въ турецкихъ областяхъ Коммерція, о которой бы не токмо по ближнему сосѣдству и для весьма знатной отъ того пользы самой Портѣ, но и по многимъ другимъ уваженіямъ, паибольшее попеченіе имѣть надлежало, основана на толь не полезныхъ и вредительныхъ учрежденіяхъ, что оная въ тамошнихъ краяхъ безъ явнаго ущерба и убытка подданнымъ обѣихъ сторонъ производима быть не можетъ, что она подвержена многимъ неудобствамъ между которыми наивреднѣйшее есть сіе, что подданные наши принуждены нагружать товары свои на турецкія суда за весьма неумѣренную цѣну, и оные отправлять въ турецкія области подъ смотрѣніемъ неискусныхъ мореходцовъ Грековъ, кои болѣе на удачу и отвагу нежели по знанію, путь свой по морю учреждая, губятъ ежегодно нѣсколько судовъ и товаровъ, отъ чего не токмо цѣна приходящихъ въ Константинополь Россійскихъ товаровъ возрастаетъ, но и вообще Россійская коммерція несказанно претерпѣвая приходитъ въ очевидной упадокъ, и со временемъ дойти можетъ до конечнаго разрушенія ко вреду подданныхъ самой оттоманской Порты, имѣющихъ въ томъ равное-жъ участіе, что сему однакожъ пособить не трудно, если новою негоціаціею о купечественномъ трактатѣ, а особливо когда въ ономъ дозволится торговымъ судамъ нашимъ свободный ходъ на Черномъ морѣ и тѣмъ купечеству подастся совершенная вольность, необходимо къ тому нужная и потребная; что сіе не имѣетъ нанести ни малѣйшаго предосужденія ни существительнымъ интересамъ оттоманской Порты, ни въ политической ея системѣ какой перемѣны; ибо чаять нельзя, чтобъ оная могла имѣть опасеніе отъ заведенія у насъ малаго числа мореходныхъ купеческихъ судовъ, когда не токмо всѣмъ европейскимъ смежнымъ и отдаленнымъ отъ нея державамъ имѣющимъ знатныя морскія силы, дозволенъ въ мирное время свободный входъ во всѣ ея порты безъ изъятія, но и венеціанская республика, ближнее сосѣднее съ Турціею государство, отправляетъ однакожъ невозбранно вооруженныя купеческія суда по всему Леванту до Константинополя, и вообще во всѣ моря и гавани находящіяся подъ турецкимъ владѣніемъ, а военные корабли доходятъ и къ устью Бѣлаго моря до са-

мыхъ Дарданелловъ, преддверія Константинопольскаго, отъ чего однакожъ Порта не видитъ по нынѣ никакого вреда себѣ и опасности; что въ такомъ разсужденіи толь меньше ей опасаться должно съ нашей стороны, ибо торговыя суда наши долженствуя проходить чрезъ узкой проливъ Азовскаго моря при Керче и подъ пушками построенныхъ тамо на крымской сторонѣ турецкихъ замковъ, а къ тому жъ не имѣя никакого пристанища на Черномъ морѣ всегда подъ ихъ же призрѣніемъ находиться будутъ, слѣдовательно сіе никакого предосужденія Портѣ нанести не имѣетъ, но напротивъ того такое благонамѣренное, о приращеніи взаимной коммерціи, учрежденіе натурально имѣло бъ произвесть на нынѣшнее и будущее время весьма полезныя и важныя для обѣихъ сторонъ слѣдствія, утвердило-бъ наипаче дружбу между обоими государствами пребывающую, и послужило-бъ къ вѣчному и неразрѣшимому оныхъ соединенію.

Сими и сему подобными внушеніями съ употребленіемъ потребнаго на то *ижданія*, потщитеся вы, по лучшему знанію и искусству вашему турецкое министерство уготовить и истребить вселившееся *издавна* не полезное тамошняго двора мнѣніе, и принятое правило Его о не допущеніи въ тамошнихъ моряхъ нашего кораблеплаванія. Мы признаваемся, что одержаніе толь въ самомъ существѣ важнаго и нужнаго пункта подлежитъ многимъ трудностямъ и сумнительствамъ, а паче что турецкой дворъ сіе за единой плодъ пріобрѣтенной отъ послѣдней войны и заключеннаго потомъ между нами и ею мирнаго трактата поставляетъ, да и надежда наша о томъ не толь далеко простирается, что бы толь скоро и безъ препятствія достигнуть до сего намѣренія; но въ разсужденіи, что при тамошнемъ дворѣ доброй успѣхъ и въ самыхъ труднѣйшихъ негоціаціяхъ зависитъ какъ выше упомянуто отъ случаевъ и премѣнъ тамошняго министерства, то нетокмо не за излишнее, но и за нужное почитаемъ сдѣлать первое сіе покушеніе доставляющее иногда пользу безъ малѣйшаго предосужденія.

Вы не оставите по вышеписанному потребное учинить и неукоснительно доносить намъ со всѣми окрестностьми, что по тому происходить будетъ а какое дѣйствіе при тамошнемъ дворѣ возымѣютъ ваши о томъ домогательства, дабы по усмотрѣнію склонности онаго мы заблаговременно въ состояніи быть могли снабдить васъ точнѣйшими наставленіями и принять пристойнѣйшія мѣры кредитомъ и содѣйствованіемъ союзниковъ нашихъ къ достиженію толь полезнаго дѣла.

Данъ въ С.-Петербургѣ Генваря 28 д. 1757 года, По Ея И. В-ва Указу Подписано тако: Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, Графъ Михайлъ Воронцовъ.

№ 2. Секретная реляція № 8 отъ 8 апрѣля 1757 г. отъ Обрѣскова изъ Перы (Тамъ же).

По всемилостивѣйшему Вашего И. В-ва повѣленію въ высочайшемъ рескриптѣ № 6 отъ 28 генваря сего 1757 года, я все мое наіревнительнѣй-

шее и вседолжное рабское попеченіе употребить не оставлю, дабы высочайшее Вашего И. В-ва соизволеніе, которое толико важно для всякихъ случаевъ, колико полезно для подданныхъ Вашего И. В-ва къ желаемому окончанію привести, и уже началъ стороною и безпримѣтнымъ образомъ въ пристойныхъ мѣстахъ внушать о могущей быть пользѣ отъ того кораблеплаванія для самой Порты, или помалой мѣрѣ для подданныхъ Ея; но понеже сіе дѣло есть самокрайной нѣжности, и Ваше Им. В-во сами высокомудре признавать соизволите, что Порта исключеніе кораблеплаванія по Черному морю подданнымъ вашего Имп. В-ва принадлежащимъ, за единой плодъ послѣдней войны и заключеннаго мирнаго трактата почитаетъ, но оная важность и нѣжность сего пункта толь напаче усугубляется, когда примется въ разсужденіе предупрежденіе порты противъ кораблеплаванія всѣхъ націй на Черномъ морѣ, которое предупрежденіе превосходитъ все то, еже себѣ представить можно, чему нижеслѣдующіе примѣры достаточнымъ доказательствомъ служить могутъ, а именно: во время минувшей у Порты съ высочайшимъ Вашего И. В-ва дворомъ и вѣнскимъ, войны въ 1738 году, недоставало ей Портѣ своихъ судовъ для перевозки артилеріи и разныхъ къ войнѣ принадлежащихъ припасовъ, еже французскій посолъ марки де Вилнеовъ примѣтя представилъ къ услугамъ Порты нашедшихся подъ то время въ здѣшнемъ портѣ пятнадцать купеческихъ его націи кораблей, да и за весьма дешевльшую цѣну, нежели собственные Порты мореплавныя суда стоить могли, единственно токмо въ томъ видѣ, чтобъ симъ способомъ достигнутъ впередъ свободное кораблеплаваніе на Черномъ морѣ, которое имѣть французы, англичане, голанцы столько же желательны, какъ и подданные вашего И. В-ва по притчинѣ персидскихъ торговъ, чрезъ которое они гораздо бы сбавили издержки употребляемые по нынѣ на караваны отправляющіе изъ Александрета въ Алепъ, а оттуда въ дальній и многотрудный путь до Персіи; но Порта повидимому проницая виды французскаго посла, коль ей въ корабляхъ нужда велика ни была, представленіемъ его воспользоваться уклонилась, а по заключеніи Портою мирныхъ трактатовъ съ высочайшимъ Вашего Имп. Величества дворомъ, и вѣнскимъ чрезъ медіацію его Христіаннѣйшаго величества помянутый марки Вилнеовъ пользуясь счастливыми для него обстоятельствами и пріобрѣтеннымъ кредитомъ у всѣхъ турокъ генерально, а особливо у тогдашняго верховнаго визиря Ахвасъ Мегмедъ паши, возобновилъ съ Портою трактатъ коммерціи въ несказанный авантажъ націи его, при которомъ случаѣ, какъ то мнѣ съ подлинностію извѣстно, онъ неоставилъ все возможное употребить, хотя токмо бы шести купеческимъ кораблямъ по всягодно на Черномъ морѣ до Крыму и Трапизонта ходить дозволялось, представляя притомъ готовность употребить въ награжденіе споспѣшествователямъ до миліона французскихъ ливровъ, но ничего обдержать не могъ.

По сей Порты на сіе неподатности, да и такой державѣ, которая съ нею Портою въ вѣчной дружбѣ пребываетъ, и коей корабли во всѣхъ ея мо-

рахъ, кромѣ Чернаго, со всею вольностію плаваютъ, да и военные въ самый здѣшній портъ впускаются, предвидѣть не трудно, коль Порта отдалена быть можетъ въ семъ случаѣ оказать вашему И. В-ву свою готовость и дозволить такой державѣ, которая есть ея прямымъ страшилищемъ, то отъ чего она себя трактатомъ защитила? Однакожъ всемилостивѣйшая Государыня, я непремину со всеусернымъ раченіемъ стараться пріискивать такой особы, которая бы успѣхъ сего дѣла споспѣшествовать могла, а притомъ продолжать подъ рукою, и исподволь, гдѣ потребно, надобность и могущую быть пользу внушать. Что же бы всемилостивѣйшая государыня о семъ дѣлѣ Портѣ прямо отзывъ учинить, какъ то всемилостивѣйше повелѣть соизволили въ томъ разсужденіи, что частыми и ко времени напоминаніями, толь надежнѣе желанный успѣхъ получить можно, какъ то сіе на послѣдокъ Датчанину Геллеру удалось, но я вашему И. В-ву всеподданнѣйше донести смѣю, что по небольшей моей о здѣшнихъ обрядахъ експеріенціи, скудоумно кажется, изъявъ упомянутой Дацкой, которой по малой важности съ протчими равнаго существа въ паралель по всей справедливости поставить не можно, что коль какое домогательство огласнѣе и старѣе становится, то толь успѣхъ его напруднѣйшимъ бываетъ, чему довольнымъ доказательствомъ служить могутъ домогательства Прусскаго короля, да и собственные о пребываніи въ Крыму консула; ибо когда бъ о семъ послѣднемъ покойникъ резидентъ Вешняковъ сначала съ лучшею скромностію, и, предварительно представленія, какого турецкаго министра приготовилъ оное подкрѣпить, то уповательно, что тогда же бы рѣшено быть могло, а въ застарѣлые, и чрезъ многія руки перешедшіе, рѣдко съискиваются охотники приниматца. Что же высочайше соизволите приводить въ примѣръ заключенныя съ Портою Неапольскимъ дворомъ коммерціи, а съ Швеціею союза, трактаты, то такъ одинъ, какъ и другой всемѣрно въ самой крайней тайности заключены, такъ, что здѣсь всѣ иностранные министры, не включая и Французскаго посла Марки де Вилнеова со всѣмъ его тогдашнимъ двуромъ, провѣдали уже по дѣйствительномъ оныхъ заключеніи; толь же наипаче въ дѣлахъ до имперіи Вашего И. В-ва касающихся, оная тайность нужна, потому что довольно примѣчено, по разнымъ видамъ и интересамъ мѣшателей обыкновенно всегда много, а прямыхъ вспомогателей, когда собственные ихъ интересы сопряженія не имѣютъ, едвали найти можно.

№ 3.—Рескриптъ № 12 отъ 12 марта 1757 года въ Константинополь Обрѣскову. При немъ присланъ указъ Сената отъ 17 февраля о учрежденной вновь на Дону для торгу въ Туркію купеческой вольной компаніи состоящей изъ русскихъ подданныхъ. Предписывается Обрѣскову особливо стараться при Портѣ о столь нужной обѣимъ сторонамъ коммерціи. „Когда бы въ нынѣшнемъ времени и вскорѣ по отправленному къ вамъ отъ 28 января нынѣшняго года подъ № 6 нашему рескрипту невозможно было Порту къ тому склонить, чтобъ на Черномъ морѣ намъ свои суда имѣть, турецкіе бъ суда межъ тѣмъ содержаны были предъ прежнимъ лучше

и надежнѣе, въ чемъ отъ Порты и затрудненію какому-бъ быть не чаятельно, ибо оное требовано быть имѣетъ вслѣдствіе трактата." (Тамъ-же).

№ 4. Реляція № 12 отъ 8 мая 1757 г. резидента Обрѣскова изъ Перы. (Тамъ-же).

Извѣщаетъ о полученіи рескрипта № 12 и указа Сената, а также предписанія оказывать новоучрежденой отъ Темерниковскаго порта въ Константинополь торгующей комерческой компаніи вспомоществованіе. Что касается до преклоненія Порты на дозволеніе кораблеплаванія по Черному морю русскимъ подданнымъ, то въ реляціи № 8 уже доносилъ о трудностяхъ встрѣчаемыхъ въ этомъ дѣлѣ. „Однакоже я сими трудностями въ уныніе не прихожу, но неусыпно стараюсь пріобрѣсть себѣ какую знатную особу изъ приближающихся Его салтанова величества вспомогателемъ, хотя сіе такожъ не безъ великой трудности, особливо для министровъ Вашего И. В-ва при здѣшнемъ дворѣ резидующихъ, потому что иностранные націи по имѣющихся у нихъ великихъ торгахъ, и разныхъ привозимыхъ диковинкахъ съ придворными, коли не съ самоначальными, то по малой мѣрѣ съ ихъ подчиненными и зависящими, довольное обхожденіе и знакомство имѣютъ, слѣдственно въ случаѣ нужды имъ уже способнѣе и до вѣденія принципаловъ ихъ довести. Но мнѣ къ достиженію того, по неимѣнію оныхъ способовъ, надлежитъ дѣло съ подошвы начать, и спознаться сперва съ маленькими, чтобъ чрезъ посредство оныхъ среднихъ, а сими и главныхъ полезными сдѣлать, къ чему всемѣрно нѣкоторое время потребно, дабы поспѣшностію отъ достиженія желаемаго болѣе не отдалиться, нежели приблизиться; до пріобрѣтенія же достойнаго вспомогателя, я о семъ высочайшемъ вашего И. В-ва желаніи Портѣ вызываться удерживаюсь по причинѣ предъявленныхъ резоновъ въ помянутой всеподданнѣйшей № 8 и по вновь являющимся, а именно предусматривая нѣкоторую опасность, чтобъ Порта вмѣсто оказанія къ оному склонности не приняла бы подозрѣнія, что ваше И. В-во по терпѣливомъ чрезъ толико лѣтъ сношеніи постановленнаго воспретительнаго обязательства объ ономъ кораблеплаваніи, отмѣнить его искать соизволите, и что въ случаѣ Порты къ тому неподатности не вознамѣрились ли иногда по окончаніи настоящихъ Европейскихъ дѣлъ сходственными высочайшему величеству вашему средствами оное и сами себѣ доставить. Не соизволите всемилостивѣйшая государыня сіе скудоумное мое разсужденіе принять за химеры и излишное умствованіе; примѣры довольно научаютъ, что турки коли не всѣ, однакоже многіе по незнанію и по неимѣнію достаточнаго понятія о Европейскихъ дворахъ, часто отъ справедливаго разсужденія отдаляются, дѣла и предложенія на опако берутъ и толкуютъ, равномѣрно жъ и представленіе Портѣ о повелѣніи лучшей конструкціи купеческихъ морскихъ судовъ, какъ-то саекъ, чорликовъ, саколевъ, и протчихъ по Черному морю до Азовскаго плавающихъ ни малѣйшей пользы доставить не можетъ, потому что оные не отъ Порты и не па сал-

танскомъ коштѣ, но отъ партикулярныхъ, и отсюда по отдаленіи по островамъ, кто какъ пожелаетъ, строятся; а хотя бы и изъ казны дѣлались, то едвали лучшихъ ожидать можно, потому что и въ строившихся въ здѣшнемъ портѣ военныхъ корабляхъ часто примѣчено бываетъ, что когда положены три бруса дубовыхъ, то столько же найдется ясенныхъ, кленовыхъ, а иногда и липовыхъ; къ тому же кораблей строители не токмо архитектуры къ строенію кораблей принадлежащей, но ниже геометріи разумѣютъ, а исправляются на обумъ, и перенимая у предковъ, отъ чего иногда такъ случается, что корабль строится три года, а по спущеніи на воду по худой ли его конструкціи, или же по разности качества и твердости лѣсу, года черезъ два, или много черезъ три не выходя изъ здѣшняго порта, разорить принуждены бываютъ, что мнѣ видѣть случилось въ 1745 году съ кораблемъ сто-осьми пушечнымъ. Хотя же выше предъявленныя купеческія по Черному морю плавающія суда не столько хороши и надежны, какъ бы быть могли, однако жъ совсѣмъ не презрительны, а случающіеся на Черномъ морѣ несчастія не столько къ конструкціи ихъ, какъ къ худой оснасткѣ и неразумѣнію рейзовъ, или кормщиковъ приписывать должно, потому что парусы имѣютъ въ разсужденіи судна превеликіе, а къ тому же и изъ холста, хлобчатой бумаги, кои во время дожжа (не такъ какъ парусные токмо поедренѣютъ) удерживая въ себѣ воду, столько огруживаютъ, что ни поднять, ни поворотить не могутъ, какъ съ превеликою трудностію и медлительностію, отъ чего во время порывныхъ сильныхъ вѣтровъ, часто оные парусы раздираются, или машты ломаются, а по причинѣ оной парусовъ огрузки принуждены имѣть множество матросовъ, вчетверо или впятеро противъ находящихся на Европейскихъ купеческихъ корабляхъ, равнымъ грузомъ наполняемыхъ, а оное излишнее множество вмѣсто пользы производитъ конфузію, потому что наибольшая часть изъ оныхъ въ постройкѣ судна интересованы, то въ случаяхъ опасности, всякой кричитъ и повелѣваетъ, а никто того не дѣлаетъ, чтобы надлежало къ спасенію ихъ; рейзы же, или кормщики навигаціи въ теоріи не обучены, а ѣздятъ и управляютъ чрезъ экспериенцію и перенимая отъ другихъ, къ тому же и компаса при себѣ не имѣютъ, чего ради принуждены всегда берега моря въ виду имѣть, а когда въ такомъ состояніи вѣтры къ берегу подуютъ, то по неспособности величины парусовъ, и за происходимою конфузіею море держать никакъ не могутъ, но какъ наскорѣе ищутъ, когда не могутъ въ какой портъ попасть, на мель стать и тѣмъ животъ свой спасти. Сіе несчастіе наиболѣе случается при Европейскихъ берегахъ Чернаго моря, по причинѣ весьма далеко въ море простирающихся отмелей, отъ нанесенія песку и илу рѣками Днѣпромъ, Днѣстромъ и Дунаемъ. Но хотя представляемые турецкихъ поданныхъ на Черномъ морѣ кораблеплаванія недостатки велики и для произвожденія торгу опасны, однакоже по скудоумному моему мнѣнію, много поправлены быть могутъ нижеслѣдующими способы, которые ежели употребить за благо признаются, а именно:

За

1) Когда оная вновь учреждающаяся коммерческая компанія порядочно учредитъ конторы при Темерниковскомъ портѣ, или Черкасскѣ и здѣсь, то надлежитъ ей близъ Таганрога, гдѣ обыкновенно приходящія отсюда суда для сгрузки товаровъ пристаютъ, построить амбары, въ которые бы привезенные товары, (матрозы не мѣшаясь ни съ кѣмъ изъ подданныхъ вашего И. В-ва,) для выдержанія карантина складывать, и вмѣсто опыхъ принимая другіе для посылки сюда приготовленныя, и къ пристани подвезенные, на судно погружать могли и не мѣшкая долѣе какъ кормщику желательно, сюда возвратиться, гдѣ по сгрузкѣ привезенныхъ и по принятіи другихъ товаровъ, какъ уповать должно, здѣшнею конторою уже приготовленныхъ, паки поѣздку сдѣлать, и вышепредъявленнымъ же образомъ возвратиться; по такому учрежденію каждый кормщикъ въ одно лѣто дважды, а когда посчастливится и трижды въ оба пути съѣздить можетъ вмѣсто того, что нынѣ отправляются отсюда въ началѣ апрѣля, а по причинѣ выстанванія карантина, такожъ и за неприготовленіемъ къ отпуску купцами въ Таганрогѣ товаровъ, возвращаются рѣдко прежде октября, а иногда въ исходѣ ноября, еже есть самое опаснѣйшее время на Черномъ морѣ къ кораблеплаванію. Изъ онаго бы учрежденія разныя пользы пріобрѣлися: Первая, что коммерческая компанія изготовляя къ обратнымъ посылкамъ все нужное, заблаговременно можетъ отправлять тѣ товары и вещи къ годовому времени служащіе, а не такъ, какъ по нынѣ случалось, что получаются въ глубокую осень то, чтобы въ началѣ лѣта имѣть надлежало, слѣдственно принуждены бываютъ продавать многіе съ немалымъ накладомъ; Вторая, кормщики усмотря такую способность, гораздо бы меньшею цѣною за провозъ съ груза довольствоваться стали; Третія, что прочіе на нихъ смотря и завидуя получаемой ими прибыли, многіе къ поѣздкѣ въ тотъ край охотствовать станутъ, а изъ множества способно будетъ избрать Грековъ въ должности своей болѣе разумѣющихъ, добронравнѣйшихъ, и предпочтительно другимъ употреблять, коимъ тогда можно будетъ для собственной своей пользы присовѣтовать по нынѣ употребляемые изъ хлопчатой бумаги парусы оставить, а употреблять парусинные, яко наиспособнѣйшіе, и показать имъ надлежащій ихъ размѣръ. Сіе предложеніе, то есть наученіе турецкихъ поданныхъ предпочитать посконные парусы на бумажные, иногда невмѣстнымъ покажется, потому что сіе доставитъ имѣетъ пользу такой державѣ, съ которою въ войнѣ быть случается, слѣдственно интересамъ научателя не соотвѣтствуетъ; но мнѣ слабѣйше кажется въ семъ пунктѣ подданные вашего И. В-ва сугубую пользу пріобрѣтутъ, нежели турецкіе, потому что когда сіе здѣсь въ обычай бы ввелось, то нетокмо парусинныя фабрики въ имперіи вашего И. В-ва весьма пріумножились, и подданные работая оные, не малую прибыль пріобрѣли, но и дѣланіе здѣсь холстины употребляемой на тѣ парусы, опустилось бы, чрезъ что привели бы Порту со временемъ въ семъ пунктѣ въ имперіи вашего И. В-ва необходимую нужду имѣть, а въ случаѣ разрыва миру,

отъ чего Боже сохрани, Порта до возстановленія дѣланія оной къ парусамъ служащей холстины, къ отправленію флота и судовъ, къ переноскѣ всякихъ припасовъ къ войнѣ служащихъ не малое бы помѣшательство встрѣтила...

2) Когда изъ вышепомянутыхъ кормщиковъ найдутся люди добрые и усердствованіе къ имперіи вашего И. В-ва въ нихъ примѣтится, то можно такихъ пристойными образы склонять на поселеніе ихъ въ Черкасскѣ, или околичныхъ оного мѣстахъ, а женъ и дѣтей, у которыхъ случатся, перевести имъ будетъ не трудно, токмо бы дѣлалось безъ шуму, въ которомъ случаѣ хотя онѣ будутъ слыть турецкіе, но въ существѣ будутъ служить вашему И. В-ву, и тогда принадлежащаго ему судна форму, для неподанія причины къ изслѣдованію дѣла, хотя и сохранить, но оснастку его можно поправить такъ, какъ наилучше признается.

3) Съ отправляемыми изъ Таганрога сюда товарами, обыкновенно купцы сами ѣздятъ, или работниковъ посылаютъ, чему и новоучрежденная коммерческая компанія послѣдовать имѣетъ, а безъ того въ Крыму кормщики отъ турокъ многіе нападки претерпѣвать могутъ, въ накладъ товаровъ и въ изъянъ компаніи, то подъ имянемъ работниковъ, или прикащиковъ можетъ она посылать, ежели во услуженіе свое достанетъ, какихъ изъ отставныхъ служивыхъ во флотѣ вашего Имп. В-ва и въ мореплаваніи разумѣющихъ, токмо бъ были люди смиренные, да коли возможно и трезвые, такіе не объявляя о себѣ, что на морѣ служивали, при исправленіи прикащичьей должности разумѣя мореплаваніе, и имѣя при себѣ компасы и въ нужномъ случаѣ для спасенія судна много пособить могутъ; къ тому же вызнаютъ порты лежащіе по берегамъ у Чернаго моря и всѣ трудности и свободности, такожъ и въ какіе времена какіе вѣтры наиболѣе властвуютъ, что все для переду полезнымъ быть можетъ.

При произведеніи всего вышепредъявленнаго въ дѣйство съ должною осторожностію и тайностію, которая болѣе нужна нежели представить себѣ можно, (по донесеннымъ причинамъ ниже сего) когда оная коммерческая компанія, имѣя всегда предъ глазами всеобщую пользу, и всеподданѣйшую къ вашему Имп. В-ву благодарность за толикіе высоко щедрѣйше дозволенныя ей выгоды, въ отправленіи торгу справедливою прибылью довольствоваться будетъ, еже Порта примѣтя, что оная и подданнымъ ея пользу доставляетъ, иногда не столько отдаляться будетъ и отъ самаго дозволенія кораблеплаванія по Черному морю подданнымъ вашего Имп. В-ва; чего ради, и если желаетъ въ предпріятіи своемъ успѣхъ видѣть, всемѣрно должна отдалять отъ мыслей своихъ цѣну товарамъ предъ прежнимъ возвышать въ той надеждѣ, что ни отъ кого другаго получить не могутъ, слѣдственно хотя или не хотя у нея покупать принуждены будутъ, какъ то многія подобныя компаніи въ семъ пунктѣ погрѣшаютъ употребляя дозволенные привелегіи единственно въ собственной свой авантажъ.

Выше упомянулъ, что предложеные въ двухъ послѣднихъ пунктахъ способы при произведеніи въ дѣйство требуютъ престереженія тайности,

и сіе для того, что Порта во всѣхъ пунктахъ касающихся до Чернаго моря весьма щекотлива, чему случившееся на сихъ дняхъ съ англицкимъ посломъ неоспоримымъ доказательствомъ есть, а именно: одинъ англицкой капитанъ (какъ здѣсь сказываютъ) или шкипаръ, имѣя весьма небольшой мореплаванной корабликъ, такъ, что онъ съ четырмя человѣками матросовъ управлять могъ, промышляя въ Архипелагѣ чрезъ нѣкоторое время перевозомъ товаровъ и пасажировъ изъ порту въ портъ, напослѣдокъ въ здѣшній портъ пріѣхалъ изъ котораго выѣхать по его безсилію, опасаясь взяту быть французами, оной продалъ грекамъ за 1200 левковъ, которые нагрузя его товарами, вознамѣрились въ Крымъ ѣхать, но какъ изъ порту въ каналъ поднялись, то усмотрѣли, что править онымъ не въ состояніи, просили капитана оную поѣздку съ ними изъ найму сдѣлать, на что было онъ и склонился, но какъ о семъ послу сообщилъ, то онъ посолъ опасаясь, чтобъ не могло взято быть какого подозрѣнія, а иногда бы гдѣ его капитана и не заарестовали, вздумалъ исправить у Порты позволенія, и о безопасности его комендаменту, предъявя дѣло въ прямомъ его существѣ, пріобща поданное ему послу Греками о позволеніи помянутому капитану съ ними ѣхать, прошеніе; но Порта на сіе отнюдь снизойти не похотѣла по продолжающейся ею максимѣ, кораблеплаваніе на Черномъ морѣ отъ всѣхъ иностранныхъ націй въ невѣдѣніи держать, чего ради помянутые греки не отваживаясь однѣ ѣхать, оное судно паки иностраннымъ перепродать принуждены были.

При семъ же, всемилостивѣйшая Государыня, пріемлю смѣлость предъявить мое примѣчаніе на 1-й пунктъ кондицій, оною вновь учрежденною коммерческою компаніею правительствующему Сенату поданныхъ, въ которомъ прошено «чтобъ кромѣ оной компаніи въ Константинополь и въ другія тамошнія мѣста отъ Темерниковскаго порта и Черкаска водянымъ и сухимъ путемъ степью на Кубань, другимъ никому ни подъ какимъ видомъ торговать и отпускать не дозволить", что ей Правительствующимъ Сенатомъ и акордовано; и хотя я думаю, что сіе генеральное запрещеніе асается токмо до подданныхъ вашего И. В-ва въ оную компанію не записавшихся, а не до турецкихъ подданныхъ, отъ времени и до времени съ здѣшними товарами къ помянутому Темерниковскому порту пріѣзжающихъ и по выручкѣ за оные денегъ съ покупными произращеніями въ имперіи вашего Им. Величества назадъ возвращающихся, но какъ онѣ точно изъ онаго запрещенія не изъяты, то иногда статься можетъ, что помянутая коммерческая компанія кондицію *другимъ ни кому и ни подъ какимъ претекстомъ не торговать*, и до нихъ распространить похочетъ, еже имѣло бы быть противно смыслу 9-го артикула мирнаго трактата; почему не сонзволено ли будетъ сей пунктъ изъяснить, и тѣмъ предупредить могущія быть жалобы, въ которомъ случаѣ оная компанія наиглавнѣйшій вредъ понести можетъ, потому что Порта въ своихъ областяхъ производимому ею торгу тѣсные предѣлы положить можетъ, а по нынѣ подданные вашего Имп. В-ва здѣсь въ Смирнѣ и въ Архипелагскихъ ост-

ровахъ привозимые товары не токмо оптомъ, но и въ мелочь продаютъ безпрепятственно и самопроизвольно; а хотя бы интересы оной компаніи дѣйствительно требовали производимой турецкими подданными чрезъ Черное море въ имперіи вашего Имп. Величества торгъ пресѣчь, то сіе безъ открытія намѣренія своего и не наводя на себя ни малѣйшаго нареканія чрезъ непродолжительное время достижено быть можетъ, а именно: когда конторы такъ около Черкаска, какъ и здѣсь учредятца и нужные товары ко взаимному отправленію заблаговременно приготовлятца, тако же и все протчее, какъ въ вышепредъявленномъ моемъ первомъ пунктѣ предложено, наблюдаемо будетъ, то оная компанія безсумнѣнно товары свои не въ примѣръ дешевшею цѣною продавать въ состояніи найдетца нежели тѣ, кои ко времени отправленія съ великою дороговизною покупая, а по малости иждивенія ихъ еще и на братые взаимъ деньги по двадцати по четыре и болѣе свершковъ на сто въ годъ, чрезъ что увидя вмѣсто прибыли накладъ, сами отъ онаго торгу отстанутъ, а пенять ни на кого причины не возымѣютъ.

Письмо члена Государственной Комерцъ Коллегіи *Лодыгина къ Обрѣзкову* изъ Сѣчи Запорожской отъ 24 іюля 1761 г. (Приложено при реляціи Обрѣскова отъ 1 октября 1761 г. за № 33, въ М. Гл. Арх. М. Ин. Д., Дѣла Турецкаго Двора, 1761, связ. 13/в. № 3): В. В-родію извѣстно надѣюся уже есть, сколь похвально приняты Ваши представленія касательно до коммерціи въ Туречину и Италію въ новоучрежденной при Прав. Сенатѣ коммиссіи о комерціи, и особо у Главнаго Директора той Коммисіи гр. Ив. Гр. Чернышева. И на основаніяхъ тѣхъ представленіевъ, отправленъ я, членъ оной Коммисіи, до Сечи Запорожской, чтобъ запримѣтить, каковы торги съ приходящими изъ Туречины судами здѣсь происходятъ, и можно ли впредь произвести до большаго дѣла. А какъ есть въ самомъ существѣ, такъ и въ представленіяхъ В. В-родія, что безъ охотниковъ съ Россійской стороны, явно прибыльная Коммерція въ Туречину и Италію возведена до возможной знатности въ пользу Ея И. В-ва и общенародною не будетъ, хотя по усердію и раченію вашему пріискались въ Константинополѣ извѣстные доброжелатели и въ аскуранціи достали основанія; потому я старался, будучи въ Москвѣ, пристойно уговорить нѣкоторыхъ первостатейныхъ купцовъ, по В. В-родія основаніямъ приступить къ торговому дѣлу въ Туречину и Италію. А хотя старые въ Царь-Градъ торговцы наши знакомые В. В-родію Журавлевы и прочіе совсѣмъ къ тому непреклонны: бутто за потерпѣнными убытками, а прямо для того, что они уже довольно внутренними промыслами отъ единородцевъ разбогатѣли и трудно стало провозить безъ пошлинъ товары; однакожъ удалося мнѣ, особою въ Москвѣ знатною, Нѣмецкую компанію Россійскихъ купцовъ привести, что они товарища своего, вручителя сего, послали (и я его отправилъ изъ Сечи) дабы подъ покровительствомъ в. Вродія и чрезъ руководство искусного въ купечествѣ толмача, съ тѣми

ли Магриніемъ съ товарищемъ или съ другими регулярными купцами, поступить въ нѣкоторые договоры и въ точное торговое дѣло, которого о начальныхъ основаніяхъ и успѣхѣ, справедливо и достойно Вамъ, яко за великую отечеству заслугу безконечная слава будетъ. И оного антріпренера г. Антонова уповаю В. Высокородіе по благоволенію Вашему милостію своею не оставите и безъ моей малосилной рекомендаціи.

При семъ долженъ Ваше Высокородіе увѣдомить за достойно свѣденію Вашему о нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ моихъ торговыхъ по Днѣпру, а имянно:

1-е Нынѣ здѣсь къ пристани у Запорожской Сечи, по полуденную или правую сторону Днѣпра, опасности отъ Гайдемаковъ со всемъ пѣтъ и къ препровожденію товаровъ сухимъ путемъ способность по заселенію степи отъ Кременчюга, а съ Полской стороны отъ Крылова къ Сечи больше восмидесяти верстъ, и часто по разставленнымъ форпостамъ, весма умножилася. А сверхъ того чрезъ ново-Сербскіе и Слободскаго новаго полку селенія и форпосты на самой Полской до Турецкой границы стало быть жило и отъ послѣдней слободы Орелъ именуемая на устье Синюхи въ Бугъ рѣку до Очакова и волами, по скаскѣ бывалыхъ, съ небольшимъ двои сутки ѣзды; такъ что охотники торговать изъ Туречины могутъ съ товарами своими, какъ чрезъ Сечю, такъ и прямо изъ Очакова въ Малороссію пріѣзжать несравненно дешевле и много ближе какъ чрезъ Польшу сухимъ путемъ, ибо чрезъ Очаковъ сухимъ путемъ на слободу Орелъ до Кременчуга едвали съ чемъ четыреста верстъ будетъ. Почему весма желательно, чтобъ изъ Константинополя Турецкіе подданные купцы чрезъ Очаковъ сухимъ путемъ до означенной слободы Орла на устье Синюхи въ Бугъ реку съ удобными товарами пріѣхать опытъ и начало здѣлали, еже зависитъ отъ поспѣшествованія Вашего Высокородія, чрезъ приласканіе купечества и обнадѣженіе вѣрной безопасности отъ самой границы Россійской, какъ равнымъ образомъ и безпошлинного донынѣ торгу въ крѣпости Святыя Елисаветы и Новосербскомъ Новомиргородскомъ фелдшанце, въ которыхъ обоихъ мѣстахъ довольное Россійское купечество обращается и уже нарочитой торгъ въ Полшу производиться, доставляя таковымъ охотникамъ потребные ферманы; а изъ Очакова до Орла чрезъ земли Буджацкой Орды провожатыхъ могутъ такъ же какъ торгующіе въ Очаковъ Поляки сами купцы наймовать. И для лутчаго усмотренія Вашему Высокородію включаю примерную для сей комерціи карту.

2-е. Оными дорогами охотникамъ изъ Туречины купцамъ товары походно въ крѣпость Святыя Елисаветы и Новомиргородской фелдшанецъ привозить, всѣ такія, которыя въ Москвѣ и вездѣ въ Россіи надобны, а Вашему Высокородію уже извѣстны, но бакалея и плохіе Сенторинское да Скопелское вины, плохой цитронной сокъ и плохое же масло деревянное не столь какъ бы шерсть, шелкъ и хлопчатая бумага надобны; развѣ бы хорошіе вина, чистой цитронной сокъ, и масло свѣжее въ бочкахъ, маслины соленые зеленые въ росолѣ, капарсы, анзофишь и сардели; свѣ-

жіе цитроны, померансы, апелсины и сухіе по французскому конфекты по умѣренной цепѣ хорошо приняты и въ Полшу нашими купцами отпускаемы быть могутъ.

3-е. Напротивъ чего изъ Россійскихъ товаровъ всякія позволенныя товары могутъ быть по увѣдомленію въ Новомиргородской ли фелдшанецъ триста верстъ отъ Очакова, или въ крѣпость Святыя Елисаветы шестдесятъ верстъ ближе, а хотя и до самого Орла еще сто двадцать верстъ ближе поставлены и между чѣмъ можетъ же и бывшіе контробандо разрѣшатся, а цены товаромъ нашимъ еженедѣлно показываются въ печатныхъ на Москвѣ преіскурантахъ. Къ томужъ и по тарифу нашему о настоящіи цѣнъ примѣнится можно по пошлинамъ.

4-е. Мягкая наша рухлядь всемѣрно привозиться станетъ сходно по своей землѣ до Турецкой границы, естьли съ кѣмъ размѣнятся будетъ, чѣмъ въ Нежинѣ продавать Грекамъ; а хотя сей одинъ изъ принципалныхъ нашихъ товаровъ какъ слышно въ Константинополѣ цѣною весма понизился, однакожь еще надѣждно съ пользою продавать, въ разсужденіи миованія Полскихъ пошлинъ и другихъ старинной дороги чрезъ Бендеры харчей, ежели толко будутъ отъ Турецкой стороны охотники по вышеобъявленному на границѣ нашей, въ слободѣ ли Орлѣ, или въ крѣпости Святыя Елисаветы, либо въ Новгородскомъ фелдшанце такой товаръ брать. А нынѣ въ Сечю никогда изъ Туречины пошлые купцы не пріѣзживали опричь маломочныхъ людей, которые какъ я самовидецъ, и ни малой силы въ мягкой рухляди не знаютъ, чего ради принужденъ самъ я былъ взять назадъ гранастаевъ тысячи на двѣ, будучи притомъ увѣдомленъ, что оные въ Константинополѣ запрещены и яко бы по десяти рублевъ лутчимъ обойдется цена, у которой бы по тридцати по пяти процентовъ пропасть имѣло.

5-е. Равнымъ образомъ могутъ быть привозимы и другіе наши пріпципалные товары, въ томъ числѣ лняной манифактуры, яко тики, ревендуки, дрели, фламское полотно, которыхъ пробы въ цѣлыхъ и полуштукахъ съ подателемъ сего отправлены, такожъ поташъ смолчюгъ, юхть и изрядной листовой табакъ не хуже Виргинского, спартіусъ винный око паръ въ 20, масло конопляное око паръ въ 9, и прочія многія товары нашего продукта и произращеній, каковы берутъ у насъ Агличане и возятъ въ Италію. Еще мы поставить можемъ въ тамошнія области, естьли бы сходно было, всѣхъ мѣстъ дешевле пшеничную и ячную перловыя крупы, и пшеница Малороссійская хотя бы нѣсколько уступили Волоской, однако можно три кантара ниже четырехъ левковъ въ нагруску продать на Днѣпрѣ, куда Турецкіе суда приходить имѣютъ.

6-е. Сверхъ вышеписанного надѣждно изъ Полши тамошнихъ продуктовъ и произращеній, по способности въ прилежащихъ мѣстахъ къ Днѣпровской пристанѣ, сходною ценою доставливать, когда Ваше Высокородіе благоволите о такихъ товарѣхъ меня въ Кіевъ увѣдомить, которые изъ Полши чрезъ Очаковъ или сухимъ путемъ въ Константинополь привозятся и какія изъ Туречины чрезъ Очаковъ въ Полшу отвозятся; та-

коважъ увѣдомленія всепокорнѣйше ожидаю и объ Россійскихъ предписанныхъ и протчихъ товарѣхъ, которые бы по признанію свѣдущихъ купцовъ походны быть могли и по какимъ ценамъ обтовою продажею въ Туречинѣ, въ Тріестѣ, въ Италіи и въ прочихъ Средиземного моря портахъ. Какъ равнымъ образомъ всенуждно знать примѣрно воловую цѣну всякихъ Турецкихъ и Эвропейскихъ съ той стороны товаровъ, дабы по тому могли торговые дѣла предпринимать Россійское купечество, которые тѣмъ одолжены будутъ Вашему Высокородію толь наипаче ежели снабдить насъ изволите въ наставленіе и потребными комерческими примѣчаніями, съ примѣрною калкулаціею, сколко бы товаровъ нашихъ какихъ и какова качества надобно, а чему можно на казенной щетъ и пробы пожаловать сообщить, яко конатовъ на тамошнюю руку, или манифактурныхъ полотенъ и прочаго, а иному пропорціональное описаніе, какъ напримѣръ мачтамъ, райнамъ, штенгамъ, весламъ и всякому деревянному издѣлью, чего Россійское купечество всеусердно ожидаютъ отъ Вашего Высокородія, а изъ краткаго плана господъ Магрінія, Бартоломея и Бормана общаго и нуждного понятія безъ експеріенціи возымѣть не могутъ и доколѣ прямо не будутъ увѣрены Россійскіе знатные купцы, что охотники съ Турецкой стороны, товары наши главные у Днепра, или близь Очакова въ показанныхъ мѣстахъ, купить либо на хорошіе оттуда товары, яко шелкъ, шерсть и бумагу хлопчатую, ладанъ и прочіе кромѣ винъ и бакалеи, мѣнять сыщутся: дотолѣ собою оные товары на случай привозить трудно отважатся, донынѣ же изъ Туречины по Днепру при Запорожской Сечѣ и на пятдесятъ тысячь рублевъ торгу не бывало. Но впредъ всемѣрно ожидаютъ чрезъ много успѣвающее стараніе Вашего Высокородія время отъ время знатнѣйшаго купечества для толь отмѣнной способности въ примѣчаніи прочихъ мѣстъ. И при семъ я осмѣливаюсь увѣрить Васъ за все сущую истинну, что вы стараніемъ Вашимъ о возстановленіи настоящей комерціи чрезъ Очаковъ по малой мѣрѣ учините сатисфакцію знатнѣйшимъ нашимъ патріотамъ и особо въ томъ искренно усердствующему Графу Ив. Гр. Чернышеву.

7-е. Въ прочемъ при Сечѣ Запорожской самовидѣцъ я нѣкоторыхъ притѣсненій купечеству и едва менше ли пяти процентовъ съ Гречанъ и Великороссійскихъ на гостинцы старшинамъ сходятъ; а такіе непорядки купно съ другими обстоятелствами, можетъ быть скорѣе воспричинствуютъ по намѣренію учредить волную пристань и селеніе выше на Днѣпрѣ противъ каменного затону въ Никитинѣ, которое мѣсто указовалъ за способное и покойной Андреянъ Ивановичъ Неплюевъ. Но сіе потому жъ требуетъ подтвержденія отъ Вашего Высокородія. А между тѣмъ хотя бы еще не состоялось учрежденіе тамъ пристани, однако можно на будущую весну при даваніи отъ Васъ пашпортовъ реізамъ и купцамъ объявлять, чтобъ они прямо шли до Никитина въ каменной затонъ, гдѣ всемѣрно съ Россійской стороны купечество будетъ. О чемъ всѣ въ Сечѣ случившіяся увѣрили.

8-е. Еще же Греки здѣсь жалуются, что въ Очаковѣ съ нихъ весма много на презентъ сходитъ, а сверхъ того принуждаютъ де ихъ съ болшихъ судовъ выгружаться для перевоски до Сечи на тамошніе домбасы ради прибыли оныхъ содержателямъ, и такихъ трудностей возможное отвращеніе зависитъ такожъ отъ Вашего Высокородія.

9 е. Являются охотники, и уже были пробы, привозить по Дунаю изъ Нѣмечины потребные намъ товары до Сечи, въ томъ числѣ косы сѣнокосные изъ Штіеръ-Маркта, но въ Турецкой области по Дунаю бываетъ излишнее взятье пошлинъ противу Константинопольского; а не можно ли и въ томъ учинить Вашему Высокородію поможенія, нижайше прошу удостоить извѣстіемъ.

10-е. Весма же нужно вѣдать Коммиссіи о комерціи чрезъ меня: 1-е о фрактахъ или наймѣ Турецкихъ судовъ до разныхъ мѣстъ по Бѣломорью, Средиземному и Черному морямъ; 2-е о пошлинахъ со всѣми таможенными харчами въ Константинополѣ и во всѣхъ знатныхъ пристаняхъ по онымъ морямъ, гдѣ на Турецкихъ, а инде на Европейскихъ судахъ; 3-е о другихъ случайныхъ и чрезвычайныхъ харчахъ и о приключающихся опасностяхъ съ возможными посредствами какъ бы тѣхъ опасностей миновать льзя было. И всепокорнѣйше прошу Вашего Высокородія благоволительнаго увѣдомленія же. Ибо на тѣхъ извѣстіяхъ, которыя здѣсь Греки сказываютъ со всѣмъ увѣриться сомнительно.

При семъ же отправилъ я подъ призрѣніе Ваше чрезъ предписаннаго фабриканта Антонова, посланнаго со мною нарочно для того казеннаго ревеня по перевескѣ въ Сечѣ 7 пудъ шесть фунтовъ.... дабы учинить продажею въ Константинополѣ пробу, и познать до коликого квантитета онаго казенного товару съ пользою тамъ или въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ разойтиться можетъ, еже всепокорнѣйше поручаю въ пристойное попеченіе Вашего Высокородія. Опой ревень наилутчей и свѣжей. Цена ежели бы за пудъ сто двадцать рублевъ получить сходная. Однакожъ какъ собою цены нельзя установить, въ такомъ случае прикажите, что можно получить, по тому и продать, а денги благоволите у себя оставить.

Предписанному г. фабриканту Антонову поручено о нѣкоторыхъ Россійскихъ товаровъ о цѣнѣ навѣдаться особо и въ томъ о милостивомъ поможеніи всепокорнѣйше прошу“...

Приложена *копія съ экстракта изъ Инструкцій.*

По 6-му пункту: А будетъ казенная польза востребуетъ по комерческимъ примечаніямъ ускорить извѣстіемъ въ Константинополь Резидента Г. Обрескова или отъ него что истребовать, а равнымъ образомъ и въ Полшу къ пребывающему въ Варшавѣ Министру; о томъ писать Вамъ чрезъ тѣхъ же господъ Хорвата или Муравьева, либо чрезъ Кіевского Вице Губернатора.

По 8-му пункту: По прибытіи на Днепръ къ пристанѣ изъ посланного

съ вами казеннаго ревеня по усмотрѣнію способности на Днепрѣ Турецкимъ купцамъ половину продать, а другую на ихъ судахъ въ Константинополь, какъ пристойно будетъ, къ Резиденту Обрескову для продажи отправить; дабы симъ образомъ испытать: не будетъ-ли сходно въ казенную прибыль на предки ревень по Турецкимъ областямъ и въ принадлежащую по Днѣпру Польшу отпущать, а тѣмъ здѣлать и руководство Россійскому купечеству.

При реляціи № 33, отъ 1-го октября 1761 года (Тамъ-же). *Письмо* Ст. Совѣт. и Резидента Алексѣя *Обрѣзкова* къ Надв. Совѣт. и Комерцъ-Колегіи Члену Дмитрію *Лодыгину*, отъ 1-го Октября 1761-го года. Почтенное Вашего Высокоблагородія письмо, пущенное изъ Запорожской Сечи отъ 24-го послѣдняго Іюля, отъ прибывшаго сюда, минувшаго Августа 11-го числа Московской манифактуры содержателя Алексѣя Антонова получа исправно; изъ онаго съ несказаннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ принимаемые мѣры и прилагаемое стараніе къ учрежденію и распространенію порядошной и полезной комерціи подданныхъ Ея И. Вва, отъ западной стороны Днепра чрезъ Очаковъ съ Туркіею и Италіею: но сколко сіе крайнее и похвалы предостойное стараніе мнѣ удовольствія, то толикожъ искренняго сожалѣнія доставило, видя, что оное въ дѣйство производится въ такое время, что со здѣшней стороны не токмо никакого взаимнаго споспѣшествованія никакъ ожидать не можно, но и всѣ столкнувшіяся обстоятельства желаемому успѣху совершенно опорствуютъ, по нижеслѣдующимъ притчинамъ.

Склоненные мною на предь сего къ вступленію въ артелный торгъ съ нашими купцами извѣстные Магриній, Бартоломій и Борманъ, нынѣ въ то обязательство вступить не могутъ чрезъ уничтоженіе оной ихъ компаніи по застигшей смерти Бартоломія, пристарѣлымъ лѣтамъ Магринія и малоимуществу Бормана, который нынѣ простымъ комисаромъ служитъ и собою знатного торга производить отнюдь не въ состояніи и хотя еще здѣсь двое Галанскихъ купцовъ есть, но такожъ маломочные и содержатца исправленіемъ комисей.

Отъ стороны Венецкой Республики напредь сего разные здѣсь избыточные купцы бывали, но одинъ за другимъ всѣ въ конецъ раззорились и нынѣ ни единой купеческой канторы здѣсь не находитца.

Французской націи хотя много купеческихъ домовъ есть, но по причинѣ претерпѣнныхъ въ настоящую войну надмѣрныхъ потерь въ великомъ истощеніи находятца и ни единаго къ вступленію въ артелны торгъ съ нашими купцами способнаго не вижу.

Между Агличанами хотя и есть избыточные, но оные ни въ какіе посторонніе торги не вступаютъ, а доволствуютца своимъ; а хотя и другихъ Европейскихъ нацей здѣсь по нѣсколку человѣкъ торгуютъ, но всѣ также маломочны, и ни въ какое знатное предпріятіе вступить не въ состояніи.

А что касаетца до природныхъ подданныхъ Турецкихъ, какъ-то Турки, Греки, Жиды, Армяня, то первые, какъ уже всѣмъ извѣстно, что ниже началъ руководства порядочнаго купечества не знаютъ. Греки и Жиды, кромѣ что весма малоимущны, такожъ, какъ и Турки въ торгу не порядошны, но и весма криводушливы, такъ что за первое основаніе прибыточнаго купечества почитаютъ не устойку, нарушеніе договоровъ и отрицаніе отъ самой своеручной подписки. Между Армянами хотя многіе бы желаемой съ нашими купцами торгъ производить въ состояніи были, но оные по болшой части упражняютца въ торгу съ Персіею и другими восточными государствами алмазными вещами, банкеры и ремесленники.

А въ дополненіе симъ неудобствамъ должно присовокупить чинимое съ нѣкотораго времени здѣшнимъ началствомъ всякому купечеству крайнее притесненіе, такъ что ежели въ подробность разсмотрѣть претерпѣваемые купцами приценки и изнуренія, то кажется якобы умышленно всѣ способы употребляютца оное со всемъ истребить. Однимъ словомъ я ни мало не предвижу никакой надѣжды, чтобъ въ нынѣшнее время полагаемой на мѣрѣ отъ стороны Днепра торгъ, чаемой успѣхъ достигнуть могъ, или бы здѣсь достойныхъ товарищей къ нашимъ купцамъ въ артелный торгъ пріискать можно было.

Еликожъ касаетца до преклоненія здѣшнихъ подданныхъ въ Имперіи Ея И. В-ва торгъ производящихъ, ко оставленію пути чрезъ Полшу и предпріятію чрезъ Очаковъ до Орла или Кременчуга, то такожъ и въ семъ предуспѣть нечаятелно, ибо всѣ товары Греками въ Имперію Ея И. В-ва привозимые или по малой мѣрѣ наизнатнѣйшая часть изъ оныхъ, какъ то шелкъ, шерсть, хлопчатая бумага, пряжа оной и кумачь обыкновенно изъ Европейскихъ Греческихъ провинцей привозитца, откуды имъ на Полшу дорога прямая и менше убыточнее нежели чрезъ здѣшнюю столицу, въ коей отъ притѣсненей началниковъ разные излишніе издержки нести принуждены будутъ; въ провозѣ товаровъ обыкновеннымъ путемъ они ничего, кромѣ нѣкоторыхъ издержекъ, устрашатца не имѣютъ, а при перевозкѣ тѣхъ товаровъ отсюда Чернымъ моремъ, сколко експеріенція доказываетъ, по худой конструкціи мореплавныхъ судовъ и по неискуству правящихъ оными всегда неминуемой опасности подвергнуты бываютъ, а наипаче ѣздя въ Очаковъ, гдѣ нѣтъ ни единаго надежнаго порта, ни укрытія и куда токмо мелкіе суда ходятъ, да и тѣ въ весма невеликомъ числѣ. А что же нынѣшняго года оныхъ въ Запорожской Сечѣ предъ прежнимъ болѣе въ приходѣ было, то сіе должно приписывать Темерниковской компаніи, которой управители неистовымъ своимъ поведеніемъ здѣшнее купечество принудили Таганрогской портъ оставить, а изготовленной ими товаръ искать случай въ Запорожской Сечѣ съ рукъ сбыть; почему, такожъ и по застарѣлой привычкѣ не можно чаять, чтобъ здѣшнее купечество предпочло страшное мореплаваніе безопасному сухопутному проѣзду; а ежели сіе отмѣнитца, то развѣ со временемъ и исподволь, а не вдругъ, да и присовѣ-

тывать сіе имъ мнѣ непристойно, а того менше обнадеживать безопасностію въ проѣздѣ отъ Очакова до границъ нашихъ отъ Гайдамаковъ и другихъ въ степяхъ скопляющихся злодѣевъ, ибо въ случаѣ какого несчастія я бы виною почитаемъ быть могъ. За всѣми сими принятому препохвалному намѣренію опорствующими обстоятельствами, я однакожъ со всемъ не отсовѣтываю нашему купечеству сему торгу чрезъ употребленіе на то сначала весма умѣреннаго капитала опытъ сдѣлать, и сіе они учинить могутъ двоякимъ образомъ: 1-е нагружать товары ихъ на суда приходящіе съ произращеніями здѣшней земли къ Никитинской заставѣ, ежели Запорожскіе Казаки проѣздъ оныхъ мимо сечи ихъ терпѣть будутъ; 2-е содержать человѣка въ Очаковѣ и къ оному сухимъ и наближайшимъ путемъ посылать, а сей по нагрузкѣ въ Очаковѣ на суда сюда къ повѣренному ли ихъ или въ Комисію находящимся здѣсь нашимъ купцамъ Пирожникову или Игнатову отправлять будетъ, а оные Комисіонеры, получая съ продажи и съ покупки по 2% на сто, все по приказаніямъ ихъ наилутчимъ образомъ исправлять будутъ; и способъ сихъ Комисіонаровъ, по мнѣнію моему, для принципаловъ полезнѣе быть можетъ, а особливо сначала, нежели содержаніе дома, который превосходящихъ издержекъ требуетъ.

Отправлять они въ здѣшнее государство могутъ пушной товаръ каждаго званія, не изключая и гарнастаевъ, ибо ложно Вамъ донесено, что яко бы употребленіе оныхъ здѣсь запрещено, но предписано токмо отъ которой степени чиновные люди оные носить могутъ и кои нынѣ по непривозѣ противъ прежняго весма вышнею ценою продаютца, китайскіе всякаго цвѣта крашенины, пестряди, полотно, холстъ, хрящъ, парусину, канаты, веревки, служащіе къ мореплавнымъ судамъ; для пробы самоперечищеннаго льна, льняное семя, льняное масло, якори разной величины, железо самой лутчей доброты, однакожъ не простое Сибирское, которое очень мягко, но смѣшанное съ Великороссійскимъ, часть въ обыкновенныхъ прутахъ, а наибольшее число въ пластинахъ разной величины и толстоты; замки большіе и малые висячіе и внутренніе, медъ, воскъ, лошединые гривы и хвосты; а въ оборотъ отсюда получать могутъ, что имъ угодно.

А какія Турецкіе области произращенія имѣютъ и что иностранныя націи отсюда выводятъ, то для вѣдома ихъ можно имъ сообщить доставленное покойникомъ предмѣстникомъ моимъ Резидентомъ Неплюевымъ, а потомъ отъ меня повторенное въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ пространное объясненіе и, которое, какъ уповаю, оною Государственною Коллегію въ Комерцъ-Коллегію или въ новоучрежденную о Комерціи Комисію уже сообщено, и болѣе къ оному ни чего прибавить не нахожу.

Что жъ касается до издержекъ, то явные и узаконенные весма не велики, а имянно пошлина платитца по 3 со ста, да местеріи съ весящихъ вещей по $1^1/_2$, а съ прочихъ по 1 насто; комисіонарамъ съ продажи и по-

купки по 2, а маклерамъ по 1 на сто, а что принадлежитъ до неизвѣстныхъ, между которыми я разумѣю провозъ товаровъ, наемъ магазеінъ, нагрузки, выгрузки, переносы и прочіе мелочи, то яко всегда перемѣняющіися точно означить не могу, и купцы лутче сіе чрезъ искуство испытаютъ, нежели я чрезъ навѣдыванія оные опредѣлить могу.

Вотъ, все то, что я касателно намѣрѣ полагаемой комерціи отъ стороны рѣки Днѣпра В. Вблрдію предъявить, а когда оной хотя малое съ здѣшнею столицею начало здѣлаетца, то не премину надлѣжащія объясненія доставить, какимъ способомъ оную и до Италіанскихъ провинцей распространить, а между тѣмъ пріемлю волность присовокупить нѣкоторые мои слабоумные примѣчанія, кои В. Вблрдіе, когда заблагоразсудите, можете предьявить Превосходительному Вашему Началству.

1-е) Мнѣ кажетца, что ничто пристойнѣе быть не можетъ къ привлеченію общаго купечсства въ новонаселяемые заднепрскіе и по нынѣ никому не знаемые мѣста, какъ учрежденіе въ пристойное годовое время ежегодной ярманки, основавъ оную на добрыхъ и въ другихъ Государствахъ, а наипаче въ Лепсихѣ наблюдаемыхъ обрядахъ, оставляя съѣзжающимся въ избранія пути цѣлую свободность, которые сами напудобнѣйшими и менѣе убытошными пользоватца не оставятъ.

2-е) Ежели сей ярманки, по какимъ либо мнѣ неизвѣстнымъ опорствующимъ обстоятелствамъ учредить не можно, а намѣреніе чрезъ Очаковъ комерцію начать производить непремѣнно пребудетъ, въ такомъ случаѣ по малой мѣрѣ должно оное предпріять безъ всякаго шума, но исподволь, и съ скромностію, ибо всякая огласка, по нѣкоторымъ политическимъ разсужденіямъ и по невѣжеству въ тамошнихъ окрестностяхъ живущихъ народовъ, такожъ и по незнанію ихъ колико всякая комерція всему обществу пользы доставляетъ, ожидаемому успѣху не инаково какъ весма вредителною быть можетъ.

И 3-е, въ пребываніи въ Очаковѣ купеческаго человѣка, съ перваго начала безсумнѣнно нѣкоторое затрудненіе встрѣтитца, но способомъ рекомендаціи Кіевскаго Вице Губернатора къ Очаковксому Пашѣ, такожъ и когда къ тому изберетца человѣкъ добронравный и добропорядошный, и которому позволитца началствующихъ какими неболшими подарками почтять, то сіе затрудненіе всемѣрно отвращено быть можетъ.

Отпущеннаго отъ В. Вблгрдія съ вышепомянутымъ Манифактуры содержателемъ Антоновымъ казенного ревеню, по непродажѣ онаго по случившейся нынѣ весма нискоій цене по причинѣ множества онаго предъ тѣмъ изъ Персіи привезеннаго, я къ себѣ вѣсомъ 85 окъ и 200 драмъ привялъ, и коль скоро хотя неболшое цены возвышеніе (ибо нынѣ ниже по десяти левковъ за око не даютъ) увижу, то оный продать и въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ репортовать не премину. Между тѣмъ же на щетъ впредь полученной за оной ревень суммы, Я означенному Антонову, ссудилъ 500 левковъ (300 рублей), и его росписку отправилъ въ Государственную Коллегію Иностраныхъ Дѣлъ.

Предъ тремя мѣсяцами око ревеню продавалося здѣсь по 20 и болѣе левковъ, но нынѣ подешевелъ, какъ выше упомянулъ, по многому привозу изъ Персіи, а какъ слышу и въ Италіи такожъ весма дешевъ, повидимому изъ Санктпетербургскаго порта весма много выпущено, однакоже сколко кажетца сія надмѣрная дешевизнь чрезъ многое время непродолжитца; потому, когда пудъ по десяти или по пятнатцати ежегодно сюда присылатца будетъ, оный, уповаю безъ убытошно продастся.

При реляціи № 33 отъ 1 октября 1761 г. (Тамъ-же). *Вѣрющее письмо*: Московскіе первой гильдіи купцы, имѣющія общую контору для торгу компаніею въ разные Европейскіе Государства Ав. да Сем. Ив. Турчениновы, П. С. Рыбенской, В. А. Никановъ, И. И. Рыбинской, увѣдомились мы отъ г. Надв. Сов. Дм. Мих. Ладыгина, который посланъ по указу Прав. Сената отъ Коммисіи о Комерціи на Днепръ, для примѣчаніи начинающейся производитца туда изъ Константинополя и другихъ турецкихъ областей комерціи, что пребывающій при Отоманской портѣ Ея И. Вел. Резидентъ г. Ст. Сов. Обрезковъ въ реляціяхъ своихъ рекомендовалъ знатную компанію купеческую въ Константинополѣ Андрея Магрини, Іоганесъ Бартоломея и Борманъ, которые желаютъ съ Московскими купцами возымѣть торговое общее дѣло Россійскими и тамошними товарами, посылаемъ на основаніе той надѣжной отъ г. Резидента рекомендаціи товарища своего А. Варѳ. Антонова со означеннымъ г. Ладыгинымъ туда гдѣ турецкіе торговые суда будутъ для того, чтобъ оному нашему товарищу по поспѣшествованію того г. Ладыгина съѣхать водою до Константинополя и тамъ подъ протекціею г. Резидента Обрескова навѣдатца, сходно-ли намъ будетъ съ означенною отъ него рекомендованною компаніею или другими купцами начать и вступить въ торговое дѣло водянымъ изъ Днепра или сухимъ путемъ, и ежели помянаемой товарищъ нашъ усмотритъ къ общей нашей пользѣ позволенные товары въ поставку туда или оттуда и для фабрики нашей шелку на первый случай для пробы яко платежемъ Россійскими денгами купить вѣримъ отъ 10 и до 20000 рублевъ и векселя ево на тое сумму акцептовать и платить по уставу долженствуемъ со всякимъ отвѣтомъ, въ чемъ ево снимъ и аттестуемъ (Слѣдуютъ подписи). Москва 1 іюня 1761 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ 17-е.

Секретнѣйшая реляція резидента Обрѣзкова изъ деревни Буюкдере отъ 8 сент. 1757 г., за № 22. Въ М. Гл. Арх. М. И. Д., Сношенія съ Турціею (III Constantinople, 1763, связ. 3, и Дѣла Турецкія 1757, св. $^{6}/_{3}$, № 3).

„Во всенижайшихъ моихъ реляціяхъ № 8 отъ 8 апрѣля и № 12 отъ 8 мая 1757 года Вашему Имп. В-ву по объясненіи тѣхъ трудностей, которыя въ преклоненіи Порты на дозволеніе кораблеплаванія по Черному морю подданнымъ Вашего Имп. В-ва встрѣтиться имѣютъ, всеподданнѣйше

доносилъ, что къ приведенію сего дѣла къ высочайшему В-го Имп. В-ва удовольствію, елико возможности дозволятъ, со вседолжною рабскою ревностью стараться не премину; вслѣдствіе чего, и предусматривая, что сіе дѣло къ желаемому окончанію инаково приведено быть не можетъ, какъ чрезъ сильную поднору какой изъ приближающихся персоны Его Салт. В-ва особы, употребилъ разные способы оную себѣ доставить, да и съ нѣкоторымъ успѣхомъ, такъ что надежда оказываться начинаетъ вспомогателемъ имѣть Ябыджи—ефендія или салтанскаго секретаря, коему чрезъ казначея его осемъ дѣлѣ при обнадеживаніи достойнаго награжденія внушено и чрезъ онагожъ казначея въ отвѣтъ получено, что отъ сего не уклоняется, но токмо предварительно желаетъ знать цѣну трудовъ его"; и потребовалъ 100 мѣшковъ или 30000 рублей. Сумма эта показалась Обрѣскову велика, поэтому извѣщая о томъ, что султанскій секретарь пользуется особеннымъ довѣріемъ и вліяніемъ на султана проситъ: 1) извѣстить его, какую сумму ему разрѣшается израсходовать; „по моему предусматриванію, говоритъ онъ, и судя по примѣрамъ заключенныхъ коммерческихъ трактатовъ въ 1740 неапольскимъ, а въ прошломъ 1756 годахъ дацкимъ дворами, совершеніе сего дѣла конечно около ста тысячъ левковъ стоить будетъ; 2) дать инструкцію о кондиціяхъ на коихъ комерціи трактатъ заключенъ быть долженъ, ибо въ сей негоціаціи оный имѣетъ быть основаніемъ, а кораблеплаваніе слѣдствіемъ его; и 3) прислать для онаго полную мочь, не внося датума, дабы я будучи всѣмъ потребнымъ запасенъ, усмотря способный случай безъ остановки воспользоваться могъ, ибо сколько примѣчено, при здѣшнемъ дворѣ тайность и готовность есть наипристойнѣйшіе способы къ достиженію желаемаго. А какъ подобной матеріи у высочайшаго В-го Имп. В-ва двора съ Отаманскою Портою никогда трактовано не бывало, то для лутчаго усмотрѣнія, на какихъ кондиціяхъ у протчихъ европейскихъ державъ съ Портою коммерціи трактаты основаны, посылаю при семъ аглинского и голанскаго въ одной книжкѣ на турецкомъ языкѣ копіи, переводовъ которыхъ прошу повелѣть сюда копіи прислать". (На поляхъ отмѣтка Екатерины II: „переводы ко мнѣ прислать"). Кромѣ того Обрѣзковъ прислалъ копіи съ датскаго, шведскаго и неаполитанскаго договоровъ и пишетъ, что старается достать копію съ французскаго договора 1740 года „яко протчихъ выгоднѣйшаго и который толь лутчимъ основаніемъ служить имѣетъ". „Предкамъ моимъ резидентамъ Вешнякову и Неплюеву, да и самому мнѣ часто случалось въ доношеніяхъ упоминать о даваемыхъ Портою консулямъ и переводчикамъ подданныхъ турецкихъ баратахъ, или патентахъ, а не въ примѣту, были ли когда нибудь посланы копіи, чего ради нынѣ для вѣденія одной консульской, а другой переводческой аглинскому послу данные посылаю съ переводами, къ которымъ обыкновенно присовокупляются фермапы или повелительные указы равнагожъ содержанія, токмо съ пространнѣйшимъ объясненіемъ, съ коего копію прислать не премину".

Реляція оставлена петербурскимъ кабинетамъ безъ отвѣта.

ПРИЛОЖЕНІЕ 18-е.

Проектъ торговли Россіи съ Средиземнымъ моремъ.

(Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Архивъ Новый, Сношенія съ Турціею, III. Constantinople, 1763, св. 5. и Арх. Конст. посольства, св. 124).

Кн. А. Голицыну Обрѣзкову, 14 іюня: извѣщеніе, что три лица—содержатель желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ Твердышевъ съ братомъ и Мясниковъ намѣрены отправить изъ Темерниковскаго порта чрезъ Константинополь въ Средиземное море до 20000 пудовъ желѣза; предписывается оказывать протекцію ихъ прикащикамъ въ Турціи и снабдить ихъ рекомендательными письмами къ консуламъ въ другихъ мѣстахъ — при посредствѣ резидующихъ въ Константинополѣ иностранныхъ министровъ.

Краткой экстрактъ колл. ассессора Твердышова о произведеніи россійской коммерціи по Средиземному морю. „Начатое не весьма еще въ давнемъ времени произведеніе Россійской коммерціи отъ Темерниковскаго порта по Черному морю въ Константинополь, хотя и на Турецкихъ судахъ, однакожъ подаетъ не малую надежду къ большему оной туда и далѣе по Средиземному морю въ Италію и въ другія разныя государства распространенію". Отсюда Россія можетъ получить особенную пользу 1) вслѣдствіе удобства этого пути въ сравненіи съ путемъ чрезъ Петербургъ и Архангельскъ, именно относительно времени, необходимаго на доставку товаровъ въ Темерниковскій портъ и оттуда въ Средиземное море, причемъ товары до Константинополя или Смирны имѣютъ быть доставляемы на турецкихъ судахъ, и оттуда отправляться далѣе на судахъ европейскихъ; 2) многіе россійскіе продукты, покупаемые англичанами, голландцами и др. націями изъ Петербурга и отъ Архангельска отвозятся ими моремъ вокругъ всей Европы на берега Средиземнаго моря чрезъ весьма дальнее разстояніе, какъ-то: пенька россійская и малороссійская, парусныя полотна, пеньковые канаты, ленъ, икра, селитра, масло коноплянное и коровье, кожи юфтяныя, смола, медъ сырецъ, воскъ, сало скотское, мясо соленое говяжье и свиное, щетина, кожи заячьи, желѣзо, мука ржаная и пшеничная, горохъ, крупа просяная и пр. Отъ того торгу безъ сумнѣнія, тѣ европейскіе купцы немалую себѣ прибыль пріобрѣтаютъ. Но получаемую ими отъ россійскихъ продуктовъ изъ Средиземнаго моря прибыль подручнѣе, кажется, и ближе получать можно россійскимъ купцамъ отпусками въ Средиземное море чрезъ Черное море съ одной стороны отъ Темерниковскаго порта, а съ другой чрезъ устье Днѣпра. Ибо если на устьѣ Днѣпра портъ учредится то оной служить можетъ не только къ отпуску въ Средиземное море россійскихъ продуктовъ, но и польскихъ, если только россійскіе купцы, покупая оные у поляковъ на Днѣпру и внутри Польши, сами собой отправлять будутъ въ Средиземное море. Но предварительно необходимо

собрать свѣдѣнія о комерческихъ обращеніяхъ Средиземнаго моря, о тамошнихъ цѣнахъ и т. п. Для этого желающимъ завести такую комерцію необходимо отважась сперва чинить туда здѣшнимъ продуктамъ небольшіе отпуски на счастливую и несчастливую удачу, и такимъ образомъ получа свѣдѣніе объ обстоятельствахъ тамошней комерціи, по тому уже учинить распоряженіе и приступить къ большимъ отпускамъ (Примѣръ,—рискъ, съ которымъ въ 1743 г. былъ устроенъ мною первый мѣдный заводъ внутри Башкиріи близъ Киргизскихъ степей, причемъ предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ). Поэтому для опыта намѣренъ послать грузъ съ желѣзомъ изъ Оренбургскихъ заводовъ.“ Поданъ вице-канцлеру 12 іюня.

Письмо къ вице-канцлеру отъ Обрѣскова отъ 31 іюля. Хвалитъ предпріятіе братьевъ Твердышевыхъ и Мясникова. „Правда, не всѣ продукты имперіи нашей изъ здѣшняго порта далѣе отпускаемы быть могутъ, а особливо желѣзо, которое позволяется отсюда вывозить однимъ только алжирскимъ барбарескамъ, а для прочихъ всѣхъ запрещено; подобному-же запрещенію сколько *) мнѣ кажется подвержены быть могутъ мѣдь и всякой лѣсъ служащій къ кораблестроенію, но со всѣмъ симъ о свободномъ онаго желѣза отсюда пропускѣ вовсе отчаяваться не должно, потому что въ привозъ сюда нынѣ имъ Твердышевымъ отправляемаго постараюсь обдержать отъ Порты позволеніе, а коли на сей разъ въ томъ не предуспѣю, то ежели купцы желающіе оной торгъ производить приведутъ меня въ состояніе вспомогателямъ приличное признаніе сдѣлать, то надѣюся со временемъ въ желаемомъ предуспѣть“. ..

ПРИЛОЖЕНІЕ 19-е.

№ 1. *Реляція* (въ извлеченіи) полномочнаго министра *графа Воронцова* изъ Лондона отъ $^{9}/_{20}$ іюля 1762 г. (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Архивъ Новый, Спошенія съ Турціею, 1762. III. Constantinople, связ. 1).

„Въ проѣздъ пословъ венеціанскихъ Квирина и Морозина чрезъ Гагу, послѣдній внушилъ по приказу республики его тайному совѣтнику Гроссу охотное желаніе ихъ возстановить не токмо корреспонденцію со дворомъ В-го И. В-ва, но и заключить трактатъ комерціи, такъ какъ о

*) Ремаркъ съ боку, кажется рукою Панина: „Сіе по видимому разумѣется о желѣзѣ состоящемъ въ амуниціи и другихъ воинскихъ снарядахъ, а въ прочемъ турки ни малой причины неимѣютъ провозу желѣза въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ чрезъ Черное и Бѣлое море въ другія европейскія области препятствовать; независимо отъ сего извѣстно здѣсь, что и турки имѣютъ въ желѣзѣ въ областяхъ своихъ недостатокъ, которой вознаграждается привозомъ изъ Штиріи чрезъ Тріестъ и Фіумъ, и слѣд. россійское желѣзо предпочтительно предъ штирійскимъ съ прибытіемъ здѣшнихъ заводчиковъ въ самой Турціи расходъ имѣть можетъ, хотябъ и дѣйствительно упомянутое запрещеніе отъ Порты состоялось.

томъ и сношеніе онъ Морозини имѣлъ съ посланникомъ Гросомъ въ бытность его при французскомъ дворѣ". Тогда не удалось привести это дѣло къ счастливому окончанію. Теперь, съ пріѣзда моего въ Лондонъ венеціанскій посолъ Морозини объявилъ желаніе имѣть со мною особливые разговоры, и третьяго дня объявилъ мнѣ, что имѣетъ повелѣніе отъ республики своей сдѣлать предложеніе россійскому министру въ Лондонѣ о желаніи оной возстановить корреспонденцію между Россіей и Венеціей, прося меня, чтобъ я о томъ В-му И. В-ву донесъ, на что я охотно оказался поступить, напомнивъ впрочемъ, что въ царствованіе императрицы Елизаветы, Венеція дѣлала подобное-же заявленіе Бестужеву-Рюмину въ Вѣнѣ, получила отъ него благопріятный отвѣтъ, а потомъ оставила это дѣло безъ дальнѣйшаго движенія; что впрочемъ если республика желаетъ возстановленія корреспонденціи и комерціи съ Россіею, то ей удобнѣй всего акредитовать для этого посла въ Петербургѣ, хотя можетъ быть увѣрена въ моемъ содѣйствіи этому. Морозини оправдывалъ медлительность республики, говорилъ, сколь нужно для нея возстановленіе дружбы и коммерціи съ Россіею, и что усматриваетъ заранѣе о усердности республики учинить сію обсылку, „особливо ежели здѣсь положены будутъ какія премилинары о комерціи трактатѣ, и притомъ пропускъ товаровъ какъ отъ насъ вывозимыхъ въ Венецію, такъ отъ нихъ къ намъ Чернымъ моремъ." На это гр. Воронцовъ отвѣчалъ, что по его мнѣнію отвѣтъ русскаго правительства будетъ конечно согласенъ съ желаніями республики, о мореплаваніи же Чернаго моря требовалъ отъ него дальнѣйшаго объясненія. «Посолъ тогда въ подробности входя говорилъ слѣдующее: уже нѣсколько времени какъ разсмотрѣно было у насъ о взаимной пользѣ изъ комерціи съ Россіею; дальность пути чрезъ Средиземное море, океанъ и, наконецъ, Балтическое море большую часть прибыли сей торговли отнимало, умалчивая, что война безпрестанная, которую Венеція имѣетъ съ алжирцами причиною, что малобъ охотниковъ нашлось суда съ товарами въ Петербургъ отпущать, въ опасности взятія ихъ сими народами; что-же касается Чернаго моря, то сей путь будучи для нихъ гораздо ближе и никакимъ опасностямъ не подверженъ, онибъ желали симъ образомъ торговлю съ нами учредить, привозя товары свои въ Константинополь и отдавъ оныя нагружатись на турецкихъ судахъ, буде на другихъ не можно, до перваго Россійскаго порта; подобнымъ-же образомъ и товары отъ насъ отвозимы бъ были; остается только теперь знать, не будетъ ли въ томъ какого затрудненія отъ Отоманской Порты, а особливо не противноль нашимъ съ нею трактатамъ. Посолъ Морозини не скрылъ притомъ, что ежелибъ какія о томъ изъясненія потребно было сдѣлать при Отоманской Портѣ и не охотно бы съ ихъ стороны на то поступили, просилъ онъ меня притомъ о сохраненіи сего въ крайнемъ секретѣ какъ отъ здѣшнихъ, такъ и отъ чужестранныхъ министровъ». Воронцовъ обѣщалъ донести обо всемъ въ Петербургъ и заканчиваетъ реляцію слѣдующими замѣчаніями: «Ежели

учрежденіе сей новой коммерціи на предложенномъ основаніи трудностей большихъ имѣть не будетъ, то весьма полезнымъ сдѣлаться можетъ какъ подданнымъ В-го В-ва, а еще болѣе венеціанцамъ, которые тогда дѣйствительно всѣмъ товарамъ изъ Италіи привозимыми къ намъ будутъ, равно какъ и нашимъ тамо; тѣмъ уменьшится нѣкоторая часть торговли голанцовъ и англичановъ, слѣд. не безъ основанія судить можно, что ежелибъ о такомъ намѣреніи сіи два народа свѣдомы были, то по возможности совершенію онаго препятствовать бы стали.»

№ 2. *Рескриптъ за № 19 отъ 4 сент. 1762 г. къ резиденту Обрѣскову.* (Тамъ-же).

Обрѣскову сообщается копія съ реляціи гр. Воронцова и дѣлается запросъ: „что надлежитъ до установленія отсюда коммерціи Чернымъ моремъ съ Венеціею можноль оную производить чрезъ Босфоръ безпрепятственно на судахъ венеціанскихъ, такожъ на какомъ прочномъ основаніи оная бъ учреждена и въ какихъ главнѣйшихъ продуктахъ и товарахъ взаимно отправляемыхъ производима быть имѣла, о томъ ожидаемъ мы мнѣнія вашего, а намъ разсуждается, что когда торговля на Черномъ морѣ многимъ дружескимъ съ Портою народомъ, а между прочими французамъ и англичанамъ трактатами дозволена, то Портѣ и венеціанамъ, а тѣмъ паче здѣшнимъ подданнымъ оную воспретить не слѣдуетъ по содержанію послѣдняго между здѣшнею державою и Портою оттоманскою трактата, которымъ въ 9. артикулѣ точно изображено, чтобъ здѣшнее купечество содержано было по примѣру пандружественнѣйшихъ державъ съ Портою; слѣдовательно имѣетъ оно право ко всѣмъ тѣмъ преимуществамъ и привилегіямъ, какими токмо пользуются другіе дружескіе съ Портою народы въ турецкихъ владѣніяхъ. Посему мы не предвидимъ въ самомъ существѣ сего дѣла отъ Порты великихъ затрудненій, но развѣ похощетъ она, чтобъ такая комерція съ венеціанами производилась на турецкихъ судахъ, а мы бы желали, чтобъ къ тому были употребляемы венеціанскія, понеже турецкія суда какъ собою худо устроены и къ плаванію не столько способны, но и опасны, а рейзы ихъ въ мореходствѣ неискусны, отчего нужная въ отправленіи товаровъ ассикурація неминуемо ко вреду торгующихъ купцовъ далеко возрасти можетъ и вообще въ той коммерціи послѣдуетъ предосужденіе. Впрочемъ памятно намъ, что и напредь сего, въ бытность тамо предмѣстника вашего, резидента Неплюева учинены ему были отъ венеціанскихъ купцовъ предложенія о учрежденіи такой торговли, и если тѣ купцы понынѣ находятся въ вашемъ мѣстѣ, то можете вы отобрать у нихъ потребное къ свѣдѣнію здѣшнему и о томъ сюда донесть; но въ семъ поступкѣ вамъ надлежитъ поступать съ крайнею осторожностью, дабы преждевременнымъ о томъ разглашеніемъ между другими націями не послѣдовало какого-либо препятствія въ семъ дѣлѣ. Данъ въ С.-Петрбгѣ сент. 4 дня 1762 г. По Ея И. В-ва указу: Гр. Мих. Воронцовъ, Кн. Александръ Голицынъ.

№ 3. *Реляція № 14 резидента Обрѣскова* изъ Буюкдере отъ 25 октяб. 1762 года (Тамъ-же).

„Учиненные отзывы и внушенія венецкимъ посломъ Морозиніемъ находящемуся при лондонскомъ дворѣ В-го И. В-ва полномочному министру гр. Воронцову о постановленіи между имперіею В-го И. В-ва и венецкою республикою трактата о комерціи производимой чрезъ Босфоръ и Черное море, какъ то въ высоч. В-го И. В-ва рескриптѣ № 19 отъ 4 сент. изъяснено, похвалы предостойно; но сожалѣтельно, что встрѣчающіяся затрудненія не подаютъ ни малой надежды оное предпріятіе къ совершенному окончанію и къ пользѣ обѣихъ сторонъ приведеннымъ видѣть; наиглавнѣйшее-же препятствіе происходитъ отъ надмѣрнаго предубѣжденія Порты противъ всякаго иностраннаго кораблеплаванія по Черному морю и отъ котораго излѣчить никакія сокровища достаточны быть не могутъ, какъ то имѣлъ честь обстоятельно доносить во всеподд. моей реляціи № 8 отъ 8 апр. 1757 г., почему ниже мыслить можно, чтобъ венецкіе корабли на Черномъ морѣ видимы быть могли; слѣдственно оная комерція производима быть имѣетъ не инако, какъ на турецкихъ судахъ съ извѣстными неудобствами и страхомъ; причемъ и того опасаться должно, что когда бы оной трактатъ дѣйствительно заключился, и Порта о томъ свѣдомою сдѣлалась по извѣстному ея другому равномужъ предубѣжденію противъ приумноженія обывателей въ провинціяхъ имперіи Вашего Имп. В-ва съ землями ея Порты граничащихъ, что полезная комерція неминуемо произвести имѣетъ, не вознамѣрилась мѣшать, чему пособить никакъ не можно, будучи лоцманъ и весь экипажъ ея подданные, то все дѣлать можетъ для совершеннаго подрыву онаго купечества по ея произволу, что было бы весьма предосудительно подданнымъ вашего И. В-ва нынѣ оной торгъ производящимъ; почему мнѣ скудоумно кажется, сходнѣе съ высочайшими вашего Имп. В-ва интересами быть можетъ, постановленіе онаго комерціи трактата отложить до времени, когда Всевышній подастъ случай о кораблеплаваніи по Черному морю полезнѣйшія для имперіи вашей кондиціи постановить, а между тѣмъ довольствоваться соглашеніемъ или условленіемъ, что обоюдные подданные въ исправленіи торгу ихъ имѣютъ взаимно трактованы быть ровно такъ, какъ подданные другихъ дружественныхъ державъ, и притомъ коли высочайше угодно будетъ, предложить свободность желающимъ венеціанскимъ купцамъ имѣть въ сей сторонѣ имперіи вашей купеческія конторы на равномъ основаніи имѣющихся въ портахъ Балтическаго моря, или еще для лучшаго приласканія и съ какими ни будь предъ опыми выгодами; такожъ могло бы быть и другое средство произведенію онаго торгу между двумя государствами, а именно учрежденіемъ здѣсь общей конторы, и имѣть между обоюдными подданными способомъ оной артельный торгъ, но какъ купечество наше сколько мнѣ примѣтно, по многимъ окрестностямъ къ такому артельному торгу съ иностранными весьма мало способно, да и венецкое купечество, какъ генеральное эхо носится, весьма хитро, а того болѣе криводушливо, то не можно чаять отъ

сего средства желаемаго успѣху. Въ министерство предмѣстника моего гдна Неплюева былъ представленъ объ оной комерціи планъ отъ нѣкотораго Сарачино съ Антоніемъ Дурацомъ и Апостоломъ Ставромъ, изъ коихъ первой имѣлъ быть въ Венеціи для склоненія купцовъ въ товарищество ихъ, второй—править здѣсь учрежденною конторою, а третій—быть въ Черкаскѣ комиссіонаромъ, но застигшая смерть помянутаго Сарачино, который былъ всему предпріятію начальнымъ подвигомъ, все то пресѣкла, а въ скорости потомъ и Дураco ему послѣдовалъ, Ставро-же промотался до банкрутства.

Между товарами могущими быть привозимыми венецкими купцами наиглавнѣйшими суть всякаго званія италіанскія шелковыя матеріи, корфіоцкое деревянное масло, сухіе овощи всякаго званія закупаемые въ Архипелагѣ, леванскія вина, а итальянскія морской перевозки не вытерпливаютъ, хлопчатую бумагу въ Смирнѣ и въ Салоникѣ закупаемую; а изъ имперіи вашего Имп. В-ва наиглавнѣйше отпускаемо быть можетъ мягкая рухлядь, ревень, паюсная и соленая икра, воскъ, кожи выдѣлапныя и сырыя, юфть, лучшее желѣзо, мѣдь, а можетъ быть въ произвожденіи купечества какія и другія произрощенія годными признаются".

О донесеніи Обрѣскова дано было знать въ Лондонъ рескриптомъ подъ № 6 отъ 31 января 1763 года.

№ 4. *Рескриптъ № 33 отъ 19 декабря 1762 г. къ резиденту Обрѣскову* въ Константинополь (Тамъ-же, 1762, III. Constantinople, св. 1).

„Изъ реляціи вашей подъ № 14 отъ 25 октября сего года усмотрѣли мы, что постановленіе между нами и венеціанскою республикою трактата о комерціи, производимой чрезъ Босфоръ и Черное море признаваете вы за удобнѣе отложить до времени, когда случай будетъ о кораблеплаваніи по Черному морю полезнѣйшія для имперіи нашей кондиціи постановить, разсуждая, что нынѣ по надмѣрному предубѣжденію Порты противъ всякаго иностраннаго кораблеплаванія по оному морю ни малой надежды нѣтъ сіе дѣло къ совершенному окончанію привесть. Но мы, разсуждая напротивъ того, что безотлагательное постановленіе сего между нами и республикою венеціанскою трактата о комерціи не инако бы, какъ весьма полезно для обоихъ сторонъ быть могло, хотябъ оная и не на собственныхъ венеціанскихъ, но только на турецкихъ судахъ по Черному морю производима была, повелѣваемъ Вамъ донесть намъ: видите ли вы возможность сондировать Порту объ ономъ трактатѣ коммерціи нашей съ венеціанами, дабы торгъ производился посредствомъ турецкихъ кораблей? и ежели по усмотрѣнію вашему тамо на мѣстѣ возможно, и Портѣ, какъ мы уповаемъ, не противно будетъ, то можете вы о семъ нашемъ намѣреніи, къ ползѣ самыхъ турецкихъ подданныхъ клонящемся, ей Портѣ, прямо или стороною, какъ лутче и удобнѣе разсудите, дружеское сообщеніе учинить; и какимъ образомъ оное принято будетъ, намъ такожъ донесть.

„Впрочемъ, есть-ли тамо, паче всякаго здраваго разсужденія, за прин-

ципію взято другихъ кораблей, кромѣ турецкихъ на Черное море не допускать, то однакожъ постановляемой вновь собственно между нами и Портою о коммерціи трактатъ самой бы Портѣ еще пріятнѣе быть могъ: понеже оной подтвердилъ бы дружбу и доброе согласіе между обоими державами, а вы достаточное наставленіе имѣете въ отправленномъ къ вамъ еще въ 1757-мъ году подъ № 6 рескриптѣ о преклоненіи Порты, подъ образомъ возстановленія и приведенія въ лутчей порядокъ взаимной между обоими государствами коммерціи, на позволеніе мореплаванія нашимъ поддаппымъ торговыми судами въ Черномъ морѣ по примѣру прочихъ сосѣднихъ ея и отдаленныхъ европейскихъ державъ, имѣющихъ въ Средиземномъ и Бѣломъ морѣ безпрепятственное мореплаваніе. Мы оной рескриптъ симъ во всѣхъ артикулахъ подтверждая повелѣваемъ вамъ точное потому исполненіе учинить, намъ теперь донося, что вы по тому до нынѣ сдѣлали, и возимѣлиль какой успѣхъ въ стараніяхъ своихъ, которыя вы отвѣтствуя на помянутой рескриптъ въ реляціи отъ 8 апрѣля тогожъ года употреблять обѣщали. Но послѣ того уже ничего къ нашему сожалѣнію и удивленію о семъ дѣлѣ не доносили. А для достиженія въ ономъ нашего намѣренія поручаемъ вамъ и нынѣ прилежныя старанія имѣть неотложно по усмотрѣнію къ тому способности, не щадя на то ни вашихъ трудовъ, ни нашихъ иждивеній, которые мы охотно положимъ, если чрезъ заключенной коммерціи съ Портою отоманскою трактатъ наши подданные постановленіемъ онаго получатъ позволеніе своими торговыми кораблями коммерцію по Черному морю отправлять. Не сумнѣваяся впрочемъ, какъ то мы уже нашимъ вышереченнымъ рескриптомъ означили, что при настоящей системѣ въ правленіи турецкаго двора и при случающихся часто въ тамошнемъ министерствѣ перемѣнахъ не сыщется такой трудности, которую бы нельзя было преодолѣть прилежнымъ стараніемъ и руководствомъ искуснаго министра, а особливо такого, которой въ рукахъ способы имѣть можетъ, извѣстное лакомство и сребролюбіе турецкихъ министровъ, чрезъ что возможно все въ Турціи сдѣлать, удовольствовать. Данъ въ Москвѣ, декабря 19 дня 1762 года.

„По имянному Ея И. В—ва указу: Гр. Михайла Воронцовъ. Князь Александръ Голицынъ“

№ 5. *Реляція № 6 Обрѣскова* изъ Константинополя отъ 15 февраля 1763 г., (Тамъ-же, Сношенія съ Турціею, III. Constantinople. 1763, связ. 3).

Высочайшимъ рескриптомъ № 33 отъ 19 декабря минувшаго 1762 года, В. И. В—во всемилостивѣйше подтверждая исполненіе повелѣній предписанныхъ въ рескриптѣ № 6 прошлаго и 1757 года объ одержаніи отъ Порты позволенія о кораблеплаваніи по Черному морю подданнымъ Вашимъ на собственныхъ ихъ судахъ, соизволите оказывать монаршеское Ваше неудовольствіе въ томъ, что по поданнымъ увѣреніямъ во всеподданѣйшей реляціи № 8 тогожъ 1757 года о прилежномъ моемъ раченіи сіе дѣло къ удовольствію высочайшаго Вашаго двора привести, и понынѣ объ ономъ болѣе ничего не доношу. Но всемилостивѣйшая Государыня: я по все-

подданнѣйшей моей рабской должности и къ службѣ ревности, сходно даннымъ увѣреніямъ въ помянутой всеподданнѣйшей реляціи № 8, старанія мои употребить не оставилъ, да и предуспѣлъ было пріискать одну достойную особу обязующуюся сіе дѣло къ щастливому окончанію привести; но какъ имѣла употреблена быть знатная денежная сумма, то я непосмѣя въ далнѣйшія обязателства вступить, всеподданнѣйшею реляціею № 22 отъ 8 сентября того-же 1757 года просилъ Высочайшаго на то наставленія, и по предъявлѣннымъ въ оной резонамъ требовалъ запасной присылки полной мочи и инструкціи, сообщая притомъ для лучшаго ведѣнія на какихъ кондиціяхъ отъ другихъ европейскихъ державъ въ Турціи комерція производится, разные трактаты, но на все то никакого отвѣту неполучилъ, еже подало мнѣ притчину полагать, что желаніе высочайшаго Вашего Имп. В—ва двора по сему дѣлу вовсѣ отмѣнилось, или по малой мѣрѣ по великой тогда оккупаціи въ принятомъ участіи въ германской войнѣ до другаго способнѣйшаго времяни отложено, и потому во ожиданіи новыхъ повелѣній, такожъ и по случившейся вскорости потомъ кончинѣ салтану Осману, а чрезъ то и паденію вспомогать обѣщевающейся особы, лишася всякой надѣжды въ желаемомъ предуспѣть, въ молчаніи остался, ибо когда было трудно сіе намѣреніе высочайшаго Вашего двора къ желаемому окончанію привести по предъявленнымъ резонамъ въ помянутой всеподданнѣйшей реляціи № 8-й и другой № 12-й того 1757 года во время непостояннаго правленія салтана Османа, въ которое верховные визири почти по третямъ года перемѣнялись и разные люди въ руководство дѣлъ имперіи мѣшались, по возшествіи настоящаго салтана на престолъ, благоразумномъ его пресеченіи (запрещеніи) вмѣшиваться въ дѣла до нихъ не касающіяся препоруча правленіе имперіи въ полную власть верховнаго визиря, и содержа его въ семъ высокомъ достоинствѣ непремѣнно, совсѣмъ невозможнымъ почитать должно, толь-же наипаче, что отъ стороны В. Имп. В—ва двора при требованіи позволенія на оное кораблеплаваніе подданнымъ Вашимъ на собственныхъ судахъ, нѣтъ ничего толь авантажнаго прямо для Порты представить, чтобъ она мнимою нынѣшнею безопасностью чрезъ запрещеніе онаго кораблеплаванія, и торжественнымъ трактатомъ утвержденною жертвовать склонность возимѣть могла, потому что все то, что изъ имперіи Вашей привозимо быть можетъ, какъ то напримѣръ: хлѣбъ, желѣзо, мѣдь и лѣсъ на корабельное строеніе, то всѣмъ онымъ области ея по сторонамъ Чернаго и Бѣлаго морей лежащія изобилствуютъ, такъ что ежели бы наблюдаемъ былъ доброй порядокъ, то все съ великою дешевизною имѣть можно было; а что такая комерція имѣетъ служить къ великой пользѣ взаимныхъ подданныхъ, то Порта сіе всемѣрно ни въ какую консидерацію не пріемлетъ, да и быть тому не можно по первому началу правленія, которое есть военное, довольствуется настоящимъ и готовымъ сколько можно, мало заботясь о будущемъ, что презобильные, во всемъ опустошенные и разоренные провинціи ея осязательно доказываютъ; а чтобъ употребленіемъ пждивенія сіе дѣло къ

желаемому окончанію привести, то такожъ всемилостивѣйшая государыня во время настоящаго верховнаго везиря, по видимой его ревности и надмѣрной осторожности отъ навлеченія на себя какого нарѣканія, и которому по высшей, полной его власти никакія сокровища не въ диковинку, всемѣрно ожидать неможно.

Что-же принадлежитъ до высочайше повелѣннаго сондированія мнѣнія Порты о принимаемомъ намѣреніи Вашимъ Имп. В—вомъ съ Венеціанскою республикою постановить трактатъ комерціи производимой чрезъ Босфоръ и Черное море на судахъ подданнымъ ея Порты принадлежащихъ, то я съ рабскимъ благоговѣніемъ пріемлю вольность Вашему И. В—ву всеподданнѣйше донести, что по скудоумному моему разсужденію я не вижу быть изъ такого сондированія никакой пользѣ, но паче опасаюсь, чтобъ не прибавить предубѣжденія о пріумноженіи къ странамъ Азовскаго моря въ имперіи Вашей жителей, и чрезъ положеніе имперіи Вашей и республики Венецкой съ нею, Портою граничущихъ, не возбудить какого ея неожидаемаго подозрѣнія и жалузіи, что легко статься можетъ, а особливо ежели надъчаяніе припомнить, что во время блаженной и вѣчной славы предостойной памяти государя императора Петра Великаго прежде Карловицкаго трактату между высочайшимъ Вашимъ дворомъ и помянутою Венецкою республикою было противъ ея Порты весьма тѣсное сношеніе, въ которомъ случаѣ изъ восчувствованія можетъ не токмо способъ судовъ подданныхъ ея къ произведенію оной комерціи отказать, но иногда и по дѣлу крѣпости св. Димитрія нынѣшнія полезныя намѣренія отмѣнить, чего ради всеподданнѣйше Ваше Им. В—во прошу оное Ваше высочайше намѣреніе въ тайности поодержать, по малой мѣрѣ до окончанія дѣла помянутой крѣпости св. Димитрія".

На реляціи рукою императрицы написано: „Отложить до рѣшенія дѣла крѣпости св. Димитрія, а между тѣмъ коллегія имѣетъ изготовить все то что къ сему дѣлу служить можетъ, дабы въ удобный случай не мы причиной были, если оное дѣло не будетъ имѣть успѣхъ".

Отъ словъ: „Что-же принадлежитъ" и т. д. до конца очерчено и сдѣлана отмѣтка: „Очерченное сообщено въ Лондонъ къ гр. Воронцову при цидулѣ отъ 5 мая".

Къ этой реляціи Панинъ составилъ ремарку (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Д., Сношен. съ Турціею, 1762—1800, II. Ministère, связ. 1) въ которой изложенъ ходъ переговоровъ о свободѣ судоходства отъ 1757 года до 1763-го. Мы привели ее выше въ текстѣ.

№ 6. На реляціи Обрѣскова за № 14 отъ 1 апрѣля 1763 г. о согласіи хана и Порты на содержаніе русскаго консула въ Крыму и о благополучномъ ходѣ дѣла о крѣпости св. Димитрія, Екатерина надписала: „Наставить Обрѣскова дабы онъ при удобномъ случаѣ не упустилъ домогаться о дозволеніи на Черномъ морѣ купеческихъ судовъ имѣть, и не пожалѣлъ бы ни труда, ни денегъ на подарки". (Надо замѣтить, что отношенія къ Портѣ были въ это время очень хороши).

Однако дальнѣйшаго движенія дѣлу въ 1763 году дано не было, такъ какъ вслѣдствіе случившейся вскорѣ затѣмъ смерти короля польскаго Августа, все вниманіе было обращено пока на дѣла польскія. Притомъ въ это время Обрѣсковъ заболѣлъ. (Сношенія съ Турціею, 1763, III. Constantinople, связ. 3).

ПРИЛОЖЕНІЕ 20-е

Изъ документовъ Моск. Гл. Арх. М. Ин. Д., Сношенія съ Турціею, 1764. III Constantinople, связ. 6 и 8.

№ 1. *Рескриптъ № 21 отъ 8 мая 1764:* „При нынѣшнемъ нашего генералъ-порутчика Мельгунова въ Новую Сербію главнымъ командиромъ опредѣленіи поручили мы ему прилежно стараться о распространіи тамо комерціи и приведеніи ея въ цвѣтущее состояніе къ пользѣ нашихъ подданныхъ; а какъ оная по большей части сопряжена быть должна съ областьми Порты Оттоманской, и для свѣдѣнія о всѣхъ нужныхъ къ ея распространенію обстоятельствахъ, паче-же для изысканія и усмотрѣнія удобныхъ къ произвожденію оной способовъ, отправлены будутъ отъ него въ Константинополь и другія тамошнія мѣста изъ Новой Сербіи знающіе изъ купцовъ или и изъ другихъ какихъ чиновъ люди съ особливыми къ вамъ рекомендаціями, то повелѣваемъ вамъ, когда такіе люди являться у васъ будутъ и о чемъ просить, или требовать наставленія вашего станутъ, совѣтами и протекціею при Портѣ показывать имъ всякую помощь, и дабы они какъ въ Константинополѣ, такъ и въ другихъ Портѣ оттоманской принадлежащихъ мѣстахъ ничѣмъ обезпокоиваемы не были».

№ 2. *Рескриптъ № 28 отъ 8 іюля 1764 г.* „Рескриптомъ № 21 отъ 8 минувшаго мая повелѣно вамъ оказывать помощь и протекцію при Портѣ отправляемымъ въ Константинополь и другія тамошнія мѣста съ рекомендаціями Мельгунова купецкимъ людямъ; чрезъ сіе увѣдомляемъ васъ, что оные люди будутъ отправлены отъ Мельгунова не только для изысканія удобныхъ къ произвожденію комерціи способовъ, но и для учрежденія въ турецкихъ городахъ купеческихъ конторъ, а именно въ Царьградъ, въ Килію, въ Бѣлгородъ, въ Очаковъ, въ Бендеры и Яссы; а дабы при такомъ для имперіи нашей полезномъ предпріятіи не встрѣтить отъ Порты какихъ либо затрудненій, особливо-же въ учрежденіи купецкихъ конторъ въ означенныхъ мѣстахъ, то всемилост. повелѣваемъ вамъ ревностное старапіе имѣть о изходатайствованіи отъ Порты на то позволенія, съ точнымъ предписаніемъ турецкимъ тамо командирамъ, чтобъ не только сему учрежденію конторъ препятствія и посылаемымъ туда подданнымъ нашимъ притѣсненія чинено не было, но паче оказывалась бы имъ всякая помощь и защищеніе какъ дружественному съ Портою народу. Вы можете притомъ министерству Порты внушать, что сіе пред-

принимается для лучшаго распространенія здѣшней съ Портою комерціи къ пользѣ обоюдныхъ подданныхъ, какъ то и по заключенному съ Портою послѣднему трактату именно позволено, слѣд. и для вящаго распространенія счастливо пребывающей между обоими дворами доброй дружбы; но чтобъ въ ожиданіи сей резолюціи не оставалось намѣреніе наше безъ всякаго дѣйствія, но лучшее и скорѣйшее въ распространеніи комерціи исполненіе возпмѣлобъ, то между тѣмъ надлежитъ вамъ знатныхъ и капитальныхъ купцовъ турецкихъ подданныхъ приласкавъ, склонять совѣтами вашими къ привозу тамошнихъ товаровъ въ Килію или Очаковъ, на ихъ собственныхъ судахъ, куда и наши подданные купцы пріѣзжая съ своими товарами, могутъ оные мѣнять на турецкіе или-же и покупать тѣ турецкіе товары на наличныя деньги, отъ чего очевидная для обѣихъ имперій подданныхъ послѣдуетъ польза, а если турецкіе подданные купцы похотятъ изъ Очакова и далѣе до пограничнаго мѣстечка Орла товары свои привозить и тамъ оныя нашимъ подданнымъ продавать, то оныя тамъ скорѣе еще и съ лучшею прибылью проданы быть могутъ". Далѣе Обрѣскову предписывается производить къ Мельгунову „частую и откровенную переписку, дабы поправленіе порученной ему новороссійской губерніи до той степени, въ которую она по натуральному своему положенію легко приведена быть можетъ, содѣйствованіемъ вашимъ вяще поспѣшествуемо было.... Не вступая здѣсь въ подробныя о намѣреніяхъ нашихъ изъясненія, потому что Мельгуновъ имѣетъ повелѣніе дать вамъ точную идею о всѣхъ предпріятіяхъ, объ основаніяхъ политическихъ въ губерніи его распорядковъ, кои отъ прочихъ весьма отмѣнны, а для новыхъ поселянъ выгодны, и о способахъ, кои тамъ будутъ приняты къ заведенію полнаго торга," предписывается при всякомъ случаѣ помогать ему дѣломъ и совѣтомъ.

№ 3. *Реляція Обрѣскова* № 43 отъ 4 октяб. 1764 (Сношенія съ Турціею Constantinople, 1764, связ. 8)

На запросъ Мельгуновымъ мнѣнія о способахъ наиспособнѣйшимъ образомъ распространить торгъ съ Турціею, отправлено полное изъясненіе съ примѣчаніями, чего при начатіи оного торгу распространенія престерегать и опасаться должно (прилагается копія), а дабы онъ свѣдомъ былъ, что отъ купцовъ въ Константинополѣ живущихъ онаго торгу взаимно соотвѣтствующаго весьма мало быть можетъ, сообщилъ ему копію съ письма моего къ надворн. совѣтнику и комерцъ-коллегіи члену Лодыгину, посланному въ 1761 г. на Днѣпръ для осмотрѣнія на оной рѣкѣ для произвожденія комерціи наиспособнѣйшей пристани (сообщено при реляціи № 31, — 1761 года). Также прилагаю при семъ копію съ записки поданной Портѣ еще 13-го послѣдняго іюля *) по поводу полученія мною извѣстія, что погруженные товары подданныхъ вашихъ не три мореплавательные суда изъ Очакова въ Днѣпръ не пропущены, которою требовалъ въ силу 9 артикула

*) См. ниже въ приложеніяхъ.

мирнаго трактата безпрепятственнаго оныхъ судовъ въ Запорожскую Сѣчь проходу и возвращенія ихъ съ грузомъ произращеній имперіи вашей, и какъ о томъ прилежно ни настоялъ, однакоже желаемаго комендамента не одержалъ, потому что Порта сперва продолжала разными отговорками, а напослѣдокъ взявъ въ претекстъ позывъ хана, отвѣтствовала, что въ прибытіе его (чему не бывать хотя сама совершенно знала) всѣ оныя дѣла поправятся, еже подаетъ мнѣ причину наиболѣе въ мнѣніи моемъ утверждаться, что она Порта изъ виду ея не теряетъ приумноженіе комерціи имперіи вашей съ стороны Днѣпра и околичныхъ онаго мѣстахъ притѣснять“....

№ 4. *Письмо Обрѣскова* къ генералъ-поручику, Новороссійской губерніи главному командиру, *Г-ну Мельгунову* отъ — сентяб. 1764 г. (Тамъ-же)

.....„Елико же касается до распространенія комерціи подданныхъ Ея И. В-ва съ здѣшнею имперіею, то коль велико есть Ея И. В-ва Государыни попеченіе о благосостояніи подданныхъ ея, то не менѣе того должно стараться и опредѣленнымъ къ произведенію онаго въ дѣйствіе, чтобъ успѣхъ такому Ея И. В-ва намѣренію соотвѣтствовалъ, къ чему часто бываютъ непристойнѣйшими способами первоначальныя распоряженія, чего ради пріемлю вольность предложить вашему Высокопр-ству во всемъ пространнѣе мнѣніе мое, какимъ образомъ сіе дѣло предпріято и ведено быть имѣетъ.—Въ началѣ всего ваше Вирство изволитъ быть предувѣрены и имѣть завсегда въ распоряженіяхъ вашихъ за основаніе: 1) что здѣшнее правленіе ни мало не печется о благосостояніи подданныхъ его, и отнюдь не думаетъ о распространеніи комерціи, но паче каждый начальникъ по сродной сей націи страсти къ сребролюбію, при каждомъ случаѣ купечество притѣсняетъ, всякими вымышленіями изнуряетъ и истощаетъ, да по свойству правленія здѣшняго инаково и быть не можетъ, потому что чины даются на время, и каждый пріобрѣтшій оной старается какимъ бы то образомъ ни было наиболѣе покорыстоваться; 2-е) что Отт. Порта, по статскимъ и политическимъ ея резонамъ надмѣрно предупреждена противъ всѣхъ распоряженій, чинимыхъ въ имперіи Ея И. В-ва, въ близости Азовскаго и Чернаго морей лежащихъ провинціяхъ, клонящихся къ заселенію ихъ жителями и приведенію оныхъ въ добрый порядокъ: къ чему, какъ каждому извѣстно, да и сама Порта понимаетъ, ничто столько споспѣшествовать не можетъ, какъ распространеніе комерціи; и для того-то Порта, сколько во многихъ случаяхъ примѣтить могъ, старается оную притѣснить, чему случавшееся воспрещеніе нагружать суда приходящія въ Запорожскую Сѣчь произращеніями имперіи нашей, доказательнымъ подтвержденіемъ служить можетъ, ибо какъ надѣюся вашему Вирству уже извѣстно, что купцы, такъ подданные Ея И. В-ва, какъ и Турецкіе, съ нѣсколькихъ лѣтъ мимо Очакова на мореплавательныхъ судахъ, а за сбытіемъ въ Днѣпрѣ воды, перегружая товары на томбазы по 1762-й годъ безвозбранно подымались до Сѣчи, а какъ посланною въ 1761 году надворн. совѣтника и комерц-колегіи члена Г-на

Ладыгина для осмотрѣнія на Днѣпрѣ мѣста наиудобнѣйшаго къ произведенію комерціи, коммиссія запорожск. казаками снозната и по малому ихъ разсужденію или можетъ быть и шалости во всѣхъ околичныхъ мѣстахъ разгласилась, то ханъ крымской предпріялъ оной свободной водной путь воспрепятствовать, принуждая купцовъ нашихъ съ товарами ихъ объѣзжать на Крымъ, дѣлая имъ чрезъ то надмѣрныя излишнія издержки, приводя въ резонъ, что сей есть искони обыкновенный путь, и отмѣненіе онаго доставляетъ крымскимъ султанамъ и мурзамъ великой изъянъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ на сіе поступилъ съ согласія, а можетъ быть и по точному повелѣнію Порты, въ которомъ мнѣніи я наиболѣе утверждаюся учиненнымъ опытомъ по поводу не пропущенныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ изъ Очакова до сѣчи трехъ судовъ, товарами нашихъ купцовъ нагруженныхъ, поданнымъ меморіаломъ, основаннымъ на трактатѣ, которымъ требовалъ непомѣшательнаго оныхъ судовъ до Запорожской Сѣчи проходу и оттуда съ грузомъ произращеній имперіи нашей возвращенія. Но Порта, не смѣя постановленной трактатомъ договоръ явно за недѣйствительной почитать, ниже хотя по вышепредъявленной въ политикѣ на требуемое снизойти, подъ разными претекстами продолжила отвѣтомъ, а на послѣдокъ знать дала, что въ прибытіе ханское, (хотя въ существѣ сама подлинно знала, что сему не бывать), всѣ оныя дѣла въ порядокъ приведутся. И такъ вслѣдствіе вышепредъявленныхъ сильно опорствующихъ къ распространенію съ нашей стороны желаемой коммерціи обстоятельствъ, необходимо нужно оную начинать производить исподоволь и безъ наималѣйшаго разглашенія, слѣдственно и требованіе учрежденія конторъ въ наименованныхъ В.-Вирствомъ городахъ при первомъ началѣ не соотвѣтствовало бы предосторожностямъ по вышепредъявленнымъ обстоятельствамъ братымъ быть должнымъ, ибо не токмо бы сіе не ожидаемое Портою требованіе по вышепредъявленному ея предупрежденію надмѣрно бы ее удивило, и которая не будетъ имѣть недостатку въ резонахъ объ уклоненіи себя отъ такого снисхожденія, и между прочимъ можетъ сказать, что хотя другимъ державамъ подобныя конторы въ нѣкоторыхъ пристаняхъ имѣть позволяетъ, однакожъ сіе токмо въ тѣхъ, кои изъ давнихъ лѣтъ къ тому предопредѣлены а въ прочихъ мѣстахъ иностранные купцы держатся какъ проѣзжіе, и во многихъ квартеры имъ нанимать не позволяется, а живутъ въ постоянныхъ дворахъ, какъ то и дѣйствительно есть. Почему по скудоумному моему разсужденію я за наипристойнѣйше нахожу въ первоначаліи сего учрежденія сдѣлать слѣдующее:

1) Отправить отъ стороны вашей не столько искусныхъ, сколько правдивыхъ людей въ наименованные города: Килію, Бѣлградъ, Очаковъ, Бендеры и Яссы съ основаніемъ освѣдомиться о состояніи находящагося во оныхъ купечества, въ чемъ наиболѣе торги ихъ состоятъ? что можно отъ нихъ получать? и что изъ нашихъ произращеній имъ потребно быть можетъ? при которомъ извѣдываніи я предувѣренъ, что В.-В-прство по-

лучитъ извѣстія весьма противныя великимъ идеямъ о полезности коммерціи оныхъ мѣстъ.

2) По учиненіи сего, и по усмотрѣніи которыя изъ оныхъ найдутся напспособнѣйшими, можете отправить какихъ купцовъ съ товарами на первый случай на небольшую сумму для единственнаго токмо опыту, снабдя ихъ отъ себя къ начальникамъ оныхъ мѣстъ рекомендательными письмами, чтобъ въ пребываніе ихъ были ими отъ всякихъ притѣсненій защищаемы, и чтобъ не требовалось иныхъ пошлинъ, какъ трактатомъ опредѣленныхъ. Оные купцы безсумнѣнно будутъ терпимы, какъ то и нынѣ вездѣ терпятся; а когда имъ сдѣлается какая обида, то потребуется отъ Порты султанскаго указа о возданіи имъ правосудія, и въ которомъ внесется, чтобъ и впредь въ пребываніе никакихъ обидъ причиняемо имъ не было, и сіе будетъ служить основаніемъ безпеременнаго ихъ пребыванія и основанія желаемыхъ конторъ въ мѣстахъ, въ коихъ примѣтятъ находятъ щотъ ихъ: да и въ самомъ дѣлѣ конторы служатъ къ утвержденію основаннаго и распространившагося купечества, а не при первыхъ его началахъ, и къ правленію оныхъ надобны люди разумѣющіе, которыхъ между нашими купцами, по малой мѣрѣ здѣсь торгующими весьма мало, такъ, что съ самаго миру и понынѣ ни единой еще не нашелся въ состояніи здѣсь порядочную контору учредить, хотя имѣютъ въ томъ цѣлую свободность, но торгуютъ, выключая трехъ черкаскихъ и двухъ полтавскихъ жителей, съ такимъ непорядкомъ, что смотрѣть жалко, а къ тому-же и ведутъ себя странно, что я бы желалъ, дабы ихъ здѣсь никогда не бывало. При семъ-же имѣю и сіе вашему В-прству примѣтить, что отъ здѣшней стороны взаимнымъ соотвѣтствованіемъ оной коммерціи охотниковъ весьма мало сыскаться можетъ по объясненнымъ причинамъ въ письмѣ моемъ къ помянутому Лодыгину въ 1761 г., (прилагается копія), и въ пополненіе онаго иного сказать не могу, какъ повторить примѣчаніе мое, что ничто столько къ распространенію въ оной губерніи желаемой коммерціи споспѣшествовать не будетъ какъ опредѣленіе въ нѣкоторое годовое время порядочной ярмонки, на которую конечно съѣзжаться болѣе охотниковъ будетъ нежели просто торговать. Вотъ все, что я вашему В.-прству о сей матеріи предъявить имѣю, оставляя въ протчемъ на дознанное ваше целомудрое разсужденіе, рекомендуя однакожъ притомъ не предпринимать ничего и не полагаться вовсе на разсказы греческіе и другихъ здѣшнихъ націй людей безъ предварительнаго достаточнаго испытанія, потому, что оныя все химерами питаются и во оболганіяхъ ни мало не стыдятся.

№ 5. Въ *рескриптъ за № 41 отъ 17 ноября 1764 г.* резиденту Обрѣскову (Моск. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Архивъ Новый, снош. съ Турціею, 1764, Ш. Constantinople связ. 6) апробуются разсужденія послѣдняго въ реляціи № 43 о распространеніи коммерціи въ тамошнемъ краѣ, высказывается увѣренность, что Мельгуновъ будетъ руководствоваться ими, рекомендуется продолженіе подобныхъ сношеній съ нимъ, апробуется требованіе

Обрѣсковымъ отъ Порты пропуска остановленныхъ судовъ въ Очаковѣ съ товарами русскихъ купцовъ. Хотя Обрѣсковъ примѣчаетъ несклонность Порты къ поспѣшествованію нашей комерціи, однако ему подтверждается не выпускать изъ виду порученнаго ему попеченія объ ней—„ибо чѣмъ сей предметъ важнѣе для распространенія промысловъ нашихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе и насъ собственно интересуетъ. Порта единожды успокояся противу насъ по польскимъ дѣламъ, можетъ быть перемѣнитъ и смягчитъ нѣчто изъ своихъ статскихъ правилъ, а оборотитъ свою большую аттенцію, которая можетъ быть для нея гораздо выгоднѣйшею; тогда чаятельно представятся такія обстоятельства, которыя ее обяжутъ быть склоннѣе къ нашей комерціи, почему прозорливость требуетъ вашего о томъ разумнаго бдѣнія и содержанія готовыхъ къ тому друзей. Наконецъ, сколько здѣсь ни желательно было отворить ближайшее сношеніе для комерціи новороссійской губерніи опредѣленіемъ чрезъ нее курьерской дороги; но когда вы такія затрудненія въ томъ находите, то мы сіе дѣло оставляемъ при прежнемъ обыкновеніи“.

ПРИЛОЖЕНІЕ 21-е.

Переводъ съ *записки поданной Обрѣсковымъ Порть* іюля 13 дня 1764 г. (Спошенія съ Турціею, Constantinople 1764. Связ. 8).

Въ 9 артикулѣ освященнаго вѣчномирнаго трактата будучи изъяснено „что купечество есть плодъ мира и доставляетъ пользу державамъ и подданнымъ; чего ради дозволяется подданнымъ, купцамъ Блист. Порты произвожденіе комерціи Россійской имперіи съ вольностью купцамъ прочихъ державъ позволенною и съ платою равныхъ-же пошлинъ, во взаимство чего купцы подданные Россійской Имперіи такимъ-же образомъ имѣютъ производить свое купечество въ областяхъ Блистательной Порты, а на Черномъ морѣ на судахъ подданнымъ Блистательной Порты принадлежащихъ“. Въ силу сего артикула купцы подданные Россійской Имперіи съ того времени продолжали ихъ торгъ въ Отоманской Имперіи, употребляя къ перевозкѣ товаровъ суда принадлежащія подданнымъ Бл. Порты которые къ сторонѣ Дону ѣздили до Таганрогской пристани, а по рѣкѣ Днѣпру до Сѣчи запорожской, а когда воды опой рѣки убавлялись, то облегчали помянутыя суда въ Очаковѣ нагруженіемъ нѣкоторую часть товаровъ на тумбазы, принадлежащіе жителямъ Очаковской крѣпости и которыми подымались оную рѣку безъ всякаго препятствія. А около двухъ лѣтъ тому, его свѣтлость Крымской ханъ противу всякаго ожиданія запретилъ реизамъ (лоцманамъ) нагружать суда ихъ россійскими произращеніями, обыкновенно въ сію столицу отправляющимися, и принудилъ ихъ возвращаться съ порожними судами, претендуя что росс. подданные живущіе въ близости и на берегахъ р. Днѣпра товары ихъ возили сухимъ путемъ чрезъ Крымъ и нагружали оные на пристаняхъ въ ономъ полуо-

стровѣ находящихся. Сіе его свѣтлости запрещеніе высочайшій Ея Имп. В-ва Дворъ чрезвычайно удивило, находя оное совсѣмъ содержанію помянутаго 9-го артикула освященнаго вѣчномирнаго трактата противное, несправедливое и предосудительнѣйшее взаимнымъ подданнымъ, потому что росс. купцы, лишаясь свободности отправлять ихъ товары и провизіи въ сію столицу водою, принуждены были дѣлать великой округъ сухимъ путемъ съ чрезвычайными издержками, а экипажъ оныхъ судовъ, подданные Бл. Порты, лишились прибыли отъ грузу оныхъ судовъ получающей; почему помянутой Имп—ской Дворъ, хотя основательную причину имѣлъ принести Бл. Порты противу такихъ его свѣтлости запрещеній жалобы съ требованіемъ должнаго поправленія, чтобъ прежніе обряды сходственно содержанію освященнаго трактата возстановлены были, однако по извѣстной его умѣренности не похотѣлъ по сему дѣлу ее обезпокоивать прежде учиненія надлежащихъ поступокъ при его свѣтлости о склоненіи его на отмѣненіе помянутаго несправедливаго запрещенія, которые однако остались безъ всякаго успѣха, но и еще въ прибавокъ къ тому сего году три рос. купца, нагрузя на три судна принадлежащіе подданнымъ Бл. Порты (поименованы лоцмана-греки) товары ихъ, состоящіе въ произращеніяхъ сей имперіи, и имѣя командаменты Бл. Порты, также и надлежащія таможенныя выписи, прибыли къ Очакову, дабы по обыкновенію оттуда проѣхать въ Запорожье, остановлены, какъ объявляютъ, по приказу ханскому, чтобъ проѣздъ помянутымъ судамъ (хотя прежде нѣсколько дней многія такія-же нагруженныя товарами принадлежащими подданнымъ Блист. Порты прошли) болѣе не дозволять; тогда помянутые росс. купцы просили начальниковъ о позволеніи перегрузить товары ихъ въ тумбазы, но ниже сего обдержать могли; чего ради принуждены были оставить товары ихъ на судахъ въ Очаковскомъ заливѣ подвергая оные всякимъ опасностямъ. И какъ такіе поступки и помѣшательство произвожденію комерціи росс. подданнымъ и причиненіе онымъ чрезвычайныхъ убытковъ совершенно противны не токмо договорамъ постановленнымъ въ освященно вѣчно мирномъ трактатѣ, но и настоящей между высоч. дворами доброй и совершенной дружбѣ; Чего ради нижеподписавшійся усильно Бл. Порту просить, чтобъ въ силу помянутаго 9 артикула высокимъ его Салтанова Имп. В-ва указомъ Очаковскому начальству повелѣно было: 1) чтобъ помянутыя три судна пропущены были до мѣста предъ сего пратикованнаго, 2) чтобъ не препятствовали купцамъ перегружать товары ихъ въ тумбазы нанимаемые ими, 3) чтобъ не запрещали судамъ и тумбазамъ возвращающимся нагружать въ Сѣчи произращенія Рос. Имперіи для сей столицы, 4) чтобъ не вымогалось отъ росс. купцовъ или служителей ихъ подъ какимъ бы претекстомъ ни было платъ сверхъ обыкновенной пошлины за покупные или проданные товары въ помянутой крѣпости, и 5) чтобъ помянутой указъ императорскій и на будущія времена имѣлъ полную его силу. Чего нижеподписавшійся ожидаетъ отъ извѣстной справедливости Бл. Порты и испытанной

искренней ея аттенціи къ точному исполненію договоровъ освященнымъ вѣчно-мирнымъ трактатомъ утвержденныхъ".

Результатъ этого представленія см. въ реляціи 1764 года за № 43.

Замѣтимъ кстати, что при реляціи № 17 отъ 9 іюня 1757 г. Обрѣсковъ прислалъ тоже копію съ представленія, поданнаго имъ Портѣ по поводу неправильныхъ вымогательствъ турецкимъ начальствомъ въ Крыму отъ русскихъ купцовъ лишнихъ пошлинъ,—4% вмѣсто 3%. (См. Дѣла Турецкаго Двора, 1757, связ. 6/в, № 3: реляціи Обрѣскова).

ПРИЛОЖЕНІЕ 22-е

На реляціи Обрѣскова отъ 30 мая 1764 г. за № 24, въ которой онъ извѣщалъ объ установленіи имъ дружественныхъ отношеній къ Портѣ, рукою Н. И. Панина сдѣлана слѣдующая замѣтка (М. Гл. Арх. М. Ин. Д., Сношенія съ Турціею, 1764, II. Ministère):

„Вслѣдствіе извѣстнаго мнѣ В-го В-ва политическаго вида о достиженіи негоціяціею купеческаго мореплаванія на Черномъ морѣ, въ дополненіе нынѣ отправляемыхъ наставленій будетъ писано по поводу сей реляціи къ резиденту Обрѣскову, чтобъ особливо старался доказывать Портѣ, что раздѣленіе В-го В-ва отъ системы Аустрійскаго дома должно всего паче увѣрить ее, что Россія никакой жалузіи противу ея не имѣетъ. А когда настоящая турецкая система въ разсужденіи насъ утвердится и онъ съ надежностью на то положиться можетъ, чего конечно и ожидать надобно, тогда онъ самъ на мѣстѣ изискавъ лучшія и надежнѣйшія средства приступитъ къ вышепомянутому предмету, для одержанія котораго В. В-во и гораздо знатной суммы пожалѣть не изволите, а онъ тѣмъ достигнетъ себѣ верхъ заслуги предъ В-мъ В-вомъ; знавъ-жъ теперь такимъ образомъ высочайшее Ваше намѣреніе, можетъ заблаговременно стараться о случаѣ и принимать по тому свои мѣры, приводя Порту вяще и вяще къ желаніямъ соединять взаимные интересы умножая оные, и на томъ утверждать прочность тишины и добраго согласія между обоими областями. На сіе потребна высочайшая конфирмація". На поляхъ рукою Екатерины написано: „Быть по сему".

Далѣе замѣтка: „Его высокопр. Никита Ивановичъ изволилъ приказать, чтобъ по слѣдующему здѣсь ремарку его надписанному на реляціи Обрѣскова № 24 рескриптъ благовременно заготовленъ былъ. Получено 6 іюля 1764".

Рескриптъ № 42 отъ 17 ноября 1764 къ Обрѣскову (Снош. съ Турціею 1764. Constantinople, связ. 6) Монаршее особливое удовольствіе и признательность за уничтоженіе при Портѣ послѣднихъ усилій непріятельскихъ пронсковъ нашихъ суперниковъ, а такъ какъ и въ Польшѣ дѣла улаживаются, то очевидно наши дѣла при Портѣ поставлены на

такомъ основаніи, на какомъ мы желаемъ, оставляя соперникамъ нашимъ единое раскаяніе о томъ, что они столь много себя открыли. „Мы увѣрены, что вы не оставите теперь продолжать ревностнѣйшія старанія къ утвержденію нашей самимъ уже дѣломъ вамъ открытой политической системы въ разсужденіе Порты, съ которою мы хотимъ пребыть въ конекціи единно нашихъ собственныхъ интересовъ, безъ сопряженія оной съ интересами посторонними до времени знатной какой-либо перемѣны въ ея положеніи, дабы Вѣнской дворъ, яко прежній нашъ союзникъ позналъ и съ своей стороны, что не въ пашу, а въ его сторону переходитъ вѣсъ надобности союза противу Порты, при семъ удостовѣримся, что Россія и одна въ своихъ интересахъ предпринимать и одерживать можетъ. Время такого положенія нашихъ политическихъ дѣлъ при Портѣ мы поставляемъ за удобнѣйшее пресѣчь споры и трудности начатыя крѣпостнымъ строеніемъ, и одержать торговую навигацію на Черномъ морѣ. Вы знаете сколь полезны быть могутъ для отечества оба сіи предмета, достиженіемъ которыхъ вы достигнете верхъ славы вашего министерства. Можетъ быть Порта при настоящемъ успокоеніи противу насъ, захочетъ обратить свою аттенцію къ другому сосѣду, для нея гораздо важнѣйшему и тутъ сама подастся къ изысканію средствъ утвержденія надежнѣйшей безопасности съ нашей стороны. Вы по пристойности случаевъ можете много поспѣшествовать таковому ея обороту объясняя и направляя ее на сію цѣль посредствомъ полезныхъ къ тому своихъ друзей особливо вынѣшняго ренъз-ефендія, человѣка по видимому весьма умнаго, и потому особливо вамъ рекомендуемъ сколько можно стараться укрѣпить въ немъ его благонамѣренные сентименты и преданность“.

Предписаніе не терять изъ виду „извѣстное“ Обрѣскову „всегдашнее желаніе“ императрицы „о достиженіи свободной для подданныхъ ея купеческой навигаціи на Черномъ морѣ“ подтверждено рескриптомъ 1765 года № 11.

Ремарка Панина на реляціи Обрѣскова 1765 года, № 17 отъ 21 мая, въ которой извѣщалъ о дѣйствіяхъ австрійскаго правительства противныхъ нашимъ интересамъ: „можно думать, что онъ (Обрѣсковъ) употребитъ все возможное къ обращенію тучи на австрійскій домъ, съ позволеніемъ для насъ навигаціи на Черномъ морѣ“. Constantinople, 1765, св. 11.

Рескриптъ Обрѣскову № 11, отъ 2 іюня 1765 (Constantinople, 1765, св. 11) въ виду постоянной вражды, оказуемой Вѣнскимъ дворомъ, и явныхъ стараній его привести Порту къ разрыву съ нами, слѣдуетъ обратить натягаемую австрійскимъ домомъ тучу на него самого.

Constantinople 1765, св. 12. Вслѣдствіе донесеній Обрѣскова о каверзахъ прусскаго посланника, Рексина, Сольмсу сдѣланы представленія; въ виду сумнѣнія о политикѣ Его Прус. В-ва Обрѣскову предписано умѣрить исполненіе по рескрипту № 11, такъ чтобы, еслибъ послѣ представленія, сдѣланнаго Сольмсу Обрѣсковъ увидѣлъ твердость системы прусскаго короля, то могъ бы при представившемся случаѣ, особливо когда

нашему главному желанію о коммерціи на Черномъ морѣ тѣмъ поспѣшествуемо быть можетъ, возобновить предписываемые ему въ томъ рескриптѣ подвиги.

ПРИЛОЖЕНІЕ 23-е.

Реляція № 8 Обрѣскова отъ 26 февр. 1765 года (Сношен. съ Турціею. Constantinople. 1765. связ. 10).

„Высочайшему в. Имп. В-ва двору ласкаюся уже не непримѣтно, что во все мое здѣсь долговременное министерство всячески старался къ приумноженію между подданными вашими и турецкими комерціи, и къ приведенію оной какъ возможно ближе къ наблюдаемому иностранными націями порядку въ произведеніи оной... и впредь о томъ бдѣть и со всею прилежностью встрѣчающихся удобныхъ къ тому случаевъ престерегать не премину, но всемилостивѣйшая Государыня, сколько чрезъ очевидную експеріенцію судить могу кажется, что коль бы оные случаи полезны быть ни могли, даже и до того, что хотя бы на Черномъ морѣ собственно принадлежащимъ имперіи вашей судамъ кораблеплаваніе было вольное, то и сего бы всемѣрно недостаточно было видѣть сію комерцію въ состояніи высоч. вашимъ дворомъ желаемомъ, по причинѣ надмѣрнаго невѣжества и неразумѣнія подданныхъ вашихъ *), оную комерцію понынѣ производящихъ, которое неразумѣніе и непорядки превосходятъ всякое помышленіе, и единою причиною тому, что торгующіе почти съ самаго заключенія послѣдняго мира ни мало не поразбогатѣли, но многіе бѣднѣе стали, такожъ и подрыву всего здѣсь кредита до такой степени, что менѣе 20-и или по малой мѣрѣ 15-и % на 100, да и то съ полученіемъ подъ закладъ товаровъ, когда имъ въ наличныхъ деньгахъ нужда бываетъ, оныхъ имѣть не могутъ, способу-же оныя неудобства отвратить здѣсь не находится, но развѣ высоч. дворъ сіе поправитъ какими при Темерниковскомъ портѣ распоряженіями, служащими къ достиженію желаемаго предмета, которыя государственной комерцъ-колегіи болѣе извѣстны быть могутъ“, а впрочемъ прилагаетъ нѣкоторыя свои на сей счетъ замѣчанія.

Мнѣніе резидента Обрѣскова о способахъ, имѣющихъ въ дѣйство употребленныхъ быть, и служащихъ къ распространенію и порядочному произведенію комерціи подданныхъ Ея Имп. В-ва съ Туркіею чрезъ Черное море, а наипаче отъ стороны Темерниковскаго порта. (Тамъ-же).

1) Дозволять оной торгъ производить купцамъ токмо нѣкоторый капиталъ имѣющимъ, а не каждому, ибо неимѣющіе иного не дѣлаютъ, какъ токмо кредитъ подрываютъ и націю въ безславіе приводятъ.

---

*) На поляхъ отмѣтка Н. И. Панина: «l'expression n'est pas douce, mais malheureusement n'est pas moins vraie».

2) Склонить тѣхъ купцовъ посылать въ Константинополь для исправленія дѣлъ ихъ на пребываніе, напримѣръ лѣтъ на пять или болѣе, дѣтей или и родственниковъ ихъ, которые бы предъ челядью лучшее воспитаніе имѣли, и по пристойности вести себя умѣли, а не такъ, какъ понынѣ посылаются. Сіе распоряженіе имѣетъ доставить разныя пользы, какъ-то: способъ снознать разныя товару доброты, свойства и качества людей съ коими дѣла имѣть будутъ, подать о себѣ хорошее мнѣніе и чрезъ то пріобрѣсти въ публикѣ кредитъ, который, какъ извѣстно, ежели въ высокой степени находится, приводитъ купца въ состояніе устроеннымъ капиталомъ противъ дѣйствительно имѣющаго торгъ его производить. Правда сего предмета доказана многими примѣрами, да и сумнѣваться не должно, ибо каждый легко понять можетъ, что всякой человѣкъ лучше ввѣритъ тысячу другому благочинно съ опрятностью живущему и обязательства точно исполняющему, нежели десять незнакомому, а того менѣе оборванному какъ ярыга, и въ кабакѣ иногда безъ всякаго чувствія валяющемуся.

3) Искать способовъ, чтобъ прочимые къ посылкѣ въ здѣшнюю столицу товары привозились къ Темерниковскому порту въ зимнія времена или водою по вскрытіи рѣкъ къ началу весны, такъ, чтобъ приходящія отсюда къ Таганрогу суда безъ потерянія времени оными нагружаемъ и обратно отправляемы быть могли.

4) Въ прибытіе помянутыхъ отсюда судовъ къ Таганрогской пристани, не предвидится быть великой нуждѣ принуждать ихъ выстаивать карантинъ: привезенные товары могутъ быть сгружены и на отведенны мѣста сложены, такожъ подвезенные и совсѣмъ приготовленные къ отправленію товары въ суда нагружены самими матросами, не мѣшаясь съ русскими подданными; а для защищенія сгруженныхъ и карантинъ выстаивающихъ товаровъ отъ зноя солнечнаго и случающихся худыхъ временъ можно построить какіе легкіе сараи, и для избѣжанія нареканія, что якобы на барьерной землѣ строеніе сдѣлано, однѣ токмо на столбахъ кровли, покрытыя тростникомъ или осокою.

5) Подобное распоряженіе столь полезно быть можетъ къ произведенію и распространенію комерціи, что такъ сказать и наградитъ недостатокъ собственнаго по Черному морю кораблеплаванія, потому что оныя суда не теряя времени за выдерживаніемъ карантина, ни въ ожиданіи къ нагрузкѣ ихъ товаровъ,—за чѣмъ часто по октябрь, время наопаснѣйшее для кораблеплаванія, тамъ задерживаются,—могутъ сдѣлать ежегодно двѣ, а когда и здѣсь живущіе купцы въ исправленіи коммиссій ихъ будутъ поступать порядочнѣе и заготовлять всякое званіе и количество товаровъ заблаговременно, а не такъ, какъ понынѣ дѣлаютъ (которые часто случается изготовя товару напр. на 200 левковъ, въ мечтательной надеждѣ скоро всѣмъ исправиться, нанимаетъ судно въ іюлѣ, а иногда и въ іюнѣ мѣсяцахъ, продерживаются по октябрь, а потомъ отправляся гибнутъ на морѣ или заносимы бываютъ въ какіе азіатскіе

*

рапды и худыя пристани, гдѣ чрезъ всю зиму пробываютъ, съ понесеніемъ велихъ нуждъ и съ нанесеніемъ рензамъ хозяевамъ судовъ крайнихъ разореній) и три поѣздки; чрезъ что плата грузу товаровъ будетъ гораздо менѣе, а рензы находя свой щотъ, возымѣютъ лучшую охоту оное мореплаваніе исправлять, суда держать всѣмъ болѣе снабженными и исправными, и набирать экипажъ изъ матросовъ болѣе искусныхъ, а на множествѣ такихъ рензовъ можно избирать такъ между христіанами, какъ и турками болѣе объ ономъ мореплаваніи свѣдущихъ, и таковыхъ предпочтительно употреблять, чрезъ что настоящая опасность кораблеплаванія по Черному морю много поправиться можетъ, а къ тому-же и плату страха въ обыкновеніе ввести можно. (Противъ этого пункта на поляхъ замѣтка Екатерины: „всѣ сіе сообщить надобно гр. Минниху и Теплову, дабы оне въ Коммерцъ-Коллегіи и Комисіи о семъ при удобномъ случае употребленіи къ пользѣ той комерціи здѣлать могли“).

6) Чтобъ купцы и факторы ихъ товары отправляли по предварительному взаимному увѣдомленію, къ чему они изрядной способъ имѣютъ, ибо курьеры какъ отсюда въ Кіевъ, такъ изъ Кіева сюда ежемѣсячно отравляются, а не наоборотъ, какъ то понынѣ дѣлаютъ. Одинъ артикулъ, ударяясь на одно свойство товара и навезя онаго излишнее множество, цѣну сбиваетъ (доказательство—желѣзо, котораго столько навезли, что цѣна на него спала съ $6^1/_2$ — 7 левковъ до $4^1/_2$ левковъ за кантарь= 3 п. 12 ф.).

Сіи распоряженія сколько удобны ни признаются, однакоже до желаемаго предмѣта совершенно довести не возмогутъ, ежели не приложится стараніе просвѣтить глубокое незнаніе купцовъ, по малой мѣрѣ къ здѣшней сторонѣ живущихъ, въ произведеніи порядочной комерціи къ чему по моему скудоумному разсужденію лучшаго средства быть не можетъ, какъ переводы разныхъ оныхъ обрядовъ писателей и напечатываніе и обнародываніе оныхъ по частямъ ежемѣсячно при прочихъ академическихъ сочиненіяхъ“. (Рекомендуетъ начать переводомъ сочиненія M. de la Porte, La Science des négocians et teneurs des livres, Paris 1754).

ПРИЛОЖЕНІЕ 24-е.

Реляція Обрѣскова № 35 отъ 10 авг. 1764 г. (Тамъ-же, Constantinople, 1764, связ. 8).

....Обрѣсковъ дѣлалъ представленія Портѣ относительно „неоспоримаго права высоч. Двора Россійскаго воспрещать подданнымъ ея провозъ чрезъ области Имперіи въ неволю христіанъ, основывая оное право на правилахъ самою Портою постоянно наблюдаемыхъ.... Дѣло о провозѣ христіанъ въ неволю мнѣ за нужно показалось единожды на всегда покончить, и тѣмъ отъ случающихся по сему дѣлу частыхъ хлопотъ на всегда избавиться, и высоч. В. Имп. В-ва Дворъ теперь уже можетъ по-

велѣть Кизлярскому коменданту престерегать такихъ христіанъ въ неволю провозить не допущать, а какъ сіе дѣло туркамъ весьма надобное, то Порта можетъ быть со временемъ прибѣгнетъ къ высоч. В. Имп. В-ва двору съ прошеніемъ, дабы въ разсужденіи дружбы провозъ оныхъ невольниковъ чрезъ области Ваши терпимъ былъ, въ которомъ случаѣ, ежели угодно будетъ высоч. Вашему двору въ семъ Портѣ удовольствіе оказать, то можетъ при ономъ во взаимство потребовать и отъ Порты позволенія возить произращенія имперіи Вашей Днѣпромъ въ Очаковъ, а потомъ сюда и свободной провозъ оныхъ изъ здѣшняю порту въ Архипелагу и Средиземное море"....

Какъ взглянула на это предложеніе императрица, изъ бумагъ Архива не видно.

ПРИЛОЖЕНІЕ 25-е.

Рескриптъ гр. А. Орлову, 29 янв. 1769 (Сност. съ Турціею X Campagnes).

„Извѣстно уже свѣту изъ разныхъ отъ насъ обнародованныхъ объявленій и сочиненій, съ какимъ вѣроломствомъ Порта, яко непримиримой врагъ истиннаго благочестія святыя грекоросс. церкви, поступила на беззаконное и буйственное разрушеніе освященныхъ союзовъ вѣчнаго мира" несмотря на всегдашнее наше миролюбіе и желаніе жить съ нею въ добромъ сосѣдствѣ. „Не менѣе осязательно открыли мы всѣмъ, что употребленный Портою предлогъ защищенія ея вольности польской во мнимомъ ея утѣсненіи отъ насъ", совершенно ложенъ, а разрывъ ея съ нами „не инымъ чѣмъ воспричинствованъ былъ, какъ злостію и подущеніями недоброжелателей и завистниковъ славы имперіи нашей и истиннаго святой грекоросс. церкви благочестія, собственною Порты хищностію къ пріобрѣтенію подъ иго ея новыхъ христ. областей, а напослѣдокъ самыми преданіями магометанскаго злочестія, которыя не только позволяютъ, но и предписываютъ всякую противъ христіанъ прибыточную войну, сколь бы она впрочемъ беззаконна ни была". Порта понимала, что открытіе этихъ прямыхъ причинъ вѣроломной ея войны огорчитъ и подниметъ противъ нея всѣ христіанскія державы, и потому вздумала употребить вышеупомянутое покрывало вольности польской, между тѣмъ какъ она именно нашимъ содѣйствіемъ ограждена на будущія времена неподвижными законами. Доказательство—постановленія послѣдняго сейма, коими „возстановлены съ прочими диссидентами наши единовѣрные грекороссійскаго православнаго исповѣданія" во всѣ принадлежащія имъ права „полнаго равенства съ римлянами", и установлена всегдашняя избирательность короны польской, личная гражданъ безопасность и вольный голосъ дворянства... „Вслѣдствіе того, имѣя достовѣрныя извѣстія, что многіе благочестивые греческ. и славян. народы на твердой землѣ и на архипелагскихъ островахъ", стенаютъ подъ несноснымъ игомъ магометанскаго нечестія и имѣ-

ютъ похвальную склонность прибѣгнуть къ покрову нашему и воспріять оружіе на своихъ мучителей, „восхотѣли мы при вынужденной нынѣ отъ насъ войнѣ за славу святой грекоросс. церкви и за вольность исповѣданія ея въ земляхъ рѣчи посполитой польской“, распространить на эти народы нашу защиту и помощь, дабы ихъ при благословеніи божіемъ, исторгнуть изъ челюстей тяжкой неволи и поставить ихъ въ совершенную независимость. Произведеніе этого великаго и богоугоднаго дѣла поручается Орлову, „чего ради силою сего нашего рескрипта даемъ мы вамъ полную мочь и совершенную власть входить въ переговоры и сношеніе со всѣми тѣми благочестивыми греч. и слав. народами, которые противъ общаго и непримиримаго врага имени христіанскаго возстать и дѣйствовать склонны будутъ, соглашать ихъ всѣхъ къ нужному единомыслію и взаимной другъ другу помочи, чѣмъ однимъ они надежно верхъ одержать и сугубо высочайшаго нашего покровительства удостоиться могутъ“, снабжать ихъ оружіемъ, а „напослѣдокъ заключать именемъ нашимъ точныя постановленія съ цѣлыми ихъ обществами или же начальниками ихъ и другими отъ нихъ къ вамъ присылаемыми повѣренными и полномочными. Для доставленія же вамъ отъ нихъ взаимно полной вѣры и безпредѣльной откровенности подписавъ собственноручно сей вамъ торжественною полною мочью служить имѣющій рескриптъ“...

ПРИЛОЖЕНІЕ 26-е.

Сношн. съ Турц. X Campagnes Turquie, св. 1, въ М. Гл. Арх. М. И. Д.

Записка неизвѣстнаго; начинается словами: „По высокославному намѣренію“; относится къ плану экспедиціи. Прибывъ къ Морећ отправить къ Маіотамъ и Сфачіанамъ съ извѣстіемъ о прибытіи флота, коему держаться у Матапана, Кандіи и Цириго, а потомъ идти къ Эгейскому заливу, послать туда суда съ транспорт. и артиллеріею, овладѣть Коринѳомъ или другимъ мѣстомъ на перешейкѣ и сдѣлать линію съ батареями впереди Коринѳа; потомъ флоту идти по Архипелагу къ Салоникамъ и послать въ Ѳессалію суда съ транспорт. и артиллеріею въ р. Саламбрію къ Ликостому, гдѣ занять между горами узкія мѣста, а также попытаться занять Ѳермопилы. „И ежелибъ сіи три предпріятія исполнились, тогда бы помощію нашихъ греки, занятіемъ Коринѳа или выше онаго укрѣпясь, въ Морећ одержалибъ надъ турками побѣды, и всѣ приморскія и внутреннія крѣпости, и Коринѳъ со всею Лакедемоніею избавились отъ турецкаго подданства. Занятіемъ Термопилъ ахайцы или древніе аѳинейцы тожебъ получили. А занятіемъ Ликостома Тесалія тоже бы осталась надъ турками побѣдительною.—Во всѣхъ оныхъ трехъ губерніяхъ грековъ многимъ числомъ болѣе, нежели турковъ, а отъ Македоніи и Романіи турки своимъ помогать иныхъ свободныхъ мѣстъ не имѣютъ, какъ означенные тѣсные проходы, а въ прочихъ мѣстахъ горы малопроходныя,

гдѣ живущіе черногорцы и прочіе греки чаятельно нетолько остановить, но и побѣдить оныхъ могутъ. И ежели Богу угодно будетъ, чтобъ сіе исполнилось, то Морея, Ахаія и Тесалія изъ подданства турецкаго избавятся и Архипелагъ, а чаятельно и Кандія *былибъ флоту вспомогательными* всѣ вообще противу турецкаго флота, чтобы не допустить на судахъ въ оныя 3 губерніи и острова турецкихъ войскъ, и къ дальнѣйшимъ берегомъ и водою завоеваніямъ".

ПРИЛОЖЕНІЕ 27-е.

М. Гл. Архивъ М. И. Д., Сношенія съ Турціею X. Campagnes, св. 1 (извлеченіе у Соловьева XXVIII, 34).

Б. М. мы Екатерина Вторая, и пр.

Нашему адмиралу Григорію Спиридову *) (іюнь 1769 г.).

По причинѣ настоящей у насъ съ Портою Оттоманскою войны, которая съ ея стороны толь вѣроломно начата, разсудили мы за нужно, *для учиненія ей диверсіи въ чувствительнѣйшемъ мѣстѣ, воспользоваться* извѣстною склонностію Греческихъ и Славянскихъ народовъ, отчасти ей подвластныхъ, а отчасти еще за вольность свою до нынѣ мужественно поборающихъ и стараться составить изъ нихъ при нашемъ подкрѣпленіи и подъ нашимъ руководствомъ цѣлый корпусъ не только къ упражненію турецкихъ силъ въ собственной своей землѣ удобный, но если поможетъ великому нашему подвигу десница Всевышняго и къ потрясенію въ Европѣ самаго основанія оныхъ вкупѣ съ столицею злочестія магометанскаго.

Производство и главное управленіе сего важнаго и славнаго намѣренія и всѣхъ его многообразныхъ частей ввѣрили мы нашему ген.-поручику гр. Алексѣю Орлову, который въ бытность свою теперь въ Италіи неподалеку отъ центра будущихъ нашихъ операцій соединятъ въ себѣ всѣ, главному руководителю нужныя и свойственныя способности и дарованія. Мы вѣдаемъ изъ доношеній его, что онъ началъ уже заранѣе приготовлять и распоряжать потребныя и конечно на первый случай достаточныя пружины, но какъ при всемъ томъ одни его подвиги и обороты не могутъ навсегда довольны быть, ниже онъ теперь безъ собственныхъ нашихъ войскъ и морскаго содѣйствія что либо знаменитое предпріять, то въ разсужденіи сего и рѣшились мы отправить въ Средиземное море и далѣе въ греческія и архипелагскія воды эскадру кораблей нашихъ съ деташементомъ сухопутнаго войска, съ паркомъ артиллеріи и другими военными снарядами. (Спиридову поручается главная команда надъ эскадрою).

Оставляя управленіе навигаціи собственному вашему искусству и благоразумію, хотимъ мы только снабдить васъ здѣсь нужными изъясненіями

*) Въ общемъ тождественный рескриптъ к.-а. Арфу отъ 5 іюня 1770 г. въ Сб. Р. И. Об. I, стр. 124 сл. и въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д. X Campagnes.

о политическомъ положеніи двора нашего съ тѣми державами, въ близости которыхъ вамъ проходить надобно будетъ, дабы вы на основаніи оныхъ, вѣрно и надежно поступки ваши размѣрять могли въ разсужденіи ихъ гаваней, еслибъ въ которую по необходимости зайти надлежало, и навигаціи, какъ военной, такъ и коммерческой.

Прежде всего имѣетъ вамъ главнымъ и непремѣннымъ правиломъ служить, чтобъ во все время плаванія вашего отнюдь не остановлять и не осматривать никакихъ, христіанскимъ державамъ принадлежащихъ торговыхъ судовъ, но паче по колику то отъ васъ зависѣть можетъ, показывать имъ всякую помочь и пріязнь, а особливо датскимъ, прусскимъ и аглинскимъ, ибо намѣреніе наше весьма удалено и отъ самаго малѣйшаго утѣсненія чьей либо коммерціи".

На Данію можно быть вполнѣ надежнымъ и въ случаѣ нужды смѣло входить въ ея гавани, ибо съ нею мы находимся въ тѣснѣйшей дружбѣ и ею эскадрѣ нашей конечно будетъ съ охотою оказана всякая помощь. Также и голландскія гавани будутъ ей отверсты, такъ какъ мы съ Голландіею находимся въ добромъ согласіи и дружбѣ.

„Въ разсужденіи Англіи обстоятельства гораздо деликатнѣе.—Съ одной стороны находится она съ нами въ тѣсной дружбѣ и согласныхъ интересахъ по общимъ европейскимъ дѣламъ на твердой землѣ, но съ другой стороны по образу политическихъ началъ правленія ея и по превосходству предъ всѣми другими державами, морскихъ ея силъ, которыя въ существѣ одни и всю силу и знатность ея составляютъ, легко статься можетъ, что она изъ свойственной ей отъ того жалузіи ко всякимъ постороннимъ морскимъ предпріятіямъ и на вашу экспедицію, буде не съ внутреннею завистію, по крайней мѣрѣ, съ особливымъ вниманіемъ взирать будетъ. Со всѣмъ тѣмъ можете вы твердо надѣяться, что агличане вамъ въ гаваняхъ своихъ явныхъ препятствій дѣлать не будутъ, а паче повидимому и всякое наружное способствованіе оказывать не отрекутся, но вмѣсто того иногда подъ рукою или другими казистыми предлогами преноны полагать устремятся. Болѣе всего заслуживаетъ крайней осторожности извѣстное требованіе Англіи, чтобъ въ каналѣ, раздѣляющемъ ее отъ Франціи и другихъ къ владѣніямъ ея ближнихъ водахъ, надъ которыми она совершенное и исключительное присвояетъ себѣ господствованіе, чтобъ иностранные военные суда и эскадры салютовали и самое малое аглинское военное судно пушечною пальбою и спущеніемъ флага и вымпола.

Мы довольно вѣдаемъ, что общепринятое мнѣніе привязываетъ къ флагу государей, верховную честь достоинства и независимости коронъ ихъ, но съ другой стороны въ спеціальныхъ случаяхъ, гдѣ слава и польза государственная всему предшествовать должны, изыскиваютъ благоразумная прозорливость и нужда обстоятельствъ средства удобныя къ изъятію изъ среды камня претыканія. Мы примѣтимъ вамъ потому, что долгъ, возложенной на васъ довѣренности нашей будетъ отъ васъ требовать, чтобъ

вы въ прохожденіе чрезъ каналъ всѣ мысли и попеченіе ваше устремляли къ недоведенію себя предъ аглинскими кораблями до непріятности того или другаго рода, стараясь тамъ, гдѣ уже необходимость постигнетъ, упреждать или отвращать оныя благоразумнымъ и умѣреннымъ къ мѣсту и кстати снисхожденіемъ, дабы инако отъ посторонніихъ причинъ не могло родиться замедленія или же самой остановки въ толь нужномъ и важномъ вашемъ пути. Отъ времянъ еще дѣда нашего Имп. Петра I имѣемъ мы примѣръ бытности нѣсколькихъ военныхъ кораблей въ каналѣ. Сей случай долженъ быть вамъ извѣстенъ по Адмиралтейской Коллегіи и какимъ образомъ тогда поступаемо было. Сверхъ того, въ отвращеніе спора могутъ по разности времянн и другіе способы на мѣстѣ придуманы быть, напримѣръ благовремяннымъ вдали еще со встрѣчающимся соглашеніемъ о разъѣздѣ между собою или по крайней мѣрѣ о удаленіи одной стороны изъ вида или на такое разстояніе, гдѣ требованіе мѣста имѣть не можетъ. Все сіе заключимъ мы тѣмъ, что отъ благоразумія, осмотрительности и усердія вашего будемъ ожидать всего лутчаго; а между тѣмъ не будетъ конечно съ нашей стороны оставлено и все то, что къ облегченію сей работы и мимо васъ сдѣлано быть можетъ. Къ послу нашему въ Лондонѣ гр. Чернышеву пошлется повелѣніе, чтобъ онъ до пришествія вашего въ каналъ, открылъ аглинскому двору въ дружеской и союзнической откровенности отправленіе эскадры нашей и заранѣе испросилъ для васъ на основаніи счастливо пребывающей между нами и королемъ Великобританскимъ дружбы, всего того вспомоществованія, которое вамъ нужно быть можетъ. Не меньше будетъ ему предписано о употребленіи всевозможнаго старанія въ томъ, дабы по причинѣ салютаціи всякое недоразумѣніе и неудобство съ стороны его К. В-ва упреждено было *)....

Все, что здѣсь сказано въ разсужденіи канала, раздѣляющаго Англію съ Франціею долженствуетъ служить вамъ правиломъ и относительно къ Гибралтару и Портъ-Магону, когда вы къ симъ мѣстамъ приближетесь.

...Съ Бурбонскими дворами имѣемъ мы только наружное согласіе, и можемъ конечно безъ ошибки полагать, что они намъ и оружію нашему добра не желаютъ; но нельзя и того ожидать, чтобъ они шествію вашему явно и вооруженною рукою супротивляться стали, не имѣя къ тому

*) Въ рескриптахъ, данныхъ Эльфинстону и Арфу касающееся Англіи было частью измѣнено; именно сказано, что Англія «намъ прямо доброжелательна и одна изъ дружественнѣйшихъ нашихъ державъ, пот. что политическіе наши виды и интересы весьма тѣсно между собою связаны и однимъ путемъ къ одинаковой цѣли идутъ». Притомъ, въ силу коммерческаго трактата, взаимная навигація совершенно свободна. Наконецъ, вслѣдствіе откровеннаго изъясненія съ англ. правительствомъ, мы получили увѣреніе, что военные наши корабли будутъ приняты въ ихъ пристаняхъ за дружественные и снабжаемы всякою нужною помощью,—какъ то и было въ отношеніи эскадры Спиридова. Нужно только соблюдать осторожность и благоразуміе въ отношеніи вопроса о салютаціяхъ. См. Сборн. Р. Ист. Об. I, 126 сл.

не только законной причины, ниже казистаго предлога. (Въ виду этого обходиться при встрѣчѣ съ ихъ кораблями: „хотя дружелюбно, но осторожно, а гавани ихъ кромѣ самой крайней нужды обѣгать надобно *).

Съ Португаліей у насъ нѣтъ никакихъ сопряженій, но изъ вражды къ Испаніи она вѣроятно будетъ (какъ то и случилось относительно кораблей экскадры Спиридова) принимать наши корабли. Того же слѣдуетъ ожидать отъ Сардинскаго двора, тѣмъ болѣе, что онъ „въ заботливой позиціи между Версальскимъ и Вѣнскимъ дворами“ и что „по коммерціи не имѣетъ нужды менажировать турковъ, которая у другихъ державъ, и именно у Англіи мѣсто имѣть можетъ“. (Въ Мальту съ эскадрою Спиридова отправленъ уполномоченный — маркизъ Кавалькабо. Представить вел. магистру, какъ Порта „яко вѣчный врагъ имени христіанскаго, по врожденной къ оному злобѣ, нарушила миръ съ нами“; что мы „обратя на турокъ знатныя сухопутныя силы, разсудили воспользоваться настоящимъ случаемъ къ *облегченія жребія* **) (зачеркнуто: *освобожденію*) христіанскихъ въ Греціи на твердой землѣ и на архипелагскихъ островахъ подъ жестокимъ игомъ злочестія магометанскаго страждущихъ народовъ“, что такое наше намѣреніе должно натурально ордену весьма пріятно быть, пот. что самая институція бытія его основана на защищеніе креста святаго и поборниковъ его противъ невѣрныхъ, и потому онъ разрѣшитъ вѣроятно свободное пристанище русскимъ судамъ. Предложить также соединеніе судовъ ордена съ русскою эскадрою.

Ливорно, въ качествѣ вольнаго порта, открытъ будетъ для нашихъ кораблей, множество примѣровъ тому было въ послѣднихъ войнахъ между Англіею и Франціею. Венеція „давно желаетъ ближайшаго съ нами соединенія, но по робости отъ сосѣдства съ турками происходящей, не смѣетъ еще податься на явные къ тому способы. Безъ сомнѣнія венеціанцы желаютъ намъ внутренно добра ***), но извнѣ чаятельно будутъ руководствоваться правилами вышеупомянутой робости“.

Съ Рагузою поступать смотря по обстоятельствамъ. Также съ африканскими корсарами, если сами пакостей дѣлать не станутъ, но если слу-

*) Дополненіе въ рескриптѣ Эльфинстону и Арфу: Бурб. дворы, какъ слѣдуетъ ожидать, «не возмогши по какому законному резону явно насъ атаковать, постараются коварствомъ и хитростію искать самаго малѣйшаго къ привязкѣ предлога для нанесенія намъ вреда и воспрепятствованія на востокѣ нашимъ операціямъ, а какъ натуральнѣйшій способъ для произведенія оныхъ въ дѣйство можетъ найденъ быть по поводу комерціи ихъ въ Средиземномъ морѣ», то слѣдуетъ строжайше наблюдать правила преподанныя относительно коммерціи нейтральныхъ. Ср. Рус. Арх., 1878, № 12, 434.

**) Написано рукою Н. И. Панина вмѣсто зачеркнутаго: *освобожденію*.

***) Арфу приписано: «развѣ дезерція ихъ подданныхъ нашей православной вѣры, кои вышли изъ земель ихъ владѣнія для принятія участія въ морейскихъ происшествіяхъ, сдѣлаетъ замѣшательство въ образѣ ихъ разсужденія.

чится застать ихъ въ нападеніи на христіанское судно, то не разбирая національности судна, имѣете вы бить и христіанъ изъ плѣна освобождать".

Сверхъ того Спиридову разрѣшается въ случаѣ нужды „отозваться отъ себя манифестомъ или инако какъ къ тѣмъ варварскимъ народамъ для извлеченія ихъ отъ турецкаго повиновенія.—Относительно цѣли намѣреній нашихъ и будущихъ военныхъ операцій флота ничего точнаго не предписывается, ибо по дальности мѣстъ и по несвѣдѣнію людей и нравовъ нельзя того и сдѣлать съ достаточнымъ на всѣ случаи усмотрѣніемъ, а предоставляется на усердіе Спиридова и Орлова по взаимному ихъ соглашенію. „Тутъ уже будетъ дѣло общей вашей вѣрности къ намъ, усердія къ любезному отечеству и персональной славы распорядить *употребленіе наличныхъ силъ* и средствъ, *также склонности могущества православныхъ народовъ* такимъ образомъ, *чтобы непріятелю какъ можно скорѣе* въ самыхъ его нѣдрахъ *чувствительные удары нанесены* и оными какъ для армій нашихъ въ здѣшней сторонѣ *полезная диверсія* учинена, такъ и ресурсы его въ самомъ источникѣ отрѣзаны были...

Въ осмотрѣ плавающихъ по непріятельскимъ водамъ судовъ, когда вы уже будете въ полныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, слѣдовательно въ срединѣ самыхъ его областей, имѣете вы поступить въ разсужденіи всѣхъ нейтральныхъ націй по общенароднымъ правамъ и обыкновеніямъ, а что касается до контрабанды, по точной силѣ нашего съ Англіею коммерческаго трактата конфискуя все то, что въ ономъ оружіемъ и военными снарядами именно оглавлено и везется прямо къ непріятелю, также и все ему собственно принадлежащее, но не забирая однакожъ самихъ судовъ, какой бы они христіанской націи ни были, хотя турецкихъ подданныхъ, дабы инако не произвесть жалобъ постороннихъ державъ, ниже огорчать тѣхъ самыхъ христіанъ, на освобожденіе и подкрѣпленіе которыхъ вы присланы будете, слѣдовательно же и не раздѣлывать одною рукою то, что другою сооружаемо будетъ; напротивъ чего суда и товары магометанъ должны всегда добрыми призами почитаемы и какъ таковыя въ пользу употребляемы быть.

Скоро по выступленіи вашемъ съ эскадрою, отправится отсюда другая подъ командою к.-а. Элфинстона. Онъ будетъ имѣть повелѣніе идти какъ наискорѣе къ Дарданеллямъ и занять тамъ въ каналѣ выгодную позицію для пресѣченія всего водянаго въ Царьградъ изъ Египта и другихъ мѣстъ подвоза. Хотя такимъ образомъ цѣль экспедиціи его будетъ совсѣмъ другая отъ порученнаго вамъ предмета и общихъ вашихъ съ гр. Орловымъ операцій на твердой землѣ и въ Архипелагѣ; однако тѣмъ не меньше держась каждый изъ васъ своего особливаго вида, не смѣшивая ихъ вмѣстѣ, взаимныя ваши дѣйствія могутъ, по близости быть другъ другу не малою помочью и облегченіемъ.

Вы получили уже все къ снабженію 50 церквей принадлежащее какъ ризницы, сосуды и книги. Намѣреніе наше въ разсужденіи сихъ церковныхъ вещей такое, чтобъ вы употребляли ихъ для поспѣшествова-

нія дѣла обще съ гр. Орловымъ, яко главнымъ руководителемъ на твердой землѣ, гдѣ кто въ нихъ нужду и пользу на мѣстѣ особливо усмотритъ.

Употребленіе арматоровъ или каперовъ противу мореплаванія непріятеля хотя есть дѣло по существу принадлежащее къ вашимъ морск. операціямъ, но какъ польза и вредъ изъ того происходящіе относиться должны къ христіанскимъ народамъ тамошнихъ мѣстъ и потому болѣе касаются до тѣхъ мѣстъ и распоряженій, которыя отъ насъ поручены гр. Орлову, то и остается сей способъ поиска надъ непріятелемъ въ зависимости отъ общаго вашего соглашенія, по коимъ ничего опредѣленнаго предписать невозможно, а только для свѣдѣнія, какъ оной употребляемъ бываетъ отъ другихъ державъ, сообщаются вамъ всѣ тѣ обряды, какіе въ прошедшую войну Англіею были наблюдаемы въ употребленіи своихъ и чужестранныхъ каперовъ...

ПРИЛОЖЕНІЕ 28-е.

Собственноручныя письма Екатерины (Румянцеву св. 3. въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д.

При письмѣ 8 мая 1770 г. письма Маруцци изъ Венеціи 3 (14) и 10 (21) апр. 1770: *Проведиторъ венеціанской* республики въ Корфу сообщаетъ сенату, на основаніи донесеній *венеціанскихъ консуловъ* въ Морѣ, что греки встрѣтили нашъ флотъ съ восторгомъ, что они доставляютъ ему массами всякіе запасы и сообщаютъ всякія полезныя свѣдѣнія; что нельзя сомнѣваться, что значительнѣйшая часть Морен скоро будетъ завоевана, если только флотъ получитъ еще подкрѣпленія. „Le général Venitien marque au senat, qu'il se trouvoit extrêmement embarassé voyant que même les sujets grecs de la république étoient triomphants de l'arrivée de notre flotte, qu'il ne savoit point ce qu'il pourrait contreposer, pour empecher les mauvais effets, à moins d'user de toute la douceur possible, se trouvant presque sans aucune défense; que le nombre des trouppes qu'il avoit, étoit trop petit au besoin, de même que les forces de mer, ce qui lui rendoit très nécéssaire l'arrivée des vaisseaux et des trouppes destinées par le senat; il proteste de ne vouloir point répondre des mauvaises cônséquences qui pourroient arriver dans les isles de la république à cause de la grande fermentation, dans laquelle ces peuples là de la religion greque se trouvoient, que le bruit que notre flotte devoit grossir beaucoup augmentoit beaucoup les espérances de ces grecs d'opposer une forte resistance". Эти свѣдѣнія подтверждаются приходящими изъ Архипелага судами. Все это встревожило Венецію. Нѣкто, капитанъ Паликукія, венеціанскій подданный, приставшій къ русской эскадрѣ подъ венеціанскимъ флагомъ былъ объявленъ banni capitalement, и объявлена цѣна за его голову; другимъ подданнымъ республики запрещено всякое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ или подвозъ строеваго лѣса и матеріаловъ для постройки военныхъ кораблей; а Портѣ республика заявила изви-

нія по этимъ вопросамъ. Проведиторъ въ Корфу сообщаетъ о волненіяхъ въ венец. владѣніяхъ (о. Кефалонія) среди грековъ въ видахъ donner l'isle à l'obéissance de notre cour, что онъ не pouvoit point se faire garant de ce que pourroit produire le fanatisme des grecs pour notre cour, особенно при недостаткѣ на мѣстѣ венеціанскихъ войскъ и кораблей. Въ виду всего этого сенатъ отправилъ эскадру и войска въ Архипелагъ, къ о. Занте и Кефалоніи, для удержанія тамъ порядка, а вслѣдствіе жалобъ Порты на допущеніе въ венеціанскіе порты русскихъ кораблей, венеціанскій байло въ Константинополѣ далъ Портѣ объясненія и письменное заявленіе, что республика будетъ свято хранить Пассаровицкій миръ и не оказывать никакой помощи русскимъ. Венеція опасается Вѣнскаго двора.—Объ отношеніяхъ Венеціи къ морейской экспедиціи ср. Рус. Арх. 1876, № 7, стр. 281 сл.; 1878, № 12, стр. 416 сл.

ПРИЛОЖЕНІЕ 29-е.

Собственноручное письмо Екатерины II, св. 3.

Рескриптъ *Румянцеву* 23 янв. 1769: Удовольствіе, „что выслушавъ явившагося къ вамъ отставнаго маіора Каразина предложенія, касающіяся до славянскихъ народовъ въ турецкомъ подданствѣ живущихъ и судя оныя достойныя быть Нашего вниманія, его самого сюда прислали для лучшаго изъясненія". Каразинъ пожалованъ въ подполковники, а резолюцію по поводу его предложенія усмотритъ изъ рескрипта къ ген. кн. Голицину, такъ какъ послѣдней будетъ находиться ближе къ славянскимъ народамъ и потому ему удобнѣе „имѣть съ ними сношенія, дѣлать имъ поощреніе къ общему противъ непріятеля содѣйствованію и въ нужныхъ случаяхъ подкрѣпленію ихъ своими операціями". Но и Румянцевъ при случаѣ имѣетъ также поступать сходно съ тѣми видами и потому ему прислано нѣсколько печатныхъ манифестовъ къ тѣмъ народамъ „которыми находящіеся подъ игомъ турецкимъ христіане возбуждаются къ сверженію онаго и къ пріобрѣтенію свободы и независимости при случаѣ настоящей войны".

ПРИЛОЖЕНІЕ 30-е.

Campagnes, Turquie, 1771,—Spiridow (archives, correspondance).

Ея Имп. В-ва всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Екатерины Алексѣевны военнаго Ея В-ва здѣсь въ Архипелагѣ флота

Отъ адмирала и разныхъ орденовъ кавалера Григорья Спиридова.

Объявленіе.

Слава Господу Богу нашему да будетъ во вѣки, помогающему своей помазанницѣ, нашей премудрой всепресвѣтлѣйшей великой Государынѣ

Императрицѣ Всероссійской Екатеринѣ Алексѣевнѣ, какъ на сухомъ пути войску, такъ и на морѣ флоту противу общаго христіанамъ непріятеля турка, о чемъ всѣмъ извѣстно какія россійск. армія и флотъ побѣды получили и отъ турковъ землями, а въ Архипелагѣ островами завладѣли; нынѣ жъ наступило время послѣдней имъ туркамъ ударъ сдѣлать и тѣмъ всѣхъ христіанъ освободить изъ подъ ига агарянскаго и отъ ихъ ругательства нашего христіанскаго закона и гоненія.

По согласію высокоповелительнаго и главнокомандующаго г. генерала и разныхъ орденовъ кавалера сіятельнаго гр. А. Г. Орлова призываю я къ сему славному дѣлу храбрыхъ всегда въ военныхъ дѣлахъ христіанскаго закона Славянъ, Грековъ, Македонцовъ, Албанцовъ и Румеліотовъ, которые сребро и злато за малое дѣло ставятъ, а предпочитаютъ больше всего военную свою славу и вольность, довольствуясь, какъ храбрые воины только самымъ необходимымъ для себя содержаніемъ и что храбростію и оружіемъ своимъ у непріятеля турковъ, побѣждая ихъ, отъ нихъ получатъ, то и непостыдная и безгрѣшная добыча, а при случаѣ великодушно и терпѣливо сносятъ и многіе недостатки; мы же въ арміи и на берегу и на флотѣ русскіе воины изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ для избавленія своей братіи христіанъ изъ ига Агарянъ отъ премудрой нашей великой государыни императрицы посланные, никогда о богатствѣ не помышляемъ, а довольствуемся только тѣмъ, что великая наша государыня намъ жалуетъ для нашего содержанія и за свою братью христіянъ, чтобъ ихъ избавить отъ подданства и ига турецкаго, проливаемъ кровь свою, ставя не только раны, но и смерть въ славу, защищая церковь Христову и свою братью христіанъ избавляя, убитъ ли же кто сіи раны получилъ, надѣясь на Іисуса Христа сына Божія нашего на крестѣ кровію своею отъ ада искупителя, что тѣмъ сподобится на страшномъ судѣ мученическаго вѣнца и рая вѣчнаго; почему кто желаетъ отъ насъ большаго жалованья и за оное, а не за церковь Божію и христіанству служить, мы таковыхъ не призываемъ и имѣть у себя не хотимъ, а желаемъ имѣть своихъ товарищей, какъ и мы, несребролюбивыхъ, но храбрыхъ; однакожъ безъ пищи никто пробыть не можетъ, также и деньги не на пьянство и не на картежную и костяную игру, блядовство и мотовство, но на самую нужду безъ чего пробыть нельзя, какъ то на обувь и одежду, то и обѣщаемъ провіантомъ довольствовать, равно противу своихъ людей, когда на морѣ, то противу морскихъ, а когда на берегу, то противъ сухопутныхъ войскъ; порохъ и свинецъ будутъ получать отъ насъ сколько когда вознадобится, да денежнаго жалованья гораздо больше, нежели какъ наши солдатскія и матросскія команды получаютъ, а именно станемъ давать по заслуженіи онаго жалованья:

На всякій мѣсяцъ піастровъ, считая въ піастрѣ по 40 паръ:

Капитану или сотнику	24
Товарищу его или поручику	16
Носителю знамя или прапорщику.	10

Десятнику или уряднику. 8
Рядовому воину. 4

Только надобно будетъ таковой порядокъ, что оное денежное жалованье рядовому воину довольно будетъ всегда каждому безъ отмѣны по 4 піастра на мѣсяцъ, а начальнику какъ по сему.

1-е. Капитану или сотнику должно у себя имѣть въ сотнѣ или ротѣ товарища или поручика—1; носителей знамя или прапорщиковъ 2, одинъ у капитанскаго, а другой у порутческаго знамя; десятниковъ или урядниковъ 10.

У всякаго десятника или урядника рядовыхъ воиновъ по 10-ти человѣкъ, и того у 10-ти десятниковъ рядовыхъ 100.

И такъ, вся рота будетъ состоять числомъ 113.

Больше жъ онаго числа людей капитану или сотнику въ ротѣ своей не имѣть, ибо на излишнихъ людей жалованья давано не будетъ, а ежели будутъ являться къ капитану излишніе воины, таковыхъ отсылать къ капитанамъ въ другія роты.

2-е. У десятниковъ или урядниковъ въ командѣ больше 10 рядовыхъ воиновъ не имѣть, ибо на излишнихъ людей жалованья давано не будетъ.

3-е. Ежели у капитана или сотника будетъ въ ротѣ меньше 100 человѣкъ рядовыхъ, то и онъ сотникъ и ево товарищъ поручикъ меньше и жалованья получаютъ, а именно за каждыхъ 10 человѣкъ воиновъ 2-хъ, а товарищъ его поручикъ 1-го піастра на мѣсяцъ лишаются; напримѣръ будетъ у капитана или сотника не больше 90 человѣкъ рядовыхъ воиновъ, то онъ получаетъ не 24, только 22, а товарищъ его поручикъ 15 піастровъ, а буде не болѣе 80 человѣкъ, то получаетъ 20, а товарищъ его 14 піастровъ на мѣсяцъ... а буде не больше 40, то получаетъ 14, а товарищу быть не у чего и тогда уже знаменоносецъ или прапорщикъ долженъ быть одинъ, а не двое и другому знаменоносцу такого жалованья давано не будетъ, а когда не больше 30 человѣкъ рядовыхъ воиновъ, то капитанъ получаетъ 12, ежели же не больше 20 человѣкъ рядовыхъ воиновъ, то у такой малой команды ни капитану, ни поручику и знамю быть не у чего и должно онымъ двумъ десятникамъ съ десятниками или урядниками вступить въ команды въ другія роты къ капитанамъ, гдѣ опредѣленныхъ числомъ людей не достаетъ.

Тако жъ и десятники или урядники, ежели у нихъ будетъ меньше опредѣленнаго числа людей, то и они меньше жалованья получатъ, напр. буде у десятника будетъ только 8 рядовыхъ воиновъ, то онъ получитъ только 7 піастровъ на мѣсяцъ... при 5 жъ воинахъ десятнику или уряднику быть не у чего, но такое малое число людей должны вступить въ другіе десятки, гдѣ по нѣскольку въ опредѣленное число не достаетъ. Больные жъ и раненые завсегда должны счисляемы быть наличными въ десяткахъ и въ ротахъ, и объ нихъ равно мы стараніе употреблять будемъ лечить и содержать оныхъ въ довольствіи, какъ и своихъ рус-

скихъ, также и тѣ люди, которые въ наличномъ числѣ считаться должны, ибо и онымъ жалованье произведется.

4-е. Капитанъ или сотникъ выбираетъ себѣ въ товарищи съ согласія своей роты, кого заблагоразсудитъ быть достойнымъ и способнымъ, особо сообща и съ согласія своей роты выбираютъ себѣ знаменоносцевъ или прапорщиковъ, а всѣ четверо сообща и съ согласія воиновъ выбираютъ десятниковъ или урядниковъ; десятники жъ или урядники выбираютъ въ десятки въ свои команды рядовыхъ воиновъ по своему выбору, кто у котораго десятника самъ въ командѣ быть желаетъ, а не поневолѣ, и они десятники или урядники, каждый въ своемъ десяткѣ за своихъ подкомандующихъ воиновъ во всемъ и отвѣтствовать своимъ командирамъ, т. е. капитану и его товарищу и знаменоносцамъ должны, товарищъ же или поручикъ и знаменоносцы или прапорщики и десятники или урядники и всѣ рядовые воины состоятъ въ командѣ у своего капитана или сотника, должны быть ему капитану во всемъ послушны и почитать какъ своего командира, опасаясь за непочтеніе и непослушаніе по винѣ наказанія, также и между собою по чинамъ да будутъ почтительны и послушны.

5-е. Капитанъ долженъ имѣть у себя о всей своей ротѣ имянной списокъ, а по крайней мѣрѣ о своихъ офицерахъ и урядникахъ, также и офицеры, хотя къ кому десятники или урядники съ десятниками отъ капитана опредѣлены будутъ, десятники жъ или урядники всеконечно всякій о своемъ десяткѣ долженъ имѣть имянной реэстръ или знать по памяти всякаго у себя въ десяткѣ по имени и прозванію, и куда кто выбудетъ и посланъ будетъ или умретъ или сбѣжитъ или по приказу не исполнитъ или какую бездѣлицу или своевольство сдѣлаетъ.

6-е. Пять таковыхъ капитановъ съ своими ротами могутъ выбрать надъ собою особо еще себѣ начальника или маіора изъ своего жъ народа и подчинить себя ему въ команду, который долженъ имѣть у себя особое знамя и особливаго знаменоносца и однаго десятника съ десятью человѣками рядовыхъ воиновъ, которымъ отъ насъ давано будетъ денежное жалованье: начальнику или маіору по 40 піастровъ на мѣсяцъ, а знаменоносцу, десятнику и рядовымъ воинамъ противъ того жъ жалованья, какъ кому въ ротахъ положено, можетъ же быть выбранъ начальникъ или маіоръ и у четырехъ или у трехъ капитановъ, но не получаетъ уже такого жалованья и при себѣ людей, но съ уменьшеніемъ.

7-е. Оныя призываемыя нами храбрыя войска должны состоять въ командѣ у генераловъ и у штабъ и оберъ-офицеровъ нашихъ регулярныхъ войскъ, какъ на берегу, такъ и на морѣ во всякомъ военномъ послушаніи безъ отрицанія, однако не отдается начальникъ или маіоръ въ команду ниже регулярнаго поручика или подпоручика, а поручикъ и знаменосцы ниже подпоручика и прапорщика, а десятники или урядники ниже ефрейтора регулярнаго.

8-е. По вышеписанному положенію провіантъ всегда впредь, а денеж-

ное жалованье по заслуженіи каждаго мѣсяца получать будутъ отъ того регулярнаго командира, кому въ команду отдадутся или отъ него кто опредѣленъ будетъ, кому объ нихъ попеченіе имѣть должно всѣмъ по наличному числу, чтобъ не было какихъ обмановъ и не брали бы провіанта и жалованья на такихъ, какихъ и на лицо нѣтъ или и наличныхъ не ставили бъ для счету вдвое на смотръ, дабы отъ того опослѣ доносовъ и хлопотъ не произошло.

9-е. При сраженіи съ непріятелемъ вся полученная оными самыми храбрыми воинами отъ непріятеля добыча останется при нихъ безспорно и никто изъ того у нихъ требовать, отнимать и къ себѣ присвоить не долженъ.

10-е. Все, по повелѣнію погрѣбленное у непріятеля оными самыми храбрыми воинами, пожитки и имѣніе и деньги останутся у нихъ какъ добрая добыча.

11-е. При взятьѣ городовъ, крѣпостей и батарей приступомъ, буде они храбрые воины одни изъ оныхъ что приступомъ возьмутъ, то всѣ турецкіе пожитки, что пограбятъ, останутся у нихъ, а что султанское, также артиллеріи, снаряды и всякое оружіе и султанская казна и письма, оное только возьмутся къ намъ въ казну государынѣ.

12-е. Ежели пошлются и отгонятъ непріятельскій скотъ, то изъ онаго половина возьмется для регулярныхъ войскъ, а другая половина останется у нихъ храбрыхъ воиновъ для ихъ удовольствія и на продажу, какъ они сами похотятъ, буде же скотина по надобности отогната будетъ отъ христіянъ, то оная для удовольствія всѣхъ равно, ибо за ту скотину хозяевамъ изъ казны потомъ заплочены будутъ отъ насъ деньги.

Позабудьте на время домы, женъ и дѣтей и сродниковъ и потопчите ногами злато и сребролюбіе и поступайте храбрые воины по предписанію и будьте довольны малымъ, а больше тѣмъ, что нынѣ и Богомъ повелѣваемое и вспомогаемое намъ время турковъ истребить, а вамъ себя на вѣки вѣковъ, пользуясь вольностію во все будущее время прославить и жить съ своими домашними впредь спокойно; безъ насъ вы одни такого преславнаго дѣла не можете исполнить, какъ нынѣ при насъ прославитесь и съ симъ окончеваю. Марта 12 дня 1771 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ 31-е.

Записка, озаглавленная: „Спбургъ 28 ноября 1771 года“, содержащая извѣстія о дѣйствіяхъ флота въ Архипелагѣ. Весь іюль и половину августа флотъ за противными вѣтрами и опасаясь поврежденія кораблей бездѣйствовалъ. 16-го пошли къ Негропопту, непріятель бѣжалъ въ крѣпость, а русскіе „нашедъ въ разныхъ деревняхъ магазейны съ пшеницей, спокойно чрезъ нѣсколько дней грузили оную и разный скотъ на мелкія суда“ и „въ томъ единственно и состояло намѣреніе главнокомандую-

щаго". Въ сентябрѣ при о. Тассо взято нѣсколько турецкихъ мелкихъ судовъ съ солью, пшеницею и кофіемъ; потомъ получа извѣстіе что близъ г. Орфано находятся великіе султанскіе магазейны съ мукою и пшеницею, сдѣланъ дессантъ и въ теченіи сутокъ „спокойно перевозима была пшеница и мука" (до 8000 киловъ), а остальное сожжено. Также и изъ отчетовъ о дѣйствіяхъ эскадры Ѳ. Орлова видно, что она жгла магазины, захватывала непріятельскія суда.

ПРИЛОЖЕНІЕ 32-е.

М. Гл. Арх. М. И. Д., собственноручныя письма Екатерины, св. 3; приложеніе къ рескрипту Румянцеву отъ января и ген. кн. Голицыну отъ января 1769 г.

Грамота Екатерины къ Бану мунтянскому Пернулу Кантакузину отъ 19 янв. 1769 г.: Съ особливымъ удовольствіемъ увѣдомились чрезъ Каразина „о похвальной вашей по православномъ нашемъ христіанскомъ законѣ ревности и пріемлемомъ потому вами намѣреніи воспользоваться обстоятельствомъ настоящей... войны къ избавленію вашего отечества и всѣхъ сосѣднихъ оному христіанскихъ областей отъ поноснаго турецкаго порабощенія. Въ самомъ дѣлѣ, буде въ какое время толь полезное для всего христіанства, а особливо для славенскихъ народовъ предпріятіе удобно начато и благополучно окончено быть можетъ, то въ настоящее военное, когда Порта... нарушила миръ и силы ея должны будутъ заниматься противъ нашихъ войскъ; итакъ мы увѣрены, что вы и не оставите употребить къ тому способовъ... имѣя сношеніе и съ командующимъ нашею арміею генераломъ". Далѣе, говорится о бѣдствіяхъ славянъ въ турецкомъ подданствѣ и объ утѣсненіи самому ихъ благочестію, поэтому несомнѣнно „они или же покрайней мѣрѣ весьма многіе съ радостію предадутся предводительству" бана. А при такомъ ихъ расположеніи и стараніяхъ бана можно надѣяться, что „Господь благословитъ васъ великими успѣхами, и что сіи народы одолжены будутъ вамъ своимъ избавленіемъ". „По усердію Нашему къ православному христіанскому закону и по соболѣзнованію о страждущихъ христіанахъ" намѣреніе бана пріобрѣло особливое наше благоволеніе и молимъ Бога о помощи а еслибъ дѣла не по желанію обратились и вы въ отечествѣ вашемъ съ безопасностію остаться но моглибъ", то „дозволяемъ роду вашему и вамъ наше покровительство и убѣжище въ нашей имперіи". Посылается портретъ и кресты золотые архимандритамъ Софронію и Дамаскину.

ПРИЛОЖЕНІЕ 33-е.

Грамота къ императрицѣ отъ Валахскаго княжества, привезенная депутатами:

Предъ нѣкіимъ временемъ прешедшій наши мѣста честнѣйшій подпол-

ковникъ Назаръ Каразинъ увѣдомился отъ насъ, что мы всѣ обще ревность и склонность имѣемъ, чтобы наша страна въ наслѣдство досталась державной имперіи в. ввa; маложъ послѣ мы августѣйшіе самодержавные манифесты всенижайше получивъ, съ прилежаніемъ и пристойностію сообщили приличнымъ мѣстамъ и объявили императорское намѣреніе, милость и покровительство всѣмъ, итакъ, по императорск. указу всѣ усердно склонилися (т. е. положились) на содержимыя въ тѣхъ манифестахъ повелѣнія, такъ, что всеусерднѣйшіе были молитвенники за побѣду храбраго воинства и въ недеждѣ ожидали точно (т. е. твердо) милости и покровительства в. и. ввa, а за совершенный Хотинскій уронъ съ радостію прославили Всевышняго, увидѣвъ то блаженное время желаннаго нашего избавленія, всеусерднѣйше ожидали пришествія побѣдоноснаго воинства.—Между тѣмъ подъ командою помянутаго подполковника вошло въ границы наши малѣйшее число волонтеровъ, которыхъ какъ составъ (т. е. знакъ) императорскія защиты съ радостію приняла наша страна; къ тѣмъ-же присовокупясь еще и многіе нашего націона, вошли въ Букорестъ и храбро наступая погнали непріятеля; таковымъ-же точно примѣромъ скорѣе выговоренія слова послѣдовали по всему Цару (т. е. волошской землѣ) и упражняются уже въ побиваніи и изгнаніи останняго числа непріятелей изъ нашихъ предѣловъ.—Избавленіе Букореста объявили мы тотчасъ командующему арміею генералитету в. ввa, и просили довольнаго числа войска на защищеніе и укрѣпленіе нашихъ сторонъ, коего часъ отъ часу ожидаемъ, а между тѣмъ, послѣ побѣды подъ Галацомъ, прибылъ сюда помянутый подполковникъ, и нынѣ находится въ Букорестѣ для защищенія нашего.—А какъ мы уже ту благополучную минуту, которыя предки наши давно ожидая пріятнѣйшую тоя надежду намъ предали видѣвъ, удостоилися получить спасительную фортуну послѣ тыранства уже трехъ вѣковъ и полъ, а особливо послѣ египетской скорби и утѣсненія 50-ти или 60-ти лѣтъ послѣднихъ, то въ засвидѣтельствованіе таковыя общія радости и въ доказательство благодаренія в. ввy купно же къ испрошенію императорскія милости на наши мѣста, слѣдуютъ всеподданнѣйше поклонитися самодержавнѣйшему престолу в. ввa богомолецъ вашъ преосвященный митрополитъ нашъ Григорій для церковныхъ, и раби подданнѣйшіе вел. вестіаръ Мих. Кантакузинъ и вел. логоѳетъ (т. е. боярінъ) Ник. Бранкованъ для гражданскихъ дѣлъ, чрезъ которыхъ припадающе вси обще слезно молимъ о полученіи помянутымъ благопріятіи, императорскія благосердыя милости и услышанія всеподданнѣшаго прошенія мѣстъ нашихъ.—Всеусерднѣйше же молимъ, да приметъ в. вво мѣста наши подъ неотъемлемое покровительство и утвердитъ насъ непобѣдимою защитою, присовокуня къ пространству имперіи в. ввa, да имѣетъ насъ подъ призрѣніемъ матернія любви, которую и прочимъ подданнымъ в. вво показывать изволитъ. А какъ непріятель уже совсѣмъ побѣжденъ и въ такомъ состояніи, что будетъ отъ в. ввa просити мира, то во время трактата

надѣемся извѣстно на милосердіе в. ввa, что въ заключеніи онаго опредѣленія не забвены будутъ и наши мѣста съ такимъ способомъ, чтобы не могъ непріятель отняти насъ отъ покровительства в. ввa посредствомъ другихъ какимъ-либо политическимъ образомъ, (т. е. съ постороннею помощію политическими хитростями) и ввергнути опять въ глубину тыранства; а тѣмъ бы лишити в. вво превеликія славы, отъ коея послѣдовать имѣетъ знатное дѣло избавленія рода плѣннаго: сверхъ того да не препятствовалъ бы державѣ в. ввa въ полученіи вѣчнонадлежащаго небеснаго награжденія за спасеніе толикихъ душъ, и для другихъ безчисленныхъ сюда прибѣгнути имѣющихъ отъ ближнихъ и далечайшихъ странъ подъ игомъ агарянскимъ находящихся: притомъ-же мѣста сіи сдѣлаться могли пристанищемъ спасительнымъ для христіанъ въ разсужденіи удобнаго прибѣжища подъ покровительство в. ввa, а особливо чтобы в. вво средствомъ было счастія всѣхъ христіанъ, оставшихся въ тыранствѣ еще непріятельскомъ, пока бы и тѣ избавились, а противникъ по усмиреніи своемъ не посмѣлъ уже противиться в. ввy, да ниже бы помыслилъ о второй уже войнѣ, развѣ опредѣлитъ прежде совершенное свое истребленіе.—Итакъ, милосердствуя в. и. вво о нашемъ прежнемъ состояніи и простеръ державную руку благоволите воздвигнути насъ отъ паденія нашего и благоутробно внушивъ моленія наша, защитити высокою мудростію, а избавивъ отъ работы языческія, показать да благоизволите насъ единъ отъ благополучныхъ родовъ пространной имперіи в. ввa. За что вси обще Бога молимъ да дастъ державному в. ввy всякое благо и долгоденствіе на автократическомъ престолѣ въ похвалу и славу всѣхъ христіанъ и въ пользу общую человѣческаго ро а. Всеподданѣйшіе рабы“ (подписи) 6 духовныхъ лицъ и свѣтскихъ: Конст. Кречулесковъ вел. ворникъ, Ѳома Кречулесковъ банъ, Дм. Раковица вел. вестіаръ, Пурвулъ Кангакузинъ спатаръ, Ник. Дудескулъ ворникъ, П. Филипескулъ ключарь, Р. Катакузинъ, Пантазій ключаръ, Гр. Балянъ пахарникъ, Георгій Столнинъ, Ник. Омѣданъ. Ноября 28 дня 1769 г. въ Букурестѣ.

Грамота 10 дек. 1769 къ императрицѣ отъ Молдавскаго княжества, привезенная депутатами и подписанная Гавріиломъ епископомъ молдавскимъ и еще 5-ю епископами и 6 архимандритами и игуменами, а также 29 боярами и дворянами между прочими: Лупулъ Балсъ вел. логоѳетъ, Іо. Стурдза ворникъ, К. Росетъ ворникъ, Г. Кантаузинъ спатаръ, І. Кантакузинъ спатаръ, К. Стурдза вестіаръ, Ѳ. Кантакузинъ спатаръ, Ст. Стурдза банъ, Н. Росетъ банъ, В. Росетъ пахарникъ, Г. Стурза пахарникъ, Я. Кантакузинъ столникъ, І. Катаржи столникъ и др.

Подобно тому, какъ императоръ Константинъ низвергъ нечестивыхъ оружіемъ креста, такъ и Екатерина низвергла турокъ, и „воцарилась слава луны и возсіяла свѣтлость звѣздъ в. ввa, а наконецъ возсіялъ и день сладчайшій спасенія нашего“, и т. д. „Какъ раби всеподданѣйшіе, приносимъ наши всеусердныя благодаренія и покореніе со всякимъ благоволеніемъ и со повиновеніемъ ко всякимъ в. и. ввa повелѣніямъ и въ

вѣрности подданства нашего съ клятвеннымъ обѣщаніемъ и обѣщаемся во имя живаго Бога нелицемѣрнаго судіи въ томъ, что всѣмъ повелѣніямъ в. и. ва будемъ покорны и даже до послѣдней капли крови нашей вся повелѣнное намъ отъ в. и. ва безъ всякаго нарушенія будемъ сохраняти и повелѣнное исполняти. И того ради и паки... всѣ припадаемъ подъ стопы в. и. ва, всесмиреннѣйше и изъ глубины душъ нашихъ просимъ, яко да всегда будемъ подъ высокимъ защищеніемъ и покровомъ в. и. ва и да будемъ осинены монаршескою кротостію и охранены непобѣдимымъ оружіемъ в. и. ва" и т. д.

Изъ хранящагося въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., въ дѣлахъ Молдавскихъ „Обряда", пріема императрицею (28 марта 1770 г.) депутатовъ княжествъ молдавскаго и волоскаго видно, что по произнесеніи ими рѣчей, „отъ лица ея и. ва, чрезъ вице-канцлера объявлено имъ принятіе под. высоч. покровъ обоихъ княжествъ въ слѣд. словахъ: „Ея и. ство со особливымъ монаршимъ благоволеніемъ къ народамъ молдавскому и волоскому пріемлетъ ихъ покореніе и въ вѣрности ихъ присягу; всѣхъ обывателей и каждаго изъ нихъ яко единовѣрныхъ своихъ всемил. обнадеживаетъ во всѣхъ ихъ христіанскихъ *) правахъ и преимуществахъ; всемил. Государыня увѣрятся изволитъ, что они себя навсегда достойными учинятъ покровительства и защищенія ея скипетра, должнымъ, вѣрнымъ исполненіемъ своей присяги, поспѣшествуя всѣми своими силами и по крайней своей возможности ея оружію противу вѣроломнаго Ея имперіи и всего христіанства непріятеля".

ПРИЛОЖЕНІЕ 34-е.

М. Гл. Арх. М. И. Д., X Campagnes Turquie, св. 1, 1769: Correspondances,—Alexandre Crutta émissaire. Донесеніе его Панину отъ 21 іюля 1769: Прибылъ въ Балту въ январѣ съ порученіемъ къ хану Керимъ-Гирею подъ именемъ и званіемъ греческаго купца Михаила Карайари. Сдѣлалъ ему откровеніе о порученіи de le porter à donner plus de solidité à l'établissement de sa dignité et plus de repos à son peuple etc. За внезапною смертью хана переговоры прервались, и онъ былъ препровожденъ его сыномъ въ Молдавію.

Тамъ-же, рескрипты гр. П. И. Панину.

№ 4 отъ 2 апр. 1770 г.: Усмотря изъ реляціи № 9 отъ 4 марта, что первыя учиненныя подсылки къ татарамъ для внушенія имъ мыслей о удобности настоящаго времени отстать отъ Порты, нѣкоторое уже дѣйствіе произвели, дается ближайшее изъясненіе нашей системы въ разсужденіи крымскаго полуострова. „Совсѣмъ нѣтъ нашего намѣренія имѣть сей полуостровъ и татарскія орды къ нему принадлежащія въ нашемъ

*) Вписано въ черновомъ.

подданствѣ“ и т. д. почти дословное изложеніе мнѣнія Совѣта, съ указаніемъ лишь на необходимость оставленія „въ нашихъ рукахъ прохода изъ Азовскаго въ Черное море, для чего чаятельно именно и нужны будутъ обѣ крѣпости сей проходъ защищающія, т. е. на крымскомъ берегу Еникале, а на кубанскомъ Тамань“. Въ случаѣ согласія татаръ подписать договоръ съ нами объ отложеніи ихъ отъ Порты, и если они „оставя себя нейтральными и независимыми ни отъ кого, обратятъ свою защиту единственно къ отпору турокъ“, то имъ будетъ оказываемо наше ручательство, покровъ и оборона, и мы не сложимъ оружія не утвердя договорными пунктами независимости крымской области. Относительно „принятія въ нѣкоторыя крѣпости нашего горнизона и уступки намъ морской гавани на крымскомъ берегу съ оставленіемъ въ нашихъ рукахъ прохода изъ Азовскаго въ Черное море, можете наисильнѣйше удостовѣрить ихъ, что мы тутъ никакихъ владѣній не желаемъ и не требуемъ, а хотимъ только для ихъ собственной всегдашней безопасности и надежности имѣть крѣпостныя прикрытія съ нѣкоторымъ вокругъ ихъ выгономъ для выгоды тамошнихъ жителей; между тѣмъ какъ въ самомъ существѣ польза нашей имперіи соединена будетъ въ томъ съ собственною ихъ; чтобъ въ нѣкоторыхъ ихъ мѣстахъ наши гарнизоны содержать, такъ изъ того повидимости ихъ свободности и независимости не будетъ ни малѣйшаго предосужденія по примѣру тому, что и Англія имѣетъ на гишпанскомъ берегу Гибралтарскую крѣпость, а многіе европейскіе народы и на берегахъ восточной Индіи укрѣпленія; со всѣмъ тѣмъ обѣ сіи державы равными признаются, да и прочія европейскія націи тѣхъ индѣйскихъ владѣтелей, въ земляхъ которыхъ имѣютъ укрѣпленныя мѣста, подчиненными себѣ почитать не могутъ же; тамъ только взаимная польза отъ коммерціи къ уступкамъ малой части земли убѣдила, а отъ татаръ собственная ихъ безопасность требуетъ исполнить по нашимъ желаніямъ“, ибо Порта безъ сомнѣнія будетъ пытаться вновь подчинить ихъ себѣ, а мы, „не имѣя въ ихъ сторонѣ близкихъ способовъ къ отраженію турецкихъ нападеній, принуждены были бы несмотря на наше торжественное обѣщаніе однако по разстоянію мѣстъ съ сожалѣніемъ видѣть чинимое иногда имъ угнетеніе. Вы дадите татарамъ уразумѣть, что по новымъ ихъ обстоятельствамъ натурально также должно быть условію и о свободной и безпрепятственной между обѣими сторонами коммерціи водяной и сухопутной; но въ подробности оной теперь входить еще не время, а довольно только то сказать, что и вся она съ нашимъ мореплаваніемъ въ ихъ же единую пользу и усиливаніе обратится, потому что они тогда болѣе никакихъ постороннихъ интересовъ, которые бы имъ наносить могли какое либо въ томъ препятствіе, какъ то много разъ настояло при ихъ турецкомъ подданствѣ, имѣть не будутъ“.

Панинъ уволенъ 19 ноября 1770 г., а „чтобъ начатая вами столь нужная для имперіи нашей негоціація съ татарами не пришла отъ этого въ замѣшательство“, то назначенъ къ продолженію ея ген. Щербининъ, котораго Панинъ имѣетъ снабдить нужными свѣдѣніями и открыть всѣ пред-

полагаемыя его намѣренія и точныя наставленія (Рескриптъ 16 ноября 1770). Ср. Архивъ Госуд. Сов. I, 71 сл. 79.

Панинъ гр. А. Орлову 25 дек. 1770: Крымцы боятся турокъ, поэтому нужно очистить крѣпости въ Крыму; Долгорукову поручено это и можно ожидать, что будущая кампанія развяжетъ татаръ съ турками и, обезпечивая тѣмъ съ одной стороны границы отечества на будущія времена, поставитъ съ другой Порту въ сущую невозможность безпосредственнаго впредь воеванія съ Россіею и по крайней мѣрѣ отниметъ у нея легчайшіе и вреднѣйшіе способы не только противъ насъ, но и противъ другихъ ея сосѣдей.

Campagnes Turquie рескрипты Долгорукову 1771:

27 авг. 1771: Утвердить новоизбранныхъ послѣ бѣгства Селимъ-Гирея хана Сагибъ-Гирея и брата его калгу Шагинъ-Гирея „въ показаніе татарамъ, что соглашаясь во всемъ на ихъ желанія, тѣмъ самымъ подаемъ имъ опыты несумнительные, сколь мы склонны находимся доставить имъ совершенную во всемъ независимость“. Но предварительно утвержденія ихъ въ правленіи полуострова со всѣми свойственными и прежними обыкновеніями утвержденными правами и преимуществами“, потребовать, чтобы ханъ „подписалъ актъ своего отрицанія предъ своимъ народомъ отъ Порты съ обязательствомъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ оной не подчиняться, но на всегда пребывать въ дружбѣ и союзѣ съ Россіею“, и препоручилъ Долгорукову „какъ сей актъ, такъ и нарочныхъ для отправленія ко двору нашему съ формальнымъ и непосредственнымъ чрезъ особливую грамоту, въ которую и содержаніе онаго акта внесено быть имѣетъ возвѣщеніемъ о своемъ на ханство избраніи и испрашиваніемъ нашего покровительства, и которая навсегда здѣсь и останется залогомъ его обязательства; но актъ съ его посланными возвратится назадъ для храненія въ крымскомъ архивѣ“. Притомъ точное подтвержденіе хана въ его достоинствѣ предоставляется съ нѣкоторыми обрядами учинить по отпускѣ отсюда присылаемыхъ отъ него... Содержаніе въ Крыму повѣреннаго въ дѣлахъ есть такой постъ, который по наступающей связи съ тамошнимъ ханомъ коль необходимъ, толь и важенъ (назначить туда Веселицкаго; будетъ акредитованъ по постановленіи съ крымск. посланниками договора *). Относительно продолжающагося съ крымской стороны предъявленія о принадлежности всѣхъ въ ихъ полуостровѣ собираемыхъ доходовъ безъ изъятія хану и въ пользу тамошняго общества, наше соизволеніе такое:

Хотя изъ настоящихъ обстоятельствъ Крыма и извѣстнаго уже тамошнимъ начальникамъ и всѣмъ вообще жителямъ въ разсужденіи ихъ

*) Веселицкій акредитованъ въ качествѣ резидента при ханѣ въ ноябрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ въ Крымъ для заключенія торжественнаго трактата съ тамошнимъ правительствомъ ген.-пор. Щербининъ. (См. тамъ-же рескр. Долгорукову 24 ноября 1771).

нашего предмета, не только производится достаточное извиненіе, но и совершенное оправданіе старанія ихъ въ томъ, чтобъ снискать для своего отечества и въ обществѣ и въ частности пользы всевозможныя и съ постороннимъ участвованіемъ меньше сопряженныя, но какъ изъ реляцій вашихъ между другимъ здѣсь усмотрѣно, что въ Кефѣ, гдѣ преимущественный торгъ предъ другими Крымскими мѣстами отправляется, всѣ пошлины и сверхъ того и еще разные сборы вступали въ казну солтанскую кромѣ небольшихъ изъ того расходовъ для хана и тамошнихъ знатныхъ, то по крайней мѣрѣ во время войны и пока независимость крымская признана не будетъ и съ стороны Порты, мы и могли бъ по военному праву принадлежавшіе ей доходы, какъ непріятельскіе, употреблять на защищеніе того жъ самаго крымскаго полуострова; но не смотря однакожъ на сіе, мы оное право, коль скоро заключенъ будетъ съ присылаемыми сюда отъ хана и отъ всего начальства посланниками договоръ о ихъ независимости, въ пользу хана и тамошняго общества оставить весьма склонны и о чемъ вы и предварительно надежду подать имъ можете, стараясь между тѣмъ въ подлинность освѣдомиться и намъ донесть о образѣ собиранія сего полуострова доходовъ и о бывшемъ ихъ употребленіи, съ точнымъ означеніемъ тѣхъ, кои принадлежали Портѣ. Но нужно еще дать вамъ знать равнымъ образомъ здѣсь-же съ подробностію о нашей волѣ и относительно занятыхъ вами гарнизонами крѣпостей и какое мы впредь въ крымскомъ полуостровѣ основаніе и для чего имѣть желаемъ, дабы вы не только по отзывамъ тамошнимъ могли съ точностію ваши отвѣты располагать, но и старанія ваши начавъ совершить еще прежде вашего изъ Крыма отлученія.

Пока продолжается съ Портою война, безспорно и всякому и изъ крымскихъ уроженцовъ можетъ быть чувствительно понятно, что чѣмъ больше нашими войсками занято въ Крыму укрѣпленныхъ мѣстъ, особливо по берегамъ, тѣмъ безпечнѣе и безопаснѣе они отъ покушеній турецкихъ, но содержаніе всѣхъ оныхъ по заключеніи мира было бъ для насъ изнишно тягостно и таково жъ убыточно, надѣясь мы, какъ и въ данномъ предмѣстнику вашему ген.-аншефу гр. Панину рескриптѣ отъ 2 апрѣля 1770 года изъяснена уже система, которой мы слѣдуемъ, въ разсужденіи крымскаго полуострова и всѣхъ татарскихъ ордъ непрерывную границамъ нашимъ безопасность утвердить отъ хищныхъ народовъ отторженіемъ ихъ отъ Порты, что уже дѣйствительно и воспослѣдовало, а установленіе на Черномъ морѣ кораблеплаванія, совокупляя съ тѣмъ и предупрежденіе турецкихъ во всякое время на Крымъ десантовъ, снискать полученіемъ свободнаго прохода изъ Азовскаго моря въ Черное и одной гавани на Черномъ для содержанія всегда въ готовости нашей флотиліи, къ опорствованію турецкимъ войскамъ. А чтобъ и такое навсегда продолжающееся нѣкоторыхъ крымскихъ мѣстъ занятіе тамошнимъ начальникамъ и всѣмъ жителямъ показалось существенно же необходимымъ къ собственному ихъ благоденствію и безмятежному жизни про-

вожденію, удостовѣреніе ихъ въ томъ и требуетъ съ стороны вашей подвига, по обыкновенному татарскимъ народамъ небреженію, размышлять о будущихъ приключеніяхъ, а излишному только уваженію текущихъ еще происхожденій безъ всякаго дальновиднаго отношенія.

Мы при настоящемъ положеніи нашихъ съ татарскими народами дѣлъ, а особливо съ крымскими жителями и умножающейся ихъ между тѣмъ къ нашей имперіи привязанности весьма удалены допустить ихъ къ непосредственному трактованію съ Портою о признаніи ихъ въ пріобрѣтенной нами имъ независимости, съ отступленіемъ бывшаго на нихъ права ея, за все то собственному нашему попеченію присвоиваемъ; но для облегченія употребляемыхъ въ томъ стараній весьма желательно и полезно быть имѣетъ, чтобъ нынѣ же заблаговременно съ крымцами условіе посредствомъ вашимъ вашимъ состоялось и утвердилось, какъ объ оставленіи въ здѣшнихъ рукахъ помянутаго прохода и защищающей его крѣпости Еникале съ крымской стороны, такъ и еще укрѣпленнаго порта для флотиліи на Черномъ морѣ, съ потребными къ обоимъ мѣстамъ выгонами, а именно желаемъ Кафу если лучше и ближе ея нѣтъ.

Мы вамъ потому здѣсь и объявляемъ, что за верхъ вашей къ намъ и къ нашей имперіи услуги сочтемъ, если вы разумнымъ вашимъ въ настоящую вашу въ Крымѣ бытность обращеніемъ и управленіемъ расположите духи татарскіе къ тому, чтобъ они какъ бы сами собою достигли до познанія нужды въ такой уступкѣ для собственнаго своего спокойствія, безопасности и безвредности и сами жъ о томъ насъ и просить подвиглись; равнымъ образомъ усматривая мы изъ реляцій вашихъ, что кромѣ кефинскаго пристанища и другія удобныя въ открытое морѣ находятся, съ удовольствіемъ и къ особливому также благоволенію нашему пріимемъ употребляемое вами стараніе, прежде нежели вы изъ Крыма жъ возвратитесь, и всѣ оныя кромѣ того, который по усмотрѣнію вашему предпочтительно предъ другими навсегда занятъ быть можетъ нашими войсками, общими вашими съ татарами силами испортить и для большихъ судовъ сдѣлать невмѣстными и непроходными, изъясняя татарамъ, чтобъ они и на то также доброю волею склонились, опасность для нихъ же отъ нечаянныхъ на ихъ полуостровъ покушеній, а ихъ непривычку къ сохраненію какихъ либо укрѣпленій.

Здѣсь въ подлинность не извѣстно, по колику занятый вами и на кубанской сторонѣ городъ Тамань проливомъ изъ Азовскаго въ Черное море владѣетъ, или независимо онаго симъ проходомъ пользоваться можно. Въ первомъ случаѣ конечно необходимо и впредь такое занятіе сохранять, вмѣщая оное въ условіе съ крымцами, но въ послѣднемъ въ минованіе излишняго войскъ употребленія кажется лучше оставить, равно какъ нѣтъ нужды о покореніи и прочихъ на Кубанскомъ краю лежащихъ городковъ мыслить, потому что содержаніе сихъ небольшихъ и маловажныхъ мѣстъ, можетъ стать дорого въ разсужденіи потери людей, находясь оные въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ горскихъ народовъ, хотя нѣкото-

рыхъ изъ нихъ и неподданныхъ турецкихъ, но собственною склонностію къ разбоямъ и злодѣйствамъ стремящихся"... *)

Campagnes Turquie св. 1 (Spiridow expédition).

Déclaration (сообщено всѣмъ иностраннымъ здѣсь министрамъ 1769): Сообщеніе о предстоящей отправкѣ эскадръ Спиридова и Эльфинстона „pour aller établir leurs croisières dans les eaux de l'Archipel et autres qui baignent les états de l'ennemi. Les deux amiraux auront ordre non seulement de ne pas inquietter aucune navigation chretienne, mais de protéger tout vaisseau chrétien sans distinction contre les barbaresques. Et cette navigation commerçante de toutes les puissances sera par tout et en tout favorisée par les escadres de S. M. I. autant que cela pourra dépendre d'elles.

ПРИЛОЖЕНІЕ 35-е.

Въ Сборн. Р. Ист. Об. I, 122, *Рескриптъ Спиридову* отъ 13 янв. 1770 г. подтверждается „точное соблюденіе инструкцій относительно наточнѣйшаго уваженія къ коммерціи и мореплаванію судовъ и кораблей всѣхъ христіанскихъ державъ, чтобы не подать ни малѣйшаго казистаго предлога ненавистствующимъ намъ съ вами зацѣпиться и тѣмъ озаботить наши въ томъ краѣ предпріятія посторонними предметами или даже чувствительными досадами; а особливо не можете излишне довольнаго имѣть примѣчанія на всѣ подобныя ухватки Франціи съ ея союзниками и отъ оныхъ себя сохранять и предостерегать".

Тамъ-же, стр. 123, *рескриптъ Спиридову* 19 мая 1770. Въ дополненіе къ прежнимъ предписаніямъ о менажированіи торговли и навигаціи всѣхъ вообще христіанъ, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, что Франція и бурбовскія державы намѣреваются выслать эскадры, вновь подтверждается, чтобъ относительно ихъ торговли и навигаціи „сокращали себя въ самыхъ строгихъ предѣлахъ умѣренности, не дѣлая безъ нужды купеческимъ судамъ осмотра и остановки, напр. въ открытомъ морѣ, а довольно-

*) Приложенъ рескриптъ Щербинину 27 авг. 1771 г. съ предписаніемъ ему стараться, чтобъ «Нагайскія орды согласились на избраніе новаго крымскаго хана Сагибъ-Гирея и признали власть его надъ собою», причемъ относительно размѣровъ послѣдней имъ «вся удобность оставляется точныя положенія учинить съ симъ ханомъ при здѣшнемъ посредствѣ, поколику и въ чемъ они отъ него зависимы быть имѣютъ; состоя теперь все дѣло въ томъ больше, чтобъ сообщеніемъ ихъ съ Крымомъ татарскій корпусъ, каковъ былъ въ турецкомъ подданствѣ, таовъ-же нерушимъ быть казался и по низложеніи съ себя онаго; послѣдующія обѣихъ сторонъ изъясненія подадутъ ближайшія правила къ приведенію обѣихъ въ такое состояніе, чтобъ по внутренному нагайцевъ распоряженію ближнія отъ нихъ границы наши возможную безопасность имѣли но въ тожѣ время чтобъ и власть ханская никакого изъ нихъ злоупотребленія сдѣлать не могла».

ствуясь осмотромъ ихъ только въ близости дѣйствительно блокированныхъ мѣстъ, и тутъ, а не индѣ гдѣ, отбирать у нихъ, но и то за настоящую плату, всѣ подъ именемъ контрабанды именно оглавленные *) военные снаряды; въ другихъ же случаяхъ везущимъ къ непріятелю таковые товары приказывать ѣхать назадъ или, въ случаѣ нужды, покупать у нихъ добровольною **) цѣною и потомъ отпускать, куда похотятъ ***).

Campagnes Turquie, св. 2 Депеши Панина Эльфинстону 1770:

20 мая 1770: къ рескрипту того-же (?) числа: Рекомендуются всевозможныя ménagemens относительно нейтральнаго мореплаванія, въ выраженіяхъ тождественныхъ съ рескриптомъ. La visite seule ou detention de leurs navires est donc un point extrêmement délicat, по отношенію ко *всѣмъ* нейтральнымъ *безъ различія*, а не только бурбонскихъ домовъ, pour qu'il ne paroisse aucune sorte de difference dans notre conduite vis-a-vis d'elles, quoiqu'il y en ait une si grande dans leurs dispositions et leurs rapports vis-a-vis de nous... Vous voyez donc une nécessité absolue de ne faire usage de ces raisons de guerre qu'au besoin le plus urgent, comme celui d'un soutien effectif porté en munitions de guerre à une place au moment où elle seroit bloquée... Нужно избѣгать всего, что можетъ дать предлогъ завистующимъ державамъ къ жалобамъ и помѣхѣ въ нашей главной цѣли—дѣйствовать противъ турокъ. То-же подтверждено Орлову депешею Панина отъ 19 декабря 1772 (Campagnes связ. 3; Русскій Архивъ 1880, III, 257).

ПРИЛОЖЕНІЕ 36-е.

Съ 1718 года замѣчается паденіе англійской левантійской торговли. Вмѣсто прежнихъ значительныхъ доходовъ, левантійская компанія впадаетъ въ долги, потому что ввозъ и вывозъ на Востокѣ уменьшились, а между тѣмъ расходы на содержаніе посольства въ Константинополѣ и консульствъ увеличились; въ 30-хъ годахъ убытокъ компаніи простирался уже до 4% оборотнаго капитала; въ Алеппо вмѣсто прежнихъ 40 англійскихъ конторъ оставалась всего одна. Произошло такое паденіе торговли англійской отчасти вслѣдствіе соперничества Франціи въ главномъ продуктѣ сбыта Англіи—сукнахъ, отчасти, вслѣдствіе недостатковъ въ организаціи Левантійской компаніи, напр. ограниченій въ правѣ вступленія въ нее, обязательства обмѣнивать товары и по возможности

*) Въ рескриптѣ Арфу отъ 5 іюня 1770 г. прибавлено: «въ приложенной при семъ выпискѣ трактата коммерціи между Нами и В. Британіею». Сб. Р. И. Об. I, 134.

*) Арфу: «за договорную съ ними цѣну». Тамъ же.

*) Относительно «христіанскихъ кораблей турецкаго владѣнія» Арфу приказано менажировать и ихъ, и въ случаѣ контрабанды «довольствуясь отбирать снаряды и все то, что собственно есть контрабанда, не удерживать сихъ христіанъ». Тамъ-же, 135.

избѣгать покупки ихъ на чистыя деньги. Поэтому уже въ 1718 году въ парламентѣ возбужденъ былъ даже вопросъ—не слѣдуетъ-ли закрыть Левантійскую компанію; въ 1736 и 1740 году она проситъ, чтобъ были назначены преміи за вывозъ англійскихъ товаровъ, какъ это дѣлается во Франціи, чтобъ были сбавлены ввозныя пошлины на сырые левантійскіе товары, чтобы уменьшена сумма, уплачиваемая компаніею на содержаніе посольства и консульствъ. Въ1744 въ парламентъ внесенъ былъ билль объ облегченіи доступа въ компанію всѣмъ англійскимъ подданнымъ. Билль не прошелъ въ верхней палатѣ. Но въ 1753 году онъ былъ снова внесенъ и принятъ палатами; кромѣ того правительство стало уплачивать компаніи ежегодную субсидію въ 5000 ф. ст. Однако, все это очень мало помогло, и французская торговля въ Левантѣ осталась преобладающею. См. Zinkeisen, V, кн. 7, гл. 2, стр. 871 сл.; Scherer, II, 433, 438 сл.; Eton, Tableau hist., politique et moderne de l'empire ottoman, trad. p. Lefebvre, Par., an VII, II, 219, 230; Hanway, A historical account of the british trade over the Caspian sea, Lond. 1762, 34 — 46, 312 — 329. Ср. приложеніе 15-е.

ПРИЛОЖЕНІЕ 37-е.

Mémoire,—des avantages du commerce de la France avec la Russie. Не перечисливъ различные виды торговли, авторъ говоритъ: «De toutes ces différentes manières de commercer, la première (т. е. активная торговля est sans doute préférable, c'est celle des Anglois avec presque toutes les nations et sur tout avec la Russie. Par là se fortifie cette masse de navigation, de là ce benefice immense du frêt et de la commission, car les Anglois ne se contentent pas de naviguer à Petersbourg et dans tous les autres ports de l'Empire,—ils y ont aussi par tout des maisons établies et jusques dans l'intérieur des terres à Moscou, à Cazan, à Ieroslav, et des manufactures régies par des facteurs et des commis de leur nation; entr'autres, des fabriques de voiles de vaisseaux, où ils ne laissent rien gagner au Russe, que sa main d'oeuvre journalière.... Au contraire le commerce passif est en général désavantageux et même ruineux à la longue; cependant il peut être avantageux et même lucratif en certain cas. Comme p. ex., lorsque la quantité ou la valeur des marchandises de la nation passive excède de beaucoup la quantité ou la valeur des marchandises que lui apporte la nation active, alors il faut nécessairement que celle-ci pour s'acquitter, fasse la balance en argent, et c'est le cas de l'Angleterre avec la Russie. Quoique la première soit la partie active et par conséquent gagnante, dans un certain sens elle se trouve perdante vis-à-vis de l'autre, puisqu'elle en tire plus qu'elle ne lui fournit et que par conséquent la balance est à son désavantage (Ce desavantage est si bien compensé, qu'on peut dire du commerce de l'Angleterre avec la Russie, que c'est un marché où les deux parties gagnent

également. Avec les marchandises navales tirées de la Russie, qui servent tant à la construction qu'aux agrés et armements des vaisseaux marchands, l'Angleterre gagne un frêt du double plus considérable que ce qu'il lui en coute pour faire en argent. La balance des dites marchandises et ce frêt est pris non sur elle-même, mais sur l'Espagne, le Portugal, l'Italie, tout le Nord et sur la Russie même avec qui l'Angleterre fait un commerce actif et un commerce d'économie). Celà vient de la demande et du besoin continuel de l'Angleterre à l'égard de la Russie pour toutes les espèces de marchandises navales, comme bois de construction, fers, mâtures, chanvre, goudron, et généralement toute la matière d'un vaisseau et de ses agrès; plus la masse de navigation Angloise augmente soit par le commerce, soit par la guerre 1) car non seulement elle a continué son ancien commerce, mais encore elle s'est emparée d'autres branches de commerce et de navigation que nous avons été forcés d'abandonner,—comme du Levant, aux Isles et cotes de l'Amérique, à la pêche de la morue, à la traite des nègres, aux Indes Orientales, 2) parce que les efforts inouis que l'Angleterre fait pour tenir sa marine sur le pied exorbitant où elle l'a portée, la mettent continuellement en nouveaux frais de constructions, reconstructions etc. Le grand nombre de prises que font nos corsaires même prouve l'augmentation de consommation des marchandises navales ou crû de la Russie, puisque plus on prend à la marine marchande, plus il faut qu elle renouvelle dès qu'elle ne se rebute pas—plus aussi la demande des marchandises du crû de la Russie augmente en Angleterre. De là aussi la balance d'un million de roubles, que l'Angleterre payait tous les ans à la Russie en tems de paix, augmentée depuis la guerre jusqu'a 1500000 roubles, et cette balance se paye presque entièrement en or tiré du Portugal. Il resulte de là, que le commerce passif de la Russie avec l Angleterre est avantageux et lucratif pour la première... Les Anglois vendent en Russie beaucoup de marchandises de première necessité, comme draps, chapeaux et toutes sortes de bonnetteries. L horlogerie qui faisait jadis un grand objet dans le commerce a beaucoup baissé par le bon marché et la quantité prodigieuse que les Genevois y ont introduit, et à l'exception de quelques rubans, éventails, moires et tafetas, les Anglois n'y débitent aujourd'hui aucunes marchandises de luxe; de notre coté c'est tout le contraire,—le commerce indirect (par l'entremise des hollandois) que nous y faisons n'apporte à la Russie, outre nos vins et nos eaux de vie, que des objets de luxe et toutes sortes de modes et de fantaisies.»

Замѣтимъ кстати, что привиллегированное положеніе англичанъ въ Россіи было вредно и для Россіи. Неизвѣстный авторъ мемуара прямо говоритъ, напр: «dès que nous aurons obtenu la parité de traitement avec les Anglois, la main d'oeuvre étant moins chère en France, nous pourrons sans doute donner en Russie nos draps à meilleur marché outre que nous profiterons de l'avantage du coup d'oeil et du moelleux que nos draps ont sur les leurs. Вообще судя по мемуару; Франція предвидѣла значительную для себя выгоду въ случаѣ заключенія торговаго трактата съ Рос-

сіею между прочимъ отъ устраненія торговаго посредничества Голландіи и отъ возможнаго принятія на себя торговаго посредничества между Россіею и Италіею, Испаніею и Востокомъ. Leur commerce avec Constantinople par la mer Noire est si gêné, говоритъ авторъ, et sa communication si difficile avec les echelles du Levant, qu'ils ne retirent pas à beaucoup près les retours dont ils pourroient faire la consommation; aussi les Anglois et les Hollandois vendent ils en Russie beaucoup de leurs marchandises de retour des échelles et des cotes de Barbarie."

Исчисляя далѣе выгоды для Россіи отъ прямой торговли съ Франціею авторъ подраздѣляетъ ихъ на 1) коммерческія — уменьшеніе потери на переводъ платежей чрезъ Амстердамъ (17 коп. на рубль) и выгоду отъ замѣны посредственныхъ торговыхъ сношеній непосредственными и отъ сбавки ввозныхъ пошлинъ (40); 2) политическія— c'est de recouvrer la liberté, qu'elle a perdu depuis longtemps, en fait de commerce, par ses engagements avec l'Angleterre... j'ose affirmer que la Russie ne retrouve cette liberté commerciale que dans l'équilibre de deux nations maritimes commerçantes jouissant dans l'Empire des mêmes avantages. Les Hollandois quoique bien traités en Russie y sont trop subordonnés aux Anglois pour leur faire face, il faut que la France remplisse l'autre bassin de la balance pour tirer cette cour de l'espece d'esclavage commercial où elle est depuis deux cents ans à l'égard de l'Angleterre." Указавши на невыгоду для русской торговли и злоупотребленія англичанами (капитаномъ Эльтономъ) даннымъ имъ разрѣшеніемъ прямой торговли съ Персіею чрезъ Каспійское море, послужившія поводомъ къ отнятію у нихъ этого разрѣшенія, авторъ продолжаетъ: «Ce n'étoit pas la première difficulté survenue entre cette Cour et la Compagnie Angloise à l'occasion des extensions fréquentes et immoderées qu'elle prétend donner à ses privilèges, ce ne sera pas la dernière; la nation Angloise a pris en Russie comme partout ailleurs où elle est la plus forte, un ton de despotisme et d'exclusion qui se fait trop sentir; en vain des ministres habiles et adroits tels que M-r Keith, tachent de temperer cette hauteur nationale par la souplesse de leur conduite à la Cour, celle-ci s'apperçoit tous les jours que les Anglois se croyent seuls en Russie, et en droit de l'être. Cependant la balance d'un million de roubles en tems de paix et d'un million et demi en tems de guerre tout en numéraires et matières d'or et d'argent, et qui fait à peu près toute la circulation de la Russie, en impose beaucoup à cette Cour si fière et si exigeante pour ne pas perdre un avantage si considérable et aussi certain; si elle ne plie pas du moins elle dissimule; la guerre présente en est un exemple frappant, l'Anglettere y a pris un parti diametralement opposé à celui de la Russie.... cependant son ministre est toujours bien vu et peut-être le mieux venu à cette Cour Impériale. Jl ne faut donc pas se flatter que la Russie trouve jamais son interêt politique à révoquer les privilèges accordés à l'Angleterre et quelques hautes que soient ces deux Cours, l'humeur ne domine assez d'aucun coté pour que cela arrive par une rupture, mais ce même interêt

(politique) doit la conduire à partager ses faveurs entre les deux premières nations commerçantes afin de ne dépendre d'aucune et de les tenir toutes deux dans la dependance, à entretenir leur rivalité... la conduite de la Russie doit être celle d'une coquette... Tant de raisons et de moyens donnent lieu d'esperer qu'enfin nous obtiendrons la parité de traitement avec l'Angleterre... Далѣе авторъ, указывая на то, что французская торговля съ Россіею вовсе не развита и ограничивается нѣсколькими торговыми домами въ Петербургѣ, совѣтуетъ учредить торговую компанію для торговли съ Россіею. (М. Гл. Арх. М. И. Д., Сношенія съ Франціею, IX France 1761, octobre).

ПРИЛОЖЕНІЕ 38-е.

Требуемая изъяснительная декларація должна была касаться смысла 4 ст. трактата и состоять въ обязательствѣ русскаго правительства не ограничивать и не измѣнять порядка и сущности торговли англичанъ въ Россіи, и чтобъ какія бы новыя мѣры ни приняло русское правительство для расширенія русскаго мореплаванія, онѣ были такого свойства, что англійскіе подданные могли бы въ нихъ участвовать и извлекать изъ нихъ такія-же выгоды, какъ и русскіе. См. Сб. Р. Ист. Об. XII № 139 проектъ декларація, стр. 226.—Между тѣмъ еще до подписанія трактата Макартнэемъ, Панинъ, врученною ему и подписанною имъ нотою отъ 25 Іюля объяснилъ, что «хотя ему невозможно положительно объяснить Макартнэю мѣры предполагаемыя для поощренія русскаго мореплаванія, ибо по этому предмету еще ничего не рѣшено, однако императрица разрѣшила ему увѣрить посла, что въ чемъ бы онѣ ни состояли, онѣ будутъ таковы что британскимъ купцамъ будетъ предоставлено право въ нихъ участвовать и извлекать тѣже выгоды, какими будутъ пользоваться подданные Ел В-ва. (Тамъ-же, № 135, стр. 211). Въ сущности, слѣдовательно, русское правительство признало за собою требуемое англійскимъ обязательство. Все дѣло въ концѣ концовъ было лишь въ формѣ: такъ какъ трактатъ былъ подписанъ съ русской стороны президентомъ коммерцъ-коллегіи гр. Миникомъ и секретаремъ кабинета Тепловымъ, то англійское правительство требовало, чтобъ и декларація была подписана ими же, Панинъ-же на это не соглашался. (См. тамъ-же № 141—143, стр. 229 слѣд.) Англійское правительство смотрѣло на требуемую имъ декларацію, какъ на составную часть трактата, и поэтому требовало для нея тѣхъ-же формальностей, какія имѣли мѣсто относительно трактата. Русское правительство, напротивъ, недопускало контроля иностранной державы надъ своими распоряженіями внутренняго свойства (Ce ceroit un sacrifice que de soumettre à l'examen ou à l'approbation d'une puissance avec laquelle on traite, un point qui ne concerne absolument que l'économie intérieure de l'état), не допускало ограниченія трактатомъ своего суверенаго права содѣйствовать выгодамъ своихъ подданныхъ, при соблюденіи

впрочемъ обязательствъ своихъ относительно иностранцевъ; въ деклараціи, на которую оно согласилось, оно признавало не обязательство, а лишь доказательство своей дружбы. Впрочемъ оно и не скрывало отъ англійск. правительства, что оно не намѣрено связывать себѣ руки pour les arrangemens interieurs qui quels qu'ils soient, ne seront jamais aussi exclusifs que l'acte de navigation de la Gr. Bretagne, qu'ils devraient cependant balancer selon l'esprit du traité, (Promemoria русскаго министерства отъ 7 февр. 1766 года, въ сп. съ Англ. IV Gr. Bretagne) что такъ какъ навигаціонный актъ ограничиваетъ участіе иностранцевъ въ англ. торговлѣ, то въ соотвѣтствіе этому русское правительство сохраняетъ за собою право сдѣлать со временемъ внутреннее распоряженіе для поощренія и развитія русскаго судоходства. (Нота въ формѣ письма Панина Макартнею отъ того-же числа, тамъ-же).

Впрочемъ русское правительство подтвердило обязательство, выраженное въ нотѣ Панина отъ 25 Іюля врученною Макартнэю промеморіею и деклараціею отъ 4 Нояб. ст. ст. за подписью Панина и Голицына (См. тамъ-же, №№ 142 и 143, р. 233 сл.). Цѣль русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ состояла въ томъ, чтобы создать противовѣсъ англійскому навигаціонному акту, ограничивавшему участіе иностранцевъ въ англійской торговлѣ. Предполагалось сдѣлать такое внутреннее распоряженіе, которое служило бы для ободренія и расширенія русскаго мореходства, и Панинъ естественно противился заключенія обязательства, которое ограничивало бы независимость Россіи и власть ея дѣлать что угодно *внутри* государства (Соловьевъ, XXVII, 224). Въ поясненіе цѣлей, которыми руководствовался Панинъ при составленіи 4 ст. мы укажемъ на данныя имъ по этому вопросу разъясненія прусскому посланнику графу Сольмсу. Выговаривая Россіи право принять въ pendant англійскому навигаціонному акту мѣры для поощренія русскаго судоходства, Панинъ имѣлъ въ виду посредствомъ преимуществъ и премій побудить иностранныхъ купцовъ перевозить русскіе товары на русскихъ судахъ, укомплектованныхъ русскими экипажами. Если бы это удалось, то англійскіе судохозяева, снаряжающіе суда и экипажи для сношеній съ Россіею, потерпѣли бы отъ этого, потому что суда ихъ не будутъ въ спросѣ. Британское министерство могло бы сказать тогда, что торговля англійскихъ подданныхъ терпитъ вслѣдствіе такого положенія русскаго судоходства и счесть это за нарушеніе трактата — упрекъ, которому Панинъ не считаетъ себя въ правѣ подвергать государыню, убѣдивъ ее ратификовать декларацію въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаетъ ее англійское министерство. Но хотя предполагаемыя мѣры будутъ невыгодны для проживающихъ въ Англіи судопромышленниковъ, за то онѣ могутъ оказаться выгодными для занимающихся русской торговлей англійскихъ купцовъ, если послѣдніе пожелаютъ способствовать поощренію русскаго судоходства, употребляя русскія суда и экипажи для перевозки своихъ грузовъ. Поэтому, чтобы англійское министерство могло быть увѣрено, что въ этомъ именно за-

ключается намѣреніе русскаго двора, Панинъ хочетъ объяснить въ декларацiи, что мѣры будутъ такого свойства, что англійскіе купцы будутъ въ состоянiи воспользоваться ими и получать отъ нихъ тѣ-же выгоды, что и подданные Императрицы. Засимъ онъ не считаетъ возможнымъ входить въ дальнѣйшія обязательства и отступать отъ предложенной имъ редакцiи декларацiи, во избѣжаніе смѣшенія выгодъ англійской торговли вообще, съ тѣми выгодами, которыя онъ сохраняетъ за русскимъ судоходствомъ, а равно и прибѣгать къ авторитету императрицы для обезпеченія англійской нацiи выгодъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ послѣдняя не можетъ ничего предложить Россiи въ обмѣнъ. Актъ объ англійскомъ судоходствѣ составленъ исключительно въ пользу однихъ только англичанъ; Россія, желая издать подобный же актъ, дастъ всѣмъ прочимъ нацiямъ возможность раздѣлять съ ея собственными подданными выгоду, которая отъ того послѣдуетъ; поэтому нельзя требовать, чтобъ она сверхъ того еще связывала себѣ руки настолько, чтобъ никогда впослѣдствiи она не могла предоставить однимъ только своимъ подданнымъ выгоды, которыя нацiя извлекаетъ изъ судоходства.... Панинъ сознаетъ что русскій народъ по формѣ правленія и духу своему никогда быть можетъ не будетъ ни значительною морскою, ни торговою державою, англичане знаютъ это, и настоящія опасенія ихъ за вредъ, который можетъ послѣдовать отъ предполагаемой мѣры для ихъ торговли съ Россiею, неосновательны и обнаруживаютъ лишь желаніе притѣснять всѣ нацiи въ дѣлахъ торговли и судоходства. Подобное признаніе своей зависимости было необходимо для Россiи въ тѣ времена, когда ея государи выводили ее изъ варварскаго состоянія, но теперь надо стараться преслѣдовать свои собственные интересы и подумать объ управленiи собою на основанiи принципа независимости отъ вліянія другихъ державъ Европы.—Изъ этой-же депеши гр. Сольмса мы видимъ, что Панинъ, рѣшившись настаивать на своемъ требованiи, руководствовался кромѣ воли императрицы еще слѣдующими соображеніями. Что торговля Россiи отъ этого не потерпитъ, потому что Англія потерпѣвъ неудачу въ возобновленiи торговаго трактата не лишается права на русскую торговлю, которую ея подданные, подобно подданнымъ другихъ нацiй, будутъ имѣть возможность продолжать подъ покровительствомъ общаго права народовъ (droit général des nations). — Le commerce peut être la baze de la politique de l'Angleterre, — говоритъ онъ въ письмѣ Макартнею отъ 7 февр. 1766,—mais le commerce n'est pas détruit parcequ'il n'existe pas de traité qui en determine les conditions. Nos besoins respectifs subsistant toujours les memes, établiront la difference reciproque que nous mettrons entre nous et d'autres nations et maintiendront dans leur force les rapports politiques qui nous unissent. (IV Gr. Brétagne, св. 2). — Заинтересованныя въ этой торговлѣ частныя лица такъ ею довольны, что не оставятъ ея изъза того, чтобъ поддержать упрямство своего министерства; послѣднее, привыкнувъ путемъ подкуповъ управлять русскимъ дворомъ, уступитъ,

какъ только убѣдится, что этимъ способомъ нельзя болѣе пріобрѣтать выгодъ для своей націи во вредъ той, съ которою оно желаетъ заключить трактатъ. (Сб. Р. Ист. Об. XXII, № 232, p. 422 сл. Solms au roi, 26 Janv.—6 Fevr. 1766. Къ этой депешѣ приложены (стр. 430 сл.) текстъ 4-й ст., записка Макартнэя и два проекта декларации русскаго министерства. Ср. также тамъ-же № 233).

Въ февралѣ 1766 г. Макартней требовалъ декларации въ такой формѣ: „Les soussignés... déclarent au nom et par ordre de S. M. I. que quelque arrangement qu'on pourra faire en consequence de le reserve susdite (въ 4 ст. трактата) cet arrangement sera tel que les sujets britanniques y participeront et en retireront les mêmes avantages que les sujets de S. M. et que le dit arrangement sera tel qu'il ne tendra en aucune manière à limiter ni à restreindre le commerce que les sujets de S. M. Brit. font actuellement avec ceux de S. M. I., ni à en changer le cours ou la nature, et que cette déclaration aura la même force que si elle étoit insérée dans le corps du traité (Проектъ при письмѣ Макартнэя Панину отъ 1 (12) февр 1766, въ Gr. Bretagne).

Ср въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д докладъ Панина, Миниха, Голицына и Теплова императрицѣ отъ 19 іюня 1766 г.; тамъ-же (IV. Gr. Bretagne) документы касательно декларации, между прочимъ промеморія рус. правительства отъ 7 февр. 1766.

ПРИЛОЖЕНІЕ 39-е.

М. Гл. Арх. М. И. Д. Снош. съ Франціею IV France 1770.

№ 1. Въ поданномъ франц. повѣреннымъ Sabatier de Cabre мемуарѣ говорится: Le Roi comptoit que conformément à la déclaration faite par la Cr de R., les vaisseaux russes destinés à une expédition dans la Mediterannée, ne troubleroient aucunement le commerce des sujets de S. M. dans le Levant. Elle n'a donc pû qu'apprendre avec une extrême surprise, *qu'un vaisseau de l'escadre* commandée par l'amiral Sp. a non seulement visité... le vaisseau *l'Heureux*... mais enlevé de force une cargaison de beds pour Smirne et arrêté 39 turcs qui se trouvoient de passage sur le même navire.—Cette violence étant contraire au droit des gens que l'usage et les conventions ont formé entre les peuples policés et même à cette loy sacrée et inviolable, indépendante de tout usage et de toute convention, que la force n'est point un titre pour violer les droits de la propriété ny ceux de la liberté générale, le Roy» и т. д. требуется освобожденіе турокъ, возвращеніе груза, вознагражденіе хозяина и распоряженіе, чтобы впредь подобные случаи не повторялись.

№ 2. Отвѣтъ русскаго правительства отъ 14 (25) авг. 1770. Выражается сожалѣніе императрицы объ этомъ случаѣ, противномъ ея приказаніямъ

и желанію поддерживать добрую дружбу между Франціей и Россіею. S. M. J. en envoyant ses escadres contre les possessions d'une puissance, contre laquelle elle soutient la guerre la plus juste, a été bien eloignée de penser à molester en aucune façon la navigation tant de S. M. T. Chr., que de toute autre puissance chrétienne. Инструкціи адмираламъ вполнѣ соотвѣтствуютъ деклараціи русскаго правительства. Имъ будетъ подтверждено держаться точно данныхъ имъ инструкцій, lesquelles ne sont autres sur ce point, que l'observation exacte du droit des gens d'après l'usage, les conventions générales et les traités de commerce entre les diverses puissances de l'Europe. Относительно даннаго случая, les choses étant telles, qu'elles ont été rapportées pas le consul de France, будетъ приказано освободить пассажировъ, возвратить или вознаградить за грузъ, и вознаградить капитана и хозяина за задержку.—Dans le même tems que S. M. J. entend que la liberté du commerce et de la navigation soit si scrupuleusement respectée par ses vaisseaux, Elle se promet de l'amitié du roi tr. Chr. et de sa justice, comme jaloux de l'observation du dr. des gens dans son integrité, que ...S. M. T. C. pour concourrir d'autant plus efficacement à prévenir qu'il n'arrive à l'avenir quelque nouvel incident entre les vaisseaux françois, qui font le commerce au Levant et les vaisseaux de S. M. J., voudra bien condescendre à faire intimer un avertissement général à ceux de ses sujets qui naviguent dans les mers, pour qu'aucun ne se laisse employer à transporter à Son ennemi pour sa défense des munitions de guerre ou des gens armés d'isle en isle ou de place en place, comme aussi qu'ils évitent d'aborder avec des vivres aux places qui seroient alors bloquées ou assiegées. S. M. J. se persuade, que le Roi ne trouvera point à redire, si dans ce cas on fait retourner sur sa route un vaisseau marchand, et si même dans celui d'une nécessité absolue, en laissant le vaisseau libre d'aller où il voudra, sa cargaison qui serait pour le compte de l'ennemi, est retenue comme de bonne prise.

IV. France. 1773 Communications, Durand. — Suite des griefs des commerçans français contre les commandans des vaisseaux russes dans les mers du Levant. (Extrait des relations du consul du Roy en Chipre du 15 juin 1773). Dans les premiers jours de may 1773 sept armemens russes sont arrivés de Paros dans les mers d'Egipte et de Sirie. Ils sont armés depuis 4 jusqu'à 20 canons en baterie; ils sont montés par des grecs, des esclavons et des albanois, et ont à bord quelques soldats russes; ilt sont commandés par le Sr Voinovitch, qui se qualifie de l'ordre militaire de St. Georges Commandant de la fregatte russe imp-le de St. Nicolas. Il monte luimême une fregatte de 20 canons et de 180 hommes d'equipage, accompagné d'un petit chebech, de deux galiotes et d'un germe armé; il a reparti tous ces armemens en croisière au Bogas de Damiétte, à la côte de Syrie et sur l'isle de Chipre, et cause le plus grand prejudice au commerce français par les deprédations journalières et le peu d'égard qu'il a pour le pavillon de France.—Слѣдуетъ цѣлый рядъ фактовъ (8), дѣйствительно подтверждающихъ, что

суда шедшія изъ Яффы, Даміетты, Сенда, Александріи и т. п. въ Хіосъ, Ларнаку, Даміетту и т. п. осматривались, что когда грузъ оказывался турецкимъ или принадлежность его французамъ казалась сомнительною, то онъ объявлялся призомъ, а капитану обѣщали уплату фрахта и залога оставленнаго имъ грузоотправителямъ, и что задерживались суда не только Войновичемъ, но его корсарами (упоминается le corsaire Coreil). Впрочемъ нѣкоторыя суда послѣ задержи были отпущены. При случаѣ отбирались и деньги, даже принадлежавшія французамъ. См. тамъ-же ноту отъ 19 дек. 1774.

Рескриптъ А. Орлову отъ 6 мая 1769 (Сб. Р. Ист. Об. I, 19): Болѣе 10 человѣкъ грековъ нашего закона, венеціанскіе подданные, прислали письмо, „что они съ своими кораблями готовы набѣги дѣлать на турецкія суда и подданныхъ, и чтобъ отъ меня имъ на то было дано дозволеніе. Но я на сіе не поступила по сіе время для того, что опасаюсь, что они въ грабежѣ своемъ не сдѣлаютъ различія между единовѣрныхъ и нашихъ, и прочихъ турецкихъ подданныхъ; большое же число кораблей, кои ходятъ въ Архипелагіи, всѣ суть греческіе, а турецкихъ гораздо меньше; думаю, что когда нашъ флотъ туда пріѣдетъ, тогда сихъ арматорскихъ судовъ всегда еще можно будетъ употребить съ пользою.—Ср. также рескриптъ отъ 11 авг. 1769, тамъ-же, стр. 23; Арх. Гос. Сов. I, 21 зас. 12 мар. 1769. Весною 1769 г. въ Совѣтѣ вопросъ объ употребленіи арматоровъ былъ еще не рѣшенъ, и на предложенія арматоровъ „разсуждаемо было, что при генеральномъ положеніи объ арматорахъ и они безъ отвѣта оставлены не будутъ“. Арх. Гос. Сов. I, 23, зас. 27 апр. 1769. Объ этомъ же предметѣ мы имѣемъ письмо Панина къ гр. А. Орлову (Рус. Архивъ 1878, № 12, стр. 431 сл.),—такъ какъ каперы, предлагающіе намъ свои услуги, „единственно требуютъ обыкновенныхъ отъ насъ патентовъ къ ауторизаціи ихъ разъѣздовъ и предпріятій“, то Панинъ находитъ, что „сей весьма дешевый для насъ способъ безпокоить и обезсиливать нашего непріятеля и съ самой ему чувствительной стороны, встрѣчаетъ единственно то неудобство, что ауторизуемые отъ насъ каперы, изыскивая только свою пользу и прибытокъ“, станутъ пожалуй безъ разбора атаковать и грабить не только турецкія, но и употребляющія ихъ флагъ христіанскія суда; поэтому проситъ Орлова сообщить свои мысли на этотъ счетъ, а „особливо не можно ли будетъ предупредить опасаемое неудобство такихъ патентовъ предписаніемъ каперамъ какія и именно христіанскія провинціи и ихъ кораблеплаваніе почитать и не трогать“.—Въ другомъ письмѣ (19 мая 1770 г., тамъ-же, стр. 434) онъ предоставляетъ на усмотрѣніе Орлова воспользоваться предложеніями арматоровъ и лишь предостерегаетъ его поступать въ этомъ отношеніи съ крайней осторожностью, „чтобъ вмѣсто выгоды не имѣть неудобствъ и хлопотъ“, особенно въ виду необходимыхъ для насъ менажементовъ ко всѣмъ вообще державамъ въ разсужденіи ихъ торговли и навигаціи.

Ср. также реляціи кн. Д. Голицына изъ Вѣны №№ 25, 34, 38 и 77 отъ

24 (7) февр., 21 (1) мар., 1 (12) апр. и 1 (12) авг. 1769, и письма Панину отъ 18 (29) сент. и 27 (8) нояб. 1770.

Екатерина спрашивала Орлова, нельзя ли подкрѣпить эскадру Эльфинстона однимъ или двумя линейными кораблями изъ эскадры Спиридова „или-же нѣкоторымъ числомъ добровольныхъ арматоровъ, дабы тѣмъ или другимъ способомъ поставить перваго въ состояніе къ безпечному блокированію цареградскаго порта". Рескр. Орлову 28 нояб. 1769, Сб. Р. И. Об. I, 28 и въ Арх. М. И. Д. Campagnes, св. 1. Кажется, въ началѣ войны Орловъ намѣренъ былъ пользоваться арматорами; см. Рус. Арх. 1876, № 7, стр. 281. Во всякомъ случаѣ у него было много волонтеровъ во флотѣ.

Письмо А. Орлова Панину 13 нояб. 1771, (X Campagnes Turquie, связ. 3): сообщаетъ „по происходимому дѣлу между французскимъ фрегатомъ и одною греческою фелюкою, *находившеюся у насъ въ службѣ*", переписку между Спиридовымъ и фрегатнымъ командиромъ, изъ которой видно, что Спиридовъ „не потакалъ таковому поступку и все сдѣлалъ во удовольствіе".

IV. France, Notes, 21 сент. 1785. «Le Ministère Impl s'est très bien rappellé ici des assurances de l'Imperatrice données dès le commencement de la guerre avec la P. Ott. à toutes les Puisances neutres, que l'envoy de ses escadres dans les mers du Levant ne feroit aucun tort à la navigation et au commerce de leurs sujets. Il n'a pas moins eu devant les yeux la déclaration de S. M. I. de 1780, quoique posterieure à la guerre, en vertu de laquelle Elle a solemnellement reconnu l'axiome du droit des gens concernant la liberté des effets ennemis sous pavillon neutre, axiome qui a été confirmée du depuis de plus en plus par le système de neutralité, auquel tant de Puissances ont accedé et que l'Impce de son côté est fermement résolue de maintenir en tout tems: mais cenonobstant le dit ministère ne croit point déroger en aucune façon à ces mêmes principes avoués de S. M. I., en admettant à leur égard une exception à la règle vis-a-vis de la P, comme d'une Puissance qui dans le courant de toute la derniére guerre a constamment pris à tâche de fouler aux pieds ce même droit des gens dont il est question a présent de se prévaloir en sa faveur. En effet qui ignore la dure captivité dans laquelle elle a retenu pendant tant d'années le Ministre de l'Impératrice, la manière dont elle en a agi envers les sujets de S. M. I. qui sous la foi de la paix se sont trouvés lors de la rupture dans les pays de sa domination en les dépouillant non seulement de tous leurs biens, mais en arrêtant aussi leurs personnes et en les condamnant aux galéres et à d'autres traitemens inouis; enfin son habitude constante de commencer ses opérations de guerre par mettre tout à feu et à sang et par entrainer les habitans dans l'esclavage, pratique féroce qu'elle n'a pas moins exercée au commencement de la dernière guerre vis-à-vis de la Russie par des incursions sur ses frontières? Ces faits et autant d'autres de pareille nature prouvent evidemment que ce qui est d'usage en tems de guerre parmi des nations poli-

cées, ne sauroit l'être également vis-à-vis de la Porte, et qu'à moins de vouloir être dupe, le cas existe souvent où il faut de toute nécessité user vis-à-vis d'elle de repressailles *). En partant de cet état des choses la France elle-même ne sauroit trouver à redire, si la Cr de R. dans le cas présent a pris le parti de regler sa conduite et ses mesures en consequent **), en declarant de bonne prise tous les effets turcs et sujets de la P. enlevés pendant la dernière guerre par ses escadres sur les vaisseaux neutres et si elle a supprimé... toutes les prétensions des neutres qui n'ont fait que revendiquer de pareils effets, d'autant plus que le frêt en a toujours été exactement payé et que par conséquent le dommage ne tomboit nullement à la charge des sujets de France.—На этомъ основаніи отказано въ обѣщанномъ удовлетвореніи по дѣлу судна l'Heureux, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что оно захвачено было въ водахъ блокированнаго Коронскаго залива и по тремъ другимъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ французскія суда везли военную контрабанду и вооруженныхъ турокъ.

Письмомъ къ Дюрану отъ 19 сент. 1773 г. (Extrait d'une lettre de Versailles du 19 sept. 1773 communiquée à M. le Cte Panín pour en faciliter le rapport) герцогъ д'Эгильонъ предписываетъ ему по случаю пребыванія Орлова въ Петербургѣ insister définitivement sur la justice qui est due aux sujets de S. M., de reprendre cette affaire et de la suivre avec la chaleur que la matière en elle même comporte et que les délais accumulés depus si longtems doivent encore augmenter... Vous ferez remarquer à cette occasion, que les insultes et les transgressions que notre navigation éprouve, viennent le plus souvent de la part des armateurs grecs, tant de ceux qui sont munis de lettres de marque de la part de la Russie, que de la part des forbans qui se masquent sous ce pavillon. Король надѣется, что будутъ приняты строгія мѣры pour contenir les premiers dans l'observation des règles prescrites par le droit des gens et des engagemens contractés par la déclaration du mois d'aout 1770... S. M. a ordonné aux commandans des vaisseaux stationnés dans les mers du Levant de s'entendre avec M. l'am. Spiridoff et les officiers russes et de chercher à terminer directiment avec eux tous les incidens qui pourroient survenir... Cette methode a paru à S. M, la plus propre à arrêter le mal dans sa source, et à eviter aux deux Crs des discussions que l'éloignement des lieux, la déperdition des preuves et d'autres inconveniens qui en resultent rendent nécessairement longues et fastidieuses.—Quant aux pirates grecs, leur nombre en est tellement augmenté depuis quelques tems dans ces parages, que le roy se voit obligé d'y faire passer un plus grand nombre de batimens de guerre qu'il n'en a entretenus jusqu'à présent. S. M. ne doute pas que la Cr de R. n'applaudisse à ces mesures, qui ne tendent

*) Вмѣсто: C'étoit par conséquent par le plus juste des ressentimens que la Cr de R. s'est crue être autorisée à pouvoir user de repressailles vis-à-vis de l'ennemi du nom chrétien.

**) Вмѣсто: de revenir pour ainsi dire sur ses propres principes.

qu'à maintenir la liberté légitime du commerce et de la navigat. ainsi que l'honneur et les prérogatives du pavillon françois. Elles concourrent ainsi à remplir un objet que l'Impce de R. a constamment déclaré qu'Elle avoit fortement recommandé à ses officiers.

ПРИЛОЖЕНІЕ 40-е.

На предположенія Букингэма, русское правительство отвѣчало готовностію возобновить союзъ, хотя просило подождать выясненія политической системы Европы послѣ замиренія, ссылаясь притомъ на подобный же отвѣтъ, данный вѣнскому двору, тоже предлагавшему возобновленіе союза; что-же касается торговаго трактата, то потребовало представленія Букингэмомъ контръ-проекта на проектъ, врученный предшественнику его—Кейту. (Note verbale, въ снош. съ Англіею, IV. Gr. Bretagne 1762, expédition). Между тѣмъ этотъ проектъ вызвалъ возраженія со стороны англійскаго посла: 1) вслѣдствіе сдѣланныхъ въ немъ измѣненій противъ трактата 1734 года въ отношеніи подсудности гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ между русскими и англичанами; 2) вслѣдствіе распространенія (въ 3 ст.) термина „русское судно" на всѣ суда, принадлежащія русскимъ подданнымъ, хотя бы они построены были въ чужихъ краяхъ и экипажъ не состоялъ на $^2/_3$ изъ русскихъ подданныхъ; 3) вслѣдствіе опущенія (въ 4 ст.) условія о свободномъ ввозѣ въ Англію только тѣхъ русскихъ и азіатскихъ продуктовъ, ввозъ которыхъ разрѣшенъ англійскими законами; наконецъ 4) вслѣдствіе предложенныхъ русскимъ правительствомъ условій о нейтральной торговлѣ. Именно въ 9 ст. русскаго проекта, содержащей опредѣленіе военной контрабанды, on a ajouté une exception, que les mats, le bled, le bois de charpente pour les vaisseaux, les voiles, le poix et le goudron n'y seroient pas compris,—exception qui, comme il s'agit des choses qui par les loix des nations sont de contrebande, est neuve et importante. Притомъ въ этой-же статьѣ постановлялось, что несправедливо захваченныя суда должны быть немедленно освобождены по требованію посольства, между тѣмъ какъ англійск. правительство настаивало на предварительномъ разсмотрѣніи подобныхъ случаевъ англійск. адмиралтейскимъ судомъ. Далѣе, въ 12 ст. русское правительство требовало полной свободы нейтральной торговли между русскими и непріятельскими портами; англійское правительство напротивъ требовало исключенія контрабанды и непріятельскаго груза. (Англійская нота, ноябрь 1762 г. IV. Gr. Bretagne).

Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій были уважены и приняты въ контръ-проектъ, врученный Букингаму 9—20 сент. 1764 (тамъ-же); въ частности свобода нейтральной товговли съ непріятелемъ ограничена исключеніемъ военной амуниціи, а также блокированныхъ и осажденныхъ мѣстъ;

и сохранен лишь свободный пропускъ нейтральныхъ судовъ идущихъ изъ непріятельскихъ портовъ съ товарами, принадлежащими подданнымъ договаривающихся сторонъ (ст. 10); военною аммуниціею признаются предметы, служащіе для вооруженія войскъ (перечислены) и мачты,[1])—они конфискуются; далѣе 11 ст. гласитъ: il est de plus nommément convenu que les grains, bois de construction, chanvre, lin, voils, goudron et tous les autres effets qui peuvent servir à d'autres usages que ceux de la guerre, outre ceux qui ont été exclus cidessus, ne pourront etre reputés marchandises de contrebande" и въ случаѣ задержки кораблей, нагруженныхъ такими незапрещенными товарами, они должны быть не только немедленно освобождаемы по требованію заинтересованной стороны, но судо- и товарохозяева получатъ вознагражденіе убытковъ отъ задержки ихъ.

Полагаемъ не безъинтереснымъ привести по этому поводу содержаніе поданнаго Екатеринѣ 14 іюля 1765 г. и утвержденнаго ею 18 іюля доклада коллегіи иностранныхъ дѣлъ по поводу представленнаго Макартнэемъ контръ-проекта торговаго договора; [2]) въ немъ говорится между прочимъ: „Въ 10 арт. англичане выставили окончательную кондицію о свободномъ отпускѣ нейтральныхъ кораблей при настояніи войны послѣ надлежащаго въ морѣ ихъ осмотра, какъ и по 11 арт. кавалеръ Макартнэй сильно настоитъ, чтобъ подробное именованіе товаровъ точно военнымъ контрабандомъ не признаваемыхъ оставить въ молчаніи и въ ономъ артикулѣ не упоминать, такъ какъ оное было оставлено въ старомъ трактатѣ. Нижеподписавшіеся (Панинъ, Мишихъ, А. Голицынъ и Теплов), сами признаютъ всю важность для лондонскаго двора такого требованія, и что онойбъ конечно на каждой морской войны случай съ Франціею подвергнулъ себя или явной ссорѣ и ненависти противъ всѣхъ другихъ нейтральныхъ державъ, которыя бы тогда французскую коммерцію отправляли, или бы потерялъ тогда-же знатнѣйшую часть своего равенства въ войнѣ съ тою державою, еслибъ оной поступилъ единожды торжественнымъ трактатомъ на рѣшительное признаніе свободнаго торга и пропуска къ своему (врагу ?) непріятельскихъ вещей, которыя могутъ быть двоякаго употребленія гражданской жизни и военныхъ дѣйствій. Въ разсужденіи чего, и примиряясь съ такимъ непреодоляемымъ уваженіемъ существительной англ. политики, полагается удовольствовать оный дворъ исключеніемъ того подробнаго именованія изъ 11 артикула двояко употребляемыхъ товаровъ; а въ замѣну того, и чтобъ на всякій впередъ могущій быть случай обязать Англію подавать тогда наивозможнѣйшія выгоды росс. нейтральному торгу и мореплаванію, постановляется въ концѣ 10 артикула, вмѣсто выстановленнаго въ ономъ, точная кондиція правиламъ и началамъ, по которымъ арматорскіе и военныхъ кораблей

---

[1]) Мачты перенесены сюда изъ рубрики свободныхъ товаровъ по требованію Макартнэя, см. замѣчанія его на проэктъ въ Gr. Bretagne 1765.

[2]) М. Гл. Арх. М. И. Д., Высоч. утвержденые доклады 1765 г.

осмотры чиниться имѣютъ, какъ въ ономъ артикулѣ о томъ пространно изображено.—По сей матеріи представляется конечно основательнымъ разсужденіемъ и то, что на сухомъ пути между всѣми народами принято уже военнымъ правомъ всякій привозъ къ непріятелю пресѣкать и отнимать, то для чегожъ и въ разсужденіи морской войны сіе-же правило наблюдаемо быть не можетъ, если воюющій свои водяные корпусы такъ выгодно подвигать въ состояніи, что вездѣ къ своему непріятелю путь пересѣкаетъ? и ежели так. обр. настоять съ здѣшней стороны, чтобъ англичане неотмѣнно признавали незаповѣдными товарами означенныя въ проектѣ вещи, то умалчивая, что они никогда на то не поступятъ, опасаться еще должно, чтобъ они, какъ первенствующіе во всѣхъ моряхъ въ разсужденіи превосходныхъ своихъ флотовъ, не были тѣмъ понуждены сдѣлать и постановить общее правило въ морской войнѣ, равно какъ въ сухопутной, чрезъ что уже затворился бы совсѣмъ путь и требованіе къ вывозу всякихъ продуктовъ въ случаѣ, когда Англія съ какою державою въ войнѣ находиться будетъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 41-е.

Чулкова, Историч. описаніи Росс. коммерціи (IV, кн. 4, стр. 525 сл.) Въ жалобѣ, подписанной болѣе 100 купцами, они представляютъ о невозможности распространять не только портовые, ниже градскіе торги вслѣдствіе многихъ утѣсненій и отягощеній, а наипаче отъ иностранныхъ купцовъ, которымъ сначала къ умноженію здѣшняго купечества житье дано свободное, въ такомъ разсужденіи можетъ быть, дабы отъ нихъ здѣшнее купечество по новости и незнанію коммерціи обучаться и противъ прочихъ европейскихъ городовъ въ цвѣтущее состояніе притти могли; но они усилившись, не только пользы здѣшнему гражданству не приносятъ, но стараются здѣшнихъ купцовъ содержать въ незнаніи и неспособности къ коммерціи, обращаютъ разрѣшенное имъ свободное здѣсь житье противъ интересовъ и подданныхъ ея имп. в-ва и производимою ими здѣсь коммерціею лишили русскихъ купцовъ способовъ къ коммерціи, и нынѣ лишаютъ и приводятъ въ убожество и безсиліе. Далѣе указывается на то, что иностранные купцы, особенно англичане, не записавшіеся въ здѣшнее купечество и подданство производятъ торги на льготныхъ условіяхъ, не платя никакихъ податей и гражданскихъ сборовъ и не неся никакихъ службъ и исправъ мѣщанскихъ, выписываютъ разные товары на свое имя и здѣсь ихъ русскимъ купцамъ продаютъ по высокимъ цѣнамъ, по которымъ не имѣя здѣшнее купечество съ европейскими городами корреспонденціи, и покупать принуждено; а иногороднимъ купцамъ отпускаютъ товары въ кредитъ за высокія цѣны и за большіе проценты, или давая деньги впередъ, обязываютъ ихъ къ до-

ставкѣ товаровъ изъ внутри Россія, причемъ обязываютъ ихъ контрактами, изъ которыхъ купцовъ многіе по легкомыслію забираютъ у нихъ не противъ своего состоянія и капитала, и не по пропорціи въ тѣхъ мѣстахъ, куда оные везти намѣрены, расходовъ, отъ чего имъ разореніе бываетъ и приходятъ въ убожество, ибо вынуждены продавать взятые въ долгъ иностранные товары съ убыткомъ, и стараться выкупать росс. товаръ дешевыми цѣнами, а сверхъ того иностранцы искуственными стачками между собою понижаютъ еще цѣны на русскіе товары и возвышаютъ на иностранные. Жалуются далѣе на то, что иностранные купцы покупные товары за море отпускаютъ на своежъ имя и на чужестранныхъ корабляхъ, выигрывая значительно на коммиссіи и фрахтѣ; и не только таковая знатная польза ими отъ росс. купцовъ отобрана, но они отнимаютъ у нихъ и запрещенную иностранцамъ перевозку товаровъ между Кронштатомъ и Петербургомъ, такъ что вся петербургская коммерція происходитъ чрезъ оныхъ иностранныхъ купцовъ, а здѣшнее гражданство той собственной своей пользы лишены и удалены по происками ихъ и чрезъ заключаемые коммерческіе трактаты, особливо же аглинскимъ 1734 года (ссылка на 20 статью его); поэтому здѣшнее купечество съ иностранными государствами торговъ, кредита и корреспонденціи не имѣютъ, да и имѣть невозможно, ибо когда прочія государства торги свои здѣсь на имя живущихъ здѣсь своихъ подданныхъ производить могутъ, то имъ до здѣшнихъ купцовъ въ корреспонденціи надобности не бываетъ. А которые иностранные для купечества хотя и записываются въ русское подданство, но и тѣ только къ утѣсненію здѣшняго купечества, а пріобрѣтенные въ Россіи отъ коммерціи знатные свои капиталы, которымъ надлежало оставаться въ здѣшнемъ государствѣ въ рукахъ у росс. купечества, во время жизни и по смерти переводятъ за границу и сами при способномъ случаѣ выѣзжаютъ и даже изъ русскаго подданства выбываютъ. По мнѣнію челобитчиковъ слѣдовало бы по примѣру Риги, разрѣшить выписку и отпускъ товаровъ исключительно петербургскимъ гражданамъ, отъ чего и прочіе росс. купцы, кои понынѣ обстоятельствъ коммерціи не много знаютъ, самымъ дѣйствомъ нежели примѣрами противъ прочихъ иностранныхъ купцовъ обучаться и придти въ цвѣтущее состояніе могутъ въ короткое время, и можно будетъ происходимую здѣсь коммерцію въ размноженіе привесть безъ иностранныхъ и безъ посылки для наученія въ иностранныя государства росс. купцовъ; тогда и иногородніе купцы, если паче чаянія здѣшнимъ купцамъ товары свои когда и въ накладъ продадутъ, то оной остапется у подданныхъ-же в. имп. в-ва въ рукахъ у здѣшняго купечества; можно будетъ также отвращать низкія цѣны на русскіе товары, а иностранные безъ передачи настоящими цѣнами покупать. Слѣдуетъ также подтвердить запрещеніе иностранцамъ домашней и розничной торговли, какъ какъ несоблюденіемъ этого запрещенія перукмахерами, портными, мужеска и женска пола всякаго званія разночинцами (многіе перечислены) здѣшнее купечество лишилось сво-

его пропитанія. Наконецъ выражается желаніе, для сохраненія государственной экономіи, дабы чрезъ иностранныхъ купцовъ отъ здѣшней коммерціи собранные капиталы не переходили въ другія государства, а оставались здѣсь у подданныхъ в. имп. в-ва для распространенія россійскихъ купцовъ и коммерціи, впредь иностранныхъ купцовъ въ здѣшнее купечество не записывать, и кои нынѣ записаны одни безъ дѣтей и безъ прикащиковъ, то ихъ съ дѣтьми и съ прикащиками записать въ вѣчное подданство, обязавъ найкрѣпчайше, чтобъ они капиталовъ своихъ въ другія государства въ животѣ и по смерти отнюдь не переводили, но оставляли бы наслѣдникамъ своимъ, кои здѣсь въ гражданствѣ будутъ, а если наслѣдниковъ въ здѣшнемъ гражданствѣ не будетъ, то капиталъ ихъ обирать на магистратъ; а кто въ вѣчномъ подданствѣ быть не пожелаетъ, таковыхъ съ дѣтьми и съ прикащиками изъ гражданства выключить и торговать имъ запретить. А въ облегченіе здѣшняго купечества, дабы они отъ торговъ отлученія и помѣшательства не имѣли и въ единственной принадлежащей имъ коммерціи упражнялись и оную распространяли,—просятъ освободить отъ всякихъ гражданскихъ службъ, рекрутскихъ наборовъ, постоевъ, расходовъ на содержаніе магистрата, подушныхъ денегъ, а для клажи и продажи товаровъ построенные къ тому нарочно на Вас. Ос. гостинный дворъ, пенечные, масляные и сальные анбары, мытный дворъ и всѣ кладовые товарные амбары и лавки, кои нмѣются въ вѣдомствѣ Коммерцъ-коллегіи отдать здѣшнему купечеству въ вѣчное владѣніе и положенный съ нихъ сборъ оброчныхъ денегъ отмѣнить; также отдать купечеству сборъ за аукціонную продажу и за протестъ векселей. А для домашнихъ службъ купцамъ позволенобъ было и въ лавочные сидѣльцы покупать безъ земли крестьянъ мужеска и женска пола первой гильдіи до 30, второй до 20 человѣкъ, дабы тѣ купцы и ихъ прикащики отъ сидѣльцовъ и домашними попеченіями въ торгахъ своихъ убытковъ и помѣшательства не имѣли и т. д. Наконецъ, такъ какъ нужно имѣть росс. купеческіе корабли и суда, коихъ нынѣ весьма недовольно, то о постройкѣ и размноженіи оныхъ кораблей здѣшнимъ купцамъ изъ прочихъ лѣсовъ и обученія навигаціи въ шиперскую и матросскую службу, повелѣнобъ было учинить разсмотрѣніе въ коммиссіи о коммерціи и въ пользу мореплавателей учредить здѣсь страховую контору, о содержаніи которой уповательно впредь охочіе люди явиться могутъ, а доколѣ оные не явятся, то указать оной конторѣ быть при Коммерцъ-коллегіи на казенномъ коштѣ.

Съ другой стороны мы имѣемъ цѣлый рядъ жалобъ и указовъ чтобъ русскіе купцы привозили въ Петербургъ товары „безъ всякаго обманства и умыслу“; особенно относительно пеньки, чтобы пакли и прочаго непотребнаго въ бунты не ввязывали. (Чулковъ, тамъ-же, 551, 569 и др.).

Ср. также тамъ-же IV, кн. 3, стр. 191 сл. прошеніе (1771 г.) тулянина Ѳ. Володимірова и др. объ облегченіи русскимъ купцамъ заграничной торговли распространеніемъ на нихъ привилегій, коими пользуются ино-

странные купцы.—Тамъ-же, IV, кн. 4, стр. 694 проектъ (1762 г.) отправленія въ Голландію русскихъ купцовъ для изученія коммерціи и содержанія конторъ.—Тамъ-же, стр. 471 и 501 о переводѣ иностранныхъ сочиненій о коммерціи (1751 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ 42-е.

М. Гл. Архивъ М. И. Д., Сношенія съ Турціею, Affaires séparées.

№ 1. *Рескриптъ* къ ген.-фельдм. гр. Румянцеву, отъ 14 сент. 1770 г. Въ показаніе какъ Портѣ Оттоманской, такъ и публикѣ всей того миролюбія, на которомъ основывается вся наша государственная политика, разсудили мы нынѣ употребить посредство ваше, какъ главнаго надъ арміею начальника, къ учиненію первыхъ къ миру предложеній: въ семъ намѣреніи прилагается здѣсь отъ имяни вашего къ верховному визирю адресованное письмо, которое вы ему отъ себя безпосредственно доставить имѣете.... Отвѣтъ съ стороны визиря будетъ конечно достаточенъ къ объясненію Намъ истинныхъ мнѣній Султана,... и такъ на случай, если вы увидите въ туркахъ прямую къ негоціаціи склонность, даемъ мы вамъ полную власть поступить собою и безъ требованія отъ Насъ новой резолюціи, на желаемую иногда съ ихъ стороны перемѣну назначиваемаго отъ Насъ къ взаимному съѣзду г. Измаила, наблюдая только, чтобъ другое съ взаимнаго согласія опредѣляемое мѣсто конгресса, было или на здѣшнемъ-же берегу рѣки Дуная, или-же въ случаѣ упорнаго ихъ требованія, и въ земляхъ республики Польской ... Въ запасъ рекомендуемъ предварительно.... условиться (о равенствѣ въ числѣ полномочныхъ) и чтобъ мѣсто конгресса, слѣдуя всенароднымъ правамъ и обыкновеніямъ, для поспѣшествованія толь вѣрному дѣлу, взаимнымъ договоромъ освобождено было изъ подъ шума и звука военнаго орудія....

№ 2. *Письмо* къ верховн. везирю отъ гр. Румянцева. (Причина войны возлагается на посторонній и ненавистный ковъ злобствующихъ людей, завистниковъ доброму согласію и благоденствію обѣихъ имперій, искавшихъ лишь истощенія ихъ силъ; заключеніе мира желательно, но предварительно переговоровъ требуется освобожденіе Обрѣскова, заключеніе котораго оскорбительно для Россіи и верховнаго достоинства императрицы, какъ начальное удовлетвореніе персональной обиды ея, которое возстановитъ общее между великими державами почтеніе ко всенароднымъ правамъ; мѣстомъ конгресса предлагается Измаилъ яко открытое и безоборонное мѣсто; по присылкѣ туда турецкихъ уполномоченныхъ, туда будутъ присланы и русскіе).

№ 3. *Письмо* отъ везиря къ гр. Румянцеву, отъ 15 Окт. 1770. (Обрѣсковъ арестованъ по древнему обыкновенію и законнымъ уставамъ; впрочемъ письмо Румянцева препровождено къ султану и ожидается его рѣшеніе).

№ 4. Другое *письмо* отъ везиря къ гр. Румянцеву. (Полученъ отвѣтъ султана). Понеже въ воспослѣдовавшемъ.... указѣ изображено, что на употребленное предъ симъ о примиреніи старательство великолѣпнѣйшаго Прусскаго Короля, доброжелателя вашего, такожъ и великолѣпнѣйшаго и высокостепеннѣйшаго Римскаго Императора, желающаго по его добровольно-постоянной и твердой совѣсти быть въ медіаторствѣ положенось то какъ о примиреніи, такъ и о незамиреніи пребывающій въ спокойномъ мѣстѣ гостемъ [1]) Резидентъ вашъ, почтенный Обресковъ, наблюдая надлежащій порядокъ, можетъ потребное къ тому трактованіе и договариваніе имѣть. И посему съ Божескою помощію еще до полученія дружескаго вашего письма, всѣ дѣла на разсужденіе и искусство медіаторскихъ державъ по достохвально-древнему и неотмѣняемому обыкновенію преданы распорядить и трактовать;... уповаемъ.... и отъ стороны вашей имперіи о медіаторствѣ тѣхъ двухъ державъ по установленному распоряженію услышать.

ПРИЛОЖЕНІЕ 43 е.

(См. ниже)

ПРИЛОЖЕНІЕ 44-е.

(См. Русскій Архивъ 1882, I, стр. 89 письмо Панина Румянцеву отъ 20 окт. 1769 г.).

ПРИЛОЖЕНІЕ 45-е.

Письма полномочныхъ на конгрессѣ къ Панину.

18 авг. (связ. 7 и 8): Прилож. протоколъ 4-й конференціи, переводъ предложеннаго турецкими послами 13 авг. „страннаго артикула“, клонящагося не къ вольности турецкой, какъ оный озаглавленъ, но къ вящей зависимости ихъ отъ Порты подъ коварнымъ предлогомъ наблюденія магометанской вѣры. Въ немъ турецкія требованія гораздо превосходятъ податливость ихъ на словахъ (напр. требуетъ опредѣленія Портою земскихъ судей въ Крыму). Отвѣтъ данъ на него письменнымъ предложеніемъ (17 августа) русской редакціи артикула о татарахъ, въ которомъ ясно и точно формулирована была полная независимость татаръ. Османъ от-

[1]) Относительно этого выраженія приводимъ въ поясненіе примѣчаніе, сдѣланное на переводѣ одного письма визиря къ Румянцеву о плѣнникахъ. «У турковъ за грѣхъ, а больше за великій стыдъ почитается называть своихъ единовѣрныхъ порабощенными или плѣнниками, и для того называютъ ихъ странниками или гостящими». Эта-же деликатность употреблена здѣсь и относительно Обрѣскова.

вѣчалъ прежнимъ требованіемъ султанскаго подтвержденія достоинства и выбора ханскаго, чѣмъ совершенно уничтожается независимость татарская. (Оба артикула приложены). Турки требуютъ отпуска ихъ съ конгресса.

Изъ протокола 4-й конференціи 12 авг. 1772:

Началась споромъ о причинѣ войны. Османъ указываетъ на польскія дѣла, на нарушеніе границъ и т. п. Вопросъ о татарахъ возбудилъ много прекапій. Османъ заявилъ, что ему болѣе нечего дѣлать на конгрессѣ и просилъ отпуска. Между прочимъ относительно избранія хановъ Обрѣсковъ предложилъ, чтобъ ханъ лишь сообщалъ объ немъ Портѣ какъ и Россіи, но Османъ требовалъ, чтобъ ханъ, извѣщая объ этомъ султана, просилъ у него утвержденія въ достоинствѣ. Споръ о значеніи утвержденія: турки несогласны на извѣщеніе notification, а требуютъ соглашеніе: acquiescement или „найдете сіе приличнымъ“, si vous trouvez à propos или нѣкоторой родъ соглашенія une espèce de consentement; получивъ извѣщеніе хана, султанъ отвѣтитъ письменно c'est bien, а затѣмъ никто не станетъ вмѣшиваться въ татарскія дѣла до новаго избранія. Это значитъ давать инвеституру, посылать фирманъ, конфирмовать и апробовать. Притомъ султанъ ne pourra pas desaprouver le chan élu. Обрѣсковъ возразилъ, что въ случаѣ, если ханъ не понравится султану, то on ne le dessapprouvera pas, mais on l'approuvera pas non plus les tartares ne le reconnoitront point et les voila revolus à leur situation d'avant la guerre, à une dépendance plus forte que jamais. Османъ отвѣчалъ уклончиво. Въ заключеніе, по предложенію гр. Орлова, рѣшено взаимно предъявить редакцію условій, касательно татаръ.

Ультиматумъ, предложенный турецкими уполномоченными чрезъ посредство Цегелина и Тугута гласилъ: „Que les nations des Tartars et les Hans des Tartares soyent entiérement libres et indépendants dans leurs possessions et dans leurs affaires. Et que de la part de la Cour de Russie aussi bien que de la part de la S. Porte on ne s'ingere d'aucune façon dans leurs affaires et dans leurs possessions. Mais puisque les nations susdites professent la religion Mahometane, et que par consequent selon la loi, les Hans qui seront élus, ont besoin d'une permission du sultan des Musulmans pour faire exercer la religion et la justice, le Han qui sera élu, bien entendu qu'il soit de la famille de Gengis Han, demandera cette permission sultanique du throne Impl avec soumission et respect, et que le sultan, en lui accordant sans delai cette permission, et le Han en la reconnaissant, on satisfasse de cette façon à ce que la Religion exige.

Примѣрный артикулъ въ русской редакціи: „Ея И. В. Всер. и Его Султ. В... за благо признали и утвердили весь татарской народъ вольнымъ и совершенно отъ обѣихъ державъ независимымъ, подъ правленіемъ собственнаго ихъ хана, вольными голосами избраннаго и ни отъ кого ни въ чемъ, кромѣ Бога, не зависимаго; при томъ Ихъ В—ва... торжественно утверждаютъ въ собственное татарскаго народа самоволь-

ное владѣніе всѣ земли, города и селенія, которымъ въ слѣдующемъ пунктѣ границы ихъ утверждены быть имѣютъ".

Панинъ Обрѣскову 4 апр. 1772: „Сердечно сожалѣю, мой любезный другъ, о настоящемъ вашемъ положеніи, видя изъ послѣднихъ депешей вашихъ, что *новозародившееся бѣшенство и колобродство перваго товарища вашего испортили все дѣло*. Въ сихъ прискорбныхъ и досадныхъ обстоятельствахъ могу я вамъ принести утѣшеніе, побожась честію моею и увѣря васъ, какъ истиннаго друга, что нималѣйшимъ образомъ и ничто въ семъ несчастномъ произшествіи на счетъ вашей особы отнюдь не упало; а напротивъ того Ея Имп. Вел-во внутренне удостовѣрена, что вамъ невозможно было ничего сдѣлать въ положеніи вашемъ, какъ то, что вы сдѣлали.—Повѣрьте мой другъ, что вамъ вся справедливость отдается и ваши прежнія заслуги не помрачаются, конечно, отъ *необузданности товарища вашего*.—И въ самомъ дѣлѣ всякому постороннему человѣку нельзя тому не удивиться, какъ первые люди въ обѣихъ государствахъ, посланные для толь великаго дѣла, съѣхались за однимъ будто словомъ, [1]) а сказавъ его другъ другу,—разъѣхались ни съ чѣмъ. *Но меня сіе ни мало не удивляетъ, зная совершенно тѣ обстоятельства, которыя вамъ извѣстны и тѣ, которыя вамъ еще не извѣстны*. Сколько же сей разрывъ конгресса терзаетъ сердце мое и оскорбляетъ меня какъ министра, и какъ человѣка любящаго всею душою свое отечество, то вы сами себѣ представить можете и по тому уже одному, когда вообразите себѣ, что *мы поставлены теперь въ наикритическое положеніе чрезъ сей разрывъ, возобновляющій войну старую и ускоряющій новую, которая намъ угрожать стала*. Но я при всемъ томъ уповаю на правосудіе Божіе въ поправленіи испорченнаго. На васъ, мой любезный другъ, на вашу ревность къ службѣ отечества и на ваше искусство и благоразуміе полагаю я мою надежду. Изъ приложеннаго при семъ къ вамъ рескрипта вы увидите, что *вамъ препоручается извлечь отечество изъ такого жестокаго кризиса*. Дай Боже, чтобъ успѣхъ отвѣтствовалъ вашимъ стараніямъ, объ устремленіи которыхъ къ дѣлу, вамъ ввѣренному, я не могу сомнѣваться, зная образъ мыслей вашихъ, честность сердца и патріотическій духъ вашъ; а *къ сему въ крайнѣйшую* вамъ конфиденцію и съ совершеннѣйшимъ удостовѣреніемъ открою, какъ вѣрный вашъ другъ, что хотя по рескрипту къ вамъ вы можете счесть, что прежней вашъ товарищъ и теперь съ вами дѣйствительно будетъ; однакоже мой милостивый другъ, *я*, по многимъ надежнымъ обстоятельствамъ уповаю, что вы одни останетесь въ дѣлѣ, а онъ *самодуромъ сюда* прискачетъ. Не взирая, что мы pro forma, сегодня же и къ нему рескриптъ отправляемъ на мѣсто въ Яссы... да пускай бы противъ моего чаянія онъ еще тамъ остался; сей рескриптъ его тамъ застанетъ, и онъ по немъ рѣшится употребитъ себя въ продолженіе негоціаціи, то и въ такомъ случаѣ конечно вамъ *не будетъ*

[1]) Гр. Орловъ не принималъ дѣятельнаго участія въ конференціяхъ.

больше нужды его мечтательныя мысли столько уважать, какъ прежде, ибо его *прежней случай совсѣмъ миновался;* а потому и вы, мой милостивый другъ, нуждъ болѣе имѣть не будете сокращаться вашимъ въ дѣлахъ просвѣщеніемъ и искусствомъ въ единыхъ соображеніяхъ и расположеніяхъ его необузданныхъ мнѣній и разсужденій, а можете надежно съ большею твердостію держаться вашихъ собственныхъ и его къ онымъ обращать. Въ противныхъ-же случаяхъ и когда гдѣ въ чемъ его не согласите, извольте только откровенно ко мнѣ писать. Я же себя ласкаю, что вы мой милостивый другъ, знавъ меня столь коротко, не возмните, чтобъ я былъ въ состояніи коварно или только легкомысленно васъ на сіе привести. Болѣе на сей разъ за краткостію времени и обремененіемъ отъ дѣлъ ничего сказать мнѣ не остается, а только вновь прошу васъ никогда не почитать меня инако какъ вашимъ искреннимъ другомъ и покорно вѣрнымъ слугою.

Гр. Н. Панинъ.

Я увѣренъ остаюсь, что ваше пр-во сіе мое письмо въ истинномъ разумѣ безпредѣльной моей къ вамъ дружбы и довѣренности примете и потому предадите его огню по прочтеніи.

Рескриптъ Румянцеву 4 сент: „По депешамъ послѣдняго куріера изъ Фокшанъ должны мы теперь къ чувствительному нашему оскорбленію несумнѣнно полагать, что мирной конгрессъ, а съ онымъ и мирная негоціація совсѣмъ уже пресѣчены дѣйствительнымъ отъѣздомъ турецкихъ полномочныхъ министровъ. Чѣмъ болѣе сіе неожиданное извѣстіе долженствуетъ трогать человѣколюбное наше сердце, тѣмъ вяще поспѣшаемъ мы снабдить васъ такими наставленіями, кои иногда возмогутъ еще возвратить прерванную негоціацію въ прежнее ея теченіе.“ Поэтому если не окажется надежды возобновить ее теперь-же, то нужно не теряя времени нанести какой-либо чувствительный ударъ на супротивномъ берегу Дуная. „Сверхъ сего поручаемъ вамъ нынѣ-же отозваться къ верховному везирю письмомъ вашимъ для показанія ему истинной и непрерывной склонности къ продолженію или лучше сказать, къ возобновленію мирныхъ договоровъ, не взирая на начинаемыя военныя дѣйствія. Письмо ваше должно быть такого содержанія...“ [1] Мѣсто и время для новаго конгресса предоставлены выбору Румянцева. Новыя въ Швеціи наставшія явленія и схваченное королемъ почти неограниченное самодержавіе начинаютъ озабочивать насъ. Нужно нѣсколько полковъ на Финдляндскую границу.

Постъ-скриптъ къ письму Панина Румянцеву отъ 4 сент. 1772 г., которымъ препровождалъ рескриптъ ему отъ того-же числа: Въ письмѣ этомъ Панинъ говоритъ, что новыя политическія явленія произшедшія

[1] Россія по прежнему желаетъ мира, поэт. сожалѣтельно, что негоціація прервана „на самомъ первомъ артикулѣ и безъ всякаго трактованія о другихъ кондиціяхъ, слѣд. и безъ всякаго договаривающимися взаимнаго испытанія въ сближеніи и согласіи одной кондиціи съ другой;“ будучи увѣренъ въ миролюбіи визиря, предлагаетъ возобновить негоціяцію, и поэтому задержалъ Обрѣскова при себѣ.

какъ съ шведской стороны, такъ и съ вашей по причинѣ неудачного нашего конгресса, не дали ему время обстоятельно писать ему.

„P. S. Еще въ крайнѣйшую конфиденцію скажу вамъ милостивому моему другу, что отправляемый здѣсь къ вамъ именной рескриптъ былъ заготовленъ до полученія нами извѣстія о послѣдней уступкѣ отъ Алексѣя Михайловича (Обрѣскова) турецкому послу; а какъ и послѣ того пролежалъ онъ у Ея В-ва на столѣ, то я усматривая въ какой заботѣ вамъ оставаться должно, разсудилъ написать къ вамъ слѣдующее здѣсь письмо мое и наконецъ представилъ вчерашняго числа, что когда новый аспектъ къ миру не столько еще кажется достаточнымъ, чтобы перемѣнить предписуемыя въ томъ рескриптѣ мѣры, то по послѣдней мѣрѣ оный къ вамъ отправить надобно, дабы вы были въ состояніи сообразоваться съ здѣшнимъ усмотрѣніемъ о нашемъ непріятелѣ, вслѣдствіе чего сегодня Ея В-во оный подписать и особенное къ вамъ въ него вложенное письмо для отправленія прислать изволила. В. с-во изъ сего сами угадывать можете, что есть люди, коимъ одни для собственныхъ надменныхъ своихъ замысловъ, другіе для подсалаживанія тѣмъ ищутъ затруднить заключеніе мира и потому мысль о отсрочкахъ перемирія сдѣлали здѣсь ненавистною, а наипаче послѣ архипелагскихъ извѣстій и представленій; напротивъ чего, милостивый мой другъ долгъ истиннаго сына отечества и вѣрнаго слуги заставляетъ преобрать оное и посему прибавлю здѣсь для достаточнѣйшаго объясненія мыслей моихъ, что подаваемое въ письмѣ моемъ вамъ мнѣніе о перемиріи и основывалось на самомъ токмо удостовѣреніи, что всѣ наши мирныя кондиціи намъ будутъ акордированы, и что время продолженія тишины останется нужно только для единаго распоряженія и подписанія трактата, ибо тутъ не обнажась въ коварствѣ предъ отечествомъ, нельзя будетъ оному препятствовать и слѣдовательно дѣло ваше злословить. Все сіе требовало бы гораздо большаго объясненія здѣшней карты, но бумага къ сему неспособна, а ссылаюся съ полною довѣренностью на словесное вамъ обо всемъ предъявленіе кн. В. В. Долгорукова, который сколько совершенно и искренно вамъ преданъ, столько и наполненъ сантиментами благороднаго сына отечества. Онъ во вторникъ конечно отсюда выѣдетъ и будетъ съ поспѣшностію путь свой къ вамъ продолжать. Исполняя симъ образомъ мое предъ вами дружеское обязательство, увѣренъ остаюся, что какъ письмо мое, такъ и сей поскриптъ, не касаяся ничьихъ другихъ рукъ, по прочтеніи будутъ совсѣмъ истреблены вами". (Въ М. Гл. Архивѣ М. И. Д., въ числѣ собственноручныхъ писемъ Екатерины II Румянцеву).

ПРИЛОЖЕНІЕ 43-е.

Mémoire du Comte Panin (IV. Gr. Bretagne 1772). — Au moment où le comte Panin va se séparer de M. l'Ambassadeur sa confiance personnelle en lui et les vraies dispositions de son coeur le portent à s'entretenir encore confidemment avec S. Exc. sur l'objet important qui a été en négociation entre eux pendant les quatre années de son ministère à la Cour de Russie.

C'est une chose qui paraît à peine compréhensible que, malgré les sentimens et le penchant des deux Souverains l'un pour l'autre, malgré l'intérêt visible et naturel et la prédilection reciproque qui porte les deux nations à s'unir; enfin malgré toute la bonne volonté, le zèle et la confiance que l'Ambassadeur et le comte P. ont mis dans leur négociation, on n'ait pû parvenir à conclure un traité d'alliance. — Comment se persuadera t-on qu'on n'ait pu convenir de part et d'autre d'une distinction absolument nécessaire entre une alliance fondamentale, déterminée par les intérêts essentiels de deux Cours, et une alliance casuelle à laquelle elles ne sont conduites que par un mouvement propre à l'une ou à l'autre à l'aspect de circonstances plus ou moins signifiantes de la part d'autres puissances; quand la différence de ces deux sortes d'alliances est si facile à appercevoir.—Qui ne sait en effet que la première est l'appréciation libre et tranquille de tous les intérêts de deux monarchies et une estimation reflechie de tous les moyens par lesquels elles peuvent avec reciprocité concourir à la sureté et l'avancement de ces intérêts; tandis que la seconde, dépendante de tel ou tel évènement, ou déjà arrivé, ou seulement prévu, concentre vers ce seul point toute son attention et ses mesures, et souvent met de côté l'intérêt principal pour ne pourvoir qu'à l'intérêt menacé.

Ce premier point une fois reglé, comme il semblait si facile à l'être, aurait il été besoin d'établir par des preuves de détail, que le premier intérêt qu'ait la R. est sa sureté vis à-vis de la Porte Ottomanne; ce n'est point l'oeuil de la politique qui le cherche et le decouvre, c'est la nature qui le montre au jugement le plus simple. Rien de plus indispensable pour elle que de le porter cet intérêt à la tête de toutes ses alliances. Elle n'a trouvé aucune difficulté à le faire avouer au Roi de Prusse et au Dannemarc et qu' on ne dise pas que ces deux puissances aient un moindre intérêt à ménager la Porte que l'Angleterre. On sait combien les liaisous naissantes du premier à la Porte lui étoient chères et quels avantages il pouvait s'en promettre à l'avenir pour l'intégrité de sa monarchie. Le commerce du Dannemarc dans la Mediterrannée n'entre point en comparaison il est vrai, avec celui de l'Angleterre, mais on ne le trouvera pas relativement moins important pour cette couronne, quand on prendra la proportion entre le commerce total des deux états, ainsi

qu'entre les moyens à employer par l'un et l'autre pour la sureté de leur navigation. Et qu'est-il arrivé pendant la durée de la présente guerre entre la R. et la Porte? De ces deux alliés de la R. bien connus pour tels par son ennemi, le credit du premier est toujours allé en augmentant et aujourd'hui va de pair, si même il ne l'efface pas, avec le credit des puissances les plus à ménager par la Porte; la navigation du second est restée tranquille là même que la Porte a été la première à s'employer à procurer la paix avec les Algériens; tant il est vrai qu'avec les Turcs la complaisance et les ménagemens ne sont ni inutiles, ni nécessaires et ne sauraient jamais être une raison pour retrancher d'une alliance l'intérêt capital d'une des deux parties contractantes. — Mais dira-t-on la Turquie n'est pas une puissance européenne, elle est hors du système des puissances chrétiennes entre elles. C'est une erreur qu'on a quelquefois avancée dans la speculation, mais qu'on a bien plus souvent refutée dans la pratique.—Quand on ne se rappellerait pas à tant d'epoques différantes combien on a mêlé cette puissance aux intérêts des chrétiens, celle de la guerre présente parle clairement à toute l'Europe; et, pour ne pas se former à ce qui est su de tout le monde, il n'est pas ignoré de M. l'Ambassadeur, dans les circonstances propres de la Russie, quelle considération et quel poids on donne à cette puissance dans le maintien de l'équilibre général.

Qu'on applique ensuite tout ceci à la négociation pour un traité d'alliance entre la R. et l'Angleterre.—La R. a proposé pour casus foederis son premier intérêt la guerre contre la Turquie, intérêt déjà admis par deux alliés vis-a-vis de qui, comme il a été fait connaître dans le cours de la négociation, elle s'était lié les mains par rapport à ses alliances subsequentes; intérêt qui n'a que trop de liaison avec l'intérêt général de l'Europe, intérêt enfin qui comme le fait l'a démontré, n'exposait pas à de grands risques le commerce de l'Angleterre, et jamais cependant on n'a pu faire entendre le Ministère de cette couronne à l'admettre dans le traité.

Que l'on cherche impartialement et de bonne foi la raison d'un tel refus, ne paraitra-t-il pas vraisemblable qu'il n'y en a point eu d'autre que la situation propre du Ministère Britannique pendant le cours de la négociation. Les changemens frequens du Ministère, les partis qui s'élevaient toujours contre le nouveau aussitôt aprés sa formation, pour en substituer un autre. Cette fluctuation perpetuelle dans laquelle l'opinion populaire jouait une si grand rôle; tout cela n'a pas permis de s'écarter des routes tracées. On a dit: les traités précedents ont été comme cela, si nous nous en écartons, voilà un nouveau pretexte au cri de la multitude, les allarmes du commerce seront de nouvelles armes pour l'opposition.

Que ce soit à cette vacillation seule du Ministere Britannique qu'on doive imputer cette resistance continuelle à accorder à la Russie la seule condition qui put rendre son alliance systematique et réellement utile; quant à elle non seulement c'est une supposition plus que probable,

on en voit la preuve convaincante dans quelques propositions et quelques demarches qui ne sauroient avoir eû d'autre fondement.

On peut citer pour exemple la demarche que ce Ministere à fait faire au Roi, d'écrire directement au sultan et au visir et de leur proposer sa médiation dans la forme et dans les termes qu'elle l'a été. Le but en était incontestablement de servir la Russie; mais était-elle propre à atteinre ce bût? ne l'éloignait elle pas au contraire? à un ennemi aussi presomptueux, et pour le dire naïvement aussi féroce que la Porte, une telle demarche avec tant de formalité et d'appareil de la part d'une couronne reconnue pour l'alliée naturalle et l'amie fidelle de la Russie, devait nécéssairement rehausser ses pretentions, et l'ouffe de reparations que contenait la lettre, portait une sorte d'aveu de la justice de ses armes plus propres sans doute à confirmer l'opiniatreté du serrail, qu'à le desabuser sur les intrigues et les séductions qui seules avoient motivé sa guerre; mais on ne refléchit sur cette demarche qu'autant qu'elle sert à montrer la conduite peu politique du ministère d'alors, car autrement elle n'a eu aucune suite que la Russie ait actuellement raison de regretter.

Dans le fait même de la médiation des preventions purement ministériales, n'ont elles pas toujours tenu en suspends et à la fin rendu nulles toutes ses bonnes intentions de l'Angleterre? Le Ministère Britannique, voulait rendre à Constantinople au roi de Prusse le peu d'égards ou plutôt le mépris que ce prince lui temoignait à Londres. On ne voulait point d'une médiation conjointe avec lui et si on la souffrait en cas qu'il fût absolument impossible de faire autrement, on la rendait infructueuse par les précautions et la defiance que le Ministre d'Angleterre devait toujours avoir vis à vis du Ministre Prussien: comme s'il était impraticable d'être uni et d'accord sur l'intérêt d'un tiers, parcequ'on ne l'est pas sur le sien propre; ou plutôt, comme si des personnalités devaient aller avant tout interêt. Quand on refléchît sur ce qui est ariivé après, et ce qui s'execute actuellement, pourra-t-on expliquer sans desavantage pour la réputation de ce même Ministère, comment deux couronnes l'Angleterre et la Prusse, qui non seulement n'avaient aucun engagement l'un contre l'autre, mais encore qui sortaient d'une alliance si intime et respectivement si utile, n'ont pu se concilier sur un point, où on voit le roi de Prusse et la cour de Vienne, elles qui sortaient d'une guerre longue et opiniatre, et qui portent constamment en soi des raisons de défiance et d'éloignement se réunir, agir d'un parfait concert et produire de grands effêts.

On n'attribuera encore qu'à cette circonspection trop exacte du Ministère, à deferer à l'opinion de la multitude par le besoin de sa propre conservation, l'offre de suppléer par la garantie de la paix avec la Porte, à un engagement formel contre cette puissance; offre qui par tant de raisons devait paraître insuffisante à la Russie.

Mais ce qui demontre ce fait encore plus incontestablement c'est sa

conduite inactive et irresolue, lorsque la Russie, désespérant de pouvoir conclure une alliance entière et illimitée avec l'Angleterre, souhaitait au moins d'en conclure une qui mit à couvert un interêt important et commun aux deux cours, qui était d'affranchir de toute influence etrangère, le système du nord et d'attacher à la Russie comme à l'Angeletrre, la Suède et le Dannemarc. Il ne s'agissait pour cela que de la conversion du secours que la Russie demandait contre la Porte en un traité de subsides avec la Suède. Ici le Ministère n'a encore que son mobile ordinaire; il refuse un traité de subsides par la répugnance de la nation à donner des subsides en tems de paix.

On n'entreprendra point de prouver à l'Angleterre l'intérêt qu'elle a dans le maintien du système du nord et de son independance. Il ne serait pas moins superflu de lui dire que cependant il n'y a point d'autre moyen pour y parvenir que des subsides. La situation de la Suède et du Danemarc est telle, que le besoin d'argent est le premier intérêt auquel elles ont à pourvoir; que n'ayant que peu ou point d'intérêt à la prosperité de la France ou à celle de l'Angeleterre, elles tendent également la main à la première qui leur donnera des subsides; à moins qu'on ne puisse dire, que se considérant comme puissances maritimes, la trop grande superiorité de l'Angleterre sur mer les fait pencher interieurement pour sa rivale, et leur fait désirer un équilibre qui leur donnerait à elles mêmes plus de sureté et mettrait un plus haut prix à leur alliance. L'Angleterre aime mieux donner plus en tems de guerre et par une raison contraire tout aussi naturelle ces deux couronnes aimeront mieux recevoir moins en tems de paix; de sorte qu'il est très douteux qu'à la veille d'une guerre on les trouve sans engagement. On peut même ajouter que dans une guerre de mer, n'ayant absolument rien à gagrer, et la depense et les dangers l'emportant beaucoup sur les subsides, les approches d'une guerre etant bien marquées on ne les engagera que difficilement à une alliance où il y aurait tout à perdre et si peu à gagner pour elles: que tout ce qu'on pourra obtenir d'elles, c'est une neutralité qu'il faudra payer et qui absorbera bien l'épargne du subside en tems de paix, d'où il arrivera que sans avoir d'allié il se trouvera qu'on aura payé tout autant. Mais c'est à l'Angleterre plus qu'à aucune autre cour à faire ce caclul, son commerce, ses forces maritimes, sa superiorité constante sur la France et l'Espagne unies, sont sans contredit les premiers principes de sa politique, et si elle croit que le nord, purgé de l'influence de sa rivale et attaché à son propre système, lui soit une chose indifférente on essayerait en vain de la désabuser.

Mais on aurait tort de regarder comme maxime d'état, ce qui n'a été que l'effet de l'inactitude du ministère et de l'indécision propre à sa situation.

On a lieu de se persuader que le Ministère actuel, à qui on voit acquérir une consistance solide par les talens des personnes qui le composent, et qui porte dans le reglement des affaires domestiques de l'Angle-

terre des vues aussi patriotiques, aussi justes et systematiques que fermement executées, portera la même sagacité, la même résolution et la même vigueur dans les affaires du dehors.

Il sentira, sans doute, que deux grandes puissances qui sont unies par l'intérêt le plus naturel, ne se bornent point entre elles à des alliances casuelles; parce que le moment de l'un peut bien ne pas être celui de l'autre. Que l'effet d'une alliance ne se borne jamais à une stipulation ou d'un subside ou d'un secours de troupes ou de vaisseaux; mais que deux puissances qui ont le même systéme, le maintiennent par l'emploi commun de toute leur puissance, de leur crédit et de leurs ressources. Que s'il en était autrement la conclusion d'une alliance serait pour elles une formalité assez vaine, parce qu'on verra toujours la simple amitié et les dispositions naturelles de deux états l'un envers l'autre, se rendre sans traités des secours aussi utiles, que le pourrait être l'emploi d'un corps auxiliaire qu'avec un peu plus d'efforts ou de gens chacune peut trouver chez soi.

Et dans le fait on ne doute nullement que dans le cas d'un besoin absolu de l'une ou de l'autre, la Russie ou l'Angleterre sans traité, ne fussent prêtes à s'assister, et à se tirer l'une l'autre de la presse.

On en a vu l'exemple et on le cite avec réconnaissance. L'Angleterre s'est intéressée au succès des opérations maritimes de la Russie, et a apporté à ses armements, les mêmes facilités qu'elle aurait pu se promettre de la stipulation d'un traité la plus expresse. C'est l'effet de l'intérêt naturel du penchant des souverains et d'une disposition nationale. Et il ne se présenterait pour la Russie aucun cas d'être reciproquement utile à l'Angleterre ou les mêmes sentimens ne produisissent les mêmes effets.

C'est ainsi que le comte Panin aime à épancher son coeur vis-à-vis d'un Ministre pour lequel il est pénétré de la plus parfaite estime. Si M-r l'Ambassadeur retourne à sa cour sans avoir conclu une alliance, si desirée des deux parts et objet propre de sa mission, le comte Panin en partage bien sincèrement les regrets: mais leur consolation mutuelle est de voir, qu'il y a toujours le même fonds à faire sur les principes d'état qui recommandent cette alliance, sur les sentimens invariables des souverains et sur le goût national, et c'est la certitude que M-r l'Ambassadeur emporte avec lui, de l'etat où il laisse les choses du coté de la Russie.

ПРИЛОЖЕНІЕ 46-е.

М. Гл. Арх. М. И. Д., турецкія дѣла, affaires séparées, св. 9.

Письма Щербинина къ гр. Г. Г. Орлову 1772 съ приложеніями.

28 іюня: сообщаетъ переписку крымцевъ съ Портою и ея подсыльнымъ, Мегметъ-Гиреемъ, изъ которой усмотрятъ, сколь сей народъ къ намъ отнюдь невѣренъ и все дѣлаетъ коварно для одного только вида

и обмана. Щербининъ объяснялъ крымцамъ о намѣреніи императрицы утвердить ихъ вольность подъ своею протекціею. Изъ разговора ихъ со Щербининымъ видно, что имъ подозрительно было вступленіе въ Крымъ корпуса кн. Прозоровскаго уже по заключеніи ими союза съ Россіею. Щербининъ долженъ былъ между прочимъ склонить татаръ къ уступкѣ Россіи крѣпостей Еникале и Керчи съ гаванями и съ околичнымъ угломъ земли. Сначала хотѣли устроить такъ, чтобы татары сами просили о занятіи крѣпостей русскими гарнизонами; ранѣе они на это согласились (см. № 12 приложеній) 7 п. заключеннаго съ ними уговора: „всѣ тѣ крѣпости и пристани, гдѣ турецкое войско находилось, должны быть по подписаніи акта заняты русск. войсками для защищенія отъ непріятельскихъ“. Но теперь отказываются и говорятъ, что турокъ не боятся. Не хотятъ принять Щербинина съ надлежащими церемоніалами. Поэтому нужно присвоить ихъ по праву завоеванія и въ силу ихъ прежняго согласія. Даже депутаты бывшіе въ Петербургѣ, и тѣ противъ насъ.

Приложены:

Письма Крымцевъ № 1 — 5 къ Портѣ: договоръ съ Россіею заключили во избѣжаніе разоренія Крыма; просятъ защиты и наставленій.

№ 6. Письмо нѣсколькихъ мурзъ къ Мегметъ-Гирей-султану (турецкому агенту); опасаются, что Россія хочетъ привести татаръ въ подчиненіе себѣ; простой народъ впрочемъ готовъ бы былъ подчиниться, еслибъ не старанія мурзъ, внушающихъ ему, что это было бы противно вѣрѣ; просятъ о помощи Порты. Не допустятъ, чтобъ дары состояли по примѣру Порты въ саблѣ и кафтанѣ, означающихъ инвеституру хана.

№ 7, 8 и 18: письма къ Веселицкому отъ пріятеля его изъ Бахчисарая: мурзы и дворянство собираютъ вооруженныхъ людей; дворянство и духовенство рѣшили: если хану присланы будутъ сабля и кафтанъ „въ даръ или въ знакъ милостиваго жалованія“, то принять ихъ можно, если же „во утвержденіе хана, то оное никоимъ образомъ принято не будетъ“. Татары разчитываютъ на малочисленность русскихъ войскъ и на перемиріе для сопротивленія требованіямъ Россіи. Они опасаются, что Россія хочетъ привести ихъ въ подданство себѣ.

№ 10 и 11: инструкція Щербинину относительно церемоніала пріемной аудіенціи (съ поднесеніемъ грамоты, пера и сабли) и рѣчи къ хану. [1]).

Въ грамотѣ и рѣчи выражено „соглашеніе Ея И. В-ва съ удовольствіемъ на совершившееся вольное, и единодушное избраніе“ хана, а въ рѣчи — что Щербининъ присланъ для „заключенія всего того, что на всѣ будущія времена наивѣрнѣйшимъ образомъ обнадежить можетъ

[1]) Для пріема грамоты ханомъ изъ рукъ Щербинина, ханъ долженъ стоять въ 9 шагахъ отъ своего мѣста и грамоту поцѣловать.

совершенное доставленіе блаженства всѣхъ до крымской области принадлежащихъ татаръ, т.-е. вольности, независимости, цѣлости, безопасности и огражденія на всегдашнее время высоч. Ея И. В-ва покровительствомъ и защитою въ качествѣ дружественной и союзной Ея И. В-ва области. Предлагаемые отъ Ея И. В-ва подарки подтверждаютъ тожъ самое"...

№ 12. Актъ подписанный крымскими знатными чиновниками и духовными особами 1771 года 25 іюня при Карасъ-базарѣ о согласіи крымцевъ отдѣлиться отъ Порты, составить особливую и ни отъ кого независимую область, какъ оная въ древности была и вступить въ сердечную дружбу и неразрывный союзъ съ Россіею подъ протекціею и защищеніемъ Ея И. В-ва, на ихъ „древнихъ правахъ, обыкновеніяхъ и преимуществахъ, а не въ подданствѣ". Въ удостовѣреніе этого отправлены депутаты съ присяжными листами въ Петербургъ. Россія же обѣщаетъ вспоможеніе и защиту сухимъ и водянымъ путемъ. „По подписаніи сего надлежитъ изъ всѣхъ крѣпостей выгнать турецкое войско и занять всѣ крѣпости и пристани россійскими гарнизонами".

№ 13. Пункты крымскаго правительства съ противоположными на оные отвѣтами: 1 и 2) неприкосновенность дѣлъ вѣры согласны; 3) независимость избранія хановъ; согласны, но должно увѣдомить объ этомъ, „а возведеніе и подтвержденіе въ ханское достоинство зависитъ отъ Ея И. В-ва, яко оттоль щедрой благодѣтельницы". 7) Въ случаѣ ненадобности въ сикурсѣ противъ турокъ, русскихъ войскъ въ Крыму чтобъ не было; согласны, кромѣ крѣпостей и пристаней, гдѣ турецкое войско находилось, и выводъ остальныхъ зависитъ отъ воли ея в-ва.

№ 14. Актъ заключенный Сагибъ-Гиреемъ (преем. Селима) о независимости Крыма и дружбѣ и союзѣ съ Россіею подъ покровительствомъ и ручательствомъ императрицы, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ никогда не дружить съ Портою, не вступать съ нею ни въ какое согласіе и хранить дружбу съ Россіею.

№ 15. Присяжный листъ хана о томъ-же, въ Карасу.

№ 16. Письмо его къ императрицѣ. Извѣщаетъ о своемъ избраніи, о рѣшимости хранить независимость Крыма и союзъ съ Россіею подъ ея протекціею, и проситъ „подтвердить его ханомъ".

№ 17. Отвѣтъ хана на церемоніалъ: „Промысломъ Всевышняго Бога, мы всѣ князи чинопачальники и протчіе по обряду крымскому съ общаго согласія на основаніи вольности съ Росс. имперіею утвердя союзной миръ, чтобъ до позднѣйшихъ временъ не завися ни отъ кого и ни отъ какой державы и власти состоять при древнихъ своихъ правахъ и обыкновеніяхъ самовластнымъ народомъ, составляя вольную область съ условіемъ не терпѣть вѣрѣ и закону нашему несоотвѣтственнаго касательства взаимно дали и взяли утвердительныя въ томъ пункты во утвержденіе чего Ея И. В-во... чрезъ возвратившихся бывшихъ у двора ея... съ подношеніемъ публичныхъ грамотъ объясняю-

щихъ общее наше желаніе посланцевъ, отъ коихъ поднесенныя грамоты Ея В-во соблаговоля принять, въ сходство нашихъ желаній обѣщать изволили высочайшею грамотою, что кромѣ одного Бога никто и ни которая держава своей власти на крымскій весь татарскій народъ простирать не имѣетъ; и чтобъ быть нѣзависимымъ ни отъ какого посторонняго скипетра на вѣчныя времена, составляя самовластный народъ и область, изъявляя принятіе насъ въ союзники". Это очень радуетъ татаръ и они желаютъ навсегда хранить свою независимость и дружбу съ Россіею. Затѣмъ присланъ Щербининъ и сообщена хану рѣчь, которую онъ имѣетъ произнести при пріемѣ и изъ коей усмотрѣно, что императрица „по врожденному ей человѣколюбію" прислала ему въ даръ грамоту, брилліантовое перо и саблю, изъ коихъ „грамоту во время принятія подвинувся 9 шаговъ впередъ оную взять и поцѣловавъ вручить великому агѣ, а потомъ перо и саблю принять предписано; а какъ во время прежде насъ бывшіе ханы состоя и подъ властью Отт. Порты присылаемые къ нимъ перо и саблю съ обыкновеннаго своего въ аудіенцъ-залѣ мѣста ни на одинъ шагъ не отступая принималъ опредѣленной къ тому чиновникъ и вручалъ хану, а ханъ вручалъ своему агѣ, что и доказывало подчиненность Портѣ, касательно къ до присланныхъ высоч. знаковъ Ея В-ва... благоволенія къ царю пера и сабли, то оныя собственно значатъ повиновеніе власти, а подвинувся впередъ принятіе, а поцѣлованіе грамоты—знакъ принятія подчиненности; таковые знаки повиновенія и подчиненности принимать равно какъ и высоч. грамоту цѣловать закону и правамъ нашимъ противно и потому на принятіе того никоего способу не находится"...

Письмо Орлову 31 іюля: Послѣ многихъ проволочекъ и затрудненій добился назначенія полномочныхъ и 11-го состоялось первое засѣданіе, на которомъ приняли трактатные пункты на доношеніе хану. При разговорѣ Щербинина съ ханомъ, между прочимъ зашла рѣчь объ охраненіи Россіею вольности татарской, причемъ ханъ „открылся сими словами: „На что вольнаго человѣка охранять" „и по всему видно", говоритъ Щербининъ, „что хотя они вольности и желаютъ, но протекцію въ томъ и защищеніе отъ стороны Россіи отмещутъ". И вообще татары опасаются признать покровительство Россіи, подозрѣвая, что покровительство это окажется тождественнымъ съ зависимостію отъ нея. Далѣе, они ссылались на то, что такъ какъ императрица утвердила ихъ вольность, то „мнятъ себя оправданными быть во всѣхъ своихъ упорствахъ на трактатные пункты"; Щербининъ же убѣждалъ ихъ, что тѣмъ однимъ и самымъ вся ихъ вольность и независимость утвердится, когда совершатъ настоящій тому формалитетъ, и что съ тѣмъ къ нимъ и отправленъ полномочный, дабы они внимая его совѣтамъ постановили, заключили и подписали то, что можетъ открыть предъ цѣлымъ свѣтомъ совершенный видъ ихъ вольности". Относительно-же

крѣпостей говорятъ, что онѣ никогда не принадлежали, а состояли въ рукахъ турецкихъ, слѣд. и отдавать чужаго не могутъ, наклоняя къ тому, чтобы о нихъ съ Портою и трактовать по праву завоеванія должно.—22-го іюля было второе засѣданіе съ татарскими уполномоченными. Пунктъ о крѣпостяхъ (7 п.) Щербининъ смягчилъ (вмѣсто просьбы татаръ о принятіи ихъ во власть Россіи,—что онѣ „содержаны будутъ“), но съ цѣлью оставить себѣ возможность уступокъ, предъявилъ на первый разъ требованіе уступки всѣхъ крѣпостей въ Крыму.—Крымцы опасаются, что Россія не настоитъ на конгресѣ на требованіи о ихъ независимости, и это усугубляетъ ихъ медленность въ трактованіи.

У нагайцевъ тоже неладно. Они приняли деньги, присланныя Портою для подкупа ихъ. Приложены:

№ 5 объясненіе татарамъ къ 7 пункту: Порта будетъ покушаться вернуть Крымъ въ свое подданство, а татары своими силами защищаться отъ нея не въ состояніи за неимѣніемъ артиллеріи и морскихъ военныхъ судовъ, и сами заявляютъ, что при случаѣ нападенія турецкихъ войскъ „по единовѣрію кровопролитную брань зачинать съ ними вѣрѣ и закону нашему противно“; поэтому, для оправданія обѣщанія имп-цы о защищеніи и охраненіи вольной татарской области, необходимо въ крѣпостяхъ и гаваняхъ, изъ которыхъ турки выгнаны *) содержать навсегда русскіе гарнизоны, коимъ и должно по праву завоеванія и собственному вашему первоначальному положенію остаться въ содержаніи россійскомъ. Войска, которыя будутъ расположены въ этихъ крѣпостяхъ и находящихся при нихъ гаваняхъ будутъ въ состояніи „воспятить непріятельскихъ силъ стремленіе когда онѣ еще не успѣютъ на берегъ высадить и одного человѣка“.

№ 6 и 7: письма къ хану и къ Щербинину отъ депутатовъ четырехъ Кубанскихъ нагайскихъ ордъ. Просьба къ хану, для соблюденія цѣлости и независимости ихъ, „крѣпости Яникаль и Керчь съ тѣмъ околичнымъ угломъ, которой почти натурою отъ сего полуострова отдѣленъ, яко способныхъ съ ихъ гаваньми мѣстъ на содержаніе въ Черномъ морѣ достаточнаго флота и гарнизона въ вѣчное отдать владѣніе“ Россіи. Мотивы буквально тѣ-же, что и приведены въ № 5 (они указаны нагайцамъ Щербининымъ).

№ 8. Отвѣтъ на 7 п. трактата отъ уполномоченныхъ крымскихъ татаръ. Предводитель второй арміи, гр. П. Панинъ присылалъ въ свое время къ татарамъ письма, уговаривая ихъ отторгнуться отъ Порты, объявить себя независимыми и ни какой державѣ не подчиненными и вступить въ союзъ съ Россіею. Потомъ преемникъ его, кн. Долгоруковъ, подтвердилъ все прежде писанное, „упоминая притомъ съ полнымъ объясненіемъ, что-де я особливо опредѣленъ находящихся въ Крыму турковъ выгнавъ вамъ доставить спокойствіе и тишину, а не для завладѣнія состоящихъ въ Крыму крѣпостей, городовъ и селе-

*) Перекопъ, Козловъ, Кефа, Арабатъ, Керчь, Еникаль.

ній, и таковое-де завладѣніе никогда и на мысль намъ не всходило, почему мы согласясь съ нимъ о томъ совѣтуя договаривались, и заключили договоръ въ 14 пунктахъ о совершенной вольности и независимости татаръ. Затѣмъ отъ татаръ предложено прошеніе вывести русскія войска, но на это отвѣтствовано, что это невозможно пока съ Портою не окончится война и что это зависитъ отъ воли ея в-ва. На это согласились. „Касательно-жъ до внесенія въ договоръ, чтобъ Кефа, Арабатъ, Еникаль и Керчь не оставались во владѣніи россійскомъ, а по прежнему были въ управленіи и владѣніи нашемъ, когда мы просили князя, то оной какъ и выше упомянуто отозвался письменно“ и подтвердилъ, что ея в-во не имѣетъ никакой нужды въ крѣпостяхъ и т. п. по затѣмъ, по отправленіи для окончанія вышеупомянутаго дѣла Калги-султана, князь прислалъ требованіе объ уступкѣ Кефы и Керчи съ пристанями и нарочитою землею въ вѣчное владѣніе Россіи. Татары очень удивились этому, такъ какъ это было бы притѣсненіе противное закону и причиною будетъ разоренію нашей области, ибо „если въ какой издавна вольной и никому не подвластной области отъ сосѣдственной державы кромѣ купеческихъ народовъ военные люди находиться будутъ, то оная область спокойна быть не можетъ и оной владѣтеля, хана власть уважаема быть не можетъ; тожь и ея и. в-во въ нашихъ крѣпостяхъ и уѣздахъ никакой нужды не имѣетъ и такимъ утѣсненіемъ насъ отяготить не возжелаетъ“. Объ отдаленіи такого утѣсненія написана была просьба и отправлена въ Петербургъ съ Нарсланъ-мурзой. Императрица приняла ее, и Панинъ сказалъ, что о такихъ притѣсненіяхъ имъ ничего не извѣстно, и за такой противный поступокъ князя отъ дѣлъ отрѣшили, что императрица въ татарскихъ земляхъ никакой надобности не имѣетъ и таковыми утѣсненіями озлоблять ихъ не приказывала. Императрица подтвердила депутатамъ обѣщаніе полной независимости, и то-же сказано въ грамотѣ императрицы и объявлено Щербининымъ. Слыша это, татары радовались и „воображали что по утвержденіи между нами тѣснѣйшей дружбы, будутъ наслаждаться спокоемъ и благоденствіемъ. Но на бывшей конференціи опять заявлено требованіе о крѣпостяхъ. „И когда такъ, то на чтожбы прославляться не стыдясь что великодушіемъ ея и. в-ва свобождены мы отъ подданства и несносныхъ отягощеній Порты, ибо когда упоминаемыя крѣпости въ росс. владѣніи останутся, то не имѣя ни вольности, ни спокоя, никакой разности отъ подданства не будетъ.“ Что же касается безопасности отъ Порты, то „какъ вольность намъ происходитъ отъ помощи Россіи и въ мирномъ договорѣ ея съ Портою утвердится и въ трактатъ внесено будетъ, что мы навсегда остаемся вольны, то яснѣе полуденнаго свѣта видно, что Порта паруша свой трактатъ къ нападенію на насъ никогда покушаться не можетъ“, иначе будетъ нарушительницею мира и тогда Россія получитъ право вмѣшательства и обязана будетъ защищать татаръ. „Но когда между обѣими имперіями согласно признаны будемъ вольными и внесено бу-

дѣть въ трактатъ, то ни подъ коимъ видомъ для обороны и защищенія насъ внутри Крыма войскамъ находиться не надлежитъ, ибо между вольнымъ народомъ сосѣдственныхъ державъ кромѣ купечества никакія войска не обрѣтаются. Касательно-же до Порты, то хотябъ она Арбатъ, Кефу и Ениколь оставя росс. имперіи во владѣніе уступила, однако мы о нихъ, чтобъ оные намъ пожалованы къ ея и. в-ву отправя публичныя просьбы, неусыпно просить не оставимъ, ибо и спокойствіе единственно тѣмъ быть можетъ, когда сіи мѣста останутся по прежнему у насъ." Притомъ Россія въ нихъ не нуждается. Что-же касается Козлова и Керчи, то они татарская суть земля, и турецкаго въ нихъ ничего, кромѣ пушекъ и огнестрѣльнаго припаса нѣтъ и т. д.

Отвѣтъ татарск. уполномоченныхъ на предложенные имъ пункты: на 8 заявляютъ, что Перекопъ издавна состоитъ во владѣніи крымскихъ хановъ, а Кефа, Арабатъ, Ениколь и Керчь къ ихъ владѣнію и управленію принадлежатъ, поэтому просятъ оставить ихъ въ ихъ владѣніи. На 9,—что во время переговоровъ о мирѣ „для охраненія береговъ до совершенія мира имѣютъ пребывать пѣхотныя войска, но конное войско сколь не находится въ Крыму, всегда слѣдуютъ разныя обиды, кои по дружбѣ вывесть надлежитъ", но и пѣхотнымъ „подтвердить, что пока пребывать будутъ, не чинилибъ никакихъ обидъ и утѣсненій, а по заключеніи мира о выводѣ и оныхъ надежду имѣемъ". На 12: взаимная свобода торговли съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ, а взаимныя расправы разбирать по магометанскому закону. На 13 съ русс. стороны для пріѣзжающихъ внутрь Крыма купеческаго спокойства, и прочихъ касательныхъ отъ росс. стороны дѣлъ опредѣленный отъ Россіи резидентъ съ находящеюся при немъ свитою будетъ споконъ; и чтобъ оной резидентъ, такъ и его люди крымскимъ жителямъ и татарскимъ ордамъ, какъ языкомъ, такъ и рукою озлобленія дѣлать не дерзалъ, было бы накрѣпко подтверждено.

Письмо Орлову 7 авг. 1772: упорствуютъ въ пунктѣ о крѣпостяхъ и о пребываніи въ нѣкоторыхъ городахъ нашего гарнизона и флота. Принудить же ихъ угнетеніемъ войскъ не можетъ. Приложенія:

№ 1. Записка Щербинина хану: По поводу отзыва хана, что вольнаго человѣка на что охранять? Щербининъ доказываетъ, что „вольность безъ подкрѣпленія охраненіемъ не есть вольность, пот. что она всегда подвержена похищенію; в. свѣтлость—государь избранный и поставленный надъ вольною областью, и безъ всякаго сумнѣнія имѣя мысли государственныя, желаете по смерть свою государствовать безперемѣнно, слѣдственно инаково не можете устоять на своемъ мѣстѣ, когда не будетъ вамъ охраненія и убѣжища, ибо извѣстно в. св-сти, что Порта привыкла по разнымъ своимъ интригамъ прежнихъ хановъ ввергать въ бѣдствіе и презрѣніе, и ханская бытность обращаема была въ сортъ кратковременнаго начальства, а не государствованія прочнаго. По сему турецкому обряду пріятнолн в. св-сти бывъ прежде государемъ самовластнымъ всея крымскія области, потомъ видѣть себяжъ сверженнымъ и презрѣннымъ: и можетъ ли благорожденная в. св-сти душа сіе вынесть? Лучше не быть прежде избраннымъ въ государи, нежели бывъ лишиться на позорище своимъ подданнымъ! Для огражденія себя отъ подобной, гнусной и прискорбной перемѣны необхо-

димо имѣть предохраненіе такою державою, коя въ томъ интересуется и которая всегда въ состояніи удержать владычество его персоны по смерть непоколебимымъ... а въ случаѣ смутнаго времени и убѣжище имѣть можетъ... по окончаніи коихъ паки въ свое владѣніе вступить". И всѣ такія благодѣянія на вѣчность ему и преемникомъ его установляемыя. Въ заключеніе превозноситъ великодушіе императрицы и преимущества вольности.

№ 2. Переводъ ханскаго отвѣта: Все изъясненное въ запискѣ Щербинина „понявши благопріятно намъ показалось, токмо съ такимъ договоромъ, чтобъ крымскому народу не быть зависящимъ никакой державѣ, но быть свободнымъ и особливымъ государствомъ". Въ этомъ смыслѣ размѣненъ обоюдный трактатъ, равно и о взаимный союзной дружбѣ. Что-же касается уступки Россіи крѣпостей для содержанія гарнизоновъ, то въ случаѣ несогласій или ссоры между гарнизономъ и татарами, „оной ссорѣ хотя и гарнизонное войско причиною будетъ, то крымскій народъ виноватъ оставаться будетъ, а въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ будетъ русское войско стоять, гдѣ наималѣйшая обида крымскому народу воспослѣдовать можетъ, хотя бы обидчики наикрѣпчайше наказываны могли быть, сколько бы обѣщаніе въ томъ твердо ни было, и ссоры за ссорами являться могли, и росс. дворъ не взирая на то не сталъ бы въ томъ удовольствія чинить, а на послѣдокъ могъ бы выговоръ воспослѣдовать, что сіе ваше дерзновеніе договорнымъ пунктамъ и дружбѣ суть противно, и когда такое несогласіе и ссора сдѣлается, то тогда какой сторонѣ жалобу приносить и какъ оную прекратить можемъ?" Поэтому просятъ, чтобъ русскихъ войскъ въ Крыму не было. Для замиренія Порты съ Россіею „вступили посредственниками Римскій императоръ и король Прусскій и нынѣ о мирѣ дѣла трактуютъ, а потому оба государства между собою миръ заключить безъ сумнѣнія согласятся; когда Порта при начатіи трактованія о мирѣ хотя и ничего о Крымѣ не упоминала бы, и всѣ дѣла и пункты могла привесть къ окончанію заключенія мира, то въ румельской сторонѣ находящіеся ханъ (бывшій) и султаны намѣрены будутъ претендовать, чтобъ Крымъ попрежнему подъ турецкою областью и владѣніемъ остался, и ежели о томъ вступившіе въ посредство дворы, по намѣренію оныхъ хана и султановъ, станутъ ея и. в-во государыню просить, также и прочія государства, которыя въ посредствѣ въ угожденіе Порты дѣлая въ прошеніи снисхожденіе, сдѣлается то, что Крымъ попрежнему останется подъ властью Порты, то тогда Порта меня съ ханскаго достоинства свергши другаго возведутъ, а Крыму всенепремѣнно отмщеніе свое сдѣлать не преминетъ". Если-же посредствующіе дворы о Крымѣ умолчатъ и о независимости татаръ въ трактатѣ договорныхъ пунктовъ внесено не будетъ, чтобъ Крыму между двумя имперіями барьеромъ оставаться, то просятъ внести въ него постановленіе, чтобъ внутри Крыма не быть никакимъ войскамъ, а только купцамъ обѣихъ сторонъ. А хотя бы Россіи и сильною рукою „турецкія крѣпости отобрала и овладѣла, то во время трактованія о мирѣ Портѣ настоящій претекстъ будетъ объявить, что татара для того, чтобъ вольнымъ и независимымъ быть, вмѣсто подарковъ мои крѣпости росс. двору отдали, а крѣпости мои есть. Принадлежитъ ли имъ мои крѣпости отдавать, и объявитъ, что я оныхъ ни коимъ образомъ

не уступлю, и вмѣсто того, чтобы между двумя имперіями легкимъ образомъ споръ прекратить можно, опять возобновится и чрезъ то подастся причина къ напрасному кровопролитію, и вступившіе въ посредство дворы не станутъ стараться о пресѣченіи споровъ, и всѣ согласно объявятъ, что не слѣдуетъ Крыму отщетиться отъ Порты и, станутъ просить объ этомъ, то ея и. в-во по прошенію прочихъ державъ, не токмо такую область, какъ Крымъ, но и нѣсколько другихъ такихъ областей уступить можетъ и защищать росс. дворъ не станетъ, то мнѣ тогда для избѣжанія неминуемой бѣды въ другое мѣсто идти должно дабы себя спасти"; поэтому проситъ, чтобъ „непрестанныя требованія и домогательства крѣпостей были оставлены, ибо ежели тѣ требуемыя мѣста въ трактатъ внесены не будутъ, то и Порта не станетъ на насъ вражду имѣть, такожъ и посредствующіе станутъ вспоможеніе дѣлать, чтобъ вольными и независимыми вѣчно между двумя имперіями въ тишинѣ и покоѣ оставаться намъ, въ чемъ всѣ государства поручатся". Помянутыя крѣпости будучи турецкія, подчинены во всемъ, кромѣ опредѣленныхъ въ нихъ отъ Порты командировъ, хану крымскому. Во время войны Порта обыкновенно присылала въ нихъ часть своихъ войскъ, а въ мирное время не только никакого учрежденія не дѣлала, но и въ починкѣ никакого досмотра не бывало. Увѣренія въ преданности татаръ къ Россіи. Просьба для сохраненія хана отъ вышепомянутыхъ бѣдъ, и сохраненія тишины въ Крыму, по заключеніи мира вывести русскія войска, внести въ договорные пункты объ этомъ и о вольности татаръ между двумя имперіями, и защищать Крымъ присылкою войскъ въ случаѣ появленія какого либо непріятеля.

Письмо Орлову 31 авг. 1772: Непреодолимыя затрудненія и не знаетъ что предпринять наконецъ остается „ибо хотя предъ симъ и открывалась было нѣкоторая надежда къ податливости крымцевъ на заключеніе трактата, но нынѣ и слѣдовъ къ той мнимой податливости уже не остается".

P. S. Прежде уполномоченные отзывались, что крѣпости состоятъ во власти хана, слѣд. они и трактовать объ нихъ не могутъ, а относятъ въ ханскую власть, а нынѣ ханъ противно тому говоритъ, что безъ старшковъ ничего самъ собою сдѣлать не можетъ. 1-го сентября ханъ получилъ ободрительное извѣстіе отъ турковъ о предстоящемъ прибытіи турецкаго флота. По дорогамъ начинаютъ нѣкоторыя наглости и нападенія на русскихъ людей.

Отвѣтъ Щербинина на объясненіе татаръ противъ 7 пункта отъ 9 авг. 1772:

Отвѣчаетъ: 1-е что въ началѣ войны командующій 2 арміею ген. Паниннъ предложилъ татарамъ вольность и покровительство Россіи; но одни нагайцы оцѣнили предъявленное имъ сокровище, а крымцы хотя увѣряли въ готовности послѣдовать ихъ примѣру, но ограничились одними обѣщаніями, и потомъ предъявили нескладныя отговорки и на дѣлѣ выразили свое недоброжелательство, обще съ турками предпринявъ укрѣпленіе Перекопской линіи. Поэтому на внушенія гр. Панина ссылаться неумѣстно, тѣмъ болѣе что своимъ поведеніемъ крымцы

въ прошломъ году подвигли 2-ю армію къ походу на Крымъ. 2-е: Предводитель этой арміи, кн. Долгоруковъ вооруженною рукою отворилъ себѣ входъ внутрь Крыма, овладѣвъ Перекопскою крѣпостью „при всѣхъ военныхъ супротивленіяхъ и препятсвіяхъ крымцевъ“, которые заявили свою преданность Портѣ сраженіемъ съ нашими войсками во время движенія ихъ на Козловъ, Арабатъ, Керчь, Ениколь и Кефу, и лишь по взятіи ихъ стали помышлять о спасеніи себя и своего достоянія. Итакъ Долгоруковъ „озабоченъ былъ не однимъ тѣмъ, чтобъ турокъ выгнать, какъ вы описываете, но имѣлъ военное дѣло и съ вами, какъ тогдашними туркамъ помощниками, пока превозможеніе ваше ни принудило васъ убѣгать отъ онаго.“ 3-е: При сей крымцевъ крайности, въ которую они ввержены были невниманіемъ совѣтовъ гр. Панина, Долгоруковъ „однако уже по завоеваніи Крыма оправдая намѣреніе ея и. в-ва съ начала съ Портою войны положенное, чтобъ отторгнувъ крымцевъ отъ Порты облагодействовать его на вѣкъ составленіемъ вольной и независимой области подъ покровительствомъ Россіи, подавъ крымцамъ знаніе, которые внимая сему великодушному противъ всѣхъ оскорбленій одному Богу свойственному человѣколюбію ея и. в-ва, съ Долгоруковымъ имѣли договоры о основаніи своей вольности, причемъ заключеннымъ актомъ... поруча себя подъ протекцію и покровительство императрицы, просили со всѣхъ крѣпостей по выгнаніи турецкаго войска, о занятіи оныхъ россійскими гарнизонами.

4-е. „Вы упоминаете, что по просьбѣ вашей о выводѣ измежду васъ россійскихъ войскъ его с-во кн. В. М. якобы отвѣтствовалъ вамъ, пока съ Портою миръ заключенъ не будетъ, войскъ выводить не надлежитъ и сіе зависитъ отъ воли е. и. в-ва, что вы и приняли до заключенія съ Портою мира равно какъ отзывы его с-ва, будто вамъ учиненные, съ обнадеживаніемъ, что не токмо города, въ Крыму завоеванные вамъ отданы будутъ, но еще такова, какова ваша область другая къ ней присоединена быть имѣетъ, вы за законъ поставляете, почему для прошенія и отправили къ е. и. в-ву Калгу султана; затѣмъ, получа отъ его с-ва кн. В. М. письмо съ требованіемъ, чтобъ вы просили е. и. в-ва о принятіи Кефы, Керчи и Ениколя для вашего защищенія и содержанія войскъ, но оному посылали нарочнаго съ прошеніемъ къ е. и. в-ву о неотягощеніи васъ тѣмъ, что е. и. в-во принятіемъ удостоить соизволила, и на то отвѣтствовалъ его с-во гр. Н. И. Панинъ, что о сихъ кн. В. М. претензіяхъ не свѣдомо тамъ и якобы кн. В. М. Долгоруковъ за такой противной поступокъ отъ порученныхъ ему дѣлъ отрѣшенъ и что чрезъ посланцовъ вашихъ поднесенные къ е. и. в-ву отъ васъ прошенія и словесныя донесенія приняты при всѣхъ тогда бывшихъ при высочайшемъ дворѣ посторонних министрахъ и обнадежены вы вольностію и ни отъ кого независимостью, какъ чрезъ тѣхъ же посланцовъ и чрезъ меня присланныя къ вамъ высочайшія грамоты подтверждаютъ; а затѣмъ, что и я васъ объ ономъ неоднократно увѣрялъ, вы воображали уже совершенство своей вольной области, но какъ увидѣли требованіе отъ меня о заключеніи въ трактатѣ, чтобъ Кефѣ, Арабату, Керчи, Ениколе, Пеекопу и Козлову съ пристанми и для пастбы скота принадлежащею землею остаться во владѣніи Россіи, то и признаваете по непмѣнію ни вольности, ни покоя вашей области не будетъ никакой разности.

На 4. Вашимъ великолѣпіямъ извѣстно о силѣ 14 пунктовъ общимъ договоромъ заключенныхъ съ его с-вомъ кн. В. М.; въ 7 пунктѣ оныхъ точно сказано: на основаніи акта всѣ крѣпости и пристани, гдѣ турецкое войско находилось должны быть заняты росс. войсками для защищенія отъ непріятельскихъ; а о времени тамо войскъ пребыванія нигдѣ не упомянуто, на что и отъ стороны Крыма согласенось; а въ 17 пунктѣ написано: по занятіи крѣпостей гарнизонами выводъ изъ Крыма достальнаго войска зависитъ изъ высочайшаго Е. И. В-ва повелѣнія, слѣдственно о занятыхъ гарнизонами крѣпостяхъ и должно разумѣть, какъ оные военною рукою взяты, то по всесвѣтному праву и принадлежатъ побѣдителю, а побѣжденный присвоеніемъ оныхъ себя ласкать не долженъ и не можетъ, не оказавъ достойнаго побѣдителю снисхожденія, кольми паче сверхъ возврата взятаго обнадеживать себѣ приращеніемъ области ни съ какими обстоятельствы несообразно, а потому и съ здравымъ разсудкомъ не сходно, какая неволя побѣдителю, достигшему до того съ потеряніемъ своего интереса и взятое у непріятеля отдавать такимъ людямъ, кои не вспомня того, что въ прошедшемъ году (какъ 4, 5, 6, 11 и 12 ваши пункты значатъ) просили, чтобъ побѣдитель дозволилъ вамъ въ Крыму деревнями, лавками, мельницами, солянымъ озеромъ и прочими угодьями навсегда владѣть по прежнему, слѣдственно сами признавали себя, какъ и въ самой вещи было, покоренными россійскимъ оружіемъ, и сіе за великодушіе Ея И. В-ва въ пожалованіи вамъ свободы съ преимуществы въ вольной и независимой области состоящими безъ достойнаго воздаянія благодарности еще не поставляете сего за милость, а за долгъ считаете, будучи сами причиною нанесенія росс. меча въ Крымъ, не упоминая о нападеніяхъ съ начала войны на росс. границы, которыя сколь не велики, столь больше Ея И. В-во, содержа свято первоначальное свое обѣщаніе въ облагодѣтельсвованіи татаръ изъявляетъ свои монаршія благодѣянія въ доставленіи вамъ вольности, почему какъ его с-во Калгу султана, такъ и прочихъ вашихъ посланцевъ великодушно удостоивать изволитъ персональнымъ почтеніемъ. Въ семъ случаѣ чѣмъ вы достойную благодарность Е. И. В-ву принесть можете, какъ не тѣмъ, чтобъ внимать моимъ вамъ совѣтамъ, а потому поставлять, заключать и утвердить формалитетомъ совершенство вашей области въ вольности и независимости подъ покровительствомъ Ея И. В-ва, которое защищеніе васъ состоитъ единственно въ занятіи удобныхъ крѣпостей къ содержанію въ оныхъ навсегда россійскаго флота и гарнизоновъ въ такихъ мѣстахъ, съ которыхъ бы можно какъ Крымъ, такъ и обитающихъ на Кубани четырехъ ногайскихъ ордъ союзниковъ защищать съ открытаго моря отъ покушеній Порты, клонящихся къ порабощенію вашей вольности; о утвержденіи таковой отъ Порты на Черномъ морѣ преграды отъ нагайскихъ ордъ еще въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ послано къ Е. И. В-ву письменное прошеніе, которое яко полученное отъ первыхъ союзниковъ, подавшихъ собою въ томъ примѣръ и прочимъ, Е. И. В-во высочайше принявъ во уваженіе, по оному равно какъ и по вашимъ просьбамъ для постановленія прочности ко утвержденію вашей области въ вольности и независимости къ его свѣтлости хану и правительству крымскому меня отправить изволила съ высочайшею грамотою и полною мочью, по коей моимъ совѣтамъ внимать и общія постановленія дѣлать намъ должно,

къ чему и отъ Ногайскихъ ордъ депутаты присланы сюда съ полномочіями и просьбами о занятіи удобныхъ нашими войсками и флотомъ крѣпостей и тѣмъ о защищеніи ихъ на предбудущее время отъ похищеній Порты. Въ семъ случаѣ, когда я отъ васъ чрезъ нѣсколько уже времени живя здѣсь, не вижу дружескаго соотвѣтствія въ трактованіи и общемъ положеніи, не долженъ ли я внять просьбы первыхъ союзниковъ ногайцовъ, какъ и количество ихъ вчетверо превосходитъ Крымцевъ? а потому и порученной мнѣ о вольности татарской области формалитетъ съ ними вообще совершить? — предаю вашему благоразсужденію съ тѣмъ однакожъ, по всѣмъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ въ окончаніи того что утверждаетъ совершенство вольной вашей области и защиту оной навсегда отъ похищенія Порты намѣрены ль вы открыто со мною трактовать или въ однихъ безплодныхъ переписках продолжать время? Прошу меня увѣдомить и если сообразно съ тѣмъ, что вашей области вольность и независимость составляетъ и утверждаетъ, о чемъ въ сходство прежняго и нынѣ увѣряю, трактовать и заключать полагаете, то пожаловать по пунктамъ письменныя объясненія, какъ продолжительныя, оставить, а совѣщать по онымъ, согласоваться и полагать словесно обыкновеннымъ дружескимъ обрядомъ и все оное потомъ въ пункты заключаемаго трактата вносить безъ всякаго продолженія, къ чему и опредѣлить по вашему избранію чиновъ людей, которыхъ должность состоять будетъ въ томъ, чтоб полагаемые нами пункты записывать порядочно, что и съ нашей стороны равномѣрно распоряжено и наблюдено быть имѣетъ. Предводитель же второй арміи кн. В. М. Долгоруковъ ничѣмъ не оскорбленъ, но при прежней монаршей милости и довѣренности состоитъ и войсками повелѣваетъ; одни только Крымскія политическія дѣла мнѣ, яко полномочному, ввѣрены до совершенія и утвержденія оныхъ, слѣдовательно кто вашимъ великолѣпіямъ объ отзывѣ его с-ва гр. Н. И. Панина сказалъ—неправду объявилъ. Впрочемъ долженъ я объяснить вашему содружеству и о томъ, что вы по заключеніи Россіи съ Портою мира не сумнѣваетесь о нападеніяхъ на васъ отъ Порты, а занятіе россійскими гарнизонами для вашего охраненія въ Крыму крѣпостей считаете сумнительнымъ, то сіе ничто иное значитъ, какъ подаете видъ такой недовѣрчивости, что пріятнѣе вамъ открытно пустить себя въ сугубое порабощеніе Портѣ, нежели принимать съ благодарнымъ признаніемъ дарованную вамъ отъ Е. В-ва посреди побѣдъ вольность и независимость съ предохраненіемъ оныхъ на вѣчность. Гдѣ жъ то чистосердечіе, кое должно отъ васъ къ Е. В-ву благодарностью, признаніемъ и довѣренностью являться? Одни Ногайцы въ сердцахъ своихъ то ощущаютъ, прибѣгая къ ней и прося Е. В-во о принятіи городовъ къ ихъ вѣчному предохраненію. Таковые знаки ихъ чистосердечнаго открытія не должна ли Е. В-во принять со уваженіемъ и дѣйствительно по ихъ просьбѣ исполнить, въ чемъ я по причинѣ даннаго мнѣ отъ Е. И. В-ва полномочія и долгъ имѣю. Сіе уже не будетъ отъ васъ служить къ Е. В-ву благодарностью и признаніемъ за ея къ вамъ милости, а должно будетъ къ открытію вашей недовѣрчивости оставить въ такомъ случаѣ и подлинно всѣ отъ турковъ завоеванныя крѣпости въ вѣчномъ владѣніи съ гаваньми и съ доходами какъ для предохраненія вашей вольности, такъ и для

надзиранія въ разсужденіи вашей недовѣрчивости и открытія, что вы съ турками по тѣхъ поръ обороняться не будете, доколѣ они домовъ вашихъ и васъ поражать не будутъ, а притомъ и въ предохраненіе Нагайцовъ по ихъ просьбѣ. Касательно жь до того, что вы упоминаете въ резонъ, егда всѣми державами утвердится ваша вольность, то будто турки не посмѣютъ военною рукою похищать оную, а должны будутъ прежде обратить ваши сердца къ себѣ, о чѣмъ мы узнавъ должны будемъ списываться и ихъ отъ того воздерживать; въ случаѣ жь турковъ упорливаго предпріятія, тогда уже ихъ силою оружія отвращать и васъ предохранять; сіе доказательство, позвольте сказать, столь слабо, что никакой въ себѣ связи не имѣетъ. Первое, турки, когда нынѣшнюю войну съ Россіею начинали, спросились ли они кого-нибудь! Да и такъ скоропостижно, что Россія не успѣла еще узнать о томъ, а они и войска свои вывели и еслибы не было въ Польшѣ подъ сей случай россійскаго войска, изъ коего корпусъ былъ отряженъ подъ командою кн. Прозоровскаго, нынѣ здѣсь пребывающаго, который ихъ удерживалъ, тобъ дальность ихъ похода достигло до россійскихъ границъ, хотя оныя и въ дальнемъ были разстояніи. По сему примѣру егда турки будутъ имѣть совершенное отъ войны спокойствіе, имѣя Крымъ отъ Царяграда въ близкомъ разстояніи, такъ что въ хорошую погоду не болѣе двухъ сутокъ, а отъ Анадоліи и менѣе, то долго ли имъ схватить сей полуостровъ и занявъ паки въ свою власть крѣпости, тотчасъ превратить васъ въ своихъ рабовъ! Россія жъ защищающая вашу вольность, войска свои должна вести сухопутно и вновь всѣ крѣпости у турковъ отбирать и уже жестокую вести войну въ вашей области, а притомъ войска никогда не могутъ ходить безъ заготовленныхъ магазейновъ, слѣдовательно меньше какъ по разстоянію, такъ и за неимѣніемъ заблаговременно приготовленныхъ магазейновъ дойтить сухимъ путемъ до Перекопа не можно какъ чрезъ шесть мѣсяцовъ, а въ то время турки, всѣмъ исправясь преградятъ всѣ способности къ вашему освобожденію. Совмѣстно ли такой великой монархинѣ таковое при доставленной нынѣ вамъ вольности сдѣлать попущеніе въ предосужденіе ея достоинству? Напротивъ того, когда Ея В-во будетъ имѣть свой въ нужныхъ Крымскихъ крѣпостяхъ гарнизонъ и въ гаваняхъ флотъ и будутъ тѣ крѣпости приведены въ совершенное оборонительное состояніе и въ нихъ всегда находиться будутъ магазейны, то какъ бы турки скоропостижно ни хотѣли овладѣть симъ полуостровомъ однако будучи прежде встрѣчены флотомъ, не могутъ съ такою скоростію преодолѣть отнятіемъ тѣхъ укрѣпленныхъ пристаней, въ кои войска Е. В-ва, не имѣя уже удержки за провіантомъ, вступать будутъ водянымъ путемъ, не дѣлая сухопутными транспортами вамъ отягощенія, а тѣмъ и скорѣйшее прибытіе оныхъ быть можетъ къ выручкѣ васъ. Таковыя въ военныхъ дѣйствіяхъ видимыя турками въ разсужденіи ихъ предпріятія препоны ко овладѣнію симъ полуостровомъ отвлекать всегда станутъ не только отъ покушеній, но и отъ помышленія на сей полуостровъ, съ каковымъ предохраненіемъ всегда останется безопасна вольность и независимость вашей области... Что жъ принадлежитъ до сего, якобы всѣ державы извѣстны о вашей вольности и независимости по причинѣ посылки къ Ея И. В-ву отъ васъ его с-ва Калги султана, то сіе не имѣетъ ника-

кого основанія до тѣхъ поръ, доколѣ формалитетомъ не совершится, ибо вольность вамъ пожалована отъ Е. И. В-ва завоевательницы Крыма и побѣдительницы турковъ и отъ нея зависитъ еще ваша вольность; а когда вы формалитетомъ со мною, какъ полномочнымъ, совершите, тогда-то извѣстенъ будетъ свѣтъ о вашей вольности и независимости, а не отъ посылки его с-ва Калги султана, коего видѣли персону чужестранные послы, при дворѣ Е. В-ва находящіеся, равно и милостивой Е. В-ва пріемъ его с-ву Калгѣ султану и вашимъ посланцамъ. Сіе есть только честь приносящая Е. В-ву, а не совершающая въ мирныхъ пунктахъ формалитета. Просьбы жъ ваши о городахъ Е. В-ву съ Калгою султаномъ хотя и были, но напротивъ того отъ Ногайцовъ были послѣ того совсѣмъ другія и за всѣми тѣми я посланъ къ вашему содружеству для того, чтобъ во всемъ сдѣлать съ его свѣтл. ханомъ и съ вами постановленія и утвержденія формалитетомъ, а потомъ и открыть особымъ актомъ во весь свѣтъ и тѣмъ совершить вашу вольность и независимость съ предохраненіемъ оной на вѣкъ Е. В-ва россійской имперіи и если изволите войтить, оставя недовѣрчивости, но въ прямое вниманіе къ охраненію на вѣкъ вашей вольности и независимости, то можетъ ли инаково она вѣчно сохраниться, если не будетъ въ нѣкоторыхъ приморскихъ крѣпостяхъ россійскаго гарнизона и флота, которой бы того предохраненія наблюдалъ? — Не материнская ли милость Е. В-ва къ вамъ происходитъ и не ощутительна ли самими вами та изъявляемая мною Е. В-ва милость въ доставленіи вамъ отъ Е. Им. В-ва предохраненіемъ какъ и въ высочайшей Е. В-ва грамотѣ означено? Слѣдовательно не ложно я васъ увѣрялъ и теперь увѣряю, а потому и необходимо должно быть въ россійскомъ содержаніи, къ вашей безвредности, нѣкоторымъ изъ приморскихъ крѣпостей и съ гаванями и съ околичною землею и тѣмъ приступить къ окончательному постановленію со изысканіемъ только средствъ, чтобъ отнюдь не трогало сіе россійскихъ войскъ въ крѣпостяхъ содержаніе уѣздныхъ вашихъ жителей и россійскіе во оныхъ крѣпостяхъ при войскахъ сухопутныхъ и морскихъ командиры до оныхъ вашихъ уѣздныхъ жителей не касались ни въ суды, ни въ расправы, ниже въ малѣйшія ихъ внутренности, яко слѣдующія до вашей вольной и независимой ни отъ кого области, но напротивъ того дѣлали бъ всякое дружеское обхожденіе и удовольствіе, равно и отъ васъ получали бъ, имѣя только тѣ земли въ своемъ владѣніи, кои будутъ въ россійскую сторону по тѣмъ крѣпостямъ назначены; и такъ, положа съ вами на мѣрѣ, которымъ крѣпостямъ сходнѣе быть для вашей на вѣкъ сохраненія вольности, внесл въ трактатъ при помощи Божіей совершить вѣчное ваше блаженство, во славу Сотворшаго небо и землю.

Замѣчанія татарскихъ уполномоченныхъ на предлагаемыя Россіею пункты:

На 6 о найторжественнѣйшемъ обѣщаніи императрицы за себя и преемниковъ своихъ, сохранять и защищать татарскую область во всѣхъ правахъ ея и начальныхъ положеніяхъ *), отвѣчаютъ, что если защита

*) Эти права по первымъ 5 пунктамъ должны состоять: въ вольности и независимости, подъ верховной властью отъ единаго Бога зависящаго хана, который будетъ управлять по древнимъ обыкновеніямъ, обрядамъ и законамъ; въ признаніи магометанской вѣры господствующею, впрочемъ при сво-

и охраненіе разумѣются въ томъ смыслѣ, что по заключеніи мира русскія войска будутъ выведены изъ Крыма, и будутъ защищать его только при требованіи крымцами вспоможенія, то сіе согласуется съ ихъ упованіями, также если оно означаетъ соблюденіе союза и дружбы; но когда защита и охраненіе въ такой силѣ, чтобъ внутри Крыма и въ крѣпостяхъ росс. войско учредя, онымъ защищать, то это заявленіямъ Росс. правительства есть явная противность.—По 9 п. русскія войска остаются въ Крыму до заключенія мира во всѣхъ занятыхъ ими пунктахъ, съ тѣмъ чтобы это не было въ тягость крымскимъ обывателямъ. Притомъ пояснено, что въ Крыму по заключеніи мира останется одинъ корпусъ, а прибавочныя войска будутъ выведены. — На 12 п. о свободѣ взаимной торговли крымцы требуютъ подчиненія русскихъ купцовъ въ расправахъ съ крымцами магометанскому праву, Щерб. требуетъ исключенія этого условія, такъ какъ въ русскомъ проектѣ умалчивается о томъ, чтобъ крымскіе купцы въ Россіи повиновались правамъ россійскимъ.—13-й п. согласны на пребываніе русскаго резидента при ханѣ.

5-й пунктъ изъ трактата:

Крымскія войска кромѣ собственной своей области обороны и слѣдовательно кромѣ только того, что противъ непосредственнаго своего непріятеля принадлежать будетъ, никогда и нигдѣ употреблены быть не имѣютъ.

Сей пунктъ 26 августа просили крымскіе уполномоченные объяснить по нижеслѣдующему:

Крымскія и всѣ татарскія войска никогда нигдѣ употреблены быть не имѣютъ, кромѣ только обороны собственной своей области. Въ сходствіе чего и противу Порты по единовѣрію своему до тѣхъ поръ не ополчаться, пока оттоманскія войска сами не начнутъ непріятельски наступать, а въ такомъ уже случаѣ противу оныхъ ополчаться и отражать.

28-жь числа августа опять вновь требовали перемѣнить и написать такъ:

На Крымскую область и татарскія орды, когда покажутся турки по единовѣрію съ начала не сопротивляться, а когда предпріимутъ напрасно расхищать, разорять и умерщвлять въ тѣ поры сопротивляться.

По сему подапъ былъ Крымцамъ 29 августа слѣдующій пунктъ, котораго однако они не утвердили:

Крымскія и татарскія войска при случаѣ россійской собственной съ Портою войны въ помощь требованы быть не имѣютъ. А когда турки въ то же время и на крымскую вольную область нападать станутъ, тогда имѣютъ противъ оныхъ ополчаться и отражать.

бодѣ отправленія христіанскихъ обрядовъ для христіанъ; въ томъ, что крымскія войска не будуутъ выводимы изъ Крыма и будутъ употребляемы только противъ ихъ непосредственныхъ непріятелей. На этотъ 5 пунктъ татары возражали, что если нападеніе будетъ учинено оттоманскими войсками, то какъ оные имъ единовѣрны, то начинать съ ними кровопролитную брань вѣрѣ и закону ихъ противно, а если они вознамѣрятся враждебно разорять и расхищать и умерщвлять ихъ, въ такомъ случаѣ отражать оныхъ и спасать себя будутъ. На этой оговоркѣ Щербининъ основывалъ требованіе относительно русскихъ гарнизоновъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 47-е.

Документы относительно Бухарестскаго конгресса (М. Гл. Арх. М. И. Д., сношенія съ Турціею, Affaires séparées.)

Депеша Обрѣскова Панину № 2 отъ 10 ноября; при ней приложенія:

А. *Протоколъ* 2-й конференціи 3 ноября Обрѣскова съ Рейсъ-эфендіемъ: Рейсъ-эфенди сообщилъ о полученіи имъ отъ великаго визиря ратификаціи на заключенное перемиріе. Обрѣсковъ объявилъ основныя предложенія Россіи:

1) Отнять всѣ причины, производящія худое согласіе, да и самую вражду между двумя имперіями, и сдѣлать твердый и навсегда прочный миръ;

2) Надлежитъ сдѣлать удовлетвореніе со стороны Бл. Порты за всѣ убытки причиненные Россіи настоящею войною безъ всякой законной причины объявленною, и

3) Чтобъ коммерція и кораблеплаваніе на моряхъ были освобождены отъ порабощенія, въ коемъ они по сіе время были, безпосредственнымъ соединеніемъ (un immediato legame) между подданными обѣихъ имперій, для вящшей ихъ пользы и взаимнаго благоденствія, и чрезъ сіе сдѣлать сохраненіе мира тѣмъ болѣе важнымъ и необходимымъ для взаимныхъ народовъ, и слѣдовательно еще болѣе драгоцѣннымъ для тѣхъ, кои ими управляютъ.

Вся конференція прошла въ пререканіяхъ о томъ, которая сторона виновна въ нарушеніи мира.

В. *Протоколъ* 3-й конференціи 7 ноября. По условію пріѣзжать въ сборный домъ поочередно, первымъ пріѣхалъ Обрѣсковъ. Открыта конференція размѣномъ ратификацій на перемиріе. Затѣмъ въ отвѣтъ на предложенные во 2-й конференціи пункты служащіе базисомъ мирной негоціаціи Рейсъ-эфенди замѣтилъ, что второй принять быть не можетъ, первый подлежитъ раздробленію и разнымъ изъясненіямъ, а въ третьемъ выраженіе: „что сіе сдѣластъ драгоцѣннѣйшимъ и для самихъ правителей“ равномѣрно требуетъ изъясненія. Обрѣсковъ согласился съ его мнѣніемъ о первомъ, настаивалъ на справедливости втораго, что же касается до примѣченнаго выраженія въ 3 пунктѣ, то „и въ самомъ существѣ такъ быть должно, когда интересы и взаимная польза обоюдныхъ подданныхъ будетъ связана прямою навигаціею, ибо за неимѣніемъ сего по нынѣ было для тѣхъ правителей дѣло совсѣмъ индифферентное быть Оттом. имперіи съ Россіею въ добромъ согласіи или остудѣ.—Рейсъ-эф. повторилъ категорическій отказъ принять 2-й пунктъ, о 3-мъ же замѣтилъ, что онъ резонабеленъ, но для Порты совсѣмъ индифферентенъ, а сколько видно для Россіи очень нуженъ, поэтому надобно, чтобъ во взаимство сдѣлано было достойное удовлетвореніе. Обрѣсковъ: Коммерція обоюднымъ подданнымъ равную пользу приносить имѣетъ. Обѣ имперіи каждая у себя имѣетъ произращенія другой надобныя; то тѣ подданные торговлею и себя обогащать, и государствамъ изрядные доходы доставлять могутъ. По сіе время въ

областяхъ Оттом. имперіи всѣ европейскія націи, кромѣ Россійской, торги имѣютъ, которые всѣ единственно въ ихъ авантажъ оборачиваются, а подданные Порты ни турки, ни греки, ни армяне, ни жиды никакой изъ того прибыли не получаютъ, вмѣсто того что изъ безпосредственной торговли между двумя сими имперіями каждой можетъ по своей способности пользоваться; а что его пр-во изволитъ говорить, что для Порты это дѣло индиферентное, то пріемлю вольность сказать ему мое удивленіе, ибо я не сумнѣваюсь, что ему самому довольно извѣстно, что когда подданные прибыльные промыслы имѣютъ, то и государства оными много пользуются.—Р е й с ъ-э ф е н д и: хотя въ существѣ это и правда, но Порта о семъ мало помышляетъ, а сколько видно Россіи очень надобно, и все-ли говорить о выгодахъ только одной стороны, а другой ничего? надобно, чтобъ было уравненіе, и чтобъ ни одна сторона не осталась обиженною. Затѣмъ Рейсъ-эф. предложилъ свои пункты какъ основаніе для мирнаго трактата, которые однако Обрѣсковъ не принялъ, прося предварительнаго исправленія въ нихъ нѣкоторыхъ выраженій, на что Рейсъ-эф. и согласился.

D. *Пункты*, предложенные отъ турецкаго посла основаніемъ къ мирному трактату, въ замѣнъ предложенныхъ Обрѣсковымъ: 1) Чтобъ были изъяты по возможности всѣ поводы и причны къ враждѣ и былъ постановленъ миръ прочный и твердый на всегда съ тѣмъ, однако, чтобъ условія Россіи не являли предосужденія Портѣ; 2) Порта согласна на умѣренное удовлетвореніе Россіи; и 3) относительно предложеннаго Обрѣсковымъ третьяго пункта извѣстно, которая сторона желаетъ коммерціи, слѣд. и кому отъ оной прибыль, поэтому сочтено за благо сдѣлать дружественно къ этому пункту слѣдующее прибавленіе и учинить умѣреннымъ его основаніе (e metter ne base moderata) такъ, чтобъ полагая на равновѣсіе благоразумія сію статью предоставлено бы оною было благопристойное другой сторонѣ удовлетвореніе.

C. *Протоколъ* 4-й конференціи 9 ноября. Обрѣсковъ объявилъ, что онъ находитъ предложенные Рейсъ-эфендіемъ пункты такими, на которыхъ совокупно съ предложенными отъ него Обрѣскова можно строить желаемое зданіе, и что теперь уже время приступить къ выбору матеріаловъ, коими то зданіе созидаемо быть должно, причемъ замѣтилъ, что красота его зависитъ отъ искусства строителей. Затѣмъ, по приглашенію Рейсъ-эфендія, прочелъ три первыхъ мирныхъ артикула слѣдующаго содержанія:

1) Всѣ прежніе трактаты, не выключая ни одного изъ нихъ, вмѣстительно и Бѣлградскій, такожъ и всѣ договоры, прежде и послѣ онаго состоявшіеся да будутъ отринуты и уничтожены, слѣд. никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть упоминаемы. 2) Чтобъ были уступлены Грузинцамъ то малое число крѣпостей или городовъ, которые въ тѣхъ странахъ обладаемы были россійскимъ оружіемъ, напредъ сего имъ принадлежащіе и отнятые у нихъ командующими тамъ пашами незадолго до настоящей войны; также тѣ грузинцы и мингрельцы были бы навсегда уволены отъ дани христіанскихъ дѣвицъ и отроковъ. 3) Обѣ Кабарды—большая и малая должны быть признаны совершенно принадлежащими имперіи Всероссійской, такъ какъ съ давнихъ временъ онѣ принадлежали ей до послѣдняго Бѣлградскаго трактата.

Относительно перваго пункта Рейсъ-эфенди никакого возраженія не сдѣлалъ; на второй замѣтилъ, что о грузинцахъ и мингрельцахъ слѣдуетъ держаться договоровъ, заключенныхъ султаномъ Ахметомъ съ Петромъ I, что же касается до упоминаемой дани, то она не принужденная, а сходная съ обыкновеніями тамошнихъ жителей, которые продаютъ родственниковъ и дѣтей своихъ или же похищаемыхъ у сосѣдей. — О б р ѣ з к о в ъ: Упоминаемые его пр-ствомъ договоры касались только до одной части Грузіи принадлежащей Персіи, а я говорю какъ о другихъ грузинцахъ, такъ и о мингрельцахъ, на которыхъ помянутая дань предъ недавними годами Портою наложена; при этомъ Обрѣзковъ напомнилъ о своихъ прежнихъ переговорахъ съ Портою относительно Грузіи. Затѣмъ, на вопросъ Рейсъ-эфендія, Обрѣсковъ изъяснилъ, что обѣ Кабарды въ давнія времена были россійскіе подданные вышельцы изъ Малороссіи, которыхъ князья или беи и дворянство вступили въ магометанство, а сельскіе жители почти всѣ еще христіанскую вѣру исповѣдуютъ.—Р е й с ъ-э ф: Народъ обыкновенно въ вѣрѣ повсюду послѣдуетъ примѣру правителей своихъ, и меньшая Кабарда Бѣлградскимъ трактатомъ вольною признана, однако Россія послѣдовательно подъ власть свою преклонила. О б р ѣ з к о в ъ, отрицая это, говоритъ, что были лишь переговоры по причинѣ постройки Россіею неподалеку отъ меньшей Кабарды на русской территоріи городка Моздокъ, за что Кабардинцы досадуя стали дѣлать у Порты сплетни, но онѣ оставлены были Портою безъ вниманія.

F. *Письмо* къ Обрѣскову отъ Цегелина отъ 11 ноября. Извѣщаетъ о результатахъ своихъ развѣдокъ объ отношеніи Порты къ татарскому вопросу. По словамъ Измаила-бея Порта не согласится заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ русскимъ уполномоченнымъ, потому что султанъ по своей религіи не можетъ согласиться, чтобъ Крымомъ управлялъ независимый государь, могущій въ то же время претендовать на калифатъ надъ Меккою, и будетъ до послѣдней возможности продолжать войну, чтобъ удержать это право калифата надъ Меккою исключительно за собою. Того же мнѣнія и улемы, мнѣніе которыхъ обязательно для султана. Les françois font bien valoir auprès de la Porte la révolution en Suède comme une suite de ses subsides fournis au roi, dont la Porte tirera un grand avantage. On veut même m'assurer, que la France travaille ici, afin que la Porte paye der subsides à la Suéde, pour la mettre en état de faire une diversion contre la Russie en cas que la paix ne soit pas conclue. Quant à moi, je tiens le même langage qu'auparavant, savoir, que la cr. de R., ayant donné cet article pour son ultimatum et ayant tout l'avantage de la guerre de son coté, ne se relachera jamais sur l'indépendance des Tartares, d'autant moins que les affaires en Pologne sont entièrement finies, que la Porte au lieu de secours étrangers, pourrait bien plutôt s'attirer d'autres ennemis, qui rendroient sa situation pire que jamais, qu'Elle se met au risque de perdre ses meilleures provinces en Europe et que ni la France, ni aucune autre puissance, dont ou lui fait espérer du secours, ne pourroient jamais empêcher sa ruine. On ne me repond la dessus autre chosse, que la religion s'y oppose... M-r de Tougout reçut le 1 de ce mois un courrier du p-ce Kaunitz avec ordre, qu'aprés s'être concerté avec moi, de faire connaitre

à la Porte, que nos deux cours avaient appris avec chagrin, que le congrès était rompu infructueusement, que cependant, comme elles desiraient ardemment, que la paix se fit au plutôt que possible, elles conseillaient à la Porte de renouer incessament la négociation et de conclure la paix avec la Russie. Le s-r de Tougout était d'avis, que, comme la négociation était déjà renouée, cette démarche ne serait plus nécessaire, mais je lui fis remarquer, que, quoique cela était, il serait toujours bon de faire voir à la Porte, que nos deux cours désiraient avec ardeur, que la paix de fît. En consequence nos interprêtes so sont acquités de la commission auprès du Reis-effendi, qui a répondu..., que la Porte désiroit également la conclusion de la paix et il serait à souhaiter, que la Russie, dans l'article qui jusqu'à présent avait causé l'empêchement voudrait se relacher en quelque manière... Далѣе въ постъ-скриптѣ Цегелинъ обѣщаетъ всѣми силами способствовать успѣху переговоровъ, сообщаетъ о полученіи изъ Петербурга инструкцій отъ Панина, которыя обѣщаетъ въ точности исполнить, d'autant plus que S. M. le roi m'en a déjà informé et qu'Elle m'a ordonné de m'y conformer exactement.

Въ своей *депешѣ* (№ 2) Обрѣсковъ даетъ еще слѣдующія разъясненія: Что онъ старался преклонить Рейсъ-эфендія признаться быть Портѣ причиною настоящей войны, потому что по сему самому уже она признана бы была должною удовлетвореніемъ за всѣ въ войнѣ Россіею понесенные убытки; „но какъ такое признаніе, сколько мнѣ извѣстно, весьма рѣдко въ мирныхъ конгрессахъ видимо бываетъ, то поэтому также и получа отъ него нѣкоторую надежду быть сему удовлетворенію сдѣланному въ замѣнъ нѣкоторой уступки изъ учиненныхъ завоеваній, о которыхъ я ему объявить не признавалъ еще весьма достаточно созрѣлымъ, и оставилъ сію матерію въ нерѣшимости: а какъ видѣлъ его нѣсколько поразогрѣтымъ, то въ успокоеніе сказалъ ему, что онъ также можетъ съ своей стороны взаимно основательные пункты предложить, что онъ и сдѣлалъ... Извините меня, м. г., что я въ оныхъ пунктахъ порядокъ предписанный въ инструкціи несоблюлъ; на сіе я поступилъ, чтобъ не такъ скоро быть въ нуждѣ говорить о самомъ щекотливомъ и важнѣйшемъ пунктѣ, т. е. о независимости татарской и самовластіи хановъ Крымскихъ, въ поджиданіи окончательнаго заключенія Е. А. Щербининымъ трактата съ татарскимъ правленіемъ имъ постановляемаго... но въ будущую конференцію, принужденъ буду въ сію нѣжную матерію вступить, ибо дальнѣйшее объ ней молчаніе можетъ родить у нихъ мечтательныя мысли, якобы о семъ и говорить уже устрашаемся". Обрѣзковъ сомнѣвается, чтобъ даже въ случаѣ заключенія трактата съ татарами и полученія декларацій ихъ о независимости, можно было заставить Порту отказаться отъ ея требованія.

Депеша Обрѣскова Панину за № 4, отъ 17 ноября; приложенія:

С. Отвѣты Рейсъ-эфенди на предложенные Обрѣсковымъ въ 4-й конференціи артикулы:

На 1-й арт. *): Когда всѣ мирные артикулы постановятся, тогда можно ввесть и сію статью, но кажется излишнимъ слѣдующее отягоще-

*) Объ отмѣнѣ всѣхъ прежнихъ трактатовъ.

ніе: „чтобъ никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ не приводить въ доказательство прежнихъ трактатовъ".

На 2-й арт. *): Жители сей земли будучи христіанской вѣры, уничтоженіе обыкновенія давать отъ нихъ Бл. Портѣ подать дѣтьми ихъ подъ названіемъ невольниковъ, есть дѣло съ благочестіемъ согласное, и въ уваженіе къ Росс. Имперіи, Бл. Порта то дозволяетъ и престанетъ отъ таковаго обыкновеннаго взысканія; но въ 1724 г., когда пресѣклось поколѣніе шаховъ персидскихъ и чужестранецъ Мирвейсъ похитилъ тронъ онаго государства, е. вво Царь Петръ договорился съ Бл. Портою, чтобъ тѣми мѣстами, которыя удобны ей Портѣ покажутся завладѣла бы Оттом. Порта, равномѣрно и Всеросс. Имперія завладѣла бы мѣстами себѣ удобными: послѣ такого договора обѣ Имперіи вступили съ общаго согласія во владѣніе каждая себѣ приличное, и въ разсужденіи настоящаго артикула тогда размѣненные трактаты ясно гласятъ быть всей Грузіи подъ владѣніемъ Бл. Порты, и во всѣхъ частяхъ сей земли содержать ей своихъ управителей съ гарнизонами. Договоръ Петра никогда совсѣмъ уничтоженъ не былъ и возвращеніемъ взятаго у В. Порты не причиняется предосужденія предлагаемому удовлетворенію, основанному уже на возвращеніи владѣній ея (non si fà pregiudizio alla compensazione progettata e stabilita sopra la restituzione della possessione). Также Бл. Порта не имѣетъ вмѣсто подати впредь требовать отъ нихъ дѣтей ихъ; таковая подать будетъ имъ подарена; прошедшія ихъ преступленія предадутся забвенію, и нація сія находясь подъ верховенствомъ (il commando) В. Порты, доколѣ съ ея стороны не послѣдуетъ какое-либо оскорбленіе, не имѣетъ быть никоими образы утѣсняема: а если въ чемъ оскорбятъ В. Порту, то да постановлено будетъ точнымъ артикуломъ наказывать ихъ со всякимъ правосудіемъ. Грузинская нація довольна быть можетъ милостію, которою она симъ образомъ воспользуется отъ Бл. Порты и Росс. Имперіи, и оставаясь по прежнему подъ владѣніемъ Б. Порты; Имперія Всероссійская уважая ихъ, яко древнихъ подданныхъ В. Порты, ни коимъ образомъ не имѣетъ утѣснять ихъ.

На 3-й арт, **): Народы Кабардинскіе были невольны до 49 г., и по то время всегда имѣли ссоры съ татарскою націею, чѣмъ они многажды причиняли остуду между двумя имперіями. Въ 52 г. заключеніемъ Бѣлградскаго мира обѣихъ Кабардъ народы сдѣланы независимыми чтобъ служить баріерою: обѣ стороны взяли отъ нихъ аманатовъ, и отъ того времени доселѣ не подали они никакой причины къ озлобленію (disgusto), что конечно произошло отъ добраго распоряженія, на которомъ основана вольность обѣихъ Кабардъ; кромѣ того обыватели Б. Кабарды вѣры магометанской, трудное дѣло есть отдать ихъ во владѣніе Россіи; изъ чего явствуетъ, что продолженіе вольности ихъ на прежнемъ основаніи споспѣшествовать будетъ взаимной пользѣ и къ сохраненію долговременно твердаго и ненарушимаго мира.

---

* Объ уступкѣ грузинцамъ ихъ крѣпостей или городовъ, и объ отмѣнѣ взымаемой съ нихъ и мингрельцевъ дани христіанскихъ дѣвицъ и отроковъ.

**) Обѣ Кабарды уступаются Россіи.

B. *Протоколъ* 5-й конференціи 12 ноября. Рейсъ-эфенди сообщилъ Обрѣскову письменно отвѣты на предложенныя послѣднимъ въ 4-й конференціи статьи, которые и были предметомъ обсужденія.

Относительно 2-го арт. Р.-Эф. заявилъ что „Порта обѣщаетъ оставить дань христіанскими дѣтьми“. Послѣ чего Обр. упомянувъ о договорахъ заключенныхъ Петромъ I съ Портою противъ похитителей трона шаховъ персидскихъ, изъяснилъ качество и количество какъ россійскихъ, такъ и турецкихъ въ тѣхъ странахъ владѣній, упомянулъ о своихъ съ Эминъ-пашею къ онымъ націямъ относительныхъ сношеніяхъ, и заключилъ, что сіи земли будучи по большей части конфискованныя и охраняемыя отъ неправильныхъ государей, а не завоеванныя у Персіи, возвратились по прежнему въ персидское владѣніе во время правленія шаха Надыра посредствомъ войны съ Портою, которая вновь большую Грузію съ г. Тифлисомъ возвратила персіянамъ, и посредствомъ самовольной и дружелюбной уступки учиненной Россіею. Р.-Эф. согласно первому своему требованію объ уравненіи удовлетворенія понесенныхъ Россіею въ войнѣ убытковъ возвращеніемъ Портѣ владѣній, полагалъ, что эти города могутъ служить такимъ равновѣсіемъ. Обр. отвѣчалъ, что Россія не ищетъ воспользоваться этими городами, а Порта не можетъ почитать удовлетвореніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя ей не принадлежали, такъ какъ Порта насильно завладѣла ими, а Р.-Эф. напротивъ основывалъ принадлежность ихъ Портѣ на договорѣ 1724 г., за исключеніемъ г. Бору. Обр. настаивалъ на возвращеніи крѣпостей, отнятыхъ у грузинцевъ незадолго передъ войною, но Р.-Эф. обѣщалъ лишь отказъ Порты отъ всякихъ податей съ грузинцевъ, возвращеніе города Бору, прощеніе Саломона, поднявшаго оружіе противъ Порты, и что „со всею націею этою поступитъ Порта съ такою благосклонностію и сладостію, какова только Россіи угодна, въ прочемъ имѣетъ оставаться по прежнему“.—Далѣе, согласившись относительно включенія въ трактатъ условія о генеральной съ обѣихъ сторонъ амнистіи, перешли къ вопросу о Кабардѣ.

Р.-Эф. „Что касается до 3-го арт., пока кабардинскіе народы принадлежали Россіи, всегда имѣли съ татарами ссоры, и часто причиняли неудовольствія между двумя Имперіями. Во время послѣдняго трактата благоразумно съ россійской стороны предложено было учинить ихъ вольными и оставить барьерою. Спокойное и добропорядочное ихъ поведеніе съ того времени доказываетъ изящность постановленія въ разсужденіи ихъ Бѣлградскимъ трактатомъ. Дальнимъ независимости ихъ продолженіемъ утвердится съ той стороны долговременное и безопасное мира и тишины сохраненіе“.

Обр.: Бѣлградскій трактатъ сочиненъ отъ человѣка, не имѣющаго никакого въ интересахъ Россіи просвѣщенія. Россія жертвовала сими землями, дабы тѣмъ болѣе споспѣшествовать строенію тогдашняго мира; благонамѣреніе сочинителей трактата сего явствуетъ еще изъ находящагося въ ономъ пункта, которымъ дозволяется каждой контрактующей сторонѣ наказывать кабардинцевъ, если отъ нихъ приключенъ будетъ какой-либо вредъ. Симъ способомъ оставляя неспокойный, но малосильный народъ между двоими великими державами, съ дозволеніемъ имъ наказывать оный, когда ни образа, ни мѣры въ наказаніи предписать не можно, самимъ дѣломъ была сія нація яко камень со-

блазна въ серединѣ, еслибъ оба двора не въ лучшемъ были согласіи; сверхъ сего сіи народы не столь похвальную наблюдали спокойность, какъ думаетъ его пр-ство, многажды дѣлали нападенія на россійскія границы; и хотя по большей части отпускаемы были ихъ продерзости, но за два года до начатія войны соединясь съ кубанскими татарами, разграбили большіе и знатные караваны". На нихъ два раза Обрѣсковъ жаловался Портѣ, но данныя слѣдствіе этихъ жалобъ повелѣнія визиря ничего не произвели. Р.-Эф. передавая свои отвѣтные артикулы просилъ пока оставить третью статью нерѣшенною.—Въ заключеніе Обрѣсковъ прочелъ слѣдующіе три артикула (4—6). На замѣчаніе Р.-Эфендія, что о татарской вольности уже съ Османомъ-эфенди говорено было, О б р. отвѣчалъ, что Османъ на все соглашался, предоставляя Портѣ одно только хановъ подтвержденіе, т.-е. инвеституру.

А. *Продолженіе мирныхъ артикуловъ* поданныхъ Обрѣзковымъ на пятой конференціи, и

Е. *Отвѣтные на нихъ пункты* турецкаго посла, данные на шестой конференціи.

Арт. 4: О признаніи города Азова и съ уѣздомъ (con il suo territorio) по прежнему совершенно принадлежащимъ Россійской имперіи.

О т в ѣ т ъ: Да возвращены будутъ всѣ вообще и безъ изъятія города, которые суть подъ владѣніемъ и подъ властью В. Порты, и въ которыхъ находились гарнизоны ея, Порты, прежде начатія въ 83-мъ году настоящей войны. Такожде цѣлыя провинціи Волоскую и Молдавскую съ принадлежностьми ихъ, т.-е. города Бендеры, Хотинъ, Килія, Аккѣрманъ, Ибраилъ, Буджакъ, Измаилъ и прочія земли, уѣзды и области; возвращая оные безъ всякой отмѣны Блистательной Портѣ, съ приличнымъ и умѣреннымъ удовлетвореніемъ, по настоящему требованію двора Россійскаго, чрезъ посредство благопристойнаго воздаянія, мнѣ кажется, что можетъ впредъ быть сдѣлано *).

Арт. 5: О признаніи со стороны Порты всѣхъ въ крымскомъ полуостровѣ жителей и внѣ онаго обитающихъ татарскихъ ордъ и родовъ безъ изъятія, вольными и независимыми народами, подъ собственнымъ ихъ самовластнымъ (assoluto) и ни отъ кого независимымъ правительствомъ; и объ оставленіи онымъ въ полной собственности всѣхъ ими нынѣ обладаемыхъ водъ и земель.

Арт. 6: Чтобъ навигація освобождена была отъ того порабощенія, въ которомъ она понынѣ находилась (da tutti quelli ostacoli, che per il passato l'impedivano) такъ въ Черномъ, какъ и въ другихъ моряхъ, въ коихъ другимъ націямъ оная дозволена; такожъ да постановится безпосредственная между взаимными подданными торговля, со всѣми тѣми выгодами и преимуществами, коими въ Имперіи Оттоманской нандружественнѣйшія націи пользуются.

Отвѣтъ на 5-й артикулъ:

Требуемая вольность касаясь къ закону, нѣтъ нужды изъяснять, что градусъ оной основанъ на уставахъ сего закона; о семъ въ кратцѣ

*) Che siano restituite... restituendosi senza alterazione alla F. Porta con la menciouata lecita e moderata compensazione questa dimanda della Corte di Russia mediante una convenevole equivalenza mi pare che potrà esser fatibile.

скажу. Снисхожденіе (la compiacenza) Бл. Порты есть рѣшительное и ясное, и покрайней нуждѣ, можетъ быть приведено къ слѣдующему предѣлу, чтобъ ханъ и народъ татарской оставались самовластными въ внѣшнихъ ихъ дѣлахъ (т.-е. политическихъ) но въ дѣлахъ къ закону касающихся быть Бл. Портѣ надзирательницею и совершительницею. Напр. когда татаре пожелаютъ перемѣнить хана, — послѣ елекціи особы, сохраняя обыкновенія ихъ, избранной изъ фамиліи Чингизъ Хана, имѣютъ просить подписаннымъ и печатьми главнѣйшихъ изъ нихъ утвержденнымъ представленіемъ о постановленіи и освященіи его, и чтобъ милостиво принято было ихъ требованіе и прислана обыкновенная ему Investitura. Такожде неможно будетъ избирать и постановлять хановъ иныхъ кромѣ изъ Чингизскаго поколѣнія. Судіи издревле отъ стороны Бл. Порты постановляемые, по прежнему должны быть опредѣляемы и подтверждаемы. Гутбе или прославленіе въ мечетяхъ имени Императора Магометанскаго закона, имѣетъ быть совершенно за высочайшее его имя. Такожде и дабы служило то средствомъ къ сохраненію добраго согласія и союза съ поколѣніями татарскими, надобно конечно чтобы подъ владѣніемъ и властію Бл. Порты оставались крѣпости находящіяся такъ въ Крыму, какъ и на Кубани.—Уже о томъ говорено, чтобъ коммерція, которая постановится между Бл. Портою и Имперіею всероссійскою была съ благопристойнымъ первой награжденіемъ (compensazione); слѣдовательно постановленіе о городахъ находящихся въ окружности Крыма и Кубани, когда по вышеобъявленному учреждено будетъ, то артикулъ о коммерціи можетъ быть награжденіемъ за таковое постановленіе; однако-же съ слѣдующимъ договоромъ: Купеческимъ судамъ съ товарами вольно разъѣзжать по Черномъ морѣ, но предписать должно число и форму тѣхъ судовъ, и яко купеческіе не должны сіи суда имѣть пушекъ и военныхъ снарядовъ, и не имѣютъ выходить въ Средиземное море, ни отъ туда приходить; такожде плаваніе ихъ въ Черномъ морѣ должно быть ограничено и единственно состоять близь береговъ европейскихъ турецкихъ областей: сверхъ сего имѣютъ быть означены и предписаны пристани въ конхъ имъ отстой имѣть дозволено будетъ, и не имѣютъ, если не бурями занесутся, переплывать къ берегамъ Анатоліи или Азіи; постановляя все сіе сходственно съ такими кондиціями дружелюбно имѣетъ быть соотвѣтствовано отъ обоихъ сторонъ во всемъ къ кораблеплаванію касающемся.

Между тѣмъ образъ мною представленный яко Ultimatum дѣлъ о вольности татарской, почтеннѣйшій Османъ-эфенди, когда былъ къ мирной негоціяціи уполномоченный подробно изъяснилъ; ежели сходственныя съ извѣстіями Османъ-эфендія намѣренія двора Россійскаго въ вольности татарской суть обезопасится отъ нападеній ихъ, то въ требуемой для нихъ вольности кромѣ того что вящше и вящше умножатся причиняемые ими убытки и предосужденія, мѣра сонзволенія на то Бл. Порты предосудительною будетъ Имперіи Россійской, а для Порты причинитъ разныя несходственности. Питаются татаре подъ тѣнью высоч. Порты; получая вольность достовѣрно отъ голоду во всѣ части распространятся хищенія ихъ, и вышедъ уже изъ подъ владѣнія Бл. Порты многія поколѣнія и народы татарскіе когда не похотятъ повиноваться своему хану, то безъ сомнѣнія произойдутъ тьмы

различныхъ соблазней. Чего ради в. пр-во яко особа дружелюбная разсудите какъ должно о семъ моемъ искренномъ представленіи, и съ совершеннымъ благоразуміемъ вашимъ обнимая всѣ тѣ несходственности, конечно возможно будетъ сыскать другіе способы противъ хищеній сего народа и къ совершенному себя обезопасенію.

Отвѣтъ на артикулъ о коммерціи внесенъ и благимъ образомъ былъ объясненъ въ отвѣтѣ на второй артикулъ.

Д. *Протоколъ* 6-й конференціи 15 ноября. Рейсъ эфенди представилъ отвѣты свои на сообщенные ему на 5-й конференціи артикулы (4—6) и сталъ читать отвѣтъ на 4-й артикулъ, причемъ заявилъ, что „уже де мы согласны, чтобъ удовлетворенію требуемому Россіею быть основанному на возвращеніи городовъ и земель, и такъ между оными помѣщенъ будетъ и Азовъ городъ.—О б р.: Городъ Азовъ никакъ за удовлетвореніе почитать нельзя; ибо онъ не Порты, но Россійское владѣніе. Россія отказалася отъ онаго, дабы поспѣшествовать постановленію Бѣлградскаго мира, ставя его тогда въ числѣ своихъ сему миру жертвованій; но трактатъ Бѣлградской разрушенъ войною Россіи объявленною: слѣдовательно и уничтожены всѣ онаго трактата обязательства и разорваны всѣ тѣ узы, которыми взаимно связаны были контрактующія державы. — Р.-эф.: Если нельзя ставить за удовлетвореніе, то можно его вмѣстить къ вящшему равновѣсія уравненію въ требуемомъ съ одной стороны возвращеніи владѣній, а съ другой заплаты за понесенные убытки.—Обр. (*не отвѣчая на сіе*): и Россія столько внѣ всякаго сумнѣнія тѣ земли своими почитала, что и строенія на оныхъ сдѣланы.—Р.-эфенди: Въ настоящихъ обстоятельствахъ споръ о собствѣ не имѣетъ мѣста; война есть тяжебное дѣло и должно быть мирнымъ трактатомъ рѣшено, который единственно имѣетъ власть назначать каждаго собство, почему явно видимо, что отъ стороны россійской до тѣхъ поръ Азова своимъ называть нельзя, пока Порта не уступитъ его Россіи.—О б р.: Здѣсь вовсе не могутъ служить примѣромъ разсужденія его пр-ва; вещь столько извѣстная есть, что уѣздъ азовской прежде принадлежалъ, какъ и нынѣ принадлежитъ, россійской имперіи, что не только тяжбѣ, но и сумнѣнію нѣтъ въ томъ мѣста; тѣмъ меньше можно говорить здѣсь объ уступкѣ, что значитъ отказаться отъ своего собственнаго въ пользу чью-нибудь.—Р.-эф.: Бѣлградскимъ трактатомъ признанъ отъ Россійской стороны азовской уѣздъ барьерою, а нынѣ Россія завладѣла онымъ войною. Права симъ образомъ Россіею пріобрѣтенныя важны, пока продолжается война, но дабы навсегда важны были, то надобно торжественное на то обѣихъ сторонъ согласіе во время ихъ примиренія.—О б р.: Трактатъ Бѣлградской больше уже не состоитъ; война уничтожила оный и вмѣстѣ съ нимъ всѣ тогдашнія обязательства, приводя всѣ дѣла въ прежнее состояніе... Нарушенъ трактатъ, уничтожены обязательства... Однако Портѣ надобно признать, что уѣздъ сей принадлежитъ Россіи.—Р.-эфен.: Когда о крѣпостяхъ постановляемо будетъ, Высоч. Порта и о семъ согласится; а потомъ сталъ отвѣтъ свой читать на 5-й артикулъ о татарахъ.—О б р.: Я бы желалъ знать, что Порта перемѣняетъ въ прежнемъ татаръ состояніи?—Р.-Эф.: По сему расположенію татара во владѣніи земель ихъ и правленія дѣлъ статскихъ остаются вольными.—

О б р.: Правленіе земель и дѣлъ статскихъ всегда имъ принадлежало. Я спрашиваю, чѣмъ прежнее состояніе ихъ Порта поправляетъ?— Р.-Эф.: То правда, что внутреннее правленіе имъ принадлежало, но Порта на то сонзволяла. — О б р.: *Россія завоевала татаръ* и будучи властна по военнымъ правамъ обще отъ всѣхъ признаннымъ и принятымъ, кольми паче противу націи, отъ которой ей такъ многія наглости, убытки и оскорбленія причиняемы были, поступая съ ними по своему произволенію истребить ихъ, привесть ихъ въ вѣчной и тяжкой плѣнъ, переселить ихъ на земли въ пространныхъ своихъ владѣніяхъ или въ собственныхъ ихъ земляхъ, содержа ихъ за невольниковъ, за подданныхъ или за вассаловъ своихъ, послѣдуя въ томъ единственно собственному благоизволенію требовать ихъ отъ Порты. Вмѣсто всего сего даровала Россія татарамъ вольность, но вольность совершенную, никакихъ, нигдѣ и ни отъ кого предѣловъ не терпящую и признала ихъ независимыми, не уважая того, что нагайскіе татары—россійскіе уроженцы суть и что на єдисанскіе имѣетъ она древнее и никому никогда не уступленное право. Симъ образомъ отказывается Россія отъ права завоеванія на всю націю татарскую и отъ права собства на знатную часть оныхъ и въ замѣну требуетъ, чтобы Порта, отказавшись отъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыя она къ татарамъ подъ какимъ бы то наименованіемъ не имѣла, равнымъ образомъ признала бъ ихъ совершенно вольными и независимыми.—Р.-Эф: Нагайскимъ, єдисанскимъ и всѣмъ прочимъ татарамъ объявила Россія, естли желаютъ они перестать противъ Россіи воевать, что въ такомъ случаѣ имъ никакого отъ нея притѣсненія опасаться не должно и что сохранитъ ихъ цѣлыхъ и здравыхъ; но таковымъ обѣщаніямъ приняли они татара неутралитетъ, питаясь и довольствуясь надеждою, что безъ дальныхъ заботъ во время примиренія паки получатъ они древнее и первоначальное ихъ состояніе.—О б р.: Древнее и первоначальное татаръ состояніе быть вольными; сіе-то состояніе даровала имъ Россія, съ обѣщаніемъ удержать ихъ въ ономъ; правда, что чрезъ долгое время зависѣли они отъ Порты, хотя Порта ихъ не завоевала, но по силѣ соединенія одинъ разъ между ими и Портою постановленнаго. Таково положеніе въ разсужденіи Порты, крымскихъ и прочихъ многихъ татаръ, — всегдашними почитались ея союзниками, никогда оружіемъ не пріобрѣтенными.— Р.-Эф.: Если симъ образомъ разсуждать, то и Россія ихъ не завоевала. Негоціаціи, разговоры суть тѣ, которые ей открыли дорогу къ завладѣнію татарскими землями. Армія россійская вступила въ Крымъ, малое число войскъ нашихъ оставило крѣности, недовольное будучи защищать оныя, когда татара отъ насъ отдѣлились.—О б р.—Послѣ Кагульской баталіи и во время осады гр. Панинымъ города Бендеръ, ногайскіе и буджацкіе татары прислали своихъ депутатовъ, чтобы условиться о покореніи ихъ Россіи и совершенномъ ихъ отъ Порты отдѣленіи, сказывая, что и прочіе татары ихъ примѣру послѣдовать будутъ. Кои депутаты какъ надлежитъ благопріняты и угощены были. Сей поступокъ со стороны Россіи и вѣроятно ихъ разговоры многихъ прочихъ татаръ послѣ къ намъ привлекли.—Р.-Эф. Я уже сказывалъ, что Россія ласкою ихъ къ себѣ привлекла...—О б р.: Я не спрашивалъ, а утверждалъ, что татары Портою не завоеванные, а знаю я о семъ изъ исторіи писателей довольно, которые въ томъ всѣ согласны. — Р.-Эф.: Кефа городъ силою у

генуэзцевъ отнятъ Магометомъ II и весь Крымъ слѣдовалъ жребію сего города.—О б р.: Генуэзцы въ Крыму тѣмъ самымъ образомъ городомъ Кефою владѣли, какъ Галатою, предмѣстьемъ Константинополя; отнято послѣднее, то первое само собою упало во время помянутаго Магомета II. Генуэзцы никогда Крымомъ не владѣли. Вольные и ни отъ кого не зависимые тогда и послѣ были татары, даже до временъ Селима II.—Р.-эф.: Уже чрезъ многіе вѣки зависятъ они отъ Порты; такъ долговременное и постоянное владѣніе довольно награждаетъ, что къ имени совершеннаго завоеванія въ древнемъ пріобрѣтеніи ихъ Портою не достаетъ, да и какъ бы они тутъ поселились, еслибъ Порта не дозволила имъ мѣсто.—О б р.: Татары въ Крыму поселились можетъ быть нѣсколько сотъ лѣтъ прежде, нежели турки знаемы стали быть въ Европѣ; а что Порта потомъ ими самовластво расправляла, то легко было ей, когда одинъ разъ присвоила она себѣ подтвержденія или *investitura* Хановъ; чтожъ до права завоеванія касается, то во все время ихъ съ Портою союза нѣтъ ничего тому подобнаго; татары сотюзники, а не подданные Порты. Вся Европа такъ о семъ знаетъ и таковыми ихъ признавала... *Здѣсь Обр. разсказываетъ*, какъ Селимъ II приглашенъ былъ крымскими татарами къ рѣшенію вродившейся между ними распри по причинѣ избранія двухъ соперниковъ. Султанъ Селимъ рѣшилъ въ пользу одного изъ нихъ и начиная отъ сего приключенія, какъ онъ, такъ преемники его сыскивали способы господствовать непросвѣщенною сею націею. — Р.-эф.: Большая часть владѣній всѣхъ Государей имѣетъ подобныя сему основанія; слѣдовательно можно будетъ всякому спорить съ Портою о владѣніи ея Аравіею и Египтомъ.—О б р.: Разговоры сіи къ малому служатъ. Россія завоевала татаръ, признала ихъ вольными и обѣщала удержать вольность ихъ.—Р.-эфенди: Россія обѣщаніями, а не оружіемъ получила ихъ и то недавно, два года тому; Порта же отъ вѣковъ ими владѣетъ. Посолъ турецкой вновь разсказалъ, какимъ образомъ пріобрѣла Россія Крымъ. Сіе называется завоеваніе, а Портою пріобрѣтеніе татаръ равно назваться не можетъ.—О б р.: Одно изъ сихъ приключеній происходило въ глазахъ нашихъ, мы собственныя наши свѣдѣнія о томъ имѣть можемъ. Въ другомъ приключеніи, яко стариномъ, должны полагаться на вѣрность историковъ. Мы имѣли съ татарами баталіи, въ ихъ земляхъ взяли крѣпости, слѣдовательно можемъ назвать то завоеваніемъ. Другому приключенію не я, но историки не даютъ сего имени. Однакожь Россія, даруя вольность татарамъ, не почитаетъ ихъ завоеванными.—Р.-эф.: Земли во время войны взятыя не могутъ еще именоваться завоеванными.—О б р.: Оныя въ рукахъ нашихъ обрѣтаются...—Р.-эфенди: О сей статьѣ съ Османомъ Эфендіемъ разсуждаемо было. Всѣ предлагаемые тогда способы будучи несогласимы или съ уставомъ вѣры нашей или съ требованіями Россіи, послѣдовалъ разрывъ конгресса. Г. фельдмаршалъ россійской увѣдомилъ верховнаго визиря, что онъ о дѣлѣ семъ представилъ ко двору своему и что можетъ статься оное облегчено будетъ; въ той надеждѣ мы рѣшились начать конференціи.—О б р.: Османъ Эфенди требовалъ одной только вещи, т.-е. *инвеституру*, на которую не было власти нашей согласиться, все прочее онъ дозволялъ. (Обр. приказываетъ прочесть произнесенныя Османъ-Эф. въ 4-й конференціи слова о вольности татарской).—Сіе онъ сказалъ въ

конференціи. Османъ Эфенди ничего другаго не требовалъ какъ только, чтобъ татары, когда изберутъ хана, вообще представили бъ о томъ султану, испрашивая его соизволенія. Съ нашей стороны ея в-во, признавъ татаръ независимыми и обѣщавъ сохранить имъ вольность, не прилично и не можно было соглашаться съ другою державою о предписаніи предѣловъ и связаніи той же самой вольности, которую, даруя имъ, называли неограниченною. Сей есть отвѣтъ нашъ къ Османъ Эфендію. На препятствія же въ вѣрѣ магометанской имъ Османъ Эфендіемъ находимыя, мы представляли, что заповѣди вѣры магометанской намъ неизвѣстны и что если законъ вяжетъ султана, то долженъ равномѣрно обязывать и хана крымскаго, который будучи притомъ нынѣ ни отъ кого независимый государь, можетъ поступать по благоизволенію своему. Россія ни въ чемъ ему не воспящаетъ...—

Послѣ нѣкоторыхъ пререканій Обрѣсковъ предложилъ оставить этотъ вопросъ до другаго раза, и обратился къ письменнымъ отвѣтамъ тур. посла на первые сообщенные ему артикулы, именно: что большая Кабарда, будучи закона магометанскаго, дѣло невозможное есть согласиться на подданство оной Россіи.—Р.-Эф: Я не сказывалъ, что невозможное, но что сумнительно.—О б р: Въ самомъ дѣлѣ прежнее выраженіе меня удивило. Ибо народъ сей равно былъ закона магометанскаго, когда принадлежалъ еще и Россіи, а притомъ мы имѣемъ три царства магометанскихъ: Казань, Астрахань и Сибирь.—Р.-Эф: То правда, равно какъ и у насъ есть подданные христіане.—О б р: Множество! и въ нашемъ исповѣданіи законъ запрещаетъ уступать въ подданство христіанъ разной вѣры державамъ... Въ отвѣтѣ в. пр—ва такъ мореплаваніе связано, что ни коимъ образомъ на предложеніе ваше согласиться нельзя.—Р. Эф: По мѣрѣ имѣющихся у меня силъ, я составилъ отвѣтъ мой. И тотчасъ по взятіи отъ в. пр-ва послѣднихъ сихъ артикуловъ, представилъ я о семъ верховному визирю, но не получилъ еще отъ него никакого отвѣта.—О б р: Въ подобныхъ дѣлахъ или на все соглашаться надобно или ни на что. Половинныя условія рождаютъ одни только трудности, замѣшательства и часто ставятъ державы на ближайшую степень къ разрушенію панторжественнѣйшихъ обязательствъ. Бѣлградскій трактатъ преисполненъ таковыми распоряженіями. Посолъ нашъ разсказалъ здѣсь какъ часто во время министерства его у Порты случались таковыя замѣшательства и тревоги за крѣпости.

Рейсъ-Эф. вручилъ Обрѣскову письменные свои на послѣдніе артикулы отвѣты.

Письмо Панина Обрѣскову отъ 30 октября: На примѣчанія ваши въ письмѣ отъ 9 октября на наше новое требованіе о Яникулѣ и Керчѣ... правда, никто оспорить не можетъ, чтобъ не повстрѣчать намъ великаго упорства и затрудненія по сему пункту, такъ какъ и по пункту мореплаванія въ Черномъ морѣ, но... 1) Туркамъ на миръ рѣшиться надобно, 2) отъ продолженія войны они теперь весьма легко навлекутъ на себя и австрійскія силы, 3) мы по снисхожденію къ вѣнскому двору Молдавію и Волохію за собою удержать не намѣрены, 4) наиважнѣйшая крѣпость Бендеры, яко земли Бессарабской, совершенно исключается изъ того положенія, слѣдовательно остается въ нашихъ рукахъ, 5) имѣвъ достаточное число судовъ, ничто уже не исключаетъ

насъ отъ мореплаванія по Черному морю, 6) безъ утвердительной трактатомъ намъ въ томъ свободы мы миру не заключимъ, равно какъ и безъ распоряженной тутъ-же независимости татаръ, которую ужь теперь и дѣломъ и нѣкоторымъ соглашеніемъ турки сами предъявляютъ, (дѣломъ потому, что они болѣе татарами не повелѣвають, а ихъ подговариваютъ и склоняютъ; соглашеніемъ потому, что уже не отметая сего объ нихъ положенія, предлагаютъ согласованіе оное съ ихъ вѣрою), а по симъ уваженіямъ и когда туркамъ мириться нужно, то не тягостнѣе-ль имъ навлечь на себя новую войну, къ единой уже неизбѣжной потерѣ нѣкоторыхъ вновь провинцій, оставлять въ нерѣшимости жребій всего крымскаго полуострова и г. Бендеръ? для вырученія котораго лучшаго для нихъ не остается, какъ вымѣнъ на Кинбурнъ, или же все оное рѣшить уступкою такого угла земли, который существительно не ихъ, а татарскій, и которымъ опредѣлится сохранить въ цѣлости ихъ единовѣрнаго татарскаго народа съ тѣми закона ихъ преимуществами, которыя они столь свято почитаютъ. А наконецъ и въ мореплаваніи нашемъ изъ того не одна единосторонняя наша выгода произойдетъ, но и взаимная торговля обѣихъ сторонъ съ большею выгодностію производима будетъ... Для большаго еще облегченія вамъ, моему другу, скажу въ крайнѣйшую откровенность собственную мою мысль, которую въ таковомъ только достоинствѣ и принять извольте: еслибъ турки поставили важнымъ неудобствомъ, что не имѣвъ они въ Крыму ничего, наша комуникація съ Керчею сухимъ путемъ чрезъ Перекопъ будетъ содержать для нашихъ войскъ отвореннымъ весь сей полуостровъ, въ такомъ случаѣ кажется можно представить сюда на резолюцію, приведя однакожъ прежде турокъ къ желанію, чтобы мы обязались не содержать войсками никакого сношенія съ тѣмъ мѣстомъ сухимъ путемъ, а дѣлать всѣ снабженія чрезъ Азовское море; равно также и о земляхъ очаковскихъ или турецкихъ внѣ Крыма поступить можно съ тѣмъ только, чтобы татары... никѣмъ къ населенію оныхъ принуждаемы не были... вамъ равно поступить будетъ можно какъ о моленіи въ татарскихъ мечетяхъ о солтанѣ и защитителѣ Мекки, такъ и о турецкихъ судьяхъ между поселившимися въ Крыму турками, только чтобы ихъ расправа далѣе не распространялась, какъ только въ ихъ междуусобныхъ обидахъ, дабы тѣмъ не могли они совсѣмъ выйти изъ зависимости верховной крымской власти.

Письмо Обрѣскова Панину отъ 31 октября. Проситъ разъясненія касательно предписанія въ письмѣ Панина отъ 24 сентября, что „надлежитъ остерегаться, чтобы Бендеры не называть иначе, какъ принадлежащимъ къ Бессарабіи, дабы бессарабскія земли оставаясь подъ недоумѣніемъ, не подали впредь туркамъ повода вовлечь къ себѣ на оныя прежнихъ татаръ, но всегда бы остался Днѣстръ у нихъ съ турками границею“. По мнѣнію Обрѣскова: „когда начальный городъ провинціи отдается, то какъ и оной провинціи за нимъ не слѣдовать? иначе же когда въ томъ же самомъ пунктѣ изъясняется, что границею между татарами и турками долженъ быть Днѣстръ? подлинно въ инструкціи точно написано, что во удовлетвореніе снисхожденія Порты на другія наши требованія, Бессарабію можно имъ уступить, но въ такомъ случаѣ... мнѣ кажется, что Бендеры уже къ оной провинціи

столько бы и присвоивать не надлежало". Далѣе онъ проситъ „незамедлить наставленіями по дѣлу хана крымскаго совершенной независимости желаемой татарами; ибо дозволенное мнѣ снисхожденіе предоставить Портѣ право давать имъ нѣкоторымъ образомъ инвеституры, было бы совершенно противнымъ постановленной кондиціи въ 2-мъ арт. мирнаго трактата г. Щербининымъ съ правительствомъ татарскимъ постановляемаго и почти уже совсѣмъ къ концу приведеннаго. А елико касается до владѣнія крѣпости Еникале и города Керчи, съ гаванями и ихъ округомъ, то я видя согласіе на оное татаръ, о томъ здѣсь и предлагать не намѣренъ"...

Письмо Панина Обрѣскову отъ 9 декабря въ отвѣтъ на письмо Обрѣскова отъ 31 октября.

P. S Пожалуй, мой почтенный другъ, соглашай по самой возможности занимные наши съ непріятелемъ договоры, и если увидите достовѣрно, что пункты вѣры магометанской очищаются отъ всякой замашки ко влеченію вспрямь татаръ въ прежнее рабство, а остаются въ правду единымъ скруполомъ турецкаго суевѣрія, то не оставьте ихъ объяснять точно такими, и которыхъ своею властью принять не можете, извольте принимать сюда на доношеніе съ представленіемъ собственныхъ вашихъ по тому мнѣній; конференцій же пожалуйте не разрывайте.

Письмами отъ 8 и 10 ноября нашъ министръ въ Крыму Щербининъ извѣстилъ Обрѣскова объ изданіи Сагибъ-Гиреемъ и другими татарскими начальниками декларацій о независимости Крыма и о заключеніи имъ Щербининымъ съ татарами трактата дружбы и союза въ городѣ Карасу, 1 ноября 1772 г. Въ силу этого договора независимая татарская область ставилась подъ покровительство Россіи и императрица принимала на себя ручательство въ сохраненіи за татарскими народами ихъ независимости, обѣ Кабарды уступались Россіи (ст. 3), для большаго удобства въ исполненіи Россіею своего обязательства защищать вольность и независимость татарской области, Россія получаетъ крѣпости Янікаль и Керчъ съ гаванями и съ околичною землею, чтобъ въ тѣхъ крѣпостяхъ запасное войско и суда находиться могли для стражи и отвращенія всякихъ противныхъ на крымскій полуостровъ покушеній (ст. 7), выговорена свобода взаимной торговли (ст. 12) и право Россіи содержать при ханѣ резидующаго министра (ст. 18); наконецъ избраніе хана ставится въ зависимость единственно отъ народа татарскаго (ст. 2)

Письмо Панина Обрѣскову отъ 9 декабря, по полученіи въ Петербургѣ экспедиціи Обрѣскова отъ 31 октября и 10 ноября. — При немъ приложены были оригиналъ татарской декларации и копія съ трактата съ татарами.... „Актъ декларации можетъ въ истинномъ его видѣ турецкому послу предъявленъ быть въ доказательство Портѣ, что совершившееся теперь татарское дѣло есть въ существѣ своемъ вѣрное слѣдствіе истинныхъ татарскихъ склонностей, происшедшихъ точно въ ту пору, когда они нашлись безъ всякой посторонней защиты, слѣдовательно тогда, когда каждый человѣкъ возвращается опять въ первоначальное свое по человѣчеству состояніе свободы и собствен-

цой единственно отъ себя зависимости. Тутъ еще къ убѣжденію турокъ служить можетъ слѣдующее уваженіе, что если Порта всѣ свои татарскія дѣла такъ въ точность сообразуетъ съ предписаніемъ своего алкорана, и потому во всѣхъ оныхъ за необходимость поставляетъ слѣдовать мнѣніямъ своихъ законниковъ, то какъ законники оные могутъ согласить съ духовными алкорана правилами, что въ самое то время, когда невѣрная держава имѣетъ въ своей власти плѣнить, разорить и истребить цѣлый народъ ихъ единовѣрныхъ, даетъ имъ чистосердечно и наторжественнѣйшимъ образомъ желаемую ими вольность и независимость съ оставленіемъ имъ всего ихъ имѣнія, то въ тоже время единовѣрная съ ними держава сему противится, ищетъ ихъ опять возвратить въ свое рабство, и наконецъ тѣмъ принуждаетъ оную невѣрную державу къ той строгости военнаго права ихъ истребленія, которыя извлекаетъ изъ нея собственный ея статской резонъ прочнѣйшаго на будущія времена утвержденія покоя и тишины своимъ границамъ и подданнымъ, ибо при возобновленіи настоящей войны, если за симъ пунктомъ миръ не заключится, Россія должна будетъ по необходимости сіе исполнить, а тогда какъ и чѣмъ ихъ законники очиститься могутъ передъ Богомъ отъ пролитія той магометанской крови, въ которомъ они останутся сущими и единственными орудіями?.. Трактатъ, заключая въ себѣ разныя важныя, собственно до Порты касающіяся постановленія, отнюдь не такого свойства, чтобъ въ полномъ своемъ пространствѣ туркамъ показанъ быть могъ, и я разсудилъ сообщить его вамъ для того только, дабы вы зная литерально силу постановляемыхъ съ татарами условій и обязательствъ, тѣмъ самымъ находились въ состояніи сообразовать онымъ къ статѣ и ко времени отзывы и поступки ваши... Такимъ образомъ главный пунктъ въ производимой вами мирной негоціаціи получаетъ теперь совсѣмъ другой видъ, слѣдовательно и требуетъ себѣ ближайшаго по обстоятельствамъ апресированія въ предлагаемыхъ отъ насъ кондиціяхъ и дозволяемыхъ по онымъ снисхожденіяхъ. Я усматриваю тутъ къ утвержденію съ одной стороны воздвигнутаго нами политическаго зданія, а съ другой къ соглашенію на оное турецкой претительности два уваженія,—одно должное, а другое по мнѣнію моему, возможное. Должное то, чтобъ Порта имянно и точно признала въ будушемъ мирномъ трактатѣ вольность и независимость татарскаго народа въ политическомъ и гражданскомъ его правленіи..., а возможнымъ къ наружной поманкѣ турецкому суевѣрію и упорству по пункту того, что нѣкоторымъ образомъ относиться можетъ до магометанской религіи и требуемаго въ оной преимущества султана, яко единаго защитника Мекки, почитаю я сіе, чтобъ какъ татары своимъ съ Россіею заключеннымъ трактатомъ дружбы обязались обвѣщать россійскимъ государямъ каждый выборъ новаго у себя хана, то можно и въ разсужденіи Порты въ будущемъ мирномъ трактатѣ дозволить въ томъ же самомъ пунктѣ, гдѣ слово будетъ о признаніи татарской области вольною и независимою въ политическомъ и гражданскомъ ея правленіи, или совсѣмъ особенныя, дабы татары, какъ сосѣдняя и дружественная нація чинили всякій разъ подобную же потификацію и султанамъ, яко единовѣрнымъ съ ними и въ магометанскомъ законѣ знаменитѣйшимъ государямъ... безъ всякаго однакожъ требованія инвеституры, конфирмаціи или т. п., а про-

сто единаго признанія и съ тѣмъ еще, чтобъ оное со стороны Порты послѣдовало уже всегда безспорное и притомъ отъ нея оставлено было прежнее обыкновеніе посылать къ новымъ ханамъ шубы, сабли, перо и пр., ибо сіи знаки почитались татарами, да и впредь не могли бы иначе почитаемы быть, какъ знаками нѣкотораго подчиненія и подвластности, чего они сами отнынѣ весьма терпѣть не хотятъ. Не меньше нужно и одержать съ турецкой стороны соглашеніе или по крайней мѣрѣ простое только въ трактатѣ упоминовеніе объ уступкѣ намъ отъ татаръ Яникаля и Керчи съ ихъ гаванями и окружностію въ собственную ихъ для переду ограду и обезпеченіе отъ посторонних нашествій. Одержаніе сего можетъ на будущее время и полезно и важно быть, а нынѣ отъ насъ съ тѣмъ большимъ резономъ требуемо быть, что дѣло уже сдѣлано изъ доброй воли самихъ татаръ. (Въ случаѣ упорства турецкаго посла въ этихъ двухъ пунктахъ о Керчи и Еникале и о вольности татарской можно къ преклоненію его сдѣлать снисхожденіе въ другихъ пунктахъ.) Доколѣ еще татарское дѣло въ самомъ Крыму не рѣшено было, и мы себя принужденными видѣли обратиться... къ полученію Керчи и Еникаля чрезъ посредство мирнаго уже съ Портою трактата, тогда вамъ позволено было жертвовать Бессарабіею, съ удержаніемъ только р. Днѣстра границею между турокъ и татаръ, а по нуждѣ и самою сей земли главною крѣпостью Бендерами, какъ не принадлежащею къ Молдавіи и Валахіи, купленною нами весьма дорогою цѣною. Съ того времени обстоятельства въ Крыму взяли другое и нѣкоторымъ образомъ выгоднѣйшее теченіе, слѣдовательно по справедливости и самое татарское дѣло въ разсужденіи Порты не требовало бы той цѣны, которую мы на оное прежде полагали при произведеніи его безпосредственною съ нею негоціаціею. Такимъ образомъ можно будетъ вамъ напередъ попытаться въ возможности успѣха по первому нашему о Бендерахъ положенію о промѣнѣ сего города на Очаковъ, и не инако уже обратить совершенную его безъ всякаго удовлетворенія уступку туркамъ въ цѣну снисхожденія нашего по татарскому дѣлу въ обоихъ его пунктахъ—вольности націи и порученія намъ въ стражу для собственнаго ея охраненія Керчи и Еникаля, какъ по истощеніи всѣхъ другихъ средствъ и убѣжденій, также и по усмотрѣніи совершенной невозможности одержать въ обмѣнъ г. Очаковъ... Ея Императорское Величество дозволяетъ вамъ показать туркамъ въ облегченіе главнаго дѣла при могущемъ быть отъ нихъ домогательствѣ податливость... въ ихъ меньше важныхъ желаніяхъ о моленіи въ татарскихъ мечетяхъ о султанѣ, яко защитителѣ Мекки и о турецкихъ судьяхъ между поселившимися въ Крыму и другихъ татарскихъ земляхъ турками, только чтобы ихъ расправа не распространялась далѣе ихъ междоусобныхъ обидъ.

При депешѣ № 5 Обрѣскова Панину отъ 23 ноября приложенъ протоколъ 7-й конференціи 19 ноября и при немъ отвѣтъ Обрѣскова на сообщенные турецкимъ посломъ въ 6-й конференціи (15 ноября) артикулы, и продолженіе предлагаемыхъ къ мирному трактату артикуловъ (7—10).

Въ своемъ отвѣтѣ Обрѣсковъ доказываетъ, что большею частью причиною раздоровъ Порты съ Россіею и другими сосѣдними держа-

вами были хищенія и своевольства татаръ; Порта сама признавалась, что не сыскиваетъ довольныхъ способовъ къ надлежащему ихъ обузданію. Одно воспоминаніе толикихъ тысячей душъ кровопролитія ими причиненнаго, въ смущеніе приводитъ наитверждѣйшее сердце, императрица имѣя въ настоящее время всѣ способы навсегда освободить такъ свои какъ прочихъ области отъ зла ими наносимаго, по праву войны могла присвоить и по надлежащему обуздать ихъ, и сіе право тѣмъ основательнѣе, что изъ пяти ордъ татарскихъ, а именно: Крымской, Буджацкой, Едичкульской, Джанбуйлуцкой и Едисанской, послѣднія три вышельцы изъ И. Россійской и собственно оной принадлежащіе; на Едисанскую орду еще и никогда Россія никакимъ публичнымъ актомъ не учинила Бл. Портѣ уступки. Могла разорить города и жилища ихъ, плѣнить и разсѣять ихъ самихъ въ напотдаленнѣйшія области пространныхъ своихъ владѣній. Могла огнемъ и мечемъ въ конецъ истребить ихъ яко народъ ради прошедшихъ своихъ поступковъ никакого милосердія не заслуживающій, и на впередъ опасный; но вмѣсто сихъ строгихъ средствъ Ея Имп. В. послѣдуя совѣтамъ природнаго и несравненнаго своего человѣколюбія и великодушія, отказывается отъ древняго короны своей права собства на помянутыя три орды и отъ права завоеванія, даруетъ имъ совершенную вольность и независимость отъ какой-либо иностранной державы, и оставляетъ ихъ при собственномъ и самовластномъ ихъ правленіи. Ея Имп. В. неотмѣнно надѣется, что От. Порта, видя такое съ ея стороны великодушіе и безкорыстливость, и когда безпристрастно разсудитъ, то и сама Порта признаетъ, что таковая вольность и независимость татаръ суть единственныя и наиспособнѣйшія средства къ предупрежденію всѣхъ непріятныхъ раздоровъ, которые до сего времени бывали между двумя имперіями, безъ всякой противности вступитъ въ принятыя имп. росс. дворомъ мѣры, и утвердитъ торжественно уже дарованную отъ него татарамъ вольность Ея Имп. В., даруя татарамъ вольность и независимость, отдаетъ въ собственное ихъ владѣніе земли, города и села оружіемъ ея на Кубанѣ пріобрѣтенныя, словомъ все то, чѣмъ они въ тѣхъ странахъ прежде настоящей войны владѣли все пространство земли лежащей между р. Бердою и заливомъ Конскія воды. Равномѣрно въ Крыму возвращаетъ имъ всѣ крѣпости, города, села и деревни и все прочее, выключая Еникаля и Керчи съ небольшимъ древнимъ ихъ уѣздомъ; и требуетъ, чтобы отъ стороны Бл. Порты всѣ вышеписанные города, деревни, владѣнія, земли и прочее, все, чѣмъ они до начатія войны въ тѣхъ странахъ владѣли, равномѣрно имъ было подтверждено, а помянутые Еникале и Керча рос. имп. двору; такожде формально признать оный дворъ вѣчнымъ ручателемъ за вышеупомянутую вольность и независимость татарскую.

Мореплаванія для всякаго званія россійскихъ судовъ какъ въ Черномъ такъ и въ прочихъ моряхъ окруженныхъ владѣніями Бл. Порты, рос. дворъ требуетъ совершенно и безъ всякаго сожиманія вольнаго и чтобы находящіяся въ Черномъ морѣ суда могли безъ претятствія ходить въ Бѣлое; такожде находящіяся въ Бѣломъ морѣ проходить въ Черное.

Города Хотинъ, Яссы и прочіе принадлежатъ къ Молдавіи. Букурештъ, Браиловъ, Журжа и прочіе принадлежатъ волоской провинціи.

Аккерманъ, Килья, Измаиловъ и прочіе принадлежатъ Бессарабіи и Буджаку, а Бендеръ не принадлежитъ ни къ которой изъ выписанныхъ трехъ провинцій, которыя должны каждая особливо быть считаемы.

А. *Протоколъ 7-й конференціи* 19 ноября. Обрѣсковъ прочиталъ свой отвѣтъ на замѣчанія рейсъ-эфендія противъ предложенныхъ ему въ 5-й конференціи трехъ пунктовъ, причемъ замѣтилъ, что въ этихъ замѣчаніяхъ всѣ города смѣшаны, онъ-же Обрѣсковъ раздѣлилъ ихъ по провинціямъ, къ которымъ они принадлежатъ, дабы тѣмъ яснѣе послѣ объ нихъ говорить можно было. За тѣмъ сообщилъ дальнѣйшіе три артикула; послѣ чего другъ другу доказывали Рейсъ-Эфенди чрезмѣрность, а Обрѣсковъ умѣренность предложенныхъ условій; при этомъ одинъ приходилъ въ отчаяніе, а другой терялъ всякую надежду. Рейсъ-эфенди поднялъ вопросъ о Крымѣ, говорилъ, что Порта не можетъ впредь имѣть никакой безопасности, что Россія требуетъ совершенной для татаръ вольности и независимости, а между тѣмъ удерживаетъ за собой крѣпости и города, „которыя почитаются за ключъ всего Крыма: и Польша вольная, но каково состояніе ея? Хочу вѣрить, что во все время настоящихъ правителей съ доброю вѣрою договоры сохранены будутъ со всею (т.-е. не смотря на всю) ко злоупотребленію способностью, но впредь будущее кому извѣстно? Положимъ, что Порта согласится на предлагаемую татарамъ вольность, кто тогда увѣрить её можетъ, что со временемъ не претерпитъ отъ нихъ никакого огорченія? Россія въ таковыхъ же обстоятельствахъ найтиться можетъ".—Обрѣсковъ: „Польшу привели въ худое состояніе безпорядки поляковъ, которые самовластное равно какъ вольное государство раззорить могутъ; татара-же когда не подъ покровительствомъ Порты, не въ состояніи оскорблять Россію,—останутся въ покоѣ, и никто объ оныхъ помышлять не станетъ; а Порта уступивъ россійской имперіи Бессарабію и моремъ съ другой стороны будучи отдѣлена, имѣть не будетъ причины опасаться ихъ... Вѣрный и доказательный способъ къ обезопасенію себя отъ татаръ есть признать ихъ независимыми и уступить Россіи требуемую отъ нея нанумѣреннѣйшую часть своихъ завоеваній. Россія не станетъ опасаться татаръ, когда независимы отъ Порты могутъ быть гнѣвомъ ея угрожаемы. Порта же внѣ нападеній татарскихъ останется положеніемъ владѣній своихъ. Прямо между имперіею Россійскою и Бл. Портою какая можетъ быть причина къ раздорамъ? Владѣютъ обѣ имперіи панобширнѣйшими землями и по справедливости сказать не имѣютъ въ пограничныхъ взаимныхъ ихъ областяхъ ничего самимъ собою завиднаго: слѣд. никакая безпосредственная къ войнѣ причина не имѣетъ быть между ими; утверждаютъ сіе всѣ въ прежнія времена происшедшія между двумя коронами обстоятельства, въ которыхъ примѣтить можно, что всегда постороннія причины войны были, но о чемъ прилежно разсуждая, причины сіи всегда бывали татары".—Р.-Эф.: „Мѣра вольности и независимости татарской изображена въ законѣ нашемъ; можетъ быть, что сыщутся способы къ обузданію впредь татаръ не противные закону и столько же добрые, сколько совершенная ихъ независимость".—Обр.: „Нѣтъ другаго способа, кромѣ одной только вольности, чтобъ вложить въ нихъ должное къ пограничнымъ

державамъ почтеніе: когда зависѣть будутъ отъ Россіи, то Порту обижать станутъ, когдажъ подъ покровительствомъ Порты, то оскорблять станутъ Россію. Вольные и независимые обѣихъ державъ и каждой особо имѣютъ опасаться гнѣва и мщенія, и принуждены будутъ отказаться отъ обыкновенныхъ хищеній и нахальствъ, и сыскивать другой образъ жизни". Подтвержденіемъ служитъ исторія прежнихъ войнъ Россіи съ Турціею. Далѣе на замѣчаніе Р.-эфендія, что не всякій пограничный безпорядокъ долженъ всекопечно войну производить, причемъ сослался на подобные безпорядки на боснійской границѣ, которые со взаимною благосклонностью поправляемы бываютъ, О б р. возражалъ, что маловажныя въ тѣхъ мѣстахъ приключенія нельзя сравнивать съ татарскими набѣгами, тѣмъ болѣе, что Порта не учиняетъ на нихъ удовлетворенія, и напр. послѣ послѣдняго набѣга (за 2 года до войны) 11000 кибитокъ едичкульскихъ татаръ въ земли запорожскихъ казаковъ, представленія и жалобы его остались безплодны, и на слѣдующій годъ тѣ же самые татары сдѣлали новый набѣгъ.

Депеша Обрѣскова Панину № 5 отъ 23 ноября. Я, м. г. мой, не вступаю въ объясненіе резоновъ, для чего я такимъ или другимъ образомъ каждое дѣло предлагаю; зная прямую цѣль, добираюсь до оной тѣми способами, которые способность моя мнѣ дозволяетъ. 21-го сего получилъ я отъ г. Щербинина „извѣстія *), приносящаго мнѣ яко истинному патріоту найчувствительнѣйшаго удовольствія о томъ, что возложенное на него толикой важности и для отечества нашего столь выгодное дѣло, привелъ онъ къ совершенству, сходственно съ высоч. Ея И. Ве-ва соизволеніями, толь наипаче, что я получилъ оное къ самому нужному времени, потому что во вчерашней 8-й нашей конференціи... необходимо нужно было говорить о семъ важномъ дѣлѣ, т.-е. о вольности и независимости татарской; и какъ мы были въ самомъ жаркомъ спорѣ, тутъ то я и представилъ ему копію татарской декларації. Онъ ее принялъ и читалъ съ духомъ сходственнымъ настоящему Порты положенію и съ нѣкоторымъ о совершеніи сего дѣла предувѣдомленіемъ. Сперва онъ возразилъ, что сія піэса не оригинальная, слѣдственно и недѣйствительна, а по сему самому ни во что имъ и вмѣнена быть не можетъ; на сіе мною отвѣтствовано было по пристойности, и доказательства мои о дѣйствительности ея... столько были убѣдительны, что онъ прибѣгъ къ другой увертцѣ, а именно, что и онъ имѣетъ такую же съ татарской стороны декларацію, совершенно противорѣчащую настоящей и подписанную не 5-ю или 6-ю человѣками, но разными сотнями, между коими есть и тѣ самые, которые въ представляемой отъ меня видимы. Сей споръ продолжался болѣе часа, но напослѣдокъ я почти убѣдилъ доводомъ, что мною предъявляемая сдѣлана публично, а могущая быть у него— въ тайнѣ, которыя въ публичныхъ дѣлахъ никогда сравнены быть не могутъ. Я говорю, м. г. мой, что почти убѣдилъ, потому что онъ за всѣми спорами взявъ, положилъ ее къ себѣ за пазуху. Сія 8-я конференція была гораздо жарчѣе. Въ ней встрѣтились было уже кромѣ татарскаго дѣла Бендеры, Акерманъ, Килія, Измаилъ и вся Бессара-

*) Письма Щербинина отъ 8 и 10 ноября.

бія. Я тутъ предложилъ, что когда Портѣ не пристойно сіе уступить, то вмѣсто оныхъ пусть представитъ эквивалентъ. Турецкой посолъ, кажется, чистосердечно сказалъ, что нечего, ибо все въ сихъ краяхъ паходящееся уже не въ ихъ рукахъ, кромѣ одной только денежной уплаты. Я на сіе отвѣтствовалъ, что Россія въ деньгахъ нужды не имѣетъ, а старается о приведеніи въ безопасность своихъ вѣрноподданныхъ, которую безопасность никакія въ свѣтѣ сокровища удовлетворить не возмогутъ. Тогда онъ спросилъ, чѣмъ же можно сіе наградить? Я видя, что онъ ни съ чѣмъ болѣе не вызывается, отвѣтствовалъ—уступленіе Килбурна, Очакова со всею пустою землею, лежащею между Днѣпромъ, Бугомъ и Днѣстромъ съ нѣкоторою прибавкою, можетъ быть замѣною. Онъ при семъ поостановился, и по учиненіи нѣкоторыхъ ничего не значущихъ вопросовъ сказалъ, что онъ объ семъ подумаетъ... А касательно Молдавіи и Валахіи по различныхъ разговорахъ оказалъ готовность сдѣлать денежное удовлетвореніе, не наимянуя однакожъ количества"...

Протоколъ 8-й конференціи. Въ началѣ ея Р.-эф. сообщилъ свои отвѣты на четыре предложенныя ему Обрѣсковымъ въ 7-й конференціи статьи (7-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю) для мирнаго трактата.

По прочтеніи этихъ отвѣтовъ, по поводу вознагражденія Россіи за военные убытки оба уполномоченные взаимно обвиняли каждый противную сторону въ несправедливомъ начатіи войны. Обрѣсковъ указалъ на предложеніе Россіи Портѣ избѣжать уплаты контрибуціи, именно уступая въ пользу первыхъ шести статей $^1/_4$ требуемой суммы, а остальныя $^3/_4$ въ пользу вольности двухъ княжествъ. Р.-Эф. отвергъ это предложеніе и требовалъ возвращенія Россіею всѣхъ занятыхъ ею турецкихъ владѣній. — О б р.: Я уже сказывалъ и нынѣ повторяю, что Россія не имѣетъ той нужды въ деньгахъ, какъ можетъ быть вы думаете; и что никакому сокровищу жертвовать никогда не будетъ подданныхъ своихъ спокойствіемъ, ибо ничего въ свѣтѣ нѣтъ драгоцѣннѣе безопасности собственныхъ владѣній.— Р.-эф.: Бл. Порта всекопечно равное же о подданныхъ и владѣніяхъ своихъ имѣетъ попеченіе. Остается намъ въ сходственныхъ обѣимъ державамъ средствахъ искать взаимной ихъ безопасности. — О б р.: Въ прежнихъ конференціяхъ я объяснилъ, какимъ образомъ взаимная границъ обѣихъ имперій безопасность есть крѣпко связана съ совершенною татарской націи независимостью. Примите только въ разсужденіе положеніе земель, образъ правленія, силы и обыкновенія сего народа и увидите, что единственное средство вложить въ татаръ должное къ сосѣдственнымъ державамъ почтеніе есть поставить ихъ однихъ посредствомъ независимости отвѣтчиками собственныхъ своихъ дѣяній. Еслибы росс. имп. дворъ хотѣлъ ихъ присвоить, Бл. Порта тѣмъ самыя причины имѣла опасаться, которыя прежде сего имѣла Россія. Но дворъ мой ни подданными, ниже вассалами своими имѣть ихъ не желаетъ, а при вольности и независимости хочетъ ихъ видѣть спокойными и почитающими Бл. Порту, равно какъ и И. Всероссійскую.—Р.-Эф.: О сей матеріи на Фокшанскомъ конгрессѣ говорено было и Османъ Эфенди тогда еще далъ знать, что Бл. Порта учинитъ на предлагаемую вольность снисхожденіе даже до степени, дозволяемой

закономъ. — О б р.: Османъ Эф. соглашался правда на предлагаемую вольность, предоставляя Портѣ во удовлетвореніе закону *Инвеституру* хановъ въ отвѣтъ на чинимое равно во удовлетвореніе же закону при всякомъ новомъ избраніи отъ татаръ султану представленіе. Мы на сіе тогда ему отвѣчали, что уставы вѣры магометанской намъ неизвѣстны, но натурально всѣ мусульманы равно наблюдать ихъ должны, нашей же сторонѣ непристойно имѣть попеченіе о соблюденіи чужой вѣры, заповѣди которой намъ неизвѣстны и которымъ татары, признанные за правовѣрныхъ, не могутъ не соображаться; но что и не можемъ мы входить и чинить постановленія въ нѣжномъ семъ дѣлѣ безпосредственно и совершенно къ татарамъ принадлежащемъ, когда признали мы ихъ уже вольными. Въ самой вещи, какъ даровавъ имъ вольность неограниченную и признавъ ихъ въ нанторжественнѣйшихъ народныхъ актахъ независимыми, не имѣя никакого отъ нихъ на то ни согласія, ни коммиссіи начать нынѣ предписывать предѣлы и трактовать о зависимости самовластнаго владѣтеля, не имѣя должнаго въ относящихся къ тому дѣлахъ свѣдѣнія? Впрочемъ казалось намъ, что ханъ татарской никакого не учинитъ затрудненія признать султана главою всѣхъ мусульмановъ, Калифомъ, защитителемъ Мекки и Медины и слѣдовательно объявить ему избраніе свое. Ежели же вѣра обязываетъ его къ чему ни есть болѣе сего, то онъ самовластный владѣтель можетъ поступать по произволенію своему, дворъ мой ни въ чемъ ему не воспящаетъ.—Р.-Эф: Я не требую, чтобъ отнять у татаръ вольность, но сами они жаловаться на Россію не станутъ, если учинится здѣсь подобное постановленіе, ибо наконецъ татары вольности сей имѣть не желали.—О б р.: Хочу показать в. пр-ву вещь, которая увѣрить васъ должна, сколько желали и нынѣ желаютъ татары вольности и *(вручая ему бумагу)* вотъ деклараціи татаръ, которая сообщена уже ко всѣмъ Европейскимъ дворамъ".

Затѣмъ начались пререканія Обрѣскова съ Рейсъ-эфендіемъ касательно подлинности и непринужденнаго происхожденія предъявленной Обрѣсковымъ декларации, причемъ Рейсъ-эфенди ссылался на другую декларацію, составленную въ противоположномъ смыслѣ и поданную татарами Портѣ, на давленіе, оказанное Россіею на татаръ, которые не могли отказать Россіи въ предложеніи ея признать ихъ независимыми, заключить съ ними трактатъ и пр., и даже на военное принужденіе ихъ къ изданію декларации. Въ заключеніе Рейсъ-эфенди заявилъ: „Въ дѣлѣ о татарахъ не могу я принимать подобныхъ сему инструментовъ, но готовъ соглашать и постановлять оныя сходственно съ закономъ... Османъ-эфенди въ объявленіяхъ своихъ и въ своемъ ультиматумѣ объявилъ, какъ уставъ вѣры нашей не терпитъ, чтобъ два мусульманскіе государя царствовали въ одно время, исключая если они царствуютъ въ великой другъ отъ друга отдаленности, иначе непремѣнно должно, чтобы одинъ другаго истребилъ; Всевышній тогда повелѣваетъ признавать за законнаго государя того, коему онъ непостижимою въ судьбахъ десницею своею даетъ надъ соперникомъ побѣду и возвышаетъ. Подтвержденіе хановъ и молитва, совершаемая подъ именемъ султана мусульмановъ, довольна къ соблюденію таковой закона нашего заповѣди.—О б р.: По сему расположенію нѣтъ никакой перемѣны въ прежнемъ состояніи татаръ.—Р.-эф.: Напротивъ, великая

разность,—Бл. Порта имѣла власть избирать и низвергать хановъ, могла входить въ политическія ихъ дѣла, теперь остается ей одно хановъ подтвержденіе. —О б р.: Случалось, что Порта низвергала хановъ тогда только когда недовольны будучи татары настоящимъ хановъ правленіемъ приносили къ ней жалобы, что и впредь случиться можетъ... Если Порта удерживаетъ *право подтвержденія*, то вѣрно можетъ случиться, что татары недовольные къ ней прибѣгнутъ, можетъ даже случиться, что Порта откажется признать избраннаго татарами хана.—Р.-эф.: Порта Россіи торжественно обѣщаетъ признавать всегда и никогда не отказываться отъ признанія избраннаго татарами хана... Иначе заключить сего дѣла нельзя, какъ съ прославленіемъ въ молитвахъ имени султана и требованіемъ отъ татаръ о подтвержденіи ихъ хановъ.—О б р.: Объявленіемъ дадутъ знать о избраніи новаго хана султану, яко главѣ мусульмановъ, защитителю Мекки и Медины, калифу и прочая; симъ образомъ сохранится законъ. Росс. импер. двору объявленіемъ же дадутъ знать о избраніи хана, яко сосѣдственной и дружественной державѣ, а при томъ и ручательницѣ за вольность ихъ.—Р.-эф.: Акогда увѣдомять о семъ татары Порту?—О б р.: Тогда султанъ признать имѣетъ избраннаго хана, равномѣрно и Россія.—Р.-эф. Я уже довольно объяснилъ, что ханъ въ образѣ политическомъ и свѣтскомъ имѣетъ быть самовластнымъ и вольнымъ, но въ духовномъ зависѣть долженъ отъ султана. Въ заключеніе Обр. проситъ сообщить ему письменное изложеніе требованій Р.-эфендія о татарахъ.

Рейсъ-эфендій обѣщалъ все подробно написать; послѣ продолжалъ читать свой отвѣтъ на статьи, предложенныя Обрѣсковымъ; Рейсъ-эфенди возражалъ противъ требуемой отъ Порты уступки земель и городовъ; на замѣчаніе Обрѣскова, что всѣ тѣ мѣста и нынѣ принадлежатъ Россіи, онъ отвѣчаетъ, что такъ какъ и Россія, и Порта одинаково находятъ свою безопасность въ сихъ крѣпостяхъ, то Порта предлагаетъ за нихъ удовлетвореніе. — О б р.: Я уже вашему пр-ству говорилъ, что нѣтъ Россіи въ деньгахъ нужды и что ищетъ она безопасности подданныхъ и владѣній своихъ; вы предлагайте, что равно обезопасить можетъ россійскія границы.—Р.-эфенди: Я ничего таковаго не вижу, да и по сію сторону Дуная ничего Портѣ не остается.—О б р.: Очаковъ и Кинбурнъ и земли между Бугомъ и Днѣстромъ лежащія, хотя оныя пустыя.—Р.-эфенди: Для чего вы требуете сіи земли?—О б р ѣ с к о в ъ: Чтобъ не имѣть никогда съ Портою войны, имѣвши границами необитаемыя земли, которыя съ помянутыми городами тѣмъ удобнѣе Порта уступить можетъ, что нѣтъ ей отъ оныхъ никакого плода.—Р.-эфенди: Правда, что Порта съ тѣхъ земель никакой себѣ прибыли не получаетъ, но Очаковъ всегда былъ почитаемъ ключомъ тѣхъ мѣстъ.—О б р ѣ с к о в ъ: Ключъ сей ни къ чему Портѣ не служитъ, признавая татаръ вольными.—Р.-эфенди: Оставимъ сію матерію до послѣдующихъ конференцій, ибо точно разсуждать объ ней нельзя безъ географической карты. Потомъ продолжалъ читать 4-й артикулъ объ Архипелагѣ, сказывая, что на удержаніе Россіею трехъ въ Архипелагѣ острововъ Порта ни коимъ образомъ согласиться не можетъ и что возвращеніе острововъ въ Архипелагѣ, поелику оныя зависятъ отъ Россіи, на удовлетвореніи основать должно.

Послѣ сего началъ читать отвѣтъ свой на примѣчанія Россійскаго посла *); по прочтеніи рѣчи, что Россія можетъ имѣть какія-либо скрытныя намѣренія, перервалъ его Обрѣсковъ: Никакого тайнаго намѣренія дворъ мой не имѣетъ, татарскія дѣла въ лицѣ всѣхъ дворовъ и цѣлаго свѣта производимы были и въ трактатѣ двора моего съ татарами ясно изображено, что Россія ни въ какую войну татаръ приглашать не будетъ, въ то же самое время обѣщаетъ быть ручательницею противу всѣхъ тѣхъ, кои на вольность ихъ что-либо предпринимать будутъ.—Рейсъ-эфенди продолжалъ чтеніе отвѣтовъ своихъ на прежде сообщенныя ему примѣчанія отъ Россійскаго посла, упоминая точно слѣдующія съ оныхъ примѣчаній слова: „что Россія могла бы татаръ истребить, плѣнить, разсѣять и пр.“ Обрѣсковъ сказалъ, что о семъ нѣтъ сомнѣнія, имѣя побѣдитель по силѣ военныхъ правъ полную власть надъ побѣжденнымъ. — Р.-эфенди отвѣчалъ, что Россія не оружіемъ, но негоціяціями и обѣщаніями пріобрѣла татаръ.—О б р. разсказываетъ, какъ послѣ побѣды надъ ханомъ при Ларгѣ, во время осады гр. Паниным города Бендеръ, ногайскіе татары прислали депутатовъ съ тѣмъ, чтобы трактовать и договориться о вольности и совершенномъ ихъ отдѣленіи отъ Порты, сказывая, что и прочія татарскія поколѣнія ихъ примѣру послѣдуютъ, что Россія обѣщала принять на равныхъ кондиціяхъ всѣхъ и тѣхъ татаръ, кои самовольно соединятся съ ними по примѣру ногайцевъ; не такъ скоро послѣдовали всѣ прочіе татары, и особливо крымскіе. Прежде разныя съ ними имѣла Россія сраженія, а на другой годъ, когда россійская армія по взятіи Перекопа вступила въ Крымъ и овладѣла всѣми крѣпостями, тогда только крымскіе татары прислали къ намъ своихъ депутатовъ. Ея Величество властна уже была въ то время поступить съ ними по произволенію своему, но оказавъ имъ высочайшее свое милосердіе соизволила и ихъ принять на тѣхъ же самыхъ кондиціяхъ... Крымскіе татары прибѣгнули къ высочайшему ея Импер. Велич. милосердію въ то время, когда взяты были крѣпости, бѣжалъ ханъ, оттоманскія войска выгнаты изъ всего полуострова и весь Крымъ покоренъ россійскому оружію и когда уже Россія была властна ихъ истребить, плѣнить и разсѣять по собственному своему благопзволенію.—Рейсъ-эфенди: Такъ на что же было тогда дѣлать ихъ вольными?—О б р.: Подлинно то было ея в-ва къ нимъ милосердіе. — Р е й с ъ-э ф.: Изъ всего того явствуетъ, что принуждены были татары просить независимости, хотя внутренно оной и не желали. Носить на себѣ равный принужденія образъ и все вслѣдъ того въ Крыму сдѣланное и нынѣ сообщенная мнѣ піэса, которой я вѣрить не могу.—О б р.: Столь природное есть желаніе всякому человѣку искать вольности, что все опровергаетъ тому противныя доказательства... Рейсъ-эфенди: Противная сей декларація многимъ числомъ татаръ подписаны, печатьми утверждена и безпосредственно намъ вручена была.—О б р.: Я не сумнѣваюсь, что и по сіе время въ Крыму находятся люди, привязанные къ Портѣ, которые и смущаютъ татаръ и чинятъ замѣшательства въ Крыму“. Рейсъ-эфенди возражалъ, что хотя тамъ и есть нѣсколько турецкихъ аген-

*) См. ниже.

товъ, которымъ татары и подали свою декларацію Портѣ, но все-таки эта декларація, утвержденная татарскими начальниками и значительною частью націи татарской слѣдуетъ считать вольною, предъявленная же Обрѣсковымъ сдѣлана подъ оружіемъ. Обрѣсковъ возражаетъ противъ этого и разсказываетъ „происхожденіе дѣлъ татарскихъ". Татары сами отправили Калгу-султана къ русскому двору, дабы наиточнѣйшимъ образомъ постановить дѣло о вольности и независимости ихъ; снабдя его съ тѣмъ публичными актами, какъ отъ стороны хана, такъ и отъ всѣхъ обществъ татарскихъ, чтобъ имѣлъ дворъ мой полную довѣренность во всемъ, что имъ представляемо будетъ, торжественно притомъ обѣщая постановленное имъ за благо принять и свято сохранять. Однакожъ дворъмой предусматривая, что все посановляемое съ Калгою султаномъ можетъ подать поводъ злоумышленникамъ къ нареканіямъ и разглашеніямъ, что сдѣлано съ принужденія, предпочелъ отправить съ своей стороны въ Крымъ въ характерѣ министра къ трактованію дѣла сего съ крымскимъ ханомъ и со всѣми татарскими обществами, соображаясь въ томъ принятымъ между вольными и независимыми націями обыкновеніямъ. Министръ нашъ, пріѣхавши съ небольшою свитою и для собственнаго караула самою малѣйшею военною командою въ Бакчисарай, имѣлъ съ ханомъ крымскимъ и съ начальниками обществъ татарскихъ разныя сношенія; они избрали нѣкоторыхъ между собою депутатовъ, снабдили ихъ должными полномочіями, дая имъ оными власть трактовать, постановлять и заключать все съ вышеупомянутымъ министромъ по силѣ данныхъ имъ инструкцій, обѣщая все постановленное ратификовать. Сія негоціація начало свое возымѣла въ Бакчисараѣ; но по причинѣ приключившейся язвы перенесена была въ Кѣфу. Тамъ разныя имѣли уполномоченные конференціи, а наконецъ и заключили формальный трактатъ, послѣ чего ѣздили въ Карасу, гдѣ для продолжающейся въ Бакчисараѣ язвы обрѣтался ханъ со всѣми татарскими начальниками и старшинами, и тутъ помянутый трактатъ былъ ханомъ и уполномоченными депутатами подписалъ въ присутствіи всѣхъ или по малой мѣрѣ большей части татарскихъ начальниковъ, а потомъ сочинена и обнародована была та декларація, которую я имѣлъ честь вамъ сообщить"... Р. Эф: продолжалъ читать отвѣтъ свой на примѣчанія Россійскаго посла и окончивъ оный сказалъ: обыкновенно уполномоченные, чтобы привесть дѣло къ окончанію, уменьшаютъ первыя свои требованія, но здѣсь касательно къ мореплаванію я противное тому вижу; въ сообщенномъ мнѣ прежде артикулѣ о Бѣломъ морѣ упоминаемо не было, а нынѣ въ примѣчаніяхъ вашихъ уже требуете не только мореплаванія на Бѣломъ морѣ, но и свободнаго изъ Чернаго въ Бѣлое и вспять перехода.—О б р: Въ сообщаемыхъ нынѣ къ мирному трактату артикулахъ дѣлаются только генеральныя предложенія, подребно же все описать должно въ пунктахъ, мирный трактатъ составляющихъ. Въ артикулѣ моемъ о мореплаваніи требовалъ я свободнаго для всякаго рода россійскихъ судовъ плаванія во всѣхъ моряхъ, окруженныхъ владѣніями Бл. Порты, въ которыхъ прочимъ европейскимъ державамъ мореплаваніе дозволяется, Черное же море упомянулъ для того, что европейскимъ державамъ въ оное входить воспрещается. Съ отвѣтовъ вашихъ я увидѣлъ, что вы не выразумѣли сообщеннаго вамъ отъ меня артикула, ибо исключаете вы военные корабли, предписать

хотите число купеческимъ судамъ, дозволяете имъ плавать только при европейскихъ берегахъ Чернаго моря и входить только въ нѣкоторыя пристани, запрещаете имъ не только проходить въ Бѣлое море, но и на Черномъ приближаться (кромѣ если когда бурею занесены будутъ) къ берегамъ азіатскимъ. Все сіе доказывало мнѣ, что вы артикула моего не выразумѣли и я въ примѣчаніяхъ моихъ на отвѣты ваши, почель за нужное оной изъяснить. —Р.-Эф: Отложимъ сіе до послѣдующихъ конференцій, однакожъ мнѣ кажется, что мореплаваніе безъ всякаго предѣла непристойно оставить; всякая вещь требуетъ нѣкотораго распоряженія.

Приложеніе А. къ протоколу 8-й конференціи:

Отвѣтъ на сообщенную въ 7-й конференціи Обрѣсковымъ записку въ отповѣдь на изъясненіе о степени (grado) и образѣ (forme) вольности татарской, дозволяемой отъ Бл. Порты.

Пристойно, чтобы по сіе время вамъ уже объяснено было, коль не возможно Бл. Портѣ поступать не по заповѣдямъ закона магометанскаго; степень вольности татарской, дозволяемый уставомъ закона нашего многожды вамъ была объясняема. Если намѣреніе только избавиться отъ наносимаго татарами вреда, Бл. Порта Россіи разные способы подаетъ къ безопасности, а можетъ быть помышляетъ утвердить оную силою ручательства какой-либо посторонней державы, всякимъ образомъ можетъ быть въ томъ Россія спокойна. Если же не о собственной безопасности намѣренія ея, но суть какія другія скрытныя помышленія, то какъ Портѣ не бояться? *). Въ помянутой запискѣ изображено, что во власти вашего двора татаръ переселить, въ конецъ истребить или совсѣмъ разсѣять ихъ между прочими подвластными Россіи народами; однакожъ дворъ россійскій открылъ себѣ дорогу въ Крымъ договорами и трактатами, обѣщавая, если татары во все время настоящей войны никакой помощи Бл. Портѣ, а предосужденія Россіи не учинять, безопасно сохранить жизнь, честь и имѣнія ихъ; таковые договоры въ самой вещи состоятъ и вслѣдъ имъ по принятому между державами обыкновенію обнародованы манифесты, почему и не властна была Россія ни присвоять ихъ, ни истреблять, ни переселять, ниже имъ вредить.

Въ концѣ той же записки слѣдуетъ артикулъ о коммерціи; въ прежде сообщенной мнѣ запискѣ подробно и довольно вы объяснили оную; мы же согласились между собою непремѣнными и довольными почитать рѣчи и рѣшенія наши, такожде нужно, чтобы представляемые артикулы, имѣя всегда пріемлемое основаніе съ большею чѣмъ далѣе податливостью *). Для того дружелюбно и точно испрашивается, по ка-

*) Se l'intenzione è di slontanare i danni daltartaro è possibile che la F. P. dia sicurta in differenti maniere potra esser che si spera di legare questo affare con un forte vincolo di garantia di qualche ferostiera Potenza e cosi in ogni maniera si potra tranquillizzare però se la Mira non è per la sicurta ma qualche altro pensiere occulto, la F. P.-come potrà assircurarsi?

*) Fra di Noi fù concertato di tenersi valida la nostra categorica, decisiva e bastevole parola, e essendo necessario che gli Articoli ogni qual volta si rapresentano s'appogiassero sopra l'accettabilita con il progresso di condescendenza.

кимъ резонамъ въ примѣчаніяхъ вашихъ умножено содержаніе прежде сообщеннаго мнѣ артикула о коммерціи требованіемъ совершенно вольнаго прохода для всякаго рода судовъ, какъ въ Бѣлое, такъ и Черное море.

Протоколъ 9-й конференціи, 26-го ноября 1772 года.

Р.-Эф.: В. пр-во требовали отъ меня, чтобъ я письменно сообщилъ мнѣніе мое о духовной зависимости татаръ, въ которой Россія сыскиваетъ слѣдующія затрудненія: 1-е) что Порта, удерживая подтвержденіе хановъ на представленіе, чинимое отъ татаръ, можетъ, когда пожелаетъ, получать отъ недовольныхъ правленіемъ татаръ таковыя представленія; 2-е) Порта, когда недовольна будетъ отъ татаръ избраннымъ ханомъ, можетъ отказать подтверждать онаго, и 3-е) что Порта можетъ требовать отъ татаръ представленія прежде избранія хановъ, тѣмъ самымъ приводить татаръ къ избранію преданной къ Портѣ персоны. Все сіе въ предлежащемъ трактатѣ отвратить можно. Порта обѣщаетъ на 1-е) отъ недовольныхъ правленіемъ татаръ никакихъ жалобъ и представленія никогда не принимать; 2-е) обѣщается никогда не отказываться отъ подтвержденія избраннаго отъ татаръ въ ханы, но непремѣнно и безпрекословно признавать онаго, и 3-е) не принимать никакого другаго представленія, кромѣ чинимаго о подтвержденіи уже по избраніи хана татарами. — О б р.: Я предлагалъ в. пр-ву сколько неудобно двору моему предписывать татарамъ правила поступковъ, когда уже онъ, дворъ мой, призналъ ихъ независимыми, объявилъ себя предъ цѣлымъ свѣтомъ ручателемъ ихъ вольности и на такомъ основаніи заключилъ съ ними торжественный трактатъ. Итакъ, сохраняя благопристойность и честь каждаго, мнѣ кажется, что во удовлетвореніе закона магометанскаго довольно одно по избраніи хана чинимое султану со стороны его объявленіе; дая онымъ султану, яко главѣ князей мусульманскихъ и калифу о избраніи своемъ знать; Россіи же, яко сосѣдственной дружественной и ручательницѣ ихъ независимости, равнымъ образомъ о избраніи своемъ учинитъ объявленіе, послѣ котораго обѣ державы, безъ всякаго медленія или затрудненія должны его признать и поздравить законнымъ ханомъ. О гарантіи или ручательствѣ и въ послѣдней конференціи говорено было, а татары признали уже Россію навсегда ручательницею ихъ вольности.—Р.-Эф.: Намѣреніе Бл. Порты—на всѣ будущія времена избѣгнуть всякаго собственной безопасности предосужденія. Чинимыя же отъ росс. двора о татарахъ предложенія Бл. Портѣ суть предосудительныя и примѣромъ Польши еще опаснѣе становятся.—О б р.: Въ разсужденіи татаръ постановлено будетъ въ трактатѣ, чтобъ ни одной сторонѣ въ дѣла ихъ не мѣшаться; подобнымъ торжественнымъ обязательствомъ Порта должна быть довольна. Россія съ своей стороны утвердитъ спокойствіе своихъ границъ и не будетъ впредь опасаться внезапной и нечаянной войны, какія до сего съ Портою она имѣла. Никогда Россія не имѣла съ Портою войны, не будучи къ оной принужденною и по большей части своевольствомъ татаръ..... Ежели Порта въ независимости отказывается отъ правъ своихъ, Россія такожде отказывается отъ правъ завоеванія и собства; если Порта уступаетъ татарамъ земли и города въ Крыму, на Кубанѣ и земли между рѣками Бердою и зали-

вомъ Конскія воды лежащія, Россія равномѣрно оныя уступаетъ; правда, что удерживаетъ она Еникале и Керчу, но безъ оныхъ какъ получить желаемое границъ своихъ спокойствіе? и какъ воспрепятствовать татарамъ чинить нападенія? Порта нападеній татарскихъ не имѣетъ причины опасаться; ибо на твердой землѣ не будетъ граничить съ ними; на морѣ же кому и когда вредъ какой причиняли татары?—Р.-Эф.: Въ дѣлѣ о татарахъ Порта соглашается отказаться отъ всякаго своего къ онымъ политическаго права; а сохраняетъ одно только духовное.—О б р.: Я просилъ у васъ письменно мнѣ изъяснить духовную сію зависимость; ибо подъ именемъ закона всякія затѣи можно дѣлать.... надобно мнѣ непремѣнно знать, какимъ образомъ связывается онъ съ состояніемъ татаръ?—Р.-Эф. сказывалъ, какимъ образомъ воспрещаетъ ихъ законъ двумъ мусульманскимъ царямъ въ одно время царствовать и прочее. Для сего противу обыкновенія сдѣланъ былъ вторымъ къ Фокшанскому конгрессу уполномоченнымъ Яссини Заде, проповѣдникъ мечети святой Софіи.—О б р.: Со всѣмъ тѣмъ есть примѣръ, что не только два, но и три мусульманскіе царя царствовали въ одно время. — Р.-Эф.: Но были они въ безпрерывной другъ противъ друга войнѣ. — О б р.: Болѣе трехсотъ лѣтъ продолжалось сіе царствованіе и бывали между ими мирныя и военныя времена...—Р.-Эф.: Я уже сказывалъ, что еслибы войска россійскія оставили Крымъ,... то тогда бы татары искали вновь соединиться съ нами.—О б р.: Я не сомнѣваюсь, что Порта имѣетъ преданныхъ къ себѣ въ Крыму людей; но.. не вообще всѣ татары желаютъ быть Портѣ подвластны.—Р.-Эф.: Иначе сіе дѣло заключить я не властенъ.—О б р.: Такъ изъясните мнѣ, какимъ образомъ можетъ быть духовная сія зависимость; во всемъ мнѣ отъ васъ по сіе время предложенномъ, я вижу умышленія одного только политическаго надъ татарами господствованія.—Р.-Эф.: Татары имѣютъ быть совершенно вольными въ политическихъ и внутреннихъ правленія ихъ дѣлахъ и въ избраніи хановъ, и ханы имѣютъ быть равно самовластными; Порта не должна входить ни въ какія татарскія дѣла прежде и послѣ избранія хана; но тотчасъ послѣ избранія татары должны будутъ сочинить Арзъ Магзаръ къ султану, требуя отъ него подтвержденія избранному отъ нихъ хану. Султанъ съ своей стороны не властенъ будетъ отказать въ томъ татарамъ, но всеконечно и безъ всякаго затрудненія или прекословія имѣетъ дать хану подтвержденіе; такожде Порта будетъ почитать крымскаго хана владѣтелемъ самовластнымъ и ни отъ кого не зависящимъ въ политическихъ и свѣтскихъ правленія своего дѣлахъ. — О б р.: Значеніе слова сего Арзъ Магзаръ не совмѣстительно съ вольностью. — Р.-Эф.: Арзъ Магзаръ значитъ представленіе и вотъ какимъ образомъ имѣетъ сіе происходить: когда уже татары при полной вольности изберутъ себѣ хана, тогда напишутъ то представленіе къ султану, увѣдомляя его о послѣдовавшемъ избраніи и требуя подтвержденія новому хану, а султанъ тотчасъ по полученіи онаго представленія признаетъ и подтвердитъ его.—О б р.: Можетъ быть споримъ мы о словахъ только, а въ самой вещи согласны: когда прилежно разсудить, то и объявленіе, мною предлагаемое, равно законъ удовлетворить можетъ, а притомъ и сохранитъ благопристойность каждаго; общество татарское и новоизбранный ханъ напишутъ къ султану письма, дая ему

знать о томъ, яко главѣ князей мусульманскихъ и Калифу; Султанъ, по полученіи таковыхъ писемъ, признаетъ и поздравитъ хана; тоже сдѣлаютъ и росс. имп. двору, яко державѣ сосѣдственной, дружественной и ручательницѣ за вольность ихъ, и росс. имп. дворъ равнымъ образомъ признать и поздравить его имѣетъ. Таковое письмо и титулы, даваемые въ немъ султану, аутентическимъ отъ стороны хана будутъ признаніемъ о духовномъ первенствѣ султана; въ прочемъ содержаніе письма не должно быть предосудительно независимости и чести самовластнаго владѣтеля.—Р.-Эф: Если бы писалъ кто изъ небольшихъ князей къ Императрицѣ Всероссійской, то конечно не могъ бы онъ употребить въ письмѣ своемъ тѣхъ словъ, которыя равные ей великіе государи въ письмахъ между собою употребляютъ, а Бл. Порта неужели до такой степени дошла, чтобы быть ей сравняемой съ татарами? — Обр.: Письма, ханское и татарскаго общества, должны быть благопристойныя, означающія почтеніе къ султану, а притомъ и не отнимающія собственной его чести... — Р.-Эф.: Ханъ можетъ писать письмо, а татары должны представленіемъ или Арзъ Магзаромъ требовать хану подтвержденія; нѣтъ въ томъ никакого Россіи предосужденія.— Обр.: Слово Арзъ Магзаръ двойной смыслъ имѣетъ, значитъ представленіе и челобитье. — Р.-Эф.: Споры часто окончанію дѣлъ препятствуютъ; когда о всѣхъ прочихъ дѣлахъ согласимся, тогда или я во уваженіе Россіи назову сіе представленіе объявленіемъ или обвѣщеніемъ или вы, во уваженіе Порты, назовете оное Арзъ Магзаромъ. — Затѣмъ Р.-Эф. вручилъ росс. Послу требованное имъ въ 8-й конференціи письменное изъясненіе объ уставѣ закона, относящемся къ татарамъ и примѣрный артикулъ слѣд. содержанія:

Артикулъ: Ханъ и татаре да будутъ вольными въ политическихъ ихъ дѣлахъ, въ дѣлахъ же духовныхъ Бл. Порта имѣетъ быть надзирательницею (inspetrice) и совершительницею (perfezionatrice). Напримѣръ. Когда татары пожелаютъ низвергнуть хана по правиламъ ихъ обыкновенія (secondo la loro autentica pratica), избравъ другаго изъ фамиліи Чингизовъ, и прося Бл. Порту о посвященіи и опредѣленіи его, послѣ избранія уже, милостиво имѣетъ быть ихъ прошеніе принято и отправлена къ нему инвеституpa. Должно конечно избирать и постановлять хановъ изъ фамиліи Чингизовой. Судіи всегда издревле опредѣляемые отъ стороны Бл. Порты, имѣютъ быть по прежнему опредѣляемы и подтверждаемы. Священная молитва, т.-е. Гутбе, должна быть совершаема подъ именемъ (a nome) высоч. императора магометанскаго. А притомъ, дабы служили средствомъ къ доброму согласію и единомыслію съ татарскимъ народомъ, города, въ Крыму и на Кубанѣ находящіеся, имѣютъ всячески оставаться подъ владѣніемъ и правленіемъ (in ogni maniera abbiano dà restare sotto il dominio e sotto la giurisdizione) Бл. Порты; надѣемся, что коммерція на сухомъ пути и на морѣ возвращенію сихъ крѣпостей будетъ удовлетвореніемъ".

По прочтеніи Р.-Эф. продолжалъ такъ: отрекаяся такимъ образомъ Порта отъ всякаго рода прямаго надъ татарами господства, нѣтъ ничего натуральнѣе и ничего справедливѣе, какъ исканіе Портою способовъ къ обезпеченію собственныхъ границъ отъ своевольствъ сей націи; чего ради требуетъ Порта, чтобы оставался во владѣніи ея всѣ въ Крыму и на Кубани находящіяся крѣпости, и на семъ основаніи

соглашается уступить Россіи Азовъ и Таганрогъ. — Обр.: Излишнее есть для Порты искать безопасности границъ своихъ отъ татаръ. — Р.-Эф.: Ежели Россія ничего другаго, кромѣ собственной безопасности не ищетъ, то и не учинитъ она никакого въ семъ затрудненія; оттоманскіе гарнизоны никогда на границы россійскія не нападали, а ко обузданію татаръ довольно двѣ крѣпости Азовъ и Таганрогъ. Справедливость требуетъ, чтобы и Порта равномѣрную имѣла отъ татаръ безопасность и могла бъ въ случаѣ предупреждать и защищать себя отъ нечаянныхъ нападеній; навѣрно имперія оттоманская никогда татаръ аттаковать не будетъ, но имѣя крѣпости въ Крыму и на Кубани, въ состояніи будетъ всегда сохранить должное къ себѣ отъ татаръ почтеніе; иначе вольно будетъ татарамъ Порту оскорблять, не опасаясь никакого наказанія.... Чистосердечно признаться хочу, какіе бы резоны Порта не имѣла быть въ полной отъ татаръ безопасности, такъ по причинѣ натуральнаго почтенія и страха маломощной отъ сильнаго, какъ по взаимному мѣстоположенію, всегда однакожь остается Портѣ большая часть опасностей ея отъ предосужденій, которыя впредь могутъ произойтить для Порты, когда только заблагоразсудитъ Россія во зло употребить или противъ вольности татаръ или противъ самой Порты удобности настоящимъ трактатомъ ей предоставляемыя. Сверхъ сей, такъ важной причины требовать крымскихъ и кубанскихъ крѣпостей, какова есть будущая Портѣ отъ Россіи безопасность и чтобы сдѣлать нѣкоторое впредь равновѣсіе возрастающимъ по сію сторону ея сламъ, есть еще и другая, не меньше важная и ближайшая причина, чтобъ имѣть чѣмъ воспрепятствовать или прекратить мнительность и вопль народа нашего, который въ трактатѣ заключенномъ по силѣ предложеній вашихъ ничего другаго не увидитъ, какъ вещи предосудительныя Портѣ, а полезныя Россіи, отчего въ опасность приведена быть можетъ взаимная разныхъ чиновъ, составляющихъ имперію, довѣренность, что есть напвердѣйшій камень основанія всякаго правленія.—Обр. О политическихъ дѣлахъ ни въ какомъ правленіи народъ не помышляетъ. Возвышенные, разумные или ученые люди одни только о томъ разсуждаютъ, а народъ слѣпо пріемлетъ мнѣнія ихъ. Таковые люди точно увидятъ, что нѣтъ въ настоящей матеріи подобныхъ къ опасности причинъ и что Россія истребляя корень прежнихъ своихъ безпрерывныхъ безпокойствій, въ расположеніяхъ своихъ ничего другаго не ищетъ, какъ собственной безопасности и тишины. Вѣдаютъ тѣ же самые благоразумные люди, коль свойственно въ натурѣ величайшимъ тѣламъ пользоваться всегдашнимъ покоемъ, и коль невѣроятно, чтобъ напространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія нарушала когда нибудь собственный покой и возмущала безчисленныхъ подданныхъ своихъ для присвоенія какой-либо бѣдной частицы пустой земли или для пріобрѣтенія поверхности въ правленіи татарскомъ. Оные же разсудительные люди твердо увѣрены останутся, что когда единожды изъяты будутъ причины, войну производящія, не имѣя обѣ державы ничего въ сосѣдствѣ одна другой завиднаго и положивъ взаимною границею пустыя земли и моря, сохранятъ между собою вѣчно ненарушимую тишину.—Р.-Эф.: Невозможное однакожь дѣло есть, чтобы Россія пріобрѣла въ пользу свою настоящимъ трактатомъ земли, крѣпости, отдѣленіе отъ Порты татарской націи, напространнѣйшее

мореплаваніе, слѣдовательно, чтобы и могла имѣть морскія силы и коммерцію, а напротивъ того, Порта имѣла бъ отъ тѣхъ мѣстъ удалиться.—О б р.: Земли и крѣпости, которыя Россія за собою удерживаетъ для Порты маловажны и не могутъ равняться съ возвращаемымъ ей; вольность націи татарской равно обѣимъ имперіямъ служитъ, истребляя между ими корень вражды; но въ вольности татарской не имѣетъ Россія получать доходовъ; что жь касается до морскихъ силъ въ двухъ приключившихся между нами войнахъ, не дозволяемое намъ отъ Порты мореплаваніе не воспрепятствовало Россіи аттаковать Порту не токмо въ Черномъ морѣ, но и въ Архипелагѣ.—Р.-Эф. приказалъ разложить географическую карту и дѣлая на оной свои примѣчанія, сказывалъ, что безъ Еникале и Керчи довольно для Россіи къ обузданію татаръ крѣпости Азова. — О б р. отвѣчалъ, что для сего Азовъ очень далеко и показалъ ему на картѣ обыкновенную дорогу татарамъ къ нападеніямъ на росс. границы, чему одно только удержаніе за собою Россіею Еникале и Керчи пособствовать можетъ.— Р.-Эф.: Бл. Порта, будучи въ дружбѣ съ Россіею, приложитъ наприлежнѣйшія старанія къ отвращенію таковыхъ безпокойствъ.—О б р.: Мы имѣемъ необходимый долгъ уничтожать все то, отъ чего могутъ рождаться безпокойства. — Р.-Эф.: Мы не можемъ столько укротить нашу націю, чтобы она терпѣливо сносила такія вещи.—О б р.: Если Порта сего не уступитъ, то намъ согласиться никакъ не можно.—Р.-Эф.: Какъ Портѣ то уступить, чѣмъ она всю свою безопасность теряетъ.—О б р.: Первоначальная государству безопасность есть добрая вѣра въ наблюденіи трактатовъ.—Р.-Эф.: Если Еникале и Керчь останутся въ рукахъ Россіи, то въ случаѣ войны, чрезъ 3 или 4 года можетъ она послать 300 кораблей прямо въ Константинополь.—О б р.: Возможно ли ваше пр-во имѣть подобныя воображенія? Константинополь лежитъ между двумя морями, но проходы къ нему отъ Чернаго и Средиземнаго моря не равно ли защищаемы? и въ прежде бывшихъ многихъ войнахъ между Портою и разными европейскими державами, имѣющими морскія силы, былъ ли когда нибудь Константинополь подверженъ нападеніямъ непріятельскихъ флотовъ? Но положимъ, что сіе можетъ статься и что Россія заблагоразсудила послать въ Константинополь флотъ, то равно безъ Еникале и Керчи можетъ сіе сдѣлать. Оба сіи мѣста не возбраняютъ проходу кораблямъ, которые выше и тогда можно строить, какъ по нынѣ строились. — Р.-Эф.: По крайней мѣрѣ мирный трактатъ долженъ приносить тишину и безопасность. Вашего же двора предложенія не безъ предосужденія Бл. Портѣ.—О б р.: Всякая уступка имѣетъ свою предосудительную сторону.—Р.-Эф.: Еслибъ предосужденіе съ одной только стороны было, то бы можно принять съ терпѣніемъ; но здѣсь всѣ стороны предосудительныя и напредъ всей безопасности своей Порта лишается. Имѣетъ быть оставлено вольное на всѣхъ моряхъ россійскимъ флотамъ плаваніе; а Бл. Порта не должна имѣть ни одного мѣста, которое бы могло отвратить глаза непріятеля ея отъ столицы имперіи. — О б р.: Отъ свободнаго мореплаванія произойтитъ имѣетъ комерція, которая свяжетъ нантвердѣйшій узелъ дружбы между подданными и правящими обѣихъ имперій; тогда уже заподлинно не должно никогда разрыва опасаться; ибо взаимнымъ интересомъ вящше и вящше всегда утверждаться будетъ доброе согласіе и союзъ,

укротятся языки злобствующихъ и война отдалена будетъ навсегда.— Р.-Эф.: Такой узелъ по прошествіи довольнаго времени чувствовать только можно; въ настоящее же время намъ надобны тѣ крѣпости для усмиренія нашего народа.—О б р.: Уже столько времени оныя крѣпости въ нашихъ рукахъ, что народъ навѣрно пріобыкъ видѣть ихъ Порту лишенную.—Р.-Эф.: Народъ не разсуждаетъ; когда узнаетъ, что отказывается Порта отъ правъ своихъ надъ татарами, что уступаетъ такъ многія мѣста Россіи и что для себя ничего не оставляетъ, то возмутится и кто тогда укротить его можетъ? —О б р.: Я не разумѣю рѣчей в. пр-ва, о возвращаемомъ Портѣ, коль оно ни велико, ничего не упоминается и кажется, что вся важность дѣла состоитъ въ четырехъ мѣстахъ, требуемыхъ Россіею: Еникале, Керча, Очаковъ и Кильбурнъ, въ разсужденіи такъ многихъ провинцій.—Р.-Эф. указывая на географической картѣ, сказалъ, что Очаковъ и Кильбурнъ не такъ презрительныя мѣста, какъ говоритъ объ нихъ Обр., ибо почитаются они ключемъ тѣхъ странъ.—О б р. отвѣчалъ, что ключи сіи очень худые, когда не могли они ни сухимъ путемъ воспрепятствовать росс. оружію завоевать всѣ земли по сю и по ту сторону Очакова лежащихъ и до самаго Дуная, ниже свободно разъѣзжать нашимъ кораблямъ по Черному морю, не считая того, что въ Очаковѣ воды не достаетъ. — Послѣ чего Р.-Эф. оставлялъ Россіи тотъ кусокъ земли, которая по силѣ послѣднихъ конференцій причислена была къ владѣніямъ Порты между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ.—О б р. съ усмѣшкою отвѣчалъ, что если бы ему оную даромъ давали, онъ бы конечно не хотѣлъ ее имѣть; послѣ объяснялъ ему запустѣлость и прочія дурныя свойства сей земли.— Р.-Эф.: Россійская имперія получаетъ для себя великую пользу отъ коммерціи и мореплаванія; надобно, чтобы согласилась на равноцѣнное для Бл. Порты.— О б р.: Когда возвращаются большіе города, какъ Бендеры, Килія, Аккерманъ, Измаилъ и пр., за такія дурныя мѣста, какъ сіи земли, мнѣ кажется, что Порта попрекать не можетъ.....—Р.-Эф.: Когда Россіи крѣпости надобны, то въ той части земли, что ей оставляется, можетъ ихъ состроить.—О б р.: Двору россійскому извѣстны всѣ прежде бывшія о крѣпостяхъ хлопоты и неосновательныя Порты въ сей матеріи воображенія. Увѣряю васъ, что отдалъ бы я, не требуя никакого удовлетворенія, всѣ тѣ мѣста, еслибы не было тутъ города Очакова, который признаю я очень важнымъ для Россіи... Городъ сей препятствовать будетъ впредь Россіи пользоваться тою тишиною и безопасностью, которыхъ она такъ усильно старается себѣ доставить. Безпрерывные съ гарнизономъ очаковскимъ и запорожскими казаками происходящіе вздоры двору моему наносили разныя безпокойствія, и гайдамаки, чиня въ Польшу воровскіе набѣги и прочія подобныя дѣла и наконецъ, укрываясь отъ истязанія, убѣгаютъ въ принадлежащія Очакову земли, которыхъ оттуда и возвратить не можно. — Р.-Эф.: Мирнымъ трактатомъ все сіе поправить можно. — О б р.: Ваше пр-во говорите съ такимъ человѣкомъ, который былъ съ 30 лѣтъ въ Константинополѣ; непріятное въ дѣлахъ сихъ испытаніе убѣдило меня, что нѣтъ другаго средства къ приведенію сего въ добрый порядокъ, какъ истребленіемъ зла. Не задолго прежде войны всѣ случившіяся неустройства въ Балтѣ и прочихъ мѣстахъ учинены были злодѣями, крывшимися до того въ очаковскихъ предѣлахъ...—

Р.-Эф.: Однакожъ мнѣ кажется, что мирнымъ трактатомъ всѣ сему подобныя неустройства предупреждены быть могутъ.—О б р.: Еслибы сіе возможно было другими средствами поправить, такъ на что же бы и чинить излишнія затрудненія, и можно ли когда возстановить порядокъ между людьми, никакого права и закона не имѣющими?—Р.-Эф.: Въ мирныхъ трактатахъ должны быть постановляемы и заключаемы всѣ дѣла сходственно съ закономъ, честью и безопасностью каждаго; если же предлагается что тому противное, то тѣмъ отнимается отъ уполномоченныхъ къ негоціаціи вся возможность къ постановленію мирнаго трактата. — О б р.: Всякій ищетъ по возможности сохранить собственную честь, законъ и безопасность. Война дѣлаетъ въ состояніи государствъ перемѣны и по слѣдствію военныхъ успѣховъ сочиняются авантажные или не авантажные трактаты. Уступается меньшая часть съ тѣмъ, чтобы удержать большую, но подобными уступками однакожъ не нарушается ничья честь, законъ и безопасность; послѣ такъ благополучной войны что жъ оставляетъ себѣ Россія? во всѣхъ татарскихъ краяхъ только Еникале и неукрѣпленную Керчу; словомъ сказать, наибѣднѣйшія мѣста на всей твердой землѣ по сію сторону Дуная и отъ всего Крыма почти отдѣленныя. — Р.-Эф.: Изрядно, пускай сіи мѣста за Портою останутся; Россія же можетъ требовать за оныя удовлетворенія.—О б р.: По видимому, в. пр-во не имѣете о дворѣ россійскомъ довольнаго свѣдѣнія. Деньги ему не нужны; не имѣетъ онъ долговъ и подданные его ни мало не отягощены; а ищетъ онъ собственной безопасности, безъ которой миръ заключенъ быть не можетъ.—Р.-Эф.: Клянусь в. пр-ву, что я инструкціи моей послѣднія степени объявилъ.—О б р.: Если Бл. Порта признаетъ татаръ совершенно и безъ всякаго изъятія вольными и откажется, чтобы имѣть какое-либо въ земляхъ ихъ основаніе, такожде и ежели уступитъ Россіи Еникале, Керчу и Кильбурнъ, то на таковыхъ кондиціяхъ дворъ мой учинитъ снисхожденіе и согласится на конечное города и крѣпости Очаковской разореніе, и земля, на которой онъ стоитъ, будучи пустою, имѣетъ быть причислена къ землямъ между Бугомъ и Днѣстромъ простирающимся до самыхъ границъ польскихъ, которыя земли и имѣютъ служить между двумя имперіями барьерою, россійскихъ владѣній границею будучи рѣка Бугъ, а турецкихъ—рѣка Днѣстръ.—Р.-Эф.: На вольность націи татарской такъ, какъ вы оную въ примѣчаніяхъ вашихъ описали, согласиться никоимъ образомъ нельзя... Чистосердечно сообщить в. пр-ву хочу о сей матеріи, у л т и м а т у м ъ инструкціи моей: въ замѣну крымскихъ и на Кубанѣ крѣпостей, Порта уступитъ Россіи Азовъ, Таганрогъ, оставшіяся ей земли между Бугомъ и Днѣстромъ, а притомъ и мореплаваніе. — О б р.: Мореплаваніе, какъ вы объ немъ разумѣете, не стоитъ никакого уваженія.—Р.-Эф.: Я не понимаю, для чего Россія требуетъ свободнаго изъ Чернаго въ Бѣлое море проходу; еслибы Порта уступила ей какой-либо островъ въ Архипелагѣ, тобъ можно сказать, что проходъ сей нуженъ для коммуникаціи съ онымъ, но я уже объявлялъ, что Порта на то не согласится, къ чему жъ можетъ служить Россіи свободный въ Бѣлое море проходъ, когда она не имѣетъ, да и имѣть тамъ въ разсужденіи прочихъ державъ не можетъ никакого себѣ основанія. — О б р.: Сіе требуется въ разсужденіи коммерціи; что жъ къ прочему рѣчей вашихъ содержанію касается, то я

увѣряю в. пр-во, что Россія отъ пріобрѣтеннаго въ тѣхъ странахъ совершенно отказывается изъ одной только умѣренности й искренняго желанія мира, ибо никоторая держава не воспрепятствовала бы ей имѣть тамъ владѣнія. — Р.-Эф.: Такъ быть такимъ образомъ войнѣ;... со всѣмъ тѣмъ мы ѣхали было сюда съ надеждою окончить оную.— О б р.: По крайней мѣрѣ явны учинились обѣихъ сторонъ намѣренія: по сіе время съ моей стороны всякая податливость оказана была; но в. пр-во и понынѣ заключаете себя въ неизвѣстномъ томъ умѣренномъ удовлетвореніи, которому вы еще никакого означенія не опредѣлили. — Р.-Эф.: За возвращеніе двухъ Княжествъ Порта дозволяетъ мореплаваніе и коммерцію; за острова въ Архипелагѣ Азовъ уступаетъ.—О б р.: Азовъ всегда принадлежалъ Россіи и никто чужаго не уступаетъ.—Р.-Эф.: Земли собственными не называются, когда продолжается война, ибо тяжба еще не рѣшена.—О б р.: Однакожь въ тяжебномъ семъ дѣлѣ та сторона лучшія доказательства имѣетъ, которая дѣйствительно владѣетъ; Азовъ же столь давно Россіи принадлежитъ, что не совмѣстно объ ономъ и спорить.—Р.-Эф.: Если подробно и прилежно разсудите предложенія мои, то въ оныхъ двору вашему ни малѣйшаго предосужденія не сыщете.—О б р.: Многое и во всемъ. Ежели Порта удержитъ крымскія крѣпости, вольность націи татарской и всѣ пантожественнѣйшіе двора моего съ ними договоры тѣмъ же самымъ нарушены будутъ; чего ради и таковое предложеніе никакъ и ни подъ какимъ видомъ принято быть не можетъ. Возвращая Россія Портѣ Еникале и Керчу безъ всякаго сомнѣнія теряетъ ту границъ своихъ безопасность, которую она всегда удобовозможными средствами получить старалась; съ другой стороны никогда дворъ мой желаемымъ спокойствіемъ пользоваться не можетъ, пока останется въ рукахъ Порты или по крайней мѣрѣ не будетъ до основанія разорено гнѣздо всякихъ неустройствъ и безпорядковъ—Очаковъ. Такожде и всѣ бывшія съ Портою войны принуждаютъ двору моему искать средства, дабы между границъ обѣихъ имперій была положеніемъ пустая и никѣмъ не населенная земля.—Р.-Эф.: Россія, имѣя во владѣніи своемъ Азовъ и Таганрогъ, можетъ впредь обуздать татаръ; послѣ уступленія же Россіи, при свободномъ мореплаваніи, Еникале, Константинополь не тою славною вѣчно пребывающей Имперіи столицею именоваться уже можетъ, но градомъ смущенія и смятенія.— О б р.: Если вы имѣете подобныя опасности, Еникале излѣчить ихъ не можетъ; ибо онъ никакимъ образомъ въ проходѣ слѣдующимъ изъ Азова и Таганрога въ Черное море кораблямъ воспрепятствовать не можетъ.—Р.-Эф.: Великая разность! Нынѣ же больше всего намъ сохранить нужно народную тишину.—О б р.: Для сохраненія Бл. Порты въ подданномъ народѣ тишины, Россія ничѣмъ не обязана жертвовать. „Непристойно Россіи удерживать завоеванныя земли“: еслибы Бл. Порта завоеванія свои при всякомъ мира заключеніи возвращала, то и по сіе время была бы еще въ Азіи; но напротивъ того, пріобрѣтенное войною всегда удерживая, вступила и основалась въ Европѣ. Росс. имп. дворъ, послѣ толикихъ побѣдъ, послѣ войны такъ благополучной, удерживаетъ напумѣреннѣйшую часть завоеваній своихъ; не богатые и многолюдные города, не изобильныя провинціи онъ себѣ оставляетъ, но малую часть

пустой и безплодной земли и та еще отнимаетъ Бл. Порты честь и нарушаетъ ея безопасность. — Р.-Эф.: Россія ничего не теряетъ, получая себѣ мореплаваніе и удовлетвореніе...—О б р.: Я вамъ сообщить хочу двора моего у л ь т и м а т у м ъ. Россія возвращаетъ Портѣ завоеванія свои въ Архипелагѣ, Бессарабію съ городами Бендеры, Килія, Измаилъ, Аккерманъ и прочими; требуетъ въ замѣну отъ Порты городовъ Еникале, Керчи и Кильбурнъ; такожде конечнаго разоренія города и крѣпости Очаковской съ тѣмъ, чтобы земля, на которой онъ положеніе свое имѣетъ, причислена была къ землямъ отъ моря между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ къ границамъ польскимъ простирающимся и все пространство сей земли служили бъ барьерою между владѣній обѣихъ имперій, т.-е. рѣка Бугъ границею Россіи, а рѣка Днѣстръ — Портѣ; а притомъ и свободнаго на всѣхъ моряхъ кораблеплаванія. Россія отказалась отъ правъ завоеванія и собства къ татарамъ и признала ихъ совершенно вольными и независимыми, конечно требуетъ, чтобъ Порта отказалась отъ правъ своихъ къ татарамъ и признала бы ихъ вольными и независимыми; такожде утвердила бы всѣ тѣ земли и города, которые имъ Россія уже уступила; наконецъ уступаетъ Россія Портѣ на нѣкоторыхъ договорахъ и при справедливомъ удовлетвореніи два княжества, волоское и молдавское. — Р.-Эф.: Объясните мнѣ, какія имѣютъ быть кондиціи возвращенія двухъ княжествъ? — О б р.: Когда всѣ прочія матеріи постановятся, тогда и о семъ объяснено будетъ.— Р.-Эф.: Когда только вы упоминаете о удовлетвореніи, то могутъ найтиться въ немъ непреодолимыя препятствія, и къ чему жь другія матеріи постановлять? — О б р.: Нѣтъ тамъ ничего для Бл. Порты предосудительнаго, — безопасность сихъ народовъ и прочія тому подобныя вещи.—Р.-Эф.: Мы уже о важнѣйшихъ матеріяхъ говорили, для чего жь и сей не объявить?—О б р. обѣщалъ ему все касающее до того дѣла сообщить на письмѣ, послѣ чего Р.-Эф. говорилъ, что за излишнее почитаетъ повторять объявленный уже имъ ультиматумъ инструкцій своихъ, и что онъ ни малѣйшей власти не имѣетъ далѣе уступать.—О б р.: Я равно истощилъ всѣ данныя мнѣ инструкціею моею силы и намъ болѣе ничего не остается, какъ представить о томъ ко дворамъ нашимъ.—Р.-Эф. согласился съ этимъ.

Протоколъ 10 конференціи, 29 ноября 1772 г.

О б р. вручилъ турецкому послу отвѣтъ свой на полученную отъ него въ 9-й конференціи записку о духовной татарской отъ султана зависимости.

Тотъ образъ, который вы предлагаете основаніемъ вольности и независимости *mutatibus mutandis* есть точно тотъ же самый, который былъ прежде настоящей войны, исключая только добровольное и частое Бл. Портою сверженіе хановъ. Татары были народъ вольный и ханы, съ совѣтомъ своимъ и съ старшинами земли сей, располагали внутреннія дѣла ихъ, безъ малѣйшаго участія Порты. Чрезъ нѣкоторое время овладѣла Порта крымскими крѣпостями, введя въ оныя гарнизоны, кои татарскую націю въ подобострастіи содержали; а потомъ ввела такожде во многія присутственныя мѣста и судей отъ нея зависящихъ. Такимъ образомъ сдѣлалась она самовластною обла-

дательницею татарской націи, и хановъ, которые хотя и отъ благородной крови Чингисхановъ произошли, однакожъ часто бывали трактованы равно съ нашими и другими въ службѣ Порты находящимися. В. пр-во требуете, чтобы и нынѣ также татары по избраніи новаго хана представили *Arz Mazar*, т.-е. публичное челобитье султану, испрашивая отъ него апробацію и подтвержденіе избраннаго хана, чтобы всѣ *кади* или судьи опредѣлены были отъ Бл. Порты для произведенія суда, чтобы молили за султана въ пятницу и праздничные дни, яко за государя своего и чтобы всѣ крѣпости, какъ въ Крыму, такъ и въ Кубани, возвращены были Бл. Портѣ и прочее. Очевидно сей образъ требуемой татарской вольности тотъ же самый, который имѣли они прежде, исключая только сверженія хановъ и единую только тѣнь вольности къ избранію оныхъ, и татары симъ образомъ остались бы подъ тою же зависимостью и подобострастіемъ Бл. Порты, какъ и прежде были... Ежели Бл. Порта въ самомъ дѣлѣ намѣрена сдѣлать конецъ настоящей войнѣ и если не имѣетъ она никакихъ видовъ удержать татаръ подъ прежнею своею зависимостью и подобострастіемъ, то должна бы, кажется мнѣ, безъ малѣйшаго затрудненія согласиться съ моимъ дворомъ на планъ, предложенный мною въ отвѣтѣ, врученномъ в. пр-ству въ 6-мъ нашемъ засѣданіи и не требовать отъ двора моего вещей совсѣмъ съ достоинствомъ его и съ торжественными обязательствами его относительно татаръ не сходственныхъ... Но какъ в. пр-во въ 9-мъ нашемъ засѣданіи объявили мнѣ, что Порта, въ разсужденіи политическаго и гражданскаго состоянія, даетъ татарамъ полную вольность, а въ разсужденіи духовнаго должны они зависѣть нѣкоторымъ образомъ отъ его султ. в-ва, и требовали, чтобы при каждомъ избраніи хана были испрашиваны посредствомъ *Arz Mazar* апробація и подтвержденіе султана, то я, приближаясь сколько возможно, къ связи закона магометанскаго в. пр-вомъ упомянутой, согласился, чтобы какъ татары, по избраніи новаго хана, такъ и самъ ханъ почтенно обвѣстилъ о семъ его султ. в-ву, яко главѣ всѣхъ мусульманскихъ князей и яко калифу и защитнику священныхъ мѣстъ Мекки и Медины; а ея имп. в-ву, яко пограничной державы обладательницѣ, пріятельницѣ и въ ихъ вѣчной вольности и независимости ручательницѣ; къ сему присовокупляю нынѣ и то, что когда помянутые славные монархи на таковое обвѣщеніе соблаговолятъ сходственно съ достоинствомъ ихъ соотвѣтствовать, такъ какъ и посылать такіе подарки, кои щедрость ихъ имъ присовѣтуетъ, лишь только бы татары принять оные *захотѣли*, и ежели его султ. в-во, имѣя въ священной своей особѣ достоинство и свойства духовныя понтифу принадлежащія, захочетъ также удостоить ихъ своимъ благословеніемъ, сходственно съ догматами магометанскаго закона, то и въ оном росс. дворъ не причинитъ ни малаго препятствія, лишь бы только сдѣлано оное было съ согласія татаръ. Равнымъ образомъ росс. имп. дворъ не сдѣлаетъ ни малаго препятствія, когда татары захотятъ въ молитвахъ ихъ упоминать имя его вел-ва, яко главу князей мусульманскихъ и яко калифа и защитника Мекки и Медины; но обязаться въ семъ пунктѣ для двора моего есть дѣло совсѣмъ неприличное: какъ въ разсужденіи разнствія нашихъ законовъ; такъ по причинѣ вольности и

независимости татарской націи, торжественно уже имъ дарованной. Такимъ образомъ, долгъ татаръ къ духовной власти его султ. в-ва будетъ совершенно исполненъ. Что же надлежитъ до постановленія между татарами правосудія и требованія, чтобы судьи были оттоманскіе, надѣюсь, что в. пр-во сами признаетесь, что причина таковаго требованія не есть законъ, но особенная корысть кадіевъ или судей, которые чрезъ сіе будутъ лишены нѣкоторыхъ доходовъ, въ Крыму ими получаемыхъ; но его султ. в-во можетъ наградить ихъ другими мѣстами, не причиняя обиды національнымъ татарскимъ законодателямъ, прошу, чтобы ваше пр-во сами разсудили, какое было бы правосудіе, имѣя своихъ судей, быть принужденнымъ употреблять посторонніихъ? и какъ такая земля можетъ въ такомъ случаѣ считаться вольною и независимою, когда имѣніе и самая ихъ жизнь будетъ въ рукахъ у людей, отъ другаго государя зависящихъ?

Р.-эф. по прочтеніи сказалъ: превосходитъ сіе всѣ затрудненія, чинимыя Османъ-эфендію при Фокшанскомъ конгрессѣ и вмѣсто ожидаемаго уменьшенія трудностей, повидимому еще больше они умножаются. Вещь малая и никакого дальнаго разсмотрѣнія не требующая, дѣлается важною. Судей опредѣленіе подлинно по закону Портѣ принадлежать должно; но не судіи въ Крымъ посылаются къ произведенію правосудія, а дается только письменное хану дозволеніе опредѣлять ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ ихъ недостаетъ; кромѣ того, содержаніе піэсы сей явнымъ образомъ клонится, чтобы учинить татаръ непріятелями Портѣ. О б р: Дворъ мой единственно отъ Порты требуетъ равнаго своему вольности татарской признанія. Порта соглашается на политическую вольность и говоритъ, что въ разсужденіи закона не можетъ отрещись отъ духовнаго надъ татарами господствованія. Дворъ мой все возможное дѣлаетъ, чтобы согласить дѣло сіе въ пользу заключенія мира; но ежели Порта подъ видомъ вѣры желаетъ всегда держать татаръ въ зависимости, то по крайней мѣрѣ не я причиною буду тому, что впредь случиться можетъ.—Р.-эф.: Порта сонзволяетъ на вольность татарской націи въ такомъ образѣ, чтобы Россія тою же вольностію впредь ей вредить не могла.—О б р.: Въ предложеніяхъ вашихъ Порта ни подъ какимъ видомъ на вольность татарской націи не соглашается. Р.-эф: Когда говорится кому: ты воленъ, я впредь тебѣ ничего повелѣвать не могу,—мнѣ кажется, что симъ образомъ дается вольность. Не достаетъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Крыму судей и увѣдомляютъ о томъ Порту и она письменное дозволеніе посылаетъ опредѣлить оныхъ.—О б р: Кажется, что тотъ не отказался еще отъ господствованія, кто подобное въ какой ни есть землѣ дѣлаетъ руководство, требуя о всемъ увѣдомленія и давая притомъ на всякую вещь свое позволеніе.—Р.-эф: Въ отвѣтѣ вашемъ полагаете вы причиною нашего требованія прибыль, отъ того духовнымъ происходящую; нынѣ же, другое тому приписывая означеніе, умножатъ только затрудненія.—О б р: Я зналъ въ Константинополѣ людей, имѣющихъ въ своемъ вѣдомствѣ кадылыкъ или гражданское въ Крыму правленіе и увѣренъ былъ, что завсегда въ Крымъ отправлялись судьи изъ Константинополя; а впрочемъ не учился я закону магометанскаго, однакожъ мнѣ кажется, что дозволеніе объ опредѣленіи судей можетъ заключаться въ благослове-

ніи султанскомъ хану.—Р.-эф: Султанъ въ Крыму ни судейскихъ мѣстъ, ни доходовъ никому опредѣлять не будетъ, а дастъ только письменное дозволеніе объ опредѣленіи судей.—О б р: Всѣ сіи подробности, относящіяся къ исполненію вѣры вашей могутъ быть между Портою и татарами постановлены, ибо оныя мнѣ невнятны. А сказалъ я въ отвѣтѣ моемъ генерально, что если султанъ имѣетъ духовную власть, то дозволяется ему отъ Россіи хана благословить.—Р.-эф: Если здѣсь окончательнымъ образомъ сіе дѣло постановлено не будетъ, ханъ можетъ отказаться принять отъ султана таковое дозволеніе и Порта обязана будетъ принудить его къ тому оружіемъ; съ другой стороны Россія объявляетъ себя ручательницею вольности татарской. Сами видите всѣ отъ того могущія быть слѣдствія; на что же заключать такой миръ, которымъ ниже собственнаго спокойствія получить не можно.—О б р: Вы сказывали, что никогда татары не желали вольности и что принужденно они отдѣляются отъ Порты; потому сомнѣваться не должно, чтобы когда-нибудь они отказались принять султанское благословеніе. Р.-эф: То правда, что татары не желаютъ вольности; но ежели Порта заключитъ подобные договоры, то чрезъ то самое отвратитъ отъ себя татаръ.—О б р: Когда уже Россія заключила съ татарами трактаты и постановила всѣ къ тому касающіяся дѣла, сходствуетъ-ли съ достоинствомъ всякой державы новыя теперь и совсѣмъ противныя съ другою державою дѣлать распоряженія? Р.-эф: Я также могу показать какую-нибудь піесу и, утверждаясь на оной, сказать, что все уже сдѣлано и совершено.—О б р. (съ нѣкоторымъ возчувствованіемъ): Непристойно между нами употреблять таковыя выраженія. В. пр-во представляетъ здѣсь великую державу и я равно же великую державу имѣю честь представлять; имперіи наши возлагаютъ на насъ полную довѣренность; то и мы тѣмъ болѣе должны другъ другу вѣрить. Оригиналъ декларація татарской отправленъ ко двору моему, можетъ быть, что ко мнѣ его и пришлютъ; а въ копіи, отъ меня вамъ сообщенной, въ вѣрности подписался трактатъ заключившій полномочный россійской министръ.—Р.-эф: Я не сомнѣваюсь, чтобы оригиналъ во всемъ съ копіею не сходствовалъ, а говорю только что піеса сія принужденная.—О б р: 56 человѣкъ татарскихъ начальниковъ избрали между собою тѣхъ депутатовъ, которые на декларація подписались.—Р.-эф: Мнѣ всѣ крымскія дѣла очень извѣстны... Дѣло о татарахъ уже два года производится. Послѣ разрыва Фокшанскаго конгресса, когда разсудили возстановить негоціацію, то новыя и разныя о сей матеріи съ духовенствомъ были совѣщанія, многими образы дѣло превращаемо было и дошло наконецъ къ крайнѣйшей степени возможности законной, тогда назначенъ я посломъ и вслѣдствіе того снабденъ инструкціями, которыхъ въ дѣлѣ ультиматумъ я уже вамъ сообщилъ.—О б р: Россія соглашается на духовную зависимость, только бы ханъ ее принялъ; и непонятно мнѣ, чего болѣе Порта отъ Россіи требовать можетъ.—Р.-эф: Прочнаго и твердаго мира. Напримѣръ, въ піесѣ вашей написано, что „посылаемые отъ державъ подарки ханъ приметъ, когда пожелаетъ“. Извѣстно, что татары раздѣлены всегда между собою; противная таковымъ подаркамъ партія присоединитъ къ себѣ другія (ибо и то часто случается), подарки не будутъ приняты; я спрашиваю у васъ, что тогда остается дѣлать? О б р. Россія не по-

чтеть себѣ за обиду, если ханъ не приметъ отъ нея присланныхъ подарковъ; больше ихъ не будетъ посылать и тѣмъ кончится дѣло. Не можно также требовать отъ Россіи, чтобы она Портѣ обязалась въ принятіи татарами подарковъ ея; а самой Россіи ни малѣйшей нужды нѣтъ, примутъ-ли татары ея подарки или откажутся отъ оныхъ; потому что, давъ Россія цѣлую вольность и независимость, не можетъ уже пристойность и добрая вѣра обязательствъ ея дозволить напималѣйшее принужденіе въ ихъ поступкахъ.—Р.-эф. съ примѣтнымъ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что и Портѣ никакой нужды нѣтъ, приметъ ли ханъ ея регалы или отречется.—О б р: Когда въ трактатахъ дѣла глухо постановляются, то возможно послѣ изъ оныхъ дѣлать напостраннѣйшія заключенія.—Р.-эф: Я также не думаю, чтобы въ мирномъ трактатѣ должно было подробно объяснять дѣла съ поносительною для которой-либо стороны точностію. О б р: Въ мирномъ трактатѣ должно только ставить приличное и пристойное. Требованія Османъ-эфендія въ разсужденіи вольности татарской не такъ пространны, какъ ваши. Онъ, утверждаясь на томъ закона вашего завѣтѣ, что два мусульманскіе царя не могутъ царствовать въ одно время, не болѣе искалъ, какъ представленія отъ татаръ, отъ султана же подтвержденія, которое наконецъ онъ уже благословеніемъ называлъ; со всѣмъ тѣмъ и на то мы не соглашались... Никогда столько Османъ-эфендію не было уступаемо, сколько нынѣ въ сообщаемомъ теперь мною вамъ, яко ультиматумъ, письменномъ отвѣтѣ.—Р.-эф: Примемъ теперь въ разсужденіи о вольности татаръ двора Россійскаго ручательство; изъ всего, въ Польшѣ недавно приключившагося, ясно явствуетъ, коль со временемъ ручательство сіе имѣетъ быть предосудительно вольности татарской.—О б р: Таковое ручательство нужно, а не предосудительно татарамъ; та держава, которая, послѣ пріобрѣтенія ихъ себѣ (нѣтъ нужды, какими средствами; всякія употреблять война дозволяетъ), ради собственной своей безопасности, т.-е. дражайшаго народа своего интереса, даетъ имъ вольность,—та одна только держава свойственно имѣть будетъ наприлежнѣйшее радѣніе о сохраненіи оной.—Р.-эф: Въ вольности татарской Порта дошла уже до тѣхъ степеней, которыя наибольшую по возможности доставляютъ двору Россійскому безопасность; далѣе же поступить безъ собственнаго предосужденія Порта не можетъ.—О б р: Крайняя мѣра безопасности двора Россійскаго изъяснена въ піесахъ нынѣ и при седьмой конференціи, вамъ отъ меня сообщенныхъ. Такожде въ разсужденіи закона магометанскаго до сего всякая податливость оказана была; по если вы недовольны мнѣніемъ моимъ о судьяхъ, то отправимъ отъ себя парочныхъ въ Крымъ и оставимъ татарамъ окончательное дѣла сего рѣшеніе.—Р.-эф: Охотно бы я отправить согласился, еслибъ тамъ не было россійскихъ войскъ.—О б р: Войска оттуда выступятъ только по заключеніи мира... Р.-эф: Въ предлагаемыхъ отъ васъ вольности ихъ предѣлахъ видѣть можно или предбудущую татаръ зависимость отъ Россіи, или же напосимыя отъ нихъ впредь Портѣ предосужденія.—О б р. доказывалъ, что Россія не имѣетъ другаго намѣренія, какъ только доставить себѣ спокойствіе и безопасность... Порта, имѣя отъ себя зависящихъ въ Крыму судей, явно входитъ во внутренности правленія татарскаго, но я и на то соглашаюсь, только бы согласились татары.—Р.-эф: Только бы со-

гласились татары; а если они не захотятъ согласиться, то султанъ принужденъ будетъ объявить имъ войну. Сіе ли есть изъимать изъ средины причины войну производящія.—О б р: Въ такомъ случаѣ Россія обяжется употребить, только бы то не было предосудительно вольности татарской, дружелюбныя свои о соглашеніи обѣихъ сторонъ старанія; а болѣе ничего принять она на себя не можетъ.—Р.-эф: Порта можетъ быть къ вящему чести своей сохраненію сама не пожелаетъ дружелюбныхъ тѣхъ двора россійскаго стараній; а татарамъ объявить войну.—*О б р*: Вы уже очень много замышляете; прежде употребленія такъ крайняго средства, каково есть война, должно искать желаемое получить удобовозможными другими способами; но ежели намѣренія Порты имѣть войну съ татарами, то сыщетъ всегда она къ тому резоны.—Р.-эф: Напротивъ того, намѣренія Порты избѣжать всякой родъ безпокойствія съ татарами. О б р: Если оно такъ, то Порта и не обязана будетъ имѣть войну съ татарами за то, что она другими средствами получить можетъ. Я же въ дѣлахъ сихъ безъ упомянутой кондиціи обязываться не могу, чтобы не преступить заключенные съ ними трактаты.—Р.-эф: Ея имп. в-во совершила всѣ татарскія дѣла, отъ ея произволенія зависитъ рѣшить и сіи трудности.—О б р: Ея имп. в-во не можетъ ничего сдѣлать противурѣчащаго трактату, заключенному и ратификованному; еслибы прежде о семъ говорено было, то можетъ быть сыскались бы средства къ соглашенію и сего; а теперь вы видите и сами сколько руки связаны.—Р.-эф: Я не требую ничего, вопреки заключенному съ татарами трактату; оный признаетъ татаръ вольными и независимыми; Порта равномѣрно вольными же и независимыми татаръ признаетъ; но дѣло такъ ничего не значащее противу вольности татаръ, какъ дозволеніе объ опредѣленіи судей и прочія требуемыя Портою вещи не должны принести ей выраженія въ мирномъ трактатѣ честь ея нарушающія.—О б р: Дворъ мой касательно о судьяхъ совсѣмъ инаго былъ мнѣнія, полагая, что ихъ завсегда въ Крымъ изъ Константинополя посылаютъ; а нынѣ, когда вы мнѣ дѣло объяснили, то можно будетъ причислить сіе дозволеніе къ тому впредь даваемому ханамъ отъ султана благословенію. А въ мирный трактатъ уже не внесемъ той рѣчи, касающейся до подарковъ: *если татары согласны принять.* — Р.-эф: Кляпусь в. пр-ству, что я подлинно не знаю, судіи или только письменное дозволеніе отъ Порты въ Крымъ посылается, а предложилъ я средство сіе, чтобы споспѣшествовать дѣламъ.—Россійскій посолъ отвѣчалъ, что сказанное имъ совсѣмъ перемѣняетъ состояніе дѣла.—Р.-эф: Поелику мнѣ уставъ вѣры моей извѣстенъ, кажется, что такое дозволеніе можетъ удовлетворить законъ.—Обр. обѣщалъ, что когда дѣло на семъ основаніи постановлено будетъ, то исключится изъ мирнаго трактата та рѣчь, „если пожелаютъ татары“. Р.-эф: Прошу в. пр-во, если возможно, исключить изъ вашей піесы ту самую рѣчь и посолъ Россійской обѣщалъ то сдѣлать.

Въ *письмѣ* къ Панину № 6 отъ 1 декабря 1772 г., къ которому приложены протоколы 8-й, 9-й и 10-й конференцій, Обрѣсковъ говоритъ: „Изо всѣхъ оныхъ піесъ, м. г. мой, продолженіе всемил. ввѣренной мнѣ негоціаціи во всемъ пространствѣ усмотрѣть изволите. Я опасаюсь, что плодорѣчіе, а наиболѣе по малому успѣху онаго,—потому что за

всѣмъ опымъ по нынѣ отъ турецкаго посла инаго еще не вытянуто, какъ уступки Азова съ его уѣздомъ, Таганрога и уголка негодной земли между Бугомъ и Днѣпромъ лежащей, мореплаваніе на Черномъ морѣ весьма ограниченное, да глухое и ничего не значащее удовлетвореніе, во взаимство возвращенія всѣхъ сдѣланныхъ надъ ними завоеваній,—вамъ, м. г. моему, скуку нанесутъ; но съ превеличайшими барышниками и хитрецами инаго дѣлать нечего, ибо все должно бы сдѣлать по ихъ благоизобрѣтенію...

Изъ посылаемой копіи при протоколѣ десятой конференціи отвѣтовъ моихъ турецкому послу, въ оной конференціи врученныхъ, усмотрѣть изволите изъясненія мои о вольности и независимости татарской и явныя доказательства, что Порта подъ претекстомъ духовной султана власти, ищетъ татаръ въ прежней зависимости имѣть; такожде и соглашеніе мое на образъ инвеституры, подъ наименованіемъ благословенія, а вмѣсто регаловъ подарки; но какъ Евдокимъ Алексѣевичъ (Щербининъ) предувѣдомилъ меня, что татары сами отнюдь не хотятъ султанскаго ни подтвержденія, ни инвеституры, прибавилъ было говоря о подаркахъ: *ежели татары оные примутъ захотятъ*. Рейсъ-эфенди кромѣ дѣла, до судей касающагося, а наипаче помянутыхъ словъ, сколько примѣтить было можно, былъ доволенъ, и просилъ, чтобы оныя снова изъяты были, въ чемъ я его и удовольствовалъ; но вчерась, по обыкновенію ихъ, когда на малое въ чемъ подашься, то большаго требуютъ снисхожденія, присылалъ ко мнѣ объявить, что въ оной піесѣ находятъ еще нѣкоторые пассажи, съ достоинствомъ Порты не сходные. Я отвѣчалъ, что о семъ будемъ имѣть разсужденіе въ слѣдующей конференціи.— Стараюсь я, сколько силъ, способности и разумѣнія моего достаетъ, чтобы всемил. возложенное на меня дѣло къ высоч. Ея Имп. Вел. удовольствію и съ прочною для вѣрноподданныхъ ея выгодою къ счастливому окончанію привести; но я въ соглашеніи на инвеституру отъ султана ханамъ даваемую тѣмъ образомъ, какъ Порта требуетъ, согласиться удерживаюсь, предвидя почти съ цѣлою вѣроятностью, что татары въ такомъ случаѣ въ самое короткое время отъ Порты столько же зависимы будутъ, сколько и прежде, и затѣмъ-то я ограничиваю ее, сколько мнѣ можно.

Въ окончаніи 10-й конференціи, турецкій посолъ вручилъ мнѣ письма отъ гг. министровъ Зегелина и Тугута, отъ перваго 8 (19) ноября,—а отъ втораго отъ 15 (26), отъ котораго числа и другое отъ г. Зегелина имѣлъ..... изъ коихъ увидѣть изволите, что они отъ стороны высоч. нашего двора предъявили уже согласіе на даваніе Портою ханамъ инвеституры, безъ всякаго ограничиванія, такожъ и возвращеніе Бендеръ безъ замѣны Очакова и Кылбурна: послѣднее мнѣ большаго затрудненія не дѣлаетъ; сіе я могу замѣнить Бессарабіею, съ городами ея, о которой они не упоминали; а первое величайшее, я недоразумѣваю, какимъ образомъ поправить возмогу, потому что посолъ конечно при требованіи своемъ еще тверже настоять будетъ, а мнѣ въ семъ его удовольствовать, не что иное есть, какъ сдѣлать татаръ вольными въ одномъ только мнѣніи, а не дѣйствительно; а къ тому же и противурѣчитъ точно первому артикулу заключеннаго съ ними трактата; но ма-

лой мѣрѣ всеподданнѣйшая моя къ службѣ Ея Имр. Вел. ревность и усердіе такъ мнѣ сіе дѣло воображаютъ.

Письмо Зегелина отъ 8 (19) ноября Обрѣскову изъ Константинополя, M. Les depêches que V. Ex. m'a fait l'honneur de m'envoyer dernièrement de Pétersbourg et les instructions que j'y ai trouvées de la part de Son Ex. m-r le comte Panin me fournissent aujourd'hui la matière de vous faire part de mes démarches. M. de Thugut s'étant excusé d'y prendre part, sous prêtexte de n'avoir pas encore reçu les ordres de sa Cour sur cette affaire, et que par consequent il ne pouvait faire autre chose que de conseiller en termes généraux à la Porte de faire sa paix avec la Russie, en consequence je m'en suis acquitté seul, selon les instructions de S. Ex... Panin. Le Reis-eff. me fit là-dessus inviter à une conférence la nuit au 15 de ce mois, disant, qu'il voulait avoir un plus grand éclaircissement sur les sentimens de la Cour de Russie; car selon ma proposition, la Russie consentait, qu'après que les tatares seraient reconnus libres et indépendens, que le nouveau Chan, après son élection, pouvait demander l'investiture au sultan, que la Russie demandait en propre les forteresses de Ienicale et Karschu sur la Crimée, qu'elle renonçait à l'échange d'Oczakow et Kinborn contre Bender, qu'elle rendrait cette ville à la Porte et que moyenant laquelle avec Oczakow et Kinborn elle eut une barrière contre les tatares pour les brider, tout comme la Russie voulait avoir pour le même effet Ienikale et Karchi. Le R.-eff. désirait donc de savoir si la Russie ne lui rendrait par les forteresses dans le Boudziak, qui appartenaient en propre à la Porte et qui étaient du tems passé de la dépendence de la Moldavie, savoir—Akerman, Kilia et Ismail, comme aussi les forteresses sur la Crimée—Balaklava, Kaffa, Koslevé et Sudak, que les tatares n'avaient jamais eu en possession; mais que c'étaient de conquêtes que la Porte avait fait sur les Genois. Je lui répondais, que, pour autant que j'en étais instruit, la Russie voulait garder Ienikale et Karschu, et la Porte aurait Bender, Oczakow et Kinborn, afin que chaque Empire fût en état de brider les tatares, les autres villes devaient naturellement rester entre les mains des tatares. Il me disait là-dessus, que quoique les deux villes que la Russie demande, n'étaient pas d'une grande importance, cette affaire trouverait de grandes difficultés dans le divan, qu'il ne croyait pas que c'était proprement à cause de la sureté que la Russie les demandait à garder, mais plutôt pour avoir un port sur la Mer Noire et d'y construire avec le tems une flotte, il y aurait bien d'autres moyens par lesquels la Russie pouvait brider les tatares, et la Porte prendrait sur soi, que jamais les tatares n'entreprendraient rien contre elle. Je lui répondais, que puisque les tatares seraient declarés libres et indépendens, la Porte ne perdrait rien, parceque les deux villes en question appartenaient à la Crimée et il voudrait mieux les abandonner que de continuer une guerre malheureuse dans un tems où la Porte ne pouvait plus compter sur quelque secours étranger et qu'elle avait plutôt à craindre de s'attirer encore d'autres ennemis et qu'au lieu de deux misérables bicoques, elle pourrait bien perdre des provinces entières. Elle devait outre cela considérer, que si la paix ne se faisait pas à présent, il pourrait fort bien arriver, que la Russie fît transplanter tous

les habitants de la Moldavie et de la Wallachie dans l'Ukraïne, ruiner toutes le villes et villages et bruler les bois et faire de ces provinces un desert, se fortifier ensuite dans la Crimée et la garder comme une conquête, d'où il serait guerre possible à la Porte de les deloger si tôt. Le R.-eff. me répondit.... que l'affaire en question serait portée et considerée devant le conseil du sultan et dans son tems il m'en dirait le résultat. (Plainte de l'infraction de l'armistice par la ruine de Tschesmé et la menace de bombarder Chio à moins de payer 100 m. piastres de contribution, malgré l'assurance du maréchal, que quoique l'armistice soit fini avant qu'on l'aurait prolongé, on ne commettrait aucune hostilité ni par terre, ni par mer).

Deux jours après, savoir la nuit du 17, le R.-eff. me fit une autre fois inviter et me fit connaître, qu'après avoir rapporté au sultan tout ce qui s'était passé dans la conférence précedente et qu'on avait tenu conseil avec le mufti et ler ulemas, il était chargé de me requérir d'écrire au roi. Savoir que comme... la cour de Russie voulait bien consentir, que le nouveau Chan, après son élection reçut l'investiture du sultan et que par conséquent cette affaire ne s'accrochait qu'à un petit point, le sultan fit prièr S. M. le Roi.... de porter par ses bons offices la Cour de Russie à se desister de la possession de Ienikale et Karschu, puisqu'on trouverait bien d'autres moyens pour brider les tatares. Il reconnaissait... que la prétention de la Russie n'était qu'une bagatelle, mais qu'il ferait un grand bruit ici parmi le peuple. Les Ulemas faisaient des diffcultés de consentir, d'autant plus que Ienikale avait toujours été regardée comme la clef de la Mer Noire, qui avait toujours appartenue en propre à la Porte et où un pacha avait eu sa residence. Outre cela comme les tatares devaient être reconnus libres et independens, cette possession était par consequent tout à fait contraire à l'indépendence des tatares. En consequence le sultan se flattait, que S. M. le roi ne lui refuserait pas cette marque d'amitié, mais qu'elle emploierait tout son credit auprès de la cour de Russie pour réussir. (Zegelin promet d'en faire son rapport au roi, mais il n'a pas grande esperance, que S. M. reussirait dans cette affaire au gré du sultan, les argumens par lesquels on refusait la possession de Ienikale et de Karschu à la Russie lui paraissaient trop faibles, et comme elle avait toujours eu la fortune pendant la guerre de son côté, il était aussi bien juste, qu'à la paix elle eût quelque avantage). Le R.-eff. en convint et me dit, que le sultan donnerait ordre au gr. vizir d'instruir son ministre plénipontentiaire à Bouckareste afin de contenter la cour de Russie de toute manière et de conclure sur des conditions raisonnables une paix stable et durable.... Je lui fis connaitre là dessus que c'étaient là également les vrais sentimens de S. M. l'Imp-ce de Russie de vivre pour l'avenir en paix et en bonne intelligence avec la Porte, mais qu'il faudrait aussi que de son côté elle contribuât à parvenir à ce but si désirable; cependant je soupçonnais, que peut être quelques uns des ulemas avaient pris de fausses impressions par les insinuations de quelques ministres étrangers, qui leurs faisaient peut-être accroire une diversion étrangère en leur faveur et que pour cet effet ces messieurs faisaient tant de difficultés. Il me répondit là-dessus, qu'à la verité quelques uns se donnaient beaucoup de peine pour contrecarrer

l'ouvrage de la paix, mais que la Porte avait été si souvent trompée, qu'elle ne s'en mettrait plus en peine, et quoique la Suéde, selon le traité d'alliance qui subsistait encore, aurait dû secourir la Porte, mais comme depuis quatre ans elle n'avait rien fait, la Porte... n'avait pas grand' chose à espérer... Je le confirmais parfaitement dans cette idée, ajoutant, qu'aussi longtems que l'alliance... entre ma cour, la Russie et le Dannemark pour la tranquilité du Nord durerait, la Suède aurait les mains liées et la Porte ne pouvait se promettre rien d'avantageux de la part de cette couronne, malgré toutes les fausses insinuations, qu'on pourrait lui faire sur cette matière, et que par consequent la Porte ne saurait faire rien de plus heureux pour son empire, que de conclure la paix avec la Russie au plutôt que possible. Il me communiqua ensuite que... l'armistice était prolongé jusqu'à l'equinoxe du printemps....

Notre conférence finit ici et j'y puis ajouter en peu de mots, que lorsque je considère le langage actuel de la Porte avec celui d'auparavant, j'ai lieu de croire, qu'elle est serieusement inclinée de faire la paix... (Zegelin accuse reception de la lettre d'Obreskow du 30 d'octobre 10 de novembre)... Ne doutez pas de mon zèle et de ma diligence à coopérer de tout mon pouvoir pour faciliter les negociations actuelles; j'en ai déjà reçu les ordres du roi et j'espère que le bon Dieu bénira nos travaux mutuels pour parvenir à une heureuse conclusion. J'espère que vous serez content du nouveau plenipotentiaire, s'il n'est pas tant orateur que l'autre au moins sera-t-il plus sincère et plus facile à traiter avec lui, de mon côté je ne puis que de me louer du Reis-effendi qui parait maintenant très bien intentioné pour la conclusion de la paix.

Изъ письма Зегелина отъ 15 (26) ноября. „... Dans un couple de jours le courrier de Vienne doit arriver, par lequel m-r Thugut peut recevoir des ordres sur la proposition en question selon ma precédente lettre du 19, et comme je ne doute pas qu'il m'en donnera connaissance, je me joindrai à lui pour la faire goûter à la Porte, qui peut-être dans le fond est déjà résolue de l'accepter, quoiqu'elle en fait encore un mistère dans l'espérance, que de votre côté on s'en désistera. L'on m'a fait entendre, que pour ce qui regarde le commerce sur la Mer-Noire, et le dedomagement en argent, la Porte vous donnera toute la satisfaction possible... Le courrier de Vienne a porté à m-r Thugut la même proposition en question et il s'en est acquitté hier à la Porte, qui lui a fait la même reponse qu'à moi, et Ismail-bey s'est rapporté à tout ce qu'il m'a dit à cette occasion; cependant m-r Thugut a eu cette nuit conférence sur cette affaire avec le Reis-eff., mais je ne l'ai pas encore vu depuis. S. M. le roi m'ordonne en même tems de faire tout mon possible pour faciliter les négociations actuelles afin que la paix soit conclue, et je ne négligerés rien pour parvenir à ce bût.

Письмо Тугута отъ 26 ноября: „... mes regrets sur les dispositions peu favorables de la Porte à l'égard de la cession de Ienikalé et de Kerche. Je m'abstiens m-r d'entrer... en détail sur cette matière, parceque... vous devez déjà être pleinement informé de tout ce qui y est relatif par M. de Zegelin, qui a jugé devoir entamer cet objet d'après les lettres, qu'il avait reçues de m-r le c-te de Solms, avant qu'aucune indica-

tion de votre part ou de celle de M. le p-ce de Lobkowitz m'eut encore autorisé à parlez de cette proposition. Les dernières instructions de Vienne m'ayant depuis fait connaitre les intentions de votre cour, il ne me restait plus que d'ajouter d'iteratives représentations à celles que le ministre de S. M. Prussienne avait déjà faites, mais j'eus le chagrin de rencontrer la même opposition dans le ministère de la Porte, qui n'a cessé de se réferer â sa reponse, donnée déjà préalablement à m-r de Zegelin, et aux motifs, qui lui avaient été allégués snr l'impossibilité, où le Gr. Seign-r prétend être de ceder des places regardées comme la clé de cette capitale. Je souhaite bien sincèrement que V. E. puisse trouver quelque moyen de surmonter vis-à-vis le plénipotentiaire de la Porte les obstacles qu'on fait envisager jusqu'à présent, mais je ne saurais vous cacher les craintes, que le ton positif, qu'on a pris ici à ce sujet, m'inspire.

Депеша Обрѣскова Панину № 7 отъ 8 декабря 1772. При ней протоколы 11-й и 12-й конференцій, съ приложеніями.

Протоколъ 11-й конференціи 3 декабря 1772. Обр. предложилъ вопросъ о территоріальныхъ уступкахъ и о Еникале и Керчи. Р.-эф., ссылаясь на необходимость имѣть для Порты безопасность, требовалъ возвращенія Россіею всѣхъ крѣпостей въ Крыму „иначе Порта не можетъ быть удовлетворенною ни о должномъ въ разсужденіи закона отъ татаръ къ себѣ послушаніи, ниже о безопасности отъ ихъ своевольствъ“.—Обр: „Каждый ищетъ своего спокойствія и безопасности, но будучи въ надеждѣ обрѣсти ихъ, или страшась лишиться сихъ благъ, не надлежитъ основываться на тщетныхъ разсужденіяхъ, должно вѣрить только опытамъ прежнихъ временъ и доказательствамъ такъ сказать осязательнымъ, ибо они извлечены изъ самаго дѣлъ естества“. Татары никогда, ни во время ихъ независимости, ни послѣ не причиняли ей ни малѣйшаго вреда; все это, и взаимное мѣстоположеніе вящше доказываетъ, какъ мало Портѣ должно опасаться татаръ. Напротивъ Россія,—тяжкія и безпрестанныя чрезъ нѣсколько вѣковъ обиды, нападенія, убытки и причиняемыя войны принуждаютъ ее нынѣ употребить всевозможное стараніе къ доставленію себѣ нужнаго покоя. Граница съ большею частью татарскихъ земель, Россія имѣетъ справедливыя причины опасаться, и нѣтъ иного средства защиты отъ ихъ набѣговъ, какъ имѣть въ границахъ ихъ какую-либо крѣпость, поэтому ей нужны Еникале и Керча, а положеніе ихъ почти внѣ Крыма можетъ служить доказательствомъ, что Россія помышлаетъ лишь о защищеніи своихъ границъ, а не о господствованіи надъ татарами.—Р.-эф: „Россія имѣла Азовъ и Таганрогъ и, укрѣпивъ границы Новой Сербіи, можетъ совершенно обезопаситься отъ татаръ.“Въ Константинополѣ постановлено, чтобъ въ случаѣ разрѣшенія Россіи мореплаванія, удержать крѣпости; если Еникале и Керчъ, оставшись за Россіею, не причинятъ татарской вольносеи никакого предосужденія, то и крымскія крѣпости не причинятъ его оставшись за Портою.—Обр: Невѣроятно, чтобъ та самая держава, которая единственно ради собственной своей безопасности дастъ татарамъ вольность, помышляла бы отнять оную; подобныя сумнѣнія неосновательны. Напротивъ того, очень вѣроятно, что та дер-

жава, которая толь неохотно соглашается на сію вольность, что не престаетъ прицѣпливаться къ опой и имѣетъ съ татарами многія корреспонденціи, сохраняетъ себѣ въ Крыму партизановъ и предоставляетъ себѣ духовное господство надъ ханомъ и судьями крымскими, помышляетъ при первой оказіи или когда Россія занята будетъ постороннею какою войною, или же въ другомъ какомъ-либо способномъ для себя обстоятельствѣ вновь пріобрѣсть права столь великимъ трудомъ нынѣ уступаемыя. Порта, имѣя въ Крыму духовную власть, оставляетъ для себя съ татарами крѣпчайшій узелъ дружбы. По справедливости должно и Россіи равно твердое дружбы своей съ татарами имѣть основаніе; духовнымъ образомъ привязать ихъ къ себѣ, какъ Порта, не можетъ, то привязываетъ политическимъ, т. е. ручательствомъ и удержаніемъ крѣпостей.—Р.-эф: Всякій трактатъ утверждается на взаимной контрактующихъ въ постановляемыхъ между ими договорахъ полной довѣренности. Въ сихъ торжественныхъ и священныхъ договорахъ Порта обѣщаетъ никогда не мѣшаться въ татарскія политическія дѣла и никогда ничего не предпринимать противу вольности ихъ; таковымъ обѣщаніемъ Россія можетъ быть довольна; съ другой же стороны тѣ крѣпости наградятъ Порту за дозволяемое Россіи мореплаваніе и коммерцію: ибо извѣстно то, что Портѣ въ нихъ нужды нѣтъ.—О б р: Въ мирныхъ трактатахъ обѣ стороны равную должны имѣть довѣренность. Россія же обѣщала не только татарамъ, но и всему свѣту сохранять и защищать ихъ вольность, такожде не входить ни въ политическія, ниже въ правленія ихъ дѣла; тоже самое обѣщаетъ нынѣ и Портѣ, которая по всякой справедливости должна имѣть въ обѣщаніяхъ ея такую довѣренность, какой она себѣ требуетъ отъ Россіи. Чтожъ до мореплаванія и коммерціи касается, то оное безъ Епикале никакого уваженія не стоитъ.—Р.-Эф.: Для коммерціи можно сыскать и другія равно способныя мѣста. Сколь многія державы производятъ коммерцію во владѣніяхъ Оттоманскихъ! Славныя въ Средиземномъ морѣ пристани можно почти сказать, что принадлежатъ всѣмъ тѣмъ, которые туда приплываютъ. Равнымъ образомъ опредѣлены будутъ въ Черномъ морѣ города съ пристанями, въ которыя суда россійскія свободно приходить могутъ.—О б р.: Я спрашиваю, гдѣ россійскія суда будутъ оставаться?—Хоть и въ Константинополѣ, отвѣчалъ Р.-Эф.—О б р.: Всѣ чужестранные корабли, которые плаваютъ по морямъ и входятъ въ пристани Бл. Порты, имѣютъ свое отечество или мѣсто ихъ пребыванія, гдѣ ихъ строятъ, откудова они отъѣзжаютъ; гдѣ быть таковому мѣсту для Россіи?—Р.-Эф.: И мѣсто сіе сыщемъ, напр. то, которое я вамъ показывалъ на ландкартѣ выше очаковскаго устья.—*Росс. Посолъ* отвѣчалъ, что здѣсь нагруженнымъ судамъ проходить не можно.—*Р.-Эф.:* сказывалъ, что можно перевозить товары сухимъ путемъ или въ лодкахъ до того мѣста, гдѣ пагружать большія суда можно будетъ.—О б р.: Повидимому в. п-рву неизвѣстны тѣ мѣста; каково же то мореплаваніе, когда Россія не будетъ имѣть ниже одной гавани, въ которой бы суда ея безопасно приставать могли?—Р.-Эф.: Такъ когда у Россіи нѣтъ такого мѣста, то слѣдуетъ ли отнимать чужое?—О б р.: Войною, тѣмъ больше справедливою, что предпринята оная была ради собственной своей обороны, Россія уже тѣми мѣстами завладѣла, гдѣ не только суда ея

приставать могутъ, но еще и утверждается ея безопасность.—Р.-Эф.: Не моя вина, если Россія не пріемлетъ ни средствъ къ безопасности, ни способовъ къ коммерціи для ея авантажныхъ, доставляемыхъ ей по силѣ возможности Бл. Порты.—Обр.: Въ средствахъ отъ в. пре-ва предлагаемыхъ нѣтъ безопасности для Россіи, нѣтъ вольности для татаръ и нѣтъ мореплаванія и коммерціи; хотя сіи послѣднія требованія суть совсѣмъ другаго рода и недолжны быть утверждаемы ни на какомъ воздаяніи. Море всѣмъ должно быть свободное, коммерція полезная; Бѣлградскій же трактатъ, лишившій противъ всякаго права Россію, мореплаванія, настоящею войною былъ уничтоженъ.—Р. Эф.: Правда, что настоящая война уничтожила бывшій между двумя имперіями трактатъ; для того, постановляя другой, должно намъ стараться заключить его безъ предосужденія контрактующихъ.... Есть ли какое нибудь вашему Двору предосужденіе, когда во владѣніи Бл. Порты останутся крымскія крѣпости?—Обр.: Крымскія крѣпости во владеніи Бл. Порты несравненно больше предосуждаютъ Россію, нежели Еникале и Керча, будучи во владеніи россійскомъ, могутъ предосуждать Порту.—Р.-Эф.: Всякая держава паибольше старается о безопасности столицы своей, ваше же пр-во не уважаете, что изъ Еникале въ Константинополь съ однимъ парусомъ пріѣхать можно; а Россія требуетъ еще, чтобъ всѣ крѣпости крымскія оставила Порта.—Обр.: Одинъ Константинопольскій каналъ стоитъ двухъ сотъ часовъ дороги. Не съ тѣмъ миръ заключается, чтобы опять начинать войну; но положимъ, что сіе несчастіе паки когда нибудь случится,—Кѣфа и прочія крымскія крѣпости не воспрещаютъ ни выходить кораблямъ изъ Еникале, ни плавать по Черному морю...—Р.-Эф.: Положимъ, что миръ сей, имѣя добрыя основанія, вѣчно продолжаться будетъ, въ такомъ случаѣ въ уступкѣ сей крѣпости не было бы вящихъ предосужденій; положимъ, что въ самомъ дѣлѣ не былобъ никакихъ, одно причиняемое такою уступкою въ народѣ безпокойство почитать должно за тяжкое зло, и сего то избѣгнуть никакъ не можно; *а какъ Россійскій Посолъ доказывалъ,* коль невѣроятно то, чтобы такъ маленькое мѣстечко могло бы привесть въ смущеніе цѣлую оттоманскую имперію; Р.-Эф. тотчасъ сказалъ: во всякомъ государствѣ есть министры и народъ, который не понимаетъ резоновъ.—Обр.: Султанъ яко самовластный Государь, подавъ знать народамъ своимъ, что онъ, желая пощадить кровь подданныхъ своихъ, сохранить духовное надъ татарами господствованіе и возвратить во владѣніе свое многія провинціи и города, взятые Россіею во время войны, жертвовалъ Еникеле и Керчу, которыя не большія уже угрожающія столицу суть крѣпости, но маленькіе замки, лежащіе по ту сторону крымскаго прохода, получитъ отъ подданныхъ своихъ благословеніе. Напротивъ того, если заключится миръ по силѣ предложеній вашихъ, что скажетъ народъ россійской? Когда читая мирные договоры, сыщетъ въ артикулѣ о вольности татаръ (не имѣя довольнаго разсужденія, чтобы различить духовное отъ политическаго), что ханъ татарскій имѣетъ быть подтверждаемъ отъ султана, что земскіе судьи имѣютъ быть въ Крыму съ дозволенія Порты опредѣляемы и что во владѣніи Порты остаются всѣ въ Крыму и на Кубани крѣпости, къ сему жъ, когда спроситъ; послѣ

войны такъ благополучной и завоеванія толикихъ земель, какія провинціи достались Россіи? и покажутъ ему тотъ кусокъ опустѣлой и безплодной земли, который вы уступаете Россіи, вмѣстѣ съ коммерціею и кораблеплаваніемъ безъ гаваней и безъ пристанища. Я теперь спрашиваю, чей народъ, россійской ли или турецкой большіе резоны къ негодованію имѣть будетъ? Нѣтъ, не могутъ быть предложенія умѣреннѣе тѣхъ, которыя дворъ мой дѣлаетъ. Ежели оныя не будутъ приняты, то по крайней мѣрѣ никто не почтетъ его причиною впредь продолжающейся волны.—Р.-Эф.: В. пр-во не считаете, что Россія удерживаетъ Азовъ, Таганрогъ, и что отдѣляетъ отъ Порты 300.000 татаръ. Когда я предлагалъ удовлетвореніе, то отвѣчали вы мнѣ, что Россіи нѣтъ нужды въ деньгахъ. Неужели почитаете в. пр-во Порту въ такой крайности, чтобъ принуждена она была принимать всѣ предлагаемыя ей кондиціи....

Конференція окончилась споромъ объ относительной важности обоюдныхъ уступокъ.

Письмо Обрѣскова къ гр. Панину отъ 15-го Декабря 1772 года.

При семъ имѣю честь послать протоколы двухъ конференцій, держанныхъ 10-го и 13-го сего декабря, изъ которыхъ в. с-во во всей подробности усмотрѣть изволите о всемъ вновь говореномъ, а наипаче по дѣлу Еникаля и Керчи. Сей пунктъ теперь есть одинъ изъ тѣхъ, который дѣлаетъ успѣхъ мирной негоціаціи сумнительнымъ. Я, употребя все то, что въ силахъ моихъ быть могло къ приведенію турецкаго посла въ согласіе; но не предуспѣя, принялъ только на простое допущеніе, не обѣщая ничего и ничѣмъ не компрометируясь, зная важность сего пункта, потому что ежели оныя во владѣніи ея имп. вел.-ва не останутся, то все теперь о вольности и независимости татарской постановляемое, будетъ не прочное, но само-маловременное, что я многократно въ доводахъ моихъ о необходимой въ оныхъ высоч. нашему двору надобности, и турецкому послу предъявлялъ. Резоны и съ его стороны такожъ не неважны, и между прочимъ онъ говоритъ: 1-е, что оставленіе оныхъ мѣстъ высоч. нашему двору и дозволеніе неограниченнаго мореплаванія для всякаго рода судовъ по Черному морю для Порты совсѣмъ невозможное, и 2-е, что ежелибъ Порта въ замѣну Еникаля для собственной своей безопасности въ тѣхъ мѣстахъ какую нибудь крѣпость имѣть могла, то бы конечно оную Еникаль оставить никакого затрудненія не сдѣлала. В. с-ву извѣстна черта мнѣ предположенная, изъ которой я выступить не могу, слѣдственно и не въ силахъ моихъ ни кораблеплаваніе ограничить, ниже подать согласіе на удержаніе Портою какой нибудь въ Крыму другой лежащей крѣпости или города съ пристанью, однакоже, сколько кажется, нѣкоторое ограниченіе одного или дозволеніе другаго можетъ споспѣшествовать къ развязанію узла въ теперешней трудности. Я самъ понимаю, что напримѣръ исключеніе отъ плаванія по Черному морю военныхъ кораблей будетъ имѣть разныя предосудительныя слѣдствія, а предоставленіе Портѣ способности имѣть ногу въ Крыму еще и того предосудительнѣе быть можетъ; почему все сіе предаю мудрому в. с-ва разсмотрѣнію и какія вамъ, м. г. мой, угодно будетъ послать мнѣ наста-

вленія, я оныя точно въ дѣйство употребить не премину. До полученія же оныхъ положили мы приводить въ должный порядокъ прочіе артикулы между нами отчасти уже оговоренные, что дѣлать и начнемъ въ будущую 15-ю конференцію....

Не удивитеся, м. г. мой, что я по сіе время не говорю о количествѣ удовлетворенія, о кондиціяхъ, на которыхъ княжества Молдавское и Волошское возвращены быть имѣютъ; и о возвратѣ въ отечество части флота въ Архипелагѣ находящагося, мимо Константинополя чрезъ Черное море; я все сіе отлагаю: 1-е въ ожиданіи какъ важнѣйшія дѣла, а наипаче Еникальское съ Керчею рѣшатся; 2-е по опасности безвременнаго въ здѣшнихъ мѣстахъ разглашенія и приведенія жителей въ возмущеніе, что иногда можетъ быть предосудительно и для выгоды зимующей арміи; а 3-е, предвидя, что согласіе Порты на вольное кораблеплаваніе безсомнѣнно сдѣлалобъ весьма труднѣйшимъ; но когда кораблеплаваніе и коммерція порядочно постановятся и Всевышній ниспошлетъ свое милосердіе на приведеніе сего дѣла къ совершенному окончанію, то по размѣнѣ ратификацій можно будетъ того потребовать въ силу артикула мирнаго трактата о кораблеплаваніи постановленнаго, отъчего конечно Порта уже тогда и уклониться не возможетъ.

Протоколъ 13-й конференціи 10-го декабря 1772 г.

Р.-Эф. объясняетъ, что онъ не ищетъ препятствій, но желалъ бы узнать тѣ резоны, которые ему слѣдуетъ представить Портѣ въ подкрѣпленіе требованій Императрицы. „Спачала Бл. Порта неохотно взирала на требованіе росс. дворомъ свободнаго кораблеплаванія и съ трудомъ рѣшилась дозволить оное единственно въ Черномъ морѣ для нѣкотораго только числа купеческихъ безъ всякаго оружія и военнаго снаряда судовъ, а притомъ и для пристанища ихъ опредѣля въ постановляемомъ мирномъ трактатѣ нѣкоторыя только пристани; въ семъ разумѣ имѣлъ я первыя мои инструкціи и сходственно съ оными отвѣчалъ на требованія ваши. Но послѣ оныя представивъ ко двору моему обще съ резонами, на которыхъ вы утверждаете, а притомъ и предложивъ собственныя мои разсужденія.... получилъ нынѣ отъ султана резолюцію дозволить свободное кораблеплаваніе въ Бѣломъ морѣ однимъ только купеческимъ судамъ съ потребными пушками и военными снарядами къ защищенію себя отъ случающихся въ тѣхъ моряхъ разбойниковъ, такъ какъ поступаютъ и всѣ прочія націи.—О б р.: Всѣ прочія націи имѣютъ свободу посылать въ тѣ моря и военные корабли.—Р.-Эф.: Военные корабли съ товарами не приходятъ.—О б р.: Обыкновенно посылаются военные корабли для безопасности и препровожденія купеческихъ судовъ, которые желая сохранить хозяйскіе интересы, никакъ не могутъ имѣть довольнаго числа людей и военныхъ снарядовъ къ собственной своей оборонѣ отъ нечаянныхъ разбойническихъ нападеній; также и во время посторонней войны между морскими европейскими державами купеческимъ судамъ нужны военные корабли для ихъ предохраненія.—Р.-Эф.: Я и о семъ не премину представить, и думаю, что когда нужда того потребуетъ, можно будетъ и военные корабли посылать.—О б р.: Безъ надобности никто военныхъ

кораблей въ море не посылаетъ, но таковыя выраженія въ мирномъ трактатѣ, гдѣ болѣе всего должно сохранять благопристойность контрактующихъ державъ предосуждаютъ честь; лучше совсѣмъ отъ мореплаванія и коммерціи отказаться, нежели имѣть оныя на подобныхъ кондиціяхъ. Какая другая держава, считая великія и самыя меньшія, подвергаётся у Порты таковымъ сжиманіямъ? ничего исключительнаго въ мореплаваніи Россія не требуетъ; для чего-же налагать на нее тѣ тягости, отъ которыхъ увольняются самыя меньшія въ Европѣ націи?—Р.-Эф.: Многія вещи дозволяются малымъ, которыя не можно дозволить большимъ.—О б р.: Всѣмъ генерально державамъ дозволяется сіе отъ Порты; Датское королевство напр. не имѣетъ коммерціи въ Средиз. морѣ на 6.000 рублевъ, однакожъ военные датскіе корабли приходятъ даже въ самой Константинополь; желая утвердить дружбу мирнымъ трактатомъ, не должно преисполнять оной исключеніями и сжиманіями, которыя служатъ только ко умноженію сомнѣній и споровъ и къ продолженію вѣчной между кабинетами войны.—Р.-Эф.: Однакожъ всякое дѣло требуетъ нѣкотораго распоряженія; положимъ, что Россія, имѣвъ кораблеплаваніе совершенно свободное для всякаго рода судовъ въ мирное время, 300 россійскихъ военныхъ кораблей войдутъ въ Константинопольской каналъ, безъ сумненія никакого Портѣ отъ того не можетъ быть предосужденія; однакожъ причинитъ безпокойствіе, когда впредь наступитъ военное время. Въ Черномъ морѣ какъ разбойниковъ, такъ и посторонней войны нѣтъ мѣста опасаться, для того въ семъ морѣ могутъ плавать, не имѣя пушекъ и военныхъ снарядовъ всякой величины суда, и постановленіе сіе ни въ чемъ не противится свободному мореплаванію.—О б р.: Правда, что хотя въ Черномъ морѣ разбойниковъ и посторонней войны несовмѣстно опасаться, но каждой корабль, которой слѣдуетъ въ Бѣлое море долженъ быть вооруженъ, да и для ради одной салютаціи надобны необходимо пушки.—Р.-Эф.: Не можно ли постановить сіе так. обр., чтобы одни корабли плавали въ Бѣломъ морѣ, а другіе въ Черномъ, и приходя въ Константинополь, тамъ перегружали бы товары?—О б р.: Таковымъ постановленіемъ открыли бы путь всякаго рода затрудненіямъ и помѣшательствамъ; разсудите, в. пр.-ство, какіе убытки причиняетъ партикулярнымъ людямъ та перегрузка товаровъ, и колькимъ привязкамъ подвергаются купцы; слѣд. сколько жалобъ и неудовольствій съ одной и другой стороны. Подобная товаровъ перегрузка никоимъ образомъ не совмѣстна съ коммерціею, ибо раззоряетъ основаніе оной, которое ничто иное есть, какъ польза партикулярныхъ людей. Обыкновенно каждый корабль нагружается товарами къ разнымъ пристанямъ, и во всякомъ оставляетъ принадлежащіе къ опому мѣсту товары, а по развозѣ оныхъ паки таковымъ-же порядкомъ при обратномъ своемъ пути нагружается.—Р.-Эф.: Сколько понынѣ я могъ, старался споспѣшествовать постановленію мира, но такъ совершенно свободное мореплаваніе, какъ в. пр-во онаго требуете съ уступкою Еникале совсѣмъ противно интересамъ Бл. Порты и разрушаетъ мира основаніе. Крѣпость Еникале отъ Порты построена и такъ мало принадлежитъ татарамъ, что ханъ ихъ не могъ туда въѣхать, не имѣя дозволенія отъ Порты.—О б р. возражаетъ, что Россія ничѣмъ принадлежащимъ татарамъ завладѣть не желаетъ и возвра-

тила имъ всѣ земли, которыми они владѣли до войны, и удерживаетъ крѣпости изъ завоеванныхъ областей принадлежащихъ Портѣ, при чемъ уступаемыя ею за эти крѣпости завоеванія несравненно больше. Притомъ для безопасности Россіи и для удержанія принятой ею гарантіи, а также для безопасности татаръ, эти крѣпости необходимы. — Р.-Эф.: Россія имѣетъ въ тѣхъ странахъ другія крѣпости и мѣсто къ строенію новыхъ, посредствомъ которыхъ довольно себя и татаръ обезопасить можетъ. Каждая держава ищетъ во-первыхъ безопасности собственной ея столицы, которой Константинополь безъ всякаго сумненія лишается, ежели Россіи при такъ вольномъ мореплаваніи достанется крѣп. Еникале. Когда бы Бл. Порта имѣла другую какую-либо крѣпость въ тѣхъ странахъ, или мѣсто къ построенію новой, тобъ я никакого не учинилъ затрудненія уступить Россіи Еникале и Керчу.—О б р. доказываетъ, что для безопасности Россіи недостаточно Азова и Таганрога и что не въ его власти отказаться отъ Керчи и Еникале, и продолжаетъ: „о вольности татаръ согласились съ тѣмъ договоромъ, чтобы каждая держава сохранила тамъ нѣкакую власть; на сей-то кондиціи дозволяетъ Россія Портѣ требуемую отъ оной духовную надъ татарами власть; по всякой справедливости должно и ей самой имѣть въ земляхъ татарскихъ равномѣрную власть“, а чѣмъ другимъ, кромѣ крѣпостей можетъ Россія уравнять духовную султанскую власть надъ татарами, которая, вслѣдствіе предоставляемаго султану духовнаго верховенства надъ ханомъ и нѣкотораго сношенія земскихъ татарскихъ судей съ турецкимъ духовенствомъ, очень велика. — Р.-Эф.:Порта не требуетъ и не желаетъ умножать власть свою надъ татарами; ищетъ только своей безопасности отъ Россіи.—О б р.: В. пр-во говорите нынѣ о Портѣ, перемѣнимъ только мѣста, и когда вы на моемъ будете, то тѣ-же самые сыщете резоны со стороны Россіи.... Положимъ, что по какой либо причинѣ Порта вздумаетъ атаковать татаръ, станетъ дѣлать приготовленія, разглашая, что оныя чинятся противъ другой какой державы... когда-же все готово,... въ 48 часовъ турецкой флотъ можетъ прибыть въ Крымъ, гдѣ имѣя уже духовную.... власть, а притомъ и крѣпости, покоритъ по прежнему себѣ татаръ прежде, нежели Росс. дворъ о таковомъ предпріятіи вѣдомость получитъ.... Сему Еникале будучи въ рукахъ Россіи много воспрепятствовалъ-бы,—кромѣ вѣдомостей, которыя оттуда скорѣе получить можно, татары противные Портѣ натурально болѣе довѣренности, а согласные ей болѣе опасности имѣть будутъ, и первые, укрывшись въ крѣпость, при помощи тамошняго гарнизона возмогутъ долговременнѣе противиться и дать время Россіи надлежащимъ образомъ споспѣшествовать имъ“.—Р.-Эф. допуская возможность этого, повторяетъ, что у Россіи въ тѣхъ странахъ есть Азовъ и Таганрогъ, которые равнымъ образомъ служить ей могутъ; а у Порты такого мѣста, которое могло бы замѣнить Еникале нѣтъ, и еслибъ имѣла напротивъ Еникале другую какую крѣпость или мѣсто къ построенію новой, то бы онъ охотно уступилъ сію Россіи. Оба посла настаиваютъ на необходимости для своихъ государствъ безопасности, и каждый обусловливаетъ ее владѣніемъ Еникале. Кромѣ того О б р. доказываетъ, что „мореплаваніе и коммерція безъ Еникале мѣста имѣть не могутъ, ибо Азовъ и Таганрогъ столько же способны

для строенія кораблей, сколько для доставленія безопасности Россіи. Р.-Эф.: Я уже говорилъ, что въ лодкахъ можно товары перевозить въ тѣ мѣста, гдѣ оныя на большія суда нагружать можно.— Обр.: Да гдѣ содержать большія суда? Р.-Эф.: отвѣчалъ—въ Керчи. Обр. представлялъ коль невозможнымъ дѣломъ есть содержать флотъ свой въ чужой землѣ.—Р.-Эф: Россія можетъ посылать чрезъ Средиземное въ Черное море свои корабли.—Обр.: Ландкарта вамъ докажетъ что и сіе изобрѣтеніе не можетъ производимо быть въ дѣйствіе". Въ заключеніе за отказомъ Обрѣскова допустить замѣну Еникале другимъ какимъ либо мѣстамъ, рѣшено взаимно представить состояніе дѣлъ ко дворамъ и ожидать ихъ повелѣнія, при чемъ Р.-Эф. заявилъ, что онъ уже писалъ и получилъ въ отвѣтъ повелѣніе стараться, чтобы за мореплаваніе и коммерцію осталась крѣпость Еникале. Обр. отказался дать какое-либо обѣщаніе кромѣ сообщенія своему двору резоновъ представляемыхъ Портою.

Протоколъ 14-й конференціи 13 декаб. 1772 г.

Пререканія относительно Еникале. По прежнему ссылаются на необходимость ея съ одной стороны для безопасности Россіи и независимости татаръ, съ другой—для безопасности Порты и Константинополя. Такъ какъ Р.-эф. ссылался въ подкрѣпленіе своего мнѣнія между прочимъ на обѣщаніе Порты не предпринимать ничего противъ татаръ, то Обр. отвѣчалъ, что „что касается до обѣщаній, то хотя они суть изъ большихъ между державами достовѣрностей, однакоже непристойно на оныя одни полагаться. Каждая война значитъ нарушеніе какого-либо трактата. Всякая держава обѣщаетъ, обязуется, и въ то же самое время не оставляетъ принимать благопристойныя мѣры; къ сохраненію долговременной дружбы надобно въ дружбѣ поступать такъ, чтобы въ случаѣ недружества не найтиться въ накладѣ.... Если Порта почитаетъ Еникале ключемъ Константинополя, то Россія почитаетъ оную равномѣрно ключемъ собственной безопасности, ключемъ вольности татаръ и ключемъ мореплаванія... Послѣ заключенія мира Порта можетъ удостовѣрена быть наинскрепнѣйшею дружбою отъ стороны Ея Имп. В-ва, но никакіе посторонніе виды не могутъ принудить монарховъ отказаться отъ интересовъ государствъ ихъ; соблюденіе сего интереса будучи первоначальный долгъ возложенный на нихъ отъ Всевышняго, Ея Имп. В-во не можетъ подарить того, отъ чего непремѣнно зависитъ безопасность ея имперіи, сохраненіе даннаго отъ нея татарамъ слова, такожде мореплаванія и коммерціи.—Р.-эф: Другіе можемъ сыскать способы для безопасности какъ Россіи и татаръ, такъ и для основанія коммерціи, но по причинѣ той же коммерціи не можетъ Порта уступить Россіи такое мѣсто, въ которомъ флотъ россійской изъ Константинополя въ подзорную трубку видѣть можно; на подобныхъ кондиціяхъ невозможно мира постановлять, ибо хотя бы оной и заключить, то равно, какъ бы его и не было.—Обр: Константинополь не на берегахъ открытаго моря стоитъ, капалъ, проходъ къ нему составляющій, всячески опровергаетъ подобныя опасности. Починивъ замки надъ онымъ стоящіе, Конст-поль не имѣетъ чего опасаться, когда бы и всѣ флоты европейскіе соединились противу его; сверхъ того между Ени-

кале и Конст-польскимъ каналомъ есть цѣлое пространство Чернаго моря.... Безъ Еникале вся польза со стороны Россіи состоялабъ въ однихъ только рѣчахъ, и вся ея безопасность въ однихъ только обѣщаніяхъ.—Р.-эф: Порта не можетъ преступить обѣщанія своего, самъ законъ нашъ тому воспрещаетъ.—О б р: Россія равномѣрно обѣщаетъ Портѣ съ толикою-же доброю вѣрою и съ точною совѣстію, что никогда обѣщаній своихъ не нарушала, а ежели вы утверждаетесь въ томъ на законѣ вашемъ, то въ собственной моей персонѣ приношу вамъ непріятный для меня примѣръ нарушенія заповѣдей магометанскаго закона.—Р.-эф: То правда, что послы подъ покровительствомъ закона суть, но какъ въ то время Бл. Порта искала способовъ избѣжать отъ приближающихся ей напастей, то и предложила в. пр-ву средства къ освобожденію себя отъ оныхъ. Ваши старанія не получа желаемаго успѣха, Бл. Порта видѣла себя принужденною къ тѣмъ крайностямъ, которыя послѣ случилися.—О б р: Нельзя взыскивать ни отъ кого сверхъ его силъ. Но оставимъ сіе, я говорю, что Россія по всякой справедливости имѣетъ то же самое право требовать довѣренности отъ Бл. Порты, какую послѣдняя требуетъ отъ Россіи.—Р.-эф: Россіи Порта вѣритъ, но равномѣрно должно удостовѣрить ее и отъ татаръ.—О б р: Если Порта не имѣетъ отъ татаръ довольной безопасности, то Россія предлагаетъ ей тѣ же самыя средства, которыя прежде сего изъявляла ей Порта, т. е. строго татарамъ будетъ наказано имѣть всякое должное къ Бл. Портѣ почтеніе и всячески уклоняться отъ причиненія ей оскорбленій..... Оба послы согласились оставить дѣло о Еникале до полученія на представленіе ихъ отвѣтовъ, а между тѣмъ разбирать другія дѣла, а притомъ и составлять мирные артикулы.

Письмо къ Обрѣскову отъ Цегелина отъ 9 дек. 1772.:
Je vous assisterai ici par tout le zèle dont je suis copable, d'autant plus, qu'il importe à S. M. le roi mon maître, que la paix soit faite au plutôt que possible... Votre réponse... dirigera mes demarches ulterieures...
Письмо Обрѣскова Цегелину отъ 13 (24) дек. 1772. Изложеніе въ кратцѣ послѣднихъ переговоровъ о Еникале и Керчи.

Письмо Обрѣскова Панину за № 9 отъ 22 дек. 1772. Обр. говоритъ о томъ, что такъ какъ въ предъидущихъ конференціяхъ Рейсъ-эфенди оказывалъ нѣкоторую склонность къ уступленію Еникале и Керчи подъ условіемъ уступки Портѣ какой-либо крѣпости, могущей доставить ей безопасность отъ печальныхъ нападеній и ограниченія кораблеплаванія по Черному морю, то онъ, Обр., и просилъ рѣшительныхъ наставленій по этому дѣлу, но 15 и 16 конференція совсѣмъ уже на прежнія не походятъ, такъ какъ теперь Рейсъ-эфенди уже требуетъ всѣхъ крѣпостей какъ крымскихъ, такъ и кубанскихъ, завоеванныхъ русскими, „а коли оныя крѣпости и города оставятся татарамъ, (не говоря однакоже ни слова о Еникале, имѣющей оставленною быть Россіи), то бы всякое кораблеплаваніе по Черному морю и коммерція мѣста своего отнюдь не имѣли, да и упорство въ уступкѣ пустаго Азовскаго уѣзда съ требованіемъ во удовлетвореніе всѣхъ въ Архипелагѣ въ нашей власти находящихся острововъ, нимало не сходствуетъ съ тѣмъ желаніемъ,

которое казалося быть въ Портѣ—достигнуть какъ наискорѣе окончанія сей войны.—Я признаюсь, м. г. мой, что сія отмѣна меня крайне удивила, ибо Р.-эф. по нынѣ поступалъ т. сказ. кротко, теперь же вдругъ зачалъ дѣлать затрудненіе въ дѣлахъ онаго недостойныхъ, и я къ иному сію странную отмѣну приписать не могу, какъ къ полученнымъ имъ отъ султана новымъ повелѣніямъ... полагаясь можетъ быть на чаемую имъ сильную диверсію шведской короны, которую находящійся тамъ министръ онаго двора съ помощниками другихъ дворовъ представляетъ скорою и сильною, а притомъ станется, что сему споспѣшествовало и еще дошедшее до знанія Порты случившееся на Дону, или же спознаніе турецкимъ посломъ о выводѣ изъ здѣшняго края многихъ полковъ, изъ чего онъ можетъ быть заключаетъ быть большой нуждѣ въ другихъ мѣстахъ. Что бы то ни было, однакожъ я вижу нѣкоторую въ желаніи Порты видѣть мирное дѣло оконченнымъ великую отмѣну, такъ что тотъ же Р.-эф. въ дѣлахъ, въ которыхъ мы согласилися и въ 15-й конференціи точно условились какимъ образомъ отъ насъ мирные артикулы составлены быть имѣютъ во взаимныхъ сообщеніяхъ плановъ оныхъ артикуловъ, онъ сталъ путать все противное собственнымъ прежнимъ своимъ рѣчамъ.. Но отмѣнность турецкаго посла въ его отзывахъ, въ моихъ не дѣлаетъ никакой перемѣны: при справедливой твердости сохраняю умѣренность, дабы не быть порицаему излишнею горячностію и быть причиною безплодности и сего нашего съѣзда...

P. S. Я запамятовалъ-было изъяснить главной резонъ упорства моего въ уступкѣ архипелагскихъ острововъ въ замѣнуАзова. Я предвидѣлъ, что турецкой посолъ хотѣлъ сіе выторговать, чтобъ требованіе кораблеплаванія по Черному морю, да и о самомъ торгѣ совсѣмъ отклонить, или заставить жертвовать удовлетвореніемъ, требуемымъ не столько уже за понесенные въ войнѣ убытки, сколько за возвращаемыя земли, что въ продолженіи его рѣчей дѣйствительно и оказалось.

Протоколъ 16-й конференціи 20 дек. 1772.

Началась конференція чтеніемъ обоими послами проектовъ трехъ обсуждавшихся въ 15-й конференціи артикуловъ, причемъ окончательное постановленіе ихъ было снова отложено. Затѣмъ обсуждался вопросъ объ Азовѣ, причемъ Р.-эф. опять „такъ настоятельно требовалъ, чтобы дѣло это оставить въ нерѣшеніи, что наконецъ О б р. принужденъ былъ на то согласиться примѣтя, что так. обр. будемъ только лишь потрогивать каждый артикулъ, потомъ десятерократно на оной же возвратимся, и продолжалъ: предложитежъ вы какую-нибудь другую матерію.—Р.-эф. предложилъ вопросы о независимости татаръ, о Валахіи и Молдавіи, отсюда перешли къ вопросу объ удовлетвореніи за военные расходы, за тѣмъ къ вопросу о томъ — кто причиною войны, о намѣреніяхъ Порты при объявленіи ея, причемъ въ отвѣтъ на аргументъ Р.-эф. въ пользу всегдашняго безкорыстія Порты, что она не воспользовалась какъ бы могла стѣсненнымъ положеніемъ Россіи при заключеніи Прутскаго мира, Обр. замѣтилъ, что казнь лица, заключившаго этотъ трактатъ, доказываетъ совершенно противное, тѣмъ болѣе что по этому трактату она получила Азовъ и раззореніе Таганрога. Предложеніе Р.-эф. объ уступкѣ всѣхъ архипелагскихъ острововъ въ замѣну Азова

и обѣихъ Кабардъ, и объ уступкѣ кубанскихъ и крымскихъ крѣпостей въ замѣну коммерціи и мореплаванія, было отвергнуто Обрѣсковымъ. Далѣе спорили о важности обоюдныхъ уступокъ, при чемъ Р.-эф. требовалъ оставленія за Портою крѣпостей татарскихъ для безопасности отъ татаръ. Обр. отклонилъ и это требованіе, доказывая нелѣпость предположенія нападенія татаръ на турецкія владѣнія и необходимость для Россіи съ своей стороны также обезопасить себя. — Р.-эф.: Такъ исключимъ мореплаваніе, и тогда о другихъ дѣлахъ удобнѣе согласиться можемъ.—О б р: Надобно быть въ великой крайно спитой державѣ, которая согласится принять отъ другой такіе законы. По всякому праву на однихъ только рѣкахъ можно дѣлать таковыя запрещенія, а море по естеству есть всѣмъ свободное, и самой Константинопольской каналъ не будучи дѣломъ рукъ человѣческихъ, равно долженъ быть свободенъ и служить къ чему натура его произвела, т. е. для сообщенія изъ Бѣлаго моря въ Черное. Проходъ изъ Балтійскаго моря въ Сѣверный океанъ, принадлежащій королю датскому, хотя труднѣе еще Константинопольскаго канала, однакожъ всякаго рода и каждой націи суда свободнымъ пользуются чрезъ оной сообщеніемъ изъ одного моря въ другое.—Р.-эф: Черное море намъ принадлежитъ.—О б р: т. е. одни только онаго берега.—Р.-эф: Очень изрядно, мы не препятствуемъ плавать по морю, но запретимъ входить россійскимъ судамъ въ наши гавани, и тогда мореплаваніе упадетъ само отъ себя.—О б р: Для сихъ причинъ Россія отдаетъ такъ много за коммерцію.—Р.-эф: Если отдаетъ за коммерцію, такъ на что же требовать удовлетворенія?—Въ концѣ концовъ Р.-эф. усматривалъ въ вольномъ мореплаваніи и крѣпостяхъ, раздѣленныхъ между Россіею и татарами тяжкія предосужденія для Порты въ будущемъ.—О б р: Въ чемъ и какимъ образомъ? Ежели вы думаете о Константинополѣ, то опаспость сія неосновательна: пѣть способа противу воли Порты пройти въ Константинопольскій каналъ,— двѣ построенныя батареи у Маромола и Кавака могутъ привести въ опаспость нансильнѣйшій флотъ.—Р.-эф: Нельзя предлагать никакой державѣ учинить столицу свою границею.—О б р. сказывая, что между Еникале и Константинопольскимъ каналомъ обрѣтается цѣлое Черное море, котораго берега не терпятъ ни приближенія судовъ, ни высаженія войскъ; море сіе, отвѣчалъ Р.-эф. переѣзжаютъ въ одну почь.—О б р: Возьмитежъ въ разсужденіе, что съ самаго начала настоящей войны до сего времени Константинополь окруженъ россійскими флотами, что въ Архипелагѣ завладѣли мы 44-мя островами, а въ Черномъ морѣ владѣемъ Дунайскимъ устьемъ, и что еслибъ возможно было сдѣлать какое-либо предпріятіе противъ Константинополя, то бы уже давно оное произведено было въ дѣйство.—Р.-эф: Можетъ быть, что еще нынѣ къ тому ничего не пріуготовлено.—О б р: Пошлите только въ Измаилъ, то вы усмотрите, въ какомъ состояніи тамо нашъ флотъ.—Р.-эф: То извѣстно, что для подобнаго предпріятія настоящія пріуготовленія недовольны, но чрезъ 20 лѣтъ мирнаго времени можно пріуготовиться; сверхъ того каждая держава натурально болѣе силы и охоты имѣетъ въ началѣ войны, нежели послѣ трехъ или четырехъ выдержанныхъ кампаній.—О б р: Сіе есть дѣло взаимное. Неужели в. пр-ство думаете, что Россія помышляетъ о пріобрѣтеніи себѣ оружіемъ обла-

стей; посмотрите только на часть округа земнаго, которую она занимаетъ, то и увидите, коль мало должна она завидовать другимъ державамъ.—Р.-эф: Еслибы Россія и не помышляла о завоеваніяхъ, всегда однакожъ въ подобострастіи будетъ держать и Константинополь, когда при свободномъ мореплаваніи и при вольности татаръ достанется ей владѣть Еникалемъ.—О б р: Противу россійскаго флота никто не воспрещаетъ Портѣ приспойнымъ образомъ и сколько за благо разсудитъ вооружиться, а о вольности татаръ безъ крѣпостей я прошу васъ лучше не говорить, ибо она недостойна сего имени.—Р.-эф. предлагалъ въ замѣну мореплаванія согласиться уступить татарамъ владѣніе крѣпостей.—О б р.: доказывалъ, что уступка крѣпостей татарамъ нисколько не успитъ ихъ, такъ какъ они крѣпостями защищаться не умѣютъ, а между тѣмъ въ противномъ случаѣ вольность ихъ будетъ мнимая, такъ какъ тогда Крымъ былъ бы открытъ для нападеній Порты, при чемъ Россія не имѣя на Черномъ морѣ флота, не могла бы ни отвратить непріятеля, ни поспѣшествовать татарамъ. Въ прошедшихъ конференціяхъ, говоритъ О б р., довольствовались требовать одного только во взаимство Еникаля мѣста удобнаго къ построенію крѣпости, могущей доставить равную же безопасность Портѣ, и соглашались на умѣренное мореплаваніе, нынѣ же требуете вы всѣхъ въ Крыму крѣпостей и совсѣмъ мореплаваніе уничтожаете; я великую вижу въ васъ перемѣну. Р.-эф, отвѣчалъ по прежнему необходимостію безопасности для Порты и повторялъ: откажитесь отъ мореплаванія, а я уступлю татарамъ крѣпости. А Обр. отвергалъ это предложеніе, какъ исключающее безопасность татаръ и отнимающее у Россіи средства помогать и защищать ихъ въ случаѣ внезаннаго нападенія.

Письмо Обрѣскова Панину № 10 отъ 29 дек. 1772 г.

Пишетъ, что 16-я конференція „толь чувствительно его тронула, что онъ сильно было занемогъ“, впрочемъ это время втунѣ не упущено, потому что въ оное приведены въ порядокъ извѣстные три артикула мирнаго трактата, которые въ 17-й конференціи подписаны и размѣнены. Первый артикулъ взялъ слово въ слово изъ Бѣлградскаго трактата (арт. I) за исключеніемъ послѣднихъ его словъ („по паче вмѣсто того вѣрную дружбу и сосѣдство и истинный миръ между собою содержать“ и т. д.) потому что всѣхъ сихъ обязательствъ и выраженій въ помянутомъ Бѣлградскомъ *турецкомъ* трактатѣ не находится..., а вмѣсто того внесена тутъ генеральная амнистія. — Во 2 арт. обнадежилъ также наисильнѣйшимъ образомъ безопасность грузинцовъ и мингрельцевъ, избавилъ ихъ навсегда отъ безчеловѣчной дани отроками и отроковицами, выговорилъ остаться за ними разныхъ имъ принадлежащихъ крѣпостцей и укрѣпленныхъ мѣстъ, а завоеванныя оружіемъ Ея И. В-ва крѣпости Багдаджикъ, Кутаисъ и Шегербанъ, хотя Портѣ и оставилъ, однакоже кондиціонально,—ежели оныя ей въ существѣ съ давнихъ временъ принадлежали; вѣра, монастыри и церкви равномерножъ безопасностію обнадежены, да и отъ лихоимствъ начальниковъ нѣсколько защищены.—Въ 3 арт. предоставлена принадлежность обѣихъ Кабардъ Россіи на волю хана крымскаго съ совѣтомъ его и старшинами татарскими. — Симъ, м. г. мой, я удовольство-

вался въ разсужденіи сдѣланной уже настоящимъ ханомъ оныхъ Кабардъ нашему двору уступки. Теперь-же сносимся о другихъ артикулахъ равномѣрно невеликой важности подлежащихъ, между которыми однакожъ есть одинъ не столько маловаженъ, а имено,—послѣдованіе министровъ Ея И. В.-ва 2-го класса во всѣхъ публичныхъ функціяхъ безпосредственно за цесарскимъ въ равномъ характерѣ, а въ небытность его—за посломъ голандскимъ. Важные-же артикулы остановились до полученія рѣшительныхъ вашихъ наставленій, т. е. Еникале и Керче, но какъ и всѣ прочіе съ сими связь имѣютъ, то турецкой посолъ ни о которомъ говорить не хочетъ до спознанія послѣдней нашего двора резолюціи на то, а можетъ быть и на вновь требуемое имъ: прочія крѣпости въ Крыму и на Кубанѣ лежащія, или-же совершенное уничтоженіе кораблеплаванія по Черному морю.—Къ сожалѣнію не обманулся въ предположеніи такому отмѣнному поведенію Р.-Эфендія быть причиною полученныя имъ 19 дек. чрезъ нарочныхъ курьеровъ отъ султана повѣленія стараться сдѣлать миръ наивыгоднѣйшій или оставить рѣшеніе войны жребію оружія. „Полученныя изъ Константинополя отъ Зегелина и отъ корреспондента письма то явно подтверждаютъ, изъ коихъ, а наипаче ихъ перваго усмотрите „весьма неавантажное расположеніе въ Константинополѣ духовъ, особливо-же толь могущаго корпуса, каково есть духовенство въ турецкой имперіи, а наипаче при нынѣшнемъ султанѣ, къ приведенію къ счастливому окончанію ввѣреннаго мнѣ великаго дѣла, притомъ и вся публика по свѣдѣніямъ ободрена и желаетъ продолженія войны, почему всему сколько бы я ни старался и какую бы умѣренность ни употреблялъ, не можно надѣяться видѣть сіе дѣло окопченнымъ сходственно съ высочайшимъ Ея И. В-ва желаніемъ. Я конечно съ своей стороны конгрессъ не разорву, да и турецкому послу то сдѣлать законной причины отнюдь не подамъ, но когда онъ въ силу указовъ двора своего на то поступитъ, то я уже ни чему виною быть не могу".

Протоколъ 17-й конференціи. 27 декаб. 1772 г.

Послы разсматривали взаимно предлагаемые артикулы. Артикулъ объ амнистіи принятъ безпрекословно. Безъ затрудненій приняты также 2-й и 3-й артикулы о Грузіи и о Кабардахъ (соотвѣствующіе статьямъ 23 и 21 Кайнарджійскаго трактата) въ редакціи принятой потомъ въ Кайнарджійскомъ трактатѣ. Артикулы эти переписаны, сличены, подписаны и размѣнены.

Приложено *письмо* отъ Цегелина изъ Константинополя, отъ 1 янв. 1773; Пишетъ о стараніяхъ своихъ склонить Порту къ заключенію мира; ему возражаютъ, что улемы противятся уступкѣ Еникале и Керчи: que les ulemas s'y opposoient absolument, en déclarant, que si le ministère de la Porte se relacheroit la-dessus, tout le corps des ulemas se declareroit hautement contre eux et les persecuteroit jusqu'a l'extinction, que la Russie n'avoit pas besoin de ces deux villes pour brider les tatares, qu'elle avoit plusieurs autres moyens pour les tenir en respect, sans que jamais elle auroit rien à craindre de leur part; mais que la Cour de Russie avoit d'autres vues en gardant ces deux villes,—c'étoit d'y con-

struire avec le tems une flotte, se rendre maitre de la mer noire et venir donner la loix à Constantinople à la moindre étincelle de mécontentement: or donc, ont-ils conclué, si tot ou tard la vîlle de Constantinople doit tomber eutre les mains des Russes, comme c'est là visiblement son projet, il vaut tout autant que cet évènement arrive actuellement, que 30 ans après, et sur ce principe il ne faut jamais laisser prendre possession à la Russie d'un port sur la mer noire. Ismail—Bey y a ajouté qu'il craignoit que Abdourrasak Effendi ne se fut déja trop relaché sur cet article, avant que les ordres d'ici lui fussent parvenus, et alors il s'en trouveroit bien mal pour sa personne. Всѣ убѣжденія Цегелина не помогли et j'ai même lieu de soupçonner, qu'Abdourrasak Effendi a reçu ordre de rompre, s'il ne peut pas obtenir ce point. J'espère pourtant, mon cher ami, que Vous ne vous presserés pas trop pour la rupture, pour me donner le tems de recevoir la reponse du Roi sur mon rapport du 17 Nov. contenant le detail que je Vous ai ecrit en date du 19 Nov., qui me parviendra probablement dans une vingtaine de jours et M. Thugut doit vers ce tems recevoir une reponse de sa Cour sur le même rapport qu'il a fait après sa conférence avce le Reis—Effendi. Au reste je ne conçois rien de la conduite de mon collegue, il semble qn'il reste dans la même indolente passivité qu'il avoit adopté à Fokscan. Je lui ai communiqué que le grand accrochement sur la religion mahometane étoit levé à la satifaction de la Porte, que la cession de Ienicale et de Karschi trouvoit maintenant le plus d'obstacles, et je l'ai prié de faire avec moi quelque démarche pour faire entendre raison à la Porte; mais il m'a repondu froidement, que puisque Vous ne lui aviés rien écrit sur l'état de la negociation, il ne pouvoit non plus rien faire. Je lui ai fait connoitre, que probablement Vous supposiés, qu'il devoit avoir ses ordres de sa Cour pour accelerer la négociation, mais sans me repondre directement la dessus, il me dit, que tout ce qu'il pouvoit faire, seroit, qu'a la première arrivée d'une poste de Vienne, il feroit dire à la Porte, que sa cour seroit bien aise, qu'elle fit la paix. Vous m'avouerés que c'est un foible argument pour faire avancer une négociation conduite avec tant de peine jusqu'à ce moment de crise... Dieu me pardone si mes sonpçons sont mal fondés, mais pour tous ces lenteurs et biais, je soupçonne quelque fois que sa cour ne sera pas fachée que la guerre continue, peut—etre par des vues pas tout-à-fait desinteressées, car Belgrade et la Servie est un morçeau qn'on ne seroit pas faché de ravoir, et j'en tire en suite une autre consequence, que peut-être au lieu de nous aider ici pour la conclussion on ne nous met sous main des entraves; je puis me tromper, mais j'ai les apparences de mon coté,...

Приложено *письмо* изъ Константинополя отъ корреспондента,*) отъ 1 янв. 1773:... „Les François tiennent pour ainsi dire publiquement leur langage ordinaire et appuyent maintenaut plus que jamais sur l'assistance que la Suéde pourroit preter; on s'est aperçu aussi que la Porte a été en pourparler avec le ministre Suédois; mais ou dit que le sultan balance a acorder les subsides qui lui paroissent trop fortes. Говоритъ о различныхъ insinuations, soutenues par plusieurs ministres étrangers, что

*) Одного изъ служащихъ (секретаря?) при прусск. посольствѣ.

по слухамъ султанъ желаетъ мира, но муфтій и улемы, подкупаемые Франціею, противятся уступкѣ Керчи и Еникале.

Письмо Обрѣскова № 12 отъ 5 янв. 1773 г. Панину: На письмо отъ 9 дек. отвѣтъ. Могли усмотрѣть какъ рачительно старается ограничить предоставляемую султанамъ надъ татарами духовную власть, дабы она не могла распространиться до политическихъ и гражданскихъ татарскихъ дѣлъ, а также чтобъ татары не имѣли нужды въ инвеституре султанской, но „сей пунктъ можетъ встрѣтить еще нѣкоторыя затрудненія, потому что на оный снисхожденіе ея и. в-ва двора министрами дружескихъ дворовъ уже объявлено". Опасается гнѣва императрицы за „объявленіе турецкому послу кондиціональной уступки Бессарабіи съ ея городами,—города Бендеръ за разореніе Очакова и требованіе оставить землю между р. Днѣстромъ и Бугомъ отъ Чернаго моря до польскихъ границъ въ пустѣ и баріерою между двумя имперіями. На первое рѣшился по самой необходимости, не могши оставить ея подъ недоумѣніемъ въ разсужденіи положенія и важности для турковъ; напаче же отдавая Молдавію и Валахію и промѣнивая Бендеры на Очаковъ или Кильбурнъ съ опредѣленіемъ границею р. Днѣстра, Бессарабія осталась бы отъ всякой смежности съ Россіею; къ тому-же турецкій посолъ о татарской вольности и независимости оказывался быть уже согласнымъ, а какъ теперь онъ Еникале и Керче не уступаетъ, да и прочихъ всѣхъ городовъ какъ въ Крыму, такъ и на Кубани возврата требуетъ, то я Бессарабію съ городами ея въ замѣну ставлю. Касательно же Бендеръ, зная что министры дружескихъ дворовъ Портѣ уже уступку сдѣлали безъ всякой замѣны Очакова или Кильбурна, а я въ замѣну требую разореніе перваго и уступку втораго, лежащую къ землю между Днѣстромъ и Бугомъ я требую оставить барьерою, признавая быть сходнымъ съ выгодами и интересами Россіи, а паипаче, чтобъ отнять всѣ способы Портѣ переманить татаръ въ земли свои". Турецкій посолъ рѣшительно пастаиваетъ на отказѣ въ уступкѣ Россіи Еникале и Керчи и на требованіи возвратить ихъ Портѣ, изъясняясь „что безъ сего миръ сдѣланъ быть не можетъ, да и сія его рѣшимость столько видна, что ежелибъ я не взялъ на доношеніе, то бы можетъ и сей конгресъ уже разорвался, почему успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла зависитъ отъ рѣшительныхъ наставленій, какія в. с-ство мнѣ дать изволите: 1) касательно Еникале и Керчи; 2) относительно прочихъ крѣпостей и городовъ въ Крыму и на Кубани, въ конхъ напредь сего гварнизоны турецкіе бывали и рейсъ-эфендіемъ требуемыхъ, и 3) кораблеплаваніе по Черному морю терпитъ ли какое-нибудь ограниченіе, или какъ прежде полагать изволили, во всемъ полное"?.—„Впрочемъ дѣла съ Еникале и Керчью связи не имѣющія продолжаю приводить въ порядокъ"...

Протоколъ 19-й конференціи 3 янв. 1773 г.

Обрѣсковъ заявилъ, что изъ трехъ сообщенныхъ ему артикуловъ, къ первому о свободномъ строеніи крѣпостей, и къ послѣднему о военноплѣнныхъ и невольникахъ проситъ сдѣлать нѣкоторое прибавленіе. „Что же касается втораго вашего артикула объ уступленіи Бл. Портѣ архи-

пелагскихъ острововъ за г. Азовъ и протчее, хотя о семъ и говорено было, однакожь я всегда представлялъ вамъ, какъ невозможность мою на сіе согласиться, такъ и несовмѣстность сихъ двухъ матерій.—Р. Эф: Почитая за вещь малую пріобрѣтеніе Азова, в. пр - ство по сіе время отказывались сравнять оную съ уступленіемъ острововъ, которыхъ однакожь равно не должно почитать за важную вещь. Правда, что число ихъ велико, но выключивъ изъ оныхъ 3 или 4 острова, всѣ прочіе по самой истинѣ не достойны никакого уваженія. — О б р: Безъ сумнѣнія архип. острова будутъ возвращены Бл. Портѣ, но признаніе Азова владѣніемъ Росс. имперіи не можетъ сравняться съ уступкою завоеванныхъ въ Архипелагѣ острововъ; тѣмъ меньше можно упомянуть здѣсь о Тагапрогѣ, ибо городъ сей не токмо всегда принадлежалъ Россіи, но еще и внутри границъ ея находится, и въ прежнихъ трактатахъ дворъ мой обязался только не укрѣплять его.—Р.-Эф: Изъ первыхъ предложеній вашихъ о тѣхъ островахъ явствуетъ, что самъ дворъ вашъ изъ всего числа 44-хъ острововъ, три только почиталъ достойными нѣкотораго уваженія, слѣд. со стороны Бл. Порты должно уравнивать уступку тѣхъ 3-хъ, а не прочихъ всѣхъ, кои столь маловажны, что сама Россія и въ началѣ негоціаціи пренебрегла ихъ себѣ требовать".—О б р: Росс. дворъ крайне умѣренъ вслѣдствіе искренняго желанія мира, и еслибъ потребовано было всѣхъ 44 острововъ, то безъ сумнѣнія заключили бы вы изъ того, что нѣтъ съ нашей стороны прямой склонности къ постановленію мира.—Р.-Эф: съ усмѣшкою: итакъ вы для того только ихъ не требовали, чтобъ меня не испугать? Однакожь ежели вы желаете, чтобъ острова сіи причислены были ко удовлетворенію за требуемую коммерцію, то въ сообщенномъ вамъ отъ меня артикулѣ, получаете вещь и для коммерціи много полезную и нужную, т.-е. безопасность судовъ вашихъ отъ морскихъ разбойниковъ.—О б р: Пока о мореплаваніи не согласимся, то таковая безопасность ничего не стоитъ.—Р.-Эф: Если вамъ сего недовольно, то требуйте еще другаго чего. — О б р: Всѣ прочія дѣла такъ связаны, что безъ неполезнаго возобновленія прежнихъ споровъ ни о чемъ упомянуть нельзя. Но ежели желаете вы нынѣ постановить дѣло объ Азовѣ, то уступку архип. острововъ внесемъ въ артикулъ о коммерціи, а притомъ и вычтется нѣкоторая частица изъ требуемаго Россіею удовлетворенія за понесенные во время войны убытки.—Р. Эф: сказалъ, что за коммерцію есть другія удовлетворенія.—О б р: мнѣ кажется, что всѣ требованія съ одной и другой стороны уже уравнены".—Далѣе между прочимъ Р.-Эф. упомянулъ, что Порта требуетъ крымскія и кубанскія крѣпости себѣ. Обр. отвѣчалъ, что онѣ, за исключеніемъ Еникале и Керчи, имѣютъ оставаться за татарами. Р.-Эф. увѣрялъ, что онѣ необходимы для безопасности Порты, а Обр. доказывалъ, что „сіе состоитъ въ одномъ воображеніи".—Р.-Эф. настаивалъ также на удовлетвореніи за уступку Азова. Обр. напомнилъ, что она награждена уже уступкою Портѣ трехъ городовъ въ Грузіи. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій Р.-Эф. предложилъ заключить нынѣ тѣ два артикула, а объ Азовѣ отложить до другаго раза.—*Обр.* отвѣчалъ, что если изъ 2-го артикула согласятся выключить архипел. острова, то въ награжденіе за то можно уменьшить претензію объ удовлетвореніи за военные

убытки, а быть можетъ и по другому какому вопросу. — Р.-эф. предложилъ сообщить письменно свои разсужденія о семъ дѣлѣ.—Обр. согласился.

Письмо Панину № 13 отъ 12 янв. 1773: Возраженіе представленное противъ замѣны уступки Портою Россіи Азова завоеванными нами городами возымѣло успѣхъ,—въ 20-й конференціи турецкій уполномоченный призналъ основательность доводовъ Обрѣскова,—оказалъ склонность къ признанію Азова съ округомъ принадлежащимъ Россіи безъ всякой замѣны. Въ этой же конференціи положили привести въ порядокъ вольность и независимость татарскую, и 8-го числа тур. посолъ прислалъ планъ артикулу до сего касающемуся, по которому дозволяемая Портою татарамъ вольность осталось бы въ однихъ словахъ и мнѣніи, а не въ существѣ. Обрѣсковъ въ своемъ отвѣтѣ употребилъ „всѣ осторожности къ сдѣланію той вольности дѣйствительною и прочною, оставляя колико возможно менѣе средствъ Портѣ къ порабощенію татаръ въ прежнюю отъ нея зависимость. Объ этомъ предметѣ разсужденія начнутся съ 22 конференціи, и тогда откроются прямые сентименты Порты, въ какой степени она разумѣетъ татарскую вольность и желаетъ мира; а по сіе время донесу, что съ полученія 19 декабря посломъ депешъ изъ Константинополя и съ держанной на утро 16-й конференціи, при всякихъ случаяхъ жаръ, оказываемый прежде видѣть войну прекращенною, утоляющимся, такъ, что въ 21 конференціи, между фамиліарными разговорами онъ весьма тонко и вскользь намекнулъ, что миръ легко сдѣланъ быть можетъ на основаніи прежде войны бывшаго трактата. Я будто не понявъ онаго пропустилъ мимо ушей. Такой перемѣны склонностей Порты конечно много причиною происки, производимые въ Константинополѣ отъ недоброжелающихъ намъ или не хотящихъ видѣть оной по какимъ-либо ихъ видамъ, сію войну окончавшимъ. Приложенная копія письма Цегелина служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого", а что онъ пишетъ о поступкахъ Тугута, то зная образъ мыслей и поведеніе обоихъ дворовъ, можете судить о степени основательности ихъ. Прилагаются копіи двухъ писемъ Тугута и отвѣты на всѣ эти письма. „Въ первомъ усмотрите примѣчаніе мое на ябедническій его подъискъ о употребленномъ мною терминѣ invincible, котораго въ письмѣ его не было. Кажется, оно такихъ строгихъ примѣчаній не заслуживало, еслибъ онъ не хотѣлъ изъ бездѣлья дѣлать дѣло. Сверхъ всѣхъ сихъ разныхъ обстоятельствъ, ни мало врученную мнѣ негоціацію не облегчающихъ, еще раждаются и другія упорствующія успѣху оной приключенія. Турецкій посолъ жаловался съ великимъ жаромъ, что гр. А. Г. Орловъ по возобновленіи мною продолженія перемирія не перестаетъ въ Архипелагѣ дѣлать непріятельскіе поиски, требуя, чтобъ отъ Порты присланъ былъ къ нему полномоченный трактовать съ нимъ особенно о новыхъ кондиціяхъ перемирія тамошняго края (см. протокольную записку); въ то же время вручилъ онъ письмо верх. визиря къ Румянцеву и во всемъ равнаго содержанія ко мнѣ, изъ котораго усматривается оказываемое визиремъ удивленіе о такихъ гр. Орлова поступкахъ, а притомъ и прошеніе объ устраненіи всѣхъ случаевъ, могущихъ воспричинствовать

разрывъ настоящей мирной негоціаціи". Въ силу конвенціи 29 окт. перемиріе продолжено до 9 марта безъ всякихъ измѣненій въ условіяхъ заключенныхъ подъ Журжею, вслѣдствіе которой сдѣланы были тогда Спиридовымъ договоры, согласные съ тамошнихъ мѣстъ положеніемъ; эти договоры гр. Орловъ въ послѣдующія два перемирія наблюдалъ безъ всякой претительности, а теперь дѣлается тамъ противное сдѣланному мною на основаніи точныхъ повелѣній и полной мочи продолженію перемирія. Обрѣсковъ въ отвѣтѣ визирю оправдывалъ поведеніе гр. Орлова, на основаніи условій перемирія, а гр. Орлову писалъ, чтобы воздержался до истеченія срока отъ военныхъ дѣйствій „ибо при нынѣшнемъ Порты ободреніи, подаваемою надеждою недоброжелающими намъ, о скоромъ упражненіи его въ другихъ краяхъ, можетъ она принять и самое малое непріязненное происшествіе за законный резонъ разрыва настоящей мирной негоціаціи и возложить предъ свѣтомъ всю вину такого приключенія на нашу сторону".

Протоколъ 20-й конф. 7 янв. 1773: Рейсъ-эфенди согласился на требованія Обрѣскова относительно Азова.

Переводъ съ записки турецк. посла отъ 8 янв. 1773 г. о вольности татарской: „Россійскій дворъ, требуя вольности всѣхъ ордъ татарскихъ и будучи вещь невозможная постановить дѣло сіе иначе, какъ сходственно съ закономъ магометанскимъ, о вышеупомянутой вольности постановлено слѣд. образомъ: Народъ татарскій да будетъ самовольный въ политическихъ дѣлахъ и въ дѣлахъ внутреннихъ областей своихъ и да будетъ подъ властію хана своего, который ханъ имѣетъ быть избираемъ и опредѣляемъ изъ потомства чингисцовъ и да не будетъ подвластенъ никому изъ постороннихъ; со стороны же Бл. Порты, такожде и со стороны Россійскаго двора не входить въ политическія ихъ дѣла. Крымскій же ханъ, который опредѣляемъ быть долженъ избраніемъ отъ всѣхъ народовъ татарскихъ, да не будетъ отъ посторонніхъ, но отъ колѣна чингисцовъ, и народъ татарскій, избравъ единодушно хана, имѣетъ обвѣстить и представить о томъ Е. В-ву услужнику двухъ святыхъ мѣстъ, первосвященнику мусульманскому и императору изъ фамиліи Оттоманской и постановить избраннаго имъ хана, а потомъ имѣютъ требовать позволительной дипломы султанской; такожде и Его В-во султанъ мусульмановъ безъ всякихъ отговоровъ и затрудненій имѣетъ тотчасъ дать ту позволительную диплому, и отправить свой тесрифатъ, то-есть обыкновенную инвеституру; въ пятничные же и праздничные дни имѣетъ быть читаема на имя императора фамиліи Оттоманской молитва, называемая *хутбе* во всѣхъ мечетяхъ и служебныхъ мѣстахъ въ крымской области находящихся; судіи же, чинящіе судъ по закону магометанскому, имѣютъ быть изъ крымскаго духовенства и будетъ только имъ даваемо на всѣ чины *мураселле* или законное дозволеніе безъ платежа и безъ какого-либо воздаянія отъ Казіаскеръ эфендія константинопольскаго, и помянутое мураселле отсылаемо будетъ къ крымскому хану и единственно чтобъ Бл. Порта могла сообразиться съ закономъ магометанскимъ въ разсужденіи постановленія хана отъ стороны султанской, исключая позволительную

диплому даяніе обыкновенной инвеституры, прославленіе въ пятничные и праздничные дни молитвою, называемою *гутбе* имени императора фамаліи Оттоманской и посылаемое мураселле отъ стороны главнаго духовенства Бл. Порты судьямъ крымскимъ, исключая все сіе будучи постановлено, чтобъ татары имѣли полную вольность въ всѣхъ прочихъ своихъ дѣлахъ и впредь не были-бъ притѣсняемы во внѣшнихъ дѣлахъ правленія своего, тѣмъ же самымъ образомъ и росс. дворъ не имѣетъ впредь вмѣшаться и притѣснять народъ татарскій, но тотчасъ и немедленно послѣ размѣны ратификація о блаженномъ семъ мирѣ россійскія войска имѣютъ оставить Крымъ и какъ одна, такъ и другая сторона не должна вмѣшиваться и притѣснять татаръ ни въ внѣшнихъ правленія ихъ дѣлахъ, ниже въ постановленной вольности касательно до политическихъ дѣлъ, но имѣютъ быть оныя оставлены въ собственной ихъ власти.

Отвѣтъ Обрѣскова: Всѣ татарскіе народы: крымскіе, буджакскіе, кубанскіе, едисанцы, джамбуйлуки и едичкулы отъ обѣихъ высочайшихъ имперій признаются вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію собственнаго ихъ хана Чингисханской крови, обществомъ ихъ избраннаго и возведеннаго, который да управляетъ ими по древнимъ ихъ закопамъ и обычаямъ, не отдавая отчету никакой посторонней державѣ; и для того ни россійскій дворъ, ни отт. имперія не должны и не могутъ вмѣшиваться или вступаться какъ въ избраніе и возведеніе помянутаго хана, такъ и въ домашнія, политическія, гражданскія и внутреннія ихъ дѣла подъ какимъ бы претекстомъ то ни было, ни директно, ни индиректно, ниже возмущать тишину ихъ и порядокъ, который они сами для вящей ихъ выгоды и спокойствія между собою возстановить за благоразсудили, но признавать и почитать оную татарскую націю въ политическомъ и гражданскомъ ихъ состояніи, по примѣру другихъ державъ, подъ собственнымъ правленіемъ своимъ состоящихъ и ни отъ кого кромѣ единаго Бога независящихъ, исключая когда по смерти нынѣшняго хана или когда татарскіе народы съ общаго согласія захотять его свергнуть и вмѣсто его избрать и возвесть другаго хана, равномѣрно чингисханскаго поколѣнія (ибо никакое другое кромѣ сего симъ достоинствомъ пользоваться не можетъ) по выборѣ и возведенія новаго хана какъ все татарское общество, такъ и новоизбранный и возведенный ханъ имѣютъ о семъ вступленіи письменно обвѣстить Ея Имп. Вел-ву всероссійской, яко сосѣдственной пріятельницѣ и вѣчной въ пастоящей ихъ вольности и независимости ручательницѣ, а Его Султ. В-ву, яко служителю двухъ священныхъ мѣстъ, Понтифу мусульмановъ, императору и главѣ всѣхъ князей Оттоманской фамиліи. По семъ обвѣщеніи помянутые два славные монарха безъ отлагательства и безъ прещенія или безъ малѣйшаго затрудненія да удостоятъ новоизбраннаго и возведеннаго хана императорскими своими поздравительными грамотами, какъ то употребляется въ подобныхъ обстоятельствахъ со всѣми вольными и независящими державами. Но какъ татарская нація исповѣдуетъ законъ магометанскій, котораго заповѣди будто гласятъ, что два начальника не могутъ

быть вмѣстѣ, не истребя одинъ другаго, то росс. имп. дворъ соглашается чтобъ татары въ священной особѣ Его Султ. В-ва, яко Калифа начальника всѣхъ князей мусульманскихъ и двухъ священныхъ мѣстъ защитника, признавали высшую духовную власть, а Бл. Порта признаетъ помянутый дворъ вѣчнымъ ручателемъ настоящей татаръ вольности и независимости; росс. же дворъ вслѣдствіе помянутой духовной власти, въ силу заповѣдей магометанскаго закона, Его Султ. В-ву приписываемой, не противится тому, чтобъ татары по пятницамъ и праздничнымъ днямъ молили Бога о священной его особѣ, яко главѣ всѣхъ мусульманскихъ князей, Калифѣ и двухъ священныхъ мѣстъ защитникѣ, а какъ и правосудіе основано на заповѣдяхъ магометанскаго закона, то росс. имп. дворъ равномѣрно жъ ни мало не сопротивляется требованію природныхъ татарскихъ судей отъ Кадилескера Бл. Порты законнаго мураселе или дозволенія; Бл. же Порта обязывается чтобъ помянутыя мураселе даваны были всегда безъ отлагательства, безъ малѣйшаго затрудненія и безъ всякаго платежа. Сверхъ же сего татара ничѣмъ инымъ не обязаны кромѣ: 1) пристойнаго отъ стороны хана и всего татарскаго общества обѣимъ имперіямъ обвѣщенія о выборѣ и возведеніи хана; 2) Признанія росс. имп. двора вѣчнымъ настоящей ихъ вольности и независимости ручателемъ; 3) Вышней духовной власти Его Султ. В-ва, яко Калифа, начальника всѣхъ князей мусульманскихъ и двухъ священныхъ мѣстъ защитника; 4) Моленія по пятницамъ и праздничнымъ днямъ за священную его особу, яко за начальника всѣхъ князей мусульманскихъ, Калифа и двухъ священныхъ мѣстъ защитника и 5) чтобъ національные судьи требовали законное мураселе отъ Оттоманскихъ законодателей. Исключая же все оное должны они остаться вольными и независимыми. А обѣ имперіи наиточнѣйше и торжественно обѣщаются не оскорблять ихъ и не безпокоить въ ихъ владѣніяхъ ни директно, ни индиректно, какимъ бы то образомъ ни было, ниже терпѣть, а еще менѣе позволять, чтобъ кто-нибудь отъ оныхъ зависящій нарушилъ или возмутилъ ихъ спокойствіе.

Протоколъ 21-й конф. 10 января 1773. Сужденіе о татарской вольности отложено, а затѣмъ говорено только о посторонніхъ дѣлахъ.

Lettre de M. Zegelin à M. d'Obreskow, du 6 janv. 1773 n. s. Имѣлъ большое разсужденіе съ Рейсъ-эфендіемъ по полученіи письма Обрѣскова отъ 13 (24) декабря; убѣждалъ принять русскія условія, чтобы конгрессъ не остался безплоднымъ. Le R.-eff. repondit là-dessus que la Porte avait donné toute la facilité possible pour finir heureusement la négociation; qu'elle avait offert de ceder Asow et Tagan, qu'elle avait agréé tous les articles que vous avez demandés touchant certains privileges pour les Géorgiens, Moldaves, Valaques, qu'elle consentait au commerce des sujets Russes tant sur la mer Noire que dans l'Archipel, quoique les puissances maritimes lui conseillaient unanimement le contraire; que pour la sureté contre les tartares la Russie pouvait se fortifier du coté d'Orcapi tant qu'elle voudrait et que pour le dedommagement la Porte serait aussi raisonnable; mais pour ceder Ienikale et Kertchi, le bonheur de l'Empire Ottoman en dépendait; si même, dit-il, on voudrait

insérer dans le traité de paix que la Cr. de Russie n'y pouvait jamais construire des vaisseaux de guerre, cela ne donnerait aucune sureté pour l'avenir, car on n'avait qu'à préparer tous les matériaux sur le Don, et à la moindre brouillerie les transporter à Ienikale et Kertchi, et en moins 3 ou 4 mois elle paraitrait avec une flatte de 12 à 15 vaisseaux de guerre sur le mer Noire et donnerait la loi à Constantinople. Итакъ относительно этого пункта уступка невозможна. Notre parti est pris que si la Russie se relache sur cet article, la paix se concluera, въ противномъ случаѣ будутъ продолжать войну; просить сообщить объ этомъ Обрѣскову. Цегелинъ отчаивается въ согласіи Порты на уступку Керчи и Еникале и опасается возможнаго разрыва конгресса. Dans ma précédente j'ai oublié de vous dire que depuis l'arrivée de votre dernier courrier, le sieur de Thougout a eu une couple de conferences secretes avec le ministre de France et j'ai lieu de croire, que le premier a donné avis au dernier dans quelle situation la négociation se trouve actuellement. Ce serait assez mal agir de sa part de lui mettre pour ainsi dire les armes à la main, pour combattre auprès de la Porte tout mon travail et le renverser. Ces conferences se sont données l'une immédiatement après que j'avais parlé à M. Thougout, et l'autre le lendemain. Le Reis-eff. a même laché un mot qui m'a fait soupçonner, que le Français en avait été informé: mais ceci me servit de regle à ne plus rien lui communiquer. Je lui ai fait en dernier lieu, dans l'esperance qu'il m'aiderait; mais puisque je vois, que je ne dois â rien attendre de sa part, je me passerai bien de lui faire des confidences. Sa lettre demontre au reste parfaitement sa façon d'agir, et il se peut bien lui même n'osant pas directement conseiller à la Porte de faire la paix, qu'on se sert de Français pour l'empecher afin de pêcher avec le tems dans le trouble et que cela soit par ce motif qu'on instruise le ministre de France de l'état de la négociation.

Отвѣтъ Обрѣскова Цегелину отъ 7 (18) января 1773 г. Сожалѣетъ объ упорствѣ Порты, несмотря на завоеваніе Керчи и Еникале и уступку ихъ Россіи законными владѣльцами—татарами; оно усилилось по полученіи Абдурразакомъ куріера изъ Конст-поля 19 (30) декабря, ибо до этого онъ требовалъ лишь quelque place fortifiée dans la Crimée ou aux environs qui pourrait garantir Const-ple de toute surprise inopinée, et il cederait alors les dits Ienikale et Kertchi, но по полученіи куріера, измѣнилъ въ 16 конференціи il a changé son langage d'une façon si frappante, que dans l'instant je supposois qu'il a reçu non pas du vizir mais de Const-ple des ordres diametralement opposés aux précedents, потому что сталъ уже требовать la restitution de toutes les forteresses tant en Crimée qu'à Couban conquises par nos armes et au lieu de la navigation sur la mer Noire soit en quelque façon limitée il a demandé qu'elle n'aye aucun lieu. Сообщаетъ дальнѣйшій ходъ переговоровъ весьма впрочемъ дружественныхъ, такъ что можно бы было надѣяться на благополучное окончаніе ихъ, si cette pierre d'achoppement de Ienikale et Kertche ne barrait pas le chemin, такъ какъ Россія не уступитъ въ этомъ вопросѣ. Просить продолжать увѣщанія Порты.

Письмо Обрѣскова Панину. № 14 отъ 19 янв. 1773: Изъ протокола 22 конференціи можно видѣть сильное турецкаго посла преніе признать высоч. Ея И. В-ва дворъ вѣчнымъ ручателемъ въ той татарской вольности и независимости, и въ облегченіе достиженія желаемаго, Обр. „видѣлъ себя вынужденнымъ для отнятія Портѣ всѣхъ претекстовъ налагать, якобы въ такомъ ручательствѣ скрываются какіе потаенные виды, могущіе быть предосудительны и вольности татарской, и интересамъ Порты, предложить свободность и Портѣ равное же ручательство на себя принять, подкрѣпя сіе примѣчаніемъ, что не токмо онымъ достоинства обоихъ дворовъ охранятся, но пріобрѣтется и вѣ цѣломъ свѣтѣ похвала такому между двумя воюющими державами чистосердечному трактованію.—Не удивится, м. г. мой, что я не имѣя никакого повелѣнія о требованіи отъ Порты признанія ручательства высоч. нашего двора въ помянутой татарской вольности, а того менѣе подобное и ей Портѣ предоставить; но первое я за необходимо нужнымъ призналъ къ обнадеживанію прочности всемил. пожалованной татарскимъ народамъ вольности и независимости, а на второе поступилъ равномѣрно по необходимой же нуждѣ, и зная изъ писемъ прусскаго посланника, что Порта къ признанію помянутаго Ея И. В-ва двора ручательства весьма несклонною пребываетъ, то дабы переломить ея упорство, а въ противномъ случаѣ заставить обнажиться предъ цѣлымъ свѣтомъ, что она татаръ вольными признаетъ не существительно, но только на словахъ, предоставляя себѣ всѣ способы къ легчайшему ихъ приведенію въ прежнюю отъ себя зависимость и порабощеніе, да къ тому же и не признавая ничего изъ сего родиться предосудительнаго ни интересамъ высоч. Ея И. В-ва двора ниже вольности татарскимъ націямъ, а кажется еще и послужитъ мнѣ нѣкоторымъ способомъ къ отвращенію требованія Порты о вольности посылать новымъ ханамъ инвеституры, которое сколько примѣчаю со стороны турецкаго посла будетъ сильное и настоятельное.—Опымъ моимъ предложеніемъ, сказать можно, я его посла обезоружилъ, такъ что чрезъ нѣкоторое время онъ въ изумленіи остался, и потомъ принялъ на доношеніе, и хотя онъ по обыкновенію къ послѣдующей конференціи всегда отъ верх. визиря отвѣты получаетъ, но сей разъ не токмо къ послѣдней 23-й держанной 17 января, но и по сей день еще не получалъ,—повидимому и верх. визирь сего разрѣшить самъ собою не могъ, а донесъ султану.—Время окажетъ, какая тамъ резолюція примется; но я, м. г. мой, отнюдь не намѣренъ отъ моего требованія отстать, признавая оное единымъ способомъ заставить татаръ имѣть къ высоч. нашему двору должное уваженіе, прочности ихъ вольности и предохраненіе отъ скораго вновь ихъ Портѣ порабощенія: ибо Порта, имѣя между татарами духовную власть, судей нѣкоторымъ образомъ отъ нея же зависимыхъ, единовѣріе, и по невѣжеству татарскому застарѣлыя въ нихъ къ ней высокопочитаніе, преданность и подобострастіе, весьма легко возможетъ она оными вновь овладѣть: почему единое только ручательство отъ того ихъ предохранить можетъ, потому что не всѣ татары Портѣ преданы, которые будучи ободрены онымъ ручательствомъ возмогутъ съ лучшимъ успѣхомъ и другихъ на свои мысли преклонять и дѣлать въ намѣреніяхъ противниковъ и нѣкоторый перевѣсъ. — Многимъ, м. г. мой, иногда покажется, что тотъ живой образъ, каковымъ турецкой

посолъ меня увѣрялъ о точности кондицій, каковыя внесены будутъ въ трактатъ касательно сей татарской вольности, и что сами татары высоч. нашъ дворъ вѣчнымъ ручателемъ признали, довольно достаточнымъ; слѣдственно и требованія мои отъ Порты равнаго признанія помянутаго ручательства суть излишнія; однакожъ я смѣю здѣсь примѣтить, что на обязательства Порты и обѣщанія ея полагаться весьма мало должно, что и самымъ искусствомъ многократно уже испытано, да и признаніе татарами онаго ручательства едва ли возможетъ доставить достаточное право высоч. Ея И. В-ва двору за нихъ вступиться, потому что Порта не токмо формально, но и партикулярно не хочетъ быть свѣдомою ни о заключенномъ между нашимъ высоч. дворомъ съ татарами трактатѣ, ниже о кондиціяхъ его.

Протоколъ 22-й конференціи 14 янв. 1773.—Р.-эф: Съ прилежаніемъ разсмотрѣлъ я сообщенный мнѣ отъ в. пр-ва артикулъ; о дѣлахъ, въ немъ находящихся уже столько разъ и такъ пространно между нами говорено было, что въ примѣчаніяхъ нынѣ моихъ принужденъ я буду повторить то, что многажды уже сказывалъ. Ежели Бл. Порта въ разсужденіи вольности татаръ изъ числа оставляемыхъ ею надъ оными правъ исключаетъ и удерживаетъ при себѣ духовную власть, то сіе единственно дѣлаетъ она по искреннему желанію своему мира, т. е. дабы согласить требуемую отъ россійскаго двора совершенную вольность и независимость татаръ съ закономъ магометанскимъ; таковой поступокъ отъ стороны В. Порты, такожде образъ и святость торжественныхъ ея въ томъ обѣщаній, должны вящше удостовѣрить росс. дворъ, съ коликою усердностію и сколь доброхотно нынѣ и навсегда отступаетъ и отрицается Бл. Порта отъ господствованія надъ татарами; подобныя поведенія и обѣщанія Бл. Порты, если ко удовлетворенію татарской вольности довольны для двора вашего, то требованіе, чинимое нынѣ отъ васъ—признать Россію ручательницею оной вольности, хотя бы и могло быть отъ меня принято, ни въ чемъ однакоже не можетъ умножить ни довѣренности двора вашего въ обѣщаніяхъ Бл. Порты, ниже независимости и вольности татарской, если же недовольны, то таковое признаніе равнымъ образомъ исцѣлить не можетъ сомнѣнія двора вашего, ибо что Россія ручательница въ вольности татаръ, то Бл. Порту ни къ чему болѣе не обязываетъ,—прямыя и сущія обязательства для ея суть ея обѣщанія, а не ручательство Россіи, слѣдовательно въ первомъ случаѣ ручательство есть излишнее, во второмъ же недостаточное, и настоятельное впредь онаго требованіе напрасно только повреждать и препятствовать будетъ негоціаціи, ибо во первыхъ покажется, что, несмотря на жертвованіе Бл. Порты и на ея усердное и благосклонное въ семъ дѣлѣ поведеніе, не возмогла она получить довѣренности контрактующихъ съ нею; а сверхъ того, если бы въ самой вещи не было въ гарантіи ниже въ правахъ гаранта ничего для Бл. Порты предосудительнаго, всегда однакожъ причиняетъ ей таковое требованіе сумнѣніе, которое примѣръ Польши, равно подъ гарантіею состоявшей и приведенной въ то состояніе, въ которомъ мы ее видимъ, усугубляетъ.—О б р: Добрую вѣру и взаимную довѣренность, которыя при постановленіи трактатовъ должны имѣть обѣ контрактующія стороны, не только не должны препятствовать въ прия-

тіи предосторожностей, но напротиву того должны заставлять каждую сторону ко усугубленію оныхъ, иначе къ чему служила бы предписанная форма трактатовъ и артикуловъ и то торжественное пріуготовленіе, съ которымъ все въ негоціаціяхъ постановляется; одно простое письмо или данное и записанное слово, ко всему довольно бы было, но предположенными отъ прошедшихъ вѣковъ обрядами, сопряжена въ негоціаціяхъ предосторожность съ благочиніемъ и благоразумно уничтожена въ оныхъ *малость пункта честности,* ибо мирные договоры долженствуютъ связывать не только произволенія постановляющихъ оныя, но и тѣ произволенія, коихъ еще въ существѣ нѣтъ, т. е. предбудущихъ родовъ и должны служить основаніемъ и правиломъ поведенія ихъ. Всеконечно дворъ мой вѣритъ и наипростѣйшимъ обѣщаніямъ настоящаго Порты правленія, но къ продолженію сей взаимной довѣренности и на предбудущія времена, нужно въ настоящемъ дѣлѣ подтвердить обѣщанія Бл. Порты о вольности татаръ, росс. двора ручательствомъ нужно уравновѣсить духовную ея Бл. Порты надъ татарами власть и обязать навсегда въ предбудущія времена преемниковъ своихъ должностію воспринятаго ручательства къ соблюденію той вольности; нужно же наконецъ имѣть на впредь болѣе точности въ собственной безопасности, а менѣе въ сумнѣніи и недовѣренности своей. Когда въ семъ образѣ разсудите в. пр-во о требованіи двора моего, то и увидите, что ручательство не есть излишнее или недостаточное, такожде и не повреждаетъ честь Бл. Порты, жертвованія которой въ разсужденіи вольности татаръ не могутъ быть сравнены съ жертвованіемъ росс. двора.—Р.-эф: Бл. Порта въ разсужденіи вольности татаръ отдѣляетъ отъ себя на всегда мнѣнія націи и теряетъ очень знатное число подданныхъ.—О б р: Вы обманываетесь, если думаете, что татары были подданные, а не союзники Бл. Порты и такъ предоставляя себѣ духовную надъ оными власть и посредствомъ оныя узелъ привязанности и почтенія тѣмъ крѣпчайше, что на вѣрѣ основанной, Бл. Порта когда прямо сказать, противупологаетъ жертвованіямъ двора моего правъ собства на знатную часть татаръ и правъ завоеванія и дѣйствительнаго владѣнія па всѣхъ вообще, противупологаетъ только жертвованіе той частицы своей надъ татарами власти, которая будучи основана на старинныхъ злоупотребленіяхъ отъ самыхъ татаръ справедливо оспариваема была.... Р.-эф: Оставимъ древнія времена. Прежде настоящей войны всѣ татары неоспоримо Портѣ принадлежали и хотя Россія отъ имѣющихся у ней къ татарамъ правъ никогда но отказывалась, но и не отказывалась же отъ нихъ никогда и Порта, владѣя ими неоспоримо, вольностію ихъ дѣйствительный претерпѣваетъ уронъ въ своихъ силахъ.—О б р: Не можетъ быть правиломъ для державъ та пословица: к т о м о л ч и т ъ,— с о г л а ш а е т с я, ибо они говорятъ обыкновенно и отзываются смотря только по времени и обстоятельству. Тотъ въ самомъ дѣлѣ претерпѣваетъ убытокъ вольностію татаръ, кто дѣйствительно владѣетъ ими. Бл. Порта лишилась татаръ войною тогда, когда Россія ихъ пріобрѣла и пока в. пр-во высоко будете ставить сіе отдѣленіе татаръ отъ Порты, до тѣхъ поръ я спрашивать васъ не престану, кому они нынѣ принадлежатъ?—Р.-эф: Теперь татары никому не принадлежатъ, Россія пріобрѣла ихъ себѣ или обѣщаніями, или такими способами.

которые исключаютъ всякое право собства или господствованія надъ ними.—О б р: Я уже вамъ неоднократно сказывалъ, что во время войны дозволено всякіе употреблять способы.—Р.-эф: Бл. Порта получаетъ отъ татаръ представленія противу всего того, что Россія тамъ дѣлаетъ.—О б р: Съ сообщеннаго вамъ отъ меня артикула усмотрѣть можете, сколь дворъ мой мало желаетъ входить въ татарскія дѣла, что же касается до упомянутыхъ вами представленій, то я васъ увѣряю, что Бл. Порта до тѣхъ поръ получать оныя не престанетъ, пока приметъ трудъ содержать тамъ своихъ *эмиссаріевъ*. Мегмедъ-гирей и тѣ, кои ему послѣдуютъ, сочинять оныя и впредь будутъ такъ, какъ до сего времени ихъ сочиняли; что же до подписаній и печатей касается, то оныя всякой *эмиссари*, не опасаясь слѣдствій, легко поддѣлывать можетъ.—Р.-эф. спорилъ, чтобъ поддѣлываны были печати. Въ пріобрѣтеніи, таковыми способами послѣдовавшемъ, всякій самовластный поступокъ можетъ называться насиліемъ и яко таковъ долженствуетъ производить жалобы.—О б р: Я всегда вѣрилъ и нынѣ твердо содержу, что Бл. Порта не жаловаться, а благодарить Россію должна за то, что предъизбрала благодѣтельствовать татарамъ, имѣя силу и власть учинить имъ отмщеніе за непрерывно претерпѣваемыя отъ нихъ тяжкія обиды, за которыя нѣтъ зла на свѣтѣ, коего они не заслужили отъ Россіи.—Р.-эф: Я вамъ пересказываю то, что вообще говорятъ о поступкахъ обѣихъ сторонъ въ происшедшемъ отдѣленіи отъ Порты сей націи. Татары со стороны своей обѣщались тому содѣйствовать на нѣкоторыхъ кондиціяхъ, въ числѣ коихъ была напримѣръ и та, что Россія въ татарскихъ крѣпостяхъ не имѣетъ содержать гарнизоновъ. Сей договоръ, будучи Россіею нарушенъ, подалъ равно причину татарамъ чинить таковыя жалобы, о каковыхъ мы нынѣ говоримъ.—О б р: Я въ томъ не спорю, чтобы татары сего не требовали, и со стороны россійской на то соглашенось съ договоромъ только, что во все время продолженія войны будутъ совершаться въ назначенныхъ тогда именно крѣпостяхъ россійскіе гарнизоны и что по заключеніи мира будутъ возвращены имъ самимъ татарамъ оныя крѣпости, а не другому кому. Въ дѣлѣ семъ и во всемъ прочемъ поступлено тамъ такъ, какъ вообще дѣлается, когда между побѣдителемъ и побѣжденнымъ заключаются капитуляціи; татары, во многихъ сраженіяхъ побѣжденные отъ войскъ нашихъ, видя себя и селенія свои безъ защиты, подверженныя всякой военной напасти, другъ за другомъ требовали капитуляціи, представили кондиціи, которыя побѣдителемъ или подтверждены, или отчасти только приняты были. (Россійскій посолъ пересказалъ такъ, какъ въ 8 конференціи слово отъ слова, какимъ образомъ Россія пріобрѣла татаръ). Р.-эф: Сіи споры ни къ чему не служатъ, какимъ образомъ ни произошло пріобрѣтеніе Россіею татаръ, Бл. Порта уже соглашается на предложенную отъ Россіи имъ вольность и обѣщаетъ никогда не мѣшаться въ дѣла ихъ; сего довольно для удостовѣренія отъ стороны Бл. Порты той вольности. Настоящее же ваше требованіе признать Россію ручательницею оной, есть противно первому вашему предложенію учинить татаръ совершенно вольными и ни отъ кого независимыми, ибо подъ именемъ ручательства будетъ въ самой вещи Россія надзирательницею дѣлъ татарскихъ, которыя относиться къ ней будутъ, по мѣрѣ превосходства силъ ея надъ татарами, и какъ только наше мини-

стерство познаетъ усильное требованіе имперіи россійской, быть признанною ручательницею, да еще ручательницею всегдашнею вольности татарской, то по справедливости приведено будетъ въ сумнѣніе, имѣя уже предъ глазами примѣръ Польши, такожде подъ ручательствомъ россійскаго двора состоявшей и въ области которой, когда съ самаго начала вступили войска ваши и тамъ оставались, резонъ тому, объявленный отъ министровъ россійскихъ, былъ ручательства двора ихъ...— О б р: Если Бл. Порта, не взирая на предоставленную себѣ надъ татарами духовную власть, утверждаетъ, что одними обѣщаніями довольно удостовѣрена со стороны ея татарамъ вольность, то и перенятая дворомъ моимъ гарантія никакого со стороны Россіи не приноситъ той вольности предосужденія, ибо она равно торжественными двора моего обѣщаніями удостовѣрена, а сверхъ сего и самопроизвольнымъ его въ томъ поступкомъ; то неправда, чтобъ быть ручателемъ какой-либо націи, значило быть надзирателемъ оной или чтобъ титулъ гаранта заключалъ въ себѣ права противныя и предосудительныя вольности, самовластію или преимуществамъ націи, подъ гарантіею состоящей; точно гарантія называется та порука, которая употребляется отъ сильныхъ государствъ для предохраненія и удостовѣренія другъ противъ друга находящихся между ими малыхъ областей. Имперіи россійской, Портѣ Оттоманской и другимъ подобнымъ имъ великимъ государствамъ нѣтъ нужды въ ручателяхъ, напротиву того татарамъ яко малосильной націи, мѣстоположеніе свое имѣющей между двумя толь сильными державами для утвержденія новой ихъ вольности, какъ противу посторонныхъ покушеній, такъ и противу внутреннихъ злоумышленниковъ и дабы подать всѣмъ составляющимъ оную членамъ болѣе довѣренности и доброй надежды въ настоящемъ ихъ состояніи, нужно ручательство, т. е. торжественное обязательство сильной имперіи предохранять и защищать вольность ихъ противу каждаго и всѣхъ. Польскія дѣла словесно и письменно в. пр-ву отъ меня объяснены были, и я не понимаю какъ можетъ ставить въ примѣръ дѣла, съ настоящими столь различествующія министерство Бл. Порты; ежели къ направленію поведеній его необходимо надобны примѣры, то для чего не взирать на цвѣтущее состояніе нѣмецкой земли, послѣ Вестфальскаго трактата состоящей подъ ручательствомъ посторонныхъ державъ, безъ котораго уже бы давно приведена была въ состояніе, мало отъ неволи разнствующее. Обѣщанія Бл. Порты прямо сказать до тѣхъ поръ достаточны, пока тѣ живутъ, которые ихъ дѣлаютъ, а вамъ самимъ извѣстно, что трактаты по большей части относятся для потомственныхъ правленій... Р.-эф: Когда между двумя державами возстаетъ война, то и должно уже почитать или по крайней мѣрѣ обыкновенно почитаются нарушенными всѣ прежніе договоры и обѣщанія, *потомъ сказалъ:* Я прошу не принять въ худую сторону то, что я хочу вамъ сказать. Претендуемое ручательство вмѣняется у насъ въ скрытное желаніе къ овладѣнію наконецъ тѣми, за которыхъ прежде только ручательствовали.— О б р: Каждому слову можно давать такія истолкованія, какъ заблагоразсудится и самымъ искреннѣйшимъ поведеніямъ предопредѣлять наизлочестивѣйшій конецъ. Со всѣмъ тѣмъ, какъ я уже вамъ сказалъ, гарантія значитъ и въ самомъ дѣлѣ не иное что есть, какъ единая только порука.—Р.-эф: Обѣщаніе есть равнымъ образомъ порука, ибо тотъ, кто

одинъ разъ сдѣлалъ оное, въ другой разъ нарушить его не дерзнетъ. Въ противномъ же случаѣ нарушеніе обѣта, что въ настоящемъ обстоятельствѣ нарушеніемъ самаго трактата назваться можетъ, влечетъ за собою тѣ же самыя слѣдствія, какъ бы противъ чьего ручательства оное учинено было.—О б р: Величайшее есть въ томъ различіе. Росс. имперія сею гарантіею возьметъ на себя торжественное обязательство сохранять на всегда вольность татаръ; Порта же равнымъ образомъ въ каждомъ обстоятельствѣ увидитъ всегда сильную державу, по необходимости принужденную защищать татаръ; а сами татары будутъ имѣть всегдашнюю и безпрерывную довѣренность и добрую надежду въ ручательницѣ ихъ вольности. Вотъ слѣдствія и конецъ каждой гарантіи!... В. пр-во мнѣ сами говорите, что татары привязаны къ Портѣ и что переписываются съ нею; сіе еще болѣе доказываетъ сколь нужна гарантія. Порта наконецъ получивъ духовную власть надъ татарами не можетъ отъ двора моего требовать, чтобы онъ довольствовался одними ея обѣщаніями.—Р.-эф: Резонъ, для котораго они пишутъ и дѣлаютъ представленія къ Бл. Портѣ, можетъ быть въ собственномъ ихъ опасеніи происходящемъ отъ невѣдѣнія, какимъ образомъ окончены будутъ настоящія дѣла, да и сама Бл. Порта пока не учинитъ формальнаго обѣщанія не вмѣшиваться въ татарскія дѣла, не можетъ народъ сей почитать себѣ не принадлежащимъ, хотя таковое обѣщаніе готова она подтвердить и мирнымъ артикуломъ, только бы в. пр-во престали требовать, чтобъ въ ономъ признана была Россія ручательницею вольности татарской. (Обрѣсковъ допускаетъ возможность отказа Россіи отъ гарантіи подъ условіемъ отказа Порты отъ всякаго рода духовныхъ правъ надъ татарами.)—Р.-эф: Во время Фокшанскаго конгресса, гдѣ необходимость духовной зависимости татаръ должнымъ образомъ уже объяснена была, Россія не имѣла еще желанія поставить себя татарской вольности ручательницею.—Обрѣсковъ отрицаетъ это, и въ доказательство неосновательности подозрѣній Порты и искренняго желанія Россіею блага и спокойствія, „я не имѣя на то никакого повелѣнія, беру на себя предложить именемъ двора моего Бл. Портѣ воспріять обязательство совсѣмъ равнаго и подобнаго, какъ дворъ мой, въ вольности татаръ ручательства; дѣло сіе цѣлому свѣту докажетъ чистосердечіе и искренность обоихъ высоч. дворовъ. Рейсъ-эф., промолчавъ нѣсколько времени говоритъ, что еслибъ Порта трактовала съ татарами, то бы можетъ быть они имѣли основаніе искать кромѣ обѣщаній Порты, еще другихъ способовъ къ удостовѣренію ихъ вольности, а Россія въ случаѣ нарушенія Портою даннаго ею обѣщанія, имѣла бы и безъ ручательства всегда право воспрепятствовать нарушенію ею торжественнаго трактата. — О б р. возражаетъ, что объяснивъ достаточно резоны, по которымъ Россія приняла на себя ручательство вольности татаръ, и предложивъ Портѣ принять на себя такое же ручательство, онъ надѣется окончательно истребить всѣ ея сомнѣнія о правахъ ручателя; а такъ какъ сверхъ того за нею остается и духовная власть, то въ случаѣ непринятія ею этого предложенія, всему свѣту доказано будетъ, что со стороны Россіи ничего не упущено, чтобы привести мирные переговоры къ благополучному окончанію. Въ заключеніе Рейсъ-эф. заявилъ, что Порта приказала отвергнуть требованіе Россіею признать ея ручательство, но обѣщалъ донести о новомъ предложеніи Обрѣскова.

Протоколъ 23-й конф. 17 янв. 1773 г. Рейсъ-эфенди говоритъ, что теперь рѣшеніе вопроса о мирѣ „зависитъ единственно отъ дворовъ нашихъ“.

Письмо Обрѣскова Панину № 15 отъ 26 янв. 1773: Прилагаетъ упомянутыя въ № 13 (отъ 12 янв.) письма Румянцова и Обрѣскова къ визирю и гр. А. Орлову по поводу возбужденныхъ противъ него Портою жалобъ. Рейсъ-эф. не довольствуясь письмомъ Румянцева къ визирю, гдѣ онъ говоритъ, что Орловъ у него не въ командѣ, присылалъ требовать сообщенія ему копій съ писаннаго къ Орлову отъ Румянцева и Обрѣскова. „Сіе требованіе показалось мнѣ весьма невмѣстнымъ и глупымъ, то о фельдмаршальскомъ сказалъ, что оно было запечатано, но думаю, что равнаго съ моимъ содержанія, а въ моемъ нужное перемѣня, переводъ съ него ему доставилъ, но какъ при ономъ случаѣ переводчикъ Порты по престарѣлымъ лѣтамъ зачалъ было врать нѣкоторыя угрозы, въ случаѣ неисправленія происходящаго въ Архипелагѣ, а я накапунѣ чрезъ курьеровъ отъ А. Орлова, умышленно задержанныхъ въ Константинополѣ, получилъ письма, и свѣдавъ обстоятельно о всемъ тамъ происходящемъ, въ оборотъ сдѣлалъ ему сильный выговоръ за всѣ въ томъ краю со стороны Порты неистовые и доброй вѣрѣ противные поступки, а на утріе въ 25-й конференціи и самому послу тоже съ видомъ весьма недовольнымъ и въ выраженіяхъ нарочито крѣпкихъ восчувствовать далъ, и какъ онъ внутренно признавался, что они виноваты, то и возраженія его были слабы, а чтился только какъ бы меня поуспокоить клятвенными обѣщаніями о скоромъ сего поправленіи“.—Въ 24-й конференціи державной 21-го сего числа Рейсъ-эфенди по дѣлу извѣстнаго въ татарской вольности и независимости ручательства, давъ знать, что визирь представилъ султану и долженъ ожидать резолюцій, вступилъ въ разсужденія объ обстоятельствахъ нашей негоціаціи и изъ оныхъ вывелъ нужду въ продолженіи перемирія, которое предложеніе принялъ я съ холоднымъ видомъ: 1) по незнанію прямаго соизволенія высоч. двора, 2) Румянцевъ съ окончаніемъ настоящаго перемирія возможетъ ли сдѣлать противъ непріятеля какое предпріятіе и нанести ему ударъ, а притомъ зная, что всякое продолженіе перемирія морскимъ и сухопутнымъ ея в-ва войскамъ въ Архипелагѣ находящимся весьма предосудительно, то въ разсужденіи всего онаго не посмѣлъ рѣшиться ни на соглашеніе съ нимъ, ни на совершенное отверженіе его предложенія, а взялся только о семъ снестись съ гр. П. А., примѣтя, что по большей части случается, что министры на конгрессахъ трактуютъ о мирѣ, а полководцы въ то же время сражаются, которое примѣчаніе не весьма ему пріятно показалось. При семъ и 25-й конференціи протоколъ прилагаю, содержаніе котораго состоитъ почти въ одномъ помянутомъ турецкому послу выговорѣ за вѣроломные ихъ поступки въ Архипелагѣ и одержаніе курьеровъ“.—Прилагаетъ письмо къ Цегелину и полученное отъ него 22-го сего, изъ котораго усмотрите: 1) неосновательное Порты полаганіе, якобы въ конвенціи моей сдѣланной съ рейсъ-эфендіемъ о продолженіи перемирія и Архипелагъ включенъ... въ оной о подобномъ обязательствѣ ни слова нѣтъ, но во всемъ основана на первой конвенціи заключенной подъ Журжею, и 2) что гордость вѣроломнаго непріяте-

ля день отъ дня стремительно возрастаетъ, такъ что теперь оному не хочется уже уступить во владѣніе высоч. двору и ни единаго на Черномъ морѣ порта или пристани; почему извольте, м. г. мой, сами судить, можно ли во всем. ввѣренной мнѣ негоціаціи за всѣмъ моимъ всевозможнымъ напревительнѣйшимъ и усерднѣйшимъ раченіемъ желаемаго успѣха ожидать.

Письмо Обрѣскова къ визирю отъ 21 янв. 1773: сообщаетъ, что согласно обѣщанію, данному имъ рейсъ-эфендію, онъ Обрѣсковъ и Румянцевъ написали къ Орлову.

Протоколъ 24-й конф. 21 янв. 1773: Между прочимъ разсуждали о вольности татарской; Обрѣсковъ находилъ необходимымъ настоять на своихъ требованіяхъ ради безопасности Россіи, такъ какъ „Порта, по должности единовѣрія съ ними сыщетъ способы защищать ихъ“, если они захотятъ дѣлать своевольства въ русскихъ границахъ.—Р.-эф: „Сего дѣлать ей будетъ нельзя, учинивъ обѣщанія не мѣшаться въ татарскія политическія дѣла“.—О б р: „Сіе только ребятамъ говорить можно, ибо кому не извѣстно, что у васъ политическія и гражданскія равно какъ и духовныя дѣла относятся къ закону.—Р.-эф: Я сію матерію началъ для того только, чтобъ о чемъ-нибудь говорить. Далѣе турецкій посолъ представлялъ о необходимости продолженія перемирія, но Обр. настоялъ на предварительномъ опросѣ мнѣнія Румянцева.

Протоколъ 25-й конф. 24 янв. 1773.

Письмо Обрѣскова Цегелину отъ 21 янв. 1773 г: сообщаетъ о жалобахъ Абдуррезака на Орлова; оправдываетъ Орлова, сообщаетъ положеніе вопроса о татарахъ и проситъ поддержки своимъ требованіямъ.

Письмо Цегелина Обрѣскову 24 янв. 1773: „La Porte reste fermement décidée de ne point consentir à la cession d'un port sur la mer Noire et elle a deja pris ses arrangemens pour continuer la guerre, en cas que vous ne vous desistez point de cet article. Порта не пропускала курьера отъ Орлова къ Румянцеву вслѣдствіе внушеній французовъ, Порта ссылается на условія (ст. 8) конвенціи Спиридова, чтобъ новыя возобновленія перемирія происходили sur les mêmes conditions et articles, sur lesquelles on l'a conclu àprésent, поэт. не хочетъ посылать полномочнаго къ Орлову, тѣмъ болѣе, что опасается требованія болѣе тяжкихъ условій.—Къ письму постъ-скриптъ шифрованный: Mes dernières lettres de Vienne disent, que M. de Thougout a eu soin de prevenir sa Cour sur son refus de participer à la communication que j'ai fait à la Porte des dernières propositions de la Russie pour l'acheminement de la paix; qu'il n'y a pas apparence non plus qu'il reçoive des ordres pour appuyer ma démarche, que le Pr. Kaunitz au contraire approuve sa conduite et prétend que la Russie n'avoit fait qu'une ouverture confidentielle de son ultimatum et fait entendre, qu'il n'étoit pas nécessaire que nous appuiassions là dessus, mais que c'était l'affaire de son Ambassadeur à Boucharest, et quoique notre ministre conjointement avec M. le Pr. Gallitzin a voulu faire une tentative auprès le Pr. Kaunitz pour le désabuser et l'engager à donner ses ordres à M. de Thougout afin qu'il seconde nos mesures, mais le Pr. Galitzin a cru qu'ils ne

réussiroient pas à le faire changer d'opinion, parce qu'il paroissoit se défier beaucoup de la sincerité des dispositions du Pr. Kaunitz pour acceler la conclusion de la paix, d'autant plus que ce ministre a porté des plaintes au roi, mon maître, que je devois avoir insinuer à la Porte, qu'elle avoit d'autant plus lieu de se prêter à terminer cette guerre, que pour peu qu'elle différât, la Cr de Vienne ne manqueroit pas de se joindre aux Russes au printems prochain, pour enlever à la Porte tout ce qu'elle pourroit avoir jamais perdu auparavant. Par tout ceci je conclue naturellement, que de ce coté nous ne devons rien nous attendre pour le succès de la négociation, car au fond cette insinuation seroit en effet le moyen le plus propre pour faire bientôt entendre raison aux Turcs, et si l'on ne craignoit pas apparement d'avancer trop la pacification par là, et de voir traverser peut-être des desseins cachés à cet égard, je ne vois pas qu'il y eut de quoi tant se gendarmer si fort contre une insinuation qui au fond ne compromet en rien la Cr de Vienne... Au reste... je remarque qu'à chaque occassion il (интернунцій) est à chuchoter avec le Français...

Реляція Обрѣскова № 3 отъ 26 янв. 1773 (въ отвѣтъ на рескриптъ отъ 10 января): Благодаритъ за похвалы его рвенію и усердію, „но настоящія обстоятельства болѣе страшатъ меня неудачею, нежели подаютъ надежду видѣть миролюбивыя в. и. в-ва склонности удовлетворенными".

Письмо Обрѣскова Паннину № 16 отъ 26 янв. 1773: Будетъ стараться о достиженіи всего предписаннаго рескриптомъ 10 января, но изъ донесеній, начиная съ 15, а наипаче съ 22 декабря, можетъ усмотрѣть „случившуюся въ склонностяхъ Порты къ достиженію мира весьма явную перемѣну, такъ что нетокмо успѣхъ ввѣренной мнѣ негоціаціи становится сумнительнымъ, но и не безъ опасности быть скорому конгресса разорванію.—Въ 13-й конференціи рейсъ-эфенди весьма бы доволенъ былъ, когда-бъ ему въ замѣну Еникале и Керчи отвелось какое-нибудь мѣсто для построенія въ околичностяхъ также крѣпости, могущей Константинополь безопасностію обнадежить, а въ 16-й конференціи по полученіи отъ султана курьера потребовалъ возвращеніе и всѣхъ крѣпостей безъ изъятія, какъ въ крымскомъ полуостровѣ, такъ и на Кубанѣ лежащихъ; и съ того времени ни мало не отмѣнялъ своихъ требованій, а напослѣдокъ, какъ изъ письма г. Цегелина увидѣть изволите, замашки Порты до такой степени возрасли, что не намѣрена она уже уступить высоч. ея и. в-ва двору ниже единаго порта или пристани на Черномъ морѣ. Въ подобной ея Порты возвратившейся нескладной высокомѣрности и чаемыхъ ею, какъ видно счастливыхъ успѣховъ изъ продолженія войны, сами, м. г. мой разсудить изволите, возможетъ ли быть въ силахъ моихъ, что бы я ни дѣлалъ, убѣдить турецкаго посла и. преклонить его удовольствоваться представляемымъ мною въ силу полученнаго помянутаго высоч. рескрипта толь наипаче потому, что онъ посолъ самъ собою безъ согласія визирскаго, а сей безъ султанскаго соизволенія ничего не рѣшитъ; почему ежели бы ввѣренная мнѣ негоціація подкрѣпляема была должнымъ образомъ въ Константинополѣ, то бы еще оставалась нѣкоторая надежда о успѣхѣ ея; но какъ в. с-ву самому не безъизвѣстно, что противъ стараній

одного прусскаго посланника г. Цегелина въ пользу ея весьма многое число есть трудящихся вопреки, то и не удивительно, что и сей конгрессъ также разрушиться можетъ безплодно какъ и прежній.

В. с-во изъ другихъ моихъ всепокорнѣйшихъ видѣть уже изволите, что турецкій посолъ отвѣта по дѣлу Еникале и Керчи съ нетерпѣливостью ожидаетъ, то я коли нужду увижу, въ будущую конференцію ему въ силу высоч. рескрипта отзываться начну или въ послѣдующую, а объявленіемъ, что перемиріе болѣе продолжаемо не будетъ пообожду прямой нужды, дабы тѣмъ меньше предоставить имъ времени къ военнымъ приготовленіямъ, а г. ген.-фельдмаршалу болѣе; однакоже, сколько примѣчается, они сами не дремлятъ и для того-то онъ посолъ въ 24-й конференціи искалъ уже спознать намѣреніе относительно онаго перемирія.

В. с-во такожь примѣтить изволите изо всего мною доносимаго, что оказанная Портою податливость признавать татаръ вольными не столько чистосердечна, какъ то иногда полагается. Признаваніе татаръ просто вольными по мнѣнію моему, есть ничего незначащее. Татары суть магометане, слѣд. невольными быть не могутъ. Порта зная сіе хитро укрывается подъ симъ наименованіемъ, а никогда ни въ какомъ случаѣ ни словесно, ни письменно не пріобщаетъ тутъ наименованіе *независимыми;* а къ сему же сберегаетъ себѣ власть духовную, которая по закону ихъ и все прочее за собою безспорно влечетъ. Для открытія сей топкой Порты хитрости и прямаго ея намѣренія, вздумалъ я, м. г. мой, употребить умышленно яко pierre de touche требовать отъ нея признанія высоч. нашего двора въ той вольности и независимости ручательства, а напослѣдокъ и самой ей то же на себя взять представилъ. Теперь, м. г. мой должно все выдти наружу. Несогласіе ея явно докажетъ, что подозрѣнія мои не неосновательны, и что она Порта искала только обольстить высоч. нашъ дворъ такою податливостью, а въ существѣ ничего не давала; а когда согласится, то высоч. нашъ дворъ со всею надежностью почитать можетъ, что сдѣланная имъ по безпримѣрному человѣколюбію и великодушію великая жертва толикими завоеваніями будетъ прочная и доставитъ безсмертную славу всемилостивѣйшей нашей государынѣ, а притомъ и всегдашнее спокойство любезному нашему отечеству...

Письмо Обрѣскова Панину (частное) отъ того-же 26 янв. 1773 (въ отвѣтъ на письмо послѣдняго отъ 10 янв.).

Утвержденіе прочной татарской вольности и независимости, удержаніе за собою Яникале и Керче и неограниченное мореплаваніе, я, м. г. мой, какъ уже в. с-во изо всего моего поведенія видѣть изволите, такимъ дѣломъ поставляю, что безъ онаго и по уступленіи Портѣ всего того, что уже позволено, я первый почиталъ бы миръ не авантажнымъ, но посрамительнымъ; чего, м. г. мой, не токмо не хотѣлъ бы видѣть, но ниже слышать, потому что все бы нареканіе легло на васъ, м. г. моего, яко на главнаго въ министерствѣ; а на меня, яко на избранное къ сему дѣлу орудіе, и потому ни изъ чего на свѣтѣ не хотѣлъ бы я ни на ваше с-во, ни на себя въ пожилыхъ нашихъ лѣтахъ взложить какое ни есть пятно; для того-то, м. г. мой, бдѣю и рачу, чтобъ каждую матерію въ лучшую ясность привести, а особливо касательно вольности и независимости татарской. Мнѣ кажется, м. г. мой, въ обна-

доживаніе прочности сего великаго дѣла что бы ни было сказано, лишнимъ почесть нельзя. Я хитрости Порты въ семъ пунктѣ еще въ Фокшанскомъ конгрессѣ примѣтилъ, да и по сіе время не токмо не имѣлъ еще удовольствія быть оболгану въ монхъ полаганіяхъ, но и паче въ оныхъ подкрѣпляюсь, и для того-то, какъ уже изъ разныхъ протоколовъ конференцій в. с-во видѣть изволите, что я безъ всякихъ оборотовъ турецкому послу даю чувствовать, что ни обѣщанія его, ни кондиціи, въ трактатѣ постановлены быть имѣющія, довольны быть не могутъ безъ предлагаемыхъ мною средствъ ко обнадеживанію высоч-го нашего двора о прочности его зданія, но какъ вижу съ одной стороны крайнее желаніе достигнуть мира, а съ другой—возрастающуюся въ Портѣ высокомѣрность и отдаленіе склониться на само-резонабельнѣйшія кондиціи, то по совѣсти клянусь в. с-ву, что въ настоящемъ моемъ состояніи болѣе я духомъ стражду и мучусь, нежели во время злостнаго моего въ Едикуль заключенія. Многіе можетъ быть возмнятъ, что я веселюсь, напаче видя изъ журнала балы и концерты, но въ сихъ веселіяхъ участвуетъ одинъ лишь только всемилостивѣйше возложенный на меня характеръ, которому я во всякихъ случаяхъ должное воздавать тщился, а персонально посреди оныхъ веселостей не изрѣдка духъ мой страдаетъ, какъ такого человѣка, который угрожаемъ мгновеннымъ лишеніемъ всего того, что во всю продолжающуюся жизнь его, не щадя ничего пріобрѣтать онъ старался, т.-е. чести и званія усерднаго раба своему государю и истиннаго сына отечества.

Письмо Обрѣскова Панину № 17 отъ 2 февр. 1773 г. Рейсъ эфенди передалъ визирское письмо къ Румянцеву о согласіи визиря на отзывы рейсъ-эфендія касательно продолженія перемирія, хотя бы на 2—3 мѣсяца. 31 января была конференція (26-я). Изъ протокола ея усмотрятъ „продолжительно непреодолимую претительность Порты въ уступкѣ Еникале и Керчи, которая до такой степени дошла, что онъ, посолъ, напослѣдокъ чуть со мною не простился, сказавъ, что онъ уже теперь мой гость и зависитъ отъ моего благоизобрѣтенія; я сіе непріятное приключеніе нѣсколько поправить поспѣлъ отвѣтомъ моимъ, поверня дѣло якобы онъ разумѣлъ объ окончаніи конференціи и разъѣздѣ изъ оной, что въ волѣ его и что онъ былъ, есть и всегда будетъ почтеннѣйшимъ гостемъ. Однакоже, м. г. мой, мнѣ кажется что конгрессъ нашъ, такъ-сказать, почти наканунѣ своего разрыва и едва ли далѣе продолжится полученія изъ Константинополя отвѣта, развѣ резолюція Порты въ существѣ не столько рѣшительна, каковую повѣщаютъ министры дружескихъ дворовъ, тамъ пребывающихъ, какъ то увидѣть изволите изъ копій писемъ ихъ, при семъ прилагаемыхъ.—Предъ вечеромъ онъ, посолъ, призывалъ къ себѣ переводчика Панаіодороса, котораго ублажая всѣми хитростями имъ сродными, жаловался на худую его участь и что онъ надѣялся возвратиться съ похвалою и славою, а теперь увидитъ себя поруганнымъ и что недоброхотствующіе ему, а напаче предмѣстникъ его Османъ-эфенди тѣмъ веселиться будутъ; повторялъ тутъ тѣ же резоны совершенной Порты невозможности въ уступкѣ Яникале и Керче и которыя въ конференціи предъявлялъ; на что, по словамъ Панаіодороса, отвѣтствовалъ онъ согласно съ тѣмъ, что мною въ оной конференціи говорено. На утріе присы-

лалъ ко мнѣ секретаря своего Васифъ-эфендія подъ предметомъ звать къ себѣ Панаіодороса и говорилъ мнѣ о невозможности Портѣ уступить Яникаль съ Керчею тѣмъ же слогомъ, какъ и принципалъ его, да и мои отвѣты прежнимъ во всемъ были согласны, да Панаіодоросу онъ посолъ подтвердя прежнія рѣчи, прибавилъ, что ежели де Яникаль требуется единственно для прочности татарской вольности, то оную можно удовлетворить гарантіею какихъ-нибудь дружескихъ дворовъ безъ лишенія Порты всей безопасности, но какъ высоч-ее Е. И. В-ва сонзволеніе по сему пункту есть точное, то я на сіе и никакого отвѣта не далъ.

В. с-во изъ помянутаго протокола усмотрѣть изволите, что я въ замѣну Яникале и Керче представилъ на волю Порты избрать мѣсто для постройки крѣпостей токмо по кубанскому берегу, выключая Тамана, а о лежащихъ во внутри земли городахъ, какъ-то Старой и Новой Капылы, такожъ и объ Ачу, лежащемъ на берегу Азовскаго моря, ничего не упоминалъ, будучи увѣренъ, что первые два ни къ чему не послужили, яко по положенію ихъ во внутри земли не соотвѣтствующія намѣренію Порты, которое единственно простирается, чтобъ Еникальскій проливъ ею стереженъ и охраняемъ былъ, а третій яко весьма близко къ намъ лежащій, то дозволить тутъ туркамъ крѣпость построить, гарнизоны содержать и имѣть всегда мимо Яникале кораблеплаваніе, кажется мнѣ, м. г. мой, лишило бы желаемаго спокойствія и всегда много бы могло служить къ содержанію въ безпрестанной колебленности татарскіе народы. Послѣ завтра надѣюсь еще имѣть съ нимъ конференцію и тутъ смотря по нуждѣ и взявъ всѣ тѣ увѣренія, кои токмо въ натурѣ быть могутъ объ уступкѣ требуемыхъ Яникале и Керче, о неограниченномъ мореплаваніи, о признаніи татаръ вольными и независимыми по плану, отъ меня предложенному, о признаніи высочайшаго двора ручательства, и о прочихъ пунктахъ, мною турецкому послу письменно сообщенныхъ, рѣшусь, м. г. мой, и на объявленіе отрицанія отъ удовлетворенія за понесенные въ войнѣ убытки, дабы симъ переломить претительность Порты, такожъ и не быть бы въ отвѣтѣ за неупотребленіе послѣдняго и крайняго сего дозволеннаго средства. Равномѣрно жъ, м. г. мой, рѣшусь въ необходимой нуждѣ и на дозволеніе постройки крѣпости въ углу острова Тамана; но признаюсь в. с-ву, что на сіе поступлю единственно только въ силу высоч-хъ повелѣній, ибо и теперь Таманъ, служитъ способомъ содержанія татаръ въ колебленности, то что̀ можетъ быть тогда, когда турки по бокъ его будутъ имѣть крѣпость и гварнизоны и какого спокойствія или преданности оныхъ народовъ къ высоч-му нашему двору ожидать можно.

Письмо визиря къ Румянцеву: просить о продолженіи перемирія.

Протоколъ 26-й конференціи 31 янв. 1773. На вопросъ Обрѣскова Рейсъ-эф. говоритъ, что не получалъ еще отвѣта Порты на представленіе о ручательствѣ.—О б р. говоритъ, что получилъ отвѣтъ своего двора: „я предложилъ двору моему наипространнѣйшимъ образомъ и со всякою точностію объявленныя мнѣ отъ в. пр-ва резоны и мои на оные отвѣты, изъ чего дворъ мой позналь, что Бл. Порта никогда не согласится оставить во владѣніи Россіи Еникале и Керчу, если прежде

не получитъ во владѣніе себѣ въ сосѣдствѣ тѣхъ крѣпостей другаго какого города или по крайней мѣрѣ тамъ напротиву мѣста способнаго къ состроенію одной крѣпости. На все сіе получилъ я отъ двора моего резолюцію, что ежели для удостовѣренія безопасности Бл. Порты недовольны тѣ мѣста, коими она еще на Кубани владѣетъ, то сверхъ оныхъ можетъ Бл. Порта избрать равно на кубанскомъ берегу, выключая Таманъ, другое какое мѣсто, поколику ей нравится, смежное съ Еникале и построить на ономъ крѣпость по соизволенію своему. Сей двора моего отвѣтъ совершенно удовлетворяетъ требованія, которыя вы дабы споспѣшествовать уступкѣ Еникале, дѣлали, чтобъ имѣть Портѣ близъ Еникале или крѣпость, или мѣсто для состроенія новой... Есть много въ тѣхъ странахъ таковыхъ мѣстъ, которыя всѣ неподалеку отъ Еникале, напр. Сунджукъ и Бату. Если в. пр-во помните, я вамъ такожде говорилъ и о пристаняхъ Анатольскихъ, которыя равно недалеко отъ Еникале; но вы мнѣ отвѣчали, что изъ тѣхъ пристаней проходу изъ Еникале флота россійскаго видѣть не можно. Итакъ, нынѣ сверхъ помянутыхъ отъ меня городовъ, весьма близъ Еникале лежащихъ, Бл. Порта можетъ избрать тамъ напротиву другое для себя мѣсто и построить на ономъ такую крѣпость, какая ей заблагоразсудится.—Р.-эф.: Сунджукъ и Бату не могутъ ни въ чемъ служить для безопасности Бл. Порты, ибо какъ только одинъ разъ во владѣніи Россіи останется Азовъ, то необходимо нужно Бл. Портѣ имѣть крѣпость надъ проливомъ изъ Азовскаго въ Черное море. Въ семъ проливѣ, называемомъ Еникальскимъ съ одной только стороны могутъ свободно проходить суда; слѣдовательно и безопасность Бл. Порты состоитъ въ томъ, чтобъ владѣть симъ проходомъ. И когда я точно в. пр-ву утверждалъ, что все дѣло о примиреніи обѣихъ имперій зависитъ отъ того, чтобъ Бл. Порта могла сыскать въ жертвованіяхъ своихъ мѣсто для собственной безопасности, тогда в. пр-во взяли сіе ад-референдумъ. Въ каждой конференціи, прежде и послѣ держанной между нами, я всегда утверждалъ, что успѣхъ настоящей негоціаціи зависитъ на безопасности Бл. Порты.—О б р.: Съ моей стороны я равно всегда требовалъ, чтобъ дѣло о мирѣ основано было какъ на безопасности двора моего, такъ и вольности татарской.—Р.-эф.: Неужели вамъ остается еще какое-либо сумнѣніе о вольности татарской?—О б р.: В. пр-во мнѣ говорите, что татары вольные, и я тому вѣрю, ибо по закону вашему никто изъ магометанъ не можетъ быть невольникомъ у единовѣрнаго съ нимъ; но по сіе время я еще не могъ отъ васъ слышать того, чтобъ вы татаръ письменно или словесно когда-нибудь назвали независимыми, какъ то я всегда ихъ называю. — Р.-эф.: Я въ семъ пунктѣ уже вамъ уступилъ и признаю отселѣ на впредь татаръ вольными, слово сіе *вольный* значитъ у насъ не имѣть надъ собою господина; сверхъ же того обѣ стороны имѣютъ описать татарскую вольность въ артикулахъ равнаго содержанія. — О б р.: Неужели нѣтъ на вашемъ языкѣ слова, точно значащаго независимость?—Р.-эф.: Во всякомъ случаѣ мы всегда можемъ изъяснить дѣло сіе, какъ только вамъ заблагоразсудится. В. пр-во можете быть увѣрены, что Бл. Порта ничего въ настоящей негоціаціи не дѣлаетъ съ хитростію. — О б р.: Я въ томъ не сумнѣваюсь и оставляя сію матерію, вновь предлагаю вамъ, что сходственно съ требованіями вашими, Бл. Порта кромѣ владѣемаго ею города на Ку-

бани, можетъ избрать исключая только Таманъ другое какое мѣсто для построенія на ономъ крѣпости.—Р.-эф. повторилъ почти слово отъ слова учиненные имъ въ началѣ сей конференціи два отвѣта, а росс. посолъ припомнилъ всѣ дѣланныя имъ въ 13 и 14-й конференціяхъ о сей матеріи объявленія, свои на то отвѣты, содержаніе представленій ко двору своему и резолюцію своего двора, и окончилъ рѣчь свою, требуя, что бы вслѣдствіе всего того объявлено было ему какое мѣсто избираетъ Бл. Порта для состроенія тамъ крѣпости.—Р.-эф.: Въ доказательство тому, что во всѣхъ предложеніяхъ Бл. Порта не имѣла другаго предмета, какъ собственную свою безопасность и спокойствіе, я вамъ нѣсколько разъ и разными образы говорилъ сіи слова: когда бы для безопасности Бл. Порты была неподалеку отъ Еникале другая какая крѣпость или мѣсто для построенія новой, то бы я никакого затрудненія не учинилъ уступить Россіи Еникале. А какъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни такой крѣпости, ниже такого мѣста, то и необходимо нужно, чтобъ сіи оставались во владѣніи Бл. Порты, для удостовѣренія собственной ея тишины и безопасности. — О б р.: Для удостовѣренія тишины Бл. Порты, если по самой истинѣ не имѣетъ она въ таковомъ своемъ требованіи другаго намѣренія, есть на Кубанскомъ берегу другія мѣста, кои служить ей могутъ и остается только, чтобъ в. пр-во выключая Таманъ, яко уступленное мѣсто татарамъ, избрали какое другое и мнѣ о томъ объявили.—Р.-эф.: Еникале мѣстоположеніе свое имѣетъ такъ, что легко отъ твердой земли каналомъ его отдѣлить можно, дабы не оставалось Россіи никакого сумнѣнія, что Бл. Порта посредствомъ Еникале желаетъ владѣть татарами или ихъ себѣ покорить; въ требованіи города сего обѣихъ сторонъ резоны не опасается Бл. Порта чтобъ предъ цѣлымъ свѣтомъ судимы были, ибо безъ всякаго сумнѣнія, Порта, уступая городъ сей, невозвратно теряетъ свою безопасность и спокойствіе.—О б р.: Если тѣ жъ самыя крѣпости останутся во владѣніи Бл. Порты, то равномѣрно и дворъ мой всю безопасность и спокойствіе потеряетъ. А то вѣрно, что когда Бл. Порта построитъ крѣпость съ пристанью, посредствомъ которой надсматривать можетъ надъ Еникале и Керчею, то всеконечно не останется ей никакого сомнѣнія о спокойствіи своемъ и никакого предосужденія для ея безопасности. — Р.-эф.: Владѣя Россія крѣпостью Еникалемъ, чрезъ краткое время силы ея въ Черномъ морѣ такъ умножатся, что, по самой справедливости говоря, благоразумнымъ людямъ въ Константинополѣ ниже одинъ разъ спокойнымъ сномъ попользоваться нельзя будетъ. Всѣ сіи разсужденія многажды я чинилъ предъ в. пр-вомъ...— О б р.: Я ко двору моему представилъ какъ требованія ваши, такъ и резоны, на конхъ вы оныя утверждаете и дворъ мой дозволеніемъ Портѣ избрать мѣста для построенія крѣпости, такожде и возвращеніемъ всего завоеваннаго за сіи два маленькія мѣстечка по колику возможно доказываетъ миролюбіе свое. Уступить Еникале и Керчу никоимъ образомъ дворъ мой не можетъ; резоны же для конхъ удерживаетъ сіи двѣ крѣпости суть столько сущіе и справедливые, сколько резоны Бл. Порты состоятъ только въ одномъ воображеніи и мнительности, ибо что наконецъ значатъ тѣ чрезвычайныя силы, кои чрезъ краткое время можетъ произвесть Еникале, если останется въ рукахъ Россіи и которые лишатъ всякаго спокойствія столицу имперіи Оттоманской.

Всѣ сіи разсужденія одно свойство Чернаго моря отвергаетъ...—Р.-эф.: В. пр-во за мало считаете требовать отъ Бл. Порты такъ важной крѣпости, какъ Еникале?—О б р.: Всегда въ великое ставятъ то, что уступается. Въ семъ в. пр-во и сторона ваша послѣдуетъ обыкновеніямъ негоціаторовъ; но я отзываюсь къ собственной вашей прозорливости и справедливости дабы рѣшить, если требованія россійскаго двора не суть умѣренныя. — Р.-эф.: Бл. Порта самопроизвольно не можетъ вручить Россіи ключь отъ Константинополя. — О б р.: Еникале уже намъ принадлежитъ. — Р.-эф.: Я говорю самовольно согласиться, чтобъ Россія тѣмъ городомъ всегда владѣла и если Бл. Порта отказывается отъ таковаго признанія, то конечно оправдаема она будетъ предъ лицемъ Божіимъ и цѣлымъ свѣтомъ, ибо ничто не можетъ наградить потерянія собственной тишины и безопасности.—О б р.: Всѣ сіи опасности состоятъ въ одномъ только воображеніи. Мнимаго сосѣдства здѣсь вовсе нѣтъ, ибо между Еникале и столицею Бл. Порты есть цѣлое пространство Чернаго моря, кромѣ того что каналъ Константинопольскій есть столько же крѣпокъ съ сей стороны, сколько отъ стороны архипелага, гдѣ флотъ нашъ, такъ сказать, не имѣя уже болѣе непріятелей, принужденъ былъ въ недѣйствіи оставаться для того, что нѣтъ способу что-либо предпріять противу канала Константинопольскаго.—Р.-эф.: Если нѣтъ способу силою пройтить въ каналъ, однакожъ всегда можно равнымъ образомъ и со стороны Чернаго моря пресѣчь проходъ съѣстнымъ припасамъ въ Константинополь, такъ какъ уже то сдѣлано было въ Архипелагѣ.—О б р.: Сіе только во время войны случается, которой послѣ таковаго трактата, каковъ настоящій быть имѣетъ, не должно опасаться. Нынѣшнія времена наиточнѣйшимъ образомъ обѣимъ имперіямъ доказали, сколь должно имъ уклоняться отъ войны; а искать соблюсти миръ, который отнынѣ впредь утвержденъ и охраняемъ взаимно быть имѣетъ какъ всеобщимъ, такъ и особеннымъ интересомъ.—Р.-эф.: О семъ уже было говорено; но для Бл. Порты нужно прежде всего самой себя обезопасить. Исключая же Еникале и Керчу, нѣтъ никакого другаго мѣста, на которомъ бы построенная крѣпость могла воспрепятствовать флотамъ россійскимъ проходъ внутрь областей Бл. Порты. — О б р.: Россіи равнымъ образомъ нужно отнять у Бл. Порты вольный проходъ внутрь областей россійскихъ, для безопасности которыхъ и удостовѣренія вольности татарской, Россія довольствуется одною крѣпостью Еникале съ Керчью.—Р.-эф.: Довольно мирныхъ договоровъ для удостовѣренія вольности татарской. — О б р. въ отвѣтъ на сіе подробно повторялъ все то, что на таковыя предложенія многажды въ прошедшихъ конференціяхъ Рейсъ.-эфендіею говорено было о невозможности утверждаться на однихъ только обѣщаніяхъ и необходимости уравновѣсить духовную Бл. Порты надъ татарами власть. — Р.-эф.: Сія духовная власть очень мало значитъ, когда будучи связана съ союзомъ и съ подданствомъ отъ толикихъ вѣковъ Портѣ сего народа, опровергнута однакожъ была небольшимъ со стороны Россіи покушеніемъ...—О б р ѣ с к о в ъ: Всякое требованіе можетъ быть оправдаемо неспаведливѣйшими повидимому резонами, но существо и точность дѣла сего въ томъ состоитъ, что безъ Еникале всѣ въ тѣхъ странахъ на прежнемъ остается основаніи... — Р.-эф.: Мы въ первый разъ еще видимъ, что татары вольными остаются. Всему свѣ-

ту извѣстна добрая вѣра Бл. Порты въ соблюденіи трактатовъ и конечно никогда съ ея стороны нарушены не будутъ постановляемые здѣсь договоры. — О б р.: Между державами рождаются часто войны тогда, когда бы по видимому менѣе ихъ ожидать должно было, которыя хотя происходятъ отъ причинъ совсѣмъ посторонихъ, разрываютъ однакожъ дружбу и уничтожаютъ всѣ конвенціи. Послѣдній мирный трактатъ казался быть основаннымъ на вѣки, со всѣмъ тѣмъ польскія дѣла могли уничтожить оный, хотя Бл. Порта ни по единовѣрію своему съ Польшею, ниже другимъ какимъ съ нею предварительнымъ обязательствомъ, не видѣла себя принужденною мѣшаться въ польскія дѣла, такъ чего жъ теперь ожидать должно, когда дѣло идетъ о магометанахъ. Каждый день сочиняются новые трактаты, совсѣмъ тѣмъ частыя войны, которыя мы видимъ, должны доказать намъ, сколь нужны въ трактатахъ предосторожности...

Здѣсь начался и продолжался нѣсколько времени споръ о дѣлахъ польскихъ слово отъ слова такъ, какъ въ прошедшихъ конференціяхъ и Р.-эф. возвращаясь наконецъ къ главному предмету настоящей конференціи, старался доказать, что и безъ Еникале Россія посредствомъ Азова, Таганрога и укрѣпленной новосербской границы можетъ какъ себя отъ татаръ обезопасить, такъ и ихъ довольно защищать.

Росс. посолъ отвѣчалъ, что, не считая послѣднихъ его предложеній, Бл. Порта довольно удостовѣрить безопасность свою можетъ имѣющимися у ней пристанями и крѣпостьми на азіатическихъ Чернаго моря берегахъ, между которыми Синапо разстояніемъ отъ Крыма только въ шести, а Трапезондо въ двадцати четырехъ часахъ. Объ Азовѣ же и Таганрогѣ и о границѣ Новой Сербіи повторилъ онъ все то, что о неспособности сихъ мѣстъ многажды въ прошедшихъ конференціяхъ Рейсъ-эфендію говорено было и окончалъ рѣчь свою объявляя, что онъ съ удивленіемъ видитъ Бл. Порту, не смотря на послѣднія его предложенія, упрямо требующую Еникале.—Р.-эф.: Нѣтъ способу вмѣстить безопасность Бл. Порты съ уступкою Еникале.—О б р.: Я очень сожалѣю видѣть себя принужденнымъ объявить вамъ, что удержать Еникале и Керчу есть послѣдняя и непремѣнная двора моего резолюція. Предлагаетъ онъ дворъ мой Бл. Портѣ избрать для себя на противномъ Кубанскомъ берегу мѣсто для построенія крѣпости и въ ономъ состоитъ все то, что дворъ мой можетъ сдѣлать для споспѣшествованія миру.—Р.-эф.: Пускай Россія войдетъ въ состояніе Бл. Порты.—О б р.: Пускай сама Порта войдетъ въ состояніе Россіи.—Р.-эф.: Предосужденія, происходящія отъ уступки сего города для Бл. Порты суть неизмѣримыя.—О б р.: Я ихъ не понимаю, кажется, что мы нынѣ въ военномъ времени находимся. Россія владѣетъ не только Еникале, но всѣмъ Крымомъ, имѣетъ престрашный флотъ въ Средиземномъ морѣ, господствуетъ устьемъ Дуная; со всѣмъ тѣмъ Бл. Порта не столько нападенія на Константинопольскій каналъ нынѣ опасается, сколь впредь, когда останется Россія при одномъ только Еникале.—Р.-эф: Для таковаго предпріятія, каково есть нападеніе на каналъ Константинопольскій потребны столь великія пріуготовленія, что едва оныя въ 20 лѣтъ мирнаго времени сдѣланы быть могутъ.—О б р: Если такимъ образомъ разсуждать, то во всемъ можно найти предосужденіе. Мнѣ кажется, что Бл. Порта по сіе время имѣла морскія и сухопутныя си-

лы, а вы со мною теперь говорите такъ, какъ будто бы она въ край-
нюю навсегда слабость приведена была.—О б р: Нападеніе на каналъ
Константинопольскій и притѣсненіе столицы оттоманской все состоитъ
въ одномъ только воображеніи.—Р.-эф: Дозвольте мнѣ не послѣдовать
въ томъ вашему мнѣнію. Духовные и прочіе знатные чины имперіи
оттоманской сыскиваютъ въ уступленіи города сего Россіи сущія и
тяжкія предосужденія для Бл. Порты.—О б р: Когда какое либо дѣло,
по несчастію, подвержено предубѣжденію, тогда всѣ смотрятъ на оное
съ одной только стороны и хотя нѣкоторые и различно въ томъ раз-
суждаютъ, но видя общее заблужденіе не смѣютъ объявить мнѣнія
ихъ.—Р.-эф: Господь положилъ предѣлы государствамъ и оные безъ
святой воли его отмѣнены быть не могутъ.— О б р: Конечно, Господь
полагаетъ и отмѣняетъ оные, въ прошедшія времена границы Бл. Пор-
ты съ одной стороны простирались до р. Днѣпра и до самаго Азова,
было время, что доходили и до Астрахани, съ другой же стороны гра-
ницы ея почти до самой Вѣны простирались, но война въ состояніи
государствъ тѣ же самые дѣлаетъ перемѣны, какіе землетрясеніе про-
изводитъ въ шару земномъ и для того должно всегда въ пору позна-
вать опредѣленія Божіи и повергать себя онымъ. Однакожъ росс. дворъ
уступаетъ Портѣ всѣ завоеванія свои, удерживаетъ только Еникале и
Керчу, изъ чего заключить можно, что не ищетъ онъ распространять
области свои.—Р.-эф: Я всему предложилъ равновѣсіе.—О б р: До сего
времени безпрестанно о равновѣсіи говорено было, будто бы какъ
росс. дворъ на деньги могъ промѣнять безопасность владѣній своихъ.
Извѣстно мнѣ, что въ Константинополѣ есть такіе люди, кои совѣту-
ютъ Портѣ ни въ чемъ не уступать, обнадеживая ее, что Россія ску-
достію денегъ вскорѣ принуждена будетъ заключить миръ. Обманыва-
ютъ сіи люди Бл. Порты министерство; я уже говорилъ и нынѣ еще
повторяю, что Россія такъ мало въ деньгахъ истощена, что во все
время настоящей войны подданные ея ни къ чему сверхъ обыкновен-
ной въ мирное время подати не обязаны. А притомъ дворъ мой ниже
малѣйшей суммы никому не долженъ. Если подобнымъ зловредныхъ
людей внушеніямъ внимать станетъ Бл. Порта, то я знать нынѣ не
хочу до чего дѣла приведены быть могутъ.—Р.-эф: Я по истинѣ не
знаю если въ Константинополѣ о томъ говорятъ да и подобныя рѣчи
могутъ только слышателей сыскать въ простомъ народѣ, ибо свѣду-
щіе и благоразумные люди конечно знаютъ, что великія державы не
торгуютъ своими областями или интересомъ. Впрочемъ, ежели Россія
полагаетъ безопасность свою во владѣніи крѣпостью Еникале, то Бл.
Порта нетолько полагаетъ въ томъ же самомъ оную, но и считаетъ
крѣпости Еникале и Таманъ яко глаза безопасности своей съ той сто-
роны; какъ можно уступить оныя Россіи?—О б р: В. пр-во глазами Бл.
Порты называете Еникале и Тамань и съ оныхъ Россія беретъ одинъ
для себя, другой отдаетъ татарамъ; а Бл. Портѣ дозволяетъ построить
для себя третій глазъ, посредствомъ котораго могла бы она видѣть
проходъ въ Черное море Росс. судовъ. Болѣе сего отъ Россіи Порта
требовать не можетъ.—Р.-эф: Нѣтъ въ тѣхъ странахъ къ построенію
таковой крѣпости способнаго мѣста, и я увѣренъ, что в. пр-во приме-
те наконецъ извиненія Бл. Порты.—О б р: Дозвольте мнѣ сказать, что
извиненія въ семъ Бл. Порты никогда отъ двора моего приняты не

будутъ.—Р.-эф: Я считая здѣсь себя вашимъ гостемъ и отдаюсь совсѣмъ на расположеніе в. пр-ва.—О б р: Воля в. пр-ства. Вы были, есть и будете всегда безъ всякой перемѣны уважаемы какъ почтеннѣйшій гость.—Р.-эф., перемѣня рѣчь, началъ говорить о постороннихъ дѣлахъ. А потомъ приказалъ позвать визирскаго чиновника, привезшаго ему отъ султана кафтанъ, представилъ его росс. послу и, по краткомъ дружественномъ разговорѣ, съ нимъ простился.

Письмо Тугута отъ 2 fevr. n. st. 1773: Отвѣтъ на письмо Обрѣскова отъ $^{7}/_{18}$ января; совмѣстно съ Цегелиномъ nous avons reitéré les représentations les plus instantes, mais nous avons rencontré encore cette fois une inflexibilité si determinée que nous nous trouvons toujours dans le cas facheux de n'avoir à vous annoncer que des regrets sur le peu de succès de nos soins. Порта не соглашается на уступку Еникале и Керчи, и говоритъ que c'était sur les frontières qui séparoient du côté de la terre les deux états, qu'on devrait chercher les moyens de contenir les tartares, et de se garantir de leurs incursions. Султанъ увѣряетъ, что Еникале и Керчь считаются constamment par leur position comme la dé de cette capitale, и поэт. онъ никогда не рѣшится на ихъ уступку... Il serait en tout cas certainement fort désirable pour le bien de l'humanité, qu'on pût trouver quelque expedient d'une convenance reciproque, pour prévenir la crainte des malheurs, qu'entrainerait la continuation d'une guerre destructive. — Рейсъ-эф: далъ еще понять, qu'il existait encore plusieurs autres difficultés relatives à l'art. des tartares.

Письмо Цегелина отъ 2 févr. n. st. 1773: Отвѣтъ на письмо Обрѣскова $^{7}/_{18}$ января; сожалѣетъ, что изъ за двухъ misérables places можетъ возгорѣться война; по приказанію короля дѣлалъ представленія Портѣ des suites facheuses qui en résulteroient au préjudice de la Porte. Voici la réponse du Reis effendi: Que l'on ne pouvoit jamais prevoir ce qui arriveroit dans l'avenir, que la fortune pouvoit bien se tourner aussi de leur côté et leur faire regagner ce qu'ils avoient perdu. Потомъ дѣлалъ представленія совмѣстно съ Тугутомъ, что желательно, чтобы вопросъ объ уступкѣ Керчи и Еникале не останавливалъ замиренія, tous les autres articles étant pour ainisi dire reglés. Le R.-ef., a répondu ladessus, qu'outre la cession de Ienikale et de Kertche, il y avoit encore d'autres articles auxquels la P. ne pouvoit pas consentir, sçavoir premièrement, que la R. vouloit remettre au chan des tartares toutes les forteresses dans la Crimée qui appartenoient à la Porte; en second lieu, qu'elle voulait envoyer à chaque nouveau chan la pelisse et le calpack de la même manière que la Porte, et en 3-lieu, prendre elle même la garantie sur tout ce qui sera stipulé par raport aux tatares; dans tout ceci elle ne pouvait poînt consentir et qu'elle avait déja envoyé ses ordres à Abdouresak-eff. sur tous ces points... Je suis très chagrin qu'après tant de travail, ces deux miserables bicoques seront cause que la guerre continue. Рейсъ-эф: еще разъ докладывалъ потомъ султану, но заявилъ послѣ того par ordre de son souverain la même chose qu'il avait déja dit lui-même, ajoutant que puisque nous exhortions la Porte de faire la paix, qu'elle espéroit que nos Cr. voudroient bien faire la même chose à la Cr de R. pour la porter à se desister de ces quatre articles tou-

chant les tatares, alors la paix pouvait se conclure; mais sans cela il était impossible à la Porte de se prêter à sousrire à des conditions arssi onérenses pour son empire.

P. S. шифрованный: Il est bien difficile de penetrer les veritables sentimens de la Porte; car selon sa façon de parler qu'elle affecte extérieurement, on dirait qu'elle se trouve dans la meilleure situation du monde; mais lorsqu'on jette un coup d'oeuil sur sa situation rèelle, je ne saurois pas m'imaginer qu'elle sera assés aveugle de ne pas faire la paix, en cédant les deux villes en question; son peuple est las de la guerre et ne respire que pour la paix. Les ulemas affectent une opiniatreté qui ne me parait pas naturelle; car au fond ils sçavent fort bien dans quel état l'empire se trouve et il sera assés difficile de ramasser une aussi grande armée qu'elle se vante de pouvoir faire, et quoiqu'elle a une douzaine de vaisseaux de guerre, ils sont si mal pourvus, qu'ils n'oseront pas se présenter hors les Dardanelles. Toutes ces circonstances me font espérer que malgré son langage hautain, lorsque vous viendrés au moment decisif, et que l'armistice touchera à sa fin, qu'elle se relachera sur Ienikale et Kertche. Si elle ne le fait pas, il faudrait que Dieu se sert de cette occasîon pour aveugler le conseil du sultan pour lui faire sentir après d'autant plus son chatiment. Malgré l'apparente bonne volonté de mon collegue de faire avec moi ensemble cette démarche, je n'ose pas me fier trop, car mon interprête a observé que depuis l'arrivée de votre lettre Testa a été plusieurs fois en conférence secrette avec le R.-eff., et je soupçonne que le sieur de Thugut lui même a suggéré la reponse qu'on nous a donné hier, comme il a fait autrefois. Le puis me tromper; mais les apparences sont telles cependant; il faut le menager pour lui faire accroire qu'on prend pour bon argent comptant ce qui peut être n'est que de la fausse monnoie. Il était si peu empressé de vous repondre qu'il m'a fait dire par son secrétaire d'attendre avec ma réponse encore trois jours et jusqu'après le départ du courier de Vienne; mais je n'ai pas voulu m'y prêter...

Письмо Панину № 19 отъ 9 февр. 1773. Препровождаетъ протоколъ 27-й конференціи. В. с-во во всемъ пространствѣ изъ онаго усмотрѣть изволите съ какою живностію и съ какимъ жаромъ опая происходила и наконецъ конгрессъ дошелъ было до дѣйствительнаго разрыва.

Я, основываясь на прежнемъ турецкаго посла желаніи имѣть въ близости Еникале какое-либо мѣсто удобное для постройки крѣпости, могущей замѣнить Еникальскія выгоды, какъ то въ протоколѣ 13 конф. объяснено, и видя крайнюю его претительность удовольствоваться представляемыми мною мѣстами на Кубанскомъ берегу Чернаго моря и не хотя впустить его имѣть ногу на Таманскомъ острову, представилъ свободность построить крѣпость на пустомъ и безыменномъ острову, лежащемъ посреди Таманскаго и Крымскаго пролива напротиву угла помянутаго острова Тамана, къ Черному морю простирающемуся и крымскаго полуострова одного мыса, называемаго Акбурунъ, яко весьма соотвѣтствующій наружнымъ намѣреніямъ Порты, т.-е. замѣнить Еникаль, а симъ самымъ стеречь и охранять проливъ, да и обезопасить столицу въ вышнемъ степенѣ. Но какъ прямые виды Порты въ крайней ея претительности на уступку Еникале и Керчи простираются совсѣмъ къ другому, нежели къ тому, что предъявляютъ, потому

Рейсъ-эф., въ предложенномъ мною не находя своего счета, употребилъ разныя отговорки, а напослѣдокъ и сродное имъ неистовство, т.-е. отрицаніе своихъ собственныхъ словъ. Чему однакоже, м. г. мой, удивляться не должно,—Животъ свой каждому дорогъ. В. с-во изъ писемъ г. Зегелина, посланныхъ мною 29-го мин. декабря видѣть изволили угрозы Порты ему Рейсъ-эфендію, ежели онъ въ чемъ-нибудь инструкціи своей преступилъ, которыя и были причиною примѣченной мною осязательной перемѣны въ отзывахъ его въ 16 конференціи, державной 20 декабря, да и нынѣшнему неистовому отрицанію тѣ же самыя суть причиною, въ чемъ смущеніе его явно примѣтно было, говоря, что ежели я протоколомъ 13 конференціи употребленіе сдѣлаю, то великое ему предосужденіе нанести можетъ. Напослѣдокъ, м. г. мой, убѣжденія мои о способности представляемаго мною для крѣпости островка удовлетворить во всей полности намѣреніе Порты, а его отрицаніи онымъ удовольствоваться, и неотмѣнными настояніями имѣть Еникаль съ Керчею довели было насъ почти до дѣйствительнаго конгресса разорванія, такъ что онъ двоекратно отзывался, что онъ теперь уже испроситъ у Порты дозволеніе о своемъ отъѣздѣ. На первый я съ оказательствомъ цѣлой индеферентности отвѣтствовалъ, что то состоитъ въ совершенной волѣ его, равнымъ же образомъ и на другой; но видя моментъ рѣшительный къ предсказанному в. с-ву перелому сдѣланіемъ объявленія послѣдняго ея и. в-ва снисхожденія о уступкѣ ей Портѣ справедливо требуемаго удовлетворенія за понесенные въ войнѣ убытки, объявилъ оную, предваря однакожь разными кондиціями. Я ласкаюсь, м. г. мой, что в. с-во сами усмотрѣть изволите, что я сею великою жертвою не поспѣшилъ, но сдѣлалъ въ такой моментъ, который упустя или бы предварилъ, то конечно бы въ первомъ случаѣ неминуемо конгрессъ нашъ былъ разорванъ, а во второмъ не почлась бы въ ту цѣну въ каковую, сколько примѣтно, нынѣ стала, ибо явно было видно въ лицахъ такъ Рейсъ-эфендія, какъ и присутствующихъ съ нимъ нечаянное удивленіе смѣшанное съ удовольствіемъ. Онъ просилъ меня о повтореніи мною произглашеннаго, въ чемъ я его и удовольствовалъ; тогда онъ вновь началъ положеніе того островка и разныя обстоятельства поближе и съ спокойнѣйшимъ предъ прежнимъ духомъ разсматривать и по нѣкоторыхъ еще разговорахъ и претительностяхъ, которыя я резонами моими изъ средины вынулъ, такъ что напослѣдокъ онъ взялся Портѣ о томъ доносить, оговорясь однакожь, что онъ ни въ чемъ не ручается, а сообщитъ мнѣ во всей искренности ту резолюцію, которую онъ получитъ, прося притомъ чтобъ я ему далъ на письмѣ мною объявленное и кондиціи оныхъ объявленій предварлющія, отчего я не отрекся, но въ тотъ же день послалъ къ нему за подписаніемъ моимъ ноту. Я подписалъ ее въ томъ разсужденіи, что оная имѣетъ служить рѣшеніемъ къ принятію Портою послѣдней резолюціи; какая же она будетъ, то совсѣмъ неизвѣстно, ибо турецкій посолъ ничѣмъ не обязался, слѣдственно и ничего надежнаго нѣтъ видѣть всем. ввѣренное мнѣ дѣло желаемымъ успѣхомъ увѣнчанным; однако же, м. г. мой, извѣстная всѣмъ надменная салтанова скупость подаетъ искру надежды и можетъ быть преклонитъ его на мысли миролюбивѣйшія прежнихъ и понынѣ видимыхъ, ибо теперь единственно отъ салтана съ его совѣтомъ успѣхъ или разрывъ негоціацій зави-

ситъ, а между мною и турецкимъ посломъ всевозможное сдѣлано и въ моихъ рукахъ на каждый не предвидимый случай остается еще уступка Очакова съ Кильбурномъ обѣщанныя уже Портѣ министрами дружескихъ дворовъ и которыхъ я требую единственно для того, что въ такомъ то нужномъ случаѣ было бы еще что-нибудь уступить, а въ самой крайности и не большой уголъ Таманскаго острова къ Черному морю лежащаго.

Въ оной же конференціи Рейсъ-эфенди навѣдывался у меня о мнѣніяхъ г. ген.-фельдмаршала касательно продолженія вновь перемирія, предложеннаго отъ верх. визиря, я ему отвѣтствовалъ, что онъ ген.-фельдмаршалъ, видя конгрессъ тянущимся безъ рѣшенія главныхъ артикуловъ, въ запасъ испрашивалъ у высоч. двора повелѣній, что дѣлать имѣетъ, въ случаѣ ежели бы мирная негоціація къ истеченію перемирія окончанія своего недостигнетъ и что такія повелѣнія дней въ 15 въ полученіи имѣть надѣется, а тогда и къ верх. визирю отвѣтствовать будетъ. Онъ, посолъ, съ холодностію сіе принялъ и видно, что о семъ дѣлѣ будетъ ему отъ визиря особливо поручено, ибо на утріе послалъ трехъ курьеровъ, изъ которыхъ одного въ Видинъ, другаго въ Силистрію, а третьяго къ Абди-пашѣ, держащемуся при Базарчикѣ, съ вѣроятностію судить можно съ повѣсткою онымъ пашамъ быть ко всему въ готовности. Что же я точно не исполнилъ высоч. повелѣніе въ объявленіи ему прямо, что перемиріе болѣе продолжаемо не будетъ, а старался остановить сіе въ недоумѣніи, то въ разсужденіи томъ, что оное къ иному бы послужить не могло какъ къ вящему побужденію ихъ къ скорѣйшему себя въ должный порядокъ приведенію".—Предъ вечеромъ, въ день конференціи пріѣзжалъ секретарь турецкаго посла, съ объявленіемъ, что посолъ для лучшаго успѣха его представленій отправитъ племянника своего, и съ представленіемъ, что на возвратъ послѣдняго съ резолюціею Порты надобно будетъ дней до 20-ти, а потомъ нужно будетъ нѣкоторое время для приведенія въ порядокъ мирныхъ артикуловъ, къ чему можетъ быть перемиріе недостанетъ... „Чрезъ полчаса возвратился съ помянутою моею нотою. Читая оную, по поводу разоренія Очакова и уступленія Кильбурна высоч. нашему двору, говорилъ, что де всѣ прочіе артикулы можетъ быть Портою примутся, но сіи два никогда; первый, яко недозволяемый закономъ, т.-е. разорять мечети, а второй, что высоч. нашъ дворъ, имѣя въ Крыму Еникале съ Керчею, какая нужда ему быть можетъ въ Кильбурнѣ, а для Порты оба оныя мѣста весьма надобны и что потому Рейсъ-эф. не смѣетъ Портѣ и доносить и какъ де не жалостно, что за такое малое дѣло толь великіе труды втунѣ останутся и подданные продолжительно военнымъ бѣдствіямъ подвергнутся. Мой ему отвѣтъ состоялъ въ томъ, что мы должны обо всемъ доносить, а высоч. дворы рѣшить по ихъ благоизобрѣтенію. Послѣднее мое объявленіе есть ультиматъ изъ ультиматовъ, котораго я ни въ чемъ отмѣнить не могу. Р-эф. пусть пишетъ къ Портѣ о моихъ предложеніяхъ, а я донесу высоч. моему двору о его примѣчаніяхъ и со временемъ увидимъ, что дворы наши повелятъ намъ дѣлать. При выходѣ онъ по поводу рѣчи далъ мнѣ выразумѣть, что Р.-эф. по причинѣ сихъ двухъ пунктовъ думаетъ не посылать племянника своего. Я сухо отвѣтствовалъ, что можетъ дѣлать что хочетъ, для меня совсѣмъ индеферентно, съ чѣмъ онъ и от-

ѣхалъ; а часъ спустя пріѣхалъ переводчикъ Порты съ объявленіемъ, что Р.-эф. прежде свиданія со мною не намѣренъ доносить Портѣ ни о говоренномъ мною въ конференціи, ни о доставленной ему нотѣ, но какъ де племянникъ его тихо поѣдетъ, то сегодня его отправляетъ, а что при свиданіи нашемъ рѣшимъ, то за нимъ съ нарочнымъ вслѣдъ пошлетъ. Я, видя хитрости, на сіе не токмо сухо, но и весьма холоднымъ видомъ отвѣтствовалъ, что я послѣднее мое слово сказалъ и что въ волѣ Р.-эфендія писать или не писать, мнѣ болѣе никакой нужды нѣтъ. Тутъ старикъ бросился меня обнимать съ прошеніемъ продолжать мое чистосердечное къ приведенію толь великаго дѣла къ совершенному окончанію. По такимъ отзывамъ я и полагалъ, что въ послѣдующей 28-й конференціи мнѣ что-нибудь о сихъ дѣлахъ говорить будетъ, но однакоже ни слова; повидимому слыша отъ Бенликчи эфендія и переводчика Порты видимую мою совершенную индиферентность поопасся, чтобъ и ему самому очевидцомъ тому же не быть; и такъ, м. г. мой, сіе дѣло пошло въ Константинополь, откуда и послѣдней резолюціи ожидать должно. При ономъ случаѣ я также писалъ къ министрамъ дружескихъ дворовъ г. Цегелину и Тугуту.

Здѣсь пріемлю вольность в. с-ву примѣтить о невнесеніи въ помянутую ноту требованія моего о формальномъ Портою признаніи ручательства высоч. двора въ вольности и независимости татарскихъ народовъ, потому что оное во всей его силѣ изображено въ 11 артикулѣ, который въ оной нотѣ во всемъ его пространствѣ безъ малѣйшаго изъятія основаніемъ представленъ.

Такожь надѣюсь, м. г. мой, что о вольномъ кораблеплаваніи болѣе спора не будетъ, ибо послѣднее мое противъ подобныхъ притѣсненій возраженіе, что одни побѣдители предписываютъ законы, а побѣжденные онымъ повергаются, столь было рѣшительно, что Р.-эф. отвѣтствовать ничего инаго не имѣлъ какъ только то, что Богъ одинъ побѣдитель... Ко мнѣ графъ А. Орловъ ничего новаго не пишетъ, а только весьма жалуется на коварства непріятельскія и на разныя неудобства, происходящія отъ перемирій.

Протоколъ 27-й конференціи 4 февр. 1773 г. О б р. началъ сію конференцію, спрашивая у Рейсъ-эф. рѣшительнаго отвѣта на учиненныя ему при послѣдней конференціи предложенія.—Р.-эф: Теперь уже не вамъ отъ меня, но отъ васъ надлежитъ мнѣ испрашивать отвѣтовъ на требованія, которыя я вамъ учинилъ чрезъ присутствующаго здѣсь Панаіодороса... О б р: Онъ мнѣ тоже сказывалъ, о чемъ и вы мнѣ въ послѣдней конференціи говорили и на что я тогда же вамъ отвѣчалъ. Въ прочемъ я думая, что о подобныхъ дѣлахъ удобнѣе словесно между нами, нежели чрезъ посыльныхъ говорить, отложилъ до настоящаго свиданія съ вами слышать все то, что вы мнѣ сообщить заблагоразсудите.—Р.-эф: Требованія в. пр-ва о Еникале ради причинъ неоднократно вамъ отъ меня объявленныхъ, несовмѣстно съ безопасностью Бл. Порты. Напротиву того нельзя сказать, чтобъ безопасность вольности татарской зависѣла единственно отъ невладѣнія Бл. Портою тѣми крѣпостями; ибо можно сыскать другія средства къ удостовѣренію той вольности, которыя апробованы будутъ отъ всѣхъ европейскихъ державъ и дворъ вашъ отвергая конечно всѣ другія средства безопас-

ности кромѣ удержанія во владѣніи своемъ Еникале, явно доказываетъ, что имѣетъ онъ сверхъ безопасности вольности татарской и своихъ границъ другія намѣренія. — О б р: Нѣтъ ничего столь яснаго, какъ причины, для коихъ дворъ мой требуетъ Еникале. Во первыхъ безопасность своихъ границъ, которыя будучи отъ стороны владѣній татарскихъ столь пространны; нѣтъ другаго средства къ защищенію ихъ, какъ имѣть внутри владѣній татарскихъ крѣпость, прерывающую злоумышленія неспокойной сей націи. Другая причина есть безопасность тѣхъ же самыхъ татаръ, коихъ независимость никогда не можно почитать твердо основанною, какъ со стороны Бл. Порты ради духовной власти и воспоминовенія прежняго ея надъ татарами господствованія, которыя навсегда при ней остаться имѣютъ, такъ и со стороны самихъ татаръ ради натуральной сея націи по единовѣрію къ Бл. Портѣ преданности, которую неоднократно вы сами признавали. Третій резонъ есть въ перепятомъ дворомъ моимъ вольности татарской ручательствѣ, ибо въ случаѣ нужды долгъ ручателя исполнять двору моему неудобь возможно будетъ, если не останется во владѣніи его какая-либо въ области татарской крѣпость. Всѣ сіи резоны суть осязательные и столь важные, что не дозволятъ никогда двору моему ничего въ артикулѣ семъ уступить.—Р.-эф: Россія должна отступить отъ требованія сего безопасности средства, яко отъ невозможнаго чего.—О б р: В. пр-во называете то средство нынѣ невозможнымъ; однакожъ, представленія, учиненныя отъ меня ко двору моему не иное какое основаніе имѣли, какъ собственныя ваши въ 13-й нашей конференціи объявленія уступить Еникале, если сыщется тамо въ сосѣдствѣ одно только мѣсто для построенія крѣпости.—Р.-эф: Я не отрицаюсь, что говорилъ если сыщется въ тамошней околичности другое какое мѣсто, столько же способное къ удостовѣренію безопасности Бл. Порты, сколь Еникале. А какъ такого мѣста нѣтъ, то повидимому употребилъ я сей образъ рѣчи дабы вящше вамъ доказать и сколь нужно для Бл. Порты Еникале, и что оное требуется единственно ради безопасности Бл. Порты.—О б р: В. пр-во не только словесно, но и клятвою меня увѣряли, что уступится Еникале, какъ только сыщется способное мѣсто къ построенію крѣпости. На кубанской сторонѣ много такихъ мѣстъ сыскать можно, не считая Сунджука и другихъ мѣстъ, неподалеку отъ Еникале лежащихъ, какъ на кубанскихъ, такъ и на азіатскихъ Чернаго моря берегахъ.—Р.-эф: Не только Сунджукъ и другія мѣста, но и самый Таманъ не могутъ воспрепятствовать росс. флотамъ выходить въ Черное море.—О б р: О Таманѣ здѣсь не говорится, выходить въ Черное море россійскимъ судамъ Еникале и Керче равно воспрепятствовать не могутъ. Прежде настоящей войны Россія сими крѣпостьми не владѣла, со всѣмъ тѣмъ въ прежде бывшихъ ея съ Портою войнахъ всегда имѣла флотилію на Черномъ морѣ и желать въ военное время не допустить или воспрепятствовать росс. судамъ выходить въ оное море есть тоже самое, что желать невозможнаго чего. Сію истину в. пр-во и сами чувствовали въ прежде держанныхъ между нами конференціяхъ, когда показывая вамъ Синапскую пристань и другія на азіатскомъ берегу, яко мѣста близь Крыма лежащія, вы отвѣчали мнѣ, что изъ оныхъ выходу въ Черное море росс. судовъ видѣть нельзя и для того требовали отъ меня къ построенію крѣпости мѣста, про-

тиву Еникале лежащаго; слѣдовательно дѣло состоитъ въ томъ, дабы имѣть крѣпость или мѣсто къ построенію оной такъ близко Еникале, чтобъ изъ онаго можно было видѣть выходъ росс. судовъ въ Черное море и надзирать какъ надъ всѣмъ Еникальскимъ проливомъ, такъ и надъ цѣлою окружностію крымскихъ и кубанскихъ береговъ; чего изъ одной или болѣе крѣпостей, находящихся на кубанской сторонѣ и принадлежащихъ еще къ Бл. Портѣ столь неправно дѣлать нельзя; и такъ я хотя и не имѣю на то повелѣнія отъ двора моего, а послѣдуя только миролюбивымъ его намѣреніямъ, самъ отъ себя предлагаю Бл. Портѣ мѣсто для построенія таковой крѣпости, лежащее между островомъ Таманъ и берегомъ крымскимъ и мѣстоположеніемъ своимъ вящшимъ образомъ удовлетворяющее резоны Бл. Порты, какіе бы они ни были.—Здѣсь росс. посолъ приказалъ разложить географическую карту и указалъ турецкому послу островъ, лежащій между Таманъ и крымскимъ берегомъ.—Р.-эф: Мнѣ сей островъ незнакомъ; вижу его на картѣ, однакожъ не знаю можно ли на немъ жить или строить крѣпость и, не вѣдая сего, я ничего вамъ сказать не могу.—О б р: Изъ глубины морской воздвигаются крѣпости, для чего жъ бы не можно строить оныя на островахъ.—Р.-эф: Намѣреніе Бл. Порты состоитъ въ томъ, чтобъ обезопасить владѣнія свои; а я не знаю, если въ военное время островъ сей можетъ возбранять проходить росс. судамъ въ Черное море.—О б р: Препятствовать проходу ни коимъ образомъ не возможно; хотя бы Бл. Порта и всѣ тамошніе берега укрѣпила, когда не пройдутъ днемъ, то пройдутъ ночью, а въ военное время какъ только одинъ разъ выйдутъ суда на открытое море, то всѣ уже укрѣпленія ни къ чему не служатъ и въ первой кампаніи счастіе обыкновенно назначиваетъ того, кто во все время войны имѣетъ господствовать на морѣ; но положимъ, что бы противу всякой вѣроятности Россія когда-нибудь вознамѣрилась атаковать Бл. Порту, которая будучи конечно одна изъ пансильнѣйшихъ державъ въ Европѣ, принуждена бы была Россія употребить много времени на одни только приготовленія и въ такомъ случаѣ крѣпость, на томъ островѣ находящаяся, защищаемая мѣстоположеніемъ своимъ посреди прохода и подкрѣпляемая другими, близь ея лежащими на кубанскихъ и азіатскихъ берегахъ крѣпостьми и пристаньми есть въ самомъ дѣлѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь ее положилъ, яко прямой глазъ и достовѣрный стражъ спокойствія и безопасности Бл. Порты. Примѣчайте, в. пр-во, мѣстоположеніе ея ближе къ Керчи, нежели Таманъ посреднѣ устья Еникальскаго пролива надзираетъ равно Крымъ, Кубань и хожденіе судовъ, и составляетъ съ крѣпостьми и пристаньми, которыя вы видите на кубанскихъ и азіатскихъ берегахъ и которыя всѣ ее подкрѣпляютъ такъ крѣпкую границу, какъ болѣе желать нельзя.—Р.-эф: Дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ удостовѣрить Константинопольскій каналъ. — О б р. Тотъ островъ довольно оный удостовѣряетъ.—Р.-эф: Не правда ли в. пр-во, что постановленіе мира сего зависитъ со стороны Россіи отъ двухъ вещей: 1) отъ безопасности границъ россійскихъ и 2) отъ безопасности вольности татарской; первую довольно удостовѣряютъ уступки, сдѣланныя уже двору вашему отъ Порты и всѣ тѣ крѣпости, которыми Россія въ тѣхъ странахъ владѣетъ; для удостовѣренія же вольности татаръ можно сыскать другіе способы; такъ для чего жъ бы уступле-

ніемъ Портѣ Еникале не уничтожить единственной препоны къ заключенію мира только отъ самой Россіи желаемаго?—Обр: Въ такомъ случаѣ татары никогда вольностію своею пользоваться въ покоѣ не будутъ, пока Бл. Порта всѣ удобь возможные способности имѣть будетъ ихъ атаковать; а напротиву того Россія никакой способности къ защищенію ихъ.—Р.-эф: Не съ тѣмъ постановляются трактаты, чтобъ ихъ нарушать.—Обр. Я уже довольно живу на свѣтѣ, чтобъ знать по самой точности мѣру той довѣренности, которую должно имѣть въ трактатахъ и если же предложите мнѣ и ручательство другихъ державъ, то я и въ ономъ не нахожу довольной для стороны моей безопасности, ибо и Бѣлградскій трактатъ подъ ручательствомъ французскаго двора состоялъ.—Р.-эф: Портѣ равнымъ образомъ нужно удостовѣрить свою безопасность.—Обр: (Указывая въ картѣ на островъ),—вотъ удостовѣреніе безопасности Бл. Порты; когда островъ сей надлежащимъ образомъ укрѣпленъ будетъ, то въ самомъ дѣлѣ сдѣлается глазомъ безопасности Бл. Порты, и наконецъ будьте увѣрены, что не было и не будетъ никогда со стороны двора моего намѣренія атаковать Бл. Порту, а когда одинъ разъ настоящія дѣла постановлены будутъ, то я увѣренъ, что не такъ скоро придутъ въ помѣшательство; ибо обѣ имперіи, отвѣдавъ уже силы одна другой, не станутъ такъ легко внимать коварныхъ людей внушеніямъ и миръ продолжится на вѣки.—Р.-эф: По инструкціямъ моимъ я долженъ требовать Еникале, но какъ в. пр-во предлагаете мнѣ тотъ островъ, то скажите чистосердечно, если не намѣреваетъ наконецъ россійскій дворъ Еникале оставить татарамъ.—Обр: Нѣтъ, Еникале и Керча должны оставаться за Россіею.—Р.-эф: Я тому не вѣрю.—Обр: Вы не должны въ томъ сумнѣваться, ибо получилъ я на то отъ Государыни моей высоч-ю резолюцію, подписанную собственною Ея В-ва рукою, да я, если прямо сказать, и не очень разумѣю настоящій нашъ споръ. Послѣ того, какъ в. пр-во въ 13-й конференціи точно меня увѣряли, что уступите Россіи Еникале, когда сыщется для Порты въ тамошней окружности мѣсто способное къ построенію крѣпости.—Р.-эф: Я не говорилъ, что уступлю Россіи, а сказывалъ только, что Бл. Порта отступитъ въ такомъ случаѣ отъ требованія сихъ крѣпостей. — Росс. посолъ, утверждая противное, Р.-эф. продолжалъ тако: если бы во время наибольшихъ о семъ споровъ и произнесъ я какое-либо слово, которое въ переводѣ могло бы имѣть двойной смыслъ, со всѣмъ тѣмъ однакожъ не могъ я никогда выговорить словъ столько противныхъ инструкціямъ моимъ, сколько упомянутыя отъ васъ у с т у п и т ь Р о с с і и; по крайней мѣрѣ должно было разумѣть, что уступлю въ семъ пунктѣ, т. е. что не буду болѣе настоять о томъ.—Обр: Когда я чего-либо требую для Россіи, а вы говорите у с т у п а ю или уступилъ бы на такой кондиціи, то я долженъ все сіе разумѣть въ мою сторону, а не въ другую чью. Въ прочемъ объявленія ваши въ 13-й конференціи суть очень ясныя и я хочу имѣть честь упомянуть вамъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Здѣсь росс. посолъ приказалъ перевесть на турецкое тѣ пассажи изъ 13-й конференціи, которыми Р.-эф. наиболѣе утверждалъ, что уступитъ Еникале Россіи, если сыщется мѣсто къ построенію крѣпости.—Р.-эф. Съ видимымъ неудовольствіемъ выслушавши оныя, сказалъ: Сіе средство къ обличенію меня, если узнаетъ дворъ мой, можетъ причинить мнѣ осо-

бенныя предосужденія и я безвинно пострадать могу, если будетъ употребляться сіе писаніе.—О б р: Я увѣряю васъ, что никогда не желалъ причинить симъ вамъ какое-либо безпокойствіе, а тѣмъ менѣе предосужденіе. Сами видите какъ рѣчь насъ до того довела, что я вамъ показалъ 13-ю конференцію; но въ настоящемъ засѣданіи первоначальный мой предметъ есть дать прямо чувствовать Портѣ, что Россія никогда и никому не согласится уступить Еникале и Керчу, а при томъ и указать вамъ то мѣсто, которое по положенію своему должно удовлетворить резоны Бл. Порты, какіе бы они ни были.—Р.-эф: Говорите, что вы хотите, а нѣтъ мѣста способнаго для безопасности Бл. Порты, если во владѣніи Россіи останутся Еникале и Керча.—О б р: Не въ томъ ли дѣло состоитъ, чтобъ видѣть проходъ росс. судовъ въ Черное море? Вотъ вамъ въ семъ островѣ прямой глазъ, которымъ Бл. Порта можетъ видѣть и надзирать всѣ тамошнія мѣста. — Р.-эф.: Невозможно въ томъ себя увѣрить, чтобъ въ семъ со стороны Россіи требованіи не было другихъ какихъ намѣреній.—О б р.: Если в. пр-во приписываете двору моему другія намѣренія, то для чего не терпите вы, чтобъ я Бл. Порту равно подозрѣвалъ, тѣмъ болѣе, что могу я показать вамъ десять важныхъ причинъ сомнѣваться о намѣреніяхъ Порты, когда едва вы сыскиваете одинъ резонъ подозрѣвать Россію.—Р.-эф.: На что искать другіе резоны; образъ, коимъ Россія пріобрѣла себѣ татаръ довольно оправдаетъ сумнѣнія Бл. Порты.—О б р.: Какимъ бы образомъ ни пріобрѣла Россія татаръ, обѣщаніями ли или оружіемъ, нѣтъ въ томъ нужды; всегда однакожъ послѣдовало то дозволенными въ войнѣ способами. Правда, что во время отдѣленія татаръ отъ Порты, учинены между имперіею всеросс. и владѣніемъ татарскимъ разные договоры и взаимныя обѣщанія и Россія по сіе время славнымъ образомъ обѣщанія свои исполняетъ, напротиву того татары и сходственно съ самаго васъ объявленіемъ, переписываясь съ Бл. Портою не удерживаютъ обѣщанія ихъ, ежедневно обманываютъ Россію и нарушаютъ съ ихъ стороны заключенный контрактъ.—Р.-эф.: Я не знаю, если татары въ договорахъ своихъ обѣщали не переписываться съ Портою.—О б р.: Не только обѣщали, но и клялись, и послѣ таковаго со стороны ихъ поступка, Россія конечно болѣе не обязана соблюдать нарушенный уже татарами трактатъ. Со всѣмъ тѣмъ соблюдаетъ оный, сохраняетъ и обѣщанія свои; но въ то же самое время чувствуетъ сколь нужно удостовѣрить благо, отъ трудовъ ея происшедшее; съ другой стороны Бл. Портѣ оказываетъ всевозможную свою умѣренность, дабы споспѣшествовать заключенію спасительнаго дѣла о мирѣ возвращеніемъ ей всѣхъ завоеваній своихъ, изъ которыхъ, коль они ни велики, исключаетъ только она два голые замка, нужные для собственной ея безопасности, яко единственный плодъ напсчастливѣйшей войны; да и болѣе еще дѣлаетъ, предлагая Бл. Портѣ мѣсто чрезвычайно важное и близостію своею опасное той же самой вольности татарской, которую Россія съ толикимъ трудомъ ищетъ удостовѣрить. В. пр-во видите въ семъ островѣ прямую защиту и наружную оборону канала константинопольскаго; вы видите въ немъ тотъ глазъ, который пересматривая всѣ пограничные берега, пристани и моря всегда вящше доказывать будетъ Бл. Портѣ, сколь напрасно и несправедливо опасается она отъ Россіи нечаяннаго нападенія. — Вы видите притомъ,

начиная отъ сего острова вдоль по берегамъ кубанскимъ, азіятскимъ и европейскимъ, области, преисполненныя крѣпостьми, пристаньми, городами, лѣсами и прочими свойствами богатаго и сильнаго владѣнія Оттом. имперіи. Кто запретить можетъ Портѣ за первымъ извѣстіемъ какого-либо со стороны Россіи движенія пріуготовить свои флоты и принять другія въ подобныхъ случаяхъ обыкновенныя мѣры. Имперія Оттом. не малое княжество маломощное и неимѣющее ничего.—Р.-эф.: Я повторю то, что въ началѣ сей конференціи говорилъ,—если дѣло идетъ о вящшемъ удостовѣреніи вольности татарской, то можно сыскать средства, которыя довольно утвердятъ опую и произведутъ сіе благо, не причиняя никакого предосужденія и зла коей либо контрактующей сторонѣ. Я теперь ожидаю отвѣтовъ на представленіе мое о ручательствѣ и надѣюсь получить оное сходственное съ предложеніями вашими. Какое же лучшее средство къ удостовѣренію вольности татарской? — О б р.: Я принужденнымъ себя нахожу предостеречь васъ въ томъ, что обманываетесь вы если думаете, что, признавая Россію ручательницею вольности татарской, сіе можетъ убѣдить ее уступить что-либо изъ требованія своего о Еникале и Керчи.—Р. эф.: Итакъ, если мнѣ дозволите, то я представлю Портѣ о моемъ отъѣздѣ.—О б р.: Въ вашей власти то состоитъ. Со стороны двора моего все возможное сдѣлано, дабы приближиться къ заключенію мира, коего онъ не лицемѣрно желаетъ.—Р.-эф.: Если я обязуюсь удостовѣрить вольность татарскую такимъ образомъ, который за благо будетъ принятъ отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ, такъ на что жъ чинить новыя затрудненія?—О б р.: Я не знаю, какъ о томъ разсуждаютъ всѣ прочія державы, а знаю то, что дворъ мой доказываетъ цѣлому свѣту безпрекладную умѣренность свою уступленіемъ Бл. Портѣ всѣхъ завоеваній своихъ и удерживая яко единственный плодъ подвиговъ и трудовъ своихъ тѣ два бѣдные городка.—Р. эф.: Сей есть не плодъ, но средство, изобрѣтенное дворомъ вашимъ для полученія онаго; прямой плодъ настоящей войны долженъ быть для имперіи россійской—собственная ея и татаръ безопасность; если же предложу я вамъ другое средство къ полученію той же безопасности, которое и отъ всѣхъ прочихъ державъ апробовано будетъ?—О б р.: Я уже вамъ сказывалъ, что не знаю, какъ о томъ помышляютъ прочія державы; можетъ быть и льстится Порта обнадеживаніями; но могу васъ увѣрить, что предложенные отъ двора моего способы къ примиренію были предварительно апробованы отъ постороннихъ дворовъ, которые и почли ихъ за напумѣреннѣйшіе и я нынѣ хочу вамъ повторить то, что завсегда имѣетъ быть двора моего ультиматумъ. Вольность татаръ сходственно съ предложеннымъ вамъ отъ меня планомъ въ 11-мъ артикулѣ; уступленіе Еникале и Керчи Россіи и мореплаваніе съ коммерціею для всякаго рода судовъ во всѣхъ моряхъ Оттоманскаго владѣнія вольное безъ всякаго изъятія и другіе артикулы, отъ меня вамъ предложенные, все прочее уступлено будетъ.—По поводу навигаціи Р.-эф. сказалъ: Ясно понять можно намѣренія двора россійскаго.—О б р.: Никакая держава не имѣетъ права предписывать законы другой державѣ; одна Порта хочетъ имѣть то преимущество въ разсужденіи Россіи. Не намѣренія какія-либо принуждаютъ здѣсь требовать столь пространнаго мореплаванія, но честь и благопристойность имперіи росс. не дозволяютъ терпѣть въ семъ

артикулѣ никакого изъятія; дабы восчувствовать сію правду довольно посмотрѣть на свойство Чернаго моря: по немъ военные корабли плавать не могутъ; но хотя бы было оно хуже всякой рѣчки, однакожъ когда всѣ прочія малыя и большія европейскія державы имѣютъ вольное мореплаваніе во владѣніяхъ Бл. Порты, то равно честь и благопристойность требуютъ, чтобы Россія пользовалась тѣмъ же самымъ правомъ. Одни побѣдители предписываютъ подобные законы, а побѣжденные повергаются онымъ. — Р. эф.: Одинъ Господь есть побѣдитель. Подобныя, однакожъ, требованія рождаютъ сомнѣнія. Если желаете коммерціи, я въ томъ не прекословлю, да на что жъ требовать другаго? Франція хотя древняя Бл. Порты пріятельница, и въ томъ нѣтъ сумненія, чтобъ когда-либо между ею и имперіею Оттом. могла быть война, со всѣмъ тѣмъ версальскій дворъ никогда не требовалъ дозволенія производить коммерцію военными кораблями; а въ требованіяхъ о мореплаваніи в. пр-ва такія выраженія, кои необходимо возбуждаютъ сумнѣнія Бл. Порты. — О б р.: Я сначала требовалъ мореплаванія и коммерціи наипристойнѣйшимъ для обонхъ сторонъ образомъ; но когда увидѣлъ въ отвѣтахъ вашихъ исключенія и изъятія, вовсе неприличныя, то и самъ принужденъ былъ распространить мое предложеніе. Въ семъ же пунктѣ естественное право и отъ котораго никакая держава съ честію отступиться не можетъ, есть слѣдующее: моря суть всѣмъ вольныя и каждая держава властна пользоваться всѣмъ тѣмъ, что области ея производятъ и дѣлать у себя все по произволенію своему. — Р.-эф.: Я слышу послѣднюю резолюцію в. пр-ва и если вы заблагоразсудите, то, требуя нынѣ повелѣній объ отъѣздѣ моемъ, сообщу оную Бл. Портѣ.—О б р.: Очень хорошо, а напишите притомъ, что я беру на себя испросить сонзволенія отъ двора моего на учиненную отъ меня Бл. Портѣ уступку острова, показаннаго вамъ на картѣ.— Р.-эф.: Съ сожалѣніемъ и внутреннимъ неудовольствіемъ принужденнымъ себя вижу объявить в. пр-ву, что почитаю я дѣло сіе отнынѣ навиредь отчаяннымъ и невозможнымъ. Сердце монарховъ нашихъ есть въ рукѣ Божіей и неужели вѣчная продолжаться имѣетъ война между сими двумя имперіями; ниспошлетъ наконецъ Всевышній Господь вожделенный день помилованія страждущему созданію своему. — О б р.: Дабы вяще и вяще доказать Бл. Портѣ несравненную безкорыстливость и умѣренность двора моего и дабы подать ей осязательные опыты, что дворъ мой ничего кромѣ часто донынѣ со стороны Бл. Порты нарушаемаго собственнаго своего спокойствія и безопасности не ищетъ, я теперь объявляю вамъ, что ежели Бл. Порта признаетъ татаръ независимыми на основаніи 11-го моего артикула; если уступитъ Еникале, Керчу и Кильбурнъ Россіи; раззоритъ Очаковъ и признаетъ барріерою все пространство земли между р. Бугомъ и Днѣстромъ лежащей; если уступитъ татарамъ всѣ города, земли и прочее въ Крыму и на Кубани, такъ какъ оныя уступлены имъ отъ Россіи, и наконецъ если согласится на мореплаваніе съ коммерціею для всякаго рода судовъ во всѣхъ моряхъ владѣнія своего совершенно и безъ изъятія вольное; такожде если согласится на всѣ прочіе артикулы, такъ какъ оные предложены отъ меня, тогда дворъ мой уступитъ Портѣ всѣ прочія свои завоеванія и откажется отъ требуемаго имъ напсправедливѣйшаго удовлетворенія за чрезмѣрные убытки, причиненные ему

настоящею войною.—Р.-эф: Съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣвъ на присутствующихъ съ нимъ въ конференціи, просилъ россійскаго посла чтобы повторилъ онъ ему послѣднюю рѣчь свою. Росс. посолъ въ томъ его удовольствовалъ и Р.-эфенди, выслушавши оную, сказалъ: Бл. Порта ищетъ только своей безопосности.—Вотъ въ томъ островѣ безопасность Бл. Порты,—отвѣчалъ росс. посолъ и приказалъ снять со стола географическую карту; но Р. эфенди, удержавъ оную, сказалъ: Посмотримъ еще на оный островъ; и такъ Рейсъ-эфенди, какъ и росс. посолъ и всѣ приблизились къ географической картѣ. Р.-эфенди, указывая на островъ, сказалъ, что онъ ему кажется очень малъ.—О б р: Бл. Порта ищетъ мѣста для безопасности своей, а не для обогащенія себя; островъ, правда, не чрезвычайно великъ, но есть болѣе, нежели достаточенъ для того, чего Порта желаетъ.—Р. эф: А при томъ и всѣ провизіи должно будетъ туды привозить.—О б р: Гдѣ вы сыщите такія крѣпости, въ которыя провизію не надобно привозить. Въ Очаковъ съѣстные припасы посылаются изъ Константинополя.—Р.-эф: Не можно ли къ сему острову прибавить крѣпости Таманъ?—О б р: Таманъ имѣетъ оставаться татарамъ.—Р.-эф: Это мнѣ кажется несправедливо.—О б р: Напротиву того, нѣтъ ничего справедливѣе. Тамань нуженъ татарамъ для коммуникаціи съ кубанскою стороною.—Р.-эф: Я намѣренъ представить обо всемъ ономъ ко двору моему.—О б р: Сдѣлайте всо то, что вамъ заблагоразсудится.—Р.-эф: Я прошу в. пр-во дать мнѣ письменно послѣднія ваши предложенія.—О б р: Я никогда не дѣлалъ затрудненія дать то на письмѣ, что словесно говорилъ и вы удовольствованы будете сегодня или завтра поутру.—Р.-эф: Я тотчасъ письмо ваше сообщу къ Бл. Портѣ и буду здѣсь ожидать на опое отвѣтовъ. Не смѣю обѣщать вамъ ничего; а чистосердечно объявляю вамъ ту резолюцію, которая мнѣ дана будетъ. Послѣ спросилъ: если росс. посолъ не получалъ еще никакого извѣстія отъ фельдмаршала о написанномъ къ нему отъ верх. визиря о продолженіи перемирія письмѣ.—О б р: Фельдмаршалъ пишетъ ко мнѣ, что прежде еще полученія визирскаго письма примѣтивъ онъ, что негоціація наша продолжается безъ рѣшенія первоначальныхъ артикуловъ и что повидимому продолжится болѣе, нежели срокъ перемирія, представилъ о томъ ко двору, и тотчасъ по полученіи отвѣтовъ, которые болѣе 15 дней промедлить не могутъ, будетъ имѣть честь отвѣтствовать къ верховному визирю.—Очень хорошо,—отвѣчалъ съ холодностію Рейсъ-эфенди.

Оба посла, поговоривъ еще нѣсколько времени о постороннихъ дѣлахъ, разъѣхались.

Переводъ ноты, сообщенной турецк. послу 4 февраля 1773 года (копія; подлинникъ на итал. языкѣ въ связ. 10).

Въ 27-й нашей конференціи, державной сего дня, т. е. 4-го текущаго февраля, по многихъ между нами разговорахъ и спорахъ о томъ, что я предложилъ вамъ ультиматумъ изъ ультиматовъ, в. пр-во желали, чтобъ я письменно сообщилъ вамъ послѣднія мои предложенія на остальные артикулы, служащіе къ мирному трактату и къ уступкамъ, которыя дворъ мой намѣренъ сдѣлать изъ своихъ завоеваній и требованій, почему въ угодность вашу, я имѣю честь сообщить вамъ нижеслѣдующее:

1) Ежели Бл. Порта признаетъ всѣ татарскіе народы вольными и совершенно независимыми въ гражданскомъ, политическомъ и во внутреннемъ ихъ состояніи отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію собственнаго ихъ хана чингисской крови, во всемъ сходственно и безъ малѣйшаго выключенія съ предложеннымъ отъ меня в. пр-ву планомъ въ 11-мъ артикулѣ 8 прошедшаго Генваря вамъ сообщеннымъ.—2) Ежели Бл. Порта, по примѣру росс. имп-го двора, уступитъ помянутымъ татарамъ въ собственное и самовластное ихъ правленіе весь Крымскій полуостровъ со всѣми онаго городами, крѣпостьми, пристаньми (исключая Еникале и Керчи, съ ихъ пристаньми и уѣздами, кои во владѣніи росс. имп-го двора остаться имѣютъ) деревнями, селеніями, озерами и со всѣмъ прочимъ, что оная земля составляетъ; равномѣрно же и въ странахъ Кубани, все пространство земли прежде настоящей войны имъ принадлежащее со всѣми городами, деревнями, пристаньми и прочимъ, включительно островъ Тамань съ его городами, деревнями и прочимъ, тамъ находящимися, такъ какъ и пространство земли со всѣми ея озерами замыкающееся между рѣками Бердою, заливомъ Конскія воды и Днѣпромъ.—3) Ежели городъ Азовъ со всѣмъ его уѣздомъ признаетъ она сходственно учиненной въ 1700 году конвенціи, росс. имп-му двору совершенно принадлежащимъ.—4) Ежели крѣпость Еникале и городъ Керчь признаетъ она принадлежащими помянутому двору съ пристаньми ихъ и уѣздами, начиная отъ Чернаго моря слѣдуя по древней Керченской границѣ до урочища, называемаго Бугакъ, а отъ Бугака прямою линіею на полночь до Азовскаго моря.—5) Ежели въ замѣну возвращенія ей крѣпости Бендеръ уступитъ она Росс. имп-му двору Кинбурнъ, разоритъ совершенно Очаковъ и признаетъ между двумя имперіями барріерою все пространство земли отъ Чернаго моря между рѣками Днѣпромъ, Бугомъ и Днѣстромъ до границъ Польши простирающееся и опредѣлитъ границею своею, рѣку Днѣстръ до самаго втеченія ея въ Черное море, а Росс. имперіи границею р. Бугъ, даже до соединенія ея съ Днѣпромъ. 6) Ежели соглашается она на свободное мореплаваніе всякаго рода росс. судовъ безъ малѣйшаго притѣсненія по всѣмъ морямъ безъ изъятія вмѣщающихся между областьми или омывающихъ берега Бл. Порты съ свободнымъ проѣздомъ изъ Чернаго въ Бѣлое море и обратно, такъ какъ и въ рѣку Дунай.—7) Ежели дозволитъ она Россіи имѣть свободную коммерцію во всѣхъ ея областяхъ, городахъ и пристаняхъ какъ на Черномъ, такъ и на другихъ моряхъ лежащихъ съ тѣми же привилегіями и выгодами, кои дозволены другимъ европейскимъ народамъ наиболѣе съ Бл. Портою дружественнымъ, какъ то: французамъ, англичанамъ и прочимъ.—8) Ежели соглашается она на прочіе артикулы, такъ какъ оные отъ меня предложены были и которые еще не рѣшены, т. е. о перименованіи имп-го титула на турецкій языкъ: Т е м а м е н ъ Р о с с і и п а д и ш а х ъ; о построеніи греко-россійской церкви въ части, Бей-оглу называемой; о вящемъ покровительствѣ закона и церквей христіанскихъ; о благосклонномъ принятіи росс. министровъ представленій для благосостоянія церкви; о употребленіи ея кредита и власти, дабы Трипольскій, Тунисскій и Алжирскій кантоны сдѣлали съ Россіею трактаты дружбы и коммерціи, и о принятіи на себя въ разсужденіи оныхъ кантоновъ ручательства; а напослѣдокъ о совер-

шенномъ уничтоженіи всѣхъ прежде бывшихъ трактатовъ и конвенцій безъ всякаго исключенія.

Ежели Бл. Порта согласится на всѣ вышепомянутые артикулы, такъ какъ оные отъ меня предложены, то россійскій императорскій дворъ соглашается на нижеслѣдующее:

1) Чтобъ Бл. Портѣ вольно построить крѣпость на островѣ, лежащемъ между островомъ Таманомъ и Крымскимъ берегомъ противъ мыса, Акбурунъ называемаго. 2) Возвратитъ на нѣкоторыхъ кондиціяхъ всѣ Архипелагскіе острова, отъ власти его нынѣ зависящіе. 3) Возвратитъ равнымъ образомъ на нѣкоторыхъ же кондиціяхъ оба княжества Валахское и Молдавское съ городами Бухарестомъ, Журжею, Браиловымъ, Хотинымъ, Яссами и прочими. 4) Возвратитъ всю Бессарабію съ городами Акерманомъ, Кіліею, Измаиломъ и всѣми тамъ находящимися. 5) Равнымъ образомъ возвратитъ крѣпость Бендеры, такъ какъ о томъ выше изъяснено, когда Кильбурнъ будетъ ему уступленъ, Очаковъ разоренъ и когда въ 5-мъ параграфѣ показанная земля будетъ признана барьерою. 6) Наконецъ, чтобы подать Бл. Портѣ ясный опытъ желанія его къ искреннему съ нею примиренію и доказать его безкорыстіе и чрезвычайную его умѣренность, оставляетъ онъ наисправедливѣйшее свое требованіе о удовлетвореніи за величайшія издержки, настоящею войною ему причиненныя,—требованіе тѣмъ болѣе справедливое, что оное отъ самыхъ безпристрастнѣйшихъ людей, инаковымъ почтено быть не можетъ.

Протоколъ 28-й конференціи 8 февр. 1773 г. обмѣнъ взаимныхъ любезностей.

Письмо Обрѣскова Тугуту $^{4}/_{15}$ февр. 1773: Благодаритъ за старанія о примиреніи. Сообщаетъ поставленный императрицею и сообщенный тур. послу ультиматумъ, и что онъ, Обрѣсковъ, отъ себя (de mon propre chef) предложилъ въ видѣ крайней уступки, островъ для постройки крѣпости, по своему положенію вполнѣ соотвѣтствующій требованіямъ и видамъ Порты относительно обезпеченія ей безопасности, car à proprement parler c'est la vraie clef de la sortie de tous les bâtimens de la mer d'Azoff dans la mer noire; что онъ предложилъ также въ случаѣ согласія Порты на эти крайнія условія Россіи отказъ послѣдней отъ военнаго вознагражденія.

Письмо Обрѣскова Цегелину $^{4}/_{15}$ февр. 1773: такого же содержанія.

Депеша Обрѣскова Панину № 20, отъ 16 февр. 1773. Послѣ 9 февраля „въ негоціаціи ничего примѣчанія достойнаго не случилось; оба держимся въ молчаніи, ожидая изъ Константинополя рѣшительной резолюціи; для того и держанныхъ одинадцатаго 29-й, какъ и 28-й конференціи разговоры были только фамиліарные, а какъ турецкій посолъ давно уже оказывалъ желаніе прогуляться въ саняхъ, отъ чего я уклонялся по причинѣ великой стужи, а видя 13-го, въ которой день быть было 30-й конференціи, время теплое, то съ нимъ и прогуливался.

Протоколъ 29-й конференціи 11 февраля 1773: обмѣнъ взаимныхъ комплиментовъ и наидружественнѣйшій разговоръ.

Письмо Обрѣскова Панину № 21 отъ 23 февр. 1773: 18-го числа была 30-я конференція „которая состояла только въ оказаніяхъ жела-

нія турецк. посла къ продолженію перемирія, и въ нѣкоторыхъ сомнѣніяхъ о поступкахъ графа А. Гр., а съ моей стороны уклоненіи отъ перваго и оправданіи поведенія втораго". На другой день получилъ и препроводилъ тур. послу отвѣтъ Румянцева визирю „касательно продолженія перемирія, совсѣмъ сходное съ моими турецк. послу по сему пункту отзывами"; турецкій посолъ содержаніемъ его „яко несоотвѣтствующимъ желаніямъ и видамъ Порты оказался быть толь-же мало довольнымъ, какъ и моими въ конференціяхъ отвѣтами".

Письмо Обрѣскова Панину № 22 отъ 2 марта 1773 г.: Отвѣтъ Порты еще не полученъ, и „потому ничего примѣчанія достойнаго не происходило, а для одного только лица и ко отвращенію всякихъ пустословій и нескладныхъ разсужденій, въ теченіи истекшей недѣли еще два раза были въ конференціяхъ",—(25 и 28 февраля 31 и 32 конференціи).

Записка Панина передъ слѣдующими далѣе документами (письмомъ Обрѣскова № 23 съ приложеніями): „Вся сія экспедиція содержитъ только обстоятельства подробныя о расходѣ конгресса изъ Бухареста, по причинѣ окончившагося срока перемирія, съ продолженіемъ негоціаціи чрезъ переписку, такимъ образомъ, какъ о томъ по предварительному увѣдомленію отъ г. Обрѣскова гр. Румянцевъ ко мнѣ писалъ. Впрочемъ довольно видно изъ всѣхъ обстоятельствъ, что турки мира не отмещатъ, а напаче весьма его хотятъ, хотя ихъ посолъ выѣхалъ изъ Бухареста".

Письмо Обрѣскова Панину № 23 отъ 13 марта 1773 г.: Послѣ письма № 22, за неполученіемъ отъ тур. посла никакого извѣстія о резолюціи Порты на представленный ему ультиматумъ, 4-го сего такожъ только для единаго вида имѣлъ съ нимъ 33-ю конференцію, а 6-го пріѣхалъ къ нему изъ Константинополя курьеръ, чрезъ котораго и Обр. получилъ письма отъ министровъ дружескихъ дворовъ, добрыя офиціи на себя припявшихъ,..... примѣтить смѣю, что апробація г. интернунціуса Тугута намѣренія Порты послать нарочныхъ и искусныхъ людей для осмотрѣнія представленнаго мною острова, а по сей причинѣ и дальнѣйшее продолженіе перемирія, по моему мнѣнію, не весьма вмѣстно, потому что Порта имѣетъ такъ сказать тысячу такихъ людей, которые оный островъ знаютъ, да и ни одинъ матросъ, ѣздящій въ Керчу и въ Таманъ не видѣть и не знать его не можетъ; но сіе отъ Порты выдумано единственно только для выиграніе времени и новыхъ перемирій, чему доказательствомъ служитъ могъ отзывъ тамошняго Рейсъ-эфендія Измаилъ Бея прусскому посланнику о уничтоженіи пасажа, подчерченнаго въ постъ-скриптѣ письма его ко мнѣ, касающагося до Еникале и Керче.

7-го числа имѣлъ я съ турецкимъ посломъ 34-ю конференцію, въ которой чаялъ имѣть рѣшительный отвѣтъ на ультиматумъ мой; но, къ крайнему моему удивленію, вмѣсто онаго услышалъ великую претительность къ нашимъ несправедливѣйшимъ запросамъ и требованія на нѣкоторые пункты простраинѣйшихъ объясненій, которыя онъ не рѣша къ Портѣ на разсмотрѣніе доставить имѣетъ.... Напослѣдокъ доставилъ я ему всѣ достальные перѣшенные артикулы, между коими первые 7,

а напослѣдокъ только 4, а именно: 12, 14, 15, и 16, яко ультиматъ изъ ультиматовъ, а прочіе смягченія терпящіе, требуя настоятельно, чтобъ онъ ихъ подписалъ съ обѣщаніемъ тогда для приведенія въ порядокъ остальныхъ артикуловъ перемиріе на нѣсколько дней продолжить; а онъ со всею претительностію отъ сего уклоняясь и говоря, что къ тому никакой власти не имѣетъ, требовалъ моихъ объясненій на предлагаемые имъ запросы, которые мнѣ и поручилъ. А какъ споры наши были весьма живы и горячи, то и казалося, что конгрессъ при своемъ разрывѣ; тогда онъ посмягчая сказалъ, что онъ желаетъ еще со мною приватно видѣться и переговорить, ибо де негоціація наша еще не разорвана и сносясь можетъ де быть при помощи Божіей найдемъ способъ сближиться, на что я охотно и склонился. Вслѣдствіе чего на утріе, т.-е. 8-го сего онъ ко мнѣ и пріѣхалъ. Въ сей приватной конференціи много онъ жаловался будто за неумѣренныя двора нашего требованія, а въ существѣ, сколько мнѣ казалося, единственно по неимѣнію власти мною предлагаемое подписать чтобы нибудь говорить и для того-то толико возражалъ противъ кондицій о княжествахъ Волошскаго и Молдавскаго мною ему сообщенныхъ. По непреодолимому же его упрямству подписать предложенные мною вышепомянутые 4 артикула, разговоры наши были всѣхъ прежнихъ горазло живѣе, такъ что я принужденнымъ себя видѣлъ дать ему выразумѣть, что, по причинѣ окончанія перемирія, обоимъ намъ здѣсь, яко въ мѣстѣ place d'arme, хранилищѣ всѣхъ нашихъ магазейновъ и станъ арміи, въ здѣшней части находящейся, болѣе жить ни мало не пристойно, наименовавъ тутъ могущія быть въ противномъ случаѣ непріятныя слѣдствія.

На такую крайность, м. г. мой, видѣлъ я себя неминуемо принужденнымъ поступить, потому, что сей городъ не токмо дѣйствительно въ вышепомянутомъ положеніи находится, но имѣетъ нарочитое множество жителей, которые уже знаютъ о будущемъ ихъ несчастномъ жребіи, а по сему самому коли не всѣ то наибольшая часть каждой по своимъ видамъ, къ непріятелю становятся болѣе наклонны нежели къ намъ; а турецкій посолъ, имѣя свиту, состоящую въ 300 человѣкахъ, то по всѣмъ симъ обстоятельствамъ весьма бы командующему арміею Ея Имп. В-ва г. генералъ-фельдмаршалу трудно было обезопасить его и предохранить отъ всякихъ непристойныхъ приключеній, а толь наипаче въ случаѣ появленія въ здѣшнихъ окрестностяхъ какого-либо непріятельскаго корпуса или партій, да и на сіе поступилъ я по предварительному съ гр. Петромъ Александровичемъ сношенію. Можетъ быть, м. г. мой, иногда такой мой поступокъ высоч-ю угодностію удостоенъ не будетъ, въ томъ разсужденіи, что можно бъ о семъ городѣ выговорить неутралите или обоимъ переѣхать въ какое другое отдаленнѣйшее мѣсто; все сіе было принимаемо во уваженіе, но какъ о такой неутралите прежде ничего не постановлено, а теперь о томъ предлагать и когда непріятель на той сторонѣ Дуная, а Ея Имп. В-ва войско при здѣшнемъ берегѣ оной рѣки, то отнюдь не соотвѣтствовало бы пріобрѣтенной поверхности оружіемъ Ея Имп. В-ва, а могло бы подать мечту непріятелю, который въ знатномъ отдаленіи слыша одно названіе росс. войска почти съ страху трепеталъ, будто начали его бояться, да и посолъ, живучи здѣсь, имѣя свободное отправленіе

курьеровъ, такожъ весьма бы могло быть предосудительно арміи и всякимъ военнымъ предпріятіямъ; а воспрещеніе такого отправленія неминуемо имѣло бы подать поводъ къ нареканіямъ, будто бы посолъ подъ арестомъ содержится въ отмездіе со мною учиненнаго; да и въ переѣздѣ нашемъ въ какое-либо отдаленнѣйшее мѣсто, сверхъ всѣхъ сихъ великихъ неудобствъ присовокупились бы новыя и между коими спознаніе непріятелемъ внутренняго состоянія здѣшнихъ провинцій да и силъ нашихъ; къ тому же и ген.-фельдмаршалъ принужденъ бы былъ поотдѣлить нѣкоторыя военныя команды для стражи нашей отъ корпусовъ противъ непріятеля дѣйствовать опредѣленныхъ.

Турецкій посолъ, по выслушаніи примѣчанія мосго о неудобности нашего здѣсь пребыванія и по оказаніи новой претительности на подписаніе предлагаемыхъ мною артикуловъ, напослѣдокъ сказалъ что онъ къ сему никакъ приступить не можетъ прежде, нежели еще со мною переговоритъ и не сообщитъ мнѣ нѣкоторыя еще предложенія и можетъ де быть сближимся. Я его просилъ, чтобъ онъ ихъ тутъ же сдѣлалъ; но онъ извинился неготовостію бумагъ его. Такой отзывъ подалъ мнѣ ласкательную причину полагать, что онъ имѣетъ власть со мною согласиться, но для оказанія двору своему услуги, держится до самой крайности. Такое мое полаганіе толь вѣроятнѣйшимъ становилось, что министры дружескихъ дворовъ меня предувѣдомили быть отъ Порты къ нему послу посланнымъ напространнѣйшимъ инструкціямъ и для сего положили, мнѣ на утріе 9-го числа къ нему быть, что я и исполнилъ и вручилъ ему при семъ случаѣ требуемыя имъ въ 34-й и приватной конференціяхъ объясненія на артикулы его, мнѣ въ первой доставленные; но вмѣсто ожидаемаго сближенія въ претительности находящихся пунктовъ турецкій посолъ отозвался, что по непринятіи Портою рѣшительной резолюціи на ультиматумъ мой, онъ со мною по сіе время говорилъ безъ всякаго заключенія, а чрезъ пріѣхавшаго къ нему сего утра курьера ту рѣшительную резолюцію получилъ и которую онъ мнѣ откровенно сообщилъ, а состоитъ она въ томъ, что за все завоеванное и Портѣ возвращаемое заплатитъ она Порта 40 тысячъ мѣшковъ—12 мил. рублей, а за отстаніе отъ требованія Еникале съ Керчею и неограниченнаго кораблеплаванія по Черному морю 30 тысячъ мѣшковъ—9 мил. руб., на что мой отвѣтъ состоялъ въ приватной и послѣдней нашей конференціи, что хотя бы всѣ въ свѣтѣ сокровища Порта представляла, высоч-й дворъ отъ предложенныхъ мною 4-хъ пунктовъ не отстанетъ. Посолъ, по выслушаніи сего, отозвался, что когда обѣ мы ничего безъ преступленія нашихъ инструкцій уже сдѣлать не можемъ, то и пребываніе наше безполезно и для того онъ желаетъ возвратиться. Я, оставляя на цѣлое его благоизобрѣтеніе, просилъ о сообщеніи мнѣ записки о числѣ потребныхъ подводъ и прочаго.

Посемъ онъ говорилъ съ смущеннымъ духомъ: мы де уже исполнили долгъ министерскій, а теперь станемъ говорить яко друзья и люди, прямо пекущіеся о доставленіи бѣднымъ взаимнымъ подданнымъ покоя и благоденствія, и получа мое на то полное согласіе, продолжалъ: ежели мы нашу негоціацію, доведенную уже почти до ея совершенства, совсѣмъ разорвемъ, то впредь восчинать ее не безъ великаго труда будетъ, да и для обоихъ высоч. дворовъ прикро: два разапослы съѣзжались безъ всякаго успѣха, доколѣ жъ они съѣзжаться станутъ, а

войнѣ не вѣчно быть и для сего кажется ему чтобъ негоціацію нашу не разрывать, но по разлученіи нашемъ онъ за Дунаемъ, а я въ здѣшнемъ какомъ мѣстѣ оставаясь, будемъ письменно спошаться и негоцировать продолжать. Я, зная коль много и высоч. двору желательно, чтобъ мирная негоціація не была разорвана, охотно на предложеніе его согласился и въ семъ сдѣлали конвенцію, состоящую въ 9-ти артикулахъ, которую 10 числа подписавъ и запечатавъ размѣняемъ.

Симъ учрежденіемъ избавились всѣхъ неудобствъ, могущихъ быть отъ пребыванія здѣсь непріятельскаго посла во время военныхъ операцій, а цѣлость негоціацій предохранена.

Онъ, посолъ, по всей вѣроятности, кажется не самъ собою, но по указу Порты или верх. визиря къ продолженію негоціаціи сіе средство представилъ. Ежели отъ первой, то конечно она имѣетъ какую-нибудь цѣль къ предпріятіямъ своимъ, которую едва ли Крымъ ставить не должно и на случай неудачи предоставляетъ себѣ способъ безъ потерянія времени мирное дѣло къ окончанію привести, а ежели отъ другаго, то стапется, что сей миролюбивый и благоразумный мужъ, видя колебленіе и перѣшимость салтанскую и окружающихъ его, сбивающихъ съ истиннаго пути, ищетъ предоставить время поодуматься и на полезнѣйшія мысли возвратиться; но для чего бы ни было, м. г. мой, я сіе учрежденіе по моему скудоумію признаю высочайшимъ Ея Имп. В. интересамъ быть не предосудительнымъ, но сходственнымъ, ибо при продолженіи негоціацій армія и флотъ въ Архипелагѣ имѣетъ цѣлую свободность военныя операціи производить, которыя скорѣе непріятеля на миролюбивыя склонности приведутъ, нежели самодолговременнѣйшія перемирія; да и по всѣмъ исторіямъ не видно ни единаго примѣра, чтобъ Порта въ теченіе перемирій когда нибудь миръ заключала, но всегда при дѣйствіяхъ оружія.

Я разстался съ посломъ пандружественнѣйшимъ образомъ и обнялися почти со слезами и могу по истинѣ сказать, что я почти вѣкъ мой съ сею націею изжилъ, но такого добропорядочнаго и добродѣтельнаго человѣка не нашелъ.—По возвратѣ моемъ послалъ къ нему въ знакъ моей дружбы брилліантовый перстень въ 800 руб., совѣтнику его другой въ 250 руб., третій Бейличи эфендію секретарю посольства во 125 руб., да переводчику Порты на шапки двѣ пары соболей, а какъ въ запасѣ всѣ уже подводы и прочее приготовлено было, то онъ посолъ отсюда 11-го сего дѣйствительно и отъѣхалъ, съ сожалѣніемъ объ отъѣздѣ, но съ оказаніемъ полнаго удовольствія за оказанныя ему здѣсь учтивости и выпровоженъ изъ города во всемъ съ тѣми же честьми и аттенціями, съ каковыми встрѣченъ былъ. Я также сбираюсь отсюда отъѣхать и остановлюсь сперва въ Фокшанахъ, а потомъ въ Сочавѣ. ибо въ Яссахъ воздухъ мнѣ весьма вредителенъ и тамъ буду ожидать повелѣній и наставленій, что далѣе дѣлать имѣю.

Я крайне, м. г. мой, сожалѣю, что всевышній не благословилъ труды мои желаемымъ успѣхомъ, но что дѣлать, употребя все то, что наинскреннѣйшая вѣрность и ревность къ службѣ всемил. нашей государыни присовѣтовать и силы смысла дозволить могли, должно съ сокрушеннымъ сердцемъ повиноваться его всевышняго неисповѣдимому опредѣленію, взлагать надежду на его божественное милосердіе и на

правосудіе начальства, которое надѣюсь не припишетъ мнѣ сію неудачу какой-либо безпечности или нераченію...

Письмо Цегелина Обрѣскову отъ 5 марта 1773 (получ. 6 март. ст. ст.).,. „La dernière lettre du 15 févr. m'a été remise le 28 au soir. J'ai conféré avec M. l'Internonce le lendemain matin sur son contenu, et je l'ai invité de faire ensemble avec moi une démarche auprès de la Porte, pour accelerer la conclusion de la paix. Il me promit qu'il ordonnerait aussitôt à son drogman d'aller conjointement avec le mien, parler au Reis-effendi, ajoutant qu'il esperait que maintenant la Porte ne ferait pas beaucoup de difficultés d'accepter vos dernières propositions. Pendant cet intervalle mon interprête avait vu par hazard le Reis-eff., qui était d'abord entré en matière avec lui sur les effaires en question, en lui disant: que la Porte avait pris en mûre deliberation tout ce que son ministre à Boukarest lui avait mandé touchant l'ultimatum de la Russie et qu'elle avait pris la-dessus sa résolution definitive de continuer plutôt la guerre que de ceder Ienicale et Kertch; que l'isle qu'on lui offrait à fortifier entre Taman et la Crimée était si petite qu'elle ne pouvait pas contenir une forteresse, et si basse, qu'il faudrait la hausser au moins de 4 piés, pour y pouvoir bâtir une forteresse, que la Porte voyait claire, que la Russie visait à la conquête de Const-ple et qu'elle commençait aujourd 'hui par Ienikale et Kertsch afin d'exécuter son projet par la suite et lorsqu'elle en verrait le tems propre. La Porte ne pouvait pas consentir à la cession de ces deux villes, et dans le conseil, tenu la veille, tous les ulemas s'y étoient absolument opposés, en declarant qu'ils aimeroient mieux de suivre le sultan à la guerre et combattre jusqu'à la dernière goutte de leur sang, que de se laisser imposer un refrain de cette conséquence; que pour les fraix de la guerre, la Porte payerait une somme très considérable et si les deux ministres plenipotentiaires au congrès, n'en pouvoient pas convenir, on n'avait qu'à le mettre en arbitrage aux dex cours médiatrices, et qu'elle s'en tiendrait à leur decision. Le R.-eff. y a ajouté que la Porte n'était pas persuadée, que la Russie voulait faire la paix, puisqu'on changeait souvent les propositions en les augmentant après les avoir diminué auparavant, et souvent par des restrictions sans s'expliquer, comme p. ex. la restitution de la Moldavie, Walachie et les isles de l'Archipel, mais sous de certaines conditions, sans dire, en quoi ces conditions consisteroient; mais enfin, a-t-il conclué, si l'empire Ottoman doit perir tôt ou tard, il est indifférent, que cela soit aujourd'hui ou quelques années plus tard.—J'ai communiqué aussitôt confidemment tout ceci à M. l'Internonce et nous convinmes de représenter à la Porte que comme selon nos dernières lettres, la proposition de M. l'ambass. de la Russie était le dernier mot de sa cour, nous croyons être de notre devoir et en vertu des bons offices, que nos deux cours jusqu'à présent avoient employés pour le retablissement de la paix, de conseiller à la Porte de ne plus faire de difficultés qui puissent arrêter cet ouvrage salutaire et de ne pas perdre le tems inutilement, d'autant plus, que si par la continuation de la guerre les armes russiennes resteroient victorieuses, la Porte ne pourrait plus espérer d'obtenir les mêmes conditious; mais qu'elle serait peut-être forcée de souscrire à d'autres beaucoup plus onéreuses.

Enfin, après avoir tenu plusieurs conseils la dessus, le R.-eff. a répondu, que la Porte enverrait des instructions à Abdourr.-éff. de s'expliquer avec S. Exc. sur les points suivants. Savoir:

1) Ce qu'on voulait entendre par l'expression: „sous de certaines conditions", parlant de la restitution de la Moldavie, Wallachie et des îles de l'archipel;

2) d'eclaircir un peu plus l'article de la navigation, et surtout de savoir, ce qu'on entend par l'expression de pouvoir envoyer dans toutes les mers des vaissenux „de toute sorte de grandeur", si par là on voulait entendre d'envoyer aussi des vaisseaux de guerre en archipel, qui ensuite voudroient passer le canal ici dans la mer Noire, ce que la Porte ne permettrait pas; elle accorderait bien que la Russie envoye des bâtiments marchands dans l'archipel et jusqu'ici, comme font toutes les autres nations, mais que ces mêmes bâtiments devoient aussi retourner par l'Archipel, et que d'un autre côté, elle pouvait envoyer de petits bâtiments par la mer Noire jusqu'ici, charger les marchandises que ceux de l'Archipel avoient porté ou qu'ils pourroient acheter ici, et s'en retourner par la mer Noire sans passer dans l'Archipel;

3) de se desister de la prétention de la démolition d'Oczakow et Kinbourn;

4) de même que de celle, que la Porte devait ceder le pays du Cuban aux Tatares, puisque ce pays appartenait en propre à la Porte, que la Russie ne l'avait pas conquis et que la Porte avait encore actuellement un aga qui commande à Taman;

5) que les deux ambassadeurs expédient chacun un homme entendu, pour examiner, si dans le détroit entre la Crimée et Taman se trouve effectivement une isle d'une grandeur convenable, pour y pouvoir construire une forteresse qui peut défendre l'entrée dans la mer Noire, car selon toutes les informations qu'on avait prises ici, cette isle n'était qu'un banc de sable, incapable de porter une bâtisse de fortification, qu'en attendant il serait néccessaire de prolonger l'armistice, pour avoir le tems d'eclaircir cet article important (mais d'une manière que la flotte cesse également à faire des prises dans l'Archipel), savoir donc

6) que la Porte enverrait ordre à Abdouurr.-eff. de proposer differents moyens d'accommodement par rapport à Ienicale et Kertsch et qu'il espérait, qu'à la fin ce point pourrait être accommodé; ou en les demolissant, ou en les remettant aux Tatares, et que la Russie acceptera préférablement une somme considerable d'argent pour dédommagement. Sur ce dernier article j'ai fait observer que, comme la Cr. de Russie par un desinteressement inattendu et pour prouver d'autant plus au Gr. Seigneur son inclination à faire la paix, paraisssait se vouloir desister du dedommagement en argent, elle ne voudrait certainement pas se relacher sur la possession de Ienicale et de Kertsche, sur quoi le Reis.-eff. repondit, qu' Abdour.-eff. recevrait là-dessus d'amples instructions, cependant que la Porte aimerait beaucoup mieux de payer de l'argent, que de consentir à la cession de ces deux villes; mais enfin, dit-il, il faut voir avant toute chose, si l'isle est propre pour bâtir une forteresse qui peut defendre l'entrée, et alors nous verrons, ce qu'il y aura à faire... Въ заключеніе Цегелинъ проситъ при замиреніи de stipuler quelque chose pour la republ. de Raguse selon les desirs de S. M. le Roi mon maître... Je crois vous avoir

déja communiqué à Foksian, que par une même ordre du Roi il m'est enjoint d'employer mes bons offices afin que le P-ce Gikka soit retabli dans une des principautés...

P. S. en chiffres *): Le R.-eff. m'a demandé une copie de la lettre que je vous écris aujourd'hui, et je n'ai pas pu me dispenser de lui en donner une, où j'ai retranché tout ce qui n'est pas nécessaire qu'il sache...

P. S. du 10 mars: Hier au soir le R.-eff, m'a renvoyé ma lettre que je croyois partie, me faisant prier d'effacer dans le 6-e art. où il est question de Ienikale et Kertsch, la phrase suivante: „ou en les demolissant ou en les remettant aux Tartares", en disant qu'Abdour.-eff. recevrait la dessus les ordres du sultan de la manière qu'il devait accommoder cette affaire, sans qu'il s'expliquât davantage. Depuis le commencement de ce mois l'on a tenu presque tous les jours un Mouschavéré, dont on cache soigneusement le resultat, si à la fin l'on en a pris un. Extérieurement l'on affecte de ne pas vouloir céder ces deux villes, mais les racheter à force d'argent, et je suppose que vous serés bientôt en état de vérifier au juste cet article, car je ne doute pas que votre collègue ottoman recevra aussi son dernier mot. L'on veut m'assurer que le Gr. Seigneur est très porté pour faire la paix, mais que les ulemas s'opposent à perdre les 2 villes, et qu'il paye plutôt de l'argent pour les conserver, c'est ce qui lui tient aussi un peu à coeur...

Письмо Тунута Обрѣскову 5. февр. 1773: гораздо короче и не такъ обстоятельно какъ письмо Цегелина; одобряетъ рѣшеніе Порты осмотрѣть предлагаемый ей островъ.

Протоколъ 34-й конференціи 8 марта 1773 г.

Р.-эфенди, вынувъ бумагу, сказалъ, что на одной сторонѣ оной сдѣлана выписка изъ ультиматумъ росс. двора, а на другой примѣчанія Бл. Порты. Вопервыхъ о вольности татаръ ссылаетесь в. пр-во на 11 вашъ артикулъ, который когда былъ представленъ султану, то отданъ на разсмотрѣніе духовенству и по прилежномъ онаго разсмотрѣніи, духовенство объявило, что вольность татаръ сходственно съ 11-мъ артикуломъ вашимъ была бы законъ нарушающая, чего ради и писано ко мнѣ стараться заключить дѣло объ оной вольности сходственно съ моимъ артикуломъ вамъ сообщеннымъ.—О б р: Иначе сіе дѣло заключено быть не можетъ, какъ сходственно съ 11-мъ моимъ артикуломъ, въ которомъ для вѣры и чести Бл. Порты все возможное со стороны двора моего сдѣлано, а ежели Порта на сіе не согласится, то уже непремѣнно думать должно, что не имѣетъ намѣренія миръ заключить.—Р.-эф: Нельзя приписывать Портѣ противныхъ миру намѣреній за то, что твердо держится она собственной своей безопасности и закона. Противно сему послѣднему царствованіе въ одно время двухъ монарховъ и какъ началась вѣчная имперія магометанская, то никогда не было еще примѣра подобнаго нарушенія закона нашего, ибо и во время Вавилонскаго калифа султанъ Египетскій хотя самовластный государь въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ областей своихъ; однакожъ

*) Этотъ постъ-скриптъ находится въ 10 связ. при дуплікатахъ.

въ дѣлахъ, до закона касающихся всегда требовалъ отъ него дозволенія.—Об р.: Въ артикулѣ моемъ ханъ татарскій не дѣлается ровестникомъ султану, напротиву того духовная его зависимость отъ султана описана наиточнѣйшимъ образомъ представленіемъ отъ татаръ къ султану, подтвержденіемъ земскихъ судей, молитвою и прочая. — Р.-эф.: Законъ нашъ не дозволяетъ, чтобъ народъ мусульманскій былъ подъ покровительствомъ державы разной вѣры. — Об р.: Ручательство не означиваетъ покровительства. Впрочемъ дворъ мой имѣетъ въ подданствѣ своемъ цѣлыя провинціи, магометанами наполненныя; если то совмѣстно съ закономъ, то для чегожь имѣетъ быть противно оному ручательство?—Р.-эф.: Въ нашемъ законѣ мы не можемъ называть противнымъ закону то, что ему не противится, такожде и не можемъ почитать согласнымъ съ закономъ то, что ему противно и всѣ правовѣрные мусульмане должны твердо держаться и вѣрить решеніямъ духовенства нашего.—Об р.: Я противъ закона вашего ничего не говорю, каждый имѣетъ свой законъ. Нашъ законъ есть таковъ, что когда государыня, по безпрекладному великодушію своему вмѣсто заслуженной ими неволи, пожаловала татарскимъ народамъ вѣчную вольность и независимость, то всеконечно надобно чтобъ татары оною всегда пользовались. — Р.-эф.: Будемъ имѣть время о татарахъ и послѣ говорить, а потомъ продолжалъ такъ: Въ ультиматѣ вашемъ Россія требуетъ Еникале и Керчи съ уѣздомъ; слово сіе „уѣздъ“ на нашемъ языкѣ очень пространное имѣетъ значеніе, такъ что и цѣлыя провинціи онымъ называть можно, что подало причину министерству нашему сумнѣваться и требовать въ томъ объясненія.—Росс. посолъ приказалъ подать географическую карту, на которой показалъ турецкому послу предѣлы Еникальскаго и Керчинскаго уѣзда. — Р.-эф.: продолжалъ читать примѣчанія Порты на ультиматумъ росс. двора, послѣ сказалъ, какъ Очаковъ и Кинбурунъ теперь принадлежатъ Бл. Портѣ, то и требуется, чтобъ оные и на впредь при ней остались.—Об р.: За оные отдается крѣпость, столь важная какъ Бендеры и обагренная кровію россіянъ.— Р.-эф.: дая знать росс. послу, что о томъ впредь говорено будетъ, продолжалъ такъ: на кораблеплаваніе въ Бѣломъ морѣ, столько же вольное, какъ оное имѣютъ всѣ прочія европейскія державы, Бл. Порта соглашается; дозволяетъ и кораблеплаваніе въ Черномъ морѣ, по только для однихъ маленькихъ купеческихъ судовъ безъ пушекъ и военныхъ спарядовъ, которымъ судамъ далѣе Дарданелей плавать не должно... Положеніе Порты въ разсужденіи Россіи во всемъ разнствуетъ отъ положенія ея въ семъ пунктѣ съ другими державами; нѣтъ ни одной, которая бы тѣмъ же самымъ образомъ граничила съ Портою, что требуетъ и мѣроположеній инаго рода.—Об р.: Когда принять въ разсужденіе свойства Чернаго моря, то ясно увидѣть можно, что въ немъ менѣе нежели въ какомъ-либо другомъ предосторожностей надобно; но хотя бы было оно и хуже всякой рѣчки, я уже вамъ говорилъ, что изъятія или сжиманія въ семъ пунктѣ не могутъ быть приняты ни отъ какой самовластной державы, яко нарушающія честь и всякую благопристойность.—Р.-эф.: Черное море, прямо сказать, есть такъ какъ озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ владѣніями Бл. Порты и конечно не можно дозволить въ немъ кораблеплаваніе рѣчми, нарушающими честь и безопасность Бл. Порты.—Об р.: Можно запросто

сказать, что обѣ имперіи учреждаютъ между ими кораблеплаваніе, для всякаго рода судовъ во всѣхъ моряхъ безъ изъятія вольное.—Р.-эф. продолжалъ чтеніе свое, а потомъ сказалъ: духовенство Бл. Порты дозволяетъ построить національную церковь и министерство наше соглашается на требованіе въ разсужденіи трехъ кантоновъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ и нѣкоторыя другія державы имѣютъ. Послѣ продолжалъ читать примѣчанія объ Азовѣ. — Выслушавъ оныя, росс. посолъ сказалъ: вы очень высоко ставите Азовъ. Дѣло сіе было уже совсѣмъ окончено и я, полагаясь на слово ваше, оставилъ до сего времени сочинить объ ономъ артикулъ.—Р.-эф.: Правда, что мы о семъ уже довольно говорили и я не требую въ томъ никакой перемѣны, а хочу только связать оное съ *Еникале и Керчею*, оставляя впрочемъ Азовъ такъ, какъ о томъ уже говорено было. Касательно до коммерціи Бл. Порта въ Бѣломъ морѣ и въ Архипелагѣ дозволяетъ оную на таковомъ же основаніи, на каковомъ производится тамо коммерція всѣхъ прочихъ державъ. — А въ Черномъ морѣ? спросилъ росс. посолъ.—Въ Черномъ морѣ,—отвѣчалъ Р.-эф.,—имѣетъ быть опая съ тѣми же самыми изъясненіями, о которыхъ я упомянулъ, говоря о мореплаваніи.—Никакого изъятія, никакого исключенія не терпитъ сей артикулъ, — отвѣчалъ росс. посолъ.—Р.-эф.: Для коммерціи военные корабли не нужны.—О б р.: Я того не знаю, если оные могутъ быть въ Черномъ морѣ, но честь двора моего не терпитъ въ семъ пунктѣ никакого изъятія... Мореплаваніе между двумя имперіями имѣетъ быть безъ всякаго изъятія вольное. Я сдѣлалъ напространнѣйшее и напточнѣйшее кораблеплаванію описаніе, справедливое, ибо сходственное съ правомъ естества и съ преимуществами самовластныхъ державъ, нужное и полезное въ то же самое время, потому что уничтожаетъ навпредь причину споровъ и неудовольствій въ томъ между двумя имперіями. Вамъ извѣстны прошедшіе споры, происходящіе отъ запрещенія строить крѣпости; несравненно большимъ неудовольствіямъ и несогласіямъ открылся бы путь подобными изъятіями, и вмѣсто постояннаго и пріятнаго обѣимъ сторонамъ мира, мы бы связали обѣ контрактующія державы цѣпью тяжелою и несно(сно)ю и принудили бъ ихъ искать только случая разорвать оную. Если бъ Россія требовала чего-нибудь совсѣмъ новаго и необычайнаго, тобъ Порта имѣла какую-либо причину предписывать таковому требованію предѣлы; но здѣсь требуетъ Россія пользоваться правомъ естественнымъ ей, яко самовластной державѣ неоспоримо принадлежащимъ, которымъ прежде уже она пользовалась и въ которое вступила она тотчасъ по разрушеніи объявленіемъ настоящей войны Бѣлградскаго трактата противу всякой справедливости лишившаго ея онаго; въ 1705 году два россійскіе военные корабля о 36 пушкахъ были въ Константинополѣ, такъ на какомъ же основаніи утверждаетъ нынѣ Порта подобныя претензіи, неужели думаетъ она, что росс. дворъ въ крайнее приведенъ разореніе.—Р.-эф: Напротиву того, мы признаемъ Россію за сильную и великую державу.—О б р.: Такъ для чего жъ отъ побѣдоносной Россіи требовать тѣхъ снисхожденій, коихъ не требовала Порта, ниже послѣ несчастливаго надъ Прутомъ приключенія?—Р.-эф.: Времена перемѣняются, а обстоятельства суть тѣ, кои важность въ дѣлахъ прибавляютъ или отнимаютъ; принимать предосторожности не противно чести, да и Черное море, при-

надлежа Бл. Портѣ, не можетъ она дозволить въ немъ другой державѣ тѣхъ выгодъ, коими сама не пользуется, а то всѣмъ извѣстно, что Порта не имѣетъ въ Черномъ морѣ военныхъ кораблей.—О б р.: Обстоятельства перемѣняются, честь же и достоинство дворовъ ни когда. Черное море до войны Портѣ принадлежало и послѣ заключенія мира опять ей принадлежать будетъ; но въ настоящемъ дѣлъ положеніи Россія господствуетъ въ немъ по меньшей мѣрѣ сколько и Порта. Свойства сего моря можетъ быть и не дозволятъ Россіи содержать въ немъ военныхъ кораблей, причина для которой я думаю и Порта оныхъ не содержитъ. Еслибъ вы требовали, чтобъ означено было число судовъ, кои въ одно время имѣютъ входить въ гавани Бл. Порты, то бы я нирѣшить, если требованія Бл. Порты въ семъ пунктѣ суть справедливы или нѣтъ.—Р.-эф: Мы оба полномочные и каждый изъ насъ говоритъ сходственно съ инструкціями своими, но и партикулярнымъ образомъ я нахожу очень авантажнымъ для Россіи предложеніе Бл. Порты. Разсудите в. пр-во, что нѣтъ ни одной державы, пользующейся кораблеплаваніемъ въ Черномъ морѣ.—О б р.: При такихъ исключеніяхъ я оное не авантажнымъ, но предосудительнымъ нахожу и партикулярно увѣряю в. пр-во, что инструкціи мои въ семъ пунктѣ никогда отмѣнены не будутъ.—Р.-эф.: Въ ультиматѣ в. пр-ва находятся вонервыхъ требованія двора вашего, а потомъ возвращеніи владѣній, принимыя имъ Бл. Портѣ, между прочимъ имѣютъ быть возвращены сіи два княжества на нѣкоторыхъ кондиціяхъ, которыя будучи еще неизвѣстны, подали министерству Бл. Порты причину сумнѣваться; требуется нынѣ, чтобъ оныя объявлены были.—О б р: Съ самаго начала, какъ только объявилъ вамъ что Молдавія и Валахія имѣютъ быть возвращены, предувѣдомилъ васъ и о томъ, что оныя касаются единственно къ пользѣ сихъ бѣдныхъ народовъ, я думалъ, что откровенность и чистосердечіе мое, извѣстныя в. пр-ву и чрезъ толикое число лѣтъ опытами дознанное отъ министерства вашего при таковомъ съ моей стороны объявленіи довольно будетъ для успокоенія въ томъ Бл. Порты. Не сообщилъ же я вамъ тогда тѣхъ кондицій для того, что могла бы объ оныхъ преждевременно узнать публика, не отъ стороны в. пр-ва, но изъ кабинета тѣхъ коимъ вы сами о здѣшнихъ дѣлахъ сообщать должны, отъ чего могли бы произойтить въ народѣ смущенія, противныя общему благу, а не для какой-либо другой причины, отъ которой сумнѣвается Порта чтобъ не могло произойтить препятствіе заключенію мира.—Р.-эф.: Я во всемъ томъ увѣренъ, что в. пр-во мнѣ ни говорите, но съ другой стороны и Бл. Порта имѣетъ резонъ требовать объясненія оныхъ.—О б р.: Я вамъ оныя письменно сообщу.—Р.-эф. продолжалъ читать примѣчанія министерства Порты объ островѣ, лежащемъ между Крымскимъ берегомъ и островомъ Таманъ.—Выслушавъ оныя О б р. сказалъ: въ подобныхъ проливахъ изъ дна морскаго воздвигаются крѣпости; дальшія же извѣстія объ ономъ островѣ предовольныя можно имѣть отъ проѣзжающихъ тамо шкиперовъ и другаго званія людей. Всеконечно должно будетъ употребить здѣсь нѣкоторую сумму денегъ, но какое строеніе не требуетъ ижданія? и подобныя уваженія должны ли препятствовать миръ заключить?—Р.-эф: Проѣзжающіе тамо шкиперы, хотя и видѣли тотъ островъ, но они не инженеры, а для полученія потребныхъ въ

настоящихъ обстоятельствахъ извѣстій, нужно конечно, чтобъ искусные и достовѣрные люди осмотрѣли оный островъ.—О б р.: Когда Порта заблагоразсудитъ начать на ономъ островѣ строить крѣпость, тогда можетъ приказать осмотрѣть оный людямъ достовѣрнымъ и искуснымъ, а теперь довольно знать то, что есть такой островъ.—Р.-эф.: Надобно притомъ вѣдать если соотвѣтствуетъ онъ намѣреніямъ Бл. Порты, для утвержденія собственной ея безопасности.—О б р.: Всѣмъ симъ предосторожностямъ уже не время. Вамъ извѣстно, что срокъ перемирію приближается.—Р.-эф.: В. пр-во исполняете коммиссію вашу, то же самое и я дѣлаю. Написано ко мнѣ сообщить вамъ примѣчанія Бл. Порты и на оныя требовать отъ васъ отвѣта; въ разсужденіи же наступающаго окончанія перемирія никакого мнѣ повелѣнія не дано, оставаться ли мнѣ здѣсь или ѣхать отсюда, а единственно приказано мнѣ увѣдомить васъ о томъ, что я вамъ уже сообщилъ.—О б р: Я требовалъ отъ Порты точнаго на ультиматумъ двора моего отвѣта, все же сказанное вами мнѣ по сіе время не можетъ назваться отвѣтомъ.—Р.-эф.: Видно, что ультиматумъ вашъ не совсѣмъ принятъ.—О б р. взявъ первые 7 артикуловъ сказалъ: если в. пр-во подпишете сіи артикулы тогда мы можемъ трактовать о прочихъ дѣлахъ и продолжится перемиріе на потребное для окончанія всей негоціаціи время, и вкратцѣ пересказавъ содержаніе каждаго артикула вручилъ ему оные...Р.-эф.: Я не могу приступить къ трактованію сего дѣла, не получивъ отъ васъ требуемаго Портою отвѣта и не сообщивъ онаго Портѣ. Дальніе отвѣты мои,—отвѣчалъ О б р.—не могутъ быть вамъ полезны, ибо я сообщилъ уже вамъ мой послѣдній ультиматумъ и хочу вамъ сообщить еще и всѣ прочіе артикулы, для постановленія которыхъ ежели в. пр-во подпишете первые 7 артикуловъ, мы можемъ взять потребныя мѣры. Я не имѣю власти подписать ихъ,—отвѣчалъ Рейзъ-эфенди.—О б р: Разсмотрите в. пр-во и сіи артикулы, а потомъ объявите мнѣ отвѣтъ вашъ на каждый изъ нихъ. Министры дружественныхъ дворовъ пишутъ ко мнѣ, что вы имѣете напространнѣйшія инструкціи, и вручилъ ему послѣдніе артикулы.—Р.-эф.: Естьбы я имѣлъ пространныя инструкціи, то конечно бы не сказалъ, что у меня ихъ нѣтъ, а потомъ началъ читать тѣ артикулы.—О б р.: Если Господь не благословитъ трудовъ нашихъ, по крайней мѣрѣ каждый признаетъ, что дворъ мой всевозможное съ своей стороны дѣлалъ, дабы привесть къ благому окончанію спасительное сіе дѣло. Послѣ войны такъ благополучной напточнѣйшимъ образомъ доказываетъ цѣлому свѣту Россія миролюбіе свое, возвращая Портѣ все, кромѣ необходимо нужнаго для собственной своей безопасности, наумѣреннѣйшую и наименьшую часть завоеваній ея; такожде естественное право къ мореплаванію упорно ей Порта отказываетъ или подвергаетъ то повреждающимъ честь ея кондиціями, безъ причины объявляется Россія война и теперь безъ всякаго резона уклоняется Порта отъ окончанія оной; со всѣмъ тѣмъ желаетъ еще присвоить титулъ миролюбиваго правленія.—Р.-эф.: Ахъ! Кто не любитъ, кто не желаетъ мира, онъ есть напріятнѣйшая въ свѣтѣ вещь, когда основанъ на законѣ, на чести и на безопасности; а потомъ говорилъ: вотъ въ примѣръ, в. пр-во требуете, чтобъ отпустить симъ провинціямъ подати на 3 года. Непослушный подданный помогаетъ непріятелю и по требованію того же самаго непріятеля имѣ-

етъ быть жалованъ отъ законнаго своего государя; сіе есть то же самое, что сказать имъ: вы и въ другой разъ такъ поступите и вмѣсто наказанія награждены будете; можно ли согласить сіе съ честью и благопристойностью Бл. Порты?—Обр.: Дѣло сіе не только не повреждаетъ чести Бл. Порты, но обращается во славу ея, доказывая милосердіе и человѣколюбіе ея. Подданные Бл. Порты непріятелю не помогали, превосходная сила покорила ихъ себѣ. Еслибъ Бл. Порта была сторона побѣждающая, то бы и подданные приняли участіе въ успѣхахъ ея, но Порта въ настоящей войнѣ имѣла противное счастіе, и чужестранная держава покорила ихъ; я во всемъ ономъ, такожде и въ требованіяхъ двора росс. не вижу ничего новаго или необычайнаго;во употребленіи у всѣхъ державъ европейскихъ требовать что-либо въ пользу земель, кои по праву войны нѣкоторое время принадлежали какой-либо иностранной державѣ покорившей себѣ оныя. — Р.-эф.: Положимъ, что имперія оттоманская изъ милосердія то и учинитъ, однакожъ несогласится никогда на обязующія къ тому ее въ мирномъ трактатѣ кондиціи. — Обр: Я сочинилъ всѣ сіи артикулы просто и только бы кондиціи въ существѣ тѣ же оставались, впрочемъ можно описать оныя выраженіями во всемъ пространствѣ предохраняющими благопристойность Бл. Порты.—Р.-эф. продолжалъ чтеніе артикула о Молдавіи, а потомъ сказалъ: я здѣсь вижу дозволеніе продавать имѣніе и переселяться въ чужія земли. Если сія кондиція не противна чести, противна однакожъ интересамъ Порты.—Обр: Такимъ дозволеніемъ, хотя бы и не выговорено оно было въ мирномъ трактатѣ, пользуются всѣ подданные Бл. Порты, да можно сказать и всѣ люди. Не всѣ подданные оставятъ сіи земли, но нѣкоторые только, а притомъ не лучше ли для Бл. Порты, когда говорено будетъ, что съ дозволенія ея выходятъ нѣкоторые изъ подданныхъ. Пока провинціи сіи въ нашемъ владѣніи остаются, каждый владѣтель переселиться въ чужую землю, а то вѣрно чѣмъ полезнѣе будутъ для подданныхъ кондиціи, тѣмъ менѣе будетъ число вышельцевъ.—Ничего не отвѣчалъ Р.-эф., но по прочтеніи всѣхъ артикуловъ сказалъ: я о постановленіи сихъ артикуловъ не имѣю никакого повелѣнія и не представивъ объ оныхъ Портѣ не могу дать вамъ точнаго отвѣта. — Обр: Если в. пр-во подпишете первые 7 артикуловъ, въ которыхъ я ничего не могу отмѣнить, тогда можно будетъ взять потребное время для окончанія прочихъ.—Р.-эф: Теперь инструкція моя состоитъ въ томъ только, чтобъ требовать отъ в. пр-ва отвѣтовъ на сообщенныя вамъ примѣчанія отъ Порты, если вы мнѣ дадите отвѣты, то я ихъ министерству нашему представлю, если же не дадите, то я равно представлю, что вы мнѣ ихъ не дали.

Росс. посолъ, повторяя почти слово отъ слова содержанія 7-ми главныхъ артикуловъ объявилъ турецкому послу, что въ томъ состоитъ послѣдняя его резолюція.

Я не требую, чтобы вы что-либо отмѣнили въ оной резолюціи, отвѣчалъ Р.-эф., но требую отвѣтовъ на сообщенныя вамъ примѣчанія.—Обр: Очень хорошо, я на примѣчанія Порты буду отвѣчать; но предупреждая васъ наиточнѣйшимъ образомъ объявлю, что первые 7 артикуловъ ни въ чемъ отмѣнены не будутъ.—Р.-эф: Я такъ объ оныхъ и представлю, но о прочихъ имѣю то же самое сказать или что мы еще объ оныхъ поговоримъ.—Обр: Прочіе могутъ быть отчасти смяг-

чены.—Р.-эф: В. пр-во прежде всего примѣтить изволили, что не остается болѣе времени для приведенія въ порядокъ всѣхъ сихъ дѣлъ; итакъ, если вы заблагоразсудите, то можемъ на нѣсколько дней продолжить перемиріе.—О б р. отвѣчая, что онъ на сіе не имѣетъ власти; Р.-эф. продолжалъ такъ однакожь, если не противна Россія, то Бл. Порта соглашается на таковое продолженіе перемирія, ежели же противна, то и не нужно продолжать оное.—О б р: Обѣ стороны не равный для себя находятъ въ перемиріи авантажъ; Россія будучи всегда принуждена содержать то же самое число войскъ во время перемирія, не получаетъ изъ оныхъ никакой для дѣлъ своихъ прибыли; росс. флотъ въ Архипелагѣ во время перемирія со всѣхъ сторонъ сжатъ, а во время войны господствуетъ всѣмъ опымъ моремъ. Напротиву того большая часть арміи турецкой расходится по домамъ и никакой тяжести во все время недѣйствія не причиняетъ правленію; прибавьте къ тому, что мы здѣсь въ непріятельской землѣ потерять ничего, а выиграть много можемъ, слѣдовательно и всегда въ лучшее приводить состояніе настоящихъ дѣлъ нашихъ положеніе. — Р.-эф: Армія наша почти въ томъ же самомъ состояніи находится, отходящіе по домамъ не иное что есть, какъ волонтеры, которыхъ повсюду за мало считаютъ. Впрочемъ вы властны поступить такъ, какъ вамъ угодно покажется,—или дать мнѣ требуемые отвѣты и продолжить перемиріе, пока не получу я резолюціи отъ Порты, или же отказать мнѣ въ томъ и сказать чтобы я ѣхалъ. Я у васъ гость, отъ васъ зависитъ отправить меня.— О б р: Вы всегда будете почтенный гость. Перемиріе есть дѣло совсѣмъ относящееся къ военно-начальникамъ; но при всякомъ случаѣ в. пр-во будете почитаемы, только я прошу васъ приказать свитѣ вашей не выходить за кордонъ.—Р.-эф. поблагодаривъ росс. посла за увѣренія его, продолжалъ такъ: Бл. Порта для принятія послѣднихъ своихъ резолюцій объ извѣстныхъ ей дѣлахъ дѣлаетъ вамъ вопрошенія. Но если все дѣло взять въ разсужденіе, то въ ономъ многія сыщутся совсѣмъ новыя для министерства Бл. Порты матеріи, а в. пр-во требуете отъ меня скорой резолюціи.—О б р: Я требую скорой резолюціи на дѣла, Портѣ давно уже извѣстныя, а для постановленія прочихъ я самъ предлагаю вамъ срокъ.—Островъ тотъ есть дѣло совсѣмъ новое, отвѣчалъ Р.-эфенди.—О б р: Онъ долженъ быть извѣстенъ Портѣ и для того къ чему служить онъ имѣетъ нѣтъ нужды, чтобъ преждевременно инженеры осматривали оный; однакожь, въ случаѣ когда, что кажется быть не возможно, сыщется онъ къ строенію крѣпости неспособнымъ, то дворъ мой дозволитъ Портѣ избрать для себя другое мѣсто на Кубанскомъ берегу.—Р.-эф: Я не имѣю власти окончательно соглашаться о дѣлахъ сихъ, представлю и о томъ Портѣ и въ свое время сообщу вамъ отвѣтъ. — О б р: Симъ образомъ негоціація наша можетъ продолжаться на цѣлые 10 лѣтъ.—Р.-эф: Если бы и не было иныхъ кондицій кромѣ тѣхъ, кои въ артикулѣ о Валахіи и Молдавіи находятся, то бы конечно нужно объ оныхъ предувѣдомить Бл. Порту.— О б р: Къ чему-жъ служатъ наши полныя мочи, если о всякомъ и маловажномъ дѣлѣ должно требовать точнаго повелѣнія отъ Бл. Порты? Въ артикулѣ о Бессарабіи сыщете в. пр-во, что она возвращена будетъ, какъ о томъ объяснено въ особливомъ артикулѣ; артикулъ сей, сколько не пуженъ, очень маловаженъ однакожь въ разсужденіи негоціаціи на-

шей; дворъ всѣхъ подробностей такъ пространнаго дѣла видѣть не можетъ. На главнѣйшіе пункты даются точныя повелѣнія, прочія же вещи оставляются на разсужденіе уполномоченныхъ.—Р.-эф: Вы называете дѣла сіи маловажными, я же ихъ за очень важныя почитаю. Напр. кондиціи о Молдавіи и Валахіи по мнѣнію моему суть такія, что княжества сіи имѣемъ только въ подданствѣ находиться будутъ въ самомъ же дѣлѣ будутъ они принадлежать Россіи.—О б р. спросилъ какимъ образомъ сіе можетъ статься?—Р.-эф: Не требуете ли вы явно въ семъ артикулѣ, чтобъ оба сіи княжества содержали въ Константинополѣ консулей т.-е. министровъ, будто бы оные были самовластныя державы, а притомъ требуете вы, чтобъ оставались они подъ покровительствомъ Россіи.—О б р.: Рагузейская республика кому принадлежитъ, не подданная ли она Портѣ? Со всѣмъ тѣмъ имѣетъ консулей своихъ въ Константинополѣ, и въ артикулѣ о Молдавіи и Валахіи не ясно ли изображено чтобъ быть имъ такъ, какъ во время Ахметъ султана были? Мнѣ кажется, что послѣ сего нельзя сказать, чтобъ Россія по наружности возвращала ихъ Портѣ; такими и подобными сумнѣніями и подозрѣніями министерство Бл. Порты чести себѣ не дѣлаетъ. Ко мнѣ изъ Константинополя пишутъ, что *Измаилъ Бей* говоритъ будто я въ предложеніяхъ моихъ перемѣнчивъ. Я не понимаю на какой части настоящей негоціаціи основано таковое Измаилъ Бея нареканіе.—Р.-эф.: Можетъ быть, что тѣ, кои къ вамъ о томъ писали, не поняли настоящимъ образомъ рѣчей *Измаилъ Бея*.—О б р.: Я право не знаю откуда пришло сіе въ голову Измаилъ Бею.—Р.-эф.: Дѣла сіи мнѣ неизвѣстны. Однакожъ я думаю объ оныхъ то, что уже вамъ говорилъ, а нынѣ вновь требую отъ в. пр-ва отвѣтовъ на примѣчанія Бл. Порты.—О б р.: Отвѣты мои на примѣчанія Бл. Порты никакой разности не причинятъ въ моемъ ультиматѣ. Оное во всѣхъ частяхъ своихъ имѣетъ пребывать непремѣннымъ. Слѣдовательно и я вновь требую отъ васъ точнаго на предложенія мои отвѣта.—Р.-эф.: Вы мнѣ объявили ультиматумъ росс. двора; Бл. же Портѣ для постановленія своего ультиматумъ, которое имѣетъ быть точнымъ на росс. ультиматумъ отвѣтомъ, нужны на примѣчанія ея ваши отвѣты. Докажите только, что въ предлагаемой мнѣ вчашѣ нѣтъ отравы, а я ее тотчасъ пріиму.—О б р.: Я думаю отдавать должную правосудію и разуму в. пр-ва справедливость, держа, что вы внутренне увѣрены и признаете требованія двора моего напумѣреннѣйшими и наисходственнѣйшими по обстоятельствамъ съ интересами Бл. Порты; нѣтъ нужды повторять всѣ мои резоны, а дѣла, содержащіяся въ сихъ 7-ми артикулахъ суть столько жъ извѣстны Бл. Портѣ и вамъ, сколько и самому мнѣ. Почему и объявляю я в. пр-ву, что если вы подпишете оныя, тогда можемъ приступить къ соображенію и прочихъ дѣлъ. — Р.-эф.: А если не будутъ подписаны, то что останется дѣлать?—Въ такомъ случаѣ,—отвѣчалъ росс. посолъ,—я заключу, что Порта не имѣетъ намѣренія примириться.—Р.-эф.: Я уже в. пр-ву говорилъ, что для принятія послѣдней своей резолюціи, нужны Бл. Портѣ ваши отвѣты. — О б р.: Я пріиму примѣчанія ея и увижу буде есть что на оныя отвѣчать.—Р.-эф., вручая росс. послу оныя примѣчанія, сказалъ: Я, какъ другъ вашъ, и отъ всего сердца моего мира желающій человѣкъ, совѣтую в. пр-ву учинить ради общаго блага въ артикулахъ вашихъ отмѣну. — О б р.: Въ какихъ артикулахъ требуете

в. пр-во отмѣны, если между 7-ми первыми въ 4-хъ главныхъ, т.-е. въ касающихся до вольности и независимости татарской, до Еникале съ Керчею, до мореплаванія и коммерціи, то предупреждаю васъ, что отмѣнить не въ моей власти ни малѣйшаго, а прочіе вы можете разсмотрѣть и учинить мнѣ на оныя свои примѣчанія.—Р.-эф.: Очень хорошо. Я съ должнымъ примѣчаніемъ разсматривать артикулы ваши буду. И если дозволите мнѣ пріѣхать къ вамъ завтра поутру, то мы о дѣлахъ вновь поговоримъ. Я негоціации нашей разорванною не почитаю и не отчаяваюсь о заключеніи мира.—Росс. посолъ, соглашаясь на партикулярное съ Рейсъ-эфендіемъ свиданіе, началъ говорить о посторонныхъ дѣлахъ, и оба послы по обыкновенномъ между ими дружественномъ разговорѣ разъѣхались.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе, стр. 1.

Древнія времена; Борьба Генуи и Венеціи. Завоеваніе Константинополя Турками.

I.

Время отъ завоеванія Константинополя до турецкихъ войнъ Петра I, стр. 7.

Завоеваніе черноморскаго побережья турками и постепенное стѣсненіе судоходства въ Черномъ морѣ. Права Венеціи. Капитуляціи съ Франціею, Англіею, Голландіею.

II.

Время отъ конца XVII в. до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1774 года, стр. 22.

1. **Константинопольскій договоръ 1700 г. съ Россіею:** Посольства и переговоры съ Портою Украинцева и Голицына.
2. **Бѣлградскій договоръ 1739 года:** Отношенія къ Портѣ западныхъ державъ; значеніе торговыхъ интересовъ; война Россіи съ Турціею; Нѣмировскій конгрессъ и вопросъ о посредничествѣ морскихъ державъ; отношенія къ Австріи; посредничество Франціи; уступки Россіи; миръ, стр. 38.
3. **Вопросъ о Черномъ морѣ въ 1739—1768 году;** проектъ кн. Юсупова и мнѣнія русскихъ посланниковъ въ Константинополѣ; попытки и проекты торговли и судоходства въ Черномъ морѣ при Елисаветѣ и Екатеринѣ II, стр. 71.
4. **Задачи Россіи въ войнѣ съ Турціею 1768—1774 года;** значеніе морской экспедиціи въ Архипелагъ; отношенія къ Молдавіи и Валахіи; вопросъ о Крымѣ и татарахъ; вопросъ о судоходствѣ и торговлѣ въ Черномъ морѣ; русскія мирныя условія стр. 106.
5. **Отношенія Россіи къ Франціи;** отношенія политическія и торговыя Франціи къ Россіи и Турціи; отношенія Франціи къ архипе-

лагской экспедиціи и пререканія о правахъ нейтральныхъ (контрабанда, блокада, конвой); общая характеристика французской дипломатіи и политики, стр. 167.

6. **Отношенія Россіи къ Англіи:** торговые интересы; переговоры о торговомъ договорѣ 1765 г.; переговоры о союзномъ договорѣ и о посредничествѣ; отношеніе Англіи къ русскимъ мирнымъ условіямъ, стр. 207.
7. **Отношенія Россіи къ Пруссіи и Австріи;** отношенія къ Пруссіи по польскимъ дѣламъ и политика Фридриха II; переговоры относительно договора 1766 года; отношенія къ Австріи по польскимъ и турецкимъ дѣламъ; отношенія между Пруссіею и Австріею,—свиданія въ Нейссе и Нейштатѣ; вопросъ о посредничествѣ и русскихъ мирныхъ условіяхъ; раздѣлъ Польши стр. 306.
8. **Фокшанскій конгрессъ;** переговоры о независимости татаръ; разрывъ конгресса; инструкція Обрѣскову, стр. 392.
9. **Переговоры съ татарами о независимости ихъ и объ уступкѣ Россіи крѣпостей;** основаніе русской флотиліи въ Азовскомъ морѣ; трудности въ постройкѣ кораблей; отсутствіе удобнаго порта; переговоры съ татарами, стр. 410.
10. **Бухарестскій конгрессъ;** переговоры о независимости Крыма и о свободѣ торговли и судоходства; поведеніе Австріи; уступки Россіи, стр. 423.
11. **Кучукъ-Кайнарджійскій миръ;** уступка Россіи (мнѣнія Екатерины II, Панина, Г. Орлова, Совѣта); заключеніе мира; мнѣніе А. М. Обрѣскова о торговлѣ съ Турціею,—стр. 460.

Приложенія.

ОБОЗРѢНІЕ

БИБЛІОТЕКИ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ОБОЗРѢНІЕ БИБЛІОТЕКИ

Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ Россіи учрежденіе и умноженіе библіотекъ было плодомъ попеченій нашей православной Церкви, мудрыхъ Государей и, въ новѣйшее время, ревнителей отечественной старины и просвѣщенія.

Между достопримѣчательнѣйшими письменными памятниками Московскихъ древностей занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ Библіотека Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Эта Библіотека состоитъ нынѣ изъ 32,205 томовъ книгъ, рукописей, картъ и плановъ и служитъ чрезвычайно важнымъ подспорьемъ не только для справокъ, наводимыхъ Архивомъ для Правительства и частныхъ лицъ, но вообще при занятіяхъ служащихъ въ семъ учрежденіи и при изслѣдованіяхъ ученыхъ посѣтителей.

По составленнымъ для этой Библіотеки Правиламъ, по примѣру введенныхъ въ дѣйствіе для Библіотекъ II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи и Генеральнаго Штаба, доступъ въ нее разрѣшается Директоромъ Архива.

Начало существованія Архивской Библіотеки восходитъ ко временамъ Посольскаго Приказа, Діакамъ и Толмачамъ котораго, для веденія письменныхъ международныхъ сношеній, необходимо было обращаться къ иностраннымъ сочиненіямъ, дабы хотя поверхностно знать мѣстоположеніе и обычаи тѣхъ Государствъ, съ представителями которыхъ Приказъ имѣлъ дѣло.

Это драгоцѣннѣйшее книгохранилище старины Московской съ перемѣщеніемъ въ новое зданіе, вмѣстѣ съ Архивомъ, въ 1874 году, на Воздвиженку, стало все болѣе и болѣе популяризоваться и

привлекать къ себѣ вниманіе любителей древностей, не только Русскихъ, но и иностранцевъ.

Архивская Библіотека, раздѣленная на 9 отдѣловъ (по числу занимаемыхъ ею залъ) и размѣщенная въ 191 шкафахъ, состоитъ изъ сочиненій, рукописей и автографовъ преимущественно политическаго, историческаго и камеральнаго содержанія и книгъ на разныхъ языкахъ, поступившихъ, между прочимъ, въ 1677 году, изъ Стрѣлецкаго Приказа и принадлежавшихъ прежде боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Въ 1683 году снесено въ Посольскій Приказъ книгъ изъ Мастерской Палаты числомъ 15, печатныхъ на Латинскомъ языкѣ, „глаголемыя атласъ или описаніе всего свѣта“. Съ 1684 года были уже постоянно передаваемы въ Посольскій Приказъ, не только изъ разныхъ учрежденій, но и изъ типографій, вновь отпечатанныя книги; между ними замѣчательна слѣдующая: Anastasii Bibliothecarii historia ecclesiastica sive chronographia Tripertita Ex. M. S. Codica Bibliothecae Vaticanae Collata ad. M. S. Exemplar Longobard. Vetustiis Casinens. Biblioth. unde Rom. Exemplar monavit nunc penue ad fidem veterum librorum emendata. Accedunt Notae Caroli Annibalis Fabroti JC. quibus obscura quaeque Anastasii illustrantur. Jtem glossaria duo, quibus vocabula mixo barbara collata cum Graeco Nicephori, Georgii Syncelli, et Theophanis exponuntur. Parisiis. E. Typographia Regia. M. DC. XLIX. (1649 г.) in f°, переплетъ пергаментный и весьма хорошо сохранившійся.

Въ 1696 г. 29 іюня указомъ Петра I окончательно положено прочное основаніе Архивской Библіотеки. Мудрый Преобразователь Россіи повелѣлъ: „всѣ книги собирать и держать въ Посольскомъ Приказѣ въ береженіи и записать для вѣдома въ книгу“.

Одновременно съ учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ образовался въ Москвѣ ея Архивъ изъ дѣлъ Посольскаго Приказа и, съ этихъ поръ, началось постоянное пріобрѣтеніе для сего Архива книгъ и рукописей покупкою или въ даръ отъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Въ 1720 г. поступили старинные Лѣтописцы; спустя пять лѣтъ имъ сдѣлана опись; въ 1731 г. пріобрѣтены Латинскія книги; въ 1736 г. присланы въ даръ книги изъ Академіи Наукъ. Въ 1741 и 1749 г. пріобрѣтена богатѣйшая коллекція рукописей, книгъ и картъ извѣстнаго Востоковѣда профессора Г. Я. Кеера; въ 1759 г. имъ сдѣлана обстоя-

тельная опись; рукописная коллекція его оказалась состоящею изъ 38 портфелей, заключающихъ всѣ отрасли языко и наукознанія, относящихся до Востока и подраздѣленныхъ на 14 отдѣловъ. Въ 1782 г. пріобрѣтается по Высочайшему повелѣнію библіотека исторіографа Г. Ф. Миллера за 20,000 р. асс. и на укомплектованіе ея Всемилостивѣйше ассигновано по 200 р. асс. въ годъ; а въ 1783 г. прибавлено еще 50 р. асс. Въ 1784 г. библіотекамъ Архивской и Миллеровой составлена полная опись въ 11 реестрахъ и предложено соединить ихъ вмѣстѣ. Коллекція автографовъ и рукописей исторіографа Г. Ф. Миллера состоитъ изъ 258 портфелей, содержащихъ въ себѣ обильный запасъ матеріаловъ, въ высшей степени важныхъ не только для основательнаго изученія исторической жизни Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, но также и Азіи, преимущественно Сибири въ этнографическомъ, статистическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Многіе изъ нихъ уже напечатаны; другіе—большею частію черновыя записки и замѣтки—ожидаютъ искусной обработки, чтобы занять мѣсто въ ряду необходимыхъ пособій по тѣмъ или другимъ отраслямъ науки. Академикъ П. П. Пекарскій, въ статьѣ своей „Матеріалы для исторіи Библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, помѣщенной въ XII томѣ „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“, [1]) сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о пріобрѣтеніи Екатериной II библіотеки отъ исторіографа Г. Ф. Миллера. Въ 1780 г. 20 апрѣля Г. Ф. Миллеръ, представляя Императрицѣ начало своего собранія трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, въ концѣ доклада писалъ между прочимъ: „На семъ основаніи и какъ исторіографу безъ пристойной библіотеки быть неможно, не сумнѣваясь и на то получитъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшее соизволеніе, что я намѣрился собственную мою библіотеку, изъ знатнаго числа весьма рѣдкихъ книгъ и не безважныхъ манускриптовъ состоящую, послѣ моей смерти посвятить публикѣ, дабы не малые тѣ мои для исторіи россійской начатые труды въ пользу отечества удобнымъ образомъ всегда продолжаемы были, а отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ просить буду, чтобъ

[1]) Также ср: «Очеркъ дѣятельности Коммиссіи печ. грам. и договоровъ, состоящ. при Моск. Глав. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ». Москва, 1877 г. in 8⁰ стр: 1—4.

позволила опредѣлить мѣсто для сей моей библіотеки при Московскомъ Архивѣ. Она уже описана ассессоромъ Стриттеромъ, такъ, что листочка изъ ней потеряться не можетъ. Она уже сама собою не мала и снабжена нужнѣйшими для россійской исторіи и сосѣдственныхъ государствъ книгами, къ ней же и находящіяся при Архивѣ книги присовокуплены будутъ". Далѣе историографъ проситъ за это у Императрицы вознаградить его чѣмъ либо по ея усмотрѣнію, присовокупляя, что не безполезно будетъ опредѣлить еще по сту или по двѣсти рублей въ годъ на укомплектованіе оной, и сей расходъ держать историографу". Библіотеку Г. Ф. Миллера поручено было осмотрѣть Московскому Гражданскому Губернатору А. М. Обрескову, который въ 1781 году 15 ноября писалъ къ графу А. И. Остерману, что онъ осматривалъ библіотеку Г. Ф. Миллера и изъ разговора съ историографомъ понялъ его желаніе, чтобъ библіотека всегда при Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивѣ не раздробительно оставалась и въ концѣ писалъ, что какъ скоро каталогъ ея будетъ въ надлежащій порядокъ приведенъ, то сообщитъ оный его сіятельству. Въ томъ же году 9 декабря А. М. Обресковъ въ письмѣ къ графу И. А. Остерману, при коемъ препроводилъ записку Г. Ф. Миллера: „Изъясненія о моей Библіотекѣ", сообщалъ, что „сохраненіе подобной библіотеки во всей цѣлости можно будетъ для государства считать настоящимъ сокровищемъ, и что потомки могутъ изъ этого богатѣйшаго собранія рукописей и книгъ почерпать преобширныя познанія". Г. Ф. Миллеръ того же числа (9 декабря 1781 года), въ письмѣ своемъ на Нѣмецкомъ языкѣ къ графу, выражаетъ ему свою глубочайшую благодарность за ту милость и покровительство, которыя оказывалъ ему этотъ Министръ; причемъ сообщаетъ, что у него былъ А. М. Обресковъ и требовалъ дальнѣйшихъ объясненій по книгамъ и рукописямъ, которыя онъ ему и сообщилъ, присовокупивъ, что нѣтъ цѣны этимъ рукописнымъ драгоцѣнностямъ; а что чѣмъ Ея Имп. Вел. его вознаградитъ, то онъ будетъ считать за Высочайшее пожалованіе, а никакъ за плату; въ заключеніе Г. Ф. Миллеръ пишетъ, что все это онъ собралъ въ теченіе 50 лѣтней исторической работы и проситъ гр. И. А. Остермана, чтобы ему остаться и закрѣпиться окончательно на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ въ настоящее время находится.

Въ 1805 г. государственный канцлеръ графъ И. А. Остерманъ

принесъ въ даръ Библіотекѣ Архива рукописи и книги на Шведскомъ языкѣ. По смерти Н. Н. Бантышъ-Каменскаго (управлявшаго Архивомъ), въ 1814 году его портфели въ числѣ 12-ти поступили въ Архивскую Библіотеку; они содержатъ кромѣ историческихъ свѣдѣній, относящихся вообще до Россіи и Азіятскихъ народовъ, еще множество библіографическихъ указаній, собранныхъ имъ съ неутомимою ревностью въ теченіе его слишкомъ полувѣковой ученой дѣятельности; кромѣ того четыре изъ нихъ исключительно посвящены историческому описанію Кремля (въ Москвѣ). Въ 1841 году, по смерти сенатора А. Ѳ. Малиновскаго (управлявшаго также Архивомъ) поступили его портфели въ числѣ 49, содержащіе историческія свѣдѣнія, касающіяся Россіи съ 911 по 1706 гг. преимущественно историко-юридическаго характера. Матеріалы эти весьма важны въ своемъ родѣ; они поясняютъ отчасти древній государственный бытъ Россіи, а отчасти представляютъ различныя формы старинныхъ дѣловыхъ бумагъ и судопроизводства, и слѣдовательно, относятся къ гражданскому праву. Между прочимъ, въ этой коллекціи достойны вниманія правыя грамоты, которыя, кромѣ порядка и формъ судопроизводства въ прежнее время, представляютъ множество образцовъ тогдашняго простонароднаго языка. Изъ числа вышеупомянутыхъ 49 портфелей А. Ѳ. Малиновскаго 26 содержатъ богатѣйшій матеріалъ для историко-археологическаго описанія Москвы и ея окрестностей.—Послѣ этого, поступили еще портфели разнаго историческаго содержанія: отъ ст. сов. Юни, относящіеся до Сибири съ 1667 по 1770 г.; кол. сов. Максимовича; кол. ас. А. Д. Прилуцкаго — семь портфелей, содержащіе разные историческіе акты съ 1399 по 1700 гг.;—Я. М. Еврепнова;—генер. отъ Инфантеріи М. В. Каховскаго; генер. маіора И. А. Плохова—одинъ портфель съ фамильными бумагами съ 1772 по 1800 гг.;—В. А. Толмачева;—кол. сов. Н. С. Лебедева; а въ 1853 году служившій прежде въ Архивѣ, кол. сов. А. М. Евреиновъ пожертвовалъ на обогащеніе Библіотеки свое родовое имѣніе, состоящее Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, изъ села Крупецъ и деревни Роковой Колодецъ, дающее ежегодно дохода 1630 р. сер.; въ 1874 г. по смерти гофмейстера кн. М. А. Оболенскаго (бывшаго директора Архива) его собственная библіотека пожертвована была наслѣдницами его: вдовою, княгинею А. А. Оболенскою,

и дочерью, княгинею А. М. Хилковою. Эта библіотека состоитъ изъ 3.350 томовъ печатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ историко-политическаго и юридическаго содержанія, 83 рукописей на Славяно-Русскомъ, иностранныхъ и восточныхъ языкахъ, 33 старопечатныхъ книги и 40 картоновъ кабинетныхъ бумагъ князя въ 60 связкахъ, такого же характера, какъ и печатныя книги; это книгохранилище составляетъ совершенно особое, VI отдѣленіе Библіотеки Архива. Съ 1876 по 1882 годъ теперешній Директоръ Архива, гофмейстеръ Двора Е. И. В. Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ принесъ въ даръ Библіотекѣ Архива 42 картона своихъ кабинетныхъ бумагъ, заключающихъ историко-статистическое описаніе Астраханскаго края съ картами и рисунками, заказанными имъ въ 1844 г. въ бытность его тамъ при ревизовавшемъ по Высочайшему повелѣнію Астраханскую губ. сенаторѣ, князѣ П. П. Гагаринѣ. Въ означенныхъ картонахъ бар. Ѳ. А. Бюлера заключается до 160 рукописей, изъ числа которыхъ достойны особаго вниманія слѣдующія: Право Мунгальскихъ и Калмыкскихъ народовъ, записка объ обращеніи Калмыковъ въ христіанство, Киргизскія узаконенія Шеріатъ, діалектическія особенности Астр. губ., бой тюленя, соляной и рыбный тамъ промыслы, исторія тамошняго казачьяго войска, рисованныя карты Калмыцкихъ и Киргизскихъ земель, а также рыбныхъ участковъ Каспійскаго моря и изображенія орудій морскаго и рѣчнаго рыболовства, планъ виноградника (чигиря) и т. п.; бумаги и переписка бар. Ѳ. А. Бюлера съ 1846—1853 г. по званію члена Общества посѣщенія бѣдныхъ и съ 1857—1861 г. по должности Члена Главнаго Управленія Цензуры, и кромѣ того, имъ же пожертвовано въ Библіотеку печатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ 322 тома историко-юридическаго и политическаго содержанія, 87 картъ, плановъ, литографій, эстамповъ и т. п. Изъ нихъ замѣчательны: карта острова Кандіи изд. въ 1564 г., въ Венеціи; планъ города Торна 1677 г., карты, изображающія Россію въ 1449 г., осаду Вильманстранда 1741 г., Германскую имперію, раздѣленную на округи, сраженія Семилѣтней войны, военныя дѣйствія Англичанъ въ Индіи и Французовъ въ Альзасѣ, подъ Касселемъ и при Росбахѣ; Францію, раздѣленную на департаменты и т. п. 2 гравюры, аллегорически представляющія, по рисунку *à la seppia* художника Моретти (въ старинныхъ рамкахъ), храмъ славы Князя Потемкина-

Таврическаго, одна изъ нихъ *avant la lettre*; третья,—кончину Кн. Потемкина, грав. Соколова съ рисунка Казановы, и литографированное изображеніе его статуи въ Херсонѣ. Въ этомъ же 1876 году, по смерти Иркутскаго потомственнаго почетнаго гражданина В. Н. Баснина, его кабинетныя бумаги, въ числѣ 9 картоновъ, получены отъ его сыновей, Н. В. и П. В. Басниныхъ. Они содержатъ богатѣйшій матеріалъ въ историко-статистическомъ отношеніи касательно Сибири и Кяхтинской торговли въ особенности. Въ 1877 году фрейлины П. А. и Е. А. Мухановы пожертвовали библіотеку покойныхъ братьевъ своихъ, бывшаго Товарища Министра Иностранныхъ Дѣлъ Н. А. и В. А. Мухановыхъ, заключающую 2.142 тома печатныхъ книгъ на разныхъ языкахъ, преимущественно юридическаго содержанія и 16 географическихъ атласовъ, картъ и плановъ. Въ 1880 году получены изъ Мадрида, по повелѣнію короля Испанскаго и чрезъ посредство россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, изъ склада, находящагося при собственной библіотекѣ его католическаго величества,—10 фоліантовъ не пущенныхъ въ продажу роскошныхъ изданій на испанскомъ языкѣ, съ гравюрами, и отъ министра Ласала (*Firmin de Lasala*)—16 томовъ, изданныхъ Министерствомъ Фоменто, а отъ самого повѣреннаго въ дѣлахъ, камергера К. С. Сидоровича—гравированный *à l'eau forte* портретъ короля Альфонса XII съ его собственноручною подписью.

Въ 1882 г. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Иностранныхъ Дѣлъ о желаніи Директора Архива принести въ даръ Архиву свою собственную библіотеку, состоящую изъ 2.000 томовъ политическаго и историческаго содержанія, ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ объявить гофмейстеру барону Бюлеру благодарность ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и, принявъ его пожертвованіе, присвоить оному наименованіе *Библіотечнаго Отдѣла барона Ѳедора Андреевича Бюлера*.

Эту библіотеку собирали годами съ начала XVIII в. предки барона Ѳ. А. Бюлера, служившіе съ отличіемъ въ Россійской дипломатіи; вслѣдствіе чего, эти книги вполнѣ подходятъ къ серьезному составу Архивской Библіотеки.

Кромѣ того, Библіотека Архива состоитъ изъ 1.650 рукописей съ X-го столѣтія на языкахъ: Славяно-Русскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Голландскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Поль-

скомъ, Итальянскомъ, Румынскомъ, Шведскомъ; на языкахъ Восточныхъ: Армянскомъ, Арабскомъ, Грузинскомъ, Еврейскомъ, Калмыцкомъ, Китайскомъ, Малабарскомъ, Монгольскомъ, Персидскомъ, Санскритскомъ, Татарскомъ, Тибетскомъ, Турецкомъ и Явайскомъ. Собраніе рукописей важно и сильно не числомъ рукописей, а ихъ внутренними достоинствами, т. е. древностію и рѣдкостію. Рукописи Библіотеки Архива, по своему характеру, представляютъ два разряда, къ первому принадлежатъ рукописи подлинныя, сохраняющіяся въ древнихъ и старинныхъ спискахъ, отъ X до XVIII вѣка включительно; ко второму-новѣйшія копіи, снятыя съ древнихъ рукописей, хранящихся въ разныхъ другихъ библіотекахъ и архивахъ. Эти копіи, за исключеніемъ очень не многихъ, въ настоящее время въ составѣ собранія большею частію потеряли почти всякое значеніе,—однѣ отъ того, что напечатаны въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, другія же потому, что по способу приготовленія, не удовлетворяютъ современнымъ научнымъ требованіямъ; наконецъ, третьи потому, что не имѣютъ надлежащаго ручательства въ своей вѣрности съ подлинными рукописями тѣмъ болѣе, что объ нихъ даже не извѣстно, гдѣ находятся подлинники. Между Славяно-Русскими рукописями имѣется 60 сборниковъ съ XV по XVIII столѣтіе богословскаго, историческаго и каноническаго содержанія и 23 хронографа, изъ коихъ особенно замѣчателенъ хронографъ Іоанна Малалы, писанный, въ концѣ XV вѣка съ самаго древняго списка 1261 г. Этотъ старинный памятникъ древней письменности важенъ въ особенности въ настоящее время, когда наша археологія возбудила столько новыхъ различныхъ вопросовъ, съ строгонаучнымъ характеромъ; изучая подобные источники, мы придемъ къ возможности правильно судить о составѣ Русскихъ лѣтописныхъ памятниковъ о состояніи нашей древней грамотности и узнаемъ, что читали наши предки, откуда брали свѣдѣнія о всеобщей исторіи. Изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго каноническаго и гражданскаго права имѣются: 1) одиннадцать списковъ Кормчей книги съ XV по XVIII столѣтія. Чтобы имѣть точное понятіе объ Кормчей книгѣ необходимо разсматривать ее не только въ общемъ ея составѣ, но также познакомиться со всѣми статьями ея отдѣльно, такъ какъ онѣ не всѣ имѣютъ одинаковое происхожденіе и принадлежатъ не одному, а разнымъ временамъ, разнымъ сочинителямъ, 2) шесть списковъ

Стоглава XVI и XVII вѣковъ и 3) десять списковъ XVII по XIX столѣтіе, содерж. Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, и изъ нихъ 6 отдѣльныхъ, въ числѣ которыхъ одинъ съ коментаріями А. Ѳ. Милиновскаго, другіе же списки находятся въ юридическихъ Сборникахъ XVII—XIX столѣтій. Въ числѣ прочихъ рукописей достойны вниманія слѣдующія: 1) два списка XVII столѣтія, содерж. Книгу Большаго Чертежа, изъ коихъ одинъ писанъ въ мартѣ 1675 г. среднею скорописью на 171 л., другой же конца вышеозначеннаго столѣтія, писанъ хорошею скорописью на 200 л., оба списка in 4°; 2) четыре списка Житія Св. Евфросиніи Суздальской XVI—XVII столѣтій; изъ нихъ 2 отдѣльныхъ и 2 помѣщены въ сборникѣ богословскаго содержанія XVI—XVII вѣковъ. 3) Житіе Св. Антонія Сійскаго, рукоп. XVII ст. in f°, на 428 лл. съ миніатюрами и лицевыми изображеніями. 4) Евангеліе Апракосъ (повседневное) XIV столѣтія на пергаментѣ in f°, на 228 лл. 5) Восемь списковъ Житія Іоанна Богослова XVI и XVII столѣтій. 7) Шесть списковъ Житія Николая Чудотворца XVI и XVII столѣтій. 7) Пять списковъ Житія Алексія Митрополита. Хотя между этими списками есть отрывки, но они вѣрны съ одной стороны, какъ доказательство древности Славянскаго перевода этого памятника древней христіанской литературы, съ другой стороны какъ доказательство, что въ позднихъ спискахъ древнее чтеніе перевода сохранялось довольно правильно. 8) два списка (неполныхъ) христіанской монографіи монаха Козьмы, прозваннаго Индикопловомъ, XVII вѣка; подобные списки находятся въ Москвѣ, въ Сѵнодальной Библіотекѣ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ: Славянскій переводъ этого древне письменнаго памятника важенъ не только для насъ, но и для тѣхъ, которые изучаютъ подлинникъ христіанской топографіи; послѣдніе въ рукописяхъ IX—X вѣковъ, хранятся одна въ Ватиканской Библіотекѣ, другая въ Лаврентіевской Библіотекѣ, во Флоренціи; 9) три списка Хроники Стрыйковскаго, XVI и XVII вѣковъ, весьма цѣнимой знатоками, какъ очень важный матеріалъ въ отношеніи Христіанской хронологіи и имѣющійся въ архивской библіотекѣ въ Польскомъ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ. Хроника эта заслуживаетъ вниманія потому, что въ ней заключаются подробности, относящіяся къ Западной и Восточной

Россіи; эти списки появились вслѣдствіе того въ XVI и XVII вв., что ею интересовался Русскій людъ, жившій въ Сѣверо-Западной Руси и въ Руси Московской. 10). Статутъ Литовскій, рукоп. XVIII ст., первый и самый главный памятникъ, свидѣтельствующій о процвѣтаніи Русскихъ началъ Русской письменности въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Этотъ библіографическій памятникъ доказываетъ что государство Литовское въ періодъ своего могущества состояло изъ $^{9}/_{10}$ частей Русскаго народа и по числу, и по пространству населенія, что русскій языкъ былъ въ этомъ государствѣ языкомъ правительственнымъ, до новѣйшихъ временъ и что образованность русскихъ и исповѣдуемая ими вѣра христіанская первыя подѣйствовали на просвѣщеніе и смягченіе нравовъ Литовскаго народа. Книга Александрія полезно и честно слышати... рукопись полууставн. конца XVII вѣка in $4/^{0}$, на 372 листахъ (ср: № $^{480}/_{960}$) съ разными изображеніями, сдѣланными отъ руки, конецъ рукописи утраченъ. Въ ней содержится Сказочное житіе Царя Александра Македонскаго [2]).

Подлинникъ или наставленіе какъ писать иконы; рукопись скорописная второй половины XVII вѣка in 8^{0} (№ $^{469}/_{937}$) на 286 листахъ, начальныхъ листовъ не достаетъ; въ концѣ помѣщены разные духовныя замѣтки. Въ Библіотекѣ имѣется также нѣсколько Палей XVI и XVII столѣтій. Этотъ родъ хронографовъ, до сихъ поръ еще весьма мало обслѣдованъ въ нашей исторической библіографіи. Въ настоящее время въ области исторіи древней Русской библіографіи и искусства получили большую важность рукописи съ миніатюрами или лицевыми изображеніями; Библіотека Архива богата такими памятниками. Вообще, рукописный отдѣлъ этой Библіотеки еще не вполнѣ разсмотрѣнъ и изслѣдованъ нашими учеными. Съ той или другой стороны, изъ числа рукописей особенно обращаютъ на себя вниманіе Сборники самаго разнообразнаго содержанія, и въ осо-

[2]) Въ числѣ рукописей Румянцовскаго Музея есть два списка Александріи Сербскій и Русскій. По приведеннымъ выпискамъ изъ оныхъ А. Х. Востоковымъ въ его описаніи рукописей видно, что означенный списокъ не совсѣмъ сходенъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ Румянцовскими. Въ Кабинетныхъ бумагахъ кн. М. А. Оболенскаго (ср: Картонъ 5. Св. 12. лит. *Л.*) находятся интересныя выписки изъ дѣлъ Посольскаго Приказа о строеніи книги Александріи, которыя мы и помѣщаемъ въ приложеніи, хотя таковыя относятся не къ архивскому экземпляру, а скорѣе къ списку Румянцовскаго Музея.

бенности древніе переводы или оригиналы, которые напечатаны съ многочисленными поправками и приписками.

Кромѣ того, въ Архивской Библіотекѣ имѣется значительная коллекція автографовъ знаменитыхъ Русскихъ людей и Славянскихъ дѣятелей, какъ-то Платона Атонацковича, Булгарина, Бѣлинскаго, Вука Караджевича, Фонъ-Визина, Гнѣдича, Гоголя, Жуковскаго, Квитки, П. И. Кутузова, Каченовскаго, Коллара, Ломоносова, Н. и М. Муравьевыхъ, Миклошеча, Кн. А. Оболенскаго, Гр. Разумовскаго и мног. друг.

Въ коллекціи иностранныхъ рукописей замѣчательны слѣдующія на Греческомъ языкѣ: 1) Новеллы Византійскихъ Императоровъ, писаны на 10 пергаментныхъ листахъ скорописью, исхода X вѣка, въ концѣ этой рукописи помѣщенъ Юстиніановъ Кодексъ и 2) Евангеліе X вѣка съ изображеніями въ краскахъ четырехъ Евангелистовъ.

На французскомъ языкѣ: Записки, веденныя Гриммомъ о текущихъ событіяхъ въ политикѣ, обществѣ и литературѣ, которыя онъ доставлялъ Екатеринѣ II-й, Фридриху Великому и Ландграфинѣ Гессенской Каролинѣ и которыя извѣстны подъ именемъ Correspondence générale. Рукопись объемлетъ періодъ времени отъ 1765—1791 гг. и состоитъ изъ 24 томовъ. Въ 1882 г. Тайн. Сов. М. Н. Галкинъ-Врасскій принесъ въ даръ Архивской Библіотекѣ рукопись на французскомъ яз. in 8° (№ $^{1531}/_{965}$) на 20 л. *Les derniers jours de la vie de Msgr le Duc d'Enghien*, заключающую въ себѣ разсказы Маркиза Бонпэ о послѣднихъ дняхъ жизни Герцога Энгіенскаго, со словъ его камердинера, впослѣдствіи перешедшаго на службу къ Людовику XVIII.

На нѣмецкомъ языкѣ переводъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича: Allgemeines Russisches Land-Recht, wie solches auf Befehl Eur. Czaar. Majest Alexei Michailowicz zusammen getragen worden damit allen standen des Moscowitischen Reichs.... Naechsten biss zum Niedrigsten gleichmässiges Recht und Berechtigkeit in allen singen wiederfahren wolge. Aus dem Russsichen in's Teutsche übersetzt nebst einer vorrede Burchad Gottelff Struvens. Dantzig 1723.: in f° на 538 стр. и 23 л. (пожертвована Камеръ-Юнкеромъ Ѳ. К. Опочининымъ).

На Шведскомъ языкѣ списокъ харатейный, писанный готическими

буквами, содерж. Шведскіе законы, утвержденные въ 1442 г. Королемъ Христофоромъ [3]).

Коллекція Славянскихъ старопечатныхъ книгъ Библіотеки Архива состоитъ изъ 204 названій въ 214 томахъ. По числу она очень не велика; но, не смотря на свою малочисленность, весьма замѣчательна по своему составу. Не находя нужнымъ исчислять замѣчательнѣйшія изданія этого собранія, большею частью извѣстныя по печатнымъ каталогамъ, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что такія книги, какъ Библія Доктора Скорины (Прага, 1517—1519 гг). и другія изданія, которыя исчисляются на первой страницѣ каталога, составили бы гордость любой библіотеки; вообще, въ этой коллекціи встрѣчаются изданія всѣхъ почти древне-славянскихъ типографій и есть много чрезвычайно рѣдкихъ книгъ, которыя не встрѣчаются ни въ какой другой библіотекѣ. Расположены старопечатныя книги по порядку хронологическому, какъ самому для нихъ удобному и правильному.

Въ Архивской Библіотекѣ имѣются также Альдинскія изданія XVI и Эльзевировъ XVII столѣтія.

Альдинскія, Эльзевирскія изданія вполнѣ способны заинтересовать самыхъ разборчивыхъ библіографовъ; оригинальна Эльзивирская фирма, имѣвшая до четырнадцати представителей, она печатала маленькія изящныя книги въ 12 и 16 долю листа и даже въ половину 12 и 16 доли, т. е. въ форматѣ въ три и четыре раза меньше in 8°, самымъ тончайшимъ шрифтомъ, хотя и не серебрянымъ, какъ нѣкоторые предполагали, но однакожь очень четко и исправно, съ не многими, но приличными и красивыми орнаментами, на бумагѣ не слишкомъ бѣлой, но тонкой и плотной; печатались онѣ въ Лейденѣ и Амстердамѣ. Эмблемой Лейденской типографіи былъ сначала орелъ, потомъ пустынникъ, сидящій подъ тѣнью вяза, Амстердамской — Минерва съ оливковымъ деревомъ.

---

3) По ходатайству Упсальскаго Университета предъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, эта рукопись была отправлена туда, профессору Шлитеру (C. J. Schlyter), который ее изслѣдовалъ съ 5 мая 1859 г. по 17 декабря 1862 г., и, издавъ *Corpus Juris Sveogotorum Antiqui*, сослался въ немъ, во многихъ мѣстахъ, на эту рукопись (Ср.: стр. 3. М. Гл. Архива М. И. Д. Каталогъ рукописямъ по Юриспруденціи, составл. И. Токмаковымъ. М. 1879 г., in 8°).

Встрѣчаются также эмблемы: не большой огонь и въ анонимныхъ изданіяхъ—глобусъ.

По литературному достоинству, изданія Эльзевировъ цѣнятся значительно ниже Альдинскихъ; за то производство первыхъ по численности гораздо больше, особенно если позволить себѣ подъ какимъ нибудь предлогомъ и, разумѣется, совершенно безъ всякаго основанія, по примѣру нѣкоторыхъ любителей, причислять къ произведеніямъ Эльзевировъ такія, которыя появились безъ ихъ имени или даже совсѣмъ подъ другою фирмою, потому только, что они имѣютъ съ ними нѣкоторое сходство, особенно въ орнаментахъ.

Въ числѣ изданій древнихъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ находится много первопечатныхъ, какъ напримѣръ изданіе «Естественной Исторіи» Плинія 1469 г., Горація 1476 г., Аристотеля 1498 г., Геродота 1562 г., Плутарха и разныя другія. Тутъ находятся знаменитыя по своей рѣдкости 1) Geographia Blaviana, Амстердамское изданіе 1662 г. 2) огромная гравюра Бликланта (Blicklant), видъ Москвы изъ замоскворѣчья, начала XVIII вѣка; а изъ новыхъ — монументальная Description de l'Egypte Французской экспедиціи.

Въ I и II отдѣлахъ (въ боковомъ выступѣ нижняго этажа) находятся рукописи, портфели ученыхъ, старопечатныя книги и періодическія изданія; въ одномъ изъ отдѣловъ (а именно во 2-мъ) устроена выставка замѣчательныхъ восточныхъ рукописей, какъ по письму, такъ и по орнаментаціи; здѣсь выложены Кораны на языкахъ Арабскомъ и Турецкомъ, поэма XIII столѣтія на Грузинскомъ языкѣ, подъ названіемъ Барсова Кожа; Китайскіе рисунки на папирусѣ, Яванскія рукописи на древесныхъ листьяхъ пальмы и др.; между ними выложена Альфабета профессора Г. Я. Кеера рукопись in f° на 38 л. л., въ ней извѣстный оріенталистъ изобразилъ 137 азбукъ, бывшихъ въ употребленіи у различныхъ народовъ древняго времени съ изобрѣтенія письменности. Рядомъ съ этимъ лежитъ снимокъ этой рукописи снятой фотолитографическимъ способомъ въ 1876 году, вслѣдствіе распоряженія г. директора Архива барона Ѳ. А. Бюлера, по желанію покойнаго Туркестантскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана. Альфабета эта находилась на 3-мъ Международномъ Конгрессѣ Оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ, а снимокъ на V-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Тифлисѣ, гдѣ обратили на себя вниманіе гг. ученыхъ.

Въ III Отдѣлѣ (въ нижнемъ этажѣ, вдоль 2-го двора) размѣщены каталоги Библіотеки Архива и печатныя книги.

Въ IV-мъ Отдѣлѣ (рядомъ съ предшествующимъ) расположены печатныя книги и, кромѣ того, здѣсь же, по иниціативѣ г. Директора Архива, устроенъ особый отдѣлъ Moscovia, т. е. на столахъ, находящихся въ этой залѣ, выложены и собраны вмѣстѣ всѣ рѣшительно сочиненія, касающіяся Москвы, [4]) начиная съ XVI столѣтія и до настоящаго времени, а именно слѣдующихъ писателей: Герберштейна, Олеарія, Гизена, Горсея, Мейербера, Коллинса, Кленка, Корба, Антонія Поссевина, Страуса, Нейгебауерга, Корнелія-де-Бруина и многихъ другихъ, писавшихъ о Россіи, о православіи и его обрядахъ, о расколѣ и т. п. Здѣсь можно видѣть извѣстныя каррикатуры 1812 года, изданныя П. Теребеневымъ и исполненныя русскаго удалаго юмора; многія и теперь смѣшны до-нельзя, по замысловатой композиціи, и нарисованы твердою опытною рукою художника. Эти каррикатуры сдѣлались нынѣ библіографическою рѣдкостью; онѣ — единственные памятники художественной литературы того времени, характеризующіе славную эпоху нашей исторіи. Здѣсь помѣщены портреты патріарха Никона, Максима Грека, государственнаго канцлера князя А. М. Горчакова, какъ московскаго уроженца и дворянина. Этотъ отдѣлъ Библіотеки замѣчателенъ какъ въ историческомъ, такъ и въ художественно-архитектурномъ отношеніяхъ; здѣсь можно видѣть рисунки и самыя описанія происходившихъ въ Москвѣ Коронацій, начиная съ Михаила Ѳедоровича до императора Александра II, изданное въ 1863 г., произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ роскошнѣйшее и, что касается хромолитографированныхъ листовъ, по рисункамъ Зичи, вполнѣ художественно-изящное. Въ этомъ же отдѣлѣ размѣщены виды древнихъ зданій и церквей Москвы, Кремля въ разныя эпохи, изображенія русскихъ одеждъ, путеводители по Москвѣ и ея окрестностямъ, описанія разныхъ достопамятностей первопрестольной столицы, карты, планы, и т. под.

Въ V-мъ Отдѣлѣ (въ нижнемъ этажѣ, вдоль 2-го двора) Библіотеки расположены тоже печатныя книги и на столахъ выложены: 1) Книга

---

[4]) Ср: Очеркъ дѣят. Коммиссіи печ. Грам. и Догов., сост. при Моск. Глав. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ». М. 1877 г. in. 8°, стр: 89.

въ лицахъ объ избраніи Царя Михаила Ѳедоровича на Царство; 2) Свадьба его съ Евдокіею Лукьяновной Стрѣшневой, изд. Бекетова, Москва, 1810 г. 3) Уложеніе, Московское изд. 1779 г. 4) Русская Правда, 1-е изданіе, Москва, 1767 г. 5) Василіологіонъ, или описаніе жизни царей, начиная отъ царя Ассирійскаго Нина до Алексѣя Михайловича, рукопись 1674 года in f° на 170 листахъ, [5]) и нѣкоторыя рѣдкія книги, относящіяся до Россіи. Изъ числа художественныхъ изданій, выложенныхъ въ этомъ Отдѣленіи, мы считаемъ долгомъ упомянуть объ Исторіи Русскаго Орнамента съ X—XVI столѣтія по древнимъ рукописямъ, состав. А. И. Бутовскимъ, изданіе Художественно-Промышленнаго Музеума въ Москвѣ. Этотъ превосходный альбомъ долженъ быть признанъ капитальнымъ произведеніемъ въ области прикладнаго искусства; онъ былъ отпечатанъ въ Парижѣ и повсюду въ Европѣ встрѣченъ самымъ живымъ сочувствіемъ, такъ какъ представляетъ собою драгоцѣнное собраніе самыхъ разнообразныхъ мотивовъ орнамента для всѣхъ родовъ прикладнаго искусства.

Въ VI Отдѣлѣ (въ бель-этажѣ, за III отдѣленіемъ Архива) помѣщена Библіотека кн. М. А. Оболенскаго, въ витринахъ же выложены замѣчательныя рукописи и старопечатныя книги; о богатствѣ вообще рукописей и никунабулъ этого отдѣла могутъ дать нѣсколько ближайшее, наглядное понятіе тѣ изъ нихъ, которыя расположены на виду для всѣхъ посѣтителей, въ этихъ витринахъ. Не исчисляя здѣсь всѣхъ предметовъ этой постоянной выставки, назовемъ только главнѣйшіе, а именно слѣдующіе:

1) Сборникъ дополнительныхъ декретовъ (Breviarium extravagantium, т. е. duae extra decretum vogabantur) составленный Бенгардомъ Циркою въ 1187 г., рукопись на пергаментѣ in f°, на 65 лл.

2) Сборникъ 58 грамотъ, декретовъ и т. п. иностранныхъ государей и правительственныхъ лицъ и учрежденій, на иностранныхъ языкахъ, писанъ на пергаментѣ въ XVI и XVII вѣкахъ.

[5]) Въ Кабинетныхъ бумагахъ кн. А. М. Оболенскаго (ср. Картонъ 5. Св. 12. №т. Л.) находятся интересныя выписки изъ дѣлъ посольскаго приказа о строеніи книги Василіологіонъ, которыя мы и помѣщаемъ въ приложеніи, хотя означенныя выписки, касаются другаго списка, неизвѣстно гдѣ находящагося.

3) Житіе Св. Василія Новаго, рукопись XIV вѣка, пергаментная in 8°, на 181 лл.

4) Четіи-Минеи Митрополита Макарія. Августъ мѣсяцъ. снимокъ Софійскій, половины XVI вѣка.

5) Стихотворенія Каріона Истомина, посвящены Царю Петру Алексѣевичу, по случаю бракосочетанія его съ Евдокіею Ѳедоровною Лопухиной, рукопись in 4°, на 19 лл.; заглавная виньетка изображаетъ въ облакахъ Іисуса Христа, Богородицу, Апостола Петра и Евдокію, а подъ ними Царя и Царицу во весь ростъ въ Царскомъ облаченіи, раскрашена красками и золотомъ, передъ каждымъ стихотвореніемъ раскрашенныя виньетки, сообразныя съ содержаніемъ его, всѣхъ числомъ до 20-ти. Портретъ Петра I-го тѣмъ особенно замѣчателенъ, что это чуть ли не единственный, изображающій его въ древнемъ одѣяніи Царей.

6) Апокрисисъ, напеч. въ Острогѣ, 1597 г., на 220 лл. курсивными буквами, шрифтомъ Литовскаго статута, изданъ Уніатами. Это знаменитое полемическое—православное сочиненіе вышло изъ Св. Духовой Типографіи Въ этомъ сочиненіи авторъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ, раскрылъ и блистательно доказалъ неправду Брестскаго Собора.

7) Антиррисисъ, напечатанъ въ Вильнѣ, 1599 г., 575 стр.; единственный экземпляръ на славяно-русскомъ яз.; другой есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, но онъ на польскомъ языкѣ.

8) Букварь Каріона Истомина, гравированный Леонтіемъ Бунинымъ, напеч. въ Москвѣ, 1674 г.; этотъ букварь весьма замѣчателенъ въ археологическомъ отношеніи по множеству находящихся въ немъ изображеній и названій. Въ числѣ ихъ помѣщены музыкальные инструменты: росъ, свирѣль, труба, пѣвница, а подъ словомъ музыка—четыре музыканта, играющихъ на гудкѣ. гуслѣхъ, дудкѣ и торбонѣ. — Изъ одеждъ здѣсь находятся: діадема, мониста, ожерелье, обязало, цата, ширинка; изъ домашняго обихода: делва, лагвица, спирида, ночвы, хомутъ, окринъ, чпагъ, черпало, изображеніе ѣдущаго въ саняхъ, въ упряжи безъ дуги; далѣе праща рогатина, томаръ, топоръ, тесла, остенъ, ости, забрало, юзы, и т. п.,

и 9) Таблица Сошнаго письма, гравир. въ Москвѣ 1685 г., на 1 л.

Въ VII Отдѣлѣ (въ корридорѣ нижняго этажа) размѣщена Библіотека И. А. и В. А. Мухановыхъ.

Въ VIII Отдѣлѣ (за отдѣломъ Кн. Оболенскаго) Библіотека Бар. Ѳ. А. Бюлера,

и въ IX Отдѣлѣ (въ залѣ передъ Церковью) въ витринѣ,—Архивскіе подлинные акты объ Иверской Иконѣ Божіей Матери, дѣло о присылкѣ въ Россію Ризы Господней и Акафистъ, принадлежавшій царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ; а въ большомъ шкафѣ, 290 Славяно-Русскихъ книгъ Церковной печати, въ томъ числѣ 31 возвращенныя недавно изъ Палатъ бояръ Романовыхъ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, Библіотека Архива, начиная съ 1874 г., все болѣе и болѣе расширялась, какъ и прежде, болѣе или менѣе значительными приращеніями, разными пожертвованіями, обязанная тѣмъ благосклонному содѣйствію правительственныхъ властей и лицъ. Всѣ почти Министерства препроводили и продолжаютъ доставлять въ Библіотеку Архива изданія, выходящія непосредственно отъ нихъ или отъ подвѣдомственныхъ имъ учрежденій. Въ 1882 году Библіотека взыскана была Высочайшимъ вниманіемъ: ей ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожалована ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ библіографическая рѣдкость,—5 роскошныхъ томовъ in f° съ 500 изображеніями Древностей Россійскаго Государства. Изд. Москов. Оружейной Палаты. 1849, 1851 и 1853 гг.

Въ томъ же году съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія отъ Государственной Канцеляріи поступили 3 тома описанія Архива Государственнаго Совѣта.

Въ этомъ же году ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было повелѣть возвратить въ Архивскую библіотеку 10 гравюръ, изображающихъ загородные Дворцы въ окрестностяхъ С.-Петербурга, которыя, съ вѣдома Государственнаго Канцлера, были представлены въ 1877 году въ Бозѣ почившему Императору Александру Николаевичу.

Въ томъ же году отъ графа С. Д. Шереметева пожертвованы Архивской Библіотекѣ,—3 тома „Рода Шереметевыхъ“ состав. А. П. Барсуковымъ.

Отъ Директора Департамента Внутреннихъ Сношеній Мин. Ин. Дѣлъ барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена,—21 томъ сочиненій историческаго и политическаго содержанія; заграничный корреспондентъ Архива В. В. Шереметевъ съ 1881 г. принесъ въ даръ Архивской библіотекѣ

3 автографа Генерала Жомини (*Henri Jomini*) 1796 — 1800 гг., 29 книгъ и брошюръ XVIII—XIX столѣтій, съ 60 географическими картами и эстампами; изъ нихъ въ особенности достойны вниманія: 1) *Hagia Sophia par son restaurateur Fossati. Londres. 1852. avec 26 planches coloriées représentant la grande Basilique de Constantinople*; 2) *Les découvertes des Russes entre l'Asie et l'Amérique, avec l'histoire de la conquête de la Sibérie et du commerce des Russes et des Chinois, par M. Coxe, traduit de l'anglais. Paris. 1781*; 3) *Rélation des travaux et moyens mécaniques employés pour transporter à St.-Pétersbourg le rocher servant de base à la statue équestre de Pierre le Grand, par le Comte Carburi de Céphalonie. Paris 1777;* и 4) *Rélation d'un voyage dans la mer du Nord, par Kerguelen Tremarec.* Paris. 1771; 3 гравюры XVIII в. изъ коихъ достойны вниманія 1) *Usages et cérémonies qu'on observoit aux mariages des Czars* и 2) *Les promenades de Catherine II dans les jardins de Sarko cello*, и 20 портретовъ изъ нихъ замѣчателенъ фотографическій снимокъ портрета Царевны Софіи, снятый съ оригинала, находящагося въ Версальскомъ Музеумѣ.—Отъ Комерціи Совѣтника Н. А. Найденова,—2 выпуска его изданія: *Москва, Соборы, Монастыри и Церкви*, состоящее изъ 123 фотогравюръ; и отъ фотографа Архива В. В. Левитскаго,—гравированный портретъ Анны Ярославовны, королевы французской.

При обиліи имѣющихся въ Библіотекѣ Архива многосторонних библіографическихъ сокровищъ, она безспорно должна быть признаваема по старинѣ однимъ изъ первыхъ Московскихъ книгохранилищъ. Учрежденіе это, пользующееся столь заслуженною извѣстностью и уваженіемъ не только у насъ, но и заграницей, есть одно изъ драгоцѣнныхъ хранилищъ рукописныхъ памятниковъ старины Московской, которыми должно гордиться все наше отечество, а не одна первопрестольная столица. Доставляя богатые матеріалы по всѣмъ отраслямъ наукознаній и постоянно пополняемая прибывающими Гг. учеными для занятій [6]), Архивская Библіотека несомнѣнно содѣйствовала распространенію у насъ просвѣщенія и возвышенію вооб-

---

[6]) Ср: «Очеркъ Дѣятельности Коммиссіи печ. Грам. и Догов., состоящ. при Моск. Глав. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ», гдѣ приложены выписки изъ Отчетовъ Архива 1873—1877 гг.

ше уровня народной цивилизаціи. Такая заслуга даетъ этому учрежденію, затрачивающему весьма незначительную сумму на свое обогащеніе и правильное устройство, полное право на особое попеченіе со стороны Правительства. Библіотека Архива за послѣднее время получила весьма удовлетворительную организацію, каталогизація совершенно почти приведена въ надлежащій порядокъ; имѣются: а) полный систематическій каталогъ и б) алфавитный каталогъ всей библіотеки, гдѣ обозначены не только титулы книги, но и мѣсто книги; по такому каталогу книга отыскивается въ двѣ минуты; кромѣ сего отпечатаны и поступили въ продажу каталоги по многимъ отдѣламъ архивской библіотеки. Спеціальное каталогизированіе Библіотеки все еще продолжается и, по нѣкоторымъ отдѣламъ, даже въ связи съ самимъ Архивомъ. Извѣстно вообще, что хорошо организованная Библіотека имѣетъ бо̀льшее вліяніе на ходъ просвѣщенія въ странѣ, нежели думаютъ люди, поверхностно знакомые съ подобными учрежденіями. Такая библіотека не только даетъ возможность серіозно работающимъ людямъ безъ всякихъ затратъ производить обширнѣйшія работы, ученикамъ высшихъ учебныхъ заведеній—подготавливаться къ лекціямъ и къ практическимъ работамъ; литераторамъ, журналистамъ—снабжать ученою подкладкой свои статьи; свободнымъ, но недостаточнымъ людямъ—проводить время съ пользой и удовольствіемъ; такая библіотека опредѣляетъ до извѣстной степени ходъ и направленіе умственной цивилизаціи въ странѣ. Объ Архивской Библіотекѣ можно высказать сожалѣніе, что она не обладаетъ такими большими средствами, какъ нѣкоторыя другія, хотя и значительны были даровыя пріобрѣтенія Библіотеки за послѣдніи десять лѣтъ, но источники эти нельзя, конечно, не признать случайными; а между тѣмъ, при недостаточности постоянныхъ средствъ, Библіотека лишена возможности къ систематическому пріобрѣтенію новыхъ, часто многоцѣнныхъ, а слѣдовательно, для большинства частныхъ лицъ, недоступныхъ сочиненій и цѣлыхъ коллекцій.

И. Тюкмаковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Противъ челобитной Ивашки Верещагина въ Посольскомъ приказѣ выписано: л. 203 Въ нынешнемъ въ 7184 (1676) году, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца велѣно въ посольскомъ приказѣ написать книгу Александріи книжнымъ письмомъ на средней Александрѣйской бумагѣ Новгородскаго приказу подъячему Ивану Верещагину.

А Великаго Государя жалованья за его работу поденнаго корму изъ приказа ничего не дано.

Далѣе на 204 л. читаемъ, что указомъ 24 Декабря 7184 (1676) года, Царь приказалъ выдать Ивану Верещагину за эту его работу 2 рубли.

На 196 л. находится челобитная иконописцовъ Митьки Иванова, Ѳедьки Юрьева, Ивашки Петрова, которые работали вмѣстѣ съ Ивашкою Максимовымъ писали въ книгу Александріи лица на Александрійской средней бумагѣ золотомъ, серебромъ и красками, а жалованья за Сентябрь и Октябрь мѣсяцы ничего не получали.

Потомъ на 198 л. читаемъ.

А въ прошломъ въ 7183 (1675) году Іюля въ 25 день, велѣно смужъ Ивану Максимову съ товарищи писать книгу Александріи въ лицахъ, и нынѣ тужъ книгу пишетъ.

А Великаго Государя жалованья дано ему на Августъ мѣсяцъ прошлаго 7183 (1675) году изъ Галицкіе четверти по 5 алтынъ.

Товарищемъ его, которые и нынѣ съ нимъ тужъ книгу пишутъ: Димитрію Иванову, Ѳедору Юрьеву, Ивану Петрову по гривнѣ на день человѣку. (Дѣло объ этой работѣ хранится въ Московскомъ Глав. Архивѣ М. И. Д. подъ 7180 (1672)—7185 (1677) годами 28 Марта между приказными дѣлами).

Въ 7181 (1673) году, Мая 7-го, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца при окольничемъ Артемонѣ Сергѣевичѣ Матвѣевѣ,

дана изъ Посольскаго приказа Ивану Верещагину, подъячему Володимерскія четверти, книга Василіологіонъ, чтобы написать ее книжнымъ письмомъ. Судя по жалованью, которое велѣно ему выдавать только по 29-е число Іюня того-же года, надобно полагать, что онъ долженъ былъ окончить къ этому сроку свою работу. Книга Василіологіонъ украшена 26-ю персонами, рисованными на полотнѣ золотомъ, серебромъ, и красками въ 7182 (1674) году Оружейной Палаты живописцемъ Богданомъ Салтановымъ. Наконецъ въ томъ-же году она переплетена въ червчатый бархатъ съ золотымъ обрѣзомъ. А въ 5 день Сентября 7183 (1675) года поднесена Великому Государю, который приказалъ построить еще двѣ такія-же книги. Надъ этими книгами работали тѣже лица, которые строили большую книгу Василіологіонъ.

Дѣло объ этихъ работахъ хранится въ Москв. Глав. Архивѣ М. И. Д. подъ 7180 (1672)—7185 (1677) годами Марта 28, между приказными дѣлами.

Въ выпискѣ Посольскаго приказа, въ которой описываются составленныя при немъ книги, сказано о книгѣ Василіологіонъ слѣдующимъ образомъ: л. 168. Книга Василіологіонъ или сочисленіе царей Ассирійскихъ, Перскихъ, Европейскихъ, Греческихъ и Великихъ Князей и Государей Царей Россійскихъ, которые во всемъ свѣтѣ были и нынѣ есть во брацѣхъ доблественнѣйше и мужественнѣйшіе. Писана на Александрійской большой бумагѣ въ десть книжнымъ письмомъ въ лицахъ, лица писаны на полотнѣ изъ масла, подложены таотою, передъ персоны вклѣиваны таотыжъ. переплетена по обрѣзу въ золоте оболочена бархатомъ червчатымъ, застежки и наугольники и средники серебряные золочены резные, Великому Государю поднесена Сентября въ 5 день нынешнего 7163 (1675) году, и указалъ Великій Государь изготовить такіе-же двѣ книги вновь. л. 170, А слагалъ тѣ книги, избиралъ изъ различныхъ книгъ Посольскаго приказу Еллино-греческаго языку переводчикъ Николай Спаѳарій, да подъячій Петръ Долговъ, а Великаго Государя жалованья имъ недано

Л. 178. Въ нынешнемъ въ 7183 году, Сентября въ 8 день по указу Великаго Государя, Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича все а великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца въ Посольскомъ приказе, Окольничей Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ приказалъ строить двѣ книги Василіологіона противъ прежней книги Василіологіона-жъ.

Въ росписи, что нужно было къ строенью книги Василіологіонъ, читаемъ:

Л. 178.

Золота 300 листовъ; за сто листовъ по 30 алтынъ.

Киноварю 6 золотниковъ; за золотникъ по 4 деньги.

Комѣди 10 золотниковъ; по 2 деньги за золотникъ.

Орѣшковъ чернильныхъ 50; за десятокъ по 4 деньги.

Купоросу на 6 денегъ.

Двѣ чернильницы большіе 2 алтына.

Двѣраковины 4 алтына.

Доска большая гладильная 3 алтына 2 деньги.

Всего надобно на покупку 3 руб. 11 алтынъ.

Въ челобитной книгописца Ивашки Верещагина, о выдачѣ ему жалованья поденнаго корму, говоритъ онъ такъ: л. 88.... Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 7181 (1673) году, Маія отъ 7-го числа, по твоему Великаго Государя указу дана мнѣ изъ Посольскаго приказу книга Васпліологіонъ писать книжнымъ писмомъ и тое Государь книгу пишу я холопъ твой (т. е. (Иванъ Верещагинъ) безпрестанно, а подденнаго корму мнѣ твоего Великаго Государя жалованья за мою работишку давать еще ничего не указано.

На 90 л. сказано, что Государь приказалъ выдать ему жалованья Мая съ 7-го числа 7181 (1673) года Іюня по 29-е число того-же года, по гривнѣ на день.

Л. 187. Въ нынѣшнемъ въ 7183 (1675) году Сентября въ 15 день по указу Великаго Государя велѣно въ Посольскомъ Приказе ему-жъ Ивану (Верещагину) написать двѣ книги Васпліологіонъ противъ прежней книги Васпліологіона-жъ.

По поводу челобитной Оружейной Палаты живописца Богдана Салтанова, въ Посольскомъ приказѣ между прочимъ выписано:

Л. 189. Да въ нынешнемъ въ 7182 (1674) году, по указу-жъ Великаго Государя, писалъ онъ-же живописецъ Богданъ Салтановъ въ книгу Васпліологіонъ персоны ассирійскихъ, перскихъ, греческихъ, римскихъ Царей и Великороссійскихъ великихъ князей и Великихъ государей Царей, всего 26 мѣстъ на своемъ полотнѣ и своимъ золотомъ и серебромъ и красками.

Л. 127. Здѣсь находимъ, что Богдану Салтанову Царь приказалъ выдать жалованья за его работу „соболми на тридцать рублевъ да сукно, да камку.“ На 176 л. находимъ:

Роспись, что приказано сколько написать персонъ Великихъ, Благочестивыхъ Государей, царей, такожъ де и Великихъ князей и иныхъ Государствъ языческихъ царей и королей и князей 48 персонъ, надобно на одинъ листъ холсту и пялецъ и гвоздья и клея и масла и олиѳу и красокъ добрыхъ и середнихъ и золота и иной мелочи, всего на одинъ листъ по цѣнѣ на 16 алтынъ на 4 деньги.

Л. 177. А быти тѣмъ персонамъ въ двухъ книгахъ именуемыхъ Васпліологіонъ.

Противъ челобитной иноземца Капитана Ягана Элинкуга въ Посольскомъ приказѣ выписано:

Л. 162. Въ нынѣшнемъ въ 7182 (1674) году по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя

и бѣлыя Россіи Самодержца, иноземецъ Капитанъ Ягапъ Элинкугъ переплеталъ книгу Василіологіонъ, доски покрывалъ бархатомъ червчатымъ и золотилъ по обрѣзу.

А по скаске его иноземца издержалъ онъ на тоѣ книгу на доски и на золото и на клей и на нити 2 рубли.

А Великаго Государя жалованья за работу его отъ переплету той книги и за прикладъ ничего ему не дано.

А на 163 л. находимъ, что въ 7182 (674) году Августа 7-го по указу жалованья за работу и за прикладъ 5 рублей.

Выписка изъ челобитной боярина Матвѣева 1677 года, напеч. въ С.-Петерб. 1776 г. стр: 34.

Служа Вамъ, Великимъ Государямъ, и желая вашея Государскія къ себѣ милости, сдѣлалъ книги съ товарищи своими и съ приказными людьми и съ переводчики въ Посольскомъ приказѣ, какія не бывали, и нынѣ на свидѣтельство мое холопа твоего и ихъ работы въ Посольскомъ приказѣ.

Первая книга:

Всѣхъ Великихъ князей Московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и титла, и печати, какъ они Великіе Государи сами себя описывали; также и всѣхъ Государей христіанскихъ и бусурманскихъ, которые имѣютъ ссылки съ Вами, Великимъ Государемъ, персоны ихъ и титла и печати.

Вторая книга.

(Въ лицахъ-же) съ реченіемъ: избраніе и посылка на Кострому, и о прошеніи, и о приходѣ къ Москвѣ и о вѣнчаніи на царство Московское дѣда твоего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца.

Третія книга:

Всѣхъ предковъ твоихъ благочестивыхъ Великихъ Государей князей и благочестивыхъ Великихъ Государей Царей и Самодержцевъ славныхъ ратныхъ побѣдахъ (въ лицахъ) съ исторіями; и тое книгу поднесъ тебѣ, Великому Государю, при отцѣ твоемъ Государевѣ, Великомъ Государѣ, я холопъ твой.

Четвертая книга:

(Въ лицахъ) и съ реченіемъ перевода Спатаріева, а письмо старца Маркела, что въ Тіунской, а переводилъ книгу Святѣйшаго Макарія Патріарха Антіохійскаго.

КАТАЛОГЪ

ИЗДАНІЯМЪ КОММИССІИ

ПЕЧАТАНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ,

состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Слѣдующія изданія, принадлежащія Высочайше учрежденной при Архивѣ, Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ продаются:

ВЪ МОСКВѢ—въ зданіи Архива (на углу Воздвиженки и Моховой) и у коммиссіонера Архива, книгопродавца А. Л. Васильева (Страстной бульваръ, д. гр. Мусина-Пушкина).

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—у книгопродавца Ретгера (Шмицдорфъ)—Невскій пр., д. № 5.

1. **Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ**, 4 т. и начало 5-го, изд. 1813—1841 г., съ гравированными изображеніями 263-хъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVIII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Дмитріевъ, Марины Мнишекъ, Князя Пожарскаго, Богдана Хмельницкаго и т. п. Каждый изъ 4-хъ томовъ по 3 р., начало 5-го 1 р.; всѣ же 4 тома 12 р. а съ началомъ 5-го, 13 р.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ, Москва, 1813 г. Содержитъ разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1265 по 1613 г. Раздѣленъ на 3 отдѣла: 1) Новгородскія грамоты (1265—1471 г.); 2) грамоты древнія великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей, и всероссійскихъ государей, царей: духовныя, договорныя, межевыя, жалованныя и приговорныя; также записи мѣновыя, поручныя и др. Россійскихъ бояръ и дворянъ (№№ 21—202, 1328—1584 годовъ); 3) грамота о избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича (1613 г.).

ТОМЪ ВТОРОЙ. Москва, 1819 г. Служитъ дополненіемъ къ первому и содержитъ разныя грамоты съ 1229 года по 1612. Онъ раздѣленъ на 10 отдѣленій, изъ которыхъ къ первому отнесены древнія грамоты разныхъ годовъ съ 1229 по 1431 (№№ 1—17); прочія грамоты раздѣлены на отдѣлы по царствованіямъ, къ которымъ онѣ относятся, начиная съ государствованія великаго князя

Іоанна Васильевича; послѣдній отдѣлъ составляютъ грамоты во время междуцарствія (1610—1612 г. №№ 197—288).

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Москва, 1822 г. Содержитъ также разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1613 по 1655 годъ. Раздѣленъ на два отдѣленія, изъ которыхъ къпервому отнесены грамоты въ государствованіе царя Михаила Ѳеодоровича (№№ 1—121, 1613—1644 г.), а ко второму грамоты въ государствованіе царя Алексѣя Михаиловича (№№ 122—184, 1645—1655 г.).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Москва, 1828 г. Заключаетъ въ себѣ грамоты и внутреннія постановленія съ 1656 по 1696 г. Состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій: 1) грамоты въ государствованіе царя Алексѣя Михаиловича (№№ 1—102, 1656—1675 г.); 2) грамоты въ государствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича (№№ 103—131, 1676—1682 г.); 3) грамоты въ государствованіе царя Петра Алексѣевича (№№ 132—144, 1682 г.), и 4) грамоты въ государствованіе царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича (№№ 145—221, 1682—1696 г.). Въ концѣ 4-го тома приложены: палеографическія таблицы почерковъ съ XIII вѣка до XVII и алфавитный указатель ко всѣмъ четыремъ частямъ.

НАЧАЛО ТОМА ПЯТАГО. С.-Петербургъ, 1841 г. Содержитъ 140 актовъ. Изъ нихъ 20 *договоровъ*, заключенныхъ 1326—1531 г. съ Австріей, Даніей, Норвегіей, Пруссіей, Швеціей и Турціей, а также съ Польшей, Лифляндіей и Эстляндіей; остальныя суть *грамоты* (1474—1584 г.): Австрійскія, Греческія, Датскія, Прусскія, Турецкія, равно какъ Польскія, Ногайскія и Крымскія, между коими 5 *шертныхъ*.

2. Законы великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича, съ дополнительными указами, съ предисловіемъ К. Ѳ. Калайдовича и П. М. Строева и со снимками двухъ заглавныхъ листовъ. Москва, изданіе 2-е 1878 г. Цѣна 1 р.

3. Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи, А. Х. Лерберга, съ приложеніемъ карты Югорской земли, Изд. на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію Импер. С.-Петерб. Академіи Наукъ Ф. Кругомъ; перев. Д. Языкова. С.-Петербургъ, 1819 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Отъ издателя (Ф. Круга); біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ. I) О географическомъ положеніи и исторіи Югор-

скія земли. 2) О жилищахъ Еми. 3) Объ одной древней Новгородъ-Готландской грамотѣ и о Борхрамѣ, который въ ней называется. 4) Князья Володиміръ Андреевичъ и Володиміръ Мстиславичъ. 5) Описаніе Днѣпровскихъ низовій и пороговъ. 6) О географическомъ положеніи Хозарской крѣпости Саркела и называемой въ русскихъ лѣтописяхъ Бѣлавежи.—Въ концѣ приложены алфавитный указатель и *карта, изъясняющая положеніе Югорской земли.*

4. Исторія Льва Діакона Калойскаго, и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изд. въ первый разъ съ рукописей королевской Парижской библіотеки К. Б. Гаазе. Пер. Д. Попова, С.-Петербургъ. 1820 г. Ц. 3 руб.

Содержаніе: Предисловіе—Исторія Льва Діакона отъ кончины императора Константина до смерти императора Іоанна Цимисхія (X книгъ). О ошибкахъ съ непріятелями, сочиненіе императора Никифора.—Исторія Іоанна Епифанійскаго схоластика и епарха.—Письмо къ Льву Діакону Θеодосія монаха и грамматика.—Историческія примѣчанія.

5. Софійскій Временникъ, или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 г. 2 части. Москва, 1820—1821 г., изд. П. М. Строевымъ, съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго Временника. Каждая часть по 2 р.; а обѣ части 4 р.

6. Древнія Россійскія стихотворенія собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изданіе 3-е, съ предисловіемъ К. Θ. Калайдовича. Москва, 1878 г. Ц. 2 р.

7. Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи, Ф. Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса переводчика, посыланнаго въ Коканъ, въ 1813—1814 г. С.-Петербургъ, 1821 г. Ц. 1 р.

8. Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, Москва, 1821 г. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: 1) Предварительное понятіе о Славянахъ, 2) О республикѣ Новгородской; 3) О посадникахъ Новгородской республики вообще; 4) О посадникахъ, не включенныхъ въ общее число; 5) О пособіяхъ для исторіи посадниковъ, 6) Исторія посадниковъ Новгородскихъ, расположенная въ хронологическомъ порядкѣ; 7) Современная таблица великихъ князей Русскихъ, князей, архіереевъ и посадниковъ Новгородскихъ.—Въ заключеніе приложены допол-

нительныя примѣчанія и алфавитный списокъ Новгородскихъ посадниковъ.

9. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ съ 1463—1768 г.; при многихъ приложены снимки съ разныхъ собственноручныхъ подписей, Москва, 1824 г. Ц. 1 р.

10. Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе І. Добровскаго. Пер. съ нѣмецкаго М. П. Погодина, Москва, 1825 г. Ц. 1 р.

Въ концѣ приложены: Житія словенскихъ учителей Кирилла и Меѳодія, изъ прологовъ, и отрывокъ о Кириллѣ изъ одного Хронографа.

11. Книга въ лицахъ объ избраніи на Царство Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, Москва, 1856 г. Ц. 30 р.

Содержаніе: Это изданіе состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) Книги in f°, въ которой воспроизведена полууставомъ XVII столѣтія рукопись, составленная изъ дѣлъ Посольскаго Приказа, объ избраніи на Превысочайшій Престолъ Великаго Россійскаго Царствія, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, съ историческимъ предисловіемъ и хромолитографированными: заставнымъ листомъ и портретомъ Царя Михаила Ѳеодоровича, заимствованнымъ изъ Архивской рукописи «Титулярникъ», озаглавленной: «Книга, а въ ней собраніе, откуду произыде корень Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ и како въ прошлыхъ годѣхъ Великіе Государи писались въ грамотѣхъ ко окрестнымъ Государемъ Христіанскимъ и къ мусульманскимъ, 2) Альбома изъ 20-ти рисунковъ въ форматъ большаго листа, №№ I—IV и VI—XXI, графированныхъ на мѣди, и 21-го (№ V) хромолитографированнаго,—и 3) Французскаго, объяснительнаго къ рисункамъ, текста in 8°.

12. О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ. Составлено по документамъ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, С.-Петербургъ, 1859 г. Ц 75 к.

13. Письма Русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства, 4 вып. съ 8-ю fac-simile, Москва, 1861—1862 г., каждый выпускъ по 65 к.; а всѣ 4 выпуска 2 р. 60 к.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. а) Письма государя Петра I къ Анисьѣ Кириловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, б) Пись-

ма государя Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, в) Письма государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. I. Письма царицы Прасковьи Ѳеодоровны: а) къ Петру I; б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; в) къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ; г) къ внукѣ ея принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ; д) къ князю А. Д. Меншикову; е) къ Макару Абросимовичу Половинкину—II. Письма къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ: а) отъ государыни Екатерины Алексѣевны; б) отъ князя А. Д. Меншикова.—III. Письма царевенъ Екатерины, Анны и Прасковьи къ Петру I.—IV. Письма герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны: а) къ Петру I; б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; в) къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ; г) къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ; д) къ сыну Бирона Петру; е) къ князю А. Д. Меншикову; ж) къ князю В. Л. Долгорукому; з) къ Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой; и) Указъ старостѣ Ѳедоту Иванову;—V. Письма къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ: а) отъ Петра I; б) отъ государыни Екатерины Алексѣевны; в) отъ князя А. Д. Меншикова.—VI. Письма царевны Прасковьи Ивановны: а) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; б) къ княгинѣ Меншиковой; в) Указы управителю Ивану Калмыкову.—VII. Письмо къ царевнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ отъ государыни Екатерины Алексѣевны.—VIII. Письмо Ивана Остермана къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. I. Письма царевича Алексѣя Петровича: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Аннисьѣ Кириловнѣ Толстой; в) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; г) къ князю Меншикову; д) къ Дарьѣ и Варварѣ Михайловнамъ Арсеньевымъ; е) къ князю Д. М. Голицыну; ж) къ князю В. Л. Долгорукому; з) къ капитанъ-поручику Скорнякову-Писареву; и) къ Іоанникію Сепютовичу.—II. Письма къ царевичу Алексѣю: а) отъ Петра I. б) отъ графа Г. И. Головкина; в) отъ П. И Шафирова; г) отъ тайнаго секретаря.—III. Опись бумагамъ и письмамъ царевича Алексѣя Петровича, найденнымъ въ гофъ-интендантской конторѣ въ 1769 году. IV. Письма царицы Евдокіи Ѳедоровны: а) къ Петру I. в) къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, г) къ А. И. Остерману.—V. Письма къ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ: а) отъ Петра II. б) отъ великой княжны Натальи Алексѣевны; в) отъ А. И. Ос-

термана; г) отъ жены вице-канцлера Остермана Марфы Ивановны.—VI. Дѣло о содержаніи въ Шлюссельбургѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. I. Письма герцогини Курляндской Анны Ивановны: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; в) къ царевичу Петру Петровичу; г) къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ; д) къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ; е) къ царевнѣ Натальѣ Петровнѣ; ж) къ Петру II; з) къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; и) къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ; і) къ принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ; к) къ князю А. Д. Меншикову; л) къ княгинѣ Меншиковой; м) къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой; н) къ княжнѣ Маріѣ Александровнѣ Меншиковой; о) къ князю Александру Александровичу Меншикову, п) къ вице-канцлеру А. И. Остерману: р) къ П. М. Головину; с) къ П. И. Ягужинскому; т) къ князю В. Л. Долгорукову; у) къ М. Ю. Долгорукой; ф) къ Аграфенѣ Петровнѣ Бестужевой; х) къ Аннѣ Ѳедоровнѣ Юшковой.—II. Письма къ герцогинѣ Курляндской Аннѣ Ивановнѣ; а) отъ Петра I; б) отъ государыни Екатерины Алексѣевны; в) отъ Петра II; г) отъ великой княжны Натальи Алексѣевны; д) отъ кабинетъ-секретаря Макарова.—III. Письмо кабинетъ-секретаря Макарова къ П. М. Бестужеву.—IV. Доносъ Бестужева на Петра.—V. Письмо Бирона (неизвѣстно къ кому).

14. Русскія старинныя знамена съ альбомомъ изъ 12 литографій и хромолитографій, соч. Л. П. Яковлева. Москва, 1865 г. Ц. 20 р.

15. Описаніе Знаменскаго монастыря и палатъ бояръ Романовыхъ, съ одной хромолитографіей и 5-ю литографіями, соч. архимандрита Сергія, Москва, 1866 г. Ц. 5 рублей.

16. Очеркъ дѣятельности Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ. Москва, 1877 г. Ц. 1 р.

17. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва, 1879 г. Ц. 50 к.

18. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сост. М. П. Пуцилло. Москва, 1879 г. Ц. 75 к.

19. Думный Дьякъ Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ (1606—1638), М. П. Пуцилло. Москва, 1878 г. Ц. 30 к.

20. Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина въ 1600 и 1601 г., съ современнымъ его портретомъ, (по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Н. В. Чарыкова. Москва, 1878 г. Ц. 1 р.

21. Посольство въ Англію князя Прозоровскаго, дворянина Желябужскаго и дьяка Давыдова въ 1662 г. съ ихъ современными портретами, А. Н. Лодыженскаго. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 1 р.

22. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи, сост. В. Д. Левинскимъ и П. Ѳ. Токмаковымъ. Москва, 1881 г. Ц. 75 к.

23. Каталогъ дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по Медицинѣ съ XV вѣка. Сост. П. Ѳ. Токмаковъ. Москва, 1879 г. Ц. 40 к.

24. Каталогъ Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 по 1821 г., Библіотеки Моск. Главнаго Архива М. И. Д. Сост. А. Е. Викторовымъ и П. Ѳ. Токмаковымъ. С.-Петербургъ, 1879 г. Ц. 1 р.

Изданные библіотекаремъ Архива П. Ѳ. Токмаковымъ:

25. Библіотеки Моск. Гл. Архива М. И. Д. Реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и ѳеатрамъ войны, составленный въ 1816 г., испр. и дополн. въ 1877 г. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 1 р.

26. Каталогъ книгамъ, относящимся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей съ XVI столѣтія, той же библіотеки. Москва, 1880 г. Ц. 40 к.

27. Каталогъ книгамъ по Юриспруденціи той же Библіотеки, съ 1500 года. Москва, 1879 г. Ц. 75 к.

28. Каталогъ рукописямъ, относящимся до Церковной Исторіи. Москва, 1880 г. Ц. 40 к.

29. Каталогъ рукописямъ, книгамъ и проч., относящимся до Владимірской губерніи и ея святыни съ VI столѣтія. Москва, 1881 Ц. 30 к.

30. Состояніе г. Москвы въ 1785 г. Ц. 50 к.

31. Описаніе выгонной земли города Москвы. Ц. 40 к.

32. Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д. Вып. 1-й и 2-й. Москва, 1880—81 г. по 75 к. и вып. 3-й, 1883 г. Ц. 1 р.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ. Свѣдѣнія объ устройствѣ Архивной части въ Россіи. (Отвѣты на запросы по сему предмету иностранныхъ правительствъ),—Бар. Ѳ. А. Бюлера.—Одинъ изъ каталоговъ временъ А. Ѳ. Малиновскаго,—Бар. Ѳ. А. Бюлера. Таблица распредѣленія дѣлъ въ 1818 г. въ Моск. Архивѣ Государств. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.—Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей: статья 1-ая,—вопросъ о Прусскомъ союзѣ въ первую половину великой Сѣверной войны—А. Д. Путяты; статья 2-я—Янтарная комната Царскосельскаго Дворца,—К. А. Щученко; статья 3-я,—Русскіе великаны въ Прусской службѣ,—М. П. Пуцилло.—Первые Русскіе гардемарины за границей въ XVIII столѣтіи,—А. В. Рачинскаго.—Участіе Моск. Гл. Архива М-ва И. Д. въ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1876 году,—К. А. Щученко.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической Исторіи Восточнаго вопроса,—В. А. Уляницкаго.—Неизданныя письма Вольтера, съ предисловіемъ и примѣчаніями Бар. Ѳ. А. Бюлера. — Пять писемъ князя Д. А. Голицына Вице-Канцлеру князю А. М. Голицыну. Мысль объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—съ предисловіями и примѣчаніями А. В. Рачинскаго. Приложенія.—Московскій Главн. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1862 г., И. Ѳ Аммона.—Иванъ Ѳедоровичъ Аммонъ. (Некрологъ).—Участіе Моск. Гл. Архива М-ва И. Д. въ Казанскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1877 году,—Бар. Ѳ. А. Бюлера.—Участіе Моск. Гл. Архива М-ва И. Д. въ Съѣздахъ V-мъ Археологическомъ и III Географическомъ,—А. М. Выводцева. — Приложенія къ статьѣ «Дарданелы, Босфоръ» и пр.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ. Начало сношеній Россіи съ Турціей. Посолъ Іоанна III—Плещеевъ,—А. В. Неклюдова.—Московскій Глав. Архивъ и его прежніе посѣтители. Посѣтительская книга,—Бар. Ѳ. А.Бюлера. —Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ съ приложеніемъ Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса. Окончаніе В. А. Уляницкаго. — Обозрѣніе Библіотеки Архива, — И. Ѳ. Токмакова.—Каталогъ изданіямъ Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ.

33. Снимки Древнихъ Русскихъ печатей: Государственныхъ, Царскихъ, Патріаршихъ, Областныхъ, Городскихъ и личныхъ, съ 126-ю

гравюрами и объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вып. 1-й. Москва, 1880 г. Ц. 3 р.

34. Свѣдѣнія о домовой Церкви при Моск. Главномъ Архивѣ М. И. Д. съ 2-я политипажами, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ. Москва, 1882 г. Ц. 60 к.

и 35. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы. Сост. И. Ѳ. Токмаковъ. Москва, 1880 г. Вып. I, IV—VIII по 60 к., вып. II и III по 75 к.—всѣ 5 р. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе *Стр.*

Начало сношеній Россіи съ Турціей.—Посолъ Іоанна III-го, Плещеевъ. 1

Московскій Главный Архивъ и его прежніе посѣтители. . 53

Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической Исторіи Восточнаго вопроса (Окончаніе). . 71

Обозрѣніе Библіотеки Московскаго Главнаго Архива М. И. Д. —

Каталогъ изданіямъ Коммисіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. . . . . —

Слѣдующія **новыя** изданія, принадлежащія Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, продаются въ **Москвѣ**, — въ зданіи сего Архива, на углу Воздвиженки и Моховой, и у его коммиссіонера, книгопродавца А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. Гр. Мусина-Пушкина; а въ **С.-Петербургѣ**, — въ Придворномъ книжномъ магазинѣ Ретгера (Шмицдорфъ), Невскій просп. № 5-й:

1. Очеркъ Дѣятельности Коммиссіи, Москва, 1877 г. Ц. 1 р.

2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 1 р.

3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы, Москва, 1879 г. Ц. 50 к.

4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева, Москва, 1878 г. Ц. 1 р.

5. Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами, изд. 3-е, Москва, 1878 г. Ц. 2 р.

6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сост. М. П. Пуцилло, Москва, 1879 г. Ц. 75 к.

Его же, **Каталоги** слѣдующихъ ея отдѣловъ:

7. Славяно-Русскихъ книгъ Церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.

8. Книгъ относящихся до Москвы, Московской губерніи ихъ Церквей и Монастырей Ц. 40 к.

9. Книгъ по Юриспруденціи съ 1500 г. Ц. 75 к.

10. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго Приказа и рукописей по Медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.

11. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.

12. Указатель матеріаловъ по исторіи Почтъ въ Россіи, сост. В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. Ц. 75 к.

13. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ, 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к., вып. II. и III по 75 к.

14. Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д. Вып. 1-й и 2-й Ц. по 75 к., вып. 3-й, 4-й 2 р.

и 15. Снимки древнихъ Русскихъ печатей: Государственныхъ, Царскихъ, Патріаршихъ, Областныхъ, Городскихъ и личныхъ, съ 126 гравюрами и объяснительнымъ текстомъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, выпускъ 1-й, Москва, 1880 г. Ц. 3 р.

Въ слѣдующихъ выпускахъ Сборника будутъ помѣщены не изданныя до нынѣ:

1) **Извѣстія о Посольскомъ Приказѣ**, сост. въ 1802 г. А. Ѳ. Малиновскимъ и въ 1850 г. С. С. Ивановымъ.

2) **Посольство Стольника Потемкина** во Францію въ 1681 г.

3) Письма **Исторіографа Миллера** къ Вице-Канцлеру Князю А. М. Голицыну 1768—1773 г.

4) Изслѣдованіе объ **иностранныхъ Государственныхъ печатяхъ**, А. М. Выводцева.

и 5) **Русскій Консулъ въ Бордо**, въ 1789 – 1793 году, Графа А. Н. Соллогуба.

7084

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ 5-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

Цѣна 1 руб.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій п., д. Лисснера.
1893.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

СБОРНИКЪ

МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ 5-й.

ИЗДАНІЕ КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій п., д. Лисснера.
1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
1. Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ Ризы Господней царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1625 г. *(Съ 1 фототипіей).* — С. А. Бѣлокурова . .	I — 48
2. Путешествіе въ Узбекистанъ въ 1671 г. — Н. В. Чарыкова	49— 62
3. Статутъ и знакъ ордена Подвязки въ Московской Оружейной Палатѣ. — Барона Ѳ. А. Бюлера	63— 88
4. Очеркъ жизни и дѣятельности оріенталиста Кера. — М. П. Шувалова	89—110
5. Очеркъ Ясскаго конгресса. — А. В. Лопухина	111—153
6. Библіографическая рѣдкость. (Привѣтствіе кн. Г. А. Потемкину-Таврическому, говоренное Амвросіемъ, архіеп. Екатеринославскимъ. Печатано въ Яссахъ генваря 24 дня 1790 г.	154—156
7. Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ Архиву Ѳ. В. Вешняковымъ	157—172
8. Сношенія Россіи съ Мальтійскимъ Орденомъ. Ч. I. (до 1789 г.). А. А. Алябьева	173—218
9. Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ за границей и иностранныхъ при русскомъ Дворѣ. (Съ начала сношеній по 1800 г.). Выпускъ I-й. Австро-Венгрія. — Сост. С. А. Бѣлокуровымъ	219—314
Въ Приложеніи:	
10. Историческій очеркъ русскихъ консульствъ за границей. В. А. Уляницкаго	1— 47
	I -LXXXI
11. Каталогъ изданій, продающихся при Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.	1— 16

ДѢЛО

о

ПРИСЫЛКѢ ШАХОМЪ АББАСОМЪ

РИЗЫ ГОСПОДНЕЙ

ЦАРЮ МИХАИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ

въ 1625 году.

ВЫДЕРЖКИ

изъ Св. Евангелій, заключающія свѣдѣнія о Ризахъ Господнихъ.

Распе́ншіи же є҆го̀, раздѣли́ша ри̑зы є҆гѡ̀, ве́ргше жре́бїѧ (Евангеліе отъ Матѳея, гл. XXVII, ст. 35).

И҆ распе́ншіи є҆го̀ раздѣли́ша ри̑зы є҆гѡ̀, мета́юще жре́бїй ѿ ни́хъ, кто̀ что̀ во́зметъ (Евангеліе отъ Марка, гл. XV, ст. 24).

Раздѣлѧ́юще же ри̑зы є҆гѡ̀, мета́хꙋ жре́бїѧ (Евангеліе отъ Луки, гл. XXIII, ст. 34).

Во́ини же, є҆гда̀ пропѧ́ша І҆и҃са, прїѧ́ша ри̑зы є҆гѡ̀, и҆ сотвориша четыри ча̑сти, коемꙋ́ждо во́инꙋ ча́сть, и҆ хїтѡ́нъ. бѣ̀ же хїтѡ́нъ не швѐнъ, свы́ше и҆стка̀нъ ве́сь. Рѣ́ша же къ себѣ̀: не предерѐмъ є҆гѡ́, но ме́тнемъ жре́бїѧ ѿ не́мъ, комꙋ̀ бꙋ́детъ: да сбꙋ́детсѧ писа́нїе, глаго́лющее: раздѣли́ша ри̑зы моѧ̀ себѣ̀, и҆ ѿ і҆маті́смѣ мое́й мета́ша жре́бїѧ. во́ини оу҆́бо сїѧ̑ сотвори́ша (Евангеліе отъ Іоанна, гл. XIX, ст. 23—24).

Эти мѣста изъ Св. Евангелій читаются всѣ четыре: за часами въ великій Пятокъ; первыя три — тогда же за утреней (6—8 Евангелія Св. Страстей Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа); Евангеліе отъ Матѳея — за вечернею въ великій Пятокъ; Евангеліе отъ Марка — въ пятницу 34-й недѣли о блудномъ сынѣ, и Евангеліе отъ Луки — въ четвергъ 35-й недѣли мясопустной.

Благословенное правленіе двухъ первыхъ Государей Царствующаго Дома Романовыхъ особенно памятно Русскому народу знаменіями благодати Божіей, проявившейся, между прочимъ, принесеніемъ въ Москву, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Ризы Господней изъ Персіи и присылкою, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ Аѳонской горы снятыхъ тамъ списковъ съ чудотворной Иверской иконы Божіей Матери.

Хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ подлинные акты, относящіеся до послѣдняго событія, изданы въ 1879 году въ греческомъ текстѣ, съ переводомъ на русскій языкъ, состоящею при семъ Архивѣ, Коммиссіей печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, при содѣйствіи г. ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Степановича Павлова; а принадлежащее тому же Архиву *Дѣло о присылкѣ въ Москву шахомъ Аббасомъ Ризы Господней*, печатается вслѣдъ за симъ, — что и обязываетъ насъ предпослать повѣствованіе о томъ, какимъ образомъ Риза Господня захвачена была шахомъ въ Грузіи.

Въ 1617 году Грузія была опустошена персидскимъ шахомъ Аббасомъ. Грузинскій (кахетинскій) царь Теймуразъ въ грамотѣ, присланной въ 1619 году къ царю

Михаилу Ѳеодоровичу съ посломъ игуменомъ Харитономъ, такъ описывалъ это событіе. «Божіимъ праведнымъ судомъ и гнѣвомъ, по нашему грѣху, надъ нами учинилось: солнце во тьму превратилось, и луна померкла, день въ ночь, а ночь въ день... Пришелъ на нашу землю шахъ кизылбашской со многою своею несчетною ратью и землю нашу разорилъ, Пречистые образъ и иные образы нашіе православные хрестьянскіе вѣры обругалъ, разорилъ церкви Божіи и четыре великіе монастыри, сооруженные при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, иконы святыхъ пожегъ и нищихъ вашихъ богомольцевъ побилъ; да и иные многіе монастыри разорилъ: оклады съ Божія Милосердія, злато и сребро обдирали, а святыхъ иконы въ огонь клали. Монастырь великаго чудотворца Георгія, а въ немъ былъ митрополитъ, и тотъ монастырь разоренъ до основанія; въ церкви былъ поставленъ шаховъ шатеръ, и въ томъ шатрѣ шахъ самъ стоялъ съ мѣсяцъ,... престолъ Господень, гдѣ скровенно бываетъ Тѣло Господа нашего Іисуса Христа, выкинулъ изъ церкви вонъ и книги — Евангеліе и Апостолъ и иныя книги нашіе православные хрестьянскіе вѣры не токмо которые въ Хизи, но и изъ дальныхъ мѣстъ привозя и собравъ множество, вкинулъ въ озеро... Лутчѐ бы язъ, писалъ царь Теймуразъ, отъ матери своей не родился, а коли уже Богъ и создалъ, ино бы лутче во утробѣ матерней окаменѣлъ, нежели на такое разоренье и горесть народился; или бы у матери моей млеко посохло и меня не вскормила, и язъ бы и умеръ и такой горести не терпѣлъ и не видѣлъ, что очи мои видѣли»... Чрезъ своего посла игумена Харитона царь Теймуразъ билъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы онъ, «великій государь, его

царское величество, принялъ его подъ свою царскую высокую руку и отъ недруга его отъ шаха учинилъ его въ оборонѣ»; о томъ же «со слезами» просилъ и посолъ его въ Москвѣ, — чтобы «государь надъ ними смиловался, для православной христіанской вѣры за нихъ и за ихъ землю вступился и шаху ихъ не выдалъ».

Въ отвѣтной грамотѣ Теймуразу отъ 5-го Мая 1621 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ увѣдомлялъ о своемъ желаніи держать его въ «царскомъ жалованьѣ» и что и персидскимъ посламъ, бывшимъ въ то время въ Москвѣ. было говорено, и русскимъ посламъ, отправленнымъ къ шаху, наказано и въ царской грамотѣ шаху Аббасу — писано, чтобы онъ, шахъ, «вѣдая то, что Иверскіе цари и вся Иверская земля прежде того были подъ державою великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ, нынѣ бы на Иверскую землю наступати и войны и тѣсноты никакіе чинити не велѣлъ»*).

Посланниками къ шаху Аббасу были отправлены Василій Коробьинъ и дьякъ Остаѳій Кувшиновъ. 21 Января 1622 г. они уже были у шаха «въ первомъ пріѣздѣ». Среди переговоровъ о политическомъ положеніи Грузіи и царя Теймураза шахъ заявилъ нашимъ посламъ и о томъ, что у него находится въ рукахъ «Срачица, въ которой Христосъ былъ распятъ», взятая имъ въ Грузіи, и что онъ намѣренъ послать ее въ Москву къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и патріарху Филарету Никитичу съ своими послами. Отписка Коробьина и Кувшинова (изъ г. Терка), въ которой они доносили царю и объ этомъ намѣреніи шаха — послать

*) М. Г. А. М. И. Д. Грузинскія дѣла за 1619 годъ.

въ Москву Ризу Господню, была получена въ Москвѣ 27 Іюня 1624 г., и на ней послѣдовала помѣта: «чтена, выписать, говорить о томъ съ грузинскимъ посломъ и спрашивать его о Христовѣ Срачицѣ». 29 Іюня былъ допрошенъ находившійся въ то время въ Москвѣ посолъ царя Теймураза архіепископъ Ѳеодосій, а 7 Іюля Московскаго Новоспасскаго монастыря келарь старецъ Іоанникій (грекъ); кромѣ того къ возвращавшимся въ Москву изъ Персіи нашимъ посланникамъ Коробьину и Кувшинову было написано, чтобы они отобрали свѣдѣнія о Ризѣ Христовой и у ѣхавшихъ съ ними въ Москву шаховыхъ пословъ*).

Немного раньше этого, именно въ 1618 году, шахомъ Аббасомъ съ послами Кая-Салтаномъ и Булатъ-бекомъ была прислана въ Москву царю же Михаилу Ѳеодоровичу «церковная казна», взятая въ Иверской землѣ, — «образъ Иванна Предтечи, и амѳоры, и воздухи и плащеницы съ каменьемъ и съ жемчюги»**).

---

*) Митрополитъ Макарій въ XI томѣ «Исторіи Русской Церкви» (Спб. 1882 г. стр. 64) представляетъ дѣло такъ, что Коробьинъ и Кувшиновъ будто бы находились еще въ Персіи, когда московское правительство узнало о намѣреніи шаха прислать Ризу Господню, и что имъ въ Персіи велѣно собрать о ней свѣдѣнія. — Они отпущены были шахомъ 2 Іюня 1623 г. На Терекъ пришли 30 Декабря и отсюда послали свою отписку, въ которой писали о Ризѣ Христовой. Отписка была получена въ Москвѣ, какъ сказано выше, 27 Іюня 1624 г.; а указъ царскій къ посланникамъ былъ отправленъ 7 Іюля, когда они уже были въ Астрахани. См. Персидскія дѣла М. Г. А. М. И. Д. 1624 г. д. № 1.

**) Въ Персидскихъ дѣлахъ (1624 г. д. № 1) М. Г. А. М. И. Д. находимъ объ объ этомъ слѣдующую замѣтку: «въ 126 г. послы Кая-Салтанъ и Булатбекъ отъ шаха прислали святыни — образъ Иванна Предтечи, и амѳоры, и воздухи и плащеницы съ каменьемъ и з жемчюги. И по государеву указу то все у пословъ взято (зачеркнуто: въ церковную казну въ Арханьилъ) напередъ того, какъ послы были у государя на дворѣ на пріѣздѣ; а посланъ по нихъ къ посломъ на подворье Арханьилской протопопъ Иванъ да соборной попъ». — Въ наказѣ Коробьину (ibidem 1621 г. д. № 4) между прочимъ читаемъ: «...а будетъ шаховы люди... учнутъ говорити...: послалъ съ ними шахъ ко государю

Такимъ образомъ настоящая присылка шахомъ Ризы Спасителя не была первымъ случаемъ доставленія шахомъ въ Москву предметовъ религіознаго почитанія христіанъ; но московское правительство отнеслось теперь съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, вслѣдствіе показанія грузинскаго посла архіеп. Ѳеодосія*).

въ поминкахъ церковную казну, что взялъ въ Иверской землѣ, и государь тоѣ казны къ себѣ на посольство носити не велѣлъ, а велѣлъ у пословъ тоѣ казну взяти на подворье до посолства, — и Коробьину говорить: та церковная казна, что взята въ Иверской землѣ, къ тому не пристоитъ, потомучто то было освящено въ церквахъ Божіихъ и простые люди кромѣ священниковъ, слугъ Божіихъ, у насъ тому не касаютца. А хто тому коснетца, и то по нашему хрестьянскому закону великъ грѣхъ. А будетъ есте слыхали въ Ветхомъ въ Моисѣвѣ законѣ и за то и преже того хто на то не священъ, а тому коснулся, принелъ злую смерть. А послѣ Христова Рожества и въ нашемъ законѣ надо многими за такое непригожее дерзновеніе также отъ Бога месть была и для того было тоѣ церковные казны нашимъ мірскимъ людемъ пріимати у шаховыхъ пословъ не пригоже, потомучто будетъ мимо закона; а пріимали тоѣ казну слуги Божіи священники, то ваши послы сами видѣли. А царское величество смотрилъ тоѣ казны въ церквѣ, потомучто у насъ тѣ вещи кромѣ церкви никуды не исходятъ, что уже освящены Единому Богу, а простому человѣку касатись не пригоже».

*) Нужно думать это было причиной той осторожности, съ которой поступилъ въ данномъ случаѣ патріархъ Филаретъ. Въ нашей литературѣ обыкновенно выставляется другая, а о показаніи архіеп. Ѳеодосія не говорится ни слова. См. митр. Макарія Исторію Русской Церкви т. XI, стр. 64. Грузинами и впослѣдствіи не разъ заявлялось, что Риза Спасителя находится у нихъ въ Мцхетскомъ соборѣ. Такъ царь Александръ въ грамотѣ своей отъ 17 Сентября 1635 г. между прочимъ писалъ, что въ «церкви Схетской положена Риза Христова и донынѣ пребываетъ и да будетъ вѣрно самодержавствію твоему истинно». (М. Г. А. М. И. Д. Грузин. стат. спис. № 3). Объ этомъ же заявлялъ и грузин. посолъ, наречен. митроп. Никифоръ. Поэтому русскимъ посламъ въ Грузію постоянно наказывалось собрать возможно болѣе полныя свѣдѣнія о Ризѣ Спасителя въ Мцхетскомъ соборѣ; посламъ въ 1639—1641 гг. кн. Волконскому съ товарищи кромѣ того велѣно было «говорити царю Теймуразу, чтобъ онъ тоѣ святую Ризу отпустилъ съ ними къ великому государю, къ его царскому величеству» (М. Г. А. М. И. Д. Грузин. дѣла 1621 г.). Преданія грузинцевъ о ней см. также въ Проскинитаріи Арсенія Суханова, изд. Палестин. Общества, Спб. 1889 г. стр. 109—110. См. также «Московскія Вѣдомости» 1890 г. №№ 14, 15 и 16.

25 Февраля 1625 г. была доставлена въ Москву Риза Спасителя шаховыми послами, а 11 марта поднесена ими патріарху Филарету Никитичу. По осмотрѣ ея рѣшено было, такъ какъ о ней «нѣтъ истиннаго свидѣтельства, прислана отъ иновѣрнаго царя, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во свидѣтельство не пріемлется», — «свидѣтельствовать ее чюдесами, пѣти молебны, ходити съ нею къ болящимъ, полагати на нихъ и просити всещедраго Бога, чтобы онъ тоѣ святыню увѣрилъ»... Вскорѣ же послѣдовали многочисленныя исцѣленія, и на соборѣ въ царскихъ палатахъ 26 Марта было опредѣлено: поставить ковчегъ съ Ризою Господнею въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и учредить въ честь ея празднованіе 27 Марта*).

О присылкѣ шахомъ Аббасомъ въ Москву Ризы Господней въ нашей древнерусской письменности существуетъ нѣсколько сказаній. Одно изъ нихъ принадлежитъ извѣстному писателю XVII в. князю Семену Шаховскому. Въ рукописномъ сборникѣ Академика Н. С. Тихонравова оно озаглавливается: «Сказаніе о принесеніи святыя Боготѣлесныя Ризы Господа нашего Іисуса Христа, яже принесена бысть отъ Перскія страны въ царствующій градъ Москву ко благочестивому и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи самодержцу и, по плотскому рожденію, ко отцу его, а въ духовномъ чину отцу и богомольцу великому господину и государю святѣйшему киръ Ѳиларету патріарху отъ Аббасъ-шаха, Перскія страны царя»**). Другое

*) См. митр. Макарія, Исторія Русской церкви т. XI (Спб. 1882 г.) стр. 62—66.

**) Начин.: Праведный и истинный Господь нашъ Іисусъ Христосъ, той бяше самъ — Божіе Слово, превѣчный, невидимый, бесплотный, иже отъ начала и

сказаніе, чаще встрѣчаемое въ нашихъ рукописяхъ, напечатанное во II-мъ томѣ «Дворцовыхъ Разрядовъ», имѣетъ неодинаковое въ различныхъ спискахъ общее заглавіе, послѣ котораго слѣдуетъ одинъ и тотъ же частный заголовокъ: «выписано изъ кизылбашскихъ отписокъ государевыхъ посланниковъ Василья Коробьина да дьяка Остафья Кувшинова и изъ роспросу Іерусалимскаго келаря Оникея о Срачицѣ Господа нашего Іисуса Христа» *). Это послѣднее сказаніе, отличающееся гораздо бо́льшими (въ сравненіи съ первымъ) фактическими свѣдѣніями, составлено на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и — оффиціальнаго происхожденія.

Это съ несомнѣнностію видно изъ находящагося въ Государственномъ Древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей, состоящемъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,

---

иже отъ Свѣта — Свѣтъ, Источникъ живота и безсмертія... и т. д...; послѣднія слова: ...просимъ и тридневное Твое воскресеніе (видѣти) во оставленіе, ихже согрѣшаемъ (Ти на кождо день), и вѣчныхъ Твоихъ сподобитися благъ, яко Тебѣ подобаетъ всякая слава, честь и покланяніе и великолѣпіе со безначальнымъ Ти Отцемъ и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Ти Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. — Въ другихъ спискахъ оно называется «Словомъ» и озаглавливается такъ: «Слово на принесеніе св. боготѣлесныя Ризы, еже есть Хитона, великаго Господа Бога и Спаса нашего Ис̃а Христа, иже принесена бысть отъ Персидъскія страны... патріарху Московскому и всея Русіи отъ царя Аббаса персьскаго». См. ркп. Моск. Синодальной Библіотеки № 850, л. 750 и слѣд...

*) См. «Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Томъ II-й (съ 1628 по 1645 г.). Спб. 1851 г. стр. 761—822. Указаніе списковъ различнаго рода сказаній см. въ «Библіографѣ» за 1889 г. № 1, ст. Брайловскаго — «Новый варіантъ повѣсти о Ризѣ Господа нашего Іисуса Христа». Неуказанные здѣсь списки см. еще въ ркп. Московской Синодальной Библіотеки №№ 850, о которомъ была сейчасъ рѣчь, и № 559, лл. 311—314 — второе сказаніе, оффиціальное. Оканчивается тѣми же словами, что и настоящее дѣло.

особаго дѣла о присылкѣ шахомъ Аббасомъ Ризы Спасителя; оно есть не что иное, какъ оригиналъ послѣдняго сказанія, которое по спискамъ, находящимся въ рукописныхъ сборникахъ, напечатано въ «Дворцовыхъ Разрядахъ»*). Дѣло писано на 70 столбцахъ; изъ нихъ послѣдніе 20 (51—70) столбцовъ представляютъ черновики предыдущихъ столбцовъ, впрочемъ далеко не всѣхъ, (только первыхъ 17), поясняющіе ходъ составленія настоящаго сказанія**). — Бѣловые столбцы этого дѣла почти вездѣ буквально сходны съ изданнымъ въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» текстомъ сказанія; но записи объ исцѣленіяхъ, бывшихъ отъ Ризы Христовой, въ дѣлѣ приведены далеко не всѣ, именно только первыя 14, бывшія въ періодъ времени по 26 марта. На этомъ и оканчивается дѣло, какъ и сказанія въ 2-хъ рукописяхъ изъ числа 4-хъ, употребленныхъ при изданіи его въ «Дворцовыхъ Разрядахъ». Вслѣдствіе того историческаго и литературнаго интереса, который имѣетъ настоящее дѣло, оно и печатается вслѣдъ за симъ. Въ основу изданія положенъ бѣловой исправленный текстъ сказанія, но въ примѣ-

---

*) Госуд. Древлехранилище, отд. дополнительный (Приложеніе), рубр. III,— № 41. — «7132 (1624) и 7133 (1625) гг. Дѣло о присланной изъ Персіи въ Москву отъ шаха съ посломъ Урусамъ-бекомъ къ патріарху Филарету въ золотомъ ковчегѣ Ризѣ Христовой. Роспросныя объ оной рѣчи Спаса-Новаго монастыря келаря Іоанникія гречанина и архіепископа греческаго Нектарія. Отписки бывшихъ въ Персіи пословъ Коробьина и Остафьева. Выписка изъ Толковаго Евангелія. Осмотръ оной Ризы и совѣтъ съ государемъ объ освидѣтельствованіи оной надъ болящими. Свидѣтельство отъ исцѣлѣвшихъ прикосновеніемъ оныя. Соборъ (Марта 26) объ объявленіи народу и о молебствіи». (Изъ Персидскихъ дѣлъ М. Г. А. М. И. Д. 1624 г. № 3).

**) Бумага, на которой писано дѣло, имѣетъ нѣсколько водяныхъ знаковъ. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ у К. Тромонина («Изъясненія знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ...» М. 1844 г.) подъ № 1145.

чаніяхъ отмѣчены всѣ разночтенія, а въ случаѣ исправленій — и первоначальное чтеніе — черновыхъ столбцовъ. Среди послѣднихъ, черновиковъ, мы встрѣчаемъ одно добавленіе, именно показаніе грузинскаго посла архіеп. Ѳеодосія, которое совсѣмъ было выпущено при редакціи сказанія: его нѣтъ ни среди бѣловыхъ столбцовъ, ни въ извѣстныхъ спискахъ сказанія. Оно печатается въ «приложеніяхъ» къ настоящему дѣлу. Здѣсь же въ «приложеніяхъ» для того, чтобы нагляднѣе представить степень и характеръ заимствованія, помѣщена въ полномъ видѣ отписка Коробьина и Кувшинова, выпиской изъ которой начинается настоящее дѣло, а для полноты свѣдѣній о настоящемъ событіи и, хранящаяся въ Архивѣ Оружейной Палаты, челобитная крестовыхъ дьяковъ, ходившихъ съ Ризою Христовою для молебствій.

Дѣло писано нѣсколькими почерками, часть которыхъ представляетъ приложенный ниже фототипическій снимокъ различныхъ мѣстъ настоящаго документа. Изъ находящихся здѣсь образцовъ почерка — послѣдній употребляется на черновыхъ столбцахъ, а остальные всѣ встрѣчаются на бѣловыхъ.

Сергѣй Бѣлокуровъ.

Выписано исъ кизылбашскихъ отписокъ государевыхъ посланниковъ Василья Коробьина да дьяка Остаѳья Кувшинова и изъ роспросу іерусалимского келаря Оникея о Срачицѣ Господа нашего Исуса Христа[1]).

Въ прошломъ во 132-мъ году іюня въ 27-й день писали ко Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи изъ Кизылбашъ[2]) государевы посланники Василей Коробьинъ да дьякъ Остаѳей Кувшиновъ: какъ де по государеву указу были они въ Кизылбашехъ у Аббасъ-шаха[3]), и говорилъ де имъ шахъ въ первомъ пріѣздѣ и въ иныхъ пріѣздехъ: взялъ де онъ въ Иверской землѣ Христову Срачицу, въ которой Христосъ распятъ; и какъ де Христа жидове распяли и на крестѣ ударили Его копьемъ въ ребра, и та де кровь на той Срачицѣ и нынѣ знать. И хто де помолитца съ вѣрою и къ той Срачицѣ коснетца, и того де Богъ помилуетъ, отъ той Срачицы изцѣлѣетъ; а хто придетъ безъ вѣры, а къ той Срачицѣ коснетца, и у того тотчасъ очи выпадутъ. И нынѣ де онъ тоѣ Срачицу посылаетъ[4]) къ Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи и ко отцу ево Государеву къ великому Государю[5]) святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи съ послы своими. А великій де Государь святѣй-

---

[1]) Въ черновомъ столбцѣ нѣтъ этого заголовка.
[2]) Въ черн.: „исъ Кизылбашъ“ вписано между строками.
[3]) Въ черн. слова: „какъ *(поправлено было на* „что“, *но потомъ зачеркнуто)* де они.... шаха“—вписаны между строками.
[4]) Въ черн. далѣе сперва было написано (*вмѣсто словъ* „къ великому.... Русіи“): къ государю по своей братцкой любви и ко....
[5]) Въ черн. „къ великому государю“ вписано надъ строками.

шій[1]) патріархъ святитель великой, брату ево, великому[2]) Государю, Его Царскому Величеству, отецъ, а ему, шаху, по Государѣ отецъ[3]), и за Государя Бога молитъ, и[4]) онъ де, шахъ, чаетъ, что и ево во святыхъ своихъ молитвахъ къ Богу помянетъ. А присылали де къ нему, къ шаху[5]), изъ иныхъ хрестьянскихъ государствъ для тоѣ Христовой Срачицы, и онъ де еѣ для ихъ, Великихъ Государей, нигдѣ не далъ. Да[6]) и самъ де онъ, шахъ, во Христа и въ Матерь Ево пречистую Богородицу вѣруетъ. А хто во Христа и въ пречистую Богородицу не вѣруетъ или которое слово молытъ хулное, и тово де и родъ ево весь надобно зжечь; и какъ де ево станутъ жечь, и хто, мимо идучи, на него дровъ полѣно кинетъ, и тотъ будетъ святъ. — И послѣ де того спрашивали они шахова посла Русамъ-бека, которой ѣдетъ ко Государю отъ шаха въ послѣхъ[7]): откуды къ нимъ въ Грузи Христова Срачица пришла, и сколь давно, и гдѣ у нихъ въ Грузехъ та Христова Срачица по ся мѣста и у кого была, и конми обычен шахъ еѣ сыскалъ? И шаховъ де посолъ Русамъ-бекъ имъ сказалъ: слышелъ де онъ[8]), что въ Грузехъ та Христова Срачица была у митрополита задѣлана въ крестѣ, и шахъ еѣ сыскалъ и послалъ къ Государю съ нимъ, Русамъ-бекомъ[9]).

---

1) Въ черн. вписано надъ строками.

2) Въ черн. „великому.... Государѣ“ — надъ строкой.

3) Въ черн. сперва было написано: отецъ и ему отецъ же, станетъ за Государя; потомъ поправлено на: отецъ, и онъ, государь, учнетъ за Государя.....

4) Въ черн. „и ево (во)“ зачеркнуто и надъ строкой вписано: и онъ де шахъ чаетъ, что и ево...

5) Въ черн. надъ строкой вписаны эти два слова.

6) Въ черн. сперва было написано: а онъ де во Христа и въ пречистую...

7) Въ черн. вписано надъ строками: которой.... въ послѣхъ...

8) Въ черн. зачеркнуто: въ Грузехъ.

9) Въ черн. далѣе сперва было написано: „и іюля въ 4 день указалъ Государь Царь и Великій Князь Михаило Ѳедоровичь всеа Русіи быти у себя, у Государя, на отпускѣ Голгоѳскому архіепискупу Ѳеодосію, да Святые Аѳонскіе горы архимариту Арсенію да архидіакону Кирилу; и напередъ былъ Голгоѳской архіепискупъ одинъ на Казенномъ дворѣ у думново діака у Ивана Грамотина. А какъ архіепискупъ Ѳеодосей на Казенной дворъ

И 132-го же году іюля въ 7 день Государь Царь и Великій Князь Михаило Ѳедоровичь всеа Русіи и отецъ ево Государевъ великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичь московскій и всеа Русіи, выслушавъ[1]) посланниковъ отписки, приказали думному дьяку Ивану Грамотину роспросити Спаса Нового монастыря келаря Іоникѣя греченина[2]), что пріѣхалъ ко Государю съ ерусалимскимъ патріархомъ[3]) Ѳеоѳаномъ[4]), какъ онъ былъ въ Ерусалимѣ, и лучилось ли ему вѣдать про Христову[5]) Срачицу и про иные святыни: гдѣ они нынѣ, въ которомъ государствѣ? А говорятъ многіе,

---

къ думному діяку къ Ивану Грамотину пріѣхалъ, и по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и великого Государя святѣйшего патріарха Ѳиларета Никитича московского и всеа Русіи указу думной діякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ съ архіепископомъ послѣ посольского дѣла“.... Все это потомъ было зачеркнуто и вмѣсто него написано: „да 132-го году пріѣзжалъ ко Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи отъ Иверского Теймураза царя въ послѣхъ изъ Ерусалима Голгоѳской архіепископъ Ѳеодосей (зачеркнуто: и государь...) бить челомъ Государю, чтобъ Государь пожаловалъ, за Теймураза царя вступился и Кизылбашскому шаху ево не подалъ, а нынѣ де Теймуразъ царь отъ шаха во изгнаньи де и живетъ въ Турской области. И Государь Царь и Великій Князь Михаило Ѳедоровичь всеа Русіи и отецъ его Государевъ великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичь московскій и всеа Русіи приказали (?) думному діаку, а велѣли архіепископа Ѳеодосія роспросить въ розговорѣ жъ. И по Государеву указу думной діякъ Иванъ Грамотинъ съ архіепископомъ Ѳеодосіемъ говорилъ“.... Далѣе слѣдуютъ вопросы Ив. Грамотина и отвѣты архіепископа Ѳеодосія: „вѣдомо Великому Государю“ и пр.... См. въ приложеніи.

[1]) Въ черн.: выслушавъ архіепископлихъ Ѳеодосіевыхъ рѣчей, приказали...

[2]) Въ черн. сперва было написано: что онъ вѣдаетъ про Христовъ Хитонъ...

[3]) Сперва было написано: архіепископомъ; въ черн. также написано: архіепископомъ.

[4]) Патріархъ Ѳеоѳанъ, пріѣхавшій въ Москву ради милостыни, Царю впервые представлялся 19 апрѣля 1619 г. — 24 іюня онъ поставилъ Филарета Никитича патріархомъ московскимъ. Ставленная грамота, данная имъ вмѣстѣ съ другими, участвовавшими въ поставленіи, см. въ Дополн. къ Акт. Истор. II, № 76, 202—208; въ Собр. Госуд. Грам. и Договоровъ, т. III, № 46, ср. № 74. — Патріархъ отпущенъ Царемъ 4 февраля 1620 г. (Дворцов. Разряды т. I, стр. 438).

[5]) Въ черн.: про Христовъ Хитонъ и Срачицу.

что тѣ святыни[1]) были въ Грузинской землѣ. И будетъ въ Грузинской землѣ, и коими обычаи тамъ дошли, при которомъ Царѣ? И лучилось ли ему въ Грузинской землѣ быть и тѣ святыни самъ онъ видалъ ли или отъ ково слыхалъ и гдѣ ихъ чаетъ нынѣ?

И по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и отца его Государева великого Государя святѣйшего патріарха Ѳиларета Никитича московского и всеа Русіи[2]) приказу, думной діакъ Иванъ Грамотинъ Спаса Нового монастыря келаря греченина старца Іоникѣя про то про все[3]) въ Посолскомъ приказѣ спрашивалъ.

И Спаской келарь Іаникей сказалъ[4]), что ему, въ Ерусалимѣ будучи, лучилось слыхать ото многихъ, отъ вѣрныхъ людей: какъ де Пилатъ и архіереи осудили Господа нашего Исуса Христа на смерть и отдали Ево воиномъ, а велѣли распяти, — и они, пришедъ на мѣсто, гдѣ Его распяли, платье съ Него сняли и роздѣлили. Да на Христѣ же былъ Хитонъ, отъ верху и до долу, а ткала де тотъ Хитонъ Сама святая Богородица; а того не вѣдаетъ — въ шелку ли, или во льну, или въ волнѣ[5]); а цвѣтомъ де, сказываютъ[6]), былъ лазоревъ. А дѣломъ кабы манатья[7]), безъ рукавъ, широкъ и дологъ; толко лише тѣмъ рознился, что безъ сбору и безъ сшитья весь тканъ сверху. А словетъ по греческому языку Хитонъ. Да и нынѣ де тѣмъ дѣломъ во Аравіи платье носятъ, а словетъ по арапски

---

[1]) Въ черн.: „тѣ святыни“ вписано надъ строкой.

[2]) Въ черн. зачеркнуто: имянному.

[3]) Въ черн. сперва было написано: допрашивалъ, призвавъ къ себѣ въ Посолской приказъ.

[4]) Подлинное показаніе келаря Іоанникія находится въ Грузинскихъ дѣлахъ М. Г. А. М. И. Д. 1624 г. (марта 16 — іюль). Оно приведено здѣсь дословно все; только въ концѣ выпущено одно отдѣленіе, которое см. въ примѣчаніяхъ.

[5]) Т.-е. ткала ли его изъ шелка, или изъ льна или изъ волны (овечьей шерсти).

[6]) Въ черн. „сказываютъ“ — нѣтъ; также и въ подлинномъ показаніи.

[7]) Манатія — мантія (манатійный монахъ).

ихрамъ; какъ его человѣкъ положитъ на себя, да и обогнетца имъ, и назади станетъ долго и широко. А надѣлу де тотъ Хитонъ достался Грузинскіе земли человѣку; а онъ де въ то время былъ въ воинехъ; и послѣ де того тотъ человѣкъ пришелъ въ свою землю въ Грузи и росказывалъ, что въ Ерусалимѣ здѣлалось. И слыша де отъ него про Христово убивство сестра его родная[1]) и проспла у него того Хитона себѣ, и онъ ей далъ вмѣсто подарка; и та де дѣвица была разумна, и, слыша про Христа, почала быти[2]) вѣрна и приказала де родителемъ своимъ: какъ еѣ не станетъ, и они бъ еѣ положили во гробъ въ томъ Хитонѣ. И послѣ де того вскорѣ еѣ и не стало, и племя еѣ, по еѣ приказу, положили еѣ въ томъ Хитонѣ вмѣсто савана; и отъ того де гроба выросло древо велико и почало отъ него быти миро и исцѣленіе многое. И какъ де грузинцы приняли святое крещеніе еще при великомъ Царѣ Костянтинѣ, и они де тѣмъ миромъ помазавалися[3]) и крестилися; и шло де то миро отъ того древа много лѣтъ. И Грузинскіе де Цари, видя отъ того древа чюдеса, поставили надъ тѣмъ древомъ великую церковь и устроили тутъ архіепископа началного; и сами Грузинскіе и Карталинскіе Цари по смерти своей велѣли себя класти въ той церквѣ. И какъ де нынѣшняго шаха дѣдъ[4]) воевалъ Грузинскую землю, а въ то время былъ въ Грузинской землѣ Царемъ Симоновъ отецъ[5]), и многіе де мѣста шаховы люди разорили, и осквернили и въ той церкви ставили лошади и скоты; и съ тѣхъ де мѣстъ миро отъ того древа течь перестало. И какъ де Грузинскіе Цари землю свою отъ шаха очистили, и ту церковь освятили и надъ тѣмъ де мѣстомъ поставили позади свя-

---

[1]) Въ черн. зачеркнуто написанное надъ строкой: учала быти во Христа вѣровать (и просила)...

[2]) Въ черн. зачеркнуто: отчасти. Въ подлин. показаніи есть это слово.

[3]) Сперва было написано: мазались. Въ черн. написано: мазались; также и въ подлин. показаніи.

[4]) Шахъ Тамасъ царств. 1524—1576; шахъ Аббасъ Великій (1586—1628) былъ сыномъ его сына и преемника Худабенды.

[5]) Нашествіе шаха Тамаса случилось въ царствованіе Луарсаба Великаго (1534—1558), отца Царя Карталинскаго Симона Великаго (1582—1600).

тительского мѣста [1]) столпъ, высотою сажени въ двѣ, а поперегъ сажени; а въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ древа шло миро, отъ корени учинили окошечко не велико да поставили чашу, надѣючись на то, любо еще впередъ миро будетъ. И послѣ де того отъ того древа миро не бывало и донынѣ. А какъ де онъ Аникей былъ въ Грузинской землѣ при Теймуразѣ [2]) Царѣ тому нынѣ лѣтъ съ 16, и онъ де въ той церквѣ былъ и не одинова и то де древо видѣлъ, а мира ужъ отъ него нѣтъ. А говорятъ де о томъ Грузинцы многіе люди, что то древо выросло отъ Хитона, въ которомъ положена мертвая дѣвица, сестра того воина, которой со Христа тотъ Хитонъ снялъ; а самому де ему того Хитона видѣть не лучилось; нѣчто будетъ тотъ Хитонъ выняли изъ земли грузинскіе люди послѣ его [3]). А про гвозди, которыми пригвоздили Христа

---

[1]) Въ подлин. показаніи далѣе прибавлено: что посреди церкви.

[2]) Теймуразъ I-й, сынъ царевича Давида и Св. Кетевани, воспитанъ аманатомъ въ Персіи; по убіеніи его дѣда Александра II-го, будучи 16-ти лѣтъ, вѣнчается на царство Кахетинское (1605); въ нашествіе шаха Аббаса (1615) бѣжитъ въ Имеретію къ царю Георгію III-му; † схимникомъ въ Астрабадѣ 1663; погребенъ въ Алавердскомъ соборѣ близъ Телава. (М. Сабинина. Жизнеописаніе Святыхъ Грузинской Церкви. Спб. 1872. II. 1—23). Въ это время Имеретія дѣйствительно была Турецкою областію и царямъ ея турки давали титулъ Вали, т.-е. правителя.

[3]) Далѣе въ черн. столбцахъ и въ подлин. показаніи слѣдуетъ опущенное въ бѣловыхъ столбцахъ: „А про срачицу де Христову — гдѣ она — слышати ему не лучилось. А про образъ Христовъ Нерукотворенной, онъ, Аникей, подлинно вѣдаетъ, что онъ въ Грузехъ; а стоитъ въ мѣстѣ въ Загеми въ монастырѣ у Спаса въ церкви надъ царскими дверми, задѣланъ былъ цкою золотою. И какъ де въ Грузинской землѣ былъ ерусалимской патріархъ Θеоѳанъ и хотѣлъ тотъ образъ открыть и посмотрить, и грузинцы де ему говорили, чтобъ онъ тово образа не открывалъ и гнѣву Господня на себя не навелъ, потому что и прежъ того Грузинскіе, *(сперва было написано:* которые; *также и въ подлин. показаніи),* Цари и святители хотѣли того образа смотрить и его открыть, и они за дерзновенье ослѣпли да и померли вскорѣ. И патріархъ того образа не открывалъ, а служилъ въ той церкви часто самъ обѣдню. А гдѣ нынѣ тотъ образъ, того не вѣдаетъ. — А про губу, которою напоили Христа жидове оцтомъ, онъ, Аникей, не вѣдаетъ и не слыхалъ, — гдѣ она нынѣ“. О мѣстоположеніи Загема и дорогѣ къ нему въ одномъ документѣ читаемъ: А отъ Койсинского острогу до Тарковъ — 15 верстъ, а отъ Койсы до Терки 3 днища. А отъ

ко кресту, вѣдомо всѣмъ, что ихъ взяла во Іерусалимѣ Царица Елена и принесла во Царь городъ къ сыну своему къ Царю Костянтину; а гдѣ нынѣ тѣ гвозди, того не вѣдаетъ.

И въ прошломъ же во 132-мъ году іюля въ 7 день писано отъ Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи къ посланникомъ къ Василью Коробьину да къ дьяку къ Остаѳью Кувшиновъ, а велѣно имъ тотчасъ отписать ко Государю наскоро: какъ они были въ шаховѣ землѣ, и они съ грузинцы и съ шаховымъ посломъ о томъ говаривали ль и отъ нихъ слыхали ль: гдѣ та Христова Срачища была въ Грузехъ? И вѣдомо ль про неѣ подлинно, что она прямая Христова Срачица? И въ каковѣ чести въ Грузинской землѣ была и какая она — таѳтяная ли или полотняная, и сами онѣ еѣ видѣли ль? Да и въ розговорѣхъ велѣно имъ съ шаховымъ посломъ съ Русанъ-бекомъ поговорить поподлинѣе — гдѣ та Срачища была и мочно ль еѣ имъ посмотрить самимъ? Да будетъ еѣ имъ покажутъ, и имъ велѣно посмотрить еѣ гораздо: какая она, и сколь велика мѣрою, и въ какихъ мѣстехъ кровь на ней знать? Да о томъ велѣно имъ тотчасъ отписать къ Государю наскоро.

И нынѣшнего 133-го ноября въ 16 день писали къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи посланники Василей Коробьинъ да дьякъ Остаѳей Кувшиновъ [1]), что въ прошломъ во 130-мъ году генваря въ 21-й день, какъ они у шаха были въ первомъ пріѣздѣ, и шахъ де имъ про тоѣ Срачицу объявилъ самъ [2]): взялъ де онъ въ Иверской

Тарковъ дорога въ Грузинскую землю въ Загемъ прямо черезъ горы; а ходятъ на лошадѣхъ со вьюки, а телѣгами итти нѣльзя, потому что горы и щѣли великія. А тою дорогою отъ Тарковъ до Таркаловъ полдница, а отъ Таркаловъ до Каѳыръ-Кумыковъ полдница, а отъ Каѳыръ-Кумыковъ до Казы-Кумыковъ днище, а отъ Казы-Кумыковъ до Грузинскіе земли и до Загема два днища. См. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы, извлеченные изъ Моск. Гл. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ С. А. Бѣлокуровымъ (М. 1889 г.), в. I, с. 404.

[1]) Въ черн. далѣе зачеркнуто: съ толмачомъ съ Петрушею Елагинымъ.

[2]) Въ черн. написано надъ строкой.

землѣ Христову Срачицу, въ которой Христосъ распятъ; и какъ де Христа жидове распяли и на крестѣ Его ударили копьемъ въ ребра, и та де кровь на той Срачицѣ и нынѣ знать: и тое де Срачицу посылаетъ къ Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и къ отцу его Государеву къ великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи съ послы своими. И они де шаха спрашивали: сколь давно и какимъ обычаемъ онъ въ Грузехъ Христову Срачицу сыскалъ? И шахъ де имъ сказалъ: какъ де онъ Грузинскую землю взялъ, и ему де учинилась вѣсть, что въ Грузинской землѣ есть Христова Срачица; и онъ де еѣ много сыскивалъ, и сыскалъ еѣ [1]). — Да въ прошломъ де во 132-мъ году декабря въ 17-й день, ѣдучи дорогою исъ Кизылбашъ, говорили онѣ въ розговорѣхъ съ шаховымъ посломъ съ Русанъ-бекомъ: какъ они были у шаха [2]) въ Испогани и въ Ѳарабатѣ на отпускѣ, и сказывалъ де имъ шахъ [3]), что онъ послалъ къ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и къ отцу его къ Государеву къ великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи съ ними Христову Срачицу, — и онъ бы имъ [4]) объявилъ: откуды къ нимъ въ Грузи Христова Срачица пришла, и сколь давно, и гдѣ у нихъ въ Грузехъ та Христова Срачица по ся мѣста и у ково была, и коими обычаи шахъ еѣ сыскалъ? И посолъ де Русамъ-бекъ имъ сказалъ: слышелъ де онъ въ Грузехъ, что [5]) та Христова Срачица была у митрополита задѣлана въ крестѣ, и шахъ де еѣ сыскалъ и послалъ къ Государю и къ Государю святѣйшему патріарху съ купчиною съ Мамеселѣмъ, устросна въ золотыхъ паволокахъ [6]). — Да въ ны-

---

[1]) Въ черн. зачеркнуто: въ нынѣшнемъ году.

[2]) Въ черн.: у шахова величества.

[3]) Въ черн. сперва было написано: шахово величество.

[4]) Въ черн. далѣе сперва было написано: по своей добродѣтели сказалъ: откуды...; надъ строкой зачеркнуто: велѣлъ.

[5]) Въ черн. что въ Грузѣхъ (*надъ строкой:* что) та Христова...

[6]) Далѣе въ черновыхъ столбцахъ читаемъ опущенное въ бѣловыхъ: „и запечатана шаховою печатью; и за тою де печатью велѣно еѣ Государю

нѣшнемъ во 133-мъ году по Государевѣ грамотѣ [1]) говорили онѣ съ шаховымъ посломъ съ Русамъ-бекомъ да съ купчиною Мамеселѣемъ въ другорядь и ихъ спрашивали [2]): гдѣ та Срачица Христова была въ Грузехъ, и вѣдомо ль про неѣ подлинно, что она прямая Христова Срачица, и въ каковѣ чести въ Грузинской землѣ была, и какая она — таѳтяная ль или полотняная, и сколь велика мѣрою, и въ какихъ мѣстѣхъ кровь на ней знать и чтобъ еѣ дали имъ посмотрить. И шаховъ де посолъ Русамъ-бекъ имъ сказалъ: какъ онъ былъ въ Грузехъ, и онъ Христовы Срачицы не видалъ. А какъ шахъ Грузи взялъ, и тоѣ Христову Срачицу сыскалъ шахъ у митрополита, задѣлана въ крестѣ. И хто немощенъ къ той Срачицѣ коснетца съ вѣрою, и тово Богъ милуетъ, отъ той Срачицы исцелѣетъ; а кто къ той Срачицѣ коснетца безъ вѣры, и у тово тотчасъ очи выпадутъ. А та де Срачица полотняная. А какова она мѣрою и въ коемъ мѣстѣ на ней кровь знать, — тово онъ не вѣдаетъ, что онъ той Христовы Срачицы самъ [3]) не видалъ, а послалъ де шахъ тоѣ Срачицу къ Государю и къ великому Государю святѣйшему патріарху до Москвы съ купчиною Мамеселѣемъ [4]); а на Москвѣ ему Русамъ-беку та Христова Срачица велѣно [5]) взять у купчины и нести къ Государю патріарху [6]) самому. — А шаховъ де купчина Мамеселѣй имъ сказалъ: далъ де ему шахъ сундучокъ за своею печатью, а въ сундучкѣ сказалъ ему [7]) Христову Срачицу. А велѣлъ вести ему до Москвы, а на Москвѣ де шахъ тотъ сундучокъ совсѣмъ велѣлъ отдать послу Русамъ-беку; а Русамъ-беку тотъ сундучокъ нести къ отцу Государеву къ великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету

и Государю святѣйшему патріарху и поднести не распечатывая“; (послѣднее слово написано надъ строкою).

[1]) Въ черн. сперва было написано: противъ Государевы грамоты.

[2]) Въ черн. слова: „въ другорядь и ихъ спрашивали“ — написаны надъ строкой.

[3]) Въ черн. написано надъ строкой.

[4]) Въ черн.: за своею печатью.

[5]) Въ черн. написано надъ строкой.

[6]) Въ черн.: за тою же шаховою печатью.

[7]) Въ черн.: шахъ крестъ золотъ да Христову...

Никитичю московскому и всеа Русіи[1]). — А какъ де они Василей и Остаѳей были въ шаховѣ землѣ, и имъ де съ грузинцы о той Христовѣ Срачицѣ говорити не лучилось, потому что къ нимъ грузинцы, вѣдомые люди, не хаживали[2]).

А архіепископъ Нектарей[3]) про Христову Срачицу и про Хитонъ прислалъ въ Посолской приказъ писмо. А въ писмѣ ево написано: былъ онъ у патріарха костянтинополского архидьяконъ, и посылалъ ево патріархъ въ Грузинскую землю. И онъ де въ Грузехъ ходилъ къ церквѣ, имянемъ Ісхета[4]) и видѣлъ на правомъ крылосѣ въ церквѣ у первого столпа стояли свѣчи зажжены; и онъ спросилъ священниковъ о томъ, что то есть? И они сказали, что подъ тѣмъ столпомъ положенъ Хитонъ Христовъ, сіирѣчь одежда Христова; а принесъ де то нѣкоторой воинъ, что былъ у Распятія Христова третей человѣкъ съ иными, и взялъ ту Христову одежду. И меташа жребій, и падоша жребій ему; и взялъ онъ всю одежду цѣлу и принесъ еѣ въ Грузинскую землю; и многіе отъ нея чюдеса сотворишася.

И выписано изъ Евангилья Толкового для сведѣтельства о Христовѣ Срачицѣ или Хитонѣ[5]).

Евангеліе отъ Матѳѣя, Глава 112:

---

[1]) Въ черн.: за шаховою печатью. А толко бъ де то было не за (*зачеркнуто*: шаховою) печатью, и они бъ де еѣ имъ показали. А какъ де были они (*зачеркнуто и надъ строкой*: они Василей и Остаѳей) въ шаховѣ...

[2]) На этомъ оканчиваются черновые столбцы.

[3]) Нектарій грекъ, архидіаконъ патріарха константинопольскаго, потомъ архіепископъ Охридскій (въ Болгаріи), по прибытіи въ Россію, назначенъ 26 іюня 1613 г. архіепископомъ Вологодскимъ и Великопермскимъ; ок. 1616 г. сосланъ въ Новгородскій Кирилловъ монастырь на смиреніе, откуда освобожденъ былъ только въ 1621 г.; по смерти архіеп. Корнилія (въ мартѣ 1625 г.) возвращенъ на каѳедру въ Вологду, гдѣ и скончался 3 іюня 1626 г. (Н. Суворовъ. Истор. свѣд. объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи. Вологда, 1868, с. 53—55). Макарія И.Р.Ц.XI, 41—43.

[4]) Читай Мцхетъ, (Мцхетскій соборъ). Бо́льшею частью это слово у насъ писалось въ старину: Схето, Схета). Въ Прологѣ, подъ 10 іюля въ свидѣтельствѣ того же Нектарія это имя читается: Ілета; также и въ Минеяхъ-Четіихъ подъ тѣмъ же числомъ.

[5]) Слова: „для сведѣтельства..... хитонѣ“ написаны другою рукою.

„Тогда воини игѣмонови, пріемши Исуса на судищи, собраша нань все множество воинъ, и, совлекше его, одѣяша его хламидою червленною и, сплетше венецъ отъ терній, возложиша на главу его и трость въ десницу его, и поклоншеся на колѣну“. — Тол.[1]). Здѣ убо тогда скончевашеся слово Давыдово: поношеніе безумному далъ ми есн. Воини бо, безумніи суще, подобная своему разуму творяху, хламидою бо вмѣсто порѳиры, яко Царя, облекоша.

Того жъ Матѳея Евангеліе, Глава 113:

„И пришедше на мѣсто, нарицаемое Голгоѳа, еже есть глаголемое краніево мѣсто, распеншя же его, раздѣлиша ризы его, вергше жребія.“ Тол. Краніево мѣсто нарицается, еже есть по нашему языку лобное мѣсто; раздѣляютъ же ризы его, яко нищу сущу и ничто же имуща.

Ино Евангеліе отъ Луки, Глава 110:

„Ведяху жъ и ина два злодѣя съ нимъ убити; и егда пріидоша на мѣсто, нарицаемое краніево, ту пропяша его, раздѣляюще жъ ризы его, метаху жребія.“ Тол. Что же ради дѣляху ризы его? Что бѣ много въ ризахъ тѣхъ? Но уничиженіе и укоръ творяще, дѣляху. Речено же бѣ о семъ во Иваннѣ болѣ и выше.

Евангеліе отъ Іоанна, зачало 60:

„Глаголаху же Пилату архіереи Іюдѣйстіи: не пиши — Царь Іюдѣйскій; но яко самъ рече: Царь есмь Іюдѣйскій. Отвѣща Пилатъ: еже писахъ, писахъ. Воини же, егда пропяша Исуса, пріяша ризы Его и сотвориша четыре части, комуждо воину часть, и хитонъ; бѣ же хитонъ не швенъ, но свыше истканъ весь. Рѣша же къ себѣ: непредеремъ его, но метнемъ жребія о немъ, кому будетъ. Да збудетца писаніе, глаголющее: *раздѣлиша ризы моя себѣ, и о матисмѣ*[2]) *моей меташа жребія.* Воини же убо сія сотвориша“. И противъ сего Евангилія смотри во вседневномъ Евангильѣ и въ Иваннѣ Толковомъ въ 60-мъ зачалѣ пишетъ сущъ на указъ: и глагола Іюдеомъ: се Царь вашъ! Они же вопіяху: возми, возми, и распни Его“.

[1]) Толкованіе.

[2]) ἱμάτισμα — одежда. См. Псаломъ 21, ст. 19. — Раздѣлиша ризы моя себѣ, и о одеждѣ моей меташа жребій.

Въ томъ же зачалѣ въ 3-мъ толкованіи о Хитонѣ сказуетъ: ими же дьяволъ лукавнуетъ, пророчества збываютца. И виждь истинну: тріе суть распяти, и обаче о семъ единомъ збываютца, яже отъ пророкъ. И смотри пророчество извѣстіе: не бо яко раздѣлиша токмо, но яко не раздѣлиша, рече пророкъ; ины бо ризы раздѣлиша, Хитонъ же ни, но жребіе врещи повелѣша. А еже свыше истканъ невпростѣ лежитъ. Иніи убо пну рѣчь вѣщаше явити того ради, яко не простъ бѣ человѣкъ распинаемый, но свыше божество имѣя. Нѣцыи же самый видъ Хитона вѣщаша Евангилисту изообразити, понеже бо въ Палестинѣ двѣ ширинѣ составляюще, сіирѣчь двѣ полотнѣ, основаютъ ризы, въ шва мѣсто основу являя. Иванъ, яко таковъ бѣ Хитонъ, рече: яко свыше всяко основанъ, се же есть сверха и до долу; являетъ же здѣ худость ризъ Христовыхъ. Иніи же рѣша, яко въ Палестинѣ основаютъ основу, не яко у насъ: горѣ сущимъ чиномъ[1]) и утку[2]), долѣ жъ[3]) полотну являему и тако возходящу; тамо противно: долѣ суть убо чиновс, горѣ же являетца основа[4]). Таковъ бѣ, вѣща, Хитонъ Господень.

В 133-го ѳевраля въ 25 день кизылбашскіе послы къ Москвѣ пріѣхали. А у Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и у отца его Государева великого Государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича московского и всеа Русіи были на посолствѣ марта въ 11 день, на другой недѣлѣ Великого Поста въ пятницу. И шаховъ посолъ грузинецъ Русамъ-бекъ правилъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и отцу его великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи отъ шаха поклонъ. А послѣ

---

[1]) Чи́ны (очинки), спицы, на которыхъ натянута основа.

[2]) Утѣкъ — при тканьѣ.

[3]) Долѣ — внизу.

[4]) Смыслъ, повидимому, таковъ: у насъ чи́ны устроиваются сверху, такъ что утокъ пропускается въ полотно, лежащее снизу и тамъ подымается поперегъ основы; въ Палестинѣ же чи́ны устроиваются снизу, такъ что основа находится сверху.

поклона посолъ Русанъ-бекъ поднесъ къ великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи ковчегъ золотъ съ каменьемъ, съ лалы[1]) и зъ бирюзы; а молылъ: государь мой Аббасъ шахово величество прислалъ къ тебѣ великому святителю ковчегъ золотъ, а въ немъ великого и славнаго Исуса Христа Срачица. И великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи тотъ ковчежецъ принялъ самъ, вставъ, и спрашивалъ посла о шаховѣ здоровьѣ.

И того жъ дни послѣ посолства великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, на своемъ святителскомъ дворѣ, съ митрополитомъ Кипріяномъ Сарскимъ и Подонскимъ, и съ Нектаріемъ архіепископомъ Греческимъ, и съ архимариты, и игумены, и съ протопопы того ковчежца осматривали; и по досмотру въ томъ ковчежцѣ часть нѣкая полотняна, кабы красновата, походила на мели или будетъ отъ давныхъ лѣтъ лице измѣнила, а ткана во лну.

И марта въ 18 день великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи говорилъ сыну своему Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, что прислалъ къ нему, великому Государю персидцкой Аббасъ-шахъ ковчегъ золотъ, а въ немъ посолъ ево сказалъ Срачица Господа нашего Исуса Христа; а по досмотру въ томъ ковчежцѣ часть нѣкая полотняна, а отъ давныхъ лѣтъ, кабы видомъ красновата, кабы на мели походила. А подъ нею писаны Распятіе и иные Страсти Спасовы латынскимъ писмомъ; а латыня еретики, а та святыня, что называютъ Христовою Срачицею, прислана отъ иновѣрнаго царя Аббасъ-шаха, и безъ истиннаго сведѣтелства тоѣ Святыни за истинну[2]) пріяти опасно. И тоѣ бъ Святыню свѣдѣтелствовати чюдесы, пѣти молебны, и ходити съ нею къ болящимъ и пологати на нихъ, и просити всещедраго человѣколюбца Бога, чтобъ милосердый Богъ тоѣ святыню увѣрилъ,

[1]) Лалъ — рубинъ, красный яхонтъ.
[2]) Слова: „за истинну“ — написаны надъ строкой.

якоже вѣсть святая Его воля; понеже истиннаго сведѣтелства о той Святыни нѣсть, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во сведѣтелство не пріемлетца. И уложили для того великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, ему, Государю, и митрополиту, и архіепископу, и архимаритомъ, и игуменомъ, и въ монастырѣхъ старцомъ поститися недѣлю цѣлую; а протопопомъ и попомъ служити литоргіи Божіи и молитися, чтобъ Господь Богъ о той Святыни проявилъ имъ святую Свою волю. А Святыню повелѣ носити, и пѣти молебны, и воду святити, и полагати на недужныхъ и болящихъ сего ради, яко и древле егда блаженная Царица Елена обрѣте честный Крестъ Христовъ, съ нимъ же и ина два креста разбойнича, и не вѣдяху живоноснаго Креста, на немъ же Владыка Христосъ распятся, дондеже изнесоша мертвую дѣвицу и кресты по единому на ней полагаху: егда же положиша живоносное древо, на немъ же Христосъ распятся, и абіе воста мертвая дѣвица и хождаше, и сомнимое и утаенное отъ богоборецъ жидовъ всѣмъ во явленіе пріиде. Тако же и нынѣ достоитъ быти, и о ней же Святыни имамы непзвѣстное и опасное, и о семъ помолити человѣколюбца Бога, яко да явитъ сокровенное и неявленное, откроетъ въ славу святаго имени Своего. И приказали съ тою Святынею ходити къ болящимъ, и пѣти молебны, и воду святити, и полагати на нихъ Спаскому Нового монастыря архимариту Іосиѳу, а съ нимъ крестовымъ діякомъ Ивану Семенову да Михаилу Устинову. А Святыню повелѣша устроити въ особномъ въ сребряномъ ковчежцѣ, и запечаташа святительскою печатью. А для вѣдома велѣли архимариту дати памятцу такову сего ради, аще воспроситъ кто: что есть и какая Святыня, полагаемая на нихъ, и да вѣдятъ, како сказати о семъ.

133-го марта въ 11 день къ Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи самодержцу и къ отцу его Государеву, къ великому Государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи персидскій Аббасъ-шахъ прислалъ посла своего, а съ нимъ къ Царскому Величеству и къ святѣйшему патріарху прислалъ многіе дары, любочествующи ихъ, Государей, по до-

стоинству царства и высоты святителства. Да съ тѣмъ же посломъ персидцкій Аббасъ-шахъ прислалъ къ великому Государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи часть отъ Срачицы Господа нашего Исуса Христа въ золотомъ ковчежцѣ. А какъ были въ Перситцкой землѣ Царского Величества посланники Василей Коробьинъ да діакъ Остаѳей Кувшиновъ, и имъ говорилъ перситцкой Аббасъ-шахъ самъ, что онъ тоѣ Срачицу сыскалъ въ Грузинской землѣ у митрополита, задѣлана была въ крестѣ, и посылаетъ еѣ къ великому Государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи, слышачи объ немъ, Государѣ, что онъ, Государь, Христову закону ревнитель и чая того, что онъ, Государь, о немъ помолитца. А присылали де къ нему о той Срачицѣ многіе Государи, и онъ кромѣ его, Государя, ни х кому тоѣ Святыни не послалъ. Да и самъ де онъ, шахъ, Христову вѣру похваляетъ. А они, посланники, сами тоѣ Срачицы не видали и того подлинно не вѣдаютъ — прямая ли та Христова Срачица или нѣтъ? — А греческой архіепископъ Нектарей и ерусалимской келарь Іаникей великому Государю, святѣйшему патріарху сказывали: то они вѣдаютъ, что въ Грузинской землѣ та Святыня была; а та ли нынѣ прислана или не та, того подлинно не вѣдаютъ. — И великій Государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь московскій и всеа Русіи, говоря о томъ съ сыномъ своимъ, Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Федоровичемъ всеа Русіи, и уложилъ съ митрополитомъ Кипреяномъ Сарскимъ и Подонскимъ, и съ архіепископомъ съ Нектаріемъ, и съ архимариты, и игумены, и протопопы и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ — тоѣ Святыню сведѣтелствовати чюдесы, съ молебнымъ пѣніемъ полагати на болящихъ и извѣствовати чюдесы; яко же хощетъ святая воля Божія, тако и сотворитъ, понеже истиннаго сведѣтелства о той Святыни нѣсть, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во сведѣтелство не пріемлетца.

Архимаритъ же и крестовые діаки, по повелѣнію Царя и Святителя, къ болящимъ хождаху, молебная совершающе, и Святыню оную на когождо отъ болящихъ полагаху.

И марта въ 22-й день крестовые діаки Иванъ Семіоновъ да Михаило Устиновъ, пришедъ къ великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи, возвѣстиша ему, Государю, что они, по его святительскому повелѣнью, были въ дому у подьячего у Ивана Зиновьева и въ иныхъ домѣхъ и въ богадѣлняхъ, и молебны пѣли, и воду святили и тоѣ Святыню на болящихъ полагали. И по человѣколюбію Божію подьячему Ивану Зиновьеву и инымъ отъ тоѣ Святыни помощь есть.

И великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, слыша о томъ, попремногу благодаренія всылая Богу, обаче и еще не смѣ во явленіе произвести, яко истинная Христова Срачица, но лучшаго ради увѣренія посылаетъ ко онымъ болящимъ, ихъ же глаголютъ исцѣлѣвшихъ, Кипреяна[1]) митрополита Сарского и Подонского, а съ нимъ Симанова монастыря архимарита Левкѣя, да Богоявленского монастыря изъ-за торгу игумена Илью да Новинского игумена Еѳимія и повелѣ тѣхъ всѣхъ болящихъ и тѣхъ людей, которые съ ними живутъ въ домѣхъ, вопросити и самѣхъ досмотрѣти, аще истинно исцѣленіе пріяша.

И марта въ 23-й день митролитъ Кипреянъ и архимариты, пришедъ къ великому Государю святѣйшему патріарху, возвѣстиша, что они къ тѣмъ людемъ, про которыхъ извѣщалъ Спаской архимаритъ, въ домы ихъ и въ богадѣлни ходили и ихъ роспрашивали по единому: аще истинно исцѣленія пріяша? И тѣ де люди сказывали имъ, что имъ отъ тоѣ Свя-

---

[1]) Кипріанъ первый архіепископъ Сибирскій и Тобольскій; хиротонисанъ изъ Хутынскихъ архимандритовъ 8 сентября 1620 г.; выѣхалъ изъ Сибири въ Москву въ февралѣ 1624 г.; назначенъ митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ 12 декаб. 1625 г. Такъ значится въ Исторіи Росс. Іерархіи преосв. Амвросія Орнатскаго (М. 1822, изд. 2, ч. 1, стр. 109, 237 и 79). — Годъ назначенія Кипріана на Крутицкую митрополію означенъ очевидно неправильно: онъ былъ назначенъ на опую не въ 1625, а въ 1624 году, послѣ смерти митрополита Іоны. — О немъ см. у П. Н. Буцинскаго — Открытіе Тобольской епархіи и первый Тобольскій архіепископъ Кипріанъ. Харьковъ. 1891 г. Макарія И. Р. Ц. т XI, стр. 35—41.

тыни, отъ Христовы Срачицы, во многихъ болѣзнехъ исцѣленіе есть; да и сторонніе люди, которые съ ними живутъ въ домѣхъ и въ храминахъ, сказывали про нихъ тожъ. Да подали митрополитъ и архимариты великому Государю святѣйшему патріарху роспросу и сыску своему свидѣтелственое писмо, за своими руками; а въ писмѣ пишетъ:

133-го марта въ 23-й день. По указу великого Государя святѣйшаго Ѳиларета Никитича патріарха московского и всеа Русіи Кипріянъ митрополитъ Сарскій и Подонскій, да съ нимъ Симанова монастыря архимаритъ Левкей, да Богоявленского монастыря игуменъ Илья, да Новинской игуменъ Еуѳимей на улицѣ на Тверской, въ богадѣльнѣ, допрашивали Тараса Ѳилатова про болѣзнь — давно ли ему и какая болѣзнь случилась. И Тарасей сказалъ: розпемогся де онъ нынешнего 133-го году, послѣ Масленой недѣли, заговѣвъ въ среду на Ѳедоровой недѣлѣ; а лежалъ огпевою болѣзнью до третьей недѣли Великого Поста. И какъ де въ суботу отпѣли молебенъ, и послѣ молебна ему Тарасью учинилось облегченье отъ Спасовы Срачицы; и нынѣ онъ отъ тоѣ болѣзни здравъ.

Того жъ числа сказала въ роспросѣ Гликѣрья Ѳеонасьева дочь: ногами де она болна и дряхла вся и глуха была 13 лѣтъ. И марта въ 19-й день молебенъ пѣли надъ Спасовою Срачицею и воду святили; и послѣ де молебна я святые воды испила, и мнѣ де учинилась милость Божья, облегченье стало велико, и па ногахъ хожу о себѣ, и ступаю крѣпко и животомъ стала здрава.

Дѣвица Марина сказала въ роспросѣ, что она одержима была чорною болѣзнью[1]), и сердечною, и слѣпа, и языкомъ мало владѣла 10 лѣтъ; и послѣ де молебна святые воды испила, и мнѣ де въ суботу на третьей недѣлѣ Великого Поста учинилось отъ Спасовы Срачицы облегченье и отъ сердечные и отъ черные болѣзни, и языкомъ здрава и очима видитъ гораздо.

Ирина Спиридонова сказала въ роспросѣ: была де она дряхла 14 лѣтъ и людей мало знала; и послѣ молебна въ су-

[1]) Падучею болѣзнью.

боту на третьей недѣлѣ Великого Поста испила святые воды, и мнѣ де далъ Богъ облегченье отъ Спасовы Срачицы, и людей де знаю и отъ тоѣ болѣзни здрава.

Анна Никонова сказала въ роспросѣ: ноги де у ней были болны, ломаны тому 12 лѣтъ и очми не видѣла. И какъ де пѣли молебенъ въ суботу на третьей недѣлѣ надъ Спасовою Срачицею, и я де послѣ молебна святые воды испила; и мнѣ де стало очамъ тяжело и я де учала плакать, болшое де я прогнѣвала Бога; и марта въ 22-й день въ благовѣстіе къ часомъ прозрѣла совершенно однѣмъ окомъ, Милосердіе Божіе и людей вижу.

Еуѳимья Ѳилиппова дочь: была болна 15 лѣтъ; страхъ нападалъ и ужасъ сердечной. И какъ де пѣли молебенъ въ суботу на третьей недѣлѣ, а пила де я святую воду въ недѣлю крестопоклонную, и мнѣ де послѣ святые воды отъ тѣхъ болѣзней стало облегченье отъ Спасовы Срачицы; и нынѣ де у ней страху и ужасу сердечного нѣтъ.

Дѣвица Ульяна 4-хъ лѣтъ Смирного-Потемкина дочь; болна очима съ полгода. И послѣ де молебна, какъ пѣли въ суботу третьіе недѣли поста, и послѣ де тово молебна взяла святые воды вдова Парасковья Смольянка и отнесла на подворье къ женѣ Смирного-Потемкина, ко вдовѣ Матронѣ, къ матери тоѣ дѣвицы Ульяны; и тою де святою водою у тоѣ дѣвицы Ульяны мать еѣ очи помыла, и очемъ далъ Богъ облегченіе. И нынѣ де та дѣвица Ульяна видитъ обѣма очима, отъ Спасовы Срачицы учинилось ей здоровье.

Да на Покровкѣ въ богадѣлнѣ сказалъ старецъ Левкѣя: въ суботу де на третьей недѣлѣ Великого Поста пѣли молебенъ, и ему де въ недѣлю Крестопоклонную во весь день было ногамъ великое облегченіе; а послѣ де тово дни стало гораздо тяжело.

Посолсково приказу бывшей подьячей Иванъ Зиновьевъ сказалъ въ роспросѣ: лежалъ де онъ 7 лѣтъ, не владѣлъ собою, а находило де на нево стѣнь[1]); а языкомъ де мало жъ владѣлъ, а говорилъ де по великой нужѣ, о чомъ его хто

---

[1]) Столбнякъ.

вспроситъ; и ногою и рукою лѣвою не владѣлъ же; а очми временемъ видѣлъ, а инымъ временемъ не видѣлъ; а годъ лежалъ, со одра не вставалъ нисколко. И какъ де въ середу на третьей недѣли пѣли у нево въ дому молебенъ и воду святили, и какъ де онъ послѣ молебна святые воды испилъ, и ему де Ивану отъ Спасовы Срачицы учинилось облегченіе и началъ къ церквѣ ходити и говорити молитву Исусову и всякую рѣчь памятно, и стѣнь де отъ него отошла отъ тово времени: а очима нынѣ видитъ не повелику.

Костромскіе чети дьякъ Ѳеонасей Андрониковъ сказалъ въ роспросѣ: какъ де я былъ въ Казани въ дьякѣхъ, и мнѣ де въ Казани учинилась болѣзнь внутри и въ костяхъ жгота; а сказываютъ де, что ихъ низовая болѣзнь — чечуя[1]), а той де болѣзни во мнѣ 7 лѣтъ. И нынѣшняго де 133-го году съ осени началъ онъ, Ѳеонасей, лежать и съ одра никуды не ходить, отъ тоѣ болѣзни и чрево у нево туго, что камень, и росло. И марта въ 18-й день, какъ къ нему къ Ѳеонасью приходили со Спасовою Срачицею, и молебенъ пѣли и воду святили, и онъ де Ѳеонасей тоѣ святую воду пилъ и свои болѣзни тою святою водою смачивалъ; и ему де отъ Спасовы Срачицы и святые воды учинилося облегченіе великое, и изъ костей жгота минулась, и чреву де стало отъ старого гораздо облегченіе, и на ногахъ учалъ самъ о себѣ ходити.

Марта въ 24-й день съ Покровки изъ багадѣлные избы старица Агаѳья сказала: была де болна дѣвица Макрида девяти лѣтъ, а жила она съ матерью въ Путиловѣ приказѣ Резанова у стрелца у Ѳеонасья Максимова въ сусѣдѣхъ; и та де дѣвица Макрида разболѣлась на Масленицѣ въ пятницу: отнелась у неѣ рука лѣвая да нога лѣвая жь, не владѣла нисколько; и была де она болна и до сего дни. И какъ де сказали у нихъ въ багадѣлнѣ сегодни, что отъ Государя патріарха будетъ къ нимъ въ багадѣлнѣ власть з Господнею Ризою, и она де старица Агаѳья тоѣ дѣвочку, взявъ у матери, принесла къ себѣ въ багадѣлню для пришествія Господни Ризы. И какъ де игуменъ Новинской пріѣхалъ къ нимъ

[1]) Почечуй — геммороя.

съ Господнею Ризою, и отпѣлъ молебенъ, и тоѣ болную дѣвицу приложилъ х ковчегу Ризы Господня, и покропилъ святою водою, и дали ей пить святые воды, и руку болную и ногу болную жъ помазали святою жъ водою. И толко де игуменъ съѣхалъ отъ нихъ съ богадѣлново двора, и та де дѣвица тотъ-часъ стала на ноги, и ходить стала, и руками обѣма стала владѣть и ходить по прежнему, какъ и напередъ того здрава была, и ничѣмъ стала невредима.

133-го марта въ 25-й день какъ пѣлъ молебенъ Новинского монастыря игуменъ Еуѳимей, и того дни на навечерницы сказывала ему вдова Фетинья Юрьева дочь при всѣхъ людѣхъ, что де еѣ Богъ помиловалъ очною болѣзнію; а былъ де у неѣ ломъ въ головѣ и шумъ до Родителскіе суботы за недѣлю, и по сей де день не видѣла однимъ глазомъ ничего: а нынѣ де, далъ Богъ, вижу.

Той же богадѣлни съ Покровки вдова Парасковья Матвѣева дочь Анучина: болѣзнь у ней была сердечная, и рвота тяжкая, и опухль утробная; а занемогла де 132-го году августа съ 15-го числа. И та Парасковья въ то жъ время марта въ 24-й день послѣ молебна къ Спасовѣ Ризѣ приложилась и водою святою еѣ кропили; и послѣ того ей Богъ далъ тотчасъ здравіе по прежнему.

133-го марта въ 26-й день въ суботу на обѣднѣ дѣвица Марина одержима была чорнымъ недугомъ[1]), и въ суботу третьія недѣли Великого Поста отъ Спасовы Срачицы отъ тоѣ болѣзни исцѣлѣла. И послѣ того начало быти страхованье и тягость и нечистый духъ приходилъ къ ней во снѣ и на явѣ, грозя ей; и милостію Божіею въ суботу четвертыя недѣли Великого Поста отъ того страхованья и отъ нечистаго духа та дѣвица Марина въ обѣдню исцѣлѣла и во всемъ Богъ учинилъ еѣ зѣло умну и здраву.

И великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичь московскій и всеа Русіи возвѣсти о томъ сыну своему Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедо-

[1]) Падучая болѣзнь.

ровичю всеа Русіи, и сведѣтелственое писаніе прочтоша, и о неизрѣченномъ человѣколюбіи Божіи по премногу воздаша хвалу Богу, сподобльшему ихъ таковую преславную благодать Божію видѣти во благочестивомъ царствѣ ихъ, и приговорили о томъ быти Собору въ Царскихъ Полатахъ марта въ 26-й день въ суботу, и тоѣ Святыню и Божія прославная чюдеса, дѣйствуемая Спасителемъ нашимъ Исусъ Христомъ, обьявити Царскому Спиглиту и всему народу, и потомъ въ радости духовной въ Соборной церквѣ всемогущему Богу принести молебная благодаренія, и совершити празднество со всенощнымъ пѣніемъ; и уложили той Святыни быти въ Соборной церквѣ пречистые Богородицы Успенія у живоноснаго Гроба Господня, и устроити въ златомъ ковчегѣ, и пѣти молебны, и воду святити, и болящимъ и всѣмъ съ чистою совѣстію приходити и исцѣленія просити невозбранно въ честь и въ славу Господу нашему Исусу Христу, пострадавшему нашего ради спасенія и воскресшу, съ нимъ же и насъ уме(рщвенныхъ)[1]) грѣхи совоскре(сившу и на небеса) возведшему, Ем(у же слава во вѣ)ки. Аминь.

[1]) Въ этомъ мѣстѣ у столбца оторванъ уголъ; слова возстановляются по „Дворцовымъ Разрядамъ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. 1624 г. — Отписка Вас. Коробьина и Ост. Кувшинова Царю Михаилу Θеодоровичу изъ г. Терка при возвращеніи въ Москву.

(А. М. И. Д. Грузинскія дѣла 1624 г. марта 16 — іюль).

Государю Царю и Великому Князю Михаилу Θедоровичю всеа Русіи холопи твои Васка Коробинъ, Осташка Кувшиновъ челомъ бьютъ. По твоему Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи указу и повелѣнью, Государь, и по благословенію отца твоего великаго Государя нашего святѣйшего патріарха Θиларета Никитича московского и всеа Русіи въ прошломъ въ 130-мъ году генваря въ 21 день, какъ были мы, холопи твои, у персидцково Аббасъ-шаха въ первомъ пріѣздѣ, говорилъ намъ, холопемъ твоимъ шахъ: преже сего братъ мой, великій Государь вашъ, писалъ ко мнѣ и съ послы своими приказывалъ о Грузинской землѣ, чтобъ мнѣ еѣ не воевать; и грузинской Теймуразъ царь далъ мнѣ въ закладѣ мать свою да два сына на томъ, что было ему къ недругу моему къ турскому царю не отъѣхать. И Теймуразъ царь солгалъ, покиня мать свою и дѣти, отъѣхалъ къ отчему нашему недругу къ турскому царю, и ныне у турсково. А (зе)мля Теймураза царя и городы всѣ и люд(и.....) и мать Теймураза царя и два сына и ныне у..... съ вами отъ брата моево отъ великого государя..... и о Теймуразѣ царѣ ко мнѣ что писа..... съ вами есть-ли? И мы, Государь, холопи т(вои..... отъ брата твоего, отъ Великого Государя нашего Царя (и Великого) Князя Михаила Θедоровича всеа Русіи само-(держца), отъ его царскаго величества грамота къ тебѣ, великому Государю, о Теймуразѣ царѣ и о Иверской землѣ съ нами прислана и рѣчью намъ отъ брата твоего, отъ великого Государя, отъ его царского величества тебѣ, великому Государю, Аббасъ-шахову величеству говорить наказано; а тово государь, братъ твой, великій Государь нашъ, его царское вели-

чество не вѣдалъ и въ Теймуразѣ царѣ того не чаялъ, что онъ у турсково царя. И шахъ, Государь, у насъ, холопей твоихъ, попросилъ твоей Государевы грамоты. И мы, Государь, холопи твои шаху говорили: тепере, Государь, тоѣ грамоты съ нами нѣтъ, пріѣхали къ тебѣ, великому Государю, Аббасъ-шахову величеству зъ большимъ дѣломъ Великово Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца — его царского величества здоровье тебѣ, великому Государю, сказать, а твое Аббасъ-шахова величества здоровье видѣть; а какъ, Государь, изволишъ намъ опять своего величества очи видѣть, и мы тебѣ брата твоего, великого Государя, грамоту тебѣ, великому Государю, подадимъ и по повелѣнью брата твоего, великого Государя, рѣчью говорить будемъ. И шахъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, говорилъ: буде брату моему, великому Государю, Грузинская земля надобе, и я ему, великому Государю, за неѣ не стою, и Теймуразъ бы царь отъ турсково ѣхалъ; и я брату своему, великому Государю, не постою не токмо за Теймуразово царство, и я брату своему, великому Государю, и за свое царство не стою. И мои городы Дербень, Ширванъ, Шемаха, Бака подошли..... отчине, и я и за тѣ городы брату своему, великому Государю, не стою; да не токмо за....., и за все свое государство брату своему, (великому) Государю, не стою. А къ Теймуразу царю вы..... узже пошлите съ тѣмъ, чтобъ Теймуразъ отъ турсково....., а я Теймуразу для брата своего, великого Государя, царство ево, и мать, и дѣти, и городы и люди отдамъ; а буде онъ вашей присылкѣ не повѣритъ, и я своево человѣка съ вашею посылкою къ Теймуразу пошлю и напишу къ Теймуразу, чтобъ онъ отъ турсково ѣхалъ, а я ему для брата своего, великого Государя, царство его, и мать, и дѣти и люди отдамъ. И мы, Государь, холопи твои шаху говорили: мы, Государь, безъ царского величества вѣдома по Теймураза царя послать не смѣемъ, отъ брата твоего, отъ великого Государя, отъ его царского величества съ нами о томъ не наказано. И шахъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, говорилъ: коли вы безъ Государева повелѣнья по Теймураза послать не смѣете, и вы скажите брату моему, вели-

кому Государю, чтобъ Государь къ Теймуразу отъ себя послалъ свою грамоту, чтобъ Теймуразъ отъ турсково ѣхалъ; а я для брата своего, великово Государя, Теймуразу царство ево, и мать, и дѣти отдамъ. Да вѣдаю де и самъ, что турской царь брату моему, великому Государю, недругъ, черезъ ево землю брату моему, великому Государю, послать къ Теймуразу нелзѣ, и братъ бы мой, великій Государь вашъ, ково съ своею грамотою прислалъ ко мнѣ, а я зъ Государевою грамотою свою грамоту и человѣка къ Теймуразу пошлю, чтобъ отъ турсково онъ ѣхалъ. И мы, Государь, холопи твои шаху говорили: мы, Государь, великому Государю, его царскому величеству, то твое великого Государя слово извѣстимъ и въ томъ воленъ Богъ да великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Михаило Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ, его царское величество. — И ѳевраля, Государь, въ..... мы, холопи твои, у шаха у стола..... грамоту о грузинскомъ Теймуразѣ .....ской землѣ шаху я, холопъ твой, ... говорилъ, какъ въ твоемъ Государевѣ наказѣ..... И шахъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, про грузинск.... и про Теймураза царя сказалъ тоже, что..... пріѣздѣ говорилъ. А про башичюжского, Государь, ... гурѣлского царей [1]) шахъ намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ: я..... ихъ и не знаю, рати на нихъ и войны не посылывалъ, и и..... войны на нихъ не посылаю и впередъ мнѣ до нихъ..... нѣтъ. А въ Оштреѳе, Государь, были мы, холопи твои, у шаха у стола. И послѣ, Государь, стола шахъ объявилъ намъ, холопемъ твоимъ, Теймуразовыхъ дѣтей Олексапдра да Леонида. И въ тѣ, Государь, поры, и на отпускѣ шахъ намъ, холопемъ твоимъ, говорилъ и къ тебѣ, великому Государю, съ нами, холопи твоими, приказывалъ: преже сего я вамъ говорилъ и ныне къ брату своему, къ великому Государю, съ вами приказываю и съ послы своими въ грамотѣ пишу, чтобъ Теймуразъ отъ турского ѣхалъ, а я для брата своего, великово Государя, Теймуразу царство его, и мать и дѣти его отдамъ; а слова я своево не отопруся, помню,

[1]) Отъ нихъ прислана была къ царю Михаилу Ѳедоровичу грамота съ просьбой о защитѣ.

что преже сего вамъ говорилъ и нынѣ къ брату своему, къ великому Государю, съ вами прпказываю тоже: не токмо за Теймуразово царство, и за свое царство брату своему, великому Государю, не стою. — Да шахъ же, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, говорилъ[1]) въ первомъ пріѣздѣ и въ иныхъ пріѣздехъ: взялъ я въ Иверской землѣ Христову Срачицу, въ которой Христосъ распятъ, и какъ Христа жидовя распяли, и на крестѣ ударили ево копьемъ въ ребро, и та кровь на той Срачицѣ и нынѣ знать. И хто помолитца съ вѣрою и къ той Срачицѣ коснетца, и тово Богъ помилуетъ, отъ той Срачицы исцѣлѣетъ; а хто придетъ безъ вѣры, а къ той Срачицѣ коснетца, и у тово тотчасъ очи выпадутъ. И нынѣ я тоѣ Срачицу посылаю къ брату своему, къ великому Государю, и къ отцу ево и своему отцу къ великому Государю патріарху съ своими послы. (А великій де) Государь патріархъ святитель великой, бр(ату ево), великому Государю, отецъ и мнѣ отецъ (же, станетъ за Государя Бога) молить и меня во святыхъ своихъ (молитвахъ къ Богу помянетъ. А при)сылали де ко мнѣ изъ иныхъ христь(янскихъ государствъ для тоѣ) Христовы Срачицы, и язъ де еѣ (для ихъ, великихъ Государей), нигдѣ не далъ. Я де во Христа и въ пречистую (Богородицу вѣрую). А хто во Христа и въ пречистую Богородицу не вѣру(етъ или ко)торое слово молвитъ хулное, и тово де и ро(дъ ево надобно) весь зжечь; и какъ де ево станутъ жечь, и хто, пдучи, на нево дровъ полѣно кинетъ, и тотъ (бу)дет св(ятъ). — И мы, Государь, холопи твои шаху говорили: о томъ тебѣ, великому Государю, извѣстилъ ясно, провѣдаешь вѣру христьянскую; а что посылаешъ къ брату своему, къ великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи самодержцу къ его (царско)му величеству и къ отцу ево къ великому Государю нашему превысочайшему святителю патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи такіе поминки, — и тѣ поминки брату твоему, великому Государю нашему, его царскому величеству и отцу ево великому Государю нашему святѣйшему патріарху

[1]) Противъ этихъ словъ на поляхъ поставленъ +.

Ѳпларету Никитичю московскому и всеа Русіи будутъ радосны и пріятны. И спрашивали, Государь, мы, холопи твои, шахова посла Урусун-бѣка: откуды къ вамъ въ Грузи Христова Срачица пришла, и сколь давно, и гдѣ у васъ въ Грузехъ та Христова Срачица по ся мѣста и у ково была, и коими обычаи шахъ еѣ сыскалъ? И Урусун-бѣкъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ: слышелъ я, что въ Грузехъ та Христова Срачица была у митрополита задѣлана въ крестѣ; и шахъ еѣ сыскалъ и послалъ къ Государю. Да въ первомъ же, Государь, пріѣздѣ шахъ намъ, холопемъ твоимъ, говорилъ: есть л.. ди брата моево, великого Государя, въ моемъ государствѣ.... купали ихъ мои люди у кумыкъ и у черк.... выходятъ исъ Турской и изъ Бухарской з(емли.....) манились, и я брату своему .....шему за тѣхъ людей не ст(ою.....) отдавать. А которые будетъ и (бу)сурманились, и я имъ дамъ волю хто хо...манской вѣрѣ, тотъ—живи; а хто хочетъ итти..... моему, къ великому Государю, тотъ иди. И....., холопи твои, шаху говорили: то твоя в(елікого) Государя къ брату твоему, къ великому Государю (нашему), къ его царскому величеству сердечная любовь явитца, что ты, великій Государь, тѣхъ плѣнныхъ людей собою великимъ Государемъ свободныхъ учини .....и услыш....., Государь, межъ твоего царского величества и Аббас-шахова величества братцкую любовь, что шахъ отпускаетъ къ тебѣ, великому Государю, плѣнныхъ людей. И тѣ, Государь, плѣнные люди въ Испогани приходили къ намъ, холопемъ твоимъ, съ волными грамотами, которые отволились въ шаховѣ землѣ; а иные, Государь, вышли изъ Бухарской земли съ волными же грамотами. И мы, Государь, тѣхъ людей къ себѣ имали, и изъ Испогани, Государь, тѣхъ плѣнныхъ людей взяли мы, холопи твои, съ собою къ шаху. И какъ, Государь, мы, холопи твои, у шаха были на отпускѣ, и мы, Государь, холопи твои шаху говорили: какъ, Государь, мы были у твоего Аббасъ-шахова величества въ Испогани, и ты, Государь, любя брата своего великово Государя нашего Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца намъ говорилъ: которые рускіе люди запроданы въ твою Государеву землю, а иные выходятъ въ твою

Государеву землю изъ Турской, и изъ Бухарской и изъ Индѣйской земли, и хто похочетъ итти къ брату твоему, къ великому Государю, — и ты, Государь, тѣмъ людемъ всѣмъ далъ свободу итти на Русь. И мы, Государь, то твое великово Государя Аббасъ-шахова величества слово пи(сали къ бра)ту твоему, въ великому Государю, и слы..... васъ, великихъ Государей, братствен..... тѣ плѣнные люди приходя .....лились приносятъ къ намъ свои волные гра(моты.....) е и безъ грамотъ приходятъ къ намъ. И ты, вели....., о тѣхъ плѣнныхъ людяхъ — какъ укажешь? Ко.... велишъ ихъ волныхъ грамотъ дозрить и по пр.... своему Государеву слову къ брату своему, къ великому Государю, ихъ отпустили или Государь въ своемъ государствѣ... лишъ имъ быть. И шахъ, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, (гово)рилъ, что я вамъ говорилъ въ Испогани, то го.... и нынѣ: которые рускіе полоненики учнутъ приходить съ волными грамотами и бѣзъ грамотъ, и вы тѣхъ полоненниковъ къ себѣ емлите и къ брату моему, къ великому Государю, въ его царство отведите. И приказалъ, Государь, шахъ Исупъ-хану: которые рускіе полоненики къ посломъ учнутъ приходить, и тѣхъ имъ всѣхъ отдавай, и вели ихъ купчинѣ Мемеселѣю посадить на мою бусу. Да шахъ же, Государь, молвилъ намъ, холопемъ твоимъ: досталнымъ рускимъ полоненикомъ приказывайте, чтобъ приходили ко мнѣ, а я ихъ къ брату своему, къ великому Государю, стану отпущать на своихъ бусахъ. И мы, Государь, холопи твои тѣхъ полоненниковъ, которыхъ шаху объявляли, къ тебѣ, великому Государю, изъ Ѳарабату и изъ Шемахи, что собрали въ Шемахѣ, послали въ твою государеву отчину на Терекъ, и въ Астороханъ, и съ собою, Государь, мы, холопи твои, привезли на Терекъ дѣтей боярскихъ и дѣтей боярскихъ жонъ и всякихъ людей 87 человѣкъ. Да будучи, Государь, мы, холопи твои, въ Кизылбашехъ, въ твою Государеву въ Оружейную казну купили и здѣлали щитъ да наручи булату красново, и полосы сабелные булатные, и копья, — и железца стрелные, и ножи, и стволы пищалные ковали, и булату индѣйсково, что добыли, и гзовъ и замшъ турѣцкихъ, и теникору, чѣмъ булатъ сваривать, и заку, чѣмъ на булатѣ

наводить краска, купили. Да мы же, Государь, холопи твои, (въ тво)ю Государеву казну купили два вьюка шол...., да крашеново 75 ансы.... все веземъ къ тебѣ, великому Государю, с со..... трєѳѣ, Государь, послѣ того, какъ насъ, холопей (твоихъ), шахъ отъ себя отпустилъ, взялъ у насъ, холопей твоихъ, часовника Ганку Титова и оставилъ у себя; а приказалъ, Государь, шахъ къ намъ, холопемъ твоимъ, что... оставилъ у себя для часовые подѣлки, а.. де часы подѣлаетъ, и я де ево отпущу къ брату св(оему), къ тебѣ, великому Государю, въ Асторохань или на Тер(екъ). Да сказывали, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, что писалъ къ тебѣ, великому Государю, шахъ съ своими послы, чтобъ ты, великой Государь, прислалъ къ нему слюды да оконничныхъ мастеровъ дѣлать.... въ полатахъ окончины.

На оборотѣ: Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи.

132-го іюня въ 27 де съ толмачомъ съ Юрьемъ Бурнашевымъ.

Помѣта: + Чтена. Выписать. Говорить о томъ зъ Грузинскимъ посломъ и спрашивать ево о Христовѣ Срачицѣ.

2. Вопросы думнаго дьяка Ив. Грамотина[1]) и отвѣты архіеп. Ѳеодосія о Ризѣ Христовой[2]).

И по Государеву указу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ съ архіепископомъ Ѳеодосіемъ говорилъ: вѣдомо Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и отцу его Государеву великому государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи ото многихъ людей и отъ грекъ, которые пріѣзжаютъ къ нимъ,

[1]) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ трудѣ покойнаго дѣлопроизводителя Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ М. П. Пущилло подъ заглавіемъ: «Думный дьякъ Иванъ Тарасьевичъ Грамотинъ 1606—1638 гг.», С.-Пб. 1878 г., in 8⁰, стр. 1—16.

[2]) Подлинное показаніе архіеп. Ѳеодосія въ Грузинскихъ дѣлахъ А .М. И. Д. 1624 г.

Государемъ, изъ Греческіе земли, что были въ Иверской землѣ Христовъ Хитонъ и Срачица, въ которой Христосъ былъ распятъ, а[1]) нынѣ де тѣ святыни всѣ поималъ въ Иверской землѣ кизылбашской Аббасъ шахъ. И великій Государь нашъ, его царское величество и отецъ его Государевъ великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи[2]), истинные хрестьянскіе вѣры рачители, жалѣя по хрестьянской вѣрѣ, о томъ зелнѣ скорбятъ и промышляютъ тѣмъ всякими мѣрами, чтобъ та Святыня изъ рукъ бесерменскихъ высвободить и видити въ своемъ благочестивомъ государствѣ; а про него, архіепископа, вѣдали, что онъ человѣкъ хрестьянскіе вѣры и чину святителского и[3]) въ Грузехъ бывалъ и неодиново, велѣли ево о томъ роспросить: вѣдомо ль ему о томъ — гдѣ тотъ Христовъ Хитонъ и Срачица въ Грузехъ были, въ царскихъ ли сокровищахъ, или въ церковной казнѣ, и въ каковѣ мѣстѣ лежали, и каковъ тотъ Хитонъ и Срачица были? И лучилось ли ему самому то видать, и гдѣ нынѣ тотъ Хитонъ и Срачица? И каковъ Хитонъ и Срачица мѣрою, и дѣломъ, и въ чемъ тканы? Или тѣ сокровища взялъ въ Иверской землѣ Аббасъ-шахъ и гдѣ они нынѣ? И иные Святыни еще ли въ Грузинской землѣ есть, или всѣ шахъ разорилъ и себѣ поималъ, и какіе иные Святыни поималъ?[4]).

---

[1]) Вписано надъ строкой: а нынѣ..... шахъ. Въ подлин. показаніи нѣтъ этихъ словъ.

[2]) Сперва было написано: «жалуючи ево, архіепископа, и вѣдая то, что онъ»...; потомъ надъ строкой написано напечатанное чтеніе. Въ подлинномъ показаніи первоначальное чтеніе.

[3]) «И въ..... неодиново» написано надъ строкой; въ подлин. показаніи нѣтъ.

[4]) Далѣе зачеркнуто: «а велѣлъ его великій Государь и святѣйшій патріархъ про то допросить для того, что онѣ, великіе Государи, православной истинной хрестьянской вѣрѣ рачители, и такіе великіе божественные святыни въ мусульманскихъ рукахъ видѣть не хотятъ, а желаютъ того, чтобъ имъ, великимъ Государемъ, по своей вѣрѣ къ Богу, провѣдавъ про то подлинно, та вся святыня доступить и видѣти въ своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ». — Въ подлин. показаніи это есть; послѣднія слова здѣсь такъ читаются: «преславныхъ Російскихъ государствахъ».

И архіепископъ говорилъ, что онъ уроженецъ Грузинскіе земли, а въ архіепископы въ Ерусалимъ на Голгоѳу къ церквѣ Воскресенью Христову[1]) поставленъ давно, и про то — гдѣ былъ Христовъ Хитонъ и Срачица и иные Святыни отчасти вѣдаетъ; прежде того въ Ерусалимѣ на Голгоѳѣ и въ иныхъ мѣстехъ, гдѣ Христосъ ходилъ на земли, устроили было Грузинскіе благочестивые цари 12 монастырей и полнили ихъ во всякихъ потребахъ отъ себя. А Христовъ де Хитонъ и Срачица и иные Святыни устроены были на Голгоѳѣ въ соборной церквѣ Воскресенья Христова[2]) въ сундукѣ. И какъ-де грузинсково царя Симона, нынѣшнего[3]) Теймуразова царева[4]) дѣда[5]), не стало, и онъ[6]) де тѣ всѣ монастыри приказалъ строить сыну своему царю Давиду[7]); и какъ при царѣ Давидѣ учало быть Грузинской землѣ отъ турского царя и отъ кизылбашскаго[8]) шаха и отъ иныхъ земель гоненье и тѣснота[9]), и царь Давидъ здѣлалъ былъ въ Карта-

---

[1]) Слова: «въ Ерусалимъ..... Христову» вписаны надъ строкой; въ подлин. показаніи ихъ нѣтъ.

[2]) Послѣднія два слова написаны надъ строкой; въ подлин. показаніи сгнило это мѣсто.

[3]) Сперва было написано: дѣда; такъ и въ подлин. показаніи.

[4]) «Царева дѣда» — написано надъ строкой; въ подлин. показаніи нѣтъ этихъ словъ.

[5]) Дѣдъ Теймураза былъ царь кахетинскій Александръ II, убитый въ 1605 г. вторымъ своимъ сыномъ Константиномъ. Симонъ же (великій) былъ царемъ карталинскимъ (1582—1600); онъ былъ мужемъ сестры Александра II — царевны Нестандареджани кахетинской, и дѣдомъ второй жены Теймураза I кахетинскаго, царевны карталинской Хуарешани или Кварашаны.

[6]) Сперва было написано: «и онъ то все отказалъ сыну»...; такъ и въ подлин. показаніи.

[7]) Давидъ былъ также сыномъ не Симона, а царя Александра II кахетинскаго; царь карталинскій Симонъ Великій, какъ объяснено выше, былъ мужемъ его тетки. Давидъ, заключивъ своего отца, шесть мѣсяцевъ правилъ его царствомъ; но послѣ его смерти Александръ II вновь вступилъ на престолъ кахетинскій, который уже послѣ его убіенія въ 1605 году перешелъ его внуку, сыну Давида, Теймуразу I-му.

[8]) «кизылбашскаго» — надъ строкой.

[9]) «и тѣснота» — надъ строкой; въ подлин. показаніи совсѣмъ нѣтъ.

линской землѣ блиско Кумытцкой земли церковь каменную[1]) и въ той церкви-де изъ Ерусалима[2]) Христовъ Хитонъ и Срачицу и иные многіе святыни поставилъ. И стояли-де тѣ святыни[3]) въ сундукѣ за царевою печатью[4]); а коли-де какая святыня понадобитца выпять, и исъ того-де сундука святыни вынимали соборомъ, а одинъ-де[5]) безъ собору ихто въ тотъ сундукъ не хаживалъ. А какъ де при нынѣшнемъ Теймуразѣ царѣ шахъ Грузинскую землю разорилъ, и Теймуразъ-де царь тотъ сундукъ съ Христовымъ Хитономъ и съ Срачицею и съ иными святынями сыскалъ у боярина своего, и отъ того ему далъ казны своей много. А въ томъ-де сундукѣ Христовъ Хитонъ да Срачицы часть, да образъ Спасовъ на убрусѣ, что послалъ Господь нашъ Исусъ Христосъ[6]) ко Авгарю царю на исцѣленіе, да гвозди желѣзные, чѣмъ прибитъ былъ Христосъ на крестѣ, и иные многіе святыни. И то-де все нынѣ у Теймураза царя; а у шаха-де никакихъ святынь нѣтъ, толко-де поималъ шахъ въ Грузинской землѣ въ разоренье по церквамъ много образовъ окладныхъ, пеленъ и покрововъ низаныхъ, сосудовъ церковныхъ серебряныхъ и золотыхъ и иново церковново строенья много. А только-де по милости Божьей[7]) и Государскимъ милосердымъ призрѣніемъ

---

1) Изъ показанія келаря Іоанникія видно, что здѣсь говорится о Загемѣ, который считался неприступной твердыней царей кахетинскихъ; онъ былъ раззоренъ персами, приведенными отступникомъ царевичемъ Константиномъ, (дядею царя Теймураза I-го), по убіеніи его отца царя кахетинскаго Александра II.

2) «де изъ Ерусалима» — надъ строкой; въ подлин. показаніи совсѣмъ нѣтъ.

3) «де тѣ святыни» — надъ строкой; въ подлин. показаніи тоже нѣтъ.

4) «за царевою печатью» — надъ строкой. Сперва было написано: «стояли въ ней въ сундукѣ же. А коли»...; такъ и въ подлин. показаніи.

5) Зачеркнуто: «а по одному»..; въ подлин. показаніи читается: «а по одному».

6) «нашъ Исусъ Христосъ» — надъ строкой; въ подлин. показаніи совсѣмъ нѣтъ.

7) Сперва было написано: «а какъ милостью Божіею и»....; такъ и въ подлин. показаніи.

и помощію Теймуразъ царь учинитца на своемъ государствѣ [1]) въ Иверской землѣ, и онъ-де Государю ни за что не постоитъ, тѣ всѣ святыни пришлетъ къ [2]) Государю.

3. Челобитная царю Михаилу Ѳедоровичу крестовыхъ дьяковъ Семенова и Устинова.

(Архивъ Оружейной Палаты, столбцы I разряда, 133 года, № 141).

Царь Государь и Великій Князь Михаилъ Федоровичъ всеа Русіи! Бьютъ челомъ холопи твои крестовые дьяки Ивашко Семеновъ, Мишка Устиновъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 133-мъ году, по твоему Государеву указу и по благословенью отца твоего великого Государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича московского и всеа Русіи, велѣно намъ, холопемъ твоимъ, носити повсюду Ризу Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа болящимъ на исцѣленіе всякихъ различныхъ недугъ и на нихъ полагати. И марта съ 16-го числа по вашему Государскому указу съ Ризою Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа по многимъ мѣстамъ къ болящимъ и въ богадѣльни не по одно время мы, холопи ваши, ходили, и молебны съ водосвященьемъ пѣли, и Ризу Господню на болящихъ полагали, и по тѣмъ же мѣстамъ и въ богадѣльни дозирати болящихъ волочилися многажды безпрестанно. И вашею Государскою теплою вѣрою и молитвою, Господь Богъ своею праведною милостію Божественную Свою Ризу чюдесы прославилъ, многимъ болящимъ различная исцѣленія даровалъ; а гдѣ кому Господь Богъ Тою Своею Божественною Ризою исцѣленія даровалъ, и мы, холопи твои, роспрашиваючи ихъ подлинно, о томъ о всемъ къ отцу твоему великому Государю святѣйшему патріарху Ѳиларету Никитичю московскому и всеа Русіи писмо приносили. — Милостивый Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи! Пожалуй

---

[1]) Сперва было написано: «государствѣ попрежнему, и онъ-де ему, Государю»...; такъ и въ подлин. показаніи.

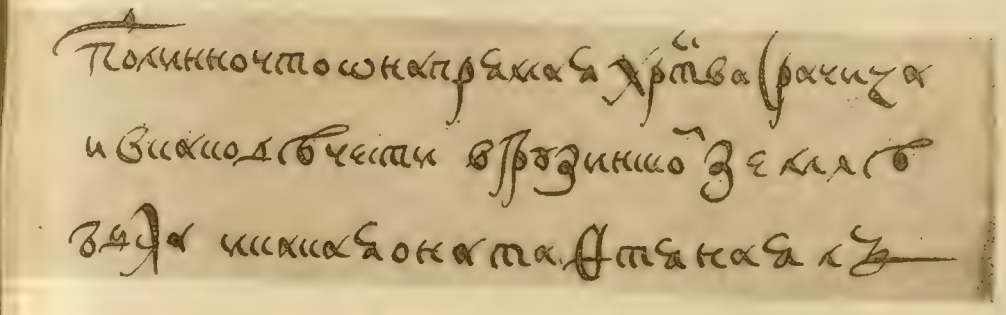
[2]) Сперва было написано: «къ нему»; въ подлин. показаніи это мѣсто стерло.

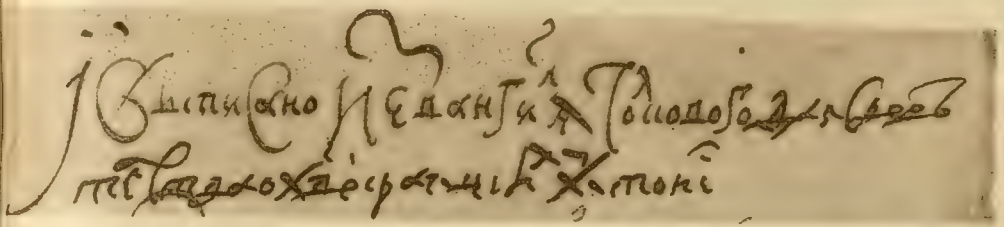
насъ, холопей своихъ, для Божественныя и цѣльбоносныя Ризы Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа и для своего царского многолѣтного здравья за наши труды, какъ тебѣ, милосердому Государю, Богъ извѣститъ. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

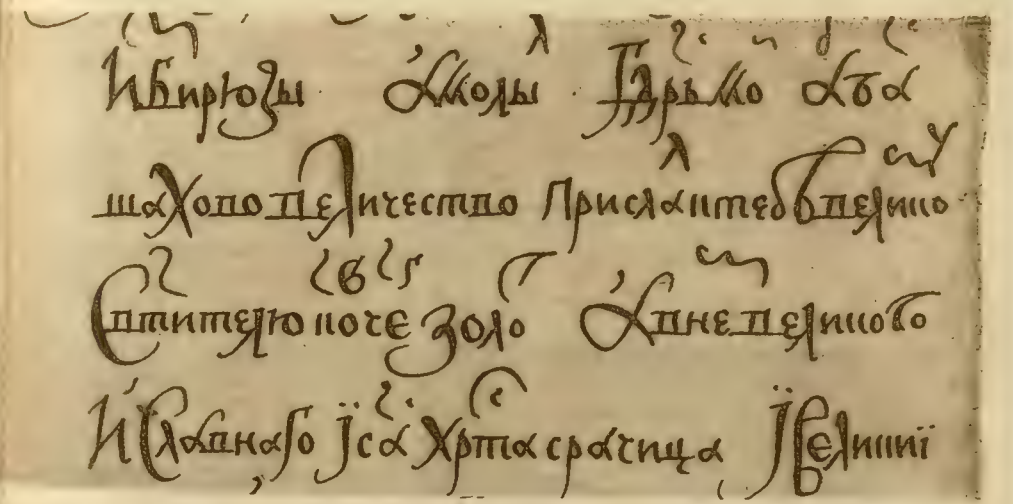
Помѣта: Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дати съ Казеннаго Двора по сукну по доброму человѣку по лундышному; а великій Государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичъ московскій и всеа Русіи отъ себя пожалуетъ же.

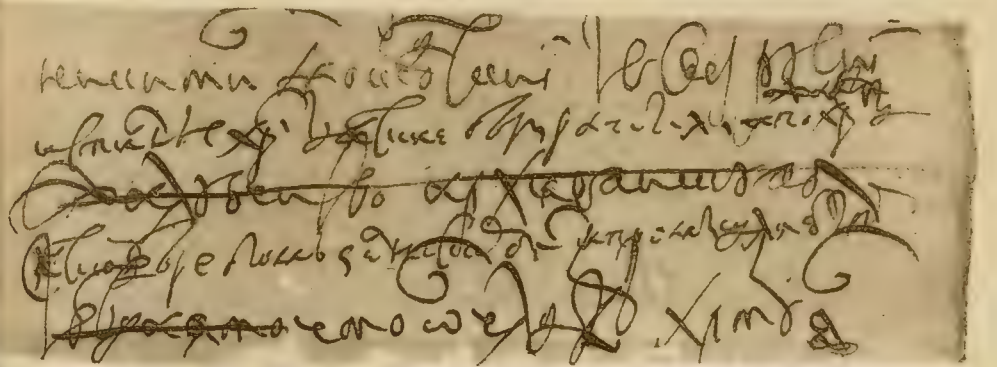
По сей челобитной дано по 4 аршина сукна лундышу мясного цвѣту, цѣна по 60 алтынъ аршинъ.

Снимки изъ подлиннаго дѣла
о Ризѣ Господней.









Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ УЗБЕКИСТАНЪ

въ 1671 году.

(По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.)

Н. В. Чарыкова.

Статья Н. В. Чарыкова, бывшаго делегатомъ Архива на III Международномъ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 г., о путешествіи въ 1671—1675 г. въ Узбекистанъ посланника царя Алексѣя Михайловича Бориса Пазухина, была прочитана авторомъ въ засѣданіи Съѣзда по отдѣлу Средней Азіи $\frac{21 \text{ августа}}{2 \text{ сентября}}$ 1876 г. и затѣмъ напечатана въ I томѣ Трудовъ Съѣзда (стр. 595—604), на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Un voyage dans l'Ouzbékistan en 1671». (D'après des documents conservés aux Archives Principales du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou). Размѣры ея зависѣли отъ правилъ Съѣзда, по которымъ референты не могли читать болѣе 15 минутъ.

Источникомъ ея послужили хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ документы, именно: а) 1669 г. іюня 22—1672 п. Статейный списокъ посыланныхъ въ Бухару, Балхъ и Хиву посланниковъ Бориса и Семена Пазухиныхъ для выкупа Россійскихъ плѣнныхъ. б) 1671 г. марта 14 — 1676 г. августъ. Выписка, учиненная въ Посольскомъ приказѣ о бывшемъ 1669 г. отправленіи въ Бухару Бориса Пазухина (Бухарскіе стат. списки № 2 и 4) и в) 1669 г. іюня 22 — 1673 г. октябрь. Отправленіе въ Бухару, Балхъ и Юргенчь Бориса и Семена Пазухиныхъ для выкупу плѣнныхъ и для развѣданія въ Шемахѣ о мощахъ свящ. муч. Симеона. (Бухарскія дѣла 1669 г.).

UN VOYAGE

DANS L'OUZBÉKISTAN

en 1671.

(D'après des documents conservés aux Archives Principales du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou.)

Communication de **N. Tcharykow.**

La position géographique de la Russie et la voie qu'a suivie le développement historique de ce pays ont toujours rendu l'étude de l'Orient l'objet d'un haut intérêt pour les hommes d'état et les savants russes: aussi leur ont-elles procuré des facilités exceptionnelles pour acquérir une connaissance étendue et exacte d'une partie considérable de l'Asie.

A une époque où les autres états de l'Europe connaissaient à peine de nom les peuples du Nord et du Centre de ce continent, la Russie entretenait avec la plupart d'entre eux des relations directes et suivies. Pour ne parler que de l'Asie Centrale à laquelle on a donné le nom de l'*Ouzbékistan,* la Russie recevait, à dater du XVI siècle, des ambassades fréquentes de la part des Khans de Khiva et de Bokhara; des marchands Khiviens et Bokhares venaient regulièrement en Russie, échanger les produits de leur patrie contre ceux de l'Europe et, enfin, le gouvernement des Tzars expédiait de son côté à Khiva, à Bokhara et à Balkh des Envoyés et des commerçants dont les observations, faites sur place et en connaissance de cause, venaient amplifier et rectifier les informations recueillies par d'autres voies.

Grâce au soin avec lequel les documents des relations de la Russie avec l'Orient ont été conservés au Bureau des Ambassades à Moscou („Possolski Prikaz") et, à dater de la translation de la Résidence à St.-Pétersbourg, aux *Archives des Affaires Ftrangères,* créées dès lors à Moscou même, grâce à ce soin, les connaissances que la Russie avait sur l'Orient au XVI, au XVII et au XVIII siècles n'ont pas été perdues pour la postérité et doivent devenir à présent une des sources d'informations précieuses sur l'histoire des peuples de l'Asie.

C'est au nombre de ces documents que se trouvent les pièces relatives au voyage dans l'Ouzbékistan, entrepris en 1669 par Boris Andréjévitch Pázoukhine, qui fut envoyé par le Tzar Alexis Mikhaïlovitch auprès des Khans de Khiva, de Bokhara et de Balkh.

Pour ne pas enfreindre le règlement de nos réunions, je tâcherai de reproduire quelques unes seulement des parties caractéristiques du long récit, qu' a laissé Pazoukhine de son séjour de deux ans dans l'Ouzbékistan.

Boris Pazoukhine quitta Moscou le 30 Juin 1669, v. st., muni de lettres du Tzar et de cadeaux pour le Khan de Khiva et pour ceux de Bokhara et de Balkh. En descendant les rivières *Moskwa* et *Oka,* Pazoukhine arriva le 20 Juillet à Kazan d'où il repartit, par le Volga, pour Astrakhan, après que les Streltzi (soldats de l'époque) qui devaient l'escorter, l'eurent rejoint. Les lourdes embarcations des Streltzi ralentissaient de beaucoup la marche du cortége: aussi n'est-ce qu'au mois d'Août de l'année suivante que Pazoukhine et ses compagnons arrivèrent aux embouchures du Volga et à Astrakhan.

Il y avait au XVII siècle, au dire de Pazoukhine, trois routes pour se rendre d'Astrakhan dans l'Ouzbékistan.

L'on pouvait, en traversant la mer Caspienne, se diriger sur *Astrabad* et sur Mekhshet, et arriver par *Merw* à Bokhara, le tout en 14 semaines[1]).

---

[1]) C'est ainsi que Pazoukhine comptait le temps et les distances. Une «journée» (dnishtché) valait environ 30 kilomètres.

Une autre route partait de Karagane, un port de la presqu'île de Manguishlak. On arrivait de ce port à Khiva en 4 semaines, mais la durée de la traversée d'Astrakhan à Karagane dépendait de la force et de la direction du vent.

Cette route était la plus courte, mais aussi était-elle la plus dangereuse, tant à cause des tempêtes qui étaient fréquentes, surtout vers l'automne, qu'à cause du caractère aggressif des tribus nomades des Turkmènes, qui habitaient le Manguishlak.

Enfin, l'on pouvait aller à Khiva par voie de terre, en faisant le tour de la partie septentrionale de la mer Caspienne. Ce fut cette route que choisit Pazoukhine, sur la recommandation du Voyévode d'Astrakhan P-ce Prosórowsky, comme étant moins dangereuse que les autres. Cependant, on ne pouvait se passer de guides et d'une escorte, et sur l'ordre du Tzar, transmis par le Voyévode, le Khan Kalmouk *Daïtchine-Taïsha,* campé sur les bords de l'Oural, ne tarda pas de mettre six de ses sujets à la disposition de l'Envoyé.

Pazoukhine acheta à Astrakhan 19 chameaux et partit le 20 Mars 1671 pour Khiva.

Après 14 jours de marche il arriva au fleuve Oural, au campement des Kalmouks qui, selon la coutume des nomades, se préparaient à passer, au commencement du printemps, dans les régions du Nord. En automne ils se rapprochaient de nouveau de la mer.

Le 1 Avril, après une audience chez le Khan, Pazoukhine quitta le campement Kalmouk et, s'étant arrêté le 31 du même mois, pour un jour, sur les bords de la rivière *Saniz* (Saguiz) au campement de la tribu (oulouss) de Nazar-Mamout, petit-fils de Daïtchine-Taïsha, l'Envoyé russe arriva le 14 Mai devant *Kata* la première ville sur le territoire khivien [1]), à 2 journées de marche de la capitale.

Le Khan de Khiva — *Navsha-Mambet-Khan* — avait déjà expédié dans cette ville, à la rencontre de Pazoukhine,

---

[1]) Pazoukhine s'arrêta non loin de cette ville, dans un endroit nommé *Koulabia.*

Khoudaberdei qui remplissait les fonctions de „Pristaw“ (Commissaire) auprès de tous les Envoyés étrangers venant à Khiva.

Pazoukhine envoya son translateur Nikita Medvédéw à Kata pour annoncer son arrivée, et Khoudaberdei arrêta, par l'entremise de Nikita, le cérémonial de la réception.

Le 16 Mai Khoudaberdei, accompagné d'un certain nombre de soldats (sloujilyi lioudi), d'ouzbeks et de citoyens, rencontra Pazoukhine et sa suite à environ un kilomètre de la ville. Khoudaberdei salua l'Envoyé au nom du Khan et lui offrit de la part de son maître un cheval richement harnaché. Il s'excusa de ce que le nombre des hommes venus avec lui n'était pas grand, en disant à Pazoukhine que les habitants de la ville l'avaient abandonnée au commencement de l'été pour se rendre, selon leur coutume, dans les steppes.

Khoudaberdei accompagna Pazoukhine jusqu'au village *Djanarobei,* où des tentes étaient préparées pour les voyageurs, et partit ensuite pour faire part au Khan de l'arrivée de la mission.

Deux jours plus tard Pazoukhine et sa suite firent leur entrée à Khiva, montés sur de beaux chevaux, qui leur furent donnés par le Khan, et accompagnés de deux Yassaouli, de cent Ouzbéks et d'une foule de citoyens.

On logea Pazoukhine et ses compagnons au vieux palais du Khan, avec beaucoup de confort, et on leur y envoya des provisions de bouche [1]).

L'audience eut lieu le 21 Mai. Le Khan reçut Pazoukhine assis sur des tapis, étendus sur le plancher, dans la salle, dite „dorée“ — „zolotaja palata“ — située au milieu de son jardin. A côté du Khan étaient assis 24 *atalyks* et autres personnages de la cour, devant la porte se tenaient des Yassaouls avec de longs bâtons (possokhi) et plus de 100 Ouzbéks. Le Khan prit des mains de Pazoukhine la lettre dont il était porteur, s'informa de la santé du Tzar, et écouta le discours de l'Envoyé.

Ensuite, on apporta divers mets sur des plats d'argent, de

---

[1]) Pazoukhine a dressé des listes détaillées des cadeaux qu'il a reçus, ainsi que de ceux qu'il a donnés.

l'eau et du lait (peut être du lait de jument fermenté, appellé koumyz) dans des coupes en or que l'on servit au Khan et à l'assistance. Le repas étant terminé, Pazoukhine retourna avec sa suite à domicile.

Les cadeaux que Pazoukhine avait apportés pour le Khan, ainsi que ceux qu'il distribua parmi les personnes de la cour, furent agréés avec empressement.

Le 24 du même mois Pazoukhine fut de nouveau invité chez le Khan, et, après un repas semblable au précédent, le Khan, à la prière de Pazoukhine, le laissa partir pour Bokhara. A cette audience la question de la mise en liberté des Russes, captifs à Khiva et dans le pays environnant, question sur laquelle je reviendrai plus en détail, fut traitée longuement entre l'Envoyé et le Khan. Enfin celui-ci promit de faire cesser le trafic des prisonniers russes, de ne plus permettre de les vendre dans des pays éloignés sans espoir de retour, et, en attendant la réponse du Tzar aux propositions faites par le Khan, relativement au rachat des prisonniers, d'envoyer gratuitement à Moscou un certain nombre de Russes avec Pazoukhine, quand celui-ci passerait par Khiva, à son retour en Russie.

Parti de Khiva le 3 Juin, Pazoukhine arriva le même jour dans la ville *Khanki* — toutes les villes mentionnées dans la Relation de Pazoukhine existent jusqu'à présent — et le lendemain à *Azarist* (Hézar-asp) et après avoir traversé le fleuve *Daria* (Amou Daria, le *Oxus* des anciens) il atteint la frontière de la *Bokharie*. Après une marche de huit journées à travers le désert, la caravane russe s'arrêta non loin de la première ville Bokhare — *Kara-Kol*.

Le *Dar-aga (Darouga)* de cette ville, fonctionnaire chargé d'administrer la justice en matière de commerce et de percevoir les droits de douane et les autres impôts, reçut Pazoukhine tout comme l'avait fait le Pristaw khivien. Le Dar-aga dit à Pazoukhine que le Khan de Bokhara *Abdul-Aziz* était parti pour la frontière en ce moment avec ses troupes, pour combattre le Khan de *Balkh*, qu'il se trouvait dans la ville de *Karshakh (Karshi)*, et serait informé de l'arrivée de la mission russe.

Le 23 Juin l'Envoyé russe est entré à Bokhara où il fut reçu par Tash-Boulat-Bii, auquel le Khan avait confié la capitale pour la durée de son absence.

Ce n'est qu'au mois de Décembre qu'Abdul-Aziz, de guerre las, est revenu à Bokhara. Pazoukhine avait en attendant étudié l'état politique et économique des pays où il se trouvait, et voici les informations qu'il donne sur *l'armée* et les *finances* des Khanats de l'Ouzbékistan. L'armée Bokhare, y compris les troupes auxiliaires fournies par les Karakalpaks, était alors de plus de 150.000 hommes. L'armée du Khan de Balkh était deux fois moins nombreuse, et celle du Khan de Khiva atteignait à peine le chiffre de 30.000 cavaliers. En cas de guerre tout le peuple Khivien, les agriculteurs et les marchands comme les militaires de profession (sloujilyi lioudi), prenaient part aux combats pour gagner du butin. La manière de faire la guerre était la même chez les Khiviens que chez les Kalmouks, et à Balkh pas plus qu'à Bokhara il n'y avait alors ni infanterie, ni artillerie. Les Khans n'étaient pas riches, car ils avaient distribué presque toutes leurs terres parmi leurs serviteurs en guise de traitement. Le revenu des Khans se composait d'une taxe prélevée *par feu* („diénejnyi dvory") et des droits de douane.

Dans tout l'Ouzbékistan on semait peu de céréales et l'irrigation des champs était indispensable. Quant à la soie, la Bokharie en produisait moins qu'elle n'en consommait et en conséquence n'en exportait guère. Khiva produisait annuellement plus de 1000 pouds de soie crue qui se vendait à raison d'environ 34 roubles le poud, selon la récolte. Beaucoup de marchands venaient tous les ans à Khiva des pays environnants et en exportaient de la soie.

Les marchandises les plus demandées sur le marché de Khiva étaient: le drap, les fourrures, les peaux de cerf ouvrées et surtout la vaisselle, les aiguilles et les épingles.

Bientôt après le retour du Khan à Bokhara, Pazoukhine fut reçu au palais. La cour d'Abdul-Aziz lui parut beaucoup plus nombreuse et plus brillante que celle de Navsha-Mambet. Le Khan était entouré des *Khosi* — ses parents et de plus

de 100 autres personnages de sa cour; en entrant dans la salle de réception Pazoukhine était soutenu du côté droit par le *Divan Bégui* Mahmet Mazir-Bei et du côté gauche par le premier juge de Bokhara, Datakha (Dadkha) bek.

Lorsque Pazoukhine eut transmis au Khan la lettre du Tzar et prononcé son discours, le Khan l'invita à s'asseoir et l'interrogea sur le voyage qu'il venait de faire et sur la cour du Tzar, et quand Pazoukhine se fut plaint des Turkmènes qui molestaient ceux qui venaient à Bokhara, Abdul-Aziz promit d'écrire au Khan de Khiva pour que celui-ci prît des mesures pour défendre les voyageurs contre les nomades.

Selon la coutume orientale, Pazoukhine dût faire de nombreux cadeaux particulièrement aux *Khosi,* qui lui dirent, entre autres, que c'était eux qui protégaient les Russes se trouvant à Bokhara pendant les guerres civiles, et ils l'engagèrent, s'il éclatait une émeute dans la capitale, à chercher asile chez eux, car ils ne pillent ni ne livrent jamais ceux qui se sont mis sous leur protection. Pazoukhine n'a pas été du reste dans le cas de recourir aux *Khosi,* car pendant tout son séjour à Bokhara — il ne quitta cette ville qu'au mois de Septembre 1672 — la tranquillité ne fut pas troublée.

Ce qui retint Pazoukhine à Bokhara c'était surtout les difficultés de la question de la mise en liberté des prisonniers russes.

A cette époque le trafic des captifs russes était systématiquement organisé dans l'Ouzbékistan. Les Kalmouks et les Bachkirs faisaient des incursions sur le territoire russe, et enlevaient les habitants des villages, les strelzy et les marchands, qui leur tombaient sous la main. Des commerçants Khiviens arrivaient aux campements Kalmouks et Bachkirs, et y achetaient les russes qui avaient été pris de cette manière. Ils les faisaient venir à Khiva et les revendaient ensuite aux habitants de cette ville, aux Bokhares, aux Persans et aux autres peuples de l'Asie. Le prix d'un esclave russe sur le marché de Khiva était alors de 40 à 50 roubles.

Les Khiviens et les Bokhares employaient les captifs aux travaux d'irrigation et tiraient tant de profit de leur labeur

que les Khans de Bokhara, de Khiva et de Balkh étaient impuissants non seulement de libérer sommairement les captifs russes, mais même de contraindre leurs sujets à donner la liberté à leurs esclaves contre payement. Ce n'est qu'avec le consentement de leur maîtres que Pazoukhine racheta plusieurs russes; d'autres, appartenant au Khan, furent libérés gratuitement. Les prisonniers, au nombre desquels était un prêtre russe, transmirent à l'Envoyé une supplique adressée au Tzar, comme ils en envoyaient à Moscou toutes les fois que l'occasion se présentait.

Le Khan de Bokhara possédait environ 150 Russes, celui de Balkh — 100 et celui de Khiva — 50; le nombre de Russes disséminés dans les diverses parties de l'Ouzbékistan et appartenant aux particuliers n'a pu être connu exactement par Pazoukhine. Il se borne à dire qu'il était très grand.

Après une dernière audience chez Abdul-Aziz, pendant laquelle le Khan fit voir à l'Envoyé des lions, des éléphants, des cerfs et même un rhinocéros [1]), Pazoukhine quitta Bokhara.

D'après ses instructions Pazoukhine devait se rendre auprès du Khan de *Balkh,* mais la guerre qui sévissait alors entre ce Khan et celui de Bokhara, rendit ce projet impraticable. Pazoukhine se décida alors à envoyer secrètement à Balkh son translateur Nikita Médvédéw. Celui-ci parvint heureusement dans cette ville, transmit la lettre que Pazoukhine lui avait confiée, et le 23 Mai 1771 en rapporta une, adressée à l'Envoyé au nom du Khan *Souphkan-Kouli-Khan* par ses „blishnié lioudi" — ses conseillers.

Pazoukhine ne revint pas en Russie par Khiva et par les terres des Kalmouks; il prit la route méridionale, par la Perse et les ports du sud de la mer Caspienne — ayant été informé

---

[1]) Le Khan demanda à Pazoukhine si dans le pays du Tzar il y avait des rhinocéros. Pazoukhine, qui apparemment voyait cet animal pour la première fois mais ne voulait pas admettre que le Khan puisse posséder quelque chose que le Tzar son maitre n'aurait pas, répondit: „Peut-être y a-t-il de pareils animaux dans l'immense empire du grand Tzar, mais, ajouta-t-il, je n'en ai pas vu".

que le Khan de Khiva était disposé à empêcher son retour. Parti de Bokhara vers la fin du mois d'Octobre, Pazoukhine arriva, au bout de trois journées de marche, à la ville frontière de Bokhara — *Tchardjow* (Tchardjoui) et le 5 Décembre, par un froid intense, devant *Merv,* la première ville Persane. Le commandant de Merv (P. appelle cette ville: Movr), ayant reçu du Shah de Perse, qui était alors à Ispahan, l'autorisation de laisser passer Pazoukhine, lui donna des guides qui l'accompagnèrent jusqu'à la ville de *Mekshed.*

De Mekshed, Pazoukhine s'est dirigé vers les côtes méridionales de la Caspienne et est arrivé sans encombre au port de *Liagrane* (Lenkoran), où, sur la prière des Russes qu'il avait libérés et qui voulaient hâter leur retour dans leur pays, il s'embarqua pour *Bakou.*

Il ne trouva pas dans cette ville des navires qui purent le transporter à Astrakhan. On était déjà en Octobre, et Pazoukhine se décida à hiverner sur le littoral.

De Bakou Pazoukhine est allé à *Schemakha,* où, d'après des bruits qui étaient arrivés jousqu'au Tzar, devaient se trouver les reliques du St. Martyr Siméon.

Pazoukhine s'assura que ces bruits n'étaient pas fondés.

Durant cet hiver Pazoukhine et ses compagnons souffrirent beaucoup du manque de vivres; ils durent en emprunter entre-autres à l'Ambassadeur de Pologne, qui se trouvait alors à Shémakha. Ils étaient aussi exposés aux attaques continuelles des Persans et des Lesguines, qui tiraient sur eux et firent même prisonnier l'un des Russes que Pazoukhine avait ramenés de Bokhara. L'Envoyé, n'étant pas autorisé par le Tzar à user de représailles, s'abstenait de combattre ces gens, afin de ne pas faire surgir de differend entre le Tzar et le Shah de Perse.

Enfin, le 11 Juin 1673, Pazoukhine s'embarqua pour Astrakhan, avec sa suite et plusieurs marchands, qui portaient en Russie une grande quantité de produits d'outre-mer, et le 29 du même mois il arriva à Astrakhan.

Le 9 Octobre 1673 Pazoukhine revint à Moscou, après une absence de quatre ans et de trois mois.

Tels sont les renseignements que donnent sur un voyage entrepris au XVII siècle dans l'Ouzbékistan quelques uns des nombreux documents relatifs à l'Asie qui sont conservés aux Archives principales du Ministère des Affaires Etrangères à Moscou et dont l'étude ne manquera pas d'ajouter aux connaissances que possèdent les contemporains au sujet du passé des peuples de l'Orient.

St.-Pétersbourg,
le 2 Septembre 1876.

СТАТУТЪ И ЗНАКЪ

ОРДЕНА ПОДВЯЗКИ

въ Московской Оружейной Палатѣ.

Статутъ и знакъ ордена Подвязки въ Московской Оружейной Палатѣ.

Путеводитель, которымъ руководствуются при обозрѣніи Оружейной Палаты, изданъ въ 1872 году подъ надзоромъ ея бывшаго директора С. М. Соловьева, въ 8°, на 48 страницахъ. Онъ переведенъ на французскій языкъ и также напечатанъ въ Москвѣ въ такомъ же форматѣ, подъ заглавіемъ: Guide du Palais des Armures. Есть еще Путеводитель, изданный на томъ же языкѣ, предмѣстникомъ г. Соловьева, А. Ѳ. Вельтманомъ, въ большую 8°, на 182 страницахъ, съ литографіями и хромолитографіями, подъ заглавіемъ: Le Trésor de Moscou, 1861, imprimerie d'A. Semen.

Въ первомъ изъ нихъ, на стр. 4-й, при описаніи залы № 1, подъ лит. Ж., напечатано: Портреты Петра Великаго и орденскіе знаки (два портрета, орденская цѣпь и четыре ордена).

Въ переводѣ, также на стр. 4-й, смыслъ этого заголовка переданъ иначе, а именно: Portraits et décorations de Pierre le Grand (Портреты и ордена Петра Великаго).

Наконецъ, въ Путеводителѣ А. Ѳ. Вельтмана вовсе не упоминается объ этихъ портретахъ и орденскихъ знакахъ.

Между тѣмъ, въ той самой витринѣ, гдѣ находятся два миніатюрныхъ портрета Петра Великаго и цѣпь ордена Бѣлаго Орла, принадлежавшая послѣднему королю польскому Станиславу-Августу, показываютъ знакъ ордена Подвязки[1])

[1]) Говоримъ знакъ потому, что тутъ только одно рельефное, золотое съ финифтью и драгоцѣнными каменьями изображеніе св. Георгія (безъ шлема) на конѣ, поражающаго дракона, т.-е. знака, привѣшиваемаго то къ цѣпи, носи-

и статутъ его, о которомъ носится слухъ, будто они были присланы англійскою королевою Елисаветою царю Іоанну Васильевичу IV.

Такъ какъ подобный довольно крупный фактъ никогда не былъ засвидѣтельствованъ никѣмъ изъ нашихъ историковъ, да и не значится ни въ одномъ изъ хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Статейныхъ Списковъ о посольствахъ въ Англію[2]) и такъ какъ въ отношеніи знака и статута сего ордена во всѣхъ Путеводителяхъ Оружейной Палаты поступлено крайне осторожно, то это побудило меня къ нѣсколько подробнымъ изслѣдованіямъ.

Оказалось, что когда въ 1851 году учреждался въ Кремлѣ Архивъ, по программѣ Государственнаго Архива (находящагося въ С.-Петербургѣ, въ составѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), изъ сохранившихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ того же министерства письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ царства Московскаго или до-Петровской Россіи, подъ названіемъ Государственнаго Древлехранилища, — то въ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный 6-го октября того года списокъ, приложенный ко всеподданнѣйшей докладной запискѣ статсъ-секретаря гр. Блудова, включены были, какъ подлежащіе къ передачѣ въ Древлехранилище: портретъ на финифти Петра Великаго, пожалованный въ 1720 г.

мой на шеѣ, то къ синей лентѣ, надѣваемой на лѣвое плечо: между тѣмъ какъ знаки этого ордена состоятъ, въ совокупности, кромѣ такого изображенія, цѣпи и ленты, еще изъ звѣзды, носимой на лѣвой сторонѣ груди; а въ парадныхъ случаяхъ и изъ настоящей подвязки (т.-е. узкой ленточки синяго цвѣта съ вышитымъ на ней брильянтами или серебряными блестками извѣстнымъ девизомъ: Honni soit qui mal y pense), привязываемой ниже колѣна и которую королева Викторія носитъ на лѣвой рукѣ, въ видѣ браслета. Еще въ 1874 году на балѣ Московскаго Дворянскаго Собранія, германскій наслѣдный принцъ (впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III) присутствовалъ въ русскомъ гусарскомъ мундирѣ, въ малиновыхъ чахчирахъ; на правой ногѣ, нѣсколько выше гусарскаго сапога, у него была надѣта англійская подвязка. Къ числу знаковъ относятъ еще: мечь, кольцо, золотыя шпоры, шапку изъ синяго бархата — всего 8 предметовъ. (См. Приложеніе I-ое къ этой статьѣ).

[2]) См. также изданіе Ю. В. Толстого: England and Russia, 1553—1595, Спб. 1875 г.

атаману войска Донского Василію Фролову, орденъ Подвязки съ статутомъ и государственныя печати.

Портрета, ордена и статута не нашлось въ Древлехранилищѣ, когда я принялъ его въ 1873 году, по званію директора Московскаго Главнаго Архива, съ коимъ по ст. 38 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 22-го мая 1868 года Устава Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сопряжено непосредственное завѣдываніе Древлехранилищемъ, — подобно тому, какъ въ С.-Петербургѣ, управленіе тамошнимъ Главнымъ и Государственнымъ Архивами соединено въ лицѣ одного и того же директора [3]).

Дѣйствительно, эти три предмета никогда не были переданы въ Древлехранилище, и уже послѣ того, какъ 5-го апрѣля 1853 года состоялось для него ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное положеніе, объ нихъ послѣдовало другое распоряженіе.

Въ канцеляріи Оружейной Палаты сохранилось предписаніе бывшаго президента Московской Дворцовой Конторы, оберъ-гофмейстера барона Боде на имя А. Ѳ. Вельтмана, отъ 2-го ноября того же года, за № 239, слѣдующаго содержанія:

„Г. управляющій Главнымъ Московскимъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ князь Оболенскій, отношеніемъ отъ 29-го октября, за № 570, увѣдомилъ меня, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть передать для храненія въ Московскую Оружейную Палату находящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

„а) Знаки англійскаго ордена Подвязки, присланные, по преданію, королевою Елисаветою царю Іоанну Васильевичу Грозному. Самуилъ Коллинсъ, бывшій въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, положительно свидѣтельствуетъ въ пользу этого преданія; въ сочиненіи своемъ „Нынѣшнее состояніе Россіи“ онъ говоритъ: „на гербѣ императорскомъ изображенъ орелъ... а на груди (орла) св. Георгій на конѣ; по-

[3]) По Высочайшему повелѣнію, объявленному г. Министромъ Императорскаго Двора, 22-го октября 1882 г Государственное Древлехранилище перенесено изъ Кремля въ Московскій Главный Архивъ М. И. Д.

слѣдній, какъ нѣкоторые говорятъ, прибавленъ съ тѣхъ поръ, какъ королева Елисавета прислала Іоанну Васильевичу орденъ Подвязки". (Изд. 1671 г. стр. 56.)

„b) Статутъ англійскаго ордена Подвязки, писанный столбцомъ на пергаменѣ, съ разрисованными фигурными заставкою и каймою; внизу привѣшена красная восковая печать въ жестяной коробкѣ. На оборотѣ статута надписи: „Fraternitas Regis Angliae"; „Creatio societatis equestris Regis Angliae S. Georgy"; и

„c) Финифтяный портретъ императора Петра I-го, пожалованный, при похвальной царской грамотѣ отъ 23 мая 1720 года, атаману войска Донского Василью Фролову. Въ подлинномъ дѣлѣ 1720 г. памятникъ этотъ описанъ такъ: „Патретъ золотой съ изображенною Его Величества за хрусталемъ персоною, на которомъ восемь алмазовъ; да у тогожъ патрета корона золотаяжъ съ шестью алмазы". По смерти атамана Фролова, портретъ этотъ былъ возвращенъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, но безъ алмазовъ.

„Во исполненіе сей ВЫСОЧАЙШЕЙ воли, князь Оболенскій препроводилъ ко мнѣ вышеозначенные предметы.

„Вслѣдствіе чего, препровождая при семъ къ вамъ означенныя вещи для храненія въ Московской Оружейной Палатѣ со внесеніемъ въ опись, я покорнѣйше прошу Васъ о полученіи оныхъ мнѣ донести".

Однакожъ, въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива не сохранилось отпуска съ отношенія, на которое ссылался баронъ Боде; но, по исходящему журналу 1853 г. видно, что того именно числа было отправлено ему частное письмо неизвѣстно какого содержанія; изъ чего слѣдуетъ, что покойный князь М. А. Оболенскій избѣгалъ по возможности дать своему заявленію формальный характеръ; но что подчиненные барона Боде, редактировавшіе его предписаніе Оружейной Палатѣ, возвели частное письмо на степень офиціальнаго отношенія.

Ссылка, сдѣланная въ предписаніи барона Боде и въ отношеніи князя Оболенскаго на страницу 56-ю сочиненія Коллинса, изд. 1671 г., совершенно вѣрна. Это самое изданіе

имѣется въ богатой библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вотъ его заглавіе: The present state of Russia, London, 1671. На бѣломъ листкѣ, пожелтѣвшемъ отъ времени, и слѣдующимъ непосредственно за кожанымъ переплетомъ этого экземпляра, надпись о первоначальной принадлежности его „John Sparrow“; далѣе, другимъ почеркомъ написано: „Ce livre est aussi imprimé sous le titre: An historical account of Russia, London, 1698, in 8. Le portrait du Czar y est, et toutes les pages s'accordent avec la première édition. Далѣе, наконецъ, третьимъ, болѣе близкимъ къ нашему времени, почеркомъ: L'auteur est Samuel Collins, Docteur en médecine et Médecin du Czar Alexis Michailovitsch depuis l'année 1659 — 1667. Французскій переводъ изданъ въ Парижѣ въ 1679 г., подъ заглавіемъ: „Relation curieuse de l'estat présent de la Russie“. Самая выписка князя Оболенскаго дословно вѣрна съ текстомъ перевода сочиненія Коллинса на русскій языкъ П. В. Кирѣевскаго, напечатаннаго въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, № 1, 1846 г. стр. 17-я.

Но, во 1-хъ, иностранцы, пишущіе о Россіи, и теперь впадаютъ въ грубѣйшія ошибки; во 2-хъ, Коллинсъ самъ выразился въ настоящемъ случаѣ очень осторожно, сказавъ, что изображеніе св. Георгія на конѣ, **какъ нѣкоторые говорятъ** (some say), прибавлено къ императорскому орлу съ тѣхъ поръ, какъ королева Елисавета прислала Іоанну Васильевичу орденъ Подвязки, между тѣмъ какъ извѣстно, что еще при великомъ князѣ Василіѣ Димитріевичѣ въ гербѣ Московскомъ изображался воинъ, скачущій на конѣ; а что царь Іоаннъ III придалъ сему воину копье, поражающее дракона, и помѣстилъ этотъ гербъ на груди двуглаваго орла (Собр. Госуд. Грам. и Догов. часть II, Москва, 1819 г., стр. V предисловія А. Ѳ. Малиновскаго).

Остается прибавить, что А. А. Куникъ, въ изслѣдованіи своемъ: „О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владимировича съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца“, С.-Петербургъ, 1860 г., объясняетъ появленіе его изображенія на офиціальныхъ печатяхъ **до** Іоанна III-го и на государствен-

номъ гербѣ его времени, какъ символъ пораженія змѣинаго стада татаръ и, вообще, даетъ ему происхожденіе византійское; а отнюдь не англійское.

Какъ бы то ни было, свѣдѣнія, дошедшія по преданію до моего предмѣстника, оспариваются еще сохранившимся въ ВЫСОЧАЙШЕ ввѣренномъ мнѣ Архивѣ каталогомъ вещей, находившихся въ 1800 году въ состоящей при семъ Архивѣ, съ самаго начала XVIII столѣтія, Трактатной Палатѣ. Этотъ каталогъ скрѣпленъ по листамъ управлявшимъ Архивомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бантышемъ-Каменскимъ.

Въ немъ, послѣ описанія 28-ми печатей: государственныхъ, малороссійскихъ и польскихъ (нынѣ находящихся въ Древлехранилищѣ) значится на стр. 13-й слѣдующая статья:

„№ 29 (около 1675 года).

„Орденъ Англинской называемой Подвязки съ изображеніемъ св. Георгія на конѣ сидящаго и поражающаго копіемъ треглаваго змѣя.

„Орденъ сей весь золотой съ финифтью, жемчугомъ, яхонтами и розами унизанъ. Въ 1726 году отданъ оный въ Кабинетъ изъ дому Графа Андрея Артамоновича Матвѣева, утверждавшаго, что оный присланъ былъ отъ Аглинскаго Короля Карла II-го „родителю его боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву[4]); того же года мая 20-го изъ Кабинета присланъ оный Тайнымъ Кабинета Секретаремъ Іваномъ Черкасовымъ[5]) въ Коллегію. Въ 1757 году показыванъ былъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и тогдажъ отданъ на сохраненіе въ Архивъ".

Итакъ, вотъ и другой разсказъ о находящихся въ залѣ № 1 Оружейной Палаты, въ одной витринѣ съ двумя миніатюрными портретами Петра Великаго и съ цѣпью ордена

---

[4]) Аглійской король Карлъ II принялъ правленіе въ 1660 году. Боярину Матвѣеву поручено вѣдать Государственный Посольскій Приказъ 1671 г. февраля 22, а отрѣшенъ былъ онъ 4 іюля 1676 г. (Примѣчаніе, находящееся въ каталогѣ.)

[5]) Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, бывшій впослѣдствіи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ.

Бѣлаго Орла, принадлежавшею послѣднему польскому королю Станиславу-Августу, — знакъ ордена Подвязки и его статутѣ.

Но, изъ реэстровъ Архива не видно, чтобы грамота, подписанная по такому случаю королемъ великобританскимъ Карломъ II, была въ оный передана.

Выше было замѣчено, что лица, серьезно относящіяся къ историческимъ вопросамъ, какъ гг. директоры Оружейной палаты: Вельтманъ и Соловьевъ, нѣкоторымъ образомъ выражали недовѣріе свое къ мнимому преданію о томъ, будто царь Іоаннъ Васильевичъ былъ кавалеромъ ордена Подвязки, и никогда не рѣшились, въ печатныхъ каталогахъ Палаты, назвать хранящійся въ ней знакъ сего ордена принадлежавшимъ этому государю. Далѣе, мы замѣтили, что князь Оболенскій, передавая это завѣреніе барону Боде, какъ-то избѣгалъ дать оному официальную форму и даже не оставилъ слѣдовъ его въ дѣлахъ Архива, и что, наконецъ, самъ Коллинсъ весьма неопредѣлительно ссылался на то, что лишь нѣкоторые утверждаютъ будто орденъ Подвязки былъ пожалованъ Іоанну Грозному и что, съ тѣхъ поръ, изображеніе св. Георгія помѣщено въ россійскій гербъ.

Полагаемъ, что намъ удалось доказать всю несостоятельность разсказа и вывода англичанина Коллинса, равно какъ и основаннаго на нихъ мнимаго преданія.

Оно окончательно опровергается ссылкою на каталогъ, вполнѣ достовѣрный, какъ составленный по документамъ, принадлежащимъ Архиву. Они доказываютъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что находящіеся въ Оружейной Палатѣ статутъ и знакъ ордена Подвязки не принадлежали Іоанну Грозному; а доставлены въ Архивъ изъ дома боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева.

Но былъ ли орденъ Подвязки пожалованъ Матвѣеву? — это другой вопросъ, требующій точнаго изслѣдованія.

Поводъ къ такому пожалованію могъ быть данъ только тѣмъ обстоятельствомъ, что царь Алексѣй Михайловичъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ (начальникъ тогдашняго Посольскаго Приказа и оберегатель государственной печати) бояринъ Матвѣевъ, — личность особенно почтенная и пріобрѣтшая бо́ль-

шую противъ своихъ предмѣстниковъ извѣстность въ Европѣ,— твердо и непреклонно стояли за принципъ законности въ Англіи и не признавали правленіе Кромвеля. Между множества хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, грамотъ европейскихъ государей и республикъ не достаетъ именно автографа Кромвеля. Есть только отпускъ съ кредитивной грамоты отъ 10-го апрѣля 1657 года, присланный въ Москву изъ Риги, его посланникомъ Рихардомъ Братчовомъ или Брадшавомъ, доказывающій, что этотъ посланникъ изъ Риги вернулся въ Лондонъ, не бывъ принятъ россійскимъ Дворомъ; ибо копіи съ такихъ грамотъ всегда предъявляются до аудіенціи при Дворѣ, Министру Иностранныхъ Дѣлъ, и тотъ фактъ, что подлинная грамота не находится въ дѣлахъ Посольскаго Приказа того времени, ясно доказываетъ, что посланникъ Кромвеля не былъ даже допущенъ въ Москву.

Между тѣмъ съ эпохи учрежденія ордена Подвязки и даже теперь пожалованіе его въ Англіи тамошнимъ сановникамъ и военачальникамъ совершается чрезвычайно рѣдко; а внѣ Англіи онъ дается только иностраннымъ коронованнымъ особамъ, да еще не всѣмъ и не при восшествіи ихъ на престолъ, но лишь нѣкоторымъ, при извѣстныхъ, особенныхъ обстоятельствахъ.

Такъ, напр., орденъ Подвязки пожалованъ былъ императору Александру I, за увѣнчавшуюся побѣдами, общую съ Англіей, борьбу противъ Наполеона I-го[6]). Императоръ Николай Павловичъ получилъ тотъ же орденъ за Наваринское сраженіе; а возвращенные, послѣ кончины его, знаки сего ордена посланы были королевою Викторіею Наполеону III[7]), вслѣдствіе ихъ союзныхъ дѣйствій въ Крыму.

Въ 1814 году, именно по поводу поднесенія ордена Подвязки императору Александру I, знаменитый нашъ ученый К. Ѳ. Ка-

---

[6]) См. Приложеніе, доставленіе знаковъ въ Тѣплицъ въ 1813 году.

[7]) Незадолго передъ тѣмъ, Наполеонъ III женился на графинѣ Теба-Монтихо. Какой-то острякъ-французъ выдумалъ, будто, вслѣдствіе этого, онъ написалъ Королевѣ Англійской: «Je tiens tes bas; donne-moi la jarretière!»

лайдовичъ, служившій тогда въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помѣстилъ въ Сынѣ Отечества (часть XI, стр. 15—18) написанную имъ 2-го декабря 1813 года статью именно объ знакѣ этого ордена, который еще находился тогда въ Архивѣ, а въ 1853 году поступилъ въ Оружейную Палату, озаглавивъ эту историческую замѣтку слѣдующимъ образомъ: „Нѣчто объ орденѣ Подвязки, бывшемъ будто бы у боярина Матвѣева“.

Словами „будто бы“ Калайдовичъ уже выразилъ сомнѣніе. За симъ, онъ повторяетъ вышеприведенный разсказъ графа А. А. Матвѣева, ссылку на каталогъ Архива и цитируетъ слѣдующую, находившуюся тогда, по его свидѣтельству, при этомъ каталогѣ, записку, нынѣ въ немъ не оказывающуюся:

„Во время бывшаго великаго возмущенія въ Англіи, при народномъ возмутителѣ Кромвелѣ, когда бѣдственная кончина отъ того королевская приключилася Аглинскому ихъ Королю Каролу I; подъ тѣ часы благополучно царствовалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи, по Христолюбивому своему сожалѣнію и братству, въ отмщеніе крови вышепомянутаго Аглинскаго Короля, повелѣлъ бывшія тогдажъ въ Россіи, Англичанамъ данныя великія привилегіи уничтожить и торги при Архангельскомъ Портѣ весьма пресѣчь, а у прочихъ чужестранныхъ союзныхъ своихъ Потентатовъ зѣло ревностное вездѣ совѣтными своими грамотами вспоможеніе къ наслѣдствію и къ полученію той же Аглинской короны сыну его Карлову Королю жъ Аглинскому Каролу II учинилъ и съ такимъ сильнымъ благополучіемъ, что оный вышепомянутый Король, по злополучіи томъ отца своего Карола I, во всѣхъ тѣхъ мятежахъ, совершенно доступилъ до наслѣдственной той короны своей“.

„Въ тѣ же времена былъ при управленіи чужестранныхъ дѣлъ, по прежнему обычаю, въ Государственномъ посольскомъ приказѣ, боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, и тогдажъ Аглинскій Король онъ Каролъ II присылалъ къ Его Царскому Высокопомянутому Величеству чрезвычайныхъ отъ себя пословъ съ великимъ отъ себя благодареніемъ за тѣ всѣ высокія къ себѣ братскія благодѣянія, показанныя при тѣхъ нещa-

стіяхъ своихъ, и съ тѣмъ же посольствомъ, въ знакъ Высокой Королевской милости своей, пожаловалъ и прислать соизволилъ, къ нему, господину Матвѣеву, орденъ кавалерской Святаго Георгія, а понеже тогда при дворѣ Царскомъ съ обыкновенными кавалерамъ лентами такихъ орденовъ и въ старосвѣтскомъ платьѣ на себѣ носить обычай не имѣли и тако оный орденъ честно, безъ ношенія, содержанъ былъ въ домѣ его, господина Матвѣева".

Статью свою, Калайдовичъ заключилъ слѣдующими разсужденіями:

„Итакъ можно ли быть увѣрену, что Матвѣевъ дѣйствительно имѣлъ орденъ Подвязки, когда въ современныхъ запискахъ о семъ не упоминается, и когда приводится одно слабое удостовѣреніе, что онъ никогда не носилъ его, а держалъ въ чести въ домѣ своемъ. Слѣпо нельзя всему вѣрить, пока все доказательство будетъ основываться на словахъ сына, который для чести отца могъ заблуждаться".

Относительно записки, цитированной Калайдовичемъ, ограничимся замѣчаніемъ, что уничтожить каталогъ, въ которомъ исчислено было множество вещей, кромѣ статута и знака ордена Подвязки, было труднѣе, чѣмъ уничтожить вложенную въ этотъ каталогъ, отдѣльную записку, которая касалась единственно ордена Подвязки и противорѣчила мнимому преданію о пожалованіи опаго Іоанну Грозному. Можно полагать, что этотъ каталогъ съ вложенною въ него запискою, да и самая статья Калайдовича, сдѣлались извѣстными послѣ 1853 года тѣмъ, которые въ этомъ году объ нихъ еще ничего не знали.

Между тѣмъ, издавшій въ 1837 году въ С.-Петербургѣ, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи, А. Терещенко, основываясь, вѣроятно, на этой запискѣ, выразился на стр. 115 части 1-й своего сочиненія такимъ образомъ: „Заслуги Артамона Сергѣевича Матвѣева столь были извѣстны въ Европѣ, что Англійскій король Карлъ II прислалъ ему орденъ Подвязки. Такой чести, въ наше время, ни одинъ русскій не удостоился".

Единственнымъ средствомъ къ разъясненію въ настоящемъ случаѣ разнорѣчія представлялось выписать изъ Англіи печатный полный историческій и хронологическій списокъ Кавалеровъ ордена Подвязки и это не безъ труда удалось намъ сдѣлать, чрезъ обязательное и просвѣщенное посредство нашего посольства въ Лондонѣ.

Книга, которую мы такимъ образомъ получили, озаглавлена: Memorials of the most noble Order of the Garter, from its foundation to the present time, etc. by G. F. Beltz, K. H. Lancaster Herald, London 1841. (Записки о благороднѣйшемъ орденѣ Подвязки, съ самаго его учрежденія до настоящаго времени, собр. Ж. Ф. Бельтцомъ, Лондонъ 1841 г.) Тамъ, въ спискѣ 54-хъ Кавалеровъ, пожалованныхъ въ царствованіе королевы Елисаветы, съ 1558 по 1601 годъ включительно, т.-е. въ продолженіе 43-хъ лѣтъ, вовсе не встрѣчается имя царя Іоанна Васильевича IV, между тѣмъ какъ тутъ находимъ королей французскихъ: Карла IX, Генриха III и Генриха IV, императоровъ германскихъ: Максимиліана II и Рудольфа II, короля датскаго Фридриха II; а въ спискѣ 47-ми Кавалеровъ, пожалованныхъ Карломъ II, съ 1649 по 1684 годъ, т.-е. въ продолженіе 35-ти лѣтъ, не оказывается ни царя Алексѣя Михайловича, ни боярина Матвѣева.

Мы преднамѣренно упомянули о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ потому, что правдоподобнѣе было бы, что ему былъ присланъ орденъ Подвязки, который даже иностраннымъ государямъ дается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и примѣра пожалованія коего иностранному подданному никогда не бывало [8]). Наконецъ если бы Царь Алексѣй Михайловичъ или бояринъ Матвѣевъ имѣлъ орденъ Подвязки, то объ этомъ бы

---

[8]) Намъ не разъ случалось слышать, что Генералиссимусъ Суворовъ очень желалъ получить его и будто даже жаловался Императрицѣ Екатеринѣ II, что у него чулки спадаютъ; но онъ высшіе иностранные ордена сталъ получать лишь при Павлѣ I, за Итальянскій походъ, и тогда только Англія стала относиться сочувственно къ нашей анти-Французской политикѣ. Государственный Канцлеръ Князь Горчаковъ также не получилъ Подвязку, хотя подписалъ брачный контрактъ Англійскаго Принца съ Русской Великой Княжной.

не умолчалъ ихъ современникъ, придворный врачъ этого Государя, Коллинсъ, издавшій свою книгу въ 1671 году, т.-е. 11 лѣтъ послѣ воцаренія Карла II-го и именно въ тотъ годъ, когда Матвѣевъ назначенъ былъ начальникомъ посольскаго приказа (ср. стр. 70).

Скорѣе можно допустить предположеніе, что русскій царь не согласился подчиниться всѣмъ требованіямъ статута ордена Подвязки, какъ напр. надѣть чулки и башмаки, дать себѣ обвязать колѣно подвязкой и пр.; а что вслѣдствіе сего и самое пожалованіе не состоялось; статутъ же и орденскій знакъ остались на дому у Матвѣева.

Если бы орденъ былъ принятъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, то, согласно статуту его, орденскіе знаки должны бы были быть возвращены послѣ смерти этого государя, точно такъ же, какъ послѣ кончины императоровъ Александра I и Николая I возвращены были тѣ знаки ордена Подвязки, которые были имъ присланы. Цѣпь его, подобно цѣпи ордена Золотого Руна, всегда присылается съ исторіей ея перехода отъ одного Кавалера къ другому, съ эпохи учрежденія ордена.

Отчего наконецъ и не предположить, что находящійся въ Оружейной Палатѣ, знакъ ордена Подвязки никому не былъ пожалованъ; а просто купленъ въ 1600 или 1601-мъ годахъ въ Лондонѣ, у одного изъ тамошнихъ ювелировъ, находившимся тамъ россійскимъ посланникомъ Микулинымъ, который присутствовалъ въ день св. Георгія, на торжественномъ праздникѣ Ордена Подвязки?[9]). Знакъ этого ордена онъ могъ привезти въ Москву, какъ любопытную вещь, на показъ Царю и отдать въ Посольскій Приказъ, откуда въ свое время Матвѣевъ могъ взять его къ себѣ въ домъ. Статутъ могъ достать въ Лондонѣ тотъ же Микулинъ, даже въ двухъ экземплярахъ; ибо кромѣ переданнаго въ 1853 году въ Оружейную

---

[9]) См. напечатанный въ управленіе М. Гл. Архивомъ Кн. Оболенскаго, но не выпущенный въ свѣтъ, статейный списокъ посольства Микулина и Зиновьева, стр. 25 и 26, и Н. В. Чарыкова, Посольство въ Англію Микулина, М. 1878 г. стр. 31 и 32.

Палату, въ Московскоомъ Гл. Архивѣ остался другой, подобный ему, раскрашенный экземпляръ, писанный готическими же буквами, на латинскомъ языкѣ и также на пергаменѣ; но безъ надписи и не съ висячею, а нарисованною на немъ печатью.

Дополняемъ это изслѣдованіе, помѣщаемыми въ Приложеніи, печатными извѣстіями объ учрежденіи Ордена Подвязки и о присылкѣ онаго Россійскимъ Государямъ; а также офиціальными свѣдѣніями, благосклонно сообщенными намъ Командующимъ Императорскою Главною Квартирою, Генералъ-Адъютантомъ О. Б. Рихтеромъ.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ учрежденіи Ордена Подвязки въ 1349 году см. Bouillet, Dictionnaire d'Histoire et de Géographie, Paris, 1851, p. 542 и 909, статьи: „Edouard III“ и „Jarretière“.

II.

Въ С.-Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится Грамота о пожалованіи Императору Александру I-му Ордена Подвязки и никакихъ другихъ письменныхъ свѣдѣній объ этомъ событіи не имѣется.

Въ 1889 году изданы были въ Парижѣ записки Графа Рошешуаръ, эмигранта, служившаго въ Россіи сперва Адъютантомъ Герцога Ришелье, потомъ Флигель-Адъютантомъ и, въ чинѣ Генералъ-Маіора, назначеннаго Императоромъ Александромъ Павловичемъ, при занятіи нашими войсками Парижа, Комендантомъ этой столицы. Его книга озаглавлена: Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration, par le Général Comte de Rochechouart, aide de camp du Duc de Richelieu, aide de camp de l'Empereur Alexandre I. Paris, 1889[1]).

Вотъ какъ на стр. 242 и 243 своихъ записокъ Рошешуаръ описываетъ поднесеніе этому Государю знаковъ Ордена Подвязки въ 1813 году, во время пребыванія его въ Тёплицѣ:

Le Prince Régent d'Angleterre, au nom de son frère[2]) le Roi George III, venait de conférer l'Ordre de la Jarretière à S. M. l'Empereur de Russie; les insignes furent apportés à

[1]) Воспоминанія о Революціи, Имперіи и Реставраціи Генерала Гр. Рошешуаръ, Адъютанта Герцога Ришелье, Флигель-Адъютанта Императора Александра I, Парижъ, 1889 г. На стр. 326-ой онъ именно говоритъ: Je fus nommé Commandant de la place de Paris et le Général Sacken Gouverneur. Сакенъ впослѣдствіи былъ фельдмаршаломъ и княземъ.

[2]) Очевидно опечатка, вмѣсто père, такъ какъ Принцъ-Регентъ, впослѣдствіи Георгъ IV, былъ сынъ Георга III. См. Bouillet, стр. 697.

Toeplitz par le Comte Aberdeen, Lord Castlereagh et Sir Charles Stuart, accompagnés: du héraut „Jarretière“, d'un Officier de l'Ordre, et de quatre sergents ou huissiers du dit Ordre, chargés de diriger la cérémonie de réception du nouveau Chevalier. Le Tzar, vêtu du riche costume de l'Ordre, reçut dans son salon, entouré de toute sa maison militaire, les Ambassadeurs Anglais; le Comte Aberdeen prononça le discours latin d'usage; chacun des aides de camp de Sa Majesté (je me trouvai parmi les heureux) portait un coussin de velours rouge bordé d'un large galon d'or, orné d'un gland d'or à chaque coin. Sur ces coussins se trouvaient les insignes de l'Ordre: la bague, la jarretière bleue avec cette inscription brodée en or: „Honni soit qui mal y pense“, le glaive, le collier de l'Ordre, l'étoile ou plaque, le cordon bleu foncé, des éperons d'or, la toque de velours bleu avec torsade et glands en or, en tout huit objets. Sur l'appel du maître des cérémonies de l'Ordre, chacun de nous s'approchait, et déposait le coussin au pied du trône, en mettant un genou en terre; le Comte Aberdeen prenait l'insigne et le remettait à l'Empereur. La cérémonie terminée, le procès-verbal fut dressé et signé de tous les assistants; il devait être rapporté à Londres et déposé à la Chancellerie de l'Ordre. On ne peut rien rêver de plus magnifique et de plus imposant que cette chevaleresque cérémonie[3]).

[3]) Англійскій Принцъ-Регентъ, отъ имени отца своего Короля Георга III, пожаловалъ Орденъ Подвязки Его Величеству Россійскому Императору; знаки этого Ордена были доставлены въ Тёплицъ Графомъ Эбердинъ, Лордомъ Кастельри и Сэромъ Карломъ Стуартомъ, въ сопровожденіи: Герольда Ордена Подвязки, Офиціала Ордена и 4-хъ сержантовъ или приставовъ (huissiers) сказаннаго Ордена для распоряженій относительно церемоніи инвеституры новаго кавалера. Императоръ, облеченный въ пышное одѣяніе Ордена, окруженный своею военною свитой, принялъ въ своихъ аппартаментахъ Англійскихъ Пословъ; Графъ Эбердинъ произнесъ обычную рѣчь на латинскомъ языкѣ; каждый изъ флигель-адъютантовъ Его Величества (я находился въ числѣ счастливцевъ) держалъ подушку изъ краснаго бархата, обшитую широкимъ золотымъ галуномъ, съ золотыми кистями по угламъ. На этихъ подушкахъ находились знаки Ордена: кольцо, голубая подвязка съ надписью, вышитою золотомъ: „Honni soit qui mal y pense“ (Да посрамится тотъ, кто дурно объ этомъ помыслитъ), мечъ, орденская цѣпь, звѣзда Ордена, темно-синяя лента, золотыя шпоры, шапка изъ си-

Впослѣдствіи, Императоръ Александръ I всегда носилъ Орденъ Подвязки, но на груди и довольно своеобразно, именно въ видѣ обруча изъ синей эмали (съ Орденскимъ девизомъ) кругомъ Андреевской звѣзды; а подъ нею накалывалась маленькая серебряная шпага, — знакъ Шведскаго Ордена Меча 1-й ст., даваемаго только за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ точности этихъ свѣдѣній можно увѣриться по всѣмъ портретамъ Императора Александра Павловича, писаннымъ послѣ эпохи замиренія.

Въ Государственномъ Архивѣ нѣтъ документовъ, относящихся до пожалованія Ордена Подвязки Императорамъ Николаю I и Александру II. Эти бумаги хранятся въ Министерствѣ Императорскаго Двора, либо въ Зимнемъ Дворцѣ.

Мы слышали отъ Графини Эльмптъ[4]), Гофмейстерины Великой Княгини Елены Павловны, что инвеститура Императора Николая Павловича происходила въ Царскомъ Селѣ. Она была въ числѣ придворныхъ дамъ, находившихся на балконѣ Дворца, куда вышелъ Государь послѣ этой церемоніи, держа въ рукѣ и показывая имъ знакъ Подвязки. Онъ любилъ брюки и сапоги и едва ли, по этому случаю, согласился надѣть штаны, длинные чулки и башмаки. Впослѣдствіи, онъ носилъ синій эмалевый ободокъ кругомъ Владимірской звѣзды.

Инвеститура Императора Александра Николаевича происходила также въ Царскомъ Селѣ, гораздо позже Крымской войны. Во главѣ спеціальнаго посольства былъ Лордъ Вэнъ[5])

няго бархата, съ витымъ шнуркомъ и золотыми кистями, — всего восемь предметовъ. Каждый изъ насъ, по вызову Церемоніймейстера Ордена, приближался и ставилъ подушку около трона, опускаясь при этомъ на одно колѣно; Графъ Эбердинъ принималъ Орденскій знакъ и вручалъ оный Императору. По окончаніи церемоніи, протоколъ былъ подписанъ всѣми присутствовавшими; онъ долженъ былъ быть отвезенъ въ Лондонъ и переданъ въ Канцелярію Ордена. Нельзя себѣ представить ничего болѣе великолѣпнаго и величественнаго, какъ эта церемонія посвященія, ведущая свое начало отъ временъ Рыцарства.

[4]) Старшая дочь ея была за Генераломъ Анрепомъ, которому въ 1853 г. Высочайше разрѣшено было именоваться Графомъ Анрепъ-Эльптъ. (См. Кн. П. В. Долгорукова Рос. Родосл. Книги, ч. III, стр. 75).

[5]) Ср. стр. 85 сихъ Приложеній.

(Vane), получившій тогда же Александровскую ленту. Другимъ членамъ посольства были также пожалованы Русскіе Ордена и Королева Викторія, въ видѣ исключенія, согласилась на принятіе оныхъ. Дежурнымъ Генералъ-Адъютантомъ былъ Баронъ К. Ѳ. Бюлеръ, бывшій тогда помощникомъ Великаго Князя Главнокомандовавшаго С.-Петербургскимъ Военнымъ Округомъ. Отъ него намъ извѣстно, что Государь былъ одѣтъ въ красный мундиръ Л.-Гв. Конnаго полка, схожій съ мундиромъ Horse Guards и, по требованію статута Подвязки, согласился снять съ себя всѣ Ордена, кромѣ Георгія 4 ст.[6]) Онъ не носилъ Подвязки, какъ его Августѣйшіе дядя и родитель; но, когда въ Россію пріѣзжали Англійскіе Принцы, надѣвалъ ленту и звѣзду.

Бар. Ѳ. Бюлеръ.

III.

КОМАНДУЮЩІЙ
ИМПЕРАТОРСКОЮ
ГЛАВНОЮ КВАРТИРОЮ.
Въ С.-Петербургѣ.

М. Г.

1 февраля 1891 г.

Баронъ Ѳедоръ Андреевичъ.

№ 93.

Въ отвѣтъ на письмо Вашего Высокопревосходительства, отъ 17-го января сего года, за № 49, препровождаю прилагаемыя при семъ двѣ справки о поднесеніяхъ Ордена Подвязки Императорамъ Всероссійскимъ и копію съ церемоніала, хранящагося въ Церемоніальной Экспедиціи.

Примите, и пр.

Его Высокопр-ву Бар. Ѳ. А. Бюлеру.

(подп.) **О. Рихтеръ.**

---

[6]) Ср. стр. 86.

IV.

МИНИСТЕРСТВО
Императорскаго Двора.

СОБСТВЕННЫЯ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
БИБЛІОТЕКИ.

С.-Петербургъ.
25 января 1891 г.
№ 8.

Справка о пожалованіи Великобританскаго Ордена „Подвязки".

1. Государю Императору Николаю Павловичу:

27-го іюня 1827 года въ Новомъ Царскосельскомъ Дворцѣ.

По церемоніалу, хранящемуся въ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора, при поднесеніи Его Императорскому Величеству присланнаго изъ Англіи ордена, участвовали со стороны Великобританскаго правительства слѣдующія лица:

Чрезвычайный Посолъ Маркизъ Гертфордъ; Георгъ Нейлеръ, Главный Герольдъ Ордена Подвязки, Полковникъ Кукъ; Капитанъ Мейнель, Лордъ Гиль; гг. Мартинь, Блунтъ, Гренжъ, Лордъ Сеймуръ, Капитанъ Сеймуръ, находившійся тогда при Россійскомъ Дворѣ Посланникъ Дисбровъ; г. Кенеди и Лордъ Россель.

Костюмъ глазетовый къ помянутому Ордену хранится въ Арсеналѣ Собственнаго Его Величества Дворца.

2. Государю Императору Александру Николаевичу:

16-го іюля 1867 года, въ Большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ.

По церемоніалу, при поднесеніи Его Императорскому Величеству Ордена Подвязки, присутствовали со стороны Великобританскаго правительства слѣдующія лица:

Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный

Министръ Георгъ-Инрихъ-Робертъ-Карлъ Графъ Вэнъ; Виконтъ Сегамбъ, Пэръ; Готье Астонъ Блёнтъ, Шталмейстеръ Королевы, Главный Герольдъ Ордена; Секретарь Коммиссіи Честеръ; Герольдмейстеръ, находившійся тогда при Россійскомъ Дворѣ Посолъ Букананъ; Виконтъ Кентербури, Маркизъ Блендфордъ; Подполковникъ Тисдель; Лордъ Гауеръ; Генералъ Перси; Сэръ Уаткинъ; гг. Мери-Ленъ, Чеплинъ, Митчель, Эллiотъ, Бленъ, Адамсъ, Фоксъ, Фипсъ и Дрюмондъ.

Костюмъ Ордена Подвязки хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

NB. Въ Гардеробномъ журналѣ, веденномъ камердинерами почивающаго въ Бозѣ Императора Александра Николаевича, значится, подъ 16-мъ числомъ іюля мѣсяца 1867 г., въ воскресенье: „Его Величество изволилъ выйти въ 1-мъ часу пополудни для принятія ордена англійскаго „Подвязки“ въ конногвардейскомъ мундирѣ съ однимъ крестомъ[7]), при шпагѣ, съ золотою портупеею.

3. Полная кавалерская одежда Ордена Подвязки, подаренная Императору Александру Павловичу Королемъ Георгомъ III 30-го іюня 1813 г., хранится въ Арсеналѣ Собственнаго Его Величества Дворца.

Завѣдующій Собственными Его Величества Библіотеками

(подп.) **Р. Гриммъ.**

V.

Справка по Канцеляріи Императорской Главной Квартиры, изъ бумагъ Экспедиціи Церемоніальныхъ Дѣлъ.

Нынѣ Царствующему Государю Императору Орденъ Подвязки поднесенъ 16-го марта 1881 г. въ Собственномъ Его Императорскаго Величества Аничковомъ Дворцѣ; при чемъ со стороны Великобританскаго правительства находились:

---

[7]) Ср. стр. 84-ую, гдѣ упомянуто о Георгіевскомъ крестѣ.

Ихъ Королевскія Высочества:

Принцъ Валлійскій, какъ представитель Ея Величества Королевы, и Герцогъ Эдинбургскій.

Англійское Посольство въ С.-Петербургѣ и Великобританская Миссія[8]).

Генералъ-Лейтенантъ Сиръ Дитонъ Пробинъ.

Полковникъ Тиздель.

Подполковникъ Стенлей Кларкъ.

VI.

Копія церемоніала, хранящагося въ Церемоніальной Экспедиціи.

Ceremonial

to be observed at the investiture of His Majesty Alexander III, Emperor and Autocrat of all the Russias, with the Ensigns of the Most Noble Order of the Garter.

MDCCCLXXXI.

Programme of the Ceremony.

The Emperor on this occasion will not wear the decoration of any other Order.

The Mission on arriving at the Palace will be received by a Guard of Honour, and a procession will be formed, preceded by the Officers of the Imperial Household; the Members of the Suite of His Royal Highness the Prince of Wales, each carrying part of the Insignia of the Order, viz:

Lt. Col. Stanley de Astel C. Clarke, carrying The Star of the Order.

L. Gen. Sir Dighton Probyn K. C. S. I., C. B. V.C., carrying The Riband and George.

Col. Christopher C. Teesdale, R. A., C. B., V. C., carrying The Collar of the Order.

Major Gen. Sir John C. Cowell K. C. H., carrying The Garter.

---

[8]) Такъ какъ Посольство постоянно имѣетъ пребываніе въ С.-Петербургѣ, то, подъ именемъ Миссіи, очевидно, слѣдуетъ разумѣть лицъ, которыя привезли изъ Лондона знаки Ордена Подвязки.

His Royal Highness The Grand Duke of Hesse K. G.	His Imperial and Royal Highness The Crown Prince of Germany and of Prussia K. G.
His Royal Highness The Duke of Edinburgh K. G.	His Royal Highness The Prince of Wales K. G., Her Britannic Majesty's Representative specially named on this occasion.

Attended by Their Royal Highnesses' Gentlemen in Waiting.

His Imperial Majesty, standing in front of the Throne and surrounded by the Members of the Imperial Family, Ministers and Great Officers of the Court, will receive the Mission.

Lord Suffield and the persons bearing the Insignia will arrange themselves on the side of the Throne — room near to the Prince of Wales. His Lordship (in the unavoidable absence of Garter King of Arms) will hand to His Royal Highness The Insignia of the Order.

His Royal Highness The Prince of Wales will then advance towards the Emperor and make an adress to His Imperial Majesty, declaratory of the object of the Mission, to which His Imperial Majesty will reply.

The Garter will then be delivered to The Prince of Wales, when His Royal Highness, assisted by His Royal Highness The Duke of Edinburgh, will buckle the same around His Imperial Majesty's left leg.

The Riband and George will next be presented to The Prince of Wales, when His Royal Highness will place the Riband over His Imperial Majesty's left shoulder, passing it under the right arm obliquely to the right side, and affix the Star to His left breast.

The Collar of the Order will then be delivered to The Prince of Wales, who will present it to The Emperor of Russia, and it will be by Him handed to an Officer of the Imperial Household.

The Investiture being completed, Their Royal Highnesses with Their respective Suites will withdraw from the presence of His Imperial Majesty.

Her Majesty's Ambassador attended by the Members of the British Embassy will be present at the ceremony.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОРІЕНТАЛИСТА КЕРА.

Критико-біографическій очеркъ жизни и дѣятельности Оріенталиста Кера.

Въ 1892 году исполнится 200 лѣтъ со дня рожденія профессора Георгія Яковлевича Кера, имя котораго, несмотря на всѣ ученыя его заслуги, до сихъ поръ оставалось почти неизвѣстнымъ; тогда какъ память о немъ, какъ о первомъ въ Россіи оріенталистѣ и преподавателѣ восточныхъ языковъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, должна быть дорога не только для изучающихъ у насъ восточные языки и литературу, но и для всякаго, кто слѣдитъ за общимъ ходомъ развитія умственной и политической жизни русскаго народа.

Разбирая, для выставки въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, пріуроченной ко дню празднованія 25-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, восточные древне-письменные памятники, привелось намъ ознакомиться и съ собраніемъ рукописей Кера, находящихся въ 38 картонахъ. Богатство матеріала, необычайное трудолюбіе и поразительное, въ то время, знаніе стольких языковъ и нарѣчій, — все это въ совокупности заставило насъ воскресить давно угасшую память о такомъ великомъ труженикѣ, какимъ, безъ сомнѣнія, былъ профессоръ Керъ.

Къ сожалѣнію, мы не могли почерпнуть изъ этихъ рукописей особенно полныхъ автобіографическихъ свѣдѣній и принуждены привести здѣсь краткую біографію Г. Я. Кера, напечатанную въ Исторіи Имп. Акад. Наукъ, соч. Пекарскаго (т. I, стран. 313 и 314).

„Георгій Яковлевичъ Керъ (Kehr) родился въ Шлейзингенѣ 1692 г., и изучалъ восточные языки въ Галле; въ 1722 году получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ званіе магистра; жилъ потомъ въ Польшѣ и, наконецъ, въ Лейпцигѣ, не имѣя опредѣленныхъ занятій. Кромѣ стихотвореній на арабскомъ и другихъ восточныхъ языкахъ, имъ изданы въ Лейпцигѣ: Dis-

sertatio de Saracenis, Hagarenis et Mauris, 1723 г. Monarchiae asiatico-saracenice status, qualis VIII et IX post Chr. Natum saeculo fuit, ex nummis argenteis prisca Arabum scriptura Kufica a Monarchis Arabicis Al-Mansor, Harun-Raschid, Al-Manon, aliisque in metropolibus Chaldeae, Persiae Transoxanaeque cusis, et nuper in littore maris Balthici prope Gedanum effossis 1724; Monarchae Mogolo-Indici vel Mogolis Magni Aurenz Szeb numisma Indo-Persicum argenteum quinque librale rarissimum et pretiosissimo Ducis Saxo Gothani gazophylacio latine recensitum, explicatum, examinatum et contra dubia quorundam vindicatum, 1725 (См. Adelung's und Rottermund's Fortsetzung und Ergänzungen zu Jocher's Gelehrten Lexico III, 164, 165). По разсказамъ Миллера, Керъ въ особенности славился свѣдѣніями въ арабскомъ языкѣ и первый доказалъ, что куфическія письмена были ничто иное, какъ древнія арабскія; но, имѣя обширныя познанія, какъ оріенталистъ, онъ былъ чудакъ, почитавшій выше всего свою восточную ученость; притомъ у него была невзрачная наружность: малый ростъ и огромная голова, всегда прикрытая страннымъ allonge-perruque. Все это было причиною, что Керъ нерѣдко служилъ цѣлью для насмѣшекъ. Нѣкоторые предполагали, что онъ въ Петербургѣ состоялъ членомъ нашей Академіи, но это невѣрно: онъ вызванъ былъ въ Россію, съ званіемъ профессора, графомъ Остерманомъ и служилъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, занимаясь переводами и обученіемъ молодыхъ людей въ восточныхъ языкахъ. (Рукопись Миллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersbourg 267 — 270). Впрочемъ Керъ работалъ и для Академіи наукъ, почему съ 1 сентября 1735 года ему назначено оттуда вознагражденіе по 200 руб. въ годъ „за описаніе оріентальныхъ медалей, а что касается до оныхъ переводовъ, за чрезвычайные его въ томъ воспріятые труды...“ (II, книги №№ 20 и 430). Керъ иногда бывалъ въ академическихъ конференціяхъ: такъ 25 іюня 1739 года онъ читалъ тамъ переводъ свой съ персидскаго на латинскій языкъ изъ астрономическихъ таблицъ Улюкъ-бея (см. I, протоколы 1739 г.). Въ Академической библіотекѣ хранится его же нѣмецкій переводъ труда Абулъ-гази Багадуръ-хана,

съ поправками въ слогѣ академика Фишера (H. L. C. Bacmeister's Russische Bibliothek, IV, 558). Керъ былъ въ перепискѣ съ Амманомъ, занимавшимъ въ Академіи Наукъ каѳедру ботаники; разобралъ съ Лоттеромъ, академикомъ по каѳедрѣ краснорѣчія и древностей греческихъ и римскихъ, куфическія письмена на плащѣ Карла Великаго. Умеръ онъ 5 мая 1740 года. Бумаги его донынѣ находятся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (Пекарскаго, т. I, 563 и 617).“

Кромѣ того, въ „Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія“ (1856 г. Февраль) напечатана статья П. Савельева, въ которой авторъ знакомитъ насъ съ проэктомъ Кера объ учрежденіи Восточной Академіи (Academiae vel societatis scientiarum atque linguarum Orientalium in imperii Ruthenici emolumentum) въ С.-Петербургѣ, представивъ довольно полный переводъ этого проэкта въ нѣкоторой связи съ позднѣйшимъ „Проэктомъ Азіатской Академіи“ С. С. Уварова, не касаясь при этомъ біографической стороны. Переводъ этого проэкта мы цѣликомъ помѣщаемъ ниже.

Затѣмъ, въ „Русской Газетѣ“ (1877 г. Авг. 24) мы встрѣчаемъ статью по поводу проэктируемаго въ Москвѣ „Русскаго Азіатскаго Общества“, статью, которая, на первый взглядъ, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на біографію Кера. Къ сожалѣнію, имѣя подъ руками бумаги, письма и проѣздной листъ проф. Кера, приходится признать свѣтъ этотъ не только ложнымъ, но, пожалуй, еще больше затемняющимъ и безъ того уже неполную и сбивчивую біографію своими смѣлыми сужденіями, лишенными всякой исторической основы. Въ этой статьѣ, напр., говорится: „онъ (Керъ) пріѣзжаетъ въ 1726—1737 годахъ въ Москву со всѣмъ собраніемъ своимъ по востоку, состоящимъ изъ рукописей, медалей и рѣдкихъ книгъ, собранныхъ имъ во время 30-лѣтняго своего путешествія по востоку; но обязаны мы этимъ Петру I, преобразователю Россіи, который больше всѣхъ прежнихъ государей заботился о расширеніи знакомства русскихъ съ востокомъ; онъ-то и пригласилъ г. Кеера въ Россію“. Не говоря уже о томъ, что эти мнѣнія идутъ въ разрѣзъ съ изложенными Пекарскимъ,

Савельевымъ и прямыми документальными данными, они сами по себѣ являются въ высшей степени несостоятельными и неестественными при самой простой логикѣ: нельзя-же сообщать о 30-лѣтнемъ путешествіи Кера по востоку, не опровергнувъ данными годъ его рожденія, иначе выйдетъ тотъ абсурдъ, что Керъ началъ путешествовать чуть не съ 4-хъ лѣтъ отъ роду; не менѣе странно и самое предположеніе о приглашеніи Кера Петромъ I, при опредѣленіи — опредѣленіи слишкомъ растяжимомъ — пріѣзда его въ Россію въ 1726—1736 годахъ. Можетъ быть авторъ, какъ владѣтель доселѣ непзвѣстныхъ никому изъ насъ документовъ, имѣетъ на всѣ свои предположенія точныя данныя, о которыхъ не упомянулъ въ своей статьѣ потому только, что не счелъ нужнымъ распространяться объ этомъ, въ ущербъ изложенію главной своей задачи; тогда намъ остается съ нетерпѣніемъ ожидать отъ него доставленія новаго матеріала для біографіи проф. Кера, чѣмъ онъ, несомнѣнно, принесъ бы не малую заслугу самому историческому изслѣдованію и вызвалъ бы сердечную благодарность со стороны нуждающихся въ подобныхъ біографическихъ пополненіяхъ о проф. Керѣ.

Между бумагами покойнаго профессора находится паспортъ для свободнаго проѣзда въ Россію, данный и подписанный въ Берлинѣ полномочнымъ министромъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ 4 ноября 1731 года; паспортъ этотъ служитъ вѣрнымъ опредѣленіемъ времени пріѣзда Кера въ Петербургъ, куда онъ прибылъ въ Январѣ 1732 г. Изъ прошенія, поданнаго на Высочайшее имя, въ первыхъ числахъ сентября того же года, о выдачѣ ему причитающихся за 5 мѣсяцевъ денегъ, мы видимъ проф. Кера собирающимся жениться, такъ какъ далѣе слѣдуетъ его просьба къ Императрицѣ о соизволеніи выдать ему жалованье и за будущую треть для совершенія женитьбы (1732 г. сент. 6-го). Происхожденіе его жены остается для насъ неизвѣстнымъ; единственная, уцѣлѣвшая ея записка къ мужу изъ Кронштадта (1734 г. 15 марта), даетъ намъ возможность съ точностію опредѣлить лишь неправославное ея происхожденіе: подъ русскимъ текстомъ, написаннымъ кѣмъ-либо по ея порученію, слѣдуетъ подпись на нѣмецкомъ — Anna Katrina

Kehrin. Письмо это, равно какъ и нѣкоторыя другія, напр., отъ Мамоновыхъ и Петра Халмейскаго, свидѣтельствуютъ о томъ, что у Кера въ началѣ 1734 года было двое дѣтей. Въ своихъ письмахъ Мамоновы и Петръ Халмейскій, знакомство съ которыми, нужно полагать, послѣдовало чрезъ наемъ у нихъ квартиръ, — супругу Г. Я. Кера называютъ Катериной Николаевной, дѣтей же — Матвѣемъ и Ѳедоромъ Ивановичами (1736 года 6 декабря); изъ чего можно безошибочно заключить, что Керъ былъ женатъ на вдовѣ, имѣвшей отъ перваго брака двоихъ дѣтей.

Кромѣ перечисленныхъ, чисто житейскаго характера, писемъ, мы находимъ и научно-дѣловыя посланія къ Керу лицъ, въ свое время довольно извѣстныхъ. Не вдаваясь въ объясненіе содержанія самыхъ писемъ, приведемъ имена и фамиліи нѣкоторыхъ корреспондентовъ по ихъ автографамъ: 1) Бауеръ (Bauer), Іоганнъ-Готфридъ, замѣчательный ученый юристъ лейпцигскаго университета (1695—1763 г.), извѣстенъ своимъ сочиненіемъ „Opuscula academica“, Lpz. 1757 года 2 т. (см. письмо 1717 г.); 2) Гофманнъ, знаменитый врачъ, профессоръ въ Галле (1660—1742 г.), основатель механико-динамической школы (Гофманскія капли) (см. письмо 1726 г.); 3) Цигенбальгъ, Бартоломей, миссіонеръ (1683—1719) г.), отправившійся, по порученію датскаго короля Фридриха IV, миссіонеромъ въ Индію, пріобрѣлъ извѣстность, какъ знатокъ тамульскихъ языковъ (см. письмо 1716 года 16 авг., изъ Мадраса); 4) Фишеръ, Іоганнъ-Эбергардъ, профессоръ естественной исторіи въ Петербургской академіи (1697—1771), пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1730 г., а въ 1733 г. посланъ въ Сибирь для ученыхъ изысканій; его „Сибирская исторія“ (Sibirische Geschichte, рус. переводъ 1774 г.) составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ Миллеромъ; 5) Лука, Поль, путешественникъ (1664—1737), былъ нѣсколько разъ въ Левантѣ, Египтѣ, Турціи и др. странахъ, откуда привезъ съ собой множество медалей, драгоцѣнныхъ манускриптовъ и другихъ рѣдкостей для королевскаго кабинета. Описанія его путешествій изданы подъ заглавіемъ: „Voyage au Levant“, 1707. Par. и др. (см. письмо 1724 г., Лейпцигъ); 6) Шульце, вѣроятно, былъ миссіонеромъ

въ г. Транкебарѣ, въ Индіи (см. письмо 1723 года 24 ноября, адрессованное въ Лейпцигъ); 7) Соломонъ Негри, котораго Керъ постоянно величаетъ своимъ дорогимъ наставникомъ и учителемъ. Всѣ письма написаны на нѣмецкомъ, латинскомъ, частію на французскомъ языкахъ, а въ перепискѣ съ послѣднимъ встрѣчаются страницы, испещренныя восточными письменами. Несмотря на всѣ эти памятники, мы положительно отказываемся сообщить что-либо относительно дѣятельности профессора Кера на западѣ, такъ какъ большинство писемъ до того неразборчивы или пришли въ ветхость, что почти невозможнымъ становится уловить ихъ смыслъ, почему волей-неволей приходится перейти прямо къ обзору дѣятельности проф. Кера за періодъ пребыванія его въ Россіи.

Георгій Яковлевичъ Керъ былъ выписанъ въ Петербургъ вице-канцлеромъ графомъ Андреемъ Остерманомъ; въ январѣ 1732 года Керъ прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ того же года былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ поступилъ переводчикомъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ обязательствомъ обучать также этимъ языкамъ русскихъ юношей, получая ежегодно по 400 рублей жалованья, да сверхъ того наградныхъ по 100 руб. за каждаго, въ совершенствѣ обучившагося, студента (судя по слѣдующимъ документамъ, подобной награды ему ни разу не пришлось получить). Въ іюнѣ 1732 г. изъ московской славяно-греко-латинской школы, по требованію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ Петербургъ прибыли для изученія оріентальныхъ языковъ у проф. Кера шесть учениковъ: Сергѣй Яковлевъ, сынъ подьячаго, Петръ Воронинъ, сынъ церковнаго сторожа (оба школы богословія), Василій Братищевъ, сынъ церковника, Ѳедоръ Черницынъ, сынъ иконописца (оба школы философіи), Петръ Щукинъ, сынъ купецкаго человѣка и Петръ Чекалевскій, сынъ подьячаго (оба школы риторики). Въ Петербургъ они были переведены съ тѣмъ же скуднымъ содержаніемъ, какое отпускалось имъ въ Москвѣ. Получая всего по 8 коп. на день, студенты принуждены были обратиться съ ходатайствомъ къ Императрицѣ о назначеніи имъ годового оклада, на что резолюціи въ бу-

магахъ не находится. Крайняя нужда въ самомъ необходимомъ и забота о насущномъ хлѣбѣ не могли, конечно, не тормозить дѣло изученія восточныхъ языковъ. Къ этому присоединялось еще другое немаловажное препятствіе, которое Керъ въ доношеніи въ Коллегію Ин. Дѣлъ объясняетъ такъ: „шесть студентовъ, которые въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ взяты ради обученія оріентальныхъ языковъ, чтобы въ первыхъ арапскія, персицкія и турецкія письма каждыя особенно современемъ могли переводить, съ половины прошлаго года до нынѣ съ великимъ уроном науки своей (отъ чего мнѣ немалая причиняется скорбь и утрата) отъ сего ученія весьма были удержаны и препятствованы слѣдующими образами: 1) понеже надъ онымі студентами переводчики нѣкоторую команду взяли, и ихъ, противъ всякой правды и противъ пользы Имперіи Россійской отяготили перепискою курантовъ переведенныхъ на русское, а сами между тѣмъ празнословятъ, пустошъ разговариваютъ, послабляя роскоши своей; 2) оные студенты тѣ куранты къ господамъ совѣтникамъ и секретарямъ коллегіи будто солдаты или публичные почтари всячески смучены приносить и относить принуждены, отчего нетокмо у нихъ бѣдныхъ ради грязной дороги и мокротной непогоды платье дерется и обувь топчется, но также время всякой вещи дражайшее, которое къ ихъ наукѣ свято опредѣлено есть черезъ ту волокиту и черезъ долгое замедленіе въ ожиданіи безплода приходитъ, а солдаты хотя и довольные къ сему дѣлу суть но за лѣностію своею спятъ въ коллегіи; 3) одинъ и другой изъ тѣхъ студентовъ по сіе время нетокмо черезъ цѣлые дни и всѣ недѣли, но и черезъ цѣлые мѣсяцы повсядневно отъ утренней зари даже до ночи дѣлами и коммиссіями (а какія сіи имѣются Богъ знаетъ) обязаны были. Сколько убо времени сколько спокойности и охоты къ оріентальному ученію добрымъ онымъ ученикамъ изъ сихъ турбацій останется, всякъ благоразсудный скоро уразумѣетъ. Того ради профессоръ надъ сими студентами учиненный учтиво и покорно проситъ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ да соблаговолитъ оныхъ учениковъ оріентальныхъ языковъ отъ сихъ препятствій и иныхъ въ предь

имѣющихъ случится освободить отчего болѣе мысли и веселости къ успѣху въ наукѣ имъ придается. Ибо и одинъ Арапскій языкъ цѣлаго мужа и всѣхъ лѣтъ его требуетъ, что же и какъ цѣлой день студенты должны дѣлать и обучаться, явствуетъ сугубой реэстръ лекціямъ и писмамъ при семъ приложенный (въ которомъ занятія распредѣлены въ слѣдующіе часы: отъ 10—12 ч. отъ 2—4 ч., отъ 5—7 ч., и отъ 7—9 часовъ вечера), чего ради неправдиво есть, чтобъ они на другихъ людей труждались, сами будучи отягощены гораздо". Доношеніе это, переведенное съ латинскаго и непомѣченное числомъ, или вовсе не было подано, или же было положено подъ сукно тѣми-же совѣтниками коллегіи, которые, навѣрно, питали тайную зависть и злобу къ проф. Керу, далеко превосходившему своими познаніями всѣхъ тогдашнихъ переводчиковъ при коллегіи. Вскорѣ послѣ этого, на курсахъ проф. Кера мы ужъ насчитываемъ только четырехъ студентовъ, двое изъ нихъ — Братищевъ и Чекалевскій — отправлены были въ Персію. Оставшіеся студенты дотянули кое-какъ до января 1737 года, а затѣмъ подали въ Коллегію Ин. Дѣлъ доношеніе, въ которомъ всепокорнѣйше просили уволить ихъ отъ изученія восточныхъ языковъ, на которыхъ они никогда не будутъ въ состояніи изъясняться, такъ какъ на то требуется „природная своихъ странъ практика".

Кромѣ образцовой педагогической дѣятельности Кера за все время пребыванія при Коллегіи Ин. Дѣлъ, вниманіе наше останавливаютъ на себѣ переводы его съ персидскихъ и турецкихъ трактатовъ на нѣмецкій или, наоборотъ, съ русскаго, при посредствѣ нѣмецкаго, на упомянутые языки. Такъ, въ первый же годъ своего поступленія въ Коллегію Ин. Дѣлъ, онъ перевелъ съ турецкаго на нѣмецкій мирный трактатъ между Турціей и Персіей и турецкую грамоту султана Махмудъ-Хана къ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; 24-го же сентября 1733 года имъ переведено на латинскій и персидскій языки русское письмо, предназначенное Хану Тахмасибу, со всѣми необходимыми къ нему историко-критико-филологическими замѣчаніями и объясненіями на латинскомъ языкѣ. Мы не станемъ излагать содержаніе названныхъ восточныхъ актовъ,

такъ какъ подобное изложеніе заняло бы много времени и отвлекло бы отъ первоначальной цѣли — прослѣдить жизнь профессора Кера и, лишь вкратцѣ, указать на выдающіеся его труды, предоставляя разработку того или другого матеріала всецѣло на усмотрѣніе заинтересующагося читателя.

Среди массы его сочиненій рукописныхъ и частью печатныхъ, хранящихся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мы должны отвести первое мѣсто рукописи, въ брошюрованной тетради in-f°, въ которой изображено до 137 азбукъ, съ приведенной на нихъ Молитвой Господней. При этой рукописи находится также одинъ изъ печатныхъ съ нея снимковъ, изданныхъ въ 1876 году пждивеніемъ Туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Фонъ-Кауфмана въ количествѣ 45 экземпляровъ. Въ оглавленіи, составленномъ А. В. Рачинскимъ къ этой книгѣ, сказано, что Молитва Господня изображена Керомъ даже іероглифами. Такое, ничѣмъ неподтвержденное, заключеніе обнаруживаетъ въ авторѣ предисловія и оглавленія полнѣйшее невѣдѣніе исторіи іероглифовъ, гдѣ прямо говорится, что первымъ, нашедшимъ ключъ къ іероглифическимъ надписямъ, былъ знаменитый французскій ученый и египтологъ Шампольонъ, который жилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Если же г. Рачинскій мнѣніе свое основывалъ (что, конечно, больше чѣмъ невѣроятно) на какихъ-либо историческихъ указаніяхъ, то ему слѣдовало бы подробно выяснить подобный вопросъ, что, понятно, освѣтило бы науку о іероглифахъ, которая еще до настоящаго времени сильно нуждается въ новыхъ приливахъ свѣта.

Вслѣдъ за этимъ выдающимся трудомъ Кера надъ собраніемъ всевозможныхъ алфавитовъ мы должны упомянуть о многочисленной его коллекціи восточныхъ монетъ, довольно рельефно изображенныхъ въ видѣ восковыхъ и сургучныхъ оттисковъ. Тутъ встрѣчаются снимки съ монетъ Тамерлана, халифовъ арабскихъ: Сулеймана-ибн-Абдалла-ибн-Мирвана изъ персидскаго города Реи 720 года по Р. Хр., Аль-Мансура, Гарунъ-аль-Рашида; самаркандскія, мервскія, багдадскія, хорезмскія, турецкія, остъ-индскія, китайскія и др. Коллекція

эта заслуживаетъ особеннаго вниманія не только по своему объему, но вмѣстѣ съ нимъ поражаетъ васъ и той кропотливостью труда, которую проф. Керъ долженъ былъ приложить для ея составленія: почти каждая монета разобрана имъ до мельчайшихъ подробностей, надписи лицевой и оборотной сторонъ отчетливо воспроизведены на бумагѣ, объяснено точное ихъ значеніе и опредѣлены года чекана. Нужно предполагать, что трудъ этотъ Керъ готовилъ къ изданію, потому что онъ носитъ на себѣ характеръ далеко не черновой работы.

Составленныя имъ географическія карты Кавказа и Заказпійскаго края, съ обозначеніемъ на нихъ морей, горъ, рѣкъ, городовъ и территорій разноплеменныхъ инородцевъ, могутъ служить лучшимъ образчикомъ тогдашнихъ географическихъ познаній и представленій о дальнемъ востокѣ, сложившихся даже между такими учеными, какъ профессоръ Керъ. Но за то третья карта, карта Турецкихъ владѣній, разбросанныхъ кругомъ всего Чернаго моря, какъ своими береговыми очертаніями, такъ и вѣрнымъ, пропорціональнымъ величинѣ положеніемъ различныхъ мѣстъ, — почти ничѣмъ не отличается отъ нынѣшнихъ картъ, примѣняя, конечно, относительное сходство. Хотя эта рукописная карта представляетъ собой не самостоятельный трудъ, а только тщательно снятую проф. Керомъ съ изданной въ Константинополѣ (1723 года) копію, тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ съ нашей стороны бо́льшаго вниманія, чѣмъ двѣ предыдущія. На ней мы находимъ нынѣшнюю южную Россію и Таврическій полуостровъ испещренными массой городовъ и мѣстечекъ съ турецкими названіями, изъ которыхъ многіе успѣли перейти въ нашу собственность, сохранивъ прежнія свои наименованія; другіе получили русскія прозвища, а нѣкоторые давно уже утратили не только имена, но и самое свое существованіе, — что, по нашему мнѣнію, могло-бы дать небезъинтересныя указанія для археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ. Свое предположеніе мы готовы, пожалуй, подтвердить двумя, тремя примѣрами: на западъ отъ Акъ-мечети на этой картѣ обозначенъ городъ Эски-Фурунъ (старая печь), котораго въ новѣйшихъ, подробнѣйшихъ картахъ мы вовсе не встрѣчаемъ, равно какъ не

находимъ на южномъ берегу Крыма, по сосѣдству съ Ялтой, городовъ—Китъ, Курдакъ и др.; сѣвернѣе же Стараго Крыма и Кафы (Ѳеодосіи) нѣтъ города Султанъ-Серая.

Сдѣлавъ довольно краткій перечень болѣе выдающихся рукописей проф. Кера, мы должны сознаться, что всѣ упомянутые труды едва ли составятъ и двадцатую долю того, что хранится въ портфеляхъ Московскаго Главнаго Архива, не говоря уже объ изданныхъ и неизданныхъ сочиненіяхъ Кера, реэстръ которымъ находится въ одномъ изъ этихъ портфелей; (для всѣхъ-же портфелей существуетъ подробный, четко написанный каталогъ). А потому считаемъ долгомъ предупредить почтеннаго читателя, что въ своемъ обзорѣ уцѣлѣвшихъ письменныхъ документовъ проф. Кера мы не коснулись цѣлыхъ отдѣловъ по исторіи, юриспруденціи, астрономіи и Богословію, гдѣ обращаетъ на себя вниманіе весьма оригинальное разсужденіе проф. Кера о томъ, какъ можно обратить магометанъ въ христіанскую вѣру, приводя вмѣстѣ съ другими аргументами выдержки изъ корана, подтверждающія Божественность Спасителя и Пр. Дѣвы Маріи, совершенно тождественныя съ нѣкоторыми Евангельскими стихами.

Теперь-же намъ остается только познакомить читателя съ грандіознымъ проэктомъ „Учрежденія Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ“, написаннымъ проф. Керомъ на латинскомъ языкѣ. По собственной-ли своей инціативѣ, или по порученію одного изъ просвѣщенныхъ тогдашнихъ вельможъ, составленъ Керомъ этотъ проэктъ,—вопросъ этотъ по настоящее время не можетъ быть разрѣшенъ, потому что никакого указанія въ бумагахъ на то не сохранилось; да и самый проэктъ почти случайно былъ отысканъ въ 1821-мъ году покойнымъ Френомъ въ архивѣ Академіи наукъ. Въ виду того, что проэктъ этотъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, насколько интересы Россіи еще въ 1730-хъ годахъ были связаны съ востокомъ, насколько они разнятся отъ настоящихъ и, наконецъ, насколько обогатилась и расширилась наша восточная филологія, — мы приводимъ его здѣсь, въ переводѣ г. Савельева, избѣгая совершенно непроизводительнаго труда: представить собственный, видоизмѣненный переводъ проэкта.

„I. Необходимость ближайшаго изученія восточныхъ языковъ. (Излагаемъ частію словами самого Кера, частію сокращенно, сохраняя главную мысль и порядокъ изложенія по пунктамъ).

1. Имперія Россійская была и находится въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ, на Турецко-Татарскомъ языкѣ, съ султаномъ Турецкимъ, Крымскимъ ханомъ, князьями Кабардинскими и другими Черкесскими, Дагестанскими, Ширванскими и проч.; также съ ханами Киргизскими, Тарханскими, Башкирскими, ханами и султанами Узбеко-Харезмо-Бухарскими. На персидскомъ языкѣ частыя сношенія производятся съ царемъ персидскимъ и бухарскими владѣльцами, и по временамъ съ императоромъ Восточной Индіи, называемымъ обыкновенно Великимъ Моголомъ.

2. Бумаги правительственныя къ князьямъ Черкесскимъ и многимъ другимъ можно бы писать впредь на ихъ природныхъ языкахъ, и притомъ правильно въ орѳографическомъ отношеніи, и четко и изящно въ каллиграфическомъ, чтобы неясность не представляла обоюдности*). Тоже и для бумагъ Индійскаго Великаго Императора.

3. Посланцы изъ Азіи къ Императорскому Россійскому Двору прибываютъ большею частію, окруженные свитою своихъ единоземцевъ, довольно по своему образованныхъ. Для бесѣды съ ними, равно образованной, вѣжливой и осторожной, требуются устные переводчики, называемые толмачами.

4. Какъ толмачамъ, такъ и чиновникамъ, необходимо какъ для пользы службы, такъ и для удовлетворенія любопытныхъ, имѣть свѣдѣнія о древнихъ и о новыхъ странахъ Востока, ихъ государяхъ, законахъ и обыкновеніяхъ. Но гдѣ почерпнуть имъ таковыя свѣдѣнія?

---

*) Въ латинскомъ черновомъ текстѣ проэкта Кера ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ. Тамъ сказано такъ: „ut ne ex obscura scriptione subditi isti postea, inobedientiam suam excusandi, ansam arripiant“, что по-русски означаетъ: чтобы впослѣдствіи тѣ подданные въ неясности письма не отыскали поводъ къ оправданію своего неповиновенія. Что заставило г. Савельева передать точный смыслъ подлинника такимъ неяснымъ выраженіемъ, — мы положительно не понимаемъ. (Примѣчаніе автора).

5. Для пользы Россійскаго государства есть различные документы въ исторіяхъ Татарскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ, Арабскихъ, Греческихъ и Латинскихъ. Но все это не приведено еще въ хронологическій порядокъ, авторы не сличены, не сдѣлано сравненія одновременныхъ событій въ разныхъ странахъ; собственныя имена восточныя, различно произносимыя, смотря по языкамъ, еще не соглашены и не объяснены.

6. Военнымъ начальникамъ, губернаторамъ, совѣтникамъ и разнымъ чиновникамъ Русскимъ, служащимъ на предѣлахъ Турціи, Персіи, Татаріи, необходимо знать нравы и обычаи этихъ народовъ, чтобы умѣть привязать ихъ къ Россійскому государству.

7. Для вѣрнаго исполненія секретныхъ порученій правительства необходимы мужи и юноши, изъ самихъ Россіянъ, хорошо приготовленные для такихъ экспедицій на Востокъ предварительными ежедневными упражненіями.

Всѣ эти обстоятельства, говоритъ Керъ въ концѣ перваго столбца, достаточно говорятъ о необходимости учрежденія въ Россіи Академіи или Общества для изученія наукъ и языковъ восточныхъ.

II. Что требуется и въ комъ имѣемъ нужду?

1. Переводчики грамотные и ученые, знакомые съ правилами герменевтики и экзегетики, и которые бы все писанное по-Арабски, по-Персидски, по-Турецки и по-Татарски, могли переводить и изъяснять точно, отчетливо, вѣрно и изящно, потому что малограмотные переводчики, чуждые знанія герменевтики, могутъ иногда столь ошибочно передать значеніе какого-нибудь важнаго слова, что ошибка ихъ поведетъ къ несогласію и даже разрыву между двумя государствами.

2. Письмоводцы и чистописцы, или секретари восточные, которые бы не только умѣли разбирать всякаго рода почерки Турецкіе, Персидскіе, и Арабскіе, но и сами были бы опытны и искусны въ составленіи писемъ и перепискѣ ихъ каллиграфически.

3. Переводчики устные или такъ-называемые толмачи, которые бы могли вести ученую бесѣду съ посланцами, по-

Арабски, по-Турецки или по-Персидски, о словесности, исторіи, географіи и т. п.

4. Восточные библіотекари, архиваріусы, дипломаты, нумизматы, полиглотты и полигисторы, также собиратели восточныхъ древностей и истолкователи ихъ; они будутъ, такъ сказать, живыми инвентарями знаній Востока.

5. Историки, антикваріи, филологи и критики, которые бы извлекали изъ исторій Греческихъ, Латинскихъ, Татарскихъ, Турецкихъ, Персидскихъ и Арабскихъ свѣдѣнія, къ пользамъ Россійской Имперіи относящіяся.

6. Полигисторы восточные, политики и юрисконсульты, которые бы могли быть совѣтниками при посольствахъ, умѣли извлекать изъ восточныхъ и другихъ сочиненій наблюденія и правила, клонящіяся къ привлеченію восточныхъ народовъ къ Россіи.

7. Профессоры знающіе и опытные въ преподаваніи; изъ нихъ можно бы было избирать и миссіонеровъ для обращенія мухаммеданъ въ христіанскую вѣру.

III. Пособія.

А. — Существующія — недостаточны, потому что доселѣ напечатанныя грамматики Турецкія, Персидскія и Арабскія или весьма кратки и ошибочны; если же пространны, то сбивчивы, и не представляютъ достаточно примѣровъ. — О каллиграфіи и дипломатикѣ этихъ языковъ до сихъ поръ ничего не издано. — Словари означенныхъ языковъ весьма рѣдки, вообще неудовлетворительны, и должны быть пополнены множествомъ словъ и реченій. — По Татарскому языку нѣтъ ни лексикона, ни грамматики, а это дѣло первой потребности. Нѣтъ хорошихъ собраній разговоровъ и изреченій Арабскихъ, Персидскихъ и Турецко-Татарскихъ. Кромѣ изданныхъ Пококомъ и Ганіеромъ, въ Арабскомъ текстѣ съ Латинскимъ переводомъ, исторій Абуль-Фараджа, Евтихія Александрійскаго, не издано историческихъ восточныхъ сочиненій, чтеніе и объясненіе которыхъ могло бы принести пользу учащемуся Россійскому юношеству, потому что остальныя, напечатанныя доселѣ, восточныя сочиненія или касаются Богословія и объясненія Библіи, или изданы молодыми магистрами безъ достаточнаго знанія.

B. — Имѣющіяся въ виду пособія состоятъ: изъ объясненій грамматическо-критическихъ: словарей, съ примѣрами номенклатуръ и фразеологій; собранія образцовъ слога и каллиграфіи; собранія писемъ и разговоровъ; свѣдѣній о древностяхъ, исторіи, хронологіи, генеалогіи, географіи, нумизматикѣ, обрядахъ и т. п. — Арабско-Мавританскихъ, Персидско-Бухарскихъ и Турецко-Татарскихъ. Все это собрано, и еще собирается и имѣетъ быть изложено на Латинскомъ языкѣ и приготовлено въ ученомъ видѣ Георгомъ-Якобомъ Керомъ, восточныхъ языковъ профессоромъ и переводчикомъ.

C. — Ожидаемыя пособія изъ чужихъ странъ:

a) Рукописи историческія, географическія и политическія на Арабскомъ, Персидскомъ и Турецкомъ языкахъ. Онѣ могутъ быть переписаны молодыми людьми, знающими арабское письмо и тѣ языки, въ библіотекахъ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Испаніи и Италіи, и списки ихъ пересланы въ Императорскую Коллегію черезъ посольство. Или же, могутъ быть списываемы мухаммеданами, подданными Россійской Имперіи, по порученію Русскихъ властей, управляющихъ этими народами. Или же: подлинныя рукописи могутъ быть извлечены изъ книгохранилищъ Самарканда, Бухары и другихъ городовъ, при будущемъ покореніи ихъ. Или же, наконецъ: пріобрѣтены посредствомъ торговыхъ сношеній у Бухарскихъ книжниковъ.

b) Турецкія книги, печатаемыя въ константинопольской типографіи, легко могутъ быть пріобрѣтены черезъ посредство тамошняго Россійскаго посольства.

c) Чрезъ посредство того же посольства, равно какъ и чрезъ Россійскаго посланника въ Персіи, легко выписать тысячу письменныхъ приборовъ Арабскихъ и Персидскихъ, и переслать въ Императорскую Коллегію.

d) Все, что собрано будетъ въ Сибири камчатскими путешественниками, въ отношеніи Азіатскихъ письменъ, монетъ и древностей, и сюда пришлется, можетъ поступить въ библіотеку новой Азіатской Академіи, тѣмъ болѣе, что въ Академіи наукъ никто Турецко-Татарско-Персидскихъ письменъ не понимаетъ.

IV. Польза учрежденія Академіи.

1. Если учредится Академія или Общество Восточное и будетъ поддержано въ цвѣтущемъ состояніи, то не малая произойдетъ отъ того польза и слава для Имперіи: тогда образуются и знающіе военачальники, правители и чиновники для управленія на предѣлахъ Турецкихъ, Татарскихъ, Персидскихъ, Бухарскихъ и Сибирскихъ, и которые будутъ умѣть, ласковымъ обращеніемъ съ пограничными восточными народами, мало-по-малу смягчать ихъ и привлекать къ добровольному подданству и послушанію нашей Августѣйшей Императрицѣ.

2. Образуются и Русскіе ученые по разнымъ спеціальнымъ знаніямъ Востока, и опытные въ дѣлахъ Турецкихъ, Татарскихъ, Персидскихъ и Арабскихъ мужей, которые принесутъ пользу Россіи и будутъ пещись о распространеніи ея владѣній.

3. А осуществленіе первыхъ двухъ пунктовъ повлечетъ за собою распространеніе южныхъ предѣловъ Имперіи. (Изъ особаго примѣчанія видно, что Керъ изготовилъ и проэктъ о присоединеніи къ Россіи „Турціи“ и такъ-называемой „Великой Бухаріи“; былъ-ли проэктъ этотъ написанъ и представленъ, неизвѣстно. Не слѣдуетъ забывать, что это писано въ 1733 году, когда не только Крымъ, но и Новороссійскія степи были „Турціею“).

V. Имѣющіяся средства.

1. Книги, рукописи и письма на Турецко-Татарскомъ, Персидскомъ, Арабскомъ и другихъ языкахъ, хранящіяся въ Императорской Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

2. Цѣлый ящикъ, наполненный письмами Татарскими, Турецкими, Персидскими, Арабскими и другими, и принадлежащій превосходительному графу Дугласу, который готовъ его уступить Императорской Коллегіи.

3. Четыре ящика, наполненные книгами и рукописями персидскими, которыя взяты, какъ добыча, въ Ширванѣ, генераломъ Левашевымъ, и доселѣ у него хранятся.

Эти пособія уже имѣются и могутъ составить основаніе для восточной библіотеки при Императорской Восточной Академіи или Обществѣ. Они могутъ быть легко умножены со временемъ или посредствомъ выписки ихъ изъ другихъ странъ, или же

стараніями тѣхъ ученыхъ, которые поименованы выше въ семи пунктахъ II-го отдѣла. Изъ нихъ находятся уже на лицо: весьма знающій докторъ Мессершмидъ, и кромѣ его, при Императорской Коллегіи, знающіе Азіатскіе языки секретари, переводчики и толмачи, какъ-то:

a) для Турецкаго и Татарскаго языка: секретарь Суда, весьма знающій Турецкій языкъ; переводчикъ Синевичъ, отлично говорящій по-Турецки; Мустафа-Ахмедъ, знающій письменно и устно Турецко-Татарскій языкъ; Муртаза-Тевкелевъ.

b) для Персидскаго и Турецкаго языка: Бикри Христофоръ, которому турецкій и персидскій языки природные;

c) для Арабскаго, Персидскаго, Турецкаго, Сирско-Халдейско-Самаританско-Пуническаго, Эфіопско-Абиссинскаго, Греческаго и Латинскаго языковъ: Георгій Яковъ Керъ, Императорскій профессоръ восточныхъ языковъ.

Равнымъ образомъ:

d) для языковъ и письменъ Калмыцко-Монголо-Манджурскихъ и Китайскихъ: Теоѳилъ-Зигфридъ Байеръ, профессоръ древностей при Академіи, и Бухартъ, блестящій молодой человѣкъ, недавно возвратившійся въ С.-Петербургъ изъ Императорской Китайской столицы, Пекина; также секретарь посольства Бакунинъ и переводчикъ для Калмыцкаго языка Петръ Смирновъ.

Наконецъ, для переписки восточныхъ кодексовъ изъ знаменитѣйшихъ библіотекъ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Испаніи, Португаліи и Италіи, можно, съ небольшими издержками, содержать при тамошнихъ Россійскихъ миссіяхъ молодыхъ людей, обучившихся восточнымъ языкамъ.

Принимая во вниманіе степень развитія тогдашней образованности вообще, а первыя попытки Кера къ насажденію въ Россіи сѣмянъ изученія восточныхъ языковъ въ особенности, — нельзя, дѣйствительно, не поражаться грандіозностью этого проэкта, обширностью замысловъ Кера, яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ всего необходимаго для его выполненія и, наконецъ, свѣтлымъ, здравымъ пониманіемъ пользы учрежденія подобной Академіи. И чѣмъ больше сосредоточиваешься надъ

глубокой идеей этого проэкта, тѣмъ сильнѣе становится изумленіе: не смотря на всю свою стародавность, самый проэктъ дышетъ какою-то новизною; въ немъ, какъ будто, мы находимъ разрѣшеніе насущнаго для насъ вопроса. Чему-же приписать такое обаятельное дѣйствіе, повидимому, устарѣвшаго, всѣми заброшеннаго разсужденія? Почему способно оно возбуждать въ насъ такой живой интересъ? попробуемъ объяснить, какъ умѣемъ.

Почти двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Россія приступила къ отвоеванію соотвѣтствующаго себѣ мѣста среди другихъ государствъ Европы; вслѣдъ за культурной борьбой съ Западомъ начались завоеванія и покоренія Россіей восточныхъ народовъ, изъ которыхъ многіе уже доживаютъ столѣтіе въ Россійскомъ подданствѣ, не переставая находиться въ полудикомъ, полуживотномъ состояніи. Правда, что торговля и промышленность нашего Востока за послѣднее время значительно развились или, точнѣе выразиться, оживились; но нравственнаго, цивилизующаго, просвѣщеннаго вліянія могущественнѣйшей Европейской державы тамъ совсѣмъ не замѣчаешь. Да, вѣроятно, мы долго еще не увидимъ этого вліянія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нынѣшніе, малоспособные проводники цивилизаціи не будутъ тамъ замѣнены новыми. Всѣ заселенные пункты нашей Азіатской Россіи носятъ на себѣ характеръ исключительно военныхъ стоянокъ, и главный контингентъ образованныхъ людей составляютъ въ ней наши офицеры. Хотя военное сословіе за послѣднее время подняло довольно высоко свое знамя образованности и среди его зачастую приходится встрѣчать имена ученыхъ дѣятелей, славныхъ изслѣдователей, словомъ достойныхъ тружениковъ науки, и таковыхъ, пожалуй, немало у насъ найдется; но большинство изъ нихъ любитъ трудиться у себя дома, въ центральной Россіи, на удобной, гладкой аренѣ ученой дѣятельности; отправляться же далеко, за окраины, гдѣ представляется огромное поле для просвѣтительной дѣятельности, но поле вовсе еще нерасчищенное, — очень немногіе заявляютъ охоту. А часто бываетъ и такъ, что, прибывши туда, нѣкоторые изъ нихъ складываютъ оружіе, падаютъ духомъ,

убѣждаясь въ горькой истинѣ „одинъ въ полѣ не воинъ“, незамѣтно стушевываются въ массѣ, — и тогда прощай навсегда завѣтныя стремленія и высокія идеи.

Проведя годъ въ Закаспійской области и достаточно узнавъ тамошнюю жизнь, мы могли бы набросить нѣсколько картинокъ съ натуры, гдѣ съ поразительной рельефностью выступили бы предъ читателемъ несовсѣмъ привлекательные нравы и обычаи обитателей завоеваннаго края; но мы воздерживаемся отъ подобнаго изображенія и лишь долгомъ своимъ считаемъ пожелать коренного измѣненія и улучшенія на нашемъ Востокѣ, въ твердой надеждѣ на скорое наступленіе болѣе свѣтлаго для него періода. Счастливое же время это настанетъ тогда, когда истинные русскіе люди проникнутся всей важностью и глубиной великихъ начинаній, которыхъ давно ужъ ожидаетъ Востокъ отъ могущественной Россіи, пойдутъ рука объ руку съ стремленіями нашего Правительства и представятъ, наконецъ, собою живое олицетвореніе воли нашего Монарха, отеческая доброта котораго какою-то магической силой приковываетъ къ нему всѣ подвластные и покоренные народы. Страна, гдѣ не переставая, со временъ Александра Македонскаго, кровь лилась ручьями, гдѣ человѣкъ не вѣдалъ другой жизни, кромѣ дикихъ набѣговъ, грабежей и разбоевъ, страна, которая въ конецъ опустошена и раззорена, — жаждетъ внутренняго покоя подъ богатырской защитой отъ внѣшнихъ невзгодъ; пора оглушительнаго грома оружія и царства тьмы для нея уже прошла, теперь же должно наступить время мирной культурной жизни, озаренной свѣтомъ цивилизаціи. Для достиженія успѣшныхъ результатовъ, для осуществленія такихъ благихъ идей необходимо цѣлое общество людей энергичныхъ, предпріимчивыхъ, связанныхъ тѣсно одною общею цѣлью распространенія культурныхъ и научныхъ свѣдѣній среди грубыхъ, но воспріимчивыхъ туземцевъ; необходимо поставить дѣло такъ, чтобы мы удовлетворительно могли выполнить всѣ условія, требуемыя параграфами проэкта проф. Кера, потому что, какъ ни подвинулось впередъ наше востоковѣдѣніе, мы всетаки оказываемся еще несостоятельными въ исполненіи нѣкоторыхъ пунктовъ.

Вотъ почему именно, проэктъ проф. Кера, равно какъ и позднѣйшій, начала нынѣшняго столѣтія, подобный же проэктъ Гр. С. С. Уварова, основная мысль которыхъ уже приведена въ исполненіе, невольно останавливаютъ на себѣ наше вниманіе и возбуждаютъ въ насъ самое живое участіе.

Оканчивая этотъ краткій очеркъ жизни, дѣятельности и трудовъ проф. Кера, мы считаемъ лишнимъ восхвалять заслуги знаменитаго профессора: онѣ предъ вами на лицо, — судите о нихъ сами.

М. Шуваловъ.

ОЧЕРКЪ ЯССКАГО КОНГРЕССА.

ЯССКІЙ МИРЪ.

Турецкая война 1787 года была предпринята императрицей Екатериной II-й въ союзѣ съ Австріей. Союзный договоръ между Россіей и Австріей былъ заключенъ за 6-ть лѣтъ передъ этимъ, 18 мая 1781 г., въ формѣ 2-хъ собственноручныхъ писемъ императора Іосифа II, обмѣненныхъ на два письма Екатерины II, отъ 12 апрѣля 1781 г. Этотъ договоръ, направленный, главнымъ образомъ, противъ Турціи, былъ задуманъ во время путешествія императора Іосифа II въ Россію, въ 1780 г. Въ своихъ разговорахъ съ императрицей, Іосифъ постоянно высказывалъ желаніе вступить въ союзъ съ Россіей. Австрійскій посолъ, графъ Кобенцель, съ своей стороны говорилъ объ этомъ съ княземъ Потемкинымъ; 9 января 1781 г. гр. Кобенцель передалъ графу Н. И. Панину формальное предложеніе отъ имени императора Іосифа II заключить оборонительный союзъ и гарантировать взаимныя владѣнія договаривающихся сторонъ. Для переговоровъ съ гр. Кобенцелемъ были назначены императрицей слѣдующія лица: графъ Панинъ, вице-канцлеръ гр. Остерманъ, генералъ-маіоръ Безбородко и д. с. с. Бакунинъ. Послѣ цѣлаго ряда конференцій, 12 апрѣля 1781 г., императрица утвердила проектъ союзнаго договора въ формѣ двухъ писемъ къ императору Іосифу II; Іосифъ принялъ предложеніе императрицы и отправилъ, 18 мая того же года, 2 собственноручныхъ письма императрицѣ, по содержанію совершенно тожественныхъ съ двумя вышеупомянутыми письмами Екатерины къ Іосифу. Такая странная форма союзнаго договора, въ видѣ писемъ, была избрана для того, чтобы придать соглашенію дружескій, интимный характеръ, какъ это выражено въ началѣ перваго письма. Сущность союзнаго договора

заключалась въ слѣдующемъ: Германскій императоръ подтверждалъ конвенцію 1772 г., равно какъ и Тешенскій трактатъ, и обязывался защищать русскіе предѣлы, за исключеніемъ русскихъ владѣній въ Азіи, въ случаѣ чьего бы то ни было нападенія на нихъ; вспомогательный австрійскій корпусъ опредѣлялся въ 10000 пѣхоты и 2000 кавалеріи, снабженный полевой артиллеріей и военными припасами. Этотъ корпусъ императоръ обязывался выставить черезъ три мѣсяца послѣ требованія. Въ случаѣ нападенія со стороны Швеціи, Іосифъ предлагалъ вмѣсто этихъ войскъ денежную субсидію въ 400000 руб. вслѣдствіе отдаленности этой страны отъ Австріи. Въ случаѣ если бы послѣ доставленія вспомогательныхъ войскъ императрицѣ, было сдѣлано нападеніе на владѣнія императора Іосифа, онъ оставлялъ за собой право вызвать свои войска назадъ, предупредивъ объ этомъ императрицу за 2 мѣсяца. Въ сепаратной статьѣ императоръ гарантировалъ для Польши конституцію 1773 года и неприкосновенность республики. Самая важная статья союзнаго договора заключалась во второмъ письмѣ; она касалась Оттоманской Порты: императоръ Іосифъ II гарантировалъ за себя и за своихъ преемниковъ всѣ трактаты и конвенціи, заключенные между Портой и Россіей, т.-е. конвенцію отъ 9 октября 1704 г. относительно границы у Азова и Кубани, Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, заключенный въ 1774 г., конвенцію 4 апрѣля 1775 г., касающуюся Кинбурнской области, и, наконецъ, изъяснительную конвенцію, подписанную въ Константинополѣ 10 марта 1779 года. Въ случаѣ нарушенія этихъ конвенцій Портой, императоръ обязывался объявить ей войну; если бы во время этой предполагаемой войны съ Турціей, Россія подверглась нападенію другой державы, Іосифъ точно также обязывался помогать императрицѣ. Означенный договоръ долженъ былъ имѣть силу въ теченіе 8 лѣтъ. Случай воспользоваться помощью Австріи представился императрицѣ Екатеринѣ только черезъ 6 лѣтъ: Порта не могла забыть потери Крыма, присоединеннаго къ Россіи въ 1783 году, и дѣятельно готовилась къ войнѣ; съ своей стороны Россія только ждала повода для разрыва и, дѣйствительно, въ концѣ 1787 года, императрица, раздра-

женная постоянными нападеніями турецкихъ подданныхъ на русскія владѣнія, объявила Портѣ войну. Императоръ Іосифъ II, въ силу союзнаго договора, также объявилъ войну Турціи 29 января 1788 г. [1]).

Эта война была начата Екатериной II съ самыми обширными цѣлями. Ее въ то время сильно занимала мысль разрушить турецкую имперію и, выдѣливъ части Франціи, Англіи и Испаніи, изъ остатка образовать греческую имперію для своего внука Великаго Князя Константина Павловича [2]). Образованіе новой монархіи не могло быть страшно для другихъ Европейскихъ державъ, такъ какъ всѣ онѣ, по плану императрицы, получили бы части при раздѣлѣ Турціи. Къ сожалѣнію, военныя дѣйствія 1787 и 1788 годовъ противъ турокъ, были довольно неудачны; къ этому присоединилась еще война со Швеціей; король Густавъ III требовалъ, чтобы Россія возвратила Крымъ Портѣ и чтобы границы Турціи были возстановлены, какъ онѣ были до 1768 года. Неудачи турецкой войны главнымъ образомъ происходили отъ медленности военныхъ дѣйствій, вслѣдствіе несогласій между военачальниками. Взятіе Очакова нѣсколько оживило надежды Екатерины, хотя эта побѣда и была неблагопріятна въ томъ отношеніи, что возстановила новыхъ враговъ: Пруссія и Англія, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія Россіи въ случаѣ полнаго разгрома Турціи, стали готовиться къ войнѣ. Пруссія играла двойственную роль: дѣлая военныя приготовленія, она въ то же время черезъ своихъ уполномоченныхъ представляла тѣ выгоды, которыя Россія могла бы пріобрѣсти отъ союза съ нею; прусскій посланникъ въ Польшѣ, Герцбергъ говорилъ русскому посланнику въ Берлинѣ, Нессельроде: „Если бы положились на насъ, то и Крымъ и Очаковъ были бы ваши“ [3]). Тѣмъ не менѣе Екатерина, не смотря на совѣты кн. Потемкина, недовѣряла Пруссіи и оставалась вѣрна союзу съ Австріей, разсчитывая

[1]) „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“ Ф. Мартенса, т. II, стр. 96—116. Подлинныя письма хранятся въ Моск. Гл. Архивѣ М. И. Д.

[2]) Исторія Екатерины II. А. Брикнера, стр. 488.

[3]) Исторія паденія Польши С. М. Соловьева, стр. 196.

скорѣе дѣлать уступки Турціи, чѣмъ Пруссіи. Военныя дѣйствія въ 1789 году были удачнѣе предшествующихъ лѣтъ: Дерфельденъ одержалъ побѣду на Прутѣ и занялъ Галацъ; русскіе взяли турецкій фортъ Гаджибей, гдѣ впослѣдствіи была основана Одесса.

Между тѣмъ Австрійская армія была расположена такъ: лѣвое крыло, подъ начальствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго, занимало Буковину; главная квартира была въ Черновицахъ; вблизи были расположены отдѣльные корпуса фельдмаршалалейтенанта Фабриса въ Трансильваніи; затѣмъ корпусъ гр. Вартенслебена находился въ Крайовскомъ Банатѣ и около Слатина; главная австрійская армія, подъ начальствомъ императора Іосифа, была въ Землинѣ, противъ Бѣлграда; въ Кроаціи находился корпусъ кн. Лихтенштейна. Первыя военныя дѣйствія принца Кобургскаго были направлены противъ крѣпости Хотина, которая, находясь во флангѣ австрійской арміи, мѣшала ея движеніямъ. Принцъ разсчитывалъ сначала овладѣть крѣпостью безъ боя и поэтому отправилъ, 13 февраля, парламентера съ предложеніемъ сдать ее; турки отказались, и тогда началась правильная осада Хотина. Для содѣйствія принцу Кобургскому отъ союзной русской арміи была отдѣлена дивизія, подъ начальствомъ гр. Салтыкова. До соединенія съ русскими войсками, австрійцы дѣйствовали очень вяло, только съ прибытіемъ русскихъ дѣло было поведено энергично; 18 сентября крѣпость сдалась, причемъ турецкій главнокомандующій заявилъ, что онъ сдается русскимъ, а не австрійцамъ. Почти въ это самое время на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, австрійцы были на голову разбиты турками; генералъ Вартенслебенъ потерпѣлъ пораженіе при Старой Оршовѣ, 17 августа; самъ императоръ Іосифъ былъ разбитъ, 3 сентября, при Слатинѣ. Кампанія 1789 года была удачнѣе для союзниковъ; принцъ Кобургъ, соединившись съ Суворовымъ, разбилъ турокъ при Фокшанахъ, 21 іюля 1789 г. и затѣмъ при Рымникѣ, 11 сентября того же года; 24 сентября австрійскій генералъ Лаудонъ взялъ приступомъ Бѣлградъ; 13 октября онъ занялъ Семендрію. Кампанія 1790 года велась австрійцами съ перемѣннымъ счастіемъ; принцъ Кобургскій

овладѣлъ, 7 апрѣля, крѣпостью Оршовой, но въ скоромъ времени потерпѣлъ неудачу подъ Журжей; возмездіемъ за эту неудачу явилась побѣда подъ Калафатомъ, одержанная 24 іюня австрійскимъ генераломъ Клорфеемъ. Этимъ сраженіемъ и заключилась австро-турецкая война; 19 сентября 1790 г. было заключено перемиріе между Австрій и Турціей.

Что же касается собственно Россійскихъ войскъ, то осенью того же года ими была одержана блестящая побѣда: Суворовъ взялъ послѣ кровопролитнаго штурма Измаилъ. Императрица Екатерина разсчитывала этимъ ударомъ покончить войну; Турція была дѣйствительно на краю гибели и въ своемъ критическомъ положеніи разсчитывала только на помощь Пруссіи и Англіи.

Кончина вѣрнаго союзника Екатерины, германскаго императора Іосифа II, разстроила планы императрицы. При его преемникѣ, Леопольдѣ II, образъ дѣйствій Вѣнскаго двора совершенно измѣнился и Пруссіи удалось склонить Австрію на свою сторону; прусскій посланникъ въ Варшавѣ, Герцбергъ выставилъ новый планъ, по которому Австрія возвращала Галицію Польшѣ, а Пруссія получала отъ Польши Торнъ и Данцигъ[1]); Австрія должна была быть вознаграждена на счетъ Турціи: именно ей по этому плану отходила турецкая Кроація. Планъ этотъ однако рушился, хотя на Рейхенбахской конвенціи, имѣвшей мѣсто вскорѣ послѣ воцаренія Леопольда, Австрія и сблизилась съ Пруссіей, Пруссія все-таки не получила Данцига и Торна. Не смотря на свои военныя приготовленія, Пруссія не рѣшилась объявить войну Россіи, боясь Австріи, которая, хотя и обязалась не помогать русскимъ, продолжала въ сношеніяхъ называть себя вѣрной союзницей Россіи.

Въ Англіи партія, стоявшая за миръ съ Россіей, взяла перевѣсъ: когда первый министръ Питтъ, внесъ въ палату общинъ отъ имени короля предложеніе назначить суммы для предстоящей войны съ Россіей, глава оппозиціи Фоксъ началъ опровергать это предложеніе; въ палатѣ лордовъ за

---

[1]) Исторія паденія Польши, Соловьева, стр. 202, 207.

мнѣніе Фокса высказались многіе пэры: лорды Лоборо, Стормонтъ и Нортъ; въ Нижней палатѣ его поддерживали: Грей, Шериданъ и Уэйтбридъ. Доводы членовъ оппозиціи произвели такое сильное впечатлѣніе, что министерство получило большинство только въ 80 голосовъ. Питтъ, видя, что война не популярна въ странѣ, рѣшился отступить и послалъ черезъ курьера англійскому послу въ Петербургъ приказаніе не доводить дѣла до разрыва[1]).

Такимъ образомъ опасность, грозившая со стороны Пруссіи и Англіи, была устранена, хотя императрицѣ и пришлось отказаться отъ своихъ обширныхъ замысловъ; Австрія спѣшила заключить миръ съ Турціей, и Россія должна была одна доканчивать войну; не смотря на эти неблагопріятныя условія, кампанія 1791 года была удачна для русскихъ: крѣпость Анапа была взята приступомъ лѣтомъ 1791 г., и русскій главнокомандующій, кн. Репнинъ, нанесъ туркамъ рѣшительное пораженіе при Мачинѣ. — Эти побѣды предвѣщали скорый миръ и, дѣйствительно, 18 іюля 1791 года, кн. Потемкину, бывшему тогда въ Петербургѣ, данъ былъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ императрица давала знать фельдмаршалу о желаніи короля обѣихъ Сицилій служить посредникомъ между Россіей и Турціей черезъ своего посланника въ Константинополѣ, гр. Лудольфа; Порта оказывала склонность къ миру; затрудненіе состояло только въ томъ, что, заключивъ съ Пруссіей оборонительно наступательный союзъ, Турція не могла подписать мира, безъ вѣдома короля прусскаго. Императрица желала, чтобы Портѣ было поставлено на видъ двуличное поведеніе Пруссіи, которая вмѣсто дѣятельной помощи Портѣ ограничивалась одними обѣщаніями, имѣя сама виды на Данцигъ; въ то же время прусскій дворъ, вовсе не будучи уполномоченъ Турціей, хотѣлъ завязать мирные переговоры отъ ея лица; далѣе этимъ рескриптомъ предоставлялось кн. Потемкину право единолично заключить миръ съ Турціей, отклоняя предложенія другихъ державъ. Императрица выставляла слѣдующіе пункты для мирныхъ переговоровъ:

---

[1]) Исторія паденія Польши Соловьева, стр. 221.

1) потребовать срытія крѣпостей Анапы и Суджука, такъ какъ ихъ нельзя было удержать за собою вслѣдствіе нездороваго климата и необходимости содержать тамъ многочисленный гарнизонъ; 2) ратификаціи должны быть обмѣнены между Турціей и Россіей въ шестинедѣльный срокъ; 3) такъ какъ германскій императоръ, не смотря на „коварныя и отвратительныя внушенія", какъ выразилась императрица, прусскаго короля, остался вѣренъ Россіи, то въ случаѣ если мирные переговоры съ нашей стороны окончились бы ранѣе заключенія мира между Австріей и Турціей. Потемкинъ долженъ былъ предупредить императора, чтобы тотъ принялъ свои мѣры; кромѣ того, до окончанія мирныхъ переговоровъ Порты съ императоромъ, русскія войска должны были остаться въ Бессарабіи и Молдавіи[1]).

Получивъ этотъ рескриптъ 18 іюля, Потемкинъ медлилъ выѣздомъ изъ Петербурга, такъ что извѣстіе о заключеніи прелиминарныхъ условій мира кн. Репнинымъ застали его еще въ столицѣ; это извѣстіе очень обрадовало императрицу; въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя кн. Потемкина, отъ 12 августа, Екатерина поручила Потемкину объявить кн. Репнину монаршее благоволеніе; по ея мнѣнію, въ переговорахъ былъ только тотъ недостатокъ, что срокъ перемирія былъ слишкомъ продолжителенъ; императрица особенно настаивала на подтвержденіи того пункта Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, по которому можно было укрѣплять новоприобрѣтенныя территоріи; этотъ пунктъ долженъ былъ быть примѣненъ къ части земли между Бугомъ и Днѣстромъ, уступаемой Турціей.

Всякія возраженія турокъ по этому поводу должны были быть отвергнуты. Другія двѣ статьи въ прелиминарномъ договорѣ, въ которыхъ Россія была заинтересована, трактовали объ охранѣ русскаго мореплаванія отъ корсаровъ и о воспрещеніи вторгаться въ предѣлы грузинскаго царства, находившагося подъ протекторатомъ Россіи. Относительно перваго пункта Россія опиралась на прецедентъ: такой же ар-

---

[1]) Московскій Главный Архивъ М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791. Св. 13.

тикулъ былъ включенъ въ договорѣ съ Вѣнскимъ дворомъ; кромѣ того Порта не могла представить никакихъ возраженій на эту статью, потому что въ послѣдней войнѣ она доказала свою власть надъ корсарами, употребляя ихъ на службу. Въ проектѣ вѣчнаго мира, приложенномъ къ этимъ 2-мъ рескриптамъ, заключается 11 статей. Въ 1 статьѣ, послѣ оффиціальныхъ увѣреній въ вѣчномъ мирѣ, слѣдуетъ общая амнистія для подданныхъ обѣихъ державъ, совершившихъ преступленія противъ той или другой стороны. Во второй статьѣ находимъ подтвержденіе всѣхъ прежнихъ трактатовъ и конвенцій, именно трактата 1774 года, изъяснительной конвенціи 1779 года, торговаго трактата 1783 года и акта по случаю присоединенія къ Россіи Крыма, Тамани и Кубани. 3-я статья опредѣляетъ границею Россіи и Турціи рѣку Днѣстръ, причемъ земли, лежащія на лѣвомъ берегу, должны были остаться на вѣчныя времена въ русскомъ владѣніи; всѣ же земли на противоположномъ берегу отходили къ Турціи. По 4 статьѣ турецкому султану возвращались завоеванныя русскимъ оружіемъ Бессарабія и Молдавское княжество на извѣстныхъ условіяхъ, а именно: 1) всѣ льготы, которыя были дарованы вышеупомянутымъ землямъ по прежнимъ трактатамъ, должны и впредь свято соблюдаться; 2) не должно было требовать отъ этихъ земель никакихъ денежныхъ суммъ за старые счеты; 3) не брать съ нихъ контрибуціи за все время войны; 4) всѣмъ молдавскимъ фамиліямъ дозволить свободный выѣздъ изъ отечества, причемъ срокъ для переселенія назначался двухлѣтній со дня размѣна настоящаго договора. 5-я статья говорила объ обязательствѣ турокъ не безпокоить предѣловъ Грузіи. 6-я статья имѣла условный характеръ: она должна была быть включена въ мирный договоръ, въ случаѣ если бы турки стали добиваться особеннаго изъясненія прежнихъ постановленій о консулахъ. Въ окончательномъ мирномъ договорѣ эта статья опущена, вмѣсто нея вставлена статья о Закубанскихъ народахъ. Въ 7-ой статьѣ говорилось о размѣнѣ плѣнныхъ. Остальныя статьи были посвящены разнымъ техническимъ подробностямъ мирныхъ переговоровъ. — Къ проекту мирнаго договора были приложены 2 се-

паратные артикула. Въ первомъ изъ нихъ опредѣлялось, что войска обѣихъ договаривающихся державъ должны остаться на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застанетъ настоящая мирная негоціація. По обмѣнѣ же ратификацій, русскія войска должны были въ 2-хъ недѣльный срокъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная и затѣмъ въ $2^1/_2$ мѣсяца оставить Молдавію и Бессарабію; такимъ образомъ на очищеніе турецкихъ областей полагалось 3 мѣсяца. Во второмъ сепаратномъ артикулѣ подтверждалось то, что было уже высказано въ рескриптѣ кн. Потемкину отъ 18 іюля 1791 г., именно, что русскія войска должны оставаться въ Молдавіи и Бессарабіи до окончанія мирныхъ переговоровъ между австрійскимъ дворомъ и Портой [1]). Кн. Потемкинъ прибылъ изъ Петербурга въ Галацъ 7 августа 1791 г.; гдѣ тотчасъ же имъ было получено письмо отъ великаго визиря, отъ 3 августа, въ которомъ визирь писалъ Потемкину, послѣ обычныхъ комплиментовъ, о желаніи начать мирные переговоры; визирь прибавлялъ, что онъ во время самыхъ военныхъ дѣйствій, чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія, заключилъ съ кн. Репнинымъ перемиріе, оставляя окончательное заключеніе мира до пріѣзда Свѣтлѣйшаго князя. 7 августа великій визирь послалъ князю второе письмо съ двумя посланными, Али-Агой и вице-драгоманомъ кн. Мурузи, съ цѣлью поздравить Потемкина съ счастливымъ началомъ переговоровъ. Князь любезно принялъ уполномоченныхъ великаго визиря и, переговоривъ съ ними, спросилъ ихъ, не имѣютъ ли они сообщить ему еще что-нибудь. На это кн. Мурузи тихо сказалъ Лашкареву [2]) по-гречески, что онъ проситъ объ особенной аудіенціи у князя Потемкина. Такъ какъ Мурузи былъ знакомъ съ адмираломъ де Рибасомъ, этому послѣднему было поручено сондировать Мурузи относительно его намѣреній. Мурузи сообщилъ адмиралу Рибасу, что Англійскій и Голландскій дворы совѣтовали Турціи не спѣшить заключеніемъ мира съ Россіею, а напротивъ того,

---

[1]) Московскій Главный Архивъ М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791. Св. 13.

[2]) Одинъ изъ уполномоченныхъ на заключеніе мира, Статскій Совѣтникъ Лашкаревъ.

продолжать войну въ виду того, что у великаго визиря большая армія, которая можетъ быть вся направлена противъ русскихъ, такъ какъ въ Систовѣ уже заключенъ міръ съ австрійцами. Мурузи прибавилъ, подъ величайшимъ секретомъ, что въ Мачинскій лагерь пришелъ фирманъ султана на имя визиря, въ которомъ заключалось приказаніе немедленно прервать переговоры и продолжать войну; но что Юсуфъ Паша (визирь), пламенно желая заключить миръ, рѣшилъ не обнародовать фирмана до полученія отвѣта отъ кн. Потемкина, относительно измѣненія нѣкоторыхъ прелиминарныхъ статей; что это измѣненіе нисколько не уменьшитъ престижа Россіи, султанъ же, узнавши объ этомъ, немедленно согласится на миръ.

Мурузи прибавилъ, что визирь вполнѣ понимаетъ неловкость подобныхъ предложеній, послѣ того какъ прелиминарныя условія были уже подписаны, но что его принуждаютъ къ этому обстоятельства; кромѣ того онъ разсчитываетъ на великодушіе Свѣтлѣйшаго и на неограниченныя полномочія, которыми онъ удостоенъ отъ Е.И.В. Предположенныя измѣненія состояли въ слѣдующемъ: 1) требовалась уступка въ пользу Турціи полосы земли на лѣвомъ берегу Днѣстра; 2) русскіе должны были формально обязаться не возводить крѣпостей на своей новой территоріи между Бугомъ и вышеупомянутой полосой земли (въ особенности въ Гаджибеѣ); 3) въ мирномъ договорѣ не должно было быть никакого упоминанія о Молдавіи и Валахіи.

Адмиралъ де Рибасъ, выслушавъ кн. Мурузи, рѣшительно отсовѣтовалъ ему доводить до свѣдѣнія Свѣтлѣйшаго это предложеніе, говоря, что это будетъ непріятно императрицѣ и страшно раздражитъ кн. Потемкина; на это Мурузи отвѣтилъ, что онъ подъ опасеніемъ потерять голову, долженъ передать эти предложенія. Князь Потемкинъ, увѣдомленный объ этомъ разговорѣ, послалъ къ Мурузи Лашкарева, которому онъ передалъ то же, что и адмиралу де Рибасу, прибавивъ къ этому, что неудовольствіе трехъ союзныхъ дворовъ противъ Россіи объясняется тѣмъ, что будто бы русскіе послали въ Голландію тайныхъ поджигателей, которые сожгли адми-

ралтейскіе магазины. Ген. Лашкаревъ увѣрилъ князя Мурузи въ невѣрности этого извѣстія и конфиденціально сообщилъ ему, что союзные дворы только что согласились между собою предложить Портѣ принять прелиминарныя условія. Это послѣднее извѣстіе страшно поразило Мурузи, но не смотря на это онъ все-таки упорствовалъ въ своемъ желаніи имѣть аудіенцію у Потемкина. На слѣдующій день послѣ этого любопытнаго разговора, кн. Потемкинъ принялъ Мурузи. Какъ только онъ началъ разговоръ объ измѣненіи прелиминарнаго трактата, фельдмаршалъ рѣзко прервалъ его, сказавши, что, если говорить объ измѣненіяхъ, то онъ, Потемкинъ, назначитъ границею рѣку Прутъ, а если турки не будутъ довольны этимъ, то—Дунай; по его словамъ, императрица была недовольна веденіемъ переговоровъ кн. Репнинымъ, который не имѣлъ полномочій заключать миръ. Эти слова Потемкина совершенно несогласны съ истиной, такъ какъ въ уже разсмотрѣнномъ нами манифестѣ отъ 12 авг. 1791 г. въ самомъ началѣ императрица выражала кн. Репнину монаршее благоволеніе по поводу заключенія имъ прелиминарнаго договора съ турками. Это странное противорѣчіе только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что Потемкинъ завидовалъ блестящимъ успѣхамъ кн. Репнина и сердился на то, что мирные переговоры были начаты безъ него. Потемкинъ прибавилъ, что онъ можетъ закрыть глаза на заключеніе прелиминарнаго договора только въ томъ случаѣ, если турки немедленно пришлютъ уполномоченныхъ, и не для того, чтобы трактовать о мирѣ, а чтобы подписать его. По его мнѣнію, положеніе турецкой арміи было безвыходно, такъ что императрица только изъ дружбы къ султану Селиму рѣшилась заключить миръ. Мурузи, дрожа, выслушалъ гнѣвную рѣчь князя и началъ униженно просить его забыть то, что было сказано имъ, такъ какъ эти предложенія были сдѣланы въ надеждѣ на великодушіе кн. Потемкина и не выставлялись, какъ требованіе; кн. Мурузи особенно просилъ, чтобы великому визирю не было донесено ничего изъ того, что было говорено имъ Потемкину.

Послѣ отъѣзда Мурузи, въ русскій лагерь пріѣхалъ докторъ

визиря Жюліани, который передалъ, что Мурузи было только поручено привѣтствовать фельдмаршала отъ имени великаго визиря, который и не думалъ перемѣнять что-либо въ прелиминарныхъ переговорахъ. Все это будто бы была интрига кн. Мурузи и Кія-бея, которые хотѣли показать султану, что они посредствомъ переговоровъ добились отъ Потемкина того, чего великій визирь не могъ добиться силой[1]).

Въ послѣдующей перепискѣ между великимъ визиремъ и кн. Потемкинымъ нѣтъ болѣе упоминанія объ этомъ инцидентѣ. — Князь Потемкинъ, чувствуя себя нездоровымъ, спѣшилъ заключеніемъ мира: 12 августа были назначены съ обѣихъ сторонъ уполномоченные для веденія окончательныхъ переговоровъ о мирѣ; съ русской стороны — генералъ-лейтенантъ и Дѣйствительный Камергеръ Александръ Самойловъ, генералъ майоръ Іосифъ Рибасъ и статскій совѣтникъ Лашкаревъ; съ турецкой были назначены Рейсъ-Ефенди, Ибрагимъ Изметъ бей и Мухамедъ Дурри-Ефенди; мѣсто конгресса было первоначально назначено въ городѣ Гущѣ, служившемъ резиденціей фельдмаршала; въ тотъ же день великимъ визиремъ былъ посланъ къ кн. Потемкину особый гонецъ, Ель-Хаги Мустафа-Ефенди, съ порученіемъ передать ему разные подарки, извиняясь за ихъ незначительность; Потемкинъ 27 августа послалъ съ отвѣтными подарками камергера графа Чернышева и увѣдомилъ визиря о своемъ желаніи, чтобы конгрессъ былъ назначенъ въ Яссахъ, такъ какъ Гущъ былъ по размѣрамъ своимъ слишкомъ малъ для уполномоченныхъ и ихъ свиты. Оставалось уладить одно затрудненіе, — именно кн. Потемкину не хотѣлось, чтобы пять уѣздовъ княжества Молдавскаго, завоеванные союзной австро-русской арміей, были отданы господарю Валахіи; поэтому онъ просилъ великаго визиря ни въ какомъ случаѣ не допускать господаря вмѣшиваться во внутреннее управленіе этихъ 5 уѣздовъ; что касается до финансоваго управленія этой страны, фельдмаршалъ соглашался, чтобы отъ молдавскаго дивана былъ посланъ

[1]) Московскій Главный Архивъ М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. Св. 13. 1791. Précis d'un entretien du défunt Prince Potemkin Tauricie. avec les Députés du Grand Visir.

намѣстникъ, который бы собралъ подати и далъ въ нихъ отчетъ Портѣ по заключеніи мира [1]).

Въ отвѣтъ на это письмо визирь увѣдомилъ Свѣтлѣйшаго, что такъ какъ означенные уѣзды были возвращены Турціи по сепаратному артикулу мирнаго договора съ Австріей, то Порта имѣла намѣреніе отдать ихъ господарю Валахіи, но, изъ уваженія къ кн. Потемкину, визирь соглашался совершенно отстранить господаря и назначить временнымъ правителемъ одного изъ молдавскихъ бояръ. 8-го сентября княземъ Потемкинымъ былъ посланъ полковникъ Лесли для встрѣчи турецкихъ уполномоченныхъ, которые прибыли въ Яссы 20 сентября въ сопровожденіи многочисленной свиты и тотчасъ же обмѣнялись визитами съ русскими уполномоченными. День конгресса былъ назначенъ 6 октября, но за день передъ этимъ, 5 октября, князь Потемкинъ скончался. Еще 27 августа князь Потемкинъ писалъ великому визирю, что здоровье его поправляется; но въ теченіе сентября наступило значительное ухудшеніе; подъ вліяніемъ перемежающейся лихорадки княземъ овладѣли безпокойство и тоска, и онъ по совѣту докторовъ рѣшилъ переѣхать изъ Яссъ въ Николаевъ, а потомъ, сдавши командованіе арміей генералу Каховскому, ѣхать въ Петербургъ. Описаніе послѣдняго дня жизни кн. Потемкина есть въ письмѣ барона К. Я. Бюлера [2]) къ русскому послу въ Вѣнѣ, кн. Голицыну; по словамъ барона Бюлера, кн. Потемкинъ довольно хорошо провелъ первый день путешествія, 4 октября, но на слѣдующій день онъ, проѣхавъ 10 верстъ, вдругъ почувствовалъ себя очень дурно и приказалъ вынести себя на свѣжій воздухъ; князя поспѣшили положить на траву, и, не смотря на врачебную помощь, онъ скончался черезъ нѣсколько минутъ [3]). Извѣстіе о кончинѣ Потемкина дошло до Петербурга

[1]) М. Г. А. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791. Св. 13. Copie de la lettre du Maréchal et Grand Hetman Prince Potemkin Tauricien au Grand Visir Iusuf Pacha, dateé de Iassy, le 30 août 1791.

[2]) Баронъ К. Я. Бюлеръ былъ въ это время начальникомъ Дипломатической Канцеляріи Главнокомандующаго и Полевыхъ Почтъ; впослѣдствіи былъ Россійскимъ посланникомъ при разныхъ Европейскихъ дворахъ и сеймахъ.

[3]) Древняя и Новая Россія, декабрь, 1875 г. „Черты изъ жизни Князя Потемкина“ Барона Ѳ. А. Бюлера, стр. 340.

12 октября въ 5 часовъ пополудни; въ 8 часовъ вечера былъ созванъ во дворцѣ Совѣтъ для чрезвычайнаго засѣданія, на которомъ графъ Безбородко именемъ императрицы объявилъ о смерти фельдмаршала и о желаніи государыни, чтобы Совѣтъ представилъ свои мнѣнія по поводу заключенія мира съ Турціей; къ этому Безбородко прибавилъ, что князь Потемкинъ еще при жизни поручилъ генералу Каховскому начальство надъ войскомъ; что же касается до мирныхъ переговоровъ, то онъ всеподданнѣйше доложилъ императрицѣ о своей готовности поѣхать въ Яссы довершить мирные переговоры при посредствѣ лицъ, избранныхъ покойнымъ фельдмаршаломъ [1]); Совѣтъ вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ, и 13 октября графу Безбородко былъ данъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ императрица поручала ему довершить мирные переговоры, начатые кн. Потемкинымъ; на издержки императрица опредѣлила 10000 р.[2]); того же числа былъ посланъ указъ правителю канцеляріи покойнаго фельдмаршала, В. С. Попову, съ извѣстіемъ о назначеніи графа Безбородко для веденія мирныхъ переговоровъ; самъ же графъ послалъ Самойлову приказаніе продолжать„ негоціацію“, не дожидаясь его пріѣзда. Въ рескриптѣ отъ 20 числа императрица писала на имя Самойлова, де-Рибаса и Лашкарева, бывшимъ подчиненнымъ кн. Потемкина, что она сохраняетъ въ незабвенной памяти заслуги князя и не забудетъ тѣхъ, которые служили подъ его начальствомъ [3]); 27 октября наши уполномоченные послали гр. Безбородко донесеніе, въ которомъ они извѣщали его, что турки за смертью кн. Потемкина не соглашались начать переговоры, но, когда въ Яссы пришелъ высочайшій рескриптъ отъ 13 октября, въ которомъ гр. Безбородко получалъ приказаніе вести мирные переговоры черезъ тѣхъ же уполномоченныхъ, турки объявили, что это высочайшее по-

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1881 г., т. 29, стр. 127—128.

[2]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей, IX, 1791 г. св. 13 (Rescrits III).

[3]) М. Гл. А. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей, IX, 1791 г., св. 13 (Expédition III).

велѣніе можетъ служить вмѣсто новыхъ полномочій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждому изъ нихъ была дана копія съ этого повелѣнія за подписью надворнаго совѣтника Яковлева, служившаго посредникомъ въ переговорахъ между русскими и турецкими уполномоченными. Послѣ этого турки обязывались немедленно начать мирные переговоры [1]). Первоначально день конференціи былъ назначенъ въ среду, 29 октября, но, вслѣдствіе суевѣрія турокъ, по которому они не хотѣли начать переговоровъ въ среду, конференція была назначена въ четвергъ, 30 октября. Первая конференція была исключительно занята разными церемоніями: Рейсъ-Ефенди прочелъ привѣтственную рѣчь русскимъ уполномоченнымъ на турецкомъ языкѣ; по окончаніи ея она была переведена на французскій языкъ турецкимъ драгоманомъ; затѣмъ русскій секретарь конференціи прочелъ полномочіе, данное покойному кн. Потемкину и Высочайшее повелѣніе отъ 13 октября. Во второмъ засѣданіи 1 ноября дѣло мало подвинулось впередъ, хотя въ началѣ и было постановлено обходиться на будущее время безъ всякихъ церемоній. Первая же статья подала поводъ къ спорамъ; турецкіе полномочные спросили, почему въ этой статьѣ султану не былъ данъ титулъ Шахинъ-Шаха, т.-е. царя царей, на что русскіе отвѣчали, что по вопросу о титулахъ должно держаться Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата. Наконецъ порѣшили принять первую статью съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій [2]). Эти 2 конференціи имѣли мѣсто до пріѣзда въ Яссы гр. Безбородко; пріѣхавши сюда и узнавши о результатѣ этихъ конференцій, графъ былъ крайне недоволенъ медленностью переговоровъ; изъ письма его къ гр. Воронцову [3]) видно, что онъ не высоко ставилъ русскихъ уполномоченныхъ Самойлова, Рибаса и Лашкарева [4]). Безбородко

---

[1]) М. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791 г. св. 13 (Réception III).

[2]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791 г. св. 13 Rapports du comte de Besborodko.

[3]) Гр. А. Р. Воронцовъ, президентъ коммерцъ-коллегіи, сенаторъ.

[4]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Истор. Общества 1881 г., т. 29, стр. 133.

писалъ о нихъ: они вовсе въ дѣлахъ несвѣдущи и кромѣ Рибаса, который при плутовствѣ довольно понятливъ, никакого понятія, какъ и съ кѣмъ негоцировать, не имѣютъ. Въ донесеніи къ императрицѣ гр. Безбородко говорилъ [1]), что метода переговоровъ, которая была принята до его пріѣзда русскими уполномоченными, неудовлетворительна, такъ какъ, сообщая туркамъ артикулъ за артикуломъ, только теряется время; самъ Безбородко хотѣлъ сразу предложить всѣ артикулы, давши потомъ туркамъ нѣсколько дней на размышленіе; онъ приказалъ нашимъ полномочнымъ постараться внушить туркамъ, что русскими не будетъ сдѣлано никакихъ уступокъ. Безбородко рѣшился дѣйствовать такъ смѣло потому, что онъ зналъ о желаніи турокъ кончить скорѣе разорительную для нихъ войну; это извѣстіе было получено отъ визирскаго курьера Агассы-Абдуллы-Аги, который передалъ одному изъ подчиненныхъ гр. Безбородко, подполковнику Ибрагимовичу, что великій визирь думалъ зимовать въ Адріанополѣ и хотѣлъ отправить священное знамя Санджакъ-шерифъ туда же, но теперь остался въ Шумлѣ и это знамя положилъ въ ящикъ, что обозначаетъ рѣшительное прекращеніе войны; во многихъ мѣстахъ Агассы-Абдулла замѣтилъ, что народъ роптalъ на бѣдствія войны и завидовалъ благоденствію мусульманскихъ народовъ, находившихся подъ русскою властью [2]). Турецкіе уполномоченные, узнавши о пріѣздѣ графа Безбородко въ Яссы, поспѣшили первые сдѣлать ему визитъ; они посѣтили гр. Безбородко въ присутствіи трехъ русскихъ уполномоченныхъ и генералитета; Безбородко, зная, что, еще при жизни покойнаго князя Потемкина, эти взаимныя посѣщенія происходили безъ всякихъ церемоній, внушилъ туркамъ, что не смотря на то, что ему даны особыя полномочія, онъ „для утвержденія знакомства и пріязни“ намѣренъ пріѣхать къ нимъ безъ вся-

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791 г., св. 13. Rapports du comte de Besborodko. Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 5 ноября 1791 г.

[2]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791. св. 13. Rapports du comte de Besborodko. „Нѣкоторыя извѣстія, полученныя отъ визирскаго курьера-татарина Агассы-Абдуллы-Аги“.

кой свиты. Дѣйствительно, 8 ноября гр. Безбородко отправился къ нимъ, взявъ съ собой только перваго драгомана Яковлева и подполковника Бароцци, и былъ принятъ очень любезно [1]); послѣ взаимныхъ привѣтствій гр. Безбородко прямо перешелъ къ дѣлу и велѣлъ передать имъ черезъ драгомана, что всѣ артикулы будутъ имъ вручены сразу; на это турки отвѣчали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, желая, по своему обыкновенію, протянуть дѣло. 10 ноября состоялась первая конференція съ турецкими уполномоченными по пріѣздѣ гр. Безбородко [2]); по счету она была третьей.

Конференція открылась чтеніемъ полномочій, данныхъ графу, сперва по-русски, затѣмъ по-турецки; затѣмъ русскіе уполномоченные предложили принять статьи мирнаго договора и еще одну сепаратную статью о денежномъ вознагражденіи, на основаніи которыхъ долженъ былъ быть заключенъ миръ. Послѣ краткаго совѣщанія, турецкіе уполномоченные объявили, что они возвращаютъ статью о вознагражденіи, такъ какъ она была устранена на конференціи въ Галацѣ между кн. Репнинымъ и Васспфъ-Еффенди, и что перемиріе было заключено подъ этимъ условіемъ. На это наши отвѣтили, что протоколъ Галацской конференціи не можетъ быть принятъ въ разсчетъ, въ виду того, что князь Репнинъ не имѣлъ полномочій, о чемъ онъ торжественно заявилъ Васспфъ-Еффенди, а только былъ снабженъ приказаніями покойнаго князя фельдмаршала, которыя касались: 1) подтвержденія Кайнарджійскаго договора и всѣхъ актовъ и конвенцій, заключенныхъ съ того времени между обоими государствами; 2) новой границы у Днѣстра; 3) возвращенія Молдавіи и Валахіи подъ власть турокъ. Васспфъ-Еффенди первый поднялъ вопросъ о военномъ вознагражденіи. Князь Репнинъ отвѣчалъ на это, что онъ не можетъ обсуждать вопроса о вознагражденіи не получивъ на

[1]) Моск. Гл. Архивъ. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791. св. 13. Rapports du comte de Besborodko. Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 12 ноября 1791.

[2]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791. св. 13. Rapports du comte de Besborodko. Protocole de la première Conférence après l'arrivée de S. E. Mr. le comte de Besborodko du 10 nov. 1791.

это особаго приказанія. Изъ этого-то турецкіе уполномоченные и вывели заключеніе, что статья совершенно устранена, хотя, очевидно, что такое заключеніе не вѣрно. Какъ бы то ни было, турки сказали, что они не принимаютъ этой статьи и оставляютъ ее на столѣ, не имѣя ничего сказать по ея поводу; наши возразили на это, что, такъ какъ вышеозначенная статья передана была письменно, и на конференціи они также должны были письменно отвѣчать на это. Чтобы заставить ихъ взять эту сепаратную статью, наши уполномоченные сказали, что въ случаѣ если они не дадутъ письменнаго отвѣта, то это будетъ считаться нарушеніемъ всякихъ дипломатическихъ обычаевъ и можетъ поселить холодность во время слѣдующихъ конференцій, которыя отличались до этого столь дружелюбнымъ характеромъ. Графъ Безбородко, узнавъ, что сепаратный артикулъ о денежномъ вознагражденіи былъ устраненъ турками, велѣлъ передать имъ, что послѣдствіемъ этого можетъ быть непринятіе и отъ нихъ никакихъ бумагъ; турки отвѣчали на это, что они не могутъ сами трактовать объ этихъ двухъ артикулахъ (о военномъ вознагражденіи и о закубанскихъ народахъ), не пославши донесенія объ этомъ великому визирю. Безбородко возразилъ на это, что онъ самъ готовъ снестись съ визиремъ по поводу этихъ 2-хъ артикуловъ, что же касается до другихъ, то ихъ слѣдовало, по его мнѣнію, подписать, а не трактовать объ нихъ[1]). Этимъ гр. Безбородко еще разъ подтверждалъ о своей рѣшимости ничего не уступать туркамъ сверхъ ультиматума.

Въ письмѣ графа Безбородко къ Зубову находятся слѣдующія любопытныя подробности: когда на 3-й конференціи не пришли ни къ какому заключенію, турки стали говорить, что еще Богъ—знаетъ будетъ ли миръ, и что можетъ быть придется посылать за войсками въ Багдадъ и другіе азіятскіе города; Безбородко, услышавъ объ этомъ стороною, далъ знать имъ, что намъ, въ случаѣ войны, не придется такъ далеко

---

1) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791. св. 13. Rapports du comte de Besborodko. Всеподданнѣйшее донесеніе гр. Безбородко отъ 12 ноября.

посылать за войскомъ, такъ какъ прекрасная стотысячная армія находится въ Молдавіи и Бессарабіи [1]).

На четвертой конференціи, 13 ноября, два первые артикула мирнаго договора были приняты безусловно; на слѣдующій день, 14 ноября, къ графу Безбородко прибыли 2-ой секретарь Мушибъ-ефенди и драгоманъ кн. Мурузи съ письмомъ, заключавшимъ въ себѣ нѣкоторыя возраженія на проектъ мирнаго трактата.

Они тотчасъ же были приняты графомъ Безбородко; когда во время аудіенціи рѣчь зашла о новой границѣ, турки стали требовать измѣненій въ этой статьѣ; гр. Безбородко наотрѣзъ отказалъ имъ; когда же они стали оспаривать и артикулъ объ алжирскихъ корсарахъ, то онъ рѣзко замѣтилъ имъ, что они, повидимому, хотятъ, чтобы весь трактатъ былъ составленъ сообразно съ интересами, тогда какъ русскіе имѣли полное право требовать себѣ нѣкоторыхъ выгодъ сравнительно съ турками, такъ какъ успѣхъ постоянно сопровождалъ русское оружіе и что не турки пришли на Волгу или Оку, а русскіе на Дунай. Переводчикъ, приведенный въ смущеніе словами графа Безбородко, не сталъ дословно передавать ихъ Мушибъ-ефенди; но когда русскій драгоманъ Яковлевъ замѣтилъ это графу Безбородко, тотъ заставилъ Мурузи дословно передать его слова Мушибъ-ефенди [2]). Черезъ три дня послѣ этого свиданія, Безбородко послалъ турецкимъ уполномоченнымъ обширное письмо, въ которомъ по порядку излагались статьи проекта съ замѣчаніями на нихъ графа.

Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливался на третьемъ артикулѣ проекта относительно границы между Россіей и Турціей, такъ какъ сама императрица считала этотъ вопросъ самымъ существеннымъ. Въ своемъ рескриптѣ отъ 19 ноября императрица писала, что было бы несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи дѣлать уступки въ этой статьѣ, послѣ того.

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1881 г., т. 29, стр. 142.

[2]) Гл. Моск. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791. Rapports du comte de Besborodko. Донесеніе императрицѣ отъ 21 ноября 1791 г.

какъ было объявлено другимъ Европейскимъ державамъ, что Днѣстръ будетъ окончательной границей. Екатерина ставила исполненіе этой статьи непремѣннымъ условіемъ заключенія мира и приказывала отвергнуть какія бы то ни было ограниченія этой статьи по вопросу о постройкѣ крѣпостей; она вполнѣ одобряла намѣреніе гр. Безбородко предложить на обсужденіе турокъ всѣ статьи мирнаго договора сразу, а не статью за статьею; въ случаѣ если бы конференція затянулась, императрица приказывала разомъ прервать переговоры и начать военныя дѣйствія. — Слѣдующая по важности была шестая статья о Закубанскихъ народахъ. Эти народы, находясь на границѣ Россіи, постоянно безпокоили русскіе предѣлы. Императрица желала, чтобы эти племена были признаны независимыми и служили бы естественнымъ барьеромъ между Россіей и Турціей.

Пятая конференція, состоявшаяся 17 ноября, ничѣмъ не кончилась. Турки опять подняли вопросъ объ уступкѣ имъ территоріи на другой сторонѣ Днѣстра, основываясь на томъ, что кн. Репнинъ, при заключеніи прелиминарныхъ условій, подалъ надежду Васспфъ-Ефенди на снисходительность императрицы; наши отвѣтили на это, что Е. И. В. всегда готова внимательно отнестить къ дружественнымъ заявленіямъ Порты, но относительно этого пункта она не можетъ перерѣшать того, что было уже разъ рѣшено; турецкіе уполномоченные, видя, что русскіе не уступаютъ, перешли къ другому вопросу; они говорили, что великій визирь въ виду дружбы, которая соединяла его съ покойнымъ фельдмаршаломъ надѣялся на уступку сказанной территоріи, но что разъ русскіе не уступаютъ имъ въ этомъ, то они желаютъ, чтобы русское правительство по крайней мѣрѣ обязалось не имѣть крѣпостей на той сторонѣ Днѣстра, на основаніи конвенціи 1779 года; наши отвѣчали на это, что тогдашнія обстоятельства были не тѣ, что теперь, такъ что сказанная конвенція не могла имѣть никакого отношенія къ этой статьѣ.

Они предложили поэтому туркамъ или подписать эту статью, или пріостановить конференцію.

Турки не согласились на это, сказавъ, что они должны

спросить инструкцій у великаго визиря; они просили отложить обсужденіе этой статьи до слѣдующей конференціи; наши возразили, что не могутъ входить въ обсужденіе этого вопроса, такъ какъ всякое ограниченіе въ постройкѣ крѣпостей шло бы въ разрѣзъ съ полнымъ правомъ собственности на этотъ берегъ Дпѣстра[1]). Послѣ этой конференціи турки стали распространять слухи о томъ, что въ скоромъ времени начнутся военныя дѣйствія, но видя, что русскіе ничего не уступаютъ, а что, напротивъ того, главнокомандующій генералъ Каховскій послалъ предписаніе всѣмъ полкамъ быть готовыми въ 24 часа, перемѣнили тонъ и стали просить подождать отвѣта визиря, такъ какъ иначе они подвергли бы себя большой опасности, взявъ на свою личную отвѣтственность подписаніе такой важной статьи. Безбородко согласился на это, съ тѣмъ чтобы они тотчасъ же послали къ визирю за инструкціями.

На шестой конференціи, имѣвшей мѣсто 20-го ноября, былъ достигнутъ важный результатъ 2 статьи мирнаго договора: были утверждены о правахъ и преимуществахъ Молдавіи и о царѣ Карталинскомъ. По настоящему договору, Молдавія получила слѣдующія преимущества сравнительно съ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ: жители были освобождены на 2 года отъ дани Турціи; затѣмъ срокъ для лицъ желающихъ выселиться былъ продолженъ на 3 мѣсяца, причемъ вполнѣ ясно было сказано, что переселенцы имѣли полное право продавать свою недвижимую собственность. — Вмѣстѣ съ донесеніемъ объ этой конференціи графомъ Безбородко было отправлено еще другое секретное, которое показываетъ, что онъ, дѣлая подарки разнымъ вліятельнымъ лицамъ, имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось на тайныхъ совѣщаніяхъ у турецкихъ уполномоченныхъ, именно: генералъ Рибасъ черезъ одного доктора Филадельфи познакомился съ турецкимъ первымъ секретаремъ конференціи, Аввы-ефенди, который, будучи давно знакомъ съ русскимъ драгоманомъ Яковлевымъ, разъ,

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791. св. 13. Protocole de la 5 conférence du 17 nov. 1791.

оставшись наединѣ съ нимъ, сказалъ ему, что онъ помнитъ русскую хлѣбъ-соль и готовъ служить и впредь (этотъ Аввазфенди еще прежде оказывалъ разныя услуги русскимъ); ему былъ предложенъ денежный подарокъ, но онъ предпочелъ получить какую-нибудь вещь—и ему дѣйствительно отъ имени гр. Безбородко была послана табакерка въ 850 р. и перстень въ 1600 р., чѣмъ этотъ и остался очень доволенъ. Этотъ Аввазфенди сообщилъ очень важныя свѣдѣнія: по его словамъ турецкіе уполномоченные получили приказаніе поскорѣе кончить мирные переговоры, почему онъ и совѣтовалъ русскимъ крѣпко держаться своихъ требованій; онъ сомнѣвался только относительно двухъ пунктовъ: о независимости Закубанскихъ народовъ и о денежномъ вознагражденіи; кромѣ того, Аввазфенди въ неясныхъ выраженіяхъ намекалъ на возможность будущаго союза между Россіей и Турціей. Графъ Безбородко на это отвѣчалъ неопредѣленно, говоря, что его полномочія не простираются до этого, такъ что трактовать объ этомъ можно только по заключеніи мира.

Относительно другого лица, доставлявшаго свѣдѣнія русскимъ, Стурдзы, Безбородко отзывался неблагопріятно; сначала онъ казался преданнымъ Россіи и даже хотѣлъ переселиться туда, но потомъ, женившись на сестрѣ кн. Мурузи, перемѣнилъ свое намѣреніе; самъ Мурузи нисколько не входилъ въ русскіе интересы, а, напротивъ того, затруднялъ заключеніе мира своими внушеніями, неблагопріятными для русскихъ[1]).

Между тѣмъ конференціи шли своимъ чередомъ; турки такъ упорно отстаивали свои требованія, что на 6-ой конференціи 25 ноября русскіе, выведенные изъ терпѣнія, первые прекратили конференцію и вышли изъ залы; турки были приведены этимъ въ страшное замѣшательство, тѣмъ болѣе, что по городу распространились слухи о томъ, что конференціи совершенно прекращены. Турки такъ были испуганы этимъ, что не стали медлить и тотчасъ же извѣстили гр. Безбородко

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791 года. Rapports du comte de Besborodko. Секретное донесеніе императрицѣ отъ 21 ноября 1791.

о томъ, что они получили отъ великаго визиря отвѣтъ относительно III статьи договора (о новой границѣ); вмѣстѣ съ тѣмъ они предложили назначить конференцію для окончательныхъ переговоровъ объ этой статьѣ; гр. Безбородко принялъ это предложеніе, но, не желая опять откладывать дѣло, приказалъ нашимъ уполномоченнымъ разомъ прервать переговоры въ случаѣ новаго упорства турокъ. Рѣшительность, выказанная гр. Безбородко, привела къ прекрасному результату; турки наконецъ согласились подписать статью, и такимъ образомъ эта статья, предметъ столькихъ споровъ, была подписана и размѣнена; всѣ турецкія ограниченія этой статьи, касающіяся недозволенія строить крѣпости, были также отвергнуты. Гр. Безбородко съ полнымъ правомъ доносилъ императрицѣ, что разъ эта статья подписана, миръ въ нашихъ рукахъ; турки дали понять, что они не будутъ спорить объ артикулѣ относительно алжирскихъ корсаровъ, въ случаѣ если русскіе отступятся отъ своего требованія относительно закубанскихъ народовъ, которое Порта не могла признать ни въ какомъ случаѣ; тогда гр. Безбородко рѣшилъ измѣнить этотъ пунктъ въ томъ смыслѣ, чтобы русскому правительству было дано право въ случаѣ набѣговъ этихъ безпокойныхъ народовъ самимъ усмирять виновныхъ и сверхъ того получать нѣкоторое денежное вознагражденіе; съ этой именно цѣлью графъ Безбородко отправилъ къ великому визирю подполковника Бароцци, которому было поручено переговорить съ визиремъ о военномъ вознагражденіи, о Закубанцахъ и объ африканскихъ корсарахъ. Въ случаѣ споровъ относительно вознагражденія Бароцци имѣлъ право убавить сумму на $^1/_2$; что касается до Закубанцевъ, онъ долженъ былъ передать визирю мнѣніе Безбородко, о которомъ мы только что говорили. Для подкрѣпленія этихъ требованій дѣлались весьма внушительныя демонстраціи: генералъ Каховскій собралъ въ окрестностяхъ Яссъ большія войска и артиллерію изъ 200 пушекъ. Изъ рескрипта императрицы отъ 4 декабря въ отвѣтъ на послѣднее донесеніе гр. Безбородко видно, что она не особенно настаивала на 2-хъ артикулахъ, разсмотрѣнныхъ нами выше, о независимости закубанскихъ народовъ и о военномъ воз-

награжденіи. Что касается до перваго артикула, то взглядъ императрицы совершенно былъ согласенъ со взглядомъ гр. Безбородко, именно она предлагала, чтобы или Турція отвѣчала за набѣги этихъ народовъ, или бы Россіи было предоставлено право усмирять ихъ, не почитая этого нарушеніемъ мирнаго трактата.

Въ вопросѣ о вознагражденіи императрица выражалась неопредѣленно; она говорила, что такъ какъ объ этомъ ничего не было сказано ни въ негоціаціи съ Англіей, ни при заключеніи прелиминарныхъ условій, то это требованіе могло дать поводъ думать, что русское правительство не сдержало своего слова; тѣмъ не менѣе императрица въ концѣ рескрипта выражала надежду, что графъ Безбородко, при сохраненіи въ полной и ненарушимой силѣ ультиматума, не упуститъ воспользоваться, если это окажется возможнымъ, чѣмъ-нибудь выгоднымъ и сверхъ того [1]).

По возвращеніи Бароцци отъ великаго визиря одинъ изъ турецкихъ уполномоченныхъ, Дурри-ефенди, попросилъ объ аудіенціи у графа Безбородко по особому приказанію великаго визиря. Дурри-ефенди сообщилъ графу, что визирь, желая скорѣйшаго заключенія мира между Россіей и Турціей, приказалъ уполномоченнымъ подписать артикулъ объ африканскихъ корсарахъ, не смотря на то, что онъ не былъ включенъ въ прелиминарномъ договорѣ. Безбородко отвѣчалъ, что онъ очень радъ желанію визиря покончить съ этимъ вопросомъ, хотя ссылка на прелиминарный договоръ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ не слѣдовало бы заключать окончательный договоръ, если бы въ него входило только то, что было сказано въ предварительныхъ условіяхъ. Очевидно, великій визирь хотѣлъ придать большую цѣну подписанію этого артикула, чтобы получить уступки по другимъ статьямъ. Когда перешли къ сепаратному артикулу, Безбородко замѣтилъ, что оставленіе сепаратнаго артикула на столѣ конференціи онъ считаетъ невѣжливымъ по отношенію къ Рос-

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей. IX. 1791. св. 13. Rescrits.

сіи. Дурри-ефенди сказалъ на это, что турецкіе уполномоченные сдѣлали это не изъ гордости или желанія оскорбить русскихъ, но потому, что обсужденіе сепаратнаго артикула не входило въ ихъ инструкціи, такъ какъ эта статья была устранена при заключеніи кн. Репнинымъ предварительныхъ мирныхъ условій. Безбородко повторилъ на это то, что уже говорено было нѣсколько разъ, что кн. Репнинъ не имѣлъ полномочій заключать миръ, слѣдовательно нельзя ссылаться на него. Дурри-ефенди сказалъ, что Турція сдѣлала и безъ того большія уступки относительно новой границы, такъ что ей было бы тяжело платить большое военное вознагражденіе; Безбородко возразилъ на это, что Россія послѣ такихъ побѣдъ, возвративши почти всѣ свои завоеванія туркамъ кромѣ незначительной полосы земли, имѣла, по его мнѣнію, право требовать денежное вознагражденіе, подобно тому какъ это было и по Кучукъ-Кайнарджійскому миру. Дурри-эффенди, видя твердость гр. Безбородко, сдѣлалъ послѣднюю попытку и просилъ отъ имени великаго визиря представить это дѣло на усмотрѣніе императрицы, но графъ сказалъ на это, что это будетъ пустая потеря времени, такъ какъ императрица не перемѣнитъ своего рѣшенія [1]). Не смотря на то, что графъ Безбородко такъ упорно отстаивалъ артикулъ о военномъ вознагражденіи, онъ, какъ видно изъ его донесенія императрицѣ отъ 29 декабря, не считалъ его самымъ существеннымъ вопросомъ переговоровъ; онъ настаивалъ на немъ для того, чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ другихъ пунктовъ мирнаго договора [2]). Передъ началомъ 11-й конференціи 26 декабря гр. Безбородко далъ знать туркамъ, что конференція не можетъ быть начата, если турки формально не примутъ оставленнаго ими сепаратнаго артикула о денежномъ удовлетвореніи и подъ рукой распространялъ слухи, что вслѣдствіе непринятія статьи о закубанскихъ народахъ можетъ произойти разрывъ. Успѣхъ

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Истор. Общества, 1881 г., т. 29, стр. 184—191.

[2]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791. св. 13. Rapports du comte de Besborodko. Донесеніе Императрицѣ отъ 29 декабря 1791 г.

этихъ мѣръ былъ полный: конференція открылась тѣмъ, что турецкіе уполномоченные приняли статью о денежномъ вознагражденіи. Когда рѣчь зашла о закубанскихъ народахъ, русскіе уполномоченные сказали, что такъ какъ изъ 3 способовъ разрѣшить эту статью 2 не приняты турками (дарованіе независимости этимъ народамъ или дарованіе русскимъ права самимъ усмирять ихъ), то остается только третій, который долженъ быть принятъ безъ всякихъ возраженій, именно, безусловное принятіе на себя турками полной отвѣтственности за вредъ, причиняемый закубанцами русскимъ. Турецкіе уполномоченные, выслушавъ это, изъявили желаніе перейти въ другую комнату для совѣщанія; по возвращеніи они предложили редактировать VI статью мирнаго договора въ томъ смыслѣ, что дѣйствія для обузданія закубанскихъ народовъ должны быть обоюдны и соблюдаемы и съ русской и съ турецкой стороны. Наши уполномоченные рѣшительно отвергли такую редакцію этой статьи, прибавивъ, что всякія такія ограниченія точнаго смысла VI статьи только отдалятъ заключеніе мира. Турки видя, что русскіе не уступаютъ, рѣшили наконецъ принять статью. Когда объ этомъ донесли гр. Безбородко, онъ вошелъ въ залу засѣданій въ сопровожденіи большой свиты [1]) и сказалъ турецкимъ уполномоченнымъ, что, видя ихъ благоразумную готовность принять наконецъ VI артикулъ, предметъ столькихъ споровъ, онъ сообщаетъ имъ, что императрица по своему врожденному великодушію и безкорыстію согласилась отказаться отъ денежнаго вознагражденія. Когда драгоманъ перевелъ эти слова туркамъ, они стали благодарить графа Безбородко и сказали, что они глубоко цѣнятъ великодушіе императрицы. Послѣ этого конференція кончилась, причемъ гг. уполномоченные условились подписать миръ 29 декабря. На 12 конференціи 27 декабря, статьи VI и VII были подписаны и размѣнены; русскіе уполномоченные показали туркамъ ратификацію главно-уполномоченнаго, которая должна

---

[1]) Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Сношенія Россіи съ Турціей IX. 1791. св. 13. Rapports du comte de Besborodko. Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 29 дек. 1791 г.

была быть размѣнена на ратификацію великаго визиря. По предложенію графа Безбородко было условлено тотчасъ послѣ обмѣна ратификацій императрицы и султана сообщить великому визирю о назначеніи русскаго посла въ Константинополь; о выборѣ турецкаго посла Блистательная Порта должна была увѣдомить гр. Безбородко. 29 декабря, еще до открытія послѣдней конференціи, Безбородко послалъ императрицѣ донесеніе, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что этотъ день назначенъ для подписанія мира; по этому случаю графъ просилъ, чтобы императрица разрѣшила со свойственной ей щедростью послать подарки всѣмъ турецкимъ уполномоченнымъ и посланнику короля Обѣихъ Сицилій, гр. Лудольфу, который содѣйствовалъ заключенію мира. Въ понедѣльникъ, 29 декабря, состоялась послѣдняя конференція. Прежде всего прочли договоръ по-русски, а драгоманъ Порты прочелъ его по-турецки. Гг. уполномоченные съ обѣихъ сторонъ подписали его и приложили печати. Затѣмъ въ залу вошелъ генералъ Самойловъ и поздравилъ турецкихъ уполномоченныхъ съ окончаніемъ ихъ важныхъ трудовъ. Турки отвѣчали на это, что радость мѣшаетъ имъ выразить чувства удивленія къ августѣйшей особѣ императрицы и что они вполнѣ цѣнятъ благородный образъ дѣйствій гр. Безбородко и другихъ уполномоченныхъ. По окончаніи конференціи турецкіе уполномоченные вмѣстѣ съ секретарями отправились къ гр. Безбородко засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и вновь принести ему благодарность. Тотчасъ же послѣ этого графъ Безбородко послалъ донесеніе императрицѣ вмѣстѣ съ текстомъ договора. Донесеніе это было отправлено съ секундъ-маіоромъ гвардіи Преображенскаго полка Морковымъ, который особенно отличился во время послѣдней войны; онъ прибылъ въ Петербургъ 6 января 1792 г. къ великой радости императрицы; ему тотчасъ былъ пожалованъ чинъ генералъ-маіора и 2000 червонцевъ. 10 января императрица отвѣчала гр. Безбородко рескриптомъ, въ которомъ она выражала ему монаршее благоволеніе за счастливое окончаніе столь важнаго дѣла. На подарки Екатерина опредѣлила 12000 червонцевъ, а для обоихъ графовъ Лудольфовъ (Посланника и его брата) перстень и табакерку.

30 января въ Петербургъ прибылъ генералъ-поручикъ Самойловъ съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. Въ тотъ же день императрица почтила гр. Безбородко новымъ рескриптомъ, въ которомъ она изъявляла ему признательность за понесенные труды и сообщала ему о пожалованіи ордена св. Андрея Первозваннаго и 50000 р. Генералъ Самойловъ получилъ тотъ же орденъ и 30000 р. [1]).

9-го февраля вечеромъ пріѣхалъ въ Петербургъ камергеръ графъ Чернышовъ съ султанской ратификаціей. Такимъ образомъ тяжелая и продолжительная турецкая война окончилась почетнымъ для Россіи миромъ, благодаря дипломатическимъ талантамъ гр. Безбородко и его умѣнію примѣняться къ обстоятельствамъ. Императрица осыпала его милостями; сверхъ тѣхъ наградъ, о которыхъ мы говорили выше, гр. Безбородко, 2 сентября 1793 года, въ день празднованія Ясскаго мира, получилъ похвальную грамоту, алмазную масличную вѣтвь для ношенія на шляпѣ и 5000 душъ въ Подольской губерніи [2]). Хотя Ясскій миръ и не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Екатерины, которая въ началѣ войны думала совершенно разрушить Турецкую имперію, но тѣмъ не менѣе этотъ миръ имѣлъ большое значеніе потому, что имъ былъ подтвержденъ Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ; присоединеніе Крыма къ Россіи было признано Турціей и Россія получила полосу земли между Бугомъ и Днѣстромъ; не смотря на противодѣйствіе такихъ сильныхъ державъ какъ Пруссія и Англія, Россія съ честью вышла изъ продолжительной и трудной войны и сохранила свое прежнее вліяніе въ средѣ другихъ Европейскихъ государствъ и на востокѣ.

А. Лопухинъ.

---

1) Сборникъ Императорскаго Русскаго Истор. Общества, 1881 т., т. 29, стр. 216.

2) Тамъ же, стр. 245.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Извлеченія изъ дневника Барона А. Я. Бюлера, бывшаго Секретаремъ въ штатѣ (Secrétaire des Commandements)*) Фельдмаршала Князя Потемкина.

L'année 1789 a eu lieu la seconde campagne contre les Turcs sous les ordres du Maréchal Prince Potemkine; après m'être trouvé pendant quelques mois comme volontaire à son quartier général, je fus nommé Secrétaire des Commandements du Maréchal. Nous fûmes à Kauchan, en Bessarabie, où notre avant — garde avait pris un camp retranché des Turcs; c'était

---

Переводъ. Въ 1789 году началась вторая турецкая война подъ начальствомъ Фельдмаршала Князя Потемкина. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ его главной квартирѣ, я былъ назначенъ Секретаремъ въ штатѣ Фельдмаршала. Мы находились въ Каушанахъ, въ Бессарабіи, гдѣ нашъ авангардъ взялъ укрѣпленный турецкій лагерь; это происходило въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и мнѣ было дано порученіе къ австрійскому Главно-

---

*) Подлинная рукопись принадлежитъ Библіотекѣ Моск Гл. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. — Баронъ А. Я. Бюлеръ началъ службу въ 1787 году, вторымъ Секретаремъ Императорской Россійской Миссіи при Нижне-Саксонскомъ Округѣ Германской Имперіи, въ Гамбургѣ; а въ 1789 году былъ опредѣленъ въ штатъ Фельдмаршала Князя Потемкина — Таврическаго Секретаремъ, съ чиномъ IX класса. Послѣ смерти Князя, Баронъ Бюлеръ находился при его преемникѣ, Графѣ Безбородко, во время веденія мирныхъ переговоровъ съ Турками въ Яссахъ въ 1791 году, однимъ изъ трехъ Секретарей конгресса. Въ день празднованія Ясскаго мира 2 Сентября 1793 г. онъ получилъ Орденъ Св. Владиміра 4-й ст., чуть ли не изъ рукъ самой Императрицы; по тогдашнему, крестъ этотъ былъ большого размѣра, согласно Орденскому Статуту, и Бар. Бюлеръ носилъ его до полученія въ 1837 году 2-ой степени того же Ордена. Характеристично то, что никогда не состоявъ въ строю арміи, Баронъ А. Я. въ формуляр-

au mois de septembre, lorsque je fus chargé d'une commission auprès du Prince de Cobourg, général Commandant Autrichien qui, dans ce moment, se trouvait avec son corps d'armée de l'autre côté du Séreth, peu de temps après s'être séparé de celui du général en chef C-te Souvoroff, avec lequel il venait de livrer la fameuse bataille de Rimnick. Ma commission consistait à lui remettre une boite avec le portrait de l'Impératrice richement garnie de diamants; ce fut en récompense de la victoire de Fokchan, remportée deux mois avant celle de Rimnick avec le général Souvoroff. C'est à cette occasion que, pour la première fois, je me présentais devant ce grand homme; car après Rimnick, il avait repris avec son corps

---

командующему, Принцу Кобургскому, который находился въ это время съ своимъ корпусомъ на другой сторонѣ Серета; онъ незадолго передъ этимъ отдѣлился отъ корпуса Главнокомандующаго графа Суворова, вмѣстѣ съ которымъ они только что дали знаменитое Рымникское сраженіе. Порученіе состояло въ томъ, чтобы доставить принцу табакерку съ портретомъ Императрицы богато украшенную алмазами; это была награда за побѣду при Фокшанахъ, одержанную имъ за 2 мѣсяца до Рымникскаго сраженія, вмѣстѣ съ генераломъ Суворовымъ.

номъ спискѣ котораго, впрочемъ, отмѣчено, что онъ былъ въ походахъ въ 1789 г., при разбитіи Турокъ въ Каушанахъ, въ 1791 г. при взятіи Акермана и Бендеръ, и въ 1792 г. въ Польшѣ, получалъ военные чины, напр. Секундъ-Маіора въ 1792 году, съ зачисленіемъ въ С.-Петербургскій Драгунскій полкъ, и въ томъ же году Премьеръ-Маіора; а въ 1794 году Подполковника, на этотъ разъ съ причисленіемъ къ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; наконецъ, въ 1799 г. онъ уже былъ пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники. Въ 1792 году онъ состоялъ, по Высочайшему повелѣнію, при Главнокомандовавшемъ въ Польшѣ; а во время Итальянскаго похода Князя Суворова, Бар. Бюлеръ находился при немъ дипломатическимъ чиновникомъ, уже въ чинѣ Статскаго Совѣтника и былъ посланъ имъ съ важнымъ порученіемъ въ Вѣну, объ успѣхѣ котораго было донесено Императору Павлу I-му. Впослѣдствіи Бар. Бюлеръ былъ Сенаторомъ и Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ. Скончался на 80-мъ году о. р. въ 1843 году, состоя еще на службѣ, продолжавшейся такимъ образомъ всего 56 лѣтъ. Подробная біографія его была помѣщена Н. А. Полевымъ въ № 23-мъ „*Сѣверной Пчелы*“ 29 Января 1844 года.

sa position de ce côté du Séreth et c'est de lui que, d'après l'intention du Prince Potemkine, je devais recevoir mon expédition pour le Prince de Cobourg, comme du frère d'armes de ce dernier. Ayant été retenu à diner par le C-te Souworoff, j'eus occasion d'être témoin de ses manières vraiment militaires et de sa vie de camp. N'ayant jamais de bagage à sa suite, ses gens se procuraient le nécessaire des officiers et tous les apprêts du diner ne consistaient que dans une nappe, étendue par terre, sous une tente prise au grand visir, et chacun se couchait devant son assiette, car il n'était question ni de tables, ni de chaises. Chez les Autrichiens on me fit la réception la plus flatteuse et le Prince de Cobourg donna un diner splendide auquel se trouvèrent réunis tous les géneraux et colonels de son corps d'armée. Avant diner, accompagné des aides de camp du Prince et monté sur un étalon magnifique, pris dix jours auparavant à l'ennemi, on me fit faire le tour du camp

---

По сему случаю я въ первый разъ увидѣлъ этого великаго человѣка, такъ какъ послѣ Рымникскаго сраженія онъ снова занялъ, съ своимъ корпусомъ, позицію по сю сторону Серета, и я долженъ былъ, по волѣ князя Потемкина, получить отъ графа Суворова, какъ отъ собрата по оружію принца Кобургскаго, порученіе къ этому послѣднему. Будучи приглашенъ на обѣдъ графомъ Суворовымъ, я имѣлъ случай быть свидѣтелемъ его военныхъ привычекъ и его лагерной жизни. Такъ какъ онъ никогда не возилъ съ собою багажа, его люди доставали все необходимое отъ офицеровъ и всѣ обѣденныя приготовленія состояли только въ томъ, что разстилалась на землѣ скатерть въ палаткѣ, взятой у великаго визиря, и всякій приглашенный ложился противъ своего прибора, такъ какъ не было ни стола, ни стульевъ. — У Австрійцевъ меня приняли самымъ лестнымъ образомъ, и принцъ Кобургскій далъ великолѣпный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ генералы и полковники его корпуса. До обѣда я верхомъ на прекрасномъ конѣ, взятомъ за 10 дней передъ симъ у непріятеля, объѣхалъ лагерь, въ сопровожденіи адъютантовъ принца Кобургскаго,

pour me montrer les trophées nombreux pris tout récemment aux Turcs.

II.

Le commencement de l'année 1790 fut signalé par un évènement, qui ne laissa pas de donner une nouvelle phase à la politique: la mort de l'Empereur Joseph II. L'étroite alliance entre ce Souverain et Catherine II n'existait plus et son successeur se trouvait embarassé par le soulèvement des Pays-Bas Autrichiens et le mécontentement des Hongrois. Les circonstances engagèrent le Prince Potemkine d'envoyer à Vienne mon frère ainé le Baron Charles de Bühler ostensiblement pour féliciter au nom de l'armée Russe le nouveau Souverain sur son avènement au trône; mais le principal but de cette mission fut d'observer de près les dispositions du nouveau Cabinet de Vienne menacé d'une guerre prochaine avec la Prusse. Nous quittâmes Jassy à la fin de Mai et dirigeâmes notre route par Boucharest, Kraïowa, le long du Danube, le mont Allion, la Transilvanie et l'Hongrie. Avant d'arriver au mont Allion, nous

---

чтобы осмотрѣть многочисленные трофеи, взятые недавно у Турокъ.

II.

Начало 1790 года было ознаменовано событіемъ, которое дало новое направленіе политикѣ: это была смерть Императора Іосифа II. Тѣсный союзъ между этимъ Государемъ и Екатериной II не существовалъ болѣе; его преемникъ былъ озабоченъ возстаніемъ Австрійскихъ Нидерландовъ и неудовольствіемъ Венгерцевъ. Обстоятельства побудили князя Потемкина отправить въ Вѣну моего старшаго брата Барона К. Я. Бюлера, явнымъ образомъ для того, чтобы поздравить отъ имени Русской арміи новаго государя съ его вступленіемъ на престолъ; но настоящею цѣлью этой миссіи было разузнать поближе о намѣреніяхъ новаго Вѣнскаго Кабинета, которому угрожала близкая война съ Пруссіей.

Мы выѣхали изъ Яссъ въ концѣ мая и направились черезъ Бухарестъ, Крайову, вдоль теченія Дуная, по горѣ Аллионъ,

étions prévenus que nous passerions à portée du canon de la forteresse d'Orsowa, située au milieu du Danube, assiégée par les Autrichiens et réduite à la dernière extrémité. Nous devions y passer avant le jour; mais notre marche ayant été ralentie, nous nous trouvâmes à l'endroit, exposés au grand jour. Les Turcs tirèrent en effet; mais le boulet passa heureusement entre les roues de notre calèche; nous le ramassâmes, et quelque temps après, nous apprîmes que c'était le dernier coup tiré par les assiégés qui capitulèrent deux jours après. Arrivés sur le mont Allion, que six chevaux robustes d'artillerie nous ont fait atteindre sans obstracle, nous dînâmes chez le Commandant du siège le Colonel Comte Auersperg, le même qui en 1809 se laissa tromper par Murat, lui livra le passage du pont sur le Danube et perdit son rang de général en chef.

III.

L'assaut de la forteresse d'Ismaël, un des exploits les plus marquants de Souworow, eut lieu le 12 Décembre 1790, et l'évènement est d'autant plus remarquable que le nombre des assiégés était le triple des assiégeants. Peu de jours après, je

---

Трансильваніей и Венгріей. Не доѣзжая до горы Алліона, насъ предупредили, что мы проѣдемъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости Оршовы, расположенной посреди Дуная, которая была осаждена Австрійцами и доведена до послѣдней крайности. Мы должны были проѣхать мимо нея до разсвѣта; но такъ какъ мы нѣсколько запоздали, мы пріѣхали туда, когда уже совсѣмъ разсвѣло. Турки выстрѣлили въ насъ; но, къ счастью, ядро пролетѣло между колесъ нашей коляски. Мы подняли его и узнали, нѣсколько времени спустя, что это былъ послѣдній выстрѣлъ осажденныхъ, которые, черезъ 2 дня, сдались на капитуляцію. Въѣхавъ на гору Алліонъ, при помощи 6-ти крѣпкихъ артиллерійскихъ лошадей, мы пообѣдали у командующаго осадными работами полковника графа Ауерсперга, того самаго, который въ 1809 году былъ обманутъ Мюратомъ и допустилъ его переправиться черезъ Дунайскій мостъ, за что былъ лишенъ званія Главнокомандующаго.

fus envoyé comme courrier avec cette nouvelle à Vienne, où j'eus l'honneur d'être admis en audience auprès de l'Empereur Léopold II, qui apprit avec un intérêt visible les détails de cette victoire, en observant que le Congrès nouvellement réuni à Sistowa pourrait bien recevoir une visite des Cosaques. (C'étaient les Ministres de l'Autriche, de la Porte, de Prusse, d'Hollande et d'Angleterre, pour conclure la paix entre l'Autriche et la Porte). — A mon départ, l'Empereur me fit remettre par son Vice-Chancelier Comte Cobenzel, accompagnée de termes flatteurs, une bague en diamants. Pendant mon court séjour à Vienne, je ne manquai pas d'occasions de m'apercevoir que la haute noblesse tenait beaucoup à l'alliance avec la Russie et qu'on supportait avec impatience la contrainte qu'on avait faite à l'Autriche d'une paix séparée; aux diners, auxquels je fus invité, chaque jour on portait avec empressement des toasts aux succès des armes Russes.

III.

Штурмъ крѣпости Измаила, одинъ изъ самыхъ выдающихся подвиговъ Суворова, произошелъ 12 декабря 1790 года, и это событіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что число осажденныхъ было втрое болѣе числа осаждающихъ. Черезъ нѣсколько дней я былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ курьеромъ въ Вѣну, гдѣ я имѣлъ честь быть принятымъ на аудіенціи Императоромъ Леопольдомъ II, который, съ видимымъ интересомъ, выслушалъ подробности этой побѣды, замѣтивъ, что конгрессъ, недавно собравшійся въ Систовѣ, легко могъ бы получить визитъ казаковъ (это были австрійскіе, турецкіе, прусскіе, голландскіе и англійскіе посланники для заключенія мира между Австріей и Портой). При моемъ отъѣздѣ, Императоръ поручилъ вице-канцлеру графу Кобенцелю передать мнѣ брильянтовый перстень, при самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Во время моего краткаго пребыванія въ Вѣнѣ, я имѣлъ случай замѣтить, что аристократія придавала большое значеніе союзу съ Россіей и что всѣ тяготились тѣмъ обстоятельствомъ, что Австрія была вынуждена заключить отдѣльный миръ. На обѣдахъ, на кото-

IV.

Au mois de Mars 1791 le Prince Potemkine, après avoir remis le commandement de l'armée au Prince Repnine, partit pour la dernière fois pour Pétersbourg, où j'eus l'ordre de le suivre, tandis que mon frère le Baron Charles était parti avec différentes commissions pour Vienne et l'Allemagne. A cette même époque, les Puissances, qui avaient forcé l'Autriche de faire la paix avec les Turcs sur le pied du *statu quo* firent des préparatifs vigoureux pour obtenir le même résultat de la part de la Russie. L'Angleterre arma une flotte formidable pour la Baltique et la Prusse, alliée aux Polonais, avait pris une attitude hostile tout le long de la frontière d'Ouest. C'est à la suite de quoi je fus expédié par le Prince Repnine, vers la mi Avril à Vienne avec une lettre de l'Impératrice Catherine à l'Empereur Léopold par laquelle, en lui exposant le danger dont cette ligue menaçait l'indépendance des autres Puissances, elle lui proposait le renouvellement de leur alliance, en faisant cause commune avec toutes leurs forces respectives. Mais les affaires

---

рые меня ежедневно приглашали, усердно были провозглашаемы тосты за успѣхъ русскаго оружія.

IV.

Въ мартѣ 1791 года князь Потемкинъ, передавъ командованіе арміей князю Репнину, въ послѣдній разъ поѣхалъ въ Петербургъ, куда я получилъ приказаніе за нимъ слѣдовать, тогда какъ мой братъ, Баронъ К. Я., уже выѣхалъ для исполненія разныхъ порученій въ Вѣнѣ и Германіи. Въ это самое время державы, которыя принудили Австрію заключить миръ съ Турками на основаніи status quo, стали дѣятельно готовиться къ тому, чтобы добиться того же результата и отъ Россіи. Англія вооружила грозный флотъ для нападенія со стороны Балтійскаго моря, а Пруссія, въ союзѣ съ Польшей, приняла угрожающее положеніе вдоль своей восточной границы. Вслѣдствіе этого я былъ посланъ княземъ Репнинымъ, около половины апрѣля, въ Вѣну съ письмомъ Императрицы Екатерины къ Императору Леопольду;

étaient déjà parvenues à un point culminant et, arrivé à Varsovie, j'y appris par notre Ministre M-r Boulgakoff qu'il s'était opéré un grand changement dans les Cabinets de S-t James et de Berlin, que le Duc de Leeds et le Comte de Herzberg avaient dû céder leur place à d'autres et que le Sieur Faukner avait été expédié en mission extraordinaire à Pétersbourg avec la déclaration de la part de l'Angleterre que pour la conclusion de la paix avec la Porte, on s'en remettait entièrement à la générosité de l'Impératrice. — Ce nouveau triomphe de la politique de Catherine délivra Léopold de tous les embarras, que pouvait lui causer l'appel à son secours; il se trouvait alors à Milan et je remis ma lettre au Prince de Kaunitz, premier ministre des affaires étrangères, qui à chaque séjour que je fis à Vienne, me traita constamment avec une bonté particulière. Je fus de retour à Pétersbourg au mois de Juin. Le Prince y était encore, ainsi que mon frère revenu de sa mission en Allemagne et au mois de Juillet nous suivîmes le Prince à

изложивъ въ семъ письмѣ опасность, которой этотъ союзъ угрожалъ независимости другихъ державъ, Императрица предлагала ему возобновить союзъ между Австріей и Россіей, дѣйствуя заодно всѣми своими силами. Но, дѣла уже приняли иной, рѣшительный оборотъ: по пріѣздѣ въ Варшаву, я узналъ отъ нашего посланника Булгакова, что въ С.-Джемскомъ и Берлинскомъ кабинетахъ произошла большая перемѣна, что герцогъ Лидсъ и графъ Герцбергъ должны были уступить свои мѣста другимъ; г-нъ Фокнеръ былъ посланъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Петербургъ, чтобы заявить, что Англія относительно заключенія мира съ Портой вполнѣ полагается на великодушіе Императрицы. — Это новое торжество политики Екатерины вывело Леопольда изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ могъ попасть, въ случаѣ требованія отъ него помощи. Императоръ находился тогда въ Миланѣ, и я передалъ письмо Министру Иностранныхъ Дѣлъ князю Кауницу, который каждый разъ, когда я бывалъ въ Вѣнѣ, постоянно относился ко мнѣ съ особенной любезностью. Я возвратился въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Князь Потемкинъ былъ еще тамъ, а

l'armée, où, en attendant, il y avait armistice, à la suite des préliminaires de la paix conclue par le Prince Repnine. — L'Impératrice reçut Faukner en audience. Ses levrettes aboyèrent contre lui. Elle lui dit: „Ne craignez rien, les chiens qui aboient ne mordent pas!“

V.

Après le décès du Prince Potemkine survenu le 5 Octobre 1791, le Prince, alors Comte, Besborodko fut chargé de le remplacer au congrès assemblé à Jassy et la paix fut conclue le 29 Décembre de la même année; j'eus l'honneur d'être l un des trois Secrétaires du Congrès et je fus chargé de l'agréable commission d'en porter la nouvelle à Vienne, d'où je revins par Varsovie à Pétersbourg. Mon frère s'y était rendu également, directement de Jassy par Moscou. Peu après il fut nommé Ministre à la Confédération de Targovitza (quoique nommé plus d'une année auparavant, Envoyé extraordinaire en Bavière). Je le suivis immédiatement à l'armée, qui se trouvait prête à entrer en Pologne, pour y rétablir l'ancienne Constitution du Royaume anéantie par celle du 3 Mai 1791.

также и мой братъ, вернувшійся изъ своей миссіи въ Германіи; въ іюлѣ мы послѣдовали за княземъ въ армію, гдѣ, между тѣмъ, было заключено перемиріе вслѣдствіе прелиминарнаго мирнаго договора, подписаннаго княземъ Репнинымъ. — Императрица приняла Фокнера на аудіенціи. Ея левретки залаяли на него. Екатерина сказала: «Не бойтесь; собаки, которыя лаютъ, не кусаются!»

V.

Послѣ кончины князя Потемкина, происшедшей 5 октября 1791 г., князю, тогда еще графу, Безбородко было дано порученіе замѣнить его на конгрессѣ, собравшемся въ Яссахъ, и миръ былъ заключенъ 29 декабря того же года; я имѣлъ честь быть однимъ изъ трехъ секретарей Конгресса и мнѣ дали пріятное порученіе отвезти это извѣстіе въ Вѣну, откуда я возвратился, черезъ Варшаву, въ Петербургъ. Мой братъ также отправился туда изъ Яссъ, черезъ Москву. Нѣсколько времени

спустя онъ былъ назначенъ посланникомъ при Тарговицкой конфедераціи (хотя онъ уже былъ назначенъ болѣе года предъ тѣмъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Баварію). Я немедленно послѣдовалъ за нимъ въ армію, которая была готова войти въ Польшу для возстановленія старинной конституціи королевства, уничтоженной конституціей 3 мая 1791 года.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ комнатѣ, гдѣ помѣщается пожертвованное Барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ его собраніе книгъ, автографовъ, рукописей, атласовъ, картъ и плановъ и которой, съ Высочайшаго соизволенія, присвоено наименованіе *Библіотечнаго Отдѣла Барона Ѳедора Андреевича Бюлера*, въ одной изъ витринъ хранится золотое кольцо на подобіе вѣнчальнаго. Внутри его глубоко вырѣзана надпись «К. П. Т. С. (т.-е. скончался) 5 ок. 1791.». Это одно изъ тѣхъ колецъ, которыя были заказаны графинею Браницкою, племянницею князя Потемкина-Таврическаго и свидѣтельницею его кончины, въ память сего горестнаго событія. Кольца эти были подарены графинею всѣмъ лицамъ, состоявшимъ въ штатѣ фельдмаршала. Такимъ образомъ, вышепомянутое кольцо принадлежало Барону А. Я. Бюлеру и, послѣ него, досталось его сыну, Барону Ѳ. А. Бюлеру.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ РѢДКОСТЬ.

Изложивъ въ нашемъ трудѣ результаты войны, въ которой князь Потемкинъ былъ главнокомандующимъ, признаемъ совершенно кстати воспроизвести здѣсь привѣтствіе, сказанное ему Архіепископомъ Екатеринославскимъ въ Яссахъ, 24 января 1790 года, и тамъ же напечатанное. Поводомъ къ этому привѣтствію было возложеніе на фельдмаршала брильянтами украшеннаго лавроваго вѣнка, присланнаго ему Екатериной II. Торжество это происходило въ церкви существующаго по сіе время монастыря Голея. Привѣтствіе перепечатано вслѣдъ за симъ съ экземпляра in 4^0, находящагося въ V переплетенномъ томѣ *Сборника бумагъ барановъ Бюлеръ* (стр. 223—226), принадлежащаго нынѣ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

По удостовѣренію, письменно данному г. Директоромъ Императорской Публичной Библіотеки, въ ней нѣтъ экземпляра Привѣтствія князю Потемкину. Кромѣ того, у Сопикова (Опытъ Россійской Библіографіи, или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на словенскомъ и россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій, 4 части, СПБ. 1813 г., in 8^0) объ этомъ Привѣтствіи вовсе не упоминается.

Если его нѣтъ въ Библіотекѣ Главнаго Штаба или въ какомъ-либо частномъ книгохранилищѣ, то архивскій экземпляръ есть драгоцѣннѣйшій уникъ.

А. Л.

ПРИВѢТСТВІЕ
ЕГО СВѢТЛОСТИ
КНЯЗЮ
Григорію Александровичу
Потемкину-Таврическому,

ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОМУ

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ ФЕЛДМАРШАЛУ

и разныхъ орденовъ кавалеру,

При возложеніи на Него Лавроваго вѣнца въ церкви Вознесенія Господня, что въ Монастырѣ Голіи,

ГОВОРЕННОЕ

Амвросіемъ Архіепископомъ Екатеринославскимъ и Херсониса Таврическаго.

Печатано въ Яссахъ, Генваря 24 дня 1790 Года.

ПРИВѢТСТВІЕ.

Свѣтлѣйшій Князь!

Хотя добродѣтель есть дщерь превыспренняго міра и превыспреннія сродны ей почести: однако сущей на земли не чужды и земныя. Ею собраны села, воздвигнуты грады, возрастаютъ царства, благоденствуютъ народы. Кто достойнѣе царствовать, кто достойнѣе градоправительствовать, или принимать жертвы повиновеній, когда не она? И ежели человѣки отъ десницы ея получаютъ все, что нарицаютъ они благомъ: то чада ея не имѣютъ ли права первые въ томъ участвовать? Не имъ ли принадлежатъ похвалы, слава, награды? Имъ конечно. Великая душа и великія почести сотворены быть взаимными между собою. Почести открываютъ красоту души; душа возвышаетъ цѣну почестей: и добродѣтели чада чувствуютъ тогда, что земля есть истинное преддверіе небесныхъ чертоговъ матери своей. Признай истинны сіи, Свѣтлѣйшій Князь! Съ теченіемъ времени умножаются къ Отечеству заслуги Твои, подобно глубокой рѣкѣ, умножающей разлитіе струй соразмѣрно долготѣ своей: и Державнѣйшая Монархиня, та высокая, та сіяющая добродѣтельми, между всѣми сѣдящими на престолахъ, Душа умножаетъ къ Тебѣ награды свои. Се! щедроты Ея соплели Тебѣ вѣнецъ побѣдоносный, даръ достойный Августѣйшія десницы, достойный главы Твоея, увѣнчавающія побѣдами Россію. Пріими его при всеобщемъ нашемъ сорадованіи и поздравленіи: пріими отъ того самаго Престола Господня, возношеніемъ къ которому освятилъ Ты и возвысилъ цѣну его, возвысилъ добродѣтели Твои, и явилъ тѣмъ достохвальнѣйшее свойство души Твоей, чѣмъ необиновеннѣе симъ дѣйствіемъ благочестія показалъ, что источникомъ добродѣтелей и наградъ ихъ почитаешь Бога.

БИБЛІОТЕКИ

Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

КАТАЛОГЪ

КНИГЪ,

ПОЖЕРТВОВАННЫХЪ

Дѣйст. Ст. Сов. Ѳ. В. ВЕШНЯКОВЫМЪ,

составленный И. Токмаковымъ, подъ руководствомъ Его Превосходительства.

Поименованныя въ слѣдующемъ за симъ Каталогѣ книги на иностранныхъ языкахъ въ числѣ 662 томовъ, принесены въ даръ Библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1888 г. Членомъ Московской Судебной Палаты, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Ѳедоромъ Владиміровичемъ Вешняковымъ, принадлежащимъ къ числу воспитанниковъ IX-го выпуска (1848 г.) Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, который и въ прежніе годы дѣлалъ Архиву пожертвованія книгами*).

Въ томъ же 1888 году, по представленію г. директора Архива г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ о пожертвованіи Ѳ. В. Вешнякова, статсъ-секретарь Н. К. Гирсъ отношеніемъ отъ 20-го іюня за № 4308 на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника

---

*) См. *Московскія Вѣдомости* 1876 г. № 309, 1-го декабря, и *Journal de St-Pétersbourg* 1877 г. 25 марта; о настоящемъ приношеніи было своевременно напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1888 г. № 133, 15 мая, 1891 г. №№ 234 и 235, 25 и 26 августа; въ *Новостяхъ Дня* (изд. въ Москвѣ) 1891 г. № 2933, 26 августа, и въ *Journal de St-Pétersbourg* 1888 г., № 137, 24-го мая.

барона Ѳ. А. Бюлера просилъ выразить Ѳ. В. Вешнякову благодарность за щедрыя пожертвованія Библіотекѣ Архива.

Настоящій Каталогъ печатается по личной просьбѣ, выраженной Ѳ. В. Вешняковымъ барону Ѳ. А. Бюлеру, по передачѣ книгъ въ Архивъ.

По случаю печатанія сего Каталога, Ѳ. В. Вешняковъ увѣдомилъ г. директора Архива письмомъ отъ 14-го іюля сего 1891 года, что онъ намѣренъ передать еще въ Архивную Библіотеку значительную часть книгъ своего собранія.

Annuaire des deux Mondes. Paris 1850—1867, in 8°. 14 книгъ. Архивной Библіотеки № 8141.

Примѣчаніе. Кн. 1850—1852 въ 2 переплетахъ. Кромѣ этихъ имѣются еще того же изданія 8 кн. въ переплетахъ за 1852—1857 и 1860—1867 гг. въ собраніи Ѳ. Н. Хозикова при Архивской Библіотекѣ.

Arnold, Wilhelm. Cultur und Rechtsleben. Berlin 1865. А. Б. № 8028.

Asseline, Louis. Histoire de l'Autriche depuis la mort de Marie-Thérèse jusqu'à nos jours. Paris 1877, in 8°. А. Б. № 8081.

Aubertin, Charles. L'Esprit public au XVIII-e siècle. Étude sur les mémoires et les correspondances politiques des contemporains 1715 à 1789. — 2-me édit. Paris 1873, in 8°. А. Б. № 8075.

Amos, Dean. The history of civilization. In seven volumes. Albany, N. Y. Ioel Munsell. 1868—69 (7 книгъ въ переплетѣ). А. Б. № 8035.

Barbou, Alfred. Victor Hugo et son temps. Edition illustrée, de 120 dessins inédits par M. m. Émile Bayard, Clerget, Fichel, Jules Garnier, Gervex, Giacomelli, Ch. Gosslin, Jean-Paul Laurens, Lix, Olivier Merson, H. Meyer, Ed. Morin, Scott, Vogel, Zier, etc. et d'un très grand nombre de dessins de Victor Hugo, gravés par Méaulle. Paris 1881, in 8°. А. Б. № 8110.

Bataillard, Charles. Moeurs judiciaires de la France du XVI-e siècle au XIX-e. Paris 1878, in 8°. А. Б. № 8077.

Don Romon Paez. Voyages et aventures dans l'Amérique centrale et méridionale. Traduit de l'anglais par **Émile de la Bédollière.** Illustrés de vignettes anglaises et d'une carte. Paris 1870, in 8°. А. Б. № 8093.

Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit. 8. Band. Geschichte der Sprachwissenschaft von **Theodor**

Bensei. München 1869. 13. Band. Geschichte der deutschen Philosophie von Dr. **Eduard Zeller.** München 1873. А. Б. № 8121.

Bérenger. De la Répression Pénale, de ses formes et de ses effets. 2 tomes. Paris 1855, in 8°. А. Б. № 8103.

Tizian. Bilder aus seinem Leben und seiner Zeit, von **Werner Bergmann.** 2 Bände. Hannover 1865, in 8°. А. Б. № 8116.

Berthoud, Fritz. Un hiver au soleil. Croquis de voyage. Paris 1882, in 8°. А. Б. № 8070.

Bertin, Georges. Madame de Lamballe, d'aprés des documents inédits. Paris 1888, in 8°. — Ouvrage orné d'un magnifique portrait de M-me de Lamballe gravé par Dujardin, imprimé par la maison Quantin. А. Б. № 8163.

Beulé, E. Etudes sur le Péloponèse. Paris 1855. А. Б. № 8036.

Block, Maurice. L'Europe politique et sociale. Paris 1869. А. Б. № 8044.

Bois, Georges. Histoire du droit Français depuis ses origines jusqu'à nos jours. Paris, in 8°. А. Б. № 8076.

Brandes, Georg. Moderne Geister. Literarische Bildnisse aus dem XIX. Jahrhundert. Frankfurt a/M. 1882 (въ переплетѣ). А. Б. № 8034.

Conversations-Lexikon **F. A. Brochkaus.** Leipzig. 15 Bände. 1864—68, in 8°. А. Б. № 8058.

Brodbeck, Dr. Adolf. Mensch und Wissen. Eine Untersuchung über die anthropologischen Grundfragen der Erkenntnisstheorie. Stuttgart 1884. А. Б. № 8029.

Cacheleu, Jules. Solution du problème vital des sociétés et Variétés Scientifiques. Paris 1869, in 8°. А. Б. № 8109.

Chesneau, Ernest. Les Nations rivales dans l'art. Paris 1868, in 8°. А. Б. № 8080.

Histoire de l'Art dans l'antiquité par **Georges Perrot** et **Charles Chipier.** Paris. Fascicules: 1—31, 33—86, 88—131. 133—136, 138—170. А. Б. № 8061.

Cibrario, Louis. Economie politique du moyen âge. 2 vol. Paris 1859. А. Б. № 8022.

Histoire de la vie et de l'administration de Colbert, contrôleur général des finances, ministre secrétaire d'état de la marine, des manufactures et du commerce, surintendant des

bâtiments; précédée d'une étude historique sur Nicolas Fouquet, surintendant des finances; suivie de pièces justificatives, lettres et documents inédits par **M. Pierre Clément.** Paris 1846, in 8°. А. Б. № 8118.

Feuillet de Conches, F. Causeries d'un Curieux; variétés d'histoire et d'art tirées d'un cabinet d'autographes et de dessins. Ouvrage enrichi de nombreux facsimile. Tome 4-me. Paris 1868. А. Б. № 8099.

Примѣчаніе. Въ библіотекѣ Моск. Главн. Архива М. И. Д. (in 8° подъ № 4242) находится соч. *Feuillet de Conches:* Louis XVI, Marie Antoinette et m-me Elisabeth, lettres et documents inédits, publiés par Feuillet de Conches. 3 vol. Paris 1864—65. 4-me vol. P. 1866 (въ 2-хъ т. находятся портреты Маріи Антуанеты, въ 3-мъ Людовика XVI и въ 4-мъ Принцессы Елисаветы).

Einleitung in das Staats- und volkswirtschaftliche Studium von Dr. **Heinrich Contzen.** Leipzig 1870. А. Б. № 8155.

Dictionnaire de l'Economie politique par **M. Charles Coquelin.** Paris 1851—53, in 8°. А. Б. № 8060.

Cotteau, E. Promenade dans l'Inde et à Ceylon. Paris 1880, in 8°. А. Б. № 8063.

Courcelle-Seneuil, I. G. Études sur la science sociale. Paris 1862. А. Б. № 8031.

Daireaux, Emile. La vie et les moeurs à la Plata, tome 1-er. La société des villes. Grands fleuves et grandes régions. Races disparues et nation moderne. — Vie extérieure et vie de famille. Monde politique et judiciaire.—Presse et littérature, commerce et finances, avec 2 cartes tirées hors texte. Paris 1888. Tome II-me. Industries et productions. Industrie des villes. — Condition sociale et légale des étrangers. Ouvriers et artisans. — Industrie pastorale. Grandes cultures et colonisation. Paris 1888, in 8°. А. Б. № 8056.

Vorschule der Völkerkunde und der Bildungsgeschichte von Dr. **L. Diefenbach.** Frankfurt a/M. 1864, in 8°. А. Б. № 8147.

Völkerkunde Osteuropas, insbesondere der Haemoshalbinsel und der unteren Donaugebiete von **Lorenz Diefenbach.** 2 Bände. Darmstadt 1880, in 8°. 3 книги. А. Б. № 8146.

Goethes Liebschaften und Liebesbriefe. Von Dr. **August Diezmann.** Leipzig 1868, in 8°. А. Б. № 8117.

Einleitung in die Geisteswissenschaften. Von **Wilhelm Dilthey.** I-ter Band. Leipzig 1883, in 8°. А. Б. № 8142.

Dixon Hepworth. La Suisse Contemporaine; traduit de l'anglais par **M. E. Barbier.** Paris 1872, in 8°. А. Б. № 8087.

Dubost, Antonin. Des conditions de gouvernement en France. Paris 1875, in 8°. А. Б. № 8054.

Dühring, Dr. E. Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus. Berlin 1871. А. Б. № 8043.

Lexikon der Reisen und Entdeckungen von Dr. **Friedrich Embacher.** Leipzig 1882, in 8° въ переплетъ. А. Б. № 8157.

Ergänzungsblätter zur Kenntniss der Gegenwart. Hildburghausen 1870 in 8°. 49—72. Lieferung (V. u. VI. Band, 23 Hefte).

Cachemire et petit Thibet d'après la relation de M. F. Drew par le baron **Ernouf.** Ouvrage enrichi d'une carte spéciale et de onze gravures. Paris 1877, in 8°. А. Б. № 8094.

M. D. Esterno. Des privilégiés de l'ancien régime en France et des privilégiés du nouveau. 2 vol. Paris 1867—68, in 8°. А. Б. № 8053.

Faliés, Louis. Études historiques et philosophiques sur les Civilisations. Tome 1-er. Paris. А. Б. № 8106.

Geschichte des modernen Geschmacks von **Jacob Falke.** Leipzig 1866, in 8°. А. Б. № 8154.

Franz Baco von Beruiam. Die Realphilosophie und ihr Zeitalter. Von **Kuno Fischer.** Leipzig 1856, in 8°. А. Б. № 8152.

Geschichte der neueren Philosophie von **Kuno Fischer.** II-ter Band. Leibniz und seine Schule. 2-te neubearbeitete Auflage. Heidelberg 1867, in 8°. А. Б. № 8136.

Flint, Robert. La philosophie de l'histoire en France. Paris 1878. А. Б. № 8038.

Flint, Robert. La Philosophie de l'histoire en Allemagne. Paris 1878. А. Б. № 8039.

Foucou, Félix. Histoire du Travail de la nature et de l'homme. Paris 1868, in 8°. А. Б. № 8079.

Fouillée, Alfred. La Science Sociale contemporaine. Paris 1880. А. Б. № 8078.

Raphael von **Ernst Förster.** 2 Bände. Leipzig 1867—68, in 8°. А. Б. № 8115.

Völkerkunde, Charakteristik und Physiologie der Völker von Dr. **M. L. Frankenheim.** Breslau 1852, in 8°. А. Б. № 8122.

Die Lebensgeschichte der Menschheit. Kulturgeschichte, Forschungen und Betrachtungen von **Friedrich Freihold.** I. Band. Das erste Leben der Menschheit oder die sinnliche Richtung. Jena 1876, in 8°. А. Б. № 8139.

Friedlaender, Ludwig. Sittengeschichte Roms. 2 Bände. Leipzig 1862—64, in 8°. А. Б. № 8114.

Fromentin, Eugène. Une année dans le Sahel. Paris 1859, in 8°. А. Б. № 8083.

Funck-Brentano, Th. La civilisation et ses lois, morale sociale. Paris 1876. А. Б. № 8042.

Histoire diplomatique des Conclaves par **F. Petrucelli della Gattina.** 4 volumes. Paris 1864—66, in 8°. А. Б. № 8049.

Encyclopaedie der Gesellschafts- und Staatswissenschaften von Dr. **J. E. Glaser.** Berlin 1864, in 8°. А. Б. № 8148.

Les religions et les philosophies dans l'Asie centrale, par M. le comte de **Gobineau.** Paris 1865, in 8°. А. Б. № 8055.

Green, John Richard. Histoire moderne du peuple anglais depuis la révolution jusqu'à nos jours. Traduite par M-lle Macie Hunt, précédée d'une introduction par Yves Guyot. Paris 1885, in 8°. А. Б. № 8084.

Kulturgeschichte des sechzehnten Jahrhunderts von **Karl Grün.** Leipzig und Heidelberg 1872, in 8°. А. Б. № 8132.

Kulturgeschichte des siebzehnten Jahrhunderts von **Karl Grün.** 2 Bände. Leipzig 1880, in 8°. А. Б. № 8131.

Guyot, Yves. La Science économique. Paris 1881, in 8° (въ переплетѣ). А. Б. № 8073.

— La Morale. Paris 1883, in 8°. А. Б. № 8085.

Hamel, Ernest. Histoire de la restauration 1814—1830. 2 volum. Paris 1887, in 8°. А. Б. № 8162.

Hegel und seine Zeit von **R. Haym.** Berlin 1857, in 8°. А. Б. № 8124.

Italien. Ansichten und Streiflichter von **Victor Hehn.** St.-Petersburg 1867, in 8°. А. Б. № 8153.

Centralasien von **F. v. Hellwald.** Leipzig 1875, in 8°. А. Б. №8164.

Die Erde und ihre Völker von **Friedr. von Hellwald.** Stuttgart, 56 Lieferungen (52 книги) 1876—77 г. А. Б. № 8140.

Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts von **Hermann Hettner,** 3 Bände (4 книги). Braunschweig 1856—64. А. Б. № 8158.

Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts von **Hermann Hettner,** 3-ter Theil. 3 Bücher, 2-te Abtheilung. Braunschweig 1870, in 8°. А. Б. № 8159.

Italienische Studien zur Geschichte der Renaissance von **Hermann Hettner.** Mit 7 Tafeln in Holzschnitt. Braunschweig 1879, in 8°. А. Б. № 8144.

Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours avec les renseignements bibliographiques et l'indication des sources à consulter, publiée par M.m. Firmin Didot Frères sous la direction de **M. le Dr. Hoefer.** 46 volumes. Paris 1857—66 (46 томовъ, изъ нихъ 12-й томъ въ переплетѣ). А. Б. № 8045.

Grundsteine einer allgemeinen Kulturgeschichte der neuesten Zeit. Von **J. J. Honegger.** III-ter und IV-ter Band. Das Julikönigthum und die Bourgeoisie. 1. und 2. Theil. Leipzig 1871, in 8°. V-ter Band. Dialectik des Culturgangs und seine Endresultate. Leipzig 1871, 8°. А. Б. № 8127.

Russische Literatur und Cultur. Ein Beitrag zur Geschichte und Kritik derselben von **J. J. Honegger.** Leipzig 1880, in 8°. А. Б. № 8126.

Geschichte des Deutschen Volkes von **Georg Hoyns.** I-ter Band. Leipzig 1884, in 8°, въ переплетѣ. А. Б. № 8161.

Hubbard, Gustave. Histoire de la littérature contemporaine en Espagne. Paris 1876, in 8°. А. Б. № 8086.

Huillard-Bréholles, I. L. A. Notice sur M. le Duc de Luynes, Membre de l'institut. Paris 1868, in 8°. А. Б. № 8108.

Memoiren Alexander von Humboldt's. 2 Bände. Leipzig 1861—62. А. Б. № 8021.

Henry d'Ideville. Journal d'un diplomate en Italie. Notes intimes pour servir à l'histoire du second Empire. Rome 1862—1866. 2-me édit. Paris 1873, in 8°. А. Б. № 8069.

Trois mois sur le Gange et le Brahmapoutre par M-me **Louis Jacolliot.** Illustrations de E. Yon. Paris 1875, in 8°. А. Б. № 8089.

Jeannel, J. De la prostitution dans les grandes villes aux dix-neuvième siècle et de l'extinction des maladies vénériennes. 2-me édit. Paris 1874. А. Б. № 8020.

Geschichte der Statistik, von Dr. jur. **V. John.** I. Theil. Stuttgart 1884, in 8°. А. Б. № 8113.

Jousserandot, Louis. La Civilisation moderne. Paris 1866. А. Б. № 8040.

Jullien, Adolphe. La ville et la cour au XVIII-e siècle. Paris 1881. А. Б. № 8025.

Kirchmann, J. H. Die Grundbegriffe des Rechts und der Moral. Berlin 1869. А. Б. № 8024.

Culturgeschichte des Orients unter den Khalifen. Von **Alfred von Kremer.** 2 Bände. Wien 1875—77, in 8°. А. Б. № 8111.

Laurent, F. Histoire du Droit des Gens et des relations internationales. Tomes: I. L'Orient. Paris 1851. II. Grèce. Paris 1851. III. Rome. Paris 1851. IV. Le Christianisme. Bruxelles 1863. V. Les Barbares et le Catholicisme. Gand 1857. VI. La Papauté et L'Empire. Paris 1860. VII. La Féodalité et l'Église. Bruxelles 1861., 2 экзем. VIII. La Réforme, Bruxelles 1863. IX. Les guerres de religion. Bruxelles 1863. X. Les Nationalités. Paris 1865. XI. La Politique Royale. Paris 1865., 2 экз. XII. La Philosophie du XVII-e siècle et le christianisme. Paris 1866. XIII. La Révolution Française. Paris 1867, 2 экз. XIV. La Révolution Française. 2-me partie. Paris 1868. XV. L'Empire. Paris 1869. XVI. La Réaction Religieuse. Paris 1869. XVII. La Religion de l'avenir. Paris 1870. XVIII. La Philosophie de l'Histoire. Paris 1870. А. Б. № 8165.

Примѣчаніе. Томы: I—III, V, VII, XI и XIII изъ библіотеки Ѳ. В. Вешнякова, томы: I—XVIII изъ библіотеки Ѳ. Н. Хозикова.

Les Assemblées provinciales sous Louis XVI par **M. Léonce de Lavergne.** Paris 1863, in 8°. А. Б. № 8104.

Lecky. Geschichte Englands. Übersetzt von Ferd. Löwe. 4 Bände. Leipzig und Heidelberg 1879—83. А. Б. № 8046.

Leclercq, Jules. Voyage aux Iles Fortunées, le Pic de Ténériffe et les Canaries. Paris 1880, in 8°. А. Б. № 8082.

— Voyage au Mexique de New-York à Veracruz en suivant les routes de terre. Ouvrage contenant 36 gravures et 1 carte. Paris 1885, in 8°. А. Б. № 8067.

Physische Erdkunde nach den hinterlassenen Manuscripten Oscar Peschel's. Selbständig bearbeitet und herausgegeben von **Gustav Leipoldt.** 14. Lieferung. Leipzig 1879—1880, in 8°. А. Б. № 8123.

Lenormant, François. La Magie chez les Chaldéens et les origines Accadiennes. Paris 1874. А. Б. № 8037.

Les premières Civilisations, études d'histoire et d'archéologie. Tome 1-er Archéologie pré historique, Egypte. Paris 1874, in 8°. Tome 2-de Chaldée et Assyrie, Phénicie. Paris 1874, in 8°. А. Б. № 8071.

Lenthéric, Charles. La Grèce et l'Orient en Provence. Ouvrage renfermant sept cartes et plans. Paris 1878, in 8°. А. Б. № 8065.

— La Région du Bas-Rhône. Paris 1881 in 8°. А. Б. № 8064.

Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau von **Julius Lippert.** I. Band. Stuttgart 1886, in 8°. А. Б. № 8133.

Löher, Franz. Die Magyaren und andere Ungarn. Leipzig 1874, in 8°. А. Б. № 8051.

Примѣчаніе. Въ библіотекѣ Моск. Гл. Архива М. И. Д. in 8° подъ № 7982 находится соч. **Franz Löher'a** Archivlehre. Grundzüge der Geschichte, Aufgaben und Einrichtung urserer Archive. Paderborn, 1890.

Physiologie des Genusses von **Paul Mantegazza.** Oberhausen und Leipzig 1881, in 8°. А. Б. № 8151.

Martin, Méliton. Le Travail Humain, son analyse, ses lois, son évolution. Paris 1878. А. Б. № 8027.

La Revanche de la France par le travail et les intérêts organisés. Histoire des corporations françaises d'arts et métiers avec préface historique et conclusion pratique par **I.-P. Mazaros.** 2-e édit. Paris 1878, in 8°. А. Б. № 8096.

Meyers Conversations-Lexikon. Ergänzungsblätter. 4 Bände. Hildburghausen 1866, in 8°, въ переплетѣ 4 книги. А. Б. № 8059.

Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft und Kulturgeschichte. Herausgegeben von **Julius Faucher** und **Otto Michaelis.** 2 Bände. Berlin 1864, in 8°. А. Б. № 8128.

Michel, Léon. Tunis. Paris 1867, in 8°. А. Б. № 8068.

Michiels, Alfred. Rubens et l'école d'Anvers. 4-me édit. revue et augmentée. Paris 1877, in 8°. А. Б. № 8074.

Minime, Dr. La prostitution et la traite des blanches à Londres et à Paris. Paris 1886. А. Б. № 8032.

Monnier, Alexandre. Histoire de l'Assistance publique dans les temps anciens et modernes, 2-me édit. Paris 1857, in 8°. А. Б. № 8102.

État économique et social de la France depuis Henri IV jusqu'à Louis XIV. 1589 à 1715, par **A. Moreau** de Jonnès. Paris 1867, in 8°. А. Б. № 8095.

La Nouvelle-Grenade. Santiago de Cuba, la Jamaïque et l'isthme de Panama par le Chev-er **A. le Moyene.** 2 volumes. Paris 1880, in 8°. А. Б. № 8097.

Müller, Fr. Künstler-Lexikon. 39 Lieferungen (19 кн.). Stuttgart 1854—64, in 8°. А. Б. № 8166.

Zeitschrift für deutsche Kulturgeschichte. Bilder und Züge aus dem Leben des deutschen Volkes. Herausgegeben von Dr. **Johannes Müller** und **Johannes Falke.** Nürnberg 1858. 11 книгъ in 8°. А. Б. № 8057.

Agrarische Zustände in Frankreich und England. Auf Grund der neueren Enquêten dargestellt von F. Frhrn. **von Reitzenstein** und **Erwin Nasse.** Leipzig 1884, in 8°. А. Б. № 8156.

Neymarck, Alfred. Colbert et son temps. 2 volumes. Paris 1877. А. Б. № 8041.

Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen von **Wilhelm Oncken.** Berlin 1878—1886. 1—17, 19—34, 37—39, 41—45, 50—52, 57—59, 61—63, 65—72, 74. 75. 78—80. 82—86. 89. 93. 97. 103. 107. 114. 118 и 119 Lieferungen. А. Б. № 8062.

Les Ouvriers des deux Mondes. Tome 1-er, 1 et 2-me livraisons. Paris 1858, in 8°. А. Б. № 8119.

Pellarin, Charles. Essai critique sur la philosophie positive. Lettre **A. M. E. Littré** (de l'institut). Paris 1864, in 8°. А. Б. № 8107.

Perrens, E. T. Histoire de Florence. 6 tomes. Paris 1877—83. А. Б. № 8047.

La Réforme Sociale en France déduite de l'observation comparée des peuples Européens, par **M. F. le Play.** 2 vol. 2-de édit. revue et corrigée. Paris 1866, in 8°. А. Б. № 8072.

Post, Albert Hermann. Die Grundlagen des Rechts und die Grundzüge seiner Entwickelungsgeschichte. Oldenburg 1884. А. Б. № 8030.

Max Radiguet. Souvenirs de l'Amérique Espagnole. Chili-Pérou-Brésil. Paris 1874, in 8°. А. Б. № 8066.

Ramon de la Sagra. Histoire physique et politique de l'Ile de Cuba. 2 volumes. Paris 1844, in 8°. А. Б. № 8100.

Reich, Eduard Dr. Geschichte der Natur- und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens. Cassel 1864, in 8°. А. Б. № 8105.

Reich, Dr. E. Ueber die Entartung des Menschen, ihre Ursachen und Verhütung. Erlangen 1868, in 8°. А. Б. № 8101.

Lorenzo de Medici il Magnifico von **Alfred von Reumont.** 2 Bände. Leipzig 1874, in 8°. А. Б. № 8129.

Revue Française de l'étranger et des colonies. Paris 1885 et 1886. 24 книги in 8°. А. Б. № 8137.

Reymond, William. Histoire de l'Art. Paris 1874, in 8°. А. Б. № 8050.

Kulturgeschichte der neueren Zeit vom Wiederaufleben der Wissenschaften bis auf die Gegenwart von **Otto Henne-Am Rhyn.** I. Band. Das Zeitalter der Reformation. Leipzig, 1870. II. Band. Das Zeitalter der Aufklärung. Leipzig 1871. III. Band. Die Neueste Zeit. Leipzig 1872, in 8°. А. Б. № 8130.

Chili. Le Chili, L'Araucanie, le Détroit de Magellan et retour par le Sénégal, par le comte **Eugène de Robiano.** Ouvrage faisant suite à Dix-huit mois dans l'Amérique du Sud, du même auteur. Paris 1882, in 8°. А. Б. № 8098.

Deutsche Geschichte von **Heinrich Rückert.** 2-te umgearbeitete Auflage. Leipzig 1861, in 8°. А. Б. № 8167.

Schäffle (Dr. Albert E. Fr.). Bau und Leben des socialen Körpers. I. Band. Allgemeiner Theil. Tübingen 1875, in 8°. А. Б. № 8135.

Scherr, J. Deutsche Kultur- und Sittengeschichte. 2-te Auflage. Leipzig 1858. А. Б. № 8023.

Schlossar, Anton, Dr. Innerösterreichisches Stadtleben vor hundert Jahren. Wien 1877, in 8°. А. Б. № 8150.

William Edward Hartpole Lecky's Sittengeschichte Europas von Augustus bis auf Karl den Grossen. Nach der zweiten verbesserten Auflage mit Bewilligung des Verfassers übersetzt von Dr. **H. Solovicz.** 2 Bände. Leipzig und Heidelberg 1870—71, in 8°. А. Б. № 8112.

Historische Zeitschrift von **Heinrich von Sybel.** München 1861. 1, 3 und 4 Hefte. 1862. 1-tes Heft. А. Б. № 8145.

Souvenirs du Venezuela. Notes de voyage par Jenny de **Tallenay.** Ouvrage illustré par **Saint-Elme Gautier.** Paris 1884, in 8°. А. Б. № 8091.

Teste, Louis. L'Espagne contemporaine, journal d'un voyageur. Paris 1872, in 8°. А. Б. № 8088.

Asie mineure, description géographique, historique et archéologique des provinces et des villes de la Chersonèse d'Asie par **Charles Texier.** Paris MDCCCLXII, in 8°. А. Б. № 8160.

Thulié, H. Dr. La femme, essai de sociologie physiologique. Paris 1885. А. Б. № 8033.

Véron Eugène. La Morale. Paris 1884 (въ переплетѣ). А. Б. № 8026.

Villermé, Dr. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. 2 volumes. Paris 1840, in 8°. А. Б. № 8048.

Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen von **Ferdinand Walter.** Zehnte verbesserte Auflage. Bonn 1846, in 8°. А. Б. № 8120.

Weiss (Hermann). Kostümkunde. III Lieferungen. Stuttgart 1866–68, in 8° (3 кн.). А. Б. № 8139.

Grundzüge der National-Oekonomie von **Max Wirth.** 2 Bände. Köln 1861, in 8°. А. Б. № 8149.

M-me de Witt, née Guizot. Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis (1787—1874). Paris 1880. А. Б. № 8092.

Nordische Revue. Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben. Herausgegeben von Dr. **Wilhelm Wolfsohn.** Leipzig 1864. II-ter Band, 3 Hefte. 1865. III-ter Band. 3 Hefte, in 8°. А. Б. № 8138.

Young, A. Voyages en Italie et en Espagne en 1787 et en 1789. Paris 1860. А. Б. № 8019.

La vie d'un patricien de Venise au seizième siècle. Les Doges. — La Charte Ducale. — Les femmes à Venise. — L'Université de Padoue. Les préliminaires de Lepante, etc., etc. d'après les papiers d'état des archives de Venise, par **Charles Yriarte.** Paris 1874, in 8°. А. Б. № 8052.

Charles, Yriarte. Françoise de Rimini dans la légende et dans l'histoire avec vignettes et dessins inédits d'Ingres et d'Ary Scheffer. Paris 1883, in 8°. А. Б. № 8090.

Geschichte der Ethik. 1-te Abtheilung. Die Ethik der Griechen und Römer von **Theobald Ziegler.** Bonn 1882, in 8°. А. Б. № 8143.

СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

МАЛЬТІЙСКИМЪ ОРДЕНОМЪ

Ч. I (до 1789 г.).

По документамъ Московскаго Главнаго Архива
Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Духъ Крестовыхъ походовъ, говоритъ Монтаньякъ [1]), былъ главнымъ образомъ военный и религіозный; поэтому онъ породилъ монашествующее рыцарство, которое является лучшимъ выраженіемъ настроенія и интересовъ эпохи, когда христіанство вынуждено было силою отражать вооруженную пропаганду ислама.

Почти въ одно и то же время, нѣкоторые монахи стали опоясываться мечемъ по рясѣ и нѣкоторые рыцари надѣли монашескую рясу сверхъ кольчуги.

Изъ всѣхъ орденовъ, стоявшихъ тогда на стражѣ религіи и общества и обращавшихъ монастыри въ укрѣпленные за́мки и укрѣпленные за́мки въ монастыри, первымъ и могущественнѣйшимъ былъ, безъ сомнѣнія, Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Начало ему положило самое христіанское изъ всѣхъ чувствъ—любовь къ ближнему.

Въ 1048 году нѣсколько богатыхъ купцовъ изъ *Амальфи* [2]), тронутые страданіями христіанскихъ паломниковъ, основали въ Іерусалимѣ, съ разрѣшенія Халифа, странноприимный домъ и при немъ больницу. Это учрежденіе находилось недалеко отъ Св. Гроба Господня и имѣло два отдѣльныхъ зданія для мужчинъ и женщинъ; при немъ была сооружена церковь во имя Пресв. Богородицы, получившая названіе церкви Св. Маріи Латинской въ отличіе отъ церквей Греко-Восточнаго вѣроисповѣданія. Богослуженіе отправлялось Бенедиктинцами, монастырь которыхъ находился недалеко отъ странноприим-

---

[1]) Histoire des Chevaliers Hospitaliers de St. Jean de Jérusalem, par Elizé de Montagnac, Chevalier dudit Ordre, Paris 1863. (Продолженіе знаменитой Исторіи Аббата Вертó).

[2]) Итальянскій приморскій городъ, немного южнѣе Неаполя, въ то время принадлежавшій Византіи.

наго дома; эти монахи приняли большое участіе въ новомъ учрежденіи и, съ своей стороны, дѣлали все возможное, чтобы упрочить его существованіе. Кромѣ того, многіе паломники, вылѣченные въ больницѣ, оставались при ней, чтобы служить страждущимъ братьямъ по вѣрѣ.

Такъ, мало-по-малу, образовалось страннопріимное братство, ожидавшее только организатора, чтобы обратиться въ Орденъ съ опредѣленнымъ статутомъ.

Такимъ организаторомъ явился, въ концѣ XI вѣка, нѣкто *Жераръ,* уроженецъ Мартига въ Провансѣ. Около того же времени, одна знатная Римская дама, Агнеса, приняла на себя руководство женскимъ отдѣленіемъ страннопріимнаго дома.

Въ 1099 году Іерусалимъ былъ взятъ Крестоносцами, и Готфридъ Буліонскій, въ знакъ благодарности за услуги, оказанныя братствомъ христіанамъ вообще и Крестоносцамъ въ особенности, щедро надѣлилъ его землями. Въ то же время вступили въ братство многіе рыцари.

Число членовъ братства и его матеріальныя средства все возрастали, и Жераръ предложилъ преобразовать братство въ монашескій Орденъ; его предложеніе было единодушно принято; братья и сестры новообразованнаго Ордена явились къ Св. Гробу Господню и, въ присутствіи Іерусалимскаго латинскаго патріарха, произнесли три монашескихъ обѣта: послушанія, цѣломудрія и нестяжанія. Орденское одѣяніе было черное съ нашитымъ на мѣстѣ сердца бѣлымъ полотнянымъ, осьмиконечнымъ крестомъ.

Между тѣмъ Орденъ пріобрѣталъ въ разныхъ странахъ отъ сочувствовавшихъ его полезной дѣятельности Государей все больше и больше владѣній, образовавшихъ впослѣдствіи Великія Пріорства, Бальяжи и Командорства.

Вскорѣ послѣ учрежденія Ордена стараніями благочестиваго Жерара былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ во имя Св. Іоанна Крестителя на томъ мѣстѣ, гдѣ, по древнему преданію, находилось жилище Захаріи, отца этого Святаго. Вслѣдствіе этого монахи новаго Ордена стали называться Страннопріимными братьями Святаго Іоанна Іерусалимскаго или Іоаннитами.

Жераръ скончался въ 1112 году, въ глубокой старости, любимый и уважаемый всѣми жителями Іерусалима, такъ какъ при немъ не только всѣ христіане принимались въ странноприимный домъ и больницу безъ различія Восточнаго и Западнаго вѣроисповѣданій, но даже бѣдные евреи и мусульмане получали милостыню.

Черезъ годъ послѣ смерти Жерара, папа Пасхалій II утвердилъ статуты новаго Ордена и предоставилъ ему право самому избирать себѣ главу.

Преемникомъ Жерару былъ избранъ *Реймондъ Дюпюи;* въ 1118 году онъ предложилъ Страннопріимнымъ братьямъ, для защиты Святой земли, взяться за оружіе, которое большинство изъ нихъ уже носило до вступленія въ монашество. Съ этого времени Орденъ сталъ военно-монашескимъ, а его члены стали называться страннопріимными рыцарями Св. Іоанна Іерусалимскаго. Къ орденскому одѣянію былъ прибавленъ для рыцарей черный плащъ съ бѣлымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ, подобнымъ носимому на мѣстѣ сердца. Въ походѣ они надѣвали красный супервестъ съ большимъ бѣлымъ полотняным прямолинейнымъ крестомъ спереди.

По новому уставу Реймонда Дюпюи вся братія была раздѣлена на три класса: *рыцарей* (кавалеровъ), *капелановъ* и *оруженосцевъ* (servants d'armes). Чтобы быть принятымъ въ классъ рыцарей нужно было представить доказательства дворянскаго происхожденія, которыя, впослѣдствіи, въ разныхъ странахъ были различны; особенно строги требованія были въ Германіи, гдѣ рыцарь долженъ былъ представить 16 восходящихъ поколѣній дворянъ (quartiers de noblesse). Для принятія въ одинъ изъ двухъ другихъ классовъ доказательствъ дворянства не требовалось.

Кромѣ того, Реймонду Дюпюи принадлежитъ раздѣленіе Ордена, по національностямъ, на такъ называемые „*языки*“ (langues), которыхъ было сначала 7: Провансальскій, Оверньскій, Французскій, Итальянскій, Аррагонскій, Германскій и Англійскій. Впослѣдствіи къ нимъ былъ прибавленъ Кастильскій, а Англійскій языкъ, уничтоженный при отдѣленіи Англиканской церкви, былъ возстановленъ въ 1782 году въ Ба-

варіи подъ именемъ Англо-баварскаго; къ этому языку были отнесены, при Императорѣ Павлѣ, и два русскихъ Великихъ Пріорства.

Во главѣ Ордена стоялъ Гросмейстеръ, имѣвшій титулъ „Его Преимущество“ (Son Altesse Eminentissime или Son Eminence); онъ былъ избираемъ орденскимъ Капитуломъ и пользовался этимъ званіемъ пожизненно; въ своихъ дѣйствіяхъ онъ былъ ограниченъ *Великимъ Совѣтомъ*, который онъ долженъ былъ собирать во всѣхъ важныхъ случаяхъ. За Гросмейстеромъ слѣдовали *Пиліеры* (Столпы) или Бальи Конвентуальные, бывшіе начальниками языковъ, а затѣмъ *Великіе Пріоры* и *Бальи* капитулярные; всѣ эти лица были Кавалерами Большаго Креста; за ними шли *Командоры* и, наконецъ, просто *Кавалеры*. Земельныя владѣнія Ордена были предоставлены, подъ условіемъ уплаты въ орденскую казну такъ называемыхъ респонсій Великимъ Пріорамъ, Балы и Командорамъ и образовали Великія Пріорства, Бальяжи и Командорства. Гросмейстеръ имѣлъ право каждыя пять лѣтъ назначать одно Командорство, кому захочетъ, если за это время откроется вакансія; эти Командорства назывались Магистральными, и респонсіи съ нихъ шли въ пользу Гросмейстера; вообще же командорства давались по старшинству, но могли быть учреждаемы и родовыя Командорства; кромѣ того, было нѣсколько Командорствъ, доходами съ которыхъ пользовались Капеланы и оруженосцы.

Внѣшнимъ отличіемъ Кавалеровъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, кромѣ двухъ полотняныхъ крестовъ, былъ золотой осьмиконечный (какъ Орденъ Св. Станислава), покрытый бѣлой эмалью крестъ на черной муаровой лентѣ, который Командоры носили на шеѣ, а простые Кавалеры въ петлицѣ; Кавалеры Большаго Креста носили на шеѣ крестъ подобный командорскому, но бо́льшей величины, на лентѣ, или на золотой цѣпи; надъ крестомъ, носимымъ на шеѣ, была золотая корона, а надъ ней, уже на лентѣ, золотое же изображеніе военной арматуры. Эти кресты первоначально были безъ эмали и не золотые, а серебряные; они сперва носились только на четкахъ, а потомъ уже на шеѣ и въ петлицѣ, и были собственно украше-

ніемъ; знакомъ же принадлежности къ Ордену былъ бѣлый полотняный крестъ на мѣстѣ сердца и на лѣвой сторонѣ плаща. Ношеніе серебряныхъ крестовъ было лишь обычаемъ до 1631 года, когда оно было формально признано Генеральнымъ Капитуломъ. Полотняные кресты были впослѣдствіи замѣнены шелковыми, а золотые украшались иногда брилліантами. Что касается до оруженосцевъ и замѣнившихъ ихъ потомъ донатовъ или полукрестниковъ, то они носили крестъ безъ верхней вѣтви, на подобіе буквы Т.

Въ Кавалеры могли быть принимаемы, съ разрѣшенія папы, и лица не могущія удовлетворить всѣмъ условіямъ принятія въ Орденъ; они получали названіе *Кавалеровъ по милости* (Chevaliers de grâce), въ отличіе отъ *Кавалеровъ по праву* (Ch. de justice); были не только простые Кавалеры по милости, но и Командоры и даже Бальи. Въ болѣе поздній періодъ существованія Ордена появились такъ-называемые *Кавалеры благочестія* (Ch. de dévotion), не произносившіе обѣтовъ, какъ принявшіе монашество Кавалеры *(Ch. profès)*; кресты благочестія давались и дамамъ.

Что касается до Странноприимныхъ сестеръ (les soeurs Hospitalières), то онѣ представляли, какъ Кавалеры по праву, доказательства дворянскаго происхожденія, произносили монашескіе обѣты и имѣли настоятельницъ.

Посмотримъ теперь, каковы были дальнѣйшія судьбы Ордена, послѣ того какъ онъ сталъ военнымъ и принялъ участіе въ войнахъ изъ-за Святой Земли.

„Съ этихъ поръ, говоритъ Монтаньякъ, исторія Ордена — не что иное, какъ исторія всѣхъ Крестовыхъ походовъ; нѣтъ ни одного выдающагося событія въ этой исторіи, въ которомъ бы не принимали славнаго участія Странноприимные рыцари, и каждая страница этой великой эпопеи свидѣтельствуетъ о ихъ храбрости и доблестныхъ подвигахъ. Къ несчастью, господство христіанъ на востокѣ мало-по-малу рушилось. Послѣднимъ ихъ оплотомъ была Акра. Султанъ осадилъ этотъ городъ съ войскомъ, состоявшимъ, какъ говорятъ, изъ 160.000 человѣкъ пѣхоты и 60.000 конницы. Всѣ жители спаслись на корабли, и защищать городъ остались

только 12.000 Странноприимныхъ и Тевтонскихъ рыцарей и Templiеровъ. Осада была ужасна, рыцари оказали чудеса храбрости, но не могли устоять передъ численнымъ превосходствомъ непріятеля". Когда Сарацины уже ворвались въ городъ и христіанскіе рыцари дѣлали послѣднія усилія, чтобы отразить ихъ, монахини монастыря Св. Клары различными способами, обезобразили себѣ лицо „съ бо́льшимъ стараніемъ, прибавляетъ Аббатъ Верто, чѣмъ женщины нашего вѣка украшаютъ себя посторонними красками: однѣ отрѣзали себѣ носъ, другія вонзили себѣ въ щеки ножницы; у всѣхъ лица были окровавлены и въ такомъ ужасномъ видѣ, что невѣрные безжалостно перебили ихъ и смертью избавили отъ своей дерзости этихъ чистыхъ невѣстъ Спасителя міра". Гросмейстеръ Странноприимныхъ рыцарей Виллье, раненый, удалился на Кипръ, при чемъ король этого острова подарилъ Ордену городъ Лимиссо. Здѣсь кончается первый періодъ исторіи Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Его роль, казалось, была сыграна, но онъ былъ тогда преобразованъ въ морской Орденъ, что̀ не только спасло его существованіе, но и приготовило ему новый блескъ. Гросмейстеръ Фулькъ де Вилларе рѣшилъ овладѣть островомъ Родосомъ и, въ 1310 году, вступилъ на него. Скоро весь островъ былъ завоеванъ рыцарями, которые съ этого времени стали называться Родосскими.

Между тѣмъ появились новые завоеватели — турки. Послѣ паденія Византійской имперіи они стали полными владыками на востокѣ, гдѣ только Родосскіе рыцари продолжали вести съ ними часто удачную борьбу. Султанъ Магометъ II рѣшилъ завоевать Родосъ и послалъ своего великаго визиря, который осадилъ островъ съ сильнымъ войскомъ. Этотъ великій визирь былъ Мисахъ Палеологъ, греческій принцъ изъ послѣдней императорской династіи, принявшій исламъ, чтобы избѣгнуть смерти, которая ожидала всѣхъ принцевъ, захваченныхъ въ плѣнъ при взятіи Константинополя. Благодаря геройскому сопротивленію, оказанному Родосскими рыцарями съ ихъ знаменитымъ Гросмейстеромъ *д'Обюссономъ* во главѣ, Палеологъ-паша долженъ былъ отступить. Между тѣмъ Ор-

день, не смотря на громадное неравенство силъ, продолжалъ бороться съ турецкимъ господствомъ, что наконецъ такъ разгнѣвало султана Солимана, что онъ, въ 1522 году, осадилъ Родосъ съ 400 кораблями и 200.000 войска. У христіанъ было не болѣе 5.000 солдатъ и 600 рыцарей. Осада Родоса, защищаемаго Гросмейстеромъ *Виллье де Лиль Адамомъ*, — одна изъ самыхъ достопамятныхъ въ исторіи; она продолжалась не менѣе трехъ лѣтъ. Турки потеряли убитыми до 44.000 человѣкъ, и султанъ предложилъ наконецъ Гросмейстеру почетную капитуляцію, которую тотъ, въ виду невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, долженъ былъ принять. 1 января 1523 года рыцари оставили островъ. Здѣсь кончается второй періодъ исторіи Ордена.

Опять выступилъ на очередь вопросъ о его существованіи, и опять оно было спасено: Карлъ V, въ 1530 году, подарилъ Виллье де Лиль Адаму островъ Мальту, и Родосскіе рыцари, переселившись туда, стали называться Мальтійскими. На могилѣ этого славнаго Гросмейстера была сдѣлана слѣдующая надпись: C'est ici que repose la Vertu victorieuse de la Fortune, т.-е.: здѣсь покоится Доблесть побѣдительница Счастія. Для Ордена открылась теперь новая, широкая дѣятельность: борьба съ Барбарійскими пиратами, грабившими берега Средиземнаго моря и увозившими въ неволю множество христіанъ. Мальтійскіе корабли неутомимо преслѣдовали пиратовъ и освобождали много невольниковъ. Въ этотъ третій періодъ исторіи Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго прославился Гросмейстеръ *Лавалеттъ*, отразившій, въ 1565 году, турокъ, осадившихъ Мальту съ громаднымъ количествомъ кораблей и сильнымъ войскомъ. Во время этой осады выказали большую храбрость и Мальтійскія женщины: нѣкоторыя изъ нихъ были убиты, отбивая съ истиннымъ геройствомъ отчаянные приступы турокъ. Въ слѣдующемъ году Лавалеттъ построилъ на островѣ укрѣпленный городъ, названный въ честь его Лавалеттой.

Но послѣ того Мальтійскій Орденъ сталъ клониться къ упадку: между Кавалерами стала распространяться роскошь и испорченность нравовъ; старая дисциплина уступила мѣсто

борьбѣ партій и личнаго честолюбія. Такъ дѣло шло все хуже и хуже, когда наконецъ, въ 1791 году, Конвентъ отобралъ у Ордена его обширныя земельныя владѣнія во Франціи, а генералъ Бонапартъ, направляясь въ Египетъ, по дорогѣ, безъ сопротивленія овладѣлъ островомъ Мальтой и принудилъ Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго искать защиты и покровительства у Русскаго Императора.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію отношеній Мальтійскаго Ордена къ Россіи.

Первыя сношенія Россіи съ Мальтой начались при Петрѣ Великомъ.

Стремленіе возрожденной геніемъ Петра Россіи къ своимъ естественнымъ границамъ и, между прочимъ, къ столь важному для нея Черному морю находило препятствіе въ Турціи и зависѣвшихъ отъ нея крымскихъ татарахъ; отсюда постоянныя столкновенія Россіи съ этими южными сосѣдями и войны, въ которыхъ Царь естественно искалъ себѣ союзниковъ; таковыми могли быть, съ большой пользой для Россіи, сильные на морѣ Мальтійскіе рыцари, непримиримые враги мусульманскаго міра.

Желая, если возможно, заручиться ихъ содѣйствіемъ, Петръ Великій повелѣлъ позаботиться объ этомъ отправлявшемуся въ 1697 году за границу своему ближнему боярину и намѣстнику Вятскому Борису Петровичу Шереметеву. Посѣтивъ короля Польскаго Августа II, императора Леопольда, Венеціанскаго дожа и папу Иннокентія XII, Шереметевъ направился къ Мальтѣ и 1 мая (ст. ст.) 1698 года встрѣтилъ Мальтійскій караванъ подъ начальствомъ генерала Спинолы, который привѣтствовалъ его пушечною пальбою и предложилъ ему почетную команду надъ кораблями. На слѣдующій день они вошли въ Мальтійскую гавань, гдѣ русскій боярин былъ встрѣченъ Капеланомъ Мальтійскаго двора и въ парадной каретѣ, при пушечной пальбѣ, въѣхалъ въ городъ. Шереметеву былъ предоставленъ на время пребыванія его на островѣ дворецъ покойнаго Гросмейстера и, въ видѣ особеннаго вниманія,

гросмейстерскому трубачу велѣно было постоянно быть при бояринѣ и возвѣщать трубою время обѣда и ужина его; „и тотъ день, говорится въ запискахъ Шереметева [1]), трактовали въ обѣдѣ и ужинѣ презрядными ѣствами, и питіемъ, и конфектами разными... и трубачъ трубилъ“.

3-го мая Шереметевъ отдыхалъ, а 4-го явился на аудіенцію.

Гросмейстеръ Рамонъ де Переллосъ и Роккафулль встрѣтилъ его за двѣ комнаты до аудіенцъ-камеры и, возвратясь въ послѣднюю, просилъ Шереметева сѣсть, но тотъ произнесъ сперва титулъ Государевъ стоя, и Гросмейстеръ выслушалъ его также стоя; потомъ оба сѣли, и путешественникъ началъ рѣчь: упомянувъ объ Азовскомъ походѣ, въ которомъ онъ былъ главнымъ воеводою, и привѣтствовавъ Гросмейстера и рыцарей, „во всякой славѣ и отважной мудро-военной храбрости сіяющихъ“, онъ благодарилъ перваго за радушный пріемъ и, вставъ, вручилъ ему „любительную грамоту“ Царя, которую тотъ, вставъ въ свою очередь, принялъ, поцѣловалъ и отдалъ своему секретарю. Затѣмъ бояринъ подалъ ему еще письмо императора Леопольда, послѣ чего началъ свою рѣчь Гросмейстеръ: онъ благодарилъ Русскаго „Генералиссимуса“ за посѣщеніе Мальты, восхвалялъ его за побѣду надъ „непріятелями Креста Святаго“ и, въ заключеніе, выразилъ желаніе, чтобы между Россіей и Мальтой всегда существовали дружественныя отношенія и взаимная помощь. Въ своей „любительной грамотѣ“ Царь писалъ Гросмейстеру, что, „имѣя о цѣлости всего христіанства попеченіе“, онъ велъ удачную войну съ султаномъ и крымскимъ ханомъ, а затѣмъ, съ тою-же цѣлью, заключилъ союзъ съ императоромъ Леопольдомъ, Польскимъ королемъ и Венеціанской Республикой противъ турокъ и татаръ и заканчивалъ грамоту выраженіемъ надежды, что посѣщеніе Мальты его ближнимъ бояриномъ и воеводою Мальтійскихъ „славныхъ Кавалеровъ противъ тѣхъ непріятелей наипаче прежняго охотныхъ сотворитъ“.

---

[1]) Записка путешествія Ген.-Фельдм. Россійскихъ войскъ, Тайн. Сов. и Кавалера Мальтійскаго, Св. Ап. Андрея и др., Графа Б. П. Шереметева въ Европейскія государства... и на Мальтійскій островъ и проч., Москва, 1773 г. Изданіе исторіографа Миллера.

7-го мая, въ день Пятидесятницы, Шереметевъ былъ у обѣдни и прикладывался къ десной рукѣ Св. Іоанна Крестителя, впослѣдствіи, при императорѣ Павлѣ I, перенесенной въ Россію. На слѣдующій день, наканунѣ отъѣзда изъ Мальты, бояринъ явился проститься съ Гросмейстеромъ, который, въ знакъ своего особаго благоволенія къ Россіи и ея представителю, возложилъ на него украшенный брилліантами крестъ Св. Іоанна Іерусалимскаго на золотой цѣпи, сказавъ между прочимъ: „Спмъ побѣждай враги всего христіанства во преименитую славу твоего Великаго Государя, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества!“

Такимъ образомъ боярпнъ, впослѣдствіи графъ, *Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ первымъ Мальтійскимъ Кавалеромъ изъ русскихъ.*

Хотя между Россіей и Мальтой и не установились постоянныя дипломатическія сношенія, но со времени посѣщенія острова Шереметевымъ Мальтійскіе Гросмейстеры, при вступленіи своемъ въ это званіе, стали извѣщать о томъ Россійскихъ Государей особыми грамотами, а также поздравлять ихъ со вступленіемъ на престолъ. Въ 1737 году Гросмейстеръ Дэпюи (Despuig), извѣщая о своемъ избраніи Императрицу Анну Іоанновну, называлъ ее „Императорскимъ Величествомъ“ — титулъ, который Вѣнскій дворъ призналъ за Россійскими Государями только въ 1744 году. Парижскій дворъ призналъ Императорское достоинство ихъ въ 1762 году; но и послѣ того министръ Людовика XV герцогъ Шуазёль, называя Екатерину II Императрицей, не соглашался однако употреблять выраженіе „Majesté Impériale“ подъ тѣмъ предлогомъ, что это не по-французски [1]), такъ какъ о французскомъ королѣ не говорилось „Sa Majesté Royale“. Эта грамота пи-

[1]) Онъ и не согласился на это, несмотря на всѣ настоянія нашего Посланника Князя Д. А. Голицына, и послѣдній, хотя и былъ весьма полезенъ Екатеринѣ II, въ ея сношеніяхъ съ энциклопедистами, впалъ черезъ это у нея въ своего рода немилость, бывъ переведенъ въ 1768 году въ томъ же званіи въ Гагу (ср. Примѣч. къ стр. 633 т. XV Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Спб., 1875 г. Письма сего Кн. Голицына къ Вице-Канцлеру Кн. А. М. Голицыну).

сана на французскомъ языкѣ, а не на латинскомъ, какъ предыдущія.

Императрица Елисавета Петровна, по вступленіи своемъ на престолъ, извѣстила о томъ Гросмейстера Пинто, а въ 1745 г. увѣдомила его о бракосочетаніи Великаго Князя Наслѣдника Престола Петра Ѳеодоровича съ Принцессой Ангальтъ-Цербтской Екатериной. Въ 1744 году Мальтійскій посланникъ въ Вѣнѣ Графъ Альтганъ просилъ черезъ Русскаго Посланника Ланчинскаго поддержки Императрицы передъ Королемъ Прусскимъ, наложившимъ на земли Ордена въ Силезіи тяжелые налоги и даже начавшимъ раздавать ихъ лицамъ, не принадлежавшимъ къ Ордену. Русское Правительство не сочло нужнымъ вмѣшательство въ пользу Мальты. Гросмейстеръ Пинто отъ времени до времени присылалъ въ Петербургъ, въ видѣ простыхъ путешественниковъ, Мальтійскихъ Кавалеровъ, предписывая имъ стараться всѣми мѣрами снискать благоволеніе Русскаго Двора; эти путешественники были Графъ Гамильтонъ, Министръ Ордена при Вѣнскомъ дворѣ, Графъ Мазэнъ (Masin), Резидентъ Короля Сардинскаго въ Португаліи и Маркизъ Саграмозо; послѣдній успѣлъ до того, что былъ допущенъ на приватную аудіенцію къ Императрицѣ; при немъ состоялъ, во время его пребыванія въ Петербургѣ, капитанъ Полянскій; это было въ 1748 году.

Вообще, послѣ Петра Великаго, до 1769 года, наши сношенія съ Мальтой имѣютъ характеръ отрывочный и обусловлены случайными обстоятельствами.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II сношенія Россіи съ Мальтійскимъ Орденомъ оживились. Въ своихъ заботахъ о Русскомъ флотѣ, Императрица въ 1764 году велѣла своему Посланнику при Вѣнскомъ дворѣ Князю Голицыну найдти между Мальтійскими Кавалерами лицо свѣдущее въ постройкѣ галеръ и управленіи ими, обѣщая таковому чинъ Генерала, 2000 рублей на дорогу и столько же жалованія. На предложеніе Императрицы изъявилъ было согласіе Командоръ *Графъ Мазэнъ* (Masin) изъ рода Вальперга (de la maison de Valperga), подданный Короля Сардинскаго, опытный морякъ; это былъ младшій братъ Графа Мазэна, пріѣзжавшаго въ Петербургъ

около 1755 года, въ качествѣ простого путешественника; но его успѣли отговорить, „представляя въ преувеличенномъ видѣ трудность его предпріятія, суровый климатъ Россіи и ея государственное устройство.“ Тогда нѣсколько морскихъ офицеровъ: Козляниновъ, Селифонтовъ, Скуратовъ, Мосоловъ, Коковцевъ и Рагозинъ — получили назначеніе съ тою же цѣлью на Мальту. Они пробыли на корабляхъ Ордена около 3-хъ лѣтъ подъ начальствомъ Бальи Бельмонте. Графъ Мазэнъ выказалъ имъ болѣе всѣхъ предупредительности, сообщилъ имъ необходимыя для нихъ свѣдѣнія и оказалъ имъ помощь и услуги при ихъ отъѣздѣ. Гросмейстеръ Пинто, въ письмахъ къ Императрицѣ по поводу ихъ отъѣзда, отзывается съ большой похвалой о ихъ познаніяхъ въ морскомъ дѣлѣ и личныхъ качествахъ, пріобрѣтшихъ имъ всеобщія симпатіи.

Вскорѣ послѣ этого началась война съ Турціей, послѣдствіемъ которой было установленіе постоянныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Мальтой.

Въ концѣ 1768 года въ Петербургѣ совершенно неожиданно было получено извѣстіе объ арестѣ Русскаго Резидента въ Константинополѣ Обрѣзкова, что было равносильно объявленію войны Турціей Россіи. Разрывъ произошелъ по наущенію Французскаго Резидента въ Константинополѣ Верженна, дѣйствовавшаго по инструкціямъ Министра Шуазёля. „Туркамъ съ Французами, писала Екатерина Графу И. Г. Чернышеву, заблагоразсудилось разбудить кота, который спалъ; я сей котъ, который имъ обѣщаетъ дать себя знать, дабы память не скоро исчезла.“

Какъ нѣкогда Петръ I, Екатерина II сочла нужнымъ обратиться къ Мальтійскому Ордену, какъ полезному союзнику въ открывавшейся войнѣ. Поэтому, въ 1769 году былъ отправленъ на Мальту первый Русскій Повѣренный въ дѣлахъ Маркизъ Георгъ *Кавалькабо,* происходившій изъ древней Венеціанской знати: „Мое имя, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ депешъ, — неизвѣстно въ книгѣ Венеціанскаго банка — оно извѣстно только въ Золотой Книгѣ этой древней респуб-

лики". Первоприсутствующій въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Графъ Никита Ивановичъ Панинъ снабдилъ его инструкціями, которыя даютъ намъ понятіе о планахъ Екатерины II относительно содѣйствія Мальтійскаго Ордена въ войнѣ съ Турціей и излагаютъ взгляды Русскаго Правительства на первый раздѣлъ Польши, который былъ представляемъ врагами Россіи какъ дѣйствіе, направленное противъ католицизма, что могло повредить успѣху миссіи нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при католическомъ Орденѣ. Документъ (на французскомъ языкѣ) помѣченъ: Петергофъ, 19 іюля 1769 года.

„Господинъ Маркизъ Кавалькабо (такъ начинаются инструкціи), Вы найдете здѣсь приказанія, полученныя мною изъ собственныхъ устъ Ея Императорскаго Величества для Вашего руководства при исполненіи порученія, которое Ей угодно было возложить на Васъ". Далѣе говорится о томъ, что Кавалькабо имѣетъ отправиться къ мѣсту своего назначенія на эскадрѣ Адмирала Спиридова, идущей въ Гибралтаръ, а прибывъ на Мальту, вручить Гросмейстеру два письма Императрицы и стараться склонить его къ вооруженному содѣйствію Россіи противъ Турціи, выставляя на видъ, что Орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго въ самыхъ обѣтахъ своихъ „объявилъ постоянную войну невѣрнымъ". „Вы хорошо сдѣлаете, говорится далѣе, если будете отправляться отъ того положенія, что все происшедшее въ Польшѣ — дѣло чисто политическое, нисколько не касающееся религіи. Польская конституція признаетъ равенство четырехъ вѣроисповѣданій. Незаконныя дѣйствія отняли у трехъ вѣроисповѣданій, извѣстныхъ подъ именемъ диссидентовъ, всѣ гражданскія права и заставили признать католическое вѣроисповѣданіе господствующимъ. Во всякомъ случаѣ такое положеніе вещей было непрочно и установляло опасное раздѣленіе въ республикѣ, такъ какъ лишенные правъ всегда готовы возстать противъ угнетенія, потребовать возстановленія своихъ правъ и, въ случаѣ успѣха, или благодаря превратности человѣческой судьбы, отнять права у самихъ католиковъ. Ея Величество поступила какъ справедливая, гуманная и предусмотрительная Государыня, предложивъ порядокъ вещей, могущій по-

править это опасное положеніе дѣлъ путемъ взаимныхъ уступокъ и удовлетворенія всѣхъ. Такимъ образомъ, постановленія сейма собственно не что иное, какъ сдѣлка для предупрежденія великихъ замѣшательствъ, при чемъ интересы обѣихъ партій одинаково приняты во вниманіе, такъ какъ, при возстановленіи правъ диссидентовъ, католическое вѣроисповѣданіе признано господствующимъ — титулъ имъ самимъ себѣ присвоенный и всегда оспаривавшійся; было постановлено, что корона навсегда останется за этимъ вѣроисповѣданіемъ; наконецъ, преимущества, державшіяся только силою большинства, получили твердое основаніе и силу государственнаго закона. Слѣдовательно одна только зависть могла очернить дѣйствія Ея Величества и побудить къ наступленію общаго врага христіанъ. Вы должны въ разговорахъ настаивать на этихъ тщательныхъ заботахъ объ охраненіи и даже господствѣ католическаго вѣроисповѣданія, чтобы уничтожить предубѣжденіе, созданное, можетъ быть, на мѣстѣ Вашего назначенія врагами славы Ея Императорскаго Величества, что̀ повредило бы цѣлямъ Вашей миссіи".

Другимъ обстоятельствомъ, могущимъ повредить и, какъ увидимъ послѣ, дѣйствительно повредившимъ успѣху миссіи нашего Повѣреннаго въ дѣлахъ, было то, что между Мальтійскими Кавалерами находилось очень много Французовъ, Испанцевъ и Итальянцевъ, которые, какъ подданные Бурбонскихъ домовъ, въ то время враждебно настроенныхъ противъ Россіи, должны были сообразоваться съ политикой Французскаго правительства. „Языки, состоящіе изъ подданныхъ Бурбонскихъ домовъ, говорится въ инструкціяхъ, потребуютъ осмотрительности съ Вашей стороны. Вы разъясните имъ со всей осторожностью истинныя причины войны, представляя ихъ лишь временнымъ настроеніемъ ихъ дворовъ, увлеченныхъ Министромъ, дѣйствующимъ такъ изъ личныхъ видовъ и, можетъ быть, принужденнымъ такъ дѣйствовать, чтобы стать необходимымъ. Вы замѣтите имъ притомъ, что большое разстояніе, раздѣляющее оба государства, дѣлаетъ невозможными какія-либо непосредственныя столкновенія между ними и что Франція, въ прежнихъ войнахъ Турціи съ своими есте-

ственными и исконными врагами, держала себя съ приличными такой націи достоинствомъ и деликатностью, ставя интересы религіи выше всякихъ другихъ интересовъ".

Съ такими инструкціями Маркизъ Кавалькабо отправился изъ Петербурга на кораблѣ „Три Святителя" и въ депешѣ отъ 24 ноября сообщилъ о своемъ прибытіи въ Гибралтаръ.

По дорогѣ корабль останавливался въ Англіи, бывшей тогда, вмѣстѣ съ Даніей, открыто на сторонѣ Россіи, и Кавалькабо считаетъ долгомъ сообщить, что не только Англійскіе Губернаторы и Офицеры, но и частныя лица относились къ Русскимъ очень сочувственно.

Наконецъ, нашъ Повѣренный въ дѣлахъ прибылъ на Мальту, имѣлъ 16 января 1770 года аудіенцію у Гросмейстера Пинто и вручилъ ему два письма Императрицы, которыя тотъ, принявъ, два раза поцѣловалъ. Затѣмъ Кавалькабо началъ переговоры съ Мальтійскимъ Вице-Канцлеромъ [1]), который сказалъ ему, что при всемъ почтеніи Мальтійцевъ къ Русской Императрицѣ союзъ съ Россіей встрѣтитъ большія затрудненія въ Совѣтѣ, принужденномъ сообразоваться съ видами Франціи и другихъ Бурбонскихъ державъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гросмейстеру Императрица говоритъ, что взаимное положеніе ея и постояннаго врага Святаго Креста не могло не привлечь съ самаго начала вниманія и интереса всего христіанства, что ея дѣло — правое и что она надѣется на содѣйствіе Ордена, учрежденнаго для защиты вѣры и борьбы съ невѣрными; затѣмъ она проситъ Пинто оказать благосклонный пріемъ ея эскадрѣ и Маркизу Кавалькабо, обѣщая за это помогать Ордену въ его экспедиціяхъ. Въ другомъ письмѣ она благодаритъ Гросмейстера за радушный пріемъ, оказанный ея морскимъ офицерамъ.

Собравшійся 18 января Великій Совѣтъ назначилъ коммиссію изъ четырехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ Вице-Канцлера, для разсмотрѣнія предложеній Русскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ. На слѣдующій день члены коммиссіи собрались и составили докладъ Гросмейстеру и Совѣту. Вице-Канцлеръ

---

[1]) Гедесъ Магалепсъ, Португалецъ.

вручилъ этотъ актъ Маркизу Кавалькабо, „чтобы выказать ему величайшее довѣріе и искренность“. „Еслибы намъ можно было, говорится въ докладѣ, слѣдовать одному влеченію сердца, то мы естественнымъ движеніемъ души, безъ разсужденія, съ радостью воспользовались бы случаемъ, который кажется намъ вполнѣ сообразнымъ съ нашимъ статутомъ; но насъ удерживаетъ то, что державы рѣшились сохранять строгій нейтралитетъ, что̀ мы видимъ изъ ихъ распоряженій по всѣмъ портамъ и въ частности портамъ Сициліи, которой мы обязаны оказывать особенное вниманіе [1]), а еще болѣе изъ положительныхъ представленій, сдѣланныхъ Вашему Преимуществу, держаться той же политики“. Сообразуясь съ требованіями Бурбонскихъ державъ, Мальта не должна была принимать въ свою гавань болѣе четырехъ русскихъ кораблей.

20 января Гросмейстеръ далъ Русскому Повѣренному въ дѣлахъ большой обѣдъ и передалъ ему свое отвѣтное письмо Императрицѣ, въ которомъ онъ вѣжливо отказывалъ въ содѣйствіи Ордена, повторяя аргументы коммиссіи. То же говорилъ онъ и на обѣдѣ, на что Маркизъ наконецъ отвѣтилъ, что когда обо всемъ этомъ узнаетъ Императрица, то она только пожалѣетъ Мальтійскій Орденъ, что она съ самаго начала войны надѣялась только на Бога и на силы своего собственнаго государства, которыхъ однѣхъ достаточно для веденія войны на морѣ и сушѣ, и что она приглашала Орденъ только вслѣдствіе своего природнаго великодушія, желая раздѣлить съ нимъ славу. „Несмотря на все это, заключилъ Маркизъ Кавалькабо, Императрица по прежнему остается благосклонной къ Ордену и Гросмейстеру и постарается доказать это при всякомъ случаѣ на дѣлѣ“.

Такимъ образомъ попытка привлечь Мальтійскій Орденъ къ борьбѣ съ Турками не имѣла успѣха. Предложенія Россіи поддерживалъ только Англійскій Консулъ на Мальтѣ Rutter: „онъ помогаетъ мнѣ, пишетъ Кавалькабо, во всемъ, въ чемъ можетъ, съ безподобнымъ рвеніемъ и честностью“. Равнымъ образомъ, Англійскій Консулъ въ Ливорно Кавалеръ Dick.

[1]) Въ это время Орденъ находился въ вассальныхъ отношеніяхъ къ королю обѣихъ Сицилій.

когда однажды нашъ Повѣренный въ дѣлахъ нуждался въ деньгахъ, прислалъ ему 1.000 золотыхъ дукатовъ.

Съ этого времени Кавалькабо начинаетъ писать уже шифрованныя депеши, какъ скоро дѣло касается Мальты и ея отношеній къ Россіи.

Вліяніе Бурбонскихъ державъ скоро выразилось еще и въ томъ, что Кавалькабо, въ конфиденціальномъ разговорѣ съ Вице-Канцлеромъ, получилъ отказъ на предложеніе заготовить для Русскихъ войскъ 3.000 пудовъ сухарей, что было поручено Маркизу Кавалькабо Адмираломъ Спиридовымъ, причемъ Вице-Канцлеръ сослался на примѣръ Тосканскаго Великаго Герцога, навлекшаго на себя упреки Неапольскаго, Версальскаго и Вѣнскаго дворовъ за то, что онъ „предоставилъ слишкомъ много удобствъ Русскимъ кораблямъ“.

Дѣла наши съ Мальтой шли все хуже и хуже: „Гросмейстеръ, Вице-Канцлеръ и почти всѣ Кавалеры, пишетъ Кавалькабо Графу Панину, недовольны успѣхами славнаго оружія Ея Величества“. Когда Маркизъ принесъ извѣстіе объ этихъ успѣхахъ, то „двое первыхъ остались безъ словъ и движенія“. „Ихъ недоброжелательство, говорится далѣе въ депешѣ, проявляется еще и въ томъ, что они дѣлаютъ все возможное, чтобы затруднить мнѣ снабженіе кораблей провіантомъ“. Слѣдующая депеша начинается уже такими словами: „У меня есть основательныя подозрѣнія, что здѣсь перехватили двѣ моихъ депеши, которыя я имѣлъ честь адресовать Вашему Сіятельству“. Эти двѣ депеши (№№ 2 и 3), дѣйствительно, не находятся въ Réception Министерства; въ нихъ Кавалькабо сообщалъ о проходѣ передъ Мальтой Русскихъ кораблей и о томъ, что онъ напрасно старался отправиться на бортъ корабля Адмирала Спиридова. Въ перехватѣ этихъ депешъ онъ подозрѣваетъ Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ *де-Пена,* „креатуру Шуазёля“, заклятаго врага Россіи.

Чѣмъ дальше подвигались Русскія войска, тѣмъ непріязненнѣе становились къ Россіи Бурбонскія державы и не однѣ онѣ: „побѣды нашихъ Русскихъ войскъ, пишетъ Кавалькабо, потурчили всю Европу, не исключая Святаго Отца и Мальтійскій Орденъ“.

Въ Іюлѣ 1770 года де-Пенъ далъ обѣдъ на 36 кувертовъ, по случаю бракосочетанія Дофина (впослѣдствіи Людовика XVI); въ числѣ приглашенныхъ былъ и папскій Инквизиторъ, хотя Людовикъ XV еще не помирился съ Папой. Русскій Повѣренный въ дѣлахъ не получилъ приглашенія. За этимъ обѣдомъ пили вино изъ крана въ видѣ дельфина (dauphin), причемъ нѣкто Pasquin произнесъ Итальянскіе стихи, въ которыхъ говорилось, что такъ какъ вино это освящено, то оно, какъ Король Французскій, — Христіаннѣйшее (très-chrétien).

Какъ уже было сказано, на сторонѣ Россіи были тогда Англія и Данія. Французскій Консулъ на Мальтѣ Abela, имѣвшій въ то же время титулъ Интенданта Датскаго Короля, получилъ отъ послѣдняго приказаніе помогать во всемъ Россіи, но такъ какъ нельзя быть слугою двухъ господъ, особенно когда эти господа требуютъ противоположнаго, то онъ долженъ былъ сдѣлать выборъ; онъ выбралъ Францію и, вмѣсто содѣйствія Россіи, сталъ распространять о ея военныхъ дѣйствіяхъ ложные слухи. Увѣдомленный объ этомъ Кавалькабо просилъ Графа Панина довести объ этомъ до свѣденія Копенгагенскаго двора, чѣмъ была бы оказана услуга и этому послѣднему.

Между тѣмъ Русскій флотъ одержалъ блистательную побѣду надъ Турецкимъ при Чесмѣ. Маркизъ Кавалькабо, получивъ извѣстіе объ этомъ въ Петербургъ, написалъ слѣдующее письмо *Вольтеру*, приложивъ къ нему описаніе битвы:

Милостивый Государь, только Ваше перо можетъ достойно передать потомству славныя дѣянія и геройскія доблести Императрицы Всероссійской, моей Всемилостивѣйшей Государыни. Древній Гомеръ позавидовалъ бы счастью Гомера, составляющаго славу нашего вѣка, за превосходство сюжета, который я имѣю честь представить Ему въ приложенномъ при семъ докладѣ; превосходство его таково, что я представилъ его Ея Императорскому Величеству, которой Министромъ, аккредитованнымъ при Мальтійскомъ Гросмейстерѣ, я имѣю счастіе быть. Я не могъ бы пожелать болѣе благопріятнаго случая засвидѣтельствовать мое почтеніе Вашему великому имени, чѣмъ тотъ, который можетъ обезсмертить славную

націю, членомъ которой я имѣю честь быть по моему свободному выбору. Не будучи въ состояніи засвидѣтельствовать мою справедливую благодарность Великой Екатеринѣ и Россіи ни шпагой, ни перомъ, я прошу Васъ, Милостивый Государь, заплатить мой долгъ, такъ какъ я объявляю себя несостоятельнымъ. Васъ, обладающаго неистощимымъ богатствомъ, какъ скоро дѣло идетъ о томъ, чтобы воздать должное заслугамъ, или отомстить за угнетенную правду.

Что же касается до Мальты, то извѣстіе о Чесменской битвѣ было принято тамъ съ явнымъ недоброжелательствомъ. „Они не только стараются очернить лучшія наши дѣйствія, пишетъ Кавалькабо, но доводятъ свою шикану до того, что она является уже явной враждебностью. Я приведу въ подтвержденіе этого только одинъ фактъ, но такой, который стóитъ тысячи другихъ. Четыре дня тому назадъ показалось въ каналѣ нѣсколько кораблей, какъ полагаютъ, нашихъ; я сначала просилъ послать лодку съ Г. Стоксе [1]), чтобы онъ переговорилъ съ ними; мнѣ не позволили не только сдѣлать это, но даже послать письмо, хотя бы на слѣдующій день, въ чемъ никому не отказываютъ. Это называется мѣшать мнѣ въ исполненіи моихъ служебныхъ обязанностей. Въ отвѣтъ на мои жалобы, они говорятъ, что это болѣе не повторится. но когда представляется случай. они дѣлаютъ еще хуже; это случалось со мной нѣсколько разъ. Здѣсь царствуетъ анархія. Гросмейстеръ приказываетъ, — Французы его не слушаются; но онъ не можетъ ни наказать ихъ, ни даже сдѣлать имъ замѣчаніе, потому что онъ, во что бы то ни стало, все спускаетъ этой націи; причина этому та, что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, нѣсколько Кавалеровъ большаго креста жаловались Папѣ на дурное управленіе ихъ главы, который обратился за поддержкой къ Франціи; Король написалъ Кавалерамъ большаго креста, чтобы они оставили въ покоѣ старика [2]), который черезъ это сталъ рабомъ этой націи".

При такихъ обстоятельствахъ Маркизу Кавалькабо удалось

---

[1]) Переводчикъ и секретарь Маркиза Кавалькабо.
[2]) Пинто было въ это время около 90 лѣтъ.

уговорить Графа Мазэна, у котораго учились наши морскіе офицеры, вступить въ Русскую службу. Графъ Мазэнъ получилъ образованіе въ Туринской Академіи и былъ хорошимъ математикомъ, инженеромъ, морякомъ, артиллеристомъ и проч. „Льщу себя надеждой, пишетъ Кавалькабо, что Императрица со временемъ скажетъ мнѣ спасибо за то, что я помогъ Ей сдѣлать хорошее пріобрѣтеніе". Графъ купилъ небольшой корабль и 24 сентября, подъ предлогомъ дѣлъ въ Италіи, отправился къ эскадрѣ Графа Орлова, оставивъ письмо къ Гросмейстру, которое было отдано послѣднему только черезъ недѣлю послѣ отъѣзда Графа. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что рѣшился воспользоваться прекраснымъ случаемъ быть очевидцемъ войны, которую Русскіе ведутъ съ такимъ успѣхомъ противъ враговъ Ордена, и надѣется заимствовать полезныя и для Мальты свѣдѣнія по военному дѣлу „у этой храброй и воинственной націи". Свой тайный отъѣздъ онъ мотивируетъ желаніемъ оградить Гросмейстра отъ всякихъ нареканій со стороны державъ, враждебныхъ Россіи.

Къ копіи съ этого письма, въ документахъ Архива, приложена на отдѣльномъ листкѣ слѣдующая собственноручная замѣтка Екатерины II: *Voilà un Chevalier qui a pris le mord au dents.* (Вотъ кавалеръ, закусившій удила).

Въ началѣ 1775 года Графъ вернулся на Мальту.

Видя, что раздраженіе Гросмейстера и его приверженцевъ противъ Россіи все увеличивается, Маркизъ Кавалькабо счелъ нужнымъ представить первому промеморію, въ которой жаловался, во первыхъ, на то, что при разспросахъ прибывающихъ въ Мальту Русскихъ офицеровъ ему не позволяютъ присутствовать, тогда какъ при его разговорахъ съ ними всегда находится Мальтійскій солдатъ, знающій немного по-русски, — и во вторыхъ, что Русскому слугѣ Стоксе не позволяютъ закупать провизію Русскаго экипажа, а сдѣлали изъ этого монополію вышеупомянутаго солдата, который пользуется этимъ, чтобы продавать Русскимъ недоброкачественные припасы по непомѣрно-высокой цѣнѣ.

Вражда къ Россіи выражалась и въ томъ, что даже въ публичныхъ собраніяхъ многіе позволяли себѣ „болѣе чѣмъ не-

приличные разговоры" о Русской Императрицѣ, такъ что Маркизъ Кавалькабо наконецъ пересталъ посѣщать почти всѣ собранія и бо́льшую часть времени проводилъ дома.

Такъ шли наши дѣла съ Мальтой, когда великодушный поступокъ *Графа Алексѣя Орлова* нѣсколько поправилъ ихъ; а именно, Графъ прислалъ Гросмейстеру 86 плѣнныхъ Алжирцевъ, чтобы онъ могъ обмѣнить ихъ на столько же Христіанъ, захваченныхъ Барбарійскими пиратами. Пинто былъ очень тронутъ этой неожиданной и столь мало заслуженной любезностью, и отношенія Ордена къ Россіи тотчасъ же измѣнились къ лучшему. Гросмейстеръ даже самъ предложилъ Маркизу Кавалькабо принять въ Мальтійскую гавань Русскій корабль Ратиславъ, нуждавшійся въ починкѣ. Плѣнныхъ Алжирцевъ Пинто предоставилъ де-Пену, и 86 Французовъ были обязаны своей свободой великодушію Русскаго Адмирала.

Къ такому счастливому для насъ обороту дѣлъ присоединилось еще послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ паденіе Герцога Шуазёля. Теперь Мальтійскій Орденъ могъ бы, еслибъ захотѣлъ, оказывать Россіи даже активную помощь, но надобность въ ней, послѣ блестящихъ побѣдъ нашихъ войскъ, уже миновала, и отправленіе Мальтійскихъ кораблей на востокъ не оказало бы намъ, по мнѣнію Кавалькабо, никакой пользы, а только уменьшило бы военную добычу, такъ какъ захватъ Турецкихъ кораблей не представлялъ уже для насъ затрудненій, войскъ же для высадки у Ордена не было. Поэтому Гросмейстеръ сталъ оказывать теперь нашимъ кораблямъ пассивныя услуги, насколько это отъ него лично зависѣло.

Въ это время случился слѣдующій непріятный инцидентъ, указывающій однако на перемѣну въ отношеніяхъ Ордена къ Россіи. Одинъ изъ плѣнныхъ пиратовъ, поссорившись съ Албанцемъ, принадлежавшимъ къ экипажу Ратислава, далъ ему пощечину, за что былъ сначала избитъ Русскими матросами, а потомъ, по приказанію Мальтійскихъ властей, былъ три раза битъ палками въ присутствіи другихъ плѣнныхъ. Но Маркизъ Кавалькабо счелъ недостаточнымъ это наказаніе и обратился къ Гросмейстеру съ письмомъ, въ которомъ требовалъ, чтобы преступникъ былъ выданъ головою Капитану

Лупандину; его требованіе было исполнено: плѣнникъ, въ цѣпяхъ, былъ приведенъ на корабль Ратиславъ, гдѣ собрались Кавалькабо, Лупандинъ, Русскіе офицеры и экипажъ и множество народа, съ любопытствомъ ожидавшаго приговора Русскаго капитана. Лупандинъ сказалъ черезъ переводчика, что хотя преступникъ и заслужилъ смертную казнь, но онъ даритъ ему жизнь, слѣдуя примѣру Императрицы, которая прощаетъ обезоруженныхъ враговъ, если они сознаютъ свою вину. Этотъ приговоръ вызвалъ всеобщее одобреніе. Затѣмъ Кавалькабо, уже отъ себя, настоялъ передъ Мальтійскими властями, чтобы плѣнникъ былъ осужденъ на пожизненныя галеры и чтобы остальные плѣнники, ходившіе до тѣхъ поръ свободно, были заключены въ оковы.

Вскорѣ послѣ этого, 18 января (нов. ст.) 1771 года, Пинто праздновалъ тридцатилѣтіе своего Гросмейстерства; ни одинъ изъ его предшественниковъ не носилъ этотъ санъ такъ долго. Два вечера была иллюминація въ городѣ, а Русскій Повѣренный въ дѣлахъ поднесъ виновнику торжества большую картину, изображавшую его съ парящей надъ нимъ Славой; внизу виднѣлся Мальтійскій портъ, въ который входилъ корабль подъ Русскимъ флагомъ, а подъ картиной находилось итальянское двустишіе, французскій переводъ котораго Маркизъ Кавалькабо приводитъ въ своей депешѣ. Вотъ эти стихи:

Un cygne du Néva ne vient sur cette rive
Que pour chanter que Pinto règne et vive.

(Невскій лебедь является къ этимъ берегамъ только за тѣмъ, чтобы пожелать Пинто долгаго царствованія и долгой жизни). Во время иллюминаціи Кавалькабо поставилъ эту картину на балконѣ своего дома, окна котораго были освѣщены восковыми факелами; „на томъ же балконѣ, пишетъ онъ, оркестръ оживлялъ это нѣмое выраженіе моихъ пожеланій о сохраненіи дней Его Преимущества, который выразилъ мнѣ свою горячую благодарность, такъ какъ онъ очень чувствителенъ ко всякому блеску“.

„Этотъ Государь, говоритъ онъ далѣе, несмотря на то, что слабъ ногами, захотѣлъ въ этотъ вечеръ пойти пѣшкомъ

въ комическую оперу (l'opéra burlesque); театръ находится на разстояніи болѣе 500 шаговъ отъ его дворца; это единственный разъ въ году, когда его видятъ на спектаклѣ, а также единственный разъ, когда онъ появляется во Французскомъ костюмѣ. Театръ былъ весь иллюминованъ; былъ прологъ, сочиненный въ его похвалу, и онъ угощалъ всѣхъ прохладительными напитками. Не замѣтно еще, чтобы душевныя силы этого Государя слабѣли, хотя онъ говоритъ, что въ этомъ мартѣ ему будетъ 90 лѣтъ. Въ этотъ годовой день своего возвышенія онъ пожелалъ бросать народу изъ оконъ много денегъ, а за нѣсколько дней до того онъ бросилъ полную пригоршню крупныхъ экю хорошенькой дѣвушкѣ, стоявшей на террасѣ напротивъ его дворца; дѣвушка пошла благодарить его, но объявила ему, что не будетъ довольна, если не получитъ платья для торжества; онъ послалъ ей на выборъ три куска богатыхъ матерій; выбравъ одинъ, она захотѣла еще брошь, которую и получила. По всему видно, что этотъ Государь отлично можетъ дожить до 100 лѣтъ, если раньше не произойдетъ какого-либо несчастнаго случая".

Въ одной изъ слѣдующихъ своихъ депешъ Кавалькабо разсказываетъ о небольшомъ столкновеніи между нимъ и Французскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ де-Пеномъ по поводу Французскаго корабля Marie d'Egypte, захваченнаго Русскими съ грузомъ, назначавшимся для Турокъ; между Контръ-Адмираломъ Грейгомъ и Французскимъ патрономъ Мутономъ былъ заключенъ договоръ nolis о вознагражденіи послѣдняго; но такъ какъ корабли были на ходу и не хватило времени изложить договоръ письменно, то Мутонъ, по прибытіи въ Мальтійскую гавань, отказался отъ условій договора; его сторону принялъ де-Пенъ, встревоженный еще тѣмъ, что на этомъ французскомъ кораблѣ находился Лейтенантъ Шишкинъ съ 15 чел. экипажа. Послѣ многихъ переговоровъ рѣшено было обратиться къ третейскому суду, причемъ Русскій и Французскій повѣренные въ дѣлахъ должны были назначить каждый по одному судьѣ. Кавалькабо выбралъ было Англійскаго Консула, а де-Пенъ назначилъ своего собственнаго секретаря, на что однако нашъ Повѣренный въ дѣлахъ не согласился. Тогда стороны признали

третейскимъ судьею Мальтійскаго Вице-Канцлера, который и рѣшилъ споръ въ томъ смыслѣ, что Мутонъ, какъ сторона, нарушившая контрактъ, долженъ заплатить убытки, послѣ чего ему остается получить 1.100 піастровъ. Эту сумму Кавалькабо тотчасъ же уплатилъ, хотя, по его мнѣнію, приговоръ Вице-Канцлера былъ всетаки пристрастнымъ въ пользу Франціи.

Хотя дѣла наши съ Мальтой пошли теперь гораздо лучше, однако у Россіи было еще очень много завистниковъ. „Гроссмейстеръ, пишетъ Кавалькабо, продолжаетъ, кажется, быть расположеннымъ къ намъ и даетъ намъ все нужное, но такъ какъ исполненіе зависитъ отъ другихъ, то я встрѣчаю постоянно тысячу затрудненій въ самыхъ простыхъ вещахъ“. Такъ, однажды на Мальту прибылъ для починки русскій корабль Саратовъ, сильно поврежденный; одинъ мастеръ, приглашенный для осмотра его, объявилъ, что его уже нельзя починить, но другой взялся, и въ сентябрѣ 1772 г. корабль былъ исправленъ; перваго мастера Кавалькабо подозрѣваетъ въ намѣренномъ искаженіи истины: „Наши завистники, говоритъ онъ, пускаютъ все въ ходъ, чтобы намъ повредить“. Желѣзо для починки корабля было продано на 25% выше, чѣмъ другимъ націямъ; кромѣ того, Кавалькабо долженъ былъ много спорить, чтобы получить хорошаго корабельнаго лѣсу: ему давали браковаинаго. Дезертиръ съ корабля Ратиславъ не только не былъ выданъ, но былъ даже принятъ на службу Ордена и увлекъ своимъ примѣромъ нѣсколько человѣкъ съ корабля Саратовъ, которые спаслись въ церковь; взять ихъ изъ этого убѣжища можно было только съ особаго разрѣшенія Папы. По этому поводу Маркизъ Кавалькабо написалъ письмо святому Отцу и просилъ Резидента въ Римѣ Маркиза Античи передать это письмо по назначенію, минуя Кардинала Палавичини; но Античи, „будучи Римляниномъ и имѣя поэтому слишкомъ много почтенія къ краснымъ шляпамъ“, передалъ его Кардиналу, который и отказалъ въ просьбѣ нашему Повѣренному въ дѣлахъ; но Кавалькабо не остановился передъ затрудненіями и настоялъ, чтобы письмо было представлено Папѣ; его старанія увѣнчались успѣхомъ: Папа разрѣшилъ взять изъ церкви дезертировъ, и не только на этотъ разъ, но

и на все время, пока русскіе корабли будутъ стоять у Мальты. Тогда Епископъ Мальты велѣлъ выдать дезертировъ, съ условіемъ, однако, что они не будутъ наказаны.

6 августа (нов. ст.) 1772 г. Графъ Алексѣй Орловъ былъ incognito на Мальтѣ, говорилъ съ Маркизомъ Кавалькабо и осмотрѣлъ Саратовъ, послѣ чего отправился далѣе на востокъ.

Переходимъ теперь къ учрежденію Польскаго Великаго Пріорства.

Въ 1609 году послѣдній Князь Острожскій Янушъ учредилъ маіоратъ (ordinatio) въ пользу своей дочери Евфросиніи, бывшей замужемъ за Александромъ Заславскимъ; въ случаѣ прекращенія рода Заславскихъ въ прямомъ колѣнѣ, маіоратъ долженъ былъ перейти въ домъ Князя Януша Радзивила, женатаго на сестрѣ Князя Острожскаго Катеринѣ, а въ случаѣ прекращенія и этой линіи, образовать Командорство Мальтійскаго Ордена; Командоръ долженъ былъ быть избранъ, по волѣ завѣщателя, польскимъ и литовскимъ дворянствомъ изъ Польскихъ Кавалеровъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Линія Радзивиловская пресѣклась еще ранѣе Заславской, а когда, въ 1667 году, умеръ послѣдній потомокъ Александра Заславскаго Владиславъ-Доминикъ, то Краковское дворянство избрало въ Командоры Князя Іеронима Любомирскаго; но Король Янъ Собѣсскій не утвердилъ избранія, такъ какъ оно было сдѣлано однимъ краковскимъ дворянствомъ, что̀ противорѣчило волѣ завѣщателя, и до рѣшенія дѣла на Сеймѣ отдалъ маіоратъ дочери Владислава-Доминика Заславскаго Ѳеофилѣ, своей племянницѣ, которая вышла послѣ этого замужъ за брата Князя Іеронима Любомирскаго; потомъ имѣніе перешло къ ихъ сыну, а когда послѣдній умеръ бездѣтнымъ, къ Князю Павлу Сангушко, женатому на его младшей сестрѣ. Въ родѣ Сангушко маіоратъ, несмотря на многократные протесты Мальтійскаго Ордена, оставался до начала 1775 года, когда было учреждено Великое Пріорство Польское.

Еще въ 1767 году Гросмейстеръ Пинто обратился къ Императрицѣ съ письмомъ, прося ея „могущественнаго покро-

вительства“ въ Острожскомъ дѣлѣ. Екатерина II обѣщала „съ удовольствіемъ содѣйствовать этому“, но начавшаяся вскорѣ война съ Турціей и непріязненныя отношенія къ Россіи Мальтійскаго Ордена принудили Пинто отложить заботы объ Острожской ординаціи до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Послѣ паденія Герцога Шуазёля, когда отношенія Ордена къ Россіи существенно измѣнились къ лучшему, Гроссмейстеръ счелъ полезнымъ отправить въ Петербургъ довѣренное лицо, которое постаралось бы возвратить утраченное благоволеніе Русской Императрицы и, въ случаѣ успѣха, испросило бы ея поддержки по Острожскому дѣлу.

Въ шифрованной депешѣ отъ 29 сентября (нов. ст.) 1772 г. Маркизъ Кавалькабо извѣщаетъ Графа Панина, что „Орденскій Совѣтъ рѣшилъ послать Кавалера *Саграмозо* съ вѣрительными грамотами въ Польшу и Россію, гдѣ онъ уже извѣстенъ“. Въ Россіи онъ былъ, какъ мы уже видѣли, въ 1748 году. „Кажущаяся цѣль его миссіи, прибавляетъ нашъ Повѣренный въ дѣлахъ, состоитъ въ вытребованіи земельныхъ владѣній въ Польшѣ, на которыя Орденъ имѣетъ притязанія, но истинная ея цѣль — снискать благоволеніе Императрицы; я получилъ эти свѣдѣнія изъ устъ того, кто деспотически управляетъ здѣсь и принадлежитъ къ лицамъ, всего болѣе желающимъ намъ зла, и кто вредилъ намъ, сколько могъ, вмѣстѣ со всѣми своими братьями, за очень немногими исключеніями[1]). Они сами знаютъ, что не заслужили милостей Императрицы, и стараются теперь поправить дѣло“.

Моментъ для заявленія претензій на Острожскій маіоратъ выбранъ, по мнѣнію Кавалькабо, очень неудачно, такъ какъ всѣ государства стремятся ограничить земельныя владѣнія монашескихъ Орденовъ. Мальтійскій Орденъ находится, по его мнѣнію, въ особенно невыгодномъ положеніи благодаря своей слабости, дурному управленію своихъ громадныхъ имѣній, „скандальной жизни Кавалеровъ и угнетенію народа“. Въ одной изъ своихъ депешъ Маркизъ Кавалькабо говоритъ,

---

[1]) Вице-Канцлеръ.

что у Мальтійскихъ Кавалеровъ — „всѣ недостатки монаховъ и солдатъ, но нѣтъ достоинствъ ни тѣхъ, ни другихъ“.

Въ концѣ 1772 года Гросмейстеръ Пинто заболѣлъ водяной, но до самой смерти не желалъ обращаться къ врачамъ. Дѣла Ордена онъ поручилъ своей „креатурѣ“, по словамъ Кавалькабо, Вице-Канцлеру, сдѣлавъ его Намѣстникомъ. Нашъ Повѣренный въ дѣлахъ не получилъ извѣщенія объ этой перемѣнѣ въ правленіи Ордена и представилъ по этому случаю въ Совѣтъ особое заявленіе о противорѣчіи такого образа дѣйствій началамъ международнаго права, на что получилъ устный отвѣтъ, что Орденъ не даетъ отчета въ этомъ никому, даже папскому Инквизитору.

Между тѣмъ Орденъ представлялъ совершенную анархію и началась сильная борьба партій изъ-за вопроса о преемникѣ умирающаго Пинто. Ко всему этому присоединился голодъ на островѣ и бунтъ Мальтійскаго населенія, выведеннаго изъ терпѣнія эксплуататорскимъ правленіемъ послѣднихъ лѣтъ, а особенно дѣйствіями новаго Намѣстника, воспользовавшагося голодомъ и монополіей Ордена, чтобы продавать народу негодный хлѣбъ по очень высокой цѣнѣ.

24 января (нов. ст.) 1773 г. Пинто умеръ почти 93 лѣтъ; онъ носилъ санъ Гросмейстера дольше всѣхъ своихъ предшественниковъ, а именно 32 года и 6 дней; за это время населеніе Мальты и Гоццо не только не увеличилось, но уменьшилось на 15.000 чел., и народъ дошелъ до крайней степени нищеты. На мѣсто Пинто былъ избранъ Гросмейстеромъ *Хименесъ*.

Переходя къ миссіи Кавалера Саграмозо, должно замѣтить, что Императрица сначала не была расположена помогать въ Острожскомъ дѣлѣ Ордену, только что выказавшему ей столько недоброжелательства. На письмѣ къ ней Кавалера Саграмозо (изъ Лондона, отъ 12 іюня 1772 г.) она написала для графа Панина слѣдующее: „Прошу Васъ дать Кавалеру Саграмозо очень вѣжливый и лестный отвѣтъ, поскольку это лично его касается, такъ какъ этотъ человѣкъ выказывалъ мнѣ много привязанности впродолженіи почти 30 лѣтъ; безъ сомнѣнія, еслибъ его Орденъ долженъ былъ прислать сюда

кого-либо, то никто не могъ бы мнѣ быть пріятнѣе его, но этотъ Орденъ такой Wälsch [1]), онъ такъ удалился отъ своихъ обѣтовъ и выказалъ намъ такъ мало доброжелательства, что въ этомъ Острожскомъ дѣлѣ, которое хотятъ провести при помощи нашего вліянія, причемъ въ случаѣ успѣха Польскія Командорства наполнятся Wälsch'скими тварями, — мнѣ нѣтъ ни малѣйшей охоты безпокоиться для Господъ Мальтійцевъ". (Je vous prie de faire au Chevalier Sagramoso une reponse bien polie bien flateuse pour son particulier, car c'est un homme qui m'a temoigné beaucoup d'attachement depuis pres de trente ans, assurement si son ordre avoit a envoyer quelqu'un ici, personne ne pourroit m'etre plus agreable, mais cet ordre est si Welche, il est si dechut de ses voeux, il nous a marqué si peu de bonne intention, et cette affaire d'Ostrog qu'on veut pousser par notre influence et dont apres les Comanderies en Pol. se rempliroit de creatures Welches, ne me donnent pas la moindre envie du monde de m'interresser, pour Mess. les Maltois.)

Несмотря на все это, Кавалеру Саграмозо удалось склонить Императрицу вступиться за права Ордена въ Польшѣ [2]). Нашему посланнику въ Варшавѣ, Графу Стакельбергу, было предписано дѣйствовать въ этомъ смыслѣ заодно съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами, „соблюдая всю справедливость и стараясь кончить сіе дѣло дружественнымъ и для обѣихъ сторонъ наименѣе тягостнымъ образомъ". Заручившись содѣйствіемъ Россіи, Австріи и Пруссіи, графъ Саграмозо отправился въ Варшаву съ письмомъ Екетерины II къ Королю. Въ это-же время три упомянутыя государства подали Польскому правительству коллективную ноту, въ которой настаивали, чтобы была назначена особая коммиссія для разсмотрѣнія Острожскаго дѣла; требованіе ихъ было исполнено; назначенная 16 ноября 1773 года коммиссія занялась разсмотрѣніемъ правъ

---

[1]) Слово Wälsch употребляется въ Нѣмецкомъ языкѣ для обозначенія вообще Романскихъ народовъ, особенно Итальянцевъ, и имѣетъ презрительный оттѣнокъ, вродѣ нашего „нѣмчура".

[2]) Онъ имѣлъ приватную аудіенцію 3 марта 1773 года.

спорящихъ сторонъ и 3-го января 1774 года представила свое заключеніе, въ которомъ были изложены доводы сторонъ. Права Ордена были далеко не безспорны, и если они получили, наконецъ, признаніе, то только благодаря второй нотѣ трехъ державъ. Результатомъ всего этого явилось учрежденіе Великаго Пріорства Польскаго съ 6-ю Командорствами, съ отпускомъ 120.000 злотыхъ на содержаніе этихъ 7 орденскихъ учрежденій изъ 300.000 злотыхъ, платимыхъ Острожскимъ маіоратомъ, послѣ чего Мальтійскій Орденъ, рецессомъ отъ 2 февраля 1775 года, отказался отъ всякихъ претензій на этотъ маіоратъ. Въ 1785 г. Великое Пріорство Польское вошло въ составъ Англобаварскаго языка, учрежденнаго за 3 года до того въ Баваріи; Баварскія Командорства были образованы изъ имѣній, конфискованныхъ у Ордена Іезуитовъ.

Между тѣмъ раздоры и безпорядки на Мальтѣ не прекращались. Въ правленіе Хименеса, въ маѣ 1774 года, ожидался опять бунтъ Мальтійскаго населенія; чтобы приготовиться къ его подавленію, Гросмейстеръ и Совѣтъ рѣшили вооружить всѣ укрѣпленія, но чтобы не волновать народа, былъ распущенъ ложный слухъ, будто въ скоромъ времени ожидается появленіе передъ Мальтой сильнаго флота, имѣющаго цѣлью овладѣть островомъ; многочисленные недоброжелатели Россіи увѣряли, что дѣло идетъ о Русскомъ флотѣ; въ этомъ смыслѣ появилась даже статья въ Лейденской Газетѣ. Къ такому тревожному положенію присоединились еще и внутренніе раздоры въ самомъ Орденѣ: одинъ сержантъ Мальтійскаго Епископа оскорбилъ словами галернаго унтеръ-офицера; капитанъ галеры приказалъ схватить перваго попавшагося епископскаго сержанта и дать ему 50 палокъ, что̀ вскорѣ и было исполнено; раздраженный этимъ Епископъ велѣлъ взять двухъ первыхъ попавшихся солдатъ Ордена и посадить ихъ въ его тюрьму; это тоже было приведено въ исполненіе; узнавъ объ этомъ, толпа Кавалеровъ вломилась въ епископскую тюрьму и освободила своихъ солдатъ; Гросмейстеръ, услыхавъ объ этихъ безпорядкахъ, арестовалъ виновныхъ Кавалеровъ, но Совѣтъ въ тотъ же день постановилъ освободить ихъ; тогда Епископъ удалился въ Старый Городъ. „Я надѣюсь, заключаетъ свой

разсказъ объ этомъ Кавалькабо, что Папа умиротворитъ этихъ добрыхъ монаховъ".

Ожидавшійся бунтъ вспыхнулъ 9 сентября 1774 года, на другой день послѣ празднованія отраженія Турокъ Лавалеттомъ въ 1565 году. Толпа сельскихъ жителей, предводимая нѣсколькими недовольными патерами, рано утромъ овладѣла крѣпостью Сантъ-Эльмо и Итальянскимъ бастіономъ. Послѣ неудачныхъ переговоровъ, мятежъ былъ прекращенъ силою оружія, причемъ былъ убитъ только одинъ Кавалеръ. Ордену помогало и вооруженное городское населеніе. Три главныхъ зачинщика подверглись смертной казни, другіе тюремному заключенію или изгнанію, всѣмъ остальнымъ объявлено было прощеніе. Послѣ этого бунта, взаимное недовѣріе городскаго и сельскаго населенія дошло до того, что „Кавалеръ не смѣлъ почти выходить за городъ, а сельскій житель боялся ночевать въ городѣ".

Этимъ случаемъ воспользовались враги Россіи и стали обвинять Кавалькабо въ тайномъ подстрекательствѣ сельскаго населенія къ бунту. Французскій Повѣренный въ дѣлахъ, де-Пенъ, зашелъ такъ далеко, что въ присутствіи Гросмейстера и Совѣта сказалъ, что все случившееся — дѣло Русскихъ интригъ; тогда присутствовавшій на Совѣтѣ, только что возвратившійся изъ Россіи, Графъ Мазэнъ заявилъ во всеуслышаніе, что онъ ручается за Маркиза Кавалькабо и потребуетъ удовлетворенія отъ всякаго, кто позволитъ себѣ оскорблять Россію. Узнавъ объ этой сценѣ въ Совѣтѣ, нашъ Повѣренный въ дѣлахъ отправился къ Гросмейстеру, чтобы потребовать объясненій; Хименесъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу случившагося и сказалъ, что поговоритъ съ де-Пеномъ, котораго и призвалъ къ себѣ черезъ день послѣ этого; де-Пенъ оправдывался тѣмъ, что не самъ выдумалъ свое обвиненіе, а повторялъ слышанное.

Черезъ два мѣсяца послѣ бунта, 9 Ноября 1774 года, Хименесъ умеръ и преемникомъ ему былъ избранъ единогласно Эммануилъ Роанъ (de Rohan).

Между тѣмъ графъ Саграмозо своими личными качествами успѣлъ снискать такое благоволеніе Императрицы, что она

пожелала имѣть его постояннымъ Посланникомъ Мальтійскаго Ордена, о чемъ и было сдѣлано предложеніе новому Гросмейстеру черезъ Маркиза Кавалькабо; но бѣдность орденской казны и опасеніе, чтобы дворы Лондонскій и Берлинскій не потребовали того же, заставили Орденъ отказаться отъ этого предложенія. Тогда Саграмозо сообщилъ Иностранной Коллегіи, что онъ имѣетъ грамоту отъ папы, въ которой послѣдній изъявляетъ желаніе взять всѣ расходы по содержанію его въ Петербургѣ на себя съ тѣмъ, чтобы онъ былъ тамъ папскимъ Легатомъ. Это предложеніе было отвергнуто Русскимъ Правительствомъ.

17 іюня 1776 года графъ Саграмозо имѣлъ прощальную аудіенцію у Императрицы, Наслѣдника и его супруги. На докладѣ Вице-Канцлера объ его отъѣздѣ рукою Екатерины II написано: „Обыкновенно сверхъ денегъ дается еще подарокъ: а какъ Графъ Саграмозо къ тому поведеніемъ своимъ болѣе имѣетъ право, то выберите табатерку съ бриліантами“. Кромѣ того, по рекомендаціи Императрицы, Саграмозо былъ сдѣланъ Мальтійскимъ Кавалеромъ большого креста.

Съ окончаніемъ Турецкой войны пребываніе Маркиза Кавалькабо на Мальтѣ потеряло значеніе, и онъ былъ отозванъ. Послѣдняя его депеша помѣчена: Римъ, 14 сентября 1776 года. Онъ выѣхалъ уже больной и вскорѣ умеръ.

Въ 1783 году былъ отправленъ на Мальту новый Повѣренный въ дѣлахъ — Капитанъ 2-го ранга и Кавалеръ ордена Св. Георгія 4-й степени Антоній *Исаро,* Грекъ, сражавшійся въ Русскомъ флотѣ во время Турецкой войны. При первомъ извѣстіи о войнѣ Россіи съ Турціей, въ концѣ 1768 года, онъ бросилъ семью и имущество и отправился въ Петербургъ, гдѣ князь Орловъ принялъ въ немъ участіе и представилъ его Императрицѣ, которая назначила его Лейтенантомъ въ эскадру, отправлявшуюся въ Средиземное море. Его примѣру послѣдовали многіе Греки, принявъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ. „Я внесъ надежду въ сердца Грековъ, писалъ Исаро нѣсколько лѣтъ спустя, и ихъ спавшая, но не

угасшая доблесть возгорѣлась полная энтузіазма противъ врага имени Христіанскаго при одномъ взглядѣ на знамя освободителей". По окончаніи войны онъ вышелъ въ отставку и водворилъ снова въ Греціи свою семью, спасшуюся на время войны въ Тріестъ. Въ 1783 году мы видимъ его опять въ Петербургѣ, гдѣ онъ подаетъ автобіографическую записку, послѣ чего слѣдуетъ его назначеніе Повѣреннымъ въ дѣлахъ на Мальту.

Въ инструкціи, данной ему по именному указу Императрицы изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, говорится слѣдующее: „Какъ уже здѣсь, такъ сказать, въ обыкновеніе вошло отправлять повсягодно, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, часть морскихъ Ея Величества силъ въ Средиземное море, для экзерцированія морскихъ служителей и для прикрытія и охраненія по оному начинающагося безпосредственнаго кораблеплаванія Россіянъ, и какъ опять легко статься можетъ, что военныя эскадры и торговыя суда наши будутъ имѣть случай заходить въ островъ Мальту: то Ея Императорское Величество изъ уваженія къ симъ обстоятельствамъ изволила признать за нужное учредить своего повѣреннаго въ дѣлахъ при Мальтійскомъ Гранъ Магистрѣ и при всемъ тамошнемъ обществѣ". Далѣе въ инструкціи говорится, чтобы Псаро, по пріѣздѣ на Мальту, старался „учтивымъ, ласковымъ и скромнымъ поведеніемъ дѣлать себя пріятнымъ" Гросмейстеру и вообще правительству Мальты, что необходимо въ интересахъ Русскаго мореплаванія, а также приказывается ему „недреманнымъ окомъ охранять интересы Ея Императорскаго Величества, противное онымъ отвращать и всякія происходимыя иногда неосновательныя разглашенія опровергать". Затѣмъ излагаются отношенія къ Россіи главнѣйшихъ державъ и система „вооруженнаго нейтралитета". Инструкція помѣчена 24 февраля 1783 года и подписана членами Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: графомъ И. А. Остерманомъ, А. А. Безбородко и П. Н. Бакунинымъ. При ней приложены: вѣрительная грамота, экстрактъ депеши Маркиза Кавалькабо о пріемѣ его на Мальтѣ въ 1770 году, циркуляры къ Посланникамъ, условная цифирь для тайныхъ

депешъ, нѣсколько трактатовъ и конвенцій Россіи съ другими государствами и нѣкоторыя другія бумаги.

Въ іюлѣ новый Повѣренный въ дѣлахъ былъ, по пути на Мальту, въ Вѣнѣ, въ октябрѣ — въ Венеціи, въ мартѣ 1784 года — въ Римѣ, гдѣ едва не утонулъ: шлюпка, на которой онъ плылъ, опрокинулась, наѣхавъ на незамѣтную въ водѣ цѣпь, и Псаро около $^1/_4$ часа былъ между жизнью и смертью.

Первое извѣстіе о миссіи Псаро было встрѣчено съ неудовольствіемъ на Мальтѣ, такъ какъ онъ не былъ Мальтійскимъ Кавалеромъ, что̀ обыкновенно соблюдалось другими государствами при назначеніи Повѣренныхъ въ дѣлахъ при Орденѣ; еще незадолго до того было отказано въ признаніи Повѣренному Сицилійскаго двора, не бывшему Кавалеромъ Ордена, несмотря на то, что Мальта находилась въ это время въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Королю Обѣихъ Сицилій. Гросмейстеръ Роанъ послалъ даже письмо Императрицы, черезъ графа Разумовскаго, Русскаго Резидента въ Неаполѣ, съ просьбой не назначать Повѣреннымъ не Кавалера, такъ какъ многія почести и преимущества Повѣренныхъ въ дѣлахъ другихъ государствъ тѣсно связаны съ ихъ принадлежностью къ Ордену; но въ этомъ же письмѣ онъ заявляетъ, что если назначеніе именно Псаро есть желаніе Императрицы, то онъ не настаиваетъ и приметъ его, какъ подобаетъ Повѣренному такой Великой Государыни, какъ Екатерина II. Въ то же время, встревоженный слухами о намѣреніи Русскаго Адмирала, находившагося съ флотомъ въ Ливорно, овладѣть Мальтой, или оказать на Орденъ давленіе появленіемъ передъ островомъ сильной эскадры, — онъ просилъ Неаполитанскаго Короля прислать на Мальту 1.500 солдатъ. Однако важное значеніе Россіи заставило Мальтійское правительство признать Псаро, не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, колебаній. Такъ, по прибытіи Псаро на Мальту, 2 мая, Вице-Канцлеръ *Алмейда* предложилъ сначала нашему Повѣренному въ дѣлахъ не требовать своего формальнаго признанія и быть простымъ агентомъ, такъ какъ онъ не Кавалеръ Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Псаро въ отвѣтъ показалъ на свой

Георгіевскій крестъ и сказалъ, что этотъ военный Орденъ въ послѣднее время затмѣваетъ славу Мальтійскаго въ борьбѣ съ невѣрными; Вице-Канцлеръ измѣнился въ лицѣ и сказалъ, что завтра дастъ окончательный отвѣтъ относительно признанія его Русскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ при Орденѣ. На слѣдующій день собрался Совѣтъ и было рѣшено признать Псаро, тѣмъ болѣе, что существовалъ прецедентъ: Кавалькабо былъ признанъ безъ всякихъ затрудненій, несмотря на то, что онъ не былъ, какъ и Псаро, Мальтійскимъ Кавалеромъ.

4 мая онъ имѣлъ аудіенцію у Гросмейстера, которымъ былъ встрѣченъ очень радушно; вскорѣ по пріѣздѣ онъ сталъ даже бывать у Роана два раза въ недѣлю, въ тѣ часы, когда тотъ бывалъ одинъ, причемъ Гросмейстеръ предлагалъ ему садиться, чего не удостоивались даже Кавалеры большого креста. Относительно предложеній Вице-Канцлера, присланный къ Псаро Бальи (изъ Французскаго языка) *Лора́* (Loras) сказалъ, что Алмейда говорилъ отъ себя, что Гросмейстеръ и другіе Кавалеры здѣсь не причемъ, что Ордену очень важно сохранить благоволеніе Императрицы и что онъ надѣется, что Псаро не напишетъ въ Петербургъ о разговорѣ съ Вице-Канцлеромъ. Свою депешу съ описаніемъ радушнаго пріема и признанія, безъ упоминанія о затрудненіяхъ, Псаро, въ одно изъ своихъ посѣщеній, далъ прочесть Гросмейстеру, при немъ же запечаталъ и отдалъ ему для отправленія въ Петербургъ. „Это слишкомъ честно!“ воскликнулъ растроганный Роанъ. Черезъ нѣсколько времени нашъ Повѣренный въ дѣлахъ послалъ въ Иностранную Коллегію другую депешу, гдѣ разсказана вся правда. Такъ ловко Псаро съумѣлъ выйти изъ настоящаго щекотливаго положенія.

Въ концѣ іюля на Мальтѣ пробыли 5 дней, по пути въ Константинополь, новый Французскій Посланникъ при Портѣ графъ Шуазёль-Гуффье и генералъ Клеракъ, отправлявшіеся, по слухамъ, для обученія Турецкихъ войскъ и поднятія въ нихъ утраченной дисциплины; что послѣднее вѣрно, Псаро заключаетъ изъ того, что на вопросъ его объ этомъ Гросмейстеръ отвѣчалъ уклончиво, „съ извѣстными гримасами и шорохомъ парика, что обыкновенно означаетъ его смущеніе“. Француз-

скому Посланнику Роанъ сказалъ: „Вы ѣдете въ Константинополь пожинать шипы, послѣ того какъ вашъ предмѣстникъ пожиналъ розы“; на что тотъ отвѣчалъ: „Да, я отправляюсь туда въ очень критическое время!“

Вскорѣ послѣ того былъ полученъ нашимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ манифестъ Императрицы о правахъ черноморскихъ портовъ, который Псаро послалъ въ копіяхъ въ Сицилію, въ западную Грецію и въ Тунисъ. О томъ, какъ думаютъ относиться Тунисскія власти къ Русскимъ торговымъ судамъ, онъ узналъ отъ Бальи *Гомпеша*, Австрійскаго резидента на Мальтѣ, впослѣдствіи Гросмейстера, съ которымъ у него завязались по пріѣздѣ на островъ самыя дружественныя отношенія. Австрійскій генеральный агентъ въ Тунисѣ, Ниссенъ, прислалъ, черезъ Гомпеша, извѣстіе, что Тунисскимъ Беемъ уже полученъ фирманъ Султана съ приказаніемъ не мѣшать русской морской торговлѣ и безпрепятственно принимать въ Тунисскіе порты Русскія торговыя суда. Въ это время въ Триполи авантюристъ Сиди Абдерахманъ добивался у Бея быть назначеннымъ посломъ въ Петербургъ, но напрасно.

Между тѣмъ Псаро продолжалъ пользоваться довѣріемъ Гросмейстера Роана и часто велъ съ нимъ разговоры о политикѣ, постоянно пересыпая ихъ комплиментами, отчего тотъ говорилъ съ нимъ охотнѣе и откровеннѣе. Однажды, когда рѣчь зашла о славныхъ дѣяніяхъ Екатерины II, Роанъ сказалъ, что ожидаетъ отъ нея скоро еще бо́льшаго, а именно изгнанія турокъ изъ Европы; на это Псаро замѣтилъ, что еслибы христіаннѣйшій (très-Chrétien) и католическій (très-Catholique) короли держались мыслей православной Государыни (la très-Orthodoxe), то безъ сомнѣнія общій врагъ христіанства былъ бы уже уничтоженъ. Гросмейстеръ, улыбнувшись, отвѣчалъ, что ни Франція, ни Испанія не могутъ уже помочь Портѣ въ томъ критическомъ положеніи, въ которое ее поставила великая Екатерина.

Благодаря хорошимъ отношеніямъ съ главой Ордена нашему Повѣренному въ дѣлахъ удалось выхлопотать свободу 28-ми грекамъ, взятымъ въ плѣнъ на пиратскомъ кораблѣ, гдѣ Турки принудили ихъ служить гребцами и матросами; эти Греки

были осуждены Мальтійскими властями, вмѣстѣ съ турками, на галеры, но за нихъ вступился ихъ соотечественникъ Псаро и разъяснилъ Гросмейстеру, что они ни въ чемъ не виноваты, обѣщая, въ случаѣ ихъ освобожденія, сообщить о такомъ великодушномъ поступкѣ его Императрицѣ. Роанъ, „съ сіяющимъ радостью лицомъ“, повелѣлъ тотчасъ же освободить грековъ, которыхъ Псаро, снабдивъ деньгами и паспортами, отправилъ на родину.

Въ концѣ 1784 года одинъ французъ, пріѣхавшій изъ Неаполя, Командоръ Доломьё, распустилъ слухъ, будто Россія купила у короля обѣихъ Сицилій сюзеренныя права на Мальту. Услыхавъ объ этомъ, Гросмейстеръ призвалъ къ себѣ Командора для объясненій; послѣдній приводилъ въ свое оправданіе, что объ этомъ говоритъ весь Неаполь и писалось даже въ газетахъ.

Между тѣмъ три лица, и прежде особенно противившіяся назначенію грека Псаро, стали общими силами стараться очернить его не только въ глазахъ Гросмейстера, но и Русскаго Правительства, при чемъ не останавливались и передъ клеветой. Эти три лица, которыя Псаро называетъ „тріумвиратомъ“, забравшимъ въ свои руки Гросмейстера, были: вице-канцлеръ Алмейда, Бальи Лора́ и Бальи Саграмозо. Послѣдній, бывшій въ то время Резидентомъ Ордена въ Неаполѣ, задержалъ письмо Гросмейстера къ Императрицѣ, въ которомъ тотъ просилъ ее не назначать Псаро на Мальту, и послалъ его уже послѣ признанія Псаро Русскимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ при Орденѣ, чтобы дать подумать, что этого назначенія продолжаютъ не желать на Мальтѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ себѣ эту задержку Псаро. Чтобы сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ Гросмейстера, „тріумвиратъ“ напоминалъ „странное, по его словамъ, поведеніе Кавалькабо“ во время сельскаго бунта 9 Сентября 1775 года, когда онъ будто бы тайно подстрекалъ народъ къ возмущенію противъ властей. Вообще, противъ Маркиза Кавалькабо были ожесточены почти всѣ Кавалеры, и Псаро слышалъ однажды разсказъ о томъ, что Гросмейстеръ Роанъ, на вопросъ, зачѣмъ онъ оказываетъ столько вниманія Кавалькабо, отвѣчалъ будто-бы:

„Что дѣлать! съ этимъ иностранцемъ нужно или быть внимательнымъ, или повѣсить его“. Когда Роанъ, увѣрившись, что со стороны Россіи не предстоитъ никакой опасности, написалъ письмо Неаполитанскому Королю, прося не присылать 1500 солдатъ, то это было истолковано врагами Россіи въ томъ смыслѣ, что онъ боится соглашенія Неаполитанскаго двора съ Петербургскимъ. Неудовольствіе „тріумвирата“ навлекли на себя и друзья Псаро — Бальи Гомпешъ и Секретарь послѣдняго Аббатъ Бойе (Boyer), часто посѣщавшіе нашего Повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ запискѣ (mémoire), посланной „тріумвиратомъ“ графу Разумовскому съ просьбой сдѣлать ее извѣстной при дворѣ и полной клеветъ на Псаро, даже аббатъ Бойе представленъ „почти злодѣемъ“ — presque un scélérat. Графъ Разумовскій сообщилъ эту записку Псаро, и послѣдній отправился за разъясненіями къ Гросмейстеру, который сказалъ, что ничего не слыхалъ о взводимыхъ на него обвиненіяхъ, что онъ не вѣритъ имъ и по прежнему расположенъ къ нему, а записку назвалъ „кропаніемъ“ — des barénillages Алмейды и Лора́. „Съ этихъ поръ, пишетъ Псаро, Гросмейстеръ удвоилъ вниманіе и любезность со мной, чтобы тѣмъ лучше постоянно скрывать отъ меня страшныя противъ меня козни“.

Бальи Алмейда и Лора́ по прежнему остались главными совѣтниками Гросмейстера. Псаро, въ концѣ записки (mémoire), приложенной къ депешѣ отъ 2 Февраля 1785 года и излагающей клеветы и козни его враговъ, говоритъ: „По нѣкоторымъ выраженіямъ, вырвавшимся у него (Гросмейстера) при нашемъ послѣднемъ разговорѣ, я замѣтилъ, что въ глубинѣ души онъ питаетъ рѣшительное недоброжелательство къ нашему Двору, несмотря на самое хитрое притворство и самыя пышныя фразы, которыми онъ старается скрыть свои тайныя намѣренія“. Въ P. S. къ этой запискѣ Псаро разсказываетъ, что недоброжелатели Россіи, хотѣвшіе вовлечь его въ какую-нибудь непріятную исторію, всѣми силами старались ввести его въ собранія, посѣщаемыя молодыми Кавалерами и содержимыми ими женщинами легкаго поведенія, гдѣ нашъ Повѣренный въ дѣлахъ могъ бы скомпрометировать свое досто-

инство, или быть вовлеченнымъ въ какую-либо ссору; особенно зазывали его на эти веселые пиры молодыхъ Кавалеровъ двѣ очень почтенныя особы: Вице-Канцлеръ Алмейда и Бальи Лора, но Псаро наотрѣзъ отказался посѣщать эти собранія.

Въ половинѣ Февраля 1785 года въ городѣ произошли безпорядки по поводу избранія новаго Пріора церкви; причиною волненія, кромѣ обыкновенной на Мальтѣ борьбы партій, былъ слухъ о томъ, что Алмейда и Лора взяли за свои голоса съ избраннаго кандидата Менвиля — первый 12000 талеровъ, второй 5000. Ночью было повѣшено на висилицѣ изображеніе („чучело“) Вице-Канцлера Алмейды съ дощечкой на груди, на которой было написано крупными буквами его имя; въ донесеніи Псаро объ этихъ безпорядкахъ вкралась странная описка: тамъ говорится, что „чучело“ было повѣшено „въ ночь съ воскресенья на вторникъ“.

Въ Маѣ того-же года было получено нашимъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ письмо отъ Вице-Канцлера графа Остермана, гдѣ онъ, въ отвѣтъ на увѣдомленіе объ освобожденіи 28 грековъ, извѣщалъ Псаро, что Императрица съ удовольствіемъ узнала объ этомъ великодушномъ поступкѣ Гросмейстера и благодаритъ послѣдняго. Псаро далъ прочесть это письмо Роану, который былъ очень доволенъ выраженной въ немъ благодарностью Императрицы. Въ то-же время Великій Визирь благодарилъ Русскаго Резидента при Блистательной Портѣ Булгакова за освобожденіе этихъ 28-и Турецкихъ подданныхъ.

Въ Ноябрѣ одинъ корабль, шедшій изъ Константинополя въ Марсель подъ Русскимъ флагомъ, былъ захваченъ въ Тунисѣ, но вскорѣ отпущенъ по настояніямъ Австрійскаго Генеральнаго Агента Ниссена, котораго Псаро благодарилъ чрезъ Бальи Гомпеша. Полгода спустя, другой Русскій корабль былъ задержанъ въ Алжирѣ, но также отпущенъ вслѣдствіе представленій Австрійскаго же Агента Ниссена — сына.

Русская торговля на Средиземномъ морѣ развивалась все болѣе и болѣе; Русскіе торговые корабли заходили часто на Мальту, чтобы запастись провіантомъ, или сдѣлать необходимыя починки; на все это требовалось много денегъ, между тѣмъ, пока товары не были еще проданы, наличныхъ денегъ

у Русскихъ купцовъ часто было недостаточно, Псаро же не могъ помочь имъ, самъ не имѣя свободныхъ суммъ. Поэтому онъ, съ разрѣшенія Гросмейстера, уговорился съ начальникомъ таможни Формозо ди Формоза, бывшемъ въ то же время и банкиромъ, чтобы тотъ открылъ кредитъ Русскимъ купцамъ, которые, благодаря этой мѣрѣ Псаро, стали получать необходимыя для нихъ деньги за законные проценты. Это было въ половинѣ 1786 года; въ концѣ этого года Формозо сталъ именовать себя Русскимъ Консуломъ и даже написалъ письмо въ качествѣ такового къ Графу Остерману; извѣщенный объ этомъ страннomъ письмѣ, Псаро тотчасъ же обратился къ Гросмейстеру, который отобралъ у Формозо только что было выданный ему патентъ на званіе Консула.

Около этого же времени Тунисскій Бей приказалъ брать и грабить всѣ встрѣчаемыя Русскія торговыя суда и одинъ Русскій корабль былъ ограбленъ. Для охраненія нашей торговли на Средиземномъ морѣ Псаро считалъ нужнымъ послать туда два фрегата: этого, по его мнѣнію, было бы вполнѣ достаточно для обузданія пиратовъ и поднятія престижа Русскаго имени.

Въ 1787 году Екатерина II предприняла путешествіе въ Крымъ, и Гросмейстеръ Роанъ послалъ ей въ подарокъ съ Псаро, отправлявшимся ей на встрѣчу, вставленную въ букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, натуральную пальмовую вѣтвь, какъ „символъ ея безсмертной славы и побѣдъ“. Псаро получилъ отъ Гросмейстера при отъѣздѣ золотую табатерку съ его портретомъ. Во время своего пребыванія въ Херсонѣ Императрица приняла эту вѣтвь изъ рукъ Псаро и вручила ее Князю Потемкину-Таврическому. „Я не могла лучше сдѣлать, писала Императрица Гросмейстеру, какъ вручить ее Князю Потемкину-Таврическому, Фельдмаршалу моихъ армій и предводителю моихъ морскихъ силъ на Черномъ морѣ, оказавшему важныя услуги не только своему отечеству, но и всему Христіанству. Онъ поставилъ ее на кораблѣ, носящемъ мой собственный флагъ: это мѣсто назначило ей мое уваженіе къ Вамъ и къ славной корпораціи, которой Вы управляете съ такимъ отличіемъ. Она послужитъ, кромѣ того, хорошимъ предзнаменованіемъ для моего оружія“.

Между тѣмъ Турція смотрѣла очень подозрительно на расширеніе владѣній Россіи. Особенно была она встревожена присоединеніемъ Крыма и признаніемъ Грузинскаго Царя Ираклія вассаломъ Россіи. Въ іюлѣ 1787 года Русскому Посланнику въ Константинополѣ Булгакову былъ представленъ ультиматумъ съ неисполнимыми требованіями, а 5-го августа онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Семибашенный за́мокъ. Началась вторая Турецкая война.

Изъ Крыма Псаро отправился въ Петербургъ, гдѣ въ февралѣ 1788 года, на запросъ Графа Безбородко о томъ, чего можно ждать отъ Грековъ въ открывающуюся войну, онъ представилъ записку, въ которой говоритъ, что „эта несчастная нація“ ждетъ конца своимъ страданіямъ только отъ единовѣрной Россіи, что Греки готовы возстать противъ своихъ угнетателей и было бы очень полезно послать въ Архипелагъ, если не эскадру, отправленію которой воспротивились бы, можетъ быть, нѣкоторыя державы, то по крайней мѣрѣ три фрегата, чего было бы достаточно, чтобы прервать подвозъ провіанта изъ Египта; къ этимъ кораблямъ, по мнѣнію Псаро, присоединилось бы множество Греческихъ торговыхъ кораблей подъ Русскимъ флагомъ и вся торговля Турціи была бы подорвана; кромѣ того, этотъ импровизированный флотъ постоянно тревожилъ бы Турецкій и отвлекалъ бы его силы отъ Чернаго моря. Что̀ очень обнадеживаетъ Грековъ, такъ это, по словамъ Псаро, имя Константина, данное Русскому Великому Князю, изучающему даже Греческій языкъ, и „филогрецизмъ“ Князя Потемкина. Далѣе онъ предлагаетъ составить изъ Греческихъ волонтеровъ нѣсколько дружинъ, назвавъ каждую изъ нихъ именемъ какого-нибудь древне-греческаго героя: Мильтіада, Ѳемистокла, Эпаминонда и т. д.; полковыхъ музыкантовъ замѣнили бы пѣвцы, воспѣвающіе подвиги славныхъ предковъ. Затѣмъ слѣдуютъ разныя указанія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Греціи и Архипелагѣ.

Въ концѣ іюня мы видимъ Псаро въ Неаполѣ, гдѣ онъ добился безпошлиннаго вывоза изъ Сициліи и Калабріи провіанта для Русскихъ войскъ. Вообще, въ это время онъ очень дѣятельно и большею частью успѣшно занимался заготовленіемъ и храненіемъ съѣстныхъ припасовъ. Когда однажды онъ очень нуждался въ деньгахъ, а необходимая сумма не могла скоро прійти отъ находившагося еще далеко Адмирала Грейга, нѣсколько Мальтійскихъ купцовъ, еще раньше того знакомыхъ съ нимъ, открыли ему кредитъ и тѣмъ выручили изъ затруднительнаго положенія.

Мѣсяцъ спустя Псаро находился уже опять на Мальтѣ и получилъ отъ Императрицы приказаніе принять на Русскую службу Капитановъ Мальтійскаго флота Гвильельмо Лоренцо и Анджело Франчески; студентъ Мальтійской миссіи Томичъ, въ письмѣ, о которомъ рѣчь впереди, называетъ Лоренцо „знаменитымъ Мальтійскимъ снарядителемъ галеръ, бичемъ Турецкихъ морей“, а Франчески „бывшемъ собратомъ по оружію знаменитаго Генерала Паоли, Корсиканца“. Отвезти ихъ на мѣсто ихъ назначенія взялся пріѣхавшій incognito изъ Генуи на Мальту Баронъ Тонусъ (Tonus), имѣвшій за границей разныя порученія отъ Императрицы, для чего онъ долженъ былъ открыть свое incognito имъ и секретарямъ Псаро; но выѣхали они не вмѣстѣ: Баронъ отправился на островъ Занте, чтобы тамъ ожидать ихъ пріѣзда, а вскорѣ и они поѣхали туда на своемъ собственномъ фрегатѣ съ 54 пушками, подъ флагомъ Гросмейстера, который потомъ замѣнили Русскимъ. 14 (25) іюля экипажъ Русскаго капера „Смѣлаго“ видѣлъ ихъ фрегатъ между Египтомъ и Кипромъ.

Возратившись на Мальту, Псаро поднесъ Гросмейстеру письмо и подарокъ Императрицы, чѣмъ Роанъ былъ очень обрадованъ. Подарокъ находился въ ящикѣ, а въ чемъ онъ состоялъ, нигдѣ въ депешахъ не говорится.

Нѣсколько каперовъ, вооруженныхъ Россіей въ Тріестѣ и Ливорно, стали грабить Греческія и даже Французскія суда, такъ что Французское правительство послало въ погоню за ними два фрегата, съ предписаніемъ поступить съ ними какъ съ пиратами.

Между тѣмъ Псаро заготовлялъ припасы, помѣщенія для раненыхъ и все необходимое для принятія эскадры Адмирала Грейга въ портахъ Мальты, Мессины, Августы, Сиракузъ и Палермо. Все это время онъ сильно нуждался въ деньгахъ. Разъ даже банкиръ Брентано, узнавъ о вооруженіяхъ Швеціи, отказалъ нашему Повѣренному въ дѣлахъ во всякомъ кредитѣ, чѣмъ поставилъ его въ очень затруднительное положеніе; Псаро пришлось платить изъ своихъ денегъ, но такъ какъ ихъ у него было очень немного, то всѣ эти приготовленія стоили ему всегда большихъ хлопотъ.

Въ концѣ Августа 1788 года Псаро опять получилъ приказаніе Императрицы найти образованныхъ моряковъ среди Мальтійскихъ кавалеровъ и уговорить ихъ вступить на Русскую службу; такихъ моряковъ на Мальтѣ оказалось очень немного; особенно удовлетворялъ этому условію Графъ Юлій *Литта,* впослѣдствіи Посолъ Ордена при Императорѣ Павлѣ I, а затѣмъ Оберъ-Камергеръ и Членъ Государственнаго Совѣта; онъ происходилъ изъ древней Миланской знати и „отличался познаніями и поведеніемъ, достойными его рожденія“; отецъ его былъ Испанскимъ Грандомъ и Венгерскимъ Магнатомъ. Псаро сообщилъ ему предложеніе Императрицы, и Графъ согласился. „Я видѣлъ, пишетъ первый Императрицѣ изъ Сиракузъ, что онъ съ жаромъ ухватился за этотъ случай отличиться“. Вскорѣ Графъ Литта на свои средства отправился въ Петербургъ, разсчитывая по пути, въ Вѣнѣ, уговорить своего знакомаго Кавалера де-Бомона послѣдовать его примѣру.

Къ Псаро являлись еще три-четыре кавалера съ предложеніемъ поступить въ нашъ флотъ, но онъ отклонилъ ихъ предложенія, имѣя основанія сомнѣваться въ ихъ познаніяхъ и опытности.

Въ концѣ Réception 1788 года находится депеша, посланная съ Мальты Графу Безбородко, въ отсутствіе Псаро, его подчиненнымъ Томичемъ, содержащая доносъ на Псаро и подписанная: „Іеронимъ Томичъ, прикомандированный къ Мальтійской миссіи въ качествѣ *Студента* (подчеркнуто) почти 50-ти лѣтъ отъ роду“. Этотъ странный документъ писанъ по-французски, на очень плохой бумагѣ, какимъ-то допотопнымъ

почеркомъ. „Какъ только господинъ Топчевскій [1]), пишетъ Томичъ, возвѣстилъ (въ компаніи со мной) Гросмейстеру этого Ордена скорое прибытіе флота Ея Имп. Величества въ Средиземное море и все прочее, что ему было повелѣно указомъ 15 Января [2]), Гросмейстеръ собралъ Совѣтъ, составленный исключительно изъ кавалеровъ большого креста, и предложилъ предупредить требованія обоихъ Императорскихъ Дворовъ и добровольно предоставить имъ всѣ морскія силы Ордена противъ общаго врага христіанства. Это предложеніе особенно поддерживали Господа: Бальи Алмейда, Вице-Канцлеръ Ордена, другъ Россійскаго Двора [3]) и одинъ изъ поклонниковъ высокихъ качествъ и доблестей Ея Имп. Величества, Бальи Гомпешъ, здѣшній Министръ Императора и Командоръ de Suffren St. Tropès, Главнокомандующій Орденскаго флота и братъ знаменитаго Бальи de Suffren, Французскаго Вице-Адмирала и Чрезвычайнаго Посланника Малтійскаго Ордена въ Парижѣ; но предложеніе это не было принято вслѣдствіе оппозиціи Испанскихъ и другихъ Бальи. Тогда Главнокомандующій флота сталъ настаивать, чтобы Гросмейстеръ далъ ему тайное приказаніе, доѣхавъ до Барбаріи, свернуть съ пути и отправиться въ Архипелагъ до Дарданеллъ, но напрасно. Его послали крейсировать около Сардиніи въ продолженіе 40 дней; послѣ чего возвратившись сюда, онъ, видя себя и корабли Ордена принужденными къ бездѣйствію и праздности, въ то время какъ обѣ христіанскія Имперіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы побѣдить своего общаго врага и врага этого самаго Ордена, — въ негодованіи на трусость своихъ выродившихся и презрѣнныхъ собратій и на лѣность и неумѣстное благодушіе (bonhomie) Гросмейстера, — отправился въ Парижъ къ своему брату, чтобы на его груди излить свое горе и досаду. Это человѣкъ лѣтъ 54-хъ, очень дѣятельный и честолюбивый, превосходящій всѣхъ въ Мальтійскомъ Орденѣ, какъ познаніями въ морскомъ дѣлѣ, такъ и храбростью“. Далѣе Томичъ гово-

---

[1]) Секретарь Псаро.

[2]) Объ объявленіи войны Турціей.

[3]) Псаро, напротивъ, считаетъ его однимъ изъ недоброжелателей Россіи.

ритъ, что онъ предложилъ этому Кавалеру вступить въ Русскую службу и подождать для этого возвращенія Псаро на Мальту; но тотъ возразилъ ему, что „тогда его планъ не осуществится и что, сверхъ того, онъ будетъ разоренъ, такъ какъ это вмѣнятъ ему въ государственное преступленіе, потому что господинъ Псаро вполнѣ проданъ и преданъ Гросмейстеру, который даетъ ему хорошіе обѣды, рекомендательныя письма къ Ея Имп. Величеству и къ Вашему Сіятельству и другіе подарки". Заслугу завербованія на Русскую службу Лоренцо и Франчески Томичъ также приписываетъ себѣ и Топшевскому: „Господинъ Псаро, пишетъ онъ, возвратясь сюда, вмѣсто того, чтобы одобрить наши дѣйствія, порицалъ ихъ, говоря, что когда Гросмейстеръ и Мальтійскіе Кавалеры узнаютъ обо всемъ этомъ, то они разсердятся на него и будутъ жаловаться на Топчевскаго и на меня за то, что мы совратили у нихъ двухъ снарядителей галеръ и около 50 матросовъ и флотскихъ солдатъ, самыхъ храбрыхъ на Мальтѣ; а когда я взялъ на себя смѣлость спросить его, находимся ли мы на службѣ Ея Имп. Величества, или на жалованіи у Гросмейстера и Мальтійскаго Ордена, — то онъ принялъ этотъ вопросъ какъ знакъ неуваженія къ его особѣ". Затѣмъ Томичъ проситъ перевода въ другое мѣсто и заканчиваетъ донесеніе извѣстіемъ, что Мальтійское правительство сдѣлало обыскъ въ домахъ Лоренцо и Франчески и ихъ друзей и конфисковало все находившееся тамъ оружіе и военную аммуницію.

А. Алябьевъ.

СПИСКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ ЛИЦЪ
РУССКИХЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ
И
ИНОСТРАННЫХЪ ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

(Съ начала сношеній по 1800 г.)

ВЫПУСКЪ I.

СОСТАВЛЕНЫ

Сергѣемъ Ал. Бѣлокуровымъ.

Предлагаемые списки имѣютъ цѣль практическую — дать справочную книгу въ данной области, какъ при ученыхъ разысканіяхъ, такъ и при архивныхъ занятіяхъ, напр. при опредѣленіи времени того или другого недатированнаго документа и т. п. Этимъ, главнымъ образомъ, и руководился составитель, приступая къ своей работѣ.

Процессъ ея исполненія былъ слѣдующій: изъ сохранившихся до нашего времени въ Московск. Главн. Архивѣ М. И. Д. документовъ о томъ или другомъ посольствѣ опредѣлялось прежде всего начало посольства, каковымъ считалась находящаяся на вѣрительной грамотѣ дата (въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ документовъ видно было болѣе раннее время изданія царскаго повелѣнія объ отправленіи того или другого русскаго посольства, это время также отмѣчалось въ замѣткахъ о посольствѣ); далѣе устанавливался конецъ посольства, каковымъ считалось возвращеніе посольства въ свою страну, или прощальная аудіенція, или обратный выѣздъ посольства домой, или дата отзывной грамоты (при чемъ къ обозначенію времени окончанія посольства всегда прибавлялось поясненіе о томъ, что принимается за оное). По установленіи этихъ первоначальныхъ хронологическихъ датъ опредѣлялись далѣе: личный составъ, (при чемъ приводились имена всѣхъ спутниковъ главнаго посла, о которыхъ только упоминаютъ документы) и цѣль посольства, сообщались свѣдѣнія о времени пріѣзда въ Москву иностранныхъ пословъ

или русскихъ пословъ въ тотъ городъ, гдѣ находилось лицо, къ которому было отправлено посольство, свѣдѣнія о времени пріема ихъ впервые, т.-е. о первой аудіенціи, равно какъ и объ отъѣздѣ ихъ и прощальной аудіенціи, и вообще извлекались изъ документовъ и всѣ другія тому подобныя свѣдѣнія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ актахъ отсутствовало положительное указаніе времени начала или окончанія посольства, ставилось или первое или послѣднее извѣстное обозначеніе времени того или другого факта, или опредѣлялось оное предположительно; въ послѣднемъ случаѣ къ поставленной датѣ присоединялся знакъ вопроса (?).

Не обо всѣхъ посольствахъ сохранились до нашего времени современные имъ документы; нерѣдко свѣдѣнія о нихъ получаются изъ позднѣйшихъ указаній, въ которыхъ о нихъ только упоминается по тому или другому случаю. Мы заносили и эти мелкія извѣстія; но въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо показаніе почему-либо возбуждало сомнѣніе, казалось не вполнѣ вѣрнымъ, мы присоединяли къ нему знакъ вопроса (?). Иногда встрѣчались извѣстія съ опредѣленной датой о присылкѣ той или другой грамоты, но безъ обозначенія лица, съ которымъ она была отправлена; въ спискахъ отмѣчались и эти свѣдѣнія въ тѣхъ видахъ, что впослѣдствіи съ теченіемъ времени можетъ открыться и лицо, доставившее ее.

Собственныя имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ въ актахъ часто писались неодинаково; такая судьба постигала имена какъ русскихъ лицъ, такъ особенно иностранцевъ въ русскихъ документахъ. При настоящей работѣ въ этомъ случаѣ было поступаемо такъ: въ русскихъ именахъ и фамиліяхъ ставилось коренное имя

или фамилія, а въ скобахъ отмѣчались его видоизмѣненія; при иностранныхъ именахъ и фамиліяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ документахъ встрѣчалось гдѣ-либо правильное названіе, или оно откуда-либо извѣстно, приводилось, конечно, оно; въ противномъ же случаѣ тѣ имена и фамиліи, которыя чаще всего употребляли русскіе акты, съ отмѣткой также въ скобахъ и другихъ ихъ чтеній.

Желаніе, чтобы настоящіе списки отличались возможно бо́льшею полнотою и имѣли какъ можно менѣе пропусковъ, заставляло иногда, главнымъ образомъ за древнѣйшій періодъ, вносить въ нихъ извѣстія и о такихъ сношеніяхъ, которыя, строго говоря, не имѣли, по крайней мѣрѣ повидимому, дипломатическаго характера (напр. см. въ печатаемыхъ вслѣдъ за симъ спискахъ по сношеніямъ съ Австро-Венгріей подъ 1490 г. объ Иванѣ Саедрѣ). При скудости свѣдѣній о первоначальныхъ сношеніяхъ — неизлишни, кажется, и эти свѣдѣнія.

Источниками при составленіи настоящихъ списковъ служили принадлежащіе Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ акты: дѣла, грамоты, трактаты и статейные списки по сношеніямъ съ той или другой страной, что все указывается въ началѣ каждаго списка, касающагося сношеній съ тѣмъ или другимъ государствомъ. Извѣстную долю пользы принесли также находящіеся въ томъ же Архивѣ неизданные труды: 1) Н. Н. Бантышъ-Каменскаго «Сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между Россійскими Монархами и Европейскими Дворами посольствахъ, переписках и договорахъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Московскомъ Архивѣ

съ 1481 по 1801 г.» и 2) «Régistre des Ambassadeurs, Envoiés, Chargés d'affaires etc., qui étoient envoiés en Russie des différentes Cours de l'Europe et de l'Asie, fait par deux alphabets. 1777». — Къ этимъ работамъ мы обращались съ цѣлью провѣрки своихъ выписокъ и изъ опасенія какихъ-либо пропусковъ въ нихъ.

Настоящій выпускъ — только часть работы; списки дипломатическихъ русскихъ лицъ въ другія государства и обратно тѣхъ государствъ въ Россію — составятъ содержаніе остальныхъ выпусковъ.

Сергѣй Бѣлокуровъ.

АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

Въ списокъ по сношеніямъ съ Австро-Венгріей включены послы, посланники, гонцы и пр. отъ цесаря (римскаго императора), эрцгерцога Австрійскаго и короля Венгерскаго въ Россію и къ нимъ изъ Россіи. При составленіи его просмотрѣны:

А. *Дѣла* по сношеніямъ съ Австріей: 1) древнія, карт. 1—40; 2) новыя, карт. 1—215; 3) новѣйшія, III Vienne, карт. 1—68, и IV Австрія, кар. 1—26.

Б. *Статейные списки*, 48 книгъ (напеч. въ первыхъ 9 томахъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностр. государствами). Спб. 1851—1871 гг.

В. Подлинныя *грамоты*, ок. 300 №№.

Г. *Трактаты*, изданные проф. Ф. Ф. Мартенсомъ: «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Т. I и II, Трактаты съ Австріей, 1648—1808 гг. Спб. 1874—1875 г.

и Д. Переписныя книги архива Посольскаго приказа, составленныя въ XVII ст.

I.

АВСТРІЯ.

I. Послы, посланники и гонцы въ Россію отъ Римскаго императора (цесаря) и эрцгерцога Австрійскаго.

1486 г. Николай *Поппель (Поплевъ, Поплевусъ)* съ рекомендательной грамотой императора Фридриха III. — Пріѣзжалъ „дозрѣти землю русскую и князя Русскаго, яко и ины короли познали и ихъ земель смотрили черезъ всѣ христьянскіе земли“.

1488 г. декабря 26 — мартъ 1489 г. *Онъ же* (вторично) тайнымъ посломъ императора Фридриха III. — Былъ посланъ: 1) заявить о желаніи императора быть въ „любви и пріятельствѣ“ съ великимъ княземъ; 2) просить руки одной изъ дочерей великаго князя для племянника императора маркграфа Баденскаго Альбрехта („марграбія Падноского Олбрехта“); 3) предложить великому князю назначить его (князя) *королемъ* надъ Русскою землею, и 4) просить воспретить псковитянамъ дѣлать набѣги на Ливонію. — Поппель выѣхалъ изъ Москвы послѣ 31 января 1489 года (между 31 января и 22 марта). „Отвѣтъ“ данъ дьякомъ Курицынымъ 31 января.

1490 г. февраля 17 — 19 августа (выѣхалъ изъ Москвы). — Посолъ цесарева сына Римскаго короля Максимиліана Георгій фонъ-*Турнъ*, Юрій *Делаторъ (Делаторцъ)* для переговоровъ — „о любви и единачествѣ“ между обоими народами и о помощи ему, Максимиліану, противъ Польскаго короля и для заявленія желанія его, Максимиліана, вступить въ бракъ съ дочерью великаго князя. Въ Москву пріѣхалъ 16 іюля.

1490 г. сентября 1 пріѣхалъ въ Москву человѣкъ Николая Поппеля Иванъ *Саедръ* съ грамотой и поминками къ великому князю. — Въ грамотѣ Поппель проситъ прислать для императора 3 — 4 лося и одного „гулятина, которые ѣдять сырое мясо“. — Саедръ выѣхалъ изъ Москвы 9 сентября.

1491 г. іюня 2–12 апрѣля 1492 (7000) г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Посолъ короля Максимиліана Юрій *Делаторъ*, Георгій фонъ *Турнъ (Делаторъ*, вторично), — для объясненія причинъ отказа Максимиліана отъ руки дочери великаго князя Ивана III и для переговоровъ „о единачествѣ“, о помощи Максимиліану противъ Польскаго короля Казимира и его дѣтей, и о „принятіи въ соблюденіе“ Прусскаго и Ливонскаго магистровъ. — Въ Москву пріѣхалъ 20 ноября 1491 (7000) года.

1492 г. іюля (2–7)–10 января 1493 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Михаилъ *Снупсъ* съ рекомендательными грамотами Сигизмунда эрцгерцога („Зизмонта князя“) Австрійскаго и короля Максимиліана. — Посланъ былъ, по словамъ грамоты короля Максимиліана, „тѣмъ обычаемъ, иже бы твое и иныхъ князей земли и государства узналъ и достовѣрно бы обычаи увѣдалъ и розныхъ людей языковъ, а большое въ твоей землѣ того языка учитися желаетъ для своей охоты, ижъ бы онъ, научився тѣхъ языковъ, къ намъ пріѣхалъ и тѣхъ бы земель обычаи умѣлъ сказати“. — Въ Москву пріѣхалъ въ сентябрѣ 1492 года.

(1493 г. Посолъ Юрій *Цницмамеръ?*. См. ниже подъ **1513 г.**).

1502 г. августа 6 и 12—18 мая 1504 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Юдокъ *Кантингеръ*, Justus Kantinger *(Кантиргюръ)*, съ предложеніемъ отъ короля Максимиліана помощи противъ общихъ враговъ и съ просьбой прислать бѣлыхъ кречетовъ.

1505 г. *Онъ же (Юштъ, Едокъ Гертинге)*, посолъ императора Максимиліана и Испанскаго короля Филиппа, передалъ въ Ивангородѣ грамоты ихъ къ великому князю отъ 13 октября 1504 г. и 6 марта 1505 г. о ливонскихъ плѣнныхъ, которыя и были пересланы въ Москву. — 16 іюня 1505 г. онѣ были получены здѣсь, а 19-го отправлены въ Ивангородъ отвѣтныя грамоты для передачи Кантингеру.

1506 г. мая 25—19 октября (выѣхалъ изъ Москвы). — *Онъ же (Юдокъ Кантингеръ)* съ грамотой императора Максимиліана I объ освобожденіи ливонскихъ плѣнныхъ. — Въ Москву прибылъ 4 октября 1506 (7015) г.

1509 г. февраля 19. Грамоту императора Максимиліана I (отъ этого числа) о торговлѣ ганзейскихъ купцовъ въ Рос-

сіи доставили въ Ивангородъ „нѣмцы“ *Гридя и Еремьйко Заморяне*. 17 іюня получена въ Москвѣ. — Отвѣтная грамота послана имъ въ Ивангородъ изъ Москвы 9 августа 1509 года.

1513 г. августъ — 7 марта 1514 г. (выѣхалъ). Посолъ императора Максимиліана Юрій *Шнитценпаймеръ* (Schnitzenpaimer, Спинценпамеръ, Юрій Спицевъ Памеръ) — о дружбѣ и братствѣ и союзѣ противъ Польскаго короля (С. Г. Г. и Д., т. V, №№ 66, 67). Въ Москву прибылъ 2 февраля.

1514 г. августа 4 — апрѣль 1515 г. (выѣхали). Послы императора Максимиліана докторъ Яковъ *Ослеръ* и Морицъ *Бургштеллеръ (Мавренбурхъ Стелеръ)* съ грамотой императора о союзѣ противъ Польскаго короля. Въ Москву прибыли 1 декабря 1514 г.

Ок. 1515 (7023) г. Николай Юрьевъ *Снипамеръ*.

1515 г. — ок. апрѣля 1516 г. (отпущенъ). Посолъ императора Максимиліана *Панталеонъ (Пантелеймонъ)* съ предложеніями посредничества къ примиренію вел. кн. Василія III съ королемъ польскимъ.

1515 г. — апрѣль 1516 г. (выѣхалъ). Гонецъ *Валтасаръ Эдеръ* (Balthasar Oderus) по тому же вопросу.

1516 г. въ декабрѣ (выѣхали изъ Аугсбурга) — **(18 – 22) ноября 1517 г.** (выѣхали изъ Москвы). Послы императора Максимиліана I Сигизмундъ *Герберштейнъ* (Жигимонтъ *Гермонстеръ*), Петръ *Мракси* (*Мурачикъ*, умеръ дорогою до пріѣзда въ Москву) и Іоаннъ фонъ-*Турнъ* (Янъ *Фантурно*), для переговоровъ о заключеніи мира съ Польскимъ королемъ. Пріѣхали въ Москву 18 апрѣля.

27 апрѣля — 13 іюля. — 27 апрѣля *Турнъ* отправился изъ Москвы въ Польшу; возвратился въ Москву 13 іюля.

24 іюля — октябрь. — 24 іюля онъ опять выѣхалъ въ Польшу, а пріѣхалъ въ Москву въ концѣ октября.

Изъ Москвы выѣхали: Герберштейнъ — 22 ноября, а Турнъ съ литовскими послами 18 (20) ноября.

1517 г. марта 11—3 октября (еще въ Москвѣ). — Отъ императора Максимиліана I *Франца*, *Іакова* и *Владимира*.

1518 г. апрѣля 20 — январь 1519 г. (выѣхали изъ Москвы). Послы императора Максимиліана Франциск*ъ de Колла*, Анто-

ній *de Конти* (Antonio de'Conti, *отъ Комитъ*), Іоаннъ фонъ-*Турнъ* (опять) — для переговоровъ о заключеніи мира съ Польскимъ королемъ. — Въ Москву пріѣхали ок. 16 іюля 1518 г. — Фонъ-Турнъ 16 августа выѣхалъ обратно къ императору. Пріѣхавшій съ ними *Ганусъ* отпущенъ въ іюнѣ 1519 года.

1518 г. сентября 21 (пріѣхалъ въ Москву) — **январь 1519 г.** (выѣхалъ изъ Москвы). — Посолъ Янъ *Христофъ* (Янъ *Кристопъ*) въ помощь къ оставшимся въ Москвѣ за отъѣздомъ Турна посламъ (о заключеніи мира или перемиріи съ Польшей).

1518 г. декабря 14 прибылъ въ Москву *Грицко*, „человѣкъ" Іоанна фонъ Турна съ грамотою къ *Франциску* и *Антонію* цесарскаго посла у Польскаго короля Георгія фонъ *Турна* отъ 3 ноября 1518 года изъ Кракова о литовскихъ дѣлахъ.

1521 — 1522 (7030) гг. — Нѣмчинъ *Вартоломей* съ грамотой императора о 3 цесарцахъ, посланныхъ для науки въ Польшу и захваченныхъ въ плѣнъ русскими.

1523 — 1524 (7032) гг. Посолъ Антоній *de Конти (отъ Кмитъ)*.

1525 г. — 11 ноября 1526 г. (выѣхали изъ Москвы). Послы импер. Карла V графъ Леонгардъ *Нугароль* и брата его эрцгерцога Фердинанда — Сигизмундъ *Герберштейнъ* (Comte Leonhard de *Nogarola* et Siegmund de *Herberstein*).*)

1572 г. ноября 20 — 15 іюля 1573 г. (отпущенъ). — Нѣмчинъ Павелъ *Магнусъ* и Юрій *Францбекъ* съ грамотой императора о пособіи сыну его достигнуть Польскаго престола и о присылкѣ проѣзжей грамоты для будущихъ его въ Москву пословъ. — Принятъ 31 іюня.

1573 г. августа 5 — мартъ 1574 г. Гонецъ Андрей *Крикикоръ*, Бенедиктъ *Гротъ* и любчанинъ Индрикъ *Велдеръ* 29 января 1574 г. подали царю въ Братовщинѣ грамоту императора о польскихъ дѣлахъ, посланную съ гонцомъ Григоріемъ *Вестфалемъ*, который, повредивъ себѣ ногу въ Лиговерѣ — Ливонской мызѣ, оставался въ Ригѣ до излѣченія оной. *Вестфаль* явился 13 февраля. — Отвѣтъ ему данъ въ мартѣ 1574 г.

---

*) „1571 г. Бранденбургскій князь Іоганнъ съ человѣкомъ своимъ Магнусомъ извѣщалъ о желаніи импер. Максимиліана II быть въ братственной любви съ царемъ Иваномъ IV, примѣняясь ихъ предкамъ". (Б. К.)

1573 г. сентября 12—17 февраля 1574 г. (былъ въ Москвѣ). Ливонскій дворянинъ Анзельмъ *Бокъ* (Анцъ *Елмусъ*) съ грамотой императора Максимиліана II — о возвращеніи ему, бывшему у Польской королевы Екатерины въ казначеяхъ, маетностей его въ Дерптскомъ уѣздѣ, завоеванныхъ русскими.

1574 г. мая 14 подалъ царю грамоту (подложную) императора Юрій *Крамеръ* — (о дозволеніи купить ему въ Москвѣ мягкой рухляди про обиходъ цесарскаго двора), назвавшійся гонцомъ императора и оказавшійся впослѣдствіи простымъ купцомъ.

1574 г. мая 8 и 17—24 декабря (принятъ). — Гонецъ Павелъ *Магнусъ* съ грамотами императора, во 1-хъ) о причинѣ долговременной неприсылки въ Москву цесарскихъ пословъ и о пріѣздѣ изъ Парижа въ Варшаву короля Генриха и 2) объ отпускѣ изъ Москвы его Павла Магнуса сына.

1574 г. іюня 5—10 января 1575 г. (отпущенъ). — Гонецъ Григорій *Вестфаль* съ грамотой императора, содержащей жалобу на неприличное поведеніе и пьянство въ Прагѣ гонца Скобельцына. — 24 декабря принятъ царемъ въ Александровской слободѣ.

1574 г. ноября 2—15 іюля 1575 г. (отпущенъ). Гонецъ Иванъ *Глазау* (Глазовъ) съ (подложной) грамотой императора о дозволеніи продать въ Россіи товары и купить россійскихъ. — (Не гонецъ, а простой купецъ). 1 іюля пріѣхалъ въ Старицу; 7-го принятъ.

1575 г. Гонецъ Эрнстъ *Эрцъ* съ грамотой императора Рудольфа.

1575 г. сентября 26— 29 января 1576 г. (отпущены изъ Можайска). — Послы императора Максимиліана II и эрцгерцога Карла Янъ (Гансъ) *Кобенцель* (Кобендзлѣ, фонъ *Проссегъ*) и Даніель принцъ фонъ *Бухау* — для переговоровъ объ избраніи Польскимъ королемъ сына императора Эрнеста. — 16 декабря вели переговоры съ боярами въ Дорогобужѣ. — Приняты 24 января въ Можайскѣ. Съ послами дворяне: Криштофъ *Гербертейнъ*, *Янъ*....., Волфъ *Стубенберпатъ*, *Олбрахъ*....., Панкратъ *Схротинбахъ*, Михель *Волцокіенъ*, Францъ *Гелманъ*, Якубъ *Рендингенъ*, Янъ Бабтыста *Северліюсъ*, Гендрихъ *Гейкгель*, Юрій *Утманъ*, Адамъ *Тымъ*; толмачи: *Счастный* и *Кирилко*.

1576 г. апрѣля 8. Грамота отъ этого числа императора Максимиліана о польскихъ дѣлахъ прислана чрезъ полоцкихъ воеводъ. Отвѣтная грамота отправлена 11 іюля.

1576 г. августа 12—27 ноября. — Любской нѣмчинъ Данило *Келлеръ* съ грамотой императора Максимиліана II просительной — удержать военныя нападенія на Ливонскую землю до прибытія въ Россію большого цесарскаго посольства, вскорѣ имѣющаго пріѣхать для установленія дѣлъ. — Прибылъ въ ноябрѣ въ Ругодивъ (Нарву), откуда грамота воеводами была переслана въ Москву. Отвѣтная грамота отъ 27 ноября послана въ Ругодивъ для передачи Келлеру.

1581 г. февраля 8. Грамота импер. Рудольфа отъ этого числа изъ Праги, въ коей проситъ объ освобожденіи изъ подъ ареста иностр. купцовъ, взятыхъ по оговору любскаго купца Іогана Каппеля, который хотѣлъ провести въ Нарву мѣдь въ противность государственнымъ опредѣленіямъ (Бантышъ-Каменскій).

1581 г. августа 20 подалъ папскій посолъ Антоній *Поссевинъ* рекомендательныя грамоты отъ императора Рудольфа отъ 19 мая, Эрнеста, „князя Аустрійскаго“, отъ 7 мая и Карла, „арцыкнязя Аустрѣйскаго“ отъ 30 апрѣля. — Отпущенъ 15 марта 1582 г. въ Польшу.

1587 г. февраля 17— 4 мая (выѣхалъ). — Посланникъ, „съ вѣдома Руделфа цесаря“, Максимиліана, эрцгерцога Австрійскаго, Генрихъ (Индрикъ) *Гойгель* съ предложеніемъ быть въ любви и для переговоровъ по поводу предстоящаго избранія короля Польскаго по случаю смерти Стефана Баторія. — 7 апрѣля пріѣхалъ въ Москву; 20 принятъ, а 4 мая выѣхалъ.

1588 г. іюня 20 — въ концѣ 1588 г. (пріѣхалъ въ Москву). Любской торговой человѣкъ Захарій Мегеръ съ грамотой императора Рудольфа — о дозволеніи свободной торговли съ Новгородомъ любчанамъ и о невинности Мегера, котораго де по ненависти оклеветали (Б. К.).

1588 г. августа 15—23 іюля 1589 г. (выѣхалъ изъ Москвы). Посланникъ эрцгерцога Австрійскаго Максимиліана Лука Павловъ *Магнусъ* — о литовскихъ дѣлахъ. — Прибылъ въ Москву вмѣстѣ съ Николаемъ Варкочемъ и Кашперомъ Крономъ

(Caspar Krohn); послѣдній отъ Любскихъ „буймистровъ и ратмановъ“.

1588 г. декабря 9 — 23 іюля 1589 г. (выѣхалъ изъ Москвы). Посолъ императора Рудольфа Николай *Варкочъ* — о союзѣ противъ турокъ, о литовскихъ дѣлахъ и о торговыхъ людяхъ. — 20 марта 1589 г. пріѣхалъ въ Москву, 6 апрѣля принятъ, а 15 іюня отпущенъ.

1590 г. въ іюнѣ прибылъ въ Псковъ любской нѣмчинъ Гансъ *Вербесъ* съ грамотами къ царю Ѳедору (отъ 22 декабря 1589 г.) и боярину Борису Годунову (отъ 20 декабря 1590 г. sic; ошибка, вѣроятно) эрцгерцога Максимиліана и бывшаго посла Николая Варкоча (отъ 1 апрѣля 1590 г.) о литовскихъ дѣлахъ, — грамотами, переданными Вербесу для доставленія Кашперомъ Крономъ въ г. Любекъ. Въ Москвѣ грамоты получены 8 іюня 1590 г.

1591 г. іюня 6 (пріѣхалъ въ Москву) — **25 іюня** (отпущенъ). — Нѣмчинъ Андреасъ *Гартрамъ (Гартрофтъ)* съ грамотами къ царю Ѳедору (отъ марта 1591 г.) и боярину Борису Годунову (отъ 24 декабря 1590 и марта 1591 г.) Николая Варкоча — о „графѣ Италійской земли Еронимѣ Шкотѣ“, желающемъ выѣхать на Государево имя въ Москву, и самого гр. Шкота.

1591—1592 (7100) гг. — Гонецъ Ирыкъ *Ласорь?*

1593 г. апрѣля 9 — 8 декабря (выѣхалъ изъ Москвы). — Посолъ императора Рудольфа II Николай *Варкочъ* для переговоровъ о заключеніи мира съ Польскимъ и Шведскимъ королями и союза противъ турокъ. — Съ нимъ сынъ его *Иванъ*, писарь *Гарманъ* и 30 человѣкъ цесарскихъ дворянъ и ихъ людей. — Въ Москву прибыли 17 сентября; отпущены 30 октября.

1593 г. декабря 15 и 6 января 1594 г. — 15 марта 1594 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Гонецъ Михаилъ *Шель (Шилень)* съ грамотой императора Рудольфа царю Ѳедору — вѣрющей послу Варкочу, съ наказомъ и грамотой къ послу Варкочу и съ грамотами другихъ лицъ по поводу начавшейся войны съ турками. — Въ Москву пріѣхалъ 13 февраля; а 13 марта отпущенъ.

1594 г. февраля 3 — 3 сентября (выѣхалъ изъ Москвы). Гонецъ императора Рудольфа II Станиславъ *Хлопитцкій* съ

просьбою послать императору въ помощь противъ турокъ войско Запорожское, прибавивъ къ нему своихъ людей. — Въ Москву пріѣхалъ 7 августа. — Не былъ принятъ царемъ, потому что грамота была написана не по надлежащему.

1594 (7102) г. Запорожскій казакъ Тимоѳей *Масловъ* отъ императора Рудольфа (?).

1594 г. іюня 28 — 9 марта 1595 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Посолъ Николай *Варкочъ* для переговоровъ о заключеніи союза съ императоромъ и Испанскимъ королемъ противъ турокъ и вѣчнаго мира съ Шведскимъ и Польскимъ королями. Прибылъ въ Москву 8 декабря. — 29 декабря 1594 года былъ принятъ, а 27 февраля 1595 г. отпущенъ.

1594 г. іюля 14 — ок. 20 марта 1595 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Гонецъ нѣмчинъ Михаилъ *Шель (Шхилинъ)* съ грамотами императора къ послу Варкочу и Максимиліана, эрцгерцога Австрійскаго, къ царю Ѳедору и боярину Борису Годунову. Въ Москву пріѣхалъ 4 января 1595 года.

1595 г. ок. 22 сентября — 3 января 1596 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Гонецъ Янъ *Прочинскій* съ увѣдомленіемъ о полученіи царской казны императоромъ. — Въ Москву отправился вмѣстѣ съ русскими послами, доставившими эту казну императору. Прибылъ 1 декабря 1595 г. — Отпущенъ 2 января 1596 г.

1596 г. мая 27 и октября 30 — 21 іюля 1597 г. (отпущенъ). — Гонецъ нѣмчинъ Лукашъ *Паули (Павловъ)* съ грамотой императора Рудольфа II (отъ 30 октября 1596 г.) извѣстительной о ѣдущемъ въ Москву великомъ послѣ Аврамѣ бургграфѣ Дунавскомъ. — Въ Москву прибылъ 1 февраля, 4 принятъ, а 8 отпущенъ съ царской опасной грамотой на большихъословъ, которыхъ и дожидался въ Псковѣ, и вмѣстѣ съ ними отправился опять въ Москву (въ свитѣ посольства Аврама Дона и Юр. Кала). Въ этотъ второй пріѣздъ подалъ грамоты Максимиліана, эрцгерцога Австрійскаго, царю Ѳедору и боярину Борису Годунову (отъ 27 мая 1596 г.) о томъ, чтобы „на корунѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ“ быть ему Максимиліану.

1596 г. декабря 13 — 10 августа 1597 г. (выѣхали изъ Москвы). — Послы *Аврамъ*, бургграфъ Дунавскій, *Донъ (Донъ Бур-*

граѳъ, Abraham Burggraf zu Dohna), „вольной господинъ въ Ортенберхѣ и въ Брялинѣ, государь въ Крышинѣ“, эрцгерцога Максимиліана „тайнодумчей и комнатной господинъ“, и думчей королевства Чешскаго („земской думной господинъ цесарскаго величества въ рѣчахъ докторъ“) Юрій *Калъ* (Georg Kahl) для заявленія благодарности императора за присылку царской казны и для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ. — Въ Москву прибыли 28 апрѣля 1597 г. — 22 мая приняты, а 21 іюля отпущены. — Съ послами вмѣстѣ прибыли: 1) съ Авр. *Дономъ*: дворетцкой Фредри фанъ *Гутетеръ*, конюшій Григорій *Трешинскій*, чашникъ Конратъ фанъ *Сирофъ*, кравчій Давыдъ фанъ *Полштемъ*, „приказной у ѣствы“ Кашпиръ *Чеховскій*; стряпчіе: Яганъ фонъ-*Нолде*, Абрамъ фонъ-*Твингусвольфъ-Шингусъ*; докторъ и аптекарь Николай *Ойдолинусъ*; 19 человѣкъ стольниковъ, жильцовъ, приказныхъ людей и поваровъ; 32 человѣка конюховъ и кошевыхъ людей; дворяне: Анца *Адамъ* и цесарскій кравчій Андрей *Гофманъ* съ 10 человѣками прислуги при нихъ; 2) съ *Каломъ* 6 человѣкъ его прислуги. — Кромѣ того въ составъ посольства входили: 1) стольники цесарскіе *Петръ* и *Бартоломей* съ 8-ю человѣками прислуги; 2) Яганъ *Целлисъ* съ 2 чел.; 3) Лукашъ *Павловъ* съ 3 чел.; 4) Михаилъ *Кастидіянъ*, цесарскаго величества конюхъ съ 1 чел.; 5) часовникъ Михаилъ *Дирамеръ* и 6) 4 конюха, 7 возницъ и 2 чел. „торговыхъ людей“ — (всего 112 челов. и 100 лошадей).

1597 г. мая 8 — августъ (выѣхалъ). — Гонецъ Янъ *Прочинскій* съ грамотами императора царю Ѳедору и Аврааму Дону. — Въ Москву пріѣхалъ 14 іюля 1597 г.

1598 г. въ августѣ пріѣзжалъ въ Москву гонецъ Михаилъ *Шель*.

1598 — 1599 (7107) гг. Лукасъ Магнусъ *Паули?*

1600 г. Посолъ Аврамъ *Донъ* бургграфъ. — Не былъ пропущенъ чрезъ Польшу и вернулся обратно.

1600 г. декабря 18 — 21 мая 1601 г. (отпущенъ). — Посланникъ императора Рудольфа II Михаилъ *Шель (Шхель)* съ просьбою о пропускѣ его, Шеля, въ Персію для побужденія шаха къ войнѣ противъ турокъ. — Въ Москву прибылъ 16 мая и 20 мая былъ принятъ.

1601 г. іюня 2 — 16 августа (были въ Москвѣ). — Папскіе нунціи Францышко *Костъ* и Дидакъ Миранда *Энрикій* съ грамотой императора о пропускѣ ихъ въ Персію.

1602 г. августа 7 — 7 ноября (въ Москвѣ былъ). — Посланникъ императора Рудольфа II въ Персію докторъ правъ Стефанъ *Какусъ (Кокосъ, Какисъ)* съ грамотой императора о пропускѣ его въ Персію для объявленія о начатіи войны противъ турокъ и съ прошеніемъ, дабы равномѣрно и онъ шахъ, съ своей стороны, разорвавъ съ турками миръ, обратилъ на нихъ свое оружіе.

1603 г. августа 8 (отъ) — 24 іюня 1604 г. (подана).— Рекомендательная грамота императора объ архіепископѣ Терновскомъ въ Болгаріи *Діонисіи Палеологѣ Рали.*

1604 г. февраля 15 – 3 іюня (отпущенъ).— Гонецъ Балтазаръ *Мерлъ* съ извѣстіемъ о ѣдущемъ въ Москву великомъ послѣ.— Прибылъ въ Москву 31 мая. 3 іюня принятъ и отпущенъ.

1604 г. февраля 11– 20 іюля (приняты). — Послы баронъ Андрей *Логау* и Альбрехтъ *Дерфъ* съ грамотами императора Рудольфа II и эрцгерцога Австрійскаго Максимиліана (для переговоровъ о продолженіи навсегда дружбы между обѣими державами).

1606 г. ноября 25—10 мая 1607 г. (былъ въ Москвѣ).— Гонецъ Гекторъ *Муралдъ* съ грамотой царю Василію Шуйскому эрцгерцога Австрійскаго Матіаша (Матвѣя), коею онъ, прося о выдачѣ задержанной серебряной посуды и другихъ вещей, принадлежащихъ придворному его служителю Филиппу Голбойну, увѣряетъ, что онъ не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ лже-Димитріемъ, ни съ воеводою Сендомирскимъ.

1607 г. Гонецъ Андрей *Натаръ* съ грамотой императора Рудольфа къ царю Василію Шуйскому.

1612 г. Гонецъ Юсуфъ *Григорьевъ* на обратномъ пути изъ Персіи къ императору предлагалъ князю Пожарскому избрать московскимъ царемъ брата императора Максимиліана.

1612 г. ноября 1— мартъ 1613 г. (прибыли въ Москву).—Гонецъ Юсуфъ *Григорьевъ* (вторично) съ возвращавшимся въ Персію персидскимъ посломъ Мурша-Кулибекомъ и съ ѣхавшимъ туда цесарскимъ посломъ Адамомъ д' *Адорно (Дорнъ).*—

Григорьевъ и Адорно въ Москвѣ были схвачены и сосланы — первый въ Уржумъ, а второй въ Ярославль, потому что не имѣли грамоты отъ императора къ царю Михаилу. — Григорьевъ въ 1622 году былъ еще подъ стражей. — Адорно впослѣдствіи принялъ православіе и въ 1654 году умеръ подъ стражей. Изъ первоначальныхъ мѣстъ ссылки они потомъ были переводимы не разъ въ другія мѣста (Свіяжскъ, Кострому).

1613 г. марта 29. Грамота императора Матіаса (съ гонцомъ Денисомъ Аладьинымъ), что онъ склонилъ Польскаго и Шведскаго королей назначить полномочныхъ комисаровъ для прекращенія въ Россіи несогласій и мятежей.

1613 г. (?). Посолъ *Размыслъ* объ избраніи на Московскій престолъ двоюроднаго брата императора Пиліюша.

1614 г. Гонецъ Яковъ Генкель фонъ *Доннерсъ-Маркъ (Яковъ Сингелъ)* съ извѣстіемъ о ѣдущемъ въ Москву великомъ послѣ Индрикѣ Карлѣ *Доновѣ*, бургграфѣ. — 18 февраля пріѣхалъ изъ Стокгольма на границу. — Къ Москвѣ не былъ пропущенъ, потому что былъ посланъ императоромъ къ боярамъ, а не къ царю Михаилу.

1614 г. Посолъ къ Московскаго государства боярамъ, воеводамъ и ко всякимъ людямъ Индрикъ Карлъ *Доновъ*, бургграфъ (не пріѣхалъ).

1615 г. сентября 20 (пріѣхалъ въ Смоленскъ) — **3 февраля 1616 г.** (выѣхалъ). — Полномочный посолъ на съѣздъ подъ Смоленскъ русскихъ съ поляками Эразмъ Генделій *Рассенштейнъ (Эразмусъ Ганделіусъ)*.

1619—1637 гг. Hans *Cobenzl*, envoyé extraordinaire — (v. „Annuaire diplomatique 1865“).

1623—1624 (7132) гг. Посланникъ Якубъ *Сенчай?*

1632 г. февраля 2 въ Смоленскъ, а въ концѣ февраля же въ Дорогобужъ пріѣхалъ посолъ императора Фердинанда II Атаназій *Іоргицевскій (Екръкищеушъ, Жорзіусъ)*. — Такъ какъ онъ 1) не имѣлъ проѣзжей императорской грамоты и 2) въ свитѣ своей держалъ до 250 поляковъ, которыхъ не пожелалъ оставить въ Польшѣ, какъ того требовало Московское правительство, — то къ Москвѣ не былъ пропущенъ, и изъ Дорогобужа долженъ былъ вернуться обратно въ Смоленскъ (ок. 25 марта).

1655 г. іюня 10 — ок. 3 ноября 1656 г. (выѣхали изъ Вильны).— Послы Аллегретто де-*Аллегретти* и Іоганъ Теодоръ фонъ *Лорбахъ* поздравить царя Алексѣя со вступленіемъ на престолъ, обновить „прежнюю ихъ предковъ дружбу и любовь“ и содѣйствовать царю въ заключеніи мира съ поляками. Въ Москву прибыли 7 октября 1655 года. — Въ составъ посольства входили: Франциско *Гондола (Ходдоръ, Холдоръ)*, секретарь Яганъ *Франчій*, дворецкой Лоренсъ *Кураличъ (Куреличъ)*, посольскіе люди: Иванъ *Бланкъ*, Мелхоръ *Олпрейтеръ* и Карлъ *Олвиръ*, лѣкарь Каспаръ *Плюшнъ*, скатертники: Германъ *Пакъ*, Яганъ Скондратъ *Райдель*, Марко *Симитсъ*, Михаило *Гралъ*, Михаило *Ессынъ (Чекинъ)*, возница Михель *Пимель*, поваръ Лоренсъ *Залетъ*, скороходы: Яганъ *Христьянусъ*, Томасъ *Хайхиль*, Яганъ *Жоржи*, Лоренсъ *Елчиль*, Францъ *Ленцъ*.— 4 мая отпущены, а 15 мая 1656 года выѣхали изъ Москвы въ Новгородъ. 12 іюня изъ Пскова отправились въ Полоцкъ на съѣздъ (прибыли 28 іюня), и вручили здѣсь новыя цесарскія грамоты (отъ 28 марта и 10 апрѣля). Во время переговоровъ въ Полоцкѣ послы подали еще двѣ грамоты императора Фердинанда отъ 25 іюля и 25 августа (= іюля?) 1656 г.

1656 г. января 7 ими посланъ къ императору гонецъ Николай *Минцентъ (Винцентъ)*, который вмѣстѣ съ царскимъ гонцомъ Богдановымъ пріѣхалъ къ государю 26 мая 1656 г., и отъ него отправился къ цесарскимъ посламъ, которые въ то время были во Псковѣ (пріѣхалъ сюда 5 іюня), съ цесарскою къ нимъ грамотою.

1656 г. апрѣля 23. Послами отправленъ къ императору гонецъ Яковъ *Милинъ*.

1657 г. января 10. Цесарь присылалъ къ гетману Хмельницкому Петра *Парцивика*, архіепископа *Тріанополитанскаго* съ грамотою, предлагая себя посредникомъ въ примиреніи его, гетмана, съ Польшею и всячески убѣждая отстать отъ Россіи и приступить опять къ польскому подданству, гдѣ онъ можетъ наслаждаться большими, чѣмъ прежде, вольностями, въ чемъ онъ цесарь самъ охотно ручается.

1657 г. мая 6—20 февраля 1658 г. (отпущенъ). Посланникъ короля Венгерскаго Леопольда: Іоганнъ Христофоръ *Фра-*

штейнъ и Христофъ Беверъ фонъ деръ *Биннъ*, — см. *въ Венгерскихъ*.

1661 г. января 11— ок. 31 августа 1662 г. (выѣхали изъ Смоленска). — Послы императора Леопольда: Августинъ фонъ *Маернъ (Мейренъ=Майерберъ)* и Горацій Вильгельмъ *(Волмъ) Кальвуччи (Калюціушъ, Калуверій, Калуцыусъ)* для посредничества въ заключеніи мира между русскими и поляками. — Въ Москву прибыли 15 мая 1661 года. — 18 мая приняты. — 15 апрѣля 1662 года отпущены въ Смоленскъ на съѣздъ. Прибыли сюда 9 мая. — Въ числѣ посольства находились: пасторъ Себастіанъ *Блавинскъ*, дворецкій Христоферъ *Элериъ*, секретарь Михаилъ *Гамаръ*, посольскіе люди: Данило *Бернгардъ*, Лукасъ *Бислярнъ*, Ягапъ *Сторнъ*, Габріель *Шейделохъ*, трубачь *Геновогегеръ*, Яковъ *Носовъ*, лѣкарь Анцастей *Нигеръ*, скатертникъ Лаврентей *Каніянъ*, портные мастера: Лукашъ *Теллинъ*, Мелхертъ *Унгератенъ*, повара: Леопардъ Фридрихъ *Мартефоръ* (Левонтей *Фридрикъ)*, Анцъ *Носовскій*, Томасъ *Вашеръ*, Анцъ *Шилеръ*.

1662 г. апрѣля 25 послами былъ отправленъ къ императору изъ Москвы на вел. Новгородъ гонецъ Магнусъ *Христофоровъ*, а 17 мая изъ Смоленска гонецъ Лукашъ *Боллеинъ (Боллинъ)* къ польскимъ комиссарамъ и гетману Гонсевскому.

(1664 г. Грамота императора отъ 24 іюля — о пропускѣ іезуитовъ Іоганна *Грубера*, Генриха *Ротта* и Филиппа *Цеферина* чрезъ московское государство въ Китай прислана „чрезъ почту“).

1668 г. августа 9—12 ноября (подалъ). — Шляхтичъ Мартинъ *Зальской* подалъ боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому грамоту императора Леопольда къ царю Алексѣю — отвѣтную на увѣдомленіе о непремѣнно намѣряемомъ возстановленіи вѣчнаго мира между его царскимъ величествомъ и королемъ польскимъ, также и о призывѣ къ медіаціи онаго королей шведскаго и датскаго и курфирста бранденбургскаго и объ учрежденіи почты чрезъ Польшу.

1669 г. Иноземецъ Юрій *Гросъ* подалъ государю отъ цесаря рекомендательную грамоту о принятіи его въ россійскую службу (отъ 9 августа).

1670 г. Гонецъ *Артухъ* съ грамотой императора Леопольда (отъ 20 апрѣля) объ отдачѣ посланныхъ отъ гамбургскаго купца Вильгельма Гертора къ купцу Ердману Швелленгребелю въ Москвѣ ружей — повѣренному его Швелленгребеля Ивану Плузію.

1673 г. сентября 22—7 ноября (подалъ). Польскій въ Москвѣ резидентъ *Свидерскій* подалъ отъ цесаря Леопольда извѣстительную грамоту о вторичномъ его намѣреніи вступить 15-го октября въ бракъ съ своею двоюродною сестрою Клавдіею Фелиците, дочерью эрцгерцога австрійскаго Фердинанда.

1674 г. апрѣля 20—15 августа (подалъ). Доминиканецъ патеръ *Азарій де Санто-Іогани* съ грамотой императора о пропускѣ его чрезъ Россію въ Персію.

1675 г. апрѣля 22—28 октября (выѣхали изъ Москвы). — Чрезвычайные послы императора Леопольда Аннибалъ Францискъ де *Батони (Ботоній* Францышекъ) и Ягапъ Карлъ *Терлингеренъ де Гусманъ* (Каролюсъ *Терлинго, Терлингерена де Кузмана, де Гучмана, Ферлингеръ, Терлинъ)* — „къ договарпванью и съ подтвержденіемъ къ докончанію о взаимной обоихъ королевствъ, царствъ и государствъ оборонѣ и безопаствѣ взаимного союза“. — Въ Москву прибыли 25 августа. — 2 сентября приняты въ с. Коломенскомъ. 13 октября отпущены. — Съ ними: жена и дочь де *Батони;* дворяне: Францискусъ *Шлегель,* („святого богословія дохтуръ, церковникъ и посольства пасторъ“, „езувитъ“, „эклезіастикъ и на посольствѣ проповѣдникъ“), канцлеръ посольства Карлъ Валерій (Фалеріюсъ) *Викаръ (Викторъ),* маршалокъ Ливій *Сансоній,* комнатной и стольникъ Филъ (Филіусъ) Фридерикъ *Кимагеръ (Кирихмаеръ),* секретарь посольства Адолфъ *Лисекъ (Лисьцкъ),* врачъ дохтуръ Лаврентій *Рингуберъ,* конюшей Александръ *Брандель (Брандеръ),* подкомнатной Карлъ Кравсъ *(Краусъ);* служители средніи: поваръ *Вольфангъ Венедеръ* (Волвъ Канъ *Веск Хандеръ),* лѣкарь Матіасъ (Матвѣй) *Попъ,* служанка *Марія,* подъячій Валтасаръ *Зайселмаеръ* (Палтазаръ *Цайзалмаеръ),* портной мастеръ Адамъ *Милнеръ (Муннеръ),* майстеръ Даніель *Лавъ,* толмачъ польскаго языка Іона *Крайцель (Кланъ);* скороходцы: Матвѣй *Винклеръ (Виницльеръ),* Максимиліанъ

Гуръ (Максимъ *Иліянъ-Уіъ*) и Лука *Юрай (Юрій)*; конюшенной дозорщикъ (яселничей) Александръ *Абда*, возница Филиппъ *Калбелъ* и 5 конюховъ.

1675 г. сентября 29. Послами отпущенъ въ Польшу Абда *Александровъ* (Александръ *Брандеръ*).

1675 г. апрѣля 22—25 августа (прибылъ въ Москву). Докторъ Лаврентій *Рингуберъ* съ грамотой императора о дозволеніи имѣть ему свободную практику во всѣхъ русскихъ городахъ.

1679 г. сентября 29—1680 г. Посланникъ импер. Леопольда графъ *Векки* (де *Θесіи*), „первѣйшій началникъ у полныхъ стражей, полковникъ и рыцарь чиновъ св. Маврикія и Лазаря“ *). Въ январѣ 1680 г. былъ въ Амстердамѣ, откуда прислалъ царю Θедору Алексѣевичу просьбу о присылкѣ ему опасной грамоты. „Листъ“ его съ проѣзжей цесарской грамотой полученъ въ Москвѣ 6 марта. Какой отвѣтъ послѣдовалъ, неизвѣстно. Съ нимъ ѣхали: жена и сынъ его, секретарь, переводчикъ, 3 слуги комнатныхъ, „2 человѣка дворянъ чиномъ кавалеры въ войскахъ“, 6 человѣкъ скороходцевъ, рабыня, 2 жильца и 2 возницы.

1683 г. ноября 13—14 февраля 1684 г. (выѣхалъ изъ Москвы).— Цесарскій секретарь Іоганнъ Эбергардъ *Гевель* съ извѣстіемъ объ ѣдущихъ въ Россію полномочныхъ цесарскихъ послахъ.— Прибылъ въ Москву 21 января 1684 г.— 28 января принятъ, а отпущенъ 4 февраля и вторично 10-го. Съ нимъ: Андрей *Бродарихъ*, Венцеславъ *Калюцкій*, Матвѣй *Роиъсхадаль*, Стефанъ *Соколовской*, Доминикъ *Могилинской*, Михаило *Заманской*, Іоаннъ *Блюмбентъ*, Казимиръ *Горохъ*, и Антоній *Бекель*.

1683 г. сентября 24—14 февраля 1684 г. (выѣхалъ въ Персію).— Наксиванскій архіепископъ Себастіанъ *Кнабе*, назначенный въ Персію для проповѣди Евангелія, — съ грамотой императора о побѣдѣ надъ турками.— Прибылъ въ Москву, принятъ и отпущенъ въ одно время съ Гевелемъ.

1684 г. января 27—25 іюня (выѣхали изъ Москвы).— Великіе и полномочные послы баронъ Іоганнъ Христоферъ *Жи-*

*) Т.-е. кавалеръ сардинскаго ордена Св. Маврикія и Лазаря.

ровскій (Христофоръ баро съ Зерова, Зеровскій, Жеровскій) и баронъ Севастіанъ *Блумберіъ (Люберкъ, баро демъ Люмберкъ)* съ предложеніемъ заключить оборонительный союзъ съ императоромъ и Польшею противъ турокъ. — Въ Москву прибыли 13 мая. — 16 мая приняты, а 8 іюня отпущены. — Съ ними: дворяне *Пекоринни (Покорини)*, *Либортъ (Либертъ)*, конюшій *Курчь (Куриъ)*, *Грабовскій*, маршалъ посольства Игнатій фонъ *Гваріентъ*, пасторъ *Шмитъ (Шмытъ)*, секретарь Георгій Готфридъ фонъ *Кохъ (Кокъ)*, подконюшій Матіяшъ *Коминскій*, купчина Христофъ *Аджевичъ (Аювичь)*, Георгій *Добрынка*, жилецъ Георгій фонъ *Роштокъ*, жилецъ Данило *Жировскій*, жилецъ Яковъ *Беръ*, Ѳомъ *Береберкъ*, жилецъ Яганъ *Шрейберъ*, Матіяшъ *Лаикантъ*, трубачъ Максимиліянъ *Вилтъ*, комнатной Натаніелъ *Клепертъ (Клепперъ)*, комнатной Яганъ Христофъ *Вишмалъ*, аптекарь („обтекарь“) Венчеславъ *Іоаницесъ (Іоаницасъ)*, писарь Михапло *Неклеръ (Некелеръ)*, писарь Яганъ *Людвигъ*, Якубъ *Маниръ*, Христофъ *Анке*, Францъ *Корчевскій*, Георгій *Геро*, скороходцы Тадіясъ *Герлицъ* и *Адольфъ*, „допущенные къ комнатѣ“: Карлусъ *Кортрикъ*, Яганъ *Браунъ*, Захарей *Рыдаль (Цегарій Ридель)*, *Шванъ*, Фердинандъ *Яксовичъ (Шустеръ)*, Самойло *Полемна*, Георгій *Цылнеръ (Харнеръ)*, Андрей *Флегеръ (Ифлегеръ)*, Христіанъ (Крестьянъ) *Воевода*, Яганъ *Гимъ (Штуба)*, Савостьянъ *Гиртъ (Хирнъ)*, Балсыръ *Кнерихъ* (Палтусеръ *Фаберъ)*, Станиславъ *Сауръ;* „возницы и иные въ конюшнѣ слуги“: Георгій *Шалицъ*, Яганъ *Шмитъ*, Яганъ *Венцель*, Георгій *Милеръ*, Петръ *Осковскій*, Вольфгангъ *Доминиканъ*, Симонъ *Ирискій*, Яганъ *Лозовицкій*, Севастьянъ *Кмичь*, Казимиръ *Гневскій*, Іосифъ *Окулки*, Томасъ *Капуцынскій*, Яганъ *Восицкій*, Андрей *Ганъ-Крусъ*, Петръ *Пастлеръ*, Георгій *Меншой*, Христоворъ *Башовичь*, Андрей *Штенгелъ*, Андрей *Яровича*, Станиславъ *Войтовичь*, Андрей *Гравичь*, Станиславъ *Стемска*, „болшихъ началныхъ людей и дворянъ послужившы 7 человѣкъ“, „у поваровъ ученикъ или работникъ“, — всего 77 человѣкъ, „опричь пословъ“. По отъѣздѣ пословъ изъ Москвы, къ нимъ въ Дорогобужъ былъ посланъ (11 іюля) дьякъ Посольскаго приказа Прокофій *Возницынъ* и переводчикъ Сте-

панъ *Чижинскій* для дополнительныхъ переговоровъ; вернулись (Возницынъ и Чижинскій) въ Москву ок. 20 іюля.

1684 г. марта 24—22 іюня (отпущенъ). Гонецъ цесарскій секретарь и ближній совѣтникъ Карлъ Маврикій *Вотта* для поздравленія съ бракосочетаніемъ царя Ивана. Въ Москву прибылъ 14 іюня; 20 іюня принятъ.—Съ нимъ: Вол. Эрн. *Борвичъ*, Кар. Ант. *Иренорлій*, Николай *Янковской* и Янъ *Колчинской*.

1684 г. ноября 13—16 іюня 1685 г. (выѣхалъ изъ Москвы).—Гонецъ Іоганнъ (Янъ) Игнатій *Куриъ* съ грамотой, въ которой императоръ Леопольдъ заявлялъ желаніе быть въ тѣсномъ союзѣ съ московскимъ государствомъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и польскимъ государствомъ стоять вмѣстѣ противъ турокъ,—и благодарилъ за „допущенное въ царствующемъ градѣ римского чина тайное вѣры дѣйствованіе“.—Въ Москву пріѣхалъ 14 апрѣля 1685 г.—21 апрѣля принятъ, а 7 мая отпущенъ.—Съ нимъ прибыли: конюшій Францышекъ де *Фойлартъ*, становщикъ Юрья Адамъ *Геро*, форестиры: Христопъ *Фамеръ* и Адамъ *Ковлински*, переводчикъ Петръ *Картовичъ*, лѣкарь Яганъ *Кутфней*, комнатной Юрья *Гиршъ*, поваръ Индрикъ *Гавскій*, скороходцы: Іонатамъ *Фуркартъ* и Яганъ *Тентеевъ*, возницы и телѣжники: Петръ *Хуторъ*, Андрей *Лесковичъ*, Николай *Добровскій*, Яганъ *Франкъ*, Ѳедоръ *Лукасъ*, и Юрья *Ритнеръ*.—Чрезъ нѣсколько дней (мая 12—13) по пріѣздѣ въ Москву Курца, прибылъ туда и ѣхавшій съ нимъ ксендзъ де *Бойе*.

1686 г. апрѣля 21—6 октября 1689 г. (высланъ изъ Москвы).—Ксендзъ іезуитъ Георгій *Давидъ* (Юрій *Давидовичъ*), ѣхавшій на мѣсто умершаго ксендза Альберта де Бойе, съ грамотой императора о себѣ. — Въ Москву пріѣхалъ 16 августа 1686 г.

1688 г. октября 24—февраль 1689 г. (прибылъ въ Москву). Докторъ Григорій *Карбонарій*, присланный въ россійскую службу, съ рекомендательной грамотой императора, въ которой императоръ проситъ также не принуждать доктора къ крещенію въ грекороссійскую вѣру.

1688 г. ноября 22 (отъ)—25 мая 1689 г. (подалъ) польскій резидентъ грамоту императора о деньгахъ, взятыхъ бывшимъ (въ 1676 г.) въ Вѣнѣ гонцомъ Вас. Посниковымъ у сына бывшаго при россійскомъ дворѣ посланника Іоганна Карла Терлинго.

1688 г. декабря 10—6 октября 1689 г. (высланъ). Іезуитъ, ксендзъ Товія *Тиховскій (Тихавскій)* съ грамотой императора о дозволеніи остаться ему Тиховскому въ Москвѣ.—11 февраля 1689 года явился въ Посольскій приказъ.

1690 г. марта 16—22 іюля. Іезуитъ Клавдій Филиппъ *Грималди*, намѣревавшійся проѣхать въ Китай чрезъ Россію. Съ нимъ была грамота императора къ царю о будущемъ избраніи императоромъ и коронованіи сына его Іосифа, королевича венгерскаго, и о томъ, что возвратившійся изъ Константинополя гонецъ не привезъ рѣшительнаго извѣстія о мирѣ, и потому императоръ надѣется, что они, государи, неослабно будутъ продолжать военныя дѣйствія противъ турокъ; въ ней же цесарь просилъ и о пропускѣ Грималди въ Китай. — Пріѣхавъ въ Варшаву и узнавъ, что іезуиты изгнаны изъ Россіи и имъ воспрещенъ въѣздъ въ нее, Грималди отдалъ грамату цесарскому въ Варшавѣ резиденту, а этотъ русскому Ив. Волкову, который и переслалъ ее въ Москву, гдѣ она была получена 22 іюля.

1691 г. января 18—22 сентября (выѣхали изъ Москвы).— Посланникъ (посланной, интернунцыушъ)*) Іоаннъ Игнатій *Курцъ* съ предложеніемъ продолжать обоюдныя непріязненныя дѣйствія противъ турокъ и татаръ и не заключать съ ними договоровъ безъ взаимнаго согласія. — Въ Москву пріѣхалъ 15 апрѣля.—18 апрѣля принятъ царями Иваномъ и Петромъ.— 14 сентября отпущенъ.— Въ бытность свою въ Москвѣ Курцъ сильно хлопоталъ о дозволеніи іезуитамъ вновь пріѣхать въ Москву; но ему было отказано и дозволено пріѣхать только двумъ „ксендзамъ плебанамъ“. — Съ нимъ прибыли: пасынокъ его Отто Антоней *Даплейеръ*, ксендзъ доминиканскій Людовикъ *Кобличь*, конюшій Юрья *Шмогоревскій*, секретарь Ив. Мих. *Схеверъ*, дворецкій Ив. Генрикъ *Стубъ*, казначей Ив. Випалисъ *Барелей*, комнатный Ив. Ант. *Веневидъ*, лѣкарь Ив. Кришто-воръ *Шулцъ*, писарь Ив. Іосифъ *Нестьшный*, скатертный Ив. Филиппъ *Шулцъ*, трубачи Ив. *Копъ* и Андрей *Ватцеверъ*, поваръ Петръ *Коглеръ*, слуги: Ник. *Буймейстеръ*, Як. *Ланъ*,

*) Т.-е. интернунцій.

Фридрихъ *Кутсхеръ*, Ив. *Баннахъ*, кузнецъ Андрей *Стуба*, повозничіе: Павелъ *Кадинскій* и Юрья *Вогель*; конюхи: Ив. *Вейхель*, Андрей *Бутицъ*, Мих. *Можисковичъ*, Владиславъ *Заблонскій*, Петръ *Фонсадре*, Вас. *Страшкевскій*. — Кобличь изъ Москвы отпущенъ 12 декабря 1692 года.

1692 г. августа 23—26 ноября (приняты). — Оттонъ *Илейеръ* — для изученія русскаго языка и ксендзы Францискъ (Францышко) Ксаверій *Лефлеръ* и Павелъ Іосифъ *Ерошхъ (Яше)* для пребыванія въ Москвѣ вмѣсто оставленнаго Курцемъ ксендза Людовика Коблича (Коблицыюса) — съ рекомендательными грамотами императора. — Въ Москву прибыли ок. 20 ноября. — Ксендзы отпущены за границу 25 сентября 1698 г.

1695 г. сентября 21—1 іюня 1696 г. (приняты). — Босоходящіе кармелиты патеры *Конрадъ* съ двумя товарищами съ грамотой императора, въ которой онъ просилъ о пропускѣ ихъ чрезъ Россію въ Персію, снабдивъ ихъ грамотою къ персидскому шаху, убѣждающею начать войну противъ турокъ.

*) **1697 г. сентября 18—30** (подана). Цесарскій въ Гагѣ посолъ графъ *Кауницъ* прислалъ „великимъ посламъ“ съ секретаремъ своимъ грамоту императора объ одержанной принцемъ Евгеніемъ надъ турками побѣдѣ близъ Цейты при р. Тейсѣ 11 сентября.

1697 г. октября 7, 12 и ноября 22. — Послы графъ Андрей фонъ *Кауницъ*, графъ Генрикъ фонъ *Стратманъ*, баронъ фонъ *Сейлеръ* — у „великихъ пословъ“ въ Гагѣ для переговоровъ о взаимныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ.

1697 г. декабря 17—1698 г. — Баронъ *Паралелисъ (Парес)* — у „великихъ пословъ“ въ Амстердамѣ — съ поздравленіемъ объ одержанной русскими войсками побѣдѣ надъ турками и татарами, съ извѣстіемъ о турецкихъ дѣлахъ и объ ожиданіи пословъ въ Вѣнѣ.

1698 г. января 22—9 іюля 1699 г. (выѣхалъ изъ Москвы). — Посланникъ Христофоръ Игнатій *Гваріентъ и Ралль* (Ignace Christophe baron de *Guarient et Raeal*, envoyé extraordinaire) — для подтвержденія взаимнаго согласія и развѣданія — куда

*) (**1697 г. января 29** заключенъ въ Вѣнѣ трактатъ о союзѣ противъ турокъ и татаръ. — Съ цесарской стороны: Франц. Ульр. графъ *Кинскій*, Эрнестъ Р. графъ *Штарембергъ*, Сев. Вун. графъ *Цеиль*, Кароль *Рузини*).

„русскіе войска сего лѣта и на которые непріятельскіе мѣста войною и въ какихъ силахъ пойдутъ и какой имъ воинской промыслъ чинить велѣно". — Въ Москву пріѣхалъ 19 апрѣля 1698 года. — 29 апрѣля былъ у боярина Льва Кирилловича Нарышкина, которому „указано царемъ не токмо у посланниковъ, но и у великихъ пословъ присланные грамоты принимать и дѣла выслушать и на тѣ дѣла пристойной отвѣтъ чинить и съ Москвы ихъ отпущать". — Гваріентъ между прочимъ говорилъ, что онъ присланъ „по обычаю всѣхъ христіанскихъ союзныхъ государей *на резиденцыю*". — 3 сентября 1698 года былъ „передъ великого государя на пріѣздѣ на дворѣ генерала Ѳ. Я. Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ безъ чиновъ". — 3 іюля 1699 года „былъ въ Отвѣтной палатѣ для принятія грамотъ у боярина Льва Кир. Нарышкина съ товарыщи на отпускѣ". — Съ нимъ пріѣхали: секретарь посольства Яганъ Георгъ *Корбе* и ксендзы: Іоаннъ Францискъ (Франтишокъ) *Емиліанъ (Емельяновъ, = Іоаннъ Миланъ)* и Іоаннъ *Берула (Беруля)* на мѣсто находившихся въ Москвѣ Францишка Ксаверія Лефлера и Павла Іосифа Яроха — и Іоаннъ *Косагранде* къ корабельнымъ изъ Венеціи мастерамъ въ Воронежъ на смѣну находившагося тамъ.

1698 г. мая 15. Къ государю въ Амстердамъ генералъ Карлъ Евгеній герцогъ *де-Кроа* съ грамотой императора, въ которой онъ рекомендовалъ принять его въ россійскую службу, какъ знающаго военное дѣло.

1701 г. февраля 9—31 марта 1702 г. (отвѣтная грамота). — Армянинъ Израилъ *Орій* съ грамотой императора Леопольда I къ Петру I объ избавленіи армянъ отъ персидскаго ига. — Грамоту подалъ 10 іюля 1701 г.

1703 г. май. Великій и полномочный посолъ князь фонъ *Порціа* (prince Annibal-Alphonse-Emmanuel *Portia)* и „тайной думной и референдарь" Якобъ Эрнестъ де *Плекнернъ (Блекаръ)*. Были назначены, но о пріѣздѣ ихъ извѣстій не встрѣтилось. Въ октябрѣ были въ Вѣнѣ.

1703 г. декабря 18—2 февраля 1710 г. (отпущенъ въ Варшаву). — Цесарскій секретарь Отто Антоній фонъ *Плеернъ (Плееръ, Блееръ, Блейэръ, Блегеръ)* для пребыванія при Рос-

сійскомъ Дворѣ. — Въ Москву прибылъ въ мартѣ 1703 г., а 18 декабря объявилъ повелѣніе своего Государя быть въ чинѣ секретаря.

1704 г. февраль — 1710 г. Полномочный посланникъ, цесарскій совѣтникъ, секретарь, референдарь Яковъ Эрнестъ *Плеперъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ.

1704 г. августа 27 — октябрь. (получена). Армянинъ *Орій* вторично о томъ же, за чѣмъ и въ первый разъ (въ 1701—1702 гг.).

1710 г. августа 5—31 августа 1718 г. (отзывная грамота).— Резидентъ Отто Антоній фонъ *Плеернъ* (de *Pleyer*) для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Въ августѣ 1712 г. выѣхалъ въ Вѣну; въ маѣ 1713 г. возвратился. — Въ ноябрѣ 1718 г. выѣхалъ безъ аудіенціи.

1711 г. Чрезвычайный посланникъ графъ Генрихъ Вильгельмъ фонъ *Вильчекъ* (Général Henri-Guillaume comte *Wilczek*). Въ мартѣ 1711 г. прибылъ въ Москву; ок. 16 марта выѣхалъ изъ Москвы, оставивъ здѣсь секретаря посольства *Малезе дю-Верни*. 14—17 іюля былъ во Львовѣ. — Въ Яворовѣ подалъ Петру грамоту о смерти императора. — Въ сентябрѣ 1711 г. былъ въ Вѣнѣ.

1712 г. *Онъ же* 22 октября прибылъ въ Карлсбадъ къ Государю для принятія проекта оборонительнаго союза противъ Турокъ. — 27 ноября былъ въ Дрезденѣ, гдѣ находился и Государь.

(**1711—1712 гг.** Баронъ фонъ *Линксвейлеръ* и *Отвейлеръ* по дѣлу о долгахъ князя П. А. Голицына).

1716 г. въ іюнѣ министръ графъ *Метчъ* пріѣзжалъ къ Государю въ Пирмонтъ съ предложеніемъ проекта оборонительнаго союза между Цесарскимъ и Россійскимъ Дворами.

1716 г. августа 16 (кред. гр.) — **13 сентября** (былъ). — Находившійся въ Даніи цесарскій секретарь Игнатій Каспаръ *Шмитъ* въ бытность Государя въ Копенгагенѣ предлагалъ о разныхъ дѣлахъ.

1717 г. января 14. Въ бытность Петра I въ Амстердамѣ цесарскій въ Гагѣ министръ баронъ *Геймсъ* предлагалъ о вступленіи россійскихъ войскъ въ Мекленбургію и въ Тра-

вемюнде и домогался о скорѣйшемъ выходѣ русскихъ войскъ изъ цесарскихъ областей.

1718 г.—10 февраля 1720 г. (выѣхалъ). — Оставленный по отъѣздѣ Плеерна секретарь Отто *Фирстъ*. — Въ августѣ 1719 г. велѣно было выслать его изъ Россіи. По случаю различныхъ допросовъ и разслѣдованій онъ оставался нѣкоторое время въ Россіи. — 3 февраля 1720 г. вторично было велѣно его выслать.

1719 г. Графъ *Чернинъ?*

1721 г. іюня 20—16 іюля 1722 г. (Кинскій выѣхалъ). Полномочный министръ, камергеръ и полковникъ, намѣстникъ Богемскій, графъ Стефанъ Вильгельмъ *Кинскій* и секретарь посольства *Гогенгольцъ (Гохгольцеръ)* — для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Гогенгольцъ прибылъ 13 іюня, Кинскій 10 сентября. Приняты 20 сентября. По отъѣздѣ Кинскаго остался —

1722 г. іюль—май 1726 г. (отпущенъ) цесарскій секретарь Николай Севастіанъ *Гогенгольцъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ.

1726 г. январь 30 — августъ 1727 г. (умеръ въ Петербургѣ).— Чрезвычайный посланникъ, цесарскій камергеръ, генералъ-вахмейстеръ графъ Амадей *Рабутинъ-Бусси* (comte Antoine-Ignace-Amédée de *Bussy-Rabutin*) и секретарь *Карами* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Въ Петербургъ прибылъ 16 апрѣля 1726 г., 18 апрѣля принятъ. — Карами секретарь упоминается и въ 1728 и 1729 гг.

*) **1727 г. октября 11—октябрь 1740 г.** (по смерть императора

---

*) **1726 г. апрѣля 17.** Цесарскіе министры: принцъ *Евгеній Савойскій*, графъ Фил. Люд. *Цинцендорфъ*, графъ Гундакаръ *Старенбергъ* и графъ Фр. Карлъ *Шенборнъ* и россійскій въ Вѣнѣ камергеръ Ланчинскій учинили въ Вѣнѣ инструментъ о присоединеніи императора Карла VI къ заключенному (22 февраля 1724 г.) въ Стокгольмѣ между Россійскимъ и Шведскимъ Дворами оборонительному союзному договору и къ секретному онаго артикулу. — 17 мая съ россійской стороны, а 27 іюля съ цесарской ратифкованъ.

1726 г. августа 6 заключенъ въ Вѣнѣ чрезъ министровъ принца *Евгенія Савойскаго* съ вышеупомянутыми тремя товарищами и Эрн. гр. фонъ Вин-дишгрецъ съ одной и чрезъ россійскаго камергера Ланчинскаго съ другой —

Карла).— Резидентъ, цесарскій совѣтникъ Николай Севастіанъ *Гогенгольцъ (Гохголцеръ)* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Пріѣхалъ 20 ноября 1727 г.

1728 г. іюня 15 (пріѣхалъ) — **2 января 1733 г.** (отпущенъ).— Чрезвычайный посланникъ, тайный совѣтникъ, графъ Францъ Карлъ *Вратиславъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ.— 7 апрѣля 1728 г. былъ въ Ригѣ. Принятъ 16 іюня 1728 г.

*) **1734 г. мая 12—18 января 1739 г.** (отпущенъ). — Полномочный министръ, цесарскій надворный совѣтникъ и камергеръ, графъ Генрихъ Карлъ *Остейнъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. 29 сентября 1734 г. прибылъ, 6 октября принятъ. — 30 мая 1737 г. выѣхалъ изъ Москвы на конгрессъ въ Немировѣ (кредит. грамота отъ 22 января 1737 г.); въ мартѣ 1738 г. возвратился.

) **1738 г. февраля 18 (принятъ) — **25 марта** (отпущенъ). — Цесарскій фельдмаршалъ-лейтенантъ маркизъ Антоній Оттонъ *Ботта д'Адорно* для соглашенія плана дѣйствій противъ турокъ въ 1738 году. — 27 марта выѣхалъ.

1739 г. января 3 (пріѣхалъ) — **15 іюля 1740 г.** (выѣхалъ). — Цесарскій посланникъ онъ же *Ботта д'Адорно*. — 6 января 1739 года принятъ. 1 іюля 1739 г. „яко римской цесарей по-

---

трактатъ о ближайшемъ между обоими Дворами союзѣ, служащемъ къ сохраненію установленнаго въ Европѣ мира, съ секретнѣйшимъ артикуломъ и конвенціею. — Ратификаціи размѣнены въ Вѣнѣ 23 октября.

*) **1732 г. декабря 13** заключенъ въ Берлинѣ трактатъ между Россійскимъ, Цесарскимъ и Прусскимъ Дворами. Съ цесарской стороны — гр. фонъ *Секендорфъ*.

1732 г. мая 26 въ Копенгагенѣ заключенъ трактатъ между Дворами Цесарскимъ, Россійскимъ и Датскимъ о дружбѣ и взаимной гарантіи принадлежащихъ онымъ державамъ въ Европѣ владѣній, о защищеніи австрійскаго наслѣдства силою оружія и пр. Съ русской стороны — Казим. Христ. баронъ фонъ-Браккель, а съ австрійской — Фр. Ген. гр. фонъ *Секендорфъ*.

1733 г. августа 8 заключена конвенція между Австріей, Россіей и Саксоніей касательно занятія курфирстомъ саксонскимъ польскаго престола. — Съ австрійской стороны — графъ фонъ-*Вильчекъ*.

) **1737 г. января 9 графами *Цинцендорфъ*, *Штаренбергъ*, *Гаррахъ* и *Кенигсекъ* и Люд. Ланчинскимъ заключена въ Вѣнѣ конвенція о произведеніи союзнической войны противъ турокъ и о дачѣ взаимной другъ другу помощи. — Ратифікована съ россійской стороны 24 января, съ цесарской 13 февраля.

солъ имѣлъ свой публичной въѣздъ", 2 іюля ауді̀енцію; въ званіи посла присутствовалъ при обрученіи принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго, а 5 іюля по публичной отпускной ауді̀енціи „посолской характеръ паки оставилъ". — 7 іюля 1740 г. имѣлъ отпускъ.

1741 г. января 5 (пріѣхалъ) — **30 ноября 1743 г.** (высланъ). — Цесарскій министръ маркизъ *де-Ботта*.

1741 г. Камергеръ *Вильчекъ* съ объявленіемъ о рожденіи эрцгерцога Іосифа. 2 мая принятъ, 3 іюня отпущенъ.

1742 г. іюня 7 — августа 1746 г. (выѣхалъ). — Полномочный министръ (чрезвычайный посланникъ?) императора Карла VII, камергеръ, тайный совѣтникъ, баронъ Іосифъ Марія *Нейгаузенъ* — для пребыванія при Россійскомъ дворѣ. — По несоблюденію титула въ кредитивной грамотѣ не былъ допущенъ до ауді̀енціи долгое время и только 4 января 1744 г. былъ принятъ. Въ Москву прибылъ 9 сентября 1742 г.

1745 г. октября 13 — 19 мая 1748 г. (отпущенъ). — Чрезвычайный посолъ и полномочный министръ, генералъ вахтмейстеръ, коннаго полка полковникъ и камергеръ, баронъ Іоганнъ Францискъ *Претлакъ* съ извѣстіемъ объ избраніи императоромъ Франца I и съ предложеніемъ союза между обѣими державами. — Прибылъ около 13 декабря. Принятъ 17 декабря 1745 г. Кредитивная грамота на званіе посла отъ 25 февраля 1746 г. 8 мая 1746 г. имѣлъ ауді̀енцію въ характерѣ римско-императорскаго чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра. Отзывная грамота отъ 9 марта 1748 г. Отозванъ для командованія союзною арміею. — Съ нимъ секретарь *Эйхенфельдъ*.

1746 г. февраля 3 — 6 октября 1747 г. (отзыв. грам.). — Резидентъ *Гогенгольцъ*. 28 декабря 1747 г. умеръ въ Петербургѣ.

1747 г. мая 5 — 21 іюня (отпущенъ). — Римско-императорскій камергеръ баронъ Фридрихъ Вильгельмъ *Кетлеръ* съ извѣстіемъ о рожденіи эрцгерцога Петра Леопольда и съ просьбою къ Императрицѣ быть воспрі̀емницею его. — Пріѣхалъ 16 мая. Принятъ 23 мая.

1748 г. марта 14 — 6 апрѣля 1751 г. (выѣхалъ). — Чрезвычайный посолъ и полномочный министръ, императорскій гене-

ралъ отъ кавалеріи, камергеръ, графъ Іосифъ *Бернесъ де Россана* для пребыванія при Россійскомъ дворѣ. — Пріѣхалъ 6 мая 1748 г. Принятъ 20 мая. Отзывная грамота отъ 24 октября 1750 г. вручена канцлеру 12 января 1751 г. — Отпускъ имѣлъ 27 января 1751 года. — Съ нимъ ротмистры *Гамильтонъ* и *Березини*.

1750 г. октября 31 — 14 (17?) октября 1753 г. (отпущенъ). — Чрезвычайный посолъ и полномочный министръ, генералъ-вахтмейстеръ, баронъ Іоганнъ Францискъ *Претлакъ* для пребыванія при Россійскомъ дворѣ. — Пріѣхалъ 9 января 1751 года. 28 января принятъ. Отзывная грамота отъ 23 мая 1753 г. Въ декабрѣ 1753 г. былъ еще въ Петербургѣ.

1753 г. апрѣля 21 — 20 мая 1761 г. (отзывная грамота). — Чрезвычайный посолъ, императорскій дѣйствительный тайный совѣтникъ, камергеръ графъ Николай *Эстергази* для пребыванія при Россійскомъ дворѣ. — Прибылъ въ августѣ — сентябрѣ. 17 октября 1753 г. принятъ. Отпускъ имѣлъ 31 мая (23 августа?) 1761 г.

1755 г. января 26 и 29 — апрѣль — май(?). — Камергеръ графъ Людовикъ Фридерикъ Юлій *Цинцендорфъ* для поздравленія съ рожденіемъ великаго князя Павла Петровича. Пріѣхалъ 20 марта. Принятъ 16 апрѣля и вскорѣ же имѣлъ отпускъ.

1757 г. апрѣля 21 (прибылъ въ Петербургъ) — **1758 г.** — Австрійскій генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ *Сентъ-Андре* для бытія при россійской вспомогательной арміи. — Съ нимъ австрійскій камергеръ графъ *Кейзерлингъ*.

1758 г. декабря 28 — 6 марта 1759 г. (отпущенъ). — Генералъ-маіоръ баронъ Антоній *Тилліе* для совѣщанія о принятіи обращихъ мѣръ противъ прусскаго короля. — Прибылъ ок. 14 января. 22 января принятъ.

1760 г. октября 7 — 27 мая 1761 г. (30 декабря 1760 г.? — отпущенъ). — Генералъ-маіоръ, камергеръ, графъ Антонъ *Гамильтонъ* съ извѣстіемъ о бракосочетаніи эрцгерцога Іосифа съ принцессою парижскою Изабеллою и для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Прибылъ 11 ноября. Принятъ 12 ноября 1760 г.

1761 г. іюня 7 — 8 декабря 1763 г. (отпущенъ). — Чрезвычайный и полномочный посолъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Флоримундъ *Мерси д'Аржанто* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Прибылъ около 11 іюля 1761 года. 23 августа принятъ. Отзывная грамота отъ 6 октября 1763 г.

1762 г. сентября 29 — 23 ноября (принятъ). — Дѣйствительный камергеръ графъ Андрей *Кауницъ-Ритбергъ* (Квестенбергъ) для поздравленія съ возшествіемъ на престолъ.

1763 г. ноября 4—14 мая 1777 г. (отпущенъ). — Полномочный министръ, дѣйствительный камергеръ, генералъ-поручикъ князь Іосифъ *Лобковичъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Принятъ 26 (8?) декабря 1763 года. Отзывныя грамоты отъ 29 марта 1777 года.

1764 г. апрѣля 4 — іюнь (выѣхалъ). — Дѣйствительный камергеръ, генералъ-маіоръ князь Августъ *Лобковичъ* съ грамотой императора Франца I объ избраніи и коронованіи королемъ римскимъ сына его эрцгерцога Іосифа. — Принятъ 10 мая.

1773 г. декабря 13 – 23 февраля 1774 г. (отпущенъ). — Дѣйствительный камергеръ, полковникъ графъ Георгій *Броунъ* съ поздравительной грамотой по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою Наталіею Алексѣевною. — Принятъ 14 января 1774 года.

1776 г. декабря 14—26 марта 1777 г. (отпущенъ). — Камергеръ, дѣйствительный придворный императорскій совѣтникъ графъ Гундакаръ *Штернбергъ* съ поздравительною грамотою по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ принцессою виртембергскою Маріею Ѳеодоровною.

1777 г. марта 29—1 сентября 1779 г. (отпущенъ). — Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, дѣйствительный камергеръ и надворный императорскій совѣтникъ графъ Іосифъ *Кауницъ-Ритбергъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ.— Прибылъ 28 апрѣля. Принятъ 4 іюня 1777 г. Отзывная грамота отъ 5 августа 1779 г.

1778 г. февраля 16—ок. 10 апрѣля (выѣхалъ). — Камергеръ и генералъ-маіоръ графъ Венцеславъ *Кауницъ-Ритбергъ* съ поздравительною грамотою по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. — Принятъ 25 марта.

1779 г. сентября 24—24 марта 1784 г. — Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ графъ Людовикъ *Кобенцель* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. — Принятъ 26 января 1780 года.

1784 г. марта 24 — май (?) 1800 г. — *Онъ же* чрезвычайный и полномочный посолъ.

1785—1787 г.— Повѣренный въ дѣлахъ по случаю временнаго отсутствія графа Кобенцеля въ отечество, тосканскій министръ баронъ *Седделеръ*.

1790 г. октября 10 — 1790 г. Камергеръ графъ Людовикъ *Штаремберіъ* съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ императора Леопольда.

1792 г. іюля 13 — 1792 г. Дѣйствительный камергеръ графъ Гундакаръ *Штернберіъ* съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ императора Франца.

1794 г. августа 8 (прибылъ)—**1794 г.** Камергеръ графъ *Штаренберіъ* съ извѣстіемъ объ избраніи императоромъ Франца II, короля венгеро-богемскаго.

1798 г. Графъ *Дитрихстейнъ*.

1800 г. ноября 10 цесарскому генеральному консулу *Віаццоли* не велѣно носить болѣе это званіе.

1800 г. Посолъ генералъ-лейтенантъ князь *Ауерсперіъ* (отправленіе не состоялось*).

II. Послы, посланники и гонцы изъ Россіи къ Римскому императору (цесарю) и эрцгерцогу Австрійскому.

1489 г. марта 22 (выѣхалъ изъ Москвы) — **16 іюля 1490 г.** (пріѣхалъ въ Москву). — Посолъ къ императору Фридриху III и сыну его Максимиліану „князю Бергонскому“ грекъ Юрій *Траханіотъ* — для переговоровъ о дружбѣ и любви между обоими народами, для заявленія, что великій князь не можетъ

*) Далѣе слѣдовали:
1801 — 1803 гг. Посланникъ графъ *Саураy*.
1803 — 1806 гг. Посолъ графъ *Стадіонъ*.
1806 г. Повѣренный въ дѣлахъ графъ *Мерфельдъ*.

выдать своей дочери за племянника императора „Падпоского маргграбія Олбрехта“, а согласенъ выдать за сына императора Максимиліана; Юрью также приказано было „добывати мастеровъ — рудниковъ, — мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, — мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, — каменщика хитраго, который бы умѣлъ полаты ставити,— серебряннаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе суда и кубки дѣлать, чеканить и писати на судѣхъ“.—Съ Траханіотомъ посланы были Иванъ *Халяпа* и Костя *Оксентьевъ;* а до Ругодива и Колывани Кулпа *Оксентьевъ*.

1490 г. августа 16—30 августа 1491 г. (пріѣхали въ Москву).— Послы къ королю Римскому Максимиліану грекъ Юрій *Траханіотъ* и Василей *Кулешинъ* для подтвержденія со стороны короля крестнымъ цѣлованіемъ заключеннаго въ Москвѣ договора и для переговоровъ о сватовствѣ дочери великаго князя Ивана III за короля Максимиліана; посламъ наказано также просить прислать къ великому князю „лѣкаря добраго, которой бы вѣдомъ былъ на нутреные болѣзни и на раны“. — Съ ними еще *Халена* и подъячій *Юшка,* до Ругодива и Колывани — Ѳедоръ Чирка Семеновъ *Сурминъ,* до Колывани — *Костя* сокольникъ. — Изъ Москвы выѣхали 19-го августа. Въ Нюренбергъ (Норбергъ) къ королю пріѣхали 22 марта; выѣхали оттуда 23-го іюня.

1492 г. мая 6—22 мая 1493 г. (были въ Любекѣ на обратномъ пути). — Послы къ королю Максимиліану I грекъ Юрій *Траханіотъ* и Михаилъ Кляпикъ Степановъ *Яропкинъ* съ извѣщеніемъ о готовности помогать Максимиліану противъ Польскаго короля и по дѣлу о сватовствѣ дочери великаго князя.— Къ королю въ Колбергъ пріѣхали 15 января 1493 г.; поѣхали отъ него 23 марта. Въ Любекъ пріѣхали 30 апрѣля.

1508 г. августа 28. — Грамота великаго князя Василія къ императору Максимиліану съ предложеніемъ дружественнаго союза доставлена чрезъ князя Михаила *Глинскаго*.

1514—1516 (7023—7024) гг. — Послы къ императору Максимиліану Алексѣй Григорьевъ *Заболотцкій* и дьякъ Алексѣй *Малый*.

1514—1515 гг. — Послы Дмитрій *Ласкиревъ* и дьякъ Елизарій

(Елка) *Суковъ* для подтвержденья договора противъ Польскаго короля.

1514—1515 гг. — Гонецъ Истома *Малый*.

1514—1515 (7023) гг. — Посланникъ Аѳанасій *Курицынъ*.

1515—1516 (7024) гг. — Государевъ дьякъ Василій *Тетеринъ*.

1516 г. — 7 апрѣля 1518 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Григорій *Загрязскій*.

1516—1517 гг. — Государевъ гонецъ Елизарій *Серпѣевъ*.

1517 г. ноября 25—16 іюля 1518 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Посолъ дьякъ Владимиръ Семеновъ *Племянниковъ* и толмачъ Истома *Малый* для переговоровъ о заключеніи мира съ Польскимъ королемъ. — 23-го марта пріѣхали въ Избрукъ. 25-го были приняты королемъ. 19 апрѣля переѣхали въ г. Галъ, а 20 были отпущены.

1519 г. — Дьякъ Семенъ *Борисовъ* и толмачъ *Истома* (?).

1521—1522 (7030) гг. — Гонецъ подьячій Яковъ (Якушъ) *Полушкинъ* съ грамотой о трехъ цесарцахъ, посланныхъ для науки въ Польшу и захваченныхъ русскими въ плѣнъ.

1523—1526 (7032—7034) гг. — Послы князь Иванъ Ивановичъ *Заспкинъ-Ярославскій* и дьякъ Семенъ Борисовъ *Трофимовъ*.

1526—1528 (7035—7036) гг. — Послы къ императору Карлу Ляпунъ *Осининъ* и Андрей *Волосатый*.

1573 г. іюля 17—15 августа 1574 г. (возвратился въ Старицу). — Гонецъ къ императору Максимиліану Константинъ *Скобельцынъ* съ грамотой о польскихъ дѣлахъ и съ проѣзжей грамотой для цесарскихъ пословъ. — Въ Прагу пріѣхалъ 17 февраля 1574 г. 7 марта принятъ, а 7 мая отпущенъ.

1574 г. іюль. — Юрій *Фаренсбергъ (Ѳарнспахъ)*, исполняя волю Государеву, поѣхалъ изъ Польши къ цесарю и прослужилъ нѣсколько времени въ императорской арміи противъ турокъ. („Юрья развѣдка“).

1575 г. января 10 (отправился). — Гонецъ Никонъ (Николай) *Ушаковъ* къ императору Максимиліану съ отвѣтной грамотой на присланную съ Вестфалемъ.

1576 г. января 3—3 января 1577 г. (были въ Москвѣ). — Легкіе послы князь Захарій Ивановичъ *Бѣлоозерскій (Супорскій)* и дьякъ Андрей *Арцыбашевъ* для переговоровъ „о дружбѣ

и о любви и о соединеньѣ и о цесаревѣ сынѣ Гернистѣ, чтобы ему быть на корунѣ Польской или на великомъ княжествѣ Литовскомъ". — 7 іюля прибыли къ цесарю въ Регенсбургъ (Рейншпоркъ); отпущены 17 сентября. — Съ послами ѣздили также дворяне—*Третьякъ* и *Мамлый*.

1576 г. іюля 3 и 11—20 января 1577 г. (возвратился въ Москву).— Гонецъ толмачъ Каспаръ Ивановъ *Гоперъ (Геперъ, Герперъ)* съ грамотой императору о Литовскихъ дѣлахъ (избраніи Стефана Баторія). — Изъ Москвы выѣхалъ 11 іюля. Отпущенъ 25 октября 1576 г. Привезъ въ Москву грамоту императора Рудольфа съ извѣстіемъ о смерти своего отца императора Максимиліана и съ предложеніемъ быть въ любви по прежнему.

1577 г. сентября 25—17 іюня 1578 г. (былъ въ Москвѣ).—Посланникъ Жданъ Ивановъ *Квашнинъ* для поздравленія императора Рудольфа со вступленіемъ на престолъ и съ предложеніемъ быть въ любви по прежнему и прислать пословъ для заключенія союза. — Въ Прагу пріѣхалъ 4 января; въ Вѣну 19 января, выѣхалъ изъ нея ок. 17 февраля. — Съ нимъ ѣздили толмачъ Ѳедка *Филипповъ* и Павлусъ *Магнусъ*.

1580 г. марта 6—26 іюня 1581 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Гонецъ Аѳанасій *Резановъ* съ грамотой къ императору Рудольфу о присылкѣ пословъ для заключенія союза. — Изъ Москвы выѣхалъ 12 марта. Въ Прагу пріѣхалъ 24 сентября. 28 принятъ, а 6 октября отпущенъ. Выѣхалъ 17 октября.

1580 г. августа 25—17 іюля 1581 г. (пріѣхалъ въ Старицу).— Гонецъ Истома *Шевригинъ* съ грамотами къ императору Рудольфу: 1) о поступкахъ Стефана Баторія и о скорѣйшей присылкѣ пословъ для заключенія союза и 2) о разрѣшеніи (со стороны императора) ѣздить нѣмецкимъ торговымъ людямъ въ Московское государство со всякими товарами, съ воинскимъ оружіемъ, мѣдью и пр. — Изъ Москвы выѣхалъ 6 сентября 1580 г. Принятъ въ Прагѣ 10 января, а отпущенъ 27 января 1581 г. Съ нимъ ѣздилъ толмачъ Индрикъ *Гримъ*.

1581 г.—Писано къ императору съ *Павломъ*, присланнымъ папою съ Поссевиномъ.

1582 г. марта 10—8 января 1583 г. (пріѣхали въ Москву).—

Посланники Яковъ Семеновъ *Молвяниновъ* и подъячій Тишина *Васильевъ* для переговоровъ о заключеніи мира съ Стефаномъ Баторіемъ и союза со всѣми христіанскими государями противъ мусульманъ. — Къ императору въ Аугсбургъ („Аушпоркъ“) пришли 28 іюня; 7 іюля были имъ приняты, а 21 отпущены. 28 іюля вмѣстѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ, съ которымъ они поѣхали изъ Москвы, выѣхали изъ Вѣны къ папѣ. Были также „у Карлоса и Герниста князей Аустрѣйскихъ“. На обратномъ пути отъ папы въ Вѣну прибыли 5 ноября; у императора не были. — Съ ними толмачъ Яковъ *Заборовской*.

1584 г. декабрь — 15 іюня 1585 г. (пріѣхали въ Москву). — Посланникъ Лука *Новосильцовъ* съ извѣстіемъ о смерти царя Ивана IV и съ предложеніемъ быть въ любви, согласіи, соединеніи и ссылкахъ. Послана также съ нимъ грамота и къ брату императора, Эрнесту, „князю Аустрѣйскому“, о пропускѣ чрезъ его землю. — Изъ Москвы поѣхалъ вмѣстѣ съ послами къ Стефану Баторію. Въ Прагу пріѣхалъ ок. 15 марта 1585 г. Отпущенъ 6 апрѣля и 16-го выѣхалъ. — Съ нимъ толмачъ Яковъ *Заборовской*.

1588 г. января 5 — мартъ (возвратился въ Москву). — Гонецъ Аѳанасій *Резановъ* къ императору Рудольфу и его брату, эрцгерцогу Австрійскому, Максимиліану „о литовскомъ дѣлѣ съ грамотами, что на корунѣ Полской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ государя нѣтъ, инобъ о тѣхъ государствахъ промышляти собча, чтобъ тѣ государства мимо ихъ, великихъ государей, къ пному государю не прошли“. — Выѣхалъ 20 января на Литовскую землю. Въ Смоленскѣ получилъ приказаніе (отъ 30 февраля) вернуться обратно въ Москву по случаю избранія Польскимъ королемъ Шведскаго королевича Сигизмунда. — Съ нимъ толмачъ Юшка *Вичентовъ (Викентовъ)*.

1588 г. — Гонецъ Иванъ *Загрязскій* къ императору Рудольфу и брату его эрцгерцогу Максимиліану (чрезъ Лифляндскую землю).

1588 г. февраля 8 — 20 марта 1589 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Тайный гонецъ къ императору Рудольфу и его брату эрцгерцогу Максимиліану съ грамотами о литовскомъ дѣлѣ и о

союзѣ противъ турокъ цесарскій нѣмчинъ Лука Павловъ *Магнусъ* (чрезъ Лифляндскую землю, на Ригу). Посланъ „для того: любо гонца Ѳеонасья Резанова чрезъ Литовскую землю не пропустятъ, инобъ та грамота съ Лукашомъ до цесаря дошла“. — Къ императору пріѣхалъ 12 апрѣля и 14-го былъ имъ принятъ.

1588 г. февраль — 1589 г. — Тайный гонецъ къ нимъ же и о томъ же московскій торговый человѣкъ Тимоха *Выходецъ* (чрезъ Лифляндскую землю).— На обратномъ пути отъ императора въ Ригѣ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму (ок. 12 іюня 1589 г. Въ августѣ 1589 г. еще въ тюрьмѣ).

1588 г. Гонецъ къ нимъ же и о томъ же Захарій *Мейгеръ (Мергеръ)* на Псковъ и Ругодивъ. Привезъ грамоту императора Рудольфа отъ 20 іюня 1588 г. о дозволеніи любчанамъ производить свободную торговлю съ Новгородомъ и о невиновности его, Мейгера, котораго де оклеветали.

1593 г. декабрь — 22 сентября 1594 г. (пріѣхалъ въ Москву).— Гонецъ Иванъ (Анцъ) *Андреевъ* съ проѣзжею грамотой для цесарскихъ и испанскихъ въ Россію пословъ. — Отпущенъ изъ Регенсбурга 20 іюля.

1595 г. апрѣль — 15 ноября (пріѣхали въ Москву). — Послы: думной дворянинъ и намѣстникъ кашинскій Михаилъ Ивановичъ *Вельяминовъ* и дьякъ Аѳанасій *Власьевъ* съ царскою казною на 44720 руб. 8 ден. для вспоможенія императору противъ турокъ. Посламъ наказано также пріискать мастеровъ, „которые умѣютъ находить и знаютъ руду золотую и серебряную и плавити умѣютъ“. — Въ Прагу прибыли 6 августа. 18 августа приняты, 12 сентября отпущены, 17-го сентября выѣхали изъ Праги. — Съ послами ѣздили: дворяне Сила *Михайловъ*, Иванъ *Засѣцкой*, Андрей *Олябьевъ* и Жданъ *Жихаревъ;* подьячій Иванъ *Курбатовъ*, собольникъ Иванъ *Обросимовъ* съ товарищами (6 человѣкъ).

1599 г. іюня 28—29 іюля 1600 г. (пріѣхалъ въ Москву).— Посланникъ къ императору Рудольфу и Максимиліану, эрцгерцогу Австрійскому, думный дьякъ Аѳанасій Ивановичъ *Власьевъ* съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ Бориса Годунова и для переговоровъ о союзѣ противъ турокъ. —

7 октября принятъ императоромъ. Отъ императора изъ Пильзена, 30 ноября, отправился къ эрцгерцогу Максимиліану въ г. Марьендолъ (Маріиндоль); прибылъ сюда 10 декабря, а 29 декабря выѣхалъ къ императору. 23 мая 1600 года отпущенъ императоромъ. — Съ нимъ ѣздили: иноземцы *Крамеръ* и *Мееръ;* приказные: *Курбатовъ,* Степанъ *Даниловъ* и переводчикъ Яковъ *Заборовской.*

1601—1604 гг. (7110—7112 гг. *Вѣроятно ошибка; слѣдуетъ разумѣть предыдущее отправленіе*). — Посланникъ къ императору Рудольфу и эрцгерцогу Максимиліану дьякъ Аѳанасій *Власьевъ.*

1612 г. іюня 20 — мартъ 1613 г. (отпущенъ изъ Праги). — Гонецъ отъ „Московскаго государства бояръ, воеводъ и столника и воеводы князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго“ къ императору Еремѣй Еремѣевъ *Вестермановъ* (Еремѣй *Рюмеръ*) съ жалобою на Польскаго короля, разорившаго русскую землю, и съ прошеніемъ о помощи.

1613 г. — 20 іюля (пріѣхалъ въ Москву). — Гонецъ Денисъ *Аладьинъ* отъ „Московскихъ и Россійскихъ земель и чиновъ“ къ императору Матіасу I съ просьбою быть посредникомъ въ переговорахъ о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій между русскими, поляками и шведами. — Отвѣтная грамота императора, привезенная Аладьинымъ, изъ Вѣны отъ 29 марта.

1613 г. іюля 11 — августъ 1614 г. (возвратились). — Посланники къ императору Матѳею Степанъ Михаиловичъ *Ушаковъ* и дьякъ Семой *Заборовской* съ извѣстіемъ о восшествіи царя Михаила на престолъ и съ предложеніемъ быть въ любви и ссылкѣ. Имъ велѣно было также звать въ Московское государство „дохторовъ, аптекарей и ремесленныхъ людей“. — Къ императору къ г. Линцу пріѣхали 2 декабря. 6 декабря 1613 г. были приняты, а 10 января 1614 года отпущены. — Съ ними толмачъ Тимоха *Фанебичъ.*

1614 г. августа 12—1617 г. — Гонецъ къ императору Матьяшу переводчикъ Иванъ Ѳоминъ *Елзинъ (Елзевъ, Елзель)* съ грамотой о неточностяхъ въ титулѣ цесарской грамоты съ Ушаковымъ и о польскихъ дѣлахъ. — Въ Прагу пріѣхалъ

9 марта, въ Вѣну 17 марта 1615 г. 23-го марта принятъ императоромъ. Выѣхалъ изъ Праги 26 октября 1616 года. 11 января 1617 года пріѣхалъ въ Гамбургъ. Съ нимъ подъячій Первой *Михайловъ*.

1616 г. іюня 14—11 февраля 1617 г. (отпущены). — Посланники къ императору Матьяшу Лукьянъ Ивановичъ *Мясново* и подьячій Ѳедоръ *Посниковъ* для переговоровъ о польскихъ дѣлахъ. — Къ императору въ Прагу пріѣхали 14 ноября. 6 декабря приняты. 21 февраля 1617 года выѣхали изъ Праги. Къ Архангельску пріѣхали 25 іюня 1617 г. — Съ ними переводчикъ Андрей *Ишкилевъ*.

1621 г. въ январѣ посланъ англичанинъ Юрій *Родіоновъ* и Андрей *Кекерлинъ* „въ Цесарію и другія нѣмецкія государства“ для изысканія невѣсты царю Михаилу Ѳеодоровичу и для найма рудознатцевъ и иныхъ мудрыхъ и ремесленныхъ людей.

1654 г. мая 17—2 іюля 1655 г. (пріѣхали въ Москву). — Посланники къ императору Фердинанду III дворянинъ Иванъ Ивановичъ *Бакановскій* и дьякъ Иванъ *Михайловъ* извѣстить о вступленіи на престолъ царя Алексѣя, поздравить Фердинанда со вступленіемъ на престолъ, „напомянуть о братствѣ и о любви и объявить неправды и вѣчному доканчанью нарушенія королей Полскихъ Владислава и Яна Казимира“. — 29 сентября 1654 г. пріѣхали въ Вѣну. 9 октября были приняты въ г. Эберздорфѣ. 12 ноября отпущены. — Съ ними два человѣка дворянъ, 2 переводчика Иванъ *Адамовъ* (Яганъ Бекеръ *фонъ-Деленъ*) и Андрей *Чамбрусъ*, и двое подъячихъ Аѳанасій *Ташлыковъ* и Григорій *Башмаковъ*.

1656 г. января 7—20 мая (пріѣхалъ къ государю на станъ).— Гонецъ подъячій Розряднаго приказа Григорій *Богдановъ* и „для переводу и толмачества“ московскій торговый иноземецъ Тимоѳей *Англеръ*. Посланы къ императору Фердинанду вмѣстѣ съ гонцомъ отъ находившихся въ то время въ Москвѣ императорскихъ пословъ Николаемъ *Винделтъ (Винцентъ, Минцентъ)* для извѣщенія о присылкѣ полномочныхъ пословъ на съѣздъ для заключенія мира съ Польскимъ королемъ. — 8 марта прибыли въ Вѣну. 13 марта отпущены, а 4 апрѣля выѣхали изъ Вѣны.

1656 г. іюля 13. — Посланникъ къ императору Фердинанду Михаилъ *Клешнинъ* и подъячій ..... (отправленіе не состоялось).

1656 г. сентябрь.—Гонецъ Ѳедоръ *Зыковъ* изъ государева обоза изъ подъ Риги съ грамотой къ императору Фердинанду III.

1658 г. — Посланники *Лихаревъ (Елизаровъ)* и *Песковъ* см. въ спискахъ пословъ въ *Венгрію*.

1661 г. іюня 1 — сентябрь.—Гонецъ къ императору Леопольду дьякъ Ефимъ *Прокофьевъ* съ грамотой, въ которой царь поздравляетъ императора со вступленіемъ на престолъ и отвѣчаетъ на предложеніе императора о посредничествѣ въ заключеніи мира между русскими и поляками. — Въ Польшѣ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму (25 іюля), и по освобожденіи возвратился въ Москву съ посланникомъ стольникомъ Аѳанасіемъ Нестеровымъ, не бывъ у императора. — Съ нимъ поѣхали сынъ его Василій и толмачъ Алексѣй *Плетниковъ* и гонецъ отъ цесарскихъ въ Москвѣ пословъ *Еновеггеръ*.

1662 г. сентября 21 – 8 ноября 1663 г. (пріѣхали во Псковъ).— Посланники къ императору Леопольду— стольникъ Иванъ Яковлевичъ *Коробьинъ* и дьякъ Иванъ *Микулинъ* — поздравить со вступленіемъ на престолъ, „подкрѣпити прежнюю братскую дружбу и любовь“ и для переговоровъ о посредничествѣ въ заключеніи мира между русскими и поляками. – Въ Вѣну пріѣхали 16 іюня 1663 года. 27 іюня приняты, а 28 августа отпущены.

1665 г. февраля 4 – 25 февраля 1666 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Гонецъ иноземецъ Петръ *Марселисъ* съ грамотой къ императору Леопольду о посредничествѣ въ заключеніи мира съ Польскимъ королемъ. — Съ нимъ поѣхалъ иноземецъ Тимоѳей *Англеръ* „для найму всякаго ремесла мастеровъ“. Изъ Вѣны Марселисъ выѣхалъ 10 іюня 1665 года.

1666 г. — Былъ въ Вѣнѣ проѣздомъ стольникъ *Ординъ-Нащокинъ*.

1667 г. іюня 4 – 22 января 1668 г. (пріѣхали въ Москву). — Посланники къ императору Леопольду дворянинъ и намѣстникъ курмышскій Иванъ Аѳанасьевичъ *Желябужской* и дьякъ Тимоѳей *Кузминъ* поздравить императора „о его радостномъ веселіи о воспріятіи законнаго брака“, объявить о заключен-

номъ съ Польскимъ королемъ перемиріи и для переговоровъ о посредничествѣ въ заключеніи вѣчнаго мира. — Въ Вѣну пріѣхали 3 октября; выѣхали 12 ноября. — Съ ними: дворяне жильцы Игнатій Васильевъ *Башковскій*, Аѳанасій Осиповъ *Желябужской*, Иванъ Самсоновъ *Батуринъ*, Иванъ Ивановъ *Шепелевъ-Козлютинъ*, Герасимъ Владимировъ *Власьевъ* и Степанъ Самсоновъ *Батуринъ;* переводчикъ Аптекарскаго приказа окулистъ Иванъ *Малорнъ;* подъячіе — Помѣстнаго приказа Тихонъ *Бишовъ* и Конюшеннаго приказа Тимоѳей *Молчановъ (Толмачевъ);* толмачъ Ѳедоръ *Влодекъ (Владыкъ)* и нѣмчинъ *Захарьяшъ*.

1668 г. апрѣля 27—4 августа (отпущенъ изъ Вѣны).—Гонецъ иноземецъ Томасъ Андреевъ *Келдерманъ* и подъячіе Посольскаго приказа Прокофій *Возницынъ* и Ѳедоръ *Фирсовъ* съ грамотой къ императору о посредничествѣ въ заключеніи вѣчнаго мира съ Польскимъ королемъ и о пропускѣ ихъ въ Венецію. — Въ Вѣнѣ были іюля 21—9 августа. Отвѣтная грамота императора отъ 9 августа прислана изъ Польши полковникомъ Давидомъ Гердономъ съ шляхтичемъ Мартыномъ Залѣсскимъ 12 ноября 1668 г.

1672 г. октября 11—28 марта 1674 г. (пріѣхалъ въ Москву).—Гонецъ къ императору Леопольду пѣхотнаго строю майоръ Павелъ *Миніусъ (Менезіусъ)* „со объявленіемъ, что салтанъ Турской наступилъ на Полское государство войною и о соединеніи окрестныхъ государей противъ салтана Турского общими ихъ войски и о помочи государству Полскому и на оборону всѣмъ окрестнымъ христіянскимъ государствамъ“. Наказано также, будучи у императора, „приговаривать въ Москву двухъ трубачей, которые бъ могли на высокой трубѣ танцы трубить“, рудознатцевъ и плавильщиковъ.—Въ Вѣну прибылъ 4 апрѣля 1673 г. 15-го апрѣля принятъ; 16-го мая отпущенъ, а 18-го мая 1673 г. поѣхалъ въ Венецію. На обратномъ пути изъ Венеціи въ Вѣнѣ былъ ноября 16—2 декабря 1673 г.; изъ Вѣны отправился въ Саксонію.— Съ нимъ подъячій Михаилъ *Тарасовъ*, „для переводу“ иноземецъ Лаврентій *Рингуберъ* и двое стрѣльцовъ Стенька *Максимовъ* и Якушко *Аѳанасьевъ*.

1674 г. іюня 10—15 марта 1675 г. (пріѣхали въ Москву).—Посланники къ императору Леопольду стольникъ и намѣстникъ боровской Петръ Ивановичъ *Потемкинъ* и дьякъ Яковъ *Чернцовъ* поздравить съ воспріятіемъ законнаго брака и для переговоровъ о союзѣ противъ Турокъ и о Польскихъ дѣлахъ. — Въ Вѣну пріѣхали 23 октября. 2 ноября приняты; 31 декабря 1674 г. отпущены, а 13 января выѣхали изъ Вѣны въ Москву. — Съ ними: дворяне стольникъ Степанъ Петровъ *Потемкинъ*, жильцы Левъ Прокофьевъ *Кетевъ* и Михаилъ Самойловъ *Степинъ*; „для переводу“ торговой иноземецъ Иванъ *Гонсенъ (Госенсъ)* и Посольскаго приказа толмачъ Яковъ *Эглинъ*; подъячіе — приказа Большаго Прихода Иванъ *Шапкинъ* и Помѣстнаго приказа Епифанъ *Протопоповъ* *).

1675 г. ноябрь. — Гонецъ подъячій Семенъ *Протопоповъ* съ извѣстіемъ о назначенныхъ къ императору Леопольду великихъ и полномочныхъ послахъ ближнемъ окольничемъ и намѣстникѣ чебоксарскомъ Василіи Семеновичѣ *Волынскомъ*, стольникѣ Семенѣ Ѳедоровѣ *Толочановѣ* и дьякѣ Михаилѣ *Прокофьевѣ*. *(Отправленіе не состоялось по случаю смерти царя Алексѣя)*.

1676 г. февраля 8—20 сентября (пріѣхалъ въ Москву). — Гонецъ Посольскаго приказа подъячій Василій *Тимофеевъ* съ грамотой къ императору Леопольду о смерти царя Алексѣя и о вступленіи на престолъ царя Ѳедора. — Отпущенъ 8 іюня; выѣхалъ изъ Вѣны 25 іюня. — Съ нимъ для толмачества былъ посланъ Посольскаго приказа цесарскаго языка толмачъ Иванъ *Енакъ (Енаковъ)*.

1677 г. ноября 21 – 30 іюня 1678 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Гонецъ Яковъ *Эглинъ* съ грамотой къ императору Леопольду объ отправленіи къ нему великихъ и полномочныхъ пословъ В. С. Волынскаго съ товарищами. — Грамота отъ 19 декабря. Въ Вѣну прибылъ 15 марта; 19 марта принятъ; 25 апрѣля выѣхалъ.

1679 г. февраля 2—октября 1680 г. (пріѣхали въ Москву). —

*) **1675 г. октября 9** учинена съ австрійскими послами въ Москвѣ запись о пріемѣ пословъ и о царскомъ титулѣ. — Съ русской стороны посольскіе дьяки Василій *Бобининъ* и Емельянъ *Украинцовъ*.

Великіе и полномочные послы ближній бояринъ и намѣстникъ суздалской Иванъ Васильевичъ *Бутурлинъ*, окольничій и намѣстникъ каргопольскій Иванъ Ивановичъ *Чаадаевъ* и думный дьякъ Лукьянъ Тимоѳеевичъ *Голосовъ* для поздравленія со вступленіемъ въ бракъ, для извѣщенія о вступленіи царя Ѳедора на престолъ и для переговоровъ о посредничествѣ въ коммиссіи для постановленія вѣчнаго мира между Московскимъ и Польскимъ государствами. Послы находились въ Польшѣ, когда состоялся указъ объ отправленіи ихъ къ императору, куда они должны были отправиться, не заѣзжая въ Москву, прямо изъ Польши. — Грамота къ королю Польскому объ отправленіи ихъ къ императору отъ 6 февраля 1679 г. Грамота къ императору отъ 20 марта. Изъ Варшавы пошли 7 мая 1679 г. 12 іюня пришли въ Вѣну; 21 іюня были приняты; 11 августа отпущены. Изъ Вѣны пошли 13 августа 1679 года. Къ смоленскому рубежу пришли въ октябрѣ мѣсяцѣ. На границѣ (русской) они были задержаны, потому что въ Вѣнѣ при нихъ было моровое повѣтріе. 8 марта 1680 г. дозволено было ѣхать имъ въ свои деревни, но не ближе 200 верстъ отъ Москвы. 10 сентября Чаадаевъ умеръ въ своей деревнѣ. 19 сентября велѣно было имъ прибыть въ Москву къ 1 октября. 6 октября 1680 года были приняты государемъ. — Съ ними ѣздили: дворяне стольникъ Василій *Бутурлинъ*, стольникъ Иванъ Ивановъ *Чаадаевъ*, стольникъ Михаилъ Михаиловичъ *Самаринъ*, стольникъ Василій Романовъ *Воейковъ*, Петръ Семеновъ *Чаадаевъ*, стряпчій Романъ Яковлевъ *Чаадаевъ*, Алексѣй (Александръ) Осиповъ *Еремѣевъ*, стольники Иванъ и Григорій Лукьяновы *Голосовы*, Василій *Гротосъ*, Аѳанасій Семеновъ *Лаврецкой;* боярскій крестовый священникъ *Аѳанасій*, окольничаго крестовый священникъ *Тимоѳей*, думнаго дьяка Голосова священникъ *Борисъ;* „для переводу цесарскаго языка словеснымъ розговоромъ“ изъ дворянъ Яковъ Ивановъ *Эглинъ;* Посольскаго приказа переводчикъ Семенъ Ѳедоровъ *Лаврецкой;* подъячіе — Исай *Силинъ*, Никита *Максимовъ*, Большого Прихода Петръ *Ивановъ*, Разряднаго приказа Илья *Ларіоновъ;* Печатнаго приказа сторожъ Иванъ *Васильевъ*, собольщикъ Петръ *Павловъ*.

1680 г. апрѣля 3. — Гонецъ Посольскаго приказа подъячій Михаилъ *Тарасовъ* съ грамотой къ императору Леопольду о присылкѣ пословъ-посредниковъ въ коммиссію для заключенія вѣчнаго мира между Московскимъ и Польскимъ государствами. *(Отправленіе не состоялось).*

1682 г. мая 9 и 9 іюня—25 января 1683 г. (пріѣхалъ въ Москву). — Гонецъ подъячій Посольскаго приказа Никифоръ *Венюковъ* съ объявленіемъ о кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича и о вступленіи на престолъ царей Петра и Іоанна.—Въ Вѣну прибылъ въ октябрѣ 1682 г. 3-го ноября былъ отпущенъ. — Съ нимъ толмачъ Томасъ *Томсонъ*.

1686 г. іюня 7—20 апрѣля 1687 г. (пріѣхалъ въ Москву).— „Посланной“ подъячій Посольскаго приказа Козьма Никитинъ *Нефимоновъ* („Посольской канцеляріи секретарь“) „со обвѣщеніемъ о великихъ и полномочныхъ послѣхъ“. — Указъ о посылкѣ состоялся еще 18 мая. Отвѣтная грамота отъ 19 февраля 1687 г.—Съ нимъ „для толмачества цесарскаго языка толмачъ Василій *Ерофѣевъ*“.

1686 г. іюня 18—25 іюля 1687 г. (пріѣхали въ Москву). — Великіе и полномочные послы ближній бояринъ и намѣстникъ вятскій Борисъ Петровичъ *Шереметевъ,* ближній окольничій и намѣстникъ муромскій Иванъ Ивановичъ *Чаадаевъ,* думный дьякъ Протасій Иваповичъ *Никифоровъ* и дьякъ Иванъ *Волковъ* „для обновленія ихъ Царскаго Величества съ его Цесарскимъ Величествомъ дружбы и любви, и съ поздравленіемъ, и для подлиннаго объявленія о учиненномъ между великими государи ихъ Царскимъ Величествомъ и Королевскимъ Величествомъ Полскимъ“ союзѣ противъ Турокъ и общемъ нападеніи на нихъ и „для иныхъ своихъ государственныхъ великихъ дѣлъ“ (о титулѣ и церемоніяхъ посольскихъ). — Въ Вѣну прибыли 8 марта 1687 г. 14 марта были приняты, 25 апрѣля отпущены, а 1 мая выѣхали изъ Вѣны. (Дьякъ Волковъ отправился въ Венецію). — Съ послами отправились: стольники: Вас. Петр. *Крупликовъ,* Вас. Ив. *Чаадаевъ,* Борисъ Петр. *Чаадаевъ,* князь Иванъ *Сунчелей*-мурзинъ сынъ, князь *Кугушевъ,* Степ. Юрьевъ *Митусовъ*, и Дм. и Яковъ Протасьевы *Никифоровы;* стряпчіе: Карпъ Антоновъ *Муромцевъ,*

Θед. Петр. *Чаадаевъ*, и Ив. *Батуринъ*; дворяне: Яковъ Вилимовъ *Эллинъ* и Дм. Фил. *Буколтовъ*; жильцы: Вас. Апт. *Муромцевъ*, Ив. Степ. *Тевяшевъ*, Ив. Θед. *Ресинъ*, и Мина Θед. *Козляиновъ*; „для переводовъ польского и латинского языковъ“ переводчикъ Степ. Θед. *Чижинской*; „для письма“ подъячіе Посольскаго приказа Кондратъ *Никитинъ* и Мих. *Волковъ*, приказа Большого Дворца Вас. *Несмѣяновъ* и приказа Большой Казны Θед. *Ивановъ*; *священникъ*....; Новгородскаго приказа сторожъ Осипъ (Оска) *Васильевъ* и скорнякъ Иванъ *Нестеровъ*.

1688—1698 гг. — Находившійся при Цесарскомъ Дворѣ переводчикъ Адамъ *Стилла (Штель, Швейковской)* писалъ изъ Вѣны въ Москву въ Посольскій приказъ и къ россійскимъ въ Польшѣ резидентамъ о всякихъ тамошнихъ вѣдомостяхъ и о воинскихъ поведеніяхъ и присылалъ вѣстовыя печатныя нѣмецкія письма (вѣдомости иностранныя), за что ему было посылаемо денежное награжденіе.

1689 г. января 2—22 сентября (пріѣхалъ въ Москву). — „Посланной“ подъячій Посольскаго приказа Алексѣй *Васильевъ* для извѣщенія объ успѣхахъ русскихъ войскъ противъ Турокъ и для присутствованія при переговорахъ съ турецкими послами — о заключеніи мира между императоромъ и султаномъ. — Въ Вѣну пріѣхалъ 16 марта; 3-го апрѣля принятъ, 16-го іюля отпущенъ, а 20-го выѣхалъ изъ Вѣны.

1691 г.—Климъ *Калницкій* съ грамотой къ императору объ освобожденіи архимандрита Исаіи.

1691 г. — Николай и Анастасъ Іоанникіевы *Лихуды* съ грамотой къ императору „объ отдачѣ имъ портищъ золотныхъ“, купленныхъ ихъ отцомъ въ Венеціи.

1695 г. декабря 20 — 10 апрѣля 1697 г. (пріѣхали въ Москву). — Посланникъ дьякъ Козьма Никитинъ *Нефимоновъ* для заключенія союза противъ Турокъ и Татаръ. — Въ Вѣну пріѣхалъ 19 марта 1696 г.; 30 марта принятъ. 6 февраля 1697 г. отпущенъ. — Съ нимъ ѣздили: „во дворянехъ“ — жилецъ Влад. Сем. *Борзова* и Посольскаго приказа подъячій Семенъ *Ивановъ*; „для переводу латинскихъ писемъ“ Посольскаго приказа переводчикъ Степанъ *Чижинской*, и „для писма“ Посольскаго

приказа подъячіе Ив. *Ратковъ*, Степ. *Ключаревъ* и Гавр. *Деревнинъ*.

1697 г. января 25—25 октября (явился къ государю въ Амстердамъ).—„Посланной“ (гонецъ) маіоръ Преображенскаго полка Адамъ Адамовичъ *Вейде* съ извѣщеніемъ объ отправленіи царемъ въ разныя государства великаго посольства. — Въ Вѣну пріѣхалъ 27 апрѣля. 5 мая принятъ въ Люксембургѣ. 7 іюня отпущенъ, а 9-го выѣхалъ изъ Вѣны. — Съ нимъ Посольскаго приказа подъячій Михаилъ *Волковъ* и толмачъ Вилимъ *Родъ*.

1697 г. февраля 25—25 августа 1698 г. (пріѣхали въ Москву).— Великіе и полномочные послы: генералъ-адмиралъ, намѣстникъ новгородскій, Францъ Яковлевичъ *Лефортъ*, генералъ кригсъ-коммиссаръ, намѣстникъ сибирскій, Ѳедоръ Алексѣевичъ *Головинъ* и думный дьякъ, намѣстникъ болховской, Прокофій Богдановичъ *Возницынъ* „для утвержденія дружбы и любви и для предложенія общепотребныхъ обоимъ намъ великимъ государемъ и государствамъ нашимъ дѣлъ и взаимнаго равенственнаго воздаянія“. — Указъ о посылкѣ состоялся еще 26 декабря 1696 года. Изъ Москвы выѣхали 9 марта 1697 г. Изъ Амстердама на границу цесарскую пришли 5 іюня 1698 г. Въ Вѣну пріѣхали 16 іюня и 18 іюля были приняты императоромъ. 19 іюля указано Ѳ. Я. Лефорту и Ѳ. А. Головину „ѣхать для государственныхъ нужныхъ дѣлъ отъ двора цесарскаго величества чрезъ государство королевскаго величества Польскаго къ Москвѣ наскоро“, а П. Возницыну остаться въ Вѣнѣ. — Въ составъ посольства входили: дворяне“ (съ Лефортомъ) — Ив. Францовъ *Кулонъ (Куломъ)*, Як. Ал. *Дуарсій*, Богд. Богд. *Приставъ*, Вилимъ Родіоновъ *Туркавиле (Турлавилъ)*, Ив. Ант. *Сметъ (Шмитъ)*, Андр. Андр. *Гротъ (Гродъ)*, Давыдъ Юрьевъ *Эглинъ (Енглисъ)*, Ив. Варѳ. *Гуммертъ*, Романъ Вилимовъ *Брюсъ (Брусъ)*, Евстафій Ильинъ *Ѳонсъ (Ѳонкъ, Ѳонка, Ѳункъ)*, Ив. Ил. *Кобертъ*, Петръ Богд. *Лефортъ*, Ѳед. Ник. *Балкъ;* (съ Возницынымъ) — Андрей Ѳед. и Ив. Артемьевъ *Возницыны;* (съ Головинымъ) — Алексѣй Ал. *Головинъ*, Ив. Ѳед. *Головинъ*, Сем. Петр. *Бестужевъ*, Ульянъ Іакимовъ *Сенявинъ*, Глѣбъ Прокофьевъ

Радищевъ, Матв. Гавр. *Бѣлецкой (Билецкой, Былецкой)*, Нефедей Григ. *Срезневъ*, Томосъ Томосовъ *Книперъ*; — „во дворянехъ и для толмачества итальянскаго, латинскаго и польскаго языковъ“ капитанъ иноземецъ Гр. Ив. *Островскій*, Посольскаго приказа переводчикъ Петръ *Вульфъ* и Петръ *Шафировъ*; толмачи Андрей *Гемсъ*, Алексѣй *Змеовъ*, Ив. *Кропоткинъ*; лѣкарь иноземецъ Яганко *Терлантъ (Тертманъ)*; Серебреной палаты мастеръ иноземецъ Ив. Яковл. *Рудольфъ*; Золотой палаты мастеръ Крестьянъ *Дитмаръ*; церкви Воскресенiи Христова, у государя вверху, священникъ Ив. *Поборскій* и діаконъ *Тимофей*; подъячіе Посольскаго приказа Мих. *Волковъ*, Мих. *Родостамовъ*, Мих. *Родіоновъ (Ларіоновъ)*, Никифоръ *Ивановъ*; приказа Казанскаго Дворца Ив. *Черницовъ*; Большой Казны Ѳедоръ *Буслаевъ* и Петръ *Ларіоновъ*; собольщики Ив. *Поповъ (Копьевъ)* и Петръ Григ. *Чистякъ*; приказа княжества Смоленскаго сторожъ Ив. *Афанасьевъ*; 35 человѣкъ начальныхъ людей и солдатъ Преображенскаго полка „для ученія воинского поведенія и морского дѣла“; „для караулу“ 62 человѣка солдатъ Преображенскаго полка съ начальными людьми съ майоромъ Ив. *Шмитомъ*; верховые карлы: Ермолай *Мишюковъ*, Акимъ *Волковъ*, Денисъ и Ѳед. *Еремьевы*. —19 іюля послы (Лефортъ и Головинъ) поѣхали къ Москвѣ, „а съ ними валентеровъ началной да знатныхъ особъ 4 человѣка, да изъ дворянъ Петръ Лефортъ, Адамъ *Вейдъ*, Нефедъ Срезневъ“; остальные выѣхали изъ Вѣны 27 іюля, а съ Возницынымъ остались — „кто ему надобенъ“. Въ числѣ посольства состоялъ „урядникъ Петръ *Михайловъ*“ — царь Петръ I.

1697 г. іюня 22—10 февраля 1699 г. (возвратился). —Ближній боярин и намѣстникъ вятскій Борисъ Петровичъ *Шереметевъ* проѣздомъ въ Италію, Римъ и Мальту былъ въ Вѣнѣ 1697 г. декабря 10—5 января 1698 г. и предлагалъ союзъ противъ Турокъ. Императоромъ былъ принятъ 17 декабря 1697 г., отпущенъ 3 января 1698 г. — На обратномъ пути въ Вѣнѣ былъ августа 26—11 сентября 1698 г. Императоромъ принятъ „приватнымъ способомъ“ на другой день пріѣзда, 27 августа.

1698 г. іюля 19 (кред. гр.) — **18 іюня 1699 г.** (пріѣхалъ въ Москву). — Великій и полномочный посолъ думный дьякъ Прокофій *Возницынъ* для переговоровъ о заключеніи мира съ Турками. — 8 сентября пріѣхалъ изъ Венеціи Петръ *Посниковъ*, который вмѣстѣ съ Возницынымъ 20 сентября 1698 г. выѣхалъ изъ Вѣны „на Турскую комиссію“ близъ Карловичъ, куда прибыли 15 октября. 24 января 1699 г. выѣхали изъ Карловичъ, заключивъ перемиріе съ Турками. Въ Вѣну вернулись 11 февраля. 14 марта Возницынъ былъ отпущенъ императоромъ, а 16-го марта выѣхалъ изъ Вѣны, отпустивъ доктора Постникова въ Амстердамъ. 28 іюня выѣхалъ изъ Москвы къ государю въ Азовъ, куда пріѣхалъ 15 іюля. 17 іюля былъ принятъ государемъ, а 2 октября вернулся изъ Азова въ Москву.

1699 г. марта 13 опредѣлено было ѣхать въ Вѣну посланникомъ стольнику Вас. Ив. *Эверлакову* и быть тамъ „на резиденціи“; но 27 іюня посылка эта была отмѣнена и Эверлаковъ отправленъ въ Азовъ.

1700—1707 гг. – Тайный агентъ Петръ *Линксвейлеръ*.

1701 г. февраля 4—1 ноября 1704 г. (отзывная гр.). — Стольникъ князь Петръ Алексѣевичъ *Голицынъ* посланъ „инкогнито“ „для чащайшей и ближайшей обсылки и доношенія побыть нѣколикое время при Цесарскомъ Дворѣ“. — 6 мая прибылъ въ Вѣну; 12 іюня принятъ. Грамотой отъ 27 ноября 1701 г. Петръ I просилъ позволить Голицыну находиться при цесарскихъ въ Италіи войскахъ, когда они будутъ „въ полѣ для воинского промыслу“. 2 апрѣля 1705 г. Голицынъ имѣлъ отпускную аудіенцію у умершаго вскорѣ императора Леопольда I, а 15 іюля у новаго императора Іосифа I. Возвратился въ апрѣлѣ 1706 г. — Съ нимъ находились въ Вѣнѣ и къ нему были посланы:

1701—1702 гг. (?) — Подъячій Илья *Окуньковъ*.

1701 г. февраль—21 октября (отозванъ). — Дворянинъ посольства стольникъ Лука Софроновъ *Хитрой*. Въ декабрѣ былъ уже въ Москвѣ.

1701 г. февраль — ноябрь 1702 г. (умеръ). — Дворянинъ посольства стольникъ Дм. Ѳед. *Зыковъ*. 23 февраля

1702 г. былъ посланъ въ Италію къ цесарскимъ противъ Французовъ войскамъ. Въ іюлѣ выѣхалъ изъ Вѣны, а въ ноябрѣ умеръ въ Падуѣ.

1701 г. декабря 28—1702 г. — Преображенскаго полка капитанъ Андрей Андреевичъ *Гротъ* съ грамотой Петра I увѣдомительной о полученіи грамотъ цесаря съ извѣстіемъ о рожденіи 2-хъ внучекъ и велѣно „быть ему при Голицынѣ до указу во дворянехъ“ (на мѣсто Хитрого). Въ Вѣну пріѣхалъ вмѣстѣ съ Ляпуновымъ 16 марта 1702 г.

1702 г. января 2 посланъ дворяниномъ посольства стольникъ Ив. Григ. *Ляпуновъ*. За польской рубежъ по направленію къ Вѣнѣ выѣхалъ 6 февраля.

1702 г. января 24—5 августа (пріѣхалъ въ Москву).— Капитанъ Лука *Лицъ* съ письмами къ князю Голицыну. Изъ Вѣны отпущенъ 21 мая.

1702 г. февраля 23 посланъ гонецъ Василій Андреевъ *Блонскій* съ грамотой къ Голицыну „о нужныхъ государевыхъ дѣлѣхъ“. — 24 апрѣля пріѣхалъ въ Вѣну.— Съ нимъ Леонтій *Михайловъ* (Михаилъ *Леонтьевъ, Ена*).

1702 г. мартъ упом. при Голицынѣ цесарской земли *Линваръ*.

1702 г. марта 7 посланъ подъячій Борисъ *Меншой* на смѣну Окунькова. Въ Кіевъ пріѣхалъ 15 іюня.

1702 г. марта 26/27 посланъ гонецъ волошенинъ Константинъ *Михайловъ* съ письмами къ стольнику князю Голицыну.

1702 г. марта 27—10 февраля 1703 г. (возвратился въ Москву). — Дворянинъ посольства стольникъ Лука *Хитрой* съ 3 портретами русскихъ царевенъ. Въ Вѣну прибылъ 21 іюля.

1702 г. іюль отправился къ Голицыну итальянецъ Григ. *Кудровъ*.

1703 г. іюль — 11 октября 1704 г. — Курьеръ Ив. *Симоновичъ* съ грамотой къ цесарю и съ письмами къ кн. Голицыну. 1 декабря прибылъ въ Вѣну.

1703 г. ноября 29—1704 г. — Капитанъ Ив. *Кропотовъ*

съ письмами къ князю Голицыну. 11 января 1704 г. прибылъ въ Вѣну.

1702 г. августъ — декабрь.—Генералъ и тайный совѣтникъ Іоганнъ Рейнгольдъ *Паткуль* склонить Вѣнскій Дворъ къ заключенію союза съ Россіею и Польшею противъ Шведовъ.—6 августа пріѣхалъ въ Вѣну; 24 августа выѣхалъ. Въ сентябрѣ опять возвратился. 13 ноября былъ отпущенъ изъ Вѣны.

1703 г. декабря 13—29 августа 1704 г. (возвратился въ Москву). — Генералъ-поручикъ баронъ Георгій Густавъ фонъ *Розенъ* и подполковникъ фонъ *Шембекъ* для испрошенія дозволенія призвать цесарскихъ офицеровъ въ Россію на службу и для исходатайствованія княжескаго титула Меншикову.—Въ Вѣну прибыли 24 февраля 1704 г.

1705 г. май—октябрь. — Петръ *Бестужевъ*. Въ маѣ посланъ въ Вѣну на смѣну Голицына. 9 іюня пріѣхалъ въ Вѣну. Въ октябрѣ велѣно ѣхать въ Берлинъ.

1705 г. іюня 8— мартъ 1708 г. (выѣхалъ изъ Вѣны).—Министръ, генералъ-аудиторъ, военный совѣтникъ баронъ Генрихъ *Гизенъ* для поздравленія Іосифа I со вступленіемъ на императорскій престолъ и для пребыванія въ Вѣнѣ въ должности министра. Въ апрѣлѣ 1707 года велѣно было ему ѣхать къ главнокомандующему императорскими въ Италіи войсками принцу Евгенію Савойскому съ предложеніемъ отъ Россійскаго Двора Польской короны. Въ августѣ мѣсяцѣ привезъ отвѣтъ государю въ Смоленскъ.

1705 г.—Съ поѣхавшимъ въ Вѣну фельдмаршаломъ *Огильви* послана была грамота (отъ 30 августа) къ импер. Іосифу съ вторичнымъ поздравленіемъ вступленія на престолъ.

1706—1708 гг.—Въ Вѣнѣ князь Александръ Петровичъ *Прозоровской*.

1707 г. іюня 28—18 февраля 1713 г. (выѣхалъ изъ Вѣны безъ аудіенціи). — Полномочный министръ, тайный совѣтникъ баронъ Іоганнъ Христофоръ *Урбихъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — Въ Вѣну прибылъ въ іюлѣ 1707 г. Въ концѣ 1709 года былъ въ Москвѣ, а 3 (6) февраля 1710 г. отпущенъ изъ Москвы опять въ Вѣну. 1 сентября 1711 года предписано было отправиться въ Гагу на смѣну Матвѣева, но чрезъ

мѣсяцъ, 4 октября, велѣно быть по прежнему при Цесарскомъ Дворѣ. Отзывная грамота отъ 13 ноября 1712 года. Въ 1711 г. было предписано ѣхать въ Италію къ новому императору, но потомъ это распоряженіе было отмѣнено. 28 іюля 1712 г. Урбихъ отправился къ государю въ Гриневальдъ; прибылъ туда 31 августа и получилъ проэктъ оборонительнаго союза для заключенія съ цесаремъ. 26 сентября возвратился въ Вѣну.

1708 г. апрѣля 16 — секретарь *Веселовскій* отозванъ изъ Вѣны въ Москву для государевыхъ дѣлъ. Выѣхалъ 8 іюля.

1709 г. іюня 7—ок. декабря (выѣхалъ изъ Вѣны). — Переводчикъ Ѳедоръ *Веселовскій* при Урбихѣ. Но такъ какъ онъ не засталъ въ Вѣнѣ Урбиха, то вскорѣ получилъ указъ быть при дворѣ курфирста Ганноверскаго при повѣренномъ князѣ Бор. Ив. Куракинѣ, съ которымъ потомъ отправился въ Англію.

1711 г. въ январѣ находившійся въ Берлинѣ министръ, графъ Александръ *Головкинъ* посланъ въ Вѣну по указу государеву отъ имени царевича Алексѣя Петровича съ извѣстіемъ о дозволеніи, данномъ ему родителемъ, жениться на принцессѣ Брауншвейнъ-Волфенбютельской Шарлоттѣ Христинѣ Софьѣ и для переговоровъ объ условіяхъ брака.

1711 г. апрѣль—28 января 1712 г. (уволенъ отъ россійской службы). — Братъ россійскаго въ Вѣнѣ министра тайнаго совѣтника Урбиха Каспаръ *Урбихъ* принятъ въ россійскую службу надворнымъ совѣтникомъ и повелѣно ему быть при Цесарскомъ же Дворѣ и въ случаѣ отъѣзда куда-либо его брата исправлять ему министерскія дѣла.

1712 г. мая 28—18 октября (пріѣхалъ къ государю въ Карлсбадъ). — Генералъ-адъютантъ и камергеръ Семенъ Григорьевичъ *Нарышкинъ* съ инструкціей касательно заключенія союза съ Вѣнскимъ Дворомъ противъ Турокъ. — 6 іюля пріѣхалъ въ Вѣну.

1712 г. ноября 13—2 апрѣля 1715 г. (выѣхалъ изъ Вѣны).— Полномочный министръ, тайный совѣтникъ, Андрей Артамоновичъ *Матвѣевъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ („въ нѣкоторыхъ ко обоихъ сторонъ государствъ пользѣ и

благоповеденію касающихся дѣлехъ“). — Въ Вѣну прибылъ 4 декабря 1712 г. 9 декабря принятъ. 26 іюля 1714 г. велѣно ѣхать изъ Вѣны къ Польскому Двору (но онъ не ѣхалъ). 4 марта 1715 г. за назначеніемъ къ Польскому Двору князя Долгорукаго ѣхать прямо къ Москвѣ; а 7 апрѣля предписано остаться въ Вѣнѣ. Послѣднее распоряженіе не застало уже его въ Вѣнѣ. Онъ въ февралѣ былъ отпущенъ императоромъ, а 2-го апрѣля выѣхалъ изъ Вѣны.

При немъ находились:

1714 г. — Подьячій Ив. *Леонтьевъ*.

1714 г. апрѣля 2 — 6 августа (выѣхалъ въ Россію). — Секретарь Павелъ *Аркулый*. 6 августа посланъ къ царю съ самыми нужными дѣлами въ чрезвычайныхъ курьерахъ. — По пріѣздѣ въ Петербургъ былъ посаженъ въ крѣпость, а 12 января 1715 г. отданъ въ морской флотъ.

1714—1715 гг. — Секретарь посольства *Ланчинской* (принятъ въ службу въ 1708 г.).

1713 г. февраля 12. Фельдмаршалу князю *Меншикову* поручено заключить договоръ о Помераніи и пр. („Рѣшительнаго по сему дѣлу ничего не учинено“).

1714 г. августъ. — Иноземецъ *Сперлингъ* назначенъ въ Вѣну Россійскимъ агентомъ, но императоръ не согласился его принять.

1714 г. августъ. — Полномочный министръ, генералъ адъютантъ и тайный совѣтникъ баронъ *Левенвольдъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ на мѣсто Матвѣева. — Назначеніе это вскорѣ было отмѣнено.

(1715 г. января 10 д. посланъ капитанъ Михаилъ *Остергарденъ* въ Германію).

1715 г. апрѣля 3—3 ноября (выѣхалъ изъ Вѣны). — По отъѣздѣ Матвѣева исправленіе дѣлъ поручено секретарю *Ланчинскому*. — Въ іюлѣ предписано ему ѣхать въ Стральзундъ. — 7 августа былъ отпущенъ императоромъ.

1715 г. мая 24—16 февраля 1719 г. (выѣхалъ — высланъ изъ Вѣны). — Резидентъ Аврамъ *Веселовскій* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — Въ Вѣну пріѣхалъ 23 августа 1715 г. — 5 сентября принятъ императоромъ. 4 февраля 1719 г. Вѣн-

скимъ правительствомъ приказано выѣхать изъ Вѣны. — Съ нимъ подьячій Ив. *Анисимовъ* упом. въ 1715—1716 гг.

1717—1718 гг. — Князь *Гагаринъ* въ цесарской арміи при принцѣ Евгеніи.

1717 г. января 7 д. *Ланчинскому* данъ чинъ секретаря посольства при Цесарскомъ Дворѣ.

1717 г. мартъ — іюль (возвратился къ государю въ Спа).— Капитанъ гвардіи Александръ Ивановичъ *Румянцевъ* для разузнанія о царевичѣ Алексѣѣ.—19 марта прибылъ въ Вѣну.

1717 г. іюля 11—3 февраля 1718 г. (пріѣхали въ Москву).— Тайный совѣтникъ Петръ Андреевичъ *Толстой* и капитанъ гвардіи Александръ Ивановичъ *Румянцевъ* — для истребованія отъ императора царевича Алексѣя, укрывшагося въ Неаполѣ. — 26 іюля прибыли въ Вѣну. — 28-го іюля были приняты императоромъ. — 24 сентября пріѣхали въ Неаполь.

1718 г. мая 31—май 1719 г. (высланъ). — Агентъ Карлъ Франциск *Бузи* къ приморскимъ пристанямъ имперіи для вспомоществованія торговымъ людямъ. Для тайной министерской переписки оставилъ при своемъ выѣздѣ бывшаго при немъ Матвѣя *Каретту*.

1718 г. (1717 ?) іюня 10—6 марта 1719 г. (выѣхалъ, высланъ).— Агентъ Бернгардъ Христоформъ *Резе* — для пребыванія и предостереженія русскихъ интересовъ въ гор. Бреславлѣ. — Австрійскимъ правительствомъ велѣно выѣхать еще 26 января. — 17 апрѣля указано ему ѣхать въ Гданскъ.

1718 г. іюля 14—3 ноября (отзывная грамота). — Тайный совѣтникъ, генералъ адъютантъ баронъ Карлъ Густавъ *Левенвольдъ* для домогательства объ отозваніи цесарскаго резидента Плеерна. 19 августа прибылъ въ Вѣну. 26 августа принятъ, а въ октябрѣ имѣлъ отпускъ.

1719 г. ноября 14—10 іюля 1720 г. (возвратился).—Генералъ порутчикъ *Вейсбахъ* съ порученіемъ освѣдомиться чрезъ принца Евгенія Савойскаго о причинѣ прекращенія согласія между Цесарскимъ и Россійскимъ Дворами и для разузнанія расположенія цесарскаго правительства къ возобновленію сношеній. — Въ Вѣну прибылъ 1 января 1720 года.

1720 г. февраля 28—21 апрѣля 1721 г. (прибылъ въ Ригу,

гдѣ былъ государь). — Чрезвычайный посланникъ дѣйствительный камергеръ, тайный совѣтникъ, генералъ-майоръ и гвардіи капитанъ Павелъ Ивановичъ *Ягужинскій* для возстановленія согласія и преданія забвенію неудовольствій, бывшихъ по случаю высылки обоюдныхъ резидентовъ, и для заключенія оборонительнаго союза (полномочіе на что ему было прислано отъ 12 августа 1720 г.), который впрочемъ не былъ заключенъ. Въ Вѣну прибылъ 27 апрѣля; принятъ 4 мая. 10 марта 1721 г. былъ отпущенъ изъ Вѣны. — При дѣлахъ Ягужинскому велѣно употреблять камеръ юнкера Людовика *Ланчинскаго* (3 марта 1720 г. ему велѣно быть при Ягужинскомъ), который по отъѣздѣ Ягужинскаго остался въ Вѣнѣ министромъ.

1721 г. мартъ —20 сентября 1726 г.— Повѣренный въ дѣлахъ (министръ), камеръ-юнкеръ (а съ 15 мая 1724 г. камергеръ) Людовикъ *Ланчинской* „для предостереженія интересовъ и продолженія корреспонденціи при Цесарскомъ Дворѣ“.

1721 г. сентября 16 посланъ майоръ *Декеръ* съ грамотой о заключеніи въ Нейштатѣ вѣчнаго мира со Швеціей. — Съ нимъ посланъ въ Вѣну для бытія тамъ при министрѣ Ѳедоръ *Воейковъ*.

(**1722 г. іюня 18 д.** Павелъ *Ягужинскій* въ Германію).

1723 г. іюня 8 д. назначенъ агентомъ въ Бреславль Бернгардъ Христоферъ *Резе*. — Выѣхалъ въ 1724 году къ мѣсту своего назначенія.

1726 г. сентября 21— октябрь 1740 г. (по смерть императора Карла). — Чрезвычайный посланникъ, дѣйствительный камергеръ и (съ 31 декабря 1741 г.) тайный совѣтникъ Людовикъ *Ланчинской* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. 7 января 1736 г. былъ назначенъ полномочнымъ министромъ на конгрессъ съ цесаремъ и французскимъ королемъ.

1726 г. сентября 24 посланъ поручикъ гвардіи *Голенищевъ-Кутузовъ* съ ратификаціей на заключенный въ семъ году въ Вѣнѣ трактатъ и съ заступательной грамотой о герцогѣ Мекленбургскомъ. — Ратификаціи размѣнены въ Вѣнѣ 23 октября.

1727 г. мая 14—3 августа (возвратился въ Петербургъ). — Капитанъ гвардіи *Альбрехтъ* съ извѣстіемъ о кончинѣ импе-

ратрицы Екатерины I и о вступленіи на престолъ императора Петра II.

*) **1727 г. августа 18 д.** назначенъ Самуилъ Симонъ *Михель* агентомъ въ Цесарскую землю приморскихъ пристаняхъ для вспомоществованія торговымъ людямъ. Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Вѣну. — 1733 г. іюля 14 д. подтвержденъ въ званіи камеръ-агента для Россійскаго Двора.

1728 г. декабря 28—6 мая 1729 г. (возвратился въ Москву).— Гвардіи порутчикъ бомбардирской роты князь Василій *Репнинъ* съ грамотой о смерти великой княжны Натальи Алексѣевны. — Въ Вѣну пріѣхалъ 31 января 1729 г.

1731 г. іюля 19—19 апрѣля 1732 г. (прибылъ въ Москву). — Полномочный министръ, генералъ-поручикъ, гвардіи Измайловскаго полка полковникъ, генералъ-адъютантъ графъ Карлъ Густавъ *Лёвенвольдъ* а) развѣдать: 1) намѣренъ ли императоръ помогать Россіи въ случаѣ разрыва съ Турками и 2) что онъ предприметъ при нападеніи поляковъ на Прусскаго короля — и б) представить объ угнетеніи исповѣдующихъ православіе въ Польшѣ. — Въ Вѣну прибылъ 8 ноября 1731 г.— Выѣхалъ изъ нея 2 января 1732 года.

) **1734 г. январь,—17 апрѣля (отпущенъ изъ Вѣны).— Бывшій въ Польшѣ оберъшталмейстеръ графъ *Лёвенвольдъ* для

---

*) **1727 г. іюня 30 д.** заключена въ Петербургѣ конвенція о содержаніи вспомогательныхъ войскъ россійскихъ въ Цесаріи, а цесарскихъ въ Россіи. Съ русской стороны — графъ Гавр. *Головкинъ* и баронъ Г. Ф. *Остерманъ*.

) **1732 г. мая 26 д. въ Копенгагенѣ заключенъ трактатъ между Цесарскимъ, Россійскимъ и Датскимъ Дворами о дружбѣ и взаимной гарантіи принадлежащихъ онымъ державамъ въ Европѣ владѣній, о защищеніи Австрійскаго наслѣдства силою оружія и пр.... Съ русской стороны — Казим. Христ. баронъ фонъ *Бракель*.

1732 г. декабря 13 д. заключенъ въ Берлинѣ трактатъ между Россійскимъ, Цесарскимъ и Прусскимъ Дворами. Съ русской стороны — графъ фонъ-*Левенвольдъ*.

1733 г. августа 8 д. заключена конвенція между Австріей, Россіей и Саксоніей касательно занятія курфирстомъ Саксонскимъ Польскаго престола. Съ русской стороны — оберъ-шталмейстеръ и полномоч. министръ при королѣ Польскомъ графы фонъ *Левенвольды*.

склоненія императора къ принятію участія въ смутныхъ турецкихъ и польскихъ дѣлахъ.— 20 февраля прибылъ въ Вѣну; 26 февраля былъ принятъ императоромъ.

1736 г. іюня 2 д. посланъ къ императору капитанъ гвардіи Николай *Стрѣшневъ* съ извѣстіемъ о занятіи русскими войсками Крыма.

1737 г. февраля 21 посланъ лейбъ гвардіи ротмистръ баронъ фонъ *Таубе* къ цесарской арміи въ Венгрію „для бытія тамо во все время турецкой компаніи и для корреспонденціи съ фельдмаршаломъ Минихомъ. 16 апрѣля уже въ Вѣнѣ. — Съ нимъ кондукторъ *Абѣловъ*.

*) **1737 г. марта 19 — 1737 г.** — Полномочные министры на конгрессъ въ Немировѣ — баронъ *Шафировъ*, оберъегермейстеръ Артемій *Волынскій* и тайный совѣтникъ Ив. Ив. *Неплюевъ*.

1738 г. марта 10 д. посланъ полковникъ *Даревскій* въ Венгрію къ цесарской арміи для содержанія корреспонденціи съ россійскими военноначальниками. Съ нимъ прапорщикъ Мартинъ *Крупской*. Реляціи Даревскаго изъ Бѣлграда отъ 20, 23, 29 мая и т. д.—11 ноября предписано ему по окончаніи компаніи явиться въ Петербургъ; а 2 декабря — не ѣздя въ Петербургъ отправиться въ Кіевъ къ генералъ-фельдмаршалу графу Миниху для полученія инструкціи о дальнѣйшей дѣятельности. — Послѣдняя реляція его отъ 13 декабря 1738 года.

) **1739 г. января 1 – 31 іюля. — Бывшій въ Берлинѣ полномочный министръ дѣйствительный тайный совѣтникъ фонъ *Бракель* для объясненія причинъ невозможности пройти корпусу русскихъ войскъ чрезъ Польшу въ Венгрію въ помощь австрійскимъ войскамъ и для извѣщенія объ отправленіи

---

*) **1737 г. марта 18 д.** подписана декларація относительно общихъ Россіи и Австріи военныхъ дѣйствій противъ Турціи. — Съ русской стороны — Андрей *Остерманъ* и кн. Алексѣй *Черкасскій*.

) **1738 г. марта 22 д. заключена конвенція, содержащая планъ общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ. Съ русской стороны Андрей *Остерманъ* и кн. Алексѣй *Черкасскій*.

вмѣсто корпуса войскъ 1000000 рублей въ Вѣну. — Въ Вѣну прибылъ 27 января. 31 іюля отправился опять въ Берлинъ.

1739 г. упом. секретарь при Ланчинскомъ Степанъ *Пучковъ*.

1742 г. январь отправленъ въ Вѣну дворяниномъ посольства капитанъ графъ Захаръ *Чернышевъ*.

1745—1747 гг. при Ланчинскомъ студентъ Павелъ *Маріамской*.

1745 г. — сентябрь 1747 г. (назначенъ во Францію къ Гроссу). — Студентъ Прокофій *Шишкаревъ*.

*) **1745 г. января 19 — 23 октября 1746 г.** (отзывная грамота). — По случаю кончины императора отправленъ изъ Дрездена во Франкфуртъ въ курфирстскую избирательную коллегію тайный совѣтникъ и полномочный россійскій министръ графъ *Кейзерлингъ*, которому между прочимъ поручено было стараться 1) утвердить и содержать впредь между Россійскою и Германскою имперіями дружбу и согласіе и 2) домогаться объ императорскомъ Россійскому Двору титулѣ. — Графъ Кейзерлингъ, прибывъ во Франкфуртъ 14 мая и исполнивъ повелѣніе, отправилъ съ донесеніемъ ко двору секретаря *Гмелина*, которому 4 мая 1746 г. велѣно „яко приватному при

---

*) **1739 г. мая 12 д.** заключена конвенція относительно продолженія общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Съ русской стороны А. *Остерманъ*, А. *Черкасскій* и Арт. *Волынской*.

1739 г. декабря 28 подписана Алексѣемъ *Вышняковымъ* декларація о союзѣ между Россійскимъ и Австрійскимъ Дворами и о взаимномъ вспоможеніи въ случаѣ непріятельскаго на одну изъ этихъ державъ нападенія.

1742 г. іюля 8 подписана кн. Ал. *Черкасскимъ* и гр. Ал. *Бестужевымъ-Рюминымъ* декларація Россійскаго Двора о томъ, что признаніе Вѣнскимъ Дворомъ императ. титула за русскими государями не измѣнитъ ни въ чемъ существующаго церемоніала и правъ Австріи.

1746 г. мая 22 заключенъ въ Петербургѣ союзный оборонительный трактатъ между Россіею и императрицею-королевою Маріею-Терезіею. — 22 іюля ратификаціи размѣнены. — Съ россійской стороны — канцлеръ графъ *Бестужевъ-Рюминъ*.

ономъ министрѣ секретарю“ отказать отъ должности. — Изъ Франкфурта Кейзерлингу велѣно ѣхать въ Берлинъ.

1745 г. сентября 28—10 мая 1747 г. (возвратился). — Министръ камеръ-юнкеръ графъ Захаръ Григорьевичъ *Чернышевъ* во Франкфуртъ на имперскій сеймъ отъ великаго князя Петра Ѳедоровича „яко герцога Шлезвигъ-Голстинскаго“ для предостереженія голштинскихъ дѣлъ.

1746 г. марта 22—17 іюня (выѣхалъ изъ Вѣны). — Камергеръ Николай *Чоглоковъ* для поздравленія Лотарингскаго герцога съ избраніемъ императоромъ Римскимъ подъ именемъ Франца I. — Въ Вѣну пріѣхалъ 15 мая. — 18 мая принятъ, 13 іюня отпущенъ. — Съ нимъ коллегіи юнкеръ Дм. *Волковъ* и студентъ Акимъ *Борсуковъ*.

1746 г. апрѣля 30 — 17 ноября 1751 г. (умеръ въ Вѣнѣ). — Чрезвычайный посланникъ дѣйствительный камергеръ и тайный совѣтникъ Людовикъ *Ланчинской* для пребыванія и при Цесарскомъ Дворѣ (кромѣ пребыванія при Дворѣ королевы Венгеро-Богемской).

1747 г. сентября 22 посланъ секретарь посольства Ѳедотъ *Черневъ* въ Вѣну къ Ланчинскому для исправленія дѣлъ при министерской канцеляріи на мѣсто бывшаго секретаря *Пучкова*. Черневъ былъ въ сей должности и въ 1750 г.

1747 г. декабря 13 — 19 мая 1748 г. (отпущенъ). — Дѣйствительный камергеръ графъ Андрей Алексѣевичъ *Бестужевъ-Рюминъ* для поздравленія съ новорожденнымъ эрцгерцогомъ Леопольдомъ. — Указъ о посылкѣ состоялся еще 16 октября. 26 апрѣля 1748 г. прибылъ въ Вѣну. 28 апрѣля принятъ. 26 мая выѣхалъ въ Карлсбадъ для употребленія водъ. — 11 октября былъ въ Вѣнѣ. — Съ нимъ гвардіи ротмистръ *Шереръ* и секретарь посольства Ѳедоръ *Черневъ*.

1748 г. декабря 9 — 26 іюня 1755 г. (возвратился въ Петербургъ). — Чрезвычайный посолъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и оберъ-гофмаршалъ графъ Михаилъ Петровичъ *Бестужевъ-Рюминъ*. — „Поручаемое вамъ посольство при Дворѣ Римскоимператорскомъ кромѣ случающихся при ономъ нашихъ дѣлъ главнѣйше въ соотвѣтствованіи той отличности и

дружелюбнѣйшихъ оказательствъ состоитъ, которыя намъ Ихъ Величества императоръ и императрица-королева содержаніемъ своего при нашемъ Дворѣ, отъ обоихъ Ихъ Величествъ аккредитованнаго, чрезвычайнаго посла продолжаютъ". — 30 апрѣля 1749 г. пріѣхалъ въ Вѣну. 17 мая принятъ. — Отзывная грамота отъ 21 февраля 1752 г. — 7 іюля 1752 г. отпущенъ. 21 іюля выѣхалъ изъ Вѣны въ Дрезденъ, гдѣ былъ и въ декабрѣ 1752 г.

1749 г. іюня 19 посланы дворянами посольства въ Вѣну князь Сергій *Голицынъ* (изъ Голландіи, съ 19 іюня 1749 г. по 28 сентября 1753 г.) и гвардіи прапорщикъ князь Николай *Голицынъ* (изъ Петербурга, съ 19 іюня 1749 г.).

1750 г. марта 15 посланы гусарскіе капитаны Гаврило *Воидъ* и Дм. *Петровичъ* и порутчикъ Петръ *Текелій* для вербованія изъ славеносербскаго народа въ Венгріи и Сербіи въ Россійскую службу.

1750 г. апрѣля 30 умеръ въ Вѣнѣ секретарь посольства Алексѣй *Мавзолевскій*.

1750 г. декабря 7 посланъ переводчикъ Алексѣй *Волковъ* въ Вѣну къ дѣламъ.

1752 г. іюля 11 (принятъ) — **11 апрѣля 1755 г.** — Чрезвычайный посолъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Германъ Карлъ *Кейзерлингъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — Съ нимъ секретарь *Битнеръ*. — 24 іюня Кейзерлингъ пріѣхалъ въ Вѣну. — 11 апрѣля 1755 года уѣхалъ въ Саксонію „для употребленія тамъ цѣлительныхъ водъ".

?—**1753 г. марта 11** (явился въ Коллегію). — Студентъ Ѳедоръ Доруминъ *Леонтовичъ*.

1753 г. сентября 28 — 30 января 1756 г. (Надворный совѣтникъ) секретарь князь Сергѣй *Голицынъ*.

*)**1754 г. сентября 20 — 19 января 1755 г.** (выѣхалъ изъ Вѣны). — Дѣйствительный камергеръ баронъ Карлъ *Сиверсъ* извѣстить

---

*) **1753 г. іюня 16** заключенъ въ Москвѣ секретнѣйшій артикулъ касательно Оттоманской Порты. — Съ русской стороны — канцлеръ графъ *Бестужевъ-Рюминъ*, вицеканцлеръ графъ *Воронцовъ*. — 24 іюля ратификованъ со стороны императрицы-королевы.

о рожденіи великаго князя Павла Петровича и что императрица изволила избрать обоихъ ихъ Римскихъ Императорскихъ Величествъ воспріемниками великаго князя при свят. крещеніи.—18 декабря 1754 г. пріѣхалъ въ Вѣну.—25 декабря 1754 г. (5 января 1755 г.) принятъ.—15(12?) января имѣлъ отпускъ.—Съ нимъ Семеновскаго полка поручикъ Петръ Ал. *Бутурлинъ* и переводчикъ Ив. *Крокъ*.

1755 г. апрѣля 11 — 17 ноября. — За отъѣздомъ посла Кейзерлинга въ Саксонію дѣлами завѣдывалъ секретарь посольства *Битнеръ*.

1755 г. ноября 18 — 29 іюня 1767 г. (отпущенъ).—Чрезвычайный посолъ графъ Германъ Карлъ *Кейзерлингъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — 2 сентября велѣно ему изъ Саксоніи возвратиться въ Вѣну, „понеже нынѣшнія сумнительныя обращенія требуютъ неотлагательнаго при Вѣнскомъ Дворѣ вашего присутствія“; вслѣдствіе чего онъ 18 ноября и прибылъ въ Вѣну. — Отзывная грамота отъ 28 мая 1761 г. — Грамотой отъ 30 мая 1761 г. назначенъ полномочнымъ министромъ на Аугсбургскій мирный конгрессъ вмѣстѣ съ графомъ Ив. Григ. *Чернышевымъ* и секретаремъ посольства *Симолинымъ*; а по окончаніи конгресса велѣно (19 марта 1762 г.) ѣхать въ Варшаву.

1756 г. ноябрь. Уп. дворянинъ посольства Алексѣй *Пушкинъ*.

1756 г. май — іюнь 1759 г. (?). — Коллежскій совѣтникъ Степанъ *Пучковъ* для пріема и препровожденія выходящихъ въ Россію албанцевъ и черногорцевъ. — 23 декабря 1756 г. въ Вѣнѣ. 15 марта 1757 г. въ Тріестѣ. Въ Вѣнѣ 27 мая 1757—май 1758 г. (?). 14 марта 1759 г. въ Тріестѣ.

*) **1757 г. апрѣля 25 — 1762 г. іюль** (послѣдняя реляція). — Генералъ-майоръ *Шпрингеръ* при австрійской арміи для наблюденія за военными дѣйствіями.

---

*) **1756 г. декабря 31** д. подписанъ актъ приступленія Россійскаго Двора къ заключенному въ Версалѣ оборонительному трактату. Съ русской стороны гр. Алексѣй *Бестужевъ-Рюминъ* и гр. Михаилъ *Воронцовъ*.
1757 г. ноября 5 подписанъ актъ присоединенія къ шведской конвенціи. Съ русской стороны гр. *Бестужевъ-Рюминъ* и гр. *Воронцовъ*.

1758 г.—Славяно-сербскаго гусарскаго полка секундъ-майоръ *Пишчевичъ*, адъютантъ *Марковъ* и 4 унтеръ-офицера находились въ областяхъ Вѣнскаго Двора для препровожденія въ Россію черногорцевъ.

1758 г. марта 14 — 30 іюля (отозванъ). — Генералъ майоръ графъ Захаръ *Чернышевъ* въ австрійскую армію.

1758—1761 гг. май. — Упоминается совѣтникъ посольства Павелъ *Левашевъ*.

1758—1767 гг. — Переводчикъ Иванъ *Келлерманъ*.

1759 г. октября 19 — 26 апрѣля 1760 г. (возвратился). — Капитанъ Ив. *Шокуровъ* проѣздомъ въ Венецію 23 ноября 1759 г. пріѣхалъ въ Вѣну.

1760 г. іюня 23 секретарь посольства *Ашъ*.

*) **1760 г. іюля 27 — 1762 г. (?).** — Майоръ *Клебекъ* въ австрійскую противъ пруссаковъ армію къ генералу Лаудону для примѣчанія военныхъ дѣйствій.

1760 г. ноября 20 (декабря 30?) — 7 августа 1761 г. (возвратился въ Петербургъ). — Камеръ-юнкеръ баронъ Александръ Сергѣевичъ *Строгоновъ* для поздравленія съ бракосочетаніемъ эрцгерцога Іосифа. Изъ Петербурга выѣхалъ около 19 января 1761 г. — Въ Вѣну пріѣхалъ 7 апрѣля. — 12 іюня принятъ. 21 іюня отпущенъ, получивъ дипломъ на графское достоинство. — Съ нимъ секретарь Ив. *Крокъ*.

1761 г. іюня 4 (мая 28?) — 3 февраля 1762 г. (прибылъ въ Петербургъ). — Повѣренный въ дѣлахъ гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ графъ Александръ Романовичъ *Воронцовъ* для исправленія дѣлъ до пріѣзда назначеннаго въ Вѣну посломъ князя Дм. Мих. Голицына. 29 іюня 1761 г. принятъ.— Назначеніе получилъ, находясь въ Вѣнѣ проѣздомъ. — 9 января 1762 г. выѣхалъ изъ Вѣны.

1761 г. мая 30 — 12 октября 1763 г. — Чрезвычайный посолъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, дѣйствительный камергеръ

---

*) **1760 г. марта 7** заключенъ въ Петербургѣ актъ присоединенія къ Версальскому трактату между Вѣнскимъ и Французскимъ Дворами (30 декабря 1758 г.). — Съ россійской стороны графъ *Воронцовъ* и генералъ-поручикъ Ив. *Шуваловъ*.

князь Дмитрій Михаиловичъ *Голицынъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — 25 декабря 1761 года прибылъ въ Вѣну. 1 января 1762 г. принятъ. — Такъ какъ австрійскій посолъ графъ Мерси д'Аржанто при отъѣздѣ изъ Россіи заявилъ о назначеніи на его мѣсто *полномочнымъ министромъ* князя Лобковича, то русскимъ правительствомъ еще въ іюнѣ 1763 года было заявлено, что Голицынъ будетъ отозванъ и на его мѣсто будетъ назначенъ другой тоже въ званіи полномочнаго министра.—Вслѣдствіе просьбы австрійскаго правительства оставить Голицына въ Вѣнѣ *полномочнымъ министромъ* Голицыну грамотой отъ 11 августа 1763 г. предписано сложить съ себя посольское званіе и остаться въ Вѣнѣ полномочнымъ министромъ.

1761(?) г. — 8 января 1762 г. (отпущенъ изъ Вѣны). — Генералъ-лейтенантъ графъ Захаръ *Чернышевъ* для соглашенія плана военныхъ противъ Пруссіи дѣйствій.

1761 г. декабря 29 — 1762 г. Капитанъ артиллеріи *Бороздинъ* съ извѣстіемъ о смерти императрицы Елизаветы и о вступленіи на престолъ Петра III. — Въ Вѣну пріѣхалъ 10 января 1762 года.

1762 г. іюля 13 посланы совѣтникъ посольства графъ Иванъ *Воронцовъ* и гвардіи поручикъ графъ Семенъ *Воронцовъ*.

1762 г. іюля 18 (декабря 16) — 27 февраля 1764 г. — Дворянинъ посольства лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ князь Петръ *Меншиковъ*.

1762 г. іюля 11 — 8 ноября (отпущенъ изъ Вѣны). — Камеръ-юнкеръ Дмитрій Михаиловичъ *Матюшкинъ* съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II. — 8/19 сентября принятъ. — Въ Вѣнѣ получилъ графское достоинство. — Съ нимъ переводчикъ Яковъ *Булгаковъ*.

1763 г. октября 12 — 12/23 августа 1780 г. (выѣхалъ въ Спа).— Полномочный министръ князь Дмитрій Михаиловичъ *Голицынъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — 12 октября 1763 г. на аудіенціи, „сложа съ себя посольской характеръ подачею грамотъ, онымъ жъ аккредитовался вновь при Вѣнскомъ Дворѣ въ качествѣ полномочнаго министра". — Въ 1780 г. „получа

дозволеніе отлучиться отъ моего посту для пользы здоровья моего, главное имѣлъ я намѣреніе побывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для употребленія минеральныхъ водъ; но какъ позднее годовое время уже нѣсколько неспособнымъ къ тому было, то я *(пишетъ Голицынъ Панину)* вмѣсто того воспользовался помянутымъ Монаршимъ дозволеніемъ къ предпринятію поѣздки въ Нидерланды, а оттуда въ нѣкоторыя полуденныя французскія провинціи, откуда, миновавъ Парижъ, 3 ноября (1780 г.) возвратился въ Вѣну".

При немъ находились:

Съ 1762 г. секретарь посольства, съ 14 мая 1769 г. совѣтникъ посольства, съ 5 мая 1779 г. канцеляріи совѣтникъ (по 1784?) Григорій Ивановичъ *Полътика*.

Съ 1763 г. актуаріусъ, 1769—1774 гг. переводчикъ Иванъ *Миловскій*.

1766—1773 гг. Переводчикъ Василій *Ушаковъ*.

1768—1769 гг. Канцеляристъ Алексѣй *Протопоповъ*.

Съ 17 іюня 1769 г. переводчикъ, съ 13 декабря 1778 г. титулярный совѣтникъ, съ 1785 г. совѣтникъ посольства, съ 8 сентября 1790 г. надворный совѣтникъ, съ 5 апрѣля 1797 г. коллежскій совѣтникъ, въ 1799 г. статскій совѣтникъ и совѣтникъ посольства Филиппъ *Клюпфель*.

1769 г. Ѳедору *Черневу* велѣно ѣхать изъ Парижа въ Вѣну, но онъ не поѣхалъ, остался въ Парижѣ.

1769—1773 гг. Актуаріусъ Ѳедоръ *Мигай*.

Съ 1770 г. переводчикъ, съ 6 іюня 1774 г. титулярный совѣтникъ, съ 27 апрѣля 1778 г. совѣтникъ посольства, а съ 2 апрѣля 1782 г. канцеляріи совѣтникъ (по 1784 г.) Фридрихъ *Кохъ*.

Съ 1770 г. переводчикъ, съ 6 іюня 1774 г. титулярный совѣтникъ, съ 21 апрѣля 1781 г. совѣтникъ посольства (по 1784 г.) Петръ *Чекалевской*.

Съ 22 іюля 1773 г. переводчикъ, съ 14 декабря 1775 г. титулярный совѣтникъ (по 1778 г.) Николай *Никитинъ*.

1774 г. августа 21 — 1775 (?) г. Переводчикъ графъ Ларіонъ *Воронцовъ*.

Съ **22 марта 1776 г.** актуаріусъ, съ 21 апрѣля 1781 г. переводчикъ (по 1784 г.) Аѳанасій *Кудрявской*.

Съ **7 января 1778 г.** секретарь капитанъ Иванъ *Каштанлинской* (по 1781 г.?).

Съ **1 мая 1779 г.** переводчикъ Степанъ *Базилевской* (по 1781 г.?).

Съ **1779 г.** актуарій прапорщикъ Василій *Сивковъ* (по 1781 г.?).

Съ **6 іюня 1780 г.** курьеръ Ѳедоръ *Ермолаевъ*.

1780 г. курьеръ титулярный совѣтникъ капитанъ *Юлинецъ*.

1764 г. іюня 3 — 2/13 августа (отпущенъ изъ Вѣны). — Генералъ-майоръ и лейбъ-гвардіи майоръ графъ Яковъ Александровичъ *Брюсъ* для поздравленія эрцгерцога Іосифа съ избраніемъ Римскимъ королемъ. — Въ Вѣну пріѣхалъ 18 іюля. 25 іюля (5 августа) принятъ. — Выѣхалъ изъ Вѣны ок. 10 августа.

1773 г. октября 8 (выѣхалъ изъ Петербурга) — **16 февраля 1774 г.** (отпущенъ изъ Вѣны). — Камергеръ князь Михаилъ Васильевичъ *Долгорукій* съ извѣстіемъ о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ принцессою Гессенъ-Дармштадскою Наталіею Алексѣевною. — 24 ноября (5 декабря) 1773 г. принятъ.

1776 г. сентября 30 — 30 декабря 1776 г. (10 января 1777 г.) (отпущенъ). — Камеръ-юнкеръ графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ* съ извѣстіемъ о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ принцессою Виртембергскою Маріею Ѳеодоровною. — 21 ноября 1776 г. прибылъ въ Вѣну. — 25 ноября (6 декабря) принятъ.

1777 г. декабря 23 — 28 февраля 1778 г. (выѣхалъ изъ Вѣны). — Дѣйствительный камергеръ Степанъ *Лопухинъ* съ извѣстіемъ о рожденіи великаго князя Александра Павловича. — Въ Вѣну прибылъ 28 января 1778 г. 1/12 февраля принятъ. 25 февраля (8 марта) отпущенъ.

1780 г. августа 12 — 2 ноября. — Повѣренный въ дѣлахъ, совѣтникъ посольства, Григорій *Волтика* — исправлялъ должность во время отсутствія Голицына.

1780 г. ноября 3 — 2 февраля 1784 г. (грамота). — Полномочный министръ князь Дм. Мих. *Голицынъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ.

*) **1784 г. февраля 2—14/25 мая 1792 г.** (отпущенъ).—Чрезвычайный и полномочный посолъ князь Дм. Мих. *Голицынъ* для пребыванія при Цесарскомъ Дворѣ. — Рескриптъ отъ 2 февраля 1784 г.: „какъ для изъявленія на дѣлѣ Высочайшаго Нашего благоволенія за усердіе и рачительность, съ каковыми исправляли вы донынѣ всѣ, вамъ поручаемыя, дѣла, такъ и въ явное предъ свѣтомъ ознаменованіе искреннѣйшей нашей дружбы и отличнаго почтенія къ императору Римскому восхотѣла облечь васъ качествомъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла...“ Въ новомъ званіи принятъ императоромъ 24 марта 1784 г. — Рескриптомъ отъ 23 апрѣля, „уважая старость и болѣзни ваши, побудившія васъ просить объ увольненіи васъ отъ всѣхъ дѣлъ и снисходя потому на сіе прошеніе ваше, увольняемъ васъ отъ службы“.

При немъ за это время кромѣ упомянутыхъ выше:

1782 г. августа 27 — 1784 (?) г. — Переводчикъ Ипполитъ *Болкуновъ*.

Съ **14 октября 1782 г.** переводчикъ, съ 1785 г. титулярный совѣтникъ, съ 10 апрѣля 1792 г. надворный совѣтникъ (по 1795 г.) Михаилъ *Отто*.

1781—1784 гг. студентъ, съ 24 декабря 1794 г. переводчикъ, 1797—1800 гг. актуарій Петръ *Соколовской*.

1782—1784 гг. — Курьеръ секундъ-маіоръ Христофоръ *Цагель*.

1782 г. марта 10 — 1784 г. — Курьеръ актуаріусъ Ѳедоръ *Ермолаевъ*.

1785 г. августа 30 — ? Курьеръ секундъ майоръ Андрей *Брозинъ*. Онъ же упом. въ 1795 г.

1788 г. января 1 — 1795 (?) г. — Переводчикъ секретарь капитанъ порутческаго ранга Францъ *Анжолини*.

---

*) **1781 г.** заключенъ трактатъ. — Съ россійской стороны вице-канцлеръ графъ *Остерманъ*, генералъ-майоръ *Безбородко* и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бакунинъ*.

Въ 1797 г. коллежскій совѣтникъ, состоитъ „на мѣстѣ титулярнаго совѣтника“.

1790 г. декабрь. — Уп. совѣтникъ посольства Петръ *Феррьери*.

1790 г. ноября 25 — 23 апрѣля 1792 г. — Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ графъ Андрей Кирилловичъ *Разумовскій* въ помощь послу князю Голицыну „въ разсужденіи многихъ заботъ и трудовъ, съ которыми миссія Вѣнская по нынѣшнимъ обстоятельствамъ сопряжена“. — Назначеніе состоялось еще 8 іюня (?) 1790 г. — Рескриптъ ему о назначеніи его въ Вѣну отъ 30 сентября, кредитивная грамота первая отъ 4 іюля, вторая отъ 25 ноября 1790 г. — Рескриптъ отъ 30 апрѣля 1791 г.: „настоящее положеніе дѣлъ взыскиваетъ присутствіе ваше при постѣ, вамъ ввѣренномъ, вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ къ оному отправиться немедленно и по прибытіи туда посредствомъ кредитивныхъ грамотъ открыть ваше служеніе при Императорскомъ Вѣнскомъ Дворѣ...“ Въ Вѣну прибылъ 13 іюля 1791 г. 17/28 іюля принятъ.

1790 г. декабрь (выѣхалъ изъ Петербурга) — **2 марта 1791 г.** (выѣхалъ изъ Вѣны). — Дѣйствительный камергеръ князь Ѳедоръ Николаевичъ *Голицынъ* для поздравленія императора Леопольда II со вступленіемъ на престолъ. 4 января 1791 г. прибылъ въ Вѣну. 5 января принятъ.

1792 г. апрѣля 23 — 14 января 1799 г. (отозванъ). — Чрезвычайный и полномочный посолъ графъ Андрей Кирилловичъ *Разумовскій* (по увольненіи кн. Голицына отъ службы) для пребыванія при Австрійскомъ Дворѣ. — Въ новомъ званіи посла принятъ императоромъ 16/27 мая 1792 г. — Рескриптомъ отъ 14 января 1799 г. былъ увѣдомленъ о своемъ отозваніи отъ Вѣнскаго Двора и о назначеніи на его мѣсто Колычева *(не состоялось)*.

При немъ упоминаются:

1794 г. апрѣля 30 — 1795 г. (?) переводчикъ Даніилъ *Туренко*.

Съ **31 мая 1796 г. (— 1800 г.)** актуарій Емельянъ *Кудрявской*.

Съ **15 февраля 1797 г.** переводчикъ Дмитрій *Рунічъ*.

Съ **2 мая 1797 г.** („по силѣ имяннаго указа“) находится при Вѣнскомъ посольствѣ „для окончанія наукъ“ титулярный юнкеръ Павелъ *Вріони (Вріоніосъ)*. Состоитъ и въ 1799 г.

Съ **29 сентября 1798 г.** „на мѣстѣ переводчика“ коллежскій асессоръ Михаилъ *Магницкій*.

„Сверхъ вышеозначенныхъ чиновъ“ въ **1799 г.** находились при Вѣнскомъ посольствѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Рибопьеръ* (съ 1799 г.) и надворный совѣтникъ *Васильчиковъ* (съ 8 сентября 1798 г.).

1792 г. сентября 28 — 17/28 апрѣля 1793 г. (отпущенъ). — Дѣйствительный камергеръ графъ Григорій Ивановичъ *Чернышевъ* для поздравленія императора Франца II съ избраніемъ и коронованіемъ его Римскимъ императоромъ. — Въ Вѣну пріѣхалъ 27 ноября. — 5/16 декабря 1792 г. принятъ.

1794 г. сентябрь — октябрь. — Повѣренный въ дѣлахъ Игнатій *Лемпицкій*.

*) **1796 г. ноября 12 — ?** Дѣйствительный камергеръ князь Михаилъ *Голицынъ* съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ императора Павла I. Въ Вѣну пріѣхалъ 9 декабря. — Принятъ 13/24 декабря 1796 г.

---

*) **1794 г. декабря 23 д.** гр. Ив. *Остерманомъ*, гр. Ал. *Безбородко* и Аркад. *Морковымъ* подписаны: 1) актъ принятія акта приступленія императора Римскаго къ конвенціи отъ 12 января 1793 года, 2) декларація, относящаяся до 3-го раздѣла Польши и 3) секретная декларація относительно союза между Россіею и Австріею.

1795 г. октября 13 д. *ими же* заключена между Россіею и Пруссіею при участіи Австріи конвенція относительно раздѣла Польши.

1796 г. октября 10 д. *ими же* подписано третейское рѣшеніе, постановленное именемъ императрицы Екатерины II по поводу разграниченія польскихъ владѣній между Австріею и Пруссіею.

1796 г. 24 ноября (декабря 5 д.). — Уполномоченными комиссарами императрицы Всероссійской генералъ-лейтенантомъ г. Морицъ де-*Ласи* и коллеж. совѣтникомъ Павломъ *Дивовымъ* подписана декларація относительно предварительнаго акта о разграниченіи Краковскаго воеводства, заключеннаго въ тотъ же день между императоромъ Римскимъ и королемъ Прусскимъ.

1797 г. января 20 д. *ими же* подписана декларація акта окончательнаго разграниченія Краковскаго воеводства между Австріею и Пруссіею.

1799 г. января 28 д. назначенъ министромъ отъ ордена Іоанна Іерусалимскаго при Австрійскомъ Дворѣ *Бальи-Ифюрдъ* (назначеніе вскорѣ отмѣнено).

1799 г. февраля 1 д. былъ назначенъ на мѣсто Голицына чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ Степанъ Алексѣевичъ *Колычевъ* при Вѣнскомъ Дворѣ *(не состоялось)*.

1799 г. февраля 23 — 23 ноября (отпущенъ изъ Вѣны). — Чрезвычайный и полномочный посолъ графъ Андрей Кириловичъ *Разумовскій* для пребыванія при Вѣнскомъ Дворѣ. — Рескриптомъ отъ 23 февраля былъ увѣдомленъ, что онъ оставляется опять посломъ при Вѣнскомъ Дворѣ (см. выше о рескриптѣ 14 января). — Рескриптомъ отъ 25 сентября: „удовлетворяя желанію вашему быть въ Россіи, увольняемъ васъ на 6 мѣсяцевъ отъ должности вашей“. — Приказано было ѣхать въ Россію и жить у отца. Отзывная грамота отъ 30 октября 1799 г.

1799 г. февраля 26 — 25 мая (отпущенъ). — Баронъ *Строгоновъ* съ извѣстіемъ о сговорѣ и обрученіи великой княжны Александры Павловны съ Его Королевскимъ Высочествомъ эрцгерцогомъ Іосифомъ. — Въ Вѣну прибылъ 24 марта. 26 марта (6 апрѣля) принятъ императоромъ, 21 мая императрицей.

1799 г. марта 3 — 25 сентября. — Тайный совѣтникъ Степанъ Алексѣевичъ *Колычевъ* въ помощь Разумовскому. — Рескриптъ Разумовскому отъ 3 марта: „для лутчего успѣха въ производствѣ многочисленныхъ и разныхъ дѣлъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ произойти могущихъ, признали мы нужнымъ отправить въ Вѣну для пребыванія тамъ вмѣстѣ съ вами нашего тайнаго совѣтника Колычева, коего вы по пріѣздѣ его и представьте императору Римскому и его министерству, яко помощника вашего, сообщая ему дѣла, архивъ и позволяя употреблять чиновниковъ...“ Принятъ Колычевъ 1/12 апрѣля 1799 г.

1799 г. іюня 25 назначенъ министромъ отъ ордена Іоанна Іерусалимскаго при Австрійскомъ Дворѣ С. А. *Колычевъ*.

1799 г. сентября 25 — 10 мая 1800 г. (отпущенъ). — Чрезвычайный и полномочный посолъ тайный совѣтникъ Степанъ Алексѣевичъ *Колычевъ*. При увольненіи Разумовскаго въ отпускъ

на время его отсутствія препоручена ему должность посла. — Принятъ какъ посолъ 13/24 октября. Кредитивная грамота на званіе посла отъ 30 октября вручена Колычевымъ на аудіенціи 30 ноября 1799 г. — Рескриптомъ отъ 14 апрѣля 1800 г. предписано: „взявъ отпускную аудіенцію отъ императора, объявите, что ѣдите къ водамъ и поѣзжайте туда“; вслѣдствіе чего Колычевъ 10 мая 1800 г. имѣлъ отпускную аудіенцію и вскорѣ выѣхалъ изъ Вѣны. Іюнь и іюль — въ Карлсбадѣ; августъ и сентябрь — въ Теплицѣ; октябрь — въ Прагѣ; ноябрь и декабрь 1800 г. — въ Дрезденѣ.

1799 г. октября 31 — 30 ноября (принятъ). — Камергеръ *Лопухинъ* съ извѣстіемъ о бракосочетаніи великой княжны Александры Павловны съ Его Королевскимъ Высочествомъ эрцгерцогомъ Іосифомъ палатиномъ Венгерскимъ. — 28 ноября прибылъ въ Вѣну.

*) **1800 г. мая 10** (принятъ). — Повѣренный въ дѣлахъ статскій совѣтникъ *Клюпфель*. Рескриптомъ отъ 14 апрѣля Колычеву предписано поручить исправленіе должности по своемъ отъѣздѣ Клюпфелю. — 10 мая Колычевъ, будучи на отпускной аудіенціи, представилъ императору Клюпфеля — какъ повѣреннаго въ дѣлахъ.

---

*) **1801 г. іюля 4 — 22 августа** (еще въ Вѣнѣ). Тайный совѣтникъ *Муравьевъ-Апостолъ*.

1801 г. сентябрь (прибылъ въ Вѣну) — **1807 г.** Чрезвычайный посолъ графъ *Разумовскій* для пребыванія при Вѣнскомъ Дворѣ.

1803 г. Князь Сергѣй *Долгорукій* для переговоровъ по поводу денежныхъ счетовъ по поставкѣ провіанта и фуража русскимъ войскамъ во время пребыванія на Австрійской территоріи.

1803 г. октябрь — декабрь. Повѣренный въ дѣлахъ старшій совѣтникъ *Аншетъ*.

1805 г. Баронъ *Винцингероде* — для переговоровъ о планѣ общихъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона.

1805 г. іюнь. — Князь Сергѣй *Долгорукій* во второй разъ по тому же дѣлу, по которому ѣздилъ и въ 1803 году. Декларація заключена 18 октября 1805 г.

1806—1807 гг. *Поццо ди Борго* съ требованіемъ заключить союзъ и вступить въ борьбу противъ Наполеона.

1807 г. іюнь. — Посолъ князь А. Б. *Куракинъ* для пребыванія при Вѣнскомъ Дворѣ. — Назначенъ былъ еще въ началѣ 1806 года.

II.

ВЕНГРІЯ.

I. Послы, посланники и гонцы въ Россію отъ Венгерскихъ королей и князей*).

1485 г. — Венгерскій король Матіасъ присылалъ къ великому князю Ивану Васильевичу посольство съ предложеніемъ „любви, братства и единачества“, о чемъ тогда же была учинена договорная грамота.

1486 г. — Отъ того же Венгерскаго короля *Климентъ* съ просьбой не мириться съ Польскимъ королемъ. — Съ нимъ *Матфѣйко* ляхъ.

1487 г. сентябрь — 29 іюля 1488 г. (отпущенъ). — Посолъ Угорскаго короля діакъ *Иванъ* для развѣдыванія: дѣйствительно ли Курицынъ еще не возвратился въ Россію съ отвѣтными королевскими грамотами. — Въ Москву прибылъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1487 г. вмѣстѣ съ Кузминскимъ. При отпускѣ наказано ему просить у короля прислать въ Москву „мастеровъ лить пушки, изъ оныхъ стрѣлять и добывать городовъ; такъ же знающихъ раздѣлять золотую и серебряную руду, серебрянаго дѣла мастеровъ и каменщиковъ, умѣющихъ церкви, палаты и города строить“.

1501 г. — Посолъ короля Владислава постельничій Матвѣй *Цезилицкій* съ просьбой о примиреніи Россійскаго Двора съ литовцами.

---

*) Источниками кромѣ общихъ съ Австріей — служили: 1) дѣла по сношеніямъ съ Венгріей: а) древнія к. 1—2; и б) новыя к. 1—3; и 2) грамоты и трактаты Венгерскіе.

1502 г. — Посолъ Венгерскаго короля Сигизмунда *Сантай* съ предложеніемъ отъ короля и папы Александра VI посредства къ примиренію царя съ Польскимъ королемъ Александромъ и съ просьбой учинить помощь войскамъ противъ турокъ.

1528 (7036) г. — Посланникъ Угорскаго короля Фердинанда (брата императора Римскаго) Степанъ *Клинчичъ*.

1629 г. марта 8 — 31 августа 1630 г. — Послы Венгерскаго короля Гаврилы Королусъ *Талерандъ* маркизъ *Асседевиль*, маргравъ Исудумской (Изедомскій) и Яковъ *Руссель* „для совершенья и утвержденья ссылки и докончанья", съ предложеніемъ примирить царя съ турками и съ Шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ и заключить четверной между ними союзъ противъ общихъ ихъ непріятелей, особенно императора, Испаніи и Польши. — 25 мая и 6 іюня, бывъ у государя, подали грамоты отъ голландскаго въ Царьградѣ посла Корниліуса и отъ турецкаго Режепа паши. — Такъ какъ послы впослѣдствіи между собою поссорились и другъ на друга доносили, то 6 іюля Талерандъ былъ взятъ подъ стражу со всѣми бывшими при немъ людьми и бумагами („ибо сказано будто Талерандъ хотѣлъ ѣхать изъ Россіи прямо въ Гишпанію и поссорить тамошній Дворъ съ султаномъ") и 31 августа сосланъ въ Галичь, а бывшій при немъ Моисей *Мантелеръ* съ четырьмя другими въ Кострому. Яковъ Руссель того жъ числа, бывъ на отпускѣ у государя, поѣхалъ въ Швецію. Въ мартѣ 1634 г. Венгерскій посолъ Руссель отпущенъ изъ Москвы чрезъ Царьградъ. — О Талерандѣ было тогда же въ 1630 г. писано султану: прикажетъ ли его отпустить въ Испанію? Но султанъ ничего на это не отвѣтилъ. 8 октября 1632 г. Англійскій король и кн. Оранскій ходатайствовали о Талерандѣ, какъ французскомъ вельможѣ, ложно оклеветанномъ своимъ слугой-французомъ Русселемъ, но имъ было отвѣчено, что безъ согласія султана не будетъ онъ выпущенъ. 8 декабря 1633 года писалъ о немъ и константинопольскій патріархъ съ посломъ Прончищевымъ, но и ему было тоже отказано грамотой отъ 28 февраля 1634 г. 29 октября 1634 г. Талерандъ вслѣдствіе царскаго указа выѣхалъ изъ Галича въ Москву.

1656 г. августа 4 (пріѣхалъ). — Посланникъ Венгерскаго князя Ракоція Георгія *Рачъ Георгій* съ грамотой, въ которой князь просилъ содержать его въ своей любви и пріязни, обѣщая быть покорнымъ государю.

1657 г. мая 6/18 — 23 февраля 1658 г. — Посланники Венгерскаго короля Леопольда Янъ Христопъ *Фракштенъ (Фрагштейнъ)* и Христофъ *Аэрзбишъ* (Аерзайшъ, Христофоръ *Беверъ фонъ деръ Бини)* съ извѣстіемъ о смерти отца императора и съ предложеніемъ дружбы и любви и посредничества въ заключеніи мира съ Польшею. — Съ послами прибыли дворяне Христофъ Генрихъ *Фронштенъ,* Янъ *Ерывилкелого,* Янъ *Ерылиппа.* Въ Москву прибыли 22 января 1658 года. Изъ Москвы отпущены 23 февраля 1658 года.

1660 г. мартъ. — Посланецъ князя Юрія Ракоція Петръ *Степановъ* съ грамотой къ государю и боярину Вас. Бор. Шереметеву, въ которой князь обѣщаетъ соединить свои войска съ русскими противъ враговъ имени христіанскаго, если это надобно государю. 7 апрѣля пріѣхалъ въ Кіевъ. Грамота была переслана въ Москву и 22 апрѣля переведена.

1690 г. ноября 8.— Семиградскій князь Текелій съ молдавскимъ посланникомъ стольникомъ *Бельвичемъ* писалъ объ избраніи его княземъ Молдавской земли подъ покровительствомъ Порты.

1707 г. іюля 29 (пріѣхали къ государю въ Варшаву) — 1708 г. — Полномочные послы: графъ Николай *Берчини,* генералъ Седмиградскаго князя Францисъ *Клобузицкій,* баронъ *Цетена,* Александръ *Недецкій,* гофмаршалъ двора княгини Седмиградской, совѣтникъ двора князя Седмиградскаго Павелъ *Раозай* и сенаторъ *Бертоти* (Стефанъ *Andrassi,* баронъ *Kirally)* для заключенія договора между Россіею и Седмиградскимъ княземъ Франциномъ Ракоціемъ о постановленіи взаимныхъ обязательствъ къ исполненію въ случаѣ избранія на престолъ Польскій Ракоція. Полномочныя грамоты отъ 5 и 10 августа 1707 г. Договоръ заключенъ 4 сентября. Ратификованъ Ракоціемъ 10 октября. Статьи отданы послу Недецкому въ Витебскѣ 16 апрѣля 1708 года. Въ іюлѣ 1708 г. Недецкій былъ еще въ Россіи.

1708 г. марта 21 — 1710 г. (былъ еще въ Россіи). — Рези-

дентъ Матвѣй *Талаба,* генералъ-адъютантъ князя Ракоція, для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. Прибылъ 28 іюня 1708 г.

1709 г. іюля 24 (прибылъ къ государю) — **февраль 1711 г.** (былъ еще въ Россіи). — Чрезвычайный посланникъ Александръ *Недецкій.* Въ Москву прибылъ 18 февраля 1710 года.

1709 г. августъ. — Посланникъ *Ламаръ.*

1709 г. октябрь. — Министръ *Бреннеръ.*

1711 г. іюня 15 явился къ государю венгерскій полковникъ *Салліянъ* съ рекомендательной грамотой отъ князя Ракоція. Въ письмѣ къ канцлеру графу Головкину князь изъявлялъ желаніе свое видѣться съ Петромъ I.

1719 г. января 30 — февраль 1720 г. (выѣхалъ). — Полковникъ Адамъ *Маріаси* съ поздравленіемъ Ракоція о заключеніи мира съ шведами и съ просьбою о ходатайствѣ за него при Оттоманской Портѣ, въ случаѣ заключенія Россіи съ Турціею мирныхъ договоровъ.

1724 г. февраля 18 (прибыли въ Москву) — **іюнь.** — Гонцы шляхтичъ Адамъ *Яюрки* и докторъ Семенъ *Пиларинъ* съ просьбою Ракоція о примиреніи его съ Портою.

1736 г. — Эммануель *Болцъ* отъ всѣхъ венгерскихъ протестантовъ съ просьбою о заступленіи при Цесарскомъ Дворѣ противъ утѣсненій, чинимыхъ имъ въ вѣрѣ. — Прошенія Болца отъ 3 января и 16 апрѣля.

1740 г. декабря 17 — 5 октября 1747 г. (отзывная грамота).— Резидентъ Венгеро-Богемской королевы Маріи-Терезіи Николай Севастіанъ *Гогенгольцъ* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ.

1740 г. декабря 3 — 21 ноября 1742 г. (отпущенъ). — Полномочный посолъ Венгеро-Богемской королевы Маріи-Терезіи маркизъ *Ботта д'Адорно* для пребыванія при Россійскомъ Дворѣ. 5 января 1741 года прибылъ. Отзывная грамота отъ 9 октября 1742 года.

1741 г. марта 13 — 8 іюня (отпущенъ). — Венгеробогемскій камергеръ графъ *Вильчекъ* съ объявленіемъ о рожденіи эрцгерцога Іосифа. — Принятъ 2 мая.

1744 г. сентября 3 — 26 сентября 1745 г. (отпущенъ). — Чрезвычайный посолъ (посланникъ) Венгеро-Богемской королевы Маріи-Терезіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ

Филиппъ Іосифъ Урсинъ фонъ *Розенбергъ* съ извѣстіемъ о приговорѣ надъ Ботта въ удовольствіе императрицѣ Елизаветѣ. 14 ноября 1744 года принятъ. Отзывная грамота отъ 1 сентября 1745 года.

1746 г.*) февраля 24 — 9 марта 1748 г. — Чрезвычайный посолъ баронъ *Претлакъ*.

1748 г. марта 8 — 24 октября 1750 г. (отзывная грамота). — Полномочный посолъ графъ *Бернесъ де Россана*.

1750 г. октября 31 — 25 мая 1753 г. (отзывная грамота). — Полномочный посолъ баронъ *Претлакъ*.

1753 г. апрѣля 21 — 20 мая 1761 г. (отзывная грамота). — Посолъ графъ *Эстергази*.

1755 г. января 29 — май. — Графъ *Цинцендорфъ*.

1756 г. декабря 18 — іюнь 1757 г. (отпущенъ). — Генералъ поручикъ баронъ Адольфъ Николай *Буковъ* отъ королевы Маріи-Терезіи для соглашенія плана военныхъ дѣйствій противъ Прусскаго короля. 26 января 1757 года принятъ. Отзывная грамота отъ 26 мая 1757 года подана канцлеру 12 іюня.

1758—1759 гг. — Баронъ *Тилліе*.

1760—1761 гг. — Графъ *Гамильтонъ*.

1761 г. іюня 15 — 3 октября 1763 г. — Графъ *Мерси д'Аржанто*.

1762 г. октября 4. — Графъ Андрей *Кауницъ-Ритбергъ*.

1763 г. ноября 4 — 31 марта 1777 г. — Князь Іосифъ *Лобковичъ*.

1773 г. декабря 17 — 24 декабря 1774 г. — Графъ *Броунъ*.

1776—1777 гг. — Графъ *Штернбергъ*.

1777 г. апрѣля 28 — 5 августа 1779 г. (отзывная грамота). — Графъ Іосифъ *Кауницъ-Ритбергъ*.

1778 г. февраля 16 — апрѣль. — Графъ Венцеславъ *Кауницъ Ритбергъ*.

1779 г. сентября 24 — 1780 г. — Графъ Людовикъ *Кобенцель*.

*) Лица за 1746—1755 и 1758—1779 гг. были совмѣстно и отъ императора и отъ королевы. См. выше Австрійскіе списки.

II. Послы, посланники и гонцы изъ Россіи къ Венгерскимъ королямъ и князьямъ.

1486 г. — Посолъ Ѳедоръ *Курицынъ* къ королю Матіашу съ порученіемъ привесть его къ присягѣ на договорной, заключенной въ Москвѣ, грамотѣ и взять у него подтвержденную грамоту на этотъ договоръ. На возвратномъ пути въ Россію былъ схваченъ турками, отвезенъ въ Крымъ къ хану Менгли-Гирею, откуда едва могъ освободиться.

1487 г. — сентябрь 1487 (7096) г. (пріѣхалъ въ Москву). — Ѳедоръ *Кузминской* съ увѣдомленіемъ, что между вел. княземъ Московскимъ и Польскимъ королемъ нѣтъ мира.

1488 г. іюля 29 — 9 апрѣля 1489 г. (возвратился). — *Штиборъ* и Василій *Карамышовъ* къ Угорскому королю Матіашу съ увѣдомленіемъ о полученіи подтвержденной договорной королевской грамоты, посланной съ Курицынымъ, о взятіи вел. княземъ Московскимъ Тверской земли у великаго князя Тверскаго за его доброжелательство Польскому королю и съ просьбою не заключать съ Польшею мира, а продолжать обще съ нимъ нападать на Польшу. Грамота отвѣтная короля отъ 16 декабря 1488 года.

1574 г. іюля 7. — Юрій *Фаренсбергъ (Ѳарнспахъ)*, исполняя волю государеву, поѣхалъ изъ Польши къ цесарю, а оттуда намѣревался отправиться въ Венгрію („Юрья развѣдка“).

1628 (7036) г. (возвратились). — Послы къ Угорскому королю Фердинанду Мѣшокъ *Квашнинъ* и Шелоня *Булгаковъ*.

1629 г. — Бывшіе въ Царьградѣ русскіе послы *Яковлевъ* и *Овдокимовъ* писали къ Венгерскому королю Гавріилу Бетлеему Таборѣ, что царь Михаилъ желаетъ вступить съ нимъ въ переписку.

1656 г. октября 2 — 15 февраля 1657 г. (возвратился въ Москву). — Григорій Васильевичъ *Волковъ* съ приказаніемъ объявить, что государь пріемлетъ его въ свою пріязнь, и уговаривать, дабы онъ ни въ чемъ не помогалъ Польскому королю и Крымскому хану противъ Россіи, но жилъ бы съ гетманомъ Хмельницкимъ дружно; шведамъ бы не помогалъ и при-

слалъ бы къ государю своихъ пословъ. Отвѣтная грамота отъ 17 января 1657 года.

1657 г. мая 26 — 10 августа (велѣно быть въ Москвѣ). — Посланникъ къ Ракоцію Венгерскому Иванъ Аѳан. *Желябужскій* съ грамотой, въ коей по учиненіи выговора, что онъ, и государево требованіе и свое обѣщаніе презрѣвъ, пошелъ на Литву воевать, совѣтовалъ (государь) отстать отъ шведовъ, не помогать имъ ни людьми, ни деньгами, ни порохомъ, не ходить въ Литву и быть въ союзѣ съ государемъ. Изъ Москвы выѣхалъ 1 іюня. 26-го іюля въ Бузуевскѣ услышавъ, что Ракоціево войско разбито татарами и онъ самъ отвезенъ въ Польшу, на третій день возвратился въ Кіевъ. Въ сентябрѣ былъ уже въ Москвѣ. — Съ нимъ подъячій Александръ *Титовъ* и толмачъ Дмитрій *Остафьевъ*.

1658 г. марта 8/23 — 1659 г. — Посланники къ Леопольду королю Венгерскому и Чешскому стольники Яковъ Никитинъ *Лихаревъ (Елизаровъ)* и дьякъ Иванъ *Песковъ* о польскихъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ ними дворяне Дмитрій и Григорій *Лихаревы* и Иванъ *Песковъ*, толмачъ московскій торговый иноземецъ Тимофей *Англеръ*, подъячій Потапъ *Блудовъ*. Изъ Москвы поѣхали 11 апрѣля. 22 августа пришли къ королю въ г. Линцъ. 2 декабря отправились въ обратный путь. 20 августа 1659 г. прибыли въ Архангельскъ.

1707 г. марта 31 посланъ майоръ *Дюпре* къ князю Францискy II Ракоцію.

1707 г. апрѣля 21 посланъ надворный совѣтникъ Давидъ *Корбе* для объявленія Седмиградскому князю Францискy Ракоцію о согласіи Петра I-го признать Ракоція кандидатомъ на Польскій престолъ послѣ отрекшагося короля Августа II. Въ іюлѣ 1707 г. принятъ*).

1708 г. мая 23 — сентябрь (умеръ въ Венгріи). — Министръ Емельянъ Игнатьевичъ *Украинцевъ*, Посольскаго приказа дум-

---

*) **1707 г. сентября 4** заключенъ въ Варшавѣ съ венгерскими послами договоръ. Съ Россійской стороны: верховный комнатный Гаврило *Головкинъ*, комнатный князь Григорій *Долгоруковъ* и тайный секретарь Петръ *Шафировъ*. Ратификованъ съ русской стороны 10 декабря, съ венгерской 10 октября.

ный дьякъ и намѣстникъ каргопольскій, для предложенія посредничества Петра I-го въ примиреніи Ракоція и Венгерскихъ чиновъ съ цесаремъ. 14 августа 1708 года пріѣхалъ въ городъ Егру и былъ у князя.

1740 г. ноябрь — 17 ноября 1751 г. (умеръ въ Вѣнѣ). — Чрезвычайный посланникъ, дѣйствительный камергеръ (съ 31 декабря 1746 г.), тайный совѣтникъ Людовикъ *Ланчинскій*. По смерти императора Карла велѣно быть при дворѣ королевы Венгеро-Богемской. Въ 1744 году Русское правительство, не получая удовлетворенія за учиненное маркизомъ Боттою, приказало въ 1744 году выѣхать Ланчинскому безъ аудіенціи изъ Вѣны въ Дрезденъ, куда онъ, отправясь изъ Вѣны 31 августа и прибылъ 8 сентября. Въ Вѣну возвратился 20 декабря того же 1744 года. По избраніи императора Франца I-го велѣно быть опять и при Цесарскомъ Дворѣ.

1746—1780 гг. Лица, посланныя къ императору, въ то же время и съ тѣми же порученіями были посланы и къ королевѣ Венгеро-Богемской. См. выше Австрійскіе списки.

Указатель личныхъ именъ.

А.

Абда, Ал., 241.
Абѣловъ, кондукторъ, 277.
Августъ II, король польскій, 297.
Аврамъ, бургграфъ Дунавскій, 234, 235.
Адамовъ, Иванъ, переводчикъ, 260.
Адамъ Анца, 235.
Аджевичъ, Христофъ, купчина, 242.
Адольфъ, скороходецъ, 242.
Адорно, Адамъ, 236, 237.
Аерзайшъ, см. Аэрзбишъ.
Азарій, патеръ, 240.
Аладьинъ, Денисъ, 237, 259.
Александра Павловна, вел. кн., 289, 290.
Александровъ, Абда, 241.
Александръ, польскій король, 292.
» VI, папа, 292.
» Павловичъ, вел. кн., 252, 285.
Алексѣй Михаиловичъ, царь, 238, 239, 260, 263.
» Петровичъ, царевичъ, 272, 274.
Аллегретти, Аллегр., 238.
Альбрехтъ, маркграфъ баденскій, 227, 254.
» капитанъ гвардіи, 275.
Алябьевъ, Андрей, см. Олябьевъ.
Англеръ, Тимоѳей, 260, 261, 297.
Andrassi, Стефанъ, 293.
Андреевъ, Иванъ (Анцъ), гонецъ, 258.
Анжолини, Францъ, 286.
Анисимовъ, Иванъ, подьячій, 274.
Анке, Христофъ, 242.
Анштетъ — 290.
Аркулѣй, Павелъ, секретарь, 273.
Артухъ — 240.
Арцыбашевъ, Андрей, дьякъ, 255.
Асседевиль, см. Талерандъ.
Астафьевъ, см. Остафьевъ.
Ауерспергъ, князь, 253.
Ачовичъ — 242.
Ашъ, секретарь посольства, 282.
Аэрзбишъ, Христофъ, 293.
Аѳанасій, священникъ, 264.
Аѳанасьевъ, Иванъ, сторожъ, 268.
» Якушко, стрѣлецъ, 262.

Б.

Базилевской, Степанъ, 285.
Баклановскій, Иванъ Ивановичъ, 260.
Бакунинъ — 286.
Балкъ, Ѳед. Ник., 267.
Бальи-Пфюрдъ — 289.
Баннахъ, Иванъ, 245.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н., 223, 230, 232.
Барелей, Иванъ Випалисъ, казначей, 244.
Бартоломей, стольникъ цесарскій, 235.
Батони, Анн. Фр., 240.
Батуринъ, Иванъ, стряпчій, 266.
» Иванъ Самсоновъ, 262.

Батуринъ, Степанъ Самсоновъ, 262.
Башковскій, Игнатій Васильевъ, 262.
Башмаковъ, Григорій, подьячій, 260.
Башовичъ, Христофоръ, 242.
Беверъ-фонъ-деръ-Бини, Христофоръ, 293.
Безбородко, гр. Ал., 286, 288.
Бекель, Антоній, 241.
Белѣвичъ, стольникъ, 293.
Береберкъ, Ѳомъ, 242.
Березини, ротмистръ, 251.
Бернгардъ, Дан., 239.
Бернесъ де-Россана, гр. Іосифъ, 250, 251, 295.
Бертоти, сенаторъ, 293.
Берчини, гр. Николай, 293.
Беръ, Яковъ, 242.
Берула, Іоаннъ, ксендзъ, 246.
Бестужевъ, Петръ, 271.
„ Сем. Петр., 267.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй, 278, 280, 281.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Андрей Алексѣевичъ, 279.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Михаилъ Петровичъ, 279.
Билецкой, см. Бѣлецкой.
Биннъ фонъ-деръ, Христіанъ, 239.
Бислярнъ, Лук., 239.
Битнеръ, секретарь, 280, 281.
Бишовъ, Тихонъ, подьячій, 262.
Блавинскъ, Себ., 239.
Бланкъ, Иванъ, 238.
Блегеръ, **Блееръ**, **Блейэръ**, см. Плеернъ.
Блекаръ, см. Плекнернъ.
Блонскій, Василій Андреевъ, 270.
Блудовъ, Потапъ, 297.
Блумбергъ, Севастіанъ, баронъ, 242.
Блюмбентъ, Іоаннъ, 241.
Бобининъ, Василій, дьякъ, 263.
Богдановъ, Григорій, гонецъ, 238, 260.
Боглеинъ, Лук., 239.
Бойе де-, Альбертъ, ксендзъ, 243.
Бокъ, Анз., 231.
Болкуновъ, Ипполитъ, 286.
Болцъ, Эммануэль, 294.
Бонлейнъ, Лук., 239.
Борвичъ, Вол. Эрн., 243.
Борзово, Влад. Сем., 266.
Борисовъ, Семенъ, дьякъ, 255.
Борисъ, священникъ, 264.
Бороздинъ, капитанъ, 283.
Борсуковъ, Акимъ, 279.
Ботоній, Фр., 240.
Ботта д' Адорно, Антоній Оттонъ, маркизъ, 249, 250, 294, 295, 298.
Браккель фонъ-, баронъ Казимиръ Христіанъ, 249, 276, 277.
Брандель (Брандеръ), Ал., 240, 241.
Браунъ, Яганъ, 242.
Бреннеръ — 294.
Бродарихъ, Андрей, 241.
Брозинъ, Андрей, 286.
Броунъ, Георгій, графъ, 252, 295.
Брюсъ (Брусъ), Романъ Вилимовъ, 267.
Брюсъ, гр. Яковъ Александровичъ, 285.
Бузи, Карлъ Францискъ, 274.
Буймейстеръ, Ник., 244.
Букковъ, баронъ Адольфъ Николай, 295.
Буколтовъ, Дм. Фил., 266.
Булгаковъ, Яковъ, 283.
„ Шелоня, 296.
Бургштеллеръ, Мор., 229.
Буслаевъ, Ѳедоръ, 268.
Бутурлинъ, Василій, стольникъ, 264.
„ Иванъ Васильевичъ, 264.
„ Петръ Ал., 281.
Бутцъ, Андрей, 245.
Бухау, Дан., 231.
Бѣлецкой (Билецкой), Матв. Гавр., 268.
Бѣлоозерскій, кн. Захарій Ивановичъ, 255.

В.

Варкочъ, Иванъ, 233.
» Николай, 232—234.
Вартоломей — 230.
Василій III, вел. князь, 229, 254.
» Шуйскій, царь, 236.
Васильевъ, Алексѣй, подьячій, 266.
» Иванъ, 264.
» Осипъ (Оска), сторожъ, 266.
Васильевъ, Тишина, подьячій, 257.
Васильчиковъ — 288.
Ватгиеверъ, Андрей, трубачъ, 244.
Вашеръ, Том., 239.
Вейде, Адамъ Адамовичъ, 267, 268.
Вейсбахъ — 274.
Вейхель, Иванъ, 245.
Векки, графъ, 241.
Велдеръ, Индр., 230.
Вельяминовъ, Михаилъ Иванов., 258.
Венедеръ, Вольфгангъ, 240.
Венцель, Яганъ, 242.
Венюковъ, Никифоръ, 265.
Вепеевидъ, Ив. Ант., 244.
Верли — 247.
Вербесъ, Гансъ, 233.
Веселовскій — 272.
» Аврамъ, 273.
» Ѳедоръ, 272.
Вескъ, Хандеръ Вольфгангъ, 240.
Вестермановъ, Еремѣй Еремѣевъ, 259.
Вестфаль, Гр., 230, 231, 255.
Вешняковъ, Алексѣй, 278.
Викаръ, Карлъ Вал., 240.
Викентовъ, см. Вицентовъ.
Викторъ, Карлъ Вал., 240.
Вилтъ, Максимиліанъ, 242.
Вильчекъ фонъ-, графъ, 249, 294.
» » гр. Генрихъ Вильгельмъ, 247.
Винделтъ, Николай, 238, 260.
Виндишгрецъ фонъ-, гр. Эрн., 248.
Винклеръ, Матвѣй, 240.
Винцентъ, Николай, 238, 260.
Винцингероде, баронъ, 290.
Винцклѣръ, Матвѣй, 240.
Вичентовъ, Юшка, толмачъ, 257.
Вишмалъ, Яганъ Христофъ, 242.
Віаццоли — 253.
Владимиръ, гонецъ, 229.
Владиславъ, король венгерскій, 291.
Владиславъ, король польскій, 260.
Владыкъ, см. Влодекъ.
Власьевъ, Аѳанасій Иванов., 258, 259.
Власьевъ, Герасимъ Владимировъ, 262.
Влодекъ, Ѳедоръ, толмачъ, 262.
Вогель, Юрья, 245.
Воевода Христіанъ, 242.
Воейковъ, Василій Романовъ, 264.
» Ѳедоръ, 275.
Возницынъ, Андрей Ѳед., 267.
» Иванъ Артемьевъ, 267.
» Прокофій Богдановичъ, 242, 243, 262, 267—269.
Воидъ, Гаврило, 280.
Войтовичъ, Станиславъ, 242.
Волковъ, Акимъ, 268.
» Алексѣй, 280.
» Григорій Васильевичъ, 296.
» Дмитрій, 279.
» Иванъ, 244.
» Иванъ, дьякъ, 265.
» Михаилъ, подьячій, 266—268.
Волосатый, Андрей, 255.
Волцокгенъ, Мих., 231.
Волынскій, Артемій, 277, 278.
» Василій Семеновичъ, 263.
Воронцовъ, гр. вице-канцлеръ, 280—282.
» » Александръ Романовичъ, 282.
» » Иванъ, 283.

Воронцовъ, гр. Ларіонъ, 284.
„ „ Семенъ, 283.
Восицкій, Яганъ, 242.
Вотта, Карлъ Маврикій, 243.
Вратиславъ, гр. Францъ Карлъ, 249.
Вріони (Вріоніосъ), Павелъ, 288.
Вульфъ, Петръ, 268.
Выходецъ, Тимоха, 258.
Вѣшняковъ, Алексѣй, 278.

Г.

Гавріилъ, венгерскій король, 292, 296.
Гагаринъ, князь, 274.
Гаевскій, Индрикъ, 243.
Гамаръ, Мих., 239.
Гамильтонъ, ротмистръ, 251.
„ графъ Антонъ, 251, 295.
Ганделіусъ, Эразмусъ, 237.
Ганноверскій курфирстъ, 272.
Ганусъ — 230.
Ганъ-Крусъ, Андрей, 242.
Гарманъ — 233.
Гаррахъ, графъ, 249.
Гартрамъ, Андрей, 233.
Гартрофтъ, Андрей, 233.
Гваріентъ, Христофоръ Игнатій, 242, 245, 246.
Гевель, Іоганнъ Эбергардъ, 241.
Гейкгелъ, Генрихъ, 231.
Геймсъ, баронъ, 257.
Гелманъ, Фр., 231.
Гемсъ, Андрей, 268.
Геновогегерь — 239.
Генрихъ, король, 231.
Георгій Ракоцій, см. Ракоцій.
„ Рачь, см. Рачь.
Геперъ, см. Гоперъ.
Герберштейнъ, Сигизмундъ, 229, 230.
Герберштейнъ, Криштофъ, 231.
Гердонъ, Давидъ, 262.
Герлицъ, Тадіясъ, 242.
Гернистъ, «князь аустрѣйскій», 256, 257.
Геро, Георгій, 242.
„ Юрья Адамъ, 243.
Герперъ, см. Гоперъ.
Гертинге, Едокъ, 228.
Герторъ, Вил., 240.
Гизенъ, баронъ Генрихъ, 271.
Гимъ, Яганъ, 242.
Гиртъ, Савостьянъ, 242.
Гиршъ, Юрья, 243.
Глазау (Глазовъ), Иванъ, 231.
Глинскій, Михаилъ, князь, 254.
Гмелинъ — 278.
Гневскій, Казимиръ, 242.
Гогенгольцъ, Николай Севастіанъ, 248—250, 294.
Годуновъ, Борисъ, 233, 234, 258.
Гойгель, Генрихъ, 232.
Голбойнъ, Фил., 236.
Голенищевъ-Кутузовъ — 275.
Голицынъ, князь Дмитрій Михаиловичъ, 282—287, 289.
„ „ Михаилъ, 290.
„ „ Николай, 280.
„ „ Петръ Алексѣевичъ, 247, 269—271.
„ „ Сергій, 280.
„ „ Ѳедоръ Николаевичъ, 287.
Головинъ, Алексѣй Ал., 267.
„ Иванъ Ѳедоровичъ, 267.
„ Ѳедоръ Алексѣевичъ, 267, 268.
Головкинъ, гр. Александръ, 272.
„ „ Гаврило, 276, 294, 297.
Голосовъ, Григорій Лукьяновичъ, 264.
Голосовъ, Иванъ Лукьяновичъ, 264.
„ Лукьянъ Тимоѳеевичъ, 264.
Гондола, Фр., 238.
Гонсевскій — 239.

Гонсенъ, Иванъ, 263.
Гоперъ, Каспаръ Ивановъ, 256.
Горохъ, Казимиръ, 241.
Госенсъ, см. Гонсенъ.
Гофманъ, Андрей, 235.
Гохгольцеръ, см. Гогенгольцъ.
Грабовскій — 242.
Гравичъ, Андрей, 242.
Гралъ, Мих., 238.
Григорьевъ, Юсуфъ, 236, 237.
Гримальди, Клавдій Филиппъ, 244.
Гримъ, Индрикъ, 256.
Грицко — 230.
Гродъ, см. Гротъ.
Гросъ, Юрій, 239.
Гротосъ, Василій, 264.
Гротъ, Андрей Андреевичъ, 267, 270.
» Бен., 230.
Груберъ, Іог., 239.
Гуммертъ, Ив. Варѳ., 267.
Гуръ, Макс., 241.
Гусманъ де-Терлингеренъ, Яг. Карлъ, 240.
Густавъ-Адольфъ, шведскій король, 292.
Гутетеръ, Фр., 235.
Гучмана де-, 240.

Д.

Давидъ (Давидовичъ), Георгій, ксендзъ, іезуитъ, 243.
Даниловъ, Степанъ, 259.
Даніель, принцъ фонъ Бухау, 231.
Даплейеръ, Отто Антоній, 244.
Даревскій, полковникъ, 277.
Декеръ, майоръ, 275.
Делаторъ (Делаторгъ), Юрій, 227, 228.
Деленъ фонъ-, Яганъ Бекеръ, 260.
Деревнинъ, Гавріилъ, 267.
Дерфъ, Альбрехтъ, 236.
Дивовъ, Павелъ, 288.
Диргамеръ, Мих., 235.
Дитмаръ, Крестьянъ, 268.
Дитрихштейнъ, графъ, 253.
Діонисій Палеологъ Рали, архіеп., 236.
Дмитрій лже-, царевичъ, 236.
Добровскій, Николай, 243.
Добрынка, Георгій, 242.
Долгорукій, князь, 273.
» » Михаилъ Васильевичъ, 285.
» » Сергѣй, 290.
Долгоруковъ, князь Григорій, 297.
Доминиканъ, Вольфгангъ, 242.
Доннерсъ-маркъ, Як. Генкель, 237.
Доновъ, Индрикъ Карлъ, 237.
Донъ, Аврамъ, 234, 235.
Дорнъ, Адамъ, 236.
Дуарсій, Як. Ал., 267.
Дюпре, майоръ, 297.

Е.

Евгеній, принцъ, 245. См. Савойскій.
Екатерина, королева польская, 231.
» I, импер., 276.
» II, импер., 283, 288.
Екркищеушъ, Ат., 237.
Елзинъ (Елзевъ, Елзель), Иванъ Ѳоминъ, 259.
Елизавета, импер., 283, 295.
Елизаровъ — 261. См. Лихаревъ.
Елмусъ, Анцъ, 231.
Елчиль, Лор., 238.
Емиліанъ (Емельяновъ), Іоаннъ Францискъ (Франтишокъ), ксендзъ, 246.
Енакъ (Енаковъ), Иванъ, 263.
Енглисъ, см. Эглинъ.
Еновеггеръ — 261.
Епа, см. Михаиловъ, Леонтій.
Еремѣевъ, Алексѣй (Александръ) Осиповъ, 264.
» Денисъ, 268.
» Ѳедоръ, 268.
Ермолаевъ, Ѳедоръ, 285, 286.

Ерофѣевъ, Василій, 265.
Ерошхъ, Павелъ Іосифъ, ксендзъ, 245, 246.
Ерывилкелого, Янъ, 293.
Ерылиппа, Янъ, 293.
Ессынъ, Мих., 238.

Ж.

Желябужскій, Аѳанасій Осиповъ, 262.
Желябужскій, Иванъ Аѳанасьевичъ, 261, 297.
Жировскій (Жеровскій), Данило, 242.
Жировскій, Іоганнъ Христоферъ, баронъ, 242.
Жихаревъ, Жданъ, 258.
Жоржи, Іог., 238.
Жорзіусъ, Ат., 237.

З.

Заблонскій, Владиславъ, 245.
Заболотцкій, Алексѣй Григорьевъ, 254.
Заборовской, Семой, дьякъ, 259.
„ Яковъ, толмачъ, 257, 259.
Загрязскій, Григорій, 255.
„ Иванъ, 257.
Зайселмаеръ, Валт., 240.
Залетъ, Лар., 238.
Залѣсскій, Мартынъ, 239, 262.
Заманской, Мих., 241.
Заморяне, Гридя и Еремѣйко, 229.
Засѣкинъ-Ярославскій, кн. Иванъ Ивановичъ, 255.
Засѣтцкой, Иванъ, 258.
Захарьяшъ, нѣмчинъ, 262.
Зеровскій, съ Зерова, Христоферъ баро, см. Жировскій.
Зизмонтъ, князь, см. Сигизмундъ.
Змеовъ, Алексѣй, 268.
Зыковъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, 269.
„ Ѳедоръ, 261.

И.

Ивановъ, Никифоръ, 268.
„ Петръ, 264.
„ Семенъ, 266.
„ Ѳедоръ, 266.
Иванъ діакъ, 291.
„ **III**, вел. князь, 228, 254, 291.
„ **IV**, царь, 230, 257.
„ **V**, Алексѣевичъ, царь, 243, 244, 265.
Изабелла, принцесса парижская, 251.
Иліянъ-Угъ, Максимъ, 241.
Исаія, архим., 266.
Истома, толмачъ (= Малый), 255.
Ишкилевъ, Андрей, 260.

І.

Іаковъ, гонецъ, 229.
Іоаницесъ (Іоанигасъ), Венчеславъ, 242.
Іоаннъ, «князь» бранденбургскій, 230.
Іоргицевскій, Ат., 237.
Іосифъ, эрцгерцогъ, 251, 252, 282, 285, 294.
Іосифъ I, импер., 244, 269, 271, 289, 290.

К.

Кадинскій, Павелъ, 245.
Казимиръ, король польскій, 228.
Какусъ (Кокосъ, Какасъ), Стефанъ, 236.
Калбелъ, Фил., 241.
Калницкій, Климъ, 266.
Калуверій, см. Кальвуцци.
Калъ, Юрій, 234, 235.
Кальвуцци (Калюціушъ), Гор. Вил., 239.
Калюцкій, Венцеславъ, 241.
Каніянъ, Лавр., 239.
Кантингеръ (Кантирьгоръ), Юдокъ, 228.
Каппель, І., 232.

Капуцынскій, Томасъ, 242.
Карами — 248.
Карамышовъ, Василій, 296.
Карбонарій, Григорій, 243.
Каретта, Матвѣй, 274.
Карлосъ, «князь» аустрѣйской, 257.
Карлъ, эрцгерцогъ, 231, 232.
» V, импер., 230, 255.
» VI, импер., 248, 275, 298.
» VII, импер., 250.
Картовичъ, Петръ, 243.
Кастидіянъ, Мих., 235.
Кауницъ-Ритбергъ, гр. Андрей, 245, 252, 295.
Кауницъ-Ритбергъ, гр. Венцеславъ, 252, 295.
Кауницъ-Ритбергъ, гр. Іосифъ, 252, 295.
Каштелинской, Иванъ, 285.
Квашнинъ, Жданъ Ивановъ, 256.
» Мѣшокъ, 296.
Квестенбергъ, см. Кауницъ-Ритбергъ.
Кганъ, Іона, 240.
Кейзерлингъ, гр., австрійскій камергеръ, 251.
Кейзерлингъ, гр., Германъ Карлъ, 278—281.
Кекерлинъ, Андрей, 260.
Келдерманъ, Томасъ Андреевъ, 262.
Келлерманъ, Иванъ, 282.
Келлеръ, Дан., 232.
Кенигсекъ, гр., 249.
Кетевъ, Левъ Прокофьевъ, 263.
Кетлеръ, баронъ Фридрихъ Вильгельмъ, 250.
Кигмагеръ, Филъ Фр., 240.
Кинскій, гр. Стефанъ Вильгельмъ, 248.
» » Францъ Ульрихъ, 245.
Киралли, баронъ, 293.
Кирилко, толмачъ, 231.
Кирихмаеръ, Филъ Фр., 240.
Клавдія Фелицата, дочь эрц. Фердинанда, 240.
Клебекъ, майоръ, 282.
Клепертъ (Клепперъ), Натаніель, 242.
Клешнинъ, Михаилъ, 261.
Климентъ — 291.
Клинчичъ, Степанъ, 292.
Клобузицкій, Франц., 293.
Клюпфель, Филиппъ, 284, 292.
Ключаревъ, Степанъ, 267.
Кмичь, Севастьянъ, 242.
Кнабе, Себастіанъ, 241.
Кнерихъ, Балсыръ, 242.
Книперъ, Томосъ Томосовъ, 268.
Кобенцель, Гансъ, 231, 237.
» гр. Людовикъ, 253, 295.
Кобертъ, Ив. Ил., 267.
Кобличь (Коблицыюсъ), Людовикъ, ксендзъ, 244, 245.
Ковлинскій, Адамъ, 243.
Коглеръ, Петръ, 244.
Козляиновъ, Мина Өед., 266.
Кокъ — 242.
Колла, Францискъ, 229, 230.
Колчинской, Янъ, 243.
Колычевъ, Степанъ Алексѣевичъ, 287, 289, 290.
Коминскій, Матьяшъ, 242.
Конрадъ — 245.
Конти, Ант., 230.
Копъ, Иванъ, 244.
Копьевъ, см. Поповъ.
Корбе, Яганъ Георгъ, 246.
» Давидъ, 297.
Корниліусъ, голландскій посолъ, 292.
Коробьинъ, Иванъ Яковлевичъ, 261.
Кортрикъ, Карлъ, 242.
Корчевскій, Францъ, 242.
Косагранде, Іоаннъ, 246.
Костъ, Фр., 236.
Костя, сокольникъ, 254.
Кохъ фонъ-, Георгій Готфридъ, 242.
» Фридрихъ, 284.
Кравсъ, Карлъ, 240.
Крайцель, Іона, 240.

Крамеръ, Юрій, 231.
„ иноземецъ, 259.
Краусъ, Карлъ, 240.
Крикикоръ, Андрей, 230.
Кроа де-, герцогъ, Карлъ Евгеній, 246.
Крокъ, Иванъ, 281, 282.
Кронъ, Кашперъ, 232, 233.
Кропоткинъ, Иванъ, 268.
Кропотовъ, Иванъ, 270.
Кругликовъ, Вас. Петр., 265.
Крупской, Мартынъ, 277.
Кугушевъ, князь, 265.
Кудровъ, Григорій, 270.
Кудрявской, Аѳанасій, 285.
„ Емельянъ, 287.
Кузмана де-, 240.
Кузминской, Ѳедоръ, 291, 296.
Кузминъ, Тимоѳей, дьякъ, 261.
Кулешинъ, Василій, 254.
Кулибекъ — 236.
Кулонъ (Куломъ), Ив. Францовъ, 267.
Куракинъ, князь А. Б., 290.
„ „ Бор. Ив., 272.
Курбатовъ — 259.
„ Иванъ, подьячій, 258.
Куреличъ (Кураличъ), Лоренсъ, 238.
Курицынъ, Аѳанасій, 255.
Курицынъ, Ѳедоръ, 27, 291, 296.
Курцъ, Іоаннъ Игнатій, 243—245.
Курчь (Курцъ), конюшій, 242.
Кутсхеръ, Фридрихъ, 245.
Кутфней, Яганъ, 243.

Л.

Лаврецкой, Аѳанасій Семеновъ, 264.
„ Семенъ Ѳедоровъ, 264.
Лавъ, Дан., 240.
Лазарь, св., 241.
Лаикантъ, Матіяшъ, 242.
Ламаръ — 294.
Лангъ, Як., 244.
Ланчинскій, Людовикъ, 248, 249, 273—275, 278, 279.
Ларіоновъ, Илья, 264.
„ Петръ, 268.
„ см. Родіоновъ.
Ласи де-, Морицъ, 288.
Ласкиревъ, Дмитрій, 254.
Ласоръ, Ирикъ, 233.
Лаудонъ, генералъ, 282.
Левашевъ, Павелъ, 282.
Левенвольдъ, баронъ и гр. Карлъ Густавъ, 273, 274, 276.
„ графъ, оберъ-шталмейстеръ, 276.
Лемпицкій, Игнатій, 288.
Ленцъ, Фр., 238.
Леонтовичъ, Ѳедоръ Доруминъ, 280.
Леонтьевъ, Иванъ, 273.
„ Михаилъ Ена, см. Михаиловъ.
Леопольдъ, король венгерскій, 238. 293, 297.
„ I, импер., 239—241, 243, 246, 261—263, 265, 269.
„ II, импер., 253, 279, 287.
Лесковичъ, Андрей, 243.
Лефлеръ, Франциск Ксаверій, ксендзъ, 245, 246.
Лефортъ, Петръ Богд., 267, 268.
Лефортъ, Францъ Яковлевичъ, 246, 267, 268.
Либертъ (Либортъ), 242.
Линваръ — 270.
Линксвейлеръ фонъ-, баронъ, 247.
„ Петръ, 269.
Лисекъ (Лисѣцкъ), Ад., 240.
Лихаревъ, Григорій, 297.
„ Дмитрій, 297.
„ Яковъ Никитинъ, 261. 297.
Лихуды, Николай и Анастасъ Іоаникіевы, 266.
Лиццъ, Лука, 270.

Лобковичъ, князь Августъ, 252.
» » Іосифъ, 252, 283, 295.
Логау, Андрей, 236.
Лозовицкій, Яганъ, 242.
Лопухинъ — 290.
» Степанъ, 285.
Лорбахъ, Іог. Теод., 238.
Лотарингскій герцогъ, 279.
Лукасъ, Ѳедоръ, 243.
Люберкъ, Люмберкъ, бар. демъ-, см. Блумбергъ.
Людвигъ, Яганъ, 242.
Ляпуновъ, Ив. Григ., 270.

М.

Мавзолевскій, Алексѣй, 280.
Маврикій, св., 241.
Магницкій, Михаилъ, 288.
Магнусъ, Лука Павловъ, 232, 258. См. Паули.
» Павелъ, 230, 231, 256.
Маернъ, см. Майербергъ.
Майербергъ, Авг., 239.
Максимиліанъ I, импер., 227—229, 253, 254.
» II, импер., 231, 232, 255, 256.
» эрцгерцогъ, 232—236, 257—259.
Максимовъ, Никита, 264.
Максимовъ, Стенька, 262.
Малгорнъ, Иванъ, 262.
Малезе дю-Верли, 247.
Малый, Алексѣй, дьякъ, 254.
» Истома, 255.
Мамлѣй, 256.
Маниръ, Якубъ, 242.
Мантелеръ, Моисей, 292.
Марковъ — 282.
Маріамской, Павелъ, 278.
Маріаси, Адамъ, 294.
Марія, служанка, 240.
Марія-Терезія, кор. и императрица, 278, 294, 295, 298.
Марія Ѳеодоровна, импер., 252, 285.
Марселисъ, Петръ, 261.
Мартенсъ, Ф. Ф., 226.
Масловъ, Тим., 234.
Матвѣевъ, Андрей Артамоновичъ, 271—273.
Матіашъ (Матвѣй), эрцгерцогъ и импер., 236, 237, 259, 260.
» король венгерскій, 291, 296.
Матфѣйко, ляхъ, 291.
Матюшкинъ, Дм. Мих., 283.
Мегеръ, Зах., 232, 258.
Мееръ — 259.
Мейгеръ, Зах., 232, 258.
Мейренъ см. Майербергъ.
Мекленбургскій герцогъ, 275.
Менгли-Гирей, ханъ, 296.
Менезіусъ, см. Миніусъ.
Меншой, Борисъ, 270.
» Георгій, 242.
Меншиковъ — 271, 273.
» кн. Петръ, 283.
Мергеръ см. Мейгеръ.
Мерлъ, Балтасаръ, 236.
Мерси д' Аржанто, гр. Флориміундъ, 252, 283, 295.
Мерфельдъ, графъ, 253.
Метчъ, графъ, 247.
Мигай, Ѳедоръ, 284.
Микулинъ, Иванъ, дьякъ, 261.
Миланъ, Іоаннъ, см. Емиліанъ.
Милеръ, Георгій, 242.
Милинъ, Як., 238.
Милнеръ, Адамъ, 240.
Миловскій, Иванъ, 284.
Минихъ — 247.
Миніусъ, Павелъ, 262.
Минцентъ, Ник., 238. См. Винделтъ.
Митусовъ, Степ. Юрьевъ, 265.

Михаиловъ, Иванъ, дьякъ, 260.
„ Константинъ, 270.
„ Леонтій (Михаилъ Леонтьевъ Епа), 270.
„ Первой, подьячій, 260.
„ Петръ, урядникъ, = импер. Петръ I, 268.
„ Сила, 258.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 237, 259, 260, 296.
Михель, Самуилъ Симонъ, 276.
Мишюковъ, Ермолай, 268.
Мнишекъ — 236.
Моголинской, Доминикъ, 241.
Можисковичъ, Мих., 245.
Молвяниновъ, Яковъ Семеновъ, 257.
Молчановъ, Тимоѳей, 262.
Морковъ, Аркадій, 288.
Мракси, Петръ, 229.
Муннеръ, Адамъ, 240.
Муравьевъ-Апостолъ — 290.
Муралдъ, Гекторъ, 236.
Мурачикъ, Петръ, 229.
Муромцевъ, Вас. Ант., 266.
„ Карпъ Антоновъ, 265.
Мурша-Кулибекъ — 236.
Мяргефоръ, Леон. Фр., 239.
Мясново, Лукьянъ Иван., 260.

Н.

Наполеонъ, импер., 290.
Нарышкинъ, Левъ Кирилловичъ, 246.
„ Семенъ Григорьев., 272.
Наталія Алексѣевна, принцесса, вел. княгиня, 252, 285.
Наталія Алексѣевна, вел. княжна, 276.
Натарь, Андрей, 236.
Недецкій, Александръ, 293, 294.
Нейгаузенъ, баронъ Іосифъ Марія, 250.
Неклеръ (Некелеръ), Михаилъ, 242.
Неплюевъ, Ив. Ив., 277.
Несмѣяновъ, Вас., 266.
Нестеровъ, Аѳанасій, 261.
„ Иванъ, 266.
Нестѣшный, Иванъ Іосифъ, 244.
Нефимоновъ, Козьма Никитинъ, 265, 266.
Нигеръ, Анц., 239.
Никитинъ, Кондратъ, 266.
„ Николай, 284.
Никифоровъ, Дмитрій Протасьевъ, 265.
„ Протасій Ивановичъ, 265.
„ Яковъ Протасьевъ, 265.
Новосильцовъ, Лука, 257.
Нолде, Іоаннъ, 235.
Носовскій, Анцъ, 239.
Носовъ, Яковъ, 239.
Нугароль, Леон., 230.

О.

Обросимовъ, Иванъ, 258.
Овдокимовъ — 296.
Огильви — 271.
Одоевскій, Н. И., 239.
Ойдолинусъ, Ник., 235.
Оксентьевъ, Костя, 254.
„ Кулпа, 254.
Окулки, Іосифъ, 242.
Окуньковъ, Илья, 269, 270.
Олбрахъ — 231.
Олбрехтъ, «марграбій падноскій», 227, 254.
Олвиръ, Карлъ, 238.
Олпрейтеръ, Мелх., 238.
Олябьевъ, Андрей, 258.
Ординъ-Нащокинъ — 261.
Орій, Израилъ, армянинъ, 246, 247.
Осининъ, Ляпунъ, 255.
Осковскій, Петръ, 242.
Осперъ, Як., 229.

Остафьевъ, Дмитрій, 297.
Остейнъ, гр. Генрихъ Карлъ, 249.
Остергарденъ, Михаилъ, 273.
Остерманъ, Андрей, 277, 278.
» Г. Ф., баронъ, 276.
» Иванъ, графъ, 286, 288.
Островскій, гр. Ив., 268.
Отвейлеръ — 247.
Отто, Михаилъ, 286.

П.

Павелъ I, импер., 251, 252, 281, 285, 288.
» присланный папою, 256.
Павловъ, Петръ, 264.
Пакъ, Германъ, 238.
Палеологъ, см. Рали.
Панинъ — 284.
Панталеонъ (Пантелеймонъ), 229.
Паралелисъ, баронъ, 245.
Паресъ — 245.
Парцивикъ, Петръ, 242.
Паули (Павловъ), Лукашъ, 234, 235.
Пастлеръ, Петръ, 238.
Паткуль, Іоганнъ Рейнгольдъ, 271.
Пекоринни (Покорини), 242.
Песковъ, Иванъ, 297.
» » дьякъ, 261, 297.
Петровичъ, Дмитрій, 280.
Петръ I, импер., 244, 246, 247, 265, 269, 270, 294, 297, 298.
» II, импер., 276.
» III, импер., 279, 283.
» Леопольдъ, эрцгерцогъ, 250.
» стольникъ цесарскій, 235.
Пиларинъ, Семенъ, 294.
Пиліюшъ, эрцгерцогъ, 237.
Пимель, Мих., 238.
Пишчевичъ — 282.
Плеернъ (Pleyer) фонъ-, Отто Антовій, 246—248, 274.
Плейеръ, Оттонъ, 245.
Плекнернъ (Пленнеръ) де-, Яковъ Эрнестъ, 246, 247.
Племянниковъ, Владимиръ Семеновъ, 255.
Плетниковъ, Алексѣй, 261.
Плузій, Иванъ, 240.
Плюгинъ, Касп., 238.
Поборскій, Иванъ, свящ., 268.
Пожарскій, кн. Д. М., 236, 259.
Покорини — 242.
Полемна, Самойло, 242.
Полштемъ, Дав., 235.
Полушкинъ, Яковъ (Якушъ), 255.
Полѣтика, Григорій Иван., 284, 285.
Поповъ, Иванъ, 268.
Поппель (Поплевъ, Поплевусъ), Ник., 227.
Попъ Матіасъ, 240.
Порціа фонъ-, князь, Аннибалъ Альфонсъ-Эммануилъ, 246.
Постниковъ (Посниковъ), Василій, 243.
» Петръ, 269.
» Ѳедоръ, 260.
Поссевинъ, Антоній, 232, 256, 257.
Потемкинъ, Петръ Ивановичъ, 263.
» Степанъ Петровичъ, 263.
Поццо ди-Борго — 290.
Пренормій, Кар. Ант., 243.
Претлакъ, баронъ Іоганнъ Францискъ, 250, 251, 295.
Прискій, Симонъ, 242.
Приставъ Богд. Богд., 267.
Прозоровской, кн. Александръ Петровичъ, 271.
Прокофьевъ, Василій, 261.
» Ефимъ, 261.
» Михаилъ, 263.
Прончищевъ — 292.
Протопоповъ, Алексѣй, 284.
» Епифанъ, 263.
» Семенъ, 263.

Проссегъ — 231.
Прочинскій, Янъ, 234, 235.
Пучковъ, Степанъ, 278, 279, 281.
Пушкинъ, Алексѣй, 281.
Пфлегеръ — 242.

Р.

Рабутинъ-Бусси, гр. Амадей, 248.
Радищевъ, Глѣбъ Прокофьевъ, 268.
Размыслъ — 237.
Разумовскій, гр. Андрей Кириллович, 287, 289, 290.
Райдель, Іог., 238.
Ракоцій, Георгій, 293, 296.
„ Францискъ II, 293, 294, 297, 298.
Рали, Діонисій Палеологъ, архіеп., 236.
Ралль — 245.
Раозай, Павелъ, 293.
Рассенштейнъ, Эр. Генд., 237.
Ратковъ, Иванъ, 267.
Рачь, Георгій, 293.
Режепъ, папа, 292.
Резановъ, Аѳанасій, 256—258.
Резе, Бернгардъ Христофоръ, 274, 275.
Рендингенъ, Якубъ, 231.
Репнинъ, кн. Василій, 276.
Ресинъ, Ив. Ѳед., 266.
Рибопьеръ — 288.
Ридель, см. Рыдаль.
Рингуберъ, Лавр., 240, 241, 262.
Ритнеръ, Юрья, 243.
Родіоновъ, Михаилъ, 268.
„ Юрій, 260.
Родостамовъ, Михаилъ, 268.
Родъ, Вилимъ, 267.
Розенбергъ, гр. Филиппъ Іосифъ Урсинъ, 295.
Розенъ фонъ-, бар. Георгій Густавъ, 271.
Роттъ, Генр., 239.
Роцьсхадаль, Матвѣй, 241.
Рошток фонъ-, Георгій, 242.
Рудольфъ, Ив. Яковл., 268.
Рудольфъ, II, импер., 231—234, 236, 256—259.
Рузини, Карлъ, 245.
Румянцевъ, Александръ Ивановичъ, 274.
„ гр. Николай Петровичъ, 285.
Руничъ, Дмитрій, 287.
Руссель, Яковъ, 292.
Рыдаль, Захарей, 242.
Рюмеръ, Еремѣй, 259.

С.

Савойскій, Евгеній, принцъ, 248, 271, 274.
Саедръ, Ив., 223, 227.
Саксонскій курфирстъ, 276.
Салліянъ — 294.
Самаринъ, Михаилъ Михайловичъ, 264.
Сантай — 292.
Сансоній, Ливій, 240.
Санто Іогани де-, Азарій, 240.
Саурау, графъ, 253.
Сауръ, Станиславъ, 242.
Свидерскій — 240.
Северліюсъ, Янъ, 231.
Седеллеръ, баронъ, 253.
Сейлеръ фонъ-, баронъ, 245.
Секендорфъ фонъ-, графъ Фр. Генр., 249.
Сентъ-Андре, баронъ, 251.
Сенчай, Якубъ, 237.
Сенявинъ, Ульянъ Іоакимовъ, 267.
Сергѣевъ, Елизарій, гонецъ, 255.
Сиверсъ, Карлъ, баронъ, 280.
Сивковъ, Василій, 285.
Сигизмундъ, венгер. король, 292.
„ шведскій королевичъ, 257.
„ эрцгерцогъ, 228.
Силинъ, Исай, подьячій, 264.

Симитсъ, Марко, 238.
Симоликъ — 281.
Симоновичъ, Иванъ, 270.
Сингелъ, Яковъ, 237.
Сирофъ, Конр., 235.
Скобельцынъ, Константинъ, 231, 255.
Сметъ, Ив. Ант., 267.
Сниценпамеръ (Сницевъ Памеръ), Юрій, 229.
Сницпамеръ, Николай, 229.
Снупсъ, Михаилъ, 228.
Соколовской, Петръ, 286.
» Стефанъ, 241.
Сперлингъ, иноземецъ, 273.
Срезневъ, Нефедъ Григ., 268.
Стадіонъ, графъ, 253.
Старенбергъ, Гундакаръ, графъ, 248.
Стелеръ, Мавр., 229.
Стемска, Станиславъ, 242.
Степановъ, Петръ, 293.
Степинъ, Мих. Самойловъ, 263.
Стефанъ Баторій, кор., 232, 256, 257.
Стилла, Адамъ, 266.
Стормъ, Яганъ, 239.
Стратманъ фонъ-, Генрихъ, графъ, 247.
Страшкевскій, Вас., 245.
Строгоновъ, Ал. Серг., баронъ, 282, 289.
Стрѣшневъ, Николай, 277.
Стуба, Андрей, 245.
Стубъ, Ив. Генрихъ, 244.
Стубенбергатъ, Вольфъ, 231.
Сугорскій, см. Бѣлозерскій.
Суковъ, Елизарій (Елка), 255.
Сунчелей, кн. Иванъ-Сунчелей, мурзинъ сынъ, 265.
Сурминъ, Ѳедоръ Чирка Семеновъ, 254.
Схеѳеръ, Ив. Мих., 244.
Схротинбахъ, Панкратъ, 231.
Счастной, толмачъ, 231.

Т.

Табора, Гавріилъ Бетлеемъ, венгерскій король, 296.
Талаба, Матвѣй, 294.
Талерандъ, Каролусъ, маркизъ Ассе-девиль, 292.
Тарасовъ, Михаилъ, 262, 265.
Таубе фонъ-, баронъ, 277.
Ташлыковъ, Аѳанасій, 260.
Твингусвольфъ - Шингусъ, Абр., 235.
Тевяшевъ, Ив. Степ., 266.
Теглинъ, Лук., 239.
Текелій, Петръ, поручикъ, 280.
» семиградскій князь, 293.
Тентеевъ, Яганъ, 243.
Терлингеренъ де Гусманъ (Терлинго Каролюсъ, Терлинъ) 240, 243.
Термантъ (Тертманъ) Яганко, 268.
Тетеринъ, Василій, дьякъ, 255.
Тилліе, баронъ, Антоній, 251, 295.
Тимоѳеевъ, Василій, 263.
Тимоѳей, діаконъ, 268.
» священникъ, 264.
Титовъ, Александръ, 297.
Тиховскій (Тихавскій) Товія, ксендзъ, іезуитъ, 244.
Толмачевъ, см. Молчановъ.
Толочановъ, Семенъ Ѳедоровъ, 263.
Толстой, Петръ Андреевичъ, 274.
Томсонъ, Томасъ, 265.
Траханіотъ, Юрій, 253, 254.
Третьякъ, дворянинъ, 256.
Трешинскій, Гр., 235.
Тріанополитанскій архіеп., 238.
Трофимовъ, Семенъ Борисовъ, 255.
Туренко, Даніилъ, 287.
Туркавиле (Турлавилъ), Вилимъ Родіоновъ, 267.
Турнъ, Георгій, 227, 228, 230.
» Іоаннъ, 229, 230.
Тымъ, Адамъ, 231.

У.

Украинцевъ, Емельянъ Игнатьевичъ, 263, 297.
Унгератенъ, Мел., 239.
Урбихъ, баронъ Іоганнъ Христоферъ, 271, 272.
„ Каспаръ, 272.
Утманъ, Юрій, 231.
Ушаковъ, Василій, 284.
„ Никонъ (Николай), 255.
„ Степанъ Михаиловичъ, 259.

Ф.

Фаберъ Палтусеръ, см. Кнерихъ.
Фамеръ, Христофъ, 243.
Фанебичъ, Тимоха, 259.
Фантурно, Янъ, 229.
Фаренсбергъ, Юрій, 255, 296.
Фелиците-Клавдія, дочь эрцгерц. Фердинанда, 240.
Фердинандъ, эрцгерцогъ и король угорскій, 230, 292.
„ импер., 237, 238, 260, 261.
„ король угорскій, 296.
„ эрцгерцогъ, 240.
Ферлингеръ — 240.
Феррьери, Петръ, 287.
Филипповъ, Ѳедька, 256.
Филиппъ, король испанскій, 228.
Фирсовъ, Ѳедоръ, 262.
Фирстъ, Отто, 248.
Флегеръ, Андрей, 242.
Фойлартъ де Францышекъ, 243.
Фонъ-деръ-Биннъ, Христ., 239.
Фонъ-Турнъ, см. Турнъ.
Фрагштейнъ (Фракштенъ), Іог. Хр., 238, 239, 293.
Франкъ, Яганъ, 243.
Францбекъ, Юрій, 230.
Францискъ Ракоцій, 293, 294, 297, 298.
Францъ, гонецъ, 229.
„ I, императоръ, 250, 252, 253, 279, 298.
„ II, „ 253, 288.
„ III, „ 253.
Франчій, Іог., 238.
Фридрикъ, Лев., 239.
Фридрихъ III, импер., 227.
Фронштенъ, Христ. Генр., 293.
Фуркартъ, Іонатамъ, 243.

Х.

Хайхиль, Том., 238.
Халепа — 254.
Халяпа, Иванъ, 254.
Хандеръ Вескъ, Волвъ-Канъ, 240.
Харнеръ, см. Цылнеръ.
Хирнъ — 242.
Хитрой, Лука Софроновъ, 269, 270.
Хлопитцкій, Стан., 233.
Хмельницкій, Богданъ, 238, 296.
Ходдоръ (Холдоръ), Фр., 238.
Христофоровъ, Магн., 239.
Христофъ, Янъ, 230.
Христьянусъ, Іог., 238.
Хуторъ, Петръ, 243.

Ц.

Цагель, Христоферъ, 286.
Цайзалмаеръ, Пант., 240.
Цезилицкій, Матвѣй, 291.
Цеиль, графъ, Сев. Вун., 245.
Целлисъ, Іоаннъ, 235.
Цетена, баронъ, 293.
Цеферинъ, Фил., 239.
Цинцендорфъ, графъ, 295.
„ Людовикъ, Фр. Юлій, 248, 249, 251.
Цницмамеръ (см. Сницпамеръ и Шнитценпаймеръ), Юрій, 228.
Цылнеръ, Георгій, 242.

Ч.

Чаадаевъ, Борисъ Петр., 265.
» Вас. Ив., 265.
» Ив. Ив., окольничій, 264, 265.
Чаадаевъ, Ив. Ив., стольникъ, 264.
» Петръ Семеновъ, 264.
» Романъ Яковлевъ, 264.
» Ѳедоръ Петр., 266.
Чамбрусъ, Андрей, 260.
Чекалевской, Петръ, 284.
Чекинъ, Мих., 238.
Черкасскій, кн. Алексѣй, 277, 278.
Черневъ, Ѳед., 279, 284.
Чернинъ, графъ, 248.
Чернышевъ, графъ Григ. Иван., 288.
» » Зах. Григ., 278, 279, 282, 283.
» » Ив. Григ., 281.
Чернцовъ, Ив., 268.
» Яковъ, 263.
Чеховскій, Кашп., 235.
Чижинскій, Степ. Ѳед., 243, 266.
Чистякъ, Петръ Григ., 268.
Чоглоковъ, Николай, 279.

Ш.

Шалцъ, Георгій, 242.
Шапкинъ, Иванъ, 263.
Шарлотта Христина Софья, принцесса, 272.
Шафировъ, Петръ, 268, 277, 297.
Шванъ — 242.
Швейковскій, см. Стилла.
Швелленгребель, Ерд., 240.
Шевригинъ, Истома, 256.
Шейделохъ, Гавр., 239.
Шель, Мих., 233—235.
Шембекъ фонъ-, подполковникъ, 271.
Шенборнъ, гр. Фр. Карлъ, 248.
Шепелевъ-Козлютинъ, Иванъ Ивановъ, 262.
Шереметевъ, Борисъ Петров., 265, 268.
» Василій Борис., 293.
Шереръ, ротмистръ, 279.
Шиленъ, см. Шель.
Шилеръ, Анцъ, 239.
Шишкаревъ, Прокофій, 278.
Шкотъ, Еронимъ гр., 233.
Шлегель, Фр., 240.
Шмитъ, пасторъ, 242.
» Иванъ, майоръ, 268.
» Игнатій Каспаръ, 247.
» Іоганнъ, 242.
» см. Сметъ.
Шмогоревскій, Юрья, 244.
Шмытъ — 242.
Шнитценпаймеръ, Николай, 229.
» Юрій, 229.
Шокуровъ, Ив., капитанъ, 282.
Шпрингеръ, генералъ-майоръ, 281.
Шрейберъ, Яганъ, 242.
Штаремберггъ, гр. Людовикъ, 253.
» графъ Эрнестъ, 245.
Штаренбергъ, графъ, 249, 253.
Штель, см. Стилла.
Штенгель, Андрей, 242.
Штернбергъ, графъ Гундакаръ, 252, 253, 295.
Штиборъ — 296.
Штуба — 242.
Шуваловъ, Иванъ, генералъ-поручикъ, 282.
Шулцъ, Ив. Христофоръ, лекарь, 244.
» » Филиппъ, скатертной, 244.
Шустеръ, см. Яксовичъ.
Шхилинъ, Мих., см. Шель.

Э.

Эверлаковъ, Вас. Ив., 269.
Эглинъ, Давыдъ Юрьевъ, 267.
» Яковъ Ивановъ (Вилимовъ), 263, 264, 266.
Эдеръ, Валт., 229.

Эйхенфельдъ, секретарь, 250.
Элерцъ, Хр., 239.
Энрикій, Дидакъ Миранда, 236.
Эрнестъ, эрцгерцогъ, 231, 232, 256, 257.
Эрцъ, Эрн., 231.
Эстергази, гр. Николай, 251, 295.

Ю.

Юлинецъ, курьеръ, 285.
Юрай (Юрій) Лука, 241.
Юшка, подьячій, 254.

Я.

Явше, см. Ерошхъ.
Ягорки, Адамъ, 294.
Ягужинскій, Павелъ Иван., 275.
Яковлевъ — 296.
Яксовичъ, Фердинандъ, 242.
Янковскій, Николай, 243.
Янъ . . . (?), 231.
Янъ-Казимиръ, король польскій, 260.
Яровича, Андрей, 242.
Яропкинъ, Мих. Кляпикъ Степановъ, 254.
Яросхъ, см. Ерошхъ.

Ѳ.

Ѳарнспахъ, см. Фаренсбергъ.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, 241, 263—265.
„ Ивановичъ, царь, 233—235.
Ѳесіи де-, графъ, 241.
Ѳонсъ (Ѳонкъ, Ѳонка, Ѳункъ), Евстафій Ильинъ, 267.
Ѳонсадре, Петръ, 245.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКИХЪ КОНСУЛЬСТВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

В. А. Уляницкаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль нашего изслѣдованія — прослѣдить исторически происхожденіе и постепенное развитіе русскаго консульскаго института въ иностранныхъ государствахъ, указать обстоятельства, послужившія причиною возникновенія и развитія русскихъ консульствъ за границею, основныя характерныя черты нашего консульскаго института въ историческомъ его развитіи, его значеніе въ культурно-экономической жизни русскаго народа и въ системѣ торгово-экономической политики русскаго правительства. Разсматривая, согласно указанной нами задачѣ, русскій консульскій институтъ, съ одной стороны, какъ органъ, служащій для культурно-экономическихъ цѣлей народа, а съ другой — какъ продуктъ культурно-экономическихъ и торгово-политическихъ задачъ государства въ сферѣ общенія его съ другими народами, намъ слѣдуетъ уяснить, въ какой мѣрѣ этимъ задачамъ соотвѣтствовала дѣятельность нашихъ консуловъ, въ какой мѣрѣ она соотвѣтствовала тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляла сама жизнь русскаго народа въ его культурно-экономическомъ общеніи съ другими народами, и, наконецъ, въ какой мѣрѣ соотвѣтствовали этимъ требованіямъ тѣ оффиціальныя задачи, какія возлагались на консуловъ на основаніи ихъ положенія въ качествѣ лицъ, состоящихъ органами государственной власти. Таковы должны быть, по нашему мнѣнію, задачи изслѣдователя предположеннаго нами вопроса. Мы вполнѣ сознаемъ значительные недостатки нашего изслѣдованія въ этомъ направленіи, несоотвѣтствіе его результатовъ намѣченнымъ цѣлямъ и задачамъ. Отчасти въ свое извиненіе мы позволимъ себѣ однако сослаться на то обстоятельство, что, несмотря на первостепенную важ-

ность консульскаго института, какъ органа культурно-экономической международной жизни, дѣятельность консуловъ въ значительной степени ускользаетъ отъ вниманія теоретическаго сторонняго наблюдателя. Она по существу своему не даетъ бьющихъ въ глаза крупныхъ фактовъ, часто результаты ея обнаруживаются лишь по истеченіи долгаго времени. Съ другой стороны, ея результаты болѣе чѣмъ гдѣ-либо находятся въ прямой зависимости отъ массы постороннихъ обстоятельствъ и условій. И мелочные факты (правительственныя второстепенныя распоряженія, личныя свойства консула и т. п.), и крупныя событія, и теченія въ культурно-экономической жизни народа иногда въ одинаковой степени вліяютъ на направленіе и результаты консульской дѣятельности. Поэтому для полной и вѣрной характеристики института въ его историческомъ развитіи недостаточно знакомства съ оффиціальною дѣятельностью консуловъ, поскольку она выражается въ даваемыхъ имъ инструкціяхъ и получаемыхъ отъ нихъ донесеніяхъ. Необходимо по возможности разсматривать эту оффиціальную сторону ихъ дѣятельности въ связи съ тѣми явленіями и факторами, которые предположительно должны были оказывать свое вліяніе на нее. Эту задачу мы старались имѣть постоянно въ виду, но сознаемъ, что въ этомъ отношеніи найдется въ предлагаемомъ изслѣдованіи еще много недостаточно выясненныхъ положеній и вопросовъ.

При настоящемъ изслѣдованіи мы пользовались почти исключительно матеріалами, заключающимися въ документахъ Моск. Гл. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Архива Департамента таможенн. сборовъ при Министерствѣ Финансовъ (Архива бывшихъ Коммерцъ Коллегіи и Коммиссій о коммерціи). Возможность воспользоваться хранящимися въ этихъ Архивахъ документами открыта была намъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію Барона Ѳ. А. Бюлера и Д. Ѳ. Кобеко, которымъ считаемъ пріятнымъ долгомъ принести за это нашу глубокую благодарность.

Въ царствованіе Петра Великаго были учреждены слѣдующія, въ хронологическомъ порядкѣ, русскія торгово-политическія агентства и консульства за границею:

Въ Европѣ:

1) Въ 1707 г. — въ Амстердамѣ назначенъ торгово-политическій агентъ Яганъ Фанъ-денъ-Бургъ.

2) Въ 1711 г. учреждено консульство въ Венеціи. Первымъ консуломъ здѣсь былъ графъ Дмитрій Боцисъ и одновременно съ нимъ агентомъ — Матвѣй Каретта.

3) Въ Гамбургѣ ок. 1713 г. былъ русскій „управитель торговли“ фонъ Бейнъ.

4) Въ февралѣ 1715 г. Амадей Лефортъ назначенъ консуломъ, а Иванъ Лефортъ — агентомъ въ Парижъ.

5) Въ іюнѣ 1717 г. Бернгардъ Резе назначенъ агентомъ въ Бреславль, а въ іюлѣ того же года Яганъ Стефано посланъ агентомъ въ Антверпенъ.

6) Въ 1718 г. опредѣленъ Бузи агентомъ въ Вѣну и къ Цесарскимъ пристанямъ и Гульемъ Десельеръ агентомъ въ Люттихъ.

7) Въ 1722 г. агентомъ въ Нюрнбергѣ былъ Іоганъ Гоманъ.

8) Въ 1723 г. учреждены консульства во Франціи въ Бордо и въ Испаніи въ Кадиксѣ. Въ Бордо отправленъ консуломъ Иванъ Алексѣевъ, а въ Кадиксъ — Алексѣй Вишняковъ и Яковъ Евреиновъ.

Въ Азіи:

9) Въ 1719 г. назначенъ русскимъ агентомъ въ Китай Лоренцъ Лангъ.

10) Въ 1720 г. назначенъ консуломъ въ Персію гвардіи капитанъ Алексѣй Баскаковъ.

Хотя въ Россіи были при Петрѣ англійскій консулъ и датскій коммиссаръ (Чулковъ IV, ч. 1 стр. 66 и 69), но ни въ Англіи, ни въ Даніи русскихъ консуловъ назначено не было.

Амстердамъ.

По обширности торговыхъ сношеній между Голландіею (провинціею Соединенныхъ Нидерландовъ) и Московскимъ государствомъ естественно было бы предположеніе, что резиденція Русской голландской торговой компаніи Амстердамъ долженъ былъ быть однимъ изъ первыхъ торговыхъ городовъ западной Европы, въ которомъ учреждено было русское консульское агентство. Дѣйствительно, въ Амстердамѣ мы и находимъ перваго (по времени назначенія) русскаго недипломатическаго агента съ постояннымъ пребываніемъ въ этомъ городѣ; но это русское агенство явилось въ нѣкоторой степени случайно, и учрежденіе его не имѣло прямого отношенія къ важному значенію Амстердама въ русской внѣшней торговлѣ.

Именно, въ 1707 году нашему послу въ Нидерландахъ А. А. Матвѣеву предстояло отправиться съ особымъ временнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію. Но такъ какъ Гага была въ это время однимъ изъ центральныхъ пунктовъ европейской политики и во всякомъ случаѣ здѣсь стекались наиболѣе точныя свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ Европы, то оставить этотъ пунктъ безъ всякаго агента представлялось неудобнымъ. Русское правительство предлагало Матвѣеву возложить на время его отсутствія обязанность сообщенія политическихъ свѣдѣній изъ Гаги въ Петербургъ переводчику при нашемъ посольствѣ Швымерсу. Но Матвѣевъ находилъ это неудобнымъ, какъ потому, что Швымерсъ былъ нетрезваго поведенія, такъ и потому, что нельзя было, по его мнѣнію, положиться на политическую его благонадежность, какъ шведа. Между тѣмъ въ Амстердамѣ съ 1703 г. у русскаго правительства былъ особаго рода коммиссаръ, мѣстный житель

„торговый иноземецъ“ [1]) Яганъ Фанъ-денъ-Бургъ; именно, подъ его „правленіемъ“ и „на его харчахъ“ находились въ Амстердамѣ до 150 русскихъ „робятъ, бывшихъ матросами съ 1702 г. на океанѣ и на междоземномъ морѣ“. Другими словами, онъ былъ „надзиратель“ отправленныхъ за границу для морской практики „государевыхъ матросовъ“ [2]). Ему же поручался русскимъ правительствомъ и наемъ шкиперовъ въ русскую службу. Но во всякомъ случаѣ оффиціальнаго положенія въ Голландіи онъ никакого не занималъ. Этого Фанъ-денъ-Бурга Матвѣевъ и рекомендовалъ русскому правительству назначить агентомъ въ Нидерландахъ на время своего отбытія въ Англію. Представленіе Матвѣева было уважено и съ апрѣля 1707 г. Фанъ-денъ-Бургъ былъ назначенъ въ должность россійскаго агента въ Амстердамѣ. Посмотримъ, каковъ же былъ кругъ его обязанностей [3]).

До насъ не дошелъ первый патентъ, выданный Фанъ-денъ-Бургу отъ русскаго правительства. Но такъ какъ при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины I, его полномочія были возобновлены и, вѣроятно, въ той же формулировкѣ, какъ они были выражены въ первоначальномъ патентѣ, то на основаніи этого *второго* патента мы можемъ констатировать слѣдующія данныя:

1) Онъ былъ облеченъ публичнымъ „характеромъ“ россійскаго агента.

2) Въ качествѣ таковаго онъ былъ акредитованъ при центральномъ нидерландскомъ правительствѣ, — при „ихъ высокомочіяхъ господахъ Статахъ генеральныхъ вольныхъ Соединенныхъ Нидерландовъ“ [4]).

3) Согласно патенту, цѣль назначенія Фанъ-денъ-Бурга агентомъ въ Нидерландахъ была — содѣйствіе доброму по-

---

[1]) Такъ онъ именованъ въ одномъ указѣ отъ сентября 1706 года. Объ его дѣятельности въ это время см. Голландск. д. 1706 дѣло № 5 и 1707 дѣло № 6. Ср. Гол. д. 1727 № 8.

[2]) Матвѣевъ канцлеру Головкину 11 апр. 1707.

[3]) См. приложеніе 1-е.

[4]) Акредитованіе это возобновлялось посредствомъ новаго кредитива при каждомъ новомъ царствованіи (Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ).

рядку коммерціи русскихъ подданныхъ въ Голландію (провинцію), а особливо съ городомъ Амстердамомъ купечество отправляющихъ, и поясняется, что онъ назначенъ на эту должность „дабы во всѣхъ нужныхъ дѣлахъ и трудностяхъ русскимъ подданнымъ и торговымъ людямъ достойнымъ образомъ вспоможеніе чинилъ, у ихъ высокомочія господъ Статовъ и особливо у города Амстердама и въ другихъ городахъ и мѣстахъ Соед. Нидерландовъ во всѣхъ судахъ (присутственныхъ мѣстахъ) за нихъ заступалъ, говорилъ и ихъ защищалъ, а также и прочія до россійскихъ интересовъ касающіяся дѣла и повѣренныя ему коммиссіи отправлялъ.“

4) Русское правительство требовало для своего агента всѣхъ тѣхъ привиллегій и правъ, какія къ агентскому характеру принадлежатъ, съ обѣщаніемъ взаимности въ пользу нидерландскихъ агентовъ въ Россіи [1]).

Необходимымъ и весьма существеннымъ дополненіемъ къ этимъ даннымъ могутъ служить свѣдѣнія, заключающіяся въ рескриптахъ и указахъ, посылавшихся отъ русскаго правительства Фанъ-денъ-Бургу и россійскимъ посламъ въ Гагѣ, коимъ онъ былъ подчиненъ, а также въ донесеніяхъ его и русскихъ пословъ.

Такъ, въ разъясненіе перваго изъ указанныхъ нами пунктовъ — о публичномъ характерѣ, присвоенномъ агентской должности Фанъ-денъ-Бурга, — мы находимъ донесенія Матвѣева, въ которыхъ онъ сообщаетъ, что передъ своимъ отъѣздомъ въ Англію онъ „пріятельски вручилъ его надежнымъ нашей сторонѣ статскимъ и чужестраннымъ министрамъ, помимо того, что имѣя агентскую коммиссію къ Статамъ, Фанъ-денъ-Бургъ могъ всѣ дѣла наши у Статовъ отправлять“. Самъ же Фанъ-денъ-Бургъ доносилъ, что съ этого времени нидерландское правительство и иноземные министры въ Нидерландахъ стали смотрѣть на него, какъ на „паказнаго министра“ россійскаго (provisionele minister). Если присовокупить къ этому, что Фанъ-денъ-Бургу назначенъ былъ съ 1704 г. довольно значительный окладъ (1000 ефимковъ или рейхсталеровъ

[1]) См. приложеніе 2-е.

въ годъ), то нельзя не признать, что по своему оффиціальному положенію, онъ занималъ совершенно особое мѣсто среди другихъ россійскихъ заграничныхъ агентовъ того времени.

Это отличіе становится еще болѣе замѣтнымъ при обзорѣ дѣятельности Фанъ-денъ-Бурга. При разсмотрѣніи ея, нельзя не обратить прежде всего вниманія на тотъ любопытный фактъ, что онъ былъ назначенъ первоначально агентомъ не для торговыхъ цѣлей, какъ говорилось въ патентѣ его, а по случаю отбытія изъ Голландіи русскаго посла, для восполненія пробѣла въ дипломатическомъ представительствѣ политическихъ интересовъ Россіи въ Нидерландахъ (этомъ политическомъ центрѣ Европы въ то время). Между тѣмъ отсутствіе или присутствіе русскихъ пословъ въ Гагѣ не оказывало никакого замѣтнаго различія въ дѣятельности Фанъ-денъ-Бурга[1]). Отчасти это объясняется, конечно, тѣмъ, что хотя Амстердамъ былъ, собственно, *торговымъ* центромъ Нидерландовъ, но по своему вліянію на общую политику ихъ и по своему спеціальному значенію въ торговлѣ Нидерландовъ съ Россіею, голландская провинція имѣла и политическое значеніе для Россіи.

Мы видѣли, что въ патентѣ, данномъ Фанъ-де-Бургу, ему главнымъ образомъ поручалось содѣйствіе русскимъ подданнымъ и купцамъ, торгующимъ съ Голландіею. Но за все продолжительное пребываніе Фанъ-денъ-Бурга въ этой должности мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этого рода дѣятельности; мы вообще не находимъ слѣдовъ, указывающихъ на то, чтобы русскіе купцы являлись въ это время въ Голландіи и лишь въ концѣ 20-хъ годовъ, по поводу приведенія Фанъ-денъ-Бургомъ къ присягѣ русскихъ подданныхъ по случаю воцаренія Екатерины I-й, упоминаются имъ 3 русскихъ купца. Вообще можно установить какъ фактъ, что интересовъ русскихъ купцовъ въ нидерландскихъ присутственныхъ мѣстахъ и судахъ Фанъ-денъ-Бурху отстаивать не приходилось. Это впрочемъ и не важно, — для насъ имѣетъ значеніе и тотъ уже

---

[1]) Ему поручено было веденіе дѣлъ русскаго посольства во время отлучки изъ Голландіи Матвѣева въ 1712 г., Куракина въ 1723 г. и т. п.

фактъ, что по оффиціальному полномочію защита этихъ интересовъ входила въ кругъ его обязанностей. Правда, что на его попеченіи и харчахъ оставались русскіе ученики и матерa, обучавшіеся въ Голландіи морскому искусству, различнымъ ремесламъ и наукамъ, въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ былъ слѣдить за ихъ ученіемъ и поведеніемъ, доносить объ ихъ успѣхахъ и платить за ихъ ученіе, ставя исправно эти деньги въ счетъ казнѣ. Но эта дѣятельность не была присвоена его агентскому характеру, — „надзирателемъ“ надъ учениками онъ былъ и до полученія агентства [1]), точно такъ же какъ въ Англіи до возникновенія натянутыхъ съ нею отношеній русскіе ученики и матросы были въ такомъ же надзираніи у нѣкоего Стейльса (брата московскаго иноземнаго гостя), который не имѣлъ никакого публичнаго характера.

Далѣе. Отъѣзжая въ Англію, Матвѣевъ доносилъ, что онъ не только представилъ Фанъ-денъ-Бурга мѣстному правительству и иноземнымъ министрамъ, но поручилъ ему вести корреспонденцію къ канцлеру и къ Шафирову о всѣхъ къ вѣдѣнію потребныхъ дѣлахъ, о вѣдомостяхъ и о дѣлахъ тамошнихъ и вездѣ во всемъ интересъ монаршій охранять, и что для этого онъ ему „прямую информацію учинилъ“. Съ своей стороны, Фанъ-денъ-Бургъ доносилъ, что Матвѣевъ поручилъ ему управлять всѣми дѣлами въ Гагѣ и съ этою цѣлью по-

[1]) Подтвержденіемъ этого можетъ служить то обстоятельство, что временно, съ 1709 по 1715 годъ надзоръ за русскими молодыми дворянами, отправленными въ Голландію для обученія морскому дѣлу порученъ былъ кн. Львову. Съ 1712 г. Львовъ сталъ просить, чтобы его отозвали и освободили отъ этой обязанности, и поручили ее какому-нибудь голландцу, такъ какъ для исполненія ея нужно знать мѣстные законы, держать бухгалтера и дѣлать расходы. Но Фанъ-денъ-Бургъ отказался принять на себя эти обязанности. Наконецъ, въ 1715 г. надзоръ надъ этими молодыми людьми былъ переданъ отъ Львова Осипу Соловьеву, не имѣвшему никакого ни политическаго, тѣмъ менѣе дипломатическаго характера. (Эти свѣдѣнія любезно сообщены намъ голландскимъ проф. Уленбекомъ на основаніи документовъ, хранящихся въ Петербургскомъ Архивѣ Морского Министерства. Ср. также Веселаго, Очеркъ русск. морск. исторіи). Впослѣдствіи однако мы находимъ опять русскихъ мастеровъ и учениковъ въ Нидерландахъ въ завѣдываніи Фанъ-денъ-Бурга, но уже въ значительно меньшемъ числѣ.

знакомилъ его со всѣми Московскими дѣлами. И дѣйствительно, мы видимъ, что дѣятельность Фанъ-денъ-Бурга въ это время далеко не ограничивается сообщеніемъ русскому правительству политическихъ извѣстій изъ Нидерландъ (за которыми и для свиданія съ правительственными лицами и иностранными дипломатами онъ, кстати сказать, еженедѣльно ѣздилъ изъ Амстердама въ Гагу). Такъ, ему поручено было между прочимъ чисто дипломатическое дѣло: склонять Нидерландскіе Штаты къ заключенію союза и торговаго трактата съ Россіею. Правда, что условія того и другого сообщены ему не были и онъ велъ переговоры по этому предмету на основаніи сообщеній и инструкцій, присылавшихся къ нему отъ Матвѣева [1]). Но эти переговоры, въ виду того значенія, какое играла вообще торговля въ международной политикѣ Нидерландъ и въ виду того направленія, въ какомъ они велись русскимъ правительствомъ, носили весьма рельефно обозначенный политическій характеръ [2]). Далѣе, Фанъ-денъ-Бургъ велъ (опять-таки подъ наблюденіемъ и по инструкціямъ Матвѣева) переговоры съ герцогомъ Мальборо во время пребыванія его въ Голландіи, съ дипломатическими агентами другихъ державъ и съ голландскимъ правительствомъ. Между прочимъ чрезъ него въ январѣ 1708 г. предъявлено было нидерландскимъ правительствомъ русскому ходатайство о невзысканіи ластовыхъ денегъ въ Архангельскомъ портѣ съ голландскихъ кораблей [3]).

Такова была дѣятельность Фанъ-денъ-Бурга во время отлучки Матвѣева изъ Нидерландовъ. Однако и по возвращеніи Матвѣева къ своему посту въ Гагу, Фанъ-денъ-Бургъ не былъ вполнѣ отрѣшенъ отъ политической дѣятельности. Въ донесеніи, отправленномъ Головкину изъ Гаги 27 авг. 1708 г. Матвѣевъ сообщалъ, что, возвратившись къ своему посту, онъ „нашелъ дѣла, врученныя агенту Фанъ-денъ-Бургу въ прямомъ исправленіи по радѣтельной его должности, какову усердно по моимъ инструкціямъ исправлялъ у господъ Статовъ“, и потому на-

[1]) Голландск. д. 1707 д. № 6 (Фанъ-денъ-Бургъ Головкину 8 іюля).
[2]) См. приложеніе 4-е.
[3]) Это ходатайство было удовлетворено въ томъ же году.

значилъ ему, агенту, быть при себѣ (временно) для вспоможенія въ переговорахъ съ магистратомъ и пенсіонаріемъ амстердамскимъ и для собиранія свѣдѣній [1]). Есть основаніе предполагать, что Фанъ-денъ-Бурга Матвѣевъ считалъ особенно полезнымъ не только по собиранію политическихъ свѣдѣній, но и въ виду возобновившихся въ это время по его, Матвѣева, настоянію переговоровъ о заключеніи союзнаго и торговаго договора съ Нидерландами. Еще передъ отъѣздомъ въ Англію Матвѣевъ писалъ Шафирову [2]):

„Зѣло изрядно будетъ, естли вы въ свое прибытіе въ полки, до его вел-ва донесши, полномочную грамоту о особой торговлѣ съ Статы съ нѣкоторымъ имъ удовольствованіемъ и ихъ подданныхъ съ облехченіемъ пошлинъ ко мнѣ пришлете. Не безвѣстно вамъ по вашимъ довольнымъ искусствамъ, что всегда всѣ державы по первымъ учиненнымъ причинамъ торговли своихъ подданныхъ, свои составляютъ договоры и по начинанію тѣхъ въ большіе и вздѣшнейшіе (sic) вступаютъ государственныхъ своихъ ползъ особыхъ союзы. Также вы вѣдаете сіи вольные Нидерлянды великаго могутства и силъ державы, и естли они чего не похотятъ учинить, ни самая высокая корона Англіи не можетъ понудить ихъ къ сей неволѣ, съ которыми у насъ донынѣ кромѣ старинной дружбы никакого во многіе вѣки не только союза, ни писменнаго не постановлено договору такъ, какъ съ инными державами сѣ-верными, т.-е. съ Даніею и Свѣею къ великому мнѣ удивленію, особливожъ въ бывшее великое здѣсь посольство, когда прямой, изрядный и благополучный случай и весьма угодный къ тому подавался. Естли же съ Англіею что можетъ учиниться прибыльно въ особой ихъ комерціи съ нами при моей бытности тамъ, изъ того можетъ въ голландцахъ вырость впредь нѣкоторая зависть и къ намъ особливая несклонность за умаленіе той своей пользы въ торговлѣ съ нами. Для того потребно намъ выстерегать равномѣріе обоихъ тѣхъ державъ къ собственной ихъ пользѣ безъ предосужденія всякаго намъ".

[1]) Голл. дѣла 1708, дѣло № 3. Ср. тамъ же донесеніе Матвѣева 5 нояб. 1708.

[2]) Письмо 14 марта 1707 (Гол. д. 1707).

Такъ какъ въ это время для русскаго правительства весьма важно было удержать Нидерланды отъ признанія Станислава Лещинскаго королемъ польскимъ и отъ гарантіи т. наз. Саксонскаго мира, то оно не прочь было заключить союзный и торговый трактатъ съ ними, при чемъ торговыя выгоды въ пользу голландской торговли въ Россіи долженствовали служить цѣною за эту политическую услугу. Правительство Петра повидимому соглашалось съ мнѣніемъ Матвѣева, что „нужно непремѣнно учинить торговый трактатъ съ Нидерландами, чтобы тѣмъ внедряся, крѣпкую пяту основать у сей республики намъ къ дальнѣйшимъ съ нею обязательствамъ и дѣламъ на пользу интересовъ е. цар. величества, подобно тому какъ шведы и другія государства по своимъ договорамъ купечества вмѣстились въ твердый союзъ съ Штатами“ [1]). Хотя Петръ желалъ, чтобы о торговомъ договорѣ съ Нидерландами переговоры велись въ Москвѣ съ нидерландскимъ резидентомъ или же съ спеціальнымъ нидерландскимъ уполномоченнымъ, но голландцы на такой способъ переговоровъ не соглашались „изъ опасенія, чтобы Швеція не заподозрила ихъ склонности къ Россіи и не дала на сторону враждебной Нидерландамъ Франціи; поэтому они предлагали это дѣло „весьма секретно между стѣнъ здѣсь (въ Голландіи) учинить“ на основаніи предложеннаго ими Матвѣеву передъ отъѣздомъ его во Францію проекта[2]). Въ виду всего этого, и такъ какъ Ф. д. Бургъ уже вступилъ въ 1707 г. въ предварительные переговоры по этому предмету съ нидерландскимъ правительствомъ, а по своему мѣсту постояннаго жительства и по своимъ связямъ въ Амстердамѣ (главномъ по торговлѣ съ Россіею городѣ Нидерландъ) могъ при дальнѣйшихъ переговорахъ оказать особую пользу Матвѣеву, то этимъ и объясняется дѣятельное участіе его въ этихъ переговорахъ.

Далѣе, Ф. д. Бургу поручено было вести переговоры въ Амстердамѣ относительно заключенія займа русскимъ правительствомъ, противодѣйствовать интригамъ противъ Россіи англи-

---

[1]) Матвѣевъ Головкину 27 авг. 1708 (Голл. д. № 3).
[2]) Матвѣевъ Головкину 5 и 12 нояб. 1708 (Гол. д. № 3).

чанъ и шведовъ[1]), доставлять русскому правительству политическія извѣстія и свѣдѣнія, касающіяся торговли[2]). Съ 1711 г. Ф. д. Бургъ дѣятельно старается побудить голландцевъ къ отправкѣ своихъ кораблей въ Петербургъ и другіе прибалтійскіе порты, завоеванные у шведовъ.

Нужно замѣтить, что русско-голландская торговля, особенно черезъ Балтійское море, очень страдала отъ шведскихъ каперовъ. Въ одномъ 1711 году захвачено было шведами не менѣе шестнадцати голландскихъ кораблей, шедшихъ въ Ригу, а въ 1712 г. 3 корабля, шедшихъ изъ Риги и 9 — изъ Ревеля, такъ что голландскіе купцы большею частью и не посылали туда своихъ кораблей иначе, какъ подъ военнымъ конвоемъ[3]). Поэтому нужно было много хлопотъ для того, чтобы ободрять голландцевъ къ продолженію судоходства въ русскіе прибалтійскіе порты, а для этого наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ служила, по мнѣнію и Матвѣева, и русскаго правительства, вооруженная охрана Штатами голландскаго торговаго судоходства въ Балтійскомъ морѣ. И дѣйствительно, съ 1711 года всѣ усилія Матвѣева и Ф. д. Бурга направлевы именно къ этой цѣли, т.-е. къ убѣжденію Штатовъ, чтобы они содержали въ Балтійскомъ морѣ достаточную военную эскадру для ограниченія своевольства шведскихъ каперовъ или по крайней мѣрѣ для конвоированія голландскихъ торговыхъ судовъ[4]). При этомъ Ф. д. Бургъ могъ оказать особенную пользу, такъ какъ болѣе всего страдали отъ шведовъ амстердамскіе купцы. На нихъ вслѣдствіе этого легче было вліять въ пользу желательныхъ для русскаго

[1]) Матвѣевъ Головкину 5 авг. 1709 г. (Гол. д. 1709, № 3).
[2]) Головкинъ Ф. д. Бургу, (Гол. д. 1711, № 8).
[3]) Гол. д. 1711, № 4 и 1712, № 3 и № 5 (іюль — августъ).
[4]) Голл. д. 1711, № 4 (напр. Матвѣевъ Головкину 7 сент. 1711); 1712, № 5 (напр. 11 мар. и 6 мая № 36 Головкину и 10 авг. Ф. д. Бургъ Матвѣеву) и 1712, № 15. Эти старанія встрѣчали однако противодѣйствіе со стороны англичанъ, которые опасались, чтобъ голландцы не стали дѣйствовать противъ шведовъ (Голл. д. 1712, № 5: Матвѣевъ Головкину 8 и 15 авг. 1712). Впрочемъ и само русское правительство не безъ нѣкоторыхъ опасеній относилось къ отправкѣ англійской и голландской эскадръ въ Балт. море (Головк. Матвѣеву 9 апр. № 15 и 29 іюня № 21 въ Гол. д. 1712, д. № 3).

правительства энергическихъ мѣръ, хотя бы и дипломатическихъ, противъ Швеціи[1]), а они съ своей стороны дѣйствовали въ этомъ же смыслѣ черезъ своихъ депутатовъ въ Собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ. Такое воздѣйствіе было тѣмъ нужнѣе для цѣлей Россіи, что другія провинціи нидерландскія, не заинтересованныя въ торговлѣ съ Россіею въ такой степени, какъ Голландія, и изъ финансовыхъ соображеній и вслѣдствіе политическихъ опасеній относились далеко не сочувственно къ энергическому противодѣйствію шведамъ. Въ 1715 году старанія Ф. д. Бурга и новаго русскаго посла кн. Куракина увѣнчались успѣхомъ. Въ Балтійское море отправлена была голландская военная эскадра. О томъ значеніи, какое имѣлъ этотъ фактъ, можно судить по тому, что немедленно же голландскіе купцы послали 106 кораблей въ Ригу, 27 — въ Ревель и 8 — въ Петербургъ[2]).

Наконецъ, къ этой же части дѣятельности Ф. д. Бурга слѣдуетъ отнести вообще старанія его (съ 1711 г.) убѣдить голландскихъ купцовъ къ дѣятельной торговлѣ съ Петербургомъ, особенно съ 1713 г., когда Петръ впервые рѣшилъ перевести внѣшнюю торговлю Россіи изъ Архангельска въ свою новую прибалтійскую столицу. Рѣшеніе это принято было весьма несочувственно голландскими купцами.

Таковъ общій характеръ дѣятельности Ф. д. Бурга во время посольства въ Голландіи Матвѣева. Въ 1712 г. Матвѣевъ былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ кн. Б. Куракинъ. Однако эта смѣна не оказала существеннаго вліянія на положеніе Ф. д. Бурга. Можно отмѣтить развѣ только тотъ одинъ фактъ, что собственно къ дипломатическимъ способностямъ Ф. д. Бурга новый посолъ относился не съ такимъ довѣріемъ, какъ Матвѣевъ. По крайней мѣрѣ, когда въ 1714 году Куракину поручено было ѣхать на предполагавшійся конгрессъ въ Брауншвейгъ, то онъ писалъ[3]), что

---

[1]) Въ Москвѣ полагали, что этого будетъ достаточно.

[2]) Донесеніе Ф. д. Бурга отъ 4 іюня № 39 (Гол. д. 1715, № 5). Въ Архангельскъ отправлено было до 100 кораблей.

[3]) Канцлеру Головкину $\frac{26 \text{ февр.}}{9 \text{ мар.}}$ 1714, № 85 bis (Голл. д. 1714 г. № 5) получ. 19 мар.

въ виду важности политическихъ дѣлъ, сосредоточенныхъ въ Голландіи, онъ находитъ необходимымъ, чтобы на время его отсутствія изъ Гаги, туда назначенъ былъ другой министръ или по крайней мѣрѣ резидентъ. Указывая затѣмъ на пригодныхъ для этого лицъ, Куракинъ замѣчаетъ: „Я чаю, что изволите напомянуть при семъ случаѣ о агентѣ Вандербурхѣ, что оной можетъ въ отбытность мою дѣла здѣсь управлять. Но безъ всякой пассіи, истинно я доношу, что онъ къ сему дѣлу не годенъ и управить не можетъ, паче же въ конференціи съ депутаты статскими и съ чужестранными министры допущенъ не можетъ быть“[1]).

Согласно представленію Куракина, на случай и на время его отсутствія назначенъ бар. Шакъ, бывшій въ это время русск. посланникомъ въ Англіи. Впрочемъ это назначеніе было потомъ отмѣнено.

При отъѣздѣ Куракина изъ Гаги, Ф. д. Бургу поручено было лишь вести дѣятельную переписку съ русскимъ министерствомъ (vlysigh *met ons* te corresponderen) и сообщать обо всемъ, что происходитъ въ Голландіи, а для этой цѣли чаще ѣздить въ Гагу[2]). Другой разъ, въ 1719 г., при отъѣздѣ Куракина на воды, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Гагѣ оставленъ былъ секретарь посольства Карадинъ (иностранецъ)[3]). Но

---

[1]) Въ своей дѣятельности Фанденбургъ былъ, понятно, вполнѣ подчиненъ послу кн. Куракину. Онъ былъ подчиненъ ему и въ переговорахъ, которые велъ съ амстердамскими купцами о торговлѣ съ Россіею. Такъ, въ отвѣтъ на донесенія его объ этихъ переговорахъ, ему приказано было адресоваться къ кн. Куракину и поступать, какъ отъ него приказано будетъ. Или ему сообщается (по поводу проекта перенесенія торговли изъ Архангельска въ Петербургъ), что „Здѣсь въ торговлѣ всякое пріуготовленіе чинится и многіе товары уже привезены, и вы о томъ голландскихъ купцовъ обнадежте и склоняйте ихъ къ тому, какъ вамъ г. посолъ прикажетъ“. Нужно впрочемъ замѣтить, что за 1713 и 1714, напр., годы Фанденбургу отправлено было всего три коротенькихъ предписанія указаннаго общаго содержанія. Между тѣмъ свѣдѣнія и предписанія, какія сообщались Куракину, далеко не давали достаточнаго отвѣта на тѣ разнообразные вопросы объ условіяхъ новой торговли съ Россіею, предварительное разрѣшеніе коихъ требовалось голландскимъ купцамъ (Голл. д. 1713, № 9 и 1714, № 11).

[2]) Голл. д. 1715, № 4.

[3]) Гол. д. 1719 № 2б.

вмѣстѣ съ тѣмъ, начиная съ 1720 года, мы замѣчаемъ, что Фанъ-денъ-Бургъ адресуетъ свои донесенія уже не только министрамъ русскимъ, — Головкину, Шафирову, но прямо на имя Петра. Это фактъ чисто формальный, но едва ли не указывающій однако на то, что донесенія его имѣли весьма серіозное значеніе въ глазахъ русскаго правительства. Что касается содержанія его донесеній, то оно остается по прежнему преимущественно политическимъ, главный предметъ ихъ — политическія извѣстія.

Впрочемъ и Куракинъ къ этому времени повидимому измѣнилъ свое мнѣніе о Ф. д. Бургѣ къ лучшему. По крайней мѣрѣ, когда лѣтомъ 1723 г. (съ іюня до ноября) и въ началѣ 1724 г. Куракину приходилось отлучаться изъ Нидерландовъ въ Парижъ, то не только всю корреспонденцію съ Россіею велъ по его порученію Ф. д. Бургъ, но онъ же велъ и всѣ сношенія съ нидерландскимъ правительствомъ, — правда — по инструкціямъ, присылавшимся къ нему отъ Куракина. Далѣе, въ промежуточное между двумя посольствами время до прибытія Головкина (до сентября 1725 г.), Ф. д. Бургъ остается уже единственнымъ оффиціальнымъ представителемъ Россіи въ Нидерландахъ (въ Амстердамѣ и въ Гагѣ[1]).

Подобно оффиціальному полудипломатическому характеру самаго положенія Ф. д. Бурга въ Нидерландахъ, и его дѣятельность продолжаетъ носить смѣшанный, полудипломатическій характеръ. Такъ, въ 1725 г. посланникъ Головкинъ даетъ ему прямое порученіе отговаривать амстердамское правительство отъ приступленія къ т. наз. ганноверскому союзу Пруссіи, Англіи и Франціи[2]). Объясняется это болѣе всего, какъ намъ кажется и какъ мы уже указали на это выше, тѣмъ обстоятельствомъ, что резиденція Ф. д. Бурга, — городъ Амстердамъ, — по своему богатству и торговому значенію не могъ не имѣть сильнаго вліянія въ совѣтѣ Генеральныхъ Штатовъ Нидерландъ. Какъ бы то ни было, и теперь, какъ при Матвѣевѣ, Ф. д. Бургъ хлопочетъ въ интересахъ развитія

---

[1]) Голл. д. 1723, № 5; 1724, № 4; 1725, № 6.
[2]) Гол. д. 1725, № 6.

русско-голландской торговли, по прежнему сносится съ голландскимъ магистратомъ и провинціальнымъ правительствомъ по дѣламъ, касающимся интересовъ Россіи. Неоднократно онъ получаетъ и отъ посла, и непосредственно отъ русскаго правительства предписанія требовать отъ мѣстнаго правительства сатисфакціи на того или другого газетира или курантира, напечатавшаго то или другое извѣстіе объ особѣ царскаго величества или о событіяхъ въ Россіи, и эта дѣятельность, эти сношенія съ газетирами, на которыхъ въ силу свободнаго правленія Нидерландовъ не могло быть никакой управы, а приходилось достигать желаній русскаго правительства ласкою, „за кружкою пива и за трубкою табаку“, занимаетъ весьма видное мѣсто въ дѣятельности Ф. д. Бурга до самой его смерти (въ ноябрѣ 1731 г.)[1]).

Къ этой общей характеристикѣ мы должны присовокупить нѣкоторые частные факты, характеризующіе дѣятельность и оффиціальное положеніе нашего агента въ Голландіи.

Мы уже замѣтили выше, что до вступленія еще Ф. д. Бурга въ должность агента, на него возложенъ былъ надзоръ за русскими учениками, которыхъ было тогда очень много въ Голландіи; хотя постепенно большинство ихъ было отозвано въ Россію, а частью размѣщено въ другихъ государствахъ, но нѣсколько человѣкъ учениковъ и мастеровъ русскихъ оставались въ Нидерландахъ до 1729 года[2]). Хотя они были „въ дирекціи“ Ф. д. Бурга, который и оффиціально хлопоталъ о нихъ и платилъ за ихъ ученіе, однако нидерландское правительство и судъ не признавали за Ф. д. Бургомъ права напр. арестовать и отправлять въ Россію учениковъ въ случаѣ, какъ это бывало иногда, отказа ихъ вернуться добровольно въ Россію[3]).

Далѣе, Фанъ-денъ Бургу, какъ и другимъ русскимъ аген-

---

[1]) Гол. д. 1717, № 8, л. 37; 1723, № 5; 1725, № 6.

[2]) Въ 1727 г. въ его „дирекціи“ оставалось 14 учениковъ разнымъ мастерствамъ и наукамъ (Неплюевъ), а въ 1728 — 11 (См. Голл. д. 1727, № 8). Послѣдніе отозваны были въ 1728 г. (Тамъ же 1728, № 6).

[3]) Гол. д. 1727, № 8. Но онъ ловилъ и возвращалъ въ Россію бѣглыхъ русскихъ моряковъ (Матер. д. ист. рус. флота IV, 668, подъ 1724 годомъ.)

тамъ и посланникамъ за границею поручался между прочимъ наемъ въ русскую службу мастеровъ, матросовъ и т. п. Хотя въ этомъ случаѣ онъ поступалъ въ качествѣ оффиціальнаго агента русскаго правительства, тѣмъ не менѣе при неисполненіи заключенныхъ имъ контрактовъ, судъ привлекалъ къ отвѣтственности его, а не обращался къ посланнику[1]), слѣд. онъ былъ подсуденъ въ гражданскихъ дѣлахъ мѣстному суду. Какъ мы увидимъ далѣе, принципъ этотъ установленъ былъ впрочемъ Нидерландскимъ правительствомъ для всѣхъ иностранныхъ агентовъ вообще.

Далѣе, въ сферѣ интересовъ частныхъ лицъ русскихъ подданныхъ дѣятельность Фанъ-денъ-Бурга выражалась тѣмъ, что онъ дѣлалъ переводы денегъ отъ частныхъ лицъ въ Россіи къ частнымъ лицамъ за границею[2]). Также, если русскимъ подданнымъ случалось бывать въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, то Фанъ-денъ-Бургъ оказывалъ имъ поддержку. Такую поддержку онъ оказывалъ не только русскимъ ученикамъ, плата на ученіе и содержаніе которыхъ высылалась крайне неаккуратно, но ему случалось платить и долги „русскихъ господъ“ и ссужать ихъ деньгами на возвращеніе въ Россію, ибо — говоритъ онъ — „разсуждалъ я, что по моей агентской должности мнѣ учинить то надлежало и знатнымъ россійскимъ господамъ вспомочь“; для другихъ же онъ исполнялъ разныя порученія: высылалъ газеты, дѣлалъ покупки и т. п.[3]) Дѣлалось все это, конечно, не *ex officio*.

Точно такъ же безъ указа, но вслѣдствіе сознанія своего агентскаго долга Ф. д. Бургъ отправилъ разъ въ Россію

---

[1]) Гол. д. 1720, № 8 — о неисполненіи контракта съ полотняными ткачами, донесеніе 16 февр. Ср. также 1727, № 8.

[2]) Гол. д. 1721 № 10.

[3]) Большая часть этихъ господъ не возвратили занятыхъ ими должныхъ Ф. д. Бургу денегъ, несмотря на многократныя его требованія и несмотря на выданные ими агенту векселя и расписки. Въ присланномъ имъ спискѣ этихъ должниковъ мы находимъ имена кн. Черкасскаго, гр. Шереметевыхъ, кн. Долгорукаго, Нарышкина, гр. Головина, бар. Шафирова, гр. Толстого и мн. др. (Гол. д. 1727 № 8).

двухъ русскихъ, вышедшихъ изъ турецкаго плѣна. Наконецъ, по порученію адмиралтейства, Ф. д. Бургъ помогъ однажды одной женщинѣ въ процессѣ, который она имѣла въ мѣстномъ судѣ. Но въ какой формѣ оказана была эта помощь, — къ сожалѣнію неизвѣстно [1]).

Если присоединить ко всему этому, что Ф. д. Бургъ кромѣ обширной переписки съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, велъ значительную корреспонденцію съ адмиралтействомъ (съ Апраксинымъ) [2]) и съ комерцъ-коллегіею и что черезъ его посредство шла значительная часть иностранной (оффиціальной) почты въ Россію, то всѣмъ этимъ дѣятельность его, какъ русскаго агента, будетъ вполнѣ, кажется, исчерпана.

Въ заключеніе мы должны замѣтить любопытный фактъ, что Ф. д. Бургу не поручалась правительственная наша торговля съ Голландіею. Прежде всего замѣтимъ, что вопросъ объ активной казенной русской торговлѣ въ Голландію возбужденъ былъ едва ли ранѣе 1708 г. Именно, письмомъ отъ 27 августа 1708 г. къ канцлеру Головкину, нашъ посолъ въ Гагѣ Матвѣевъ представлялъ: „ежели его вел-во изволитъ за благо разсудить впредь нѣкоторые важные товары, которые прежде особно отдавались англійскимъ и голландскимъ купцамъ, своими прямыми подданными съ людьми вѣрными и искусными изъ Москвы прислать до сихъ краевъ, тогда свѣтло изволитъ е. в. уразумѣть тѣхъ прежнихъ откупщиковъ многовидныя пронырливости и обманы, какою малою цѣною изъ казны е. вел-ва тѣ откупные товары они покупали и какія неизмѣримыя прибыли въ свой карманъ получали и изъ нищихъ въ богатство несчетное въ краяхъ тѣхъ достигли изъ его вел-ва государствъ. Особливо же е. вел-во изволилъ бы тому прямой опытъ учинить, прислать сюда нѣкоторый товаръ съ тѣми купцами московскими *или къ своему агенту* и продать настоящею цѣною, изъ того тотчасъ разность узнать

---

[1]) Гол. д. 1729, № 6.

[2]) См. въ Матеріалахъ для ист. рус. флота III, 62 сл., 67 сл., 410; IV, 668 и др. и въ изданіи Dr. Uhlenbek'a, Verslagen in de Archiven van Rusland, Gravenhage, 1891, стр. 114 сл.

изволитъ, всѣхъ тѣхъ аглинскихъ и голландскихъ купцовъ хитрыя тонкости, которыя подъ притворомъ своимъ будто бы доброхотства ихъ особаго къ его величеству отъ взора двора нашего всемѣрно укрывалися“ [1]).

Очевидно, Матвѣевъ предлагалъ первый опытъ непосредственной отправки казенныхъ товаровъ въ Голландію. Онъ предлагалъ и наиболѣе удобные для этого способы — отправку съ довѣренными купцами или же на коммиссію къ агенту,— слѣд. къ Фанъ-д. Бургу. Русское правительство согласилось съ мнѣніемъ Матвѣева относительно непосредственной отправки товаровъ, но не согласилось съ предложеніемъ его препоручить продажу ихъ Ф. д. Бургу. Для этой продажи ихъ въ Голландію отправленъ былъ Оспинъ Соловьевъ [2]), прожившій въ Амстердамѣ съ 1713 до 1721 г. и спеціально завѣдывавшій торговлею русскими казенными товарами [3]). На жалобы Ф. д. Бурга, что продажа эта поручена не ему, не послѣдовало никакого отвѣта.

Но и впослѣдствіи, по отозваніи Соловьева въ Россію, торговля казенными товарами все-таки поручена была не Ф. д. Бургу, а фонъ-Бранту. Фанъ-денъ-Бургу поручались лишь нѣкоторыя покупки за счетъ правительства (напр. бумаги) и въ такихъ случаяхъ онъ получалъ 2% коммиссіи съ цѣны купленнаго товара [4]).

---

[1]) Гол. д. 1708, № 3.

[2]) Это была вторичная отправка его туда. Первый разъ онъ былъ отправленъ туда съ Петромъ Беклемишевымъ въ 1707 г. „для наукъ“.

[3]) См. объ немъ Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ III кн. I, 160, 328, 349, кн. II, 781 сл. и др. и Матер. д. истор. рус. флота III, 106 сл. 143. Онъ велъ и самостоятельную торговлю (см. Гол. д. 1714, № 14). Съ 1722 г. онъ назначенъ ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что въ журналѣ нашего посла въ Нидерландахъ кн. Куракина (Гол. д. 1715, № 2) мы читаемъ: „1715 г. августа $^1/_{12}$: посланъ корабль подъ флагомъ ц. вел-ва съ капитаномъ Наумомъ Синявинымъ въ Англію и въ Голландію съ товарами, и сіе записано для вѣдѣнія, понеже сія первая оказія есть кораблямъ росс. флота въ порты морскихъ державъ входить“.

[4]) Гол. д. 1727, № 8. Въ 1710 г. ему поручена была покупка матеріаловъ для адмиралтейства (см. Матер. для ист. рус. флота III, 410).

Въ заключеніе замѣтимъ, что, вѣроятно, со времени посѣщенія Петромъ В. Амстердама Ф. д. Бургъ получилъ чинъ коммерціи совѣтника[1]).

Кромѣ посла (а впослѣдствіи — посланника) въ Гагѣ и агента въ Амстердамѣ русское правительство имѣло еще въ Амстердамѣ резидента, нѣкоего Христіана Бранта или фонъ-Брантса (Christoffel Brandt).

Мы не можемъ указать въ точности его общественнаго положенія въ Голландіи до вступленія на русскую службу[2]). Званіе резидента въ Амстердамѣ Петръ далъ ему въ 1717 г., одновременно съ пожалованіемъ права носить шпагу и чина надворнаго совѣтника. Самъ Брантъ свидѣтельствуетъ, что это званіе и чинъ пожалованы были ему послѣ пребыванія ихъ величествъ (Петра и Екатерины) въ Амстердамѣ, гдѣ они жили въ его домѣ, послѣ чего онъ провожалъ ихъ до Везеля и въ теченіе всего этого времени „все ко удовольствованію ихъ величествъ исправлялъ“; за это онъ и награжденъ званіемъ резидента и чиномъ[3]).

О дѣятельности Бранта мы имѣемъ лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Имѣется отрывочное извѣстіе, что посолъ кн. Куракинъ поручалъ ему однажды совмѣстно съ Ф. д. Бургомъ требовать отъ Амстердамскаго магистрата сатисфакціи на одного газетира, напечатавшаго ложное извѣстіе объ особѣ царскаго величества[4]). Извѣстно также, что по отзывѣ изъ Голландіи О. Соловьева, съ осени 1721 г. ему препоручены были для продажи хлѣбъ и всѣ казенные товары изъ конторы Соловьева[5]), на что Ф. д. Бургъ сильно, но безплодно жало-

---

[1]) Этотъ титулъ мы находимъ въ патентахъ Екатерины I и Петра II (19 авг. 1727).

[2]) См. приложеніе 5-е.

[3]) Письмо Бранта къ императрицѣ отъ 16 (27) августа 1723 г. (въ Гол. д. 1721—1723 г. № 17).

[4]) Гол. д. 1717, № 8, л. 37.

[5]) Гол. д. 1723, № 6; 1721, № 17; 1722, № 2-б.

вался. Далѣе, Бранту поручался, подобно какъ и Ф. д. Бургу, наемъ мастеровъ[1]) и въ его вѣдѣніи и надзорѣ было нѣсколько (два) русскихъ мастера[2]). Ему поручались иногда покупки для двора (напр. вина[3]).

Долго ли онъ былъ въ должности резидента — тоже сказать трудно; кажется, онъ признавался еще въ резидентскомъ разрядѣ въ 1731 г. Жалованья онъ не получалъ. Изъ резолюціи Штатовъ о признаніи его въ качествѣ резидента видно, что этимъ онъ не избавлялся ни отъ обязанностей своихъ какъ нидерландскаго гражданина относительно платежа мѣстныхъ податей и налоговъ, ни отъ подчиненія мѣстному уголовному и гражданскому суду[4]).

Замѣтимъ, что несмотря на то, что въ Голландіи у насъ былъ и посолъ, и агентъ, и резидентъ, въ 1720 г. туда отправленъ былъ надв. сов. Боммазарій для найма въ царскую службу людей, опытныхъ въ „коммерческихъ и магистратскихъ дѣлахъ“[5]). Въ 1715—1716 г. наймомъ моряковъ въ русскую службу занимался нѣкто Шельтингъ. Наконецъ, такое же порученіе одновременно исполняли Фанъ-денъ-Бургъ, Соловьевъ и корабельный мастеръ Салтыковъ[6]).

По смерти Фанъ-денъ-Бурга (въ ноябрѣ 1731 г.) гр. Головкинъ рекомендовалъ на его мѣсто въ агенты Шарона „добраго и заводнаго человѣка, который ему знакомъ, и хотя не купецъ, но въ купечествѣ тамошнемъ и въ другихъ краяхъ, и даже въ политическихъ дѣлахъ немалое искусство имѣетъ и корреспонденцію во многія государства держитъ“[7]). Съ другой стороны, на агентскую или резидентскую должность пред-

---

[1]) Гол. д. 1724, № 6.

[2]) Гол. д. 1725, № 11.

[3]) Гол. д. 1729, № 6 (sic). Существуютъ донесенія Бранта Апраксину (въ Арх. морск. министерства. См. ук. соч. Уленбека).

[4]) См. приложеніе 3-е.

[5]) Гол. д. 1720, № 11.

[6]) Они наняли болѣе 2000 матросовъ. См. Веселаго, Очеркъ русск. морск. исторіи, 1875, I, стр. 304 и 412 сл.

[7]) Реляція отъ 19 нояб. 1731, № 20 (Гол. д. 1731, № 10). Любопытно это указаніе на торговую опытность Шарона, какъ на обстоятельство, рекомендующее его пригодность для занятія должности агента.

лагалъ свои услуги нѣкій капитанъ Риго, бывшій при Петрѣ I въ русской морской службѣ [1]). Наконецъ, въ числѣ претендентовъ на эту должность былъ и состоявшій (съ 1720 г.) бухгалтеромъ при Фанъ-денъ-Бургѣ Генрихъ Ольдекопъ [2]), который, однако, не получилъ этого званія.

Изъ этого очерка возникновенія агентства въ Амстердамѣ и дѣятельности перваго русскаго агента тамъ, мы приходимъ къ заключенію, что учрежденіе агентства нисколько не можетъ быть объяснено соображеніями торговой политики русскаго правительства. Торгово-политическій характеръ дѣятельности Фанденбурга явился послѣдствіемъ того первенствующаго значенія, какое имѣли интересы торговли въ международной политикѣ Нидерландовъ, и въ этомъ направленіи дѣятельность россійскаго агента въ Амстердамѣ развилась совершенно независимо отъ какого-либо руководящаго въ этомъ смыслѣ управленія ею изъ Москвы и Петербурга. Если въ ней можно замѣтить нѣкоторыя черты, специфически отличающія уже въ XVIII вѣкѣ дѣятельность консульскихъ агентовъ отъ дѣятельности агентовъ собственно дипломатическихъ, то это обстоятельство объясняется лишь наличностью въ Голландіи рядомъ съ Фанденбургомъ дипломатическаго представителя русскаго правительства съ одной стороны, и проявленіемъ наряду съ политическими культурныхъ интересовъ русскаго государства въ отношеніи къ Западу, съ другой. Будучи акредитованъ подобно посланнику при „ихъ высокомочіяхъ господахъ Штатахъ генеральныхъ“, Фанденбургъ однако имѣлъ дѣло главнымъ образомъ съ купечествомъ голландскимъ; выслушивая его мнѣнія, жалобы и пожеланія относительно торговыхъ сношеній Голландіи съ Россіею, и сообщая ихъ русскому правительству, онъ доставлялъ послѣднему болѣе полезные матеріалы для его торговой политики, чѣмъ могли представлять

[1]) Гол. д. 1732, № 9 и 1734, № 7.
[2]) Гол. д. 1732, № 6.

свѣдѣнія, почерпавшіяся изъ оффиціальной переписки русскаго посла и оффиціальныхъ переговоровъ съ голландскимъ правительствомъ. Впрочемъ нужно отдать справедливость Фанденбургу, что въ отношеніи расторопности, толковости и добросовѣстности въ отправленіи своихъ обязанностей онъ является положительнымъ исключеніемъ въ ряду другихъ, современныхъ ему русскихъ консульскихъ агентовъ за границею. Въ особенно невыгодномъ свѣтѣ по сравненію съ его дѣятельностью является дѣятельность русскаго консульскаго агентства въ Венеціи.

Венеція.

Въ Венеціи почти одновременно были учреждены и русское политическое агентство, и консульство. Именно, въ концѣ 1710 г. въ Венецію отправленъ былъ въ качествѣ россійскаго агента Матвѣй Каретта, а въ мартѣ 1711 г. туда же назначенъ консуломъ Дмитрій (графъ) Боцисъ.

Каретта былъ родомъ итальянецъ и съ 1703 до 1710 года служилъ агентомъ у посла Толстого въ Константинополѣ, гдѣ исполнялъ для него всякаго рода секретныя политическія порученія. Когда въ 1710 г. произошелъ разрывъ между Турціею и Россіею, то Толстой поручилъ ему быть агентомъ въ Венеціи. Каретта отправился туда черезъ Кіевъ и Луцкъ; въ Луцкѣ представился Петру, который и назначилъ его уже оффиціальнымъ россійскимъ агентомъ „при Венеціанской республикѣ и другихъ итальянскихъ государяхъ“[1]). Инструкцію же Каретта получилъ въ іюлѣ 1711 г. отъ россійскаго посланника въ Вѣнѣ — Урбиха[2]), при чемъ ему даны порученія чисто и исключительно политическія[3]).

Что же касается Дм. Боциса, то можно лишь предположить, что объ немъ Петръ узналъ отъ его брата, шаутбенахта галернаго флота гр. Ив. Ѳедос. Боциса, поступившаго съ 1702 г.

[1]) См. записку Каретты Петру о своей службѣ русскому правительству въ Венец. д. 1713 № 2 и 1711 № 5 отчетъ его о расходахъ за 1711—1715 года.

[2]) Каретта Головкину изъ Вѣны 12 іюля (Венец. д. 1711 № 4).

[3]) См. приложеніе 7-е.

на русскую службу и что онъ былъ грекъ, воспитанный въ Венеціи[1]). Изъ документовъ не видно, былъ ли онъ передъ своимъ назначеніемъ въ Венецію въ Москвѣ. Въ данномъ ему консульскомъ патентѣ, ему поручаются дѣла касающіяся устройста торговыхъ сношеній Россіи съ Венеціею и торговли русскихъ подданныхъ.

Не смотря однако на такое вполнѣ ясно опредѣленное разграниченіе сферы дѣятельности агента Каретты и консула Боциса, на дѣлѣ мы этого разграниченія не видимъ. Правда, мы не имѣемъ донесеній Каретты, касающихся торговыхъ дѣлъ Венеціанской республики, не видно также, чтобы онъ вступалъ съ правительствомъ республики въ какіе-либо переговоры по вопросу объ открытіи торговыхъ сношеній между Венеціею и Россіею, но такое же отсутствіе вопросовъ торговыхъ представляютъ и донесенія, впрочемъ крайне немногочисленныя, Боциса. Зато съ другой стороны Каретта, по крайней мѣрѣ, пытался убѣдить правительство Генуэзской республики къ открытію торговыхъ сношеній съ Россіею, между тѣмъ какъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни въ донесеніяхъ Боциса, ни въ другихъ источникахъ о какой-либо дѣятельности его въ этомъ смыслѣ въ Венеціи. Наконецъ, и донесенія Каретты (за исключеніемъ одного указаннаго случая), и донесенія Боциса, точно такъ же, какъ и письма къ нимъ (весьма немногія) канцлера Головкина, касаются исключительно политическихъ вопросовъ.

Судя по донесеніямъ Каретты и Боциса, главнымъ предметомъ дѣятельности перваго было — стараться о томъ, чтобы Венеція, папа и другія итальянскія государства приняли участіе въ войнѣ противъ турокъ, а главнымъ предметомъ дѣятельности обоихъ — поддерживаніе сношеній съ черногорцами, албанцами и герцеговинцами, поощреніе ихъ къ борьбѣ съ турками, переводъ къ нимъ денегъ и т. п. Въ первомъ же донесеніи Головкину изъ Венеціи[2]) Каретта сообщаетъ, что онъ

[1]) Венец. дѣла 1706 г. и Веселаго, Очеркъ рус. морск. исторіи 1875, I, 245 сл. Ив. Ѳедос. Боцисъ принятъ былъ на службу тоже росс. посланникомъ въ Константинополѣ П. Толстымъ.

[2]) Августа 1711 (Венец. д. 1711 № 4).

имѣлъ свиданіе съ папскимъ нунціемъ, который сказалъ ему, что папа сочувствуетъ общехристіанскому дѣлу и сдѣлаетъ все возможное для устройства союза между христіанскими державами противъ общаго непріятеля. Въ тоже время Каретта вступилъ въ переговоры съ мальтійскимъ посланникомъ въ Венеціи относительно участія Мальты въ войнѣ противъ турокъ. Впрочемъ особенной пользы Каретта не оказалъ ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ порученномъ ему снаряженіи для Россіи каперовъ противъ турокъ[1]). Что же касается сношеній съ албанцами, герцеговинцами и черногорцами (между прочимъ съ находившимся въ Черногоріи полковникомъ Милорадовичемъ и епископомъ Змаевичемъ) то и въ этомъ отношеніи результаты были не особенно богаты вслѣдствіе недостатка у нихъ денегъ, оружія и военныхъ начальниковъ. Какъ бы то ни было, корреспонденція Каретты касалась исключительно политическихъ извѣстій изъ Италіи, Турціи, Черногоріи, Албаніи, и Морея[2]), при чемъ многія изъ сообщавшихся имъ извѣстій представляли такъ мало интереса для русской поли-

---

[1]) Для насъ въ настоящемъ случаѣ не имѣютъ значенія политическіе вопросы, но укажемъ только, что и самъ Каретта не надѣялся на успѣхъ этой своей миссіи. Въ донесеніи Головкину 22 августа 1711 г. онъ прямо пишетъ, что едва ли кто изъ итальянскихъ владѣтелей, да и самъ папа сдѣлаетъ что-либо, ибо они выжидаютъ, какъ пойдетъ война Россіи (въ это время дошелъ уже туда слухъ о побѣдѣ турокъ) и въ Венеціи есть партія противная войнѣ. Выпускомъ каперовъ Каретта считаетъ нужнымъ обождать, ибо въ морѣ множество французскихъ каперовъ, которые molto insolenti e per dire meglio canaglie, e siguro sariano capagi di fare qualche afronto alla bandiera di S. M., а притомъ нужно выждать рѣшеній итальянскихъ государей, чтобы не дать повода къ grande gelosia a tutti per vedere corsari di S. M. in questo mari. Сверхъ того и по отношенію къ Венеціи, хотя Каретта и увѣряетъ, что венеціанцы весьма сочувствуютъ царю, ma siguro e che sino che questi Sig-ri Veneziani non siano aleati con S. M., io direbe de non tocare queste tre cose che dico: 1) una sopra li corsari che vogliamo metere con bandiera di S. M.; 2) la seconda è quella della chiesa de greci, e 3) la terza quella de non mostrare che S. M. voglia progurare la soleuatione della Albania; perche questi Sig-ri non mostrerano, ma non li piacera tropo queste cose, ma una volte che sarano aleati con S. M., alora faremo il tutto quanto comandera S. M. E tutto quello che dico lo dico con fondamento et in vantagio di S. M.

[2]) См. въ Венец. дѣлахъ 1711—1715 г.

тики того времени, что въ 1713 г. Головкинъ далъ ему даже предписаніе сообщать ихъ съ большимъ разборомъ для сокращенія почтовыхъ издержекъ.

Послѣ замиренія Россіи съ Турціею въ 1712 году русское правительство, повидимому, нашло излишнимъ держать долѣе агента для Италіи и въ іюлѣ 1715 года Кареттѣ былъ отправленъ приказъ прибыть въ Россію для полученія новаго назначенія. Собственно для торговыхъ интересовъ Россіи пребываніе Каретты въ Италіи осталось на этотъ разъ совершенно безполезнымъ.

Мы замѣтили выше, что Каретта въ началѣ 1712 года ѣздилъ въ Геную и вступилъ въ оффиціальные переговоры съ тамошнимъ правительствомъ по вопросу объ открытіи торговыхъ сношеній республики съ Россіею. Моментъ для этого онъ находилъ весьма удобнымъ „усмотря, что великіе торговцы геновезы въ Гишпаніи отъ короля Филиппа V всякой торговли отлучены за то, что признали Каролуса III за короля, въ которомъ случаѣ обрѣтаются и венеціане со всѣми итальянцами, и ежели то впредь не поправится, то ни единъ купецъ не можетъ ѣхать въ Гишпанію“. Дѣйствительно, Генуэзское правительство отнеслось къ этому предложенію вполнѣ сочувственно и выразило свою готовность вступить въ торговыя сношенія съ Россіею какъ только Императоръ согласится дать консуламъ, которые будутъ отправлены отъ республики въ Архангельскъ или въ порты Балтійскаго моря тѣ-же привилегіи, какими пользуются и другіе народы. Съ своей стороны и Каретта, въ своемъ донесеніи по этому поводу, объяснялъ выгоды для Россіи отъ вступленія въ торговыя сношенія съ Генуэзскою республикою, такъ какъ „геновезы суть великіе купцы и учинятъ великое купечество“ какъ товарами, такъ и наличными деньгами, которыя привезутъ въ Россію, и торговля эта будетъ прибыльна и въ таможенныхъ доходахъ, и увѣдомлялъ лишь, что для вступленія съ республикою въ формальное соглашеніе по этому предмету ему необходимо имѣть новый кредитивъ спеціально къ Генуэзской республикѣ, такъ какъ имѣющійся у него кредитивъ относится къ республикѣ Венеціанской и ко всѣмъ

итальянскимъ владѣтелямъ вообще[1]). Петръ, конечно, поспѣшилъ исполнить представленіе Каретты, — къ нему отправлена была (31 мая) грамота за собственноручнымъ подписаніемъ Государя[2]), въ которой Петръ обѣщалъ оказать „всякое вспоможеніе къ поведенію такой торговли", соглашался на предоставленіе генуэзскимъ консуламъ равныхъ привилегій съ консулами другихъ народовъ и освободить тѣхъ купцовъ, которые прибудутъ съ первымъ караваномъ (т.-е. флотомъ) въ Балтійское море отъ половинной пошлины какъ съ товаровъ, которые они привезутъ, такъ и съ тѣхъ, которые вывезутъ. Кареттѣ приказано было ѣхать снова въ Геную, „тое грамоту тамо объявить и къ той торговлѣ оную рѣчь посполитую дѣйствительно приводить, обнадеживая ее противъ содержанія той е. цар. величества грамоты". „Когда же вы сіе дѣло вашимъ стараніемъ и добрыми предложеніями учините, — писалъ Головкинъ, — и тѣ геновезы торговлю въ пристаняхъ его цар. вел-ва будутъ имѣть, и вамъ за ваши труды будетъ его вел-ва милость и награжденіе"[3]). Однако повелѣніе это не было исполнено. До конца 1712 года Каретта все собирался ѣхать въ Геную, а затѣмъ дѣло это заглохло.

Если ревность Каретты къ доставленію политическихъ свѣдѣній приходилось останавливать, то зато консулъ Боцисъ не утруждалъ русское правительство обиліемъ донесеній. Правда, что переписка съ нимъ на первыхъ порахъ встрѣтила нѣкоторыя затрудненія. Дѣло въ томъ, что первыя донесенія его къ Головкину были написаны на греческомъ языкѣ, такъ что для перевода пришлось отправить ихъ въ армію въ канцелярію ген.-фельдмаршала гр. Шереметева! Послѣ этого онъ сталъ присылать донесенія на италіянскомъ языкѣ, и въ 1711 году корреспонденція его шла довольно аккуратно. Она, какъ мы уже замѣтили выше, касалась исключительно турецкихъ дѣлъ и политическихъ сношеній съ албанцами, черно-

---

[1]) Письмо Каретты къ Головкину 4 мар. 1712 (Венец. д. 1712 № 2).

[2]) Венец. д. 1712 № 1 и Генуэзскія того же года (Выписка о комерціи Генуэзск. республики), и дѣло Архива Комм. Кол. № 291. См. приложеніе 8-е.

[3]) Письмо Головкина къ Кареттѣ отъ 31 мая 1712 (тамъ же).

горцами, эпиротами и т. д. съ цѣлью побужденія ихъ къ борьбѣ противъ турокъ[1]). Но въ декабрѣ канцлеръ увѣдомилъ Боциса, что такъ какъ съ турками заключенъ миръ, то „уже возбуждать вамъ противъ турокъ тѣхъ людей, о которыхъ пишете, нынѣ не надлежитъ, а сообщать лишь извѣстія о тамошнихъ дѣлахъ“[2]). Послѣ этого за 1712 годъ получено было всего два донесенія отъ Боциса, а за 1713 и 1714 г. — ни одного. Лишь въ 1715 г. Боцисъ опять проявилъ болѣе дѣятельности, — отъ него получено 3 донесенія, и притомъ касающихся консульской его дѣятельности[3]). Въ первомъ онъ препровождаетъ на рѣшеніе Государя взысканіе, предъявленное противъ Каретты. Во второмъ (отъ 8 сентября) увѣряетъ канцлера въ своемъ высокопочитаніи и рвеніи къ услуженію ему и выражаетъ сожалѣніе, что не получаетъ отъ него писемъ, хотя самъ не оскудѣваетъ писать ему; это печальное для него обстоятельство онъ объясняетъ лишь тѣмъ, что письма его не доходили, хотя онъ всегда весьма старался о томъ, чтобы они вѣрно дошли по назначенію[4]). Наконецъ третье (1716 г.) было на имя Государя[5]). Въ немъ Боцисъ напоминаетъ, что уже въ теченіе шести лѣтъ онъ состоитъ на службѣ, прилагая всевозможное прилежаніе въ исполненіи порученной ему консульской должности (?) и „пребывая и впредь постоянно съ готовностію сакрификовать самого себя къ славной службѣ“ Государя. Но, — продолжаетъ онъ, — „до сего времени не даны мнѣ указы о потребномъ тарифѣ для взятія обыкновенныхъ правъ[6]) консульскихъ, которые суть отъ в. цар. вел-ва въ милостивомъ вашемъ патентѣ[7]) и понеже мнѣ сей потребной регламентъ еще не данъ, того ради сіе воспрепятствовало требовать справедливыхъ правъ това-

---

[1]) Венец. дѣла 1711 № 2.
[2]) Тамъ же № 1.
[3]) Тамъ же 1715 № 3.
[4]) Замѣтимъ, что донесенія Каретты доходили весьма аккуратно.
[5]) На русскомъ языкѣ; подпись по-италіански.
[6]) Т.-е. обычныхъ пошлинъ.
[7]) „Вручаемъ о томъ (консульствѣ) коммиссію противъ иныхъ областей консуловъ“. См. приложеніе 6-е.

ровъ, до сего времени туда привезенныхъ къ великому предосужденію интереса ваш. величества". Поэтому онъ проситъ, чтобы „опредѣлено было взять сіи обыкновенныя и надлежащія права въ управленіе моей всепокорнѣйшей службы какъ за прошедшее и впредьбудущее время, понеже необходимо для исправленія всенижайшей должности моей потребно есть, чтобъ сія в. цар. вел-ва милость по обыкновенію другихъ потенцій мнѣ опредѣлена была высокимъ вашимъ указомъ". Къ прошенію приложенъ проектъ „тарифа или регламента, принадлежащаго правамъ консульства венецкаго". Въ немъ указаны предметы, съ которыхъ слѣдуетъ брать пошлины и даже размѣры нѣкоторыхъ пошлинъ[1]).

Это прошеніе Боциса оставлено было безъ послѣдствій, между прочимъ, вѣроятно, въ томъ соображеніи, чтобы не увеличивать безъ нужды цѣну на русскіе товары.

Между тѣмъ 16 января 1716 г. Государь указалъ именнымъ указомъ послать для купеческихъ и другихъ дѣлъ въ Венецію и во Флоренцію агентомъ Петра Беклемишева, съ жалованіемъ по 1.000 червонныхъ золотыхъ, т.-е. 2.000 руб. въ годъ[2]).

Въ данной ему вѣрющей грамотѣ, адресованной на имя „арцуха владѣтельства венеційскаго" Іоаннна Корпели, объявля-

---

1) „Имѣетъ нашъ консулъ Боцисъ брать съ товаровъ нашихъ подданныхъ привезенныхъ до сего времени и которые впредь привезены будутъ изъ нашего государства въ портъ наяснѣйшей республики Венецкой *на какомъ ни будь суднѣ* и *подъ какимъ флотомъ* (флагомъ?) *ни будь* и которые моремъ или сухимъ путемъ привезены или впредь привезены будутъ со ста.... со всѣхъ товаровъ, понеже сіе ему тако отъ насъ позволено и повелѣваемъ мы, дабы сіе исправно отъ подданныхъ нашихъ исполнено было".— Такую же пошлину разрѣшается брать съ товаровъ, отправляемыхъ изъ Венеціи въ Россію. — Съ каждаго процесса, разобраннаго консуломъ между русскими подданными будетъ взиматься $^1/_2$ % съ суммы съ каждой изъ тяжущихся сторонъ и сверхъ того 1 рубль за приговоръ. — За каждый корабельный патентъ, выдаваемый консуломъ — 20 рублей. — За паспортъ русскому подданному 2 руб. — За консульское свидѣтельство 1 р. — За засвидѣтельствованіе документа 50 коп., а за удостовѣреніе покупки или продажи — $^1/_2$ % съ суммы съ обѣихъ сторонъ.

2) Каретта получалъ 500 руб. Въ 1707 г. П. Беклемишевъ упоминается въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ при Ос. Соловьевѣ въ Голландію для наукъ.

лось, что Беклемишевъ назначается агентомъ при немъ и при республикѣ для лучшаго содержанія корреспонденціи и ради установленія и способствованія комерціи между Россіею и Венеціею, на мѣсто бывшаго тамъ до нынѣ агента Матвѣя Каретты, который отзывается. Поэтому просятъ признавать его за агента россійскаго со всѣми принадлежащими его характеру вольностями[1]).

Однако, не говоря уже о томъ, что и при его бытности въ Венеціи агентомъ, тамъ оставался въ качествѣ консула Боцисъ, дѣятельность Беклемишева, подобно какъ и дѣятельность Каретты, была почти однихъ лишь политическая. Несмотря на многочисленность его донесеній[2]), мы не находимъ ни одного, касающагося торговыхъ дѣлъ, равно какъ и въ посылавшихся ему предписаніяхъ торговые вопросы совершенно не затрогивались[3]). Не упомянуто ни въ тѣхъ, ни въ другихъ ни однимъ словомъ даже объ состоявшейся въ 1718 г. отправкѣ въ Венецію русскаго корабля съ товарами[4]). Донесенія Беклемишева касаются исключительно политическихъ извѣстій объ общихъ политическихъ дѣлахъ и въ частности объ отношеніяхъ между Венеціею, Австріею и Турціею и въ этой перепискѣ заключалась, повидимому, вся его дѣятель-

---

[1]) Венец. д. 1716, № 1. Онъ прибылъ въ Венецію въ іюлѣ 1716 г. (См. Венец. д. 1716, № 3).

[2]) Венец. д. 1716 № 3, 1717 № 2, 1718 № 2, 1719 № 3, 1720 № 2.

[3]) Тамъ же. 1716 № 1, 1717 № 1, 1718 № 1, 1719 № 2, 1720 № 1.

[4]) Весной 1718 г. русск. воен. корабля Армонта изъ Петербурга чрезъ Англію и Аликанте въ Венецію, куда прибылъ 7 мая. Капитанъ доносилъ Апраксину: „Здѣсь малое число товаровъ имѣютъ, чѣмъ бы паки нагрузить, только говорилъ агентъ Беклемишевъ, что намъ нагрузиться въ Ливорнѣ и потомъ идти къ Бордеусу (Бордо) для нагрузки питей. А Беклемишевъ и Рагузинскій доносили, что воскъ, юфть и смолу надѣется продать съ добрымъ барышемъ, о желѣзѣ еще подлинно невѣдомо, но барыша вѣроятно мало будетъ отъ него; канаты же продать невозможно, такъ какъ венеціанскіе хотя дороги, но считаются напучшими во всей Европѣ.“ Впрочемъ съ товаровъ въ Венеціи взята половинная пошлина. Товары были слѣдующіе: канатовъ 1287 пуд., кабельтововъ 1541 п., юфтей 1496 тюковъ (1980 п.) и еще 120 тюковъ безъ вѣса, смолы 650 бочекъ, желѣза 2353 прута. Въ октябрѣ Армонтъ пришелъ въ Норвегію на обратномъ пути. См. Веселаго, Очеркъ рус. морск. исторіи I, 1875, стр. 302. Матеріалы для ист. русск. флота II №№ 1727, 1729, 1730 и 1736 стр. 272 и 275. Архивъ Коммерцъ-Коллегіи дѣло № 291.

пость, если не считать предъявленной имъ венеціанскому правительству просьбы о принятіи русскихъ гардемариновъ въ венеціанскій флотъ[1]) и такой же просьбы флорентійскому правительству о покровительствѣ четыремъ русскимъ ученикамъ, отправленнымъ во Флоренцію для обученія архитектурѣ, живописи и ваянію. Не лишенъ характерности, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Въ 1718 г. въ Корфу убитъ былъ на улицѣ русскій гардемаринъ Квашнинъ-Самаринъ гардемариномъ Арбузовымъ. Послѣдній былъ арестованъ венеціанскими властями и посаженъ въ тюрьму. Беклемишевъ получилъ объ этомъ сообщеніе отъ другихъ русскихъ гардемариновъ, бывшихъ въ Корфу, и немедленно донесъ въ Петербургъ. Донесеніе это оставлено было безъ отвѣта. Два года спустя Арбузовъ былъ освобожденъ. Объ этомъ Беклемишевъ тоже донесъ въ Петербургъ и просилъ инструкціи — что дѣлать съ Арбузовымъ, но и это донесеніе оставлено было безъ отвѣта. Другой случай. Въ 1719 г. венеціанское правительство сообщило всѣмъ иностраннымъ консуламъ, въ томъ числѣ и Боцису[2]), что впредь будутъ подвергаться осмотру всѣ иностранныя, приходящія въ Венецію суда. Боцисъ отвѣчалъ, что онъ донесетъ объ этомъ своему правительству и будетъ ожидать отъ него указа. То-же отвѣтили и другіе консулы. Но донесенія объ этомъ Беклемишева и Боциса оставлены были безъ отвѣта[3]).

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы едва ли ошибемся, выразивъ предположеніе, что консульство и дипломатическая агентура въ Венеціи не представляли для русскаго правительства серіознаго интереса. Учрежденіе ихъ вызвано было скорѣе политическими, чѣмъ коммерческими соображеніями,

---

1) Гардемарины оставались въ Венеціи съ 1716 по 1718 годъ; послѣ окончанія турецкой войны они отправлены въ Кадиксъ, а оттуда въ 1719 году въ Голландію и въ 1720 обратно въ Россію. См. Веселаго, Очеркъ русск. морск. исторіи I, 585 сл.

2) Реляція Беклемишева отъ $^{7}/_{18}$ авг. № 32 (Вен. д. 1719, № 3) и донесеніе Боциса канцлеру 31 іюля (Вен. д. 1719, № 6).

3) Франція, Цасарь и Англія опротестовали это постановленіе венеціанскаго правительства.

и когда, по заключеніи Пассаровицкаго мира, утратили прежній интересъ и свѣдѣнія объ отношеніяхъ Турціи къ Венеціи, Австріи и турецкимъ христіанамъ, то агентство было упразднено. 28 февраля 1720 года состоялся указъ объ отозваніи Беклемишева изъ Венеціи, а въ апрѣлѣ онъ выѣхалъ въ Россію.

Впрочемъ при отозваніи Беклемишева ему не было дано никакихъ повелѣній касательно Боциса, который продолжалъ оставаться въ должности русскаго консула въ Венеціи, хотя о дѣятельности его тамъ за это время не имѣется рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Однако, хотя оффиціально на мѣсто Беклемишева никто не былъ акредитованъ въ качествѣ агента въ Венеціи, но агентскія обязанности въ смыслѣ сообщенія политическихъ извѣстій и надзора за учениками, остававшимися еще во Флоренціи поручены были послѣ него извѣстному Саввѣ Владиславичу Рагузинскому, бывшему уже въ Италіи въ 1717 г. и потомъ вторично пріѣхавшему туда лѣтомъ 1719 г. для торговыхъ дѣлъ[1]). Но переписка его съ петербургскимъ кабинетомъ касалась, кромѣ политическихъ извѣстій, исключительно вопроса о препровожденіи изъ Рима въ Петербургъ пріобрѣтенной тамъ древней статуи Венеры, а одна реляція его и одинъ рескриптъ къ нему трактовали о правахъ католической церкви въ Россіи[2]). Впрочемъ, по уговору Рагузинскаго съ венеціанскимъ сенатомъ, съ казенныхъ товаровъ бывшихъ на *Армонтѣ* взята была лишь половинная пошлина и такая же льгота обѣщана тремъ будущимъ казеннымъ или партикулярнымъ кораблямъ, какіе прибудутъ въ Венецію[3]). Въ 1722 г. Рагузинскій вернулся въ Россію.

---

[1]) Въ 1719 г. онъ продалъ въ Венеціи и Ливорно юфть и др. казенные товары (Венец. д. 1719 № 4 — реляц. 20 ноября), а въ 1720 г. тоже продавалъ присланную на его имя на двухъ корабляхъ юфть (Вен. д. 1720 № 4). Съ 1717 по 1720 годъ онъ отправилъ изъ Венеціи пять кораблей въ Петербургъ и одинъ въ Архангельскъ преимущественно со своими товарами. (Арх. Комм. Колл № 291).

[2]) Реляц. 10 іюля 1720 (Вен. д. 1720 № 4) и рескр. въ Вен. д. 1720 № 3.

[3]) Арх. Ком. Кол. № 291.

Въ этомъ же году, вслѣдствіе поданнаго однимъ греческимъ выходцемъ-монахомъ въ Синодъ заявленія объ угнетеніи православной вѣры въ Венеціанскихъ владѣніяхъ и о желаніи живущихъ въ Венеціи грековъ, чтобы тамъ устроена была греческая церковь, Петръ приказалъ[1]) выбрать „кого-либо изъ добрыхъ галерныхъ офицеровъ, бывшихъ ранѣе въ Венеціи и знающихъ итальянскій языкъ“, для отправки его туда въ качествѣ резидента. Такой офицеръ нашелся въ лицѣ галернаго флота лейтенанта Ивана Алексѣева. Но посылка его была потомъ почему-то отмѣнена. Такъ какъ назначеніе Алексѣева состоялось въ іюнѣ, а въ мартѣ еще Рагузинскій уже уѣхалъ изъ Венеціи въ Россію, то быть можетъ отмѣна произошла по его представленію[2]).

Что дѣлалъ между тѣмъ оставшійся въ Венеціи россійскій консулъ Боцисъ — неизвѣстно, такъ какъ съ 1716 г. по 1719 отъ него никакихъ донесеній въ коллегію не было, въ 1719 г. было одно, а затѣмъ опять ни одного. Однако онъ оставался въ должности повидимому до 1722 года. По крайней мѣрѣ сохранилось прошеніе его императрицѣ Екатеринѣ I[3]), въ которомъ онъ просилъ награжденія за то, что въ теченіе 11 лѣтъ[4]) исправляя по указу императора Петра консульскую должность въ Венеціи, онъ никакого содержанія не получалъ и никакими

---

[1]) Резолюціею отъ 21 апр. 1722.

[2]) См. Венец. д. 1722 № 1 и № 3. (Послѣ этого Алексѣевъ былъ назначенъ консуломъ въ Бордо). Въ проектѣ инструкціи Алексѣеву мы находимъ между прочимъ предписаніе развѣдывать и доносить въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ — „какіе въ Венеціи россійскіе товары и матеріалы потребны и какою цѣною тамъ продаются и что противъ того изъ Венеціи получать дешевле другихъ государствъ и въ Россію вывозить можно и какія вольности и привилегіи чужестраннымъ купцамъ въ продажѣ и въ покупкѣ товаровъ тамо даются, и какія въ Венеціи съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ берутся съ иностранныхъ купцовъ пошлины, дабы о томъ имѣл извѣстіе, возможно было по тому поступать. А когда будутъ въ Венецію пріѣзжать е. имп. вел-ва подданные купцы на корабляхъ съ какими товарами, то ему, резиденту, онымъ въ приключающихся случаяхъ чинить чрезъ представленіе рѣчи посполитой венеційской надлежащее вспоможеніе, дабы оные тамо предъ другими народы не понесли какихъ налогъ и въ коммерціи препятствія“. (Инструкція въ Венец. д. 1722 г. № 3).

[3]) Венец. д. 1725 г. № 3.

[4]) Съ 1711 года, слѣд. до 1722 г.

обыкновенными консульскими сборами и доходами, несмотря на неоднократныя его просьбы о томъ, не пользовался, хотя въ данномъ ему патентѣ сказано было, что онъ назначается консуломъ съ тѣми же привилегіями, какими пользуются прочіе королевскіе консулы, — „вручаемъ о томъ коммиссію противъ иныхъ областей консуловъ“. Въ прошеніи Боцису было повидимому отказано, а составленная въ коллегіи „выписка о бывшемъ въ Венеціи консулѣ Боцисѣ“ служитъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о его дѣятельности. Изъ этой выписки видно, что въ 1711 г. отъ него получено 2 донесенія, въ 1712—3, въ 1715—1 и въ 1719—1.

Послѣ 1722 г. въ Венеціи не было ни россійскаго агента, ни консула. Въ 1724 г. Рагузинскій сдѣлалъ Петру представленіе въ пользу назначенія въ Венеціи консуломъ нѣкоего Трояна Лалика, „славенской націи рагузинскаго уроженца“, имѣющаго контору въ Венеціи и обширныя торговыя связи. На запросъ Рагузинскаго, принялъ ли бы онъ консульскую должность „для вѣрной корреспонденціи и прочаго, что консулу вѣдать надлежитъ“, Лаликъ отвѣчалъ согласіемъ [1]). Вслѣдствіе этого представленія Государь повелѣлъ (9 февр. 1724 г.) спросить, греческой ли онъ вѣры, и ежели греческой — то на то соизволилъ. Но о назначеніи Лалика консуломъ никакихъ свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, онъ оказался католикомъ. Когда затѣмъ въ 1725 г. понадобилось выписать изъ Италіи мастеровъ, то спеціально для найма ихъ отправленъ былъ туда мануфактуръ-коллегіи совѣтникъ Кассисъ.

Съ этого времени вопросъ даже о торговыхъ сношеніяхъ съ Венеціею не возбуждался до 1756 года, когда венеціанскій купецъ Скоти подалъ въ коллегію записку о желаніи венеціанъ къ возстановленію коммерціи съ Россіею, послѣ чего вскорѣ начались и оффиціальные переговоры по этому предмету [2]).

[1]) Венец. д. 1724 № 1.

[2]) См. мое соч.: Дарданеллы, Босфоръ и Черн. море.

Мы видѣли что Каретта еще въ бытность свою въ Италіи поднималъ вопросъ объ открытіи торговыхъ сношеній съ Генуею, и что тогда вопросъ этотъ остался безъ послѣдствій. Но нѣсколько лѣтъ спустя, когда Каретта былъ уже въ Петербургѣ, вопросъ о генуэзской торговлѣ былъ имъ вновь возбужденъ. Именно, въ апрѣлѣ 1720 г. онъ подалъ въ коммерцъ-коллегію [1]) записку, чтобы „учинено было опредѣленіе относительно торговли съ Генуэзскою республикою". Въ отвѣтъ на эту записку, Карettѣ повторено было, по указу Петра, что генуэзцамъ предоставлены будутъ въ Россію тѣ же привилегіи, какія даны другимъ народамъ, а сверхъ того первые 3 генуэзскихъ корабля, которые прибудутъ въ Петербургъ, будутъ освобождены отъ половинной пошлины. Въ какой причинной связи находился этотъ запросъ Каретты съ поданнымъ въ томъ же году генуэзцемъ Ноли въ Петербургѣ заявленіемъ въ ту коллегію, что отецъ его и нѣсколько другихъ генуэзскихъ купцовъ желаютъ отправить въ 1721 году въ Петербургъ корабль съ товарами, вслѣдствіе чего Ноли и данъ былъ заказъ на 1000 мраморныхъ плитъ для Царя, — сказать трудно. Но какъ бы то ни было, на упомянутый нами запросъ Каретты ему выдано было (30 апр. 1720 г.) формальное письменное удостовѣреніе коммерцъ-коллегіи относительно гарантируемыхъ генуэзцамъ правъ въ Россіи, и въ началѣ 1720 г. Каретта и иноземецъ Петръ Салуци отправлены были въ Италію въ должности коммиссаровъ для осмотра подряженныхъ тамъ мраморовъ и статуй, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для объявленія итальянскимъ купцамъ о милости Царя къ генуэзцамъ и чтобъ и они воспользовались ими. Съ такимъ же порученіемъ Каретта долженъ былъ ѣхать затѣмъ изъ Италіи въ Португалію, именно — съ приглашеніемъ къ португальскому купечеству, чтобъ и оно воспользовалось жалуемою царскимъ величествомъ привилегіею. При этомъ ему приказано было „о всемъ, что до произведенія и умноженія купечества въ россійское государство касается, доносить на всякой почтѣ въ коммерцъ-коллегію".

---

[1]) Арх. Коммерцъ-Коллегіи, дѣло № 291

О дальнѣйшей дѣятельности Каретты извѣстно, что въ 1721 г. онъ былъ въ Генуѣ, гдѣ устроилъ торговую компанію для отправки 3 кораблей въ Петербургъ. Компанія эта потомъ разстроилась, такъ какъ нѣкоторые купцы убоялись дальней торговли; но осенью 1722 г. Каретта отправилъ изъ Генуи англійскій корабль съ каррарскими мраморными ступенями („для Петергофской кашкады“) и съ купеческими товарами, а лѣтомъ 1723 г. второй, французскій корабль, тоже нагруженный частью мраморомъ и частью товарами [1]).

Извѣстно также, что въ декабрѣ 1722 г. Каретта былъ въ Ливорно и хлопоталъ тамъ объ открытіи торговли между этимъ городомъ и Петербургомъ. Наконецъ, что онъ сообщилъ португальскому посланнику въ Римѣ объ обѣщанныхъ Петромъ льготахъ. Но въ Португалію, какъ предполагалось сначала, онъ по всей вѣроятности не ѣздилъ [2]):

„Въ резолюціи его имп. величества, состоявшейся 21 апрѣля 1722 года, между иным написано слѣдующее: Его имп. велич. въ Португалію посылку, такожъ въ Ливорну и въ Кадиксъ консуловъ изволилъ отложить, а въ Венецію указалъ послать, выбравъ изъ галерныхъ офицеровъ кого добраго, знающаго по-итальянски [3])“.

Но всѣ эти поѣздки и порученія Каретта совершалъ уже не въ качествѣ консула, а развѣ агента или же коммиссара.

Назначеніе политическаго русскаго агента въ Венецію не требуетъ, конечно, объясненій. Извѣстно, что русское правительство разсчитывало въ своей войнѣ съ Турціею на поддержку балканскихъ славянъ, а не говоря уже о томъ, что можно было надѣяться и на участіе Венеціанской республики въ войнѣ противъ Турціи, Венеція представляла въ то время одинъ изъ наиболѣе важныхъ и удобныхъ политическихъ центровъ, откуда могла исходить политическая агитація среди

---

[1]) Архивъ Комм. Коллегіи, дѣло № 291.
[2]) Тамъ же.
[3]) Венец. д. 1722 № 3.

балканскихъ христіанъ. Нѣсколько труднѣе объяснимо назначеніе въ Венецію русскаго торговаго консула, особенно если принять во вниманіе совершенное отсутствіе непосредственныхъ въ это время торговыхъ сношеній между Россіею и Венеціею и отсутствіе еще въ это время какихъ-либо признаковъ внѣшней торговой политики со стороны русскаго правительства. Тутъ возможны лишь догадки. Такъ, если мы вспомнимъ, что именно въ 1703 г. при переговорахъ съ присланнымъ въ Москву отъ Людовика XIV для предложенія Петру дружбы и посредничества въ войнѣ посломъ де-Балюзомъ русскіе министры говорили ему между прочимъ о возможности установленія торговли съ Франціею чрезъ Средиземное море, Дарданеллы, Азовское море и Азовъ, представляя такую торговлю болѣе выгодною, чѣмъ торговлю чрезъ Архангельскъ[1]), то можно предположить, что подобный же планъ существовалъ и относительно торговли съ Венеціею. Вспомнимъ также, что съ 1703 г. переселился въ Россію Савва Владиславичъ Рагузинскій, сдѣлавшійся въ Россіи однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣльцовъ по иностранной торговлѣ (имѣлъ торговыя конторы и отправлялъ корабли за море), что онъ поддерживалъ переписку и торговыя сношенія съ Италіею и Далмаціею, что ему принадлежала мысль поднять противъ турокъ славянъ Балканскаго полуострова и что въ 1710—11 г. онъ былъ особенно близокъ къ Петру.

Эти факты, кажется намъ, совершенно достаточно выясняютъ мотивы учрежденія перваго русскаго консульства въ Венеціи. Замѣтимъ, что ни одной инструкціи консуламъ въ Венеціи не дошло до насъ (быть можетъ, ихъ и не существовало), а консульскіе патенты намъ ничего не уясняютъ: патентъ Боцису несомнѣнно переводный.

Что же касается назначенія Беклемишева агентомъ и порученія ему заботы о торговыхъ интересахъ Россіи, то не говоря уже о томъ, что подобнаго рода порученіе мы находимъ и въ инструкціяхъ дипломатическихъ представителей Россіи того времени, нужно замѣтить, что назначеніе Бек-

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. т. 34, стр. 32 и 36.

лемишева состоялось въ 1716 г., т.-е. въ такое время, когда интересы внѣшней торговли уже обратили на себя вниманіе русскаго правительства.

ФРАНЦІЯ.

Назначеніе въ концѣ 1714 г. перваго французскаго консула въ Россіи и въ февралѣ 1715 г. перваго русскаго консула во Франціи было результатомъ довольно продолжительныхъ, хотя и отрывочныхъ, предварительныхъ переговоровъ между Петромъ I и французскимъ правительствомъ относительно установленія правильныхъ торговыхъ сношеній Франціи съ Россіею. Начало этимъ переговорамъ положено было въ февралѣ 1701 г., на аудіенціи, данной французскому посланнику при польскомъ дворѣ дю-Герону (du Héron) Петромъ I во время поѣздки Августа II въ Курляндію на свиданіе съ русскимъ Царемъ. При этомъ случаѣ Петръ выразилъ дю-Герону „свое высокое уваженіе къ особѣ короля Людовика XIV и свое искреннее желаніе соединиться съ нимъ тѣснѣйшими узами дружбы“. Зная недружелюбныя отношенія Франціи къ Нидерландамъ и къ Англіи, Царь замѣтилъ, что слѣдовало бы нѣсколько поумѣрить ихъ спѣсь и прибавилъ, что онъ былъ бы радъ заключить съ королемъ торговый договоръ для обоюдной пользы подданныхъ обоихъ государствъ, чтобы французы могли вывозить изъ Россіи товары, получаемые ими при посредствѣ англичанъ и голландцевъ, извлекающихъ громадные барыши изъ этой торговли, и такимъ образомъ воспользоваться частью выгодъ отъ торговли съ русскими, которая почти всецѣло перешла къ голландцамъ и англичанамъ. Такія заявленія Царь неоднократно повторялъ дю-Герону. Ихъ повторилъ затѣмъ дю-Герону въ январѣ 1702 г. русскій посланникъ при польскомъ дворѣ. Подобно Царю, онъ выражалъ неудовольствіе русскаго правительства на англичанъ и голландцевъ, доказывалъ, что „и королю слѣдовало бы наказать голландцевъ за ихъ неблагодарность, для чего самымъ

вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ было бы подорвать ихъ торговлю, и если бы король вошелъ въ соглашеніе съ Царемъ, то было бы легко отнять у нихъ торговлю въ Балтійскомъ морѣ, которую они производятъ почти одни"; что Царь желаетъ лишь пріобрѣсти какой-нибудь портъ на Балтійскомъ морѣ и „лишь только онъ будетъ обладать такимъ портомъ, то вскорѣ построитъ столько кораблей, что въ непродолжительномъ времени одни только подданные его и короля будутъ производить торговлю въ Балтійскомъ морѣ, другіе же народы будутъ устранены" [1]).

Вопросъ о заключеніи трактата дружбы, союза и взаимной торговли поднимался въ то же время между русскими и французскими посланниками и въ Гагѣ (А. Матвѣевъ съ де-Бріоромъ) и въ Копенгагенѣ (Измайловъ съ Пуссенномъ). Но все это были лишь прелиминаріи. Наконецъ, въ 1705 г. Петръ отправилъ своего посланника при Голландскихъ Штатахъ А. А. Матвѣева въ Парижъ съ порученіемъ обстоятельно переговорить съ французскимъ дворомъ объ этомъ предметѣ [2]). Однако и эта отправка не имѣла ощутительныхъ результатовъ; обѣ стороны несомнѣнно желали установленія взаимныхъ прочныхъ дружественныхъ и торговыхъ сношеній, но заключенію трактата дружбы препятствовало различіе въ политическихъ

---

[1]) Сборникъ Русск. Ист. Общ. т. 34 стр. IV сл. (записка Ледрана) и 37 сл. По другимъ свѣдѣніямъ, — именно по свидѣтельству французскаго посланника де Балюза, присланнаго въ Москву въ 1703 г., — Головинъ передавалъ ему по секрету, что московскому послу въ Копенгагенѣ (Измайлову) сдѣланы были отъ имени французскаго короля дружественныя предложенія подъ условіемъ между прочимъ изъятія торговли въ моск. государствѣ изъ рукъ англичанъ и голландцевъ и передачи ея французамъ; на это былъ данъ отвѣтъ, что царь не можетъ отнять торговлю у этихъ народовъ, не нанеся тѣмъ вреда своимъ подданнымъ и доходамъ, но что онъ повелитъ, чтобы французы пользовались въ его портахъ хорошимъ пріемомъ, и когда онъ убѣдится въ степени пользы, приносимой ихъ торговлею, то рѣшится оказать имъ предпочтеніе передъ англичанами и голландцами (Сб. Р. Ист. Об. т. 34 стр. 27). Отмѣтимъ, какъ фактъ малоизвѣстный, что русскіе министры говорили между прочимъ Балюзу объ установленіи торговли съ Франціей черезъ Средиземное море, Константинопольскій проливъ, Азовское море и Азовъ, представляя такую торговлю болѣе выгодною, чѣмъ торговлю въ Архангельскомъ (Сб. Р. И. Об. т. 34, стр. 32 и 36).

[2]) Франц. дѣла 1705 г. № 1 и 1706 № 6. Ср. Прилож. 9-е.

интересахъ Франціи и Россіи, преимущественно въ отношеніяхъ къ Англіи и Швеціи. Что касается въ частности вопроса о взаимной торговлѣ, то въ заключеніе веденныхъ по этому вопросу переговоровъ министръ де-Торси вручилъ Матвѣеву письмо отъ Людовика къ Петру и меморіалъ (20 сент. 1706 г.), въ которыхъ объявлялось, что король съ удовольствіемъ согласился бы на сдѣланныя ему предложенія о торговомъ договорѣ, если бы общее современное положеніе европейскихъ дѣлъ дозволяло заключить такой договоръ, но невозможно извлечь изъ взаимной торговли никакой пользы въ такое время, когда война препятствуетъ мореходству на сѣверѣ; что потому король рѣшилъ выждать болѣе спокойное время; между тѣмъ король обѣщаетъ, что всѣ русскіе корабли, приходящіе въ порты королевства съ русскими сырыми продуктами и издѣліями будутъ приниматься тамъ дружественно, подъ условіемъ, чтобы хозяева и командующія этими кораблями лица заботились о соблюденіи регламентовъ, изданныхъ королемъ съ цѣлью обезпечить мореходство нейтральныхъ государствъ и воспрепятствовать злоупотребленію имъ со стороны непріятелей; [1]) что съ своей стороны король надѣется, что Царемъ будетъ изданъ указъ о допущеніи въ свои гавани французскихъ кораблей и о столь же дружественномъ ихъ пріемѣ, какъ англійскихъ и голландскихъ; вотъ все, что дозволяетъ сдѣлать общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, пока возстановленіе мира не дастъ королю возможности вступить въ болѣе тѣсныя отношенія съ Царемъ [2]). Чиновникъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Ледранъ, составившій въ 1726 г. по порученію этого министерства историческій очеркъ о переговорахъ между Россіею и Франціею, замѣчаетъ по поводу этого меморіала, что „Людовикъ XIV не счелъ тогда нужнымъ принимать на себя болѣе пространныхъ обязательствъ относительно Царя, такъ какъ русскіе въ то время

[1]) Въ 1703 и 1704 г. были захвачены французскими каперами и конфискованы два русскихъ корабля, которые везли товары, купленные голландцами (Сб. Р. Ист. Общ. т. 34, стр. 38—43).

[2]) Сб. Р. Ист. Об. т. 34, стр. XIV; Франц. грамоты и дѣла 1706 г.; Чулковъ IV, ч. 1 стр. 17 сл.

не обладали еще ни одною гаванью въ Балтійскомъ морѣ, и Архангельскій портъ служилъ для французовъ единственнымъ морскимъ путемъ въ ихъ страну“ [1]).

Въ такомъ положеніи вопросъ объ установленіи взаимныхъ торговыхъ отношеній и о заключеніи торговаго трактата оставался до 1715 года. Такъ какъ и Франція, и Россія взаимно признали безъ всякаго трактата для обоюдныхъ своихъ подданныхъ право свободной торговли и кораблеплаванія [2]), и такъ какъ, съ другой стороны, условія взаимной торговли, т.-е. степень ея выгодности, гарантіи правильности торговли, условія мѣстныхъ рынковъ и т. п. не были въ достаточной степени извѣстны ни французскому, ни русскому правительствамъ, то естественно, что прежде заключеннаго трактата необходимо было сдѣлать практическій опытъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній. Дѣйствительно, имѣются данныя о томъ, что изъ Франціи сдѣлано было нѣсколько попытокъ къ открытію торговли съ Россіею [3]). Но попытки эти были неудачны. Голландцы и англичане, захватившіе въ свои руки всю внѣшнюю торговлю Московскаго государства и наживавшіе огромные барыши отъ перепродажи русскихъ товаровъ во Франціи и французскихъ въ Россіи, понятно, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы не допустить установленія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между этими государствами. Между прочимъ, когда французы привезли свои товары въ Россію, голландцы искусственно понизили на нихъ цѣны, продавая соотвѣтствующіе товары, имѣвшіеся у нихъ, прямо въ убытокъ себѣ. Этотъ убытокъ они конечно наверстали на другомъ, а французы, рискнувшіе привозомъ товаровъ, разорились, и у нихъ была отбита охота къ продолженію своего предпріятія [4]). Продѣлка эта была настолько

---

[1]) Тамъ же, стр. XV.

[2]) Тамъ же, стр. 38; П. С. Зак.

[3]) Въ 1715 г. изъ Франціи отправленъ былъ въ Россію корабль. Арх. Комм. Колл. № 291.

[4]) Сб. Р. Ист. Об. т. 34, стр. 94. Какъ извѣстно, та же продѣлка была совершена при Алексѣѣ Михайловичѣ съ русскими купцами, отправившимися съ товарами за границу.

груба, что французы ее поняли, но бороться противъ голландцевъ, располагавшихъ огромными привилегіями, не зная условій русскаго рынка, имъ было слишкомъ трудно. Отсюда, понятно, должна была явиться потребность въ ознакомленіи съ этимъ рынкомъ, хотя бы черезъ посредство агентовъ, которые кстати могли бы служить и руководителями и совѣтчиками для незнакомыхъ съ нимъ французскихъ купцовъ, а также доставить необходимыя свѣдѣнія по этому предмету и самому французскому правительству [1]). Таковы между прочимъ должны были быть соображенія, вызвавшія учрежденіе въ Россіи съ конца 1714 г. перваго французскаго консульскаго агентства въ лицѣ нѣкоего La Vie, который, будучи и самъ человѣкъ коммерческій, явился вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственнымъ развѣдчикомъ по дѣламъ русской торговли. Другимъ обстоятельствомъ, вызвавшимъ отправку Лави въ Петербургъ послужило, повидимому, появленіе во Франціи однофамильца и, вѣроятно, родственника извѣстнаго Франца Яковлевича Лефорта съ новыми (хотя и неоффиціальными) предложеніями касательно учрежденія непосредственныхъ русско-французскихъ торговыхъ сношеній черезъ Петербургъ [2]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній ни о личности этого Лефорта (ихъ было два брата), ни объ обстоятельствахъ его отправленія во Францію. Несомнѣнно лишь то, что онъ пріѣхалъ во Францію раньше 1714 года. Именно, 1 января 1714 г. кн. Б. Куракинъ доносилъ канцлеру гр. Головкину [3]): „на сей недѣлѣ прошлой почты г. Лефортъ изъ Парижа писалъ ко мнѣ, что по всѣмъ его прилежнымъ стараніямъ наконецъ дворъ французскій взялъ резолюцію начать комерціумъ съ Россіею, и для опыту оной сей весны будутъ отправлены 4 корабля торговыхъ въ С.-Петербургъ, и для вступленія въ трактатъ комерціи Франція съ нимъ, Ляфортомъ отправляетъ ко двору е. цар. вел-ва одного коммиссара, который обѣщаетъ сюда ко мнѣ въ Гагу прибыть на конецъ фе-

[1]) См. приложеніе 10-е.

[2]) См. въ Сб. Р. Ист. Об. т. 34 документы подъ №№ 22 и 73, стр. 96 и 490.

[3]) Реляція № 74 (получ. 21 янв.) въ Голл. дѣлахъ 1714 № 5: письма посла кн. Куракина. Ср. также приложеніе 10-е.

враля мѣсяца и чтобъ мнѣ приготовить для проѣзда ихъ чрезъ имперію до Берлина паспортъ, что я по своей должности готовъ исправить и въ пріѣздѣ имъ всякое вспоможеніе учинить". Далѣе слѣдуетъ характерное разсужденіе по этому поводу Куракина: „Я на сіе повинности своей быть нахожу вѣрное доношеніе учинить, что какъ могу видѣть здѣсь по состоянію дѣлъ всѣхъ, при нынѣшнихъ конъюнктурахъ между потентаты, что Франція не можетъ своего намѣренія и прежнихъ своихъ максимъ политическихъ перемѣнить, чтобъ оставить корону шведскую и обязаться съ короною россійскою, для того что она, Франція, во всякомъ своемъ благополучіи нынѣ и въ великой своей силѣ не имѣетъ нужды на оныхъ основаніяхъ дружбу свою съ Россіею утверждать, но безтруднѣе чаетъ на старомъ основаніи оную свою дружбу, т.-е. съ Швеціею, содержать и отъ паденія ея нынѣшняго въ прежнюю силу возставлять; того для, видится, ко вступленію въ трактатъ комерціи она, Франція, не прямое намѣреніе имѣетъ, но коварственное, — токмо ищетъ всякими способы, дабы е. цар. вел-во при нынѣшнихъ случаяхъ ссорить съ потенціями морскими и уже не можно больше коварственнѣе поступить, какъ она, Франція, нынѣ вымыслила, и отправляетъ своего коммиссара ко двору е. цар. вел-ва трактовать о комерціи, зная, что сей пунктъ потенціямъ морскимъ всѣхъ болѣзненнѣе и что онѣ, потенціи морскія, ни въ чемъ такъ жалюзіи къ е. цар. вел-ву въ завоеванныхъ портахъ не имѣли, какъ въ семъ, дабы торги россійскіе не были произведены во Францію и въ Гишпанію и въ другія мѣста мимо рукъ ихъ. Но все сіе донесши, оставляю въ разсужденіе в. пр-ва и желаю дабы въ сіе дѣло не вступать и не токмо ко окончанію приводить, ниже начинать, но изъ сего дѣла весьма другаго мнѣнія здѣсь будутъ и уже отъ времени до времени и такъ нашъ кредитъ упадаетъ, а другихъ возстаетъ. И что дѣла здѣшнія между потенціями къ согласію и окончанію приходить будутъ, то больше и опасности интересамъ е. цар. вел-ва явится, и того для лучше содержать одну партію и при той надежнымъ быть, нежели многихъ, да слабыхъ видѣть".

Далѣе, въ письмѣ отъ 2 февраля, Куракинъ опять пишетъ

длинное разсужденіе на ту же тему о коварствѣ Франціи, и съ крайнимъ негодованіемъ сообщаетъ полученное имъ изъ Франціи извѣстіе, что французскій дворъ постановилъ отправить къ русскому двору „одного жантильома безъ характера“, по фамиліи Левенштона, бывшаго шпіона въ Гагѣ, сидѣвшаго тамъ въ тюрьмѣ, „плута и вора и обманщика“, и горячо доказываетъ, что за такое неуваженіе ко двору его царск. вел ва, онаго плута и въ русскія границы пускать не слѣдуетъ[1]).

На эти донесенія канцлеръ Головкинъ отвѣчалъ[2]), „что принадлежитъ о посылкѣ купеческихъ кораблей французскихъ, какъ къ вамъ писалъ Лафортъ, и что для вступленія въ трактатъ комерціи Франція съ нимъ Лафортомъ отправляетъ ко двору е. цар. вел-ва одного комиссара, и сіе е. цар. вел-ву неохотно слышать было, понеже тому Лефорту никакой комиссіи о томъ отъ е. цер. вел-ва не дано было, и чинилъ онъ то безъ указу е. вел-ва, чего для указалъ мнѣ къ милости вашей писать, что ежели о томъ голландцы будутъ вамъ упоминать или увидите ихъ въ томъ сумнѣніе и какое подозрѣніе, то можете ихъ обнадежить, что е. цар. вел-во ради пріязни своей къ нимъ, Господамъ Статамъ, никакого трактата съ Франціею о купечествѣ, хотя бъ отъ нихъ и было предложеніе, не учинитъ, и о томъ при дворѣ французскомъ отъ е. цар вел-ва никому не указано было и поминать; а когда корабли французскіе съ товары въ пристани е. цер. вел-ва на Балтическомъ морѣ стоящіе будутъ, и е. вел-ву оныхъ приходу воспретить ради умноженія торговли невозможно, и допущены оные будутъ съ платежемъ установленныя пошлины противъ другихъ такихъ купеческихъ, и чтобъ они отъ кого не имѣли никакого подозрѣнія, ибо и къ городу Архангельскому купеческіе корабли французскіе прихаживали“. Что въ этомъ предписаніи было не одно лишь желаніе успокоить голландцевъ, видно изъ того, что Куракину предписано было[3]) и послу французскому

---

[1]) Тамъ же, письмо за № 80.

[2]) Письмо отъ 25 января № 5 въ Голл. д. 1714 № 3: письма канцлера гр. Головкина къ послу кн. Б. Куракину.

[3]) Письмо Головкина по именному указу царя, отъ 27 февраля, за № 10.

въ Гагѣ объявить, что „приходъ кораблей французскихъ купеческихъ, которые намѣреваются послать въ Петербургъ, е. цар. вел-во не воспрещаетъ, но будутъ допущены съ платежемъ достойныя пошлины какъ обыкновенно оные и къ городу Архангельскому прихаживали, а чтобъ что постановить о комерціи, и о томъ съ ними чинено и въ трактатъ вступлено не будетъ“, — „въ чемъ можете чрезъ публику голландскую, ежели бъ имѣли въ томъ жалузію, увѣрить“. О назначенномъ же отъ двора французскаго жантильомѣ Левенштонѣ Куракину предписано послу французскому объявить, что „вы увѣдали о посылкѣ его Левенштона ко двору е. цар. вел-ва, а понеже оной былъ въ причинѣ въ Голландіи и деклярованъ за шпіона, того ради е. цар. вел-ву не безъ зазору бъ было отъ другихъ областей, когда бъ такого уже вѣдомаго человѣка къ двору своему допустить“; къ тому же, въ виду „поступковъ вредительныхъ къ предосужденію е. цар. вел-ву, а въ пользу непріятельскую[1]) не безъ подозрѣнія онаго уже вѣдомаго человѣка присылка и изъ того есть пониженіе чести е. цар. вел-ву, того ради чтобъ такой вѣдомой человѣкъ ко двору е. цар. вел-ва посланъ не былъ. А ежели изволитъ его королевское вел-во ради какихъ дѣлъ послать къ е. царск. вел-ву, то бъ доброго и безподозрительнаго человѣка послать изволилъ; буде же та посылка будетъ отъ кор. вел-ва токмо для одного о купечествѣ постановленія, и о томъ ваша милость имѣете указъ е. цар. вел-ва, что формальнаго трактата и опредѣленія за нынѣшнею настоящею войною е. цар. вел-ву учинить невозможно. А что принадлежитъ о приходѣ ихъ кораблей, и на то вы имѣете указъ е. вел-ва ихъ обнадежить, что е. цар. вел-во свободной приходъ кораблямъ французскимъ съ платежемъ достойнымъ пошлины не воспрещаетъ, чего для и посылать никого ко двору е. цар. вел-ва,

---

1) Матвѣевъ сообщилъ, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ маршалъ де Вилляръ при съѣздѣ въ Раштатѣ съ принцемъ Евгеніемъ старался склонить цесарскій дворъ къ тому, чтобы сообща съ Франціею стараться о возвращеніи шведскому королю завоеванныхъ у него Россіею владѣній, а передъ этимъ Франція возбуждала турокъ противъ Россіи.

ежели токмо для сего дѣла, не потребно. Такожъ извольте объявить и тому человѣку, котораго онъ, Левенштонъ предъ собою въ февралѣ послать намѣренъ, когда онъ прибудетъ къ вашей милости, чтобъ онъ далъ ему, Левенштону знать, чтобъ онъ ко двору е. цар. вел-ва не ѣздилъ, понеже при дворѣ е. вел-ва о поступкахъ его уже знаютъ, итако не можетъ допущенъ онъ быть, а и ему, посланному, кажется ѣхать не для чего, для того что воспрещенія никакого въ приходѣ кораблей отъ е. цар. вел-ва нѣтъ". Если же Левенштонъ все-таки проѣдетъ, то губернатору рижскому приказано, — если при немъ не будетъ королевской грамоты къ Царю, — объявить ему, что о его шпіонскихъ поступкахъ въ Голландіи Царю извѣстно и поэтому его не велено пропускать; если же у него будетъ грамота къ Царю, то пропустить его, а въ Петербургѣ у него возьмутъ грамоту и объявятъ ему, что за настоящею войною никакого формальнаго трактата учинить невозможно, а свободный приходъ кораблямъ купеческимъ съ платежемъ достойныя пошлины не воспрещается, въ чемъ его здѣсь обнадежатъ и, нимало удержавъ, отпустятъ. „А на пропускъ онаго е. ц. вел-во соизволилъ для того, что когда случится о чемъ е. цар. вел-ву послать кого къ королю французскому, то можетъ противъ того жъ его не допустить къ своему двору, и хотя, правда, по шпіонству онъ явился недобрымъ человѣкомъ, однакожъ при дворѣ своемъ не имѣетъ причины и дѣлалъ то по указу".

Куракинъ въ точности исполнилъ данное ему приказаніе[1]): онъ объявилъ Шатонефу, что Царю весьма пріятно, чтобъ подданные французскіе открыли торговлю съ Россіею и что французскимъ кораблямъ предоставлена будетъ въ Петербургѣ и другихъ русскихъ портахъ полная свобода торговли съ тѣми же привилегіями, какими пользуются и другіе ино-

---

[1]) Письмомъ Головину № 93 отъ $\frac{30 \text{ мар.}}{10 \text{ апр.}}$ 1714 Куракинъ доноситъ что исполнилъ приказаніе и сдѣлалъ сообщеніе французскому послу. Протоколъ свиданія Куракина съ Шатонефомъ по этому предмету $\frac{24 \text{ мар.}}{4 \text{ апр.}}$ 1714 см. въ Голл. д. 1713 № 7: Книга протоколовъ кн. Б. И. Куракина 1713—1715 г.

странные корабли; а также что Царь освѣдомился, что король намѣренъ отправить къ его двору Левестона и что хотя Царю было бы весьма пріятно имѣть при своемъ дворѣ министра отъ короля, однако Левестонъ не можетъ быть принятъ въ этомъ характерѣ „за случившимся ему въ Гагѣ дѣлѣ, о чемъ весь свѣтъ знаетъ“.

Вслѣдствіе этого сообщенія Куракина, Шатонефъ увѣдомилъ его, что на донесеніе королю по этому вопросу онъ получилъ отвѣтъ, что король никогда и не думалъ давать какое-либо оффиціальное порученіе (caractère) Левестону къ Царю, что ему не извѣстно было даже о намѣреніи Левестона ѣхать въ Петербургъ и что вслѣдствіе сдѣланнаго Куракинымъ сообщенія приняты будутъ мѣры къ тому, чтобы не допустить его до этой поѣздки [1]).

Существовалъ ли въ дѣйствительности проектъ отправить Левестона въ Петербургъ въ качествѣ оффиціальнаго агента отъ французскаго правительства, или нѣтъ — не извѣстно. Въ началѣ 1714 году изъ Франціи выѣхалъ въ Петербургъ лишь купеческій коммиссаръ Дювиляръ. Именно, донесеніемъ изъ Гаги отъ 26 февраля (9 марта) 1714 г. (за № 85) Куракинъ сообщаетъ:

„О торговлѣ съ Франціею, которую Лефортъ дѣлаетъ при случаѣ, сходнымъ образомъ объявлю и тѣмъ отъ подозрѣнія здѣшнихъ господъ отведу, для того, что уже здѣсь и тамъ извѣстны есть, также и все вскорѣ публично будетъ, потому что коммиссаръ французской отъ той компаніи, которая хочетъ торгъ въ С.-Петербурхъ установить, называется Дювилярдъ, четвертаго дня сюда изъ Парижа прибылъ и у меня былъ и вчерашняго дня прямо въ путь свой до Петербурга поѣхалъ“. И къ этому факту Куракинъ отнесся согласно своему мнѣнію объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи: „Я нахожу моей быть должности, — говоритъ онъ, — объявить, что сей коммиссаръ отъ купцовъ называется; не сумнѣваюсь, чтобъ своихъ торговъ тамъ не имѣлъ, но между тѣмъ не упуститъ своего характера и шпіономъ быть, и вижу, что

[1]) Письмо Шатонефа Куракину 29 апр. 1714 г. (Гол. д. 1713 № 7, л. 126).

къ сему отъ двора французскаго весьма нарочно посланъ; но паче помянутый Дювиляръ показалъ мнѣ быть себя подозрительнымъ изъ своихъ разговоровъ: когда я его разспрашивалъ, гдѣ въ ѣздахъ бывалъ и по немѣцки научился, и сказалъ, что былъ въ Копенгагенѣ, въ Гамбургѣ, въ Любкѣ, также и нѣсколько годовъ былъ въ Швеціи въ самомъ Стокгольмѣ и знаетъ подробно все то купечество. Къ тому жъ извольте усматривать тонкое лукавство ея, Франціи, что нынѣ она охотно будто желаетъ свое комерціюмъ установить въ С.-Петербургѣ, но прежде сего для чего къ городу Архангельскому тѣхъ своихъ торговъ не устанавливали? И ежели бъ во время войны, то можетъ быть чтобъ за помѣшательствомъ отъ потенцій морскихъ (т.-е. во время войны съ Англіею и Голландіею), но нынѣ миръ и вездѣ всякъ свободу имѣетъ. И наконецъ явно можно усмотрѣть изъ сего токмо, что она, Франція, намѣрена чрезъ то въ большую жалузію потенцій морскихъ приводить и е. цар. в-во съ ними въ ссорѣ видѣть[1]).

Какъ отнеслось къ этому мнѣнію Куракина русское правительство — не извѣстно.

Быть можетъ предположенія Куракина не были лишены нѣкотораго основанія, по крайней мѣрѣ, въ этотъ моментъ русско-французскихъ отношеній. Во всякомъ случаѣ для французскаго правительства было важно имѣть своего агента въ Россіи, а назначеніе туда агента, не облеченнаго прямо дипломатическимъ характеромъ, представляло во многихъ отношеніяхъ значительныя преимущества. Съ другой стороны, открытіе непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Россіею представлялось во всякомъ случаѣ выгоднымъ въ торговополитическихъ интересахъ Франціи, такъ какъ оно долженствовало подорвать торговлю голландцевъ и англичанъ[2]). Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1714 г. въ Петербургъ прибылъ и оффиціальный агентъ французскаго правительства — Генрихъ Лави.

[1]) Фр. д. 1714, № 1 и Голландск. 1714, № 5.
[2]) См. между прочимъ мнѣніе Лави (Сб. Р. Ист. Общ. т. 34, стр. 106).

Лави пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ декабря 1714 года (2 янв. 1715 по н. ст.) съ патентомъ французскаго морского Совѣта (отъ 11 іюля 1714 г.) на должность commissaire général de la marine. Эта должность въ тѣ времена приравнивалась, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, къ должности консульской[1]). Вѣрнѣе будетъ приравнять ее къ должности, обозначаемой въ наше время названіемъ консульскихъ агентовъ. Именно, Лави не имѣлъ того, что называется lettres de provision, онъ не былъ аккредитированъ къ русскому министерству, — кромѣ патента, въ которомъ ему предписывалось исполнять обязанности, commissaire général de la marine de France en Russie (при чемъ въ патентѣ нѣтъ рекомендательной къ русскимъ властямъ формулы)[2]), онъ имѣлъ лишь частныя рекомендательныя письма къ различнымъ русскимъ министрамъ, данныя ему „по дорогѣ знатными лицами“ (gens de distinction). Во-вторыхъ, въ качествѣ коммиссара онъ не пользовался ни консульскими правами[3]), ни привилегіями. Словомъ, онъ не имѣлъ, строго говоря, никакого „характера“ при русскомъ правительствѣ[4]), хотя и былъ правительственнымъ агентомъ[5]) въ томъ смыслѣ, что онъ имѣлъ порученіе отъ своего правительства собрать для него свѣдѣнія объ условіяхъ русскаго торговаго рынка, о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи[6]). Есть даже нѣкоторое основаніе предполагать, что назначеніе въ Петербургъ именно Лави состоялось случайно. Дѣло въ томъ, что съ весны 1714 г. въ Петербургѣ основалась французская торговая фирма Bau-

1) См. G. F. Martens.

2) См. приложеніе 12-е.

3) Напр. правомъ выдавать паспорты французскимъ подданнымъ. (Сб. Р. Ист. Об. т. 34, стр. 109).

4) См. собственныя донесенія Лави въ Сб. Р. Ист. Об. т. 34, стр. 109. Франц. дѣла 1715, № 4: Меморіалы и сообщенія французскаго въ Россіи морского коммиссара Лави.

5) Между прочимъ шведы усматривали въ его назначеніи въ Петербургъ молчаливое признаніе Франціею за Царемъ владѣнія Петербургомъ и другими отнятыми у нихъ портами. (См. Сб. Р. Ист. Об. т. 34, стр. 493).

6) Сб. Р. Ист. Об. т. 34 стр. 234, 490.

douin et C°, въ которой участвовалъ и Лави[1]), и очень возможно, что поэтому французское правительство и нашло удобнымъ воспользоваться имъ, какъ человѣкомъ опытнымъ въ дѣлахъ торговли, для изученія русской торговли и дать ему званіе морского комиссара[2]). Но такъ какъ онъ не имѣлъ официальной рекомендаціи къ русскому правительству, и такъ какъ, вслѣдствіе участія его въ торговыхъ операціяхъ своихъ соотечественниковъ, денежныя дѣла его разстроились и на него подано было даже нѣсколько взысканій, то, являясь въ русскихъ судебныхъ присутственныхъ мѣстахъ (которыя онъ называетъ la Precasse) въ качествѣ отвѣтчика, онъ не могъ внушать, конечно, особеннаго уваженія ни приказнымъ, ни даже русскимъ властямъ вообще[3]). И хотя вслѣдствіе этого Лави и заявилъ однажды (въ январѣ 1716 г.) русскому правительству жалобу, при чемъ выразилъ мнѣніе, что въ качествѣ морского коммиссара за нимъ должна быть признана личная неприкосновенность, неподсудность русскимъ властямъ и что онъ долженъ „jouir du droit des gens dans toute son étendue“[4]), однако такое толкованіе его правъ едва ли было правильно[5]). Въ виду, вѣроятно, ходатайства Лави передъ своимъ правительствомъ, лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1716 г. Морской Совѣтъ Франціи (Conseil de la marine) прислалъ канцлеру

---

[1]) См. Франц. дѣла 1716, № 5: Матеріалы и сообщенія Лави. Любопытно также показаніе неизвѣстнаго лица отъ 1714 г., что Лави отправленъ былъ въ Петербургъ не въ качествѣ консула, а лицами, заинтересованными во французскихъ корабляхъ, отправленныхъ изъ Сенъ-Мало и др. портовъ въ Балтійское море, съ цѣлью заботиться объ ихъ выгодахъ и наблюдать за продажею ихъ груза и покупкою обратнаго груза. (Сб. Р. Ист. Об. т. 34, № 74, стр. 494).

[2]) Изъ показаній самого Лави видно, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ сухимъ путемъ на свой собственный счетъ, чтобы доказать правительству способность свою къ службѣ королю, что жалованія онъ не получалъ: впрочемъ онъ выставлялъ на видъ свою опытность въ дѣлахъ торговли (тамъ же 109, 232, 234).

[3]) См. между прочимъ casus и оффиціальныя объясненія, поданныя Лави русскому правительству касательно его долговыхъ обязательствъ и предъявленныхъ противъ него взысканій въ цит. дѣлѣ 1716, № 5: Меморіалы и сообщенія Лави и въ тождественныхъ дѣлахъ слѣдующихъ годовъ.

[4]) Фр. д. 1716 г., № 5.

[5]) По французскому консульскому праву консулъ пользовался неприкосновенностью если самъ не участвовалъ въ торговлѣ.

Головкину письмо[1]), въ которомъ выражалъ ему благодарность за оказываемое имъ французскимъ подданнымъ покровительство и просилъ оказывать таковое же Лави, „назначенному въ Петербургъ en qualité de commissaire de la marine, afin que les marchands, capitaines et patrons français ayent à s'adresser à lui et qu'il agisse pour eux lorsqu'ils en auront besoin".

Насколько можно судить о дѣятельности Лави въ Петербургѣ въ качествѣ правительственнаго агента по его донесеніямъ, она заключалась, кромѣ сообщеній о текущихъ государственныхъ событіяхъ и извѣстій изъ придворной и общественной жизни, въ собираніи и сообщеніи свѣдѣній о русской торговлѣ и объ экономическихъ условіяхъ страны[2]). Случалось ему ходатайствовать и за французскихъ подданныхъ[3]).

Что французское правительство было довольно дѣятельностью Лави, доказательствомъ этому служитъ, кажется, то обстоятельство, что съ 1 января 1718 г. онъ былъ возведенъ въ званіе „консула французской націи въ С.-Петербургѣ и въ другихъ портахъ Балтійскаго моря владѣнія Царя Всероссійскаго".

Что же касается отношенія русскаго правительства къ главному, по крайней мѣрѣ, предмету его дѣятельности въ Петербургѣ, то его достаточно характеризуетъ съ одной стороны тотъ уже фактъ, что въ 1715 г. Лави сдѣлано было офиціальное сообщеніе о намѣреніи русскаго правительства принять на себя поставку матеріаловъ для французскихъ морскихъ арсеналовъ[3]), а съ другой — назначеніе въ началѣ 1715 г. русскаго консула во Францію.

---

[1]) Отъ 14 мая 1716 г. (Франц. д. 1716 № 5).

[2]) Къ сожалѣнію эти донесенія Лави (преимущественно адресованныя въ морской Совѣтъ) не помѣщены въ числѣ его донесеній, опубликованныхъ въ 34 т. Сборника Русск. Ист. Общества. Отрывочныя свѣдѣнія о торговлѣ, о цѣнахъ на товары, о монетѣ и вѣсахъ и т. п. см. стр. 97; сл. 107, 111, 120, 221, 232, 238, 270, 334 и др.

[3]) Въ 1717 г.

[4]) Донесенія Лави въ Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 34, стр. 107, 238.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1-е.

Матвѣевъ Шафирову 10 янв. 1707 [1]): «Докучно прошу о удовольствѣ г. Фондербургу, по прежнимъ моимъ письмамъ, какимъ публичнымъ характеромъ, особливо жъ при семъ моемъ отъѣздѣ, понеже безъ человѣка надежнаго мнѣ здѣсь и въ Амстердамѣ въ мое отсутство (въ Англію) отнюдь пробыть невозможно, а безъ характера ему кредитъ въ дѣлѣхъ здѣсь податься не можетъ». Въ другомъ письмѣ, къ *канцлеру Г. И. Головкину,* отъ 28 февраля (въ отвѣтъ на письма отъ 3 и 4 января) Матвѣевъ писалъ: «По отъѣздѣ моемъ отсюда въ Англію въ корреспонденціи до васъ, мой государь, о всѣхъ отсюда къ вѣдѣнію потребныхъ дѣлѣхъ иного не могу надежнѣе найтить, развѣ г. Фондербурга, которой надзирателемъ есть московскихъ матросовъ, человѣкъ доброй, вѣдущей въ дѣлахъ и надежный сторонѣ нашей. Понеже бывшей при мнѣ переводчикъ (Николай) Швымеръ въ повседневное впалъ пьянство нынѣ и великимъ сталъ огурщикомъ въ дѣлѣхъ государевыхъ; къ тому же онъ шведъ породою, какъ на Руси говорятъ: сколько волка ни корми, всегда онъ къ лѣсу глядитъ. Для тѣхъ вещей я оставить его и великой кредитъ въ томъ на него положить не могу». (Письмо это получено 26 марта.)

А. А. Матвѣевъ къ П. П. Шафирову 16 апр. 1707: (Отвѣтъ на письмо отъ 19 марта). «Я покорно васъ прошу призирать дружески на г. Фондербурга, которой по истинѣ во всѣхъ дѣлехъ е. цар. вел-ва служитъ и мнѣ вспомогаетъ паче тѣхъ, которые изъ нищеты своей здѣшней въ неизмѣримыя богатства произникли, и николи же е. цар. вел-ва милостей благодарны и памятны и ниже знать того хотятъ, и до вашей велможности по истинѣ имѣетъ респектъ великой». *Головкину Матвѣевъ* писалъ 14 апр. 1707: «О всѣхъ вѣдомостяхъ и о дѣлехъ здѣшнихъ приказалъ я при сей моей небытности отсюда кореспонденцію

[1]) Всѣ слѣдующія выписки изъ Голландск. дѣлъ 1707 г. № 2: Письма (вмѣсто реляцій) посла А. А. Матвѣева изъ Гаги къ канцлеру гр. Головкину и къ П. Шафирову. (Ихъ писемъ къ Матвѣеву въ Архивѣ нѣтъ.)

повсевременно содержать съ г. тайнымъ секретаремъ господину Фондербургу, которой человѣкъ изрядной и то все исправитъ поятно и вѣрно служа е. цар. вел-ву изъ всего сердца то исправлять обѣщалъ. Объ немъ г. тайной секретарь гораздо извѣстенъ есть. Только извольте его милостиво призирать, понеже въ сихъ краяхъ такой потребы люди во особомъ почтеніи и въ призорѣхъ отъ всѣхъ европскихъ государей имѣются».

А. А. Матвѣевъ къ Г. И. Головкину 22 апр. 1707 г.: (Отвѣтъ на письмо отъ 28 марта). Выѣхалъ въ Англію. «Корреспонденцію, я не сумнѣваюся, должную ко всякой осторожности двору нашему содержать господину Ѳандербургу, который великую знаемость съ министры чужестранными чрезъ меня при моемъ отъѣздѣ получилъ, человѣкъ доброй и трезвой и зѣло къ секретамъ надежной и крѣпкой. А Швымерсу, мой государь, за его безпросыпнымъ пьянствомъ, которой съ скляницею горячаго вина спитъ рано и поздно держася, то я дѣлъ секретныхъ ввѣрить былъ опасенъ; мнѣ что тотъ и другой ничто, только характеры ихъ разность между себя кажутъ великую; къ тому же онъ шведъ. Я могу русскую вспомня вамъ донесть пословицу, что волкъ перемѣняетъ шерсть, а не сердце; къ тому жъ при моемъ отъѣздѣ я его не видалъ, хотя бъ за стыдъ могъ придти ко мнѣ, развѣ за недосугомъ вышеозначеннымъ». *Шафирову Матвѣевъ* писалъ 22 апрѣля по тому же вопросу, что онъ поручилъ Фандербургу доносить ему, Шафирову, «не отсылая ко мнѣ въ Англію и о всѣхъ секретныхъ дѣлахъ по вся недѣльныя почты, съ вами (Шафировымъ) корреспонденцію содержать и вездѣ во всемъ интересъ монаршей охранять со всякою вѣрностью, на что на все я ему прямую информацію учинилъ и надежнымъ нашей стороны стацкимъ и чужестраннымъ министрамъ при моемъ отъѣздѣ пріятельски его вручилъ; не сумнѣваюся, что вы, мой государь, прямое впредь изъ него въ монаршей пользѣ и въ дѣлехъ будете имѣть удовольство. Понеже по многимъ огурствамъ къ себѣ Швымерса и за безпросыпнымъ его пьянствомъ, которое отнюдъ никакого должнаго секрета содержать въ себѣ крѣпко непоятно есть, дѣлъ ему ввѣрить былъ опасенъ. Къ тому жъ, сколько волка ни кормить, близокъ къ лѣсу нежели къ двору; шведъ съ москвитиномъ николи не согласится. Притомъ же, какъ я отъѣзжалъ — мнѣ не явился, что моему характеру отъ такого пьяницы и особливо нашему двору не честно отъ чужестранныхъ отозвалося, а мнѣ за нимъ такъ же бѣгать не чаялъ бы честнымъ быть. Изъ нихъ что онъ, что г. Фандербургъ мнѣ не единоплеменные, только между чести и дѣлъ ихъ, характеры лучшую

дистинкцію и будущую пользу намъ сами изъ себя чинятъ, особливо же трезвой и дѣльной съ пьяницею, съ лѣнивымъ и съ малонадежнымъ въ вѣрности далеко разстоятъ. Объ отпускѣ Швымерса ожидаю указу; лутче чтобъ такой при иныхъ служилъ мѣстехъ, гдѣ не касательны шведу, понеже по моемъ поворотѣ изъ Франціи во всемъ нашелъ я его инакова, какъ былъ до того и къ вамъ писалъ о томъ подлинно».

А. А. Матвѣевъ къ Шафирову 1 мая 1707: (Отвѣтъ на письмо Шафирова отъ 9 апрѣля). «Его цар. вел-ва всемилостивое соизволеніе, по докладу в. велможности, быть у дѣлъ монаршескихъ при моей небытности у Статовъ Генеральныхъ яко агенту г-ну Ѳандербургу, я далъ знать ему; изволите его весьма впредь найтить къ тому вѣрна, прилежна и поятна, только буду ожидать по тому вашему письму коммиссіи впредь присланной отъ двора нашего яко *агенту* ему, чего больше ему ненадобно, понеже имѣя такую коммиссію къ Статомъ, дѣйствительнѣе можетъ всѣ дѣла наши съ тою (коммиссіею) у нихъ, Статовъ, отправлять. О всѣхъ дѣлѣхъ онъ, г. Ѳандербургъ, будетъ вамъ самъ доносить». Матвѣевъ поручилъ ему собирать вѣрныя свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ и сообщать ихъ Шафирову «и способы ему я прямые подалъ къ провѣдыванію тѣхъ; чаю, что вы всегда изволите быть его прилежнымъ тѣмъ трудомъ удовольствованы».

Донесенія Фанденбурга (van den Burg) начинаются съ 4 марта 1707 г. и адресованы всѣ на имя П. Шафирова и Г. Головкина [1]). Но собственно въ должность агента онъ еще не вступалъ. Изъ писемъ его къ Шафирову [2]) и Головкину [3]) видно, что Матвѣевъ при отъѣздѣ своемъ поручилъ ему управлять всѣми дѣлами въ Гагѣ, и съ этою цѣлью познакомилъ его со всѣми «московскими дѣлами» и представилъ нидерландскому правительству и иностраннымъ министрамъ, которые поэтому смотрѣли на него какъ на «наказнаго министра» (provisionale minister). Но несмотря на это Фанденбургъ все-таки просилъ, чтобы въ случаѣ согласія канцлера на управленіе дѣлами русскаго посоль-

---

[1]) Голл. д. 1707 № 6: Письма вмѣсто реляцій къ верховн. комнатному Г. Головкину и къ тайн. секретарю П. Шафирову отъ находившагося въ Амстердамѣ агента Фанденбурга. Матвѣевъ выѣхалъ изъ Гаги 27 апрѣля.

[2]) Изъ Амстердама отъ 26 апрѣля: Матвѣевъ представилъ его членамъ правительства и министрамъ иностраннымъ om alle affaires in syne absentie waar te neemen и сообщать объ нихъ Шафирову.

[3]) Отъ 6 мая: om alle de affaires in den Haage in syne absentie waar te neemen.

ства, ему данъ былъ какой-нибудь публичный характеръ (soo ist seer nootsaakelik dat eenige publicq caracter diene te hebben) — резидентскій, агентскій, консульскій или комиссарскій, такъ какъ безъ титула не много почета будетъ, а когда придется по дѣламъ бывать въ Гагѣ, то почетъ необходимъ. Поэтому онъ проситъ, чтобы Государь почтилъ его какимъ-либо характеромъ и назначилъ ему жалованіе.

Далѣе, въ письмѣ къ Головкину отъ 20 мая Фанденбургъ сообщаетъ уже, что Матвѣевъ увѣдомилъ его, что царское величество изволилъ назначить его своимъ агентомъ въ Голландіи. Поэтому онъ проситъ прислать ему «de publicque Brieven». Наконецъ, 27 мая доноситъ, что получилъ отъ Шафирова коммиссію (de Commissie, патентъ), по которой е. царское величество изволилъ его учредить агентомъ.

Наконецъ, въ докладной запискѣ Царю (о переводчикѣ Н. Швымерсѣ) изъ Лондона отъ 30 мая 1707 г. Матвѣевъ пишетъ [1]): «А нынѣ по вашему, великаго государя, указу я отправляю посольство въ Англіи у королевы великобританской; также въ Голландіи у высокомочныхъ Статовъ *по вашему жъ, вел. государя, указу* для дѣлъ назначенъ особой агентъ Иванъ Фандербургъ».

Приложеніе 2-е.

Копія съ кредитива Агенту Фандербургу [2]).

Божіею милостію мы Екатерина Императрица и самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляемъ всѣмъ и каждымъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ, а особливо ихъ высокомочію Господамъ Статамъ Генералъ славныхъ одновладѣтелныхъ волныхъ соединенныхъ Недерляндовъ, что понеже мы нашего Совѣтника Комерціи намъ любезно вѣрнаго Ягана Фондербурка, которой напредъ сего отъ Его Имп. Величества высокоблаженныя и вѣчнодостойныя памяти нашего Государя супруга былъ прі ихъ высокомочіяхъ акредитованъ для добраго порядку Комерціи нашихъ подданныхъ въ Галандію, а собливо с городомъ Амстердамомъ купечество отправляющихъ агентомъ, нынѣ изобрѣли за потребно

---

[1]) Англ. дѣла 1707 № 4: Реляціи къ государю Петру I отъ находящагося въ Англіи посла А. Матвѣева.

[2]) Прилож. къ рескрипту кн. Б. И. Куракину отъ 29 мая 1725 № 10. (Франц. д. 1725, № 3,а: Рескрипты кн. Куракину). (Тоже въ Гол. д. 1725, № 4).

въ разсужденіи онаго къ намъ вѣрности и въ комерціи особливаго искуства, тамо паки в помянутомже характере агента нашего имѣть и содержать, дабы онъ во всѣхъ нужныхъ дѣлехъ и трудностяхъ нашимъ подданнымъ і торговымъ людемъ достойнымъ образомъ вспоможение чинилъ, у ихъ высокомочия Господъ Статовъ, а собливо у города Амстердама и вдругихъ в соединенныхъ Недерляндовъ лежащихъ городѣхъ и мѣстахъ во всѣхъ судахъ какого звания ни будь за нихъ заступалъ, говорилъ и оныхъ защищалъ, такожъ и протчие до нашихъ інтерессовъ касающияся дѣла и повѣренныя ему коммиссіи отправлялъ. Якоже мы онаго чрезъ сию нашу грамоту всемилостивѣйше дѣйствително к тому опредѣляемъ и учреждаемъ и желаемъ отъ ихъ высокомочия Господъ Статовъ и отъ президента и бургомистровъ города Амстердама и отъ всѣхъ протчихъ въ соединенныхъ Недерляндахъ учрежденныхъ управителей помянутаго Ягана Фандербурка за нашего агента признавать и во всемъ, что онъ въ дѣлехъ отъ насъ ему повѣренныхъ по нашимъ указомъ предлагать будетъ, вѣру подавать повелѣть, такожде и впротчемъ ему всѣ тѣ привиллегіи и волности акордовать, которыя къ данному ему отъ насъ характеру агентскому принадлежатъ, еже мы взаимно въ такихже случаяхъ воздать обѣщаемъ. Къ вящему увѣрению мы сию грамоту собственною рукою подписали и нашу печать приложить повелѣли. Данъ въ Санктъ-Петербурке, Маия 14 дня 1725 году.

У оригиналнаго подписано собственною Ея Имп. Величества рукою по сему: *Екатерина.*

Ниже того контрасигнировалъ господинъ Канцлеръ по сему: *Графъ Головкинъ.*

Приложеніе 3-е.

Статская резолюція о принятіи въ характерѣ резидента надворнаго совѣтника е. ц. вел-ва г. фонъ-Бранта (Гол. 1715, № 2, л. 158).

Extract uyt het Registre der Resolutien van de H. M. Heeren Staeten general der vereinigte Nederlanden.

Luna, den 25 Octobre 1717.

By resumtie gedelibereert synde op de missive van zyne Czar. Maj. geschreven tot Amsterdam den 21 Augusti laestleden, houdende creditif op den Heer Christoffel van Brands, Russisen Rix

Edelman en Hoffrad, om als resident von hoogsged-e syne Cz. M. binnen Amsterdam te resideren met versoek dat Haer Ho. Mo. Gem. Heern van Brants jn de voorn qualiteyt geliefden te erkennen, js goed gefunden en verstaen dat den Gem. Heeren Christoffel van Brands sal werden geadmitteret en erkent, om als Resident van hoogstged. syne Majesteyt tot Amsterdam te resideren, onder de gewone clausiele, dat hy daer door niet sal werden geeximeert van de pligt van onderdanigkeit, die hy als een onderdaen van den Staet onderworpen is, specialik van alle ordinaire en extraordinaire schattinguen en impositien so wel reel als personnel mits gaders tenreguarde van de jurisdictie over syn person en familie soo in het criminel als civil.

Приложеніе 4-е.

а) *Къ характеристикѣ переговоровъ съ Нидерландами о торговомъ трактатѣ.*

Такъ какъ голландцы опасались утвержденія Россіи на Балтійскомъ морѣ, то Матвѣевъ въ 1703 г., съ цѣлью разсѣять ихъ опасенія и удержать ихъ отъ союза съ Швеціею, выражалъ готовность заключить торговый договоръ между Россіею и Нидерландами (Соловьевъ, Ист. Росс. XV, гл. 1). Точно такъ же въ 1706 г. при отправленіи Матвѣева въ Англію, ему поручено было разубѣждать англійское правительство въ опасности для Англіи пріобрѣтенія Россіею балтійскихъ портовъ, доказывать удобства торговли чрезъ эти порты съ Россіею и въ подтвержденіе всего этого предложить заключеніе торговаго договора съ Россіею (Тамъ же, гл. 3).

Вскорѣ послѣ того переговоры о договорѣ съ Нидерландами дѣйствительно открылись. Велись они въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и, какъ извѣстно, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели. Ими занимались то весьма дѣятельно, то они временно ослабѣвали, при чемъ не послѣднюю роль играли политическія соображенія. Какъ только замѣчалось нѣкоторое колебаніе въ политическомъ поведеніи Нидерландъ относительно Россіи, какъ только являлась опасность сближенія ихъ съ непріятелями Россіи, тотчасъ же русское правительство выступало съ предложеніемъ торговаго договора или же тѣхъ или иныхъ частныхъ льготъ или поправокъ въ самой системѣ русской торговли въ пользу интересовъ голландской торговли, и это средство во многихъ случаяхъ оказывалось дѣйствительнымъ.

Въ 1711 г. въ Россію прибылъ новый голландскій посланникъ Краненбургъ, и главнымъ порученнымъ ему дѣломъ было заключеніе торговаго договора съ Россіею. Между тѣмъ со стороны русскаго правительства въ отношеніяхъ къ Голландскимъ Штатамъ всѣ заботы направлены были исключительно на политическіе вопросы (отношенія Голландіи къ Швеціи и къ союзникамъ Россіи), а о торговомъ договорѣ съ нею забыли и думать. Довольно сказать, что «прежніе проекты, каковы съ ихъ (голл. статовъ) стороны были предложены, также и съ нашей по разсмотрѣнію чиненные здѣсь» оказались утраченными, и Матвѣеву приказано было «какъ наискорѣе съ первою оказіею оные всѣ списавъ прислать, дабы мы потому здѣсь могли съ нимъ (Краненбургомъ) поступить» [1]). Правда, теперь частью подъ вліяніемъ напоминаній Краненбурга, русское правительство дѣятельнѣе занялось вопросомъ о торговомъ трактатѣ, но политическіе мотивы все-таки оставались господствующими. Такъ, въ октябрѣ 1711 г. Матвѣевъ доносилъ [2]), что Франція, съ цѣлью посѣять раздоръ между Англіею и Голландіею, предложила Англіи весьма невыгодныя для Голландіи мирныя условія и что имѣвшаяся при этомъ цѣль достигнута, — Голландія стала весьма подозрительно относиться къ Англіи. И немедленно по полученіи этого извѣстія Матвѣеву отправляется приказаніе Царя, чтобъ въ виду возникшаго между Англіею и Голландіею несогласія, и въ виду оказываемой англичанами вслѣдствіе выгодности французскихъ имъ предложеній склонности къ миру, Матвѣевъ «нынѣ ближе голландцевъ къ себѣ склонялъ, предъявляя имъ склонность цар. вел-ва, что онъ (Царь) во всякихъ имъ нужныхъ случаяхъ хочетъ всякую пріязнь и вспоможеніе съ своей стороны явить, и ежели они того отъ е. вел-ва пожелаютъ, то и союзомъ съ ними обяжется и во знакъ склонности и пріязни своей къ нимъ, благонамѣренъ съ ними договоръ учинить о комерціи къ пользѣ обоихъ народовъ по предложенію о томъ ихъ посланника г. Краненбурга, на которое бъ предложеніе его посланниково о той комерціи цар. вел-во и нынѣ резолюцію свою учинить изволилъ, и тотъ договоръ повелѣлъ окончать, но понеже при дворѣ е. цар. вел-ва здѣсь о состояніи комерціи какъ въ Архангельскомъ портѣ, такъ и на Балтійскомъ морѣ подлиннаго извѣстія нѣтъ, то принуждены то отложить до прибытія его вел-ва въ свое государство, а по прибытіи, увѣдомившись о состояніи оной подлинно, немедленно резолюція къ вящей пользѣ

---

[1]) Головкинъ Матвѣеву 18 авг. 1711, № 2 (Голл. д. 1711, № 3).
[2]) Гол. д. 1711, № 4.

обоихъ народовъ на то прислана къ вамъ (Матвѣеву) будетъ; въ чемъ ваша милость изволь ихъ обнадежить и всячески склонять ихъ къ пріязни съ е. цар. величествомъ» [1]). Объясняется этотъ приказъ и это заявленіе дружбы нашей къ Голландіи тѣмъ, что Англія вообще выказывала склонность въ пользу Швеціи, а сверхъ того имѣла и договорныя съ нею обязательства, а потому замиреніе ея съ Франціею ранѣе окончанія нашей войны съ Швеціею для насъ являлось невыгоднымъ.

Позднѣе, въ 1712 г., когда замиреніе Англіи съ Франціею стало уже несомнѣнно, Матвѣеву предписано было, чтобы онъ «въ настоящее время, когда начали быть и уже явились у Англіи съ высокими союзники несогласія и распри, трудился Статовъ и цесаря склонять въ союзъ съ е. цар. вел-вомъ, къ чему, уповаемъ, нынѣ способное есть время и для того надлежитъ весьма при семъ случаѣ о томъ возможные труды прилагать» [3]).

Голландскій посланникъ Краненбургъ просилъ между прочимъ (въ августѣ 1711 г.), чтобъ въ завоеванныхъ Россіею у шведовъ городахъ на Балтійскомъ морѣ разрѣшена была свобода торговли [4]) и чтобы высокія существующія (шведскія) ввозныя и вывозныя пошлины въ Ригѣ, въ Ревелѣ и въ Перновѣ были уменьшены и установлены такія же, какія установлены «по слухамъ» въ Нарвѣ и Петербургѣ, и «которыя, чаютъ, съ тѣми сходны будутъ, какія взимаются въ Архангельскѣ». Наконецъ, Краненбургъ просилъ, чтобы Матвѣевъ уполномоченъ былъ къ заключенію торговаго трактата съ Голландіею [5]). Русское правительство уважило это представленіе, но при этомъ объявлено было нидерландскому правительству, что «хотя е. цар. вел-ву отъ умаленія пошлинъ въ тѣхъ вышеупомянутыхъ городахъ съ подданныхъ ихъ высокомочія Статовъ не малый будетъ въ сборѣ ущербъ и не безъ трудности есть ту отмѣну учинить, ибо Рига сдалась подъ державу е. вел-ва чрезъ ка-

---

[1]) Головкинъ Матвѣеву 11 ноября 1711, № 6 (Голланд. д. 1711, № 3). Фанденбургу Головкинъ писалъ (6 декаб. 1711), по поводу предложеній Краненбурга, что «понеже мы о семъ дѣлѣ (о комерціи и трактатѣ) не довольно извѣстны, того ради мы оное до Петербурга отложить принуждены были [2]), куда изъ Москвы разныхъ персонъ, которыя о семъ довольно извѣстны, со всякимъ надлежащимъ извѣстіемъ о семъ выписали; когда сіе дѣло тотъчасъ начато будетъ, и надлежащіе указы къ сочиненію трактата о купечествѣ присланы будутъ» (Гол. д. № 8). Ср. также отвѣтъ Краненбургу (Гол. 1709—1715, № 5).

[2]) Краненбургъ имѣлъ аудіенцію у Царя и конференцію съ Головкинымъ въ Ярославлѣ (въ Польшѣ).

[3]) Головкинъ Матвѣеву № 21 отъ 29 іюня 1712 (Гол. д. 1712, № 3).

[4]) Въ частности, — чтобы тамъ торговлѣ ни чрезъ какіе откупы или иныя помѣшки препятствія учинено не было.

[5]) Гол. д. 1711 № 18.

питуляцію, въ которой отъ е. цар. вел-ва обѣщано имъ, что они во всемъ противъ того содержаны будутъ, какъ ихъ старыя привилегіи, что уже потомъ и подтверждено, и потому то перемѣнить не безъ трудности, къ тому жъ, что въ тѣхъ городахъ товары, вѣсы и мѣры и во всемъ уставы и порядки особливые и большая часть въ тѣхъ городахъ торговли изъ Польши и изъ Литвы, и за тѣми всѣми обстоятельствы той отмѣны учинить и постановить не безъ трудности; однакожъ е. цар. вел-во по имѣющей своей всегда къ ихъ высокомочію пріязни не хотя для всѣхъ вышеименованныхъ причинъ того дѣла отлагать вдаль, повелѣлъ предложить имъ: что понеже отъ такъ великой въ тѣхъ всѣхъ городахъ пошлинной уступки подданнымъ ихъ высокомочія можетъ быть великая польза и прибытокъ, то цар. вел-во желаетъ за такъ великую съ стороны своей уступку и за авантажъ подданныхъ ихъ, дабы они, господа Статы соед. Нидерляндовъ обѣщали и обязали себя трактатомъ е. цар. вел-ву всѣ привращенныя наслѣдныя къ росс. государству провинціи Ижерскую и Корельскую и завоеванные отъ короны шведской Лифляндію и Эстляндію и Выборгъ гарантировать, дабы подъ державою цар. вел-ва оныя вѣчно пребывали, и ежели они, господа Статы тое гарантію на себя примутъ и трактатомъ себя е. вел-ву обяжутъ, то за то цар. вел-во укажетъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, въ Ригѣ, въ Ревелѣ, въ Пернау, въ Нарвѣ и въ Петербургѣ съ подданныхъ ихъ высокомочія пошлины имать противъ Архангелогородской пристани» [1]). Въ случаѣ несогласія на это голландскаго правительства, Матвѣеву и Куракину разрѣшено отказаться отъ требованія гарантіи Лифляндіи и Эстляндіи, но съ тѣмъ, чтобы Голландія не оказывала противности требованію Россіею ихъ уступки отъ Швеціи. Въ случаѣ согласія Голландіи на это требованіе, Матвѣеву и Куракину разрѣшено было заключить съ нею конвенцію о пошлинахъ съ голландскихъ купцовъ въ прибалтійскихъ завоеванныхъ отъ Швеціи портахъ согласно выраженному Краненбургомъ желанію [2]).

Такимъ образомъ уступку въ области экономической русское правительство ставило въ зависимость отъ политическихъ взамѣнъ ея выгодъ. И здѣсь опять мы видимъ, что въ глазахъ русскаго правительства коммерческіе интересы должны были служить средствомъ для достиженія цѣлей политическихъ, что

---

[1]) Сообщеніе Матвѣева и Куракина ратсъ-пенсіонарію на конференціи $^{1}/_{12}$ апр. 1712 (Гол. д. 1711, № 12) вслѣдствіе указа, сообщеннаго Головкинымъ Матвѣеву и Куракину письмами отъ 26 февр. 1712 (Гол. 1712, № 3 и 8). Ср. письма Матвѣева Головкину 1 и 8 апр. 1712, № 26 и 28 (Гол. д. 1712, № 5).

[2]) Полномочіе Матвѣеву и Куракину отъ 26 февр. 1712.

между этими двумя областями народной жизни русскимъ правительствомъ устанавливалась самая тѣсная связь, при чемъ интересъ политическій игралъ первенствующее все-таки значеніе.

Точно такъ же политическимъ соображеніямъ (отношенія къ Англіи и Швеціи, враждебнымъ Россіи) подчиняло вопросъ о торговомъ трактатѣ съ Россіею и центральное нидерландское правительство. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, производимое донесеніями Матвѣева Головкину. Собственно въ торговлѣ съ Россіею главнымъ образомъ заинтересована была провинція Голландія и городъ Амстердамъ, такъ какъ и компанія, торговавшая съ Россіею была амстердамская. Амстердамскіе купцы и бургомистры болѣе всего возмущались поведеніемъ Швеціи относительно нейтральной торговли и требовали репрессивныхъ противъ шведской торговли мѣръ; они же болѣе всѣхъ сочувствовали предположенію о заключеніи торговаго трактата съ Россіею [1]). Центральное правительство — Соединенные Штаты Нидерландовъ — также не могли, конечно, не признавать всей выгоды для государства отъ установленія правильныхъ, трактатомъ опредѣленныхъ торговыхъ отношеній къ Россіи, но они при этомъ принимали во вниманіе и отношенія къ Швеціи, съ которою имъ предстояло возобновить на болѣе выгодныхъ условіяхъ истекшій торговый трактатъ 1679 года, и отношенія къ Англіи, словомъ — интересы всего государства Соединенныхъ Нидерландовъ [2]). Такъ, въ вопросѣ о пошлинахъ съ голландскихъ кораблей въ балтійскихъ портахъ, завоеванныхъ Россіею у Швеціи, ратъ-пенсіонарій объявилъ Куракину и Матвѣеву, что «какъ это дѣло приналежитымъ есть больше въ особливости голландской провинціи и городу Амстердаму, а другія провинціи въ томъ купечествѣ интереса не имѣютъ, то для того надобно снестись съ прочими провинціями и что трудно будетъ приводить ихъ въ согласіе»; при этомъ онъ еще замѣтилъ, что «едва ли имъ можно, будучи самимъ въ своей войнѣ (съ Франціею) пребывая и насъ видя въ той же, своею гарантіею обязався съ нами, съ польскимъ и съ датскимъ королями опять новую противъ Швеціи свою объявить». Нѣсколько дней спустя, ратъ-пенсіонарій объявилъ Матвѣеву, что «Статы желаютъ вступить только въ обыкновенный трактатъ о торговлѣ, какъ тѣ у нихъ заключены есть съ иными принцами; но что касается до гарантіи ихъ о нынѣшнихъ завоеванныхъ городахъ, то при своей войнѣ столь

---

1) См. напр. письмо Матвѣева Головкину 7 мар. 1712, № 19 и 6 мая, № 36.
2) См. напр. письмо Матвѣева Головкину отъ 6 мая 1712, № 36.

тяжкой на себя имъ такого бремени принять отнюдь нельзя и не будутъ въ состояніи то исправить; еслижъ при мирѣ и при свободныхъ ихъ рукахъ, то бы могло гораздо способнѣе и дѣйствительнѣе учиниться». Но всего характернѣе сдѣланное ратъ-пенсіонаріемъ Матвѣеву заявленіе, что «у нихъ обыкновенно есть сперва порядочный договоръ о торговлѣ по примѣрамъ иныхъ державъ заключить, а потомъ силою того вступать въ прочія къ союзу належитости, не смѣшивая одно дѣло съ другимъ» [1]).

Письмомъ изъ Гаги $^{15}/_{26}$ декаб. 1713, № 72 (отвѣтъ на № 26 и 27) Куракинъ извѣщаетъ Головкина[2]), что вслѣдствіе захвата шведами въ Балтійск. морѣ 7-ми голландскихъ и 3 англійскихъ кораблей, возвращавшихся изъ русскихъ портовъ, Англія предложила Голландіи отправить въ это море соединенный военный флотъ будто бы для охраны торговаго судоходства. О торговомъ трактатѣ «ежелибъ и склонности е. цар. вел-ва ко окончанію онаго не было, то однакожъ лучше хотя тягостныя кондиціи опредѣлить и дать указъ на тѣхъ трактовать токмо для одного продолженія времени и здѣшнихъ поманки, и конечно мнѣ нужно есть въ нынѣшнихъ мѣсяцахъ до Мая будущаго, что ни есть въ рукахъ имѣть и съ ними здѣсь трактовать, для того когда изъ Англіи и отсель на веснѣ корабли къ городу (Архангельску) и въ другія пристани пойдутъ, тогда на всю компанію будущую опять можемъ съ сей стороны отъ обѣихъ потенцій морскихъ въ безопасности остаться. Я бъ конечно чаялъ лучше, чтобъ тотъ трактатъ комерціи съ здѣшними учинить и чрезъ тотъ съ ними въ аліансъ оборонительной вступить для того, что они, господа Статы, нынѣ, по учиненіи съ Франціею мира, со всѣми аліансъ свой окончили и нынѣ больше ни съ кѣмъ не имѣютъ» и вѣроятно не откажутся вступить въ союзъ съ Россіею.

«Здѣшняя республика, — писалъ Куракинъ[3]), — паче всего трудится свои комерціи повсюду видѣть на добромъ основаніи, но россійское комерціе у города Архангельскаго было и донынѣ есть безъ всякаго основанія и съ частыми перемѣнами, и уже немного товаровъ осталось, чтобъ въ обществѣ могло быть продано, но всѣ въ рукахъ немногихъ персонъ и наинужные товары въ монополѣ и тѣмъ велпкое видятъ торгамъ предосуждененіе». Въ виду всего этого Штаты и подали послу Мат-

---

[1]) Письма Матвѣева Головкину 11, 15 и 22 апр. 1712, № 29, 30 и 32; тоже Куракина 11 апр. 1712, № 40.
[2]) Гол. д. 1713, № 4.
[3]) Голл. д. 1714, № 5: Письмо Б. Куракина къ Г. И. Головкину отъ $^{17}/_{28}$ сентября 1714, № 118.

вѣеву проектъ коммерціи трактата, но вотъ уже прошло около пяти лѣтъ, а трактатъ все еще не заключенъ, и на ихъ желаніе объ отмѣнѣ всѣхъ монополій и объ утвержденіи торговли на лучшемъ и вольномъ основаніи никакой склонности его цар. величества не показано. Все это, по свидѣтельству Куракина, служитъ поводомъ къ неудовольствію Штатовъ противъ Россіи, а такъ какъ для Россіи при нынѣшней ея войнѣ съ Швеціею должно быть желательно имѣть ихъ на своей сторонѣ, то наилучшее для этого средство — заключить съ ними торговый трактатъ. При этомъ относительно торговли въ Балтійскомъ морѣ можетъ послужить образцомъ торговый трактатъ Нидерландовъ съ Швеціею.

Вслѣдствіе этого письма Куракина Царь приказалъ немедленно заняться разсмотрѣніемъ этого вопроса. Собраны были всякія потребовавшіяся справки и къ концу года русскій проектъ былъ оконченъ. Однако еще ранѣе отправки проекта къ Куракину, ему было объявлено, что главный предметъ жалобъ и неудовольствія голландскихъ купцовъ, — объявленіе о прекращеніи торговли въ Архангельскѣ, — былъ устраненъ разрѣшеніемъ по желанію торговать въ Архангельскѣ или Петербургѣ. Сверхъ того о хлѣбной пошлинѣ указано брать съ четверти за отпускъ только по $^1/_4$ ефимка, а «четырехъ процентовъ, которые сверхъ того требованы съ нихъ, имать съ нихъ не велѣно. И хотя было по уставу и надлежало брать ту пошлину, понеже и со всѣхъ другихъ товаровъ берется, однакожъ ради пріязни своей къ нимъ, Статамъ, е. цар. вел-во то оставить изволилъ ради ихъ облегченія»[1]). Наконецъ, Куракину, выѣхавшему въ это время во временную миссію въ Лондонъ, дано было повелѣніе, чтобы между тѣмъ онъ объявилъ «въ генеральныхъ терминахъ, что царское величество всякую возможную умѣренность въ томъ покажетъ, такожъ и въ трактатѣ о комерціи покажетъ многую предъ прежнимъ Голландіи, а потомъ и Англіи уступку и авантажъ, только чтобъ и они съ своей стороны царскому вел-ву показали въ кондиціяхъ мира (съ Швеціею) склонность», такъ какъ Англія и Голландія возражали противъ присоединенія Ливоніи къ Россіи[2]). «За такую склонность» въ вопросѣ о Лифляндіи царь готовъ «показать Англіи и Голландіи въ купечествѣ тамо такую пользу, чтобъ и предъ прус-

---

[1]) Письма Головкина къ Куракину № 35 отъ 19 ноября, № 38 отъ 17 декабря и № 40 отъ 31 декабря 1714. (Голл. д. 1714 № 3). Не былъ ли отправленъ проектъ въ Лондонъ, куда съ ноября уѣхалъ Куракинъ?

[2]) Ср. письмо Куракина къ Головкину отъ $^{17}/_{28}$ мар. 1713, № 20 (Гол. д. 1713, № 4): они опасались заведенія русскаго флота и открытія непосредственной торговли между Россіею и друг. государствами, безъ ихъ посредничества.

скимъ многую уступку въ пошлинахъ и привилегіяхъ позволилъ и чтобъ за то и министры въ томъ труждающіеся довольное награжденіе получить могли».

Въ 1713 г. сильное неудовольствіе вызвано было въ Голландіи переводомъ главной торговли Россіи изъ Архангельска въ Петербургъ. Такъ какъ шведскій сенатъ воспользовался этимъ для изданія постановленія конфисковать всѣ корабли, идущіе въ завоеванные Россіею прибалтійскіе порты, то голландскіе (и англійскіе) купцы стали требовать отъ своихъ правительствъ, чтобы отправлены были въ Балтійское море военные корабли для конвоированія купеческихъ, иначе они принуждены будутъ отказаться отъ данныхъ ими и отъ принятыхъ на себя заказовъ впредь до болѣе благопріятнаго мирнаго времени. Мало того, голландцы прямо выражали сильное неудовольствіе противъ внезапнаго распоряженія о переводѣ торговли изъ Архангельска въ Петербургъ, особенно въ военное время, такъ какъ это распоряженіе неминуемо должно причинить купцамъ значительные убытки. Обыкновенно между дружественными государствами принято предупреждать другъ друга о подобныхъ важныхъ перемѣнахъ въ торговлѣ, — говорили они, — и входить во взаимныя въ такихъ случаяхъ соглашенія, чтобъ избѣгнуть предосужденія какъ для одной, такъ и для другой стороны [1]). Русское правительство уступило, и разрѣшило голландцамъ по прежнему торговлю въ обоихъ городахъ по желанію, такъ какъ оно главнымъ образомъ опасалось введенія англійскаго и голландскаго флота въ Балтійское море (опасаясь за Данію [2]). Куракину и приказывается употреблять всѣ усилія, даже угрозы къ отклоненію Голландіи отъ такого рѣшенія. Но Куракинъ предлагаетъ все то же средство: «необходимо учинить трактатъ комерціи, а притомъ и союзный трактатъ, какъ то обыкновенно чинится между всѣми потенціи — къ твердому содержанію того трактата комерціи; также въ ономъ и артикулы о навигаціи вмѣшиваются» [3]). Потомъ, 31 мая (11 іюня) 1714 г. кн. Куракинъ пишетъ канцлеру Головкину [4]):

«О трактатѣ комерціи велѣно (мнѣ) объявить, что не можетъ инако учиненъ быть, какъ на старомъ основаніи; и ежели теперь такъ объявить, то здѣшнихъ господъ всѣхъ въ иное мнѣ-

---

[1]) Донесенія Куракина изъ Гаги 1(13) янв. 1714, № 74, 12 (23) февр. № 82, 26 февр. № 85 и 86.

[2]) Головкинъ Куракину 15 янв. 1714 № 3, 25 янв. № 5, 29 янв. № 6 и 5 февраля № 7 (Голл. д. 1714, № 3) и письма Куракина 26 февр. 1714 № 85, 21 мая № 99, 6 и 20 іюля № 108 и 109.

[3]) Куракинъ Головкину 26 февр. (9 мар.) 1714, № 85.

[4]) Голл. д. 1714, № 5: Письма Куракина къ Головкину № 102.

ніе приведу и что больше въ порядочномъ комерціи уже уповать въ наши краи не будутъ; также ни о оборонительномъ трактатѣ, ни о тѣсномъ обязательствѣ дружбы уже больше думать не будутъ; а и проектъ здѣшнихъ учиненъ былъ такой, чтобъ сей республикѣ обязаться въ союзъ съ цесаремъ, что и учинится, также съ царскимъ вел. и датскимъ и ганноверскимъ, и тѣмъ бы балянсъ Европы противу Франціи и Англіи содержать. Но сіе дѣло о комерціи по сіе число имъ не объявлялъ, какъ мнѣ указы повелѣли, и продолжаю до августа мѣсяца, а тамъ объявлю для того, что лѣто свободно пройдетъ въ операціяхъ, а потомъ что ни случится — время покажетъ».

Между тѣмъ, нѣсколько времени спустя [1]), Куракинъ опять напоминаетъ о высказанномъ имъ въ февралѣ еще мнѣніи. Какъ мы уже могли замѣтить, Куракинъ былъ несомнѣннымъ сторонникомъ союза Россіи съ Англіею и Нидерландами. А для вступленія въ такой союзъ съ ними, по его мнѣнію, представлялся одинъ только способъ, — заключить съ ними трактаты о торговлѣ «нынѣ, не упуская времени, такъ какъ къ заключенію такого трактата эти державы весьма окажутся склонны, ибо онѣ желаютъ видѣть комерцію на постоянномъ основаніи, нежели до сего времени продолжалось. И когда оный ко окончанію будетъ приходить, то обыкновенно чинится для содержанія онаго трактатъ аліансу оборонительнаго», которой хотя бъ былъ въ генеральныхъ терминахъ, однако будетъ весьма полезенъ... «Теперь возвратимся на трактатъ комерціи и оборонительнаго союзу, что оные оба никогда не могутъ быть сдѣланы безъ уступки умѣренной какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, а особливо на ихъ желаніе, хотя не на все, но нѣкоторою частію и когда заблагоизобрѣтено будетъ въ то дѣло вступить, то прежде о всемъ надлежитъ разсмотрѣть такъ, — что имъ нужно есть, а россійской имперіи не гораздо тягостно, въ тѣхъ кондиціяхъ имъ уступить; ежели же что весьма невозможно учинить, то во оной мѣрѣ и содержать; а ежели имъ объявить, чтобъ быть тому комерцію на старомъ основаніи, какъ было до сего времяни, то лучше имъ никакихъ проектовъ не казать и въ то дѣло не вступать. А что принадлежитъ до трактату комерціи, начатомъ между е. цар. вел. и гг. Статы, которой уже чрезъ 5 лѣтъ не могъ быть приведенъ ко окончанію, но послѣднимъ указомъ подъ № 13 отъ 23 марта 1714 г. изъ СПбурга мнѣ повелѣно имъ, Статамъ, на послѣдніе ихъ ремарки объявить, чтобъ тому трактату быть и заключить

---

[1]) Письмо Куракина къ Головкину $\frac{31 \text{ авг.}}{11 \text{ сент.}}$ 1714, № 115 (Голл. дѣла 1714, № 5), къ нему приложено мнѣніе Куракина объ отношеніяхъ къ Англіи и Голландіи.

на прежнемъ торговомъ россійскомъ основаніи, съ котораго устава торговаго я амстердамскимъ депутатамъ переводъ сообщилъ и желалъ прежде вѣдать ихъ намѣренія и склонности къ тому, и на то ихъ нашелъ краткое разсужденіе, что ежели на другомъ лучшемъ основаніи не будетъ трактатъ комерціи учиненъ, то на прежнемъ основаніи устава торговаго не имѣютъ нужды учинить, и разсуждаютъ тотъ торгъ оставить такъ безъ трактата. — Я усмотря здѣсь по се число формально имъ такъ противъ указа не объявлялъ, понеже изъ того иного не значитъ, что отказъ, и оставилъ такъ до времени, и ежели больше склонности къ тому отъ двора не будетъ, то и впредь лучше такъ оставить безъ отвѣта, нежели такой отвѣтъ учинить, который бы имъ непріятенъ былъ или бъ еще злобныхъ ихъ возставилъ, но разсудилъ безотвѣтно ихъ оставить на предбудущее во всякомъ упованіи». Въ заключеніе Куракинъ повторяетъ совѣтъ не упускать благопріятнаго случая и «со всякою прилежностію здѣшнимъ потенціямъ горячую склонность во обязательство съ ними всякой дружбы показать; но ежели упустимъ, весьма опасенъ, чтобъ Швеція прежнихъ своихъ аліансовъ не подтвердила и вновь трактата комерціи не учинила, который уже прошлаго года изъ лѣтъ своихъ вышелъ, и чтобъ кондиціи торговли въ авантажъ здѣшнимъ не объявила, равнымъ же образомъ и здѣшнія бъ потенціи интересъ Швеціи паче къ сердцу не приняли».

Указъ Куракину отъ 4 сент. 1716, № 12[1]). (Отвѣтъ на реляціи его отъ 21 и 25 авг. № 19 и 20.)

«Хотя е. ц. в-ву о всемъ томъ донесено, однакожъ еще не изволилъ слушать разности въ проектахъ, на которые соизволеніе отъ е. в-ва получа, будетъ отвѣтствовано къ вамъ впредь. Но понеже оные такого содержанія, что трудно могутъ приняты быть, къ тому жъ понеже они на союзъ оборонительный и гарантный склонности никакой не являютъ, хотя отъ нихъ самихъ оный сперва съ такою горячестію былъ предложенъ, итако, не имѣя е. ц. в-во никакого авантажа, мало имѣетъ причины оный трактатъ комерціи заключать и тѣмъ себѣ безъ пользы руки связывать». Отпускъ этого указа подписанъ былъ Головкинымъ, Шафировымъ и Толстымъ.

b) *Матеріальныя условія для торговаго трактата.*

Переводъ съ статей, каковы по-голландски были поданы на примѣръ о торговлѣ послу Матвѣеву отъ велик. пенсіонарія

[1]) Гол. д. 1716, № 2.

сентября въ послѣднемъ числѣ 1709 г. (Гол. д. 1712, № 13, л. 32 об., тоже 1709, № 5).

Понеже до сихъ мѣстъ между е. цар. вел-ва съ одной и высокомочныхъ господъ Статовъ генер-хъ Соед-хъ Нидерляндовъ съ другой стороны крѣпкая и усердная дружба находилася и оныхъ подданные со взаимною прибылью между собою торговали, а донынѣ еще между вышепомянутаго е. ц. в-ва и высоком. гг. Статовъ генер-хъ договора о торговлѣ не бывало, того ради его жъ высокопомянутое ц. вел-во и высоком. гг. Статы генер-ые для укрѣпленія своей усердной дружбы и для приращенія пользы своихъ обоихъ подданныхъ заблагоразсудили договоръ о торговлѣ между собою постановить; тѣмъ намѣреніемъ (такіе-то уполномоченные) на время и до коихъ мѣстъ дѣла къ заключенію полнаго договора о торговлѣ въ большую зрѣлость произведутся, опредѣлили послѣдующіе пункты:

1. Да пребудетъ между е. ц. в-ва и гг. Статовъ генер-хъ, также и между ихъ подданныхъ древняя и усердная дружба и доброе согласіе, которое всякъ по своей возможности да потщится умножить и простирать.

2. При послѣдованіи того свободно да будетъ по заключеніи сего трактата подданнымъ е. цар. в-ва въ Соед. Нидерлянды ѣздить и тамъ торговать и да будутъ имъ всѣ торговли касаемыя вольности и привилегіи позволены, которыя власные стацкіе подданные имѣютъ, и потому оные высокопомянутаго цар. вел-ва подданные до товаровъ и до кораблей надлежащія пошлины, налоги и платежи или какое имя тѣ имѣть ни будутъ Статовъ Нидерляндскихъ въ державѣ, такъ какъ власные стацкіе подданные платятъ, платить будутъ.

3. Равнымъ образомъ и взаимно позволено будетъ по заключеніи сего трактата подданнымъ ихъ высокомочествъ во всѣ пристани е. цар. вел-ва, лежащія на Сѣверномъ, Бѣломъ и на Балтійскомъ морѣ, во всѣ государства державы и земли е. ц. вел-ва ѣздить и тамъ торговать, также во всемъ томъ, что до комерціи принадлежитъ тѣ же вольности и привилегіи имѣть, которыя власные подданные е. цар. вел-ва имѣютъ, и потому подданные, что касается до товаровъ и кораблей надлежащихъ пошлинъ, налоговъ или платежей или какое имя тѣ имѣть ни будутъ, въ е. цар. вел-ва государствахъ, земляхъ и областяхъ ничего больше платить не будутъ, какъ власные е. ц. в-ва подданные платятъ.

4. Ежели же съ одной или съ другой стороны нѣчто найдется, чтобъ въ помянутой взаимной вольности въ навигаціи и комерціи препятствіе учинить или постановленной равности въ обхожденіи съ обѣихъ сторонъ подданными въ дѣлѣ комер-

ціи какимъ образомъ противно быть могло, то все по подтвержденіи сего договора тотчасъ отставлено да будетъ и больше стыда не имѣетъ.

5. Силою того жъ да будетъ свободно обѣихъ сторонъ поддаппымъ всякіе товары и купецкія вещи въ обѣихъ сторонъ областяхъ и земляхъ покупать и продавать отъ кого и кому имъ угодно будетъ, также и всѣ проданныя и заключенныя (т.-е. договоренныя) вещи вывозить безъ всякой помѣшки, развѣ какой генеральный заказъ, который какъ до власныхъ подданныхъ, такъ и чужеземцевъ касаться будетъ, о вывозѣ нѣкоторыхъ товаровъ и купеческихъ вещей учинится.

6. Еще жъ свободно да будетъ подданнымъ е. ц. в-ва на своихъ собственныхъ корабляхъ ѣздить и торговать въ государства и земли, которыя съ Статами въ войнѣ обрѣтаются, какъ же то и равнымъ образомъ подданнымъ ихъ высокомочествъ позволено да будетъ ѣздить и торговать въ государства и земли съ его помянутымъ цар. вел-вомъ воюющія и да не учинится другъ другу съ обѣихъ сторонъ никакого въ томъ помѣшанія.

7. Когда подданные ихъ высокомочествъ у города должны будутъ платить что ефимками и червонными, сіе да возмогутъ исправить такими ефимками и дукатами, каковы здѣсь въ Нидерляндахъ или въ Брабантѣ биты бываютъ и здѣсь въ вексельныхъ банкахъ принимаются.

8. Ежели между подданныхъ высокихъ договаривающихся, какъ въ дѣлахъ купечества, такъ и въ иныхъ нѣкоторыхъ, особливая разность или какая инаи ссора прилучится, то оная любовно или, при неучиненіи того, отъ судей издревле къ тому опредѣленныхъ суждена и окончена быть имѣетъ. Потому жъ ежели подданные ихъ высокомочествъ противу подданныхъ е. ц. вел-ва или противъ иныхъ народовъ тяжбу въ Москвѣ имѣть будутъ, или высокопомянутаго е. ц. в-ва подданные или иные народы чего ни есть Статовъ генеральныхъ на подданныхъ правомъ доходить станутъ, то сіе все да отправится токмо въ Посольскомъ Приказѣ, какъ издревле бывало, и судьи обоимъ сторонамъ скорый и справедливый судъ да учинятъ.

9. Ежели въ нечаяніи нѣчто припадетъ, въ чемъ бы одинъ изъ высокодоговаривающихся или подданные его противу содержанія сего договора поступили или оный нарушили или обижены были, то однакожъ чрезъ то сей договоръ да не порвется, но паче изобиженной сторонѣ любовно достойное да подастся удовольство, толь меньше жъ въ случаѣ какой разности и неудовольства между высокопомянутымъ е. ц. в-вомъ и ихъ высокомочествомъ (что Боже милостивый да отвратитъ) ихъ

подданные для того обезпокоены быть да не могутъ, но паче въ такомъ случаѣ не чаемомъ обѣихъ сторонъ подданнымъ свободное расположеніе о своихъ пожиткахъ и особахъ да пребудетъ.

10. Сей договоръ въ запасъ силу имѣть будетъ на 10 лѣтъ, считая отъ дня размѣны взаимныхъ подтвержденій, а между тѣмъ стараніе приложено будетъ, дабы еще о иныхъ пунктахъ къ вящему умноженію и продолженію съ обѣихъ сторонъ купечества согласиться.

11. Сей же договоръ подтвержденъ да будетъ въ 5 мѣсяцевъ или скорѣе, ежели то учинить будетъ возможно, а сіе время начнется отъ дня подписи сего договора.

Переводъ съ статей цыфирныхъ, присланныхъ отъ двора его цар. вел-ва изъ Петербурха іюня отъ 3 дня къ постановленію договора о торговлѣ, послу г. Матвѣеву, полученныя 10 іюля 1711 года (Гол. д. 1712, № 13, л. 29 и въ дѣлѣ 1709—1715 г. № 5, проектъ 1710 г.; тоже въ Гол. д. 1712, № 22).

Проектъ къ договору.

Понеже до сихъ мѣстъ между е. цар. вел-ва съ одной и высокомочныхъ гг. Статовъ Генеральныхъ Соед. Нидерляндовъ съ другой стороны крѣпкая дружба находится и оныхъ подданные со взаимною прибылью между собою торговали, а донынѣ еще между е. цар. вел-ва и высокомочныхъ господъ Статовъ договора о торговлѣ не бывало, того ради его же вышепомянутое цар. вел-во и высокомочные гг. Статы Генеральные, для укрѣпленія своей усердной дружбы и для приращенія пользы своихъ обоихъ подданныхъ заблагоразсудили договоръ о торговлѣ межъ собою постановить; тѣмъ намѣреніемъ (такіе-то обоюдные уполномоченные) на время и до коихъ мѣстъ дѣла къ заключенію полнаго договора о торговлѣ въ большую зрѣлость произведутся, опредѣлили послѣдующія статьи:

1. Да пребудетъ между е. цар. вел-ва и господъ Статовъ Генеральныхъ, такожъ и между ихъ подданныхъ древняя усердная дружба и добрая пересылка, которую всякъ по своей возможности да потщится умножить и прирастить.

2. При послѣдованіи того свободно да будетъ[1]) подданнымъ е. цар. вел-ва въ Соед. Нидерлянды *моремъ* ѣздить и тамъ торговать *безъ всякаго помышательства,* и да будутъ имъ всѣ торговли касаемыя вольности и привилегіи позволены, такъ какъ *иныхъ иностранныхъ пріятельскихъ областей подданные*

[1]) Прибавлено Матвѣевымъ: по заключеніи сего трактата.

имѣютъ; и потому оные вышепомянутаго е. цар. вел-ва подданные до товаровъ и кораблей надлежащія пошлины и платежи или какое имя тѣ имѣть ни будутъ, Статовъ Нидерландскихъ въ державѣ *противъ помянутыхъ иныхъ областей подданныхъ, како оные въ настоящемъ времени при заключеніи сего трактата по уставамъ ихъ платятъ,* платить будутъ.

3. Равнымъ образомъ и взаимно дозволено будетъ подданнымъ ихъ высокомочествъ[1]) во всѣ государства, державы и земли е. цар. вел-ва *моремъ* ѣздить и тамъ торговать и во всемъ, что до комерціи принадлежитъ тѣ жъ свободы и привилегіи имѣть, *какъ подданные иныхъ областей въ е. цар. вел-ва области имѣютъ* и потому помянутые подданные отъ товаровъ и отъ кораблей большихъ пошлинъ и котораго ни есть имени податей въ государствахъ, земляхъ и областяхъ е. цар. вел-ва платить не будутъ, какъ *помянутые иныхъ державъ дружескихъ подданные платятъ по настоящему е. цар. вел-ва при заключеніи сего трактата уставу.*

4. Ежели же отъ одной или отъ другой стороны означенной взаимной свободы въ морскомъ ходѣ и въ торговлѣ нѣчто преслѣдствующаго найдется, или опредѣленной ровности въ поведеніи обѣихъ сторонъ подданныхъ въ дѣлѣ торговомъ противнаго, сіе въ тотъ часъ по подтвержденіи сего договора да будетъ отставлено.

5. Силою того же свободно да будетъ обѣихъ сторонъ подданнымъ всякіе товары и купеческія вещи обѣихъ сторонъ въ областяхъ и земляхъ покупать и продавать отъ кого и кому имъ угодно будетъ, *по торговому уставу обѣихъ державъ,* такожъ и всѣ проданныя и договоренныя вещи вывозить безъ всякой помѣшки, развѣ учинится какой генеральный заказъ, который какъ власныхъ подданныхъ, такъ и чужеземцевъ касаться будетъ, о вывозѣ нѣкоторыхъ товаровъ и купеческихъ вещей, *такожъ ежели которые товары изъ казны обѣихъ державъ продаваться обыкли.*

6. Еще жъ свободно да будетъ подданнымъ цар. вел-ва на своихъ власныхъ корабляхъ моремъ ходить въ государства и въ земли, которыя съ Статами въ войнѣ находятся и тамъ торговать всякими своими товары безъ изъятія; ровнымъ видомъ подданнымъ ихъ высокомочествъ дозволено да будетъ ѣздить въ государства и земли съ е. цар. вел-вомъ воюющія и тамъ торговать всякими жъ своими товары безъ изъятія и не учинить другу съ обѣихъ сторонъ никакого въ томъ помѣ-

---

[1]) Прибавлено Матвѣевымъ: во всѣ пристани е. цар. вел-ва, лежащія на Сѣверномъ, Бѣломъ и Балтійскомъ морѣ.

шательства, и да пошлются ко всѣмъ воинскимъ кораблямъ и съ комиссіею ѣздящимъ и къ каперамъ указы, чтобъ такихъ кораблей съ обѣихъ сторонъ не брали, а ежели съ которой стороны то не содержится и изъ того на которую сторону убытокъ какой приключится, и тогда имѣетъ другая сторона по учиненномъ розыскѣ и истинѣ приключенные убытки заплатить.

7. Ежели между подданныхъ обѣихъ сторонъ договаривающихся въ дѣлѣ купечества нѣкоторое особливое несогласіе или иная которая ссора приключится, и оная любовно или, буде въ томъ упорство явится, то отъ судей издревле къ тому надлежащихъ осужденна и окончена да будетъ. Къ тому жъ, ежели кто изъ подданныхъ ихъ высокомочествъ противъ подданныхъ е. цар. вел-ва или противъ иныхъ народовъ тяжбу имѣть на Москвѣ будетъ или также егда цар. вел-ва подданные или иные народы чего ни есть на Статовъ Генеральныхъ подданныхъ правомъ доходить станутъ, сіе все да отправится съ обѣихъ сторонъ въ посольскомъ Приказѣ, какъ издревле бывало и судьи обѣимъ сторонамъ скоро и правдиво дѣла да разсудятъ; въ областяхъ же Генеральныхъ Статовъ е. цар. вел-ва подданнымъ судъ и расправа взаимно тому въ вышнемъ ихъ судѣ по правости да учинится.

8. Если нечаянно нѣчто припадетъ, въ чемъ бы изъ обоихъ договаривающихся или подданные его противу содержанія сего договора поступили или оный нарушили, и тѣмъ сей договоръ да не порвется для той причины, но изобиженной сторонѣ любовно да подастся по правости удовольство, ниже при случаѣ несогласія или неудовольства между е. цар. вел-ва и ихъ высокомочествъ (отъ чего Богъ милостивѣйшій да защититъ) подданные ихъ будутъ обезпокоены для той причины и при нечаянномъ такомъ припадкѣ подданные обѣихъ сторонъ свободу расположенія своихъ особъ и пожитковъ да одержатъ.

9.[1]) Церкви и отправленіе вѣры во областяхъ высокомочныхъ Статовъ россійск. народа греческаго исповѣданія равенственно позволено будетъ, якоже и реформатскаго закона въ росс. государствѣ позволеніе имѣютъ. (Ежели великую въ томъ находить будутъ трудность и отговариваться будутъ, что ни англичанамъ презбитеріанамъ церкви публично не позволено, то о семъ извольте представлять, что лютераномъ позволено въ Амстердамѣ кирху имѣть, буде же того весьма не похотятъ учинить, то чтобъ по послѣдней мѣрѣ позволено было въ домахъ церкви имѣть и службу Божію отправлять россіянамъ безъ всякаго возбраненія).

[1]) Лишняя противъ голландскаго проекта.

10.[1]) Ихъ высокомочествъ подданные ежели пожелаютъ впредь въ пристаняхъ и въ иныхъ городахъ государства великороссійскаго имѣть дворы особые и прикащиковъ для торговли своей по прежнимъ примѣрамъ (какъ тѣ свободы отъ е. цар. вел-ва въ Москвѣ и Архангелогородской пристани нынѣ употребляются), то имъ да будетъ позволено, токмо подъ симъ опредѣленіемъ, дабы и ихъ высокомочествъ въ областяхъ и въ городахъ е. цар. вел-ва подданнымъ имѣть домы и прикащиковъ со всякою свободою и съ привилегіями подобными, какъ иныхъ государствъ купцамъ таково жъ позволеніе дано было.

11.[2]) Въ пріѣзды съ кораблями е. цар. вел-ва подданныхъ въ пристани и во всѣ ихъ высокомочества области, провинціи и города, чтобъ съ нихъ безъ всякой прибавки конвойныя и ластовыя деньги и иной всякій денежный платежъ какой ни случится брать столько, сколько другихъ государствъ купцы платятъ по уставу; равномѣрно же и въ пристаняхъ е. цар. вел-ва ихъ высокомочествъ подданные оные опредѣленные платежи противъ того жъ, какъ съ подданныхъ е. цар. вел-ва будутъ брать, во области ихъ высокомочествъ платить имѣютъ.

12. Когда е. цар. вел-ва воинскимъ кораблямъ или яхтамъ случится быть въ пристаняхъ ихъ высокомочествъ, или гдѣ сойтиться на морѣ съ ихъ воинскими и иными кораблями, тако жъ и высокомочныхъ господъ Статовъ кораблямъ воинскимъ и инымъ въ пристаняхъ владѣнія е. цар. вел-ва, и тогда какъ при крѣпостяхъ, такъ и при сходахъ кораблей да будетъ отъ стороны высокомочн. гг. Статовъ поступлено въ почтеніи и въ церемоніяхъ во всемъ противъ того, какъ съ другихъ коронованныхъ главъ флоты отъ нихъ чинится, равною жъ мѣрою и отъ стороны е. цар. вел-ва въ такихъ случаяхъ учинено онымъ да будетъ, какъ имъ коронованныхъ главъ отъ флотовъ и кораблей чинится.

13.[3]) И для лучшаго сообязательства впредь дружбы между е. цар. вел-ва и ихъ высокомочествъ, обѣщаютъ силою всего обѣ стороны договаривающіяся едина другой пользы во всякихъ случаяхъ искать, убытокъ же и зло отвращать и непріятелямъ одной или другой стороны сей настоящей на обѣихъ сторонахъ войны никакого вспоможенія не чинить.

14. Сей договоръ въ запасъ силу имѣть будетъ на 10 лѣтъ, считая отъ дня размѣны взаимныхъ подтвержденій, а между того попеченіе приложится о сходствѣ въ иныхъ статьяхъ для

---

[1]) Лишняя противъ голландскаго проекта.
[2]) Тоже.
[3]) Тоже.

вящаго умноженія и продолженія съ обѣихъ сторонъ торговли успѣха съ общаго соизволенія.

15. Сей же договоръ подтвержденъ будетъ во времени 5 мѣсяцевъ или скорѣе, ежели то учинить будетъ возможно, а сіе время начнется отъ дня подписи сего договора».

(Въ отвѣтъ Голландскіе Штаты подали Матвѣеву въ 1712 году свой прежній проектъ).

Государственный канцлеръ графъ Головкинъ, изъ Эльбинга, отъ 6 ноября (1711 г.) писалъ въ Сенатъ: «царское величество указалъ ему къ Прав. Сенату писать, дабы выбравъ на Москвѣ изъ гостей и изъ иныхъ лутчихъ купцовъ человѣка 4 или 5, которые бъ могли довольно знать о купеческихъ дѣлахъ на Москвѣ, у гор. Архангельскаго и въ иныхъ городахъ, такъ же и о сборѣ пошлинномъ, прислать въ С.-Петербургъ; такъ же съ ними прислать списки съ торговыхъ уставовъ какъ старыхъ, такъ и вновь состоятельныхъ и иныя всякія потребныя къ тому вѣдомости и выписки, для того, что тамъ при дворѣ его царскаго величества аглинскій посолъ и голландскій посланникъ предлагали объ учиненіи между его царскаго величества и тѣми державами вновь о торговлѣ договоръ, и къ тому такіе о купечествѣ свѣдомые люди и торговые уставы и вѣдомости надобны, чтобъ Прав. Сенату учинить въ немедленномъ времени". Вслѣдствіе этого въ Сенатѣ состоялся слѣд. приговоръ: „1711 года, ноября 26 дня, Прав. Сенатъ, слушавъ сей выписки, приговорили: по писму государственнаго канцлера тайнаго совѣтника кавалера Гаврила Ивановича Головкина въ С.-Питербурхъ послать купецкихъ людей: Алексѣя Филатева, Семена Панкратьева, Илью Исаева, Ивана Стрежнева, да для китайскаго торгу купчину Ивана Саватѣева, Михайла Гусятникова, и дать имъ съ торговыхъ уставовъ списки; а что имъ и сверхъ тѣхъ торговыхъ уставовъ какія надобны вѣдомости, также и что имъ для той посылки надобно подводъ, взять роспись, и по той росписи отправить откуды что надлежитъ. [1])

Они отправлены 15 декабря 1711 г.

Между прочимъ купцы Алексѣй Филатьевъ, Семенъ Панкратьевъ и Илья Исаевъ [2]) въ отвѣтъ, вѣроятно, на запросъ правительства, подали слѣдующее доношеніе [3]) по поводу 2, 3, 5 и 7-й статьи голландскаго проекта 1709 года и представленій голландскаго посланника Краненбурга 1711 года:

---

[1]) Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ, I № 456 стр. 319.
[2]) Президентъ торговли въ Ригѣ.
[3]) Голл. д. 1709 — 1715 г., № 5.

«Ежели голандскимъ иноземцамъ противъ подданныхъ ц. в-ва съ равнымъ пошлиннымъ платежемъ въ росс. государствѣ торговлю имѣть позволено будетъ, и отъ того какое въ пошлинахъ и въ другихъ поборахъ есть разнство, о томъ предложено ниже сего:

«По торговому уставу всякому купецкому человѣку, кто въ которомъ городѣ живетъ, товары для отвоза къ городу Архангельскому или кому куда надлежитъ покупать свободно безъ пошлиннаго платежа для того, что живучи въ томъ городѣ, платятъ другія всякія подати и службы служатъ, а пошлины съ тѣхъ товаровъ платятъ, гдѣ тѣ товары въ продажѣ будутъ, по 10 денегъ съ рубля.

А иноземцамъ съ такихъ покупныхъ товаровъ пошлинъ платить надлежитъ съ покупки по 2 алтына, да у города Архангельскаго съ отпуска за море по гривнѣ, итого 5 алтынъ 2 деньги съ рубля.

И противъ платежа россійскихъ торговцевъ съ иноземческою пошлиною разнствуетъ по 3 алтына 4 д. съ рубля.

А ежели и въ другихъ городахъ на явленыя деньги въ покупкѣ у кого что бываетъ пошлинъ съ денегъ по 5 денегъ, да съ продажи по 10 ден. итого по 2 алт. 3 д. съ рубля и сверхъ того разнства отъ иноземческой пошлины по 2 алт. 5 д. съ рубля.

Ежели кто изъ русскихъ торговцевъ, не продавъ товаръ свой у г. Архангельскаго, похочетъ отпустить въ корабляхъ за море, пошлину платитъ такову жъ, какъ и съ продажи по 10 денегъ съ рубля. — А изъ-за моря свободно ему привезть заморскихъ товаровъ противъ отпуска товаровъ своихъ за море съ приложеніемъ прибыльныхъ денегъ по разсмотрѣнію и тѣ товары вольно везть отъ г. Архангельскаго кому куда надлежитъ съ таможеннымъ отпускомъ безпошлинно для того, что пошлина съ тѣхъ товаровъ взята будетъ, гдѣ тѣ товары въ продажѣ будутъ.

А иноземцы съ продажи товаровъ своихъ у г. Архангельскаго платятъ пошлинъ по 10 д. съ рубля, а на тѣ деньги покупаютъ русскіе товары безпошлинно, а у кого товаровъ въ продажѣ не бываетъ или излишняя противъ продажи будетъ покупка, пошлинъ платятъ по 8 д. съ рубля, равно какъ и русскіе торговцы съ явленныхъ денегъ; а ежели иноземецъ товаръ свой похочетъ везть отъ г. Архангельскаго къ Москвѣ или въ другіе городы для лучшихъ себѣ прибытковъ, — пошлинъ съ отпуску по гривнѣ, да съ продажи, гдѣ тѣ товары проданы будутъ, по 2 алт., итого по 5 алт. по 2 д. съ рубля; а еслибъ тѣ товары проданы у нихъ были русск. людемъ на

товарныя деньги — пошлинъ съ русск. людей во взятіи былобъ только съ продажи по 10 д. съ рубля и въ томъ разнства по 3 алт. по 4 д. съ рубля. — И ежели иноземцы противъ отпускныхъ за море товаровъ вывозить и къ Москвѣ и въ другіе города товары свои отпускать будутъ свободно противъ русскихъ людей, и съ тѣхъ товаровъ пошлинъ у г. Архангельскаго во взятьѣ не будетъ, только гдѣ тѣ товары въ продажѣ будутъ по 10 д. съ рубля, а городская съ нихъ обыкновенная съ продажи или съ мѣны пошлина по 10 д. съ рубля во взятіи не будетъ.

А на тѣ товарныя деньги въ росс. городахъ товары покупать имъ свободно безъ всякаго пошлиннаго платежа, токмо у г. Архангельскаго съ отпуска за море во взятіи съ нихъ будетъ по 10 д. съ рубля, а обыкновенныхъ пошлинъ, какъ нынѣ съ иноземцевъ у города сбираютъ по 8 д. съ рубля во взятіи съ нихъ не будетъ.

Когда иноземцамъ уволить равную съ подданными въ Россіи и съ равною пошлиною торговлю, то не токмо какъ нынѣ имѣютъ нѣкоторые въ домахъ своихъ самовольную всякимъ врознь товаромъ продажу, но и въ рядахъ въ лавкахъ сидѣть и торговать имъ будетъ свободно, отъ чего и нынѣ лавочнымъ торговцамъ великое есть въ торговлѣ ихъ помѣшательство и лавкамъ въ рядахъ, съ которыхъ немалыя оброчныя деньги въ наймахъ, умаленіе, а въ пошлинномъ сборѣ никакого пополненія нѣтъ.

А по торговому уставу не только иноземцу съ иноземцемъ, но и русскимъ людямъ, пріѣзжему съ пріѣзжимъ, торговать и товаровъ врознь продавать, а иноземцамъ по ярмаркамъ ѣздить и торговать не велѣно. А ежели иноземцы по ярмаркамъ ѣздить или прикащиковъ посылать и товары врознь продавать будутъ, и тѣ товары и деньги имать на великаго государя.

Опасно и того, чтобъ голландцы не учинили согласія съ армянскою компаніею и не провозили бъ армянскіе въ Голландіи и въ другихъ заморскихъ мѣстахъ покупные товары до Астрахани своимъ именемъ, чтобъ не платить на Москвѣ положенной на армянъ пошлины по 2 алт. по 2 д. съ рубля и съ опредѣленныхъ и розныхъ (?) денегъ, отъ чего многой въ казнѣ великаго государя убытокъ можетъ быть.

Да и другихъ земель иноземцевъ, покупая русскіе товары свободно, чрезъ себя для прибытковъ своихъ могутъ они удовольствовать, а русскіе купцы весьма тѣхъ прибылей лишены будутъ.

А другими гражданскими податьми, опроче пошлиннаго

съ торговъ платежа, голландскихъ иноземцевъ въ равенство противъ подданныхъ ц. в-ва обложить невозможно для того:

Обыкновенный по названію десятой деньги окладъ располагается на каждаго человѣка по усмотрѣнію собственныхъ его пожитковъ или заводовъ, а не съ торговъ, а съ торговъ сверхъ того положенныя пошлины, а для умаленія или пополненія по указамъ вел. государя велѣно по усмотрѣнію пожитковъ или по дворовому числу чинить поверстку, а съ дворовъ своихъ всякіе положенныя окладные деньги, которыхъ въ сборѣ не малое число бываетъ; да съ вышеобъявленныхъ же окладовъ драгуновъ солдатъ мундиръ, провіантъ драгунамъ лошади фуражъ и подводныя деньги и другіе всякіе случившіеся поборы и въ службахъ бываютъ непрестанно и безочередно.

А иноземцы хотя во всемъ государствѣ и на многія тысячи торговлю свою могутъ отправлять чрезъ коммиссіантовъ своихъ малымъ числомъ людей и такъ какъ и нынѣ къ г. Архангельскому товары свои въ коммиссіи къ немногимъ присылаютъ и пріѣзжать и отъѣзжать перемѣняясь могутъ всегда по своей волѣ. И потому не имѣя ни малаго о собственныхъ тѣхъ людей пожиткахъ извѣстія, вышепомянутыми податьми и другими всякими поборы въ равенство окладывать ихъ будетъ невозможно. А настоящія гдѣ случится службы служить будетъ подданнымъ ц. в-ва по прежнему, а иноземцы получа себѣ многіе въ росс. государствѣ пожитки, могутъ отъѣзжать изъ государства россійскаго невозбранно.

А въ купечествѣ не токмо многое подданнымъ ц. вел-ва помѣшательство, но и всеконечное лишеніе можетъ быть и за свободною иноземцамъ въ Россіи торговлею и умаленною пошлиною. Русскимъ людямъ къ г. Архангельскому торговать весьма будетъ не для чего и невозможно для того, что довольства купечества своего они, иноземцы, отправить могутъ въ росс. городахъ, такъ какъ ц. в-ва подданные имѣли милостивую свободу.

А въ пошлинномъ платежѣ сверхъ вышеозначенныхъ разностей многая казнѣ ц. в-ва утрата можетъ быть, понеже пошлинный ихъ у г. Архангельскаго платежъ ефимокъ по полтинѣ, золотой по рублю, что имъ съ начала пошлиннаго положенія не въ тягость было, понеже росс. деньги съ голландскими имѣли равность, а нынѣ хотя деньги ихъ и повысились, и то случилось для военнаго случая, что въ будущее время и паки исправиться можетъ, а когда они уравнены будутъ, тогда ефимками и золотыми и платить они не будутъ, а будутъ платить россійскими деньгами, отъ чего не малый въ казнѣ убытокъ можетъ быть.

Да и напредъ сего иноземцы имѣли домогательство, чтобъ вольную имѣть въ Россіи торговлю, чего и нынѣ требуютъ, и о сбавкѣ пошлинъ и чтобъ пошлины платить московскими деньгами.—И то ихъ домогательство указами отставлено, чтобъ въ пошлинахъ умаленія, а подданнымъ ц. в-ва въ купечествѣ лишенія не было, а велѣно пріѣзды къ пристанямъ имѣть по прежнему и пошлины платить по торговому уставу.

А въ поданныхъ же статьяхъ написано, во второй, чтобъ подданнымъ ц. в-ва какъ въ торговляхъ, такъ въ пошлинныхъ и другихъ всякихъ платежахъ равнымъ быть съ стацкими подданными и то отправляется росс. купцамъ и донынѣ нѣкакою противъ другихъ тамо иноземцовъ или голландцевъ въ Россіи обрѣтающихся отмѣною, но по уставамъ голландскихъ правъ и о тѣхъ всякихъ положенныхъ въ Голландіи съ росс. купцовъ пошлинахъ и другихъ поборахъ отъ росс. купцовъ предложенія никакого не происходило, а голландцы по се время никакими въ Россіи гражданскими податьми не токмо отягчены, но и въ окладѣ никогда не бывали, да и быть имъ въ равенствѣ съ подданными ц. вел-ва, какъ объявлено выше сего, невозможно.

А что требованіе ихъ, дабы надлежащіе отъ нихъ ефимки или золотые исправлять имъ платежемъ своимъ въ Нидерляндахъ или въ Брабандіи, и въ томъ имъ можетъ лучшій способъ, а въ казнѣ ц. вел-ва утрата быть; иноземцы тѣхъ ефимковъ и золотыхъ чрезъ море не повезутъ и того ради не будутъ платить провозу и страховыхъ денегъ, напр. по 3 процента, а тѣ ефимки въ Россіи передѣланы будутъ съ прибылью въ мелкія деньги и всегда оными возможно будетъ имѣть исправленіе, а вексельная цѣна иногда возымѣетъ межъ тѣмъ временемъ премѣненіе.

Письмомъ отъ 6 апр. 1712 № 14 къ Матвѣеву и кн. Куракину гр. Головкинъ сообщалъ: [1]) «Проекта отданнаго вамъ отъ господъ Статъ о торговлѣ и вѣдомости о состояніи россійской торговли, поданной отъ купцовъ россійскихъ для того нарочно въ Петербургъ призванныхъ е. цар. вел-во изволилъ слушать и хотя зѣло охотно желалъ, дабы какія средства съискать къ постановленію онаго, однакожъ не возмогли никакихъ средствъ изобрѣсти, чтобъ по желанію ихъ статскому оный учинить; а для чего невозможно, то слѣдуетъ ниже сего.

На 2-ю и 3-ю яко равно гласящія, — что е. цар. вел-во на то, чтобъ россійскіе купцы въ Соед. Нидерлянды моремъ ѣздили и тамъ торговали, такожъ и голландскіе купцы во всѣ государ-

---

[1]) Голл. д. 1712, № 3 и 8.

ства державы и земли е. цар. вел-ва моремъ ходили и тамъ торговали, соизволяетъ; а чтобъ имъ, голландскимъ купцамъ, въ купеческомъ дѣлѣ тѣ-же свободы и прибыли имѣть, такъ какъ власнымъ подданнымъ е. цар. вел-ва, и того учинить невозможно затѣмъ: 1) что противно издревле постановленному торговому уставу, въ которомъ установлено, что не токмо иноземцу съ иноземцемъ, но и русскимъ пріѣзжему съ пріѣзжимъ торговать и товаровъ врознь продавать, а иноземцамъ по ярманкамъ въ городы ѣздить и торговать запрещено; 2) ежелибъ на то и позволить, то оные имѣя свободную торговлю во всѣхъ росс. государства городахъ въ купечествѣ, не токмо изъ того многое подданнымъ е. цар. вел-ва помѣшательство, но и всеконечное лишеніе можетъ быть, такъ что росс. людямъ къ городу Архангельскому торговать весьма будетъ не для чего и невозможно, и прибытковъ своихъ лишатся, съ которыхъ платятъ всякія подати, для того что довольства купечества своего они, иноземцы, отправить могутъ въ росс. городахъ такъ какъ цар. вел-ва подданные, понеже они имѣюще довольство великое въ богатствѣ своемъ, могутъ у посполитаго народа всѣ товары закупать, не допуская россійскихъ къ тому.

И соизволяетъ е. цар. вел-во, чтобъ постановлено было противъ того, какъ къ вамъ отсюда проектъ посланъ въ 1710 году.

А чтобъ пошлины и всякіе подати, котораго имени ни есть платить имъ, голландцамъ, равныя противъ росс. купцовъ, и тому состояться невозможно, для того что подданные е.цар. вел-ва росс. купцы сверхъ обыкновенной съ торговъ пошлины платятъ по обыкновенію россійскому десятую деньгу съ собственныхъ своихъ пожитковъ, такожъ и съ дворовъ своихъ и съ заводовъ положенные окладные деньги и съ окладовъ своихъ по разверсткѣ даютъ рекруты, мундиръ, провіантъ, драгунамъ лошади и фуражъ и подводныя деньги и другіе всякіе случившіеся поборы, и въ службахъ бываютъ непрестанно, на что сами голландскіе купцы не позволятъ, а хотябъ и позволили, то того учинить невозможно, понеже они иноземцы хотя во всемъ государствѣ и на многія тысячи торговлю свою могутъ отправлять, однакожъ чрезъ коммиссіантовъ своихъ малымъ числомъ людей такъ какъ и нынѣ къ городу Архангельскому товары свои въ коммиссіи къ немногимъ посылаютъ и пріѣзжать и отъѣзжать перемѣнясь могутъ всегда по своей волѣ и потому, не имѣя ни малаго о собственныхъ тѣхъ людей пожиткахъ извѣстія, вышепомянутыми податьми и другими всякими поборы въ равенство окладывать ихъ весьма будетъ невозможно; того ради соизволяетъ е. цар. вел-во о платежѣ пошлинъ противъ того, какъ прежъ сего платили и

какъ иныхъ державъ подданные платятъ по настоящему е. цар. вел-ва уставу [1]).

На 5-е, — его цар. вел-во на то, чтобъ свободно было обоихъ странъ подданнымъ всякіе товары и купецкія вещи обоихъ сторонъ въ державахъ и въ земляхъ покупать и продавать кому имъ угодно будетъ, также проданныя и договоренныя достатки вывозить безъ всякой остановки, кромѣ заповѣдныхъ съ обѣихъ сторонъ въ вывозѣ товаровъ соизволяетъ, токмо чтобъ голландскіе купцы тѣ товары покупали, какъ на 2-й и 3-й пункты соизволено.

На 7, — дабы ефимки и червоные, что должны они платить при пристаняхъ, могли они платить тамо, и того учинить невозможно, но изволяетъ е. цар. в. дабы платили по прежнему. А когда потребно что будетъ взять въ Голландіи червонныхъ или ефимковъ, и тогда имъ прежде будетъ объявлено и въ платежъ то число, что выдадутъ, зачтено будетъ.

Подданные жъ е. цар. в-ва съ товаровъ своихъ, которыми будутъ въ Голландіи торговать, пошлины будутъ платить противъ того, какъ другихъ государствъ торговые платятъ.

Сію невозможность для извѣстія къ милости вашей выписавъ посылаю, можете оное представить.

А на прочія статьи е. цар. вел-во соизволяетъ противъ того, какъ къ милости вашей посланъ проектъ въ 1710 году, который почитай во всемъ въ тѣхъ прочихъ статьяхъ съ ихъ сходенъ; буде же иныя какія средства могутъ на вышеписанный проектъ изобрѣсти, то чтобъ дали вамъ новый проектъ, который извольте прислать, притомъ же прислать и прежній ихъ отданный вамъ отъ нихъ проектъ подлинный, на какомъ языкѣ милости вашей отъ нихъ данъ, понеже здѣсь нѣкоторую обмылку въ переводѣ, особливо въ статьяхъ о податяхъ и пошлинахъ разсуждаютъ быть».

Письмомъ къ Матвѣеву отъ 15 января 1712, № 2 гр. Головкинъ сообщалъ [2]), что вслѣдствіе представленій Краненбурга относительно установленія трактата о торговлѣ, купцы наши изъ Москвы въ Петербургъ съ вѣдомостями о состояніи торговли прибыли и «даны имъ принадлежащіи статьи; о пошлинахъ, выписавъ изъ учиненнаго проекта отъ господъ Статовъ, велѣно выправиться, по которымъ возможно что учинить и по которымъ невозможно и для какого резону». Въ виду всего этого Матвѣеву предписывается приложить все стараніе къ тому,

---

[1]) Впрочемъ Петръ соглашался, чтобы кто хочетъ быть противъ русскихъ, чтобы записывались въ русскихъ городахъ на житьбу и въ бургоры и платилибъ все то какъ русскіе (Голл. д. 1709—1715 г., № 5).

[2]) Гол. д. 1712 № 3.

чобы Краненбургъ былъ оставленъ въ качествѣ посланника при русскомъ дворѣ. Желаніе русскаго правительства не было однако исполнено, — по предположенію Матвѣева, потому, что голландское правительство желало заключить самый договоръ о торговомъ трактатѣ въ Голандіи, пользуясь при этомъ совѣтами амстердамскаго купечества, которое «въ тѣхъ дѣлахъ (торговыхъ) болѣе ихъ самихъ (правителей голландскихъ) свѣдомо» [1]).

Осенью 1712 г. кн. Куракинъ вызванъ былъ на свиданіе съ пребывавшимъ въ это время въ Германіи Петромъ Великимъ. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Гаги Куракинъ имѣлъ двѣ конференціи съ ратъ-пенсіонаріемъ для окончательнаго переговора съ нимъ о дѣлахъ, касающихся Россіи. По вопросамъ политическимъ ратъ-пенсіонарій высказался уклончиво, отговариваясь общими фразами. Зато онъ возобновилъ вопросъ о торговомъ трактатѣ. Именно, онъ объявилъ именемъ Статовъ, что «Статы усмотрѣли при нынѣшнихъ случаяхъ быть сходно къ обѣихъ странъ интересамъ, дабы трактатъ о торговлѣ, каковъ уже начатъ чрезъ извѣстный проектъ, былъ приведенъ къ доброму окончанію и оный бы могъ служить въ основаніе ко взаимнымъ прочимъ обязательствамъ и крѣпкому утвержденію дружбы между обѣими державами, въ чемъ никто потомъ никакого подозрѣнія принять не можетъ». Куракинъ отвѣчалъ, что русское правительство сообщило Статамъ въ маѣ мѣсяцѣ свои замѣчанія на ихъ проектъ, и для желаемаго окончанія этого дѣла остановка лишь за ихъ отвѣтомъ. На что ратъ-пенсіонарій объявилъ, что «дѣла купечества надлежатъ рѣшенію въ Амстердамѣ и русскіе ремарки туда отосланы, и того ради онъ о томъ не можетъ пространно извѣстія дать, но проситъ, чтобъ въ Амстердамѣ съ тамошнимъ пенсіонаріемъ Басомкуромъ говорить». Вслѣдствіе этого Куракинъ обратился къ Басамкуру, который и сообщилъ ему слѣдующіе главные пункты къ установленію торговли:

1) Вольный торгъ во всей Россійской имперіи;

2) Откупнымъ товарамъ не быть;

3) Пошлины брать равно съ ихъ подданныхъ противъ россійскихъ;

4) О свободномъ торгѣ хлѣба, и со многими доводы объявлялъ, что трудности въ томъ не можетъ быть никакой, но больше въ народъ россійскій прибытокъ;

и 5) Въ проектѣ съ стороны цар. вел-ва упомянулось, что въ Голландіи имѣть росс. народу вольное отправленіе вѣры, какъ въ Россіи, и того учинить невозможно, чтобъ публичныя

---

[1]) Матвѣевъ Головкину 5 февраля № 12 (Гол. д. 1712, № 5).

церкви тамъ могли быть какъ на Москвѣ, а въ приватныхъ трудности не будетъ, какъ и нынѣ уже есть.

При этомъ же случаѣ Куракинъ возбудилъ вопросъ о торговлѣ въ Балтійскомъ морѣ въ пристаняхъ владѣнія цар. вел-ва. Онъ «объявилъ намѣреніе е. цар. вел-ва, что въ тѣхъ пристаняхъ, какъ въ Ригѣ и въ другихъ, будетъ по желанію ихъ, какъ они, голландцы, требовали, уволенъ такой торгъ по правамъ города Архангельскаго, но чтобъ господа Статы взаимно за то на извѣстное наше предложеніе въ интересъ цар. вел-ва все исполнили». Басанкуръ отвѣчалъ, что «ихъ желаніе такое прежде было, но нынѣ въ пристаняхъ тѣхъ Балтійскаго моря нетокмо что подданнымъ ихъ могло бъ облегчено быть въ торгахъ противъ города Архангельскаго, но еще и тягостнѣе передъ прежнимъ есть, а особливо управители тѣхъ городовъ нѣкоторые налоги чинятъ и судъ свой надъ подданными ихъ имѣютъ», и наконецъ объявилъ, что «ежели е. цар. вел-во желаетъ видѣть оный торгъ въ добромъ порядкѣ, то конечно не надлежитъ военнаго чина людямъ ни придворнымъ, правленіе торговое вручать, но чрезъ магистратъ бургомистрамъ управлять» [1]).

По поводу этихъ объясненій съ голландскимъ правительствомъ Куракинъ подалъ Царю свое мнѣніе (отъ 19 авг.), въ которомъ объяснялъ по вопросу о торговлѣ и торговомъ трактатѣ:

«Разсуждаю быть нужнымъ о трактатѣ комерціи, къ чему и съ другой стороны желаніе есть, и ежели въ чемъ трудность съ обѣихъ сторонъ есть, безъ убавки никогда сходства быть не можетъ:

«На 1-й пунктъ вольнаго торга во всей Россійской имперіи искать посредство, не возможно ли нѣкоторыя провинціи въ торгахъ вольными имъ опредѣлить, знаючи, въ которыхъ недостатокъ удобныхъ имъ товаровъ есть;

«2) Объ откупленныхъ товарахъ, правда, при нынѣшнемъ военномъ случаѣ для собранія казны нужда есть, но впредь не чаялъ бы изъ того убытка быть, но и паче ко умноженію народнаго богатства;

«3) О равныхъ пошлинахъ чужестранныхъ съ подданными е. вел-ва не чаю, чтобъ было съ прибыткомъ сходно, понеже въ росс. государство все теченіе серебра талерами платежемъ тѣхъ пошлинъ есть; но ежели разсуждать, что отъ легкости тѣхъ пошлинъ умножится торгъ и прибыльный приходъ отъ того быть можетъ, но то есть чаяніемъ и чрезъ долгое время.

---

[1]) Доношеніе Куракина отъ 19 авг. 1712 (Гол. д. 1712, № 12 и 13).

«4) О свободномъ торгу хлѣбомъ надлежитъ постановить нѣкоторыя кондиціи къ предосторожности интереса государственнаго и чаялъ бы оное позволеніе въ народъ россійскій больше прибытокъ принесло, нежели убытку;

«5) О вольномъ отправленіи вѣры, какъ нынѣ имѣемъ въ приватныхъ домахъ своей церкви не чаю, чтобъ могли больше требовать о публичныхъ, чего никогда въ Голландіи учинено быть не можетъ.

«Сіе доношеніе учинено о торговлѣ на пункты, предложенные отъ пенсіонарія амстердамскаго Басанкура, но ежели какія малыя еще больше трудности находиться будутъ, не чаю, чтобъ ко окончанію своему за тѣмъ сіе дѣло придти не могло. Но всѣ трактаты о комерціи еще никто пунктуально не содержалъ, равнымъ же образомъ и впредь отъ другихъ содержано быть не можетъ» [1]).

На донесеніе и мнѣніе Куракина ему въ отвѣтъ дана была полномочная грамота [2]) для трактованія со Статами о комерціи обоюдныхъ подданныхъ и даже для заключенія торговаго трактата и дополнительная инструкція, въ которой нѣкоторые пункты касались торговаго вопроса [3]). Именно, ст. 8 гласила: «Трактатъ о комерціи трудиться въ совершенство привесть по прежнимъ указамъ, а что принадлежитъ по разговорамъ пенсіонарія амстердамскаго Басанкура о вольной торговлѣ во всей россійской имперіи, и на сіе е. цар. вел-во соизволяетъ онымъ покупать во всѣхъ морскихъ пристаняхъ и на Москвѣ у торговыхъ людей, а не у посполитаго народа; а буде по сему не можетъ трактатъ заключиться, а будутъ требовать, чтобъ имъ покупать во всѣхъ городахъ, и тогда объявить, что позволено будетъ и въ нѣкоторыхъ знатныхъ городахъ. — Ст. 9: Что же онъ, пенсіонарій, говорилъ, дабы всѣ на откупѣ обрѣтающіеся товары были вольны, и на то е. цар. вел-во соизволяетъ всѣ откупы отставить, выключая то, что когда ради государственной нужды потребно будетъ какіе товары изъ казны продать. — Ст. 10: О пошлинахъ инако невозможно учинить, какъ о томъ напредъ сего уже резоны представлены, для чего то невозможно исполнить, а чтобъ платили противъ прежняго; а ежели что на которые товары предъ прежнимъ платежемъ какая прибавка учинена отъ тѣхъ лѣтъ, когда безспорно купцы голландскіе платили, то учинено будетъ облегченіе. — Ст. 11: О свободномъ торгѣ хлѣба въ росс. имперіи

---

[1]) «Мнѣніе» — тамъ же.
[2]) Отъ 6 октября 1712 въ Лейпцигѣ (Гол. д. 1712, № 8).
[3]) Голландск. д. 1712 № 12 и 1709—1715 № 5.

е. цар. вел-во соизволяетъ покупать у торговыхъ людей противъ 8 статьи, когда будетъ средняя и меньшая цѣна, а ежели будетъ выше той цѣны, и тогда тотъ торгъ воспрещенъ будетъ, чтобъ не оголодить своихъ людей, пока придетъ паки въ ту среднюю и меньшую цѣну; а на примѣръ ставится большая цѣна въ Петербургѣ въ 3 рубля, средняя — въ 2 руб., меньшая въ полтора рубля; на Москвѣ большая въ полтора рубля, средняя — въ рубль, меньшая—въ полтину; а когда во время мирное хлѣбъ будетъ дешевле, и тогда возможно о томъ согласиться. — Ст. 12: О Рижскомъ торгу объявить, что оный добрымъ порядкомъ и безо всякаго помѣшательства отправляется и комендантъ до того никакого дѣла не имѣетъ, но все магистратъ управляетъ; а для лучшаго въ томъ торговомъ дѣлѣ управленія, приданъ къ нимъ президентомъ изъ россійскаго народа Илья Исаевъ, который имѣетъ указъ надзирать, чтобъ добрымъ порядкомъ торгъ отправлялся, а для лучшаго бъ управленія своей комерціи, чтобъ ихъ подданнымъ не было какой тягости, прислали своего агента (т.-е. консула?) туда въ Ригу, который бы могъ все то живучи тамо видѣть и что ко исправленію надлежитъ, о томъ попеченіе имѣть. И ежели по заключеніи сего трактата они, Статы, дѣйствительно взочнутъ отправлять свой торгъ во всѣ пристани на Балтійскомъ морѣ подъ державою е. цар. вел-ва обрѣтающіяся, и онъ имѣетъ полную мочь постановить, что въ Ригѣ пошлины убавятся и будутъ браны противъ того, какъ у города Архангельскаго.

Вернувшись въ Гагу, Куракинъ въ декабрѣ 1712 г. вручилъ ратъ-пенсіонарію проектъ торговаго договора прежній, каковъ поданъ былъ Матвѣевымъ въ 1710 году и ремарки русскаго правительства на голландскій проектъ.

$^{5}/_{16}$ іюля 1713 въ какой силѣ состановлены нижеслѣдующіе артикулы вновь противъ инструкціи, касающіяся о комерціи россійской и поданы (Куракинымъ) Гг. Статамъ $^{7}/_{18}$ іюля чрезъ ратъ-пенсіонарія, оные при семъ слѣдуютъ (Голл. д. 1712, № 13 л. 164 сл.; тоже 1713, № 18):

3. Равнымъ видомъ къ тому насупротивъ дозволено будетъ по заключеніи сего трактата подданнымъ ихъ высокомочествъ во всѣ пристани е. ц. вел-ва на Сѣверномъ или Бѣломъ и Балтическомъ морѣ ходить (моремъ и сухимъ путемъ) и тамъ торговать и въ купеческомъ дѣлѣ тѣ жъ свободы и прибыли имѣть, какъ подданнымъ иныхъ областей и тѣмъ же поведеніемъ (pour cet effet) отъ товаровъ и отъ кораблей большихъ пошлинъ котораго ни есть имени податей въ государствахъ, державахъ и въ областяхъ е. ц. в-ва платить не будутъ, какъ помянутые

иныхъ державъ дружескихъ подданные платятъ *по настоящему е. ц. в-ва при заключеніи сего трактата уставу; особливо же подданнымъ ихъ высокомочествъ позволяется вольный торгъ имѣть въ городѣ Москвѣ, такожъ и въ иныхъ знатныхъ городахъ съ торговыми россійскими людьми.*

5. Силою того жъ свободно да будетъ обѣихъ сторонъ подданнымъ всякіе товары и купеческія вещи съ обѣихъ сторонъ въ державахъ и земляхъ покупать и продавать у кого и кому имъ угодно будетъ по законамъ государственнымъ и по уставу торговому каждой договаривающейся стороны; такожъ проданные и договоренные достатки вывозить безъ всякаго помѣшательства и развѣ инако учинится, когда состоится нѣкоторый генеральный заказъ, которымъ какъ власнымъ подданнымъ, такъ и чужеземцамъ вывозъ нѣкоторыхъ товаровъ воспрепятствуется. *Что же принадлежитъ до монополя или откупа товаровъ въ государствѣ е. ц. в-ва, то все оставляется и дается свободный торгъ, выключая то, что когда ради государственной нужды потребно будетъ какіе товары изъ казны продавать. Къ сему же позволяется подданнымъ ихъ высокомочествъ въ тѣхъ же помянутыхъ пристаняхъ и городахъ е. ц. в-ва съ купцами россійскими свободный хлѣбный торгъ имѣть, когда будетъ средняя и меньшая цѣна, а ежели будетъ выше той цѣны, и тогда тотъ торгъ воспрещенъ будетъ, пока придетъ паки въ ту среднюю и меньшую цѣну, а на примѣръ становится называемой мѣры россійской чети хлѣба ржи большая цѣна въ С.-Петербурхѣ 3 рубля, средняя 2 р., меньшая полтора-рубля, на Москвѣ большая въ полтора рубля, средняя въ рубль, меньшая въ полтину, а по окончаніи во время мирное въ семъ артикулѣ свободнѣе будетъ можно впредь согласиться.*

Экстрактъ изъ выписки рѣшенія ихъ высокомочествъ господъ Статовъ провинцій Нидерляндскихъ, (Прилож. къ письму Куракина Головкину № 47 отъ $^{11}/_{22}$ іюля 1713 г. Гол. д. 1712, № 13, л. 167 и 1713, № 4 и № 18; получ. 1 авг. 1713.)

Въ среду 28 іюня 1713. По повторительномъ совѣтованіи на поданные посломъ кн. Куракинымъ проектъ трактата торговли между е. ц. в-ва и сею областью и ремарки, учиненные съ стороны помянутаго е. в-ва на предшествующій проектъ, учиненный съ стороны сей области, за благо изобрѣтено и рѣшено, чтобъ въ отвѣтъ на помянутый проектъ и ремарки объявлено было кн. Куракину, что ихъ высокомочества, разсмотря проектъ трактата и ремарки, разсудили, что мочно постановить за планъ и положить за основаніе сіи двѣ вещи, которыя во всякомъ трактатѣ торговли должны быть постановлены, а именно: что намѣреніемъ договаривающихся должно быть съ

одной стороны — отставить всѣ трудности настоящія и упредить по возможности будущія, съ другой же стороны — опредѣлить все то, что бъ могло купечеству и торговлѣ подать наивящее распространеніе и свободу, какія только возможны безъ предосужденія государствамъ и подданнымъ обѣихъ сторонъ.

Что ихъ высоком. въ семъ намѣреніи на предъ сего предлагали *равенство въ торговлѣ и въ пошлинахъ подданнымъ обѣихъ сторонъ* въ государствахъ и областяхъ, яко способъ сходнѣйшій ко исполненію вышепомянутыхъ двухъ намѣреній, понеже тогда никакая причина не будетъ подана къ жалобѣ, также польза и свобода будетъ равная каждому, того ради ихъ высоком. желали бъ, чтобъ е. ц. в. соизволилъ это правило принять.

Что правило насупротивъ того предложенное въ вышепомянутомъ проектѣ торговли и въ ремаркахъ съ стороны е. ц. в., дабы содержать подданныхъ съ обѣихъ сторонъ тѣмъ поведеніемъ, какъ и другихъ державъ подданныхъ, не токмо есть несходно съ вышепомянутыми двумя намѣреніями, но напротивъ весьма опровергаетъ оныя, особливо (какъ то повидимому постановлено въ послѣднемъ проектѣ трактата торговли и въ ремаркахъ) ежели послѣдующіе пункты останутся въ своей силѣ:

1) разность между подданными е. ц. в. и подданными сей области въ томъ, что касается до позволенія покупать и продавать тамъ и такимъ образомъ, какъ заблагоразсудятъ;

2) неровность между оными же подданными въ платежѣ пошлинъ;

3) чтобъ все то, что нынѣ въ сихъ двухъ пунктахъ за обычайно есть и требуется, было продолжено и содержано.

Что ихъ высокомочества находятъ, что все вышепомянутое такъ мало сходно съ правосудіемъ обыкновеннымъ е. ц. в. и его добротою и пріязнію къ сей области, что они накрѣпко надѣются, что е. вел-во болѣе того требовать не будетъ, сколь скоро о томъ подлиннѣе увѣдомится, ибо, во 1-хъ, преимущества, которыя позволены подданнымъ преимущественно предъ чужестранцами, имѣютъ, правда, видъ, будто бы подданнымъ изъ того нѣкоторое облегченіе и прибытокъ чинится; но вмѣстѣ съ тѣмъ они ведутъ и къ тому, что внѣшняя торговля меньше бываетъ нежели тогда, когда бъ всѣ чужестранцы безъ различія къ тому допущены были; сіе разнство и ограниченіе въ торговлѣ чинитъ умаленіе необходимое въ доходѣ пошлины государевой и косвеннымъ образомъ въ работѣ той, чрезъ которую подданные, а особливо крестьяне и рукодѣльники себя питаютъ; второе, — что различіе и неравенство въ заплатѣ пошлинъ всеконечною причиною есть, что внѣшняя торговля государства совершенно опровержена быть имѣетъ, ибо кто платитъ

меньше пошлины, тотъ можетъ свои товары и продать дешевле, а напротивъ, кто принужденъ платить больше пошлины, тотъ всеконечно не можетъ продать свои товары, изъ чего напослѣдокъ всеконечно должно послѣдовать то дѣйство, что навигація и торговля въ такихъ земляхъ будутъ пренебрежены и оставлены отъ чужестранныхъ, такъ что сія навигація и торговля будучи ограничены одними подданными, безъ сумнѣнія станутъ весьма безплодны и малы; доказательствомъ тому служитъ съ одной стороны обширность торговли въ тѣхъ земляхъ, гдѣ не дѣлается различіе между подданными и чужестранцами, а съ другой стороны — малое пространство торговли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одни имѣютъ привиллегіи больше предъ другими.

Что ихъ высоком. не хотятъ предписывать никакого правила е. ц. в-ву въ его земляхъ, ниже требовать чего, что бы ему было неугодно, но чтобъ помянутое е. в-во соизволилъ также разсудить, что не надлежитъ равнымъ же образомъ требовать и отъ ихъ высокомочій, дабы оные согласилися чрезъ трактатъ на то, что бъ могло всемѣрно быть убыточно и предосудительно торговлѣ ихъ подданныхъ, что̀ вскорѣ случится, ежели въ томъ сильные и скорые способы поданы не будутъ.

Что ихъ высокомочія находятъ, что навигація и торговля въ земляхъ е. ц. в. имѣютъ нынѣ разсуждены и разсмотрѣны быть двумя образы: первое, — что надлежитъ до купечества къ Москвѣ, и потомъ — что касается до торговли въ Ригу, въ Ревель и прочія мѣста на морѣ Балтическомъ завоеванныя надъ королемъ шведскимъ.

Что *тяости въ навигаціи и торговлѣ къ Архангельскому городу и къ Москвѣ суть пяти статей:*

А именно, *первое, — что жители сей области не могутъ посылать свои товары далѣе, токмо къ Москвѣ* и не могутъ покупать никакихъ товаровъ въ другихъ ярмаркахъ за Москвою; *второе,* — что понеже *монополія или откупъ практикуется относительно значительнѣйшей части товаровъ,* того ради не остается никакой другой свободы въ купечествѣ, кромѣ какъ относительно немногихъ, какъ напр. кожа, пенька, сало и т. п., а прочее все на откупѣ, напр. рожь, льняное сѣмя, рыбій клей, свиная щетина, смола, деготь, мачты, поташъ, смолчугъ, лошадиные хвосты и волосы, треска рыба и прочее. *Третье,* — новое отягченіе явившееся предъ нѣсколькимъ временемъ произошло отъ *различности денегъ важныхъ* (вѣсовыхъ) *и легкихъ,* которая становится вдвое, такъ что *нынѣ пошлина вдвое или больше требуется предъ тѣмъ, какъ прежде платили;* г. князь Куракинъ безъ сомнѣнія извѣстенъ, что пошлины имѣютъ быть плачены важными деньгами, а именно червонными важными

голандскими или рейхсъталерами и что оныя пошлины берутся смотря на покупку и на цѣну товаровъ; изъ того послѣдуетъ (разсуждая, что цѣна всѣхъ товаровъ и всего подлежащаго къ купечеству опредѣляется по внутренной цѣнѣ тѣхъ денегъ, которыми оные покупаются или платятся), что которое прежде сего могло купиться за 100 рублей важными деньгами, то нынѣ надлежитъ купить за 200 рублей легкими деньгами, разсуждая, хотя напримѣръ, что старые и новые рубли однимъ или вдвое разнствуютъ. Отсюда, далѣе, необходимо должно послѣдовать и то, что когда берется 5% съ цѣны сихъ двухсотъ рублей важными деньгами, то конечно платится 10% вмѣсто пяти, не считая еще производимой въ таможнѣ оцѣнки важности червонныхъ голландскихъ и рейхсъталеровъ, а именно, съ рейхсъталера по $3^1/_2$ и по 4%, а съ червоннаго новаго полтора процента; да сверхъ того принуждаютъ купца въ таможнѣ Архангелогородской объявлять свои товары высшей цѣны, нежели чего стоили въ покупкѣ, считая со всякаго пуда кожи около $^1/_3$, потому что продаются по 28 и по 33 гривны, а уже за многіе годы принуждены были оные объявлять по 40 гривенъ, и то такимъ же образомъ чинится и въ другихъ товарахъ больше или меньше по случаю, и того ради сіе есть новое отягченіе. *Четвертое,* — что купецъ россійскій платитъ несравненно меньше пошлинъ, нежели подданный сей области и ихъ высоком. увѣдомлены, что ихъ подданные принуждены платить за свои грузы корабельные, которые они посылаютъ отсюда чрезъ Архангельскій городъ къ Москвѣ:

1) за товары, которые отвозятся отъ Архангельскаго города къ Москвѣ 10% важными деньгами,

2) за то, что продастся на Москвѣ 6% легкими деньгами или монетою россійскою,

и 3) за товары, посланные на обмѣнъ съ Москвы къ Архангельскому городу, которые оттуда посылаются моремъ, 10 же процентовъ важными деньгами,

итого, считая съ различіемъ денегъ, 46% монеты россійской.

Между тѣмъ купецъ россійскій платитъ за товары, которые онъ купитъ на Москвѣ и посылаетъ оные чрезъ Архангельской городъ въ Голландію и оттуда на обмѣнъ вывозитъ другіе товары къ Москвѣ за все токмо 10% легкими деньгами. А именно, — при вывозѣ съ Москвы къ Архангельскому городу 5% легк. деньгами, у Архангельскаго города такожъ 5% легкими жъ деньгами, а отъ Архангельскаго города назадъ къ Москвѣ ничего, *итако платятъ на 36% меньше* нежели подданный стацкій.

Пятое, — что предъ нѣсколькими годы подданныхъ стацкихъ хотѣли было принудить къ заплатѣ *новаго налога ластовыхъ*

денегъ и даже принудили ихъ въ томъ дать поруку. Правда, что е. ц. в. по прошенію ихъ высокомочествъ благоизволилъ къ нимъ писать письмо отъ 27 августа 1708 г., что болѣе отъ нихъ того требовано не будетъ, однакожъ ихъ высоком. увѣдомились со удивленіемъ, что помянутые поруки отъ своего порученія не свобождены и что отъ времени до времени отъ нихъ въ томъ требуется удовлетвореніе, что не токмо есть само въ себѣ неправосудно, а особливо въ разсужденіи того, что е. ц. в. о томъ писалъ, но и невозможно, понеже поруки принуждены будутъ объявить свою заплату собственникамъ кораблей или тѣмъ, которые оный нагрузили, что есть невозможно ради повседневной перемѣны, которая случается въ коммиссіяхъ.

Что *тяжести, касающіяся до навигаціи и торговли въ Ригу, Ревель и проч. мѣста,* завоеванныя отъ е. ц. в. *на морѣ Балтическомъ, состоятъ:*

1) *во множествѣ непорядковъ и поборовъ, учиненныхъ отъ комендантовъ* войскъ въ помянутыхъ мѣстахъ, о чемъ ихъ высоком. по своей резолюціи отъ 11 апр. 1712 г. требовали расправленія, о которомъ и нынѣ еще домогаются;

2) *во многихъ налогахъ и новизнахъ, введенныхъ во время правительства шведскаго* въ помянутыхъ мѣстахъ; въ семъ еще и нынѣ требуется расправленія по послѣдней мѣрѣ по тому основанію, *какъ то было подъ правительствомъ польскимъ* прежде завладѣнія сей провинціи отъ шведовъ.

Къ тому жъ ихъ высокомоч. подлинно освѣдомились о причинахъ, для которыхъ е. ц. в. хочетъ, чтобъ подданнымъ стацкимъ не были позволены тѣ преимущества и умаленія въ пошлинѣ, которыя позволены его подданнымъ, но ихъ высокомочія не находятъ, чтобъ сіи причины могли быть сколько-нибудь основательны ни въ томъ, что касается до торговли въ Ригу и прочія мѣста моря Балтійскаго, ниже что принадлежитъ къ торговлѣ къ Москвѣ самой.

Понеже что касается до торговли въ Ригу и прочія мѣста моря Балтическаго, то извѣстно есть: первое, что *разнствіе между гражданскимъ и чужестраннымъ подъ правительствомъ рѣчи посполитой польской не было знаемо; второе,* что хотя бы приходилось слѣдовать поведенію и правиламъ правительства шведскаго въ этомъ случаѣ, то однакожъ очевидно съ одной стороны, что и въ этомъ случаѣ *подданные росс. не были бы въ лучшемъ положеніи, нежели какъ подданные стацкіе,* съ другой же стороны, — что помянутые *жители россійскіе или лифляндскіе не могли бы требовать вящихъ свободъ въ пошлинахъ, чѣмъ каковы дозволены были бы стацкимъ подданнымъ,* ибо даже и подъ пра-

вительствомъ шведскимъ самимъ сіе разнствіе никогда не было, но подданные съ обѣихъ сторонъ всегда были содержаны равнымъ образомъ; къ тому жъ торговля въ помянутыя мѣста лифляндскія такъ умалена и та земля такъ стала безплодна отъ войны и отъ мору, что для возставленія торговли и для населенія помянутыхъ мѣстъ требуется стараніе чрезвычайное, которое не можетъ учиниться надежнѣе и безубыточнѣе, развѣ привлеченіемъ и содержаніемъ торговли, призывая чужестранныхъ, чтобы туда пріѣзжали, къ чему уже нынѣ есть прямое время, ибо е. ц. в. безъ сумнѣнія имѣетъ способы въ случаѣ жалобы удовольствовать малое число лифляндцевъ, которые тамъ остались, и то можетъ учинить чрезъ нѣкоторыя иныя потѣшенія; что же принадлежитъ о торговлѣ къ Москвѣ, ихъ высокомочества подлинно увѣдомлены, что разнствіе чинится между подданными е. ц. в-ва и ихъ подданными, ибо первые предпоставлены предъ послѣдними разными виды; но что сіе разнствіе всегда подавало и подаетъ еще причину къ жалобѣ, понеже: въ первыхъ, — ихъ высокомочествамъ всеконечно непзвѣстны всѣ тѣ привиллегіи, которыя, сказываютъ, принадлежатъ россійскимъ; второе, — ихъ высоком. полагаютъ, что тѣ причины, на которыхъ сіе разнствіе и предпочтеніе основаны, неподлинно выразумлены, и что оные противны намѣреніямъ и интересамъ е. ц. в-ва самого, предполагая, что его намѣреніе есть распространить торговлю въ своихъ земляхъ елико есть возможно.

Что ихъ высоком. не находятъ иныхъ причинъ, объявленныхъ въ ремаркахъ, данныхъ съ стороны е. ц. в-ва въ оправданіе сего разнствія, токмо сіи двѣ: первая, — что ежели позволено будетъ подданному статскому торговать во всей Россіи, то можетъ лишить россіянъ всего ихъ купечества; вторая, — что понеже россіяне подлежатъ разнымъ налогамъ и податямъ, того ради надлежитъ для той причины, чтобъ больше имѣли облегченія и выгоды въ заплатѣ пошлинъ таможенныхъ и въ налогахъ на товары.

Что первая изъ сихъ причинъ не можетъ явно быть основательна во многихъ отношеніяхъ, ибо весьма явно есть въ первыхъ, что ежели свобода въ торговлѣ, какъ выше упомянуто, будетъ позволена подданнымъ статскимъ, то всѣ плоды, продукты естественные и заводскіе московскіе имѣютъ того часу безпрекословно цѣною подняться при первой покупкѣ, понеже чѣмъ болѣе покупателей бываетъ на одинъ товаръ, тѣмъ оной продается легче и большею цѣною, такъ что съ двѣ трети народа россійскаго изъ того имѣли бы пользу, а именно землевладѣлецъ и крестьянинъ, также и рукодѣльникъ и фабри-

кантъ, и такимъ образомъ предосужденіе то, которое бъ кто могъ изъ того имѣть, касалось токмо бъ до купца московскаго, который обыкъ покупать товары отъ первой руки, но тотъ купецъ безъ сомнѣнія сочиняетъ меньшую часть народа; второе, — также обманываются въ томъ мнѣніи, будто чрезъ то торговля отнимется отъ купца россійскаго, ибо дѣйство тому противное явно видится въ областяхъ сей державы и во всѣхъ тѣхъ земляхъ, гдѣ торговля наиболѣе процвѣтаетъ, понеже въ этихъ земляхъ за генеральное правило почитается равность между подданными и чужестранными, однакожъ при томъ не находится, чтобъ въ которомъ ни есть изъ сихъ государствъ торговля собственныхъ подданныхъ препятствована ниже изубытчена отъ этого была и можно весьма надежно сказать, что торговля никогда ни въ которой сторонѣ меньше пространна есть, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такое разнствіе между подданными и чужестранными уставлено; причина того рукоосязательна, ибо въ тѣхъ земляхъ, гдѣ сіе разнствіе не существуетъ, тѣ чужестранные побуждены распространять свой торгъ, насупротивъ же сего, ежели сіе разнствіе есть принято, то торговля по необходимости ограничивается одними подданными и потому состоитъ въ меньшемъ числѣ торгующихъ, которые иногда бываютъ наименѣе способны къ отправленію столь великой и столь пространной торговли и могутъ пріобрѣсти недостающее имъ искусство развѣ со временемъ чрезъ обхожденіе съ людьми способными и опытными. Что вторая и послѣдняя причина, объявленная въ оправданіе того, — что купецъ россійскій платитъ меньше пошлины за свои товары, нежели статскій подданный, — также не удовлетворительна, разсуждая съ одной стороны, что *всякой подданной статской подлежитъ такожде многимъ налогамъ,* напр. подати поголовныя, сотная деньга съ недвижимости и многіе другіе, отъ которыхъ чужестранные свободны, а однакоже послѣдніе не отягчены больше статскихъ подданныхъ въ заплатѣ пошлинъ за свои товары; съ другой же стороны, ежели е. ц. в. заблагоразсуждаетъ благопріятствовать своихъ подданныхъ какимъ ни есть образомъ въ налогахъ поголовныхъ, то сіи предъимущества однакожъ не должны бы касаться до торговли, ниже до которой части оной, понеже всякое разнство въ дѣлѣ торговомъ производитъ всеконечно такое дѣйство, что которые меньше имѣютъ привиллегій, тѣ всемѣрно не возмогутъ торговать съ тѣми, которые имѣютъ большія привиллегіи, для того, что имѣющій большіе привиллегіи можетъ по пропорціи полученнаго прибытка давать всегда свои товары меньшею цѣною, нежели тотъ, который меньше привиллегій имѣетъ; и тому послѣдуетъ, что имѣющій больше

привилегіи привлечетъ къ себѣ весь торгъ или охотниковъ. Что ихъ высокомочества не будутъ оспаривать е. ц. в-ву въ томъ, чтобъ онъ яко принцъ самодержавный въ своихъ земляхъ не могъ указывать и повелѣвать то, что ему благоугодно, что не есть противно предшествующимъ обязательствамъ, но однакожъ и то правда есть, что сей пунктъ власти имѣетъ быть отставленъ на сторону, когда надлежитъ договариваться съ другими народами и державы, а особливо, что невозможно требовать отъ ихъ высокомочествъ, дабы оные согласились чрезъ формальный трактатъ и подтвердили бъ всѣ тягости и налоги, о которыхъ они жаловались, что чинятся ихъ купцамъ, которыя тягости суть такого дѣйства вредительнаго, что многіе купцы, торгующіе къ Москвѣ, объявили ихъ высокомочествамъ весьма несклонными быть къ сему торгу и что болѣе торговать не хотятъ, пока тягости вышепомянутыя ни будутъ отставлены.

Что ихъ высокомоч. находятъ вышепомянутыя жалобы своихъ подданныхъ такъ основательны, что надѣются, ежели е. ц. в. изволитъ принять трудъ разсмотрѣть самъ все, что выше-объявлено, то не учинитъ трудности отставить вскорѣ всѣ тягости вышепомянутыя, какъ до торговли къ Москвѣ касающіяся, такъ до торговли въ Ригу и прочія мѣста, завоеванныя отъ е. ц. в-ва на морѣ Балтическомъ, и вступить потому въ новой трактатъ о торговлѣ съ Статами, въ которомъ равность взаимная подданнымъ всегда да постановится за правило и основаніе.

Что между тѣмъ ихъ высокомоч. не знаютъ, потребно ли будетъ вступить въ разсужденіе особливое на *проектъ трактата*, даннаго ихъ высокомочествамъ чрезъ г. принца Куракина, ибо въ семъ проектѣ трактата объявлены весьма иныя основанія, нежели тѣ, которыя являются ихъ высокомочествамъ сходны быть съ интересами помянутаго е. ц. в ва и его государствъ и сей области; однакожъ ко излишнему удовольству того объявлено будетъ въ отвѣтъ вышепомянутому г. принцу Куракину:

на второй артикулъ вышепомянутаго проекта трактата, — что на то двѣ рефлексіи надлежитъ учинить, а именно: первая, что подданнымъ россійскимъ во ономъ требуется меньше того, что уже имѣютъ, хотя безъ трактата и безъ всякаго обязательства впредь, ибо съ одной стороны предоставляется свобода россійскимъ торговать не токмо моремъ, но и сухимъ путемъ и вездѣ въ сей землѣ, а съ другой — они платятъ пошлины за провозъ и за отвозъ своихъ товаровъ не больше, нежели Статскіе подданные; сіе послѣднее правило безсравни-

тельно полезнѣе есть, нежели правило равности съ подданными прочихъ принцевъ; второе, — что заплата налоговъ и пошлинъ напрасно присовокуплена есть къ тѣмъ же пошлинамъ, которыя нынѣ берутся, ибо сіе отнимаетъ отъ ихъ высоком. власть чинить въ какое ни есть время нималой въ томъ перемѣны, хотя бы они то потребно нашли во время и случай, и чрезъ которую перемѣну никакой партикулярной человѣкъ не можетъ быть изобиженъ, пока не будетъ чиниться разнство между подданными и чужестранными.

На *третій артикулъ* вышепомянутаго проекта трактата надлежитъ учинить 4 ремарка. *Первой,* — что подданнымъ Статскимъ не дается никакого иного позволенія, только моремъ и въ пристаняхъ, объявленныхъ во ономъ; изъ чего можетъ послѣдовать, что *могутъ воспретить позволеніе какъ сухимъ путемъ, такъ и внутрь государства,* такъ что вмѣсто того, чтобъ распространить сей торгъ даже по ту сторону Москвы (какъ требуется), могутъ нынѣ воспретить его отъ Архангельскаго города до Москвы и въ мѣста, между ими лежащія, что есть противно даже нынѣшнему положенію. *Второе,* — что сей артикулъ *поставляетъ разнство выше сего объявленное между подданными власными и стацкими,* о чемъ уже выше сего жаловалось. *Третье, — хотя бъ сіе разнство и имѣло содержаться,* чему однакожъ не надлежитъ быть, то еще не объявлено явно, имѣетъ ли быть установлено равенство подданныхъ ихъ высокомочествъ *съ подданными прочихъ державъ, а именно съ тѣми народы, которые наивящіе привиллегіи имѣютъ;* однакожъ усмаривается, что сравненіе съ народами, имѣющими наилучшія привиллегіи весьма есть правосудно, и ежели то такъ есть, то вопрошается, — мочно ль надѣяться, что будутъ трактованы такъ, *какъ Арменя,* безъ всякаго разнства; помянутой вопросъ есть толь основательнѣе, понеже ихъ высоком. увѣдомлены, что арменинъ не платитъ больше купца московскаго и когда оной не можетъ продать свои товары на Москвѣ, тогда можетъ оные назадъ повезти въ свою землю, заплатя токмо 2% россійскою монетою легкою. *Четвертое,* — что сношеніе на подати и налоги настоящіе (смекая подати тяжкія и *разнство денегъ важныхъ и легкихъ*) зѣло есть отягчительно, какъ выше объявлено есть; къ тому жъ есть прекословность въ томъ, что разрѣшается армянамъ.

На артикулъ четвертый не находится никакого важнаго ремарка, и того ради такъ оставляется.

На артикулъ пятый есть два разсужденія. Съ одной стороны[1]), — что обязательство къ законамъ каждой земли подаетъ

[1]) По поводу содержащейся въ немъ ссылки на государственные законы.

поводъ (est sujette) (за невѣдѣніемъ) *двоякому мнѣнію и толкованію,* а съ другой стороны изъятіе, объявленное при концѣ сего артикула, какъ будто *подкрѣпляетъ всѣ откупы,* о которыхъ жалованось прежде сего накрѣпко; причина сихъ жалобъ толь основательнѣе, что многія изъ сихъ позволеній (concessions) партикулярныхъ *недавняю времени учинены* и издревле употреблены не бывали, какъ напр. щетина свиная, хвосты лошадиные и волосы, доски, дрова и штокфишъ, къ тому жъ мочно причесть смолу, пеньку, машты, льняное сѣмя и рожь, ибо сдача ихъ больше дающему и сдача на откупъ все есть одной мѣры; сверхъ того жъ изъятіе поташу, смольчуга, кавьяру и прочихъ товаровъ на е. ц. в., почитай то жъ есть и всегда вредительно и интересамъ самого государя, которой чрезъ то подлежитъ продажѣ неизвѣстной всѣхъ сихъ товаровъ и въ надѣяніи прибытка мыслительнаго (воображаемаго) и медлительнаго, наноситъ убытокъ настоящій, во-первыхъ, своимъ подданнымъ, лишая оныхъ продажи всѣхъ сихъ товаровъ дешевою истинною цѣною, а второе, — въ своихъ пошлинахъ и податяхъ, понеже продажа помянутыхъ товаровъ чрезъ партикулярныхъ принесла бы прибытокъ въ казну е. вел-ва.

На 6-й, 7-й и 8-й артикулы никакого ремарка не находится и того ради такъ оставляется.

На 9-й,— что *обѣщается равная свобода вѣры какъ здѣсь дозволяется* тѣмъ, которые не суть отъ публичной церкви, и что потому несходно есть, чтобъ сію свободу разширить или умалить, какъ позволено есть подданнымъ стацкимъ подъ правленіемъ е. ц. вел-ва.

На 10-й артикулъ никакого ремарка не находится.

На 11-й артикулъ надлежитъ 3 рефлекціи:

Первое, — что бо оный *вновь внесено древнее разнство* между подданными и чужестранными;

Второе,— что *заплата за конвой и новыхъ ластовыхъ денегъ* у Архангельскаго города *предложена естъ по тому основанію, какъ берется въ Голландіи,* что всемѣрно прекословно есть третьему артикулу, который за основаніе поставляетъ заплату ту, которая платится отъ другихъ народовъ, вмѣсто чего предлагается здѣсь весьма новое и отмѣнное правило, а именно — основаніе, по которому пошлины берутся въ сей области;

Третье, — что забыто здѣсь объявить, что поруки, взятыя прежде сего отъ подданныхъ статскихъ за требованіе отъ нихъ новыхъ ластовыхъ денегъ (что было отмѣнено *по обѣщанію учиненному письменно* отъ е. ц. в.), будутъ уничтожены и отставлены вѣчно.

На 12-й артикулъ, который не принадлежитъ въ трактатъ

о торговлѣ и весьма есть важенъ, чтобъ могъ чрезъ сей трактатъ постановленъ быть, да соизволитъ помянутый г. принцъ Куракинъ разсудить, что Статы объ артикулѣ салютаціи не имѣютъ трактата ни съ которою державою, развѣ съ нѣкоторыми, и что безъ предосужденія того ихъ высокомочества будутъ склонны отдавать на моряхъ, рѣкахъ и пристаняхъ е. ц. в. чрезъ свои военные корабли или чрезъ иные корабли своихъ подданныхъ павильону помянутаго в-ва равный салютъ, каковъ отдаютъ кораблямъ прочихъ королей или главъ коронованныхъ въ сѣверѣ и *подъ кондиціею, что учинена будетъ такая жъ честь павильону статскому* какъ въ ихъ рѣкахъ, такъ и въ пристаняхъ, какову обыкли отдавать корабли королей и главъ коронованныхъ въ сѣверѣ.

На 13-й артикулъ, — что требованіе, дабы не вспомогать непріятелямъ е. ц. в. не касается до сего трактата о торговлѣ, но *принадлежитъ къ иному трактату* или къ союзу оборонительному, а того ради статью ту, которая о томъ упоминаетъ, надлежитъ вычернить изъ того артикула.

При семъ же объявлено да будетъ упомянутому г. принцу Куракину, что ихъ высокомоч. суть готовы вступить въ конференцію съ нимъ на помянутыхъ основаніяхъ и ежели его полная мочь не такъ пространна есть, то бъ его просить, чтобъ по возможности поспѣшилъ, дабы потребные указы къ тому присланы были и чтобъ свои добрыя старанія въ томъ приложилъ при е. ц. вел-вѣ.

Къ этому экстракту Куракинъ присоединилъ свое „*Доношеніе, что касается къ трактату торговли* и на экстрактъ изъ выписки рѣшенія, даннаго отъ господъ Статовъ“. (Прилож. къ тому же письму $\frac{11}{22}$ іюля 1713 г. № 47, — Голланд. д. 1709 — 1715 г. № 5). Въ этомъ доношеніи онъ пишетъ:

Хотя многія трудности находилися съ стороны господъ Статовъ на поданные проектъ и ремарки съ стороны е. ц. в-ва и чтобъ на тѣ письменнаго отвѣта чинить, но дабы трактовать словесно, и съ того времени (какъ получены е. ц. в-ва указы прошлаго 1712 г. въ Померанiи, по которымъ велѣно тотъ трактатъ комерціи ко окончанію привесть) и по се число многія держаны были съ депутаты статскими конференціи, въ которыхъ за многимъ несходствомъ ниже что могло къ пожелаемому концу приведено быть, но и въ такихъ трудностяхъ обращалися, что бъ повидимому оная негоціація могла быть уничтожена и разсрвана, понеже они разсуждая не могли усмотрѣть ни единыя пользы подданнымъ своимъ изъ того даннаго имъ проекта трактата комерціи предъ тѣмъ, какъ прежде сего

было и нынѣ есть, и того ради понуждены бъ были оную торговлю оставить по прежнему безъ трактата, къ чему бъ меньше всякаго обязательства или должности своей они могли имѣть;

И по такимъ несходствамъ мое требованіе письменнаго отвѣта состоялось въ томъ, во-первыхъ, — что въ держанныхъ между нами конференціяхъ предъявляли мнѣ съ своей стороны тѣ резоны съ подлиннымъ вѣдѣніемъ о комерціи города Архангельскаго и въ Балтическомъ морѣ, что я былъ о томъ всемъ безъ всякаго извѣстія; второе, — всѣ такіе сильные ихъ резоны не могъ взять словеснаго ихъ предложенія на доношеніе ко двору, дабы забвеніемъ въ чемъ не погрѣшить, и для лучшаго о всемъ томъ вѣдѣнія домогался письменнаго отвѣта, которое наконецъ учинено, прилагаемымъ спискомъ съ статской резолюціи.

Теперь доношу содержаніе силы въ той ихъ резолюціи и ихъ требованіе.

Все ихъ статское желаніе къ распространенію торговли съ росс. народомъ состоитъ въ двухъ пунктахъ:

1) Чтобъ быть равности въ торговлѣ подданнымъ съ обоихъ сторонъ въ государствахъ и областяхъ;

2) Чтобъ на откупу товарамъ никакимъ не быть и во всемъ и повсюду свободной торгъ имѣть взаимно тому, какъ въ своихъ областяхъ они народу россійскому позволяютъ.

Я на сіи два такъ тяжкіе помянутые ихъ пункты не могу инако объявить, что весьма есть несостоятельные, и на тѣ оба теперь обстоятельно буду писать.

Какъ упомянулось, равность въ торгахъ имѣть подданнымъ со обоихъ сторонъ въ томъ замыкается: повсюду свободно торговать и прибыли не токмо чрезъ торговыхъ и ремесленныхъ искать, и отъ самихъ крестьянъ, къ тому жъ всѣ привиллегіи равнымъ образомъ имѣть; и все сіе къ такому предосужденію торговлѣ подданнымъ россійскимъ находится, что за невозможность къ сходству на то вмѣняется, и довольно на все то, кромѣ другихъ какихъ доводовъ, поданныхъ имъ ремарковъ отъ стороны е. ц. в-ва, которые невозможность въ томъ дѣлѣ сильно показали.

Правда, взаимное ихъ статское позволеніе вольнаго торга въ ихъ областяхъ дало бы нѣчто къ разсужденію другому о разности сей, и ежели кто не знаетъ обоихъ государствъ, ни положенія ихъ, ни ихъ товаровъ и купечества, съ трудностью можетъ разсудить; того ради нужно прежде разсудить, что положеніемъ провинцій ихъ стацкіе имѣютъ для навигаціи великій авантажъ предъ многими европейскими государствы и гдѣ навигація множественная и свободная, тамъ и купечество велпкое и богатое можетъ быть; также въ областяхъ ихъ стацкихъ великія ману-

фактуры и что ихъ подданные большая часть тѣмъ питаются, и однимъ словомъ сказать, — что почитай и весь народъ въ торговлѣ оной обращается, развѣ нѣкоторая малая часть хлѣбопашцевъ находится; паче же всего, что весь ихъ голландскій торгъ есть въ товарахъ не въ натурѣ матеріальныхъ, но въ мануфактурахъ, какъ на прикладъ: сукна, холсты, штофы какъ шелковые, такъ и другіе, сахаръ, бумага, ружье, такъ иные прочіе товары, а которые товары они въ другихъ краяхъ покупаютъ, тѣ есть натуральными матеріалы и могутъ быть самой низкой цѣны, которые потомъ передѣлавъ у себя, продаютъ высокою цѣною; и посему явно видится, какое несходство есть между областьми и ихъ подданными, какъ е. ц. в-ва, такъ и Статовъ: что подданные е. ц. вел-ва весь торгъ имѣютъ въ товарахъ дешевыхъ въ натурѣ, а не въ мануфактурахъ, и такъ въ народѣ общемъ оный товаръ обыкновенный, что и каждый крестьянинъ можетъ продать, но подданные стацкіе имѣютъ свой торгъ въ товарахъ дорогихъ и себѣ прибыточны, которыхъ не можно никакому чужестранному въ земляхъ ихъ статскихъ купить отъ подлаго народа или крестьянства, но все отъ купечества, и посему явно показало, что уравненная вольность будетъ къ прибытку подданнымъ стацкимъ въ росс. государствѣ, нежели россійск. купечеству въ ихъ стацкихъ провинціяхъ, для того что они, голландцы, свободно будутъ у каждаго покупать самою дешевою цѣною, но росс. купечество изъ свободнаго торга въ Голландіи не могутъ больше прибытка себѣ получить предъ тѣмъ, какъ и нынѣ получаютъ.

Что же принадлежитъ къ ихъ требованію на второй пунктъ, чтобъ откупнымъ товарамъ не быть, а позволены бъ были всѣ и каждому свободно продавать, сіе оставляется на указъ е. ц. в-ва. Но что жъ принадлежитъ по моей должности въ семъ моемъ покорномъ доношеніи объявить какъ они, Статы, въ резолюціи своей написали, что всѣ товары на откупъ отдаются, токмо оставлены въ вольную продажу юфть, пенька и сало, и тѣхъ товаровъ видится гораздо недовольство здѣшнему купечеству, и ежели разсуждать, что оные откупные товары, хотя и чрезъ партикулярныхъ нѣкоторыхъ персонъ, но въ ихъ же голландскія руки приходятъ, однакожъ въ дорогой цѣнѣ и съ прибытком ономъ откупщику, а не обществу, равнымъ же образомъ видится нѣкоторое предосужденіе и къ торгамъ россійскимъ изъ сего, пот. что оные откупщики, имѣя великіе и сильные торги, товары свои привозя въ Россію, также высокою цѣною продаютъ, къ тому жъ недовольство товаровъ и росс. купечество имѣетъ, чѣмъ бы могли торговать, однакожъ не можно сказать, чтобъ изъ казны чего продавать было неопредѣлено, какъ напр.

тѣ товары, которые приходятъ изъ промысловъ и заводовъ е. ц. в-ва, т.-е. клей, икра, ревень и др. подобные тому, и ежели бъ тѣ и другіе нѣкоторые заводы не были содержаны изъ казны е. ц. в-ва, можно бъ было сказать, чтобъ партикулярные оныхъ не могли содержать и тогда бъ оныхъ товаровъ и получать невозможно было; что же ревень изъ Китая чрезъ Сибирь приходитъ, и на все то имѣютъ они, голландцы, у себя равный примѣръ, что въ Остъ-Индію не можетъ никто торговать, кромѣ компаніи установленной, и также прямыя зелья, какъ корица, гвоздика и проч. потому жъ можетъ заказнымъ товаромъ причесться, но о всемъ томъ противъ ихъ желанія было пространно объявлено и доведено въ имѣющихъ съ депутаты стацскими конференціяхъ.

Въ той же ихъ стацкой резолюціи объявлено о разности монеты важной и легкой въ росс. государствѣ и заплаты отъ ихъ подданныхъ неравныхъ и великихъ пошлинъ; на то все съ моей стороны имъ въ конференціяхъ объявлено было въ противность, что они написали, будто изъ нынѣшнихъ мелкихъ денегъ въ покупкѣ товаровъ и въ платежѣ пошлинъ есть ихъ подданнымъ излишній убытокъ, и ежели смотрѣть, то найдется несходно и въ противность ихъ мнѣніямъ, для того что купечество голландское всѣ росс. товары покупаютъ цѣною равною, какъ и предъ симъ временемъ, когда монета важнѣе была, но больше теперь найдется отъ той неважной монеты къ предосужденію внутри росс. государства, для того что всѣ товары заморскіе предъ прежнимъ въ великую цѣну вошли, также векселя высоки и убыточны стали, что по 40% или на 100, а нынѣшняго года и по 50 давали, изъ чего купечество голландское великіе прибытки себѣ получили. Къ тому же разсуждается, что внутренніе въ государствѣ приходы и расходы не есть иною какою монетою, токмо тою легкою и въ расходахъ немалая часть въ народѣ бываетъ на товары заморскіе, которые предъ прежнимъ высокою цѣною продаются, и потому видимый убытокъ, что расходъ генерально въ народѣ умножился предъ приходомъ. Что же упомянули излишняго наклада на талеры процента $3^1/_2$, также и на червонные и на юфть $^1/_3$ для лишней оцѣнки, которое вмѣняютъ, что будто таможенные служители безъ указа чинятъ е. цар. в-ва, о томъ, чаю, повелѣно будетъ разсмотрѣть и опредѣлить.

О платежѣ ихъ, голландцевъ, пошлинъ, я былъ въ невѣдѣніи, но нынѣ, какъ они объявили въ своей резолюціи статской, первое платежъ у города, второе — для пропуска къ Москвѣ, третіе — на Москвѣ, четвертое — съ Москвы.

И, наконецъ, сего не нахожу сходно съ интересомъ е. цар.

в-ва, чтобы на ихъ требованіе позволить монетою россійскою пошлину платить, или бъ хотя талерами и червонными, токмо бы на вѣсъ равный противъ монеты россійской, или бъ города Архангельскаго пошлину инымъ образомъ отмѣнить. Все то къ перемѣнѣ за невозможное находится, развѣ нѣчто о пошлинахъ въ отвозѣ къ Москвѣ и на Москвѣ нѣкакое посредство, ежели возможно будетъ, найти.

Теперь принадлежитъ разсмотрѣть о коммерціи Балтическаго моря, какъ въ Ригу, въ Ревель; и на первое ихъ требованіе не сумнѣваюсь, чтобъ е. цар. в-во своимъ высокимъ указомъ отъ всякихъ непорядковъ лучшимъ образомъ опредѣлить не соизволилъ. Что же принадлежитъ о введенныхъ новизнахъ и налогахъ во время правительства шведскаго, и въ семъ прежде надлежитъ гораздо разсмотрѣть и съ маестратами тѣхъ городовъ о всемъ томъ освѣдомиться, для того что навигація и торговля въ Балтическое море и въ помянутыхъ пристаняхъ была до сего времени на другомъ основаніи, нежели къ городу Архангельскому, но предусматривается, что и впредь содержано будетъ на особомъ же основаніи; но и сколько можно понять было изъ ихъ Стацкой резолюціи въ артикулѣ о Ригѣ, о чемъ ихъ есть требованіе чтобъ весьма тому торгу быть на основаніи томъ, когда за Польшею были, и видится, что подъ правительствомъ рѣчи посполитой польской не было разнствія между гражданскимъ и чужестраннымъ, но за шведомъ разсуждается быть разнствію, въ томъ, что граждане предъ чужестранными имѣли лишніе привилежіи, также и весь торгъ происходилъ чрезъ руки ихъ, гражданъ рижскихъ и ревельскихъ, а не чрезъ первую руку чужестранцу съ чужестранцемъ.

Второе ихъ требованіе, что ежели и на томъ шведскомъ основаніи нынѣ оставлено будетъ, чтобъ росс. народу тамъ не имѣть больше тѣхъ привилегій, какъ чужестраннымъ, и сіе дѣло деликатное, того для не могу пространно свое доношеніе учинить и объявить, что ежели бъ изъ сего могла послѣдовать прибыль, или убытокъ, какъ казнѣ е. цар. вел-ва, такъ и народу, для того что надлежитъ важить всѣ оныя пристани съ пристанью города Архангельскаго (а особливо пристани С.-Петербурха, ежели оная желается распространить и умножить) и ежели позволено будетъ свободно торговать, то чаю свободно можетъ одна другой предосужденіе учинить, и того для надлежитъ смотрѣть, какъ платежъ пошлины, такъ и постановленныхъ привилегій своему народу и чужестраннымъ, къ тому жъ дольнее разстояніе со внутренностью государства, отколь всѣ товары происходятъ, также способные провозы и проходы водяные.

Третье ихъ требованіе, чтобы равная пошлина брана была

такъ какъ и подъ правительствомъ шведскимъ, и о семъ ежели бъ перемѣнено было, не нахожу сходно быть съ интересомъ е. цар. вел-ва; для того, ежели желается оный торгъ умножить, а особливо жителей оныхъ въ лучшее состояніе привесть предъ симъ, какъ нынѣ отъ войны находятся, то весьма оную уравненную пошлину въ прежнемъ состояніи оставить я бы чаялъ хотя не вовсе, но во время предъ прежнимъ въ торгу придать а нежели что убавливать или какую тягость налагать, и чтобъ тѣмъ всякой жалузіи отъ потенцій морскихъ убѣгать и неблагодарныхъ ихъ ни въ чемъ не видѣть.

И теперь дошло къ доношенію по ихъ Стацкой резолюціи до артикуловъ трактата комерціи:

И первое несходство есть на 2-й и на 3-й артикулы, чтобъ моремъ и сухимъ путемъ торговать, и ежели въ такой силѣ упомянуть, какъ въ моемъ образцовомъ проектѣ постановлено, то въ томъ никакой трудности не нахожу.

Что же о всемъ 3-мъ артикулѣ принадлежитъ, чтобъ свободной торгъ вездѣ равно съ россійскими позволить, и то за невозможность находится, а посредство въ томъ найдено ко удовольству ихъ голландскому, — что имъ будетъ позволенъ вольной торгъ въ Москвѣ и въ другихъ знатныхъ городахъ, и ежели будутъ меня спрашивать или съ своей стороны пожелаютъ въ трактатѣ именовать тѣ знатные города, того для надлежитъ мнѣ въ запасъ о томъ указомъ опредѣлить. А чтобъ по требованію ихъ того жъ 3-го артикула учинить подданнымъ стацкимъ равное привилежіе противъ армянъ, и хотя о томъ я подлиннѣе не извѣстенъ, токмо не чаю, чтобъ было сходно съ прибыткомъ е. цар. вел-ва, для того что оные уже гораздо облегчены.

На 5-й артикулъ требованіе ихъ, дабы не быть монополю или откупнымъ товарамъ, и правда на то посредство также найдено и въ поданномъ отъ меня проектѣ имъ, Статамъ, вновь противъ моей инструкціи молвлено, что монополь или откупъ отставляется и дается во всѣхъ товарахъ свободный торгъ, развѣ когда для государственной нужды понадобятся нѣкоторые товары изъ казны продать. Но сей терминъ остатній они вмѣняютъ также за равной заказъ товаровъ и ежели для лучшаго себѣ увѣренія они похотятъ, чтобъ именовать въ трактатѣ тѣ товары, которые во время нужды государственной изъ казны пожелается продать, на сіе требуется указъ и рѣшеніе е. цар. вел-ва.

На арт. 10-й, о семъ не можно больше иной свободы требовать, какъ они позволяютъ противу католиковъ, а чтобъ такъ публичную церковь позволить содержать, какъ ихъ власные

или какъ на Москвѣ, то весьма учинено быть не можетъ и не видится, чтобъ чрезъ сіе какая трудность могла быть и чтобъ сей трактатъ затѣмъ къ концу своему не могъ приведенъ быть.

Въ 11-мъ артикулѣ беру дерзновеніе донести, дабы оный весь отставить, для того что сей артикулъ весьма есть противенъ нашему намѣренію трактата торговли, потому что равной торгъ по требованію ихъ не позволяется; но понеже сей артикулъ есть на равномъ основаніи чѣмъ противу нашихъ намѣреній всегда порочить будетъ, къ тому жъ ежели сіе отставится, здѣшнимъ многое потѣшеніе придастъ, а большую желузію между ими, голландцами и англичаны, учинитъ, которая желузія къ лучшему интересу купечества россійскаго есть и конечно здѣсь предусмотрѣно, что Англія нѣкакое сходство или трактатъ о ластовыхъ деньгахъ съ дворомъ е. вел-ва заключила, несмотря на тотъ малой свой убытокъ, токмо нарочно для предосужденія и тягости торгамъ ихъ голландскимъ, и когда оставится помянутой артикулъ, не чаю, чтобъ великій убытокъ могъ быть доходамъ государственнымъ.

12-й арт. какъ изъявлено ихъ требованіе, дабы въ томъ сойтись такъ, какъ между ими и коронованными главами въ сѣверѣ и какое между тѣми поздравленіе чинится, о томъ я здѣсь освѣдомиться не могъ, но изъ разговоровъ ихъ, депутатовъ стацкихъ, я призналъ, что они въ поздравленіи павиліону е. цар. вел-ва, какъ выше упомянуто, съ другими коронованными главами въ сѣверѣ, равно учинятъ, токмо убѣгаютъ, дабы такого поздравленія не чинить, какъ Англіи, и то вмѣняютъ такъ трудно, что и Англіи принуждены то почтеніе чинить чрезъ войну, нежели въ томъ могли добродѣтельно сойтись.

13-й арт. весьма прочь отвергаю и не видится способъ, дабы оный могъ быть тутъ введенъ, но развѣ наудачу трудиться, дабы оный былъ внесенъ при трактатѣ союза оборонительнаго, ежели во ономъ похотятъ обязаться и въ ту негоціацію вступить.

Итакъ, наконецъ сего трактата теперь не нахожу никакую многую трудность во всѣхъ артикулахъ, токмо кромѣ 3-го и 5-го, того для разсудилъ я за благо донести, что ежели за потребно находится, дабы сей трактатъ комерціи былъ благополучно оконченъ, тогда хотя и невозможно на всѣ требованія ихъ статкія 3-го и 5-го артикуловъ позволить, однакожъ для лучшаго сходства нѣкоторое посредство надлежитъ сыскать, и ежели бъ выпрошено о томъ отъ меня было, то при семъ доношу:

Въ томъ 3-мъ артикулѣ хотя вольной торгъ къ Москвѣ и въ иные знатные города имъ позволенъ, токмо оное позволеніе не въ томъ простомъ терминѣ состоитъ, но состоитъ

въ пошлинахъ, какія будутъ браны, для того, что уже подданные ихъ стацкіе давно свободной торгъ къ Москвѣ, въ Ярославль, на Вологду и въ другія мѣста имѣютъ, токмо пошлину платили двойную и сверхъ того еще при продажѣ своихъ товаровъ на Москвѣ 6 процентовъ платили жъ и того для не нахожу иного посредства никакого, токмо чтобъ изъ тѣхъ пошлинъ на позволеніе имъ вольнаго торга къ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ знатныхъ городахъ было позволено нѣчто убавить, какъ то за благо изобрѣтено можетъ быть, а ежели въ семъ склонности имъ и уступки какой показано не будетъ, то сумнѣваюсь, чтобъ могъ сей трактатъ комерціи ко окончанію своему быть приведенъ.

Но 5-мъ артикуломъ, чаю довольны тѣмъ будутъ, чтобъ откупамъ не быть, а для государственной нужды что изъ казны продавать, то товары именовать.

И теперь наконецъ сего моего покорнаго доношенія мое мнѣніе объявляю: дабы сей трактатъ комерціи трудиться окончать, того для ничѣмъ больше можемъ утвердиться, добрая кореспонденція и дружба между е. цар. вел-вомъ и сею республикою и съ нею въ самое согласіе обязаться, какъ чрезъ сей каналъ торговли, и хотя бъ нѣчто могло найтись, будто бы къ нѣкоторому малому убытку оной трактатъ могъ учиненъ быть, но другимъ образомъ видится, что оный убытокъ весьма награжденъ будетъ чрезъ дружбу и вспоможеніе въ политическихъ дѣлахъ къ интересамъ е. цар. вел-ва отъ нихъ. господъ Статовъ, а особливо при нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ, какъ уже нѣкоторое вспоможеніе или та добрая заплата отъ нихъ и дѣйствительно показана, о чемъ не безызвѣстно есть двору, и могу сказать, видя по состоянію здѣшнему, что вся ихъ склонность и доброхотство къ интересамъ е. цар. вел-ва изъ надѣянія къ распространенію своей комерціи въ государство россійское; но ежели здѣшнихъ дружбы и склонности отлучимся, то не могу знать, съ которою бы другою потенціею такую тѣсную дружбу и основательную безъ всякой желузіи другъ отъ друга, могли найти и постановить и чтобъ такъ обязаны были взаимно другъ другу въ своихъ интересахъ чрезъ комерцію и другія дѣла, понеже между потенціями дружба безъ взаимнаго прибытка не можетъ ни тверда, ни постоянна быть. Къ тому жъ сверхъ всего того не видится никакой великой опасности изъ заключенія сего трактата о комерціи, чтобъ могло предосудительно быть торгамъ россійскимъ, для того что оный трактатъ заключается токмо на 10 лѣтъ и ко установленію вольныхъ торговъ будетъ требоваться времени два или три года, а въ остальное такъ малое время не чаю, чтобъ могло великій убытокъ при-

нести, но еще больше можно разсудить, что онымъ временемъ токмо опытъ учиненъ будетъ и народу россійскому большую знаемость въ купечествѣ придастъ.

При семъ же нахожу сходно донесть, какъ я могъ изъ многихъ разговоровъ депутатовъ стацкихъ и города Амстердама признать, что ихъ намѣреніе есть возставить свое купечество въ Персію Балтическимъ моремъ чрезъ пристани е. цар. вел-ва, а особливо довольные вопросы мнѣ отъ нихъ были о комуникаціи, учиненной каналомъ проходу воднаго отъ С.-Петербурха въ Волгу и оттуль внизъ до Каспицкаго моря и до самой Персіи. На сіе свое намѣреніе они, Статы, понуждаются быть склонны неволею, для того что чрезъ нынѣшній мирный трактатъ съ Франціею почитай вся комерція въ Медитеранскомъ морѣ въ турецкія пристани осталася въ рукахъ Англіи и Франціи, гдѣ чрезъ тѣ турецкія пристани персидскій торгъ они, голландцы, имѣли, но нынѣ тотъ ихъ торгъ въ худомъ состояніи находится и впредь отъ времени до времени умаляться будетъ.

Еще жъ разсудилъ я за благо покорное доношеніе учинить, что ежели сей трактатъ комерціи счастливо заключится, тогда по заключеніи онаго и для подтвержденія сего жъ и большего обязательства между е. цар. в. и господами Статы, чтобъ вступить въ трактатъ союза оборонительнаго, и ежели на сіе склонность е. ц. вел-ва есть. то буду подъ рукою внушать и когда похотятъ вступить, чтобъ съ стороны ц. вел-ва того оборонительнаго союза имъ, Статамъ, проектъ подать, и того ради при семъ оной проектъ на примѣръ посылается, и ежели въ чемъ несходенъ найдется, то онаго съ переправкою назадъ ожидаться будетъ.

Наконецъ сіе мое покорное доношеніе приносится къ премилостивому рѣшенію е. цар. вел-ва.

Князъ Борисъ Куракинъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что голландцы вообще весьма несочувственно отнеслись къ переводу русской торговли изъ Архангельска въ Петербургъ потому, что уже самъ по себѣ этотъ переводъ грозилъ нанести имъ сильный ущербъ, открывая возможность сильной конкуренціи имъ со стороны ганзейскихъ городовъ, и въ особенности Любека и Гамбурга. Именно, пока торговля моремъ въ Россію шла на Архангельскъ, голландцы могли доставлять юфть и др. русскіе товары въ Германію. Между тѣмъ съ установленіемъ торговли на Петербургъ, товары нужные для нѣмцевъ могутъ прямо итти черезъ Любекъ, и не только вывозъ изъ Россіи въ Германію установится прямой, но любчане сами же станутъ доставлять въ Россію и нѣ-

мецкіе товары, которые ранѣе доставлялись туда голландцами. Словомъ, — говорили голландцы, — съ переводомъ торговли въ Петербургъ, амстердамская торговля съ Россіею необходимо падетъ и перейдетъ въ Любекъ[1])[2]).

Въ февралѣ 1713 г. Фанденбургъ доносилъ Головкину[3]), что голландскіе купцы, торгующіе въ Ригу требуютъ настоятельно отъ Статовъ, чтобы имъ назначенъ былъ конвой, иначе они опасаются шведскихъ каперовъ. Съ другой же стороны, они говорятъ, что такъ какъ «въ Петербургѣ не лучше иныхъ мѣстъ», то они не станутъ иначе туда ходить «при такомъ опасномъ времени», какъ если имъ нѣкоторое облегченіе оказано будетъ въ пошлинахъ или въ пномъ чемъ. Сверхъ того надлежащей правильности и расширенію торговли съ Ригою, а частью и съ другими прибалтійскими портами, препятствовали въ значительной степени злоупотребленія русскихъ властей, произволъ ихъ въ разрѣшеніи и запрещеніи вывоза ржи[4]), вслѣдствіе чего приходящіе за нею корабли вынуждены были иногда возвращаться обратно съ однимъ балластомъ, и наконецъ, система откуповъ[5]). Нужно замѣтить также, что переговоры о торговомъ трактатѣ велись преимущественно въ политическомъ центрѣ Голландіи, Гагѣ, Куракинымъ, а не въ Амстердамѣ, и при весьма незначительномъ участіи Фанденбурга. А вслѣдствіе этого переговоры затягивались, условія торговли съ Россіею оставались въ неопредѣленномъ положеніи и въ 1714, напр., году голландскимъ купцамъ еще не были въ точности извѣстны условія торговли съ Петербургомъ (размѣръ таможенныхъ пошлинъ, количество и роды товаровъ разрѣшенныхъ къ привозу и къ вывозу, наличность откуповъ и т. п.).

Русское правительство, конечно было болѣе всего озабочено требованіемъ голландцевъ объ уравненіи ихъ въ платежѣ пошлинъ съ русскими купцами. Поэтому Головкинъ, по приказанію Царя, отправилъ Куракину запросъ (5 сентяб. 1713, № 22), что такъ какъ голландцы желаютъ платитъ одинаковыя пошлины съ русскими подданными, то прислать свѣдѣніе, — въ Англіи и въ другихъ земляхъ голландскіе купцы платятъ ли равныя пошлины противъ тамошнихъ подданныхъ[6]).

---

[1]) При этомъ любчанамъ не приходилось бы платить и Зундской пошлины.

[2]) Ср. впрочемъ записку о неудобствахъ перенесенія торговли изъ Архангельска въ Петербургъ, поданную русскому правительству голландскимъ посланникомъ Де Діе отъ 1 мая 1714 (Гол. д. 1714 № 16).

[3]) Гол. д. 1713 д., № 10 и 1714, № 12.

[4]) Гол. д. 1713, № 10 и 13.

[5]) Голландцамъ не было также разрѣшено еще имѣть въ Ригѣ свои собственные дома и амбары. Тамъ же.

[6]) Голл. д. 1713, № 2.

На это Куракинъ отвѣчалъ (письмомъ къ Головкину отъ 29 сентяб. (10 октяб.) 1713, № 61) [1]), что «купцы голландскіе равно вездѣ съ подданными въ тѣхъ земляхъ платятъ и извольте приказать справиться съ трактатами комерціи, учиненными нынѣ у Франціи съ Голландіею, тамъ о семъ артикулѣ найдется; токмо сіе намъ въ примѣръ не можетъ быть, для того, что здѣсь во всѣхъ государствахъ установлены тарифы, въ которыхъ объявлены заплаты пошлины съ товаровъ, понеже то премѣняется со временемъ, смотря по умноженію какихъ манифактуръ, какъ на прикладъ, нынѣ шляпъ въ росс. государствѣ довольно дѣлаютъ и того для надлежитъ пошлину на шляпы положитъ 20%, а прежде токмо было 5% для того, чтобъ отъ большой пошлины вывозу меньше было и тѣмъ бы придать торгъ охотнѣе своимъ шляпочникамъ и распространить оное ремесло. И здѣсь сіе расположеніе тарифовъ для того, что по учиненію трактатовъ комерціи они между собой не могутъ привозъ товаровъ заказатъ, какъ указомъ е. ц. вел-ва въ Россіи чинится».

По полученіи въ Петербургѣ отвѣта Голландскихъ Штатовъ Царь указалъ изъ нѣкоторыхъ знатныхъ купцовъ созвать въ Петербургъ и о томъ у нихъ еще довольныя вѣдомости и разсужденія взявъ, разсматривать и доложить ему. (Головкинъ Куракину 4 декаб. 1713 № 29 и 15 янв. 1714 № 3 въ Голл. д. 1713 № 2 и 1714 № 3).

Касательно требованій нидерландскаго правительства Ив. Стрежневъ объяснилъ между прочимъ [2]):

Что голландцы требуютъ, чтобъ имъ имѣть торгъ въ россійск. городахъ такъ свободно, какъ и русскіе, и то уже они давно имѣютъ, ибо они не своими, но именами должниковъ своихъ торгуютъ и мало что въ таможню объявляютъ своими именами, а торговлю отправляютъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ довольно, такожде и товары покупаютъ подъ такимъ же предлогомъ, и потому онъ, Стрежневъ, признаетъ, чтобъ для вышереченныхъ причинъ хотя бы ихъ, иноземцевъ, и уволить, то бы русскимъ купцамъ изъ того никакой нищеты не было, только бы не велѣть имъ врозь ни продажи, ни покупки не чинить, но токмо на гостинныхъ дворахъ кипами, бочками и ящиками русск. купцамъ по обыкновенію продавать, а въ отъѣздахъ и на малыхъ ярмонкахъ ко увольненію дробныхъ торговъ не допустить.

[1]) Голл. д. 1713, № 4.
[2]) Голланд. д. 1709—1715 г., № 5.

При письмѣ канцлера гр. Головкина отъ 13 марта 1714, за № 12, кн. Куракину сообщена копія съ собственноручной резолюціи Петра касательно предложенныхъ отъ Куракина вопросовъ объ отношеніяхъ съ Голландіею. Въ ней говорилось между прочимъ, что «комерціи трактатъ какъ возможно трудимся оное совершить, чего для старой устафъ торговой, которой безспорно былъ всегда, нынѣ смотримъ и пришлемъ на чемъ возможно сходнѣе быть, ибо самимъ намъ то надобно, чтобъ чрезъ оной далѣе обязаться» [1]).

Въ письмѣ Куракину отъ 23 марта № 13 Головкинъ пишетъ [2]):

«На письма ваши присланныя о комерціи донынѣ умедлено отвѣтомъ, за тѣмъ что трудились мы, какимъ бы образомъ возможно было то къ ползѣ обоихъ народовъ привести и понеже наибольшая трудность состояла въ томъ, что желаютъ Галанцы, дабы свободность была имъ вездѣ въ государствѣ его царскаго величества торговать и для того мы слушали весь нынѣ торговой уставъ, которой на то соизволяетъ, только что въ которомъ городѣ будутъ торговлю отправлять, то бъ продавали купецкимъ людемъ того города, такожъ и товары у нихъ всякіе покупали съ достойною пошлиною по тому древнему уставу, а не у пріѣзжихъ и не у поселянъ, какъ о томъ въ томъ торговомъ уставѣ въ 60 статьѣ имянно изображено; и для того, дабы вы могли имъ о томъ яснѣе доказать, выписавъ приличныя ко отправленію того купечества всѣ статьи подлинно изъ того уставу, при семъ къ вамъ посылаемъ, понеже тотъ учиненной уставъ тогдажъ всѣмъ иноземцамъ сообщенъ, и безспорно отъ нихъ принятъ и чрезъ такъ многіе годы донынѣ ни отъ нихъ, ни отъ иного кого спору въ томъ никакого не было; того ради изволите трудитца, дабы трактатъ о комерціи учинить на основаніи того устава, ибо мы никакой противности имъ, такожъ и запрещенія во отправленіи купечества во ономъ уставѣ не усмотрѣли и инако кромѣ того намъ учинить невозможно; а сверхъ того его царское вел-во ради особливой пріязни своей къ господамъ статамъ изволяетъ учинить уступки въ отставкѣ откуповъ; въ отставкѣ жъ наложенныхъ сверхъ того торговаго устава пошлинъ, такожъ въ браніи меншаго числа предъ тѣмъ уставомъ пошлинъ за вина и въ позволеніи вновь торга хлѣбнаго, какъ о томъ ясно изображено подъ статьями торговаго уставу; а что надлежитъ о плаченіи пошлинъ важными денгами, а чтобъ платить мелкими, и того нынѣ за войною учинить невозможно, и учинилось то излишество

---

[1]) Голл. д. 1714, № 4. Отпуски писемъ Головкина къ Куракину.

[2]) Тамъ же и Голл. д. 1714 № 3. Сообщено отъ Куракина Штатамъ $^{14}/_{31}$ мая.

отъ повышенія вексельнаго курса, и можетъ паки притти вскорѣ въ прежнюю цѣну.

«9-й пунктъ въ проектѣ вашемъ коммерціи присланномъ написанной о отправленіи церкви его царское величество по желанію ихъ соизволяетъ, что имѣть оную въ домѣхъ, а не публичную, когда имъ на то позволить невозможно. А 11-й пунктъ о ластовыхъ денгахъ извольте отставить изъ проекта, и о томъ ничего не писать — брать или не брать. А буде станутъ спрашивать, что для чего нынѣ не написанъ и о томъ тогда сказать имъ, что брано съ нихъ по обнадеживанію и нынѣ не будетъ. Противъ 12-го — о почтеніи въ церемоніяхъ при крѣпостяхъ и флоту — постаратца, чтобъ написать глухо противъ другихъ коронованныхъ главъ, а ежели не похотятъ, то уже именовать противъ другихъ коронованныхъ главъ въ сѣверѣ. А 13 й пунктъ отставляетца, когда они являютца быть склонны ко учиненію вмѣсто того оборонителнаго союза; и присланной проектъ отъ васъ о томъ оборонительномъ союзѣ его царское вел-во изволилъ слушать, и оной во всемъ за благо принять; а что изволили притомъ же писать о вспоможеніи опредѣленнымъ числомъ войскъ и флоты, и дабы о томъ поставить пунктъ сепаре, и на то его царское вел-во соизволяетъ, только извольте знать дать коликимъ числомъ войскъ то вспоможеніе имѣетъ быть учинено и они пожелаютъ. А сіи трактаты о коммерціи, такожъ и оборонительной равно заключить надлежитъ токмо на 7 лѣтъ или и далѣе, какъ они пожелаютъ.

«О комерціи и о пожженыхъ карабляхъ и о другихъ дѣлахъ на ваше писмо отъ 12 февраля писанныя изъ Гаги послана къ милости вашей его царскаго вел-ва резолюція сего мѣсяца во 13 день, и понеже пеньки сюда хотя многое число уже привезено, однакожъ его царское величество во удоволство по желанію стацкому и купцовъ галанскихъ послать указалъ свои указы къ торговымъ русскимъ людемъ въ содержаніи семъ, что пеньку, которая во Твери и отъ Твери къ Москвѣ, той воля хотя сюда или къ городу (Архангельску) везти, а юфти четвертая доля сюда, а протчее къ городу, что къ вашей милости пишу во извѣстіе.

P. S. Присланные ваши проекты о комерціи и о оборонителномъ союзѣ для того къ вамъ не посланы, что о комерціи велѣно во всемъ становить противъ уставу, а въ оборонителномъ никакихъ переправокъ не учинено.

Приложенъ «*Экстрактъ изъ торговаго устава учиненнаго въ 1667 году, что касаетца до купечества, какъ имъ торговлю отправлять и какія съ товаровъ пошлины платить*»:

Въ началѣ въ указѣ его царскаго вел-ва изображено, что по

челобитью купечества російскаго во многихъ обидныхъ торгѣхъ, которые происходили въ російскомъ государствѣ и въ порубежныхъ городѣхъ, помѣшкою продолжительной войны ибо пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые поддѣлные какъ въ серебрѣ и въ золотѣ литомъ и пряденомъ, такъ и въ поставахъ, въ сукнахъ и въ иныхъ заморскихъ товарѣхъ, въ Москву и городы російскіе привозить, въ которыхъ товарѣхъ подлинно обличены, и такіе худые товары сысканы, и рускимъ торговымъ людемъ въ заповѣдяхъ и въ промыслахъ многіе убытки и домовныя разоренія чинились.

Того ради по тому челобитью чтобъ рускіе торговыя люди имѣли свободные торги какъ обычай есть во всѣхъ государствахъ окрестныхъ въ первыхъ государственныхъ дѣлахъ свободные и прибылые торги для сбору пошлинамъ, и для всенародныхъ пожитковъ мірскихъ со всякимъ береженіемъ остерегаютъ и въ полности держатъ, опредѣлили, чтобъ учрежденные гости, и головы, целовалники накрѣпко смотрѣли, чтобъ мимо торговыхъ людей чиновъ бѣглые всякіе люди съ иноземцы торгу и подрядовъ не чинили, а свои товары прикладывали къ рускимъ торговымъ людемъ къ высокой цѣнѣ и къ пожиткамъ добрымъ, такъ же и торговые маломочные люди у гостей и у лучшихъ людей были въ береженіи, чѣмъ имъ торгами завестись межъ рускими людми складамъ къ большимъ товарамъ, а собою въ продажѣ иноземцамъ цѣны не портили, и въ подрядъ денегъ у иноземцевъ не имали, и для лутчаго происхожденія въ томъ купечествѣ опредѣлены статьи и изъ нихъ что принадлежало до иноземцовъ, дано тогда объ оныхъ имъ иноземцамъ знать, а тѣ статьи суть содержанія такого:

Слѣдуетъ выписка статей: 5, 11, 32, 36, 37, 40—57, 59—76, 83 · 86, 88, 89 и 91, трактующихъ о досмотрѣ товаровъ, о пошлинахъ, объ условіяхъ торговли съ русскими, о подсудности.

Уступки, которыя нынѣ его царское величество изволитъ чинить.

1. Противъ 75 статьи:

Браны будутъ пошлины не съ тѣхъ товаровъ, кои на корабляхъ, но съ тѣхъ кои выложены на берегъ.

2. Противъ 86, позволяетца всѣмъ купеческимъ людемъ свободной проѣздъ въ Россію ради купечества и безъ жалованныхъ грамотъ.

3. Въ уставѣ въ 51 статьѣ положено брать пошлинъ съ винъ съ беременныхъ бочекъ съ алкана, съ бастры, съ малмазѣи съ мушкателю по 60 еѳимковъ съ бочки, съ раманѣи съ беременной по 40 еѳимковъ, съ полубеременныхъ бочекъ ренскаго по 20 еѳимковъ съ бочки, съ церковнаго попрежнему, съ ан-

керка горѣлаго французскаго по шти еѳимковъ, на сахаръ головной на пудъ по рублю, на красной леденецъ по 40 алтынъ, на бѣлой и на иной дѣланой на пудъ полтора рубли.

А въ 700 году велѣно съ тѣхъ питей имать съ полуберементыхъ бочекъ съ алкана, съ бастры съ малмазѣи, съ мушкателю по осми, съ романеи и съ ренскаго по 5 еѳимковъ съ бочки, да съ французскаго горячего вина, съ водки коричневой съ анкерка по 2 еѳимка, съ водки галанской съ погребца 2 еѳимка, съ водки аглинской съ погребца по полуеѳимку.

И нынѣ будетъ пошлина съ тѣхъ питей имана противу тогожъ.

4. Откупы всѣ его царское вел-во соизволяетъ отставить, а предаетъ въ свободное купечество по содержанію устава, развѣ для какой нужды изъ государственной казны что продаетца.

5. Новонакладныя пошлины всѣ, которыя сверхъ того устава положены съ иноземцовъ и русскихъ, что до ихъ торговли заморской касаетца, отставляютца, а имянно:

Съ явленныхъ денегъ и съ невѣщихъ товаровъ по торговому уставу имано съ русскихъ людей по 8 денегъ съ рубля, а нынѣ съ нихъ берутъ равно какъ и съ вѣщихъ товаровъ по 10 денегъ съ рубля. Что въ торговлѣ отъ русскихъ людей на нихъ же иноземцовъ начиталось, чего для нынѣ будетъ брано по прежнему торговому уставу.

Сверхъ обыкновенныхъ хомутныхъ денегъ берутъ съ иноземцовъ и съ русскихъ съ найму десятую долю, что нынѣ для свободы въ купечествѣ отставляетца.

Привалные, отвалные, поземелные отставляютца. О крѣпостяхъ купецкимъ людемъ у крѣпостныхъ дѣлъ, которыя обыкновенно русскимъ людемъ писать съ иноземцы, даетца на волю, кто кому по какой крѣпости вѣрить хочетъ.

6. Да вновь изволилъ его царское вел-во позволить хлѣбъ изъ своего государства вывозить съ платежемъ установленныя пошлины съ четверти россійской мѣры по четверти еѳимка.

Рескриптъ кн. Куракину, 31 янв. 1715 г. [1])

Напредь сего посланъ къ вамъ нашъ указъ о учиненіи трактата о комерціи съ Галандіею и къ тому вы полною мочью отъ насъ снабдены. А нынѣ мы паки присланные отъ васъ къ намъ ваши доношенія и проекты трактатовъ коммерціи и оборонительнаго союза слушали. И какъ тотъ проектъ мы на мѣрѣ поставили и оной написавъ при семъ къ вамъ посылается, и

[1]) Голл. д. 1715 № 3.

вамъ трудиться надлежитъ, чтобъ потому оной трактатъ къ заключенію привесть; усмотрите вы изъ того, что мы по вашему предложенію, для показанія своей дружбы къ господамъ Статамъ Генеральнымъ 2-хъ алтынную пошлину съ продажи Галанскихъ купцовъ товаровъ отставили и что товары, которые изъ казны продаются, оныхъ именовать не велѣли, а опредѣлили, что оные всякому свободно безъ откуповъ продаваны будутъ, кто ихъ купить похочетъ, такожъ и свободность по прежнему дана на Москвѣ и въ городахъ имъ торговать съ купеческими людьми, какъ о томъ выразумѣете пространнѣе изъ того проекта; а ежели и тою уступкою 2-хъ алтынной пошлины не будутъ они довольны, то когда они въ самомъ дѣлѣ склонность свою въ споможеніи нашимъ интересамъ и къ полученію полезнаго мира дѣйствительно обѣщаютъ, объявите, что мы со особливой своей склонности и пріязни къ нимъ господамъ Статамъ соизволяемъ подданымъ ихъ знатную уступку учинить, а именно, что прежде сего за пошлину брано съ ихъ подданыхъ червонной золотой за рубль, а еѳимокъ за полтину, нынѣ повелимъ брать золотой за 40 алтынъ, еѳимокъ за 20 алтынъ, и сіе тогда внесите и въ трактатъ, а именно въ 3-ю статью; такожъ понеже Галанскимъ купцамъ позволено въ наши земли ввозить сдѣланныя и несдѣланныя вещи безвозбранно, того ради говорить вамъ имъ, чтобъ во 2-мъ пунктѣ изъяснить, дабы постановлено было равномѣрно и нашимъ подданнымъ купцамъ возить товары въ ихъ область сдѣланные и не сдѣланные, но ежели увидите въ томъ великую упорность и что они того весьма не похотятъ учинить, представляя, что у нихъ то всѣмъ и другихъ государствъ подданнымъ запрещено, то отъ того и отступите. При томъ же и то вамъ остерегать, что въ 3-мъ артикулѣ уступка учинина 2-хъ алтынной пошлины, которая съ нихъ брана на Москвѣ и въ другихъ городахъ съ продажи ихъ товаровъ, чтобъ они не толковали, что не будетъ брано и съ покупки, которые они товары купятъ не на тѣ деньги, которыя возьмутъ за товаръ свой, но на готовыя свои сверхъ взятыхъ за оной товаръ свой, понеже съ покупки съ денегъ и подданные наши платятъ, чего имъ неплатить нельзя. Противъ перваго на десять пункта домогайтесь по прежнимъ указамъ, что о почтеніи кораблямъ при крѣпостяхъ и флотѣ написать въ генеральныхъ терминахъ, такъ какъ въ проектѣ нынѣ написано, а буде такъ не напишутъ, то вы развѣдайте есть ли какая въ томъ почтеніи отмѣна кромѣ Англіи, а именно королю Французскому и Гишпанскому выше сѣверныхъ потентатовъ, и ежели есть, то домогайтесь, чтобъ написать противъ короля Французскаго, а ежели нѣтъ никакой отмѣны, то по

послѣдней мѣрѣ именовать о томъ противъ другихъ коронованныхъ главъ въ Сѣверѣ, а о прочихъ уступкахъ, о которыхъ писано къ вамъ въ нашемъ указѣ Марта 23 числа прошлаго 1714 г. учините такъ, какъ объ оныхъ въ томъ указѣ написано, а именно, что мы ради особливой пріязни своей къ господамъ Статамъ соизволяемъ учинить нынѣ уступки слѣдующія: 1) хотя въ уставѣ въ 51 статьѣ положено брать пошлинъ съ винъ съ беременныхъ бочекъ съ алкана, съ бастры, съ малмазеи, съ мушкателю по 60 еѳимокъ, съ бочки съ романеи съ беременной по 40 еѳимковъ, съ полубеременныхъ бочекъ ренского по 20 еѳимковъ съ бочки, съ церковнаго по прежнему съ анкерка горѣлаго Французскаго по 6 еѳимковъ; а впредь будетъ имано съ полубеременныхъ бочекъ съ алкана, съ бастры, съ малмазеи, съ мушкателю по 8, съ раманеи и съ ренского по 5 еѳимковъ съ бочки, да съ Французскаго горячаго вина съ водки коричневой съ анкерка по 2 еѳимка, съ водки Галанской съ погребца 2 еѳимка, съ водки аглинской съ погребца по по луеѳимку; 2) послѣ торговаго уставу новонакладныя пошлины послѣдующія, а именно: съ явленныхъ денегъ и съ вѣщихъ товаровъ по торговому уставу имано съ русскихъ людей по 8 денегъ съ рубля, а нынѣ съ нихъ берутъ равно какъ и съ вѣщихъ товаровъ по 10 денегъ съ рубля, что въ торговлѣ отъ русскихъ людей на нихъ же иноземцевъ начиталось, а нынѣ будетъ брано по 8 денегъ съ рубля; сверхъ обыкновенныхъ хомутныхъ денегъ берутъ съ иноземцевъ не русскихъ съ найму десятую долю, что нынѣ для свободы въ купечествѣ отставляется; привальные, отвальные, поземельные отставляются; о крѣпостяхъ купецкимъ людемъ у крѣпостныхъ дѣлъ, которые обыкновенно русскимъ людемъ писать съ иноземцы дается на волю, кто кому по какой крѣпости вѣрить хочетъ; и тою складкою подданнымъ Галанскимъ учинится облегченіе, потому что русскіе торговые люди тѣ налоги принуждены были въ товарахъ своихъ прикладывать къ цѣнѣ своихъ товаровъ; и понеже третій на десять пунктъ изъ проекта прежняго отставленъ, того ради вмѣсто того вамъ велѣно оборонительной союзъ съ ними учинить противу присланнаго отъ васъ проекта, и потому оный постановить вамъ надлежитъ на столько жъ лѣтъ, какъ и трактатъ коммерціи, а впрочемъ же о томъ дѣлѣ ссылаемся на прежніе посланные къ вамъ указы. А что принадлежитъ о равности въ торговлѣ галанцовъ противу русскихъ, и того за прежде объявленными къ вамъ причинами (какъ и вы сами о томъ доносили) учинить невозможно, а соизволяемъ мы кто хочетъ быть противу русскихъ въ равенствѣ, тобъ записывались въ русскихъ городѣхъ на житье и въ бургоры и платилибъ все то, какъ русскіе и у дѣлъ земскихъ по обычаю

были бъ въ равенствѣ жъ и тогда имъ во отправленіи купечества такая жъ свободность дана будетъ. А ежели и на сей проектъ они галанцы склонности своей не явятъ и будутъ еще въ чемъ какія трудности представлять, и тогда вамъ домогаться, чтобъ для лутчаго въ томъ согласія прислали кого ко двору нашему депутатовъ съ полною мочью или здѣсь обрѣтающемуся резиденту (прибавя къ нему изъ своихъ здѣсь обрѣтающихся купцовъ) коммисію о томъ дали, съ которыми повелимъ мы своимъ министрамъ, опредѣля къ тому изъ купечества, вступить въ ту негоціацію, и трудиться дабы то дѣло съ добрымъ основаніемъ къ пользѣ обѣихъ сторонъ какъ наискорѣе окончать и уповаемъ, что то дѣло скорѣе ко окончанію приведено можетъ быть, ибо за перепискою время проходитъ немалое. Данъ въ С.-Петербургѣ, генваря въ 31 день 1715 году.

18-го мая 1715 г. Куракинъ подалъ Штатамъ новый проектъ трактата, но съ самыми незначительными измѣненіями противъ прежнихъ. И этотъ проектъ встрѣтилъ поэтому тѣ-же возраженія, что и ранѣе[1]). Такъ, въ промеморіи, поданной по этому поводу голландскимъ въ Россіи резидентомъ De Die отъ 28 дек. н. ст. 1715 г. и въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ имъ Шафирову въ конференціи 24 декабря мы находимъ слѣдующія замѣчанія[2]):

«На 2-ю статью, — что Штаты склонны дать въ ихъ областяхъ русскимъ подданнымъ такія же привилегіи и вольности, какія другихъ державъ подданные имѣютъ, и понеже въ ихъ областяхъ съ иностранныхъ купцовъ больше пошлины не берется, какъ и съ самихъ голландскихъ, то ихъ высоком. желаютъ, чтобъ и съ ихъ купцовъ въ Россіи пошлина брана не была выше, какъ съ русскихъ и армянъ берется. Что эта разность въ пошлинахъ сначала не была, ибо когда еще росс. деньги тяжелѣе и лучше нынѣшнихъ были, тогда положено, чтобъ какъ россійскимъ, такъ и иностраннымъ купцамъ платить по 5%, съ тою только разницею, чтобъ росс. купцы русскими деньгами, а иностранцы ефимками платили, на что голландскіе купцы тогда и согласились, ибо тогдашнія копейки вдвое тяжелѣе и лучше нынѣшнихъ, и для того и вексель алпари (al pari) былъ. Но потомъ, какъ копейки умалились и нынѣ ефимокъ вѣсомъ слишкомъ 100 копеекъ въ себѣ содержитъ, то сія разность голландскимъ купцамъ въ великую тягость стала. Однако, ежели е. ц. в. на равность въ пошлинахъ

---

[1]) См. выше.

[2]) Гол. д. 1715, № 8. Ср. также резолюціи Штатовъ отъ 25 іюня 1715 г. (Тамъ же и Голл. д. 1715, № 2 и 3).

позволить не можетъ, то Статы уповаютъ, что онъ однако убавку въ пошлинахъ передъ прежнимъ учинить изволитъ, а въ противномъ случаѣ за зло принято быть не можетъ, когда Статы такожде бо́льшія пошлины на росс. корабли и товары наложатъ, какъ ихъ собственные подданные платятъ.

На 3: Штаты благодарятъ за отмѣну двухъалтынной пошлины, но понеже голландск. купцы сверхъ этой пошлины противъ русскихъ больше 30% русскими деньгами, а 28% больше армянъ платить принуждены, того ради они, какъ противъ 2 пункта объявлено, желаютъ, чтобъ е. ц. в. въ томъ справедливое опредѣленіе учинилъ, а по послѣдней мѣрѣ, чтобъ они противъ армянъ почтены были, которые своими привилегіями сверхъ другихъ народовъ весь торгъ иностранныхъ и росс. купцовъ портятъ и разоряютъ, и чтобъ для того о семъ особый артикулъ постановить. Штаты полагаютъ также, что е. ц. в-ва собственный интересъ есть, чтобъ голландскимъ купцамъ позволено было вездѣ въ росс. государствѣ торговать и покупать, если же это не будетъ позволено, то они требуютъ, чтобы тѣ города, въ которыхъ имъ позволено будетъ, именно назначены были, и чтобъ имъ въ тѣхъ городахъ за свои товары больше пошлинъ не платить, чѣмъ русскіе сами платятъ, какъ-то до сего времени такъ и содержано.

На 5: Штаты благодарятъ за согласіе царя отмѣнить откупы, но что касается до вывоза хлѣба, то они разсуждаютъ, что $^1/_4$ ефимка за четверть дѣйствительно 20 или 25% учинитъ, еже ни съ какихъ товаровъ не платится, и для того просятъ, чтобъ и въ томъ умаленіе учинено было. Также понеже въ семъ артикулѣ постановлено, что во время дороговизны хлѣбной вывозъ запрещенъ будетъ, того ради потребно есть, чтобъ всегда заранѣе отъ е. ц. в-ва, а напримѣръ 1 декабря объявлено было, что позволенъ ли будетъ оный вывозъ хлѣба или нѣтъ, ибо голл. купцы всегда заранѣе и зимою хлѣбъ въ росс. государствѣ закупать велятъ и потому и корабли отправляютъ; а ежели бъ во время прихода кораблей незапно заказъ о вывозѣ хлѣба состоялся[1]), то бъ тѣ корабли принуждены были порожніе назадъ отходить и тѣмъ бы купцы въ значительный убытокъ впали.

По заключеніи трактата потребно будетъ учинить тарифъ о всѣхъ пошлинахъ, которыя именно съ товаровъ браны будутъ; также желаютъ, чтобъ въ трактатѣ постановлено было, что всѣ голландскіе купцы отъ всякихъ постоевъ и квартиръ отъ солдатъ увольнены будутъ.

---

[1]). Какъ то бывало иногда въ дѣйствительности.

Ихъ высокомоч. хотятъ сей трактатъ о комерціи учинить съ е. ц. в. на старыя е. ц. в-ва пристани, такожде и на Петербургъ, токмо чтобъ е. в-во здѣсь въ Петербургѣ такой регламентъ въ пошлинахъ учинилъ, дабы голл. купцамъ сюда торговать было возможно, такожде чтобъ они позволеніе имѣли соль да табакъ сюда возить и безъ препятствія, кому хотятъ, продавать».

На основаніи торговаго договора (Нимвегенскаго) Голландіи съ Швеціею 1679 г. установлена была обоюдная свобода торговли и обоюднымъ подданнымъ предоставлялось полное равенство правъ и преимуществъ съ собственными подданными. То-же равенство обоюдныхъ подданныхъ въ торговыхъ правахъ было установлено и Нимвегенскимъ торговымъ договоромъ 1678 г. Голландіи съ Франціею. Впрочемъ нужно замѣтить, что по истеченіи срока договора 1679 г. съ Швеціею въ 1707 г. онъ не былъ возобновленъ, такъ какъ Швеція пожелала принять нѣкоторыя покровительственныя мѣры въ пользу шведскаго мореходства и между прочимъ рѣшила возвысить пошлины на товары, привозимые на иностранныхъ корабляхъ; для голландскихъ кораблей при этомъ сдѣлано было исключеніе, но только относительно привозимыхъ на нихъ голландскихъ національныхъ товаровъ.

c) Переговоры послѣ 1721 года.

Вопросъ о заключеніи торговаго договора возобновленъ былъ въ 1722 году. Реляціею отъ 5 (16) января этого года за № $^{83}/_{590}$ кн. Куракинъ увѣдомлялъ[1]) о принятой 22 декабря 1721 г. Генер. Штатами по предложенію депутатовъ голландской и вестфрисландской провинцій резолюціи просить царя чрезъ посредство голландскаго резидента въ Петербургѣ Де-Вильде, о возобновленіи держанныхъ прежде того въ Гагѣ конференцій о торговомъ трактатѣ и чтобъ къ продолженію этихъ переговоровъ даны были нужные указы послу кн. Куракину или кому его цар. вел-во изволитъ.

31 іюля 1722 г. голландскому резиденту Де-Вильде объявлено было, что «понеже е. имп. вел-во его принципаламъ, ихъ высокомочію за ихъ дружбу какъ въ различныхъ случаяхъ, такъ и въ признаніи е. вел-ва императорскаго титула благодаренъ, и того ради, въ показаніе довольства своего, склоненъ съ ихъ высокомочіемъ по ихъ многимъ требованіямъ трактатъ о купечествѣ учинить прежде другихъ областей, которыя у его

[1]) Голл. д. 1722, № 4.

имп. вел-ва о томъ домогались». Такъ какъ Де-Вильде отвѣчалъ по этому поводу, что онъ имѣетъ лишь приказаніе Штатовъ домогаться о заключеніи трактата, а инструкціи и полномочія къ этому не имѣетъ, то ему было сверхъ того предложено, чтобы онъ испросилъ себѣ инструкцію и полномочіе, «чтобы о томъ дѣлѣ здѣсь (въ Петербургѣ) трактовать, понеже черезъ пересылку письменную то не такъ дѣйствительно происходить будетъ» [1]).

Стороны не успѣли еще сговориться относительно мѣста переговоровъ, какъ уже явилось новое затрудненіе къ заключенію трактата, — именно, изданіе русскаго таможеннаго тарифа 1724 г. Хотя Фанденбургъ и объяснялъ голландцамъ, что «тарифъ не до однихъ голландцевъ, но до всѣхъ народовъ генерально касается, и сами русскіе подданные по оному тарифу почитай во всемъ противъ иноземцевъ платить должны», однако голландцы толковали его «себѣ въ отягощеніе и въ предосужденіе». Они говорили, «что тарифъ въ томъ хулить не могутъ, что заморскимъ и россійскимъ товарамъ каждымъ въ пошлинахъ особливое расположеніе учинено, но что на большую часть россійск. товаровъ очень высокія пошлины поставлены, пот. что на Балтійскомъ морѣ С.-Петербургскій портъ наиболѣе отдаленный изъ всѣхъ и во время осени изъ Амстердама до Петербурга по 8% застрахованія платить принуждены, а въ прочихъ портахъ гораздо меньше платятъ; сверхъ того въ этомъ тарифѣ пошлины на пеньку и на многіе иные товары гораздо выше поставлены, нежели въ Ригѣ и въ Кёнигсбергѣ и что потому охотнѣе къ помянутымъ двумъ портамъ пойдутъ, гдѣ они во всемъ способнѣе и съ меньшею опасностію комерцію имѣть могутъ»; наконецъ, голландцы жаловались, что на мануфактурные товары положены чрезмѣрно тяжелыя пошлины; въ виду всего этого, и такъ какъ другіе народы имѣютъ теперь значительное преимущество передъ голландцами для торговли съ Россіею, то голландцамъ придется искать другихъ рынковъ [2]).

Вообще съ введеніемъ тарифа 1724 г. заключеніе торговаго договора съ Нидерландами встрѣтило новыя весьма значительныя затрудненія, такъ какъ теперь голландцы стали требовать ни болѣе, ни менѣе, какъ отмѣны этого тарифа и возстановленія прежнихъ 4-процентныхъ пошлинъ, возстановленія торговли въ Архангельскѣ на прежнемъ основаніи (т.-е. съ умень-

[1]) Гол. д. 1722, № 8.

[2]) Гол. д. 1724, № 4. Промеморія колл. иностр. дѣлъ въ комерцъ-коллегію отъ 9 янв. 1725 съ приложеніемъ экстрактовъ изъ донесеній Фанденбурга отъ 1, 12 и 19 декабря 1724.

шеніемъ взимаемыхъ тамъ пошлинъ до тѣхъ же размѣровъ, въ какихъ онѣ установлены были въ Петербургѣ) и совершенной отмѣны монополій и откуповъ въ пользу частныхъ лицъ [1]).

Б. Куракинъ Остерману (кажется начала 1725 года).[2])

Должности моей быть нахожу донести, что въ Голландіи имѣютъ мувементъ о нашемъ тарифѣ и Фондербургъ о семъ ко мнѣ многажды писалъ. Я того мнѣнія нахожусь, сходно со интересомъ его величества, чтобъ сіе дѣло такъ оставить безотвѣтно или продолжать какими отвѣты безъ окончанія, понеже всякой государь воленъ въ своемъ государствѣ установленія чинить какъ хочетъ, а ежели похотятъ они себѣ руки связать прежде трактатомъ комерціи и свой тарифъ передѣлать, чего никогда не сдѣлаютъ, то оставить въ ихъ волѣ».

Приложеніе 5-е.

Христофоръ Брандтъ, голландскій купецъ, принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ иноземныхъ пріятелей Петра; онъ упоминается Куракинымъ въ числѣ трехъ купцовъ (Стайльсъ, Любсъ), которые «пришли въ его величества крайнюю милость и конфиденцію» (Арх. Кур. I, 70). Время этого знакомства слѣдуетъ отнести приблизительно къ 1693 году, когда и въ письмахъ Петра встрѣчается первое упоминаніе о Брандтѣ (Бычковъ, Пис. I, 18). Брандтъ жилъ въ Москвѣ (см. напр. Gordon Tagebuch, II, 426); «живущимъ на Москвѣ» онъ называется вмѣстѣ съ Любсомъ и въ янв. 1702 года (Бычковъ, II, 324). Но по дѣламъ торговли онъ бывалъ и въ Архангельскѣ, и на своей родинѣ въ Амстердамѣ. Такъ, въ Амстердамъ онъ пріѣхалъ слѣдомъ за Петромъ (1698), когда Петръ уѣзжалъ оттуда въ Англію (Бычковъ, Письма I, 681, 709—10). По возвращеніи Петра изъ-за границы Брандтъ вмѣстѣ съ Любсомъ получили на 12 лѣтъ въ монополію торговлю овечьей шерстью (П. С. З. № 1671); въ 1702 г. имъ же отдана была на откупъ торговля щетиной (Докл. и пригов. III, 944). По этимъ дѣламъ Брандтъ живалъ и въ Архангельскѣ (напр. въ 1702—3 г. Бычковъ,

[1]) Реляція гр. И. Г. Головкина отъ 6 авг. 1726, № 52 (Гол. д. 1726, № 3) и меморіалъ голл. посланника Де-Діе $^{7}/_{18}$ сент. 1730 (Тамъ же 1730 № 8).

[2]) Французск. д. 1727, № 6: письма къ бар. Остерману отъ кн. Б. Куракина.

Пис. II, 401, 619). Въ 1705, 1706, 1708 (упоминается посылка *вешнихъ кораблей* въ Россію), 1710 годахъ Брандтъ находится въ Амстердамѣ и на него переводятъ деньги русскіе путешественники (Арх. Куракина I, 130, 154, 235, 239; II, 343, 345). Въ 1709 г. откупъ щетины былъ взятъ у Брандта и Любса въ Ижорскую канцелярію — въ казну (Докл. и пр. III, 944); при передачѣ откупа упоминается *одинъ* Любсъ. Въ 1710 году былъ произведенъ «окончательный разсчетъ» правительства съ Брандтомъ и Любсомъ по поставкѣ ими военныхъ припасовъ, вещей для государева обихода и по переводу векселей за 1701—1709 (Опис. Морск. Архива, I, 319—320; въ 1720 г. упоминается о денежномъ искѣ перваго противъ своего компаньона по дѣлу о доставкѣ оружія, ibid. 451). Съ этихъ поръ всѣ свѣдѣнія о Брандтѣ указываютъ на его пребываніе въ Амстердамѣ и на его резидентскую и агентскую дѣятельность: вѣроятно, правильныя торговыя сношенія его съ Россіей прекратились съ переходомъ вывозной торговли въ руки казны (у меня Ж. М. Н. Пр. 1890, ноябрь, 55).

Настоящая справка любезно сообщена намъ П. Н. Милюковымъ.

Приложеніе 6-е.

Патентъ консульскій Боцису.[1])

Б. М. Мы, Петръ I Царь и Императоръ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Объявляемъ симъ, что понеже мы за потребно быти разсудили во области яснѣйшей рѣчи посполитой венеційской ради учрежденія всякихъ купечествъ нашимъ подданнымъ и прочихъ дѣлъ къ купечеству надлежащихъ быть консуломъ намъ вѣрнолюбезному Дмитрею Боцису, которому мы вручаемъ о томъ коммиссію противъ иныхъ областей консулевъ, и желаемъ дабы свѣтлѣйшій князь, господинъ Іанъ Корнеліо, Божіею милостію арцухъ венецыйской и яснѣйшая рѣчь посполитая венецыйская благоволили оному тамо съ достойнымъ почтеніемъ характеру его обрѣтатись и свободно корреспонденцію имѣть повелѣть, и что онъ по полученнымъ указомъ о купечествѣ и о иныхъ коммиссіяхъ предлагать будетъ вѣру подавать и чинить о томъ для насъ склонныя резолюціи, такожде

[1]) Снош. съ Венеціею 1711 № 1: Отправленіе Дм. Боциса въ Венецію въ характерѣ консула.

когда и гдѣ случай позоветъ ѣхать ему или побыть въ которомъ городѣ при портахъ,[1]) того не было бъ ему возбранено. Что взаимно по требованію яснѣйшей рѣчи посполитой венецыйской въ подобномъ случаѣ ихъ подданнымъ воздавати обѣщаемъ. Данъ въ Москвѣ лѣта отъ Р. Хр. 1711 марта 2 дня, государствованія нашего 29 году.

[2]) Б. М. мы Петръ I Царь и Императоръ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Привѣтство всѣмъ кому сіе доидетъ. Понеже мы разсудили быть потребно для добраго прибытка нашимъ подданнымъ купечествующимъ во владѣніи яснѣйшей р. п. венецыйской и для содержанія доброй кореспонденціи между ими, и понеже обнадежены мы, что нашъ любезновѣрный Димитрій Боцисъ для его искусства въ торговыхъ дѣлахъ преугодной человѣкъ къ сему дѣлу, понеже жилъ долгое время въ тѣхъ земляхъ (зачеркнуто: и велми знатенъ въ обыкновеніи ихъ), Мы для того именуемъ, поставляемъ и учреждаемъ (вм. приказуемъ), его нашимъ (зачеркн. услушникомъ и) консулемъ обыкновеннымъ въ Венеціи. И въ дружеской надеждѣ желаемъ отъ свѣтлѣйшаго князя яснѣйшей рѣчи посполитой, такожъ ихъ губернаторовъ и протчихъ военныхъ служителей и министровъ, дабы они его любительно приняли и давали бы ему вѣру, егда ему позоветъ какой случай чинить извѣщеніе о купечествѣ нашихъ подданныхъ и дабы иныя дѣла, которыя будетъ онъ предлагать, пріятно окончати повелѣли, якоже будетъ угодно для сохраненія купледѣйства и для общаго прибытка нашихъ подданныхъ; и посему мы приказываемъ и уповаемъ, что преждереченный Дмитрій Боцисъ во всякихъ случаяхъ способствовать имѣетъ нашимъ подданнымъ, которые торгуютъ въ тѣхъ странахъ и вспомогать имъ во всѣхъ ихъ правахъ и вольностяхъ. [3]) Въ нашемъ дворѣ въ Москвѣ, марта 2 дня 1711 года.

---

[1]) Зачеркнуто: морской или знатной рѣчной.

[2]) Помѣта: Сія не состоялась.

[3]) Далѣе зачеркнуто: И мы посему даемъ ему полную мочь тамо слышать и разсудить, якоже ему мочно все умирить и всякую прю судить и разности рѣшить, что случится или востанетъ между нашими подданными, оными тамъ пребывающими или торгующими въ тѣхъ странахъ, и творить и вершить отъ времени до времени все и всякая иная дѣйства и дѣла, возвышить и умножить прибыли въ торгу и общее купледѣйство между нашихъ государствъ и свѣтлѣйшаго князя владѣнія. И мы посему накрѣпко приказываемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ пребывающимъ и торгующимъ въ тѣхъ странахъ вѣдать и склонную волю явить ему, вышеписанному Дм. Боцису, нашему услужнику и консулу тамо и воздавать честь и почтеніе въ томъ, что мы вѣрность низложили на немъ. Во свидѣтельство сего мы своею властною царскою рукою подписали и приказали свою печать къ сему приложить.

Приложеніе 7-е.

Инструкція Каретти [1]).

Istruzzione per Ilustr-mo Signore Mathia Caretta, agente di S. M. Csarea l'Imperadore di gran Russia, costituto per la Ser-ma Republica di Venetia ed altri Stati d'Italia:

1) Il primario é di comportarsi da fedele seruidore di S. M. Czarea cercando la gloria e profitto della Sua Imperiale Casa e Monarchia tanto per la sua sacra-a persona stessa che per li suoi successori e descendenti secondo l'ordine della primogenitura; ed affaticandosi di scoprire non meno il genio degli Stati d'Italia tanto in commune quanto in particolare per raporto all'interesse di S. M. e della Monarchia, che tutto quello che si potrebbe tramare al svantaggio e prejudizio di Essa, per poter prevenire in tempo il mal intentato,

2) di tutto questo sia per il bene sia per l'intentato male di S. M-ta terra certificata o l'aug-mo Padrone stesso, o l'eccellentissimo Suo Ministero mediante un essatta corrispondenza, la quale secondo l'intenzione della Corte ed il bisognevole tratterà ancora col ministro chi starà della parte di S. M. qui a Vienna, o nell'Italia stessa, per communicar collui nelle emergenze d'importanza e per il suo proprio governo. La sua

3) condotta sarà sempre tale, che nè li stati in generali, ne alcuno in particolare habbia soggetto di lamentarsene. Sopra tutto sarà accorso per non dar la minima gelosia o sospetto delle giustissime armi di S. M. contra i Turchi, distruggendo ogni qualsivoglia cattiva impressioni ch'i nemici potessero haver dato.

4) E come l'amicizia e buona corrispondenza colla Ser-ma Republica di Venetia va sempre aumentando, si studierà in ogni modo di mantenerla e conservar quella stima che mostrano avere dal glorioso Imperio di S. M. e quel zelo che si vede per accorrere al ben commune della christianità ed alla felicità propria di loro sudditi, principalmente nella guerra presente contra gli infedeli.

5) a questo fine converra medemamente d'industriarsi appresso del Gran Duca di Toscana, come del Papa, della Republica di Genova ed altri principi d'Italia a farli entrare anche loro in

---

[1]) Венец. д. 1711 № 4: Письма вм. реляцій къ гр. Головкину отъ агента Матв. Каретты.

questa guerra richiedendo almeno qualche assistenza di galere ed huomini marinareschi, a quale santa opera un solo monitorio a breve papale sara molto proficua, e l'uffizio dell'Ecc-mo Sig-e Nuntio Mathei a Venezia vi contribuera molto;

6) Sopra tutto il Sig-re Caretta s'impieghera d'acquistarsi il favore del Sig-re Ricevitore della Religione di Maltha, residente in Venezia, per incavar de lui la risposta che l'Eminentiss-o Gr. Maestro di quest'ordine gli avrà data alla mia proposizione ed isincerarsi con ogni familiarita ed aplicazione colli grechi albanesi etc. pure,

7) per conseruarli nella buona intentione che mostrano e per intendere loro progetti e pensieri, mà senza affatto conchiudere niente colloro sin'all'ordine espresso di S. M. o del suo consiglio intimo.

8) Quanto alle navi corsare ed altri particolarita, hauendo egli già li patenti necessary per questo, ne havra cura particolare alla di cui prudenza e propria divisatione ed arbitrio d'onesta seruidore è riputato di remettere il resto.

Dato Vienna, li 6 del luglio 1711.

Приложеніе 8-е.

Рескриптъ Каретти.

Б. М. мы Петръ I. Царь и Императоръ всероссійскій и пр. и пр. и пр.

Намъ любезновѣрный.

Усмотрѣли мы из доношенія вашего Марта отъ 4 сего 1712 года, что вы въ Геневѣ [1]) были и представляли о купечествѣ в Россіи в нашихъ пристаняхъ, и что вамъ отъ правительства рѣчи посполитой геновесской объявлено, что они желаютъ купечество из Геневы к городу Архангельскому и на Балтиское море в порты наши отправлять, когда мы повелимъ дати ихъ конзулемъ в тѣ порты отправленнымъ такіе жъ привиліи, каковы получаютъ прочіи народы. И понеже намъ сіе ихъ предложеніе зѣло пріятно, и мы съ нашей стороны готовы всякое вспоможеніе к опредѣленію такой торговли показать, Того ради можете вы нашимъ именемъ помя-

[1]) Genova — Генуя.

нутой рѣчи посполитой о доброй нашей склонности обнадежить и что мы не токмо соизволимъ в тѣхъ портахъ нашихъ посланныхъ ихъ конзуловъ в тѣ наши порты прибывшихъ удовольствовать таковыми жъ привиліями, каковы содержатъ прочихъ иностранныхъ народовъ, но к тому еще укажемъ с тѣхъ купцовъ, которые придутъ первымъ караваномъ на Балтиское море в наши пристани с товаровъ, которые они привезутъ и которые в тѣхъ пристаняхъ купятъ и отвезутъ, пошлинъ взять противъ торговаго уставу половину: и уповаемъ, что сіе наше соизволеніе и добрая склонность помянутой рѣчи посполитой не токмо пріятна будетъ, но и она с своей стороны ихъ народовъ пользѣ касающейся оную торговлю начать і от времени до времени продолжать и размножать будутъ. А мы вамъ впротчемъ пребываемъ нашею милостію склонны. Данъ в Санктъ Петербурхе лѣта 1712 маия въ 31 день.

Приписано Государевою рукою: Петръ.

Послано въ пакетѣ...

(Приложенъ латинскій переводъ).

Дѣла Венец. 1712 № 1: рескриптъ и письмо къ агенту Кареттѣ въ Венецію. Кареттѣ приказано вторично ѣхать въ Геную и объявить тамъ вышеприведенную грамоту. (Письмо Головкина къ Кареттѣ отъ 31 мая 1712). Таже грамота въ Арх. Ком. Колл. въ дѣлѣ № 291, но редакція перевода иная.

Приложеніе 9-е.

Франц. дѣла 1705 № 1. *Инструкція Матвѣеву:*

Матвѣевъ отправленъ «инкогнито» во Францію, въ маѣ 1705 въ отвѣтъ на предложенія Де Герона и Де Балюза и французскаго посла при датскомъ дворѣ и вслѣдствіе переговоровъ въ Голландіи съ Французскимъ посломъ гр. Де Бріордомъ о взаимной дружбѣ и свободной взаимной торговлѣ. Если будетъ свободная торговля и безопасная, то изъ Россіи повезутся всякіе товары, особливо принадлежащіе къ корабельному хожденію: пенька, смола, лѣсъ и проч., также хлѣбъ, юфть и др. Но захвачены 2 русск. корабля франц. арматорами. Нужно ихъ освободить и впредь обезопасить русское мореплаваніе. Если освободятъ, то въ такомъ случаѣ, и *послѣ этого,* разрѣшается Матвѣеву вступить въ договоръ о купечествѣ. «А въ договорѣ становить, чтобъ торговлѣ быть на обѣ стороны съ платежемъ достойныя пошлины противъ иныхъ народовъ и чтобъ всѣмъ цар. вел-ва

кораблямъ подъ флагами и съ пасами его вел-ва отъ военныхъ кораблей и каперовъ е. кор. вел-ва французскаго на морѣ, куда оные путь свой отправлять для купечества ни будутъ, никакой остановки и препинанія не было, но оные бы по осмотрѣніи паса свободно въ путь свой безъ всякаго вреда отпусканы были». Если же французское правительство откажетъ въ выдачѣ кораблей, то Матвѣеву ни въ какія иныя дѣла не вступать, а учиня протестацію, просить отпуска и немедленно возвратиться въ Гагу. Если же «при сихъ наказанныхъ ему дѣлахъ купеческихъ, будутъ ему королевскіе министры о посредствѣ короля своего предлагать между е. цар. вел-вомъ и королемъ Свейскимъ, то просить объясненія, какую пользу е. цар. вел-во изъ той медіаціи имѣть будетъ и буде что о томъ предложатъ, то взять на доношеніе». — Затѣмъ, въ отвѣтъ на донесенія Матвѣева изъ Парижа, въ декабрѣ 1705 г. ему отправлено предписаніе: «Если будутъ предлагать о постановленіи трактата о торговлѣ, то чинить по данному наказу и выслушавъ у нихъ предложенія, съ своей стороны учинить отвѣтъ пристойный, ибо въ томъ трудности никакой быть не чаемъ, понеже вездѣ основаніе такого трактата полагается на свободномъ позволеніи отъ обѣихъ странъ купцамъ торговли съ платежемъ обыкновенной противъ иныхъ народовъ пошлины, а иныхъ никакихъ кондицій въ томъ предлагать не надлежитъ, и ежели пожелаютъ дабы не описываясь въ такой съ ними договоръ вступить, то изволь трактовать и постановя, для подтвержденія къ е. цар. вел-ву прислать; но того надлежитъ смотрѣть, дабы чего торговлѣ необычайнаго и сторонѣ нашей противнаго въ договоръ не вмѣстить».

Франц. дѣла 1706 № 2 (письма Головкина Матвѣеву):

Матвѣеву разрѣшено отказаться отъ возвращенія кораблей, но подъ условіемъ обязательства со стороны франц. правительства впредь русскихъ кораблей не задерживать.

Въ январѣ 1706 г. Матвѣеву подтверждено, чтобы договоръ свободной торговли не инако становить, только противъ обыкновенія иныхъ народовъ, усматривая, дабы чего торговлѣ необычайнаго и къ сторонѣ нашей противнаго не вмѣстить, и основаніе такого трактата вездѣ полагается на свободномъ позволеніи обѣихъ странъ купцамъ торговли съ платежемъ обыкновенной противъ иныхъ народовъ пошлины; и въ пристаняхъ цар. вел-ва доброе тѣмъ кораблямъ остерегательство и купечество свободное какъ инымъ иноземцомъ съ пошлиною, и противнобъ того и цар. вел-ва подданнымъ имѣющимъ пасы, како вышеизображено въ пристаняхъ французскихъ чинитися

имѣло. А иныхъ никакихъ кондицій въ томъ прилагать не надлежитъ.

1 іюня 1706 г. Матвѣеву отправлена инструкція и полномочіе на заключеніе съ Франціею договора о торговлѣ и свободномъ хожденіи кораблей въ пристани обѣихъ сторонъ на основаніи переговоровъ его съ франц. правительствомъ (содержаніе ихъ неизвѣстно), но заключать договоръ приказано усматривая того двора поступки, со всякою осторожностью, при чемъ предусматривается возможность, что договоръ «паче чаянія за французскими штуками нарочно не учинится», и въ такомъ случаѣ предписывается немедленно просить отпуска.

Инструкція (3 іюня) состояла въ слѣд. пунктахъ:

1) Имѣть обоихъ государствъ подданымъ во всѣхъ пристанищахъ и мѣстахъ какъ въ государствѣ е. цар. вел-ва, такъ и его кор. вел-ва французскаго сущихъ и впредь съ Божіею помощью пріобрѣтаемыхъ, на своихъ корабляхъ съ платежемъ достойныя пошлины противъ иныхъ иностранныхъ свободно безъ лишнихъ налогъ и безъ всякаго изъятія всякими товары, кромѣ тѣхъ, которые иногда генеральными государственными указами запрещены или изъяты суть, и особливо притомъ побуждать имъ и, буде мочно, то и явно вмѣстить о торговлѣ чрезъ Черное море въ тамошнихъ пристанищахъ е. цар. вел-ва, и на Балтійскомъ морѣ привращенныхъ отчественныхъ, однакожъ буде того не похотятъ, то хотя и генерально во всѣхъ пристанищахъ написать.

2) Обязаться, чтобъ на обоихъ странахъ подданнымъ при тѣхъ пристанищахъ, а именно и къ Москвѣ, и въ удобныхъ для купечества мѣстахъ во всемъ россійск. государствѣ (кромѣ единой Сибири, гдѣ, отговориться, за пустотою и отдаленіемъ ни купечества имѣть, ниже тѣмъ купцамъ и служителямъ кор. вел. французскаго подданнымъ призрѣнія и обороны чинить невозможно) такожъ взаимно во всемъ французскомъ государствѣ купно съ принадлежащими ко оному провинціями и землями росс. подданнымъ свободность имѣть домомъ жить и купечество отправлять безвозбранно.

3) И въ томъ обязаться, что со обоихъ сторснъ иныхъ областей со обоими договаривающимися монархами воюющихъ подданнымъ отнюдь подъ своимъ флагомъ на корабли для того купечества ходить не позволять.

4) Обоихъ же государей подданнымъ на своихъ корабляхъ свободно ходить со всякими своими товарами во всѣ государства, хотя у нихъ съ которымъ изъ обоихъ сихъ договаривающихся монарховъ и война будетъ, и о нихъ не велѣть воинскимъ своимъ кораблямъ и каперамъ и комисіонаріямъ

отнять на морѣ, зацѣплять и брать, но по осмотрѣ флаговъ и пасовъ ихъ, ежели оные за государственною печатью и канцелярійскимъ подписаніемъ по обычаю каждаго государства, то ихъ свободно и безъ всякаго удержанія и поврежденія въ путь свой отпускать. (NB. При семъ пунктѣ надлежитъ смотрѣть, что ежели станутъ прекословить, чтобъ контрыбантовъ въ Англію и Голландію не возить, то на томъ стоять, чтобъ по послѣдней мѣрѣ тѣ вещи позволены были со обоихъ странъ всюды возить, которыя въ каждомъ государствѣ родятся и къ тому во утвержденіе приводить, что Англія и Голландія цар. вел-ву въ такомъ случаѣ не можетъ запретить, но принужденны будутъ равною мѣрою позволить во Францію и Гишпанію всякіе къ флотамъ ихъ потребные, а въ московскомъ государствѣ растущіе вещи привозить, якоже всякій лѣсъ, пенька, смола и пр., еже можетъ къ собственной пользѣ короля французскаго и гишпанскаго произойти, ибо Англія и Голландія тѣ вещи получаютъ и отъ россійскихъ кораблей довольно на своихъ торговыхъ флотахъ изъ Россіи, Польши, Свеи и Дацкой земли, а буде кор. вел. французскій на то не позволитъ, то уже невозможно того цар. вел. и отъ вышеписанныхъ властей претендовать; однакожъ сіе тогда объявлять, ежели сами то напомнятъ, а буде не напомнятъ, и просто напишутъ, то и лучше безъ всякаго изъятія написать, буде же упорно о контрабандахъ стоять будутъ и за тѣмъ договора совершить не похотятъ, то по послѣдней мѣрѣ сдѣлать на обѣ стороны кромѣ контрабандовъ свободную торговлю.)

5) Ежели станутъ твердить о почитаніяхъ на обѣ стороны флотовъ и вымпелей, то и т. д.

6) Вмѣстить, буде возможно, особливую статью о торговлѣ чрезъ Черное море водою и оттуды Дономъ и Волгою (межъ которыми уже нынѣ и сообщеніе шлюзами къ ходу небольшихъ судовъ учинено) въ Персиду для шелковой и иной торговли, представляя имъ, что та торговля имъ прибыточнѣе всѣхъ прочихъ быть можетъ, ибо могутъ тѣмъ шелкъ дешевле голландцевъ и англичанъ получать и ихъ турецкимъ компаніямъ великое ураженіе и, почитай, разореніе приключить, такожъ и Остиндской компаніи полученіемъ чрезъ Персиду индѣйскихъ товаровъ немалой развратъ сочинить, а для удобности тому купечеству позволитъ е. цар. вел. французскимъ конзулямъ и инымъ купцамъ въ Азовѣ и въ Астрахани и въ иныхъ потребныхъ для той торговли мѣстѣхъ свободно жить и мѣста подъ дворы и амбары отвесть и въ строеніи всякое вспоможеніе и имъ особливое призрѣніе и оборону чинить повелѣть.

Въ іюлѣ Головинъ писалъ Матвѣеву въ отвѣтъ на донесенія

его апрѣльскія и майскія: Что вашу милость королевскіе министры разсказами по се число задерживаютъ и всякими завязками дѣло о торговлѣ вдаль протягиваютъ, изъ того мочно знать, что у нихъ на умѣ нѣтъ тотъ договоръ дѣлать, а задерживаютъ токмо, дабы тѣмъ областямъ имъ противнымъ на насъ тѣмъ подозрѣніе учинить, будто бы у насъ съ ними какіе договоры чинится имѣли. Поэтому, и такъ какъ пребываніе Матвѣева во Франціи для интересовъ ц. вел-ва весьма вредительно, возбуждая недовѣріе къ нему его союзниковъ, враждующихъ съ Франціею, и склонность и доброхотство ихъ къ Швеціи, то Матвѣеву предписывается настоять на немедленномъ отвѣтѣ французскаго двора.

Приложеніе 10-е.

Въ составленной въ 1717 г. статсъ-секретаремъ Амело «запискѣ, долженствующей служить инструкціею для (неизвѣстнаго; Лави?) отправляющагося въ С.-Петербургъ», мы находимъ подробный перечень вопросовъ, свѣдѣнія о коихъ дѣйствительно были необходимы для того, чтобы дать возможность правильнымъ торговымъ сношеніямъ и матеріалъ для предположеннаго торговаго трактата. Въ ней говорилось: [1]) «Первый предметъ, о которомъ спросилъ г. Лефортъ, прибывшій сюда съ предложеніемъ установить непосредственную торговлю съ владѣніями Царя черезъ Петербургъ, заключался въ томъ, чтобы узнать: были ли заключены условія или договоры съ Англіею и Голандіею о торговлѣ, какіе это были договоры, и не пользовались ли купцы обоихъ этихъ государствъ какими либо привилегіями и исключеніями въ этомъ краю при ввозѣ и вывозѣ товаровъ или инымъ какимъ-либо образомъ. Одною изъ первыхъ заботъ того, кто долженъ будетъ отправиться въ Петербургъ, будетъ слѣдовательно, стараться ознакомиться со всѣмъ касающимся этого предмета и, если возможно, получить копіи съ условій или съ договоровъ, если они есть.

Также слѣдуетъ добыть тарифы обыкновенныхъ пошлинъ ввоза и вывоза вообще и, въ частности, взимаемыхъ съ вина, водокъ, уксуса и всякихъ другихъ сборовъ и пошлинъ разнаго рода, взимаемыхъ съ туземныхъ жителей страны и съ иностранцевъ.

---

[1]) Сб. Р. Ист. Об. т. 34 стр. 490.

Узнать, есть ли установленныя ярмарки въ Петербургѣ, въ какое время ихъ открытіе, какая продолжительность ихъ и какія привилегіи этихъ ярмарокъ.

Освѣдомиться о приспособленіяхъ, существующихъ въ царскихъ владѣніяхъ для доставки товаровъ до Петербурга, какъ по рѣкамъ и каналамъ, такъ и на подводахъ.

Составить два списка вывозныхъ товаровъ, такъ, чтобы въ первомъ заключалось сырье и произведенія самой страны, а во второмъ — сосѣднихъ странъ, съ обозначеніемъ обыкновенныхъ цѣнъ всѣмъ товарамъ этого рода.

Также составить списки товарамъ, которые европейскіе торговцы, а въ особенности французскіе, могли бы доставлять русскимъ, обозначая приблизительно среднимъ числомъ ежегодное количество сбыта товаровъ каждаго рода и обыкновенную цѣну, за которую можно бы было ихъ тамъ продать.

Узнать, какъ производится торговля: обмѣномъ ли товаровъ или промѣномъ, а если уплатою, то сколько товаромъ и сколько деньгами, какъ въ томъ ихъ подозрѣваютъ на основаніи алчности этой націи къ деньгамъ.

Узнать, существуютъ ли тамъ обороты векселями и на какія мѣста ихъ принято трассировать.

Освѣдомиться о звонкой монетѣ ходячей въ Петербургѣ и въ другихъ частяхъ государства Царя и объ отношеніи ея къ монетамъ нашимъ, гамбургскимъ, голландскимъ и англійскимъ.

Узнать о мѣрахъ и вѣсѣ, установленныхъ въ Петербургѣ и о ихъ отношеніи къ нашимъ.

Въ особенности освѣдомиться о торговлѣ тамъ производимой англичанами, голландцами и гамбурцами и о количествѣ судовъ, употребляемыхъ обыкновенно каждымъ изъ этихъ трехъ народовъ.

Узнать, не существуетъ ли въ Петербургѣ установленный вѣсовой сборъ, на основаніи котораго взимаются пошлины со всякихъ товаровъ купленныхъ или проданныхъ, и означить какъ великъ этотъ сборъ.

Освѣдомиться, обязаны ли иностранцы дѣйствовать посредствомъ маклерскихъ конторъ при куплѣ и продажѣ товаровъ, и какая плата или вознагражденіе дается этимъ маклерамъ.

Узнать, до какой суммы доходятъ проценты за коммиссію (куртажъ) уплачиваемые петербургскимъ торговцамъ за продажу и куплю товаровъ, которые имъ заказываютъ или поручаютъ.

Освѣдомиться, наконецъ, объ именахъ значительнѣйшихъ негоціантовъ, открывшихъ свою торговлю въ Петербургѣ, какъ

русскихъ, такъ и иностранныхъ, и узнать, на сколько это возможно, какой обыкновенно родъ торговли ведутъ богатѣйшіе изъ нихъ.

Такъ какъ лицо, которое должно совершить путешествіе въ Петербургъ, повидимому способно къ болѣе высшей дѣятельности, нежели о какой упомянуто въ настоящей запискѣ, можно бы было ему поручить въ то же время постараться узнать Царя, государя наслѣдника, князя Меншикова, главныхъ министровъ и генераловъ, узнать интересы этого двора, его сношенія съ иностранными государствами, проникнуть предначертанія Царя для увеличенія своего государства и своего могущества, преимущественно же что касается до флота, для котораго вѣроятно Царь составилъ проекты.

Было бы хорошо также имѣть точныя свѣдѣнія объ образѣ правленія, о совѣтахъ и судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ рѣшаются дѣла, о доходахъ Царя, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, о религіи и о духовенствѣ, о числѣ войска, которое у Царя на лицо или которое онъ можетъ имѣть, и обо всемъ, что относится къ средствамъ, для того чтобы вести и поддерживать войну.

Приложеніе 11-е.

Б. И. Куракинъ къ Лефорту въ Женеву [1]).

Mr., La lettre que vous m'avez bien voulu écrire de Geneve le 23 mars, m'a été bien rendue; mais je n'ai point reçu celle du 5 de ce même mois. Quant aux passeports de M. le Pr. de Menchikoff qui ont été donnés en faveur des vaisseaux français qui ont dû aller vers nos ports, vous devez être persuadé, Mr., qu'ils sont et seront très valables à tous égards et d'ailleurs vous pouvez être assuré et assurer tous les marchands ou la compagnie qui a voulu envoyer les vaisseaux vers les ports de S. M. Czar-ne, qu'ils y seront favorablement reçus et qu'ils jouiront de toutes les immunités, qui sont accordées aux autres étrangers. Voici ce que j'ai cru devoir vous dire pour votre éclaircissement dans cette affaire en réponse à la vôtre. Je suis sincèrement, Mr., à La Haye ce 3 Avril 1714.

[1]) Голланд. д. 1713 № 7: Книга протоколовъ бытности въ Голландіи и Англіи чрезвыч. посла кн. Б. И. Куракина 1713—1715 г. (л. 122 об.)

Приложеніе 12-е.

Патентъ Лави представляетъ собою документъ настолько любопытный, что мы считаемъ не лишнимъ сообщить его текстъ. Онъ гласитъ:

«De par le Roi. Sa Majesté jugeant à propos pour le bien de son service et pour l'utilité du commerce des navires Français qui navigant (sic) dans la mer Baltique, d'y envoyer un *sujet*, dont la fidélité et l'experience Lui soient connues, a qui les capitaines des dits vaisseaux puissent s'adresser pour les secours dont ils auront besoin, S. M. a fait choix du Sr. Henry Lavie et lui ordonne de se rendre à Pettersbourg *en Ingrie*, pour y faire jusqu' à nouvel ordre les fonctions de commissaire de la marine et procurer aux négocians Français toute l'assistance possible, requerant à ces effets, si besoin est, la protection et autorité *du gouverneur* ou autres commandans des lieux, Enjoint S. M. aux dits négociants et capitaines des dits navires Français de reconnaitre le dit Sr. de Lavie en la dite qualité. Fait à Marly le XI Juillet 1714.

(Signé) Louis. (Contresigné) Phelypeaux.

(Изъ Франц. д. 1714, № 2: Патентъ Людовика XIV, поданный въ посольскую канцелярію 2 генваря 1715 г. отъ француза Генр. Лави о бытіи ему въ С.-Петербургѣ коммиссаромъ плавающихъ по Балтійск. морю французскихъ кораблей).

Форма этого патента объясняется, конечно, тѣмъ, что Россія еще лишь фактически владѣла Ингріею.

Приложеніе 13-е.

Франц. д. 1715, февр.—дек., № 2. Отправленіе въ Парижъ консула Амадея Лефорта, а потомъ коммерціи-совѣтника Ивана Лефорта и дворянина Зотова для бытія тамо первому изъ нихъ агентомъ.

Начинается дѣло переводомъ письма изъ Женевы (11 янв. 1715 г.) къ «камеръ-юнкеру» Лефорту, въ которомъ непзвѣст-

ный корреспондентъ увѣдомляетъ: «Съ послѣднимъ вашимъ письмомъ получилъ я меморіалъ, касающійся до персонъ, которыхъ его царск. вел-во желало бъ обязать въ свою службу», — именно махинистовъ для шлюзъ, архитекторовъ, лителей, часовниковъ и т. д. «Я себѣ представляю то дѣло сдѣлать, — продолжаетъ корреспондентъ, — и обязать всѣхъ потребныхъ мастеровъ, чтобъ имъ ѣхать въ Петербургъ и работать тамъ на жалованіи царскаго вел-ва; только надобны мнѣ указы именные: 1) чтобы мнѣ принять оныя персоны и обѣщать имъ столько на годъ, 2) выдать имъ деньги на дорогу и 3) чтобъ я самъ поѣхалъ во Францію для сего, дабы выслать токмо добрыхъ и искусныхъ мастеровъ... Вы можете сказать, что я бъ лучше и скорѣе это дѣло исправилъ въ высыланіи и въ выбраніи оныхъ, ежели бъ я имѣлъ какой характеръ, какъ консулъ торговый или иной».

Повидимому, на основаніи этого письма выданъ былъ 8 февраля 1715 г. «патентъ на чинъ консуля комерціи»[1]) Амадею Лефорту слѣдующаго содержанія: «Б. М. Мы Петръ I царь и самодержецъ всероссійскій и пр. и пр. объявляемъ симъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что понеже добрый порядокъ въ комерціи и предостереженіе всякихъ трудностей требуютъ, чтобы мы для пользы подданныхъ нашихъ кого имѣли въ пристаняхъ и протчихъ мѣстахъ королевства Ѳранцузскаго, въ которыхъ наши подданные купцы и протчіе торгъ отправлять могутъ, такую вѣрную и искусную особу въ комерціи, которой бы могъ въ прилучающихся трудностяхъ и всякихъ иныхъ случаяхъ подданнымъ нашимъ купеческимъ людемъ пристойнымъ образомъ способствовать при учрежденныхъ отъ его корол. вел-ва къ тѣмъ дѣламъ магистратѣхъ и при всякихъ иныхъ судахъ и между нашими подданными пріѣзжающими въ тѣ земли содержать доброе согласіе, того ради изобрѣтая должную ту вѣрность и искусство въ коммерціи въ вѣрнолюбезномъ намъ Амадеѣ[2]) Леѳортѣ, за благо изобрѣли мы его назначить нашимъ консолемъ комерціи въ помянутыхъ пристанехъ и городѣхъ королевства Ѳранцузскаго, и его мы симъ патентомъ всемилостивѣйше назначиваемъ и учреждаемъ такимъ образомъ, чтобы онъ интересы того комерція всякими образы остерегалъ и что къ оному надлежать будетъ, о томъ намъ всеподданнѣйше доносилъ и при дворѣ его христ. вел-ва, въ парламентахъ и въ прочихъ учрежденныхъ къ тому судахъ чинилъ пристойныя о дѣлахъ комерціи подданныхъ нашихъ представленія. Во увѣ-

[1]) Хранится въ черновомъ отпускѣ.
[2]) Вмѣсто зачеркнутаго „Богдану“.

реніе чего данъ ему сей нашъ патентъ за подписаніемъ собственныя нашея руки и припечатаніемъ государственныя печати, въ С.-Питербурге, Февраля 8 дня 1715 году».

(подп.) *Петръ.*

Графъ Головкинъ.

Въ то же время и Иванъ Лефортъ тоже брался перевести въ Россію отъ 50 до 100 фамилій нѣмецкихъ и французскихъ «реформатыхъ» мастеровыхъ людей, если его пошлютъ къ Швейцарскимъ кантонамъ и къ Женевской республикѣ съ объявленіемъ, что Царь намѣренъ завести въ Петербургѣ нѣсколько колоній «реформацкихъ ремесленныхъ людей съ достойными привилегіями».

Далѣе, 11 марта 1715 г. Ивану Исак. Лефорту данъ патентъ на чинъ комерціи совѣтника.

Далѣе хронологически слѣдуетъ дѣло 12 марта 1715 г. (въ Итальянск. дѣлахъ) «объ отправленіи къ Женевской республикѣ бывшаго во Франціи комерціи совѣтника Ив. Лефорта». Въ немъ сохранился «отпускъ» грамоты отъ Царя къ Женевской республикѣ изъ Петербурга отъ 12 марта 1715 года: «Понеже мы въ нашихъ дѣлахъ нашего совѣтника коммерціи Іоганна Лефорта въ Женевъ отправили», то объявляется объ этомъ и Царь проситъ республику, чтобы отъ нея ему въ произведеніи данной ему комиссіи, ежели потребно будетъ, всякое вспоможеніе, протекція и благоволеніе оказаны были. На отпускѣ помѣта: «Отдана г. Лефорту». Далѣе тутъ же другая копія съ этой грамоты, но съ помѣтою: «Оригинальная вынута и положена въ книгу именныхъ указовъ» и замѣтка бывш. директора Архива, Малиновскаго: «видно не состоялось». Замѣтимъ еще, что проектъ грамоты на франц. языкѣ писанъ рукою Ив. Лефорта, при чемъ онъ именуется Conseiller de commerce et agent à la Cour de France.

Записка объ этой грамотѣ находится и въ вышеупомянутомъ Франц. дѣлѣ 1715 г., № 2, съ замѣткою: «Сей нынѣ въ Парижѣ. Написать ему кредитивъ на агентство».

Наконецъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній Лави говоритъ, что 16 марта Лефортъ (le Sieur Lefort) выѣхалъ въ Парижъ съ титуломъ коммерціи совѣтника и съ письмомъ кн. Меншикова къ марк. Поншартрену о коммерціи, а старшему его брату, который въ Женевѣ, посланъ патентъ на консульство во Франціи и онъ тоже долженъ быть туда. (Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 34, стр. 105 сл.). Замѣтимъ, что дата (по новому, вѣроятно,

стилю) не сходится съ датою даннаго Лефорту патента. Лави сообщаетъ это извѣстіе безъ всякихъ комментаріевъ о личности Лефорта и какъ о лицѣ уже извѣстномъ.

Никакихъ слѣдовъ о томъ, чтобы Ив. Лефортъ дѣйствительно былъ въ Женевѣ до прибытія въ Парижъ, не имѣется.

КАТАЛОГЪ

ИЗДАНІЙ, ПРОДАЮЩИХСЯ

при

КОММИССІИ

ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ И ДОГОВОРОВЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ **Москвѣ** (на углу Воздвиженки и Моховой), продаются слѣдующія изданія, принадлежащія учрежденной при Архивѣ, Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ:

1. Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, 4 т. и начало 5-го, изд. 1813—1841 г., съ гравированными изображеніями многихъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVIII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Дмитріевъ, Марины Мнишекъ, Богдана Хмельницкаго и т. п. Каждый изъ 4-хъ томовъ по 3 р., начало 5-го 1 р.; всѣ же 4 тома 12 р., а съ началомъ 5-го, 13 р.

Томъ первый. Москва, 1813 г. Содержитъ разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1265 по 1613 г. Раздѣленъ на 3 отдѣла: 1) Новгородскія грамоты (1265—1471 г.); II) грамоты древнія великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ и прочихъ удѣльныхъ князей, и всероссійскихъ государей, царей: духовныя, договорныя, межевыя, жалованныя и приговорныя; также записи мѣновыя, поручныя и др. россійскихъ бояръ и дворянъ (№№ 21—202, 1328—1584 годовъ); и III) грамота объ избраніи на царство царя Михаила Ѳеодоровича (1613 г.).

Томъ второй. Москва, 1819 г. Служитъ дополненіемъ къ первому и содержитъ разныя грамоты съ 1229 года по 1612. Онъ раздѣленъ на 10 отдѣленій, изъ которыхъ къ первому отнесены древнія грамоты разныхъ годовъ съ 1229 по 1431 (№№ 1—17); прочія грамоты раздѣлены на отдѣлы по царствованіямъ, къ которымъ онѣ относятся, начиная съ государствованія великаго князя Іоанна Васильевича; послѣдній отдѣлъ составляютъ грамоты во время междуцарствія (1610—1612 г., №№ 197—288).

Томъ третій. Москва, 1822 г. Содержитъ также разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1613 по 1655 годъ. Раздѣленъ на два отдѣленія, изъ которыхъ къ первому отнесены грамоты въ государствованіе царя Михаила Ѳеодоровича (№№ 1—121, 1613—1644 г.), а ко второму грамоты въ государствованіе царя Алексѣя Михайловича (№№ 122—184, 1645—1655 г.).

Томъ четвертый. Москва, 1828 г. Заключаетъ въ себѣ грамоты и внутреннія постановленія съ 1656 по 1696 г. Состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій: 1) грамоты въ государствованіе царя Алексѣя Михайловича (№№ 1—102, 1656—

1675 г.); 2) грамоты въ государствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича (№№ 103—131, 1676—1682 г.); 3) грамоты въ государствованіе царя Петра Алексѣевича (№№ 132—144, 1682 г.), и 4) грамоты въ государствованіе царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича (№№ 145—221, 1682—1695 г.). Въ концѣ 4-го тома приложены: палеографическія таблицы почерковъ съ XIII вѣка по XVII и алфавитный указатель ко всѣмъ четыремъ частямъ.

Начало тома пятаго. С.-Петербургъ, 1841 г. Содержитъ 140 актовъ. Изъ нихъ 20 *договоровъ*, заключенныхъ въ 1326—1531 г. съ Австріей, Даніей, Норвегіей, Пруссіей, Швеціей и Турціей, а также съ Польшей, Лифляндіей и Эстляндіей; остальные суть *грамоты* (1474—1584 г.): Австрійскія, Греческія, Датскія, Прусскія, Турецкія, равно какъ Польскія, Ногайскія и Крымскія, между коими 5 *шертныхъ*.

2. **Изслѣдованія,** служащія къ объясненію древней Русской исторіи, А. Х. Лерберга, съ приложеніемъ карты Югорской земли. Изд. на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію Импер. С.-Петерб. Академіи Наукъ Ф. Кругомъ; перев. Д. Языкова. С.-Петербургъ, 1819 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Отъ издателя (Ф. Круга); біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ. I. О географическомъ положеніи и исторіи Югорскія земли. II. О жилищахъ Еми. III. Объ одной древней Новгородъ-Готландской грамотѣ и о Борхрамѣ, который въ ней называется. IV. Князья Володимиръ Андреевичъ и Володимиръ Мстиславичъ. V. Описаніе Днѣпровскихъ низовій и пороговъ. VI. О географическомъ положеніи Хозарской крѣпости Саркела и называемой въ русскихъ лѣтописяхъ Бѣлавежи. — Въ концѣ приложены алфавитный указатель и *карта, изъясняющая положеніе Югорской земли.*

3. **Исторія Льва Діакона Калойскаго,** и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изд. въ первый разъ съ рукописей Королевской Парижской библіотеки К. Б. Гаазе. Пер. Д. Попова, С.-Петербургъ, 1820 г. Ц. 6 руб.

Содержаніе: Предисловіе.—Исторія Льва Діакона отъ кончины императора Константина до смерти императора Іоанна Цимисхія (X книгъ). О ошибкахъ съ непріятелями, сочиненіе императора Никифора. — Исторія Іоанна Епифанійскаго схоластика и епарха.—Письмо къ Льву Діакону Ѳеодосія монаха и грамматика.—Историческія примѣчанія.

4. **Софійскій Временникъ,** или Русская Лѣтопись съ 862 по 1534 г. 2 части. Москва, 1820—1821 г., изд. П. М. Строевымъ, съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго Временника. Каждая часть по 5 р.; а обѣ части 10 р.

5. **Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи,** Ф. Назарова, Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса переводчика, посыланнаго въ Коканъ, въ 1813—1814 г. С.-Петербургъ, 1821 г. Ц. 1 р.

6. **Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ,** изъ древнихъ русскихъ лѣтописей. Москва, 1821 г. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: I. Предварительное понятіе о Славянахъ. II. О республикѣ

Новгородской. III. О посадникахъ Новгородской республики вообще. IV. О посадникахъ, не включенныхъ въ общее число. V. О пособіяхъ для исторіи посадниковъ. VI. Исторія посадниковъ Новгородскихъ, расположенная въ хронологическомъ порядкѣ. VII. Современная таблица великихъ князей Русскихъ, князей, архіереевъ и посадниковъ Новгородскихъ.—Въ заключеніе приложены дополнительныя примѣчанія и алфавитный списокъ Новгородскихъ посадниковъ.

7. **Бѣлорусскій Архивъ** древнихъ грамотъ съ 1463—1768 .; при многихъ приложены снимки съ разныхъ собственноручныхъ подписей. Москва, 1824 г. Ц. 1 р.

8. **Кириллъ и Меѳодій,** словенскіе первоучители. Историкокритическое изслѣдованіе І. Добровскаго. Пер. съ нѣмецкаго М. П. Погодина. Москва, 1825 г. Ц. 3 р.

Въ концѣ приложены: Житія словенскихъ учителей Кирилла и Меѳодія, изъ прологовъ, и отрывокъ о Кириллѣ изъ одного Хронографа.

9. **Книга въ лицахъ объ избраніи на Царство Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича,** Москва, 1856 г. Ц. 30 р.

Содержаніе. Это изданіе состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) Книги in f⁰, въ которой воспроизведена полууставомъ XVII столѣтія рукопись, составленная изъ дѣлъ Посольскаго Приказа, объ избраніи на Превысочайшій Престолъ Великаго Россійскаго Царствія, Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Великія Россіи Самодержца, съ историческимъ предисловіемъ и хромолитографированными: заставнымъ листомъ и портретомъ Царя Михаила Ѳеодоровича, заимствованнымъ изъ Архивской рукописи „Титулярникъ“, озаглавленной: „Книга, а въ ней собраніе, откуду произыде корень Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ и како въ прошлыхъ годѣхъ Великіе Государи писались въ грамотѣхъ ко окрестнымъ Государемъ Христіанскимъ и къ мусульманскимъ; 2) Альбома изъ 20-ти рисунковъ въ форматѣ большаго листа, №№ I—IV и VI — XXI, гравированныхъ на мѣди, и 21-го (№ V) хромолитографированнаго,— и 3) Французскаго, объяснительнаго къ рисункамъ, текста in 8⁰. Самые же рисунки, по современному опредѣленію, изображаютъ слѣдующее:

1) Въ Богоявленскомъ монастырѣ, на подворьѣ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря Келарю старцу Авраамію Палицыну народа множество разныхъ чиновъ люди о Царскомъ избраніи открыша совѣтъ и подаша свитокъ.

2) Освященному Собору и боярамъ и воеводамъ и всему Царскому синклиту Келарь старецъ Авраамій Палицынъ возвѣщаетъ совѣтъ всенародно, и подаде свитокъ; они же слышавши, благодариша Бога о преславномъ Знаніи въ Патріаршихъ палатахъ.

3) Освященный Соборъ и Царскій Сигклитъ о избраніи Царскомъ благовѣрнаго и благороднаго Великаго Государя Михаила Ѳеодоровича на Лобное мѣсто къ вопрошенію всего воинства и всенароднаго множества послаша Ѳеодорита, Архіепископа Резанскаго, да Троецкаго Келаря старца Авра-

амія, да Новаго Спасскаго Монастыря Архимандрита Іосифа, да боярина Василія Петровича Морозова. Дивно же сотворися не вѣдущимъ бо народомъ, чесо ради собрани, и еще прежде вопрошенія, во всемъ народѣ, яко отъ единыхъ устъ возопиша: Михаилъ Ѳеодоровичъ да будетъ Царь и Государь Московскому Государству и всея русскія Державы.

4) Преосвященный Архіепископъ Ѳеодоритъ Резанскій со освященнымъ соборомъ и боярин Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи со образы преблагословенныя Владычицы Богородицы и присно-Дѣвы Маріи и великихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны и съ прочіими и со множествомъ народа идоша ко обители Живоначальные Троицы въ Ипацкой монастырь.

5) Великой Государынѣ инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ и Великому Государю благородному Михаилу Ѳеодоровичу Архіепископъ Ѳеодоритъ со освященнымъ соборомъ и Боярин Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи и со множествомъ народа моленіе творятъ внѣ Ипацкаго монастыря. Великій Государь благородный Михаилъ Ѳеодоровичъ, отъ Архіепископа Ѳеодорита прія благословеніе и посохъ и пожаловалъ Архіепископа и бояръ къ своей Государской рукѣ.

6) Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи и мать Его Великую Государыню иноку Марфу Ивановну освященной соборъ съ честными иконами и со кресты и бояра и весь Царскій Синклитъ со множествомъ народа Московскаго Государства встрѣтоша за Земляным городомъ по Встрѣтенской улицѣ.

7) Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи и Мать Его Великая Государыня инока Марфа Ивановна и освященный соборъ съ честными иконами и со кресты идоша въ Соборную и Апостольскую Церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія.

8) Съ Казеннаго двора въ Золотую Палату Благовѣщенскою папертью святый и животворящій Крестъ Господень и Царскую діадиму и вѣнецъ и чѣпъ златую на блюдѣ подъ драгою пеленою Протопопъ несъ на главѣ со страхомъ и трепетомъ и со всящимъ благоговѣніемъ; Царскій скипертъ несъ боярин князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской, яблоко несъ Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ, блюдо златое несъ дьякъ Сидавной Васильевъ, стоянецъ несъ дьякъ Алексѣй Шапиловъ.

9) Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси Самодержецъ святый животворящій крестъ Господень и діадиму и вѣнецъ Царскій изъ Золотые Палаты отпустилъ въ соборную и Апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія съ Благовѣщенскимъ Протопопомъ Кириломъ, и послалъ за нимъ боярина Василія Петровича Морозова и дворянъ многихъ въ златыхъ одеждахъ. Встрѣтоша жъ святый и животворящій Крестъ Господень и Царскій чинъ на рундукѣ Грановитые палаты, противъ середняго окна, Ѳеодоритъ Архіепископъ Резанскій и Муромскій со освященнымъ соборомъ и съ кандилы а у соборные церкви на рундукѣ, вышедъ изъ церкви, встрѣте Ефремъ

Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій и у Протопопа кресть животворящій принялъ и внесъ въ соборную и Апостольскую церковь.

10) Благочестивый Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи Самодержецъ поиде изъ своихъ Царскихъ Палатъ къ Соборной и Апостольской Церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія тихо и благочинно, по своему Царскому чину; а передъ Нимъ Государемъ святою водою путь кропилъ Благовѣщенскій Протопопъ Кирилъ.

11) Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи Самодержца, Преосвященный Ефремъ, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, возведе на чертожное мѣсто и благослови Царя и Великаго Князя святымъ Крестомъ животворящаго древа, на немъ же распятъ бысть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и возложи на выю его и на плеща Царскую діадиму и вѣнча Царскимъ вѣнцомъ.

12) Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи Самодержцу, Преосвященный Митрополитъ Ефремъ, благословя рукою, поднесъ скипетръ въ правую руку, а яблоко въ лѣвую руку, а на амбонѣ противъ Царскихъ дверей Царю и Великому Князю Протодіаконъ возглашалъ многолѣтіе, а по возглашеніи Царю и Великому Князю, Митрополитъ и весь освященной соборъ и Царскій Синклитъ здравствовали на Его Царскихъ преславныхъ Государствахъ Россійскаго Царствія.

13) Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи Самодержца, Преосвященный Ефремъ Митрополитъ помаза святымъ муромъ предъ причастіемъ святыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ на челѣ, и на ушію, и на персѣхъ, и на плещи, и на обою руку на дланяхъ, и о другую страну, глаголя: печать и даръ Святаго Духа, аминь!

14) Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, причастился святыхъ и животворящихъ безсмертныхъ Христовыхъ Таинъ отъ руки Преосвященнаго Ефрема Митрополита Казанскаго и Свіяжскаго.

15) Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея великія Россіи Самодержца, у Соборной Церкви, и у Архангела, и у Благовѣщенья златыми деньгами и серебряными осыпалъ Бояринъ князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславской, а мису держалъ златую Казначей Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ.

16) Великаго Государя Его Царскаго Величества трапезѣ всѣ причастни быша, столу же зело чесну и велику сотворяему; благочестивый же Царь и Митрополиты и Архіепископы, и Епископы и мнозіи благороднія и вси людіе веселы быша. И мнозіи честніи дарове отъ благочестивѣйшаго Царя изнесоша; нищимъ повелѣніемъ Царскимъ довольно учреждени быша и вси неизглаголанною радостію веселяхуся и благодарственную славу Всесильному Богу воздаша и Царя хвалами и честми почтиша, хваля и благодаря Всемогущую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа.

17) Великаго Господина Преосвященнаго Митрополита Филарета Ники-

тича встрѣчалъ въ Можайскѣ: Іосифъ Архіепископъ Резанскій, да бояринъ Князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской да Окольничей Князь Григорій Константиновичъ Волконской.

18) На Вяземѣ встрѣчали: Макарей Архіепископъ Вологодской, да боярин Василей Петровичъ Морозовъ, да Думной Дворянинъ Григорей Гавриловичъ Пушкинъ.

19) Въ Звенигородѣ встрѣчали: Іона Митрополитъ Сарской и Подонской, да бояринъ Князь Дмитрей Тимофѣевичъ Трубецкой, да Окольничей Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ.

20) Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Великія Россіи Самодержецъ, со всѣмъ своимъ Царскимъ Синклитомъ встрѣте Отца своего Государева Великаго Господина Преосвященнаго Митрополита Филарета Никитича, отъ царствующаго града въ пяти поприщахъ, и честь достойную ему принося и славу, яко Отцу и Учителю, къ ногамъ его приклони, якожъ древлѣ цѣломудренный Іосифъ Отцу своему Іакову Патріарху, на конецъ жезла поклонися.

21) Великій Господинъ Преосвященный Митрополитъ Филаретъ Никитичъ, изволеніемъ сына своего Государева Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, благословеніемъ же святѣйшаго Ѳеофана Патріарха Іерусалимскаго, возведенъ на Патріаршескій престолъ Великаго Россійскаго Царствія, въ лѣто 7127, мѣсяца Іюня въ 24 день, на Рождество Святаго славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Іоанна.

10. **О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ.** Составлено по документамъ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. С.-Петербургъ, 1859 г. Ц. 75 к.

11. **Письма Русскихъ Государей** и другихъ особъ царскаго семейства, 4 вып. Москва, 1861—1862 г., каждый выпускъ по 65 к.; а всѣ 4 выпуска 2 р. 60 к.

Выпускъ первый. а) Письма государя Петра I къ Аннѣ Кириловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, в) Письма государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I.

Выпускъ второй. I. Письма царицы Прасковьи Ѳеодоровны: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ. г) къ внукѣ ея принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. д) къ князю А. Д. Меньшикову. е) къ Макару Абросимовичу Половинкину. — II. Письма къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ: а) отъ государыни Екатерины Алексѣевны. б) отъ князя А. Д. Меньшикова. — III. Письма царевенъ Екатерины, Анны и Прасковьи къ Петру I.—IV. Письма герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны: а) къ Петру I, б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. г) къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. д) къ сыну Бирона Петру. е) къ князю А. Д. Меньшикову. ж) къ князю В. Л. Долгорукому. з) къ Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой. и) Указъ старостѣ Ѳедоту Иванову.—V. Письма къ герцогинѣ

Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ: а) отъ Петра I. б) отъ государыни Екатерины Алексѣевны. в) отъ князя А. Д. Меньшикова.—VI. Письма царевны Прасковьи Ивановны: а) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. б) къ княгинѣ Меньшиковой. в) Указы управителю Ивану Калмыкову.—VII. Письмо къ царевнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ отъ государыни Екатерины Алексѣевны.—VIII. Письмо Ивана Остермана къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Выпускъ третій. I. Письма царевича Алексѣя Петровича: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. г) къ князю Меньшикову. д) къ Дарьѣ и Варварѣ Михайловнамъ Арсеньевымъ. е) къ князю Д. М. Голицыну. ж) къ князю В. Л. Долгорукому. з) къ капитанъ-поручику Скорнякову-Писареву. и) къ Іоанникію Сенютовичу.—II. Письма къ царевичу Алексѣю: а) отъ Петра I. б) отъ графа Г. И. Головкина. в) отъ П. П. Шафирова. г) отъ тайнаго секретаря.—III. Опись бумагамъ и письмамъ царевича Алексѣя Петровича, найденнымъ въ гофъ-интендантской конторѣ въ 1769 году.—IV. Письма царицы Евдокіи Ѳедоровны: а) къ Петру I. б) къ Петру II. в) къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. г) къ А. И. Остерману.—V. Письма къ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ: а) отъ Петра II. б) отъ великой княжны Натальи Алексѣевны. в) отъ А. И. Остермана. г) отъ жены вице-канцлера Остермана Марфы Ивановны.—VI. Дѣло о содержаніи въ Шлюссельбургѣ царицы Евдокіи Ѳедоровны.

Выпускъ четвертый. I. Письма герцогини Курляндской Анны Ивановны: а) къ Петру I. б) къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. в) къ царевичу Петру Петровичу. г) къ царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. д) къ царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. е) къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. и) къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ. і) къ принцессѣ Мекленбургской Аннѣ Леопольдовнѣ. к) къ князю А. Д. Меншикову. л) къ княгинѣ Меншиковой. м) къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой. н) къ княжнѣ Маріѣ Александровнѣ Меншиковой. о) къ князю Александру Александровичу Меншикову. п) къ вице-канцлеру А. И. Остерману. р) къ И. М. Головину. с) къ П. И. Ягужинскому. т) къ князю В. Л. Долгорукову. у) къ М. Ю. Долгорукой. ф) къ Аграфенѣ Петровнѣ Бестужевой. х) къ Аннѣ Ѳедоровнѣ Юшковой.—II. Письма къ герцогинѣ Курлянской Аннѣ Ивановнѣ: а) отъ Петра I. б) отъ государыни Екатерины Алексѣевны. в) отъ Петра II. г) отъ великой княжны Натальи Алексѣевны. д) отъ кабинетъ-секретаря Макарова.—III. Письмо кабинетъ-секретаря Макарова къ П. М. Бестужеву.—IV. Доносъ Бестужева на Петра.—V. Письмо Бирона (неизвѣстно къ кому).

12. **Закладка и освященіе** палатъ бояръ Романовыхъ. М. 1866 г. Ц. 10 к.

13. **Indicateur des cartes géographiques et des plans de différentes parties de l'Asie,** appartenant à la collection cartographique de la bibliothèque des Archives principales du ministère des affaires étrangères à Moscou. (Rédigé par A. Ratchinski, employé aux Archives, délégué au 3-e Congrès des Orientalistes à St.-Pétersbourg). 1876 г. Ц. 30 коп.

14. **Янтарная комната Царскосельскаго дворца,** историческое изслѣдованіе по документамъ Моск. Гл. Архива М. И. Д. сост. К. А. Щученко. Москва, 1881 г. Ц. 30 к.

15. **Очеркъ дѣятельности Коммиссіи** печатанія Государств. Грамотъ и Договоровъ. Москва, 1877 г. Ц. 1 р.

16. **Законы великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича,** съ дополнительными указами, съ предисловіемъ К. Ѳ. Калайдовича и П. М. Строева и со снимками двухъ заглавныхъ листовъ. Изданіе 2-ое. Москва, 1878 г. Цѣна 1 р.

17. **Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ,** съ нотами. Изд. 3-е съ предисловіемъ К. Ѳ. Калайдовича. Москва, 1878 г. Ц. 2 р.

18. **Посольство въ Англію князя Прозоровскаго,** дворянина Желябужскаго и дьяка Давыдова въ 1662 г. съ ихъ современными портретами. А. Н. Лодыженскаго. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

19. **Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери,** принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва, 1879 г. Ц. 50 к.

20. **Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири** и принадлежащимъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сост. М. П. Пуцилло. Москва, 1879 г. Ц. 75 к.

21. **Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина** въ 1600 и 1601 г., съ современнымъ его портретомъ, (по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Н. В. Чарыкова Москва, 1878 г. Ц. 1 р.

22. **Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи,** сост. В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. Москва, 1881 г. Ц. 75 к.

23. Библіотеки Моск. Гл. Архива М. И. Д. **Реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и театрамъ войны,** составленный въ 1816 испр. и дополн. въ 1877 г. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 1 р.

24. **Каталогъ дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа** и рукописей по Медицинѣ съ XV вѣка. Сост. И. Ѳ. Токмаковъ. Москва, 1879 г. Ц. 40 к.

25. **Каталогъ Славяно-русскихъ книгъ** церковной печати съ 1517 по 1821 г., Библіотеки Моск. Главнаго Архива М. И. Д. Сост. А. Е. Викторовымъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. С.-Петербургъ, 1879 г. Ц. 1 р.

26. **Каталогъ книгамъ, относящимся до Москвы,** Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей съ XVI столѣтія той же библіотеки. Москва, 1880 г. Ц. 40 к.

27. **Каталогъ книгамъ по Юриспруденціи** той же Библіотеки, съ 1500 г. Москва, 1879 г. Ц. 75 к.

28. **Каталогъ рукописямъ, относящимся до Церковной Исторіи.** Москва, 1880 г. Ц. 40 к.

29. **Каталогъ рукописямъ, книгамъ и проч., относящимся до Владимирской губерніи** и ея святыни съ XVI столѣтія. Москва, 1881 г. Ц. 30 к.

30. **Состояніе г. Москвы** въ 1785 г. Ц. 50 к.

31. **Описаніе выгонной земли города Москвы.** Ц. 40 к.

32. **Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М. И. Д.** Вып. 1-й, 2-й и 5-й. Москва, 1880—92 г. по 75 к. и Вып. 3-й и 4-й Москва, 1883 г. Ц. 2 р.

Выпускъ первый. Свѣдѣнія объ устройствѣ Архивной части въ Россіи. (Отвѣты на запросы по сему предмету иностранныхъ правительствъ), — Бар. Ѳ. А. Бюлера. Одинъ изъ Каталоговъ временъ А. Ѳ. Малиновскаго,— Бар. Ѳ. А. Бюлера. Таблица распредѣленія дѣлъ въ 1818 г. въ Моск. Архивѣ Государств. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.—Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей: статья 1-я,—вопросъ о Прусскомъ союзѣ въ первую половину великой Сѣверной войны — А. Д. Путяты; статья 2-я—Янтарная комната Царскосельскаго Дворца,—К. А. Щученко; статья 3-я,—Русскіе великаны въ Прусской службѣ,—М. П. Пуцилло. — Первые Русскіе гардемарины за границей въ XVIII столѣтіи,—А. В. Рачинскаго.—Участіе Моск. Гл. Архива М—ва И. Д. въ Съѣздѣ Оріенталистовъ въ 1876 году,—К. А. Щученко.

Выпускъ второй. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической Исторіи Восточнаго вопроса,—В. А. Уляницкаго.—Неизданныя письма Вольтера, съ предисловіемъ и примѣчаніями Бар. Ѳ. А. Бюлера.—Пять писемъ князя Д. А. Голицына Вице-Канцлеру князю А. М. Голицыну. Мысль объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—съ предисловіями и примѣчаніями А. В. Рачинскаго. Приложенія.—Московскій Главн. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1862 г., И. Ѳ. Аммона.—Иванъ Ѳедоровичъ Аммонъ. (Некрологъ).—Участіе Моск. Гл. Архива М—ва И. Д. въ Казанскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1877 году,—Бар. Ѳ. А. Бюлера.—Участіе Моск. Гл. Архива М-ва И. Д. въ Съѣздахъ V-мъ Археологическомъ и III Географическомъ,—А. М. Выводцева.—Приложенія къ статьѣ „Дарданелы, Босфоръ“ и проч.

Выпускъ третій и четвертый. Начало сношеній Россіи съ Турціей. Посолъ Іоанна III—Плещеевъ,—А. В. Неклюдова. Московскій Глав. Архивъ и его прежніе посѣтители. Посѣтительская книга,—Бар. Ѳ. А. Бюлера.—Дарданелы, Босфоръ и Черное Море въ XVIII вѣкѣ съ приложеніемъ. Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса. *(Окончаніе)* В. А. Уляницкаго.—Обозрѣніе библіотеки Архива,—И. Ѳ. Токмакова.—Каталогъ изданіямъ Коммиссіи печатанія Грамотъ и Договоровъ.

Выпускъ пятый. Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ Ризы Господней царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1625 г.,—С. А. Бѣлокурова. Путешествіе въ Узбекистанъ въ 1671 г.,—Н. В. Чарыкова. Статутъ и знакъ ордена Подвязки въ Московской Оружейной Палатѣ,—Бар. Ѳ. А. Бюлера. Очеркъ жизни и дѣятельности оріенталиста Кера,—М. П. Шувалова. Очеркъ Ясскаго конгресса,—А. В. Лопухина. Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ

Ѳ. В. Вешняковымъ, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ. Сношенія Россіи съ Мальтійскимъ Орденомъ, ч. I (до 1789 г.),— А. А. Алябьева. Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ заграницей и иностранныхъ въ Россіи, сост. С. А. Бѣлокуровымъ. — Дополненія и поправки къ предыдущимъ статьямъ. — *Въ приложеніи:* Историческій очеркъ русскихъ консульствъ заграницей,— В. А. Уляницкаго.

33. **Снимки Древнихъ Русскихъ печатей:** Государственныхъ, Царскихъ, Патріаршихъ, Областныхъ, Городскихъ и личныхъ, съ 126-ю гравюрами и объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вып. 1-й. Москва, 1880 г. Цѣна 3 руб.

34. **Свѣдѣнія о домовой Церкви при Моск. Главномъ Архивѣ М. И. Д.** съ 2-я политипажами, сост. И. Ѳ. Токмаковымъ, Москва, 1882 г. Ц. 60 к.

35. **Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы.** Сост. И. Ѳ. Токмаковъ. Москва, 1880 г. Вып. I, IV—VIII по 60 к., вып. II и III по 75 к.; всѣ—5 р. 10 к.

36. **Архивная выставка въ Марбургѣ.** Переводъ А. Ладыженскаго. Спб., 1880 г. Ц. 15 к.

37. **Нѣмецкій архивистъ въ Москвѣ.** Переводъ его же. Спб. 1880 г. Ц. 10 к.

38. **Русскіе великаны на прусской службѣ.** М. П. Пуцило. М. 1881 г. Ц. 25 к.

39. **Начало сношеній Россіи съ Турціей.** Посолъ Іоанна III — Плещеевъ. А. В. Неклюдова. М. 1883 г. Ц. 50 к.

40. **О мѣстѣ погребенія Хемницера.** Барона Ѳ. А. Бюлера. М. 1884 г. Ц. 40 к.

41. **Матеріалы для исторіи** взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв. В. А. Уляницкаго. Москва, 1888 г. Ц. 1 р.

42. **Сношенія Россіи съ Среднею Азіею** въ XVI—XVII вв. В. А. Уляницкаго. Ц. 60 к.

43. **Сборникъ и указатель документовъ и рукописей,** относящихся до Казанскаго края и хранящихся въ Московск. Гл Архивѣ М. И. Д. — И. Ѳ. Токмакова. Казань, 1890 г. Ц. 25 к.

44. **Матеріалы для Русской исторіи.** С. А. Бѣлокурова. М., 1890 г. Ц. 3 руб.

Содержаніе: Библіотека и архивъ Соловецкаго монастыря послѣ осады (1676 г.). — Дѣла свят. Никона патріарха, наче же рещи чудеса врачебная. — Varia. — Показаніе служки Макарки Ѳедорова, ѣхавшаго изъ Москвы въ Соловецкій монастырь и письма, везенныя имъ туда 7175 года марта 23 дня.— Дѣло по челобитью приписнаго къ Савину Сторожевскому монастырю Троицкаго Устьшехонскаго монастыря строителя Зосимы Льговскаго на крестьянина Ромашку Аверкіева съ сыномъ, что онъ крестьянинъ

отлучается изъ своей деревни, ворожитъ костьми и людямъ на руки смотритъ. 7200 г. апр. 15—іюня 31 д. — Расходъ Слободскаго земскаго старосты Андрея Кулева мирскимъ сборнымъ деньгамъ на праздникъ Николая чудотворца Можайскаго, какъ пріѣзжалъ въ Слободцкой Трифонова монастыря архим. Іопль съ братіей 187 г. іюля 5—188 г. дек. 22. — Запись новоторжца посадскаго человѣка Кузьмы Павлова Шитарева Нижегор. уѣзда патріаршаго домоваго Благовѣщ. монастыря оброчному крестьянину Климу Прокофьеву Колмыкову въ томъ, что жить у него въ работникахъ 5 лѣтъ и за то, что онъ его женитъ на дворовой женкѣ, жить ему съ женой у него еще 10 лѣтъ. 201 г. генваря 7 дня. — Дѣло по челобитью полковниковъ Вилима Ѳанзалена и Юрія Лима о выдачѣ имъ Государева жалованья за городовое дѣло и за чертежи, что они дѣлали на Самарѣ въ Новобогородицкой горѣ. Ок. 7197 г. февр. 9 д. — Перечень настольныхъ патріаршихъ грамотъ, взятыхъ изъ Посольскаго приказа на соборъ Іоасафу патріарху Московскому. 175 г. — Объ обращеніи лопарей въ христіанство священ. Алек. Симоновымъ и колянинымъ Ѳед. Сусловымъ. 190 г. апр. 25 д. — Грамота царя Петра о свободномъ пропускѣ отъ Москвы до Архангельска армянской кампаніи попа Ивана Яковлева, отпущеннаго въ Архангельскъ для отправленія тамъ у армянъ службы. 1712 г., іюль. — Дѣло о братіи Саввина Сторожевскаго монастыря 196 г. мая 15 д. — Дѣло о нанесеніи смертныхъ ранъ старцемъ Саввина Сторожев. монастыря Амвросіемъ больничнымъ старцамъ Іосифу и Геласію. 196 г. марта 13 д., май. — Челобитная царю Петру земскаго старосты Керецкой волости о перемѣнѣ лошадиной гоньбы съ Государевой почтой на лыжную хотьбу, такъ какъ въ снѣжныя зимы по ихъ дорогамъ нельзя бываетъ проѣхать. 1704 г. авг. 16. — Указъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи объ уплатѣ денегъ амбурцу торговому иноземцу Елизарью Избранту за разныя взятыя у него про Государевъ верховой обиходъ заморскія вещи. 7196 г. марта 7. — Дѣла о лицахъ, говорившихъ непристойныя слова. — Посольство дьяка Ѳедота Елчина и священника Павла Захарьева въ Дадіанскую землю (1639—1640 гг.).— Челобитная на окольничаго и воеводу Мих. Сем. Волынскаго „немилостиваго на монастыри гонителя, смертнаго часу забытеля, безстрашна явна грабителя, неправеднаго судью и мздоимца“. 177 г. — Челобитная царю Алексѣю патріарха Іосифа и всего освященнаго собора на Благовѣщенскаго протопопа Стефана Ниѳантьева. 1649 г. — Московскій Печатный Дворъ въ 1649 году. — Подметныя письма Голосова Посошкова и др. (1700—1705 гг.). — Акты, касающіеся гг. Пскова, Готьмы и др.; монастырей, о сборѣ разл. денегъ, о притѣсненіяхъ воеводъ, о писцахъ и т. п.

45. **Сношенія Россіи съ Кавказомъ,** вып. I, 1568—1613 г. Матеріалы, извлеченные изъ М. Г. А. М. И. Д. Сергѣемъ Бѣлокуровымъ. М., 1889 г. Ц. 3 руб.

46. **Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ Ризы Спасителя** царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1625 г. М. 1891 г. Ц. 50 к.

47. **Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія,** отно-

сящіеся къ Грузіи. Т. I, съ 1768 по 1774 г. съ картой Закавказья 1771 г. подъ редакціей проф. Цагарели. Спб. 1891 г. Ц. 3 р.

Кромѣ поименованныхъ выше изданій *въ Архивѣ* также продаются:

1) **Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи** съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 году, изд. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. С.-Петербургъ, 1823—1825 г. 2 т. Ц. 10 р. 50 коп.

2) Слѣдующія изданія б. Директора Архива *Князя М. А. Оболенскаго:*

1. **Сборникъ Кн. Оболенскаго.** Москва. № I—1840 г. до № XII—1859 г., in 8⁰. ц. 5 р. *Содержаніе:* № 1—Книга Посольская Вел. Княжества Литовскаго 1506 г. № 2—Розыскъ о побѣгѣ изъ Москвы Князя Рязанскаго 1521 г. № 3—Слѣдственное дѣло Максима Грека 1521 г. № 4—Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о неплодіи Великой Княгини Соломоніи Юрьевны 1525 г. № 5—Дневникъ литовскихъ пословъ 1556 г. № 6—Посольское донесеніе Льва Буховецкаго 1576 г. № 7—Наказъ польскаго короля Сигизмунда III, данный посламъ: Льву Сапѣгѣ, Станиславу Ворщицкому и Ильѣ Пельгржимовскому, отправленнымъ къ Царю Борису Ѳеодоровичу для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ 1600 г. (на Польскомъ языкѣ). № 8—Грамота Царя Бориса 1605 г. къ королю польскому Сигизмунду III, съ примѣчаніями. № 9—Грамота втораго Лже-Димитрія 1608 г. въ Смоленскъ. № 10—Отвѣты литовскихъ пословъ московскимъ думнымъ боярамъ 1608—1615 г. Ко всѣмъ этимъ памятникамъ присоединены указатели. № 11—Нѣсколько замѣчаній для издателей русскихъ лѣтописей, съ приложеніемъ рисунка стариннаго перстня. № 12—Проэктъ Члена Дворцовой Канцеляріи Ивана Елагина объ опредѣленіи въ неотъемлемое владѣніе дворцовымъ крестьянамъ земли и о раздачѣ казенныхъ деревень, за извѣстную плату, на временное и опредѣленное владѣніе вольнымъ содержателямъ.

2. **Иностранные сочиненія и акты, относящіеся до Россіи,** собранные Кн. М. А. Оболенскимъ. Москва, 1847 г. in 8⁰, ц. 1 р. четыре выпуска, въ которыхъ помѣщены: въ 1-мъ — Tragoedia Demetrio-Moscovitica (подлинная исторія чудныхъ и достопамятныхъ происшествій, случившихся со Лже-Димитріемъ, и проч.), кратко сочиненная Матвѣемъ Шаумомъ; во 2-мъ — письмо гетмана литовскаго Радзивила о побѣдѣ, одержанной при Улѣ 1564 г. Генваря 26; пораженіе Москвитянъ и осада Вендена въ 1579 году, съ рисунками; въ 3-мъ — дневникъ 1609 года Самуила Бѣльскаго; въ 4-мъ — повѣствованіе о Димитріѣ Самозванцѣ, собранное Бареццо Барецци. Обо всѣхъ этихъ памятникахъ сообщены подробныя библіографическія свѣдѣнія; къ нѣкоторымъ присоединены необходимыя примѣчанія. Сочиненіе Шаума сообщено въ переводѣ, остальныя и въ подлинникахъ и въ переводахъ.

3. **Tagebuch des Generalen Patrick Gordon,** während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1699, zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolenski und Dr. Phil. M.

Posselt. Erster Band. Moskau, 1849 г., съ предисловіемъ г. Поссельта, съ дополненіями и съ двумя портретами Гордона и его жены. 1-й томъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія до 1684 года; 2-й и 3-й томы Дневника Гордона изданы въ С.-Петербургѣ, г. Поссельтомъ Ц. 6 р.

4. **Соборная грамота Духовенства Православной Восточной Церкви, утверждающая санъ Царя за Вел. Княз. Іоанномъ IV Васильевичемъ 1561 года,** съ Высочайшаго соизволенія изд. Кн. М. А. Оболенскимъ. Москва, 1850 г., in 4-o. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе, въ которомъ заключаются розысканія о присылкѣ Владимиру Мономаху императорскихъ регалій изъ Греціи; греческій подлинникъ грамоты; переводъ ея, сдѣланный въ XVII в.; современный переводъ, внесенный въ официальныя посольскія книги и примѣчанія съ указаніемъ на сношенія нашего Двора съ Восточною Церковью по случаю присылки означенной грамоты.

5. **Ярлыкъ Хана золотой орды Тохтамыша къ Польскому королю Ягайлу 1592—1599 г.,** изданъ Княз. М. А. Оболенскимъ. Казань, 1850 г. in 8^0, Ц. 1 р.

Содержаніе: 1) Предисловіе издателя; 2) снимокъ съ подлиннаго ярлыка; 3) транскрипція ярлыка арабскими буквами, сдѣланная профессоромъ Казем-Бекомъ; 4) переводы ярлыка на западно-русское нарѣчіе и польскій языкъ; 5) переписка Князя Оболенскаго съ профессорами Ковалевскимъ, Барономъ Гаммеромъ и Казем-Бекомъ объ этомъ памятникѣ; 6) переводъ ярлыка, сдѣланный профес. Казем-Бекомъ и 7) объясненія ярлыка, съ его переводомъ, монгольской и арабской транскрипціями и примѣчаніями профес. Березина и Дарджи Банзарова.

6. **Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, составленный въ началѣ XIII в. (между 1214—1219 годовъ),** изданъ Кн. М. А. Оболенскимъ. Москва, 1851 г. in 8^0, съ обширнымъ предисловіемъ, заключающимъ въ себѣ розысканіе о значеніи памятника, о времени и мѣстѣ его составленія и отношеніи къ Несторову временнику, и подробное изслѣдованіе о найденномъ издателемъ древне-славянскомъ переводѣ греческой хроники Іоанна Малалы. Ц. 1 р.

7. **Новый лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.** Изданъ Кн. М. А. Оболенскимъ. Москва, 1853 года, in 8^0, съ двумя приложеніями, въ которыхъ напечатаны любопытныя сказанія о преставленіи Царя Михаила Ѳеодоровича и о восшествіи на престолъ Царя Алексѣя Михаиловича. Кромѣ того, при Новомъ Лѣтописцѣ находятся два указателя. Ц. 1 р.

8. **Проэктъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ.** Москва, 1850 г. Ц. 25 к.

9. **О первоначальной русской лѣтописи.** 2-я часть. Ц. 3 р.

10. **О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола,** хранящемся въ Москов-

ской Синод. библіотеки и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его хроники. М. 1847 г. Ц. 40 к.

11. **Преніе Данила митроп.** Московскаго и всеа Руси съ **старцемъ Васьяномъ.** 1531 г. мая 11 д. М. 1847 г. Ц. 40 к.

12. **Историч. сочиненія о Малороссіи** и малороссіянахъ Г. Ф. Миллера, хранящіяся въ Московск. Гл. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1847 г. Ц. 1 р.

При Архивѣ же продаются **всѣ изданія Археографической Коммиссіи.**

Правительственнымъ учрежденіямъ, ученымъ обществамъ, казеннымъ заведеніямъ и лицамъ, обращающимся съ своими требованіями прямо въ Архивъ, изданія высылаются безплатно.

Изданія Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ можно получать: 1) въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (Москва, Воздвиженка) и 2) у коммиссіонера Архива, книгопродавца Ѳ. А. Богданова (Москва, Петровскія торговыя линіи).

Иногороднымъ пересылка изданій по почтѣ безплатная.